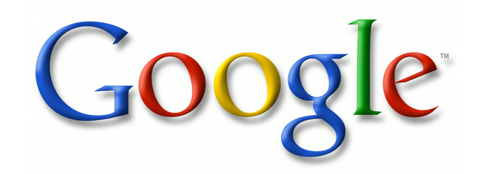

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1866

ГЕНВАРЬ — МАРТЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

1866.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 40 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., ц. 30 сер., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣм. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣм. Среднаго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмецкаго П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3. ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 2 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 13 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червонной или **ГАЛИЦКОЙ РУСИ** до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго; пер. съ Польскаго Ѳ. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ. изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книг. Г. Спасскимъ. М. *1846* г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и послѣ его до Петра 1-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, ц. 3 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисун. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. А. Ригельмана. съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., пер. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

О. М. БОДЯНСКАГО.

1866.

ГЕНВАРЬ — МАРТЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1866.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ,

ИЛИ

КОМУ И ВЪ КАКОЙ СТЕПЕНИ ПРИНА́ДЛЕЖИТЪ ЧЕСТЬ ЭТОГО ДНЯ?

Извлечено исключительно изъ иноземныхъ писателей.

Съ примѣчаніями

И. П. ЛИПРАНДИ,

исправлявшаго тогда должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го Корпуса Генерала отъ Инфантеріи Дохтурова.

«Пусть позднѣйшее потомство съ гордостію вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «Онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою.»

(*Приказъ Наполеона предъ Бородинской битвой.*)

ВЕТЕРАНАМЪ

6-ГО ПѢХОТНАГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРІИ

Д. С. ДОХТУРОВА,

НАХОДИВШИМСЯ ВЪ БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ.

Вамъ, точно такъ же, какъ и мнѣ, памятенъ 1812-й годъ, и въ особенности кровавый Бородинскій бой, поглотившій въ десять часовъ времени столько жертвъ! Я сказалъ: Вамъ, не по тому, чтобы великій день этотъ не былъ памятенъ и другимъ участникамъ въ немъ, но по тому, что мы были въ одномъ и томъ же корпусѣ, составляя, по тогдашнему понятію, какъ бы одну семью, тѣмъ болѣе, что нашему корпусу выпалъ жребій дѣйствовать самостоятельно въ главные моменты Отечественной войны. Отъ Лиды, отрѣзанный отъ обѣихъ армій превосходными силами, окруженный Французскими корпусами, онъ умѣлъ соединиться съ 1-й арміею при Дриссѣ; на нашъ корпусъ возложена была защита Смоленска, —а извѣстно, что это значило. Въ Бородинѣ 6-й корпусъ занималъ центръ, а въ Малоярославцѣ онъ положилъ предѣлъ многолѣтнимъ успѣхамъ Наполеона; послѣ чего завоеватель сей не сдѣлалъ и шага впередъ.[1]

И дѣйствительно: соратники 1812 года встрѣчаются и нынѣ какъ старые знакомцы, иногда до сего времени не видавшись другъ съ другомъ. Исключеній не много. Война эта и за нею Лейпцигъ и Монмартръ сроднили всѣхъ и каждаго. Въ послѣдствіи я служилъ въ кампаніяхъ 1828 и 1829 годовъ, не лишенныхъ также блистательныхъ подвиговъ однимъ уже переходомъ Балкановъ; но между этѣми сослуживцами далеко не тѣ отношенія, не та откровенность; чрезъ годъ дѣлаешься незнакомымъ съ тѣмъ, съ которымъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, раздѣлялъ всѣ опасности, всѣ труды, ночлеги и пищу. То же замѣчается и въ Поль-

---

[1] Переходъ Эльбы, послѣ Люценскаго и Бауценскаго сраженій, былъ движеніемъ временнымъ.

скую войну даже между тѣми, которые на одной лѣстницѣ поднимались на штурмъ Варшавы.

Отъ чего же это такъ, разсуждалъ я неоднократно? Участники великой борьбы и дѣлавшіе въ послѣдствіи другія войны, проникнутые истиной сказаннаго, не могутъ въ томъ дать себѣ удовлетворительнаго отчета. Новѣйшіе философы утверждаютъ, что они видятъ причину этого въ томъ, что въ 1812 году непріятель, вторгнувшись въ наше отечество, соединилъ всѣхъ какъ бы въ одно цѣлое на защиту, между тѣмъ какъ другія войны не имѣли уже того сильнаго двигателя, а по тому и не оставили одинаковыхъ впечатлѣній. Съ перваго взгляда этого кажется какъ бы основательнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается не такъ.

Во первыхъ: по чему же дѣлавшіе войны 1805 и 1807 и Турецкую 1806—1812 годовъ симпатизируютъ между собою и сходятся какъ давно знакомые? Я служилъ кампаніи 1808 года въ новой Финляндіи и 1809 въ Швеціи, и когда встрѣчаюсь съ сослуживцами (нынѣ уже очень рѣдкими), лично мнѣ тогда и незнакомыми, мы несравненно менѣе стѣснены во взаимной бесѣдѣ, чѣмъ съ сослуживцами 1828—1829 годовъ.[2] А между тѣмъ вышеисчисленныя войны (1805—1811) не имѣли одинаковаго значенія съ Отечественною войною 1812 года. Во вторыхъ, будто бы симпатія существуетъ между сослуживцами 1812 года по тому, что нашествіе врага на Россію сблизило всѣхъ къ единодушному дѣйствію; это опровергается торжественно послѣднею войною 1853—1856 годовъ. Здѣсь такъ же непріятель охватилъ своею армадою всѣ оконечности Государства, жегъ и разорялъ прибрежныя мѣста; грозный флотъ его два года стоялъ въ виду столицы; онъ вломился въ наши предѣлы съ многочисленною арміей, и одиннадцать мѣсяцевъ громилъ нѣсколькими тысячами орудій Севастополь, мѣсто, по своему значенію для Россіи, чрезвычайно

---

[2] При вступленіи моемъ въ службу и нѣкоторое время въ послѣдствіи, я помню, какъ обозначались офицеры: Румянцовскими, Потемкинскими, Суворовскими, и какая была взаимность въ такихъ групировкахъ.

важное. Но это продолжительное и славное соратничество не оставило ни какихъ слѣдовъ, не породило ни какой симпатіи. Не прошло и года послѣ этихъ событій, а я былъ уже близкимъ свидѣтелемъ въ Москвѣ, въ 1856 году, какимъ образомъ встрѣчались между собою тѣ, которые за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ жили по цѣлому году вмѣстѣ на бивуакахъ и въ шалашахъ, одни другимъ обязанные и по службѣ, и наградами, и пріютомъ. Они встрѣчались едва ли не съ большимъ этикетомъ, чѣмъ Сіамскіе, Японскіе и т. п. послы съ другими иностранными. Спустя же два года послѣ этой войны нѣтъ и знакомства![3] Слѣдовательно, нѣтъ основанія полагать, чтобъ существующее болѣе или менѣе сочувствіе, влеченіе одного къ другому ветерановъ 1812 года происходило отъ того, будто бы, что характеръ войны служитъ тому поводомъ. Тому должны быть другія причины, которыя порождали болѣе или менѣе сочувствія между сослуживцами во всѣхъ войнахъ до 1812 года, въ эту же могли только содѣлаться сильнѣе, долговѣчнѣе, по тому что Бородинская битва справедливо можетъ почесться, какъ Французы выражаются, baptême de sang, т. е., купелью или крещеніемъ кровью, которое какъ бы приняли всѣ подвизавшіеся на его поляхъ, подобно тому, какъ Святой Владиміръ въ

---

[3] Долго спустя учредился, такъ называемый, Севастопольскій обѣдъ, подобно тому, какъ обѣдъ Кавказцевъ. Сюда сбираются соратники, участвовавшіе въ тѣхъ войнахъ. По чему дѣятели 1812 года, и въ особенности участники въ Бородинской битвѣ, не приняли подобнаго торжества? А вѣдь стоило бы иногда вспомянуть объ этой «битвѣ гигантовъ», въ которой, въ восемь часовъ времени, пало болѣе ста тысячъ человѣкъ, семдесятъ Генераловъ и т. д., и гдѣ болѣе тысячи орудій изрыгало смерть! Въ началѣ не подумали о помянутомъ торжествѣ, конечно, болѣе по тому, что въ то время ораторство и обѣденные спичи, какъ неотъемлемое условіе такихъ обѣдовъ, у насъ не были еще въ употребленіи, а въ послѣдствіи мы стали рѣдѣть, такъ что и пятидесятилѣтній юбилей этого знаменитаго дня, дорогого для Россіи и по другимъ историческимъ событіямъ, никого не соединилъ. Одинъ Полковникъ Гернгросъ, сколько извѣстно, чтитъ этотъ день въ своемъ Витебскомъ имѣніи.

струяхъ Днѣпра окрестилъ своихъ подданныхъ и содѣлалъ ихъ братьями по Христу.

Многое испытанное болѣе или менѣе изглаживается изъ памяти, но малѣйшій эпизодъ Отечественной войны, въ особенности кровавой купели Бородинской, представляется мнѣ такъ живо, какъ бы случилось вчера. По занятіи позиціи 22-го Августа, лагерь представлялъ изъ себя обычное явленіе: всѣ заботились о томъ или другомъ; различныя впечатлѣнія смѣнялись одно другимъ; страсти и побужденія не утихали; надежды не останавливались ни на чемъ положительномъ. Одни полагали, что мы выждемъ здѣсь напріятеля; другіе думали, что пойдемъ еще далѣе; даже обычные кружки для карточныхъ схватокъ были неопредѣлительны. Такъ продолжалось до полудня 25-го Августа; тогда уже каждый созналъ, что онъ сталъ на мѣстѣ, для встрѣчи врага. Торжественное шествіе по всему лагерю священнослужителей въ полномъ облаченіи, съ зажженными свѣчами и съ хоругвями, съ иконою Смоленской Божіей Матери, въ сопровожденіи, какъ лунь, сѣдаго Фельдмаршала, Генераловъ: Барклая, Багратіона, Бенигсена, Платова, корпусныхъ и другихъ Генераловъ, съ обнаженными головами, внезапно измѣнило чувства всѣхъ и каждаго. Самые иновѣрцы, не только Христіяне, но и Магометане, Язычники, Евреи, не остались равнодушными. Религіозныя вѣрованія встрепенулись въ каждомъ по его исповѣданію. Ставъ лицомъ къ лицу со смертью, человѣкъ сдѣлался обнаженнымъ: всѣ смирились съ благоговѣніемъ предъ единственною въ мірѣ Всевышнею силою, укрощающей животную природу человѣка, силою, противъ которой ни какая философія устоять не можетъ.

Да! По окончаніи священной процессіи, всѣ мечтанія, всѣ страсти потухли, всѣмъ сдѣлалось легче; всѣ перестали почитать себя земными, отбросили мірскія заботы, и стали какъ отшельники, готовые къ бою на смерть. Если Платонъ благодарилъ Бога за то, что онъ созданъ человѣкомъ, а не животнымъ, Грекомъ, а не варваромъ, то, конечно, въ этотъ моментъ, какъ никогда болѣе, мы гордились тѣмъ, что были Русскими, а не иноземцами,

Православными, а не иновѣрцами. Душевное спокойствіе водворилось въ каждомъ. Разъ обрекли себя на гибель: никто уже не думалъ о слѣдующемъ днѣ.

Никогда не изгладятся изъ памяти моей нѣкоторыя минуты вечера 25-го Августа; мнѣ кажется, что это происходило лишь за нѣсколько часовъ, и все это не можетъ быть не памятнымъ и Вамъ. Вечеромъ меня потребовали съ курганной батареи къ начальнику Штаба; я поспѣшилъ въ с. Горки. Монахтинъ былъ у корпуснаго командира, и я пошелъ туда; это было около девяти часовъ вечера. Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ игралъ въ бостонъ съ неизмѣнными партнерами своими, Дитерихомъ и Штемпелемъ. Веселое расположеніе было общее: все вниманіе было обращено на игру. Графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ, не задолго передо мною пріѣхавшій, сидѣлъ на мѣстѣ четвертаго партнера съ кожанымъ въ рукѣ стаканомъ, съ костями, которыя онъ бросалъ для Дмитрія Сергѣевича въ крепсъ, когда сдавали; все проявляло совершенную беззаботность. Монахтинъ, на которомъ лежали распоряженія, казалось мнѣ, не совершенно раздѣлялъ общее расположеніе духа. Онъ въ особенности заботился о ходѣ сооруженія укрѣпленій на курганѣ. Дохтуровъ и Марковъ желали знать подробности: какимъ образомъ дружина Боборыкина, по окончаніи процессіи, войдя въ свой лагерь, назначенный между первой и второй линіями 24-й дивизіи, надѣла бѣлыя рубахи, приготовясь къ смерти? И сдѣлали еще нѣсколько другихъ вопросовъ. Монахтинъ спросилъ: отъ всѣхъ ли полковъ доставленъ мнѣ шанцевый инструментъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ спѣшить къ работамъ, и, если что замѣчу съ кургана особенное въ огняхъ непріятельскаго лагеря, давать ему знать.

Выйдя изъ избы корпуснаго командира, я зашелъ въ просторный овинъ, гдѣ помѣщался весь нашъ Штабъ. Здѣсь, въ нѣсколькихъ кружкахъ, при свѣтѣ въ каждомъ изъ нихъ огня, шла въ однихъ веселая бесѣда, въ другихъ карточный бой. Дубельтъ, за неимѣніемъ стола, писалъ приказанія на бочкѣ. Взявъ отъ человѣка, что было мнѣ нужно, выпивъ наскоро предложенный

стаканъ чаю, посмѣявшись разсказу остроумнаго Нелединскаго-Мелецкаго, передававшаго Адъютантамъ Графа Маркова: Кругликову, Караулову и Костромитинову, переводы Костенецкаго всѣхъ иноземныхъ названій на Русскій ладъ, я поспѣшилъ на курганъ, [1] и, кромѣ Люцо, сдѣлавшаго мнѣ нѣсколько вопросовъ, никто другой даже и не спросилъ, что дѣлается у непріятеля: такъ мало всѣхъ это озабочивало.

Въ этотъ вечеръ въ овинѣ были всѣ составлявшіе Штабъ, а равно и нѣкоторые другіе собрались здѣсь въ послѣдній разъ.

---

[1] Бываетъ иногда зловѣщее предчувствіе, не разъ мною испытанное и прежде и послѣ. Здѣсь кавалергардъ, Римскій-Корсаковъ, замѣчательный своею мужественностью, красотою и силою, пріѣхалъ навѣстить своего брата, Григорья Александровича, находившагося на безсмѣнныхъ ординарцахъ у Дохтурова. Когда я вошелъ въ овинъ, онъ былъ готовъ возвратиться къ себѣ въ лагерь; встрѣтившись со мною, обождалъ онъ меня нѣсколько минутъ; мы вышли изъ овина, братъ его вышелъ тоже, ведя веселый разговоръ. Тутъ первый разсказалъ, что у него пала лошадь, которую онъ окормилъ коркою арбуза. Въ это время корпусный Докторъ Кошеревскій, проходя, сказалъ: «Это не хорошо!» Предъ тѣмъ, какъ садиться на лошадь оба брата поцѣловались, чего прежде никогда не случалось. Слово не хорошо, и въ слѣдъ за тѣмъ поцѣлуй этотъ сдѣлалъ на меня какое-то безотчетное впечатлѣніе. Миновавъ Горецкій оврагъ, саженъ около ста, мы ѣхали молча, потомъ простившись, онъ повернулъ на лѣво, напѣвая общій тогда романсъ, а я поскакалъ прямо къ кургану. Поцѣлуй не выходилъ у меня изъ головы; казалось, что я его еще слышу. Какое-то мрачное чувство шептало мнѣ, что одинъ изъ нихъ падетъ въ предстоящей битвѣ. На другой день, будучи посланъ Капцевичемъ къ Барклаю, я проскакалъ около кавалергардовъ, шедшихъ въ атаку на пѣхоту, тотчасъ по смерти командира ихъ, Левенгольда: я встрѣтилъ Барклая, получилъ отъ него приказаніе, возвращался, и почти на томъ мѣстѣ, гдѣ мы разстались такъ недавно съ Корсаковымъ, я наткнулся на нѣсколько человѣкъ, несущихъ убитаго, и это былъ Корсаковъ, простреленный въ грудь пулею чрезъ обѣ латы. Возвратясь къ Капцевичу, я нашелъ тутъ нашего Корсакова, присланнаго Дохтуровымъ. Первымъ вопросомъ его было: «Что братъ?» Я сказалъ: «Ничего». Видѣлъ, но не имѣлъ духа сказать — какъ.

Въ слѣдующій вечеръ этотъ же самый Штабъ и въ томъ же самомъ овинѣ не досчитывался многихъ.

Въ настоящее время изъ этого многочисленнаго и блестящаго Штаба едва ли остались другіе, кромѣ Николая Михайловича Дохтурова (Сенатора) и меня. Самаго Дмитрія Сергѣевича уже давно не стало. Монахтинъ, Бологовскій, Шкуринъ, Графъ Панинъ, Римскій-Корсаковъ, Князь Вяземскій, Нелединскій-Мелецкій, Нащокинъ, Мельгуновъ, Новиковъ, Дохтуровъ (родственникъ Сенатора), Романовъ, Графъ Потемкинъ, Баронъ Врангель, Баронъ Нолкенъ, Люцо, Ганчинскій, Равинскій, Кошеревскій, Соломка: одни пали при Бородинѣ и въ послѣдующихъ битвахъ до Парижа, другіе скошены временемъ.[5] Не многимъ предопредѣлено было, послѣ тяжкихъ трудовъ войны 1812 года (трудовъ, которыхъ нынѣшнее поколѣніе не постигаетъ), прожить еще полвѣка!...

И мы отживаемъ свой вѣкъ, полный великихъ происшествій! Мы были свидѣтелями и дѣятелями въ міровыхъ событіяхъ, когда Западъ, волнуемый и обуреваемый страстями, влекомый гигантомъ своего времени, подобно кораблю, брошенному бурею на скалу, распался при столкновеніи своемъ съ гранитною грудью Русскою! И намъ остается одно воспоминанье. Настоящее поколѣніе, иногда, взглянувъ на медаль со Всевидящимъ Окомъ, говоритъ въ полголоса: «Онъ участвовалъ въ 1812 году!» Но слова этѣ большею частью равносильны выраженіямъ: «Онъ уже никуда не годится: «онъ устарѣлъ съ своими допотопными идеями![6]

1862 годъ заключилъ собою тысячелѣтіе Россіи. Но съ этимъ юбилеемъ совпадаютъ и другія Отечественной исторіи на-

---

[5] Товарищъ мой по Штабу Л. В. Дубельтъ недавно окончилъ жизнь. Онъ читалъ эту рукопись не за долго до своей смерти.

[6] Но, однако же, Вильна и Варшава доказываютъ противное. Не худо бы было этѣмъ философамъ-прогрессистамъ заглянутъ въ VI главу Цицерона: «О старости (De senectute); они увидѣли бы, что и старость не всегда безполезна, и что она есть единственная опора всякому порядку.

шей достопамятныя событія: въ 1862 году совершился двухсотпятидесятилѣтній юбилей изгнанія, въ 1612 году, изъ Москвы Поляковъ, въ послѣдствіе чего вступилъ на престолъ Россіи благословенный домъ Романовыхъ; столѣтній юбилей восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II Великой, возведшій Россію на ту высокую степень, которую предназначилъ ей безсмертный преобразователь Государства.

Наконецъ 1862 годъ, независимо отъ Букарестскаго мира, событія, знаменательнаго эпохою заключенія онаго и присоединеніемъ къ Государству пространной и богатой области, составляетъ пятидесятилѣтній юбилей Отечественной войны, а 26-го Августа есть день Бородинской битвы.

Съ этимъ днемъ совпадаютъ и другія великія событія: такъ, въ 1395 году Тамерланъ двинулся на Русь, и съ многочисленнымъ воинствомъ достигъ уже береговъ Сосны, близъ Ельца; но 26-го Августа, этотъ грозный покоритель Индіи, Персіи, Сиріи и Малой Азіи, внезапно поворотилъ полчища свои, и, «никѣмъ гонимый», бѣжалъ, никогда уже не возвращаясь въ Русскую землю. Церковь наша навсегда установила въ этотъ день, 26-го Августа, праздновать «побѣгъ Тимура и избавленіе Россіи.»

Въ 1612 году, пораженные въ Москвѣ, Поляки окончательно вытѣснены изъ оной 26-го Августа, за двѣсти лѣтъ до битвы Бородинской.

Въ годовщину избавленія отъ Тимура, изгнанья Поляковъ, Бородинской битвы, пала, обуреваемая мятежемъ, Варшава, въ день тезоименитства матери Петра Великаго, 26-го Августа.[7]

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Николай Павловичъ чтилъ этотъ день, и въ постоянной заботливости своей увѣковѣчивать великія событія Отечественной исторіи, въ 1839 году, созвавъ оставшихся еще участниковъ въ битвѣ Бородинской, въ присут-

---

[7] 26-го Августа, 1346 года, дана была Французами и битва при Кресси.

ствія своемъ, въ годовщину оной, 26-го Августа, воздвигъ, на мѣстѣ центральной батареи, памятникъ и этой кровопролитной сѣчѣ, повелѣвъ перенести подъ оный прахъ Князя Багратіона, одного изъ героевъ, въ ней павшихъ.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ пріобрѣлъ въ личную собственность поля Бородинскія и изволилъ въ этотъ день, 26-го Августа, принять мѵропомазаніе и возложить корону на совершеніе великаго подвига освобожденія, а въ прошломъ 1864 г. изволилъ путешествовать подъ именемъ Графа Бородинскаго.

Не многіе изъ насъ достигли до пятидесятилѣтняго юбилея великому побоищу Бородинскому;[8] онъ былъ для насъ, конечно, послѣдній, и врядъ ли кто изъ насъ доживетъ до освященія храма Спасителя: время неумолимо.

Вамъ, быстро исчезающіе соратники, спѣшу посвятить эту книгу. Она напомнитъ вамъ то, что могло изгладиться изъ вашей

---

[8] Здѣсь, въ С.-Петербургѣ, однако же, изъ 6-го корпуса, мнѣ извѣстныхъ находятся еще въ живыхъ: Генералъ отъ инфантеріи (П. А.) Даненбергъ, тогда Прапорщикъ Генеральнаго Штаба; Сенаторъ, Генералъ-Лейтенантъ (Н. М.) Дохтуровъ, тогда лейб-гвардіи Семеновскаго полка Капитанъ, Адъютантъ корпуснаго командира; Генералъ-Лейтенантъ (А. Н.) Бѣлогужевъ, тогда Поручикъ, ротный командиръ Ширванскаго полка (одинъ изъ числа четырехъ офицеровъ, уцѣлѣвшихъ изъ полка, вступившаго въ бой въ числѣ тысячи четырехъ сотъ человѣкъ, а вышедшій въ числѣ девяноста двухъ!); Генералъ отъ артиллеріи (А. И.) Вальцъ, тогда Прапорщикъ артиллерійской роты Полковника Веселицкаго (оставшійся изъ офицеровъ только съ братомъ своимъ), и я. Недавно мы потеряли соратника, Генерала отъ кавалеріи (Л. В.) Дубельта, бывшаго тогда Поручикомъ Псковскаго полка и старшимъ Адъютантомъ корпуснаго Штаба. Смерть его разстроила наше предположеніе, собраться 26-го Августа, съ нашими дѣтьми и внуками, отпраздновать юбилей Бородинской битвы. Конечно, не одинъ Полковникъ Гернгросъ, въ Витебскомъ помѣстьѣ своемъ, какъ

памяти; но ни у кого изъ насъ не изгладилось убѣжденье, что эта битва, названная самимъ Наполеономъ «битвою гигантовъ», не была нами проиграна.

видѣли изъ Сѣверной Пчелы, отпраздновалъ по старинному этотъ достопамятный день, въ кругу семейства своего и крестьянъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде нежели коснусь предмета, до сихъ поръ вполнѣ, или вовсе, еще не затронутаго, по крайней мѣрѣ, съ той точки, съ которой онъ будетъ разсматриваться здѣсь, полагаю не излишнимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, какъ бы заявить притязаніе или права свои говорить о Бородинской битвѣ, и приступить къ разсмотрѣнію многочисленныхъ повѣствованій о событіи, совершившемся за полстолѣтія тому назадъ, въ которомъ я принималъ участіе. Правиленъ, или нѣтъ, будетъ взглядъ мой, но во всякомъ случаѣ онъ будетъ самостоятельнымъ, основаннымъ на неоспоримыхъ данныхъ, и рѣшеніе того или другаго опредѣлится безпристрастіемъ людей просвѣщенныхъ, ревнующихъ славѣ Отечества и чести Арміи.

Выступая на поприще Отечественной войны нѣсколько подготовленнымъ, какъ теоріею, такъ и приложеніемъ оной къ дѣлу, мнѣ представлялась уже нѣкоторая возможность оцѣнивать совершавшіяся событія. [1] Назначеніе меня въ 6-й корпусъ Генерала отъ инфантеріи

---

[1] До Отечественной войны сдѣлано было мною двѣ кампаніи: въ 1808 году, при завоеваніи Новой Финляндіи, въ 1809 въ Швеціи (Вестерботніи, подъ личнымъ начальствомъ вождей, занимавшихъ почетнѣйшія степени высшей воинской іерархіи нашей (Барклая де Толли, Тучкова 1-го, Г.-А. Князя Долгорукаго, Графа Шувалова и Генерала Графа Каменскаго). Служба моя была засвидѣтельствована: двумя чинами за отличіе, тремя орденами, Высочайшимъ благоволеніемъ и др. наградами. По окончаніи Шведской войны, до Марта 1812 года, я составилъ военныя описанія Аландскихъ острововъ, берега Ботническаго залива отъ Торнео до Біернеборга, по случаю войны съ Англіею; приводилъ въ систематическій порядокъ военноисторическія записки Гр. Штейнгеля и пр. Высказываю это единственно съ цѣлью показать, что Отечественная война начата мною не новобранцемъ, а до Бо-

Дохтурова, и вскорѣ для исполненія въ ономъ должности Оберъ-Квартирмейстера, доставило мнѣ еще болѣе къ тому случаевъ. Генералу Дохтурову съ своимъ корпусомъ выпалъ жребій дѣйствовать самостоятельно въ главные моменты Отечественной войны: движенье, среди непріятеля, отъ Лиды до Дриссы, защита Смоленска. [2]

Участье во всѣхъ этѣхъ дѣлахъ, прислушиваніе къ сужденіямъ особъ, посѣщавшихъ моего корпуснаго командира, общество его Штаба, включавшаго въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ личностей, и обязанности мои по службѣ, требовавшія сношеній съ высшими лицами, изустная передача донесеній и полученіе подобнымъ же образомъ приказаній отъ этихъ лицъ, составлявшихъ Главный Штабъ арміи, доставляли мнѣ болѣе и болѣе средствъ къ пріобрѣтенью правъ судить и оцѣнять совершающееся въ глазахъ моихъ, и тотчасъ же вносить всѣ подробности въ свой дневникъ.

При такой уже обстановкѣ и условіяхъ я находился въ Бородинскомъ сраженіи, о которомъ приступаю говорить не по однимъ книгамъ, или слухамъ, и даже не такъ, какъ говорилъ бы о немъ офицеръ, хотя и участвовавшій въ битвѣ, но стоявшій передъ взводомъ, не пріобрѣвшій еще опытности и лишенный тѣхъ преимуществъ, которыя сопровождали меня по моей должности. [3]

родинскаго сраженія, и въ эту войну, я участвовалъ уже, въ движеніи 6-го Корпуса, окруженнаго непріятелемъ отъ Лиды до Дриссы, и въ Смоленскѣ, гдѣ изъ самой исторіи Г.-М. Богдановича видно, какія возлагались уже на меня порученія и т. д. Слѣдовательно, я былъ въ возможности, хотя нѣсколько, понимать военное дѣло, и таковымъ признавался тогдашнимъ начальствомъ.

[2] Не упоминаю о Малоярославецкой битвѣ (которая вся принадлежитъ Генералу Дохтурову и его 6-му Корпусу), по тому что она была дана позже Бородинской, составляющей здѣсь главный предметъ.

[3] Мы имѣемъ, однако же, въ печати драгоцѣнные «Очерки, Воспоминанія, Записки» и т. п. о Бородинской битвѣ, въ особенности артиллеристовъ, доказывающія, что за способностями у насъ дѣло стать не можетъ. Вотъ точка, на которой опытный и добросовѣстный исторіографъ долженъ бы

Въ Бородинѣ, 6-й корпусъ занималъ въ боевой линіи центръ между с. Горками и центральною батареей. [4] Послѣ раны Князя Багратіона, Генералъ Дохтуровъ принялъ начальство надъ 2-ю арміей. Дѣйствія его извѣстны. Безстрашный и хладнокровный, Г.-Л. Капцевичъ (начальникъ 7-й дивизіи) заступалъ, до окончанія битвы, мѣсто Генерала Дохтурова въ командованіи 6-мъ корпусомъ. Пѣхоту этого корпуса, неоднократно отражавшую со всѣхъ сторонъ натиски много-

---

былъ основывать описаніе главныхъ эпизодовъ; ибо, кто можетъ лучше объяснить моменты, какъ не участникъ оныхъ? Сколько есть еще въ рукописяхъ, сколько разбросано ихъ въ журналахъ? Не заслуживаетъ ли все это быть собраннымъ въ одно цѣлое, а равно и изъ всѣхъ иноземныхъ періодическихъ изданій? Такое собраніе, составленное систематически лицемъ, понимающимъ дѣло, было бы драгоцѣннымъ памятникомъ Исторіи Отечественной войны. Объ этомъ лѣтъ тридцать тому назадъ и въ послѣдствіи не разъ было говорено мною и печатно.

[4] Сооруженіе двухъ батарей и шанцевъ у Горокъ и центральной батареи возложено было на меня Генералъ-Квартирмейстеромъ Толемъ. Послѣдняя не была окончена, когда началось дѣло. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что если бы, относительно этого пункта, послѣдовали совѣту Бенигсена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не ломали линіи и оставили 6-й и 7-й корпуса на первоначальныхъ мѣстахъ, то битва была бы самая рѣшительная въ нашу пользу и, какъ предсказывалъ Бенигсенъ, могла имѣть исходъ Полтавской. Въ томъ даже положеніи, въ которомъ высота эта находилась во время битвы, она уже чрезвычайно безпокоила непріятеля, который, какъ видно будетъ, не иначе называлъ ее, какъ «fatal redoute». Стоитъ только съ высоты этой окинуть глазомъ поле битвы и то положеніе, въ которомъ первоначально находились 6-й и 7-й корпуса, чтобы вполнѣ убѣдиться въ вѣрности доводовъ Бенигсена. Эта высота, укрѣпленная такъ, какъ предлагалъ онъ, крайне затруднила бы подступъ и къ Семеновскимъ флешамъ, жестоко поражая непріятеля во флангъ. Къ несчастью, все, что предсказывалъ Бенигсенъ, буквально сбылось. Объ этомъ, съ нѣкоторою подробностью, говорится въ статьѣ: «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ» (Сѣв. Пч. 1858, №№ 151—155) и въ особенномъ оттискѣ, стр. 19—27, а также слегка въ брошюркѣ: «Бородинское сраженье, заключенье съ нѣкоторыми замѣчаніями на Исторію Отечественной войны 1812 года, соч. Г.-М. Богдановича. С.-Петерб. 1861» (стр. 31 — 34).

численной конницы, Барклай де Толли, въ донесеніи своемъ, называетъ «безподобною».

По окончаніи этой битвы никто изъ участвовавшихъ Русскихъ не сознавалъ себя въ ней побѣжденнымъ. Ссылаюсь на всѣхъ ветерановъ этой кровавой купели, что каждый изъ насъ былъ пораженъ только досадой, если не болѣе, когда узнали, что предположенное на другой день нападеніе, о которомъ было намъ уже объявлено, отмѣнено и приказано продолжать отступленіе къ Можайску.

Убѣжденные на самомъ полѣ битвы, что она нами не проиграна, а, напротивъ, честь этого дня принадлежитъ намъ, мы основывали это на совершившихся фактахъ, въ которыхъ участвовали. [5]

Во первыхъ. Наполеонъ атаковалъ съ цѣлью заставить насъ, по крайней мѣрѣ, оставить съ боя занимаемую нами позицію, и не успѣлъ въ томъ. Только пространство, занимавшееся нашимъ лѣвымъ крыломъ и частью лѣвымъ же флангомъ центра, не разъ переходившее изъ рукъ въ руки, наконецъ нами было уступлено превосходнымъ силамъ непріятеля, возобновлявшимся безпрестанно и поддерживаемымъ огнемъ болѣе чѣмъ изъ четырехъ сотъ орудій. Эта часть войскъ нашихъ, правымъ флангомъ своимъ, осталась, однако же, въ неразрывной связи съ арміею, составляя съ нею общую линію, выдавшуюся угломъ, а лѣвый осадилъ на нѣсколько сотъ шаговъ назадъ. Съ этой позиціи, которую Французы называютъ второю, мы продолжали «громить непріятеля». Самъ Наполеонъ нашелъ, что «поле битвы» на этомъ пространствѣ не вполнѣ пріобрѣтено, и еще оспариваемо не только ядрами, но и пулями», и что эта вторая позиція (нашего лѣваго фланга) «еще грозна», и, не отваживаясь атаковать ее, непріятель первый пре-

---

[5] Не только что совершившееся въ этотъ день осталось въ памяти всѣхъ, участвовавшихъ въ битвѣ, но, мнѣ кажется, что едва ли не каждый и нынѣ, перенесясь въ темную ночь на мѣсто битвы, не нашелъ бы мѣстность себѣ знакомою.

кратилъ битву, и когда солнце еще далеко было отъ горизонта.[6] Со всѣхъ же другихъ пунктовъ нашей позиціи непріятель былъ отбитъ, и мы не сдѣлали шагу назадъ. Слѣдовательно: «предпріятіе атаковавшаго не выполнилось, онъ одержалъ только одинъ мѣстный отдѣльный успѣхъ, точно также какъ мы, на протяженіи всей остальной части позиціи, одержали такой же, если еще не болѣе преимущественный, успѣхъ, по тому что разрушили предпріятіе непріятеля.»

Во вторыхъ. Во время самыхъ сильныхъ натисковъ на нашъ лѣвый флангъ, нашъ правый одною демонстраціей произвелъ большой безпорядокъ въ лѣвомъ непріятельскомъ крылѣ и въ тылу онаго, заставивъ, въ свою очередь, и его осадить назадъ, чѣмъ и остановилъ на два часа его наступленіе на всей линіи.[7]

Въ третьихъ. Не смотря на значительное превосходство въ числительности непріятельской конницы, въ особенности тяжелой, на ея сильные напоры массами, она не успѣла почать ни одного карре, смять ни одного пѣхотнаго строя.[8] Наша же конница атаками своими проникала до непріятельскихъ резервовъ.

---

[6] Передъ сумерками на нашъ лѣвый флангъ была сдѣлана отдѣльная кавалерійская атака, подъ огнемъ своей артиллеріи, безъ общей связи и видимо съ одною только цѣлью, поразвѣдать, отступаемъ ли мы, или нѣтъ? Атака эта мужественно была отбита нашей конницей, содѣйствуемой батареями съ позиціи лѣваго фланга, и Французы отошли. Въ слѣдъ за симъ Финляндскій полкъ вытѣснилъ стрѣлковъ ихъ изъ кустарниковъ предъ Семеновскимъ.

[7] Вотъ пробѣлъ, который пополнить вызываютъ насъ повѣствователи-противники наши въ этотъ день. Въ 1861 году я коснулся слегка объ этой демонстраціи Платова и Уварова, въ брошюркѣ: «Бородинская битва, заключеніе, съ нѣкоторыми замѣчаніями на Исторію Отечественной войны 1812 г., соч. Г.-М. Богдановича.» Во всякомъ случаѣ, одна эта демонстрація достаточна была, чтобы произвести сильный безпорядокъ и заставить Вице-Короля спасаться въ каре 84-го полка.

[8] Во время атаки центральной батареи конницею Тильмана, 19 егерскій полкъ (24 Дивизія), бывшій въ разсыпномъ строю, не успѣвъ сомкнуться, легъ, по командѣ своего шефа, Полковника Вуича, вмѣстѣ съ нимъ. Вся непрія-

Въ четвертыхъ. Мы взяли у непріятеля столько же пушекъ въ полѣ, какъ и онъ у насъ (тринадцать и пятнадцать). Сверхъ того, мы оставили въ недоконченныхъ батареяхъ и флешахъ около двадцати пяти орудій, большею частью подбитыхъ. Ни одного знамени не досталось въ руки непріятеля. Около тысячи плѣнныхъ съ каждой стороны, преимущественно раненыхъ и взятыхъ по одиначкѣ, и по одному Генералу, также изранеными, а между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ билось, и какъ! при тысячѣ двухъ стахъ пушкахъ, слишкомъ двѣсти пятдесятъ тысячъ человѣкъ, изъ коихъ, въ общей сложности, болѣе третьей части выбыло изъ строя.

Въ пятыхъ. Когда стемнѣло, непріятель оттянулъ свои войска назадъ, оставя охранительный отрядъ въ Семеновскихъ флешахъ. На центральной же батареѣ, въ ночи, не было и наблюдательнаго поста. Бородино уступлено нами при самомъ началѣ битвы, какъ пунктъ, выходившій изъ линіи позиціи и занимавшійся только передовымъ отрядомъ егерей — безъ орудій.

Въ шестыхъ. Армія наша оставалась на своей первоначальной позиціи около двѣнадцати часовъ по окончаніи битвы. Только лѣвый флангъ, какъ замѣчено выше, осадилъ и занялъ вторую позицію въ неразрывной связи съ арміею, но въ ночь, онъ выдвинулъ пикеты далеко впередъ.

Въ седьмыхъ. Имѣя при себѣ болѣе шестисотъ пушекъ, многочисленные парки и другіе обозы, съ повозками, наполненными многими тысячами раненыхъ и иными тяжестями, армія очистила позицію только въ шесть часовъ утра, 27 Августа (арріергардъ оставался), и отступила къ Можайску, по одной дорогѣ, [9] и хотя

тельская конница, не причинивъ полку ни какого вреда, пронеслась чрезъ него въ атаку и обратно, отбитая нашею: въ такомъ положеніи егеря нанесли много вреда этой конницѣ, между которой, къ ихъ счастью, не было уланъ.

[9] Только отрядъ Г.-М. Карпова, нѣсколько баталіоновъ и часть ополченья, отступили отъ Утицы по старой Смоленской дорогѣ къ Можайску.

еще въ темнотѣ, но въ такомъ замѣчательномъ порядкѣ, что, по засвидѣтельствованью самихъ Французовъ и ихъ союзниковъ, не оставила рѣшительно ни какихъ признаковъ, по которымъ было бы можно заключать, что по этому пути, только за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, послѣ столь ужасной битвы, прошла вся армія, такъ что непріятель сомнѣвался даже, отступила ли она на Москву, или пошла къ Калугѣ? По его же словамъ, онъ находилъ на полѣ битвы и по дорогѣ свѣжія могилы, съ деревянными крестами надъ ними, только что похороненныхъ товарищей; а все это ни какъ не согласуется съ положеніемъ арміи, проигравшей сраженіе и силою вынужденной къ отступленію.

Въ осьмыхъ. Арріергардъ нашъ, по отступленіи арміи, оставался на позиціи, ею занимавшейся, еще четыре часа, такъ что позиція была за нами шестнадцать часовъ послѣ окончанія битвы.

Въ девятыхъ. Ночью на 27 Августа и по утру, мы, партіями своими, неоднократно, съ разныхъ сторонъ, производили тревоги въ непріятельской арміи, распространявшіяся до самой ставки Наполеона, расположенной въ батальонномъ карре старой гвардіи,[10] которая не разъ бралась за оружіе. Такъ Агамемнонъ лиги 1812 г. почиталъ побѣду свою прочной! Между тѣмъ мнимо побѣжденный имъ Кутузовъ провелъ эту ночь на мызѣ Татариновой — безъ всякой стражи.

Въ десятыхъ. По утру же Платовъ атаковалъ непріятельскіе аванпосты отъ Горокъ, гдѣ позицію занимали егерскія бригады Пиллара и Потемкина, а это центръ позиціи: лѣвѣе пѣхотная бригада Вольфа, бывшая Росси и пр., оставались на позиціи до десяти часовъ утра.

---

[10] Впрочемъ, отъ самаго Смоленска, Наполеонъ на ночлегахъ заключалъ себя въ карре, а во время переходовъ окружали его два конныхъ гвардейскихъ полка.

Въ одиннадцатыхъ. Арріергардъ, слѣдуя диспозиціи, началъ оттягиваться отъ Горокъ въ десять часовъ утра, а непріятель пошелъ за нимъ только чрезъ два часа, «медленно» подаваясь впередъ. Разстройство его конницы обнаруживалось въ передовыхъ эскадронахъ, въ коихъ смѣшаны были почти всѣ роды оружія.

Изъ вышеприведеннаго (которое, какъ будетъ видно въ своемъ мѣстѣ, подтверждается и всѣми иноземными писателями), оказывается, что Кутузовъ имѣлъ болѣе основанія, чѣмъ Наполеонъ, признавать Бородинское сраженіе за собою. Между тѣмъ Французы и иноземные Нѣмцы разражаются противъ донесенія Кутузова, не сознававшаго себя побѣжденнымъ! Правда и то, что всѣ помянутые иноземцы только фразами искажаютъ истину, но и фразы этѣ требовали бы критики, для которой не встрѣчается недостатка въ матеріялахъ.

Въ двѣнадцатыхъ. Въ этотъ же день, 27 Августа, съ четырехъ часовъ по полудни до глубокой ночи, и на слѣдующее утро, 28 числа, арріергардъ нашъ удерживалъ Можайскъ столько времени, сколько нужно было для вывоза запасовъ и раненыхъ (исключая тяжело раненыхъ), и отбивалъ всѣ усилія Мюрата и молодой гвардіи, стремившихся овладѣть городомъ. Экипажи Наполеона, доѣхавъ до авангарда, должны были возвратиться и переночевать въ маленькой деревенькѣ Кривушѣ съ своимъ повелителемъ. Арріергардъ нашъ очистилъ Можайскъ 28 Августа, утромъ, и остановился тотчасъ за нимъ на высотахъ, занимавшихся наканунѣ нашею арміей.

Въ тринадцатыхъ. Потомъ у Крымскаго брода, арріергардъ нашъ, жаркимъ боемъ, опять останавливаетъ почти на двое сутокъ напоръ Неаполитанскаго Короля и Герцога Тревизскаго, и наконецъ,

Въ четырнадцатыхъ. Духъ и бодрость нашей арміи не представляли и тѣни унынія, болѣе или менѣе въ разныхъ видахъ проявляющагося въ войскѣ, когда оно почитаетъ себя вынужденнымъ силою къ отступленью. Потерявъ около половины своей численности, армія, съ радостью, готовилась на слѣдующій день къ атакѣ

непріятеля; [1] отступая же, она, на каждомъ шагу, гдѣ ей приказывалось удерживать непріятеля, исполняла это съ тѣмъ же мужествомъ, которымъ ознаменовала себя подъ Бородинымъ. Въ ночь, послѣдующую за битвой, всѣ спѣшили въ ряды свои, и по утру при Можайскѣ все присоединилось къ своимъ знаменамъ.

---

[1] Всѣ казались недовольными, повторяю, только тѣмъ, что замышленное Главнокомандующимъ, въ самый разгаръ сраженья, возобновленіе на слѣдующее утро битвы, нападеньемъ съ нашей стороны, было отмѣнено около полуночи (т. е., спустя болѣе шести часовъ послѣ окончанія битвы). О предпріятіи этомъ было объявлено войску еще во время сраженія, и оно приняло извѣщеніе съ восторгомъ. По окончаніи битвы начали дѣлать къ тому распоряженія, и диспозиція въ главныхъ основаніяхъ была уже начертана и многимъ извѣстна. Какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, намѣренье было измѣнено: много говорили о главномъ виновникѣ тому, но здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться. Я очень хорошо помню, а есть и еще свидѣтели негодованію Генерала Дохтурова, Графа Маркова, Уварова и другихъ, съѣхавшихся къ первому. Генералъ Раевскій, чрезъ котораго Кутузовъ объявилъ войскамъ свое предначертаніе, какъ сказано выше, еще во время битвы, одинаково былъ пораженъ неожиданностью. Между тѣмъ казалось что все обѣщало намъ полный успѣхъ (въ послѣдствіи и Французы, участники въ битвѣ, въ повѣствованіяхъ своихъ, пророчили намъ оный). Непріятель былъ, по ихъ же засвидѣтельствованьямъ, въ безпорядкѣ, истомленъ усталостью изнуренъ голодомъ, упалъ духомъ (frappé de stupeur); мрачность, безмолвіе замѣнили природную веселость Французовъ: «не было слышно ни обычныхъ острыхъ словъ, ни шуточныхъ разсказовъ, ни пѣсней— все исчезло. Въ самой ставкѣ Наполеона грусть, молчаливость и даже, какъ замѣчаютъ очевидцы историки: «безъ льстецовъ, не такъ, какъ бывало это прежде,»—тогда какъ мы были сыты и бодры духомъ въ высшей степени; одинъ помыслъ: схватиться съ врагомъ воспламенялъ всѣхъ и каждаго. Сами Французы говорятъ, что мы «отступали съ гордостью, не упавшими духомъ и, казалось, вызывающими ихъ.» Непріятельская конница на половину погибла въ битвѣ, другая половина находилась въ совершенной невозможности выдержать чрезъ нѣсколько часовъ еще сраженіе; у насъ же, напротивъ, независимо отъ двадцати Казачьихъ полковъ, весь Корпусъ Уварова былъ свѣжъ и мало пострадалъ во время демонстраціи; остальная же конница имѣла чѣмъ подкрѣпить и силы людей, и силы лошадей, не изнуренныхъ долгимъ походомъ —безъ корма, и съ тою же отвагою и натискомъ вступить въ битву. Осьмнадцати тысячамъ Французской Гвардіи, большею

Всѣ эти факты уполномочивали насъ не сознавать себя подъ Бородинымъ побѣжденными, а, напротивъ, повторяю, мы приписывали, и по справедливости, честь этого дня за собою.

частью не трогавшейся съ мѣста, мы могли противопоставить такое же число, если еще и не болѣе, сытыхъ, бодрыхъ, одушевленныхъ святымъ дѣломъ и рвавшихся въ бой, тогда какъ противники, что видно и изъ общихъ ихъ свидѣтельствъ, и изъ самаго приказа Наполеона, читаннаго предъ началомъ сраженья, должны были биться, чтобы избѣгнуть голодной смерти. Независимо отъ Казаковъ Платова и Карпова и Корпуса Уварова, мы имѣли Преображенскій и Семеновскій полки въ трехбаталіонномъ составѣ, мало потерпѣвшихъ и не бывшихъ въ схваткѣ, даже гвардейскій егерскій полкъ (также три баталіона) имѣлъ все время отдохнуть послѣ кратковременной (около часа) битвы, при самомъ началѣ сраженія въ с. Бородинѣ; нѣсколько егерскихъ полковъ отряда Полковника Потемкина, находившихся въ резервѣ, и другіе егерскіе баталіоны, расположенные по Колочѣ, на правомъ крылѣ, и, сверхъ того, болѣе десяти тысячъ ополченія, которое, въ наступательномъ дѣйствіи, работало бы, конечно, не хуже другихъ (Полоцкъ, Данцигъ, Дрезденъ) служатъ тому доказательствомъ). Бившаяся уже армія, хотя и значительно уменьшенная, подкрѣпивъ себя винною порціей и пищею, въ чемъ не было недостатка, съ большимъ бы еще ожесточеніемъ вступила въ бой, а тѣмъ болѣе наступательный, столь свойственный удальству Русскаго человѣка. Французы, будучи атакованными, преимущественно при тогдашнихъ условіяхъ, не такъ страшны, какъ иногда бываютъ они въ своихъ наступленіяхъ, въ особенности, когда, по предначертанной у насъ диспозиціи, Платовъ долженъ былъ, ночью, перенестись въ окрестностяхъ, пониже Беззубова, чрезъ р. Войну, на ихъ тылъ, къ Колоцкому монастырю, безпорядочно заваливаемому, въ продолженіе цѣлаго дня, ранеными, и гдѣ скоплены были всѣ парки и многочисленные разнаго рода обозы, коими загромождена была дорога до самаго Гжатска и далѣе (такое движенье наше, по сознанью въ послѣдствіи самихъ Французовъ, сдѣлалось бы гибельнымъ для ихъ арміи), произвело бы безпорядокъ, котораго результаты могли быть неисчислимы. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что, по окончаніи дѣла, когда совершенно уже стемнѣло, Французы оттянули свое сильно пострадавшее и разстроенное войско, лишившееся множества начальниковъ, и расположили его опять на тѣхъ мѣстахъ, съ коихъ оно пошло въ битву, выдвинувъ только въ Семеновскія флеши около шести тысячъ человѣкъ молодой гвардіи, для огражденія съ этой стороны арміи и преимущественно главнаго пребыванія Наполеона съ старою гвардіей при Шевардинѣ. Занявъ такимъ образомъ въ мракѣ первоначальныя мѣста въ порядкѣ наступа-

Но каково было наше удивленье, когда въ этомъ убѣжденіи, послѣ побѣдъ въ Германіи и Франціи, мы, въ 1814 г., взяли Парижъ, и здѣсь должно было вдругъ разочароваться и въ первый разъ узнать, что при Бородинѣ мы были побѣждены! Въ

тельномъ, войско, по свидѣтельству собственно своихъ историковъ, изнуренное физически и пораженное нравственно, оставалось всю ночь безъ пищи и большая часть безъ огня. Само собою разумѣется, что, послѣ столь ужаснаго, упорнаго и продолжительнаго, боя, войско, возвратясь на свое прежнее мѣсто изнуреннымъ, прежде всего должно было озаботиться, чтобы удолетворить свой голодъ, а для сего издавна уже не было ни какихъ другихъ средствъ, какъ только тотчасъ же ити отыскивать убитыхъ, или палыхъ, лошадей; часть пошла въ эту ночь на фуражировку, еще болѣе затруднительную и сопряженную съ опасностями (пятьсотъ фуражировъ попались въ руки Казакамъ); должно было отправить людей за дровами, за водой, а изнуренные конники тащить лошадей на водопой; нарядъ для подобранія раненыхъ и переноски ихъ въ Колоцкій монастырь и т. п. Сверхъ всего въ эту же ночь должно было озаботиться пополненіемъ изъ парковъ израсходованыхъ въ битвѣ артиллерійскихъ и ружейныхъ зарядовъ, а при общемъ изнеможеніи, съ ослабленною дисциплиною, при огромной потерѣ ближайшихъ начальниковъ, успѣло ли бы войско, въ столь короткое время, ночью, до разсвѣта, снабдить себя сими послѣдними? Сомнительно. Все это требовало множества людей, энергіи, а по засвидѣтельствованью очевидцевъ-повѣствователей самихъ Французовъ, ни того, ни другаго, не было и какъ это будетъ видно въ своемъ мѣстѣ, что при знаменахъ оставалось только едва нужное число для охраненія оныхъ. Мы же были, во всѣхъ этихъ отношеньяхъ, совершенно противоположно. Кромѣ того, непріятельскіе парки оскудѣли и, по свидѣтельству историковъ, Наполеонъ даже колебался, ити ли ему далѣе, до присоединенія парковъ, бывшихъ уже на пути. Вся артиллерія его и даже часть гвардейской находились въ дѣйствіи, между тѣмъ какъ у насъ такого недостатка въ снарядахъ не показывалось, и артиллеріи, не введенной въ дѣло, оставалось въ резервѣ значительное количество. Въ такомъ положеніи непріятельская армія, будучи за часъ до разсвѣта внезапно и быстро атакована, и при тревогѣ въ тылу (а что значитъ эта тревога, видно изъ Французскихъ писателей, говорящихъ о демонстраціи, произведенной еще засвѣтло нашимъ правымъ флангомъ), и ей трудно было бы, при общей сумятохѣ (и не усмотрѣвъ во время нашихъ направленій и построенія), скоро перестроиться въ надлежащій оборонительный порядокъ, положительно можно сказать, что, при тогдашнихъ условіяхъ и до разсвѣта было бы вовсе не возможно: событія Ватерлоо

1815 году, возвратясь опять во Францію, я оставался въ корпусѣ Князя Воронцова до 1819 года, а въ этотъ періодъ появилось уже нѣсколько Французскихъ описаній кампаніи 1812 года, воспѣваю-

---

могли совершиться тремя годами прежде. Наконецъ, потери Французовъ въ дѣйствительности не многимъ уступали нашимъ: конница ихъ была почти уничтожена. Генералами они потеряли болѣе, чѣмъ вдвое, противъ насъ: у нихъ сорокъ девять Генераловъ и тридцать девять полковыхъ командировъ, у насъ двадцать два Генерала. Для предначертаннаго нами нападенія, большая часть нашихъ лучшихъ вождей была пощажена въ этотъ кровавый день: Барклай де Толли (распоряжавшійся уже при Горкахъ для наступленія), Бенигсенъ, Милорадовичъ, Герцогъ Александръ Виртембергскій, Графъ Марковъ, Платовъ; Корпусные: Дохтуровъ, Раевскій, Багговутъ, Графъ Остерманъ-Толстой, Лавровъ, Уваровъ, Баронъ Корфъ, Графъ Паленъ, Князь Голицынъ, Васильчиковъ, и Дивизіонные: Графъ Строгановъ, Принцъ Евгеній Виртембергскій, Паскевичъ, Коновницынъ, Капцевичъ, Дука, Графъ Орловъ-Денисовъ и др. А за такими вождями, жаждавшими нападенія на другой день, войско пошло бы съ полнымъ самоотверженіемъ и увѣренностью на успѣхъ, и ни какія, даже видимыя, опасности не остановили бы его. Словомъ, еще разъ повторяю, отмѣна помянутаго предпріятія одна была поводомъ къ какому-то чувству досады, даже негодованія, распространенному въ войскахъ. Предметъ этотъ, вмѣстѣ съ демонстраціею Платова и Уварова, требуетъ подробнаго критическаго разсмотрѣнія, на которое, еще скажу, какъ бы вызываютъ насъ всѣ иноземные историки, описавшіе Бородинскую битву, какъ участники, говоря объ этихъ двухъ эпизодахъ болѣе или менѣе пространно, съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, между тѣмъ какъ наши исторіографы упоминаютъ о нихъ вскользь. Прошло полвѣка; исторія не должна никого щадить во имя истины: дѣльная критика все выяснитъ. Нельзя умолчать о непостижимомъ (для меня) сужденіи Г.-М. Богдановича (т. II, стр. 222), будто предначертанное предпріятіе наше напасть на другой день «не подавало намъ ни малѣйшей вѣроятности на успѣхъ» (!!). На чемъ почтенный исторіографъ основываетъ это умозаключеніе свое? Не извѣстно! Самъ онъ не могъ быть въ битвѣ; непріятель говоритъ, что такое предпріятіе наше «было бы для него пагубнымъ; всѣ Генералы наши, и въ головѣ ихъ Барклай, понимавшіе дѣло (конечно, не менѣе нашего исторіографа) и разсуждавшіе о томъ на мѣстѣ, предусматривали успѣхъ. По словамъ же самого Г.-М. Богдановича, Барклай, распоряжавшійся при Горкахъ, для предположеннаго предпріятеля, когда получилъ приказаніе отступать, «хотѣлъ ѣхать къ Князю съ просьбою объ отмѣнѣ отданнаго приказанія, но, получивъ

щихъ свои побѣды, и въ томъ числѣ подъ Бородинымъ! Нѣмецкіе повѣствователи, забывъ, что побѣдамъ Русскихъ они только и обязаны своимъ освобожденіемъ отъ ига, [12] подобно Французамъ,

свѣдѣніе объ выступленіи Дохтурова, принужденъ былъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, исполнить повелѣнье Главнокомандующаго.» Г.-М. Богдановичъ ищетъ, какъ бы оправдать неосновательность предположеній Барклая, что «тогда не возможное казалось возможнымъ.» Подобное выраженіе можетъ быть приписываемо запальчивому кавалерійскому офицеру, пусть иногда и полковому командиру подобнаго же свойства; но оно ни какъ уже не приличествуетъ Барклаю, коего свѣтлый умъ, глубокія познанія военнаго дѣла, опытность, невозмутимое хладнокровіе, разсчетливость на каждый шагъ, были всегда неотъемлемыми его качествами. И если онъ, будучи главнымъ дѣятелемъ и зоркимъ наблюдателемъ при Бородинѣ, предвидѣлъ успѣхъ въ предначертанномъ нападеніи на непріятеля, что раздѣляли съ нимъ, какъ преданные, такъ и лицепріятствующіе ему, Генералы и вообще всѣ, понимающіе дѣло, то, какимъ образомъ и какой авторитетъ, въ глазахъ безпристрастныхъ и свѣдущихъ людей, можетъ имѣть, чрезъ полвѣка, лице, не дѣлавшее этой кампаніи, безъ всякихъ ссылокъ на какой либо современный авторитетъ, а только на свой собственный, произноситъ такъ опредѣлительно совершенно противное! Нельзя даже понять, что такое разумѣетъ онъ подъ словомъ: «принять сраженіе.» Дѣло шло не о томъ, чтобы намъ принять сраженіе, что свѣдущими военными людьми понимается выждать и на другой день непріятеля, а такого безрасудства, уже всеконечно, никому не могло прійти въ голову! При уменьшеніи арміи почти на половину, позиція, и до того уже растянутая, не могла быть занятой съ выгодою, что и самъ исторіографъ находитъ; но у насъ было намѣреніе совершенно противоположное: мы хотѣли не принять, а дать сраженіе, т. е., атаковать непріятеля и заставить его или принять сраженіе, или обратиться въ бѣгство. Всѣ, понимающіе военное дѣло, видятъ въ значеніи этихъ словъ большую разницу а почтенный исторіографъ разсуждаетъ объ этомъ намѣреніи нашемъ, и между тѣмъ говоритъ и не одинъ разъ: «принять сраженіе»!!! Грустно въ наше время видѣть такія созерцанія, и когда? Тогда, какъ и самъ непріятель пишетъ противное, т. е., въ пользу нашего предпріятія, какъ это въ своемъ мѣстѣ будетъ видно.

[12] Не говорю о тѣхъ временахъ, когда Русскіе летали на выручку этихъ сосѣдей своихъ; здѣсь отношу сказанное собственно только къ войнѣ 1812 года. Не возможно же исключить изъ Исторіи то положеніе Германіи, въ

начали описывать и свои подвиги въ Бородинскій день, въ который, по ихъ удостовѣренію, мы потерпѣли пораженіе и силою были вынуждены къ отступленью. Но этого было мало: они говорятъ, что если бы Наполеонъ захотѣлъ, то мы были бы и совершенно разбиты; словомъ, конечно, по ихъ мнѣнью, такъ, какъ они подъ Іеною и Ваграмомъ: а нѣкоторые думали даже, что могъ повториться и Ульмъ, если бы насъ вогнали въ уголъ, образуемый впаденіемъ Колочи въ Москву рѣку. [13] Съ нашей стороны хранилось глубокое молчаніе; нѣкоторые, однако, изъ насъ, увлекшіеся фразами и выводимыми въ кабинетахъ правилами стратегіи и тактики, не принимая въ соображеніе народнаго духа, вторили иноземцамъ, если и не всегда вполнѣ, то достаточно, чтобы дать поводъ Французамъ и Нѣмцамъ ссылаться на нихъ. [14]

При внимательномъ изученіи всѣхъ иноземныхъ повѣствователей объ этой эпохѣ, оказывается, что истина затмѣвается въ ихъ изложеніяхъ однѣми только фразами, которыя высказывали Французы по природному ихъ самохвальству (а иноземные Нѣмцы по чему?..), доходящему до невѣроятной степени даже у самыхъ серіозныхъ историковъ; но за всѣмъ тѣмъ, повторяю, все, что исчислено было выше, объ основаніи, на которомъ мы, участвовавшіе въ битвѣ, не

которомъ она находилась до начала 1813 года: крѣпости ея въ рукахъ Французовъ; во всѣхъ почти столицахъ Французскіе Генералъ-Губернаторы, или Коменданты, или, наконецъ, полномочные Послы, которымъ подчинялись во всѣхъ дѣйствіяхъ. Наполеонъ распоряжался въ ней, какъ полный хозяинъ: одни владѣнія уничтожалъ, или присоединялъ къ Франціи, изъ другихъ созидалъ Королевства, назначая въ Короли и Герцоги своихъ родственниковъ и солдатъ своей арміи, связывая сихъ послѣднихъ брачными союзами съ владѣтельными домами Германіи и пр., и пр. Такъ застали мы материкъ Европы, когда, изгнавъ изъ Россіи Французовъ и ихъ вассаловъ, перенесли, въ началѣ 1813 г., знамена свои въ Германію на ея ратованіе. По чему же это освобожденіе ея не послѣдовало прежде? Исторія объяснитъ. Объ этомъ въ главѣ: «Русскій солдатъ», еще говорится.

[13] Полковникъ Окуневъ очень справедливо замѣтилъ, что и сто тысячъ барановъ не могли бы быть такъ загнаны.

[14] Къ сожалѣнію, и послѣдняя «Исторія Отечественной войны 1812 г.» писана въ такомъ же духѣ и вторитъ иноземнымъ Нѣмцамъ, что Наполеонъ могъ насъ доконать.

почитаемъ ее проигранной нами, они подтверждаютъ, и сами того не замѣчая, когда говорятъ о ней, какъ очевидцы-историки. Въ сущности главнымъ основанiемъ у нихъ, къ заключенiю о своей побѣдѣ, есть только то, что мы, послѣ битвы, «отступили». Но мы продолжали отступать, безъ всякаго участiя въ томъ ихъ силы, которая бы понудила насъ къ тому, какъ все это будетъ видно въ своемъ мѣстѣ.

Эти повѣствованiя иноземцевъ побудили меня дѣлать изъ нихъ выписки по предметамъ, входящимъ въ описанiе сего событiя, и сравнивать ихъ между собою, что постоянно и продолжалъ, по мѣрѣ появленiя новыхъ матерiяловъ. Воспользовавшись нѣсколько свободнымъ временемъ (1852—1855), я сдѣлалъ сводъ изъ этихъ повѣствованiй только: «О дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году».[15] Въ послѣдствiи, не будучи занятъ новымъ начальствомъ службою, приступилъ къ систематическому своду этихъ многочисленныхъ, въ продолженiе полувѣка собиравшихся, выписокъ.

Имѣя главнымъ предметомъ Бородинскую битву, предлагаемая книга, независимо отъ Вступленiя и Значенiя слова побѣда, раздѣлена на три «Отдѣленiя, съ подраздѣленiями каждой на главы.» Первое Отдѣленiе, Наканунѣ битвы (четыре главы); второе, День битвы (пять главъ); третье, На другой день битвы (двѣ главы). Въ концѣ первой главы сего Отдѣленiя сдѣланъ краткiй критическiй обзоръ сочиненiй нѣсколькихъ иноземныхъ историковъ, писавшихъ о войнѣ 1812 г. Здѣсь присоединена глава о «Русскомъ солдатѣ», вызванная толками тѣхъ же писателей. За тѣмъ, въ Заключенiи, послѣ общаго вывода всему тому, что предшествуетъ, я коснулся нѣкоторыхъ предметовъ, до сихъ поръ никѣмъ еще вполнѣ не изложенныхъ, и такихъ, которые вовсе не затронуты. Къ послѣд-

---

[15] Книга, удостоенная посвященiя нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, въ 1855 году. Изъ самыхъ сказанiй непрiятеля явствуетъ, что ни морозъ, ни голодъ не были причиною катастрофы, которой подвергалась армiя Наполеона.

нимъ принадлежитъ критическій разборъ предпринятаго Наполеономъ къ отступленію направленія на Калугу. Соединивъ все то, что было только писано о безчеловѣчномъ, варварскомъ смореніи голодомъ и потомъ пристрѣливаніи нашихъ плѣнныхъ, присовокупилъ я къ сему критическій разборъ, для сближенія и разъясненія этихъ повѣствованій. Равномѣрно собрано все, что было писано иноземцами-свидѣтелями о настроеніи духа Наполеона въ продолженіе войны 1812 года. Нѣсколько критическихъ замѣчаній о причинахъ постепеннаго ослабленія дисциплины, и наконецъ развитія деморализаціи въ его арміи, съ приложеніемъ къ сему краткихъ разсужденій о стужѣ и голодѣ, коимъ господствующее мнѣніе приписываетъ распаденіе Французской арміи, вопреки собственнымъ, приводимымъ ими, даннымъ.

Все вышеисчисленное заимствовано исключительно изъ иноземныхъ источниковъ, коимъ списокъ прилагается.

Книга эта не что иное, какъ одинъ только опытъ распредѣленья иноземныхъ повѣствователей по предметамъ и согласованья разнорѣчій, коими переполнены всѣ сказанія о войнѣ 1812 года: она можетъ, по крайней мѣрѣ, указаніями своими на тексты и предметы облегчить трудъ того, кто, лучше меня владѣя перомъ, знаніемъ дѣла, средствами, и въ особенности болѣе благопріятными обстоятельствами, нежели тѣ, которыми я былъ окруженъ въ послѣднія деcять лѣтъ, предпринялъ бы изложить великій сей предметъ болѣе достойнымъ его образомъ, для чести и славы народа и арміи, подвигнутыхъ на совершеніе великаго дѣла непоколебимою твердостью Благословеннаго Монарха, объявившаго, что «не вложитъ меча въ ножны, доколѣ единъ врагъ будетъ оставаться на землѣ Русской.»

Какъ ветеранъ разбираемаго мною эпизода, могу подвергнуться упрекамъ нынѣшнихъ военныхъ исторіографовъ въ пристрастіи къ прошедшему, къ старинѣ, противъ которой такъ сильно возстаютъ нынѣ, но я вывожу факты. Я могъ ошибаться, какъ и всѣ, въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ, отнюдь, впрочемъ, не измѣняющихъ сущности совершившагося, и вполнѣ раздѣляю мнѣніе Полковника Астафьева,

сказавшаго въ превосходномъ и образцовомъ сочиненіи своемъ,[16] что «военное искуство есть общее дѣло, требующее глубокаго коллегіяльнаго обсужденія и полемики. Одинъ человѣкъ сдѣлать всего не въ состояніи и можетъ заблуждаться»... И, говоря о критикѣ, присовокупляетъ: «Гдѣ нѣтъ ея, тамъ нѣтъ и искуства.»

Какая же другая кампанія нашего времени имѣетъ болѣе необходимости быть очищенною критикой, какъ не кампанія 1812 года, въ особенности для насъ? Какая другая болѣе изобилуетъ историками[17] и съ такимъ множествомъ рѣзкихъ разнорѣчій? Не требуетъ ли все согласованія, поясненій, коллегіяльнаго разсмотрѣнія и опредѣленія различныхъ эпизодовъ этой борьбы гигантовъ, какъ выразился Наполеонъ?

Прошло полвѣка, а у насъ никто еще достойнымъ образомъ не поднялъ перчатки, бросаемой намъ иноземцами. Вскорѣ остальные участники въ этой войнѣ исчезнутъ, и хвастливыя фразы непріятелей нашихъ усвоятъ въ Исторіи всю силу. Въ продолженіи тридцати лѣтъ, я неразъ, печатно, излагалъ это свое мнѣнье.

---

[16] «О современномъ военномъ искуствѣ». С.-Петерб. 1857 — 1861 (т. 1, стр. XVIII).

[17] Мараѳонское сраженіе разсказано въ свое время тремя стами историковъ. Бородинское едва не столькими же, а пожалуй и болѣе.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Появленіе кометъ, во всѣ времена, считалось, въ суевѣрныхъ вѣрованіяхъ народныхъ, предзнаменованіемъ какихъ-либо особенныхъ событій. Такъ и появленіе кометы въ 1811 году подало поводъ къ заключеніямъ о близости кровопролитной войны, въ размѣрахъ, до того времени не бывалыхъ. Въ ту эпоху браней всѣ другія предположенія почитались второстепенными, а по тому рожденіе сына у Наполеона, повелителя материка Западной Европы, не всѣмъ казалось предзнаменованіемъ уже сбывшимся: всѣ ожидали отъ появленія кометы другихъ, болѣе важныхъ, событій, и ожиданія эти оправдались вполнѣ: вскорѣ громадныя приготовленія къ нашествію на Россію заняли умы всей Европы.

Дѣйствительно, обстоятельства сей исполинской войны отличаются отъ всѣхъ прочихъ военныхъ предначертаній, какъ по тогдашнему политическому состоянію Европы и самой Франціи, такъ и по составу ополченья, подъ личнымъ предводительствомъ генія-полководца-Государя, приковавшаго къ колесницѣ своей весь материкъ Западной Европы. Около семисотъ тысячъ человѣкъ, [1]

---

[1] Barault (p. 176) говоритъ, что въ этомъ числѣ было собственно Французовъ 348 тысячъ чел., остальные 322 т. Нѣмцевъ, Италіянцевъ и пр. Капфигъ (т. IX, p. 161) пишетъ, что Наполеонъ, по документамъ Военнаго Министерства, велъ съ собою на Россію не 130, или 150 т. человѣкъ, составлявшихъ прежде его армію, но около полумилліона съ тысячью триста шестидесятью пушками, и приводитъ слѣдующій расчетъ:

подъ предводительствомъ искусныхъ, опытныхъ и закаленныхъ въ двадцатилѣтнихъ побѣдахъ вождей, коихъ слава часто затмѣвалась только присутствіемъ самаго Наполеона.

Предпринятый имъ походъ, съ самаго начала до конца, сопутствуемъ былъ замѣчательными явленіями, которыя постепенностью своею не могли не имѣть вліянія на главнаго вождя — Агамемнона этой лиги, и не поколебать въ немъ тѣхъ или другихъ основныхъ его качествъ, не обнаружить слабостей и недостатковъ, до того времени не замѣчавшихся. Прослѣдивъ эти событія, найдемъ, что многія высокія соображенія Наполеона, основанныя, казалось, на вѣрныхъ стратегическихъ и политическихъ разсчетахъ, не только не оправдались, но и послужили ему ко вреду: ни одно предпріятіе его не удалось. Съ первымъ шагомъ въ предѣлы наши, Наполеонъ началъ уже колебаться; одно предположеніе смѣнялось у него другимъ, другое третьимъ и т. д. Часто проявлялъ онъ малодушіе, и, желая, скрыть, выставлялъ его еще ярче. Но первый шагъ былъ сдѣланъ, и побѣдитель долженъ былъ покориться судьбѣ своей, которая постепенно, отъ береговъ Нѣмана, влекла его на гибель.

60,000	Поляковъ.	4,000	Дармштадцевъ.
20,000	Саксонцевъ.	2,000	Готы и Веймара.
30,000	Австрійцевъ.	5,000	Вюрцбургцевъ и Франконцевъ.
20,000	Баварцевъ.	5,000	Мекленб., Нассавц. и др. мелкихъ Княж.
22,000	Пруссаковъ.	20,000	Италіянцевъ и Неаполитанцевъ.
20,000	Вестфальцевъ.	4,000	Испанцевъ и Португальцевъ.
8,000	Виртембергцевъ.	10,000	Швейцарцевъ.
8,000	Баденцевъ.	250,000	Французовъ.
		498,000	человѣкъ.

Около того показывается и другими; но Капфигъ исчисляетъ только то количество, которое вступило въ наши предѣлы, а Баро и тѣхъ, которые составляли резервъ и гарнизоны пограничныхъ крѣпостей.

Вотъ краткій перечень повѣствованія самихъ Французовъ, съ начала предпріятія до Бородинской битвы, главнаго моего предмета.

Истощенная слишкомъ двадцатилѣтнею, безпрерывною кровавою войной, Франція неохотно приступила къ конскрипціи для полчищъ, приготовляющихся къ дальнему походу, въ страну, въ то время еще менѣе чѣмъ нынѣ извѣстную. Уже тогда многіе министры и другіе главные предводители войскъ и приближенные къ Наполеону, не раздѣляя мнѣнія завоевателя, всячески старались отклонить его отъ предпринимаемой имъ войны. Это расположеніе умовъ, раздѣляемое большинствомъ людей благоразумныхъ, не могло быть неизвѣстнымъ и всей арміи. Оно, естественно, поколебало увѣренность, условіе, необходимое къ сохраненію и удержанію дисциплины, души всѣхъ воинскихъ дѣйствій. Дисциплина въ арміи Наполеона была тогда еще тѣмъ болѣе необходима, что Французы, отъ природы болтливые, охотно судятъ по своему о политическихъ дѣлахъ, о дѣйствіяхъ начальниковъ и т. п., а въ предпринимавшемся тогда походѣ пищи къ тому должно было представляться много. Въ такомъ расположеніи духа армія оставила Францію, бѣдствовавшую отъ неурожая предшествовавшаго года, [1] и направилась къ сборному мѣсту, въ Старую Пруссію, въ Герцогство Варшавское и въ Галицію.

Кратковременное пребываніе ея на сборномъ мѣстѣ ознаменовалось уже насиліями и грабежами; дисциплина была потрясена. Недостатокъ фуража заставлялъ снимать хлѣбъ съ корня, срывать соломенныя крыши и т. п. Это доказывало недостатокъ въ администраціи и какъ бы безсиліе Наполеона положить предѣлъ всѣмъ этимъ безпорядкамъ, при взаимномъ несогласіи главныхъ его пред-

[1] Въ этотъ годъ бѣдствій произведены были многія казни. Казнили даже женщинъ единственно за то, что онѣ кричали въ толпахъ: «Я голоденъ! я голодна!»

водителей. Между тѣмъ войско лелѣено было надеждами на скорую, неминуемую побѣду: оно было увѣрено, что, при вступленіи въ наши предѣлы, немедленно возстановятъ Польшу и Литву; что, съ правой стороны Наполеонова направленія, Турки изгонятъ наши войска изъ Молдавіи и Валахіи (откуда мы должны будемъ оттянуть часть нашихъ силъ къ главному театру войны) и овладѣютъ Одессою, Херсономъ и всѣмъ Крымомъ. Съ лѣвой же стороны, Бернадотъ возмутитъ Новую Финляндію и займетъ Петербургъ. Разноплеменная армія Наполеона одушевлялась надеждою при началѣ дѣйствій видѣть себя не одною, а въ союзѣ съ Турками и Шведами; но мечта скоро исчезла, и впечатлѣнье это не могло не усиливать недовѣрія, при обнаружившейся уже личной враждѣ между главными предводителями, дерзавшими, въ присутствіи Наполеона, упрекать другъ друга даже въ измѣнѣ. Подобные упреки должны были зародить въ самомъ Наполеонѣ мысль о ненадежности его Маршаловъ, которую онъ вскорѣ имѣлъ случай выразить слѣдующими словами: «Что, достигнувъ высшихъ степеней «и будучи имъ обогащены, они охотнѣе желаютъ блистать въ «Парижѣ своими экипажами и роскошною жизнью». Упрекъ не вполнѣ справедливый: ибо всѣ они на поляхъ брани доказали противное. Однако же нельзя отвергнуть, чтобы тайное чувство Императора Французовъ не поколебалось относительно нѣкоторыхъ изъ его сподвижниковъ, а въ этихъ, въ свою очередь, не заронило скрытной злобы, которая разразилась въ послѣдствіи при занятіи нами Парижа. Словомъ, всѣ эти безпорядки не могли имѣть благодѣтельнаго вліянія на дисциплину арміи и не породить въ ней, повторяю, начала деморализаціи, до вступленія еще въ Россію.

По приближеніи къ Нѣману, когда Наполеонъ обозрѣвалъ мѣстность, накануне переправы чрезъ эту рѣку, лошадь его упала и сбросила его на песокъ; въ это время послышался въ свитѣ его голосъ: «Худой признакъ! Римлянинъ отказался бы отъ пред-

пріятія.»[2] Послѣ переправы чрезъ Нѣманъ, погода, до того времени прекрасная, вдругъ измѣнилась; начали собираться тучи, разразилась ужасная гроза, продолжавшаяся нѣсколько часовъ; дождь, въ продолженіе пяти дней, былъ такъ силенъ, что во многихъ мѣстахъ затопилъ дороги; погибло до десяти тысячъ лошадей со множествомъ повозокъ; послѣ дождя наступилъ холодъ. Наполеонъ, въ это время объѣзжавшій мѣстность, долженъ былъ укрыться отъ ливня въ находившемся по близости монастырѣ. Эта буря и паденье его съ лошади были тотчасъ же многими приняты за худыя предзнаменованія; но тогда они не могли еще имѣть ощутитель-

---

[2] Графъ Дюма, въ своихъ «Воспоминаньяхъ», не говоритъ объ этомъ случаѣ; но, описывая переправу чрезъ Нѣманъ и послѣдовавшую за тѣмъ бурю, причинившую столько несчастій, присовокупляетъ (t. III, p. 422): «Такими зловѣщими предзнаменованіями Римскіе полководцы, можетъ быть, и пріостановились бы: многіе умы были поражены этимъ.» Буржуа (p. 74, 75), говоря о предзнаменованіяхъ этихъ, присовокупляетъ, что они имѣли гибельное впечатлѣнье. Многіе другіе говорятъ о томъ же. Въ «Souvenirs de Pologne» одного Французскаго кирасирскаго офицера (p. 143) видно, что «буря эта, послѣдовавшая тотчасъ за переправою чрезъ Нѣманъ, отъ коей погибло нѣсколько тысячъ лошадей, принята была суевѣрными умами за предвѣстье несчастій, и къ этому первому несчастью (присовокупляетъ авторъ) должно присоединить еще множество другихъ въ различныхъ видахъ, которыя оставили въ слабыхъ умахъ непріятное предчувствіе долженствующему совершиться позже.» Чѣмъ далѣе они подавались впередъ, тѣмъ болѣе поражаемы были подобными суевѣріями. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ О-Меара (t. I, p. 195): «Генералъ Гурго, на Островѣ Св. Елены, разсказывалъ ему, что, во время ихъ пребыванья въ Москвѣ, большое количество воронъ стадами сѣли на Кремлевскія башни, съ коихъ часто спускались и летали кругомъ солдатъ, махая крыльями и каркая, какъ бы угрожая имъ истребленьемъ, которое дѣйствительно и послѣдовало. Гурго прибавилъ, что войска приведены были въ уныніе этимъ зрѣлищемъ, которое солдаты приняли за роковое предвѣщаніе». Многіе говорятъ о семъ впечатлѣніи. Префектъ дворца, Боссе, также говоритъ объ этомъ.

наго вліянія на массу; ибо войско шло къ вѣрной, по мнѣнію его, побѣдѣ. А какъ суевѣріе и предразсудки (къ которымъ склонна масса Французовъ), обнаруживаются, болѣе или менѣе, едва ли не у всѣхъ народовъ, только при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ, то, послѣдующія событія должны были поражать массы при всякой явной, но преимущественно при отдаленной, опасности, къ которой они приближались не съ тою уже душевною твердостью, которая одна имѣетъ силу торжествовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ и надъ самою природой.

Въ движеніи арміи отъ Нѣмана [4] до Вильны подобныя предзнаменованія начали уже оправдываться въ мнѣніи умовъ суевѣрныхъ; такъ, на примѣръ: приблизясь къ Виліи и не найдя моста, конвой Наполеона изъ Поляковъ бросился чрезъ рѣку вплавь; многіе не достигли противоположнаго берега и, погибая среди волнъ, кричали: «Да здравствуетъ Императоръ!» Этотъ случай возбудилъ грусть въ очевидцахъ, многіе не удержались отъ восклицанія: »Quel mauvais augure!» Безплодіе края, равнодушный пріемъ со стороны жителей, происходившій отъ обманутыхъ надеждъ увидѣть возстановленіе Польши, уничтожили надежды и у Французовъ на содѣйствіе Литовцевъ, которые должны были значительно усилить полчища Наполеона. Холодныя отношенія между солдатами и жителями принимали видъ враждебный; недостатокъ припасовъ, въ особенности фуражи, подавалъ поводъ къ насилію, грабежу и убійствамъ. [5] Все это ослабило дисциплину до такой степени, что, по засвидѣтельствованію очевидцевъ-Французскихъ писателей,

---

[4] Очевидцы присовокупляютъ: «Когда увидѣли, что въ Ковнѣ не мѣшаютъ наведенью мостовъ и бывшіе тутъ Казаки исчезли, все это навело грусть на солдатъ Французовъ.

[5] Многіе изъ солдатъ, даже молодой гвардіи, умирали съ голоду; другіе лишали себя жизни, что свѣдѣтельствуется Французскими писателями, участниками въ этой войнѣ.

Наполеонъ, послѣ тщетныхъ усилій къ прекращенію безпорядковъ, долженъ былъ закрыть глаза, не имѣя возможности остановить мародерство, грабежъ, насиліе, и т. п. Но важнѣе всего было то, что, при всѣхъ этихъ безпорядкахъ, отсутствіе Русскихъ войскъ, видимо уклонявшихся отъ битвы и даже отъ встрѣчи, поражало непріятелей изумленіемъ. Извѣстіе о прибытіи Балашова въ Вильну обрадовало армію Французовъ, охладѣвшихъ въ порывѣ своемъ уже на короткомъ маршѣ до Вильны: они надѣялись, что война кончится. Но всѣ выражали неудовольствіе, узнавъ, что предложенія Императора Александра отринуты. Въ это время пробѣжала по арміи вѣсть, что въ Наполеонѣ начинаютъ замѣчать ослабленіе прежней физической его дѣятельности.

Наполеонъ остается въ Вильнѣ двадцать дней; между тѣмъ Французскіе корпуса достигаютъ Дриссы, которую наша армія оставила безъ боя. Это приводитъ всѣхъ въ отчаяніе, по тому что они должны еще болѣе углубляться въ страну, гдѣ не находятъ ни мѣстныхъ средствъ къ жизни, ни наслажденій, къ которымъ привыкли въ Германіи и Италіи. Безчисленное множество отсталыхъ и мародеровъ не столько ослабляютъ ряды этой многочисленной арміи, сколько ея нравственныя силы.

Багратіонъ умѣлъ отдѣлаться отъ Вестфальскаго Короля и Маршала Даву. Дохтуровъ, котораго почитали вѣрною добычею, ускользнулъ отъ трехъ корпусовъ, его окружавшихъ. Платовъ и Графъ Паленъ тоже успѣли присоединиться къ арміи. Расчеты Наполеона не удаются: одни отъ возникшихъ между его предводителями раздоровъ, другіе отъ искусныхъ и быстрыхъ движеній нашихъ войскъ. Французская армія не можетъ еще похвалиться ни одною побѣдой. ни однимъ трофеемъ. Наполеонъ обѣщаетъ разбить Русскихъ въ Витебскѣ, и тѣмъ окончить кампанію. Спѣшитъ, и находитъ Барклая на позиціи. Радость общая пробѣгаетъ въ арміи Французовъ, надѣющихся на побѣду и на миръ. Въ Островнѣ авангардъ нашъ показываетъ Наполеону, чего должно

ожидать въ бояхъ съ Русскими, которыхъ онъ представлялъ своей арміи бѣгущими со страхомъ. Онъ дѣлаетъ всѣ распоряженія къ генеральной битвѣ, и на слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, находитъ, на позиціи нашей одни пустые шалаши.

Это еще болѣе поражаетъ все войско. Узнаютъ, что Багратіонъ окончательно нашелъ возможность соединиться съ Барклаемъ. Наполеонъ побѣждаетъ только мѣстное пространство, а не войско. Онъ объявляетъ окончаніе кампаніи 1812 года. Предполагаетъ въ 1813 году взять Москву, въ 1814 Петербургъ; надѣется, что Императоръ Александръ пришлетъ просить мира, дѣлаетъ распоряженіе относительно расположенія арміи на зимнія квартиры, говоритъ опять объ организаціи Польши — и войско его успокоивается. Мародеры и отсталые начинаютъ присоединяться къ своимъ знаменамъ, но, по свѣдѣтельству Французскихъ писателей, армія его тогда уменьшилась уже на цѣлую треть, не бывши въ битвѣ; недостатокъ въ продовольствіи проявляется; снова открываются болѣзни, понось, отъ непривычнаго употребленія ржанаго хлѣба.

Вдругъ Наполеонъ объявляетъ приказаніе итти къ Смоленску. Армія узнаетъ, что всѣ приближенные къ Наполеону были противнаго мнѣнія, узнаетъ изложенныя ими причины, по которымъ, кромѣ бѣдствій, нельзя было ожидать ничего другаго. Не имѣя возможности возражать предводителямъ войскъ на ихъ мнѣнія и доказательства, [6] онъ упрекаетъ ихъ въ неблагодарности, въ не желаніи сопровождать его на поле битвъ. Самолюбіе многихъ изъ

[6] Бисмаркъ (Spect. milit. 1847, t. XLIV, p. 132) приводитъ слова, сказанныя Наполеономъ на представленія, сдѣланныя ему въ совѣтѣ (въ Витебскѣ), что дальнѣйшее углубленіе въ Россію, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились Французы, противно всѣмъ правиламъ, онъ возразилъ: «Не правило создаетъ успѣхи, но успѣхи создаютъ правила.» («Ce n'est pas la règle, qui crée les succés, ce sont les succés, qui créent la règle!»)

нихъ оскорбляется. Здѣсь Наполеонъ узнаетъ о заключеніи мира съ Турками; узнаетъ, что Бернадотъ уже обнаружилъ расположеніе, противное всѣмъ заключеніямъ Наполеона, которыми онъ льстилъ себя и возбуждалъ духъ войскъ своихъ. Манифестъ Александра становится извѣстнымъ: армія видитъ, что призываютъ народъ къ поголовному вооруженію, что ей предстоитъ гроза народной войны; армія видитъ, что Русскій Императоръ далекъ отъ помысла о мирѣ; остается ей одна надежда разгромить насъ въ генеральной битвѣ.

Разбитіе Себастіани подъ Виньковымъ изумляетъ многихъ Французовъ, не ожидавшихъ надъ собою побѣды. Предзнаменованія на Нѣманѣ, въ Ковнѣ и на Виліѣ — пробѣгаютъ въ умахъ Французовъ. Но Наполеонъ, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Витебскѣ, ведетъ ихъ, по словамъ его, на вѣрную побѣду въ Смоленскъ. Всѣ спѣшатъ за своимъ повелителемъ, котораго почитаютъ непобѣдимымъ. Разбивъ Русскихъ, онъ обѣщаетъ заключить миръ и расположиться въ Смоленскѣ на зимнихъ квартирахъ до будущей весны. Это увлекаетъ войско, въ которомъ, однако же, опять являются тысячи отсталыхъ и мародеровъ. Дисциплина, нѣсколько возстановленная, съ первыхъ переходовъ опять начала ослабѣвать. [*]

Наполеонъ, искусно сосредоточивъ войска, переходитъ Днѣпръ и направляется къ Смоленску, въ твердой надеждѣ захватить этотъ городъ и принудить Барклая къ генеральному бою. Но, мужество

---

[*] Шамбре, въ статьѣ объ упадкѣ дисциплины, въ то время, когда армія шла еще впередъ, говоритъ, (Journ. des Scienc. Milit. etc. 1825, t. V, p. 484): «Множество отсталыхъ въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи сворачивали съ дороги, и, называя себя залогами (sauvegarde), были хорошо по этому случаю принимаемы... Военная полиція была не въ силахъ противиться сему» и пр. Раппъ и многіе другіе говорятъ объ этомъ, но здѣсь не мѣсто распространяться.

Русскихъ, имъ встрѣченное, опять разстроило и уничтожило всѣ его высокія стратегическія соображенія, перенестись въ тылъ лѣваго фланга, или даже всей нашей арміи. Оставленіе Невѣровскаго въ Красномъ радовало Наполеона, видѣвшаго въ этомъ расположеніи невниманіе къ правиламъ стратегіи: онъ полагалъ этѣ шесть тысячъ Русскихъ вѣрною добычей, но Русскій Генералъ, съ слабою своею пѣхотною дивизіей, составленною изъ однихъ молодыхъ солдатъ, выноситъ весь натискъ въ шестеро сильнѣйшаго коннаго непріятеля, подъ предводительствомъ самого Мюрата, окружавшаго нашу пѣхоту на пространствѣ болѣе двадцати верстъ ея отступательнаго движенія, не успѣвъ почать ни одного баталіона. Исторія не представляетъ другаго подобнаго примѣра. * Французы увидѣли, что Русскіе тамъ, гдѣ нужно, умѣли отражать непріятеля съ твердостію, какой они не встрѣчали ни въ одномъ изъ своихъ непріятелей. Защита Смоленска Дохтуровымъ, съ двадцатью пятью тысячами противъ непріятеля вчетверо сильнѣйшаго, громившаго городъ двумя стами орудій, разрушившихъ почти всѣ зданія, не поколебала Русскихъ.

Этотъ геройскій отпоръ, не ожиданный ни Наполеономъ, ни его арміей, облегчилъ соединеннымъ тамъ первой и второй арміямъ стянуться на путь къ Дорогобужу. Зданія, уцѣлѣвшія отъ огня Французской артиллеріи, предаются пламени самими жителями, послѣдовавшими за Русскими войсками, которымъ приказано было очистить городъ къ разсвѣту. Въ окрестныхъ селахъ является тоже патріотическое самоотверженіе! Наполеонъ спѣшилъ еще преградить путь до переправы чрезъ Днѣпръ, въ Соловьевѣ. Но и по этому направленію встрѣчаетъ при Лубинѣ и въ окрестностяхъ

* Бисмаркъ (p. 134) говоритъ: «Если бы въ этомъ случаѣ поступать по обыкновеннымъ правиламъ, то Невѣровскій долженъ былъ сдаться, или умереть съ своими солдатами.» Всѣ Французскіе писатели болѣе или менѣе превозносятъ подвигъ нашего Генерала.

грудъ Русскихъ, и обвиняетъ Герцога д'Абрантеса (Жюно) въ собственной своей неудачѣ.

Эти четырехдневныя дѣйствія Наполеона въ окрестностяхъ Смоленска изумляютъ неудачей всю армію и его самого. Многіе изъ его сподвижниковъ отчаяваются въ успѣхѣ. Они вновь представляютъ своему Императору плачевное положеніе арміи, дисциплины и средствъ къ ея существованію, и говорятъ о значительной убыли въ рядахъ. Указываютъ ему на явные признаки враждебнаго расположенія жителей; у нѣкоторыхъ вырывается даже желаніе быть скорѣе разбитыми, чтобы хотя это заставило Наполеона отложить свое дальнѣйшее стремленіе. Утомленное войско, не смотря на щедро розданные на мѣстѣ битвы самимъ Наполеономъ кресты Почетнаго Легіона и другія награды, не проявляло большаго желанія продолжать войну.

По словамъ нѣкоторыхъ, Наполеонъ колебался и даже казался раскаявающимся въ начатіи войны; онъ распускалъ слухъ о желаніи остановиться на грудахъ Смоленска на зимнихъ квартирахъ; опять заговаривалъ о намѣреніи заняться здѣсь возстановленіемъ Польши и Литвы, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, предлагалъ, чрезъ Генерала Тучкова, миръ Александру; разсчитывалъ число переходовъ въ Москву и Петербургъ, мечтая, что, слѣдуя къ сему послѣднему, онъ соединится съ корпусами своими, дѣйствующими противъ Витгенштейна, и вдругъ приказалъ двинуться на Москву, гдѣ, по словамъ его, армію ожидаетъ миръ, слава, богатая добыча и привольныя квартиры.

Всѣ Французскіе писатели, участники въ этой войнѣ, свидѣтельствуютъ болѣе или менѣе положительно о нравственномъ и физическомъ состояніи арміи въ это время. Несогласіе многихъ съ мнѣніемъ Наполеона на счетъ дальнѣйшаго углубленія въ Россію, представленіе бѣдственныхъ результатовъ, долженствующихъ произойти отъ подобнаго предпріятія, все это становится извѣ-

стнымъ арміи, уже бѣдствующей отъ недостатковъ и употреблявшей (начиная съ береговъ Двины) конину. Не могли быть укрыты отъ арміи и взаимные раздоры и несогласія Маршаловъ; словомъ, все происходящее не могло не имѣть вліянія на упадокъ дисциплины и на общую деморализацію, начинавшую проявляться въ нѣкоторыхъ корпусахъ въ довольно сильной степени. [10]

Но ни представленія главныхъ предводителей арміи, ни бѣдственное ея положеніе, не были еще столь могущественными, чтобы восторжествовать надъ тою увѣренностію, которую боевая масса имѣла въ геніи своего Императора, за которымъ она, въ продолженіе семнадцати лѣтъ, слѣдовала побѣдоносно. Надежда на вѣрную побѣду въ генеральномъ сраженіи, которая представлялась солдатамъ неотложнымъ событіемъ, и роскошная жизнь въ Москвѣ, гдѣ имъ предстояло забыть всѣ лишенія, одушевляли армію и влекли ее далѣе, не смотря на то, что уже строгая дисциплина, отъ всего встрѣченнаго, видимо ослабѣла; она могла сохраняться только еще при движеніи впередъ, но шагъ назадъ, и въ то время эта армія едва ли могла бы удержать въ цѣлости порядокъ и дисциплину, связывающую всѣ моральныя и матеріальныя силы частей арміи всякаго народа. [11] Вотъ что говоритъ

---

[10] Безпорядки эти доходили даже до того, что часто партіи одного корпуса, отправленныя на фуражировку, встрѣчаясь съ фуражирами другаго корпуса, возвращавшимися съ припасами, отбивали добычу, и тѣмъ разжигали еще болѣе несогласіе и вражду своихъ начальниковъ.

[11] Арміи Наполеона были наступательныя и всегда имѣли большое количество отсталыхъ и мародеровъ, которые подгонялись, особенно для этого составлявшимися отрядами, присоединявшими ихъ къ знаменамъ. Подобнымъ арміямъ, при отступленіи, всегда угрожаетъ если и не полное распаденье, то совершенный безпорядокъ: примѣровъ и тому и другому много. Французская армія едва ли когда отступала въ томъ порядкѣ, который болѣе или менѣе сохраняется въ другихъ Европейскихъ арміяхъ, исключая Турецкихъ.

Капфигъ собственно о Наполеонѣ, въ Смоленскѣ (t. IX, p. 253), когда еще онъ шелъ къ Москвѣ: «Съ нѣкотораго времени Наполеонъ казался печальнымъ и задумчивымъ; одни приписывали это «грустное настроеніе души болѣзни, которою онъ страдалъ съ «дѣтства; нѣкоторые убѣжденію въ безплодности своего предпрія-«тія, другіе внезапному измѣненію температуры...[12] Можетъ быть, «говоритъ авторъ, предвидѣніе его открывало ему вдали послѣд-«ствія его гибельной кампаніи Исторія Карла XII представлялась «уму Наполеона, по превосходству историческому, такъ что и «самый видъ Борисеена не въ силахъ былъ отклонить его освобо-«дить мрачныхъ мыслей. Впрочемъ, присовокупляетъ авторъ, въ «каждой душѣ находится что-то такое, которое предвѣщаетъ не-«счастіе въ будущности, и предчувствіе это не есть уступка суе-«вѣрію, но заставляетъ содрогаться при взглядѣ на судьбу, пре-«доставленную случайности»; тогда всякій случай принимается за «предзнаменованіе: и помраченіе солнца, и стада хищныхъ птицъ, «летающихъ вокругъ палатокъ, махая крыльями.» Здѣсь авторъ намекаетъ на разсказъ Гурго, приведенный выше, и на другія подобныя происшествія, дѣлавшія сильное впечатлѣніе на умы Французскихъ солдатъ, склонныхъ къ предразсудкамъ и суевѣрію. Впрочемъ, и самъ Наполеонъ не былъ совершенно чуждъ этой слабости. Обращаюсь къ Смоленску.

Нельзя положительно указать на дѣйствительныя причины, побудившія Наполеона, вопреки всему тому, что совершилось отъ самой переправы чрезъ Нѣманъ, углубляться болѣе и болѣе въ

[12] Авторъ говоритъ: «послѣдовавшей съ быстротою громоваго удара,» замѣчая, что въ этѣхъ странахъ переходъ отъ тепла къ холоду быстръ и т. п. Это совершенно справедливо; но въ началѣ Августа по нашему стилю (Наполеонъ занялъ Смоленскъ $^{6}/_{18}$ Авг.) этого явленія не было, на обратномъ пути дѣло другое, а въ началѣ Августа перемѣны температуры не могли имѣть столь сильнаго вліянія.

сердце Россіи. Онъ не разъ колебался въ своихъ намѣреніяхъ, и спрашивалъ себя: остановиться ли ему на зимнихъ квартирахъ въ Вильнѣ, Дриссѣ, Витебскѣ, или наконецъ въ Смоленскѣ? По свѣдѣтельству Миллера, участвовавшаго въ этомъ походѣ (t. I, p. 142), «вся Французская армія была въ полной надеждѣ, что «Наполеонъ въ томъ году не углубится въ Россію, а займетъ линіи на Двинѣ и Днѣпрѣ, расположивъ свои войска на зимнихъ «квартирахъ. Не возможно было предполагать тогда (присовокуп-«ляетъ авторъ), что Русская армія отступаетъ отъ Смоленска къ «Москвѣ, боясь потерять сраженіе, по тому что она равнялась уже «числительностію своею Французской, а моральною силой превос-«ходила ее» и т. п.

Что же, наконецъ, побуждало его къ рѣшимости двинуться изъ Смоленска далѣе въ такое позднее время года? Въ строгомъ смыслѣ война еще не начиналась, общей битвы не было, онъ искадъ ея отъ береговъ Нѣмана до Днѣпра, и, не найдя на этомъ пространствѣ, пошелъ далѣе, но не могъ найти ея и на берегахъ Москвы! Потрясенный столькими неудачами съ открытія кампаніи, онъ, какъ видно изъ всѣхъ источниковъ часто и внезапно измѣнялъ свои предположенія, а въ состояніи такого колебанія не трудно было ему безотчетно придержаться той мысли, которую онъ чаще слышалъ и которая была такъ схожа съ его главною цѣлію.

Герцогъ Ровиго (Савари), имѣвшій, конечно, всю возможность судить о семъ, вотъ что говоритъ о Смоленскѣ (t. V, p. 29): «Въ составѣ лицъ, окружавшихъ Императора, Короля Неапо-«литанскаго и Князя Невшательскаго, найдутся причины, которыя «побудили предпринять окончаніе кампаніи однимъ разомъ.» Далѣе онъ такъ поясняетъ это (стр. 296): «Съ тѣхъ поръ, какъ прави-«тельственная система освятила возстановленіе монархическихъ «началъ, старинныя дворянскія фамиліи приблизились къ Наполеону; «вся ихъ воинственная молодежь просила, какъ милости, избрать

«поприщемъ военную службу. Она во множествѣ вступила въ армію, гдѣ скоро заняла мѣста, если и не первостепенныя, то, по «крайней мѣрѣ, требовавшія довѣрія; не было Маршала Франціи, «не было Генерала, при которыхъ бы они не находились адъютан«тами и въ штабахъ; кавалерійскіе полки, почти всѣ, были подъ «начальствомъ офицеровъ, принадлежащихъ къ этѣмъ фамиліямъ. «Они начали уже появляться и въ пѣхотныхъ полкахъ. Все это «молодое дворянство искренне присоединилось къ Императору, «легко увлекаясь славой. Оно любило опасности, стремилось къ «битвамъ, но не менѣе имѣло горячую наклонность къ удоволь«ствіямъ, когда думало, что исполнило свой долгъ. Молодежь, «окружавшая Императора, Короля Неаполитанскаго, и та, которая «составляла многочисленный главный штабъ арміи, была такова же, «имѣла тѣ же достоинства и тѣ же недостатки. Въ этомъ случаѣ «она выражала единогласно мнѣнія, которыя казались отголоскомъ «мнѣній арміи. Всѣ эти молодые люди, видя, что нѣтъ надежды «провести зиму въ Парижѣ, не видѣли средины между имъ и Мо«сквою. Они пропорхнули по Польшѣ, какъ бабочки по цвѣтамъ, «и если бы нашлись десять армій, чтобы воспрепятствовать имъ «достигнуть туда, куда они задумали ити, и тогда не отказались «бы они отъ своего намѣренія, Москва казалась имъ мѣстомъ на«слажденій; они всѣ были уже влюблены въ то, что надѣялись «встрѣтить, и ихъ воображеніе блуждало среди этихъ упоитель«ныхъ наслажденій, которыя они мечтали найти въ столицѣ Рус«ской Имперіи. Король Неаполитанскій въ особенности находился «подъ вліяніемъ окружавшихъ его молодыхъ офицеровъ. [13] Онъ самъ «любилъ удовольствія, и охотно встрѣчалъ мнѣнія, согласныя съ «его желаніями; онъ тоже хотѣлъ ити въ Москву!

---

[13] И здѣсь то, что сказалъ Цицеронъ въ VI главѣ «О старости» (De senectute) вполнѣ оправдывается: «Молодежь часто губитъ государства, а старость ихъ возстановляетъ: она единственная опора всякому порядку.»

«Его самообольщеніе (p. 302) доходило до крайностей во «всемъ, что относилось къ военной жизни, на примѣръ: онъ былъ «убѣжденъ, что не бывало еще въ арміи кавалерійскаго Генерала, «подобнаго ему. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ одаренъ блистательною «храбростію, достоинствомъ, которымъ можно замѣнять многое, и «безъ котораго нельзя обойтись, когда достигнешь уже послѣдней «степени возвышенія; онъ былъ добродушенъ и щедръ и любилъ «всѣми своими приближенными. [14] Къ несчастію Франціи, онъ (p. 203) былъ вызванъ къ личному присутствію въ арміи въ качествѣ «кавалерійскаго Генерала. Чрезъ него проходили всѣ донесенія «легкихъ войскъ, которымъ было поручено преслѣдованіе Русской «арміи. Только чрезъ него одного Императоръ получалъ свѣдѣнія. [15] «Король Неаполитанскій утверждалъ, что Русская армія упала ду-«хомъ, истощена и не можетъ отступать иначе, какъ медленно. «Онъ удостовѣрялъ, что, если въ продолженіе нѣсколькихъ дней «будутъ ее преслѣдовать живо, она не избѣгнетъ битвы, а битва «была необходима. Императоръ не могъ не внимать словамъ че-«ловѣка, который ежедневно говорилъ ему одно и то же, и, какъ «извѣстно, не берегъ себя на полѣ битвъ. Князь Невшательскій «не былъ противнаго мнѣнія съ Неаполитанскимъ Королемъ; впро-«чемъ, всѣ полагали, что лучше ити на Москву, чѣмъ возвратиться «въ Вильну, или Витебскъ, гдѣ боялись провести зиму.»

Извѣстіе о движеніи Наполеона изъ Смоленска еще далѣе [16] было неожиданнымъ въ Парижѣ, однако же, говоритъ Савари

---

[14] Савари, между прочимъ, говоритъ, что онъ самъ никогда не сближался съ Мюратомъ.

[15] Извѣстно, что онъ начальствовалъ авангардомъ.

[16] Савари говоритъ (p. 304), что Императрица собиралась уже ѣхать въ Вильну, чтобы провести тамъ зиму. Это подтверждается письмами Вице-Короля Италіянскаго къ женѣ своей (t. VII, p. 35 —443), въ которыхъ онъ увѣдомляетъ, что кампанія такъ или иначе должна окончиться до зимы,

(p. 305): «всѣ питали еще надежду на успѣхъ, но и не удивились «бы, получивъ извѣстіе о какомъ-либо несчастномъ событіи.» Въ письмахъ Фіеве къ Наполеону (t III, p. 230—250 etc.) гораздо ярче изложены всѣ опасенія Парижа при полученіи извѣстія объ углубленіи Французовъ въ Россію и мрачныя ожиданія послѣдствій этого похода.

Съ первыхъ переходовъ отъ Смоленска Французы начали еще болѣе замѣчать нерасположеніе жителей, [17] и чѣмъ далѣе шли, тѣмъ болѣе подвергались всякимъ лишеніямъ. Конина начала уже входить въ общее употребленіе, да и ея не всегда было довольно, хотя недостатокъ въ фуражѣ содѣйствовалъ къ снабженію арміи этимъ продовольствіемъ: гидра народной войны, еще не совершенно развившейся, была, однако же, достаточна, чтобы Наполеонъ, въ челѣ слишкомъ полутораста-тысячной арміи своей, не иначе двигался отъ самаго Смоленска, какъ среди сильнаго отряда гвардейской конницы, назначенной для его конвоированія, и главная квартира его на каждомъ ночлегѣ была окружаема пѣшимъ гвардейскимъ егерскимъ и гренадерскимъ полками. Когда же Наполе-

---

и, не смотря на всю свою осторожность, въ нѣкоторыхъ письмахъ даетъ понимать о прекращеніи военныхъ дѣйствій до зимы и т. д.

[17] Это народное волненье напугало Наполеона: изъ Гжатска, отъ 2 Сент. (21 Авг.), онъ пишетъ Принцу Евгенію (Mém. du Vice-Roi, t. VII, p. 464): «Прикажите посмотрѣть, что такое это сборище мужиковъ, имѣютъ ли они ружья, или пики? Все предвѣщаетъ, что мы наканунѣ большой битвы, а потому намъ надо въ особенности быть готовыми и дѣлать свои распоряженія.» Изъ Гжатска же, 4 Сент. (23 Авг.), получаетъ отъ Бертье (Idem, p. 465, 466) общее приказанье Маршаламъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что они теряютъ отъ безпорядковъ много людей ъ фуражировъ, что «число плѣнныхъ, которыхъ берутъ Русскіе, восходитъ ежедневно до нѣсколькихъ сотъ», и т. д., и дѣлаются противъ сего надлежащія распоряженья. Но это не могло исправить ихъ дѣлъ.

онъ останавливался въ полѣ, оба эти полка составляли карре, въ срединѣ котораго разбивались его палатки. Назначеніе Кутузова преемникомъ Барклая подавало Наполеону и его арміи надежду, что новый Главнокомандующій, котораго Наполеонъ въ то время цѣнилъ еще не высоко, непремѣнно приметъ генеральное сраженіе. Солдатамъ говорили, что «Русскіе не отдадутъ Москвы безъ «боя, а мы ихъ разобьемъ и—конецъ войнѣ: слава, довольство и «миръ насъ ожидаютъ!» Наполеонъ издавалъ строжайшія повелѣнія относительно отсталыхъ и мародеровъ, и дѣятельность въ главномъ штабѣ усиливалась.

Нѣсколько дождей до того было испортили дороги, по которымъ изнуренныя лошади едва могли подвигать артиллерію и обозы, что Наполеонъ, по представленіямъ нѣкоторыхъ Маршаловъ, едва не рѣшился отказаться отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Онъ колебался, и зашла уже рѣчь о возвращеніи въ Смоленскъ; но 4-го Сентября (23 Августа), по словамъ Тіера (t. XIV, p. 302) поутру, увидѣвъ, что дороги начинали просыхать, онъ воскликнулъ: «Жребій брошенъ (Le sort en est jeté); пойдемъ на встрѣчу «Русскимъ!» Но Русскіе съ 22-го числа ожидали его уже на Бородинской позиціи. [18] Графъ Сегюръ приводитъ (t. I, p. 335) разговоръ Наполена съ Маршаломъ Даву, который, какъ извѣстно, не былъ въ ладахъ съ Мюратомъ и котораго Наполеонъ часто слушалъ. Маршалъ сказалъ ему: «Должно согласиться, что отступленіе Русскихъ исполняется въ удивительномъ порядкѣ. Одна «мѣстность, а не Мюратъ, опредѣляетъ ихъ отступленіе. Ихъ по«зиціи избираются такъ хорошо, такъ кстати, и каждая изъ нихъ «защищается соотвѣтственно ихъ силѣ и времени, которое Гене«ралъ ихъ желаетъ выиграть, что, по справедливости, движеніе

---

[18] Капфигъ по этому случаю говоритъ (t. IX, p. 26): «Когда народъ ополчается поголовно, чтобы жертвовать всѣмъ, самимъ собою, достояніемъ, ему принадлежащимъ, своему Государю и отечеству, то не для того, чтобы всегда бѣжать; онъ получаетъ инстинктивную потребность идти впередъ.»

«ихъ кажется, идетъ, сообразно съ планомъ, давно принятымъ и «искусно начертаннымъ.»

На слѣдующій день, т. е., 5-го Сентября (24 Августа), послѣ упорнаго сопротивленія, арріергардъ нашъ получилъ приказаніе отступить къ Шевардинскому укрѣпленію. Французы въ тотъ же день сдѣлали на него нападеніе, и это неоконченное укрѣпленіе, по свѣдѣтельству самихъ Французовъ, «четыре раза переходило изъ рукъ въ руки,» не смотря на отборность и превосходство въ числительности Французскихъ силъ: «Багратіонъ удерживалъ укрѣпленіе до ночи, и оставилъ тогда только, когда оно не было уже нужнымъ, согласно принятой системѣ обороны.»

«Въ ночь, на 6-е Сентября (25 Авг.), Наполеонъ спалъ мало. «Генералъ-Адъютантъ его (Коленкуръ, убитый чрезъ два дня въ «Бородинѣ, братъ Герцога Виченскаго) пріѣхалъ съ Шевардинскаго «редута. Императоръ, удивленный, что не было взято плѣнныхъ, «осыпалъ его распросами: развѣ конница моя не ходила въ атаку? «Развѣ эти Русскіе рѣшились побѣдить, или умереть? Ему отвѣчали, что «они предпочитали смерть плѣну, что — «Les Russes «sont inebranlables, il faut les démolir.» — «Eh bien, возразилъ «Наполеонъ, завтра подойдутъ мои резервы и артиллерійскіе парки, «et nous les démolirons.» Французы говорятъ: слова эти замѣчательны тѣмъ, что показываютъ, съ какимъ непріятелемъ они имѣли дѣло. Выслушавъ донесеніе Коленкура, «Наполеонъ впалъ въ глу«бокое размышленіе, и разсудивъ, что дать битву артиллеріею бу«детъ гораздо вѣрнѣе, усилилъ свои приказанія.» Историки присовокупляютъ: «И солдаты, офицеры и Генералы, каждый погруженъ былъ въ тѣ или другія размышленія, и даже Императоръ тре«вожился опасеніемъ, чтобъ успѣхъ Французовъ при Шевардинѣ «не привелъ Русскихъ въ уныніе, и чтобы въ ночь они опять не «отступили.»

Въ такомъ положеніи Французская армія подошла къ Бородину.

Генералъ Пеле, описывая Бородинскую битву [19] (р. 509), восклицаетъ: «Какая же другая, когда-либо бывшая, битва была «поучительнѣе Бородинской? Наполеонъ, давшій и выигравшій «болѣе битвъ, нежели кто другой изъ всѣхъ полководцевъ Исто-«ріи, не преставалъ говорить, что Бородинская битва была самая пре-«красная, самая ужасная, что Французы оказались достойными «побѣды, а Русскіе заслужили быть непобѣдимыми!» На островѣ «Св. Елены онъ говорилъ еще, что «изъ пятидесяти данныхъ имъ «сраженій, въ Бородинскомъ было выказано наиболѣе доблестей «и пріобрѣтено наименѣе результата.»

«Я думаю,» присовокупляетъ Генералъ Пеле, «что Бородин» «ское сраженіе не лучше извѣстно, какъ и вся кампанія, въ про-«долженіе которой оно было дѣйствіемъ наиболѣе замѣчательнымъ.» Въ примѣчаніи Французскаго Полковника Шапюи (Bibl. hist. et mil. (t. VII, 1853) на историковъ кампаніи въ Россіи, сказано: «Если «судить по числу печатныхъ описаній кампаніи 1812 года, слѣдо-«вало бы полагать, что намъ ничего болѣе не остается узнать «объ этой достопамятной эпохѣ, и что событія, нынѣ хорошо по-«нятыя историками, объясняютъ читателю причины этого великаго «несчастія, которое омрачаетъ наши военныя лѣтописи. Этого, од-«нако же, вовсе нѣтъ, и мы, въ послѣднихъ повѣствованіяхъ, встрѣ-«чаемъ вновь старыя погрѣшности, которыхъ болѣе справедливая

---

[19] Генералъ Пеле, въ чинѣ Полковника, былъ тогда помощникомъ начальника штаба всей пѣхоты арміи, при Генералѣ Лобау. Пеле разставлялъ войска по диспозиціи. и въ день битвы водилъ ихъ на приступы; велъ подробный журналъ, который пропалъ подъ Краснымъ: онъ возстановилъ его въ 1813 году. Описанная имъ битва особенно замѣчательна критическимъ взглядомъ на дѣйствія обѣихъ сторонъ, помѣщена въ Bibl. hist. et. milit. t. VIII, 1854 г., прежде въ 1829 году, въ Spect. milit., но не изъята отъ фразъ, часто противорѣчащихъ сказанному имъ же самимъ. Отбросивъ этѣ свычныя Французамъ прикрасы, текстъ дѣлается яснымъ.

«оцѣнка должна была давно изгнать, и т. д.[20] Авторъ заключаетъ: «А по тому кампанія эта остается еще не описанною.» Изъ этой статьи видно, что Полковникъ Шапюи занимается описаніемъ этой достопамятной войны. Труды его по сему предмету достаточно уже извѣстнх по многимъ изданнымъ имъ описаніямъ отдѣльныхъ эпизодовъ и могутъ служить ручательствомъ за достоинство цѣлаго. Графъ Дюма, въ своихъ Запискахъ (t. II, p. 420), также говоритъ, что нѣтъ еще Исторіи событія 1812 года, не смотря на множество матеріяловъ. Дѣйствительно, война эта, и въ особенности Бородинская битва, требуютъ правильнаго критическаго изложенія; это необходимо для чести тогдашняго нашего оружія. Когда очистимъ иноземныя описанія отъ фраз,ъ истина обнажится собственными же ихъ свѣдѣтельствами.

Я не принимаю на себя описывать эту исполинскую битву; для сего нужно другое перо, нужны другія способности. Цѣль моя состоитъ единственно въ томъ, чтобы извлеченіями изъ иноземныхъ источниковъ показать: I, съ какими предзнаменованіями непріятели вступили въ битву, и состояніе духа главнаго ихъ предводителя; II, нѣкоторые ея эпизоды, только необходимые для III-го главнаго отдѣла «Исходъ сраженія,» по точному разсказу, составленному самими участниками въ ней, Французами,[21] чтобы на этѣхъ данныхъ положительно опредѣлить: кому принадлежитъ и въ какой степени честь этого достопамятнаго дня?

---

[20] Къ несчастью, и по сей часъ, это не только что не изгоняется, но вводятся новые, никому неизвѣстные, эпизоды, ничѣмъ не подкрѣпляемые.

[21] Выписки этѣ будутъ очищены отъ фразъ, которыми Французы умѣютъ такъ искусно затмѣвать истинный предметъ, ими описываемый, какъ скоро только онъ не согласуется съ ихъ славолюбіемъ.

ЗНАЧЕНІЕ СЛОВА ПОБѢДА.

Наполеонъ и Кутузовъ, оба провозгласили побѣду, одержанную ими при Бородинѣ, а по тому не излишнимъ нахожу, прежде изображенія этой кровопролитной битвы, сказать нѣсколько словъ о значеніи слова «побѣда», во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ общемъ военномъ смыслѣ слово «побѣда» есть разбитіе непріятеля, верхъ, одержанный надъ нимъ съ большими или меньшими послѣдствіями, а именно:

1-е. Если одна изъ дѣйствующихъ сторонъ атакуетъ другую, стоящую на позиціи и заставитъ ее, съ боя, очистить занимаемое ею пространство—первая одержала побѣду, или выиграла сраженіе, а вторая, сбитая съ позиціи, укрѣпленной или неукрѣпленной, побѣждена — проиграла сраженіе.

Когда же атакующая сторона натискомъ своимъ не только заставитъ противную сторону оставить, съ боя, свою позицію, но и разстроитъ оную до того, что въ рядахъ распространится безпорядокъ, овладѣетъ значительною частью ея артиллеріи, возьметъ знамена, плѣнныхъ и т. п. и будетъ преслѣдовать, не давая возможности скоро возстановить порядокъ, какъ, на примѣръ, это было подъ Аустерлицемъ (которымъ насъ угостила Австрія), подъ Іеною, Ваграмомъ, Ватерлоо и другими, тогда одержана совершенная побѣда, а противникъ, какъ говорится, разбитъ на голову.

2-е. Если сторона, предпринявшая общее нападенье на другую, стоящую на позиціи, будетъ отбита на всѣхъ пунктахъ съ большимъ или меньшимъ урономъ, съ большимъ или меньшимъ разстрой-

---

[1] Я разумѣю побѣду только въ тѣсномъ военномъ значеніи.

ствомъ, съ потерею трофеевъ, и возвратится на прежнюю позицію, съ которой предприняла нападенье, то сторона, отбившая оное, одержала побѣду. Если же сторона, отбившая нападенье, въ свою очередь, тотчасъ же начнетъ наступательное движенье и не дастъ противной остановиться на прежнемъ ея мѣстѣ, а принудитъ отступать еще далѣе, овладѣетъ всѣмъ лагеремъ, или частью его, и будетъ преслѣдовать непріятеля, тогда побѣда одержана совершенная.

3-е. Если же атакующая сторона, усиліями своихъ нападеній, принудитъ противную оставить только часть своей позиціи, безъ потери общей связи съ другими частями, то дѣйствіе это есть отнюдь не побѣда, а только мѣстный успѣхъ атакующаго. Но тѣ части войскъ общей позиціи, которыя отразили нападенье, сохранивъ связь съ частью, подавшеюся назадъ, и оставались на мѣстѣ, хотя бы только нѣсколько часовъ послѣ окончанья битвы, конечно, одержали побѣду, ибо разрушили намѣренье противника, не успѣвшаго въ своемъ предпріятіи и одолѣвшаго только натисками своими тотъ или другой флангъ, заставивъ его загнуться назадъ, не разорвавъ связи въ общей линіи такъ, какъ это было подъ Бородинымъ.

Мѣстные успѣхи на протяженіи линій двухъ сражающихся армій не могутъ быть называемы побѣдами въ томъ значеніи, какое слово это имѣетъ въ общемъ смыслѣ: это тоже самое, если бы кто предпринялъ путь пѣшкомъ до Варшавы, а дошелъ только до Динабурга, далѣе же, по причинѣ истощенья силъ, итти не могъ: въ этомъ случаѣ предпріятіе его остается не достигнувшимъ опредѣленной цѣли. Такъ и Наполеонъ предпринялъ подъ Бородинымъ разбить Русскую армію, но, по недостатку силъ, или чего инаго, не могъ сдѣлать болѣе, какъ оттѣснить на нѣсколько сотъ саженъ лѣвый флангъ Русскихъ, не успѣвъ даже прервать его связь съ остальною частью арміи, отразившей его натиски, и не только оставшейся твердо на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, но еще угрожавшей ему, напавъ на него, въ свою очередь, оконечностью своего перваго фланга и также понудившею его отступить въ несравненно большемъ безпорядкѣ, какъ это въ своемъ мѣстѣ будетъ видно. Въ такихъ случаяхъ слово побѣда принадлежитъ болѣе Русскимъ, и уже ни въ какомъ случаѣ Французамъ,

по тому что предпринятое ими не увѣнчалось успѣхомъ, а напротивъ Русская армія оставалась послѣ битвы около двѣнадцати часовъ на мѣстѣ, кромѣ лѣваго фланга, подавшагося назадъ, оставаясь еще въ грозномъ положеніи, по свидѣтельству самихъ Французовъ: они не рѣшались продолжать нападенье, и первые прекратили огонь, когда солнце далеко еще не достигло горизонта. Арьергардъ же нашъ занималъ позицію при Горкахъ до десяти часовъ утра, слѣдовательно, шестнадцать часовъ послѣ окончанья сраженія; онъ атаковалъ даже Французскіе аванпосты, произвелъ не разъ тревогу, распространявшуюся до ставки Наполеона, расположенной среди батальоннаго каре старой гвардіи.

Французы очень часто употребляютъ во зло слово побѣда (victoire), [1] прилагая оное къ частнымъ дѣйствіямъ малыхъ размѣровъ, происходящимъ на общей боевой линіи, въ которыхъ пріобрѣтается какой-либо временной успѣхъ надъ противоположной частью; очень не многіе изъ нихъ придаютъ такому дѣйствію правильное названье успѣхъ (succès), что можно видѣть изъ всѣхъ ихъ описаній военныхъ дѣйствій; нѣкоторые же изъ ихъ писателей называютъ просто «succès», что въ дѣйствительности и было, мѣстнымъ успѣхомъ ихъ натискъ на нашъ лѣвый флангъ подъ Бородинымъ, какъ и нашъ на ихъ лѣвый же флангъ.

4-е. Арміи, заставившей маневрами своими на тылъ, на обходъ фланговъ стоящаго предъ нею непріятеля, отступить безъ боя, слово побѣда также принадлежать не можетъ: нельзя назвать побѣдой событія, совершившіяся подъ Ульмомъ въ 1805 году.

Равномѣрно, слово побѣда не можетъ относиться къ арміи, идущей за другою, имѣющею опредѣленный планъ отступать до

---

[1] По ихъ словамъ, они насъ били отъ Нѣмана до Москвы, и отъ Москвы до Парижа! Н. И. Гречъ (Сѣв. Пч. 1857, № 224), въ превосходной статьѣ уличилъ Тьера въ нагломъ безстыдствѣ на счетъ Вартенбургскаго сраженья, совершенно проиграннаго и выставляемаго знаменитымъ историкомъ блестящею побѣдой, одержанной Французами! Жаль, что никто не слѣдуетъ примѣру Николая Ивановича: обличить подобное хвастовство также дѣльно, какъ это сдѣлано относительно Вартенбургскаго дѣла, тогда уяснилось бы многое.

даннаго пункта, для достиженія коего, упорно защищая частями своими только тѣ мѣста, которыя находитъ нужнымъ для нѣкотораго задержанія наступающаго непріятеля, какъ это было въ окрестностяхъ Витебска, въ Смоленкѣ, на Валутиной горѣ, въ Можайскѣ, у Крымскаго Брода и проч. Здѣсь слово побѣда, въ общемъ смыслѣ слова, естественно опредѣляется общимъ исходомъ предпріятія.

Посмотримъ теперь, что говорятъ сами Французы и другіе иноземные повѣствователи объ исходѣ Бородинской битвы. Сказанія этѣ, по строгомъ критическомъ анализѣ, опредѣлятъ ясно: кто, Русскіе, или Французы, могутъ правильнѣе прилагать слово побѣда къ этой Гигантской битвѣ? Съ этой точки слѣдуетъ разсматривать исходъ Бородинскаго сраженія; тогда, по исключеніи фразъ иноземныхъ повѣствованій, дѣло представится этѣми же самыми повѣствованьями въ истинномъ своемъ видѣ. Правда, рано или поздно, всегда всплываетъ на верхъ; ни какое краснорѣчіе не можетъ удержать ее на днѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НА КАНУНѢ БИТВЫ.

ГЛАВА I.

ЗНАЧЕНІЕ БИТВЫ.

Минуты, предшествовавшія Бородинскому сраженію, замѣчательны проявленіями, не встрѣчавшимися ни предъ одною изъ многочисленныхъ, данныхъ Наполеономъ, битвъ, исходомъ которыхъ рѣшалась судьба Государствъ. Изъ повѣствованій очевидцевъ видно, что Наполеонъ приступалъ къ Бородинскому сраженію не съ тою самоувѣренностью, которая была ему обычна; онъ довольствовался предварительно сдѣланными общими распоряженіями и оставался въ продолженіе всего разгара битвы на одномъ мѣстѣ, съ котораго не могъ даже слѣдить за ходомъ ея. Изъ нѣкоторыхъ подробностей, приводимыхъ свѣдѣтелями, усматриваемъ, [1] что Наполеонъ не былъ въ своемъ нормальномъ положеніи, и это могло быть очень естественнымъ; неожиданная имъ и его арміею твердость Русскихъ и обстоятельства, сопутствовавшія ему до Бородина, не могли не имѣть вліянія на Наполеона, и приготовляющаяся битва во всѣхъ отношеніяхъ выходила изъ предѣловъ битвъ обыкновенныхъ.

---

[1] Самыя подробности этѣ, независимо собственно отъ ихъ сущности, тѣмъ еще болѣе замѣчательны, что ни предъ одною изъ прежнихъ битвъ авторы не занимались оными съ такою отчетливостью, какъ говорятъ о нихъ предъ Бородинскою.

Вотъ какъ иноземные историки понимали ее:

Князь Невшательскій (Бертье), наканунѣ Бородинской битвы, пишетъ Герцогу Бассанскому (Марету), въ Вильну, письмо, сіяющее радостью и надеждою, въ которомъ, между прочимъ, сказано: (Прадтъ, p. 187): «Завтрашній день будетъ принадле-«жать къ одной изъ величайшихъ эпохъ исторіи? Прадтъ присовокупляетъ: «Добрый человѣкъ (bon homme), ставящій въ зави-«симость отъ одной битвы судьбу пространной Имперіи!!!»

Маркизъ Шамбре, описывая приготовленія къ битвѣ (t. II, p. 53), говоритъ: [2] «Въ приготовлявшемся событіи все было не-«обыкновеннымъ: избранные воины юга Европы, предводитель-«ствуемые Наполеономъ, въ первый разъ проникаютъ въ Сѣвер-«ныя страны, сопредѣльныя съ Азіею. Здѣсь, народъ, бывшій «долгое время данникомъ Татаръ и недавно еще почти неизвѣст-«ный народамъ просвѣщеннымъ, осмѣливался одинъ вступить въ «борьбу съ этимъ завоевателемъ, не только за независимость «свою, но и для того, чтобъ пріобрѣсти верховное вліяніе въ «Европѣ. Арміи стали одна противъ другой и были готовы схва-«титься на мѣстахъ, которыя, кромѣ воиновъ Славянскихъ, Сар-«матскихъ, или Татарскихъ, другихъ не видали; битва эта бу-«детъ значительнѣйшею изъ всѣхъ, данныхъ въ новѣйшія време-«на, сколько по числительности и избранію воиновъ, столько по «слѣдствіямъ, которыя она могла имѣть. Она должна была рѣ-«шить будущность Европы и отразиться на большей части свѣта. «Хорошо извѣстный характеръ Наполеона, и то, что онъ далъ «провидѣть о будущихъ своихъ предположеніяхъ, еще болѣе уси-«ливали значеніе этой битвы.»

Лессингъ, офицеръ Саксонскихъ драгунъ, участникъ въ битвѣ, въ сильныхъ выраженіяхъ (t. I, p. 420) представляетъ значеніе Бородинской битвы, къ которой приготовлялись.

---

[2] При концѣ книги приложенъ алфавитный списокъ всѣмъ сочиненіямъ, вошедшимъ въ оную, а по тому здѣсь я только вношу имя автора, томъ и страницу; заглавіе же книгъ стѣснило бы текстъ частымъ вводомъ оныхъ.

Генералъ Пеле (р. 110) говоритъ: «Двѣ арміи, первыя въ «свѣтѣ, приготовились оспаривать скипетръ Европы. Съ одной «стороны: двадцатилѣтнія побѣды, искуство, свычка съ войною, «превосходное устройство, блистательная и просвѣщенная храб«рость, довѣріе, основанное на безпрерывныхъ побѣдахъ, отвага, «которую прекратить могла одна лишь смерть; съ другой — воз«становленіе прежней славы (?!), изгладить многочисленныя не«счастія,[3] слѣпая преданность, упорная неустрашимость, безу«словное повиновеніе, обработанное желѣзною дисциплиной; сло«вомъ, рѣшимость скорѣе умереть, чѣмъ уступить.» Далѣе (р. 113) «... битва, которая могла рѣшить участь потомства Наполеона и «его трона...» Въ какую другую эпоху видѣли на вѣсахъ битвы «столь великіе интересы!»[4]

Лабомъ (р. 143) говоритъ: «Мы находились въ положеніи, «въ которомъ неотмѣнно должно было побѣдить, или погибнуть, «и эта мысль, въ которой мы всѣ были убѣждены, придавала «всѣмъ намъ храбрость.»

Выраженье это равносильно тому, что одно отчаянье въ своемъ положеніи заставляло ихъ подвизаться.

Авторъ присовокупляетъ: «Эта битва должна была рѣшить «судьбу обѣихъ Имперій.» И дѣйствительно, она рѣшила судьбу Французской Имперіи, но Русской — одна побѣда, какъ бы она ни была совершенна, рѣшить, при тогдашнемъ состояніи умовъ, она не могла. Авторъ продолжаетъ: «Всѣ остались убѣжденными «(р. 145), что грозная необходимость приказывала намъ побѣ«дить, или умереть.» Вотъ это другое дѣло.

Генералъ Сарразенъ (р. 122) пишетъ: «Наполеону необхо«димо было удержать за собою превосходство, пріобрѣтенное въ «предшествовавшихъ кампаніяхъ. Онъ отдалъ строжайшія пове-

---

[3] Повсюду фразы! Возстановленіе какой утраченной славы?! Какія многочисленныя несчастія изгладить??

[4] Эта послѣдняя фраза помѣщена для эффекта; ибо исторія указываетъ на многія битвы, рѣшавшія участь Государствъ.

«лѣнія, чтобы вооруженье было въ исправности, чтобы снаряды «были въ полномъ комплектѣ и чтобъ роздано было арміи все «продовольствіе, какое только было можно собрать.»

Комбъ (p. 79), сказавъ: «Предшествовавшая Бородинскому «сраженію ночь была очень безпокойна,» присовокупляетъ: «не у «одного духъ былъ озабоченъ, многіе глаза не смыкались; много «сдѣлано было размышленій о значеніи предвозвѣщающейся на «другой день драмы, которой исполненіе будетъ такъ отдалено «отъ нашего отечества, представляло намъ на выборъ побѣдить, «или умереть.»

Графъ Солтыкъ, сопровождавшій Наполеона, 6-го Сентября (25-го Августа), при обозрѣніи нашей позиціи (p. 211—213), говоритъ объ особенной внимательности, съ какою Наполеонъ дѣлалъ оное. Изъ всего этого Солтыкъ извлекъ, что битва, которая должна произойти на другой день, ограничится пространствомъ отъ Бородина до лѣса (при Утицѣ), а по тому только на три четверти льё (трехъ верстахъ). «Тутъ-то, присовокупляетъ «онъ, должны были встрѣтиться двѣ многочисленныя арміи, и «можно было судить, какое опустошенье артиллерія ихъ должна «будетъ произвесть въ массахъ, такъ плотно сдвинувшихся. Ни«когда столь великое событіе не происходило на пространствѣ бо«лѣе тѣсномъ.»

Тьеръ (t. XIV, p. 302), говоря объ обозрѣніи, сдѣланномъ Наполеономъ Бородинской позиціи, присовокупляетъ, что «этой «равнинѣ предназначалось сдѣлаться столь же знаменитою, какъ «Зама, Фарсала и Акціумъ. Наполеонъ (p. 303) остановился, что«бы разсмотрѣть мѣсто, на которомъ должна будетъ рѣшиться «судьба міра.»

Въ «Мемуарахъ къ Исторіи Франціи» (t. I, p. 180), послѣ описанія приготовленія къ битвѣ, сказано: «Солнце взошло и, «освобождаясь отъ густаго тумана, покрывавшаго горизонтъ, «вышло блестящимъ на поле битвы, на которомъ, можетъ быть, «рѣшится судьба обѣихъ армій.» Это правильнѣе; фраза не столь громкая.

Баронъ Жомини (p. 222), описывая приготовленія къ Бородинской битвѣ, присовокупляетъ: «Великая сцена, которая, мо-«жетъ быть, рѣшитъ судьбу Европы.»

Въ народномъ Французскомъ сочиненіи: «Трофеи» (t. V, p. 121) сказано, что, послѣ прокламаціи, читанной предъ битвой, [5] «всѣ остались убѣжденными, что неотложная необходи-«мость ставила намъ въ законъ побѣдить, или умереть: таковъ «былъ духъ арміи.»

Солтыкъ (p. 208) говоритъ: «Наполеонъ, хотя и увѣренный «въ храбрости солдатъ, хотѣлъ воодушевить ихъ еще приказомъ: «онъ указывалъ имъ на побѣду, которую они одержатъ, на стра-«данія и лишенія всякаго рода, которыя они испытывали по сей «моментъ, и этѣмъ возбудить ихъ къ употребленью самыхъ боль-«шихъ усилій, чтобы завоевать отдохновенье, сдѣлавшееся имъ «необходимымъ.»

Относительно этой прокламаціи Шамбре (t. II, p. 60) присовокупляетъ, что «умы не были расположены къ энтузіазму; «эта прокламація, говоритъ онъ, была принята холодно. Напо-«леонъ обѣщаетъ войскамъ то, чего они болѣе всего желали, «окончанья войны и скораго возвращенья къ родному очагу, но «исполненіе перваго обѣщанья зависѣло отъ событій: относитель-«но же втораго сомнѣвались, чтобы онъ желалъ оное исполнить.»

Сарразенъ (p. 209) говоритъ: «Когда прочитанъ былъ этотъ «приказъ предъ битвой, армія отвѣчала, по обыкновенью, повто-«рительными восклицаніями. Но ропотъ былъ общій и преимуще-«ственно со стороны офицеровъ, которые, оцѣнивая положеніе

---

[5] Извѣстная прокламація эта или приказъ была слѣдующаго содержанія: «Воины! вотъ сраженіе, котораго вы столь желали. Побѣда зависитъ отъ «васъ. Она для насъ необходима; она доставитъ намъ все нужное: удоб-«ныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ «вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. «Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подви-«гахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «Онъ былъ въ великой «битвѣ подъ Москвою!»

«арміи, при нападеніи на Русскіе ретраншаменты, заранѣе почитали себя жертвою, приносимою для удовлетворенія честолюбію одного.»

Относительно выраженія Аустерлицкаго солнца, Тьеръ (p. 320) присовокупляетъ: «Увы, оно взошло, но, сокрытое тучами!»

Такъ Французы понимали значеніе битвы, въ которую приготовлялись вступить.

ГЛАВА II.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ БИТВѢ.

Генералъ Сарразенъ (р. 126) говоритъ: «Наполеонъ цѣлый «день, 6-го Сентября (25 Августа), со вниманьемъ обозрѣвалъ по«зиціи Русскихъ, и съ горестью слышалъ радостные возгласы пре«данности, которая ихъ одушевляла.»

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, р. 309), пишетъ, что «въ Рус«скомъ лагерѣ возбуждали отстаивать родину,» и пр.

Генералъ Бертезенъ (t. II, р 47) говоритъ: «Кутузовъ, «окончивъ свои военныя приготовленія, прибѣгъ къ фанатизму, «чтобъ возбудить храбрость въ своихъ войскахъ,» и издѣвается «надъ религіознымъ чувствомъ нашего народа.

Сентъ-Илеръ, въ «Hist. de la camp. de 1812» (t. I, р. 642), говоря о приготовленіяхъ къ Бородинской битвѣ, присово«купляетъ: «Русскіе, полные воинственнаго жара, ожидали дня «битвы, имѣя одно только желанье — умереть за отечество.»

Тьеръ (t. XIV, р. 313), сказавъ, что Русская армія, съ своей стороны, приготовлялась къ упорной оборонѣ и рѣшилась не уступать мѣста до совершеннаго почти ея истребленія, и разбирая, по своему, ошибки Кутузова, присовокупляетъ (р. 316): «Впрочемъ, «энергія его арміи должна была пополнить все то, чего онъ не «сдѣлалъ.» Продолжая ораторствовать, онъ описываетъ (р. 317) нравственное состоянье обѣихъ армій 6-го Сентября, т. е., на канунѣ битвы; вовсе чуждый истиннаго патріотизма, религіозныхъ вѣрованій и ихъ впечатлѣній, онъ превзошелъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ.

Дѣйствительно, многіе историки издѣвались надъ Русскими за совершенный ими обрядъ на канунѣ битвы. Пусть это такъ; пусть этимъ возбуждали ихъ къ храбрости. Но съ какою цѣлью? Отстаивать родину, защищать Отечество отъ вторгнувшагося врага, для избавленія себя отъ иноземнаго ига и т. п., и съ твердою рѣшительностью приготовляясь къ смерти, лечь костьми, совершили обрядъ Христіянства, который необходимъ для каждаго Христіянина. Какая же противоположность представлялась въ средствахъ возбужденія въ лагерѣ Французовъ? Этимъ говорили, что въ положеніи, въ которомъ они находятся, имъ ничего болѣе не остается, какъ только побѣдить, или умереть; что, лишеннымъ одежды и обуви, угрожаетъ голодная смерть и т. д. Что-же изъ всего этого истекаетъ? Что Русскіе сражались за святое дѣло, а противники ихъ—изъ за куска хлѣба, безъ котораго должны были погибнуть, если бы не употребили послѣднихъ своихъ усилій. Русскіе на Бородинскихъ поляхъ не почитали уже себя жильцами здѣшняго міра, [6] чему всѣ Французы безъ изъятія удивлялись, видя, какъ они, громимые полутысячью орудій, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, смыкаясь въ ряды, оставались неподвижными, внимая гласу начальниковъ.

Г.-Л. Фезензакъ (p. 43), находившійся при Наполеонѣ и объѣзжавшій съ нимъ для обозрѣнія расположенія нашей позиціи, на канунѣ битвы, сказавъ, что «зрѣлище обѣихъ армій, при-«готовляющихся къ избіенію (s'égorger) одна другой, представляло «что-то грустное и величественное,» присовокупляетъ (p. 44): «каж-«дый изъ вождей возбуждалъ своимъ языкомъ, соотвѣтствовав-«шимъ ихъ нравамъ, ихъ понятіямъ, ихъ привычкамъ.» Описывая нашу процессію, онъ не издѣвается, подобно другимъ; здѣсь у него нѣтъ ни одной фразы.

Капфигъ (t. IX, p. 260) говоритъ: «Духъ невѣрія и насмѣ-«шливости надъ всѣми религіозными чувствами преобладалъ у Фран-«цузовъ. Армія Наполеона, дщерь революціи и Имперіи, она не «понимала этой энергической рѣшительности народа, идущаго подъ

[6] Нѣкоторыя замѣчанія на Исторію Отечественной войны 1812 года, соч. Г. — М. Богдановича. Спб. 1862 года.

«знаменами своихъ народныхъ угодниковъ; чувственный и насмѣшливый умъ XVIII столѣтія господствовалъ въ лагерѣ, въ которомъ «блисталъ орелъ. Можно было бы даже сказать, что патріотизмъ, «въ безусловномъ смыслѣ слова, чрезвычайно уменьшился въ вой«нахъ, предпринимавшихся за нѣсколько сотъ миль отъ границъ. «Эти воинственные люди, алчные славы и счастья, дѣлали кампа«ніи по ремеслу, и если между ними и было поклоненіе, то это «было поклоненіе своему Императору; религія поклоненія Цесарю «заступила мѣсто прежней религіи. Часто между Генералами и «Офицерами проявлялся ропотъ, часто жалобы восходили до На«полеона; но едва онъ являлся войску, тысячи восклицаній поды«мались въ рядахъ: Императоръ имѣлъ свои алтари въ сердцахъ «солдатъ, — фанатизмъ, столь же могущественный, какъ и мысли, «обращающіяся къ Богу.»

Шатобріанъ не раздѣляетъ мнѣнія своего соотечественника: онъ отдаетъ послѣднему неоспоримое превосходство. Въ самомъ началѣ войны, предпринимаемой въ 1812 году, онъ, между прочимъ, сказалъ, въ собраніи Академіи: «Посмотримъ, что сдѣлаютъ «наши вольнодумцы противъ Казаковъ (такъ тогда называли иног«да всѣхъ Русскихъ), твердыхъ вѣрою въ Бога» и т. д. Слова этѣ «возбудили негодованье: современные журналы разразились, но «предсказаніе сбылось въ полной силѣ.[1]

Генералъ Маркизъ Шамбре, въ «Philosophie de la guerre» (3 édit., p. 83) говоритъ скромнѣе: «Прокламаціи Наполеона и Ку«тузова предъ Бородинскою битвой доказываютъ, что оба вождя

---

[1] Замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ предсказаній объ исходѣ этой войны есть безспорно то, которое произнесъ знаменитый Делиль въ своей поэмѣ «De la Pitié», далеко прежде и самаго помысла объ этой войнѣ; когда Императоръ Александръ былъ еще Наслѣдникомъ Престола. Обращаясь къ нему, Делиль, между прочимъ, говоритъ:

«Jeune et digne heritier de l'Empire des Czars!
Sur toi le monde entier à fixé ses regards и пр.
. . . .
Souviens toi de ton nom; Alexandre autrefois
Fit monter un viellard sur le trone des Rois;
Sur le front de Louis tu mettras la couronne,» и т. д.

«для возбужденія храбрости въ своихъ войскахъ, полагались на «средства совершенно различныя: Кутузовъ извлекъ главныя осно-«ванія изъ религіи, Наполеонъ довольствовался напоминаніемъ сла-«вы, пріобрѣтенной ими въ стольких битвахъ съ разными на-«родами.»

Бородинская битва, по общему признанію, стеченіемъ об-стоятельствъ, выходила изъ среды обыкновенныхъ; слѣдовательно, и усилія съ обѣихъ сторонъ должны были быть необыкновен-ными отъ причинъ, какъ замѣчено выше, совершенно противо-положныхъ: одни должны были отстаивать родину, другіе, томи-мые уже голодомъ и угрожаемые голодною смертью, должны бы-ли въ побѣдѣ искать куска хлѣба, но не нашли его, не смотря на всю блистательную храбрость войскъ, мужество и искуство своихъ полководцевъ.

Относительно же Русскаго солдата, храбрость его не тре-буетъ возбужденія: это извѣстно Французамъ. Предъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау не почитали нужнымъ воззваній къ ихъ храб-рости, и Французы знаютъ, какихъ противниковъ они имѣли въ этѣхъ и во всѣхъ другихъ битвахъ. Наполеонъ, на Островѣ Св. Елены, не разъ отдавалъ даже преимущество тогдашнимъ солда-тамъ предъ солдатами 1812 года. Возбудительные приказы или, какъ Французы называютъ, прокламаціи, отдаваемые предъ бит-вами, у насъ такъ же рѣдки, какъ они часты у Французовъ. Предъ Бородинскою же битвой нужно было показать все ея зна-ченіе. Въ другомъ мѣстѣ этой книги я буду имѣть случай сказать нѣсколько словъ о Русскомъ солдатѣ, на основаніи отзывовъ са-михъ непріятелей, и особенно въ этой битвѣ.

ГЛАВА III.

ЧИСЛИТЕЛЬНОСТЬ АРМІЙ.

Въ опредѣленіи разными историками числительности войскъ, бывшихъ въ Бородинской битвѣ, въ каждой изъ армій встрѣчается разность, иногда довольно значительная, точно также, какъ видно будетъ и при исчисленіи потерь, понесенныхъ въ этомъ сраженіи. Оба эти обстоятельства ожидаютъ еще критической обработки, съ указаньемъ неоспоримыхъ данныхъ, чтобы, разъ на всегда, принять, если и не совершенно точныя цифры, то, по крайней мѣрѣ, найболѣе приближающіяся къ дѣйствительнымъ. Здѣсь я приведу только показанія разныхъ авторовъ.

Далѣе видно будетъ, что Наполеонъ, за нѣсколько часовъ до Бородинской битвы, сказалъ Генералу Раппу (Сегюръ. t. I, p. 378): «У меня восемьдесятъ тысячъ человѣкъ: мы потеряемъ «двадцать тысячъ, а съ остальными шестидесятью войдемъ въ Москву, а по присоединеніи тамъ маршевыхъ баталіоновъ, будемъ «сильнѣе, чѣмъ предъ битвой,» и т. д.

Цифра, здѣсь означенная, не понятна и далеко не приближается къ той, которою опредѣляется разными писателями числительность арміи Наполеона подъ Бородинымъ, не смотря на разногласія повѣствователей между собой, изъ коихъ ни одинъ не уменьшаетъ ея до вышеприведенной.

Въ Запискахъ на Островѣ Св. Елены (t. VIII, p. 156) находимъ, между прочимъ: «Въ Бородинѣ всѣ Русскія войска были со-

«единены числомъ сто семьдесятъ тысячъ человѣкъ, включая сюда «и войска Московскія.[8] Русскія войска очень храбры.»

Графъ Монтолонъ (t. II, p. 94) передаетъ слова Наполеона: «Русскіе очень храбрые солдаты; они имѣли подъ Бородинымъ сто семьдесятъ тысячъ человѣкъ, включая и Московское «войско. Кутузовъ занялъ очень крѣпкую позицію, и занялъ ее съ «вниманіемъ дѣла.»

Пеле (p. 120) оправдываетъ Наполеона въ даваемой имъ числительности Русской арміи въ сто семьдесятъ тысячъ, приводя разсчетъ по своему усмотрѣнью.[9] Но чрезъ двѣ страницы (p. 123) говоритъ, что во Французской арміи было десятью тысячами менѣе, чѣмъ у Русскихъ; слѣдовательно, должно бы полагать сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ; но нѣтъ: сказавъ, что Французская армія была десятью тысячами малочисленнѣе Русской (которую онъ считаетъ по Бутурлину), дѣлаетъ разсчетъ: восемдьесятъ четыре тысячи пѣхоты, двадцать семь тысячъ конницы, пятнадцать тысячъ артиллеристовъ и инженеровъ, при пяти стахъ шестидесяти трехъ пушкахъ, и на этой же страницѣ опять повторяетъ: «такъ, что въ день битвы можно было считать дѣйствую«щихъ въ полѣ сто двадцать шесть тысячъ человѣкъ.» Которой же цифрѣ вѣрить?

Но узникъ Острова Св. Елены, кажется, искалъ разсѣянія въ свой несчастной долѣ. Онъ говоритъ своему Доктору О.Мearѣ

---

[8] Что это такое? Конечно, онъ здѣсь разумѣетъ ополченіе; но какія же это тогда были войска?

[9] Онъ говоритъ: «Бутурлинъ приводитъ цифры частямъ, которыя восходятъ до ста тридцати трехъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ, а съ конницею Палена, которая пропущена, до ста тридцати шести. Разница въ числѣ, даваемомъ Бутурлинымъ, могла произойти отъ ополченія, котораго онъ считаетъ только десять тысячъ, тогда какъ прокламаціи Графа Растопчина жителямъ Москвы показываютъ подкрѣпленіе, приведенное Милорадовичемъ изъ Калуги: тридцать шесть тысячъ пѣхоты, три тысячи шестьсотъ конницы, восемьдесятъ четыре пушки, и Маркова двадцать четыре тысячи, что и составляетъ шестьдесятъ три тысячи, вмѣсто двадцати двухъ тысячъ четырехъ сотъ шестидесяти шести человѣкъ, которыхъ называетъ Бутурлинъ.» Замѣчательна ссылка на Московскія афиши Графа Растопчина, и очень серіозно приводимая.

(t. I, p. 192, 8 novemb., 1816), что при Бородинѣ онъ имѣлъ «только девяносто тысячъ человѣкъ, а Русскіе двѣсти пятьдесятъ «тысячъ. Онъ опять то же самое повторяетъ (p. 201).

Буржуа (p. 43) пишетъ: «Обѣ арміи были въ равныхъ силахъ, «каждая имѣла въ строю около ста тридцати тысячъ подъ ружьемъ.»

Дюрданъ (p. 34) не опредѣляетъ цифры, а говоритъ, что «обѣ арміи были почти въ равныхъ силахъ.»

Саррaзенъ (p. 208) даетъ: «Французской арміи сто восемь«десятъ тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, а Русской (p. 125) около «ста тридцати, всѣ были одушевлены найлучшимъ духомъ и пол«ны радости имѣть наконецъ случай доказать Отечеству и Монар«ху свою любовь и преданность.»

Пюнбюскъ (p. 85) опредѣляетъ: «число войскъ Наполеона «въ сто тридцать тысячъ человѣкъ, а Русскихъ отъ ста десяти до «ста двадцати тысячъ.» То же число встрѣчаемъ въ книгѣ: «Саксонцы въ войнѣ 1812 и 1813 годовъ,» съ присовокупленьемъ (S 375): «пушекъ съ обѣихъ сторонъ отъ осьми до девяти сотъ.»

Шрекенштейнъ (S. 2 и 4) даетъ каждой арміи по сту тридцати тысячъ. Въ «Исторіи Наполеона Буонапарте» (t. III, p. 380), одинаково говорится, съ присовокупленьемъ только: «около.»

Лосбергъ (S. 165) и «въ Das Buch vom Jahr 1812» etc. (S. 230) опредѣляется «сто тридцать Французовъ, отъ ста, десяти «до ста двадцати тысячъ Русскихъ;» первый присовокупляетъ, что съ каждой стороны было «отъ пяти до шести сотъ пушекъ.»

Вентурини (t. I, S. 269): «У Французовъ полтораста ты«сячъ, у Русскихъ около ста двадцати тысячъ.»

Въ «Skizze zur einer Gesch. (S. 193): «Французовъ пол«тораста тысячъ, Русскихъ сто тысячъ; съ обѣихъ сторонъ тысяча «пушекъ.

Въ «Kurze Darstellung der Marsche.» etc. etc. (S. 15): «съ обѣихъ сторонъ отъ двухъ сотъ пятидесяти до двухъ сотъ ше«стидесяти тысячъ человѣкъ, и тысяча пушекъ.»

Рёдеръ (S. 135, 126 и 127), приводя разныя цифры силамъ арміи, отъ ста двадцати до полутораста тысячъ и той и другой, и наконецъ, кажется, спутавшись въ своихъ выводахъ, говоритъ, что во всякомъ случаѣ «Русская армія была многочи«сленнѣе Французской отъ десяти до двадцати тысячъ человѣкъ. «Пушекъ у Русскихъ (S. 153) болѣе шести сотъ, а у Французовъ «пятьсотъ восемьдесятъ восемь.»

Либештейнъ (t. II, S. 35) говоритъ, что «у Русскихъ было «сто двадцать тысячъ человѣкъ, а у Французовъ (S. 37) не менѣе «ста сорока тысячъ.»

Бретшнейдеръ (t. I, S. 83): «Французовъ двѣсти тысячъ, «а Русскихъ отъ ста семидесяти до ста осьмидесяти тысячъ, и съ «каждой стороны по тысячѣ орудій.»

Лабомъ (p. 143) пишетъ, что «армій съ одной и другой сто«роны было отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ.»

Миллеръ (t. I, S. 102) говоритъ, что «у Французовъ было «сто шестьдесятъ тысячъ пѣхоты, но, исключивъ гвардію, кото«рая не была въ дѣлѣ, въ бою было сто двадцать тысячъ пѣхоты, «пятьдесятъ тысячъ конницы, всего сто семьдесять тысячъ чело«вѣкъ и около осьми сотъ пушекъ. Русскихъ съ ополченьемъ, пѣ«хоты сто пятьнадцать тысячъ, конницы, съ Казаками и Башкира«ми, сорокъ тысячъ, всего сто пятьдесятъ пять тысячъ.»

Ронья (p. 207) говоритъ, что «Наполеонъ атаковалъ лѣвое «крыло Кутузова съ полутораста тысячами человѣкъ; Русская же «армія имѣла болѣе ста двадцати тысячъ человѣкъ.»

Въ «Oestr. «Zeitschrift,» II Heft, сказано: «Русскихъ было «сто сорокъ тысячъ человѣкъ.»

Шамбре (t. II, p. 61) даетъ «Французамъ около ста двад«цати тысячъ человѣкъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи пуш«кахъ, а Русской арміи девяносто двѣ тысячи регулярныхъ и «десять тысячъ ополченія, при шести стахъ пушекъ, и говоритъ, «что онъ не упоминаетъ объ иррегулярныхъ войскахъ, [10] кото-

---

[10] Но ополченье въ это первое время могло почитаться для битвы несравненно безполезнѣе иррегулярныхъ войскъ, подъ каковымъ словомъ авторъ, ко-

«рыя въ день битвы бываютъ мало полезны, присовокупляя, что «Наполеонова армія состояла преимущественно изъ Французовъ, «и что, независимо отъ превосходства въ числительности, На«полеонъ имѣлъ неоспоримое преимущество въ тяжелой конницѣ, «пѣхота же его была составлена изъ солдатъ, испытанныхъ въ «войнахъ въ перенесеніи трудовъ и лишеній, тогда какъ Русская «армія включала въ себѣ большое число рекрутъ.»

Сегюръ (t. I, p. 370) пишетъ: «арміи были въ равныхъ си«лахъ, каждая около ста двадцати тысячъ человѣкъ, и при оныхъ «до шести сотъ пушекъ.» (То же говоритъ и Эно, p. 203), замѣчая при семъ, что «Русскіе имѣли преимущество въ мѣстности, «были одного языка, [11] одного мундира, одного народа, сражаю«щагося за одну и ту же причину, но имѣли въ рядахъ своихъ «много рекрутъ. Французы же, хотя въ одинаковой числительно«сти, но имѣли болѣе солдатъ. Армія уменьшалась, это правда, «но была здоровая, гибкая, сильная, подобно тѣмъ мужчинамъ, ко«торые, потерявъ непорочность юности, выказываютъ силы болѣе «мужественныя и болѣе выраженныя.»

Капфигъ (t. XII, p. 269) пишетъ, что «у Французовъ было «сто двадцать тысячъ человѣкъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи «пушкахъ, а у Русскихъ только восемьдесятъ пять тысячъ регуляр«ныхъ, десять тысячъ ополченія и около тридцати тысячъ ирре«гулярной конницы, худо организированной, [12] и присовокупляетъ:

нечно, разумѣетъ Казаковъ, потревожившихъ, однако же, порядочно лѣвый флангъ Французовъ при Бородинѣ.

[11] Вальтеръ-Скотъ (t. VII, p. 301) замѣчаетъ, что «Русская армія состояла только изъ одного народа, говорившаго однимъ языкомъ. Она знала, что предстоящую битву положено дать для удовлетворенія ея желанія, такъ гласно ею выраженнаго, и рѣшилась оправдать во время дѣйствія мужество, съ которымъ она требовала оной. Французская армія, напротивъ, была составлена изъ многихъ народовъ, но это были солдаты отборные, почти акклиматизированные и пережившіе всѣ опасности столь дальняго похода. Это были ветераны, побѣдители Европы. Они были подъ начальствомъ Наполеона» и т. д.

[12] Какая это иррегулярная конница въ такомъ числѣ? Казаковъ было только около семи тысячъ, и ихъ организація была превосходная.

«Хотя числительность арміи была почти ровная, но армія Напо-«леона имѣла неоспоримое военное превосходство и познанія болѣе «обширныя, она прошла Европу и привѣтствовала всѣ столицы. «Кутузовъ же на своей сторонѣ имѣлъ любовь къ Отечеству и си-«лу религіознаго и національнаго начала.»

Бисмаркъ (Spect. milit. 1847, t. XXIV, p. 147) пишетъ, что «у Русскихъ было сто тридцать тысячъ человѣкъ, а у Францу-«зовъ сто двадцать тысячъ.» Чрезъ двѣ же страницы: «Француз-«ская гвардія не была въ дѣлѣ и, слѣдовательно, Французовъ было «въ дѣлѣ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.» Значитъ, что онъ счи-таетъ гвардіи сорокъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ ней было нѣсколько болѣе осьмнадцати тысячъ. Въ Нѣмецкомъ же сочине-ніи (S. 543) даетъ «каждой арміи отъ ста двадцати до ста сорока «тысячъ человѣкъ.»

Денье (p. 70) пишетъ, что «у Багратіона и Тучкова было «шестьдесятъ двѣ тысячи человѣкъ, у Барклая семьдесятъ тысячъ, «у Платова, съ присоединеніемъ Московскихъ резервовъ, тридцать «тысячъ человѣкъ.» По этому онъ считаетъ у насъ сто шестьде-сятъ двѣ тысячи человѣкъ. Неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ онъ набралъ такое количество. Французамъ же Баронъ Денье (p. 34) даетъ «едва сто сорокъ тысячъ человѣкъ, вмѣстѣ съ гвардіей.»

Жомини (t. II, p. 221) говоритъ: «Числительная сила была «почти одинакова, около ста двадцати, или ста тридцати, тысячъ «въ каждой арміи, но Французы имѣли пятьнадцать тысячъ вете-«рановъ на такое же число ополченія и Казаковъ.»

Генералъ Фезензакъ (p. 41) даетъ Кутузову «сто тысячъ «пѣхоты и тридцать тысячъ конницы, а Французамъ (p. 42) сто «двадцать тысячъ.»

Кастельверъ (p. 276): «Французовъ сто двадцать тысячъ, «а Русскихъ полтораста тысячъ.»

Въ «Souvenir de Pologne» (p. 231): «При Бородинѣ Рус-«скихъ было сто двадцать пять тысячъ, а Французовъ сто десять «тысячъ человѣкъ.»

Сентъ-Илеръ (въ Hist. de la camp. de 1812, t. II, p. 45) говоритъ, что «Русскихъ было сто двадцать пять тысячъ регуляр-«ныхъ и болѣе тридцати тысячъ Казаковъ,» что составляетъ болѣе «ста пятидесяти пяти тысячъ человѣкъ. «Французовъ же сто двад-«цать пять тысячъ человѣкъ,»

Въ «Mém. pour servir à l'hist. de la guerre de Russie,» etc., написанныхъ офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба (t. I, p. 189), показывается число войскъ, согласно съ Сентъ-Илеромъ, съ нѣкоторою подробностью; такъ, на пр., «у Францу-«зовъ сто тысячъ пѣхоты и двадцать пять тысячъ конницы, у насъ «такое же число и пѣхоты и конницы съ Казаками, къ названію «коихъ присоединено «и Башкировъ.»

Принцъ Евгеній Виртембергскій даетъ «Русскимъ сто «сорокъ шесть тысячъ человѣкъ, при шести стахъ сорока пушкахъ.»

Унгеръ (p. 102), приведя данныя Бутурлина о числитель-ности Русской арміи, столь же безпристрастно, какъ Графъ Сегюръ и Маркизъ Шамбре, говоритъ: «Изъ этѣхъ цифръ, каза-«лось бы, что Русская армія была сильнѣе Французской; но здѣсь «можно сказать, что Французы были числительнѣе въ дѣйстви-«тельныхъ солдатахъ; ибо всѣ тѣ солдаты, которые достигли до «сего мѣста, были, конечно, люди отборные, между тѣмъ какъ въ «рядахъ Русскихъ находилось много такихъ, которые еще не ви-«дали огня. Что же касается до регулярной конницы, то внѣ вся-«каго сомнѣнія, что Французская была гораздо многочисленнѣе Русской.»

Мортонваль (p. 236) опредѣляетъ такъ: «У Русскихъ сто «тридцать три тысячи пять сотъ человѣкъ и около шести сотъ пу-«шекъ, у Французовъ (p. 253) сто тридцать три тысячи восемьсотъ «девятьнадцать человѣкъ, число пушекъ равное съ Русскими.» И также присовокупляетъ: «но въ рядахъ Русскихъ было ополченіе, «вооруженное пиками, и рекруты еще не обученные; часть ихъ кон-«ницы состояла изъ иррегулярныхъ Казаковъ, безполезныхъ «въ день битвы. Войска же Наполеона, напротивъ, всѣ были пре-«восходныя. Оставшіеся подъ знаменами и достигшіе до Бородин-«скаго поля были солдаты отборные (d'élite), сильные, испытан-

«ные, полные пламенности и довѣрія къ своему полководцу-Госу-«дарю, которые видѣли въ побѣдѣ, представляющейся Французско-«му мужеству, конецъ ихъ трудамъ, а за нею—успокоеніе и славу.»

Изъ приведеннаго сравнительнаго достоинства обѣихъ армій, дѣлаемаго самими Французскими писателями, оказывается неоспоримое преимущество на сторонѣ Французской арміи, если бы даже обѣ арміи и дѣйствительно были въ равныхъ силахъ. Далѣе будетъ видно, какое вліяніе оказали на дѣлѣ всѣ эти преимущества, и какъ объ этомъ говорятъ сами же Французы, стараясь всячески затемнить истину, или же потопить ее въ безднѣ фразъ, часто безобразно неловкихъ.

Клаузевицъ (De la guerre, t. I, p. 322) сознаетъ, что Французы были сильнѣе насъ, говоря: «Если бы Наполеону удалось численностью своею разбить Русскую армію, онъ за-«ключилъ бы выгодный миръ.»[13] А далѣе (р. 553) говоритъ, что «Наполеонъ имѣлъ подъ Бородинымъ только сто двадцать тысячъ человѣкъ» (!) . . . Въ другомъ же сочиненіи (D. Feldzug vom 1812 etc. S. 63) говоритъ: «Русскихъ было сто двадцать тысячъ, въ «томъ числѣ десять тысячъ ополченія, а Французы имѣли около «ста тридцати тысячъ человѣкъ.» Въ третьемъ же сочиненіи своемъ (Militairische Briefe eines Verstorbenen, t. I, S. 259, изд. 1854) даетъ арміямъ равныя силы, каждой въ сто двадцать тысячъ человѣкъ, и повторяетъ это на страницѣ 409.

Вольцогенъ (S. 137) опредѣляетъ «число Русскихъ войскъ въ сто тридцать двѣ тысячи человѣкъ,» въ числѣ ихъ десять тысячъ ополченія, при шести стахъ сорока пушкахъ. Французамъ даетъ

---

[13] Здѣсь Г. Клаузевицъ, кажется, мѣрилъ на свой Нѣмецкій аршинъ. Послѣ Іены и Ваграма выгодный миръ для Наполеона могъ быть заключенъ; но совсѣмъ не то было бы, если бы Бородинская битва была нами проиграна. Г. Клаузевицу, служившему тогда въ нашихъ рядахъ, долженъ былъ быть извѣстенъ манифестъ и другія данныя, изъ которыхъ видно было, что «доколѣ одинъ врагъ будетъ оставаться на землѣ Русской, миру не бывать, хотя бы намъ пришлось отступить до Волги и далѣе.» Императоръ Александръ I объявилъ, что онъ «никогда не подпишетъ стыда своего народа» и т. д.

(S. 139) «сто десять тысячъ пѣхоты, тридцать тысячъ конницы и шесть сотъ пушекъ.»

Цельнеръ (S. 60) опредѣляетъ съ каждой стороны «по сто «двадцати тысячъ и по шести сотъ пушекъ.» Замѣчая при семъ, что Русская армія была составлена изъ одного народа, одного языка и стояла за одно дѣло. Французская же армія (S. 61), хотя и въ равныхъ силахъ, но была составлена изъ разныхъ народовъ.

Гофманъ, въ «Tagebuch» 2 го корпуса (S. 102): «у Францу«зовъ было сто три тысячи человѣкъ пѣхоты и тридцать тысячъ «шестьсотъ конницы, при пятистахъ осьмидесяти семи пушкахъ. «У Русскихъ пѣхоты девяносто шесть тысячъ человѣкъ, конницы «осьмнадцать тысячъ триста, пушекъ шестьсотъ сорокъ, сверхъ того «двадцать тысячъ Казаковъ и милиціи, тогда вооруженной еще «пиками,» а по тому авторъ заключаетъ: «Наполеонъ имѣлъ двад«цатью тысячами линѣйной пѣхоты болѣе, чѣмъ у Русскихъ, и «столько же болѣе и конницы.»

Въ другомъ же сочиненьи своемъ (Schlacht v. Borodino), изданномъ около пятнадцати лѣтъ послѣ перваго (S. 31), число Французовъ опредѣляетъ по списку 2-го Сентября, т. е., за четыре дня до Бородина: «пѣхоты сто тридцать тысячъ, конницы «тридцать тысячъ, при пятистахъ осьмидесяти семи пушкахъ. Рус«скимъ же даетъ цифру сто двадцать тысячъ, въ томъ числѣ ось«мнадцать тысячъ конницы, съ семью стами двадцатью и пятью «пушками. Казаковъ восемь тысячъ и пятьнадцать тысячъ опол«ченья, котороетолько фигурировало.»

Шапюи (p. 558), описывая крѣпость нашей позиціи, даетъ «Русской арміи болѣе ста тридцати тысячъ человѣкъ при семи «стахъ пушкахъ, а Французамъ отъ ста двадцати четырехъ до ста «двадцати пяти тысячъ, при пяти стахъ шестидесяти пушкахъ.

Форъ, также очевидецъ битвы, даетъ Французской арміи (p. 304): «отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ; «Русскихъ, если не столько же, то не менѣе, и были въ дѣлѣ всѣ, «а у Французовъ гвардія оставалась въ резервѣ: артиллерія Фран«цузская очевидно была превосходнѣе непріятельской.»

Галуа, «въ Исторіи Наполеона» (II part., p. 440) даетъ «Русскимъ отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ, присовокупляя, что силы Французовъ были равны, но что превосходство ихъ артиллеріи остается несомнительнымъ.

Тьеръ (t. XIV, p. 315) думаетъ, что «силы Русской арміи «подъ Бородинымъ восходили до ста сорока тысячъ человѣкъ, «въ числѣ коихъ сто двадцать тысячъ регулярныхъ, остальные «Казаки и Московское ополченье. Французовъ же опредѣляетъ въ «числѣ (p. 313) на лицо около ста двадцати семи тысячъ человѣкъ, дѣйствительно находившихся подъ ружьемъ и одушевленныхъ необыкновенною довѣренностью, при пяти стахъ осьмидесяти пушкахъ.» Изъ этого видно, что и Г. Тьеръ показываетъ Французскую армію многочисленнѣе нашей, не считая Французской гвардіи.

Хржановскій (p. 10), не опредѣляя цифры, говоритъ, что «обѣ арміи были въ равныхъ силахъ.»

Такова разнообразность въ опредѣленіи числительности обѣихъ армій иностранными писателями! У насъ представляются тѣ же варіанты.

Козегартенъ (стр 163) говоритъ: «Подъ Бородинымъ армія Наполеона состояла изъ двухъ сотъ тысячъ пѣхоты, сорока «тысячъ конницы, съ тысячью орудіями и пятью тысячами артиллеристовъ;» слѣдовательно, «изъ двухъ сотъ сорока пяти тысячъ «человѣкъ. Русскихъ, съ Московскимъ и Владимирскимъ ополченіями, въ половину.»

Ахшарумовъ (стр. 115) даетъ: «Русскимъ сто восемь тысячъ, а Французамъ сто восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.»

Бутурлинъ (t. I, стр. 261) пишетъ: «Русская армія состояла изъ ста тридцати двухъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ сто «пятьнадцать тысячъ регулярныхъ, семь тысячъ Казаковъ и десять «тысячъ ополченья, съ шестью стами сорока пушками. У Французовъ около ста девяноста тысячъ въ строю и до тысячи пушекъ.»

Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 200) опредѣляетъ: «Французскую армію болѣе ста семидесяти тысячъ человѣкъ, при-

«совокупляя, что Кутузовъ считалъ оную съ небольшимъ въ сто «шестьдесятъ тысячъ. Русскихъ сто тридцать тысячъ, въ томъ числѣ пятьнадцать тысячъ рекрутъ и пятьнадцать тысячъ ополченья.»

Неѣловъ (стр. 12) говоритъ, что «у Русскихъ состояло подъ «ружьемъ сто три тысячи, Казаковъ семь тысячъ, около десяти «тысячъ ополченья, и того сто двадцать тысячъ, орудій шесть «сотъ сорокъ. Французамъ онъ даетъ (стр. 15): подъ ружьемъ сто восемьдесятъ пять тысячъ и болѣе тысячи орудій.»

Глинка опредѣляетъ «число Русскихъ во сто тринадцать тысячъ, кромѣ ополченья, пушекъ шесть сотъ сорокъ. Французовъ «сто восемьдесятъ восемь тысячъ, пушекъ тысяча.»

Полевой (стр. 51) опредѣляетъ «число Русскихъ войскъ въ «сто семьдесятъ девять батальоновъ, сто шестьдесятъ четыре эс«кадрона, шестьсотъ сорокъ орудій, двадцать Казачьихъ полковъ «и десять тысячъ ополченья. Всего на все сто двадцать тысячъ «человѣкъ. Армію Наполеона онъ считаетъ: двѣсти шестьдесятъ «пять баталіоновъ, двѣсти шестьдесятъ семь эскадроновъ, тысяча «орудій, всего сто весемьдесятъ пять тысячъ человѣкъ.»

Графъ Толь (t. II, S. 57), разобравъ критически даваемыя нѣкоторыми писателями цифры арміямъ, сошедшимся при Бородинѣ, опредѣляетъ: «Французовъ въ числѣ ста двадцати осьми ты«сячъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи пушкахъ. Русскихъ въ чи«слѣ ста четырехъ тысячъ, съ шестью стами сорока пушками.»

Богдановичъ (т. II, стр. 162 — 163) опредѣляетъ численность арміи подъ Бородинымъ: «Русскихъ, пѣхоты семьдесятъ «двѣ тысячи, конницы семьнадцать тысячъ пять сотъ, піонеръ, ар«тиллеріи и пр. четырнадцать тысячъ триста, Казаковъ семь ты«сячъ, ополченья десять тысячъ, что всего составитъ сто двадцать «тысячъ восемьсотъ человѣкъ,» и замѣчаетъ, что, за исключеньемъ иррегулярныхъ войскъ, почти вовсе не учавствовавшихъ въ сраженіи, и ополченія, большею частью вооруженнаго пиками и не могшаго принесть большую пользу въ бою, [14] «мы имѣли около ста

---

[14] Это только въ нѣкоторой степени справедливо: Казаки, въ день Бородинской битвы, были чрезвычайно полезны въ диверсіи, сдѣланной ими на лѣвый

«четырехъ тысячъ человѣкъ, при шести стахъ сорока орудіяхъ, и «что въ помянутомъ числѣ находилось до пятнадцати тысячъ рекрутъ.» Но не считать ихъ въ числѣ старыхъ солдатъ было бы несправедливо; ибо они поступали въ дѣйствующія войска уже обученными и, будучи въ пропорціи одного къ шести старымъ солдатамъ, не могли не дѣйствовать наравнѣ съ ними съ одинаковымъ достоинствомъ, въ особенности въ массахъ — главномъ характерѣ Бородинской битвы; относительно же духа и самоотверженія они были одинаковы.

Если же ихъ исключить изъ ста четырехъ тысячъ, цифры, даваемой авторомъ нашей арміи, окажется оной только восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.

Сила Французской арміи опредѣляется «въ сто тридцать тысячъ человѣкъ, съ пятью стами осьмидесятью семью пушками.» Авторъ присоединяетъ: «Въ артиллеріи мы имѣли рѣшительный «перевѣсъ надъ непріятелемъ, не только по числу орудій, но и по «калибру» и т. д. Авторъ, по видимому, обратилъ вниманіе на этотъ предметъ и приступилъ къ выводамъ; но жаль, что не простеръ ихъ далѣе; ибо, желательно было бы, чтобы цифра эта установилась разъ и на всегда.

Смиттъ (S. 20), писавшій, кажется, въ одно время съ Г. Богдановичемъ (одинъ о другомъ не говоритъ), разбираетъ критически цифры, даваемыя арміямъ Бутурлинымъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ, и опредѣляетъ числительность Русской арміи, какъ и Г. Богдановичъ, во сто четыре тысячи человѣкъ, при шести стахъ сорока орудіяхъ; цифры же, даваемыя Французской арміи, нѣсколько расходятся; онъ опредѣляетъ оную во сто тридцать двѣ тысячи человѣкъ. Очень жаль, что этотъ глубоко ученый кри-

---

флангъ непріятеля, что, по собственному его признанью, имѣло на исходъ битвы весьма важныя послѣдствія, и что дальнѣйшее ихъ дѣйствіе могло бы быть очень гибельно для Французовъ. Ополченье же, если и не сражалось съ непріятелемъ лично, то сохраняло множество людей, въ строю сражающихся, принимая тотчасъ за второю линіею, а часто и за первою, какъ это было въ 6-мъ корпусѣ, раненыхъ, для дальнѣйшаго ихъ доставленія на перевязочные пункты; слѣдовательно, содѣйствіе онаго въ тотъ день было важно. Здѣсь можно бы было сказать еще многое.

тикъ не распространилъ своихъ сужденій вообще объ этомъ предметѣ съ тою отчетливостію, которая съ нимъ такъ свычна.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ оказывается двадцать восемь сочиненій, дающихъ въ день Бородинской битвы Французской арміи превосходство въ числительности предъ Русской арміей, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, и только тринадцать говорятъ о превосходствѣ числомъ Русской арміи, но и здѣсь, какъ видно было, многіе уравниваютъ это тѣмъ, что Французы все таки имѣли преимущество въ качествѣ солдатъ, какъ уже испытанныхъ въ бояхъ, между тѣмъ какъ у Русскихъ было много рекрутъ, ополченія и Казаковъ. Одиннадцать говорятъ, что армія была въ равныхъ силахъ, отъ 120 до 130 тысячъ, но и тутъ нѣкоторые присовокупляютъ, что несомнѣнный перевѣсъ былъ на сторонѣ Французовъ въ опытности солдатъ и т. п. Два не называютъ числа, но говорятъ, что армія была въ равныхъ силахъ. Вообще же всѣ даютъ превосходство въ силахъ Французской конницѣ противъ Русской, артиллеріи почти равносильной.

ГЛАВА IV.

НАПОЛЕОНЪ ПЕРЕДЪ БИТВОЙ.

Теперь обратимся къ самому Наполеону.

Маршалъ Гувьонъ Сенъ-Сиръ, говоря о Бородинской битвѣ (t. III, p. 267), присовокупляетъ: «Расположеніе Русской арміи «указывало, что она рѣшилась принять битву; но на этотъ разъ «Наполеонъ желалъ ее менѣе, и я думаю, присовокупляетъ Мар«шалъ, что онъ предпочелъ бы пройти въ Москву безъ боя.»

Мишо того же мнѣнія, разсуждая о долженствующей на другой день быть битвѣ; онъ (p. 133) пишетъ: «Наполеонъ давно «желалъ ея, вызывался на нее. Однако же, говорятъ, что въ ту «минуту, когда должно было дать ее, онъ показалъ нѣкоторое ко«лебанье, которое относили къ его нездоровью; но достовѣрно то, «присовокупляетъ авторъ, что онъ не обнаружилъ ни ретивости, «ни способности, которыя выказывалъ во многихъ случаяхъ менѣе «важныхъ.»

Сарразенъ (p. 126) пишетъ: «Наполеонъ, обозрѣвъ 6-го «Сентября (25 Авг.) позицію Русскихъ, былъ въ нерѣшимости: «дать ли битву, или маневрировать на лѣвый флангъ Кутузова, «чтобы понудить его оставить редуты.»

Баронъ Денье свѣдѣтельствуетъ (p. 70), что «Боссе, Пре«фектъ дворца, пріѣхалъ изъ Парижа съ депешами, и привезъ На«полеону портретъ его сына. Императоръ въ молчаніи разсматри-

«валъ его, и потомъ приказалъ выставить оный предъ палаткою, «но тотчасъ, послѣ съ живостью и какъ бы отрываясь отъ душев-«ной тревоги, которую онъ усиливался превозмочь, сказалъ: «Сни-«мите его! Ему слишкомъ рано видѣть поле битвы.» Эпизодъ этотъ разсказывается многими.

Шамбре (t. II, p. 47) пишетъ: «Въ два часа утра, 7 Сен-«тября (26 Авг.), проснулся Наполеонъ въ своей палаткѣ, располо-«женной среди карре старой гвардіи, и спросилъ о погодѣ; на от-«вѣтъ онъ воскликнулъ: «Мы будемъ имѣть ту же погоду, какъ и «въ Аустерлицѣ.»

Графъ Сегюръ (t. I, p. 370) свѣдѣтельствуетъ: «Въ ночь на «7 Сентября (26 Августа) Наполеонъ не могъ уже болѣе сомнѣваться «въ битвѣ, и возвратился въ свою ставку, чтобы отдать приказа-«нія. Тутъ онъ размышляетъ о важности своего положенія. Онъ «чувствуетъ, что арміи необходимъ отдыхъ (p. 371), какого бы «онъ рода ни былъ, и что ей нѣтъ инаго средства найти его, какъ «въ смерти, или въ побѣдѣ.»

«Въ эту ночь, продолжаетъ авторъ (p. 376), Наполеонъ без-«прерывно призывалъ, спрашивая, не слышно ли какого шума, и «посылалъ смотрѣть, тутъ ли непріятель? Онъ такъ мало былъ «увѣренъ, чтобы Русскіе не отступили, что удерживалъ у себя «приказъ. Успокоился на нѣсколько минутъ, но потомъ безпокой-«ство противоположное опять овладѣло имъ. Лишенія его солдатъ «ужасаютъ его. Какъ они, обезсиленные и голодные, выдержатъ «продолжительное и ужасное столкновенье! Въ этомъ опасномъ по-«ложеніи онъ смотритъ на гвардію, какъ на единственный свой «оплотъ, повторяетъ приказаніе раздать ей сухари и рисъ, не до-«вѣряя исполнителямъ, спрашиваетъ часовыхъ: исполнено ли его «приказаніе?»

«Но скоро (p. 377) опять зоветъ. Адъютантъ находитъ его «поддерживающимъ голову руками и ему слышится, что Наполеонъ «размышляетъ о суетности славы, потомъ жалуется на непостоян-«ство фортуны, что, говоритъ онъ, испыталъ, и, какъ бы возвра-«щаясь къ мыслямъ болѣе успокоительнымъ, вспоминаетъ, что ему «было говорено о медлительности Кутузова», и пр.

Вотъ какъ передаетъ этотъ разговоръ самъ Раппъ (р. 164): «Мы сегодня будемъ имѣть дѣло съ этимъ знаменитымъ Кутузо-«вымъ. Вы, конечно, помните, что это тотъ самый Кутузовъ, кото-«рый командовалъ въ Браунау, въ Аустерлицкую кампанію. Онъ «оставался три недѣли въ этой крѣпости, ни разу не выходя изъ «своей комнаты, даже не садился на лошадь, чтобы видѣть укрѣп-«ленія. Беннигсенъ также старъ, но бодрѣе и крѣпче его. Не знаю, «по чему Александръ не назначилъ этого Ганноверца на мѣсто Барк-«лая!» Послѣ сего Наполеонъ выпилъ пуншу и велѣлъ подать так-«же и Раппу.»[15]

«Ну, что, Раппъ! Ожидаешь ли ты, что мы сегодня совер-«шимъ хорошія дѣла?»

—«Нѣтъ сомнѣнія, Государь! Мы истощили всѣ свои средства, «мы принуждены побѣдить.»—«Le fortune est une franche cour-«tisane; я это часто говорилъ и начинаю это испытывать.» — «Ва-«ше Величество! Помните, что сдѣлали мнѣ честь, сказавъ въ Смо-«ленскѣ, что вино разлито, и его должно выпить: теперь, какъ «никогда, предсталъ этотъ случай, теперь нѣтъ уже времени отла-«гать. Впрочемъ, армія знаетъ свое положеніе. Она знаетъ, что «найдетъ существованіе только въ Москвѣ, и что ей для этого «должно сдѣлать только тридцать льё.» — «Эта бѣдная армія, вос-«клицаетъ Наполеонъ, очень уменьшилась, но то, что осталось, «хорошо: гвардія моя, впрочемъ, не тронута.» [16]

Графъ Сегюръ (р. 378) присоединяетъ, что, когда Раппъ замѣтилъ, что битва будетъ кровопролитная, Наполеонъ сказалъ: «Я знаю, но у меня восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Я потеряю «двадцать тысячъ, а съ шестидесятью тысячами войду въ Москву. «Отсталые и маршевые баталіоны присоединятся, и мы будемъ «сильнѣе, чѣмъ предъ битвой.» Цифра эта не понятна и далеко не

---

[15] Во время битвы, въ десять часовъ утра, какъ будетъ видно, онъ опять пьетъ пуншъ. Всѣ этѣ подробности замѣчательны, по тому что о нихъ упоминается при одной Бородинской битвѣ.

[16] Е. М. Сентъ-Илеръ (t. III, р. 66, 67) приводитъ это же внутренее состояніе Наполеона и разговоръ, съ ничтожными только измѣненіями.

приближается къ той, которую даютъ разные писатели, о чемъ замѣчено въ своемъ мѣстѣ.

Бисмаркъ (р. 147) пишетъ: «Когда послѣ рекогносцировки «Наполеонъ возвратился въ свою палатку, онъ почувствовалъ лихорадочный припадокъ, волненіе, палящую жажду, что лишило «его ночнаго отдохновенія, столь необходимаго для его души и «тѣла. . . . Его рѣчь прерывчива; онъ жалуется на непостоянство «фортуны; въ слѣдъ за симъ впадаетъ въ мрачныя мечтанія, и его «отрывистыя рѣчи обнаруживаютъ всѣ мысли, его волновавшія: «Что такое военное искуство? говорилъ онъ. Оно не что иное, какъ умѣнье быть сильнѣе въ данный моментъ» и пр.

Но, кажется, Генералъ Бисмаркъ усиливаетъ его нездоровье; ибо ни одинъ, сколько мнѣ извѣстно, не возводилъ оное до такой степени.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

АРХИВЪ

ВОЕННО-ПОХОДНОЙ КАНЦЕЛЯРІИ

ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

ЧАСТЬ III.

1774 — 1777.

СООБЩИЛЪ

М. О. Судіенко.

ДОНЕСЕНІЯ

ГРАФУ РУМЯНЦОВУ

ПОЛКОВНИКА ПЕТЕРСОНА,

БЫВШАГО УПОЛНОМОЧЕННЫМЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ, ПО ПРЕДМЕТУ РАЗМѢНА ПЛѢННЫХЪ И РАТИФИКАЦІЙ КУЧУКЪ-КАЙНАРДЖІЙСКАГО ТРАКТАТА И О ПРОЧ.

1774 ГОДА.

Копія съ подлиннаго.

1774 года, Октября 2,

въ Константинополѣ.

Высокоповелительному Господину, Генералъ Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту и разныхъ Орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцеву,

РАПОРТЪ.

По отъѣздѣ моемъ изъ Силистріи, всевозможное, во удовлетвореніе повелѣній Вашего Сіятельства, прилагалъ я стараніе, чтобы скоро пріѣхать въ Константинополь, и разсудя, что съ трудностію могъ бы я сыскать довольное число перемѣнныхъ лошадей, въ земляхъ, войною опустошенныхъ, и въ которое едва лишь только обыватели возвращаться начали, по совѣту и самаго Гассана-Паши, предпріялъ исправить путь сей на собственныхъ моихъ

лошадяхъ, а бралъ только проѣздомъ малое число недостающихъ мнѣ обывательскихъ лошадей, и то, по недостатку въ кормѣ, изнуренныхъ, и которыя болѣе мнѣ въ городѣ остановкою служили. Препровождающіе меня, присланные изъ Константинополя, Турки и самъ Приставъ, человѣкъ лѣтъ престарѣлыхъ, получившій въ награжденіе себѣ сію коммиссію, ѣдущіе на собственныхъ ихъ лошадяхъ, никакъ не могли пути продолжать такъ скоро, какъ я расположилъ: и послѣ частыхъ растаховъ, всилу 24 минувшаго, могъ поспѣть въ Константинополь. Порта расположила было сдѣлать мнѣ при въѣздѣ пріемъ, въ разсужденіи моего чина весьма, отличной, отъ котораго, однако жъ, извинился я тѣмъ, что, по слабости здоровья, не можно мнѣ было по надлежащему принять высылаемыхъ на встрѣчу, въ таковыхъ случаяхъ, чиновныхъ; а въѣхалъ я въ Царьградъ вечеромъ и встрѣченъ былъ именемъ Порты двумя чиновными въ назначенномъ мнѣ домѣ, на крыльцѣ, въ которомъ и одна комната отъ стороны Порты убрана, что дѣлается только для перваго и втораго класса Министровъ, такожде и наемъ дому учиненъ почти вдвое противу установленнаго Повѣреннымъ въ дѣлахъ. Все сіе ясно доказываетъ особливое уваженіе и почтеніе Порты къ персонѣ Вашего Сіятельства.

На другой день пріѣзду моего, Прусской Посланникъ былъ у меня, и обьявилъ мнѣ, что наканунѣ того дня возвратился присланный отъ Вашего Сіятельства къ Портѣ курьеромъ, Г. Подполковникъ и Кавалеръ Трейденъ, по усильнымъ и многократнымъ съ его стороны. стараніямъ о скорѣйшемъ отправленіи онаго, пересказалъ мнѣ содержаніе отвѣтнаго Визирскаго къ Вашему Сіятельству письма, и совѣтовалъ всевозможную употреблять нѣжность въ представленіяхъ, могущихъ быть отъ меня Портѣ, и въ требованіяхъ касательно исполненія мирныхъ договоровъ, изъ которыхъ иные, а болѣе установленіе Крымскихъ дѣлъ, чрезвычайно тронули здѣшнее духовенство, и противу коихъ неудовольствіе настоящаго правленія возрасло уже до того, что просила Порта Прусскаго Короля о заступленіи, посредствомъ котораго надѣется получить отъ нашего Двора оныхъ смягченіе; на что, для вящшаго утвержденія мирныхъ договоровъ нашъ Дворъ, и поступить можетъ, а паче на дѣла, не заключающія въ себѣ никакой важности, какъ то, чтобы посылаема была отъ Султана къ Хану сабля, и на другія,

тѣмъ подобныя, внѣшности. Я ему отвѣтствовалъ, что коммиссія моя, простираясь до артикуловъ, требующихъ скорѣйшаго послѣ заключенія мира исполненія, размѣны плѣнныхъ и могущихъ быть дѣлъ, при выступленіи войскъ нашихъ изъ мѣстъ, по трактату Портѣ возвращаемыхъ; а другія дѣла, сказалъ я ему, почитаютъ у насъ совсѣмъ за оконченныя и объ оныхъ ни малѣйшаго наставленія я не имѣю. Сверхъ всего того объявилъ еще мнѣ Прусскій Посланникъ, что имѣетъ онъ достовѣрныя извѣстія, что Вѣнскій Дворъ чрезвычайно недоволенъ былъ заключеніемъ Вашимъ Сіятельствомъ съ Портою трактата, и что въ разсужденіи добраго согласія и дружбы обоихъ Дворовъ, уже тому десять лѣтъ непоколебимо между ими сохраняемыхъ, ожидаетъ онъ отъ меня въ дѣлахъ моихъ съ Портою полной откровенности, въ которыхъ и всякое возможное съ своей стороны помогательство чинить мнѣ вмѣстѣ, коего Ваше Сіятельство и сами изволите для меня испрашивать въ письмѣ Вашемъ къ нему.

Какъ содержащееся въ письмѣ Вашего Сіятельства къ Визирю составляетъ часть данныхъ мнѣ отъ Васъ повелѣній, то и разсудилъ я не держаться только того, что объ ономъ, какъ выше упомянуто, свѣдалъ я отъ Прусскаго Посланника, но за нужное почелъ, при вступленіи въ дѣла и для лучшаго впредь собственнаго моего объ оныхъ свѣдѣнія, требовать отъ Порты копіи съ отвѣта Верховнаго Визиря на то Вашего Сіятельства письмо; оную и получилъ отъ Рейсъ-Эфендія, который объявилъ при томъ, что Порта, по полученіи онаго письма, предположила было дождаться моего пріѣзду, дабы пространнѣйшее, прежде нежели Вамъ отвѣтствовать, имѣть объясненіе о разныхъ, содержащихся въ томъ письмѣ, пунктахъ, но что не могла, наконецъ, отказать усильнымъ требованіямъ Прусскаго Посланника объ отправленіи того курьера.

Въ письмѣ семъ упоминается, что за пристойное почитаетъ Порта отложить до пріѣзду моего сочиненіе Ратификаціи въ разсужденіи словъ и выраженій, могущихъ найтиться въ Ратификаціяхъ Порты и которыя могутъ противны быть Россійскому Двору, а что по пріѣздѣ моемъ форма онымъ сдѣлана будетъ, для разсмотрѣнія и для сочиненія уже ихъ послѣ сходственнымъ, для обоихъ Дворовъ, образомъ. Въ послѣдствіе сего и требовалъ я, чтобъ сочинена была форма Ратификаціи Блистательной Порты и отдана мнѣ

для доставленія Вашему Сіятельству, упоминая въ оной формѣ, по обыкновенію своему, естьли заблагоразсудитъ, порознь о силѣ каждаго артикула мирнаго трактата, или сочинила бы оную форму по древнему, и до сего времени продолжаемому, извѣстному обряду всѣхъ Европейскихъ Державъ. На сіе мое требованіе Рейсъ-Эфенди объявилъ, что сколь можно скорѣе таковыя формы сочинены будутъ; я предполагалъ дождаться оныхъ, и тогда уже писать къ Вашему Сіятельству, но случившіяся послѣ того дѣла принудили меня отправить сего курьера.

Вчерашняго дня сообщилъ мнѣ Рейсъ-Эфенди отвѣтное письмо Вашего Сіятельства на Россійскомъ языкѣ къ Гассану-Пашѣ, на вопросъ, учиненной отъ него Вамъ, правда ли то, что Цесарскія войска вступили въ Молдавію? и просилъ сказать ему содержаніе онаго, что съ нашей стороны и учинено; по многимъ вопросамъ, что это значитъ? и по толикимъ же съ нашей стороны отвѣтамъ, что оное болѣе Портѣ должно быть извѣстно, какъ дѣло, произшедшее въ ея земляхъ, прошено было объявить, естьли имѣемъ мы какое ни будь партикулярное о томъ свѣдѣніе, и примѣтно, что сіе извѣстіе тревожитъ здѣшнее правленіе. Сіе происходило у переводчика Порты, а потомъ, перешедши въ комнату Рейсъ-Эфендія, сей Министръ, послѣ пространныхъ увѣреній, что Порта твердо желаетъ заключенной съ Россіею миръ, показалъ представленіе отъ Татаръ къ Портѣ и словесно пересказалъ содержаніе онаго, состоящее въ слѣдующемъ: Татара пишутъ къ Портѣ, сколь огорчительны имъ такіе Порты съ Россіею договоры (съ которыхъ и копію, сообщенную имъ по заключеніи мира отъ Вашего Сіятельства, прилагаютъ), въ конецъ опровергающіе всю святость Магометанскаго закона, оставляя ихъ безъ всякаго защищенія въ рукахъ Россіи, отъ которой не иначе имъ, какъ всякихъ напастей, ожидать должно; поелику сія жертва, имѣя Еникалъ, Керчю и Кильбурунъ, окружаетъ ихъ отвсюду войсками своими, а Блистательная Порта отдаляется отъ нихъ совсѣмъ, не оставляя сама себѣ ни малѣйшаго въ земли ихъ мѣста, чтобъ, въ случаѣ нужды, подать имъ должное по единовѣрію пособіе, и требуетъ поправленія сему. Мы желаемъ, продолжалъ Рейсъ-Эфенди, соблюсти мирные договоры, но что намъ, въ семъ случаѣ, съ Татарами дѣлать? Они съ нами единовѣрные, зовутъ насъ на страшный судъ Божій и требуютъ

въ семъ же представленіи, естьли инаго не можно для нихъ сдѣлать, чтобы показала имъ Порта какую нибудь пустую землю, куда бы они перейти и укрыться отъ предстоящихъ напастей могли. Подобное сему въ особливомъ письмѣ пишетъ къ намъ и Сагибъ-Гирей. Татара говорятъ, что естьли бы, какъ въ прежнихъ конгрессахъ о томъ говорено было, остался Портѣ Таманъ, то бы еще имъ оставалась какая нибудь надежда, а теперь они до такого отчаянія приведены, что лучше желаютъ умереть, нежели въ такомъ состояніи остаться; что намъ на сіе Татарамъ отвѣчать? На сіе съ нашей стороны отвѣтствовано было: естьли Порта имѣетъ чистосердечное и твердое намѣреніе соблюсти мирные договоры, торжественно съ нами заключенные, и которыхъ святости ничего уже не недостаетъ, то должна она съ презрѣніемъ смотрѣть на все противное имъ, отъ кого бы оное ни происходило, ибо безопасность Татарской вольности ограждаетъ святость торжественнаго трактата, котораго нарушить одна сторона не можетъ, не подавъ права обстоять за оной другой сторонѣ; а цѣлость закона Магометанскаго въ семъ же артикулѣ о Татарахъ довольно соблюдена, и по мнѣнію самой Блистательной Порты, которой Уполномоченные торжественно оной приняли и подписали. Рейсъ-Эфенди сказалъ, что желаетъ Порта послать со всѣхъ тѣхъ представленій Татарскихъ копіи къ Вашему Сіятельству; на что отвѣтствовано было Рейсъ-Эфендію, что естьли желаетъ Порта, то можетъ Визирь отправить ихъ самъ, чрезъ собственнаго своего курьера, что въ самомъ дѣлѣ Порта намѣрена сдѣлать, и надѣюсь, что Ваше Сіятельство вскорѣ отъ нея получите курьера; а переводчикъ Порты будто самъ отъ себя сказалъ, что лучше бы было, естьли можно поставить сей артикулъ такъ, какъ оный во время Бухарешскаго Конгресса въ ультиматумъ Абдулъ-Резакъ-Эфендія былъ представленъ. Сверхъ того, почти при всѣхъ моихъ представленіяхъ дѣлаются жалобы на нѣкоторыя выраженія въ мирномъ трактатѣ, кои, говорятъ, противны достоинству Блистательной Порты; все сіе, какъ примѣчаю, относится до того жъ артикула о Татарахъ. Примѣтить еще Ваше Сіятельство должно, что Порта по сіе время ни въ своихъ земляхъ не публиковала мирнаго трактата, и никому изъ чужестранныхъ Министровъ о заключеніи онаго не объявила, исключая только одинъ вышеупомянутый со стороны ея отзывъ Прусскому Посланнику.

По окончаніи сего разговора, требовано было съ нашей стороны, чтобы опредѣленъ и снабдѣнъ былъ фирманомъ какой нибудь чиновной отъ Порты, для отысканія открываемыхъ партикулярными людьми въ домахъ своихъ Россійскихъ плѣнниковъ; также чтобы публикованъ былъ въ здѣшней столицѣ, и во всѣхъ мѣстахъ Имперіи Оттоманской, указъ съ угроженіемъ казнію преступникамъ онаго, дабы имѣющіе таковыхъ плѣнныхъ объявляли ихъ собственнымъ начальникамъ, а сіи имѣли отсылать ихъ къ Портѣ, что все и учинено. И вспрашиваемо было, въ который точно день имѣетъ прибыть къ мѣсту взаимной размѣны чрезвычайныхъ Посольствъ обѣихъ Имперій Блистательной Порты Посолъ; на сіе отвѣтствовано, что то не скорѣе воспослѣдовать можетъ, какъ къ первому Марта будущаго года; а что одолжили бъ Ваше Сіятельство назначеннаго отъ Блистательной Порты Посломъ Абдулъ-Керимъ-Эфендія, которому на сей случай даны три бунчука и титулъ Бейлеръ-Бея Ромельскаго, естьли бъ отложили тотъ Чрезвычайныхъ Пословъ съѣздъ до 22-го Апрѣля. Симъ расположеніемъ тщетною осталась надежда Гассана-Паши Силистринскаго. Онъ внушить мнѣ старался, что охотно принялъ бы на себя сію коммиссію. Такожде повторяемо было требованіе о ратификаціи, о которой прежде, нежели оную сочинить, взялъ время Рейсъ-Эфендія переговорить съ бывшими на Канарджинскомъ конгрессѣ уполномоченными.

Чрезъ три дня послѣ моего въ Константинополь пріѣзду, прибыли сюда и Депутаты обоихъ Княжествъ, Волоскаго и Молдавскаго, препровождаемые со стороны Вашего Сіятельства Подпоручикомъ Петромъ Ширяемъ, не въ лучшее, конечно, для представленій имѣющихся отъ нихъ къ Портѣ время. Порта знаетъ, чего они требуютъ, и что избрали они уже Князя; а княжество сіе здѣсь дано другому. Не повѣрите, Ваше Сіятельство, сколько сіе обстоятельство перемѣнило видъ всѣхъ нашихъ дѣлъ съ Портою; препятствіе со стороны Порты не другое есть, какъ то Вашему Сіятельству уже извѣстно, произведеніе въ Князи своего переводчика Александраки, что и поспѣшила Порта сдѣлать происками здѣшнихъ Грековъ изъ Фанаря, которые точныя всегда получали извѣстія отъ бояръ, живущихъ въ Брашовѣ, о всемъ происходящемъ въ Валахіи и Молдавіи; и самое большое сопротивленіе есть

со стороны ихъ; ибо то самая правда, что Визирь въ письмѣ своемъ къ Вашему Сіятельству пишетъ, что и произведеніемъ Григорія Гики, естьли бы то было на всю его жизнь, всей націи Греческой причинено бъ было крайнее оскорбленіе; съ другой стороны, и сами Депутаты остаются въ нерѣшимости; они получили извѣстія на дорогѣ, что Князь сдѣсь сдѣланъ; тамо выбрало общество другаго, и сочинены были ихъ представленія, не знавъ его обстоятельства; теперь сами не знають, останется ли Валахія при прежнихъ своихъ требованіяхъ, или перемѣнитъ оныя; а между тѣмъ здѣсь произведенной Князь и переводчикъ Порты всѣми мѣрами стараются, чтобы правленіе смотрѣло на сихъ Депутатовъ, какъ на своихъ подданныхъ, и въ слѣдствіе того поступаемо бы съ ними было, и я уже не однократно представлять доведенъ былъ, что они суть люди, подъ защитою народнаго права состоящіе. Переводчика Порты именемъ Рейсъ-Эфендія требовалъ, чтобы письмо Вашего Сіятельства объ нихъ отдано было Визирю, а ихъ Порта особливо приметъ, какъ своихъ подданныхъ, и что изъ Перы перешли они жить въ Фанарь; а Депутаты, напротивъ того, просятъ здѣсь остаться, и чтобы нетолько письмо Вашего Сіятельства безъ нихъ не было бы отдано, но и Офицеръ, препроводившій ихъ, остался бы жить съ ними, для собственной ихъ безопасности. Въ слѣдствіе сего я далъ знать Рейзъ-Эфендію, что на сіе согласиться не могу, и что письмо Вашего Сіятельства, присланной съ ними Офицеръ и Депутаты должны быть представлены вмѣстѣ. Въ семъ положеніи остается теперь дѣло, и тѣмъ лучше, ибо имѣютъ они время получить отъ сограждан своихъ новыя наставленія, а при настоящихъ и сами не смѣютъ твердо стоять, въ ра сужденіи перемѣнившихся, по отъѣздѣ ихъ, обстоятельствъ.

Примите, Ваше Сіятельство, за знакъ особливой моей должной къ Вамъ преданности смѣлость, кою пріемлю я предъявить Вашему Сіятельству мое о дѣлѣ семъ мнѣніе. Всѣ затрудненія, какъ выше я сказалъ, происходя отъ Грековъ, а болѣе отъ новопроизведеннаго Князя, имѣющихъ интересъ, чтобы Господари Молдавскіе и Волоцкіе по прежнему отъ Порты жалованы были; словесныя представленія и стороннее, такъ сказать, пособіе мало вспомоществовать можетъ требованіямъ сихъ Княжествъ. Мы имѣемъ право требовать отъ себя, чтобы, во исполненіе кондицій, на которыхъ

возвращена Портѣ Молдавія и Валахія, даны были симъ Княжествамъ привилегіи, заключающія въ себѣ оныя. Симъ образомъ перемѣнится видъ сему дѣлу и покажется оно правленію гораздо важнѣе, нежели теперь: сверхъ того, всѣ представленія наши о семъ будутъ тогда подаваемы письменно, и меньше дѣла намъ будетъ съ переводчикомъ Порты, главнымъ непріятелемъ сему дѣлу; хотя нельзя не признаться, что Греки знатное имѣютъ въ дѣлахъ втеченіе, при настоящемъ слабомъ, и почти все изъ новыхъ людей составленномъ, правленіи, въ которомъ одинъ только Рейсъ-Эфенди, протекторъ ихъ, почитается за человѣка искуснаго; сей есть тотъ самый Измаилъ-Бей, который, во время царствованія покойнаго Султана, чрезъ довольно долгое время умѣлъ сохранить его къ себѣ милость, и нынѣ имѣетъ, какъ всѣ говорятъ, великой кредитъ.

О Молдавскихъ и Волоскихъ дѣлахъ хотѣлъ было я дать знать Прусскому Посланнику, дабы обще съ нимъ стараться вспомоществовать онымъ, но по дошедшему мнѣ отъ Аглицкаго Посла извѣстію, что Прусской Король имъ недоволенъ, и что онъ, получивъ уже свой отзывъ, пріостановился до того времени, пока получу точнѣйшее тому извѣстіе, правда ли то, или нѣтъ, ибо о семъ никто не говоритъ, а Аглицкой Посолъ слышалъ о семъ отъ Господина Тугута.

О плѣнныхъ, дабы назначено было мѣсто для размѣны ихъ, представлялъ я Портѣ, и какъ видно, она въ семъ добропорядочномъ расположеніи находитъ приращеніе себѣ дѣлъ, ибо должно бъ въ такомъ случаѣ было дать сходственныя повелѣнія для принятія и содержанія не малаго числа людей; а какъ не можетъ увѣриться она, чтобы таковыя ея повелѣнія исполнены были, то предлагаетъ, чтобы ихъ плѣнные, гдѣ бы то ни было, приведены только были къ границамъ Блистательной Порты, а потомъ пущены на волю, а оттуда уже каждый возвратился бы въ домъ свой по собственному своему произволенію; а нашихъ плѣнныхъ предлагаетъ Порта отправить моремъ, или сухимъ путемъ, туда, гдѣ Ваше Сіятельство назначить изволите, а проситъ только, чтобы означенные въ запискахъ, здѣсь приложенныхъ, скорѣе освобождены были.

Для скорѣйшаго производства дѣлъ разсудилъ я подавать къ Портѣ представленія на Турецкомъ языкѣ; въ оныхъ часто слу-

чается упоминать о трактатѣ; весьма при нынѣшнихъ обстоятельсвахъ нужно, чтобъ текстъ изъ трактата былъ точно тотъ, каковъ оный есть въ переводахъ, сдѣланныхъ во время заключенія мира; а имѣю я только онаго трактата списки, на языкахъ Россійскомъ и Италіянскомъ; всепокорнѣйше Вашего Сіятельства прошу приказать прислать мнѣ копію и съ Турецкаго трактата.

Авдіенціи я еще у Визиря не имѣлъ по причинѣ той, что до пріѣзду еще моего назначены были дни для авдіенцій всѣхъ резидующихъ разныхъ Дворовъ перваго и втораго класса при Портѣ Министровъ; однако жъ сіе обстоятельство никакого дѣламъ препятствія не приноситъ.

О случившихся въ Министерствѣ перемѣнахъ ничего здѣсь не упоминаю, для того, что оные происходили еще до пріѣзду моего, и что Прусской Посланникъ, конечно, о томъ увѣдомилъ Ваше Сіятельство чрезъ Господина Подполковника и Кавалера Трейдена, о чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

Копія съ подлиннаго.

Въ Константинополѣ.

14 Октярбя, 1774 года.

Высокоповелительному Господину, Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту и разныхъ Орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцеву,

Рапортъ.

Копію съ ферановъ о военноплѣнныхъ я получилъ, и съ которыхъ съ одного при семъ переводъ прилагаю, ибо они всѣ одного содержанія, изключая только то, что публикованный въ Константинополѣ ферманъ не упоминаетъ о Грузинцахъ, разумѣя людей сей націи подъ именемъ и протчихъ Христіанъ, такожде и то, что отыскиваемые здѣсь невольники мнѣ отдаваемы быть

имѣютъ; довольное число оныхъ есть въ здѣшнемъ городѣ, и у меня въ домѣ уже ихъ не мало. Въ запискахъ старой Архивы, которыя Господинъ Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ, Алексѣй Михайловичъ Обрѣзковъ, оставилъ у Аглицкаго Посла, нашелъ я, что таковымъ освобожденнымъ плѣннымъ каждому давалось на день по пяти паръ; сверхъ того не имѣющимъ одежда и обувь; я то же самое опредѣлилъ имъ, и впредь давать буду, естьли Ваше Сіятельство апробовать изволите. Въ разсужденіи умножающагося ежедневно числа освобождаемыхъ невольниковъ, чтобы было гдѣ имъ зимою жить, велѣлъ я построить съ печьми сарай, на принадлежащей въ Перѣ нашему Двору землѣ. О находящихся въ Едикулѣ и Терсанѣ Россійскихъ военноплѣнныхъ, изъ числа которыхъ Господа Маіоры Дивовы съ 5-ю служителями, по просьбѣ моей, изъ Едикула выпущены, и о ихъ долгахъ получилъ я списки отъ Г-на Подполковника Тютчева, тамо обрѣтающагося, и оные при семъ прилагаю.

Г-нъ Ферьери, живущій въ Смирнѣ, во время войны и послѣ окончанія оной, исполнялъ налагаемыя на него разныя коммиссіи командующими Россійской Императорской флотъ въ Архипелагѣ, и имѣлъ переписку съ Прусскимъ Посланникомъ. По пріѣздѣ моемъ получилъ я отъ него письмо, въ которомъ онъ и самъ меня о состояніи своемъ увѣдомляетъ. А какъ извѣстно мнѣ стало, что въ Смирнѣ и въ околичныхъ мѣстахъ есть много Россійскихъ невольниковъ, то и поручилъ я ему стараться объ освобожденіи оныхъ, да естьли можно сдѣлать такъ, чтобы оные во флотъ нашъ отданы были.

Письмо Вашего Сіятельства, присланное чрезъ Подпоручика Дмитрія Ширяя, Визирю вручено, а послѣ того чрезъ нѣсколько часовъ дана была авдіенція Депутатамъ двухъ Княжествъ: приняты были ласково. Рейсъ-Эфенди совѣтовалъ имъ перейти жить въ Фанарь, они то и исполнили. Я просилъ Рейсъ-Эфендія, чтобы во время бытности ихъ здѣсь не были бы они ни къ чему принуждаемы, что онъ обѣщалъ, а потомъ чрезъ нѣсколько дней далъ мнѣ знать, что Волоскіе Депутаты просятся итти къ своему Князю и говорятъ, что имѣютъ на то словесное повелѣніе отъ общества своего; однако жъ, онъ запретилъ имъ къ Князю итти, а Князю ихъ принимать; а Депутаты, напротивъ того, дали мнѣ

знать, что подсылаетъ къ нимъ Порта людей, которые подговариваютъ ихъ иттить къ Князю и отрещися отъ требованія избирать своихъ Князей. Я ему отвѣтствовалъ, что требованіе мое не принуждать Депутатовъ, не значитъ того, чтобы Порта запрещала имъ то дѣлать, чего желаютъ.

Рейсъ-Эфенди, старой нашъ недоброжелатель и человѣкъ коварнаго сердца, все стараніе свое прилагаетъ, какъ я точно узналъ, чтобы показать духовенству и правленію злыя слѣдствія заключеннаго съ нами трактата, могущія быть для Порты, и необходимую надобность передѣлать оный.

Курьера, о которомъ писалъ я къ Вашему Сіятельству въ послѣднемъ рапортѣ моемъ отъ 2-го Октября, что Порта вскорѣ къ Вамъ отправитъ, Рейсъ-Эфенди пріудержалъ; а между тѣмъ происходили частыя сношенія духовныхъ съ Депутатами отъ Татаръ, съ Министерствомъ и совѣты у Султана, такожде и принадлежащихъ Французскому Двору людей съ тѣми Депутатами; въ то же самое время онъ и переводчикъ Порты, не однократно навѣдывались у посылаемыхъ отъ меня къ Портѣ, что не буду ли и я согласенъ о томъ писать къ Вашему Сіятельству, и представить Вамъ Татарскія дѣла съ моей стороны, какъ необходимо требующія поправленія и въ томъ видѣ, что Порта хотя и твердо намѣрена сохранить мирные договоры, но и сама не знаетъ, какъ раздѣлаться съ Татарами; а Верховной Визирь, сказалъ Рейсъ-Эфенди, хочетъ писать къ Вашему Сіятельству, подобнымъ образомъ сообщить Вамъ копіи со всѣхъ Татарскихъ представленій и просить, чтобы Ваше Сіятельство, по дознанному Вашему высокодушію, вступили въ сіе дѣло и предохранили бы достоинство Блистательной Порты. Всѣ сіи внушенія не вдругъ, но порознь, и мало по малу мнѣ дѣланы были; съ моей стороны, въ отвѣтахъ искано всегда было отъ изъясненія уклониться, во первыхъ, для того, что не имѣя никакого о дѣлахъ сихъ наставленія, не смѣлъ я входить въ подробные объ оныхъ разговоры, а потомъ и для того, что во всѣхъ тѣхъ запросахъ болѣе казалось, что Порта хотѣла прежде извѣдать объ оныхъ мои мысли, нежели къ Вамъ писать, почему и разсудилъ, ожидая откровеннаго о томъ отъ Рейсъ-Эфендія объявленія, продолжать другія дѣла и при случаѣ напоминать Рейсъ-Эфендію объ сочиненіи обѣщанной имъ формы

Ратификаціи Порты; но въ семъ сперва отлагательствы извиненія, а потомъ уже въ послѣднемъ съ Рейсъ-Эфендіемъ третьяго дня сношеніи и явная претительность начала оказываться, подъ видомъ, что Порта опасается ратификовать трактатъ до того времени, пока не изъяснены будутъ тѣ пункты въ ономъ, которые, будучи выговорены генерально, могутъ быть истолкованы въ предосужденіе Порты, какъ, на примѣръ, въ третьемъ артикулѣ, чтобъ сообразоваться Татарамъ правиламъ, закономъ ихъ предписаннымъ, безъ предосужденія ихъ вольности, примѣчалъ Рейсъ-Эфенди, что хотя и извѣстно Портѣ, что Ваше Сіятельство, для взаимнаго удовольствія и для споспѣшествованія заключенію дѣлъ, чтобы уничтожить споры объ обрядахъ закона неудобоpѣшимыя, изволили постановить оный такъ, какъ есть въ генеральныхъ терминахъ, не препятствующихъ исполненію закона, а ограждающихъ только постановляемую въ ономъ артикулѣ вольность Татарской націи, но сей пасажъ терпитъ равно и противное тому, съ предосужденіемъ закона Магометанскаго, толкованіе, и можетъ впредь, естьли точное не будетъ положено значеніе оному, причинить раздоры сперва между Портою и Татарами, а потомъ оттуду между двумя Имперіями; ибо нельзя увѣриться, чтобы со стороны Татаръ исполненіе закона было всегда равное, какъ по причинѣ извѣстнаго той націи непостоянства, ея междоусобій, такъ и во время натуральныхъ перемѣнъ въ правленіи оной, какъ при всякомъ избраніи новаго Хана.

И въ 16-мъ артикулѣ о Княжествахъ, въ кондиціяхъ, на которыхъ оныя Портѣ возвращаются, восьмая въ концѣ гласитъ: «Дозволить имъ пользоваться тѣми же самими выгодами, коими пользовались во время Султана Махмеда IV». На сіи кондиціи, конечно, утверждаясь, примѣчалъ Рейсъ-Эфенди, два Княжества требуютъ избрать своихъ Князей, представленія ихъ сдѣланы въ глазахъ Россіи; Депутаты отъ насъ присланы и препровождены, и хотя во время Магмета IV, ничего вѣрнаго въ правленіи двухъ Княжествъ не было положено, и что такъ важное дѣло не на смыслѣ одного слова, во время негоціяціи необъясненнаго, утверждать бы должно, а требовать бы онаго прямо; однако жъ, толкуется оно такимъ образомъ. Есть еще многія другія, тѣмъ подобныя, въ трактатѣ слова, изъ которыхъ одни требуютъ объясне-

нія, а другія предосудительны достоинству Блистательной Порты; почему, и не объяснивъ всего помянутаго, нельзя сочинить формы Ратификаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, слово выгоды въ семъ пасажѣ въ Турецкомъ списки имтіязатъ, то есть, distinction honorifique, можетъ, по свойству языка Турецкаго, значить то, чего хотятъ отъ Порты получить два Княжества, и можетъ статься, что никогда себѣ того Порта не воображала, тѣмъ болѣе, что съ начала той кондиціи не о другомъ чемъ въ Турецкомъ, равно какъ и въ Россійскомъ, спискахъ, говорится, какъ только о налаганіи податей и о взиманіи оныхъ. Для того и отвѣтствовано съ моей стороны Рейсъ-Эфендію, что сообщеніе Вашему Сіятельству копій съ представленій Татарскихъ, объявленіе Вамъ желанія Порты, и прошеніе въ надеждѣ великодушія и извѣстныхъ благихъ намѣреній Вашихъ въ постановленіи мирныхъ артикуловъ, Вашего совѣта и предстательства, чтобы объяснены были генеральныя въ оныхъ выраженія и разныя слова, можетъ быть дѣло хорошее тогда, когда въ то же самое время Порта не на словахъ однихъ, но и самымъ дѣломъ скажетъ намѣреніе свое соблюсти постановленные съ нами мирные договоры; тотъ точно трактатъ, который ея уполномоченные приняли и подписали, должна Порта ратификовать, не утверждая отказа съ своей стороны ратификаціи на томъ, что она просьбою называетъ, и что въ семъ случаѣ не просьбы, но несправедливой претензіи видъ на себя пріемлетъ, даетъ поводъ сомнѣваться о чистосердечіи Порты, и можетъ помрачить ту откровенность, съ которою со стороны нашей по сіе время соблюдается все, относящееся къ возстановленной мирнымъ трактатомъ доброй дружбы обоихъ державъ. Что жъ касается до приведенныхъ въ примѣръ Рейсъ-Эфендіемъ двухъ пасажей изъ мирнаго трактата, съ моей стороны отвѣтствовано ему было, что въ самомъ дѣлѣ въ первомъ о Татарахъ намѣреніе Вашего Сіятельства было оградить Татарскую вольность безъ малѣйшаго закона Магометанскаго нарушенія, оставляя Портѣ и Татарамъ полную власть сохранить обряды закона, только бъ то было безъ предосужденія ихъ вольности; а въ артикулѣ о Валахіи и Молдавіи Вашего Сіятельства намѣреніе не иное, конечно, есть, какъ избавить тѣ провинціи отъ бремени податей и злоупотребленій, мѣру терпѣнія превосходя-

щихъ, безъ предосужденія прямыхъ интересовъ и правъ господства надъ ними Блистательной Порты, что и самымъ дѣломъ доказывается: ибо хотя по силѣ мирнаго артикула, правленіе тѣхъ провинцій, до выступленія войскъ Россійскихъ изъ оныхъ, намъ принадлежитъ, однако жъ ускорили Ваше Сіятельство прислать избранныхъ отъ двухъ Княжествъ Депутатовъ, и представить ихъ Портѣ, предлагая, купно съ просьбами ихъ, и въ равномъ видѣ то, что имѣете Вы право требовать. Сей поступокъ Вашего Сіятельства, естьли правленіе за сомнительный почитаетъ, то уже никогда надѣяться намъ не льзя, чтобы оказательствами съ нашей стороны дружелюбія и чистосердія привести Порту до взаимной откровенности и истребить вкоренившіяся и толико зла произведшія мнительности и подозрѣнія ея о всему томъ, что ни дѣлаетъ Россія; для того, наконецъ, подъ видомъ совѣта предложено Рейсъ-Эфендію, что Визирь, въ письмѣ своемъ къ Вашему Сіятельству, откровеннымъ образомъ говорилъ и просилъ бы о предстательствѣ Вашего Сіятельства такъ, какъ надлежитъ просить; а притомъ въ доказательство чистосердечія Порты, и въ слѣдствіе того, что онъ прежде къ Вамъ писалъ, сообщилъ форму Ратификаціи, такожде, ежели заблагоразсудитъ, и форму привилегіи, которую намѣрена дать Порта двумъ Княжествамъ, не оказывая опасности, чтобы Россія когда нибудь могла иначе толковать мирные артикулы, постановленные съ ея стороны съ доброю вѣрою и чистосердечіемъ.

Рейсъ-Эфенди обьявилъ, что въ доказательство чистосердечія и добрыхъ намѣреній своихъ въ соблюденіи мирнаго трактата, Порта возобновила повелѣнія, чтобы войска ея, находящіяся въ Крыму, чѣмъ скорѣе выступили, и назначиваетъ отъѣздъ изъ Константинополя полномочнаго Посла своего въ 15-е (то есть, въ 30-е Октября) число луны Рамазана съ Ратификаціею, которая сочинена будетъ обыкновеннымъ и приличнымъ достоинству Порты образомъ. Я представлялъ, что тѣмъ нужнѣе сочинить вскорѣ формы Ратификацій обоихъ сторонъ и сличить оныя, дабы послѣ, когда Послы отправятся и пріѣдутъ въ свои мѣста, не было какихъ либо о содержаніи Ратификацій споровъ; но въ семъ пунктѣ не иное что могъ обдержать, какъ только недостовѣрное, подобное первымъ, обѣщаніе, что черезъ нѣсколько дней оная сдѣ-

лана будетъ; ибо вчерась опять противное тому Рейсъ-Эфенди сказалъ, и такъ, что ни объ отъѣздѣ Посла Блистательной Порты, ни о полученіи Ратификаціи, ничего вѣрнаго сказать не можно, потому что всѣ дѣла ежедневно сообщаются здѣсь духовнымъ, и они превращаютъ все то, что съ великимъ трудомъ ни постановляется, ибо Муфти, оба Кадылескеры, и другія между ими, имѣющія теперь кредитъ, персоны, всегда противны были заключенію мира и наши недоброжелатели; а прошлой Муфти самъ отъ себя и безъ ихъ участія далъ фетву о заключеніи онаго; съ другой стороны, Французскій Посолъ далъ точно чувствовать духовнымъ и правленію, что теперь есть прямое время получить отъ Россіи Портѣ все то, что ни желаетъ, удерживаясь только ратификовать трактатъ, не престая поощрять оную, купно и съ нѣкоторыми другими Министрами, внутренними у насъ обстоятельствами. Невѣроятно, до какой степени интриги сей націи здѣсь доходятъ; всѣ чины при Портѣ, что нибудь значущіе, до пріѣзду нашего перемѣнены, и заняты людьми, напоенными ихъ максимами, и первой изъ нихъ Измаилъ-Бей; чтобы умножить и между малыми людьми число недоброжелателей нашихъ, разглашено, что въ мирномъ трактѣ положено ничего не платить за письмо канцелярскимъ служителямъ, которые, кромѣ сего обыкновеннаго воздаянія, другаго и дохода не имѣютъ. О Прусскомъ Посланникѣ, который казался сомнителенъ, Французскій Посолъ, какъ послѣ я узналъ, разгласилъ то, что въ послѣднемъ моемъ рапортѣ писалъ я къ Вашему Сіятельству, что онъ въ немилости у своего Государя и что получилъ уже свой отзывъ; обо мнѣ внушаютъ, что я пріѣхалъ только размѣнять чѣмъ скорѣе плѣнныхъ, получить Ратификацію, а потомъ уже виды Россійскаго Двора откроются; что на увѣренія мои въ столь нѣжныхъ артикулахъ, какъ о Татарахъ и двухъ Княжествахъ, не должно полагаться, для того, что оные, по причинѣ моихъ коммиссій, не могущихъ къ столь важнымъ матеріямъ простираться, не обязуютъ ни къ чему Дворъ Россійскій. Все сіе, однако жъ, не уповаю я, чтобы могло довести дѣла до самой крайности, какъ по причинѣ той, что никто изъ правящихъ не можетъ польстить себя надеждою лучшаго счастія предмѣстниковъ своихъ, что нація, конечно, войны желать не можетъ, такъ и по тому, что настоящій Султанъ, по признанію всѣхъ, есть человѣкъ миролюбивый и предположившій при вступленіи своемъ

на престолъ въ покоѣ вкушати сладости вышней власти. Сіи препятствія непреоборимыми кажутся для недоброжелательства нынѣ правящихъ и постороннихъ внушеній, но могутъ продолжить дѣла, и всегда новые производить онымъ замѣшательства и трудности. Можно бъ сыскать способъ говорить о дѣлахъ фаворитамъ настоящаго Государя, между которыми Ясыджи-Эфенди имѣетъ первой чинъ; сей человѣкъ, при вступленіи на престолъ Абдулъ-Хамида, изъ ничего возведенъ на ту степень, въ которой нынѣ обрѣтается; посредствомъ его всѣ почти чины придворные послѣдній разъ отмѣнены были; чрезъ старыхъ его знакомцевъ можно бъ сыскать къ нему приступъ, но покуситься на сіе я безъ особливаго повелѣнія не предпріялъ смѣлости.

Депутаты Татарскіе, числомъ шестнадцать человѣкъ, подавшіе Портѣ представленія, о которыхъ я въ послѣднемъ рапортѣ моемъ къ Вашему Сіятельству донесъ, еще здѣсь обрѣтаются, и живутъ въ домѣ Рейсъ-Эфендія; сказано было, что Порта намѣрена отправить ихъ безъ отвѣта, но въ самомъ дѣлѣ отложено отвѣчать на представленія ихъ, а Депутатамъ велѣно дожидаться.

Вѣнскаго Двора Посланникъ Г-нъ Тугутъ вчерась получилъ свой отзывъ и пожалованъ Барономъ, а на мѣсто его опредѣленъ Г-нъ Биндеръ, бывшій Совѣтникомъ Посольства при Министрѣ сего Двора въ Неаполѣ.

При семъ прилагаю одно письмо Прусскаго Посланника къ Вашему Сіятельству, и отъ него жъ данное мнѣ письмо къ Алексѣю Михайловичу Обрѣзкову, присланный ко мнѣ пакетъ къ Господарю Гикѣ изъ его дому, Турецкое письмо къ плѣннику, взятому въ минувшемъ году при Карасу, объ освобожденіи котораго фамилія его проситъ, и записку о дѣвочкѣ плѣнной, присланную мнѣ отъ Порты, о чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

Копія съ подлиннаго.

Въ Константинополѣ.
14 Октября, 1774 года.

ГРАФУ РУМЯНЦОВУ.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Какъ только послѣ смерти Верховнаго Визиря Муссуна-Оглу получило правленіе списокъ съ заключеннаго съ нами трактата, то тотчасъ Измаилъ-Бей сообщилъ копію съ онаго Французскому Послу; сей примѣтилъ Портѣ, что можетъ она безъ видимаго нарушенія трактата откладывать Ратификацію онаго, искать главнымъ образомъ перемѣны нѣкоторыхъ артикуловъ, пока войски наши совсѣмъ не выступятъ, а тогда уже и силою все можно будетъ обдержать, какъ по причинѣ внутреннихъ въ Россіи замѣшательствъ, которыя здѣсь гораздо увеличены, такъ и для того, что открывшіяся посредствомъ прежнихъ негоціацій мѣры Двора Россійскаго обнимали гораздо менѣе, и можно полагать на вѣрное, что Дворъ Россійской жертвуетъ для сохраненія мира тѣмъ, что сверхъ собственныхъ желаній получилъ. Нѣсколько времени сіи внушенія безплодными оставались; извѣстіе о болѣніи Вашего Сіятельства, которую здѣсь неизцѣлимою почитали, и надежда безпорядковъ и унынія въ Арміи, придало смѣлости недоброжелателямъ; правленіе пріудержалось публиковать въ городѣ трактатъ, перемѣнили Муфтія и возвели на его мѣсто настоящаго главнаго мира заключенію противника; сей возбудилъ еще больше прежняго между собратіею своею противу постановленій мирныхъ негодованіе. Но какъ Государя миролюбивые свойствы извѣстны, и что онъ персонально доволенъ миромъ, доставившимъ ему беззаботное препровожденіе времени, такожде опасались отвращенія народа отъ войны, который, полагали, тревожиться начнетъ, какъ только возстали бы новыя между Дворами раздоры, могущія нанесть опасность о возобновленіи оной, то и сами стали дѣлать разныя разглашенія, или чтобъ испытать чувства публики, или для того, чтобы возтревожить насъ, но и приготовить къ слушанію жалобъ на трактатъ и предложеній о передѣланіи онаго. Первой

слухъ, пущенной въ народѣ, что со стороны нашей нарушенъ миръ и война опять начата, дошелъ даже до флота нашего, и Г. Вице-Адмиралъ, Андрей Власіевичъ Ельмановъ, далъ коммисію здѣсь навѣрное о томъ провѣдать; слухъ сей уничтожился пріѣздомъ моимъ. Потомъ мнѣ начали говорить, что Порта посылаетъ тихимъ образомъ войски въ Крымъ, и въ то жъ самое время, при бывшемъ на сихъ дняхъ съ Рейсъ-Эфендіемъ разговорѣ объ учрежденіи, какимъ образомъ отыскивать плѣнныхъ, жаловался онъ на народъ въ Константинополѣ, коего своевольство и необузданныя уста не допущаютъ правленіе оказывать намъ все свое доброхотство; съ моей стороны отвѣтствовано, что на сіе смотрѣть не должно, объявляя внушенное мнѣ сколько ни щекотливо, не перемѣнитъ ни мыслей, ни поступковъ моихъ, для того, что оно невѣроятно. Теперь всѣми мѣрами стараются возбудить всѣхъ ненависть противу Россіянъ; въ дѣлѣ о плѣнныхъ связываютъ насъ сколько можно съ духовными; Татарскіе Депутаты ходятъ вездѣ по городу и жалуются на трактатъ, законъ Магометанской нарушающій. На сихъ дняхъ разбросали, по повелѣнію Стамбулъ-Эфендія или перваго городскаго судьи, одну Греческую церковь, кажется, будто нарочно для того, чтобъ я за нее вступился по силѣ мирнаго трактата; я разсудилъ умолчать о семъ, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, для того, что за не-ратификаціею трактата и ближайшія къ намъ дѣла, какъ-то размѣна плѣнныхъ, еще не кончены. Слухъ пустили, что послѣ Байрама Порта намѣрена объявить намъ войну; всѣ сіи разглашенія, однако жъ, и хитрости не производятъ въ народѣ того дѣйствія, котораго желаетъ коварство правящихъ и съ ними согласныхъ людей, и дѣло, кажется, сбошлось бы негоціаціею (хотя и многіе думаютъ, что отъ объявленія намъ войны зима только Порту удерживаетъ), но для оныя здѣсь необходимо нуженъ Посолъ и большое иждивеніе, для перемѣны въ нужномъ случаѣ нѣкоторыхъ чиновъ въ Министерствѣ, къ чему способы могутъ со временемъ открыться и изъ оныхъ упомянутый въ рапортѣ мною служить можетъ, тѣмъ болѣе, что тотъ человѣкъ приведенъ къ содѣйствію въ послѣдній разъ учинившихся перемѣнъ, не убѣжденіемъ, но деньгами.

Съ Татарскими дѣлами и съ письмомъ отъ Визиря къ Вашему Сіятельству, слышалъ я отъ Прусскаго Посланника, что назначиваетъ

Порта отправить Вассифъ-Эфендія. Такожде увѣдомляютъ меня, что у Порты сего дня положили свиту Чрезвычайнаго Посла; она имѣетъ состоять изъ тысячи трехъ сотъ человѣкъ, и отъѣздъ его назначали опять къ 30 Октября; но на сіе не надобно полагаться, ибо естьли покажется нужна остановка, то онъ и на дорогѣ заболѣть можетъ. Новый Волоскій Господарь старается, чтобъ Посолъ былъ отправленъ чрезъ Измаилъ, или Галацъ, на Бендеры, и представляетъ разореніе двухъ Княжествъ; да и сама Порта не очень того желаетъ, въ разсужденіи обрѣтающихся тамо въ большомъ числѣ войскъ Россійскихъ; сочиненіе маршрута для Посла повѣрено Яковакію Ризо, бывшему на Фокшанскомъ Конгрессѣ за переводчика Порты.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и всепокорнѣйшею преданностію,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

нижайшій слуга,

Христофоръ Петерсонъ.

Копія съ подлиннаго.

5 Ноября, 1774 г.

Константинополь.

Высокоповелительному Господину, Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту и всѣхъ Россійскихъ Орденовъ Кавалеру, Его Сіятельству, Графу Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Ордеръ Вашего Сіятельства, отъ 8 го минувшаго Октября ко мнѣ отправленной, имѣлъ я честь получить 19 того жъ мѣсяца, и исполнивши, поелику возможно было, предписанія Ваши въ ономъ, готовился уже отправить сего курьера, когда получилъ послѣд-

ній Вашего Сіятельства, отъ 26 Октября, чрезъ возвратившагося курьера моего, Сержанта Мавродина; но какъ и въ немъ повеленія Ваши отчасти уже исполнены, то и не хочу удерживать сего курьера, тѣмъ болѣе, что имѣю поздравить Ваше Сіятельство перемѣною въ образѣ поступковъ Порты, произведеною тою твердостію, которую Вы въ письмѣ своемъ къ Визирю оказали въ самое лучшее время для произведенія желаемаго дѣйствія. Я за долгъ почитаю донести Вашему Сіятельству подробно о всемъ, здѣсь произшедшемъ, со дня отправленія послѣдняго къ Вамъ рапорта; усмотрите здѣсь справедливость Вашихъ примѣчаній и плоды Вашей твердости.

17 прошедшаго Октября получила Порта извѣстіе изъ Крыму, о нѣкоторомъ тамъ между партизанами ея замѣшательствѣ, причинившемся, какъ сказываютъ, отъ того, что Сагибъ-Гирей вновь передался на нашу сторону, а покусившіеся атаковать часть войскъ нашихъ Татары разбиты; не знаю, правда ли сіе, или нѣтъ, и до какого степени, ибо подтвержденія о томъ послѣ ни откуды я не получалъ. Того жъ самаго дня къ вечеру былъ совѣтъ во Дворцѣ, и съ посылаемыми по разнымъ дѣламъ отъ меня къ Портѣ начали поблагосклоннѣе обходиться. Сами, Ваше Сіятельство, изволите разсудить, съ какимъ обрадованіемъ въ семъ положеніи получилъ я отъ Васъ тѣ наставленія и письмы къ здѣшнему правленію, нельзя болѣе обстоятельствамъ споспѣшествующія. Письмо Вашего Сіятельства къ Визирю того же дня къ нему отослано, а на завтрешній день, бывшій со стороны моей у Порты требовалъ уже не съ Рейсъ-Эфендіемъ, но прямо съ Верховнымъ Визиремъ о настоящихъ дѣлахъ имѣть сношеніе, не скрывая, что требуетъ онаго для того, чтобъ получить отъ него рѣшительной на все отвѣтъ, какого и Ваше Сіятельство отъ меня требуете. Но какъ до полученія помянутаго изъ Крыму извѣстія, сверхъ оказываемаго, въ слѣдствіе расположеній Порты, мнѣ недоброхотства, Рейсъ-Эфенди, въ отмщеніе, что отрекся я принять на себя открыть съ Вашимъ Сіятельствомъ о передѣланіи артикула о Татарахъ негоціаціи (къ чему меня привести онъ столько компрометировался, что наконецъ въ особенное оправданіе хотѣлъ, чтобъ я хотя и не писалъ, а обѣщалъ бы только къ Вамъ о томъ писать), даже въ самыхъ малостяхъ дѣлалъ намъ всякіе шиканствы и досады, то и встревожило сіе требованіе Рейсъ-Эфендія и переводчика Порты;

первой боялся, чтобъ я на него не принесъ жалобы, что изъ крайняго смущенія последняго довольно приметить было можно; ибо сихъ людей жребій есть безпрерывная опасность потерять жизнь, или место, и съ нимъ большую надежду, что и отнимаетъ у нихъ силу скрывать внутреннія движенія. Должно признаться, что если бъ можно было, предвидевъ все сіе, упредить надлежащихъ людей и самому къ тому приготовиться, то бы въ сей день можно было подвергнуть сихъ двухъ человекъ опасности потерять свои места. Рейсъ-Эфенди требовалъ, чтобъ ему прежде сообщены были имеющіяся у насъ дела, какъ чужестранныхъ делъ Министру, на что, наконецъ, и согласилось по тому, что при оказаніи упорства могъ бы онъ продолжить сношеніе съ Визиремъ день, или два. При разговоре съ нимъ оказывалъ Рейсъ-Эфенди всякія ласковости, и на все учиненныя тогда требованія ответствовалъ удовлетворительнымъ образомъ; обещался сочинить формы Ратификаціи къ завтрему; о сдаче Кильбурна и о изпражненіи Крыма сказалъ, что повеленія уже давно посланы и съ техъ повеленій тотчасъ далъ копіи (изъ переводовъ которыхъ сами, Ваше Сіятельство, изволите усмотреть причины претительности Очаковскаго Паши сдать Кильбурнъ); сверхъ того и все прочія мои дела тотчасъ поправлены, какъ то: переменены чауши, назначенные къ отысканію пленныхъ; определенъ чиновной для разсмотренія оныхъ; повторены строжайшія публикаціи объ объявленіи пленныхъ; въ Терсане находящимся Россійскимъ военнопленнымъ отдана за несколько дней отнятая уже у нихъ порція; запрещено продавать на рынке военнопленныхъ; находящіеся на галерахъ несколько Россійскихъ военнопленныхъ переведены въ Терсану, и обещано установить порядочные станы на дороге, по которой ездятъ наши курьеры отъ Царяграда къ Силистріи. Сію надмерную податливость со стороны Рейсъ-Эфендія нельзя было приписать другому, какъ только умыслу отнять у меня надобность представлять Визирю. А какъ и противу данныхъ отъ него вышепомянутыхъ копій нельзя было чинить возраженія, что они еще были на Турецкомъ языке, то, при заключеніи сношенія, требовано, чтобъ при аудіенціи моей у Визиря, имеющей быть 21-го того жъ месяца, принять былъ бы я безъ излишнихъ церемоніаловъ и дозволено бъ мне было, не подвергая себя этикету, постановленному въ сихъ случаяхъ, говорить Визирю о делахъ.

Въ день моей аудіенціи, къ вечеру, получилъ я сочиненную Рейсъ-Эфендіемъ форму Ратификаціи, а 26 ночью былъ я у него въ домѣ, для сличенія Ратификацій обоихъ сторонъ. Споръ объ этомъ былъ очень великой, и наконецъ принужденъ я былъ объявить то, что Ратификація въ предложенныхъ отъ нихъ терминахъ и съ перемѣною словъ въ трактатѣ, принята не будетъ, и наконецъ получилъ точное слово, что оная останется такъ, какъ есть, кромѣ одной въ ономъ рѣчи: Серъ діянети Мугамеди, на мѣсто которой хотятъ постановить: Иманулъ муслиминъ и шагинъ шаги мувсгидинъ, что значитъ: «Первой Іерей Мусульмановъ и Царь Царей вѣрующихъ въ единаго Бога»; первой экспрессіи, говорятъ, яко подлой и противной его достоинству, что Султанъ, повторяя трактатъ, самъ о себѣ сказать ни какъ не можетъ, и предаютъ на разсмотрѣніе Ваше, ссылаюсь на всѣхъ знающихъ Турецкій языкъ, что нѣтъ въ послѣднихъ двухъ экспрессіяхъ ничего противнаго основаніямъ мира. Въ слѣдствіе наставленій Вашего Сіятельства требовалъ я, чтобъ Султанъ своеручно подписалъ Ратификацію. Рейсъ-Эфенди говоритъ, что сего обыкновенія нѣтъ; я представилъ прилагаемую здѣсь выписку изъ реляціи покойнаго Вишнякова въ доказательство, что подписывалъ, и получилъ точное увѣреніе, что естьли по справкамъ сыщется въ Архивѣ хоть одинъ примѣръ тому, то Ратификація сходственно будетъ подписана. О титулѣ Султанскомъ былъ также споръ, и наконецъ согласился Рейсъ-Эфенди перемѣнить въ ономъ слова, означенныя въ двухъ прилагаемыхъ копіяхъ. Въ титулѣ Ея Величества, даваемомъ отъ сего Двора, въ тѣхъ же двухъ копіяхъ изволите увидѣть учиненныя перемѣны, и въ которыхъ знатнѣйшія есть, что, вмѣсто двухъ прилагательныхъ, хурместлю и рутботлю, въ поправленной копіи находятся слова: рутботлю достумизъ; такожде отмѣненъ весь пассажъ, слѣдующій за титуломъ настоящаго Визиря до заглавія, и въ окончаніи Ратификаціи на трактатъ внесено слово за наслѣдниковъ моихъ, котораго прежде не было, а въ Ратификаціяхъ на сепаратные артикулы оной рѣчи не будетъ, для того, говоритъ Рейсъ-Эфенди, что, именуя Султана всегда вѣчнымъ, нельзя внести слова за потомковъ его въ обязательство, имѣющееся окончиться чрезъ три года; въ самомъ же дѣлѣ, по причинѣ той, что опасаются тѣмъ дать сему дѣлу видъ подати, естьли бы Султанъ обязался и за потомковъ своихъ платить Россіи.

Я имѣлъ послать Вашему Сіятельству копію послѣдней Ратификація на Турецкомъ, Италіянскомъ и Русскомъ языкахъ, но никоимъ образомъ до сего времени не могъ получить копіи Турецкой съ оной отъ Рейсъ-Эфендія, и едва только могъ, и то, тайнымъ образомъ, достать отъ подчиненныхъ его дозволеніе, выписать изъ оной помянутые термины Турецкіе. Во время свиданія моего съ Рейсъ-Эфендіемъ можно бъ было прочитать и весь трактатъ, но за неимѣніемъ Турецкаго списка, не смѣлъ я подвергнуть себя злоумышленіямъ и хитрости сихъ людей. Еще относительно къ сей же матеріи за долгъ почитаю донести Вашему Сіятельству, что Ратификаціи Ея Величества, присланныя отъ Васъ, здѣсь вновь переведены сходственнѣе съ Русскими оригиналами и выключено изъ оныхъ, чего и въ Русскомъ нѣтъ: Вашему Султанскому Величеству отъ Нашего Императорскаго Величества дружелюбное здравіе. Потому что противу сего нельзя получить ничего отъ Турковъ; они говорятъ и пишутъ: Здравіе и миръ грядущихъ въ путь праведенъ, что значитъ послѣдователей Магомеда; но если Ваше Сіятельство заблагоразсудите никакой отмѣны не учинить въ присланномъ отъ Васъ ко мнѣ переводѣ, то я беру на себя, что оной принятъ будетъ.

Объ отдачѣ Кильбурна или, лучше сказать, о точномъ повелѣніи отдать оной, съ великимъ жаромъ говорено было Рейсъ-Эфендію. Въ бывшемъ о семъ спорѣ онъ требовалъ сначала, чтобъ Хотинъ и Бендеры прежде, или въ то же самое время, какъ Кильбурнъ намъ, Портѣ возвращены были, а потому покусился сказать, какъ намъ отдать Кильбурнъ, «не вѣдая, до чего дойдутъ Крымскія дѣла?». Сіе слово принято было съ нашей стороны должнымъ образомъ; сказано было ему все то, что въ послѣднемъ ордерѣ Вашего Сіятельства въ нужномъ случаѣ предписано говорить и, сверхъ того, объявлено, что, не могучи отвѣчать за слѣдствія, естьли Кильбурнъ въ положенное по трактату время не будетъ отданъ и войски Турецкіе не изпражнятъ Крымъ, представлено будетъ Визирю, а естьли нужно и самому Султану, запрошеніе, намѣрено ли правленіе исполнить обязательства свои по мирному трактату, или нѣтъ? Здѣсь прилагаю копію изъ даннаго послѣ того разговору повелѣнія объ отдачѣ Кильбурна съ округомъ его и съ землею, по трактату Россіи уступленною, а о

изпражненіи Крыма дано мнѣ увѣреніе, что конечно вскорѣ буду имѣть извѣстіе объ отшествіи всѣхъ войскъ Оттоманскихъ изъ границъ Татарскихъ.

О вступленіи войскъ Австрійскихъ въ Молдавію неоднократно переводчикъ Порты и самъ Рейсъ-Эфенди грворилъ со стороны нашей, утверждаясь на томъ, что отъ Вашего Сіятельства прежде ко мнѣ писано, не простирнющагося далѣе, какъ чтобъ навѣдаться, какимъ образомъ принятъ отъ поступокъ Австрійцевъ отъ Порты, и въ какомъ она противъ сего новаго явленія расположеніи остается, такожде и на образъ въ томъ поведенія Вашего Сіятельства, чтобъ, посредствомъ депутатовъ отъ Дивана Молдавскаго, испросить отъ Австрійцевъ причины ихъ вступленія, ясно доказывающихъ, что Ваше Сіятельство ищете увѣрить Порту о совершенномъ Россіи въ семъ дѣлѣ неутралитетѣ. Поданы уже здѣсь въ непроницаемой тайнѣ всѣ тѣ удостовѣренія, которыя предписываете мнѣ Ваше Сіятельство въ послѣднемъ ордерѣ Вашемъ чинить Портѣ и со всякою осторожностію; только что оныя поданы были Рейсъ-Эфендію, для того, что онъ о семъ дѣлалъ запросы, и что, считая дѣло сіе чрезвычайно деликатнымъ при настоящихъ расположеніяхъ правленія, не покусился я съ моей стороны о томъ провѣдывать, тѣмъ болѣе, что само правленіе начало къ намъ отзываться. Но касательно сего имѣю донести Вашему Сіятельству ниже слѣдующее: Рейсъ-Эфендій возвелъ претензію, по силѣ мирнаго артикула, которымъ Валахія и Молдавія возвращаются во владѣніе Порты, требовать отъ Россіи возвращеніе тѣхъ провинцій, въ томъ же самомъ состояніи, въ какомъ онѣ были, когда миръ заключенъ, и когда еще ничего со стороны Австрійцевъ не предпринято было противу сихъ провинцій, а иначе должна Порта почитать трактатъ съ нашей стороны не исполненнымъ, естьли земли, занятыя Австрійцами, не будутъ ей, равно какъ и другія, отъ насъ возвращены. Сіе было объявлено намъ первой разъ переводчикомъ Порты подъ видомъ квестіи, еще не рѣшенной. Я искалъ избѣгнуть формальнаго въ томъ отъ Порты предложенія, и объявилъ тогда же переводчику Порты, образомъ сомнѣнія, что не слѣдствія ли сіи суть прежде заключенной между Портою и Вѣнскимъ Дворомъ, во время войны съ нами, конвенціи, которою, какъ лучше Вашему Сіятельству извѣстно, обязался было Дворъ

Вѣнскій привести дѣла до того пункта, чтобъ при заключеніи мира, отданы были Портѣ всѣ наши завоеванія, и имѣлъ получить за то отъ Порты Краевской Банатъ и знатную сумму денегъ, имѣющую служить для заплаты войскъ въ пользу Порты, на границахъ своихъ долженствующихъ содержаться; половину той суммы Вѣнскій Дворъ и получилъ, а другую половину отказала Порта заплатить и ратификовать конвенцію, видя, что дѣло идетъ со стороны Вѣнскаго Двора на однѣхъ только оказательствахъ, и узнавъ, что сей Дворъ началъ входить въ другія обязательства. Казалось, что какъ настоящій Рейсъ-Эфендій не былъ противенъ заключенію сей конвенціи, во время ея постановленія, то и могъ бы онъ имѣть интересъ, узнавъ мысли мои чрезъ переводчика Порты, о таковомъ правленія мнѣніи, искать завремянно отвратить учиненіе мнѣ таковаго предложенія, къ чему многіе изъ правленія склонны уже тогда были. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того переводчика Порты разговору, до сегодняшняго ни слова отъ правленія о вступленіи Австрійцевъ въ Молдавію я не слыхалъ. Сегодня же прислалъ ко мнѣ Рейсъ-Эфенди, съ прошеніемъ пріудержать курьера, и что хочетъ онъ о нѣкоторомъ нужномъ дѣлѣ объясниться, и бывшему тамъ со стороны моей объявилъ, что получила Порта представленіе отъ Молдавцевъ, за подписаніемъ многихъ изъ Бояръ, о вступленіи не токмо, но и занятіи знатной части Молдавскаго Княжества войсками Цесарскими. И послѣ многихъ увѣреній о твердомъ намѣреніи Порты соблюсти всѣ съ нами заключенные мирные договоры, и вскорѣ осуществить свои обязательства въ оныхъ, просилъ именемъ Верховнаго Визиря, представить Вашему Сіятельству, что правленіе, въ слѣдствіе возобновленнаго искренняго между обоихъ Дворовъ дружества и по существу мирнаго трактата, пребываетъ въ ожиданіи, что оба Княжества самымъ дѣломъ возвращены Портѣ будутъ въ постановленное по трактату время; ибо хотя Порта и полагаетъ сіе дѣло гораздо менѣе, нежели объ ономъ Молдавцы представляютъ, однако жъ въ настоящемъ той земли состояніи, когда оная еще подъ владѣніемъ Россіи остается, не можетъ Порта ни возбранить Австрійцамъ вступленія въ Молдавію, естьли бы то впрямь со стороны Вѣнскаго Двора сдѣлано было, съ намѣреніемъ завладѣть частію оной, ни чрезъ своихъ освѣдомиться о существѣ того дѣла; то и надѣется, что Ваше Сіятельство, по силѣ мирнаго артикула,

возвратите то Княжество Портѣ въ цѣлости, какъ Вы его храбростію и счастіемъ Вашимъ отъ Бога получили, и какъ возвратили Вы уже другія ея области; а при томъ проситъ Васъ освѣдомиться, чрезъ посланныхъ отъ себя, какъ о намѣреніи Австрійцевъ, такъ и о количествѣ занятой ими земли и о числѣ войскъ ихъ. Съ моей стороны отвѣтствовано, что я и Портѣ не совѣтую, и самъ не осмѣливаюсь представить Вамъ сіе дѣло въ образѣ, отъ Рейсъ-Эфендія предложенномъ, что мы сами, конечно, о дѣлѣ семъ не больше думаемъ, какъ и Порта; а естьли бы оно и въ самомъ существѣ было такъ, какъ Молдавцы представляютъ, то есть, что вошли и заняли Австрійцы знатную часть Молдавіи, чтобъ не слѣдовало ни Портѣ почитать трактатъ за несоблюденный со стороны Россіи, ибо тотъ полагаемой поступокъ Двора Вѣнскаго сдѣланъ бы былъ тогда, какъ Россія свой трактатъ съ Портою заключила, и когда оному не меньше извѣстно было дѣйствительное возвращеніе тѣхъ Княжествъ Портѣ, какъ прежде намѣренія возвратить оныя, ни Вашему Сіятельству требовать отъ Австрійцовъ занятыхъ ими земель, для того, что они не Россіи, но Портѣ принадлежатъ; равномѣрно, не можете Ваше Сіятельство отъ себя чинить запрошенія Австрійскимъ начальникамъ, по той же самой причинѣ, а тѣмъ менѣе еще навѣдываться о намѣреніяхъ въ томъ Австрійцевъ, о числѣ войскъ ихъ и о количествѣ занятой земли. Сіе испытывать надлежитъ самоближайшій имѣющимъ интересъ, а не постороннимъ людямъ; что имѣетъ у себя Порта резидующаго Австрійскаго Министра, отъ котораго, или къ самому Двору его адресуясь, можетъ получать въ сомнительныхъ случаяхъ себѣ удостовѣренія, которыя не только съ нашей стороны найискреннѣйшія не однократно уже получала, но и отъ Вашего Сіятельства въ первомъ письмѣ Вашемъ о семъ дѣлѣ къ Силистринскому Пашѣ видѣла найоткровеннѣйшій поступокъ, чѣмъ и должна быть довольна. Да и отъ самаго заключенія послѣдняго Бѣлоградскаго трактата, Порта, живучи съ Вѣнскимъ Дворомъ въ мирѣ и добромъ согласіи, ежедневно умножающимися, можетъ сама обстоятельно знать, что значатъ и откуду начало свое имѣютъ поступки въ разсужденіи себя Вѣнскаго Двора, которые для насъ суть совсѣмъ новымъ и постороннимъ явленіемъ. Рейсъ-Эфендій отвѣтствовалъ, что съ прошедшихъ обязательствъ Порты съ Вѣнскимъ Дворомъ, никакъ слѣдовать не могутъ тѣ Цесарскихъ

войскъ поступки, которые нынѣ имъ приписываются, или въ самомъ дѣлѣ суть; что же касается до Австрійскаго Министра, то она спрашивала его объяснить сіе дѣло, и получила отъ него въ отвѣтъ, что самая маленькая частица, принадлежащая къ Покутіи, занята, а въ другихъ мѣстахъ ѣздятъ только Австрійскіе инженеры, для снятія картъ; что, впрочемъ, увѣреніями съ нашей стороны она чрезвычайно довольна и принимаетъ оныя, а наипаче поступокъ Вашего Сіятельства, за знакъ прямо примирившейся съ нею державы, и въ слѣдствіе искренней дружбы и откровенности обоихъ сторонъ, проситъ писать къ Вашему Сіятельству о прежде сказанномъ. Съ моей стороны отвѣтствовано, что прійму я на себя представить о томъ Вашему Сіятельству, но не иначе, какъ въ образѣ дружеской просьбы со стороны Визиря о лучшемъ изъясненіи того дѣла, и что прійму и письмо Визиря къ Вашему Сіятельству, только чтобы оно не иначе, какъ въ томъ же самомъ смыслѣ написано было. Рейсъ-Эфенди сказалъ, что впрямь Визирь намѣренъ былъ писать чрезъ моего курьера и при моемъ рапортѣ къ Вашему Сіятельству, но что боится увеличить сіе дѣло, а потомъ, послѣ окончанія уже разговора, прислалъ сказать, что и Визирь рѣшился писать къ Вамъ, и проситъ о доставленіи и препровожденіи своего письма, хотя предъявленнымъ со стороны моей образомъ.

О Посольской свитѣ и о прочемъ, къ тому относящемся, постараюсь я имѣть найпространѣйшее свѣдѣніе, и чрезъ имѣющагося отправиться отселѣ курьера, вслѣдъ за нынѣ ѣдущимъ, буду имѣть честь донести Вашему Сіятельству. Я уже всю архиву для сего перерылъ, но ничего въ ней о томъ сыскать не могъ. Господинъ Пизаній и Дандрій, пребывающіе въ Романѣ, яко люди, при таковыхъ оказіяхъ прежде употребляемые, могутъ подать между тѣмъ довольное въ сей матеріи объясненіе; а я только здѣсь за нужное почитаю Вашему Сіятельству донести, что Порта предполагаетъ нынѣ отправить своего посла 10 Ноября, и ожидаетъ только, какъ увѣряетъ меня въ томъ Рейсъ-Эфенди, извѣстія отъ Вашего Сіятельства о принятіи сего ея расположенія. Я же вѣрно знаю, что отъѣздъ онаго отложенъ послѣ Байрама, тѣмъ временемъ росписаны станціи для Посла, копію того росписанія здѣсь прилагаю, вмѣстѣ съ запискою на Турецкомъ языкѣ, назначенной

для его свиты. Слышно, что Посольство сіе очень великолѣпно быть имѣетъ.

Полномочіе, данное мнѣ отъ Вашего Сіятельства въ издержаніи толь великой суммы, пріемлю я за знакъ довѣренности Вашей, за которую, доказываемую мнѣ еще болѣе изъявленіями моего Ордера, нижайшее приношу благодареніе. А какъ теперь вступленіе Цесарскихъ войскъ въ Молдавію, [illegible] можетъ учиниться препятствіемъ Ратификаціи трактата, то, по усмотрѣнію, впредь употреблю я полномочіе, данное мнѣ съ предписанными кондиціями къ совершенію сего дѣла. Впрочемъ, твердость, оказанная Вашимъ Сіятельствомъ, произвела такую въ поступкахъ правленія перемѣну, которой едва отъ истощенія половины суммы можно бы было надѣяться.

Мнѣ о передѣланіи пункта о Татарахъ уже перестали говорить, да и Татарскихъ Депутатовъ начинаютъ худо трактовать. Мнимое Россіи изнеможеніе и подущенія постороннихъ, отъ недоброжелательства происходящія, или въ надеждѣ остаться потребными и нужными, какъ весьма справедливо Ваше Сіятельство примѣчаете, составили всю машину, которую письмо Ваше къ Визирю почти опровергнуло, разрѣшеніемъ въ томъ единомыслія всѣхъ, что можно угрожeніемъ новой войны получить что нибудь отъ Россіи. Мнѣніе Вашего Сіятельства объ извѣстномъ человѣкѣ, отъ котораго два пакета къ Вамъ при семъ прилагаю, оправдаемо еще тѣмъ, что онъ самъ искалъ сначала вперить въ меня необходимость поступить на изъясненіе артикула о Татарахъ желаемымъ отъ Порты образомъ, а теперь уже думаетъ, что можно безъ того обойтиться.

Касательно сего предъявляю я Вашему Сіятельству откровенно мое мнѣніе, яко моему благодѣтелю. Естьли съ тою же твердостію съ нашей стороны поступаемо будетъ до самаго выхода всѣхъ войскъ изъ Крыма, отдачи Кинбурна и размѣны Ратификацій, то престанетъ Порта до того времени докучать Вамъ и мнѣ, а начнетъ опять того требовать, когда станемъ мы дѣлать постановленія относительно къ комерціи.

Содержавшіеся въ Едикулѣ военноплѣнные, на честное мое слово выпущены и живутъ нынѣ въ Перѣ. Другіе военноплѣн-

ные ежедневно у меня умножаются; больныхъ между ними очень много, и принужденъ былъ сдѣлать госпиталь и взять доктора и лѣкаря; необходимо нужно по человѣчеству и для публики имѣть объ нихъ всякое попеченіе. Доктору опредѣлилъ я 60 піастровъ на мѣсяцъ, а лѣкарю 30; меньше право дать нельзя, а деньги у меня уже всѣ истощены; я принужденъ ежечасно дѣлать маленькіе подарки: безъ того здѣсь никакъ обойтиться нельзя.

Покорно прошу Вашего Сіятельства прислать мнѣ, по крайней мѣрѣ, хоть 10 тысячь, или 15 тысячь рублевъ; ибо у меня, какъ сами изволите увидѣть изъ прилагаемыхъ при семъ счетовъ, ничего изъ экстраординарной суммы не остается; но я принужденъ былъ занять превосходящее число суммы 1,000 червонныхъ, считая по 4 левка червонный.

Г. Пизаній, принятый въ службу нашу во время Фокшанскаго Конгресса, человѣкъ честной и достовѣрной, а притомъ необходимо нуженъ для того, что у меня никого къ словеснымъ сношеніямъ, къ примѣчаніямъ за переводами переводчика Порты и къ Турецкому письму, нѣтъ довольно знающаго Турецкой языкъ; служитъ при мнѣ за перваго переводчика; для него необходимо нужно назначить ту же самую пенсію, которую другіе получаютъ; я Вашему Сіятельству за знаніе и честность его отвѣчаю.

Прибылъ сюда на сихъ дняхъ Россійской военной фрегатъ «Наталія» съ тремя транспортными судами, подъ командою Г. Бригадира Борисова, флота Капитана, съ письмомъ къ Визирю, которымъ требуетъ Вице-Адмиралъ и Кавалеръ, командующій всѣмъ флотомъ въ Архипелагѣ, Андрей Власьевичъ Ельмановъ, съѣстныхъ припасовъ и досокъ, потребныхъ въ флотъ, о чемъ и съ моей стороны поданъ къ Портѣ меморіалъ, и стараться буду отправить во флотъ оному принадлежащихъ нашихъ военноплѣнныхъ, въ разсужденіи томъ, что помянутый Вице-Адмиралъ Ельмановъ прислалъ къ Портѣ до 100 человѣкъ Турецкихъ плѣнныхъ.

Въ продолженіи войны доставляющіяся въ полонъ флоту непріятельскія суда, часто продаваемы были разнымъ партикулярнымъ людямъ, въ чемъ и Порта, находя свой счетъ, запретила возвращать купленныя отъ флота нашего суда прежнимъ ихъ хозяевамъ. Сей промыселъ вдругъ былъ прекращенъ заарестова-

ніемъ недавно въ Смирнѣ двухъ купленныхъ во флотѣ судовъ, съ крайнимъ убыткомъ флота; ибо тамъ много такихъ судовъ и продаваемы они были довольно хорошо; на представленіе мое, учиненное по увѣдомленіи меня о томъ отъ Г. Феріери, возвращена вольность той продажи.

Въ пополненіе сего имѣю еще донести Вашему Сіятельству то, что дошло до свѣдѣнія моего касательно настоящаго верховнаго Визиря, Иззетъ-Магметъ Паши. Онъ еще человѣкъ молодой и предпочтенъ соперникомъ своимъ по рекомендаціи, купленной отъ него, наименованной въ прежнемъ рапортѣ моемъ персоны; по возвышеніи остался умѣренъ и учтивъ, или по собственной добродѣтели, или по причинѣ той, что нынѣ царствуютъ фавориты, которыхъ онъ и всѣ, кромѣ духовенства, ласкаютъ; впрочемъ, миловиденъ, осанистъ, не застѣнчивъ и говоритъ хорошо — обстоятельства, кои могутъ, естьли онъ останется долго на мѣстѣ, ввести его въ кредитъ; а теперь, какъ не имѣетъ онъ ни родства въ большомъ духовенствѣ, ни великой репутаціи въ народѣ, то и кредитъ его малъ; впрочемъ, я не знаю, чтобы онъ персонально былъ намъ противенъ.

Покойнаго Визиря жена, сестра настоящаго Султана, мало по малу послѣ смерти мужа отдѣлилась отъ Двора, и приключившаяся въ Министерствѣ перемѣна уничтожила почти совсѣмъ ея въ дѣла втеченіе. Фавориты настоящаго Султана суть: Язведжи-Эфенди, Селиктаръ-Ага и нѣкоторой Карель.

Аудіенцію у Визиря имѣлъ я, какъ выше упомянуто, 12 минувшаго мѣсяца, принятъ и угощенъ съ великою отличностію, и противу Министровъ втораго класса.

Назначенный на мѣсто Господина Тугута не скорѣе предбудущаго Маія мѣсяца въ Царьградъ пріѣдетъ.

Бывшіе въ службѣ нашей во время войны арматеры, послѣ окончанія одной, начали разбивать и грабить. Недавно получено извѣстіе о разбитіи одного Французскаго большаго судна и умерщвленіи безчеловѣчнымъ образомъ всего экипажа, и ежедневно объ оныхъ слышно той подобныя вѣсти; для преслѣдованія сихъ разбойниковъ, командирована отъ Г. Вице-Адмирала и Кавалера Ель-

манова флотилія, подъ предводительствомъ Контръ-Адмирала Грейга. Порта, съ своей стороны, послала повелѣнія о преслѣдованіи оныхъ.

Прилагаю при семъ два письма отъ Визиря, письмы отъ Рейсъ-Эфендія и Г. Тугута къ Вашему Сіятельству, письмо отъ Цигелина къ Его Сіятельству, Князю Николаю Васильевичу, большой пакетъ къ Гикѣ Бею, отъ его жъ ко мнѣ присланной, и къ нему же письмо изъ дому его, письмо отъ Рейсъ-Эфендія къ Вассифъ-Эфендію, и разныя записки объ освобожденіи плѣнныхъ и съ жалобою на бывшаго Комендантомъ въ Аккерманѣ.

Съ хорошаго мѣста дано мнѣ подъ величайшею тайною знать, что Французы стараются теперь въ лучшее состояніе привести свои коммерческіе съ Портою договоры, и распространить свое купечество дозволеніемъ торговать въ Черномъ морѣ. Г-ну Тору повелѣно вылить семьдесятъ 36-ти фунтовыхъ пушекъ, для снабдѣнія оными замковъ въ устьѣ Чернаго моря.

О чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

Переводъ.

Реестръ свиты Посольской.

Поповъ	2
Дьяконовъ	2
Кехая и внутреннихъ Аговъ	50
Церемонимейстеръ и прочихъ Аговъ	50
Внѣшнихъ Аговъ	50
Чегодаревъ	50
Секретаревъ	15
Диванскихъ писарей	44
Военныхъ людей	34
Литаврщиковъ	35
Ординарцовъ	20
Конюховъ	14

Убирателей лошадей	10
Лѣкарей	3
Водовозовъ	20
Поварей	20
Масаладжіевъ, которые ночью предъ обозовъ носятъ огонь	50
Харбаянъ, работники	91
Погоньщиковъ	68
Переводчикъ съ 10-ю человѣками	11
Портныхъ	26
Коноваловъ	3
Партикулярныхъ слугъ	33

Копія съ подлиннаго.

28 Ноября, 1774 года.
Въ Константинополѣ.

Высокоповелительному Господину Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Президенту и всѣхъ Россійскихъ орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцову,

Рапортъ.

Въ слѣдствіе повелѣнія въ послѣднемъ Ордерѣ Вашего Сіятельства, старался я освѣдомиться у Порты о всемъ, относящемся какъ къ нашему, какъ и къ ихъ Посольствамъ, а найпаче требовалъ, чтобъ точно мнѣ объявлено было, въ которой день имѣетъ отправиться Турецкой Посолъ изъ Царяграда, когда имѣетъ прибыть на мѣсто размѣны Посольствъ, и какое мѣсто назначиваетъ для того Порта; но ни коимъ образомъ не могъ получить о томъ вѣрнаго извѣстія, и я уже теперь ничего не имѣю донести Вашему Сіятельству о Турецкомъ Послѣ. Рейсъ-Эфенди послѣдній разъ объявилъ, что получила Порта извѣстіе объ отъѣздѣ Его Сіятельства, Князя Николая Васильевича Репнина, изъ арміи въ Петербургъ, и что теперь тѣмъ меньше слѣдуетъ намъ настоять въ требованіи отправленія Посла Блистательной Порты; я отвѣчалъ, что нашъ Посолъ въ Кіевѣ во всей готовности находится ѣхать,

однако жъ, ничего не могъ предуспѣть. Я вижу, что препятствіемъ всему суть безпрестанныя представленія, какъ отъ Крымскихъ, такъ и отъ всѣхъ, разсыпанныхъ въ Ромеліи, Чингизской фамиліи Султановъ, и надежда со стороны Порты, поддерживаемая, конечно, посторонними внушеніями и упорностію духовенства, какимъ либо образомъ получить наконецъ желаемое. Я имѣлъ о дѣлѣ семъ приватное изъясненіе отъ персоны, нынѣ довольно много значущей, и какъ оное кажется мнѣ яснѣе всего того, что въ тмѣ разговоровъ о дѣлѣ семъ ни было сказано, то я за долгъ почитаю о томъ Вашему Сіятельству донести.

Сверхъ Алкорана, содержутъ Турки въ равной святости и почтеніи книгу, Хадызи Шеривъ имянуемую, или слова Магометовы, собранныя отъ возлюбленнѣйшихъ имъ учениковъ его и отъ нихъ преданныя святохраненію и исполненію Мусульмановъ; въ сей-то книгѣ, а не въ Алкоранѣ, предписано быть единой главѣ Мусульмановъ; здѣсь же написано и то, что естьли возстанетъ какой нибудь Князь Магометанской, то долженъ онъ покориться Калифу, и съ его уже благословеніемъ воевать противу невѣрныхъ, въ знакъ чего и посылалась отъ Калифовъ сабля и грамота, называемая Нишанъ Хылафетъ, что значитъ священной знакъ Калифейской. Въ исполненіе сего точно предписанія, и самъ Султанъ получаетъ, при возвышеніи своемъ на престолъ, саблю, которую препоясываетъ ему Накибуль Эшеефъ, представляющій или на тотъ случай намѣстникъ Мекскаго шерифа. Знаки Калифейства суть: Гутбо или молитва, въ которой въ самомъ дѣлѣ не Государь, но Калифъ прославляется, Тура или имя, начертанное нѣкоторымъ вензелемъ, и Мурасемъ или дозволеніе судить дѣла по священному праву или по Алкорану, и давать на оныя свою сентенцію, ибо у нихъ другаго права нѣтъ, кромѣ духовнаго. Ереси уничтожаютъ сію духовную зависимость; Персіяне, яко отщетившіеся, не признаютъ Султана Калифомъ. Сія часть закона Магометанскаго суевѣрію, невѣжеству и злоумышленію служитъ извиненіемъ въ упорствѣ.

Султанъ и правленіе желаютъ мира; Государство не въ состояніи сносить новой войны тягостей, при непослушаніи и своевольствѣ народномъ, возрастшихъ въ публичныхъ несчастіяхъ и крайне опасныхъ при извѣстной каждому слабости Государя. Та-

тарскія дѣла скучны и досадны какъ Государю, такъ и правленію, яко препятствующія наслаждаться нужнымъ каждому покоемъ и умножающія трудное Государства положеніе; поведеніе Татаръ во время войны вперило въ сердца вышнее къ нимъ презрѣніе, къ чему присовокупившееся внутреннее признаніе превосходства силъ Россіи, уничтожаетъ всякое желаніе что нибудь предпринимать противу нынѣшняго ихъ состоянія. Тайная причина, для которой съ толикимъ жаромъ представляютъ Румельскіе Султаны, есть страхъ потерять даваемыя имъ изъ казны пенсіи и предусматриваемая ими необходимость искать хлѣба въ земли бѣдной у Хана, коего они отъ нѣсколькихъ вѣковъ, при частыхъ Хановъ перемѣнахъ, пріобыкли мало почитать. Въ Константинополѣ ропщутъ одни для того, что боятся потерять женщинъ своихъ, другіе для того, что теперь все дорого и каждой собственную нужду, или неудовольствіе, покрываетъ претекстомъ нарушенія вѣры и уничтоженія закона. Все сіе Государю извѣстно, но онъ принужденъ льстить духовенство, не только для уваженія достойной власти онаго, но и для того, что не имѣетъ онъ дѣтей и нѣтъ вѣроятности, чтобы оныя отъ него быть могли. Естьли сіе изъясненіе заключаетъ въ себѣ тѣ же самыя мѣры, которыя и прежде Порта имѣла, но по крайней мѣрѣ носитъ видъ доброй вѣры.

Вѣнской Посланникъ на сихъ дняхъ далъ чувствовать Портѣ виды своего Двора, склоняющіеся къ присвоенію Краевскаго Баната, части Молдавіи, къ Покутіи принадлежащей, и къ удержанію другой части того же Княжества, пока не выплачена будетъ сумма, по трактату уговоренная; правленіе, избѣгая войти прямо съ нимъ въ разговоры, прежде дало коммиссію Яковакію Ризо, агенту Господаря Гики при Портѣ, трактовать съ Г-мъ Тугутомъ; сей всемѣрно старался свалить оное съ себя, и я имѣю резоны думать, что по его наущеніямъ сдѣлано мнѣ было то предъявленіе, о которомъ я имѣлъ честь донести Вашему Сіятельству въ послѣднемъ моемъ рапортѣ. Теперь Порта, не объяснясь прямо съ Министромъ Вѣнскаго Двора, ищетъ разными образы свѣдать у другихъ Министровъ, что думаютъ ихъ Дворы о семъ поступкѣ Австрійцевъ.

У Прусскаго Посланника спросили: естьли его Государь намѣренъ индеферентнымъ окомъ смотрѣть на сіе дѣло, Француз-

скому Послу съ самаго начала дано о томъ знать, и онъ медіацію своего Двора предъявилъ для окончанія дѣла дружелюбнымъ образомъ, увѣряя, что, по обстоятельствамъ родства и союза его Государя съ Домомъ Австрійскимъ, можетъ Франція много вспомоществовать Портѣ. Мнѣ дано стороною знать, что желала бъ Порта, чтобы Россія гарантировала ей два Княжества; я отвѣчалъ, что таковое предложеніе сродно между собою дѣлать въ вышней степени откровенности и дружбы пребывающимъ Дворамъ, а не въ настоящемъ положеніи Россіи съ Портою, когда еще ни трактатъ послѣдняго подтвержденія не получилъ, и не исполнены обязательства въ ономъ.

Поведеніе здѣшняго правленія въ разсужденіе Австрійцевъ есть примѣчанія достойное, съ наружности изъ чинимыхъ часто довѣреннымъ людямъ отъ вышнихъ въ правленіи особъ жалобъ видѣть можно, что почитаютъ они сей поступокъ Вѣнскаго Двора пребеззаконнымъ и боятся слѣдствій онаго; но въ настоящемъ Государства внутреннемъ состояніи, иные не смѣютъ по надлежащему начать разбирать сіе дѣло, опасаясь быть принужденными вскорѣ кончить оное по желанію Австрійскаго Двора; а другіе, почитая несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Порты и съ закономъ уступить безспорно часть Имперіи Магометанской, и не зная, однако жь, способовъ къ отвращенію того, и слышать не хотятъ о семъ произшествіи.

При семъ расположеніи Порты я не понимаю, для чего она тотчасъ не приняла предполагаемой медіаціи Французскаго Двора, ибо открывшіеся прежде виды онаго къ разпространенію своей торговли, могутъ служить удостовѣреніемъ, что Дворъ Французской и для собственной пользы зависящей, естьли бъ началась таковая негоціація, отъ удовольствованія Порты, преклоненъ былъ бы къ интересамъ сего Государства. Можетъ быть, что отчаяніе получить что нибудь негоціаціею и подозрѣніе, что съ согласіемъ Вѣнскаго Двора учинено таковое предложеніе, суть причиною нерѣшимости Порты до сего времени, принять Французскаго Двора медіацію.

Здѣсь во всѣхъ дѣлахъ, которыя вдругъ исполненія своего не возымѣютъ, прежде принятія резолюціи, истощаютъ мало по малу

довольно времени всевозможныя подозрѣнія; дѣлаются сходбища у Муфтія, у Кодылескеровъ, у Визиря, и тутъ уже мнительность, сомнѣніе, врожденныя Туркамъ, и то, что каждый нѣкоторымъ образомъ отвѣчаетъ за собственной свой совѣтъ, раждаютъ день отъ дня перемѣнчивыя, а часто и противорѣчущія, мнѣнія.

Мысль, чтобъ Россія гарантировала два Княжества, доказываетъ, по крайней мѣрѣ, уваженіе Порты къ силамъ ея, и что предпочитаетъ она дружбу съ нами. Сіе полагать можно не только на обстоятельствахъ войны и мира и на внутреннемъ убѣжденіи ея, не знаю, отъ кого произведенномъ, что принужденно вошла Россія во время войны въ обязательства, кои могутъ казаться ей обоюдными, но и на томъ, что образъ поведенія съ Портою нѣкоторыхъ Державъ, долженъ представляться Портѣ въ весьма худомъ видѣ. Разныя уваженія, а найпаче то, что конечно Вашему Сіятельству извѣстны всѣ тѣ произшествія, удерживаютъ меня подробно Вамъ оныя доносить.

На всемъ вышесказанномъ утверждаясь, и чтобъ продолжить, естьли можно, нерѣшимость Порты къ предложеніямъ Франціи, которою, яко добрымъ для насъ обстоятельствомъ, можетъ быть Ваше Сіятельство заблагоразсудите воспользоваться, искалъ я вновь подать правленію, во первыхъ, точнѣйшія увѣренія объ искреннемъ намѣреніи Россіи жить съ Портою въ дружбѣ и согласіи, на основаніи, въ мирныхъ договорахъ единожды положенномъ, что неучастна Россія новымъ противу Порты предпріятіямъ, соображался въ таковыхъ увѣреніяхъ предписаннымъ мнѣ отъ Вашего Сіятельства уваженіямъ и осторожностямъ; а при томъ далъ чувствовать въ доказательство того, что хотя и предлежитъ Россіи самый кратчайшій путь къ окончанію дѣлъ своихъ съ Портою, сильною рукою принудить ее, при настоящихъ Порты худыхъ обстоятельствахъ, къ исполненію трактата и къ утвержденію онаго послѣднимъ торжественнымъ актомъ, со всѣмъ тѣмъ, вѣдая миролюбивыя намѣренія нашего Двора, я бы дорого заплатилъ, чтобъ склонить правленіе къ скорой размѣнѣ ратификацій, независимо отправленія Посольствъ, единственно для того, чтобъ начать съ Портою единожды обходиться дружественно и откровенно. Сіе внушеніе произвело нѣкоторое дѣйствіе, и въ откровеннѣйшихъ послѣ того сно-

шеніяхъ на мѣрѣ положено слѣдующее, съ договоромъ и честнымъ словомъ, что останется навсегда въ тайнѣ, принято ли, или не принято будетъ Вашимъ Сіятельствомъ.

Размѣнить ратификацію здѣсь въ Константинополѣ, какъ и прежде то учинено было, и прислать оную сюда сколько можно тайно, дабы никто изъ правленія и изъ чужестранныхъ Министровъ не дознался, что она здѣсь; ибо они сами о большей части своихъ сомнѣваются, и въ оную (близъ Тура подписанную тѣми словами: Лявзь бѣлявзь Макбулъ Гумаюнымдыръ, то есть: слово отъ слова принято нашимъ Императорскимъ Величествомъ, своеручно Султаномъ) внести трактатъ слово отъ слова, такъ какъ оной есть безъ малѣйшей отмѣны, кромѣ той одной рѣчи, какъ я уже доносилъ Вашему Сіятельству въ послѣднемъ рапортѣ: Имануилъ Мусламинъ ве Шагинъ Шаги Мувсгидинъ, то есть, первоіерей Мусульмановъ и Царь Царей вѣрующихъ во единаго Бога. Ни слова не говоритъ о Таманѣ, или о занятіи какого бы то ни было мѣста въ земляхъ, уступленныхъ Татарамъ; также и о перемѣнѣ чего нибудь другаго въ трактатѣ. А послѣ дѣйствительной уже размѣны имѣть повелѣніе отъ Вашего Сіятельства письменную учинить декларацію, объясняющую пунктъ въ 3-мъ артикулѣ, начинающійся словами: «Въ духовныхъ же обрядахъ», на основаніи прилагаемой на 3-хъ языкахъ ноты. Шестьсотъ мѣшковъ денегъ, но ни полушки прежде дѣйствительной размѣны. И словесное съ стороны моей обѣщаніе, что никакой наглости не будетъ съ моей стороны, въ отысканіи плѣнныхъ Грузинскихъ; такожде, что и Ваше Сіятельство, дружелюбно увѣдомите Князя Николая Васильевича, чтобъ по пріѣздѣ своемъ сюда употребилъ въ семъ же дѣлѣ нѣкоторое снисходительство. Чрезъ 20, или, по крайней мѣрѣ, чрезъ 30 дней, считая отъ отправленія сего курьера, обѣщалъ я отъ Вашего Сіятельства отвѣтъ, принято ли, или не принято, Вашимъ Сіятельствомъ будетъ сіе расположеніе, всегда однако жъ согласной съ трактатомъ; а до того времяни дѣло останется совсѣмъ закрыто.

Естьли Ваше Сіятельство заблагоразсудите слѣдовать сему расположенію, то, вмѣстѣ съ ратификаціями и деньгами, надобно прислать и формы тѣхъ декларацій, коихъ надобно бы сочинить двѣ, или три, совсѣмъ согласныя съ смысломъ 3-го артикула и

установленіемъ вольности и независимости Татарской, обращая изъ оныхъ во благо обоюдныя, или несходственныя съ тѣмъ установленіемъ, слова помянутой ноты, которую для того на трехъ языкахъ, какъ выше упомянуто, посылаю; прислать оные ко мнѣ сколь можно тайнѣе, дабы по полученіи могъ я взять мои мѣры и воспользоваться обстоятельствами къ достиженію желаемаго успѣха. Въ такомъ случаѣ нужно бы было, какъ о томъ и съ ними уговорено, имѣть отъ Вашего Сіятельства кредитивное письмо, для размѣны ратификацій, и для поданія деклараціи предписаннымъ отъ Васъ образомъ.

Назадъ тому нѣсколько дней, какъ получилъ Визирь письмо отъ Хана Сагибъ-Гирея, въ которомъ пишетъ, что чинъ Калги Султана уже давно никѣмъ не занятъ, проситъ Визиря, чтобъ присланъ былъ къ нему Бахти-Гирей, и чтобъ Султанъ далъ ему на оной чинъ отъ себя баратъ, то есть, патентъ; провѣдовавши о томъ, и что Порта хочетъ удовольствовать Хана, съ моей стороны представлено было, что Ваше Сіятельство почтете, конечно, сей поступокъ за противной независимости и самодержавію Хана, естьли Порта захочетъ давать патенты на чины въ Крымъ, а что, впрочемъ, можетъ Визирь словесно, или письменно, увѣдомить Бахты-Гирея о милостивомъ намѣреніи Хана и съ своей стороны одолжить его Іо'ль Ферманомъ, то есть, подорожной. Порта ни того, ни другаго не сдѣлала, а велѣла только словесно сказать Бахты-Гирею, что онъ можетъ ѣхать, естьли только хочетъ.

Здѣсь постановлено, что всѣ иностранные корабли и суда военныя и купеческія получаютъ отъ Порты ферманы для проходу Дарданелей; сему установленію всѣ иностранныя націи подвергаются. Пользуясь обстоятельствами дружелюбнаго сношенія съ Портою, требовалъ я пропускнаго фирмана одному изъ транспортныхъ судовъ, для открытія въ Черномъ морѣ кораблеплаванія, а притомъ, чтобы провѣдать, естьли въ самомъ дѣлѣ оставили Турецкіе войски Крымъ, какъ о томъ Порта формально мнѣ объявила, тако жъ и о Крымскихъ внутреннихъ дѣлахъ. Порта сначала отказывалась дать ферманъ подъ разными претекстами: что ратификаціи еще не размѣнены, комерція не начата, и что то судно нельзя почитать купеческимъ (въ самомъ дѣлѣ были на ономъ пушки и военнослужащіе и командовалъ имъ Г-нъ флота-Лейтенантъ и

Кавалеръ Войновичъ); а наконецъ дала мнѣ чувствовать, что кораблеплаванiе установлено въ трактатѣ на томъ же основанiи, какъ и протчiя Державы оное имѣютъ, которыхъ суда не ходятъ въ Черномъ морѣ. Зная всю важность сего пункта, я на сiе нескладное Р.-Эфендiя предъявленiе за долгъ почелъ отвѣчать, что при первомъ благополучномъ вѣтрѣ судно и безъ фермана пойдетъ въ Черное море, и естьли изъ замковъ по немъ стрѣлять станутъ, то оное имѣть будетъ повелѣнiе отстрѣливаться; въ отвѣтъ на сiе присланъ отъ Порты ферманъ для пропуску подъ именемъ купеческаго судна, со всѣмъ сходственный съ моимъ требованiемъ; судно, выходя, салютовало фрегатъ.

Въ Персiи Керимъ-Ханъ и Мустафа-Ханъ Узбековъ, вооружившись, требовали отъ Порты возвращенiя занятыхъ ею земель, принадлежащихъ къ ихъ владѣнiямъ, первой грозилъ нападенiемъ на Багдадъ, а другой набѣгомъ въ противолежащiя ему Турецкiя области, въ случаѣ естьли откажетъ Порта сдѣлать имъ удовольствiе. Правленiе отправило Пословъ къ Керимъ-Хану Ходжегана Вейби-Эфендiя, а въ Узбекъ къ Мустафѣ-Хану Ходжегана же Вейси-Эфендiя съ подарками, для окончанiя дружелюбнымъ образомъ сего дѣла и, какъ сказываютъ, для признанiя ихъ обоихъ владыками Магометанскими, каждаго въ своемъ мѣстѣ; въ подарокъ послано къ каждому: шуба, сабля и кинжалъ, обыкновенные въ подобныхъ случаяхъ.

Торжество тезоименнитства Ея Императорскаго Величества, случившееся въ первой день Байрама, праздновано было здѣсь на военномъ фрегатѣ Наталiя, и по окончанiи благодарственнаго молебна производилась пушечная пальба съ помянутаго фрегата и двухъ транспортныхъ судовъ. Сiи послѣднiя по нагруженiи на другой день отправились въ Бѣлое море.

Изъ прилагаемыхъ здѣсь списковъ Ваше Сiятельство усмотрѣть изволите, коликое число и званiе находящихся здѣсь военноплѣнныхъ.

Кадылескеръ Муратъ Мулла, по окончанiи уреченнаго для сихъ чиновъ времяни онаго года, смѣненъ прошедшаго 27-го Ахметъ Муллою.

Слухъ носится, что и въ другихъ чинахъ имѣетъ быть перемѣна, обыкновенно въ настоящее время, то есть, послѣ Байрама всѣ чины перемѣняются, или вновь подтверждаются.

Проѣзжавающимся на сихъ дняхъ въ шлюбкѣ близъ Серая морскимъ нашимъ Офицерамъ, Султанъ, освѣдомившись объ нихъ, прислалъ весьма благосклонно сказать, чтобъ они поберeглись на поверхности воды большихъ камней, опасныхъ при быстромъ теченіи въ томъ мѣстѣ.

27-го минувшаго, до 200 янычаръ, называемыхъ Лазы, подгулявши, погнались за тремя иностранными, сіи скрылись въ нѣкоторой домъ, а Лазы пробѣжали сквозь Перу, выломили двери и выбили камнями всѣ окошки на улицу у Прусскаго Посланника и прибили его швейцара, застрѣлили кучера Вѣнскаго Посланника, прибили жъ его швейцара, а потомъ, близъ дому Французскаго Посла, ранили одну женщину, Француженку.

При наступленіи Байрама, нѣкоторыхъ здѣсь чиновныхъ за нужное почелъ я подарить, на что и издержалъ тысячу пять сотъ сорокъ левка.

Здѣсь прилагаю письмо къ Вашему Сіятельству отъ Прусскаго Посланника, другое отъ него жъ къ Его Сіятельству, Князь Николаю Васильевичу Репнину, и одно партикулярное Турецкое письмо.

Отправленіе сего курьера промедлилось по причинѣ прошедшаго Рамазана.

О чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

P. S. При отправленіи сего курьера получилъ я ордеръ Вашего Сіятельства, отъ 14-го Ноября ко мнѣ отправленной, и касательно жалобы, принесенный на меня, на образъ поведенія моего отъ лица Визирскаго, Вассифъ-Эфендіемъ, пріемлю смѣлость Вашему Сіятельству донести нижеслѣдующее. Что касается до политическихъ дѣлъ, правда, что времянемъ говорятся Туркамъ рѣчи, которыя имъ не могутъ быть пріятны; но сіе дѣлается съ моей стороны по истощеніи уже доказательствъ и найучтивѣйшихъ представленій. Со всѣхъ рапортовъ моихъ, въ которыхъ единожды предположилъ я найподробнѣйшія вѣдать Вашему Сіятельству описанія о всемъ, происходящемъ между мною и Министерствомъ, усмотрѣть изволите, что принужденно я всегда къ тому приступалъ и когда другаго уже способу мнѣ не оставалось Я часто

имъ говорю, что не осмѣливаюсь писать къ Вашему Сіятельству для того, чтобъ или кончить нескладныя предложенія, часто мнѣ отъ нихъ дѣлаемыя, или же заставить ихъ самихъ переправлять оныя, для учиненія ихъ предлагаемыми.

Что же касается до отысканія плѣнницъ Грузинокъ, то я до сего времяни еще ихъ не искалъ, и у меня, кромѣ трехъ престарѣлыхъ, отданныхъ мнѣ самимъ Эфендіемъ, никого изъ женщинъ сей націи нѣтъ; правда, что я оставилъ Туркамъ полную волю бояться строгаго отысканія плѣнницъ, и оставлю ихъ въ томъ же положеніи, пока не получу отъ Вашего Сіятельства, по точномъ теперь увѣдомленіи, повелѣнія иначе поступить.

Женщина, за которую жаловался на переводчика Лошкарева Вассифъ-Эфенди, есть Полька, а не Грузинка; оная принадлежала Топчи-Башѣ, и отдана была намъ самимъ Рейсъ-Эфендіемъ, у котораго послѣ Топчи-Баша ее просилъ для того, что она смотрѣла за дѣтьми его. Рейсъ-Эфенди требовалъ ея отъ меня обратно, я ему отказалъ; въ непріятные о семъ дѣлѣ переговоры употребленъ былъ переводчикъ Лошкаревъ, и я чувствительно о томъ сожалѣю, что, служа онъ съ ревностію и искуствомъ, можетъ быть Ваше Сіятельство имъ недовольны.

Еще за долгъ почитаю донести Вашему Сіятельству о томъ порядкѣ, съ которымъ здѣсь отыскиваются военноплѣнные. Опредѣлены отъ Порты два чауша съ Ферманами, въ которыхъ повелѣвается каждому объявлять плѣнныхъ и плѣнницъ, выключая добровольно законъ Магометанскій принявшихъ. Чаушъ входитъ въ домъ Турецкой, а переводчикъ, пока не позванъ, остается за дверьми; естьли хозяинъ представитъ плѣнныхъ, то и спрашиваютъ ихъ: Христіяне ли они? Перемѣнившіе законъ остаются у хозяина, а другихъ ведутъ къ Портѣ: тутъ они вновь должны подтвердить, что Христіяне, и тогда уже мы ихъ получаемъ; многихъ Турки держутъ по нѣсколько дней и по недѣлѣ въ тюрмѣ, прежде послѣдняго испрошенія у нихъ о вѣрѣ; а спрашивающій ихъ есть нарочной судья, Абдулла-Эфенди, прежде бывшій Рейсъ-Эфенди, и два изъ нижнихъ чиновъ духовныхъ.

Естьли сей образъ поведенія сличить съ тѣмъ, что происходило послѣ Бѣлградскаго трактата, то Турки должны бы насъ благо-

дарить въ семъ дѣлѣ за снисходительство наше; отысканіе плѣнныхъ тогда было строго, что, выключая меморіалы, подаваемые временемъ на первые чины въ Министерствѣ, самъ Визирь принужденъ былъ подвергнуться смятенію народа въ отдаваніи персонально плѣнныхъ.

Порта предлагала уже мнѣ выключить изъ артикула о возвращеніи плѣнныхъ Грузинцовъ, и я насилу могъ переспорить Турковъ, представляя имъ, что Ваше Сіятельство, конечно, сего не сдѣлаете; ибо трактатъ уже поднесенъ Государынѣ и получилъ Высочайшую Ея Величества конфирмацію. Прусской Посланникъ также мнѣ о семъ говорилъ, что сіе дѣло очень трогаетъ Турковъ, и хотѣлъ къ Вашему Сіятельству о томъ писать.

Переписка Вашего Сіятельства съ Визиремъ, оказываемою съ нашей стороны въ дѣлахъ твердостію весьма онымъ споспѣшествуетъ. Право, Ваше Сіятельство, ласкою здѣсь ничего не можно получить. Письма Вашего Сіятельства, чрезъ Вассифъ-Эфендія посланныя, нѣсколько дней уже тому, какъ Порта получила; онъ пріѣхалъ третьяго дни и принятъ дурно, а съ нами напротивъ того умножалось благопріятство. При бывшемъ вчерась сношеніи Рейсъ-Эфенди приказалъ написать, и того же дни отправить ордеръ, къ отправленнымъ для отдачи Кильбурна, чтобъ они, нигдѣ не останавливаясь, съ поспѣшностію ѣхали, для выполненія данной прежде имъ коммисіи, для отдачи Кильбурна съ его округомъ и земли, выговоренной въ восьмомънадесять артикулѣ.

Всѣми мѣрами стараться вновь начну, дабы подать Вашему Сіятельству и Князь Николаю Васильевичу Репнину, какъ можно скорѣе, всѣ тѣ извѣстія относительно къ его посольству, которыхъ изволите требовать.

При семъ прилагаю отвѣтныя письмы депутатовъ Молдавскихъ.

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

30 Ноября, 1774 года.

Въ Константинополѣ.

Переводъ съ Ноты.

Договоры, учиненные и заключенные о независимости Крыма, сколько касаются націй Татарскихъ, которые изражены были въ третьемъ артикулѣ, содержавшемся въ трактатѣ мирныхъ договоровъ, постановленныхъ и въ порядокъ приведенныхъ на мѣстѣ, называемомъ Кучюкъ-Кайнарджикъ, посредствомъ уполномоченныхъ, опредѣленныхъ прежде всего къ заключенію блаженнаго мира, такъ отъ стороны вѣчно пребывающей блистательной Порты, какъ отъ стороны Россійскаго Двора, почитаются и соблюдаются. Тамъ же написано и изражено, что только Императоръ Мусульмановъ, поелику есть онъ первоіерей Мусульманской и Халифъ вѣрующихъ во Единаго Бога, нація Татарская, не причиняя ущерба статскимъ своимъ дѣламъ, должна въ дѣлахъ вѣры сообразоваться, въ разсужденіи его, предписаніямъ закона Мусульманскаго. Но какъ не изъяснено и не объявлено, какимъ образомъ имѣетъ она поступать и сообразовать закону Магометанскому духовныя свои дѣла, какіе либо недоброжелатели и разсѣвающіе плевелы, бдящіе произвесть между двумя Имперіями споры и остуды, утверждаясь на семъ дѣлѣ, есть вещь извѣстная, что поспѣшны будутъ къ причиненію раздора и остуды между двумя державами. Сверхъ того, для избѣжанія оскорбляющихъ приключеній, могущихъ случиться въ томъ между двумя Дворами, по причинѣ разныхъ перемѣнъ, и дабы уклониться отъ несходственности соединенія двухъ Халифовъ, чего требуетъ законъ, будучи дѣло нужное и потребное истолковать и объяснить вышеписанный пунктъ. Дѣло сіе объясняется и толкуется слѣдующимъ образомъ: когда съ согласія Татарская нація изберетъ и опредѣлитъ себѣ Хана, должна извѣстить и представить о томъ, такъ какъ требуетъ великое Халифейство, Его Величеству Императору Оттоманскому, которой есть первоіерей Мусульмановъ и услужникъ святыхъ градовъ, и Его Величество Султанъ Мусульмановъ, безъ всякаго затрудненія и отлагательства, безпосредственно имѣетъ дать святой знакъ Халифейской и послать церемоніялъ; во дни же праздничные и пятничные, то есть, въ Байрамъ, во всѣхъ мечетяхъ и мѣстахъ Богослуженія въ Крыму имѣетъ быть Гутбе и Курсъ Сике, то есть, монеты, украшенныя именемъ Императора Оттоманскаго; такожде судіи, исполняющіе заповѣди закона въ тамошнихъ мѣстахъ, имѣютъ быть изъ духовенства Крымскаго, а

Блистательная Порта довольна будетъ, чтобъ со стороны Кадылескера-Эфендія даваемо имъ было безъ заплаты и безъ всякаго воздаянія Мураселле или законное дозволеніе на ихъ мѣста, которое и посылаемо быть имѣетъ къ Крымскому Хану. А Блистательная Порта, единственно дабы согласовать со святымъ закономъ, кромѣ что отъ стороны Императорской данъ будетъ святой знакъ, значущій полученіе дозволенія Халифейскаго къ сдѣланію Хана и церемоніала и что въ дни пятничные и праздничные Гутбе и Курсъ Сике были украшены имянемъ Императора Оттоманскаго, и чтобъ отъ стороны духовенства Блистательной Порты даваемо было Мураселле судьямъ Крымскимъ. Татара въ протчихъ своихъ дѣлахъ имѣютъ быть совершенно независимы.

Рѣчь Нишаны Шерифъ или святой знакъ не значитъ даваніе знаменитаго Барата, то есть, диплома, которой писанъ бывалъ обыкновенно прежде въ низверженіи и возведеніи благородныхъ Хановъ, но есть писаніе, значущее благопріятнѣйшій знакъ Халифейской, которой, дабы уклониться и уничтожить противозаконное соединеніе двухъ Халифовъ, имѣетъ быть писанъ, какъ того требуетъ законъ, отъ Его Величества, Императора Оттоманскаго, яко верховнаго Халифа Мусульманскаго и первоіерея, вѣрующаго въ единаго Бога, съ достодолжными титулами сану благородныхъ Хановъ, показывающее полученіе Султанскаго дозволенія къ сдѣланію Хана, котораго Татарская нація изберетъ и опредѣлитъ изъ фамиліи Чингизской.

Сике или штемпель монеты. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ Ханъ въ Крыму, на своей монетѣ имяни своего не изображалъ вензелемъ, называемымъ Тура. Впрочемъ, Ханъ можетъ дѣлать свою монету, такоже и цѣну назначивать Турецкой монетѣ въ своей земли.

О Молдавскихъ и Волоскихъ дѣлахъ.

Порта, наконецъ, соглашается дать привилегіи или Хатти-Шерифъ Молдавцамъ и Волохамъ; отказалась съ депутатами имѣть дѣло, претекстуя неблагопристойность Государю негоцировать съ подданными своими, таковжде и не имъ, но Князьямъ обоихъ Княжествъ, хочетъ вручить оные. На 1-й пунктъ Порта въ Хатти-Шерифѣ хочетъ прописать такъ, какъ въ письмѣ своемъ къ Вашему

Сіятельству Визирь отзывался о Князѣ Гикѣ, то есть, что не будетъ смѣненъ, пока не учинитъ какого либо важнаго преступленія; я обдержалъ, чтобъ преступленія были выражены, и при томъ написано бъ было, что оныя публично должны быть доказаны, также и чтобъ не были принимаемы представленія противу Князей, чинимыя партикулярными людьми, но отъ публики. На 2-й Порта обѣщать хочетъ въ Хатти-Шерифѣ соблюсти человѣколюбіе и великодушіе въ наложеніи на нихъ подати по истеченіи двухъ лѣтъ, и получать оные посредствомъ присылаемыхъ отъ двухъ Княжествъ депутатовъ всякіе два года; я требую, чтобы здѣсь же прописано было установить оную подать сходственно, какъ была она во время Магомета Четвертаго; но вижу, что Порта отъ сего уклоняется. Въ семъ же пунктѣ на требованіе, чтобъ никто въ Княжеской службѣ, кромѣ тамошнихъ уроженцовъ, не былъ принимаемъ, повелѣно будетъ въ Хатти-Шерифѣ давать преимущество тамошнимъ уроженцамъ. 3-й пунктъ обдержанъ съ нѣкоторою перемѣною, для того, что сыскиваютъ оной противу закона. На 4, 5, 6. и 7-й Порта соглашается. Въ 8-мъ дѣлаетъ нѣкоторую отмѣну. На 9-й соглашается. На пункты о земляхъ рѣшилась наконецъ Порта дать, объ изслѣдованіи и возвращеніи оныхъ, въ Коммисію Князямъ обоихъ Княжествъ, дабы оные разобрали сіе дѣло по силѣ трактата и имѣли бы каждой при Портѣ повѣреннаго въ дѣлахъ отъ земли, дабы оные, въ продолженіи сего дѣла, могли заступать и чинить представленія въ пользу земли ихъ. На 12-й пунктъ въ Молдавскомъ, также на 12-й и 13-й въ Волоскомъ соглашается.

Трудно, Ваше Сіятельство, что ни будь болѣе отъ Порты получить. Депутаты твердо стоятъ при своихъ прошеніяхъ, а Порта съ ними дѣла имѣть не хочетъ. Я долго о выборѣ Князей спорилъ, но наконецъ объявилъ Портѣ, чтобъ дозволено было симъ провинціямъ, послѣ смерти настоящихъ Князей, просить себѣ у Порты имянно другихъ, но и о семъ слышать не хотятъ. Сверхъ того внесетъ Порта въ Хатти-Шерифъ всю седьмую изъ артикула статью.

Копія съ подлиннаго.

Въ Константинополѣ.

22 Декабря, 1774 года.

Высокоповелительному Господину, Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Президенту и всѣхъ Россійскихъ Орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцеву

Рапортъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ отправленія послѣдняго рапорта, отдаленъ былъ отъ Двора первой Султана фаворитъ, Языджи-Эфенди; въ учиненномъ противу него между Визиремъ и Муфтіемъ заговорѣ, участвовалъ Рейсъ-Эфендій, но въ образѣ только конфидента. Перемѣна сія никѣмъ не была ожидаема и произошла вдругъ. Муфти дерзнулъ открыть, сколь предосудительна славѣ его надмѣрная довѣренность, даваемая имъ своему фавориту, коего ненасытное сребролюбіе присвояло уже себѣ почти всѣ части правленія, и коего подлое и презрѣнія достойное начало еще предъ глазами каждаго стоитъ. Государь былъ очень тронутъ тою рѣчью, и отъ Муфтія пошелъ прямо къ Визирю, которому пересказавъ наединѣ все, что слышалъ отъ Муфтія, спрашивалъ его, правда ли то, или нѣтъ? И узнавъ, что въ самомъ дѣлѣ во зло употреблялъ Языджи-Эфенди его милость, съ негодованіемъ спросилъ у Визиря, для чего онъ, по должности своего чина, прежде о томъ ему не донесъ? Въ силу могъ Визирь смягчить гнѣвъ противу себя Султана, и наконецъ получилъ повелѣніе призвать тотчасъ Языджи-Эфендія и дать ему чинъ Хаджагана, что того же времяни и исполнено было. Султанъ оставался въ домѣ у Визиря. Когда же въ вечеру возвратился Султанъ, нашелъ всѣхъ ближайшихъ служителей своихъ и женщинъ, къ которымъ онъ болѣе привязанъ, въ отчаяніи и слезахъ. Сіи возмогли того же дня превратить духъ Султана; онъ ночью писалъ къ Языджи-Эфендію, извиняясь предъ нимъ и обѣщавая возвести его на первыя степени въ Государствѣ. Фаворитъ столько былъ первымъ нечаяннымъ съ собою произшествіемъ изумленъ, и столько страшился

воображаемой имъ чрезвычайной власти соперниковъ своихъ, что не поспѣлъ Султану на письмо отвѣчать. Но будучи послѣ вяще удостовѣренъ о привязаности къ нему Султана, не только по прежнему началъ съ нимъ обходиться, но и увѣряютъ, что предпріялъ отмстить соперникамъ своимъ. Теперь переписка между Султаномъ и новымъ Хаджаганомъ безпрерывно продолжается, и слухъ носится, что въ Министерствѣ скоро воспослѣдуетъ перемѣна и Визиремъ назначаютъ уже бывшаго Очаковскаго Пашу. Рейсъ-Эфенція кредитъ, напротивъ того, ежедневно умножается, онъ начинаетъ имѣть частые съ Султаномъ переговоры; да и самъ Визирь безъ него никогда къ Султану не ходитъ. Естьли бъ сей человѣкъ не былъ той чрезмѣрной хитрости и коварства, которыя составляютъ характеръ его, то бы съ нѣкоторымъ основаніемъ, судя по образу трактованія нынѣ дѣлъ и по внѣшнимъ доказательствамъ, сказать можно, что мы въ хорошемъ положеніи съ нимъ находимся. Послѣ перемѣны помянутаго фаворита, или для отдаленія Султана отъ прежнихъ его забавъ и маловажныхъ упражненій, при которыхъ могъ онъ частое воспоминаніе имѣть о семъ опасномъ для нынѣ правящихъ человѣкѣ, или для того, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ за благое и за нужное почитаютъ оказывать нѣкоторую твердость, для споспѣшествованія важнымъ негоціаціямъ, имѣющимся нынѣ со всѣхъ сторонъ, начали здѣсь дѣлать разныя военныя заготовленія. Нѣсколько дней тому назадъ, послѣ экстраординарнаго совѣта, бывшаго въ Сераѣ, Визирь прежде окончанія онаго ѣздилъ въ арсеналъ, осматривалъ и переписывалъ все оружіе и находящуюся тамъ аммуницію. Походную Султанскую палатку разбили въ Дворцовомъ саду, и Девтердарь получилъ повелѣніе осмотрѣть пороховныя мельницы и литейной дворъ; нѣсколько Капуджій-Башей посланы въ Боснію съ деньгами, для починки тамо находящихся крѣпостей; а болѣе всего то примѣтно, что Анатольцы ежедневно въ Константинополѣ умножаются. Намъ всякими образы ищутъ дать чувствовать, что сіе касается Австрійцевъ, да и съ довольнымъ основаніемъ можно бъ то думать, по крайней мѣрѣ, какъ прежде я сказалъ, для споспѣшествованія предлежащей съ ними негоціаціи, какъ по самымъ обстоятельствамъ, по опасности, оказываемой Министромъ сего Двора, который и тонъ своихъ Портѣ представленій много нынѣ смягчилъ, такожде и по внушеніямъ, намъ чи-

нимымъ отъ стороны Рейсъ-Эфендія, гласящихъ чрезвычайное оскорбленіе Порты поступкомъ Австрійцевъ и желаніе, для приведенія въ резонъ сего Двора, соединиться съ Россіею, естьли бъ съ другой стороны не были подозрительны частыя тайныя Рейсъ-Эфендія сношенія съ двумя, недавно здѣсь обрѣтающимися, Татарами, тайная конфиденція, нѣсколько разъ примѣченная, переводчика Порты, преданнаго человѣка Рейсъ-Эфендію, съ первымъ Драгоманомъ Австрійскимъ, и частыя, недавно начавшіяся, сношенія Французскаго Посла съ Вѣнскимъ и Шведскимъ Посланниками. Съ моей стороны, при всякомъ случаѣ, подаются увѣренія о неучаствованіи Россіи въ поступокъ Австрійцевъ, и въ послѣдній разъ, когда получила Порта извѣстіе изъ Молдавіи объ отвѣтѣ, учиненномъ Вашимъ Сіятельствомъ Молдавцамъ касательно сего дѣла, и что намѣрена Молдавія учинить представленіе къ Портѣ и просить ея о защищеніи, требовала Порта вновь извиненія отъ Австрійскаго Министра; сей извинялся дать оное не полученіемъ еще отъ своего Двора отвѣта, и правленіе рѣшилось опять дожидаться, какъ оныхъ, такъ и Молдавскихъ, представленій; а между тѣмъ со стороны Рейсъ-Эфендія переводчикъ Порты увѣдомилъ меня о произшедшемъ въ Молдавіи, умалчивая о вопросѣ, учиненномъ Вѣнскому Министру, и его отвѣтѣ, и просилъ сказать, естьли на сентиментахъ Россіи, относительно къ сему дѣлу, утверждаясь, можетъ Рейсъ-Эфенди польстить себя надеждою, оказать впредь услугу отечеству своему? Съ моей стороны отвѣтствовано, удостовѣряя, что съ соболѣзнованіемъ смотритъ Россія, желая всякаго добра Портѣ, на всѣ произшествія, кои непріятнымъ образомъ ее трогаютъ.

Прусской Посланникъ подалъ Портѣ меморіалъ, здѣсь прилагаемой, содержащій отвѣтъ на данную ему отъ Порты, извѣстную Вашему Сіятельству, ноту, которой Порта дурно приняла. Я сожалѣю, что сказалъ онъ мнѣ о томъ послѣ уже врученія онаго. Порта столько къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ артикуловъ пристрастна, что до полученія мною отъ Вашего Сіятельства повелѣній на послѣдній мой рапортъ, отъ 30 Ноября къ Вамъ отправленный, можетъ войтить въ другія мѣры, не смотря на то, что, въ предупрежденіе сему, со стороны Двора нашего въ помянутомъ меморіалѣ объявляется, и тѣмъ препятствовать поданному на апро-

бацію Вашего Сіятельства проекту, которой, однако жъ, до сего времяни не вредимъ остается; естьли Ваше Сіятельство найдете оный полезнымъ, то покорно прошу безъ медленія доставить мнѣ способы къ исполненію онаго.

Я положилъ съ Прусскимъ Посланникомъ, чтобъ обоимъ намъ согласно искать, сколько можно, обратить мысли Порты къ Австрійскимъ дѣламъ, и намѣренъ, до полученія повелѣнія отъ Вашего Сіятельства, оставить Прусскому Посланнику дѣлать то одному, а я останусь, въ разсужденіи сего, въ прежнемъ положеніи, сообщая Прусскому Посланнику тѣ увѣренія, которыя, по отзывамъ, чинимымъ отъ Порты, буду подавать ей.

Въ рапортѣ моемъ отъ 5 Ноября доносилъ я Вашему Сіятельству, что Франція ищетъ разпространить торговлю свою въ Черномъ морѣ; а теперь имѣю донести, что Аглицкой и Венецкой Послы, такожде и повѣренной въ дѣлахъ Голандской, подали не давно вмѣстѣ къ Портѣ меморіалы, съ требованіемъ дозволенія торговать въ Черномъ морѣ. Аглицкой Посолъ требуетъ того, по соперничеству двухъ націй; Венецкой, яко держава, прежде всѣхъ прочихъ Христіянскихъ, заключившая съ Портою какъ политическіе, такъ и купеческіе, трактаты; а Голандія, имѣвъ въ прежнія времена дозволеніе проходить въ Черное море и тамъ торговать, требуетъ нынѣ только Фермановъ своимъ судамъ, которые обыкновенно всѣмъ кораблямъ даются для проходу сквозь каналъ. Естьли Ваше Сіятельство заблагоразсудите препятствовать исполненію намѣренія сихъ націй, то способъ къ тому, не компромитируясь ни съ кѣмъ, подать надежду нѣкоторой изъ нихъ, торговать въ Черномъ морѣ подъ Россійскимъ флагомъ.

Слухъ носится, что намѣрено правленіе перемѣнить назначеннаго въ Россію Посломъ Абдулъ-Керимъ-Эфендія, а на мѣсто его опредѣлить Абдулъ-Резакъ-Эфендія, бывшаго на Букарешскомъ Конгресѣ Полномочнымъ Посломъ. Мѣстомъ для съѣзду Пословъ обѣихъ державъ назначаетъ Порта Хотинъ, какъ изволите усмотрѣть изъ записокъ въ письмѣ къ Его Сіятельству, Князь Николаю Васильевичу Репнину, которое со всѣмъ, относящимся къ Посольству, при семъ, подъ отверстою печатью, прилагаю. О времяни отъѣзду Посла ничего вѣрнаго нельзя донести Вашему Сіятельству,

а о потребной для него провинціи, еще меньше; Посолъ Порты по видимому не находитъ въ томъ своего интересу, чтобы преждевремянно провизіи для него пріуготовлены были, и хочетъ, пріѣхавши на мѣсто размѣны, требовать всего, и за недостаткомъ получать оную деньгами. Когда Визирь, по моему прошенію, потребовалъ отъ Посла записки о провизіяхъ, ему надобныхъ, то Посолъ отвѣчалъ на то представленіемъ, которое подъ рукою мнѣ отъ переводчика Порты сообщено было, и съ котораго переводъ при семъ прилагаю.

Посолъ, отправленный въ Персію, на дорогѣ былъ ограбленъ отъ разбойниковъ, а что Персіяне, возмутившись противъ Керимъ-Хана, принудили его допустить имъ сдѣлать нападеніе на границы Турецкія, и учинили оное, разорили многія жилища и взяли въ плѣнъ довольное число обывателей, Порта велѣла пограничнымъ Пашамъ вооружиться, для предупрежденія могущихъ случиться съ той стороны нападеній.

Г-нъ Бригадиръ Графъ Биландъ, слѣдующій изъ устья Дуная къ Керчю, противными вѣтрами занесенъ былъ въ Константинопольскій каналъ, отъ штурму потерявъ мачту и терпя во всемъ недостатокъ чрезъ тридцатидневное плаваніе. Увѣдомившись о томъ, Султанъ велѣлъ Капитану Пашѣ дать ему всякое вспомоществованіе, и когда судно поправлено будетъ, то снабдить его на дорогу всѣмъ надобнымъ. Флота Лейтенантъ и Кавалеръ Войновичъ на сихъ дняхъ возвратился изъ Крыму. Одно изъ транспортныхъ судовъ, нанятое у Агличанъ, нагрузившись провіянтомъ для Россійскаго флота, поплыло въ Паросъ.

При семъ прилагаю списки находящихся у меня разныхъ націй, освобожденныхъ плѣнныхъ; число ихъ, какъ и прежде имѣлъ я честь докладывать Вашему Сіятельству, ежедневно умножается; слышно уже, что изъ провинцій ведутъ ихъ много. Для нынѣ здѣсь находящихся, издерживаю я по сту левковъ на день однихъ кормовыхъ денегъ, выключая дрова, уголья, одежду и обувь. Денегъ у меня нѣтъ ни полушки, я принужденъ занимать и платить проценты по двѣнадцати на сто, и боюсь скоро истощить мой кредитъ; такожде въ здѣшнемъ, подверженномъ заразительнымъ болѣзнямъ, мѣстѣ, опасно содержать великое число

людей; не повелите ли начать отправлять мало по малу разныхъ націй людей въ свое отечество и нанимать для того суда? И онымъ отправляемымъ въ Черное море, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не прикажете ли предписывать кондицію плыть подъ Россійскимъ флагомъ? Одинъ изъ морскихъ на нихъ Офицеровъ купилъ небольшое купеческое судно и нагрузилъ оное товаромъ, здѣсь купленнымъ, въ Египетъ; я получилъ для него отъ Порты охранительной отъ Африканскихъ корсаровъ Ферманъ.

Бывшій Каймакамомъ Мелекъ-Мегмедъ-Паша произведенъ въ Мухавизы Бендерскіе.

По представленію моему вновь послано повелѣніе объ отдачѣ Кильбурна.

При семъ прилагаю письмо къ Вашему Сіятельству отъ Г. Бригадира, Графа Биланда, письмо отъ него жъ къ Его Сіятельству, Графу Никитѣ Ивановичу Панину, и рапортъ въ Государственную Адмиральтейскую Коллегію, два письма къ Князю Гикѣ, и письмо къ плѣнному Турку, находящемуся при Бендерскомъ Сераскирѣ Девтердаромъ.

О чемъ имѣю честь донести,

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

Копія.

Переводъ съ Хатти-Шерифа, даваемаго отъ Порты Валахіи, и адресованнаго къ Волоскому Князю.

Двѣ челобитныя, представленныя къ нашему Императорскому Престолу отъ двухъ Бояръ, присланныхъ отъ Митрополитовъ, Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ и отъ всѣхъ Бояръ перваго и втораго класса, отъ Капитановъ и отъ прочихъ обывателей Волоскихъ, были доставлены и вручены моему Императорскому Величеству, и видѣли и поняли мы содержаніе представленій помянутыхъ Бояръ, челобитье и прошеніе коихъ не иное что заклю-

чаетъ, какъ моленіе и прошеніе Императорскаго моего милосердія. Пункты, просимые отъ моего Императорскаго Величества обывателямъ той земли, такожде и покровительство, которое навсегда и всякимъ образомъ имѣть будутъ подъ милосердою тѣнью моего Императорскаго Величества, въ семъ моемъ Императорскомъ указѣ одинъ по одному изражается и вкратцѣ начертывается и объявляется. Земля Молдавская и Волоская, будучи яко житница моей Блистательной Порты, для того нужно и потребно есть, чтобы тамъ процвѣтало земледѣліе и обыватели оной наслаждались спокойствіемъ и тишиною и были бы ограждаемы и защищаемы; а какъ отъ нѣкотораго времяни частыя, противу обыкновенія, низверженія и произведенія Князей сихъ двухъ провинцій, такожде наложенія податей и утѣсненія воспричинствовали опустошеніе и разореніе оныхъ земель, и не только что обыватели оныхъ провинцій, по вышеписаннымъ причинамъ, разорены и разогнаны, но и по причинѣ войны многіе претерпѣли бѣдствія, убытки и разоренія, то всякимъ образомъ, будучи мое желаніе и долгъ моей Императорской справедливости и человѣколюбія, ихъ добрый порядокъ, тишина и благое жительство подданныхъ всѣхъ чиновъ, впредь дабы помянутые и въ земли пребывали въ добромъ порядкѣ, и дабы обыватели и подданные въ оныхъ, которые суть залогъ Всевышняго, достигнули своей тишины и спокойствія, что и предметомъ есть ихъ прошеній, послѣ заплаты джизіе, то есть, подати всяческія, уничтожаются и запрещаются всѣ тѣ малыя и большія подати, которыя прежде войны даваемы были подъ именемъ авандъ, кудуміе, убудіетъ и джоизъ. Пребываніе же et la durée Князей, будучи прямою причиною размноженія жителей и удобренія земель, такожде спокойствія и благоденствія подданныхъ; Князья оныхъ, пока не учинятъ какого либо явнаго преступленія, которое бы было публично доказанное и видное, постановлено, что не должны быть смѣняемы, и сей благой порядокъ долженъ быть соблюденъ и сохраняемъ по силѣ договоровъ трактата, заключеннаго между двумя Державами, и безъ поврежденія и отмѣны долженъ пребывать и быть соединяемъ навсегда. И дабы подданные тѣхъ земель были спокойны и обрадованы, Князья ихъ удостовѣрены и безопасны, соизволеніе мое Императорское есть, чтобы даны имъ были Бераты, то есть, дипломы, украшенные и утвержденные святѣйшимъ моимъ пи-

саніемъ; и дабы соблюдаемо и исполняемо было, сходственно съ даннымъ почтеннѣйшимъ моимъ Хатты-Гумаюнъ, даны помянутымъ Князямъ ихъ дипломы и украшенные милостивѣйшимъ моимъ Императорскимъ писаніемъ. Волоскіе подданные, сходственно съ Императорскимъ моимъ милосердіемъ и человѣколюбіемъ, и согласно съ Императорскою моею щедротою, каждые два года одинъ разъ, посредствомъ Бояръ, отъ нихъ отправляемыхъ, имѣютъ присылать сносную подать и отдавать оную въ Императорскую мою казну. А какъ Волохія есть земля, по причинѣ войны много претерпѣвшая, то подданые Волоскіе, считая отъ дня 14 луны джемазіель Эвреля настоящаго года Эгиры 1188, то есть, по старому штилю 10 Іюля, 1774 года, во время размѣны трактата мирныхъ договоровъ между двумя Имперіями, до прошествія двухъ лѣтъ увольняются отъ джизіе и отъ прочихъ податей; чинить милосердіе въ семъ пунктѣ происходитъ отъ соболѣзнованія къ бѣднымъ подданнымъ, и дабы привесть землю въ цвѣтущее состояніе, то по прошествіи помянутаго двухлѣтняго срока, образомъ, прежде объявленнымъ, всякіе два года одинъ разъ, по силѣ договоровъ въ трактатѣ, подать, которая съ милосердіемъ и человѣколюбіемъ будетъ на нихъ положена, имѣетъ быть присылаема и отдаваема посредствомъ Бояръ, отправляемыхъ отъ ихъ Князей. Что жь касается до старыхъ ихъ счетовъ, какого бы они рода ни были, денежные ли, или иные, не имѣетъ быть отъ нихъ требовано ничего. Когда воспослѣдуютъ распри между Мусульманами и подданными, такожде между подданными одними, Князь Волоской съ справедливостію и съ правосудіемъ имѣетъ выслушать обѣ стороны и учинить справедливость. Въ дѣлахъ, случающихся между Мусульманами и подданными, Диванской Кятиби или Секретарь, находящійся при Князѣ, и другіе Турки, имѣютъ надзирать и входить въ рѣшеніе дѣлъ и въ удовольствованіе сторонъ; дѣло же, которое вступленіемъ Мусульмановъ и увѣщаніями вступившихъ не можетъ быть рѣшено, для таковыхъ дѣлъ, яко ложныхъ, противныхъ закону и явно стремящихся не къ иному чему, какъ причиненію убытка и утѣсненія несправедливыми претензіями бѣднымъ подданнымъ, не должно позволять, чтобы бѣдные подданные претерпѣли убытокъ и были угнѣтаемы. Дѣла же, которыя вступленіемъ въ оныя Мусульмановъ и увѣщаніями вступившихъ для соглашенія сторонъ, не возмогутъ быть кончены,

и встрѣтятся затрудненія въ рѣшеніи и совершеніи ихъ, таковыя дѣла должны быть разсмотрѣны и рѣшены по закону, согласно съ правосудіемъ и справедливостію, въ присутствіи Журжевскаго Кадыя, а Кадыи Журжевскіе съ полною справедливостію и правосудіемъ имѣютъ рѣшить и давать сентенцію на таковыя къ нимъ отсылаемыя дѣла, и, уклоняясь всячески отъ какого либо произшествія, противнаго самому существу закона, должны дѣлать судъ, и симъ образомъ да избѣжится отъ причиненія обиды бѣднымъ подданнымъ. Такожде подданные Волоскіе не должны быть притѣсняемы позываніемъ ихъ въ судъ въ какое либо другое мѣсто. А какъ была дана священная Фетва, что свидѣтельство подданнаго противъ Мусульманина не можетъ быть принято, кромѣ только дѣлъ, принадлежащихъ къ имѣніямъ по тестаментамъ и родословіямъ; въ дѣлахъ же, не касающихся къ тестаментамъ и родословіямъ, свидѣтельство подданнаго противу Мусульманина неважно, то и должно быть поступаемо согласно съ Фетвою. Военнослужащіе и прочіе, учинившіе какое либо преступленіе въ Волохіи, должны быть отправляемы къ ближайшимъ границамъ, и тамо отъ начальниковъ своихъ наказываемы. Нѣкоторые изъ обывателей пограничныхъ уѣздовъ, близъ Дуная, противу постановленія, прежде сего учиненнаго, безъ дозволенія выходили въ Волохію, производили тамъ споры между собою, убивали другъ друга, потомъ ложныя чинили претензіи, требуя заплаты за кровь, и подобными клеветами требовали имѣнія и денегъ, и тѣмъ притѣсняли и въ убытокъ приводили подданныхъ Волоскихъ, и хотя прежде сего даны были разные Ферманы Императорскіе, дабы по установленному порядку были разбросаны въ Волохіи вновь построенные зимовники и прочія недвижимости, не были бы изгнаны и отдалены бродяги и чернь въ земли разсѣянныя; разсуждая, что таковымъ разбойникамъ и бродящимъ людямъ и впредь можетъ пріити желаніе входить въ Волохію, и находя слѣдующее постановленіе въ Ферманахъ, прежде сего данныхъ, чтобъ исключая извѣстныхъ купцовъ по счету, со всякой границы никто другой не входилъ въ Волохію, да и самые купцы были бы снабдѣны паспортомъ отъ своихъ начальниковъ, который пашпортъ, предъявляя Волоскому Князю, или его агенту, получали бы и отъ нихъ дозволительные пашпорты, и не могли бы въ земляхъ, куда ѣздятъ, присвоивать жилища и домы, и притѣснять земледѣліе

подданныхъ, и не взимали бы селямъ акчесы; есть вещь известная, что всѣ тѣ пункты, такъ какъ они суть начертаны въ помянутыхъ Ферманахъ, имѣютъ быть исполнены и соблюдены. Такожде не дозволяется и запрещается, чтобъ для подобныхъ распрей Паши, начальники и судьи посылали Муба-Ширеи въ Волохію и вредствовали бѣднымъ подданнымъ. Землю же и владѣнія, издревле принадлежащія монастырямъ и прочимъ партикулярнымъ людямъ, и которыя послѣ неправедно были у нихъ отняты, и которыя нынѣ раями называются, съ правосудіемъ и справедливостію должно быть сдѣлано прилежное слѣдствіе, и естьли окажется, что неправедно отняты, то должны быть имъ возвращены. Естьли нужно будетъ возобновить и возстановить натуральную и старую въ Волохіи пристань, называемую Орачъ-Кулучъ, для вящшей способности и пользы въ перевозѣ товаровъ съ ихъ земли въ другія мѣста, или съ другихъ мѣстъ въ ихъ землю, то Волохи могутъ то учинить другими образами и такъ, чтобъ не было то предосужденіемъ моей Блистательной Портѣ. Запрещается купцамъ входить въ Волохію, имѣть тамъ хутора и пасти скотъ. Есть дѣло запрещенное Визирямъ и Бейлеръ-Беямъ, слѣдуя въ мѣста ихъ правленія и возвращаясь изъ оныхъ, уклоняться съ прямой своей дороги, въѣзжать въ Волохію, и тамъ брать безъ заплаты и даромъ провизію и почтовыхъ лошадей, и другими требованіями притѣснять бѣдныхъ подданныхъ, ни подъ какимъ видомъ нѣтъ моего Императорскаго соизволенія, чтобы Визирь, Бейлеръ-Беи и ихъ свита выѣзжали съ прямой своей дороги, въѣзжали въ Волохію и притѣсняли подданныхъ. Такожде были даны прежде сего Ферманы, запрещающіе курьерамъ, слѣдующимъ въ разныя мѣста съ важными дѣлами, съѣзжать съ дороги, въѣзжать въ Волохію, и въѣхавъ въ Волохію, требовать лошадей сверхъ прописаннаго числа въ почтовыхъ Ферманахъ; равно и коммисарамъ, подобнымъ требованіемъ бо́льшаго числа лошадей, нежели прописано въ ихъ Ферманахъ, запрещено было причинять утѣсненіе. Но какъ въ исполненіе вышепомянутыхъ, прежде данныхъ, Ферманововъ, оказано было нерадѣніе, то впредь никоимъ образомъ не оставится совершенное исполненіе тѣхъ пунктовъ, и тѣ, кои посмѣютъ преступить Императорское повелѣніе, безъ медленія будутъ наказаны. Прежде сего были даны Императорскіе Ферманы въ томъ, чтобъ подданные Волоскіе, за собственными дѣлами ѣздящіе по торгамъ, деревнямъ и

уѣздамъ, на берегахъ Дунайскихъ лежащимъ, не были притѣсняемы отъ сборщиковъ податей и прочихъ въ тѣхъ странахъ начальниковъ, и съ требованіями отъ нихъ харача и шпенціи, и подъ другимъ какимъ претекстомъ, и чтобъ люди и Кулджи сборщиковъ податей, подъ видомъ исканія чужестранныхъ подданныхъ, не разъѣзжали въ земляхъ Волоскихъ, и теперь то будетъ приказано, кому принадлежитъ, и запрещено съ угрозою казни. Что жъ касается до одѣянія подданныхъ и обывателей земскихъ, сходственно какъ требуютъ и преимущества и вольности Волоскія, никто не возможетъ учинить имъ ниже малѣйшаго оскорбленія. Бояре. пріѣхавшіе съ представленіями земскими, хотя объявили, что имѣются Императорскіе Ферманы и Хатты-Шерифы, запрещающіе принявшимъ законъ Магометанскій, подданнымъ Волоскимъ, участвовать въ наслѣдіяхъ; но какъ оные не существуютъ въ запискахъ и протоколахъ, и не видно, чтобы таковые Ферманы и Хатты-Шерифы были когда ни будь даны, а что дѣло сіе къ закону принадлежитъ, то истребованы были въ семъ дѣлѣ сентенціи и даны четыре Фетвы слѣдующаго содержанія: «Естьли Христіанинъ, учинившись Мусульманиномъ, умретъ, отецъ его не можетъ по немъ наслѣдовать; естьли мужъ жены Христіанки учинится Туркомъ, а жена его въ невѣрствіи, мужъ не можетъ по ней наслѣдовать; естьли сынъ Христіанина учинится Туркомъ, а отецъ его умретъ Христіаниномъ, сынъ не можетъ быть отцу наслѣдникомъ; естьли Мусульманинъ освободитъ своего невольника, который послѣ умретъ, не сдѣлавшись Мусульманиномъ, господинъ его не можетъ по немъ наслѣдовать.» По силѣ сихъ имѣетъ быть поступаемо. Если дѣло, приносящее ущербъ и угнетеніе подданнымъ, покупка отъ людей и щетчиковъ Касабъ-Баши того установленнаго числа овецъ, которое повелѣваемо было искуплять въ Волохіи посредствомъ Касабъ-Баши, съ соболѣзнованія къ подданнымъ, запрещается подобная покупка тѣхъ овецъ; но какъ есть дѣло нужное и потребное получать овецъ изъ владѣній моихъ для назначенныхъ провинцій отъ міра, и для пропитанія обывателей моей столицы, то подданные Волоскіе не имѣютъ скрывать овецъ, которыя будутъ у нихъ продажны, но ходячею цѣною имѣютъ ихъ продавать купцамъ торгующимъ овцами, и съ надзираніемъ князя Волоскаго не оставятъ присылать въ Константинополь то число овецъ, которое можно, и имѣютъ давать овцы свои тѣмъ

купцамъ, которые пригоняютъ ихъ въ Константинополь, не продавая оныя въ другія мѣста. Волоская земля есть яко житница моей столицы, и доставленіе провизій въ Константинополь основано на привозѣ оныхъ, чинимое изъ двухъ земель, Молдавіи и Волохіи. Мукаезъ провизіи, требуемое отъ сихъ двухъ земель, не для чего иного есть, какъ только чтобъ въ изобиліи живностей содержать обывателей Константинопольскихъ; но какъ объявлено, было, что требованіе Мукаезъ можетъ причинить ущербъ и предосужденіе бѣднымъ подданнымъ, то со стороны моей, Императорской, дѣлается снисходительство, чтобъ и сіе было запрещено, съ кондиціею, однако жъ, чтобъ Волохи сами привозили въ пристани хлѣбъ, отъ земледѣлія имъ приходящій, и скотъ стадами и по ходячей цѣнѣ продавали начальникамъ судовъ капана, а провизіи ихъ продавали бъ Капитанамъ судовъ, пріѣзжающихъ изъ Константинополя, а не въ другія мѣста, и подъ видомъ, что теперь запрещено Мукаезъ, не оставляли бъ земледѣлія и впредь сохраняя ихъ, не скрывали бъ провизій, которые у нихъ продажные, дабы и они имѣли прибытокъ, да и обыватели Константинопольскіе не претерпѣвали бъ въ пропитаніи, и въ семъ особо такъ Князья, какъ и Бояре должны прилагать радѣніе. Какая бъ то ни была вина и преступленіе, оказанные отъ подданныхъ Волоскихъ и Молдавскихъ, по обстоятельствамъ возставшей войны, и всѣ какіе бы то ни были дѣла и поведенія до сего времени, предаются вѣчному забвенію и прощаются моимъ Императорскимъ Величествомъ, и никогда въ умъ не придетъ попрекать, или наказывать, ихъ за прошедшія ихъ дѣла, и впредь пока не преступятъ долгу послушанія, покорности и подданства, то дѣло явное есть, что не испытаютъ иного, какъ только мою милость, благодѣтельство, милосердіе и соболѣзнованіе, и сіе мое Императорское прощеніе должно быть имъ обвѣщано, и въ то же самое время должно имъ рекомендовать и впередъ, чтобы они просили Бога за долгое сохраненіе моей Имперіи. Касательно до споровъ, бывшихъ прежде сего между Назиремъ Силистринскимъ и Княземъ Волоскимъ, о границахъ Анатуны, сверхъ того, что году Эгиры 1777 г. изданъ былъ знаменитый мой Хатты-Гумаюнъ о рѣшеніи сего дѣла и сверхъ того разные Императорскіе Ферманы въ истеченіи луны Шевалъ того жъ года, то и теперь, дабы пребывалъ навпредъ порядокъ, тогда постановленной, былъ данъ другой мой Император-

ской Ферманъ, которой имѣетъ быть исполненъ по силѣ своего содержанія. Раздаяніе чиновъ въ Молдавіи и Волохіи состоитъ въ благоизволеніи и власти Князей людямъ достовѣрнымъ, избираемымъ отъ нихъ между Боярами и Греками; рекомендуется и препоручается Князьямъ давать Боярамъ, которые заслуживаютъ преимущество, тѣ чины, кои обыкновенно они занимаютъ, и брать, какъ нужда повелитъ, въ свою службу способныхъ людей какъ изъ Грековъ, такъ и земскихъ. Разнаго сорту дерева потребны къ строенію въ крѣпости, лежащія въ Ромеліи, и впредь имѣетъ быть рублено и привозимо изъ горъ Молдавскихъ и Волоскихъ. А какъ даны были прежде Ферманы, чтобъ издержки, чинимые въ рубленіи и перевозкѣ тѣхъ деревъ, были по объявленію, на письмѣ учиненному отъ надзирателей таковыхъ строеній, плачены отъ Князей въ счетъ подати отъ нихъ даваемой, то по мѣрѣ впредъ случающихся нуждъ въ требованіи таковыхъ деревъ, имѣютъ быть плачены и сполна всѣ издержки въ рубленіи и перевозѣ ихъ изъ суммы джезіе или подати, не вычитая и не удерживая ниже одной аспры. Скотъ хуторей Мангальскихъ, которымъ владѣетъ Усты того мѣста, переправляемъ былъ для паствы, въ лѣтнее время, на мѣсто, называемое Севалія, принадлежащее къ Волохіи, а въ зимнее время возвращали тотъ скотъ въ деревню, называемую Сусла въ уѣздѣ Мангальскомъ; и хотя во время зимнее, никогда тотъ скотъ не оставался въ Волохіи, и никогда не были тамъ построены кышлакъ, то есть, зимовники, однако жъ на мѣстѣ, называемомъ Севалія, зимовники были построены и скотъ зимою не пригоняемъ былъ въ Мангалію. Такожде брали въ свою службу подданныхъ Волоскихъ и завладѣвали ими, чего ради данъ былъ мой Императорскій указъ 1180 г. Эгиры, луны Шеваль, адресованной къ Очаковскому Пашѣ и Мангальскому судьѣ: въ ономъ повелѣно было, чтобъ скотъ только въ лѣтнее время имѣлъ паству въ Севаліи, а на зиму возвращался въ Мангалію; такожде, чтобъ запрещено было вышепомянутымъ Устамъ строить, не договорясь, зимовники и брать въ свою службу подданныхъ; нынѣ же запрещается помянутая паства скота въ Волохіи и лѣтомъ и зимою, дабы бѣдные подданные были ограждены отъ всякаго вреда. Милосердіе къ созданію Божіему, которое есть залогъ Всевышняго, и соболѣзнованіе къ бѣднымъ подданнымъ, суть качества справедливой моей природы, которыя изъявляю я всѣмъ, а особливо подданнымъ, какъ благо-

урожденнымъ, такъ и народу въ Молдавіи и Волохіи, и выше писанные артикулы, не заключая ничего, кромѣ касающихся къ размноженію народа и удобренію земель, защищеніемъ сихъ двухъ провинцій отъ всякаго угнетенія и постановленіемъ оныхъ во всегдашнемъ покоѣ подъ тѣнію моего Императорскаго Величества Ты, вышепомянутый Князь, отправивъ и прочевъ сію мою Императорскую Грамоту, въ присутствіи всѣхъ Митрополитовъ, Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, Бояръ, Бояринашовъ, Капитановъ, начальниковъ и подданныхъ всея земли, объявишь и сообщишь имъ прямое содержаніе оной. И дабы напредь постановляемой нынѣ порядокъ былъ соблюдаемъ, сохранишь сей мой Императорской указъ, и исполняя оной, наказывать, сколько возможно, имѣешь всѣхъ преступавшихъ оной: всякой разъ, когда нужно, прибѣгнешь къ артикуламъ, въ немъ объясненнымъ и начертаннымъ, и дашь о томъ знать моей милосердной Портѣ. Вины и преступленія, учиненныя во время войны отъ подданныхъ и Бояръ Молдавскихъ и Волоскихъ, суть уничтожены и прощены, какъ выше сказано, отъ моего Императорскаго Величества, и хотя было повелѣно, чтобъ оставлены были имъ чины и ихъ владѣнія, которые имѣли до настоящей войны, однако жъ вѣчное соблюденіе выше помянутыхъ артикуловъ, наполненіе вновь обывателями разоренную въ теченіи войны область, тишина и благоденствіе жителей, завися отъ удобренія земли и приведенія земледѣлія въ цвѣтущее состояніе, чѣмъ прямо и Бояре содержутся, получая прибытки, имъ принадлежащіе. По старому обыкновенію, земля, охраняя и защищая Бояръ, которые происходя, по старому земли обыкновенію, въ чины земскіе, исполняютъ долгъ послушанія и покорности и сообразуются повелѣніямъ и волѣ своего Князя, и отъ старанія и радѣнія принимать ихъ въ службу и доставлять имъ выгодное состояніе со всѣми дистанціями; но отъ нѣкотораго времяни, противу древнихъ земскихъ установленій, неправедныя и насильныя присвоенія и опустошеніе, отъ войны происшедшее, бывъ причиною разоренія той земли, повелѣвается, чтобъ удержались они отъ требованія, противу ихъ привилегій, податей, подданнымъ несносныхъ. И тѣ, кои преслушны моему Императорскому соизволенію, причинятъ убытокъ и утѣсненіе бѣднымъ подданнымъ, вмѣшиваясь въ дѣла, имъ не принадлежащія, чиня претензіи непристойныя и требуя правъ несправедливыхъ, повре-

дятъ установленный порядокъ и воспрепятствуютъ исполненію утвержденій, во благо земли отъ Князя чинимыхъ, и кои посмѣютъ противиться Князю, избраниому и постановленному отъ моей Блистательной Порты, то Князья имѣютъ дозволеніе, власть и силу, наказывать ихъ, смотря по винѣ каждаго, и ты, вышеупомянутой, дабы прежде писаннымъ образомъ, употребляя власть, тебѣ даваемую, въ наказаніи таковыхъ искалъ бы доставить спокойствіе подданнымъ и возстановить благой въ земли порядокъ, данъ сей мой Императорской указъ. Какъ Бояре, такъ и прочіе подданные Волоскіе, доколѣ исполнятъ съ вѣрностію, откровенностію и справедливостію долгъ покорности и подданства своихъ и удовлетворятъ съ послушаніемъ и покорностію Императорскимъ моимъ повелѣніямъ, не выступятъ изъ прямаго пути, то всячески съ моей Императорской стороны оказано имъ будетъ всякое милосердіе и милость и испытаютъ подъ тѣнію моею отъ Императорскаго Величества наймилостивѣйшія награжденія за убытки и разоренія, во время войны ими понесенныя, и каждой, предая забвенію прошедшія бѣдствія, наслаждаться будетъ вѣчною тишиною и спокойствіемъ. Ты же, Князь, и наслѣдники твои, доколѣ соблюдете и удовлетворите по вышепомунятымъ постановленіямъ должному повиновенію къ моей Блистательной Портѣ, такожде и должному благодаренію за высокія милости, испытанныя тобою отъ моего Императорскаго Величества, и пока не учинишь какого ни будь явнаго преступленія, по которому бы слѣдовало твое низверженіе, долженствуешь пребывать въ безопасности отъ смѣны, или низверженія тебя, и пока пребудешь вѣренъ, останешься пользоваться твоимъ Княжествомъ, и всѣ вышепомянутые артикулы будутъ соблюдены и всегда, такъ со стороны моего Императорскаго Величества, какъ и со стороны моихъ Визирей и намѣстниковъ, приме.ся всякое стараніе и радѣніе, дабы пользовались тѣми выгодами и Имтіязать, коими пользовались во время Его Императорскаго Величества славной памяти моего прадѣда, Султана Мегмеда. И всѣ тѣ, кои посмѣютъ что либо сдѣлать противное сему постановленію, какъ съ обывателей близъ-Дунайскихъ, такъ и съ прочихъ, малые и большіе, той же самой минуты, что о томъ увѣдомлено будетъ. безъ сомнѣнія и точно будутъ наказаны. Содержаніе сего моего Императорскаго указа должно быть объявлено Боярамъ и подданнымъ Волоскимъ, и должно рекомендовать и вперять имъ, чтобъ

не упустили они чинить теплыя молитвы о сохраненіи моего Императорскаго Величества, и чтобъ береглись и уклонялись преступать сей мой Императорскій указъ. Написано въ половинѣ луны Шеваля 1188-го году Эгиры, то есть, 15 Декабря по старому стилю, 1774 года.

Хатти-Шерифъ, адресованный къ Молдавскому Князю Григорію Гикѣ, есть слово отъ слова сему подобный, кромѣ слѣдующей въ оноиъ прибавки:

«Хотя былъ въ обыкновеніи Князь Молдавскій брать таможню живностей, товаровъ и прочихъ вещей, приходящихъ въ Галацкую пристань, люди, однако жъ, принадлежащіе Назирю Килійскому, причиняли тамъ разныя утѣсненія; чего ради дано Императорское повелѣніе, дабы люди помянутаго Назиря не приходили въ Галацъ и не дѣлали бы претензіи на помянутую таможню. Но какъ не находится въ протоколѣ Императорскаго Дивана никакое запрещающее повелѣніе Кюмрукчію переходить изъ Исакчи въ Галацъ, то принято будетъ стараніе, чтобъ какъ люди Назиря Килійскаго, такъ и таможни Исакчинской, не переходили безъ нужды въ Галацъ, подъ именемъ собиранія постановленнаго количества селитры, потребной въ Имперіи моей Монетной Дворъ, для плавленія золота и серебра, по обыкновенію ежегодно изъ Молдавіи получаемаго, ѣздили нѣкоторые и брали на себя тотъ подрядъ, и подъ тѣмъ претекстомъ причиняли ущербъ и утѣсненіе бѣднымъ подданнымъ, что, будучи противно моему Императорскому соизволенію, жалуется уничтоженіе сего, съ кондиціею, однако жъ, что не будетъ впредь посылаться Назиръ подъ именемъ подрядчика, но должно присылать то количество селитры, которое нужно въ мой Императорской Монетной Дворъ; цѣна же и перевозъ оной селитры должна быть исполна заплачена подданнымъ изъ подати Молдавской, и чтобъ посредствомъ Князя Молдавскаго было то учинено и извѣщено въ Императорской мой Монетной Дворъ, и съ той пристани, въ которую доставлена будетъ та селитра, должна оная быть привезена въ Константинополь.»

О Молдавскихъ и Волоскихъ дѣлахъ.

Въ продолженіи сихъ дѣлъ, послѣ отправленія послѣдняго курьера, противу того, что имѣлъ честь донести Вашему Сіятельству, учинены нѣкоторыя перемѣны, какъ то изволите усмотрѣть

съ приложенія копіи изъ Хатти-Шерифа, даннаго Валахіи. Впрочемъ, постановленіе пунктовъ, содержащихся въ ономъ, не имѣя самъ довольнаго свѣдѣнія о внутреннемъ тѣхъ Княжествъ положеніи, чтобъ рѣшительно представить объ оныхъ, не оставилъ я испрашивать объясненія и совѣта отъ человѣка, въ сихъ дѣлахъ много искуснаго и ближайшій интересъ имѣющаго, Волоскаго новопроизведеннаго Князя, Александра Гипсиланди, котораго по признаніи его отъ Волоховъ, такъ чрезъ депутатовъ сей націи, отъ Вашего Сіятельства сюда присланныхъ, какъ и чрезъ нарочно для того пріѣхавшихъ изъ Бухареста, и я за нужное почелъ обнадежить благосклонностію Вашего Сіятельства. Съ его и съ Яковакія Ризо, повѣреннаго въ дѣлахъ Князя Гики, и съ удовольствіемъ депутатовъ обоихъ Княжествъ постановлены, одинъ по одному, всѣ пункты, находящіеся въ Хатти Шерифѣ, который при томъ, какъ Ваше Сіятельство сами изволите примѣтить, согласуетъ артикулу мирнаго трактата. 1-й пунктъ, о пребываніи Князей, основанъ также на трактатѣ, гдѣ, для вящшей достовѣрности о безсмѣнномъ пребываніи Князей, по усильнымъ настоятельствамъ съ нашей стороны и представленіямъ, что постановленія, учиненныя между верховными уполномоченными, посредствомъ ихъ переписки, должно почитать, равно какъ и самый трактатъ, которые въ семъ случаѣ Султанъ Хатти-Шерифомъ своимъ подтверждаетъ. Не имѣя точнаго отъ Вашего Сіятельства повелѣнія рѣшительно заключить сіе дѣло, и опасаясь съ другой стороны дать отказомъ мѣсто мнительности и подозрѣнія настоящаго правленія, худыя какія либо дѣлать толкованія при настоящихъ обстоятельствахъ, требовалъ я отъ Порты, чтобъ Визирь писалъ къ Вашему Сіятельству о семъ дѣлѣ, которое я на постановленномъ между нами основаніи, до полученія повелѣнія Вашего Сіятельства, для пріостановленія только дѣла пріемлю. Такожде требовалъ, чтобъ Визирь, призвавши депутатовъ обоихъ Княжествъ, сообщилъ имъ содержаніе Хатти-Шерифовъ, и естьли они довольны, то учинилъ бы имъ надлежащее преимуществамъ по собственному ихъ чину отправленіе, что все и учинено. Депутаты приняты были 17 сего мѣсяца съ найласковѣйшими оказательствами, благодарили Визиря и отправлены отъ него. Хатти-Шерифъ Молдавской есть слово отъ слова подобенъ Волоскому, исключая одну только прибавку, которая означена въ концѣ прилагаемаго перевода.

Сверхъ Хатти-Шерифовъ, даетъ Султанъ обоимъ Князьямъ дипломы. Упомянутое выше къ Вашему Сіятельству отъ Верховнаго Визиря письмо, вручено сему курьеру. Волоской Князь на сихъ дняхъ выѣхалъ изъ Константинополя.

Переводъ съ представленія, учиненнаго Верховному Визирю, отъ назначеннаго Чрезвычайнаго и Полномочнаго посла въ Россію, Абдулъ-Керима-Паши.

Послѣ заключенія мирныхъ трактатовъ, отправленіе взаимное между Дворами посольствъ, не для прибыли дѣлается, но для вящшаго утвержденія мира. Дворъ Россійской отъ времяни, какъ получилъ титулъ Императорской, не имѣлъ Посла съ чиномъ Бейлеръ-Бея Ромельскаго, а переводчики сего Двора требуютъ отъ Вашего слуги, ѣдущаго въ Россію, записки, сколько надобно ему разныхъ провизій. Подобнаго требованія никому никогда не учинено отъ времяни, какъ установленъ между Европейскими Дворами церемоніалъ. И я на сіе отвѣчаю. Издревлѣ до сего времяни Послы не иное дѣлали, какъ въ дѣйство производить церемоніялы, согласные съ дружбою и откровенностію. Къ Великому Императору, послѣ Карловицкаго трактата былъ отправленъ Посломъ Ибрагимъ-Паша, а 1153 года Эгиры посланъ былъ къ нему съ характеромъ Бейлеръ-Бея Джанибн-Паша, и отъ него присланы были Послы, почитаемые равнаго чина съ преждепомянутыми, и исполняли церемоніалы дружественные и пріятственные; но ни въ исторіяхъ, ни въ протоколахъ нигдѣ не написано, чтобъ подобные запросы сдѣланы были съ одной, или съ другой, стороны. А обыкновенно, когда Посолъ пріѣдетъ на границу, то Мигмандаръ спрашиваетъ, коликое число людей и лошадей имѣетъ Посолъ; а потомъ, доставляя всѣ надобныя живности, сходственно съ достоинствомъ своего Двора, и препровождаетъ его до назначеннаго мѣста. Селимъ-Эфенди недавно возвратился изъ посольства въ Вѣну; можно спросить отъ него, естли прежде отъѣзду учинено ему подобное вопрошеніе со стороны Нѣмцовъ? Долженъ ли отвѣтствовать слуга Вашъ на таковые вопросы? Отвѣчать, это бы было преступить долгъ моей службы. Подобныхъ вопрошеній не дѣлаютъ ни купцы, ни ремесленники. Повелѣніе слугѣ Вашему ѣхать отъ Блистательной Порты къ Двору Россійскому, не для чего иного

есть, какъ для утвержденія дружбы. Я есмь послушный слуга моихъ Господъ, и не имѣю иного отвѣта дать, какъ только, что поступлю по повелѣніямъ Вашимъ, о чемъ, увѣдомивъ Васъ, предаюсь повелѣніямъ Вашимъ.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ

и

ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1775 ГОДЪ.

1775 года, 7 Генваря.

Преосвященнѣйшій Господинъ Архіепископъ и Митрополитъ Молдавскій,

Милостивый Архипастырь мой!

Съ новымъ признаніемъ благодарю Вашему Преосвященству за полученное здѣсь письмо Ваше, въ которомъ изражаете чувства Христолюбиваго Пастыря и преданнаго усердіемъ по вѣрѣ и правдѣ къ пользѣ нашей, яко единозаконниковъ. Я съ неменьшимъ прискорбіемъ несу мою разлуку съ Вашимъ Преосвященствомъ, и еще больше оную чувствую по мѣрѣ огорченія, Вами исповѣдуемаго; но судьбы Предвѣчнаго инако того не могли опредѣлить

Доводы благочестивой ревности Вашего Преосвященства къ интересамъ Всеавгустѣйшей нашей Императрицы, Ея Всемилостивѣйшее покровительство и возблагодареніе, на всякое время готовы для Васъ. И я, хотя отнюдь не вижу изъ настоящихъ отзы-

вовъ Порты и самаго положенія дѣлъ, чтобъ какое ни будь обстоятельство грозило сомнѣніемъ, а и того меньше опасностію, пребыванію Вашего Преосвященства на мѣстѣ своей паствы, удовлетворяя, однако жъ, волѣ Вашей, включаю здѣсь пашпортъ, который въ запасъ имѣть Вы хотѣли. Я увѣряю Ваше Преосвященство, что во весь мой вѣкъ не угаснетъ въ сердцѣ моемъ почтеніе и благодарность къ Вамъ, которымъ и не полагаю предѣловъ, и съ коимъ, препоручая себя Вашему Пастырскому благословенію, имѣю честь быть.

1775 года, 7-го Марта.

Преосвященнѣйшій Г-нъ Митрополитъ Угровлахскій,

Милостивый Архипастырь мой!

Извѣстенъ будучи о достоинствахъ, по доброй объ нихъ славѣ, опредѣленнаго отъ Блистательной Порты Господаремъ въ Княжество Волошское, Его Сіятельства, Александра Ипсиланди, и имѣя отъ него собственной отзывъ, съ коликимъ духомъ благости и усердія на пользу общую воспріемлетъ онъ отправленіе своего званія, не сомнѣваюсь я, что Ваше Преосвященство, яко добрый пастырь врученному Вамъ отъ Бога стаду, возбудите во всѣхъ должное признаніе къ власти, предуставленной въ начальникѣ, возведенномъ надъ областію.

Во все время, доколѣ управлялъ я оружіемъ Всемилостивѣйшей моей Государыни въ земляхъ Вашихъ, Ваше Преосвященство, по образу свойственнаго Вамъ благомудрія, были побуждающимъ примѣромъ всѣмъ согражданамъ пещися о лучшемъ порядкѣ и благѣ своей отчизны; я не могъ по тому остаться теперь въ молчаніи, чтобъ, въ лицѣ Вашего Преосвященства, не преподать всѣмъ чинамъ духовнаго и мірскаго званія, усерднаго моего совѣта, дабы благочиніе и повиновеніе начальству было правиломъ ихъ поведенія. Я пишу сіе въ томъ удостовѣреніи, что Его Сіятельство, нынѣшній Господарь, Александръ Ипсиландій, конечно, всѣ благіе способы обращаетъ и обращать будетъ на умноженіе пользы народной, и чтобъ найвящшимъ образомъ процвѣтало

отечество Ваше, въ полномъ ощущеніи всего того добра, которое въ себѣ заключаютъ условія мира, между высокихъ Имперій постановленнаго.

Извѣстно каждому, что вся и всѣмъ свобода предоставлена мирнымъ трактатомъ къ переселенію изъ Валахіи въ Россію, и не можетъ никому быть въ томъ воспященія, до истеченія срока. Я, однако жъ, надѣюсь, отъ благоразумія каждаго, кто симъ общимъ дозволеніемъ восхощетъ пользоваться, что не произойдетъ тутъ ни кому во вредъ партикулярный озлобленія и обидъ тягостныхъ, но паче соблюдаемъ будетъ пристойный порядокъ, что переселяющіеся своимъ отъѣздомъ не нанесутъ своимъ согражданамъ вреда и обидъ, по пункту приватныхъ между собою долговъ, но удовлетворить потщатся паче каждый своему въ томъ обязательству, прежде еще отбытія изъ своей отчизны.

Я утруждаю Ваше Преосвященство, чтобы всѣмъ Боярамъ сей мой совѣтъ благоволили объявить, и увѣрить ихъ вообще о моемъ непоколебимомъ и всеискреннемъ для всѣхъ и каждаго благожелательствѣ, съ которымъ я, препоручая себя Вашему Архипастырскому благословенію и молитвамъ, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ.

1775 года, 18 Марта.

ВОЕЙКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Өедоръ Матвѣевичъ!

Отъ монастыря Велико-Скитскаго, положеніе имѣющаго въ землѣ Галицкой, доставшейся, по послѣднему раздѣлу Польши, въ обладаніе Австрійскаго Двора, посланы нѣкоторые изъ братій онаго въ Кіевъ, для исправленія нуждъ ихъ обители. Сей монастырь, отъ самаго времени царствованія блаженныя памяти Государя Царя Өеодора Алексѣевича, пользовался особливымъ покровительствомъ и призрѣніемъ Высочайшаго Двора нашего, и отъ Ея И. В., нынѣ благополучно Государствующей, удостоился, наконецъ, полу-

чить жалованную грамоту, по поводу чего я прошу Ваше Высокопревосходитехьство, въ пребываніи тѣхъ посланныхъ въ Кіевѣ, оказать имъ всякое возможное благодѣяніе и помощь, а если бы надобность ихъ требовала поѣздки и въ Москву, то и на оную снабдить ихъ Вашимъ пашпортомъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ пребуду навсегда.

Мая 22 дня, 1775 года.

ВОЕЙКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Для содержанія въ пути Чрезвычайнаго и Полномочнаго Оттоманской Порты Посла, Беглеръ-Бея Румелійскаго, Сеидъ-Абдулъ-Керимъ-Паши, опредѣленная сумма въ сорокѣ тысячахъ рубляхъ, какъ по большой части состоитъ въ ассигнаціяхъ, кои въ Польшѣ употреблены быть ни какъ не могутъ, то, чтобъ отвратить во время проѣзда упомянутаго Посла къ Кіеву, прошу я Ваше Высокопревосходительство, по сношенію о семъ съ Г. Генералъ-Маіоромъ, Барономъ Игельштромомъ, замѣнить ассигнаціи наличными деньгами, на требуемое отъ него число, изъ суммъ, имѣющихся въ Вашемъ вѣдѣніи.

Я имѣю честь быть съ непремѣннымъ почтеніемъ.

1775 года, Мая 22 дня.

ВОЕЙКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Пока еще Его Сіятельство, Чрезвычайный и Полномочной Посолъ, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, не отправится изъ Кіева, быть могутъ ко мнѣ изъ Царьграда курьеры, и для сего я прошу Вашего Высокопревосходительства, по своему разсмотрѣ-

нію, благоучредить, въ разсужденіи карантинной заставы, чтобы оныхъ задерживать въ Васильковѣ, по мѣрѣ предосторожности и сомнѣнія, ежели оные нужны и предстоять будуть, а письма у нихъ отбирая, доставлять Его Сіятельству, Послу, которой потомъ мнѣ оныя сообщитъ. Ради сего благоволите Ваше Высокопревосходительство предложить Г. Генералъ-Маіору Ширкову, дабы онъ Турецкихъ куріеровъ и нашихъ, что въ ихъ земли посланы, обращалъ на Васильковъ, а не другой путь.

Есьмъ съ непоколебимою преданностію и почтеніемъ.

1775 года, 24 Марта.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Чтобъ, по Всевысочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества, мѣдная монета, дѣланная подъ чеканомъ Княжества Молдавскаго и Мунтянскаго, изъ завоеванныхъ у непріятеля орудій, Королевскимъ Польскимъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Барономъ Гартенбергомъ, равно и по данной привилегіи, Генералъ-Маіоромъ и Кавалеромъ Мелисиномъ, обращена была на пользу казны безъ тягости народной, не преминулъ, съ моей стороны, взять мѣры, и для того предписалъ управлявшимъ въ Молдавіи и Валахіи принимать оной въ Диванахъ, то число, которое отъ Барона Гартенберга (коему и Г. Мелисино уступилъ свое право), по его обязательствамъ, взносима будетъ, и держа изъ оной внутренные земскіе расходы, въ замѣну отсылать въ военный Коммисаріятъ золотыя и серебренныя деньги, вступающія въ казну Ея Императорскаго Величества изъ тамошнихъ откуповъ и другихъ доходовъ; къ сожалѣнію, однако жъ, изъ всѣхъ подобныхъ мѣроположеній, отъ недовольнаго надзиранія управляющихъ, произошли злоупотребленія. Ваше Сіятельство, получая отъ тамошнихъ правительствъ ежемѣсячныя вѣдомости о состояніи казны, видѣли, коль знатное число сихъ мѣдныхъ денегъ въ наличности показываемо было при

Молдавскомъ Диванѣ. Я, будучи по званію своему обязанъ другими дѣлами и въ войнѣ отдаленъ отъ очевиднаго наблюденія, усмотря то, однако жъ, изъ первоподанныхъ мнѣ тамошнихъ вѣдомостей, и зная, что отъ Гартенберга во взносѣ самое малое количество состояло, да и въ народѣ та монета еще почти не обращалась, повелъ о томъ найточнѣйшія слѣдствія. Тутъ оказалось, что люди, къ разнымъ статьямъ сборовъ опредѣленные, и по откупамъ у оныхъ бывшіе, и самые между оными тамошніе правители, корысть свою выше всего поставляя, изыскивали оную всякими непозволенными образы, и умыслили прибрать къ рукамъ своимъ все золото и серебро, а мѣдью отяготить казну и народъ, имѣя сіи деньги на самомъ заводѣ и взнося оныя въ казну вмѣсто собранной съ народа по откупамъ золотыхъ и серебрянныхъ; чрезъ такову мѣру и потеряла сія монета всю пропорцію противъ другой въ курсѣ и въ продажѣ товаровъ и припасовъ. За симъ поправленіе такова происшедшаго злоупотребленія возложилъ я на Г. Генералъ-Маіора Римскаго-Корсакова, опредѣленнаго къ управленію дѣлъ въ Молдавіи, съ тѣмъ точно предписаніемъ, чтобы въ казнѣ, за всѣ статьи сборовъ, деньги состояли въ той самой монетѣ, каковою оныя съ народа собраны, и что онъ самъ въ упущеніи должнаго надзиранія отвѣтствовать, и казенный убытокъ изъ своего собственнаго имѣнія пополнить обязанъ будетъ. Не преминулъ я и въ послѣдованіи, не видя исполненія по тому, нѣсколькократными моими повелѣніями напоминать ему; а подобнымъ тому образомъ и во время болѣзни моей, по приказанію моему, Господа Генералы, Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ и Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, ему о томъ же подтверждали, чтобы онъ взнесшихъ мѣдную монету, вмѣсто серебряной и золотой, въ пошлинахъ и другихъ сборахъ собранвой, понудилъ обмѣнять на сію послѣднюю, употребя всѣ средства, законами на таковыя случаи предписанныя. Но когда и все сіе было безъ успѣха, и отъ Г-на Корсакова получаемы были только рапорты, изъявляющіе невозможность въ томъ, то я долженъ былъ, наконецъ, приняться самъ за сіе дѣло и войти въ подробное онаго разсмотрѣніе. Все то, въ чемъ тамошніе обличены были прямо явнымъ прикосновеніемъ къ принадлежащему казнѣ, я приказалъ взыскать на нихъ; къ крайнему, однако жъ, прискорбію во многомъ убѣжденъ былъ и оправданіями ихъ, особливо бывшаго во время

наше Великимъ Вистіаріемъ Кантакузина, что всѣмъ симъ злоупотребленіямъ подалъ поводъ не только недовольнымъ надзираніемъ опредѣленныхъ въ тамошнее правительство, для сохраненія порядка и на подкрѣпленіе нашихъ интересовъ, кои всѣ оставлены при однихъ моихъ подтвержденіяхъ, дѣланныхъ имъ во всякое время съ найстрожайшими выраженіями, но и явнымъ покушеніемъ на принятіе не надлежащее таковой монеты. Не меньше, и что многіе изъ нашихъ, въ мѣстахъ здѣшнихъ, въ образѣ купцовъ и всякаго рода промышленниковъ, обращавшихся, оставляя всякое другое пристойное упражненіе, мѣняли сію монету и выкупали оную изъ Молдавіи, ожидая себѣ прибытку большею частію на счетъ казны, какъ то и теперь многіе ко мнѣ приходятъ съ жалобами, яко бы они, имѣя многое число той монеты, подвергаются большимъ убыткамъ, хотя по всѣмъ изслѣдованіямъ не видно, чтобы оная въ такомъ большомъ количествѣ могла имъ достаться инако, какъ подобнымъ для корысти вымѣномъ и выкупомъ. За всѣми вышеписанными взысканіями, осталось сихъ денегъ 147,414 руб. 17 коп., которыхъ не имѣвъ способовъ употребить въ расходъ, я принужденъ былъ приказать вывезти сюда изъ Молдавіи; но и здѣсь оныя не могутъ имѣть ходу, и никто не даетъ за пудъ выше 4 р. 50 коп. Въ началѣ дѣла сего имѣвъ съ Вашимъ Сіятельствомъ переписку, и въ настоящихъ обстоятельствахъ къ Вамъ адресуюсь, прося сообщить мнѣ Ваше мнѣніе, или же, въ случаѣ надобности, исходатайствовать Всевысочайшее рѣшеніе Ея Императорскаго Величества, повелѣно ли будетъ оную здѣсь продать, либо, какъ я слышу, что въ Россіи теперь мѣдь надобна, и большою цѣною продается, доставить оную внутрь границъ своихъ. Долженъ я при томъ упомянуть здѣсь, что по разсужденіи многихъ, металлъ сей примѣшаніемъ на смягченіе онаго для надобнаго употребленія, приведенъ въ неудобность къ передѣлкѣ во всякую другую посуду, кромѣ обращенія онаго по прежнему въ пушки, или колокола. Я, ожидая отъ Вашего Сіятельства на сіе отвѣта, пребываю съ совершеннымъ высокопочитаніемъ.

1775 года, Мая 11 дня.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Александровичъ!

Изготовивши отправленіе къ Вамъ сего курiера, имѣлъ я честь получить Ваше всепріятнѣйшее отъ 8-го сего теченія. Нѣтъ, кажется, еще никакихъ прямо видовъ, которые бы насъ въ чемъ ни будь стѣсняли, и нельзя сомнѣваться, чтобы командированію полковъ на Линію не была одною изъ первыхъ причинъ, между другими, надобность привесть къ концу работы. Ваше Сіятельство сами благопризнаете, что гдѣ большая часть войска, тамъ надобно быть и первому начальнику; слѣдственно, выѣздъ Вашъ и занятіе поста по близости къ тѣмъ самымъ войскамъ для лучшей удобности распоряжать на всѣ стороны, по мнѣнію моему, не можетъ подать ни какихъ сомнѣній.

Строеніе блокгауза по чертежу, отъ Васъ присланному, я апробую; но что принадлежитъ до галереи, гдѣ часовому мѣсто назначено, то оное его совсѣмъ открываетъ, а удобнѣе сдѣлать его въ кровлѣ такъ, чтобъ тому часовому видѣть все удобно было въ околичности, но онъ самъ примѣченъ быть не могъ бы.

Есьмъ со всесовершеннымъ почтеніемъ.

1775 года, 16 Декабря.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Александровичъ!

Имѣя къ собственному удовольствію сей случай, пользуюсь сказать Вашему Сіятельству всеискреннее мое желаніе, дабы свершили вы экспедицію, Вамъ ввѣренную, толь щастливо, колико ожиданіе того нетерпѣливо. Въ примѣчаніи дальнѣйшихъ по востребованію Вашему, Вы конечно отъ меня ко времени снабдѣны

будете, и я, кромѣ должности, которая налагаетъ сіе на меня, побуждаемъ къ тому и со стороны усердія моего къ Вамъ найбольшаго. Въ дружескую конфиденцію примите, Ваше Сіятельство, мою мысль, чтобы въ выборѣ курьеровъ быть весьма осторожну, и не всѣхъ тѣхъ посылать, кои просятъ отправленія, имѣвъ здѣсь свои нужды, или по другимъ причинамъ, но таковыхъ, коихъ бы можно отправляя обратно, положиться впрочемъ на него. Сюда прибылъ отъ Васъ одинъ, именно Фагонъ, поведеніе коего, конечно, не было извѣстно Вашему Сіятельству; но я, не стараясь описывать его состояніе, довольствуюсь сказать только, что полагаться на него въ сихъ случаяхъ ни съ которой стороны не можно, и потому было бы не худо для сего опредѣлить изъ Оберъ-Офицеровъ надежныхъ, или унтеръ-офицеровъ, по усмотрѣнію, однихъ навсегда.

Пребываю, впрочемъ, съ непреложнымъ почтеніемъ.

1775 года, 19 Ноября.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Александровичъ!

Читая Ваши донесенія, видѣлъ я не безъ сожалѣнія о припадкѣ Вашемъ, и о томъ, что воспрепятствовало поступить Вамъ на дальнѣйшія предпріятія въ дѣлѣ предположенномъ. Не отъ насъ зависитъ противустать естественному загражденію, и Вы больше о томъ увидите изъ моего ордера, что потому опасаться вамъ ни съ которой стороны нѣтъ причины. А что Ваше Сіятельство стѣснены скорбію найпаче о своихъ подчиненныхъ, не безъ трудности переносящихъ свои подвиги, нежели о себѣ самомъ, и соболѣзнуете найбольше, не могучи въ семъ разѣ произвесть того, въ чемъ есть воля Государская и собственная Ваша слава, я безъ всякаго сомнѣнія увѣренъ. И желая Вамъ къ достиженію того всѣхъ и всякихъ преуспѣяній по мысли Вашей, пользуюсь, между тѣмъ, повторить Вамъ о томъ истинномъ усердіи и всесовершенномъ почтеніи, съ коими никогда не престану быть.

1775 года, 28-го Ноября.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Іюля 3-го числа, текущаго года, явился у меня, монастыря Велико-Скитскаго, который между иными вошелъ изъ Польскаго въ Цесарское владѣніе, Іеромонахъ Парѳеній отъ Игумена съ письмомъ, коимъ онъ, изъясняя того монастыря притѣсненія, причиняемыя отъ Австрійскаго Министерства угрозою, изганіемъ ихъ изъ онаго, просилъ моего пособія. И какъ сей монахъ мнѣ сказалъ, что онъ тайно и мимо вѣдома тамошняго начальства, подъ видомъ, будто за нуждами въ Польшу посланъ, то я по многимъ обстоятельствамъ не судилъ быть приличнымъ ему на то письмо отвѣчать, и монаха отпустилъ съ тѣмъ токмо совѣтомъ, чтобы та обитель отозвалась въ томъ съ прозьбою къ Чрезвычайному Послу Вашего Императорскаго Величества, въ Вѣнѣ находящемуся. Но какъ Г. Генералъ-Поручикъ и Кіевскій Губернаторъ Ширковъ меня репортуетъ, что изъ того же Велико-Скитскаго монастыря явились въ Васильковѣ уже два монаха, Антоній и Палладій, съ объявленіемъ, что они минувшаго Августа 26-го, за ограбленіемъ ихъ имущества и изгнаніемъ изъ монастыря командою Цесарскаго войска, отправлены въ Россію отъ ихъ Игумена съ Всевысочайшею грамотою, въ 1771 году тому монастырю пожалованною въ Санктпетербургѣ, то и велѣлъ я сихъ монаховъ задержать въ Васильковѣ, въ таможнемъ монастырскомъ домѣ, и спѣшу симъ Вашему Императорскому Величеству о томъ всеподданнѣйше донесть и просить Вашего Всевысочайшаго повелѣнія, какъ и какимъ образомъ мнѣ поступить съ оными монахами, и особливо съ имѣющеюся у нихъ грамотою.

Повергающійся къ стопамъ Вашимъ во всеглубочайшемъ благоговѣніи.

ДОЛГОРУКОВУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Василій Михайловичъ!

О измѣнѣ Намѣстника Ханства Калмыцкаго Убаши, первымъ увѣдомленіемъ было мнѣ письмо Ваше, подъ № 22-мъ. Прошу Вашего Сіятельства, при случаѣ, рѣшить мое сомнѣніе въ томъ, со всѣми ли Калмыцкими улусами, или съ собственнымъ токмо, сей владѣлецъ отложился и ушелъ?

Мурзу Татарскаго Абды, присланнаго къ Вамъ изъ Санктпетербурга, я не знаю, гдѣ могу его помѣстить, ибо въ Аккерманѣ ни одинъ Татаринъ не живетъ, а только въ тамошней окрестности, въ мѣстечкѣ Татаръ-Бунарѣ, пребываетъ одинъ Мурза Татарской, что при завоеваніи Аккермана поддался подъ протекцію оружія Ея Императорскаго Величества.

Если угадываю, то у Васъ находящійся Мурза есть тотъ, коего Ханъ Крымскій, по разбитіи прошлаго года Турецкой арміи, посылалъ къ Визирю за Дунай. Не найдете ли, Ваше Сіятельство, приличнымъ, по происходящей негоціаціи съ Крымомъ, туда его употребить въ посылку? А у меня, какъ выше я сказалъ, негдѣ его дѣвать.

Пребываю съ непремѣннымъ и истиннымъ почтеніемъ.

ОЛСУФЬЕВУ.

1775 года.

Милостивый Государь мой,

Адамъ Васильевичъ!

Въ слѣдствіе почтеннѣйшаго письма Вашего отъ Августа, имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопревосходительству

два реестра разнымъ посланнымъ, на бывшіе въ Фокшанахъ и Бухарестѣ конгресы, вещамъ, кои, при заключеніи мира въ Кайнарджѣ, по повелѣнію моему, отъ Г-на Тайнаго Совѣтника и Кавалера Обрескова, приняты были Г-мъ Полковникомъ Безбородкомъ. Въ первомъ изъ сихъ реестровъ Ваше Высокопревосходительство найти изволите всѣ тѣ вещи, кои, по повелѣнію моему, вышли въ подарокъ по случаю заключенія мирнаго дѣла и въ последованіи, а въ другомъ означены вещи, отъ расхода оставшіяся, кои, по Всевысочайшему именному Ея Императорскаго Величества Указу, отъ 22 Апрѣля сего 1775 года, отданы въ распоряженіе Чрезвычайнаго и Полномочнаго въ Портѣ Посла, Г. Генерала, Лейбъ-Гвардіи Подполковника и Кавалера, Князя Николая Васильевича Репнина, подъ росписку Совѣтника Посольства Булгакова.

Есьмъ съ непремѣннымъ почтеніемъ.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ

и

ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1776 ГОДЪ.

1776 года, Генваря 21.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Съ дошедшихъ ко мнѣ, отъ Г. Генерала-Поручика и Кавалера Князя Прозоровскаго, извѣстій при его репортахъ: 1-мъ, отъ Генерала-Маіора и Еникольскаго Оберъ-Коменданта Борзова, 1-е, объ оставшемся въ Керчѣ, отправленномъ отъ Бригадира Бринка, Едичкульской Орды Джанъ-Мамбетъ Мурзѣ; 2-е, о суднѣ, отправленномъ съ плѣнными, что оное по худому состоянію командира доведено на мель и до поврежденія; 3-е, о разбитіи сильнымъ штурмомъ при Абазинскомъ берегѣ идущаго изъ Царьграда, и туда изъ Таганрога отправленнаго, фрегата Перваго. 2-мъ. Письма Девлетъ-Гирея-Хана къ Князю Прозоровскому и объявленія Волошскаго

Гусарскаго полку Поручика Багдатли-Углу, о происходящемъ съ нимъ въ Крыму и о развѣданномъ тамъ. 3-мъ, отвѣтнаго Очаковскаго Паши Мустафы на письмо его, Князя Прозоровскаго, при семъ имѣю честь всеподданнѣйше представить въ копіяхъ.

Изъ письма Девлетъ-Гирея-Хана къ Князю Прозоровскому Ваше Императорское Величество усмотрѣть соизволите Его, Хана, и Татаръ расположеніе, что они о своемъ исканіи у Порты, чтобы не быть вольными, не дѣлаютъ уже и предъ нами тайности. А какъ сіе ихъ объявленіе прямо противно постановленнымъ Артикуламъ послѣдняго трактата, касательно Татарскихъ народовъ, то я осмѣливаюсь испросить отъ Вашего Императорскаго Величества по симъ обстоятельствамъ всеподданнѣйше, ежели между тѣмъ не подѣйствуютъ убѣжденія, Портѣ дѣлаемыя Посломъ Вашего Императорскаго Величества въ Константинополѣ, на время и случай потребныя, Всевысочайшихъ повелѣній.

1776 года, 21 Генваря.

Всемилостивѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Представляю Вашему Императорскому Величеству при семъ всеподданнѣйше въ копіи рапортъ Бригадира Бринка съ приложеніями, 1-е, отвѣта Калги-Салтана на мое письмо; 2-е, разговоръ его на вопросъ Бринка о Татарскихъ обстоятельствахъ, и 3-е, письма Джанъ-Мамбетъ-Бея въ нему, Бригадиру Бринку. Онъ въ своемъ рапортѣ, между прочимъ, примѣчаетъ, что нынѣшнею зимою Нагайцы останутся въ спокойствіи, но по веснѣ, которая рановременно тамъ начинается, предусматриваетъ, что оное можетъ въ великое обратиться смятеніе.

Подношу тутъ же къ Высочайшему усмотрѣнію и съ моихъ отвѣтныхъ къ Калгѣ-Салтану Шагинъ-Гирею, по возвращеніи его отъ Абазинцевъ, и Едисанскому Главному Начальнику Джанъ-Мамбетъ-Бею на ихъ письма, и даннаго отъ меня предписанія упомянутому Бригадиру Бринку, коимъ образомъ преклонившихся Татаръ удерживать и другихъ преклонять къ сторонѣ Шагинъ-Гирея онъ долженъ.

1776 года, Февраля 16.
Черешеньки.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Въ проѣздъ сего курiера не схотѣлъ я упустить случая сообщить Вашему Сiятельству, что, къ сожалѣнію, извѣстный и преданный Джанъ-Мамбетъ-Бей скончался: о семъ я получилъ третьяго дня извѣстіе отъ Бригадира и Кавалера Бринка, чрезъ нарочнаго, котораго, въ тотъ же самый часъ, отправилъ я обратно съ предписаніемъ ему, Бринку, и особливымъ къ Калгѣ-Салтану Шагинъ-Гирею, чтобы онъ отправился самоскорѣе къ ордамъ, покойному подвластнымъ, и обще съ Калгою-Султаномъ, не жалѣя ни труда, ни нѣкоторой суммы денегъ, привели оныя къ избранію, на мѣсто покойнаго, въ сіе достоинство преданнаго и въ вѣрности намъ испытаннаго человѣка; и въ слѣдъ за симъ отправлю я и всѣ ко мнѣ донесенія, съ которыхъ, по краткости времени, не успѣли еще снять копіи.

Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію.

1776 года, Февраля 20 дня.
Черешеньки.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Всепріятнѣйшее Ваше, отъ 11 Февраля, съ другимъ при немъ ко мнѣ отъ Г-на Вице-Канцлера подъ отверстою печатью, чрезъ куріера, отправленнаго въ Царьградъ, исправно получилъ. Сей проѣзжей, къ большому порадованію, меня увѣрилъ, что онъ Васъ оставилъ на пути въ хорошемъ здоровьи. Я желаю, мой Вседражайшій Другъ, оный совершить и, прибывъ въ столицу, тамо пребывать въ самопомыслъныхъ удовольствіяхъ и благоденствіи.

Благодарю Вамъ найпризнательнѣе, мой Милостивый Другъ, что Вы о мнѣ не забываете, и удовлетворяя желанію Вашему, доношу о моемъ настоящемъ пребываніи, что по худому состоянію моего здоровья, все я живу не въ лучшемъ положеніи, но часъ отъ часу изъ немощи въ другую проходя, дохожу до крайнего ослабленія, и ниже не нахожу того удовольствія въ деревенской жизни, которымъ я прямо наслаждался.

Изъ предыдущаго и настоящаго отправленія ко Двору моихъ всеподданнѣйшихъ увидите, Ваше Сіятельство, совсѣмъ сходное тому, о чемъ увѣдомлялъ въ своихъ донесеніяхъ Князь Николай Васильевичъ, касательно состоянія Татарскихъ дѣлъ, ибо тутъ и Калга-Салтанъ въ израженіяхъ своихъ излагаетъ найпаче всю нужду въ оружіи, дабы устоять намъ въ мѣроположеніяхъ на сей край, отметая всякія издержки на подарки, какъ ни къ чему больше не служащія. Не трудно отгадать Вамъ, мой Милостивый Графъ, куда цѣль намѣреній противныхъ клонится. Вамъ только можно и судить о дѣлахъ на времена будущія, съ какою точностію мы наблюдать на сіи обстоятельства должны, для принятія надежныхъ мѣръ, къ устоянію въ своихъ предположеніяхъ, какъ свѣдущему всѣхъ другихъ Дворовъ съ нами положеніе.

Пребываю я, впрочемъ, съ безпредѣльною преданностію и истиннымъ высокопочитаніемъ,

Вашего Сіятельства
всепокорнымъ слугою.

P. S. Приложенное при семъ письмо, служащее въ отвѣтъ Его Императорскому Высочеству, всепокорно прошу Ваше Сіятельство поднесть, и другое женѣ моей приказать отдать, какъ и ко мнѣ.

1776 года, 20 Февраля.
Черешеньки.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Всемилостивѣйшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 10-го сего мѣсяца, о преподаваніи мнѣ увѣдомленій въ Константинополѣ находящемуся Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ Г. Стахіеву, о дѣлахъ Татарскихъ, и въ снабденіи мнѣ его наоборотъ въ такихъ дѣлахъ и случаяхъ, гдѣ польза службы Вашего Императорскаго Величества будутъ требовать выигранія времени, 17-го числа я имѣлъ щастіе получить. И по Всевысочайшему предписанію не упущу я, для пользы дѣлъ Вашего Императорскаго Величества, брать мои мѣры и Г. Стахіева извѣщать. А какъ съ прибытія моего въ край сей доходить стали разныя до меня извѣстія, а между прочимъ и о движеніяхъ Турецкихъ войскъ въ немаломъ числѣ съ артиллеріею къ Хотину и Бендерамъ, и о нѣкоторыхъ стычкахъ у Австрійцевъ съ Турками близъ самаго Хотина, то чтобъ лучше о подлинности ихъ быть увѣдомлену, писалъ я, отъ 10-го сего мѣсяца, Г. Стахіеву и къ Генералу Ширкову, находящемуся нынѣ въ Дубномъ, и Офицеру, оставленному въ Брагѣ, чтобы они мнѣ о обстоятельствахъ и происшествіяхъ тамошнихъ сообщали, для предвзятія надобныхъ мѣръ. А намѣреваю послать прямо въ Бендеры, Хотинъ и Яссы, подъ добровидными предлоги, къ тамо находящимся Пашамъ и Господарю, къ развѣдыванію и примѣчанію способность имѣющихъ людей.

1776 года, 20 Февраля.
Черешеньки.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

На сихъ дняхъ съ полученныхъ отъ Бригадира Бринка рапортовъ относительно неспокойствъ Татарскихъ, отъ 4-го настоящего теченія, съ писемъ ко мнѣ Калги и Джанъ-Мамбеть-Бея и съ моихъ Бринку и Шагинъ-Гирею предписаній, точныя списки при семъ всеподданнѣйше подношу.

Въ оныхъ, Всемилостивѣйшая Государыня, соизволите увидѣть, какіе виды на себя пріемлютъ Татарскія дѣла, вопреки предположеніямъ нашимъ, и что въ употребленіи денежныхъ суммъ, не видитъ и самъ уже Шагинъ-Гирей, чтобъ имѣло желаемое въ Татарскомъ народѣ дѣйствіе, если не принудить ихъ къ тому оружіемъ; кольми паче при теперешней перемѣнѣ, по умертвіи Джанъ-Мамбетъ-Бея, гдѣ всѣ дѣла, по внушеніямъ недоброжелательствующихъ, могутъ притти и больше въ разстройку.

И по симъ обстоятельствамъ ожидать я буду отъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія: продолжать ли по прежнему наше въ томъ настояніе подарками, или къ другимъ средствамъ оборотиться? Я осмѣливаюсь, не въ предложеніе, однако жъ, мѣръ, мои мысли представить, что не безполезно бы было нѣкоторые кампаменты собрать на будущее лѣто на обоихъ сторонахъ Днѣпра, и тѣмъ оказать готовность съ стороны нашей, и удержать Татаръ, Поляковъ и самыхъ Турковъ въ нѣкоторомъ къ нимъ уваженіи.

Отъ 5 Марта, 1776 года.

Ордеръ.

Ея Императорское Величество, при Высочайшемъ опредѣленіи меня Командиромъ надъ кавалеріею Ея арміи, и нѣкоторыя оной признанныя за надобно поправленія, малому моему въ ремеслѣ искуству Всемилостивѣйше ввѣрить соизволили. Я, не находясь въ состояніи, по великому отдаленію отъ мѣста моего настоящаго пребыванія сихъ полковъ квартиръ, очевидно оныя надзирать, да и по дошедшимъ до меня, отъ Гг. Дивизіонныхъ Командировъ, увѣдомленіямъ, не во всякой особо къ сей части и Генералъ опредѣленъ; то на сей первой случай, и чтобы не упустить обязательствъ, званіемъ Командира налагаемыхъ, хощу преподать всѣмъ полкамъ кавалеріи средства и способы, которые по существу сей, и обще военной службы, почитаю я быть потребными и полезными, а именно:

1. Чтобъ всѣ чины въ безперерывномъ въ службѣ между собою обращеніи неотмѣнно находились, и для того у эскадронныхъ Командировъ, при утреннихъ рапортахъ, всѣ того эскадрона Оберъ и унтеръ-Офицеры и мастеровые являлись, дабы симъ образомъ одинъ другова ближе и лучше узнавая, подавали по степенямъ ихъ обязательствъ и преимуществъ надобныя поученія и поправленія, и за упущеніе, небреженіе, или не довольное надзираніе должностей, тутъ же взысканіе дѣлали, и что до кого изъ мастеровыхъ надлежитъ исправлять, препоручали; а впредь, чтобы лучше должности наблюдаемы были, притверждали.

2. Ежедневно, отъ 6 до 12 человѣкъ рейтаръ, по одному учить: прежде, какъ себя держать въ одеждѣ и ружьѣ, шляпу какъ и когда надѣвать и снимать, и конечно лѣвою рукою, и маршировать, вразумляя имъ, сколь нужно для строю и порядочнаго движенія голову и тѣло прямо и колѣнъ не сгибать, и равной съ другими шагъ держать. Потомъ показывать, какъ онъ долженъ убрать свою лошадь, сѣдлать, искусно взнуздывать и вычистить, садиться, ѣздить шагомъ, рысью, наконецъ галопомъ, одерживать на право и на лѣво, оборачивать и примыкать; огненное и бѣлое оружіе употреблять съ приличною военному человѣку осанкою и проворностію, и конечно доводить до тово, чтобы всякой рейтаръ

былъ прямо господиномъ своей лошади, и умѣлъ оною и ружьемъ владѣть, и тѣхъ, кои явятся уже искусными по одному, послѣ шеренгами, взводами, а наконецъ и эскадронами обучать заѣзжать, обороты дѣлать, вздвоивать и линію держать.

3. Въ дни воскресные и праздничные, собирать завременно церковные парады, и до начатія службы Божіей, при квартирахъ эскадронныхъ Командировъ, изъ Военнаго Устава особо выписавъ, что до должности и наблюденія нижнихъ чиновъ и рядовыхъ лежитъ, и особливо о вѣрности и о послушаніи къ Командирамъ въ отправленіи службы, держаніи карауловъ, о скромномъ и вѣжливомъ поведеніи и обхожденіи съ хозяевами, о побѣгахъ и далѣе, какъ который уже успѣлъ въ знаніи оныхъ, читать и толковать, и такъ, чтобы въ одинъ день собранныхъ учить, а въ другой о выученномъ вопрашивать.

А какъ вся служба рядовыхъ относится къ должностямъ Оберъ и унтеръ-Офицеровъ, и отъ наблюденія ихъ въ кавалеріи, особливо всѣ почти движенія зависятъ, то надлежитъ имъ конечно оную въ возможномъ совершенствѣ и съ искуствомъ знать, чтобъ другихъ оправлять и научать, и, такъ сказать, примѣромъ служить; и особливо, какъ дистанцію между взводами, по числу рядовъ и линію держать, и по первому отзыву командирскому, на право и на лѣво швенковаться, ежели бъ случилось, паче лучшаго ожиданія, въ томъ неискусные, то обученіемъ ихъ и начинать, а о лѣнивыхъ и нерадѣтельныхъ, какъ званія недостойныхъ, о исключеніи изъ службы, ко мнѣ представлять.

4. Доброе состояніе людей и лошадей есть одинъ изъ важныхъ пунктовъ; но не отъ одной обильности оное зависитъ, но отъ употребленія порядочнаго, надобной чистоты и умѣренности, и ради сего надзиранія быть въ эскадронѣ одному Офицеру дежурнымъ, и весьма прилѣжно наблюдать, чтобы здоровые, какъ выше сказано, при потребной пищѣ, поведеніемъ порядочнымъ, и держаніемъ въ чистотѣ и умѣренности обережены были отъ болѣзней; а больные бы съ прилѣжностію пользованы были и потребныя лѣкарства имѣли; и какъ о имѣніи искуснаго лѣкаря и подлѣкаря въ полку, такъ во всякомъ эскадронѣ кузнеца, который бы не только хорошо ковать, но и лѣчить искусно умѣлъ, все стараніе господамъ Полковымъ и Эскадроннымъ Командирамъ

прилагать. Нѣтъ тутъ надобности уважать на то, чтобы былъ конечно иностранной и по капитуляціи, но хотя бы изъ рекрутъ даточныхъ служащій, но былъ бы только искусной мастеръ.

5. Ковка лошадей чрезъ всю зиму вовсе, да и въ лѣтніе мѣсяцы не всегда потребна, а сумма составляется на подковы знатная. Для сбереженія онаго найдутся способы не трудные, употребленіемъ нѣсколько песку въ манежахъ или сараяхъ, гдѣ стоятъ и обучаются лошади, съ сбереженіемъ для нихъ и водопоя. Раціоны также положены въ количествѣ и качествѣ фуража, не со всякимъ временемъ въ году и климатомъ въ краю сходно, и надобно конечно одинъ гарнецъ овса уменьшить, и нѣсколько фунтовъ сѣна.

6. Къ покупкѣ лошадей командированнымъ Офицерамъ особливо предписывать, чтобы они при лѣтахъ, мѣрѣ, статьяхъ указныхъ, найпаче наблюдали на крѣпость въ ногахъ, и чтобъ не было въ оныхъ ни малѣйшаго порока, и сихъ слабоногихъ, такъ норовистыхъ и крѣпкоуздыхъ, подъ взысканіемъ двойной цѣны, и возвращеніемъ всего фуража, отнюдь не покупали: ибо таковыя лошади не только невозвратной убытокъ казнѣ причиняютъ, но и съ ѣздокомъ въ одну тягость службѣ и замѣшательство находятся.

А чтобъ во всемъ полку дѣлалось все безъ малѣйшій разни, то сверхъ карауловъ въ эскадронахъ, отъ всячаго по 5 рядовыхъ наряжая при Штабѣ, перемѣнять ихъ понедѣльно, или мѣсячно, по отдаленности квартиры, для употребленія во всю службу, по числу находящихся отъ одного, или больше эскадроновъ въ Штабъ-Квартирѣ рядовыхъ содержать, и при парадахъ всякаго званія всѣмъ господамъ Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, кромѣ въ болѣзняхъ и на караулахъ находящихся, подъ вычетомъ за мѣсяцъ жалованья, быть непремѣнно.

Я не оставлю за симъ въ слѣдъ по времени нѣкоторыя подавать и дальнѣйшія по службѣ сей мѣроположенія; но между тѣмъ, случайно въ проѣздъ, увидя великое несходство въ полкахъ въ отправленіи службы и строевъ, нахожу потребнымъ во времени немедленномъ имѣть свѣдѣніе о нижеписанныхъ статьяхъ, и именно: 1-е. Какъ, и который полкъ экзерцицію конную и пѣхотную дѣлаетъ, точно ли по диспозиціи, или инако, и отъ кого то введено, и на какую пользу? 2-е Оружейныя и амуничныя вещи, и конской уборъ, по старымъ ли штатамъ или, что осо-

бливо, и какъ выше сказано, когда, кѣмъ и на какой лучшій способъ оныя введены? Съ объясненіемъ, подписаннымъ всѣми Штабъ и Оберъ-Офицерами, что они изъ всѣхъ вещей ружейныхъ, амуничныхъ и конскаго убора находятъ по службѣ сей неудобными къ употребленію, и какія, по мнѣнію ихъ, вовсе перемѣнены, или поправлены, быть должны, въ чемъ и для чего? 3-е. О подковныхъ деньгахъ и фуражѣ, находятъ ли они мое мнѣніе основательнымъ, или требуютъ еще лучшихъ опытовъ и доказательствъ?

1776 года, 21 Марта.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Благодарю нейпризнательнѣйше Вамъ за письмо Ваше отъ 26 Февраля, которое я съ присвоеннымъ къ пріятной перепискѣ Вашей, единожды на всегда особливымъ порадованіемъ принялъ отъ рукъ отправленнаго въ Яссы повѣреннаго Мигая. Считая по времени, мой куріеръ, отъ 20-го тогожъ мѣсяца посланный, уже вручилъ Вамъ и мое послѣднее письмо, и тѣ самыя донесенія, о коихъ упоминалъ я въ предыдущемъ моемъ отъ 16. Изъ тѣхъ, и настоящаго отправленія, увидите Вы, мой Вседражайшій, Другъ, расположеніе Татаръ, и мои трудные извороты по видамъ и поступкамъ сихъ народовъ и другихъ обстоятельствъ. При всѣхъ моихъ предположеніяхъ, я не далеко успѣю, ежели Вы, мой Милостивый Графъ и Вселюбезный Другъ, не подадите совѣта и подкрѣпленія пребывающему Вамъ съ вѣчною обязанностію, истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Вашего Сіятельства
всепокорнѣйшему слугѣ.

1776 года, 21 Марта.
Парафѣевка.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Въ предыдущей моей всеподданнѣйшей, отъ 20-го прошедшаго Февраля, Вашему Императорскому Величеству доносилъ я по однимъ только разглашеніямъ, о движеніи Турецкихъ войскъ въ немаломъ числѣ съ артиллеріею къ Хотину и Бендерамъ, и о нѣкоторыхъ стычкахъ у Австрійцевъ съ Турками, и что я о подлинности оныхъ требовалъ отъ Генералъ-Маіора Ширкова, и Офицера, оставленнаго въ Брагѣ, обстоятельныхъ увѣдомленій, и каковы отъ нихъ получилъ, поставлю должностію поднесть оныя при семъ въ копіяхъ.

Отъ расположенныхъ по рѣкамъ Синюхѣ и Бугу войскъ Вашего Императорскаго Величества, дѣлаются весьма частыя и великія дезерціи, по поводу примѣченныхъ верберовъ Польскихъ, держащихся при границахъ Вашего Императорскаго Величества, и подговору Турецкихъ начальниковъ, въ чемъ одинъ, находящійся въ Голтѣ Каймаканъ, именемъ Али, чистосердечно открылся Молдавскаго гусарскаго полку Капитану Исаеву, что онъ имѣлъ на то повелѣніе отъ своего Гетмана Григорья, о чемъ его рапортъ, доставленный ко мнѣ Генералъ-Поручикомъ Текели, и находящагося въ Шанцѣ Екатеринискомъ за Коменданта Секундъ-Маіора Микульшина свидѣтельство, въ копіяхъ при семъ представлено.

Я далъ по тому мои повелѣнія Генералу Маіору Ширкову, въ Польшѣ находящемуся, чтобы онъ, подъ приличнымъ видомъ, какой ему, по тамошнимъ обстоятельствамъ и дѣлъ положенію, лучшимъ встрѣтится, отдѣлилъ, изъ войскъ его команды, посты, расположа близъ границъ Польскихъ и Новороссійской Губерніи, какъ для пересѣченія пути дезертирамъ, такъ для наведенія нѣкотораго вниманія и осторожности на Поляковъ; и если бы не послужили другія увѣщанія, въ такомъ случаѣ тѣхъ, кои къ уходу поводомъ служатъ, хватать, и за карауломъ присылать въ Кіевъ, или ближайшее пограничное мѣсто. Извѣстилъ также и Резидента Вашего

Императорскаго Величества, Барона Аша, въ Варшавѣ находящагося, что сей поступокъ прямо противенъ дружескимъ и добраго сосѣдства державамъ; Генералу же Поручику Текели далъ ордеръ, чтобы на граничную стражу определялись испытанные и узнанные въ усердіи и непоколебимой вѣрности Офицеры, и которые бы и другихъ своимъ примѣровъ и совѣтами приводили къ ихъ должности; нижнихъ же чиновъ ненадежныхъ, изъ иностранцевъ, на такія посты отнюдь не употреблять.

Я осмѣлился, Всемилостивѣйшая Государыня, тѣмъ, кои представятъ бѣглеца, или скажутъ о прямомъ намѣреніи къ тому, либо заговорѣ, обѣщать награжденіе по пяти рублей за каждаго, чтобъ симъ образомъ, по крайней мѣрѣ, произвесть въ подлости сей нѣкоторую опасность. А Каймакана Али чистосердечіемъ пользуясь, подъ видами разныхъ дружескихъ увѣреній, склонять, не подастся ли онъ иногда на выдачу нѣкоторыхъ бѣглецовъ, хотя впредь, и доставлять намъ нѣкоторыя извѣстія, обѣщая ему пенсію, и увѣря, что сія его откровенность никогда и никому вѣдома не будетъ.

Что до Татарскихъ дѣлъ, то по послѣднимъ, и у сего въ копіяхъ подносимымъ, Бригадира Бринка рапортамъ, къ нему и къ Калгѣ-Султану письмамъ, орды Джанъ-Мамбетъ-Бея кочевавшія уклоняться начали границъ Вашего Императорскаго Величества. Я приказалъ два полка легкой конницы сблизить къ мѣсту пребыванія Бригадира Бринка и Калги-Султана, для нѣкотораго ободренія сего доброхотствующаго Султана, и который на одно только то и счетъ свой ведетъ, и ему преданныхъ и усердныхъ Татаръ, и уваженія противнымъ; но какъ при томъ всѣмъ я не могу собою въ семъ пунктѣ далѣе ничего опредѣлять, то и ожидаю отъ Вашего Императорскаго Величества Всевысочайшихъ наставленій по симъ и первымъ всеподданнѣйшимъ моимъ донесеніямъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Нашлась здѣсь въ рукахъ партикулярныхъ подлинная грамота, данная о искорененіи Запорожцовъ; и какъ тутъ мнѣ вовсе неизвѣстно, а на сей случай изобличеніемъ служащія событія

прошлыхъ временъ являются, то я счелъ, какъ вещь достойную лутчего содержанія въ Архивѣ, Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше оную поднесть.

Повергаетъ себя къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества въ глубочайшемъ благоговѣніи

всеподданнѣйшій рабъ

Г. Р. З.

Параѳѣевка.
21 Марта, 1776 года.

Отправлено съ переводчикомъ Квасовымъ.

1776 года, 22 Марта.

РЕПНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Ни мало не задерживая курьеровъ сихъ, имѣющихъ всю нужду въ самоскорѣйшемъ доставленіи депешъ Вашему Сіятельству, я довольствуюсь только при семъ случаѣ препроводить ихъ симъ къ Вамъ, желая всеискренно, да застанетъ сіе Васъ и домашнихъ Вашихъ въ самолучшемъ благосостояніи, и путь предлежащій Вамъ да свершите при помысльномъ здравіи и удовольствіи. Считая, что изъ Санктпетербурга пишутъ то же самое и къ Вамъ, что и ко мнѣ, я не упоминаю Вамъ тутъ ни о чемъ, и болѣе изъ той причины, что новаго ничего нѣтъ. Изъ новѣйшаго же, что я имѣю съ стороны Крыма, то сіе, что Джанъ-Мамбетъ-Бей скончался, и что Татары не престаютъ волноваться, а особливо по смерти сего добраго старика, старавшагося всегда съ особеннымъ жаромъ споспѣшествовать, въ той странѣ, нашимъ видамъ и намѣреніямъ, не смотря на коловратность своихъ единоплеменцовъ. По предвзятымъ мѣрамъ, посланы оттоль депутаты къ Портѣ, и какъ они привезутъ туда для оной вѣсть не весьма пріятную,

то тутъ не одно покровительство, но защита и пособіе для нихъ будутъ необходимы. И потому прошу Вашего Сіятельства подать имъ руку Вашу на помощь; если же бы въ случаѣ они уже въ Царьградѣ Васъ не застали, то предувѣдомить о семъ Г. Стахіева.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію есьмь

Вашего Сіятельства.

1776 года, Марта 26.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Всевысочайшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ, отъ 8-го сего Марта мнѣ данный съ милостивѣйшимъ благопризнаніемъ моихъ всеподданнѣйшихъ представленій, отъ 20 Февраля поднесенныхъ, и съ приложеніемъ въ копіи рескрипта, даннаго Г. Генералу Графу Потемкину, 22-го числа настоящего мѣсяца, я принять щастіе имѣлъ; и относительно тутъ мнѣ сдѣланнаго изъясненія Вашего Императорскаго Величества Всевысочайшего соизволенія и предположенія, я немедленно восприму всѣ удобнѣйшія мѣры къ выполненію оныхъ, и сходственно обширности края, мнѣ ввѣреннаго, стараться буду сіе такъ учредить, чтобъ по собраннымъ кампаментамъ не вдругъ открылись виды оныхъ собраній, а въ потребное время безъ всѣхъ затрудненій составили они полагаемый Корпусъ.

Касательно деташемента Бригадира Бринка къ особливому моему щастію Всевысочайшимъ мыслямъ Вашего Императорскаго Величества для ободренія Калги-Султана и добронамѣренныхъ, усилить приказалъ, и о томъ Вашему Императорскому Величеству въ предыдущей всеподданнѣйшей моей отъ 21-го сего мѣсяца донесъ, а съ послѣднихъ же, вчера мною полученныхъ, рапорта отъ Бригадира Бринка и письма Калги-Султана, копіи подношу.

1776 года, Апрѣля 10.
Парафѣевка.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Сими днями дошли ко мнѣ рапорты отъ Генераловъ Текели, Борзова и Ширкова, съ которыхъ точные списки подношу. Первые два, по возвращеніи посыланныхъ своихъ, а послѣдній, по рапорту стоящаго Офицера въ Брагѣ, извѣщаютъ меня, что Турецкія войски, числомъ уже знатнымъ, въ Бендеры и Хотинъ пришли, а другія въ полномъ движеніи находятся, и что Австрійцы запасаютъ большое количество провіанта въ занятой части Молдавіи. Но какъ, по нелучшему разсужденію сихъ вѣдомостей сочинители, во оныхъ, и несообразныя ни съ какими обстоятельствами вмѣшаны, то и все прочее за точное утвердить мнѣ невозможно.

Изъ послѣднихъ ко мнѣ сообщеній Царьградскихъ, и Вашему Императроскому Величеству уже поднесенныхъ, относительно Татаръ, хотя Турки и дѣлаютъ новые предлоги, и по ихъ мнѣнію интересамъ Вашего Императорскаго Величества такъ не противные, но въ самой вещи слѣдуютъ они взятому предразсужденію, чтобы, подъ титломъ вѣры догматовъ, владѣть Татарами и въ ихъ политическихъ дѣлахъ самовластно.

Въ слѣдствіе Всевысочайшихъ Вашего Императорскаго Величества мѣроположеній на упрежденіе всѣхъ противныхъ замаховъ, если бы всѣ другія средства не превозмогли къ убѣжденію Турковъ, полагая два лагеря, одинъ въ околичности крѣпости св. Елисаветы, другой близъ старой линіи, соображая тутъ удобности, по настоящему войскъ расположенію, и нѣкоторыхъ занятыхъ уже ими постовъ, коихъ на теперешнее время и обнажить невозможно; легчайшее Днѣпромъ доставленіе пропитанія, и чтобы не поскудѣть прежде надобнаго времени крайніе магазейны, и не открыть завременно прямаго предлога, третій Корпусъ въ резервъ недалеко прилежа, чтобъ обращать его можно было, смотря по обстоятельствамъ на обѣ стороны Днѣпра. Въ число перваго Корпуса войдетъ и два полка, стоящіе въ Польшѣ, подъ командою Генералъ-

Маіора Ширкова, расположить намѣрeваюсь въ Польшѣ, паралельно съ оным Новороссійской Губерніи расположеннымъ, и оставлю тамъ до крайней поры, для держанія Поляковъ съ сей стороны въ уздѣ, которые уже начинаются отказывать давать подводы и дрова своимъ стояльцамъ, и близъ границъ Вашего Императорскаго Величества въ переѣздахъ Офицеровъ безчестятъ боемъ и иными ругательствами, а Священство благочестивое, не только изгоняютъ, но явно мучатъ, а больше для пресѣченія побѣговъ. Пособіемъ отдѣленныхъ отъ сего деташамента, по ордеру постовъ, переловлено уже по нынѣ дезертировъ числомъ сорокъ.

1776 года, Апрѣля 10.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Изъ рапортовъ Генераловъ Текелли и Ширкова, въ спискахъ при семъ всеподданнѣйше подносимыхъ, Ваше Императорское Величества усмотрѣть изволите два недостойные поступка Офицеровъ. Одинъ, напавъ разбоемъ на торгующихъ Татаръ, ограбилъ у нихъ, кромѣ вещей, денегъ 1300 левовъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ ранилъ. Другой, будучи посланъ по надобности полковой, бѣжалъ къ Австрійцамъ, съ нѣсколькими гусарами, строевыми лошадьми и однимъ вахмистромъ. Тамъ перваго они, считая раскаявшимся и возвращающимся къ своему долгу подданства, удержали, а послѣдняго прислали къ Генералу Ширкову, который хотя требовалъ выдачи и помянутаго Подпоручика Цесарской службы, отъ Генералъ-Маіоръ Гревена, но онаго ему не отдали, а каковы отвѣты ему на то сдѣланы, у сего представляю копію. Я по первому далъ повелѣніе взыскать строжайше съ виновнымъ во удовлетвореніе обидимыхъ, а по другому не оставлю и самъ еще писать къ означенному Цесарскихъ войскъ Генералу. Но дабы въ подобномъ отвратить всѣ случаи къ преступленію, предложилъ я нынѣ, по поводу сихъ, всѣмъ начальникамъ въ части, Всевысочайше Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мнѣ ввѣренной, имѣть лучшее на-

блюденіе надъ подчиненными, избирать людей не токмо способныхъ, но и надежныхъ къ коммиссіямъ, въ границы иныхъ державъ посылаемымъ.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ.

РЕПНИНУ.

1776 года,
Іюня 4 дня.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Сообщаю Вашему Сіятельству вѣсти Татарскія, каковы я теперь получилъ, и прошу всѣ сіи бумаги, по прочтеніи, мнѣ возвратить, а если о чемъ при оныхъ заблагоразсудите дать знать Полковнику Петерсону, то примѣтьте ему тутъ же, чтобъ, въ случаѣ отзывовъ Порты о неспокойствіяхъ, происходящихъ между Татаръ, онъ бы всегда отвѣчалъ, что Дворъ нашъ не мѣшается въ ихъ дѣла, соблюдая свято кондиціи мирного трактата, въ упованіи, что взаимно и Порта съ своей стороны не приметъ никогда въ томъ участія, чтобы предосуждало добрую вѣру и торжественный договоръ между взаимныхъ Имперіи заключенный о Татарской независимости.

Сей куріеръ отъ меня посланъ въ Варшаву, я ему приказалъ заѣхать къ Вамъ нарочно, зная, что всегда Вы въ тотъ городъ имѣете коммиссіи.

Впрочемъ, пребываю съ непремѣннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

Всемилостивѣйшая Государиня!

Отъ Вашей прозорливости не можетъ быть скрыто, что у насъ иной видъ и щетъ на бумагѣ, а иной на дѣлѣ и служивымъ людямъ, и всему, имъ надобному. Ваше Императорское Величество соизволите теперь вѣдать, колико по числу арміи недостаетъ людей и времени, чтобы дать имъ хотя видъ солдатовъ! Прошедшую всю войну не были мы симъ озабочены; тамъ третьи баталіоны и полки гарнизонные запасали для насъ готовыхъ солдатъ, а надобное имъ число комплектовавъ рекрутами, со временемъ и съ выгодами ихъ дѣлали подобными старымъ, и когда въ минувшую войну пѣхотные полки, будучи въ компаніи въ числѣ двухъ баталіоновъ, и двухъ гранадерскихъ ротъ, въ коихъ состояло 1152 мушкатера и 400 гренадеровъ, рѣдко болѣе 1000 людей подъ ружьемъ имѣли, то теперь всякой полкъ, имѣя только 272 гренадеровъ и 1088 мушкатеровъ, слѣдственно, менѣе прежняго первыхъ 128, а послѣднихъ 64, и по расходу несравнительно, въ настоящей войнѣ, большему прежняго, натурально едва не половина людей противъ того въ ружье поставится. Все же остальное отъ всякаго полка, двѣ роты не въ состояніи комплектовать надобнымъ числомъ полки, а гарнизоны всѣ обращены, такъ сказать, въ инвалиды.

Что до кавалеріи, то иныя арміи познавшія, сколько удобнѣе для службы вообще, а въ вооруженіи и содержаніи дешевлѣ легкой воинъ, пересадили часть большую своей кавалеріи на легкихъ лошадей. Мы, проводя войну противу Нѣмецкой кавалеріи на самыхъ малыхъ Русскихъ лошадкахъ, и употребляя, сказать прямо, противу ихъ однихъ Казаковъ, подражать взялись тому, что другіе оставили, и къ отягощенію службы и великому казнѣ убытку, почти всю свою кавалерію на тяжелыхъ лошадей и съ тяжелою и съ дорогою амуниціею посадили. И сколь мало имѣетъ оная способъ почти дѣйствовать противъ настоящего нашего непріятеля, въ прошедшую кампанію явными опытами доказалось; и кромѣ того, что оная не можетъ употребляема быть, такъ какъ легкая, въ обыкновенную службу, обременяетъ она несказанно и командира подвозкою сухова корму, безъ котораго она вовсе и быть не можетъ.

Гдѣ больше рекрутъ, тамъ точно больше больныхъ. Въ чужихъ арміяхъ больнымъ служатъ особливаго званія люди, а не солдаты, по резону, что ту должность нести можетъ человѣкъ и вовсе не имѣющій военной способности. Его уже тамъ и не вооружаютъ; но къ бою надобна не одна способность, да и пріученіе, а безъ всякаго на сіе щету и примѣчанія, опредѣляя людей военныхъ, остается половина оныхъ въ ружьѣ, а другой половинѣ ружья въ одну только тягость.

Болящіе же и лазареты инаго призрѣнія требуютъ, и надобно во всякомъ особливые смотрители надъ услужниками, особливые и услужники, чтобъ ко времени упреждать нужды болящихъ. И я въ семъ пунктѣ, сколько можно соображая необходимую надобность, наблюдаю и возможный щетъ, но однако жъ все съ расходомъ военныхъ людей, что чувствительно умаляетъ армію.

Сіи суть нужды, Всемилостивѣйшая Государыня, которыми наибольше я сокрушаюсь, видя себя толь много удаленнымъ недостатковъ ради, отъ предполагаемаго мною времени къ упрежденію непріятеля, и прибѣжище беру для будущаго времени къ Вашему Императорскому Величеству. А по мѣрѣ моего къ Вамъ усердія, и по привычкѣ говорить всегда правду, и особливо любящимъ оную, не могу молчать, но рѣшусь сказать слѣдующее: Вамъ потребенъ Коммисаріатъ, которой бы все, что только въ войскѣ Вашемъ надобно, приготовлялъ съ выгодою, или, какъ говорится, исподволь, все бы дѣлалъ хорошо, прочно и въ свое время къ полкамъ доставлялъ; строить себѣ одѣяніе и всѣмъ снабдѣваться нѣколи; имъ во время военное должно быть одѣтымъ и снабженнымъ лѣтомъ и зимою; ибо время не удерживаетъ военныхъ дѣйствій.

Я не могу понять, почему къ Полковничьимъ чинамъ довѣренность стала велика, и что они лучше другихъ пещися могутъ о полкахъ своихъ, мнѣніе, по моему слабому понятію, унижающее прямо благопристойность! Всѣ чины должны пещися и рачить по своему званію о должности; и развѣ душа та, что Полковника корысть, съ тѣмъ сопряженная, меньше польститъ. То тотъ Полковникъ, который только сею причиною побуждается, не есть достоинъ того чина, и тотъ отличается мало, который остатокъ казны обращаетъ на украшеніе полка, отъ того, который употребляетъ оной на себя, ибо дерзновеніе и ущербъ казны равны, а только

употребленіе различно. Но какъ оныя и ограничить, ежели способы, такъ сказать, явные предложены?

Потребны въ войскѣ Вашего Императорскаго Величества инспекторы, чтобы они надзирали и надъ прочностію вещей, приготовляемыхъ отъ Коммисаріата, и на весь порядокъ службы, дабы онъ вездѣ съ Уставомъ, отъ Васъ даннымъ, согласовался.

Во всѣхъ арміяхъ сей чинъ важный и нужный удерживаетъ наилучшимъ образомъ всякую исправность для войскъ, и для чего при оныхъ и къ всѣмъ нынѣ введено. И такъ планъ, на которомъ сочинители новые штаты для арміи Вашего Императорскаго Величества располагали, хотя мнѣ не извѣстенъ, но я гадать осмѣливаюсь, что Ваше Императорское Величество предпріяли сіе намѣреніе изъ двухъ причинъ: 1-й, что оконченная война доставляла намъ премного случаевъ познать наши недостатки, и что затрудняло и препятствовало въ дѣйствіяхъ нашихъ, Ваше Величество желали конечно оные наградить, поправить, или и вовсе перемѣнить. 2-й, чтобъ, при утвержденіи мира, и внутренность Государства почувствовала себѣ возможное облегченіе; но видимыя нынѣ слѣдствія, смѣю выговорить, открыли тому несогласное. Войско Вашего Императорскаго Величества знатнымъ числомъ умалено, и казны ни въ Коммисаріатѣ, ни въ полкахъ не сбережено, ниже служба ощущаетъ возвышеніе, какъ и полки, паче кавалерійскіе, при украшеніяхъ своихъ даже до излишества, не дѣлаются отъ того исправнѣе для прямой службы, поелику Полковники больше стали пещись о прикрасахъ ихъ, чѣмъ о пользѣ оной.

Весьма я удаленъ отъ дерзновенія, чтобъ, въ видѣ предположенія мѣръ, представлять мои мнѣнія о вышеписанномъ, Всемилостивѣйшая Государыня! Вы вложили въ меня точнымъ повелѣніемъ ту смѣлость, чтобъ предъ Вашимъ Величествомъ, какъ великодушною Монархинею, открываться въ слабомъ моемъ понятіи. Ваше Величество призираете милосердно на вѣрность и усердіе своихъ рабовъ: сіи одни были и мнѣ побужденіемъ обнажиться столь чистосердечно въ мысляхъ моихъ предъ Вами, всеподданнѣйше уповая, что оныя въ семъ единомъ видѣ и приняты будутъ. И съ тѣмъ повергаю меня къ стопамъ освященнымъ Вашего Императорскаго Величества въ глубочайшемъ благоговѣніи.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Ваше Императорское Величество, удостоивъ меня довѣренностію сообщеніемъ Вашего предположенія, относительно комплектованія Вашей Арміи, ободрили при томъ о милостивомъ и снисходительномъ принятіи на то моего мнѣнія. Всему свѣту извѣстно, что неусыпное Ваше попеченіе и непрерывной трудъ одинъ предлогъ имѣютъ и одного конца достигаютъ, и именно: добро Государства Вашего и чтобы исправить установленіи онаго, а особо о военныхъ силахъ, сообразно положенію его физическому, моральному и политическому, во многомъ другимъ державамъ неподобному; и я, читавъ съ должнымъ и лучшимъ вниманіемъ, ко удивленію, увидѣлъ, что Ваше Императорское Величество въ части военной, кою Вы сами называть изволите здѣлавшейся необходимо нужною, открыли великое и, такъ сказать, въ основательномъ пунктѣ, я разумѣю о наборѣ рекрутъ, — крайнее небреженіе, и что предположеніе Ваше, въ разсужденіи запасныхъ баталіоновъ въ Губерніяхъ, при отдѣленіи ихъ, есть удобнѣйшее по количеству и качеству людей, составляющихъ Армію Вашу.

Но какъ въ основаніи онаго изволите полагать, ежели бы неудобно было гарнизоны комплектовать старыми, то сіи баталіоны съ гарнизонами смѣшать: я осмѣливаюсь отдать, такъ сказать, силу мысли Вашей, представляю мое не въ предложеніе мѣръ мнѣніе, чтобы гарнизоны всѣ, а особо пограничные, и по настоящему ихъ состоянію, при издержкахъ на нихъ не малыхъ суммъ денегъ, одинъ щетъ только составляющихъ, обратить на иной родъ службы, и такой, чтобы они не только запаснымъ войскомъ полевые полки комплектовать служили, но и въ усиленіе оныхъ, на случай потребной, сами въ поле выходили, а изъ неспособныхъ къ службѣ полевой учредить баталіоны Губернскіе, въ замѣну всѣхъ и подъ всякими титлами ротъ и камандъ, ничто значущихъ, обмундировавъ и вооружа ихъ всѣхъ надобнымъ на внутреннюю службу, сколько можно изъ простова получше, безъ великихъ издержекъ. Вовсе жь къ службѣ неспособныхъ, и по общему названію, инвалидовъ, отпускать съ награжденіемъ денежнымъ, смотря по службѣ и лѣтамъ, въ ихъ домы, или на собственное пропитаніе,

а неимѣющихъ онаго, и совершенно увѣчныхъ и престарѣлыхъ, опредѣлять въ домы общественнаго призрѣнія, не обременяя ихъ отнюдь военными церемоніями, кои отвращеніе дѣлають хотящимъ въ военную службу вступать; но чтобы войско, при всѣхъ ему надлежащихъ исправностяхъ, преимуществахъ и выгодахъ пребывая, не было, однако жъ, тягостію общенародною, и количество онаго располагаемо было соразмѣрно внѣшнему и внутреннему онаго употребленію, навсегда и случайно потребному; то къ сему соображенію и подробному изчисленію не мало времени, весьма большихъ выправокъ и много прилѣжности мнѣ надобно, и ежели бы Вашему Величеству токмо угодно было мнѣ что изъ сего къ выработанію поручить, я бы охотно хотѣлъ послѣднія мои силы Вамъ на службу посвятить и предъявить всѣ мои малые способности и свѣдѣнія, которые и нынѣ изыскиваетъ застарѣлыми по ремеслу мои предразсужденія и капризы, дерзая увѣрить, что во всѣхъ, однако, не иное что, и никогда не было въ предлогѣ, какъ только истинное усердіе къ Вамъ и доброхотство къ службѣ Вашей военной, въ которой я съ молодости почти безотлучно обращаясь, долженъ пріобрѣсть, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые въ мѣлочныхъ хотя частяхъ свѣдѣнія; но по частымъ припадкамъ или, лучше донесть, по надобности въ подобныхъ упражненіяхъ, дозволить уклониться на уединеніе повергающемуся къ стопамъ Вашимъ со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ,

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшему рабу,
Г. Р.-З.

5 Октября, 1776 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ГОСПОДИНА ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО КЪ КРЫМСКИМЪ ТАТАРАМЪ О ЗАНЯТІИ КРѢПОСТИ И ЛИНІИ ПЕРЕКОПСКОЙ, СЪ УВѢЩАНІЕМЪ О СПОКОЙНОМЪ ИХЪ ЖИТІИ.

Графъ Петръ Румянцевъ-Задунайской, Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, Всемилостивѣйшей Государыни моей, Генералъ-Фельдмаршалъ, Главнокомандующій Кавалеріею, Украинскою дивизіею и Корпусами Малороссійскими и въ Новороссійской и Азовской Губерніяхъ расположенными, Сенаторъ, Малороссійскій и Слободско-Украинскій Государевъ Намѣстникъ, Коллегіи Малороссійской Президентъ, Кирасирскаго Полку военнаго Ордена Полковникъ, Орденовъ Россійскихъ Императорскихъ Святыхъ Апостола Андрея, Военнаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія перваго класса, Александра Невскаго, Прусскаго Чернаго Орла и Голштинскаго Святыя Анны Кавалеръ, Я, ниже сего подписавшійся, объявляю всѣмъ и каждому, до кого сіе принадлежать будетъ.

Какъ изъ числа всѣхъ Татаръ одни Крымцы, не чувствуя и не познавая цѣны дарованной имъ, отъ двухъ въ свѣтѣ величайшихъ Имперій, вольности въ гражданскомъ и политическомъ ихъ бытіи, безъ всякаго прекословія къ обрядамъ Магометанскаго исповѣданія, дерзнули въ буйствѣ своемъ не только противиться торжественному ихъ установленію, но и разрушить еще собственныя свои съ Имперіею Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей и Всеавгустѣйшей моей Государыни и Самодержицы, точныя и формальныя обязательства, заключенныя и клятвою утвержденныя въ такое время, когда побѣдоносное Ея Императорскаго

Величества оружіе покорило весь Крымъ, и жребій сего полуострова купно съ жизнію и имуществомъ тамошнихъ жителей, женъ и дѣтей ихъ былъ совершенно во власти побѣдителей; то Ея Императорское Величество и соизволила повелѣть мнѣ занять крѣпость Перекопскую съ ея линіею, какъ для того, дабы они въ разсужденіи своемъ очувствоваться и оное скоро исправить могли, такъ и для того, чтобы поставить себя въ равное положеніе съ Блистательною Портою Отоманскою, которая обложила войсками своими Тамань и другія мѣста; когда сверхъ того Крымскіе Татары, сами отступя отъ трактатнаго, между двумя величайшими Имперіями, постановленія о ихъ политической участи, явно уже начали подчинять себя прежней Турецкой власти, и дѣйствительно препоручили присланнымъ отъ Порты таможеннымъ сборщикамъ сборъ съ пошлины и таможенныхъ доходовъ въ Кафѣ и другихъ своихъ горадахъ.

А какъ мнѣ извѣстно, что во множествѣ Крымскихъ жителей есть не малое число такихъ патріотовъ, кои цѣну вольности и независимости отечества своего, въ гражданскомъ и политическомъ положеніи, достойно чувствуютъ и желаютъ пользоваться сими безцѣнными дарами человѣколюбія и щедроты Всемилостивѣйшей Государыни моей, то я оныхъ всѣхъ симъ листомъ торжественно увѣряю и обнадеживаю о Высочайшемъ и непремѣнномъ покровительствѣ Ея Императорскаго Величества къ нимъ самимъ, къ семьямъ ихъ и имуществу ихъ, которыми будутъ они всячески пользоваться, какъ отъ меня, такъ и отъ всѣхъ мнѣ подвластныхъ войскъ.

Равнымъ образомъ и всѣмъ, кои изъ Крымцовъ, познавая свое заблужденіе, возвратятся на прямой путь и пребудутъ въ жилищахъ своихъ тихо и покойно, обѣщаю я, по ввѣренной мнѣ власти, защиту, охраненіе, также и неприкосновенность совершенную къ ихъ добру. Напротивъ чего, дерзающіе возставать явно, или тайно противу войскъ Ея Императорскаго Величества, коими я нынѣ занялъ крѣпость Перекопскую и ея линію, также и покушающіесь на заведеніе сумнительныхъ скопищъ и безпокойствъ, должны будутъ относить на собственную свою дерзость послѣдующія и сколь непріятныя намъ, какъ уже не минуемыя для ихъ, послѣдствія.

Впрочемъ, по Высочайшему соизволенію Государыни Императрицы, не престающей еще пещись о благоденствіи всѣхъ вообще Татаръ, объявляю я чрезъ сіе точнымъ и торжественнымъ образомъ, что всѣ гражданскіе промыслы и торговыя ихъ, какъ внутреннія между собою, такъ и внѣшнія съ Россіею и другими окрестными областями, могутъ, по силѣ обязательствъ торжественнаго трактата, заключеннаго въ 1772-мъ году съ Татарскою націею, бывшіе тогда въ прямой вольности и независимости, имѣть свободное и безпрепятственное свое теченіе и обращеніе безъ всякаго препятствія ввѣренныхъ мнѣ войскъ, кои паче имѣютъ отъ меня точное повелѣніе способствовать имъ по крайней возможности; ибо Высочайшее Ея Императорскаго Величества, Всепресвѣтлѣйшей и Державнѣйшей Самодержицы, намѣреніе есть не разрушать и не порабощать блаженства Татаръ, а паче охранить оное, и возстановить на твердомъ, прочномъ и непоколебимымъ основаніи, такъ какъ оное единожды опредѣлено торжественными трактатами. Октября 10 дня, 1776 года.

Графъ Румянцевъ-Задунайской.

1776 года, 13 Октября.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Не будучи въ состояніи еще выѣхать, прошу Ваше Превосходительство приложенія поднесть Ея Величеству; изъ новыхъ возведеній Калги-Султана братьевъ разныя толкованія дѣлаютъ Калги и Бригадиръ Бринкъ; но по одному, что они жертвуютъ своимъ братомъ, а по другому, что они ему, въ лучшемъ положеніи находясь, лучше и способствовать могутъ, надобно, какъ мнѣ мнится, сдѣлать движеніе въ сторону, чтобъ воздержать ихъ отъ злонамѣренія, или подкрѣпить ихъ доброе расположеніе.

1776 года, Октября 17 дня.
С.-Петербургъ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Вослѣдованіе Всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества, отъ 7-го сего текущаго, даннаго мнѣ повелѣнія, не ожидая куріера изъ Царьграда съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, чтобы послѣднее удобное время не упустить, приказалъ я Г-ну Генералъ-Поручику Князю Прозоровскому немедленно маршировать къ Перекопу, съ Корпусомъ, для того готовымъ, Линію и крѣпость Оръ занять, гарнизонъ въ оной и связь съ Кинбурнскимъ отрядамъ и своими границами, соображая съ надобностью въ количествѣ людей, опредѣлить, и декларацію отъ имени моего, переведя по Турецки и Татарски, въ Крыму обнародовать; но на случай потребной, ежели бы всѣ его попытки незапно войтить, чрезъ заговоръ и договоръ съ гарнизономъ, или притѣсненіемъ сильнаго пушечнаго огня, взять не удалося, и къ жестокому предпріятію, какъ то штурму, онъ, Князь Прозоровскій, обратиться принужденъ былъ, указалъ ему на бастіонъ, съ лѣвой стороны къ сѣверу лежащей, и по мнѣнію бывшихъ къ Орѣ нашихъ Офицеровъ безобороннѣе другихъ, и къ которому линейнымъ рвомъ подойти безвредно можно.

Генералу-Поручику Текели, команду имѣющему надъ Корпусомъ, располагаемымъ на правой сторонѣ Днѣстра, препоручилъ я, чтобы онъ, обезпечивъ свои границы, могъ удержать Турковъ въ ихъ крѣпостяхъ во вниманіи и въ замѣшаніи, въ разсужденіи нашихъ движеній, и чтобы, въ потребномъ случаѣ, Корпусъ Князя Прозоровскаго и Кинбурнской гарнизонъ подкрѣпить и усилить, не обнажая своихъ границъ, нашелся въ состояніи; а сходственно сему предположенію, поставилъ бы Корпусъ резервной на Ингулѣ, при устьи рѣчки Боковенки, какъ на срединѣ и паралельно Екатеринославскому Шанцу и Кизикерменскому посту, чтобы всѣ сіи три отряда могли на потребный случай подать пособіе одинъ дру-

тому, и соединиться прежде, нежели бы Турки могли предпріять что во внутренность границъ нашихъ, обезпеченныхъ, конечно, занятіемъ обвѣщательныхъ постовъ, на самыхъ крайнихъ чертахъ оныхъ. Сообразно сему, приказалъ бы взять позицію и Г. Генералъ-Маіору Ширкову около Погребищъ, для наблюденія лучшаго за Поляковъ, нашихъ границъ держащихся, и удержанія въ уздѣ Польскаго Украинскаго народа въ поднятіи бунтовъ, на подобныя случаи весьма готоваго, ежели бы онъ не имѣлъ особыхъ предписаній отъ Посла Вашего Императорскаго Величества, Графа Штакельберга, относительно Польскимъ обстоятельствамъ, о занятіи иныхъ мѣстъ.

Генералъ-Маіору Борзову, въ Эникале находящемуся, рекомендовалъ я стараться возвысить въ Крыму пользы дѣлъ Вашихъ, по предписаніямъ, ему сдѣланнымъ; умножить свои бдѣнія и вниманія на обороты Турокъ и Татаръ и умножить партію Калгѣ-Султану.

Бригадиру Бринку наказалъ я не упускать ничего изъ видовъ, ему предписанныхъ, но паче стараться всѣми образы и силы оныхъ достигать, подавать Калгѣ-Султану всякое пособіе въ умноженіи его партіи въ Крыму, въ кочующихъ Ордахъ, внѣ онаго, въ горахъ и самыхъ Некрасовцахъ, поощрять его, Калгу, въ настояніи твердомъ къ одержанію Ханства, который не ослабѣваетъ, конечно, при толь многомощномъ ему отъ Вашего Императорскаго Величества покровительствѣ, и дѣйствительно сдѣланномъ денежномъ пособіи, и при новомъ возведеніи его братьевъ, ежели онъ въ ихъ доброхотныхъ къ нему расположеніяхъ не обманутъ, не упустятъ случая при движеніи нашихъ войскъ къ Перекопу доставить себѣ избраніе въ независимые и самовластные Ханы отъ Нагайцовъ, и что на занятіе Перекопа долженъ Калга взирать, какъ на содѣланіе ему пути и въ Крымъ, и все въ ономъ стараться подвигнуть, что только ему извѣстно къ приготовленію тамъ части ему преданныхъ изъ Мурзъ, и другихъ нѣчто значущихъ Татаръ, кои бы, при взятіи Перекопа нашими войсками, тотчасъ къ нимъ пріобщились, и оказали свое желаніе его имѣть Ханомъ, и при отверстіи перваго на то ему случая, готовымъ быть въ оное достоинство вступить; преклонять къ тому его братьевъ, ободрять добронамѣренныхъ, наводить страхъ на колеблющихся и против-

ныхъ, и по податливости его братьевъ и приверженности Ордъ, размѣрять движенія, приступая сперва къ Еѣ, а потомъ подвинуться и далѣе до Бытюга. Предложилъ я и командующему флотиліею въ Таганрогѣ, дабы сей, по требованіямъ Генералъ-Маіора Борзова и Бригадира Бринка, во всемъ возможномъ и съ регулами его сходномъ удовлетворялъ, доставляя между тѣмъ безъ малѣйшаго медленія куріеровъ, когда оные отъ одного къ другому отправляемы, и до кого только надлежало, не оставилъ я въ невѣдѣніи относительно главныхъ заботъ, и особо препоручилъ и притвердилъ обезпечить границы въ разсужденіи внутренней тишины и внѣшней безопасности, утвердя съ ними безпрерывное сообщеніе, о увѣреніи въ пропитаніи, лучшемъ развѣдываніи и взаимномъ увѣдомленіи съ сообщеніемъ разсужденій и намѣреній, что и на какой конецъ полагаютъ предпринимать и требовать, и чрезъ какія мѣста и переправы на рѣкахъ вѣрнѣе и скорѣе посланные ѣздить должны, о доставленіи войску всѣхъ надобныхъ выгодъ, и все стараніе прилагать на сбереженіе людей какъ отъ могущихъ быть несносныхъ погодъ, такъ и при помѣщеніи ихъ въ квартеры, по окончаніи экспедиціи, съ наблюденіемъ только того, что можетъ замѣнить выгоднѣйшее ихъ положеніе, разумѣя надобныя опасенія и осторожность, не употребляя, однако жъ, оружія, развѣ противу поднявшихъ оное, а напротивъ обходиться съ Татарами покоряющимися ласково, платя за все наличными деньгами, утверждая въ нихъ къ намъ доброхотство, и доказывая тѣмъ благонамѣренныя наши къ нимъ расположенія.

Резонабильно судя, ожидать надлежитъ, что Турки, а особливо Татары, должны войтить въ познаніе своихъ заблужденій, и видѣвъ неудачу въ попыткахъ, обратятся къ выполненію точному постановленныхъ артикуловъ мирнаго договора; но знавъ ихъ буйство, которое ихъ неоднократно заводило въ неполезныя хотя войны, по одному подстреканію недоброхотовъ нашихъ, ручаться ни когда не можно; слѣдовательно, и на случай, ежели бы ожидаемый отвѣтъ не былъ по желанію, и Турки похотѣли бъ разорвать миръ; мое всеподданнѣйшее мнѣніе Вашему Императорскому Величеству представляю, чтобъ, при раздробленіи отряженнаго числа ввѣренныхъ мнѣ войскъ, кои раздѣляются Азовскимъ моремъ и Днѣ-

промъ, въ запасъ сблизить Смоленскую и Бѣлорусскую дивизіи, чрезъ Малую Россію, а Нижегородскую чрезъ Воронежъ, и первыя двѣ расположить въ Новороссійской по Днѣпру и Ворсклѣ, а послѣднюю въ Слободской, между Харьковомъ и Изюмомъ, къ старой Линіи, и часть артиллеріи, размѣрно тому числу войскъ, держать со всею упряжью въ готовности въ Кіевѣ.

Всеподданѣйшій рабъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Проектъ деклараціи сочиненъ истощившимъ всю науку политики, и мое перо весьма слабо, чтобы въ чемъ либо коснуться ко оному. Но сдѣлавши нѣкоторую знаемость въ дѣлахъ Турецкихъ, долженъ Вашему Императорскому Величеству донести, что часто объ одномъ дѣлѣ повтореніе и предъявленіе готовости о постановленномъ единожды въ другое съ ними трактовать превозноситъ весьма Турковъ, и они уже всякое убѣжденіе и доказательство пріемлютъ за прозьбу, исканіе, извиненіе и тому подобное; но къ твердому настоянію и особо самимъ дѣломъ доказываемому являютъ онѣ больше уваженія, и не отлагая въ даль на переговоры, стараются поспѣшно приводить предлагаемое къ окончанію. Слѣдовательно, предоставя Г-ну Стахіеву на надобные случаи доказывать и убѣждать Министерство Турецкое по числамъ и днямъ изъ дѣлъ времени, прошедшаго отъ заключенія мира понынѣ, и изъ вновь посылаемаго нынѣ Вашего Императорскаго Величества Рескрипта указать сдѣлать декларацію, развѣ по занятіи Перекопа, или же по отзыву Порты въ краткомъ, по мнѣнію моему, по прилагаемому при семъ содержанію.

Позвольте мнѣ при томъ, Всемилостивѣйшая Государыня, принесть мою найчувствительнѣйшую и всенижайшую благодарность за милосердое обо мнѣ напоминаніе, и донесть, что болѣзнь моя не такъ опасна, коль мнѣ несносна тѣмъ, что я нѣкоторое уже время выведенъ оною изъ состоянія предстать Вашему Императорскому Величеству. Сія отъ Вашего Императорскаго Величества

показываемая мнѣ милость лучшимъ пособіемъ будетъ, и я утѣшаюсь уже надеждою скоро буду имѣть щастіе повергнуться къ стопамъ Вашимъ.

Октября 22 дня,
1776 года.

Къ письму 22-го Октября, 1776 года.

ДЕКЛАРАЦІЯ.

Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая моя Государыня и Самодержица, употребивъ всѣ дружескія средства безъ успѣховъ, къ приведенію въ окончаніе мирныхъ дѣлъ, составляющихъ блаженство взаимное подданнымъ обѣихъ Имперій, и узнавъ достовѣрно, что между тѣмъ не усумнилась уже Блистательная Порта нимало, подъ титлами разными, вступить прямо въ самовластное Татаръ управленіе, перемѣнять онымъ Хановъ, опредѣлять судей и таможенныхъ сборщиковъ, ввесть войски, и распространить свою власть до подчиненія Нагайскихъ Ордъ и самихъ Кабардинцовъ, ей никогда непринадлежавшихъ, — принуждены были обратиться ко взаимству, имѣвъ на то съ Блистательною Портою равное право, и указать, точно слѣдуя примѣру и употребляемому титлу отъ Блистательной Порты, какъ гостей ввесть свои войски въ Перекопъ, какъ въ третью, и ни той, ни другой, сторонѣ не надлежащую область, и въ которой столько же, или больше, полагается быть обывателей, кои не въ мечтаніи, но въ вольности, ни отъ кого и ни въ чемъ независимой, благосостояніе свое прочнымъ считаютъ, повелѣвъ и мнѣ, ниже подписавшемуся, въ то же время Министерству Блистательной Порты объявить, что сей вынужденной самою Портою поступокъ не имѣетъ отнюдь инаго предлога, какъ приведенія къ концу священныхъ обязательствъ, въ мирныхъ договорахъ отъ обѣихъ Высокихъ Державъ, чрезъ уполномоченныхъ въ Кайнарджи подписанныхъ и торжественно ратификованныхъ, съ предложеніемъ къ тому на обѣ стороны равно полезному дѣлу кратчайшей и лучшей удобности, и именно, отправленія отъ нея, Порты, нарочныхъ и достаточнымъ полномочіемъ снабдѣнныхъ Коммисаровъ къ Генералу-Фельдмаршалу Графу Румянцову-Задунайскому, для безпосредственнаго съ нимъ конферированія и окончанія еще между обѣими Имперіями дѣлъ,

потому что сему знаменитому Военачальнику поручено отъ Ея Императорскаго Величества съ полною довѣренностію и достаточною властію, какъ занятіе Перекопа и устройство Татаръ въ вольномъ и независимомъ ихъ образѣ, безъ прикосновенія, однакожъ, къ правамъ и обрядамъ Магометанской религіи. И нижеподписавшійся, знавъ Россійскаго Императорскаго Двора расположеніе, всегда съ искренностію и доброю вѣрою сохранять съ Блистательною Портою Оттоманскою миръ и добрую дружбу, на основаніи заключеннаго при Кайнарджѣ вѣчнаго трактата, безъ всякихъ въ обязательствахъ его отмѣнъ къ предосужденію Порты, или же къ утѣсненію Татарской вольности въ гражданскомъ и политическомъ ея бытіи; ибо возстановленіе и обезпеченіе оной вольности неприкосновенно къ преданіямъ Магометанскаго исповѣданія, составляютъ теперь, напротивъ, всю цѣль намѣреній его, слѣдовательно же и настоящаго съ Перекопью подвига; желалъ бы въ то же время, чтобы высокое и прозорливое Министерство Его Султанскаго Величества снабдили его такимъ отвѣтомъ, который бы, изъемля въ конецъ изъ среды всякое неудовольствіе, доставилъ ему щастіе послужить полезнымъ инструментомъ къ прекращенію всѣхъ, донынѣ еще неоконченныхъ, дѣлъ, и чрезъ то самое и къ утвержденію на непоколебимомъ уже основаніи драгоцѣнныхъ и для взаимнаго блаженства прямо полезныхъ союзовъ дружбы, добраго сосѣдства и вѣчнаго мира.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По соизволенію Вашего Императорскаго Величества написанной Ордеръ къ Князю Прозоровскому, на благоусмотрѣніе при семъ всенижайше подношу. Ободряя его, унываю самъ въ горестной болѣзни, которая мнѣ препятствуетъ имѣть щастіе по всеусердному желанію завтре пасть къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества, и принуждаетъ еще пожить въ заперти нѣкоторое время.

Есьмь со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

Ноября 18 дня,
1776 года

Копія съ подлиннаго.

Его Сіятельству,

Высокоповелительному Господину Генералъ-Фельдмаршалу, Главнокомандующему Кавалеріею, Украинскою Дивизіею, Сенатору, Малороссіи и Слободской Губерніи Государеву Намѣстнику, Малороссійской Коллегіи Президенту, Кирасирскаго Военнаго Ордена полку Полковнику, Орденовъ Россійскихъ, Святыхъ Апостола Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго, Георгія Побѣдоносца перваго класса, и Голстинскаго Святыя Анны Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому.

От Генералъ-Маіора и Кіевскаго Оберъ Коменданта Ельчанинова

РАПОРТЪ.

За долгъ мой поставляю Вашему Сіятельству донести, что Турецкой Чрезвычайный и Полномочный Посолъ, пробывъ въ здѣшнемъ мѣстѣ семь дней, сего числа далѣе въ путь свой отъѣхалъ. А какой въ проѣздъ и въ отъѣздъ былъ здѣсь учиненъ ему пріемъ и встрѣча, имѣю честь поднесть при семъ краткое описаніе.

Яковъ Ельчаниновъ.

Апрѣля 8 дня,
1776 года

Описаніе встрѣчи и пріему Турецкаго Чрезвычайнаго и Полномочнаго Посла въ Кіевѣ (1776).

Господинъ Генералъ-Маіоръ и Кіевскій Оберъ-Комендантъ и Кавалеръ Ельчаниновъ, какъ первенствующій въ семъ городѣ, получа увѣдомленіе о точномъ дни прибытія въ здѣшній городъ Полномочнаго Оттоманской Порты Посла, и потому сдѣлавъ всѣ

пріуготовленія къ встрѣчѣ и пріему его потребныя, въ первой день сего Апрѣля, выслалъ отъ стороны военной команды одного Штабъ и двухъ Оберъ-Офицеровъ, а отъ стороны гражданъ Господина Надворнаго Совѣтника и Войта Пивоварова, со всѣми Магистратскими Членами, на лѣвый берегъ рѣки Днѣпра, гдѣ разбита была Посольская палатка, которые, дождавшись Посла на берегу, поздравили его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Послѣ чего Г-нъ Войтъ Пивоваровъ съ Магистратскими Чинами возвратился на правый берегъ рѣки, къ пристани, у самаго Подола сдѣланной, и украшенной балюстрадою, обвѣшанноюй зеленымъ сукномъ.

Посолъ, прибывъ къ переправѣ, остановился нѣсколько въ разставленной палаткѣ, чтобъ дать своей свитѣ время переправиться, а потомъ съ приставомъ, Г-нъ Генералъ-Поручикомъ и Кавалеромъ Барономъ Игельстромомъ, и съ знатнѣйшими Посольства Чиновниками и находящимися въ свитѣ Пристава Барона Игельстрома, такожъ и присланными отъ Г-на Генералъ-Маіора и Кавалера Ельчанинова Штабъ и Оберъ-Офицерами, сѣлъ въ приготовленную для него, украшенную балдахиномъ, шлюпку, и отправился къ Подолу, въ препровожденіи многихъ лодокъ, при играніи во все время переѣзда музыкантами на разныхъ духовыхъ инструментахъ.

Какъ скоро шлюпка Посольская поровнялась съ Печерскою крѣпостью, то изъ оной привѣтствовано было 31-мъ пушечнымъ выстрѣломъ, съ такимъ размѣромъ, что оные продолжались до прибытія Посольскаго къ пристани, гдѣ встрѣченъ Губернскими Чинами, Гг. Коллежскими Совѣтниками Маскатиньевымъ и Флѣеровымъ, съ нѣсколькими Канцелярскими служителями, гарнизонными Штабъ и Оберъ-Офицерами и Присутствующими въ Кіевскомъ Магистратѣ, коими всѣми Посолъ провождаемъ былъ до самой его квартиры.

Отъ пристани до квартиры Посольской поставлены были въ парадѣ Регистровая Мѣщанская рота, 12 цеховъ съ своими знаменами и Кіевскіе гарнизонные баталіоны.

Господинъ Оберъ-Комендантъ выслалъ свои три кареты, заложенныя цугами, въ которыя, по выходѣ изъ шлюпки, Посолъ съ вышеписанными свиты своей Чиновниками сѣлъ, и отвезенъ былъ до своей квартиры, за коими слѣдовали изъ Регистровой роты 40 человѣкъ, подъ командою одного старшины. Возлѣ кареты

Посольской шли пѣшіе 6 человѣкъ Рейтаръ. Въ проѣздъ поставленный фронтъ отдавалъ честь съ играніемъ музыки и барабаннымъ боемъ

Въ квартирѣ Посольской поставлена была рота съ знаменемъ.

По прибитіи Посла въ квартиру, у крыльца приняли и провожали въ его покои Губернскіе Члены, гарнизонные Штабъ и Оберъ-Офицеры и Присутствующіе въ Кіевскомъ Магистратѣ. Посолъ вошелъ въ свои комнаты, всѣхъ тѣхъ, кои были поотмѣннѣе, просилъ сѣсть и подчивалъ кофеемъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ прибытія Посольскаго въ квартиру, Г-нъ Генералъ-Маіоръ и Кіевскій Оберъ-Комендантъ и Кавалеръ Ельчаниновъ пріѣхалъ къ Послу съ поздравленіемъ благополучнымъ прибытіемъ, котораго Посолъ встрѣтилъ у дверей передней комнаты; нѣсколько послѣ, туда жъ, въ квартиру Посольскую, пріѣхалъ артиллеріи Г-нъ Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Ливенъ въ препровожденіи артиллерійскихъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ; оба они приняты Посломъ весьма ласково, подчиваны кофеемъ, сластьми, курительнымъ табакомъ, окуриваны и опрыскиваны благовонными духами, и послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, желали Посла оставить въ покоѣ, откланивалися и провожаемы были самимъ Посломъ до дверей. При прощаніи, въ знакъ своего почтенія, по Оріентальному обыкновенію, Посолъ подарилъ ихъ Превосходительствамъ по два платка.

2-го числа Посолъ прислалъ къ Г-ну Оберъ-Коменданту своего Капечиларъ Кигаю съ благодареніемъ за всѣ оказанныя имъ учтивости, при въѣздѣ его въ Кіевъ.

3-го числа Г-нъ Генералъ-Маіоръ Кіевскій Оберъ-Комендантъ и Кавалеръ-Ельчаниновъ, слышавъ, что Посолъ приготовляется къ отъѣзду, прислалъ къ Послу на прощанье двадцать соболей, десять голубыхъ песцовъ, три сорока горностаевъ и одинъ мѣхъ бѣльчій въ подарокъ.

4-го числа Посолъ прислалъ къ Г-ну Оберъ-Коменданту своего Селигтаръ-Агу съ увѣдомленіемъ, что онъ желаетъ завтрешній день его посѣтить, и съ нимъ прислалъ взаимный подарокъ, состоящій въ четырехъ штукахъ Турецкихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій.

5-го числа, въ 10-ть часовъ по полуночи, Посолъ въ пожалованной отъ Всевысочайшаго Двора каретѣ, съ Г-мъ Приставомъ Барономъ Игельстромомъ, Наифъ-Эфендіемъ и Диванъ-Эфендіемъ къ Г-ну Генералъ-Маіору и Кавалеру Ельчанинову въ провожаніи знатнаго числа Старшинъ и Чегодарей поѣхалъ.

Во время переѣзда, впереди кареты Посольской ѣхали 20-ть человѣкъ кирасиръ, подъ командою одного Офицера, а за оными Чиновные свиты Посольской верхами и нѣсколько Оберъ-Офицеровъ, къ свитѣ принадлежащихъ; около кареты и въ слѣдъ за оною шли 12 человѣкъ Чегодарей, пѣшіе; потомъ карета Г-на Пристава, въ которой сидѣли три чиновные Турка, Посольской переводчикъ Караджа, а въ замкѣ 10-ть человѣкъ Козаковъ, подъ командою одного Малороссійскаго Старшины.

По прибытіи Посла въ крѣпость, гарнизонный гаубтвахтъ отдалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ и музыкой. У крыльца встрѣченъ былъ Кіевскихъ баталіоновъ Оберъ-Офицерами; въ передней комнатѣ Штабъ-Офицерами, и у дверей оной самимъ Г-мъ Оберъ-Комендантомъ, который, взявъ Посла за руку, ввелъ ево во вторую комнату, и какъ Посла, такъ и двухъ знатнѣйшихъ ево Старшинъ, просилъ садиться.

По окончаніи первыхъ учтивостей, подчиваны были кофьемъ, сластьми, и разными винами, которые Посломъ съ удовольствіемъ приняты были, подъ именемъ шербетовъ. Старшины Посольской свиты и Чегодари въ переднихъ комнатахъ подчиваны были кофьемъ и таковыми же напитками. Во все время угощенья играла инструментальная музыка. Мальчики и изъ гарнизонныхъ солдатскихъ дѣтей пѣли разныя пѣсни и плясали, которыхъ Посолъ дарилъ деньгами.

Въ 1-мъ часу по полудни, Посолъ, простясь съ Г-мъ Оберъ-Комендантомъ, поѣхалъ и провожаемъ былъ до кареты тѣми же Чинами, которыми и встрѣченъ.

Возвращаясь въ томъ же порядкѣ, желалъ видѣть игрище на качеляхъ. Пріѣхалъ къ онымъ, остановился и народу, который близъ его кареты пѣлъ, подарилъ нѣсколько червонныхъ. Забавясь немного, отправился домой.

7-го числа, Г-нъ Генералъ-Маіоръ, Кіевскій Оберъ-Комендантъ и Кавалеръ Ельчаниновъ, увѣдомясь, что Посолъ завтрешней день отъѣзжаетъ по полудни въ пять часовъ, съ Губернскими и Магистратскими Членами, Штабъ и Оберъ-Офицерами ѣздилъ къ Послу проститься.

8-го числа, Кіевскаго Магистрата Члены собрались въ квартиру Посольскую, и при выѣздѣ его провожали до кареты, а Регистровая Мѣщанская рота до перваго ночлега деревни Глѣвихи. Въ проѣздъ мимо Печерской крѣпости, Посолъ привѣтствованъ былъ 31-мъ пушечнымъ выстрѣломъ.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА
ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.
1775 ГОДЪ.

1775 года,
8 Февраля

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Предыдущимъ моимъ подалъ уже я Вамъ увѣдомленіе о полученныхъ мною отъ Васъ письмахъ; и потому не оставалось при семъ случаѣ ничего, чтобы Вамъ сказать болѣе; но, поставляя себѣ всѣ таковы пріятными, гдѣ только могу извѣщать Васъ въ видѣ отличнаго моего къ Вамъ усердія, не схотѣлъ отпустить Вашего куріера, не увѣдомивъ Васъ, что я прибылъ въ Глуховъ 5-го настоящаго мѣсяца. Тутъ засталъ я не противу прежняго, весь почти сей городъ принялъ другой видъ. Превосходной вкусъ въ качествѣ и количествѣ женщинъ, заставляетъ всякаго къ признанію въ лучшемъ образѣ жизни и весьма видной въ нихъ перемѣнѣ. И за тѣмъ, конечно, не было бы мѣста скукѣ, если бы намъ солнце открыло свое лицо, котораго во все время пребыванія нашего здѣсь мы не видѣли; на мѣсто онаго сильный туманъ обложилъ тутъ всю окрестность и дѣлаетъ моему слабому здоровію поминутно новые припадки.

1775 года,
28 Марта

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Надъ чаяніе мое, явился у меня здѣсь Г. Баронъ Билстейнъ, сего податель, котораго оставилъ я въ Молдавіи, въ намѣреніи основать тамъ свое пребываніе, считая оное сходнымъ и со стороны физическихъ свойствъ земли, и въ разсужденіи имѣній по братѣ его, тамъ пріобрѣтенныхъ. Онъ сказываетъ мнѣ, что Молдавія вышла теперь совсѣмъ изъ образа, въ которомъ оная при насъ находилась, такъ что уже той выгоды и способности не находитъ къ обитанію своему, каковой ласкалъ себя прежде, и для того предпріялъ отправиться въ Москву, и представши предъ Ваше Сіятельство, въ особѣ котораго имѣетъ онъ для себя единственнаго благодѣтеля и покровителя, я не могъ отказать ему, чтобы не препроводить моего о немъ ходатайства, вѣдая, что первое Ваше удовольствіе есть дѣлать добро людямъ, и пользуюся, впрочемъ, симъ случаемъ на засвидѣтельствованіе моего безпредѣльнаго высокопочитанія и совершенной преданности, съ которыми есьмъ.

1775 года,
Марта 28.

Г. А. ПОТЕМКИНУ.

При отбытіи моемъ изъ Яссъ, оставляя сего вручителя, Г. Барона Бильстейна, казалося, что онъ искалъ водвориться въ Молдавіи и быть скоро богатымъ и знатнымъ; но противъ ожиданія пріѣхалъ онъ сюда, сказывая, что физическія доброты сего края приносятъ изобиліе прежнее, но плоды онаго собираетъ одинъ Господарь Гика, изъ чего неисключенъ и прекрасный его Бахмутъ. Рѣшился онъ по тому возвратиться и, полагаяся на твою къ себѣ милость и ко мнѣ дружбу и благосклонность, желалъ быть отъ меня къ тебѣ препровожденнымъ. Я тѣмъ болѣе на то согла-

ситься убѣжденъ былъ, коль извѣстна мнѣ, мой Любезный Другъ, склонность твоя благотворить людямъ, особливо края того, и сколько жалости достойны, какъ сего податель, и для того прошу тебя не оставить своею милостивою помощію, чтобъ онъ могъ у насъ какими способы къ своему прожитію.

Всегда я пребуду съ искреннею преданностію.

1775 года,

Мая 11 дня.

С. Ходоровъ.

КНЯЗЮ ЩЕРБАТОВУ.

Обременяя тебя, мой Любезный Князь, новыми заботами по службѣ, добавляю я себѣ большое удовольствіе продолжать съ тобою переписку, для меня пріятную, бывъ увѣренъ, что и твоя ко мнѣ дружба и доброхотство, стольже, какъ и моя къ тебѣ, непремѣнны. Я слышалъ отъ твоего присланнаго, что ты достать стараешься для меня въ даръ воловъ. Благодарю найпризнательнѣйше за трудъ твой въ пріисканіи оныхъ, и прошу прилѣжно отправить ихъ ко мнѣ въ Малую Россію, въ Переяславль, къ Г. Иваненку, подавъ наставленіе, какъ съ ними обходиться и кормить ихъ лѣтомъ и зимою, и ежели можно, сыскавъ и приставивъ къ нимъ знающаго человѣка, отъ коего бъ и тамъ научаться можно было. Влагаемое при семъ письмо мое къ Г. Ивановскому, Генеральному Эконому Князя Черторижскаго, прошу доставить, и требуемыя мною у него пополненія къ присланнымъ предъ симъ экономическимъ инструктарямъ, касательно заводовъ лошадиныхъ и другихъ скотскихъ, прошу, отъ него отыскавъ, ко мнѣ прислать, и вѣрить, что я съ непоколебимымъ почтеніемъ навсегда остаюсь.

1775 года,
Мая 13 дня.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

Принося Вашему Превосходительству мою благодарность за доставленіе жены кухмейстера моего, повторяю тутъ и искреннее мое признаніе ко всѣмъ тѣмъ дружескимъ одолженіямъ, которыя Вамъ въ прозьбахъ и надобностяхъ моихъ являть угодно.

Не получа еще того счету, который, какъ Ваше Превосходительство увѣдомлять изволите, Г. Прешель доставить мнѣ собирается, не знаю я, какія онъ деньги до пяти сотъ червонныхъ на мнѣ считаетъ; ибо какъ и прежде я писалъ къ Вамъ, при шести тысячъ червонныхъ, чрезъ посредство его въ Вѣну переводимыхъ, я о полученіи только половины имѣю свѣдѣніе; но ежели онъ долгъ сей кладетъ на счетъ послѣдне выписанныхъ для меня и Осипа Андреевича Г-на Игельстрома нахттишовъ и деженеровъ, то съ моей стороны расчетъ генеральной и расплата съ Г-мъ Игельстромомъ уже учиненъ.

За благосклонное о фазанахъ попеченіе усердно благодарю; но время для нихъ, до Октября откладываемое, кажется мнѣ, долго, до коего, кто знаетъ, дожить достанется ли? И такъ прошу Васъ постараться отправить оныхъ скорѣе, какъ возможно, безъ поврежденія ихъ. Въ особливое поставляя себѣ удовольствіе исполнять всѣ требованія Ваши, я охотно бы согласился на желаемой Вами отпускъ, ежели бъ обстоятельства нынѣшнія не дѣлали надобнымъ Ваше присутствіе въ настоящемъ мѣстѣ, почему и я хотѣлъ бы, чтобъ Ваше Превосходительство отложили то до нѣкотораго времени. Поздравляю Васъ отъ искренняго сердца благополучнымъ супруги Вашей отъ бремени разрѣшеніемъ, желая, чтобы новорожденная, возрастая благоденственно, послужила Вамъ къ полному обрадованію, есьмъ съ непремѣннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга.

1775 года,
23 Іюля.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Алексѣевичъ!

При самомъ моемъ прибытіи, имѣлъ я удовольствіе принять Ваше всепріятнѣйшее писаніе, на которое не могъ я по сіе время отвѣтствовать, по причинѣ скораго отъѣзду, не сказавшися, Вашего присланнаго; а между тѣмъ возвратившійся изъ Нижняго Новогорода Иванъ Пертовичъ Каспаровъ, засвидѣтельствовалъ мнѣ образъ дружества и благосклонность, которыя Вы храните ко мнѣ непремѣнно, и кои суть слѣдствіе взаимныхъ нашихъ обязательствъ отъ самаго нѣжностнаго союза, юность начало производящихъ. Ежели бы состояніе моего здоровія согласовало съ тою надобностью, какову имѣю побывать въ мѣстахъ управленія Вашего, то я вскорѣ бы получилъ обрадованіе видѣть Васъ, моего Любезнаго Друга; но лаская себя тѣмъ впредь, приношу мою искреннюю благодарность и признаніе къ чувствамъ дружества Вашего, и прошу всеприлѣжно по дѣламъ моимъ тамошнимъ, въ случаѣ отзывовъ моихъ домашнихъ, благодѣтельствовать и всевозможное подать защищеніе. Я желаю всегда и вездѣ слышать о всеблагополучномъ Вашемъ пребываніи, и есмь съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства.

1775 года,
23 Іюля.

КНЯЗЮ МЕЩЕРСКОМУ.

Любезнѣйшій Другъ

Платонъ Степановичъ!

Изъ доходящихъ публичныхъ увѣдомленій, безъ сомнѣнія, извѣстенъ уже ты, мой Любезный Другъ, о томъ милосердомъ образѣ пріятія, котораго удостоился я отъ Ея Императорскаго Величества;

почему и не утруждаю тебя съ моей стороны о томъ описаніемъ, а скажу только о себѣ, что здоровіе мое самое не лучшее, такъ что я едва могу собраться съ послѣдними силами при всѣхъ почестяхъ, мнѣ оказываемыхъ.

Графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ, зная свойственное тебѣ правосудіе и особливое ко мнѣ дружелюбіе, желалъ, чтобъ я посредствовалъ у тебя за него въ дѣлахъ его, до управленія твоего простирающихся, которыя по самымъ неправеднымъ, какъ онъ объясняетъ, обстоятельствамъ приводятъ его къ крайнему разоренію. Я не могъ ему отказать въ семъ исканіи, нося, съ одной стороны, на себѣ обязательства въ разсужденіи особы его, а съ другой бывъ увѣренъ въ склонности твоей къ добротворенію вездѣ, гдѣ оное только совмѣстно съ пользою Государства и не обращается въ предосужденіе обществу, и потому прошу тебя, мой Любезный Другъ, прилѣжно, подать ему всевозможное пособіе въ новое мнѣ одолженіе.

Проѣзжая чрезъ Глуховъ и Малую Россію, имѣлъ я удовольствіе вѣдать и слышать всемѣстно тебѣ похвалы, благодарность и сожалѣніе о твоемъ отсель отдаленіи. Я желаю, чтобъ настоящее служеніе твое пріобрѣло и въ тѣтъ мѣстахъ толикую общую преданность и доброхотство и свѣдѣтельство.

(Продолженіе письма истлѣло.)

1775 года,
23 Декабря.
Москва.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Въ тѣхъ мысляхъ будучи, что сіе мое застанетъ Васъ уже, по пренесеніи многихъ трудовъ, совершивши путь Вашъ, на мѣстѣ, поздравляю найусерднѣе съ благополучнымъ прибытіемъ. Между тѣмъ присоединяя у сего письмо къ Александру Андреевичу, я убѣждаю Васъ Вашею дружбою и моею прозьбою, чтобъ постарались отыскать утерянныя, сколь важныя, столь для меня и нужныя, бумаги. Если что больше меня удивляетъ, то это самое, что

при отъѣздѣ своемъ онъ мнѣ сказалъ, что дѣла всѣ секретные отданы по описямъ Г. Подлускому, а сей въ простотѣ душевной объявляетъ, что онъ съ приказанія его описывалъ то только, что видѣлъ. Почему прошу я Васъ сказать ему, чтобы онъ отписалъ ко мнѣ и, открывъ слѣдъ къ отысканію, указалъ, гдѣ мнѣ оныя и отъ кого требовать, и чтобъ я самымъ симъ его письмомъ могъ иногда замѣнить всю потерю. Впрочемъ, я желаю чистосердечно, да застанетъ Васъ сіе мое въ найсовершенномъ здравіи и благополучіи, и чтобъ дни Ваши были для Васъ радости и удовольства исполнены, пребывая всегда съ непремѣннымъ моимъ усердіемъ.

1775 года.

Преосвященнѣйшій Господинъ Епископъ Тверской и Кашинскій,

Милостивый Архипастырь мой.

Не имѣя чести быть лично знакомымъ Вашему Преосвященству, а отъ всѣхъ знающихъ Васъ бывши предваренъ о Вашихъ превосходныхъ душевныхъ дарованіяхъ, давно искалъ я случая засвидѣтельствовать мое къ имъ почтеніе, и нынѣ съ особливымъ удовольствіемъ пользуюсь симъ, что преподаетъ мнѣ отъѣздъ Отца Архимандрита Иларіона въ Епархію, Вамъ опредѣленную. Чрезъ все почти время минувшей войны сей Архимандритъ былъ при арміи моего предводительства вышнимъ Священникомъ, а мнѣ особенно духовникомъ. Подвигами своими и достохвальнымъ поведеніемъ отъ всѣхъ пріобрѣлъ онъ уваженіе и благосклонность, почему и ласкаю я себя, что онъ заслужитъ милостивое благоволеніе къ себѣ Вашего Преосвященства; но съ стороны моихъ ему обязательствъ не могъ я преминуть, чтобы не принесть всеприлѣжнаго къ Вамъ прошенія о содержаніи его въ благопризрѣніи и покровительствѣ Вашемъ, въ особливое и найчувствительнѣйшее одолженіе мнѣ, который не престанетъ быть съ истинною преданностію.

Преосвященнѣйшій Господинъ Архіепископъ Новгородскій и Санктпетербургскій,

Милостивый Архипастырь мой!

Образъ милостиваго принятія, каковымъ Ваше Преосвященство удостоили Отца Архимандрита Иларіона, въ настоящую его здѣсь бытность, толикую впечатлѣлъ въ немъ къ особѣ Вашей преданность, что онъ, прославляя найблагодарнѣйше имя Вашего Преосвященства, единаго токмо желаетъ, чтобы имѣть щастіе послужить подъ собственнымъ Вашимъ Пастырскимъ надзираніемъ, по примѣру того, какъ другіе Архимандриты къ тому опредѣляются, въ чемъ самъ онъ мнѣ изъяснился, и обнадеживалъ себя милостивымъ Вашего Преосвященства снисхожденіемъ. Я, прежде утруждая Ваше Преосвященство моимъ объ немъ ходатайствомъ, имѣлъ честь сообщать и о тѣхъ обязательствахъ, которыя къ нему по духу и по службѣ имѣю; а потому и при семъ случаѣ ласкаю себя, что Ваше Преосвященство, доказавъ особливую Вашу ко мнѣ милость толь многими опытами, и особливо въ продолженіи моего здѣсь пребыванія, когда пріобрѣлъ для себя и неоцѣненное самоличное съ Вами знакомство, не отречетесь благосклонно принять мое всеприлѣжное прошеніе, чтобъ онъ взысканъ былъ Святительскимъ Вашимъ благоволеніемъ на служеніе въ столицѣ подъ Вашимъ призрѣніемъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію есьмъ всегда

Вашего Преосвященства

всепокорнымъ слугою.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА
ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1776 ГОДЪ.

1776 года,
Генваря 1 дня.
Кайнарджи.

ГРАФУ ГРИГОРІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПОТЕМКИНУ.

Благодѣяній и взысканій твоихъ, мой Вседражайшій и Вселюбезнѣйшій Другъ, толь многочисленно на мнѣ, что нѣтъ момента, въ которомъ бы я не находилъ обязательствъ къ тебѣ быть признательнымъ и благодарнымъ, а потому и не отлучно съ тобою есьмъ и всегда буду.

Путь, по суровости теперешняго времени невыгодный, чтобы ты совершилъ безъ малѣйшихъ безпокойствъ, и новыя лѣта, одно за другимъ, до самыхъ позднѣйшихъ временъ пожилъ во всѣхъ благополучіяхъ и самопомысльныхъ удовольствіяхъ, найусерднѣйше тебѣ желаю.

По отъѣздѣ Вашемъ изъ Москвы я изнемогъ, и не въ силахъ будучи въ дальній путь пуститься, уклонился я отъ звуку и гуку городскаго въ мое уединеніе, въ Подмосковную, отколь сіе къ Вамъ и пишу. Тутъ меня посѣтилъ 27 настоящаго теченія весельчакъ Абдулъ-Керимъ-Эфенди съ нѣкоторыми изъ своей свиты. Въ продолженіи стола самъ онъ пожелалъ пить за здоровье вседражайшей нашей Государыни: утверждалъ о искренной дружбѣ

своего Султана, и опять отыскалъ по старымъ памятямъ, какія-то мои обѣщанія покойному Визирю, въ облегченіи тяготы трактата, и наконецъ далъ мнѣ коммиссію, при увѣреніи Васъ о его отличномъ къ Вамъ почтеніи, припомнить Вамъ о повышеніи чинами при немъ находящихся актуаріевъ и переводчиковъ, сказывая, что Султанъ, уполномочивъ его къ дѣлу толь важному, каково есть Посольство, обратитъ, конечно, къ сторонѣ его нерадѣнія, если прозьба, имъ учиненная и Вами будто обѣщанное, не возымѣетъ въ томъ своего дѣйствія.

До послѣднихъ дней буду сердцемъ и душею преданнѣйшій и всепокорный слуга.

P. S. По милостивому обнадеживанію по просьбѣ моей о Господинѣ Генералѣ Милорадовичѣ, позволю себѣ, мой Милостивый Другъ, припомнить; я на счетъ свой сіи одолженія ему новыми поставлю.

1776 года, Генваря 1 дня.
Москва.

ЧЕРНЫШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Иванъ Григорьевичъ!

Ежели бы возможно что либо надъ совершенное къ Вамъ мое почтеніе и преданность прибавить, то бы Туло-Калужской походъ занялъ великое мѣсто. Я не могу изъяснить Вамъ, мой Милостивый Графъ, все удовольствіе и пользу, кои я въ ономъ для себя находилъ изъ пріятной Вашей бесѣды. Жалѣть всегда буду, что онъ не довольно для меня продлился, и остается мнѣ, поблагодаря за всѣ Ваши большія одолженія, въ терпѣніи ожидать будущаго лѣта и въ томъ наградить утрату.

Между тѣмъ, чтобы Вы путь Вашъ многотрудный, и дражайшая Графиня Ваша и дочь, совершивъ благополучно, наградили оной всѣми выгодами и пріятностями прекраснаго Вашего дома,

и новый за новымъ множество годовъ, по желанію пожили, при самономысльномъ здравіи и удовольствіи по предѣлъ самопознѣйшій человѣчеству, желаетъ Вамъ всеусерднѣйшій и искренно Вамъ преданный,

всепокорный слуга.

1776 года,
Генваря 1 дня.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Сего податель, Козьма Афанасьевичъ Медвѣдевъ, извѣстный по городу Орлу человѣкъ, и котораго мы одновременно тамъ спознали, скажетъ Вамъ свою надобность. Я, изъ признательности къ сему гостепріимцу, писалъ объ немъ къ Графу Григорію Александровичу, а къ Вамъ препровождая его симъ, прошу показать ему прямую дорогу къ скорѣйшему и полезному окончанію дѣла его.

Новѣйшихъ извѣстій касательно деревень Вашихъ въ Польшѣ, я понынѣ отъ братца Вашего, Ивана Васильевича, не имѣю, что же до Малороссійскихъ, на Вашъ удѣлъ доставшихся, то я по сему писалъ уже въ Коллегію тамошнюю, чтобъ высланы были коммисары къ отдачѣ всего, Вамъ принадлежащаго, къ разобранію споровъ, если бы сіе могло случиться и къ положенію на всемъ томъ межи.

Желаю Вамъ, впрочемъ, всеискренно новоначатой годъ и премногіе будущіе въ радости и благополучіи пожить, и мнѣ вѣрить, что я всегда съ непремѣннымъ моимъ усердіемъ

Вашъ покорный слуга.

1776 года,
Генваря 1-го.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Сего вручитель, Г. Медвѣдевъ, гостепріимецъ Орловскій, который Вами послѣ того взысканъ, похотѣлъ, однако же, явиться съ

моею о немъ у Васъ прозьбою. Не лиши его, мой Вселюбезный и Милостивый Другъ, своей помощи, а меня продолженія своей неоцѣненной милости и дружбы.

Во всѣ дни жизни моей буду я сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
3 Генваря.
Кайнарджи.

ПАССЕКОВОЙ.

Милостивая Государыня моя,

Наталья Алексѣевна!

Читая письмо Ваше, я не безъ жалости видѣлъ въ ономъ домашнія Ваши обстоятельства. Познавъ въ Васъ великодушную и терпѣнія преисполненную душу, не стараюсь я подавать Вамъ тутъ слабыхъ моихъ утѣшеній. Вы сами то знаете, что люди, и испорченные и развратные нравы имѣющіе, не рѣдко возвращаются къ своей должности; а дѣти Ваши еще не суть тѣ, и слѣдственно, по нѣжному Вашему расположенію и обращенію, къ повиновенію можно ожидать ежевременно. Я желаю Вамъ всеискренно, съ освобожденіемъ самоскорѣйшимъ отъ Вашего припадка, видѣть радость Вашу въ возвратѣ Вамъ столь любезныхъ дѣтей Вашихъ. Присоединеннымъ у сего письмомъ я повторяю мою прозьбу Князю Михайлѣ Никитичу, во удовлетвореніе желанія Вашего, пребывая, впрочемъ, съ моимъ непремѣннымъ почтеніемъ.

---

3 Генваря.

КНЯЗЮ МИХАЙЛѢ НИКИТИЧУ ВОЛКОНСКОМУ.

Со стороны дѣлъ, особливо меня интересующихъ, позволь мнѣ, мой Любезный Братъ, усугубить прозьбою моею таковую же же отъ Пассековой. Степана, Нилу и Василья Коновницыныхъ, которые, какъ слышу, Вицъ-Вахмистрами, произвесть въ Вахмистры, а Вахмистра Ивана Бахметьева опредѣлить къ оставшейся командѣ,

уволивъ на мѣсяцъ отъ должности. Ваше Сіятельство симъ меня обяжете найболѣе и я бы желалъ имѣть для себя то удовольство, чтобъ показать услуги на выполненіе повелѣній Вашихъ. Имѣя честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію.

1776 года,
Генваря 4 дня.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Въ предыдущемъ моемъ, мой Вселюбезнѣйшій Другъ, я тебѣ сказалъ, что, уклоняясь отъ звуку и гуку городскаго, удалился я на уединеніе; но сіе не такъ отдалено, чтобъ меня не сыскали мои близкіе. Причиною сего моего къ тебѣ Александръ Васильевичъ Салтыковъ, много меня одолжившій своими услугами къ моей матери; и ты мнѣ, ставъ посредникомъ и надеждою окончанія его весьма резонабильнаго исканія, сдѣлаешь найчувствительнѣйшее одолжсніе. Покажи, мой Милостивый Графъ, свое пособіе сему человѣку, доложивъ прозьбу его Государынѣ, а я все, что отъ тебя для него будетъ, пріиму на счетъ свой.

Моимъ желаніямъ всегда противустоятъ разныя препоны; я уже собирался ѣхать отсель, но была столь великая стужа, что съ нуждою могъ я только сидѣть въ избѣ, не выходя ни ногой изъ оной. Теперь стало полегче, однако вмѣсто того новая преграда, съ сильнымъ вѣтромъ бывшая болѣе сутокъ метелица, подѣлала на всѣхъ поляхъ престрашныя горы, и такія, что уже вовсе нѣтъ удобности двинуться съ мѣста. Я потому, въ ожиданіи лучшихъ дней, поживу еще нѣсколько, а послѣ, хотя въ самой вещи и печально, отъ стужи къ теплу предприму свои мѣры. Но гдѣ бы я ни былъ, сохраню вездѣ непреложно то истинное мое почтеніе и безпредѣльную преданность, съ которыми во всѣ дни жизни буду сердцемъ и душей преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

4-го Генваря.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Письмо Ваше я получилъ, и вижу въ ономъ съ признаніемъ, коль Вы, имѣя довольно заботъ на свою часть, вступаетесь въ дѣла охотно и постороннія, меня касающіяся. Но не зная подлинно, что мнѣ думать о Александрѣ Андреевичѣ, онъ ко мнѣ не пишетъ ни одного слова о дѣлахъ утерянныхъ. Въ особливое мнѣ одолженіе скажите ему, чтобъ онъ пожаловалъ, меня увѣдомилъ, по первому письму, гдѣ мнѣ отыскать имъ потерянныя бумаги, чтобъ иногда не страдали въ томъ люди, ни мало непричастные и безвинные.

Александръ Васильевичъ Салтыковъ, которому я весьма много долженъ за услуги, оказанныя имъ моей матери, имѣетъ у Васъ свое дѣло. Оно не по себѣ, но для него очень важно и, кажется, резонабильное. Пособи ему, Любезный Другъ, елико ты можешь; я о семъ просилъ и Графа Григорія Александровича особливымъ моимъ, и тебѣ повторяю, что ты одолжишь симъ человѣка, который никогда не престанетъ съ непреложнымъ и истиннымъ усердіемъ быть покорнымъ слугою.

1776 года,
4 Генваря.

САЛТЫКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Александръ Васильевичъ!

Съ человѣкомъ Вашимъ получилъ я плато, цвѣты и куклы бискюетевы, и читая Ваше письмо, которымъ Вы столь пріятныя вещи препровождаете, увидѣлъ я изъ онаго, надъ чаяніе, что Вы все то мнѣ въ подарокъ прислали. Не знаю подлинно, что мнѣ взаимно придумать, и какъ могу я заслужить Ваши меня всегдашнія одолженія. Вы, имѣвшія только способовъ обязать меня, подайте мнѣ, хотя малѣйшій случай къ доказательству, колико и и преисполненъ моего чувствительнѣйшаго къ Вамъ признанія.

Присоединяю у сего письма, въ точность мысли Вашей, желая чистосердечно, чтобъ оныя были для Васъ плодомъ Вашего ожиданія, и испрашивая для себя непремѣнную Вашу дружбу и благосклонность, я препоручаю себя навсегда къ услугамъ Вашимъ, пребывая съ истиннымъ моимъ усердіемъ.

1776 года,
Генваря 5 дня.
Кайнарджи.

ТЮФЯКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Иванъ Петровичъ!

За присылку плановъ и къ онымъ описей я найпризнательнѣе благодарю Вашему Сіятельству. Трудно, подлинно, разставаться съ столь милою деревнею, гдѣ натура украсила ея положеніе и гдѣ Вы къ тому придали найбольшую ей пріятность изпещреніемъ и украшеніемъ на Англійской вкусъ и построеннымъ тамъ хорошо и выгодно домомъ Вашимъ; но и тово труднѣе, мнѣ кажется, уступить кому либо, кромѣ себя. По пути, который предлежитъ мнѣ, я конечно буду въ оной, и скажу Вамъ затѣмъ рѣшительно о точности моего расположенія.

Со всегдашнею моею преданностію пребуду я.

1776 года,
Генваря 5-го.

АСТАФЬЕВУ.

Государь мой,

Александръ Николаевичъ!

Къ великому удивленію моему, доходятъ ко мнѣ одно за другимъ извѣстія относительно неявившихся вещей въ моемъ домѣ. Я не знаю, какъ судить въ семъ дѣлѣ, и что думать мнѣ, когда еще въ мое здѣсь присутствіе видны вездѣ найбольшія упущенія. Теперь ко мнѣ явился человѣкъ мой съ новымъ докладомъ, что

Почекою увезенъ туалетъ, находившійся въ покоѣ секретаря Лебедева, и что еще, сверхъ того, во многихъ вещахъ видны недостатки. Подлинно не знаю, какъ Г. Бессинъ, на которомъ я сложилъ пріемъ того дому и всего въономъ, отпустилъ Почеку, не истребуя утеряннаго, не увѣдомивъ меня. Я по тому, прилагая при семъ подлинную всей той отдачѣ опись, покорно Васъ прошу дать оную Г. Бессину, чтобъ онъ по сей прилѣжно обозрѣлъ, и чего не будетъ въ наличности, отписалъ бы къ Почекѣ, давъ ему знать въ полной цѣнѣ поступокъ его, и то, что сколь та вещь по себѣ неважная, столь больше ему безславія приноситъ, наконецъ, чтобъ требовалъ, гдѣ онъ все то, чего не будетъ видно, сложилъ, и отъ кого оное получить можно. Я вѣрилъ ему больше по чести, чѣмъ роспискамъ.

Есьмъ, какъ и всегда.

1776 года,
Генваря 6.

АСТАФЬЕВУ.

Ежели что послѣдняя почта Петербургская въ городъ, или къ Вамъ, привезла, скажите мнѣ по пословицѣ: что отложено, то еще не потеряно. Я желалъ бы прежде отъѣзда, коли не одержать точнаго и пріятнаго для Васъ отвѣта, такъ, по крайней мѣрѣ, силнѣйшаго обнадеживанія. У меня маленько горло, а голова очень болитъ, и такъ завтра не надѣюсь, чтобы и ѣхать могъ. Ежели бы Вы лошадей велѣли къ 7 числу приготовить, то можете дать знать, чтобы онѣ къ 9-ти точно были готовы. Не поскучте нѣсколько дней промедлить, а 9-го я конечно поѣду; увѣрять Васъ пустымъ поставляю. Вы меня знаете непреложно себѣ прямымъ и преданнымъ слугою.

1776 года,
8 Генваря.

Милостивый Государь мой,

Андрей Степановичъ!

Въ ожиданіи отвѣтныхъ на мои, конечно, уже въ своемъ мѣстѣ полученныя, и другихъ Петербургскихъ извѣстій, хочется остаться здѣсь до 11-го сего мѣсяца; да и по слабости моего здоровья весьма мнѣ нужно не выѣзжать до того времени. Я думаю, что и Вамъ по такимъ же обстоятельствамъ не то же ли сдѣлать, и по сему покорнѣйше Васъ прошу дать знать Ямской Конторѣ о заготовленіи лошадей къ 12-му.

---

8 Генваря.

АСТАФЬЕВУ.

Я благодарю Васъ, Александръ Николаевичъ, за труды Ваши по дѣламъ моего хозяйства, и за письмо, которое получилъ я вчера. Изъ онаго видя, что денегъ моихъ у Васъ въ содержаніи почти нѣтъ, а у меня оныхъ также мало, на дорогу жъ имѣть оные необходимо нужно, я прошу Васъ по тому спросить въ Богоявленскомъ Греческомъ монастырѣ, нѣтъ ли въономъ изъ купцовъ такова, который бы пожелалъ сдѣлать переводъ до тысячи рублей въ Глуховѣ, либо Нѣжинѣ; когдаже симъ образомъ не можно достать оныхъ, то въ щетъ отдачи въ Глуховѣ отпустить изъ Татарской суммы въ вѣдѣніи Вашемъ, подъ росписку хотя мою.

1776 года,
11 Генваря.

БЛАНКУ.

Государь мой Карлъ Ивановичъ!

Планъ дому я получилъ, и признаюсь чистосердечно, что положеніе его на полдень, а сада на сѣверъ, и расположеніе вовсе невыгодное, озабочиваютъ меня до крайности; чтобы помочь одному и другому, и я думаю Вамъ опять сдѣлать новый трудъ. Теперешняя моя прозьба состоитъ въ сообщеніи смѣты надобныхъ мате-

ріяловъ для каменнаго, Вами прожектированнаго, дому, которую Вы мнѣ обѣщали. Одолжите меня, мой лучшій пріятель, прежде отъѣзда и какъ скорѣе можно, а о мнѣ вѣрьте, что я съ усерднымъ почтеніемъ

Вашъ покорный слуга.

---

11 Генваря.

ДОМАШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Сергѣй Герасимовичъ!

Съ перваго случая, когда я имѣлъ честь пріобрѣсти найпріятнѣйшее для меня Ваше знакомство, я предположилъ себѣ обязательствомъ оное утвердить моими исканіями. Судите по тому, коль велико удовольствіе мое видѣть знаки толь ласкательные Вашей дружбы. Я благодарю Вамъ найпризнательнѣйше за обсылку Календарей. Плоды Вашего въ Академіи попеченія поспѣшно и полезно стали отзываться, и я, желая Вамъ лучшихъ успѣховъ и всѣхъ помысльныхъ благоденствій, пребуду съ истинною преданностію

Вашимъ покорнымъ слугою.

1776 года,
13 Генваря.

ТУТОЛМИНУ.

Государь мой,

Тимофей Ивановичъ!

Безмѣрно сожалѣю, видѣвъ изъ письма Вашего, что, вмѣсто ожидаемаго взаимно удовольственнаго окончанія дѣла съ Князь Григоріемъ Семеновичемъ, наноситъ онъ Вамъ новыя препятствія даже и противу того, что было говорено здѣсь. Я, не имѣя на сей разъ при себѣ ни Канцеляріи, ни дѣлъ, мнѣ нужныхъ, не могу по тому ничего сказать Вамъ точнаго; но чтобъ узнать, какъ удобнѣе прекратить Ваши споры, буду я ожидать отъ Васъ немедленно конной Полковничей Инструкціи. Пребывая съ непремѣннымъ усердіемъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

---

14 Генваря.

ВОЛКОНСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Григорій Семеновичъ!

Я ласкался надеждою видѣть на сихъ дняхъ Ваше Сіятельство у себя, но теперь, предполагая свой отъѣздъ вскорѣ, не буду, можетъ быть, уже имѣть случая съ Вами увидѣться; а потому и повторяю Вамъ симъ мою просьбу въ дѣлѣ Тимофея Ивановича. Онъ, какъ слышу, соглашается на все; въ одномъ только думать можно, что онъ, не имѣя у себя числа потребнаго наличной суммы, не можетъ удовлетворить Вамъ; но сіе не столько важно: онъ конечно дастъ Вамъ на то свое слово, или обязательство. И я желалъ бы, чтобъ Вы, бывъ равно мнѣ друзьями, оказали на то и Ваше снисхожденіе къ особливому моему удовольствію.

Есмъ съ искреннею преданностію.

1776 года,
Генваря 15.

МЕЩЕРСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Дядюшка, Князь Василій Ивановичъ!

Мнѣ весьма совѣстно столь смѣло утруждать Васъ, но въ томъ удостовѣреніи, что Вы снисходительно мои просьбы принимаете, я Васъ обезпокоиваю теперь новою. Крестьянинъ моей деревни Рудни, Александръ Григорьевъ, ищетъ получить себѣ въ жену крѣпостную Вашу дѣвку, Варвару Ермолаеву. Она, бывъ отпущена села Лотошина отъ бурмистра Калиника съ свидѣтельствомъ для пріисканія дневной пищи, почти оной не имѣетъ. Сдѣлайте, Дядюшка, имъ обоимъ милость, давъ на это Ваше соизволеніе.

Съ непреложнымъ усердіемъ и безпредѣльною преданностію пребуду.

1776 года,
Генваря 15.

КНЯЖНѢ М. В. МЕЩЕРСКОЙ.

О крестьянинѣ моемъ, Григорьевѣ, который ищеть себѣ въ жену крѣпостную Вашу дѣвку, Варвару Ермолаеву, я просилъ особливымъ моимъ на то соизволенія Вашего Батюшки. Пособите, Матушка Сестрица, одержать сію просьбу Вашимъ у него ходатайствомъ, вѣривъ, впрочемъ, что я всегда съ непреложнымъ усердіемъ

Вашъ доброжелательный братъ и покорный слуга.

1776 года,
Генваря 16.
Кайнарджи.

ГРАФУ СЕМЕНУ РОМАНОВИЧУ ВОРОНЦОВУ.

Письмо Ваше изъ Новой Ладоги, отъ 30-го Декабря, принесло мнѣ великое удовольствіе. Вы мнѣ, мой Дражайшій Другъ, отдали справедливость, опредѣливъ цѣну моего къ оному признанія. Отгадываете Вы въ точности, что мое къ Вамъ усердіе отличное, и ежели я имѣлъ случай Вамъ мою добрую волю и готовость на услуги оказать, то я удовлетворилъ только собственному своему желанію. За пріязнь я Вамъ, мой Любезнѣйшій Другъ, взаимно и сердечно желаю въ семъ новомъ и во многихъ будущихъ мѣстахъ всѣхъ преуспѣяній и благоденствій.

Пріемля большое участіе во всемъ, Васъ касающемся, желалъ бы вѣдать о квартирахъ, выгодны ли онѣ для Вашихъ Гренадеровъ и веселы ли, хотя мало, для Васъ? Что со мною, то я, замуровавшись, сижу въ деревенской избѣ, не выходя по неволѣ изъ оной ни ногою. Несносная стужа грозитъ моему слабому здоровью въ дорогѣ конечнымъ сокрушеніемъ; но какъ надобно ѣхать, то я буду стараться, коли не теплое, такъ тихое пристанище отыскать. Гдѣ бы то, однако же, ни было, не удалюсь я ни мало.

1776 года,
Генваря 17.

ВОРОНЦОВУ.

Милостивый Государь,

Графъ Иванъ Ларіоновичъ!

Благодарность моя неизреченна, а признаніе пребудетъ вѣчно къ Вашимъ мнѣ всегдашнимъ благодѣяніямъ. Я не могу довольно Вамъ изъяснить моей благодарности за одолженіе въ присоединеніи нужной мнѣ земли, и которую всегда цѣнить буду. Тутъ по пословицѣ: «дорога къ загону», хотя и не за самую сходную цѣну. Клянусь всѣмъ святымъ, что всѣ мои желанія обращаю, дабы сыскать случаи, удобные на доказаніе, сколь признаніе мое къ Вамъ велико и преданность безпредѣльна, съ которыми непреложно буду я до послѣднихъ дней моихъ.

P. S. Задатокъ 500 Г. Ваксель вручитъ Вашему Сіятельству, а достальные при свершеніи купли ту же минуту будутъ заплачены.

1776 года,
Генваря 18.

ЧЕРНЫШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Иванъ Григорьевичъ!

Странно, можетъ быть, покажется многимъ, а особливо судящимъ по одинакимъ всегда заключеніямъ, мое здѣсь замедленіе; но ты, мой Любезный Другъ, иначе и справедливѣе о семъ, конечно, судишь, зная, коль много мнѣ потребенъ покой, и что я въ семъ пунктѣ не дѣлаю уже различія въ мѣстахъ моего пребыванія, а пользуюсь уединеніемъ лучше всѣхъ лѣкарствъ. Жаль только, что климатъ нашъ о всякихъ неповинныхъ деревенскихъ забавахъ на цѣлую зиму мысли отнимаетъ; досаднѣе оное тогда, когда всѣ другія съ лѣтами уже прошли. Здѣсь стужа была несносная; по сближенію Вашему къ сѣверу, что же она была? Но какъ многіе физики открываютъ большую перемѣну во всемъ естествѣ, то мо-

жеть быть, Вамъ гораздо и теплѣе. Я на сихъ дняхъ, однако жъ, пущусь, не взирая на всѣ свои недуги, далѣе къ теплымъ, а ежели бъ можно къ тихимъ пристанищамъ; во всякомъ уединеніи и отдаленіи пріятно имѣть сообщеніе съ друзьями, между которыми я Васъ найлюбезнымъ для себя считая, прошу подавать мнѣ коль часто можно сіе утѣшеніе, какъ искренное участіе во всемъ, къ Вамъ относящемся, имѣющему.

Сего податель окаменѣлъ уже въ одной степени чина, а что способности имѣетъ, свидѣтельствуется употребленіями въ толь многихъ и важныхъ дѣлахъ. Помогите Вы ему на счетъ мой въ одержаніи справедливаго, слѣдуемаго ему, награжденія. Я всегда съ непремѣннымъ усердіемъ и преданностію буду.

1776 года,
18 Генваря.
Кайнарджи.

ЧЕРНЫШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Благодаря всенижайше за сообщеніе мнѣ письма отъ дражайшаго Вашего брата, и за честь, которую Вы мнѣ поздравленіемъ на Новый Годъ сдѣлать благоволили, не пріемлю я оное послѣдствіемъ обыкновенія, мой Любезный Другъ, но дѣйствіемъ дружеской милости Вашей, которой я всю цѣну зная, о продолженіи ни исканія, ни старанія употреблять не упущу. Вамъ же, моему Милостивому Графу, и Вселюбезной и Дражайшей Вашей Графинѣ, желаю найусерднѣйше отъ года въ годъ до крайнихъ предѣловъ бытія человѣческаго съ преумноженіемъ всѣхъ благополучій, въ лучшемъ благоденствіи продолжать. Любя уединеніе, подлинно не изъ той причины, однако жъ, здѣсь позажился, но отъ маленькихъ припадковъ, и отъ великой стужи, которая меня въ избѣ подъ крѣпкимъ карауломъ держала, безъ всякаго рода выгодъ и услуги, отпустя все впередъ. Не знаю, напротивъ, не она ли моего Милостиваго Графа выжила изъ его прекраснаго Яropольца. Не имѣемъ мы подлинно причины со стороны зимы нашей, въ раз-

сужденіи деревенскихъ забавъ хвалиться, но за то промышленники наши нынѣшнею, думаю, не нахвалятся; конечно, къ нимъ битыя мяса и рыбы свѣжи дошли, но что люди замерзли, или сгнили, при такихъ великихъ барышахъ, они сей убытокъ весьма малымъ считаютъ. Сегодня, кажется, зима снисходительнѣе становится, и я долженъ буду, хотя не вовсе надежною, сею добротою ея пользоваться и ѣхать искать, коли не теплаго, то тихаго пристанища; но гдѣ бъ ни былъ, не удалюсь никогда отъ моихъ обязательствъ, кои я Вамъ съ нѣжной моей молодости въ усердіи и почтенія сдѣлалъ. А на сей разъ, свидѣтельствуя мое особливое почтеніе Вселюбезной Вашей Графинѣ, въ честь себѣ поставляю непреложнымъ быть

Вашего Сіятельства.

1776 года,
24 Генваря.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Домъ, въ которомъ живетъ теперь Ѳедоръ Матвѣевичъ, я оставляю въ полное его распоряженіе, и ни малѣйше не помышляю тревожить спокойствіе сего стараго моего друга и заслуженнаго человѣка; а вмѣсто онаго, хотѣлъ бы я знать о выгодахъ тамошняго дворца, и можно ли мнѣ въ ономъ помѣститься; чего для, покорно Васъ прошу прислать ко мнѣ на встрѣчу оному планъ, показавъ особливо въ примѣчаніи, буде есть, комнаты такія, кои требуютъ починки, либо другое что испорченное и изломанное, или въ чемъ видѣнъ недостатокъ въ оныхъ. Я льщу себя удовольствіемъ въ скорости увидать и обнять моего Любезнаго Друга, къ которому преисполненъ я усердія и преданности, имѣя честь быть

Вашего Превосходительства.

покорнымъ слугою.

1776 года,
Генваря 25.
Кайнарджи.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Ты знаешь, мой Любезный Другъ, что я всякое ходатайство стараюсь коль можно удалять, чтобъ не озабочивать друзей моихъ, дѣлами многими упражненныхъ; но убѣжденъ будучи неотступною прозьбою Генерала Берха, принужденъ Васъ просить, чтобъ Вы ему помогли, и дали знать, что пріѣзжать ли ему въ С. Петербургъ, для окончанія его исканія, или нѣтъ?

Я буду всегда съ усердіемъ и преданностію

Вашимъ покорнымъ слугою.

P. S. Покажите милость и состраданіе съ бѣднымъ Гартенберхомъ, и притомъ ты самъ отъ части знаешь, что онъ изъ лучшаго положенія худыми людьми и случаями доведенъ до весьма горькихъ обстоятельствъ. Я просилъ предъ отъѣздомъ Государыню, и она обѣщала явить ему свое милосердіе. Не забудь, мой Милостивый Графъ, и о бѣдномъ старикѣ и калѣкѣ Графѣ Капуанѣ.

Генваря 25.
Кайнарджи.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Ѳедоръ Ивановичъ Глѣбовъ, будучи на сихъ дняхъ у меня, просилъ моего объ немъ къ тебѣ предстательства. Тебѣ извѣстно, Любезный мой и Вседражайшій Другъ, колико я стараюсь удалять себя въ подобныхъ сему случаяхъ, чтобъ не наносить тебѣ заботъ новыхъ, обремененному и безъ того многими дѣлами и докуками; но я не могъ отъ того укрыться. И въ томъ удостовѣреніи симъ его провождаю, чиня мою всеприлѣжную прозьбу о показаніи ему милости и удовлетворенія, по колику въ томъ позволитъ возможность. Къ Вамъ преданъ буду я непреложно сердцемъ и душою.

1776 года,
Генваря 26.
Кайнарджи.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Прилагая у сего къ Ея Императорскому Величеству письмо Принца Шварцбургскаго, по его мнѣнію, весьма благонадежно ко мнѣ адресованное, прошу тебя, мой Вседражайшій Графъ, при случаѣ, сказать ли мнѣ ему что на оное, или промолчать.

Я понынѣ сижу еще въ моей деревнѣ. Необычайная стужа съ метелицею, отъ коихъ я, какъ вижу, очень отвыкъ, держитъ меня здѣсь, какъ за карауломъ, и я стражду разными припадками отъ нея какъ нельзя больше. Въ отдаленіи утѣшаемся мы много сообщеніемъ писменнымъ съ друзьями: не лиши меня, мой Вседражайшій Другъ, сего особливаго удовольствія, давай пріятнѣйшія увѣдомленія о твоемъ состояніи. Мысли и желанія мои тебѣ посвящены на благоденствія, и я, сердцемъ и душею преданный, всепокорнымъ твоимъ слугою буду.

1776 года,
Февраля 4.
Кочюровка.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Князь Андрей Николаевичъ, ѣдучи въ Санктпетербургъ поспѣшно, заѣхалъ не съ дороги посѣтить меня въ деревнѣ, гдѣ я остановился на нѣкоторое, весьма короткое, время къ отдохновенію, отколь продолжать буду свой путь къ Кіеву, и смотря по дѣламъ, или же, лучше сказать, по состоянію здоровья, кое въ дорогѣ нѣчто еще хуже прежняго стало, определю мѣсто своему пребыванію. Отъ отвычки ли, или чувствительной перемѣны въ образѣ жизни, или же здоровія, не ощущаю я уже того удовольствія и веселой жизни въ деревнѣ, за коими всегда такъ гонялся. По многократнымъ о Князѣ Андреѣ Николаевичѣ на мои прозьбы милостивымъ твоимъ отзывамъ, удостовѣрилъ я его, самолучшимъ образомъ, о твоемъ къ нему благоволеніи; и я, удовлетворяя его желанію въ напамятованіи тебѣ, мой Вселюбезнѣйшій Другъ, всѣхъ

моихъ дѣланныхъ объ немъ рекомендацій и моему собственному въ свидѣтельствѣ признанія и благодарности, съ которыми пребываю непреложно сердцемъ и душею тебѣ преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
7 Февраля.
Глуховъ.

Милостивый Государь мой,

Григорій Никитичъ!

За пріѣздомъ моимъ въ Глуховъ, спѣшу отправленіемъ здѣшняго края дичи, которую всепокорно прошу Вашего Превосходительства приказать принять для столовъ Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Пребывая на всегда съ истиннымъ почтеніемъ.

1776 года,
Февраля 9.

Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій Господинъ Архіепископъ и Митрополитъ Кіевскій и Галицкій,

Милостивый Архипастырь мой!

Я имѣлъ честь всепочтеннѣйшее Вашего Преосвященства писаніе исправно получить, и ласкалъ себя изъявить Вамъ мою за оное благодарность въ скоромъ времени самолично; но, теряя къ тому на нѣкоторое время надежду, по умножившимся здѣсь дѣламъ, моего разсмотрѣнія требующимъ, я побуждаюсь истиннымъ признаніемъ, и во изъявленіе особливаго къ Вамъ почтенія, поспѣшить чрезъ сіе, свидѣтельствуя найчувствительнѣйшую благодарность за поздравленіе меня съ Новымъ Годомъ. Примите взаимно, Преосвященнѣйшій Владыко, всеискреннее Вамъ желаніе всѣхъ Вами помысльныхъ благополучій и преуспѣяній въ наступившемъ и будущихъ премногихъ лѣтахъ отъ почитающаго Васъ и преданнаго

Вашему Преосвященству
всепокорнаго слуги.

1776 года,
Февраля 9 дня.

Ясне въ Богу Высокопреподобнѣйшій Господинъ Отецъ Архимандритъ Кіевскіе Лавры,

Милостивый мой Благодѣтель!

Благодарю найпризнательнѣе Вашему Высокопреподобію за письмо Ваше, въ которомъ угодно было Вамъ почтить меня поздравленіемъ съ настоящимъ обновленіемъ времени. И обращая къ Вамъ взаимно мое Васъ съ онымъ поздравленіе и искреннее желаніе, да будетъ оный для Васъ и премногіе по немъ будущіе источникомъ самопомысльныхъ благощастій и удовольствій, ласкаю я себя пріятною надеждою видѣться въ скоромъ времени съ Вами персонально и изъявить Вамъ изустно о томъ отличномъ моемъ къ Вамъ почтеніи, съ которымъ никогда быть не престану.

1776 года,
Февраля 9.

Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій, Господинъ Епископъ Черниговскій и Новгородка Сѣверскаго,

Милостивый Архипастырь мой!

За поздравленіе меня съ Новымъ Годомъ во всепочтеннѣйшемъ письмѣ Вашемъ, которое получилъ я въ Москвѣ, и такъ сказать, уже на дорогѣ, приношу симъ Вашему Преосвященству мою найпризнательнѣйшую благодарность, присоединяя всеискреннія мои желанія, да послужитъ Вамъ оный и премногіе по немъ будущіе на помысльные Вами благощастія. По сближеніи къ предѣламъ Епархіи Вашей, ласкаю я себя имѣть честь видѣться персонально съ Вами, Преосвященный Владыко, и удостовѣрить Васъ въ найбольшей моей къ Вамъ преданности, въ ожиданіи котораго для меня найпріятнѣйшаго времени, препоручаю я себя Архипастырскому Вашему благословенію, пребывая съ точнымъ почтеніемъ.

1776 года,
Февраля 9-го.

ШИРКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

По прибытіи моемъ въ Украину, имѣвъ непосредственно переписку съ Вашимъ Превосходительствомъ, я думаю, по обстоятельствамъ настоящимъ, буду дѣлать Вамъ частыя докуки; знавъ же Ваше расположеніе противу меня, я не ожидаю, чтобы были оныя для Васъ тягостными, или же невозможными, и что Вы къ лучшему моему ожиданію въ полномъ удостовѣреніи всякой мой отзывъ примете не инако, какъ дѣйствіе моей надежды на Вашу ко мнѣ дружбу, за которую я преисполненъ къ Вамъ истиннаго усердія и преданности.

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою

1776 года,
Февраля 9-го.
Глуховъ.

Государь мой и Любезный Другъ, Василій Степановичъ!

Письмо Ваше и планы получены мною исправно. Къ сожалѣнію, не имѣлъ я удовольствія, при выѣздѣ изъ Москвы, проститься съ Вами, и изъявить мою благодарность за всѣ Ваши труды, подъятые въ мою пользу, и спѣшу симъ письмомъ оное выполнить съ чувствительнѣйшимъ моимъ признаніемъ, и что я, будучи Вамъ толь много обязаннымъ, не упущу стараться оказать Вамъ мои услуги. Что до повѣрки плановъ, то я благонадеженъ на точность Г. Замятина подъ Вашимъ искусным руководствомъ. Впрочемъ, пребуду въ усердіи моемъ къ Вамъ непремѣннымъ.

1776 года,
Февраля 9 дня.
Глуховъ.

РЕПНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Въ проѣздъ чрезъ Глуховъ въ Царьградъ сего куріера, пользуюсь я симъ скорымъ, но весьма пріятнымъ, случаемъ свидѣтельствовать Вашему Сіятельству искренное мое почтеніе, желая какъ найскорѣе имѣть удовольствіе принять Ваше Сіятельство и съ вседражайшею фамильею при благополучномъ въ отечество возвращеніи. Я не могу теперь видѣть реляцій Вашихъ, то прошу Ваше Сіятельство относительно званію моему, если за нужно найдете, ко увѣдомленію сообщить. Пребуду во всю мою жизнь съ непреложнымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

Милостиваго Государя моего

покорнѣйшій слуга.

1776 года,
Февраля 10-го.

СТАХІЕВУ.

Милостивой Государь мой,

Александръ Стахіевичъ!

По настоящему моему теперь пребыванію въ Украинѣ, я льщу себя имѣть найпріятнѣйшія и коль можно частыя увѣдомленія о благополучномъ Вашемъ и домашнихъ Вашихъ пребываніи; что до дѣлъ, званію нашему относящихся, къ сообразности для принятія мѣръ пристойныхъ, то не сумнѣваюсь, по извѣстной Вашей въ оныхъ исправности, что я ихъ и въ свое время и со всѣми подробностьми получать буду, и особливо по условіямъ нашимъ въ Москвѣ.

Никогда не забуду я большаго Вашего одолженія въ снабженіи меня нѣкоторыми весьма полезными и потребными для меня учре-

жденіями въ Швеція. Сдѣлайте мнѣ милость сообщеніемъ и теперь съ лучшихъ Турецкихъ увеселительныхъ домовъ плановъ и фасадовъ; я по надеждѣ лучшей на Вашу ко мнѣ дружбу, стою въ томъ смѣло, что самые лучшіе будуть ко мнѣ, отъ Васъ присланные.

Господарь Волошскій, Ипсиландій, прилѣжно просилъ меня, чтобъ его рекомендовать, по мѣсту Вашему, въ особливую Вашу благосклонность, и я, бывъ увѣренъ, что онъ удостоенъ благоволенія Двора нашего, и въ семъ видѣ провождаю мою объ немъ прозьбу о показаніи какова либо ему Вашего пособія.

Желая, впрочемъ, всеискреннѣйше, чтобъ сіе мое застало Васъ и домашнихъ Вашихъ по совершеніи мною трудной дороги въ самопомыслъномъ благосостояніи и удовольствіи, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ.

1776 года,
Февраля 10-го.

МАРКОВУ.

Государь мой,

Аркадій Ивановичъ!

Я пишу сіе къ Вамъ на удачу, застанетъ ли оное Васъ на мѣстѣ, или въ дорогѣ; лаская себя надеждою со стороны родства и дружбы, что Вы одолжите меня присылкою плановъ и фасадовъ самымъ лучшимъ увеселительнымъ Турецкимъ домамъ. Если Вы еще не взяли Вашъ путь; когда же Вы уже отъѣхали изъ Константинополя, въ такомъ случаѣ, для удобнѣйшаго и скорѣйшаго тѣхъ отысканія, прошу Васъ прилѣжно увѣдомить нашего Министра, Александра Стахіевича, тамъ находящагося, къ которому о семъ писалъ я особливо, но онъ, по новости своего мѣста, не такъ скоро познаетъ оные. Впрочемъ, пребываю съ искреннимъ усердіемъ

послушнымъ слугою.

P. S. Прошу сказать и Христофору Ивановичу Г. Петерсону мою прилѣжную прозьбу о томъ же. Я къ нему не пишу, не знавъ точно о мѣстѣ его пребыванія, остается ли онъ еще тамъ, или уже можетъ быть также съ Вами въ дорогѣ.

1776 года,
11 Февраля.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Иванъ Андреевичъ!

Къ сожалѣнію моему, услышалъ я о Вашей болѣзни, но, однако жъ, не ожидаю, чтобъ, по крѣпости Вашего духа, могла она взять свою силу къ продолженію; я упросилъ Господина Доктора Паулсона, чтобъ поспѣшилъ помочь Вамъ, и надѣюсь, что пользованіе его восприметъ желаемое дѣйствіе къ скорѣйшему выздоровленію и къ возвращенію прежнихъ силъ Вашихъ. Съ моей стороны желаю Васъ видѣть въ самомъ найлучшемъ здоровья состояніи, пребывая съ истиннымъ моимъ усердіемъ и почтеніемъ.

1776 года,
12 Февраля.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивой Государь мой

Яковъ Васильевичъ!

Изъ пріятнѣйшаго письма Вашего вижу благосклонное и обыкновенное Вамъ для всѣхъ гостепріимство, и для меня оказанное. Я не хотѣлъ бы лучше какъ съ Вами и въ домѣ Вашемъ жить, зная всѣ въономъ для меня выгоды, ежели бы съ другой стороны не приносило неминуемаго со мною, по настоящей моей тамъ за дѣломъ бытности, Вамъ безпокойства, коего я ни въ какомъ случаѣ Вамъ сдѣлать не желаю; то по сей причинѣ, и по сносной уже стужѣ, хотѣлось бы стать въ тамошнемъ дворцѣ, гдѣ надобное только необходимо число покоевъ приказать поправить и починить крышу, посылая съ симъ Архитектора Квасова.

Есмь съ совершеннымъ усердіемъ
Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
20 Февраля.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Я имѣлъ сегодня удовольствіе видѣть братца Вашего, Ивана Васильевича, и не могу Вамъ довольно изъяснить, коль много онъ мнѣ при семъ случаѣ доказалъ своего доброхотства. Онъ отыскалъ, по силѣ указа, къ прежнему и настоящему владѣніямъ принадлежащія земли и угодія, на коихъ поселены слободы вновь; между Юрьевичами вошли по тому же праву Давыдовка, Веселовка и часть Поповки. Ваше дѣло будетъ тамъ, вопреки иногда толкованіямъ, убѣждать самою истиною, по силѣ указа и владѣніямъ прежнимъ, и потомъ остается только улучить Вамъ время, чтобъ сдѣлать на сіе все конфирмацію, или грамоту.

Съ усердіемъ моимъ всегда я буду непремѣнно

покорнымъ слугою.

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ.

Милостивѣйшій Государь!

Ваше Императорское Высочество награждаете ревностное мое желаніе усердные услуги Вамъ показывать, возложеніемъ на меня новыхъ коммисій. Я въ то же самое время, какъ имѣлъ щастіе получить Ваше Милостивѣйшее, отъ 19 Генваря, сдѣлалъ мои предписанія Малороссійскимъ Полковникамъ, приложить стараніе каждому отъ 10 до 15 и болѣе способныхъ и рослыхъ людей изъ Козаковъ, или другова званія свободныхъ людей, въ Полкъ Вашъ Кирасирской пріохотить. Тутъ взялъ я смѣлость приказать увѣрять ихъ, что они изъ особливой Вашего Императорскаго Высочества милости, не только нарочитую прибавку къ жалованью окладному, но по поведенію и заслугамъ, и другіе авантажи получатъ.

Въ благодарности неизреченной къ снисхожденію, Милостивѣйшій Государь, что соизволяете мнѣ желать здоровья въ семъ году лучше прежняго, доношу, что не перемѣна мѣста, ни кли-

мата не пользуютъ уже мнѣ ни мало, но что новый годъ, то новые припадки и ослабѣнія больше оказываются, и противъ которыхъ нѣтъ инаго врачеванія какъ терпѣнія, къ которому хотя трудно, но привыкать надобно. Доколѣ живъ, не престанетъ во мнѣ добрая воля посвящать остатокъ дней моихъ на услуги Вашему Императорскому Высочеству, повергая себя къ подножію Вашего Императорскаго Высочества въ глубочайшимъ благоговѣніи

Вашего Императорскаго Высочества

всенижайшій рабъ.

Г. Р. З.

Черешеньки.
20 Февраля,
1776 года.

Отправ. съ Вахмистромъ Орденскаго Кирасирскаго полка, Павломъ Семеновымъ.

1776 года,
20 Февраля.
Черешеньки.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Изъ числа шести проспектовъ Константинополя, во время моей болѣзни, когда экипажъ мой, можно сказать, былъ разбросанъ на многія части и безъ всякаго порядка, отыскалъ еще два, которые, посылая съ симъ, всепокорно прошу Ваше Сіятельство поднесть оныя Ея Императорскому Величеству.

Здоровье мое, противу прежняго, часъ отъ часу хуже, и я прихожу въ большое безсиліе и ослабленіе, мой вселюбезнѣйшій Другъ! Какъ оное всего дороже, то я тебѣ его желаю, по мѣрѣ, коль мое истинное усердіе къ тебѣ безконечно, съ коимъ буду во всѣ дни жизни сердцемъ и душою преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
25 Февраля.
Парафѣевка.

ТЮФЯКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Иванъ Петровичъ!

Знавъ Вашу ко мнѣ благосклонность, и по поводу, что мои, и толь частыя, прозьбы, имѣютъ для себя мѣсто у Вашего Сіятельства, я не полагаю предѣловъ моей надеждѣ къ Вашему снисхожденію, и въ томъ самомъ видѣ, я Васъ утруждаю и слѣдующею еще: теперь мнѣ нуженъ человѣкъ, знающій украшать натуру по правиламъ, не выходя изъ ея положенія лучшаго; но знавъ, что сіе не легко будетъ, я въ запасъ всепокорно прошу, когда Вы не будете видѣть возможности въ первомъ, доставить мнѣ хотя вѣрное и подробное наставленіе, какъ и какимъ образомъ устилать дерномъ партеры и дорожки убивать пескомъ и иломъ, или глиною.

Мнѣ помнится, что я на все то имѣлъ отъ Васъ полное наставленіе; но должно мнѣ признаться, что ничего изъ того не помню, по моему уже слабому понятію, и хуже еще, памяти. И такъ, въ ожиданіи по сему отъ Васъ присылки, я съ истиннымъ усердіемъ къ Вамъ навсегда пребуду

покорнымъ слугою.

---

25 Февраля.
Парафѣевка.

КАРЛУ ИВАНОВИЧУ БЛАНКУ.

Дознавъ Васъ толикократно въ благосклонномъ принятіи моихъ докукъ, я по поводу того имѣю для себя причину къ новымъ для Васъ заботамъ; а что Вы должите человѣка благодарнаго и

признательнаго, въ томъ никакое сомнѣніе не можетъ опровергнуть сей истины. Я въ полномъ надѣяніи ожидаю всегда отъ Васъ пособія для пользъ моихъ, и даю вѣру въ томъ испытанному мною Вашему усердію. Между тѣмъ прошу Васъ, мой лучшій Пріятель, доставить ко мнѣ обстоятельное описаніе, какъ чистить полы и наводить на оныхъ краски. Хотя мнѣ помнится, что Вы изъяснили мнѣ о томъ подробно, но, уступая времени, должно мнѣ признаться, что ничево изъ того не помню; котораго въ ожиданіи пребываю непремѣнно съ истинныхъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

---

25 Февраля.
Парафѣевка.

ВЕССИНУ.

Государь мой,

Иванъ Мартыновичъ!

По полученіи мною изъ Москвы птицъ, я вижу, что люди мои все идутъ по своему, не внимая ни мѣроположеніямъ, ни внушеніямъ моимъ относительно ихъ должности. Они, конечно, не давъ Вамъ знать, сдѣлали сіе отправленіе сами, ибо я тутъ не нахожу ни одной канарейки, ни объясненія, гдѣ оныя оставлены, для чего, и въ чьемъ надзираніи. И потому Васъ прошу меня увѣдомить, какъ и гдѣ теперь оныя находятся, и почему вмѣстѣ съ прочими сюда не доставлены? А между тѣмъ, за полученіемъ сего, потрудитесь отдать приложенныя при семъ письма по надпису, истребовавъ на сіи отвѣтныя, прислать ко мнѣ съ первою оказіею. Всегда я буду съ усердіемъ

доброжелательнымъ слугою.

P. S. Матисова спросить о стульяхъ и креслахъ, о чемъ уже имѣете Вы отъ меня предувѣдомленіе, и мнѣ дать знать.

1776 года,
Февраля 25-го.
Парафѣевка.

Государь мой,

Евдокимъ Степановичъ!

Его Императорскаго Высочества Кирасирскаго полку Ротмистръ Комарашевъ, имѣющій коммиссію вербовать изъ Малороссійскихъ людей до нѣсколька человѣкъ въ тотъ полкъ, можетъ имѣть для того надобность въ деньгахъ, то прошу Васъ, по требованію его, отпустить ему изъ моихъ собственныхъ съ роспискою сто рублевъ, и какъ о выдачѣ тѣхъ, такъ ежели и болѣе требовать будетъ, мнѣ дать знать. Я есьмъ, впрочемъ, съ истиннымъ усердіемъ.

P. S. Приложенное у сего письмо къ Маіора Бессину прошу Васъ отослать на первой почтѣ или оказіи, въ Москву.

1776 года,
Февраля 26.
Парафѣевка.

ШИРКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

Въ полномъ всегда ощущеніи цѣны Вашего меня одолженія, я напоминаю себѣ Вашъ трудъ въ пересылкѣ для меня фазановъ и прочаго. По моемъ отсель отсутствіи, я ласкаю себя непрерывнымъ продолженіемъ Вашей ко мнѣ благосклонности и дружбы. Препровождаемыя симъ письма, по содержанію ихъ, суть не приватныя мои, но для пользы Высочайшихъ интересовъ; слѣдственно, и отправленіе оныхъ по той причинѣ требуетъ сокращенія времени; и я, бывъ благонадеженъ въ вѣрномъ и скоромъ оныхъ доставленіи по надпису, пользуюсь всепріятнымъ случаемъ къ возобновленію истинныхъ увѣреній о непремѣнномъ моемъ усердіи, съ которымъ всегда буду

Вашего Превосходительства
покорнымъ слугою.

1776 года,
27 Февраля.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Не смѣя въ семъ разѣ по дѣламъ тутошнимъ ни чего Вамъ сообщить, я только симъ выполняю взаимство, чтобъ препроводить возвращающагось къ Вамъ Г. Почеку, какъ былъ ко мнѣ отъ Васъ онъ присланъ. Я все въ ожиданіи нетерпѣливомъ пріѣзда Александра Николаевича, съ которымъ не получилъ чего либо новѣйшаго, а между тѣмъ, желая искренно, да застанетъ Васъ сіе въ самолучшемъ благосостояніи, я имѣю пріятный случай къ изъясненію непремѣннаго моего усердія и почтенія, съ которыми пребываю

всепокорнымъ слугою.

1776 года,
27 Февраля.

ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Григорій Александровичъ!

Сими днями получилъ я письмо отъ Полковника, самаго Князя Кантемира, и его отца. Первый образомъ увѣдомительнымъ требуетъ, чтобы я позволилъ ему съ собою свиданіе, а послѣдній, въ видѣ соболѣзнующаго о нещастіи, приступаетъ ко мнѣ, и обоихъ ихъ есть намѣреніе, конечно, не другое, какъ чтобы согласить меня на совершенное освобожденіе отъ его заточенія. Что я имъ насказалъ, найдете Ваше Сіятельство въ копіяхъ, тутъ присоединенныхъ, такъ какъ и ихъ ко мнѣ отзывовъ. Я не могъ другова надъ то ничего придумать, ибо подлинно слухи, вѣроятія не недостойные, носятся между людей и нынѣ, что остается въ немъ еще корень прежняго припадка. Если жъ бы и того не было, то все мнѣ поступить на сіе не можно, поелику полкъ тотъ, а слѣдственно, и самъ онъ, вышли изъ моего распоряженія, и я по тому прошу разрѣшить прежнее повелѣніе и дать знать для впреду, что отвѣчать мнѣ, если еще иногда дойдутъ въ подобномъ требованія.

По другому письму старика, отца его, я предаю просьбу разсмотрѣнію Вашего Сіятельства о переводѣ Вахмистра Нижегородскаго Карабинернаго полку, Панаіота Якума, въ новсформирующійся Украинской Гусарской полкъ, и чтобъ за тѣмъ оставить его при немъ.

Всегда буду непреложно сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

---

27 Февраля.

КАНТЕМИРУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Константинъ Антіоховичъ!

Вмѣстѣ съ письмомъ Вашимъ, получилъ я другое отъ сына Вашего, и, судя по времени и обстоятельствамъ, я, къ сожалѣнію, долженъ былъ ему сказать отвѣтъ противъ его желанія. Вы оной увидите въ приложенномъ тутъ спискѣ, и найдете, конечно, причины къ моему оправданію. Не рѣдко дѣла идутъ противу ожиданія; хотя желаніе мое къ тому и есть соразмѣрно особливому моему къ Вамъ почтенію и преданности непреложной, но необходимость требуетъ уступить времени, которое располагаетъ нами. Между тѣмъ скажу Вамъ, старому моему Другу, въ откровенность, молву людей постороннихъ: нѣкоторые, и во многомъ числѣ, судятъ сына Вашего не совсѣмъ еще излѣчившагось отъ его припадка; и потому представте себѣ, сколь сильно приступитъ къ Вамъ воображеніе, влекущее съ собою въ слѣдъ горесть безконечную, если Вы, удаливъ его отъ очей своихъ, услышите о подобномъ гдѣ либо разговоры? Не лучше ли будетъ удержать его при себѣ еще нѣкоторое время, когда уже глазами прямыми можно будетъ въ немъ видѣть первобытное его состояніе? Вы отецъ сердобольный, пекущійся неусыпно о долѣ любезнаго Вамъ сына, а сего и довольно, чтобъ принять Вамъ мѣры, необходимо надобныя къ рас-

положенію на лучшее для него; что же до меня, то я, кажется, сообщилъ Вамъ уже все то, что внушаетъ мнѣ истинное къ Вамъ усердіе, съ которымъ пребуду я непремѣнно

Вашего Сіятельства

поко нѣйшимъ слугою.

---

27 Февраля.

КАНТЕМИРУ.

Государь мой,

Князь Дмитрій Константиновичъ!

Письмо Ваше, отъ 18-го сего мѣсяца, я съ особливымъ моимъ удовольствіемъ получилъ, и радуюсь лучшему здоровью Вашему. не меньше то ощущаю и въ семъ, что нахожу Васъ по оному среди Вашихъ домашнихъ, но не безъ сожалѣнія, однако жъ, долженъ Вамъ тутъ сказать, что весьма прискорбно мнѣ, что не могу назначить, ниже удѣлить пріятнаго мнѣ времени Васъ у себя видѣть въ сіе наипаче время, когда дѣла мои отзываютъ меня поминутно изъ мѣстъ сихъ.

Съ дороги, которая, по предположенному пути, весьма будетъ близка къ мѣстамъ, Вами обитаемымъ, я стараться буду замѣнить сію потерю, навѣстивъ Васъ въ деревнѣ Вашей; а между тѣмъ, принося симъ мою Вамъ благодарность за поздравленіе меня съ пріѣздомъ, оставляю я къ тому времени изъясненіе о признательности и почтеніи особливомъ, съ которыми никогда быть не престану

Вашего Сіятельства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 1-го.
Парафѣевка.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Всегда стараюсь я, коль можно только, удалять всякое ходатайство, которое влечетъ въ слѣдъ безпокойство и заботу людямъ, упражненнымъ многими дѣлами; но, бывъ убѣжденъ сильнѣйшею прозьбою Натальи Алексѣевны Пассековой, и моимъ собственнымъ къ ней признаніемъ, я препровождаю симъ къ Вамъ записку, отъ нея ко мнѣ доставленную. Сдѣлай, мой лучшій Пріятель, на мой щетъ, что либо для нея полезное, и вѣрь мнѣ, что я никогда не престану быть съ усердіемъ.

Марта 1-го.

ПАССЕКОВОЙ.

Милостивая Государыня моя,

Наталья Алексѣевна!

Съ сожалѣніемъ читалъ я письмо Ваше отъ 15 Февраля, и желая искренно Вамъ помочь, удовлетворяю требованію Вашему приложеніемъ тутъ письма къ Петру Васильевичу Г. Завадовскому. Я бы хотѣлъ слышать въ слѣдствіе того о перемѣнѣ дней Вашихъ на радостные, съ окончаніемъ всѣхъ, Вами претерпѣваемыхъ, безпокойствъ; ибо никто въ томъ, что къ Вамъ относится, столько участія не пріемлетъ, какъ пребывающій съ непремѣннымъ усердіемъ

Вашъ покорнѣйшій слуга.

Марта 2.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Города Полтавы Войтъ Чорнышъ, желая доставить дѣтей своихъ въ Кадетскій Корпусъ, а болѣе изъ той причины, чтобъ имѣть честь видѣть Ваше Сіятельство, какъ начальника своего, схотѣлъ отправиться въ С.-Петербургъ, и просить моего къ Вамъ ходатайства. Я, знавъ сего человѣка усерднымъ и годнымъ къ службѣ, со времени бывшаго моего управленія тамошнею стороною, препровождаю его симъ съ моею прозьбою о показаніи ему Вашего благосклоннаго и милостиваго пособія въ нуждахъ его.

Есьмъ непреложно сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
Марта 2.
Парафѣевка.

ТОЛСТОМУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Александръ Петровичъ!

Свидѣтельствую симъ Вашему Сіятельству признательнѣйшую благодарность мою за послѣднее письмо Ваше, и за присылку разныхъ сортовъ винъ, исправно ко мнѣ доставленныхъ, за кои надлежащія деньги не премину я доставить къ Вашему Сіятельству, переводомъ ли чрезъ Коммисаріатскую Коммисію, или инымъ удобнѣйшимъ случаемъ, по прибытіи моемъ въ Кіевъ. Къ сему присовокупляю еще всеприлѣжную мою прозьбу къ Вамъ, сдѣлать чувствительное мнѣ одолженіе, приказаніемъ сыскать въ Москвѣ, изъ приходящихъ туда на промыселъ изъ Ростова, человѣкъ пять искусныхъ огородниковъ, довольно свѣдущихъ въ произращеніи огородныхъ, до поварни принадлежащихъ, потребностей, и по отыскаціи таковыхъ, договорясь съ ними на лѣтнее время, препроводить ихъ въ Глуховъ, снабдя и сѣменами разныхъ огородныхъ, для кухни потребныхъ, произращеній. Пребываю навсегда съ искреннимъ почтеніемъ.

1776 года,
Марта 5.

БЕЗБОРОДЬКУ.

Государь мой,

Александръ Андреевичъ!

По поводу, на сихъ дняхъ, мною полученнаго письма отъ Гр. Ходкевича, я имѣю необходимость спросить Васъ, кому поручили Вы мое письмо, пашпортъ и мундиръ, для доставленія его сыну? Находящіесь при мнѣ не имѣютъ о семъ ни малаго свѣдѣнія; и я по тому прошу Васъ прилѣжно о вышеписанномъ меня увѣдомить, и если бы въ случаѣ и понынѣ Вы того не отправили, то оное все прислать ко мнѣ съ первою оказіею, въ Кіевъ, гдѣ возьму я свое пребываніе. Благодаря при томъ Вамъ за письмо, отъ 15-го прошедшаго Февраля, и за доставленіе при ономъ закладной и векселя, пребываю съ моимъ къ Вамъ усердіемъ.

P. S. Я имѣлъ особливое удовольствіе видѣть Вашего дражайшаго родителя въ самолучшемъ состояніи здоровья; онъ меня одолжилъ своимъ посѣщеніемъ въ Вишенькахъ.

1776 года,
7 Марта.

Милостивый Государь мой,

Дмитрій Артамоновичъ!

По сосѣдству Вашему съ Г. Полковникомъ, Князь Дмитріемъ Константиновичемъ Кантемиромъ, не можетъ быть не извѣстно Вашему Превосходительству его состояніе, въ коемъ онъ нынѣ находится. Кровные его, которые наиболѣе интересуются, пріемля въ жребіи его участіе, а особливо сетра его, Графиня Анна Родіоновна Чернышева, извѣщають меня о совершенномъ выздоровленіи отъ его припадка, которымъ страдалъ онъ; но я имѣю напротивъ постороннія, не недостойныя вѣроятія, что онъ еще больше прежняго чувствуетъ болѣзнь, ему приключившуюсь; и потому не могучи ничего объ немъ опредѣлить, не знавъ навѣрно о положеніи

его, буду ожидать я отъ Васъ увѣдомленія, въ какомъ образѣ состоянія Вы его находите, чтобъ мнѣ было можно учинить сходные отвѣты къ разрѣшенію судьбы его.

Есмь съ непремѣннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14.

Преосвященнѣйшій Господинъ Епископъ Переяславльскій и Бориспольскій,

Милостивый Архипастырь мой!

Принося симъ Вашему Преосвященству мою всепокорную благодарность за письмо Ваше, коимъ встрѣтили Вы меня почти уже въ границахъ Епархіи Вашей, я не стараюсь, Преосвященный Владыко, во изъявленіе найбольшей признательности къ Вашей благосклонности, испещрять сіе витійствомъ, расположенію моему совсѣмъ чуждымъ; ибо, питая въ себѣ безпредѣльную къ Вамъ преданность, сомнѣнія я не имѣю, чтобъ Вы могли когда либо обо мнѣ съ другой стороны помыслить, какъ не съ той, что я преисполненъ къ Вамъ истиннаго почтенія и непреложнаго усердія.

Въ ожиданіи для меня времени, когда могу я то засвидѣтельствовать Вамъ лично, препоручаю себя Архипастырскому Вашему благословенію, будучи, какъ и всегда,

Вашего Преосвященства

покорнымъ слугою.

1776 года,
14 Марта.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

Между вещами, съ экипажемъ моимъ сюда доставленными, нахожу я, къ немалому удивленію, проспекты Константинополю

въ ящикѣ и съ надписью, объ отправленіи которыхъ, по письму Капитана Казачинскаго, съ приказанія моего къ Вамъ писанному, Вы его извѣщаете; и потому ожидаю я отъ Васъ, въ самоскорѣйшемъ времени, увѣдомленія, не сомнѣваясь, чтобы не записали Вы оные для памяти, какія именно они, на бумагѣ, или на полотнѣ? какими красками, масляными ли, или другими, писаны, и какъ одного и другаго длина и ширина? Пребуду я, впрочемъ, съ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14-го.

ПОТАПОВУ.

Милостивый Государь мой,

Иванъ Алексѣевичъ!

Видя изъ письма Вашего, ко удивленію, несогласіе и раздоръ надъ завѣщаніе покойнаго Вашего тестя, Антона Степановича, отъ его сына послѣдовавшіе, я не могъ больше Вамъ пособить въ семъ, какъ только, что права сего края позволяютъ. На томъ самомъ основаніи далъ я теперь мои повелѣнія въ тѣ мѣста, гдѣ быть можетъ расправа, чтобъ, во удовольство обидимой стороны, учинено было, въ сходство оныхъ, надлежащее рѣшеніе. А потому хотѣлъ бы я слышать, чтобъ дѣла Ваши, когда не миролюбно, къ взаимнымъ пользамъ, то хоть, принявъ на себя другой видъ, въ окончаніи самоскорѣйшемъ, на пользу Вашу, послужили. Желая впрочемъ, всеискренно, да застанетъ Васъ сіе въ самолучшемъ здоровьи и благосостояніи, имѣю для себя особливое удовольствіе при семъ случаѣ ко изъявленію тутъ непремѣннаго моего къ Вамъ почтенія, съ которымъ пребываю

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14 дня.
Парафѣевка.

ЕВДОКИМУ СТЕПАНОВИЧУ ПРОСТОКВАШИНУ.

По обѣщанію Вашему, ожидаю я и понынѣ щетовъ о расходахъ, Вамъ извѣстныхъ, и оные не въ другомъ какомъ либо намѣреніи хочу я имѣть, но чтобъ, сочтя въ сіе время, когда я проживаю въ деревнѣ, можно мнѣ было въ расположеніи поставить что ни будь точное. Стужать, однако жъ, о семъ не надобно, чтобъ иногда не приняли сего въ другомъ разумѣ, и не подумали бы, что я не додаю вѣры, о чемъ и на мысль никогда мнѣ не всходило. Изъ моихъ денегъ, въ содержаніи Вашемъ имѣющихся, прошу Васъ прислать ко мнѣ съ первою оказіею, или и съ нарочнымъ, двѣ тысячи рублевъ, а письма, при семъ слѣдуемыя, отослать по надпису съ первою почтою. И если бы Графъ Яковъ Александровичъ находился еще и по сю пору въ Москвѣ, то въ сіе мѣсто адресовать, когда же отсель отъѣхалъ въ С. Петербургъ, то о немедленномъ туда доставленіи попросить Г. Пестеля, Московскаго Почтъ-Директора.

Никогда не престану я быть съ усердіемъ
покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14 дня.
Парафѣевка.

БРУСУ.

Милостивый Государь мой,
Яковъ Александровичъ!

Пользуясь всепріятнѣйшимъ отзывомъ Вашимъ, сопровождавшимъ прозьбу Калужскаго Купца, Чурикова, сдѣлалъ я все то, что можетъ служить къ законному удовлетворенію его претензіи.

Въ Москвѣ ли, или въ Санктпетербургѣ, нынѣ пребываніе Ваше, вездѣ желаю Вашему Сіятельству всевожделѣннаго и пріятнѣйшаго, а мнѣ наибольшимъ будетъ утѣшеніемъ и удовольствіемъ слышать, а паче отъ Васъ самаго получать увѣдомленія о здоровьѣ Вашемъ, пребывающему съ непремѣннымъ усердіемъ и высокопочитаніемъ.

1776 года,
21 Марта.

Милостивѣйшая Государыня Матушка!

Видѣвъ изъ милостивѣйшаго Вашего благополучное пребываніе Ваше, возсылаю я мои молитвы ко Всевышнему, да продолжится оное, при самолучшемъ благосостояніи и цѣлости здравія, до самопозднѣйшихъ временъ, къ обрадованію тѣхъ, изъ которыхъ благоволенія Вашего прося, повергается къ ногамъ Вашимъ

Вашъ вѣрный и покорнѣйшій сынъ.

---

21 Марта.

ЛЕОНТЬЕВОЙ.

Матушка Сестрица, Катерина Александровна!

Пріятнѣйшее письмо Ваше получилъ, и щитая по времени, полагаю быть уже Вамъ конечно на пути и въ дорогѣ, которую Вамъ совершить безъ малѣйшаго безпокойства я всеискреннѣйше желаю. Продолжайте, Матушка Сестрица, увѣдомлять меня о своемъ здоровьи, которое весьма для меня дорого, и подавать мнѣ случай во изъявленіе непреложнаго моего усердія и истинной преданности, съ которыми пребываю во всѣ я дни жизни искренно Васъ любящимъ и почитающимъ, вѣрнымъ братомъ и слугою.

1776 года,
Марта 21.
Парафѣевка.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Писалъ я, отъ 20 Февраля, что въ дни моей болѣзни въ Молдавіи, отправленной экипажъ мой былъ разбросанъ на многія части и безъ всякаго порядка. Но, вседражайшій мой Другъ, по дошедшимъ къ тебѣ проспектамъ, долженъ ты былъ заключить, что я понынѣ въ безпрерывной горячкѣ, но навѣрно полагаю, что ты не посрамилъ меня, и удержалъ ихъ у себя безъ поднесенія, узнавъ въ томъ, конечно, ошибку, которую я узналъ по росписи

вещамъ нѣкоторымъ, ко мнѣ доставленнымъ; и теперь посылая съ симъ нарочнаго, и препоруча уже своими руками, покорнѣйше прошу, мой вседражайшій Графъ, поднести ихъ, какъ въ предъидущемъ моемъ просилъ уже я Васъ, а сію ошибку причесть къ неудобности, свои дѣла чрезъ другихъ дѣлать. Хотя я сіе отправленіе препоручилъ, по мнѣнію моему, сдѣлать одному знатоку, но вмѣсто тѣхъ, посланы къ Вамъ, не знаю, какіе, а слышу, что печатные, не Рембургскіе: то, можетъ быть, каменнаго мосту, снятые у кого ни будь изъ людей моихъ, бывшіе на стѣнахъ. Мои силы весьма слабѣютъ, а что здоровья — я и вовсе уже не знаю. Время здѣсь такъ дурно, какъ среди зимы не было.

До послѣднихъ дней буду сердцемъ и душею преданнѣйшимъ слугою.

1776 года,
21 Марта.

ЖУКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Афанасій Семеновичъ!

Польской службы Поручикъ Журавинскій и Товарищъ Луканской, присланы ко мнѣ съ рекомендаціею отъ Г. Гетмана Графа Браницкаго, который, между прочимъ, просилъ меня о пособіи въ снабдѣніи ихъ огнестрѣльнымъ и другимъ оружіемъ, къ украшенію и на самое дѣло военному человѣку служащимъ. Я, по надеждѣ на благосклонность Вашу ко мнѣ, провождаю оныхъ симъ къ Вашему Превосходительству, прося удовлетворить желанію ихъ, въ одолженіе мнѣ собственное, и для заохочиванія и другимъ впредь покупку дѣлать изъ нашихъ фабрикъ, если не было у Васъ каковыхъ либо инструкцій или указъ въ противномъ, касательно иностранцевъ; а между тѣмъ пользуясь случаемъ, увѣряю Васъ въ почтеніи истинномъ и усердіи непремѣнномъ, съ которыми всегда пребываю.

Марта 21,
1776 года.

САЛТЫКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Николай Ивановичъ!

Присоединяю у сего къ Его Императорскому Высочеству мое письмо, которое содержитъ въ себѣ предувѣдомленіе о навербованныхъ въ полкъ его Кирасирской изъ Малороссіянъ, по коммисіи, милостивѣйше на меня въ томъ возложенной, и лаская себя Вашею для меня всепріятѣйшею дружбою, я прошу всепокорно Ваше Высокопревосходительство оное поднесть; а между тѣмъ пользуясь симъ случаемъ, употребляю я для себя оной на увѣреніе о преданности неограниченной и почтеніи истинномъ, съ коими никогда быть не престану.

1776 года,
Марта 21.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

При настоящемъ отправленіи куріера, не имѣю новаго сообщить Вамъ въ семъ разѣ, какъ что здѣсь весна коснулась зимы слегка, а сія послѣдняя свое беретъ на ней со всѣми почестями, и мы теперь уже третій день въ заметѣ снѣжномъ сидимъ; а по сей новости вообразите себѣ мою старость и изнеможеніе, и судите, каково мнѣ при жестокой бурѣ и метели въ деревнѣ и почти безвыходно въ избѣ, гдѣ мнилъ я толь многія утѣшенія найтить, да и нѣкоторыя новыя искать. Теперь не знаю, могу ли скоро быть въ Кіевѣ для дѣла, а въ Гомель и Топаль почти не думаю; и ежели все пойдетъ моему здоровію такъ вопреки, то и я принужденъ буду послѣдняго пособія цѣлительныхъ водъ коснуться.

Графъ Кирилла Григорьевичъ, 17, меня посѣтивъ, поѣхалъ въ Кошары, на свой конной заводъ, куда и я 18-го дня, какъ въ день его имянинъ, чрезъ силу, ѣздилъ. Тутъ я увидѣлъ, что всякой его хуторъ составляетъ мою волость, а волость все имѣніе. Не завидуя, но удивляясь, размышлялъ, сколько разнствуютъ способы, коими люди доходятъ до почестей и имѣній, и какъ не равно одинъ и другой оными пользуются. Онъ печется о своемъ, и веселится

о себѣ. Но какъ всякому свое опредѣлено, то тутъ и надобно быть, ежели не философомъ, то, какъ Панглосомъ, всѣмъ довольнымъ, абы быть хоть здоровымъ. Я послѣдняго Вамъ, какъ существа всякаго благополучія, усердно желая, буду всегда съ непремѣнною преданностію.

покорнымъ слугою.

НАСЛѢДНИКУ.

Милостивѣйшій Государь!

По возложенной Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ на меня коммисіи, хотя въ краю семъ простаго стану обыватели, по нѣкоторымъ предразсужденіямъ о регулярствѣ, и подали было съ начала причину сомнѣваться въ успѣхѣ, но титло полку и Высокаго онаго Шефа, въ который оныхъ пріохочивать я Полковникамъ препоручилъ, кромѣ всѣхъ другихъ, достаточно было къ возбужденію въ нихъ ревностнаго желанія; и я имѣю щастіе предварительно увѣдомить, что близъ ста человѣкъ росту и фигуръ довольно хорошихъ и лѣтъ ниже среднихъ пріискано, изъ коихъ нѣкоторые ищутъ сами представить себя на службу Вашему Императорскому Высочеству изъ Канцеляристовъ Малороссійской Коллегіи, которые на мѣста унтеръ-офицерскія имѣютъ и способность и достоинство. Я препоручилъ и Слободскому Губернатору постараться къ благоугодности Вашего Императорскаго Высочества, какъ тамъ люди извѣстно рослые, пріохотить. Остается только Вашему Императорскому Высочеству указать мнѣ, до какого числа оное вербованіе распространить, и всѣхъ ли вдругъ, или по частямъ, отправить?

Несказанное признаніе къ милости и благоволенію Вашего Императорскаго Высочества въ душѣ моей ощущая, повергаю себя къ ногамъ Вашимъ и во всѣ дни жизни со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ пребуду

Вашего Императорскаго Высочества
всенижайшій рабъ
Г. Р. З.

Парафѣевка.
21 Марта,
1776 года.

Отправлено съ переводчикомъ Квасовымъ.

Марта 23 дня.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Сего вручитель, Г. Подполковничъ Таубе, служа въ войну послѣднюю въ арміи моего предводительства, кромѣ усердій и ревности, кои его отличали отъ многихъ, въ дѣлѣ одномъ, гдѣ сдѣлалъ онъ сильной отпоръ непріятелю, на него стремившемусь, получилъ всеобщую похвалу и благопризнаніе. Онъ ищетъ теперь Всемилостивѣйшаго пожалованія въ Лифляндіи деревни на аренду; и я его провождая симъ къ Вашему Сіятельству, совмѣстно съ должностію моею нахожу присовокупить мое въ томъ свидѣтетьство и всепокорную прозьбу о благосклонномъ и милостивомъ пособіи къ сисканію справедливо ему принадлежащаго, пребывая, впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

покорныйшимъ слугою

1776 года,
Марта 26.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Дражайшее письмо твое, отъ 16-го, мой милостивый и вседражайшій Другъ, я съ особливымъ порадованіемъ получить честь имѣлъ, и благодаря найпризнательнѣйше за твое соболѣзнованіе о моихъ припадкахъ, вопреки желаю тебѣ всѣхъ и всякаго благоденствія, а здоровья, какъ существа онаго.

Сими днями посѣтилъ меня Г-нъ Староста Жмудской, Графъ Ходкевичъ, и при случаѣ сего отправленія просилъ препроводить къ Вамъ его письмо, у сего присоединенное. Между прочимъ онъ просилъ меня его медленность Вамъ изъяснить: онъ ни письма моего, ни пашпорта не получалъ, которые отдалъ на руки Г. Полковнику Александру Андреевичу Безбородку, для отправленія къ нему. Писалъ уже я о семъ къ нему, чтобъ увѣдомилъ, но еще не имѣю отповѣди, и, сомнѣвансь въ отысканіи всего того, прошу Ваше Сіятельство сдѣлать мнѣ милость и приказать на мѣсто, можно

сказать, потеряннаго, дать другой такой же пашпортъ, и прислать оный ко мнѣ, для отдачи его сыну.

По дѣламъ, тебѣ извѣстнымъ, мой вседражайшій Графъ, хотѣлось бы мнѣ имѣть въ сіе время поближе Матвѣя Васильевича Муромцова. Сохраню я непреложно во всѣ дни жизни всесовершеннѣйшее признаніе и благодарность, и пребуду сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
26 Марта.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Не имѣвъ ничего сообщить Вамъ новаго въ семъ разѣ, я довольствуюсь симъ случаемъ препроводить только къ Вамъ письмо Графа Ходкевича, который посѣтилъ меня сими днями и просилъ о томъ при настоящемъ отправленіи. А между тѣмъ, пожелавъ Вамъ подходящіе дни праздничества и многіе будущіе, препроводить въ помысльныхъ удовольствіяхъ и преуспѣяніяхъ, наконецъ удостовѣряю я Васъ въ истинномъ усердіи, съ коимъ никогда быть не престану

всепокорнымъ слугою.

P. S. Онъ ни пашпорта, ни кафтана для сына своего, которые я къ пересылкѣ отдалъ Александру Андреевичу, не получалъ. Послѣ письма, съ Алеск. Нико. я отъ Васъ не имѣю.

1776 года,
Марта 26.

Милостивая Государыня Матушка!

Днемъ великой для меня радости, тезоименитства Вашего, и подходящими праздника Воскресенья Христова, Спасителя нашего, я нижайшее Вамъ поздравленіе симъ приношу, желая въ оныхъ и премногихъ будущихъ самолучшаго благосостоянія, удовольствія и здоровья за предѣлъ самопозднѣйшій, къ обрадованію повергающагось къ ногамъ Вашимъ и испрашивающаго Вашего благословенія,

вѣрнаго и всепослушнаго сына.

---

26 Марта.

МЕЩЕРСКОМУ.

Государь мой и Вселюбезный братъ, Князь Петръ Васильевичъ!

Отпущенное Ваше, отъ 15-го сего мѣсяца, ко мнѣ не дошло; а послѣдніе, отъ 17, я получилъ, и узнавъ изъ онаго о кончинѣ батюшки Вашего, соболѣзную сердечно съ Вами о сей послѣдовавшей дому Вашему неоплаканной печали, желая, чтобы Всевышній, посѣтивъ Васъ симъ злоключеніемъ, подалъ Вамъ и силы къ великодушному сего перенесенію, и да наградитъ текущее время дому Вашему единодушіемъ и всѣми преуспѣніями. А касательно изъясненія въ письмѣ Вашемъ о деньгахъ, отъ Полковника Бабарыкина вошедшихъ, и отъ другихъ дебиторовъ дому Вашему, по закладнымъ принадлежащихъ, не сумнюсь я, что и безъ моего наставленія, собственное Ваше благоразуміе и усердіе къ кровнымъ, руководствомъ Вамъ будетъ къ принятію лучшихъ мѣръ на пользу Вашу общую. А я въ семъ пунктѣ донынѣ сохраняя благопристойность, не могу нарушить оной, и опасаюсь равномѣрно нареканія, и, чтобы не поступать иногда несогласно съ пользою Вашею общею, удерживаюсь дать мое разрѣшеніе, и не вѣдавъ ничего о завѣщаніи покойнаго. Впрочемъ, во всѣхъ зависящихъ отъ меня случаяхъ, я всегда не престану показывать Вамъ усердныя мои услуги.

Вселюбезнымъ сестрамъ и братьямъ, буде кто изъ нихъ есть въ Москвѣ, свидѣтельствую поклонъ мой, пребывая навсегда съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 27-го.

КНЯЗЮ МИХ. НИКИТИЧУ ВОЛКОНСКОМУ.

Пользуясь настоящимъ отправленіемъ куріера, я обращаю сей случай найпріятнѣйшій для меня преподать Вамъ, мой вселюбезнѣйшій и вседражайшій Братъ и Другъ, удостовѣренія мои о

непреложномъ и всесовершеннѣйшемъ усердіи, которое со временъ давныхъ я къ Вамъ питаю; а между тѣмъ усугубляя всеприлѣжныя мои прозьбы о напамятованіи прежнихъ относительно домашнихъ моихъ обстоятельствъ, заклиная Васъ мнѣ вѣрить, что я во всѣ дни жизни съ безпредѣльною преданностію буду.

1776 года,
Марта 28-го.

ТЮФЯКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Иванъ Петровичъ!

Коль скорое, столь и ясное, имѣю уже я отъ Васъ объясненіе, въ слѣдствіе предшедшаго моего, о дорогахъ въ садахъ во вкусѣ Англійскомъ описаніе, которое получилъ я при всепріятнѣйшемъ Вашемъ, отъ 18-го Марта. Благосклонное Ваше пріятіе есть изъ первыхъ побудительныхъ причинъ, что я иногда наношу Вамъ докуки, и тоже самое настоящей. Я, имѣя всю нужду къ окончанію своихъ начатыхъ домовъ въ двухъ человѣкахъ, одномъ, который бы могъ плафоны и стѣны малевать на вкусъ алфреско, и другой умѣлъ золотить, всеприлѣжно и всепокорно прошу Васъ, любезный мой Другъ, употребить свое посредство къ пріохочиванію сихъ художниковъ изъ подкомандныхъ Вашихъ, хотя на два, или на три, мѣсяца, и, договоря ихъ, сего вручителю, Г. Маіору Бессину, оставленному мною въ Москвѣ для нѣкоторыхъ коммисій, отдать, которымъ дальшее отправленіе я ему препоручилъ.

Бросьте, хотя на минуту, Вашъ взоръ, на мою Подмосковную, и укажите тамъ, что Вы сходственно съ натурою, по Вашему вкусу, опредѣлите, и сообщите о томъ всепризнаніе къ благодѣяніямъ Вашимъ имѣющему и пребывающему всегда въ совершенной преданности

покорнымъ слугою.

28-го Марта.

ИЗМАЙЛОВУ.

Милостивый Государь мой,

Михайла Михайловичъ!

Въ настоящемъ положеніи имѣя здѣсь нужду въ двухъ человѣкахъ, одномъ, который бы могъ плафоны и стѣны малевать на вкусъ алфреско, а другомъ, золотить умѣющемъ, къ благосклонности Вашей, какъ къ лучшей моей въ томъ подпорѣ, прибѣжище беру и всепокорно прошу, чтобъ изъ между Вашихъ собственныхъ, или въ вѣдѣніи состоящихъ, одного договоря на точную цѣну, отдать сего вручителю, Маіору Бессину, оставленному мною въ Москвѣ для нѣкоторыхъ коммисій, которыхъ дальшее отправленіе препоручилъ я ему. Пребуду въ ожиданіи всепріятнѣйшаго Вашего увѣдомленія съ тѣмъ почтеніемъ и усердіемъ, съ коими всегда непремѣнно есьмъ

Вашего Превосходительства

---

28 Марта,
Парафѣевка.

БЕССИНУ.

Государь мой,

Иванъ Мартыновичъ!

При семъ слѣдуютъ два мои письма къ Князю Ивану Петровичу и Михайлѣ Михайловичу. Они содержатъ въ себѣ прозьбу о двухъ человѣкахъ: одномъ, который бы могъ плафоны и стѣны малевать на вкусъ алфреско, а другой, чтобъ зналъ хорошо золотить. Вы, удержавъ послѣднее, съ первымъ съѣздите къ Князю, и когда будетъ ему возможно удовлетворить прозьбѣ моей, то другое оставить безъ отсылки, и прислать обратно ко мнѣ. Если жъ сему, по какой либо причинѣ, трудно будетъ оную выполнить, въ такомъ случаѣ доставить оное по надписи, и просить объ оныхъ; и за полученіемъ испрося отъ Князя Михайла Никитича Волконскаго подорожнюю до мѣста пребыванія моего, и истребовавъ отъ моей домовой конторы, изъ тамошнихъ доходовъ, потребное число на прогоны денегъ, препроводить ихъ ко мнѣ. Есьмъ съ усердіемъ

доброжелательнымъ слугою.

---

28 Марта.
Парафѣевка.

Государь мой,

Игнатій Ивановичъ!

Съ того самаго дня, какъ Вы отъ меня поѣхали, и понынѣ не имѣю я ни отколь свѣдѣнія, каковыми нашли Вы тамошнія мѣста, къ постановленію въ лучшей удобности судовъ полезныхъ и увеселительныхъ; и въ ожиданіи по сему Вашего увѣдомленія, хотѣлъ бы я, чтобъ оное было при персональномъ Вашемъ сюда прибытіи, гдѣ имѣю я въ Вашемъ присутствіи нужду, а потому, ожидая Васъ въ семъ мѣстѣ, сокращаю сіе истиннымъ увѣреніемъ, что я всегда съ усердіемъ

доброжелательной слуга.

P. S. Для проѣзду Вашего прилагаю при семъ подорожную, въ который надобное число лошадей, на оставленномъ мѣстѣ, вписать можете.

---

28 Марта.

АСТАФЬЕВУ.

Государь мой,

Александръ Николаевичъ!

Отправляя куріера въ Москву, хочу я дать ему коммисію искупить сукна и позумента для людей моихъ; но какъ тѣ купцы, отъ которыхъ получали Вы все то, никому здѣсь не извѣстны, то по тому прошу, коль скоро воможно, меня увѣдомить о именахъ ихъ, и гдѣ имѣютъ они тамъ свои домы; а между тѣмъ съ симъ же доставить и щетъ, колико аршинъ или локотъ употреблено на скороходское платье и шапки, и на парадную ливрею сукна и позументу, различа порознь каждую пару, и во сколько оная обошлась, и именовать мастера, кто шилъ. Я по сей причинѣ удержалъ и куріера, не посылая онаго дальше, и въ ожиданіи отъ Васъ увѣдомленія о вышесказанномъ, есьмъ, впрочемъ, какъ и всегда

P. S. За худою погодою и нелучшимъ здоровьемъ, не могу такъ скоро въ Кіевѣ быть.

1776 года,
28 Марта.
Парафѣевка.

БЛАНКУ.

Государь мой,

Карлъ Ивановичъ!

Благодарю всепризнательно за присылку ко мнѣ записки, какъ чистить полы, и плановъ дому моему въ Кайнарджѣ. Я, экономизируя между тѣмъ въ расположеніи онаго, сдѣлалъ ему планъ, при семъ прилагаемый, но не съ тѣмъ, однако жъ, чтобъ соблюсть во всемъ его точность: ибо тутъ могутъ сыскаться индѣ двери, или окошко въ такомъ мѣстѣ, котораго нарушить, безъ крайнего поврежденія стѣнъ, не можно, но чтобъ, примѣняясь настоящему его основанію, опредѣлить что либо противъ сего сходное, и на то дать свое мнѣніе.

Г. Замятину, моему секретарю, которому препоручилъ я списать всѣ мои земли и лѣса въ Кайнарджѣ и въ окрестностяхъ тамошнихъ, естьли будетъ въ томъ надобность, чтобъ препоручить смотрѣніе за домомъ и инымъ чѣмъ, можете сдѣлать на надобный случай наставленіе, чего ему всего больше надзирать надобно.

При письмѣ Вашемъ я имѣлъ особливое удовольствіе получить и другое отъ сына Вашего, которое читая, и вспомнивъ слова Ваши, что успѣваетъ онъ въ дѣлѣ своемъ, не довольно быть Вамъ помощникомъ, но и такимъ, который уже и безъ совѣта по оному приступить можетъ; не зная, что мнѣ заключить относительно Вашихъ, въ разсужденіи его, расположеній: хотите ли Вы его опредѣлить въ семъ искуствѣ, или другое для него избираете, и потому ожидая отъ Васъ увѣдомленія, чѣмъ могу я ему служить, пребываю между тѣмъ, какъ и всегда,

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 28-го.
Парафѣевка.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Александръ Александровичъ!

Всепріятнѣйшія Ваши, къ особливому моему удовольствію, я получилъ; но будучи не въ состояніи собою удовлетворить въ томъ же самомъ разѣ требованію Вашему, касательно переводу Подпоручика Ловцева, писалъ я о выключкѣ онаго изъ полку, къ Князю Михайлѣ Никитичу, и за согласіемъ его на то, не оставлю дать въ то время мое повелѣніе, въ слѣдствіе Вашего ожиданія.

Жалѣю безмѣрно, что въ честь Вамъ пожалованныхъ имѣній, не вошло ни увеселительнаго, ни полезнаго; тутъ образъ милости Высочайшей, съ какимъ оное намъ жалуется, награждать долженъ естественные тому недостатки. Отвѣчая сдѣланной мнѣ довѣренности чистосердечною искренностію, открою Вамъ мои мысли относительно желанія Вашего имѣть часть земель въ Губерніи Азовской, что гдѣ есть желаніе имѣть поселянъ, и чрезъ что существуетъ польза отечества, тамъ подобнаго качества владѣльцы, какъ Ваше Сіятельство, могутъ споспѣшествовать весьма желанію и пользѣ Государственной; а потому, кажется, нѣтъ и мѣста ни малѣйшему нареканію, или злословію, и Вы, конечно, съ стороны сей можете поступить безъ всякаго предразсужденія.

Всегда я есьмъ съ совершенною преданностію и почтеніемъ

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
29 Марта.

Государь мой,

Евдокимъ Степановичъ!

Въ слѣдствіе моего, отъ 25 прошедшаго Февраля, прошу Васъ при настоящемъ отправленіи Его Императорскаго Величества Кирасирскаго полку Ротмистра Камарашева къ полку съ набранными рекрутами, счесть на надобные въ пути расходы для заплаты про-

гонныхъ денегъ, въ случаѣ иногда иманія подводъ подъ больныхъ и другія для равнаго же употребленія, и отпустивъ ему въ потребномъ числѣ оные изъ моихъ собственныхъ, въ Вашемъ содержаніи имѣющихся, съ роспискою, а сколько выдано будетъ, мнѣ дать знать. Пребываю, впрочемъ, съ непреложнымъ усердіемъ.

1776 года,
Марта 29.

ЮРКЕВИЧУ.

Государь мой,

Петръ Мартыновичъ!

Отецъ Андрей Санборской, сего вручитель, особливо бывъ мнѣ усерднымъ, схотѣлъ принять на себя трудъ заѣхать въ Вишеньки, и осмотрѣть всю тамошную окрестность, дабы подать мнѣ потомъ свои идеи въ разсужденіи ситуаціи тамошней, къ положенію во вкусѣ чего ни будь точнаго. И я, пріемля не безъ признательности добрую его въ томъ волю, провождаю его симъ къ Вамъ, съ тѣмъ, чтобы Вы показали ему все то, въ чемъ больше нужно ему имѣть примѣчаніе по мѣсту тамошнему для выгодъ и увеселенія хозяину, и угостили такъ, какъ весьма пріятнаго мнѣ человѣка. Есьмъ Вамъ и всегда

доброжелателвнымъ слугою.

---

29 Марта.
Парафѣевка.

АЛЕКСѢЕВУ.

Государь мой,

Яковъ Никитичъ!

Въ числѣ другихъ Польскихъ плановъ, кои ко мнѣ сюда доставлены, не находя Повонскаго съ ситуаціею, и дому Повонскаго съ переправленнымъ Мукатова, и церкви, прожектированной Польскимъ Офицеромъ, я ожидать тутъ буду оныхъ присылки, а между тѣмъ и увѣдомленія, за какими матеріалами пріостановилась передѣлка потолковъ, колико оныхъ къ тому и на другія надоб-

ности недостаетъ, и что оныхъ въ наличности, и какихъ именно, прося приложить при томъ и свой проектъ на дворъ и садъ Кочуровской. Впрочемъ, я пребываю

Вамъ доброжелательнымъ.

1776 года,
31 Марта.

ЧЕРНЫШЕВОЙ.

Милостивѣйшая Государыня моя,
Графиня Анна Родіоновна!

Ваше Сіятельство благосклонно мнѣ препоруча стараться, по обстоятельствамъ, относительнымъ до дражайшаго Вашего братца, отдаете справедливость моему искреннему желанію Вамъ мои услуги оказывать.

Я навѣдаться не замедлилъ скоро по моемъ сюда прибытіи, и отъ него самаго удовольствіе особое имѣлъ получить письмо, гдѣ онъ, объявляя мнѣ свое выздоровленіе, обнадеживаетъ меня своимъ посѣщеніемъ; но какъ я на то время не могъ себѣ опредѣлить пребыванія, то ласкалъ себя, сближась съ его жилищемъ, тѣмъ удовольствіемъ пользоваться.

Скоро потомъ подошло, и Вамъ конечно извѣстное опредѣленіе его въ Рязанской полкъ, который состоитъ въ дивизіи Вашего вседражайшаго Графа супруга, о чемъ я тогда жъ ему далъ знать, и онъ, конечно, не укоснится, ежели уже не явился, предстать своему настоящему командиру, а тутъ, ко взаимному Вашему удовольствію, и съ Вами видѣться.

Поспѣшая о семъ Васъ увѣдомить, прошу быть увѣренными о совершеннѣйшемъ почтеніи, съ которымъ непреложно пребываю.

1776 года,
31 Марта.

КАНТЕМИРУ.

Милостивой Государь мой,
Князь Константинъ Антіоховичъ!

Сими днями получилъ я изъ Коллегіи Указъ о опредѣленіи сына Вашего въ Рязанской Карабинерной полкъ, и радуясь тому

всеискренно, чтобъ поспѣшить прервать Вашу грусть въ разсужденіи разрѣшенія его судьбы, далъ я въ то же самое время мое повелѣніе въ полкъ для препорученія ему онаго, но на случай иногда сего потери, пріобщаю тутъ дупликатъ, котораго содержаніе увидите Вы изъ присоединяемой здѣсь копіи. А между тѣмъ обращаю сей случай, для себя собственно найпріятнѣйшій, что могу служить давно Вами ожиданною вѣстью, пріемля съ своей стороны въ сорадованіи Вашемъ истинное участіе, которое во всемъ, касающемся Васъ, я всегда сохраняю съ тѣмъ непреложнымъ усердіемъ и почтеніемъ, съ которыми никогда не престану быть

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
31 Марта

КАНТЕМИРУ.

Государь мой,

Князь Дмитрій Константиновичъ!

Имѣя удовольство сообщить Вамъ, что Вы, настоящимъ опредѣленіемъ въ Рязанской Карабинерный полкъ, входите въ Дивизію Его Сіятельства, Графа Захара Григоріевича, радуюсь я сему искренно, что Вы имѣете и случай къ близкому пребыванію съ кровными своими, особливаго усердія къ Вамъ преисполненными, изъ которыхъ сестрица Ваша, Графиня Анна Родіоновна, найпаче пріемлетъ въ Васъ участіе. Въ заключеніе, желая Вамъ помысльнаго здравія и благосостоянія, сокращаю сіе мое истиннымъ увѣреніемъ, что я всегда съ непремѣннымъ почтеніемъ и усердіемъ

Вашего Сіятельства

покорный слуга.

1776 года,
Апрѣля 1-го.

РАЗУМОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Кириллъ Григорьевичъ!

Благодарю всепокорно Вашему Сіятельству за присылку, при благосклонномъ письмѣ, садовника. Онъ объѣхалъ положеніе сихъ мѣстъ, и по своему искуству находитъ удобными къ обращенію на вкусъ Англійской; найдется ли, однако, во мнѣ Англичанинъ относительно издержекъ, въ томъ мы еще не снеслись и не сошлись; а думаю, что надобно будетъ, сообразно одному и другому, поступить и смѣшать Русское съ Англійскимъ. Но главный пунктъ, зависимой точно отъ Вашего Сіятельства, Вамъ и разрѣшить надобно: можетъ ли онъ иногда отлучаться для надзиранія за производствомъ своего плана, и на то мнѣ дать свое соизволеніе.

Я не сомнѣваюсь, чтобъ адресованныя на имя Ваше письма не представлялись Вашему Сіятельству отъ Батуринскаго Правленія, въ слѣдствіе повелѣній моихъ, данныхъ Почтовымъ Правленіямъ.

Надходящими днями праздника Воскресенья Спасителя нашего, усердно поздравляю Ваше Сіятельство, и желая всеискренно Вамъ со всѣми дражайшими домашними, которымъ мое почтеніе свидѣтельствую, навсегда и вездѣ всѣхъ удовольствій и самолучшаго здоровья, какъ существа всякаго добра, пребуду съ совершеннѣйшею преданностію и искреннимъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

всепокорнымъ слугою.

Апрѣля 1-го.

КОНДРАТЬЕВУ.

Государь мой,

Андрей Андреевичъ!

Благодарю признательно за удѣлъ изъ Вашей охоты четырехъ лебедей; и льстя себя сею Вашею благосклонностію, я смѣю просить Васъ, если тѣмъ не оскудѣетъ оная, прислать ко мнѣ та-

ковыхъ же и въ Кочуровку, не въ дальнемъ отстояніи отъ Глухова положеніе имѣющую, сколько за благо Вы разсудите. Поставляя всякое меня одолженіе въ прямую цѣну, пребуду къ Вамъ съ искреннимъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

Апрѣля 1-го

ИВАНЕНКУ.

Государь мой,

Григорій Григорьевичъ!

Благодарю признательно за Ваше меня поздравленіе съ надходящимъ праздникомъ и за всѣ деликатности, коими Вы меня обослали въ деревнѣ. Первое обращая къ Вамъ съ искреннимъ желаніемъ въ дняхъ онаго всякаго Вамъ удовольствія по мысли, оставляю я въ послѣднемъ ко времени, когда буду имѣть случай быть въ деревнѣ и въ домѣ Вашемъ, засвидѣтельствовать персонально, колико чувствителемъ я ко всякому меня одолженію, къ которому не угаснетъ никогда то усердіе, съ коимъ пребываю

покорнѣйшій слуга.

P. S. Любезной Вашей супругѣ, при засвидѣтельствованіи моего почтенія, усердное поздравленіе приношу.

1776 года,
10 Апрѣля.
Парафѣевка

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Я много безпокоюсь, не имѣвъ отъ Васъ ни строки. Послѣдній пріѣзжій Князь Прозоровскій сказалъ мнѣ, что Вы немного занемогли при отъѣздѣ его, и затѣмъ писать отложили. Я сердечно желаю, чтобы лучше Вамъ времени недостало, нежели здоровья; я теперь отъ дня въ день больше познаю его цѣну надъ всѣмъ.

Гаданіе мое сбылось: Губернія и Генералъ-Губернаторъ не признаютъ отдачу сообразно съ Указомъ, и я осмѣлился адресоваться прямо къ Государынѣ и письмо къ Вамъ влагаю. Сдѣлайте

Вы въ подачѣ его, какъ найлучше разсудите: собой *ли*, или чрезъ Графа Григорія Александровича, къ коему *я* тутъ же письмо включаю, и ежели Вы послѣднее изберете приличнѣйшимъ, то отдайте сыну, чтобы онъ ему подалъ.

Съ вчерашняго дни началась только весна, ежели она надъ зимой превозможетъ, потерпѣвши отъ нея чувствительно для насъ всѣхъ. Здоровье мое требуетъ великой починки, но не знаю, откуда зачать, съ ногъ ли, или головы, и чему дать отдохновеніе и пособіе? При всей слѣпотѣ дѣлать, и при всей въ ногахъ слабости ходить хочется. Соковъ употребленіе мнѣ не дается, пора ихъ не сходствуетъ съ погодою; а въ семъ обстоятельствѣ говоритъ и Брозинъ, что не принесутъ оные пользы; и такъ проживать послѣднія дни, какъ ни будь, или, лучше сказать, какъ Богъ велитъ.

Скажите про себя хотя словцо, искренно Вамъ доброхотствующему и покорному слугѣ.

---

10 Апрѣля.
Парафѣевка.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Съ одной стороны безпокоя тебя, вселюбезнѣйшій мой Другъ, толикократно, опасаюсь, чтобъ не наскучить, съ другой, знавъ тебя толико же благодѣтельствующимъ мнѣ, надѣюсь, что моя прозьба найдетъ благопріятіе, провождаю симъ мое всеподданнѣйшее къ Ея Императорскому Величеству. Оно содержитъ въ себѣ прозьбу о утвержденіи владѣнія моего въ Бѣлороссіи по отдаточной описи, чего Губернія и Генералъ-Губернаторъ не признаютъ сообразно съ Указомъ, держася точно числа и названія деревень. Ты, мой вседражайшій Графъ, бывъ въ томъ же краю владѣльцемъ, познавъ уже, я чаю, что по обращенію сей части Польши на новое основаніе, не составляется тамъ доходъ ни мало сообразный съ титломъ прежнихъ Старостствъ. И потому суди, ежели съ земель сихъ новыхъ поселянъ свесть, или съ землями отдѣлить указано будетъ, коль великому разстроенію подвержется мое владѣніе, и коликія затрудненія изъ того послѣдуютъ моему хозяйству! Поднеси оное Государынѣ, и пособи мнѣ къ найчувствительнѣйшей и признательнѣйшей благодарности, съ которою всегда я пребываю сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и вспокорньмъ слугою.

---

10 Апрѣля.

РУМЯНЦОВУ.

Графъ Михайла Петровичъ!

Петръ Васильевичъ отдастъ Вамъ сіе, и можетъ быть, и еще два, одно къ Государынѣ, а другое къ Графу Григорію Александрувичу. Они, по содержанію, касаются моихъ владѣній; и Вы, коли изберетъ онъ приличнѣе отдать Вамъ для врученія Графу Григорію Александровичу, скажите, что я оныя Вамъ адресовалъ, а попросите его именемъ моимъ о свершеніи полезномъ и скорѣйшемъ, во избѣжаніе слѣдствій разорительныхъ, кои терпѣть буду я долженъ, если сіе не приметъ желаемаго и скораго окончанія. Благодарю при томъ за увѣдомленія, къ особливому моему удовольствію, о Вашемъ благополучномъ пребываніи, буду, какъ и всегда, къ Вамъ съ искреннею любовію

Вашъ доброжелательный отецъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ пожалованныхъ мнѣ всемилостивѣйше отъ Вашего Императорскаго Величества въ Бѣлороссіи мѣстечкѣ Гомлѣ и поименованныхъ деревняхъ съ прежними и настоящими ихъ принадлежностьми, отданы мнѣ отдатчиками и поселившіяся на грунтахъ оныхъ слободы; но Губернская Канцелярія, не входя въ сіи, ясно гласящія повелѣнія, держится точно числа и названія деревень, и не признаетъ сію отдачу сходною съ Высочайшимъ Указомъ Вашего Императорскаго Величества, о томъ даннымъ, а по тому и не утверждаетъ.

Я не правомъ стариннаго владѣнія, ни отдачею утверждать сіе хощу, но отъ милости Вашего Императорскаго Величества ищу Всемилостивѣйшаго подтвержденія.

Вамъ извѣстно, Всемилостивѣйшая Государыня, что по обращенію сей части Польши на новое основаніе, не составляется тамъ доходъ немало сообразный съ титломъ прежнихъ Староствъ; а я, особливо ежели съ земель сихъ новыхъ поселянъ свесть, или съ

земель отдѣлить указано будетъ, и весьма бѣдненькимъ Старостою останусь.

Повергаю себя къ освященнымъ ногамъ Вашего Императорскаго Величества, въ глубочайшемъ благоговѣнiи

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшiй рабъ

Г. Р. З.

Парафѣевка.
10 Апрѣля,
1776 года.

Отправлено съ Вахмистромъ Сумскаго Гусарскаго полка Николаемъ Лукинымъ.

1776 года,
10 Апрѣля.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Съ симъ вмѣстѣ получите Вы и мой Ордеръ, гдѣ увидите настоящее Ваше опредѣленiе въ штатъ мой, и какъ за тѣмъ оставляетесь Вы на теперешнее время въ моей деревнѣ Кайнарджи, то и хотѣлъ бы я, чтобъ первоначально приступили Вы къ дѣлу, по предположенiю нашему, касательно описанiя земель и лѣсовъ, о чемъ примѣтилъ я въ моей запискѣ, данной Вамъ въ Москвѣ, въ 31-й день Генваря. А между тѣмъ изъ лучшей удобности поручаю я въ Ваше смотрѣнiе тамошнiй мой домъ и все прочее, на что укажетъ Вамъ Карлъ Ивановичъ Г. Бланкъ, и полагаясь на Ваше искуство и бдѣнiе, изъ лучшей моей къ Вамъ надежды, я всегда пребуду съ усердiемъ

Вамъ доброжелательнымъ слугою.

---

10 Апрѣля.

ВАКСЕЛЮ.

Государь мой,

Василiй Савельичъ!

Я стыжусь предъ Вами, что мы кредитору и по нынѣ не уплатили: тому причина главная, что нѣтъ людей, кои искали бы сдѣлать переводъ нѣкоторой суммы въ Москву. А въ слѣдъ за

симъ я поспѣшу уже доставить то къ Вамъ въ натурѣ, чего инако сдѣлать мнѣ было невозможно.

Г. Замятинъ, настоящимъ опредѣленіемъ, вошелъ въ штатъ мой Секретаремъ, и я теперь пишу къ нему, дабы онъ по предположенію нашему въ описаніи земель Кайнарджинскихъ съ принадлежностьми, поступилъ по запискѣ моей, которая ему дана въ Москвѣ. Васъ же прошу не оставить показать ему первоначальныя правила, кои наблюдать онъ долженъ въ своемъ дѣлѣ, и мнѣ вѣрить, что я всегда съ непремѣннымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1776 года,
Апрѣля 10.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Изъ послѣнихъ Князя Николая Васильевича переговоровъ съ Драгоманомъ Порты, податливости Турецкія, и по мнѣнію ихъ и нашимъ интересамъ непротивныхъ предложеній, кажется, что Турки, вмѣшавъ уже одинъ разъ титло догмата вѣры, думаютъ онымъ владѣть Крымомъ и Татарскими народами по прежнему, а можетъ быть и находятся въ трудности, коимъ бы добрымъ манеромъ изъ сего сдѣланнаго проекта выдраться.

Ваше Сіятельство связь всѣхъ дѣлъ политическихъ держа, проникнете скоро въ точную ихъ въ семъ дѣлѣ цѣль, и при всѣхъ миролюбивыхъ мѣрахъ, къ приведенію сего дѣла въ надобное ему положеніе, возметесь, конечно, за мѣры, кои превозмогутъ всю Турцію и ими составленную изъ многихъ специй коварность.

Изъ настоящаго донесенія моего ко Двору, Ваше Сіятельство, между прочимъ, примѣтите, что Турецкой, Греческой, Молдавской и Армянской языки, для посланныхъ нашихъ въ тотъ край весьма необходимо нужны, но жалѣть надобно, что всѣ, ихъ знающіе, не совершенно разумѣютъ насъ, и вывозятъ изъ той страны всегда на свой вкусъ сплетенныя басни, мѣшая дѣло съ бездѣліемъ; надобно, однако же, доискиваться, чтобы ихъ различить.

Съ неограниченною преданностію и всесовершеннымъ почтеніемъ никогда быть я не престану.

P. S. Въ выполненіи Вашей коммиссіи о коровахъ кажуся я медлителенъ; но сіе самое медленіе замѣнило лучшее. На ярмаркахъ въ прошломъ мѣсяцѣ, когда здѣсь въ лучшемъ самомъ видѣ показалась намъ весна, преизбыточно сего скота для продажи пригнато было; но часть великая онаго погибла отъ неожидаемой и здѣсь неслыханной метели и жестокой стужи. Впрочемъ, будьте, мой вседражайшій и милостивый Другъ, увѣрены, что я не упущу ни времени, ни случая, гдѣ только могу оказать Вамъ на услуги мою готовность.

1776 года,
Апрѣля 14.

Милостивый Государь мой,

Михайла Васильевичъ!

Сего вручитель, Өедоръ Дорофѣевъ, изъ села Кузьминичъ, мой мужикъ, имѣетъ дѣло свое съ Пилипономъ, Михайломъ Матвѣевымъ Крашенинниковымъ, о должныхъ симъ послѣднимъ ему деньгахъ по подрядамъ, бывшимъ между ними, чему проходитъ не малое время. Онъ доискивался уже своей претензіи у Өедора Матвѣевича Воейкова, куда я его было препроводилъ, но не могучи конечнаго ничего получить, опять ко мнѣ пришелъ. Бѣдное его состояніе, въ которомъ онъ, бывъ разоренъ, лишается увидѣть справедливость своего исканія, привело меня къ сожалѣнію, и я по тому принужденнымъ нашелся утруждать Вашего Превосходительства сіею моею всеприлѣжною, о показаніи ему милостиваго Вашего вспоможенія; между же тѣмъ я долженствуюсь тутъ подтвердить Вамъ и о томъ искреннемъ и непремѣнномъ почтеніи, съ коимъ всегда пребываю.

1776 года,
15 Апрѣля.

МЕЩЕРСКИМЪ.

Любезнѣйшіе и дражайшія братья и сестры мои!

Съ чувствительнымъ признаніемъ пріемлю я письма ласкательной Вашъ отзывъ, и благодарю за довѣренность, которою Вы меня почтили.

Вы награждаете оными мое усердіе, и отдаете справедливость доброхотству, коими я къ Вамъ всегда былъ преисполненъ.

Воля покойнаго Вашего родителя, и мнѣ особаго благодѣтеля, была, возложить на меня точное опредѣленіе своему недвижимому и движимому имѣнію. Отвѣтъ мой къ нему, у Васъ теперь въ рукахъ находящійся, докажетъ Вамъ, что я не въ стяжаніе Вашего имѣнія, но, благоугождая ему и Вамъ, на сіе поступилъ.

Слѣдуя сей его, въ Бозѣ усопшаго Вашего родителя, волѣ и Вашему расположенію, предлагаю Вамъ мои мысли, касательно раздѣла оставленнаго Вамъ имѣнія:

1. Князю Прокофью и Княжнѣ Марьѣ, при жизни еще покойнаго купленными на ихъ имя четырьмя тысячами душъ крестьянъ и удѣленными по равной части, изъ которыхъ первой имѣетъ ежегоднаго доходу шесть тысячь рублевъ, а послѣдняя пять тысячь, оставаться должно довольными, а сверхъ сего за Княжною Маріею утвердить семь тысячь рублевъ, кои на ея имя ходятъ въ процентѣ.

2. Князю Алексѣю, купленные пять сотъ душъ, да пять тысячь рублевъ, на его имя ходящіе въ процентѣ деньги, съ которыхъ доходу двѣ тысячи восемь сотъ рублевъ.

3. За тѣмъ, какъ Князь Петръ и Князь Сергѣй, ни душъ, ни денегъ не имѣютъ, а общаго имѣнія осталось, село Лотошено, въ которомъ тысяча пять сотъ душъ, то уравнить раздѣлъ такимъ образомъ: какъ Князь Алексѣй имѣетъ пять сотъ душъ, Князьямъ Петру и Сергѣю выдѣлить изъ Лотошина по пяти сотъ душъ, за тѣмъ остальные въ Лотошинѣ пять сотъ душъ, изъ которыхъ Князю Алексѣю на третью часть слѣдуетъ сто шестьдесятъ шесть душъ,

за оные имъ отдать ему по сто рублевъ за душу деньгами, и того 16,000 рублевъ.

4. Деньги наличныя и за хлѣбъ поступающія между Князьями Алексѣемъ, Петромъ и Сергѣемъ, раздѣлить, выключая Князя Алексѣя пяти тысячь рублей, чтобы, обратя оныя на покупку деревень, уравнить части недвижимаго имѣнія.

5. Касательно церкви, то состроить оную подъ тѣмъ нареченіемъ и съ тѣмъ великолѣпіемъ и утварьми, какъ преставившійся родитель Вашъ точно завѣщалъ, употребя изъ наличныхъ на то денегъ.

6. Князьямъ, Алексѣю, Петру и Сергѣю отъ своего удѣлу дать Княгинѣ Татьянѣ Черкасской и Елисаветѣ Андреевнѣ Ильиной, по три тысячи рублей, въ чемъ было соизволеніе родителя Вашего.

7. Всѣмъ дворовымъ людямъ дать свободу и снабдить отпускными.

Я, впрочемъ, весьма удостовѣренъ, что Вы, найдя сіе мое предложеніе, размѣрно для всѣхъ Васъ сдѣланное, послѣдуете сей волѣ покойнаго отца своего и моему совѣту безпрекословно, и утвердите союзъ любви между Вами къ пріобрѣтенію доброй славы въ публикѣ. Что до меня, то я навсегда съ искреннимъ къ Вамъ усердіемъ и доброжелательствомъ пребуду

Вашимъ искреннимъ братомъ и всепослушнымъ слугою.

1776 года,
Апрѣля 15.
Парафѣевка.

Государь мой,

Князь Алексѣй Васильевичъ!

Чтобъ поставить дѣла Ваши на точномъ пунктѣ, мнѣ къ сему первоначально знать нужно, коликимъ числомъ денегъ состоитъ по векселямъ, или гдѣ индѣ употреблено и отдано, по чьему по-

велѣнію и съ какими сроками, или безсрочно, и наличнымъ? О чемъ пришлите ко мнѣ вѣдомость, а между тѣмъ какъ не безъ надобности Вамъ въ деньгахъ, то вступившія, по общему совѣту, раздѣлить можете между себя по образу плана, на сіе Вамъ даннаго, какъ въ 4 пунктѣ показано.

Есьмъ съ усердіемъ.

1776 года,
18 Апрѣля.
Парафѣевка.

ВОЕЙКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Я бы желалъ въ чемъ либо важнѣйшемъ мою готовость и искреннее желаніе къ супругѣ Вашего Высокопревосходительства оказать; но не имѣвъ лучшаго средства, должны мы за первыя тотчасъ браться, а потому, въ слѣдствіе письма Вашего отъ 15 настоящаго мѣсяца, предложилъ я Якову Васильевичу о удовлетвореніи требованія Вашего, касательно команды для Вашего препровожденія.

Жалѣю я безмѣрно, что не ускорилъ быть въ Кіевѣ до отъѣзда Вашего. Припадки болѣзненные и нѣкоторыя дѣла, меня здѣсь заставшія, удержали, и я препровождаю сіе чистосердечнѣйшимъ желаніемъ, чтобъ Ваше Высокопревосходительство съ любезною супругою, моею Милостивою Государынею, которой я мое почтеніе свидѣтельствую, путь Вашъ соверша благополучно, нашли все спокойствіе и удовольствіе, кои мы въ деревенскихъ забавахъ и упражненіяхъ, по мнѣнію многихъ, только существительныя и находить можемъ, и оными бы при цѣлости здоровія пользовались до послѣднихъ степеней вѣка.

Я, лаская себя пріятнымъ случаемъ Вашему Высокопревосходительству служить, можетъ быть, и въ томъ краю, увѣряю, что никто больше быть не можетъ Вамъ преданнымъ, какъ имѣющій честь ниже сего назваться

Вашего Высокопревосходительства

всепокорнымъ слугою.

1776 года,
18 Апрѣля.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Во удовлетвореніе Ѳедора Матвѣевича, прошу я Ваше Превосходительство, для его препровожденія, дать ему изъ Кіевской Рейтарской команды нѣсколько человѣкъ, которыхъ беретъ онъ до Кременчуга и обратно оттоль въ Кіевъ отправленіе на свой коштъ, пребывая съ истиннымъ усердіемъ.

18-го Апрѣля,
1776 года.

Государь мой,

Петръ Петровичъ!

Я радуюсь благополучному прибытію Вашему въ Кіевъ, и весьма похваляю тѣ предвзятыя мѣры, кои Вы съ извѣстнымъ человѣкомъ положили для корреспонденціи.

Что же лежитъ до моего туда пріѣзда, то о томъ прямаго ничего сказать не могу, удерживаемъ будучи въ семъ мѣстѣ неоконченными еще дѣлами и разными болѣзненными припадками, которые противустоятъ моимъ расположеніямъ.

Никогда не престану я быть съ усердіемъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

1776 года,
25 Апрѣля

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Неожидаемое случается часто, а предчувствованіе сказываетъ также не рѣдко. Я неумѣю пересказать, что со мною дѣлалось и въ снахъ видѣлось во все это время; но меньше всего, хотя бы и желалось, я считать могъ на предстоящій мнѣ случай скораго

позыву, будучи вовсе въ разслабленіи, и такъ сказать, стеня подъ самымъ легкимъ бременемъ дѣлъ, кои я здѣсь съ нуждою отправлялъ; но повинности и послушанію слѣдуя, я имѣть скоро буду удовольствіе Васъ видѣть, слѣдственно, изустно сказать о моемъ къ Вамъ усердіи, съ коими я непреложно пребываю.

P. S. Я не успѣлъ отблагодарить Принцу Генриху, думая лично сіе исполнить

Всемилостивѣйшая Государыня!

Я не успѣлъ возблагодарить Вашему Императорскому Величеству за Всемилостивѣйшее, отъ 10 настоящаго, за болѣзненнымъ припадкомъ, мнѣ приключившимся, какъ получаю другое въ самомилостивѣйшихъ выраженіяхъ, и, не взирая на мою болѣзнь, коей ради я заѣхалъ, по пути къ Кіеву, въ сію деревнишку, и тутъ по сей день проживалъ, поспѣшу, какъ найскорѣе, имѣть щастіе пасть къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества.

25 Апрѣля,
1776 года.

Отправлено съ Кабинетнымъ Курьеромъ Усовымъ.

1776 года,
25 Апрѣля.

Государь мой,

Григорій Григорьевичъ!

Благодарю Вамъ за письмо Ваше, коимъ препроводили Вы описаніе мельницѣ Добренизскаго, и какъ я не знаю, отъ него ли мнѣ достать оную, или отъ Вишневскихъ, и за какую цѣну, прошу потомъ сказать мнѣ на сіе Ваше мнѣніе. Вмѣстѣ съ симъ получа попоны подъ моимъ гербомъ, благодарю опять съ полною признательностію Вамъ и дражайшей супругѣ Вашей за оныя, употребленіе которыхъ послужитъ мнѣ во времени всегдашнемъ за знакъ особливой Вашей благосклонности. Что же до лошадей, то я оныхъ столько имѣю, что не знаю, гдѣ ихъ обратить, и ради

сего не подумайте Вы съ дурной стороны изъ причинъ отправленія ихъ къ Вамъ обратно, а пребывайте въ томъ удостовѣреніи, что я, возымѣвши къ Вамъ истинное почтеніе, пребуду всегда непреложно съ усердіемъ и доброжелательствомъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

1776 года,
27 Апрѣля.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

Благодарности чувствительной бывъ къ Вамъ преисполненъ за благосклонныя и дружескія Вами меня одолженія и увѣдомленія, я ласкалъ себѣ пріятною надеждою скоро видѣться съ Вами и лично засвидѣтельствовать въ томъ признательность мою найбольшую, но въ сіе самое время, когда я такъ располагалъ, получилъ отъ Двора Всевысочайшее повелѣніе, чтобъ поспѣшить, елико можно, моимъ туда прибытіемъ. Чему повинуясь, я отдаляюсь опять отъ мѣстъ сихъ, а слѣдственно, и отъ возможности видѣться съ Вами; но никогда не буду далекъ отъ надежды, что Вы всегда пребудете ко мнѣ въ равномъ положеніи, и въ томъ удостовѣреніи, что я къ Вамъ во всю жизнь непреложно съ отличнымъ почтеніемъ и усердіемъ пребуду

Вашего Превосходительства.

всепокорнѣйшимъ слугою.

P. S. Прошу приложенное при семъ письмо къ Осипу Андреевичу скоро и вѣрно доставить, и если бы были какія отъ него ко мнѣ, сіи препровождать въ Кіевъ къ Якову Васильевичу, котораго просилъ я особливо о дальнѣйшемъ таковыхъ доставленіи.

1776 года,
Мая 1 дня.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

Видѣвъ изъ письма Вашего, отъ 27 Апрѣля, что дѣла наши Гомельскія пріемлютъ совсѣмъ другой видъ противу ожиданія, я

не могу, по причинѣ скораго моего отсель отбытія въ С.-Петербургъ, сказать Вамъ что либо точное къ принятію потребныхъ мѣръ, оставляя нѣкоторымъ образомъ и для переду Васъ увѣдомить, что въ семъ обстоятельствѣ предпринять. Но положимъ такъ: если бы сіи мѣста, кои Всемилостивѣйше пожалованы мнѣ для увеселенія, и отошли изъ моего владѣнія, то какъ я тамъ не былъ и ничего еще не видѣлъ, не много для меня будетъ оставить ихъ опредѣленію другова. При семъ прилагаю, согласно Вашему мнѣнію, къ Михайлѣ Васильевичу Каховскому, и Вамъ даю на волю дѣлать все то, что за лучше найдете; мнѣ, впрочемъ, вѣрьте, что я вѣчную благодарность и признаніе ко всякому одолженію сохраняя, пребуду съ непремѣннымъ усердіемъ.

1776 года,
Мая 1 дня.

КАХОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Михайла Васильевичъ!

Въ отвѣтѣ Вашемъ къ Ивану Васильевичу Завадовскому на его къ Вамъ письмо, находя нѣчто о будущемъ размежеваніи, я не могу заключительно ничего положить въ пунктѣ отходящихъ, по мнѣнію Вашему, правильно, въ Гомельскомъ уѣздѣ нѣкоторыхъ поселившихся слободъ, ибо въ томъ самомъ Всевысочайшемъ повелѣніи, на которое Вы ссылаетесь, именно сказано, со всѣми древними принадлежностьми; и по сему выходитъ, когда не утвердить оныхъ въ число прочихъ, такъ уже остается послѣднее, чтобъ вновь поселившихся перевесть на другія мѣста, а сіи оставить, въ слѣдствіе Всемилостивѣйшаго соизволенія, присоединенными къ отходящимъ въ мое владѣніе. Изъясненіе сіе дѣлаю я Вашему Превосходительству въ надѣяніи на Вашу дружбу и благосклонность, къ которой сохраню я непреложно истинное почтеніе и преданность, пребывая

Вашего Превосходительства.

1776 года,
Мая 1-го дня.
Черешенки.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ

Со мною пословица и чужая и прямо Русская сбылись, чтобы помаленьку спѣшить, или, что тише ѣдешь, далѣе будешь. Я, какъ скоро только разнообразныя учрежденія, коими занятъ былъ, а особливо на извѣстныя пріуготовленія военныя, окончилъ, 28 выѣхалъ изъ Парафѣевки на перемѣнныхъ повозкахъ, оставя свои всѣ въ Москвѣ, возвращаясь на саняхъ и подымаясь въ Кіевъ на походныхъ своихъ фурахъ, и проѣхавши Батуринъ, одинъ очутился. Все, что я ни имѣлъ, лежало по дорогѣ поломанное, и былъ цѣлыя сутки безъ всего, и принужденъ, заѣхавши въ Вишеньки, въ Глуховъ послать купить кибитокъ, но и тутъ не нашли новыхъ, а старыя какія-то починиваетъ Иванъ Яковлевичъ. Я послѣ завтра отсюда поѣду, самъ хуже всѣхъ своихъ повозокъ, и берегу себя меньше оныхъ, и безъ починки, которую я себѣ сокачи предполагалъ, пущаюсь на все, но какъ куріеру ѣздить, вижу, что уже мнѣ вовсе невозможно. И я хотѣлъ Васъ о семъ предварить.

Изъ письма Вашего я не знаю, не преложилась ли радость, мнѣ предстоящая, на общую печаль? и какъ я не имѣю ничево печальнова, то прошу Васъ Еразмусу портному приказать сдѣлать, по учрежденію и классу, цѣлое ли платье, или камзолъ, и флеру надобное количество аршинъ приготовить.

Третьяго дни, я проѣхалъ Батуринъ, и мнѣ показалось, что хозяинъ, какъ бы по великихъ и трудныхъ подвигахъ, наслаждается отличнымъ покоемъ и увеселеніемъ. Къ слову увеселеніе: скажу я Вамъ, что я сегодня отвѣчалъ Вашему брату, Ивану Васильевичу, на вопросъ: что ему дѣлать съ слободами, поселенными на грунтахъ пожалованныхъ, которые не только отобрать, но и межевать опредѣляется: «Какъ мнѣ сіи имѣнія точно на увеселеніе пожалованы, коимъ я, однако жъ, понынѣ не пользуюся, слѣдовательно, могутъ Господа, тамо управляющіе, если не хотятъ обождать вышняго рѣшенія, дѣлать, что хотятъ, къ моему небольшому огорченію.

Я пребуду съ обыкновеннымъ усердіемъ навсегда

покорнымъ слугою.

1776 года,
Мая 2 дня.

Государь мой,

Никита Яковлевичъ!

Садовнику, который въ Парафѣевку пріѣзжать будетъ не рѣдко, опредѣляю я содержаніе равное тому, какъ было то при мнѣ, и каждый день къ столу одну бутылку Волошскаго вина, о чемъ прикажите Вы, кому слѣдуетъ, дабы по сему исполнено было.

P. S. Выбравъ изъ числа буйволицъ трехъ, кои получше, и одного бугая, отправьте оныхъ, при своемъ письмѣ, къ Г. Маіору Гагштейну, сказавъ въ семъ, что оныя посылаются отъ меня для заводу Его Сіятельству, Графу Кириллѣ Григоріевичу.

1776 года,
Мая 8 дня.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Благодарю Вамъ, вседражайшій мой Другъ, за письмо Ваше, которое получилъ я съ куріеромъ Военной Коллегіи, и за сообщенный мнѣ онымъ дипломъ, данный Вамъ на Княжество, какъ за знакъ особливой Вашей ко мнѣ дружеской благосклонности, къ которой преисполненъ я чувствительнѣйшаго признанія. На пути моемъ, въ семъ мѣстѣ, получилъ я куріера отъ Петра Абрамовича Текелли, отправленнаго къ Вамъ, который препроводилъ и ко мнѣ репортъ Г. Генерала-Маіора Берцова, при всеподданнѣйшей моей, съ симъ провождаемый, и считая, что и къ Вамъ есть одинаково же содержанія, о томъ умалчивая, и между тѣмъ оставляя времени большее изъясненіе найсовершеннѣйшей моей преданности пріятнѣйшему свиданію съ тобою, мой вселюбезнѣйшій Князь, хотя нечаянному, но скорому персональному, пользуюсь въ въ семъ разѣ сказать только, что я непреложно сердцемъ и душою пребуду во всѣ дни жизни всепокорнымъ слугою.

1776 года,
Мая 9 дня.

АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ БЕЗБОРОДКУ.

Князь Кантакузинъ, знавъ мое съ Вами положеніе, просилъ моего къ Вамъ письма, считая, что дѣла его съ онымъ лучшій успѣхъ возымѣютъ. Вы, знавъ ревностное его усердіе къ службѣ, и безъ сего, конечно бы, не отказались за него вступиться; но я, не могучи ему по справедливости отказать, прошу Васъ всеприлѣжно, въ одолженіе и мнѣ, приложить по поданнымъ отъ него челобитнымъ Ваше стараніе, чтобъ былъ онъ взысканъ Монаршимъ благопризрѣніемъ по его лучшимъ заслугамъ.

Въ печальномъ Вамъ приключеніи, въ потери драголюбезной сестрицы Вашей, какъ участвующей во вседомовномъ Вашемъ благосостояніи, искренно сожалѣя, желаю, чтобы, въ подкрѣпленіе и утѣшеніе Вашихъ престарѣлыхъ родителей, наградилась сія утрата другими дому Вашему благополучіями.

Пребываю какъ и всегда покорнымъ слугою.

16-го Мая,
1776 года.

ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Григорій Александровичъ!

Знавъ Васъ пріемлющимъ всякую докуку съ удовольствіемъ, гдѣ Вы только можете оказывать благодѣяніе Ваше, ласкаю себя, что Ваша Свѣтлость примите и сіе мое прошеніе снисходительно. Г. Борзовъ, какъ свѣдомо уже Вамъ изъ его предыдущаго, отъ 25 прошлаго Генваря, по запросу главнаго Коммисаріата, считая себя какъ бы исключеннымъ изъ числа состоящихъ въ службѣ на окладѣ, все относитъ ко мнѣ, что я главною виною пребыванія его въ отдаленномъ, невыгодномъ и безпокойномъ краю, не зная, что опредѣленъ онъ больше по Вашему выбору, нежели очереди.

2-е. Командиръ части Донскихъ войскъ, Г. Подполковникъ Денисовъ, службою и дѣлами своими отличавшійся въ минувшей войнѣ съ Оттоманами, къ благопризнанію многихъ, коего, я чаю,

не съ другой стороны лично и Ваша Свѣтлость знаете, по претерпѣніи тяжелыхъ ранъ и разныхъ невыгодъ, остается, при всемъ томъ, и по нынѣ не довольно награжденнымъ противу другихъ, не толь съ ревностнымъ рвеніемъ подвизавшихся, заслуживаетъ отмѣнное Ваше благоволеніе, коего я покровительсву Вашему препоручаю.

3-е. По Всевысочайшему соизволенію приступая къ формированію полковъ изъ Малороссійскихъ Компанѣйскихъ, въ самомъ почти началѣ не оставилъ я сдѣлать тому плана, но оный нынѣ не можетъ быть не нарушенъ, когда я на три мои представленія въ Государственную Военную Коллегію, объ отпускѣ на оные надлежащей суммы, ничево въ отвѣтъ не имѣю, и въ слѣдъ за настоящимъ ко мнѣ рапортомъ, конечно получу, къ сожалѣнію, новѣйшее извѣстіе, что они, если не вовсе, то во многомъ числѣ, разбѣгутся, не могучи сносить наготы, которой они теперь все бремя чувствуютъ.

КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

Г-нъ Касперовъ, сослужившій намъ, чувствуя изнеможеніе и неудобность, по его домашнимъ обстоятельствамъ, быть удалену отъ его имѣнія, желаетъ помѣщенъ быть въ округѣ своемъ, и именно, на Комендантское мѣсто въ Кизлярскъ. Знавъ онъ Васъ мнѣ особымъ благодѣтелемъ, искалъ моего ходатайства. Я же, находя состояніе его съ желаніемъ совмѣстнымъ, и что онъ къ тому краю нѣкоторыя и надобныя имѣетъ способности, прошу покорнѣйше Васъ, моего милостиваго и вседражайшаго Друга, пристроить его симъ мѣстомъ. Но ежели болѣзнь моя лишила меня удовольствія видѣть моего милостиваго Князя, то ласкаю себя, по явленію моему на свѣтъ, что онъ не возбранитъ мнѣ, по моей къ нему привязанности, докучать себѣ и устно иногда, а между тѣмъ съ душевною къ нему преданностію пребуду.

БЕЗБОРОДКУ.

Г-нъ Павиіодаросъ понуждаетъ меня неотступно ходатайствомъ у Васъ о предложеніи, куда слѣдуетъ, по Всевысочайшемъ о немъ опредѣленіи. Вы его метафоры знаете, и мнѣ сдается, что онъ все

еще больше ожидаетъ, нежели какъ я слышу. Успокойте Вы его сообщеніемъ, куда надлежитъ, Всевысочайшей воли, и ежели возможно, и мнѣ дайте знать, чтобы я его меланхоличныя думы своими ипохондрическими убѣжденіями дистрактовать могъ.

16 Мая, 1776 года.

СЕРГѢЮ МАТВѢЕВИЧУ КУЗЬМИНУ.

Титло званія моего обязываетъ меня быть ходатаемъ за обывателей края. Сего вручитель, имѣя дѣло въ рукахъ Вашихъ и ожидая съ терпѣніемъ правосудія, но по крайнему изнеможенію принуждается искать пособія и цѣлѣнія отъ врачей и водъ иностранныхъ, и желая натурально одержать рѣшеніе до отбытія, просилъ меня о препорученіи его Вамъ. Я знаю, что доброхотствовать ему Ваше дѣло, а Вы вѣдаете, что и докучать не мое; но по выше изъясненнымъ и мнѣ отъ части вѣдомымъ обстоятельствамъ, я ласкаю себя, что Вы удовлетворить нуждѣ сего просителя не откажитесь, и отдадите справедливость тому расположенію, съ каковымъ душевно къ Вамъ, при семъ, пребудетъ.

16 Мая, 1776 года.

Мая 24 дня.

ИВАНУ ПЕРФИЛЬЕВИЧУ ЕЛАГИНУ.

Знавъ твое, мой вседражайшій Другъ, доброхотное расположеніе благодѣтельствовать людямъ, и будучи убѣжденъ обстоятельствами вручителя сего, дѣла свои имѣющаго въ Канцеляріи Главной Дворцовой, который для того и живетъ теперь здѣсь, схотѣлъ я въ пользу его у Васъ ходатайствовать о милостивомъ Вашемъ пособіи, и не сомнѣваясь, чтобы не оказали Вы ему оное, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою преданностію.

(NB. О Капитанѣ Игнатьевѣ.)

1776 года,
Іюня 12 дня.

Милостивая Государыня моя,

Элеонора Андреевна!

Имѣвъ удовольствіе получить письмо Ваше, при которомъ присоединили Вы другое, я крайне сожалѣю, что не могу оказать моей готовости на удовлетвореніе требованій Вашихъ. Пребываніе мое въ семъ мѣстѣ на короткое весьма время не дозволяетъ мнѣ изыскать къ тому средства, ибо я могу сказать, что живу тутъ только въ проѣздѣ; а потому и льщу себѣ, что Вы меня съ стороны сей оправдаете; но какъ уже то не въ моей возможности, такъ хотя позвольте мнѣ въ заключеніи пожелать Вамъ мысленно поправленіе настоящихъ обстоятельствъ Вашихъ на лучшія, и чтобы сіе застало Васъ въ совершенномъ выздоровленіи отъ припадка болѣзненнаго, Вамъ случившагось, а между тѣмъ и удостовѣрить, что я непреложно съ почтеніемъ и усердіемъ пребываю.

1776 года,
13 Іюня.

Милостивый Государь мой,

Графъ Петръ Ивановичъ!

Съ особливымъ удовольствіемъ получилъ я Ваше всепочтеннѣйшее, милостивый мой Графъ! Вы изъ времени, я чаю, познали, колико стараюсь я о сохраненіи непрерывномъ Вашей ко мнѣ дружбы, и колико ищу я случаевъ для оказанія Вамъ моего взаимства. А потому и судите, коль мнѣ прискорбно, что не могу, въ семъ особливо разѣ, выполнить воли Вашего Сіятельства, касательно помѣщенія въ Штабъ Г. Татищева. Онъ засталъ меня почти уже на дорогѣ, и я не могъ больше для него сдѣлать, какъ дать время прожить на свободѣ, до моего возвращенія, въ которое буду стараться очистить для него мѣсто, и тѣмъ Васъ удостовѣрить, что я выполненіе требованій Вашихъ поставляю первымъ для себя обязательствомъ, бывъ съ безпредѣльною преданностію и отличнымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

всепокорнымъ слугою.

1776 года,
24 Августа.

Милостивый Государь мой,

Графъ Александръ Петровичъ!

Имѣвъ сообщеннымъ письмо Ваше къ Графинѣ, женѣ моей, читалъ я оное, и сличая въ соображенiи полезнаго съ увеселительнымъ и въ небольшой суммѣ состоящее, хочу я Вашему разсужденiю въ точности послѣдовать. А потому прошу всепокорно среднеі прудъ до чистаго грунта выкопать и отсыпать островъ приказать, но берега, не теряя виду нынѣшняго вкуса, коль можно, отложѣе дѣлать и устлать дерномъ такъ, чтобъ опые казались натуральными и толь больше для зрѣнiя прiятными.

Въ заключенiе позвольте мнѣ, мой Милостивый Графъ, принесть Вамъ мою найпризнательнѣйшую благодарность за труды Ваши, которыми должите Вы меня безотплатно, и удостовѣрить Васъ въ истинной преданности и отличномъ почитанiи, съ которыми никогда не престану быть.

1776 года,
24 Августа.

ВАКСЕЛЮ.

Государь мой,

Василiй Савельевичъ!

Отлучка моя отсель въ Берлинъ извиняетъ меня нѣкоторымъ образомъ предъ Вами, что я умедлилъ принесть Вамъ мою всепокорнѣйшую благодарность за письмо Ваше, отъ 14-го Апрѣля, и найпаче за труды по моимъ коммиссiямъ. Найдя въономъ пользы многiя, касательно обмѣну заимообразно съ Княгинею Натальею Александровною, по селу Торочамъ спорныхъ луговъ, я соглашаюсь въ томъ съ Вами, и прилагаю при семъ мое особливое къ Матисову, по Вашему требованiю, пребывая, впрочемъ, съ непремѣннымъ и отличнымъ усердiемъ.

1776 года,
26 Августа.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Васильевичъ!

Въ проѣздъ мой чрезъ Данцигъ, гдѣ имя Вашего Превосходительства съ похвалою во многихъ еще въ лучшей памяти пребываетъ, видѣлъ я Доктора Шварца, который просилъ меня особливо, отъ его имени, засвидѣтельствовать Вамъ поклонъ, и Доктора же Италинскаго, возвращающагось въ свое отечество, кой, я думаю, будетъ имѣть удовольство въ скоромъ времени лично Васъ видѣть. Я, пользуясь симъ случаемъ объявить Вамъ о томъ, обращаю оный и для себя, всепокорнѣйше прося отдать мой поклонъ дражайшей Вашей супругѣ, Милостивой Государынѣ моей, и по Коммисіи отдаточной не оставить показать Вашего пособія о скорѣйшемъ свершеніи дѣлъ въ оной. Въ ожиданіи же всепріятнѣйшаго времени персонально Васъ увидѣть, останусь я навсегда непреложно съ истинною преданностію и отличнымъ почтеніемъ

Вашего Превосходителзства

покорнымъ слугою.

P. S. Всѣмъ Гг. сочленамъ всепокорно кланяюсь.

1776 года,
13 Сентября.

РУМЯНЦОВУ.

Графъ Михайло Петровичъ!

Благодарю Васъ за два письма Ваши, кои я исправно получить удовольствіе имѣлъ, равномѣрно и за трудъ, который Вы по моимъ хлопотнымъ коммисіямъ подъемлете, и ласкаю по послѣднему, что и трудности, которыя Вамъ настояли въ удовольствіи моихъ кредитовъ, въ разсужденіи червонной монеты, Вы нашли способы изъять. Я желаю Вамъ взаимно въ благоугодность все возможное всегда дѣлать, съ совершеннымъ къ Вамъ доброжелательствомъ пребуду.

P. S. Г. Гриму мое почтеніе, а братцамъ Вашимъ мой поклонъ.

1776 года,
13 Сентября.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Я начинаю тѣмъ, чѣмъ Вы, мой любезный Другъ, Ваше окончили, и не жалѣть объ Васъ, но желать сердечно, чтобы припадокъ лихорадки послужилъ Вамъ, сходственно лѣтамъ и сложенію Вашимъ, по заключенію общему медиковъ, на возобновленіе лучшее здоровья. Что прѣзжій ищетъ водвориться, я не сомнѣваюсь. Онъ имѣетъ къ тому много способностей, но не знаю, умѣетъ ли утвердиться. О свадьбѣ, мой любезный Другъ, прошу найскорѣе мнѣ дать знать о точно назначенномъ времени, а ежели можно, и о днѣ оныя. По письму жены моей, 21-го числа настоящаго, должна быть, а здѣшнія вѣдомости полагаютъ ея въ половинѣ будущаго мѣсяца. Мнѣ и тамъ быть, и здѣсь, сколько можно, долѣе пожить хочется. Тутъ не скучно; гостей больше, нежели бы и желалось, а упражненіямъ забавнымъ или хозяйскимъ лишняго времени также нѣтъ.

По дѣламъ сообщеннымъ, къ сожалѣнію, нахожу, что тамъ не такъ гладко идетъ, какъ бы желалось, и все, что новое, то странное является, чему издалека трудно подавать пособіе. Мнѣ кажется, что и согласіе не лучшее между командиромъ и подчиненными; я, однако же, не оставлю дать мои совѣты, но жалѣть надобно, что все сіе съ упущеніемъ времени дѣлается; и мое мнѣніе симъ больше утвердить долженъ, сколь не удобно заочно и въ отдаленіи всякому, частію управляющему, точно поступать.

Заключаю сіе истиннымъ удостовѣреніемъ, что я непреложно съ искреннымъ усердіемъ пребуду

покорнымъ слугою.

1776 года,
Сентября 13.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Присоединяю къ сему прошеніе одного моего сосѣда, Барона Лаудона, коего подлинно бѣдственное состояніе и болѣзни поставляютъ въ невозможность продолжать свою службу болѣе; и я не

въ видѣ прозьбы о семъ, ниже какова либо исканія, о немъ говорю, но знавъ моего вседражайшаго Князя добротворящимъ, изъ одного сожалѣнія вступаюсь объ немъ сказать слово. Онъ уже подавалъ къ полковымъ дѣламъ челобитные, но тѣ или оставлены безо всякаго примѣчанія, или утеряны на почтѣ, и онъ ничего не получалъ. Пособи ему, мой вселюбезный Другъ, чтобъ онъ уволненъ былъ въ отставку съ чиномъ Оберъ-Офицерскимъ, и до того, дабы безопасно прожить здѣсь было ему можно, дать пашпортъ. Пользуюсь, впрочемъ, симъ случаемъ, въ ожиданіи всепріятнѣйшаго для меня часа персонально увидѣться съ Вами, повторяю чрезъ сіе о непреложномъ и истинномъ усердіи, съ коимъ пребываю сердцемъ и душою преданнѣйшій

покорный слуга.

1776 года,
13 Сентября.

ПАНИ У.

Милостивой Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Преисполненъ всесовершеннѣйшаго признанія къ многимъ доказательствамъ дружбы драгоцѣнной Вашей, мой Милостивый Графъ, и моего къ Вамъ усердія и преданности, не равнодушно я смотрѣлъ на печальныя Ваши приключенія, но соболѣзнуя съ Вами, желалъ, чтобы Вы, мой вселюбезнѣйшій Другъ, послѣдній и для Васъ весьма чувствительный случай съ великодушіемъ и цѣломудріемъ, Вамъ свойственнымъ, приняли, и чтобы впредь не коснулось Васъ ни малое злоключеніе, а при спокойствіи душевномъ пожили бы во всѣхъ удовольствіяхъ до самопозднѣйшихъ временъ.

Господинъ Татищевъ записалъ меня въ деревнѣ, куда уклонился я на нѣкоторое время для отдохновенія; и мнѣ весьма жаль, что онъ потрудился пріѣхать въ такое мѣсто, въ коемъ нѣтъ со мною Канцеляріи, справокъ и порядка въ дѣлахъ, надобнаго, чтобъ удовлетворить Вашему объ немъ ходатайству, въ слѣдствіе моего обѣщанія. За пріѣздомъ въ городъ я постараюсь для него сдѣлать все, что будетъ возможно, а къ тому времени, пока возму я путь

въ Украину, увольняю я его въ домъ, и съ симъ отправляя обратно, пользуюсь найлучшимъ случаемъ повторить Вамъ о моемъ непреложномъ усердіи и почтеніи безпредѣльномъ, съ коими никогда не престану быть.

1776 года,
14 Сентября.

Милостивый Государь мой,

Аврамъ Ивановичъ!

Предшедшаго Вашего, о коемъ упоминаете Вы въ послѣднемъ всепріятнѣйшемъ, не имѣлъ я удовольствія получить. Станется, что оное во время моей отлучки изъ Россіи, осталось, гдѣ ни есть въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ не знаютъ еще и нынѣ навѣрно о моемъ возвращеніи. Г-на Шица прошу удостовѣрить, что докладъ Ея Величеству объ немъ ири мнѣ поднесенъ, и на оной вышла резолюція, согласная съ его желаніемъ; что послѣ просилъ я Князя Григорія Александровича, дабы о его опредѣленіи приказалъ онъ въ Военной Коллегіи, и что по тому не остается уже ему болѣе, какъ ожидать изъ оной указа, по которому узнаетъ онъ, куда его причислено будетъ. Между тѣмъ пользуюсь я въ семъ разѣ обратить случай сей и себѣ собственно во изъявленіе непреложнаго почтенія и истинной преданности, съ которыми всегда пребываю.

1776 года,
21 Сентября.

ФАТОВУ.

Почтенный Господинъ Депутатъ Вяземскаго Шляхетства, особливый мой пріятель!

Благодарности и признанія исполненъ я къ одолженію Вашему, которое въ толь короткое время моего знакомства съ Вами восхотѣли Вы явить мнѣ присылкою рыбъ. Но сіи, или неосторожностію нарочнаго, или же по настоящему времени, къ тому еще неудобному, не всѣ ко мнѣ привезены живы, ибо изъ числа оныхъ 14 уснули, и я получилъ только 6, коихъ тотъ же часъ и пустилъ въ прудъ. Быть легко сіе можетъ и отъ того, что бочка, въ которую положены оныя, поставлена вдоль на телегѣ, и

они съ движеніемъ оной, конечно дотрогиваясь ко дну головами, чувствовали отъ того всю боль; но если бы оная положена была на стороны, чтобы они, качаясь съ боку на другой, не столь великой вредъ имѣли. Для меня было бы непростительно, когда бъ я въ слѣдъ за тѣмъ началъ утруждать Васъ моими просьбами; но имѣя къ тому поводомъ Ваше позволеніе, прошу Васъ, по лучшему для того времени, способами, Вамъ извѣстными доставить ко мнѣ оныхъ еще нѣсколько, такъ же не позабыть и о деревьяхъ, подавъ мнѣ коммисію къ пріятному взаимству, вѣрить, впрочемъ, о мнѣ, что я всегда буду съ искреннимъ усердіемъ

Вашимъ доброжелательнымъ слугою.

---

21 Сентября.

ЛУНИНУ.

Государь мой,

Петръ Михайловичъ!

Отправляя къ Вамъ людей и лошадей Вашихъ, повторяю Вамъ и симъ еще признательную мою благодарность за благосклонное Ваше меня одолженіе всѣми благими, и льстя себѣ открыть путь, чтобы средствомъ онаго оказать мое Вамъ взаимство при первомъ случаѣ, на тотъ щетъ прошу Васъ прилѣжно, по отзыву Г. Фатова, коего просилъ я о карпахъ и фруктовыхъ деревьяхъ, пособить мнѣ въ лучшемъ оныхъ сюда доставленіи, и вѣрить между тѣмъ искреннему моему усердію, съ которымъ никогда быть не престану

Вашего Высокоблагородія

покорнымъ слугою.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Чтобы не задержать сочиненія, Всемилостивѣйше мнѣ сообщенныя, по невозможности сегодня самому предстать, при семъ Вашему Императорскому Величеству подноси оныя, осмѣливаюсь увѣрить, что всякое употребленіе меня на службу Вашу доказываетъ

мнѣ Вашу милость и довѣренность, и я на нихъ больше, нежели на искуство, или щастіе, полагаясь, при доброхотномъ моемъ расположеніи, и въ добрыхъ успѣхахъ не сумнѣваюсь.

Пребываю со всеглубочайшимъ Высокопочитаніемъ.

5 Октября,
1776 года.

1776 года,
16 Октября.

ВЕСЕЛИЦКОМУ.

Искренняго признанія и благодарности я исполненъ предъ Вами за пріятное водвореніе меня въ Кіевѣ; но слабость моего здоровія и самая отдаленность не позволяютъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ вкусить толь лестнаго удовольствія скоро, каково могу я воображать по мѣсту тамошнему. Жалѣть можно, да пособить трудно. Впрочемъ же, не всегда сбыточно бываетъ, что иногда мы для переду полагаемъ, однакъ вѣрно уже то конечно, что я всегда пребываю непреложно съ отличнымъ усердіемъ

Вашъ покорный слуга.

P. S: Якову Васильевичу и всѣмъ моимъ знакомымъ, духовнымъ и свѣтскаго чина, всепокорно кланяюсь.

1776 года,
6 Ноября.

Марья Васильевна,

Княжна Мещерская!

Благодарю Вамъ, дражайшая Сестрица, за сообщеніе мнѣ о выборѣ Вашемъ къ замужству Василья Николаевича въ женихи, и желая всеискренно къ взаимному удовольству, присоединяю здѣсь мою прозьбу взять на себя трудъ засвидѣтельствовать будущему моему зятю особливое мое почтеніе. Сіе, по препорученію отъ меня Вамъ, конечно, для него будетъ не непріятно отъ Васъ услышать. Что же до меня, я, сохраняя навсегда къ Вамъ мою чистосердечную преданность, пребываю, какъ и всегда, съ истиннымъ усердіемъ доброжелательнымъ братомъ и покорнымъ слугою.

1776 года,
7 Ноября.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Преисполненъ я признательнѣйшей благодарности за письмо Вашего Превосходительства, которое имѣлъ я удовольствіе получить, и такъ какъ уже возвратившійся изъ того свѣта, я всему тому вѣрю, о чемъ есть въ ономъ Ваше дружеское изъясненіе; нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что Вы жалѣли о моемъ отсель переселеніи; но что до Вашего желанія водворить меня въ Кіевѣ, я, конечно, упредилъ бы, можетъ быть, оное моимъ къ Вамъ прибытіемъ, если бы не припадокъ болѣзненный, а за тѣмъ и наступившая стужа одновременно почти соединившись, меня здѣсь не задержали. Постараюсь, однако жъ, при всемъ томъ будетъ сноснѣе погода, для слабости моего здоровія, сократить время, дабы поспѣшить мнѣ имѣть то удовольствіе при персональномъ свиданіи, чтобы Васъ обнять и увѣрить о непреложномъ усердіи и отличномъ почтеніи, съ которыми никогда быть не престану.

P. S. Всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ, при засвидѣтельствованіи моего особливаго почтенія, нижайшій поклонъ.

1776 года,
7 Ноября.

Государь мой,

Петръ Петровичъ!

Отвѣчая симъ на письмо Ваше, такъ такъ возвратившійся опять изъ другова свѣта въ сей, я начинаю моею премногою благодарностію за сожалѣніе Ваше, которое Вы обо мнѣ имѣли, лишаясь безповоротно увидѣть меня когда либо; а между тѣмъ пользуюсь тутъ и удостовѣрить Васъ, что я, не только живъ, но и стараюсь еще, при помощи лучшаго времени, моимъ разстроеннымъ силамъ, увидѣться съ Вами персонально и доказать, что я всегда съ искреннимъ усердіемъ пребываю

Вашего Высокоблагородія

покорнымъ слугою.

1776 года.
Ноября дня.

ПАССЕКУ.

Милостивый Государь мой,

Петръ Богдановичъ!

На сихъ дняхъ получилъ я увѣдомленіе, что находившійся во управленіи Гомельскою моею экономіею, Шляхтичъ Сабанскій, по воспослѣдовавшему изъ Верхняго Земскаго Суда 1-го Департамента, вовсе по неизвѣстному мнѣ обстоятельству, въ Уѣздный Велицкій Судъ Указу, присланными Капитаномъ Исправникомъ Онуфріемъ Гажицкимъ, Ассесоромъ Николаемъ Леоновичемъ съ бывшими при нихъ пятью человѣками, съ обнаженными тесаками солдатъ, взятъ изъ дому моего подъ караулъ и отправленъ въ Уголовную Палату. И хотя я лучше себѣ воображая, долженъ ожидать, что ежели не показано ни ко мнѣ, ни къ дому моему, отъ Судей въ томъ случаѣ ни малаго уваженія, то обережено, по крайней мѣрѣ, мое имѣніе и не оставлено на расхищеніе и безгласное отысканіе безъ всякой описи и предохраненія, предписываемыхъ на таковые случаи законами.

Я прилагаю у сего о происшествіи ономъ точную копію съ письма Секретаря моего Гулевича, бывшаго при томъ случаѣ въ Гомлѣ, и полагаясь на извѣстное ко мнѣ Ваше правосудіе, долженъ себя ласкать, что Вы таковой господъ судящихъ поступокъ не апробуете, а паче въ послѣднихъ обстоятельствахъ, и охраните меня своими благоразумными мѣроположеніями, дабы за преступленіе Г. Сабанскаго (какъ ни въ чемъ за него отвѣчать не долженъ) не терпѣлъ таковымъ поступкомъ гг. судей, чувствительнаго предосужденія и убытка.

Пребывающій навсегда съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга.

1776 года,
10 Ноября.

Милостивой Государь мой,

Аврамъ Ивановичъ!

Извѣстный Вашему Превосходительству, Ротмистръ Дюбоскъ, схотѣлъ нынѣ попытаться вторично къ доисканію своей претенсіи, и по надеждѣ на особую благосклонность Вашу ко мнѣ, просилъ препроводить его къ Вамъ съ моею рекомендаціею. Я, удовлетворяя справедливому его исканію, прошу В. П. оказать ему возможное въ томъ пособіе, имѣя между тѣмъ удовольствіе повторить Вамъ и о искренности и почтеніи, съ которыми никогда не престану быть.

1776 года,
13 Ноября.

ЧЕРТКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Василій Алексѣевичъ!

Симъ провождаю къ Вашему Превосходительству письмо на имя Цесарскаго Господина Капитана Каваллара, находящагось въ Черкаскѣ у покупки лошадей, которое вручилъ мнѣ Министръ тамошней Господинъ Добковицъ; усугубляю прозьбу его моею о вѣрномъ доставленіи ему онаго, имѣя между тѣмъ удовольство повторить Вамъ о истинномъ почтеніи и совершенномъ усердіи, съ которыми пребываю.

1776 года,
Ноября 22.

ИВАНЕНКУ.

Государь мой

Григорій Григоріевичъ!

Не имѣвъ для себя довольно свѣдѣнія о положеніи своихъ имѣній въ Полку Переяславскомъ, что на Днѣпрѣ, я не могу полагать точно, есть ли тамъ для заведенія винокурни способные

мѣста, знавъ, что онѣ подъ водой долго стоять; но знаю и то, что винокуреніе въ тѣ мѣсяцы вездѣ перестаетъ; и потому прошу мнѣ именно указать къ тому удобное, или въ замѣну, или куплею по близости отыскать. Я тутъ нахожу съ одной стороны удобность по урожаю тамошнему довольному и отъ Прилуцкихъ мѣстностей обывателей въ не далекомъ отстояніи находящихся и лѣсъ и хлѣбъ, а изъ Гомля изъ собственныхъ моихъ лѣсовъ дрова. Ласкаю себя, что Вы по пріязни своей ко мнѣ не отречетесь въ томъ приложить свой особливой трудъ мнѣ въ одолженіе, ожидаю между тѣмъ отъ Васъ на сіе увѣдомленія, и свидѣтельствуя мое почтеніе любезной Вашей супругѣ, пребываю, какъ и всегда, съ искреннымъ усердіемъ.

1776 года,
15 Декабря.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой
Иванъ Васильевичъ!

Читая послѣднее Ваше отъ 27 Ноября, вижу, что Вы не получили еще къ тому времени моего отъ 22 тогожъ; но къ сему имѣя оное конечно уже въ рукахъ своихъ, и найдя въ немъ Указъ Сената въ Рогачевскую Канцелярію, по Вашему ко мнѣ усердію, не сомнѣваюсь, чтобъ Вы не поставили дѣла наши въ желаемое положеніе.

Благодарности моей не могу предъ Вами изъяснить по мѣрѣ хотѣнія моего за Ваши меня одолженія, и я желаю коль искренно, толь и охотно, найти случай оказать взаимно и мои Вамъ услуги, будучи къ Вамъ съ непремѣннымъ усердіемъ.

Государь мой
Семенъ Ѳедоровичъ!

Соглашаясь на заплату Якову Филиповичу четырехъ сотъ и пятидесяти рублевъ за ранжерею, я считаю, что оная уступлена со всѣмъ строеніемъ, и хотѣлъ бы, чтобъ оную перевезть въ Кочуровку, но не знавъ ея расположенія, опредѣлить мнѣ мѣсто для оной трудно, почему прошу Васъ поговорить Г. Алексѣеву, чтобъ онъ снялъ ей планъ, и оной прислать ко мнѣ.

Требованію садовника Генриха Христіана Цина, если на меньшемъ чемъ постановлено не будетъ, удовлетворить соглашаюсь; но въ контрактѣ, который сдѣлать съ нимъ на три года, въ заключеніе упомянуть необходимо потребно, что онъ долженъ двухъ моихъ мальчиковъ (коихъ назначте ему изъ тамошнихъ обывателей и изъ сиротскихъ, къ тому способныхъ и проворныхъ) научить всему тому, что нужно къ свѣдѣнію о деревахъ, цвѣтахъ и травахъ всякаго роду; и какъ смотрѣніе за первыми и употребленіе послѣднихъ есть главнымъ пунктомъ садоваго дѣла, то по тому и обязанъ показывать имъ, какъ плодоносное дерево беречь, прививки дѣлать, плоды сбирать и оные сохранять; съ другими, что служитъ къ увеселенію, какъ на всякое время ихъ производить, содержать и оберегать, а въ послѣднихъ различать умѣть, что на кухню и къ столу потребно и въ которомъ времени года; словомъ: коснуться всей подробности, что лежитъ до садовыхъ и огородныхъ произрастеній. Къ слову бы упомянуть и о томъ, что если не выучитъ онъ ихъ въ сіе время, подвергаетъ себя какому либо штрафу или взысканію.

Имѣвъ давно свѣдѣніе о тамошнемъ моемъ строеніи, я хотѣлъ бы быть увѣдомленъ, до какой степени въ производствѣ доходитъ оное, и что еще нужно изъ матеріаловъ къ конечному довершенію всего начатаго? Не меньше желается знать и о прудѣ предъ домомъ—вычищенъ ли уже сей, или нѣтъ? также изъ свободныхъ работниковъ, есть ли надежда тамъ имѣть, и на какой заплатѣ, поденно, или отъ сажени? а между тѣмъ и о лугѣ, что за избою прикащика, гдѣ мы ходили—сухъ ли оной, или нѣтъ?

Изъ лучшей удобности, каторую нахожу и къ соединенію моего хозяйства, прошу Васъ прилѣжно обще съ Г. Рахмановымъ форверки соединить чрезъ сѣнокосъ N и болото Барщовское съ ланомъ Барщовскимъ К. и форверкомъ Калиновскимъ, гдѣ не большая часть Козачьего входитъ, а по окончаніи отдачи, чтобы и села Литвиновичъ дачи, также обмѣрить и на планѣ положить, увѣривъ его съ стороны моей, что я въ благодарности не закоснію быть особливо признателенъ ко всякому меня одолженію. Есьмъ, впрочемъ, съ усердіемъ и доброжелательностью Вамъ

покорнымъ слугою.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА
ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1777 ГОДЪ.

1777 года,
5 Генваря.

НОРОВУ.

Максимъ и Михайло Мизяки, съ похвалою продолжавшіе службу при Дворѣ Ея Императорскаго Величества, коихъ персонально въ томъ и я знаю, схотѣли нынѣ, по увольненіи ихъ, отправиться на свою отчизну. Я пользу ихъ во уваженіи долговременныхъ и отличныхъ трудовъ ввѣряю попеченію Вашего Превосходительства, прося при первыхъ Коммисарскихъ вакансіяхъ увѣдомить меня для ихъ помѣщенія, вѣривъ, впрочемъ, истинному усердію, съ которымъ никогда я быть не престану.

---

5 Генваря.

Иванъ Матисовъ!

Здѣсь получилъ я письмо отъ Г. Пелагіи Черндовой, въ которомъ пишетъ она о землѣ, населенной моими крестьянами и названной Новоселками, по Генеральному нынѣ размеженію отходящей въ ея владѣніе; я по сему случаю ожидаю увѣдомленія: кто она такова? ея отечество? и та земля когда и какимъ образомъ присоединена къ моимъ? Какія тутъ люди и въ коликомъ числѣ посажены? сколько оной десятинъ въ поляхъ пашенныхъ, лугахъ сѣнокосныхъ и лѣсахъ?. Въ чемъ, съ Г. Замятинымъ освѣдомясь, меня увѣдомить, доставя ей прилагаемое письмо, надписавъ: Милостивой Государынѣ моей Пелагіи (отечество) Черндовой.

Генваря 5-го.

ЧЕРНЦОВОЙ.

Милостивая Государыня моя!

Читая письмо Ваше отъ 29 прошлаго Декабря, не могу я не быть предъ Вами признательнымъ за ту искреннюю откровенность, которою почтили Вы меня увѣдомленіемъ о землѣ, Вамъ принадлежащей, населенной нынѣ крестьянами моими и названной Новосельцами. Я хотѣлъ бы весьма удовлетворить требованію въ томъ Вашему; но бывъ всегдашнимъ отсутствіемъ удаленъ отъ всѣхъ моихъ имѣній, и не зная оныхъ по тому точнаго положенія, ничего рѣшительно сказать Вамъ при семъ не нахожу. Льщу, однако жъ, себя оказать мою готовость ко благоугодности Вашей и взаимно выгоднѣйшему положенію, коль скоро получу я отъ моего атамана повелѣніе, съ симъ отправленное, пребывая впрочемъ съ точнымъ почтеніемъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

1777 года,
5-го Генваря.
С. Петербургъ.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Между тѣмъ, какъ Вы по заключенію моему, приводите къ окончанію ввѣренныя Вамъ дѣла, касательно строенія, подробнаго описанія и сочиненія плана на мои дачи Кайнарджискія, съ нѣкоторыми вновь присоединенными: прошу васъ навѣдаться, со всѣми тѣми подробностями, какія полагаются при покупкѣ надобными, о селахъ и деревняхъ, въ Вѣдомостяхъ Московскихъ прошлаго года въ исходѣ поимянованныхъ къ продажѣ. Я хотѣлъ бы, чтобъ Вы осмотрѣли сами всѣмъ онымъ планы, описали рѣки, при которыхъ оныя лежатъ и съ которыми соединяются — и судоходные ли? Лѣса, пахотныя поля, сѣнокосные луга, выгоны, какова количества и качества? Естьли гдѣ ранжереи и сады регу-

лярные, или фруктовые? какой величины и съ какимъ доходомъ и свойство крестьянъ? словомъ о всемъ томъ, что относится хозяйству, до конечнаго пункта выспросить и о послѣдней цѣнѣ за каждую порознь — меня увѣдомить, а именно: 1-е, о селѣ Архангельскомъ и селѣ Александровкѣ, Орловскаго уѣзда Такучевскаго стану, принадлежащихъ владѣнію Маіора Князя Щербатова. 2-е, о селахъ Долголядьи и Новомъ съ деревнями и пустошми въ Рузскомъ уѣздѣ, владѣнія Графа Алексѣя Владимировича Салтыкова, и 3-е, о селѣ Ивановскомъ съ деревнями Камелиною и Косининымъ въ Московскомъ и Ливиченскомъ станахъ, Измайловскаго полку Капитана Поручика Князя Голицына.

Есьмъ съ непремѣннымъ усердіемъ

Вашъ доброжелательный слуга.

P. S. Прошу Васъ навѣдаться тѣмъ же порядкомъ и о пустошахъ Мостовкѣ и Жупеевѣ, Переяславскаго уѣзда, въ Кистимскомъ стану состоящихъ, владѣнія Петра Матвѣевича Поливанова; и ежели сіи пустоши раздѣляются на 200 саженяхъ отъ дачь жены моей, то въ серединѣ чье имѣніе и съ какими угодіями? и во что десятина лѣсу и поля стоить будутъ?

1777 года,
Генваря 9 дня.

УПРАВИТЕЛЮ САВАНСКОМУ.

Почтенный Господинъ Ротмистръ,

мой особливый Пріятель!

Благодарю признательно за труды Ваши въ дѣлахъ моихъ по имѣніямъ моимъ Гомельскимъ, и за сообщеніе Ваше о нѣкоторыхъ деревняхъ; къ присоединенію оныхъ къ моимъ, я хотѣлъ бы, чтобъ нашли Вы оныя въ срединѣ моихъ, и таковы, на примѣръ, какъ обои Дятловичи, которымъ желалъ бы имѣть я обстоятельныя и вѣрныя описанія и о послѣдней цѣнѣ; впрочемъ, пре-

поручивши распоряженію Вашему тамошнее мое хозяйство, я не сумнѣваюсь о Вашемъ усердіи, что Вы все обратите на пользу моихъ интересовъ, вѣривъ о мнѣ, что и я во взаимство не упущу ни одного изъ случаевъ, гдѣ могу оказать мою готовость на услуги, будучи всегда

Вамъ доброжелательнымъ.

---

9 Генваря.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

Благодаря Васъ найпризнательнѣйше за участіе, кое во всѣхъ дѣлахъ о моей пользѣ пріемлете, принужденъ съ новой докукой явиться: Василій Карповичъ доносилъ мнѣ, что при положеніи Копцовъ отъ Суда Подкоморскаго, на ограниченіе дачъ, мнѣ Коммиссіею отведенныхъ, нѣкоторые ихъ испортили, а другіе и вовсе совершить не допустили. Вашимъ стараніемъ я оные одержалъ, Васъ и прошу оное благодѣяніе совершить; и ежели дружелюбно не дойдетъ къ концу, наставить Василія Карповича, гдѣ и какъ искать. Впрочемъ, желая сей новый годъ начать благополучно, до позднихъ временъ достигнуть въ самопожелаемыхъ удовольствіяхъ, а мнѣ вѣрить, что я съ истиннымъ усердіемъ и преданностію.

покорный слуга.

P. S. Относительно Жидовъ, естьли находите Вы гдѣ либо въ срединѣ моихъ имѣній мѣсто къ населенію удобное, я прошу Васъ о помѣщеніи оныхъ сдѣлать свое разсмотрѣніе. Въ противномъ же, сказать имъ, что я далъ имъ только позволеніе искать онаго въ Бѣлорусской Губерніи, по Всевысочайшему въ томъ соизволенію, не указывая прямо на пунктъ точной усадьбы, для чего къ нимъ и команды были опредѣляемы, куда и нынѣ могутъ они свободно перейти и просить тамошнее Правительство о ихъ принятіи.

УМАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Съ возвращающимся моимъ куріеромъ изъ Стародуба, я Ваши съ приложеніями исправно получилъ; а съ Савичемъ, сюда прибывшимъ, не имѣлъ я никакова отъ Васъ увѣдомленія: онъ сказывалъ, что Вы остаетесь въ нѣкоторомъ ожиданіи другова. Что до Литвиновичъ, то по плану кажется, что нѣтъ тамъ ни малѣйшей удобности завести мое хозяйство, по неимѣнію ни малѣйшихъ угодій, на владѣльца принадлежащихъ, а развѣ по положенію мѣста и способности со временемъ, что либо отъ сосѣдей и своихъ крестьянъ нѣчто куплею и замѣною присоединить, въ чемъ Вы лучшее мнѣ пособіе, избравъ выгоднѣйшее при хорошемъ положеніи мѣсто, сдѣлать можете. Давно бы могъ я имѣть удовольство изъясниться о томъ съ Вами изустно, если бы не удержала меня тяжкая болѣзнь; но по нѣкоторомъ моемъ теперь излѣченіи ласкаюся, что ожидаемое въ томъ не надолго продолжится, къ которому времени оставляю принесть Вамъ и мою благодарность за Ваши труды; а въ семъ разѣ пользуюсь только сказать Вамъ, что я всегда пребуду съ истиннымъ усердіемъ.

P. S. Изъ числа моихъ охотниковъ Парафѣевскихъ присланы будутъ въ Глуховъ четыре человѣка, для смотрѣнія за моей охотой, посланной нынѣ изъ Москвы, о надобномъ которыхъ содержаніи и смотрѣніи прилѣжномъ за оною, прошу Васъ, кому слѣдуетъ, приказать надзирать.

---

9 Генваря.

СТАРОВУ.

Государь мой,

Никита Яковлевичъ!

Благодарю Вамъ за труды Ваши въ приведеніи экипажа моего въ лучшее состояніе, и смотрѣніе за всѣмъ тамъ моимъ. Касательно выдачи денегъ на платье кондитеру, я хочу прежде узнать, какъ онъ во время отсутствія моего себя велъ, и что сдѣлалъ; и дальше, нуженъ ли будетъ онъ мнѣ, или нѣтъ? а на жалованье и прочіе расходы, Вы получите пять сотъ рублей отъ Петра

Мартыновича Юркевича, къ которому о семъ отъ меня писано. Есьмъ, впрочемъ, съ непремѣннымъ усердіемъ.

P. S. Изъ числа моихъ охотниковъ Парафѣевскихъ, отправьте четыре человѣка въ Глуховъ къ Семену Өедоровичу, для смотрѣнія моей охоты, посланной нынѣ изъ Москвы, а о прилѣжномъ надзираніи тамошней, не оставьте приказать, кому слѣдуетъ.

1777 года,
Генваря 9 дня.

Василій Карповичъ!

По послѣднему Вашему донесенію относительно недопущенія къ ограниченію дачъ, Коммисіею мнѣ отведенныхъ, я писалъ къ Ивану Васильевичу съ просьбою, чтобы онъ постарался оное дѣло довесть къ совершенію, или бы Васъ наставилъ, какъ и гдѣ отозваться съ жалобою.

Изъ Буртника присланы будутъ къ Вамъ чулошные мои фабриканты съ ихъ станами и 8 кобылъ заводскихъ. Прикажите первымъ отвесть выгодное житье, чтобы они основали свое ремесло, а кобылъ, по отдохновеніи при спискѣ и описи, въ какомъ состояніи ихъ получите по приходѣ оной, отправить въ Парафѣевку, къ Г. Адьютанту Евреиному.

1777 года,
Генваря 9-го.

Милостивый Государь мой,

Андрей Степановичъ!

Съ чувствительнѣйшею признательностію пріемлю я участіе Ваше въ дѣлѣ о свершеніи здѣлки, и прилагая при семъ полномочіе, всепокорно Васъ прошу окончить то порядкомъ надлежащимъ, не жалѣя ни иждивенія, ни трудовъ для приведенія въ замѣну отдаленной мельницы въ лучшее состояніе; что же до переводу людей изъ деревни Максимовки, я желалъ бы, чтобъ то было нѣкоторымъ образомъ по выбору, отличая знаніе и ихъ способности. Впрочемъ, оставляя сказать Вамъ изустно мою найбольшую благодарность, при персональномъ свиданіи, я между тѣмъ

пользуюсь поздравить Ваше Превосходительство, вступя въ Новый Годъ, который и премногіе послѣдующіе желаю препроводить Вамъ въ самопомысльномъ удовольствіи и благоденствіи, вѣривъ о мнѣ, что я вездѣ всегда пребуду съ истинною преданностію и отличнымъ почтеніемъ.

P. S. Не отъѣду отсюда прежде, нежели все испытаю къ одержанію Вашего, а между тѣмъ хочу коснуться еще къ Вамъ докукою. Мнѣ помнится, что у Г. Весгфалена есть планъ хутора Петрушевки, и тамъ въ среди онаго и моихъ земель есть часть небольшая Михайла Михайловича Стороженка; нельзя ли преклонить его на замѣну такого же участка по способности къ его инымъ дачамъ отъ Рожновки?

---

10 Генваря,
1777 года.

Милостивый Государь мой,

Александръ Өедоровичъ!

Вы справедливость отдаете моимъ доброхотству и готовости на Вашу услугу, и я бы тотчасъ совершилъ присланную отъ Васъ купчую, но Московской мой стряпчій предписалъ мнѣ точныя ко внесенію въ оную слова, о чемъ я Вамъ сообщаю записку; боюсь же и Вашего, который мнѣ кажется быть мастеромъ. Онъ написалъ число душъ, о которыхъ я подлинно не знаю, есть ли? внесъ мельницы, о коихъ я точно вѣдаю, что ихъ нѣтъ, а въ дополненіе и очистокъ нѣсколько сдѣлалъ. Освободите, по тому, отъ сего страха человѣка, въ подобныхъ дѣлахъ неискуснаго, Вы конечо, въ томъ не на большее поступите, какъ только въ соблюденіе нужнаго на таковой случай порядка; о мнѣ же вѣрьте, что я никогда не престану быть искренно Вамъ усерднымъ.

1777 года,
20 Генваря.

ЕПИСКОПУ РОСТОВСКОМУ, САМУИЛУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый Архипастырь!

Странствованіе мое прошлогоднее лишило меня имѣть удовольствіе получить въ свое время письмо Вашего Преосвященства, которымъ почтить Вы меня изволили; а болѣзненные мои припадки поставляли меня всегда въ невозможность принесть Вамъ всепризнательнѣйшую мою благодарность за оныя, и предварительно Вашему отъ 28 Декабря, принесть Вамъ и всеискреннее мое поздравленіе съ Новымъ Годомъ. При семъ, выполняя долгъ для меня всепріятнѣйшій, я прошу всепокорно Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, принять во взаимство, но не въ видъ, однако жъ, общаго употребленія, а знакомъ отличнаго высокопочитанія усерднѣйшія желанія мои, да продолжитъ Вседержитель время жизни Вашей до позднѣйшихъ при самолучшемъ здравіи, и да изліетъ Онъ благодать и милость свои надъ Вами. Между тѣмъ, ласкаясь имѣть честь пользоваться непремѣнною благосклонностію Вашею, въ заключеніе повторяю Вамъ и то удостовѣреніе, что я никогда не престану быть съ совершенною преданностію.

1777 года,
28 Генваря.

ЕПИСКОПУ РЯЗАНСКОМУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый мой Архипастырь!

Мое странствованіе и болѣзненные припадки выводили меня по нынѣ изъ возможности принесть Вамъ, Преосвященнѣйшій Владыко, мою найпризнательнѣйшую благодарность за письмо Ваше отъ 3-го прошлаго Октября, которымъ почтить меня было Вамъ угодно. Пополняя то симъ, открываю для себя и всепріятнѣйшій случай поздравить Васъ вступленіемъ въ Новый Годъ, который и премногіе будущіе да будутъ Вамъ источникомъ всякихъ благополучій, и содержащій времена и лѣта, да укрѣпитъ силы Ваши

и Ваше здравіе въ долготу дней до самопозднѣйшихъ; между же тѣмъ имѣю и то удовольство сказать Вамъ, что я, сдѣлавши обязательство единожды, ищу потомъ случаевъ, кои бы мнѣ послужили на удостовѣреніе отличнаго высокопочитанія и истинной преданности, съ которыми я, препоручая себя Вашему Архипастырскому благословенію, пребываю непреложно

Вашего Преосвященства.

покорнымъ слугою.

1777 года,
28 Генваря.

КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый Архипастырь мой!

Всепочтеннѣйшее Вашего Преосвященства писаніе, имѣлъ я удовольство получить, и благодаря Вамъ найпризнательнѣе за оное, обращаю симъ во взаимство и мои всеискреннія желанія всѣхъ и всякихъ Вамъ благополучій при настоящемъ обновленіи времени, и да укрѣпитъ податель всѣхъ благъ силы Ваши и Ваше здравіе въ долготу дней до самопозднѣйшихъ временъ. Я въ полномъ ощущеніи и съ прискорбіемъ то видѣлъ бы, что не лично сіе выполняю, если бы Вы, Преосвященнѣйшій, не оказали на хартіи толь искренней Вашей ко мнѣ благосклонности и своего благословенія, кои подаютъ мнѣ смѣлость, что я ласкать себя могу всегдашнимъ продолженіемъ оныхъ, къ которымъ сохраняя всесовершенное высокопочитаніе, пребуду я непреложно съ преданностію и усердіемъ.

1777 года,
28 Генваря.

ЮРКЕВИЧУ.

Государь мой,

Петръ Мартыновичъ!

Не имѣвъ съ послѣднимъ куріеромъ, который прибылъ ко мнѣ отъ Семена Ѳедоровича, Вашихъ писемъ; но какъ бы то ни

было, конечно того думать я не могу, чтобъ Вы не продолжали являть мнѣ Ваше благосклонное смотрѣніе за всѣмъ тамъ моимъ, и не наблюли бы пользъ моихъ интересовъ, къ чему всегда питаю я всеискреннѣйшее мое признаніе.

Проходя окрестность Черешеньковъ, остановился я на плотинѣ Химчиной, гдѣ видна, кажется, лучшая удобность снять болото, вверху пруда лежащее, паче въ сіе время, когда его вырубая, плитами перевозить можно въ другое мѣсто — въ поля. Тѣмъ легко можно показать воду, которая скрыта подъ симъ наростомъ, и дать тутъ видъ гораздо пріятнѣе. И какъ мѣста сего немного, а людей праздныхъ найдется довольно, то я и хотѣлъ бы, чтобъ Вы сдѣлали опытъ сей же зимы, приговоривъ охотниковъ за умѣренную плату.

Есьмъ съ искреннымъ усердіемъ доброжелательнымъ слугою.

1777 года,
Генваря 28.

ЕВРЕИНОВУ.

Государь мой,

Алексѣй Павловичъ!

Письмо Ваше отъ 10 Генваря и всѣ сему предшедшія, я исправно получилъ, но отлагалъ всегда отвѣчать Вамъ на оныя изъ того больше, что мнилъ скоро изъясниться съ Вами устно. Теперь, то симъ исполняя, вначалѣ благодарю Вамъ за Ваше хорошее за заводомъ смотрѣніе, и опять за труды, что принимаете по дѣламъ моимъ коммисейскимъ. Между тѣмъ, обращаясь вновь озаботить Васъ моею прозьбою, чтобъ приказали прилѣжное смотрѣніе имѣть за моими кобылами Курляндскими, изъ Риги чрезъ Топаль къ Вамъ отправленными, изъ коихъ весьма можно составить цугъ, я скажу вамъ примѣчаніе, буде бы еще заводъ мой не переведенъ, оставить его на прежнемъ мѣстѣ до моего туда прибытія, а наконецъ, сокращая сіе, заключаю искреннимъ удостовѣреніемъ, что я съ наибольшею признательностію къ Вашимъ одолженіямъ всегда пребуду съ усердіемъ

доброжелательнымъ слугою.

1777 года,
28 Генваря.

АЛЕКСѢЕВУ.

Государь мой

Яковъ Никитичъ!

Располагая на будущее лѣто завесть строенiе дворовъ моихъ въ Топалѣ и Гомлѣ, чтобы не опоздать своимъ прiѣздомъ, не могу лучше положиться на выборъ къ тому удобныхъ мѣстъ, какъ на Васъ, вѣдавъ Вашъ хорошiй вкусъ, прилѣжное всего осмотрѣнiе и соображенiе прiятнаго съ полезнымъ. Вамъ извѣстны и мои прихотливыя затѣи, чтобы имѣть при хорошемъ, возвышенномъ, или ровномъ, положенiи хорошiе виды, разныя натуральныя украшенiя, какъ дубравы и другаго дерева лѣски и рощи, пруды, рѣки, рѣчки, а иногда и весьма замѣняющiе оныя хорошiе ключи; и я прилѣжно Васъ прошу, выпросивъ подорожную, отправиться первое въ Топаль, и тамъ осмотрѣть близъ лежащiя мѣста (потому что въ самомъ Топалѣ полезное безъ прiятства), и именно: гдѣ была парусинная фабрика, старый хуторъ, или нынѣ называемый Красный фольверкъ. Во Внуковичахъ при славномъ колодезѣ, гдѣ теперь винокуренный заводъ, или гдѣ Вашъ Василiй Карповичъ и другiе, знающiе тамошнюю окрестность, на лучшiя мѣста укажутъ. Ѣдучи оттоль въ Гомель, на пути въ Чолковской волости, ни въ Чолковѣ, гдѣ какъ и въ Топалѣ, и не искать хорошаго, но въ Щербиничахъ старыхъ и новыхъ, Уницкой Руднѣ, Чертовичахъ, или какъ выше сказано, гдѣ на лучшее укажутъ. Наконецъ въ Гомельскомъ Староствѣ, за Сожемъ, въ самомъ Гомлѣ, гдѣ замокъ, и котораго положенiе, всѣ тамъ бывшiе, чрезвычайно хорошимъ поставляютъ въ разсужденiи виду и другихъ его въ околичности сей превосходныхъ положенiй, слѣдовательно, оное и остается тамъ первымъ; другое при деревнѣ Бобовичахъ, гдѣ Ужа въ Сожъ впадаетъ; третье въ округѣ Хоминскомъ, гдѣ Сожъ въ Днѣпръ впадаетъ, при устьи сихъ рѣкъ, или при которомъ озерѣ, или на одной ли изъ нихъ въ части предъ Сожской: 1-е, въ слободахъ Климовкѣ, Зябрицѣ, или заводѣ Прибытковскомъ; 2-е, въ Марковичахъ. Въ части за Ипутью: 1-е, въ Романовичахъ; 2-е, въ Добрушѣ. Я буду ожидать отъ Васъ увѣдомленiя изъ всякаго сихъ мѣстъ, съ описанiемъ оныхъ, ихъ окру-

жностей и видовъ; и которыя Вы по приличности и по мыслямъ Вашимъ, заведеніемъ ли новыхъ садовъ, или обращеніемъ находящихся уже рощъ на новой вкусъ, прудами ли, или только возвышеніемъ рѣчекъ въ ихъ берегахъ, или же дѣланіемъ изъ ключей новыхъ рѣчекъ, украсить полагаете.

Я писалъ къ Максиму Клементіевичу, чтобы онъ брата своего въ Кучеровку для надзиранія зимнихъ тамъ работъ прислалъ; а чтобъ во время пребыванія Вашего въ Гомлѣ и Топалѣ производимо было Вамъ въ мѣсяцъ по 25 рублевъ, о томъ отъ меня, кому слѣдовало, приказано. Есьмъ, впрочемъ, съ усердіемъ доброжелательнымъ слугою.

1777 года,
Генваря 28.

КАРПОВУ.

Василій Карповичъ!

Я находилъ всегда, по мнѣнію Вашему, при рапортѣ отъ прошедшаго мѣсяца и года, относительно моего хозяйства, что Чолковской волости обыватели весьма облегчены противу всѣхъ другихъ; но чтобы имъ сверхъ оброку налагаемая пенька вдругъ тягостною не показалась, то лучше впредъ обратить ихъ на работы, и обложить нѣкоторымъ числомъ берковцовъ пеньки и сѣмянъ. Къ отысканію же земли предвидятся тамъ способы ежели не при всякомъ селеніи особо, то по крайней мѣрѣ въ близости одного или другаго, на примѣръ; 1-е, отданныя слободы Климовой земли; 2 е, пустовыя чвертки, и прежде на владѣльцевъ бывшая земля; 3-е, срубы лѣса и чистки онаго.

Я хотѣлъ бы отъ Васъ точную опись получить, 1-е, о всякомъ селѣ и деревнѣ Чолковской волости, а особливо о Чертовичахъ, о которомъ по хозяйству я, со времени моего владѣнія, ни малѣйшаго извѣстія не имѣю, гдѣ какое число дворовъ и въономъ мужеска и женска пола душъ? Колико чвертокъ земли пахатной во всякой рукѣ, сѣнокосу и выгону? 2-е, Къ коему изъ оныхъ отъ Климовой слободы земля смежна? 3-е, Въ которомъ селеніи коликое число пустовыхъ чвертокъ, и оными кто пользуется изъ окладу, и какого, или безъ того? 4-е, Гдѣ есть въ какомъ количествѣ мѣры и качествѣ доброты свободная земля подъ лѣсомъ, какимъ именно:

строевымъ, или дровянымъ, и какихъ сортовъ дерева, и къ росчисткѣ на пахатныя поля, сѣножати, или выпуски для скота 15-го. Что чвертка содержитъ въ себѣ въ долготу и широту саженей, и что высѣвается на оной ржи четвертей?

КАРПОВУ.

Василій Карповичъ!

Относительно Вашего мнѣнія до дубоваго дерева, не оно ли называется терминомъ торговымъ ванчосъ, и почитается быть прибыльнымъ тамъ торгомъ? Вы можете отобрать отъ обывателей Гомельскихъ обстоятельныя извѣстія, какой мѣры, какъ оное заготовлять, и по какой цѣнѣ, куда и какими издержками выставлять. А потому и узнать не трудно, сходно ли намъ входить въ оной торгъ, или нѣтъ?

Пенька, я слышу, на Рижской бракъ до осмнадцати талеровъ въ Рягѣ купится: я бы желалъ вѣдать, по чему оная теперь въ Вашемъ краю? Какое количество оной у Васъ на лице, и какое прикупить можно, и наконецъ куда свободнѣе оную на пристань Двинскую возить, къ Витебску, или гдѣ Вамъ ближе извѣстно? и мнѣ о томъ дать знать.

1777 года,
28 Генваря.

КАРПОВУ.

Василій Карповичъ!

По доброхотнымъ Вашимъ мнѣніямъ, представленнымъ при рапортѣ прошедшаго мѣсяца и года, относительно моего домостроительства, желалъ бы я, чтобъ Вы приступили, не упуская времени, къ заготовленію и свозкѣ на мѣста, къ тому назначиваемыя, надобнаго количества бревенъ и другихъ припасовъ, и именно:

1-е. Въ Гомлѣ и Топалѣ на предполагаемыя строенія, на показанномъ Г. Алексѣевымъ мѣстѣ; и ежели бы дикаго камня и извести близко Гомля не было, то перваго надобное количество сажень до 30-ти кубическихъ, а послѣдней, по препорціи заготовляемаго кирпича, водою получать; да и кирпичные заводы въ Гомельскомъ Староствѣ не подалеку отъ Сожи, или Ипути, имѣть стараться, чтобы можно было кирпичъ везти, гдѣ оной потребенъ.

2-е. Все сіе заготовленіе и вывозки расположить въ Гомлѣ на обывателей Гомельскаго Староства, а въ Топаль, Чолковской и Топальской волостяхъ равномѣрно по числу дворовъ, или душъ, въ размѣръ ихъ окладу, или работъ, и къ которому мѣсту ближе и способнѣе.

3-е. Въ Гомель и Топаль, во всякое мѣсто, мастеровъ искусныхъ, каменщиковъ и плотниковъ, по двадцати, приторжить. Каменщиковъ обыкновенно потысячно, а плотниковъ помѣсячно, и озадаточить ихъ въ томъ, чтобы съ половины, а плотники съ 1-го Апрѣля, къ назначенной работѣ явились.

4-е. Навѣдаться о грабарахъ и другихъ земляныя работы исправляющихъ тамошнихъ, или прохожихъ, и примѣнясь о платѣ въ томъ мѣстѣ поденно, во всякую по сту человѣкъ договорить и озадачить.

Въ Гомельскомъ Староствѣ, при слободѣ Добрянкѣ, къ выстроенію пильной о трехъ, или четырехъ, рамахъ, мучной мельницы о шести камняхъ и винокурни на тридцать котловъ. Въ самомъ Топалѣ для пенечной чески. При Щербиничахъ, Новыхъ или Старыхъ Чертовичахъ, или Унитской Руднѣ, гдѣ есть выгоднѣйшее и пріятнѣйшее положеніе, на построеніе впредь дворовъ господскихъ для винокуренныхъ заводовъ на надобныя строенія количество Вамъ извѣстное.

Вамъ доброжелательный.

1777 года,
Января 28.

МОСЦИПАНОВУ.

Государь мой,

Максимъ Клементьевичъ!

Письмо Ваше съ планами и контрактомъ я получилъ; одобряя сдѣланный контрактъ во всѣхъ частяхъ онаго, приношу мою Вамъ искренюю благодарность за трудъ въ дѣлахъ моихъ, Вами на себя пріемлемой, и видя изъ Вашего письма, что флигель, гдѣ оранжерея, не отдѣланъ, налагаю на Васъ первую заботу попра-

вленіемъ онаго по плану слѣдующему, гдѣ и прошу по оному приложить стараніе Ваше. А на воротахъ, для виду, по ихъ роду архитектуры, снявъ сверху вазики и по сторонамъ кровли шишечки, на мѣсто среднихъ ставить флаги безъ всѣхъ другихъ къ тому излишествъ.

Пребываю, впрочемъ, какъ и всегда,

доброжелательнымъ слугою.

1777 года.
28 Генваря.

ЯКУБОВИЧУ.

Государь мой,

Александръ Яковлевичъ!

Трудно мнѣ изъяснить мое признаніе, которое я чувствую къ Вашимъ благодѣніямъ, и которое навсегда останется на мнѣ пріятнымъ долгомъ и обязательствомъ.

Я ласкаю себя одержать и Кіанову мельничку, и около Кислицкаго лежащій лѣсъ; желалъ бы, чтобъ уже и тотъ кусочикъ лѣсу, который лежитъ, ѣдучи отъ Бреусова въ Кочановку, въ лѣвой сторонѣ къ Петрушевскому хутору; и потому прошу Васъ при присоединеніи мнѣ оныхъ больше пріятныхъ, нежели прибыльныхъ, имѣній, не скупо платить людямъ, больше требующимъ послѣдняго, нежели перваго. Степана Петровича я благодарю при семъ влагаемымъ, особо прошу Васъ и Ивану Павловичу поблагодарить за его благосклонное предложеніе; но какъ оное дѣло зависитъ, во первыхъ, отъ сдѣлки ихъ съ шваrромъ, то мнѣ трудно теперь предположить, кому я за то обязанъ буду удовлетворить, и какою суммою денегъ, находя особливо не безъ затрудненія удовольствовать Ивана Павловича возвращеніемъ части, отшедшей въ другую сотню. Я имѣю Ивана Павловича пріятнымъ сосѣдомъ, и многія его къ себѣ благосклонности видя, ни мало не хочу въ сей сдѣлкѣ видѣть его и малѣйше въ убыткѣ, и потому прошу Васъ, какъ посредника обѣихъ сторонъ доброжелательнаго, постановить на мѣрѣ оной нашъ тройной договоръ, разумѣя между Степаномъ Петровичемъ, Иваномъ Павловичемъ напередъ, а потомъ изъ нихъ

съ которымъ и мною. Я предлагаю деньги, какъ одно средство, замѣняющее, однако же, всякое другое; и шесть тысячъ рублевъ, кажется не изъ размѣру имѣнія, о которомъ договоръ идетъ, оставляя свободу Вамъ, сходственно съ настоящей куплей имѣній недвижимыхъ, и доходу получаемаго съ сего опредѣлить сумму, съ которой бы я хотя четыре процента получить могъ.

Есмь съ истиннымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
28 Генваря.

МАКСИМОВИЧУ.

Государь мой,

Степанъ Петровичъ!

Дошло къ свѣдѣнію моему, что Вы благосклонно стараетесь о моемъ удовольствіи, предлагаете своему швагру, а моему любезному сосѣду, Ивану Павловичу, въ замѣну его хутора, смежнаго съ моимъ имѣніемъ Парафѣевскимъ, Ваше Красноколядинское, съ тѣмъ, чтобы Вы могли, на мѣсто онаго, пріискать способное къ Вашему Чернускому имѣнію. Я, Васъ благодаря найпризнательнѣе, щитаю оное Ваше дружеское ко мнѣ расположеніе новымъ титломъ Вашего на мнѣ долгу и обязательства.

Я писалъ къ Александру Яковлевичу, какъ къ посреднику между Иваномъ Павловичемъ и мною, чтобы онъ мое предложеніе ему сдѣлалъ: не знаю, будетъ ли ему сходно и Вамъ угодно? Но въ томъ прошу Васъ вѣрить, что я при всякомъ случаѣ буду стараться къ Вашей благосклонности оказать, что въ моей силѣ быть можетъ, пребывая съ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
Генваря 28-го.

БЕССИНУ.

Государь мой,

Иванъ Мартыновичъ!

Благодаря Вамъ найпризнательно за надзираніе дому моего и другія одолженія, приказалъ я Матисову вручить Вамъ на разные расходы денегъ 300 руб. Изъ письма Вашего я не вижу, мебели въ Кайнарджу, просто ли по требованію Петрова, или по письму, отсюда отпущены; и потому, желая, чтобы и всѣ мебели и обои изъ покоевъ, гдѣ Графиня жила, и изъ № 15 и 16-го, туда же отправлены и, по благопризнанію Карла Ивановича, Г. Бланка, употреблены были въ лучшихъ гостиныхъ комнатахъ и спальнѣ.

Я прошу о семъ и Карла Ивановича, а Васъ, чтобъ Вы вручяли ему сіе письмо и вѣрили о моемъ къ Вамъ всегда непреложномъ и доброхотномъ усердіи, съ коимъ пребываю

доброжелательнымъ слугою.

---

28 Генваря.

БЛАНКУ.

Государь мой,

Карлъ Ивановичъ!

Я имѣю два намѣренія: хочу воздвигнуть, во славу Божію, не большой храмъ каменной въ Кайнарджи, а Доктора Ореуса древній домъ разобрать и сдѣлать надобныя пристройки къ Московскому дому; но въ первомъ добромъ обѣтѣ надобно мнѣ Ваше пособіе, а въ послѣднемъ совѣтъ, и которыхъ я имѣвъ много на своемъ щетѣ, боюсь уже, чтобы не отклонить Васъ моими докуками. Однако, между симъ страхомъ и доброю надеждою къ доброхотству Вашему, являюсь къ Вамъ съ прозьбою, чтобъ Вы для церкви, по плану, при семъ слѣдуемому, Матисову приказали надобное количество саженъ буту и бѣлаго камня, штукъ извести и другихъ матеріяловъ на первое мѣсто, по извѣстнымъ Вамъ успѣхамъ работъ, непремѣнно потребныхъ, подрядить, и нынѣшнимъ

же путемъ на мѣсто поставить. Каменщиковъ и кирпичниковъ договорить, и надобное количество на опредѣляемое число тысячь кирпичей, дровъ саженей, искупленныхъ у мельника, или же у сосѣдей изъ продаваемыхъ рубленныхъ купя, запасти. Мнѣ кажется, старое мѣсто, гдѣ церковь была, превосходнѣе новаго, но все то, выбрать и цѣну матеріяловъ опредѣлить, Вамъ, моему искреннему другу, предоставляю, прилѣжно прося въ томъ мнѣ не отказать, такъ какъ и мнѣніе Ваше дать о ломкѣ Ореусова и о пристройкахъ. По непрочности большаго дома, не лучше ли, оной продавъ, кромѣ мебелей, новой на Покровскомъ мѣстѣ выстроить? Мебели изъ Москвы въ Кайнарджу будутъ присланы, кои прошу указать, въ лучшихъ гостинныхъ, въ спальняхъ, или гдѣ Вы опредѣлите, употребить, вѣривъ, впрочемъ, непреложному усердію, съ которымъ я всегда пребуду.

P. S. Встрѣтилось мнѣ на мысль при отправленіи сего, по разности строенія и самаго мѣста положенія дому Ореуса и Пречистенскомъ, не покажется ли Вамъ лучшимъ и удобнѣйшимъ пустить оныя порознь въ продажу? Мнѣ мнится, скорѣе найдутся къ тому и другому охотники; но я ждать буду Вашего мнѣнія, какъ въ томъ Вы опредѣлите, и о цѣнѣ, чего оно стоитъ по признанію Вашему.

Планъ церкви подъ буквами А) искуснѣйшимъ Архитекторомъ для меня сдѣланъ съ фасадомъ и профильми; В) мною съ нѣкоторыми Вамъ знакомыми помощниками; онѣ кажутся быть обѣ равной пространности внутри, но не знаю, которая по положенію мѣста приличнѣе и меньше матеріяловъ требующая. Въ фасадъ, что подъ литерою А, желалъ бы башеньки, въ нѣчемъ похожіе на прилагаемой при семъ фасадъ подъ буквою С въ карандашѣ, кромѣ фронтоновъ на аркѣ двоеглавнаго орла и фигуръ подъ фронтонами, о которыхъ, то есть, послѣднихъ, можно впредь, доколѣ до нихъ дойдетъ, опредѣлить. И какъ сіи планы мнѣ должно въ другое мѣсто отправить, то я прошу приказать, снявъ съ оныхъ копіи, удержать до востребованія моего у себя.

1777 года,
29 Генваря.
С. Петербургъ.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Благодаря наипризнательнѣйше за сообщеніе требуемыхъ плановъ и обстоятельныхъ описей, двѣ просьбы тутъ Вамъ дѣлаю, одну о справкѣ и увѣдомленіи меня, въ которомъ селѣ и деревнѣ Графъ Алексѣй Владиміровичъ единственный владѣлецъ, и въ которомъ обще съ Княземъ Голицынымъ, и что на его часть точно земли и лѣсу на правой сторонѣ рѣки Рузы, и о послѣдней цѣнѣ сего имѣнія, и совѣта ради адресуйте къ Князю Сергѣю Сергѣевичу Голицыну, благодѣтельствовать по сему дѣлу мнѣ обѣщавшему. Вторую, о присылкѣ ко мнѣ плана Кайнарджи, который, чтобы бережно везенъ, вручите съ прозьбою о томъ сами Г. Почтъ-Директору, кой не отречется меня тѣмъ одолжить. Ежели бы времени не много потребно было, то мнѣ великая надобность состоитъ въ большомъ видѣ имѣть одно положеніе дому съ садомъ, по новые пруды съ одной, а съ другой по задъ рощи, что за житницей, въ самой плоскости, что идетъ къ рѣкѣ.

1777 года,
4 Февраля.

СЕРГѢЮ МАТВѢЕВИЧУ КУЗЬМИНУ.

Нѣтъ возможности уклониться отъ докуки, кою я моею прозьбой Вамъ, моему дражайшему Другу, наношу въ разсужденіи сего подателя, удрученнаго старостію и бѣдностію. Всякая по себѣ человѣку чувствительна, а обѣ вмѣстѣ едва сносны ему: онъ былъ Секретаремъ моего покойнаго отца и съ его жизнію, такъ сказать, и свое благосостояніе кончилъ. Чувствовавъ, что Вамъ не всегда есть время и случай удовлетворять многочисленнымъ исканіямъ, знаю и то, что въ доброй къ благодѣяніямъ волѣ Вы изобилуете. И такъ я ласкаю себя, что Вы не отречетесь сдѣлать ему милость, одолжить преданнаго и любящаго Васъ душевно

всепокорнѣйшаго слугу.

1777 года,
9 Февраля.

КНЯЗЮ ГОЛИЦЫНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Сергѣй Сергѣевичъ!

Вы весьма ощутительными знаками Вашей ко мнѣ благосклонности наградили мое къ Вамъ усердіе и душевную преданность, толь поспѣшнымъ увѣдомленіемъ и стараніемъ по моей прозьбѣ, и наложили на меня обязательства. Въ описи, что имѣю отъ моего Секретаря Замятнина на деревню Графа Алексѣя Владиміровича, я не все еще тамъ нахожу, и именно: коль велико владѣніе совмѣстныхъ участковъ, и тѣмъ ли въ срединѣ дачи, въ пашняхъ ли то, лѣсныхъ или въ иныхъ состоитъ угодьяхъ? да и гдѣ Графъ Алексѣй Владиміровичъ единственный владѣлецъ, и что на его часть точно земли и лѣсу на правой сторонѣ рѣки Рузы принадлежитъ, которой все по количеству душъ не много и не больше 4000 десятинъ. И о послѣдней цѣнѣ сего имѣнія, совѣта ради, приказалъ я ему адресоваться къ Вашему Сіятельству, какъ лучшему пособію.

Брату Князю Павлу Сергѣевичу, сходственно приказанію Вашему, паспортъ посылаю, поставляя себѣ особливымъ удовольствіемъ Вамъ служить; употребляйте только къ тому всегдашнюю готовность искренно Васъ любящаго и почитающаго.

1777 года,
12 Февраля.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Вручитель сего, по надеждѣ на особливую Вашу къ нему милость, конечно, не имѣетъ нужды въ моемъ о немъ ходатайствѣ, мало нѣчто значущемъ; но благожелательствуя ему противъ воли, я симъ провождаю его къ Вашей Свѣтлости, присовокупляя всеприлѣжную прозьбу пособить ему во увольненіи на 6 мѣсяцовъ, для приведенія въ состояніе его законныхъ нуждъ, непреложно сердцемъ и душою преданнѣйшимъ пребывая.

NB. О Карлѣ Ивановичѣ Кайлоборсѣ.

1777 года,
13 Февраля.

Милостивый Государь мой,

Дядюшка, Князь Александръ Ивановичъ Борятинскій!

Я слышу, что Ваше Сіятельство намѣряетесь продать свое сельцо, со мною смежное, и можетъ быть изъ тѣхъ же причинъ, чтобы, не кстати лежащее продавъ, купить по близости и способности, какъ и я нынѣ продалъ Александру Ѳедоровичу Талызину свое сельцо, Панино. Кромѣ способности родство и моя душевная всегда къ Вамъ преданность, даютъ мнѣ къ сей куплѣ ближайшее право, а получа оное, имѣть новое титло Вашего одолженія. Я просилъ Графа Александра Петровича, чтобы онъ совершилъ сію куплю, а Васъ прошу его благосклонно принять и вѣрить, что я всегда съ непремѣннымъ усердіемъ и высокопочитаніемъ

Вашего Сіятельства.

всепокорный слуга.

1777 года,
13 Февраля.

МЕЩЕРСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Алексѣй Васильевичъ!

Имѣя нѣкоторымъ образомъ участіе въ дѣлахъ Вашихъ по завѣщанію покойнаго родителя Вашего, который меня къ тому уполномочилъ, долженъ я жалѣть, что больше недоумѣніе мое, нежели Ваше несогласіе, вводитъ меня въ новыя Вамъ докуки, а особливо относительно церковнаго строенія, и я Васъ найпризнательнѣйше прошу меня увѣдомить, сколько есть закладныхъ и на чье имя изъ Васъ, и въ тѣхъ на сооруженіе церкви денегъ опредѣленныхъ, какъ изъ завѣщанія покойнаго отца Вашего главнаго пункта?

Впрочемъ, пребываю и пр.

1777 года,
13 Февраля.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Изъ представленія ко мнѣ моего въ дѣлахъ повѣреннаго, Матисова, по двумъ артикуламъ, я имѣю большую надобность въ Вашемъ благодѣяніи и пособіи, и именно о новыхъ прудахъ, кои онъ непремѣнно полагаетъ надобнымъ вычистить, и о мельницѣ Авдѣевкѣ, чтобы по ветхости вновь выстроить; я бы желалъ пруды, уступя въ надобныхъ мѣстахъ, обдѣлать берега дерномъ отлогимъ образомъ, а мельницу такимъ, чтобы настоящая плотина была равна съ высотою воды, потребной на колеса, такъ, дабы лишняя, безъ вешниковъ чрезъ плотину просто шла, а ровъ, исходящій въ лѣвую и свою сторону, обратить въ каналъ, и обдѣлавъ его, провесть имъ воду на колеса, коимъ число опредѣлить по количеству и теченію воды, и чтобы амбаръ, плотина и каналъ съ лотоками, что на колеса, и въѣзжій дворъ отдѣланы были чисто и манерно, и амбаръ бы имѣлъ фигуру Китайскаго строенія, а въѣзжій дворъ Нѣмецкой корчмы съ покоемъ для мельника и гостей выгоднымъ, а сараемъ для помѣщенія возовъ и лошадей пространнымъ. Я прилагаю и планы тутъ идеальныя, прося Васъ, посовѣтовавъ съ благодѣтелями моими, Графомъ Александромъ Петровичемъ и Карломъ Ивановичемъ, примѣняясь Московскимъ работамъ, сдѣлать смѣту, во что оба предполагаемые артикулы обойтись могутъ, мнѣ сообщить, а къ мельницѣ заготовлять матеріалы и начать свозить. Я для оной идеи прилагаю при семъ для амбара фасадъ, а для въѣзжаго двора фасадъ и планъ.

1777 года,
16 Февраля.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Благодарю Вамъ найпризнательнѣйше за присылку плана моему лѣсу Троицкому съ принадлежностьми, и за приложенное при

томъ экономическое описаніе. Одно и другое доказываютъ мнѣ, что Вы, при искуствѣ совершенномъ, и отмѣнной трудъ, въ одолженіе мнѣ, приложить пбхотѣли, и я, считая сіе на себѣ пріятнымъ обязательствомъ, постараюсь Вамъ по возможности взаимн отслужить. Теперь, имѣя оный, ожидаю нетерпѣливо и мною прошенной и Вами обѣщанный планъ увеличенной мѣры мѣсту, что лежитъ подъ домомъ и садомъ, я желалъ бы имѣть оный планъ, начавъ отъ сарая кирпичнаго и обнявъ рощу по дорогѣ, что за ней до первой или верхней плотины новыхъ прудовъ, и перейдя оную, захватить всѣ рощи, паралельно съ садомъ и домомъ лежащія, до дороги Тройцкой въ Авдѣевку, а перейдя оную, обойтить рощу мелкую и крупную, что за житницею, спустясь лугомъ къ рѣкѣ Пехаркѣ, до впаденія въ оную двухъ рѣчекъ, Некинки и Рудневки, прося Васъ прилежно не только всю внутреннюю ситуацію положить на сей планъ, но и высоту отъ рѣки Пехарки береговъ назначить по всему сему разстоянію.

Есьмъ, впрочемъ, съ усердіемъ.

1777 года,
16 Февраля.

ЧЕРНИГОВСКОМУ ЕПИСКОПУ ѲЕОФИЛУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый мой Архипастырь!

Поздравленіе, которое сдѣлали Вы, Преосвященнѣйшій Владыко, во всепочтеннѣйшемъ Вашемъ, отъ 4-го Генваря, вступя въ Новый Годъ, служитъ мнѣ поводомъ къ заключенію навсегда, что ни отдаленность моя, ниже давнее отсутствіе не есть довольно сильны изторгнуть меня изъ Вашей памяти и отринуть отъ Вашей ко мнѣ благосклонности, къ которой не по мѣсту пребыванія моего, но вездѣ будучи въ признательнѣйшемъ расположеніи, питаю я къ Вамъ душевную мою преданность, а пользуясь симъ случаемъ, открываю предъ Вами и всеискреннѣйшія желанія мои, да послужитъ сей Новый Годъ и премногіе будущіе, моему Милостивому Архипастырю, источникомъ всѣхъ и всякихъ благощастій, льстя себя, впрочемъ, непремѣнною Вашею ко мнѣ милостію,

коей и благословенія отъ Васъ испрашивая, останусь я непреложно съ истиннымъ усердіемъ.

1777 года,
Февраля 20.

Государь мой,

Иванъ Михайловичъ Скоропадскій!

Отвѣчая Вамъ на всепріятнѣйшее Ваше, прошу мнѣ отпустить, что не тѣмъ языкомъ, кой Вы въ своемъ почтительномъ употребили, я медленно сіе исполняю. Я не имѣю при себѣ знающаго оной человѣка, будучи самъ посѣщаемъ непрерывно болѣзненными припадками и выведенъ изъ возможности; ласкаю себя по Вашему благосклонному ко мнѣ расположенію, что Вы найдете по мысли и дѣломъ готовость и добрую волю къ Вашей услугѣ. Что до казуса, о чемъ есть рѣчь, находя Васъ, мой любезный Другъ, чрезъ толь многія лѣта терпѣлива, во утѣшеніе Ваше развѣ скажу, что остается послѣ того весьма уже не въ долгѣ увидѣть исканіе Ваше справедливо рѣшеннымъ, такъ какъ мнѣ и персональное имѣть удовольствіе Вамъ подтвердить о моемъ усердіи и преданности, съ коими непреложно пребываю.

1777 года,
Февраля 25.

Для памяти Г. Адъютанту Транзею, что ему въ продаваемомъ селѣ Заяньѣ съ деревнями самому прилежно смотрѣть; и о чемъ навѣдаться отъ тамошнихъ поселянъ и сосѣдей.

Самому прилежно осмотрѣть: 1-е, все господину въ томъ селѣ или деревняхъ принадлежащее, въ домѣхъ и какова состоянія и внутренніе приборы; въ садахъ, каковой они долготы, широты, регулярные или нерегулярные и какого рода, количества и качества плодовитыя въ ономъ деревья; въ мельницахъ, сколько камней или ступъ, и какого мастерства оныхъ отдѣлка и воды количество; въ скотскихъ дворахъ, строеніе и скотъ, какого оные состоянія и въ какомъ числѣ, въ амбарахъ наличнаго хлѣба количество и доброту. 2-е, Начавъ селомъ Заячьимъ до послѣдней де-

ревни мѣстоположеніе, озера, рѣки, рощи, лѣса, и какой оные долготы, широты и первыя глубины, а послѣднія высоты, и какого роду дерево, строевое, или дровяное, и что изъ тѣхъ угодій точно владѣльцу принадлежитъ, или своимъ крестьянамъ и другимъ владѣльцамъ; какъ велика которой часть, и что въ селѣ и деревняхъ крестьянскихъ дворовъ и въ оныхъ душъ, и какъ далеко которая деревня отъ села и другихъ смежныхъ деревень.

Тамошнихъ поселянъ спросить: 1-е. О количествѣ пашни, сѣнокосовъ, по тамошнему исчисленію десятинъ или копенъ, и что въ таковыхъ долготы и широты саженъ, и что именно въ селѣ Заяньѣ и другихъ деревняхъ и пустошахъ на господина, на церковь и ко всякому изъ нихъ селенію принадлежитъ, и какова качества пахотная земля и сѣнокосъ, и какъ плодоносны?

2-е. Какіе оклады денежные или работы на нихъ нынѣ лежатъ, и въ чемъ оныя состоятъ?

3-е. Въ принадлежащихъ ко владѣнію озерахъ и рѣкахъ, какая рыба и какимъ количествомъ, всегда ли равно, или по временамъ, и въ какомъ времени года лучше ловится?

4-е. Куда они продукты господскіе въ продажу отвозятъ, какъ далеко отъ тѣхъ пристаней, при какихъ мѣстахъ и на какихъ рѣкахъ?

5-е. Не имѣютъ ли они съ сосѣдями споровъ, или иногда уже и тяжбъ съ кѣмъ, и въ чемъ оныя состоятъ, и гдѣ судятся?

У сосѣднихъ спросить о всемъ томъ, что и у тамошнихъ, а впрочемъ о состояніи промысловъ поселянъ села Заянья съ деревнями.

КАРПОВУ.

1777 года,
12 Марта.

Василій Карповъ!

Съ симъ отправлены отъ меня машинной мастеръ, для построенія новоназначенной при Добрушѣ пильни, по моделѣ посылаемой, коей присоединяя тутъ мачтабъ, я желаю, чтобъ и въ Терюховкѣ, въ чемъ можно, сходственно съ оной, исправить, разумѣя не о всемъ строеніи, но токмо о самихъ колесахъ, рамахъ,

саняхъ и поедемахъ (?), да и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ нужны маслобойни и Вы увидите въ томъ надобность. По контракту, который при семъ слѣдуетъ въ переводѣ, смотря на искуство сего мастера и по успѣхамъ его дѣлъ, производить ему уплату по третямъ года, увѣдомивъ меня между тѣмъ, гдѣ, и какого рода машины заведены будутъ, такожъ и о первыхъ по тому успѣхахъ.

Вамъ доброжелательный слуга.

1777 года
21. Марта.

МОСЦЕПАНОВУ.

Максимъ Климетієвичъ!

Отлагая отъ дня въ день мою поѣздку, по слабости моего здоровья, не хочу упустить случая, чтобы не извѣстить Васъ предварительно до моего пріѣзду, о расположеніи моемъ относительно строенія въ Харченковомъ Хуторѣ. Тамъ флигеля вновь заложены, домъ не додѣланъ. Мнѣ здѣшніе архитекторы доказываютъ, что сіе весьма регуламъ хозяйства противно, ежели работа порывками производится, и не отдѣлавъ въ одномъ мѣстѣ, за другое принимается, и что сутерены въ городѣхъ по тѣснотѣ мѣста принужденно дѣлаются, а въ домахъ деревенскихъ они вовсе не употребляются. Сему правилу слѣдуя, желалъ бы я совершить прежде въ Харченковомъ хуторѣ домикъ, но не въ три этажа, а только въ два сверхъ сутереновъ, а оные обратить въ кладовые и погреба; я планъ и фасадъ оному посылаю

Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ, не упуская удобнаго времяни, и въ Качановскомъ хуторѣ, начатые Вами преспективы, что отъ одной рощи къ дрогой ведены съ правой стороны вплоть къ березовой рощѣ, а съ лѣвой стороны до дороги, что садовникомъ назначена на полуостровъ, досажены были.

Есьмъ съ усердіемъ.

1777 года,
21 Марта.

Николай Васильевичъ!

Я увѣренъ, по Вашему ко мнѣ дружескому расположенію, что Вы не упустите удобнаго времени къ насадкѣ деревьевъ и приведеніи другихъ мѣстъ выровнять по плану садовъ, и гдѣ надобно дерномъ устлать; а что до цвѣтовъ лежитъ, то ежели бы Батуринскій садовникъ дать и самъ быть отрекся, Вы можете оныхъ требовать отъ Василія Карповича изъ Топали, къ коему я писалъ, чтобы и садовника на время къ Вамъ прислать. Въ работникахъ за деньги недостатку, конечно, не будетъ.

Есьмъ съ усердіемъ.

1777 года,
27 Апрѣля.

ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Чтобы не упустить время удобно къ строенію мельницы до моего прибытія, спѣшу Вамъ дать знать, что видя, кромѣ лишнихъ издержекъ, многія затрудненія къ строенію оной на новомъ мѣстѣ, соглашаюсь начать оную по плану, мнѣ присланному, на старомъ, и сходственно тому и дворъ мельничной расположить по способности. Что до прудовъ, то моего мнѣнія не было и нѣтъ сдѣлать ихъ и малѣйше регулярными, какъ въ Вашемъ планѣ показано, но только по берегамъ, оставя дороги на 4 аршина, кругомъ береговъ снять весьма отлого и до воды устлать дерномъ, оставляя ихъ въ ихъ настоящемъ положеніи, развѣ бы нѣкоторыя мѣста поправить и углубить, чтобы вода вездѣ равно покрыла; а по сему моему мнѣнію и прошу Васъ, иногда исчисленіе сдѣлавъ, ко мнѣ прислать.

Желаніе мое есть нѣчто въ саду перемѣнить и вновь разсадить, время къ тому удобное еще не прошло. Планъ укажетъ Вамъ, гдѣ и какъ я опредѣляю, а въ лѣсѣ недостатку быть не можетъ. Садовникъ свой, подъ присмотромъ Вашимъ и по пока-

занію найдется въ состояніи сдѣлать оное. Примѣтить хочу только о образѣ дороги: обложить надобно дерномъ на 1 футъ, а средину нѣчто съ возвышеніемъ убить пескомъ съ хрящемъ, и отъ дорогъ зачинать садить мелкимъ, а въ средину крупнымъ деревомъ, мѣшая сосну, ель, березу, липу и другія, и такъ часто, чтобы только корню было свободное мѣсто.

Я, видя по сдѣланнымъ отъ Васъ и Матисова представленнымъ смѣтамъ, что большое количество и самаго лѣсу и дровъ покупкою приготовлять полагается, а въ семъ пунктѣ съ нѣкоторымъ осмотрѣніемъ употреблять свой весьма не въ убытокъ и оскудѣніе по довольству онаго, да и въ хозяйствѣ бы сіе послужило нѣкоторою замѣною лишнихъ издержекъ.

Есьмъ съ усердіемъ.

1777 года
1-го Мая.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Въ искренности и моемъ къ Вамъ усердіи не знавъ для себя предѣловъ, нахожу всегда я въ томъ свое удовольство, когда только могу подавать Вамъ удостовѣреніе о моей преданности и навѣдыватся о Вашемъ благосостояніи. Сей случай открываетъ мнѣ къ тому путь но между тѣмъ, пока мнѣ быть въ пріятномъ ожиданіи, схотѣлось предварительно увѣдомить Васъ, что докладъ о Вашемъ произвожденіи уже поднесенъ Ея Императорскому Величеству къ апробаціи, и Вамъ теперь остается, конечно, не въ долгѣ увидѣть верхъ своего желанія, какъ справедливое воздаяніе, за службу Вамъ принадлежащее. Я со дня на другой не лучше поправляюсь въ своемъ здоровіи, да и самое настоящее время влечетъ кажется съ собою новые для меня болѣзненные припадки, и совсѣмъ почти отказалось послужить мнѣ хотя на малѣйшее облегченіе. Кланяюсь всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ, особливо Петру Петровичу, и въ заключеніе, повторяя о непреложномъ моемъ къ Вамъ усердіи, пребываю, какъ и всегда.

1777 года,
Мая 17 дня.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ПАНФИЛОВУ.

Духовнику Ея Величества.

Всепречестнѣйшій Господинъ Протоіерей,

Милостивый мой Пастырь и благодѣтель!

Хотя не мое совсѣмъ дѣло подавать свидѣтельство о достоинствахъ духовнаго сана, ниже заключать что либо въ ихъ пользу, но, убѣждаемъ будучи справедливостію, которую отдать должно сего вручителю, Отцу Михайлу, по служенію своему, конечно, довольно Вамъ извѣстному, не могу я не сказать, чтобы онъ не заслужилъ всякое уваженіе. Онъ, служа въ арміи моего предводительства въ войну послѣднюю первымъ Священникомъ и моимъ Духовникомъ, снискалъ, усерднымъ и ревностнымъ должности своей отправленіемъ, всеобщее въ томъ благопризнаніе, но видитъ себя при всемъ томъ и нынѣ нимало не взысканнымъ къ награжденію. Считалъ бы онъ въ томъ весьма уже оное, если бы Вашему Высокопревелебію угодно было явить ему руку помощи къ пристроенію его въ число придворныхъ, на вакантное мѣсто послѣ отца Іоанна, а я, какъ участникъ, пріемлю сіе для него милостивое одолженіе на счетъ свой, пребывая, впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ.

1776 года,
Мая 30 дня.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Отъ Графа Ходкевича присланъ ко мнѣ нарочной Офицеръ, для привозу къ нему патента и паспорта, которые я, хотя самъ ему доставить, отъ дня въ день откладывая свою ѣзду, цѣлыя полгода удержалъ. Онъ посредствомъ моимъ проситъ Васъ, мой Вседражашій Другъ, чтобы Карла Грабовскаго, сына и Коменданта Конной Гвардіи Польской и брата двоюроднаго того Генерала-Адъютанта Королевскаго, которому данъ орденъ Св. Георгія, въ Суздальскомъ полку сержантомъ пять лѣтъ уже записаннаго, тѣмъ же чиномъ въ Преображенкій полкъ перевесть, и на совершеніе

наукъ дать паспортъ приказали; я не могу и не хочу ему въ томъ отказать; онъ уже знаетъ, что твое есть еже миловати, и снисходительнаго опредѣленія ожидать буду, чтобы увѣдомить его при отправленіи обратномъ сего Офицера, пребывая съ душевною къ Вамъ преданностію.

30-го Мая.

СЕРГѢЮ МАТВѢЕВИЧУ КОЗЬМИНУ.

Я всегда досадую на себя, когда имѣю необходимо тѣ безпокоить тебя, мой дражайшій Другъ, докуками своими, знавъ тебя обремененнымъ многими дѣлами; но не могу уклониться, однако жъ, по извѣстному мнѣ доброхотному твоему расположенію, чтобъ не ходатайствовать и при семъ въ пользу Артиллеріи, Г. Подполковнику и кавалеру Бухволцу, въ минувшую войну со мною вмѣстѣ служившему съ отличнымъ усердіемъ и ревностію. И если довольно одобренія Провительствующаго Сената къ одержанію ему своего исканія о мызѣ, и отъ тебя зависитъ докладъ Государынѣ, то я всеприлѣжно и всепокорно прошу оказать Ваше ему въ томъ пособіе на мой счетъ, вѣривъ о мнѣ, впрочемъ, что я всегда пребываю съ душевною къ Вамъ преданностію.

1777 года,
Іюня 8 дня.

КОЧУБЕЮ.

Милостивой Государь мой,

Степанъ Васильевичъ!

Петръ Васильевичъ, отъѣзжая отсель въ Украину, искалъ моего предстательства у Вашего Превосходительства, о пособіи ему въ скорѣйшемъ и сходственнѣйшемъ препорученіи имѣній, Всемилостивѣйше пожалованныхъ; въ чемъ удовлетворяя, имѣю между тѣмъ всепріятнѣйшій случай повторить предъ Вами и о томъ совершенномъ почтеніи и истинной преданности, съ коими я всегда пребываю.

1777 года,
Іюня 8 дня.

ТУМАНСКОМУ.

Государь мой,

Василій Григорьевичъ!

Не могучи уклониться отъ усильной прозьбы Петра Васильевича, при отъѣздѣ отсель въ Украину искавшаго у меня посредства къ Вашему Высокородію, о пособіи ему въ скорѣйшемъ и сходственнѣйшемъ препорученіи имѣній, Всемилостивѣйше пожалованныхъ; я симъ оное исполняю, имѣя при томъ и то удовольство, что могу подать Вамъ и удостовѣреніе о всегдашнемъ моемъ къ Вамъ усердіи, съ которымъ пребываю.

Іюня 8 дня.

ВАСИЛІЮ КАРПОВУ.

Изъ Парафѣевки и отъ Семена Федровича будетъ доставлена къ Вамъ въ Топаль вся моя охота, которую, по прибитіи Петра Васильевича въ его деревни, отправьте къ нему при потребномъ числѣ охотниковъ, или же и всѣхъ.

Вамъ доброжелательный слуга.

Іюня 8 дня.

НИКИТѢ ЯКОВЛЕВИЧУ СТАРОВУ.

Охоту мою, что въ Парафѣевкѣ, прикажите отправить въ Топаль съ охотниками и препоручить тамъ на руки Василью Карповичу.

Вамъ доброжелательный слуга.

1777 года,
9-го Іюня.

МОСЦЕПАНОВУ.

Государь мой,

Максимъ Клементьевичъ!

На два Ваши, отъ 1-го и 18-го Мая, 2-го сего мѣсяца полученныя, служу въ отвѣтъ. Домъ Кочуровской и съ флигелями

выкрасить сѣроватою краскою, по приложенному при семъ образчику; мебели же въ оной и Ташанской самъ по пріѣздѣ опредѣлю, гдѣ какимъ быть. Впрочемъ, отлагать не худо что либо иногда дѣлать вновь, но начатое я желалъ бы кончить. И такъ жалѣю, что алеи не досажены, по недостатку дерева; что до дому въ хуторѣ Харченковомъ, Вы уже знаете, что не сему было быть отъ меня полагаемо, но зачавши уже, и его окончать надобно; для того я нѣчто сходственное съ положеніемъ мѣста и употребленіемъ опредѣлилъ отмѣнить. Правда, что печи не къ мѣсту у меня поставлены, но и въ планѣ Вашемъ сіе наблюденіе не было сдѣлано, и я нынѣ отмѣнилъ тамъ печи; сообщаю Вамъ и все, препоручая въ полную Вамъ диспозицію совершить оной сходно съ мнѣніемъ Вашимъ, и сколько можно, и съ хозяйскимъ желаніемъ. Я по Вашему лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію и извѣстному искуству и ко мнѣ доброхотству сего ожидая, всегда пребуду.

P. S. Въ новомъ строеніи, гдѣ погребъ полагался быть, Карлъ Ивановичъ, по расположенію онаго, находитъ пристойнымъ къ обращенію въ гротъ, къ тому и я имѣю желаніе; слѣдовательно, и отдѣлка его въ сутеренѣ быть должна, сходственно сему предположенію; а погребъ уже на новомъ не подалеку тогожъ мѣста въ горѣ, въ закрытіи, съ ледникомъ расположить надлежитъ.

1777 года,
9-го Іюня.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Отправляя обратно Польскаго Офицера и Вашего куріера, котораго Вы съ нимъ прислали, прошу препроводить его далѣе до мѣста. Въ разсужденіи себя, кажется, здѣсь присовокупить нѣчего, ибо удостовѣреніемъ о моей искренности и безпредѣльной предъ Вами преданности, не другое что будетъ, какъ повтореніе моихъ предыдущихъ. Я все обратилъ уже въ Вашу сторону, но терпѣніе на нѣсколько еще нужно. Послѣдуйте въ томъ при-

чѣру моему, — я хотя хочу, но, не не могучи, крѣплюсь. Будетъ однако жъ, время, что я дожду, конечно, удовольства Васъ обнять и увѣрить о истинномъ усердіи, съ коимъ всегда пребываю

Вашего Превосходительства.

покорнымъ слугою,

1777 года,
17 Іюня.

БЕССИНУ.

Государь мой,

Петръ Мартыновичъ!

Изъ сундука большаго краснаго, отъ котораго посылается при семъ и ключъ съ ерлыкомъ подъ литерою *а*, прикажите, вынявъ синей Федьмаршальскій кафтанъ, съ камзоломъ и штанами къ оному, и положивъ въ особой, такъ чтобъ никакова вреда сдѣлаться въ дорогѣ не могло, сюда прислать. Другой же чорной сундукъ, въ проѣздъ въ Москвѣ оставленной, отъ коего ключъ подъ литерою *б*, открывъ, пересушить всѣ вещи, въ ономъ имѣющіяся, и описавъ оныя, сложить опять до моего прибытія и опять ко мнѣ доставить. Между тѣмъ увѣдомить меня, кто именно изъ людей моихъ, прибывшихъ изъ Украины, обратно туда не отправлены и остаются въ Москвѣ, для чего, и на какомъ содержаніи?

1777 года,
20 Іюня.

РАЗУМОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Кирилла Григорьевичъ!

Сколь прискорбно мнѣ, что я съ тѣхъ дней точно, когда полагалъ особливое для себя удовольствіе въ Малой Россіи быть, чтобы сдѣлаться болѣе и болѣе Вашей ко мнѣ благосклонности достойнымъ, принужденъ былъ оную оставить, и здѣсь за разными недугами по сіе время задержаться, нахожусь въ трудности изъясниться; столь съ другой стороны ощущаю полное утѣшеніе по

доходящимъ ко мнѣ извѣстіямъ и на самомъ дѣлѣ, что Ваше Сіятельство и въ отсутствіе мое ко мнѣ благоволите, и что конскому моему заводу, по увѣдомленію моего Адъютанта Евреинова, положили прямое основаніе. Въ надеждѣ и желаніи пребывая скоро и лично Вамъ за все то возблагодарить, не хочу упустить случая при отъѣздѣ къ Вамъ любезнѣйшаго сына Вашего, Графа Алексѣя Кирилловича, чтобы не предварить письменно, препровождая оное всеискреннѣйшимъ желаніемъ, чтобъ онъ нашолъ Васъ, Милостиваго моего Графа, въ самовождѣлѣнномъ здравіи и благоденствіи, и чтобъ Вы, сохраняя непремѣнную Вашу ко мнѣ благосклонность, пребыли удостовѣрены, что я непреложно пребываю съ душевною преданностію

Вашего Сіятельства

Милостиваго Государя моего

всепокорнымъ и всепослушнымъ слугою.

1776 года,
Іюля 2 дня.

ЧЕРНЫШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Упустите мнѣ, Ваше Сіятельство, что я не могъ отвѣчать Вамъ на всепочтеннѣйшее Ваше отъ 30 Апрѣля такъ скоро, какъ мнѣ хотѣлось. Стеченіе разныхъ недуговъ лишило меня на нѣкоторое время сего удовольствія. Въ теперешнемъ же лучшемъ немного положеніи будучи, имѣю я по тому и пріятнѣйшій случай бесѣдовать съ Вашимъ Сіятельствомъ. Вы, мой Милостивый Графъ, въ городѣ и въ деревенскомъ уединеніи всегда себя отличаете своими упражненіями, и я щастливымъ себя почитаю, бывавъ только иногда соучастниковъ выполненія Вашихъ сораспоряженій, и особливо, что Вы меня въ числѣ выбранныхъ Вами удостоиваете занять уголокъ въ сооруженномъ въ Ерополчѣ храмѣ. Вы знаете, что я свою харю и прежде ненавидѣлъ, и никогда бы не пустился оной на изображеніе, ежели бы не предсталъ случай, коему повиноваться долженъ, а потому и по мѣрѣ предложеній Вашихъ представить какъ найскорѣе потщусь. Будучи извѣстенъ, что Ея

Сіятельство, вседражайшая Ваша Графиня, изволитъ Вамъ спутешествовать, свидѣтельствую ей мое найусерднѣйшее почтеніе, жалѣю при томъ найчувствительнѣе, что, по удаленію моему, не могу я имѣть чести видѣть лично и принять милостивыхъ моихъ благодѣтелей въ моемъ пустыркѣ, и по ихъ наставленіямъ, въ разсужденіи пріятнаго и полезнаго, оной учредить.

Г-нъ Башиловъ, сего вручитель, имѣетъ къ Вашему Сіятельству Высочайшій Указъ о дачѣ ему аренды въ Вашей Губерніи. Онъ мнѣ сослуживецъ и изъ временъ давнихъ весьма; и я моего милостиваго Графа прошу покорно оказать ему милость сходственно его исканію.

Ваше Сіятельство, отличая меня своею благосклонностію и милостію, отдадите и справедливость непреложному, совершенному высокопочитанію и душевной преданности, съ которыми пребываю

Вашего Сіятельства,

Милостиваго Государя моего,

всепокорнѣйшимъ и всепослушнымъ слугою.

1777 года,
3 Іюля.

Государь мой,

Семенъ Ѳедровичъ!

Вами послѣднія, отъ 7-го, съ приложеніями, я исправно имѣя, повторяю и подтверждаю мое признаніе и благодарность къ Вашимъ благодѣяніямъ. Въ проѣздъ мой послѣдній въ новомъ домѣ, кромѣ передѣлки половъ въ залахъ, ничего новаго не примѣтя, не помню, что проворчалъ; но сказано мнѣ, что въ замѣну невиднаго, столярная работа вся отдѣлывается, и всѣ увѣдомленія обнадеживали меня отъ одного лѣта къ другому, что кромѣ залъ, все къ концу приводится. Представьте же себѣ мое удивленіе, каково произвело прилагаемое въ копіи здѣсь письмо, гдѣ въ трехлѣтнее упражненіе, только открыты худоба кровли, неискуство мастеровъ, негодность матеріяловъ, и что отъ сего времяни полагается надежда къ поправленію; и я Васъ прилѣжно прошу, взявъ во

уваженіе, во что мнѣ сіе строеніе обошлось и подобныя увѣдомленія, предостеречъ меня отъ напрасныхъ убытковъ, и взять за мѣры къ окончанію сего строенія таковыя, чтобы по крайней мѣрѣ оно прочно и къ житію удобно было, и дать мнѣ знать, кто съ сими мастеровыми договоры, и на какихъ кондиціяхъ дѣлалъ? гдѣ они работу производили, въ домѣ ли, или въ гор ѣ? и кто отъ нихъ принималъ изъ сыраго дерева дѣланныя двери, окна и прочее? И какъ Г. Алексѣеву препоручилъ я вновь назначиваемыя въ Топалѣ и Гомлѣ строенія, тутъ же вмѣсто его опредѣлилъ быть брату Максима Климентіевича подъ его дирекціею, а мнѣ желается и обѣ залы отдѣлать нынѣшнимъ лѣтомъ, то я и прошу отыскать Максима Климентіевича, и мастеровъ штукатуровъ, чтобы оное строеніе симъ окончить, да и кровлю по его совѣту поправить.

---

3 Іюля.

МОСЦЕПАНОВУ.

Максимъ Климентіевичъ!

Я, препоручивъ Г. Алексѣеву новоназначиваемое строеніе въ Топалѣ и Гомлѣ, желалъ, чтобы Вы взяли подъ смотрѣніе свое домъ Кочуровской и опредѣлили брата Вашего, для исправленія работъ. Г. Алексѣевъ, чрезъ трехлѣтнее упражненіе, наконецъ открылъ непрочность въ кровлѣ и весьма дурную отдѣлку столярной работы, сдѣланной изъ сыраго лѣсу, и меня о томъ нынѣ увѣдомляя, обнадеживаетъ, что отъ сего времени и мастера и матеріалы лучше употребляемы будутъ. Сіе должно было меня не только удивить, но и чувствительно тронуть, увидя, вмѣсто ожидаемаго сему строенію окончанія, что Г. Алексѣевъ полагаетъ отнынѣ только мнѣ ожидать и въ работѣ успѣха и въ мастеровыхъ исправленія. При великихъ издержкахъ и терпѣніи, каковыя я понесъ, не нахожусь я въ состояніи далѣе сего поправленія ожидать; и прошу Васъ найприлѣжнѣе, сходственно прежнему Вашему положенію, и обѣ залы обдѣлать штукатурной работой, и крышку починить съ прибавкою новой черепицы, чтобы я, по понесенныхъ великихъ издержкахъ, хотя малое удовольствіе имѣть могъ онымъ строеніемъ пользоваться.

Съ усердіемъ Вамъ пребуду.

---

3 Іюля.

АЛЕКСѢЕВУ.

Государь мой,

Яковъ Никитичъ!

Я первымъ моимъ письмомъ, препоручая Вамъ назначиваемое вновь строеніе въ Топалѣ и Гомлѣ, поручилъ оставить Кочуровское подъ смотрѣніе Максима Клементіевича, брату его. Карлъ Ивановичъ, въ проѣздѣ своемъ, не примѣтилъ въ семъ строеніи ничего новаго, чрезъ время прошедшее моего оттуда отъѣзду, а по послѣднему Вашему, къ удивленію и сожалѣнію моему, узналъ, что и столярная работа вся дѣлана, не только неискусными мастерами, но и изъ сыраго лѣсу, и что Вы отнынѣ только начинаете обнадеживать меня и лучшихъ матеріаловъ употребленіемъ, и мастеровъ поправленіемъ. Но мое долготерпѣніе и иждивеніе столь велики, въ разсужденіи сего строенія, что я далѣе уже не пущаюсь, но просилъ Максима Клементіевича, чтобы онъ приложилъ все свое стараніе, въ возможномъ его поправя, конечно сего лѣта окончить.

Есьмъ, впрочемъ.

1777 года,
Іюля 11 дня.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Вы отзывомъ благосклоннаго заключенія моему къ Вамъ усердію отдаете справедливость, доброхотствуя Г. Тургеневу. Я радуюсь, что Вы въ его щастіи участіе берете, и мою готовость предъявляю всѣми образы споспѣшествовать оному; но какъ дѣла, съ которыми онъ присланъ, такъ сказать, въ самомъ еще своемъ началѣ, слѣдственно и предоставлено воздаяніе за труды и подвиги достойнымъ съ своего времени; и можно Вамъ молвить о немъ особливо Князю Григорію Александровичу, и я думаю, онъ

Вамъ въ томъ не откажетъ, когда я представлю Военной Коллегіи. Поставляя себѣ собственно въ большое удовольствіе всякой случай, гдѣ могу доказать о томъ искреннемъ почтеніи и преданности, съ коими есьмъ и навсегда буду.

1777 года,
Іюля 12 дня.

ВАСИЛЬЮ КАРПОВИЧУ.

Для домовой услуги потребны мнѣ люди разнаго возраста и лѣтъ, на примѣръ на услугу въ комнаты лѣтъ отъ 8 до 12, въ конюхи лѣтъ отъ 18 до 25; и я прошу Васъ первыхъ числомъ до 10-и, а послѣднихъ до 20, приказать выбрать изъ Гомельскихъ мѣщанъ и изъ деревень людей вида и состоянія здороваго и хорошаго изъ сиротъ, или изъ семенистыхъ дворовъ, съ обнадеживаніемъ, что они, по усердномъ прослуженіи нѣкоторыхъ лѣтъ, съ награжденіемъ увольнются въ ихъ домы обратно. И о всѣхъ оныхъ прислать ко мнѣ списки, показавъ лѣта и ростъ, мѣста и дворы и съ котораго время, и оставивъ ихъ до моей отповѣди въ ихъ домахъ.

1777 года,
20 Іюля.

Государь мой,

Андрей Дмитріевичъ!

Благодарю Васъ найпризнательно за доставленныя деревца и за Ваше стараніе, чтобъ еще достать для меня хорошихъ. Что до померанцовыхъ и лимоннныхъ, кои Вы хотите выписать изъ Константинополя, то я Васъ упреждаю, прося оное оставить, потому что мои оранжереи наполнены таковыхъ сортовъ деревьями, и что оныя не приносятъ ни пріятнаго, ни полезнаго. Отъ 26 числа минувшаго Февраля, я просилъ Васъ доставить мнѣ деревецъ Крымскихъ, а не Волоскихъ орѣховъ, каковы обыкновенно сюда Греческими купцами привозятся сухія, круглыя и продолговатыя. Вы меня весьма одолжите, если нѣсколько ихъ доставите чрезъ описанныя въ томъ моемъ письмѣ средства, и я навсегда пребуду съ особливымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ.

1777 года,
Іюля 20 дня.

БАГРАТІОНУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Иванъ Вахустичъ!

Участвуя во всемъ, Васъ касающемся, не могъ я не быть порадованъ воздаяніемъ Вашему Сіятельству, сколько справедливымъ, толь паче давно уже Вамъ принадлежавшимъ, но лишенъ будучи, по отдаленности, имѣть удовольство персонально сказать о томъ моему любезному Князю, спѣшу хотя симъ всеискреннее мое съ тѣмъ поздравленіе принесть ему, предварительно тому личному свиданію, когда я подать и удостовѣреніе о непреложномъ усердіи, съ которымъ пребываю

Вашего Сіятельства

покорнымъ слугою.

---

20 Іюля.

ГУДОВИЧУ.

Милостивой Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

По случаю воздаянія, сдѣланнаго и Вамъ справедливо, кромѣ службы и достоинствамъ принададлежащаго, оставивъ всякое изъясненіе, сколь симъ я порадованъ, спѣшу только принесть всеискреннее мое съ тѣмъ поздравленіе; ибо, будучи преисполненъ признанія и благодарности къ благодѣяніямъ вседомоваго Вашего семейства, я бы жалалъ имѣть удовольство и раздѣлить то съ ними вмѣстѣ. Но въ ожиданіи того времени, какъ я для того буду имѣть случай къ личному свиданію, сокращаю сіе удостовѣреніемъ, что я всегда съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею преданностію пребываю.

1777 года,
Іюля 27 дня.

ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Отдача мельницы Авдѣевки по контракту за 200 руб., о чемъ Вы объясняете въ письмѣ своемъ отъ 20 настоящаго, кажется съ кондиціями весьма лучшими противу того, какъ прежде; но я думаю, что и 10 десятинъ сѣнокосу составятъ также не мало, хотя дрова и все прочее потому не значатъ ничего. А посему не худо бы попытаться къ облегченію того въ контрактѣ; когда же бы Вы ни въ чемъ не успѣли, въ такомъ случаѣ заключить договоръ на томъ уже основаніи, какъ пункты ко мнѣ Вы препроводили, дополнивъ къ тому, что при окончаніи срока имѣютъ они ее отдать по описи совсѣмъ такову, какъ приняли.

Есьмъ съ усердіемъ

P. S. Я согласенъ съ мнѣніемъ Вашимъ, что въ стороннія руки всего вѣрнѣе препоручить мельницу, по объясненнымъ Вами причинамъ, какъ и для того, чтобы отдалить подобныхъ прежнему мельнику, который, такъ сказать, подъ видами разными, за безцѣнокъ имѣвъ оную на своихъ рукахъ, хотѣлъ еще и ту цѣну унизить; надѣясь, впрочемъ, что Вы всѣ указныя предосторожности возмете, дабы обезпечить сію отдачу надежными поруками и свидѣтельствами.

При отправленіи сего явился у меня здѣшній купецъ, Семенъ Григорьевичъ, который, по общему торгу съ Васильемъ Антиповымъ Кузнецовымъ, Петра Борисовича Г. Шереметева крестьяниномъ, желаетъ взять для себя эту мельницу, возвышая при томъ цѣну сверхъ 900 руб. 50 рублевъ, съ тѣмъ, что онъ за половинную часть года всегда уплачивать будетъ впередъ. Видно, что дойдетъ и до 1000, если только съ ними прилѣжнѣе поговорить; но когда бъ не нашлось уже больше, то по сему послѣднему заключить контрактъ, какъ выше сказано.

1777 года,
Августа 3.

МИЛОРАДОВИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Андрей Степановичъ!

Наконецъ я въ дѣлѣ Вашемъ одержалъ желаемое, и Вы увидите въ присоединяемой здѣсь копіи изъ Указа Правительствующаго Сената, долготерпѣніе наше награжденнымъ. Хотя подлинно пожалованіе сіе и не толь велико, но я сорадуюсь сему съ Вами искренно, какъ участвующій во всемъ Васъ касающемся, видѣвъ тутъ и важность лестныхъ выраженій въ Высочайшемъ повелѣніи, показывающихъ отмѣнный знакъ уваженія и благопризнанія къ Вашимъ подвигамъ. Не знаю того еще и нынѣ, по какой бы причинѣ оно такъ длилось; однако, какъ бы то уже ни было, забывъ прошедшее, надобно намъ всегда больше мыслить о настоящемъ. Вы обратите, по сему случаю, свою благодарность къ Семену Гавриловичу Г. Зоричу, Вашему одноземлянину, который отмѣнно употребилъ свои исканія, къ доставленію Вамъ Воронковъ, и Князю Григорію Александровичу, не меньше въ семъ способствовавшему. Что же до меня собственно, поставлю то найсовершеннѣйшимъ себѣ удовольствіемъ, если, продолжая Вашу ко мнѣ благосклонность, пребудете удостовѣрены о непреложномъ усердіи и истинной преданности, съ коими я всегда пребываю.

1777 года,
Августа 3.

УМАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Предшедшее мое отъ 3-го прошлаго Іюля должно Васъ увѣрить, въ какомъ я видѣ сдѣлалъ Вамъ мои примѣчанія о великихъ расходахъ и маломъ успѣхѣ въ строеніи; отнюдь не хотѣлъ я пенять Вамъ, такъ какъ Вы свое заключеніе на то положили; и при семъ повторяю Вамъ всѣ тѣ же слова, и что при отдален-

ности моей, когда бы не препоручилъ то Вашему благодѣтельному надзиранію, понесъ бы несравнительно величайшіе убытки, а особливо узнавъ нынѣ отъ Васъ; но дальнѣйшее изъясненіе по сему, оставляю я сказать Вамъ лично, лаская себя для того скорымъ прибытіемъ въ Украину; симъ же довольствуюсь только повторить Вамъ о непреложномъ усердіи, съ коимъ всегда пребываю.

1777 года,
Августа 3-го.

Милостивый Государь мой,

Илья Васильевичь!

Прежде нежели открылъ я письмо Ваше, зналъ уже онаго нѣкоторымъ образомъ содержаніе, что вѣдомость не весьма для Васъ пріятная есть въ томъ главною виною; и подлинно трудно, по случаю сему, остаться непоколебимымъ. Но я, знавъ, что Вы будучи удостовѣрены, съ моей стороны, что сохранить пользу дѣлъ Вашихъ изъ первыхъ есть мое упражненіе по участію, кое пріемлю я во всемъ, къ Вамъ относящемся, заключаю, можетъ быть, безъ ошибки, что Вы перенесли сіе съ тѣмъ спокойствіемъ, какое свойственно Вашему великодушію. Отдаленность моя настоящая, хотя и не выводила бы меня изъ лучшаго положенія замѣнить Вамъ то, сходственно степени Вашего чина; достоинствамъ и заслугамъ, но дабы иногда, или количествомъ, или качествомъ, не сдѣлать намъ раскаянія, я оставляю сіе къ моему прибытію въ Украину, гдѣ буду имѣть удовольство изъясниться о томъ съ Вами лично, и тогда постараюсь коль можно удовлетворить справедливому требованію Вашему. Между тѣмъ, свидѣтельствуя дражайшей Вашей супругѣ истинное мое почтеніе, обращаюсь сказать и Вамъ, что я всегда непреложно съ искреннимъ усердіемъ и преданностію есьмъ.

1777 года,
3-го Августа.

Ясне въ Богу Высокопреподобнѣйшій Господинъ Отецъ Архимандритъ

Свято-Кіево-Печерской Лавры,

Милостивый мой Пастырь!

При возвращеніи отсель обратномъ Отца Архимандрита Досиѳея въ свою обытель, въ области Турецкой находячуюсь, по поводу благосклонно оказываемаго Вами для всѣхъ гостепріимства, я осмѣливаюсь препроводить его симъ къ Вашему Высокопреподобію, какъ такого человѣка, который всегда былъ и нынѣ есть усерденъ Христіяномъ, всеприлѣжно прося оказать ему Ваше милостивое позволеніе увидѣть вся святая и велелѣпная.

Обращаясь же между тѣмъ на себя, я довольствуюсь, хотя писменно, свидѣтельствовать милостивому моему Пастырю искреннее мое усердіе, предварительно тому личному свиданію, когда буду я имѣть честь удостовѣрить о душевной моей преданности и отличномъ почтеніи, съ коими всегда пребываю . . .

Вашего Высокопреподобія

покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою.

1777 года,
Августа 3.

БРИНКУ.

Милостивой Государь мой

Иванъ Ѳедоровичъ!

Ѳедоръ Ѳедровичъ, Вашъ любезный братъ, имѣя свои надобности быть въ Курляндіи, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, просилъ моего на то позволенія, о чемъ я предложилъ Князю Александру Александровичу, дабы онъ къ тому времени прислалъ его ко мнѣ курьеромъ, и его теперешній отъѣздъ подаетъ мнѣ всепріятнѣйшій случай сказать Вашему Превосходительству о искреннемъ моемъ сорадо-

ваніи тому милостивѣйшему награжденію, коимъ Васъ справедливо за труды и услуги удостоить соблаговолили, и что я никогда быть не престану съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію.

1777 года,
Августа 3.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Здѣшняго Надворнаго Суда Президентъ, Баронъ Унгернъ Стернбергъ, желая опредѣлить двухъ своихъ сыновъ въ нашу службу изъ Польской, просилъ моего къ Вамъ ходатайства о принятіи ихъ, въ твердомъ уповании, что мой Милостивый Князь приметъ оное слѣдствіемъ его ко мнѣ снисхожденія и моей несумнѣнной надежды на его ко мнѣ доброхотное расположеніе. Челобитную съ патентомъ при семъ прилагаю, съ прозьбою, чтобъ ихъ сходственно съ чиномъ ихъ помѣщеніе, безъ персональной ихъ бытности, принять, и ко мнѣ въ команду опредѣлены были, ручаясь за достоинства ихъ. Начинаю я всякое мое письмо докукою, но заключаю всегда въ мысляхъ, преисполненныхъ къ тебѣ, мой милостивый и вседражайшій Князь, призрѣнія и благодарности, съ которыми я на всѣ дни живота съ душевною приданностію пребуду.

1777 года,
4 Августа.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Чтобъ легче было можно учинить мое представленіе въ пользу Г. Пламенца и Пѣунова, мнѣ нужно знать о ихъ службѣ, особливо же о первомъ; для чего я и прошу Васъ приказать доставить ко мнѣ таково объясненіе, вѣривъ мнѣ, впрочемъ, что я всякой случай, гдѣ могу оказать предъ Вами мою готовость ко услугѣ, поставляю для себя особливымъ удовольствіемъ, будучи съ преданностію

покорнымъ слугою.

1777 года,
Августа 6-го.

ДЕДЕНЬЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Г-нъ Геллеръ, съ похвалою служившій въ войну послѣднюю подъ моимъ начальствомъ, будучи покрытъ ранами и удаленъ, такъ сказать, отъ всякой возможности возобновить свое исканіе, взнесенное имъ прошлаго еще года въ Камеръ-Контору, о продолженіи службы, не могъ и понынѣ удостоиться въ томъ Всемилостивѣйшаго благопризрѣнія, хотя нѣкоторые и имѣли сіе щастіе. Его природа и усердная служба даютъ ему къ тому полное право, а Всевысочайшее о подобныхъ уваженіе, какъ единой изъ предлоговъ, что Ея Величество оказывать благоизволитъ, твердую надежду имѣю къ полученію; почему я, дѣлая предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ мое о семъ Офицерѣ ходатайство, какъ о служащемъ, усугубляю сею всепокорною просьбою ощастливить его Вашимъ многомощнымъ пособіемъ къ полученію справедливо ему принадлежащаго, обращаясь между тѣмъ и о себѣ сказать и о совершенномъ моемъ высокопочитаніи, съ коимъ пребываю.

1777 года,
Августа 9 дня.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Имѣвъ отъ Васъ доставленнымъ объясненіе о Г. Пламенцѣ, я удовлетворяю Вашему о немъ предстательству и собственному моему исканію оказать мою готовость Вамъ на услуги, здѣлавъ мое въ пользу его и Г. Пѣунова представленія Сенату, кои при семъ, сходно Вашей воли, къ Вамъ препровождая, заключаю сіе истиннымъ удостовѣреніемъ, что я всегда преданъ съ непремѣннымъ усердіемъ.

1777 года,
12 Августа.

МОСЦЕПАНОВУ.

Государь мой,

Максимъ Климентіевичъ!

Не безъ сожалѣнія о деньгахъ, но больше еще о времени потерянномъ, видѣлъ я описаніе Ваше о непрочномъ и, такъ сказать, прежде окончанія падущемъ Кочуровскомъ строеніи; и чтобы, поступая на дальнѣйшіе убытки, не подвергаться подобнымъ же слѣдствіямъ, каковы Вами нынѣ усмотрѣны, спѣшу упредить о кровлѣ, ежели не начали, чтобы оную не крыть черепицею, какъ по признанію Вашему негодною и не отвѣчающею роду строенія, предоставляя Вамъ покрыть по лучшему Вашему усмотрѣнію; а ежели бы начали, или бы уже часть великую покрыли, то прошу предостеречь, по крайней мѣрѣ, отъ течи, какъ о первомъ или главномъ въ кровлѣ предметѣ. Равномѣрно печи и веденные изъ нихъ борова расположить такъ, чтобы ни малѣйшей опасности строеніе, слѣдовательно, и жители онаго, не подвергались. Согласуясь, впрочемъ, со всѣми Вашими примѣчаніями, разсужденіями и опредѣленіями, ласкаю себя, что при доброхотномъ Вашемъ ко мнѣ расположеніи, подъ искуснымъ и прилежнымъ Вашимъ надзираніемъ, буду я имѣть удовольствіе скоро видѣть сіе, къ паденію клонящееся, зданіе возстановленнымъ и къ житію въ удобность приведеннымъ, и скорѣе еще изустно мою Вамъ признательнѣйшую благодарность за то и другія понесенные труды сдѣлать.

1777 года,
12 Августа.

УМАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Өедоровичъ!

Изъ предыдущаго моего, отъ 3-го настоящаго, видѣли Вы содержаніе моей одной только Вамъ жалобы на убытки, и что я несравненно тѣмъ больше еще понесъ бы, если бъ не ввѣрилъ то

благодѣтельному Вашему надзиранію; а теперь, получа щеты отъ Максима Климентіевича, долженъ я сказать потому же, что надзираніе, по заключенію моему, было не лучшее и смотрителей и строителей, ибо какъ въ мой проѣздъ оставлено что было 775 году, то и нынѣ только есть, съ тою разницею, что одно изсохло, другое согнило, и домъ весь, такъ сказать, приблизился къ разрушенію. Я пишу теперь къ Г. Мосцепанову, чтобъ онъ воудержался покрывать оной черепицею по причинамъ, которыя увидите Вы въ спискѣ, тутъ присоединенномъ; и будучи уже при самомъ моемъ отсель отъѣздѣ, я оставляю дальнѣйшее изъясненіе личному свиданію, когда буду имѣть удовольствіе повторить Вамъ и о непремѣнномъ моемъ усердіи, съ которымъ пребываю.

1777 года,
12 Августа.

ЕЛЬЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Хотя и прошло тому не малое уже время, что я, собираясь со дня на другой посѣтить мѣста Ваши, встрѣчалъ вопреки для себя нѣкоторыя препятія, задержавшія меня до сего въ семъ мѣстѣ, но напослѣдокъ идетъ по желанію, и я, отправивъ сего курiера, по слѣдамъ его, конечно, прибуду въ мою Губернію и посѣщу Кіевъ, гдѣ льщу себя найти Вашимъ благодѣтельнымъ пособіемъ все такъ готовымъ и приготовленнымъ, какъ было то минувшаго года. Свидѣтельствуя, между тѣмъ, предварительно мое почтеніе всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ, имѣю удовольство сказать Вамъ и о непреложномъ усердіи, съ коимъ всегда пребываю.

1777 года,
Августа 23.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Я не могу не дать мѣста просителямъ о ходатайствѣ у Васъ въ ихъ пользу. Многіе знаютъ Ваше похвальное расположеніе къ

добродѣянію, знаютъ опять и Ваше благосклонное ко мнѣ снисхожденіе; а сего вручитель, Отецъ Михаилъ, бывшій въ Арміи моего предводительства Первымъ Священникомъ и по его службѣ, и будучи мнѣ Духовникомъ, отмѣнно заслуживаетъ мое признаніе. Преосвященные и Ея Величества Духовникъ, обѣщали мнѣ явить ему помощь въ приличномъ награжденіи за подвиги его, и помѣстить на вакантное мѣсто при Дворѣ Высочайшемъ; но онъ надежнѣйшимъ себѣ считаетъ Ваше къ тому пособіе, о чемъ всеприлѣжно Васъ прося, всякое благодѣяніе, которое ему оказать изволите, поставлю я въ щетъ новыхъ себѣ обязательствъ. Пребываю съ непреложнымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
Августа 25.
С. Петербургъ.

ОРЛОВУ.

Милостивый Государь мой,

Григорій Никитичъ!

При отъѣздѣ моемъ отсель, первою должностію моею щитаю отдать справедливость всѣмъ чинамъ, у разныхъ должностей при мнѣ отъ Двора находившимся, по Всевысочайшему соизволенію, за ихъ услугу, которую оказали мнѣ они во время моего здѣсь пребыванія. Я изъ между ихъ особливо обязаннымъ себя щитаю о пользѣ мундшенскаго помощника Красняковскаго, истопника Потѣхина и фершала Пробизнаго, просить В-го П. всепокорно и всеприлѣжно, не оставить явить имъ Ваше милостивое благопризрѣніе исходотайствованіемъ при удобномъ случаѣ первому въ мундшенки, на мѣсто теперь того чина порожнее, а послѣднихъ въ помощники; между тѣмъ, обращаясь на себя, приношу я мою всепризнательнѣйшую благодарность за Вашу ко мнѣ отмѣнную благосклонность, пребывая непреложно съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ семъ мѣстѣ получилъ я на почтѣ С.-Петербургской письмо ко мнѣ изъ Молдавіи, которое всеподданнѣйше при семъ Вашему Императорскому Величеству подношу.

Доздѣ путь мой совершивъ по нелутчему здоровью и весьма худымъ погодѣ и дорогѣ не весьма выгодно, и такъ сказать, не приведя дѣла свои въ лутчей порядокъ, поспѣшить стараюсь въ сихъ же дняхъ отправиться далѣе и къ моей должности. Здѣсь, и гдѣ я въ своемъ ни бываю, всегда прославлять долженъ и не престану, щедроты Вашего Императорскаго Величества, на меня толь изобильно изливаемыя Всевысочайшія Вашего Императорскаго Величества милости. Повергаясь, повергаю себя къ подножію со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ,

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Г. Р. З.

Сентября 2 дня,
1777 года.

ОТЪ ГОСУДАРЫНИ.

Графъ Петръ Александровичъ! По сдѣланному Вамъ отъ Хана Крымскаго отзыву о выпускѣ безпошлинномъ пятнадцати тысячъ овецъ изъ Малой Россіи и другихъ ближайшихъ къ границѣ мѣстъ, Я не нахожу въ томъ ни какова препятствія, тѣмъ болѣе, что такое количество не вдругъ, но развѣ въ нѣсколько времени искуплено быть можетъ, что предоставляю на Ваше распоряженіе. Пребываю къ Вамъ всегда доброжелательная.

Въ Царскомъ Селѣ.
Сентября 2 дня,
1777 года.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Я имѣлъ найчувствительнѣйшее обрадованіе получить еще здѣсь Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества съ

приложеніемъ выписки изъ древнихъ Государственнаго хозяйства обрядовъ, и пріемлю оное знакомъ Всемилостивѣйшаго и въ отдаленности о мнѣ благоволенія, въ которомъ я утверждаю единственно все мое благополучіе.

Подобные изъ старины остатки весьма доказываютъ основательное Вашего Императорскаго Величества о перемѣнахъ древнихъ и новѣйшихъ заключеніе, что въ первыхъ, при всѣхъ недостаткахъ математическихъ правилъ, способовъ и средствъ, стараніе, однако жъ, прилагаемо было къ возможныхъ смѣтамъ и соображеніямъ, въ разсужденіи окладовъ и сборовъ въ податяхъ; а въ послѣднихъ и въ нѣкоторомъ родѣ просвѣщенія уже будучи, бралися всегда за скорыя и строгія, натурально и за разрушающія всякую связь порадка мѣры.

Все сіе, однако же, Всемилостивѣйшая Государыня, теперь на лутчемъ пути. Благотвореніе Вашего Императорскаго Величества къ народамъ, Вамъ подвластнымъ, и образы Вашихъ высокихъ и великодушныхъ расположеній суть въ томъ неизмѣннымъ намъ залогомъ, что Ваше Императорское Величество приведете сію, какъ главную часть Государственнаго хозяйства, въ сходственное съ физичнымъ и моральнымъ онаго добромъ положеніе, слѣдовательно, и съ пользою народною, которая есть главнымъ артикуломъ всѣхъ Вашихъ предположеній, и что великія Государства Вашего многолюдствомъ провинціи, имѣя недостатокъ въ землѣ, могутъ удѣлить изъ количества своего большее число людей на обселеніе обширныхъ пустошей, или степей, и, натурально, таково размѣрное въ людяхъ и земляхъ учрежденіе принесетъ и сугубую дань противу настоящей.

Долголѣтствуйте, Всемилостивѣйшая Государиня, неприкосновенно ни малѣйшимъ непріятностямъ до самаго позднѣйшаго предѣла, для благополучія Вашихъ подданныхъ, и Небо, одарившее Васъ свойствами и качествами къ удивленію всего и къ ощастливленію великой части свѣта, да изліетъ на Васъ всѣ свои доброты! Сего Вамъ всеусерднѣйше желаетъ повергающійся къ стопамъ Вашимъ во всеглубочашемъ благоговѣніи и имѣющій щастіе быть

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Г. Р. З.

Сентября 10 дня,
1777 года.
Буртники.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Благодѣянiи Ваши стали уже извѣстны и въ семъ мѣстѣ, и Вы, содѣлавшись, какъ бы опекуномъ добротворить, не досадуйте на меня за докуки, кои я толь часто Вамъ дѣлаю, въ пользу неотступно требующимъ отъ меня къ Вамъ о ходатайствѣ.

Господинъ Президентъ Унгернъ-Стернбергъ, служба коего и личныя достоинства суть главныя причины къ справедливому его исканiю, вторично нынѣ посланному къ Князю Александру Алексѣевичу для представленiя Ея Величеству, въ томъ просилъ меня, чтобы и Вы, милостивый мой Другъ, не отказались явить для него свое милостивое пособiе къ одержанiю искомаго. Я симъ усугубляю его прозьбу предъ Вами, прося всеприлѣжно и всепокорно, въ собственное мнѣ одолженiе, оказать ему Ваше благодѣтельное вспомоществованiе, вѣривъ, впрочемъ, всегдашнему моему къ Вамъ усердiю и непреложной предаиности, съ которыми есьмъ.

1777 года,
10 Сентября.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Господинъ Призидентъ, Баронъ Унгернъ, хвалился мнѣ весьма много твоею къ нему благосклонностiю; и хотя не нужна была бы по тому моя всеприлѣжная прозьба предъ тобою, мой милостивый Князь и вседражайшiй Другъ! въ одержанiи имъ искомаго, по его всеподданѣйшей, при особомъ къ Вамъ провожаемой, но я, исполненъ будучи, сколь къ личнымъ его достоинствамъ уваженiя, толь наипаче признательнѣйшей благодарности за его благодѣтельное меня одолженiе, всепокорно прошу полное по его чину жа-

лованіе ему исходатайствовать, вмѣстѣ съ Семеномъ Гавриловичемъ, котораго о семъ особливо я прошу. Сокращаю сіе не лестнымъ удостовѣреніемъ о непреложномъ моемъ усердіи и сердечной преданности, съ которыми никогда быть не престану

Вашего Сіятества

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
14 Сентября.
Изъ Буртника.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Григорій Александровичъ!

Будучи уже, такъ сказать, на выѣздѣ отсель, получилъ я съ обыкновеною почтою рапортъ отъ Князя Прозоровскаго, къ поднесенію Ея Императорскому Величеству симъ провождаемый при моемъ всеподданнѣйшемъ, который по прочтеніи всепокорно прошу Вашу Свѣтлость удобнымъ случаемъ приказать ко мнѣ доставить. Я не знаю, ежели бы съ куріеромъ оной посланъ былъ, какимъ бы образомъ мимо Васъ сюда могъ быть отправленъ, давши мое повелѣніе нарочно посланному, чтобы куріеры, ему повстрѣчавшіеся, являлись у Вашей Свѣтлости, какъ я о томъ и съ Вами снесся.

Я здѣсь остался долѣе, нежели полагалъ, по причинѣ встрѣтившихся мнѣ неожидаемыхъ, хотя въ выигранномъ моемъ процесѣ, привязкахъ. Не уважая на все мое снисхожденіе къ доброму сосѣдству и дружбѣ домашнихъ моего соперника Г. Сиверса, даже что деньги отъ меня взносимыя, не хочетъ иначе принять, какъ въ монетѣ точной серебряныхъ рублей, которыхъ натурально трудно такъ скоро достать; завтре, однако жъ, брося все, ѣду далѣе и къ моей должности. Впрочемъ, желая, чтобы сіе мое нашло Васъ, любезнаго и вседражайшаго моего Князя и Друга, въ наилучшемъ благодеиствіи, и чтобы Вы, сохраняя ко мнѣ непрерывно свою благосклонность, пребыли удостовѣрены о совершенномъ моемъ къ Вамъ усердіи и душевной преданности, съ которыми всегда я пребываю непреложно.

1777 года,
Сентября 15.
Буртникъ.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Г. Бригадиръ Цеймарнъ, усердно служившій въ войскѣ, за ранами и по болѣзнямъ, которыя получилъ онъ, будучи многократно на сраженіяхъ, противъ воли его принужденъ испросить увольненіе и Вашему Сіятельству поднести особливую свою прозьбу объ арендѣ къ поправленію скуднаго его состоянія, хотя бѣднѣйшимъ пропитаніемъ, по коей милостиваго моего Князя всеприлѣжно прося не лишить его благодѣтельнаго пособія, обращаюсь я на себя повторить о совершенномъ усердіи и душевной преданности, съ которыми никогда быть не престану

покорнымъ слугою.

1777 года,
17 Сентября.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Господинъ Штатъ-Галтеръ Дерптской Эссенъ изъ тѣхъ самихъ, что я съ Вашимъ Сіятельствомъ отмѣчать условился, представитъ Вамъ свою прозьбу о арендѣ. Онъ сколько по усердной, столь и по долговременной службѣ заслуживаетъ милостивое уваженіе Вашего Сіятельства, и я, пользу его препоручая благодѣтельному Вашему пособію, имѣю удовольство сказать Вамъ и о непреложномъ почтеніи и душевной преданности, будучи и проч.

1777 годз,
17 Сентября.

ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Григорій Александровичъ!

Ближній мой въ Лифляндіи сосѣдъ и пріятель, Г. Генералъ-Маіоръ Ренне, на случай, если бы когда, по предстоящимъ ему въ дѣлахъ его необходимостямъ, принужденъ былъ отозваться, просилъ о моемъ ходатайствѣ къ Вашей Свѣтлости. Не могъ я ему отказать того, нося на себѣ нѣкоторую обязанность кь его благодѣяніямъ, и знавъ его, провождая къ Вамъ, вседражайшій мой Князь и вселюбезный Другъ, всеприлѣжную и всепокорную прозьбу, Вамъ желаю въ милость его принять и не лишить Вашего многомощнаго пособія, вѣривъ, впрочемъ, о мнѣ, что я никогда не престану бытъ съ душевною преданностію

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
4-го Октября.

КАХОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Михаилъ Васильевичъ!

Отъѣзжая изъ Гомля, пріятнымъ долгомъ щитаю я для себя повторить предъ Вашимъ Превосходительствомъ мою всепризнательную благодарность за всѣ почести и угощенія, что оказать мнѣ Вы изволили въ проѣздѣ моемъ чрез Могилевъ, и за дружеское Ваше меня здѣсь посѣщеніе. Тутъ пользоваться я могу, по благосклонному Вашему ко мнѣ расположенію, препоручить благодѣтельному Вашему призрѣнію и моего эконома, если бы въ чемъ либо дѣлалъ къ Вамъ представленіе, касательно моихъ тутошныхъ владѣній, и возобновить всеприлѣжную и всепокорную прозьбу о дачѣ повелѣнія къ переводу магазина въ Бѣлицу, какъ о томъ мы говорили, между же тѣмъ имѣю случай и ко удосто-

вѣренію, что я съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію никогда быть не престану

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

1777 года,
Октября 9 дня.

ОСТЕРМАНУ.

Милостивый Государь мой,
Графъ Иванъ Андреевичъ!

Я имѣлъ особливое удовольство получить Вашего Сіятельства всепочтеннѣйшее письмо. Ваше Сіятельство награждаете правосудно мое усердное исканіе Вашей дружбы и искреннюю преданность своими благосклонными ко мнѣ расположеніями, и я Васъ благодарю найпризнательнѣе за выраженія, найобязятельнѣйше въ письмѣ Вашемъ сдѣланныя, и за оказанныя учтивости отъ управителя Вашихъ деревень, коихъ положеніе превосходитъ все, что только хорошимъ быть можетъ названо, а въ недостаткѣ лѣса изобилуете Вы способами имѣть его по выбору, каковъ хотите: я разумѣю Двину.

Я всеприлѣжно прошу Васъ, мой милостивый Графъ, не лишить меня удовольствія всепріятной съ Вами переписки и не досадовать на мои частыя докуки. Депеши съ симъ куріеромъ состоятъ въ пагубной смерти Господаря Гики и бунтѣ, возставшемъ въ Крыму, по поводу будто вводимаго Ханомъ регулярства, но причина сія случайная, а прямая работа Турецкая.

Никогда я не престану быть съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію.

1777 года,
9 Октября.

УМАНЦУ.

Государь мой,
Семенъ Өедоровичъ!

Я уповаю скоро быть въ Глуховѣ, и тамъ основать свой домъ; къ сему, конечно, нужно заготовить разныхъ видовъ дровъ и изъ

Кочуровки сѣна для лошадей, числю которыхъ къ моему употребленію прошу съ Никитою Яковлевичемъ опредѣлить. Надѣюсь на Ваше благодѣтельное стараніе, что все то скоро одно приготовлено, а другое, чего въ наличности нѣтъ, искуплено будетъ; повторяя симъ о моемъ искренномъ къ Вамъ усердіи, съ которымъ непреложно пребываю послушнымъ слугою.

1717 года,
9 Октября.

Государь мой,

Никита Яковлевичъ!

Я получилъ письмо Ваше о томъ, что Вы уже въ Глуховѣ. Мнѣ хочется всѣ свои вещи и людей изъ Парафѣевки туда перевезть, и тамъ учредить все къ своему пребыванію. Для чего испросите отъ имени моего у Семена Васильевича подорожную чрезъ Конотопъ, или какъ найдете лучше, еслибы лошадей своихъ, число было или недостаточно, или же по недостатку фуража въ томъ городѣ содержаніе оныхъ не сходно. Впрочемъ, во всемъ посовѣтуйтесь съ Семеномъ Ѳедоровичемъ, а мнѣ же вѣрьте, что я съ непремѣнныхъ усердіемъ послушный слуга.

1777 года,
9 Октября.

ВЛЬЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Письмо Ваше отъ 4-го настоящаго, при которомъ присоединили, Ваше Превосходительство, ко мнѣ другія, имѣлъ я удовольство получить. За всѣ въ ономъ выраженія, что Вы относите, оставляя принесть мою всеискренную Вамъ благодарность личному свиданію, которое, уповаю, будетъ столь скоро, сколь мое есть въ томъ нетерпѣливое желаніе ко удостовѣренію Васъ о моемъ непреложномъ къ Вамъ усердіи, заключаю сіе повтореніемъ стараго и всегдашняго, что я непреложно съ истинною преданностію пребываю.

P. S. При семъ слѣдуетъ мой ордеръ къ Генералу Князю Прозоровскому и Ржевскому, которые прошу отправить съ нарочными, первый чрезъ Кременчугъ, если не найдете Вы другой къ тому ближайшей дороги, послѣдній Вамъ уже извѣстнымъ каналомъ.

1777 года,
19 Окрября.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Бравъ всегда истинное участіе во всемъ, что только Вамъ благополучнаго быть можетъ, радуюсь и усердно поздравляю со всѣми милостьми, Вамъ показанными.

Правосудіе Васъ награждаетъ за добротвореніе ежедневное къ ищущимъ Вашего пособія. Продолжайте поступать сходственно Вашему добродѣтельному расположенію, и утѣшайтесь воздаяніемъ, съ тѣмъ никогда нераздѣльнымъ Ея Величества благоволеніемъ, Государскимъ признаніемъ и похвалой всеобщей. Сего Вамъ желаетъ искренно Васъ любящій

покорный слуга.

1777 года,
Октября 19.

РАЗУМОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Кириллъ Григорьевичъ!

Жалѣя безмѣрно о наглой поступкѣ, что оказалъ въ пропускѣ для Вашего Сіятельства провизіи на заставѣ Аршукъ, нашелъ я способъ, хотя тѣ зависимы и не отъ моего расположенія, удовлетворить Вашему требовачію. Я, благодаря Вашему Сіятельству за выраженія, въ письмѣ Вашемъ сдѣланныя, долженъ тутъ увѣрить, что желаніе мое было упредить Вашего Сіятельства личнымъ свиданьемъ, для изъявленія предъ Вами моей безпредѣльной пре-

данности; но къ тому времени пользуясь я теперь симъ случаемъ, на удостовѣреніе о всесовершенномъ высокопочитаніи, съ которымъ быть никогда не престану

Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшимъ слугою.

1777 года,
Октября 19.

КНЯЗЮ НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ РЕПНИНУ.

По претерпѣніи не наводненія, а чуть не потопа, не неприлично навѣдаться о друзьяхъ своихъ, и скажи мнѣ, мой вседражайшій Князь, гдѣ ты въ то время былъ? Я всеусердно желаю, чтобы не коснулось ни тебя, ни домашнихъ твоихъ, ни малѣйше сіе злоключеніе, ни дому твоему, который только что въ отдѣлку къ сему неожидаемому случаю приходилъ, и не сдѣлало новаго тебѣ убытка. Что до меня, то я, и дома будучи, все странствовалъ. У меня не вода и не огонь, да не знаю, что все глотаетъ и сокрушаетъ, и нигдѣ ничто ни растетъ, ни зрѣетъ, ни спѣетъ, ни собирается. Можетъ быть, этому и быть надобно, чтобы чужое казалось лучше своего, и мы бы къ своему не привязывались; могло бы быть и то не худо, ежели бы физическое добро насъ не оставляло.

Вѣстей отсюда хорошихъ и ждать не надобно. Я двѣ посылаю не весьма пріятныя: одну, что Гикѣ голову отсѣкли, другую, что Татары взбунтовались. Причины прямыя не извѣстны, а слѣдствія ихъ окажутъ намъ; однако же, на все готовымъ быть надобно, не знаю, естьли только всегда къ тому удобность и возможность. Обстоятельнѣе узнаете отъ Графа Никиты Ивановича.

Порадуй меня, и скажи мнѣ хотя словечко о себѣ, а нѣкогда припомни и обо мнѣ. Всей твоей дражайшей фамиліи свидѣтельствую мое усердное почтеніе и пребуду съ непреложнымъ усердіемъ и душевною преданностію.

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
21 Октября.

ГУДОВИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Андрей Васильевичъ!

Благодарю Васъ всепризнательнѣйше, любезный мой Другъ, за присланную мнѣ Вашего сѣдла прекрасную лошадь; хотѣлъ бы я на томъ же пунктѣ явить и мое предъ Вами взаимство, но сомнѣваясь уравномѣрить услугу, по многимъ причинамъ, льщу себѣ, что развѣ въ другомъ чемъ либо, если только Вы дадите случай, найдусь я въ состояніи оказать мою готовость на выполненіе повелѣній Вашихъ, будучи Вамъ съ истинною преданностію и отличнымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою.

1777 года,
25 Октября.

РЕПНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Трудно мнѣ подлинно свое сыскивать, разбросавъ оное безъ памяти при послѣднемъ отъѣздѣ; однако же, за первое взялся отыскивать планы театровъ, кои не знаю самъ, какъ вырылъ и при семъ посылаю. Мнѣ помнится, что одинъ теперь уже былъ застроенъ. Тутъ развѣ на внутреннее украшеніе нѣчто изъ сего употребится; но мой милостивый Графъ, какъ искусный строитель, найдетъ для себя и мѣсто и работу, а по сему мнѣ остается токмо желать, чтобы силы охотѣ его отвѣчали.

Отсюда все, что сказать могу, состоитъ въ подтвержденіи прежде сказаннаго. Сего податель, очевиденъ многому, лучше Вамъ перескажетъ, а я, свидѣтельствуя мое почтеніе Вашимъ домашнимъ, пребуду съ истиннымъ къ Вамъ усердіемъ и душевною преданностію

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
26 Октября.

ЕЛЬЧАНИНОВУ.

Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Я не могу довольно живо представить Вашему Превосходительству того обрадованія, которое производитъ во мнѣ искренняя моя къ Вамъ преданность, услышавъ отъ весьма достовѣрныхъ людей о Вашемъ повышеніи. Указа о семъ, хотя я и не имѣю, но спѣшу предварительно дать тому полную вѣру, поздравить Васъ, любезнаго моего Друга, сею давно Вами жданною перемѣною, и повторить тутъ и о непреложномъ моемъ усердіи и совершенномъ почтеніи, съ которыми быть никогда не престану.

1777 года,
26 Октября.

ПРОСТОКВАШИНУ.

По предложенію моему, Малороссійской Коллегіи данному, о выдачѣ 27,555 рублей въ число полученныхъ мною уже за сервизъ, Всевысочайше въ вѣдомство Казенное назначенный, прошу Васъ оныя деньги изъ скарбу Малороссійскаго принять и содержать у себя до времени.

Есмъ съ истиннымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
Ноября дня.
Вишеньки.

ГОЛИЦЫНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Дмитрій Михайловичъ!

Ваше Сіятельство пеняли на мое молчаніе, когда я былъ внѣ всякаго, такъ сказать, бытія и удаленъ отъ всего; и для того

отыскавъ свое и сближась съ Вами при первомъ семъ случаѣ, хочу Вашему Сіятельству доказать, что обѣщанія мои могутъ быть медленны, но увѣряю, что они всегда вѣрны. Посылаю Вамъ обѣщанные стволы, фузейной и пистолетные лучшей работы, кои я между Турецкими видѣлъ, и желаю, чтобы они у Васъ, какъ знатока, заслужили Вашу благоугодность. Теперь боюсь, чтобы Вы не стали пенять на мои докуки, коими я безпокоить Васъ не рѣдко буду, и начинаю возобновленіемъ моей прозьбы о крышкахъ на блюды, чтобы Ваше Сіятельство приказали, по сообщенной Вамъ цѣнѣ, сдѣлать на два большія овальныя, что на флангахъ, на четыре среднихъ овальныхъ, на четыре меньшихъ овальныхъ, на два круглыхъ большихъ, на четыре круглыхъ среднихъ, на четыре круглыхъ, на четыре четвероугольныхъ, на четыре треугольныхъ; а что до украшенія лежитъ, то я желалъ бы имѣть на двухъ большихъ овальныхъ, что на флангахъ, и на двухъ большихъ круглыхъ, сходное теремамъ и потъ о леямъ, или же бы вѣчто фигурнова изъ охоты и рыбной ловли, на всѣхъ иныхъ разные фрукты и сдѣлать точно такъ на жатахъ, или на присланномъ отъ Васъ рисункѣ изображено, и кои я Вамъ здѣсь возвращаю. Деньги тотчасъ чрезъ Г. Прешеля переведу, какъ скоро получу отъ Вашего Сіятельства ассигнацію.

Я осмѣливаюсь приложить здѣсь нашу, поданную мнѣ отъ моего кухмистера, и употребить прозьбу мою о Вашемъ милостивомъ въ томъ ему пособіи, а впрочемъ, лаская себя продолженіемъ Вашей драгоцѣнной благосклонности, увѣрить, что я непреложно съ отличнымъ къ Вамъ почтеніемъ и къ благодѣяніямъ Вашимъ чувствительнымъ признаніемъ навсегда пребуду.

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Ваше Императорское Высочество должны быть моихъ сердцевидцемъ, а потому и опредѣлите степень удовольствію моему, каково я ощущаю изъ всякого случая, гдѣ Вы меня находите способныхъ и употребительнымъ на Вашу услугу.

Произвожденіе Офицерамъ полку Вашего, сходственно волѣ Вашей, Милостивѣйшій Государь, я здѣлалъ, исключительно Ма-

іоровъ, коихъ произвожденіе выше предѣловъ моей власти. Лошади для полку Вашего Императорского Величества готовы, и я ожидаю только удобнѣйшаго времени и пути къ ихъ отправленію.

Что до окрестныхъ обстоятельствъ, то они вообще предзнаменуютъ близкую войну, и я не осмѣливаюсь рѣшительно судить, что для насъ полезнѣе: прямая война, или непрестанное ополченіе и бдѣніе? Не дерзаю гадать по извѣстному мнѣ Вашему человѣколюбію, что Вы, Милостивѣйшій Государь, сохраненіе подданныхъ отъ кровопролитія предпочтете всякому убытку, естьли оное со славою и достоинствомъ Государства могло быть предъобережено; и прилѣжно молю Всевышняго, да удовлетворитъ онъ сему Вашего Императорскаго Высочества благоразумному къ отечеству расположенію; а въ противномъ случаѣ, и естьли жребій военачальства на меня падетъ, то позвольте Ваше Императорское Величество уповать на всемощное Ваше покровительство и благопризрѣніе изнемогающему въ силахъ, но истинно ревнующему о добрѣ и пользѣ отечества, повергающемуся къ ногамъ Вашего Императорскаго Высочества во всеглубочайшемъ благоговѣніи.

Вашего Императорскаго Высочества
всенижайшій рабъ
Г. Р. З.

Ноября 24 дня,
1777 года

Всемилостивѣйшая Государыня!

По случаю отправленія ко Всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества Двору курьера, въ самой торжественной день тезоименитства Вашего, удостойте, Всемилостивѣйшая Государыня, принять всенижайшее поздравленіе отъ усердно желающаго Вамъ, при многолѣтномъ и совершенномъ здоровьѣ, всѣхъ помысльныхъ удовольствій, и въ найглубочайшемъ благоговѣніи повергающагося къ ногамъ Вашимъ.

Вашего Императорскаго Величества.
всеподданнѣйшій рабъ
Г. Р. З.

Ноября 24 дня,
1777 года.

1777 года,
21-го Декабря.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Съ неизреченнымъ обрадованіемъ имѣлъ я щастіе извѣщенъ быть отъ Вашего Императорскаго Величества о явномъ отъ Всевышняго новомъ знакѣ всемогущаго Его смотрѣнія и благоволенія надъ Всевысочайшимъ Императорскимъ Домомъ Вашимъ, благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини, и дарованіемъ Вашему Императорскому Величеству дражайшаго внука, Великаго Князя Александра Павловича, къ всеобщей радости и счастію вѣрноподданныхъ Вашихъ. При всеподданнѣйшемъ Вашему Императорскому Величеству приношеніи моего поздравленія, позвольте мнѣ Ваше Императорское Величество изъявить истиннѣйшія мои чувствія и обѣты, возсылаемыя мною къ Всевышнему, да умножитъ вящше благополучіе Высочайшаго Императорскаго Дому Вашего, на пользу и благоденствіе общее, въ числѣ семъ повергающійся къ освященнымъ стопамъ Вашимъ, со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

1777 года,
Декабря 21.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Позвольте мнѣ Ваше Императорское Величество, одолженнѣйшему всѣмъ своимъ благополучіемъ, и нынѣ Всевысочайшимъ Вашего Императорскаго Величества благоговѣніемъ о дѣлахъ моихъ относительно Татарскихъ обстоятельствъ и учрежденія Курскаго Намѣстничества, изъявить всеподданнѣйшую мою благодарность, и ту горячѣйшую мою ревность, которая въ службѣ Вашего Императорскаго Величества пребудетъ во мнѣ до послѣднихъ дней моей жизни.

При наступающемъ Новомъ Годѣ примите Ваше Императорское Величество всеподданнѣйшее приношеніе поздравленія отъ всеусердно вызсылающаго ко Всевышнему свои обѣты, да поспѣшествуетъ во всѣхъ помысльныхъ желаніяхъ Вашихъ, и да укрѣпитъ здоровье Ваше на должайшія лѣта, на совершеніе Всевысочайшихъ благонамѣреній Вашихъ къ общему щастію и благо-

денствію всѣхъ вѣрноподданныхъ Вашихъ и ихъ потомковъ, и отъ повергающаго себя къ освященнымъ стопамъ Вашимъ со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ.

1777 года,
21 Декабря.

Милостивѣйшій Государь!

Позвольте мнѣ Ваше Императоское Высочество, хотя по мѣсту моему отдаленному, но извѣщеніемъ вседушно обрадованному о явленномъ отъ Всевышняго новомъ знакѣ всемогущаго своего смотрѣнія и благоволенія надъ Всевысочайшимъ Домомъ Вашимъ, благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княгини, и дарованіемъ Вашему Императорскому Высочеству дражайшаго сына, Великаго Князя, Александра Павловича, принести всеподданнѣйшее мое поздравленіе и изъявить истиннѣйшія мое чувствія во всеобщей радости вѣрноподданныхъ Вашихъ, и тѣ обѣты, кои я возсылаю ко Всевышнему, да укрѣпитъ дражайшее здравіе Ваше и Ея Императорскаго Высочества на должайшія лѣта, и да умножитъ Ваше благополучіе, Всевысочайшаго Дому Вашего, на пользу и благоденствіе общее! Въ числѣ повергающій себя къ стопамъ Вашимъ съ благоговѣніемъ имѣетъ щастіе и оставаться.

ЕМУ ЖЕ.

1777 года,
21 Декабря.

Милостивыйшій Государь!

При наступающемъ Новомъ Годѣ, примите Ваше Императорское Высочество всеподданнѣйшее приношеніе поздравленія отъ всеусердно желающаго, да сохранитъ Всевышній на должайшія лѣта дражайшее здоровье Ваше, Ея Высочества Государыни Великой Княгини, и Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя, Александра Павловича, для всеобщаго благоденствія вѣрноподданныхъ Вашихъ Высочествъ, и отъ повергающаго себя къ ногамъ Вашихъ съ благоговѣніемъ.

ЛАНГУ.

Государь мой,

Мойсей Петровичъ!

Господинъ Лау былъ у меня съ обучавшимися у него духовой музыкѣ мальчиками моими, коихъ, по несовершенному еще обученiю, безъ присмотра и ученiя оставить ни какъ не можно; всеприлѣжно Васъ, моего дражайшаго Друга, прошу, для лучшаго ихъ въ сей музыкѣ успѣха и надъ ними надзиранiя, присоединить къ полковымъ, кои, какъ Г. Лау мнѣ сказывалъ, довольно хорошо научены.

Я писалъ къ Г. Рачинскому, чтобъ онъ, съ позволенiя Вашего, изъ числа тѣхъ мальчиковъ присоединилъ нѣкоторыхъ для духовыхъ инструментовъ, къ музыкантамъ у него обучавшимся. Большой басъ мнѣ весьма къ музыкѣ потребной, посредствомъ старанiя Вашего, могу ли я въ полученiи быть благонадежнымъ, или мнѣ безпосредственно откудалибо выписать оной, прошу меня увѣдомить.

Дражайшей супругѣ Вашей, Милостивой Государынѣ моей, свидѣтельствую поклонъ мой, пребывая навсегда съ истиннымъ къ Вамъ почтенiемъ.

РАЧИНСКОМУ.

Государь мой,

Андрей Андреевичъ!

Музыкантовъ моихъ, коихъ добрымъ поведенiемъ я весьма доволенъ, и какъ они къ музыкѣ охотными себя кажутъ, а мнѣ желается имъ подавать къ тому способъ, то я за лучшiй признавая Ваше руководство, велѣлъ ихъ отправить къ Вамъ, съ тѣмъ, чтобъ Вы опредѣлили для нихъ пребыванiе при Васъ, или въ Топалѣ.

По недостатку при сей музыкѣ вовсе духовыхъ инструментовъ, не найдутся ли, когда не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ

числа обучавшихся въ Батуринѣ, и прошу Васъ, выбравъ, присоединить къ симъ музыкантамъ, у Васъ обучавшимся, а къ Г. Бригадиру Лангу, коему они отъ меня препоручены, я о томъ писалъ; пребываю, впрочемъ.

ГРИГОРІЮ ГРИГОРІЕВИЧУ ИВАНЕНКУ.

При всѣхъ моихъ попеченіяхъ о скотоводствѣ и снабдѣніи лучшихъ родовъ скотомъ, не вижу я обыкновеннаго отъ того плода, и нахожусь всегда въ недостаткахъ. И какъ скоро въ полку Вашемъ имѣютъ быть ярмарки, гдѣ оный купить удобно, то прошу приказать двѣсти коровъ, кои бы со всѣми знаками плодоносныхъ были, но не имѣли еще телятъ, и до трехъ сотъ быковъ купить. Изъ коихъ были бы первые трехъ лѣтъ, другіе двухъ, а третьи годовые; впрочемъ, что лежитъ до доброты сего скота и надобной, по показавшемуся нынѣ падежу, предосторожности, то я полагаюсь на доказанное мнѣ многими опытами Ваше усердіе, а деньги на сію покупку приказалъ я отпустить Вамъ отъ Демковской моей экономіи.

Вы меня весьма одолжите предварительнымъ увѣдомленіемъ о суммѣ, какая, полагая на выше показанное количество и качество скота, по настоящей цѣнѣ и куплѣ потребна, такъ какъ и присылкою мнѣнія, чего стоитъ имѣніе Поручика Лисевича, поелику при письмѣ Вашемъ отъ 4-го сего мѣсяца, одно строеніе оцѣнено, а грунта только съ мѣрою описаны.

Свидѣтельствуя мое почтеніе любезной Вашей супругѣ, Милостивой Государынѣ моей, пребываю навсегда съ почтеніемъ.

Господинъ Гейзель!

При всѣхъ моихъ попеченіяхъ въ снабдѣніи экономіи лучшихъ родовъ скотомъ, не вижу я обыкновеннаго отъ того плода, и нахожусь всегда въ недостаткахъ. И какъ скоро въ Переясловскомъ полку имѣютъ быть ярмарки, то просилъ я Григорія Григорьевича Г-на Иваненка, чтобъ приказалъ купить двѣсти коровъ,

кои бы со всѣми знаками плодоносныхъ были, но не имѣли еще телятъ, и до трехъ сотъ быковъ, изъ коихъ первые были бъ трехъ лѣтъ, другіе двухъ, а третіе годовые, на покупку коего скота, по востребованіямъ Г-мъ Иваненкомъ денегъ, имѣете надобное число отъ экономіи моей Демковской выдать, но прежде того меня увѣдомить, сколько потребно всей суммы на выше описанное количество и качество скота, полагая примѣрно по настоящей цѣнѣ и куплѣ онаго.

ЯЗЫКОВУ.

Милостивой Государь мой,

Николай Даниловичъ!

Письмо Вашего Превосходительство, пущенное изъ Харькова, я имѣлъ честь получить, и благодарю Вамъ найпризнательнѣйше за доброхотное Ваше ко мнѣ расположеніе, кое Вы прямо изъявляете предварительнымъ увѣдомленіемъ о данномъ Вамъ отъ Князя Григорія Александровича дозволеніи на удѣленіе мнѣ земель въ Вашей Губерніи. Я взаимно хочу Вамъ изъясниться, что мнѣ тамъ земли найболѣе нужны для удобнѣйшаго переводу разныхъ продуктовъ изъ здѣшнихъ моихъ деревень и для рыбной ловли, а потому желалось бы мнѣ взять оныя около Каменки на тридцать, и около Кизицкаго мысу или Куту, или Станиславскаго рогу на тридцать же дворовъ; сіи мѣста сужу я для себя выгоднѣйшими по одной картѣ, а впрочемъ предоставляю лучшему Вашему выбору, лаская, что Вы не откажите мнѣ въ Вашемъ въ томъ пособіи, и прошу Вашего Превосходительства выбрать оныя и назначить по обозрѣнію Господина Полковника Александра Лаврентіевича Соколова, пріятеля моего, коего я особливо о томъ просилъ. А что до поселенія и иныхъ надобныхъ учрежденій, то впредь я отправлю туда, кого изберу къ тому способнымъ. Впрочемъ, съ моей стороны могу Васъ увѣрить, что есьмъ и всегда пребуду съ истиннымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою.

СОКОЛОВУ.

Государь мой,

Александръ Лаврентіевичъ!

Господинъ Губернаторъ Николай Даниловичъ пишетъ ко мнѣ, что онъ имѣетъ повелѣніе отъ Князя Григорія Александровича, дать мнѣ земли для поселенія въ Новороссійской Губерніи; а какъ мнѣ оныя найболѣе тамъ нужно для удобнѣйшаго перевода разныхъ продуктовъ изъ здѣшнихъ моихъ деревень и для рыбной ловли, то я нахожу для себя выгоднѣйшими, и хочу взять около Каменки на тридцать, да около Кизицкаго мысу или Куту, или Станиславскаго рогу на тридцать же дворовъ, но впрочемъ предоставляю лучшему его и Вашему выбору; а потому всеприлѣжно прошу Васъ, любезнаго моего Друга, взять на себя трудъ поѣхать туда и обозрѣть лично, и какія мѣста выгоднѣйшими найдете, тѣ для меня испросите и сдѣлавъ обстоятельное описаніе и планъ, ко мнѣ доставьте, а я отправлю туда, кого изберу, для населенія и сдѣланія другихъ надобныхъ учрежденій по Вашимъ руководствамъ. Я, лаская себя, что Вы, по особливому Вашему ко мнѣ доброхотству, многими опытами доказанному, не откажете мнѣ и на сей случай въ Вашемъ пособіи, и съ моей стороны будьте увѣрены, что всегда пребуду съ непремѣннымъ моимъ къ Вамъ усердіемъ.

P. S. Я весьма умѣренно прошу земли по выше изъясненнымъ причинамъ, и что мнѣ ихъ хочется имѣть на самомъ Днѣпрѣ или Лиманѣ, а впрочемъ ежели есть еще часть лишняя и положеніемъ своимъ способная, то Вы можете умножить истребованіе, соразмѣрно Вашему усмотрѣнію.

УМАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Соглашаясь на заплату Якову Филиповичу четырехъ сотъ и пятидесяти рублевъ за ранжерею, я щитаю, что оная уступлена со всѣмъ строеніемъ, и хотѣлъ бы, чтобъ онную перевезть въ Кочуровку, но

не знавъ ея расположенія, опредѣлить мнѣ мѣсто для оной трудно, почему прошу Васъ поговорить Г. Алексѣеву, чтобъ онъ снялъ ей планъ, и оной прислать ко мнѣ.

Требованію садовника Генриха Христіана Цина, если на меньшемъ чѣмъ постановлено не будетъ, удовлетворить соглашаюсь; но въ контрактѣ, который сдѣлать съ нимъ на три года, въ заключеніи упомянуть необходимо потребно, что онъ долженъ двухъ моихъ мальчиковъ (коихъ назначить ему изъ тамошнихъ обывателей и изъ сиротскихъ, къ тому способныхъ и проворныхъ) научить всему тому, что нужно къ свѣдѣнію о деревахъ, цвѣтахъ и травахъ всякаго роду; и какъ смотрѣніе за первыми и употребленіе послѣднихъ есть главнымъ пунктомъ садоваго дѣла, то по тому и обязанъ онъ показать имъ, какъ плодоносное дерево беречь, прививки дѣлать, плоды сбирать и оные сохранять. Съ другими, что служатъ къ увеселенію, какъ на всякое время ихъ производить, содержать и оберегать, а въ послѣднихъ различать умѣть, что на кухню и къ столу потребно, и въ которомъ времени года, словомъ: коснуться всей подробности, что лежитъ до садовыхъ и огородныхъ произрастеній. Къ слову бы упомянуть и о томъ, что если не выучитъ онъ ихъ въ сіе время, подвергаетъ себя какому либо штрафу и взысканію.

Имѣвъ давно свѣдѣнія о тамошнемъ моемъ строеніи, я хотѣлъ бы быть увѣдомленъ, до какой степени въ производствѣ доходитъ оное, и что еще нужно изъ матеріаловъ къ конечному довершенію всего начатаго. Не меньше желается знать и о прудѣ предъ домомъ, вычищенъ ли уже сей, или нѣтъ; также изъ свободныхъ работниковъ есть ли надежда тамъ имѣть, и на какой заплатѣ, поденно, или отъ сажени, а между тѣмъ и о лугѣ, что за избою прикащика, гдѣ мы ходили, сухъ ли оной, или нѣтъ?

Изъ лучшей удобности, которую нахожу я къ соединенію моего хозяйства, прошу Васъ прилѣжно, обще съ Г. Рахмановымъ, фольверки соединить чрезъ сѣнокосъ № и болото Борщевское съ ланомъ Борщевскимъ К. и фольверкомъ Калиновскимъ, гдѣ не большая часть Козачьево входитъ, а по окончаніи отдачи, чтобы и села Литвиновичъ дачи также обмѣрить и на планѣ положить, увѣривъ его съ стороны моей, что я въ благодарности не закосню быть особливо признателенъ ко всякому меня одолженію.

Есьмъ всегда съ усердіемъ и доброжелательствомъ.

1777 года.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Благодѣяніе, которое оказать Вы изволили въ пользу моему истинному пріятелю, есть для меня новымъ обязатальствомъ. Вы снискали себѣ уже отъ многихъ благодарность и общую похвалу въ расположеніи доброхотствія къ добрымъ и заслуженнымъ людямъ, и я въ сихъ короткихъ строкахъ найпризнательнѣйшаго благодаренія, оставляю сказать Вамъ при личномъ свиданьи о томъ совершенномъ усердіи и искренней преданности, съ коими никогда быть не престану

покорнымъ слугою.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ПѢСЬНИ УГОРСКОЙ РУСИ,

собранныя Талапковичемъ, бывшимъ священникомъ въ Бѣлкахъ.

1.

Ой на горѣ, на долинѣ,
Широкъ листокъ на калинѣ,
Еще ширшій на яворѣ:
Стоитъ мила на розмовѣ.

Где ты, милый, пробываешь,
Што за мене не гадаешь?—
Пробываю край Дунаю,
Я за тебе все думаю.

Кобы човенъ и веселце,
Ночовавъ быхъ у тя сердце;
А ни човна, ни повода,
Мушу ночовати дома.

Тече вода рѣченьками,
Плаче мила слозеньками.
Не плачь, мила, не журися,
Я молодый, не женився.

Коли буду женитися,
Прійди, мила, дивитися;
Коли буду вѣнчатися,
Прійди, мила, прощатися.

Скажу пива наварити,
Горѣлочки напалити,
Тебе, мила, запросити,
Конецъ стола посадити.

Твое пиво ми не мило,
И палёнка твоя горька;
Где тй, милый, вѣрнй слова,
Што ты не мôй, я не твоя?

Твои братья тебе били,
Обы мы ся не любили;
Твои сестры проклинали,
Обы мы ся не собрали.

Твоя мати чаровниця,
Великая розлучниця,
Розлучила мя съ тобою,
Якъ рыбоньку исъ водою.

2.

Доле жь моя, доле,
Нещастная доле!
Засѣяла дѣвчинонька
Мысленьками поле.

Чорныма очима
Та й заволочила,
Дрôбненькими слозеньками
Все поле зросила.

Не родится жито,
Трава зеленая:
Уже бо я во пеленкахъ
Была нещастная.

Цы ты мене, мамко,
Въ церковь не носила,
Што ты минѣ ôтъ Богонька
Дольку не впросила? —

До церкви 'мъ ходила,
Богу 'мъ ся молила,
Така ти ся, моя донько,
Долька осудила.

Цы я тобѣ, мамко,
Трѣски не сберала,
Што ты мою доленьку
Богомъ проклинала?

Боже милостивый,
Цы то воля твоя?
Цы всѣмъ людемъ така бѣда,
Цы лишь тôлько моя?

Боже справедливый,
Съ высокого неба,
Отбери ми мое жите,
Бо ми го не треба!

3.

Ой Боже мôй, который
Створивъ небо и зори,
Потѣшь мене сироту,
Най забуду хлопоту!

Черезъ рѣчку, черезъ ставъ,
Любивъ мене, переставъ,
И я его любила,
Бо 'мъ до него ходила.

Гей, Боже мôй, где тотъ ставъ,
Где мôй милый на нôчь ставъ?
Кричу, плачу, не чуе,
Най исъ Богомъ ночуе!

Нещастная чужина:
Рокомъ стала година,
Сердце тяжко вздыхае,
Што щирости не мае.

Цы лѣгаю, вставаю,
Все о тобѣ думаю:
Прійди, прійди раненько:
Потѣшь мое серденько!

4.

Гей ты, дѣвчино,
Ты розумомъ блудишь,
Сама ты не знаешь,
Кого же ты любишь. —

Гей, знаю, знаю,
Кого я кохаю,
Лишь то не знаю,
Съ кимъ я жити маю. —

Гей ты, дѣвчино,
Ты горда и пышна,
Чомъ ты до мене
Зъ вечера не прійшла? —

Гей, якъ я маю
До тебе ходити?
Будутъ насъ люде,
Вороги судити.

5.

Ой Боже мôй, Боже!
Бѣда ма двояка:
Маю мужа блуда,
Ще къ тому піяка!

Кобы была 'мъ знала
Свою бѣдну долю,
Скочила 'мъ бы была
Во глубоку воду.

Та бы была 'мъ плыла
Руно съ берегами,
Тамъ была 'мъ ся найшла
Съ своими врагами.

Ворогове мои,
Не ругайте на мя,
Што ми было мило,
Узяли 'сте отъ мя!

Мамко моя, мамко,
Выйми мя зъ неволи,
Буду тобѣ мыти
Твои бѣли ноги. —

Ой хоть бы ты мыла
И все полокала,
Кедь тебе, донько ма,
Зла доля побила. —

Мамко моя, мамко,
Где я въ тотъ часъ была,
Отколь ты мя, мамко,
На свѣтъ народила?

Гей бо я не пила,
Ни красно ходила,
Лишь все памятаю,
Што 'мъ тяжко робила.

Не дякую я ти
За твою годувлю,
Штось ми не прибрала
Мому личку рувню.

6.

Кажутъ, што не дадутъ
Мене за любонька,
Ай дадутъ за того,
За шесть воловного
Чорногуняника.

Ано мое рыбля,
То крôтко зритъ на мя,
Двойну єго цюлю
За шесть воловую
Цѣну лишь не дамь я.

7.

Смотри, милъ ми,
До очатъ,
Што ти ся зъ нихъ
Вычитатъ?

Сама правдиця,
Сама правдиця,
Ты есь ангелская
Ряхтяна звѣздиця.

8.

Тамъ въ поли могила
Съ вѣтромъ говорила:
Не дуй, вѣтре, не дуй,
Не дуй быстрѣсенькій,
Чей бы 'мъ ся розцвила!

Чей бы 'мъ ся розцвила
Красненькими цвѣты,
Красненькимъ квѣточкомъ,
Зеленымъ бервѣнкомъ,
Молодыми лѣты.

Нёжь солнце изыйде,
Нёжь воронъ закранче,
Дробненькими слезы
Молодець жалобный
На могилѣ плаче.

Даремно, молодче,
На могилѣ плачешь:
Не пробьешь слезами
Святую землицю,
Миленькой не вбачишь!

9.

Кедь я собѣ изгадаю
За давныи лѣта,
Такъ мя слезки обливаютъ
Што не вижу свѣта.

Кедь я собѣ изгадаю
Давні́ давниночки,
Скажу собѣ завязати
Съ платомъ головочку.

Журивъ есь ся, нудивъ есь ся,
Якъ мене любити,
А теперь ся журишь, нудишь,
Якъ мене лишити.

Або мене, любцю, люби,
А хоть мене лиши,
А хоть мои очинята
На папери пиши.

Закукала зазулонька
Кукала вна бѣла:
Иншу милу любку маєшь,
Я сама видѣла.

Иншу милу любцю маєшь,
На правдѣ ся лаєшь,
Прійде така годиниця,
Што мя изгадаєшь.

Любявъ єсь мя, мôй миленькій,
Тому є пôлгода,
Не сталася ти въ пробытку
Жадная пригода;

А якъ есь явъ, мôй миленькій,
Иную любити,
Яла ти ся пригодиця
Всяка находити

10.

Чую, чую черезъ людій,
Дають менѣ знати,
Ей што хоче моя мила
Зъ вечера вмерати.

Кедь вна умре изъ вечера,
А я умру зъ ранку,
Та даме ся испрятати
Во одную ямку.

Та даме ся испрятати
Вкупѣ головами, —
Штобы была размовонька
И тамъ межи нами!

11.

Изъ недѣлоньки
На понедѣльчикъ
Ой темпенькои ночи,
Прійшли рекруты,
Связали руки,
Выплакала чорнѝ очи.

Малое потя
Невеличкое
По коникови скаче:
Бѣдна маточка
Нерозсудная
За рекруточкой плаче.

12.

Чомусь не прійшовъ,
Чомусь не прійшовъ,
Коли я тя кликала?

Цы 'сь коня не мавъ,
Цы 'сь самъ не хотѣвъ,
Цы мамка не казала? —

И коня емь мавъ,
И самъ емь хотѣвъ
И мамка ми велѣла

Найменша сетра
Богдай не зросла,
Сѣдэлце устулила!

13.

Прійду до тя въ недѣлю,
Найду тебе якъ лелію,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя въ понедѣлокъ,
Найду тебе якъ барвѣнокъ,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя въ самый второкъ,
Найду въ тобѣ красотъ сорокъ,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя во середу,
Найду тебе якъ березу,
Катеринко моя, 2.
Чорнобрывко моя!

Прійду до тя во четверъ,
Найду тебе якъ теперь,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя, 2.

Прійду до тя во пятницю,
Найду тебе якъ косицю,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя во суботу,
Заплачу ти всю роботу,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

14.

Вѣють вѣтры
Вѣють буйны,
Ажь дерева гнутся:
Тужитъ, болитъ,
Сердце мое,
А слезы не льются.

Где ты мила,
Чорнобрыва,
Где ты озовися?
О якъ я безъ тебе гину,
Прійди подивися!

Въ лютой горѣ
Лѣта трачу,
А щастья не бачу,
Тôлько ми ся
Легше стане,
Коль трошки поплачу.

15.

О якъ дуже за тобою
Тужитъ сердце, мила!
Коль сгадаю, што 'мъ тя любилъ
Й ты 'сь мене любила.

Въ ночи не сплю,
День ми смутный,
Все гадка о тобѣ;
Жити буду,
Не забуду,
Любовь скôнчу въ гробѣ.

16.

Ой Марйко, подай вѣнецъ,
Бо вже я твôй та паробець;
Ой Марйко, подай оба!
Бо вже я твôй, а ты моя.

Ой Марйко, подай ручку!
Не чекай мя сего рочку!
Ачь не прійду за рокъ, за два,
Не чекай мя больше нигда!

Черезъ Тису калъ, болото:
Подай ручку, ты золото! —
Ой миленькій мôй небоже,
Што ти ручка ма поможе?

Эй мôй милый неборачокъ,
Поклалъ ручку на облачокъ;
Камянное сердце 'мъ мала,
Што 'мъ му руку не подала.

17.

Єще въ поли по листкови,
Мушу пойти по свѣткови. —
Иди, иди, обы 'сь не ставъ,
Коли 'сь мене обманивавъ. —

Могла 'сь, мила, добре знати,
Што я знаю обманути;
Бо я очка чорны маю,
Обманути добрѣ знаю.

18.

Долино, долино,
Люде тя й зорали,
Богъ дай на тя, Иванку,
Мои слезки впали,

На тебе, на тебе
И на твою душу;
Бо я черезъ тебе
Погинути мушу.

Прогнѣвався милый,
Ай бо й я на него,
Не ходивъ до мене,
А ни я до него.

За што ся прогнѣвавъ?
За марно словечко,
Што 'мъ му не казала:
«Будь здоровъ, сердечко!»

Любила 'мъ го вѣрно,
То всѣ люде знали,
Пô нижь Мукачова
Тамъ го звербовали.

На рѣцѣ китицѣ,
На дубѣ основа:
Кто ей основавъ?
Иванъ изъ Пряшова.

Писавъ на мя, писавъ,
Два листы, не единъ,
Обы не плакало
Мое сердце за нимъ.

19.

Пила мила, пила,
Та й минѣ велѣла:
Напийся, миленькій,
Чей бы 'сь румяненькій!

Встань горѣ, миленькій,
Бо вже день бѣленькій! —
Не цыгань, миленька,
Ще нôчка темненька!

20.

Где ты была,
Мила, съ ночи?
Промѣняла 'сь
Чорнѝ очи. —
Ой я была
Въ загородци,
Тамъ чекала 'мъ
Красны хлопци.

Била мамка
Мя на волю,
Отъ тогды ся
Страшно бою.
Яка нôчка
Темненькая,
Всю съ миленькимъ
Перестою.

Била мене
Мамка й съ ночи,
За Иванковы
Чорны очи;
Била съ ночи,
Буде опять,
За молодыхъ,
Душко, хлопятъ.

21.

Ой на горѣ
Дубъ дуплавый:
Въ мене милый
Кучерявый.

Кучерями
Потрясуе,
Бляшку вина
Росказуе.

Мѣра вина —
Не новина,
Поцѣлуй мя,
Моя мила! —

Што бы я тя
Цѣловала,
Давно 'мъ тобѣ
Ручку дала. —

Напіймеся
Коль сме вднука,
Тверда зима
Онъ ся пукатъ. —

Терпи, милый,
Терпи хоть разъ,
Я терпѣла
За тя не разъ! —

Анде гуслй,
Близко скринй,
Прошу, люба,
Подай минѣ!

Най загулу
Жали свои:
Гуслй мои,
Яворовы!

22.

Побили, забили,
Голубка сивого,
Я ся напудила,
Ожъ мого милого. —

Побили, убили,
Гусочку гривеньку,
А я ся напудивъ
Ожъ мою миленьку.

23.

Солодка, ма мамко,
Тяжко минѣ жити:
Чомъ есь мя не вчила
Маленьковъ робити? —

Я тебе учила,
А ты ся не брала,
Про то тва головка
Бѣды ся дождала. —

Я ся отдавала,
Обы газдовати,
А я по свѣткови
Должна вандровати.

24.

Писала Краина
Зъ Хуста до Будина,
Што бы намъ заслали
Червеного вина.

Бо червено вино
Во погарѣ скаче,
Не една повгарка
За повгарёмъ плаче.

Не плачьте, повгарьки,
Доразъ вернемеся,
Пойдеме до Вѣдня,
Муштру навчимеся.

25.

Добрѣ тому, добрѣ,
Въ кого любки по двѣ;
Єще тому лѣпше,
У кого побôльше.

Не сѣю, не орю,
Само ми ся родитъ,
Таку маю любку,
Сама за мновъ ходитъ.

Не я за невъ, не я,
Ай она за мновъ,
Якъ тота овечка
За зелоновъ травовъ.

26.

На горѣ бубнують
Подъ горовъ таньцуютъ,
Волôвски легѣнѝ
Въ гусарѝ вербуютъ.

Най они вербуютъ,
Отъ кола до кола,
Вже вни не звербуютъ
Моего сокола.

27.

Васильку, Василю!
Въ городцѣ тя сѣю,
Не пиши палички,
Не дури дѣвочки!

Бо маленьки дуришь,
А великѝ любишь,
Твердо тя проклянуть
Нигда ся не вженишь.

28.

За всю бѣду, неволицю,
Пôйду скочу въ млиновицю,
Та тамъ мене рыбка поѣсть,
А кто моей мамцѣ повѣсть?

Повѣдять єй добрй люде,
Ей якъ мене бôльшь не буде,
Буде мамка заводити,
Не годна плачъ утолити.

Плавле кача по пыреви:
Повѣжь, рыбко, Василеви!
Василь не мôй, я не єго,
Што не сижу коло нєго.

Идѣть єго приведѣте,
Коло мене положѣте,
Най я єго поцѣлую,
Єго ручку золотую.

По пôдъ гаї, дѣ, зелененькій,
Ишолъ хлопець молоденькій,
Серце му ся розрывае,
Што милую не видае.

29.

Тамъ мôй милый лѣсомъ иде,
Малёваны дрыва везе;
Продавъ дрыва малёваны,
Купилъ чижмы кордованы.
Я ся въ чижмы та обую,
Весь вербунокъ извербую.

Черезъ едну любасочку,
Маю ити во войночку,
До войночки не пôйдеме,
Женитися не будеме.
Заки буде по дѣвчинѣ,
Все молодци та будеме.

Где ты, мила, пробывала,
Коли вода выливала? —
Ай я была при бережку,
Держала 'мъ ся за березку,
За березку, за тернину,
Кликала 'мъ ся на родину.

Рубаю я яворину,
Она паде на долину,
Изъ долины на мураву,
Приклонь, мила, свою главу,
Ащь не главу, ано личко,
Солодка ма ластовичко!

30.

Тече водиця
Изъ подъ яворця
Ледова,
Иде ма мила,
Красно прибрана,
Съ Сигота.

Гей дубе, дубе,
Зеленый дубе,
Дубина!
Несе мôй милый
Червлени чижмы
Съ Севлюша.

31.

Чія тото красна нивка?
Люба бы му всяка днинка;
Ай кто еи розно оравъ,
Гораздъ бы ся не все имавъ!

А кто еи зерномъ сѣявъ
Золотомъ бы любо вѣявъ;
А кто еи подовжь смычивъ,
Солодко бы ся выпочивъ!

32.

Рубай, рубай, не поставкуй,
Якъ нарубашь, домбй вандруй!
Бѣда бы го вандровала,
Коли 'мъ уже навновала.

Вандруючи, ножки болятъ,
А роблячи, ручки горятъ,
Такъ намъ тяжко працовати,
Коль хочеме да что мати.

Склоняеся сонце долу:
Пущай насъ, газдо, до дому! —
Не пущу васъ, небожата,
Бо ще нивка недожата. —

Буде завтра красна днина́,
Та дожнеся ваша нива,
Заспѣваемъ Богу слава,
А вамъ, газдо, вѣкъ здоровля.

33.

Анця до воды,
Иванъ отъ воды:
Ай почекай, бѣла Анце,
Вльешь волôмъ воды!

Ей я не вмѣю,
Бо я не смѣю;
Паде роса, а я боса,
Ей гой, Янчію!

34.

Не рубай, не щакай,
Зеленого дуба:
Не цѣлуй, не вбнимай,
Коли 'мъ ти нелюба!

Не рубай, не щакай,
Най ся зеленѣе:
Не бери прегорду,
Най ся постарѣе!

Бреду рѣчку, бреду,
Рѣчечка рѣняна:
Смочилося платье,
Аннице бѣлява! —

Рѣчку и я бреду,
На березѣ буду,
Глядай собѣ, любый,
Про мене другую!

Глядай собѣ, глядай,
Пусту, задаремну,
Што 'сь минѣ даровавъ,
Назадъ тобѣ верну.

Не рубай, не стрѣляй
Очима въ одвêрки,
Ходили та й будуть
До Анны женихи.

35.

Така 'мъ слаба ги росиця,
Не йду домôвъ безъ Федôрця:
Онъ навпередъ, а я сзаду,
Все ся взира'тъ, ци не впаду.

Черезъ Дунай, черезъ Тису,
Ступай, мила, бо тя лишу. —
Не лиши мя, бôй ся Бога,
Бо я съ тобовъ пойти годна.

36.

Ой подь, Боже, до насъ,
Бо теперь у насъ гораздъ,
Та й ты, Божая Мати,
Вѣночки починати!

Роскололася верба
Отъ верха до корене:
Взята Марійка, взята,
Отъ отца, отъ матере.

Полёмъ, Марійко, полёмъ,
За невъ Иванко конёмъ,
Явъ еи доганяти,
Явъ еи звѣдовати:

Чія, ты Марійко, чія? —
Нянькова та мамчина,
А теперь емь твоя,
Правѣ тобѣ сужена.

Бервêнчикъ хрещатыйі!
То ты рано зацвивъ,
Иванкови за шапочку,
Маріи за кôсочку.

Ой где Иванко сидитъ,
Тамъ ся стѣночка свѣтитъ,
А где Марійка сидитъ,
Коло ней ся яснитъ.

37.

Поки емь ся не вженивъ,
Я въ чоботки цоркъ, цоркъ!
А якъ емь ся оженивъ,
Я въ постолѣхъ шлёпъ, шлёпъ!

Гой я шумундра!
Моя мила, та й мудра!

Поки емь ся не вженивъ,
Шапка въ мя рогачка,
А якъ емь ся оженивъ
Теперь помѣтачка.

Гой я шумундра, и пр.

Поки емь ся не вженивъ,
За клобушкомъ квѣтка,
А якъ емь ся оженивъ,
Пропала до дѣтка!

Гой я шумундра и пр.

Поки емь ся не вженивъ,
Съ сѣмьма 'мь кôньми сватавъ,
А якъ ёмь ся оженивъ,
Шапковъ гачи 'мъ латавъ.

Гоя я шумундра,
Моя мила, та й мудра!

38.

Антамъ горѣ, при яворѣ,
Камень муку меле:
Слухай, дѣвча, чорнобрывча
Ци пôдешь за мене? —
Ой не пôду, та й не люблю,
Съ далекого краю,
Будешь бити, неволити
Родинки не маю,

Походивъ емь, походивъ емь,
Коло тои кучки:
Загубивъ емь, загубивъ емь,
Постолы и внучки
Хоть я тоту кучу дручу
Хоть еи запалю,
Най она ми не завдає
Тверденького жалю.

Ты, Иванцю, не бій Анцю,
Бо не маешь за що,
Бо Анниця роботниця,
А ты самъ ледащо.
Бо Аннины колопеньки
На лёду зацвили,
А твои, дѣ, онученьки
За кошомъ погнили. —

Не буду я воду пити,
Вода студененька:
Не буду я жену бити,
Жена молоденька.
Уларивъ емь голый разъ,
Тѣло помарнѣло,
Ай бо й плакавъ я доразъ,
Чей бы не болѣло.

39.

Ой небоже Волощуку,
Не люби ты леда суку:
Люби, дѣ, ты ба й Русочку,
Бѣленькую якъ гусочку!

40.

Яворовы трêски тешу:
До милои босый чешу;
Бы пôдошвы не рыпѣли
Пôдковочки не звинѣли,
Обы псики не брехали,
Вбы сусѣдки не й зознали.

41.

ПРИ ПРЯДЕНЬЮ.

Куделе вороже,
Бѣдка тебе прясти може!
Я тя вержу пôдъ лавицю,
Сама выйду на вулицю.
Соромъ буде мому лицю,
Што не пряду куделицю.

42.

НА ГОСТИНѢ ВЪ КУМА.

Коло млина, млина,
Зацвила тернина:
Гей у мого кума
Солодка гостина!

43.

Горы мои, горы,
Вы мои коморы!
А вы ялицѝ,
Вы мои свѣтлицѝ.

Кобы ми ся бучокъ розвивъ,
    Зелена Свѣдова,
Не една бы опустѣла
    Жидôвска комора.

44.

ДѢТСКІЯ ПѢСНИ.

Два кокоши жито молотили,
Двѣ курочки чернушечку у млинъ поносили,
Баранъ меле, баранъ меле,
А цапъ мѣрки бере.

Гуска сѣе, гуска сѣе,
Гусакъ ости пряче,
Качка мѣситъ, качка мѣсить,
Качуръ воду носитъ,
Мачка плеще, мачка плеще,
Мацуръ во печь рече.
Ой такъ емь ся повбертала,
Гурбу 'мъ муки насѣяла,
Такій ми ся хлѣбець удавъ,
По пôдъ кору мацуръ игравъ,
Горѣ хвощикъ задудуривъ,
Та й коры ся не дотуливъ.

45.

Мышь кнышь начала,
Муха киселицю выльяла,
Сверщокъ горщокъ прокусивъ,
Когутъ коня задусивъ.
Не буду я бѣдовъ трясти,
Ай буду я клочье прясти,
Ой маю я статку много,
Мѣща клоча ильняного.
Якъ ся хлопци̂ заладили,
Мотовилце поломили,
А я на то не гадала,
Коло печи обмотала,
И пôдъ печевъ кросна ткала.

ПѢСЬНИ,

собранныя Александромъ Духовичемъ въ Пряшевѣ.

1.

На грунку стояла,
На Яцка волала:
Прійди, Яцку, пріиди,
Не вчиню ти кривды!

Єсли прійдешь въ ночи,
Богъ ти на помочи;
Єсли прійдешь рано,
Будетъ зготовано.

Зготовлю паленки,
Тотъ стаканъ маленькій,
Схочешь и фляшеньку,
Дамъ ти ю полненьку,

Упечю курочьку
И бѣлу гусочьку,
Будешь ся гостити
И мене любити.

Но помалу ступай,
Дверьцями не скрипай;
Прійди пôдъ грушочьку,
Сядь си на лавочьку!

Тамъ я свыкла спати,
Буду тя чекати,
Тамъ будетъ курочка,
Гуска, паленочка.

Прійди, Яцку, прійди,
Не вчиню ти крывды,
Не бôйся никого,
А ни отца мого!

Няне̇ спитъ въ стодолѣ,
Слуга съ вôлми въ поли,
Свекра перѐдъ пецомъ,
Служница за пецомъ.

Не бôйся никого,
А ни пса чорного:
Песъ въ полю съ дробяти,
Не буде брехати.

Прійди, Яцку, прійди,
Не вчиню ти кривды,
Якъ бы 'мъ учинила,
Я бы с̀я ганьбила.

2

Ишовъ Ляшокъ изъ Варшавы,
На нимъ шматы барзъ цундравы,
Но шапочка рожката,
Не боится Руснака.

Бѣда Ляшка подкусила,
Стрѣтивъ едного Русина,
И шапочьку не снимавъ,
«Счастя Богъ дай!» не сказавъ.

Русинъ познавъ, же то Ляшокъ,
Ма на шматохъ много бляшокъ,
Заразъ его привитавъ,
За чуприну выхитавъ.

Ту машь, Ляшку, сучій сине,
Знимай шапку, где Русины,
«Счастья Богъ дай!» повѣдай,
И шапочьку изнимай!

Ишовъ Ляшокъ еднымъ лугомъ,
А тамъ оравъ Русинъ плугомъ,
И ставъ собѣ гадати,
Што бы ему сказати.

Гадавъ Ляшокъ ажь до пôвъдня,
Пришовъ помалу до плуга,
И шапочьку не знимавъ,
«Счастя Богъ дай!» не сказавъ.

О подай же стикъ, Иване,
Най научу, якъ Ляхъ стане
Шапку свою знимати,
«Счастя Богъ дай!» казати!

Якъ съ переду, такъ съ заду,
Выправъ Ляшка до ряду,
Ажь му шапча упало,
Въ болотѣ ся зваляло.

Ишовъ Ляшокъ дорогою,
Ввидѣвъ гуску надъ водою:
«Счастя Богъ дай!» бѣла гусь,
Навчила мя тота Русь.

Ажь тамъ надбѣгъ медвѣдь кусый,
Ляшокъ думавъ, же то Русинъ,
Снявъ шапочьку скоренько,
«Падамъ до нугъ» низенько.

Медвѣдь ся съ нимъ поигравъ,
Ажь му главу ободравъ:
«Вставай, Ляшку, не лêгай,
Со мною ся поиграй!»

Ишли купцû съ Перемышля,
А душа ужь зъ Ляшка выйшла:
Лежи, Ляшку, въ дубинѣ,
Не кланяйся звѣринѣ!

Кланяй ты ся Русинови,
А не звѣрю медведеви,
Бо тотъ чести не мае,
Ляшка доразъ витаê!

3.

Ишовъ Козакъ за Дунай,
Казавъ: «Дѣвчино, прощай,
Ты, коненьку вороненькій,
Весело гуляй!» —

Постуй, постуй, Козаче,
Твоя дѣвчина плаче:
Якъ ты мене покидаешь,
Тôлько подумай. —

Сиве очько не втирай,
Бѣлы ручьки не ламай,
Токмо мене со славою
Къ собѣ ожидай! —

Не хочу я ничого,
Токмо тебе одного,
Иди, иди, мôй миленькій,
А все пропадай!

4.

Подъ Каменцемъ подъ Подольскимъ
Стоитъ Турокъ съ своимъ войскомъ,
Стоитъ, стоитъ, не воюё,
Бôльше войска потребуе.

Старша сестра брата мала,
На вôйну го выправляла,
На вôйну го выправляла,
Сама коня осѣдлала.

Сама коня осѣдлала,
Съ правой ручки кантарь дала,
Съ правой ручки кантарь дала,
Та й горенько заплакала:

Брате, брате, брате рôдный,
Коли прійдешь назадъ зъ вôйны? —
Коль не прійду о годъ, о два,
Не ждай ужь мя, сестро люба!

Ужь ся вôйна докончила,
Турка наша младежь сбила,
Прогнали го ажь за море,
Абы му тамъ было горе.

Ужь гусары зъ войны идутъ,
Мого брата коня ведутъ:
Ой гусары, где е мôй братъ?
Ци ôнъ убитъ, ци въ неволю взятъ? —

Ой твôй братикъ не въ неволѣ,
Онъ остався въ широ̂мъ полѣ;
Турецька му злоба дôйшла,
Куля му серденько прôйшла.

Тамъ ôнъ въ широ̂мъ полѣ лежитъ,
Соколъ надъ нимъ гôрько слезитъ:
Ай тутъ лежитъ храбрый воинъ,
Черноусый витязъ Русинъ. —

Ай мôй братикъ за дружину
Лêгъ у полѣ за отчину:
Уже ся не верне вспять,
Дай му Боже, вѣчну память!

5.

Гукнуло, пукнуло въ лѣсѣ:
Комаръ съ дуба повалився,
Розбивъ собѣ головище
На дубовый коренище.

Вылетѣла муха съ хаты
Комарушка жаловати:
Ой комару, мôй комару,
То ми тя жаль не помалу!

Где ся велишь поховати,
Твое тѣло честовати? —
Поховайте мене въ лѣсѣ,
При дубовôмъ конарисѣ.

Насадьте ми петрушоньки,
Зеленои марунонькп,
Тоту будуть дѣвки рвати,
Комарушка шановати.

Ай тутъ его лежитъ тѣло,
Не одного оно ѣло;
А тутъ лежить его сало,
Не одного смаровало.

А тутъ лежитъ его труба,
Которая пала съ дуба.
Ой ду ду ду, ду ду, ду ду,
Комарушка не забуду!

6.

Журилася попадя
Своею бѣдою,
Же вна должна любити
Попа съ бородою.

Ой бо менѣ тяжко,
Ой бо менѣ нудно,
Попа съ бородою
Любити мнѣ трудно.

Вяжьте куры, гуси,
Вяжьте и индики,
Вирягайте волы въ возы,
Иду до владыки

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Смилуйся надъ нами,
Отче Святителю,
Та й надъ молодою,
Бѣдной попадею!

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Попадько, попадько,
Нужно ти пождати,
Буду я твому попови
Карточку писати.

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Коль тебе не хоче
Попадя любити,
Изволи ей ôсѣмь разôвъ
Воду освѣтити.

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Клячала, клячала,
Далей и устала,
Поимала за бороду
Та й поцѣловала:

Ужь менѣ не тяжко,
Ужь менѣ не нудно,
Попа съ бородою
Любити не трудно.

7.

На бережоньку стоя,
Стоя, стояла
Бѣлы ноженьки вмыва,
Вмыва, вмывала.

Ой нужки мои бѣлы
Бѣлы, бѣлыи,
А кому вы будете милы,
Милы, милый?

А кедь тому молодому,
Дай, Боже, дай, Боже!
А коль тому та старому,
Хрань, Боже, хрань Боже!

А у нашêй загородцѣ
Бѣлый цвѣтъ, бѣлый цвѣтъ:

Вандруй, вандруй, дѣнчинонько.
Со мновъ въ свѣтъ 2.

А якъ мы выйдемо
На гору, на гору,
Тамъ я тобѣ вшитку правду
Сговорю, сговорю.

А тутъ тобѣ, а тутъ менѣ,
Дорога, дорога,
Оставай ты, моя мила,
Здорова, здорова!

8.

Закукала зозуленька куку!
Розъярила бѣдну мою муку.

Не кови ты, зозуленько, куку!
И не яри бѣдну мою муку!

Заковала зозуленька куку!
Послушь мою, дорогая, муку!

Не кови ты, зозуленько, куку!
Я не слышу твою дурну муку.

Заковала зозуленька куку!
Дай мнѣ моя, дорогая, руку!

Ой не кови, зозуленько, куку!
Бо я не дамъ тобѣ мою руку.

Заковала зозуленька куку!
Седитъ бѣдна дѣвчинонька въ кутку.

Кови, кови, зозуленько, куку,
Та розжени дѣвчинонцѣ скуку!

9

Ой было то, та й было,
Шкода же ся избыло,

Коль я мыслями блудивъ,
И дѣвчину полюбивъ,
Но дѣвушка полоха,
Посмѣялась ха, ха, ха!

Ой, дѣвочко, знай Бога,
Не будь ко мнѣ толь строга;
Я тя люблю, люби мя,
Я ужь твôй, ты будь моя!

Дѣвушка на то глуха,
Схôхотала ха, ха, ха!

Я къ дѣвочцѣ близенько:
Пôди ко мнѣ серденько,
Ой, дѣвочко, пожалуй,
Та хоть одинъ поцѣлуй!

А дѣвушка до смѣха,
Отказала ха, ха, ха!

Ой дѣвочко дорога,
Молю я тя про Бога,
Глянь на мою ты муку,
Подай бѣлу тву руку!

Лишь ты моя потѣха,
А дѣвушка ха, ха, ха!

Я дѣвочку за личко,
Люби мене горличко!
Посмотри на мя хоть разъ,
Люби мене хоть на часъ!

А дѣвушка хитруха:
Захôхоче ха, ха, ха!

Я дѣвочку за губку,
Поцѣлуй мя, голубко!
Дай, любезна, поцѣлуй,
Тѣмъ бѣдного пожалуй!

Нй тутъ лести, нй грѣха,
А дѣвушка ха, ха, ха!

Ой дѣвочко, што робишь,
Чому ты мя не любишь?
Я тя люблю едину,
За тобою ажь гину.

А дѣвушка все лиха,
Зохôхоче ха, ха, ха!

Ой дѣвочко еще разъ,
Взглянь на мене хòтя разъ,
Не возмущай мою кровь,
Ой, пріими мою любовь!

А дѣвушка, якъ блоха,
Отскочила, ха, ха, ха!

Така моей любви мзда,
Тщетна моя надежда,
Долю мою збезславивъ,
И дѣвочку оставивъ.

Теперь ужъ я ха, ха, ха!
А дѣвушка старуха,
Ха-ха-ха, ха-ха-ха,
А ты баба старуха!

10.

Чловѣче мизерный,
Ты есь порохъ земный,
На што ся надѣешь?
Же многимъ владѣешь!

А чей на уроду?
И она до гробу —
До гробу отъиде,
Якъ ей тожъ часъ прійде.

Не уфай въ богатство;
Бо то лишь хробацтво,
Ни въ сребро, ни въ злато;
Бо то все естъ блато.

Фалшивая юность,
Зрадлива фортуна,
Служатъ человѣку
Во молодомъ вѣку.

Теперь оставила,
Якъ сила омлѣла,
Старца человѣка
Къ земли прихилила.

Орловая юность!
Обновися нынѣ,
Потѣшь человѣка
Въ прискорбнôй годинѣ!

Розступьтеся, воды,
Холмы побѣгните,
Мои млады лѣта,
Ко мнѣ привернѣте!

Охъ, вѣтры силныи
Скоро повѣвайте,
Мое сердце смутне
Мнѣ охоложайте!

Да испуститъ облакъ
Со небесе хладость,
Дождевную каплю
До сердца на радость!

О роскоши мои,
Где 'сте ся подѣли?
Цили во Дунаю
Быстромъ потонули?

Самъ ся осуждаю
И то по неволи,
Же роскошне живъ емъ,
Живъ емь во сваволи,

Самъ ся осуждаю,
И признати мушу,

Же во грѣсехъ живъ емь,
Засмутивъ емь душу.

Тамъ возму заплату,
Где будутъ платити,
Тяжко буде сердцу
Где ся тогда дѣти?

ДОБАВЛЕНІЕ.

ПѢСЬНИ,

собранныя въ Стрыйскомъ округѣ Иваномъ Гушалевичемъ.

I.

СЕМЕЙНЫЯ И ЖИТЕЙСКІЯ ПѢСЬНИ.

1.

Ой пôду жъ бо я, ой пôду жь бо я
Черезъ греблю до ставу,
Сама я не знаю, сама я не знаю,
Кому жъ я ся дôстану:

Цы тому дѣду, 2
Що съ сивою бородою,
Цы молодцеви, 2
Съ личкомъ, якъ съ калиною?

Въ дѣда борода, 2
Якъ у березѣ глина,
Моė личенько, 2
Якъ въ городци калина.

Въ дѣда борода, 2
Припêчки замêтати,
Моė личенько, 2
Хлопчикамъ цѣловати.

Ой пôду жъ бо я, 2
До матêнки въ гостину,
Та чей увиджу, 2
За Дунаемъ калину.

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину,
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
Въ колѣна вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брести, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
У поясъ вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брести, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути.

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
Подъ пахи вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брêсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
По шêю вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брêсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

А вже старому, 2
Чуприну вода знесла,
А дѣвчинонька, 2
Въ долоненьки плесла.

2.

Стоять кони на помостѣ, 2 *
Сбирается панна въ гостѝ,
Родиночки в'на не мала,
За брата си здогадала.
Сѣла на вôзъ, поѣхала,
Сêдитъ братчикъ, обѣдае,
Въ оконце си поглядае:
Сховай, жêнко, хлѣбъ зô стола,

* Каждый стихъ повторяется два раза.

До мя ѣде сестра моя! —
Стôй, братчику, не ховайся!
Є у мене хлѣбъ на обѣдъ,
А печеня на вечеру. —
Ходить братчикъ изъ сестрою:
Чо жь ты, сестро, ревно плачешь?
Цы ты отъ мя взятку хочешь? —
Не хочу я отъ тя взятки,
Одна мати насъ родила,
Не вднако насъ надѣлила:
Ты пановавъ, та пануешь,
Я бѣдовала, та й бѣдую.
Бувай, братчику, вже здоровъ!
Я не буду нигды съ тобовъ.

3.

Стоятъ кони запряженѝ
Въ шоры золотыи:
Поѣдемъ мы доганяти
Лѣта молодыи.

Погонили мои лѣта
На золотôмъ мостѣ:
Вернѣтеся, мои лѣта,
Ще до мене въ гостѣ! —

Уже мы ся та не вернемъ,
Не маемъ мы чого;
Було доси шановати
Здоровячка свого. —

Вернѣтеся, мои лѣта,
Буду шановати; —
Теперь мы ой не вернемъ,
Мусишь бѣдовати.

4.

Ой по пôдъ гай зелененькій, 2 *
Брала вдова ленъ дрôбненькій,
Ой якъ брала, та й рыдала,
Къ сырôй земли припадала:
Земле моя сыровая!
Взяла 'сь у мя господаря,
Возьми й мене молодую,
Най на свѣтку не бѣдую! —
Єи сынокъ прислухався:
Пôзволь, мати, вдову взяти:
Буде вдова шановати. —
Волишь, сынку, розбивати,
Нижь ты маешь вдову брати:
У вдовоньки таке сердце,
Якъ зимнов, каже, сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе,
То все зимный вѣтрецъ вѣе.
Иди, сынку, на былоги,
А тамъ найдешь три дороги:
Вдовичина кервавая,
Материна золотая,
Дѣвочина меденая.
У дѣвочки таке сердце,
Якъ лѣтнее Боже сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе,
Все тепленькій вѣтрецъ вѣе.

5.

Иди, нене, прôчь отъ мене,
Будутъ гости завтра въ мене,
Будутъ гости въ кармазинѣ,
А ты въ лихôй петечинѣ!
Пôшла ненька до доненьки,
Встрѣтила ей на дорозѣ:
Где ты, нене, идешь до мене,

---

* Каждый стихъ повторяется два раза.

Не набудешь, нене, въ мене,
Бо лихій мужь е у мене. —
Буду, доню, догоджати,
И дитину колысати.
За годину за маленьку
Доганяє сынокъ неньку:
Вернись, нене, та й до мене,
Бо вдаривъ громъ та й на мене,
Та й на мою худобоньку,
Та й на мою челядоньку,
Та й на жёнку молодую,
Та й дитинку, та й малую. —
Не громъ тото, мôй сыноньку,
А то мои то слёзоньки,
Та й изъ моей головоньки.

6.

Вандровало пахоля,
Изъ Кієва до двора,
Вандруючи пытало:
Где коршмонька новая,
Шинкаречка молодая?
Шинкаречко молода,
Давай пивця, та й вина! —
Якъ я тобѣ вина дамъ,
Коль на тобѣ злый жупанъ. —
Хоть на менѣ злый жупанъ,
Коли въ мене грошей збанъ. —
Коли въ тебе грошей збанъ,
Я за тебе дочку дамъ. —
А въ пôвночи змовляли,
На розсвѣтѣ слюбъ взяли:
Ой ти, мила, миленька,
Голубочко сивенька!
Скажи менѣ правдочку,
Котрого ты родочку? —
Ой я зъ роду попôвна,
По прôзвищи Скарбôвна.

Ты жъ бо милый, миленькій,
Голубочку сивенькій.
Скажи жъ менѣ правдочку,
Зъ котрого ты родочку? —
Я изъ роду поповичъ,
По прозвищу Скарбовичъ.
Бодай мати пропала,
Сестру зъ братомъ звѣнчала!
А ты, сестро, отъ ту будь,
А я иду въ Божу путь,
Та дзєкана шукати,
Та грѣху ся збувати.

7.

Мати жъ моя, мати,
Цы рада ты тому,
Що мы прійшли двое
На подвôрье твое? —
Тобѣ 'мъ, сыну, рада,
Бо 'сь моя дитина,
Невѣстцѣ 'мъ не рада,
Бо 'мъ ей не родила.
Пôшла до пивницѣ,
Взяла двѣ скляницѣ,
Меду наточила,
Сама ся напила,
Невѣстка не пила,
Милому держала;
Милый якъ напився
За серденько взявся.
Она тогды взяла,
Ревно заплакала:
Не плачь, мила, не плачь,
Не ты мя строила,
Строила мя мати,
Що мя породила.

8.

Ой ковала зазуленька а въ гаю, а въ гаю,
Чомусь мое серденько а въ жалю;
Ой ковала зазуленька при плоту,
Чомусь моя головонька въ клопоту;
Ой ковала зазуленька на колу,
Та прїѣздитъ мôй миленькій на коню.
А я ему джарку вина, меду двѣ,
А вôнъ менѣ красну стонжку до землй. —
Помалу, мôй миленкій, говори,
Бо учуе нелюбонько зъ коморы!—
Съ кѣмъ ты, моя люба, говоришь?
Съ кухарками, нелюбоньку, съ кухарками,
Выправляю до Дуная съ коновками. —
На що жъ тобѣ, моя люба, водиці,
Єсть у тебѣ медъ-вино въ скляницѣ;
Єсть у тебе медъ-вино, напійся,
Єсть у тебе садъ-виноградъ — пройдися.
А все тото, нелюбоньку, нй за що,
Коли съ тобовъ мешканенько нй за що. —
Цы будешь, моя люба, любити,
Якъ ся буде бѣле тѣло лупити?—
Ой не буду, нелюбоньку, не буду,
Якъ ты выйдешь за ворота, забуду.

9.

Ой въ лузѣ калина
Весь лѣсъ прикрасила:
Породила мати сына,
Сына мулярина.
Скоро его породила,
Стала научати:
Будешь, сынку, въ дорозѣ,
Не забудь о Бозѣ!
Поки муляръ не пивъ,
Поти Бога хваливъ;
Якъ ся начавъ напивати,

Взявъ о Бозѣ забувати. —
Мати жъ моя, мати,
Съ чорными очима,
Доглянь моêй худобицѣ,
Поки зможе сила!
Ой най мене не ховають
Ни̂ попы, ни̂ дяки,
А най мене поховають
Донци̂ та й Козаки.
Бо попы та й дяки
На худобѣ бьются,
А Дончики та Козаки
Горѣлки напьются.

10.

Ой ѣхавъ Козакъ, ой ѣхавъ молодъ,
Зъ Пôдгôрья на Подôлье,
Повернувъ конемъ, повернувъ сивымъ,
Къ дѣвчинѣ на Пôдвôрье:
Здорова була, дѣвчино люба,
Та й здоровенька спала,
Отпусти жъ менѣ перши̂ залёты,
Будь на мене ласкава!
Ой отпустила, ой отпустила,
Жалосно заплакала:
Ой гой же, гой же, мôй милый Боже,
То 'мь тя вѣрне кохала!
Ой зôйди, зôйди, ясенъ мѣсяцъ,
Якъ млынное коло.
Выйди дѣвонько, выйти серденько,
Промовъ до мене слово. —
Ой якъ къ тобѣ йти, ой якъ къ тобѣ йти,
Съ тобою говорити,
Коль лежитъ нелюбъ на правой руцѣ,
Бою го ся будити? —
Дѣвчино люба, дѣвчино люба,
Отсунься вôтъ нелюба,

Забью нелюба изъ туга лука,
    Якъ дикого голуба. —
На що го бити, на що го бити,
    Здоровья збавляти,
Коника давши, та й осѣдлавши,
    Та най иде служити!

11.

Ой мала вдова чомъ три доненьки:
Одная була бѣла, румяна,
Бѣла, румяна за Ормянина;
А друга була тонка, высока;
Тонка, высока за мѣщанина.
А третя була чорна, горбата,
Чорна, горбата за Крôлевича.
Ой зъѣхалися панове зятёве,
Та й узялися изъ Крôля кпити:
Ой чи не мавъ ты въ чêмъ выберати?
Ой чи не мавъ ты тонкихъ, высокихъ?
Ой чи не мавъ ты бѣлыхъ румяныхъ?
Та ты взявъ собѣ чорну, горбату? —
Редька бѣленька, але гôренька,
Мачокъ чорненькій, а солоденькій.

12.

Пôшли два братья на поле косити,
Заставили дѣвку Анну снѣданье носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли, обѣдецъ зъѣли.
Пôшли два братя на поле косити,
Заставили дѣвку Анну обѣдецъ носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли обѣдецъ зъѣли.
Пôшли два братья на поле косити,

Заставили дѣвку Анну полуденокъ носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли полуднокъ зъѣли.
А она взрѣвши, що то не жарты,
Пустила коня въ чистое поле,
Сама скочила въ глубоке море;
Она скакала, наказовала,
Щобь съ калиноньки цвѣтокъ не рвати,
Абы при горѣ тернокъ не щебати,
Абы на полѣ росу не щебати;
Бо калиночка — Аннино личко,
При горѣ тернокъ — Аннины очка,
На полѣ роса — Аннина коса.

13.

Пôдъ дубиною пôдъ зеленою,
Сидѣвъ голубъ съ голубиною,
Цѣловалися, обôймалися,
Правенькимъ крыльцемъ накрывалися.
Ой выйшовъ Козакъ зъ нового двора,
Та й стрѣливъ згруба, убивъ голуба,
Голубка бѣдна взяла тужити:
Бѣдна головко, не ма съ кѣмъ жити!
Ой пôшовъ Козакъ за чорну гору
Нагнавъ голубôвъ повну обору,
Нагнавъ голубôвъ двадцять чотыри:
Выбêрай собѣ, котрый ти милый!—
Мôй бувъ миленькій, чорнокрыленькій,
Личко румяне, самъ молоденькій.

14.

Ходитъ Сербинъ по зарѣику,
За нимъ, за нимъ дѣвча въ вѣнку:
Ай Сербине, Сербиночку,
Возьми жъ мене во вѣночку!—

Взявъ бы я тебе, небого,
Якъ счаруешь брата свого. —
Якъ же бы го счаровати,
Якй бъ ему чары дати? —
Злови щучку на лопушку,
Вари ему чорну юшку!
Братъ до нее прiѣзджае
Она пивомъ го витае:
Ой, на, брате, та пiй пиво,
Ще 'сь го не пивъ, яко живо!
А братъ пива та напився,
Изъ коника похилився.
Бери, сестро, въ бѣле ложе:
Бѣле ложе не поможе,
Гôрше сердце рознеможе.
Ходитъ Сербинъ по зарѣнку
За нимъ, за нимъ дѣвча въ вѣнку:
Ой Сербине, Сербиночку,
Возьми жъ мене во вѣночку!
Взявъ бы я тебе, небого,
Счаровала 'сь брата свого,
Счаруешь й мя молодого. —
Теперь же я сиротина,
Ни братчика, ни Сербина,
Теперь же я неборачка,
Пôшла бы я за жебрачка:
Жебракъ буде муки просить,
А я буду торбы носить.

15.

Ой заграй ми на скрипочки та на цымбалочки,
Та най любцѣ поскладаю красній спѣваночки!
Ой спѣвавъ бы 'мъ до скрипочки, еще буду до дудки,
Еще буду пробовати гильтайски пробудки.
Ай гильтаю, прiйди зъ свѣта, та погадай собѣ,
Кого 'сь любивъ та покинувъ, та цы не жаль тобѣ? —
Ой я любивъ Катерину, черезъ лѣто, зиму,

Прійшла весна, хлѣба нема, лишивъ Катерину.
Катерину мати била, бо êй догорила:
Черезъ мое подворечко по воду ходила. —
Не бій, мати, Катерину, бій собѣ молодшу,
Я бо ėи щире люблю, заручити хочу.
Я заручивъ Катерину, та пôшовъ до Риму:
Рости, рости, Катерино, та на другу зиму!

16.

Сынку Васильку, жалости мои!
Ой цы ходивъ ты до вдовы на вечерниці̂?
Ходивъ я, ненько, щире серденько,
До тои чаровниці̂.

Сынку Васильку, жалости мои!
Що тобѣ она варила? —
Варила, ненько, щире серденько,
Рыбочку зъ лабочками.

Сынку Васильку, жалости мои,
Де ėи она пôймала? —
Пôймала, ненько, щире серденько,
Въ городѣ на лободѣ.

Сынку Васильку, щире серденько,
Де ėи она вправляла? —
Вправляла, ненько, щире серденько,
Ожогомъ пôдъ порогомъ.

Сынку Васильку, жалости мои,
Цы вдова ėи ѣла? —
Не ѣла, ненько, щире серденько,
Головка ėй болѣла.

Сынку Васильку, жалости мои,
Цы ѣли ėи дѣти? —
Не ѣли, ненько, щире серденько;
Бо спатоньки хотѣли.

17.

Ой мала вдова одного сына,
На войну го выправляла.
Ой нема рочокъ, где мôй сыночокъ?
Ой нема другій, где мôй сынъ любый?
Ажъ на третій пріѣжджае,
Невѣсту си приводжае.
Пивомъ мати го витае,
Невѣстцѣ чары зряджае.
Сынъ пива не пивъ,
Пôдъ коника розливъ:
Що моêй женѣ, най буде менѣ
Тыхъ чарôвъ по половинѣ!
Ой знала 'сь, мати, якъ чаровати,
Знай же, мати, та й поховати.
Ой поховала сынка пôдъ вôконц
А невѣстоньку пôдъ ворôтцями.
На сынѣ вырôсъ яворъ зеленыій,
А на невѣстцѣ двѣ березочки,
Ой безъ гôлячка, безъ корêнячка,
А наша ненька безъ сумлѣнечка.

18.

Иди, сынку, прôчь отъ мене,
Най не маю грѣхъ на тебе,
За пятничне спѣваненько,
За субôтне вмываненько,
За недѣльне снѣданенько!
Пôшовъ сынокъ до сестроньки,
Та найстарша коня дала,
Середуща осѣдлала,
Наймолодша выправляла:
Коли, брате, гостемъ будешъ? —
Тогды, сестро, гостемъ буду,
Та якъ камень корêнь пустить,

Та якъ верба ябко вродить.
Терпѣла рôкъ, терпѣла два,
А третого не стерпѣла:
Пôшла мати въ лѣсъ шукати,
Стала собѣ пôдъ яворець,
Та й узяла листьє рвати,
А яворъ взявъ промовляти:
Не рви, ненько, та листьенько,
Бо то моє волосьенько!
Куди 'сь мати подивила, —
Всѣ вершечки увялила;
Куди мати, каже, пôшла, —
То кровава рѣчка бѣгла.

19.

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками,
Подивилася въ чистеє поле,
Чорными оченьками.

Надъѣздить туда панъ Воевода
Съ своими служеньками:
Стôйте, вôзничкы, стягнѣть конички!
Вдова ми ся сподобала.

Небого вдово, рекъ бы я слово:
Цы много волôвъ маешь? —
Сѣмьдесять волôвъ, щобы 'сь не болѣвъ,
Мôй пане Воэводо! —

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками.
Подивилася въ чистеє поле
Чорными оченьками.

Надъѣздить туды панъ Воевода
Съ своими служеньками:
Стôйте, вôзничкы, стягнѣть конички!
Вдова ми ся сподобала:

Небого вдово, рекъ бы 'мъ ти слово:
Цы много коровъ маешь? —
Семьдесять коровъ, щобы 'сь ми здоровъ,
Мôй пане Воеводо! —

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками,
Подивилася въ чистее поле
Чорными оченьками.

Надъѣздить тулы панъ Воевода
Съ своими служеньками:
Стôйте, вôзнички, стягнѣть конички!
Вдова ми ся сподобала.

Небого вдово, рекъ бы 'мъ ти слово:
Цы много дѣтей маешь? —
Въ каждôй кутинѣ все по дитинѣ,
Трое въ ячмени, четверо въ вôвсѣ. —

Заставляю сѣти на твои дѣти
При зеленôй дубровѣ. —
Якъ твоихъ сѣтей незнакомито
При зеленôй дубровѣ,

Такъ моихъ дѣтей незнакомито
При молодôй вдовѣ.

20.

Ой бувъ батько Андріенько,
Та мавъ дочку Маріеньку.
Продавъ еи Цѣсареви
За сто тысячь миліоны.

Що то, татко, за дымове?
Цы волари огни кладуть,
Цы вôвчари вôвцѣ женуть? —
Поганый Царь съ веселенькомъ
Та до тебе, Маріенько,

Ой ты, татку, Андріеньку,
Де ся менѣ исховати? —
Иди, сынку, въ Чорну Гору,
Тамъ муляри муръ мурують
Они тебе замурують.

Ой ты, татку, Андріеньку
Наймѣть собѣ служниченьку,
Поставьте ей въ тисый стôвъ,
Та най шіе, хоть не вмѣе,
Най пануе, хоть не знае.

Ой ты, батьку, Андріеньку,
Выведи намъ Маріеньку!
Выйшла, выйшла служниченька,
Вклонилася изъ низенька. —
Не Марысень то ходонько,
Не Марысень голосонько,
Лишь Марысинъ рутянъ вѣнокъ.

Ой ты, батьку, Андріеньку,
Ты то любивъ сумку брати,
Люби жь за насъ дочку дати. —
Идѣть же вы въ Чорну Гору,
Тамъ муляри муръ мурують,
Та они ей вôтмурують.

21.

Ой не лëтай, коростелю, по пôдъ чорную стелю,
Не пороши, коростелю, на бѣлу постелю!
Ой не лëтай, коростелю, въ ночи по саду,
Бы 'сь не зробивъ, коростелю, на дѣвчину здраду!
Ой не лëтай, коростелю, въ ночи по убочи,
Бы 'сь не выбравъ, коростелю, на тернину очи!
Ой бо тото, коростелю, пригода бувае,
Кто по ночи лëтае, очи выбирае.

22.

Ой ты поѣхавъ, а мене 'сь лишивъ,
А я бѣдненька плачу,
Сплакала 'мъ очи и въ день и въ ночи,
Що свѣтонька на бачу.

Кобы такъ тобѣ, якъ теперь менѣ,
Та якъ менѣ небозѣ,
Ты бы 'сь полишивъ сивенькй волы
На гладенькôй дорозѣ.

Кобы такъ тобѣ, якъ теперь менѣ
На свѣтв пробувати,
Кобы 'сь такъ не мôгъ, якъ я не могу
Жадну нôченьчу спати.

Жадна пташечка безъ товариша
Не пребувае въ лѣсѣ,
А ты то пôшовъ, а мене 'сь лишивъ,
Якъ ластовоньку въ стрѣсѣ.

23.

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На свекрову постѣленьку,
Чей же я засну!
А свекоръ ходить,
Все мене гудить:
Ой невѣсто нечайная,
До роботы недбайная,
Довго на день спишь! —

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На свекрушину постѣленьку,
Чей же я засну!

Свекруха ходить,
Все мене гудить:
Ой невѣсто нечайная,
До роботы недбайная,
Довго на день спишь!

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На милого постѣленьку,
Чей же я засну!
Миленькій ходить,
И съ тиха говорить:
Ой спи жъ бо ты, миленькая,
Пôшла 'сь за мужъ молоденькая,
Тажь ся не выспала.

24.

Моя мати старенькая съ чорными очима!
Проклала 'сь ми счастье, долю, ще 'мъ була дѣвчина. —
Ой я тобѣ, моя доню, въ доленьку не кляла,
Лише 'мъ тобѣ разъ казала: долѣ бы 'сь не мала! —
На що жь менѣ, моя мамко, гôршои неволѣ! —
Таковъ бувши молоденьковъ, та не мати долѣ.

25.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Ой повѣшу колысочку у поли, у поли,
Будуть дитя колысати соколы, соколы.
Я повѣшу колысочку та на ожиночку,
Буде вѣтрець колысати малу дѣтиночку.
Прилетѣла зазуленька, сѣла на калину,
Крылоньками сфыркотѣла, збудила дѣтину.
Бодай зъ тебе, зазуленько, сиве пêрье впало,
Збудила 'сь ми дѣтиноньку, ще бы було спало! —

II.

БЫТОВЫЯ КОЗАЦКІЯ.

26.

Ходить, блудить Козакъ по лѣщинѣ,
Козакъ по лѣщинѣ,
Выблудився на край идъ дѣвчинѣ,
На край идъ дѣвчинѣ.

Гей, дѣвчино, переночуй мене,
Переночуй мене!
Мôй ти коникъ стайню не застоить,
Стайню не застоить,

Ясна збруя кôлка не поломить,
Кôлка не поломить.
Я самъ молодъ лôжко не заляжу,
Лôжко не заляжу.

Гей, дѣвчино, збуди мя раненько,
Збуди мя раненько,
Такъ раненько, абы невидненько,
Абы не видненько,

Абы куры по селу не пѣли,
По селу не пѣли,
Та й лебедй на ставъ не летѣли,
На ставъ не летѣли!

Гей, дѣвчино, збуди мя раненько,
Збуди мя раненько! —
Дѣвчина заснула, збудити забула,
Збудити забула.

Ой спить Козакъ, ой спить молоденькій,
Ой спить молоденькій,
Прохопився — вже денёкъ бѣленькій,
Вже денёкъ бѣленькій.

Гей, дѣвчино, ты здраднице моя,
Ты здраднице моя!
Утративъ я коня вороного,
Коня вороного. —

Ище втратишь и ясню зброю,
И ясную зброю,
Якъ переспишь другу нôчь зо мною,
Другу нôчь зо мною.

27.

Ой кôнь бѣжить, трава шумить,
Ой тамъ Козакъ убитъ лежить:
Надъ нимъ коникъ задумався,
По колѣна въ землю впхався. —
Не стôй, коню, надо мною!
Я вже виджу щирôсть твою;
Иди, коню, дубровою,
Битымъ шляхомъ, дорогою,
Та не дайся въ руки взяти,
Якъ тя будутъ Турки ймати.
Тупни, коню, копытами
Въ неньки передъ воротами,
Выйде къ тобѣ стара жена,
Ай то ненька сама моя.
Буде в'на тя ся пытати,
Де ты мого сына подѣвъ?
Цы ты мого сына втопивъ,
Цы ты мого сына згубивъ? —
Ни я твого сына втопивъ,
Ни я твого сына згубивъ:
Твôй ся сынъ вже бай оженивъ,
А съ зеленовъ муравоньковъ,
А съ молодовъ паньеночковъ.
Возьми, неню, пѣску въ жменю,
Посѣй собѣ по каменю:
На коли той пѣсокъ зôйде,
Тогды твой сынъ къ тобѣ пріиде.

28.

Надъѣхавъ Козакъ зъ вишневого саду,
Подыбавъ дѣвчину хорошого стану,
Крикнувъ на дѣвчину:
«Давай перевоза!
Я маю прикру карту́,
Ѣду до обоза.» —
Выйшла дѣвчина, заплакала очи:
«Переночуй, Козаченьку, темненькои ночи:
Бо нôчка темненька́,
Дорога слизенька,
Ночуй, ночуй, Козаченьку,
Хатина тепленька!»

29.

Ой пье Козакъ, пье,
Вôнъ въ дорогу йде,
За нимъ, за нимъ, стара ненька
Слезоньками лье:

«Ой, сынку мôй,
Дитинко моя,
Не пій, не пій горѣлоньки
Въ недѣлю зъ рана!

Ай бо та горѣлка
Вельми здрадлива,
Ой здрадила Козаченька
Зъ доброго міра? —

«Ой гукъ, мати, гукъ:
Тамъ Козаки йдуть,
Весела уличенька
«Та куды они йдуть.»

30.

Ой стояла Марыся на рынку,
Та звязала китайковъ головку.
Ой пріѣздить Козаченько зъ полку,
Та розвязавъ Марыси головку.
«Ой Марысе, цы любишь ты мене,
Цы любишь мене, цы пôдешь за мене?» —
Она ему каже: «Кто жъ менѣ тройзêля дôстане,
Той зо мною до слюбоньку стане.» —
«Ой е въ мене три коні на стайни:
Одинъ коникъ якъ воронъ чорненькій,
Другій коникъ якъ голубъ сивенькій,
Третій коникъ якъ лебедь бѣленькій.
Ой тымъ чорнымъ до моря доѣду,
А тымъ сивымъ море переѣду,
А тымъ бѣлымъ до зêля доѣду.»
Начавъ Козакъ тройзêлье копати,
Яла надъ нимъ зазуля ковати:
«Ой не копай, Козаче, тройзêлья,
Не застанешь въ Марысѣ весêлья.
Ой пріѣздить Козакъ и съ тройзêльемъ,
Та застае въ Мырысі весêлье.
Правовъ ручковъ Марысю пращае,
Лѣвовъ ручковъ саблю вынимае.
Якъ у поли макôвка бренѣла,
Такъ Марысѣ головка злетѣла;
Якъ у поли макôвка зацвѣла,
Такъ Марысина головка злетѣла.

31.

Выправляла мати сына на вôйну раненько,
Сама сѣла пôдъ оконце, плаче жалôбненько.
Выправляла его мати, та всяка родинка,
Єще, еще до того завѣнчаная дружинка:
«Ѣдь же ты, сыночку, та на вôйночку, та тамъ не обавляйся,

Ой за двѣ, за три чомъ недѣленьки та до домоньку вертайся!» —
«Ой Богъ же знае, ой Богъ вѣдае, та коли я вернуся,
Ой чомусь бо мôй та воронъ коникъ та на воротахъ цофнувся.» —
Всѣ Козаченьки по вечеренцѣ пôшли до коршмы гуляти,
А тотъ Козачокъ, вражій сыночокъ, вклався въ шевчика спати;
Взявъ шевчичокъ того Козачка по пôдъ бѣлыи боки,
Ой кинувъ шевчикъ того Козачка та на Дунай глубокій.
Ой погинувъ єсь, ой погинувъ єсь, мôй козаченьку, лишь ти шапочка плавле,
Ходить его рôдна мати по березѣ, бѣлы рученьки ламле.

III.

БЫТОВЫЯ САЛДАТСКІЯ.

32.

Кобы не морозъ, кобы не морозъ,
Та не зимная роса,
Та побѣгла бъ я, та побѣгла бъ я,
До Тернополя боса.

А въ Тернополѣ, а въ Тернополѣ,
Два мѣсяченьки ясны:
Ой вандрували, ой вандрували,
Два жовняреньки красны.

Ой вандрували, ой вандрували,
Съ тихонька говорили:
«Кобы намъ дѣвча, кобы намъ дѣвча,
Мы бы го пôдмовили.»

Выйшла дѣвчина, выйшла дѣвчина,
До керниченьки по воду,
Они глянули, та пôдмовили
Дѣвчиноньку, якъ ягоду.

«Ой я бы зъ вами, ой я бы зъ вами,
Молода вандрувала,

Ой кобы я ся, ой кобы я ся,
Лишь здрады не бояла.» —

«Мы не здрадили, мы не здрадили
Єще въ свѣтѣ никого,
Та не здрадимо, та не здрадимо,
Тебе, дѣвчино небого.»

Єще жъ не дôйшли, еще жъ не дôйшли,
До вишневого саду,
Уже зробили, уже зробили,
На дѣвчиноньку здраду.

«Ой бо жъ ты знала, ой бо жъ ты знала,
Що то ни отець, ни мати,
Було бо собѣ, було бо собѣ,
Два рубоньки взяти:

Одинъ рубонько, одинъ рубонько,
Голову завивати,
Другій рубонько, другій рубонько,
Дѣтятко повивати.»

33.

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ,
Сидить жовнярь у неволи,
Сидить, сидить, тяжко здыше,
Тай до тата листье пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Що бы за тя, сынку, дати,
Изъ неволи выкупати?» —
Вôсѣмь волôвъ и съ плугами,
Погонича съ батогами. —
«Ой много бы, сынку, дати,
Не буду тя выкупати.» —

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ, и проч.
До матѣнки листье пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Що бы за тя, сынку, дати,
Зъ неволеньки выкупати?» —
«Двадцять коровъ изъ теляти.» —
«Ой много бы, сынку, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
Аще ширшій на яворѣ, и проч.
Та до брата листье пише, и проч.
«Двадцять коней изъ лошаты.» —
«Ой много бы, брате, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ, и пр.
До сестрицѣ листье пише, и пр.
«Двадцять овець и зъ ягняты.» —
«Ой много бы, брате, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ,
Сидитъ милый у неволѣ,
Сидить, сидить, тяжко здыше,
До милои листье пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Шобы за тя, милый, дати,
Зъ неволеньки выкупати?» —
«Сто червоныхъ раховати;»
«Не много бы, милый, дати,
Буду, милый, выкупати.»

IV.

Бытовыя развойницкія.

34.

Ой пôдъ мостомъ рыба съ фостомъ хитаеся хитро:
Ой утêкавъ зъ Станислава Марысюкъ отъ Дмитра;
Ай утêкавъ, ай утêкавъ, здыбали го люде,
Цы правая дорожчина на Путыльє буде,
На Путыльє, на Путыльє, ажъ до Путылова,
Знаю жъ бо я дорожечки ажъ до Дубйрова.
Ты Дубйрко, ты Дубйрко, та цы спишь, цы чуєшь?
Пусти жъ мене до свѣтлоньки, не сама ночуєшь.» —
«Я жъ тебе, Марысюку, въ хату не пускаю,
Якои ти зброи треба, оконцемъ подаю.» —
«Дай же менѣ пистолеты, та й нову рушницю,
Я ще знаю дороженьки ажъ на Молдавицю.» —
Нихто тото такъ не знае, та якъ его мати,
Она выйшла на Путывлье, зачала казати:
«Путылôвцй, небожата, збирайте громаду,
Зъ сего боку та на той бôкъ дайте одну раду!»
Ой зôйшлися Путылôвци на поле на Ивана,
Та дивлятся на быстру рѣчку, якй жъ тамъ туманы,
Ой дивлятся въ быстру рѣчку, а въ тоту Панôвку,
А Марысюкъ, добрый хлопець; бо выпивъ горѣвку:
А Марысюкъ, добрый хлопець, добре го злапали,
По пôдъ коня вороного нôжки уковали,
Та до пана Капетана листокъ написали.
Ой та сидитъ панъ Капетанъ, та читае зъ листа:
«А на що вы, Путылôвци, ловили опришка?» —
«Мы бы его не ловили, мы бы го не били,
А вônъ ходить по пôдъ хаты съ желѣзными вилы.» —
Єще ему не минуло чотыре недѣли,
Въ Марусюка поза чересъ сорокôвцй бѣлы,
Сорокôвцй бѣлы, бѣлы, бѣлѣйши вôтъ леду:
Вôнъ купує молодицямъ горѣвки и меду.

35.

Мала вдова девять сынôвъ,
А всѣхъ девять въ розбôй пôшло,
Коморочки розбивати
Чужу кровцю проливати.
Чужа кровця не водиця,
Розливати не годится.
Мала жъ она одну дочку.
Одну дочку та Анночку
За Адама ѣи дала.
Не мôгъ зъ нею нигде быти.
Мусѣвъ зъ нею въ лѣсы пôти,
Та надôйшли розбôйники,
Та надôйшли розбôйники,
Адамика та убили,
Адамчатко на кôлъ вбили,
Адамиху зъ собой взяли,
Та изъ нею блудъ створили.
Взяли они спочивати,
Наймолодшій взявъ пытати:
«Скажи менѣ та правдоньку,
Которого ты родоньку?» —
Она взяла повѣдати:
«Мала вдова девять сынôвъ,
А десяту дочку Анну,
А всѣ девять въ розбôй пôшли,
Дочку дала за Адама.» —
«Встаньте, братья, не лежѣте!
Що 'сьте братья ѣй зробили,
Та Адама зятя вбили,
Адамчатко на коль вбили,
Зъ родновъ сестровъ блудъ створили!
Ѣдьте 'сь, братя, сповѣдайте,
Та грѣху ся избувайте!»

V.

БЫЛЕВЫЯ КОЗАЦКІЯ.

36.

Ой поѣхавъ панъ Савонька въ Неровы на обѣды,
Ой не знае панъ Савонька о своей тяжкôй бѣдѣ.
Ой прїѣздитъ панъ Савонька до своего дому,
Пытаеся челядоньки, цы все гараздъ въ дому?
Ой то гараздъ, пане Саво, ще лѣпше зъ тобою,
Изъ далека гостѝ маешь, чѣмъ ихъ привитаешъ? —
«Витавъ бымъ ихъ виномъ, пивомъ, та не схотятъ пити,
Ой бо они прїѣхали мое житье взяти.
Иди, хлопче, до пивницѝ, внеси ми горѣвки,
Най ся напью за живота до своеи жѣнки.
Иди, хлопче, до пивницѝ, внеси менѣ вина,
Най ся напью за живота до своего сына.» —
Ой пустився панъ Савонька до ясного меча:
Взяли его на три списы зъ пôдъ лѣвого плеча.
Ой пустився панъ Савонька до тугого лука:
«Теперь, моя жено, съ тобою розлука.»
Ой пустився панъ Савонька до ясной зброи: —
Взяли его на три списы и пôднесли дъ горѣ.
«Ай де твои, пане Саво, кованыи возы?» —
«У мѣстечку Берестечку заточены въ лозы.» —
«Ай де твои, пане Саво, вороныи кони? —
«А въ мѣстечку Берестечку стоять на припонѣ.» —
«А де жъ твоя, пане Саво, молодая жѣнка?» —
«А въ мѣстечку Бересточку сидить яко квѣтка.»

37.

Доловъ, доловъ, долинами,
Ѣдутъ Турки съ Татарами,
Везуть собѣ вôзъ покрытый,
А въ тôмъ возѣ хлопъ убитый,
За тѣмъ возомъ кôнь Турецкій,

А на кони хлопець Царскій:
Въ правôй руцѣ палашъ держить,
А зъ палаша кровця цюрить.
Зъ тои кровцѝ рѣчка бѣжить,
Надъ рѣчкою явôръ росте,
За Мигалемъ мати плаче:
«Чи дуже ты порубаный?» —
«Головонька на четверо,
Бѣлы ручки на три штучки,
Бѣле тѣло, якъ макъ дрôбно.
Шукай, мамо, лѣкарочки,
Зеленои муравочки,
Клади, мамко, свѣтличеньку,
Безъ оконецъ та безъ дверецъ,
Щобы въ дверцѝ не ходити,
Въ вôконцѝ ся не дивити;
Куды впала головонька,
Тамъ выросла могилонька;
Куды впалы бѣлы руки,
Туды бѣгли быстрѝ рѣки.
Куды впало бѣло тѣло,
Тамъ выросло отъ чомъ кôйло:
Куды впали бѣлы ноги,
Тамъ выросли два явора.

38.

Ой у мѣстѣ Богославѣ дѣвки танокъ ходять,
Молоденька Боднарôвна усѣмъ передъ водить.
Надôйшовъ панъ Канёвскій по при тоты танцѝ,
Та приступивъ Боднарôвну за бѣленькѝ пальцѝ.
Молоденька Боднарôвна на то не вважала,
Та на пана Канёвского губы отдувала:
«А якій ты, панъ Канёвскій, така Боднарôвна,
Не приступай за пальчики, бо 'мъ не твоя рôвня.
Ой то пôшовъ панъ Канёвскій та въ каляты грати,
А вôнъ пôшовъ до пивницѝ шабли добувати.
Ай бо таки люди були, що чули по тихо:

«Втêкай, втêкай, Боднарôвно; бо ти буде лихо!»
Утêкала Боднарôвна трома покоями,
За неи Ляхи-Гайдамахи съ бѣлыми шаблями.
Догонивъ ю першій жовняръ, имивъ ю за косы:
«Ой погоди, Боднарôвно; бо 'сь гуляла доси.»
Ой надôйшовъ другій жовняръ, и взявъ ю до себе:
«Молоденька Боднарôвно, ой тожъ ми жаль тебе.»
А надôйшовъ панъ Канёвскій, сѣвъ си коло стола,
Якъ ударивъ, такъ уцѣливъ по подъ чорні брова.
Не жаловавъ панъ Канёвскій сто червоныхъ дати,
Молоденькôй Боднарôвнѣ трумну малёвати.
Молоденьку Боднарôвну уже поховали,
А вже пана Канёвского водовъ одливали.

39.

Прилетѣли сивы пташки зъ Тужилова села:
Чого-сь наша шинкаречка сумна, невесела.
Ой знаю я, товаришу, чого в'на сумуе,
Она свому шинкареви смерть сама готуе.
Пôшовъ шинкарь молоденькій на другій шинкъ пити,
А шинкарка молоденька топорець острити;
Она жъ его выострила, та й го заховала,
Аще свому шинкареви правду не сказала.
Пріишовъ шинкарь а изъ шинку, сѣвъ си коло стола:
«Давай, мила, ѣсти, пити, бодай ты здорова!»
Дала она ѣсти, пити, взяла ся сварити:
«Утêкайте, люде добры, ту хотять ся бити!
Утêкайте, люде добры, до другои хаты,
Чей ся шинкарь съ шинкаркою укладае спати!»
Ой лягъ шинкарь у постели, шинкарка въ запêчку,
А якъ шинкарь добре уснувъ, она зажгла свѣчку.
А та свѣчка восковая та дуже палала,
А шинкарка молоденька середъ хаты стала.
Стала она середъ хаты, зачала думати:
«Прости менѣ, милый Боже, мужа порубати!»
Якъ же его порубала, та й ся налякала,
У дверенька не трафяла, оконцемъ втêкала.

Отожъ пôшла до матеньки: «Пускайте до хаты:
Прійшли Ляхи-Гайдамахи мужа порубати.»
Ой бо еи матйнонька нелѣнива була,
Найшла синю катанину, та й ся загорнула,
И вылѣзла на звôнницю, взяла на гвалтъ бити,
А взяла ся Тужилôвска громада сходити;
А взяли ся исходити, а взяли судити:
«Хотять тебе, мила донько, ажъ до Стрыя взйти».
Она выйшла за ворота, хусточковъ майнула:
«Ой тôлько я, люде добры, въ Тужиловѣ була».
Шинкареви молодому а въ звононьки лають,
А шинкарцѣ молоденькôй кôстки розтягають.

VI.

КОЛЯДЫ И ОБРЯДНЫЯ.

40.

ГОСПОДАРЕВИ.

Цы дома, домэ, можный панонькy,
    Дай ёму, ёму,
Боже счастье, здоровье а въ дому!
Ай мы видимъ, що е вôнь дома;
    Дай ёму, ёму, и проч.
Сидитъ вôнъ собѣ по конецъ стола,
    Дай ёму, ёму и т. д.
Собѣ въ оконце вôнь поглядае,
Въ чистое поле все поглядае,
Зострѣтивъ собѣ дивное звѣрье,
Кликнувъ, покликнувъ на свои слуги:
«Ой слуги жъ мои, вы вѣрненькіи,
Берѣтъ стрѣльбоньки все стрôйненькіи,
Берѣтъ хортеньки чомъ ловненькіи!»
Жорства стрѣляе, звѣрь промовляе:
«Не псуй стрѣльбоньки, чомъ стройненькіи,
Не томи хорты чомъ ловненькіи,

Ой зажени мя а въ туги луги,
Мене ты тамо чомъ испôймаешъ,
Роги, пароги чомъ позваляешъ.
Будешъ на роги вѣшати шаты,
А на пароги ясную збрую.
Будьте здоровы, можный паноньку,
Можный паноньку, господареньку,
Вйнчуемо ти рочными святы,
Рочными святы, многими лѣты,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И со всѣмъ домомъ, со всѣмъ обходомъ!
Дай же ты, Боже, на обору щастье,
На обору щастья, на худобоньку,
Въ поли урожайну та й пшениченьку,
А въ хатѣ гараздъ на челядоньку!

41.

ЕМУ ЖЕ.

Ой доловъ, доловъ, доловъ луженьки
  Гой, дай, Боже!
Ой упавъ снѣжокъ та й на облôжокъ,
  Гой, дай, Боже и т. д.

Побродивъ ею чудный звѣренько,
Послѣдивъ ею господаренько,
Кликнувъ, покликнувъ на свои слуги:
«Гей, слуги жъ мои все вѣрненькіи,
Збирайте жъ зброю, скликайте жъ лаю!»
А взявъ звѣреньку вôнъ поганяти,
Взяла звѣренька гей промовляти:
«Ой ты жъ, пане мôй, господареньку,
Не рубай мене, не стрѣляй мене!
Возми жъ ты мене въ свои луженьки,
Въ свои луженьки въ калиновыи,
Возми жъ роженьки до свѣтличеньки,
А пароженьки до комороньки,

На пароженьки будешъ вѣшати,
Будешъ вѣшати дороги шаты,
А на роженьки будешъ вѣшати,
Будешъ вѣшати дорогу збрую.»
Ой за симъ словомъ будь же намъ здоровъ,
Будь же намъ здоровъ, можный паноньку;
Вѝнчуемъ мы ти счастьемъ, здоровьемъ,
Счастьемъ, здоровьемъ, вѣнчикомъ яснымъ,
Вѣнчикомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

42.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дома господареньку?
    Гой, дай, Боже!
Ой кажутъ слуги, що нема дома,
На оборонцѣ волы паруе,
Паруе волы въ чотыре возы,
На одинъ бере самî звоночки,
На другій бере самî книжечки,
На третій бере самî свѣчочки,
А на четвертый и самъ сѣдае.
Ой якъ заѣхавъ на златî мосты,
Золотî мосты гей зазвенѣли,
Сѣрî волоньки гей забренѣли.
Надыбаютъ го два, три ангелы:
«Куда жъ ты ѣдешь, господареньку?»
«Ой ѣду, ѣду, пôдъ святу гору,
Пôдъ святу гору, до монастырю.»
Ой якъ изъѣхавъ пôдъ святу церковъ,
Самы ся двери подотваряли,
Самы ся вôкна поодтыкали,
Самы звоночки гей зазвонили,
Самы ся книги поотверяли,
Самы ся свѣщи позажегали,
А всѣ святыи на службу стали,
Службу служили, Бога просили,

За здоровльенько господарское.
Ой, за симъ словомъ будь же намъ здоровъ,
Господареньку съ господиненькою,
Дай же ти, Боже, а въ домъ здоровлье,
А въ домъ здоровлье на челядоньку,
На вбору счастье на худобоньку!

43.

ЕМУ ЖЕ.

Ой устань, устань, господареньку,
Гой, дай, Боже!
Побуди свою всю челядонку,
Всю челядоньку, господиненьку,
Ой най же она раненько встае,
Свѣтлы свѣтлоньки повымѣтае,
Кленовы столы позастелае,
Восковы свѣчи позажигае,
Пшеничнымъ хлѣбомъ позакладае,
Рочныхъ гостенькôвъ ся сподѣвае,
Рочныхъ гостенькôвъ, колядниченькôвъ.
Ой за симъ словомъ будь же намъ здоровъ,
Можный панонько, чомъ Василенько,
Вѝнчуемо ти счастьемъ, здоровльемъ,
Счастьемъ, здоровльемъ и всякимъ добромъ!

44.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дома, господареньку,
Гой, дай, Боже!
Ой знаемо жъ мы, що е вôнъ дома,
Ой сидить собѣ по конець стола,
По конець стола краще сокола,
На немъ шапочка якъ галъ чорненька,
Якъ галъ чорненька, якъ макъ дрôбненька,

На немъ чобо̂тки, сре̂бны по̂дко̂вки,
На немъ кошулька якъ бѣ̂ль бѣ̂ленька,
Якъ бѣ̂ль бѣ̂ленька, якъ листъ тоненька;
Где жъ она прана? Край Дуная;
Где она сушена? Въ Тура на розѣ;
Где она тачана? Въ Львовѣ на столѣ;
Где вна вбирана? Въ свѣтло̂й свѣтлицѣ,
Въ свѣтлѣ свѣтлонцѣ, при оболонцѣ.
А за симъ словомъ бувай намъ здоровъ,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И зо всѣмъ домомъ, зо всѣмъ обходомъ!

45.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дома господареньку?
  Гой, дай, Боже!
Ой кажутъ слуги, що нема дома,
А въ Судомірѣ судоньки судить,
Судоньки судить, все въ правахъ сидить.
Єму за тоѐ дорого платять,
Дають же ёму три села новй,
Єдно селенько все старй люде,
Друге селенько все парубочки,
Трете селенько сами дѣвочки.
Старыи люде на порадочку,
А парубочки все косарчики,
Ой а дѣвочки все гребеночки.
Ой за симъ словомъ бувай намъ здоровъ,
Бувай намъ здоровъ, можный паноньку,
Можный паноньку, господареньку!
Вйнчуемо ти рочными святы,
Рочными святы, многими лѣты,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И зо всѣмъ домомъ, зо всѣмъ обходомъ!
Дай же ты, Боже, щастья, здоровья,
А въ домъ здоровье на челядоньку,
Въ оборѣ щастье на худобоньку!

46.

ЕМУ ЖЕ.

Ой въ лѣску, въ лѣску, а въ жовтôмъ пѣску,
Гой, дай, Боже!,
Росте деревце тонке, высоке,
Тонке высоке, въ верху кудряве,
На тôмъ кудрявци сивъ соколъ сидить,
Сивъ соколъ сидить, далеко видить,
Ой видить, видить а въ чисто поле,
А въ чисто поле, где плужокъ оре,
Ори жъ ты, пружку, здрôбненька нивку,
Та й посѣемо яру пшеницю,
Яру пшеницю, всяку пашницю,
Та вродить намъ ся стебло-серебро,
Та й зберемо жъ мы женци̂-молодци̂,
Женци̂-молодци̂-дѣвки та хлопци̂.
Та й зожнемо жъ мы а въ дрôбны снопы,
Та й и складемо а въ густы копы,
Будешъ ходити меже копами,
Якъ ясенъ мѣсяць межи звѣздами.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ! и проч.

47.

СЫНУ.

Ой загнѣвався сынъ на батенька,
Гой, дай, Боже!
Вылучивъ собѣ воронъ зъ стаденька,
Воронъ зъ стаденька та й кониченька.
Займивъ же єго на тихій Дунай,
На тихій Дунай, золоты мосты,
Золоты мосты завалилися.
Воронъ зъ стаденька потопилося,
Воронъ зъ стаденька та й кониченько.
Ой жаль ми, не жаль за всѣмъ стаденькомъ,
За всѣмъ стаденькомъ, за кониченькомъ,
Ой, бо ôнъ мене добре нотовавъ,
А ушеньками слухи слуховавъ,

А оченьками звѣзды раховавъ,
А копытами бѣлъ камень лупавъ,
Бѣлъ камень лупавъ, церковъ муровавъ,
Съ трома вôконцями, съ трома дверцями:
Одно жъ оконце ясное сонце,
Друге жъ оконце чомь ясенъ мѣсяць,
Трете жъ оконце ясна зôрниця;
Одними жъ дверцй самъ Господь ходить,
Другими дверцй Свята Пречиста,
Третими жъ дверцй Святый Николай;
Святый Николай ставъ до престола,
Службу служити, Бога просити,
Бога молити, та за здоровье.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ,
Можный паноньку, чомь Ивасеньку!
Вйнчуемо ти щастьемъ, здоровьемъ,
Щастьемъ, здоровьемъ, доленькою доброю,
Вѣночкомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

48.

ЕМУ ЖЕ.

Ой заказано въ недѣлю рано,
Гой, дай, Боже!
Ой заказано всѣмъ на войночку,
Кто сынка мае, най выправляе,
А кто не мае, та най наймае,
Мала вдовочка в'дного сыночка,
Выправляла жъ го гей на вôйночку:
«Иди жъ ты, сыночку, гей на вôйночку,
Напередъ вôйска не выдавайся,
А зъ заду вôйска не зоставайся!»
Молоде паня на то не дбало,
Передъ Королемъ играло конемъ,
Передъ паничемъ рубало мечемъ,
Передъ гайдука стрѣляло зъ лука

«Нема въ панича такого меча,
Нема въ Короля такого коня;
Бо въ мого коня золота грива,
Шовковый хвостикъ замêтать мостикъ.»—
Ой за симъ словомъ и проч.

49.

ЕМУ ЖЕ.

А въ поли, поли, близко дороги,
Гой, дай, Боже!
Стоять наметы зъ бѣлаго шовку,
А въ тôмъ наметцѣ бѣла постêлька,
А въ тôй постельцѣ Царьское дитя,
Царское дитя а въ карты грае,
А въ карты грае, красно спѣвае.
«Кто жъ тебе навчивъ а въ карты грати,
А въ карты грати, красно спѣвати? —
«Мене жъ навчила ненька старенька,
Тричи мя въ ночи повиваючи,
Швидкимъ пруточкомъ вышвикуючи,
Солодкимъ медкомъ наповаючи,
Червонымъ ябкомъ пôдхиткуючи.»
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ и проч.

50.

ЕМУ ЖЕ.

Ой изъ за горы, зъ за полонины,
Гой, дай, Гоже!
Выходить же ми чорна хмарочка,
Ой не е жъ то ми чорна хмарочка,
Ой с жъ то ми овець гурмочка,
Иде жъ передъ нихъ овчариночка,
Заперезався трома ужевками,

А за ужевками три трумбеточки:
Одна трумбета гей дубиная,
Друга трумбета гей цѣновая,
Трета трумбета гей золотая.
Ой чути, чути въ чистое поле,
Ой якъ затрубить а въ дубиную;
Ой чути, чути а въ лѣсы, боры,
Ой якъ затрубить а въ цѣновую;
Ой чути, чути ажъ на небеса,
Ой якъ затрубить а въ золотую.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ, и проч.

51.

ДОЧКѢ.

Коло мостонька нова корчмонька
Гой, дай, Боже!
А коло неи коники въ ненѣ.
Одинъ ми коникъ найворонѣйшій,
До него хлопець найприборнѣйшій,
Бересь ѣхати въ горы по дѣвку,
Она жъ до него переказала:
«Коня не томи, людей не труди,
Бо я жъ до тебе сама прилену,
По надъ селенько чорновъ хмароньковъ,
На подвѡренько дрѡбнымъ дождикомъ,
Ой, а до сѣней чомъ ластовою,
Ой, а до хаты чомъ невѣстою.
Ой нене, нене, навчи жъ ты мене,
Злото сновати, а срѣбро ткати.»
А за симъ словомъ бувай намъ здорова,
Бувай здорова, кгречная панно,
Вѝнчуемо ти щастьемъ, здоровьемъ,
Щастьемъ, здоровьемъ, доленьковъ добровъ
Вѣночкомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

52.

ЕЙ ЖЕ.

Шуми, не шуми чомъ дубровонько,
Гой, дай, Боже!
«Ой якъ же менѣ гей не шумѣти?
По менѣ ходить дивное звѣря,
Дивное звѣря девятороге,
А на десятôмъ святый тарêльчикъ,
На тôмъ тарелци золотый стôльчикъ,
На тôмъ стôльчику панонька сидить,
Ой сидить, сидить косоньку чеше,
Косоньку чеше, по столу мече.
«Ой не доѣзджай, чомъ Козаченьку,
Ой не пôдхиляй чомъ кватыреньку,
Ой не напускай буйного вѣтру,
Буйного вѣтру, ясного сонця!
Бо одъ вѣтроньку косонька вяне,
А одъ соненька личенько смагне!»
Ой за симъ словомъ бувай здорова, и проч.

53.

ЕЙ ЖЕ.

Ой надъ керницевъ, надъ студеницевъ,
Гой, дай, Боже!
Тамъ три святыи воду святили,
Воду святили, крестъ загубили,
Дѣвчина пышна, ты туды ишла,
Ты туды ишла, золотъ крестъ найшла.
«Що жъ менѣ буде за переемець»? —
Ой буде, буде срêбный перстенець,
Срêбный перстенець, три службы новы:
Одна службонька на святе Рôздво,
Друга службонька ажъ на Василья

Третя службонька ажъ на Великдень,
Ажъ на Великдень, на той Божій день.»
А за̀ симъ словомъ бувай мй здорова и проч.

54.

ЕЙ ЖЕ.

Тамъ за стѣною, за золотою,
Гой, дай, Боже!
Тамъ ся вбирае кгречна паннонька,
Бере на себе дороги суквй,
А поверхъ сукней срêбро та злото,
И выйшла на дворъ, дворъ ся влягае,
Войшла до сѣней, сѣни сіяють,
Войшла до хаты, паны вставаютъ,
Паны вставаютъ, шапки знимаютъ,
Шапки знимаютъ, ей ся кланяютъ,
Ой, одинъ каже, що то Царêвна,
А другій каже, що то Крôлêвна,
А мати каже, то моя дочка,
А моя дочка, чомъ невѣсточка.
А за симъ словомъ бувай здорова и проч

55.

ЕЙ ЖЕ.

По надъ бережокъ саженый садокъ,
Гой, дай, Боже!
Садокъ саженый, расомъ рашеный
Пильновала жъ го кгречна паннонька,
А стережучи твердо заснула,
Ой а злетѣли райски пташеньки,
Та й жахомъ-махомъ на райскй пташки:
«Не вамъ то, тато, садочокъ садивъ,

Садочокъ садивъ, та й расомъ расивъ.»
Ой пѣшки, пѣшки по пôдъ берêжки,
Вбита стеженька до коваленька:
«Ты коваленьку, золотареньку,
А вкуй же мêнѣ жовты чобôтки,
А пôдъ чобôтки срêбны пôдкôвки!»
Ой за симъ словомъ бувай здорова, и проч.

56.

ЕЙ ЖЕ.

А въ поли близко дороги,
Божая, Божая мати,
А все въ золотѣ ходила, *
Садокъ саженый, наостроженый,
А въ томъ садочку бѣла постêлка,
А въ тôй постêлцѣ кгречная дѣва,
Рясы стерегла и тамъ заснула,
Райски пташочки рано злинули,
Рано злинули, рясу спайнули.
Золота ряса дуже звенѣла,
Дуже, звенѣла, дѣву збудила,
А дѣва встала, рясу зôбрала,
Зôбрала рясу, чомъ до поясу,
Понесла жъ собѣ до золотника:
«А помогай Бôгъ, золотниченьку,
Золотниченьку, ремесниченьку!
А зроби жь мêнѣ золоту шубу,
А зъ обрѣзочкôвъ золотый поясъ,
А зъ отрусочкôвъ срêбный перстенець,
По тôмъ останку перлову тканку.
А вберу жъ я ся въ недѣлю рано:
Перлова тканка головку клонить,
Шовковый поясъ лядвоньки ломить,
Золота шуба слѣдъ замêтае,
Срêбный перстенець пальчики щипле.»

---

* Повторяется послѣ каждаго стиха.

Ой за симъ словомъ будь намъ здорова,
Будь намъ здорова, кгречная дѣво,
Дари тя, Боже, щастьемъ, здоровьемъ
Счастьемъ, здоровьемъ, та долевъ добровъ,
Рутяныиъ вѣнцемъ, кгречнымъ молодцемъ!
Дай же ти, Боже, въ городцѣ зѐлье,
Въ городцѣ зѐлье, въ дому весѐлье!

57.

ЕЙ ЖЕ.

По за гуменье чорное терньe,
Гой, дай, Боже!
Надôйшла жъ туда красна паннонька,
Урвала собѣ чорный терночокъ,
Та прикладала къ своимъ оченькамъ:
«Кобы у мене такй оченька,
Ладила бы 'мъ ся за вôйтовича.»

По за гуменье жовтое кôйло:
Надôйшла жъ туда красна паннонька,
Урвала жъ собѣ жовтое кôйло,
Та прикладала къ своимъ косонькамъ:
«Кобы у мене така косонька,
Ладила жъ бы 'мъ ся за паниченька.»

По за гуменье червона рожа:
Надôйшла жъ туда красна паннонька,
Урвала собѣ червону рожу,
Та прикладала къ свому личеньку:
«Кобы жъ у мене таке личенько,
Ладила жъ бы 'мъ ся за Цѐсаронька.»
Ой за симъ словомъ бувай ми здорова и проч.

VII.

КОЛОМЫЙКИ И ДРУГІЯ ПЛЯСОВЫЯ.

1.

Ой конику, воронику, грива ти бѣленька,
Занеси мя въ тое село, де моя миленька! —
«Якъ бы тебе я занêсъ, де твоя миленька,
Та злетѣла бы менѣ гривочка бѣленька.»

2.

Ой ковала зазуленька на хатѣ, на латѣ:
Не разъ бы ся наплакати въ свекрушинѣ хатѣ.

3.

По пôдъ лужокъ оре плужокъ, волики чотыри,
Ой а моêй миленькои напередъ ходили.

4.

Ой пôшовъ я до багача, они одповѣли:
«Кортѣли мя сивы волы, псы бы ихъ поѣли!»

5.

Ой займу я сивы волы, та най напасутся,
Та най нашî вороженьки пороспукаются!

6.

Розвивайся, лозо, борзо а въ чотыре листы:
Якъ до тебе, моя мила, рѣчку перебристи?

7.

Ой стояла при вербинѣ,
Та моргала: «Ходи дъ менѣ!
Якій тобѣ дѣдько стався,
Що ты менѣ сподобався?»

8.

Ой заграй ми, музиченьку, въ украшенѝ скрипки,
А я буду танцювати всѣ нôчку на сбытки!

9.

Ой спѣвайте, ледѣники, котрый голосъ мае,
Най ся тота дубровонька одъ насъ розлягае!

10.

Ей музыка Черемѣскій грае хорошенько:
«Не самъ иду, коня веду, подивися, ненько!
Не самъ иду, коня веду, коня вороного,
Ой отвôряй воротенька, дѣвчино небого!»

11.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, я славъ къ тобѣ люде,
А ты менѣ одповѣла, цы не жаль ти буде?

12.

Ой дубочку росохатый, маю на тя гадку,
Гадаю тя порубати миленькôй на хатку;
Гадаю тя порубати, та й помѣтовати,
А изъ тебе своей милôй хатку сбудовати.

13.

Породила шевця вôвця, а Ляха кобыла,
А Русняка неборака мати чорнобрыва.

14.

Ой зробивъ я копякъ сѣна, та було зелене:
Заѣхали Гуцулы, забрали безъ мене.
Тожъ я прійшовъ до домоньку, та взявъ жону бити:
«На що сь 'дала Гуцуламъ усе сѣнце взяти?»

15.

Ой ты пьешъ та гайнуешъ, а я дома сиджу,
Ой ты прійдешъ, мене бьешь, и бѣлочку виджу.
Ой ты бо пьешъ на медочку, а я на горѣвцѣ,
Ой ты пропивъ чтыри волы, а я лишъ двѣ вôвцй.

16.

Ой бѣдойко, умеръ Бойко, Бойкови дзвонили,
А Бойко ся схопивъ зъ лавы, ледви го зловили.

17.

Не тѣшьтеся, вороженьки, моей пригодонцѣ.
Хоть я прійду въ ночи пôзно къ моей худобонцѣ;
Хоть я прійду и не прійду, прійде жъ моя мати,
А вже жь моя худобонька не буде рыкати.

18.

«Теши, сыну, ясенину, теши, сыну, клинье:
Возми, сыну, сиротину, та буде газдине!» —
«Не зъ кождои ясенины клинье ся удае,
Не зъ кождои сиротины газдине бувае.»

19.

А изъ тои полонины студена зимочка
А хто жъ мене пожалуе, умерла мамочка!

20.

Не буду ся отдавати, свѣтъ собѣ гаити,
Ой пôду я въ полонину коровки доити.
Ой часъ бо намъ маерочки до домочку ѣсти,
Не яли намъ коровицѣ съ поля приходити.

21.

А я пôду въ Волощину, та тамки загину,
Скажу собѣ закопати на грудехъ калину:
Будуть пташки прилѣтати, калиночку ѣсти,
Будуть менѣ приносити одъ матѣньки вѣсти.

22.

Моя матко старенькая, мамко Стефанихо!
Ото 'сь мене породила на бѣду, на лихо!

23.

Ой Сиготе, Сиготочку, крутый городочку!
Высушила, вывялила любка головочку;
Высушила, вывялила, та и самъ я зницѣвъ,
Та за тыи двѣ недѣли, що 'мъ любки не видѣвъ.

24.

Ты, дѣвчино, спѣвай ладно, не рубай, якъ дрыва,
Давно бы тя люде взяли, кобы 'сь чорнобрыва.

25.

По пôдъ тую полонинку, по пôдъ Турôвочку,
Ходить любко зъ овечками, грае въ сырôвочку:
«Ой овечки-солодечки, ой пасъ бы я васъ, васъ,
А якъ прійде недѣленька выгубивъ бы васъ, васъ!»

26.

Ой горочко высокая, кременю, лупайся:
Не буду тя, любко бити, лишъ выстерегайся!

27.

Свекрушечко, ма душечко, пусти мя до мамки,
Не пытаю быстрой рѣки, побреду безъ лавки.

28.

Ходѣмо, дѣ, товаришу, за высоку гôрку,
Ой тамъ мы ся помахаймо за красную дѣвку.
«Ой якъ же ты помахаешъ, слава жъ, Тобѣ, Боже!
Ой якъ же я помахаю, пропавъ есь, небоже.»

29.

Хоче ми ся воды пити, кирниця нечиста,
Пôдъ яворомъ зелененькимъ нападало листа.
Ой пôду я та поставлю кидровый мосточокъ,
А выберу я зъ кирницѣ яворôвъ листочокъ.

30.

До дому йди, пьяниченько, до дому, до дому,
Не заваджай у корчмонцѣ никому, никому!

31.

Каже мати женитися та брати дѣвчину,
А я жъ поду женитися въ зелену лѣщину.
Каже мати женитися та брати удову,
А я пôду женитися въ зелену диброву. —
«Зелененька дубровочка ни огню, ни цвѣта:
Молоденька замужь пôшла, не видѣла свѣта!»

32.

Ой высока полонина зъ вѣтромъ говорила:
Кобы мене розорати, жито бы 'мь родила.

33.

Ой Сараче, каже, кучмо,
Не чини мя гучно,
Бо я за тя давъ два лева,
Йдучи зъ Могилева.

34.

Въ церкви звонять — баба глуха,
Въ коршмѣ грають — баба слуха:
«А де жъ мои ходачищи?
Я бы пôшла до коршмищи.»

Плясовыя.

в. Козакъ.

1.

(В. изъ Олеська 202.)

Гей я Козакъ зъ Украины,
Козакъ зъ роду, Козакъ зъ мины!
Нѣгды въ житью не заплачу,
Гучу, кричу, граю, скачу.

Трястя тому, що ся бѣдить,
Що ено надъ грôшмы сидить!
Не зъ роскоши, тôлько зъ бѣды,
Тну голубця, йду въ присѣди.

Чого жь ты ся зажурила,
Скажи менѣ, моя мила?
Не велика серцю туга,
Не будешъ ты, буде друга.

Бодай наше Поберêже!
Хоть нагайка плечи зрѣже,
Козакъ на то не заплаче,
Гукне, крикне, грае, скаче.

Отъ такъ у насъ чабарашки,
Хоть по пôдъ стôлъ, то все въ рачки,
То на палцяхъ, то въ присѣды,
То до корчмы, то въ сусѣды!

2.

Слава наша Козацькая
Нехъ не загибае,
Шо въ гулянцѣ доля наша
И нужды не знае;

Шо въ гулянцѣ, въ вечоръ, въ ранцѣ,
Въ полудне и въ ночи,
Скочно грати и спѣвати,
Козакъ завше охочій.

Козакъ собѣ танцюе
Бренчать въ него гроши,
Самъ утворный, волосъ чорный
И лицемъ хорошій;

Крутӣ вусы, чекманъ кусый,
Повыкидавъ вылёты,
Самъ гуляе, насъ спрашае,
Й додае охоты.

Нуте, нуте, молодцӣ,
Нуте погуляйте,
Єднӣ грайте, другӣ скачьте,
А трети спѣвайте!

Нуте живо, наше жниво,
Нуте, жвави хлопаки,
Ну жъ въ присѣди до сусѣды,
Вытинайте гопаки!

Гуляй, гуляй, Козаченьку,
Гуляй разомъ зъ нами,
То въ тропака, то въ присѣды
Выкадай ногами!

Нехай знають, що гуляють
Зъ молодцями Козаки,
И гуляють и спѣвають,
Вытинають гопаки.

Гей сивъ кисъ на покôсъ,
Та й ставъ щебетати:

«Нарай, нарай, пане брате,
Де дѣвчину взяти?» —

«Нараю ти, пане брате,
У нашого вôйта:
Хорошая, румяная,
Тôлько неробôтня.

Не уважай, пане брате,
Чы дѣвчина гладка:
Питай людей и самъ гляди,
Чы метена хатка?

Не уважай, пане брате,
Чы коралôвъ густо:
Пытай людей и самъ гляди,
Чы въ гол’вѣ не пусто?

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ПЕТРА ПЕТЕЯ ДЕ ЭРЛЕЗУНДА

ПОДЛИННОЕ И ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ, ПРАВИВШИХЪ ВЪ РОССІИ СЪ 752 ГОДА ДО ИЗБРАНІЯ НЫНѢ ЦАРСТВУЮЩАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА ВЪ 1613 ГОДУ, ТАКЖЕ О ТРЕХЪ ЛОЖНЫХЪ ДИМИТРІЯХЪ, НАВЯЗАВШИХЪ СЕБЯ ВЪ ПРИРОДНЫЕ И НАСЛѢДСТВЕННЫЕ ГОСУДАРИ СТРАНѢ И ПРИЧИНИВШИХЪ МНОГО БЕЗПОКОЙСТВЪ И КРОВОПРОЛИТІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Не нахожу, чтобы иноземные историки писали особенно много о томъ, какіе Государи и Великіе Князья были сначала у Русскихъ, откуда родомъ и происхожденіемъ, и какъ они царствовали. Русскіе и сами не знаютъ, какъ они, къ сожалѣнію, были такимъ грубымъ, необузданнымъ и варварскимъ народомъ, что даже не имѣли и буквъ для описанія дѣлъ и учрежденій своихъ Князей и Государей, и исторіи ихъ, въ пользу и назиданіе своимъ дѣтямъ, до тѣхъ поръ, пока Греческій Императоръ, Михаилъ Палеологъ (?) не прислалъ изъ Константинополя Славянскія буквы въ 1262 году (!!), въ Болгарію, откуда получили ихъ наконецъ и Русскіе, научились писать ихъ, читать и понимать, а потомъ изложили и написали этѣми буквами все, случившееся прежде и еще бывшее у нихъ на памяти.

Получивъ сначала Славянскія буквы, они все еще употребляютъ Славянскій языкъ въ церквахъ при Богослуженіи, читаютъ, молятся и поютъ на немъ; всѣ ихъ книги, духовныя и свѣтскія, написаны и напечатаны тоже на Славянскомъ языкѣ, хотя для своего собственнаго языка имѣютъ другія буквы, которыя получили отъ Грековъ. Такъ какъ межъ ними и Греками были большія взаимныя сношенія, то они и умножили число своихъ буквъ и

прибавили къ нему еще 19, отъ чего у нихъ въ азбукѣ 43 буквы, тогда какъ у Грековъ ихъ только 24. Русскія буквы выговариваются такъ: азъ (Aas), буки (Buchi), вѣди (Wedi), глаголь (Glagol), добро (Dabro), есть (Iest), живѣте (Civvet), зѣло (Selo), земля (Zembla), иже (Ise), и (I), како (Kakoi), люди (Ludi), мыслѣте (Musliti), нашъ (Naas), онъ (On), покой (Pokoi), рцы (Ertzi), слово (Slavva), твердо(Zvverda), икъ (Iick), у (V), фертъ (Phert), хѣръ (Chir), отъ (Ath), цы (Zi), червь (Zerf), ша (Scha), ща (Schza), еръ (Iaer), еры (Iaehri, ерь (Ihe), ю (Ivv), ять (Iaet), э (Aae), я (Ia), ѧ (iea), оу (Avv), кси (Xi), пси (Pzi), юсъ (Ius), ѳита (Vita). Отъ того и Русскія буквы имѣютъ большое сходство съ нѣкоторыми Греческими, а Славянскій языкъ въ большей части словъ сходенъ съ Русскимъ; такъ Москвитяне, или другой кто ни будь, вполнѣ изучившій Русскій языкъ, можетъ говорить съ Полякомъ, Литовцемъ (Бѣлорусомъ), Кашубомъ, Славонцемъ, Богемцемъ (Чехомъ), Вендомъ, Далматомъ, Болгаромъ, Хорватомъ, понимать ихъ и ѣхать, черезъ Татарію и Турцію, въ Константинополь: тамъ въ употребленіи тотъ же самый языкъ, даже и при Дворѣ говорятъ на немъ.

Въ Русскихъ сказаніяхъ и лѣтописяхъ упоминается народъ, называемый у нихъ Варягами (Waregi), съ коими вели они большую войну, и были принуждены платить имъ дань ежегодно по бѣлкѣ со всякаго дома. Но я нигдѣ не могъ отыскать, что за народъ были Варяги, и по тому долженъ думать и войти въ подробныя разысканія, что они пришли изъ Шведскаго Королевства, или изъ вошедшихъ въ составъ его земель, Финляндіи и Ливоніи. По тому что въ нашихъ лѣтописяхъ есть ясныя извѣстія, что Шведы съ Русскими вели сильныя войны, взяли страну ихъ и области вооруженною рукой, покорили, разорили, опустошили и погубили ее огнемъ и мечемъ до самой рѣки Танаиса, и сдѣлали ее своею данницей. Къ тому же и Русскіе называютъ Варягами народы, сосѣдніе Балтійскому морю, на примѣръ, Шведовъ, Финовъ, Ливонцевъ, Куроновъ, Пруссовъ (Prydtzen), Кашубовъ, Поморянъ и Вендовъ, а Балтійское море зовутъ Варяжскимъ. Но какъ это названіе нельзя найти ни у насъ, ни въ другихъ мѣстахъ, то многіе стали держаться мнѣнія, что Варяги были родомъ изъ Энгерна (Engern),въ Саксоніи, или изъ Вагерланда (Wagernland), въ Голштиніи; но это не возможно и не имѣетъ ни какого основанія, по

тому что они не могли такъ далеко плавать на своихъ корабляхъ (Armada) по морю, да и не были такъ многочисленны, чтобы воевать съ Русскими. Да если бы и было такъ, и они воевали съ Русскими (что, однако жь, нельзя доказать, да и по справедливости лишено всякаго основанія), то не могли бы довести этой войны до того, чтобы обложить данью Русскихъ. Отъ того кажется ближе къ правдѣ, что Варяги вышли изъ Швеціи, или имѣли главнаго вождя, который, можетъ быть, родился въ области Вартофта (Wartofft), въ Вестеръ-Готландіи, или въ области Верендѣ въ Смаландѣ, вѣроятно, назывался Вернеръ, и отъ того Варягъ (Waregus), а его дружина—Варяги, море же, по которому плавалъ, Варяжское (Woretskoi More), такъ какъ Русскіе обыкновенно называютъ Варяжскимъ то море, которое лежитъ между землею Копорье (Coporie) и Еврепе (Eurepe), островомъ Биркой (Bireko) и рѣкою Невою.

Межъ тѣмъ, какъ Варяги въ то время были очень сильны и часто воевали съ Русскими, у Русскихъ Князей и Государей происходили большія смятенія, ссоры и несогласія изъ за правленія и верховной власти, такъ что никто не хотѣлъ уступить другому: воевали между собою и грызлись точно собаки, по тому что каждому хотѣлось быть въ такомъ же величіи и почетѣ, въ какомъ былъ другой; почти все то же, что дѣлали они и нынѣ, въ недавнее время, по тому что когда одного выбрали на царство, то это стало обидно другому, который вооружился на него съ своими сторонниками и предъявлялъ, что онъ такого же высокаго и знатнаго рода и происхожденія, такъ же уменъ и разуменъ, какъ и другой. Чтобы разомъ покончить несогласія, безпрестанныя усобицы и раздоры, одинъ умный и мудрый человѣкъ, бывшій въ большомъ почетѣ у Новогородцевъ, по имени Гостомыслъ (Gostomisel), отъ всего сердца убѣждалъ и уговаривалъ ихъ жить въ мирѣ и согласіи, и отправить пословъ къ Варягамъ, съ самою усердною и смиренною просьбою о томъ, чтобы прислали къ нимъ троихъ господъ высокаго Княжескаго рода, которые были бы благоразумны и могли учредить у нихъ добрый порядокъ и управленіе. Новогородцы же признаютъ ихъ своими природными и наслѣдственными Государями, станутъ почитать ихъ и нести для нихъ всякую усердную службу. Это понравилось всѣмъ Новогородцамъ,

такъ же какъ и Москвитянамъ въ Москвѣ, когда Захарій Ляпуновъ присовѣтовалъ имъ выбрать въ Великіе Князья сына Польскаго Короля, Князя Владислава. По совѣту Гостомысла, они тотчасъ же отправили пословъ къ Варягамъ, приказавъ имъ какъ можно покорнѣе просить у нихъ мудрыхъ правителей. Варяги немедленно согласились на ихъ настойчивую просьбу и отправили съ послами троихъ братьевъ изъ Княжескаго рода, по имени Рюрика (Rurich), Синеуса (Sinaus) и Трувора (Truvvor).

А свирѣпый Иванъ Васильевичъ, сдѣлавшій много жестокихъ дѣлъ въ Ливоніи въ 1577 году и сильною рукою правившій всею Россіей, говорилъ, что онъ ведетъ свой родъ отъ брата славнаго Римскаго Императора Августа, по имени Прусса (Prussus), жившаго въ Придценѣ (Prydtzen), но это отвергаютъ всѣ историки, и Иванъ ни чѣмъ не могъ доказать того.

Отъ того-то изъ честолюбія, надменности и дерзости онъ и принялъ гербъ Римской Имперіи — двуглаваго орла, съ распущенными крыльями, межъ тѣмъ какъ его предки и другіе Великіе Князья, бывшіе въ Москвѣ, не имѣли въ гербѣ ни чего другаго, кромѣ лошади, на которой сидѣлъ какой-то молодецъ, державшій на всемъ размахѣ саблю.

Въ гербѣ Псковскихъ Князей была бычачья голова въ вѣнцѣ. У Новгородскихъ — лошадь, на которой сидѣлъ человѣкъ съ копьемъ въ рукѣ и кололъ въ шею дракона, лежавшаго подъ лошадью. Сколько ни приводилось мнѣ видѣть Шведскихъ Дворянскихъ гербовъ, межъ ними въ самомъ дѣлѣ есть нѣсколько сходныхъ съ выше названными гербами: изъ того вѣрно можно заключить, что этѣ трое братьевъ пришли изъ Шведскаго Государства. Нѣтъ также особенной разницы между именами первыхъ Князей и Шведскими. Русскіе не могутъ такъ правильно произносить иностранныя слова, какъ мы, но прибавляютъ къ нимъ лишнія буквы, особливо когда произносятъ собственныя имена; такъ Рурикъ могъ называться у Шведовъ — Эрикъ, Фридерикъ, Готфридъ, Зигфридъ, или Родригъ; Синеусъ — Сигге, Свенъ, Симонъ, или Самсонъ; Труворъ—Туре, Тротте, или Туфве. Но какъ бы то ни было, они означаютъ все то же; однако жь, нѣкоторые жестоко спорятъ и говорятъ, что этѣ три брата, Варяги, пришли изъ другихъ странъ, а не изъ Швеціи: я оставляю это во всей

его силѣ и не буду очень оспаривать; только они должны сознаться, что Шведы пособили Русскимъ въ этомъ дѣлѣ, по доброму сосѣдству, дружбѣ и сношеніямъ, и лучше хотѣли видѣть иноземныхъ Государей на царствѣ у Русскихъ, нежели ихъ собственныхъ правителей, по тому что Шведамъ довольно была извѣстна ихъ варварская, отвратительная и безстыдная жизнь и природа, по чему они и старались лучше имѣть своими сосѣдями чужеземныхъ Князей, нежели Русскихъ природныхъ Государей; по тому-то и оказали этѣмъ чужеземцамъ всякое пособіе, и проводили ихъ черезъ Швецію по Варяжскому морю, какъ упомянули мы выше.

По приходѣ этѣхъ трехъ братьевъ въ Россію (а это было въ 752 году (?!) по Р. Х., когда въ Римской Имперіи царствовалъ Константинъ Копронимъ, въ Швеціи Король Беро III, а въ Польшѣ Лешко (Lesko) I-й или Примиславъ, они, съ согласія Чиновъ, раздѣлили между собою Россію, и каждый получилъ въ управленіе большую область или Княжество: Рюрику досталось на долю Княжество Великій Новгородъ, и этотъ Князь имѣлъ свое мѣстопребываніе въ 30 миляхъ отъ Новгорода, гдѣ находится теперь городъ Ладога; Труворъ взялъ Княжество Псковское и проживалъ въ маленькомъ городкѣ, который назывался тогда Тверцогъ (Twertzog) (?), но, по случаю многихъ смятеній и войнъ, былъ разоренъ и опустошенъ до основанія; третьему брату, Синеусу, дано Бѣлозерское Княжество: онъ жилъ тамъ, гдѣ теперь построена крѣпость, въ которой Великіе Князья держатъ, подъ хорошею охраною, лучшія свои сокровища.

Послѣ того, какъ этѣ братья, на такомъ уговорѣ, правили довольно времени страною, Синеусъ и Труворъ умерли безъ наслѣдниковъ. Рюрикъ подчинилъ себѣ ихъ земли, княжилъ счастливо и славно, пока былъ живъ, а по смерти оставилъ сына, по имени Игоря, наслѣдовавшаго отцу въ правленіи. Такъ какъ онъ былъ еще молодъ и несовершеннолѣтенъ, то отецъ передъ смертію приказалъ воспитывать его одному своему родственнику, по имени Олегу; а пока сынъ его подростетъ, войдетъ въ годы и самъ будетъ въ силахъ царствовать, онъ долженъ честно и мудро управлять страною. Олегъ вѣрно исполнилъ и сдѣлалъ все это.

Будучи храбрымъ и опытнымъ воиномъ, Олегъ завоевалъ много земель и городовъ въ пользу Игоря; наконецъ пошелъ съ большимъ войскомъ въ Грецію и осадилъ Константинополь, но оттуда былъ прогнанъ Императоромъ, обращенъ въ бѣгство и на возвратномъ пути умеръ отъ уязвленія, сдѣланнаго ему въ бедро змѣею, когда онъ вышелъ однажды посмотрѣть на своего коня, котораго всегда любилъ и почиталъ, какъ бога: конь лежалъ на землѣ мертвый, а когда Олегъ притронулся ногою къ его головѣ, изъ нея выскочила змѣя, ужалила его, отъ чего онъ и умеръ и отправился въ адъ съ своимъ богомъ. Такъ-то бываетъ, и такая-то награда получается тогда, когда чтутъ и обожаютъ чорта, а не истиннаго Бога, по пословицѣ: «За грошовыя деньги, — грошовая и панихида.»

По смерти Олега, Игорь пошелъ въ Псковъ, взялъ себѣ жену изъ самаго знатнаго рода, какой только былъ въ этомъ городѣ, по имени Ольгу, и прижилъ съ ней сына, котораго звали Святославъ (Suetoslavv). Имѣя большое расположеніе къ войнѣ, Игорь сдѣлалъ смотръ своему войску и двинулся съ нимъ на Гераклею и Никомидію. Однако жь, все его войско было разбито и прогнано, и онъ принужденъ былъ бѣжать въ Печенѣжскую землю (Pitzingerland): тамъ его тотчасъ узнали, и Князь этой земли, Мальдитто (Malditto), отрубилъ ему голову на одномъ мѣстѣ, называвшемся Хоресто (Choresto), гдѣ и похоронилъ его.

Когда вѣсть эта пронеслась вездѣ по Россіи, Княжескую власть приняла жена Игоря, Ольга, чтобы править страною, до возраста ея сына, такъ какъ Печенѣги убили Князя Игоря, а она была жена и вдова его; они (?) отправили пословъ къ ней, какъ правительницѣ отъ имени ея сына и желали ее въ супруги Государыни для ихъ Князя. Только что пришли они, ихъ схватили и живыхъ закопали въ землю. Она поспѣшно послала гонца къ Печенѣгамъ и велѣла сказать имъ, если они хотятъ имѣть и признавать ее своею Государыней, то пусть отправятъ къ ней знатное посольство. Они тотчасъ же исполнили это и послали 60 сѣдыхъ старшковъ, которыхъ всѣхъ велѣла она сжечь въ банѣ. Потомъ отправила туда опять гонца съ просьбой и увѣреніемъ, чтобы Князь былъ въ надеждѣ на нее; она съ его послами уже въ дорогѣ, снизходитъ на его желаніе и согласна на то, межъ тѣмъ припасали бы и готовили

кушанья и питья, медъ, водку и другіе вкусные напитки, какіе идутъ для такого торжества и свадьбы, чтобы угостить гостей какъ можно лучше.

Прибывъ туда, она притворилась печальною и тоскующею по своемъ обезглавленномъ Государѣ, что онъ не послушался ея совѣта и не остался дома, но ушелъ отъ нея, стремясь проливать неповинную кровь; за то и сбылось съ нимъ по его дѣламъ: онъ получилъ достойное воздаяніе. Это очень порадовало Печенѣговъ, по тому что было имъ по сердцу. Межъ тѣмъ Княгиня велѣла изготовить пышный пиръ и угощеніе, и пригласила знатнѣйшихъ и главныхъ Печенѣжскихъ господъ, которые не заставили долго ждать себя, а сошлись туда очень охотно. Княгиня притворялась чрезвычайно ласковой къ нимъ, милостивой, услужливой, до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ не опьянѣли, такъ что не могли пошевелить ни руками, ни ногами; тогда она напала на нихъ ночью, и велѣла погубить жалкою смертію до 5000 Печенѣговъ. И такъ короткое веселье и радость принесли большое горе и печаль. Она убѣжала въ Кіевъ, собрала большое войско, пошла опять противъ нихъ и дала имъ сраженіе, въ коемъ одержала побѣду, обратила ихъ въ бѣгство, и они безъ оглядки должны были бѣжать въ свою столицу, которую жестоко осаждала она цѣлый годъ. Они приведены были въ большую крайность и придумывали всякія средства, какъ бы повести переговоры о мирѣ. Но она совсѣмъ не хотѣла того, а заключила съ ними перемиріе на нѣсколько дней, съ тѣмъ, чтобы они дали ей по три голубя и по три воробья съ каждаго дома. Они тотчасъ же сдѣлали это. Получивъ голубей и воробьевъ, она велѣла привязать къ ихъ хвостамъ такія вещества, чтобы домà въ городѣ, когда этѣ птицы опять прилетятъ туда, загорѣлись и были истреблены пожаромъ. Такъ это и сталось: какъ скоро голуби и воробьи были на свободѣ, они полетѣли на городскіе дома и сожгли городъ со множествомъ народа. Тѣхъ, которые ускользнули отъ огня и бѣжали, она велѣла, однихъ умертвить, другихъ продать въ иностранные города, пока не осталосьтамъ никого.

Поступивъ съ ними на всей своей волѣ, насытивъ гнѣвъ и вдоволь отомстивъ за смерть своего любезнаго Государя, она возвратилась въ Кіевъ: это было въ 876 году, * когда царствовалъ

* Лѣтосчисленіе сильно страдаетъ у Петрея: Ольга сконч. въ 857 году; не

Римскій Императоръ Карлъ Лысый (Carolus Calvus), Шведской короною завѣдывалъ Біорнъ V-й, а Польскою — Пястъ Крушвицкій (Chrusphicensis).

Послѣ того Ольга отправилась въ Константинополь, крестилась тамъ по Греческому обряду и названа была Еленой. Императоръ былъ свѣдѣтелемъ при томъ, сдѣлалъ ей прекрасные подарки и велѣлъ съ пышностію проводить ее опять въ ея землю. Она первая Княгиня въ Россіи, принявшая крещеніе, и такъ была расположена къ Греческой Вѣрѣ, что склонила множество людей, мужескаго и женскаго пола, принять эту Вѣру и креститься, но отъ сына своего ни ласкою, ни бранью она не могла добиться, чтобы онъ принялъ новую Вѣру, если находитъ ее хорошей, и крестился: идолопоклонство, въ которомъ его воспитывали, взяло такую силу надъ его сердцемъ въ молодости, что онъ ни за что не хотѣлъ оставить и бросить его.

Выросши и вошедши въ годы, онъ каждый день упражнялся во всякихъ военныхъ дѣлахъ и хитростяхъ, не скучалъ и не тяготился ни какимъ дѣломъ, но всячески пріучалъ себя выдерживать и переносить все, что приводится храброму воину и солдату на войнѣ и въ походахъ, и, благодаря частому упражненію, такъ пріучилъ себя, что могъ выдерживать и выносить голодъ и жажду, жаръ и стужу, не ставилъ ни во что спанья и отдыха на мягкихъ постеляхъ, самъ снималъ съ лошади сѣдло и клалъ себѣ подъ голову, когда бывалъ съ войскомъ въ походахъ. Онъ побѣдилъ народъ Булгаръ, доходилъ съ сильнымъ войскомъ до рѣки Дуная и разорялъ все на походѣ. Городъ Переславъ сдѣлалъ своей столицей и княжескимъ пребываніемъ, и говорилъ своей матери и совѣтникамъ: «Въ этотъ мой княжескій стольный градъ привозятъ мнѣ изъ Греціи разныя вкусныя и ароматныя вина и напитки, драгоцѣнныя вещи, жемчугъ, дорогіе камни, золотую монету, камку, бархатъ и шелковыя ткани; изъ Угріи золото, серебро и прекрасныхъ отборныхъ коней; изъ Россіи мои подданные доставляютъ разные отличные мѣха, медъ, воскъ, сало, ленъ, пеньку и все другое, для меня нужное.»—«Сынъ мой, отвѣчала мать: я уми-

меньше и названія народовъ, какъ сдѣсь Древляне приняты имъ за Печенѣговъ.

раю: прошу тебя честно похоронить меня, гдѣ покажется тебѣ лучше!» На третій день послѣ того она умерла, и съ большимъ торжествомъ была оплакана и погребена въ городѣ Переславѣ (?): она причислена къ Святымъ, и Русскіе еще нынѣ по всей землѣ празднуютъ день ея 11 Іюля.

Святославъ (Svvetoslav) правилъ довольно времени по смерти матери. У него родилось три сына: двое законныхъ и одинъ побочный. Передъ смертію онъ раздѣлилъ землю между дѣтьми: первородному сыну, Ярополку, отдалъ Кіевское Княжество, со всѣми его землями, городами и мѣстечками, къ нему принадлежавшими; другому сыну, Олегу, далъ Печенѣжскую землю; по желанію сословій и горожанъ Великаго Новгорода, онъ далъ имъ въ Князья своего незаконнаго сына, по имени Володимира. Все это сдѣлалось стараніемъ и происками его любимицы, дочери одного знатнаго Новгородца, по имени Малуши (Malischa), которую онъ сдѣлалъ беременною еще когда она была въ горничныхъ дѣвушкахъ его матери, и прижилъ съ ней этого Володимира.

Распорядившись, по своему желанію, правленіемъ, онъ собралъ ужасно большое войско и пошелъ на Грецію. Онъ былъ уже не далеко отъ Константинополя, когда встрѣтили его Греки со всею военною силой; обѣ стороны сразились въ жестокомъ бою, въ которомъ Святославъ былъ убитъ хитростью и ловкостью одного Греческаго* полководца. Nam occurrendum est hosti, tanquam lupo, sive via recta, sive obliqua. Онъ отрубилъ ему голову, велѣлъ сдѣлать изъ его черепа чашу и вырѣзать на ней позолоченными буквами этѣ слова: «Quaerendo aliena, propria amisit» (ища чужаго, потерялъ свое).

По убіеніи этого Святослава, одинъ изъ его совѣтниковъ и вождей, по имени Свѣнельдъ (Svvadolt), пришедши въ Кіевъ къ его старшему сыну, Ярополку, очень усердно внушалъ и совѣтовалъ ему согнать съ престола брата его, Олега, за то, что онъ убилъ сына у этого совѣтника, Люта.

Ярополка легко было уговорить на это, по тому онъ собралъ на брата большое войско. Олегъ тоже встрѣтилъ его съ

* Печенѣжскаго.

войскомъ и они бились жестоко. Ярополкъ одолѣлъ, одержалъ полную побѣду и прогналъ брата, который долженъ былъ бѣжать въ свой городъ.

Но военные люди, бывшіе въ городѣ и видѣвшіе это, заперли городскія ворота и столкнули его съ моста: такъ онъ и умеръ. Однако жь, они не пустили въ городъ и Ярополка. Онъ тотчасъ же велѣлъ сыскать братнинъ трупъ и пышно похоронилъ его, сказавъ своему полководцу: «Свѣнельде, вотъ смотри: чего ты желалъ и просилъ, исполнилось!»

Когда молва объ этомъ разнеслась по странѣ, услышалъ это извѣстіе и Володимиръ, имѣвшій свое пребываніе въ Новгородѣ; и онъ до того упалъ духомъ и перепугался, что поскорѣе бѣжалъ къ Варягамъ и размышлялъ въ себѣ: если Ярополкъ не пощадилъ роднаго брата, отъ одного съ нимъ отца и одной матери, то тѣмъ меньше пощадитъ его, незаконнаго. Онъ набралъ у Варяговъ большое войско и пошелъ подъ Великій Новгородъ, взятый въ его отсутствіе Ярополкомъ, силою выгналъ оттуда войско и отнялъ городъ. Послѣ того онъ отправилъ пословъ къ Князю Рогволоду (Rochvvolochdum) въ Псковъ за сватовствомъ къ его дочери, Рогнѣдѣ (Rochmida), но получилъ въ этомъ отказъ, по тому что былъ сынъ любви, и Псковскій * Князь полагалъ, что братъ его, Ярополкъ, рожденный отъ законнаго ложа, воротится, выгонитъ, удержитъ за собою Государство и женится на его дочери.

Это сильно было досадно Володимиру: онъ двинулся подъ Псковъ съ большимъ войскомъ, взялъ этотъ городъ, убилъ Князя съ двумя его сыновьями и силою взялъ Рогнѣду; оттуда поспѣшно пошелъ онъ съ войскомъ по Бѣлой Руси и осадилъ городъ Кіевъ, гдѣ проживалъ его братъ. Ярополкъ очень испугался его и пріунылъ до того, что не смѣлъ сойтись съ нимъ въ полѣ. А по тому сколько можно сильнѣе укрѣпилъ Кіевъ. Володимиръ не могъ взять силою этого города, и сталъ думать о другихъ средствахъ къ тому, именно, послалъ тайкомъ гонцовъ въ городъ къ самому главному совѣтнику и Воеводѣ, Блуду: льстилъ ему, навы-

* Не Псковскій, а Полоцкій.

валъ его своимъ отцомъ, просилъ у него совѣта, какъ бы всего удобнѣе и скорѣе убить Ярополка.

Такое дѣло очень понравилось этому невѣрному псу: онъ совѣтовалъ Володимиру, что если онъ со всѣмъ стараніемъ поведетъ осаду города, не мѣшкая и ничего не упуская, тогда овладѣетъ имъ; впрочемъ, онъ, Блудъ, сдѣлаетъ такъ, что осада скоро будетъ снята. Между тѣмъ внушилъ своему Государю выйти тайкомъ изъ города и отправиться въ другое мѣсто, гдѣ онъ можетъ жить спокойно и безъ всякой опасности. Пріунывшій Государь послѣдовалъ его совѣту и вышелъ тайкомъ изъ города съ вѣрнымъ своимъ другомъ, Блудомъ, въ другой городъ, по имени Родню (Roden), лежавшій на рѣчкѣ Юрсѣ (Jursa). Все это узналъ Володимиръ отъ измѣнника Блуда, сей часъ же взялъ Кіевъ, потомъ отправился съ войскомъ къ городу Роднѣ, стѣснилъ его жестокою осадой до того, что воины въ этомъ городѣ съ голода измѣнили и стали бунтовать. Блудъ, которому всякія продѣлки были извѣстны, уговорилъ своего Государя сдать городъ брату, помириться и договориться съ нимъ, по тому что тотъ сильнѣе его войскомъ, при томъ же Ярополкъ терпитъ нужду въ съѣстныхъ припасахъ и укрыться ему некуда.

Ярополкъ послушался этого совѣта и договорился съ братомъ на томъ условіи, что будетъ доволенъ такимъ удѣломъ въ странѣ, какой пожалуетъ ему Володимиръ. Когда же онъ хотѣлъ войти къ брату, то, по совѣту и убѣжденію Блуда, его изрубили въ куски поставленные для того служители Володимира.

Послѣ этого дѣла онъ обеременилъ жену своего брата, родомъ Гречанку, бывшую прежде монахиней, которую Ярополкъ изнасиловалъ, а потомъ взялъ ее себѣ въ жены. Русскіе пишутъ, что у этого Володимира было до 800 наложницъ въ его городахъ и крѣпостяхъ и шесть законныхъ женъ. Первая была дочь Князя Псковскаго (Полоцкаго?), Рогнѣда (Rochmida), принесшая ему пятерыхъ дѣтей: троихъ сыновей, Изяслава, Ярослава и Всеволода, и двухъ дочерей; двѣ другія жены были родомъ изъ Чехъ, родившія ему трехъ сыновей: Заслава (Saslavv), Святослава и Станислава; одна изъ Греціи, вдова его брата; отъ нея былъ у него сынъ Святополкъ; одна изъ Болгаріи, которая ро-

дила ему Бориса, Глѣба, Мстислава (Mitislavv), Позвѣзда (Potzvvitz) и Судислава.

Онъ былъ развратный, нечестивый, безбожный человѣкъ и великій идолопоклонникъ; поставилъ много идоловъ въ городѣ Кіевѣ, чтилъ ихъ и молился имъ; главный былъ идолъ Перуна, сдѣланный изъ серебра, всѣ же другіе были деревянные и назывались Усладъ, Хорсъ (Corsa), Дажбогъ (Dasvva), Стрибогъ (Striba), Зимергла (Simergla), Мокошъ (Macosk).

Приведши себѣ въ зависимость всю Россію, онъ пріобрѣлъ уваженіе иностранныхъ Государствъ и сосѣднихъ съ нимъ Государей; они посѣщали его чрезъ своихъ посланниковъ и сильно хлопотали о томъ, чтобы онъ бросилъ свои разнообразные идолы и принялъ Христіянскую Вѣру.

По тому-то онъ и отправилъ своихъ пословъ во многіе дальніе края, чтобы они узнавали, какая въ тѣхъ краяхъ Вѣра и кого они исповѣдаютъ Богомъ. Они воротились и сообщили ему вѣрныя свѣдѣнія о Вѣрахъ иноземныхъ народовъ: лучше всѣхъ показалась имъ Греческая, которая и прежде начинала уже дѣлать успѣхи у нихъ, но потомъ опять было вывелась. Онъ тотчасъ же послалъ довѣренныхъ людей къ Константинопольскимъ Государямъ, Василію и Константину, съ самою усердною просьбою, чтобы они выдали за него сестру ихъ, Анну, по тому что онъ намѣренъ не только прогнать отъ себя женъ и наложницъ и разстаться съ ними, но бросить также и идолы, креститься во имя Распятаго Іисуса Христа и добровольно возвратить имъ городъ Корсунь, съ другими городами и областями, имъ завоеванными, недалеко отъ Чернаго моря.

Обѣ стороны примирились на этомъ условіи и имѣли свиданіе при городѣ Корсунѣ, который Володимиръ тутъ же уступилъ и сдалъ Константинопольскимъ Царямъ, вмѣстѣ съ другими городами и областями, крестился и названъ былъ Василіемъ, вмѣсто Володимира. Цари отдали за него сестру свою, Анну, и разстались съ нимъ въ большой дружбѣ.

Послѣ того онъ развелся со всѣми другими женами и наложницами, привязался къ одной младшей изъ нихъ, изъ Константинополя, и жилъ съ нею 23 года: это было въ 989 году (988) по Р.

Хр., когда царствовалъ Императоръ Оттонъ III, въ Швеціи Олай Скденъ (Skot), а въ Польшѣ Мѣшко Первый (Miesco).

Послѣ того этотъ Володимиръ велѣлъ рубить, ломать и жечь всѣ идолы въ своей землѣ и побудилъ всѣхъ подданныхъ принять Греческую Вѣру, которой Русскіе твердо держатся еще и нынѣ, и исповѣдаютъ ее во всѣхъ статьяхъ и обрядахъ.

Предъ кончиною онъ раздѣлилъ землю между своими сыновьями и каждаго надѣлилъ особенныхъ Княжествомъ, чтобы, по его смерти, они не поднимали ссоръ и споровъ между собою, не отягощали войною своихъ подданныхъ, не приводили ихъ въ разореніе и нужду, и тѣмъ не губили и не опустошали плачевнымъ образомъ своей земли. Онъ хорошо зналъ, что междоусобія и раздоры, особливо когда городъ и царство станутъ воевать между собою, чрезвычайно гибельны, и что война — бездонная бочка. Точко такъ же, по словамъ Светонія, Императоръ Августъ говаривалъ, что тѣ, которые ведутъ войну для умноженія своихъ земель и власти, ловятъ рыбу золотой удочкой и сѣтью, а кто ловитъ ее такимъ образомъ, тотъ больше получаетъ убытка, нежели прибыли. Но когда въ царствѣ миръ и согласіе, тогда все дѣлается въ немъ лучше и больше: тамъ изобиліе и жизнь, тамъ счастье и успѣхъ неизмѣнны и вѣчны.

«Гдѣ миръ, говоритъ Лютеръ, тамъ половина царства небеснаго, тамъ сухой хлѣбъ и кислый квасъ пріятнѣе для вкуса всякихъ горячихъ и жареныхъ, пива, вина и мальвазіи.» Своему первородному сыну, Изяславу, Володимиръ далъ Великій Новгородъ, Заславу (Saslavv) Полоцкъ, Святополку Кіевъ, Ярославу Ростовъ, по смерти же Изяслава и Заслава онъ отдалъ Новгородъ Ярославу, а Борису Ростовъ, Глѣбу Муромъ, Всеволоду (Sevvold) Володиміръ, Мстиславу Кострому (Castrom), Святославу Смоленскъ, Судиславу Псковъ, Позвизду (Podvvitz) Тверь.

Когда страна была раздѣлена и каждый сынъ сталъ завѣдывать своимъ Княжествомъ, Володимиръ созвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ, усердно и отъ всей души просилъ ихъ жить между собою, какъ слѣдуетъ братьямъ, въ мирѣ и согласіи, сохранять Греческую Вѣру и оказывать ей покровительство, любить и ува-

жать подданныхъ, не подавать ни какого повода къ смутамъ и возмущенiямъ: такъ онъ и разстался съ здѣшнимъ мiромъ, спустя 4 года по смерти своей Княгини, въ городѣ Володимирѣ: * тамъ и похоронены они другъ возлѣ друга. Этотъ городъ самъ онъ и выстроилъ, въ память по себѣ, въ 928 году, назвалъ по своему имени и всегда имѣлъ тамъ княжеское пребыванiе, какъ и разсказывали мы въ 1-й части.

Но сыновья, княжившiе по смерти отца, пренебрегли чистосердечнымъ отцовскимъ увѣщанiемъ, жили во взаимной ненависти, раздорѣ и несогласiи и вели между собою большiя войны. Кто былъ всѣхъ сильнѣе, тотъ и одолѣвалъ: не довольствуясь отцовскимъ раздѣломъ, притѣснялъ, убивалъ другихъ, бралъ себѣ ихъ земли и Княжества.

Всеволодъ, получившiй на свою долю Володимирское Княжество, былъ самый знатный изъ братьевъ, привелъ большую часть страны подъ свою власть, выгналъ своего брата, Святополка, изъ Кiева и овладѣлъ этѣмъ Княжествомъ. Это было сильно досадно Святополку: онъ вооружился на Всеволода, съ помощiю и содѣйствiемъ нѣкоторыхъ другихъ братьевъ, набралъ большое войско, опять осадилъ Кiевъ, выгналъ оттуда Всеволода и убилъ двухъ другихъ братьевъ, державшихъ сторону его противника. Но какъ они считались у своихъ подданныхъ кроткими, благочестивыми и богобоязнеными Князьями, при томъ же были убиты невинно, а при жизни довольствовались удѣлами, назначенными для нихъ отцомъ, то ихъ и причислили къ Святымъ мученикамъ, а имена ихъ перемѣнили: Борисъ получилъ имя Давида, а Глѣбъ Романа; память ихъ празднуется ежегодно въ Россiи 24 числа Iюля.

Всеволодъ, владѣвшiй большею частiю страны, оставилъ сына, по имени Володимира, который и наслѣдовалъ послѣ него правленiе и, по примѣру отца, принудилъ всѣхъ Князей служить и повиноваться себѣ, по чему и названъ былъ Мономахомъ.

---

* Въ Никоновскомъ спискѣ, въ Степенной книгѣ и другихъ позднѣйшихъ построенiе Владимира на Клязьмѣ приписывается Владимиру Св., а Стрыйковскiй называетъ уже и столицею этотъ городъ. Карамзина И. Г. Р. т. 11-й. Прим. перев.

Русскіе сказываютъ также, что у этого Володимира Мономаха былъ конь, * происходившій отъ лошади Александра Великаго, Букефала, Коровья Голова: на лбу имѣлъ пятно и былъ особеннаго цвѣта, съ черными полосами по спинѣ и хвосту; когда было надѣнутъ на него конскій уборъ и снарядятъ совсѣмъ на войну, онъ никому не давалъ на себѣ ѣздить, кромѣ Князя, да еще конюха, который ходилъ за нимъ, однако жь соблюдалъ при томъ такую разницу, что когда садился на него слуга, онъ ходилъ дурно, медленно, некрасиво, повѣсивъ уши и голову, точно какой лѣнивый оселъ; когда же нарядятъ его въ пышное сѣдло и сбрую, и онъ замѣтитъ, что поѣдетъ самъ Князь, тотчасъ пріосанивался, поднималъ голову и уши, билъ копытами въ землю, ржалъ и храпѣлъ ртомъ и носомъ до того, что всѣ пугались. Если Князь стегалъ его немного кнутомъ и начиналъ уговаривать, онъ красиво рисовался, кидался изъ стороны въ сторону, дѣлалъ скачекъ за скачкомъ, какъ молнія, подлеталъ къ своему ѣздоку, огрызался, лягался на удивленіе всѣмъ. У него была еще и такая повадка, что всегда хотѣлъ стоять въ конюшнѣ, на самомъ верхнемъ мѣстѣ, и тамъ позволялъ управляться съ собой, какъ съ ягненкомъ. Если же поставятъ его на другомъ мѣстѣ, онъ перерывалъ пополамъ узду и поводья, прибѣгалъ на главное мѣсто, и когда тамъ стояла другая лошадь, кусалъ ее до тѣхъ поръ и не успокоивался, пока не дадутъ ему этого мѣста.

Мономахъ велѣлъ сдѣлать, въ память по себѣ, драгоцѣнное платье и украшенія, чтобы Великіе Князья наряжались въ нихъ при вѣнчаніи, что они соблюдаютъ и дѣлаютъ даже понынѣ. Онъ умеръ въ 1146 году (въ 1125), когда Конрадъ III правилъ Римскою Имперіей, жестоко тѣснилъ Сарацынъ и возобновилъ города Нюренбергъ и Любекъ.

Въ Швеціи царствовалъ Гаконъ Рыжій (Haquinus Rufus), ведшій трудныя войны съ Датчанами и побѣдившій ихъ въ трехъ битвахъ.

Въ Польшѣ правилъ Болеславъ Кудрявый (Crispus), ведшій большія войны съ Пруссами и Римскими Императорами, Конрадомъ

---

* Прекрасное сказаніе о конѣ Мономаха показываетъ, въ какомъ свѣтѣ представляли себѣ этого Князя позднѣйшія поколѣнія. Примѣч. перев.

III и Фридрихомъ Барбаросой, который, въ 1181 году сдѣлалъ Герцогами Римской Имперіи обоихъ Поморскихъ Князей, Казимира Перваго и Богуслава Перваго, и въ память этого событія новые Герцоги дали городу Штетину прекрасный гербъ: мужчина съ длинными волосами и въ длинномъ платьѣ сидитъ на стулѣ въ большомъ дворцѣ; въ правой рукѣ у него обнаженный мечъ, а въ лѣвой скипетръ: онъ представлялъ Римскаго Императора. По обѣимъ сторонамъ два щита, и въ каждомъ изъ нихъ помѣщается цѣлый грифъ, въ знакъ того, что оба Поморскіе Князя обратились теперь къ Императору и подчинились Римской Имперіи, по тому что прежде были независимы и никого не признавали верховнымъ Государемъ.

По смерти Володимира Мономаха владѣли въ Россіи сынъ его и племянникъ; но какъ они не сдѣлали ничего особеннаго, то Русскіе сочли не стоящимъ замѣчать и записывать имена ихъ.

По смерти ихъ, въ 1237 году, принялъ правленіе Григорій (Георгій) Всеволодовичъ. Въ его время Татарскій Царь, Батый, страшно разорилъ и опустошилъ мечемъ и огнемъ Польшу и Силезію, сжегъ городъ Бреславль и довольно похозяйничалъ въ Римской Имперіи. Онъ не забылъ и Россіи, ужасно неистовствовалъ и свирѣпствовалъ въ ней, погромилъ страну безъ всякаго сопротивленія, жегъ города и деревни, истреблялъ плоды, угонялъ скотъ, перебилъ много тысячъ народа, велѣлъ втыкать головы убитыхъ на копья и для устрашенія носить по непріятельской землѣ, взялъ городъ Володимиръ, съ нѣсколькими другими городами и городками, убилъ Великаго Князя и заставилъ Русскихъ платить себѣ ежегодно дань, не выбирать Великаго Князя безъ его вѣдома и воли. Онъ привелъ ихъ подъ такое иго рабства, что когда Татары присылали къ нимъ своихъ пословъ, Великій Князь долженъ былъ встрѣчать ихъ за городомъ пѣшкомъ, съ ведромъ кобыльяго молока, и подносить имъ, вмѣсто ихъ Государя; когда же посланникъ, по неосторожности, проливалъ сколько ни будь этого напитка на гриву лошади, * Великій Князь долженъ былъ подлизать молоко языкомъ; онъ провожалъ посла въ городъ, сто-

* Такое же извѣстіе есть и въ нашихъ лѣтописяхъ, на пр., въ Ипатьевск. Пр. пер.

ялъ передъ нимъ съ непокрытою головою и слушалъ съ большимъ уваженіемъ, чего онъ потребуетъ. Эта неволя и рабство продолжались почти 260 лѣтъ.

Въ это время царствовалъ Римскій Императоръ, Фридрихъ Второй. Онъ былъ ученый и добродушный Царь, разъ до пяти подвергался Папскому проклятію, потомъ опять получалъ разрѣшеніе, и по проискамъ Папы и своего побочнаго сына, Манфреда, былъ умерщвленъ ядомъ.

Въ Швеціи царствовалъ Эрикъ Косноязычный (Blaesus). Съ помощію зятя своего, Ярга Биргера, онъ принудилъ принять Христіянскую вѣру Тавастовъ въ Финляндіи. Въ Польшѣ царствовалъ Болеславъ Стыдливый, тоже претерпѣвшій большое горе и опасности отъ Татарскаго Царя.

Послѣ жалкой погибели этого Георгія Всеволодовича принялъ правленіе братъ его, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій: онъ вооружилъ на Татаръ большое войско, имѣлъ съ ними жестокое сраженіе, но былъ разбитъ на голову.

Онъ оставилъ по себѣ трехъ сыновей, Өедора, Александра и Андрея. Они вели большую войну за правленіе, никто не хотѣлъ уступить другому; всякому хотѣлось захватить власть себѣ, и не унялись до тѣхъ поръ, пока всѣ не были убиты; Александръ оставилъ сына, который наконецъ получилъ княженіе съ помощію Татаръ.

Ему наслѣдовалъ сынъ его, Данило (Danilovv), который перенесъ Княжеское мѣстопребываніе изъ Володимира въ Москву, огородилъ крѣпость стѣной и писалъ себя первымъ изъ Великихъ Князей Володимирскихъ и Московскихъ. У него было два сына, Григорій (Георгій) и Иванъ.

По смерти Данила, вступилъ на княженіе сынъ его, Григорій Даниловичъ Калита. Онъ получилъ это прозваніе отъ кошеля, который всегда носилъ съ собою, собиралъ въ него милостыню и раздавалъ ее бѣднымъ.

Но другому Князю, по имени Димитрію Михайловичу, служившему при Дворѣ у Татаръ, очень хотѣлось Великокняжескаго

достоинства: онъ и собралъ большое войско, пошелъ въ Москву и умертвилъ собственною рукою Григорія: это сильно раздосадовало Татарскаго Царя, который не далъ ему долго поцарствовать, взялъ его въ плѣнъ и потомъ отрубилъ ему голову.

Послѣ него Татары поставили Великимъ Княземъ Ивана Калиту, который во всемъ поступалъ по ихъ волѣ и желанію и по смерти своей оставилъ трехъ сыновей: Ивана, Семена и Андрея.

Сынъ его Иванъ Ивановичъ назначенъ былъ Великимъ Княземъ по смерти отца, во всемъ слушался Татаръ и не прекословилъ имъ. Когда онъ умеръ, на Княженіе вступилъ сынъ его, Дмитрій Ивановичъ. Ему не хотѣлось платить ни какой дани Татарамъ и ни за что оставаться въ подданствѣ у нихъ. Онъ велъ тяжелую войну съ Татарскимъ Царемъ, Мамаемъ: на 3-й годъ они жестоко бились, съ обѣихъ сторонъ пало много народа, наконецъ Русскій одолѣлъ, одержалъ побѣду и истребилъ Татарина со всѣмъ его войскомъ.

Это было очень досадно Тохтамышу (Tachtanisk); онъ поднялъ всѣ свои силы, опять вторгнулся съ большимъ войскомъ въ Россію, прогналъ Димитрія, осадилъ и взялъ Москву, забралъ въ плѣнъ тамошнихъ жителей, старыхъ и молодыхъ, большихъ и малыхъ; они хотѣли опять освободиться изъ этой неволи, и должны были выкупать себя большою суммою денегъ.

Князь Василій Дмитріевичъ вступилъ въ правленіе послѣ отца, въ 1337 году по Р. Х. Онъ возобновилъ войну съ Татарами, покорилъ Булгарію и выгналъ Татаръ изъ Россіи. У него былъ сынъ, по имени Василій Васильевичъ Темный, то есть, подобный мраку, получившій это прозваніе по тому, что у него были выколоты оба глаза.

Отецъ его, Василій, заподозрилъ жену свою, Анастасію, въ нарушеніи супружеской вѣрности и не хотѣлъ вѣрить, чтобы сынъ его родился отъ него, а не отъ другаго. Отъ того и рѣшился не допускать, чтобы онъ былъ Великимъ Княземъ по его смерти, а назначилъ брата Григорія (Георгія): это не понравилось подданнымъ, по тому что Григорій былъ строгій и не любившій шутить

господинъ; они и помогали сыну, стояли за него и провозгласили его Великимъ Княземъ страны; Григорій обидѣлся и не могъ вынести этого, пошелъ къ Татарину, просилъ его позвать его дядю къ себѣ, разсудить ихъ и рѣшить, ему ли, или Василію, быть Великимъ Княземъ и княжить въ странѣ.

Когда онъ явился, Татарскій Царь, благодаря ходатайству и заступничеству одного своего довѣреннаго совѣтника, сказалъ, чтобы Князь Григорій получилъ Княженіе, какъ завѣщано братомъ его, Василіемъ, въ присутствіи сына покойнаго, также Василія. Услыхавъ и узнавъ о томъ, Василій упалъ на колѣни передъ Татариномъ, прося у него позволенія говорить. Когда это было дозволено, онъ очень смиренно просилъ исполнить то, что прежде было обезпечено за нимъ письменнымъ актомъ, по тому что слово и обѣщаніе живаго человѣка сильнѣе, и надобно исполнять ихъ гораздо строже, нежели умершаго; дальше онъ говорилъ, что дядя его, Григорій, долженъ княжить только по грамотѣ его брата, уже умершаго, а у него, Василья, есть грамота Татарскаго Царя, который находится еще въ живыхъ, удостовѣренная позлащенною печатью: ее, по всѣмъ правамъ, слѣдуетъ считать дѣйствительнѣе и обязательнѣе грамоты его отца, уже умершаго.

Услыхавъ это, Татаринъ не долго раздумывалъ, но тотчасъ же отмѣнилъ свое прежнее рѣшеніе и велѣлъ Василію княжить и управлять страною; Григорій былъ недоволенъ, собралъ большое войско, вытѣснилъ и выгналъ его изъ Москвы, такъ что онъ долженъ былъ бѣжать въ Углицкое Княжество, данное ему для жизни отцомъ. Послѣ того Григорій княжилъ въ Московскомъ Княжествѣ до самой смерти.

Но потомъ правленіе перешло къ Князю Василію и его наслѣдникамъ, по тому что, по смерти Григорія, Василій опять вступилъ въ правленіе. Это очень досадно стало сыновьямъ Григорія, Андрею и Димитрію: они осадили Москву и прогнали Василія въ Троицкій монастырь, гдѣ онъ укрылся и заперся, велѣлъ также поставить кругомъ себя крѣпкую стражу, чтобы враги не напали и не захватили его врасплохъ.

Братья, узнавъ о томъ, придумали другую уловку и хитрость: они послали въ монастырь нѣсколько сотъ телѣгъ съ сѣномъ, соломой и другимъ легкимъ товаромъ, подъ которымъ спрятаны были воины. Когда навощики рано по утру пріѣхали къ воротамъ, начальникъ стражи впустилъ ихъ, не подозрѣвая ничего худаго. Тогда тотчасъ же выпрыгнули спрятанные воины, перебили сторожей, взяли въ плѣнъ Великаго Князя Василія, выкололи ему оба глаза и отвезли съ женою и дѣтьми въ Угличъ.

Чины Государства озлобились за это на братьевъ и прогнали ихъ въ Великій Новгородъ, Василія же опять посадили на княженіе и привели его въ Москву, гдѣ онъ спокойно княжилъ до своей кончины.

Со времени княженія Владимира Мономаха до этого Василія, Русскіе всегда были данниками Татаръ и имѣли много Князей, по тому что каждый княжилъ въ своей особенной землѣ и Княжествѣ. Отъ того-то Татаринъ всегда и побѣждалъ ихъ, что между ними не было согласія.

Иванъ Васильевичъ Грозный (Grotzdyn), сынъ слѣпаго Князя Василія, принялъ княженіе по смерти отца. Онъ имѣлъ много успѣховъ и побѣдъ на войнѣ, и взялъ себѣ въ жены Марію, дочь Князя Михаила Тверскаго, отъ коей имѣлъ сына, по имени Ивана. Послѣ свадьбы онъ выгналъ тестя и взялъ его Княжество, покорилъ также Великій Новгородъ и много другихъ Княжествъ, привелъ въ покорность и подданство себѣ всѣхъ Князей страны и именовалъ себя Государемъ и Повелителемъ всѣхъ Русскихъ и Великимъ Княземъ Володимирскимъ, Московскимъ и Новогородскимъ.

По смерти своей первой жены, Маріи, онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Константинопольскаго Императора, Еммануила, Софіей, и имѣлъ отъ нея пятерыхъ сыновей: Гавріила, Димитрія, Григорія, Семена и Андрея.

Предъ смертію онъ раздѣлилъ между ними землю: сыну отъ первой жены, Ивану, онъ далъ Великое Княжество Московское, Гавріилу оставилъ Великій Новгородъ, другимъ также каждому далъ по особенному Княжеству. Старшій, Иванъ, умеръ еще при жизни отца и оставилъ по себѣ сына, по имени Димитрія. Ве-

ликій Князь назначилъ его наслѣдникомъ въ княженіи послѣ свой смерти.

Но Великая Княгиня, Софія, была догадливая, умная и хитрая женщина, отъ того и Великій Князь всегда слушался ея совѣтовъ и замысловъ: льстивыми словами да ласковымъ обхожденіемъ она склонила своего Государя не признавать своимъ наслѣдникомъ внука, и посадить его въ тюрьму, и выхлопотала, чтобы по смерти отца былъ Великимъ Княземъ сынъ ея, Гавріилъ. Когда же Великій Князь сдѣлался болѣнъ, и уже умиралъ, его взяло расскаяніе въ такомъ поступкѣ: онъ позвалъ къ себѣ Димитрія и сказалъ: «Сынъ мой, я согрѣшилъ передъ тобой и Богомъ въ томъ, что обманулъ тебя и отнялъ у тебя наслѣдство, слѣдующее тебѣ по всѣмъ правамъ отъ твоего отца: извини меня въ этомъ, прощай и владѣй своимъ правомъ!»

Когда же Великій Князь умеръ, сводный братъ Димитрія, Гавріилъ, по совѣту и кознямъ матери, опять сковарничалъ надъ нимъ: по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ умеръ отъ голода и холода, или задохся въ чаду и дымѣ. При этомъ можно припомнить одинъ стихъ поэта:

«Rara avis est natis clemens et justa noverca,
Hanc opus est magno vincier obsequio.»

Гавріилъ силою захватилъ правленіе и назывался правителемъ и блюстителемъ Государства, при жизни своего двоюроднаго брата, по смерти же его онъ взялъ себѣ другой титулъ, велѣлъ короновать себя и назывался ужь не Гавріиломъ, а Василіемъ.

Выше названный Великій Князь, Иванъ Васильевичъ Грозный, имѣлъ отъ жены дочь, по имени Елену. Она была выдана за мужъ за Литовскаго Князя, Александра, бывшаго Польскимъ Королемъ по смерти своего брата, Альберта. Благодаря тому, установился крѣпкій союзъ между обѣими сторонами, заключенъ былъ дружескій миръ; согласіе и тишина водворились между ними: только это продолжалось не долго, по тому что, вмѣсто дружбы, вышла и началась изъ этого большая и кровопролитная война, ненависть и зависть, какихъ прежде никогда не бывало. На свадьбѣ

было обѣщано построить въ городѣ Вильнѣ (VVilda) церковь для Княгини, ея комнатныхъ дѣвушекъ и служителей, преданныхъ Греческой Вѣрѣ, чтобы они могли тамъ совершать свое богослуженіе по всѣмъ Русскимъ обрядамъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, а постройка церкви шла что-то медленно. Отецъ Елены, Иванъ Грозный, счелъ это предлогомъ, началъ сильную войну съ мужемъ своей дочери, Александромъ, и пошелъ на него съ тремя большими, хорошо вооруженными, войсками: одно послалъ въ Княжество Сѣверское, другое въ Торопецъ и Бѣлой, третье въ Дорогобужъ и Смоленскъ.

Узнавъ о томъ, Александръ собралъ свое войско, и у нихъ было сильное сраженіе при рѣкѣ Ведрошѣ (VVedrask). Москвитяне одержали верхъ и побѣдили, Поляки побѣждены и должны были уносить ноги оттуда. Литовцы, бывшіе въ городахъ, упали духомъ, очень перепугались и стали добровольно сдавать города, каковы: Дорогобужъ Торопецъ, Бѣлой, Брянскъ, Стародубъ и многіе другіе въ Сѣверскомъ Княжествѣ.

Великій Князь, хоть былъ и сильный Государь и храбрый воинъ, жестокостью и хитростью покорилъ много Князей, городовъ, крѣпостей и земель, однако жь все таки платилъ дань Татарамъ и былъ у нихъ въ зависимости, по тому что когда Татаринъ присылалъ къ нему пословъ, онъ лично долженъ былъ встрѣчать ихъ далеко за городомъ, слѣзать съ коня, тогда какъ они сидѣли на лошадяхъ, и принимать ихъ съ большимъ почетомъ. Это было очень досадно Княгинѣ: она всегда говорила ему, что не хочетъ быть крѣпостною рабой и купленною невольницей Татаръ: было бы честно и справедливо, если бы онъ постарался употребить всю свою силу и могущество, для освобожденія себя отъ этого рабскаго ига.

Въ это самое время Татарскіе Цари построили въ Московскомъ Кремлѣ нѣсколько домовъ и дворовъ, въ которыхъ жили Татары, бывшіе въ Москвѣ, за тѣмъ только, чтобы смотрѣть, замѣчать и развѣдывать, что дѣлаетъ Великій Князь, и какіе у него замыслы. Когда замѣчали, что Русскіе сговариваются на измѣну и не хотятъ больше покоряться Татарамъ, они заблаговременно давали

знать о томъ. Великая Княгиня не желала дольше сносить это: она отправила своихъ пословъ съ большими подарками къ Татарской Царицѣ, дружески прося ее склонить своего Государя, чтобы домы и помѣщенія въ крѣпости, принадлежавшіе Татарамъ, онъ приказалъ перенести на другое мѣсто, по тому что Богъ строго убѣждалъ ее въ сновидѣніи построить на мѣстѣ ихъ церковь, во славу Его и Святыхъ, и нѣсколько часовень.

Великой Княгини послушались, срыли домы, опорожнили мѣсто, на которомъ потомъ была построена церковь. Благодаря тому, Татары выпровожены изъ Кремля, и по тому больше ужь не могли узнавать о замыслахъ Великаго Князя, какъ бывало прежде, и убрались домой; съ тѣхъ поръ имъ никогда не дозволялось строить дома свои въ Москвѣ, или жить тамъ.

Такимъ образомъ Москвитяне освободились отъ Татаръ ловкостью своихъ женъ, точно также какъ домъ съумасброднаго и пьянаго Навала спасенъ мудрою и разумною рѣчью его жены, Авигеи, чтобы не наложилъ на него руки разгнѣванный Царь Давидъ, по тому что «женскій умъ лучше всякихъ думъ», спасаетъ отъ бѣды и напасти.

Этотъ Великій Князь, Иванъ Васильевичъ Грозный, умеръ въ Москвѣ, 66 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, въ 1492 году (?), прокняживъ 42 года и 7 мѣсяцевъ.

Въ его время славно царствовалъ Римскій Императоръ Максимиліанъ, очень расположенный къ Доктору Лютеру, за то что этотъ возсталъ на Папство и обнаружилъ его идолопоклонство и заблужденія. Въ Швеціи царствовалъ славный Государь Стено Стуре младшій, ведшій трудныя войны съ Датскимъ, Королемъ Гансомъ, и Великимъ Княземъ Московскимъ.

По смерти Ивана Васильевича Грознаго вступилъ на княженіе, по проискамъ своей матери, Софіи, сынъ его, Гавріилъ или Василій. Во многихъ дѣлахъ онъ слѣдовалъ правиламъ отца, не только оборонялъ съ большимъ стараніемъ и силою земли, покоренныя его отцомъ, но распространялъ свои предѣлы все дальше, не храбростью и доблестью, а хитростью, изворотливостью,

измѣною, и точно такъ же, какъ отецъ его взялъ Новгородъ, онъ покорилъ Псковъ и Смоленскъ.

Въ Литвѣ и Польшѣ царствовалъ тогда Король Сигизмундъ 1-й, съ которымъ Великій Князь Василій по справедливости не долженъ бы былъ вести ни какой войны, по тому что это былъ кроткій, благочестивый и образованный Государь, находившій больше отрады въ мирѣ и согласіи, нежели въ войнѣ, ссорахъ и кровопролитіи. Онъ не подавалъ ни какого повода къ раздору и войнѣ, однако жь Василій напалъ на него, говоря, что онъ нарушилъ мирный договоръ въ томъ, что сестра Василіева, по смерти Короля Александра, содержалась не совсѣмъ по ея званію и сану. Къ тому же онъ наущалъ Татарина напасть на землю Василія и жалостно разорять ее огнемъ и мечемъ. Отъ того и онъ имѣетъ достаточную причину посѣтить и потревожить его также мечемъ и огнемъ, и осадилъ поспѣшно Смоленскъ, отъ котораго, впрочемъ, принужденъ былъ на этотъ разъ отступить съ позоромъ.

Между тѣмъ одинъ знатный Литовскій Господинъ, по имени Михаилъ Глинскій, по случаю сдѣланнаго имъ убійства, долженъ былъ бѣжать изъ Литвы и искать убѣжища у Великаго Князя Московскаго. По своей способности, онъ тотчасъ же сдѣлался совѣтникомъ и высшимъ лицомъ у Великаго Князя. Находясь тогда въ большой враждѣ и ненависти съ своими земляками, онъ усердно совѣтовалъ Великому Князю не прекращать Польской войны, а продолжать ее и опять осадить всѣми силами Смоленскъ, прибавивъ, что ему извѣстно средство покорить городъ для Великаго Князя.

Великій Князь былъ очень радъ тому и далъ честное слово Глинскому, что лишь только онъ овладѣетъ городомъ, то получитъ отъ него Княжество для себя и своихъ наслѣдниковъ, подъ защитою и покровительствомъ Великаго Князя, и за то будетъ служить ему, по его требованію, съ такимъ числомъ конныхъ и пѣшихъ воиновъ, сколько позволятъ его доходы.

Съ этою надеждой Глинскій вооружилъ большое войско, очень важно пошелъ къ Смоленску съ разнымъ оружіемъ, велѣлъ поскорѣе выставить большія пушки и началъ такъ обстрѣливать

стѣны, что никто изъ военныхъ вождей въ Россіи прежде никогда и не думалъ и не слыхалъ о такой стрѣльбѣ. Потомъ, когда разрушилъ стѣны и укрѣпленія, а многихъ непріятелей убилъ изъ пушекъ, онъ велѣлъ идти въ трехъ мѣстахъ на приступъ; съ обѣихъ сторонъ сражались храбро и жестоко, однако жъ Глинскій былъ отраженъ. Тогда онъ придумалъ другое средство, т. е. прибѣгнулъ къ хитрости и обману: подкупилъ вождей и главные военные чины въ гарнизонѣ, обѣщалъ имъ помилованіе и пощаду отъ Великаго Князя, да такъ и взялъ городъ, сверхъ своего ожиданія, безъ всякаго сопротивленія и кровопролитія.

Тѣхъ горожанъ и воиновъ, которые хотѣли слѣдовать за нимъ по доброй волѣ, онъ взялъ съ собой, и пошелъ съ большою славою и торжествомъ въ Москву; другихъ, которые хотѣли идти въ Литву и Польшу, онъ съ миромъ отпустилъ и занялъ Москвитянами городъ: это было въ 1514 году по Р. Х.

Эта побѣда, одержанная Глинскимъ подъ Смоленскомъ, сдѣлала Великаго Князя до того смѣлымъ, гордымъ и надменнымъ, что онъ опять собралъ со всей своей земли большое войско и отправилъ его въ Литву, разорять эту страну, жечь деревни, города и мѣстечки, истреблять на поляхъ плоды, уводить скотъ, убивать малыхъ и большихъ людей. Узнавъ о томъ, Польскій Король послалъ сильное войско на встрѣчу Москвитянамъ, съ храбрымъ полководцемъ, Константиномъ Острожскимъ (Ostrofski): прибывъ къ городу Оршѣ (Orsö), лежащему на берегу Борисѳена, оно повстрѣчалось съ Москвитянами, въ числѣ 80,000 конныхъ и пѣшихъ. Но такъ какъ между ними протекала рѣка, то Польскій полководецъ, имѣвшій не больше 35,000 войска, велѣлъ навести мостъ черезъ рѣку, по которому можно бы было перейти пѣхотѣ и перевезти пушки, а всадники пустили лошадей вплавь, и такимъ образомъ переправились за рѣку безъ урона. Лишь только Русскіе это замѣтили, тотчасъ увѣдомили о томъ своего полководца, Ивана Челядина (Челяднина), и тутъ же хотѣли напасть на Поляковъ, однако жъ полководецъ не позволилъ имъ и сказалъ: «Если вы нападете и перебьете тѣхъ, которые ужъ переправились черезъ рѣку, тогда ускользнутъ другіе, стоящіе еще за рѣкой, и начнутъ съ нами новую битву: пусть переправятся всѣ, и тогда всѣ они падутъ отъ нашей руки, по тому что мы вдвое сильнѣе, а послѣ того займемъ

всю Литву безъ всякаго сопротивленія и опасности.» Но Литовцы, перебравшіеся за рѣку, построились въ боевой порядокъ, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей въ Москвитянъ, дали залпъ изъ нѣсколькихъ полевыхъ пушекъ; это, однако жь, не испугало Москвитянъ: они велѣли трубить въ трубы и быстро напали на Поляковъ съ большимъ крикомъ и шумомъ, думая привести непріятеля въ ужасъ, чтобы онъ обратился въ бѣгство. Замѣтивъ это и увидѣвъ мужество и неустрашимость враговъ, Поляки подались немного назадъ, гдѣ стояли пушки и была выстроена пѣхота, и по томъ выстрѣлили въ Москвитянъ изо всѣхъ пушекъ большихъ и малыхъ, такъ что нѣсколько сотъ непріятелей повалилось съ лошадей замертво. Остальные до того оробѣли и пришли въ ужасъ, что пустились бѣжать къ городу Доброве (Дубровнѣ), въ 4-хъ миляхъ оттуда: подъ городомъ протекаетъ рѣка, по имени Крапивна, такая глубокая, что если кто упадетъ въ нее, тому плохо будетъ, по тому что рѣчной берегъ очень высокъ. Тамъ-то и осталась большая часть разбитыхъ и раненыхъ Москвитянъ, другіе бросились въ рѣку, чтобы переплыть ее и спастись, и потонули, а которые уцѣлѣли, взяты были въ плѣнъ, какъ знатные, такъ и простые воины, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, и были отведены по городамъ въ Литвѣ и Польшѣ.

Когда вѣсть о томъ разнеслась по всей странѣ, Великій Князь, находившійся въ Смоленскѣ, такъ упалъ духомъ отъ этого пораженія, что поскорѣй отправился въ Москву, велѣлъ сжечь городъ Дорогобужъ, чтобы не достался Полякамъ, и занялъ хорошо вооруженнымъ войскомъ Смоленскъ, для обороны этого города отъ нападеній непріятеля. Великій Князь догадывался, что Поляки, послѣ одержанной побѣды, попытаютъ своего счастія и осадятъ крѣпость: они и сдѣлали это, однако жь безъ всякаго успѣха, по тому что ихъ войско устало и утомилось, при томъ же была уже зима.

Отдохнувъ нѣсколько, Великій Князь здумалъ выместить свой уронъ на Полякахъ, и опять выслалъ большое войско въ Литву: опустошилъ ее мечомъ и огнемъ, намѣревался было сдѣлать нападеніе на Полоцкъ и взять его. Однако жь по прежнему былъ побѣжденъ Поляками и прогнатъ назадъ въ Россію. Нѣсколько

разъ покушался онъ силою и храбростью взять Казань и Астрахань, велъ съ ними большія войны, и тоже не получилъ ни какой прибыли: вернулся домой съ однимъ позоромъ и посмѣяніемъ, ранеными и убитыми, однако жь не хотѣлъ отстать до тѣхъ поръ, пока не поднялся на него Казанскій Татаринъ, съ помощью Крымскихъ Татаръ, и не осадилъ его въ Москвѣ. Князь очень упалъ духомъ, даже до того перетрусилъ, что убѣжалъ тайкомъ въ Новгородъ, нѣсколько дней прятался въ возу съ сѣномъ, и клятвенно обѣщался Татарину, не отступавшему безъ того, быть у него въ подданствѣ и платить ему ежегодную дань, въ чемъ и далъ свою грамоту: она была возвращена ему изъ Рязани, благодаря угодливости и расторопности его Воеводы, о чемъ разсказывали мы выше.

Татаринъ осердился и озлобился на это: безпрестанно, не встрѣчая сопротивленія, онъ разорялъ землю Великаго Князя, жегъ деревни и города, истреблялъ плоды, угонялъ скотъ, убивалъ много народа, уводилъ по нѣскольку тысячъ человѣкъ съ собой въ Татарію, и продавалъ ихъ, точно скотъ, Туркамъ и другимъ врагамъ Христіянъ.

И такъ этотъ Великій Князь, Василій, больше всего озабоченный тѣмъ, какъ бы сдѣлать еще обширнѣе свою землю, привелъ въ крайне опасное положеніе и ее и свой народъ: одинъ тиранъ сильно мучилъ и безпокоилъ другаго, такъ что Москвитянинъ едва не распростился со всѣмъ своимъ величіемъ и былъ сведенъ съ его высокаго и знатнаго мѣста. На свѣтѣ это не рѣдкость и не диковина: бываетъ зачастую, что Князья и Государи, искатели чужихъ земель и народовъ, сами впадаютъ въ большое несчастье и нужду, и часто лишаются всего своего благосостоянія.

Когда же везло счастье на войнѣ Великому Князю, онъ былъ очень жестокъ къ непріятелямъ, точно такъ же и къ своимъ роднымъ братьямъ, родственникамъ и подданнымъ: это испытали на себѣ сначала его дядя, Димитрій, а потомъ его братья, Григорій и Андрей, которыхъ онъ велѣлъ посадить въ тюрьму, подъ тѣмъ предлогомъ, что они посягали на власть его и подущали жителей заставить его раздѣлить съ ними правленіе.

Самыхъ первыхъ и большихъ Бояръ по всей Москвѣ, сильныхъ происхожденіемъ и богатствомъ, онъ накрывалъ и ловилъ врасплохъ, отчасти открытой силой, отчасти тайнымъ коварствомъ, и либо убивалъ, либо сажалъ въ тюрьму и лишалъ всего имѣнія, движимаго и недвижимаго.

Точно такъ же, какъ Великій Князь бывалъ страшно жестокъ съ своими друзьями и родными (мы уже разсказывали о его жестокости), онъ употреблялъ свои хитрыя и коварныя продѣлки съ сосѣдними Королями и Государями: съ ними онъ никогда не держалъ своего честнаго слова, часто заключалъ миръ и скрѣплялъ его клятвою, но потомъ, обнадеживъ ихъ такъ, что они уже расчитывали на постоянный миръ и спокойствіе, нападалъ на ихъ землю, и безъ всякой причины и честнаго предупрежденія раздражалъ ихъ и вводилъ въ большіе расходы.

Это былъ гордый, заносчивый человѣкъ, чрезвычайно лукавый и коварный, изъ пустаго тщеславія принялъ титулъ гораздо пышнѣе, нежели когда нибудь носили его предки, и называлъ себя по именамъ всѣхъ земель и княжествъ, надъ которыми княжилъ.

Проживъ довольно времени въ большомъ распутствѣ и сладострастіи съ развратными женщинами и потаскушками, и не желая допустить, чтобы братъ его съ дѣтьми, по его смерти, имѣлъ доступъ къ верховной Великокняжеской власти, онъ рѣшился взять себѣ жену, и собралъ для того всю Боярскую Думу, чтобы Бояре хорошенько обдумали и обсудили всѣ обстоятельства и наконецъ рѣшили, полезнѣе ли и выгоднѣе для страны жениться ему на туземной, или на иностранной, Княжнѣ.

Они много и долго совѣтовались и наконецъ рѣшили въ Думѣ, чтобы онъ женился на туземкѣ, оставилъ въ покоѣ иностранокъ и не слишкомъ много заботился о родствѣ съ иноземными Государями: такъ какъ они вѣроломны, горды и надменны, а потому не отдадутъ и не пошлютъ своихъ дочерей ни въ какую варварскую землю, тѣмъ менѣе къ Московскому Князю; кромѣ того иностранная невѣста и новая Княгиня приводитъ обыкновенно съ собою новые, чужіе, нравы, много чужаго народа и иностранный покрой платья, а это будетъ стоить невѣроятныхъ издержекъ. У

нихъ же и другая Вѣра, которой Русскіе не могутъ терпѣть, даже слышать объ ней, а это поведетъ къ чрезвычайнымъ перемѣнамъ и разногласію въ Государствѣ.

Такое мнѣніе и предложеніе внушилъ другимъ Думнымъ Боярамъ и придворнымъ одинъ знатный человѣкъ, Греческій уроженецъ, по имени Георгій Микрусъ (Micrus), бывшій въ большой милости и почетѣ у Великаго Князя; къ нему расположены были и всѣ, знатные и незнатные, за его благочестіе и скромность. Онъ говорилъ, что въ Москвѣ найдутся дѣвицы, которыя ни сколько не уступятъ Европейскимъ въ красотѣ, добродѣтели и знатности: изъ нихъ-то Великій Князь и можетъ выбрать себѣ одну, которая покажется ему всѣхъ лучше; отъ нея будетъ больше пользы и прибыли странѣ, чѣмъ отъ иностранки. Въ самомъ же дѣлѣ онъ думалъ, что такъ какъ находится теперь въ большомъ почетѣ у Великаго Князя, то этотъ женится на его дочери, которая превосходила всѣхъ другихъ дѣвушекъ красивой наружностью, нравственностью и добродѣтелью.

Узнавъ, что у всѣхъ его совѣтниковъ, офицеровъ и придворныхъ одно желаніе и мнѣніе, чтобы Великій Князь женился на туземкѣ, Василій велѣлъ созвать со всей земли полторы тысячи боярышень и дѣвушекъ изъ самыхъ первыхъ и знатныхъ семействъ. Больше всѣхъ понравилась ему Саломея, дочь Ивана Сабурова, великая красавица, чего ни какъ не ожидалъ Думный Бояринъ Георгій Микрусъ, который охотно желалъ доставить своей дочери Царское ложе и высокія почести.

Тотчасъ же сыграли свадьбу. Двадцать одинъ годъ прожилъ Великій Князь въ супружествѣ съ Саломеею (Соломоніей), и она ему наскучила, по тому что онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей: онъ удалилъ ее въ Суздальскій монастырь на всю жизнь, велѣлъ Митрополиту снять съ нея всѣ Царскія украшенія и одежды и обстричь у ней волосы. Это было для нея горько, и она заливалась слезами; эта красивая и увлекательная женщина взяла обстриженные свои волосы, бросила ихъ подъ ноги себѣ, топтала ихъ, клялась и божилась, что не заслуживаетъ нанесеннаго ей позора. Это раздосадовало служителя Великаго Князя, Ивана Шигону, который долженъ былъ отвезти ее въ монастырь: онъ уда-

рилъ ее кнутомъ за такія рѣчи про ея Государя. Она спросила его, кто приказалъ ему бить и поднимать на смѣхъ коронованную и помазанную Государыню всей Россіи? «Великій Князь», отвѣчалъ онъ. Тогда, при всѣхъ окружающихъ ее, она начала бранить своего Государя, проклинала его неприличную жизнь, вѣроломные поступки и великую жестокость, призывала въ свѣдѣтели всѣхъ Боговъ и Святыхъ, которымъ хорошо было извѣстно, что она сохраняла честь свою въ чистотѣ и цѣломудріи и неповинно терпитъ такое поруганіе и униженіе. Они не оставятъ безъ отмщенія и возмездія ея невинности и великаго безчестія.

Между тѣмъ Великій Князь искалъ себѣ другой невѣсты. Михаилъ Глинскій, бѣжавшій изъ Литвы изъ за убійства Литовскаго Маршалка, Ивана Заберезенскаго (Zabrecinio), велъ себя такъ храбро на войнѣ, что Великій Князь, благодаря его ловкости, покорилъ Смоленскъ и считалъ его самымъ храбрымъ и счастливымъ полководцемъ во всей Россіи. Онъ женилъ Великаго Князя на дочери своего брата, Василія, Еленѣ, отъ которой Князь имѣлъ двоихъ сыновей, Григорія и Ивана.

За то, что прежде Великій Князь объявилъ этого Глинскаго самымъ храбрымъ и даровитымъ воиномъ, его тайно ненавидѣли самые первые Бояре и роды въ странѣ, подыскивались подъ него и наконецъ обнесли и оболгали его у Великаго Князя въ измѣнѣ, что будто онъ нечестно и невѣрно поступилъ съ своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ. Этотъ, безъ всякаго доказательства и суда, посадилъ его подъ стражу и лишилъ всякой власти, почестей и достоинствъ.

Но какъ Великій Князь женатъ былъ на дочери его брата, то онъ и выпутался изъ сѣтей, и не только получилъ опять прежнюю должность, почести и достоинства, по своей знатности, мудрости и разуму, но и былъ назначенъ, по кончинѣ Великаго Князя, правителемъ всей земли и опекуномъ дѣтей его.

Между тѣмъ изъ Суздаля по всей Россіи разошлась молва, что Саломея, жившая въ монастырѣ, беременна: это дошло и до Великаго Князя. Онъ тотчасъ же послалъ туда своихъ довѣренныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, узнать всю правду относительно положенія Саломеи, также наблюдать и видѣть новые ея роды.

По приходѣ ихъ въ монастырь, Саломея пошла въ церковь, ухватилась за алтарь, прикоснулась къ Св. Тайнамъ, божилась, осуждая себя въ преисподнюю ада, что сохраняла себя чистою въ бракѣ съ Великимъ Княземъ Василіемъ, и что Богъ далъ ей сына отъ него, а не отъ другаго кого ни будь, за понесенное ею великое поруганіе и презрѣніе; она молилась о томъ днемъ и ночью: ни она, ни Великій Князь не увидятъ свѣтлаго лица и милыхъ глазокъ младенца; но придетъ день, когда онъ, въ свое время, неустрашимо явится предъ очи своихъ подданныхъ, дастъ видѣть имъ свои свѣтлые глазки и не оставитъ безъ отмщенія ея позора, поруганія и уничиженія.

Съ этѣмъ отвѣтомъ и возвратились посланные и разсказали Великому Князю о положеніи Саломеи и происшествіи съ нею, также и обо всемъ, что видѣли и слышали. Это извѣстіе взбѣсило Великаго Князя: онъ рѣшился было взять Саломею изъ монастыря и прогнать ее въ болѣе суровое мѣсто; однако жь это отсовѣтовали и не дали ему сдѣлать нѣкоторые изъ Думныхъ Бояръ.

Многіе изъ Русскихъ разсказываютъ за вѣрное, что Саломея родила сынка и велѣла назвать его Григоріемъ, а потомъ, вступивъ на Великое Княженіе, онъ назвалъ себя Иваномъ и сдѣлалъ много безчеловѣчныхъ жестокостей въ Россіи и Ливоніи. Но нѣкоторые оспариваютъ это и думаютъ, что Иванъ — младшій сынъ Василія отъ Елены, дочери Василія Глинскаго, родившійся 1528 (1530) года по Р. Х., 26 (25) Августа, за 4 года до смерти Великаго Князя.

Предъ кончиною Великій Князь поручилъ правленіе своему шурину, Михаилу Глинскому, и сдѣлалъ его опекуномъ своей Княгини и дѣтей.

Но какъ бы то ни было, все равно и не составляетъ большой важности, отъ какой бы Княгини ни родился Иванъ, по тому что обѣ женщины были одинаковой добродѣтели и честности. Одна прижила въ монастырѣ ребенка съ монахомъ, другая же, по кончинѣ Великаго Князя, все ходила въ распутный домъ, очень ужь много развратничала и блудила, особливо же связалась съ однимъ Дворяниномъ, по имени Иваномъ Ozami (Овчиною-Оболенскимъ), и вела эту связь такъ грубо, что могъ замѣтить всякой

крестьянинъ. Это стало обидно дядѣ ея, Михаилу Глинскому, въ рукахъ котораго находилось главное управленіе Государствомъ: онъ часто посылалъ къ ней, и лично просилъ ее бросить свое распутство и беззаконную жизнь, не позорить своего званія, рода и дѣтей, и не класть на нихъ пятна безчестія. Но она не обращала ни какого вниманія на его слова, ставила ихъ ни во что, дала почувствовать дядѣ свой гнѣвъ и немилость, обнесла его передъ большими Боярами и простыми людьми въ томъ, будто онъ ведетъ такія козни, чтобы отослать молодыхъ Государей въ Польшу, сдѣлаться Великимъ Княземъ и подчинить себѣ все Московское Государство, представила ложныхъ судей и свѣдѣтелей, которыхъ подкупила для того большими деньгами: они засвѣдѣтельствовали и присягнули, что такое обвиненіе справедливо. Это заставило Думныхъ Бояръ и простыхъ людей лишить, съ поруганіемъ, Михаила Глинскаго всѣхъ должностей, какъ измѣнника и заводчика большой новизны и переворота въ Государствѣ: его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ и кончилъ жалостно свою жизнь и получилъ заслуженное воздаяніе за свои злыя дѣла — за то, что убилъ Маршалка въ Литвѣ, городъ и крѣпость Смоленскъ безчестнымъ образомъ привелъ, изъ подъ власти своего отечества, подъ власть Москвы и былъ причиною убійства и истребленія множества невинныхъ дѣтей, мужчинъ и женщинъ.

Послѣ того Великая Княгиня продолжала вести прежнюю жизнь въ беззаконіи и распутствѣ, такъ что ее открыто по всему городу ругали блудницей и всѣ ненавидѣли. Большіе Бояре не могли долѣе терпѣть и переносить это и отравили ее. А любовника ея, Ozami (Овчину-Оболенскаго), велѣли живаго посадить на колъ и сжечь съ соломою и дровами.

Отъ этой, презрѣнной и распутной, женщины родился безчеловѣчный тиранъ, Иванъ Васильевичъ, принявшій, на 12 году возраста, Великокняжескій вѣнецъ и скипетръ, по тому что старшій его братъ, Григорій (Георгій), былъ кривой и неспособный къ правленію. Иванъ не совѣстился хвастать, что родъ его происходитъ отъ брата Римскаго Императора, Августа, а это такъ же далеко отъ правды, какъ востокъ отъ запада; отъ того-то онъ и внесъ въ свой гербъ двуглаваго орла, съ распущенными крыльями, какъ сказали мы выше.

Не считая равнымъ себѣ ни одного Короля и Государя на свѣтѣ, онъ и точно былъ выше всѣхъ Королей и Государей въ Христіянствѣ, по своимъ мерзкимъ дѣламъ, распутству и жестокостямъ, которыя безчеловѣчно совершалъ, какъ надъ тузамцами, такъ и иностранцами. Это былъ гнусный варваръ, кровопійца и тиранъ, великій скряга, безбожникъ, распутникъ, бѣшеный, гордый, неправосудный и злой человѣкъ, насилователь женщинъ, взбалмошенъ, непривѣтливъ, прихотливъ и безпокоенъ, охотникъ до пошлыхъ дураковъ и мошенниковъ; онъ былъ зачинщикомъ и виновникомъ опасныхъ войнъ для сосѣднихъ Государей и вооружалъ ихъ противъ себя.

Онъ воевалъ то съ Татарами, то съ Поляками, Ливонцами и Шведами, однако жь въ войнѣ съ послѣдними не много получилъ себѣ славы. Шведы взяли у него много крѣпостей и городовъ въ Россіи и Ливоніи; отъ Поляковъ тоже добылъ не много, по тому что они совсѣмъ выгнали его изъ Ливоніи, покорили много областей и городовъ въ Россіи, и причинили ему много вреда огнемъ и мечемъ; въ Ливоніи онъ очень былъ счастливъ, по тому что завоевалъ почти всѣ ея крѣпости и города, и поступалъ тамъ съ неслыханною жестокостью, которою наполнены всѣ лѣтописи; впрочемъ, не многіе только города онъ взялъ мужествомъ и храбрыми дѣлами: все дѣлалъ хитростью, обманомъ, коварными происками, особливо подъ руководствомъ двоихъ Ливонскихъ Дворянъ, давшихъ ему слѣдующую присягу:

«Пресвѣтлѣйшій, непобѣдимѣйшій, Державнѣйшій Государь и Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи, Володимирскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и другихъ областей, Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Обдорскій (Obdonsski), Угорскій (Uderschi), Кандійскій и всѣхъ Сибирскихъ земель и Сѣверныхъ странъ повелитель, наслѣдный Государь Ливонскій и многихъ другихъ земель на востокѣ, сѣверѣ и западѣ, наслѣдственный, древній и потомственный, и проч. Мы, Іоганнъ Таубе и Эйлертъ Краузе, обѣщаемся и клянемся Вашему Царскому Величеству, Царевичамъ и Царству, служить на водѣ и на сушѣ, вѣрно, праведно и нелице-

мѣрно, по милости и жалованью Вашего Царскаго Величества, клянемся и обѣщаемся такъ же истинно, какъ вѣрна для нашего тѣла и души помощь Божія въ здѣшней временной и въ будущей вѣчной жизни, и будемъ продолжать эту службу Вашему Царскому Величеству и потомкамъ Вашего Царскаго Величества во всемъ, клонящемся къ ихъ величію и благоденствію, а противное для нихъ, по нашимъ силамъ, будемъ отвращать, останавливать и предупреждать; если же въ этомъ, или въ чемъ либо другомъ, мы поступимъ не такъ и замыслимъ что ни будь опасное, то да придутъ на насъ и огонь, и вода, и мечъ, и всѣ душевныя и телѣсныя муки. Отъ этой клятвы ничто не должно разрѣшать насъ, ни наше собственное раскаяніе и сознаніе, ни Христіянско-церковный или духовный санъ, если только мы искренно желаемъ себѣ, для души и тѣла, помощи Бога и Его Святаго Евангелія.»

Царства Казанское и Астраханское онъ взялъ вооруженною рукою, выгналъ изъ нихъ Татаръ и занялъ города Русскими, однако жь сперва потерпѣлъ пораженіе и потерялъ много людей: нѣсколько разъ бывалъ прогоняемъ Татарами и снималъ осаду съ большимъ для себя позоромъ. Впрочемъ, онъ не падалъ духомъ, но, вооружившись мужествомъ, пошелъ подъ Казань съ большимъ войскомъ и осадилъ ее со всѣхъ сторонъ: разрушилъ пушками валъ и стѣны и до тѣхъ поръ ломился въ городъ съ своимъ войскомъ, пока не взялъ его приступомъ и не умножилъ имъ своего титула: это было въ 1561 (1552) году.

Наслѣдовавъ отъ своихъ родителей и предковъ земли и Государства, Великій Князь точно также наслѣдовалъ и усвоилъ себѣ пороки, коварство и хитрость въ словахъ и поступкахъ: когда онъ бывалъ къ кому ни будь милостивъ, ласковъ и благодѣтеленъ, тому навѣрное должно было ожидать себѣ немилости и гоненія; напротивъ когда онъ грозилъ кому, бранилъ и проклиналъ его, тому оказывалъ милость и дѣлалъ для него всякое добро. Онъ всегда нарушалъ союзные и мирные договоры, обязательства и обѣщанія: всѣ сосѣдніе ему Князья и Государи довольно испытали это на себѣ. Онъ часто нападалъ на нихъ неожиданно съ огнемъ и мечемъ, вопреки своей клятвѣ, въ мирное время, когда они считали себя въ безопасности и не подозрѣвали ничего враждебнаго, бралъ города и крѣпости и причинялъ странѣ много вреда.

Кромѣ такихъ ожесточенно злыхъ его дѣлъ, онъ дѣлалъ и больше: изъ чрезвычайной надменности, вопреки всякому народному праву, онъ поднималъ руку на посланниковъ могущественныхъ Государей, посылланныхъ къ нему по особеннымъ дѣламъ; это можно видѣть на знатныхъ послахъ Польскаго Короля, Сигизмунда II, Іоганнѣ Кротисинѣ (Crotissin), и Николаѣ Тальвоизо (Talvoiso): онъ не только съ презрѣніемъ обходился съ ними, но и нагло обидѣлъ одного Польскаго Дворянина, пожелавъ посмотрѣть у него какія-то драгоцѣнныя вещи, и потомъ безсовѣстно удержавъ ихъ у себя. У купцовъ, бывшихъ при посланникахъ, велѣлъ онъ отнять отборные и лучшіе товары, стоившіе большихъ денегъ, изрубить ихъ лошадей, въ присутствіи пословъ, и дѣлалъ разныя дѣла къ уничтоженію и убытку Короля.

Такаго же поруганія и срама надѣлалъ онъ посламъ славнаго Короля Шведскаго, Іоанна III, именно Абовскому Епископу, Павлу Юстену, и потомственному Дворянину изъ Дюстерби, Тонніесъ Ольсену. Въ 1569 году они присланы были къ нему для переговоровъ о мирѣ и союзѣ между двумя Государствами. Изъ одной только наглости, вопреки клятвѣ, обѣщанію, честному слову и вѣрности, онъ причинилъ имъ много жестокостей; велѣлъ не только отнять у нихъ лучшее платье, жемчугъ, драгоцѣнныя вещи, серебро, золото и деньги, но еще и бить ихъ, высѣчь кнутомъ, бросить въ гадкую темницу, каждый день считать и осматривать ихъ, точно безсловесныхъ животныхъ, ругалъ ихъ псами и блудными дѣтьми, поносилъ и другими жесткими словами, за то, что не хотѣли преступить Королевскаго повелѣнія и наказа передать свое дѣло и порученіе Новгородскому Намѣстнику, тогда какъ имъ надобно было вести о томъ переговоры съ самимъ Княземъ. По своему варварскому обычаю, онъ считалъ себя гораздо выше и могущественнѣе благочестиваго и милосердаго Шведскаго Короля, Намѣстника же Новогородскаго наравнѣ съ Королемъ по званію, власти и сану, не смотря что тутъ недоставало ремешка, котораго не выкроишь и изъ тысячи воловьихъ кожъ: по тому-то послы и должны были переговариваться о мирѣ съ нимъ, а не съ Великимъ Княземъ. Они ни какъ не соглашались сдѣлать это и держались даннаго имъ наказа.

Узнавъ о томъ, Великій Князь послалъ къ нимъ нѣсколькихъ своихъ Совѣтниковъ и Секретарей, которые приступили къ нимъ

съ наглыми и ругательными словами, замахиваясь саблями, будто хотѣли изрубить ихъ въ куски: прибили ихъ, точно какихъ злодѣевъ, связали имъ веревками руки за спину, водили ихъ изъ одной темницы въ другую въ однѣхъ рубашкахъ, нѣкоторыхъ посадили на лошадей, другіе, съ связанными за спину руками, должны были бѣжать рядомъ съ лошадьми на веревкѣ, пустили лошадей во всю прыть на цѣлую полумилю, сколько силы станетъ, грозились непристойными словами заколоть и зарубить пословъ, сжечь и утопить, говоря, что въ поруганіи, срамѣ и пренебреженіи, которыя переносятъ послы, должны обвинять они не Великаго Князя, а своего собственнаго Короля, давшаго имъ такое полномочіе и наказъ. Пусть узнаютъ они, что Великій Князь такой Государь, что если кто хоть не много досадитъ ему, то онъ отплатитъ ему за то вдесятеро, а кто смирится передъ нимъ и дастъ ему грошъ, того онъ возвеличиваетъ и даетъ ему сто грошей: на свѣтѣ нѣтъ ему подобнаго по благочестію, добротѣ и честности, если кто повинуется его волѣ; а кто разсердитъ и раздражитъ его, на того онъ такъ озлобится и ожесточится, что и въ водѣ отъ него не спрячется.

Послѣ того, какъ послы приняли все, чѣмъ ихъ ни награждали, Русскіе дали имъ не много платья, чтобы не замерзнуть, и заставили просидѣть ихъ три дня безъ пищи и питья; на четвертый послали имъ хлѣба и воды, говоря, что Великій Князь ихъ пожаловалъ этѣмъ, чтобы они не умерли съ голода, потомъ отправили ихъ въ Москву, гдѣ прожили они 17 недѣль, а оттуда еще дальше, въ Муромъ, гдѣ находились они полтора года, до возвращенія въ Швецію; ихъ не снабжали ни какой другой пищей и питьемъ, кромѣ мяса, хлѣба, воды и квасу (Covent: собственно жидкое пиво въ Католическихъ монастыряхъ), отъ чего многіе изъ нихъ умерли въ заключеніи; тридцать изъ нихъ съ большимъ трудомъ вернулись домой въ самомъ бѣдственномъ и жалкомъ видѣ; двухъ младшихъ, выучившихся Русскому языку, Великій Князь удерживалъ у себя 6 лѣтъ, до ихъ освобожденія, полагая, что они теперь обязаны служить ему, а не Королю, по тому что выучились его языку.

Но что ужь много говорить о посланникахъ чужеземныхъ Государей, о пріемѣ и обхожденіи его съ ними: онъ такъ же

безстыдно поступилъ и съ Герцогомъ Голштинскимъ, Магнусомъ, братомъ Датскаго Короля, Фридриха II, пріѣхавшимъ къ нему въ 1569 году, съ той мыслью, чтобы служить ему до самой смерти. Онъ сперва сдѣлалъ ему очень пышный и блестящій пріемъ, великолѣпно угощалъ кушаньями и напитками, далъ большіе подарки, много денегъ, выдалъ за него дочь своего брата, Григорія, называлъ Королемъ Ливонскимъ, и съ клятвою обѣщалъ уступить и отдать ему эту землю.

Теперь, когда все это было сдѣлано, Великій Князь отправилъ новаго Короля съ большимъ войскомъ въ Ливонію, для осады прекраснаго укрѣпленнаго города Ревеля. Но Магнусъ не имѣлъ тутъ ни какого успѣха и долженъ былъ отступить, не сдѣлавъ ничего, однако жь нѣкоторые другіе города и крѣпости сдались ему.

Послѣ, когда Герцогъ Магнусъ, съ Русскимъ войскомъ, надѣлалъ вездѣ въ Ливоніи пропасть неистовыхъ дѣлъ, на походѣ понесъ большой уронъ отъ Шведовъ и Поляковъ, и не во всемъ имѣлъ такую удачу, какъ хотѣлось бы Великому Князю, этотъ послѣдній до того озлобился и прогнѣвался, что подъ городомъ Венденомъ велѣлъ изрубить въ куски всю свою придворную челядь, Герцога Магнуса билъ кулаками и кнутомъ: для спасенія жизни, Магнусъ долженъ былъ съ трепетомъ проползти нѣсколько тысячъ шаговъ до палатки Великаго Князя и просить у него, со слезами, помилованія.

«Ты, бѣднякъ, сказалъ Великій Князь, увидавъ его, смѣлъ надѣяться, что получишь Ливонію и будешь въ ней Королемъ: когда бросивъ отечество, ты скитался несчастнымъ бѣглецомъ изъ мѣста въ мѣсто, я одѣлъ тебя нагаго и голаго, принялъ къ себѣ въ родство, далъ тебѣ въ жену дочь своего брата, которой ты не стоилъ, обогатилъ тебя, надавалъ тебѣ денегъ, людей и платья, доставилъ большой почетъ, и ты теперь оказываешься измѣнникомъ своему благодѣтелю! Развѣ ты не хотѣлъ измѣнить твоему Государю, которому присягалъ? Что ты скажешь на это? Развѣ не за долго до этого не обвиняли тебя три раза въ томъ, что ты домогался моей власти и, такимъ образомъ, въ своей заносчивости, ты ставилъ ни во что меня, твоего Государя и добраго

друга. Не хотѣлъ ли ты привести въ свое подданство Ливонію, которую ты обманулъ хитростью и лестью? Но око Божіе бодрствовало надо мною, предало тебя въ мои руки и уничтожило всѣ твои замыслы и пронырства. За то, что ты подыскивался подъ мое княженіе и благоденствіе, честно и правосудно съ моей стороны отнять у тебя все, что я ни далъ тебѣ, по особенной моей милости и добросердечію.» Онъ велѣлъ тутъ же снять съ Магнуса Княжеское платье, намѣреваясь сдѣлать ему такое наказаніе, чтобы онъ послѣ того не могъ и подняться, держалъ его нѣсколько недѣль у себя плѣнникомъ, хотѣлъ, чтобы онъ заплатилъ ему 40 тысячъ Угорскихъ золотыхъ, однако жь напослѣдокъ освободилъ его и позволилъ ему ѣхать въ городъ Кархгаусъ (Karchaus) къ женѣ, полагая, что всегда можетъ имѣть его опять въ своихъ рукахъ, если захочетъ. Но это не удалось ему: Магнусъ видѣлъ и зналъ великую опасность своего положенія, также и то, что особенное счастье въ Ливоніи начинало измѣнять Великому Князю: вмѣстѣ съ женою онъ поскорѣе убѣжалъ изъ Кархгауса къ Польскому Королю и передался ему со всѣми своими людьми; тѣмъ онъ вошелъ въ его милость, получилъ отъ него въ содержаніе, по смерть свою, нѣсколько городовъ въ Курляндіи, и наконецъ умеръ въ городѣ Пильтенѣ 1583, Марта 18 дня. А жена его воротилась въ Россію и получила Тихвинскій монастырь, въ которомъ, вѣроятно, живетъ и теперь.

Ни одинъ человѣкъ не выскажетъ вполнѣ страшнаго, не Христіянскаго и варварскаго образа дѣйствій этого тирана въ Ливоніи съ попавшими въ его руки бѣдняками, и этой, сильно замѣтной въ немъ, ненасытной жадности до Христіянской крови, также и другихъ дѣлъ его произвола. По тому что не бывало и не раждалось еще на свѣтѣ ни одного ужаснаго и гнуснаго кровопійцы, котораго бы можно было сравнить съ этѣмъ лютымъ звѣремъ. Все, что ни писали о другихъ тиранахъ, царствовавшихъ въ мірѣ, пустяки въ сравненіи съ этѣмъ. Его лучшая отрада и удовольствіе состояли въ томъ, чтобы смотрѣть, какъ казнятъ людей позорною казнью, рубятъ ихъ, вѣшаютъ, варятъ, жарятъ, тирапятъ и подвергаютъ другимъ страшнымъ мукамъ. Между разными жестокими дѣлами этого Князя въ Ливоніи не изъ послѣднихъ и тѣ, которыя онъ совершилъ надъ 500 благородныхъ и

добродѣтельныхъ женщинъ и дѣвушекъ при взятіи города Ашерота. Онъ отдалъ ихъ страшнымъ Татарамъ, чтобы они опозорили ихъ на его глазахъ, и потомъ велѣлъ жалостнымъ образомъ умертвить ихъ и изрубить въ куски.

Объ этомъ узнали и жители Вендена; носился слухъ, что онъ никого не хочетъ щадить въ Венденѣ, хоть бы тамъ были Царскія и Княжескія дѣти (по тому что для него было все равно, что Дворяне, что крестьяне, что высшее, что низшее званіе); у него водилось точно такъ же, какъ одинъ бѣдный крестьянинъ отвѣчалъ въ Москвѣ какому-то Дворянину, роптавшему, что темница не прилична для его Дворянскаго званія, и что для него должна быть не такая же гадкая, какъ для другихъ. «Любезный Баринъ, сказалъ на это бѣдный человѣкъ: здѣсь, вмѣстѣ съ нами, вамъ не слѣдуетъ быть взыскательнымъ ни въ чемъ: здѣсь все идетъ точно, такъ же, какъ въ царствѣ небесномъ, гдѣ совсѣмъ не смотрятъ на лица: «ultimus et primus sunt in honore pares.» Великій Князь теперь осадилъ и очень стѣснилъ Венденъ; жители не могли дольше защищать города, и должны были сдавать его: всѣ, сколько ихъ ни было тамъ, мужчины, женщины, старики и молодые, Дворяне и не дворяне, положили между собою скорѣе умереть, нежели потерпѣть такой позоръ и лишиться чести: собрались въ церкви, помолились Богу, пріобщились Св. Таинъ, и когда Русскіе собирались идти на приступъ, они подожгли спрятанный въ церкви порохъ, и вся она разсыпалалась въ прахъ, со всѣми женщинами и дѣвицами, мужьями, женами, дѣтьми и грудными младенцами: они взлетѣли на воздухъ и принесли свою жизнь въ жертву милосердому и человѣколюбивому Богу. Въ то самое время, когда они единодушно давали обѣтъ умереть, соединиться съ Богомъ и принять Св. Дары, а не доставаться Русскимъ, и когда нѣсколько сотъ ихъ приготовлялись уже къ такому дѣлу, у нихъ недостало вина: это опечалило ихъ еще сильнѣе, и проповѣдникъ довольно употребилъ времени на ихъ утѣшеніе слѣдующими словами Св. Августина: «Crede, et manducasti.» Съ ними же тутъ находился и Католическій Священникъ, который довольно трунилъ надъ ними и говорилъ, что съ удовольствіемъ посмотритъ теперь, какъ-то Лютеране покончатъ съ пріобщеніемъ Св. Таинъ, по тому что у нихъ нѣтъ вина, и должны будутъ, любо ли, не любо, пріобщаться подъ однимъ видомъ, какъ принято у Папистовъ.

Межъ тѣмъ какъ они переговаривали между собою о томъ, Всесильный Богъ устроилъ такъ, что служитель Герцога Магнуса, собираясь выворачивать и укладывать его платье, нашелъ боченокъ Рейнскаго вина, и представилъ его Пастору; это выручило бѣдныя, жаждущія души: они вкусили отраду въ Тѣлѣ и Крови Господа Іисуса, подъ видомъ хлѣба и вина, поручили себя милосердому Богу и отошли изъ міра съ радостію, а Езуитъ долженъ былъ признать въ этомъ случаѣ великое Божіе чудо, что Богъ слышитъ призывающихъ Его изъ глубины сердца, и что ложно мнѣніе Папистовъ, будто бѣднякову надобно пріобщать только подъ видомъ хлѣба, а не подъ видомъ вина и хлѣба.

Въ 1578 году въ Москвѣ происходила страшная сцена между 378-ю плѣнниками изъ Ливоніи и Литвы: когда Великому Князю захотѣлось повеселиться и позабавиться, онъ распорядился, чтобы всѣ эти плѣнники явились къ нему при большомъ стеченіи народа, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы узнать, сколько ихъ было, какого они пола, и каково положеніе каждаго. Между другими плѣнниками стояли вокругъ также нѣсколько женщинъ съ ихъ маленькими дѣтьми и чрезвычайно смиренно, со слезами на глазахъ, просили пощады и милосердія. Страшный тиранъ притворился, что хочетъ помиловать и возвратить имъ свободу, и велѣлъ спросить каждаго плѣнника по одиначкѣ, очень ли радъ онъ будетъ воротиться опять на родину? Это было пріятно печальнымъ плѣнникамъ; однако жь они сказали, что желаютъ не прежде отправиться туда, пока не получатъ у Великаго Князя прощенія и пощады, въ томъ мнѣніи, что такой отвѣтъ поправитъ все дѣло, и положились на предложеніе Великаго Князя, по тому что всякому хотѣлось на родину.

Но этотъ отвѣтъ стоилъ имъ жизни: Великій Князь принялъ это за униженіе для себя, точно они смѣялись надъ его страною и пренебрегали ею. За это бѣдняки тотчасъ же были приговорены къ смертной казни. Тогда вдовы и сироты, старые и молодые, женщины и дѣвушки, начали горько рыдать и плакать, но были выведены за городъ и, вопреки всякой справедливости, были немилосердно, жалостно и постыдно задушены и убиты.

Когда привели ихъ на мѣсто казни, они нашли себѣ утѣшеніе въ словѣ Божіемъ, пѣли нѣкоторые псалмы слезливымъ и

жалобнымъ голосомъ, безпрестанно призывали Бога, чтобы Онъ простилъ ихъ грѣхи и даровалъ блаженную кончину. Великій Князь и Москвитяне смѣялись надъ ними, взяли дѣвушекъ и опозорили ихъ: этѣ не могли спасти себя ни слезами, ни просьбами, ни мольбами, по тому что безчеловѣчный тиранъ находилъ въ томъ забаву себѣ, съ обоими сыновьями, Иваномъ и Ѳедоромъ, стоялъ и смотрѣлъ весь день, какъ мучили плѣнниковъ; однако жь младшій сынъ, съ нѣсколькими знатными Боярами, не могъ дольше смотрѣть на такія неправедныя и страшныя дѣла: можетъ быть, имъ жалко стало несчастныхъ, плачущихъ и стонающихъ, и они вернулись въ городъ. Въ рѣкѣ Неглинной были вбиты сваи и на нихъ построены мосты: тамъ стояли гнусные палачи и рабы Великаго Князя и ломали у одного за другимъ изъ плѣнниковъ колѣнки желѣзными ломами, чтобы они скорѣе валились въ рѣку и тонули.

Теперь надобно было казнить нѣкоторыхъ очень красивыхъ дѣвушекъ изъ Дворянскаго званія, и хотя нѣсколько знатныхъ Бояръ предлагали внести за нихъ большую сумму денегъ, плѣнницы, однако жь, не были освобождены, не смотря на большую жадность тирана къ деньгамъ. Дѣвушки обнаруживали нетерпѣніе, проклинали Великаго Князя, укоряли его въ жестокихъ и безчеловѣчныхъ поступкахъ и обхожденіи съ ними, плѣнными, вопреки всякому военному праву, равно какъ и во всѣхъ плутовскихъ его дѣлахъ, какія только случаются на свѣтѣ, потомъ призывали Небеснаго Бога, чтобы Онъ, по Своему правосудію, отмстилъ причиненную имъ неправду и постыдное злодѣйство.

Это взбѣсило Великаго Князя: онъ велѣлъ употребить другія, ужаснѣйшія муки и истязанія: однѣ были брошены въ воду, другихъ терзали мучительными орудіями. Но въ дѣвушкахъ дѣйствовалъ Святой Духъ, высшій утѣшитель во всякой скорби, и показалъ Свою силу въ ихъ немощи: онѣ переносили все съ терпѣніемъ и уговаривали другъ друга стойко сносить и выдерживать страданія и смерть, ради Господа Іисуса. Потомъ палачи взяли печальныхъ дѣвицъ и сжали имъ руки и ноги между двумя, связанными вмѣстѣ веревкою, досками и брусьями, били ихъ кнутьями, вырѣзывали у нихъ лядвеи, чтобы болѣе продолжить муки. Въ такихъ мученіяхъ бѣдныя дѣвушки все призывали имя Господа

Іисуса, утоляли тѣмъ свои жестокія страданія и благодарили Его за то, что могли перенести ихъ съ такимъ великимъ терпѣніемъ, не только не ужасались этѣхъ мукъ, но еще смиренно молили Бога простить имъ грѣхи, и не переставали постоянно укорять тирана за его ожесточенную злобу, гнусное лицо, жестокій нравъ, страшный голосъ и суровое правленіе и поступки. А онъ дивился такой твердости дѣвицъ и думалъ, какъ бы еще сильнѣе помучить ихъ, по тому что ему было очень досадно, что онѣ такъ терпѣливы и тверды среди великихъ мукъ и истязаній: чѣмъ терпѣливѣе онѣ сносили, тѣмъ больше онъ велѣлъ ихъ мучить.

Услыхавъ, что они прославляли и призывали въ мученіяхъ Господа Іисуса, порочили и поносили Великаго Князя, онъ велѣлъ отрѣзать имъ языки. Но дѣвушки тѣмъ болѣе призывали своего Бога сердцемъ и душою и, будучи не въ состояніи говорить, давали, однако жь, понять глазами и видомъ, что безбожный тиранъ причиняетъ имъ насиліе и несправедливость, и за то получитъ свое воздаяніе.

Еще несытый ихъ мученіями, Великій Князь велѣлъ воткнуть мертвыя тѣла на раскаленныя вертела, потомъ побросать ихъ на большіе костры и, разведя огонь, сжечь, а пепелъ кинуть въ рѣку. Онъ приказалъ умертвить и всѣхъ другихъ плѣнниковъ и покидать ихъ съ мостовъ въ воду.

Съ такимъ же отважнымъ, безстрашнымъ и бодрымъ духомъ были нѣкоторыя женщины и дѣвицы въ городѣ Вейсенштейнѣ, когда Великій Князь взялъ это мѣсто и велѣлъ погубить ихъ жалкою смертію. На это написаны слѣдующіе стихи:

Двѣ женщины, еще одна дѣвица,
Взяты были тираномъ неповинно,
Мужчины раздѣляли ихъ неволю,
Онъ приказалъ подвергнуть плѣнныхъ мукамъ,
И для того разжечь костры большіе,
Чтобы на нихъ онѣ до тла сгорѣли.
Когда же подошла къ костру дѣвица,
Безстрашная, сказала смѣло Князю:
«Жестокій, ты стоишь, и съ наслажденьемъ.
Любуешься страданьями несчастныхъ.

Не предавай же словъ моихъ забвенью:
Какъ явится на Страшный судъ Сынъ Божій,
И скажетъ приговоръ Свой правосудный,
И станешь ты на лютыя мученья,
Я, вмѣстѣ съ этѣми дѣтьми Живаго Бога,
Тебя въ рукахъ мучителей увижу,
И весело мнѣ будетъ любоваться,
На казнь твою и вѣчное страданье.»
Окончивъ рѣчь, невинная дѣвица,
Пошла на казнь съ смиреніемъ высокимъ,
И умерла потомъ — для вѣчной жизни,
Какъ исповѣдница Святой и правой вѣры.

Этѣхъ твердыхъ и богобоязливыхъ женщинъ и дѣвицъ, съ полною справедливостью, можно уподобить святымъ и непоколебимымъ дѣвамъ мученицамъ: Бландинѣ, Доротеѣ и той женщинѣ въ книгахъ Маккавейскихъ, которая утѣшала и услаждала словомъ Божіимъ своихъ семерыхъ сыновей, жалостно, но невинно, замученн хъ тираномъ Антіохомъ.

Одержавъ большую побѣду въ Ливоніи, завоевавъ въ этой странѣ много крѣпостей и городовъ, и взявъ Полоцкъ, Казань, Астрахань и многія другія области, Великій Князь хотѣлъ попытать счастья и со Шведами: собралъ большое войско, отправилъ его въ Финляндію и осадилъ Выборгъ; но знаменитый Государь, Король Густавъ Первый, заставилъ его бѣжать оттуда, сломя голову, такъ что онъ принужденъ былъ бросить большую часть своего войска и заключилъ потомъ миръ съ большою для себя невыгодою. Однако жь, по смерти Короля онъ опять попыталъ счастья съ сыномъ его, высокопочтеннымъ Королемъ Іоанномъ, но получилъ столько же прибыли отъ сына, сколько и отъ отца, и потерялъ нѣсколько городовъ и крѣпостей въ Россіи и Ливоніи, которыми завладѣлъ было прежде.

Когда тиранъ не велъ ни какой войны съ сосѣдними Королями и, при всемъ своемъ желаніи, не могъ дѣлать жестокостей надъ ихъ подданными, онъ измѣнялъ образъ дѣйствій: начиналъ войну съ своими собственными подданными, терзалъ ихъ разными истязаніями и муками, успокоивался и стихалъ не прежде, пока не лишалъ ихъ жизи, всякаго счастія, женъ, дѣтей и всего со-

стоянія. Ему очень досадны были толки про него, что онъ не остался вѣренъ стариннымъ нравамъ и хорошимъ обычаямъ своего отца и отечества.

За такія рѣчи велѣлъ онъ погубить жалкою смертію одного изъ своихъ знатныхъ совѣтниковъ, Димитрія Occinium, разсудительнаго и благочестиваго Боярина, который не могъ терпѣть великаго распуства, безстыдныхъ и нечестивыхъ тонкостей тирана, до того сладострастнаго и развратнаго, что даже не прочь былъ отъ сластолюбія эротическихъ утѣхъ и противъ самой природы, какъ говоритъ слѣдующій стихъ:

«Et Venus in vinis ignis in igne furit.»

За это Бояринъ сдѣлалъ выговоръ одному мальчику Дворянскаго званія, съ которымъ Великій Князь удовлетворялъ свою неестественную похоть: это стало очень досадно мальчику, и онъ пожаловался Великому Князю. Но этотъ, названный нами Occinius, былъ въ большомъ уваженіи у простаго народа: Великій Князь не смѣлъ наложить на него рукъ такъ явно, какъ бы ему хотѣлось, а по тому и не подавалъ ни какого вида Боярину до удобнаго времени. Въ одинъ большой праздникъ Князь, пригласивъ его въ гости, съ нѣсколькими другими своими совѣтниками и офицерами, угощалъ ихъ виномъ и медомъ. Когда всѣ они подпили, онъ велѣлъ поднести тому Боярину большой кубокъ съ виномъ и выпить его разомъ, за здоровье Великаго Князя, какъ обыкновенно водилось у нихъ. Этотъ не могъ выпить кубка вдругъ; тогда Князь придрался къ тому, укорялъ его въ измѣнѣ и пренебреженіи къ его Великокняжеской власти. «Такъ то ты дорожишь моимъ здоровьемъ,» говорилъ онъ: такъ то желаешь мнѣ добра! Вижу въ этомъ твою преданность ко мнѣ. Но за то, что ты здѣсь не хочешь выпить этого кубка за мое здоровье, ступай въ мой погребъ, и пей тамъ разные напитки, сколько душѣ угодно!» Когда онъ пришелъ туда, его въ ту же минуту жалостнымъ образомъ закололи убійцы.

Черезъ два дня послѣ этого происшествія, Великій Князь послалъ къ женѣ убитаго и велѣлъ сказать, чтобы мужъ ея явился къ нему, будто ничего не знаетъ объ его смерти. Она отвѣчала,

что не видала его съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ въ послѣдній разъ со двора, да ей и не привелось больше увидать его!

Такимъ образомъ онъ велѣлъ умертвить и сбыть съ рукъ многихъ знатныхъ Бояръ и Дворянъ, и никто не смѣлъ что ни будь сказать объ этомъ: боялись, что и съ ними будетъ ни чѣмъ не лучше, если станутъ что либо говорить о такихъ дѣлахъ; наконецъ Патріярхъ условился съ Митрополитомъ, Архіереями и монахами; всѣ они собрались съ духомъ и пошли къ нему: они и самые знатные Бояре и Князья просили и умоляли его со всѣмъ смиреніемъ прекратить такія ужасныя жестокости и не губить безвинно такою жалкою смертію своихъ вѣрныхъ слугъ, которые заслуживали всего хорошаго, за ихъ усердную службу.

Благодаря этой просьбѣ и увѣщанію, онъ нѣсколько смягчился, опасаясь, чтобы не поднять возмущенія противъ себя; однако жь все таки придумывалъ, какъ бы поудобнѣе отплатить и воздать Боярамъ и Князьямъ за взятые ими на себя труды и старанія, и окружилъ себя сильною стражей изъ нѣсколькихъ тысячъ драбантовъ, которые всегда должны были оберегать его. Они походили на него жестокостью и свирѣпствомъ, по тому что какое бы злодѣйство онъ ни приказывалъ имъ, они исполняли это вдвое свирѣпѣе и злобнѣе: каковъ былъ попъ, таковъ и приходъ; Qualis Rex, talis grex; qualis servus, talis dominus.»

Чтобы все было неожиданно, онъ позвалъ къ себѣ знатнѣйшихъ Бояръ, совѣтниковъ и офицеровъ, и сказалъ имъ, что ослабѣлъ, усталъ и не можетъ дольше заниматься трудными дѣлами правленія, хочетъ идти въ монастырь и постричься въ монахи; наконецъ передалъ правленіе главнымъ Боярамъ и своимъ двоимъ сыновьямъ, усердно упрашивая ихъ взять на себя попеченіе и заботы о счастіи отечества, и наблюдать, чтобы не причинялось ни какого вреда общему благу, подъ страхомъ отвѣтственности предъ Богомъ и передъ нимъ. Когда случатся очень важныя и трудныя дѣла, они должны увѣдомлять его о томъ, а онъ будетъ давать свои совѣты. Послѣ того удалился изъ Москвы въ Александровскую слободу (Alexander Slaboda), въ 18-ти миляхъ оттуда.

Этотъ новый поступокъ очень опечалилъ Бояръ и простой народъ: они имѣли совѣщаніе, и положили отправить къ Великому

Князю главныхъ Бояръ, со всеподаннѣйшею просьбою, чтобы онъ опять взялъ на себя Великокняжеское правленіе и не покидалъ отечества и своихъ подданныхъ.

Пришедши туда, они не добились другаго отвѣта, кромѣ того, что онъ ни подъ какимъ видомъ не приметъ правленія, намѣренъ выѣхать изъ страны совсѣмъ, или на самые крайніе предѣлы своего Великаго Княжества, и никогда не будетъ видѣть измѣнниковъ; при этомъ приказалъ снять съ нихъ все платье и нагишомъ отослалъ ихъ назадъ въ Москву. Но Москвитянъ привелъ онъ въ большое смущеніе: они не удовольствовались тѣмъ, отправили къ нему другихъ пословъ духовнаго и свѣтскаго званія, которые со всѣмъ смиреніемъ должны были уговаривать и упрашивать его, чтобы онъ не оставлялъ, а принялъ опять, правленіе.

Когда же они прибыли туда и допущены къ нему, онъ заговорилъ съ ними горячо, ругалъ ихъ измѣнниками и вѣроломными людьми, но наконецъ далъ согласіе и склонился на ихъ великія просьбы и сильныя настоянія опять взять землю подъ свою руку, только съ уговоромъ, чтобы жители во всей странѣ снова присягнули ему и поклялись ни какъ не ослушаться его приказаній. Послы обѣщали, за всѣ сословія и всѣхъ подданныхъ, что будутъ оказывать ему покорность и слушаться его во всемъ.

Послѣ того Великій Князь опять отправился въ Москву съ своей большою стражей; но въ головѣ у него было не то, какъ бы содѣйствовать общему благу и нажить себѣ отъ того честь и славу, а какъ бы лишить жизни большую часть своихъ подданныхъ, духовнаго и свѣтскаго, высшаго и низшаго, званія, лишить ихъ имѣнія, движимаго и недвижимаго, и всякаго счастія. Онъ сталъ опять неистовствовать и свирѣпствовать въ странѣ жестокимъ и ужаснымъ образомъ, и это началъ съ Князя Ростовскаго: велѣлъ схватить его въ церкви, связать веревками и сковать, а потомъ отрубить ему голову, трупъ бросить въ воду, а голову принести къ себѣ. Онъ посмотрѣлъ на нее, взялъ въ руки и сказалъ: «Когда онъ былъ въ живыхъ, голова эта очень жадна была до крови, а когда умеръ, ее надобно вдоволь напоить водой», бросилъ ее на землю, топталъ ногами и велѣлъ кинуть въ рѣку. Послѣ

того онъ взялъ до сотни служителей невиннаго человѣка, велѣлъ ихъ жалостнымъ образомъ умертвить и также бросить въ рѣку къ ихъ барину.

Въ 1568 году, предпринявъ войну съ Польскимъ Королемъ, Сигизмундомъ Августомъ, и находясь съ войскомъ въ Великихъ Лукахъ, онъ поручилъ начальство въ Москвѣ одному знатному Боярину, по имени Ивану Петровичу. Но его управленіе не понравилось всѣмъ: изъ зависти и ненависти нѣкоторые напрасно обнесли и оклеветали его Великому Князю, будто бы онъ хотѣлъ выгнать его и силою овладѣть правленіемъ. Воротившись изъ похода въ Москву, Великій Князь велѣлъ привести его къ себѣ и спросилъ, за чѣмъ онъ замышлялъ такое дѣло? Тотъ сдѣлалъ ему низкій поклонъ и хотѣлъ оправдываться, однако жь это ни сколько не помогло: все, что ни скажетъ Великій Князь, должно было считаться правдой; онъ велѣлъ ему снять съ себя платье, надѣть на него Царскую багряницу, дать въ одну руку скипетръ, а на голову положить Царскій вѣнецъ: дрожа и вздыхая, онъ долженъ былъ сидѣть на высокомъ стулѣ и вспомнилъ пословицу: «Сладкія слова недруга — копья, мечи и пагуба.» Обернувшись къ нему, Великій Князь сказалъ: «Не робѣй, непобѣдимый Всероссійскій Царь; вотъ я пожаловалъ тебя Царскимъ величіемъ, котораго ты долго искалъ, только царствовать-то тебѣ не долго.» Не сказавъ больше ни слова, онъ прокололъ нѣсколько разъ сердце его длиннымъ ножомъ; окружающіе Дворяне и стрѣльцы взяли убитаго Боярина и также вонзили въ него свои длинные ножи, такъ что его сердце, кишки и всѣ внутренности вывалились на полъ, потомъ потащили его на площадь и жалостно изрубили тамъ въ куски; они не оставили въ живыхъ ни одного человѣка и изъ его домашнихъ, даже ни одного животнаго. Три тысячи его служителей, съ ихъ друзьями и родными, всѣ погибли горькою смертію; все имѣніе его, люди, рогатый скотъ и лошади были расхищены, домы сожжены, крестьяне, съ женами и дѣтьми, перебиты, разсѣяны и разогнаны. Его жена, бывшая тогда беременною, и дочери сначала опозорены палачами, а потомъ изрублены въ куски.

Точно такъ же поступилъ онъ съ своимъ Канцлеромъ, Казариномъ Дубровскимъ (Dobrouski), обвиненнымъ въ большомъ небреженіи и недѣятельности, по тому что во время войны съ Ливоніей,

онъ слишкомъ поздно поставилъ на мѣсто большую пушку: за это онъ осужденъ заочно на смерть съ двумя его сыновьями; но какъ легко могъ оправдаться, то находился у себя дома. Великій Князь приказалъ привести его къ себѣ, съ двумя сыновьями, изъ дому, гдѣ онъ сидѣлъ за столомъ и обѣдалъ: его тотчасъ же изрубили въ мелкіе куски и бросили въ колодязь на дворѣ его дома. Третій сынъ Канцлера былъ гдѣ-то въ гостяхъ въ городѣ. Узнавъ, что случилось съ его отцомъ и братьями, онъ не смѣлъ воротиться домой, или показаться въ люди, но тайно скрылся и цѣлый годъ таился, гдѣ могъ; объ этомъ донесли Великому Князю, и Княжескіе разсыльные отыскали его и привели къ Государю, а этотъ отдалъ его въ руки палача, который привязалъ его къ 4-мъ колесамъ и разстерзалъ на 4 части.

Великій Князь самъ выдумалъ эту казнь, которая совершалась такимъ образомъ: новыми пеньковыми веревками, длиною въ 15-ть аршинъ, привязывали руку человѣка въ кисти и въ плечѣ къ колесу, другую къ другому; одну ногу, въ пяткѣ и выше колѣна, къ третьему, другую къ четвертому. Каждую веревку должны были тащить 15 сильныхъ молодцовъ изо всей силы, такъ что раздирали человѣка на 4 части. При этомъ зрѣлищѣ бывалъ самъ Великій Князь, давадъ наставленія палачамъ, какъ надобно дѣлать, хвалилъ ихъ труды и старанія, смѣяся отъ души. То же дѣлали и всѣ окружающіе, въ угодность Великому Князю, и не обнаруживали ничего другого, кромѣ того, что такое его дѣло похвально, честно и справедливо. Если же окажется кто нибудь, который вздохнетъ, заплачетъ, выскажетъ себя тѣлодвиженіемъ, или душевнымъ волненіемъ, тотъ подвергался такой же опасности и бѣдѣ.

У него были свои соглядатаи и вѣстовщики, тщательно развѣдывавшіе между женщинами, что говорятъ онѣ про Великаго Князя: если же откроютъ и поймаютъ такую, у которой очень длиненъ языкъ и изъявлявшую неудовольствіе на злодѣйства Великаго Князя, ее тотчасъ же связывали, выводили на дворъ и безъ пощады и сожалѣнія либо вѣшали, либо рубили въ куски. Замужнія женщины, въ чемъ ни будь согрѣшившія и провинившіяся передъ нимъ, вѣшались надъ столами, за которыми обѣдали ихъ мужья: эти послѣдніе не должны были обѣдать нигдѣ въ дру-

гомъ мѣстѣ, пока висятъ надъ столами ихъ жены, нарушители того наказывались самою позорною смертію. Женщины должны были тамъ висѣть до тѣхъ поръ, пока мужья не вымолятъ у Государя великими просьбами и ходатайствомъ позволенія похоронить смердящія тѣла.

Когда во время разныхъ поѣздокъ его по странѣ, изъ города въ городъ, попадались ему на дорогѣ женщины и дѣвицы, онъ приказывалъ раздѣвать ихъ до нага: такъ и должны были онѣ стоять совсѣмъ нагія въ снѣгу на дорогѣ, пока не проѣдетъ онъ мимо ихъ, со всею своею челядью, по тому что у него было въ обычаѣ потѣшать и забавлять такою картиной зрѣніе его придворныхъ, межъ тѣмъ какъ другіе честные люди совѣстятся смотрѣть на то, чего не велитъ показывать природа.

Случилось однажды, что Великій Князь положилъ большую опалу на одного знатнаго Боярина, по имени Семена Wesesly, за то, что у него была очень красивая жена, которая очень полюбилась Князю. Онъ велѣлъ ее, вмѣстѣ съ служанкою, насильно привести во дворецъ, имѣлъ съ ней блудъ и держалъ у себя три недѣли. Досыта натѣшившись этою женщиной, со всѣмъ своимъ сладострастіемъ, онъ наскучилъ ею, не могъ даже терпѣть ее: велѣлъ съ служанною отвести домой и повѣсить въ воротахъ. Мужъ ея и вся домашняя челядь должны были 14-ть дней входить и выходить въ этѣ ворота, пока, благодаря сильному ходатайству, ее не сняли и не похоронили въ землѣ.

Этѣ гнусные поступки и безбожныя жестокости заставили знатнѣйшихъ Князей, Бояръ и Дворянъ страны умолять Великаго Князя, чтобы онъ милостиво прекратилъ такой гнусный и жестокій образъ дѣйствій, показалъ милость и состраданіе къ своимъ вѣрноподданнымъ и пощадилъ жизнь невинныхъ, всегда исправлявшихъ для него трудную и вѣрную службу и покорныхъ ему, но пусть казнитъ и истребляетъ, точно негодную траву, виноватыхъ и своихъ противниковъ, также сдѣлавшихъ грубыя злодѣйства. Этѣ ихъ просьбы и смиренныя мольбы принесли имъ такую же прибыль, какъ собакѣ трава: всѣхъ ихъ, одного за другимъ, онъ велѣлъ тайно умертвить и удавить.

Въ другихъ исторіяхъ читаемъ про другихъ тирановъ, что когда имъ сильно хотѣлось человѣческой крови, они упражнялись въ жестокости надъ врагами, а не надъ вѣрными подданными. Но этотъ Великій Князь дѣлалъ то и другое, и находилъ особенное удовольствіе и забаву, когда могъ свирѣпствовать противъ собственныхъ подданныхъ. Разскажемъ не много, какъ жалко и ужасно поступилъ онъ съ жителями Новагорода, Пскова, Твери и Москвы, и съ какимъ утонченнымъ лукавствомъ и ловкостью расправился съ ними.

На Новгородцевъ напалъ онъ прежде, чѣмъ они узнали объ этомъ, по тому что всѣ дороги и тропинки велѣлъ объѣзжать своимъ воинамъ, рубить и грабить всѣхъ горожанъ и простолюдиновъ, какіе ни попадутся имъ изъ города, такъ что ни одна живая душа не могла принести извѣстія объ его приходѣ, и его войска имѣли возможность ворваться съ всею силою въ городъ. Граждане пришли въ великій трепетъ и ужасъ, до того, что совсѣмъ не могли обороняться, отъ робости и малодушія сдались и просили пощады.

Но когда пощады и милосердія не было видно, бѣдные, трепещущіе люди спрятались въ церквахъ, монастыряхъ и погребахъ, гдѣ только нашли возможность. Малюта Скуратовъ, наглый тиранъ и начальникъ княжескихъ тѣлохранителей, напалъ на нихъ съ своею братіей и Татарами и вывелъ ихъ на Божій свѣтъ для бойни; не было ни жалости, ни пощады. Они не щадили ни высшаго, ни низшаго званія, ни мущинъ, ни женщинъ, ни молодыхъ, ни старыхъ, рубили людей и животныхъ, позорили служанокъ и благородныхъ дѣвицъ, дѣтей и грудныхъ младенцевъ сажали на длинныя копья и сѣкиры, и не прежде прекратили свои неистовства, пока не погубили 2770 человѣкъ. Лучшіе граждане города заперлись въ Думѣ: оттуда брали ихъ по одиначкѣ, рубили въ куски и бросали въ рѣку.

Монахи и священники бѣжали въ церкви и монастыри, однако жь, это не помогло: они также должны были итти къ раздѣлкѣ, по тому что ни просьбы, ни вѣра, ни духовный санъ не могли удержать жестокихъ палачей и негодяевъ отъ задуманнаго убійства: всѣмъ надо было плясать по ихъ дудкѣ. Одинъ Митро-

политъ былъ пощаженъ и оставленъ въ живыхъ: чтобы изъявить свою благодарность и сколько ни будь отплатить Великому Князю за его милость, онъ пригласилъ его въ гости къ себѣ. Пришедши къ нему, Великій Князь велѣлъ своимъ злымъ палачамъ, чтобы они, во время его обѣда, убили остальныхъ монаховъ и поповъ, сколько ихъ ни было въ городѣ, взяли все, что ни найдутъ въ церквахъ и монастыряхъ, деньги, серебро, золото, жемчугъ и драгоцѣнные камни, и спрятали въ его казначействѣ. Малюта тотчасъ же собрался съ тѣлохранителями, весело и поспѣшно схватилъ оружіе: они стали убивать съ великой злобой, такъ что жалко было смотрѣть.

Когда обѣдъ кончился и все, что приказалъ онъ сдѣлать до обѣда, было исполнено, онъ отнялъ у Митрополита его платье, деньги, золото, жемчугъ, серебро и всѣ запасы, велѣлъ палачамъ отвести его въ застѣнокъ и мучить тамъ плачевнымъ образомъ, чтобы онъ признался и сказалъ, куда онъ и монахи спрятали лучшія свои драгоцѣнности и пожитки? Когда это было исполнено, онъ велѣлъ привести его опять къ себѣ и сказалъ ему: «Тебѣ ужь будетъ исправлять духовную должность и жить въ цѣломудріи безъ жены. Теперь я сдѣлаю тебя міряниномъ, и дамъ тебѣ жену.» Онъ тотчасъ же велѣлъ привести бѣлую кобылу и сказалъ: «Господинъ Митрополитъ, возьми ее и пользуйся ею вмѣсто жены!» потомъ приказалъ посадить его на кобылу, въ старомъ, изорванномъ платьѣ, провести съ палачомъ по городу, въ знакъ особеннаго поруганія и позора, а послѣ того отправить на той же кобылѣ въ Москву и бросить въ самую плохую темницу, гдѣ онъ и умеръ въ бѣдственномъ положеніи.

Послѣ этого происшествія привели къ Великому Кнтзю одного богатаго горожанина и купца, по имени Өедора Семенова, который забился въ потаенный уголъ отъ его жестокости. Онъ велѣлъ связать его новой пеньковой веревкой, нѣсколько часовъ опускать въ воду и опять вынимать изъ нея. Великій Князь спросилъ его, что видѣлъ онъ въ водѣ въ такое долгое время? «Всемилостивѣйшій Великій Князь, сказалъ купецъ: я видѣлъ, что въ этой рѣкѣ, Волховѣ, собрались всѣ черти, сколько ихъ ни было въ озерахъ Ильменѣ, Ладогѣ и въ Балтійскомъ морѣ, и замышляли взять у тебя душу и отвести ее въ

преисподнюю.» Ты сказалъ правду, отвѣчалъ Князь, я помилую тебя за это видѣніе», и тотчасъ же приказалъ его вывесть вонъ, опустить въ кипятокъ его руки и ноги и варить до тѣхъ поръ, пока не скажетъ, куда спряталъ свои деньги и запасы, по тому что это былъ богатый человѣкъ, построившій на свой счетъ два монастыря. Отъ того, что его мучили такъ ужасно и безъ всякой пощады варили и кипятили, онъ признался, что въ особенномъ мѣстѣ было у него спрятано и зарыто 30 тысячъ талеровъ монетою. Великій Князь былъ доволенъ этѣмъ и не велѣлъ его больше мучить, а вмѣстѣ съ братомъ его, Алексѣемъ, изрубить въ куски и бросить въ рѣку.

Поступивъ съ Новгородомъ на всей своей волѣ и хотѣніи, Великій Князь отправился оттуда и повелъ свое войско въ Псковъ (Plesskovv), съ намѣреніемъ точно также поступить и съ Псковитянами.

Весь городъ стономъ стоналъ отъ плача рыданій объ этомъ плачевномъ и постыдномъ убійствѣ въ Новгородѣ: жители не могли уняться отъ слезъ и рыданій.

Когда Великій Князь прибылъ туда, всѣ они, малые и большіе, мужчины и женщины, вышли къ нему на встрѣчу, припали лицомъ къ землѣ, просили о милосердіи, поставили на всѣхъ улицахъ передъ домами хлѣбъ и соль и привѣтствовали его: «Они принадлежатъ ему съ женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ; у нихъ нѣтъ ничего своего, а все его; пусть онъ приметъ это въ угоду себѣ; они его слуги, рабы, подданные, готовы пожертвовать для него жизнью и всѣмъ, что имѣютъ; пусть дѣлаетъ съ ними, что ему угодно: они не скажутъ противъ того ни слова.»

Гнѣвъ его нѣсколько стихъ при такомъ смиреніи, великихъ мольбахъ и покорности; тамъ онъ ужь не неистовствовалъ такъ страшно, какъ въ Новгородѣ; однако жь велѣлъ ограбить нѣсколькихъ богатѣйшихъ горожанъ, монаховъ и поповъ, потомъ изрубить ихъ въ куски и бросить въ рѣку.

Послѣ того пошелъ въ Тверь, и производилъ тамъ тѣ же жестокости, какъ и въ Новгородѣ: знатнѣйшихъ людей въ городѣ велѣлъ сажать въ темницу, позорить ихъ женъ и дѣвицъ; богатѣй-

нихъ горожанъ либо изгонялъ изъ города, либо приказывалъ убивать и отнималъ у нихъ имущество; нѣкоторыхъ женщинъ тоже убивалъ, а другихъ велѣлъ мучить, чтобы онѣ указали сокровища своихъ мужей. Весь городъ былъ въ унынiи и горько плакалъ. Напослѣдокъ велѣлъ, безъ всякаго милосердія, умертвить 19 Татарскихъ Мурзъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ и содержавшихся тамъ въ заключенiи. Но эти Татары взялись сначала за свои длинные ножи, которые тайно носили при себѣ, и закололи многихъ палачей съ ихъ набольшимъ, Малютой Скуратовымъ: это былъ убійца множества людей, и теперь долженъ былъ умереть отъ Татаръ. Съ нимъ случилось то же, что онъ дѣлалъ другимъ, и получилъ тою же мѣрой, какою мѣрялъ самъ. Однако жъ это не помогло Татарамъ; ихъ одолѣли превосходствомъ числа и изрубили въ куски, которые потомъ покидали въ рѣку.

Наконецъ онъ велѣлъ высѣчь розгами и кнутьями своего придворнаго Секретаря, Аѳанасія Вяземскаго (VVesomski), котораго совѣтами часто пользовался въ очень важныхъ дѣлахъ и прежде многіе годы благоволилъ къ нему; велѣлъ выломать ему руки и ноги, и напослѣдокъ посадить на колъ, пока не умретъ: все это было ему за то только, что одинъ изъ придворныхъ, врагъ его, наговорилъ Великому Князю, будто бы онъ предостерегалъ жителей города, чтобы они убирались изъ него до прихода Великаго Князя, если только не хотятъ умирать.

Его жена, сыновья и дочери, рабы и служанки и вся его челядь, въ числѣ 60-ти человѣкъ, тоже были казнены, чтобы изъ этого проклятаго рода не оставалось никого, который бы могъ сдѣлать такую измѣну.

Послѣ того онъ отправился въ Москву, ѣхалъ все съ жестокими замыслами, и велѣлъ на площади города поставить 18 висѣлицъ. Потомъ принесли туда разныя орудія, выдуманныя для мученія и истязанія людей, развели огонь, поставили на него котлы и сковороды, кипятили воду, такъ что ужасно было смотрѣть.

Весь городъ трепеталъ: многіе граждане убѣжали и спрятались, гдѣ могли. Когда все было приготовлено, прибылъ на площадь изъ крѣпости Великій Князь съ своими тѣлохранителями,

палачами и убійцами, и занялъ вооруженными людьми всѣ улицы и переулки, чтобы ему былъ просторъ и ничто не мѣшало бы смертоубійствамъ.

Онъ выбралъ одинъ праздникъ для такого жестокаго дѣла, и велѣлъ приготовить обѣдъ въ нѣкоторыхъ домахъ для простаго народа, а въ Думѣ для Князей и думныхъ Бояръ, располагая отравить напитки и такимъ образомъ тайно казнить гостей, чтобы никто не узналъ того, а ему тѣмъ удобнѣе было ограбить и опустошить городъ. Но какъ никто не приходилъ, онъ самъ поѣхалъ верхомъ взадъ и впередъ по городу, и уговаривалъ гражданъ не падать духомъ и не бояться, думая выманить ихъ ласковыми словами. Однако жь никто не хотѣлъ ему вѣрить: всѣ притихли и оставались въ великомъ ужасѣ и страхѣ. Они все еще помнили убитыхъ и изрубленныхъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Твери, также и то, что лютой его тиранніи не было ни конца, ни предѣловъ.

Наконецъ они посовѣтовались между собою и отправили къ нему нѣсколькихъ дряхлыхъ стариковъ испытать его милосердіе. Когда этѣ послы воротились назадъ и принесли добрую вѣсть, что Великій Князь оказался совершенно милостивымъ, простой народъ началъ исподоволь выходить, такъ что стеченіе его становилось часъ отъ часу больше: на площади уже не находили мѣста и влѣзали на кровли.

Тогда Великій Князь вышелъ къ народу и сказалъ: «Любезные подданные! Этотъ день насталъ нынѣ для васъ къ радости и счастію; по тому что хотя всѣ вы вмѣстѣ и осуждены на смерть, однако жь я рѣшился въ этотъ часъ оказать вамъ всю милость и благоволеніе и даровать жизнь. Но я велю, впрочемъ, привести сюда измѣнниковъ мнѣ и странѣ, наказать ихъ и сдѣлать имъ заслуженную награду.» Этою рѣчью хотѣлъ онъ провести простой народъ и убѣдить его, чтобъ онъ не думалъ худо объ его зломъ замыслѣ, но одобрилъ бы его предпріятіе. Для того и выпустилъ 200 плѣнныхъ, и велѣлъ имъ ити, кому куда угодно.

Послѣ того онъ принялся за преднамѣренныя убійства и велѣлъ своему Секретарю прочитать имена тѣхъ, которые внесены были у него въ списокъ и должны были умереть теперь: въ чи-

слѣ ихъ былъ и его Канцлеръ, Иванъ Михайловичъ Висковатый, сдѣлавшій много добра странѣ и вѣрно служившій ему.

Этотъ Канцлеръ былъ первый приведенъ на это позорище: его обвиняли въ измѣнѣ, что будто онъ сговаривался съ Королемъ Польскимъ, съ Турками и Татарами, писалъ къ нимъ тайныя письма, призывалъ ихъ въ свою землю брать крѣпости, убивать народъ, разорять и губить Государство мечемъ и огнемъ: теперь ему слѣдовало понести наказаніе.

Однако жь Канцлеръ, невинный во всѣхъ этѣхъ дѣлахъ, отвѣчалъ свободно и неустрашимо и укорялъ Великаго Князя, какое множество Бояръ обвинилъ онъ несправедливо въ томъ, будто они искали его верховной власти, и тайно казнилъ ихъ безъ всякой вины, сколько погубилъ невинныхъ подданныхъ, опозорилъ и истребилъ женщинъ и дѣвицъ.

Великій Князь, сильно озлобившись и осердясь на это, велѣлъ его тотчасъ же казнить и каждому изъ своей придворной челяди отрѣзать у него кусокъ тѣла. Всѣ подбѣжали къ наказанному: одинъ отрѣзалъ у него правое ухо, другой лѣвое, третій губы, четвертый палецъ, и такимъ образомъ всѣ его члены: онъ терпѣлъ большія страданія и муки.

Наконецъ подбѣжалъ къ нему одинъ Писарь и отрѣзалъ у него причинное мѣсто, отъ чего онъ сей часъ же и умеръ. Великій Князь обратился къ этому Писарю и сказалъ: «Ты тоже зналъ о заговорѣ противъ меня, по тому что сдѣлалъ великую милость измѣннику, чтобы ему поранѣе отдѣлаться отъ мукъ и поскорѣе умереть: за это ты или съѣшь, что отрѣзалъ, или такъ же умри, какъ и онъ!» Видя передъ глазами смерть и не находя другаго средства, Писарь перепугался, съѣлъ дѣтородныя части Канцлера, и такимъ образомъ спасъ себѣ жизнь. Послѣ того Великій Князь приказалъ отсѣчь голову Канцлеру и изрубить все его тѣло. У жены его онъ отнялъ все имущество и сослалъ ее въ монастырь, сына отправилъ въ ссылку; всѣ служанки его были опозорены.

Въ то же самое время велѣлъ онъ привести на площадь своего Казначея и Конюшаго: ихъ привязали къ двумъ столбамъ и

обливали, одного за другимъ, то горячей, то холодной, водой, такъ что у обоихъ слѣзли волосы и кожа: такой невыразимой мукой замучили ихъ до смерти.

Тотчасъ послѣ того привели его главнаго повара, отрѣзали у него дѣтородныя части, и изрубили его въ мелкіе куски.

Потомъ казнили нѣсколькихъ думныхъ Бояръ, привели изъ тюрьмы 200 Дворянъ на площадь, и жалкимъ образомъ изрубили невинныхъ. Вдоволь насытившись въ этотъ день кровью, Великій Князь поѣхалъ опять въ Кремль, и по дорогѣ туда посѣтилъ жену казненнаго Казначея, находившуюся въ горькомъ уныніи и отчаяніи. Онъ велѣлъ взять ее, связать тонкою веревкою изъ крѣпкихъ волосъ, укрѣпленною между двумя стѣнами, и до тѣхъ поръ таскать ее и дергать палачамъ изъ стороны въ сторону, пока не пошла кровь, не отвалилось мясо, даже видны стали голыя кости, и она высказала все, что у ней было. Этѣ мученія оплакивала дочь ея, жалобно рыдая и дрожа; это надоѣло Великому Князю: онъ тотчасъ же велѣлъ казнить и ее, какъ мать. Но дѣвушка была красива и статна, да и не старѣе 15-ти лѣтъ: сынъ Великаго Князя, Иванъ, просилъ отца подарить ему ее, отецъ исполнилъ это, и она была освобождена, благодаря только этому средству.

На третій день послѣ того, онъ велѣлъ вынести изъ города всѣ трупы, и бросить ихъ въ ручей. Но этого было еще не довольно ему: онъ приказалъ также взять 80 женъ убитыхъ мужей, бить ихъ по головамъ и кинуть въ воду.

При всеобщемъ ужасѣ къ такому тиранническому правленію и гнуснымъ убійствамъ, 150 Дворянъ задумали бѣжать въ Польшу: однако жь, имъ измѣнили, застигли на дорогѣ, связали, бросили ихъ въ глубокую грязную лужу, положивъ другъ возлѣ друга, въ видѣ моста, черезъ нее. Великій Князь велѣлъ своимъ палачамъ ѣздить и скакать по нихъ на лошадяхъ: такъ они и умерли, растоптанные въ куски. Жены ихъ, дѣти и служители были умерщвлены жалкой смертью, безъ всякаго милосердія, хоть и вовсе не знали про замыслы своихъ мужей и господъ.

Такимъ же образомъ Великій Князь обратилъ свою безчеловѣчную жестокость на своего роднаго брата, Григорія: это былъ господинъ благочестивый, прямой и честный, и ежедневно замѣчая, что тиранъ ищетъ придирки и случая лишить его жизни и всего имущества, онъ остерегался, сколько было можно: это, однако жь, не принесло ему пользы, по тому что тиранъ тайно подъучилъ своихъ бойкихъ, рѣшительныхъ на все мошенниковъ и предателей, обвинившихъ Григорія, будто онъ искалъ власти Великаго Князя, своего брата, нагло ругалъ и поносилъ его и уговаривалъ къ возмущенію его подданныхъ.

По этому мнимому и выдуманному обвиненію и коварству, Великій Князь послалъ нѣсколькихъ отъявленныхъ плутовъ съ Казаками привести въ Москву Григорія.

Этотъ, увидавъ у себя на дворѣ убійцъ, убѣжалъ со страха въ комнату своей жены: они догнали его, схватили, били; нисколько не помогло, что жена его бросилась между ними, горько плакала и кричала, рвала на себѣ платье и волосы, сильно жаловалась на свою великую бѣду и говорила, чтобы взяли и ее съ собою, по тому что она дала вѣрную клятву мужу переносить съ нимъ хорошее и дурное. Однако жь она ничего не успѣла сдѣлать и принуждена была остаться дома въ большомъ горѣ и унынія. Когда привели его къ тирану брату, вошли палачи, заковали его въ цѣпи, вывели вонъ и стали мучить и истязать, думая, что въ пыткѣ и мученіи онъ сознается, въ томъ, чего и на умѣ у него не было, а выдумано самимъ Великимъ Княземъ, чтобы простой народъ подумалъ, что у него есть законная причина противъ брата. Не смотря на жестокія муки, онъ просилъ позволить ему сказать послѣднія слова: всѣ отвѣчали, чтобы онъ говорилъ, что хочетъ. Настала совершенная тишина, ему поослабили оковы, и онъ, поднявъ руки съ веревкою, которой онѣ были связаны, показалъ ихъ народу и сказалъ: «Храбрые воины, посмотрите на нарядъ и пышное украшеніе вашего Князя: такого не надѣвалъ на меня непріятель, и это для меня почетъ и слава. Вы сдѣлали меня, вашего природнаго и наслѣднаго Князя, пойманнымъ холопомъ и рабомъ: я не заслужилъ отъ васъ этого, я заслуживалъ всего хорошаго.

Но отпускаю вамъ все это; прошу только объ одномъ: если приказано Великимъ Княземъ умереть мнѣ, если хочется моей крови, покончите со мной сейчасъ же, убейте меня, чтобы мнѣ не терпѣть столько времени великихъ мученій, или, если вы не хотите наложить на меня руки, дайте мнѣ саблю, дайте мнѣ самому сдѣлать надъ собой то, что поклялись же вы исполнить, по приказанію Великаго Князя.»

Ничего не добившись, онъ обратилъ свои мольбы въ проклятія и говорилъ: «Такъ хорошо же! Желаю, чтобы Богъ за это наказалъ васъ, беззаконниковъ, и послалъ вамъ такую же кончину, какую вы сами готовили до сихъ поръ такому множеству невинныхъ людей: вы ужь и прежде вдоволь пятнали себя кровью гражданъ и страшно убивали лучшихъ Бояръ страны. Я, послѣдній агнецъ на закланіе для жертвы, желаю вамъ вѣчнаго огня въ аду, гдѣ безпрестанный плачъ и рыданіе, и всякихъ несчастій въ здѣшнемъ мірѣ, желаю вамъ проволочить все время вашей жизни въ презрѣніи и поруганіи, въ горѣ и несчастіи, погибнуть отъ собственнаго вашего меча, окропиться своимъ жиромъ, быть истребленными лучше внутреннимъ мятежемъ, нежели непріятелемъ!» Послѣ того онъ обратился къ палачамъ и мучителямъ съ просьбою, чтобы они продолжали его тиранить и терзать, сколько можно мучительнѣе. Они тотчасъ же подошли и изрубили его: онъ не испугался, не содрогнулся при этомъ, но съ готовностью отдалъ душу Богу, какъ храбрый герой.

Узнавъ о томъ, жена его собрала все свое наличное имущество въ деньгахъ, золотѣ, серебрѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, и бѣжала съ нимъ. Но она не далеко ушла. Тиранъ велѣлъ отыскать ее, таскать взадъ и впередъ по улицамъ, на всеобщее посмѣяніе и позоръ, наконецъ бросить въ воду и отнять у нея все имущество.

Сдѣлавъ такое множество убійствъ, онъ отправился въ Александровскую слободу, и исправлялъ тамъ божественную службу съ такимъ благовѣніемъ и набожностію, точно самый благочестивый Попъ, какіе только бывали на свѣтѣ. Тамъ былъ съ нимъ также одинъ знатный думный Бояринъ, по имени Телятовскій (Telatouski): сидя дома со множествомъ гостей, онъ захотѣлъ узнать, что

тогда дѣлалъ Великій Князь, и послалъ ко двору служителя развѣдать объ этомъ. Великій Князь замѣтилъ служителя, спросилъ его, за какимъ онъ дѣломъ и кого поджидаетъ? Тотъ объяснилъ, что его послалъ Господинъ его, Телятовскій, чтобы дать ему знать, что дѣлаетъ Великій Князь, и время ли явиться теперь ко Двору, по тому что его Господину очень хотѣлось послужить Великому Князю. Великій Князь тотчасъ же велѣлъ привести къ себѣ этого думнаго Боярина, со всѣми его гостями, и безъ всякихъ оправданій жалостно мучить его въ застѣнкѣ, онъ спрашивалъ его: «За чѣмъ посылалъ слугу развѣдывать, что дѣлаетъ Государь, что у него за пиръ, и за чѣмъ они вмѣстѣ сговаривались и клялись на его смерть и погибель? Но милосердый Богъ бодрствовалъ надо мною: Онъ обратитъ это предательство на вашу голову.» Телятовскій оправдывался длинною рѣчью, но вовсе напрасно. Всѣ они были выведены изъ застѣнка и брошены въ глубокую, мрачную и смрадную темницу, а, спустся послѣ того нѣсколько дней, умерли жалкою смертію. Съ тѣхъ поръ никто не осмѣливался больше посылать ко Двору и развѣдывать, что дѣлаетъ Великій Князь.

Однажды онъ потребовалъ къ себѣ Старицкаго Намѣстника, Бориса Татищева. Когда этотъ вошелъ, Великій Князь сидѣлъ за столомъ, опершись щекой на руку. Татищевъ поклонился ему, отдалъ ему свое подданическое почтеніе со всѣмъ усердіемъ и смиреніемъ, желалъ здоровья, счастія и долгой жизни.

Великій Князь поблагодаривъ его, сказалъ: «Сынъ мой, Борисъ! Ты всегда вѣрно служилъ мнѣ и усердно угождалъ, а по тому ты стоишь отъ меня подарка: подойди ко мнѣ ближе!» Когда тотъ подошелъ и ударилъ ему челомъ въ землю, Великій Князь взялъ ножикъ и отрѣзалъ ему правое ухо, сказавъ, что въ свое время пожалуетъ его подаркомъ получше, а теперь пусть будетъ онъ доволенъ и этѣмъ! Татищевъ благодарилъ, что Великій Князь пожаловалъ его, т. е., сдѣлалъ такое дѣло своей рукой, и пошелъ съ подаркомъ домой.

Случилось однажды, что Великій Князь заподозрилъ и обвинялъ какихъ-то большихъ Бояръ страны въ измѣнѣ, будто они въ заговорѣ противъ него съ Польскимъ Королемъ; онъ послалъ

двоихъ братьевъ, съ отрядомъ войска и сильнымъ полномочіемъ, чтобы убить и совершенно истребить этѣхъ Бояръ, со всѣмъ ихъ родомъ, съ женами, дѣтьми, прислугою, крестьянами, рогатымъ скотомъ, собаками и кошками, даже съ рыбою въ водѣ, а домы ихъ сжечь. По этому приказу Великаго Князя, они и принялись все истреблять и разорять: убивали безъ всякой пощады всѣхъ, кто бы имъ ни встрѣтился, и наконецъ попали въ одинъ домъ, въ которомъ лежалъ въ колыбели прекрасный грудной младенецъ: онъ улыбался имъ такъ мило и привѣтливо, что у нихъ не достало духа поднять на него руку и умертвить его, какъ было имъ приказано. Оба брата посовѣтовались и согласились между собою оставить въ живыхъ младенца и подъ великой тайной отдать его на сохраненіе и воспитаніе одной пріятельницѣ.

Но потомъ, когда посланные, исполнивъ убійственный и жестокій приказъ, воротились въ Москву, для донесенія о томъ Великому Князю, братья стали бояться и тосковать: они опасались, чтобы исторія съ младенцемъ какъ ни будь не открылась и имъ бы не погибнуть изъ за того, а по тому и приняли на себя смѣлость разсказать все происшествіе Великому Князю, и просить у него помилованія себѣ и пощады.

Великій Князь, точно старая лиса (Reinicke Fuchs), прикинулся сострадательнымъ, какъ будто они сдѣлали хорошее для него дѣло, и пожелалъ, какъ Иродъ, видѣть и поклониться младенцу. Какъ скоро это исполнили и принесли къ нему дитя, онъ взялъ его на руки, ласкалъ, цѣловалъ; братья радовались отъ всей души и полагали не иначе, что поступили хорошо, сохранивъ жизнь младенцу, по тому что у всѣхъ Москвитянъ такое ужь общее свойство: когда они прикидываются ласковыми и любезными на письмѣ, словахъ, въ пріемахъ, или въ угожденіяхъ, то за тѣмъ на вѣрное послѣдуетъ что ни будь дурное и опасное. На оборотъ, когда они кричатъ, стучатъ и угрожаютъ, тогда меньше всего опасности и бѣды. Это точно также у нихъ, какъ водится между барсами и обезьянами: когда обезьяны убѣгаютъ отъ барсовъ и ищутъ убѣжища на высокихъ деревьяхъ, барсы ложатся подъ ними, протягиваются всей четверней, притаиваютъ дыханіе и притворяются мертвыми; увидавъ это, обезьяны слѣзаютъ съ деревьевъ, въ радости и въ торжествѣ, что непріятель

нхъ умеръ, и такимъ образомъ бываютъ схвачены и растерзаны. То же самое и съ замѣтнымъ для себя вредомъ испытываютъ отъ Москвитянъ сосѣднія Государства, даже во время искренняго между ними мира и тишины.

Точно также: оба брата не успѣли оглядѣться, какъ Великій Князь непримѣтно досталъ ножикъ и прокололъ младенца три раза въ сердце, отъ чего этотъ тотчасъ же отдалъ Богу свою милую душу; потомъ выбросилъ его за окно на растерзаніе и пищу псамъ и медвѣдямъ, а братьевъ велѣлъ рубить саблями до смерти.

Послѣ такого множеста убійствъ, между своими подданными и непріятелями, Великій Князь захотѣлъ обратиться и молить Бога о прощеніи своихъ грѣховъ: ходилъ по церквамъ, оставался тамъ по нѣскольку часовъ, самъ служилъ обѣдню, точно какой Попъ, со всѣми обыкновенными обрядами, казался по наружности очень набожнымъ и благочестивымъ, но внутри имѣлъ сердце, полное Фарисейской закваски, и обращалъ свои желанія и помыслы болѣе къ человѣческой крови, нежели къ духовной любви; по тому что нѣсколько дней спустя онъ опять принялся за свою обыкновенную бойню и страшныя жестокости: сначала онъ совершилъ ихъ надъ своимъ храбрымъ Воеводой, Petro Sermeta. (Шереметевъ?), который храбро велъ себя во всѣхъ походахъ и былъ ложно обнесенъ ему. Онъ велѣлъ взять его и изрубить въ куски на своихъ глазахъ, а ноги и руки его завернуть въ тонкое сукно и послать въ подарокъ его женѣ.

Не много также милостивѣе оказался онъ къ Петру Быховцу (Bichvvichi), Польскому Дворянину: онъ захватилъ его въ плѣнъ и велѣлъ отрубить ему голову, взялъ ее за обѣдомъ въ руку и показывалъ надъ нею свою спесь и скоморошество, точно ставилъ себѣ въ большую честь голову плѣнника, котораго приказалъ казнить вопреки всѣмъ правамъ войны, и запятналъ себя кровью его.

Вдоволь можно подивиться, съ какой жестокостью и тиранствомъ поступилъ онъ съ однимъ Силезцемъ, Альбертомъ Бессо (Alberto Besso): когда привели его изъ страшной темницы, Великій Князь не прежде могъ насытиться, пока не выкололи у него глазъ, не поломали члены, а за тѣмъ не отрубили головы

отъ туловища. Вмѣстѣ съ нимъ Великій Князь велѣлъ казнить нѣсколько сотъ плѣнныхъ: по приказу его, они были связаны по двое крѣпкими веревками и должны были пара съ парой сражаться. Онъ не удовлетворился до тѣхъ поръ, пока всѣ они не истребили другъ друга: это было ужасное зрѣлище, такъ что и палачей пронялъ страхъ, и они не могли видѣть такого безчеловѣчія, отъ чего и бѣжали, но вскорѣ были догнаны и убиты особеннымъ образомъ. Такая работа приноситъ такую же и награду: какъ сами они дѣлали и поступали, такъ точно случилось и съ ними, т. е., какою мѣрой сами мѣрили, такою же и имъ отмѣрено было.

Когда Великій Князь строилъ съ башнями и раскатами городъ Орелъ, лежавшій на Литовской границѣ, онъ до того изморилъ голодомъ рабочихъ и крестьянъ, что они принуждены были убить самаго жирнаго между ними, и такъ спаслись отъ голода. Другіе же, которые не могли ѣсть человѣчьяго мяса, принуждены были съ голода заколоть теленка. Узнавъ о томъ, Великій Князь велѣлъ ѣвшихъ телятину сжечь живьемъ и пепелъ бросить въ рѣку, а ѣвшіе человѣчье мясо прощены и избавлены отъ наказанія. Это по тому, что Москвитяне питаютъ отвращеніе къ телятинѣ, и ѣсть ее для нихъ гораздо грѣшнѣе, нежели человѣчье мясо.

Вскорѣ послѣ того случилось, что одинъ крестьянинъ подарилъ большую щуку Писарю, написавшему ему письмо. Это видѣлъ монахъ, бывшій въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Писаремъ: онъ тотчасъ же побѣжалъ къ Великому Князю и сказалъ, что Писарь живетъ лучше и чище его, имѣетъ за обѣдомъ рыбу больше и вкуснѣе, чѣмъ онъ, достаетъ ее изъ Княжескихъ прудовъ и рѣкъ, и задаетъ себѣ и своей братьѣ пышные пиры. Писарь тотчасъ же приведенъ былъ къ Великому Князю, долго оправдывался и хотѣлъ доказать, что дѣло было совсѣмъ не такъ; это, однако жь, не помогло: его увели и бросили въ рѣку, при чемъ Великій Князь сказалъ: «Ступай туда, лови большихъ рыбъ и рыбокъ, и корми себя досыта лакомымъ кускомъ!»

Такъ какъ Великій Князь не имѣлъ ни какого страха ни къ Богу, ни къ людямъ, губя и убивая невинныхъ людей безъ суда и приговора, то онъ не пощадилъ и своего тестя, благочестиваго

старика, Тверскаго Князя. Онъ часто приглашалъ его въ гости къ себѣ, а потомъ, когда гость напьется пьянъ, приказывалъ сѣчь его плетьми; часто раздѣвалъ его донага, и въ такомъ видѣ отпускалъ домой, въ большой снѣгъ и морозъ, или вѣтеръ; часто и мучилъ его, чтобы признался, гдѣ прячетъ свою казну и богатство. Когда же тесть его бывалъ и дома, онъ и тогда не имѣлъ безопасности, по тому что принужденъ былъ сидѣть тамъ точно въ темницѣ и терпѣть голодъ и жажду: Великій Князь приказывалъ привязывать у дверей его дома четырехъ сильныхъ медвѣдей, которые отгоняли и терзали всѣхъ, приносившихъ ему кушанье. Этѣхъ же медвѣдей онъ велѣлъ спускать и натравливать на людей вездѣ тамъ, гдѣ стояли самыя густыя толпы, въ крѣпости или въ замкѣ, либо когда народъ шелъ въ церковь. Когда они терзали и заѣдали до смерти кого ни будь, онъ смѣялся и говорилъ, что ему съ сыновьями большое веселье при такомъ зрѣлищѣ; когда же бѣдные люди жаловались, что отъ того дѣти лишаются родителей, а родители дѣтей, онъ давалъ имъ сколько ни будь денегъ и говорилъ, что тѣхъ должно считать святыми, которыхъ умертвили Великокняжескіе медвѣди, по тому что ему съ сыновьями была отъ того большая забава и веселье. Эту медвѣжью травлю онъ часто заводилъ и зимой, когда бывалъ въ Москвѣ и могъ смотрѣть на ледъ изъ своей комнаты: тутъ приказывалъ выводить множество плѣнныхъ, заставлялъ ихъ бороться и драться съ медвѣдями, которые жалостно убивали и терзали ихъ.

Разъ велѣлъ онъ зашить въ большую медвѣжью шкуру одного знатнаго Дворянина и привести его на ледъ. На него натравили большихъ Княжескихъ и меделянскихъ собакъ, которые, считая его настоящимъ медвѣдемъ, изорвали въ мелкіе клочки: это такъ забавляло Великаго Князя, что онъ не зналъ, на какую ногу и стать.

Отъ этого прежестокаго человѣка никто не былъ въ безопасности, если даже вовсе молчалъ и не говорилъ про него ни добра, ни худа; никто также не былъ и угоденъ ему, хотя бы говорилъ объ немъ все хорошее: какъ скоро захотѣлъ Великому Князю, всякой, кого пожелалъ онъ имѣть въ рукахъ, долженъ былъ ити на раздѣлку. Часто сбывалось и то, что видѣлось кому во снѣ.

Одинъ знатный Бояринъ за ложный доносъ посаженъ былъ въ смрадную темницу: уже нѣсколько лѣтъ влачилъ онъ тамъ жалкую жизнь, и, желая освободиться изъ заключенія, придумалъ избавиться отъ нея хитростью. Онъ говорилъ, что имѣетъ важное донесеніе къ Великому Князю. Его допустили къ нему. «Что такое?» спросилъ его Великій Князь. — «Всемилостивѣйшій Великій Князь, отвѣчалъ узникъ: въ то время, какъ я лежалъ и спалъ, мнѣ снилось, будто я брожу въ безлюдныхъ пустыняхъ и неизвѣстныхъ краяхъ; тамъ встрѣтился со мною Польскій Король, и на вопросъ мой, за чѣмъ это онъ плутаетъ тутъ такой печальный? онъ отвѣчалъ: мнѣ предстоитъ жалостная погибель: до самаго своего конца я долженъ скитаться и скрываться, по тому что Великій Князь напослѣдокъ поймаетъ меня, возьметъ мое Царство, и будетъ въ немъ властвовать. Полагаю, непобѣдимый Царь, что этотъ сонъ возвѣщаетъ тебѣ новую славу и верховную власть въ Польскомъ Королевствѣ.»

Выслушавъ его рѣчь, Великій Князь отдалъ его на мученіе палачамъ, чтобы пыткой добиться правды въ этомъ дѣлѣ: «Скажи, плутъ, говорилъ онъ: за чѣмъ ты выдумалъ такую ложь? Какой Богъ открылъ тебѣ это во снѣ? Намъ извѣстно, что ни какой Богъ не удостоивалъ разговоромъ бѣдныхъ людей.» Они мучили его такъ жестоко, что онъ не могъ дольше выдерживать этѣхъ мученій, и признался, что выдумалъ сонъ, думая тѣмъ освободиться изъ долговременнаго заключенія. «Ну хорошо, сказалъ Великій Князь, пусть это будетъ такъ: съ тебя довольно наказанія за выдуманный сонъ; воротись же въ свой прежній пріютъ и оставайся тамъ до тѣхъ поръ, пока не сбудется твой сонъ, а тогда ты сдѣлаешься моимъ главнымъ совѣтникомъ; за понесенные муки заплатится тебѣ вдвое, такъ что будетъ тебѣ за что благодарить и хвалить меня.»

Когда онъ не приказывалъ убивать людей и не дѣлалъ ни какихъ жестокостей, тогда принимался за своихъ сказочниковъ и дураковъ, дѣлалъ разныя шутки надъ ними, а они надъ нимъ также: разъ за обѣдомъ одинъ изъ этѣхъ шутовъ пошутилъ черезъ чуръ ужь грубо и неприлично съ Великимъ Княземъ, такъ что этотъ жестоко разсердился на дурака, велѣлъ его крѣпче держать, схватилъ блюдо съ горячей, какъ кипятокъ, жижей и вылилъ

ему за шею, между рубашкою и тѣломъ: жижа содрала у шута кожу на затылкѣ и онъ повалился на полъ. Великій Князь былъ еще не доволенъ этой шуткой, прокололъ его ножемъ и велѣлъ ему, раненому, убираться вонъ. Однако жь сей же часъ раскаялся и приказалъ своимъ лѣкарямъ лѣчить его, чтобы онъ опять могъ выздоровѣть.

Пришедши туда, лѣкаря посмотрѣли и узнали, что ему не поможетъ ни какое лѣкарство; они донесли о томъ Великому Князю и сказали: «Всемилостивѣйшій Государь и Великій Князь, да сохранитъ тебя Богъ въ здравіи и долгоденствіи! Шутъ уже умеръ. Всемогущій Богъ да ты, непобѣдимый Царь, имѣете власть лишать жизни людей, а мы неможемъ возвращать ее.» — Великій Князь разсмѣялся на это и сказалъ: «Ну, такъ счастливый путь собакѣ, коли самъ не захотѣлъ жить!»

Великій Князь нѣсколько времени доставлялъ вдоволь упражненія своей безчеловѣчной и гнусной жестокости надъ подданными и непріятелями, какъ вдругъ военное счастіе отвернулось отъ него и попятилось назадъ. На него въ одно время напали знаменитый Король Шведскій, Іоаннъ Третій, и Польскій, Стефанъ Баторій, и выгнали его вооруженною рукою со всѣмъ изъ Ливоніи, съ большимъ урономъ, а въ Россія лишили его многихъ городовъ и крѣпостей; никто съ своей стороны не упускалъ причинять вредъ и дѣлать всякое зло ему и его народу. Безъ вреда и препятствія они ходили взадъ и впередъ по его странѣ съ войсками, каждый въ своемъ мѣстѣ, гдѣ ему было угодно, грабили, разоряли страну огнемъ и мечемъ. Москвитяне находились въ большой опасности и затрудненіи, не знали мѣры и конца своему горю и бѣдствію, и помнили при томъ, сколько убито и взято въ плѣнъ ихъ братьевъ, умерщвлено дѣтей, опозорено женщинъ и дѣвицъ; множество крѣпостей, деревень и городовъ досталось непріятелямъ, не считая сожженныхъ; не довѣряли другъ другу, имѣли взаимныя подозрѣнія, что донесутъ на нихъ въ измѣнѣ Великому Князю; не знали, чѣмъ помочь такой бѣдѣ и не могли надивиться, что Великій Князь остается спокойнымъ при всѣхъ такихъ вещахъ.

Наконецъ они вооружились мужествомъ, и нѣкоторые Бояре, Дворяне, Полковники и военные люди, собравшись въ Володимирѣ,

объявили свою готовность умереть за Государя и Отечество, пожертвовать за нихъ жизнью и имѣніемъ, стоять за нихъ и дѣйствовать, какъ слѣдуетъ вѣрнымъ и храбрымъ подданнымъ; такъ говорили они Великому Князю:

«Уже нѣсколько лѣтъ, непобѣдимый Царь, Всемилостивѣйшій Великій Князь, съ сокрушеннымъ сердцемъ и слезами на глазахъ, мы видимъ великое несчастіе и погибель нашего любезнаго Отечества, а между тѣмъ врагъ попираетъ нашу землю, нашу вѣру и льготы, тѣснитъ насъ со всѣхъ сторонъ, уводитъ въ плѣнъ нашихъ старыхъ воиновъ, убиваетъ молодыхъ людей, позоритъ женъ и дочерей нашихъ, жжетъ города и деревни, точно мы позабыли нашу прежнюю доблесть и мужество, стали считать честнѣе отступленіе отъ непріятеля, нежели стоять противъ него всѣмъ вмѣстѣ другъ за друга, спасать отъ него нашихъ братій, сопротивляться ему храбро и умирать съ честію за Отечество. Наши враги хорошо понимаютъ, что легко побѣдить лѣнивый и нерадивый народъ, отъ того и смѣются надъ нами, къ несчастію нашему и гибели, и преслѣдуютъ насъ тѣмъ веселѣе и отважнѣе. Но если бы мы выступили на нихъ соединенными силами, то могли бы смирить и одолѣть этотъ нечестивый и надменный народъ. Къ такому дѣлу призываетъ насъ наше Богослуженіе, этого требуетъ и желаетъ отъ насъ любезное Отечество, къ тому же побуждаютъ и понуждаютъ насъ законы нашей страны, наши жены и дѣти, друзья и родные.

«Но намъ нуженъ глава для этого великаго и необходимаго дѣла: по тому-то и просимъ тебя, Пресвѣтлѣйшій Великій Князь, какъ своего помазаннаго и вѣнчаннаго наслѣднаго Государя, чтобъ Ты благоволилъ отпустить съ нами своего старшаго сына на эту крайне нужную войну: пусть онъ идетъ передъ глазами у насъ, и мы припомнимъ себѣ нашу прежнюю отвагу и храбрость, опять удвоимъ ихъ себѣ и пожертвуемъ всѣмъ за Отечество.» Великій Князь у его подданныхъ въ такомъ высокомъ почетѣ, что они считаютъ его не только могущественнымъ Царемъ и Государемъ, но и божественнымъ человѣкомъ, который всегда имѣетъ обхожденіе съ богами, и можетъ смирять и одолѣвать своихъ непріятелей, если захочетъ: а теперь онъ не двигается съ мѣста и упускаетъ свое счастье.

Когда же вышеназванные его подданные, прося его защиты, какъ будто давали понять, что Великій Князь нерадивъ и медлителенъ къ своему долгу, онъ разсердился и жаловался, что одни разставляютъ ему тайные ковы и хотятъ измѣнить, а другіе смотрятъ недоброжелательно на его великое счастье и побѣды, одержанныя надъ непріятелемъ, и за свои труды, заботы и подвиги онъ не получаетъ ничего, кромѣ неблагодарности и злословія. Съ этими словами онъ ушелъ къ себѣ въ комнату, надѣлъ Царскую порфиру и корону на голову, вышелъ опять, подошелъ къ простому народу и сказалъ:

«Отдайте этотъ Царскій нарядъ другому, который лучше меня можетъ управлять вами!» при чемъ говорилъ о благодѣяніяхъ, сдѣланныхъ имъ для подданныхъ, какъ онъ покорялъ Ливонію, разбивалъ Турокъ и Татаръ, завоевалъ Казань и Астрахань, не только сохранялъ Великокняжеское значеніе и величіе, но еще и пріумножилъ его. Сдѣлавъ и совершивъ все это, онъ хочетъ при томъ и остаться и проститься съ правленіемъ, по тому что имъ желательно сыскать такого Царя, которому они стали бы приказывать. Это очень перепугало народъ: всѣ повалились ему въ ноги и просили его со слезами не покидать Царства, остаться на немъ и управлять по прежнему. Но онъ очень отказывался, до тѣхъ поръ, пока зачинщики смятенія не были ему выданы и наказаны.

Потомъ, обратившись къ старшему сыну, сказалъ: «Какъ смѣешь ты показываться, болванъ, на глаза отцу, задумавъ такую измѣну противъ меня? И ты отважился съ радостью и удовольствіемъ подстрекать народъ къ возмущенію противъ меня? Не могъ ты выбрать другаго способа итти на войну, какъ только сдѣлавшись гонителемъ своего отца? Развѣ ты не выдавалъ себя, съ помощію народа, за Великаго Князя, замышляя тѣмъ лишить верховной власти и величія не только своего отца, но Государя и Великаго Князя? Чего же другаго искалъ ты въ этомъ замыслѣ и заговорѣ?

За то, что ты не хочешь признавать своего отца Великимъ Княземъ всея Русіи, и я явлюсь для тебя не отцомъ, а Великимъ Княземъ, и покажу на тебѣ примѣръ, чтобы другіе взяли

его уроком себѣ и не осмѣливались больше дѣлать заговоры противъ меня, презирать родителей и наругаться надъ ними въ бѣдѣ и невзгодѣ.»

Строгая рѣчь отца сильно напугала сына: потупившись, онъ думалъ, какъ ему будетъ оправдываться, очень смиренно и почтительно просилъ отца выслушать его оправданіе, и началъ говорить съ большею робостію, но отецъ не позволилъ того и подалъ ему знакъ молчанія палкой въ високъ.

Молодой Князь отъ страха не почувствовалъ удара и началъ говорить опять, но кровь побѣжала у него по всему тѣлу, и полумертвый упалъ онъ на землю передъ глазами отца. Увидавъ это, отецъ ужаснулся и опечалился, поднялъ руки къ небу, горько рыдалъ, жаловался, цѣловалъ сына, утѣшалъ его, лежащаго на землѣ, сѣтовалъ о великой бѣдѣ и общемъ несчастіи, обвинялъ Святыхъ, что они привели въ это положеніе такого рѣдкаго юношу.

Услыхавъ отцовскія жалобы, плачь и вопли, сынъ сказалъ, что одно только утѣшаетъ его въ этомъ несчастіи, что онъ не виноватъ, въ чемъ обвиняетъ отецъ, и что жизнь взята у него тѣмъ, отъ кого онъ и получилъ ее. Но Богъ свидѣтель, что онъ не учавствовалъ ни въ какихъ заговорахъ противъ отца. Искренно желалъ Великому Князю завоевать весь свѣтъ и обнажать оружіе гораздо счастливѣе и славнѣе на непріятеля, нежели на своего сына, а ему не надобно ничего больше, кромѣ честнаго погребенія.

Межъ тѣмъ въ народѣ было смятеніе и ужасъ: всѣ болѣе оплакивали несчастіе съ молодымъ Государемъ, нежели свои собственныя бѣды.

Самъ Великій Князь сидѣлъ на землѣ безъ памяти и чувства, не принималъ ни пищи, ни питья, одѣлся въ печальное платье и горько плакалъ не только въ тѣ пять дней, когда живъ еще былъ Царевичъ, но и послѣ смерти и похоронъ его. Долгое время Великій Князь только и дѣлалъ, что плакалъ и рыдалъ, велъ чрезвычайно жалкую и несчастную жизнь, тревожился и боялся, чтобы Богъ не отплатилъ за это беззаконіе, пославъ въ особенныхъ страданіяхъ и казняхъ пагубу на его народъ, отправилъ 77 ты-

сячъ золотыхъ Патріархамъ Константинопольскому и Александрійскому и монахамъ, охранявшимъ Гробъ Господень, чтобы они молились, приносили жертву о душѣ молодаго Государя и спасли ее изъ всѣхъ преисподнихъ, чтобы злые духи не имѣли надъ нею ни какой власти, а Святые Ангелы отнесли ее въ рай; писалъ къ Польскому Королю о позволеніи проѣхать Польшею его посламъ, чтобы отвезти его подаяніе въ Грецію.

Послѣ этого несчастія и смерти его сына, все пошло еще хуже въ странѣ: всѣ предпріятія Великаго Князя не удавались; его сильно затрудняли и тѣснили со всѣхъ сторонъ. Войско его было разбито и разсѣяно, города срыты, земля разорена, отъ страха и нужды онъ долженъ былъ помириться, заключить договоръ съ Польскимъ Королемъ и уступить ему всѣ города и мѣстечки, занянятые имъ въ Ливоніи; при этомъ онъ принужденъ передать ему на вѣчныя времена и не требовать обратно города и мѣстечки, принадлежащіе къ Полоцку, каковы Усвятъ и др., со всѣми запасами и военными снарядами. За то Поляки должны были возвратить ему Великіе Луки и другіе города. Все это устроилъ Папскій Легатъ, Антоній Поссевинъ, уполномоченный при этѣхъ переговорахъ: онъ склонилъ обѣ стороны заключить и установить 10-тилѣтнее перемиріе; это было въ 1582 году, 12-го Генваря.

Такъ Великій Князь съ большимъ урономъ и несчастіемъ велъ свои войны съ Шведами и Поляками и потерялъ много крѣпостей, городовъ, народа и военныхъ снарядовъ; земля его была пустынна и безлюдна; подданные стали тайкомъ насмѣхаться надъ нимъ; онъ утратилъ всю военную славу, добытую прежде. Съ великой тоски и горя онъ такъ захворалъ, что жилъ послѣ того не болѣе 2-хъ дней; однако жь нѣсколько мѣсяцевъ до смерти все еще дѣлалъ страшныя жестокости надъ своими и велѣлъ жалкимъ образомъ казнить 2,300 невинныхъ людей.

Онъ имѣлъ также мысль перебить нѣсколько тысячъ плѣнныхъ изъ Швеціи, Финляндіи, Ливоніи, Польши и Литвы, которые были у него въ заключеніи, если бы Богъ не спасъ ихъ и не коснулся Великаго Князя сильной болѣзнью, отъ которой не могли помочь ему ни лѣкаря, ни снадобья: онъ велъ жалкую жизнь, лежалъ въ безпамятствѣ, не ѣлъ и не пилъ, нѣсколько

дней даже не говорилъ ни одного слова, точно нѣмой; когда же приходилъ не много въ себя и болѣзненные дни не надолго перемежались, онъ чувствовалъ небольшое облегченіе и хотѣлъ говорить: въ это время жалобнымъ голосомъ онъ звалъ къ себѣ убитаго имъ сына, Ивана.

Почувствовавъ себя не много лучше, послѣ этой тяжелой и сильной болѣзни, онъ пошелъ прогуляться къ женѣ своего сына, Иринѣ (Irene Udovia): ему пришла охота изнасиловать ее и сдѣлать съ нею прелюбодѣяніе; ничѣмъ другимъ она не могла спастись отъ него, какъ только крикомъ и воплемъ: на крикъ сбѣжалось много людей изъ домашней прислуги, мущинъ и женщинъ, что пристыдило его, и онъ вышелъ изъ комнаты, не говоря ни слова. А чтобы эта проказа осталась въ тайнѣ, онъ велѣлъ казнить всѣхъ, прибѣжавшихъ на помощь къ этой женщинѣ. У него было также намѣреніе либо выгнать изъ страны эту жену своего сына, либо велѣть убить ее, за то что она не отдалась его неестественной похоти,: уговаривалъ сына оставить ее и взять себѣ другую жену.

Но въ сынѣ было больше чести и справедливости, чѣмъ у отца, и онъ не согласился на это. Великій Князь дружески разговаривалъ съ своими думными Боярами и офицерами, называлъ ихъ лучшими друзьями, милыми братьями, родными, товарищами во всѣхъ, перенесенныхъ имъ, опасностяхъ, своимъ оплотомъ и отрадой. Они одни пособили ему занять и покорить Ливонію: это сдѣлалось, благодаря только ихъ храбрости и богатырскимъ подвигамъ; они усердствовали всячески для его отца и дѣда, они сдѣлали его и Великимъ Княземъ; съ ихъ вѣрною помощью и участіемъ онъ разбилъ Турокъ и Татаръ, завоевалъ Казань и Астрахань, пріобрѣлъ вѣчную славу.

Чувствуя себя со дня на день все слабѣе и безсильнѣе и не забывая, что люди смертны, онъ посылалъ платье, деньги, пищу и питье плѣнникамъ изо всѣхъ народовъ, съ просьбою молиться за него Богу, чтобы Онъ далъ ему здоровье и долгую жизнь. Если они будутъ дѣлать это съ усердіемъ, то онъ возвратитъ имъ свободу и позволитъ воротиться на родину.

Но и изъ всѣхъ ихъ не было никого, кто бы желалъ добра жестокому человѣку, за его неслыханныя страшныя дѣла: духовные и міряне, туземцы и иностранцы, всѣ глубоко ненавидѣли и не могли терпѣть его, по тому что въ немъ не было ничего человѣческаго, кромѣ наружности: живыхъ людей приказывалъ онъ рубить пополамъ и заставлялъ родителей ѣсть тѣла дѣтей ихъ. За то, когда плѣннымъ надо было молиться о долгоденствіи Великаго Князя, они дѣлали со всѣмъ другое: радовались и веселились втайнѣ, изъ глубины сердца молились всемогущему Богу, чтобы Онъ, ради заслугъ Своего милосердаго Сына, Іисуса Христа, Его великихъ страданій и жестокой смерти, взялъ и уничтожилъ это ужасное чудовище, адскаго дракона и неистоваго тирана: это была ихъ усердная молитва, и этого страстно желали всѣ, старые и молодые. Богъ услышалъ ихъ молитву, по тому что

«Noctes atque dies patet atri janua ditis,
Sed revocare gradum, superasque evadere ad auras,
Hoc opus, hic labor est,»

говоритъ Виргилій. Болѣзнь развилась въ немъ такъ быстро и сильно, что внутренности, легкія и печень начали гнить, дѣтородныя части пожирались червями, и отъ него былъ ужасный запахъ; за нѣсколько дней до смерти три раза онъ былъ въ такомъ обморокѣ, что ничего не слыхалъ, не видѣлъ, лежалъ и днемъ и ночью точно мертвый, какъ будто Богъ на это время отсрочилъ наказаніе за его безчеловѣчныя дѣла. Пришедши въ себя, онъ съ печальнымъ лицомъ просилъ своего сына, Ѳедора, освободить нѣсколькихъ заключенныхъ, заслуживавшихъ смертную казнь за свои злодѣйства, признался откровенно, что потерпѣлъ за нихъ страшныя муки и истязанія въ одномъ мрачномъ и ужасномъ мѣстѣ.

Это страшное признаніе заставило сына отворить всѣ темницы и заключенія и освободить содержимыхъ въ нихъ, онъ приказалъ, чтобы по цѣлому городу было всеобщее молебствіе, чтобы Богъ даровалъ блаженный конецъ отцу его, котораго всѣ ненавидѣли и не могли терпѣть за его алчную скупость и жестокость; велѣлъ всѣмъ заключеннымъ раздавать подарки, кормить и поить ихъ, и обѣщалъ отпустить ихъ на родину, если только вымолятъ у Бога

хотя небольшое облегченіе отъ ужасной болѣзни, въ которой находился его отецъ. Но это было напрасно: правый Божій гнѣвъ и раздраженіе сильнѣе всѣхъ людскихъ молитвъ, особливо, когда онѣ не очень искренни и не отъ смиреннаго и сокрушеннаго сердца.

Въ то время, какъ они отправляли свое наружное моленіе, стрѣлы смерти коснулись въ другой разъ тирана: онъ отвратительно пахнулъ, и въ другой разъ передъ смертью впалъ въ безпамятство, такъ что всѣ дивились; въ городѣ была глубокая тишина; терпѣливо ждали конца, по тому что никто не жалѣлъ Великаго Князя, всѣ желали ему смерти, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Старики радовались, что они теперь будутъ свободны, дѣти утѣшали плѣнныхъ родителей, что ихъ выпустятъ изъ долговременнаго заключенія: всѣ ожидали лучшаго. Видимъ, какъ справедливо изреченіе Цицерона въ «Целіи»: Tyranni nec diligunt, nec diliguntur (тираны никого не любятъ, за то и ихъ не любитъ никто); и Энній говоритъ:

«Quem metuunt, oderunt,
Quem odit quisque, periisse expetit.»

Когда Великій Князь очнулся опять, точно выбрался изъ ада, онъ обратился къ сыну и сказалъ: «Отмѣни большіе налоги, подати, пошлины и сборы, которые я безпрестанно умножалъ и налагалъ на подданныхъ, для приращенія своихъ доходовъ, вознагради изъ Государственной казны людей, у которыхъ я силой отобралъ имущество и богатство, и возврати свободу всѣмъ безъ исключенія плѣннымъ!» Но это раскаяніе и доброе предзнаменованіе слишкомъ запоздало, по тому что «Seró sapiunt Phryges.» Такъ долго проживъ въ своемъ безуміи и жестокосердіи, онъ просилъ, однако жъ, усердно сына исполнить его послѣднее моленіе и продолжалъ: «Теперь я умираю и молю Бога, Св. Николая и Св. Георгія, чтобы они сдѣлали тебя Государемъ всего свѣта.»

Сказавъ это, онъ въ третій разъ пришелъ въ безпамятство, и съ великими вздохами и жалкимъ воемъ испустилъ духъ. Волдыри, шишки и нарывы прорвались, гной и мокрота обдали всю комнату страшно отвратительнымъ запахомъ; отъ этого яда служители должны были покинуть Великаго Князя и убраться отту-

да: это случилось въ 1584 году, 28 Марта, на 50-мъ; съ семью мѣсяцами, году его жизни. Нѣкоторые думають, что его похоронили съ большою пышностью въ церкви Св. Михаила, возлѣ его предковъ. Въ самомъ же дѣлѣ было не такъ: въ тотъ самый день, когда онъ скончался, тѣло его пропало и никто съ тѣхъ поръ не видалъ и не находилъ его. Сейчасъ же послѣ того освободили всѣхъ плѣнныхъ, и одарили ихъ подарками, тщательно поручивъ имъ молиться съ усердіемъ и отъ всего сердца Богу объ избавленіи Великаго Князя отъ такой необыкновенной погибели и объ отысканіи его тѣла, и какъ скоро оно отыщется, всѣхъ ихъ подарятъ опять, съ тѣмъ еще утѣшеніемъ, что имъ свободно будетъ ѣхать на родину, или куда они пожелаютъ.

Но какъ этѣ жестокія мученія и страшная кончина назначены были Великому Князю, по гнѣву и опредѣленію Божію, то люди не получили его тѣла за свои суетныя молитвы; что съ воза упало, то пропало; его нигдѣ не отыскалось и не оказывалось, по тому что за тяжкіе грѣхи и нехристіянскія дѣла слѣдуютъ суровыя и жестокія казни и удары.

Этотъ Великій Князь, Иванъ Васильевичь, былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, дороденъ и толстъ, поворачивалъ глазами изъ стороны въ сторону, точно соколъ, былъ гордъ и надмененъ, съ крѣпкою грудью, отваженъ и дерзокъ, хитеръ и лукавъ, имѣлъ маленькіе сверкающіе глаза, кривой, какъ у ястреба, носъ, красноватое лицо и страшную наружность, какъ у сердитаго вепря; онъ смѣялся только во время опасности и великаго бѣдствія, по тому что какъ только надо было казнить жалкою смертію большое множество народа, онъ смѣялся и находилъ веселье и удовольствіе въ томъ. Отъ природы получилъ онъ смѣтливую и умную голову и хорошую память, такъ что могъ назвать по имени всѣхъ плѣнныхъ изо всякихъ народовъ.

Случилось разъ, что онъ освободилъ нѣсколько плѣнныхъ и обѣщалъ отпустить ихъ въ ихъ землю. Когда же хватился одного изъ нихъ, а Писарь не могъ сообщить ему объ этомъ ни какихъ свѣдѣній, онъ тотчасъ же велѣлъ жестоко казнить его.

Дѣлая кому ни будь милость и благодѣянія, онъ поступалъ при этомъ такъ ужь щедро и безъ всякой мѣры, что милости и

добротѣ его не было ни конца, ни предѣловъ; напротивъ, когда онъ ненавидѣлъ и гналъ кого ни будь, дѣлалъ это самымъ жестокимъ образомъ. Онъ самъ принималъ просьбы и прочитывалъ ихъ, самый послѣдній подданный свободно могъ подавать ему просьбу и жаловаться на свою нужду. Если правители и начальники дѣлали какую ни будь несправедливость и насиліе, ихъ тотчасъ же отыскивали его слуги и отводили въ судъ; когда же оказывалось и было вѣрно, что они дѣлали бѣднымъ людямъ обиды, Великій Князь не только лишалъ ихъ всего имѣнія, но и жизни, по тому что онъ такимъ образомъ старался умножать свои богатства и доходы, и не считалъ благоразумнымъ опредѣлять жадныхъ людей къ правительственнымъ и другимъ должностямъ, и такихъ еще, которые больше искали собственной выгоды, нежели старались помогать и покровительствовать простолюдину. Онъ любилъ распространять предѣлы своего Царства, и до Шведской и Польской войны такъ возвысился и усился, что не онъ боялся непріятелей, а непріятели его боялись. Онъ былъ честолюбивъ и искалъ дружбы съ иностранными Державами, которыя находились въ большомъ отдаленіи отъ него, на примѣръ, съ Римскимъ Императоромъ, Царемъ Персидскимъ, Королемъ Англійскимъ и Папою Римскимъ, для того, чтобы пріобрѣсти и достать себѣ славное имя. Когда на войнѣ и въ другихъ дѣлахъ везло ему счастье, онъ былъ надменепъ, гордъ и напыщенъ, превозносился тѣмъ, и до того любилъ славу, что часто начиналъ безъ причины большія и трудныя войны, все изъ за одной славы, и думалъ днемъ и ночью, какъ бы превзойти славными дѣлами Александра Македонскаго. Для того рѣшился онъ пріучить слона, присланнаго ему въ подарокъ Царемъ Персидскимъ, чтобы онъ становился на колѣни, когда Великій Князь проходилъ мимо его съ своими Боярами и придворными. Съ этою цѣлью онъ много мѣсяцевъ соблюдалъ такое обыкновеніе: велѣлъ приводить къ себѣ слона рано утромъ и колоть его въ лобъ острымъ желѣзомъ, въ томъ мнѣніи, что слонъ, благодаря такому множеству уколовъ до крови, пріучится кланяться ему. Много и долго бился онъ надъ этѣмъ глупымъ дѣломъ и напрасно искалъ разсудка въ неразумномъ звѣрѣ: слонъ не научился преклонять колѣнъ и не хотѣлъ показывать себя почтительнымъ. Великій Князь прогнѣвался на него и велѣлъ изрубить въ куски.

Въ мирную пору, когда войны у него не было и онъ велъ очень спокойную и сластолюбивую жизнь, его время проходило въ охотѣ, игрѣ, пляскѣ, распутствѣ и ужасныхъ зрѣлищахъ. На травлѣ и охотѣ онъ пользовался совсѣмъ не тѣмъ способомъ, какъ другіе Князья и Государи: эти держатъ для того великое множество охотниковъ, лошадей, борзыхъ и гончихъ собакъ, веревки, силки, сѣти и другія подобныя вещи, чтобы охотою доставить движеніе тѣлу, разогнать уныніе и черныя мысли, получить разное удовольствіе и разсѣяніе, истреблять разныхъ вредныхъ звѣрей; они ловятъ кабановъ, волковъ, медвѣдей, оленей, козулей, лосей, ланей, сернъ, лисицъ и всякую дичь, либо на одежду и пищу, либо для жилища и покоя человѣка. А Великій Князь бросалъ бѣдныхъ плѣнниковъ на травлю самымъ злымъ медвѣдямъ, и когда они нѣкоторыхъ терзали въ куски, онъ смотрѣлъ на это съ удовольствіемъ и жадностью. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, для развлеченія въ своей трудной, душевной и тѣлесной, болѣзни, онъ велѣлъ взять изъ заключенія множество плѣнныхъ для боя съ медвѣдями, и глядѣлъ изъ окошка въ поле, какъ они сражались, и какъ народъ разбѣгался въ разныя страны. Между плѣнными былъ также одинъ сильный Полякъ, который на ходу схватилъ камень, не очень большой, и когда напалъ на него огромный и страшный медвѣдь, онъ сунулъ ему этотъ камень въ горло, ухватилъ его за языкъ и держалъ такъ крѣпко, что медвѣдь скоро задохся. Увидавъ это, Великій Князь освободилъ Поляка, и сдѣлалъ ему еще подарокъ.

Великій Князь съ большимъ удовольствіемъ игралъ въ шашки и карты; если кто игралъ въ эту игру искуснѣе и находчивѣе его, онъ приказывалъ того казнить, либо отрубать у него всѣ члены, отрѣзывать уши, носъ и губы. Для избѣжанія такой награды, нѣкоторые охотно давали ему выигрывать: тогда онъ приказывалъ бить и сѣчь ихъ кнутомъ, какъ лѣнивыхъ и неловкихъ людей. Такъ же, которые не хотѣли играть съ нимъ, онъ велѣлъ убивать, подъ предлогомъ, что у нихъ опасные замыслы противъ него.

Въ блудныхъ дѣлахъ и сладострастіи онъ перещеголялъ всѣхъ. По своему обыкновенію, часто насиловалъ самыхъ знатныхъ женщинъ и дѣвицъ, а послѣ того отсылалъ ихъ къ мужьямъ и ро

дителямъ. Когда же онѣ сколько ни будь давали замѣтить, что дѣлали это и блудничали съ нимъ неохотно, онъ, опозоривъ, отсылалъ ихъ домой и приказывалъ вѣшать нагихъ надъ столами, за которыми обѣдали ихъ родители и мужья; этѣ не могли ни обѣдать, ни ужинать въ другомъ мѣстѣ нигдѣ, если не хотѣли распрощаться съ жизнію такимъ же плачевнымъ образомъ. А трупы должны были висѣть до тѣхъ поръ, пока мужья и родные, по усильному ходатайству и заступничеству, не получали позволенія снять ихъ и похоронить. Онъ всегда мѣнялся любовницами съ своимъ сыномъ, Иваномъ. Случилось разъ, что сынъ его досталъ себѣ любовницу чрезвычайно красивую и гордую; когда же другія женщины и дѣвицы стали подтрунивать и смѣяться надъ нею, что она прогуляла свой дѣвическій вѣнокъ и повѣсилась на шею молодому Князю, она разобидѣлась, съ плачемъ и горькими жалобами сказала объ этомъ Князю и просила отмстить за этѣ насмѣшки и поношенія, а то женщины всѣ будутъ насмѣхаться и ломаться надъ ней. Онъ обѣщался отплатить за это поруганіе и безчестье и при случаѣ разсказалъ о томъ отцу: Великій Князь такъ разсердился и такъ горячо принялъ это, что думалъ было перебить всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ въ Москвѣ. Но Совѣтники, Князья и Бояре упросили его бросить это; однако жь онъ страшно раздѣлался съ женщинами и зло наругался надъ ними: велѣлъ привести нѣсколько сотъ ихъ въ Кремль и раздѣть до нага, въ присутствіи своихъ сыновей, совѣтниковъ и всей придворной челяди: такъ онѣ и должны были разгуливать тамъ, въ сильную стужу, по глубокому снѣгу. Потомъ онъ обратился къ любовницѣ сына и сказалъ: «Теперь и ты въ свою очередь потѣшь себя этимъ зрѣлищемъ и посмѣйся надъ тѣми, которыя насмѣялись надъ тобою!» Нѣкоторыхъ велѣлъ онъ до смерти засѣчь розгами, и тѣла ихъ бросить медвѣдямъ.

Сперва онъ очень любилъ иностранцевъ, особливо Нѣмцевъ, и ввѣрялъ имъ свои замки и крѣпости: это очень огорчило Русскихъ, и они жаловались ему. Но онъ сказалъ въ отвѣтъ, что это справедливо и должно такъ быть, по тому что Нѣмцы храбры и неустрашимы, рыцарски сражаются съ непріятелемъ, не падаютъ духомъ и не такіе свиные пастухи, какъ Московскіе ратные люди. Но Ливонскіе Бароны, Иванъ Таубе и Элертъ Крауссе, не

сдержали данной ему клятвы и не исполнили обѣщаній относительно Ливоніи, сколько ни желали, для чего и вели интриги въ Куроніи и Ливоніи, однако жь бѣжали отъ Великаго Князя: съ тѣхъ поръ Нѣмцы сдѣлались для него подозрительны и уже не были въ прежнемъ высокомъ почетѣ. Хотя онъ и не такъ уже много вѣрилъ имъ, но все же поступалъ хорошо и честно съ тѣми Нѣмцами, которые жили въ Москвѣ и служили ему, давалъ имъ жалованье и необходимое содержаніе: тѣмъ они и жили и не терпѣли ни какой нужды. Такимъ образомъ они получили и позволеніе построить, въ четверти мили отъ города, малую деревянную церковь, въ которой ихъ собственные проповѣдники учили чистой Лютеранской Вѣрѣ и проповѣдывали ее.

Какъ ни былъ онъ жестокъ и неистовъ, однако жь не преслѣдовалъ и не ненавидѣлъ за Вѣру ни кого, кромѣ Жидовъ, которые не хотѣли креститься и исповѣдывать Христа: ихъ онъ либо сожигалъ живыхъ, либо вѣшалъ и бросалъ въ воду. По тому что обыкновенно говорилъ, что ни какой Царь, Князь, или Король, не долженъ довѣрять этѣмъ людямъ, или щадить тѣхъ, которые предали и убили Спасителя міра.

Изъ этого ясно можно усмотрѣть, замѣтить и узнать, что въ то самое время Великій Князь позволилъ иностранцамъ въ Москвѣ проповѣдывать Лютеранское ученіе, и что они выстроили церковь и имѣли собственныхъ проповѣдниковъ, которые провозглашали въ ней спасительное слово Божіе въ чистомъ и неповрежденномъ видѣ, во всѣхъ членахъ Аугсбургскаго исповѣданія: все это согласно и съ вышедшими сочиненіями высокоученыхъ людей, на примѣръ, Сигизмунда Герберштейна, Давида Хитрея, Павла Одоборнія; объ этомъ довольно также свѣдѣтельствуетъ безчисленное множество другихъ, бывавшихъ въ Москвѣ. По тому и не могутъ быть справедливы слова одного лица, написавшаго въ своемъ надгробномъ словѣ, будто Каспаръ Фидлеръ первый выхлопоталъ у Великаго Князя, чтобы проповѣдуема была Лютеранская Вѣра, въ первый разъ при этомъ Государѣ въ Россіи, и что Фидлеръ же былъ и строителемъ и покровителемъ этой церкви. Какъ до него, такъ и послѣ того времени, у Нѣмцевъ были собственные проповѣдники не только въ Москвѣ, но въ Тулѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани и другихъ мѣстахъ. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что, по

случаю ежедневнаго умноженія Нѣмцевъ; Король Густавъ, сынъ Эрика XIV, только послѣ большихъ стараній и просьбъ добился у Великаго Князя, Бориса Годунова, позволенія сломать старую церковь и на мѣсто ея построить новую больше и лучше. Всѣ оказывали пособіе этому дѣлу и жертвовали деньгами, но средствамъ и состоянію каждаго, а именно: выше названный Государь Густавъ 100 талеровъ, каждый изъ Докторовъ по 40, потомъ и всѣ другіе, Дворяне и не Дворяне, смотря по своему жалованью отъ Великаго Князя и по расположенію къ слову Божію. Тогда у Великаго Князя было 5-ть Докторовъ Медицины: Христофоръ Ритингъ, Венгерецъ, по своему искуству и опытности архіатеръ и главный изъ нихъ, потомъ другіе, именно: Каспаръ Фидлеръ изъ Пруссіи, Іоаннъ Гилькенъ изъ Ливоніи, Давидъ Фасманъ и Генрихъ Шрёдеръ изъ Любека, все превосходные и ученые люди.

Вышепомянутый Великій Князь Иванъ Васильевичъ при своей жизни не только считался у подданныхъ земнымъ богомъ, но и Великимъ Княземъ, Царемъ и Верховнымъ Священникомъ или Папой: когда случались трудныя и важныя дѣла, а его совѣтники, судьи и Бояре не въ силахъ были рѣшить и исправить ихъ, они говорили точно также, какъ и нынѣ говорятъ Русскіе: «Богъ и Великій Князь, которые могутъ обсудить и рѣшить всякое дѣло, обсудятъ и обдумаютъ и это и дадутъ правое рѣшеніе.» Отъ того-то худо ли, хорошо ли скажетъ Великій Князь, они приписывали это Божественному Провидѣнію, по тому что онъ давалъ знать простому варварскому народу, что въ сновидѣніи бесѣдуетъ съ Святыми, и чрезъ это пріобрѣталъ себѣ больше значенія у подданныхъ: они тѣмъ болѣе уважали и боялись его. Онъ обыкновенно самъ служилъ обѣдню и такъ прекрасно и благоговѣйно исправлялъ всѣ церковные обряды, что лучше его не исправить ни какому Священнику, или монаху.

У него было семь женъ: съ первой прижилъ онъ двухъ сыновей, Ивана и Ѳедора: Ивана убилъ онъ самъ своей палкой; Ѳедоръ же наслѣдовалъ ему въ правленіи; съ послѣднею прижилъ также сына, по имени Димитрія, умерщвленнаго Борисомъ Годуновымъ въ городѣ Угличѣ, отъ чего произошло великое возмущеніе и страшное кровопролитіе, о чемъ послѣдуетъ дальше. Этого и достаточно будетъ сказать о жизни Великаго Князя, дѣлахъ его и страшной

жестокости. Желающій знать болѣе объ ужасныхъ его злодѣйствахъ пусть читаетъ Павла Одоборнія и посовѣтуется съ нимъ, чтобы получить свѣдѣнія о томъ полнѣе и подробнѣе.

По смерти этого безчеловѣчнаго тирана, въ странѣ происходило что-то необыкновенное: Богданъ Бѣльскій, сдѣланный покойнымъ Княземъ опекуномъ дѣтей его, былъ сильный Бояринъ, съ весьма большимъ значеніемъ и богатствомъ; онъ охотно хотѣлъ устранить этѣхъ дѣтей и самъ сдѣлаться Великимъ Княземъ; для чего привлекъ къ себѣ многихъ приверженцевъ, набралъ много народа и укрѣпился въ Кремлѣ; но это сильно раздосадовало Князей страны и весь народъ, которые очень были недовольны, что опять подвергнутся игу и службѣ ужаснаго тирана, отъ котораго только что освободились: жестокость и великая надменность Бѣльскаго были довольно извѣстны Москвитянамъ.

Для того всѣ они, высшаго и низшаго званія, собравшись вмѣстѣ, выбрали единодушно своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ Ѳедора Ивановича, осадили Кремль, доставили передъ нимъ нѣсколько большихъ пушекъ, и такъсилъ но обстрѣливали его во многихъ мѣстахъ, что въ немъ было много убитыхъ; ратные люди Бѣльскаго въ ужасѣ оставили крѣпость и покинули своего повелителя; отъ того онъ и долженъ былъ заключить договоръ съ непріятелемъ, сдать Кремль и противъ воли согласиться на все, что сдѣлали въ это время другіе.

По тому-то Ѳедоръ Ивановичъ и принялъ по смерти отца Великокняжескій вѣнецъ, на 22 году возраста, въ Москвѣ, въ церкви Св. Маріи, 31-го Іюня (?), 1584 года. Это былъ Государь средняго роста, бѣлый лицемъ, благочестиво воспитанный. Супруга его была родная сестра Бориса Ѳедоровича Годунова, Ирина (Udovia, Годунова?); онъ имѣлъ отъ нея много сыновей и дочерей, умиравшихъ при самомъ рожденіи (?). Тотчасъ же послѣ того, какъ принялъ вѣнецъ и правленіе, онъ далъ свободу всѣмъ плѣннымъ и избавилъ подданныхъ отъ большихъ тягостей, повинностей и податей, какъ приказалъ ему на смертномъ одрѣ отецъ.

Все пошло какъ-то странно и мудрено въ странѣ: между подданными смуты и возмущеніе; война съ Шведскимъ Королемъ; съ Польшею надо было снова потверждать перемиріе; приходилось

вести переговоры и начинать многія важныя дѣла съ другими Государствами, а новоизбранный и вѣнчанный Великій Князь не такъ чтобы очень годился и былъ способенъ къ такимъ занятіямъ: отъ природы простоватый и тупоумный, онъ не имѣлъ большой охоты заниматься Государственными дѣлами и приводить въ лучшій порядокъ управленіе, но находилъ свою отраду въ образахъ и духовныхъ дѣлахъ, иногда бѣгалъ самъ по церквамъ, благовѣстилъ и звонилъ въ колокола, когда народу надобно собираться къ богослуженію и слушать обѣдню: отецъ часто упрекалъ его въ томъ, говоря, что онъ больше походитъ на Понамарскаго, чѣмъ на Великокняжескаго, сына.

Когда онъ совѣтовался съ своими знатнѣйшими Боярами и Думцами, какъ лучше приняться за управленіе и устроить его, всѣ единогласно рѣшили, что шуринъ его, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ (Gudenovv), бывшій тогда Государственнымъ Конюшимъ, долженъ управлять вмѣстѣ съ нимъ, по тому что это былъ смѣтливый, благоразумный и осторожный Бояринъ, но чрезвычайно лукавый, плутоватый и обманчивый, то есть, настоящій Русскій, и виновникъ паденія и гибели Русскихъ. Великій Князь и думные Бояре тотчасъ же позвали его въ залу; Государь всталъ, повѣсилъ ему на шею золотую цѣпь и сказалъ: «Шуринъ Борисъ! Этою цѣпью я, Ѳедоръ Ивановичъ, Царь и Великій Князь всея Руси, беру тебя въ должность къ себѣ и дѣлаю наряду съ собою правителемъ Царства, съ тѣмъ уговоромъ и условіемъ, чтобы ты взялъ съ моей шеи на свою трудное и великое бремя правленія, рѣшалъ всѣ малыя тяжебныя дѣла въ моей землѣ, по своему крайнему разумѣнію и благоразумію, а большія и важныя, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, предлагалъ и подносилъ мнѣ, а безъ воли и вѣдома моего не дѣлалъ и не рѣшалъ ничего, по тому что я вѣнчанный и помазанный Царь и Великій Князь.»

Такъ Борисъ Ѳедоровичъ сдѣлался правителемъ, правилъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, и несъ свою должность съ такимъ усердіемъ и благоразуміемъ, что многіе дивились тому и говорили, что не было ему равнаго во всей странѣ по смышлености, разуму и совѣту, и прибавляли еще, что, буде Великій Князь умретъ безъ наслѣдниковъ, а сводный братъ его, молодой Димитрій, также оставитъ здѣшнюю жизнь, никого изъ Бояръ и Князей въ странѣ не

будетъ способнѣе и пригоднѣе въ Великіе Князья, кромѣ этого Бориса Ѳедоровича. Когда такія рѣчи стали вездѣ ходить по Москвѣ и, благодаря наушникамъ и лазутчикамъ Бориса, сдѣлались извѣстны ему, онъ принялъ ихъ къ свѣдѣнію: опираясь на это средство, сталъ онъ придумывать и ухищряться, какъ бы ему всего удобнѣе погубить и искоренить Великокняжескій родъ и семейство, и самому, съ друзьями и потомками, возвыситься до Великокняжескихъ почестей верховной власти и величія.

Теперь на него не было ни какихъ подозрѣній, никто и не замѣчалъ его происковъ, какъ ни сильно старался онъ, къ какимъ ни прибѣгалъ хитростямъ и пронырствамъ, чтобы присвоить себѣ правленіе и добиться скитетра и короны. Его сестра, Великая Княгиня, была безплодна и совсѣмъ не родила дѣтей, а у Русскихъ былъ такой обычай и законъ, что когда у Великаго Князя, или какого ни будь простаго Боярина, гражданина, или Дворянина, жена безплодна и не могла раждать дѣтей, онъ имѣлъ право развестись съ нею, съ вѣдома Патріярха, Епископовъ и монаховъ, отослать ее, въ качествѣ монахини, въ монастырь и взять себѣ другую.

По тому-то Московскія власти и простой народъ и приняли намѣреніе отправить въ монастырь Великую Княгиню, выбрали, вмѣсто ея, сестру Князя Флора Ивановича Zizlphouschis, * родственницу Великаго Князя, самаго знатнаго рода въ странѣ, и хотѣли ее выдать за него замужъ. Но Борисъ думалъ совсѣмъ другое: онъ хитро предупредилъ это, и втайнѣ съ Патріярхомъ, имѣвшимъ главный голосъ въ этомъ дѣлѣ, устроилъ такъ, чтобы онъ не разрѣшалъ развода и новаго брака. Въ числѣ другихъ причинъ привелъ и ту, что если Великій Князь приживетъ съ другой женой наслѣдника, а молодой Димитрій, который еще живъ и здоровъ, придетъ въ возрастъ, отъ того произойдутъ великое возмущеніе, война и кровопролитіе. Патріярхъ убѣдился этѣмъ, сговорился съ Борисомъ, и оба они устроили такъ, что вышеназванная невѣста была тайно увезена изъ дома: ей обстригли волосы, сдѣлали ее монахиней и сослали въ монастырь, откуда она

* Мстиславскаго; см. Карамзина Ист. Гос. Росс.

никогда не могла выйти, пока была въ живыхъ. Противъ этого никто не смѣлъ и пикнуть, надо было держать себя смирно, по тому что такъ рѣшили Патріархъ и Борисъ, въ рукахъ которыхъ находилось главное управленіе.

Когда же этотъ замыселъ имѣлъ счастливый успѣхъ, Борисъ приказалъ тщательно развѣдать, чѣмъ занимается въ Угличѣ Князь Димитрій, къ чему имѣетъ природное расположеніе, какъ держитъ себя на словахъ и въ поступкахъ, въ нравахъ и пріемахъ.

Но по словамъ и дѣтскимъ играмъ Димитрія было замѣтно, что въ немъ крылась жестокая натура, вліяніе отца, особливо когда онъ чѣмъ ни будь занимался и игралъ съ своими мальчиками. Однажды, забавляясь въ зимнюю пору на льду съ Дворянскими дѣтьми, онъ велѣлъ надѣлать изъ снѣга и льда нѣсколько человѣческихъ статуй, потомъ каждой фигурѣ далъ имя какого ни будь Московскаго Князя и большаго Боярина и сказалъ: «Вотъ это Князь, это Намѣстникъ, это думный Бояринъ, это Канцлеръ, это Казначей, это Борисъ,» и такъ дальше до 20-ти человѣкъ. Послѣ того велѣлъ принести саблю и молвилъ: «Когда буду Великимъ Княземъ, тогда вотъ что сдѣлаю съ большими Боярами», и сперва срубилъ голову у фигуры, представлявшей Бориса Годунова, потомъ у другой руку, у третьей бедро, четвертую закололъ, и такъ далѣе, одну за другою, пока ни одной не осталось. Онъ обнаружилъ въ этой забавѣ свою природную склонность, по тому что

«Urit mature quod vult urtica manere.»

Годъ поживетъ — рогъ наживетъ, два поживетъ — два наживетъ, а три проживетъ — и хозяина сбодетъ (буквально: что хочетъ быть крючкомъ, то скоро закривляется). Отъ того-то Борисъ, сильно желавшій Царскаго вѣнца, и сталъ придумывать, какъ бы заблаговременно сбыть съ рукъ молодаго Князя; по тому что не онъ одинъ, а и многіе другіе Бояре боялись, что Димитрій будетъ весь въ отца по тираніи и жестокости, и всѣ желали, чтобы онъ во время еще отправился въ могилу. Борисъ склонилъ и уговорилъ четырехъ Дворянскихъ дѣтей, придворныхъ Димитрія, ежедневно прислуживавшихъ молодому Князю, подкупилъ ихъ деньгами и, кромѣ того, наобѣщалъ имъ большихъ помѣстьевъ съ крестьянами, если они, какъ Іуда, измѣнятъ своему Господину и

убьютъ его. Они сдѣлали это вотъ какимъ образомъ: однажды ночью подожгли дворецъ, когда же онъ началъ горѣть, и всѣ были въ испугѣ и смятеніи, измѣнники бѣгомъ побѣжали ко дворцу, разбудили Димитрія, зная его привычку вставать съ постели и смотрѣть, какъ горѣло и какъ народъ тушилъ огонь.

Когда онъ всталъ съ постели и сошелъ изъ дворца по лѣстницѣ, четыре вѣроломные Дворянина напали на него, закололи его длинными, отравленными, ножами и побѣжали въ Москву къ Борису, думая получить отъ него большіе милости и подарки за свою вѣрную службу.

Но Борисъ опасался, чтобы не огласилось это коварное дѣло: онъ велѣлъ умертвить этѣхъ убійцъ такимъ же четверымъ злодѣямъ, подкупленнымъ для того деньгами и обѣщаніями, и тайкомъ поджечь во многихъ мѣстахъ Москву, чтобы сгорѣло до сотни дворовъ, и жители не слишкомъ много были бы озабочены смертью убитаго Государя, а больше бы тужили и жалѣли о своемъ собственномъ несчастьи и убыткѣ. Когда пожаръ въ Угличѣ былъ потушенъ, и граждане узнали, что Князь Димитрій зарѣзанъ, они побѣжали во дворецъ и, въ раздраженіи и гнѣвѣ, перебили всю прислугу убитаго, опасаясь, что всѣмъ имъ придется раздѣлываться за молодаго Князя.

Но Борисъ, завѣдывавшій правленіемъ, не удовольствовался тѣмъ: онъ принялъ очень печальный и озабоченный видъ по случаю этого убійства, прикинулся сильно разгнѣваннымъ, чтобы не могли быть замѣчены его происки, наказалъ утопленіемъ, мечемъ и темницей Углицкихъ гражданъ и купцовъ (которыхъ пожаръ и то уже лишилъ домовъ, дворовъ и всего состоянія), и множество ихъ отправилъ въ ссылку въ Сибирь. Онъ притворился, что смерть молодаго Князя глубоко трогаетъ его, плакалъ и рыдалъ передъ народомъ, а сердце прыгало у него отъ радости и удовольствія. Чтобы всѣ въ странѣ знали о смерти Князя, вмѣстѣ съ своими служителями и молодыми Дворянами, онъ отправилъ одного очень знатнаго Князя и Думцу, Василія Ивановича Шуйскаго (Zuski), бывшаго послѣ Великимъ Княземъ, и велѣлъ ему тщательно осмотрѣть, истинный ли это Димитрій, или нѣтъ; если окажется истиннымъ, они должны съ почестью и покняжески по-

хоронить его, какъ водится, а дворецъ, какъ мѣсто убійства, сломать. Такъ погубленъ и убитъ былъ истинный Димитрій, родной сынъ Ивана Васильевича, отъ Маріи Өедоровны Нагой (Uagai), на 9-мъ году возраста: это было причиною великихъ убійствъ и кровопролитія, какъ увидимъ далѣе.

Послѣ того, какъ Димитрій былъ устраненъ, и Борису нечего было опасаться, что онъ будетъ ему помѣхою въ его замыслѣ, правитель обратилъ всѣ свои соображенія и усердныя старанія къ тому, чтобы установить миръ и согласіе между Россіею и Швеціею, и чрезъ то получить еще болшее значеніе въ странѣ и внушить простому народу больше покорности и добраго расположенія къ себѣ; по тому что, когда всѣ въ странѣ будутъ смирны и согласны, всякой станетъ жить въ мирѣ и спокойствіи, ни какихъ непріятелей, ни внутреннихъ, ни иноземныхъ, не будетъ, тогда удобнѣе и лучше можетъ онъ вести далѣе и исполнить свой замыслъ. По заключенію мирнаго договора съ Швеціею при Тирѣ (Тявзинѣ), въ 1594 году, Великій Князь, Өедоръ Ивановичъ, жилъ не долго. Послѣ 12-ти лѣтняго царствованія, онъ умеръ въ 1597 году, и нѣкоторые думаютъ, что Борисъ далъ ему яду.

Когда онъ лежалъ больной и боролся съ смертію, вошла къ нему Государственная Дума и спрашивала: кому, по кончинѣ его, быть Великимъ Княземъ, по тому что Димитрій убитъ и больше никого нѣтъ наслѣдниковъ? Онъ отвѣчалъ, что Государемъ будетъ тотъ, кому, при своей кончинѣ, отдастъ онъ скипетръ. Межъ тѣмъ Великая Княгиня, сестра Бориса, уговаривала Өедора вручить скипетръ брату ея, до сихъ поръ хорошо и усердно правившему страною. Но Великій Князь, чувствуя свой близкій конецъ, и надѣвъ, по Русской Вѣрѣ, монашескій клобукъ, отдалъ скипетръ своему близкому другу, Өедору Никитичу Романову; этотъ, однако жь, не взялъ его, и подвинулъ, вмѣсто себя, другаго своего брата, Александра, этотъ третьяго, Ивана, тотъ четвертаго, Михаила, послѣдній опять какого-то знатнаго Князя; ни кому не хотѣлось предупреждать другаго; это досадно стало Великому Князю: онъ бросилъ скипетръ и сказалъ: «Пусть же беретъ его, кто хочетъ и можетъ!» Тогда Борисъ, не званый и не прошеный, взялъ его себѣ. Великій Князь послѣ того скончался, и на другой день былъ

похороненъ въ церкви Св. Михаила, возлѣ своихъ предковъ, другихъ Великихъ Князей.

Когда Өедоръ Ивановичъ былъ похороненъ, а Борисъ взялъ себѣ скипетръ, другіе большіе Бояре и Русскіе Князья сильно досадовали на правителя, порочили его въ народѣ, говорили съ укоризною объ его низкомъ происхожденіи, о томъ, что не ему слѣдуетъ носить вѣнецъ и скипетръ и царствовать, а другому, изъ древняго Великокняжескаго рода. Но это ни сколько не помогло имъ: вдова Великаго Князя, сестра Бориса, Ирина Өедоровна, была очень хитра и ловка въ своихъ проискахъ и затѣяхъ; она хорошо помнила, что куда подается большинство, туда потянутся за нимъ и всѣ, и что всегда одинъ слѣдуетъ за другимъ, гораздо его умнѣе, точно животное за идущимъ впереди стадомъ, болѣе по привычкѣ, нежели по догадкѣ и съ разсчетомъ. Большими обѣщаніями и подарками она тайно склонила Полковниковъ и Капитановъ, чтобы они уговорили подчиненныхъ себѣ воиновъ подавать голоса въ пользу ея брата, преимущественно предъ всѣми другими, когда позовутъ ихъ на избраніе Великаго Князя, такъ какъ братъ ея всегда заботился о пользѣ и благѣ подданныхъ, да въ томъ же духѣ и правилъ страною; подобнаго ему не сдѣлалъ прежде ни одинъ Великій Князь. Этого онъ никогда не забудетъ и предоставитъ пользоваться тѣмъ, если только они окажутъ ему надлежащую помощь въ его дѣлѣ.

Точно такъ же она вела тайные происки со многими знатными монахами и попами по всей странѣ, даже со вдовами и сиротами, которымъ Борисъ, во время своего управленія, пособилъ выиграть и привести къ концу долговременныя ихъ тяжбы, со многими Боярами, Дворянами и купцами, которые, благодаря большимъ обѣщаніямъ и подаркамъ, должны были уговаривать своихъ подчиненныхъ, чтобы выбирали въ Великіе Князья ея брата. Это имѣло счастливый успѣхъ. Какъ скоро шесть недѣль печали прошли, всѣ сословія, высшія и низшія, духовныя и гражданскія, собрались въ Москву, для единодушнаго избранія Великаго Князя. Борисъ Өедоровичъ вошелъ въ собраніе Государственныхъ сословій, положилъ скипетръ, сложилъ правленіе и притворился, что не имѣетъ ни желанія, ни охоты управлять дольше, или быть Ве-

ликимъ Княземъ: Князья и большіе Бояре дивились, не зная, что кроется тутъ.

Съ тѣмъ Борисъ Ѳедоровичъ и ушелъ, а Князья и Бояре стали разсуждать между собою, кто всѣхъ достойнѣе и способнѣе быть Великимъ Княземъ: одинъ указывалъ на другаго, третій на четвертаго. Когда они предложили кого-то и хотѣли подавать голоса, для чего позвали и Дворянъ, вышелъ одинъ старикъ, хорошо знавшій, къ чему клонится дѣло, и сказалъ, отъ имени всѣхъ другихъ: «Господа Князья и думные Бояре! Дѣло, которое теперь рѣшается, принадлежитъ не одному сословію, а всѣмъ вообще, духовнымъ и свѣтскимъ, высшимъ и низшимъ въ странѣ: что всѣ они единодушно положатъ и найдутъ лучшимъ, на то и мы дадимъ свое согласіе и голосъ.» По тому всѣ сословія и собрались вмѣстѣ, духовныя и свѣтскія: они шумѣли и кричали въ одинъ голосъ, такъ что раздавалось въ воздухѣ, говоря: «Много знатныхъ Князей и Бояръ въ странѣ, а мудраго и разсудительнаго Великаго Князя нѣтъ между ними. Борисъ Ѳедоровичъ будетъ добродѣтельнымъ и благоразумнымъ Государемъ: онъ долго и вѣрно служилъ Отечеству и правилъ имъ такъ, что всякому оказывалась справедливость, богатому и бѣдному, всѣмъ управлялъ, распоряжался, велъ такъ умно переговоры, чего до него никто не дѣлалъ, сколько ни существуетъ Русское Царство. А по тому они всѣ и придумали выбрать и имѣть Великимъ Княземъ только его, и никого другаго.» Этотъ крикъ не со всѣмъ-то пріятно отозвался въ ушахъ многихъ Князей и Бояръ, но надо было по неволѣ слушать и сдерживать себя. Послали за Борисомъ, но онъ отказался прійти, не хотѣлъ соглашаться на ихъ выборъ и быть Великимъ Княземъ, мастерски съумѣлъ притвориться, удалился въ монастырь, къ сестрѣ, вдовѣ Великаго Князя, за малую полумилю отъ Москвы, желая посовѣтоваться съ ней, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ? Не сдѣлаться ли ужь ему монахомъ, не постричься ли въ монастырѣ, чтобы никто не подумалъ, что онъ искалъ Царскаго вѣнца? Со всѣмъ тѣмъ, еще до отъѣзда изъ Москвы, онъ наказалъ своимъ лучшимъ друзьямъ и клевретамъ, чтобы они не щадили трудовъ для подъущенія черни, чтобы она не зѣвала въ этомъ дѣлѣ и не мѣшкала долго, но поскорѣе приводила бы его къ концу, прежде чѣмъ Борисъ успѣетъ выстричь

себѣ плѣшину. По томъ уже будетъ поздно, и по всей Руси нельзя будетъ найти Государя, подобнаго ему по добродѣтели, мужеству и способностямъ.

Отъ этого-то великій шумъ и гамъ поднялся между простымъ народомъ; Бояре принуждены окончить совѣщаніе, пойти, вмѣстѣ съ чернью, къ монастырю и поступить, какъ будетъ нужно и полезно для этого дѣла.

Когда сословія собрались и единодушно положили, что не хотятъ имѣть Великимъ Княземъ никого другаго, кромѣ вышепомянутаго Бориса, отправились къ монастырю самые старые сѣдобородые старики изъ монаховъ и Священниковъ, Князей и Дворянъ, Боярскихъ дѣтей и воиновъ, гражданъ и купцовъ, и желали говорить съ Борисомъ. Но онъ не пустилъ ихъ къ себѣ, а велѣлъ имъ сказать, чтобы они не просили его въ Великіе Князья: они ничего не возьмутъ своими просьбами; онъ довольно послужилъ уже міру, наскучилъ и утомился труднымъ правленіемъ, и хочетъ теперь покоя и тишины. Но тутъ народъ сталъ кричать такъ громко, что раздавалось въ небѣ:

«Окажи намъ милость, Государь, Борисъ Θедоровичь, смилуйся надъ нами, разсѣянными и безгосударными, не потяготись быть нашимъ Великимъ Княземъ!» Они не переставали кричать до тѣхъ поръ, пока онъ не показался: благодарилъ ихъ за предложенную честь и указывалъ на знатныхъ Князей и большихъ Бояръ, знаменитѣе его родомъ, умнѣе и разсудительнѣе его. Но они не хотѣли слушать ни какихъ убѣжденій, упрямо стояли на своемъ, пали лицемъ на земь, по временамъ поднимаясь и вопили: «Смилуйся надъ нами, Государь, Борисъ Θедоровичъ, послушайся насъ и будь нашимъ Великимъ Княземъ!» Онъ притворился, будто не слышитъ, и ушелъ опять въ монастырь. Безнадежные, пошли они въ городъ, и послали нѣсколько тысячь малютокъ, которые на другой день подошли къ монастырю, начали жалобно причитать и горько рыдать, чтобы онъ склонился: «Смилуйся, надъ нами, Государь, Борисъ Θедоровичъ, смилуйся и выслушай насъ милостиво: если не хочешь оказать милости нашимъ родителямъ, окажи милость намъ и будь нашимъ Великимъ Княземъ! Отцы наши, можетъ быть, сдѣлали тебѣ какое ни будь зло и провини-

лись передъ тобою, по тому что ты не хочешь слушать ихъ просьбы; но мы не виноваты и не сдѣлали тебѣ ни какого худа: будь же Государемъ и Великимъ Княземъ надъ этѣмъ большимъ народомъ: земля наполнена заблудшими овцами, не имѣющими пастыря. Ради Бога, будь нашимъ пастыремъ! Богъ наградитъ тебя за то.»

Послѣ такихъ жалостныхъ причитаній, Борисъ явился къ нимъ въ другой разъ съ сестрою, вдовою Өедора Ивановича, и отказался быть Великимъ Княземъ. Тогда дѣти обратили свои мольбы и вопли къ его сестрѣ: пусть она сжалится надъ заблудшими овцами, упроситъ, уговоритъ брата не отвергать ихъ, а принять въ свою милость и быть у нихъ Великимъ Княземъ. Она упрашивала его склониться на просьбы и дать добрый отвѣтъ опечаленному народу; тогда онъ обратился къ дѣтямъ и сказалъ: «Видя и зная, что множество народа изъ всѣхъ сословій утруждаетъ здѣсь себя безпрестанными мольбами и просьбами, узнаю изъ того волю Божію на то, чтобы быть мнѣ Государемъ на Руси.

Но чтобы еще лучше узнать и убѣдиться въ изволеніи Божіемъ, прошу отложить это дѣло на нѣсколько недѣль: пусть военныя власти, Капитаны и всѣ урядники, съ подчиненными имъ войсками, и Боярскіе дѣти всей земли явятся по доброй волѣ въ слѣдующемъ Іюнѣ, въ Серпуховъ (Zirpokovv), противъ Татарина, который сбирается вторгнуться въ страну съ большими силами: это покажетъ ясно, что всѣ сословія въ самомъ дѣлѣ желаютъ выбрать его своимъ Государемъ.

Когда, по его приказанію, Боярскіе дѣти, Дворянство и всѣ войска, до 200 тысячь человѣкъ, явились въ срокъ у Серпухова, прибыли туда же посланники изъ Персіи и отъ Татаръ: ихъ тотчасъ же выслушали, поспѣшно условились о мирѣ съ Татарами, посулили имъ ежегодную дань, дали подарки и велѣли имъ возвращаться домой. Персидскаго посланника также съ большими подарками проводили за границу.

По отправленіи пословъ, Борисъ не только роздалъ годовое жалованье войску, но и подарки въ золотыхъ монетахъ, шелковыхъ тканяхъ и бархатѣ; пригласилъ ихъ на пиръ, въ открытомъ

волѣ, угощалъ отличнымъ образомъ кушаньями и напитками, разными медами и водкой, въ благодарность имъ наговорилъ ласковыхъ словъ и большихъ обѣщаній и обнадежилъ, что будетъ такъ заботиться о нихъ и подданныхъ въ странѣ, что они станутъ жить припѣваючи.

Такими пышными обѣщаніями, отличнымъ угощеніемъ, необыкновенными суммами денегъ и подарками Борисъ расположилъ и привязалъ къ себѣ все низшее Дворянство и войско: на зло большимъ Боярамъ они полюбили его за кротость, добродѣтель и ласковое обращеніе, подъ открытымъ небомъ объявили и провозгласили его Царемъ и Великимъ Княземъ, присягнули ему и клялись всѣмъ для него пожертвовать; такимъ-то образомъ и сбылась одна старинная поговорка: «Pecuniae obaediunt omnia. In pretio pretium est. Dat census honores. Qui habet dare, habet regnare.

Теперь Борисъ отправился съ войскомъ въ Москву: никто не смѣлъ и пикнуть противъ него: при входѣ его народъ на улицахъ кричалъ: «Дай Богъ здоровья и долгоденствія нашему Великому Князю!» Граждане убрали и украсили домы березками и цвѣтами; всѣ были веселы и довольны, и повели его въ церковь Св. Маріи, гдѣ Патріярхъ вѣнчалъ его Царскимъ вѣнцомъ, облачилъ въ Великокняжескія одежды и украшенія, не смотря на ропотъ большихъ Бояръ. 1-го Сентября, 1597 года. Послѣ вѣнчанія онъ тотчасъ же велѣлъ взять подъ стражу нѣсколькихъ Князей и большихъ Бояръ, которые не желали ему Царскаго величія, а сами бы охотно сдѣлались Великими Князьями, и безъ всякаго милосердія отнялъ у нихъ все имущество: теперь онъ царствовалъ въ полной безопасности, безъ всякаго сопротивленія.

Послѣ всѣхъ этѣхъ происшествій, онъ подтвердилъ и возобновилъ прежніе мирные договоры съ сосѣдними Королями и Государями и дѣлалъ все, что могло служить къ общей пользѣ и благоденствію страны; землевладѣльцы въ короткое время очень разбогатѣли и находились въ хорошемъ положеніи. При вѣнчаніи онъ далъ обѣтъ не проливать, въ продолженіи 5-ти лѣтъ, ни чьей крови, а наказывать за всѣ преступленія изгнаніемъ, или ссылкою, въ Сибирь и другія очень отдаленныя мѣста; въ свое царствованіе онъ давалъ замѣтить, что хочетъ изъ Германіи, Англіи и

Франціи выписать свѣдущихъ и ученыхъ людей, которые должны будутъ учить и наставлять его юношество во всѣхъ языкахъ, добрыхъ нравахъ и свободныхъ искуствахъ. Но духовныя лица ни какъ не хотѣли согласиться и дозволить того: они представляли, что земля ихъ велика и обширна, согласна въ Вѣрѣ, нравахъ и языкѣ; если же Москвитяне научатся другимъ языкамъ, отъ того выйдутъ большіе раздоры и несогласія между ними: тогда отпадутъ они отъ своей древней Греческой Вѣры, и за тѣмъ послѣдуетъ погибель странѣ.

Такъ это и осталось: однако жь онъ все же послалъ 18-ть молоденькихъ мальчиковъ изъ низшаго Дворянства учиться иностраннымъ языкамъ и искуствамъ; трое изъ нихъ пріѣхали потомъ въ Швецію, служили при Дворѣ Короля Карла IX, блаженной памяти, и получали значительное жалованье.

Онъ позволилъ свободно ѣздить въ его землю и выѣзжать изъ нея для торговли плѣннымъ Ливонскимъ купцамъ, и для того велѣлъ дать имъ изъ казначейства, однимъ по 300, другимъ по 400 червонцевъ: они могли пользоваться этѣми деньгами, не платя ни какихъ процентовъ, пока онъ не потребуетъ ихъ назадъ, чего, однако жь, не было, да никогда и не будетъ, по тому что и купцы и Великій Князь умерли.

Въ 1599 году, онъ отправилъ двоихъ пословъ: одного въ Торунь, въ Пруссіи, а другаго въ Ригу, въ Ливоніи, съ большими подарками къ сыну Короля Шведскаго, Эрика XIV, Густаву; послы должны были уговаривать, убѣждать и склонять Принца, чтобъ онъ долѣе не бродилъ по свѣту изъ мѣста въ мѣсто и не терпѣлъ великой бѣдности и изгнанія, а отправился бы къ Борису въ Россію, который дастъ ему Княжеское содержаніе, не какъ Великій Князь и Государь, но какъ отецъ, на все время его жизни, или пока будетъ угодно Принцу; а если не будетъ угодно, въ его волѣ останется уѣхать, куда пожелаетъ, со всѣми служителями и имуществомъ. Борисъ послалъ къ нему потомъ и опасную грамоту, которую Густавъ, уѣзжая въ Россію, отдалъ на сохраненіе одному знатному гражданину въ Ригѣ.

Получивъ такое обѣщаніе и опасную грамоту, Густавъ отправился въ Россію. Тамъ сперва сдѣлали ему великолѣпный и тор-

жественный пріемъ, проводили въ Москву, въ дорогѣ превосходно угощали кушаньями и напитками, какъ слѣдуетъ Королевскому сыну. Борисъ надарилъ ему и бывшимъ съ нимъ служителямъ нѣсколько сотенъ червонцевъ, разныхъ дорогихъ шелковыхъ матерій, бархату, атласу, камки, золотыхъ вещей, превосходнаго сукна и тафты на платье, разныхъ прекрасныхъ мѣховъ, собольихъ, куньихъ, рысьихъ и лисьихъ; сверхъ того подарилъ ему лошадей, сѣдла и поводья, и наконецъ весь Княжескій столовой приборъ, тарелки, блюда, штофы, подносы, чтобы у него ни въ чемъ не было недостатка для Княжескаго стола и содержанія. Эта Великокняжеская щедрость продолжалась два года, пока Великій Князь не велѣлъ предложить ему, что если онъ откажется отъ своей Вѣры, перекрестится и приметъ Русскую, Борисъ не только будетъ ему вмѣсто отца и выдастъ за него свою дочь, но и поможетъ ему сдѣлаться Королемъ въ Швеціи. Знаменитый Господинъ ни какъ не хотѣлъ изъявить на это согласіе Великому Князю и говорилъ, что если ему нельзя будетъ достать жену другимъ образомъ, а не отреченіемъ отъ Вѣры и разореніемъ его любезнаго отечества, то онъ лучше весь свой вѣкъ останется холостымъ и умретъ самою страшною смертью. Принцъ тотчасъ же потребовалъ себѣ отпуска и позволенія выѣхать изъ страны; но такъ какъ очень ужь дерзко ссылался на опасную грамоту и обѣщанія Великаго Князя, ему не стали оказывать такого высокаго уваженія, какъ прежде, и со дня на день убавляли его содержаніе. Великій Князь подговорилъ одного изъ служителей Принца, Кенигсбергскаго уроженца, по имени Якова Шульта, чтобъ онъ укралъ у него печать и написалъ отъ имени его письмо къ Рижскому гражданину, съ просьбою, безъ отговорокъ выслать ему опасную грамоту. Тотъ такъ и сдѣлалъ, полагая, что такова воля Принца, по тому что видѣлъ его письмо и печать.

Доставъ грамоту, Великій Князь полагалъ, что Густавъ навѣрное уступитъ его желанію, приметъ Русскую Вѣру и будетъ соображаться съ его приказаніями. Это, однако жь, не помогло. Густавъ сказалъ, что Королю и Князю должно имѣть, какъ пишетъ Baldus, Cons. 327, «unum calamum et unam linguam. Quia scriptum est, quae processerunt de labiis meis, non faciam irrita.» То есть: «онъ не долженъ обращать въ ничто слова, которыя

когда ни будь сказали его уста»; къ тому же Королю и Государю слѣдуетъ наблюдать то, что имѣетъ Царь Давидъ въ Псалмѣ 62: «Semel loquutus est Deus,» т. е., «Единою глагола Богъ» (Псал. 61, 12). Тѣмъ онъ хочетъ дать знать, что Царь и Король долженъ вѣрно держать обѣщаніе и данное слово, и не противорѣчить себѣ въ томъ, что разъ посулилъ и обѣщалъ. Но это не можетъ имѣть какое ни будь значеніе у варварскихъ Государей; отъ того Государь Густавъ очень унывалъ и тужилъ, проводилъ время въ прилежномъ ученіи и въ занятіяхъ Алхиміею, отъ чего и повредился въ умѣ: не бралъ въ ротъ ни куска, высказывалъ прямо (особливо, когда пируетъ и напьется крѣпкаго вина), иногда въ шутку, иногда въ самомъ дѣлѣ, что у него на душѣ; а одинъ разъ, межъ шутокъ съ Великокняжескимъ лѣкаремъ, сказалъ:

«Если Великій Князь не позволитъ ему выѣхать изъ страны, по своему обѣщанію и клятвѣ, онъ подожжетъ городъ и сейчасъ же убѣжитъ.» Что же вышло? Лѣкарь на другой день далъ знать объ этомъ одному изъ думныхъ Бояръ Великаго Князя, по имени Семену Никитичу (Michitivvitz), а этотъ немедленно Великому Князю, на что послѣдній такъ разсердился и озлобился, что далъ рѣшительный приказъ одному большому Боярину, Степану Васильевичу, взять назадъ у Принца всѣ его серебряныя украшенія, платья, сбрую и утварь, содержать его подъ крѣпкою стражей и нѣсколько дней не давать ему ни ѣсть, ни пить.

Однако жь, спустя нѣсколько дней, смягчился, далъ ему на житье и содержаніе Углицкое Княжество, съ условіемъ, впрочемъ, чтобы этою областью управляли Русскіе Бояре, данные ему въ услуженіе, собирали съ нея доходы и давали ему изъ собраннаго, сколько нужно на содержаніе его и служителей: тамъ онъ и жилъ до кончины Великаго Князя. Когда же правленіе принялъ Гришка Отрепьевъ (Griska Trepeia), первый Лжедимитрій, Принца отправили въ городъ Ярославль, гдѣ содержали его не лучше плѣнника, за то только, что онъ больше расположенъ былъ къ Шведскому Королю, Карлу IX, нежели къ Польскому, Сигизмунду III.

По смерти Гришки, по приказанію Великаго Князя, Василія Ивановича Шуйскаго (Zuski), перевели его оттуда въ городъ Кашинъ (Casin), гдѣ снабжали его пищей, напитками и другими удобствами, не много лучше, чѣмъ при Гришкѣ. Онъ оставался тамъ до

самой своей смерти, въ 1607 году, и былъ похороненъ за городомъ въ прекрасной, часто посѣщаемой для гулянья, березовой рощѣ, которую видѣлъ собственными глазами, не только я, но и Шведскій полководецъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди, съ нѣкоторыми другими лицами, и можемъ это засвѣдѣтельствовать. Отъ того-то и нельзя считать вѣрнымъ извѣстіе Мартина Бера, что Густавъ похороненъ въ монастырѣ Димитрія Солунскаго (Mitrofsolosski), по тому что Русскіе, по своему обычаю, ни какъ не дозволятъ хоронить иновѣрцевъ, высокаго или низкаго званія, въ ихъ освященномъ мѣстѣ, въ церкви, или въ монастарѣ.

Не склонивъ ни какими средствами Густава къ войнѣ съ его отечествомъ, Великій Князь Борисъ Годуновъ сговорился съ нѣсколькими иностранцами, въ числѣ которыхъ главнымъ коноводомъ былъ Кондратъ Буссъ, чтобы хитростью и обманомъ привести городъ Нарву изъ подъ власти Шведской Короны во власть Москвы. Но это имѣло не лучшій успѣхъ, такъ какъ нѣкоторые были при этомъ захвачены, лишились головы и были колесованы: они получили заслуженную награду, и ни кого не должны благодарить за нее, кромѣ своего вѣроломнаго предводителя.

Такъ какъ замыслы Великаго Князя, не имѣли ни какого успѣха у Шведскаго Короля, то онъ обратился къ Датскому, заключилъ тѣсный союзъ и дружбу съ Свѣтлѣйшимъ Королемъ, Христіяномъ IV, и такъ повелъ дѣло, что родной братъ Короля, Герцогъ Гансъ, пріѣхалъ наконецъ къ нему съ значительною дружиной — жениться на его дочери, Аксиньѣ Борисовнѣ (Axinia Borissovva), которая сначала назначалась въ жены Густаву. Но это такъ и осталось, по тому что Герцогъ былъ въ живыхъ въ Москвѣ не больше 6-ти недѣль и похороненъ Датскими Совѣтниками и нѣсколькими Русскими Боярами въ Слободѣ, въ четверти мили отъ города, въ Нѣмецкой деревянной церкви.

Но выше названный Герцогъ имѣлъ пріемъ гораздо пышнѣе и торжественнѣе своего двоюроднаго брата, Герцога Магнуса, а по тому я и разскажу о томъ въ короткихъ словахъ. Высокородный Князь, Герцогъ Гансъ, прибылъ въ Москву 19 Сентября, 1602 года; въ одной мили отъ города, на красивой и ровной полянѣ, находилось нѣсколько тысячъ верховыхъ, очень нарядно

одѣтыхъ, знатнѣйшіе Бояре въ длинныхъ кафтанахъ изъ золотой и серебряной парчи, лошади богато убраны въ серебряную и позолоченную сбрую; тамъ были вмѣстѣ Русскіе, Татары, Нѣмцы и Поляки, и всѣ они находились въ придворной и военной службѣ у Великаго Князя. Когда Герцогъ приблизился съ провожавшими его, къ нему подъѣхали Русскіе Князья и Бояре и тотчасъ же сошли съ коней. Въ ту же минуту сошелъ съ коня и Герцогъ, Аксель Гилленстіернъ, Аксель Браге, Христіанъ Голькъ, Гейнрихъ Вульфъ, Герлоффъ Неттельгорстъ, Гарлоффъ Дуа, Отте Браръ, Матвій Кунтсенъ, Д. Леонардъ Метцнеръ, Д. Іоргенъ Веберъ, Д. Іоганнъ Мюде и нѣсколько другихъ знатныхъ вельможъ: Москвитяне подошли къ Герцогу очень смиренно и почтительно, приклонивъ голову къ землѣ, и приняли его со всѣмъ почетомъ.

Послѣ сдѣланнаго пріема и произнесенной рѣчи, Герцогу подарена была отъ Великаго Князя прекрасная, сѣрая въ яблокахъ, лошадь, въ сѣдлѣ изъ позолоченнаго серебра, попонѣ изъ золотой парчи, нашейникѣ, тоже изъ золоченнаго серебра, съ двойными уздечками для красоты, по Русскому обычаю, похожими на постромки. Аксель Гилленстіернъ, Аксель Браге и Христіанъ Голькъ также получили въ подарокъ прекрасныхъ лошадей съ нарядными сѣдлами, уздами, серебрянными нашейниками и въ сбруѣ, обитой серебрянными и позолоченными наугольниками и пряжками; Гоффъ-Юнкеры и Офицеры получили тоже красивыхъ лошадей въ нарядной сбруѣ, также и всѣ большіе и малые люди при Герцогѣ.

Всѣ они сѣли опять на коней и поѣхали въ порядкѣ: а въ городѣ Герцога со всѣмъ, находившимся при немъ народомъ, провожали очень торжественно и ввели на большой дворъ возлѣ Кремля; Великій Князь велѣлъ звонить въ большой Кремлевскій колоколъ, издававшій сильный звонъ: это былъ радостный звонъ для входа Принца.

20 Сентября Великій Князь прислалъ въ пребываніе Принца 100 кушаньевъ на блюдахъ изъ чистаго и яркаго золота, очень большихъ и толстыхъ; ихъ было до 200, по тому что на всякомъ кушаньѣ было еще блюдо для покрышки; прислалъ также и разныхъ напитковъ: пива, меду, вина и водки, въ золотыхъ и по-

золоченныхъ кубкахъ и широкихъ чашахъ, которыхъ тоже было очень много.

28 Сентября Герцогъ, со всѣми его людьми, былъ приглашенъ Великимъ Княземъ въ гости и позванъ въ Кремль. Всѣ они самымъ вѣжливымъ образомъ были угощаемы прислугою Великаго Князя; самъ же онъ обдарилъ ихъ верховыми лошадьми. Сначала пришелъ Канцлеръ Аѳанасій Frassi Ивановичъ, съ большою толпою Русскихъ Дворянъ, очень нарядно одѣтыхъ, и сдѣлалъ приглашеніе Герцогу. Когда этотъ былъ готовъ, Русскіе въ порядкѣ поѣхали впередъ, а Герцогъ, съ бывшими при немъ людьми, за ними, то же въ порядкѣ; нѣсколько тысячъ хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ стрѣльцовъ стояли по обѣимъ сторонамъ, отъ жилища Принца до залы, гдѣ находился Великій Князь.

За людьми Князя слѣдовало великое множество Русскихъ до Кремля, ко дворцу Великаго Князя; передъ дворцомъ стояли иностранцы Великаго Князя, Нѣмцы и Поляки, въ ихъ лучшемъ платьѣ, одѣтые по Польски и по Нѣмецки. Вошедши во дворецъ, Герцогъ со всѣми его людьми былъ проведенъ одною хорошо расписанной и позолоченной комнатой въ другую, въ которой стѣны сплошь были увѣшаны Турецкими и Персидскими коврами.

Когда Герцогъ вошелъ въ Великокняжескій покой, тамъ стоялъ Великій Князь съ его сыномъ, прекрасно одѣтые въ длинные бархатные кармазиннаго цвѣта кафтаны, и съ головы до ногъ облитые драгоцѣнными каменьями, особливо на головѣ и на груди такъ, что сіяли, какъ звѣзды.

Подошедши къ Великому Князю съ большимъ почтеніемъ, онъ былъ принятъ имъ и его сыномъ очень ласково и привѣтливо и тотчасъ былъ выслушанъ. По обѣимъ сторонамъ Великокняжеской комнаты стояло множество Русскихъ Бояръ, Князей и Совѣтниковъ: всѣ они одѣты были въ золотую парчу, выложенную жемчугомъ и золотомъ.

По окончаніи пріема, когда наступило время обѣда, Великій Князь съ сыномъ и Герцогомъ пошелъ къ столу, въ большую залу со сводомъ, прекрасно расписанную и убранную.

Кресло Великаго Князя было золотое, столъ серебряный, съ позолоченными ступенями, вокругъ стола лежалъ тканый съ золотомъ коверъ. Съ потолка залы спускался превосходной работы вѣнецъ, въ которомъ находились золотые часы. По срединѣ возвышался большой четвероугольный столбъ, на которомъ, сверху до низу, стояло столько золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, большихъ чашъ, стклянницъ и бокаловъ, что просто диво!

Въ передней же залѣ кругомъ находилось такое множество золотыхъ и серебрянныхъ чашъ и блюдъ, съ разною другою большою посудой, въ видѣ разныхъ большихъ звѣрей, что и не повѣрятъ, если сказать.

Какъ только Великій Князь съ сыномъ и Герцогомъ сѣли за столъ, Русскіе Князья и Бояре размѣстились за однимъ столомъ, а люди, пришедшіе съ Герцогомъ, за другимъ, каждый по своему званію. Потомъ за другіе столы сѣли низшіе Русскіе Бояре, Нѣмцы, Поляки и Татары, каждый народъ особо, и Русскіе Гоффъ-Юнкеры (Камеръ-Юнкеры) должны были смотрѣть, чтобы никто не смѣлъ говорить съ иностранцами, подъ страхомъ лишенія Великокняжеской милости. Какъ только всѣ усѣлись, Великій Князь, осмотрѣвъ за своимъ столомъ, одно послѣ другаго, всѣ кушанья, которыхъ было 200, велѣлъ своимъ Стольникамъ подавать ихъ въ золотыхъ блюдахъ на другіе столы, приговаривая, что Великій Князь жалуетъ тѣмъ гостей. То же было и съ напитками, которые разносились въ большихъ золотыхъ чашахъ, кубкахъ и другой посудѣ.

Послѣ обѣда Великій Князь и его сынъ подарили Герцогу по превосходной золотой цѣпи, которыя сняли съ себя и надѣли ему на шею. Цѣпи были богато украшены драгоцѣнными каменьями высокой цѣны. Великій Князь подарилъ еще Герцогу много серебряной посуды, много дорогой одежды, золотой парчи, карамдашей (Bliant), бархата, камки, атласу разныхъ цвѣтовъ, нѣсколько сороковъ дорогихъ соболей, куницъ, рысей, черныхъ лисицъ и разныя другія вещи.

Но довольно о пріѣздѣ Принца и о томъ, что случилось съ нимъ въ этой странѣ. Теперь обратимся далѣе, къ другимъ предметамъ.

V

СМѢСЬ

ГРАМОТА ПЕТРА 1

1695 Г. ЖИТЕЛЯМЪ ГОРОДА ПЕРЕЯСЛАВЛЯ ЮЖНАГО;

НА ПРАВО МАГДЕБУРГСКОЕ, ВОЛЬНОСТИ И ЗЕМЛИ.

Божіею милостію Мы, Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Государь и Великій Князь, Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малія и бѣлія Россіи Самодержецъ:, Московскій, Кіевскій, Владимерскій, Новгородскій, Царъ Казанскій, Царъ Астраханскій, Царъ Сѣбирскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и иныхъ Государъ и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондийскій, и всея сѣверныя страны Повелитель и Государъ Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузынскихъ Царей и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ и Горскіхъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ, и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь, и наслѣдникъ, и Государъ, и обладатель.

Наше Царское Величество пожаловали города Переяславля Войта Ивана Околовича и бурмыстровъ, и писара, и райцовъ, и урядниковъ, и всѣхъ мѣщанъ, которые в томъ городѣ Переяславлѣ живутъ, и впредъ жити будутъ, велѣли имъ дать всю Нашу, Великаго Государа, Нашего Царскаго Величества, жалованную грамоту на право Майдубурское и на волости, урядъ ихъ мѣскій, и на села, и на мельницю, и на всякіе приходы, к ратуши Переяславской надлежащіе; для того Марта в двад-

цать четвертый день, нинѣшнего 203 году, к Намъ, Великому Государу, Нашему Царскому Величеству, писалъ подданный Нашъ, войска Запорожскаго от обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ, Иванъ Стефановичъ Мазепа, что города Переяславля Ратуша, и в ней Наши жалованные грамоты и бывшихъ Гетмановъ, и его, подданнаго Нашего, листи, на содержаніе уряду мѣскаго и всякихъ приходовъ имъ данніе, згорѣли, и онъ, подданный Нашъ, Гетманъ, на соблюденіе прежнихъ порядковъ и приходовъ мѣскихъ, далъ Майстрату Переяславскому вновъ листъ свой, и билъ челомъ Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, онъ, Гетманъ, чтобъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, пожаловали тотъ Майстратъ Переяславскій, велѣли по тому его, подданнаго Нашего, листу, дать Нашу, Царскаго Величества, жалованную грамоту; да Намъ же, Великому Государу, Нашему Царскому Величеству, и войтъ Переяславскій и бурмистры, и всѣ мѣщане, о той иншой жалованной грамотѣ били жъ челомъ. А в жалованныхъ грамотахъ отца Нашего, блаженныя памяти, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея великія, и малія, и бѣлія России Самодержца, Его Царскаго Величества, каковы данны въ 167 и 168 годахъ Переяславскому Магистрату, написанно, что быти имъ по прежнимъ правамъ и привилиямъ, и тѣхъ ихъ правъ и привилиевъ ни в чемъ не нарушать; а которые торговіе и ремеслене, Наши, Царскаго Величества, ратніе люди будутъ в Переяславлѣ, и тѣмъ всѣмъ ремисломъ своимъ и торговымъ промышлять без всякаго препятствія и неволи, а дѣла всякіе, имъ, Переяславскимъ жителямъ, имѣть противъ правъ Майденбурскихъ, и ни какихъ обыдъ от всякихъ людий не поносить, и печати быть градской, якая имъ данна от Королей Полскихъ, толко около печати подпись учинить Бѣлорусскимъ письмомъ; а Козакамъ, якие в городѣ Переяславлѣ жительство имѣютъ, горѣлкою отнюдь не шинковать, кромѣ ситнимъ медомъ и пивомъ, а быть той продажи, горѣлцѣ, въ едномъ Магистратѣ Переяславскомъ; от ночлѣговъ и всякихъ податей ихъ, Переяславскихъ старшинъ, войта, бурмистровъ, писарей уволнить, а войта, и бурмистровъ, и райцовъ, и лавниковъ выбирати имъ межъ себя лутшимъ, и среднимъ, и молодшимъ людемъ, всѣмъ посполито, зо всего земского совѣт у, добрихъ и знаючихъ людий, которые бъ судъ судили

бояся Бога, въ правду, другу бъ не дружили, а недругомъ не мстили, чтобъ в суднихъ дѣлехъ всѣмъ росправа была в правду, а кому будеть в чемъ какое дѣло до войта, и до бурмистровъ, и до райцовъ, и до лавниковъ имъ на судю, судъ давати безволокитно жъ, въ правду, по Майдебурскому праву, и позиванія имъ ни от кого не чинить; а буде кто учнеть бить челомъ на ихъ судъ и на приговоръ Намъ, Великому Государу, и тогда ихъ Нашими зазивъными грамотами позивати до Нашего царствующаго града Москвы в великихъ дѣлехъ, а в малихъ дѣлехъ зазивныхъ грамотъ, никому, ни по ково, не давать, чтобъ въ такихъ малихъ дѣлехъ имъ, мѣщанамъ, напрасныхъ убытковъ не было. А в привилияхъ Королей Польскихъ, Жигимонта третіяго и Владислава четвертаго, въ 136, 141 и 144 годахъ, написанно, чтобъ право Майдебурскихъ судей цѣло и в полной мочи, без всякаго нарушенія пребивало, и мѣщане нигдѣ инде, только на Ратуши, пред Майстратомъ, во всякихъ дѣлехъ судилися, а земли, около города Переславля описанніе и ограниченніе, пребывали без всякой убавки при Магистратѣ въ цѣлости, и чтобъ всякій ремесникъ въ мѣстѣ будучи, и проезжіе торговіе люди, подлегали праву Майдебурскому и врядови мѣскому, и пред Майстратомъ о приѣздѣ своемъ обявляли, и дѣло свое исправляли, и всякіе тягости поносили, а валъ, и остроги, и мостъ, и греблѣ, строенни урядомъ мѣскимъ, били, и селами, и мѣстечками, да на расходи ратушние и градскіе, от всякаго хлѣба помѣрное, и вѣсчое, баня, лавки, харчевнѣ, месницѣ, от купцовъ, ремесниковъ всякіе доходы, годовые, мелница на греблѣ Переяславской, под Поповцами стоячая, важня, воскобойня, дегтярня, солодовня, а пріезжимъ купцамъ товари свои продавать вдругъ, а не локтемъ; да им же дано к Майстрату, по наданію Богдана и Юрыя Хмельницкихъ, и другихъ Гетмановъ, въ Переяславскомъ повѣтѣ мѣстности, села Положай, Денисовъ, Плужники, Комаровка, Великая Каратуль и Стовпяги, з посполитими людьми и со всѣми къ нимъ принадлежитостьми. А в листу подъданного Нашего, войска Запорожского обоихъ сторонъ Днепра Гетмана, Ивана Степановича Мазепы, Февраля « » нинѣшняго жъ 203 году написанно: обявляетъ онъ, Гетманъ, всѣмъ обще, и всякому особно, именно, Полковнику Переяславскому, Обозаному, Судіи, Писару, Асауламъ полковимъ, Сотникамъ, Атаману городовому, и всему старшему и меншему чину, и того полку товари-

ству, и кому и ни есть о томъ нинѣ и впредъ вѣдати надлежати будетъ, что стародревнее мѣсто Переяславское имѣло права, грамоти Наши, Государскіе, и бившихъ Гетьмановъ, на села и на приходы, Ратуши надлежащіе, во извѣстномъ блюденіи бывшіе, но пожаромъ огненнымъ в прежніе военніе обращенія въ пепелъ обратилисъ; и вѣдаючи онъ, подданный Нашъ, Гетманъ, о томъ подлѣнно, что мѣсто Переяславское стародавное, знатное, из начала своего добрими и прибилними правами, и счасливому житію людскому, листовно утвержденное, позволяетъ тымъ листомъ своимъ, селами, издавна в Ратушномъ завѣдованию бывшими, владѣть, и приходами, и прибыльми, вѣсовымъ, повѣдерковымъ, скотиною, поводовымъ, помѣрнымъ дегтемъ, и воскобойнымъ, а имати с того вѣсового, с пуда по четиры деньги, с ведра по двѣ копѣйки, скотное с куфи вина по золотому, с продажи лошадей, и быковъ, и яловицъ, по двѣ деньги, от четверика, или отъ осмачки, всякаго збожжа надлежащій поковшевый датокъ, от закладу воску по два алтина, а продажа дегтю полная по всему мѣсту и подваркамъ одна Ратушная мѣетъ быти, а кромѣ той никто дегтю продажнего держать не имѣетъ, и чтобъ купцы и торговіе люди товаровъ своихъ, въ вѣсъ продаючихся, нигдѣ въ домахъ особыхъ кантарами и бѣзменами не вѣсили, а вѣсили бъ на вѣсу Ратушномъ, с платежемъ повинности, и медовъ прѣсныхъ и питейныхъ ни какихъ преватнымъ ведромъ не мѣрили, кромѣ ведра Ратушнего, от которого надлежащую на Ратушъ дачу всякъ невозбранно давати повиненъ, и воскобойны, кромѣ одной Ратушной, никто бы держати не дерзалъ; купцы чужоземскіе, которые домамы своими въ Переяславлю живутъ, и подварками, или какими ни есть грунтами, владѣютъ, въ тягостяхъ и повинностяхъ общемѣщанскихъ повинны быти помочни; людий посполитыхъ, въ селѣхъ и деревняхъ Ратушныхъ живущихъ, никто бы на приватную свою работу не принуждалъ и ни какихъ не домагался на ныхъ дачъ, в роспись Козацкую не вписивалъ, и подъ оборону свою от Ратуши не отрывалъ; а равнымъ образомъ и мѣскиe жители, повинности мѣской належащихъ, духовніе и мірскіе особы, подъ свою бъ оборону не принимали; цехи всѣхъ ремеслъ, по древнему обыкновенію, въ Ратушномъ послушаніи и обществѣ мѣскомъ непремѣнно обрѣтатись повинны, принимая себѣ от Магистрата къ сохраненію цеховóго порядку наставленіе, и данной от Короля Польскаго Вла-

дислава четвертаго, въ 144 году, привилегіи копіи, за печатю Магистратовою, которые всѣ вышереченніе доходы, не на приватную какую, одного, или другого, особу пожитокъ, но на Ратушу, въ спомоществованіе въсѣхъ жителей тамошныхъ и на украшенние мѣста, порядкомъ обыклимъ обращатись повинны; и то все вышше писанное, чтобъ по тому его; Гетманскому, листу, у волности своей содержанны, и ни от кого из старшины и черны войска Запорожскаго, а особо от полковой старшины, ни какова ни малого не признавали нарушенія. И Мы, Пресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государъ, Царъ и Великій Князь, Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малія и бѣлія Россіи Самодержецъ, Наше Царское Величество, слушавъ отца Нашего, блаженныя и вѣчно достойныя памяты, Великаго Государа, Цара и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея великія и малія и бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества, жалованныхъ грамотъ и привиліевъ Королей Польскихъ, и подданнаго Нашего, войска Запорожскаго, обоихъ сторонъ Днѣпра Гетмана, Ивана Стефановича Мазепы, листовъ, и челобытя Переяславскаго войта, и бурмистровъ, и райцовъ, и всѣхъ мѣщанъ, пожаловали его, Переяславскаго войта, и бурмистровъ, и писара, и райцовъ, и всѣхъ мѣщанъ, которые нынѣ въ томъ городѣ Переяславлѣ живутъ и впредъ жити будутъ, велѣли у ныхъ праву суда Майдебурскаго и волностямъ быть по прежнему, и к Ратуши Переяславской маетностями и всякими належащими доходами, которые имъ по привиліямъ Королевскимъ и бывшимъ Гетмановъ данны, и отца Нашего, Великаго Государа, блаженныя памяти, жалованными грамотами утвержденны, и в листу подданного Нашего, Гетмана Ивана Стефановича Мазепы, написанны, имъ, Переяславскому Майстрату владѣть, и росправы между собою чинити, какъ о томъ писанно выше сего. И то Мы, Великій Государъ, Наше Царское Величество, силою сей Нашей, Царскаго Величества, жалованные грамоты укрѣпляемъ, и утверждаемъ, и изволяемъ содержати невремѣнно, а имъ, войту и всему Переяславскому Магистрату и мѣщаномъ, имѣя сію Нашу Государскую милость и жалованные, Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и впредъ будучимъ Нашимъ Государскимъ Наслѣдникомъ, служити и всякого добра хотѣти, в Нашемъ, Царскаго

Величества, повелѣніи и послушаніи, и на милость Нашу, Государскую, быти имъ надеждныимъ, без всякаго сумнѣнія. А для вящшаго утвержденія Нашое, Царскаго Величества, милости имъ, войту и бурмыстромъ, писару и райцомъ, и всѣмъ Переяславскимъ мѣщаномъ, сію Нашу, Царскаго Величества, милостивую, жалованную грамоту утвердить Нашею, Царскаго Величества, печатью повелѣли. Писана сія Наша, Царскаго Величества, жалованная грамота, в Нашемъ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, лѣта от созданія мыра 7203 году, Апреля « » государствованія Нашего третогонадцять году.

У подлѣнной грамотѣ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества печать на шолковыхъ красныхъ шнурахъ завѣшенна, въ сребраной пушцѣ, воскомъ червонымъ налитая.

В подлинной грамотѣ подписъ таковый:

Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя, Его Царскаго Величества, Государственной

Посольской Канцеляріи Дьякъ Борисъ Михайловъ.

При обозрѣніи (въ 1839 г.) Переяславской Думы, я требовалъ отъ нея бумагъ подлинныхъ на жалованныя городу земли и угодья, и на мое требованіе она отвѣчала уничтоженіемъ ихъ пожарами. Между тѣмъ я узналъ, что въ 1852 г. хранилась въ ней грамота Государя Петра В., подписанная Дьякомъ Борисомъ Михайловымъ, и по розыскамъ моимъ оказалось, что это уже не подлинная, а копія, которая находилась въ Полтавѣ, въ рукахъ одного полузнающаго, взявшаго ее изъ любопытства, державшаго нѣсколько лѣтъ безъ всякой надобности, и вѣроятно погибла бы у него. Вытребовавъ отъ него обнаружилось, что она весьма вяжна въ отношеніи уряда мѣстнаго (1695 г.), управленія города по Магдебургскому праву и подчиненія ремесленнаго цеха Ратушѣ еще Королемъ Польскимъ Владиславомъ IV; значитъ, что ремесленное устройство давно существовало въ Малороссіи, а въ Россіи оно введено Городовымъ Положеніемъ Императрицы Екатерины В., 1785 г., Апрѣля 21.

Въ замѣнъ Гетманскихъ Универсаловъ, жалованныхъ городу Переяславлю, но истребленныхъ пожаромъ, была дана тому городу Государемъ Петромъ В. подтвердительная, въ 1695 г., Апрѣля мѣсяца, на всѣ тѣ мѣста и угодья, какія были дарованы ему въ разное время. Въ копіи, оставленной мною въ Думѣ, писаны заглавныя слова киноварью, которыя здѣсь означены разбивкою.

Копія писана на бумагѣ желтоватаго цвѣта въ листъ, на четырехъ листахъ. Штемпель бумаги: двѣ поднятыя ладони вверхъ съ распростертыми пальцами.

Исторически извѣстно, что В. К. Владиміръ Равноапостольный и послѣдующіе Великіе Князья, равно какъ и другіе Князья, награждали этотъ городъ, монастыри и церкви его землями; что В. К. Литовскіе, Короли Польскіе и Гетманы тоже не оставляли его своими щедротами; что Цари наши подтверждали дарованное ему въ разные вѣки достояніе, и что всѣ этѣ акты невозвратно погибли отъ разныхъ причинъ и въ разное время. Правда, уничтоженіе ихъ приписываютъ одному огню: однако, едва ли это такъ; болѣе всего, кажется, потерю ихъ должно отнести къ нерадѣнію и невѣжеству.

Мнѣ разсказывали, что за 20 лѣтъ тому назадъ были еще бумаги въ значительномъ запасѣ, которыя безжалостно рвались, а любопытные люди похищали достояніе исторіи. Этѣ любопытные люди держали у себя, чтобъ похвалиться, что и у нихъ есть Универсалъ такого-то Гетмана, не понимая ни цѣны, ни значенія, а потомъ бросали. Были и любознательные люди, которые присвоили себѣ большое число бумагъ, остающихся и понынѣ въ ихъ рукахъ, безъ всякой пользы для отечественнаго знанія. Пріѣзжали въ этотъ городъ также писатели и педагоги, и они-то послѣднее унесли. Нѣкоторые изъ нихъ померли уже, допроситься не у кого, а могила ихъ безотвѣтна. Грамота эта списана мною во всей точности, т. е., съ соблюденіемъ всѣхъ знаковъ препинанія, правописанія и прописныхъ буквъ.

А. Терещенко.

19-го Октября, 1859 г.
Переяславль.

ДОНОСЪ

НА ОТКУПЩИКОВЪ И КОМПАНЕЙЩИКОВЪ,

РАСХИЩАЮЩИХЪ КАЗНУ И СПАИВАЮЩИХЪ НАРОДЪ,

ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ИВАНОВНѢ.

Высокаго Престола Россійскаго Богомъ почтенной и словомъ Господнимъ утвержденной, Стражи словесному винограду, Императрицѣ,

Доношеніе.

Великая Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская!

Ревнуяй поревнуй по Господѣ Вседержителѣ, цвѣти въ законѣ Россійскія Церкви, и сіяющи въ силахъ Небеснаго Бога и молитвами всѣхъ Россійскихъ Чудотворцевъ, благочестивое воинство въ крѣпости десныя руки твоея и подъ страхомъ крѣпкія державы всѣхъ подданныхъ мудрыхъ Россійскихъ вельможей украшенная отъ пренебеснаго Бога, имущаго власть надъ всѣми супостаты, въ силѣ Царя и Пророка, возлюбленнаго отрока Давыда, данная крѣпость, скипетръ и держава, и мечъ, утвержденный крѣпостію яко столпъ Давыдовъ, созданъ въ Ѳаапиосѣ, на немъ же тысяща щитовъ виситъ и вся стрѣлы сильныхъ. Оттолѣ начало и крѣпость всѣмъ Царямъ благочестивымъ. Хотя блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петръ Первый Императоръ, дядя вашъ, въ трудѣхъ великихъ воинства своего, имѣя попеченіе о Россійскихъ народѣхъ во власти царства своего, усмотрѣлъ въ другихъ государ-

ствахъ таможенные и питейные сборы съ пополненіемъ отдаются на откупы, и съ тѣхъ регламентовъ совѣтовалъ въ присутствующемъ своемъ Высокомъ Сенатѣ съ поданными своими, правительствующими Сенаторы, и въ томъ регламентъ утвердилъ внутрь своего Россійскаго Государства всякіе таможенные сборы и питейныя продажи отдавать охочимъ людемъ на откупы, гдѣ кто пожелаетъ взять, съ пополненіемъ немалымъ надносомъ высокаго сбору, чего не могутъ собрать вѣрные и присяжные люди, выборные и ларешные, и то, де, весьма не усмотрѣно, но паче же утрачены великіе интересы, по силѣ Россійскихъ таможенныхъ уставовъ, понеже внутрь великаго Россійскаго Государства наполняются таможенные сборы и питейныя продажи своими природными Россійскими народы, а не яко въ примѣръ тѣхъ государствъ малыхъ владѣльцевъ, или во указательство отъ нихъ великому Россійскому таможенному уставу, понеже въ тѣхъ Нѣмецкихъ земляхъ наполняются таможенные сборы и питейныя продажи иностранными народы, со всѣхъ государствъ проѣзжаютъ проѣздами чрезъ тѣ малыя земли въ пристойныя мѣста къ великимъ ярмонкамъ, или къ корабельнымъ пристанямъ, и тѣ самовладѣльцы берутъ съ тѣхъ проѣзжихъ купцовъ по своимъ таможеннымъ уставомъ, не спрашивая платежныхъ выписей, или оборотныхъ возвратно, берутъ всѣ сполна, и въ тѣхъ государствахъ своему природному народу ни какого разоренія и обиды не бываетъ, и тѣ таможенные сборы и питейныя продажи всегда собираются въ вольности. А нынѣ внутрь великаго Россійскаго Государства, между откупщиками и вѣрными присяжными людьми, учинилось въ сборахъ великое помѣшательство и трата великая интересу неусмотрѣніемъ Высокаго Сената, продано все земледѣльство и купечество Россійскаго Государства, безъ положенныя цѣны, первое на расхищеніе великаго интересу Вашего Высокаго Императорскаго Величества, второе на разореніе и на великое разграбленіе всего народу откупщикамъ и компанейщикомъ, похищаютъ явно великой интересъ Вашего Императорскаго Величества злодѣйственными своими и воровскими умыслы, наносятъ на оные городы великіе сборы, вражествомъ своимъ приводятъ народъ къ душевредству и великому непостоянству, отъ чего имѣется въ купечествѣ великая безторжица, крадутъ интересъ такими виды: которые купцы пріѣзжаютъ къ нимъ отъ вѣрныхъ городовъ, набравъ тѣ товары потаенно, по-

шлины, не платя, согласясь со оными откупщиками, пишутъ множество выписей на тѣ свои неявленные товары и берутъ съ нихъ, купцовъ, по три деньги и по двѣ копейки съ рубля, яко бы явили деньги въ томъ городѣ у нихъ, откупщиковъ, и купили товаровъ, и пропущаютъ тѣхъ череза многіе городы, и продаютъ тѣ купцы такъ же не явясь, и привозятъ тѣ выписки возвратно откупщикамъ, а другія оборотныя выписи пишутъ тѣмъ купцамъ тѣми же воровскими промыслами, берутъ съ нихъ по копейкѣ съ пятиденежнаго платежа, а тѣ товары проданы были въ другихъ городѣхъ такожде не явно, и тѣ купцы по тѣмъ выписямъ до означенныхъ вѣрныхъ городовъ доѣзжаютъ и не доѣзжаютъ, продаютъ тѣ товары потаенно, въ таможняхъ не явясь, и очищаютъ оборотныя выписи у вышеписанныхъ откупщиковъ въ пятиденежномъ платежѣ, даютъ по копейкѣ съ пятикопеишнаго платежа, даютъ по двѣ копейки, и тѣ платежи не допущаютъ до вѣрныхъ городовъ, отъ того вѣрнымъ присяжнымъ людемъ, выборнымъ иларешнымъ имѣются великіе недоборы, утратили и разворовали великіе интересы, и оные недоборы по силѣ указовъ правятъ на нихъ, гражданехъ, и привели всѣ грады въ великую нищету и убожество. А оные откупщики и компанейщики тѣ выписи вписываютъ въ подлинныя шнуровальныя книги полнымъ платежемъ пятиденежнымъ и пятикопеешнымъ, и тѣми выписями потаенно окрадываютъ вѣрные городы и возвышаютъ великіе приборы, а къ другимъ купцамъ и простаго народа приметывается своими воровскими и грабительными нападки, яко бы продалъ, или купилъ, въ таможнѣ не явясь, у многихъ отымаютъ товары безоборотно, съ другихъ берутъ насильствомъ своимъ великіе промыты, и отъ оныхъ откупщиковъ, великихъ хищниковъ и воровъ, по вступленію многихъ злодѣевъ въ откупы, утрачены интересы и всенароднаго разоренія на милліоны. Еще же по содержанію тѣхъ градовъ бываютъ отъ нихъ, злодѣевъ, великія незапныя бѣды и особая трата интересу не малая бываетъ подъ видомъ воровства ихъ. Заранѣе усматриваютъ себя, гдѣ и у кого случатся великіе недоборы противъ великихъ, ими возвышенныхъ, сборовъ положеннаго табеля по содержанію тѣхъ откуповъ, къ сроку заплатить того откупу нѣчимъ, укрывая себя отъ тѣхъ недоборовъ положеннаго табельнаго окладу, избывая себя отъ великаго наказанія и каторжныя вѣчныя работы, паче всякаго чаянія помышляю отъ нихъ, зло-

дѣевъ, великихъ бѣдъ, высматриваютъ способныхъ отговорокъ для тѣхъ непремѣнныхъ бѣдъ, безвременно и безъ остатку, запаленіемъ огня погубляютъ грады, для тѣхъ таможень, воровскими своими умыслы вызволяютъ себя, яко бы пожаромъ сгорѣло на нѣсколько тысячъ интересу, и оными подлогами своими обманываютъ похищеніемъ и берутъ изъ той казны напрасно, или зачитаютъ по силѣ указу въ тѣ свои откупы, наносятъ на тѣ грады великіе приборы вражебными своими и плутовскими умыслами, скрадывая отъ вѣрныхъ городовъ выборныхъ и парешныхъ тѣми вышеписанными выписями и прочими міру злодѣйственными притяжаніи. И оные откупщики и компанейщики являются злодѣйственнымъ своимъ промысломъ, яко бы великіе доброхоты и пополнители интересу Вашего Императорскаго Величества, а они злодѣйствомъ своимъ и великимъ пронырствомъ дѣлаютъ великіе ущербы интересу Вашего Императорскаго Величества, вникнули въ народъ, яко ядовитые зміи, пресыщающе лестію, гоняще народъ къ великой нищетѣ и вѣчной погибели такими виды; какъ въ Москвѣ, такъ и во многихъ городѣхъ, расширяютъ и умножаютъ множество кабаковъ, такъ и въ селѣхъ и деревнѣхъ, для своихъ плутовскихъ и великихъ прибытковъ. Первая язва отъ того пьянства: облѣнилися множество народу, вступили въ блудъ, во всякую нечистоту, въ татбы, въ убивство, въ великіе разбои, и ослѣпоста пребеззаконно, начаша творити блудъ Содомской, не знающе ни воскреснаго дни, ни Господскихъ праздниковъ, и отъ того уродися и умножися сѣмя нечестивое, и святая заростаетъ мерзостію, и скрылися пути правды, и множество творятъ кровопролитія на путехъ, и приходятъ въ погибельную сѣть, и воостриша мечь погибельный свой между своими. Отъ того многія тысячи дѣльныхъ и годныхъ людей во всякія службы смертію кажнены, а другихъ множество народа бьютъ кнутомъ и посылаютъ на вѣчную работу, иныхъ множество народу по важностямъ ошельмовано, а другихъ множество во пьянствѣ простаго народа умираетъ безвременно, и предаютъ души своя діяволу, другіе впадаютъ въ напрасныя бѣды, простаго народу и всякихъ чиновъ люди въ кампаніяхъ въ великихъ пьянствахъ невѣжествы своими поздравляютъ Вашему Императорскому Величеству, наливаютъ покалы великіе и пьютъ смертно, а другихъ, которые не пьютъ, тѣхъ заставливаютъ сильно, и мнозіи во пьянствѣ своемъ проговариваются, и къ тѣмъ празднымъ словамъ при-

зметываются приказные и прочіе чины, и отъ того становятся великіе изъяны. Еще же отъ тѣхъ пьянствъ впалъ народъ въ великую слабость и не радѣетъ о домовыхъ работахъ, и отъ того будетъ подушному окладу великая остановка и таможеннымъ сборамъ недоборы великіе, и взять будетъ не на комъ, а между ими, откупщиками и компанейщиками, купечеству великое зазрѣніе и отъ Вашего Императорскаго Величества сомнѣніемъ гнѣвъ. Тѣ откупщики и компанейщики крадутъ отъ Васъ высокую Императорскую милость, лестію отвращаютъ народъ, яко антихристъ, или яко прегордый Аманлеснъ возбуди Артаксеркса Царя гнѣватися на плѣнники Іерусалимскіе, погубити невинныхъ смертію, тако и Васъ, Великую Самодержицу, наводятъ имѣть великой гнѣвъ на подданное свое вѣрное Россійское купечество, яко бы нерадѣніемъ и слабостію оные сборы уронены, и за такіе недоборы оныхъ грабителей и всему міру досадителей многіе города разоряются, за ихъ потаенные и возвышенные воровскіе сборы. Стало между всѣми городами въ сборахъ великое помѣшательство: гдѣ откупы, тутъ необычные приборы; гдѣ вѣрные городы, тутъ великіе недоборы, и отъ того всему купечеству великая вреда и крайняя нищета, и со оными откупщиками и компанейщиками во всякихъ службахъ Вашего Императорскаго Величества великое несогласіе, и въ ровенствѣ всякихъ служебъ не служатъ. На таковыхъ откупщиковъ и компанейщиковъ воровъ и злодѣевъ, хищниковъ и міру досадителей, свидѣтельствуетъ взаконенная грамота и проклинаетъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, положенная въ Соборной церкви Успенія Пресвятыя Богоматере, подъ престоломъ Господнимъ, врученная Святымъ Чудотворцемъ Петру, Алексѣю, Іонѣ и Филиппу, всея Россіи Чудотворцемъ, блаженныя и вѣчно достойныя памяти дѣда Вашего, всемилостивѣйшаго Государя, Царя, Алексѣя Михайловича, за подписаніемъ собственной руки его и за златою печатію, хранимая Вышнимъ Богомъ и Святыми Чудотворцы. Напечатана сія взаконенная грамота въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1654 года, Апрѣля 30 дня. Всемилостивѣйшая Государыня, ежели повелѣно будетъ по прежнему на вѣру, съ разсмотрѣніемъ, понеже тѣмъ вѣрнымъ выборнымъ и ларешнымъ.... пятикопеешнаго платежа и пятиденежнаго фальшить и украсть ни какъ не возможно, понеже взять съ пятикопеешнаго платежа двѣ копейки, или съ пятиденежнаго платежа одну копей-

ку, а написать въ настоящую шнуровальную книгу по пяти копеекъ, или по пяти денегъ, и тѣ деньги доправятся на нихъ выборныхъ и ларешныхъ, или на тѣхъ гражданехъ, а Вашъ великій интересъ всегда въ волости содержать будетъ, а между всѣми Россійскими народы изъимутся всякія напрасныя обиды и будетъ согласная и неразрывная любовь. Сего ради Вашему Императорскому Величеству нижайшій рабъ, преклоняя колѣно въ вѣрности, доношу, и о всемъ народѣ неусыпно стараніе имѣю.

УКАЗЪ

ЕПИСКОПА ПЕРЕСЛАВСКАГО АМВРОСІЯ,

ПЕРЕСЛАВСКАГО НИКИТСКАГО МОНАСТЫРЯ АРХИМАНДРИТУ НИФОНТУ,

О НЕЛОМАНІИ СТАРАГО ДО ОСНОВАНІЯ.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія, изъ Переславской Духовной Консисторіи, Переславскаго Никитскаго монастыря Архимандриту Нифонту. Сего Февраля 14 дня, 1755 года, присланнымъ къ Его Преосвященству, Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члену, Великому Господину, Преосвященнѣйшему Амвросію, Епископу Переславскому и Дмитровскому, и Ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря Архимандриту, отъ васъ, Архимандрита, доношеніемъ требовано о разобраніи обветшавшихъ въ ономъ монастырѣ отъ давняго построенія и свидѣтельствованныхъ Преосвященнымъ Серапіономъ, Епископомъ бывымъ Переславскимъ, что нынѣ Вологодскій, двухъ церквей: больничной, во имя Святаго Священномученика Георгія, Епископа Милитійскаго, да на святыхъ вратѣхъ во имя Святаго Архистратига Гавріила, церковныхъ сводовъ и олтаря и протчихъ строеніевъ, и о произвожденіи вновь строенія резолюціи, а въ какомъ нынѣ объявленныя церкви, также и столпъ Преподобнаго Никиты Столпника, Переславскаго Чудотворца, обстоятъ строеніи, и какимъ маниромъ оныя святыя церкви и трапезу построить, присланы планы. На которомъ доношеніи, въ наложенной Его Преосвященства помѣтѣ, изображено тако: На свидѣтельство Преосвященнаго Серапіона не для чего ссылаться, понеже онъ и все ломалъ, какъ извѣстно, а ничего

добраго вновь, какъ въ Никитскомъ, такъ и въ другихъ монастыряхъ; не построилъ; чего ради смотрѣть накрѣпко теперь, не чтобы старое до основанія ломать, но чтобы, по примѣру, какъ мы сдѣлали въ Горицкомъ, изъ стараго новое нѣчто, получше прежняго, не ломаючи до фундаменту напрасно, сдѣлать; и по тому, разсмотря сіе и присланные чертежи въ Консисторіи, послать Указъ, чтобы онъ, по помѣтѣ нашей, первѣе всего церковь соборную, и въ ней святый иконостасъ, благолѣпно поновилъ извнѣ и внутрь стѣннымъ писаніемъ украсилъ; 2-е, келіи трапезныя примѣромъ Горицкимъ непремѣнно бы передѣлалъ; 3-е, келіи готовыя, которыя Преосвященный Серапіонъ за трапезою поземныя построилъ, а оныя не отдѣланныя до сихъ поръ стоятъ и впредь, какъ изъ всего видно, такъ будутъ, какъ для здоровыхъ, такъ и для больничныхъ братій, достроить, и въ нихъ печи, и полы, и окошки, и двери подѣлать; еще же и росчатой въ слободѣ прудъ докончить по надлежащему; и тако сіе устроивши и съ казною смѣкнувшись, тогда предлагаемое строеніе, по пріобщеннымъ чертежамъ, начинати. Сію помѣту можно и такъ обратно послать; но понеже о прежней нашей помѣтѣ, и сдѣлалъ ли хоть мало по ней, ничего не упоминаетъ, того для, какъ выше изображено, послать Указъ къ Архимандриту, чтобы онъ по сему исполненіе учинилъ непремѣнное, и дондеже всего строенія наличнаго подобающимъ украшеніемъ не возобновитъ, дотолѣ вновь другихъ строеній ни какихъ не росчиналъ; а дабы время напрасно, такъ какъ до сего времени, не уходило, подрядить нынѣшнимъ временемъ Александровскихъ иконниковъ и своихъ заставить поновлять и вновь написать въ соборный иконостасъ всѣ иконы и по надлежащему раззолотить и раскрасить красками зелеными. Да на присланномъ же планѣ столпу Преподобнаго Никиты, Переславскаго Чудотворца, Его Преосвященствомъ подписано: попросить Господина Архитектора, что въ Свято-Троицкой Лаврѣ, о новомъ чертежѣ для сего святаго столпа, какимъ бы его образомъ лучше украсить. Того ради, по Ея Императорскаго Величества Указу, въ Переславской Духовной Консисторіи, во исполненіе означенной Его Преосвященства помѣты, опредѣлено: для надлежащаго, въ силу вышеписанной Его Преосвященства резолюціи исполненія, къ вамъ, Архимандриту Нифонту, послать Указъ; а каковое когда о монастырскомъ строеніи предложеніе Его Преосвя-

щенству отъ васъ имѣлось, и на оное Его Преосвященства помѣта послѣдовала, съ того списавъ точнѣе копіи, прислать, и, что по оной учинено, репортовать въ Консисторію въ скорости; и Переславскаго Никитскаго монастыря Архимандриту Нифонту чинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества Указу, а присланные отъ васъ планы, для храненія впредь до будущаго строенія, посылаются при семъ. Февраля 15-го дня, 1755 года.

Игуменъ Боголѣпъ Пустынно-Лукіановскій.

Секретарь Аполлосъ Наумовъ.

Канцеляристъ Андрей Осиповъ.

ОПИСАНІЕ ВЫБОРА ДЕПУТАТА

ОТЪ ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА

ВЪ КОММИССІЮ О СОЧИНЕНІИ ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

Какимъ образомъ Голова и повѣренные города С.-Петербурга, Генваря 29-го дня, собравшись въ домъ, назначенный для выбора Депутата, пошли въ церковь и, отслушавъ Божественную Литургію съ молебномъ и водоосвященіемъ, Начальникомъ были приведены къ присягѣ и, прибывъ обратно въ помянутый домъ, оную подписали, то все обстоятельно списано въ журналѣ Генерала-Полиціймейстера, Его Превосходительства, Николая Ивановича Чечерина.

Городской Голова, Его Превосходительство, Николай Ивановичъ Зиновьевъ, по полученіи отъ Начальника подписанныя всѣми присутствовавшими присяги, сѣлъ въ свое мѣсто и предложилъ собранію выбирать Депутата, по учиненному ими въ церкви, предъ Святымъ Евангеліемъ, клятвенному обѣщанію, что и началось въ 1 часу по полудни, тѣмъ порядкомъ, который въ спискѣ, полученномъ отъ Начальника, наблюденъ былъ. По окончаніи баллотированія именъ всѣхъ ста пяти человѣкъ повѣренныхъ, по большинству голосовъ, избранъ былъ Депутатомъ Его Сіятельство, Генералъ-Поручикъ и Генералъ-Адъютантъ, Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, и сперва отъ Городскаго Головы, потомъ и отъ всего собранія, съ тѣмъ поздравленъ. Новоизбранный Депутатъ благодарилъ за довѣренность, отъ города ему оказанную, присовокупляя къ сему, что онъ возлагаемое на него своими согражданами званіе, по мѣрѣ силъ своихъ, съ усердіемъ отправлять потщится. Послѣ чего Городскимъ Головою представлено было собранію, чтобъ дали полномочіе Депутату и означили пять человѣкъ изъ наличныхъ, въ числѣ которыхъ и нѣсколько купцовъ быть должны, для сочиненія Наказа Депутату и прошеній отъ города. Единогласно всѣми присутствующими избраны были къ нему С.-Петербургскіе купцы Григорій Никоновъ и Семенъ Галактіоновъ, о прочихъ же трехъ, какъ не всѣ соглашались, но иные тѣхъ, другіе другихъ выбирали, числомъ восемь человѣкъ, то Его

Превосходительство, Николай Ивановичъ Зиновьевъ, велѣлъ приступити къ баллотированію спорныхъ именъ. Послѣ онаго оказалось, что, при сочинении Наказа съ прошеніями, собраніе, большинствомъ голосовъ, полагаетъ быть Ихъ Превосходительствамъ, Данилу Аѳанасьевичу Мерлину, Адаму Васильевичу Олсуфьеву и изъ купцовъ Ивану Щукину. Учиня сіе, Городской Голова просилъ выбранныхъ, именемъ всего города, поручаемое симъ дѣло, вмѣстѣ съ нимъ, къ удовольствію и пользѣ всѣхъ согражданъ своихъ, совершить, и означилъ 1-е число Февраля собранію для представленія въ ономъ городскихъ нуждъ, чтобы, разсмотрѣвъ оныя, сочинить Депутату Наказъ съ прошеніями, предъ самымъ окончаніемъ собранія въ 4 часу по полудни. Изъ С.-Петербургскаго купечества всѣ присутствовавшіе тогда, подошедши къ Его Превосходительству, Николаю Ивановичу Зиновьеву, предложили, что, за Высочайшія Ея Императорскаго Величества милости, въ знакъ всеподданнѣйшаго своего благодаренія, они намѣрены, не сомнѣваяся и о прочей своей собратіи, что съ великимъ усердіемъ на то согласятся, добровольно подписать сумму на поставленіе въ семъ городѣ монумента, во славу имени Всемилостивѣйшія Императрицы и Самодержицы Всероссійскія, Екатерины Второй, и чтобъ Его Превосходительство далъ имъ для сея подписки отъ себя листъ. Городской Голова, видя толикую ихъ ревность, согласился желаніе ихъ исполнить. И такъ, благодаря Всемогущаго Творца, за даруемое свыше благопоспѣшіе въ начинаніи великаго дѣла, предпринятаго Ея Императорскимъ Величествомъ и обнародованнаго въ Манифестѣ 1766 года, Декабря 14-го дня, собственноручно подписаннымъ, съ радостнымъ сердцемъ все собраніе разъѣхалось по домамъ.

По предложенію повѣренныхъ отъ купечества города С.-Петербурга, Генваря 29-го дня, 1767 года, въ собраніи выбора Депутатскаго учиненномъ, чтобъ поставить въ семъ городѣ монументъ, для прославленія имени Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшія нашея Государыни Императрицы, въ знакъ искренняго нашего благодаренія, за безпримѣрныя Ея милости и щедроты, и собрать на то добровольно всѣми подписуемую сумму, я чрезъ сіе, С.-Петербургскому купечеству оное, согласное всѣхъ ихъ и повѣренныхъ, намѣреніе предлагаю, и для помянутой добровольной къ тому подписки сей листъ, мною подписанный, посылаю.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ ПСКОВСКОЙ СЕМИНАРІИ

ОТЪ

НАЧАЛА ДО ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЕЯ ПО ПРОЕКТУ УСТАВА

1814 ГОДА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Князева.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Находя, что самый умный и ревностный воспитатель любаго учебнаго заведенія мало принесетъ ему пользы, если станетъ дѣйствовать на него, руководствуясь одними личными своими взглядами и убѣжденіями, безъ отношенія къ его предшествующей жизни и тѣмъ обстоятельствамъ, которыя имѣли вліяніе на его развитіе, я всячески старался уяснить себѣ постепенный ходъ внѣшняго и внутренняго устройства того духовнаго разсадника, въ которомъ Господь судилъ мнѣ быть наставникомъ и воспитателемъ слишкомъ 20-ть лѣтъ. Предлагаемый мною вниманію читателей очеркъ его исторіи и есть плодъ такого моего усилія. Жаль, что онъ не столько совершенъ, сколько требовало этого и самое дѣло и мое желаніе. При крайней скудости данныхъ, необходимыхъ для сообщенія ему желаемаго совершенства, больше сдѣлать нельзя было ни чего. Впрочемъ, и въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ, онъ не можетъ быть лишнимъ, какъ для пополненія свѣдѣній, по части общей исторіи духовнаго образованія въ Россіи, такъ и для тѣхъ трудовъ, какіе предпринимаются у насъ, въ

настоящее время, по предмету преобразованія нашихъ Духовныхъ Училищъ. По этому и рѣшаюсь издать его въ свѣтъ.

Александръ Князевъ.

Генваря 29 дня, 1865 г.
С.-Петербургъ.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ПСКОВСКОЙ СЕМИНАРІИ ДО ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЕЯ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Псковѣ, какъ въ Великомъ Новгородѣ,[1] которые, въ гражданскомъ отношеніи, по 1478 г., а въ церковномъ по 1589 годъ, были тѣсно между собою связаны, съ самыхъ первыхъ временъ Христіянства въ Россіи, въ большей или меньшей мѣрѣ, поддерживалось просвѣщеніе. Изъ житія Преподобнаго Никандра, Псковскаго Чудотворца[2] (род. 1507, ум. 1582), видно, что въ Псковѣ, даже въ 16-мъ вѣкѣ, когда вообще просвѣщеніе въ Россіи находилось въ жалкомъ состояніи, существовало училище, гдѣ Преподобный навыкъ разумѣнію Свящ. Писанія. Но древнія Псковскія училища, безъ сомнѣнія, были народныя, въ которыхъ воспитывались дѣти всѣхъ сословій. По крайней мѣрѣ, ни откуда не видно, чтобы до Петра 1-го существовали на сѣверѣ Россіи учебныя заведенія для того или другаго сословія въ частности. И при Петрѣ не вдругъ они явились. Высочайшими указами 1714 и 1716 г.,[3] повелѣно было учреждать при Архіерейскихъ домахъ и въ знатнѣйшихъ монастыряхъ цифирныя школы; такая школа была открыта и въ Псковѣ,[4] но и въ этихъ заведеніяхъ должны были учиться, вмѣстѣ съ духовными дѣтьми, ребятки другихъ чиновъ и людей, какъ сказано о таковыхъ школахъ въ имянномъ указѣ, отъ 28 Декабря, 1715 г. Духовное образова-

---

[1] Истор. С.-Пб. Духовной Академіи.

[2] Словарь о Русск. Святыхъ, стр. 203.

[3] Полн. Собр. Зак., т. VI, стр. 4126.

[4] Истор.-Стат. Обозрѣніе Учебн. Заведеній С.-Пб. Округа, Воронова, стр. 3.

ніе въ Россіи отдѣлилось отъ народнаго только съ изданіемъ, въ 1721 году, Духовнаго Регламента, которымъ каждому Архіерею вмѣнялось въ непремѣнную обязанность заводить при своихъ домахъ школы собственно Духовныя для дѣтей Священническихъ, или и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ, и указывались правила и средства для устройства и содержанія этѣхъ школъ.[5] Съ этого времени начинается и предлагаемый очеркъ. Для лучшаго обзора разнородныхъ предметовъ, мы представляемъ его въ двухъ отдѣлахъ, имѣя при этомъ въ виду введеніе, въ 1765 году, постоянныхъ средствъ для содержанія Духовныхъ Училищъ, и то, что съ этого времени духовное образованіе въ Псковѣ замѣтно стало подвигаться впередъ.

ОТДѢЛЪ І-Й.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ПЕРВОЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ ВЪ ПСКОВѢ ДО 1765 ГОДА.

Учебная и нравственная часть.

Первая Духовная школа въ Псковѣ открыта знаменитымъ ревнителемъ духовнаго просвѣщенія, Рафаиломъ Заборовскимъ,[6] съ 1725 года по 1731 годъ Епископомъ Псковскимъ и Изборскимъ, а съ 1731 по 1747 г. Архіепископомъ и Митрополитомъ Кіевскимъ. Указомъ Св. Синода, отъ 22 Августа, 1727 года, уже была требуема отъ него вѣдомость о томъ, сколько въ его Епархіи учениковъ съ начала было и въ то время обрѣталось, въ какое достоинство, куда произведены и проч. Эта вѣдомость и была имъ послана въ Св. Синодъ, 13 Ноября, того же года.[7]

---

[5] Домы училищ. §§ 1, 2, 3 и д.

[6] Словарь Дух. Пис., Евгенія.

[7] Репортъ Псков. Архіер. дома, отъ 23 Декабря, 1727 г. По Исторіи Росс. Іерархіи, эта школа открыта въ Псковѣ въ 1728 г. (ч. I, стр. 430). Но это свѣдѣніе невѣрно.

Первоначальная Архіерейская школа въ Псковѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, называлась Славяно-Россійскою, и соотвѣтствовала первому классу Приходскихъ училищъ, учрежденныхъ по Высочайше утвержденному проекту въ 1814 году. Въ ней учили читать по церковной печати и писать по Русски. Безъ всякаго сомнѣнія, сообщали и нѣкоторыя понятія о главныхъ истинахъ Вѣры и правилахъ жизни Христіянской. Въ другихъ мѣстахъ, кромѣ сказаннаго, въ этѣхъ школахъ преподавали Ариѳметику и Грамматику. [1] Быть можетъ, то же дѣлалось, въ нѣкоторой мѣрѣ, и въ школѣ Псковской, но изъ бумагъ этого не видно. Въ 1756 г., въ Псковской Славяно-Россійской школѣ, когда уже существовали при ней и школы Латинскія, открытъ былъ, такъ называвшійся, Писарскій классъ, соотвѣтствовавшій 2-му классу нашихъ Приходскихъ Училищъ. Въ немъ учили читать по Русски и по Латыни и продолжали учить читать Часословъ и Псалтирь.

За открытіемъ, при Псковскомъ Архіерейскомъ домѣ, школы Славяно-Россійской, слѣдовало открытіе при ней школъ Латинскихъ. Первый Латинскій классъ въ Псковѣ открытъ въ 1733 г., извѣстнымъ любовію къ духовному просвѣщенію пастыремъ Псковскимъ, Варлаамомъ Леницкимъ. Въ 1738 году, въ Псковскихъ Духовныхъ школахъ были уже слѣдующіе классы: Славяно-Россійскій (какъ сказано, соотвѣтствовавшій Приходскому Духовному Училищу), Фара, Инфима (соотвѣтствовавшіе Низшему Отдѣленію Духовныхъ Училищъ), Грамматическій, Синтаксическій (соотвѣтствовавшіе Высшему Отдѣленію Уѣздныхъ Духовныхъ Училищъ), Піитическій, Риторическій (соотвѣтствовавшіе Низшему Отдѣленію нынѣшнихъ Духовныхъ Семинарій). Въ 1739 году введенъ классъ Философскій, а въ 1746 году, Преосвященнымъ Симономъ Тодорскимъ, открытъ и класъ Богословскій. [2] Всѣ эти классы въ совокупности составляли одно учебное заведеніе, имѣвшее значеніе среднихъ нашихъ училищъ.

---

[1] Истор. С.-Пб. Дух. Академіи, стр. 8. По свидѣтельству Исторіи Росс. Іерархіи, въ Псковской Славяно-Россійской школѣ обучали азбукѣ, Часослову, Псалтири, пѣть, писать, Десятословію съ толкованіемъ и Славянской Грамматикѣ (ч. 1, стр. 430).

[2] Дѣла Псков. Духов. Консист съ 1738 по 1739 г.

Со введеніемъ Латинскихъ классовъ, Псковскія духовныя школы, какъ и въ другихъ Епархіяхъ, назывались Славяно-Латинскими. Между 1746 и 1752 годами, въ оффиціяльныхъ бумагахъ онѣ стали называться Семинаріей.

Главными предметами обученія въ Псковскихъ Латинскихъ школахъ, какъ самыя названія классовъ, ихъ показываютъ, были: Латинскій языкъ, Піитика, Риторика, Философія, Богословіе. Но какіе въ нихъ преподавались предметы второстепенные, въ разсматриваемое нами время, объ этомъ почти ничего опредѣленнаго сказать не можемъ, по недостатку данныхъ. Сохранились за нѣкоторые годы вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ, представленныя учителями школъ въ Консисторію, но въ этѣхъ вѣдомостяхъ говорится объ успѣхахъ по всему классу вообще, а не по каждому предмету его въ частности. На пр., въ нихъ пишется: въ Фарѣ ученики успѣли такъ-то, въ Инфимѣ такъ-то.... а по какому именно предмету Фары, или Инфимы, ученики такъ, или иначе, успѣли — объ этомъ ни слова. И въ другихъ бумагахъ слишкомъ мало упоминается о преподаваніи второстепенныхъ предметовъ. Только и знаемъ изъ нихъ, что Физика и Греческій языкъ преподавались въ Псковскихъ духовныхъ школахъ и до 1765 года. Въ 1743 г., въ Октябрѣ, Преосвященнымъ Стефаномъ приказано было понятнѣйшихъ и надежнѣйшихъ учениковъ обучать Греческому языку по вторникамъ, четверткамъ и субботамъ, послѣ обѣда, каковая обязанность возлагалась имъ на прибывшаго тогда же изъ Александро-Невской Семинаріи воспитанника, Георгія Балашова. Можно полагать, что если признано было необходимымъ на первыхъ же порахъ преподаваніе въ Латинскихъ школахъ Физики и Греческаго языка, то, конечно, на столько же необходимымъ могли находить преподаваніе въ нихъ и нѣкоторыхъ другихъ наукъ: Географіи, Исторіи, чему учили, въ это время, въ другихъ Архіерейскихъ Латинскихъ школахъ, [10] тѣмъ болѣе, что эти предметы и Регламентомъ положено было проходить въ духовныхъ школахъ. Въ послѣдствіи они, дѣйствительно, въ Псковской Семинаріи и преподавались. [11] Не видимъ изъ бумагъ и того, по какимъ руковод-

---

[10] Исторія С.-Пб. Дух. Академіи, стр. 21.

[11] Указъ Св. Синода, отъ 27 Декабря, 1755 г.

ствамъ въ первое время учились воспитанники Псковскихъ школъ: вѣроятно, по тѣмъ же, по какимъ учились духовные воспитанники и въ другихъ Епархіяхъ.[12] Относительно метода преподаванія въ это время предметовъ, можемъ сказать только то, что уроки сперва диктовались, а потомъ уже экспликовались, какъ тогда говорили.[13]

Учениковъ набирала въ Семинарію Консисторія. Такъ, въ 1752 году, требуемы были въ Консисторію всѣ дѣти отъ 7-ми лѣтъ и выше, и за тѣмъ годные поступали въ училище, а прочіе отданы были подъ росписку для обученія въ домы родителей.

Съ 1730 по 1738 годъ въ Псковской школѣ всѣхъ учениковъ было 149,[14] а на лицо находилось 92 человѣка; въ 1738 г. всѣхъ учениковъ въ ней считалось 254,[15] а на лицо находилось 200. Ученики были въ низшемъ классѣ не менѣе 9 лѣтъ, въ высшемъ не болѣе 22 лѣтъ.[16] Въ 1739 году значилось всѣхъ 206,[17] а на лицо 150; въ 1740 году было всѣхъ 267,[18] а на лицо 242; въ

---

[12] Истор. С.-Пб. Дух. Академіи, стр. 10.

[13] Дѣло Псков. Консисторіи.

[14] Изъ этого числа отдано было въ военную службу 31, уволено за болѣзнію 6, умерло 10, бѣжало 4 и уволено въ причтъ 6.

[15] А именно: въ Славяно-Россійской школѣ 89; въ Фарѣ 60, изъ коихъ бѣжало 5, отдано въ военную службу 14, умеръ 1, уволенъ за болѣзнію 1, уволено въ причтъ 3; въ Инфимѣ 34, изъ коихъ отдано въ военную службу 9, въ домъ 1, умерло 3, бѣжало 4, уволено въ причтъ 5; въ Грамматикѣ 27, изъ коихъ отдано въ военную службу 7; въ Синтаксимѣ 22; въ Піитикѣ 9, изъ коихъ 1 умеръ; въ Риторикѣ 13.

[16] Дѣло Псков. Дух. Консисторіи за 1738 г.

[17] Именно: въ Славяно-Россійской школѣ 74, а за исключеніемъ умершихъ, бѣжавшихъ, уволенныхъ въ домъ 56; въ Фарѣ 42, изъ нихъ бездарныхъ 28; въ Инфимѣ 18, изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Грамматикѣ 19, изъ нихъ бездарныхъ 8; въ Синтаксимѣ 11, изъ нихъ умершихъ 3, бездарныхъ 7; въ Піитикѣ 10; въ Риторикѣ 24; въ Философіи 8.

[18] Именно: въ Славяно-Россійской школѣ 114, изъ коихъ бездарныхъ 13; въ Фарѣ 56, изъ нихъ бездарныхъ 43; въ Инфимѣ 9, изъ нихъ бездарныхъ 3, въ Грамматикѣ 18, изъ нихъ бездарныхъ 9; въ Синтаксимѣ 22, изъ нихъ

1741 году числилось всѣхъ 253,[19] а на лицо 198; въ 1743 году было всѣхъ 242,[20] и на лицо 242; въ 1745 году всѣхъ въ Славянской школѣ было 76 человѣкъ. Самый малый имѣлъ 8 лѣтъ, а самый старшій 19 лѣтъ; поступили въ училище не ранѣе 1740 г. Въ 1746 году значилось всѣхъ 213,[21] и на лицо 213; въ 1755 г. было всѣхъ 224,[22] и на лицо 224; въ 1756 г. всѣхъ было 120,[23] на лицо 113, кромѣ бѣжавшихъ. Кромѣ того, уволенныхъ въ домъ родителей для обученія значилось въ концѣ 1756 года 70 человѣкъ. Въ 1759 году было всѣхъ 197,[24] и на лицо 197; въ 1760

бездарныхъ 7; въ Піитикѣ 10, изъ нихъ бездарныхъ 3; въ Риторикѣ 30, изъ нихъ бездарныхъ 6; въ Философіи 8, изъ нихъ бездарныхъ 3; въ сбѣгахъ было во всѣхъ классахъ 25.

[19] Въ Славяно-Россійской школѣ 110, изъ нихъ взятыхъ въ С.-Петербургъ 25 человѣкъ, уволенныхъ 6, бездарныхъ 27; въ Фарѣ 40, изъ нихъ бездарныхъ 20; въ Инфимѣ 19, изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Грамматикѣ 10, изъ нихъ бездарныхъ 2; въ Синтаксимѣ 16, изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Піитикѣ 16, изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Риторикѣ 30, изъ нихъ бездарныхъ 4; въ Философіи 12, изъ нихъ бездарныхъ 4; въ сбѣгахъ во всѣхъ классахъ было 24.

[20] Въ Философіи 15, въ Риторикѣ 31, въ Піитикѣ 11, въ Синтаксимѣ 12, въ Грамматикѣ 11, въ Инфимѣ 18, въ Фарѣ 59, въ Славяно-Россійской школѣ 85.

[21] Въ Славяно-Россійской школѣ 79, изъ нихъ бездарныхъ 33; въ Фарѣ 31, изъ нихъ бездарныхъ 8; въ Инфимѣ 19, изъ нихъ бездарныхъ 8; въ Грамматикѣ 22, изъ нихъ бездарныхъ 12; въ Синтаксимѣ 17, изъ нихъ бездарныхъ 2; въ Піитикѣ 14, изъ нихъ одинъ бездарный; въ Риторикѣ 11, изъ нихъ 7 бездарныхъ; въ Философіи 20, изъ нихъ бездарныхъ 6.

[22] Въ философіи 12, въ Риторикѣ 15, въ Піитикѣ 9, въ Синтаксимѣ 6, въ Грамматикѣ 5, въ Инфимѣ 17, въ Фарѣ 40, въ Славяно-Россійской школѣ 120.

[23] Въ 1756 г., въ 1-й половинѣ не было въ Философіи ни одного ученика, въ Риторикѣ тоже, въ Піитикѣ тоже, въ Грамматикѣ было 12, въ Инфимѣ 10, въ Фарѣ 10, въ Славяно-Россійской школѣ 76, изъ нихъ 8 бѣжавшихъ (такъ значилось въ вѣдомостяхъ, поданныхъ въ Консисторію въ началѣ Мая 1756 г., но въ другихъ вѣдомостяхъ, подданныхъ туда же почти въ то же время, значилось въ Славянской школѣ 88 человѣкъ, въ томъ числѣ 6 бѣжавшихъ).

[24] Въ Риторикѣ 11, въ Піитикѣ 15, въ Синтаксимѣ 6, въ Грамматикѣ 9, въ Инфимѣ 11, въ Фарѣ 21, въ Писарскомъ 41, въ Славянской школѣ 83.

году числилось всѣхъ 212,[25] и на лицо 212; въ 1761 году находилось всѣхъ 226,[26] и на лицо 226.

Ученики переводились изъ класса въ классъ послѣ испытаній, которыя, обыкновенно, производились Семинарскимъ Начальствомъ предъ отпускомъ на ваканцію.[27]

Если ученики худо усвоили какой ни будь предметъ въ низшемъ классѣ, то его снова преподавали имъ въ высшемъ классѣ.[28] Такъ, въ 1752 году, ученикамъ Философіи снова преподавалась Риторика, по тому что они худо знали ее. Нѣкоторые ученики слушали, на пр., Философію одинъ курсъ, другіе два.[29]

Нѣкоторые изъ учениковъ высшихъ классовъ принимали монашество, и въ этомъ званіи продолжали учиться.[30]

По окончаніи курса ученія, большая часть воспитанниковъ поступала въ церковный причтъ; другіе, особенно монашествующіе, опредѣлялись на учительскія должности при Семинаріи. О другихъ назначеніяхъ воспитанниковъ Семинаріи, въ разсматриваемое нами время, кромѣ поступленія довольнаго числа ихъ въ военную службу, по распоряженію Правительства, ничего не знаемъ. Въ послѣднюю поступали ученики и изъ самыхъ низшихъ классовъ.

При той странной нерасположенности родителей и дѣтей къ общественному образованію (на пр., въ 1744 году, изъ Семинаріи бѣжало до 60 учениковъ, коихъ, какъ видно изъ рапортовъ, и отыскать не могли), какая замѣчалась въ старые годы во всѣхъ

---

[25] Въ Риторикѣ 17, въ Піитикѣ 14, въ Синтаксимѣ 11, въ Грамматикѣ 8, въ Инфимѣ 9, въ Фарѣ 26, въ Писарскомъ 58, въ Славянской школѣ 69.

[26] Въ Риторикѣ 22, въ Піитикѣ 18, въ Синтаксимѣ 16, въ Грамматикѣ 11, въ Инфимѣ 14, въ Фарѣ 33, въ Писарскомъ 53, въ Славянской школѣ 59.

[27] Дѣло Псков. Дух. Консист., отъ 18 Сентября, 1752 г.

[28] Тамъ же.

[29] Тамъ же.

[30] Дѣло Псков. Дух. Консист., отъ 8 Октября, 1745 г.

сословіяхъ Русскихъ, и въ частности въ Духовенствѣ, а равно по недостатку учителей дѣльныхъ и другихъ средствъ, необходимыхъ для образованія, не льзя было ожидать и совершенныхъ успѣховъ отъ учениковъ Семинаріи, на первыхъ порахъ ея существованія, не только въ высшихъ, но и въ самыхъ необходимыхъ наукахъ. Не мало вредило расположенности учениковъ къ наукамъ и дурное обращеніе учителей съ учениками. Многіе бѣжали изъ школъ по тому, что учители жестоко наказывали ихъ розгами.[31]

Въ 1742 году Преосвященный выставлялъ на видъ Консисторіи, что, по ея небрежности, мало находилось учениковъ въ Латинскихъ школахъ; что, по ея невнимательности къ школамъ, самому первѣйшему дѣлу и весьма благополезному, нѣкоторые ученики учились Азбукѣ по три года, а Часослову семь лѣтъ.[32] Въ 1745 году Преосвященный Стефанъ, требуя отъ Консисторіи подробныхъ свѣдѣній о состояніи Славяно-Россійской школы, выставлялъ на видъ то, что ни у кого почти изъ учениковъ Псковской Славяно-Латинской школы не только у обучающихся, но и у обучавшихся уже, нѣтъ чистаго и добраго, какъ Русскаго, такъ и Латинскаго, характера. Хотѣлъ знать, между прочимъ, кто тому причиною, и можно ли сдѣлать впредь исправленіе? и учитель школы, на требованіе Консисторіи по сему случаю, отвѣчалъ: «По чему обучающіеся въ Латинскихъ школахъ и обучавшіеся худо пишутъ по Русски и по Латыни, и кто тому причиною, я не знаю, по тому что то до меня было. Впрочемъ, исправленія ожидать можно, по тому что о. Префектъ, съ самаго поступленія моего на службу, не переводитъ изъ класса въ классъ того, кто не хорошо пишетъ.»[33] Въ 1752 году до того ученики Риторики были малоуспѣшны, что нужно было перемѣнить учтелей.[34] Въ 1756 году Семинарія была въ крайнемъ упадкѣ. Въ трехъ высшихъ классахъ не было даже ни одного ученика. Такой упадокъ Семинаріи Консисторія объясняла:

---

[31] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1743 г.

[32] Дѣло Псков. Дух. Консист.

[33] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1745 г.

[34] Дѣло Псков. Дух. Консист., отъ 28 Августа, 1746 г.

1. Болѣзнію Ректора и Префекта.

2. Тѣмъ, что въ высшихъ классахъ много было неспособныхъ и великовозрастныхъ, кои, по прошеніямъ, уволены были на мѣста.

3. Тѣмъ, что, по Высочайшему Указу 1755 года, праздные мѣста Епархіи непремѣнно должны были замѣститься, а такихъ мѣстъ слишкомъ было много. По этому почти всѣхъ учениковъ высшихъ классовъ и уволили на мѣста, такъ что эти классы должны были закрыться, и закрыты до новаго пополненія, и за всѣмъ этимъ осталось незамѣщенными до 330 мѣстъ. Говорили, что много церковнослужителей требовали завоеванныя страны.[35]

Первый изъ учителей Псковской Славянской школы встрѣчается въ бумагахъ Консисторскаго архива Священникъ Чернявскій, о которомъ Преосвященный Варлаамъ, Архіепископъ Псковскій и Нарвскій, писалъ въ Синодъ, что отъ него для школы мало пользы, что онъ и глазами мало видитъ. Въ слѣдствіе сего, по ходатайству того же Преосвященнаго, и присланъ былъ изъ Кіево-Печерской Лавры отъ Архимандрита Романа, для занятія учительской должности въ Псковской духовной школѣ, Іеромонахомъ Манассія Косачъ;[36] но былъ ли онъ въ Славянской школѣ учителемъ — изъ бумагъ не видно. Послѣ Чернявскаго, сколько видно изъ бумагъ, учителями въ Славянской школѣ были: въ 1738 г. Стефанъ Яковлевъ, пономарь Георгіевской церкви съ болота, который, въ 1742 г. уволенъ за нерадѣніе; въ 1743 г. Стефанъ Свѣщниковъ; въ 1745 г. Георгіевскаго Собора Діаконъ Сергій Ивановъ Заклинскій; въ 1753 г. Діаконъ Яковъ Семеновъ; въ 1755 г. Троицкаго Собора Діаконъ Евфимій Васильевъ; въ 1758 г. Мина Васильевъ.

Въ Писарскомъ классѣ учителями были: въ 1756 г. Андрей Соболевскій; въ 1758 г. Александръ Аѳанасьевъ Нарвскій; въ 1760 и 61 онъ же, въ санѣ Діакона Успенской Пароменской церкви.

---

[35] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1756 годъ.

[36] Дѣло Псков. Духов. Консист., отъ 29 Генваря, 1733 г.

Въ Фарѣ учили: съ 1733 г. Стефанъ Леваковскій; въ 1738 г. Максимъ Матѳѣевъ Данилевскій; въ 1743 г. Іеродіаконъ Игнатій Данилевичъ; въ 1745 г. Іеронимъ Іеродіаконъ; до 1755 г. Іоаннъ Лабецкій, сперва Діаконъ Васильевской съ Горки церкви, а потомъ Священникъ Михайло-Архангельскаго Собора; въ 1755 г. Андрей Соболевскій; въ 1760 Иванъ Даниловъ.

Въ Инфимѣ учителями были: съ 1755 г. Іеромонахъ Манассія; съ 1738 г. монахъ Сильвестръ; въ 1745 г. и прежде Іеродіаконъ Іеронимъ Григоровичъ; 1755 г. Спиридонъ Желтовскій, Діаконъ Пароменской церкви; послѣ него до 1758 г. Діаконъ Лабецкій; съ 1758 г. Семенъ Григорьевъ; въ 1760 г. Иванъ Даниловъ.

Въ Грамматическомъ классѣ учителями были: въ 1738 г. Стефанъ Збороміирскій; съ 1739 г. монахъ Сильвестръ (до монашества Стефанъ Стефановъ Леваковскій); въ 1745 г. монахъ Тихонъ Симоновичъ; въ 1751 г. Іеродіаконы: Іоиль и Симонъ; въ 1755 г. Іеродіаконъ Лаврентій, Любятовскаго монастыря Надсмотритель; въ 1755 г. Діаконъ Іоаннъ Лабецкій; въ 1760 г. Михаилъ Васильевъ.

Въ Синтаксическомъ классѣ учителями были: въ 1738 году монахъ Іосифъ; въ 1739 г. Стефанъ Васильевъ Збороміирскій; въ 1745 г. Іеродіаконъ Игнатій (Шалимовъ), Іеродіаконъ Тихонъ; въ 1751 г. Іеродіаконъ Іоиль и Іеродіаконъ Симонъ; въ 1756 г. Префектъ, Елеазаровскаго монастыря Игуменъ, Симонъ; въ 1758 г. Ѳедоръ Павловъ; въ 1760 г. Михаилъ Васильевъ.

Въ Піитическомъ классѣ учили: въ 1738 г. Андрей Топольницкій; въ 1739 г. монахъ Іосифъ; въ 1745 г. Іеромонахъ Порфирій Сатковскій; въ 1746 г. Іеродіаконъ Лаврентій; въ 1751 г. Іеродіаконъ Іеронимъ, Іеродіаконъ Іоиль, за нетрезвость уволенный Преосвященнымъ Симономъ Тодорскимъ въ Святогорскій монастырь; въ 1758 г. Іеродіаконъ Іеронимъ; въ 1760 г. Игуменъ Наркиссъ Квѣтко.

Въ Риторическомъ классѣ учили: въ 1738 г. Іеромонахъ Геннадій; съ 1739 г. Андрей Топольницкій; въ 1745 г. Префектъ Іосифъ; въ 1746 г. Іеромонахъ Порфирій и Іеродіаконъ Амвросій; въ 1758 г. Іеромонахъ Лаврентій; въ 1760 г. Ѳедоръ Павловъ.

Въ Философскомъ классѣ учили: въ 1745 г. Ректоръ Геннадій, который, въ 1746 г., по открытіи Богословскаго класса, училъ вмѣстѣ и Богословію, 1749 г. Іеромонахъ Игнатій. Въ послѣдствіи Философію преподавали исключительно Префекты, какъ Богословіе — Ректоры.

Внутреннее Управленіе Семинаріей было конторное. Главнымъ начальствующимъ лицомъ въ Семинаріи былъ Ректоръ, завѣдывающій всѣми частями Семинарскаго управленія: учебною, нравственною и хозяйственною. Ближайшимъ помощникомъ его, по всѣмъ частямъ этого управленія, былъ Префектъ. Въ какомъ отношеніи находились Ректоръ и Префектъ, какъ къ Семинаріи, такъ и между собою, видно изъ указа домашней Конторы Преосвященнаго Симона Тодорскаго, отъ 15 Сентября, 1745 года. Въ немъ, между прочимъ, пишется: «Префекту, Елизаровскому Игумену Іосифу, быть по прежнему.... и по Ректорѣ смотрѣніе имѣть надъ всѣми школами, какъ надъ учителями въ обученіи благопоспѣшномъ учениковъ, такъ и надъ учениками въ прилежнѣйшемъ и нелѣностномъ ученіи и въ препровожденіи добропорядочнаго жительства, а виновныхъ учениковъ за преступленіе наказывать, по разсужденію; а буде за философическими учениками (Богословскій классъ еще не былъ открытъ) имъ, Префектомъ, что непорядочное усмотрѣно будетъ, о томъ ему представлять и штрафовать съ согласіемъ Ректора.

СПИСОКЪ

Ректоровъ и Префектовъ Псковской Семинаріи, отъ ея основанія до 1765 года.

Ректоры:

1. Геннадій, въ мірскомъ званіи Григорій Андреевскій, сначала Игуменъ Великопустынскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго, потомъ Архимандритъ Псково-Печерскаго монастыря, а съ 1751 года Епископъ Костромской. Начиналъ Ректорскую должность еще бывши міряниномъ, и назывался Директоромъ. Въ первый разъ о немъ упоминается въ дѣлахъ Консисторскаго архива подъ 1738 годомъ.

2. **Игнатій** (1751—53 г.), Игуменъ Великопустынскій. По слабости здоровья уволился отъ училищной службы.

3. **Симонъ**, Елеазаровскаго монастыря Игуменъ, въ 1756 г. подписывался вмѣсто Ректора.

4. **Лаврентій**, Іеромонахъ, въ 1759 г. подписывался вмѣсто Ректора.

5. **Θеодосій**, Святогорскій Архимандритъ, съ 1761 г. Епископъ Устюжскій.

6. Послѣ Θеодосія правили должность Ректора: Псково-Печерскій Архимандритъ **Іосифъ** и Святогорскій Архимандритъ **Доροθей**.

Префекты.

1. **Іосифъ**, Елеазаровскаго монастыря Игуменъ. О немъ упоминается съ 1742 по 1745 годъ.

2. **Игнатій**, Іеромонахъ. О немъ упоминается въ 1750 г.

3. **Тихонъ**, Іеромонахъ. О немъ упоминается въ 1751 г.

4. **Симонъ**, Елеазаровскій Игуменъ. О немъ упоминается съ 1752 года. Уволился по болѣзни.

5. **Лаврентій**, Іеродіаконъ и Надсмотритель Любятовскаго монастыря. О немъ упоминается въ 1755 году.

6. **Иларіонъ**. Въ 1763 году значится Іеромонахомъ, въ 1766 Игуменомъ. Въ томъ же году сдѣланъ Ректоромъ Троице-Сергіевской Семинаріи.

Внѣшнее Управленіе Семинаріей.

Съ внѣшней стороны ближайшимъ образомъ Семинаріею завѣдывали мѣстная Консисторія и мѣстный Преосвященный, особенно послѣдній, такъ что она не иначе и называлась, какъ Семинаріею Его Преосвященства, а сами Преосвященные гово-

рили о ней: «Въ нашихъ Славяно-Латинскихъ школахъ, въ нашей Семинаріи.» Пастыри Псковскіе, не смотря на то, что почти всѣ они жили въ столицѣ, какъ Члены Святѣйшаго Синода, принимали самое живое участіе во всемъ, что касалось этѣхъ школъ. Безъ ихъ разрѣшенія въ нихъ не дѣлалось ни чего, а многое совершалось единственно по ихъ личному усмотрѣнію и распоряженію. Они открывали новые классы, вводили преподаваніе новыхъ предметовъ, назначали испытанныхъ ими лицъ на должности Ректора, Префекта, и руководили ихъ въ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей, опредѣляли учителей на тотъ, или другой, предметъ, и каждый разъ, предъ начатіемъ ученія, указывали, что и какъ они должны были преподавать, наблюдали, какъ за ихъ нравственностію, такъ и за успѣхами и благонравіемъ учениковъ, изыскивали средства къ обезпеченію послѣднихъ въ содержаніи, успѣшныхъ въ наукахъ награждали, лѣнивыхъ штрафовали, употребляли всѣ мѣры къ ослабленію нерасположенности къ наукамъ, какъ въ ученикахъ, такъ и въ ихъ родителяхъ. Такъ въ 1742 году Преосвященный Стефанъ, замѣтивъ разныя неисправности по дѣламъ училищнымъ, писалъ слѣдующее распоряженіе:

1. Для обученія Славянской грамотѣ отдавать отцамъ, родственникамъ и свойственникамъ, кромѣ дѣтей сирыхъ и самыхъ бѣдныхъ, съ тѣмъ, чтобы, по обученіи этой грамотѣ, дѣти представлены были для обученія Латыни.

2. Отдавать на извѣстные сроки, смотря по тому, кто что знаетъ изъ дѣтей, но ни въ какомъ случаѣ срокъ не долженъ простираться далѣе 3-хъ лѣтъ.

3. Кто таковыхъ дѣтей къ сроку не представитъ, того штрафовать.

4. Кто будетъ уволенъ въ домъ для обученія, на какой срокъ, съ какимъ обязательствомъ, о томъ немедленно рапортовать Его Преосвященству.

5. Отставить отъ должности Учителя Славяно-Россійской школы, Пономаря Стефана Яковлева, за нерадѣніе и оштрафовать,

а Ректору съ Префектомъ избрать на его мѣсто другаго изъ учениковъ Философіи, и строго смотрѣть за его исправностію.

6. Бѣглыхъ учениковъ Консисторіи въ скоромъ времени отыскать и представить въ школы безъ всякихъ, съ ихъ стороны, отговорокъ; иначе Консисторія будетъ оштрафована Преосвященнымъ за потворство, по которому она, не смотря на неоднократныя подтвержденія Его Преосвященства, съ самаго вступленія его на Псковскую каѳедру, допустила болѣе 30 человѣкъ жить въ бѣгахъ.

7. Значущихся въ вѣдомостяхъ больными призвать въ Духовную Консисторію и, вмѣстѣ съ Ректоромъ и Префектомъ, пригласивъ Лѣкаря, освидѣтельствовать и о послѣдующемъ, за рукоприкладствомъ свидѣтельствовавшихъ, отрепортовать Его Преосвященству.

8. Безъ вѣдома и указа Его Преосвященства, ни этѣхъ учениковъ, ни имѣющихъ поступить въ училище, хотя бы и за болѣзнію, не отпускать, подъ опасеніемъ штрафа.

9. Отнынѣ Консисторія должна смотрѣть, чтобы какъ Учители свое дѣло дѣлали усердно, такъ и ученики учились прилежно. [37]

Въ какомъ духѣ Псковскіе пастыри дѣйствовали на Семинарію, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго прекраснѣйшаго наставленія Преосвященнаго Симона Тодорскаго начальствующимъ и учащимъ въ Семинаріи, выраженнаго въ указѣ, отъ 28-го Августа, 1746 года, по случаю назначенія отъ него, кому что преподавать въ Семинаріи въ 1746—47 году. Вотъ это наставленіе: «Обучати же учителямъ онымъ по самой Христіанской совѣсти, съ великимъ тщаніемъ и попеченіемъ о душахъ обучающихся, яко отвѣтъ имуще воздати за ученіе свое во страшное Христово пришествіе.»

Къ сожалѣнію, Псковская Консисторія, чрезъ которую Преосвященные исключительно дѣйствовали на Семинарію, бывъ за-

---

[37] Дѣло Псков. Д. Консист. Арх. за 1742 г.

нята дѣлами Епархіяльнаго управленія и не имѣя у себя людей, совершенно понимавшихъ учебную часть, не могла дѣйствовать на Семинарію, какъ требовала ея польза. Отъ того въ управленіи Семинарскомъ происходилъ безпорядокъ. Консисторія ссылалась на Семинарію, Семинарія на Консисторію, и Преосвященнымъ часто было трудно даже знать истинное положеніе Семинаріи и употребить свою заботливость съ пользою для ней. На пр., въ 1745 году Преосвященному нужно было знать, сколько кому лѣтъ изъ учениковъ Семинаріи. Объ этомъ данъ былъ указъ въ Консисторію. Что же Консисторія? Она спросила Учителя, а Учитель отвѣчалъ: «Сколько кому лѣтъ изъ его учениковъ, о томъ знаетъ Консисторія, ибо не прежде ученикъ приводится въ школу, какъ въ Консисторіи запишутъ его лѣта.» [38] Съ самаго начала Архіерейскихъ школъ, Святѣйшій Синодъ, или по своимъ видамъ, или въ слѣдствіе Высочайшихъ распоряженій, относительно лицъ духовнаго званія, требовалъ отъ Архіереевъ вѣдомостей объ ученикахъ. Въ 1737 году дана была отъ Святѣйшаго Синода и форма для ежегоднаго составленія таковыхъ вѣдомостей. Но Псковская Консисторія, при всемъ этомъ, не смотря на строгія подтвержденія и Преосвященныхъ и Святѣйшаго Синода, или вовсе не представляла Преосвященному и Синоду, за нѣсколько лѣтъ сряду, требуемыхъ свѣдѣній объ ученикахъ, или представляла ихъ съ большими неисправностями и не въ свое время, [39] предлагая въ свое извиненіе иногда самыя странныя объясненія. На пр., въ 1756 году, на спросъ Преосвященнаго, по чему Консисторія не представила вѣдомостей съ 1746 года, она отвѣчала: «Списки не посылались или по тому, что Учители не подавали ихъ въ надлежащей формѣ, а Секретари Консисторіи и приказные не требовали ихъ, которыхъ, впрочемъ, т. е., Секретарей и приказныхъ, въ живыхъ не находится, или по тому, что поданные по формѣ Его Преосвященству сгорѣли съ Архіерейскимъ домомъ, да и тѣ ученики, о коихъ были упомянутые списки, уже изъ школъ въ церковный причтъ выбыли, по этому и теперь нѣтъ возможности представить требуемыхъ вѣдомостей.» [40]

---

[38] Дѣло Псков. Консист. Арх. за 1745 г.

[39] Дѣло Псков. Консист. Арх. за 1738 и 1742 г.

[40] Дѣло Псков. Конс. Арх. за 1756 т. Списки учениковъ не были представ-

Въ 1745 году Свят. Синодъ и Преосвященный, требуя вѣдомостей объ ученикахъ, которыя не представлялись съ 1738 года, приказывали Консисторскаго Секретаря и канцелярскихъ служителей держать въ Консисторіи подъ арестомъ безвыходно и не давать имъ жалованья, пока не составитъ тѣхъ вѣдомостей.[41]

Экономическая часть.

Отъ основанія духовныхъ школъ до 1765 года.

До учрежденія штатовъ при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, Семинарія, главнымъ образомъ, содержалась съ сбора съ монастырей 20-й и съ церковныхъ земель, гдѣ они были, 30-й части хлѣба. Но этотъ способъ содержанія былъ и недостаточенъ, и крайне затруднителенъ. Упомянутый сборъ хлѣба, обыкновенно, совершался такъ: каждый монастырь, каждая церковь должны были представлять въ Консисторію вѣдомости о томъ, сколько какого гдѣ родилось хлѣба. За тѣмъ Консисторія и требовала, по представленнымъ вѣдомостямъ, откуда 20-ю, а откуда 30-ю часть. Но, во первыхъ, можно ли было ожидать, чтобы въ вѣдомостяхъ, представленныхъ въ Консисторію, вѣрно обозначалось количество полученнаго съ поля хлѣба тою или другою церковію, тѣмъ или другимъ монастыремъ? Во вторыхъ, сколько должно было пройти времени, пока представятъ вѣдомости о хлѣбѣ, пока Консисторія сдѣлаетъ по нимъ надлежащій расчетъ, и пока по этому расчету будетъ доставленъ въ Семинарію хлѣбъ? Каждогодно были жалобы на неисправность доставки его. А за многими монастырями и церквами оставались недоимки за цѣлые годы.[42]

Въ 1738 году Высочайше повелѣно было Свят. Синоду составить штаты для Духовныхъ Училищъ, приспособляясь «къ апробованному штату о гарнизонныхъ для солдатскихъ дѣтей шко-

---

ляемы вовсе съ 1738 по 1745. Дѣло Псков. Конс. Арх. за 1746 г., съ 1745 по 1756. Дѣло Псков. Конс. Арх. за 1756 г.

[41] Дѣло Псков. Консист. Арх. за 1746 г.

[42] Дѣло Псков. Консист. Арх. 1743; 1761 и др.

лахъ. Они и были составлены, но не утверждены, по тому, что потребовалось ежегоднаго отпуска значительной суммы денегъ. Въ послѣдствіи Новгородская и Невская Семинаріи и Московская Академія получали ежегодные оклады, но прочія Семинаріи остались на прежнемъ основаніи по Духовному Регламенту.[43]

Въ 1740 году позволено было Святѣйшимъ Синодомъ употреблять свѣчныя деньги, между прочимъ, и на нужды школьныя. Но не видно, чтобы Псковскія духовныя школы пользовались этѣмъ пособіемъ.[44]

По указу Святѣйшаго Синода 1744 года, въ пользу Семинарій должны были поступать деньги, взыскиваемыя съ отцевъ и родственниковъ за укрывательство бѣглыхъ учениковъ, а равно и за недоставленіе дѣтей къ сроку. Деньги этѣ, дѣйствительно, поступали въ пользу Псковской Семинаріи, но онѣ были очень незначительны.[45] Въ 1760 году собирали, въ пользу Семинаріи, съ церковныхъ крестьянъ за одну сажень, по окладу, по 46 коп. съ дыму, т. е. со двора.

Вѣнечныя деньги, по 3 коп. со двора, тоже поступали въ пользу Семинаріи.

Первоначально Семинарія помѣщалась на Печерскомъ подворьѣ до 1738 года; въ 1738 году Преосвященнымъ Стефаномъ Калиновскимъ выстроенъ былъ для ней особый двухъ-этажный каменный домъ, близъ Печерскаго подворья, и нынѣ существующій.

Одни изъ учениковъ Семинаріи помѣщались въ самой Семинаріи, а другіе жили на квартирахъ. Въ самой Семинаріи жили только тѣ, кои содержались на казенный счетъ. По указу Преосвященнаго въ 1740 году, лучшимъ бѣднымъ ученикамъ, сверхъ пищи, приготовляемой для прочихъ учениковъ Философіи, Риторики и Піитики, выдавали, въ награду, въ простые дни мясоѣд-

---

[43] Истор. Россійск. Іерархія, ч. I, стр. 441 и 442.

[44] Полн Собр. Зак. ст. 8,287.

[45] Вѣд. о штраф. деньгахъ за 1744, 1757 и 1758 г. Псков. Конс.

ные по 1 ф. мяса, а въ постные по довольной порціи рыбы, въ воскресные и праздничные дни по 2 фун. мяса и по 2 фун. рыбы. Вмѣсто этого стали было выдавать деньгами, но въ 1742 году таковая выдача запрещена отъ Преосвященнаго.

Въ 1743 году казеннокоштныхъ воспитанниковъ было въ Семинаріи 924 человѣка, такъ что недостало и хлѣба для ихъ пропитанія. По чему Преосвященный Стефанъ приказалъ сократить ихъ число и положилъ, по скольку на каждаго изъ нихъ должно быть отпускаемо хлѣба.

Ученикамъ Риторики приказано было давать хлѣба по 4 ф., такихъ было 4; ученикамъ Синтаксимы, Грамматики, Инфимы, Фары и Славянороссійской школы по 3 ф., такихъ было: въ Синтаксимѣ 2, въ Грамматикѣ 2, въ Инфимѣ 2, въ Фарѣ 5, въ Славянороссійской школѣ 8, и того, по сокращеніи, 224 человѣка, оставалось на казенномъ содержаніи только 23 человѣка,

Въ 1745 году на казенномъ содержаніи было: изъ Риторики 9, получали они по 6 ф. хлѣба въ день; изъ Піитики 10, получали они по 5 ф. хлѣба въ день; изъ Синтаксимы 6, получали они по 4 фун. хлѣба.

Изъ Грамматики	6	по 4 фун. хлѣба въ день.
Изъ Инфимы . .	7	
Изъ Фары. . . .	38	по 3 фун. хлѣба въ день.
Писар. школъ. .	43	

Славянороссійской школы 20; этѣ получали по 2 фун. хлѣба въ день.

Какъ велики были матеріяльныя средства Псковской Семинаріи въ разсматриваемое нами время, и какъ распоряжались ими, видно изъ слѣдующихъ приходо-расходныхъ статей.

Въ 1745 году

въ ней въ расходѣ было:

въ Генварѣ:	ржаной	муки	22	четверти	6	четверик.
»	»	житной	» 9	»	6	»
въ Февралѣ:	ржаной	»	33	»	2	»

въ	Февралѣ:	житной	муки	14	четвертей	2	четверика
въ	Мартѣ:	ржаной	»	36	»	6	»
»	»	житной	»	15	»	6	»
въ	Апрѣлѣ:	ржаной	»	28	»	»	»
»	»	житной	»	12	»	»	»
въ	Маѣ:	ржаной	»	28	»	7	»
»	»	житной	»	13	»	4	»
»	»	пшеничн.	»	2	»	5	»
въ	Іюнѣ:	ржаной	»	30	»	1	»
»	»	житной	»	13	»	4	»
»	»	пшеничн.	»	1	»	1	»
въ	Іюлѣ:	ржаной	»	8	»	»	»
»	»	житной	»	3	»	»	»

Значитъ, за 7 мѣсяцевъ ржаной муки было въ расходѣ 187 четвертей 6 четвериковъ, житной 81 четверть 6 четвериковъ.

За два мѣсяца пшеничной муки было въ расходѣ 3 четверти 6 четвериковъ.

За тѣмъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ остаткѣ на лицо было:

ржи	55	четвертей	3	четверика.
жита	30	»	3	»
овса	335	»	»	»
пшеницы. . .	1	»	4	»
гороху	2	»	»	»
гречи	15	»	6	»
сѣмяни конопл.	4	»	2	»

Денегъ оставалось 210 руб. 3 копѣйки.

Въ 1759 году

въ приходѣ было:

денегъ 97 руб. 57½ коп.,

въ расходѣ:

денегъ 80 руб. 66½ коп.,

въ остаткѣ 16 руб. 85 коп.

въ приходѣ:

хлѣба (съ остатковъ отъ предыдущаго года):

ржи. .	335	четвертей	7	четвериковъ	2 гарнца,
жита .	99	»	7	»	» »
овса .	91	»	»	»	» »
гречи.	2	»	»	»	4½ »
сѣмени конопляного.	6	»		1	»
пшеницы	3	»		4	»

въ расходѣ:

ржи. .	106	четвертей	7	четвериковъ	2 гарнца.
жита .	22	»	»	»	» »
овса .	88	»	»	»	» »
гречи.	2	»	»	»	4½ »
пшеницы »		»	3	»	» »

За тѣмъ въ остаткѣ къ 1760 году было:

ржи. .	229	четвертей.			
жита .	77	»	7	четвериковъ.	
овса .	3	»	»	»	
гороху	3	»	»	»	
пшеницы »		»	»	»	4 гарнца,
сѣмени конопляного .	6	»		1	»

въ приходѣ:

дровъ, собиравшихся съ Псково-градскихъ и Уѣздныхъ церквей съ двороваго числа 216 саженъ.

Въ расходѣ 216 саженъ.

Въ 1760 году:

въ приходѣ денегъ 154 руб. 80 коп.,
въ расходѣ 117 руб. 77¾ коп.,
въ остаткѣ 37 руб. 2½ коп.,

въ приходѣ хлѣба (съ остаткомъ отъ предыдущаго года):

ржи	425	четвертей	4	четверика	1/2	гарнца.
жита	31	»	6	»	5	»
овса	213	»	3	»	2 3/4	»
ярицы	»	»	1	»	1/4	»
гороху	2	»	»	»	5 1/2	»
пшеницы . . .	1	»	3	»	1	»
гречи	6	»	7	»	4 3/4	»
сѣмени кон. .	1	»	1	»	1 3/4	»

Въ расходѣ:

ржи . . .	188	четвергей.		
жита . . .	44	»	4	четверика.
овса . . .	5	»	»	»

За тѣмъ въ остаткѣ:

ржи	237	четвертей	4	четверика	1 1/2	гарнца,
жита	43	»	3	»	8	»
овса	207	»	7	»	2 3/4	»
ярицы	»	»	1	»	1/4	»
гороху	2	»	»	»	5 1/2	»
гречи	6	»	7	»	4 3/4	»
пшеницы . .	1	»	3	»	1	»
сѣмени кон. .	1	»	1	»	1 1/4	»

въ приходѣ дровъ 266 1/2 сажени,
въ расходѣ 165 1/2 сажени,
въ остаткѣ 101 сажень.

Въ 1761 году
собрано:

ржи	138	четвертей	6	четвериковъ	6 1/4	гарнцевъ,
жита. . . .	42	»	2	»	5 1/2	»
овса	58	»	5	»	3/4	»
гороху. . .	2	»	2	»	4	»
гречи . . .	4	»	»	»	»	»
пшеницы .	»	»	4	»	5 1/2	»
сѣмени кон.	»	»	3	»	1 1/4	»

Всего съ остаточнымъ отъ 1760 года:

ржи	376	четвертей	2	четверика	$7^{3}/_{4}$	гарнца,
жита.	85	»	6	»	$2^{1}/_{2}$	»
овса	266	»	4	»	$3^{1}/_{2}$	»
гороху. . . .	4	»	3	»	$1^{1}/_{2}$	»
гречи	11	»	»	»	$4^{1}/_{4}$	»
пшеницы . .	2	»	1	»	$6^{1}/_{2}$	»
семени кон. .	1	»	4	»	$2^{1}/_{4}$	»

въ расходѣ (въ 1761 году, съ Генваря по 26-е Октября):

ржи . . .	178	четвертей	7	четвериковъ,
жита. . .	40	»	6	»
овса . . .	113	»	6	»

На лицо оставалось:

ржи	205	четвертей	3	четверика	$7^{3}/_{4}$	гарнца,
жита	41	»	4	»	$2^{1}/_{2}$	»
овса	152	»	6	»	$3^{1}/_{2}$	»
гречи	11	»	»	»	$4^{1}/_{2}$	»
пшеницы . .	2	»	1	»	$6^{1}/_{2}$	»
сѣмени кон. .	1	»	4	»	$2^{1}/_{2}$	»

Дровъ было въ приходѣ 243 саж., въ расходѣ 111.

Въ 1761 году (съ Генваря по 26-е Октября):

въ приходѣ было денегъ 231 руб. $50^{3}/_{4}$ коп.,

въ расходѣ 216 руб. 67 коп.,

въ остаткѣ 14 руб. $83^{3}/_{4}$ коп.

Въ 1760 году четверть ржи стоила 1 руб. 20 коп., а четверть овса 80 коп. По этому можно судить, что стоило въ годъ на деньги содержаніе Семинаріи.

По хозяйственной части Ректоръ и Префектъ дѣйствовали чрезъ Экономовъ или Расходчиковъ, которые были назначаемы изъ лицъ и свѣтскаго и духовнаго званія, по усмотрѣнію Пре-

освященныхъ. И по этой части, на первыхъ порахъ, трудно было найти способныхъ людей, отъ чего и происходили довольно значительные промахи по веденію Семинарскаго хозяйства.

Расходчики Псковской Семинаріи: до 1742 года Копеистъ Василій Никитинъ; въ 1742 году отставной Капитанъ Козьма Подкуровъ; въ 1743 отставной Поручикъ Өедоръ Лавровъ; въ 1745 Священникъ Васильевской съ Горки церкви Өирсъ Васильевъ; до 1756 года нѣкто Стахій Өедоровъ; въ 1756 году Николаевской со Усохи церкви Священникъ Никифоръ Козьминъ; въ 1759 Соборный Ключарь Иванъ Парфеновъ; въ 1780 Іеромонахъ Николай; до 1762 года Іеродіаконъ Ипатій; съ 1762—67 Соборный Ключарь Евфимій Васильевъ.

ОТДѢЛЪ 2-Й.

ПСКОВСКАЯ СЕМИНАРІЯ,

СЪ 1765 ПО 1814 Г.

Учебная часть.

Съ половины 18 столѣтія Псковская Семинарія замѣтно стала принимать лучшій видъ. Матеріальныя средства ея, хотя были и ограниченны, сдѣлались болѣе надежными. Для развитія умственнаго и нравственнаго, полагались въ ней основанія болѣе прочныя. На учительскія должности назначались люди, уже къ тому приготовленные; преподаваніе прежнихъ наукъ усилилось; вводились новые предметы ученія; учреждались новыя школы, при ней самой и отдѣльно.

Нѣкоторые города, принадлежавшіе къ Псковской Епархіи, слишкомъ удалены были отъ Пскова. Это затрудняло родителей въ доставленіи дѣтей въ Псковъ для обученія. На примѣръ, почти до конца прошедшаго столѣтія, въ составъ Псковской Епархіи входилъ городъ Невель, принадлежащій нынѣ Витебской Епархіи, который отстоитъ отъ Пскова слишкомъ на 300 верстъ. По этому найдено нужнымъ въ дальнихъ городахъ учредить особыя низшія

училища, въ которыхъ преподавались бы тѣ же самыя науки, какія изучаемы были въ низшихъ классахъ Семинаріи, и изъ которыхъ успѣшныя дѣти могли бы поступать въ слѣдующій, по тогдашнему порядку, классъ Семинаріи.

Такимъ образомъ, въ 1780 году, открыто отдѣльное низшее Училище, подъ именемъ Гимназіи, въ городѣ Невелѣ. Гимназія эта имѣла два класса: низшій Латинскій классъ и первый классъ, соотвѣтствовавшій Информаторскому классу въ Семинаріи. Въ первомъ учили Латинской Грамматикѣ и Польскому переводу, читать и писать по Польски и по Латыни, во второмъ учили писать по Русски и по Латыни, Псалтири и Часослову. Гимназія помѣщалась въ купленномъ для ней за 300 руб. домѣ. [1] Существовала эта Гимназія до 1799 года.

Въ 1788 г., съ тою же цѣлію, такая же Гимназія открыта была въ Полоцкѣ, входившемъ нѣкогда, какъ и Невель, въ составъ Псковской Епархіи. Помѣщалась она въ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Настоятель монастыря, Игуменъ Іоасафъ, былъ вмѣстѣ и Начальникомъ Гимназіи.

Въ 1795 году Полоцкъ отчисленъ былъ къ Могилевской Епархіи.

Въ томъ же 1788 г. открыта Гимназія въ Торопцѣ, отошедшемъ отъ Смоленской Епархіи къ Псковской. Торопецкая Гимназія помѣщалась въ Небиномъ монастырѣ, котораго Настоятель, Игуменъ Исаія, былъ и ея Начальникомъ. Существовала Гимназія до 1799 года.

20 числа Генваря, 1789 года, открыта Гимназія въ Великихъ Лукахъ, для первоначальнаго образованія въ ней дѣтей духовнаго званія Великолуцкаго и Холмскаго Уѣздовъ, отошедшихъ къ Псковской Епархіи отъ Новгородской. [2] При этомъ открытіи произве-

---

[1] Дѣло Семинарскаго Архива за 1782 г.

[2] Еще прежде того, въ 1758 году, резолюціею Преосвященнаго Димитрія Сѣченова, Митрополита Новгородскаго, приказано было учредить въ Великихъ Лукахъ духовное училище для Великолуцкаго, Холмскаго и Пусторжевскаго Уѣздовъ (Ист. Росс. Іерархіи, ч. 1, стр. 608).

сена была рѣчь первымъ ея Учителемъ, Священникомъ Великолуцкаго Воскресенскаго Собора, Меѳодіемъ Андреевымъ, воспитанникомъ Новгородской Семинаріи, сыномъ Священника погоста Каменки. Одни изъ учениковъ поступили въ эту Гимназію изъ Новгородской Семинаріи, другіе набраны вновь. Гимназія эта имѣла 3-й классъ Писарскій. Помѣщалась она въ Великолуцкомъ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, и его Настоятель, Игуменъ Парѳеній, былъ первымъ Начальникомъ Гимназіи. Закрыта Гимназія эта въ 1803 году, по тому что Ректоръ Псковской Семинаріи, Архимандритъ Венедиктъ, израсходовалъ на Семинарскія постройки всю сумму, на которую она содержалась. И помѣщеніе ея въ монастырѣ оказалось стѣснительнымъ. Предложено было духовенству Торопецкаго и Великолуцкаго Уѣздовъ пожертвовать по 6¾ к. съ каждаго двора на постройку и содержаніе Гимназіи. Но духовенство отказалось отъ пожертвованія. [3]

Тогда какъ устранялось такимъ образомъ затрудненіе въ первоначальномъ образованіи дѣтей удаленнаго отъ Семинаріи духовенства Псковской Епархіи, въ ней самой значительно расширялось образованіе и приспособлялось къ нуждамъ духовныхъ воспитанниковъ.

Въ 1773 г. приказано было отъ Преосвященнаго всѣхъ Семинаристовъ учить нотному простому пѣнію, а понятнѣйшихъ и партесному.

Съ 1774 г., по распоряженію Преосвященнаго, на Греческій классъ стали ходить и лучшіе ученики Богословія (до 10 человѣкъ), тогда какъ до этого времени посѣщали его ученики только низшихъ классовъ.

Въ 1774 г. открытъ классъ Нѣмецкаго языка. На первый разъ положено было обучать этому языку не болѣе 12 способныхъ учениковъ Риторическаго класса. Съ 1776 г. онъ преподавался и ученикамъ Философіи, обучавшимся Греческому языку.

Въ 1776 г. открыты классы Французскаго и Польскаго языковъ; первому могли обучаться и не Семинаристы. Знать Поль-

---

[3] Дѣло Семинарскаго Архива за 1803 годъ.

скій языкъ нужно было Священникамъ Полоцкаго и Невельскаго Уѣздовъ, гдѣ онъ и нынѣ употребляется. Учиться ему обязывались не болѣе 6 человѣкъ. Въ 1786 году этотъ классъ закрытъ, по тому что не кому было обучать по Польски.

Въ 1780 г. учреждена Преосвященнымъ при Семинаріи, въ Информаторской Палатѣ, Сиротская школа, на слѣдующихъ, между прочимъ, положеніяхъ:

1. Учиться въ ней сиротамъ, не имѣющимъ родителей и родственниковъ. Числомъ ихъ должно быть въ ней не болѣе 20 человѣкъ. Принимать ихъ по усмотрѣнію Преосвященнаго.

2. Учить ихъ Информатору вмѣстѣ съ приготовляемыми въ Семинарію учениками, употребляя въ помощь старшихъ учениковъ Информаторскаго класса; учить читать по Русски и пѣть.

3. Надзоръ за этой школой имѣть общій съ Семинаріею.

4. Малонадежныхъ къ высшимъ наукамъ опредѣлять на мѣста; успѣшныхъ, по докладѣ Преосвященному, переводить въ высшіе классы Семинаріи. Таковыхъ заблаговременно учить читать и писать по Латыни.

Въ 1781 г. предписано было Св. Синодомъ во всѣхъ Семинаріяхъ учить читать по гражданской Русской печати.

Въ 1784 г. послѣдовалъ Высочайшій Указъ объ усиленіи всѣхъ наукъ вообще, и въ частности Греческаго языка, какъ особенно необходимаго для пастырей церкви. Даже повелѣно было, по истеченіи трехъ лѣтъ отъ изданія сего Указа, производить на убылыя духовныя мѣста преимущественно такихъ, которые пріобрѣли совершенное знаніе Греческаго языка.

Въ слѣдствіи этого Св. Синодъ предписывалъ стараться, чтобы ученики не только умѣли читать на этомъ языкѣ, но и писать, говорить и переводить совершенно. Приказано назначать достойныхъ для этого учителей, и рапортовать Св. Синоду, гдѣ кто обучался и учится по Гречески, въ вѣдомостяхъ о Настоятеляхъ монастырей и Учителяхъ отмѣчать не только то, учились ли они Греческому языку, но и какъ знаютъ его. Сообразно съ этими

постановленіями, послѣдовало и мѣстное Епархіальное распоряженіе, какъ относительно усиленія занятій по всѣмъ классамъ, такъ и въ особенности по классу Греческаго языка.

Въ 1792 г. ордеромъ Преосвященнаго, предписано было: преподавать Катихизисы Большой и Малый. Послѣдній приказано было преподавать каждому Учителю въ своемъ классѣ. Большой и до этого времени преподавался по воскреснымъ днямъ, предъ Литургіею, при собраніи всѣхъ учениковъ, Учителями поочередно.

Въ 1792 г. въ послѣднемъ случаѣ сдѣлана такая перемѣна: такъ какъ Катихизическое ученіе преподавалось и въ городѣ, обыкновенно въ Михайло-Архангельской церкви, особенно назначенными для этого Священниками, куда собирались, по благовѣсту, въ извѣстное время, всѣ Священно-церковно-служители съ прочимъ народомъ, то, вмѣсто преподаванія Большаго Катихизиса Семинаристамъ въ залѣ, въ 1792 году, Преосвященный приказалъ ходить и Семинаристамъ, подъ надзоромъ одного изъ Учителей, на упомянутыя Катихизическія чтенія въ церкви. Въ 1792 г. обязанность преподаванія такого публичнаго ученія возложена была на Соборнаго Священника, Іакова Полонскаго, воспитанника Сергіевой Семинаріи. Этому Священнику приказано было написать планъ, подъ руководствомъ Ректора, преподаванія Катихизиса, и предварительно представить его Преосвященному.

Въ 1794 году, по случаю прекращенія Катихизическаго ученія въ приходскихъ церквахъ, приказано, по прежнему обычаю, преподавать публично Катихизисъ въ Семинаріи кому-либо изъ Учителей.

Въ 1797 г. Высочайше повелѣно было открыть четыре Академіи. Въ 1798 г. Св. Синодъ, назначивъ для нихъ предметы ученія, предписалъ, чтобы и Семинаріи въ преподаваніи наукъ сообразовались съ Академіями. При этомъ, не велѣно было обременять учениковъ множествомъ предметовъ, довольствуясь прибавкою къ каждому ординарному предмету одного экстраординарнаго. Приказано усилить знаніе Латинскаго языка, съ самыхъ низшихъ классовъ учить сперва Сокращенный, а потомъ Пространный Катихизисъ, не оставляя слушать и публично преподаваемый

по Воскресеньямъ. Предписывалось, чтобы воспитанники знали читать, пѣть и разумѣли Уставъ Церковный, чтобы въ Училищахъ воспитанники пріобрѣтали свѣдѣнія, необходимыя по Сельскому хозяйству, а также и о врачеваніи обыкновенныхъ болѣзней.

Въ 1800 г. предписано было Свят. Синодомъ, гдѣ не заведены, завесть Русскія школы для тѣхъ, кои, по слабости дарованій, въ высшіе классы неспособны, да и по чему либо не могутъ вдругъ поступить на мѣста. Это сдѣлано для того, чтобы уволенные изъ училищъ и находящіеся безъ мѣстъ не пріучались къ худому.[1] Въ этой школѣ положено учить: Церковному чтенію, Уставу и кругу, нотному пѣнію, писать, Катихизису, Св. Исторіи, а равно и другимъ предметамъ, относящимся къ ихъ должности.

Въ 1803 году открытъ классъ Медицины, и первымъ учителемъ по этому классу былъ Штабъ-Лѣкарь Фонъ деръ Белинъ. Учиться Медицинѣ обязаны были только ученики Богословія и Философіи, за неимѣніемъ времени ходить на этотъ классъ ученикамъ прочихъ классовъ. Такъ какъ Фонъ деръ Белинъ оказался неисправнымъ преподавателемъ, то въ 1804 году, вмѣсто него, преподаваніе Медицины возложено на Члена Псковской Врачебной Управы, Надворнаго Совѣтника Беше. Но какъ и послѣ этого Медицина худо преподавалась, то въ 1805 г. преподаваніе ея отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ поручено Членамъ Врачебной Управы поочередно. Въ 1808 г. этотъ классъ закрытъ, по тому что изъ всѣхъ Членовъ Врачебной Управы одинъ только Беше былъ три раза въъ годъ въ классѣ.

Въ 1803 г. Св. Синодъ, въ слѣдствіе изданныхъ для народнаго просвѣщенія Высочайше утвержденныхъ правилъ, издалъ, сочиненное Митрополитомъ Амвросіемъ, начертаніе о преподаваніи ученія въ заведенныхъ по монастырямъ Новгородской Епархіи Русскихъ 3-хъ классныхъ школахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ предписалъ,

---

[1] Было дѣло о дурномъ поступкѣ одного ученика, выбывшаго изъ Астраханской Семинаріи. Съ тою же цѣлію еще въ 1767 г., сдѣлано было Псковскимъ Преосвященнымъ распоряженіе, чтобы воспитанники, кончившіе курсъ Семинарскаго ученія, до полученія ими мѣстъ, сочиняли и произносили въ Соборѣ проповѣди, подъ надзоромъ Семинарскаго Начальства.

чтобы по этому начертанію преподавалось ученіе въ другихъ Епархіяхъ при Семинаріяхъ и, гдѣ есть, въ Духовныхъ Уѣздныхъ Училищахъ, имѣя въ виду, между прочимъ, то, чтобы кончившіе образованіе въ Русскихъ школахъ, бывъ на мѣстахъ, могли быть Учителями въ казенныхъ имѣніяхъ, учрежденныхъ по Именному повелѣнію. По этому поводу Псковская Консисторія предписывала Правленію Семинаріи сдѣлать нужныя соображенія, и Правленіе признало на первый разъ возможнымъ завесть Русскую школу только при Семинаріи, по малочисленности учениковъ и по недостатку суммъ, а при Гимназіяхъ, для сокращенія расходовъ, нашло достаточнымъ учениковъ, имѣвшихъ поступить въ Русскія школы, годъ обучать въ Информаторіи чтенію по Славянской и Россійской гражданской печати, Россійскому чистописанію и Обиходному пѣнію по нотѣ, чему и слѣдовало, сообразно начертанію, учиться въ первомъ классѣ Русской школы, съ тѣмъ, чтобы ученики, успѣвшіе въ этомъ классѣ, поступали прямо во 2-й классъ Русской школы, въ Семинарію. Правленіемъ найдено также полезнымъ и при Семинаріи первый классъ Русской школы соединить съ Информаторіей, съ предоставленіемъ преподаванія предметовъ, ему усвоенныхъ, Учителю послѣдней, кромѣ Русской Грамматики, которой въ Информаторіи не учили. Преподаваніе ея Правленіе отнесло ко 2-му классу.

Во 2-мъ классѣ Русской школы полагалось преподавать: въ 1-й годъ — краткую Русскую Грамматику, Краткую Св. Исторію и Географію, Общую и Русскую; въ послѣдній годъ — Краткую Ариѳметику и Пасхалію, съ краткимъ повтореніемъ пройденнаго въ 1-й годъ. Въ 3-мъ классѣ этой школы полагалось учить — въ первый годъ: Краткой Логикѣ, Русской Риторикѣ, читать книгу о должностяхъ человѣка и гражданина, и учить Пространный Катихизисъ; во второй годъ: читать книгу о должностяхъ приходскихъ Пресвитеровъ, Св. Писаніе, по Руководству Амвросія, Церковный Уставъ съ практикою въ церкви. Для 2-го и 3-го классовъ въ этой школы назначались особые Учители, съ производствомъ жалованья — одному по 70, а другому по 80 р. въ годъ, изъ суммы, отдѣлявшейся на жалованье Учителямъ. Окончившіе съ успѣхомъ ученіе въ 3-мъ классѣ Русской школы предназначались къ поступленію на мѣста, а успѣшнѣйшимъ позволялось обучаться въ Семинаріи,

въ Грамматическомъ классѣ начаткамъ Латинскаго и Греческаго языка. Но не видно, чтобы на самомъ дѣлѣ существовали при Псковской Семинаріи 2-й и 3-й классы Русской школы. Едва ли не одинъ только и былъ при ней классъ этой школы — первый, соединенный съ Информаторіею.

Въ 1804 г. продолжалось обыкновеніе, по воскреснымъ днямъ, объяснять въ Семинарскомъ залѣ Учителемъ Богословія Апостольскія Посланія, а Учителемъ Философіи — Пространный Катихизисъ.

Въ 1810 г. открытъ при Семинаріи, по резолюціи Преосвященнаго, низшій Греческій классъ. Это сдѣлано по тому, что, по новому порядку, этому языку должны были учиться всѣ воспитанники, а до этого учились ему только нѣкоторые изъ нихъ. Для этого класса назначенъ былъ особый Учитель. [5]

Порядокъ ученія Семинарскаго.

Порядокъ Семинарскаго ученія зависѣлъ отъ усмотрѣнія мѣстныхъ Преосвященныхъ. Каждый годъ, предъ начатіемъ ученія, они давали Семинарскому Начальству росписаніе, кому что и когда слѣдовало учить. По тому порядокъ ученія въ разное время былъ различенъ.

Въ 1768 г. ученіе Семинарское располагалось такъ:

1. Русскій классъ или Информаторія, въ которомъ учили, кромѣ Славянскаго чтенія, исправно писать по Русски, читать и писать по Латыни. Учитель въ немъ полагался одинъ.

2. Фара и Инфима — первый низшій классъ для Латинскаго языка (двѣ школы въ одномъ классѣ). Учитель въ этѣхъ школахъ полагался одинъ. Онъ преподавалъ первыя основанія Ариѳметики.

3. Грамматика и Синтаксисъ — второй высшій классъ для Латинскаго языка, двѣ школы въ одномъ классѣ. И здѣсь Учитель былъ одинъ. Онъ преподавалъ Сокращенную Географію.

---

5. Екл. Жур. 1810 г.

4. Риторическій классъ. Къ нему, какъ было и прежде, присоединялось сокращенное ученіе о Стихотворствѣ. Учитель былъ одинъ, который преподавалъ Краткую и Всеобщую Исторію.

5. Греческій классъ особый, какъ и прежде было; на этотъ классъ въ опредѣленные часы ходили ученики Богословія и Философіи.

6 Философія. Въ этомъ классѣ преподавались: Логика, Нравственная Философія, Метафизика и самые необходимые предметы изъ Физики.

7. Богословіе на Русскомъ языкѣ, сочиненіе Архимандрита Платона, чтеніе и объясненіе Св. Писанія. Кромѣ этого, ученики занимались переводомъ съ Греческаго на Латинскій и Русскій, а съ Латинскаго и Русскаго на Греческій языкъ. Писали проповѣди и риторическія сочиненія, слушали Катихизисъ.

Въ 1773 г. учили пѣнію послѣ обѣда, когда не было ученія.

Въ 1774 г. Нѣмецкій языкъ былъ въ часы Греческаго языка, то есть, въ 9 часу утра.

Въ 1776 г. на Греческій языкъ ходили въ 9 часу, а на Нѣмецкій въ 8 часу утра.

Въ 1780 г., въ Риторическомъ и Піитическомъ классѣ учили Исторіи и Географіи.

Въ 1784 г., учились Богословію не менѣе 4 лѣтъ, Философіи не менѣе 2 лѣтъ, Піитикѣ 1 годъ, въ высшемъ Грамматическомъ классѣ, въ двухъ раздѣленныхъ, 2 года, въ низшемъ тоже, такъ что весь курсъ Семинарскаго ученія, по переводѣ учениковъ изъ Информаторіи, состоялъ не менѣе, какъ изъ 13-ти лѣтъ. [1]

1786 г. Указомъ Св. Синода предписано въ преподаваніи нѣкоторыхъ наукъ въ Семинаріи сообразоваться съ преподаваніемъ ихъ въ Народныхъ Училищахъ.

Въ этомъ году Преосвященный Ордеромъ предписалъ:

[1] Указъ Конс. 1784 г.

1. Располагать Богословское ученіе на 4 года. Кромѣ того, въ опредѣленное время, упражнять учениковъ въ чтеніи Св. Писанія и Св. Отецъ, а равно въ сочиненіи и сказываніи проповѣдей.

2. Философію преподавать по Баумейстеру; упражнять учениковъ Философіи въ разныхъ сочиненіяхъ на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ, Риторическихъ и Философскихъ, а равно въ состязаніяхъ.

3. Кромѣ Латинскаго, Греческаго, Нѣмецкаго и Польскаго языковъ, преподавать Исторію, Географію, Археологію и учить Катихизисъ, сообразно предписанію Св. Синода, отъ Декабря 27 числа, 1755 года.

Въ этомъ году преподавали:

Нѣмецкій языкъ въ 8 часу утра, Греческій въ 9-мъ, каждый день, Исторію въ среду и субботу, послѣ обѣда, въ продолженіи двухъ часовъ; Ариѳметику въ субботу послѣ обѣда, Географію во вторникъ и четвертокъ, въ 12 часовъ утра.

Въ 1788 г. ученіе Философіи совершалось въ одинъ годъ, а съ этого времени приказано Ордеромъ Преосвященнаго совершать его въ два года.

Въ 1792 г. порядокъ ученія въ Семинаріи былъ слѣдующій:

Исторія преподавалась по средамъ и субботамъ послѣ обѣда, чрезъ два часа, по Фрейеровой Исторіи, съ прибавленіями отъ Наставника.

Греческій языкъ въ 9 часовъ утра, каждый день. Нѣмецкій языкъ въ 8 часовъ утра, каждый день.

Географія по вторникамъ и четверкамъ, въ 12 часу до обѣда. Ариѳметика въ низшемъ и высшемъ Грамматическихъ классахъ по средамъ и субботамъ, послѣ обѣда, въ продолженіи двухъ часовъ.

Въ 1792 г. Богословіе читалось по порядку, предписанному отъ Преосвященнаго въ 1786 году. Двухгодичные Философскіе уроки совершались такъ: въ 1-й годъ читали Логику, Метафизику и Исторію Философіи по Гейнекцію, во 2-й годъ Физику и Нрав-

ственную Философію. Кромѣ Исторіи Философіи, читали Философію по Баумейстеру, дополненному Бантышемъ.

По окончаніи каждой части были, если не публичные, то частные диспуты, отчасти на Латинскомъ, а отчасти на Россійскомъ языкѣ. При окончаніи годичнаго ученія, диспуты были публичные, какъ и въ Богословіи.

Для большаго успѣха въ Краснорѣчіи, ученики Философіи писали ученыя диссертаціи и рѣчи на Латинскомъ и Россійскомъ языкахъ, а равно и проповѣди, которыя, по разсмотрѣніи Учителемъ, были произносимы наизусть въ Семинарской залѣ публично, послѣ Катихизиса.

Для снисканія большей способности въ словопрѣніи и въ Латинскомъ языкѣ, ученикамъ вмѣнялось въ обязанность говорить по Латыни между собою и Учителемъ.

Въ Риторическомъ классѣ:

1. Обучая Краснорѣчію по Вратиславской Риторикѣ, дополненной Бантышемъ, изъясняли правила примѣрами. Эти правила изучали наизусть. Дополненіемъ къ этой Риторикѣ служили правила изъ Латинскихъ — Воссія, или Гейнецція, а изъ Русскихъ — Ломоносова.

2. По понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, читали Латинскія Цицероновы рѣчи — отборныя, иногда Мурета и Плинія. И по обстоятельномъ риторическомъ разборѣ, заставляли учениковъ писать имитаціи, съ замѣчаніемъ фразъ и періодовъ, а во вторникъ, четвертокъ и субботу читали рѣчи Ломоносова и проповѣди, изданныя отъ Св. Синода, дѣлая обстоятельныя примѣчанія по правиламъ риторическимъ, которыя, для пероратіи, заставляли читать въ классѣ поочередно. При этомъ учили воспитанниковъ дѣлать приличные жесты.

3. Назначали писать риторическія упражненія и имитаціи лучшимъ авторамъ, какъ Латинскимъ, такъ и Россійскимъ.

4. При чтеніи Цицероновыхъ и другихъ авторовъ рѣчей, встрѣчающіяся древнія Греческія и Римскія слова, особенно въ

тогдашнемъ ихъ значеніи, приказывали записывать, а послѣ отъ каждаго ученика спрашивали отчета.

5. Вмѣнялось въ обязанность ученикамъ всегда говорить по Латыни и заботиться о правописаніи и чистомъ почеркѣ.

6. По средамъ и субботамъ, послѣ обѣда, преподавали Всеобщую Исторію по Фрейеровой книгѣ, переведенной на Русскій языкъ, показывая мѣста по Греческой Хронологіи. Къ этому присовокупляли и Исторію Русскую, требуя отъ учениковъ, чтобы они выучивали наизусть самую связь Исторіи и достопамятные предметы и событія.

Въ Піитикѣ:

1. Такъ какъ Піитику положено было проходить кратко въ одну треть, то объясняли Латинскую просодію, при самомъ чтеніи стиховъ, показывая между тѣмъ чистоту Латинскаго языка и на самыхъ переводахъ, безъ излишнихъ подробностей, затрудняющихъ дѣтскую память.

2. Потомъ, показавъ о періодахъ, тропахъ и фигурахъ изъ Вратиславской Риторики, толковали правила, какъ для Латинскихъ, такъ и для Россійскихъ, стиховъ, изданныя Байбаковымъ, и, при толкованіи, на всякій родъ стиховъ, дѣлали съ учениками краткіе примѣры; писали на Латинскомъ языкѣ, а употребительнѣйшіе и на Россійскомъ, всѣхъ родовъ стихи; между тѣмъ, читали съ надлежащимъ разборомъ Цицероновы письма, признанныя удобнѣйшими къ тому.

Въ 1798 г., Правленіемъ Семинаріи, съ утвержденія Преосвященнаго, раздѣлены были классы Піитическій и Риторическій.

Въ 1799 г. сдѣлано было распоряженіе, чтобы Ординарный Учитель имѣлъ за собою и классъ Экстраординарный. Такимъ образомъ положено: Учителю Богословія читать по воскреснымъ днямъ Св. Писаніе, Учителю Философіи изъяснять Пространный Катихизисъ, Учителю Риторики, по средамъ и субботамъ, послѣ обѣда, учить Исторіи, Піитическому и Синтаксическому — Греческій и Нѣмецкій языки, смотря по тому, кто изъ нихъ къ чему

способенъ, Грамматическому — Географію, Информатору—Ариѳметикѣ. Правленіе Семинаріи, представляя объ этомъ Преосвященному, объясняло, что такое уравненіе классовъ уравняетъ жалованье Учителей и будетъ имѣть ту выгоду, что никогда не будетъ нужды въ особыхъ наставникахъ для экстраординарныхъ классовъ.

Въ 1803 г. назначено было преподавать Медицину въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, а въ Св. Четыредесятницу — въ понедѣльникъ, вторникъ и четвертокъ, отъ начала Марта по Ноябрь, отъ 3 до 5 ч., а отъ Ноября до Марта отъ 2 до 4 часовъ.

Въ послѣднее время, предъ введеніемъ новаго Устава, ученіе Семинаріи происходило слѣдующимъ порядкомъ:

1. Въ Богословскомъ классѣ, по утрамъ, во всю недѣлю, въ 10 и 11-й часы, преподавалась ученикамъ, на Латинскомъ языкѣ, полная система Богословія, съ присовокупленіемъ полемики и съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ Св. Писанія, съ расположеніемъ сего ученія на три года. Въ понедѣльникъ и пятницу, послѣ обѣда, во 2 и 3-мъ часы, въ первый годъ, читались — Краткая Св. Исторія, съ указаніемъ главныхъ эпохъ, и книга О должностяхъ приходскаго Священника; во 2-й же годъ, въ тѣ же дни и часы, читалась Кормчая Книга съ объясненіемъ. Сверхъ того, ученики сочиняли проповѣди, которыя выдавались имъ съ замѣчаніями о слогѣ. Признанныя достойными произнесенія произносимы были или въ церкви, или въ Семинарской залѣ, предъ Катихизисомъ. Въ воскресные и праздничные дни выдаваемы были для чтенія книги домашней и сельской экономіи. Кромѣ всего этого, ученики Богословскаго класса, во всю недѣлю, не исключая субботы, по утрамъ, въ 9-мъ часу, ходили на Греческій языкъ, въ среду и субботу, послѣ обѣда, во 2 и 3 часы — на Исторію, во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда — на пѣвческій классъ, а въ понедѣльникъ, среду и пятницу, послѣ обѣда, въ 4 и 5 часы— на Медицинскій классъ.

2 Въ Философскомъ классѣ по утрамъ, во всю недѣлю, въ 10 и 11-мъ часы, преподавались ученикамъ, на Латинскомъ языкѣ: Исторія Философіи, Логика, Метафизика, Натуральная Исторія и

Физика, напечатанная для Нормальныхъ Училищъ, съ расположеніемъ этого ученія на два года. Въ понедѣльникъ и пятницу, послѣ обѣда, во 2 и 3 часы, ученики занимались повтореніемъ прежнихъ уроковъ и разрѣшеніемъ, заблаговременно приготовленныхъ ими на это ученіе, возраженій. Сверхъ того, занимались сочиненіемъ диссертацій, которыя выдавались имъ съ нужными замѣчаніями, признанныя же достойными публичнаго прочтенія, читаны были въ Семинарской залѣ предъ Катихизисомъ. Въ воскресные и праздничные дни выдаваемы были ученикамъ для чтенія книги домашней и сельской экономіи. Кромѣ всего этого, ученики этого класса, во всю недѣлю, кромѣ субботы, по утрамъ, въ 9 часовъ, ходили на Греческій классъ, а нѣкоторые въ 8 ч. — на Нѣмецкій; въ среду и субботу, во 2 и 3 часы, послѣ обѣда, — на Исторію, во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, — на пѣвческій классъ, а въ понедѣльникъ, среду и пятницу, послѣ обѣда въ 4 и 5 часы, — на Медицину.

3. Въ Риторическомъ классѣ, по утру каждый день, съ половины 9 по 12 ч., Учитель читалъ съ объясненіемъ правила Риторики, съ приводомъ примѣровъ и указаніемъ, какъ они приспособлены къ этѣмъ правиламъ. Этѣ правила и примѣры ученики къ слѣдующему дню выучивали наизусть. Для лучшаго знанія Латинскаго языка, а также для большаго успѣха въ сочиненіи на Русскомъ языкѣ, въ понедѣльникъ и пятницу, во 2 и 3 ч., послѣ обѣда, читаны были рѣчи лучшихъ авторовъ на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ, съ логическимъ и риторическимъ разборомъ, и по этѣмъ разборамъ ученики писали подражанія. Потомъ, какъ подлинникъ, такъ и подражаніе, если оно хорошо сдѣлано было, учили наизусть и произносили съ каѳедры. Въ среду и субботу, послѣ обѣда, преподавалась Всеобщая Исторія, изданная для Народныхъ Училищъ, читалась также и Св. Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта; притомъ, лучшіе ученики ходили на Нѣмецкій языкъ, каждый день въ 8 часу утра, кромѣ субботы. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, обучались нотному пѣнію и Церковному Уставу. Ученіе въ этомъ классѣ располагалось такъ, чтобы могло быть кончено въ два года.

4. Въ Піитическомъ классѣ, по утру, во всю недѣлю, съ половины 9 по 12 часъ, преподавались ученикамъ правила о періо-

дахъ, тропахъ, фигурахъ и хріяхъ изъ Бургіевой Риторики, съ объясненіемъ всего примѣрами изъ лучшихъ авторовъ и упражненіемъ учениковъ въ сочиненіи. Сверхъ того, читалась просодія, приложенная къ Грамматикѣ Бантышъ-Каменскаго, и показывался способъ сочиненія Латинскихъ стиховъ. Также читались правила Русскаго стихотворства, по книжкѣ Байбакова, съ приведеніемъ примѣровъ изъ лучшихъ Русскихъ стихотворцевъ, и на этѣ примѣры ученики писали подражанія. Послѣ обѣда, во всю недѣлю, кромѣ вторника и четвертка, дѣлаемъ былъ разборъ періодовъ лучшихъ Латинскихъ авторовъ, болѣе легкихъ къ уразумѣнію, а равно и разборъ сочиненій лучшихъ Латинскихъ піитовъ. Все это оканчивалось въ одинъ годъ. Во вторникъ и четвертокъ, въ 12 часу утра, ученики занимались Географіею, а послѣ обѣда въ тѣ же дни — нотнымъ пѣніемъ.

5. Въ высшемъ Грамматическомъ классѣ, во всю недѣлю по утрамъ, съ половины 9 по 12 ч., читался ученикамъ Синтаксисъ по Лебедевой Грамматикѣ, съ выучиваніемъ какъ правилъ, такъ и примѣровъ наизусть — на ночь. Послѣ обѣда въ понедѣльникъ, среду и пятницу, занимались переводами, какъ съ Русскаго на Латинскій, такъ и съ Латинскаго на Русскій языкъ; лучшихъ авторовъ, особенно Цицероновыхъ писемъ. Кромѣ того, на воскресные и праздничные дни ученики Грамматическаго класса учили наизусть Краткій Катихизисъ, и это ученіе располагалось на два года. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, обучались нотному пѣнію и Церковному Уставу, а въ субботу послѣ обѣда — Ариѳметикѣ.

6. Въ низшемъ Грамматическомъ классѣ, во всю недѣлю, по утрамъ, съ половины 9 по 12 ч., преподавались ученикамъ первоначальныя правила Лебедевой Грамматики, съ объясненіемъ и примѣрами, и этѣ правила на ночь выучивались наизусть. Въ понедѣльникъ, среду и пятницу, послѣ обѣда, въ 2, 3 и 4 ч., занимались переводами съ Русскаго на Латинскій и нѣсколько съ Латинскаго на Русскій языкъ, избирая для этого самихъ легкихъ авторовъ. Читали съ грамматическимъ разборомъ: Видимый свѣтъ, и приказывали наизусть учить. На воскресные и праздничные дни учили Краткій Катихизисъ, съ расположеніемъ этого ученія на два года. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, ученики этого

класса обучались нотному пѣнію и Уставу; въ субботу послѣ обѣда — Ариѳметикѣ.

7. Въ Русскомъ классѣ, во всю недѣлю по утрамъ, кромѣ вторника и четвертка, обучались исправному чтенію по Славянской и Гражданской печати и Русскому чистописанію. На воскресные и праздничные дни учили наизусть Краткій Катихизисъ. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, ходили на пѣвческій классъ, а нѣкоторые въ субботу, послѣ обѣда — на Ариѳметическій классъ.

Науки первоначально въ Псковской Семинаріи преподавались и на Русскомъ и на Латинскомъ языкѣ. На Латинскомъ языкѣ обыкновенно преподавались: Богословіе, Философія и Риторика, но не всегда. Въ 1775 г. приказано было отъ Преосвященнаго и Богословіе и Философію читать на Русскомъ языкѣ.

Учебными книгами, въ разсматриваемое нами время, въ Псковской Семинаріи были разныя сочиненія, иностранныя и Русскія. Нѣкоторыя изъ нихъ употреблялись по указанію Правительства, другія — по усмотрѣнію мѣстнаго Преосвященнаго и самихъ преподавателей, съ его, конечно, разрѣшенія. Такъ, въ 1773 г. по Латинскому языку, между прочимъ, учебниками были: Латинская Грамматика, переведенная Лебедевымъ, и книга первоначальныхъ словъ, съ Русскимъ переводомъ; въ 1779 г. по классу Польскаго языка употреблялись: азбука, съ нѣсколькими молитвами на Польскомъ языкѣ, Символомъ Вѣры и первоначальными вокабулами; правила, переводимыя учителемъ изъ Польской Грамматики, писанной на Нѣмецкомъ языкѣ; Лексиконъ Польскій съ Русскимъ переводомъ. Книгъ Польскихъ не гдѣ было достать. Въ томъ же году по Латинскому языку въ классическомъ употребленіи были: Lexicon Hesneri; Сочиненія Цицерона: De officiis, письма, рѣчи, De natura deorum, De consolatione. Quinti Curtii Historia, Plinii epistolae cum Panegyrico, Mureti Orationes, epistolae et poëmata, Cornelii Nepotis de vita excellentium Imperatorum, Comoenii — Orbis pictus, Erasmi Roterdami colloquia, Heineccii Rhetorica, Virgilii Aeneidos, Ovidii Tristium et Metamorphoseon, Wincleri Philosophia, Heineccii Philosophia. По Греческому классу употреблялись: Лексиконы Шревелліевъ и Гедерика, Грамматика

Лящевскаго, Завѣтъ Греко-Латинскій. По Русскому языку: Сочиненія Ломоносова. По Географіи: Географія Мартина Клевецкаго. По Французс му языку: Лексиконъ Вояжоровъ, Грамматика Вас. Теплова. По Исторіи: Краткая Всеобщая Исторія, Іеронима Фрейера. Въ 1782 г. по Нѣмецкому языку употребляли: Syntaxis epistolica Licht's, Hoffmann's Zufriedenheit der Seele, Heilige Historie Hibner's, Rabner's Satiren, Galler's Gedichte, Lexicon Weismanni, Грамматику Нѣмецкую, печатанную 1770 г. въ Московскомъ Университетѣ, Грамматику Голтергофа, Грамматику Агентова. Въ 1788 г. употреблялись по Греческому классу: Грамматика Варлаама, изданная Каменскимъ. По Нѣмецкому классу: Лексиконъ Вейсманна — треязычный, и Лексиконъ Рӧддовъ, изданный въ Ригѣ.

Въ 1788 г. Свят. Синодомъ выслано было во всѣ Семинаріи потребное количество книгъ, изданныхъ Коммиссіею Народныхъ Училищъ, также прописей, картъ, глобусовъ, а равно и напечатанныхъ въ Синодальной Типографіи Сокращенныхъ Катихизисовъ.

Въ 1790 г. напечатано было для Семинарій при Императорской Академіи Наукъ болѣе 2,000 экз. Грамматики, переведенной Лебедевымъ, съ прибавленіемъ изъ Грамматики, называемой Marchica.

Въ 1797 г., вмѣсто Бургіевой Риторики, велѣно ввести въ употребленіе новую, а какую — неизвѣстно.

Въ 1803 г. и послѣ онаго, кромѣ показанныхъ, употреблялись слѣдующія книги.

1. Selectae e profanis scriptoribus historiae.
2. Novum Testamentum Graeco-Slaveno-Latinum.
3. Huebneri CIV Sacrae historiae.
4. Сокращенное Богословіе Платона.
5. Философія Баумейстера.
6. Риторика Лежаева.
7. Латинскій букварь съ Латинскимъ словаремъ и разговорами.
8. Географическія карты.
9. Краткое Землеописаніе.
10. Руководство къ Ариѳметикѣ.
11. » » Чистописанію.

12. Прописи.
13. Русскій Букварь для Церковнаго и Гражданскаго чтенія, съ Свящ. Исторіею.

Учебныя и неучебныя книги пріобрѣтались покупкою на Семинарскую сумму. Такъ, въ приходорасходной Семинарской книгѣ, 1779 года, подъ 11-мъ ч. Сентября, значатся купленными въ С.-Петербургѣ Преосвященнымъ Иннокентіемъ на Семинарскую сумму слѣдующія книги:

20 книгъ Философіи Баумейстера	по	1 р.	55 к.	
30 книгъ Географіи Клевецкаго	по	» »	30 »	
160 книгъ Нравственной Философіи . . .	по	» »	15 »	
40 экз. Оксенштирновыхъ книгъ	по	» »	25 »	
Всего на . .		19 »	40 »	

Подъ 23 ч. того же мѣсяца и года, тамъ же записаны купленными въ С.-Петербургѣ Преосвященнымъ Иннокентіемъ слѣдующія книги:

Цицероновы всѣ дѣла	8 р.	80 к.	
Корнелія Непота	2 »	25 »	
Курція о дѣлахъ В. Александра	1 »	» »	
Овидіевы дѣла	» »	90 »	
Пlinіевы письма съ панигирикомъ	1 »	20 »	
Виргиліевы дѣла	» »	75 »	
Сочиненія Ломоносова въ 3-хъ частяхъ . . .	3 »	50 »	
Всего на . . .	25 р.		

Подъ 4-мъ ч. Декабря того же года, въ той же книгѣ записаны купленными:

5 экз.	Фрейеровой Исторіи, каждый . .	по 1 р.	50 к.	
6 »	Видимаго Свѣта	» 2 »	50 »	
15 »	о Русскомъ стихотворствѣ	» 4 »	50 »	
5 »	Домашнихъ разговоровъ	» » »	50 »	

Подъ 7-мъ ч. Генваря 1780 года значатся въ приходорасходной книгѣ купленными:

8 книгъ нотныхъ.

Изъ предложенныхъ выписокъ видно, что хотя книги покупались для Семинаріи и нерѣдко, но этѣ книги исключительно были учебныя, и при томъ такія, какія употреблялись тогда въ Семинаріи. Книгъ, собственно ученыхъ, не только иностранныхъ, но и Русскихъ, Семинаріи не на что было покупать. Семинарская Библіотека находилась въ самомъ бѣдномъ положеніи. Въ концѣ 18-го столѣтія въ ней было всѣхъ книгъ, учебныхъ и не учебныхъ, только 71 сочиненіе. Въ 1801 году Псковское Семинарское Правленіе просило у Преосвященнаго позволенія пользоваться книгами изъ Архіерейской Библіотеки, прописывая, что Семинарская Библіотека крайне бѣдна и много потребно времени на ея обогащеніе книгами на положенную для этого сумму.

Впрочемъ, ни наставники, ни ученики, желавшіе заниматься науками, не были лишены средствъ къ тому. Прекраснымъ пособіемъ для тѣхъ и другихъ, въ этомъ случаѣ, служила помянутая Архіерейская Библіотека. Она составилась изъ частныхъ, богатыхъ, библіотекъ ученыхъ пастырей Псковскихъ, каковы были: Симонъ Тодорскій, Гедеонъ Криновскій, Иннокентій Нечаевъ. Помѣщалась она въ соборной колокольнѣ и находилась въ завѣдываніи Каѳедральнаго Протоіерея. Ею и пользовалась Семинарія, съ разрѣшенія Преосвященнаго. Въ началѣ настоящаго столѣтія, она передана въ Семинарію; кромѣ того, въ 1815 г., по распоряженію бывшей Коммиссіи Дух. Училищъ, присланы въ Библіотеку Псковской Семинаріи, Тверскимъ Преосвященнымъ Серафимомъ, 792 книги, принадлежавшія Псковскому Преосвященному Иннокентію и долженствовавшія, по завѣщанію этого Архипастыря, поступить въ Библіотеку Псковской Семинаріи, но которыя по чему-то по сю пору находились въ Петербургѣ, на Псковскомъ Архіерейскомъ подворьѣ, гдѣ жилъ Преосвящ. Иннокентій, какъ Членъ Святѣйш. Синода.[7] Въ Словарѣ о Духовныхъ писателяхъ, подъ именемъ: Симонъ Тодорскій, говорится, что съ 1817 г. передана въ Библіотеку Псковской Семинаріи богатая библіотека этого Архипастыря. Тѣ ли книги нужно разумѣть, которыя находились въ Архіерейской Библіотекѣ, или

[7] Дѣло Сем. Арх. 1815 г.

нѣтъ — неизвѣстно; во всякомъ случаѣ она составляетъ даже и нынѣ, по отдѣлу Богословскихъ книгъ, лучшее ея достояніе.

Число Учителей и приготовленіе ихъ къ учительской должности.

Судя по количеству предметовъ, какіе преподавались, въ разсматриваемое нами время, въ Псковской Семинаріи, число Учителей въ ней было довольно ограниченное. До самаго конца прошедшаго столѣтія оно не восходило выше 6. Въ 1799 году, когда Риторика преподавалась отдѣльно отъ Піитики, всѣхъ Учителей было 7; въ началѣ же настоящаго столѣтія, съ открытіемъ при Семинаріи особой Русской школы и Медицинскаго класса, ихъ считалось уже 9. Кромѣ ординарнаго предмета, каждый изъ Учителей обязанъ былъ преподавать другіе предметы — экстраординарные. Одинъ Медицинскій классъ изъ неглавныхъ имѣлъ особаго Учителя. При этомъ Учитель не обязывался преподавать именно тѣ экстраординарные предметы, которые по росписанію усвоялись его классу. Онъ могъ преподавать предметы, усвоенные и другимъ классамъ — высшимъ и низшимъ. Преподаваніе того или другаго экстраординарнаго предмета поручалось тому, кто зналъ его лучше другихъ. Часто одинъ Учитель преподавалъ нѣсколько предметовъ и прежде и послѣ 1797 года, хотя въ этомъ году и положено было не обременять учениковъ множествомъ предметовъ, довольствуясь прибавкою къ каждому ординарному предмету одного экстраординарнаго.

Учительскія должности при Псковской Семинаріи занимали, какъ и прежде было, воспитанники, кончившіе курсъ ученія въ той же Семинаріи и продолжавшіе еще сами учиться въ ней. На пр., въ 1769 году Греческому языку обучалъ ученикъ Полетаевъ. Но этѣ Учители преподавали предметы, усвоенные только низшимъ классамъ. Для занятія же учительскихъ должностей въ высшихъ классахъ уже сознана была необходимость въ приготовленіи способныхъ къ тому людей другимъ способомъ. Ученый и заботливый о духовномъ просвѣщеніи, Архипастырь Иннокентій Нечаевъ, при самомъ же вступленіи своемъ въ управленіе Псковскою паствою (1763—1793), замѣтилъ, что въ Псковской Семинаріи, по недостатку Учителей, не столь пространное преподавалось ученіе Богословское и Философское, а также и языковъ. По этому

тогда же употребилъ мѣры къ тому, чтобы будущіе Учители Псковской Семинаріи воспитывались въ Троице-Сергіевой Семинаріи, славившейся въ то время совершенствомъ преподаванія наукъ и языковъ, куда, въ продолженіи 30 лѣтъ, чрезъ годъ, чрезъ два, и посылали, для образованія изъ Псковской Семинаріи, по два и болѣе лучшихъ воспитанниковъ. Въ 1768 году посланы были туда два такихъ воспитанника изъ Философскаго класса. Въ 1774 году, въ первый разъ, значатся учившимися въ ней Богословскимъ наукамъ ученики Псковской Семинаріи: Козьма Зряковскій, Священническій сынъ погоста Зраковича, Козьма Базилевъ, Протоіерейскій сынъ, Агаѳонъ Мутовозовъ, Сторожевскій сынъ; въ 1777 г. въ высшемъ Грамматическомъ классѣ: Иванъ Яковлевъ, учившійся, до поступленія въ Псковскую Семинарію, въ Московской Академіи, въ Грамматичестомъ классѣ, и въ Философскомъ классѣ Яковъ Полонскій; въ 1779 г. въ Богословскомъ классѣ: Андрей Орловъ, сынъ Псковоградскаго Священника, и Андрей Львовъ; въ 1781 году — въ Философскомъ классѣ: сынъ Протоіерея Псковскаго Богоявленскаго собора, Илья Цвѣтковъ, и сынъ Священника Аѳанасьевской слободы, Опочецкаго Уѣзда, Николай Юпашевскій; въ 1788 году — въ Богословскомъ классѣ: Стефанъ Поповъ, сынъ Священника Верхолинскаго погоста; въ Философскомъ классѣ: Иванъ Владимирскій, сынъ Священника Псковской Николаевской со Усохи церкви Ѳеодора, и Григорій Перстинскій, Священническій сынъ Савvопустынскаго погоста; въ Риторическомъ классѣ: Евдокимъ Луцкій, сынъ пономаря Великолуцкой Входо-Іерусалимской церкви, и Илья Костровъ, Діаконскій сынъ Зачеренскаго погоста; въ 1792 г. Ѳеодотъ Бѣляевъ, сынъ пономаря Псковскаго Старовознесенскаго дѣвичья монастыря, и ученикъ Риторики Луцкій (тотъ ли, о которомъ сказано выше, или другой). Содержались въ Троицкой Семинаріи Псковскіе воспитанники на счетъ этой же Семинаріи. Учились они въ ней не одинаковое число лѣтъ, по тому что одни изъ нихъ посылались изъ Философскаго класса, а другіе изъ низшихъ классовъ.

Съ 1792 года изъ Псковской Семинаріи посылались для образованія ученики уже не въ Троицкую Семинарію, а въ Невскую. Въ этомъ году отправленъ туда ученикъ Риторики Петръ

Сыроѳановъ, сынъ Священника погоста Вѣкна; въ 1793 году въ Невской Семинаріи учился ученикъ Риторики Иванъ Троицкій, сынъ Священника Троице-Хлавицкаго погоста; въ 1796 году Иванъ Іустиновъ, сынъ Тайловскаго Діакона, и Платонъ Поповъ, сынъ Священника погоста Клина.

Въ 1797 г. положено быть четыремъ Академіямъ Духовнымъ, и назначено, изъ какихъ Семинарій въ какую изъ нихъ посылать учениковъ, для образованія къ учительскимъ должностямъ. Положено было изъ каждой Семинаріи посылать въ Академію по два воспитанника, съ отнесеніемъ расходовъ на устройство для нихъ платья, обуви, бѣлья, а равно на пріѣздъ и отъѣздъ ихъ на счетъ той Семинаріи, изъ которой они прибудутъ. Въ 1799 г. учились въ Невской Академіи воспитанники: Иванъ Лавровъ, Иванъ Погоняловъ и Антипъ Кривовицкій; въ 1800 г. Николай Загорскій и Иванъ Ильинскій; въ 1808 г. Михаилъ Вревскій и Иванъ Невдачинъ. Въ томъ же году находились въ ней (изъ Поэзіи). Николай Сперанскій (изъ Информаторіи), Козьма Жемчужинъ и Иванъ Бедринскій.

Наборъ учениковъ.

Наборъ учениковъ въ Семинарію происходилъ прежнимъ порядкомъ, чрезъ Консисторію. Для набора не было опредѣленнаго времени Онъ производился по требованію обстоятельствъ, въ присутствіи Ректора, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій. На пр., въ 1769 г. по тому поводу, что въ низшихъ классахъ Семинаріи находилось мало учениковъ, приказано было отъ Преосвященнаго набрать, въ присутствіи Исправлявшаго тогда должность Ректора, человѣкъ 30 изъ Священно-и церковно-служительскихъ дѣтей, соблюдая при этомъ, чтобы дѣти были уже обучены исправно читать по Русски, кромѣ сиротъ, которымъ дозволялось учиться читать по Русски въ Семинаріи. Требовалось, чтобы поступившіе въ Семинарію дѣти были не менѣе 12 лѣтъ. Въ 1775 году приказано было отъ Преосвященнаго производить наборъ, по требованію Ректора. Число поступавшихъ въ Семинарію было не одинаково. Но иногда оно было довольно значительно. Въ 1776 г. приказано было, исключивъ изъ Семинаріи неспособныхъ учениковъ, набрать въ нее не менѣе 120 человѣкъ.

Число учениковъ, обучавшихся въ Семинаріи.

Число учениковъ Семинаріи, въ разсматриваемое нами время, было если не слишкомъ значительно, то и не совсѣмъ мало. Меньшая цифра доходила до 111 уч., большая до 525 учениковъ. Такъ, въ 1774 году всѣхъ учениковъ въ Семинаріи было 137, въ 1775 году отъ Преосвященнаго приказано было, чтобы въ Семинаріи находилось не менѣе 150 учениковъ, въ 1777 году было 114 учениковъ, въ 1779 году было 111 человѣкъ, въ 1780 году 143 ученика, въ 1781 году 145 человѣкъ, въ 1782 году 137 человѣкъ, въ 1783 году 131 челов., въ 1784 году 122 челов., въ 1785 году 132 челов., въ 1786 году 142 челов., въ 1788 году 171 челов., въ 1789 году 140 челов., въ 1791 году 173 челов., въ 1792 году 174 челов., въ 1793 году 181 челов., въ 1795 году 203 челов., въ 1794 году 187 чел., въ 1796 году 219 челов., въ 1804 году 402 чел., въ 1808 году было 525 человѣкъ.

Въ каждомъ классѣ были ученики однолѣтніе, двулѣтніе и такъ далѣе, а въ нѣкоторыхъ классахъ десятилѣтніе. Ученики Богословія и Философіи именовались студентами, а прочихъ классовъ — просто учениками.

Число учениковъ въ Гимназіяхъ значительно разнилось. Самое незначительное число ихъ было въ Полоцкой Гимназіи, а именно:

Въ Невельской Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1780 г. 31, въ 1781 году 30, въ 1784 году 30, въ 1787 г. 17, въ 1793 году 13, въ 1794 году 19.

Въ Торопецкой Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1790 г. 60, въ 1791 году 58, въ 1792 году 56 (способныхъ къ поступленію въ Семинарію), въ 1793 году 45, въ 1794 году 29, въ 1795 году 35, въ 1796 году 38.

Въ Великолуцкой Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1790 г. 45, въ 1791 году 44, въ 1792 году 28, въ 1793 году 29, въ 1794 году 35, въ 1795 году 35, въ 1796 году 29.

Въ Полоцкой Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1790 году 6, въ 1791 году 6, въ 1792 году 5.

Въ каждой Гимназіи, съ каждымъ почти годомъ, число учениковъ сокращалось. Отъ чего это происходило, неизвѣстно.

Успѣхи учениковъ въ наукахъ.

Замѣтно, что, въ разсматриваемое нами время, въ Псковской Семинаріи болѣе было успѣшныхъ учениковъ, чѣмъ прежде. Но вообще говоря, она все еще не процвѣтала въ этомъ отношеніи. Лѣнивыхъ и безуспѣшныхъ учениковъ въ ней было много. Старая нерасположенность къ ученью все еще продолжалась въ ней. Въ 1769 году Преосвященный самъ писалъ, что нѣкоторые изъ Семинаристовъ лѣнятся, другіе вовсе уклоняются отъ Семинаріи. Даже въ началѣ настоящаго столѣтія не мало было такихъ, которые бѣгали Семинаріи, и которыхъ нужно было высылать въ нее не только чрезъ Духовныя Правленія, но и чрезъ Полицію.[1]

Такая лѣность, такое безуспѣшіе и уклоненіе отъ ученья Семинаристовъ, очень часто причиняли безпокойство Архипастырямъ и заставляли ихъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Въ 1776 году, усмотрѣвъ изъ Семинарскихъ вѣдомостей, что многіе ученики, чрезъ долгое время, а нѣкоторые чрезъ цѣлый годъ, уклонялись отъ Училища, Преосвященный Иннокентій приказалъ, истребовавъ отъ Семинаріи списокъ такихъ учениковъ, немедленно сыскать ихъ и способныхъ заставить учиться Между тѣмъ, велѣлъ объявить этѣмъ ученикамъ и ихъ отцамъ и родственникамъ, что если они впредь станутъ уклоняться отъ классовъ, то будутъ записаны въ подушный окладъ, а съ тѣхъ, кои осмѣлятся держать у себя бѣглыхъ учениковъ, взыщется штрафъ, въ пользу Семинаріи — съ Священниковъ по 5, съ Діаконовъ по 3, а съ причетниковъ по 2 руб.

Въ 1769 году приказано было отъ него объявить Семинаристамъ, и при каждомъ наборѣ объявлять, съ роспискою въ слышаніи, что если они будутъ лѣниться, бѣгать отъ классовъ и вести себя худо, то не получатъ мѣста въ причтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было объявить родителямъ и родственникамъ учениковъ, что и они будутъ оштрафованы, если не станутъ за-

[1] Дѣло Сем. Арх. въ 1807 г.

ботиться о нихъ. Каждый годъ о таковыхъ, если они были-обязывался Префектъ доносить Консисторіи, а Консисторія Преосвященному.

Въ 1776 году безуспѣшныхъ учениковъ Информаторіи, за лѣность и уклоненіе отъ классовъ, на страхъ другимъ, приказано было отъ Преосвященнаго, отослать въ солдатскую школу, къ Псковскому Коменданту. Въ 1801 году одинъ ученикъ за побѣги отправленъ былъ въ Губернское Правленіе. Въ 1805 году все еще ученики уклонялись отъ Семинаріи. По этому одни изъ нихъ наказаны были розгами, другіе иначе, а изъ родителей ихъ одни были оштрафованы деньгами, другіе содержались подъ арестомъ въ Консисторіи. Между тѣмъ, приказано не давать ученикамъ вакацій, кромѣ одной, положенной Духовнымъ Регламентомъ. Случалось, что и Семинарское Начальство испытывало непріятности за лѣность и безуспѣшіе учениковъ. На пр., въ 1786 г. много учениковъ было оставлено въ прежнемъ классѣ за безуспѣшіе, а въ слѣдствіе этого, мало ихъ переведено въ высшіе классы, такъ что вновь потребовалось взять въ Семинарію только три человѣка. Это подало поводъ Преосвященному предписать Ректору, Префекту и Учителямъ, чтобы они усерднѣе занимались своимъ дѣломъ; а въ 1787 году, по случаю вновь замѣченныхъ неисправностей въ Семинаріи, приказано было Ректору и Префекту ежемѣсячно репортовать объ усердіи къ занятію не только учениковъ, но и самихъ Учителей.

Испытанія учениковъ въ наукахъ.

Самымъ важнымъ и хлопотливымъ отчетомъ въ учебныхъ занятіяхъ учениковъ и учителей были экзамены и ученые диспуты. Они производились и прежде и послѣ лѣтнихъ вакацій. [9] Въ 1779 году экзамены совершались по классамъ съ 3 по 9-е ч. Іюля. За тѣмъ началось приготовленіе къ диспутамъ, которые 13-го числа того же мѣсяца, какъ сказано въ подлинной бумагѣ, при многочисленномъ разнаго званія, а паче благородныхъ всѣхъ, въ здѣшнемъ городѣ живущихъ людей, собраніи публично и отправлены. Предъ диспутами собраніе обыкновенно было привѣтствуемо стихами и рѣчами на

[9] Дѣло Конс. Архива за 1786 г.

разныхъ языкахъ, преподававшихся въ Семинаріи; самыя же дѣйствія сопровождались разговорами и нарочно на этотъ случай составленными кантами. По окончаніи всего отличные ученики награждаемы были книгами. Въ 1779 году, по этому случаю, разошлось 23 книги. Очевидно, что этѣ экзамены были то же, что наши, такъ называемыя, внутреннія испытанія, а диспуты — что наши публичные экзамены.

Награды преподавателямъ.

Награды учениковъ были вмѣстѣ нѣкоторымъ образомъ наградою и для Учителей. Но случалось, что послѣдніе за усердную, полезную службу, и сами лично получали денежныя награды и благодарность отъ Преосвященнаго. Такъ, въ 1760 г. выдано было въ награду за усердное преподаваніе наукъ 3-мъ Учителямъ 30 руб., а въ 1776 году объявлена отъ Преосвященнаго благодарность за прилежаніе въ преподаваніи уроковъ Ректору Варлааму, Префекту Мирожскому, Игумену Іустину и прочимъ Учителямъ.

Часть нравственная.

Нравственная часть Семинаріи и въ это время подлежала непосредственному наблюденію Префекта. Ближайшимъ помощникомъ ему въ надзорѣ за поведеніемъ учениковъ былъ обыкновенно одинъ изъ лучшихъ старшихъ учениковъ Семинаріи, который назывался Сеніоромъ. Случалось, что Сеніоръ завѣдывалъ вмѣстѣ и Семинарскимъ письмоводствомъ; тогда онъ получалъ и жалованье. За поведеніемъ учениковъ, во время уроковъ, наблюдали Учители, каждый въ своемъ классѣ.

Нравственное воспитаніе учениковъ Семинаріи состояло въ внушеніи имъ правилъ чистой нравственности и необходимыхъ званію ихъ приличій, въ пріученіи ихъ къ точному исполненію обязанностей Религіи, въ ознакомленіи ихъ съ обязанностями Священно-церковно-служительскими, въ настроеніи и внутренней и внѣшней ихъ жизни, согласно будущему ихъ назначенію, и, наконецъ, во внимательномъ наблюденіи за тѣмъ, какъ все это ими принималось и исполнялось.

Для болѣе правильнаго и удобнаго исполненія воспитанниками Христіанскихъ обязанностей и пріученія ихъ къ исполненію обязанностей, къ которымъ они готовились, для нихъ назначалась особая церковь, куда они должны были ходить къ Богослуженію. Въ 1782 году, по распоряженію Начальства, лѣтомъ они ходили въ Духовскую церковь, находившуюся близъ Семинаріи, нынѣ уже не существующую, а зимою въ Николаевскую со Усохи. Въ томъ же году отъ Преосвященнаго было приказано однимъ изъ нихъ ходить къ Богослуженію въ Каѳедральный соборъ, а другимъ въ Николаевскую со Усохи, по тому что послѣдняя для помѣщенія всѣхъ ихъ съ прихожанами слишкомъ была мала. Въ 1786 году Указомъ Псковской Консисторіи было предписано, чтобы Духовская Церковь, по прежнему, принадлежала Семинаріи, съ завѣдываніемъ ею во всемъ, что касалось до ея благоустройства, поправокъ и т. п. Назначался и особый Духовникъ для воспитанниковъ Семинаріи. Въ 1770 г. Духовникомъ ихъ былъ Священникъ Васильевской съ Горки церкви Симеонъ Дмитріевъ; въ 1805 году ихъ исповѣдывали Священники Каѳедральнаго собора.

Для поддержанія въ воспитанникахъ Христіанскаго благочестія, имъ объясняли въ Семинарской залѣ, по воскреснымъ днямъ, Апостольскія Посланія и производили Катихизическія чтенія. [10]

При всемъ, однако же, вниманіи Начальства къ поддержанію въ воспитанникахъ Семинаріи благонравія, не переставали проявляться между ними иногда и очень грубые пороки: непокорность, пьянство, воровство и т. п. Въ 1769 г. Преосвященный нашелъ нужнымъ письменно выставить на видъ Консисторіи, что нѣкоторые ученики вели себя худо. Это зло не прекращалось и послѣ, какъ показываютъ довольно частыя Архипастырскія подтвержденія Семинарскому Начальству усилить надзоръ за поведеніемъ воспитанниковъ, а воспитанникамъ вести себя лучше, подъ опасеніемъ разныхъ взысканій за худое поведеніе. Въ 1775 г. приказано было отъ Преосвященнаго Консисторіи наблюдать, чтобы ученики вели себя честно и добропорядочно, и учители содержали себя въ порядкѣ и исполняли свое званіе; въ 1782 г. отъ него же подтверждено Семинарскому Начальству строже смотрѣть

[10] Дѣло 1804 г.

за поведеніемъ учениковъ, чтобы, безъ вѣдома Начальства и неблаговременно, ни куда не отлучались и не пьянствовали; въ 1798 году предписано было Свят. Синодомъ заботиться о благонравіи учениковъ, для чего должны быть особые надзиратели, въ помощь Префекту, и каждую треть прочитывать ученикамъ Высочайшій Указъ 1797 года объ улучшеніи духовнаго воспитанія.

Видно, и въ другихъ Семинаріяхъ не лучше было. Въ 1799 г., для лучшаго надзора за нравственностію Семинаристовъ, запрещено отъ Преосвященнаго жить при отцахъ и матеряхъ контуберналистамъ, т. е., казеннокоштнымъ ученикамъ. Обычай былъ тѣмъ казеннокоштнымъ воспитанникамъ, которые имѣли въ Псковѣ отцовъ и матерей, позволять жить въ домахъ послѣднихъ, съ выдачею денегъ. Цѣль была, между прочимъ, и та, въ этомъ снисхожденіи, чтобы чрезъ дѣтей оказать нѣкоторое пособіе и ихъ бѣднымъ родителямъ. Въ 1800 г. объявлено было отъ Преосвященнаго, что кто изъ учениковъ будетъ неодобрительнаго поведенія, того будутъ отсылать въ свѣтскую команду. Въ 1805 г. предписано было резолюціею Преосвященнаго Префекту имѣть неусыпное попеченіе о поведеніи, благонравіи и честности учениковъ, съ обязательствомъ каждый мѣсяцъ репортовать Преосвященному, какъ будутъ вести себя ученики. Въ этомъ году Псковской Гражданскій Губернаторъ, Ламздорфъ, жаловался Преосвященному Иринею на то, что, по обнаружившимся покражамъ въ Псковѣ и по другимъ порочнымъ и развратнымъ дѣйствіямъ, открывались не мало въ содѣйствіи тому и нѣкоторые ученики Семинаріи. Причиною этому Губернаторъ поставлялъ жительство учениковъ, по своей волѣ, на квартирахъ, вдали отъ Начальства. По этому случаю, отъ Преосвященнаго приказано было Консисторіи принять всевозможныя мѣры къ скорѣйшему прекращенію прописанныхъ Губернаторомъ безпорядковъ по Семинаріи. [11]

Въ числѣ другихъ мѣръ, для прекращенія указаннаго зла, еще прежде приказано было необходимымъ помѣстить всѣхъ учениковъ на жительство въ Семинаріи, гдѣ болѣе представлялось возможности внимательно смотрѣть за ихъ поведеніемъ; для чего и строился,

[11] Дѣло Сем. Архива 1805 г.

какъ увидимъ ниже, особый флигель при Семинаріи. Въ немъ полагалось помѣстить своекоштныхъ учениковъ, съ содержаніемъ ихъ на ихъ же счетъ.

Выпускъ учениковъ изъ Семинаріи.

Какъ бы то ни было, но Псковская Семинарія оказывала не маловажныя услуги не только Епархіяльной Церкви, но и другимъ вѣдомствамъ. Было въ ней не мало воспитанниковъ худыхъ, но большинство, конечно, оставалось на сторонѣ хорошихъ. Выходили изъ ней умные и благочестивые пастыри и другіе служители Церкви, которые, усерднымъ и благополезнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, обратили на себя, въ послѣдствіи, лестное вниманіе Начальства, заняли, въ ряду своихъ собратій, первыя мѣста и принесли важныя услуги Церкви и Отечеству. [12]

Другіе съ честію трудились на поприщахъ общественнаго служенія въ иныхъ вѣдомствахъ: или прямо поступали учителями въ народныя училища, [13] или опредѣлялись на Гражданскую служ-

---

[12] Таковы были: Псковскаго Каѳедральнаго Собора Протоіерей, Сергій Владимирскій и Петръ Вѣхновскій; Опочецкій Протоіерей Петръ Бутырскій; Порховскій Протоіерей Іоаннъ Спасскій; Великолуцкій, а потомъ Рижскій, Протоіерей Стефанъ Соловскій; Псковоградскіе Протоіереи: Василій Лебедевъ, Михаилъ Меньщиковъ; Великолуцкій Протоіерей Петръ Алексѣевъ и другіе.

[13] Такъ, въ 1783 г. поступили учителями въ Ригу, Перновъ, Дерптъ изъ Богословія: Антонъ Базѣевъ, Варѳоломей Бѣлявскій; изъ Философскаго класса: Косма Моложанскій; въ 1786 г., по требованію Губернатора, отправлены къ Главному Директору Народныхъ Училищъ, для опредѣленія въ учители по городамъ, четыре ученика; въ 1787 г., по требованію Губернатора, съ разрѣшенія Преосвященнаго, отправленъ въ Псковское Народное Училище, для приготовленія въ учители Народ. Училища, воспитанникъ Богословія, Иванъ Яновскій; въ 1790 г., по требованію правившаго должность Начальника Псковскаго Намѣстничества, Дѣйств. Ст. Совѣтника Харитона Лукина, поступили учителями въ Народ. Училища, въ Торопецкое, Великолуцкое и Порховское, три воспитанника; въ томъ же году еще одинъ воспитанникъ поступилъ учителемъ въ Торопецкое Училище; въ 1791 г. поступилъ воспитанникъ Семинаріи учителемъ въ Великолуцкое Народ. Училище, по требованію Губернатора; въ 1792 г. поступилъ воспитанникъ Семинаріи учителемъ въ Порховское Народ. Училище; въ 1794 г. поступилъ учителемъ въ Торопецкое Народ. Училище воспитанникъ Семинаріи Григорій

бу. [14] Многіе продолжали ученіе въ высшихъ свѣтскихъ училищахъ, [15] особенно въ Медицинской Академіи. [16]

Учители въ Псковской Семинаріи съ 1765 по 1814 г.

1. Богословія.

Съ 1766 г. Ректоръ Архимандритъ Дороѳе

Съ 1774 г. Ректоръ Архимандритъ Варлаамъ.

Въ 1782 г. и далѣе Префектъ Іустинъ.

Въ 1784 году опять Ректоръ Варлаамъ.

Въ 1788 по увольненіи Ректора отъ преподаванія, по слабости здоровья, Игуменъ Адріанъ.

Въ 1793 Префектъ Исаія.

Въ 1796 Префектъ Венедиктъ, изъ воспитанниковъ Тверской Семинаріи.

Въ 1800 Петръ Вѣжовскій съ 1787 года воспитанникъ Псковской, а съ 1792 г. Невской Семинаріи.

Нечаевъ; въ 1802 г., по желанію Губернатора, поступилъ въ Островское Народное Училище учителемъ ученикъ Риторики, Яковъ Поповъ.

[14] Такъ, въ 1793 г., по требованію Свѣтскаго Начальства, поступили изъ Семинаристовъ 5 чел. въ Канцелярскіе служители по Псковскому Намѣстничеству; въ 1795 г. вытребованы Намѣстническимъ Правленіемъ въ Канцелярскіе служители до 10 воспитанниковъ Семинаріи; въ 1797 г. туда же и для той же цѣли взяты еще до 10 воспитанниковъ Семинаріи; въ 1799 г., по требованію Рижскаго Губернатора, поступили изъ Псковской Семинаріи въ статскую службу три ученика.

[15] На пр., въ 1768 г., съ разрѣшенія Св. Синода, по требованію Директора Академіи Наукъ, Графа Орлова, взято изъ Псковской Семинаріи 5 учениковъ, знавшихъ Латинскій языкъ, хорошаго поведенія и желавшихъ учиться, а именно, изъ Философскаго класса: Козьма Муравейскій, Косма Зряковскій (возвратившійся въ томъ же году въ Псковскую Семинарію); изъ Риторики: Борисъ Зряковскій, Тимоѳей Мальгинъ и Иванъ Бочаровъ.

[16] Такъ, въ 1797 году, въ слѣдствіе Высочайшаго Указа о ежегодномъ отправленіи изъ Семинарій въ Медицинскія Училища до 50-ти человѣкъ, по требованію Медицинской Коллегіи, изъ Псковской Семинаріи отправлены въ Медицинскую Академію два воспитанника Риторическаго класса: Иванъ Посоняловъ и Иванъ Нечаевъ; въ 1798 г. отправлены три воспитанника; въ 1799 г. три воспитанника; въ 1803 г. одинъ и въ 1805 одинъ.

Въ 1801 г. Иванъ Троицкій, воспитанникъ съ 1785 г. Новгородской Семинаріи, съ 1788 Великолуцкой Гимназіи, съ 1790 Псковской Семинаріи, съ 1793 г. Невской Семинаріи; въ послѣдствіи Святогорскій Архимандритъ Іосифъ.

2. Философіи.

Въ 1774 г. Архимандритъ Варлаамъ.
Въ 1777 Префектъ Игуменъ Іустинъ.
Въ 1781 Іеромонахъ Адріанъ, въ мірскомъ званіи Агаѳонъ Мутовозовъ, сторожевскій сынъ, воспитанникъ до 1770 г. Псковской, а послѣ Троицкой, Семинаріи; кончилъ курсъ въ 1774 г., постриженъ въ 1779 году.
До 1771 Венедиктъ.
Въ 1791 Николай Юпашевскій. Священническій сынъ, съ 1774 г. воспитанникъ Псковской Семинаріи, а съ 1784 г. Сергіевской Лавры.
Въ 1792 Степанъ Поповъ, Священническій сынъ, съ 1779 г. воспитанникъ Псковской, а съ 1788 г. Невской Семинаріи.
Въ 1800 Петръ Вѣхновскій.
Въ 1803 Іеромонахъ Павелъ.
Въ 1805 Иванъ Лавровъ, воспитанникъ Невской Академіи, Кандидатъ Богословія, въ послѣдствіи Мирожскій Архимандритъ Петръ.

3. Риторики.

Въ 1766 г. Александръ Шавровъ.
Съ 1769 по 1772 г. Алексѣй Петровъ Струковъ.
Съ 1773 г. Андрей Цвѣтковъ, Протоіерейскій сынъ, съ 1762 г. ученикъ Псковской, а съ 1768 г. Троице Сергіевой Семинаріи.
Въ 1778 г. Агаѳонъ Мутовозовъ.
Съ 1781 по 1786 г. Козьма Базилевъ, Протоіерейскій сынъ, съ 1764 г. ученикъ Псковской, а съ 1770 г. Троице-Сергіевой Семинаріи.

Въ 1786 г. Николай Юпашевскій.
Въ 1791 Степанъ Поповъ.
Въ 1792 Григорій Перстинскій, съ 1779 г. воспитанникъ Псковской, а съ 1788 г. Невской Семинаріи.
Въ 1797 Петръ Вѣхновскій.
До 1801 Иванъ Троицкій.
Въ 1801 Іеродіаконъ Василій.
Въ 1802 Платонъ Поповъ, въ 1803 году уволенный въ свѣтское званіе за худое поведеніе.
Въ 1803 Петръ Бутырскій.
Въ 1804 Иванъ Лавровъ.

4. Поэзіи отдѣленной отъ Риторики въ 1797 г.

Въ 1799 г. Иванъ Троицкій.
До 1800 Еѳимъ Колобовъ.
До 1802 Платонъ Поповъ.
Въ 1802 Петръ Бутырскій.
Въ 1803 Иванъ Успенскій, уволенный во Священники въ Торопецъ въ томъ же году.
Въ 1803 Петръ Юстицкій, сынъ Великолуцкаго Протоіерея Меѳодія.
Въ 1804 Иванъ Владимирскій, изъ воспитанниковъ Псковской Семинаріи, въ 1806 году выбылъ во Священники къ Псковской Пороменской церкви.

5. Синтаксимы.

Съ 1769 по 1776 годъ Сергій Владимирскій, въ послѣдствіи Псковскій Каѳедральный Протоіерей.
Въ 1776 г. Агаѳонъ Мутовозовъ.
Въ 1778 Козьма Зряковскій, Священническій сынъ, съ 1760 года воспитанникъ Псковской, а съ 1769 года Троице-Сергіевой Семинаріи. Первый учитель Французскаго языка въ Псковской Семинаріи. Сперва Діаконъ, потомъ Священникъ Псковской; въ 1781 году переведенъ въ Ригу къ Замковской церкви.
Въ 1781 Козьма Базилевъ.
Въ 1782 Антонъ Сташевскій, урожденецъ Черниговской Епар-

хіи, Священническій сынъ, воспитанникъ Сергіевой Семинаріи.

Въ 1785 г. Андрей Львовъ, воспитанникъ Сергіевой Семинаріи.
Въ 1788 Михаилъ Меньщиковъ.
Въ 1793 Θеодотъ Быстрицкій.
Въ 1795 Илья Костровъ, воспитанникъ Сергіевой Семинаріи.
Въ 1796 Петръ Вѣхновскій.
Въ 1797 Иванъ Троицкій.
Въ 1799 Платонъ Поповъ.
Въ 1800 Иванъ Лавровъ.
Въ 1801 Петръ Бутырскій, Священническій сынъ погоста Демянки.
Въ 1802 Иванъ Успенскій.
Въ 1803 Стефанъ Соловскій, выбылъ во Священники въ погостъ Рѣчани.
Въ 1804 Иванъ Владимирскій.
Въ 1804 Григорій Дегожскій.

6. Грамматики.

До 1769 г. Спиридонъ Тихомировъ.
До 1779 Іоаннъ Бочаровъ, Священникъ Николаевской со Усохи церкви.

Далѣе: Учители Синтаксическаго класса до поступленія въ него.

7. Инфимы.

До 1769 г. Иванъ Даниловъ.
Въ 1769 ученикъ Богословія Иванъ Ермолаевъ.
Въ 1774 Герасимъ Аѳанасьевъ Брагинъ, воспитанникъ Сергіевой Лавры.
Съ 1776 года Козьма Зряковскій.
Съ 1779 до 1782 г. Иванъ Швыкинъ.
Въ 1782 г Андрей Львовъ.
Въ 1785 Михаилъ Меньщиковъ.
Въ 1788 Варѳоломей Бѣлявскій, воспитанникъ Псковской Семинаріи, бывшій учителемъ въ Народномъ Училищѣ.
Въ 1791 Θеодотъ Быстрицкій.

Въ 1793 г. Еѳимъ Колобовъ.
Съ 1793 Борисъ Лавровъ.
До 1800 Михаилъ Савицкій.
Въ 1800 Петръ Бутырскій.
Въ 1801 Иванъ Успенскій.
Въ 1802 Стефанъ Соловскій.
Въ 1803 Иванъ Владимирскій.
Въ 1804 Григорій Дегожскій.
Въ 1804 Ипполитъ Постниковъ, Тверской урожденецъ.
Въ 1805 Иванъ Вревскій.

8. Фары.

Тѣ же, какіе и въ Инфимѣ.

9. Славяно-Русской школы.

До 1769 г. Ученикъ Богословія Полетаевъ.
Въ 1769 Ѳеодоръ Владимирскій, въ послѣдствіи Священникъ Духовской церкви.
Въ 1774 Иванъ Бочаровъ.
Въ 1778 Емельянъ Головицкій.
Въ 1786 Студентъ Богословія Ѳеодотъ Быстрицкій.
До 1793 Еѳимъ Колобовъ.
Въ 1793 Студентъ Философіи Борисъ Лавровъ.
1798 Петръ Юстицкій.
1799 Ученикъ Богословія Иванъ Лавровъ.
1800 Иванъ Успенскій.
1801 Ученикъ Философіи Иванъ Владимирскій.
1803 Ученикъ Богословія Григорій Дегожскій.
1804 Ипполитъ Постниковъ, въ томъ же году и Ѳаддей Азелицкій.

10. Русской школы.

Въ первомъ классѣ Ипполитъ Постниковъ.
Въ 1804 году Ѳаддей Азелицкій, въ томъ же году ученикъ Богословія Иванъ Знаменскій, Священническій сынъ изъ Изборска.

До 1806 г. Иванъ Спасскій.
Съ 1806 Григорій Іустиновъ.

Учители предметовъ экстраординарныхъ:

1. Греческаго языка.

1775 г. Андрей Цвѣтковъ.
1780 Козьма Базилевъ.
1791 Николай Юпашевскій.
1792 Иванъ Владимирскій.
1793 Евимъ Колобовъ.
1804 Иванъ Лавровъ.

2. Нѣмецкаго языка.

1774 г. Герасимъ Брагинъ.
1775 Агаѳонъ Мутовозовъ.
1776 Козьма Зряковскій.
1782 Андрей Львовъ.
1786 Николай Юпашевскій.
1791 Семенъ Поповъ.
1797 Петръ Вѣхновскій.
1803 Иванъ Владимирскій.

3. Французскаго языка.

1776 Козьма Зряковскій.

4. Ариѳметики.

1776 г. Козьма Зряковскій.
1779 Иванъ Шьыкинъ.
1780 Козьма Базилевъ.
1782 Андрей Львовъ.
1785 Михаилъ Меньщиковъ.
1791 Ѳеодотъ Быстрицкій.
1793 Евимъ Колобовъ.
1795 Илья Костровъ.

5. Географіи.

1772 г. Андрей Цвѣтковъ.
1775 Агаѳонъ Мутовозоръ.
1779 Сергій Владимирскій.
1780 Козьма Базилевъ.
1789 Михаилъ Меньщиковъ.
До 1793 года Ѳеодотъ Быстрицкій.
1795 г. Григорій Перстинскій.
1797 Петръ Вѣхновскій.

6. Катихизиса.

1776 г. Сергій Владимирскій.
1786 Андрей Львовъ.
1792 Ѳеодотъ Быстрицкій.
1796 Илья Костровъ.
1799 Стефанъ Поповъ.

Учители Гимназій:

1. Невельской.

1781 г. Дороѳей Чарный (низшаго отд.).
Петръ Ивановъ (1-го класса).
1784 Лавръ Зотиковъ.
Семенъ Островскій, Островской Николаевской церкви Діакона сынъ (1-го класса).
1785 Михаилъ Королевъ (низшаго отд.).
1798 Монахъ Никодимъ, воспитанникъ Кіевской Академіи.

2. Торопецкой.

Съ 1786 г, Священническій сынъ Іоаннъ Антиповъ Успенскій, кончилъ курсъ Семинарскаго ученія 1779 года; въ 1789 г. произведенъ во Священники къ Торопецкой Входоіерусалимской церкви, съ оставленіемъ за нимъ прежней должности

Съ 1791 г. Петръ Константиновскій, Діаконскій сынъ, учившійся сперва въ Тверской, потомъ въ Псковской Семинаріи.

3. Великолуцкой.

Съ 1791 г. Воскресенскаго собора Священникъ Меѳодій Андреевъ, воспитанникъ Новгородской Семинаріи, кончилъ курсъ въ 1779 г., въ послѣдствіи Начальникъ оной Гимназіи.

Николай Степановъ, воспитанникъ Новгородской Семинаріи, кончилъ курсъ 1779 г.

1793 Входоіерусалимскій Священ. Авраамій Кодратовъ.

Петръ Юстицкій (высш. класса).

Стефанъ Соловскій (низш. класса).

1802 г. ученикъ Философіи Степанъ Троицкій (низш. кл.).

Иванъ Луцкій (выс. кл.), уволенъ въ свѣтск. званіе.

1803 На мѣсто Юстицкаго, Великолуцкаго Богоявленскаго собора Священникъ Іоаннъ Степановъ.

4. Полоцкой.

Іеромонахъ Никодимъ (тотъ же, что и въ Невельской).

Хозяйственная часть.

Средства для содержанія Семинаріи и подвѣдомыхъ ей школъ.

По отобраніи церковныхъ имѣній въ казну, прежніе способы для содержанія Русскихъ Духовныхъ Училищъ прекратились. Вмѣсто ихъ, Правительство положило каждогодно отпускать изъ казны опредѣленное число денегъ. Этѣ отпуски, время отъ времени, измѣнялись.

Въ 1765 году Коммиссія церковныхъ имѣній назначила на Генварскую и Майскую трети этого года отпустить изъ Коллегіи Экономіи на содержаніе всѣхъ Великороссійскихъ Семинарій 212,95 р. 57 коп. При утвержденіи доклада Коммиссіи о такомъ

назначеніи, Государыня сама прибавила еще 2,048 р. 43 коп.; всей суммы составилось уже 25,000 рублей. Изъ этѣхъ денегъ, по росписанію Коммиссіи, на Псковскую Семинарію пришлось 544 р. 62½ к. [17] Потомъ, по указу Коллегіи Экономіи, получено Псковскою Семинаріею изъ мѣстной Провинціальной Канцеляріи на Сентябрскую треть, экономическихъ денегъ 272 р. 31¼ коп. Такимъ образомъ всей суммы на содержаніе Псковской Семинаріи въ 1765 году отпущено изъ казны 816 р. 93 к. [18] Этотъ окладъ она должна была получать каждогодно и впредь до новаго учрежденія Духовныхъ Семинарій.

Въ 1779 году къ помянутымъ 800 р. прибавлено 1,200 р., что составило 2,000 руб. Въ 1797 году этотъ окладъ увеличенъ до 3,500 р. а въ 1807 году на содержаніе Псковской Семинаріи положено было каждогодно отпускать уже 7,000 руб.

Единовременныя пособія Семинаріи.

Кромѣ обыкновенныхъ, каждогодныхъ отпусковъ отъ казны денегъ на содержаніе Псковской Семинаріи, она получала иногда разныя единовременныя пособія. Такъ, она неоднократно получала на содержаніе учениковъ, въ дополненіе къ казеннымъ окладамъ, рублей по 50 отъ Преосвященнаго Иннокентія. Въ 1780 году Высочайше повелѣно было на Псковскую Семинарію отпустить единовременно изъ мѣстнаго Казначейства 500 руб. Этѣ деньги тогда же, по распоряженію Преосвященнаго, раздѣлены были между лицами, служившими при Семинаріи, и учениками, а именно: выдано Ректору и Учителю Богословія, Архимандриту Варлааму 100 р., Префекту и Учителю Философіи, Игумну Іустину 70 р., Учителю Риторики Іеромонаху Адріану 60 руб., Учителю высшаго Латинскаго класса Псковоградской Духовной церкви Священнику Козьмѣ Зряковскому 50 р., Низшаго класса Учителю Ивану Швыкину 40 р., Информатору Ивану Головацкому 20 р., на сиротскую школу 50 р., на раздѣлъ ученикамъ 100 р., служителямъ 10 руб. Преданіе говоритъ, что этотъ от-

---

[17] Указъ Свят. Синода 1765 г. Сем. Арх.

[18] Указъ Кол. отъ 30-го Сент., 1765 года, Сем. Арх.

пускъ денегъ сдѣланъ Государынею, въ слѣдствіе Ея личнаго посѣщенія Семинаріи въ означенномъ году. Въ память этого Высочайшаго посѣщенія, тогда же были написаны масляными красками на холстѣ двѣ большія символическія картины, изобра-жающія разныя царственныя качества Императрицы. Этѣ картины и нынѣ находятся въ Семинарской залѣ, въ обновленномъ, въ 1862 году, видѣ.

Въ 1798 году изъ Государственнаго Казначейства единовременно отпущено было на исправленіе, въ старыхъ Семинаріяхъ построекъ 32,781 р. $26^{1}/_{2}$ коп. Изъ этой суммы на постройку каменнаго флигеля при Псковской Семинаріи выслано 2,000 р. Въ 1800 г. сверхъ этихъ двухъ тысячь, разрѣшено Свят. Синодомъ для той же цѣли получить изъ Псковской Консисторіи 1,935 р., оставшихся отъ жалованья, которое отпускалось по штату на Псковскія церкви, за упраздненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Средства для содержанія меньшихъ школъ Псковскихъ.

Изъ четырехъ Гимназій, принадлежавшихъ Псковской Семинаріи, только на одну Невельскую съ 1779 года отпускалось отъ казны по 500 руб. въ годъ. Сиротская школа при Семинаріи то же не имѣла особаго оклада. И она и три Гимназіи содержались на счетъ Семинаріи и Невельской Гимназіи по учрежденію Преосвященнаго, а именно: на Сиротскую школу отдѣлялось отъ Семинарской суммы 100 р., да отъ оклада Невельской Гимназіи до 1785 года 100 р., а послѣ 150 руб. Эта сумма сперва расходовалась отдѣльно отъ Семинарской и находилась въ вѣдѣніи Каѳедральнаго Протоіерея, потомъ въ 1782 году она причислена къ Семинарской; впрочемъ, не смѣшивалась съ нею. Изъ остальныхъ 400 р., принадлежавшихъ Невельской Гимназіи, 200 руб. отдѣлялось на ея собственное годовое содержаніе; прочее, съ прибавкою нѣкоторой части изъ суммъ Семинарскихъ, употреблялось на другія Гимназіи, а именно: на Великолуцкую по 75 р., или, съ жалованьемъ Учителю нотнаго пѣнія, по 85 р. въ годъ, на Полоцкую по 75 р., на Торопецкую по 95 р. въ годъ. По отчисленіи Невеля и Полоцка отъ Псковской Епархіи, въ ней осталось только двѣ Гимназіи: Великолуцкая и Торопецкая. Онѣ

содержались на счетъ остаточной суммы отъ тѣхъ денегъ, которыя отпускались на Невельскую Гимназію. По закрытіи Торопецкой Гимназіи, этой суммы оставалось еще 1,565 р. 16 коп. На нее велѣно было содержать Великолуцкую Гимназію, отпуская на это въ годъ по 200 р. [19] Но скоро и этой суммы не стало. Она издержана была на постройку каменнаго флигеля при Семинаріи. Съ этѣмъ вмѣстѣ кончилось и существованіе послѣдней Гимназіи въ Псковской Епархіи.

Полученіе изъ казны денегъ, которыя отпускались на Семинарію.

Деньги, отпускаемыя отъ казны на содержаніе Семинаріи, получались Расходчикомъ въ началѣ изъ мѣстной Провинціальной Канцеляріи, а въ послѣдствіи изъ Казначейства, по довѣренности, которая давалась Расходчику, сперва отъ Консисторіи, а потомъ отъ Ректора Семинаріи. О полученіи ихъ Ректоръ долженъ былъ репортовать Консисторіи.

Росписаніе Семинарской суммы по отдѣльнымъ статьямъ.

Семинарскія деньги росписывались по отдѣльнымъ статьямъ. На пр., въ 1780 году приказано было отъ Преосвященнаго на содержаніе Сиротской школы отдѣлять отъ Семинарской суммы 100 р., да отъ Гимназической 100 р. Въ 1782 году, когда сиротская сумма соединена была съ Семинарскою, Преосвященный предписалъ, каждый разъ, по полученіи изъ Казначейства суммы, дѣлить ее на 5 частей, слѣдующимъ образомъ:

1. Отдѣлять ту сумму, которая назначалась на жалованье Учителямъ и прочимъ служащимъ при Семинаріи лицамъ.

2. Отдѣлять ту сумму, которая была положена на содержаніе Семинаристовъ и сиротъ, состоявшихъ въ то время въ наличности, и изъ сей особенно отложить на каждаго Семинариста по 7 р. 70 к., да на каждаго сироту по 5 р.; отдѣлять по 5 р. и на тѣхъ половинно-коштныхъ Семинаристовъ, кои пользовались общею пищею. Этой суммы быть единственно для трапезы.

---

[19] Дѣло Сем. Архива 1790 г.

3. Остальную за симъ сумму, положенную на Семинаристовъ, хранить единственно на устроеніе верхняго и нижняго платья, какъ Семинаристамъ, такъ и сиротамъ.

4. Назначенную на покупку дровъ, свѣчей и другія потребности.

5. Остающуюся на пріумноженіе Библіотеки и отъ неполнаго числа Семинаристовъ и проч.

Въ 1799 г. приказано было отъ Преосвященнаго, для лучшаго способа употребленія Семинарской суммы, раздѣлять ее на слѣдующіе классы: жалованную, дровяную, къ которой отнесть сумму для свѣчей, бумаги, нужной для Семинаріи, сумму на умноженіе Библіотеки и на покупку учебныхъ книгъ, или вообще сумму строевую.

Лучшій способъ такого употребленія денегъ состоялъ, между прочимъ, въ томъ, что отъ него болѣе ожидалось остаточной суммы. Полагалось, что гораздо болѣе останется денегъ въ экономіи, когда она будетъ пріобрѣтаться не съ общаго расхода, а съ расхода по каждой статьѣ отдѣльно. Нуждъ было много, а денегъ мало. Придумывали всѣ возможные способы для удовлетворенія вопіющимъ нуждамъ. Иногда и самое росписаніе денегъ дѣлалось такъ, что за нимъ самъ собою долженъ былъ выйти остатокъ денегъ. Въ 1785 году такой остатокъ предполагался въ 375 руб. Изъ сбереженныхъ разными способами денегъ пріобрѣтался запасъ суммы на разныя экстренныя потребности. Такъ, въ 1799 году отъ 3-й части всѣхъ Семинарскихъ денегъ, которыя полагались на жалованье, осталось 146 р. 66 коп., и этотъ остатокъ употребленъ на жалованье Письмоводителю и въ добавокъ къ жалованью Наставникамъ.

Большее или меньшее количество денегъ, которое оставалось отъ той или другой изъ упомянутыхъ статей, зависѣло отъ свойства и количества расходовъ, которые назначались по этѣмъ статьямъ. Съ постепеннымъ увеличеніемъ Семинарской суммы общей, постепенно увеличивалась и сумма каждой статьи въ частности. Такъ, въ 1779 году на жалованье служащимъ при Семи-

ріи лицамъ назначалось 730 р. въ годъ, на содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ 775 р., на дрова, свѣчи для казеннокоштныхъ воспитанниковъ, на школьныя книги, на Семинарскія починки, на лѣченіе учениковъ и на прочія нужды 300 р., остальныя 195 р. изъ 2,000 руб. назначались на умноженіе казенной Библіотеки и для другихъ необходимыхъ Семинарскихъ нуждъ. Въ 1799 г. на жалованье Ректору, Префекту и 5 Учителямъ съ Расходчикомъ назначалось 1,020 р. въ годъ; на содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ, въ томъ числѣ и Студентовъ Академіи, 1,150 руб.; на жалованье 4-мъ служителямъ, на умноженіе казенной Библіотеки, на покупку учебныхъ книгъ, на отправленіе Студентовъ въ Академію, на разныя починки и на прочіе необходимые случаи 883 р. 3½ коп. Въ 1807 году на жалованье назначалось 2,333 р. 33 к., на содержаніе 46-ти воспитанниковъ 2,300 р., на Библіотеку 540 р., на жалованье служителямъ 200 руб., на дрова, свѣчи, бумагу, чернила и проч. 600 р., на починки и непредвидѣнныя надобности назначалось 1,026 р. 67 к.

Храненіе Семинарскихъ денегъ.

Семинарскія деньги, по неимѣнію безопаснаго мѣста въ Семинаріи, хранились въ Консисторіи и находились въ особенномъ завѣдываніи, сперва Ректора съ Префектомъ, потомъ Консисторіи, Каѳедральнаго Протоіерея и, наконецъ, съ 1799 года, Семинарскаго Правленія.

Порядокъ высылки и расходованія Семинарской суммы.

До 1784 года деньги изъ Семинарскаго казнохранилища, по мѣрѣ надобности, получало Семинарское Начальство и расходовало ихъ по своему усмотрѣнію. Приходъ и расходъ денегъ записывался въ шнуровую книгу, данную изъ Консисторіи за скрѣпою Секретаря. Въ 1784 году произошло въ этомъ отношеніи нѣкоторое измѣненіе. Преосвященный, замѣтивъ, что Семинарское Начальство неисправно вело расходъ Семинарской суммы, приказалъ завѣдывать ею Консисторіи, и не иначе расходовать ее, какъ по приказанію Консисторіи. Всякій разъ, когда было нужно что ни будь купить, Префектъ долженъ былъ представлять объ этомъ Консисторіи. Консисторія, что могла

сама разрѣшить, разрѣшала, а чего нѣтъ, о томъ представляла на усмотрѣніе Преосвященнаго. Для употребленія съ точною запискою и отчетомъ этой суммы, приказано опредѣлить особеннаго человѣка изъ благонадежныхъ Священниковъ, съ производствомъ ему жалованья по 25 р. въ годъ, изъ того жалованья, которое опредѣлялось Сеніору. Онъ долженъ былъ записывать расходъ въ шнуровую книгу, выданную изъ Консисторіи и представлять ее на ревизію въ Консисторію. Въ 1785 г. предписано было имѣть въ кладовой выемную тетрадь, на которой онъ долженъ былъ расписываться, сколько онъ взялъ денегъ, и на что. Въ 1799 году, когда уже образовалось при Семинаріи Правленіе и въ его распоряженіе передана Семинарская сумма, предоставлено самому Правленію производить всѣ подряды. Семинарскій Расходчикъ могъ дѣлать однѣ только мелкія покупки, для которыхъ ему, по прежнему, назначалось выдавать не болѣе 25 рублей, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы, по употребленіи ихъ, онъ подавалъ Семинарскому Правленію вѣрныя записки.

Жалованье лицамъ, служившимъ при Семинаріи.

При назначеніи жалованья служившимъ при Семинаріи лицамъ брали во вниманіе главнымъ образомъ важность обязанностей, которыя они исполняли, и то, сколько кто трудился.

Въ 1765 году изъ 816 рублей Семинарскаго оклада назначалось жалованья:

Ректору	100—120 руб.
Учителю Философіи	60
Учителю Риторики и Поэзіи	130
Учителю высшаго Латинскаго класса	50—60
» низшаго »	50
Информатору	20—30
Сторожамъ: 1-му	20
2-му	18

Въ 1779 году получали жалованье изъ 2,000 руб. Семинарскаго оклада, къ коему причислялась остаточная отъ прежнихъ лѣтъ сумма:

Ректоръ и Богословія Учитель	150 руб.
Префектъ и Учитель Философіи	100

Учитель Риторики и друг. наукъ	120 руб.
Учитель Латинскаго языка высшаго класса	100
» » » низшаго »	80
Информаторъ	50
Сеніоръ, онъ же и Письмоводитель	30
Поваръ, хлѣбопекъ и два сторожа	100

Въ 1785 году, по новому росписанію, приходилось жалованья:

Ректору и Учителю Богословія, сверхъ полагаемаго содержанія отъ монастыря	150 руб.
Префекту и Учителю Философіи, сверхъ получаемаго содержанія отъ монастыря	100
Учителю Риторики	120
Учителю Латинскаго языка высшаго класса	100
» » » низшаго »	80
Информатору	50
Расходчику	25
Двумъ поварамъ и двумъ сторожамъ	100

Въ 1799 году, изъ 3,500 р. причиталось жалованья:

Ректору и Учителю Богословія	250 руб.
Префекту и Учителю Философіи	175
Учителю Риторики	140
Учителю Піитики	130
Учителю Синтаксимы	120
Учителю Грамматики	100
Информатору	75
Расходчику	30

Въ 1807 году, изъ 7,000 оклада, полагалось:

Ректору, кромѣ Учительскихъ	150
Префекту, кромѣ Учительскихъ	100
Учителямъ:	
Богословія, если Настоятель монастыря	350
Философіи, если Настоятель монастыря	250
Риторики	250
Поэзіи	225
Расходчику	50
Служителямъ	100

Замѣч. 1. На жалованье Лѣкарю, въ коемъ Правленіе Семинаріи въ 1807 году не находило нужды, не отдѣлялось ничего, хотя Указомъ Свят. Синода 1798 года полагалось и Семинарскому Врачу производить жалованье.

Замѣч. 2. Изъ жалованья Учителей двухъ высшихъ классовъ, имѣвшихъ за собою монастыри, вычиталась четвертая часть.

Пріемъ учениковъ на казенное содержаніе.

Казенное пособіе оказывалось обыкновенно сиротамъ и бѣднымъ ученикамъ, и то неодинаково. Одни пользовались только казеннымъ помѣщеніемъ и столомъ; такихъ бывало иногда довольно много, на пр., въ 1808 году ихъ находилось въ Семинаріи 36. Другіе пользовались всѣмъ казеннымъ. Первые назывались половинокоштными; послѣдніе полнокоштными. На полное казенное содержаніе принимались самые бѣднѣйшіе ученики, которые не могли жить собственными средствами. Число учениковъ, получавшихъ пособіе отъ казны, зависѣло отъ количества получаемой Семинаріею суммы и величины окладовъ, назначаемыхъ полнокоштнымъ воспитанникамъ; кромѣ того, оно зависѣло и отъ числа нуждавшихся въ полномъ содержаніи. Это число было не одинаково. Въ 1768 году, когда Семинарія въ первый разъ получила изъ казны на свое содержаніе 816 рублей, приказано было отъ Преосвященнаго на казенное содержаніе принять до 30 человѣкъ. Въ 1774 году на казенномъ содержаніи было 21 человѣкъ; въ 1777 году 22 воспитанника. Въ 1779 году, изъ 2,000 р. назначено было употребить собственно на содержаніе бѣдныхъ учениковъ 1,065 рублей. Положено было принять на казенный коштъ изъ высшихъ двухъ классовъ 15 учениковъ, полагая на каждаго по 25 руб. въ годъ, изъ прочихъ классовъ, начиная съ низшаго Латинскаго, 15 человѣкъ, полагая на каждаго по 20 рублей въ годъ. Бѣднымъ ученикамъ Информаторіи опредѣлялось половинное содержаніе противъ послѣднихъ. Въ 1780 году казеннокоштныхъ учениковъ было — Семинаристовъ 30, сиротъ 19. Въ 1785 году на казенномъ содержаніи было изъ высшихъ двухъ классовъ 10 человѣкъ, изъ коихъ на каждаго по-

лагалось по 25 р. въ годъ, и 10 человѣкъ изъ прочихъ классовъ. На каждаго изъ этѣхъ послѣднихъ полагалось въ годъ по 20 р. Кромѣ того, содержалось на казенномъ коштѣ 20 сиротъ, на каждаго изъ нихъ назначалось по 15 р. въ годъ (До этого времени сироты получали по 10 руб. въ годъ). Въ 1799 году всѣ ученики, пользовавшіеся казеннымъ содержаніемъ, раздѣлены на большихъ и малыхъ. Большихъ полагалось 16: на каждаго изъ нихъ ассигновано было по 35 руб., малыхъ назначено 26 человѣкъ: на каждаго изъ нихъ ассигновано было по 30 р. въ годъ.

Въ 1807 году изъ 7,000 рублей, назначенныхъ на содержаніе Псковской Семинаріи, отдѣлялось собственно на содержаніе 46 казеннокоштныхъ воспитанниковъ 2,300 руб.

Въ 1802 году, при быстромъ возвышеніи цѣнъ на все, эта сумма оказалась недостаточною для содержанія 46 воспитанниковъ, но и денегъ не прибавлялось; по этому положено было уменьшить число казеннокоштныхъ учениковъ, чтобы имѣть возможность увеличить ученическіе оклады. Такъ и сдѣлано. На казенный коштъ принято, вмѣсто 46, 30 учениковъ: 10 большихъ и 20 малыхъ. На каждаго большаго назначено было 40 рублей, а на малаго 3 руб. въ годъ. Какъ ни заботилось мѣстное Начальство обезпечить содержаніе бѣдныхъ учениковъ, за всѣмъ тѣмъ оно ни какъ не могло помочь всѣмъ имъ, по недостаточности средствъ къ этому. Бѣдность Семинаристовъ доходила иногда до крайности. Нѣкоторые изъ нихъ учились, питаясь милостынею. Чтобы помочь такой бѣдности, Указомъ Духовной Консисторіи, отъ 18-го Декабря, 1807 года, приказано было 60 бѣднѣйшихъ своекоштныхъ учениковъ помѣстить въ казенномъ домѣ, безъ всякой платы за то, съ тѣмъ только, чтобы они питались на свой счетъ. Но ученики отказались отъ этой милости Преосвященнаго по разнымъ неудобствамъ. Между тѣмъ, велѣно учениковъ Богословія и Философіи высылать изъ бурсы, такъ какъ они могли пользоваться доходами отъ мѣстъ, зачисленныхъ за ними, а на ихъ мѣста предписано было принять на казенное содержаніе бѣдныхъ учениковъ низшихъ классовъ.

Изъ Гимназій только въ Невельской бывали казеннокоштные ученики. Въ 1780 году ихъ было 7, въ 1781 г. 6, въ 1784 г. не было ни одного, въ 1787 то же, въ 1793 и 1794 то же.

Помѣщеніе Семинаристовъ.

Семинаристы, какъ и вся Семинарія, помѣщались въ прежнемъ домѣ, выстроенномъ для ней въ 1738 году. Въ 1774 году этотъ домъ сгорѣлъ, во время пожара, начавшагося съ Печерскаго подворья. Въ 1776 году онъ былъ снова возобновленъ, съ нѣкоторыми измѣненіями противъ прежняго. На пр., сдѣланъ парадный входъ въ корпусъ въ срединѣ корпуса. Сдѣлана на Семинаріи башня для звонка. Построены вновь три каменные флигеля и въѣздныя ворота. Два флигеля у самыхъ воротъ: одинъ по одну, а другой по другую, сторону воротъ. Въ одномъ была комната съ сѣнями, конюшня на 6 лошадей, каретникъ; а на другой — ледникъ и магазинъ. Третій флигель былъ у самаго корпуса съ боку, къ городской стѣнѣ, для кухни и хлѣбни. Отъ въѣзжихъ воротъ до покоевъ, по ту и другую сторону, сдѣланы были заборы изъ брусьевъ, а у городской каменной стѣны — бревенчатый заборъ съ рѣшетками вверху. Каменныя зданія покрыты желѣзомъ, а прежде они были покрыты тесомъ, и то не вовсе чистыми досками, и всплошь доска на доску. За всю постройку, по контракту, заплачено 7,600 рублей съ матеріялами подрядчика. Подрядчикомъ былъ Соли-Галицкій мѣщанинъ, Петръ Тимоѳеевъ Мачихинъ. Когда производилась постройка, Семинарія помѣщалась въ Тіунской Палатѣ, гдѣ нынѣ находится каменный Архіерейскій домъ на рынкѣ, рядомъ съ новою Консисторіею.

Въ концѣ прошлаго столѣтія сознано было необходимостію сократить, сколько можно, число учениковъ, жившихъ на вольныхъ квартирахъ, потому что это вольное житье было причиною худой жизни многихъ изъ нихъ. По этому предположено было выстроить въ Семинаріи особый флигель для помѣщенія въ немъ своекоштныхъ учениковъ, со взносомъ извѣстнаго числа денегъ за ихъ содержаніе. Постройка такого флигеля и начата была въ 1801 году, на Семинарскомъ дворѣ, близъ городской, средней стѣны. Строился онъ сперва на 2,000 рублей, которыя отпущены были изъ казны, по ходатайству Преосвященнаго Иринея, въ слѣдствіе сдѣланнаго отъ Св. Синода, въ 1798 году, Епархіяльнымъ Архіереямъ спроса о томъ, въ какомъ состояніи находятся старыя Семинарскія зданія, и не настоитъ ли нужда въ какихъ

либо новыхъ постройкахъ.[20] Потомъ, по ходатайству Псковскаго Преосвященнаго, прибавлены были къ той суммѣ, какая упомянута выше, 1,935 рублей, оставшіеся въ Псковской Консисторіи, за упраздненіемъ въ Псковѣ нѣкоторыхъ церквей. Когда оказалось и этого мало, издержаны были всѣ остаточныя Гимназическія деньги и до 4,157 рублей Семинарской остаточной суммы. Не смотря на это, флигель строился долго (въ 1805 году онъ не былъ еще оконченъ) и неудачно, за что Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Венедиктъ, поплатился Ректорствомъ. Этотъ флигель, вмѣстѣ съ Семинарскимъ корпусомъ, перестроенъ въ 1847 году.

Ученики помѣщались по нѣскольку человѣкъ въ одной комнатѣ. Сироты имѣли отдѣльно отъ другихъ учениковъ помѣщеніе. Для освѣщенія комнатъ выдавались сальныя свѣчи. При этомъ употреблялись подсвѣчники желѣзные и глиняные. Съ 1787 года въ Семинаріи жили ученики и своекоштные, со взносомъ извѣстнаго количества денегъ за содержаніе. Ученики, жившіе въ Семинаріи, назывались Контуберналистами.

Продовольствіе казеннокоштныхъ учениковъ, одеждою, пищею и всѣмъ необходимымъ.

Продовольствіе казеннокоштныхъ учениковъ не было, да и не могло быть, богатымъ, какъ по ограниченности средствъ къ тому, такъ и по большему числу нуждавшихся въ казенномъ пособіи. По крайней мѣрѣ, видно, что Начальство старалось сдѣлать для нихъ все, что только могло сдѣлать. Старалось объ удобствѣ ихъ помѣщенія, снабжало ихъ необходимымъ платьемъ и обувью, продовольствовало столомъ, доставляло нужныя учебныя пособія. Выдавалось платье нижнее: рубашки, портяники; и верхнее, зимнее и лѣтнее. Для зимы выдавали: сапоги съ чулками, шапки съ рукавицами, овчинныя шубы на три года. Для лѣта: башмаки съ чулками, кафтаны изъ торговаго сукна, на три года, съ починкою и переворотскою, въ случаѣ нужды, на другую сторону, кушаки изъ каламейки. Такимъ же образомъ выдавалось платье и сиротамъ, только съ нѣкоторымъ отличіемъ отъ Семина-

[20] Дѣло Сем. Арх. за 1798 г.

ристовъ. Въ 1766 году 12-ти большимъ выданы были, между прочимъ, башмаки съ чулками, а 16-ти малымъ безъ чулковъ. Въ 1768 году тоже приказано было учениковъ высшихъ классовъ обьэкапировать съ нѣкоторою отмѣною отъ младшихъ. Въ 1780 году приказано было для сиротъ употреблять кафтаны изъ сермяжнаго хорошаго сукна — смураго, шубы овчинныя, кушаки, бахилки, чулки, шапки, рукавицы и нѣсколько изъ бѣлья, полагая все на опредѣленное время. Вмѣсто кроватей, велѣно было сдѣлать широкія скамьи съ подголовками, вмѣсто постели — употреблять войлоки, обшитые кругомъ холстомъ. Эти войлоки употреблялись и у большихъ.

Вмѣсто готоваго платья и обуви, иногда выдавали деньгами, тоже съ соблюденіемъ отличія между большими и малыми учениками. За платье, выдаваемое на три года, выдавались и деньги на три года. На обувь выдавалось иногда большимъ по 1 р. 20 к., малымъ — по 80 к. На шапки и рукавицы выдавалось, на три года, большимъ по 1 р. 50 к., малымъ — по 1 р. Въ 1780 году большіе на рубашки (на годъ) получили по 1 р. 50 к., малые — по 1 р. 20 к. На лѣтнюю обувь — большіе по 70 к., малые по 50 к. Въ 1798 году выдано было большимъ на лѣтнюю обувь по 80 к., на зимнюю — по 1 р. 20 к.; на рубашки по 1 р. 50 к., на шляпу, кушакъ и войлокъ по 1 р. 57½ коп.

Столъ.

Въ началѣ разсматриваемаго нами времени, продовольствіе учениковъ столомъ совершалось, по прежнему, довольно неопредѣленнымъ образомъ. На пр., въ 1776 году нѣкоторымъ бѣднымъ ученикамъ выдавали или деньгами по 50, или 30, копѣекъ въ мѣсяцъ на хлѣбъ, или по 14 фунтовъ хлѣба въ недѣлю. Въ послѣдствіи, когда окладъ Семинарскій увеличился, эта статья стала принимать болѣе однообразный видъ. Въ 1798 году продовольствіе казеннокоштныхъ учениковъ пищею было такое: каждому казеннокоштному ученику выдавался недѣльный въ 14 фунтовъ хлѣбъ. Кромѣ этого, начиная съ лѣтнихъ вакацій до Рождественскаго поста, по воскресеньямъ, торжественнымъ и дванадесятымъ праздникамъ, приготовлялись для нихъ: холодная студень, по блюду на 7-мь человѣкъ, щи съ свѣжею говядиною, полагая на трехъ человѣкъ по два фунта, а иногда, при дешевизнѣ мяса, подавалось

нѣсколько и баранины. Послѣ же праздника Рождества Христова до вакаціи, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, для щей употреблялась солонина, на трехъ человѣкъ по два фунта, а въ годовые праздники прибавлялось къ столу и по нѣскольку холодной говядины. Въ постные дни, во весь годъ, варились щи съ сухими снѣтками и каша съ постнымъ масломъ, а въ праздничные дни подавалась еще и кашица съ мелкою рыбою, полагая на человѣка по три плотки или мелкихъ окуня.

При этомъ нужно замѣтить, что ежели когда для стола приготовлялось два кушанья, то большіе довольствовались двумя, а малые только однимъ кушаньемъ. То же соблюдалось и при праздничномъ столѣ.

Когда казеннокоштные ученики отправлялись домой, то на пищу въ дорогѣ выдавали имъ деньги. Такъ, въ 1799 году, позволено было отъ Преосвященнаго выдать на дорогу большимъ по 80, а малымъ по 50 к. Больныхъ всѣхъ и содержали и пользовали на казенный счетъ.

Для хлѣба и кваса покупалась рожь, которую мололи сами Семинаристы. Вмѣсто говядины покупался скотъ, который свѣжевали въ Семинаріи.

Въ столовой употреблялась деревянная посуда: блюда, ложки, тарелки, ножи. Въ кухнѣ были: мѣдный котелъ, тяганъ.

Учебныя пособія.

Казеннокоштнымъ ученикамъ оказывалось пособіе и въ ихъ учебныхъ занятіяхъ: имъ выдавали въ безмездное пользованіе учебные книги, бумагу и чернила.

Отчетность по Семинарской экономіи.

Экономическая часть Семинаріи подлежала ревизіи мѣстной Консисторіи и Преосвященнаго. Впрочемъ, порядокъ этой ревизіи былъ не одинаковъ въ разное время. На пр., въ 1779 году перечневыя вѣдомости о суммѣ, израсходованной и остаточной, пред-

ставлялись отъ Ректора Преосвященному по третямъ, а шнуровыя книги въ Консисторію одинъ разъ въ годъ. Въ 1784 году приказано было представлять приходорасходныя Семинарскія книги, для повѣрки въ Консисторію, каждую треть, съ донесеніемъ о послѣдствіяхъ Преосвященному; въ 1793 году однажды въ годъ; въ 1799 году, опять по прошествіи каждой трети, съ донесеніемъ Преосвященному о послѣдующемъ; въ 1802 году опять однажды въ годъ.

Управленіе Семинаріи.

а) Внутреннее.

Внутреннее Управленіе Псковской Духовной Семинаріи до 1798 года было конторское же. По прежнему, въ немъ участвовали: Ректоръ, Префектъ и Расходчикъ. Ректоръ, будучи главнымъ Начальникомъ всѣхъ лицъ, служившихъ при Семинаріи, и всѣхъ частей ея управленія, ближайшимъ образомъ завѣдывалъ частію учебною, Префектъ—нравственною, Расходчикъ—экономическою. При Конторѣ находился особый Письмоводитель. Но въ 1798 г., вмѣсто Конторы, открыто Правленіе, котораго постоянными Членами назначались: Ректоръ, Префектъ и Экономъ.

б) Внѣшнее управленіе.

Внѣшнее управленіе Семинаріи происходило старымъ порядкомъ, то есть, она была въ ближайшемъ завѣдыванія отъ мѣстной Консисторіи и отъ мѣстнаго Преосвященнаго, которымъ, чуть-чуть не во все разсматриваемое время, одинъ и былъ Иннокентій Нечаевъ. Этотъ просвѣщенный пастырь, дѣйствительно, неутомимо занимался Семинаріею, не смотря на то, что во все время жилъ въ Петербургѣ, какъ Членъ Св Синода. Тридцатилѣтнее его управленіе Псковскою Епархіею, въ одномъ этомъ отношеніи, дѣлаетъ его незабвеннымъ для ней. Онъ слѣдилъ за нравственностію учениковъ и Наставниковъ, вводилъ новыя науки, наблюдалъ за ихъ ходомъ и направленіемъ, заботился о лучшемъ образованіи Учителей, назначалъ ихъ на службу, опредѣлялъ предметы и планъ

ихъ занятій, съ неподражаемымъ терпѣніемъ повѣрялъ успѣхи учениковъ, не полагаясь на одинъ отзывъ о нихъ преподавателей, требовалъ къ себѣ сочиненія учениковъ, внимательно пересматривалъ ихъ, дѣлая на нихъ свои замѣтки, не упускалъ изъ виду даже почерка ученическаго письма. Самъ покупалъ въ Петербургѣ книги для учениковъ. Придумывалъ всѣ возможные способы къ обезпеченію ихъ въ содержаніи и принималъ живѣйшее участіе въ употребленіи этѣхъ способовъ: самъ дѣлилъ Семинарскую сумму по статьямъ; указывалъ, какъ лучше повесть ту или другую изъ нихъ; назначалъ жалованье преподавателямъ и оклады ученикамъ; указывалъ, что именно сдѣлать, когда и какъ лучше сдѣлать, для соблюденія экономіи.

Что же касается до Консисторіи, то ея посредство между Преосвященнымъ и Семинаріею и въ это время не болѣе приносило пользы для послѣдней, какъ и прежде. Дѣла замедлялись, распоряженія перепутывались. Консисторія не рѣдко хотѣла одного, Семинарія — другого, а иногда ни та, ни другая ничего не дѣлали, полагаясь одна на другую.

Былъ случай такой: ученикъ уѣхалъ домой, да и жилъ себѣ тамъ покойно. А Консисторія съ Семинаріею и не думали побудить его поспѣшить къ своему дѣлу. Первая полагала, что онъ учится въ Семинаріи, а послѣдняя считала его давно уже опредѣленнымъ на мѣсто. Открывались иногда самыя соблазнительныя столкновенія у Консисторіи съ Ректоромъ Семинаріи. Членами Консисторіи бывали лица, подчиненныя Ректору. Ректоръ, относясь къ Консисторіи по дѣламъ Семинаріи, не могъ забыть, что онъ Начальникъ учебнаго Епархіальнаго заведенія, самъ Членъ Консисторіи, и при томъ Старшій, что въ средѣ тѣхъ, къ коимъ онъ относится, были его подчиненные. Консисторія не забывала своихъ правъ надъ нимъ; иному же открывался при этомъ и удобный случай поплатиться за что ни будь съ нимъ за училищную службу. Въ Архивѣ Псковской Д. Консисторіи есть и теперь бумаги, показывающія, какъ она судила Ректора Семинаріи, Архимандрита Венедикта, за постройку каменнаго флигеля при Семинаріи. Самъ Преосвященный Ириней не могъ читать ихъ безъ скорби. «Сильно возмущается духъ мой отъ такого нестроенія,» писалъ онъ на одной изъ нихъ.

Святѣйшій Синодъ мало входилъ въ Семинарскія дѣла. Обыкновенно ему посылали каждогодно вѣдомости объ учащихъ и учащихся Семинаріи. Въ 1791 году приказано было такія же вѣдомости каждогодно посылать въ Синодъ и изъ Гимназіи. [11] Въ 1798 году предписано было въ этѣхъ вѣдомостяхъ показывать и то, какъ что преподается въ классахъ.

Съ открытіемъ Духовныхъ Академій началъ подготовляться новый порядокъ Семинарскаго управленія. Назначено было, въ которую изъ нихъ какія Семинаріи должны посылать учениковъ для образованія. Въ 1798 году приказано было въ преподаваніи наукъ сообразоваться съ тѣмъ, какъ онѣ преподаются въ Академіяхъ, и найдено нужнымъ знать послѣднимъ, какъ учатся въ первыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ректору Академіи вмѣнялось въ обязанность быть Совѣтникомъ для тѣхъ Семинарій, которыя поставлены въ ближайшее къ ней отношеніе. Такимъ образомъ стала обозначаться централизація Духовныхъ Училищъ.

СПИСОКЪ

Ректоровъ, Префектовъ и Расходчиковъ или Экономовъ, съ 1765 по 1814 годъ.

Ректоры.

1. Дороѳей, Святогорскій Архимандритъ. Въ 1768 году переведенъ въ Новгородскую Семинарію, и оттуда въ 1770 году въ Казанскій Свіяжскій монастырь.

2. Стефанъ, Спасо-Мирожскій Игуменъ, до 1774 года.

Варлаамъ (1774—1792), сперва Игуменъ Спасо-Мирожскій, потомъ Архимандритъ Псково-Печерскій. Въ 1792 году Свят. Синодомъ переведенъ Настоятелемъ въ Воскресенскій Ново-Іерусалимскій Ставропигіяльный монастырь.

Петръ, Архимандритъ Авраміева Смоленскаго Училищнаго монастыря. Уволенъ по болѣзни въ Псково-Печерскій монастырь.

---

[11] Дѣло Сем. Арх. за 1791 г.

Венедиктъ, съ 1799 года.

Игуменъ Іосифъ, исправлявшій должность Ректора, по случаю отбытія Архимандрита Венедикта въ Петербургъ, на чреду священнослуженія.

Префекты.

Стефанъ Іеромонахъ, изъ Тверскихъ Учителей, Спасо-Мирожскій Игуменъ (1766—1774).

Варлаамъ, Спасо-Мирожскій Игуменъ съ 1774 г.

Іустинъ, Спасо-Мирожскій Игуменъ съ 1778 г. Въ 1781 году Свят. Синодомъ назначенъ былъ въ Голштинію, но отказался по болѣзни. Въ 1784 году переведенъ Настоятелемъ въ Бѣлгородскій Николаевскій монастырь.

Адріанъ, Мирожскій Іеромонахъ и Надсмотритель, въ послѣдствіи Игуменъ того же монастыря (съ 1784 г.); уволенъ. Худо велъ себя.

Венедиктъ (съ 1786 г.), учился въ Тверской Семинаріи въ 1770 году.

Адріанъ (въ 1791 году) въ другой разъ.

Исаія, Спасо-Мирожскій Игуменъ. Въ 1796 г. переведенъ Игуменомъ въ Торопецкій Небинъ монастырь.

Венедиктъ, въ другой разъ (1796), изъ Игуменовъ Торопецкаго монастыря.

Петръ Вѣхновскій, въ 1800 году.

Иванъ Троицкій, уволенъ во Священника въ Порховскій соборъ, въ 1803 году.

Іеромонахъ Павелъ въ 1803 году, Настоятель Троице-Сергіева Великолуцкаго монастыря.

Иванъ Лавровъ, въ 1805 году.

Расходчики или Экономы.

До 1781 года Сеніоръ Иванъ Левитовъ.
Въ 1784 году Николаевской со Усохи церкви Священникъ Θеодоръ Антиповъ.
Въ 1792 году Николаевской со Усохи церкви Священникъ Андрей Стехновскій.
Съ 1808 года Учитель Синтаксимы Иванъ Вревскій.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Цѣнность вещей, которыя покупались для Семинаріи въ прошедшемъ столѣтіи:

Въ 1779 году

покупались:

Гороху четверть по	3 р.	60 к.
Гречневыхъ крупъ четверикъ по. . . .		30, 40 и 45 к.
Ячныхъ.		35 к.
Пшеницы четверикъ.		75
Коровьяго масла фунтъ		8
Палка сургуча		18
Пудъ сальныхъ свѣчей	3	60
Березовыхъ дровъ сажень.		70
Ольховыхъ		65
Сукна аршинъ	1	
Корова	3	5
Быкъ 4,	6	
Трехсаженная тесовая доска толстая .		24
дюймовая		10
Желѣзный подсвѣчникъ		20
Вылудить мѣдный котелъ большой стоило		70
Овчина		28

Въ 1780 году.

Капусты покупалось въ Семинарію на 12 р. 65 к.
Рожь по 2 р. 40 к. и по 2 р. 25 к. четверть.
Пудъ соли 35 к. Пудъ свѣчей 3 р. 20 к.
Бумага покупалась 3-хъ сорт.: стопа 1 го сор. 1 р. 40 к.
2-го » 1 р. 60 к.
3-го » 2 р. 40 и 80 к.

ВЫПИСКА

изъ приходо-расходныхъ книгъ Псковской Семинаріи отъ 1779 по 1796 годъ, показывающая количество расхода и остатка по Семинаріи суммъ.

	Приходъ.		Расходъ.		Остатокъ.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1779 годъ.						
Состояло на лицо къ Сентябрской трети	1478	33	1226	40½	251	92½
1780 годъ . .	2268	86	2266	98½	1	87½
1781 » . .	2018	81½	2017	58	1	23½
1782 » . .	1984	23	1892	73½	91	49½
1783 годъ.						
а) жалованной	1009	99	1009	99		
б) трапезной	565	35	565	35		
в) платейной	128		128			
г) дровяной	308	28	308	28		
д) остаточной на пріумноженіе Библіотеки. . . .	328	16½	307	83½	20	33
И того . .	2339	78½	2319	45½	20	33
1784 годъ.						
а) жалованной	878	33	834	58½	43	74½
б) трапезной	376		369	17¾	6	82¼
в) платейной	81	50	66	25	15	25
г) дровяной	300		241	66½	58	33½
д) остаточной Библіотечной	484	50	16	50¼	467	99¾
И того . .	2120	33	1528	18	592	15

1785 годъ.						
а) жалованной	483	34¼	483	34¼	.	
б) трапезной	387	90½	227	32¼	160	58¼
в) платейной	149	5	34	25	114	80
г) дровяной	235	20¾	165	63¾	69	57
д) остаточной Библіотечной	361	56¾	139	6¾	222	50
И того . .	1617	7¼	1049	62	567	65¼
1786 годъ.						
а) жалованной	725		718	33¼	6	66¾
б) трапезной	510		263	25	246	75
в) платейной	370	5	329	13½	40	91½
г) дровяной	300		267	37½	32	62½
д) остаточной	375		243	95	131	5
И того . .	2280	5	1822	3¾	458	1¼
1795 годъ.						
а) жалованной	833		833			
б) трапезной	510		493	90	16	10
					передержка	
в) платейной	240		332	21	92	21
г) дровяной	300		277	64	22	36
					передержка	
д) остаточной	67		211	52	144	52
					передержка.	
И того . .	2000		2148	27	198	27

		Руб.	Коп.
Экономическая сумма съ 1784 по 1792 годъ:			
Остатокъ отъ 1784 года:	а) дровяной суммы . .	34	60
	б) остаточной	455	8½
	И того . .	489	68½
Остатокъ отъ 1785 года:	а) дровяной	69	57
	б) остаточной	222	50
	И того . .	292	7

Остатокъ отъ 1786 года:	а) платейной	40	91
	б) дровяной	32	62½
	в) остаточной	131	5
	И того . .	204	59

Остатокъ отъ 1787 года:	а) трапезной	343	35
	б) платейной	107	31½
	в) дровяной	46	71
	г) остаточной	315	68
	И того . .	813	5½

Остатокъ отъ 1788 года:	а) трапезной	221	73
	б) платейной	146	65
	в) дровяной	122	68
	И того . .	491	6

Остатокъ отъ 1789 года:	а) трапезной	115	33
	б) платейной	20	22
	в) дровяной	53	83
	г) остаточной	346	
	И того . .	535	38

Остатокъ отъ 1790 года:	а) платейной		14
	б) остаточной	170	58
	И того . .	170	72

Остатокъ отъ 1791 года:	а) платейной	60	33
	б) остаточной	296	20
	И того . .	356	53

А всей экономіи съ 1784	къ 1792 г. состояло на лицо	3353	9
	къ 1796 г. состояло на лицо	3258	62

О

НЕОБХОДИМОСТИ УНИЧТОЖЕНІЯ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРАВЪ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ,

ОТЪ ПОЛЬШИ ВОЗВРАЩЕННЫХЪ, И ИЗМѢНЕНІИ НЕДОСТАТКОВЪ,

ПРОТИВНЫХЪ ГОСУДАРСТВЕННОМУ БЛАГОУСТРОЙСТВУ.

Тѣ только постановленія признаются совершенными и достигающими цѣли своей, кои согласны съ основными началами Государственнаго управленія и гражданскими элементами жизни народной. Основываясь на сей неопровержимой истинѣ, предварительно до изданія Свода правъ привилегированныхъ Губерній, должно рѣшить три вопроса:

1. Не противорѣчатъ ли права началамъ политической независимости господствующаго народа? 2. Права сіи достаточны ли для блага областей и сословій, для коихъ они составляются? и 3. Не препятствуютъ ли оныя благосостоянію Государства въ финансовомъ и нравственномъ отношеніяхъ?

Не обращая вниманія на Финляндію, какъ пятно, едва замѣтное въ составѣ колоссальной Россіи, въ пространствѣ сихъ вопросовъ должно разсмотрѣть оконченный, и по сему скоро долженствующій воспринять свое дѣйствіе, Сводъ Остзейскихъ и отъ Польши возвращенныхъ Губерній, важныхъ въ составѣ Государственномъ своею обширностію, народонаселеніемъ и въ особенности враждебностію духа ко всему Русскому.

I. Не противорѣчатъ ли сіи права началамъ политической независимости Государства?

Предварительно до разрѣшенія сего вопроса, должно опредѣлить, кто населяетъ привилегированныя Губерніи, для коихъ составляется Сводъ отдѣльныхъ правъ.

Губерніи, отъ Польши возвращенныя, включая въ сіе число и Литву (Виленскую и Гродненскую Губерніи), составляли древнюю Славянію, однородную въ составѣ племенъ единствомъ Вѣры и началами гражданственности. Съ принятіемъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Православнаго Исповѣданія, послѣдовало первое религіозное отдѣленіе Литвы отъ союза Россіи, но она сохранила и народность и систему княженій, преобладавшихъ въ Россіи. Съ утвержденіемъ же въ Литвѣ Римско-Католической Вѣры послѣдовало и религіозное и политическое отпаденіе, но народность чисто Русская осталась неприкосновенною, хотя система правительственная приняла другой характеръ. Литва, сильная единствомъ власти Князей своихъ, присоединила къ себѣ области бѣдствующей Россіи (Губерніи Минскую, Могилевскую, Витебскую, Подольскую. и Волынскую и Бѣлостоцкую Область); но сіе отторженіе, измѣня властителя, не измѣнило порядка властвованія. Всѣ области и сословія не только сохранили во всей чистотѣ Вѣру, языкъ, законы и обычаи своей родины, но доколѣ, Литва не соединялась съ Польскимъ Королевствомъ, не измѣнились въ составныхъ своихъ элементахъ. Съ сего же времени, особенно когда династія Князей Литовскихъ изсякла, Польское Дворянство и, такъ называемая, Шляхта; буйное мятежное сословіе, и Духовенство Католическое, постепенно овладѣли Русскимъ народонаселеніемъ со всѣмъ неистовствомъ фанатизма и безначалія. Но Дворянство и Духовенство, захватившія обширныя помѣстья, были немногочисленны; изрѣдка только остатки бродягъ, чинившія нападенія на наши предѣлы и многочисленная Панская дворня, селились въ сихъ помѣстьяхъ и городахъ. Съ появленіемъ Польскаго Дворянства водворились и Польскія права; но народъ Русскій, угнетенный, не пользовался ни какими преимуществами: извѣстно, какія ужасныя притѣсненія и неистовства допускало и само производило, такъ называемое, свободное правленіе, чтобы овладѣть понятіями и совѣстію людей мирныхъ и покорныхъ.

Екатерина Великая, возвратя Россіи ея достояніе, желала не только истребить это, но и во всей силѣ возстановила законы Русскіе. Она знала, что однимъ только этимъ средствомъ можно искоренить духъ Польскаго буйства и ненависти къ Россіи; знала, что единство языка и законовъ раждаетъ единство чувствъ и

понятій, безъ коихъ нѣтъ прочности въ существованіи народномъ. Такъ безсмертная, въ высокихъ думахъ о благѣ Имперіи, въ тайномъ Наказѣ, данномъ Генералъ-Губернатору Чернышеву, говоритъ: «Я желаю, чтобы грань инонародія исчезла, и древнія области Русскія были Русскими не однимъ именемъ, а душею и сердцемъ.» Ежели бы мысль Великой была поддержана и вполнѣ развита въ послѣдующее время, тогда бы настоящее поколѣніе Польскаго Дворянства слилось съ Русскими и чувствами и понятіями, въ чемъ могутъ удостовѣрить тѣ изъ Поляковъ, кои были воспитаны въ Кадетскихъ Корпусахъ и, забывъ языкъ и права свои, сдѣлались совершенно Русскими.

Сводъ Польскихъ правъ готовъ. Для кого права сіи? — Для нѣсколько тысячъ, которыя бы, для ихъ же блага, для блага Имперіи, должны забыть, что когда либо существовали права, отдѣляющія ихъ отъ Россіи. — Какія права?—Отрывки, безпрестанно напоминающіе имъ о прежнихъ важныхъ преимуществахъ.—Какія послѣдствія отъ изданія сихъ правъ? Тѣ жъ, какія были отъ возстановленія ихъ послѣ смерти Екатерины Великой.—Настоящимъ измѣримъ будущее; поелику происшествія, видимыя въ жизни народовъ, не возникаютъ мгновенно и случайно, а зараждаются отъ предшествующихъ событій. Каждый Полякъ, указывая сыну своему на Сводъ этѣхъ правъ, скажетъ: «Вотъ обломки нашей народной независимости, похищенные у насъ Русскими!» И этѣ слова не падутъ втунѣ. При первой возможности приближенія враговъ къ предѣламъ Россіи вспыхнетъ пламя бунта, и кровію Русскаго должно будетъ погасить его: такъ было въ 1812 году, 1830 и 1831 годахъ, такъ будетъ при первомъ удобномъ случаѣ. Этѣ кровавыя сцены да не получатъ страницъ Исторіи Вашего Величества! Государь! возвратите достояніе Россіи чисто, неукоризненно, какъ возвратила его Екатерина Великая; силою души Вашей, коею гордимся мы, сплавте разнородныя чувства, желанія и понятія въ одно цѣлое, прекрасное, великое чувство любви къ Русскому, съ коимъ неразрывна любовь къ непоколебимости и славѣ Престола! Конечно, и уничтоженіе правъ, введеніе нашихъ законовъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, принесетъ счастливыя послѣдствія чрезъ 50 лѣтъ; но мысль Государственная должна жить за предѣлами гроба и настоящимъ

опредѣлять будущее въ жизни народной. Самое географическое положеніе Губерній, отъ Польши возвращенныхъ, такъ сказать, опоясывающихъ всю почти Европейскую границу Имперіи враждебнымъ для нея духомъ, вкорененнымъ долговременною борьбою Польши съ Россіею о первенствѣ народномъ, указываетъ необходимость рѣшительными мѣрами прекратить всякую надежду, которая, со дня кончины Екатерины Великой, наполняетъ сердце каждаго Поляка.

Напротивъ, существованіе отдѣльныхъ правъ въ Губерніяхъ Остзейскихъ, не принося ни какого вреда Государству ни въ географическомъ, ни въ политическомъ отношеніи, составляетъ источникъ ихъ благосостоянія.

Остзейскія Губерніи почти никогда не имѣли счастливой самобытности; при самомъ возрожденіи своемъ стѣсненныя сильными Государствами, онѣ безпрестанно должны были искать покровителей, и только подъ щитомъ Россіи обрѣли прочное спокойствіе. Остзейскія Губерніи никогда Россіи не оставляли ни по происхожденію, ни по управленію: въ нихъ все отдѣльно, все самобытно; всѣ состоянія, отъ богатѣйшаго владѣльца до послѣдняго ремесленника и земледѣльца, происхожденія намъ чуждаго, Вѣры, нравовъ, обычаевъ и гражданственности отдѣльной; слѣдовательно, въ нихъ права, распространяся на всѣ состоянія, не тяготятъ господствующаго народа какъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, гдѣ на сто человѣкъ Русскаго происхожденія десять Польскихъ пришельцевъ.

Конечно, есть до невѣроятности старанныя преимущества въ Остзейскихъ Губерніяхъ, особенно въ Ригѣ, изданныя во дни непримиримой вражды съ древнею Русью, преимущества, стѣсняющія торговлю и благосостояніе прилегающихъ къ нимъ Русскихъ Губерній и несовмѣстныя съ началами Государственнаго благоустройства; но, оставя даже и сіи права неприкосновенными, не причинится того пагубнаго, окрыто и безпрестанно, подобно гидрѣ, возраждающагося, зла, кое кроется въ существованіи права въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ. Впрочемъ, нельзя повѣрить, чтобы многія преимущества Остзейскихъ Губерній были вполнѣ сохранены. Это было бы противно достоинству Рос-

сіи и ея политической самобытности. Екатерина Великая, желая согласить несообразность нѣкоторыхъ правъ въ Остзейскихъ Губерніяхъ, ввела въ оныя во всей силѣ Учрежденія Губерній и Городовое Положеніе, которое, одинаково развивая ремесла и торговлю во всѣхъ сословіяхъ и частяхъ Имперіи, заключаетъ въ себѣ источникъ благотостоянія городовъ и селъ.

II. Сіи права достаточны ли для блага тѣхъ областей и сословій, для коихъ составляются?

Главное различіе между Русскими гражданскими законами и существующими въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, суть: 1) Особенность раздѣла имѣній между братьями и сестрами. По Русскимъ законамъ сестры получаютъ изъ недвижимаго 14-ю часть, изъ движимаго 8-ю часть; по Польскимъ, изъ имѣнія матери равную съ братьями; изъ имѣнія отца 4-ю часть противу братьевъ; 2) при взысканіи долговъ, по Русскимъ законамъ, имѣніе продается съ публичнаго торга, по Польскимъ, раздѣляется во временное владѣніе кредиторовъ, и 3) особенные виды Гражданскаго судопроизводства.

Совершенство устройства Гражданскихъ обществъ составляетъ согласіе всѣхъ родовъ законодательства съ главною или, такъ сказать, верховною силою, двигающею Государствомъ. Эта верховная сила называется правленіемъ, которая, по стеченію различныхъ случаевъ, имѣетъ особыя формы, съ коими должны согласоваться всѣ роды и виды законодательства.

а) О порядкѣ раздѣла имуществъ.

Раздѣлъ имуществъ есть законъ гражданскій, но въ немъ таятся начала политическаго устройства обществъ; по сему-то законодатели древнихъ Республикъ старались уравнять имущества между гражданами, дабы сіе равенство служило подпорою ихъ правленія; на семъ же основаніи и Польскіе республиканскіе законы старались раздроблять имущества, дабы симъ поддерживать духъ свободы, несовмѣстный съ Монархическимъ правленіемъ. Отъ чего произошелъ этотъ многочисленный и мятежный классъ,

называемый Шляхтою, какъ не отъ излишняго раздробленія имуществъ?—Напротивъ Монархическое правленіе требуетъ, для прочности своего существованія, большой неровности имуществъ, чтобы чрезъ сіе главные роды могли служить подпорою Престола. Изъ сего можно видѣть, что раздѣлъ имуществъ, по законамъ Русскимъ, основанъ на началахъ Монархическаго правленія, по законамъ Польскимъ — на началахъ Республиканскаго. Конечно, сынъ и дочь для чувства родителей равны, но законы и даже ощущенія гражданина должны жертвовать всѣмъ прежде для блага Государственнаго, потомъ уже заботиться о счастіи семейства, и что останется отъ сихъ чувствъ, предоставить прочему человѣчеству. Другое весьма важное обстоятельство дѣлаетъ законы Русскіе превосходнѣе Польскихъ, а именно: семейное устройство. Солонъ постановилъ, чтобы Аѳиняне за дочерьми своими давали только по нѣскольку паръ платья, полагая, чрезъ сіе, что чѣмъ менѣе состояніе женщины, тѣмъ необходимѣе привязанность къ мужу, тѣмъ непоколебимѣе чувство нравственности; ибо мысль о невозможности отдѣльнаго существованія останавливаетъ развратъ, и чрезъ сіе укрѣпляетъ семейныя добродѣтели. Безъ нравственности женщина составляетъ несчастіе не однихъ семействъ, но и Государствъ, поелику раждаетъ безнравственныхъ гражданъ, буйную и на всѣ преступленія готовую толпу негодяевъ. Лакенемонянки справедливо говорили, что онѣ однѣ производятъ гражданъ; ибо чувство и примѣръ матери образуютъ форму, въ которую выливаются наши первоначальныя ощущенія и понятія, на коихъ основываются поступки возмужалой нашей жизни.

б) Порядокъ взысканія долговъ.

Раздѣленіе имѣній между кредиторами служитъ причиною совершеннаго разоренія сихъ имѣній; ибо временные владѣльцы, стараясь выручить не только капиталъ, имъ принадлежащій, но и получить прибыль, употребляютъ всѣ средства, дабы выжать изъ имѣнія всѣ соки; отъ сего имѣнія, бывшія въ реквизиціи, не имѣютъ ни какой цѣнности, крестьяне въ нищетѣ и земля въ истощаніи такъ, что десятки лѣтъ и значительныя суммы потребны для ихъ поправленія.

Сверхъ сихъ причинъ, излишнее раздѣленіе имуществъ препятствуетъ народному благосостоянію и въ видахъ Государственной экономіи; ибо, производя раздробленіе капиталовъ и труда, отнимаетъ средства къ улучшеніямъ, требующимъ сосредоточенія и труда и капиталовъ. Франція, занимая лучшую часть Европы, по климату и производительнымъ силамъ земли, далеко отстаетъ въ благосостояніи даже противъ болотистой Голландіи, поелику во Франціи 10 милліоновъ владѣльцевъ земли, а жителей только 36 милліоновъ. Эта же причина усугубляетъ духъ буйства и безпорядковъ въ семъ несчастномъ Государствѣ.

в) Особенные виды судопроизводства.

Особенные виды судопроизводства въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, проистекаютъ отъ участія въ оныхъ Адвокатовъ. Но надо предварительно рѣшить вопросъ: гдѣ полезны, даже необходимы, Адвокаты при судопроизводствѣ? Адвокаты необходимы въ открытыхъ судопроизводствахъ и при гласности суда, гдѣ они такъ сказать, подъ надзоромъ общественнаго мнѣнія, которое есть ихъ судья и каратель; напротивъ въ сихъ Губерніяхъ, гдѣ нѣтъ ни открытаго судопроизводства, ни гласности, они причиняютъ величайшій вредъ; тамъ ябеда, именно происходящая отъ адвокатовъ, разорила всѣ сословія и до такой степени запутала дѣла и судопроизводство, что 20 лѣтъ продолжаются тяжбы только для того, чтобы узнать, какимъ образомъ начать процессъ. Въ сихъ Губерніяхъ нѣтъ, и не можетъ быть, миролюбиваго окончанія дѣлъ, какъ часто у насъ бываетъ; поелику сіе противно выгодамъ Адвокатовъ; по чему тяжба, возникая отъ ничтожныхъ случаевъ, всегда оканчивается разореніемъ спорющихся сторонъ. Этѣ причины понудили Дворянство Бѣлорусскихъ Губерній просить о введеніи въ оныхъ законовъ Русскихъ, съ коими начинаетъ водворяться и лучшій порядокъ.

Въ заключеніе всего сказаннаго о Гражданскихъ законахъ Губерній, отъ Польши возвращенныхъ, должно присовокупить, что оные въ теченіи полувѣка, остановясь въ своемъ развитіи, представляютъ важные недостатки, временемъ и опытностію изглаженные въ законодательствѣ Русскомъ. Наше законодательство исполинскими шагами идетъ къ совершенству, Польское останови-

лось. Ежели мы и встрѣчаемъ нѣкоторыя исправленія, такъ это не что иное, какъ новыя заплатки на ветхомъ Польскомъ рубищѣ, чрезъ которое видна Русская народная одежда, и это рубище называютъ отдѣльными правами.

III. Не препятствуютъ ли сіи права благосостоянію Государства въ финансовомъ и нравственномъ отношеніи?

Ежели странно, что свободное винокуреніе и продажа вина составляютъ права Финляндіи, Остзейскихъ и отъ Польши возвращенныхъ Губерній, тогда какъ это же право винокуренія и гораздо въ тѣснѣйшемъ смыслѣ отнято у Русскихъ (въ 1816 г.), которые кровію своею пріобрѣли и возвратили сіи Губерніи, то еще страннѣе существованіе сего права, когда оно, лишая Государство важнаго дохода, служитъ источникомъ разврата и бѣдности въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и умноженія преступленій. За право винокуренія и свободной продажи вина взимается по два рубля съ души; полагая 8 милліоновъ, подверженныхъ сей повинности, составитъ 16 милліоновъ дохода, тогда какъ учрежденіемъ откуповъ, на правилахъ существующихъ въ Великороссійскихъ Губерніяхъ, Правительство получитъ, по меньшей мѣрѣ, 60 милліоновъ; слѣдовательно, оно теряетъ 44 милліона дохода, который могъ бы быть употребленъ съ пользою для Государства. Но ежели бы еще отъ сей траты проистекла польза отъ сихъ Губерній; въ такомъ случаѣ оная вознаградилась бы благосостояніемъ подданныхъ. Напротивъ, сія трата служитъ источникомъ безнравственности и нищеты; ибо пьянство въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, достигнувъ въ низшихъ сословіяхъ до высочайшей степени, поглощаетъ весь трудъ земледѣльца и ремесленника; хлѣбъ на корню, произведеніе искуства, еще не начинаемое, закладываются въ шинкахъ, и семейства на цѣлый годъ лишаются обычнаго пропитанія.

Недостаточно сего: владѣльцы вынуждаютъ продавать уцѣлѣвшій хлѣбъ себѣ, или Жидамъ, содержащимъ у нихъ корчмы для усиленія винокуренія. Ужасная бѣдность, повсюду видимая въ сихъ Губерніяхъ, есть слѣдствіе пьянства, а пьянство слѣдствіе—свободнаго винокуренія и продажи вина, которое до крайности дешево, на каждомъ шагу льется обильно и поглощаетъ благосостояніе милліоновъ, для выгодъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Напротивъ, нрав-

ственность и трудолюбіе оживляютъ села Великороссійскихъ Губерній, и только въ тѣхъ изъ нихъ замѣтно пьянство, посреди коихъ устроены кабаки. Продажа вина есть зло, но зло необходимое, и ежели Правительство допускаетъ оное, то обязано заботиться, чтобъ сіе зло не было повсемѣстно и гибельно для подданныхъ. Сверхъ сего, въ однѣхъ Губерніяхъ свободная, въ другихъ запретительная, система продажи вина производитъ многочисленныя преступленія и убійства. Тюрьмы пограничныхъ городовъ съ Финляндіею, съ Остзейскими и отъ Польши возвращенными Губерніями, наполнены корчемниками; ихъ дерзость доходитъ до того, что они сотнями съ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ вступаютъ въ драку не только съ откупщиками, но съ воинскими командами. Это случается весьма часто на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ внутри Государства благоустроеннаго, которое закономъ преслѣдуетъ подобныхъ корчемниковъ, какъ бунтовщиковъ, само же своими учрежденіями производя и преступленіе и преступниковъ, которые безъ сего были мирными и полезными гражданами.

И такъ, пройдя по всѣмъ ступенямъ Государственнаго устройства, встрѣчаемъ одинъ вредъ въ существованіи какихъ либо отдѣльныхъ правъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и не рѣдко противорѣчія въ дѣйствіяхъ Правительства. Всѣ учрежденія и намѣренія Вашего Императорскаго Величества, подобно намѣреніямъ Екатерины Великой, клонятся къ уничтоженію вредной для Имперіи самобытности Польской; по Вашей волѣ уничтожается самое преподаваніе Польскаго языка даже въ Польскихъ Училищахъ, а между тѣмъ составляется Сводъ отдѣльныхъ правъ, которыя уже по одному наименованію предполагаютъ отдѣльную самобытность народа. Странно, и даже непонятно, что въ одномъ и томъ же Государствѣ, по одному и тому же предмету, противорѣчащія начала и дѣйствія, и это, къ несчастію, производится по всѣмъ частямъ Государственнаго управленія. Сей предметъ такъ важенъ для прочнаго блага Имперіи, что нельзя оставить его безъ разсмотрѣнія.

Причины сему мы должны искать въ томъ, что устройство частей, послѣдующихъ за верховною властію, несогласно съ основными началами Русскаго правленія. Учрежденіе Министерствъ въ томъ видѣ, какой данъ имъ у насъ, есть величайшій вредъ для

Имперіи. Каждый образъ правленія имѣетъ свои начала, съ коими должны согласоваться всѣ части управленія. У насъ правленіе Монархическое, а устройство Министерствъ основано на началахъ Конституціоннаго правленія. Въ Конституціонныхъ правленіяхъ, гдѣ законодательная и блюстительная власть въ рукахъ народа, а исполнительная принадлежитъ Государю, Министры составляютъ необходимую часть управленія: они посредники между Монархомъ и народомъ, такъ сказать, отвѣтственныя лица, избираемыя первымъ, подверженныя наблюденію и суду послѣдняго, не могутъ и не смѣютъ нарушать законовъ, тѣмъ менѣе дѣйствовать произвольно. Въ Монархическихъ правленіяхъ, гдѣ цѣлая жизнь народа заключается въ воли Монарха, опасно для Монарха и вредно для Государства сосредоточивать исполнительную и блюстительную власти въ однихъ и тѣхъ же лицахъ; ибо сіи лица, по свойству Монархическаго правленія, пріобрѣтая неограниченную власть по своему управленію, дѣйствуютъ внѣ закона и, будучи сами представители и судьи своихъ поступковъ предъ лицемъ Монарха, превращаютъ власть въ орудіе произвола, нарушаютъ не только временные, но и коренные законы Государства. Сверхъ сего, каждое изъ сихъ лицъ старается выйти изъ общей организаціи и быть самобытнымъ, и чрезъ сіе, разстроивая весь механизмъ Государственнаго управленія, причиняетъ вредъ собственному своему управленію.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ надо искать благоустройства сообразно съ потребностію Государства и основными началами его правленія, должно обратиться къ постановленіямъ Петра и Екатерины Великихъ, и тѣ только законы новѣйшихъ временъ превосходны, кои, въ большемъ объемѣ развивая гражданственность, основаны на началахъ, ими данныхъ. Такъ геній Петра, постигнувъ высокія истины Монархическаго правленія, говоритъ: «Возможно ли одному человѣку усмотрѣть? Во истину, не точію человѣку, ниже Ангелу. Но нынѣ, по окончаніи устройства воинскаго, милосердуя о народѣ и о земскомъ гражданскомъ справедливомъ правленіи, чего ради учинены Коллегіи, т. е., собранія многихъ персонъ (вмѣсто Приказовъ, кои были подвѣдомы одному Боярину, подобно нынѣшнимъ Министрамъ), въ которыхъ Президенты не такую имѣютъ власть, какъ старые судьи дѣлали,

«что хотѣли. Въ Коллегіяхъ же Президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищей своихъ ничего сдѣлать.»

Вообще въ Монархическомъ правленіи устройство должно быть коллегіяльное, т. е., совѣщательное; отъ сего власть, сообщенная Монархомъ не лицу, а мѣсту, составленному изъ многихъ лицъ, неуклонно идетъ по общимъ началамъ Государственныхъ постановленій и не измѣняетъ законы произволомъ. При коллегіяльномъ устройствѣ Министерствъ, поелику не только каждый Министръ, но каждый Директоръ Департамента, измѣняя дѣйствія своего предшественника, даетъ ходъ своему управленію, согласно съ своими о немъ понятіями, вотъ по чему у насъ нѣтъ единства въ дѣйствіи, твердости въ исполненіи, самыя превосходныя намѣренія и учрежденія гибнутъ, не достигая своей цѣли, или подрываются дѣйствіями другаго, равно сильнаго, лица и мѣста, не по намѣренію причинить вредъ Государству, но отъ невнимательности, недальновидности и всего болѣе отъ незнанія намѣреній въ дѣйствіи другихъ лицъ и мѣстъ, отъ чего мы часто видимъ, что по одному и тому же предмету, въ теченіи нѣсколькихъ дней, двѣ отдѣльныя власти объявляютъ Высочайшія повелѣнія, одно другому противорѣчащія. Весь сей безпорядокъ въ управленіи, сверхъ неправильнаго образованія Министерствъ, происходитъ отъ неимѣнія точки, гдѣ бы соединялось наблюденіе за общимъ ходомъ управленія, гдѣ бы дѣйству разнородныхъ частей давалось единство въ движеніи, твердость въ исполненіи. Всякое Правительство имѣетъ три власти: законодательную, исполнительную и блюстительную. Въ Монархическомъ правленіи всѣ власти сосредоточиваются въ лицѣ Монарха, отъ него уже ввѣряются по слѣдующимъ властямъ, изъ коихъ законодательная и блюстительная должны возвращаться къ своему началу. У насъ законодательная власть предоставлена Государственному Совѣту, но и Комитетъ Министерствъ, и Первый Департаментъ Сената, и каждый Министръ, издаютъ постановленія, не рѣдко противорѣчащія и началамъ Государственнаго устройства, и началамъ законодательной мысли, принятой Государственнымъ Совѣтомъ. Исполнительная часть, ввѣренная Министрамъ, какъ видѣли выше, на началахъ, противныхъ Монархическому управленію. Блюстительной же власти не существуетъ, хотя она столько же важна, какъ и законода-

тельная. По учрежденіямъ Петра Великаго, законодательная и блюстительная власть принадлежали Сенату. Императрица Екатерина I-я, учредя Верховный Сенатъ, предоставила оному власть блюстительную. Императрица Анна Іоанновна власть сію передала Кабинету. Императрица Елисавета Петровна опять сосредоточила оную въ Сенатъ. Съ учрежденіемъ Министерствъ и Государственнаго Совѣта, Сенатъ остался мѣстомъ, гдѣ обнародываются и хранятся законы и разбираются тяжбы. Комитетъ Министровъ есть мѣсто совѣщательное для Министровъ и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть блюстителемъ, поелику противно здравому разсудку, чтобы исполнители вмѣстѣ были и блюстители за своими поступками. Императоръ Александръ I-й, въ послѣднее время своего царствованія, чувствовалъ недостатокъ своего учрежденія, по чему, съ одной стороны, старался уменьшить власть Министровъ, съ другой установить наблюденіе за ихъ дѣйствіями, сосредоточа въ одномъ власть блюстительнаго управленія, но и сіе не принесло ни какой пользы.

Для блага Имперіи, предполагая, съ одной стороны, образованіе Министерствъ на коллегіяльныхъ началахъ, Петромъ Великимъ данныхъ, т. е., всѣ дѣла, подлежащія сужденію и разсмотрѣнію Коллегіи или Совѣту Министерства, и чтобъ власть Министра не могла дѣйствовать вопреки Совѣта, съ другой составить блюстительное управленіе, нѣтъ ничего лучше, какъ предоставить его Первому Департаменту Сената, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Прокурора, съ коимъ слить Комитетъ Министровъ и окончательное разбирательство тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, нынѣ принадлежащихъ Государственному Совѣту, коему должна подлежать во всемъ пространствѣ одна часть законодательная. За тѣмъ изъ прочихъ Департаментовъ Сената составить Судебный Сенатъ, подъ вѣдѣніемъ Министра Юстиціи. Само собою разумѣется, что представленія о новыхъ учрежденіяхъ и объ измѣненіи старыхъ уставовъ, возникая въ Министерствахъ, должны проходить въ Государственный Совѣтъ чрезъ Правительствующій Сенатъ, въ коемъ Министры не должны присутствовать, поелику еще Петръ Великій замѣтилъ, что Президенты Коллегій, какъ имѣющіе въ вѣдѣніи своемъ исполнительную часть, участіемъ въ наблюденіи разстроивали порядокъ управленія.

ИЗОВРАЖЕНІЕ

НЫНѢШНЯГО СОСТОЯНІЯ РОССІИ

(1830 года).

Всеавгустѣйшій Монархъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ обозрѣніи моемъ внутренняго состоянія Россійской Имперіи, повергнутомъ предъ стопами Вашего Императорскаго Величества въ 1826 году, въ словахъ: «Польша подняла знамя не«зависимости при вторженіи Наполеона, и вторично, буде сохра«нитъ свои преимущества, подниметъ его при первомъ удобномъ «случаѣ,» — нѣкоторымъ образомъ предузнано настоящее гнусное вѣроломство сего народа. Ибо, Государь, грядущія событія доступны наблюдательности человѣческой, и ясный взоръ на сцѣпленіе дѣйствій и учрежденій Правительственныхъ, на свойства и отношенія народовъ и на ходъ понятій времени, можетъ близко опредѣлить будущее въ жизни Государствъ, можетъ показать ихъ успѣхи и неудачи на поприщѣ политическаго бытія и гражданской дѣятельности.

Правленіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, величественно отразясь въ дѣлахъ настоящаго времени и озаря блескомъ новой славы землю Русскую, ручается за твердость и мудрость мѣръ, принятыхъ для уничтоженія зла въ самомъ его зародышѣ. Но Провидѣніе иногда испытываетъ сильныхъ міра, дабы возвеличить ихъ въ послѣдствіи.

Не тщеславіе, а пламенная, безпредѣльная, съ другими чувствами, преданность къ пользѣ Государственной, желаніе долго-

временнаго существованія и блага Отечеству, на коемъ основана и съ коимъ сопряжена непоколебимость Престола, даютъ мнѣ смѣлость, съ прежнею откровенностію предъ лицемъ Вашего Императорскаго Величества, изображеніемъ настоящаго открыть картину будущаго.

Екатерина Великая, возвратя Россіи ея достояніе, дала присоединеннымъ отъ Польши областямъ устройство, общее съ прочими частями Государства, и въ тайномъ Наказѣ своемъ Генералъ-Прокурору изъявила волю, «чтобы грань инородія исчезла и завоеванныя Губерніи слились съ Россіею, древнимъ ихъ Отечествомъ, языкомъ, вѣрою, нравами и обычаями.» Но со смертію Великой умерла и сія мудрая мысль, основанная на точныхъ и непреложныхъ истинахъ Государственнаго благоустройства. Польскія Губерніи получили всѣ права свои, всѣ прежнія учрежденія, изданныя при Короляхъ на мятежныхъ Сеймахъ. Что же было плодомъ сей милости? Возстаніе Польши 1812 года! Дворянство сего края, одно сохраняя старыя преимущества (ибо прочія состоянія, почти всѣ говорящія Русскимъ языкомъ и исповѣдающія Русскую Вѣру, стѣснены сими преимуществами), не служа нигдѣ, выбираютъ сами себя въ важнѣйшія Губернскія должности, и даже, не имѣя ни какого чина, а бывъ Маршалами, назначаются Губернаторами, и до сихъ поръ мы видимъ обличенныхъ и подозрѣваемыхъ въ приверженности къ Наполеону, во время его вторженія, занимающихъ сіи мѣста. Но милости Государей нашихъ не могутъ заставить сихъ, нѣкогда самовластныхъ, магнатовъ любить Россію и ея Правителей. Напротивъ, они, пользуясь частію мятежныхъ правъ своихъ, питаютъ явную ненависть ко всему Русскому, мыслятъ о возстановленіи Польскаго народа; эта надежда, рожденная отдѣльными правами Польскихъ Губерній, усилилась съ возстановленіемъ Царства Польскаго. Золото Русское устрояло благосостояніе сего Царства, когда слѣды глубокихъ разореній, причиненныхъ и Наполеономъ и Поляками въ нѣдрахъ Государства, остались неприкосновенными. Смоленскъ въ пеплѣ и развалинахъ стоялъ до царствованія Вашего Императорскаго Величества, а города и села Царства Польскаго устраивались и цвѣли изобиліемъ. Я изображаю сіе въ доказательство, что ни какія благодѣянія не въ силахъ истребить ненависти, цѣлыя

вѣка существующей, между Россіею и Польшею; она исчезнетъ вмѣстѣ съ совершеннымъ перерожденіемъ того, или другаго, народа. Сіе перерожденіе въ рукахъ Вашего Императорскаго Величества.

Декабря 14-ое обнаружило нить замысловъ, въ Польшѣ таящихся; но милосердіе Ваше, Государь, оставило неприкосновеннымъ Уставъ сего народа. Вы изливаете на него милости вездѣ и во всѣхъ случаяхъ, и что слѣдствіемъ сихъ благотвореній, Всемилостивѣйшій Государь? Не льзя повѣрить, чтобы настоящее событіе было дѣйствіемъ минутнаго порыва необузданныхъ страстей, или одного вліянія другихъ народовъ. Нѣтъ: въ семъ должно искать обдуманныхъ, долговременныхъ усилій и приготовленій, можетъ быть, пустившихъ корень свой и во всѣхъ областяхъ, прежде Польшѣ принадлежавшихъ. Такъ должно заключать по вѣроятіямъ ума и по сцѣпленію обстоятельствъ. Мѣры, принятыя по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, задушатъ гидру при ея возрожденіи. Поляки, послѣ тяжкой борьбы, уступятъ силѣ, покажутъ смиреніе; но, буде Польша сохранитъ устройство и права свои, они затаятъ надежду на будущее возрожденіе, будутъ осторожно и во мракѣ питать духъ крамолы, можетъ быть, постараются сію заразу внести въ нѣдра Россіи, дабы потрясти ея могущество, и опять, при удобномъ случаѣ, особенно при приближеніи враговъ, поднимутъ знамя бунта. Для блага милліоновъ, Провидѣніемъ ввѣренныхъ Вашему Императорскому Величеству, для спокойствія будущихъ поколѣній (ибо мысль Государственная должна жить и за предѣлами гроба), необходимо постепенно привести въ исполненіе намѣреніе Великой Екатерины, заключающееся въ слѣдующемъ:

1. Уничтожить Конституцію и самое имя Царства Польскаго, раздѣля оное на Губерніи, на основаніи правилъ, изданныхъ для нихъ Екатериною Великою, введя сіе устройство въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ и въ Губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ.

2. Поставить правителей Губерній исключительно Русскихъ, но не воспитанниковъ иноземныхъ, благоразум-

ныхъ, добрыхъ, безкорыстныхъ, дабы они сами чувствовали и точнымъ исполненіемъ законовъ пріобрѣли отъ Поляковъ привязанность и любовь къ учрежденіямъ Русскимъ.

3. Уничтожить права Дворянства Польскаго, могущаго, не служа Государству, пользоваться оными и быть избираему. Напротивъ, постановить, что сынъ не служившаго въ военной, или гражданской, службѣ офицеромъ, не есть дворянинъ.

4. Въ службу же принимать только воспитанныхъ въ Русскихъ училищахъ и Университетахъ, подобно какъ постановлено сіе въ Австріи; ибо все почти Дворянство Польское, получая образованіе во Франціи и отъ Французовъ, питаетъ въ душѣ своей развратъ и ненависть къ Россіи.

5. Училища во всей Польшѣ учредить Русскія и преподавать въ оныхъ науки на Русскомъ языкѣ.

6. Судопроизводство производить въ Губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, по правамъ Русскимъ и на языкѣ Русскомъ; въ Губерніяхъ же, составленныхъ изъ Царства Польскаго, ввести сіе чрезъ 10-ть лѣтъ.

7. Поляковъ, обличенныхъ нынѣ въ мятежѣ, всѣхъ безъ исключенія, кои не подвергнутся наказанію, дворянъ и другаго званія людей, поселить въ Сибири, на Кавказѣ, въ Олонецкой, Архангельской и Оренбургской Губерніяхъ. Прочимъ же предоставить или присягнуть на подданство, или выѣхать изъ Царства Польскаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, продавъ все имущество; но оставшихся и подозрительныхъ переселить въ Сѣверныя и Восточныя Губерніи.

8. Раздачу земель производить въ Царствѣ Польскомъ однимъ Русскимъ, поставя въ непремѣнную обязанность Правительства, дабы въ теченіи 10 лѣтъ было переселено Русскихъ крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ и дворянъ, по крайней мѣрѣ, 50,000 семействъ; первое сословіе перевести изъ малоземельныхъ Губерній, послѣднимъ дать права, могущія побудить ихъ къ переселенію.

9. Учредить въ приличныхъ мѣстахъ крѣпости, не дозволяя въ оныхъ жить никому, какъ Русскимъ.

Сіи мѣры почти на одинакомъ основаніи были пріемлемы Царями Іоанномъ Великимъ и Грознымъ, мудрымъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ Финляндіи старой Петромъ Великимъ и въ Польшѣ Екатериною Великою, и ими-то сіи безсмертные Правители усвоивали Россіи свои пріобрѣтенія, и Государство, составленное изъ разноплеменныхъ народовъ, отличалось единодушіемъ и преданностію къ Монархамъ и общему благу, не потрясенному во дни междуцарствія и междоусобій.

Не знаю, какой духъ, враждующій счастію земли Русской, вложилъ мысль, вмѣсто твердаго оплота на рубежахъ Имперіи, окружить оную областями на правахъ отдѣльныхъ; слѣдовательно, дать имъ возможность вредить Россіи, чуждой для нихъ не только понятіями, языкомъ и обычаями, но даже устройствомъ правительства. Во всѣ вѣки всѣ народы старались изгладить сіи различія, дабы общимъ направленіемъ умовъ и дѣйствій человѣческихъ, скрѣпить составъ общественный.

На сѣверѣ Имперіи, подобно Польшѣ, находится Княжество Финляндское, душею преданное Швеціи, которая, можетъ быть, старается поддерживать сію связь тайными средствами. Это простительно слабому существу, такъ сказать, лежащему подъ пятою исполина. Швеція не дерзнетъ на борьбу отдѣльную; но кто можетъ ручаться за будущее? Кто можетъ сказать, что, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, не запылаетъ война на разныхъ предѣлахъ Государства? Тогда сіи передовые для враговъ притоны облегчатъ имъ борьбу, тѣмъ болѣе, что Россія, могущая противустать открытой силѣ Европы и Азіи, мало досель заботилась о мѣрахъ тайнаго сопротивленія, которое не рѣдко доставляетъ торжество слабѣйшему.

Остзейскихъ Губерній города и сословія, подобно Польскимъ Губерніямъ, имѣютъ особенныя преимущества, данныя имъ республиканскимъ прежнихъ лѣтъ правленіемъ. Всемилостивѣйшій Государь! Тамъ не можетъ быть благоустройства, гдѣ управленіе частей Государственнаго тѣла не основано на коренныхъ законахъ.

Составъ Государственный долженъ двигаться одною мыслію, скрѣпляться однимъ устройствомъ, иначе разрушается гармонія цѣлаго. Но и нынѣ составляются Своды отдѣльныхъ правъ Остзейскихъ и Польскихъ городовъ и сословій, какъ будто недостаточно для ихъ блага правъ городовъ и сословій Русскаго народа, или обратно; будто Русскій народъ недостоинъ лучшихъ постановленій, которыя признаются необходимыми для блага завоеванныхъ областей! Даже воспрещено, 1808 года, переселять крестьянъ изъ Великороссійскихъ Губерній въ Литовскія, не для того ли, чтобы Поляки могли свободнѣе исполнять свои замыслы, и чтобы Россія не имѣла тамъ людей, въ вѣрности коихъ могла быть увѣрена?

Русская кровь льется въ войнахъ тяжкихъ и отдаленныхъ, а Поляки и Финляндцы, подъ кровомъ своихъ конституцій, умножаются, богатѣютъ въ мирѣ, точатъ кинжалъ, чтобы, при удобномъ случаѣ, вонзить его въ сердце Россіи. Одна только Вѣра, одни только права на владѣніе имуществомъ и порядокъ наслѣдованія онымъ предоставляются покореннымъ; но никогда и нигдѣ отдѣльныя преимущества политическія, еще менѣе отдѣльное устройство, подрывающія коренные уставы Государства.

Простите, Всемилостивѣйшій Государь, подданному, осмѣлившемуся говорить о предметахъ, болѣе всѣхъ знаемыхъ Вами, о предметахъ, кои таятся и постепенно обнаруживаются въ намѣреніяхъ и дѣлахъ Вашихъ. Вы, Государь, идя медленно къ великой цѣли (ибо быстрыя перемѣны губятъ Государства), упрочите благоденствіе земли Русской и отвратите бѣдствія, терзающія Европу.

Политическое равновѣсіе Европы, утвержденное договорами 1815 года, поддерживалось и охранялось Императоромъ Александромъ, творцемъ долговременнаго спокойствія народовъ. Въ теченіи 10-ти лѣтъ Государства наслаждались миромъ, и Правительства, спокойныя и увѣренныя въ своемъ существованіи, обратили вниманіе свое на умноженіе производительныхъ силъ и благосостоянія подданныхъ, неразрывно связаннаго съ твердостію Престоловъ. Революція, остановленная въ ходѣ своемъ геніемъ Наполеона, съ ужасомъ увидѣла новую, непреодолимую для себя, преграду въ Священномъ Союзѣ, и на мгновеніе поднявъ главу свою

въ Италіи, должна была исчезнуть отъ мудрой воли Россійскаго Монарха, готоваго двинуть воинство трехъ сильнѣйшихъ Царствъ на сокрушеніе ея начинаній.

Голосъ Благословеннаго, первенствующій въ дѣлахъ войны и мира, былъ благотворенъ для Европы; только Англія и Франція негодовали на сіе первенство, но должны были уступить силѣ и покорить свое честолюбіе общей пользѣ народовъ, въ тайнѣ изыскивая средства разорвать тройственный союзъ и, среди смятенія и безпорядка, утверждать свое разрушительное вліяніе. Возмущеніе въ Италіи 1819 года, какъ должно полагать, было слѣдствіемъ сихъ намѣреній, такъ сказать, попыткою твердости Союза; но, испытавъ тщету своихъ усилій, они приготовили и управили возстаніе Грековъ, съ мыслію, что Императоръ Александръ вступится за угнетенныхъ единовѣрцевъ. Но прозорливость Александра восторжествовала и надъ сими ухищреніями, и надъ чувствами благородной души его. Государь, принимая подъ кровъ гонимыхъ Грековъ, не препятствуя сбору денегъ для угнетенной Греціи, можетъ. быть, и самъ въ тайнѣ помогая имъ, отстранялъ всякое явное заступленіе; ибо, вмѣшавшись въ дѣла чуждыя, покровительствуя, хотя благородное и высокое, дѣло Грековъ, неминуемо бы разрушилъ Германію, имъ созданную и его только неуказанною волею удержанную.

Предстательство Англіи и Франціи, подъ видомъ прекращенія морскихъ разбоевъ на Средиземномъ морѣ, еще болѣе ужасныя неистовства, производимыя Турками въ несчастной Греціи, склонили Ваше Императорское Величество войти въ посредничество, но въ посредничество, не сопряженное съ насиліемъ, слѣдовательно, не могущее разрушить общаго порядка. Но сіе не удовлетворило желаніямъ Англіи и Франціи: имъ нужно было именно насиліе, и Наваринская битва возвѣстила Европѣ уничтоженіе Священнаго Союза, столь вожделѣннаго для спокойствія народовъ. Не Кодрингтонъ, не Кабинеты Лондонскій и Парижскій, произвели сіе неслыханное нарушеніе народнаго права, ибо ихъ сила поддерживалась могуществомъ Россіи. Одна Австрія, теряя чрезъ сіе голосъ свой въ дѣлахъ Европы, осталась вѣрна своимъ правиламъ и не измѣнила дальновидной осторожности, всегда отличавшей ея дѣйствія. Конечно, Австрія,

подобно прочимъ Государствамъ, имѣетъ духъ преобладанія, стремленіе къ первенству, но ея усилія и самая сила не могутъ дать ей вреднаго преимущества для другихъ народовъ. Будучи благоразумна въ мирѣ, она только среди мира беретъ верхъ мудростію своего Кабинета и всегда является страдательнымъ лицомъ на полѣ брани. При томъ политическій составъ Германіи и физическое положеніе Австріи, окруженной воинственными народами, ручаются за постоянное стремленіе сего Государства къ всеобщему спокойствію, какъ основанію непоколебимости и собственнаго правленія.

Охлажденіе Австріи въ составѣ политической системы Россіи и Пруссіи ниспровергло Престолъ Бурбоновъ, что не могло существовать, по крайней мѣрѣ, продолжительно; ибо три сильнѣйшія Державы легко бъ возстановили прежній порядокъ, особенно когда еще войско и народъ Французскій, кромѣ буйной черни Парижской, не были причастны мятежу и не ободряли его послѣдствій. Новая форма, болѣе Республиканскаго, чѣмъ Монархическаго конституціоннаго, правленія въ семъ Государствѣ, требовала, для своего утвержденія, ежели не конечнаго ниспроверженія законныхъ правленій въ другихъ Государствахъ, то, по крайней мѣрѣ, внутренняго ихъ неустройства и замѣшательства, дабы, посредствомъ сего, распространить пагубное вліяніе на умы слабые, легко принимающіе обольстительные призывы свободы, которые, не понимая, ищутъ въ разрушеніи и въ тиранствѣ толпы буйной черни, попирающей и Божественные и человѣческіе законы. Возмущеніе въ Италіи вновь вспыхнуло и обняло бъ своимъ пламенемъ всю сію несчастную землю, ежели бъ рѣшительныя мѣры дальновидной и осторожной Австріи не были употреблены во время. Франція не могла принять дѣятельнаго участія въ сихъ происшествіяхъ, будучи разслаблена въ составѣ своемъ послѣднимъ переворотомъ. Но вскорѣ послѣ сего произведенное ею возстаніе Бельгіи открыло обширное поле ея дѣйствій и намѣреній: она безъ выстрѣла пріобрѣла 4 милліона жителей; говорю «пріобрѣла,» поелику Бельгійцы, говорящіе однимъ языкомъ, исполненные одними правилъ съ Французами, обязанные имъ своимъ политическимъ существованіемъ, необходимо, для своей безопасности, должны своими видами слиться съ Франціею.

Державы твердой земли, вмѣсто того, чтобы, при первомъ извѣстіи о возмущеніи Бельгіи, итти подавить оное, предали Голландію коварной политикѣ Англіи и Франціи, и симъ дали время произвесть новое возстаніе въ Польшѣ, дабы отвлечь участіе Россіи собственными ея происшествіями.

Симъ Государствамъ нужно обезсилить Голландію: Англіи, для подорванія соперничества ея въ мануфактурномъ производствѣ и торговлѣ, коихъ обширность и прибытокъ родитъ морскія силы; Франціи,—разрушить первый оплотъ, поставленный Императоромъ Александромъ на ея предѣлахъ. И сію-то землю и добраго Короля ея предали хищничеству сихъ Державъ; но мало отдѣленія Бельгіи: кроятъ произвольно Голландію, опредѣляютъ свободное плаваніе по рѣкамъ, ей принадлежащимъ; однимъ словомъ, попираютъ всѣ уставы, охранявшіе независимость Государствъ, и все сіе для сохраненія мира въ Европѣ? Нѣтъ, для развитія революціонныхъ правилъ во всемъ ихъ пространствѣ, со всѣми ихъ ужасами.

Революція, направленная на всѣ земли, присоединенныя къ Австріи, Россіи, Пруссіи и Голландіи трактатами 1815 года, безпрепятственно совершаетъ свое теченіе: Польша подняла знамя бунта послѣ Бельгіи, Невшательское Княжество послѣ Польши, и хотя Англія и Франція не могли поддержать ихъ своими силами, но послѣднія и въ семъ случаѣ достигли своей цѣли; ибо, посѣявъ заразу въ умахъ, взволновавъ западную и южную Германію, сими средствами приготовляютъ первенство между народами и опору своихъ разрушительныхъ правилъ. Наконецъ, недовольная тайными дѣйствіями, Франція явно, среди мира, напала на Анкону и съ насиліемъ и дерзостію водрузила знамя революціи на стѣнахъ ея. Франція не можетъ опасаться вліянія Австріи на Италію, поелику сіе вліяніе, противное духу и свойству жителей сей страны, при первомъ нападеніи Франціи исчезнетъ, какъ исчезаетъ мыльный пузырь при дуновеніи вѣтра. Напротивъ, Франціи нужно стать твердою ногою въ Италіи, дабы, при первомъ случаѣ, поставить пылкихъ ея жителей подъ знамена необузданной свободы. Ежели прочія Государства, для сохраненія всеобщаго мира, не замѣчаютъ, или оставляютъ безъ вниманія, возрастающее вліяніе Франціи на волю и умы народовъ, то Франція неутомимо дѣйствуетъ къ ниспроверженію правленій, по духу и свойству своему противныхъ

ея правиламъ. Для удостовѣренія въ семъ, нужно только обозрѣть происшествія, бывшія въ Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Польшѣ и Княжествѣ Невшательскомъ, вникнуть въ состояніе западной Германіи и въ настоящее положеніе дѣлъ въ Португаліи и Испаніи.

Не разсматривая правъ Дона Мигуеля и дочери Дона Педра на Престолъ Португальскій, народъ, или положимъ, сильнѣйшая партія въ народѣ, вручили правленіе первому; ибо послѣдній, предпочтя Америку Португаліи и превратя господствующій народъ въ провинцію покоренныхъ областей, симъ самымъ нарушилъ Государственный Уставъ и подалъ поводъ къ избранію другаго правителя. Потерявъ же Имперію, Донъ Педро желаетъ возвратить своему дому то Государство, которое презиралъ и которое его отвергло. Англія и Франція настаивая, чтобы никто не принималъ участія въ предстоящей по сему борьбѣ, склонили къ сему Австрію, требуютъ того же отъ Испаніи, но сами снабжаютъ Дона Педра людьми, деньгами, оружіемъ и судами, поелику съ его торжествомъ сопряжены ихъ выгоды: Англія, по прежнему будетъ имѣть Португалію своею колоніею, Франція—опору своихъ правилъ и средство съ двухъ сторонъ подрывать правленіе Испаніи, ей ненавистное, или, буде сіе Государство дастъ помощь Дону Мигуелю, то, напавъ на него, ниспровергнуть сіе Правленіе, или удержать его посредствомъ Португаліи, и симъ обезпечитъ свой тылъ, на случай, ежели Европа, утомленная безпокойствами, двинется сокрушить гнѣздо буйства и разврата, сосредоточенныхъ во Франціи. Она предвидитъ, что сіе должно случиться, и старается, сотрясеніемъ Престоловъ и вліяніемъ на умы слабые и легковѣрные, упрочить свое могущество. И чѣмъ далѣе продолжается сіе вліяніе, тѣмъ ужаснѣе будетъ борьба въ Европѣ, особенно для Россіи.

Безусловное повиновеніе 60,000,000 благотворной волѣ Монарховъ нашихъ, сообщая необыкновенную мочь Россійскому Государству, противорѣчитъ буйству и мятежамъ, раздиравшимъ другіе народы и истребляющимъ ихъ жизненныя силы. Мало сего, благодѣтельное вліяніе Россіи сохраняетъ спокойствіе въ Германіи и поддерживаетъ Престолы иныхъ Государствъ. По сему всѣ исступленные умы и тайные замыслы Англіи и Франціи направлены на потрясеніе сего колосса. Но доколѣ Пруссія имѣетъ вы-

нѣ царствующаго Государя, ихъ замыслы ничтожны; ибо сила сего воинственнаго народа, управляемаго мудрою волею, направлена къ одной политической цѣли съ Россіею, отнимаетъ всякую возможность приблизиться къ ней. Для блага Пруссіи и Европы должно желать продолжительнаго царствованія добраго Короля ея, поелику съ его смертію дѣйствія Берлинскаго Кабинета будутъ болѣе согласоваться съ правилами Англіи и Франціи, чѣмъ съ системою, принятою Россіею и Австріею. Въ семъ случаѣ, и особенно когда Правительства Англіи и Франціи, своимъ покровительствомъ допустившія укорениться духу мятежа въ своихъ и чужихъ Государствахъ, не устоятъ въ борьбѣ съ безначаліемъ, поелику малѣйшая неосторожность можетъ ихъ совершенно ниспровергнуть, тогда-то Германія и Италія станутъ подъ знамена революціи, Австрія и Россія испытаютъ стремленіе иступленныхъ умовъ Европы. Австрія не устоитъ въ сей борьбѣ, и по привычнымъ для нея потерямъ во время войны, и по самому составу областей своихъ, слѣдовательно, вся тяжесть войны падетъ на Россію.

Народъ Русскій, всегда знаменитый благочестіемъ и безпредѣльною преданностію къ своимъ Монархамъ, и въ семъ случаѣ не измѣнитъ древнимъ своимъ добродѣтелямъ: онъ грудью заслонитъ Престолъ и отстоитъ честь и славу его. Но сія борьба будетъ истощительнѣе и ужаснѣе борьбы съ Наполеономъ: тогда народы насильно влеклись на убіеніе и съ отвращеніемъ становились въ ряды честолюбца, ибо каждый успѣхъ его усугублялъ ихъ порабощеніе; нынѣ они съ радостію стекутся подъ знамена революціи и съ остервененіемъ бросятся въ битву, дабы сокрушить послѣднюю преграду ихъ неистовства. Въ сердцахъ Русскихъ они не найдутъ измѣны, но Польша, мятежная Польша, помилованная и успокоенная милосердіемъ Вашего Императорскаго Величества, снова съ областями, нѣкогда ей принадлежащими, подниметъ знамя бунта, буде не примутся дѣятельныя мѣры удалить тѣхъ, кои уже были подъ его знаменами, и тѣхъ, кои готовы стать подъ ними.

Не говорю, что для излѣченія судорожнаго состоянія Европы необходима война; поелику самая счастливая истощаетъ силы Государства, останавливаетъ и замедляетъ ходъ внутренняго

устройства и благосостоянія народовъ, однимъ словомъ, война есть зло, котораго избѣгать должно, буде миръ не представляетъ въ будущемъ зла большаго; но когда среди онаго возраждается чудовище, грозящее величайшимъ бѣдствіемъ, тогда должно сокрушить его, особенно ежели соединенныя силы трехъ сильнѣйшихъ Державъ и нѣсколькихъ другихъ, еще не раздѣленныхъ политическими видами, готовы для совокупнаго дѣйствія. Но предполагаю, что и безъ сей крайности можно остановить ходъ революціонныхъ дѣйствій, возвратить Европѣ спокойствіе, которымъ она предъ симъ наслаждалась, средствомъ, съ коимъ съ радостію согласятся всѣ Государства, кромѣ Англіи и Франціи, а именно: перенести мѣсто переговоровъ изъ Лондона въ Дрезденъ, или другой городъ, окруженный владѣніями Австріи, Россіи и Пруссіи такъ, чтобы уполномоченные сихъ Державъ и Королей Голландскаго, Испанскаго, Сардинскаго, Датскаго и Шведскаго, всегда составляли перевѣсъ противу Англіи и Франціи, хотя бы Пруссія и отдѣлилась отъ системы Россіи и Австріи. Англія и Франція по необходимости должны будутъ уступить сей благотворной и безкорыстной мѣрѣ и потерять вліяніе на дѣла Европы, вліяніе, которое въ теченіи 6 лѣтъ терзаетъ ее неустройствами. Ваше Императорское Величество, подобно Александру Благословенному, уступая наружное первенство Австріи, какъ старѣйшей Державѣ въ Европѣ, въ самомъ дѣлѣ будете первенствовать въ семъ совѣтѣ Царей, первенствовать для блага народовъ.

Прежде, чѣмъ изложу понятія мои о средствахъ къ удаленію распространенія гибельныхъ правилъ, терзающихъ другія Государства, я долженъ откровенно сказать, что преимущество и успѣхъ въ переговорахъ, такъ точно какъ и во всякомъ случаѣ, зависитъ отъ людей, для сего употребленныхъ.

Петръ и Екатерина Великіе во всѣхъ важныхъ случаяхъ употребляли однихъ природныхъ Русскихъ; однажды только Императоръ послалъ къ Вѣнскому Двору иностранца, но вскорѣ, отправя Русскаго, писалъ къ Царю, что на его усердіе онъ положиться можетъ, ибо вновь посылаемый для переговоровъ Министръ его — природный подданный. Только Толстые и Шафировы, среди смрадной темницы, при видѣ мучительной смерти, могутъ спокойно говорить о пользѣ Государя и не соглашать-

ся на предложенія, вредныя для Государства, ибо съ симъ сопряжено все, для нихъ драгоцѣннѣйшее въ жизни: честь и слава народная. Однимъ словомъ только любовь къ Отечеству, это высокое чувство самоотверженія, раждаетъ тѣ добродѣтели, которыя не знаютъ разсчетовъ и личностей, но заставляютъ человѣка забывать собственное существованіе, и мыслить и стремиться къ Государственному благу. Что привязываетъ иностранца къ чуждому для него Государству?—Выгоды! Это Богъ, которому онъ покланяется, для котораго существуетъ и служитъ, и для котораго ни чѣмъ не жертвуетъ. Столь же ненадежны и чувства покоренныхъ, питающихъ надежду на отдѣльное существованіе, поелику они въ пользахъ господствующаго Государства видятъ преграду ихъ народной самобытности; а какой народъ не любитъ ее?

Не зная сокровенныхъ дѣйствій Европейской дипломатики, но судя по происшествіямъ, нельзя не сожалѣть о духѣ партій въ нѣкоторыхъ Державахъ, движущихъ пружины управленія, и о болѣзненномъ состояніи народовъ, стремящихся къ какому-то разрушительному перерожденію. Провидѣніе опредѣляетъ пути, по коимъ идутъ Царства и народы къ назначенной имъ цѣли, оно допускаетъ торжествовать злу, неразлучному спутнику дѣлъ человѣческихъ, указуя вмѣстѣ и средства къ ниспроверженію сего зла, и торжеству истины и добродѣтели. Въ чистотѣ душевныхъ помышленій, въ правильности и честности понятій гражданъ, направленныхъ къ одной цѣли съ основными уставами Государства, и въ благородномъ, откровенномъ дѣйствіи Правительства въ отношеніи сихъ гражданъ, соединенномъ съ неуклоннымъ правосудіемъ,—вотъ основные камни прочности Престоловъ и блага Государства.

Думаю, что главная пружина, посредствомъ коей Правительство можетъ дѣйствовать на волю и понятіе людей, есть воспитаніе юношества съ слѣдующимъ за нимъ образованіемъ и просвѣщеніемъ. Ваше Императорское Величество обратили особенное вниманіе на сію важнѣйшую часть Государственнаго управленія; но, кажется, Начальство не понимаетъ Вашихъ благихъ намѣреній; они думаютъ, что лощеные полы, чистыя стѣны, опрятная одежда и сытный столъ заключаютъ въ себѣ образованіе и просвѣщеніе. И чего можно ожидать тамъ, гдѣ можетъ

быть начальникомъ (въ одномъ изъ важныхъ ученыхъ заведеній), мыслящій и говорящій, при представленіи ему объ улучшеніи методы ученія: «Къ чему мы это приготовляемъ дѣтей на убой!» Изреченіе, которому позавидовали бы Гунны и Вандалы. Правильное и совершенное образованіе ума есть порука прочности Престоловъ и величія Государствъ и основаніе гражданскихъ добродѣтелей, тогда какъ невѣжество, или поверхностное и недостаточное ученіе, признакъ ничтожества и шаткости чувствъ и понятій, готовыя принять самыя нелѣпыя, самыя ложныя впечатлѣнія и стремиться къ тѣмъ ужаснымъ происшествіямъ, кои совершаются въ наше время въ другихъ Государствахъ, и совершались въ Россіи во время междуцарствія, давшаго возможность Польшѣ и Швеціи терзать беззащитное Государство. Но дабы вполнѣ удовлетворить намѣреніямъ Правительства въ гражданскомъ просвѣщеніи, образованіе одного ума недостаточно: надо образовать сердце такъ, чтобы заблужденія перваго молчали, или не приносили горькихъ плодовъ отъ краснорѣчиваго постоянства послѣдняго. Ни кто, кромѣ древнихъ законодателей, не постигъ сей высокой истины и не умѣлъ на ней утвердить незыблемость общественныхъ постановленій. Откуда Ликургъ взялъ возможрость, лиша Спартанцевъ всѣхъ удовольствій, умственныхъ и чувственной жизни, окружа ихъ одними предметами суроваго, безрадостнаго существованія, заставить любить ихъ эти постановленія? «Иду во храмъ благодарить боговъ, и пр.»—«Скажите Спартѣ, приказывалъ Леонидъ, что мы погибли, исполняя священныя ея законы!» Откуда, повторяю, Ликургъ взялъ эту силу, которая переродила природу человѣка, дала ему другое чувственное бытіе, другое, согласное съ его мыслію, направленіе? Отъ образованія сердца! Но Ликургъ, лиша гражданъ своихъ умственнаго образованія, представилъ одни суровые, не подражаемые примѣры бытія человѣческаго, тогда какъ Аѳины, соединяя умственное съ сердечнымъ образованіемъ, произвели блестящіе примѣры гражданскихъ добродѣтелей, тѣ недоступные нашему хилому времени, коимъ народы и вѣки удивляются и рукоплещутъ. У нихъ сіе образованіе начиналось съ первыми понятіями младенца, который среди домашней жизни пріучался любить Отечество и его постановленія, потомъ продолжалось до мужескаго возраста за общественными столами, въ рощахъ, посвященныхъ богамъ ро-

дины, подъ портиками храмовъ, среди памятниковъ народной славы; тамъ-то юноша, внимая повѣствованіямъ добродѣтельныхъ примѣровъ, геройскимъ подвигамъ любви къ Отечеству, сравнялся съ сими чувствами и выступалъ на поприще гражданской дѣятельности съ пламенною любовію къ Отечеству.

Разсмотримъ, что у насъ сдѣлано для сего образованія, и какимъ образомъ можно его приспособить къ настоящему времени; но прежде опредѣлимъ, что такое воспитаніе, образованіе и просвѣщеніе; ибо сіи слова заключаютъ въ себѣ понятія и дѣйствія совершенно противоположныя.

Воспитаніе означаетъ питаніе младенца до юношескаго возраста и развитіе первоначальныхъ понятій и впечатлѣній на душу, впечатлѣній, опредѣляющихъ судьбу будущей его жизни. Воспитаніе составляетъ исключительную и священную обязанность родителей. Напротивъ, у насъ принадлежитъ оно всякому иноземному сброду, посредствомъ коего втекаютъ въ Россію пороки и заблужденія всѣхъ народовъ, истребляющіе наши добродѣтели и любовь къ отечественнымъ постановленіямъ, любовь, которая должна вливаться въ насъ съ молокомъ матери, съ ласками отца, съ первымъ внятнымъ для насъ трепетаніемъ сердца. Конечно, Правительство не можетъ искоренить сего зла, но можетъ уменьшить его дѣйствія строгимъ надзоромъ за правилами сихъ иностранцевъ, и наконецъ совершенно истребить, учредя особенные мужскіе и женскіе Институты, для образованія людей сего рода. Сіе средство удовлетворитъ потребность общественную, ибо иностранцы лишены будутъ средствъ сообщать заразу уму, заразу, подрывающую основные уставы Государства. Подобное учрежденіе въ Воспитательномъ Домѣ не удовлетворяетъ надлежащей потребности по малому объему, по высокой цѣнѣ и по нравственному чувству; ибо кто сіи наставницы? Дѣти, не знающія ни матери, ни отца; слѣдовательно, могутъ ли своими правилами и наставленіемъ укоренить семейственныя добродѣтели? Къ сему должны быть допускаемы тѣ только, коихъ семейства, хотя бѣдны, но служатъ примѣромъ неукоризненнаго поведенія. Но сего недостаточно; не должно допускать иностранцевъ въ Государственную службу безъ строгаго и долговременнаго опыта въ ихъ правилахъ и нравственныхъ чувствахъ; ибо не рѣдко мы

видимъ, что пришлецы сіи, осыпанные почестями и милостями нашихъ Монарховъ, безусловнымъ удовлетвореніемъ своимъ чужой волѣ, вселяютъ понятія, противныя нашимъ кореннымъ законамъ и гибельныя для Россіи. Россійское Государство, составленное изъ разнородныхъ племенъ и народовъ, изъ гражданскихъ классовъ, совершенно отдѣльныхъ правами и преимуществами, можетъ существовать и благоденствовать только подъ управленіемъ одной нераздѣльной и благотворной мысли Монарха; малѣйшая перемѣна въ ходѣ управленія, проистекающая не отъ воли самаго Монарха, но посторонними средствами, малѣйшее, говорю, замѣшательство въ Имперіи, неминуемо повлечетъ за собою разрушеніе составныхъ ея частей, разрушеніе, сопровождаемое всѣми ужасами, какіе когда либо являлись для бѣдствія человѣчества; слѣдовательно, должно и, скажу, можно отстранить отъ Государства сіе, хотя отдаленное отъ насъ, несчастіе. Петру Великому нужно было, такъ сказать, слить Россію съ Европою, для чего потребны были иностранцы; но Россія и Европа не тѣ, что были при жизни сего Монарха. Теперь надо стараться отдалить Европу отъ Россіи, дабы ея, еще юныя, умственныя и нравственныя, силы могли достигнуть полнаго развитія, не бывъ убиты дряхлѣющими надъ Европою пороками и заблужденіями. Народы, подобно человѣку, имѣютъ свои возрасты: дайте юношѣ всѣ наслажденія совершеннаго человѣка, и зародышъ его силъ, подсѣченный при возрожденіи, погибнетъ, или представитъ созданіе хилое, съ одними немощами старости. Думаю, что тѣ только иностранцы должны быть принимаемы въ Государственную службу, кои десятилѣтнею осѣдлостію въ Имперіи, по вступленіи въ подданство, будутъ сего достойны, конечно, кромѣ иностранцевъ, коихъ само Правительство признаетъ нужнымъ призвать на службу изъ за границы.

Образованіе начинается съ воспитаніемъ; оно предшествуетъ просвѣщенію и должно сопровождать его до послѣдней степени. Образованіе составляетъ, такъ сказать, форму, въ которой отливаются наши ощущенія, страсти и первоначальныя понятія. Это обликъ, по которому отличаются народы одинъ отъ другаго; по сему образованіе, подобно воспитанію, должно быть отечественное и истекать изъ чистаго источника; ибо оно одно, даже безъ

всякаго просвѣщенія, какъ видѣли мы въ Спартѣ, можетъ поддержать народныя добродѣтели, упоить сердце любовію къ Отечеству и его постановленіямъ, любовію, которая служитъ основаніемъ твердости Престоловъ и могуществу Царствъ. Въ частномъ быту у насъ образованіе также принадлежитъ иностранцамъ и производитъ тѣ же вредныя послѣдствія, какъ и воспитаніе: въ общественныхъ заведеніяхъ, образованія не существуютъ.

Просвѣщеніе есть одно изъ величайшихъ достоинствъ человѣка, лучшая, благороднѣйшая принадлежность его бытія, приближающая его къ подобію Создателя. И сіе-то просвѣщеніе называютъ причиною зла, источникомъ бѣдствій нашихъ! Просвѣщеніе наполняетъ душу нашу кроткими ощущеніями въ частной, высокими порывами въ общественной, жизни. Счастіе собратій, благо земли родной, есть лучшая мечта, цѣль всѣхъ поступковъ и дѣлъ истинно просвѣщеннаго человѣка; ему извѣстны всѣ отрасли, всѣ оттѣнки произведеній умственныхъ; природа, какъ книга, открыта предъ ними съ великими и благодатными тайнами; безъ просвѣщенія Государства не могутъ устраиваться, возвышаться и благоденствовать. Но, видя развалины городовъ, пожары селъ, возженныхъ буйствомъ и мятежемъ, говорятъ: «Вотъ слѣды просвѣщенія!» Нѣтъ, скажу: «Вотъ слѣды невѣжества, увлеченнаго эгоизмомъ и развратомъ; вотъ слѣдствіе, что законодатели, презря воспитаніе юношества и образованіе ихъ сердечныхъ ощущеній, предали ихъ произволу страстей необузданныхъ и самымъ просвѣщеніемъ.» Просвѣщеніе не есть только образованіе ума науками; ибо ученіе служитъ, такъ сказать, послѣднею степенью къ достиженію просвѣщенія и оканчивается съ окончаніемъ наукъ въ училищѣ. Просвѣщеніе есть производительная сила ума; оно проявляется въ произведеніяхъ словесности и изящныхъ искуствъ. Просвѣщеніе, подобно воспитанію и образованію, легко согласовать съ видами Правительства, когда оно господствуетъ и направляетъ его дѣйствія, не оставляя на произволъ случая. Такъ Наполеонъ, желая отвлечь умы своего времени отъ политическихъ происшествій, предпринялъ описаніе Египетскихъ древностей, стараясь и другими предметами, смежными съ областями наукъ, направить понятія Французовъ къ своей цѣли, дать пищу ихъ суетности ободреніемъ художествъ, театральныхъ и сло-

весныхъ произведеній. У насъ, напротивъ, въ такой ли степени предпринимается все для просвѣщенія? Только изрѣдка рвеніе частныхъ людей старается поддержать едва настоящую зарю просвѣщенія; ибо Румянцевъ и Демидовъ гораздо болѣе принесли пользы просвѣщенію, чѣмъ наши Академіи, наполненныя людьми, едва знающими Русскую грамоту, тѣмъ менѣе Россію. Никогда, можетъ быть, Правительство не имѣло нужды дѣйствовать на понятія людей, какъ въ настоящее время, дабы отвлечь вниманіе гражданъ отъ заразительныхъ правилъ, волнующихъ умы и народы. Сія язва не удерживается карантинами; напротивъ, она растетъ и распространяется отъ явныхъ преградъ; для сего нужно занять умы мыслящіе, и занять предметами, противоположными съ понятіями настоящаго времени. За чѣмъ не обратить ихъ наградами къ обработыванію еще не воздѣланнаго поля Отечественной Словесности? Для чего не пожертвовать Правительству капиталомъ для собранія, изслѣдованія и описанія историческихъ и другихъ памятниковъ народной самобытности во всѣхъ предѣлахъ обширной Имперіи? Для чего, подобно Петру Великому, не поощрять къ переводу книгъ полезныхъ, ввѣривъ все сіе не Академіямъ, кои, напрасно истрачивая суммы, въ столѣтіе (кромѣ Академіи Художествъ), не произвели ничего, и ничего произвести не могутъ, а людямъ истинно просвѣщеннымъ и любящимъ успѣхи Русскаго ума?

ДѢЛО

О ПРИПИСКѢ ШЛОЦКИХЪ ЕВРЕЕВЪ КЪ РИГѢ.

Въ 1842 году Евреи мѣстечка Шлокки, проживавшіе въ г. Ригѣ, стали хлопотать о припискѣ ихъ къ этому городу. Просьба ихъ была рѣшена въ Губернскихъ Присутственныхъ Мѣстахъ въ ихъ пользу. Рижскій Биржевой Комитетъ, предвидя въ Евреяхъ опасныхъ соперниковъ для Нѣмецкихъ ремесленниковъ, перенесъ дѣло въ Сенатъ.

Для ходатайства здѣсь по этому дѣлу, Рижскій Бургомистръ Т. пригласилъ служившаго во II-мъ Отдѣленія Собственной Канцеляріи, Коллежскаго Совѣтника Л., который и велъ его до конца, постоянно увѣдомляя Комитетъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. По выиграніи дѣла, между нимъ и Биржевымъ Комитетомъ возникли споры объ окончательномъ денежномъ расчетѣ. Для оправданія себя, Л. представилъ Комитету прилагаемую при семъ Записку, раскрывающую тѣ тайныя пружины, которыя, въ случаѣ опасности, приводятся въ дѣйствіе Остзейскими Нѣмцами.

Записка эта писана, разумѣется, по Нѣмецки; здѣсь она въ переводѣ, почти подстрочномъ. Рижскій Биржевой Комитетъ, съ Нѣмецкою аккуратностію, хранитъ ее въ своемъ Архивѣ. Примѣч. Переводчика.

Бывшій по дѣламъ (Рижскаго) городскаго общества повѣренный, чувствуя себя тяжко обиженнымъ чрезъ невыполненіе въ точности разновременно сдѣланныхъ съ нимъ условій, подвергалъ новому пересмотру производившуюся о томъ переписку, и представляетъ, въ видѣ жалобы, слѣдующія обстоятельства, подтверждаемыя подлинными и ни какому сомнѣнію не подлежащими документами.

По указу Губернскаго Правленія, послѣдовавшему 4-го Февраля, 1785 г., всѣ пробравшіеся въ Ригу Евреи должны были приписаться къ м. Шлокки, и имѣли право проживать въ Ригѣ, по паспортамъ, не долѣе 8-ми дней. Для прямыхъ же потомковъ тѣхъ Евреевъ, которые оставались въ Ригѣ до 1765 г. и назывались «Евреями покровительствуемыми», сдѣлано было исключеніе: имъ дозволялось проживать въ Ригѣ по годовымъ паспортамъ. Впрочемъ, это исключеніе было много разъ нарушаемо и часто употребляемо во зло.

Съ этого времени Шлоцкіе Евреи постоянно домогались права приписываться къ Ригѣ. Имъ удалось, наконецъ, перенести просьбу объ этомъ въ Государственный Совѣтъ, черезъ Комитетъ Министровъ. Продолжительная по сему дѣлу переписка, извѣстная всему городу, побудила гражданъ, для избѣжанія невыгоднаго для себѣ рѣшенія, отправить въ С.-Петербургъ депутацію, которая, послѣ долговременнаго пребыванія и растраты большихъ суммъ, возвратилась съ одними пустыми обѣщаніями. *

Въ Февралѣ, 1842 г., обнародовано мнѣніе Государственнаго Совѣта, состоявшееся 17-го Сентября, 1841 г.; оно разрѣшало приписываться къ Ригѣ и оставаться тамъ для жительства всѣмъ тѣмъ Евреямъ, которые **действительно** имѣли до сего времени **постоянное** пребываніе въ этомъ городѣ.

Выраженіе «**дѣйствительно**» должно быть понимаемо не иначе, какъ «**законнымъ**», а слова—«**постоянное пребываніе**» должны значить — «**непрерывно остававшимся**»; по тому общество гражданъ и должно бы было наблюдать, чтобы означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта было понимаемо и исполняемо въ этомъ смыслѣ. Однако же это не дѣлалось.

Между тѣмъ, еще въ Іюнѣ, 1842 г., Еврейскій Кагалъ просилъ Казенную Палату о припискѣ къ Ригѣ. Палата сдѣлала запросъ Управѣ Благочинія: кто именно изъ Шлоцкихъ Евреевъ имѣетъ постоянное пребываніе въ Ригѣ? Управа, съ своей сторо-

---

* По этому дѣлу было употреблено до 76 тысячъ и, сверхъ того, на содержаніе агента Л. 18 тысячъ р., всего до 94 тысячъ р. асс.

пы, сдѣлала запросы Частнымъ Приставамъ города и форштадтовъ. Но, ни Магистратъ, ни общество гражданъ, ничего не знали объ этомъ. Полицейскимъ чиновникамъ предоставлена была полная свобода дѣйствовать; они и представили, какъ имѣвшихъ право на приписку, 517 человѣкъ, а Казенная Палата самовольно присовокупила къ этому числу всѣхъ Евреевъ, оставшихся въ Шлоккѣ.

7-го Октября, 1842 г., Казенная Палата сообщила Магистрату, что всѣ Шлоцкіе Евреи должны быть приписаны къ Ригѣ, а 20-го Ноября отношеніе это было сообщено обществу гражданъ, которое тогда же рѣшило: подать жалобу на неправильное исполненіе мнѣнія Государственнаго Совѣта.

12-го Декабря, 1842 г., Альтерманъ * поручилъ, кому слѣдуетъ, составить сію жалобу. 14-го того же мѣсяца она была отправлена съ эстафетою въ Сенатъ, но прибыла туда такъ поздно, что не могла быть заслушана въ томъ же году. На слѣдующій годъ она разсматривалась въ первомъ засѣданіи 1-го Департамента Сената. Тогда же было опредѣлено: потребовать объясненія отъ Генералъ-Губернатора и Казенной Палаты, а между тѣмъ приказать, впредь, до окончательнаго разсмотрѣнія сего дѣла, остановиться какимъ бы то ни было распоряженіемъ по оному. Для того, чтобы исходатайствовать, какъ эту остановку дѣла, такъ и указъ въ такомъ именно видѣ, нужны были жертвы. Объ этомъ тотчасъ же было сообщено Альтерману.

Альтерманъ обратился къ Биржевому Комитету и, по порученію онаго, писалъ къ Петербургскому Повѣренному, отъ 15-го Генваря, 1843 г., слѣдующее:

«Въ слѣдствіе сдѣланнаго мнѣ сейчасъ порученія въ засѣданіи Биржеваго Комитета, я обращаюсь къ Вамъ съ просьбою: употребить, въ пользу здѣшняго купечества, вездѣ, гдѣ то будетъ можно и нужно, Ваше вліяніе и дѣятельность относительно предстоящихъ засѣданій о здѣшнихъ Евреяхъ. Сообразно этому имѣете Вы поддерживать просьбу городскихъ Гильдій и Магистрата про-

---

* т. е., Альтерманъ большой Гильдіи *Л.*

тиву Казенной Палаты, противодѣйствовать возможному ходатайству Жидовъ у Министра Внутреннихъ Дѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараться также, чтобы и ожидаемое опредѣленіе на счетъ торговыхъ отношеній Жидовъ въ Ригѣ послѣдовало сколь возможно болѣе ограниченнымъ. Биржевой Комитетъ ожидаетъ отъ Васъ сообщенія, черезъ меня, о всѣхъ тѣхъ сдѣлкахъ, которыя будутъ признаны Вами нужными, и о другихъ, принятыхъ Вами, мѣрахъ. Комитетъ надѣется, что Вы будете увѣдомлять меня о ходѣ дѣла и, съ извѣстною ему Вашею бдительностію, будете заботиться объ интересахъ здѣшняго купечества.»

И такъ, хотя Комитетъ и поручился во всѣхъ нужныхъ по сему дѣлу издержкахъ, хотя Альтерманъ и заявлялъ письменно о таковомъ ручательствѣ Комитета, но, не смотря на это, для исходатайствованія указа объ остановкѣ всего дѣла, ничего не было сдѣлано. Этѣмъ самымъ открыта была возможность Евреямъ исходатайствовать, 20-го Генваря, 1843 г., отмѣну опредѣленія: дѣлопроизводство не было остановлено, и только затребованы объясненія.

Этѣмъ самымъ дана была возможность Жидамъ подать новыя просьбы въ Сенатъ, къ Министру Финансовъ, и двѣ просьбы къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы предупредить жалобы гражданъ на Казенную Палату. Но, не смотря на то, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ былъ хорошо расположенъ къ Жидамъ; не смотря на то, что Рижскій Генералъ-Губернаторъ, бывшій въ то время въ С.-Петербургѣ и знавшій мнѣніе Министра, отозвался въ пользу Жидовъ, когда спросили его мнѣнія по этому дѣлу; не смотря на все это, удалось, однако, достигнуть, что Евреямъ вездѣ отказали, въ ожиданіи рѣшенія Сената по жалобѣ гражданъ. Заключенное условіе объ уплатѣ за это 3 тысячъ р. было исполнено: 23-го Февраля, 1843 г., выдано 2 тысячи р., а въ Мартѣ еще 1 тысяча р.

Но ни одно условіе, относящееся до главнаго предмета, т. е., до жалобы общества гражданъ, не было выполнено, не смотря на то, что о томъ было писано 7-го Марта, 1843 г. Повѣренный, обязанный увѣдомлять Уполномоченнаго Биржеваго Комитета о ходѣ дѣла, вновь напоминалъ ему о томъ же 3-го Апрѣля.

Наконецъ, 10-го Іюля, 1843 г., онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Симъ имѣю честь извѣстить Ваше Высокоблагородіе, что если Вы получите изъ 1-го Департамента Сената указъ, на основаніи котораго будетъ отмѣнена, предписываемая Казенною Палатою, приписка Шлоцкихъ Евреевъ къ Ригѣ и, кромѣ того, разсмотрѣніе ихъ права на такую приписку будетъ поручено особо для того утвержденному Комитету, то въ распоряженіе Ваше поступаетъ немедленно 3 т. р. с.

Хотя этѣмъ распоряженіемъ и была обезпечена издержка, признанная достаточною по тогдашнимъ обстоятельствамъ, но не было ничего договорено о вознагражденіи самого Повѣреннаго за труды его. На письмо его о выдачѣ ему лишь 1 тысячи р., послѣдовалъ, 9-го Ноября, 1843 г., слѣдующій отвѣтъ:

«На письмо Ваше, отъ 18-го Октября, симъ извѣщаю, что Биржевой Колитетъ разрѣшилъ выдать Вамъ требуемое Вами вознагражденіе, въ 1 тысячу р., съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы только одиннадцать семействъ, а не всѣ Евреи, имѣющіе здѣсь постоянное жительство въ теченіи 10-ти лѣтъ, были признаны имѣющими право на приписку.»

Условіе это совершенно противорѣчило не только письму отъ 10-го Іюля, 1483 г., но и самой просьбѣ общества гражданъ, въ которой просилось лишь объ отмѣнѣ приписки, опредѣленной Казенною Палатою, и о произведеніи оной особою Комиссіей, которая, вмѣстѣ съ Магистратомъ и обществомъ гражданъ, опредѣлила бы, кто именно изъ Евреевъ имѣетъ право приписаться. По этому, условіе это было признаваемо вездѣ и всѣми неосновательнымъ и несправедливымъ. Повѣренный возражалъ на оное, отъ 16-го Ноября, 1843 г., слѣдующее:

«Почтеннымъ письмомъ, отъ 9-го сего мѣсяца, Вы извѣстили меня, что Биржевой Комитетъ утвердилъ особую издержку, въ 1 тысячу р., по дѣлу приписки Евреевъ къ Ригѣ; но Вы, вѣроятно, согласитесь и сами, что ожидаемое измѣненіе, — полученіе котораго въ самомъ простѣйшемъ видѣ не легко и не вѣрно,—можетъ послѣдовать только, какъ отмѣненіе приписки въ томъ видѣ, какъ

она была совершена, но отнюдь не въ отношеніи подробностей о томъ, какъ она должна быть совершаема, и что послѣднее слѣдуетъ предоставить новому, имѣющему быть для сего назначеннымъ, слѣдствію; въ настоящее время можно только желать нѣкотораго о томъ указанія. По этѣмъ основаніямъ, позвольте мнѣ дѣйствовать сообразно сему, и позвольте оставить безъ вниманія условіе, включенное въ Ваше письмо.»

Биржевой Комитетъ призналъ это возраженіе основательнымъ, ибо ничего не высказалъ противу него. По этому утвержденное вознагражденіе должно было оставаться во всей силѣ, лишь бы только испрошенное рѣшеніе удовлетворяло просьбѣ гражданъ.

Исходатайствованное, 19-го Іюля, 1844 г., рѣшеніе не только буквально соотвѣтствовало прошенію гражданъ, но даже предписывало болѣе; ибо было приказано: «дозволить приписываться только тѣмъ Евреямъ, которые дѣйствительно проживали въ Ригѣ во время 8-й ревизіи», т. е., болѣе чѣмъ за 10 лѣтъ. Такимъ образомъ рѣшеніе это удовлетворяло всѣмъ требованіямъ Комитета.

Между тѣмъ ожидались объясненія отъ Генералъ-Губернатора и отъ Казенной Палаты. Объясненія этѣ, предварительно разсмотрѣнія ихъ въ 1-мъ Департаментѣ Сената, должны были быть отосланы, вмѣстѣ съ просьбою гражданъ, на заключеніе, сперва Министра Финансовъ, а потомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ это время ничего не было упускаемо изъ виду, чтобы заранѣе подѣйствовать благопріятнымъ образомъ на этѣ заключенія. Послѣдствіемъ этого было заключеніе Министра Финансовъ, данное въ пользу общества гражданъ. Дѣло поступило къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Этотъ послѣдній, не смотря на всѣ усилія его приближенныхъ, склонился на сторону Евреевъ, и не только, въ заключеніи своемъ отъ 26-го Ноября, 1843 г., полагалъ отказать обществу гражданъ, не только убѣдилъ Министра Финансовъ отступаться отъ своего прежняго мнѣнія и присоединиться къ нему, но даже самъ явился въ Сенатъ, 22-го Генваря, 1844 г., чтобы лично поддержать свое мнѣніе. Этѣмъ необыкновеннымъ поступкомъ онъ склонилъ на свою сторону четырехъ Сенаторовъ, которые не осмѣлились противиться человѣку, такъ высоко поставленному и имѣющему столь громадное значеніе.

Какъ ни было худо положеніе дѣла, для безвозвратной потери котораго не доставало лишь согласія Оберъ-Прокурора, однако же Повѣренный не считалъ оное совершенно проиграннымъ. Еще 28-го Марта, 1844 г., онъ писалъ, что имѣетъ надежду, черезъ близкаго родственника Оберъ-Прокурора, подѣйствовать на него такъ, что онъ войдетъ съ предложеніемъ противу мнѣнія Министровъ и Сенаторовъ. Это было уже само по себѣ смѣлое предпріятіе. Впрочемъ, если бы можно было достигнуть этого пожертвованіемъ всѣхъ 3 тысячъ р., если бъ даже Оберъ-Прокуроръ твердо оставался при своемъ veto, то все же черезъ это выигралось бы только перенесеніе дѣла въ Общее Собраніе Сената, гдѣ бы оно снова было въ самомъ сомнительномъ положеніи. Предстояла задача болѣе трудная: пользуясь veto Оберъ-Прокурора, надо было побудить Министровъ взять обратно и измѣнить свои прежнія заключенія; тогда открылась бы возможность получить согласіе и уступчивыхъ Сенаторовъ. Только этѣмъ путемъ дѣло могло быть выиграно. Вышеназванный родственникъ Оберъ-Прокурора надѣялся достичь этого черезъ своихъ пріятелей — Г. С., у Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и П. И — у Министра Финансовъ, если только дано будетъ въ его распоряженіе 2 тысячи р. для нихъ.

Въ упомянутомъ выше письмѣ, отъ 28-го Марта, 1844 г., Повѣренный требовалъ на это разрѣшенія, и получилъ оное, ибо письму его не противорѣчили. Въ этомъ тѣмъ менѣе можетъ быть сомнѣнія, что онъ, 10-го Мая, 1844 г., опять писалъ объ этомъ предметѣ къ Уполномоченному Биржеваго Комитета, и письмо свое заключилъ слѣдующими словами:

«Такъ какъ общество гражданъ выдало мнѣ только 3 тысячи р., которыя уже и издержаны, то я былъ вынужденъ согласиться на новую премію въ 2 тысячи р. Увѣдомляя Васъ о семъ, я не сомнѣваюсь въ утвержденіи этого. Прошу о скоромъ отвѣтѣ; ибо дѣло можетъ быть кончено черезъ нѣсколько недѣль, и я, не имѣя средствъ, буду поставленъ въ большое затрудненіе.»

Отвѣта не послѣдовало; по этому и надо было полагать, что на возвышеніе договорной платы дано согласіе. Въ слѣдствіе сего

Повѣренный вновь писалъ къ тому же уполномоченному, отъ 9-го Іюня, слѣдующее:

«Послѣднимъ письмомъ я обстоятельно извѣщалъ Васъ, что дѣло о припискѣ Евреевъ, почти окончательно проигранное отъ личнаго присутствія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, при его слушаніи въ Сенатѣ, можетъ быть еще спасено съ помощію предложенія Оберъ-Прокурора. Я ожидалъ, что сдѣланное мною тогда же условіе о вознагражденіи, Вы одобрите, признавая его необходимымъ для успѣха дѣла. Не ограничиваясь этѣмъ, съ той минуты, когда явилась необходимость провести у П. новое опредѣленіе, я выдалъ лицамъ, его окружающимъ, двумя тысячами р. болѣе назначеннаго прежде; всего выдано 5 тысячъ р. Въ настоящую минуту я только что выхожу изъ его Канцеляріи, и только что узналъ, что вчера совершилось дѣло неслыханное: мы достигли того, что этотъ человѣкъ взялъ обратно свое, неблагопріятное для насъ, заключеніе и присоединился къ намъ. Теперь я не сомнѣваюсь, что и Министръ Финансовъ присоединится къ намъ; ибо онъ непремѣнно уступаетъ тамъ, гдѣ считаетъ за нужное согласиться упрямый и никогда не уступающій П. Это рѣшится 8-го числа, такъ какъ въ этотъ день назначено новое слушаніе этого дѣла.»

Отъ 9-го же Іюня онъ вновь писалъ:

«Сію минуту меня увѣдомляетъ Камергеръ П., что В. тоже подписалъ дѣло объ Евреяхъ, и что оно отправлено 8-го Іюня, за № 3,308.»

Наконецъ, 22-го Іюня, 1844 г., онъ писалъ:

«По подписаніи опредѣленія Министромъ Финансовъ, какъ я уже извѣщалъ Васъ, мнѣ удалось заставить, не смотря на наступившіе праздники, отправить указъ изъ Сената. Онъ состоялся 19-го Іюня, за № 22,751, а 20-го сданъ на почту.»

По этому, чтобы не уронить свое достоинство и честь, нельзя долѣе медлить выполненіемъ обязательствъ, принятыхъ на себя Повѣреннымъ и заключающихся въ 5 тысячахъ р., тѣмъ болѣе, что ему уже напоминаютъ объ этомъ, какъ это видно изъ словъ: «Si

vous avez à me dire quelque choze, adressez vous» и т. д. (не говоря уже о новыхъ косвенныхъ напоминаніяхъ, заключающихся въ извѣщеніи объ отъѣздѣ). Нѣтъ сомнѣнія, что слишкомъ невыгодно оскорблять людей, находящихся въ такомъ положеніи, и еще менѣе выгодно жертвовать своимъ кредитомъ въ высшихъ сферахъ Правительства.

Также несомнѣнно, что Повѣренный вполнѣ заслужилъ свое умѣренное награжденіе въ 1 тысячу р., и что не слѣдуетъ дѣлать ему новыхъ задержекъ и возраженій.

Нелѣпа также мысль, что все дѣло будто сдѣлано другимъ, и что Повѣренный совершенно оставилъ оное, послѣ первыхъ неблагопріятныхъ отзывовъ Министровъ. Выше уже доказано, что онъ не только никогда не переставалъ дѣйствовать, но даже съумѣлъ убѣдить Оберъ-Прокурора, черезъ его племянника, сказать свое veto, съумѣлъ, черезъ пріятелей того же племянника, достичь того чуда, что Министры взяли обратно свое заключеніе. Кромѣ того, еще 20-го Марта, 1844 г., Повѣренный жаловался на неприличное вмѣшательство Господина Ф. В., допущенное Альтерманомъ. Наконецъ, письмо вышеупомянутаго племянника, отъ 10-го Іюня, 1844 г., неоспоримо подтверждаетъ все, что сдѣлано Повѣреннымъ по этому дѣлу, и совершенно опровергаетъ мысль объ участіи въ этомъ дѣлѣ какого ни будь Г. Ф. В., или Г. З. Надо помнить при этомъ, что племянникъ этотъ—человѣкъ сильный, по своей близкой связи съ В. К.; что онъ съумѣетъ дать себя почувствовать не только, когда оскорбятъ его, но если хотя немного скомпрометируютъ его передъ тѣми лицами, которыхъ онъ заставилъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

ПОѢЗДКА ВЪ АНГЛІЮ

ДЛЯ СОБЕСѢДОВАНІЯ О СОЕДИНЕНІИ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ.

По возвращеніи моемъ изъ Англіи, куда я былъ приглашенъ Богословами этой стороны, для собесѣдованія о соединеніи Англиканской Церкви съ Православною, спѣшу отдать отчетъ о свѣдѣніяхъ и соображеніяхъ, пріобрѣтенныхъ мною въ этомъ путешествіи. Для большей ясности раздѣляю мое изложеніе на слѣдующіе отдѣлы: 1) Есть ли, и въ какой мѣрѣ и формѣ, движеніе въ Англиканской Церкви къ сближенію съ Православною Церковью? 2) Изъ какихъ побужденій и обстоятельствъ родилось это стремленіе? 3) Какія препятствія останавливаютъ скорое осуществленіе единенія Англиканской Церкви съ нашею? 4) Какія надежды можно питать по этому предмету, и какое содѣйствіе съ нашей стороны можно оказать упомянутому примирительному движенію?

I.

Какъ извѣстно, въ Англиканской Церкви существуютъ двѣ партіи: одна чисто Протестантская, основывающая свои шаткія вѣрованія на 39 членахъ, составленныхъ Реформаторами; другая, если можно употребить это слово, — Полукаѳолическая, которая преимущественно черпаетъ свою Вѣру изъ Богослужебной книги, сохранившей много древнихъ Православныхъ истинъ. Эти двѣ партіи, странно стоящія въ той же Церкви, называются въ Англіи двумя Школами, или даже двумя Церквами: Низкою и Высокою. Первая несомнѣнно превосходитъ числомъ, вторая

имѣетъ на своей сторонѣ образованіе и качества ея членовъ, особенно духовныхъ. Знаменитые Университеты, Кембричскій и преимущественно Оксфордскій, принадлежатъ, по общности ихъ направленія, къ Высокой Церкви.

Въ этой-то Высокой Церкви и существуетъ стремленіе къ сближенію съ Церковью Православною. Оно выражается въ отзывахъ весьма почтительныхъ о Восточной Каѳолической Церкви, въ братскомъ пріемѣ ея членовъ, въ благоговѣйномъ посѣщеніи Англиканами Православныхъ храмовъ, въ изученіи Православнаго ученія, посредствомъ переводовъ книгъ, содержащихъ изложеніе Православія, наконецъ въ составленіи «Общества Восточно-Православной Церкви.»

Первымъ моимъ дѣломъ, по прибытіи въ Англію, было посѣщеніе Университетовъ, Кембричскаго и Оксфордскаго. Въ Кембричѣ моимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и руководителемъ былъ Магистръ и членъ Королевской Коллегіи, Георгій Вильямсъ, извѣстный путешественникъ по Востоку и два раза бывшій въ Россіи. Этотъ усердный двигатель соединенія Англиканской Церкви съ Православною представилъ меня членамъ многихъ другихъ Кембричскихъ Коллегій; вездѣ санъ Православнаго Протоіерея открывалъ мнѣ пріемъ радушный и почетный; вездѣ я слышалъ выраженіе сочувствія и почтенія къ Святой моей Матери, Церкви. Оксфордъ превзошелъ, если возможно, любезность и вниманіе своего ученаго собрата. Ректоръ «Коллегіи всѣхъ душъ», Г. Лейтонъ, настоятельно пригласившій меня принять его гостепріимный кровъ, устроилъ два обѣда, для доставленія мнѣ встрѣчи съ членами славнаго Университета. Сверхъ того я навѣстилъ многихъ замѣчательныхъ мужей, какъ-то: Доктора Пьюзе, Магистровъ Лиддона, Медда, Бергона, Брамлея, Брайта и др. Опять слышалъ единодушное сочувствіе похвалы, почтеніе къ Православной Церкви и желаніе единенія съ нею.

Но всѣ эти выраженія, не выходя изъ общихъ выраженій, неопредѣленныхъ желаній, не дали мнѣ яснаго понятія о силѣ и способахъ желаемаго единенія. Нѣсколько разъ я пытался дойти до опредѣленной основы, но встрѣчалъ уклоненіе отъ дѣльнаго разсужденія и по возможности подробнаго разбора. Только Док-

торъ Пьюзе безъ всякаго приступа заговорилъ о предлагаемомъ единеніи богословскимъ путемъ. Объяснивъ мнѣ, что онъ занимался въ настоящую минуту объясненіемъ XXII члена Англиканской Церкви о чистилищѣ, почитаніи иконъ и призываніи Святыхъ, знаменитый основатель школы, носящей его имя, спросилъ меня: «Какъ учитъ Православная Церковь объ этѣхъ пунктахъ?» На мое изложеніе Православнаго ученія онъ отвѣчалъ, что видитъ возможность согласить упомянутый членъ съ ученіемъ Каѳолической Восточной Церкви, доказавъ, что онъ былъ единственно направленъ противъ преувеличеній и злоупотребленій Римской Церкви касательно этого предмета. За тѣмъ указалъ на возможность соглашенія въ ученіи о Таинствахъ, отвергнувъ принятое опредѣленіе схоластическое и принявъ за основу Православное. Касательно Таинства Св. Евхаристіи Докторъ Пьюзе утверждалъ, что Церковь Англиканская можетъ принять сущность ученія о дѣйствительномъ присутствіи въ Св. Тайнахъ тѣла и крови Христовой, но недоумѣваетъ на счетъ словъ преложеніе и особенно пресуществленіе. Съ своей стороны, я старался ему доказать, что этѣ слова и содержатся Православною Церковью именно для несомнѣннаго выраженія дѣйствительности присутствія тѣла и крови Христа подъ видами хлѣба и вина. Собесѣдникъ мой не возражалъ много и клонился къ согласію. На другой день Докторъ Пьюзе началъ свою бесѣду весьма жесткимъ порицаніемъ Патріарха Фотія, называя его человѣкомъ злымъ, упорнымъ совопросникомъ, намѣренно запутавшимъ вопросъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Подобное начало не обѣщало примирительнаго разсужденія. Я отвѣчалъ, что считаю приличнымъ оставить въ сторонѣ лице великаго Патріарха, и присовокупилъ, что Докторъ ошибается, если думаетъ, что судъ Православной Церкви о прибавленіи, сдѣланномъ Папою въ символѣ Вѣры, основывается единственно на авторитетѣ Фотія; что наша Церковь не признаетъ Патріарха Константинопольскаго за непогрѣшимаго Папу; что она основывается на Богооткровенномъ ученіи, которое содержится въ Св. Писаніи и Соборномъ преданіи Вселенской Церкви. За симъ послѣдовали, со стороны Г. Пьюзе, обыкновенныя Западныя доказательства и возраженія, на которыя мнѣ не трудно было отвѣчать исторически и догматически. Докторъ былъ неспокоенъ и смущенъ, особенно свидѣтельствомъ двухъ Папъ,

Льва III и Іоанна VIII, и опирался, въ своихъ доказательствахъ, преимущественно на Блаженнаго Августина, выражавшаго нѣсколько разъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына. На это я отвѣтилъ, что, по внимательномъ изученіи твореній этого учителя, открывается намъ какъ бы два лица: когда Блаженный Августинъ пишетъ, какъ Учитель Церкви и свѣдѣтель древняго ученія, тогда онъ вездѣ выражается, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца; Когда жь этотъ писатель Церкви вдается въ изысканія и предположенія, то позволяетъ себѣ мнѣніе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, и то въ сомнительной формѣ: «по чему бы намъ не вѣрить (cur non credamus), что Св. Духъ исходитъ и отъ Сына?»

Споръ нашъ продолжался полтора часа, и Докторъ Пьюзе, не представляя новыхъ доказательствъ, заключилъ, что Англиканской Церкви также не возможно выбросить прибавленіе изъ Символа, какъ Церкви Православной вставить оное въ Символъ. Я отвѣчалъ, что Церкви, содержащія различное исповѣданіе Вѣры, не могутъ быть въ единеніи; что Англиканскіе предки Г. Пьюзе, назадъ тому восемь вѣковъ, были согласны въ этомъ съ Православною Церковью; что Вселенскіе Соборы запретили, подъ страхомъ анаѳемы, вносить туда прибавленіе; что позволить Англиканской Церкви сохранить поврежденный Символъ Вѣры значитъ то же, что допустить то же въ своей Церкви и, слѣдовательно, отступить отъ правила Вселенской Церкви.

Послѣ этого состязанія мы разстались въ грустномъ расположеніи духа; печальны были и свѣдѣтели нашего спора, Магистры Вильямсъ и Лиддонъ. На другой день я пошелъ проститься съ Докторомъ Пьюзе, и нашелъ его въ настроеніи болѣе примирительномъ. Онъ объявилъ мнѣ, что Англиканская Церковь можетъ сдѣлать важный шагъ къ соглашенію съ Православіемъ въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, именно: сохраняя Символъ съ прибавленіемъ, она дастъ объясненіе, что принимаетъ единое начало въ Св. Троицѣ, Отца, и произнесетъ проклятіе на признающихъ двойное начало. Я отвѣчалъ, что подобный шагъ есть полумѣра, которая не возводитъ дѣла ко Вселенскому правилу Вѣры, неприкосновенности Символа въ основаніи и формѣ. При семъ мой собесѣдникъ высказалъ задушевную мысль, что Англикан-

ская Церковь не имѣетъ довольно авторитета на своихъ членовъ, чтобъ итти наперекоръ привычкѣ, такъ что изъятіе изъ Символа прибавленія «и отъ Сына» произведетъ раздѣленіе въ нѣдрахъ Англиканизма. На указанную мною рѣшимость Американской Церкви сдѣлать требуемую Православіемъ поправку, Докторъ Пьюзе отвѣтилъ, что Американцы менѣе связаны обычаемъ и преданіемъ, чѣмъ Англичане. При семъ я позволилъ себѣ дать совѣтъ, что нужно приготовить членовъ Англиканской Церкви предварительными многократными объясненіями дѣла.

При прощаніи съ почтенною знаменитостію Оксфордскою, я слышалъ увѣреніе трудиться неослабно къ достиженію вожделѣннаго соединенія съ Православною Церковью. И когда я указалъ ему на запутанное ученіе 39 Членовъ Англиканскаго Исповѣданія, онъ сказалъ, что не Членами нужно объяснять Каѳолическое ученіе, заключающееся въ Богослужебной книгѣ (Prayer-Book), а этою послѣднею опредѣлить смыслъ Членовъ. Докторъ Пьюзе намѣренъ объяснить въ этомъ смыслѣ Члены Вѣры, т. е., такъ, чтобъ объясненіе опровергало содержащееся въ нихъ Протестантское ученіе.

На другой день имѣло быть въ Лондонѣ собраніе, такъ называемаго, Комитета Греко-Россійской Церкви (Russo-Greek Church Committee), куда я долженъ былъ поспѣшить, по приглашенію ея Президента, Каноника и Канцлера Линкольскаго, Массенберда. Въ прошломъ году, по рѣшенію Высшей Духовной Палаты, состоящей изъ Англиканскихъ Епископовъ Митрополіи Кентербурійской, на упомянутый Комитетъ было возложено снестися съ подобнымъ же Комитетомъ въ Америкѣ и представить, сначала въ Низшую Священническую Палату, а потомъ въ Высшую Епископскую, донесеніе о движеніи вопроса касательно соединенія Англо-Американской Церкви съ Православно - Каѳолическою Восточною. Естественно было ожидать уясненія въ этомъ собраніи, состоящемъ изъ десяти именитыхъ Священниковъ разныхъ Епархій. Туда же былъ приглашенъ и почтенный Протоіерей нашей Посольской Церкви въ Лондонѣ, Евгеній Поповъ. Но почтенное собраніе угостило меня болѣе радушіемъ, испустивъ, при вѣсти о моемъ присутствіи, двукратный одобрительный крикъ (hear, hear!), и не удовлетворило моего ожиданія слышать ясное изложеніе дѣла. Засѣданіе, длившееся около двухъ часовъ, ограничилось выборомъ

осторожныхъ и краткихъ выраженій для изложенія прошлыхъ обстоятельствъ, касающихся искомаго соединенія, и повтореньемъ желанія искренняго, «чтобъ Англиканскіе Христіяне и Православные могли участвовать въ молитвахъ и таинствахъ обѣихъ Церквей, не измѣняя своей Церкви.» На мое замѣчаніе, что нужно упомянуть о предварительномъ согласіи въ ученіи Вѣры, безъ коего не мыслимо общеніе въ таинствахъ, мнѣ отвѣтили, что это вопросъ крайне деликатный, на рѣшеніе котораго Комитетъ не получилъ полномочія; что теперь только указывается движеніе и цѣль, а употребленіе средствъ будетъ указано обстоятельствами въ будущемъ.

Плодомъ этого собранія «Комитета Греко-Россійской Церкви» было донесеніе, которое имѣю честь представить при семъ въ подлинникѣ. *

На другой день этотъ рапортъ былъ представленъ изъ Низшей Духовный Палаты въ Высшую, съ большою церемоніею. Депутація Священниковъ, состоящая изъ Президента и двѣнадцати Членовъ, въ разноцвѣтныхъ мантіяхъ, предводимая тремя Экзекуторами съ серебряными булавами, отправилась чинно по двору Вестминстерскаго Аббатства въ засѣданіе Епископовъ. Мы, съ Протоіереемъ Поповымъ, послѣдовали за этимъ ходомъ, ожидая какого ни будь рѣшенія, или, по крайней мѣрѣ, разсужденія. Дѣло обошлось скромнѣе. Президентъ Священниковъ, по входѣ въ Высшую Палату, направилъ свои стопы къ Примату (Предсѣдателю) Епископовъ (ихъ было десять), и въ полголоса объявилъ ему, что принесъ рапортъ о дѣлѣ желаемаго соединенія Англиканской Церкви съ Православною Восточною. Архіепископъ Кентербурійскій принялъ бумагу съ привѣтливою улыбкою, и положилъ ее на столъ. Между тѣмъ подошли ко мнѣ Епископы: Оксфордскій, съ которымъ я познакомился годъ тому назадъ въ Брюсселѣ, Лондонскій, съ которымъ я довольно долго бесѣдовалъ въ 1862 году въ Парижской церкви, Эдинбургскій, Салисбурскій и Бристольскій, которымъ я былъ представленъ мимоходомъ въ Оксфордѣ; всѣ жали мнѣ руку и говорили любезныя привѣтствія. Кентербурійскій Архіепископъ подозвалъ меня къ себѣ и благосклонно говорилъ

* Его нѣтъ у насъ подъ руками. *О. Б.*

со мною, пожимая, по обычаю, мою руку. О дѣлѣ единенія съ Православною Церковью никто изъ нихъ не сказалъ ни слова; это свиданіе ограничилось только приглашеніемъ меня на обѣдъ Митрополитомъ, на три завтрака Епископомъ Оксфордскимъ, на вечеръ и обѣдъ Епископомъ Лондонскимъ.

Не честь этѣхъ приглашеній занимала меня, а надежда, въ частныхъ встрѣчахъ съ Епископами, побесѣдовать о дѣлѣ единенія. Воспользовавшись только двумя завтраками Епископа Оксфордскаго, я не нашелъ тамъ пищи моему сердечному любопытству. Видя, что самъ почтенный хозяинъ, окруженный двумя Епископами и десятью Священниками, не касается разговора о соединеніи Англиканской Церкви съ Православною, я позволилъ себѣ вопросъ: «Какой ходъ дастъ Епископская Палатата донесенію Священниковъ о дѣлѣ единенія, и какой исходъ можно предвидѣть?» Самуилъ Оксфордскій отвѣчалъ съ добродушіемъ, не лишеннымъ дипломаціи, что это дѣло подлежитъ суду не одного Епископа, не одной провинціи, но должно пройти чрезъ совокупное разсужденіе Митрополій Кентербурійской и Іоркской; что онъ заранѣе ничего не можетъ предвидѣть, желая искренно, съ своей стороны, соединенія съ Православною Церковью. Больше нельзя было извлечь изъ устъ «Его Господства.» Не болѣе опредѣлителенъ былъ Епископъ Салисбурскій, другъ Палмера, вступившаго въ Римскую Церковь. Но въ этомъ Прелатѣ я замѣтилъ болѣе теплоты и какъ бы нетерпѣнія къ скорѣйшему соединенію.

Еще менѣе ясности я получилъ отъ Епископа Лондонскаго, который не отличается большимъ богословскимъ образованіемъ, принадлежитъ къ направленію Протестантскому и мало вообще занимается церковными дѣлами. Его взглядъ можно выразить словами: «Я не прочь отъ соединенія съ Православною Церковью, если всѣ мои собратія и Правительство найдутъ это возможнымъ.» На вечерѣ у этого Англиканскаго нышнаго Прелата я былъ представленъ, между прочимъ, знаменитому Министру Гладстону, извѣстному своимъ филелленизмомъ. Этотъ Государственный человѣкъ принадлежитъ къ числу желающихъ соединенія съ Православною Церковью. Въ довольно продолжительномъ разговорѣ со мною онъ высказалъ свой взглядъ на Православную Церковь. Ходъ его мыслей былъ такой: «Церковь Христова была хороша,

пока содержала единство Востока и Запада. По раздѣленіи, Западное Христіянство подчинилось человѣческому развитію и приняло два ложныхъ направленія: Церковь Римская развила авторитетъ до духовной тиранніи, сосредоточивъ все въ Папѣ и лишивъ духовныхъ правъ не только міряйъ, но и Священниковъ. Сверхъ того Царство осуетилось земною властью и связало съ нею участь Церкви. Другія Вѣроисповѣданія, которыя Г. Гладстонъ назвалъ «свободными,» напротивъ, развили свободу до уничтоженія авторитета, слѣдовательно, всякаго общаго правила и единства. Церковь Православная, благодаря Промыслу Божію (par une action providentielle), осталась на древнихъ, первобытныхъ началахъ, и къ ней-то должны возвратиться всѣ Церкви, дабы спасти остатки Христіянства.» Частныхъ разсужденій о своей Церкви Г. Гладстонъ не высказалъ; сказалъ только, что указаніе пути къ соединенію принадлежитъ Церковному авторитету, и уже за тѣмъ сужденію Правительства.

Во время пышнаго стола у Архіепископа Кентербурійскаго, гдѣ присутствовали пятнадцать особъ, преимущественно свѣтскихъ, не было рѣчи о соединеніи Церквей. Послѣ обѣда почтенный Приматъ любезно показалъ мнѣ всю роскошь своего дворца (бывшаго Королевскаго), привлекъ мое вниманіе на нѣкоторыя цѣнныя картины, которыми украшены стѣны огромныхъ его залъ. Потомъ освѣдомился о способѣ избранія и наименованія Епископовъ, а равно и о судѣ надъ виновными Священниками, въ Русской Церкви—вопросы, крайне запутанные въ Англиканской Церкви. Удовлетворивъ любопытству «Его Милости,» и услышавъ отъ него одобрительный отзывъ о дисциплинѣ нашей Церкви, я привелъ разговоръ къ стремленію Англиканской Церкви къ соединенію съ Православною. Архіепископъ отвѣтилъ, что такая мысль дѣйствительно существуетъ въ значительной части Англиканской Церкви, но она еще не разработана и не уяснена. Что касается до него, Архіепископа, то онъ еще не имѣлъ обстоятельнаго объясненія объ этомъ предметѣ съ своими соепископами и не составилъ себѣ практическаго понятія къ достиженію сей вожделѣнной цѣли. Потомъ, услышавъ звуки клавикордовъ, Приматъ Англіи заговорилъ о своей любви къ музыкѣ и пѣнію, и обѣщалъ развлечь своихъ гостей пѣніемъ романса. Мнѣ казалось, что я не понялъ его, но тотчасъ убѣдился, что онъ выразился вѣрно. Въ

самомъ дѣлѣ, шестидесятипятилѣтній Архіепископъ подошелъ къ клавикордамъ и, въ сообществѣ своихъ двухъ дочерей, пропѣлъ, дрожащимъ теноромъ, идиллическій романсъ «о узникѣ и пріученной имъ птичкѣ.» Гости не удивлялись поступку ихъ духовнаго руководителя; вѣрно, это принято обычаями Англійскими. Разговоръ о серьезныхъ дѣлахъ не возобновлялся, и въ одиннадцать часовъ вечера я откланялся пѣвцу-Архіепископу, поблагодаривъ его за радушное гостепріимство.

Мнѣ оставалось еще одно средство уяснить вопросъ движенія Англиканской Церкви къ соединенію съ Православною; это — присутствіе въ собраніи, такъ называемаго, «Общества Восточной Церкви,» состоящаго подъ покровительствомъ нѣкоторыхъ Англиканскихъ Прелатовъ и Православнаго Архіепископа Бѣлградскаго, Михаила, и считающаго въ своемъ составѣ до 60 членовъ, преимущественно духовныхъ. При семъ имѣю честь приложить краткій Уставъ этого Общества. *

Такъ какъ собраніе Комитета этого Общества назначено было въ три часа по полудни, то я употребилъ мое утро на посѣщеніе Декана Вестминстерскаго Аббатства, бывшаго Оксфордскаго Профессора, Стенли, и Каноника того же Аббатства, знаменитаго Англиканскаго Богослова, Водсворта (Wodswort). Первый изъ нихъ, какъ самъ онъ выразился, пригласилъ меня, чтобъ отплатить Русское гостепріимство, которымъ онъ пользовался во время своего путешествія по Россіи. Раціоналистъ по вѣрованіямъ, онъ не сочувствуетъ стремленію «Высшей» Англиканской Церкви къ соединенію съ Православною. По его мнѣнію, лучшая Церковь есть та, которая позволяетъ свободу мыслей. Несравненно ученѣе и серьезнѣе смотритъ на это дѣло Каноникъ Водсвортъ. Не смотря на сильную боль въ рукѣ отъ обрѣза стекломъ, онъ посвятилъ около полчаса бесѣдѣ со мною о сдѣланномъ Западною Церковью прибавленіи къ Символу Вѣры. По его убѣжденію, Сынъ Божій не есть вѣчный источникъ исхожденія Св. Духа, а только посредникъ Его временнаго посольства въ міръ. Изложивъ это Православное ученіе, Англійскій Богословъ присовокупилъ, что крайне трудно для Англиканской Церкви, по укоренившейся въ ней

---

* И этого Устава нѣтъ теперь у насъ подъ руками. *О. Б.*

привычкѣ, выбросить незаконное и не истинное прибавленіе. А по тому всего лучше устроить соединеніе Церквей съ сохраненіемъ въ каждой изъ нихъ своего Символа. Я объяснилъ ему несостоятельноость такой мысли. Если Г. Водсвортъ разсуждаетъ объ этомъ пунктѣ разногласія рѣшительнѣе, чѣмъ Докторъ Пьюзе, за то сей послѣдній вѣрнѣе судитъ о Таинствахъ, тогда какъ первый имѣетъ на нихъ взглядъ, близкій къ Кальвинскому. Какое столпотвореніе Вавилонское!

Въ три часа я явился въ собраніи «Комитета Восточной Церкви.» Тамъ было одиннадцать Членовъ; изъ нихъ девять духовныхъ. Послѣ молитвы о соединеніи Церквей, Президентъ, Магистръ Вильямсъ, прочиталъ нѣсколько писемъ съ заявленіемъ сочувствія къ Обществу, и представилъ третью книжицу Американскаго Общества Восточной Церкви, гдѣ помѣщенъ переводъ «Начатковъ Православнаго ученія,» съ нѣкоторыми пояснительными извлеченіями изъ «Пространнаго нашего Катихизиса» и примирительными поясненіями Секретаря Общества, Г. Юнга; за тѣмъ просилъ меня, отъ лица Общества, быть корреспондентомъ онаго, на что я согласился. Такъ какъ засѣданіе было не чередное, то не оказалось писанныхъ разсужденій касательно соглашенія Англиканской Церкви съ Православною. Этѣхъ пунтковъ пять; они, будто бы, извлечены изъ разговоровъ Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго съ Американскимъ Пасторомъ Юнгомъ. Излагаю ихъ такъ, какъ они были мнѣ переданы Г. Вильямсомъ, съ указаніемъ на лица, которыя приняли на себя разсмотрѣніе о нихъ. 1, Можно ли надѣяться, что 39 Членовъ Англиканской Церкви не будутъ препятствіемъ къ соединенію съ Православною Церковью? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ занимаются Гг. Дентонъ и Фрезеръ (Denton, Fraser). 2, Какъ согласить Англиканское прибавленіе къ Символу Вѣры (Filio que) съ Православіемъ Восточной Церкви? Разсужденіе о семъ принято г. Нилемъ (Neale). 3, Доказана ли непрерывность Апостольскаго преемства въ Англиканской Церкви? Отвѣтъ на это пишетъ Г. Стебъ (Stubbs). 4, Принимаетъ ли Англиканская Церковь Священное преданіе? Этотъ предметъ излагаетъ Г. Меддъ (Medd). 5, Какое ученіе Англиканской Церкви о Таинствахъ? Отвѣтное сочиненіе на это обѣщалъ Г. Казеноу (Casenow). Такъ, въ близкомъ будущемъ ученые Члены «Общества Восточной Церкви» дадутъ примирительные опыты

сближенія съ Православною Церковью. Безъ сомнѣнія, этотъ трудъ не обойдется безъ натяжки.

Во время нашего собранія одинъ изъ Членовъ, Г. Жаксонъ, сталъ было меня пытать на счетъ способа соглашенія Православной Церкви съ Англиканскою.

Довольный этѣмъ поводомъ, я отвѣчалъ откровенно и спокойно, что необходимо прежде всего единство Вѣры; но едва мы съ собесѣдниками коснулись нѣкоторыхъ подробностей, какъ Президентъ и Члены постарались замять бесѣду, утверждая, что нужно пріостановить всѣ подобныя разсужденія до полученія письменныхъ отвѣтовъ на заданные вопросы. Такъ какъ дѣло шло не о сущности, а о методѣ, то я не много возражалъ. Такъ и собраніе Общества не обогатило меня достаточными свѣдѣніями о вопросѣ, меня занимавшемъ.

Все предшествующее длинное, если не сказать утомительное, описаніе моихъ попытокъ къ собранію точныхъ свѣдѣній, изложено мною для того, чтобъ не только самому мнѣ дойти до возможно яснаго понятія о дѣлѣ, но и представить элементы каждому сдѣлать свои выводы. По моему мнѣнію: 1, Въ довольно значительной части Англиканской Церкви существуетъ стремленіе смутное къ сближенію съ Православною Церковью. 2, Въ головахъ самихъ двигателей этого направленія планъ соединенія съ Православною Церковью поставленъ въ странномъ видѣ, не сообразномъ съ Православными и вообще ясными богословскими понятіями о приведеніи въ исполненіе, именно: практическому взаимному пользованію единеніемъ дано преимущество предъ необходимымъ предварительнымъ соглашеніемъ въ ученіи Вѣры. 3, Только не многія личности сознаютъ необходимость единства догматовъ и трудятся надъ примиреніемъ разногласій, безъ рѣшительныхъ уступокъ со стороны Англиканской Церкви. 4, Мысль единенія Англиканской Церкви съ Православною вступаетъ на положительный путь въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, оффиціяльная конвокація Священниковъ и Епископовъ Англиканской Церкви поставила ее на череду своихъ занятій, съ другой составилось «Общество Восточной Церкви,» имѣющее своею цѣлію уясненіе этого вожделѣннаго дѣла.

II.

«Изъ какихъ причинъ и обстоятельствъ возникло стремленіе части Англиканской Церкви къ сближенію съ Православною?»

Къ первой реформѣ въ Англиканской Церкви, состоявшейся при Генрихѣ VIII-мъ и имѣвшей главною цѣлію разорвать церковно-политическое подчиненіе Папѣ, съ сохраненіемъ большей части древнихъ догматовъ, присоединилась, въ послѣдствіи, многократная переработка, подъ вліяніемъ Реформаторовъ континентальныхъ, преимущественно Кальвинскаго направленія. Плодомъ этого было сокращеніе Служебника и Требника, бывшихъ прежде въ употребленіи въ Англиканской Церкви, и особенно составленіе 39 Членовъ Вѣры. Въ сокращенной Литургической книгѣ все таки сохранена основа вѣрованій Каѳолическихъ, Члены же Вѣры, напротивъ, чисто Кальвинскаго характера. Изъ этой двойственности канонической книги Англиканской Церкви рождается возможность и какъ бы законность разномыслія въ самыхъ существенныхъ вѣрованіяхъ членовъ этой Церкви, отсутствіе твердости и ясности для каждаго члена. А такъ какъ всякая шаткость побуждаетъ къ исканію опоры, то и Англикане, утомленные неопредѣленностью, ищутъ ученія древняго, опредѣленнаго. Папская Церковь, по духу ея преобладанія и явнымъ нововведеніямъ, не представляетъ Англиканамъ вѣрнаго убѣжища; Православная же Церковь, по духу ея кротости и неизмѣнности, является имъ вѣрною опорою и пристанищемъ. Вотъ первое побужденіе къ стремленію Англиканъ къ единенію съ Церковью Православною.

Неопредѣленность Вѣроученія въ Англиканской Церкви повела къ раздѣленію ея членовъ на двѣ противоположныя партіи: первая съ направленіемъ Каѳолическимъ — «Высокая Церковь», вторая съ Протестантскимъ — «Низкая Церковь.» Крайнія части этихъ партій, слѣдуя логическому ходу, отдѣляются отъ Англиканской Церкви и переходятъ въ сродную имъ среду. Такъ, значительное число членовъ «Высшей Церкви» отпадаетъ въ Римскую Церковь. Сія послѣдняя, въ продолженіи истекшихъ двадцати пяти лѣтъ, утроила число своихъ прозелитовъ въ Англіи и обладаетъ уже значительными учрежденіями человѣколюбія, просвѣщенія и ме-

нашеской жизни. Съ другой стороны «Низкая Церковь» постоянно обогащаетъ своими членами общества Диссидентскія. Появляющіеся ежегодно храмы этѣхъ отщепенцевъ, въ сосѣдствѣ офиціяльныхъ Церквей, служатъ яснымъ тому доказательствомъ. Англиканская Церковь чувствуетъ свое разложеніе, боится за будущность и ищетъ исцѣленія и жизни въ соединеніи съ Церковью Православною.

Живой авторитетъ, который могъ бы остановить разложеніе въ Церкви Англиканской, совершенно обезсиленъ. Онъ сосредоточивается, по формѣ, въ Епископствѣ. Но самое Епископство, отторгнутое отъ древняго корня, заподозрѣнное въ своей законности, робко, неувѣренно пасетъ Церковь. Въ самомъ дѣлѣ, учитель-отщепенецъ ставитъ Англиканскаго Епископа въ одно положеніе съ собою, отстраняя таинственный характеръ и принимая одно самовольное учительство. «Я такой же Епископъ, какъ и ты,» говоритъ онъ. Съ другой стороны, Римская Церковь положительно и жестоко отрицаетъ Епископство въ Англиканской Церкви и низводитъ его на видъ самозванца. Стоя между этѣми двумя отрицаніями, Англиканскіе Епископы лишены увѣренности и силы. Доселѣ одна Церковь Православная не произнесла рѣшительнаго суда объ этомъ предметѣ, и въ ней-то Англиканская Іерархія надѣется найти признаніе своей законности и, слѣдовательно, утвержденіе своего авторитета.

Недостатокъ внутренней состоятельности восполнялся въ Англиканской Церкви покровительствомъ Правительства, обладаніемъ огромными житейскими средствами, почти монополіею народнаго просвѣщенія. Всѣ этѣ внѣшнія преимущества теперь не въ прежней полнотѣ и не въ прежней прочности. Настоящее Министерство Виговъ, принадлежа къ «Низкой Церкви», если не враждебно къ Церкви, то равнодушно къ ней и какъ бы тяготится попечительствомъ надъ Церковью. Въ назначеніи Епископовъ оно предпочитаетъ кандидатовъ свободныхъ мыслей, какъ то видно въ Епископѣ Лондонскомъ и Деканѣ Вестминстерскаго Аббатства, Стенли, раціоналистѣ. Въ разногласіяхъ между нѣкоторыми писателями, отвергающими истины Откровенія, и ихъ духовными властями, свѣтскіе судьи «Королевскаго Совѣта» защищаютъ вольномыслящихъ, какъ въ дѣлѣ Коленцо и сочинителей «Трактатовъ и

Обозрѣній.» Замѣтны направленіе и попытки къ уменьшенію финансовыхъ средствъ Церкви. Подлѣ Университетовъ Кембричскаго и Оксфордскаго, въ основѣ которыхъ лежитъ Англиканское ученіе и дисциплина, а равно и приходскихъ школъ, Правительство предпринимаетъ учредить заведенія на независимыхъ отъ Церкви основаніяхъ. Правда, оппозиція Тори, желая захватить въ свои руки бразды правленія и въ надеждѣ получить содѣйствіе Англиканской Церкви, обѣщаетъ ей покровительство и помощь. Но трудно надѣяться, чтобъ, достигнувъ своей цѣли, Тори остались въ расположеніи и возможности исполнить свои обѣщанія. Въ Англіи все идетъ медленно, но слѣдуетъ принятому направленію, А по тому въ «Высокой Церкви» есть опасеніе, что въ будущемъ она, мало по малу, лишится внѣшней опоры. Въ этомъ смутномъ и тревожномъ предвидѣніи, она ищетъ духовной и братской опоры въ Церкви Православной, съ которой желаетъ соединиться.

Вотъ тѣ многосложныя побужденія, которыя направляютъ Англиканскую Церковь къ Православной.

III.

Казалось бы, что, при столь многоразличныхъ побужденіяхъ, влекущихъ Англиканскую Церковь къ Православной, можно было ожидать скораго ея единенія. Къ сожалѣнію, въ существѣ самыхъ побужденій кроются препятствія. Если, съ одной стороны, Англичане, утомленные разнорѣчивымъ составомъ своей Вѣры, чувствуютъ потребность опредѣленности и твердости Вѣры, то, съ другой стороны, въ нихъ остается старая закваска уживаться съ противорѣчіями. Привыкши терпѣть въ своей Церкви разномысленныя партіи, Англичане естественно думаютъ, что они могутъ вступить въ единеніе съ Православною Церковью, сохранивъ нѣкоторыя особенности своей Вѣры. Чувство единства еще ново въ Церкви Англиканской; оно недовольно просвѣщено богословскою наукою. Въ разговорахъ съ извѣстными богословами этой Церкви я не разъ удивлялся недостаточности и односторонности ихъ познаній. Одинъ полагаетъ, что Церковь Православная вполнѣ согласна съ Англиканскою, и тѣмъ показываетъ незнаніе нашей Церкви; другой увѣряетъ, что Церковь Англиканская содержитъ

ученіе Восточной Церкви, и тѣмъ доказываетъ, что не имѣетъ точнаго знанія ни объ одной изъ нихъ. Сужденія богослововъ Англиканской Церкви страждутъ вообще отсутствіемъ началъ, а этотъ недостатокъ ведетъ къ слабости и произвольности умозаключеній.

Если уживчивость съ разномысліемъ въ Вѣрѣ, соединенная съ слабостью Богословской науки, замѣчается въ духовныхъ руководителяхъ, то этѣ недостатки должны быть еще сильнѣе въ мірянахъ. Взявъ же во вниманіе практическую вѣковую привычку къ своему Вѣроисповѣданію и слабость духовной власти Іерархіи, мы встрѣчаемся съ новою стороною препятствія къ перемѣнѣ въ Вѣрѣ. Прошедшее и обычай вездѣ составляютъ силу сопротивленія, въ Англіи же приверженность къ нимъ доходитъ до идолослуженія. Если бъ Церковная власть рѣшилась произвести скорый поворотъ въ этомъ отношеніи, то она сокрушилась бы сама предъ силою сопротивленія. Одна изъ причинъ вѣрности Англиканъ своимъ обычаямъ и учрежденіямъ лежитъ въ преувеличенномъ сознаніи своего превосходства предъ другими народами, въ личной и національной гордости. Это чувство они прилагаютъ и къ своей Церкви, которая есть національное ихъ твореніе и достояніе. Крайне трудно Англичанину сознаться, что его предки составили неудачно Англиканскую Церковь, что эта часть выше, вѣрнѣе, прочнѣе въ Россіи и у народовъ Восточныхъ, которые во всемъ остальномъ стоятъ ниже Англіи. Эту слишкомъ большую жертву Англія принесетъ съ большимъ трудомъ и не скоро.

Англиканская Церковь, какъ учрежденіе національное, введена въ составъ благоустройства гражданскаго, утверждена Парламентомъ и Правительствомъ—новая цѣпь, останавливающая движеніе къ единенію ея съ Православіемъ. Каждый Англичанинъ воленъ выйти изъ своей Церкви, но Церковь въ своемъ составѣ не можетъ произвести въ себѣ важной перемѣны безъ участія Парламента и Правительства. Между тѣмъ трудно ожидать, чтобы Парламентъ и Правительство стали на сторону движенія Англиканской Церкви съ Православною. Для этого, кромѣ побужденій и убѣжденій духовныхъ, нужно сознаніе со стороны націи какихъ либо выгодъ; ибо Англичане не избрали правиломъ своихъ дѣй-

стій слова Спасителя: «Ищите прежде Царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ.»

Однимъ изъ послѣдствій связи «учрежденной Англиканской Церкви» съ Конституціею національною есть признаніе, за этою Церковью огромныхъ владѣній и доходовъ. Эту связь можно назвать золотою и крайне прочною. Если бы нѣсколько Англиканскихъ Епископовъ (на всѣхъ никогда расчитывать нельзя), съ извѣстнымъ числомъ Священниковъ и вѣрующихъ, соединились съ Православною Церковью, отвергнувъ утвержденные Парламентомъ 39 еретическихъ Членовъ Англиканской Церкви, то можно опасаться, что Правительство будетъ смотрѣть на это общество, какъ на секту, лишитъ пастырей его тѣхъ житейскихъ выгодъ, которыми они пользовались въ Англиканской Церкви, и обречетъ ихъ на существованіе, тѣмъ болѣе трудное, что предшествующая жизнь была полна обилія и роскоши. Чтобы Епископу отказаться отъ ста до четырехсотъ тысячъ франковъ жалованья (это крайніе предѣлы жалованья), Декану отъ двадцати пяти до пятидесяти, для этого необходимо убѣжденіе непреложное и вѣра сверхъестественная.

Сими-то препятствіями вмѣстѣ взятыми и объясняется нерѣшительность и медленность движенія Англиканской Церкви къ Православной, а равно видимая несообразность плана дѣйствій. Слѣдуя своему обычаю, двигатели вожделѣннаго единенія начинаютъ не съ началъ и единства Вѣры, а съ практическаго сближенія. Ставя обѣ Церкви какъ бы на равныя права, они щадятъ свою національную гордость. Избѣгая рѣшительнаго шага, они не разрываютъ связи съ гражданскою властью и не лишаются житейскихъ выгодъ. Между тѣмъ въ будущемъ надѣятся на совершенное соединеніе, а въ настоящемъ—на признаніе Православною Церковью Англиканской Іерархіи, что было бы для нихъ большимъ благодѣяніемъ.

IV.

Нельзя не видѣть, что указанныя нами препятствія весьма важны, что обусловленный ими планъ соединенія есть путь не прямой къ осуществленію благой мысли. Но нужно ли по этому

отложить всякую съ нашей стороны надежду и всякое попеченіе объ этомъ важномъ дѣлѣ? Не думаемъ. Всѣ препятствія къ единенію лежатъ въ случайныхъ обстоятельствахъ, тогда какъ побужденія къ оному выходятъ изъ существенныхъ нуждъ. Со временемъ и терпѣніемъ послѣднія должны восторжествовать надъ первыми. Запутанность и неясность Англиканскихъ вѣрованій прояснится изученіемъ Православной Вѣры; этому уже полагается начало въ трудахъ частныхъ богослововъ и «Общества Восточной Церкви.» Обычай сохраненія и медленности тоже измѣняется временемъ и трудомъ. Англія идетъ медленно, но она не стоитъ. Національная гордость не встрѣтитъ въ Православіи жесткаго оскорбленія оной; ибо Православіе не есть внѣшнее господство, а внутреннее согласіе въ Божественномъ, не отрицающее разностей въ человѣческомъ. Расположеніе Парламента къ согласію на соединеніе Англиканской Церкви съ Православною можетъ быть достигнуто постояннымъ и постепеннымъ просвѣщеніемъ мыслей. Можно надѣяться, что Государственные мужи Англіи, разсмотрѣвъ дѣло безпристрастно, найдутъ въ немъ выгодныя стороны для своей націи, не противорѣчащія выгодамъ нашего Отечества. Но если бы это и не состоялось, истина Православія можетъ, благодаря труду, времени и особенно Божіей благодати, согрѣть въ сердцахъ нѣкоторыхъ членовъ и привести ихъ къ единству съ Каѳолическою Восточною Церковью. Пусть назовутъ это малое стадо Христово сектою; она можетъ сдѣлаться зерномъ горчичнымъ на Англійской почвѣ.

Надежда на благія послѣдствія Англиканскаго религіознаго движенія получаетъ большую основательность, если взять въ соображеніе подобное же движеніе въ Американской Епископской Церкви. Тамъ менѣе закоренѣлыхъ обычаевъ, тамъ нѣтъ препятствія въ неразрывной связи съ Правительствомъ и въ пользованіи отъ него содержаніемъ духовенству. А по тому Американцы, кажется, идутъ вѣрнѣе и рѣшительнѣе, такъ что Англичане, опасаясь ихъ ребяческой опрометчивости (слова Магистра Вильямса), не желаютъ отставать отъ нихъ.

Съ нашей стороны (смѣю думать) было бы неблагоразумно и грѣшно оставаться равнодушными зрителями примирительнаго движенія Англо-Американской Церкви съ Православною. Къ помощи

и участію въ этомъ побуждаетъ насъ обязанность просвѣтить ищущихъ свѣта истины; ибо уровнять путь грядущихъ къ Православію есть только часть неизбѣжная долга Церкви: «Шедше, научите вся языки.» Неисполненіе этого долга можетъ сдѣлать опасныхъ враговъ изъ простирающихъ къ намъ руки любви и единенія. По предшествовавшимъ частнымъ примѣрамъ членовъ Англиканской Церкви, которые, уставши отъ безплодныхъ изслѣдованій, бросились, съ закрытыми глазами, въ нѣдра Римской Церкви, можно опасаться подобнаго поворота и отъ безуспѣшнаго стремленія значительной части Англиканской Церкви къ Православной. Сдѣлавшись Папистами, они превратятся въ нашихъ непримиримыхъ враговъ. А это враждебное расположеніе въ рукахъ Англіи можетъ быть сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, по тѣмъ средствамъ, которыми обладаетъ эта страна.

Что же намъ дѣлать? Просвѣщать желающихъ, на сколько представится случай и позволятъ средства, истинствующе въ любви; указывать и упраждать имъ путь къ сближенію съ нами; покрывать терпѣніемъ и исправлять кротостью ихъ дѣйствія и планы, носящіе характеръ несообразности. Для сей цѣли, кромѣ дѣйствій частныхъ людей, полезно было бы составить не оффиціальное Общество изъ нѣсколькихъ Православныхъ Священниковъ, которые бы посвятили свои силы основательному изученію Англиканской Церкви во всѣхъ отношеніяхъ, занялись бы выборомъ Православныхъ писаній для перевода на Англійскій языкъ, и составленіемъ оригинальныхъ сочиненій, направленныхъ къ примиренію Англиканской Церкви съ Православною.

Одинъ Богъ возращаетъ, а человѣкъ долженъ насаждать и поливать. Явятся плоды — слава благости и премудрости Божіей! Останется ли дѣло безуспѣшнымъ—въ утѣшеніе себѣ мы можемъ сказать: «рабы неключимы есми, яко еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ.»

Протоіерей Іосифъ Васильевъ.

Парижъ.
16/28 Февраля, 1865 года.

О
СРЕДСТВАХЪ КЪ ИСПРАВЛЕНІЮ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ПОЛОЖЕНІЯ РОССІИ.

Экономическое состояніе Россіи въ теченіи нынѣшняго столѣтія подвергалось многимъ измѣненіямъ. Насажденная попеченіемъ мудрыхъ нашихъ Государей мануфактурная и заводская промышленность въ царствованіе Императора Александра 1-го, дѣйствіемъ учрежденнаго имъ Министерства Коммерціи, укореняясь и распространяясь, не мало содѣйствовала возвышенію народнаго благосостоянія; но съ окончаніемъ въ 1815 г. войны, въ угоду Англійскому Правительству, большая часть ограждавшихъ нашу промышленность таможенныхъ пошлинъ были понижены и даже вовсе отмѣнены. Иностранцамъ открыты были всѣ средства къ подавленію Русскихъ мануфактуръ, а за тѣмъ и большей части зависящихъ отъ нихъ отраслей Русской промышленности. Послѣдствія такой мѣры были для благосостоянія Государства самыя вредныя. Экономическое положеніе нашего Отечества, вмѣсто того, чтобы возрастать во время мира, стало быстро упадать, фабрики рушились, банкротства были многочисленны, монета уходила за границу, недоимки въ платежѣ податей безпрестанно возрастали.[1] Въ слѣдствіе того Правительство наше рѣшилось ввести строго охранительный таможенный тарифъ, который возъимѣлъ свое дѣйствіе съ 24-го Марта 1822 г. Подъ защитою такой системы, въ теченіе свыше 20-лѣтняго управленія Графа Канкрина, мануфактуры наши и всякая промышленность сильно возрастали и совершенствовались, народное богатство развилось и возвысилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ умножились и Государственные доходы. Золото и серебро, не взирая на большое количество ассигнацій, обращалось

---

[1] Все это засвидѣтельствовано въ Циркулярѣ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ къ нашимъ представителямъ при Западныхъ Дворахъ въ 1822 г.

въ народѣ изобилью; Правительство имѣло свободныя суммы на пособіе ссудою Государствамъ иностраннымъ и, сверхъ, того обладало важными въ слиткахъ и монетѣ капиталами, изъ которыхъ. нынѣ только остатки уцѣлѣли. [2]

По кончинѣ, въ 1845 г., великаго Государственнаго мужа; Графа Канкрина, воспреобладали въ умахъ нашихъ правителей принципы, такъ называемой, свободной международной торговли, распространяемые у насъ Полякомъ Тенгоборскимъ. По настоянію послѣдователей его ученія, сдѣланы были, преждевременно и безсознательно, весьма неблагоразумныя измѣненія тарифа, сначала въ 1850 г., а потомъ въ 1857 г. [3] Въ слѣдствіе такихъ дѣйствій, большая часть нашихъ промышленныхъ заведеній, лишены будучи возможности существованія, сначала уменьшили, а потомъ прекратили свое дѣйствіе. Великое число трудившагося на нихъ народа пришло въ нищету, упало благосостояніе и тѣхъ земледѣльцевъ, которыхъ произведенія потребляемы были на сихъ заведеніяхъ, какъ и другихъ окрестныхъ жителей, пользовавшихся тамъ иными выгодами. Наплывомъ къ намъ иностранныхъ товаровъ ушло наше золото, упало народное богатство, изсякли многіе источники Государственныхъ доходовъ.

Съ того времени произведены были коренныя реформы всей нашей кредитной системы и совершены многія финансовыя операціи; но какъ всѣ этѣ преобразованія и дѣйствія не истекали изъ

---

[2] Кромѣ размѣннаго фонда въ 281,500,000 р. с. въ 1847 г., состоявшій въ распоряженіи Правительства запасный капиталъ въ слиткахъ и монетѣ простирался до 115,678,595 р. 45 коп., что составляло по курсу 470 милліон. франк. (Journal de S.-Pétersbourg 1850 г., ст. Georges Cancrine. Étude biographique). Тогда не было ни одного Государства, которое обладало бы такимъ запасомъ золота и серебра.

[3] Я находился въ С.-Петербургѣ въ 1857 г., когда обсуждался тамъ проектъ измѣненія тарифа, не мало бесѣдовалъ съ призванными туда изъ Москвы фабрикантами, и не могъ не грустить о томъ невниманіи и легкомысліи, съ которыми принимаемы были нашими финансистами весьма основательныя ихъ мнѣнія и замѣчанія. Предсказанныя этѣми торговыми людьми вредныя послѣдствія предпринимаемыхъ тогда распоряженій, къ несчастію, вполнѣ осуществились.

народной жизни, а произведены путемъ бюрократическимъ, по идеямъ мечтателей теоретиковъ, безъ надлежащаго обсужденія представленныхъ для того проектовъ людьми практическими, потребности всѣхъ частей Государства основательно знающими, то и не могли быть тѣ реформы и операціи Государству полезны. Напротивъ того, почти всѣ этѣ дѣйствія были ошибочны и существенно вредны. По неосновательнымъ опасеніямъ уничтожены были наши вѣковыя, благонадежныя кредитныя установленія, съ великими потерями для Правительства, ко вреду большей части народа. Землевладѣльцы лишились возможности получать, подъ залогъ ихъ недвижимыхъ имуществъ, необходимыя имъ денежныя ссуды, частныя лица вообще потеряли способы къ выгодному помѣщенію своихъ сбереженій и свободныхъ капиталовъ. Вся торговля отъ того болѣе или менѣе пострадала. Въ видахъ возвышенія денежнаго нашего курса, предпринятъ былъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на имѣвшееся въ распоряженіи Правительства золото. Возвышеніе курса не удержалось; онъ вскорѣ упалъ ниже прежняго; Правительство потеряло при такомъ опытѣ болѣе 70 милліоновъ руб. сер., не только безполезно, но съ немалымъ вредомъ для нашей отпускной торговли. Совершены были также и другія неудачныя финансовыя операціи. Потеря, понесенная въ эту краткую эпоху нашимъ Правительствомъ, по причинѣ дурно расчитанныхъ операцій, простиралась на весьма важныя суммы; при томъ источники Государственныхъ доходовъ значительно уменьшились, а расходы на утрату процентовъ по Государственнымъ долгамъ увеличились.

Такимъ образомъ, ослабленіемъ производительныхъ силъ народа и послѣдствіями вышепоказанныхъ операцій, экономическое наше положеніе приведено въ такое состояніе, что уже, въ теченіе многихъ лѣтъ, Правительство только при помощи неоднократно совершенныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ можетъ удовлетворять необходимымъ Государственнымъ потребностямъ. Все это совершается въ такомъ Государствѣ, которое надѣлено щедрыми дарами природы въ высшей степени, нежели какая либо другая страна Европы.

Я могъ въ краткомъ только очеркѣ показать здѣсь пагубныя послѣдствія, происшедшія отъ того порядка дѣйствій, который

принятъ былъ нашими по части финансовъ дѣятелями въ послѣдніе годы; но даже изъ такого краткаго описанія не трудно, думаю я, постановить заключеніе: возможно ли далѣе идти тою же системою, и къ чему она должна привести наконецъ Государство? Является существенная необходимость избрать другой путь, обратиться къ иной системѣ. При обильныхъ средствахъ нашего Отечества, имѣются еще и нынѣ достаточные способы къ поправленію нашего бѣдственнаго экономическаго и финансоваго положенія, лишь бы мы, оставя ложныя начала, поспѣшили стать на правый путь безотлагательно. Но, прежде изложенія потребной для того системы дѣйствій, я считаю за лучшее представить предварительно слѣдующія соображенія.

Для увеличенія Государственныхъ доходовъ Министерство Финансовъ приступило уже къ возвышенію многихъ на промыслы налоговъ. Такія мѣры не могутъ, думаю я, имѣть существенно полезныхъ для Государства послѣдствій, тѣмъ болѣе, что издаваемыя бюрократическимъ путемъ для того узаконенія въ Государствѣ обширномъ неминуемо представлять будутъ тяжкія для народа неудобства. Для значительнаго возвышенія доходовъ недостаточно найти средства выбирать деньги съ народа бѣднаго. Нужно дать питаніе его производительной дѣятельности и тщательно охранять оную. Точно такъ какъ для полученія отъ коровы хорошихъ удоевъ молока недостаточно того, чтобы прилежно ее выдаивать, — необходимо дать ей хороше питаніе и тщательный имѣть уходъ за нею.

Тщетно нѣкоторые изъ нашихъ экономистовъ питаютъ себя надеждою исправить наши финансы усовершеніемъ нашего земледѣлія и усиленіемъ отпуска нашего хлѣба и другихъ сырыхъ произведеній за границу. Природа назначила Россію быть житницею Западной Европы. Наши производители хлѣба находятся въ такомъ отдаленіи отъ Англіи и другихъ заграничныхъ потребителей, что съ наилучшимъ устройствомъ и распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ, мы не можемъ войти въ состязаніе съ тѣми плодородными странами, на западъ отъ насъ лежащими, которыя находятся вблизи тѣхъ потребителей. Для выгоднаго сбыта нашего хлѣба и сырыхъ произведеній мы должны воссоздать для себя внутреннихъ собственныхъ потребителей, обративъ значительную

часть нашего населенія на производство тѣхъ мануфактурныхъ издѣлій, которыя получаются нами доселѣ изъ за границы. Мы должны возсоздать, сказалъ я, на хлѣбъ нашъ потребителей; ибо въ управленіе Графа Канкрина существовали уже такіе потребители. Россія, развивая производительную дѣятельность народа, обращала на труды промышленные немалочисленное населеніе, потреблявшее наши земледѣльческія произведенія.

По такимъ причинамъ и нынѣ, для исправленія тягостнаго положенія нашего Государства, существуетъ, думаю я, одно благонадежное средство: **возстановленіе у насъ мануфактурной, а съ нею и всякой другой, отрасли народной промышленности.**

По скудости почвы и суровости климата многихъ областей нашего Отечества, водвореніе тамъ мануфактурной и заводской промышленности, для благосостоянія народа, существенно необходимо. Съ учрежденіемъ въ какой либо странѣ промышленныхъ заведеній, разливается народное благосостояніе въ той мѣстности не на малое разстояніе. Туземные жители получаютъ средства къ выгодному употребленію труда своего заработками на тѣхъ фабрикахъ отвозомъ издѣлій, торговлею и многими другими способами, и тѣмъ возвышаютъ свое благосостояніе. Поселяне продаютъ на фабрикахъ избытки своего хозяйства и свои земледѣльческія произведенія, учреждаются при нѣкоторыхъ заведеніяхъ торги и ярмарки, и вся страна, до того бѣдная, оживаетъ. При большомъ стеченіи рабочихъ земледѣльческія произведенія доставляются имъ изъ удаленныхъ плодородныхъ мѣстностей, жители коихъ, безъ отправленія своихъ произведеній за границу, находятъ для нихъ потребителей. Въ черноземныхъ весьма плодородныхъ нашихъ Губерніяхъ есть не мало мѣстностей, въ которыхъ, по удаленію отъ пристаней и невыгодному сбыту хлѣба, поселяне находятся въ крайнемъ затрудненіи къ полученію денегъ на уплату податей и на пріобрѣтеніе самонужнѣйшихъ въ быту крестьянскомъ предметовъ. Когда же въ тѣхъ мѣстахъ являются свеклосахарные заводы, или другія подобныя заведенія, то вся страна оживаетъ: поселяне доставляютъ свою свекловицу, приходятъ на заработки, цѣны на хлѣбъ возвышаются, все населеніе вообще пользуется неизвѣстнымъ ему доселѣ благосостояніемъ.

Вмѣстѣ съ устройствомъ и преуспѣяніемъ всѣхъ таковыхъ промышленныхъ заведеній, Правительство получаетъ возвышеніе доходовъ отъ многоразличныхъ статей: отъ совершенія актовъ при куплѣ и продажѣ, отъ заключенія контрактовъ, отъ платы за право торговли, отъ взиманія рабочими людьми паспортовъ, отъ увеличившагося потребленія разныхъ предметовъ, обложенныхъ акцизомъ и податями, и отъ многихъ другихъ источниковъ, которые привести здѣсь было бы затруднительно. Надобно весьма тщательно вникнуть во всѣ сіи обстоятельства, чтобы понять, сколь многочисленны и обильны тѣ источники, по коимъ, съ расширеніемъ дѣятельности народа и возвышеніемъ его благосостоянія, вливаются избытки его богатства въ доходъ казенный. По всѣмъ таковымъ причинамъ распространеніе и преуспѣяніе вышепоказанныхъ благодѣтельныхъ учрежденій заслуживаетъ особенныхъ попеченій и покровительства Правительства, безъ котораго промышленная дѣятельность народа, при настоящихъ обстоятельствахъ, укрѣпиться и преуспѣвать не можетъ.

Въ нынѣшнемъ положеніи нашего Отечества не только возникающія отрасли нашей промышленности, но даже и тѣ, которыя укоренились уже и усвоились, не могутъ доставлять произведенія свои столь дешево, какъ иностранныя Государства, собственно по тому, что мануфактуры наши къ удешевленію производства своихъ издѣлій встрѣчаютъ такія препятствія, которыя на Западѣ уже не существуютъ, и которыя не могутъ быть отклоняемы усиліемъ частныхъ лицъ, но только постоянными, въ теченіе многихъ лѣтъ, дѣйствіями Правительства.

Главныя изъ сихъ препятствій суть слѣдующія:

а) Слабое состояніе наукъ естественныхъ и техническихъ. По неимѣнію у насъ достаточныхъ способовъ къ пріобрѣтенію юношами такихъ познаній, мы лишены возможности приготовлять практически нужныхъ для промышленности техниковъ, и принуждены выписывать ихъ изъ чужихъ краевъ съ большими расходами и затрудненіями.

б) Недостатокъ банковъ для учета векселей и другихъ коммерческихъ операцій оставляетъ людей промышленныхъ въ рукахъ

ростовщиковъ и аферистовъ, причиняя чрезъ это для промышленности не малые расходы.

в) Отсутствіе гипотекарныхъ книгъ, существующихъ въ другихъ Государствахъ, лишаетъ фабрикантовъ возможности къ выгодному позаимствованію капиталовъ подъ залогъ недвижимыхъ своихъ имуществъ и, заставляя ихъ обращаться къ другимъ болѣе тяжкимъ средствамъ, причиняетъ имъ непріятныя издержки.

г) Неудовлетворительные законы по частному кредиту подвергаютъ нашихъ кредиторовъ большимъ затрудненіямъ, при взысканіи съ должниковъ слѣдующихъ имъ суммъ, а по тому люди промышленные могутъ заимствовать изъ частныхъ рукъ нужные имъ капиталы только за высокіе проценты; слѣдовательно, по несовершенству закона, несутъ напрасные расходы.

д) Неимѣніе средствъ къ выгодному застрахованію фабрикъ. По невведенію у насъ взаимнаго застрахованія строеній отъ огня, подобно тому, какъ это введенно въ Пруссіи и Царствѣ Польскомъ, страхованіе строеній предоставлено у насъ, на пространствѣ всего Государства, разнымъ частнымъ компаніямъ, которыя взимаютъ плату едва ли не вдвое выше той, за которую страхуютъ въ показанныхъ странахъ общества взаимнаго страхованія, по тому и фабрики наши несутъ чрезъ то напрасные расходы.

е) Недостатокъ хорошо устроенныхъ сообщеній, оставляя во многихъ мѣстахъ дороги почти непроѣздимыми на весьма продолжительное время, принуждаетъ фабрикантовъ закупать въ удобное время большіе запасы нужныхъ имъ матеріяловъ, оставляя въ бездѣйствіи употребляемые на то капиталы, слѣдовательно, причиняетъ напрасные расходы. Затрудненіе къ доставленію товаровъ для сбыта соединено тоже бываетъ съ чувствительными для фабрикантовъ невыгодами.

ж) Стѣснительныя узаконенія въ дѣйствіи фабрикъ, испрашиваніе разрѣшеній и засвѣдѣтельствованій, какъ и соблюденіе многихъ другихъ безполезныхъ формальностей, причиняютъ также фабрикантамъ не малыя затрудненія и расходы.

з) Недостатокъ хорошаго управленія, неправильные поборы, придирки, стѣсненія и злоупотребленія безнравственныхъ, голод-

ныхъ чиновниковъ, обременяютъ также фабрикантовъ напрасными расходами.

Всѣ кратко означенные мною убытки, какъ и многія другія растраты и поборы, причиняютъ фабрикантамъ такіе расходы, кои падаютъ на цѣны товаровъ и препятствуютъ удешевленію фабричныхъ произведеній.

Отклоненіе всѣхъ вышепоказанныхъ препятствій къ удешевленію предметовъ нашей мануфактурной промышленности есть дѣло многотрудное и не можетъ быть вскорѣ исполнено. По тому, въ теченіе не малаго времени, для развитія нашей промышленной дѣятельности, является существенная необходимость ограждать оную достаточными для того охранительными пошлинами. [4]

Привозимые къ намъ изъ за границы товары состоятъ почти исключительно изъ предметовъ роскоши, по тому возвышенныя на нихъ пошлины, а чрезъ то и нѣсколько увеличенныя продажныя цѣны, падать будутъ лишь на людей богатыхъ, тогда какъ распространеніе въ Государствѣ промышленныхъ заведеній разольетъ богатство на всю массу населенія, оживитъ народную дѣятельность и доставитъ Правительству не только отъ таможенныхъ пошлинъ, но и отъ многоразличныхъ внутреннихъ источниковъ, не малое возвышеніе доходовъ. [5] Къ несчастію, нѣкоторые фи-

---

[4] Всѣ нынѣ богатыя Государства не иначе достигли развитія своего благосостоянія, какъ покровительствомъ своей промышленности. Самый Англо-Французскій трактатъ 1860 г., какъ доказалъ Американскій писатель Кери, есть актъ въ высшей степени покровительственный. Составленный на основаніи этого трактата тарифъ ограждаетъ Французскія манафактуры высокими пошлинами.

До настоящаго времени ни одно благоустроенное Государство не осуществило у себя вполнѣ началъ свободной международной торговли. Въ самой Англіи существуютъ еще, по нѣкоторымъ привознымъ предметамъ, довольно высокія пошлины. Всѣ Англійскія колоніи настоятельно требуютъ введенія у нихъ, для охраненія туземной промышленности, протекціонныхъ пошлинъ.

[5] Одинъ изъ нашихъ экономическихъ писателей, по основательнымъ даннымъ, исчислилъ, что потребители иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ соста-

нансисты наши не видятъ, или не желаютъ видѣть, необходимости, возвышеніемъ таможенныхъ пошлинъ, возстановить промышленную дѣятельность народа, и даже предлагаютъ новое пониженіе сихъ пошлинъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что почитаютъ оное необходимымъ для уничтоженія контрабанды. Заключеніе, по мнѣнію моему, неосновательное; ибо въ управленіе Министерствомъ Финансовъ Графа Канкрина, въ бытность Директоромъ Таможеннаго Департамента Д. Г. Бибикова, контрабанды, при гораздо высшихъ, нежели нынѣ, пошлинахъ, почти не существовало. Такимъ образомъ и въ настоящее время, твердыми и благоразумными мѣрами, контрабанда можетъ быть, если несовершенно уничтожена, то сдѣлаться вовсе нечувствительною. Все зависитъ отъ хорошаго управленія и болѣе всего отъ благонамѣренности и усердія поставленныхъ по сей части дѣятелей. Предположительно исчислить можно, что таможенныя пошлины, при благоразумномъ ихъ возвышеніи и хорошемъ управленіи таможнями, могутъ увеличить Государственные доходы на 15 милліон. руб. с., и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на гораздо большую сумму развитіе промышленности возвысить въ непродолжительное время Государственные доходы отъ внутреннихъ источниковъ. При дальнѣйшемъ развитіи производительныхъ силъ народа будутъ болѣе и болѣе возвышаться и Государственные доходы. Для успѣшнаго достиженія сей цѣли, какъ и для возстановленія торговаго баланса и нужнаго исправленія нашихъ финансовъ, необходимо стремиться къ тому, чтобы всѣ получаемыя изъ за границы издѣлія, которыя, по нашему климату и мѣстнымъ условіямъ, могутъ у насъ быть производимы съ удобствомъ, были бы усвоены нашей промышленности. [6] Желательно, чтобы рельсы, локомотивы, вагоны и другія принадлежности желѣзныхъ дорогъ дѣланы были въ Россіи, а по тому не надлежитъ ни подъ какимъ предлогомъ допускать сихъ вещей, какъ и дру-

---

вляютъ у насъ только 4% изъ общаго числа жителей, и что за тѣмъ 96%, т. е., вся масса населенія, довольствуется издѣліями внутреннихъ туземныхъ фабрикъ, или произведеніями собственнаго труда своего.

[6] До последованія въ 1857 г. упадка большей части нашихъ фабрикъ, Россія сама производила $^{9}/_{10}$ потребляемыхъ ею товаровъ, и привозила иностранныхъ произведеній для своего потребленія только на сумму 31 милл. руб. (ст. «Les phinanees de la Russie», par le Baron de Meyendorff).

гихъ издѣлій, къ привозу безпошлинно. Маловажный излишекъ расходовъ, на сіе потребныхъ, скоро вознаградится съ лихвою.

Нетерпѣливымъ нашимъ экономистамъ, влекущимъ насъ къ открытію нашей границы для иностранной промышленности, въ видахъ осуществленія принциповъ свободной международной торговли, надлежало бы принять въ соображеніе, что Россія соединила уже многія Царства и Княжества въ одинъ Государственный и торговый союзъ, заключающій въ себѣ половину Европы и треть Азіи; что, съ уничтоженіемъ существовавшихъ между сими странами таможенныхъ заставъ, водворилась уже совершенная свобода торговли на пространствѣ болѣе 300 тысячъ квадрат. географическ. миль; это, конечно, болѣе Нѣмецкаго Таможеннаго Союза.[1] По тому мы съ терпѣніемъ можемъ ожидать того времени, когда, съ укрѣпленіемъ нашей промышленности, возможно будетъ открыть иностранцамъ наши границы безъ вреда нашей промышленной дѣятельности и народному благосостоянію.

Вышепоказанныя мною средства къ умноженію Государственныхъ доходовъ строгимъ охраненіемъ нашей промышленности не требуютъ ни какихъ преждевременныхъ затратъ и употребленія капиталовъ, которыми теперь и не обладаетъ наше Правительство. Но коль скоро будутъ въ виду свободныя суммы, то надлежитъ, для развитія производительныхъ силъ народа, употребить еще слѣдующія средства:

1. Распространеніе въ Государствѣ промышленныхъ свѣдѣній, учрежденіемъ и расширеніемъ нужныхъ для того учебныхъ заведеній такимъ образомъ, чтобы мы имѣли повсемѣстно достаточное число своихъ хорошихъ техниковъ, какихъ намъ доставляетъ теперь Технологическій Институтъ и Московское Ремесленное Заведеніе.

2. Учрежденіе хорошей системы кредитныхъ установленій въ такой мѣрѣ, чтобы во всѣхъ городахъ и другихъ мѣстахъ

[1] По статистическимъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ Календарѣ на 1865 г. видно, что Россія, съ принадлежащими къ ней владѣніями, заключаетъ въ себѣ 395,026 квадр. миль; Германскій жа Таможенный Союзъ только 9,113 кв. миль.

промышленныхъ обыватели находили способы къ помѣщенію на проценты свои свободные капиталы, къ позаимствованію нужныхъ имъ суммъ подъ залогъ движимыхъ имуществъ, къ учету векселей и совершенію другихъ коммерческихъ операцій.

3. Устройство хорошихъ путей сообщенія, т. е., не только желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей Государственныхъ, водяныхъ и сухопутныхъ, но и удобныхъ сообщеній между всѣми городами и даже значительными селеніями.

4. Отклоненіе многоразличныхъ стѣсненій, поражающихъ преуспѣяніе нашей промышленности, по несовершенству нашихъ по сей части постановленій.

Такое исправленіе существующихъ, какъ и вообще изданіе новыхъ по сему предмету, постановленій и распоряженій надлежитъ составлять не однимъ только путемъ бюрократическимъ, но по совѣщанію съ призванными изъ разныхъ мѣстностей экспертами и нѣкоторыми другими людьми, практически въ тѣхъ предметахъ свѣдущими.

При употребленіи всѣхъ такихъ способовъ къ развитію въ Россіи производительныхъ силъ народа надѣяться должно, что, со временемъ, Государство наше не только будетъ имѣть достаточные способы къ удовлетворенію своихъ потребностей и къ попогашенію своихъ долговъ, но, при обильныхъ средствахъ, дарованныхъ природою нашему Отечеству, оно можетъ быть богатѣйшею и счастливѣйшею страною Европы.

Д. Членъ С. Шиповъ.

ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ

ДЛЯ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ.

Редакція «Московскихъ Вѣдомостей» въ № 9-мъ этой газеты, говоря о женскомъ образованіи, между прочимъ, осуждаетъ существованіе у насъ вообще отдѣльныхъ училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, выражаясь, что «такое странное явленіе болѣе чѣмъ что либо роняетъ достоинство нашего Духовенства, причиняетъ ущербъ нашей Церкви и оказываетъ вредное вліяніе на всю нашу духовную жизнь.» Особенно же Редакція порицаетъ учрежденіе такихъ заведеній въ Западномъ Краѣ. Такое осужденіе полезнѣйшихъ въ своемъ родѣ, въ настоящее время, учрежденій произошло, думаю я, отъ недостаточной извѣстности тѣхъ обстоятельствъ, которыя послужили побужденіемъ къ учрежденію существующихъ нынѣ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній для дѣвицъ духовнаго званія и къ введенію оныхъ въ западныхъ областяхъ Государства. По тому, для надлежащаго объясненія сего предмета, я почитаю не лишнимъ изложить тѣ обстоятельства съ нѣкоторою подробностію.

Не настоитъ, конечно, ни какой надобности въ томъ, чтобы, назначающій себя служенію Церкви, Семинаристъ избиралъ себѣ жену изъ духовнаго званія; но, по образу жизни и всему быту нашего Православнаго Духовенства, будущимъ священнослужителямъ весьма трудно, иногда почти невозможно, найти себѣ невѣсту изъ числа дѣвицъ, воспитывающихся въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Во всѣхъ этѣхъ училищахъ введено обученіе танцамъ и развитъ вкусъ къ нарядамъ, баламъ, концертамъ, театральнымъ представленіямъ и другимъ, не всегда безвреднымъ, увеселеніямъ. [1]

---

[1] Въ Уѣздномъ городѣ Коломнѣ учреждена, въ недавнемъ времени, женская Гимназія, въ которой обучаются дочери промышленнаго класса гражданъ и другихъ лицъ средняго состоянія. 30-го Генваря данъ былъ въ семъ учебномъ заведеніи спектакль, на который приглашено было большое число посѣтителей. Воспитанницы играли двѣ пьесы, Французскую и Русскую. По

Образованная въ такомъ суетномъ направленіи дѣвица въ семьѣ Священника, почти отстраненнаго по своему положенію отъ общества, ничего для нея пріятнаго найти не можетъ, и вообще весь бытъ Священника не соотвѣтствуетъ полученному ею свѣтскому образованію. Самъ будущій священнослужитель, хотя человѣкъ умный и образованный, но вовсе не свѣтскій, для нея непривлекателенъ. Дочери даже Священниковъ, образованныя въ Институтахъ и другихъ свѣтскихъ училищахъ, чуждаются лицъ духовныхъ: «Я за этѣ широкіе рукава никогда не выйду»: такъ говоритъ дѣвица, и отецъ по необходимости выдаетъ ее за чиновника. Поставленному въ священнослужители Семинаристу, человѣку просвѣщенному, нужна для его счастія жена хорошо образованная, воспитательница будущихъ дѣтей его, хорошая хозяйка, не развлеченная свѣтскими удовольствіями. Изъ какого же сословія можетъ нынѣ священнослужитель сыскать такую невѣсту? До учрежденія отдѣльныхъ учебныхъ заведеній для дѣвицъ духовнаго званія, онъ принужденъ былъ брать себѣ невѣсту изъ тѣхъ необразованныхъ дѣвицъ духовнаго званія, которыя не обучались въ свѣтскихъ училищахъ, или дочерей мѣщанъ, не получившихъ ни какого образованія, почти безграмотныхъ. Какія же были отъ того послѣдствія? Священникъ, не находя въ домѣ своемъ семейнаго счастія, предавался чрезъ то пьянству, а иногда и другимъ порокамъ; дѣти его съ самаго младенчества возрастали въ невѣжествѣ, не имѣя просвѣщенной матери. По такимъ причинамъ съ давняго времени оказывалось необходимымъ устроеніе такого рода училищъ, въ коихъ бы будущіе священнослужители могли находить дѣвицъ, которыхъ бы воспитаніе соотвѣтствовало вышепоказаннымъ потребностямъ.

Съ другой стороны, надлежитъ принять во вниманіе, что священнослужитель, посвятившій въ теченіе всей жизни своей труды

окончаніи спектакля, воспитанницы вышли на сцену въ характерныхъ костюмахъ и исполнили очень граціозно нѣсколько характерныхъ танцевъ; особенно хороши были, замѣчаетъ корреспондентъ. Русская пляска и качуча. — Женское учебное заведеніе, въ которомъ наряжаютъ воспитанницъ въ характерные костюмы, заставляютъ танцовать характерные танцы! — Гдѣ мы, Господа? Во что готовятъ дочерей нашихъ сіи заведенія? — вопрошаетъ Редакція С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. (См. С.-Петербургскія Вѣдомости № 52 за 1866 годъ).

свои и дарованія почти безмездно на пользу Церкви и Государства, въ правѣ ожидать, что Государство обезпечитъ ему средства къ воспитанію дѣтей его: это—священный долгъ Правительства. Особенное же вниманіе должно быть обращено на доставленіе ему средства для воспитанія дѣтей женскаго пола, ибо образованіе дочерей наиболѣе для него затруднительно.

Мысль объ основаніи для удовлетворенія сей потребности дѣвичьяго училища съ давняго времени уже занимала людей благомыслящихъ, свѣтскихъ и духовныхъ; но дѣлаемыя ими для того попытки имѣли мало успѣха. Только въ 1842 г. мысль эта и сдѣланныя одною почтенною особою начинанія къ учрежденію небольшаго училища для дочерей Священниковъ стали, по случайнымъ обстоятельствамъ, извѣстными Великой Княжнѣ (нынѣ Королевѣ Виртембергской) Ольгѣ Николаевнѣ, а чрезъ Ея Высочество Государю Императору Николаю Павловичу. Его Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы училище для дѣвицъ духовнаго званія устроено было въ Царскомъ Селѣ, подъ главнымъ попечительствомъ Великой Княжны Ольги Николаевны, на средства, которыя Государь соизволилъ для того назначить; подобныя же училища были вскорѣ за тѣмъ открыты въ Ярославлѣ, Казани, Иркутскѣ, а въ послѣдствіи въ Вильнѣ, Витебскѣ, Житомирѣ и Каменецъ-Подольскѣ. Нынѣ сіи заведенія находятся подъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Главная цѣль учрежденія училищъ для дѣвицъ духовнаго званія состоитъ въ томъ, чтобы каждая дѣвица, по окончаніи своего воспитанія, была по возможности:

1. Женщиною вполнѣ благочестивою, хорошо образованною, способною составить семейное счастіе своего мужа, человѣка просвѣщеннаго.

2. Хорошею воспитательницею дѣтей своихъ и способною вести училище, которое было бы ей ввѣрено.

3. Хорошею хозяйкою, свѣдущею во всемъ, что потребно для домашняго ея быта, прилежною, не чуждающеюся ни какого труда, въ ея положеніи необходимаго.

Многолѣтній опытъ доказалъ, что цѣль сія большею частію успѣшно достигнута. Въ Царскомъ Селѣ и Ярославлѣ училища вы-

пустили болѣе 450 дѣвицъ, которыя, за небольшими исключеніями, вышли замужъ за сельскихъ Священниковъ. Многія изъ сихъ воспитанницъ имѣютъ уже дѣтей, которыхъ воспитаніемъ они съ успѣхомъ занимаются, и учредили въ домахъ своихъ училища для дѣтей другихъ состояній. Достойныя уваженія лица, посѣщавшія этѣхъ бывшихъ воспитанницъ въ ихъ новыхъ семействахъ, свѣдѣтельствуютъ о томъ благотворномъ дѣйствіи, которое производитъ тамъ полученное ими воспитаніе. Нѣкоторыя дѣвицы, до выхода въ замужество, принимаютъ на себя обученіе малолѣтнихъ дѣтей, или занимаютъ другія въ частныхъ домахъ должности, которыя исполняютъ съ большимъ успѣхомъ. [2]

Въ изданныхъ въ 1864 г. письмахъ о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи (на стр. 97 и 98) помѣщены слѣдующія о состояніи Ярославскаго училища свѣдѣнія:

«Замѣчательно, что воспитанницы, по выходѣ изъ заведенія, большею частію сохраняютъ на всю жизнь живую связь съ нимъ, и въ немъ продолжаютъ искать себѣ опоры и сочувствія; многія изъ нихъ ведутъ постоянную корреспонденцію съ бывшею своею начальницею и воспитательницами, и въ этой корреспондеціи можно найти не мало примѣровъ въ подтвержденіе того, что горячая преданность учредительницы этѣхъ заведеній предположенной цѣли не пропала даромъ. Письма, которыя присылаются въ училище съ разныхъ концевъ Россіи бывшими его воспитанницами, таковы, что ихъ нельзя читать безъ душевнаго волненія и безъ радости, понятной всякому, кому дорого дѣло истиннаго образованія народнаго, и кому отрадно сочувствіе всякой доброй дѣятельности, какая бы ни была она простая и скромная. Во многихъ изъ этѣхъ писемъ разсказывается простыми словами краснорѣчивая

---

[2] Мнѣ случилось видѣть въ одномъ почтенномъ семействѣ такую, не вышедшую за мужъ, по болѣзненному состоянію, дѣвицу. Она исполняла тамъ должность Секретаря у весьма просвѣщеннаго, почти слѣпаго, старца, вела его переписку, содержала въ порядкѣ библіотеку, читала ему Русскія книги, писала по его диктовкѣ, переписывала бумаги весьма красивымъ почеркомъ и не рѣдко сама составляла для него письма и записки правильнымъ и хорошимъ слогомъ, занималась вмѣстѣ съ женою его хозяйствомъ и, какъ дѣвица просвѣщенная, была пріятною собесѣдницею и любима всѣмъ семействомъ.

исторія цѣлой жизни, исполненной трудовъ, лишеній и борьбы съ тяжелыми обстоятельствами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и той радости, которая происходитъ отъ удовлетвореннаго стремленія къ доброй дѣятельности. Есть корреспонденціи, по которымъ видимъ, какъ бѣдная дѣвица, прямо по выходѣ изъ заведенія, вступаетъ въ тяжелую домашнюю работу въ домѣ своихъ родителей и становится въ немъ дѣятельною помощницею по хозяйству, наставницею маленькихъ братьевъ и сестеръ; видишь, сколько добра и свѣта приноситъ она въ домашній кругъ свой, оживляя его и дѣлами любви, и новыми интересами, и чтеніемъ привезенныхъ съ собою книгъ, и разсказами про училище, къ которому и она и всѣ ея домашніе обращаются съ любовью и благодарностію. Потомъ, съ перемѣною въ судьбѣ дѣвушки, начинаются новыя страницы той же повѣсти, о жизни ея и дѣятельности въ своемъ домѣ, хозяйствѣ и приходѣ: и тутъ видишь, сколько благословенія вноситъ добрая жена не только въ бытъ сельскаго Священника, но и въ бытъ цѣлаго прихода. Особенно замѣчательна дѣятельность нѣкоторыхъ изъ бывшихъ воспитанницъ Ярославскаго и Царско-Сельскаго училищъ въ учрежденіи сельскихъ школъ и въ обученіи крестьянскихъ дѣтей.»

Вообще училища сіи такимъ образомъ устроены, что могутъ быть лучшимъ средствомъ воспитанія для дѣвицъ средняго состоянія; но къ помѣщенію ихъ въ этѣ заведенія не представляется въ настоящее время ни какой возможности; ибо, по ограниченному ихъ числу они не вполнѣ еще достаточны для дочерей Духовенства, коихъ воспитаніе, по вышеозначеннымъ причинамъ, лежитъ на обязанности Правительства. [3]

Всѣ вышеприведенныя обстоятельства достаточно, думаю, показываютъ неосновательность выраженнаго редакціею «Москов-

[3] Въ Царско-Сельскомъ и Ярославскомъ Училищахъ воспитываются по 90 дѣвицъ, почти всѣ пансіонерки, съ платою въ Царско-Сельскомъ по 60 р., а въ Ярославскомъ по 50 р. въ годъ, и число священнослужителей, желающихъ помѣстить въ заведеніе своихъ дочерей, такъ велико, что Начальство принуждено отказывать многимъ изъ нихъ въ пріемѣ ихъ дочерей. Не служитъ ли это очевиднымъ доказательствомъ какъ потребности, сознаваемой нашимъ Духовенствомъ, въ существованіи для него подобныхъ заведеній, такъ и удовлетворительности получаемаго тамъ образованія?

скихъ Вѣдомостей» осужденія; напротивъ, каждый благомыслящій гражданинъ, знакомый съ положеніемъ сихъ учебныхъ заведеній, по сознанію общественной пользы, ими приносимой, надѣюсь, воздастъ справедливую дань уваженія и благодарности тѣмъ почтеннымъ лицамъ, кои трудились и трудятся для ихъ устройства и преуспѣянія, и тѣмъ высокимъ особамъ, подъ руководствомъ и покровительствомъ коихъ они дѣйствуютъ.

Въ западныхъ областяхъ Государства учрежденіе такихъ отдѣльныхъ для дѣвицъ духовнаго званія училищъ, по мнѣнію находящихся тамъ Русскихъ старожиловъ, особенно необходимо. Православные священнослужители, оставаясь на жительствѣ между Польскимъ Шляхетствомъ, по неимѣнію такихъ училищъ, не находятъ возможности иначе воспитывать дочерей своихъ, какъ въ общихъ женскихъ училищахъ, или пансіонахъ, вмѣстѣ съ Польками, враждебными нашему Православію и Русской народности. Даже дочери Русскихъ чиновниковъ, воспитанныя въ домахъ своихъ родителей, но находящіяся въ соприкосновеніи съ Польскимъ обществомъ, выйдя за мужъ за Священниковъ, приносятъ въ дома свои не малую долю Полонизма и чувствъ, неблагопріятныхъ Православію. Дабы дочери священнослужителей выростали чисто Русскими, Православными дѣвицами, необходимо, чтобы онѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ удалены были отъ всякаго съ Польскимъ элементомъ общенія, и даже отъ тѣхъ Русскихъ дѣвицъ, которыя находятся съ Польскимъ обществомъ въ соприкосновеніи.

Этого иначе достигнуть не возможно, какъ помѣщеніемъ ихъ для воспитанія въ отдѣльныя училища; правило это надлежитъ наблюдать до того времени, пока Русское просвѣщенное населеніе въ томъ краѣ не умножится, и Русскій просвѣщенный элементъ не будетъ тамъ преобладающимъ.

С. Ш.

Москва.
28-го Февраля, 1866 года.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

Въ 3-й книжкѣ прошлаго года «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» были помѣщены собранные мною 32 документа, какъ матеріалъ для исторіи Поповщины, отъ начала Бѣлокриницкой лжеіерархіи до конца 1864 года. Такъ какъ представить документы безъ всякой связи я полагалъ нелогичнымъ, то по тому приложилъ при нихъ краткій очеркъ этой секты, составленный на основаніи самихъ документовъ. Вполнѣ сознавая, что мой трудъ не можетъ быть безукоризненнымъ, я заявилъ въ предисловіи, что приму съ великой благодарностью всякій дѣльный совѣтъ, и воспользуюсь даннымъ мнѣ указаніемъ.

Въ Ноябрской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за прошлый же годъ на мою статью явились Замѣтки, на которыя можно бы коротко и ясно, отвѣчать: «Не стоитъ благодарности!» Но какъ Г. Субботинъ пользуется нѣкоторой извѣстностью, и многіе, въ случаѣ такого лаконическаго отвѣта, могли бы, пожалуй, почесть замѣчанія его дѣльными, то я рѣшился отвѣчать ему нѣсколько пространнѣе, съ цѣлію объяснить тѣмъ, кто обратилъ свое вниманіе на мою статью и приложенные къ ней документы, недоумѣнія, вызвавшія Замѣтки Г. Субботина.

Читая со вниманіемъ эти Замѣтки, нельзя не видѣть, что онѣ съ начала до конца исполнены однѣхъ придирокъ, желанія, по возможности, уменьшить цѣнность обнародованныхъ мною документовъ, какого-то тайнаго недоброжелательства и, хотя тщательно замаскированнаго, но тѣмъ не менѣе все таки замѣтнаго, стремленія присвоить себѣ судъ и рядъ надъ сочиненіями о Старо-

обрядствѣ. Намъ кажется, здравомыслящій человѣкъ не только заботливо избѣгаетъ подобнаго, но отклоняетъ отъ себя самый поводъ къ такимъ нелестнымъ о себѣ заключеніямъ. Онъ не дозволитъ, на примѣръ, ни самому себѣ ни чѣмъ выставляться, ни чтобы его выставляли другіе, какъ нѣкоего раввуни, возсѣдящаго посредѣ книжниковъ и Саддукеевъ Руси.

Не ужели все это такъ себѣ, даромъ, на обумъ? Пословица говоритъ: «Ударь по столу—ножницы отзовутся». Дѣйствительно, сказанное мной проглядываетъ въ Замѣткахъ чуть ли не на каждой строкѣ. Такъ, уже въ самомъ началѣ ихъ, при 1846 годѣ, Г. Субботинъ ставитъ вопросительный знакъ. Но что же тутъ для него страннаго? Если въ первомъ документѣ говорится о происшествіяхъ 1846 года, и Очеркъ, послѣ нѣсколькихъ вводныхъ словъ, начинается этѣмъ годомъ, то всякій можетъ судить, въ правѣ ли я былъ поставить въ заглавіи иной годъ. Что же касается до того, что я, по мнѣнію Г. Субботина, плохо владѣю Русскимъ языкомъ и выражаюсь неточно и неправильно, то я самъ о себѣ судить, а тѣмъ болѣе выхвалять себя, не желаю, но имѣю причины полагать, что въ подобномъ случаѣ трудъ мой не могъ бы явиться на страницахъ «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ». А что мое изложеніе не понравилось моему рецензенту, то на это отвѣчу ему пословицей: «На вкусъ, на любовь да на цвѣтъ закона нѣтъ». «Одному любъ попъ, говоритъ другая пословица, другому попадья, а третьему попова дочка.» Нѣтъ ничего легче, какъ взводить подобнаго рода навѣты на нелюбыхъ намъ по чему либо. Всегда, молъ, найдутся люди, которые подумаютъ себѣ: «Каковъ знатокъ языка Русскаго! Настоящій Гречъ и Булгаринъ! Онъ и «Чтенія» учитъ правописанію. Буквалистъ, сущій буквалистъ!» Что до удивленія Г. Субботина, какъ подобное сочиненіе могло попасть на страницы ученаго и извѣстнаго своею солидностью изданія, каковы «Чтенія», то, въ отвѣтъ на это, могу только повторить то же самое, что уже сказалъ выше касательно упрека его мнѣ въ незнаніи Русскаго языка, т. е., не имѣй оно въ самомъ дѣлѣ ни какихъ за собою достоинствъ, разумѣется, не могло бы попасть въ «Чтенія». Но не черезчуръ ли ужь Г. Субботинъ взыскателенъ къ нашимъ повременнымъ изданіямъ? Развѣ они собраніе образцовыхъ произведеній? Въ такомъ случаѣ, пожалуй,

и его умственныя дѣтища не скоро же попали бы въ оныя. Но возвратился къ его Замѣткамъ.

Г. Субботину не понутру, что я называю Амвросія Эксъ-Епископомъ. Отдаю на судъ всѣхъ и каждаго, имѣлъ ли я право называть такъ Архіерея, отрѣшеннаго отъ должности и находящагося подъ запрещеніемъ? Ему не нравятся также мои ироническія выраженія: «какого ни будь, хоть лыкомъ шитаго, Архіерея,» хотя ему навѣрное извѣстна исторія Старообрядческихъ Лжеархіеерѣвъ прошлаго столѣтія, Аноима, Аноиногена и т. п. Далѣе, мною сказано, что Старообрядцы провѣдали о подходящемъ для нихъ Архіереѣ при посредствѣ всеуслужливаго племени Израиля. Г. Субботинъ говоритъ о Бѣлокриницкихъ депутатахъ и Огняновичѣ, выставляя ихъ, какъ посредниковъ между Амвросіемъ и будущей его паствой. Но, вѣдь, и мной сказано, что Старообрядцы провѣдали чрезъ Евреевъ объ Амвросіѣ, а переводчикъ названъ мной Магометаниномъ, на основаніи письма Задунайскихъ Старообрядцевъ къ Ивану Александрову, гдѣ именно сказано: «также намъ извѣстно, что Господина Митрополита обучаетъ Русскому разговору Цареградскій Сунитъ.» Кажется, изъ этого не слѣдуетъ, что я назвалъ Огняновича Евреемъ. За тѣмъ Г. Субботинъ досадуетъ на меня за то, за чѣмъ я сказалъ, что за переходъ Амвросію обѣщали заплатить 500 червонцевъ, тогда какъ онъ продался Старообрядцамъ не только за эту сумму, но еще условился на счетъ выдачи ежегодно такой же суммы по самую его смерть и проч., какъ будто бы я умолчалъ объ этомъ обстоятельствѣ! Дѣло въ томъ, что я, не имѣя въ то время подъ рукой документовъ о всѣхъ условіяхъ найма, выразился, что, кромѣ того, обѣщали дать ему хорошее содержаніе, а это послѣднее выраженіе Г. Субботинъ опустилъ, какъ видно, съ намѣреніемъ. Точно также онъ считаетъ несообразностью обѣщаніе выхлопотать Амвросію разрѣшеніе литургисать; между тѣмъ всякій здравомыслящій человѣкъ пойметъ, что если бы подобное разрѣшеніе было не нужно, то Старообрядцы и не хлопотали бы о немъ; если же хлопотали о немъ, и наконецъ таки добились своего, то, стало быть, запрещеніе существовало, и снять его для Старообрядцевъ считалось необходимымъ. Если же въ разрѣшеніи позволено отслужить Амвросію три обѣдни, и притомъ съ оговоркой, что это должны быть заупокойныя и безъ свѣдѣнія священ-

наго сопрестола, то понятно, что на такое разрѣшеніе нельзя смотрѣть иначе, какъ на снисхожденіе. Г. Субботинъ самъ говоритъ, что разрѣшеніе служить литургію составляетъ доходную статью Патріархіи; стало быть, тѣмъ болѣе нужно было сыпать златницы и сребренники для полученія разрѣшенія литургисать отставленному Архіерею, каковъ былъ Амвросій; сколько же было сыпано на подобную потребу денегъ, много, или мало, навѣрное самъ Г. Субботинъ сказать не можетъ. О томъ же, что Патріархъ называетъ въ грамотѣ Амвросія «собратомъ возлюбленнымъ и сослужителемъ», я думаю, на это никто не обратитъ вниманія, какъ на заголовокъ въ письмѣ, гдѣ иногда и отъявленный врагъ величается «милостивымъ государемъ, или любезнѣйшимъ другомъ, братомъ» и т. п. Г. Субботинъ говоритъ, что нѣтъ даже надобности доказывать, что Амвросій былъ лишенъ права священнодѣйствовать до перехода въ Старообрядчество; по моему мнѣнію, въ моемъ Очеркѣ это было необходимо, по тому что въ началѣ его мною было сказано, что Старообрядцы усиливались добыть себѣ какого нибудь Архіерея, и наконецъ кое какъ таки добыли его, но такого, который, по простому выраженію, подходитъ къ шитому лыкомъ. Когда Патріархъ потребовалъ Амвросія на судъ за переходъ его въ Старообрядчество и служеніе, вопреки разрѣшенію, то Старообрядцы очень хорошо понимали, что Амвросію не сдобровать, что на него начинаютъ нападать, и конечно начали смотрѣть на него, какъ на гонимаго за Вѣру, на безвиннаго страдальца. Я сказалъ, что Австрійское Правительство молчало, и сказалъ совершенно справедливо, какъ и то, что этому Правительству какое было дѣло до религіозныхъ дѣлъ иновѣрцевъ? Оно дозволило принять Амвросія, и наблюдало только за исполненіемъ заключенныхъ условій, не имѣя въ предметѣ разыскивать, кто онъ такой, и что онъ будетъ дѣлать среди нашедшаго его стада; ссылка же его въ Цилли послѣдовала въ слѣдствіе представленій Патріарха и Русскаго Правительства, которому сдѣлалось извѣстнымъ, что Амвросія пріобрѣли и обезпечили Русскіе Старообрядцы. Не могло же быть, чтобъ они хлопотали только для другихъ, когда уже болѣе столѣтія старались добыть себѣ Архіереевъ, и не имѣли бы въ виду получать таковыхъ изъ Бѣлой Криницы. При умноженіи ставлениковъ Бѣлокриницкихъ, т. е., мнимыхъ пастырей для упорныхъ и необразованныхъ Старообрядцевъ, что

же иное могло распространиться между ними, какъ не тѣма заблужденій? Не уже ли Правительство не могло понять этого, и не уже ли подобный порядокъ дѣлъ согласовался когда ни будь съ видами его, когда оно всегда старалось вводить просвѣщеніе, вразумлять необразованныхъ и не давать развиваться упорному изувѣрству, какимъ всегда отличались Старообрядцы? Вѣдь самъ же Г. Субботинъ допускаетъ, что всего поставлено Кирилломъ 24 Архіерея; и что этого количества слишкомъ довольно; между тѣмъ меня упрекаетъ, за чѣмъ мною сказано «множество». А что они ставлены имъ безъ счету и разбора, т. е., какъ попало и куда попало, то это доказывается тѣмъ, что иногда, по просьбѣ нѣсколькихъ недовольныхъ, назначалъ онъ на одну и ту же Епархію двухъ, и даже для одного города отдѣльнаго Лжеепископа.

Г. Субботинъ говоритъ, за чѣмъ мною сказано, что Антоній нѣсколько разъ крестился, женился и мѣнялъ толки? Кажется, слово нѣсколько означаетъ то, что каждое изъ сказанныхъ дѣйствій было произведено имъ не одинъ разъ; но привязчивому рецензенту кажется это неправильнымъ. Если слѣдуетъ быть крещеннымъ однажды, а Антоній повторялъ это; если по смерти законной жены Антоній перешелъ къ Преображенцамъ, и такъ жилъ съ новой женой (а кто его знаетъ? Можетъ и не съ одной), что не считается и тамъ законнымъ, и если онъ при томъ перешелъ изъ Православія въ Безпоповщину, потомъ въ Поповщину, то не въ правѣ ли былъ я употребить вышеприведенное нѣсколько?

Точно также Г. Субботинъ старается доказать несправедливость моихъ словъ, что Антоній обращался туда, куда дулъ попутный вѣтеръ и гдѣ надѣялся набить карманъ потуже. Переходъ къ Преображенцамъ, и особенно причины перехода къ Рогожскому согласію, которыя не могутъ быть не извѣстны Г. Субботину, вполнѣ оправдываютъ мои слова; самъ же онъ говоритъ, что «чрезъ его руки шла большая часть пожертвованій; что онъ умѣлъ находить благотворителей и распологать ихъ къ благотворенію, желая выставить себя великимъ радѣтелемъ и опорой раскола и, такимъ образомъ, очистить себѣ путь къ высшимъ почестямъ и власти между Старообрядцами.» Кажется, подобныя выраженія ведутъ къ такому мнѣнію, которое высказано мной, и ни чуть не противорѣ-

чатъ тому, что Антоній хитрѣе и образованнѣе Кирилла и обладаетъ болѣе его даромъ слова. Вѣдь я не говорилъ, что онъ этѣми качествами обладаетъ въ высшей степени, а только то, что болѣе, нежели Кириллъ; какимъ же образомъ Г. Субботину показалось, что я выставилъ Антонія обладающимъ въ сильной степени образованіемъ, хитростію и краснорѣчіемъ? А что Кирилла я называю хитрымъ и образованнымъ, то для меня совершенно не понятно. Знаетъ про то, конечно, самъ лишь Г. Субботинъ.

Въ моемъ Очеркѣ сказано, что не успѣлъ еще кончиться судъ надъ Антоніемъ, * какъ изъ подъ пера начитаннаго и умнаго мужика, а можетъ быть и при помощи кого другаго, явилось сочиненіе, которое заставило Старообрядцевъ забыть все остальное, и не только поддержало Антонія, но и поставило его «во главѣ (здѣсь типографскій пропускъ слова «противниковъ») невѣжественнаго Кирилла». Не знаю, что есть обиднаго въ приведенныхъ мной выраженіяхъ для автора Окружнаго Посланія; по крайней мѣрѣ, при личныхъ свиданіяхъ со мной, онъ не выражалъ мнѣ этого; напротивъ, кажется, что человѣку простому, не получившему высшаго образованія, быть умнымъ и начитаннымъ до такой степени, чтобъ написать подобное сочиненіе, приноситъ большую честь, которой я ни какъ не смѣю отнять у него, и всякій порядочный человѣкъ долженъ болѣе уважать его по тому, что такой сочинитель мужикъ. Что до помощи другихъ лицъ при составленіи Окружнаго Посланія, то это можно было предположить, такъ какъ трудно понять, чтобъ Л. Е., при составленіи такого важнаго сочиненія, не совѣтовался съ кѣмъ ни будь изъ своихъ духовныхъ лицъ, и безъ предварительнаго одобренія ихъ рѣшился на подобное «новшество.» Хотя Антоній подписался подъ нимъ и не первымъ, какъ у меня поставлено, единственно по причинѣ его мнимаго Архіепископства, послѣ намѣстника Кириллова, Онуфрія, однако все таки оно выручило его и заставило Старообрядцевъ забыть удаленіе его отъ управленія Всероссійскими дѣлами, отъ котораго онъ ни какъ не думалъ отстраняться, какъ это показали послѣдствія. Тѣмъ болѣе оно было ему по сердцу, что своей под-

* Мнѣ кажется, всякому читающему понятно, что это выраженіе равносильно слѣдующему: «не много времени прошло по окончаніи суда надъ Антоніемъ.»

писью и стараніемъ склонить другихъ вліятельныхъ лицъ онъ показывалъ себя врагомъ мнѣній Безпоповцевъ, въ которыхъ его постоянно упрекали. Если же Антоній потомъ отрекался отъ Окружнаго Посланія, то отрекался подъ видомъ сожалѣнія о томъ, что оно произвело раздѣленіе между Старообрядцами; а дѣйствительно ли по тому, что оно было направлено противъ Безпоповщинскихъ мудрованій, и дѣйствительно ли онъ ихъ придерживается, или по тому, что боялся разоблаченія своихъ грѣшковъ, объ этомъ надобно спросить самого Антонія; проникнуть же въ душу его и утвердительно сказать, что въ ней кроется, никто не можетъ. Когда Кириллъ явился въ Москву съ объявленіемъ, въ которомъ признавалъ Окружное Посланіе незаконнымъ, то, боясь его анаѳемы всѣмъ Русскимъ Старообрядцамъ, подъ объявленіемъ подписались дѣйствительно не тѣ лица, которыя одобряли его, исключая Антонія. Болѣе всѣхъ здѣсь дѣйствовалъ Антоній, по тому что ему-то болѣе всѣхъ и нужно было усыплять Кирилла, поставить для этого на видъ свое притворное раскаяніе и показаться вождемъ противниковъ Окружнаго Посланія. Недалекому Кириллу довольно было и этого, а между тѣмъ противъ его дѣйствій готовился протестъ, опять подъ руководствомъ того же Антонія. Полагаю, этѣхъ данныхъ достаточно для того, чтобъ сказать, что Антонія Окружное Посланіе выручало: при его помощи онъ могъ бороться съ Кирилломъ.

Что же касается до подложныхъ документовъ, то надобно сознаться, что избѣгнуть ихъ весьма трудно, по слѣдующимъ причинамъ: 1-е, Старообрядцы не очень довѣряютъ свои документы не своимъ. 2-е, Между ними дѣйствительно есть промышляющіе составленіемъ документовъ, и на эту удочку часто ловятъ даже своихъ. 3-е, Документы переписываются однимъ у другого, при чемъ къ старымъ ошибкамъ не рѣдко прибавляются новыя, а у кого имѣется ближайшій къ подлиннику, доискаться нѣтъ возможности. Если же въ числѣ 32 документовъ, собранныхъ человѣкомъ, который, вполнѣ сознавая свой трудъ несовершеннымъ, просилъ, въ самомъ предисловіи къ нему, не оставить его своимъ совѣтомъ, нашелся одинъ подложный, т. е., искаженный, то изъ за этого развѣ позволительно окричать обнародованіе прочихъ тридцати документовъ, добытыхъ тамъ, куда доступъ труденъ, жалкимъ, а

тѣмъ болѣе небезвреднымъ явленіемъ въ Литературѣ? Не уже ли Г. Субботинъ, занимающійся нѣсколько лѣтъ Расколомъ, не ошибался ни разу? Въ напечатанномъ имъ о Расколѣ съ разборомъ не уже ли не оказывалось послѣ безразборнаго, неточнаго, даже ничтожнаго? Да, кто прослѣдитъ все, написанное имъ доселѣ по Расколу, къ сожалѣнію, не можетъ не подумать, судя по его самоувѣренному тону, что онъ считаетъ себя совершенно не причастнымъ этому общему грѣху человѣчества, или, по крайней мѣрѣ, если и подверженнымъ, то въ самой малой степени. Напрасно старается онъ увѣрить, что обнародованные мною документы не всѣ новость, были давно уже напечатаны Игуменомъ Пареніемъ, и также извѣстны изъ нѣкоторыхъ болѣе новыхъ сочиненій о Расколѣ: если бы и это было дѣйствительно такъ, то какимъ же образомъ появленіе моего собранія обратило на себя вниманіе людей, не менѣе моего рецензента интересующихся Расколомъ и слѣдящихъ за нимъ, именно своей новостью и полнотою? Даже за напечатаніе Окружнаго Посланія старается онъ уменьшить заслугу оговоркой: «Два года тому назадъ, первый разъ (?) знакомя читающую публику съ Окружнымъ Посланіемъ, мы, де, сами очень желали напечатать вполнѣ это любопытное сочиненіе, но, не имѣя на то права (будто бы ужь только права?!), ограничились тѣмъ, что изложили его in extenso». Знакомы намъ очень хорошо этѣ изложенія Г. Субботина in extenso не по одному только Окружному Посланію. При соли хлебнется, къ слову молвится. Но мы не послѣдуемъ примѣру нашего рецензета, осыпающаго нашъ Очеркъ всѣми прелестями своего краснорѣчія, въ родѣ того, что «оно, де, обличаетъ совершенное незнаніе дѣла, писано на обумъ, авторъ его не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о Расколѣ, цивилизованный авторъ, разсказъ его неудобочитаемъ и неудобопонимаемъ (это, конечно, знаніе языка Русскаго!), однимъ словомъ: это жалкое и небезвредное явленіе въ нашей Литературѣ», и т. п. Такія словоизверженія богатой и ни чѣмъ не сдерживаемой фантазіи Г. Субботина, разумѣется, въ глазахъ человѣка, способнаго сколько ни будь отличать бѣлое отъ чернаго, не въ силахъ уронить нашъ трудъ до той степени, до которой очевидно ратующій противъ него стремится. Доказательства его на это, надѣемся, послѣ сказаннаго нами въ отвѣтъ, не доказываютъ того. И мы, не желая остаться у него

въ долгу, конечно, не полѣзли бы за словомъ въ карманъ; но, повторяемъ, мы не послѣдуемъ въ этомъ примѣру его; мало ль можно чего, да не для чего. Невольно, однако, вспоминаются намъ тутъ слова нашего многоуважаемаго Архипастыря: «Духъ порицанія бурно дышетъ въ области Русской письменности,»—и дышетъ, прибавимъ, до забвенія не только всякой правды, но также самообладанія и самыхъ первыхъ началъ гражданскаго общежитія и приличія.

К. Николаевъ.

Февраль, 1866 г.

II.

Годъ тому назадъ, и день почти въ день, читанъ былъ въ Совѣтѣ Императорскаго Московскаго Университета Докладъ Коммиссіи, наряженной для обсужденія, по предложенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Проекта Устава и Штатовъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, который и принятъ былъ всѣми единогласно, кромѣ одного Члена. Въ этомъ Докладѣ, а также и въ Отдѣльныхъ Замѣчаніяхъ на Проектъ одного изъ Членовъ Коммиссіи, напечатанныхъ во 2-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» того же 1865 года, подробно разсмотрѣнъ предлагавшійся Проектъ: были высказаны замѣчанія на все главное и существенное въ немъ. Одинаковаго свойства были и тѣ замѣчанія, которыя представили и прочіе Русскіе Университеты и, знаменательно въ высшей степени, съ ними совпали во всемъ и сужденія всей нашей періодической Литературы, кромѣ, если не ошибаемся, «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника.» Разумѣется, ожидать въ этомъ случаѣ математическаго совпаденія мнѣній было бы странно: у каждаго свой царь въ головѣ. Стало быть, высшія ученыя учрежденія и печать свое дѣло сдѣлали: оставалось ожидать спокойно, чтобы придержащая власть сдѣлала свое. Такъ нѣтъ! Въ № 54-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» этого года (12-го Марта) помѣщена

передовая статья, отъ 11-го Марта, въ которой докладывается, что Проектъ новаго Устава Академіи Наукъ наконецъ, послѣ продолжительныхъ административныхъ соображеній, представленъ въ высшую законодательную инстанцію. «И это обстоятельство,» сказано далѣе, «возлагаетъ на насъ обязанность поговорить объ Академіи Наукъ съ тою частію Русской публики, которая интересуется судьбой просвѣщенія и учености въ Россіи.»

Приступая къ бесѣдѣ, новый ратователь за Академію (говоримъ новый, по тому что ни полетъ, ни оборотъ его не указываютъ на перо Редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», напротивъ, весь пошибъ даетъ знать, что это—единъ отъ присныхъ самой Академіи) утверждаетъ, что Уставъ есть самое послѣднее въ жизни ученой корпораціи; гораздо важнѣе его преданія и обычаи, сложившіеся временемъ и поддерживающіе въ ней ея духъ; по этому, продолжаетъ онъ, возникаетъ даже недоумѣніе о томъ, въ какой степени настоитъ необходимость передѣлывать Уставъ, даже вовсе не древній (1836 г.); едва ли не было бы достаточно ограничиться согласованіемъ частныхъ постановленій, изданныхъ относительно ея въ разное время, и также согласованіемъ ея Устава съ позднѣйшими общими узаконеніями. Какъ будто не для этого и предпринимается пересмотръ всякаго Устава и издается новый, согласованный съ позднѣйшими узаконеніями и т. п.! По его мнѣнію, между прочимъ, нужно только, для блага Академіи Наукъ, Второе или Русское Отдѣленіе ея такъ согласовать съ остальными двумя Отдѣленіями (I Физико-Математическимъ и III Историко-Филологическимъ), чтобы Члены онаго Отдѣленія оставались на прежнемъ кормленіи, т. е., служили бы изъ за одного титла Академика, или, другими словами, ищучи себѣ чти, а Князю славы, какъ выражались наши предки. Чтобы сообщить хотя тѣнь правдоподобія такому своему мнѣнію (вопреки требованію и Проекта и всей нашей печати, т. е., уравненія Членовъ 2-го Отдѣленія съ прочими Членами Академіи), защитникъ смотритъ на 2-е Отдѣленіе все еще какъ на Россійскую Академію, говоря, что Академія Словесности и Академія Наукъ — несовмѣстимыя понятія; что слитіе ихъ воедино не было счастливою мыслію, онѣ соединены неестественной связью. По чему же? По тому, что задача первой, говоритъ онъ, блюсти чистоту Русскаго языка, что

вовсе не дѣло учености, а скорѣе дѣло вкуса, поддерживаемаго опытностью. Словно въ самомъ дѣлѣ такова должна быть задача 2-го Отдѣленія! Не уже ли онъ полагаетъ, что Члены его дѣйствительно въ состояніи, при самомъ искреннемъ желаніи своемъ, блюсти чистоту Русскаго языка, предохранить его отъ порчи и тому подобнаго, не смѣютъ дѣлать надъ нимъ ученыхъ изслѣдованій иначе, какъ только поступивъ въ Члены III-го Отдѣленія, или испрося на то согласіе его? А буде осмѣлятся, то это непремѣнно отзовется вредомъ для Славяно-Русской Филологіи? Замѣчательная премудрость Академическая!

Такимъ образомъ, по мнѣнію панегириста нашей Академіи, внутренняя организація ея, т. е., Уставъ, не только очень можетъ остаться въ прежней силѣ, но и надобно желать, чтобы такъ случилось. Въ этомъ, конечно, до нѣкоторой степени не мы попротиворѣчимъ, хоть и не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые смотрятъ на Академію Наукъ, какъ на какое-то особенное, новое сословіе въ Россійской Имперіи, въ силѣ и значеніи коего, по его словамъ, должны всѣ безъ изъятія служители отечественнаго просвѣщенія, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, чувствовать также и свою силу и значеніе. «Но это ужь черезъ чуръ», скажетъ кто либо. Ни чуть! Посмотрите, чѣмъ, между прочимъ, новый обожатель Академіи Наукъ силится доказать, что она принимаетъ къ сердцу дѣло Русскаго просвѣщенія? «О томъ, говоритъ онъ, достаточно свидѣтельствуетъ уже одинъ фактъ помѣщенія извѣстной статьи Г. Академика Наука въ Календарѣ на 1866 годъ.» Что же это такое въ самомъ дѣлѣ за пресловутое произведеніе? спросятъ насъ. Ничего-съ особеннаго, просто: «Нѣсколько замѣчаній о педагогическомъ значеніи древнихъ языковъ,» въ которыхъ все обстоитъ благополучно, какъ и въ сотняхъ другихъ по тому же предмету, помѣщавшихся въ послѣднее время въ нашихъ журналахъ и газетахъ. И, однако же, составитель Похвальнаго слова Академіи изловчился отъ такого простаго факта сдѣлать посылку, что Академія могла бы оказать не мало услугъ дѣлу Русскаго просвѣщенія, если бы Правительство потребовало ихъ: она могла бы служить этому дѣлу не только установкой и разъясненіемъ понятій, но, вѣроятно, не уклонилась бы и отъ труда болѣе тяжелаго. Говоря это, конечно, сочинитель Похвалы думаетъ, что споръ о классическомъ и реальномъ образованіи куда какъ уже уяснила

намъ Академія статьей своего Члена. Что до готовности ея на трудъ более тяжелый, то подъ этѣмъ онъ разумѣетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то же самое, что уже разъ заявлено было самой Академіей въ ея послѣднемъ Проектѣ Устава, т. е., желаніе, чтобы молодые люди приготовлялись къ профессорскому и учительскому званію подъ надзоромъ Академиковъ. Къ чему это повело бы, и что все это въ сущности значитъ, приглашаемъ желающихъ знать то, заглянуть въ Докладъ Коммиссіи Совѣту Московскаго Университета (стр. 13 — 17).

Какъ ни отстаиваетъ, однако, повѣренный Академіи внутренняго устройства ея, которое, думаетъ онъ, очень можетъ остаться въ прежней силѣ, «все таки это, по мнѣнію его, вопросъ частный.» Важнѣйшее же тутъ составляетъ — возвышеніе Академическихъ Штатовъ. Для чего?—Для уравненія ихъ, отвѣчаетъ онъ, съ Университетскими. Это стоитъ на первомъ планѣ; это потребность безспорная; безъ этого Академія не Академія и т. д., и т. д. Не права ли же, скажите, Бога ради, была Коммиссія, утверждая, что «она испытываетъ моральную тяжесть, докладывая Совѣту о двусмысленныхъ и всегда крайнихъ стремленіяхъ составителей Проекта Академіи Наукъ: то предносится имъ идеальное, удивившее Европу, устройство Пулковской Обсерваторіи, то новые оклады и Штаты Университетскіе, которые, какъ они думаютъ, должны быть нормою наименьшаго, чего можно пожелать для Академіи, идетъ ли дѣло объ окладахъ для Академиковъ, или объ опредѣленіи количества суммы на библіотеку, или о чинахъ, которые должны быть присвоены Академикамъ. Ни въ чемъ не должно быть уступлено противъ Университетовъ, но во всемъ должны быть сдѣланы еще для Академіи прибавки къ льготамъ и правамъ Университетовъ». И въ другомъ мѣстѣ: «Такое легкое отношеніе къ дѣлу, желаніе несоразмѣрныхъ правъ и привилегій, полная нерасположенность всмотрѣться въ дѣйствительное состояніе Академіи и ея отношеніе и значеніе въ Россіи, сопоставленіе Членовъ Академіи то съ Профессорами Университетовъ, то съ Чиновниками Министерскихъ Департаментовъ, тщательное усиленіе всѣхъ возможныхъ правъ по окладу, чинамъ, пенсіонамъ, полупенсіонамъ, пенсіонамъ двойнымъ, тройнымъ и четвернымъ, при чемъ положеніе Университетовъ составляетъ только мнимый исходный пунктъ,

а дѣйствительнымъ руководящимъ началомъ служитъ представленіе совершенно другаго рода учрежденія; далѣе, увѣреніе, что для Академика нѣтъ досуга, и тутъ же возложеніе на Академика самыхъ несовмѣстныхъ съ его призваніемъ должностей, предоставленіе блестящаго матеріяльнаго обезпеченія, чтобы Академикъ могъ сосредоточиться на своей кабинетной дѣятельности, и въ то же время дозволеніе Академикамъ занимать и другія должности, сколько кто пожелаетъ: это ли (спрашиваетъ Коммиссія въ заключеніе) Проектъ учрежденія, въ которомъ долженъ всѣмъ владѣть, все покорять себѣ истинный и чистый духъ науки, въ которомъ безкорыстная преданность знанію должна покрывать собою всѣ остальныя стремленія и поражать взоръ наблюдателя тихимъ величіемъ?»

Къ такимъ многозначительнымъ и строго справедливымъ словамъ объ Академіи Наукъ, признаемся откровенно, мы ничего не находимъ прибавить съ своеѣ стороны, развѣ только напомнить еще разъ слова лучшаго изъ Президентовъ ея, покойнаго Графа С. С. Уварова, который, въ Запискѣ своей, поданной Министру Народнаго Просвѣщенія въ первые годы своего управленія оною, сказалъ: «Вообще въ Академіи мало попеченія о казенномъ, все употреблено на частныя выгоды... Неуваженіе къ общему мнѣнію, частныя ненависти и пріязни, личности всякаго рода произвели издавна совершенный недостатокъ единодушія и прекратили всю дѣятельность Академіи.»

O cives, cives, pecuniae primum quaerendae sunt, virtus post!

14 Марта, 1866 г.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1865 года, Октября 23-го дня.

1865 года, Октября 23-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена своего, С. М. Соловьева, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Графа М. В. Толстого, А. Н. Аѳанасьева, В. Н. Лешкова, Соревнователя А. И. Хмельницкаго и Секретаря Общества, Д. Чл. О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія Общества 6-го Марта, настоящаго года, происходило слѣдующее.

Читаны были:

А. Отношенія.

1. Конторы Университетской Типографіи, отъ 18 Марта, пол. 19-го, о полученіи, за напечатаніе въ послѣдней 1-ой книги «Чтеній» на 1865 годъ, 513 р. 59 коп. сер.

Той же Типографіи, счетъ за напечатаніе 2-й книги «Чтеній», 1865 года, 443 р. 31 коп. сер. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

2. Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 29 Марта, 1865 г., N 979, пол. 30-го, увѣдомленіе о томъ, что

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ, отъ 24 Марта, за N 2488-мъ, что, по ходатайству Г. Попечителя, на основаніи Свода Законовъ (изд. 1857 г.) т. VIII, ч. II, Об. Уст. Счет. ст. 392-й, и согласно заключенію Совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія, разрѣшилъ сложить съ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ и исключить изъ счетовъ недоимокъ, недоимку Московскому Университету, въ количествѣ семи тысячь двухъ сотъ двадцати пяти рублей сорока пяти копѣекъ (7225 р. 45 коп. сер.), образовавшуюся вслѣдствіе неуплаты Обществомъ за отпечатаніе въ Типографіи Московскаго Университета въ теченіи 1861 и 1862 годовъ статей Общества. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію и изъявить искреннѣйшую благодарность Общества Г. Вицепрезиденту и Г. Министру Народнаго Просвѣщенія за благосклонное вниманіе ихъ къ настоятельнымъ нуждамъ онаго.

3. Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 30 Сентября, N 137, пол. 5-го Окт. 1865 г., разъясненіе ошибки, вкравшейся при помѣщеніи въ «Сборникѣ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія» (томѣ 1-мъ) Устава Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ». Секретарь отвѣчалъ, что ошибка эта давно уже была замѣчена, оговорена и исправлена самимъ Обществомъ, именно: въ Протоколѣ его 26-го Мая, 1864 г., подъ А, ст. 2-й, напечатанномъ въ «Чтеніяхъ» того же года, кн. 4-ой, отд. V, стр. 194—195. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

4. Правленія Московскаго Университета, отъ 20 Мая, N 1751, пол. 22-го, съ препровожденіемъ въ Общество отпущенныхъ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства на содержаніе въ Майской трети сего года 476 руб. 16 коп. сер.

Того же Правленія, отъ 20 Сентября, пол. 21-го, объ отпускѣ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства на содержаніе Общества въ Сентябрской трети сего года 476 р. 18 коп. сер. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

5. Московской Казенной Палаты, отъ 7-го Іюля, № 9891, пол. 14-го, 1865 г., увѣдомленіе съ книгою, документами за 1864 г. и квитанціею въ обревизованіи ихъ. Отвѣтъ о полученіи въ Обще-

ствѣ послань въ Палату 16-го Іюля, за N 189-мъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

6. Московскаго Цензурнаго Комитета, отъ 6-го Октября, 1865-го года, N 441, увѣдомленіе, на запросъ Секретаря Общества, въ какія именно мѣста и учрежденія Общество должно посылать свое повременное изданіе «Чтенія», въ слѣдствіе новыхъ постановленій о Цензурѣ?—«На основаніи ст. 68 и 79 Цензурнаго Устава и дополненій къ нимъ, періодическія изданія должны быть доставляемы въ Цензурный Комитетъ въ числѣ семи (7) экземпляровъ, изъ коихъ 1 остается въ Библіотекѣ Комитета, 1 подлежитъ отсылкѣ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, для Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, 2 въ Императорскую Публичную Библіотеку (если всѣхъ экземпляровъ болѣе 600, въ противномъ случаѣ только 1), 1 въ Императорскую Академію Наукъ, 1 въ Гельсингфорскій Университетъ и 1 въ Библіотеку Московскаго Публичнаго Музея. Кромѣ того, если періодическое изданіе изъято отъ предварительной Цензуры, то 1 экземпляръ онаго, согласно новымъ законоположеніямъ о печати, изложеннымъ въ Высочайше утвержденномъ 6-го Апрѣля сего года мнѣніи Государственнаго Совѣта, слѣдуетъ доставлять къ Цензору, которому порученъ просмотръ изданія, и въ полученіи сего экземпляра онъ выдаетъ установленную квитанцію». Отсюда ясно, что Общество должно представлять въ Цензуру только семь (7) экземпляровъ «Чтеній», такъ какъ они печатаются лишь въ числѣ 600 экз., считая въ числѣ 7-ми и 1 экземпляръ для Г. Цензора. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію и по оному къ исполненію.

7. Канцеляріи Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 19 Августа, 1865 г., за N 2388, пол. 20-го, о возвращеніи пергаментной рукописи № 175/48 въ Московскій большой Успенскій Соборъ, которая, по окончаніи надъ нею ученыхъ работъ, и препровождена, при отношеніи Г. Вицепрезидента, въ Московскую Контору Святѣйшаго Синода, для передачи по принадлежности. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

Б. Предложенія.

8. Московскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, N 127, пол. 24 Апр., о доставленіи въ Комитетскую Библіотеку

безденежно по одному экземпляру изданій Общества за прошлое время. Определено: увѣдомить Комитетъ, что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, по своимъ матеріяльнымъ средствамъ, не находитъ возможнымъ удовлетворить просьбѣ онаго Комитета.

9. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 29 Апр., N 1261, пол. 30-го, о высылкѣ въ Библіотеку новоучрежденнаго Новороссійскаго Университета въ Одессѣ своихъ изданій. Опредѣлено: отобрать, что возможно, изъ изданій Общества, и препроводить въ Новороссійскій Университетъ.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

10. Іеромонаха Арсенія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, пол. 10-го Марта: 1) «Двѣ жалованныя грамоты Императрицы Елисаветы Петровны Троицкой Сергіевой Лаврѣ на всѣ монастырскія владѣнія»; 2) «Доклады, грамоты и другіе акты о служкахъ Троицкаго Сергіева монастыря,» пол. 14-го Іюля.

11. Д. Чл. Архимандрита Макарія, изъ Новгорода, отъ 22 Марта, пол. 27-го: «Письмо Митрополита Ростовскаго Димитрія къ Митрополиту Новгородскому».

Опредѣлено: означенные теріялы разсмотрѣть.

б. Статьями:

12. Д. Чл. Протоіерея М Діева, изъ Нерехты, отъ 22 Марта, пол. 27-го: «Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону, и что извѣстно объ этомъ народѣ?»

13. Профессора Псковской Семинаріи Александра Князева, отъ 10 Апр.: «Очеркъ исторіи Псковской Семинаріи, до преобразованія ея по Проекту Устава, Высочайше утвержденному 1814 г.»

14. Статскаго Совѣтника Николая Абрамова, изъ Семипалатинска, отъ 8-го Мая, пол. 2-го Іюня, 1865 г.: 1) «Нѣсколько свѣдѣній о Ѳедорѣ Ивановичѣ Соймоновѣ, Сибирскомъ Губернаторѣ съ

1757 по 1763 годъ; 2) Дополненіе къ статьямъ, помѣщеннымъ въ «Чтеніяхъ» за 1864 годъ о Митрополитѣ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, и 3) Ода на коронованіе Императора Павла 1-го».

15. Д. Чл. П. В. Хавскаго, отъ 22 Іюля, пол. 24-го: «Церковное счисленіе».

Опредѣлено: означенныя статьи разсмотрѣть.

в. Книгами:

16. Д. Чл. Архимандрита Макарія, отъ 22 Марта, пол. 27-го, печатная статья: «Св Діонисій Архіепископъ Суздальскій, основатель Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Новгородъ 1864».

17. Профессора Львовскаго Университета, Я. Ѳ. Головацкаго, отъ 3 Генваря, 1865 г., пол. 30-го Марта. 1) «Науковый сборникъ, издаваемый Литературнымъ Обществомъ Галицко-Русской Матицы. Выпускъ 1. Львовъ. 1865 г.»; 2) «О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи со временъ Австрійскаго владѣнія въ той землѣ. Соч. Я. Ѳ. Головацкаго». Особый оттискъ изъ 2-го выпуска Науковаго Сборника. 1865 г. Львовъ. 1865 г.»

18. Императорской Публичной Библіотеки, отъ 14 Апр., пол. 16-го, 1865 г.: 1) «Отчетъ ея за 1864 годъ. Спб. 1865 г., и 2) Catalogue des manuscrits, Grecks de la Bibliotheque Impériale publique. Avec 9 planches lithographiées. St.-Pétersbourg. 1864».

19. Московской Духовной Академіи, отъ 23-го Апр., N 98, пол. 26, экземпляръ «Сборника, изданнаго Академіею по случаю празднованія ея пятидесятилѣтія. 1864 г. М.»

20. Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 11-го Апр., N 212, пол. 28-го «Отчетъ Коммисіи за 1863 годъ. Спб. 1864 г.»,

21. Московскаго Археологическаго Общества, отъ 19-го Мая: «Труды Московскаго Археологическаго Общества. Томъ 1-й, выпускъ I. М. 1863 г.»

22. Редакціи журнала: «Труды Кіевской Духовной Академіи» отъ 6-го Мая, N 546, пол. 21-го, увѣдомленіе о полученіи

«Чтеній» за 1860—64 г., въ обмѣнъ на «Труды» за тѣ же годы, по высылкѣ послѣднихъ въ Общество.

23. Управленія Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, отъ 11-го Іюня, N 2533, пол. 25-го, экземпляръ III-го тома «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Державами иностранными. Спб. 1865 г.»

24. Д. Чл. П. В. Хавскаго, отъ 22-го Іюня, пол. 22-го; «Азбучной Указатель къ 12 книгамъ «Плутархъ для юношества. М. 1865 г.»

25. Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ Губернаторѣ, отъ 26-го Іюня, N 106, пол. 11-го Авг., экземпляръ изданій ея, именно: 5 томовъ «Архива Юго-Западной Россіи,» двѣ брошюры: 1) «Отвѣтъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ, по поводу выхода въ свѣтъ 2-й части Архива Юго-Западной Россіи, Кіевъ. 1861, и 2) О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-Западной Россіи. Н. Иванишева. Изданіе Кіевской Археографической Коммиссіи. Кіевъ 1863 г.»

26. Директора Антропологическаго Отдѣленія Общества Любителей Естествознанія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, отъ 22-го Сент., N 479, пол. 23 Сент., экземпляръ изданныхъ имъ «Антропологическихъ Извѣстій», томъ 1-й, М. 1865 г.»

27. Д. Члена С. М. Соловьева: томъ XV-й «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ. М. 1865 г.»

Опредѣлено: означенныя книги сдать въ Библіотеку Общества.

Въ концѣ засѣданія Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную третью книгу «Чтеній» 1865 г. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія. О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. II. Баба-Яга. Профессора Харьковскаго Университета, А. А. Потебни.

II. Матеріялы Отечественные. Приложенія къ Запискамъ А. П. Ермолова. 1801—1812 г.

III. Матеріялы Славянскіе. Митеріялы для Исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою Республикою. Съ приложеніемъ плана Рагузы и карты военныхъ дѣйствій Русскихъ въ области Рагузской Республики въ 1806 г. Соч. В. В. Макушева.

IV. Матеріялы Иностранные. Средневѣковые путешественники, посѣщавшіе Россію, или говорившіе о ней: Михаилъ Саймесъ Изъ Länder-und Völkerkunde in Biographien v. Dr. Ph. Hedw. Külb, перев. Соревнователь Общества А. Н. Шемякинъ.

V. Смѣсь: 1. Послѣдніе годы жизни Государыни Царицы Евдокіи Ѳедоровны. Н. Дубровскаго. 2. Его же. О женѣ князя Михайла Алексѣевича Голицына, Итальянкѣ. 3. А. Н. Радищевъ. 4. Письмо Александра Ушакова къ А. Н. Радищеву въ Малый Ярославецъ, 1797 г. 5. Движеніе Латышей и Эстовъ въ Ливоніи съ 1841 года. 6. Справка по дѣлу о присоединеніи къ Православію крестьянъ Прибалтійскихъ Губерній. 7. О необходимости ввести во всѣхъ Губерніяхъ и Областяхъ Имперіи Русскіе органическіе законы. 8. Письмо Г. Ф. Миллера къ Тобольскому Вице-Губернатору Бибикову 1739 г. 9. Письмо С. Я. Румовскаго въ Академію Наукъ, 1761 г. 10. Нѣсколько свѣдѣній о Ѳ. И. Соймоновѣ, бывшемъ Сибирскомъ Губернаторѣ. Н. Абрамова. 11. Очеркъ Исторіи Поповщины съ 1846 года, съ документами К. Н. Николаева. 12. Краткая Записка о С.-Петербургской Академіи Наукъ. Президента ея С. С. Уварова. 13. Объясненія.

Опредѣлено: 3-ю книгу «Чтеній» 1865 г. раздать Гг. Членамъ присутствующимъ и разослать отсутствующимъ (роздана и разослана).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы. Посвящение. — Предисловіе. — Вступленіе. — Значеніе слова «побѣда» и Отдѣленіе I. На канунѣ битвы. И. П. Липранди . . . . Стран. 1 — 17

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Архивъ Военно-походной Канцеляріи Графа П. А. Румянцева - Задунайскаго. Часть III. 1774 — 1777. Сооб. М. О. Судіенко . . . . 1 — 274

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть II. Пѣсни Угорской Руси. — Добавленіе: 1. Пѣсни, собранныя въ Стрыйскомъ Округѣ. . 536 — 624

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, происхожденіи Великихъ Русскихъ Князей, недавнихъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и Московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерле-

зунда въ Лейпцигѣ 1620. Часть II. Переводъ съ Нѣмецкаго Соревнователя Общества. А. Н. Шемякина. Стран. 89 — 184

V.

СМѢСЬ.

Грамота Петра I-го 1695 года жителямъ города Переяславля Южнаго на право Магдебургское, вольности и земли. Изъ бумагъ А. В. Терещенка. . . 1 — 7
Доносъ на откупщиковъ и компанейщиковъ, расхищающихъ казну и спаивающихъ народъ, Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ. . . . . 8 — 13
Указъ Епископа Переславскаго Амвросія, Переславскаго Никитскаго монастыря Архимандриту Нифонту, о неломаніи стараго до основанія . . . . . . 14 — 16
Описаніе выбора Депутата отъ города С.-Петербурга въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. . . . . 17 — 18
Очеркъ исторіи Псковской Семинаріи, отъ начала до преобразованія ея по проекту Устава 1814 года. Соч. А. Князева . . . . 19 — 102
О необходимости уничтоженія отдѣльныхъ правъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и измѣненіи недостатковъ, противныхъ Государственному благоустройству. . . . . 103 — 114
Изображеніе нынѣшняго состоянія Россіи (1830 г.). 115 — 132
Дѣло о припискѣ Шклоцкихъ Евреевъ къ Ригѣ. . . . 133 — 141
Поѣздка въ Англію для собесѣдованія о соединеніи Англиканской Церкви съ Православною. Протоіерея при Русскомъ Посольствѣ во Франціи Іосифа Васильева. . . . . 142 — 159
О средствахъ къ исправленію экономическаго положенія Россіи. Д. Чл. С. П. Шипова. . . . . 160 — 170
Объ училищахъ для дѣвицъ Духовнаго званія. С. Ш. 171 — 176
Объясненіе. К. Н. Николаева. . . . . 177 — 185
Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 23-го Октября, 1865 года. . . . . . 191 — 197

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
15	13	Плугъ — символъ	плугъ, символъ
—	32	Божитъ	Божять
17	19	я Одинъ	я и Одинъ
28	15	плугъ	пиръ
31	11	збивъ	зъѣвъ
33	25	gienge unser	gienge unter
—	26	по чему	по тому что
35	35	çpiçk	çpíau
36	5	ютрену	ютреню
42	5	minukgti	mink-yti
43	25	тропыть	трапити
44	13	пинашмо	пинашми
—	18	kauru	kauru
46	3	strnela	strucla
—	32	милаю ли	милам ли
50	12	копи	кон
51	4	Ostenfladen	Osterfladen
—	6	кра̀ва̂сь	кра̀ва̂ль
—	18	съ ночью	съ печью
53	9	коровай бувъ	коровай красенъ бувъ
55	7	бѣлый	бѣлѣй
—	8	милый	милѣй
64	15	Heiwag	Heilwag
73	19	прежнимъ	крестнымъ
74	32	kalw	kalwa
88	4	длинноносою	длинноносою
89	8	оставила	уставила
92	24	«Ци́ци́-Бабу»	«въ Ци́ци́-Бабу»
—	7	Турки	Турци
—	29	«а я зъѣмъ»	«а я выѣмъ»
95	6	воля	валя
—	17	»tania	»taria
—	30	(die Eisenne B.)	(die Eiserne B.)

Стр.	Строка.		
99	20	пряха	пряжа
—	—	gulium	galium
—	33	gąstym	gęstym
100	3	понизлѣтуются	поназлѣтуются
—	19	снѣга	снѣги
—	21	по пôдгорою	по пôдгôрью
—	27	зъ вырею	зъ выраю
—	37	" Метл. 201	" Метл. 211.
103	30	по чему	по тому что
—	33	678 и сл.	768 и сл.
104	27	Mě zubů	Ale zubů
105	35	gib dir C.	gib dir e
106	4	спрядки	супрядки
—	10	по чему	по тому что
107	16	zyb	zub
108	6	даетъ	даетъ основаніе
—	17	штяпова	штапова
—	19	са штаповими	са штаповима
110	13	vo...	ve...
114	6	Sebrani spisy	Sebrané spisy
118	21	мóря	мóрія
—	29	это—моровая	эта моровая
120	31	Murrane	Murraue
121	23	стали	сталъ
122	10	занести	завести
—	26	Принести	Принесши
124	28	Rücke	Rücken
125	18	жихарька	жихарько
126	28	исходили	шкодили
128	25	о великантѣ	о великаншѣ
129	27	готовленномъ	въ приготовленномъ
131	10	jędzu	jędza
132	18	lapi)	lapé)
134	10	ляпу	лапу
135	10	нѣкоторыя, хотя	нѣкоторыя. Хотя
136	17	сыкорко	свекорко
137	11	обѣдаетъ	съѣдаетъ
—	22	въ Нѣмецкомъ	въ Нѣмецкой
138	8	Норвежской царь	Норвежской—царь
—	9	кокошъ котовичъ	кокошъ кокотовичъ.
—	18	кокоша	кокота
143	9	Haufbrecte)	Hanfbrecte
—	24	Hink	blink
146	28	дочкѣ	дочка

Стр.	Строка.		
—	32	Haulemämurcheu	Haulemännerchen
147	27	вѣдьмъ	вѣдьмѣ
148	17	Т. е.	Т. обр.
—	25	Слав.	Слов.
152	20	Баба корнями	Баба коризма
153	25	человѣкообрачному.	человѣкообразному
154	32	Баба-кобылья	была кобылья
157	16	и слѣд. Кумельчанъ,	Кумельчаниць
158	1	Tatršíkách	Tatošíkách
161	14	царевичу	царевичеву
166	7	ихъ, т. е.,	ихъ т. о.
171	2	виленакъ	виловнякъ
172	36	и мѣдною,	и мѣдною стѣною,
173	21	на (грану,	(«на грану»,
176	35	да будетъ	добудетъ
179	30	загадкѣ	догадкѣ
180	27	Т. е.	Так. обр.
185	8	J. K. z Kadost.	J. K. z Radost
193	31	Т. е.	Так. обр.
196	5	съ ними	съ нимъ
198	2	дочерьею	дочерью ея
—	14	свѣжа	свѣтла
199	31	po otevrení	po otevření
200	22	бугаста	вугаста
—	24	Єе	е
—	30	Єе	е
201	10	сказсками	сказками
	20	Murrane	Murraue
202	1	красную	красивую
—	7	меленькими	маленькими
—	10	рѣку	рѣпу
—	11	рѣка	рѣпа
—	20	о дѣвицѣ»	о дѣвицу»
—	24	«нянька-мамка»	«няньки-мамки»
—	28	плясать это	плясать, что
207	10	скаскѣ	сказкѣ
—	17	влезъ	влѣзъ
208	29	карканіа	каркапіа
209	6	ор въ ра	ар въ ра
210	24	Игрзрачила	Иггдразила
212	20	быка	бока
—	36	буцівокъ	бузйвокъ
213	5	пастухомъ и Зевсомъ,	пастухомъ, и Зевсомъ
—	9	кедзъ ю	кедзъ го

Стр.	Строка.		
215	23	Donaru)	Донару)
217	13	Иначе	иначе
—	23	прядутъ	прячутъ
221	9	Mencuri	Mercuri
—	—	Vumineca	Dumineca
222	1	сеть	есть
—	25	женщина	женщины
223	29	она	оно
224	7	Franaküclï	Frauaküeli
230	26	Савитари	Савитаръ
231	16	кирta	nupta
—	18	Шваштаръ	Тваштаръ
—	19—20	Шваштары	Тваштара
232	2	Гандhарвы	Гандhарвы
—	4	Атhарвъ —	Атhарва —
233	23	Kalend. III.	Kalend. 111
236	56	вѐдромѣ	вѐдромъ
—	57	не ѣдятъ	съѣдятъ
237	10	расточило	растопило
—	11	альдюмъ	альфомъ
—	12	Альвліомъ	Альвисомъ
239	5	змѣя	змѣи
—	6	сходныя	сродныя
—	9	глоде	глодe
—	17	comioval	comcoval
—	26	Германскими	съ Германскими
—	29	Лова	Локи
—	32	Лока	Локи
240	6	Суртра	Сутура
—	7	Muspellheimr	Muspelheim
—	8	Суртромъ	Суртуромъ
—	16	Сказка	Сказки
—	20	Голинъ	Голикъ
—	28	полные воды (быть можетъ и пр.)	полные воды, напилась и забеременѣла. Это были «Божьи Слѣды» (быть можетъ и пр.
—	34	паали гарбhаh	анâм гарбhаh
—	35	анâм панâм	анâм панâт
241	13	выростить	выростеть
—	25	предметами	примѣтами
242	24	поваренка	Поваренка
—	—	сученка	Сученка
—	28	Die weiser	Die weissen
245	2	Сâрамîja	Сâрамèja

Стр.	Строка.		
246	14	Индра	Индійскій
247	21	своею	своего
—	27	Али	Аги
—	34	Сачи	Сачй
251	25	оружіемъ, то	оружіемъ) то
253	16	d'âca	dâca
255	2	мерть	смерть
—	32	находимъ	находитъ
256	16	утопить	ухопить
257	9	Зарьку	Зорьку
258	26	Али	Аги
260	31	Али	Аги
263	9	черепья	черенья
	26	потоки одъ	потоки водъ
265	29	полоса къ полосѣ	полова къ половѣ
267	12	Валкиріи и Брингильды	валкиріи Брингильды
—	15	Сигуръ	Сигурдъ
—	—	Гримгильдѣ	Кримгильдѣ
—	34	кузнеческаго	купецкаго
269	6	притворился	претворился
—	8	9 Моря. Такъ	моря; такъ
271	5	6 Прекрасной. Медвѣдь	Прекрасной медвѣдь
—	26	на лозѣ	на лозы
272	13	Mrdotús	Mrdofús
—	23	сказкѣ соотвѣтсвующее	сказкѣ лицо соотвѣтствующее
275	3	думаетъ, Сушна	думаетъ, что Сущна
—	7	Али	Аги
—	11	трава	труба
—	27	вѣщимъ	пьющимъ
276	5	измокъ	смокъ
	9	дождь	дождь;
—	10	свѣтъ	сосетъ
	17	ŀymu	rymu
—	29	Брун.	Бѣлорусс.
—	30	напоминало	паносимаго
277	12	похмула	потмула
278	1	скотный	скотской
—	21	Jormen-gandr	Jörmun-gandr
—	26	suncec	sunčec
—	30	Славянское	Словенское
279	13	нарицаются	нарицають се
—	36	su meszke neckasi	su meszka neekėsi
280	12	Волошск.	Вологодск.
—	36	вамъ	вам

Стр.	Строка.		
281	1	въ Польской	Польскимъ
—	8	кукурузіехъ	кукурузніехъ
282	7	приколичь (женск.)	приколичь (жен. приколичоне)
283	22	имени	и мени
284	6	замнюче	замигоче
—	24—25	но сливается	не сливается
—	37	у Гетте	у Темме
285	32	Munory	Murony
287	17	ворить	варить
—	19	обмѣнишь	обмѣнышь
288	5	скрадывыя	скрадывая
—	7	намиснику	на миснику
—	10	противной	проливной
—	25	токой	такый
290	23	перенесено	перенесены
291	36	Aeratuos	Aera tuos
292	3	podojš	podojiš
—	10	snušeninu	smišeninu
—	22	třikrte	třikráte
—	23	obracení	obracené
—	24	muská	mrská
—	29	вѣдьмы	вѣдмами
—	31	вкунула	вкинула
293	11—12	убывашета	убивашета
294	2	кою жену	на кою жену
—	9	упыря,	упыря)
—	27	skand	skaud
—	30	сопящій	гонящій
295	16	nic jé	nie jé
—	17	темноты	темнота
—	18	падаютъ. Ночной	падаютъ, ночной
296	13	мара	мары
—	16	zhare	žhaře
—	22	на ёшъ	па ёшъ
297	20	brunstwarzen	brustwarzen
298	17	die Tunde	die Trude
—	21	замкнувши	заткнувши
299	4	(полом	(потомъ
—	14	попадаютъ	нападаютъ
300	21	obliži	obliže
301	17	ungezieter	ungezifer
—	18	приносимое	не приносимое
—	26	врикна	врukńa
—	27	latus	latro

Стр.	Строка.		
303	24	povènecného	pověrečného
304	5	коорою	которою
—	15	намъ	наши
306	16	vložejic	vložejí
—	16—17	nakvasuje	nakvašuje
—	33	chlopodauch	chlopolouch
—	—	chliopau	chliopan
308	9	nerotrebované	nepotřebované —
—	11	boleseti	bolesti
—	24	одинъ	Одинъ
—	25	svefuporn	svefnthorn
309	7	порошка	пароста

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., 1 р. 50 к. сер., перес. за 1 ф.

ПОРТРЕТЪ Кіевскаго Митрополита **ЕВГЕНІЯ,** съ снимкомъ почерка его руки. М. 1834 г., цѣна безъ пересылки 50 к.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

ГОДЪ 2-й: Цѣна

въ 9-ти книгъ каждая 2 р. 50 к.

а всѣ безъ пересылки 22 р. 50

а съ пересылкой . . . . 25 р. сер.

ГОДЪ 3-й, тоже изъ 9-ти

книгъ, каждая по . . . 1 р. 50 к.

ГОДА 4-го кн. 1. . . . . . 1 р. 50 к.

Итого безъ пересылки . . 37 р. 50 к.

съ пересылкой. . . . . . . 44 р. сер.

ГОДЪ 1858-й, 1859-й, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, по 4 книги въ годъ, безъ пер. каждый. . . . . 5 р. с.

съ пересылкой . . . . 6 —

За всѣ годы, безъ пересылки. 77 р. 50 к.

съ пересылкой же. . . . . 92 р. сер.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 г.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к.

а за всѣ безъ

пересылки. . . . 37 р. 50 к.

съ пересылкой. . 45 — —

На пересылку всякой книги «Чтеній» и «Временника» безъ различія за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Дмитрія Ивановича Штейнберга, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у книгопродавца Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848, ц. 6, р. сер., перес. за 10 ф.

О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855, ц. 2 руб. серебр., съ перес. 3 р.

ИСТОРІЯ РУССОВЪ ИЛИ МАЛОЙ РОССІИ, соч. Преосвящен. Георгія Конисскаго. М. 1846 г., ц. 3 р. сер. безъ пересылки.

ГУСЪ И ЛЮТЕРЪ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома. Цѣна 4 р. сер.

ЗАПИСКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860, ц. 1 р. 50 к. сер.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И РОДИНѢ ГЛАГОЛИТИЗМА; соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1861, ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, пер. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к. сер., съ пересылкою 3 р.

ПУТЕШЕСТВІЯ Венеціанца Марка Поло въ XIII стол., напечатанныя въ первый разъ вполнѣ съ объясненіями на Нѣмецкомъ по лучшимъ изданіямъ и съ объясненіями Авг. Бюркомъ, а перев. А. Н. Шемякинымъ. М. 1863, ц. 1 р. 50 к. сер., съ перес. 2 р.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣм. А. Н. Шемякина. М. 1865; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. сер.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ и въ 1866-мъ году выходятъ, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріалы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая — пять рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста — шесть. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу, Ивану Григорьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базунову), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕПРЕЗИДЕНТЪ,

Попечитель Университета, Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ,

у Колымажнаго двора, въ домѣ Столыпина.

СЕКРЕТАРЬ,

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещериновой.

БИБЛІОТЕКАРЬ,

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,

у Покрова въ Левшинѣ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ,

Николай Никифоровичъ Басалаевъ,

на Пречистен. бульварѣ, въ д. Іерусал. подворья.

АКТУАРІЙ,

Дмитрій Ивановичъ Штейнбергъ,

на Моховой, въ зданіи Московскаго Университета.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1866

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

1866.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ, 8
частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 40 к. за каждую,
на перес. за 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., ц. 30 кор., перес. за
2 ф.; Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о
Полку Игоревѣ. 1844 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской и-
торіи, г. Эверса, пер. съ Нѣм. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 75 к., пе-
рес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, перевод
съ Нѣм. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розен-
кампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описан-
и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмецкаго И. Артемова; съ рисунка-
ми. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокра-
щенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., пе-
рес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р.,
перес. за 1 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—
1840 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбашева.
М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 13 ф.

**КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКА-
ГО,** содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Ко-
ролей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Обо-
ленскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М.
1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червонной или **ГА-
ЛИЦКОЙ РУСИ** до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго; пер. съ Поль-
скаго О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книг. Г.
Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его
до Петра 1-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп., пер. за 2 ф.

**БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНО-
СТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,** сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа
Правды Русской по церков. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р.
50 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи, М. Погодина.
М. 1846 г., 3 тома: 1, 2 и 3-й, ц. 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана; съ 19 рисунк.
М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. А. Ригельмана,
съ 20 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., пер. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

О. М. БОДЯНСКАГО.

1866.

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1866.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ДОНЪ

I

МѢСТО ССЫЛКИ ОВИДІЯ НАЗОНА

II

МИТРОПОЛІЯ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ НА ДОНУ,

СЪ IV ДО IX ВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Вельтмана.

ДОНЪ

I.

МѢСТО ССЫЛКИ ОВИДІЯ НАЗОНА.

Вопросъ о мѣстности Мало-Скиѳійскаго города Томи — Tomis, Τομέα, Τομαία, Τομως etc., еще не рѣшенъ опредѣлительно, потому именно, что никогда и никѣмъ не былъ строго изслѣдованъ. Давнія поверхностныя сужденія объ этомъ предметѣ можно заключить Квіеномъ (Le Quien). Въ Oriens Christianus, при упоминаніи объ эпархіи Томитанской, въ Скиѳіи, онъ говоритъ: «Caeterum hodie Tomi non extant, et perperam a quibusdam pro Temiswar accipitur, et ab aliis pro Kiowia». [1] Новѣйшіе поиски Томи въ сосѣдствѣ Дуная сосредоточены въ статьѣ г. Беккера. [2] Его предположенія останавливаются на мѣстности Кюстенджи. Не опровергая этого мнѣнія, я только полагаю, что Ѳракійскій Томи, не Томи Овидія.

Томи, оглашавшійся покаянными мольбами Назона, былъ на отдаленныхъ предѣлахъ Римской Имперіи, извѣстенъ въ церковной

---

[1] Nisard, professeur d'éloquence Latine, въ предисловіи къ изданію Овидія, приводитъ различныя мнѣнія о мѣстности Томи: въ Томисварѣ (?) въ Булгаріи, въ Кіевѣ на Днѣпрѣ, и въ Сабаріи. «Quant à son tombeau, on l'a retrouve partout. Bruschius écrivit en 1508, qu'on l'avait, cette année la, decouvert à Sabarie, avec cette inscription gravée sur la partie extérieure de la voûte....» За симъ слѣдуетъ надпись, таже самая, которую мы представимъ ниже. Но дѣло въ томъ, что упоминаемый Низаромъ Bruschius (Gaspar), писавшій будто бы въ 1508 году, родился 19 авг., 1518 года.

[2] Пропилеи. Изд. г. Проф. Леонтьева, т. IV, стр. 255—309.

исторіи, со временъ Константина Великаго, какъ митрополія *обѣихъ Скиѳій* — Σχυθίαν ἑχατέραν, и безъ сомнѣнія имѣетъ существенное значеніе только для исторіи Русской Церкви.

Встрѣтивъ въ древнихъ географахъ и въ периплахъ Понта названіе Томаіа на Ѳракійскомъ берегу, въ 750 или 800 стадіяхъ отъ Дуная, издатели Овидія и упоминающіе объ немъ, удовлетворились этимъ свѣдѣніемъ, хотя оно во всемъ противорѣчитъ съ его собственными словами, исключая неопредѣленнаго, въ понятіяхъ современныхъ ему географовъ, слова Дунай. Въ отношеніи Овидія, вопросъ могъ бы остаться нерѣшеннымъ, какъ вопросъ о мѣстѣ рожденія Гомера; для исторіи Поэзіи это ничего не значитъ; но для исторіи Церкви, помѣщеніе Русской первобытной Томитанской митрополіи во Ѳракіи, есть несообразность, которую нельзя оставить безъ повѣрки. На этомъ только основаніи я обращаюсь къ словамъ самого Назона о мѣстности, климатѣ, преданіяхъ и упоминаемыхъ имъ историческихъ лицахъ Томитанской страны. Безъ соображенія этихъ предметовъ, его топографія, потерпѣвшая отъ писцовъ и корректоровъ, кажется поэтическимъ вымысломъ. Но въ положеніи Овидія, ему было не до вымысловъ; онъ могъ ошибаться, только искренно вѣруя въ превратныя свѣдѣнія современныхъ географовъ, для которыхъ вся сѣверная часть Понта была еще покрыта Киммерійскимъ мракомъ.

Вникая въ смыслъ элегій и посланій Овидія, и зная топографію Ѳракіи, нельзя не искать инаго Томи на иной мѣстности, въ странѣ болѣе пустынной, лежащей, по его выраженію, подъ созвѣздіемъ Эримантской медвѣдицы. Г. Липовскій, въ статьѣ своей «Гробница Овидія,» [3] и переноситъ прахъ Назона за Дунай, въ Бессарабію, и говоритъ, что тамъ, по мѣстнымъ и древнѣйшимъ преданіямъ, память народная сохранила имя поэта въ названіи «Lacul Ovidului»— Овидіево Озеро, близь Аккермана. Эта находка принадлежитъ собственно Кантемиру. Я былъ близь Аккермана, искалъ знаменитаго озера, и нашелъ его; но оказалось, что маленькое озерцо, поросшее камышемъ, въ вершинѣ Днѣпровскаго лимана, называется Лаку Дувыдулуй. Очень естественно, что не стоило справляться у народ-

---

[3] Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. I.

наго воспоминанія, кто такой былъ Дувыдъ, и когда именно здѣсь стояла его одая. [4]

Но послѣ свѣдѣнія объ Овидіевомъ озерѣ, [5] г. Линовскій сообщаетъ иное свѣдѣніе, отысканное имъ, по наведенію же Кантемира, въ Запискахъ D. Laurentium Müller, fürstlichen Churländischen Hoffrath, Anno 1585, гдѣ, между прочимъ, говорится о «warhaften ort der exilii Ovidiani.»

«Въ 1581 году, пишетъ Мюллеръ, во время праздниковъ, когда Черкасскій староста Вишневецкій, при помощи Князя Острожскаго, разбилъ Татаръ, они осмотрѣли значительную часть этой страны (Заднѣпровской), и нашли тамъ обширныя пустыни.... На шестой день пути отъ Днѣпра, мы остановились на прекрасномъ мѣстѣ, гдѣ былъ заглохшій тиною колодецъ. Здѣсь Войнуоскій и указалъ намъ въ густой травѣ надгробный камень, съ слѣдующею надписью:

Hic situs est vates, quem divi Caesaris ira
Augusti Lacio cedere jussit humo,
Saepe miser voluit patriis occumbere terris,
Sed frustra: hunc illi fata dedere locum.

Объ этомъ камнѣ сообщается и въ лѣтописи Сарницкаго: «Annales, seu de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum,» свѣдѣніе со словъ нѣкотораго знаменитаго Русскаго боярина, что этотъ камень найденъ имъ въ степи близь г. Азакъ [6] (oppidum Asak).

---

[4] Это Овидіево озеро, La Motray, болѣе счастливый въ поискахъ, нашелъ гораздо ближе къ предполагаемому мѣсту изгнанія Овидія. Г. Беккеръ почерпнулъ изъ путешествія его свѣдѣніе, что озеро, лежащее между Бабою (Бабадагомъ) и Кюстенджи, называется не по турецки и нынѣ еще Овидіевымъ озеромъ. Но между Кюстенджи и Бабой, по взморью (85 вер.), много озеръ; однако же не Овидіевыхъ; влѣво же отъ дороги озеро Карасу, а не по Турецки озеро Черноводы. Въ этомъ-то названіи, вѣроятно, и нашелъ La Motray имя Овидія.

[5] Кстати, независимо отъ моего посѣщенія этого озера, я нахожу его и на Семитопограф. картѣ театра войны 1828—29 г. Выше и правѣе Гура-Роша означено оз. Дувыдово.

[6] Азакъ есть татарское и турецкое названіе Азова; одноозначительно

Г. Линовскій сомнѣвался въ достовѣрности сообщаемаго свѣдѣнія; но я невольно обратилъ на него вниманіе, потому, что былъ убѣжденъ уже довольно подробнымъ изслѣдованіемъ, что для Овидія не западный берегъ Чернаго моря былъ litus sinister Ponti, а восточный.

Я былъ на мнимомъ островѣ Певкѣ, который по Скимну Хіосскому возвышался между рукавами Дуная и не уступалъ въ величинѣ острову Родосу. Съ моря, отдѣльныя высоты Добрушской области, въ самомъ дѣлѣ покажутся островомъ, если принять Черноводскій берегъ, по которому тянется къ Кюстенджи, такъ называемый, Трояновъ валъ, [7] за берегъ южнаго рукава Дуная.

Собственно въ этихъ мѣстахъ и прокладываются, какъ г. Истръ, такъ и искомый г. Томи, основанные по преданіямъ Милетами, то есть, Лидянами области Іонійской; слѣдовательно, до покоренія Лидіи Персами. Однако же, по Периплу Скилакса Каріандрскаго, котораго Дарій Гюштаспъ посылалъ осмотрѣть берега Индіи Черноморской, ни г. Истра, ни г. Томи, на Ѳракійскомъ берегу еще не существовало. «Слѣдуя далѣе по Понту, говоритъ Скилаксъ, на Ѳракійскомъ берегу слѣдующіе еллинскіе города: Аполлонія, Мисимврія, Одиссополисъ, Каллатисъ, а за тѣмъ р. Истръ.»

Г. Истръ, во Ѳракіи, не извѣстенъ былъ и Геродоту, и безъ сомнѣнія не существовалъ еще и въ его время. Въ свѣдѣніяхъ Помпонія Мелы, между Истрополемъ и Каллатисъ, нѣтъ Томи. [8] Истръ является съ сосѣдомъ своимъ, Томи, первоначально у Страбона, не городами, а πολίχνη, — что значитъ городецъ, небольшое укрѣпленное мѣсто; слѣдовательно, разсчитывать на нихъ, какъ на колоніальныя торговыя пристани, не льзя: этого значенія имъ не при-

---

съ خزر и خزرق; бахр-ель-Хазар и Хазак-денгис — Козарское море, Казачье море; такъ называли Магометанскіе писатели безразлично то Азовское, то Каспійское море.

[7] Кр. Кюстенджи составляетъ приморскую оконечность вала или линія укрѣпленій со стороны Ѳракіи, отъ озера Черноводы, и можно полагать, что здѣсь было укрѣпленіе, построенное, вмѣстѣ съ валомъ, въ то время, когда Римляне, покоривъ Македонію, овладѣли и Ѳракіей.

[8] «Ὀδυσσος ἤτοι καὶ βάρης λέγεται». Le Quien, въ опис. Мисійскихъ епископій.

даетъ ни одинъ изъ древнихъ географовъ. Это были не болѣе, какъ приморскія станціи и посты, въ родѣ Анапы. По Периплу Арріана, у котораго означены разстоянія прибрежныхъ городовъ Ѳракіи, можно опредѣлить положеніе Томи. Мѣра стадій въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ была такъ различна, какъ и самыя опредѣленія стадій по числу, заключающемуся въ градусѣ. Но на Ѳракійскомъ берегу есть нѣсколько неизмѣнныхъ точекъ, на примѣръ, оконечности Гема (Балкана), образующія мысъ Эмине, мысъ Тиристрія и мѣстность Одиссы, нынѣ Варны. [9] Я опредѣляю стадіи Арріана по разстояніямъ этихъ точекъ, пользуясь картой театра войны 1828—29 годовъ. [10] По этому размѣру 1 верста заключаетъ въ себѣ около 7 стадій, и всѣ древнія мѣстности набережной сходятся съ соотвѣтственными имъ въ настоящее время, какъ нельзя болѣе.

Разстоянія по верстамъ.	Вер.	Ст.	По Арріану, въ стадіяхъ.	Ст.
Отъ мыса Эмине до Варны	51	=357.	Отъ мыса окон. Гема до Одиссы	360.
Отъ Варны до Бальчика	29	=203.	Отъ Одиссы до Діонисіополя	200.
Отъ Бальчика до Коварны	12	= 84.	Отъ Діонисіополя до Визонъ	80.
Отъ Коварны до м. Желегра-бурну.	11	= 77.	Отъ Визонъ до м. Тетризіады, по Страб. м. Тирица (Τίριζις)	60.
Отъ мыса до мѣста, гдѣ маякъ	18	=126.	Отъ Тетризіады до Каросъ (Фаросъ?).	120.

[9] Помпоній Мела не упоминаетъ о Томи: « In littoribus Istro proxima est Istropolis, deinde a Milesiis deducta Calatis, et Tritonice, et portus Caria, et Tiristris promontorium.» Исаакъ Воссій, въ примѣчаніяхъ къ Периплу Понта, исправляетъ Помпонія, и вставляетъ въ текстъ его Tomos, для географическаго порядка и вѣрнаго чтенія: «In littoribus Istro proxima est Istropolis. Tomos deinde à Milesiis deducta, Calatis, etc.»

[10] Составленной съ инструментальныхъ и военныхъ съемокъ, при Воен.-Топогр. Депо картъ, въ 1853 г., мѣрой 10 верстъ въ дюймѣ.

Мѣра 7 стадій въ 1-й верстѣ сходится и съ разстояніями Страбона. Отъ Кіаней, т. е., отъ пролива Константинопольскаго, онъ считаетъ 1,500 стадій до Аполлоніи (на полуостровѣ, слѣд. до нынѣш. Сизополя). По мѣрѣ отъ пролива до Сизополя 1,400 стад. (200 верстъ). Отъ Аполлоніи до Каллатиса, по Страбону 1,300 стад. По мѣрѣ отъ Сизополя до Мангаліи (предп. Каллатисъ, Калантра) 190 верстъ или 1,330 стад.

Отъ Маяка до Мангаліи . 30=210. Отъ Каросъ до Калатры . 180.
Отъ Мангаліи до Кюстенджи 40=280. Отъ Калатры до Томи. . 300.[11]

Далѣе, въ 28 верстахъ отъ Кюстенджи начинаются пересыпи Синяго озера (коса Кутюкъ) и удобнаго мѣста, для помѣщенія г. Истра въ 300 стадіяхъ (42 в.) отъ Томи — нѣтъ. Г. Беккеръ полагаетъ, что пристань Истра слѣдуетъ помѣстить на грядѣ Кара-Урманъ, при с. Кара-Урманъ, т. е., въ 800 стадіяхъ или 114 верстахъ, а по его мѣрѣ стадій въ 140 верстахъ; самый же городъ Истръ искать внутри страны, къ западу отъ оз. Разельмъ, верстахъ въ 20. Не постигая ни такого огромнаго разстоянія пристани Истра отъ города Истра, ни помѣщенія этой пристани въ нѣдрахъ плавней и гирлъ Дунайскихъ, я удовлетворяюсь опредѣленіемъ мѣстности Ѳракійскаго г. Томи, по Арріану въ 800 ст. (114 в.), а по Страбону въ 750 (107 в.) отъ южнаго гирла Дуная.

Во всякомъ случаѣ, мы можемъ теперь судить объ окрестностяхъ этого Томи и о климатѣ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ извѣстно, что при Августѣ внутреннее спокойствіе страны было обезпечено отъ набѣговъ варваровъ Заистрійскихъ, и охраняемо войсковыми префектурами. Сверхъ того, Ѳракія уже имѣла сообщенія съ Римомъ и сухимъ путемъ и Дунаемъ до устья; потому что Лентулъ занималъ укрѣпленіями и войсками лѣвый или сѣверный берегъ рѣки.[12]

При подобномъ положеніи Ѳракіи, сообразны ли жалобы Овидія на беззащитность Томи посреди Скиѳовъ, Сарматъ, Гоѳовъ и Грайевъ, забывшихъ свой еллинскій языкъ, in Scythibus finibus, куда только изрѣдка достигаетъ моремъ вѣсть изъ Рима? Нѣтъ ли здѣсь

---

[11] По Помпонію, послѣ portus Caria слѣдуетъ Tritonice (по Tabula Peutingeriana Stratonice), потомъ Calatis, соотвѣтствующій Кюстенджи, котораго названіе образовалось собственно изъ Constantia.

У Птоломея порядокъ иной: послѣ Одиссы слѣдуетъ Τιριστρία ἄκρα, потомъ Діонисополисъ, Калатіа, Томи (Τόμοι), Истрополь.

По Плинію: Одессусъ, Діонисополь, Бизонъ, Гераклея, Калатисъ, Томосъ, Истрополь.

[12] Misso igitur Lentulo, ultra ulteriorem repulit ripam, citra praesidia constituit. Sic tunc Dacia non victa, sed summota atque dilata est. Florus. L. IV, 12.

географической ошибки, въ которой Овидій, безъ сомнѣнія, меньше виноватъ, нежели знаменитый географъ Делиль, который со словъ Константина Багрянороднаго помѣстилъ Черную Булгарію, вмѣсто Придонья, на Дунаѣ, въ Добрушской области? [13]

Въ чемъ же можетъ заключаться эта ошибка?

Сходственныя названія Дона и Дуная были не разъ причиной того, что событія перемѣщались съ Азіатскаго берега Понта на Европейскій, и обратно. Еллинское и Римское ухо, зная Дунай за Ἴστρος и Danubius, а Донъ за Tanais, ни какъ не могло различать народныхъ названій, между которыми часто и не было различія. Донъ также носилъ имя Дуная. Самое названіе Tanaï(s) могло скорѣе произойти отъ Дуная, нежели отъ Дона. Сѣверная Русь (Rugii) называла и сѣверозападную Двину Дунаемъ, или вообще Доньемъ, [14] т. е., Низовьемъ; а по древнимъ это былъ Танаисъ, впадающій въ Балтійское море. [15]

«Мы знаемъ только устье Танаиса, говоритъ Страбонъ, а истоки его и теченіе совершенно намъ неизвѣстны. По мнѣнію Ѳеофана Митиленскаго, онъ истекаетъ изъ горъ Кавказа, течетъ на сѣверъ

---

[13] См. «Imperium Orientale, Domni Ans. Banduri. Const. Porphirog. De Adm. Imp. Cap. 42, и приложенную карту Делиля (Del'Isle). Константинъ говоритъ: «Къ сѣверу рѣка Днѣпръ, откуда Руссы ходятъ чрезъ Черную Булгарію и Хазарію въ Сирію.»; Въ договорѣ съ Игоремъ, Императоры Романъ, Стефанъ и Константинъ Багр. выговорили, чтобъ Великій Князь Русскій не допускалъ Черныхъ Болгаръ воевать на Корсунь.

[14] Донье — низовье, низъ, дно; по Сербски Доньи, der untere, inferior.— Dünen — низовье Рейна. Это слово какъ и низовье относилось по преимуществу къ устьямъ, гдѣ была и тоня — рыболовное мѣсто рѣки.

[15] «Есть другой Танаисъ, который протекаетъ изъ горъ Криннскихъ (Chrin. nes) и впадаетъ въ Балтійское море.» Іорнандъ, Еписк. Равенскій. Выписка Гр. Потоцкаго. Кн. XXXIII, гл. V. Это Донье или Двина составляла торговый путь, имѣя общіе истоки съ Волгой. Сѣверная Двина, сообщающаяся верховьями, посредствомъ волока, съ Камой, безъ сомнѣнія называлась также Доньемъ.

Guillielmo Stuckio, въ примѣчаніяхъ къ Арріанову Периплу, говоритъ, что рѣку Двину (Duna) называли также и Дунаемъ (Danubius).

и потомъ дѣлаетъ поворотъ и впадаетъ въ Меотическое озеро. По другимъ, верховье его тамъ же, гдѣ и истоки Истра.» Разумѣется, что подобныя понятія раждались отъ сходства названій. По Периплу Скилакса, «послѣ Венетовъ слѣдуютъ: народъ Истры и рѣка Истръ, впадающая въ Понтъ семью рукавами (ἔθνος Ἴστροι, καὶ ποταμὸς Ἴστρος).» Тутъ же рядомъ γυναικοκρατούμενοι (управляемые женами), какъ и въ Придоньѣ, [16] и островъ Истръ (Ἴστρις νῆσος). По Іорнанду и Периплу Понта и Меотиды р. Истръ или Дунай называется также Днѣпромъ; [17] по географической поэмѣ Скимна Хіосскаго, пять рукавовъ Дуная впадаютъ въ Понтъ, а два въ Адріатическое море.

Подобныя свѣдѣнія древнихъ географовъ перепутывали дислокацію народовъ и событій. Такъ, на примѣръ, по Зосиму, побѣда Константина Великаго надъ Сарматами происходила на Дунаѣ: «Императоръ Константинъ, узнавъ, что Сарматы, живущіе близь Меотиды, переправясь чрезъ Дунай, напали на его области, двинулъ свое войско противъ нихъ и т. д.» Но это нашествіе на Греческія области, по Зосиму Сарматовъ, по Евсевію Скиѳовъ, а по Изидиру [18] Гоѳовъ, совершилось въ Босфораніи и относится къ войнѣ противъ Савромата, который покушался возвратить отложившіяся

---

[16] Скилаксъ говоритъ: «За Танаисомъ, въ Азіи начинается область Савроматовъ, и первый народъ на Понтѣ есть Савроматы. Савроматы же есть народъ управляющійся женами.» Мы уже изложили (см. «Аттила»), какъ родились въ Греческихъ сказаніяхъ эти жены правительницы и Амазонки.

[17] ...«à Borysthene amne, quem accolae Danubium vocant». Jorn. Cap. V. «Μέχρι τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ ἤτοι Δανάπρεως καλουμένου πάλιν Σκῦθαι κατοικοῦσιν.» Ponti Eux. Periplus. Явное доказательство, что жители называли низовье всѣхъ рѣкъ Доньемъ.

Названіе Донье, низовья при устьяхъ рѣкъ, независимо было отъ прозвища рѣкъ: такъ, на примѣръ, рѣка Днѣстръ есть собственно Стрый, какъ она и называется въ верховьяхъ; устья же и лиманъ, или низовье, вѣроятно, называлось Донье Стрыя, откуда иноземцы прозвали Danastris; точно также и Danapris могъ получить названіе отъ Донья праговъ, пороговъ.

[18] Beati Isidori Arch. Hispal. Gothorum, Vandalorum et Svevorum in Hispania, Chronicon. Изидоръ, какъ и прочіе историки Гоѳовъ — Іорнандъ, Прокопій Кесарійскій, писали безъ отчета, вмѣсто Скиѳы — Гоѳы.

отъ него области въ Тавридѣ, и котораго Зосимъ, или его переписчики называютъ Rausimodo.

Покореніе Сарматіи, или Малой Скиѳіи, чему, должно полагать, особенно способствовало распространившееся въ этой странѣ Христіянство, изобразилось на монетахъ надписью «Sarmatia devicta». Но жителей Тавриды и Босфораніи, Греки и Римляне, въ разныя времена, безразлично называли, то Скиѳами, то Сарматами [19] и даже Гоѳами. Эти послѣдніе, какъ исконная промышленная община, родственная съ Ханаанами (Финикійцами), разсѣялись по всѣмъ прибрежнымъ городамъ Еллинскихъ колоній. Но усвоенная ими по преимуществу область на Кавказѣ была Халдея, Гэхти-к Арменіи, между рѣками Гебромъ (Курой) и Араксомъ. [20] Со времени преобладанія Гебровъ — Халдеевъ, или Гоѳовъ, въ лицѣ Кагана Миѳридата, вліяніе ихъ въ Тавридѣ и Босфораніи такъ усилилось, что они были представителями края, который и управлялся Каганами до самаго Константина Великаго, или до покоренія Сарматіи. Въ Латинской чеканкѣ это событіе выразилось и посредствомъ «Victoria Gothi». Эккель, въ своемъ сочиненіи о древнихъ монетахъ, также замѣчаетъ, что «Римляне почти всегда смѣшивали имена варварскихъ народовъ на сѣверѣ Иллиріи и въ Азіи, и безразлично принимали Скиѳовъ за Гоѳовъ». [21]

---

[19] Не излишнимъ еще считаю повторенія, что у Еллиновъ общее названіе Арійскихъ племенъ по вѣрѣ — Савіи, Савіане, Сабеи, Славяне — обратилось въ Скиѳовъ, по Гоѳскому произношенію Skuafa, Sklava, по Азіятскому صقالب — Сакалаб, Склабъ. Сколько можно сообразить, названіе Сарматъ, Придонскаго древняго казачества, имѣло въ основаніи прибрежный народъ Меотиды, Sabiri, Serbi, съ столицею Cerberion, по Греч. Киммеріонъ. Народное названіе Сербадія (Сербія), какъ и въ Полабской, Прибалтійской Сербія, Sermende (Sarmaten land), Serbetium, Sermunti, преобразовалось у Гоѳовъ Кавказскихъ и у Грековъ въ Сарматію.

[20] Изъ древнихъ названій образовались новыя: Кахетія, Иберія. Во всякомъ случаѣ, не льзя смѣшивать коренныхъ Кавказскихъ туземцевъ съ Гебрами, водворявшимися въ городахъ и овладѣвавшими торговлей, промысломъ, богатствомъ страны, силами народа, а часто и верховной властью.

[21] Опис. Музея Кн. Кочубея. Г. Кёне. т. II, стр. 356.

Объяснивъ возможность принимать Донъ за Дунай, и удобство, основываясь только на буквѣ, давать преданіямъ противоположный смыслъ, мы обратимся къ словамъ самого Овидія.

Не смотря на то, что изъ Рима была открытая, прямая дорога сухимъ путемъ, по этапамъ легіоновъ Иллиріи и Мизіи, до Чернаго моря; что существовалъ и водный путь по Дунаю, которымъ Римляне возили свои военныя тяжести, [22] Овидія везутъ въ Томи моремъ, какъ будто по обычаю ссылать преступниковъ на острова. Куда же его везутъ?

«Не посѣщать, какъ нѣкогда, Аѳины для науки,
Не въ Азійскіе города и страны, которые я уже видѣлъ,
Не въ славную Александрію, не на игривый Нилъ.
Куда же молю я о попутныхъ вѣтрахъ? Въ Сарматію!
Молю, чтобъ благополучно достигнуть до злополучныхъ (laevi) береговъ Понта.
Ропщу, что удаляюсь медленно отъ отчизны:
Взываю, чтобъ сократился путь изгнанія въ страну Томитанскую (orbe Tomitas)
Невѣдомо гдѣ лежащую!...» Trist. L. I, El. 2.

«Меня ссылаютъ въ Скиѳію!» повторяетъ Овидій въ 3-й элегіи.

И такъ, по собственнымъ словамъ Овидія, его везутъ на просто въ городокъ Томи (πολίχνη), а въ Скиѳію, въ Томитанскій округъ Сарматіи. Въ 7-й элегіи 5-й книги онъ также говоритъ: «Turba regionis omitanae»; въ другихъ мѣстахъ: «Urbs Tomitana, Tomitana humo, Tamitanus ager, terra Tomitana»; слѣдовательно, Томитанскій городъ и не во Ѳракіи, не въ Мизіи, а въ Сарматіи. «Ut tangam laevi fera litora Ponti» не значитъ въ смыслѣ Овидія «чтобъ достигнуть лѣвыхъ дикихъ береговъ Понта;» но злосчастныхъ береговъ. Поэтъ употребляетъ слова laevus, sinister, не въ простомъ ихъ значеніи. но въ значеніи злополучный, несчастный, въ противоположность слову dexter — правый, счастливый, благополучный. Это можно понять изъ слѣдующаго его сближенія ἄξενος, или ἄξεινος, съ sinister, а εὔξενος съ dexter:

---

[22] Strab. L. VII, p. 304.

Quem tenet Euxini mendax cognomine litus (latus?). [23]

Et Scythici vere terra sinistra freti. [24]

т. е., какъ море Евксинское (благопріятное) ложно носитъ это имя (вмѣсто ἄξενος, sinistre, враждебнаго), такъ и берегу Скиѳскаго моря приличнѣе было бы названіе злосчастный (т. е., лѣвый берегъ, вмѣсто правый, счастливый).

Въ логическомъ смыслѣ сравненія иначе передать стиховъ невозможно, и слѣдовательно дѣло касается до восточнаго, праваго берега, Сарматскаго, а не западнаго, Ѳракійскаго.

Приближаясь къ выходу изъ Ѳракійскаго босфора въ открытое море, Овидій говоритъ:

«Hic locus est Gemini janua vasta maris..»

Смыслъ этого стиха не вполнѣ изученъ. Низаръ переводитъ, соображаясь и съ другими переводчиками: «Porte majestueuse, qui s'ouvre sur les deux mers (т. е., врата, отворяющіяся и въ Понтъ и въ Пропонтиду). Того же страннаго мнѣнія и Lemaire. Но въ этомъ значеніи, какія же ворота не gemini? Дѣло въ томъ, что при выходѣ изъ Босфора въ Понтъ находятся Симплегады [25] или Кіанейскія группы, торчащихъ изъ воды, по обѣ стороны пролива, скалъ, между которыми, по причинѣ подводныхъ камней, проходъ былъ опасенъ. Кіанеи Европейскаго берега вели къ набережнымъ Ѳракіи, а Кіанеи Азіятскаго берега къ набережьямъ Азіи. Эти-то скалистые островки, которые, для приближающихся къ нимъ со стороны, каза-

---

[23] Явная поправка litus вмѣсто latus; потому что не littus Ponti носилъ названіе ἄξενος и εὔξενος, а latus Ponti, т. е.. пространство моря.

[24] Низаръ переводитъ: «Sur les côtes de ce pays (?), dont le nom d'Euxin est un mensonge, sur ce rivage doublement (?) sinistre de la mer de Scythie,» и оправдываетъ безсмысліе примѣчаніемъ: «Ici le jeu de mots est manifeste.»

Lemaire толкуетъ слова «vere terra sinistra» слѣд. образ.: «vere terra ut in sinistra parte sita, sic etiam infelix.» Но къ чему же сравненіе съ mendax cognomen?

[25] Отъ Σύμπλεξις — сцѣпленіе, связь, соединеніе; symplegma — группа скульптурная.

лись движущимися и сливающимися въ одну группу, и называетъ Овидій **близнецами**. [26] Но **врата близнецы** вмѣстѣ съ тѣмъ были и **врата близнецовъ** — Кастора и Поллукса. Они вели къ ихъ знаменитому храму и городу — Діоскуріи. [27] Смыслъ стиха слѣдовательно простой:

«Здѣсь врата близнецовъ въ пространное море»,

и въ то же время на два пути. Овидій и высчитываетъ на одномъ пути города Ѳракійскаго берега, а на другомъ поселеніе Ахеянъ, бѣжавшихъ изъ Мегары (Алкатоя), на восточномъ берегу: «Et quos Alcathoi memorant a moenibus ortos sedibus his profugum constituisse larem: A quibus adveniat Miletida sospes ad urbem, offensi quo me contulit ira dei.» Въ вратахъ близнецовъ Овидій и обращается съ обѣтомъ Минервѣ и къ близнецамъ Тиндаридамъ (Кастору и Поллуксу), покровителямъ мореходцевъ — «quos haec colit insula». Эти слова относятся къ Symplegadas, а можетъ быть и къ Miletida. [28]

---

[26] «Cyaneae, ab aliis Symplegades appellatae, traditaeque fabulis inter se concourrisse: quoniam parvo discretae intervallo, ex adverso intrantibus geminae cernebantur, paulumque deflexa acie coeuntium speciem praebebant». Plin. L. IV, 27.

[27] **Діоскурія.** Знаменитый въ древности городъ Колхиды, на границахъ Синдійскихъ племенъ Кавказа, посвященный Діоскурамъ — близнецамъ Тиндаридамъ — Кастору и Поллуксу, хранителямъ мореходцевъ. Почитаніе Діоскуровъ на восточномъ берегу Понта очень древнее и имѣетъ связь съ миѳомъ объ Аргонавтахъ. По Помпонію Мелѣ, Діоскуры, т. е., поклоненіе **Діоскурамъ** (по замѣч. А. Rossi, лунѣ и солнцу) принесено Аргонавтами; по Арріану, Діоскурію основали Милеты. Эмблемы созвѣздія близнецовъ (шлемы, или шапки, у которыхъ, вмѣсто яловца, звѣзды), кромѣ монетъ Діоскуріи встрѣчаются на монетахъ Ольвіи Савійской, Пантикапеи и Томи Музей Кн. Кочубея. Б. Кёне.

[28] «Это тѣ Кіанеи, пишетъ составитель Перипла по Скимну, которыя, по сказанію поэтовъ, въ древности были пловучими островами; чрезъ нихъ первый прошелъ корабль Арго, на которомъ Язонъ прибылъ въ Колхиду. Отъ Кіанеи до храма Διὸς Οὐρίου, при устьѣ Понта, 40 ст.» Нѣтъ сомнѣнія, что вмѣсто Διὸς Οὐρίου, слѣдуетъ читать Διόσκουριου. Геродотъ (кн. IV, 85) говоритъ, что при Азіятскихъ Кіанеяхъ былъ храмъ, близъ коего сидѣлъ Дарій и обозрѣвалъ Понтъ.

Можно поручиться, что Miletida есть поправка корректора вмѣсто Maeo-

Овидій молитъ Тиндаридовъ охранять его на томъ, или другомъ пути. Одинъ путь чрезъ Симплегады открытымъ моремъ (per altas),[29] другой прорѣзываетъ воды береговъ Вистоніи.[30] Овидій какъ будто не увѣренъ еще, какой путь предстоитъ ему. Эта неизвѣстность подтверждается предшествовавшимъ путемъ по Егейскому морю. Когда корабль Овидія, плывшій мимо Трои, вмѣсто того чтобъ направиться въ Геллеспонтъ, своротилъ къ Лемносу и Самоѳракіи, до Темпиры (Epira, Empyra, Tentira), гдѣ высадивъ своего хозяина, корабль возвратился на путь чрезъ Геллеспонтъ, и у Кіаней передъ Овидіемъ открываются два пути — къ населеніямъ западнаго берега и прямо чрезъ море, къ городу Милетиды, какъ выражается Овидій, или къ колоніи Ахеянъ на восточномъ берегу.[31]

Можетъ быть, въ недоумѣніи, который путь предстоитъ ему, Назонъ и обращается къ Кастору и Поллуксу:

---

tida. Поселеніе Ахеянъ было на Синдійскомъ полуостровѣ. Нѣкоторые называютъ его и островомъ.

Упоминаніе Овидія объ островѣ, на которомъ боготворятъ Тиндаридовъ, затрудняло переводчиковъ. «Quelle pouvait être cette île, si non Samothrace,» говоритъ Низаръ. Но, какъ мы упомянули, близъ Азійскихъ Кіаней былъ храмъ Διοσκούριον.

29 «Ire per altas», «vela dare in altum» значитъ: итти открытымъ моремъ, плыть въ открытое море; но Г. Lemaire измѣняетъ per altas въ per arctas, т. е., итти не въ открытое море, haute mer, а чрезъ тѣснины Симплегадъ, хотя по Страбону Европ. Кіанеи отъ Азіятскихъ въ разстояніи 20 стадій (3-хъ верстъ).

Замѣчательно, что, по ученымъ переводамъ, отъ Кіаней идутъ не два пути, а ѣдутъ два корабля, и оба въ Томи. Lemaire, исправивъ Овидія, отправляетъ одинъ корабль чрезъ тѣснины Симплегадъ, а другой по водамъ Вистоніи (берегъ Ѳракіи между Салмодессой и Аполлоніей); но вѣдь и корабль, слѣдующій набережными Вистоніи, не могъ миновать тѣснинъ Симплегадскихъ? Для чего же было вносить тѣснины въ текстъ?

30 «По сіе время, пишетъ Страбонъ, во Ѳракіи существуетъ народъ Виѳины. Весь берегъ отъ Аполлоніи до Кіаней, на разстояніи 1,500 ст. (214 в.), называется Ѳинійскимъ.» Этотъ берегъ и называетъ Овидій Bistonias aquas.

31 Путь прямо чрезъ море, отъ одного Босфора къ другому, былъ втрое ближе и вѣроятно безопаснѣе, нежели окруженіе по восточнымъ набережнымъ.

Vos quoque, Tindaridae, quos haec colit insula, fratres,
Mite, precor, duplici numen adestae viae:
Altera namque parat Symplegadas ire per altas,
Scindere Bistonias altera puppis aquas.
Vos facite ut ventos, loca cum diversa petamus,
Illa suos habeat, nec minus illa suos. [32]

т. е , «Васъ, братья Тиндариды, которымъ поклоняются въ этой уединенной обители (храмъ Діоскуровъ близъ Азіят. Кіаней), молю о покровительствѣ на предстоящихъ двухъ путяхъ. Одинъ ведетъ чрезъ открытое море, на другомъ пути корабль (puppis) разрѣзываетъ Бистонскія воды; благоволите, чтобъ на томъ и другомъ изъ этихъ путей, ведущихъ въ противоположныя стороны, сопутствовали насъ благопріятные вѣтры.»

---

[32] Эта тирада переводится слѣдующимъ образомъ: «Vous qu'on révère en cette île, fils de Tyndare, soyez propices à ce double voyage (?), car l'un de nos vaisseaux (?) se prépare à traverser le grouppe resserré des symplégades et l'autre à sillonner les mers Bistoniennes: faites que dans leurs itinéraires si differents, ils aient l'un et l'autre un vent favorable!»

Не допуская и мысли, чтобъ Овидій могъ отправляться на восточный берегъ моря, X. элегія становится совершенно непонятна, и переводчикамъ, чтобъ дать какой ни будь смыслъ темнотѣ, приходится замѣнять два пути двумя кораблями, а въ заключеніе пересадить Овидія на третій, для поѣздки, въ слѣдствіе догадокъ, по однимъ: въ Tempyra, по другимъ, въ Stentora, а по разнымъ кодексамъ: въ Epira, Epyrhea, Empyra, Tentara, Statycra, etc. «C'est à Samothrace, en effet (Edit. de Nisard. Note 6), qu'Ovide quitte son navire, qui reprend alors sa route par l'Hellespont pour aller à Tomes, tandis que lui, Ovide, prend comme nous le verrons plus bas (?), un troisième navire, pour aller de Samothrace à Tempyre.»

Здѣсь не мѣсто объяснять странное предположеніе о пересадкѣ Овидія съ корабля на корабль, чего нѣтъ въ оригиналѣ; но объясненіе необходимо. Вся X элегія состоитъ изъ 50 стиховъ; 14 начальныхъ посвящены описанію достоинства, быстроты и крѣпости корабля Минерва, на которомъ везли Овидія. Поэтъ называетъ его вожатымъ и вѣрнымъ спутникомъ своего поспѣшнаго изгнанія, покровительствуемымъ Палладой и проникающимъ невредимо сквозь волны вздымаемыя бурями (опис. бури элег. 2): «О молю, чтобъ онъ столь же сохранно проникъ чрезъ огромныя челюсти Понта и достигъ береговъ Гетскаго моря!»

Но, знатоки языка находятъ въ этихъ стихахъ не два предстоящія пути на выборъ, но два корабля, о благополучномъ слѣдованіи которыхъ Овидій молитъ такъ пламенно, какъ будто на одномъ везутъ его плоть, а на другомъ душу.

Гдѣ же наконецъ очутился Овидій?

«Близъ странъ, лежащихъ подъ созвѣздіемъ Медвѣдицы Эриманөской (пустынной) живу я, — говоритъ онъ, — окаменѣла земля отъ

Ведетъ ли это горячее вступленіе къ тому, чтобъ въ слѣдующихъ 8 стихахъ мѣнять равнодушно своего надежнаго и вѣрнаго спутника? и гдѣ жь эта мѣна? Спокойно проѣзжая мимо Эолійскихъ береговъ и города Гектора (Трои), корабль своротилъ съ пути чрезъ Геллеспонтъ къ остову Имбросу и прибылъ къ острову Самоөракіи. За этимъ слѣдуетъ:

Saltus ab hac { ora / terra / contra } brevis est Tempyra petenti.

Hac { dominum / tantum } tenus est illa secuta suum.

Nam mihi Bistonios placuit pede carpere campos;

Hellespontiacas illa relegit aquas.

Этой строфѣ, потерявшей смыслъ, приданъ слѣдующій смыслъ: «et c'est jusqu'a cette île, d'ou il n'y a qu'une courte traversée pour gagner Tempyre, qu'il m'accompagna, car alors j'eus la fantaisie de traverser par terre le pays des Bistoniens; pour lui, il tourna dans les eaux de l'Hellespont.... etc.» Низаръ поясняетъ этотъ переводъ въ примѣчаніи 6 къ X главѣ 1-й книги: «c'est à Samothrace, en effet, qu'Ovide quitte son navire, qui reprend alors sa route par l'Hellespont pour aller à Tomis, tandis que lui, Ovide, prend comme nous le verrons plus bas, un troisième navire, pour aller de Samothrace à Tempyre.»

Низаръ, также какъ Burmann, Heinsius, Lemaire и другіе, читаетъ Tempyra и полагаетъ, что это городъ близъ Траянополя (на р. Марицѣ), извѣстный по дорожнику Антонина подъ назв. Tempyrum (? Timporum). Ливій кн. 38, гл. 41, также упоминаетъ о непроходимыхъ ущельяхъ Темпиры, близъ храма Аполлона Церинтскаго на р. Гебрѣ (Марицѣ). Но по Fragmenta 48, VII кн. Страбона (G. Kramer), Tempyra есть за́мокъ Самоөракіи (Σαμοθράκιον πολίχνιον Τέμπυρα). На этой набережной безъ сомнѣнія, были мѣста ссылки на рудокопни. Въ Aenyra, на о. Фазѣ, были золотыя копи (aurifodinae), въ сосѣдствѣ—Asila metallifodina; по р. Нессѣ, въ Бистоніи, золотые пріиски. Но во всякомъ случаѣ смыслъ стиховъ слѣдующій: «Отсюда пере-

постояннаго хлада. Передо мной возникаютъ Босфоръ, Танаисъ, Скиѳскія болоты (Scythiae paludes — Латинское названіе Азовскаго моря) и кой какія безымянныя и безвѣстныя страны. Далѣе, нѣтъ ничего, кромѣ необитаемыхъ льдовъ. О, какъ я близокъ отъ предѣловъ земли!» [33]

«Проходитъ уже годъ, теплый вѣтръ одолѣваетъ стужу; какъ длинна зима Меотиды въ сравненіи съ былыми!

«Въ чемъ здѣсь мое наслажденіе съ наступленіемъ весны? Смотрѣть, какъ таитъ снѣгъ отъ весенняго солнца? Черпать воду, не проламывая льда?...»

«Прибавь ко всему этому наружность страны, гдѣ ни зелени, ни цвѣтущаго дерева, гдѣ, въ слѣдъ за зимой, наступаетъ новая зима!» [34]

Жить въ умѣренномъ климатѣ Ѳракіи и жаловатъся на суровую, льдистую зиму Меотиды, которая на 600 верстъ сѣверо-восточнѣе, выходитъ даже изъ предѣловъ свободы поэзіи. Такъ могли жаловаться на климатъ только ссылаемые именно на берега Босфора Киммерійскаго, in Scythicis finibus; на примѣръ: Флавія Домитилла, племянница Тита и Домиціана, или Св. Климентъ, сосланный Траяномъ въ этотъ конечный край преобладанія Римлянъ, и здѣсь начавшій проповѣдывать Христіянство Сарматамъ и Скиѳамъ.

ѣздъ не далекъ для слѣдующихъ въ Темпиру; корабль слѣдовалъ туда съ своимъ хозяиномъ (корабельщикомъ). Но такъ какъ мнѣ не суждено было влачить стопы по полямъ Бистоніи, то онъ взялъ обратный путь чрезъ Геллеспонтъ.»

[33] «Proxime sideribus tellus Erymantides ursae
Me tenet; adstricta terra perusta gelu,
Bosphoris et Tanais superant, Scythicaeque paludes (Maeotis)
Vixque satis noti nomine pauca loci,
Ulterius nihil est, nisi non habitabile frigus.
Heu! quam vicina est ultima terra mihi!

Trist. L. III. El. 4.

[34] Frigora jam Zephiri minuunt, annoque peracto,
Longior antiquis visa Maeotis hyems, и т. д.

Trist. L. III, El. 12.

Но Овидій и повторяетъ, что онъ жилъ на Киммерійскихъ, а не на Ѳракійскихъ, берегахъ:

«Вотъ уже шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я на берегу Киммерійскомъ, живу между Гетами въ шубахъ.» [35]

Кажется, совершенно ясно и опредѣлительно означаетъ онъ мѣсто своей ссылки: на границахъ Скиѳіи, въ Сарматіи, въ округѣ Томитанскомъ, въ Меотидѣ, на берегахъ Киммерійскаго Босфора. Откуда же является тутъ Истръ, т. е., Дунай?

«Выкупаю грѣхи свои: въ Скиѳію, къ предѣламъ Истра, сосланъ пѣвецъ Амура колчаноносца! [36]

«Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Понтѣ, три раза замерзалъ уже Истръ....» [37]

«Море не оковано уже льдомъ, погонщикъ воловъ не тянетъ уже чрезъ Истръ, какъ прежде, скрипучій Сарматскій возъ.» [38]

Въ отношеніи Истра Геродотъ сказалъ: «Истръ, величайшая изъ всѣхъ рѣкъ, намъ извѣстныхъ, всегда равна сама себѣ, течетъ и лѣтомъ и зимой.»

Слова его совершенно справедливы въ отношеніи Дуная, который рѣдкую зиму замерзаетъ при устьяхъ, на самое короткое время, [39] и не для ѣзды на воловьихъ каруцахъ.

---

[35] «Hic mihi Cimmerio bis tertia ducitur aestas

Litore, pellibus inter agenda Getas.» Pont. Ep. X.

[36] «Sed dedimus poenas, Scythicique in finibus Istri,

Ille pharetrati lusor Amoris abest.»

[37] «Ut sumus in Ponto, ter frigore constitit Ister.» Trist. V, El. X.

[38] «Nec mare concressit glacie: nec, ut ante, per Istrum

Stridula Sauromates plaustra bubulcus agit. Trist. L. III, El. 12.

Названіе Βόσπορος—воловій переѣздъ (Βοῦς и Πόρος) и относится собственно къ Донскому проливу въ зимнее время.

[39] Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ мнѣ рѣдко случалось испытывать стужу въ этѣхъ странахъ, гдѣ въ Мартѣ все покрыто зеленью, съ Ноября же по Мартъ можно скорѣе назвать осеннимъ, нежели зимнимъ временемъ.

Что же касается до зимы Меотиды, то описаніе Овидія такъ сходно съ словами Геродота и современника его, Страбона, что мы считаемъ не излишнимъ выписать ихъ для сравненія.

Страбонъ пишетъ: «Мѣдные сосуды трескаются отъ замерзшихъ въ нихъ жидкостей; но замерзаніе особенно сильно при самомъ устьѣ Меотиды; ибо чрезъ проливъ, раздѣляющій Фанагорію и Пантикапею, проѣзжаютъ по льду, какъ по землѣ, на возахъ.»

Тоже говоритъ и Геродотъ: «Во всей описанной странѣ (Скиѳіи) бываетъ столь жестокая зима, что восемь мѣсяцевъ продолжаются нестерпимые морозы, даже море и весь Киммерійскій Босфоръ замерзаетъ, и Скиѳы переѣзжаютъ чрезъ оный на возахъ.»

Что сношенія двухъ береговъ пролива Донскаго (Τάνεως) были свободны для Скиѳовъ и Сарматъ — это понятно: они составляли одну и туже Босфоранскую область; но чтобъ Овидій, въ Томи, въ 800 стадіяхъ отъ Дуная, могъ видѣть переправляющіеся чрезъ замерзшую рѣку воловьи Сарматскіе возы и слышать скрыпъ ихъ, — это непонятно. Дѣло другое, если бъ онъ былъ на берегу Понта, при устьѣ замерзающаго Босфора Киммерійскаго, принималъ его по туземному названію и Азіятскому произношенію за Танай[40] (Tanais) или Танайскій (Γάνεως), безпечно смѣшивалъ, по недоразумѣнію самихъ современныхъ ему Географовъ, съ Дунаемъ, и безразлично замѣнялъ его для стиха то Греческимъ Ister, то Латинскимъ Danubius.

Въ заключеніе о смѣшеніи Дуная съ Дономъ, приведемъ слова Воссія, въ примѣчаніяхъ къ Периплу Понта Евксинскаго: «Romani namque solent saepe confundere Tanain et Istrum. Testis ejus rei etiam est Seneca, in questionibus Natural, lib. VI: «Hinc qui medius inter pacata, et hostilis, fuit, Danubius ac Rhenus, alter Sauromaticos impetus cohibens, et Europam Asiamque disterminans; alter Germanos, avidam gentem belli, repellens.» Danubium etiam Tanain vocat

---

[40] «Tanaim etiam vocant indigenae illum alveum, qui a Palude Maeotide ad Pontum Euxinum pertinet.» Procop. de Bello Gothico, L. IV, c. 4.

«Τὸ στόμα τῆς Μαιώτιδος λίμνης, ἤτοι τοῦ Τάνεως. Ponti Eux. Periplus.

Tibullus, liber IV, ad Messallam cum inquit: «Quaque Hebrus, Tanaisque, Getas rigat, atque Sigynos.» [41]

По Аполлонію Родосскому Σίνδοι жили близъ устьевъ Истра, и, слѣдовательно, онъ также смѣшиваетъ устья Дона съ Дунаемъ, или Истромъ.

Обратимъ вниманіе на сосѣдство Овидія:

«Я здѣсь одинъ, заброшенный на берега семіустнаго Истра, подъ вліяніе ледяной Паррасійской дѣвы! Воды Дуная едва защищаютъ отъ Языговъ, Колхидянъ, отъ полчищъ (Metereaque turba) и Гетовъ.» [42]

Въ отношеніи эпитета семіустный, поэтъ могъ послѣдовать примѣру трагика Сенеки, который называетъ Танаисъ семіустнымъ:

«Ad cujus arma venit, et qui frigidum
Septena Tanain ora pandentem bibit.» [43]

Сарматы Языги жили по язамъ (болотистымъ мѣстамъ придунайскимъ по р. Тисѣ), [44] жили и по всему берегу Меотиды. [45] Поселенія Гетовъ или Гоѳовъ были и въ Дакіи и въ Босфораніи. Но какимъ образомъ Халдеи Кольхиды, обрѣзывающіе крайнюю плоть свою, могли попасть въ Дунайскій стихъ и тревожить Овидія своими набѣгами съ Кавказа, это понятно только переводчикамъ Овидія подъ ру-

---

[41] Боссій, однако же, не знаетъ Гетовъ и Сигинновъ Кавказскихъ. О Сигиннахъ упоминаетъ и Геродотъ (Sigynni) и Страбонъ. Боссій въ примѣчаніяхъ говоритъ: «Sic emendandus hic versus. Getae enim, et Sigyni, ad Istrum sunt, non Tanain.»

[42] «Solus ad egressus missus Septemplicis Istri
Parrhasiae gelide Virginis axe premor.
Jazyges, et Colchi, Metereaque turba, Getaeque,
Danubii mediis vix prohibentur aquis. Trist. L. II.

[43] «Sic legendum ex MS, замѣчаетъ Боссій; Sed nemo unquam Graecorum tam imperitus fuit, ut Tanain 'Επτάστομον esse proderet. Error iste solum est Romanorum.»

[44] Plin. IV, 25.

[45] «Καὶ παρ' ὅλην τὴν πλευρὰν τῆς Μαιώτιδος Ἰάζυγες καὶ 'Ρωξολάνοι» Ptol. L. III, cap. 5.

ководствомъ Низара. Въ своихъ Notes des Pontiques L. I, Lettre IV, они сообщаютъ, какъ вещь всѣмъ извѣстную, что «le Danube seul séparait Tomes de la Colchide.»

Но, кромѣ Сарматовъ и Гетовъ, въ слѣдующей III-й книгѣ Элегій, Овидій опасается и нашествія Бессовъ изъ за Дуная:

> «Меня окружаютъ звѣрскіе Сарматы, Бессы и Геты....
> Покуда длится лѣто, Истръ ограждаетъ насъ: его свѣтлыя воды воздерживаютъ ихъ набѣги.» [46]

Въ отношеніи Бессовъ, опасеніе, живущаго въ Томи Ѳракійскомъ, было также излишне. Бессы, по Географамъ, современникамъ Овидія, жили не за Дунаемъ, а съ южной стороны Балкановъ, въ верховьѣ р. Стримона. Въ числѣ 50 войсковыхъ округовъ Ѳракіи, у Бессовъ была также охранительная претура—Στρατηγία βεσσικὰ. [47]

Если бы Овидій жилъ не на Дунаѣ, а при устьѣ Донскаго пролива, то ему дѣйствительно могли бы казаться страшны всѣ, исчисленные имъ, народы, съѣзжавшіеся на Донской торгъ; но между ними ближайшіе сосѣды, раздѣляемые только Кубанью, были бы Abassi (Абхазы), а не Бессы.

Обратимъ теперь вниманіе и на слова Овидія, что онъ сосланъ на «конечный предѣлъ Имперіи,» въ страну вновь покоренную.

«Эту часть Евксина, близкую къ Бастарнамъ и Сарматамъ, держитъ лѣвая рука Рима. Эта страна новѣйшая изъ подпавшихъ подъ законы Авзоніи, съ трудомъ лѣпится на границахъ, охраняющихъ Имперію.» [48]

---

[46] «Sarmatae cingunt, fera gens, Bessique Getaeque.
Dum tamen aura tepet, medio defendimur Istro:
Ille suis liquidus bella repellit aquis. Trist. L. III, El. X.

[47] Plin. L. VI, 18, 1. Cl. Ptol. Geog. L. III, cap. XI.

[48] «Hactenus Euxini pars est Romana sinistri
Proxima Basternae Sauromataeque tenent.
Haec est Ausonio sub jure novissima, vixque
Haeret in Imperii margine terra tui.» Trist. L. II.

Эта по видимому загадка на счетъ мѣстности Томитанской страны — terra Tomitana (Pont. L. I, Ep. 1), легко разрѣшается простымъ вопросомъ: какая часть Евксина, во время Овидія, составляла новѣйшее пріобрѣтеніе Рима, съ трудомъ охраняемое на восточныхъ границахъ Имперіи? Европейскій ли берегъ, или Азійскій, придунайская ли часть Чернаго моря, или придонская? Θракія ли едва лѣпилась къ Имперіи при Августѣ, или вновь покоренная Помпеемъ Босфоранія? [49]

Вѣроятно, что Овидій видѣлъ въ храмѣ Минервы изсѣченную въ честь побѣдителя надпись, исчисляющую новыя побѣды и пріобрѣтенія Рима: «Кнэусъ, Помпей великій, Императоръ, совершившій тридцатилѣтнюю войну, разбившій силы въ 12,183,000 человѣкъ, потопившій и взявшій 846 кораблей, приведшій въ подданство 1538 городовъ и крѣпостей, покорившій всѣ страны отъ моря Меотическаго до моря Эриѳрейскаго, воздвигаетъ, по обѣту, Минервѣ.» [50]

Предѣльную часть береговъ Понта Евксинскаго, покоренную Помпеемъ, въ 61 году до Р. Х., и поступившую во власть Рима, населяли Кольхи, Иніохи (Инды Омириты, или, по Плинію, Amireute (Имереты), Абхазы, Еллино-Скиѳы Ахеяне и Синды — Сарматы или Скиѳы Малые.

Несправедливо было бы смотрѣть на Овидія, даже съ каѳедры Латинскаго краснорѣчія, какъ на голаго поэта, безъ всякихъ свѣдѣній. Смѣшивая Дунай съ Дономъ, по превратнымъ понятіямъ современныхъ ему Географовъ, онъ, однако же, не смѣшиваетъ Меотическаго берега съ Θракійскимъ, и во всякомъ случаѣ не назвалъ даже уголъ Θракіи страной только что подпавшей подъ власть Рима и едва держащейся на его границахъ.

Выпишемъ еще тираду въ отношеніи мѣстности Томитанской области:

---

[49] Послѣ покоренія Македоніи, за 150 лѣтъ до Р. Х., Θракія была уже подвластна Риму. Слишкомъ за 100 лѣтъ всѣ непокорныя племена или вытѣснены, или подавлены.

[50] Plin. L. VII, 27. Смотри также въ Аппіянѣ Александрійскомъ Побѣды и Трофеи Помпея.

«Кесарь не вѣдаетъ, какова жизнь въ этихъ далекихъ предѣлахъ.... онъ не озаботится спросить, въ какой части свѣта находятся Томитаны? гдѣ эта, едва извѣстная, краина Гетовъ? что дѣлаютъ Сарматы и суровые Языги? что за поклоненіе богинѣ Орестеѣ [51] въ странѣ Тавровъ? Какіе тамъ еще иные народы переносятся на легкихъ коняхъ чрезъ окаменѣлый отъ стужи Истръ?....

«О, мой прекрасный Римъ! всѣ эти народы не хотятъ знать тебя, не боятся оружія ратующей Авзоніи!»

Потомъ Овидій обращается съ мольбой къ Фабію Максиму, любимцу Августа, чтобъ онъ умилосердилъ Кесаря назначить ему изгнаніе въ иной странѣ, «чтобъ мечъ дикаго Гета не исторгъ его жизни, дарованной богами, и если умретъ, чтобъ кости его улеглись въ землѣ болѣе мирной, и прахъ не былъ подавленъ землей Скиѳской и притоптанъ копытами коней Вистонскихъ.»

Новое недоразумѣніе. Вистонія или Бистонія принимается, по смыслу Овидія, за Ѳракію, и, слѣдовательно, Бистонскіе кони, по всѣмъ соображеніямъ переводчиковъ, то же, что Ѳракійскіе кони.

Упоминаемое Страбономъ озеро Вистонское, а по Плинію и народъ, были на р. Стримонѣ, въ странѣ Синдовъ-Сапеянъ. Это далекое разстояніе отъ Томи Ѳракійскаго и невозможность, чтобъ Вистонскіе кони топтали прахъ Овидія, заставили предполагать, что названіемъ Вистоніи онъ почтилъ всю Ѳракію. Предположеніе, какъ можно замѣтить, слишкомъ смѣлое. Страна Синдовъ-Сапеянъ была, какъ увидимъ ниже, и въ Придоньѣ. Но поэтъ мало заботится о странѣ; ему нужны только миѳическіе злые кони родоначальника сыновъ Марса-Вистона, которыхъ Діомедъ откармливалъ человѣческимъ мясомъ. [52]

---

[51] Pont. L. I, Ep. 2.

«Diana Orestea» отъ Ὀρέστης—горный. Въ Овидіи она называется также Diana Trivia — Трехпутная.

[52] Эта Еллинская басня образовалась изъ преданій о людскихъ и конскихъ жертвахъ, приносимыхъ Вишну-Светаваѣ — свѣтоконному или бѣлоконному, у Славянъ Свѣтовиду.

Спросимъ теперь, къ которой сторонѣ Понта относятся миѳическія сказанія, упоминаемыя Овидіемъ?

«Посмотри, сколько славы воздало потомство сыну Эзона (Язону), за то только, что онъ посѣтилъ эту страну.» [53]

Какія отношенія имѣетъ походъ Язона въ Колхиду къ противоположному берегу Понта, находящемуся отъ него на переѣздъ въ 1000 верстахъ? — « Le Danube seul séparait Tomis de la Colchide, où Jason, fils d'Aeson, pénétra pour enlever la toison d'or,» — отвѣчаетъ переводчикъ Овидія.

Оспаривать подобныя толкованія, основанныя на промахѣ, нѣтъ необходимости; они доказываютъ только невниманіе къ Исторіи, или Географіи, тамъ, гдѣ все вниманіе обращено на красоты поэзіи.

Изслѣдуемъ Колхидскую легенду о времени и мѣстѣ построенія г. Томи.

«Это мѣсто названо Томосъ, потому, что здѣсь, какъ говоритъ преданіе, сестра изрубила своего брата на части.» [54]

Изложимъ вкратцѣ содержаніе миѳическаго преданія, переданнаго Овидіемъ и основаннаго на смыслѣ слова Τομή — отсѣченная часть, отсѣченіе.

---

[53] «Adspice, in hoc partes quod venerit Aesone natus,
Quam laudem a sera posteritate ferat. Pont. L. I, Epist. 4.

[54] «Inde Tomos dictus locus hic, quia fertur in illo
Membra Soror fratris consecuisse sui.»

Г. Беккеръ (Пропилеи Г. Леонтьева), послѣ этихъ стиховъ замѣчаетъ: «Какъ мало, однако, удовлетворяетъ Овидія такое совершенно произвольное словопроизводство, видно уже изъ того, что онъ самъ, въ другомъ мѣстѣ, основаніе упомянутой колоніи приписываетъ Тому.» Въ выноскѣ это другое мѣсто означено въ Trist. I, 10, 41. Но ни въ этой 10-й элегіи, ни въ другихъ, Тома, основателя г. Томи, мы не нашли; это свѣдѣніе, безъ сомнѣнія, принадлежитъ какому нибудь особенному, исключительному кодексу Овидія. Что касается до того, удовлетворялся ли онъ словопроизводствомъ отъ Τομή, то, напротивъ, онъ подтверждаетъ его (Trist. L. III, El. 9) легендой объ Абсиртѣ, изрубленномъ на части Ме-

«Кто бы подумалъ, что здѣсь, между варварскими городами, есть и города Греческіе? Милетская колонія основалась посреди Гетовъ, но названіе мѣстности гораздо древнѣе. Основаніе города относится ко времени убіенія Абсирта. Нечестивая Медея, воспользовавшись кораблемъ, построеннымъ воинственной Минервой, нарушила спокойныя дотолѣ волны бѣгствомъ своимъ отъ отца. Въ то время, какъ веслы усиливали бѣгъ, вѣстовой вдругъ увидѣлъ на высотѣ моря корабль. — «Враги!» вскричала Медея; — «я узнаю Колхидскія паруса!»—Встревоженные Минійцы, [55] заторопились отвязывать канаты и вытаскивать якорь.... Между тѣмъ, приближеніе Колхидскихъ парусовъ ужасало Медею. — «Я погибла!» — вопитъ она;— «Какъ задержать отца?»—Окинувъ взорами вокругъ, она остановила ихъ на братѣ своемъ. — «О, мы спасены: сама смерть подаетъ мнѣ руку помощи!» — И съ этимъ словомъ Медея поражаетъ невиннаго юношу мечемъ, разсѣкаетъ его тѣло на части и разбрасываетъ по берегу. Блѣдныя же руки и окровавленную голову выставляетъ на вершинѣ скалы, чтобъ отецъ узналъ своего сына; чтобъ, пораженный отчаяніемъ и собирая разбросанные члены его, забылъ о преслѣдованіи дочери.»

Кому могъ прійти въ голову подобный вымыслъ, основанный на созвучіи Еллинскаго слова Τομή съ названіемъ города, кромѣ Ахеянъ-Ѳессалійцевъ, [56] поселившихся въ Синдикѣ и гордившихся преданіями о своемъ соотечественникѣ Язонѣ, похитившемъ, изъ сосѣдней имъ Колхиды, и Медею и Золотое руно?

Очень естественно, что подобные народные разсказы примѣняются, при сходствѣ названій, къ разнымъ мѣстностямъ; [57] но слѣ-

---

[55] Минія (Minyeus), въ послѣдствіи Архомена, въ Ѳессаліи.

[56] Во время похода Язона, Ахеяне Фѳіоты (Ἀχαιοὶ Φθιῶται), пришедшіе съ нимъ, поселились на этой набережной Понта. Strab. L. XI, p 495.

[57] На этомъ основаніи, тотъ же разсказъ привязался и къ островамъ Апсиртидамъ, на Адріатическомъ морѣ: «Вдоль этихъ береговъ, между прочими островами, есть Апсиртиды, гдѣ, по разсказамъ, Медея убила, будто бы преслѣдовавшаго ее брата, Апсирта.» Страб. L. VII. Примѣненіе разсказа и здѣсь имѣетъ въ основѣ смѣшеніе Дона съ Дунаемъ (Истромъ), а Истра съ Истріей. По Географической поэмѣ Скимна, два рукава Истра впадаютъ въ

дуетъ обращать вниманіе на ту мѣстность гдѣ вымыслъ имѣлъ свое начало, основываясь на миѳахъ страны.

Объ Апсиртѣ упоминаетъ Арріанъ въ своемъ Периплѣ или плаваніи по набережнымъ Чернаго моря. Слѣдуя отъ Трапезонта, по восточной сторонѣ Понта, онъ пишетъ:

«Прибывъ въ Апсаръ, который занимаютъ пять когортъ, мы выдали имъ жалованье и осмотрѣли вооруженіе, стѣны, рвы, больницы и житницы.... Апсаръ, по преданію, назывался прежде Апсиртомъ, по имени убитаго Медеей Апсирта, котораго могилу здѣсь показываютъ....

«........ За Кольхидянами живутъ, въ неприступныхъ горахъ, воинственные Санны (Сваны), [58] которые прежде платили дань Римлянамъ, а теперь разбойничаютъ.... Махелоны [59] и Гиніохи, у которыхъ правителемъ Анхіалъ. Сосѣды ихъ Зидриты, подвластные Фарасману; за ними Лазы, управляемые Малассомъ, получившимъ властѣ отъ тебя. Лазамъ сопредѣльны Апсилы. Надъ ними властвуетъ Іуліанъ, обязанный престоломъ твоему отцу. Подлѣ нихъ Абассы [60] (Абхазы). Владѣющій ими Рисмагъ поставленъ тобою. За Абассами Санниги, въ странѣ которыхъ Севастополь. [61] Ихъ царь, Спадагъ, получилъ царство отъ тебя. До Апсара мы плыли къ востоку пра-

---

въ Адріатическое море, какъ два рукава Дона въ Меотиду. Для Еллинскихъ купцовъ-историковъ этого достаточно было, чтобъ назвать острова противъ р. Тимавы (Plin. L. III, 30) Апсиртидами, и перенести сюда любопытный Колхидскій разсказъ. При р. Тимавѣ (Τίμαυος) былъ и храмъ Діомеда — Тимавонъ.

По Скилаксу Каріандрскому: «за Энетами, народъ Истры (ἔθνος Ἴστροι) и рѣка Истръ.»

[58] По Плинію Suani (L. VI, 4). Чрезъ ихъ землю течетъ съ вершинъ Кавказа р. Кобусъ (Cobus). Въ той же главѣ Sanni-Heniochi, и рядомъ, устье р. Апсары и замокъ. Съ появленіемъ названія Гунновъ—Οὖννοι, названіе Ἡνίοχοι исчезаетъ.

[59] У Плинія Melanchlaeni (по Герод.), т. е., Мингрелы.

[60] У Арріана замѣняютъ уже Ахеянъ, существовавшихъ еще въ географическихъ свѣдѣніяхъ Плинія. Сосѣди ихъ Санниги замѣняютъ уже Синдовъ. У Плинія тѣ и другіе.

[61] Собственно Sivas, а по церк. историкамъ Σάβα Черноморскихъ Индовъ или Синдовъ.

нымъ берегомъ Евксина. Апсаръ, по моему мнѣнію, крайняя восточная часть Понта. Отсюда до рѣки Ховонъ (Χῶβον ποτ.), отъ Ховонъ до Сигамы (Σιγάμην — Singames), плыли по направленію къ сѣверу. Отъ Сигамы же поворотили къ лѣвой сторонѣ моря— Ἀπὸ δὲ Σιγάμου, ἐκάμπτομεν εἰς τὴν λαιὰν πλευρὰν τοῦ Πόντου.»

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на разграниченіе правой и лѣвой стороны моря, въ смыслѣ древнихъ Географовъ.

«Maris Euxini positos ad laeva,
Tomitas quaerere....»

Древніе представляли всякое море круглою или овальною чашей; по измѣренію окраинъ, они дѣлили ее діаметрально на двѣ половины. Если ѣхать отъ Константинопольскаго пролива вправо, Азіятскимъ берегомъ до Тамани, то переѣздъ составитъ около 1600 верстъ; если же ѣхать влѣво, западнымъ берегомъ къ Днѣпру и окружая Тавриду, то разстояніе переѣзда до Тамани только 1200 верстъ. [68] Сообразно этимъ разстояніямъ древніе и опредѣляли конечныя точки длины моря—мысъ Балкана (Эмине-бурну) и рѣку Фазисъ (Ріонъ); а ширины—Синдику на Босфорѣ (Кимм.) и устье рѣку Аліи. По Агаѳимеру, въ его землеописаніи (Geogr. antiqua, Jac. Gronovius): длина Понта отъ Эмоса (Αἵμων, а не Τόμων, какъ читаютъ Гг. издатели) до р. Фазиса 6000 стад. (857 в.); ширина: отъ Фанагоріи до р. Аліи (Halyos) 2400 ст. (343 в.). Геродотъ измѣряетъ ширину отъ Ѳемискиры (близъ р. Аліи) до Индіи Черноморской или Саидики (Азіят. бер. Босфор.) въ 3,300 стадій; такимъ образомъ у того и другаго поперечникъ, раздѣляющій море на двое, одинъ и тотъ же, и Таманскій полуостровъ, который, по Плинію, жители называли Eion, Eon, [69] могъ быть ad laeva.

Уклонясь нѣсколько отъ Апсара, мы возвратимся къ нему и къ преданію о миѳическомъ событіи, совершившемся близъ береговъ

---

[68] Периплъ Понта Евксинскаго считаетъ разстоянія отъ храма Διὸς Οὐρίου (Διόσκουρίου?), находившагося близъ Кіаней Авійскихъ, до устья Меотиды: «говорятъ, что переѣздъ вдоль Европейскихъ береговъ равенъ переѣзду вдоль Азійскихъ» (?).

[69] «Peninsula inter Pontum et Maeotim lacum excurrentis, Eionem vocat.» L. VI, 6. У Арріана въ 380 стад. отъ устья Тамиракскаго лимана, неопредѣленная мѣстность ἠόνας.

Колхиды. Изъ всего предыдущаго можно сообразить, что мѣстность Томи и Апсирта или Апсара, одна и та же, и что на этой мѣстности, какъ сообщаетъ Страбонъ, поселились, во время похода Язона, пришедшіе съ нимъ, Ахеяне Фѳіоты. [64] По всѣмъ Географамъ Фанагорія въ Синдикѣ; Горгиппу признаютъ столицей Синдіи; по Страбону, между Фанагоріей и Горгиппіей, живутъ Аспургіаны (Ἀσπουργίανοὶ, Ἀσπουγγιτανοὶ, Ἀσπουργιτανοὶ), извѣстные только одному ему, а можетъ быть только переписчикамъ его. Тутъ же, по Страбону, рядомъ съ Горгиппіей, и Ахеяне. У Скилакса, между Фанагоріей и пристанью или столицей Синдовъ, вмѣсто Аспургитанъ, Кипи (Κῆποι, Κῆπος); ниже пристани Синдовъ (Σινδικὸς λιμὴν) Πάτους; а у Плинія Πάτους обращается въ Pitius, и, вмѣсто пристани Синдовъ, Serri (т. е., Serbi) Cephalotomi или Cephalotomos, [65] что явно составляетъ ошибочное чтеніе въ какомъ ни будь Греческомъ Географѣ. Тутъ же, вмѣсто Τομεάται, у Скилакса Κερκεται и вмѣсто καὶ πόλις Τομικὸς καὶ λιμὴν—πόλις Τορικὸς, вмѣсто Τομετικὴ ἄκρα—Τορετικὴ ἄκρα (Ptol. V, 9). Но объ этѣхъ измѣненіяхъ мы упомянемъ подробнѣе послѣ; здѣсь же приводимъ ихъ только для того, чтобъ спросить, могъ ли Овидій, воплощенную легенду на Азіятскомъ берегу, переносить на Европейскій берегъ, въ уголъ Ѳракіи, въ какой-то сомнительный Томи?

Допытываясь изъ словъ Овидія о климатѣ, топографіи, туземномъ населеніи и народныхъ легендахъ Томитанской области, обратимся теперь къ сообщаемымъ имъ историческимъ свѣдѣніямъ о Котисѣ, котораго онъ умоляетъ, какъ скептуха или державца этой области, о заступничествѣ предъ Августомъ. [66]

«Потомокъ Царей, Котисъ, котораго происхожденіе восходитъ до Евмолпа, если молва дошла до твоего слуха, что я заброшенъ въ границы твоей земли, то прошу тебя, не отвергни мольбу и помоги изгнаннику — тебѣ это возможно. Я не обвиняю судьбу, ко-

---

[64] Аппіанъ называетъ ихъ Скиѳскими Ахеянами.

[65] Въ переводѣ Низара « les Coupe-Têtes. Если бъ это было Греческое прозвище, а не искаженное названіе, самъ Плиній объяснилъ бы его. Это искаженіе такое же, какъ названіе Мингреловъ, по Геродоту и Плинію Melanchlaeni (Черноризцы), по Аррiану Μαχελόνων, по Страбону Μακροπώγωνες — длиннобородые, etc.

[66] Pont. L. II, Ep. 9.

торая передала меня въ твои руки: впервые, и только въ этомъ случаѣ, она не была враждебна мнѣ. Прими благосклонно разбитую ладью мою, и да не будутъ берега твои столь же жестоки, какъ волны моря.»........ «Блескъ твоего происхожденія возлагаетъ на тебя обязанность великодушія: оно есть наслѣдіе рода божественнаго, въ чемъ убѣждаютъ — Евмолпъ, знаменитый родоначальникъ твой, и предокъ его, Эрихеоній.... «Ты также достойный сынъ знаменитаго отца, Котисъ; будь покровомъ изгнанника, который изнемогаетъ въ предѣлахъ твоего стана!...»

Имя Котисъ (Cotys, Κοτύος) нѣсколько извѣстно Исторіи, а болѣе извѣстно Нумизматикѣ Босфора Киммерійскаго. Какъ и имена Риметалкъ, Рискупорисъ, Фарнакъ etc., оно созвучно именамъ Мидійскимъ, Халдейскимъ, или Гоескимъ, и относится къ той эпохѣ, когда Римляне, побѣдивъ Митридата, Кагана Понтійскаго, и овладѣвъ странами восточнаго берега Чернаго моря, предоставили духовно-гражданскую власть надъ ними тому же роду Гебровъ-Маговъ, отъ котораго происходитъ и Митридатъ. Имя Котиса повторяется часто, въ эпоху преобладанія Гоеовъ въ Босфораніи, на монетахъ, которыя продолжали, по обычаю, чеканить Каганы, утверждаемые Императорами и преклонявшіеся предъ ихъ истуканами, какъ предъ богами земли.

Овидій льститъ самолюбію Котиса, сравниваетъ его съ Магомъ Орееемъ, и называетъ его вѣщимъ — Vates, что въ древнемъ смыслѣ значило собственно волхвъ, прорицатель, чарующій гимнами, какъ Gauti, прозвище Кагана Одена, сѣвернаго Гоескаго Орфея. [67]

«Nec regum quisquam magis est instructus ab illis (ingegenuas artes),
Mitibus [68] aut studiis tempora plure dedit.
Carmina testantur, quae, si tua nomina demas,
Threicium juvenem composuisse negem.

[67] «Kong (Kuning) Europaeorum diversum esse non putant a Kahan, quod in Ebraea lingua non solum sacerdotem, sed etiam principem denotare, observarunt Philologi.» Ihre.

[68] Mythibus ?

Neve sub hoc tractu Vates foret unicus Orpheus,
Bistonis ingenio terra superba tuo est.»

«Нѣтъ Царя, который бы болѣе тебя позвалъ науку; который бы болѣе тебя посвящалъ время тишинѣ (?) или познанію. То свидѣтельствуютъ твои гимны, и если бъ ты скрылъ свое имя, я бы не повѣрилъ, что ихъ слагалъ воинъ Ѳракіи (?). Не одинъ Орфей пѣснотворецъ этѣхъ странъ: страна Вистона (сына Марса) гордится твоимъ геніемъ.»

Изъ Виѳиніи ли Ѳракійской, или изъ Ѳракіи Виѳинской, былъ Котисъ родомъ — это трудно разгадать. Въ посланіи Овидія важно только свѣдѣніе, что онъ сосланъ въ предѣлы страны, гдѣ Rex-Pontifex Котисъ.

Въ Котисѣ Овидія и историки и нумизматы видятъ Котиса Тацита, который, въ своихъ Лѣтописяхъ, [69] сообщаетъ слѣдующее:

Упомянувъ объ Артакѣ, возведенномъ Германикомъ на престолъ Арменіи, и о хитрой политикѣ Тиверія, онъ продолжаетъ: «Точно такою же хитростію онъ обошелъ и Рискупориса, Царя Ѳракійскаго. Риметалкъ владѣлъ одинъ всею областью. Послѣ его смерти, Августъ раздѣлилъ ее между Рискупорисомъ, братомъ Риметалка, и Котисомъ, сыномъ его. Мирному и благодушному Котису онъ далъ земли и города, сосѣдніе съ Греціей (arva et urbes vicina Graeciae), а суровому, завистливому и нелюдимому Рикуспорису, земли невоздѣланныя, дикія и пограничныя землямъ непріятельскимъ. Сначала все было мирно; но вскорѣ Рискупорисъ нарушилъ границы владѣній брата и присвоилъ себѣ данное ему. Но онъ еще боялся Августа. Когда же узналъ о его смерти, напалъ съ шайкою разбойниковъ на владѣнія брата.» «Возникшая война между братьями прекратилась по повелѣнію Тиверія. Котисъ распустилъ войско свое, а Рискупорисъ, пригласивъ его къ себѣ для мирныхъ условій, заключилъ въ оковы.»

Кажется, здѣсь дѣло идетъ объ Азійскихъ областяхъ, подвластныхъ Риму, но управлявшихся туземными Династами. [70] Рѣшено, од-

[69] Ann. L. II, § 64.

[70] Ѳракія въ это время раздѣлена была по племенамъ на 50 воеводствъ и управлялась ими. «Thracia sequitur, inter validissimas Europae gentes, in Strategias quinquaginta divisa.» Plin. L. IV, 18.

нако же, историками сообща, что Риметалкъ и его наслѣдники царствовали во Ѳракіи Европейской. Такъ ли это? Вникнемъ въ смыслъ разсказа. Область Котиса, прилегавшая къ Греціи, должна была состоять изъ Rhodapaea и Euгораеа, на южной сторонѣ Балкановъ. При этомъ условіи дѣленія, областью Рискуприса была Мисія, или сѣверная сторона Балкановъ, до Дуная, тѣмъ болѣе, что, по словамъ же Тацита, Рискупорисъ владѣлъ землями, сосѣдними съ Бастарнами и Скиѳами. [71] Слѣдовательно, стихи Овидія ни какъ не сходятся съ прозой Тацита, и ему слѣдовало писать посланіе не къ Котису, а къ Рискупорису, въ предѣлахъ котораго, какъ оказывается, былъ Томи. Но этого мало: сама Исторія, кажется, не знаетъ, куда помѣстить Котиса въ Европѣ. Въ томъ же свѣдѣніи о немъ, Тацитъ, подъ названіемъ Ѳракіи подразумѣваетъ только южную сторону Гема или Балкана. «Латиній Пандусъ, говоритъ онъ, Пропреторъ Мисіи (Moesiae), отправляетъ повелѣніе Тиверія во Ѳракію, дабы Рискупорисъ выдалъ плѣннаго Котиса.» Рискупорисъ жалуется Кесарю, что Пандусъ питаетъ къ нему вражду, и Тиверій назначаетъ въ его область, Мисію, Помпонія Флакка, съ которымъ Рискупорисъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ въ Европейской Ѳракіи невозможно примирить Овидія съ Тацитомъ. Перенести же событіе во Ѳракію и Мизію Азійской стороны Понта также нельзя: тутъ недостаетъ Бастарновъ и Скиѳовъ, сосѣдовъ области Рискупориса.

Таковы смуты, происходящія въ Исторіи, отъ какого ни будь признаннаго, но не призваннаго, авторитета, который, опираясь на Дунай, рѣшилъ, что, вмѣсто Taurica, надо читать Thracica, а вмѣсто Maeotius — Moesius.

Но, кромѣ Котиса, упоминаемаго Тацитомъ, Флоръ, въ своей Римской Исторіи, говоритъ о современникѣ Августа и Овидія, Котисѣ, Царѣ Даковъ или Гоѳовъ.

«Даціане, каждый разъ, когда замерзалъ Дунай, [72] по повелѣнію своего Царя Котиса (Cotisonis regis imperio), дѣлали набѣги и

[71] «Simul bellum adversus Bastarnas Scythasque praetendens, novis peditum et equitum copiis sese firmabat.» Ann. L. II, 65.

[72] Всѣ походы Скиѳовъ (Славяно-Руссовъ), какъ извѣстно, на Римскую Имперію, за нарушеніе договоровъ, предпринимались всегда съ наступленіемъ

грабили сосѣднихъ народовъ. Августъ принужденъ былъ послать Лентула за Дунай и охранять берега. Такимъ образомъ Дація, хотя и не была покорена, но занята войсками и отодвинута въ горы. Всадники Сарматы разъѣзжали по пространнымъ степямъ; но Лентулъ заградилъ имъ путь чрезъ Дунай.»

Въ этомъ извѣстіи два предмета касаются до Овидія. Во первыхъ, во Ѳракіи ему не для чего было «couvrir d'un casque sa tête blanchissante, et armer d'un glaive pesant son bras affaibli.» Во вторыхъ, Флоръ зналъ Котиса, современнаго Августу и Овидію, какъ Царя Даціянъ или Гоѳовъ, а не какъ Царя Ѳракіи, что и подтвердится ниже.

Тотъ же самый Котисъ былъ извѣстенъ и Страбону. Въ книгѣ XII, при обзорѣ восточнаго берега Понта, онъ пишетъ: «Тиварены и Халдеи до Колхиды, города Фарнакія и Трапезосъ, управляются Пиѳодорой, женщиной необыкновенно умной и способной къ управленію. Она была за мужемъ за Полемономъ, [73] и наслѣдовала ему, когда онъ умеръ у Аспурговъ, которые принадлежатъ къ числу варваровъ, сосѣднихъ съ Синдіей. [74] У ней было два сына и дочь, которую она выдала за Котиса Сапейскаго. Когда же онъ былъ убитъ, дочь Пиѳодоры осталась вдовой, съ дѣтьми Котиса. Старшій изъ нихъ наслѣдовалъ царство отца.»

Зять Полемона, Котисъ Сапейскій, признается и нумизматами за того самаго Котиса, о которомъ упоминаетъ Тацитъ, и къ кото-

---

весны, на корабляхъ. Здѣсь говорится о частыхъ набѣгахъ Сарматъ-граничаръ, которые болѣе разсчитывали на оплошность Римской пограничной стражи и на удальство, нежели на замерзаніе Дуная.

[73] Каганомъ Понтійскаго царства. По найденной монетѣ въ Эоліи, онъ былъ верховнымъ жрецомъ и въ этой странѣ. Опис. Музея Кн. Кочубея. Г. Кёне. Т. II, 174.

По Страбону Полемонъ преобладалъ до Танаиса, и за возстаніе Танаитовъ, разорилъ ихъ городъ и вскорѣ былъ убитъ въ странѣ Аспурговъ.

[74] Regia Scythia Sendica; по Геродоту Индія Кавказская; по Церк. ист. Индія внутренняя — ἐνδοτάτοι Ἰνδοί или Σάβρι.

рому относится посланіе Овидія. Слѣдовательно, для рѣшенія вопроса должно опредѣлить мѣстность Сапеевъ...

Сказаніе Страбона касается до Азійскихъ областей. Пиѳодора царствовала въ областяхъ Фарнакіи, Трапезосъ, Колхидѣ и въ округахъ варваровъ, находящихся выше, какъ выражается онъ. [75] Здѣсь должно искать и Сапеевъ Котиса. Σαπαῖοι или Σάβοι и извѣстны на набережныхъ Меотиды. Но и Сапеи двоятся. Страбонъ, слагая вину Грековъ на варваровъ, жалуется на варварское измѣненіе собственныхъ именъ и названій мѣстъ, и говоритъ, что имя Халдеевъ легко могло измѣниться въ Аливовъ, какъ и въ Халивовъ. При этомъ случаѣ онъ приводитъ въ примѣръ, что и во Ѳракіи существуетъ народъ, который въ древности назывался Sinties (Sindi), измѣнился въ Sinti, потомъ въ Σαῖοι, а наконецъ принялъ названіе Σαπαῖοι, и что всѣ эти племена (Синдовъ) живутъ подъ различными названіями около Абдеры, на островѣ Лемносѣ и на другихъ сосѣднихъ островахъ.»

Въ «Χρηστομαθειαι εχ των Στραβωνος Γεογραθιχων« [76] объ этихъ племенахъ сказано яснѣе: «Всей Елладой первоначально владѣли варвары; но и по нынѣ владѣютъ Эпиромъ и населяютъ сосѣдство Еллады, Пелопонезъ и Македонію, Скиѳы Славяне (Σχύθοι Σχλάβοι.» [77]

Плиній въ свою очередь упоминаетъ, кромѣ Сапеевъ Танаитовъ, [78] о Сапеяхъ, живущихъ между р. Стримонъ (нынѣ Струма) и Нестой (нынѣ Мѣсто), гдѣ, по прокладкамъ, и Sindica и Moedica и Stabulum Diomedis (Tirida) и Sapaeorum Stenae и βιστονις λίμνη.

Но дѣло не въ томъ, что чистыя Арійскія племена — Инды, [79] по вѣрованію Сайвы, Сайваны (Сиваиты) повсюду, и въ Азіи, и въ

[75] L. XI, 499.

[76] «Избранныя мѣста изъ Геогр. Страбона» или Сокращеніе.

[77] Въ Географіи Страбона, вмѣсто варвары, исчислены Ѳракіяне, Иллирійцы, Епироты, а вмѣсто Скиѳы-Славяне — варвары.

[78] L. VI, 7.

[79] Частное названіе жившихъ по р. Инду или Синду, перешедшее у Персовъ въ общее названіе Арійцевъ-Савіанъ — Гинду.

Европѣ, назывались тѣми же именами—Sindi, Sinti или Σουήβοι, Σαβίοι, Σαΐοι, и по Готскому произношенію, а по Греческому писанію, вмѣсто Азіятскаго Sabaei — Σαπαίοι, но въ томъ, что Полемону и Пиѳодорѣ гораздо сподручнѣе было выдать дочь свою за Котиса Сабеянъ Босфоранскихъ, [30] нежели на другой край свѣта, за гадательнаго Котиса Сабеянъ Стримонскихъ.

Если мы обратимся отъ Chersonesus Thracica, около котораго жили Сапеяне Стримонскіе, къ Chersonesus Taurica, близъ котораго жили Сапеяне Меотиды, то слова Тацита примутъ слѣдующій смыслъ: Риметалкъ владѣлъ всей Тавридой (къ которой относился и Керченскій полуостровъ, составлявшій часть Босфораніи, а вѣроятно и вся Босфоранія). По смерти его, Императоръ Августъ раздѣлилъ область между братомъ его, Рискупорисомъ, и сыномъ, Котисомъ. Рискупорису далъ во владѣніе земли на сѣверной сторонѣ Таврическихъ горъ: «quod incultum, ferox, annexum hostibus Rhescuporidi cessit». Здѣсь онъ былъ сосѣдъ и Бастарнамъ и Скиѳамъ. Котису же далъ полуостровъ Керченскій и полуостровъ Таманскій, т. е., земли, прилежащія Греческимъ колоніямъ по обѣ стороны пролива.

Это возстановленіе Котиса, въ настоящей мѣстности его владѣній, въ Малой Скиѳіи, которая, во время управленія Каганами, называлась и Готіей, оправдываетъ слова Овидія, примиряетъ Историческія и Нумизматическія объ немъ свѣдѣнія, а главное, согласуется съ сказаніемъ Константина Багрянороднаго, [31] почерпнутымъ изъ XV книги Олимпіадъ Флегона: «Городъ Босфоръ былъ подъ властію Котиса, царя Босфораніи, которому Кесарь присудилъ носить корону, и подчинилъ ему города (Греческіе), въ числѣ которыхъ и г. Херсонъ.»

Разсмотримъ теперь Нумизматическія свѣдѣнія о Котисѣ.

---

[30] Г. Бёкъ, въ Corp. Inscript. Graec., догадывается, что Меотическіе Сарматы, Σαΐοι есть тѣже Σαπαΐοι и тѣже Σάβοι, по которымъ названа и Ὀλβία Σάβϊα. Замѣчательно, что до сихъ поръ, на счетъ древнихъ Славянъ и Руссовъ, допускаются только догадки, подлежащія еще сомнѣнію, а замѣчательнѣе всего то, что по части Исторіи мы не только не зазнаемся, но и не хотимъ знать себя.

[31] «Δωδέκατιν θέμα — Χερσῶνος.»

Въ описаніи Музея Кн. В. В. Кочубея, [32] Г. Кёне сообщаетъ о золотыхъ монетахъ Синдіи, доказывающихъ, что первый владѣтель изъ рода Аспургіанъ, былъ признанъ Августомъ, голова которго изображена на всѣхъ этихъ монетахъ. «Самое большое затрудненіе, говоритъ Г. Кёне, заключается въ нахожденіи имени этого Государя, перваго изъ Аспурговъ. Кари и Висконти называютъ его Савроматомъ 1-мъ».

Слова Флегона о Котисѣ, кажется, положительно разрѣшаютъ это затрудненіе; а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняютъ, почему «по смерти Полемона Аспуріане впервые овладѣли Фанагоріею, которую и сдѣлали своею первою столицею. Они овладѣли и всѣмъ Таманскимъ полуостровомъ, и заняли Крымъ.» [33]

---

[32] Т. II, стр. 196.

[33] Считаемъ не излишнимъ изложить здѣсь предположеніе въ отношеніи Аспурговъ или Аспургіанъ. Они извѣстны были только Страбону, вѣроятно, по словамъ Готовъ, какъ поселенцы между Греческимъ городомъ Фанагоріей и Горгиппой (названіе искаженное), столицей Синдовъ. Они, слѣдовательно, пришельцы со времени Полемона, покорившаго г. Танаисъ, который, какъ увидимъ въ послѣдствіи, и былъ этой столицей. Промышленные Готы и Каганы ихъ не могли бы здѣсь держаться безъ поселенія какихъ нибудь воинственныхъ прозелитовъ. Эти прозелиты, должно полагать, были Асы (Яссы) и Торки. Ясскій торгъ или городъ былъ Астрахань, по Рубруквису, при устьяхъ Волги. Готское названіе его, сообразное туземному, Asgard, а сообразное Греческому Aspurg (πύργος). Припомнимъ Asgard Готскихъ сѣверныхъ преданій, откуда Оденъ (собст. Gudin—жрецъ) Сигге Фридульфовонъ, Каганъ (Kong) Азовъ и Торковъ, перешелъ съ частію народа на сѣверъ, во время повсемѣстнаго преслѣдованія Іудеевъ и Халдеевъ-Маговъ Имп. Трояномъ, около начала 2-го вѣка. «Сигге правительствовалъ тогда, какъ верховный жрецъ и излагатель воли боговъ, надъ Асами, Готскимъ народомъ, по происхожденію и языку (?), обитавшимъ между Танаисомъ, Кавказомъ и Каспійскимъ моремъ, къ которому причислялись и Торки.» Ист. Швец. Далина. Слѣдуя чрезъ Svavathiod hin mikla (чрезъ великую Словенію), они пришли въ Приморскую Русь: «Enn adr Tirkiar oc Asiaemenn komu a Nordur laund, bigdu Nordur halfurnar Risar,» т. е., «когда Тирки и Асы пришли въ сѣверныя страны, по сѣвернымъ набережнымъ жили Руссы.» Hervarar Saga, cap. 1. — «Their Aesar töku sier kuonfang thar Innannlands en sumer sonum synum, og urdu thessar aelter fiolmennar, so ad umm Saxland, og alle thadann umm Norduralfur dreifdest, so ad theirra Tunga asiae manna var eigen Tungu umm oll these Lond.» Т. е., «Эти Асы брали за сыновей сво-

Въ «Древностяхъ Босфора Киммерійскаго» упоминается о найденныхъ въ Керчи двухъ мраморныхъ пьедесталахъ статуй, съ надписями Котиса, правителя Босфораніи. Въ одной надписи (XX-й), по случаю открытія цѣлебнаго источника, сохранилось имя благочестиваго Котиса, возвеличившаго славу страны предковъ и владычествующаго надъ всѣми областями Инахидовъ, а можетъ быть Иніоховъ (Εἰνάχιοι, Ἰνάχιοι, Ἠνίοχοι).

Въ другой надписи (XI-й), Котисъ Аспургскій, названный въ поясненіяхъ первымъ Царемъ этого имени, неизвѣстно по чему, отнесенъ ко времени Нерона, сына блаженнаго Клавдія. Смыслъ надписи: «Ликъ Отца Отечества (Pater Patriae, слѣдовательно, Августъ), [34] своего спасителя и благодѣтеля, воздвигъ Котисъ Аспургскій, другъ Кесаря и Римлянъ, благочестивый первосвященникъ боготворимаго (Εὐσεβὴς ἀρχιερεύς τῶν Σεβαστῶν).

Монета Котиса, описанная Г. Кёве, имѣетъ слѣдующія надписи и изображенія: съ одной стороны: ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΚΟΤΥΟΣ. Курульное кресло, на которомъ вѣнокъ, въ право скипетръ съ бюстомъ; съ другой стороны: ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, круглый щитъ, копье съ значкомъ въ видѣ конской головы, бюстъ, украшенный короною; внизу шлемъ съ перьями и мечъ.

Овидій называетъ Котиса потомкомъ знаменитаго рода, происходящаго отъ Евмолпа и первоначальника его, Ерихѳона. Тайна этого родословія заключается въ Египетскихъ тайнахъ, или, по Плинію, въ тайнахъ Маговъ, основанныхъ Ерихѳономъ въ Елевзинѣ. Евмолпъ же былъ первый іерофантъ этѣхъ таинъ, и въ родѣ его утвердилось это званіе наслѣдственно. [35] Этимъ родоначаліемъ объясняется и титулъ Котиса въ надписи: εὐσεβὴς ἀρχιερεύς, замѣняющій обычное Египет-

---

ихъ дочерей туземцевъ, такъ что ихъ родъ въ короткое время распространился до Саксоніи и по всему сѣверу, и языкъ ихъ сталъ общимъ въ этѣхъ странахъ». Edda Island., cap. III.

[34] «Ob haec tot facta ingentia Dictator perpetuus et pater Patriae dictus». Florus.

[35] Страб. (L. VII, 321) упоминаетъ Евмольпа въ числѣ колонизаторовъ Египетской и Халдейской пропаганды—Пелопса, Даная, Кадма и пр.

ское, Халдейское, Еврейское и Персидское названіе **Каганъ**, обратившееся у Готовъ въ Kung, Kong, Konung.[86] Вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и льстивое восхваленіе, въ которомъ Овидій сравниваетъ псалмодіи Котиса съ гимнами Орфея, проповѣдывавшаго Магизмъ.

Евмолпъ, по Страбону, при помощи Ѳракійцевъ, овладѣлъ Аттикой; Евмолпъ первый Іерофантъ Елевзинскаго храма, въ Аттикѣ; Евмолпъ, по Плинію, первый въ Аттикѣ вертоградарь. Халдейское-Колхидское, Мидійское-Мисійское (Μοισων, Μυσων, Μηδων) вѣрованіе, чествовавшее **Гада** (Gud, جد) и дни новолунія (Μῆνη, μήν—mäna),[87] проникло, слѣдовательно, въ Елладу чрезъ Македонію, при помощи прозелитовъ Ѳракіянъ, которые вели свой родъ отъ **Вист она**, сына Арея или Мар а.

Движеніе Халдееъ-Маговъ легко опредѣлить, прокладывая послѣдовательно всѣ Мугдоніи (Μυγδονία): сперва Ассирійскую, между Тигромъ и Евфратомъ, потомъ Малоазійскую (Μυσία), а въ заключеніе Ѳракійскую, извѣстную подъ названіемъ Македоніи. Здѣсь и было первоначальное водвореніе централизаторовъ Готовъ въ Европѣ. Подъ вліяніе ихъ и этой системы подпалъ Филиппъ,[88] покорившій Грецію, а потомъ сынъ его Александръ, Κτιστής и покоритель Азіи. Во время войны Римлянъ съ Митридатомъ, единовѣрцы его должны были выселиться за Дунай, въ извѣстную Дацію[89] или Готію Карпатскую.[90] Здѣсь они продолжали возстановлять туземныя племена и Германовъ на Римъ. Траянъ вынудилъ ихъ продолжать путь къ Сѣверу.

---

[86] «Ol. Rudbeckius junior, et cum illo alii, Kong Europaeorum diversum esse non putant a Cahan, quod in Ebraica lingua non solum sacerdotem, sed etiam principem denotare, observunt philologi.» Ihre. Gloss. Suiogoth.

Іорнандъ, въ Исторіи Готовъ, замѣняетъ названіе Kong или Cohen Латинскимъ толкованіемъ: «Hic etenim et Rex illis et Pontifex ob suam peritiam habebatur, et in sua justitia populos judicabat.»

[87] Strab. L. XX, p. 557.

[88] Іорнандъ, Ист. Готовъ.

[89] Діонъ упоминаетъ, что Даки или Готы Дунайскіе переселенцы изъ Родопіи.

[90] **Dacia** есть Римское названіе, а потому не **Дакія**, какъ писали Греки; жители не Даки, а Dauciones, какъ называетъ ихъ Птоломей.

Изъ этого краткаго очерка отношеній Азійскихъ Готовъ къ Европейскимъ, понятны титулы, которые даетъ Овидій Котису Босфоранскому, не различая ни мѣстностей, ни народностей; столь же неопредѣленна у него и Bistonis terra.

Ѳраковъ Виѳинскихъ Ксенофонтъ называетъ воинственнѣйшимъ народомъ изъ всей Азіи. Они считаютъ родоначальникомъ своимъ Виѳона (Bithon), сына Арея или Марса.

Точно также и коренные обитатели Вистоніи (Bistonia) Македонской ведутъ свой родъ отъ Вистона (Biston), сына Арея или Марса.

Слѣдовательно, Вистонъ есть не что иное, какъ двойникъ Виѳона.

По Тациту, тому же Viston или Viscon (Visconen deum) поклонялись, какъ родоначальнику своему, и сѣверные Савіане, которыхъ Римляне прозывали племенами (Germani). [91]

Для полноты пропорціи, нужно сопоставить и Савіанъ коренныхъ Индовъ, у которыхъ ратное сословіе считало родоначальникомъ своимъ, патрономъ, Вишну, по старинному Европейскому писанію, Vistnou и Bistnou.

Во всѣхъ этѣхъ странахъ, для различенія туземцевъ отъ водворившихся между ними колоній, древняя Исторія имѣетъ только одинъ, но вѣрный признакъ, — вѣру тѣхъ и другихъ. На этомъ основаніи,

---

[91] См. Переводъ Тацита о Германахъ, по своду кодексовъ, въ соч. «Индо-Германы, или Са[illegible]ане.» По Cod. Humilianus, Cod. Farnasianus и Cod. Vaticanus, родоначальникъ Свевовъ (Sueuones), т. е., Савіанъ, Viston или Viscon. Прежде, вмѣсто этого имени, по позднѣйшимъ ошибочнымъ спискамъ, читали Tuiscon, который и принялъ въ толкованіяхъ значеніе родоначальника Даціанъ (Deutschen).

При этихъ соображеніяхъ объясняется, что и въ Тацитѣ, вмѣсто Manuum слѣдуетъ читать Martem: «Celebrant carminibus antiquis Visconem Deum terra editum et filium Martem (вмѣсто Manuum), originem gentis conditorisque.» Это подтверждается въ IX главѣ, что Свевы приносятъ жертвы Геркулесу и Марсу. Тацитъ понялъ превратно. Хáри, воплощеніе Вишну (Арей, Геркулесъ, Юрій); а Вишну законодатель, божество побѣды.

какъ Синды Ѳракіи, такъ и Синды Меотиды, составляютъ одинъ и тотъ же народъ Савіанъ, отрасли Арійской; такъ Μοισοί, Μυσοί, Gothi, у которыхъ родоначальникъ былъ, какъ говоритъ Іорнандъ, Gapt, составляетъ другой народъ, отрасли Ханаанской.

Очень естественно, что Овидій, въ льстивомъ посланіи къ Босфоранскому Кагану Котису, почерпаетъ изъ Римской Исторіи все, что можно примѣнить къ славѣ его рода. Другимъ источникомъ его свѣдѣній о Котисѣ были разспросы о немъ у Гетовъ или Готовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ разсказахъ о своемъ Каганѣ (Cohen) и жрецѣ (Gude), они сообщали ему свѣдѣнія о своемъ древнемъ Сирійскомъ Gauti Адонѣ, и обычныхъ заклинательныхъ, чарующихъ и гадательныхъ, рунахъ своихъ волхвовъ. Въ этихъ-то Каббала и слышалось Овидію имя Cotys.

Кромѣ Котиса, есть еще другое историческое имя, относящееся къ Томитанской области, о которомъ упоминаетъ Овидій въ Pont. L. IV, Ep. 9.

«Недавно еще Флаккъ управлялъ этой страной, говоритъ онъ. Дикій берегъ Истра былъ огражденъ воеводой. Въ надежномъ мирѣ держалъ онъ племена Мисянъ (Mysas gentes). Его меча боялся лукъ, на который надѣялись Геты. Порывистой своей храбростію, возвратилъ онъ Трозми изъ рукъ непріятеля и окрасилъ Дунай звѣрской кровью.»

Истръ, Mysas gentes, воевода Флаккъ и г. Трозми — четыре данныхъ въ пользу Томи на Дунаѣ. Но, во первыхъ, Истръ, какъ мы уже объяснили, неопредѣленное названіе, которое у древнихъ, при смутныхъ понятіяхъ о мѣстности, приписывалось иногда не только Дунаю и Дону, но даже и Днѣпру. [32] Во вторыхъ, Флаккъ—имя безъ прозвища, или прозвище безъ имени—неопредѣленно. Мисіей (Moesia), сколько извѣстно, управлялъ только одинъ изъ носящихъ

---

[32] «Ἀπὸ οὖν Καλοῦ λιμένος μέχρι τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ ἤτοι Δανάπρεως καλουμένου πάλιν Σκύθαι κατοικοῦσιν.» Ponti Euxini Periplus.

Положимъ, что это явная описка; но на подобныхъ опискахъ, при вѣрѣ только въ букву, строются цѣлыя историческія положенія, какъ, на примѣръ: пріуроченіе древнихъ Германовъ, Славянъ, къ новымъ Германамъ Даціанамъ, по опискамъ Tuiscon. Hertha etc.

имя Флакка, именно Помпоній Флаккъ; но онъ назначенъ былъ Тиверіемъ, послѣ убійства Котиса, около 19-го года по Р. Х., когда и Овидій уже не существовалъ. Въ третьихъ, Trosmis, городъ дѣйствительно бывшій на Дунаѣ; но Trosmis, въ стихѣ Овидія, есть не что иное, какъ догадка и произвольная вставка издателей, пріурочивавшихъ, какъ самаго Овидія, такъ и упоминаемаго Флакка, непремѣнно къ Дунаю. «Ce mot, говоритъ Низаръ, varie dans les manuscrits de huit ou dix manières»; Lemaire высчитываетъ только нѣкоторые варіанты и вмѣсто Roesen, Troezen, Traecen, Troisen, предлагаетъ читать Trosmis.

На томъ же основаніи Mysas gentes изгнали изъ рукописи Maeotas gentes.

И такъ, по всей вѣроятности, приговоръ ссылки Римскаго Волтера въ Томи на Дунаѣ, принадлежитъ не Августу. Оставляя въ сторонѣ ученыя поправки, примѣненныя къ Истру, я обращаюсь къ прямымъ указаніямъ поэта. Онъ говоритъ о странѣ своего изгнанія, на далекихъ границахъ Скиѳіи, какъ о новомъ, ненадежномъ пріобрѣтеніи Рима: эта страна — Босфоранія, пріобрѣтенная побѣдой Митридата. Здѣсь поэтъ имѣлъ право жаловаться и на безконечную зиму Меотиды, и на климатъ вообще, и на дикую, безплодную мѣстность Киммерійскаго берега, и на постоянный страхъ и опасеніе Скиѳскихъ, Сарматскихъ, Готскихъ и даже Колхидскихъ набѣговъ. Здѣсь, въ Томи Босфоранскомъ, могъ онъ упрекать Грековъ Ахеянъ, носившихъ уже названіе Скиѳовъ - Еллиновъ, за то, что они забыли свой родной языкъ.

Слѣды Нижне-Мизійскаго, Дунайскаго Τόμεα исчезли съ самаго времени упоминанія объ немъ нѣкоторыми Географами I-го вѣка, если только не слѣдуетъ читать въ нихъ вмѣсто Τόμεα—Κόμεα, какъ увидимъ ниже. Существованіе же Босфоранскаго Τομαία, Τόμεως, Τομοία, Τομεύς, Τόμος, сохраняло во времени прозвище свое, какъ мѣстность, значительная издревле по торговымъ отношеніямъ къ Греціи и Италіи.

Босфоръ или проливъ Азовскаго моря назывался въ древности Индѣйскимъ (βόσπορος τῆς ἰνδικῆς), Киммерійскимъ, или Серберійскимъ, потомъ устьемъ Меотическимъ или Донскимъ—Τάνεως. [93]

---

[93] Στόμα τῆς Μαιώτιδος λίμνης, ἤτοι τοῦ Τάνεως. Pont. Eux. et Maeot. Periplus.

Этому послѣднему названію и соотвѣтствуетъ Азіятское Томанъ-богазы, по озеру и городу Тома — طوما.

Первобытное названіе свое проливъ носилъ по народу, области и городу, на Азіятской набережной: Κιμβρικὸν, Κιμμερικὸν, Κερβέριον, Cimmeria, Cerberia. Народъ: Κιμμέριοι, по Hesych. Κερβέριοι, по Плинію—Сарматы Serbi, по Прокопію и другимъ, Sabiri, они же и Гунны бѣлые, Гинду-сафетъ, или бѣлые Инды, называвшіеся и Гиніохами. Если Tanaitae, жившіе по Низовью или Донью рѣки и лимана были Сербы, то должно обратиться къ обычному народному названію страны, ими занимаемой—Сербадія. Страна Прибалтійскихъ Славянъ (Suivones) Сербовъ (Cimbri, Sibri) называлась также Sermende и Serbende, т. е., Сербадія, Приэльбская Sarmaten Land. [94] Понятно, что это названіе Еллины не могли иначе произносить, замѣняя часто букву б посредствомъ м, какъ Σαρματία.

«Въ 120 стад. (17 в.) отъ р. Антикиты, [95] пишетъ Страбонъ, находится городецъ Киммерійскій; здѣсь таможенная пристань (ἀφετήριον) для кораблей, вступающихъ въ лиманъ. [96] Вдоль этого берега находятся стражницы (σκοπαί), называемыя Клазоменскими (!) (вѣстовыми). Нѣкогда этотъ Киммерійскій городъ, находящійся на полуостровѣ, [97] былъ защищенъ по перешейку валомъ и рвомъ. Киммеріане преобладали на всемъ Босфорѣ. Отсюда они проникали въ глубь страны по правому берегу Понта, до Іоніи. Скиѳы изгнали ихъ изъ Киммеріи, и въ свою очередь были вытѣснены Еллинами, которые и основали Пантикапею и прочіе города Босфорской области.» Слѣдовательно, въ томъ числѣ и Танаисъ, городъ Донъ, или Донской городъ; ибо Страбонъ, говоря о рѣкѣ Донѣ, пи-

---

[94] См. Исчисленіе Славянскихъ племенъ Германіи, въ Геогр., прозв. Баварскимъ (около 7 вѣка) и землеоп. Альфреда.

[95] Кубань, называвшаяся также Ὕπανις.

[96] При Босфорѣ образуются два мыса полуостровами. Со стороны Тавриды Керченскій, называвшійся малымъ Херсонисомъ (полуостровомъ), а съ Азіятской стороны — Таманскій.

[97] Τὸ δε στόμα ἐκπλέοντα Κιμμερὶς πόλις, ἀπὸ Κιμμερίων μὲν βαρβάρων κεκλημένη. Κτίσις δὲ τυράννων οὖσα τῶν ἐν βοσπόρω. Scymni Chii Periplus.

шетъ: «На рѣкѣ и Меотическомъ озерѣ находится городъ, одноименный съ Танаисомъ, построенный Еллинами, когда они овладѣли Босфоромъ. Въ недавнее время Царь Полемонъ разорилъ его за мятежное возстаніе. Танаисъ былъ общимъ торговымъ мѣстомъ, какъ туземцевъ Европейской и Азіятской стороны, такъ и плывущихъ чрезъ Босфоръ въ лиманъ, для вымѣна челяди, мѣховъ и другихъ предметовъ, на ткани, вина, и разныя вещи.»

Выходъ Киммеріянъ съ набережныхъ Босфора, безъ сомнѣнія, былъ важнымъ событіемъ для Еллиновъ; по тому что почти всѣ историки, начиная съ Геродота, объ немъ упоминаютъ. Въ Юстинѣ, по Трогу Помпею, слѣдующее преданіе: «Въ то время (когда Скиѳы владѣли въ продолженіи 1,500 лѣтъ почти всей Азіей), по случаю усобицъ между владѣтелями, были изгнаны изъ родины два Князя — Юлинъ (Ylinos) и Scolopitus. За ними послѣдовало множество молодежи (юнаковъ). Они поселились въ Каппадокіи, близъ рѣки Ѳермодонта, на равнинахъ Ѳемискиры.»

По сказанію Плинія изгнаны были Танаиты.

Въ Амміанѣ, преданіе принимаетъ иной смыслъ: «Въ дальнемъ разстояніи отъ Борисѳена есть полуостровъ, населенный Синдами, которые, послѣ погибели ихъ владѣтелей, во время похода въ Азію, воспользовались ихъ состояніемъ и женами». По Трогу Помпею и Геродоту, это обстоятельство и было причиной, что царственные Скиѳы, возвратясь изъ похода, изгнали измѣнниковъ изъ родины. Къ этому именно событію относится и время построенія города Истра. «Городъ Истръ основанъ Милетами въ то время, когда рать Скиѳовъ перешла въ Азію, преслѣдуя Киммеріянъ Воспорскихъ.» За симъ въ Периплѣ Скимна слѣдуетъ: «Такимъ образомъ Милетское Томейское, или Томитанское поселеніе, было посреди Скиѳовъ.»

---

[38] Τομέοι ἄποικος γενομένη Μιλησίων
Ὑπὸ Σκυθῶν μὲν ἦν κύκλῳ οἰκουμένη.

Отбрасывая частицу μὲν, замѣняя ἦν посред. ἐν, и измѣняя родъ, это переводятъ: «Томи поселеніе Милетянъ; окрестъ его обитаютъ Скиѳы». Мы полагаемъ, что оставляя все въ своемъ видѣ, слѣдуетъ переводить: «Такимъ образомъ Милетское Томейское (Τομέως) поселеніе было посреди населенія Скиѳовъ.» Подъ этѣмъ населеніемъ, кажется, должно подразумѣвать Ахеянъ, которые и назывались Скиѳы-Ахеяне или Еллино-Скиѳы.

Какой же выводъ слѣдуетъ изъ этого? Двоякій: или обстоятельство построенія Донскаго города пріурочено къ Дунайскому, или смутное понятіе объ устьяхъ Дуная и Дона перемѣстило городъ, одноименный съ рѣкой, съ Донья Меотическаго на Донье Ѳракійское. [99] Тотъ и другой городъ — πόλις ὁμώνυμος τοῦ ποταμοῦ; тотъ и другой построены въ одно и тоже время; Τανέως, по Страбону, просто Еллинами, а 'Ιςτριανός, по Скимну, Еллинами Милетами; оба на мѣстности, откуда изгнаны Киммеріяне. Которому же изъ этихъ двойниковъ принадлежитъ право существованія? Тому ли, который носилъ названіе 'Εμπόριον Черноморской Еллинской торговли, [100] или какому ни будь 'Ιστρος πολίχνιον, Дунайскому пограничному укрѣпленію?

Высказывая нѣкоторое сомнѣніе въ отношеніи городовъ Истра и Томи, которыхъ, по Периплу Скилакса, нѣтъ на Дунаѣ, мы полагаемъ, что для позднѣйшихъ Географовъ, основой при описаніи сѣверныхъ береговъ Понта, служила Географическая поэма Скимна Хіоскаго. Когда Донье или низовья Меотиды и сѣверныхъ границъ Ѳракіи, были еще подъ Киммерійскимъ мракомъ, названіе Истръ, относящееся собственно къ низовью рѣки, могло легко приписываться низовьямъ и Дона и Дуная.

'Αχίλλειον, находившійся и противъ устья Дуная и на мысѣ Азіятскаго берега Босфора, сбивалъ окончательно всякую оріентировку съ толку.

«На пути плывущихъ къ устью Псилонъ Истра, — пишетъ Скимнъ,—находится островъ Ахиллесовъ ('Αχιλλέως νῆσος). Другіе называютъ его путемъ Ахиллеса (δρόμος 'Αχιλλέως), а также Левки или бѣлымъ, по цвѣту.»

То же самое и въ Периплѣ Арріяна: «одни называютъ его Ахиллесовымъ островомъ, другіе путемъ Ахиллеса, третьи—Левки, по бѣлизнѣ.» Арріянъ тѣмъ и ограничиваетъ свѣдѣніе о δρόμος 'Αχιλλέως; но неизвѣстный составитель Перипла Понта Евксинскаго (вѣроятно, въ

---

[99] «Ab Istri ostium, quod Sacrum dicitur, excipiunt partes Thraciae, in Pontum vergentes, et Thracum limites. Ponti Eux. Periplus».

[100] «Ταναΐς, ἥτις καὶ Ἐμπόριον ὀνομάζεται.» Al. Polyhistor.

подтвержденіе свѣдѣній поэтовъ, что Ахиллесъ, влюбленный въ Ифигенію, поселился на островѣ Левки, и ристалъ по прибрежной косѣ въ Тавриду, на свиданіе съ нею), перемѣстилъ ристалище Ахиллесово на Кинбурнскую косу. Это свѣдѣніе принялось и развилось въ Географахъ. Плиній въ 26 главѣ IV книги пишетъ, упомянувъ объ Ольвіополѣ или Мелетополѣ: «съ другой стороны, на набережной, пристань Ахеянъ; островъ Ахиллеса—славный могилою этого героя (tumulo ejus viri clara); въ 125 тысячахъ шагахъ, полуостровъ, изогнутый въ видѣ меча, названный по ристаніямъ его «Dromos Achilleos». Въ главѣ же 33-й V книги, могила Ахиллеса переносится въ Троаду: «Extra sinum sunt Rhoetea littora.... fuit et Achilleon, oppidum juxta tumulum Achillis....» — «Внѣ залива, берега Ретейскіе,.... тутъ былъ и городокъ при могилѣ Ахиллеса.»

Но Ἀχιλλέως δρόμος носилъ названіе и ἱερὸν ἄλσος τῆς Ἑκάτης — священная дубрава Гекаты, а также ἱερὸν ἄλσος Ἀχιλλέως, [101] священная дубрава Ахиллеса; слѣдовательно, и въ преданіи было: не δρόμος Ἀχιλλέως, а δρυμὸς Ἀχιλλέως, не ристалище, а дубрава Ахиллесова.

Страбонъ упоминаетъ объ Ахиллеонѣ, [102] на Азіятскомъ берегу Босфора; но трудно опредѣлить, при сѣверной ли косѣ Таманскаго залива, или при южной, которая тянется, какъ мостъ, чрезъ Босфоръ къ Таврическому берегу. [103] По Периплу Арріяна, около этого мѣста священная пристань (ἱερὸν λιμένα); по другимъ Κῆποι, близъ Фанагоріи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ахиллесъ, даже и въ вымыслѣ, для свиданія съ своей невѣстой, Ифигеніей, могъ поселиться не за нѣсколько

---

[101] Is. Vossii notae in fragm. Perip. Ponti Eux. p. 34. — Strab. L. VII, p. 307.

[102] Ахиллеонъ, съ храмомъ Ахилла, по словамъ Бёка, основанъ тѣми же Милетами, какъ и Ахиллеонъ, упоминаемый Плиніемъ, не въ далекѣ отъ Сигеи. Опис. Музея Кн. Кочубея, Г. Кёне, т. I, стр. 394. Но кажется вѣрнѣе предполагать, что Ахиллеонъ построенъ Ахилловыми Фѳіотами-Ахеянами, которые поселились тутъ послѣ Троянской войны и приняли обычаи Скиѳовъ, т. е., Черноморской Руси (Rhoeti).

[103] «Въ 20 стад. отъ Киммеріонъ, къ сѣверу, г. Ахиллеонъ, гдѣ находится храмъ Ахилла. Здѣсь проливъ съужается до 20 стад. Страб. кн. XI, стр. 494.

сотъ верстъ отъ Тавриды, на островѣ Левки, но противъ Тавриды. на островѣ Таманскомъ. [104] Не смотря на это, Страбонъ также слѣдуетъ показанію Перипла, и переноситъ священную Ахиллесову дубраву и Ахиллесовъ δρόμος на Кинбурнскую косу. Очень естественно, что, вмѣстѣ съ этимъ, необходимо было перенести и окрестности Босфорскаго Ахиллеона: съ Европейской стороны Керчь (Κερχί, Κερχίνος), [105] съ Керченскимъ заливомъ (Κερχινίτης χόλπος); а съ Азіятской стороны—мысъ и заливъ Таманскій — Ταμυράχη ἄχρα, съ озеромъ, находящимся на немъ, и Ταμυράχη χόλπος.

По неопредѣленности свѣдѣній, у Страбона Тамиракскій заливъ составляетъ и особенный заливъ и, по словамъ Τάφιοι, [106] названіе Керкинитскаго залива и мысъ (ἄχρα). Въ Периплѣ Арріяна названія Каркинитъ и Тамираки неопредѣленны. Упоминается только, что на послѣднемъ находится озеро. «Отсюда, продолжаетъ онъ, до устья Озера (ἐχροάς τῆς λίμνης—какого же?) триста стадій; отъ устья до Ηονας (?)—триста восемьдесятъ.» Что такое Ионъ, неизвѣстно. По Плинію Eion или Eon, названіе Таманскаго полуострова. [107]

Въ Периплѣ Понта Евксинскаго вмѣсто Ταμυράχη—Ταμυριάχη, а по выпискамъ Гр. И. Потоцкаго Tamyriana. Плинію это названіе неизвѣстно; его замѣняетъ Темеринда: [108] «Скиѳы, говоритъ онъ, называютъ Меотическое озеро Темеринда, что значитъ «мать морей.»

Какъ Ярославна въ Словѣ о полку Игоревѣ, пѣла къ Дону Великому, такъ и Днѣпровская и Черноморская Славяно-Русь имѣла обы-

---

[104] «Фанагорія и Кипи (сады) находятся на островѣ, о которомъ упомянуто.» Кн. XI, стр. 495. «Всѣ эти города—Кипи, Ермонасса, Фанагорія—на островѣ, образуемомъ моремъ, Меотидой и рѣками (Кубанью).» Скимнъ. Хіосскій.

[105] По Плинію Carcine. Находимыя монеты съ надписями: ΚΙΡΚΙ, ΚΕΡΚΙΝΟC, Г. Фридлендеръ признаетъ Керкинитскими. По замѣчанію Г. Кёне (Опис. Музея Кн. Кочубея), стиль ихъ принадлежитъ Тавридѣ.

[106] *Τάφιοι*, читаютъ *Τάφριοι*, полагая, что это жители *Τάφρος*—вала и рва, ограждающаго полуостровъ (Таврическій или Таманскій?); но отъ чего же не *Τάμιοι*, жители полуострова Тамираки?

[107] «Inde ad Bospori Cimmerii introitum. Sed ipsius peninsulae inter Pontum et Maeotim lacum excurrentis, Eionem vocant». Plin. VI, 6.

[108] По чтенію Io. Guilielmo Stuckio—Temeriada. Arriani Periplum. Scholia in Periplum Ponti Euxini.

чай, отправляясь въ походъ на своихъ насадахъ, пѣть къ Дону-батюшкѣ и къ Волгѣ-матушкѣ: «Взлелѣй, мати Волга рѣка, взлелѣй мати быстрая!»....

Этотъ исконный возгласъ къ рѣкѣ, Скиѳовъ—Сарматовъ—Гунновъ — Роксанъ—Аорсовъ—Сапеянъ—Сакалабовъ — Склавовъ, etc., Плиній иначе не могъ понять, какъ въ идрографическомъ смыслѣ. Дѣло касалось до Дунай-рѣки; [109] какъ же иначе, со словъ Азіятскаго толмача, передать это, какъ не Tamyraca или Temerinda, тѣмъ болѣе, что издревле у Восточныхъ писателей Донъ назывался Тана или Тома, а Меотическое озеро بحيرة طوما—озеро Тома, т. е., Донское озеро или лиманъ, какъ вообще Русь искони называла озера въ устьяхъ рѣкъ, на пр., Днѣстровскій лиманъ, Днѣпровскій лиманъ, что ясно и изъ Греческихъ Географовъ: «Μαιώτιδος λίμνη ἤτοι τοῦ Τάνεως.»

Скажемъ откровенно: какъ заботливо ни стирались западниками слѣды Томи на восточномъ берегу Понта, но замѣна сходныхъ между собою буквъ не можетъ утаиться въ сомнительныхъ именахъ и названіяхъ, не соотвѣтственныхъ мѣстности. Въ отношеніи Томи и Томитанской области необыкновенно какъ помогало, такъ называемому въ чтеніи кодексовъ древнихъ историковъ: recte, сходство письменныхъ μ и ρ. На примѣръ, Стефанъ Виз. упоминаетъ о Τυριτάκη πόλις Πόντου, τὸ ἐθνικὸν Τυριτακαῖος τῶν συνήθει τύπῳ. Совершенно непонятно, что за городъ Тиритакскій, и что за язычники Тиритакскіе. Но Географія Птоломея объясняетъ: ἀπὸ δὲ Παντικαπαίου εἰς Τυριτάκην πόλιν στάδια λέ,» т. е., отъ Пантикапеи до Тиритакскаго города 35 стадій, т. е., около 5 верстъ. Не смотря на это, Тиритакскій городъ остается подъ сомнѣніемъ, какъ созданіе описки, или ложнаго чтенія. Замѣните же сходныя буквы, поставьте вмѣсто υ—ο, вм. ρ—μ и κ—ν, вмѣсто Τυριτακαῖος получите Τομιτανaῖος, и будетъ понятно, по чему Стефанъ Византійскій упоминаетъ о Томитанахъ.

То же самое замѣненіе буквы μ буквой ρ убѣдительнѣе подтвердится ниже. Но для этого необходимы нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о Таманскомъ полуостровѣ, и вообще о Задоньѣ. Эту страну Западные Историки, начиная съ среднихъ временъ, по настоя-

---

109 Въ народныхъ пѣсняхъ Донъ безразличенъ съ Дунаемъ.

щее время, совершенно отчудили отъ Славяно-Руси. Арійскіе Кавказскіе и Европейскіе Ἰνδοι Σάβιοι, отрѣзанные отъ Гиммалайскихъ Персами, принявшими Халдейство, и прозванные Готами Skuafa, а Еллинами Σκύθοι, дѣйствительно, во всѣ времена, въ религіозномъ отношеніи, были (въ прямомъ смыслѣ слова) Чудью для Западной Европы; хотя эта Чудь спасла Европу отъ Іудейства и отъ Магометанства.

Геродотъ, описывая племена Индовъ сѣверныхъ, пограничныхъ Персіи со стороны Кавказа, обозначаетъ предѣлы ихъ рѣкой Фазомъ (Ріономъ), Гебромъ (Курой) и Араксомъ (روس—Русская рѣка), со впаденія въ нее Куры. Границу Индовъ онъ опредѣляетъ и по Черноморью: «отъ Θемискиры, на рѣкѣ Θермодонтѣ, до Индики, три дни и двѣ ночи плаванія.» [110] Пограничная рѣка Фасисъ носила названіе рѣки Индовъ, [111] и безъ сомнѣнія Скилаксъ, составившій Периплъ Чернаго моря, былъ посланъ Даріемъ для обозрѣнія собственно этого Инда и прибрежій, населенныхъ Бѣлыми Индами (Гынду-сафетъ)—Сиваитами [112] по вѣрѣ и, слѣдовательно, врагами Гебровъ. [113]

Когда Персы овладѣли Кавказомъ, названіе Индіи, Синдіи, или Синдики, сохранило только Задонье, и общее прозвище народа стало дробиться по мѣстности, племенамъ, а особенно по различнымъ названіямъ, которыя придавали ему Персы, Кавказскіе Готы и Еллины-колонисты. [114] Кимвры или Киммеріяне — Serbi, Гунны — Saviri,

---

110 «Ἐς δὲ Θεμίσκυρην τὴν ἐπὶ Θερμώδοντι ποταμῷ ἐκ τῆς Ἰνδικῆς, κατὰ τοῦτο γάρ ἐστι τοῦ Πόντου εὐρύτατον, τριῶν τε ἡμερέων καὶ δύο νυκτῶν πλόος.» Herod. L. IV, 86.— Толкователи считали тутъ Индію не у мѣста и опредѣлили печатать Σκυθικῆς (разумѣется, не принимая этого названія за синонимъ), но примирились на Σινδικῆς: «Ubi interpretes legunt, ἐκ τῆς Σκυθικῆς. Male. Legendum, Σινδικῆς.» Is. Vossii notae in Scil. Cariand. Periplum, 1639.

111 «Ὁ Ἰνδὸς ποταμὸς, τουτέστιν ὁ Φεισῶν»—рѣка Индовъ, т. е., Фасисъ. (Cosmas).

112 Азіятск. названіе شيث — Шиѳъ — Сива, было основой названію Σκύθοι, которыхъ какъ Азіятцы называли также Шаби, Sabioun, такъ и Еллины Σάβιοι, Σουήβοι, Σουήβων.

113 Не поддаваясь проискамъ пропаганды Гебровъ, посредствомъ брачныхъ союзовъ съ Княжескими родами, Скиѳы навлекли и гнѣвъ Кагана Дара́, который, по Трогу Помпею, поднялъ на нихъ войну за отказъ Скиѳскаго Царя отдать за него дочь свою.

114 Персидское названіе Гынду-сафетъ — Бѣлые Инды, въ противопо-

городъ и область Cerberion, довольно опредѣлительно обозначаютъ здѣсь Воеводство Сербское — Сербадію, извѣстную подъ Еллинскимъ названіемъ Σαρματία. Сказанія Церковной Исторіи о принятіи Христіянской религіи Индами внутренними (εὐδοτέρων), о чемъ изложено будетъ ниже, касались до Индовъ Черноморскихъ. [115]

По Страбону, племена, населявшія эту часть Черноморья, слѣдующія. Послѣ Скиѳовъ сѣверныхъ (за Дономъ) слѣдуютъ «Сарматы и другіе Скиѳы: Аорсы и Сураги (Σίραχοι), простирающіеся на югъ до Кавказскихъ горъ. По берегу Меотическаго озера Меоты, а около Босфора, на Азіятскомъ берегу, находится **Синдика**; потомъ Ахеяне, Зиги и Иніохи, Керкеты [116] и Макропогоны (по Плин. Меланхлены, на мѣстности Мингреловъ)».

По Периплу Скилакса порядокъ населенія иной: «Послѣ Меотовъ слѣдуютъ **Синды**. У нихъ Еллинскіе города: Фанагорія (Φανάγόρου πόλις), Кипи (Κῆποι), Синдійская пристань (Σινδιχὸς λιμήν), Патосъ (по Страб. Βάτα). За Синдійской пристанью народъ Керкеты (Κερχέται ἔθνος) и Еллинскій городъ Торикосъ и пристань (Τοριχὸς καὶ λιμήν). За Керкетами **Ахеяне**, потомъ Гиніохи.»

Еллинскіе Географы почерпали свои свѣдѣнія изъ разновременныхъ разсказовъ, вносили въ текстъ различныя названія одной и той же мѣстности, искажая названія туземныя и примѣняя ихъ къ смыслу своего языка. Въ дополненіе къ этому, корректоры и издатели рукописей, безъ свода ихъ и безъ знанія топографіи описываемыхъ странъ, воплощали описки, смѣшивали туземное населеніе съ

ложность названію Siah-Hend — **Черные**, или **Восточные Инды**, о которыхъ Геродотъ говоритъ только, что они не были подвластны Дарію, переобразованы Греками въ Λευχοὶ Οὖνοι — Бѣлые Гунны.

115 «Апостолъ Матѳей проповѣдывалъ Евангеліе въ Эѳіопіи, Ап. Варѳоломей въ Индіи внутренней.» Сократъ. Въ Hieronimi Catalogo Scripr. Ecclasiasticorum: «in Aethiopia, ubi esi irruptio Apsari et Hyssi portus (въ Abassia). «Longe mihi verisimilius sit, pervenisse illos in Aethiopiam Ponticam, quae in Colchorum est regione, et **Sindicae**, **sive Indiae**, contermina est.» Is. Vossii notae in Scylacis Periplus.

116 Въ XII кн. 548. Κερχῖται; они же и Ακταῖται, называвшіеся въ древности Керкитами.

колоніяльнымъ, исконное съ новѣйшимъ. Вотъ причины затруднительной прокладки древнихъ Географовъ.

Испытаемъ проложить города, находившіеся на Синдійскомъ, нынѣ Таманскомъ, полуостровѣ.

Возмемъ въ основаніе Страбона и его сократителя. [117] По сокращенной Географіи, Фанагорія и Эрмонасса замѣчательнѣйшіе (Еллинскіе) города на Азіятской сторонѣ Воспора. Приморскій городъ Синдики столица Синдовъ. "Οτι παραθαλάσσιος πόλις Σινδική ἐστι, τὸ τῶν Σινδιῶν βασίλειον.»

По подробной Географіи, за Синдикой слѣдуютъ (къ югу) Ахеяне (Фѳіоты — Ахеяне Скиѳскіе (Appian) — Еллино-Скиѳы). Но въ Синдикѣ, у Страбона является Горгиптія [118] или Горгиппія, какъ названіе приморской столицы Синдовъ, или Индовъ (pag. 495), что подтверждается Стефаномъ Византійскимъ. «За Синдикой и Горгиппіей Ахеяне, Зиги, Гиніохи.» Потомъ слѣдуетъ: «Синды суть также Меоты, какъ и Дандаріи, Тореаты (Τορεάται) etc., а также Аспургитаны (по друг. списк. Аспургіаны), живущіе между Фанагоріей и Горгиппіей.»

У Плинія между Ахеянами и Civitas Sindica, являются Cercetae и Toretae. Апатуросъ, упоминаемый Страбономъ храмъ въ Фанагоріи, у Плинія Apahiros, нѣкогда называвшійся Cerberion.

По Периплу Скилакса, послѣ Sindicus portus народъ Κερκέται и Еллинскій городъ Τοριχὸς καὶ λιμήν; за симъ уже слѣдуютъ Ахеяне и Гиніохи. Зиговъ нѣтъ.

По Периплу понта Евксинскаго: городъ Фанагора (Φαναγόρου πόλις) и гор. Кипы. Потомъ Эрмонасса, Фанагорія, которую нѣкогда заселили Тійцы (Τηίους) и наконецъ пристань Синдовъ, «въ ко-

---

[117] Χρηστομαθειαι εκ των Στραβωνος Γεωγραθικων. L. XI.

[118] Писаніе двояко; по Кодексу Моск. Патріарш. ризницы Γοργιπτίας. По Стефану Визант., который, безъ сомнѣнія, почерпалъ свѣдѣнія о Горгиппіи изъ Страбона: «Γοργίππια, πόλις 'Ινδικῆς.» Казавбонъ, въ примѣчаніяхъ къ Страбону, предлагаетъ читать Σινδικῆς. Strab. Geogr. cum notes Casauboni et aliorum, apud J. Wolters. 1707. Amstelaedami.

торой жители Еллины, пришедшіе изъ сосѣднихъ мѣстъ. Сіи-то города вмѣщаетъ въ себѣ островъ (νῆσος), простирающійся отъ Меотиды по странѣ Воспорской, равниной, которой часть, по причинѣ болотъ, рѣкъ и плавней, со стороны моря и озера, непроходима. При впаденіи пролива (στόμα ἐκπλέοντα) городъ Киммерійскій.» [119]

По Помпонію Мелѣ: «Синдонъ построенъ въ странѣ Синдовъ, на полуостровѣ, простирающемся къ Босфору, между Понтомъ и Меотидой. Тутъ четыре города: Эрмонасса, Кипи, Фанагорія и Киммерикумъ, который при самомъ впаденіи пролива въ море.»

Изъ этихъ свѣдѣній и изъ Плинія мы видимъ, что таможенная пристань, Киммеріонъ, также существовала, при входѣ въ Донской проливъ (Στόμα τῆς Μαιώτιδος, ἤτοι τοῦ Τάνεως), и слѣдовательно на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и столица Синдіи.

Такимъ образомъ въ общемъ выводѣ оказывается:

1. Горгиптіи нѣтъ ни въ сокращенномъ Страбонѣ и ни въ одномъ изъ прочихъ Географовъ. Горгиптія или Горгиппія есть описка, или ложное чтеніе, по сходству нѣкоторыхъ буквъ въ названіи.

2. Ни у Арріяна, ни въ Периплѣ Эвксина, нѣтъ Керкетовъ (Cercetae). У Плинія они являются посреди описокъ: Achaei, Mardi (?), Cercetae; post eos Serri (т. е., Serbi) Cephalotomi (!). Потомъ, послѣ повторенія, Toretae, civitas Sindica. У Помпонія Мелы: Cercetae между Ахеянами и Синдами, и городъ Синдовъ, построенъ Синдами туземцами. По Периплу Скилакса, какъ мы видѣли, за пристанью Синдовъ, Cercetae и Еллинскій городъ Τοριχὸς съ пристанью.

---

[119] Положеніе Пантикапея при самомъ входѣ въ Босфоръ изъ Чернаго моря; на противоположной Азіятской сторонѣ Киммеріонъ, или Cerberion, также при самомъ входѣ: «Restat longe validissimum in ipso Bospori introitu, Panticapeum Milesiorum, a Cimmerio vero oppido trans fretum sito 2,500 pass. Haec ibi latitudo Asiam ab Europa separat, eaque ipsa pedibus plerumque per via glaciato freto.» Plin. L. IV, 26. «Значительнѣйшій изъ городовъ, при самомъ входѣ въ Босфоръ, Пантикапея; отъ Киммеріона за проливомъ въ 2,500 стопахъ. Здѣсь ширину пролива измѣряли не рѣдко шагами по льду».

Cercetae и Toretae, или, по Страбону, Toreatae, суть также явныя описки.

Замѣните въ названіи Γοργιππια буквы Γ и γ сходными Τ и ρ — вы читаете Τορρεάται. У Помпонія Мелы это имя съ двумя ρ—Torreates. Cercetae есть подобная же описка вмѣсто Τορεάται. Замѣните въ словахъ Τορεάται, Toretae, Τοριχὸς, Ταρετίκη ἄκρα, букву ρ сходною съ μ — возстановятся названія, которыя не будутъ противорѣчить смыслу: Τομέαται, Tomitae, Τομιχὸς, Τομετικὴ ἄκρα, преобразованное въ Ταμηράκη ἄκρα, какъ Τομυτάνης κόλπος въ Ταμυράκης κόλπος.

Такимъ образомъ мѣстность и ея условія сами собой указываютъ на описки; а исправленіе ихъ объясняетъ, что первоначальный Донской торгъ, или городъ Синдовъ Сербовъ, носилъ въ одно и то же время различныя названія: по рѣкѣ, онъ былъ Донской городъ, Τανέως πόλις, Ταναΐδος πόλις, Τάναϊς; по народу — Κιμμέριον или Cerberion; по мѣстности «Regio Scythia Sendica». Σινδικὸς λιμὴν, и Βασίλειον τῶν Σινδῶν — столица Синдовъ съ таможенной пристанью, слѣдовательно, Ταμεῖον, гдѣ взималась цѣна, дань, коробейная пошлина, или плата части съ привозныхъ товаровъ (Τόμος, Τομία, Τομή, impôt). [120]

Прозвища Тамань, Таманскій лиманъ, Таманскій проливъ, Таманскій полуостровъ, замѣнявшіе народныя Донъ, Донской лиманъ, Донской островъ, или полуостровъ, Донской проливъ (Τανέως στόμα), извѣстны были издавна, какъ видно изъ Географовъ Азіятскихъ: بحيرة طوما — лиманъ Тома, طوما или الطامان — Тома или Таманъ, «знаменитый городъ, откуда товары шли во всѣ страны міра.» Но это прозвище, безъ сомнѣнія, произошло отъ Греческаго Ταμία, Ταμεία, Ταμεῖον — въ значеніи мыта, таможни, рѣза (процентовъ) съ товаровъ — τὰ Τομία, Τόμος etc.

---

[120] Нѣтъ сомнѣнія, что сторожевыя укрѣпленія по Босфору и по Меотидѣ, которыя Страбонъ называетъ Σκοπαὶ Κλαζομενίων, были не что иное, какъ вѣстовые замки мытной стражи. Греч. глаголъ κλάζω — замыкать, подавать голосъ, соотвѣтствуетъ словамъ ключъ и кличъ. Очень можетъ быть, что мытные дворы и были основаніемъ для прозвища Μαιῶται, однозначительнаго съ Τομίται.

Городъ Таманскій, civitas Tomorum, Τομέων πόλις, или, по обычному народному названію, Таманскій торгъ, [121] съ IV вѣка опредѣлительно упоминается въ Церковной Исторіи; по тому что Греческіе акты Соборовъ не подвергались Латинской корректурѣ; но за то Орденская Географія успѣла внести Томи въ списокъ Ѳракійскихъ Епархій и уничтожить слѣды его на Босфорѣ Киммерійскомъ. Причины этого понятны.

Таманскій торгъ, въ X вѣкѣ, въ описаніи Восточной Имперіи Константиномъ Багрянороднымъ, носитъ названіе Таматарха. [122] Въ это время Греческая торговля на Меотидѣ, при помощи возникшей въ Кіевѣ Руси, возобновилась. Преобладаніе Мугульскихъ Кагановъ въ этѣхъ странахъ стало ослабѣвать, отвлеченное возникшей борьбой съ Измаильтянами. По Константину, положеніе Таматархи на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Киммеріонъ, столица Синдовъ, Танаисъ и таможенная пристань — Томеа:

«Меотическое озеро, котораго гирло называется βουρλίκ, изливается въ Понтъ, тамъ, гдѣ находится г. Воспоръ (бывшая Пантикапея). Противъ Воспора же, укрѣпленный городъ (κάστρον) Таматарха. Отъ г. Таматархи въ 18, или 20, миляхъ (около 20 верстъ) р. Укрухъ [123] (Кубань), которая раздѣляетъ Зихію отъ Таматархи (т. е., области Таматарханской).» Названіе Таматарха приняло въ Русской Лѣтописи форму Тъмутаракань, когда В. К. Святославъ, въ 965 году, возвратилъ Русскія Задонскія земли изъ подъ ига Кагановъ. Со времени этого похода по Дону и Волгѣ, Княжество Тъмутараканское заключало въ себѣ все пространство между Босфоромъ, Азовскимъ моремъ, Дономъ, Волгой, Каспійскимъ моремъ и Кавказомъ. Сколько можно предполагать, здѣсь было два

---

[121] Славянское названіе Торгъ сохранилось въ Молдавіи и Валахіи: Тыргъ — городъ; тырговешти — торговище, торжище. Готы также усвоили это названіе: Torg — forum. См. Ире. Lex. Swio-Goth. Въ Татарскомъ преобразованіи تورا — Тура.

[122] Г. Кёне, въ опис. Музея Кн. Кочубея, т. I, стр. 238, говорятъ, что о Таматархѣ упоминается еще въ 703 году, при Юстиніанѣ II.

[123] Вѣроятный смыслъ: Округъ Таматарханскій отдѣляется отъ Зихіи рѣкой.

Мугульскихъ [124] ханства: Козарское, (съ бывшей столицей Синдовъ, — Таманскимъ торгомъ), которое населяли Косоги (Кусха) [125] или Козары (Хозръ), и Ясское, съ столицей, или Ясскимъ торгомъ [126] — Астрахань, [127] т. е., Ас-тарханъ.

Чтобъ исчерпать всѣ свѣдѣнія о г. Томи, находившемся въ Малой Скиѳіи, и чтобъ показать еще цѣль перемѣщенія Малой Скиѳіи съ Дона на Дунай, надо обратиться къ сочиненіямъ Іорнанда. Извѣстно, что Еллинскіе и Римскіе историки не заботились различать варваровъ по различію вѣры и языка, смѣшивали Готовъ Мидійскихъ и Готовъ Дакійскихъ, не только между собой, но и съ туземцами Скиѳами, въ страны которыхъ тѣ и другіе вселялись. Этимъ смѣшеніемъ ни кто такъ простодушно не пользовался, какъ Іорнандъ въ своемъ сочиненіи «De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis.» Тамъ, гдѣ дѣло шло о славныхъ дѣлахъ Скиѳовъ, тамъ Скиѳы, по Іорнанду, были собственно Готы; тамъ, гдѣ собственно Готамъ, за грѣхи ихъ, приходилось терпѣть бѣды и бѣжать отъ Скиѳовъ, тамъ Скиѳы обращались въ невѣдомыхъ Гунновъ, въ нечистую силу, съ которою человѣческимъ силамъ невозможно было бороться. Сверхъ того, у Готовъ Іорнанда былъ странный обычай: разбивъ непріятеля на голову, тотчасъ же бѣжать съ поля побѣды и даже переселяться изъ одного края свѣта въ другой. Время

---

[124] Мугульскихъ, а не Монгольскихъ; по Перс. Махуль, по Тат. Мугли, знач. Маги — Гебры, какъ они и называли себя по вѣрѣ — Maoi, Moalles. — Rubruquis.

[125] Кусха или Кушха, прозвище племени Адиге, какъ и Косогъ, знач. Козакъ, и однозначительно съ Козаръ.

[126] О городѣ Яссовъ, при устьѣ Волги, упоминаетъ Рубруквисъ (Ruisbrok).

[127] Въ описаніи Астраханской Губерніи, Астрахань, по преданію, объясняется именемъ бывшаго владѣтеля Асъ и тарханъ — вольный, то есть, собственно получившій право на торгъ, или тарханную — выкупную грамоту. Замѣтимъ здѣсь, что нѣкоторые филологи имѣютъ обычай Русскія слова, усвоенныя иноземцами, принимать за иноземныя. Такъ, на примѣръ, бердышъ, совершивъ кругъ по Европѣ, возвратился на Русь протазаномъ: усвоенный Готами, онъ принялъ названіе Bardis, Bardisan; въ Галліи pertuisane, что можно производить отъ pertica (perche — бердо); но Савино-Латинское слово родственнѣе съ Славянскимъ, нежели прошедшее чрезъ Готскій языкъ.

не измѣняло этого обычая; таковы послѣдствія побѣдъ: надъ Киромъ, столѣтій за шесть до Р. Х., и надъ Атиллой, около половины пятаго столѣтія по Р. Х. [128] Здѣсь для насъ имѣетъ свое значеніе побѣда надъ Киромъ:

«У этихъ Готовъ (Мидіи, Халдеи Кавказской), говоритъ Іорнандъ, ссылаясь на Трога Помпея, была Царицей Тамира. Киръ возсталъ на нихъ и, внезапно переправясь чрезъ Араксъ, разбилъ встрѣтившаго его сына Тамиры и убилъ его. Но Готы собрали всѣ свои силы, подъ предводительствомъ самой Царицы, истребили Кира со всѣмъ его войскомъ и немедленно же со всей богатой добычей побѣды отправились въ Малую Скиѳію—«in partem Moesiae, quae nunc ex Magna Scythia nomen mutuata, Minor Scythia est appellata.» Здѣсь Тамира основала, во имя свое, городъ, гдѣ и учредилось поклоненіе ей.»

Въ Трогѣ Помпеѣ, изъ котораго Іорнандъ почерпаетъ побѣду Готовъ надъ Парсами, событіе изложено слѣдующимъ образомъ: «Киръ, покоритель Азіи и властитель Востока, поднимаетъ войну на Скиѳовъ. [129] Въ то время у Скиѳовъ была Царицей Томира. [130] Она не страшилась непріятеля, переходящаго чрезъ Араксъ. Сначала Скиѳы потерпѣли уронъ, и ихъ Царь, сынъ Томиры, былъ убитъ. Но Скиѳы сосредоточили свои силы и Персы были разбиты въ ущельяхъ горъ, а Киръ взятъ въ плѣнъ. Отрубивъ ему голову и

---

128 См. «Атилла, или Русь IV и V вѣка.»

129 Юстинъ L. I, § 8. Іорнандъ не измѣняетъ себѣ и въ сообщеніи свѣдѣнія о причинѣ возстанія Дарія на Готовъ: По Трогу Помпею, Дарій Персидскій ходилъ войною на Скиѳовъ за то, что ихъ Царь Янциръ (по Герод. Ἰδάνθυρσος Σκυθέων βασιλεύς) отказалъ выдать за него дочь свою. По Іорнанду же, Дарій ходилъ войной не на Скиѳовъ, а на переселенныхъ имъ, Іорнандомъ, въ Мизію Готовъ, за то, что Готскій Царь Антрирегиръ отказалъ ему въ рукѣ своей дочери.

130 Скилаксъ вообще называетъ Сарматъ народомъ, управляемымъ женой: «Σαυρομάτων δὲ ἐστιν ἔθνος γυναικοκρατούμενοι. Очень естественно, что это не слѣдуетъ понимать въ слѣпомъ Еллинскомъ смыслѣ, а въ значеніи поклоненія Царицѣ-матери, тройственной природѣ, и Ведическому тримірному, трисвѣтлому солнцу. Слѣдовательно, Томира есть божественное Тримурти, что понятно ниже изъ словъ Іорнанда.

бросивъ въ чанъ крови, Царица сказала: «На, пей кровь, утоляй свою неутолимую жажду!»

Этимъ заключается событіе. Скиѳы Трога Помпея остаются на мѣстѣ; но эти же Скиѳы, обращенные Іорнандомъ въ Готовъ, сокрушивъ Кира, поднимаются всѣмъ народомъ съ Кавказа и, подъ бременемъ трофеевъ, идутъ чрезъ Черное море въ Мисію, обрѣтаютъ тамъ Малую Скиѳію, поселяются въ ней, строятъ городъ во имя Тамиры и приносятъ ей, какъ божеству, жертвы.

Можетъ быть, спросятъ, для какой цѣли эти искаженія фактовъ и вымыслы? Для чего превращеніе Скиѳовъ-Сиваитовъ въ Готовъ-Гебровъ, [131] и перемѣщеніе Малой Скиѳіи съ городомъ Томи, подъ именемъ Томириса, въ Нижнію Мисію? Эта тайна 10 главы сама собой объясняется 51-й главой. Описавъ несчастное событіе 376 года, когда нечистая сила (spiritus immundi per eremum vagantes) изгнала Готовъ изъ за Дуная во Ѳракію, Іорнандъ превращаетъ также и Scythia Minor въ Gothia Minor и пишетъ: «Были еще и такъ называемые Готы Малые (Gothi minores), народъ многочисленный, populus immensus, у котораго pontificus et primatus былъ Urfilus.»

Это смѣлое переименованіе Скиѳовъ въ Готовъ было существенно необходимо для обезпеченія Ульфіила за Готами. На сколько надежно это обезпеченіе, будетъ изложено во второмъ отдѣлѣ. Здѣсь же не излишнимъ считаю почерпнуть, изъ Географическихъ познаній Іорнанда, свѣдѣніе о мѣстности Тамазитовъ, подъ именемъ которыхъ, разумѣется, слѣдуетъ понимать populus immensus, т. е., Малыхъ Готовъ, пришедшихъ, послѣ побѣды Кира, въ древнее царство Готскаго Царя Телефа, [132] и населявшихъ Томосъ, построенный во имя Томиры, и всю обширную его область.

---

[131] Раздѣлявшихся на Гебровъ, или Евреевъ-Іудеевъ и Евреевъ, обратившихся къ идольскому вѣрованію Халдеевъ или Маговъ.

[132] Телефъ, сынъ Геркулеса отъ Авги, на которой женился Тевкросъ, владѣтель Мисіи Малоазійской. Усыновленный Телефъ наслѣдовалъ царство отца. По Іорнанду (cap. XI. De viris Amazonum et eorum Rege Telepho), онъ Царь Амазонскихъ мужей. Здѣсь дѣло касается уже до Скиѳовъ, мужей Амазонокъ. Гинекократумены (т. е., управляемые Гуннами, которыхъ Готы называли Chuni и Kwänä, что значитъ жена) переселились въ Каппа-

Описывая предѣлы Даціи, или Готіи Дунайской, Іорнандъ говоритъ: «съ востоку граничатъ съ ней Роксоланы (т. е., Roxani, gens Rugorum), съ запада Томазиты, съ сѣвера Сарматы и Бастарны, а съ юга Дунай. Томазитовъ отъ Роксоланъ раздѣляетъ только теченіе этой рѣки (alveo fluvii).»

Чтобъ проложить эту Географическую задачу, надо, или отдать подъ населеніе Томазитовъ все бывшее царство Телефа (которое, по свѣдѣнію же Іорнанда ограничивали на востокѣ устья Дуная, на сѣверѣ Дунай, на западѣ Истрія (на Адр. м.), а на югѣ Македонія), [133] или возвратить Томазитамъ названіе Малыхъ Скиѳовъ и родное Задонье; въ такомъ случаѣ, дѣйствительно только Донъ, часто принимаемый за Дунай, будетъ раздѣлять ихъ отъ Роксоланъ.

Въ заключеніе 1-го отдѣла, упомянемъ еще о Танаисѣ и Сарматахъ Аспургіянахъ или Аспургитанахъ, о которыхъ, кромѣ Страбона, упоминаетъ только Нумизматика съ положительнымъ извѣстіемъ, что это Сарматское племя пришло изъ нѣдръ Азіи и поселилось между Фанагоріей и Горгиппіей. Выше было уже упомянуто, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ существовалъ Киммеріонъ, прозывавшійся Греками Донскимъ городомъ — Ταναΐς, Ταναΐδος πόλις, Τανέως πόλις—и Синдійской пристанью (Σινδικὸς λιμήν), является у Арріяна Πάγρας или Πάργας λιμήν; у Страбона Сарматы Ἀσπουργιανοί. По надписи на камнѣ, найденномъ въ развалинахъ Азова, Зенонъ, намѣстникъ Царя Рискупориса у Споргіянъ (Σποργιανων); по Прокопію, въ древности Славяне и Анты носили названіе Споровъ, nomen quoque olim Antis Sclavisque unum: Spori vocabantur. Это

докійскую область Ѳемискиру. Какъ видно, Thamyris и здѣсь имѣетъ свое значеніе.

[133] Словомъ, Moesia Maior и Minor Ѳракіи, употребленныя Іорнандомъ вмѣсто Малоазійскихъ. На счетъ Гуннскаго имени Телефъ, Іорнандъ говоритъ слѣдующее: «Ложно было бы мнѣніе того, кто сказалъ бы, что имя Телефъ чуждо Готскому языку: кто не знаетъ обычая пользоваться чужими именами? Римляне пользовались Македонскими, Греки Римскими, Сарматы Германскими, а Готы по большей части носили Гуннскія имена.»

Вообще Іорнандъ до того дѣтски простодушенъ въ своей Исторіи Готовъ, что нельзя и подозрѣвать, чтобъ онъ разсчитывалъ на дѣтское простодушіе своихъ читателей.

нѣкоторымъ образомъ наводитъ на измѣненіе Spori (т. е., Saviri, Serbi) въ Спорrіянъ и потомъ въ Аспургіянъ, какъ Kaziri (Козары) въ Akaziri, по присутствію передъ словомъ Азіятскаго члена ель. Впрочемъ, у Птоломея, вмѣсто Аспургіяне, читается Астурикане — Ἀστουρικανοί; слѣдовательно, союзники Готовъ Асы или Ясы, занимавшіе область Астраханскую.

Страбонъ говоритъ, что Царь Полемонъ, [134] за возстаніе противъ него Танаитовъ, разорилъ ихъ городъ; но противъ него возстали Сарматы Аспургіяне, жившіе между Фанагоріею и Горгиппіей, слѣдовательно, въ Прибосфорской области Киммеріянъ-Синдовъ-Танаитовъ. Страбонъ прямо говоритъ, что Танаисъ построили Еллины, овладѣвъ Босфоромъ, т. е., обоими берегами пролива. Удерживать въ своей власти полуостровъ Тамань имъ было возможно, и вполнѣ достаточно для цѣли торговой. Но удалиться отъ опоръ своихъ на Босфорѣ въ глубь страны Скиѳовъ и Сарматъ, въ устье Дона, и тамъ строить Ταναΐς, ἥτις καὶ Ἐμπόριον ὀνομάζεται, [135] ни съ чѣмъ несообразно.

Что Донской торгъ — Танаисъ перенесенъ Географами съ устья Босфора на устье Дона, могутъ быть двѣ причины. Первая высказана Воссіемъ: [136] «Alibi quoque similia occurrunt exempla, ubi urbes Bosporanae, Tanaiticae dicuntur. Ratio ejus rei est, quod Bosporus Cimmerius etiam Tanais appellatus fuerit.» Другая причина слѣдующая: нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣ времена, когда Малая Скиѳія или Задонье, переходила въ руки непріятелей, граница Руси или, по Греко-Азіятскому названію, Аорсовъ (Er-Ros, O-Ross, U-Russ), отступала отъ Кубани, Терека и Каспійскаго моря къ Дону, вмѣстѣ съ этимъ и Донской торгъ переносился отъ устья Босфора къ устью Дона. И напротивъ, когда Русь овладѣвала снова своимъ Задоньемъ, Донской торгъ возстановлялся при устьѣ Босфора. Этого требовала и пограничная торговля и таможенныя пошлины съ пріѣзжихъ гостей за право торговли.

---

[134] Полемона величали Кагановъ Ольвы Киликійской; на этомъ основаніи нѣкоторые сдѣлали его властителемъ Ольвіи Савійской.

[135] Alex. Polyhistor.

[136] Въ прим. къ Периплу Чернаго моря, при упоминаніи, что Плутархъ помѣстилъ Kpiy-метопонъ на Дону.

Со времени преобладанія на Босфорѣ Митридата, съ которымъ Русь вела войну въ союзѣ съ Римомъ, границы Руси отодвинулись къ Дону. Послѣ побѣдъ Помпея, Босфоранія осталась во власти Римлянъ, и отдана была на откупъ Каганамъ Гебровъ. Это только время и знаютъ Географы 1-го вѣка. Танаисъ Босфора исчезъ подъ иными Греческими и Римскими названіями, которыя, при помощи переписчиковъ и корректоровъ, измѣнялись въ небывалыя, какъ, на примѣръ, Апатуросъ, по Страбону, храмъ Афродиты въ Фанагоріи, [137] а по Плинію опустѣвшій городъ. По выпискамъ же изъ Плинія и переводу Гр. Ив. Потоцкаго: «Apahiros, qui est presque désert; autrefois ce bourg s'appelloit Cerberion. Il est tout au fond du détroit.» [138]

Если обратить вниманіе на слова Страбона: τὸ 'Απάτουρον τὸ τῆς 'Αφροδίτης ἱερόν», то будетъ ясно, что онъ объясняетъ словомъ Афродита туземное божество. Но Нумизматика сообщаетъ намъ многія монеты Кагановъ Босфоранскихъ съ изображеніемъ Халдейскаго божества Астары, Астароѳъ, 'Αστάρτη — соотвѣтственной, по мнѣнію Еллиновъ, Афродитѣ, собственно же означающей Luna-Lunus. Въ этомъ названіи, безъ сомнѣнія, должно искать разгадки и Страбоновской 'Απάτουρος и Apsarus или Apsyrtus Овидія. И всѣ эти названія, вмѣстѣ съ Аспургами, сталкиваются, какъ Τοριχὸς λιμὴν, въ Синдикѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была столица и таможня Синдовъ, 'Εμπόριον κοινὸν — общій торгъ Скиѳовъ и Еллиновъ, Cerberion Сарматовъ, или Κιμμερικὸν πόλις, противъ котораго близъ морскаго берега, по словамъ неизвѣстнаго составителя Перипла, были

---

[137] Но можно понять и какъ городъ, относящійся не къ Фанагоріи, а къ Синдикѣ: «Ѣхавши озеромъ Корокордамой, представляются: славный городъ Фанагорія, Кепи, Гермонасса и Апатуронъ. Изъ нихъ Фанагорія и Кепи находятся на лѣвой сторонѣ острова (Тамань) отъ входа въ озеро, прочіе же (Гермонасса и Апатуронъ) на право, за Гипанисомъ, въ Синдикѣ.» Слѣдовательно, озеро Корокордама у Страбона есть оз. Таманское, въ которое вѣроятно впадала Каракубань или Чорна Кубань, рукавъ Кубани, впадающій нынѣ въ лиманъ Кубанскій.

[138] Текстъ Плинія (L. XI, 6) самъ по себѣ двусмысленъ; «et paene desertum Apaturos, ultimoque in ostio Cimmerium, quod antea Cerberion vocabatur.» По предыдущему исчисленію городовъ «in aditu Bospori» слѣдуетъ понимать Апатуросъ in ostio Cimmerium. Въ такомъ случаѣ слова: «quod antea Cerberion vocabatur» относятся къ Апатуру.

два каменныхъ островка, можетъ быть, тѣ самые, которые называются теперь камень Панагія.»[139]

Послѣднія розысканія мѣстности древняго Танаиса исполнены Г. Леонтьевымъ, съ полною ученою отчетливостію. По нѣкоторымъ надписямъ на обломкахъ плитъ, найденныхъ въ окрестностяхъ слободы Недвиговки, на правомъ берегу устьевъ Дона, онъ заключаетъ, хотя и не совсѣмъ рѣшительно, что здѣсь могъ быть до-Полеменовскій Танаисъ: «Ни на Недвиговскомъ городищѣ, ни въ гробницахъ, раскопанныхъ около него, не было открыто ни одной вещицы, которую по необходимости было бы должно отнести къ эпохѣ до-Полемоновской.»

Что здѣсь, на правомъ берегу Дона, при устьѣ, могло быть также Донское торжище, особенно во время отступленія Русскихъ границъ за Донъ, это, по изложенному уже мнѣнію, можетъ быть достовѣрно; здѣсь торговцы Еллины могли имѣть своихъ архонтовъ, въ родѣ нашихъ консуловъ. Но пять надписей, составленныхъ изъ осколковъ битыхъ плитъ, гдѣ упоминается не собственно о Танаисѣ, а о Танаитахъ, т. е., жителяхъ Придонья и по преимуществу Донскаго пролива (Τάνεως), не опредѣляютъ еще окончательно мѣстности торжища Танаиса. Рѣкой Танаисомъ по преимуществу древние Географы называли проливъ, и собственно онъ, по ихъ мнѣнію, раздѣлялъ Европу отъ Азіи, изливаясь изъ Меотическаго озера и впадая въ Понтъ Евксинскій.[140] Свѣдѣнія же Страбона о рѣкѣ и городѣ Танаисѣ такъ сбивчивы, что, кажется, онъ смѣшиваетъ съ нимъ и г. Истръ на Дунаѣ. Описаніе острова Alopecia,[141] находившагося во 100 стадіяхъ противъ г. Танаиса, въ устьяхъ рѣки, почти одно и то же съ описаніемъ острова Peuce,[142] въ 120 ст., под-

[139] Я не былъ на Босфорѣ, но пишу по топогр. картѣ Закавказскаго Края, въ масштабѣ 10 вер. Камень Панагія, при самомъ устьѣ, между берегомъ пролива и берегомъ моря, гдѣ и гора Зеленая. На морской набережной, между этой горой и устьемъ Кубанскаго лимана, находятся три возвышенія рядомъ: гора Молдаванская, Круглая и Пицельная (Пекельная?). Если это названіе по преданію, то оно напоминаетъ жертвенныя горы.

[140] «A Panticapaeo ad Tanaim fluvium, qui Europam ab Asia dicitur determinare, sexaginta. Hic quidem erumpit ex Palude Maeotide, ac influit in mare Ponti Euxini.» Arriani Periplus P. E.

[141] L. XI, p. 493.

[142] L. VII, p. 305. Въ отношеніи Танаиса и острова Алопеціи только Птолемей

вираясь по Священному устью: «Кромѣ острова Аіоресіа, при устьѣ «sunt et aliae parvae insulae.» — «Кромѣ острова Реисе, при устьѣ «sunt et aliae insulae multo minores.»

Какъ нумизматамъ приходится иногда исправлять грамматическія ошибки въ древнихъ надписяхъ, такъ историкамъ приходится иногда искать логическаго смысла въ древнихъ кодексахъ. По моему мнѣнію, на правомъ берегу Дона, въ Великой Скиѳіи и внѣ страны Киммеріянъ, не могъ быть Танаисъ, построенный Греками и разоренный Полемономъ. Условія центра всеобщей торговли (Ἐμπόριον κοινὸν) на сѣверѣ Понта могли быть только при Босфорѣ Киммерійскомъ, какъ на югѣ Понта, при Босфорѣ Византійскомъ. Еллины, по Страбону, построили Танаисъ, когда овладѣли Босфоромъ, т. е., Европейской и Азіятской набережной его, областью Керчинской, называвшейся Пантикапейской, и областью Таманской, принявшей названіе Фанагорійской. Этѣ набережныя они могли удерживать за собой. Керчинскій полуостровъ они оградили валомъ и укрѣпленіями по перешейку, между Ѳеодосіей и Арабатомъ, а Таманскій полуостровъ самъ по себѣ былъ огражденъ Кубанскимъ лиманомъ, теченіемъ Кубани, Ахтанизовскимъ лиманомъ и лиманомъ Курчанскимъ. Собственно Киммеріяне владѣли Таманскимъ полуостровомъ, и въ торговомъ его значеніи заключалась вся сила ихъ. [143] Здѣсь была и Киммерійская таможенная ихъ пристань. Овладѣвъ Босфоромъ, Еллины не могли не воспользоваться мѣстностью Синдійской пристани и не основать своего Донскаго города (Τανάϊς) Фана-

---

вторитъ Страбону. Описывая, въ 5-й гл. III-й книги, Дацію и окрестныя страны, онъ говоритъ: «Подъ Бастарнами, подлѣ Даціи, Тагри; подъ ними Тирангеты; при изгибѣ же рѣки Танаиса жертвенники Александра и Кесаря.» По послѣдовательности описанія, этотъ Танаисъ есть Истръ или Дунай, съ его изгибомъ противъ Галаца. Тутъ слѣдуетъ быть и жертвенникамъ Александра и Юлія Кесаря. Далѣе, послѣ исчисленія городовъ по Борисѳену или Днѣпру, потомъ по Тирасу или Днѣстру, Птоломей говоритъ: «Островъ же при устьяхъ Танаиса Алопеція (Ἀλωπεκία), который называется также Танаискимъ островомъ (Ταναῒς νῆσος)». — О какомъ же островѣ идетъ здѣсь дѣло? Разумѣется, о знаменитомъ Дунайскомъ Певцѣ (Πεύκη).

[143] «Τὸ δὲ Κιμμερικὸν πόλις ἦν πρότερον ἐπὶ Χερρονήσου ἱδρυμένη, τὸν ἰσθμὸν τάφρῳ καὶ χώματι κλείουσα, ἐκέκτηντο δ' οἱ Κιμμέριοι μεγάλην ποτὲ ἐν τῷ Βοσπόρῳ δύναμιν; διόπερ καὶ Κιμμερικὸς Βόσπορος ὠνομάσθη. L. XI, 494.

«Ὅτι τὸ Κιμμέριον ἄκρον τὸ ἐν τῇ Μαιώτιδι πάλαι ἴσχυσεν πλεῖστον, ὥστε δὲ τὸ Βόσπορον Κιμμέριον ἐξ αὐτοῦ κληθῆναι.» Χρηστ. L. XI.

горіи. [144] Но пристань туземцевъ, въ видахъ торговли съ ними, должна была оставаться; и по тому новое торжище и Еллинская таможня (Ταμεῖον), вѣроятно, были по близости. Скилаксъ и упоминаетъ на Таманскомъ полуостровѣ только о Фанагоріи, Кепи, Синдійской пристани и, рядомъ съ ней, объ Еллинской пристани — πόλις Ἑλληνὶς Τοριχὸς (Τομιχὸς) καὶ λιμήν.

Находимые въ разныхъ развалинахъ вокругъ Меотиды обломки плитъ съ надписями не могутъ опредѣлять мѣстности того или другаго города, безъ согласія Исторіи, Топографіи и безъ критической повѣрки текста. Новѣйшіе города, особенно прибрежные, пользовались развалинами древнихъ и перевозили годныя плиты изъ мѣста въ мѣсто. На примѣръ, Греки, переселившіеся въ 1780 году изъ прежнихъ своихъ поселеній въ Крыму, безъ сомнѣнія, перенесли съ собой не однѣ названія родныхъ мѣстностей, но и много каменнаго матеріяла для построекъ на новосельѣ. Турки на постройку крѣпости Азака (Азова), [145] вѣроятно, также пользовались развалинами Восфорскихъ городовъ. Памятники, принадлежащіе древней Ольвіи, открыты въ Очаковѣ; надпись, относящаяся къ Херсонесу Таврическому, найдена въ Варнѣ; туда же перевезена, вѣроятно, вмѣсто балласта, и надпись Малоазійскаго Пентаполя, подавшая поводъ искать τοῦ κοινοῦ τῆς πενταπόλεως, вдоль всей набережной Ѳракіи и внести въ область Пятиграднаго союза даже Томи.

Не имѣя собственно цѣли допытываться, гдѣ именно былъ г. Танаисъ, при устьѣ ли Индійскаго, или Киммерійскаго, Босфора, на правомъ ли берегу при устьѣ Дона, или на лѣвомъ, или, по Птоломею, на островѣ Танаисѣ, я желалъ только знать отношенія между Τανέως πόλις и Τομέως πόλις. Если эти отношенія такія же, какъ и между Азіятскими названіями Тана и Тома, то этого и достаточно для дальнѣйшаго изложенія того значенія, которое имѣлъ Донской Томи въ исторіи древней Руси и Православной Греческой Церкви.

---

[144] Должно полагать, что здѣсь былъ Φανὸς (Pharos) — маякъ, посредствомъ свѣта и посредствомъ звона (γῆρυς). Первое упоминаніе Еллиновъ о колоколахъ и мѣднозвучной триглавой гидрѣ, въ миѳахъ о Кавказѣ.

[145] Здѣсь мѣсто упомянуть преданіе (см. стр. 1), что памятникъ Овидія найденъ въ Сабаріи; но и здѣсь Сербія Донская смѣшана съ Сербіей Дунайской.

Въ заключеніе этой главы упомянемъ о Томитанской колоніи Грековъ (Trist. L. III, El. 9).

Γραῖοι или Γραικοί, по Стеф. Византійскому, получили названіе свое отъ Γραῖκος, Царя Ахеянъ-Фѳіотовъ Ѳессаліи.

Колонія Ахеянъ-Фѳіотовъ (Strab. L. XI, p. 495) водворилась на восточномъ берегу Донскаго (Киммерійскаго) пролива, во время похода Язона.

Этихъ собственно Ахеянъ Овидій и называетъ Graii, т. е., Graeci, и колоніей Милетовъ, поселившихся между туземцами Томитанской области:

«Hic quoque sunt igitur Graiae, quis crederet? urbes,
Inter inhumanae nomina barbariae?
Huc quoque Mileto missi venere coloni,
Inque Getis Graias constituere domos».

Эти Босфоранскіе Ахеяне прозывались Еллино-Скиѳами. Овидій (Trist. L. V, El. 7) и говоритъ про Грековъ Томитанскихъ, что языкъ ихъ, смѣшанный съ туземнымъ, едва сохранилъ въ себѣ слѣды Греческаго.

II.

МИТРОПОЛІЯ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ НА ДОНУ.

Мы упоминали, что страна между Дономъ, Волгой и Кавказскими горами, съ исконныхъ временъ носила названія: Малой Скиѳіи, Малой Сарматіи, Малой Руси, или въ древности Малыхъ Аорсовъ, [146] точно также, какъ Великая Скиѳія носила названія Великой Сарматіи и страны Великихъ Аорсовъ. [147]

Іорнандъ, предпринявшій писать Исторію Гоѳовъ, и не имѣя для этого достаточно матеріяловъ, извлекъ изъ древнихъ историковъ все, что касалось до Скиѳовъ, и переименовалъ ихъ въ Гоѳовъ, хотя, безъ сомнѣнія, очень хорошо зналъ разницу между Skuafathiod (Suavathiod, Sclavathiod) и Gothathiod. На этомъ основаніи явился у него и populus immensus, называемый Малыми Гоѳами.

«Были и еще Гоѳы, говоритъ онъ, называемые Малыми, народъ многочисленный, у котораго Ульфіилъ былъ понтифомъ и владыкой (Pontificus et Primatus). Онъ научилъ ихъ письменамъ. Это

---

[146] Подробное изложеніе о древнихъ Руссахъ надѣюсь представить въ послѣдствіи.

[147] Кромѣ Скиѳовъ-Аорсовъ Ѳракійскихъ, Плиній упоминаетъ объ Аорсахъ-Аланахъ, Рокс-Аланахъ, Сарматахъ и Амаксовіяхъ (Гуннахъ Амазонкахъ) за Дунаемъ. Вмѣсто Греческаго названія Ῥοξανοι, въ Плиніи и иныхъ, въ то время, когда въ Исторіи оказались Аланы, явились и Rhox-Alani. Въ позднѣйшихъ кодексахъ Страбона, Ῥοξανοι замѣнились посредствомъ Ῥοξοανι, потомъ Ῥοξαλανοι Ученые корректоры кодексовъ приняли это писаніе за правильнѣйшее и какъ доказательство, что Русь не существовала до призванія Князей изъ Руси Варяжской, недоразумѣвая, что эта Русь была Русь Полабская, покоренная Фрягами, т. е., Франками.

тѣ самые Гооы, которые живутъ нынѣ въ Мисіи, въ области Евкополитанской (in Moesia regione Eucopolitana).»

Цѣль переименованія Малой Скиѳіи въ Малую Гооію ясна. Дѣло касается до Ульфіила, Епископа Малой Скиѳіи, который и по объясненіямъ Ире, Фульда, Цана, Габеленца, Лёбе и множества другихъ, былъ якобы Епископомъ Гооовъ Мисіи, разумѣется, по тѣмъ же вышеупомянутымъ словамъ Іорнанда. Но этого мало. Епископъ мнимыхъ Гооовъ Ульфіилъ, относится ими къ событію 376 года, [149] когда всѣ истые Гооы, въ слѣдствіе движенія Христіанской религіи между Скиѳами, были изгнаны за Дунай въ Грецію и допущены Императоромъ Валентомъ, съ условіемъ принятія Христіанства (по толку Аріянскому), на поселеніе во Ѳракіи.

Приведемъ вкратцѣ всѣ источники свѣдѣній объ этомъ событіи, которое нѣкоторымъ образомъ касается до нашего предмета изслѣдованій, но внесено въ Исторію въ превратномъ видѣ до невѣроятности.

Въ первыхъ вѣкахъ, Славянскія племена, населявшія Великую Скиѳь, извѣстны были Исторіи подъ общими названіями: Скиѳовъ или Савіанъ по вѣрѣ, Генетовъ (Ἐνετοι — отъ Гунудъ, Hend) по происхожденію, и Ῥοξ, Ῥοξανοι (Русь) по войсковому гражданству. Эти названія, то замѣняли одно другое, то измѣнялись по мѣстностямъ, особенно въ произношеніи Гооовъ на сѣверѣ, въ Uuindi,

---

[149] Это событіе Западные историки внесли въ лѣтописи подъ названіемъ переселенія народовъ и нашествія невѣдомыхъ до того времени Гунновъ. По соображенію Дегиня и иныхъ Хинологовъ, эти Гунны были именно Монголы, не смотря на то, что Іорнандъ выписалъ портретъ Гунновъ слово въ слово изъ Амміяна, а Амміянъ выписалъ слово въ слово изъ Трога Помпея объ обычаяхъ и нравахъ Цареовъ или Скиѳскихъ изгнанниковъ (Киммеріянъ, Гынду-сафетъ, или Черноморскихъ Индовъ), переселившихся на Кавказъ и въ Малую Азію. Впрочемъ, соображая древнія сказанія съ новѣйшими картами, можно было увлечься во мракъ Китайской исторіи, и вести оттуда всѣ нашествія и на Гооовъ и на Русь. Іорнандъ пишетъ, что «звѣрскіе Гунны (Булгары), по словамъ Приска, жили на восточномъ берегу Меотическаго озера; а по новѣйшимъ картамъ Древней Исторіи, въ степныхъ мѣстахъ Астраханской Губерніи кочуютъ уже Калмыки, прикочевавшіе въ позднѣйшія времена.

Venetai, Kwänä, Gwänä, Wäne, Unni, Hunni etc. «Всѣ эти народы одного племени, пишетъ Іорнандъ, и исчисленные нами, въ началѣ Исторіи Гоѳовъ, извѣстны нынѣ подъ общими именами Венетовъ, Антовъ (Вендовъ) и Славянъ. [149] Теперь свирѣпствуютъ они за наши грѣхи, а въ то время были подъ властію Эрманарика. [150]

Въ Малой Скиѳіи, Босфоранской областью, т. е., Таманью, владѣли, со времени Митридата и при Римскихъ Императорахъ, Каганы Гоѳовъ; собственно же туземные жители Босфоранскаго царства, по обѣимъ сторонамъ Босфора, носили прозваніе Козаръ. Внутренность страны принадлежала Малымъ Аорсамъ, т. е., Руси, которая и владѣла торговыми путями по Дону и Волгѣ, соединяющимися съ Азовскимъ и Каспійскимъ морями. [151] По Приволжью, надъ волокомъ между Дономъ и Волгой, жили Великіе Болгары; ниже же ихъ, въ восточной части Малой Скиѳіи — Малые или Черные Болгары.

«За Козарами, говоритъ Іорнандъ, простираются Болгары, которые, за грѣхи наши, прославились нашими бѣдами. Отсюда-то многочисленныя племена Гунновъ, плодясь какъ зелье, кидались въ ту и другую сторону, съ алчбой на народовъ. [152]

---

[149] «Veneti, Antes, Sclavi.»

[150] Зеландскій Князь Яромиръ (Jarmerio), побѣдоносный прозелитъ Гоѳовъ, который овладѣлъ всей сѣверной Скиѳіей.

[151] «Малые Аорсы, пишетъ Страбонъ (L. XI, p. 506), происходили по всему вѣроятію, отъ Великихъ Аорсовъ, жившихъ къ сѣверу. Малые Аорсы могли выставлять 200,000 конницы, Великіе же несравненно болѣе; ибо занимали обширнѣйшую страну и владѣли большею частію Каспійскаго берега. Они-то вывозили товары Индійскіе и Вавилонскіе, пріобрѣтая ихъ отъ Мидянъ и Армянъ. Одежды ихъ украшены были золотомъ.»

[152] По Прокопію, эти Гунны въ древности назывались Киммерійцами, а также Сабирами (Срб, Себеръ), отъ нихъ прозванные, поселившіеся въ области [illegible], въ Азіи. L. IV. На этомъ основаніи Іорнандъ и Амміанъ и выписали обычаи Гунновъ изъ Трога Помпея о Скиѳскихъ изгнанникахъ, прозванныхъ [illegible] по Скиѳски [illegible] (прата?)

«Въ ту и другую сторону,» т. е., походы, совершаемые обычно на корабляхъ по восточному берегу и по западному.

Возстаніе противъ Эрманарика и Гоѳовъ началось въ Малой Скиѳіи или Задоньѣ, гдѣ всѣ туземцы были уже Христіяне. Великоруссы (Ῥοξανοι, Rhoxolani) также приняли участіе, подъ предводительствомъ В. К. Болемира.

«Между тѣмъ, пишетъ Аммiянъ, слухи дошли и до прочихъ Гоѳовъ, о внезапномъ появленіи неизвѣстнаго дотолѣ народа, который то проносится, какъ ураганъ съ горъ, то какъ будто выходитъ изъ земли, и истребляетъ, искореняетъ все, что встрѣтится ему на пути. и т. д.

«Преслѣдуемые Гоѳы бѣгутъ къ Дунаю, переправляются чрезъ рѣку. Римскія войска въ тревогѣ, готовы уже встрѣчать ихъ, какъ новое нашествіе Скиѳовъ; но въ станъ Валента является, въ числѣ униженныхъ пословъ отъ Фритигерна, какой-то пресвитеръ, выдаваемый ими за Христіянина, для переговоровъ. Снисходительно допущенный, онъ подалъ письмо отъ Фритигерна, который просилъ, для себя и для своего народа, изгнаннаго изъ жилищъ своихъ нахлынувшими звѣрскими племенами, прибѣжища во Ѳракіи, обѣщая за то вѣчный союзъ съ Имперіей. Кромѣ того, повѣренный въ тайнахъ Фритигерна, Христіянинъ, вручилъ особенное письмо, исполненное хитростію и ласкательствомъ, свойственными этому предводителю Гоѳовъ.» [153] и т. д.

Тоже обстоятельство описано Іорнандомъ слѣдующимъ образомъ:

«Визигоѳы, то есть, тѣ изъ Гоѳовъ, которые жили на Западѣ, были въ той же тревогѣ отъ Гунновъ, какъ и ихъ собратія (Восточные Гоѳы), и не знали, на что рѣшиться. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, положили отправить въ Романію пословъ, къ Императору Валенту, брату Императора Валентиніяна, и просить, чтобъ онъ уступилъ имъ часть Ѳракіи, или Мисіи, для поселенія. Они обязывались быть покорными его законамъ и власти; а чтобъ внушить болѣе довѣрія къ себѣ, давали обѣтъ принять Христіянство, съ тѣмъ чтобъ онъ прислалъ къ нимъ священниковъ, которые бы знали ихъ языкъ. Валентъ съ радостію согласился на ихъ просьбу. Онъ размѣстилъ

---

[153] Предводители собственно Гоѳовъ назывались судьями (judices) народа, принадлежа, разумѣется, къ роду Cohenim.

Гоѳовъ въ Мисіи, оградой противъ нашествія другихъ народовъ, и далъ имъ проповѣдниковъ Аріянскаго толку, къ которому самъ принадлежалъ».

Вотъ единственныя свѣдѣнія о Гоѳахъ, принимающихъ Христіянскую религію, по толку Аріянскому, въ 376 году. Здѣсь нѣтъ Ульфіила, который никогда и не былъ Мисійскимъ Епископомъ, а главное, въ это время уже не существовалъ. Іорнандъ упоминаетъ объ немъ, какъ объ Епископѣ Малыхъ Гоѳовъ, только тамъ, гдѣ Малую, то есть, Задонскую, Скиѳію называетъ Малой Гоѳіей, и переноситъ ее въ какую-то Евкополитанскую область Мисіи Ѳракійской. Но Евкополихна, то есть, Левкополихна Черной (Μελαίνα) или Малой Сарматіи, изобличаетъ, что вмѣсто «in Moesia regione Eucopolitana», надо читать «in Maeotidis regione Leucopolitana.»

Не смотря на это, Амміяновскій пресвитеръ, посолъ Фритигерна, признается безпрекословно за Ульфіила, изобрѣтателя Гоѳскихъ буквъ и переводчика Священнаго Писанія на Гоѳскій языкъ!

Разсмотримъ всѣ сказанія объ Ульфіилѣ. Критическаго свода ихъ до сихъ поръ не было исполнено, даже Германскими ѳеологами и учеными, вѣроятно, по общечеловѣческой слабости: мы строгіе критики (какъ, на примѣръ, Г. Шлецеръ) въ отношеніи другихъ, а слишкомъ снисходительные въ отношеніи самихъ себя.

Съ первыхъ вѣковъ Христіянства извѣстны уже Исторіи походы Скиѳовъ или Руссовъ на Грецію, что обыкновенно было не просто набѣгъ, но война, за нарушеніе договоровъ и неуплату условленной дани. Составъ рати Великихъ Скиѳовъ состоялъ, какъ и при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ, изъ совокупности подвластныхъ племенъ, и у Греческихъ писателей носилъ названія, то нашествія Скиѳовъ, то нашествія Сарматовъ, то Роксоланъ (Ῥοξανοι), [154] то народа Ῥοξ, извѣстнаго даже Магомету.

---

[154] «Въ 118 году Царь Роксановъ, получивъ отказъ въ дани, прежде ему уплачиваемой, поднялъ оружіе на Римскія области. Императоръ Адріянъ отправился самъ въ Мисію, и тамъ велъ переговоры о замиреніи», разумѣется, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, объ уплатѣ дани, и свободной торговлѣ Руссовъ въ Греціи, какія совершались съ каждымъ, кто былъ «totius Scythiae solus in mundo regnator».

Во время похода, въ 253 году, [155] на Азіятскія владѣнія Грековъ, «въ числѣ плѣнныхъ, говоритъ Филосторгъ, [156] взятыхъ ими (Скиѳами) на набережныхъ Малой Азіи, было много Христіянъ, и между ними предки Урфила. [157] Будучи въ плѣну, они распространяли вѣру Христову въ Скиѳіи. Изъ числа этихъ-то Христіанъ, во время Константина Великаго, былъ поставленъ въ Епископы Урфила, и это происходило слѣдующимъ образомъ. Присылаемый отъ Царя Скиѳовъ Заистрійскихъ, при взаимныхъ посольствахъ, Урфила былъ рукоположенъ Евсевіемъ и бывшими при томъ Епископами въ Епископы къ Христіянствующимъ соотчичамъ». [158]

Замѣтимъ, что это посвященіе въ Епископы, при Константинѣ Великомъ, не могло быть позже 337-го года.

Сократъ Схоластикъ, въ Церковной Исторіи, пишетъ объ Епископѣ Ульфіилѣ слѣдующее: «Акакіанское исповѣданіе принялъ и Ульфіилъ Епископъ Гоѳовъ (?); а до того времени онъ исповѣдывалъ Символъ Никейскій, послѣдовательно за Ѳеофиломъ, «который, бывъ Епископомъ Гоѳовъ (?), присутствовалъ на Никейскомъ Соборѣ и подписался».

Объ этомъ отступничествѣ упоминаетъ и Созоменъ Саламинскій: «Акакій, съ сообщниками, вызвалъ (въ 359 г.) Епископовъ изъ Виѳиніи, въ числѣ которыхъ были Марій Халкедонскій и Ульфила

---

155 По Амміяну на 2,000 корабляхъ, какъ при Олегѣ. По Зосиму, число кораблей простиралось до 6,000.

156 Φιλοστ. ἐπιτομὴ ἀπὸ φωνῆς Φώτιου Πατριάρχου. Ed. J. Gottofredo. 1641.

157 Это имя, въ древнихъ кодексахъ и въ новыхъ примѣненіяхъ къ смыслу Гоѳскому, пишется: Ulphilas, Urfilus, Gulfilas, Hulfilas, Gilfulas, Galfilas, Ulphias, Gulfias, Gudila, Gudillas, Unila etc. «Rectissime sine dubio, Vulfila, говорятъ толкователи, quam verbum nomen, diminitivum vocis Vulfs (lupus) proprie lupulum significat.»

158 ... Ὑπὸ Εὐσεβίου καὶ τῶν συν αὐτῶν Επίσκοπων χειροτονεῖται τῶν ἐν τῇ γενικῇ χριστιανιζόντων.» На полѣ вмѣсто γενικῇ выставлено γετικῇ и переведено: qui in Gothia Christiani erant. Отъ чего же Епископомъ Христіянствующихъ въ Гоѳіи, а не Епископомъ Христіянствующихъ на родинѣ, или родичей, т. е., потомковъ предковъ его, взятыхъ въ плѣнъ Скиѳами на берегахъ Малой Азіи, въ 253 году, Какіе здѣсь были, въ это время, Гоѳы Христіяне? — Въ дополненіе замѣтимъ, что Греческіе писатели, упоминая о Γέται или Γότθοι, не упоминаютъ о странахъ Γέτια или Γότθια.

Гоѳскій (?). Они подтвердили читанное въ Аримин҄ѣ изложеніе вѣры, и отвергли всѣ другія».

Изъ этихъ свѣдѣній замѣтимъ только одно, что Ульфіилъ, около сороковыхъ годовъ IV столѣтія, былъ Епископомъ Босфораніи и Христіянствовавшихъ тамъ, до 325 года, туземцевъ, а не Гоѳовъ Истрійскихъ, Іудействовавшихъ до 376 года. Не смотря на это, несообразность хронологическая и новое смѣшеніе Дона съ Дунаемъ, а Скиѳовъ съ Гоѳами, внесены въ Исторію и Сократомъ и Созоменомъ, при описаніи Аріянства Императора Валента. «Въ тоже время, пишетъ Сократъ, Гоѳскій Епископъ Ульфилъ изобрѣлъ и Гоѳскія письмена (?), перевелъ Божественное Писаніе и расположилъ Варваровъ къ изученію Божественнаго Слова.»

Въ Созоменѣ также смѣшано посольство къ Константину съ посольствомъ къ Валенту. Послѣ упоминанія, что главнымъ лицомъ посольства Фритигерна, въ 376 году, былъ Ульфила, Гоѳскій Епископъ, тутъ же сообщается, что Ульфила и самъ вступилъ въ общеніе съ Акакіемъ (что было въ 359 году), и отторгъ все племя Гоѳовъ отъ Каѳолической Церкви.

Откуда же истекаетъ это смѣшеніе времени и обстоятельствъ? Несообразности такъ рѣзки, что не трудно понять, что въ одномъ случаѣ идетъ рѣчь о мнимыхъ Гоѳахъ, Скиѳахъ Босфоранскихъ, которые были въ преобладаніи Кагановъ и которые приняли Христіянство, когда Констанцій, братъ Константина Великаго, покореніемъ Малой Скиѳіи или Сарматіи рушилъ это преобладаніе. Въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ о Визигоѳахъ или Западныхъ Гоѳахъ, которымъ далъ убѣжище во Ѳракіи Валентъ. Если бъ Римъ не сочувствовалъ болѣе Іудейству, нежели Сиваизму и даже Христіянству, на Воспорѣ Индійскомъ (βόσπορος τῆς Ἰνδιχῆς [159]), не царствовали бы Каганы, не изгибли бы мученической смертію первые проповѣдники Христіянства между Черноморскими Индами Савіанами, [160] исконными поклонниками Тріединаго.

---

[159] Hesychius. Измѣнивъ во всѣхъ древнихъ писателяхъ, начиная съ Геродота, Ἰνδοι въ Σίνδοι, издатели ихъ, съ ученой увѣренностію замѣчаютъ, что, безъ сомнѣнія, Греки позднѣйшихъ временъ вздумали называть Черноморскую Синдію Индіей: «Posterioris tamen aetatis Graeci Sindicam videntur appellasse Indicam.»

[160] «Ἰνδοι ἐνδοτάτοι, Σαβαίοι καλουμένοι». Гимай Азіи (Гималай), Кавказъ, Гимай Ев-

Къ этимъ-то Индамъ Малой Скиѳіи, бывшимъ подъ вліяніемъ Іудеевъ— ὀυκ ὀλίγον δὲ πλῆθος καὶ Ἰουδαίων αὐτοῖς ἀναπέφυρται—былъ посланъ, посвященный въ діяконы Евсевіемъ Ѳеофилъ (Θεόφιλος ὁ Ἰνδὸς).

«Когда Ѳеофилъ прибылъ къ Савіанамъ (Σαβέοις), правитель народа (ἐθναρχης), склоненный убѣжденіемъ, пожелалъ принять Христіянство и отклонился отъ Еллинскихъ заблужденій. [161] Заставивъ смолкнуть предъ чудесами непобѣдимой вѣры во Христа всѣхъ ожесточенныхъ Іудеевъ, окружавшихъ его, Ѳеофилъ привелъ къ концу свое призваніе, обратилъ правителя народа къ благочестію, и онъ воздвигъ въ странѣ своей три храма. Первый въ столицѣ всего народа, называемой Тамаронъ (въ текстѣ преобр. въ Τάφαρον); другой на торгѣ Греческомъ (ἐν τὸ Ρωμαϊκόν ἐμπόριον), находящемся у моря въ области Αδανήν (т. е., Ταναήν). Третій же на другомъ краю области, гдѣ торгъ Персидскій, при устьѣ (?) Персидскаго моря. [162]

Здѣсь собственно, внутреннимъ Индамъ, сосѣднимъ съ внутренними Еѳіопами, [163] проповѣдывалъ Св. Апостолъ Варѳоломей, принявшій мученическій вѣнецъ въ Арменіи. [164]

Но, вопреки смысла сказаній, утвердилось мнѣніе, что какъ Св. Ап. Варѳоломей, такъ въ послѣдствіи и Ѳеофилъ проповѣдывали не въ Черноморской Индіи, а въ счастливой Аравіи. На этомъ основаніи, въ Географіи Птоломея и въ Натуральной Исторіи Плинія, можно найти въ Аравіи и Homeritae и Saphar Metropolis, и Sabatha Metropolis, и Saba regio. Это были настольныя книги Средневѣковыхъ и

ропы (Ἅιμος), Карпаты, Альпы, Пиринеи, составляли нѣкогда непрерывную цѣпь населенія Савіянъ. Парсы, принявъ вѣрованіе Гебровъ, разорвали въ Азіи эту цѣпь. Восточныхъ Индовъ они называли Siah-Hend, Черными Индами, а Кавказскихъ Hend-Safet, Бѣлыми Индами.

161 Филосторгъ упоминаетъ о существовавшемъ тамъ обрѣзаніи, поклоненіи солнцу и лунѣ и богамъ туземнымъ. Изъ этихъ словъ понятно, что тамъ были двѣ различныя вѣры: вѣра водворившихся Гоѳовъ и Сиванамъ туземцевъ.

162 Т. е., Каспійскаго моря, при устьѣ Волги, гдѣ былъ торгъ Ясскій.

163 Т. е., Абхазами (древними Гиніохами,) переселенцами изъ Ѳиваиды.

164 Евсевій, Сократъ, Филосторгъ и пр.

позднѣйшихъ Орденскихъ Географовъ, когда на беззащитную Исторію Востока велись своего рода крестовые походы, и когда тщательно вносились въ изданія всѣ описки и приписки, извращавшія смыслъ преданій и переносившія событія и мѣстности изъ одного края въ другой, изъ Азіи въ Европу, и обратно.

Въ дополненіе изложенныхъ уже свидѣтельствъ о такъ называемой Внутренней Индіи, на набережныхъ Чернаго моря, приводимъ, въ выноскѣ, слова Воссія о томъ же предметѣ. [165] Вмѣстѣ съ этимъ открывается, затаившееся для Исторіи Восточной Церкви, свѣдѣніе, что рукоположенный Евсевіемъ, для проповѣдованія Евангелія Индамъ или Синдамъ, и поставившій престолъ Спасителя въ Тамаронъ, есть тотъ самый Ѳеофилъ Босфоранскій, Episcopus Tomorum in Scythia, который въ 325 году былъ въ числѣ подписавшихъ Символъ вѣры Никейскаго Собора. Вотъ подпись его:

По списку библ. Колберта:

De Gothis
Theophilus Bosphoritanus.
Domnus Bosphorensis. [166]

Editio Labbeana:

Provinciae Gothiae.
Theophilus Gothiae Metropolis.
Provinciae Bosphori.
Domnus Bosphorensis. [167]

---

[165] Isaaci Vossii notae in Scylacis Cariand. Periplum, pag. 13. Приводя сказаніе Сократа Схоластика: «Апостолъ Ѳома получилъ жребій апостольства въ Парѳіи, Матѳей въ Еѳіопіи, а Варѳоломей въ смежной съ нею Индіи», Воссій пишетъ: «Longe mihi verisimilis fit, pervenisse illos in Aethiopiam Ponticum, quae in Colchorum est Regione, et Sindicae, sive Indiae, contermina est. Liquet id est Hieronimi Catalogo Scriptorum Ecclesiasticorum, cujus verba adscribam: «Andreas, frater Simoni Petri, ut majores nostri prodiderunt, Scythis, et Sogdianis, et Saccis, praedicavit Evangelium Domini nostri Jesus Christi, et in Augusta civitate praedicavit, quae cognominatur Magna, ubi est irruptio Apsari et Phasis fluvius: illic incolunt Aethiopes interiores». Et post: «Matthias cum unus esset e numero septuaginta, allectus in ordinem undecim apostolorum, in locum Judae Iscariote, qui fuit proditor, in altera Aethiopia, ubi est irruptio Apsari, et Hyssi portus, praedicavit Evangelium, cum essent homines agrestes.»—Recte itaque Socrates interiorem Indiam Aethiopiae interiori vicinam facit, cum ambae sint ad Pontum, sibique conterminae».

Ложное названіе Gothiae Metropolis, или лучше сказать, Латинское названіе по преобладанію Гоөскихъ Кагановъ, друзей Императоровъ и Римскаго народа, безъ сомнѣнія, внесено въ Латинскій переводъ акта, вмѣсто Scythiae Metropolis, какъ слѣдовало быть въ Греческомъ текстѣ, который не сохранился. Это доказывается, во первыхъ, Актами Никейскаго Собора. Въ каталогѣ странъ и народовъ, гдѣ учреждены были уже Епископіи Вселенской Церкви, Александръ Өессалонійскій подписывается, во имя Епископовъ въ земляхъ Славянъ Македоніи, Еллады, всей Европы, Иллиріи, Өессаліи, Ахаіи, и также въ обѣихъ Скиөіяхъ—«Σχυθίαν ἑχατέραν. Во вторыхъ, тѣмъ, что Босфоранская Епархія, во всѣхъ послѣдующихъ актахъ, сохранившихся и на Греческомъ языкѣ, называется, какъ увидимъ, Митрополіей Скиөской Томитанской. Въ третьихъ, Евсевій (de vita Const. L. 11, c. 7), при исчисленіи странъ, откуда прибыли Епископы на Никейскій Соборъ, упоминаетъ не о Гоөскомъ, а о Скиөскомъ Епископѣ, помѣщая его въ числѣ Азійскихъ: δὲ χαὶ Πέρσης ἐπίσχοπος τοῦ Συνόδω παλῆν, ὀυδὲ Σχύθης ἀπελιμπόνετο τῆς χορείας, Πόντως τε χαὶ Γαλατία».

Въ подписяхъ Собора Константинопольскаго, въ 381 году, гдѣ участвовали только Азійскіе Епископы: [167]

Provinciae Scythiae:

Gerontius Tomensis.

Aetherius Chersonitanus.

На соборѣ Ефесскомъ, 431-го года (Pars I, cap. XXIV) подпись Латинская:

---

166 Различіе между Bosphoritanus и Bosphorensis заключается въ томъ что Өеофилъ былъ Епископъ всей Босфораніи, которой Митрополія была въ Томи; а Домнусъ, Епископъ Г. Босфора, на Европейской сторонѣ пролива.

167 См. Acta Consiliorum, T. I. Consilium Nicaenum.

168 Греческаго текста нѣтъ. Въ Латинскомъ исчисленіи подписей Собора Епископовъ Азіятскихъ, внесена въ концѣ и Провинція Испанія, съ отмѣткой на полѣ: «Sed titulus ille omnino delendus.» Послѣ Иверійской Епархіи помѣщена провинція Мизійская съ Епископомъ Мартиріемъ Марціанопольскимъ; а къ провинціи Скиөской приписанъ Sebasitanus Anchialensis, относящійся ко Өракіи.

«Timotheus Episcopus a Scythia. Отм. на полѣ: sive Tomorum in Scythiae».

Actio 1:

«Τιμοθέος ἐπίσκοπος...... ἐπαρχίας Σκυθῶν (al Σκυθίας) ἐπέγραφα ἀποφαινάμενος, καὶ τὰ ἕξης».

Въ Лат. Переводѣ: «Timotheus Episcopus Tomitanus». На полѣ: ms: civitatis Tomorum, provinciae Scythiae decernens suscripsi».

Въ декретѣ Ефесскаго Синода противъ Несторія и прочихъ еретиковъ всѣ подписи принадлежатъ Епископамъ Азійскихъ и Африканскихъ Епархій, собранныхъ для ручательства противъ вліянія ученія Несторія, распространявшагося въ этѣхъ странахъ. Между подписавшими Актъ находится:

«Timotheus Episcopus provinciae Scythiae civitatis Tomorum».

Въ Актѣ Константинопольскомъ (449 г.), читанномъ на Халкедонскомъ Соборѣ 451 года, въ подписяхъ:

«Ἀλεξάνδρου τοῦ εὐλαβεστάτου ἐπισκόπου τῆς Τομέων πόλεως ἐπαρχίας Σκυθίας. [169]

О распространеніи Аріянства въ Азіи и о Скиѳахъ Томитанскихъ, не послѣдовавшихъ еретичеству, Созоменъ, въ своей Церковной Исторіи, говоритъ: «Напротивъ, Сирія и пограничныя области, особенно же Антіохія, бѣдствовали отъ неустройства и возмущеній. Въ этѣхъ областяхъ было болѣе Аріянъ, владѣвшихъ Церквами, хотя не мало и Христіянъ Церкви Каѳолической, которыхъ называли Евстиѳіанами и Павлиніанами; ибо ими, какъ выше сказано, управляли Павлинъ и Милетій. Послѣдніе, тогда какъ вся Антіохійская Церковь едва не сдѣлалась аріянствующею, съ трудомъ держались противъ ревности Императора и лицъ, имѣвшихъ при немъ силу. Гдѣ Церквами управляли люди мужественные, тамъ только народъ не измѣнялъ исповѣданію своему. И дѣйствительно, по той же причинѣ, говорятъ, и Скиѳы сохранили, свою вѣру. Этотъ народъ имѣетъ мно-

---

[169] Acta Consiliorum. T. II. Cons. Chalcedonense. Actio 1.

жество городовъ, селеній и крѣпостей. Его столица — Томисъ, городъ обширный и богатый, лежащій у моря на лѣвой[170] сторонѣ отъ входа въ Понтъ Евксинскій. Тамъ, по сіе время (V. стол.), продолжается древній обычай, чтобъ единый Епископъ главенствовалъ надъ Церквами всего Скиѳскаго народа».

Въ этихъ словахъ Созомена три положенія противъ несообразнаго ни съ чѣмъ, а между тѣмъ утвердившагося, мнѣнія, что Епархія Томитанской области или Епархія Скиѳіи, обрѣталась во Ѳракійской Нижней Мисіи:

1. Созоменъ говоритъ объ областяхъ Азійскихъ, подвергавшихся вліянію ученія Несторія и Аріянства; точно также какъ и Ефесскій декретъ противъ Несторія подписанъ только Епархами Азійскими и Африканскими, въ числѣ которыхъ, какъ мы видѣли, подпись Томитанскаго Епископа Тимоѳея.

2. Созоменъ говоритъ о Скиѳахъ, какъ о народѣ самостоятельномъ, не подвластномъ Имперіи, у котораго множество не только городовъ, но и крѣпостей. Всего этого нельзя было говорить о какой нибудь Епархіи въ границахъ Ѳракіи.

3. Митрополія Томитанская была Митрополіей не одной Епархіи, а многихъ Епархій въ обѣихъ Скиѳіяхъ—Σχυθίαν ἑχατέραν, какъ мы видѣли въ Греческомъ текстѣ Никейскихъ Актовъ.

4. Исконный обычай въ Скиѳіи или Руси (οἱ Ῥώς, οὓ καὶ Σχύθας, φάσιν), о которомъ упоминаетъ Созоменъ, состоялъ въ единоначаліи, какъ въ гражданскомъ, такъ и духовномъ отношеніи. Какъ титулъ Атиллы, переданный Іорнандомъ: «Attila totius Scythiae solus in mundo regnator», былъ во всѣ времена принадлежностію Великихъ Князей — «Великій Князь всея Руси, или всея Русіи Самодержецъ» —, такъ по росписи древнихъ Епископствъ Руси, подпись Митрополита была: «Митрополитъ Кіевскій и всея Руси», т. е., Великой и Малой.[171] Это раздѣленіе было съ незапамятныхъ временъ, какое названіе ни носила

[170] Мы уже объяснили на 26-й стр., какъ понимали древніе правый и лѣвый берегъ Понта. Смѣшивая же Донъ съ Дунаемъ, во всякомъ случаѣ мѣстность Томи надо было относить къ лѣвому берегу.

[171] По росписи Епископствъ, при Имп. Львѣ Премудромъ, Архіепископство Великой и Малой Руси числилось на 60 мѣстѣ; ибо иноземныя Епископства слѣдовали за исчисленіемъ находящихся въ Имперіи.

Русь у иноземцевъ: Скиѳіи ли, Сарматіи, или Великихъ и Малыхъ Аорсовъ, или, по Геродоту, Γερρίσιοι. Малая Русь всегда означала пограничную, воеводскую часть Руси, находившуюся постоянно на военномъ положеніи. Границы, особенно съ Персами, то надвигались до Аракса, то отодвигались до Дона.

Томитанская Епархія и была собственно Архіепископія, Митрополія всѣхъ прочихъ Епархій Скиѳіи, или, вѣрнѣе, всея Скиѳіи. Созоменъ, въ кн. 7, гл. 26, и называетъ Ѳеотима, родомъ Скиѳа, Архіепископомъ Томитанскимъ и всѣхъ прочихъ Епархій Скиѳіи. [172] Не смотря на это, отецъ Квіенъ (Quien) въ своемъ «Oriens Christianus», въ рядахъ всѣхъ помѣщающихъ Скиѳію во Ѳракіи, [173] утверждаетъ, что въ Епархіи Скиѳійской только и было, что «Ecclesia Tomorum». Онъ приходитъ въ недоумѣніе по случаю взносимаго обвиненія въ Несторіянской ереси на Скиѳійскихъ Епископовъ, «inter quos Paternus Tomitanae civitatis antistes,» т. е., надъ которыми Патернъ Томитанскій главенствовалъ».

Сомнѣваясь, чтобъ въ это время было нѣсколько Епископствъ въ Скиѳіи, Квіенъ приводитъ подпись Патерна, на сообщеніи Синода Константинопольскаго Папѣ Ормизду, объ избраніи на Патріяршество Епиѳанія, и говоритъ, что по этой подписи Патернъ одинъ и единственный Епископъ всей Скиѳіи.

Но этой-то разницы между Епархіями Имперіи и независимой, автокефальной и, такъ сказать, самодержавной Епархіей Скиѳіи, о чемъ упоминаетъ Созоменъ, и не понялъ отецъ Квіенъ: «vetus consuetudo, quae ibi etiamnum servatur, ut unus Episcopus totius illius Gentis Ecclesiis praesit». Въ древней Скиѳіи или Руси всѣ подраздѣленія Іерархіи или священноначалія выражались не различными Церквами, а единою Церковію, единою духовною властію всея Руси (totius Gentis), и единымъ ея голосомъ. Форма выраженія всѣхъ въ единствѣ была: «Мы Великій Государь». Различие съ условіями Римской Импе-

---

[172] Ἐν τούτῳ Τόμεως, καὶ τῆς ἄλλης Σκυθίας τὴν ἐκκλησίαν ἐπετρόπευε Θεότιμος Σκυθής, ἀνὴρ ἐν φιλοσοφίᾳ τραφεὶς.....»

[173] На основаніи словъ Плинія, что въ приморской Ѳракіи, между Балканомъ и Дунаемъ, жили Scythae Aroteres; но въ той же 18 главѣ IV книги, всю Ѳракію населяли Скиѳскія племена; Плиній исчисляетъ ихъ: Brysi, Sapaei, Bessi, Doloncae, Aorsi, Arraei, Sarmatae, Scythae и, по берегу моря, Moriseni.

ріи видно ясно изъ собранія Окружныхъ Посланій къ Императору Льву I (457—474), pro defectione Consilii Chalcedonensis. Въ первомъ, главномъ посланіи (epistola), подписанномъ главами Митрополій, заключается и подпись Митрополита Томитанскаго, Өеотима. Кромѣ общаго посланія слѣдуютъ сорокъ посланій, отъ каждаго Митрополита отдѣльно съ подписями, какъ его, такъ и всѣхъ подвластныхъ его Митрополіи Епископовъ. Өеотимъ же въ своемъ посланіи (XI), какъ верховный правитель единой Церкви, говоритъ и подписываетъ: «Мы утверждаемъ: «Unde mansuetissime Imperator, et ego, et omnis Ecclesia Dei, sic sapimus et in consensu nostro Sanctorum Patrum definitiones fide et devota confessione firmamus».

Во всяком случаѣ, Митрополія предполагаетъ въ себѣ подвластныя Епископіи; но о. Квіенъ, въ подтвержденіе, что въ Scythia Parva eaque Europaea ad Istrum flumen, только и была одна Епархія въ Томи, замѣчаетъ, что въ древнѣйшихъ Актахъ Церковной Исторіи Томи считается Архіепископствомъ, а не Митрополіей и, выписывая въ свидѣтельство этого подпись Епископа Патерна, [174] пропускаетъ его титулъ «Metropolitanus».

Въ подлинникѣ подпись его слѣдующая: «Paternus, misericordia Dei, Episcopus provinciae Scythiae Metropolitanus».

Для чего этотъ, явно недобросовѣстный, пропускъ? Для того ли, чтобъ унизить значеніе и измѣнить смыслъ Томитанской Митрополіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпить мнѣніе, что эта Епархія была во Өракіи? Если бъ Scythia Parva была во Өракіи, то дѣйствительно она не могла бы имѣть болѣе одной Епархіи.

Удивительно ли послѣ этого, что не обращено вниманіе на Актъ Никейскаго Собора, въ которомъ, въ числѣ странъ, гдѣ водворилось уже Христіянство, упоминается объ обѣихъ Скиөіяхъ—«Σχυθίαν ἑχατέραν», т. е., Μεγάλα Σχυθία и Μιχρὰ Σχυθία.

Быстрое и свободное распространеніе Христіянства въ Руси, въ IV столѣтіи, оставило по себѣ неизгладимые слѣды, какъ увидимъ ниже. По Ведическимъ предвѣстіямъ, для Савіанъ Европейскихъ со-

---

174 Relatio Synodi Const. de ordinatione Epiphani Episcopi Anno 520. Acta Consiliorum. T. II, p. 1035. Ed. Parisiis, 1714.

вершилаеь заключительная Аватара, — воплощеніе Царя свѣта. Но противники, Іудеи и Маги, [175] дѣйствовали союзно. Чтобъ подорвать основы Церкви внутренними раздорами, они внесли въ нее, подъ ликомъ Христіянства Аріянскій толкъ. Валентъ, сопрестольный Валентиніяну и управлявшій Востокомъ, былъ ревностнымъ послѣдователемъ этого толка. По вліянію лицъ, имѣвшихъ при немъ силу, ересь быстро распространялась въ областяхъ Азіи. Объѣзжая самъ Азійскія Церкви, лично изгоняя отовсюду послѣдователей Православія, и отдавая ихъ храмы Аріянамъ, Валентъ, послѣ неистовствъ въ Антіохіи, въ Едессѣ и въ Епархіяхъ Каппадокіи, прибылъ въ Томитанскую Митрополію. Войдя въ церковь, онъ сталъ убѣждать бывшаго въ то время Архіепископа Скиѳіи, Ветранія, чтобъ онъ вступилъ въ общеніе съ Епископами ереси. Ветраній, мужественно и смѣло высказавъ свои мысли въ защиту Никейскаго Собора, оставилъ его и перешелъ въ другой храмъ. Все стеченіе народа, любопытствовавшаго видѣть Императора, пошло въ слѣдъ за своимъ Епископомъ. Принявъ этотъ поступокъ за намѣренное оскорбленіе, Валентъ приказалъ схватить Ветранія и сослалъ его въ заточеніе. [176]

Послѣ этого событія отношенія Руссовъ [177] къ Имперіи измѣнились. Ветраній былъ освобожденъ, но въ слѣдствіе опасенія народнаго возстанія и войны. Современные Цари Гунновъ, т. е., Руссовъ носятъ Греческія Христіянскія имена: Донатъ и Харитонъ. Донатъ убитъ Римлянами, какъ говоритъ сказаніе, коварнымъ образомъ. Харитонъ, наслѣдовавшій ему и поднявшій войну, умиротворенъ дарами; но Рао или Радо, котораго Іорнандъ называетъ Roas, Прискъ Ῥοῦα βασιλεύς, а западные Историки Воеводой Скиѳовъ Rhodas, переходитъ Дунай, проникаетъ во Ѳракію и грозитъ уже Константино-

175 Халдеи.

176 Проницательный во всѣхъ своихъ изысканіяхъ, Венелинъ, обратилъ особенное вниманіе на Томитанскую область, но не обратилъ вниманія на приписываемое ей географическое положеніе во Ѳракіи; а между тѣмъ вотъ его слова: «При первомъ взглядѣ на это извѣстіе, бросится въ глаза всякой логической головѣ, что здѣсь Греческое слово Скиѳы, должно переводить словомъ Русь, и по тому только, что изыскатель напрасно сталъ бы искать въ Томитанской Епархіи какой либо другой Церкви, кромѣ Русской.»

177 Которыхъ Византійцы продолжали еще называть, то Скиѳами, то Гуннами.

полю. Верховный совѣтъ Византіи, по утвержденію Императора Θеодосія, отправляетъ къ нему пословъ; но Рао внезапно умеръ, пораженный громомъ, какъ говоритъ преданіе. Когда Царь Рао умеръ, пишетъ Прискъ, и царство (βασιλεία) наслѣдовалъ Атилло, верховный совѣтъ отправилъ къ нему послами Плинеа, родомъ Скиѳа, и Діонисія, родомъ Грека, для обычныхъ поздравленій со вступленіемъ на царство и заключенія новыхъ договоровъ. Но Атилло, немедленно же по вступленіи на престолъ, отправился въ Маргу [178] на Дунаѣ, гдѣ сосредоточены были войска, съ тѣмъ, чтобъ продолжать войну. Здѣсь и встрѣтили его послы.

Изъ преданій извѣстно, какими условіями, дарами и данью откупился Θеодосій II-й; но политика Императоровъ была уже подъ вліяніемъ Гоѳовъ Аріанъ и Халдеевъ. Аквитанскіе Гоѳы возстановляли противъ Атилла Римъ, а Халдеи Кавказскіе—единовѣрныхъ съ ними Персовъ.

Отправивъ Малую или Козарскую Русь за Кавказъ, отбирать у Персовъ покоренныя ими земли, самъ Атилло поднялся, съ силами Великой Руси, отбирать у Римлянъ Галлію, и на поляхъ Канталійскихъ разбилъ въ прахъ сосредоточенные легіоны подъ предводительствомъ Эція и войска Θеодорика Визиготскаго. Въ слѣдъ за этимъ, когда Атилло, взявъ приступомъ Миланъ, расположился станомъ на р. Минчіо, въ преддверіи Италіи, къ нему явилось съ мольбой о пощадѣ Рима посольство Валентиніяна и самъ Папа Леонъ. Это обстоятельство, умиренія чрезъ посредство главы Римскаго Священства, подтверждаетъ до нѣкоторой степени преданіе, что Атилло былъ Христіяниномъ. [179]

Между тѣмъ Коварь, отправленные имъ за Кавказъ, громили Иверію и Арменію, которыя въ это время были подъ властію уже Персовъ. По Приску, находившемуся при Атиллѣ въ числѣ посольства отъ Императора Θеодосія, «Козаріей и прочими народами, насе-

---

[178] У Славянъ Марками назывались пограчныя торжища, гдѣ производились договоры и торгъ. Гельмольдъ.

Станъ Атилла былъ расположенъ въ Малой Валахіи.

[179] См. Vilkinga Saga. Въ Nibel. L. 5060 v: «Er (Atzel) ist nicht gar ein Heide, dess sollt ihr siecher sein.»—5566 v: «Dess getaufet wurde das Etzelen Kind nach Christlichen Rechte.»

лявшими Русскія земли при Черномъ морѣ, въ Азіи, управлялъ старшій сынъ его, Данчичъ (Danzic, Densices)». По смерти отца, онъ вступилъ на престолъ, и въ 467 году, потребовалъ отъ Царяграда возобновленія договоровъ. Но Императоръ Левъ, пользуясь продолжающейся войной Руссовъ съ Персами, смѣло отказалъ ему въ этомъ. Отказъ вызвалъ войну. Младшій и любимый сынъ Атилла, Ярень (Irnas, Irnah), совѣтовалъ брату не начинать войны съ Греками, когда не только что пограничная Русь, Козары и Сураги, [180] но и большая часть силъ Русскихъ отвлечена войной съ Персами въ Арменію. Но Данчичь не принялъ совѣтовъ брата. Усиливъ войска свои подвластными Руси Гоѳами, онъ перешелъ Дунай. Но Гоѳы измѣнили—и онъ погибъ въ бою.

Въ Иверіи и Арменіи дѣла Руссовъ-Козаръ (Ὄυννοι Κιδαρῖτοι—Козаричи) шли также неудачно. Персы преслѣдовали ихъ за горы, проникли въ Козарію и даже овладѣли Бѣловѣжей или Бѣлградомъ (βαλαπόλις). Это было въ то время, когда Вартанъ, Воевода Арменіи, призывалъ на помощь Косоговъ или Казаковъ, Козаръ, которыхъ Армяне называли Кушанкъ или Кушачи—к, [181] а Греки, въ соотвѣтствіе Персидскому названію Hend-safet—λοιχοὶ Ὄυννοι и также Ευθαλῖται, т. е., Поморцы [182]

Въ то же время, когда Вартанъ вызывалъ на помощь Гунновъ Гептакскихъ, какъ выражаются въ переводахъ, онъ вызвалъ и Иверскаго Кагана, Вахтанга, который и измѣнилъ ему: «Ici le roi Wakhtang-Gorgasal assiste le Roi de Perse, contre les Indiens, les

[180] Сураги, жившіе по Каспійскому морю, извѣстные также подъ названіемъ Гунновъ Сарагуровъ, по Греческимъ писателямъ Σιράκοι (Siraces). При Каспійскомъ морѣ и была India Serica, занесенная за Гангъ: по Сурагамъ Каспійское море называлось Oceanum Siricum, а у Руссовъ Суражскимъ моремъ. Страбонъ пишетъ, что Сураги и Малые Аорсы, одного происхожденія съ Великими Аорсами. «Малые Аорсы жили при Танаисѣ, а Сураги по р. Ахарду, по другимъ Геогр. Аксарту, т. е., въ сущности Араксу, въ Ширванской области, и по морю, гдѣ производилось искони шелковое производство.

[181] «Kouchank ou Kouchantsik est le nom donné par les auteurs arméniens aux Huns Hephtalites.» Hist. de la Georgie, I part. Hist. ancienne.

[182] Это названіе, происходящее отъ Ἐυθάλασσος, измѣнялось въ спискахъ въ Nephtalites, Haïatalites, Atelites, Abtelites.

Sindes, les Abaches (Абхазовъ) et les Djordjaniens (Грузинъ): il triomphe de tous ces peuples». [183]

Съ этого времени, въ Малой Скиѳіи снова водворяется власть Кагановъ, съ которой постоянно боролась Русь. Юстиніянъ I-й, вступивъ на престолъ, съ трудомъ сохраняетъ прибрежные Греческіе города Тавриды и Азіятскаго берега, и начинаетъ укрѣплять ихъ.

Въ актахъ 536 года титулъ Кесаря Флавія Юстиніяна составляетъ уже наборъ неопредѣленныхъ названій мѣстностей и народовъ: «Alemannicus, Gothicus, Francicus, Germanicus, Anticus, Alanicus, Wandalicus, Africus.» Скиѳамъ, Сарматамъ и Гуннамъ предоставлены названія Аланъ и Антовъ. Прокопій очень простодушно находитъ, что Анты были совершенно сходны съ Славянами и по вѣрѣ и по обычаямъ, по языку и наружности, по дебелости и силѣ; находитъ большое сходство ихъ и съ Гуннами: «a vafritie ac malicia remoti et hac ipsa quoque innocentia Hunnis similes» т. е., ни къ лукавству, ни къ злобѣ не способны, и по самой чистотѣ нравовъ сходны съ Гуннами». Живутъ они на Меотидѣ, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ Гунны, и вся разница между ними та, что Антовъ и Славянъ Прокопій называетъ Спорами, а Гунновъ Сабирами. Птоломей не называетъ ихъ ни Спорами, ни Сабирами, а Сапурами, а иногда, тутъ же, для разнообразія, Тапурами. Съ ними сосѣдятъ и Скиѳы Аланы, и Скиѳы Сусовени (Σουσοβήνοι), и Скиѳы Свевы (Σουήβοι), и Скиѳы Аорсы, и иные Скиѳы.

Эти-то всѣ народы, лишившіеся уже имени Скиѳовъ, Сарматовъ и Киммеріянъ, но жившіе еще между Меотидой и Кавказомъ, а по Птоломею въ Scythia intra montem Imaum, подпавъ снова подъ власть Кагановъ, извѣстныхъ друзей Императоровъ и Римской Имперіи, снова пріобрѣтаютъ, съ возстановленіемъ на Босфорѣ преобладанія Гоѳовъ званіе Гоѳовъ. [184] Прокопій Кесарійскій, въ своей Исторіи Гоѳовъ,

---

183 Hist. de la Georgie, I part. Разумѣется, что всѣ эти народы препровождены историками къ устьямъ Инда: «Leur empire (т. е., Гунновъ-Синдовъ) s'étandait jusqu'au bouches de l'Indus, et leur capitale, située sur le fleuve, s'appelait Minnigara».—Понятно, что эта Миннигара есть Бѣлградъ на Волгѣ.

184 По Птоломею (2-го вѣка) Скиѳы простирались до изгиба р. Аракса (رس!— Русская рѣка), то есть, до владенія Куры (L. V, c. 9). «Есть и другой на-

какъ и Іорнандъ въ своей, утверждаетъ, вопреки смысла, это званіе за всѣми народами, «quos vetustiora saecula Schythas vocabant.»

Этотъ современникъ Юстиніяна I, написавшій шесть книгъ объ укрѣпленіяхъ, воздвигнутыхъ Императоромъ для защиты границъ, какъ по Дунаю, такъ и Донскому Босфору, противъ нашествій Гунновъ, въ свою очередь смѣшиваетъ мѣстности, находящіяся на этѣхъ рѣкахъ, какъ, на примѣръ, область Δοράς, или Δαράς, «гдѣ издавна обитаютъ Гоѳы, не послѣдовавшіе за Ѳеодорикомъ въ Италію.» Гоѳы Ѳеодорика, т. е., Визигоѳы, пришедшіе во Ѳракію въ 376 году изъ за Дуная, были поселены въ Панноніи, и отсюда уже отправились въ Италію (въ 488 г.); слѣдовательно, дѣло идетъ объ области на Дравѣ, которая, по Птоломею, называлась Δάρος, а не на Босфорѣ и не въ Тавридѣ.

Свѣдѣніе Прокопія [185] объ укрѣпленіяхъ Греческихъ владѣній въ Тавридѣ и за Босфоромъ на Азіятской сторонѣ, теряетъ смыслъ, если понимать въ немъ только укрѣпленіе города Босфора и города Херсона, а не укрѣпленіе городовъ Херсониса и городовъ Босфора на Азіятской сторонѣ.

Вліяніе Томитанской Митрополіи простиралось на обѣ Скиѳіи; но когда Великая Скиѳія вела уже войну и съ Каганами, и съ союзникомъ ихъ, Юстиніяномъ, въ области Митрополіи оставалась только Босфоранія, заключавшая въ себѣ полуостровъ Керченскій и полуостровъ Таманскій, отрѣзанный отъ твердой земли укрѣпленіями по пересыпямъ озеръ и Кубани. Со времени Юстиніяна, въ Актахъ Соборовъ подпись Томитанскаго Митрополита Скиѳіи и прекращается. Въ Актахъ Константинопольскаго Собора, 536 года, вмѣсто оной являются:

Ἰωάννου τῆς μητροπόλεως Βοσπόρου.

Δομετιανοῦ τοῦ Ζηχχῶν ἔθνοις, или Ζηχχίας.

гибъ рѣки Аракса (т. е., Расъ), сходящійся съ изгибомъ Дона (Танаиса).» Такъ какъ Азіятцы и рѣку Волгу называли Араксомъ, т. е., Руской рѣкой, то и Птоломей смѣшиваетъ Расъ или Араксъ съ Волгой и полагаетъ, что это изгибъ одной и той же рѣки.

[185] Προκοπίου Καισάρεως περὶ τῶν Δεσπότου Ἰουστινιανοῦ κτισμάτων. Помѣщ. въ Крымскомъ сборникѣ. стр. 54.

Въ приговорѣ Синода Константинопольскаго противъ Аноимія:

Ιωάννης ἐπίσκοπος βοσπόρου.

Потомъ, въ числѣ подписавшихъ на Сирійскомъ языкѣ: Δομετιανὸς ἐπίσκοπος Ζηχχίας. [186]

Въ седьмомъ вѣкѣ подавленный на Кавказѣ Гебраизмъ, нашелъ себѣ поборника въ лицѣ Бьюрата Багратуни, который, завладѣвъ правленіемъ Арменіи, объявилъ себя данникомъ Халифовъ. Здѣсь начало появленія Аравовъ, или вѣрнѣе Моссааравовъ (Moçaarabes), извѣстныхъ подъ именемъ Аваръ. Въ перемежающейся борьбѣ съ Христіанами и, слѣдовательно, съ Имперіей, въ 740 году, Козарскій Каганъ овладѣлъ Босфораніей, [187] и въ это время Епископъ Босфораніи (т. е., бывшей Томитанской Митрополіи) взятъ въ плѣнъ. Его память, чтимая и Греко-Россійскою Церковію, объяснитъ намъ лучше всего названіе Γοτθία, приданное Босфораніи во время владычества Кагановъ въ Козаріи: «Бѣ (Епископъ Іоаннъ) при Константинѣ Царѣ и при Львѣ Исаврянинѣ, отъ Тавро-Скиѳскія страны, подъ властію Готѳскою, сынъ Льва и Фотиніи». [188] По случаю иконоборства, онъ «отъ своихъ людей былъ посланъ къ Ивирійскому Архіепископу, и отъ того постановленія пріятъ.» Онъ ѣздилъ въ Константинополь, и по защищеніи Правой Вѣры, предъ Царицею Ириною (послѣ 780 года), возвратился въ свою Епархію. Злодѣи хотѣли его предать во власть Козаровъ (т. е., Козарскаго Кагана), но онъ успѣлъ бѣжать въ Амастріяду. Узнавъ же о смерти Кагана, возвратился въ Готѳію». [189]

---

[186] По свѣдѣнію Константина Багр. (De Adm. Imp. c. 42), границей Зихіи съ областью Таматархской или Тьмутараканской, была р. Укрухъ (Οὐκρούχ). Нѣтъ сомнѣнія, что это рѣка Кубань, и Константинъ, вмѣсто названія рѣки, слышалъ слово Украй, т. е., граница. По морской картѣ de Fréduce d'Ancone, Maura Zichia лежитъ на южной сторонѣ Кубанскаго лимана (Mauro lago), за ней Alba Zichia, и потомъ Avogassia (Абхазія). Въ древности это была мѣстность Ахаіи. Нынѣ живутъ Джигети.

[187] Princeps Chazarorum, qui Gothiam invaserunt. Le Quien.

[188] Прологъ.

[189] Крымскій Сборникъ. Соч. П. Кеппена, стр. 66.

Такимъ образомъ, въ подписяхъ Актовъ, Скиѳская Томитанская Епархія носила названіе Гоѳской въ два періода преобладанія Гоѳскихъ или Іудейскихъ Кагановъ въ Босфораніи. Названіе Гоѳская Епархія значило не болѣе, какъ Епархія въ странѣ Гоѳовъ (in regione Gothorum), для Христіянствовавшихъ туземцевъ, а не для нашельцевъ Гоѳовъ, что не имѣло бы смысла.

Что Гебраизмъ имѣлъ здѣсь сильное вліяніе и на Сиваитовъ и на Христіянствующихъ, это неоспоримо, особенно въ то время, когда полчища Ислама, враждебнаго и Христіянству, и Сиваитамъ, и Гебрамъ, проникли сюда изъ за Кавказа. «Великій Каганъ Хазарскій и вельможи изъ его народа были постоянными покровителями Христіянъ противъ послѣдователей Магомета; но уже въ 740 году, подъ вліяніемъ ученаго Еврея Исаака Синдшари, приняли Іудейскую вѣру.» [190]

Въ этомъ свѣдѣніи ничего не относится собственно до народа. По Gihan-Numa, «владѣтель (princeps) Козарской области Іудей, а равно и всѣ приближенные къ нему вельможи; что же касается до подданныхъ, то они различныхъ вѣръ, [191] которыя не воспрещается тамъ исповѣдывать. Все управленіе въ рукахъ Іудеевъ. 9 судей [192] завѣдываютъ судопроизводствомъ. Торговлю ведутъ съ Руссами».

Если названіе Томитанской или Донской Епархіи прекратилось въ Актахъ, то оно сохранялось до половины IX вѣка въ Исторіи. Валафридъ Страбонъ, около 844 года, пишетъ: «Я слышалъ отъ вѣрныхъ братій, что у нѣкоторыхъ Скиѳскихъ племенъ, преимущественно у Томитанъ, и до сего времени отправляется богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ».

Здѣсь сохранялось постоянно и Православіе Никейскаго Собора, что видно изъ Окружнаго Посланія Патріярха Фотія во всѣ Епархіи, въ 858 году, о томъ, что въ Символъ Вѣры не слѣдуетъ вставлять

---

[190] Френъ, De Chosaris. Опис. Музея Кн. Кочубея. Б. Кёне. Т. I, стр. 218.

[191] «Plerique Muslemii et Christiani, pauci idolatrae.» Это извѣстіе относится къ IX стол., когда, во время Калифовъ Абассидовъ Магометанство проникло на Кавказъ и въ Задонье, и часть Булгаръ приняла Исламизмъ.

[192] По раздѣленію Козаріи на 9 округовъ.

«filioque.»[193] Въ этомъ Посланіи онъ восхваляетъ и ставитъ въ примѣръ неизмѣнное Православіе Руссовъ: τὸ Ρῶς.[194]

Не знаемъ, найдутся ли послѣ всего этого средства доказывать:

1. Что Томитанская Епархія была на набережныхъ Ѳракійской Мисіи, которая, сверхъ того, съ исхода VII вѣка была уже во власти Булгаръ, обратившихся въ Христіянство не ранѣе 860 года.[195]

2. Что Ульфилъ, бывшій Епископомъ Томитанскимъ около сороковыхъ годовъ IV столѣтія, изобрѣлъ письмена собственно для Гоѳовъ, и перевелъ Евангеліе на Гоѳскій языкъ, по тому только, что для Іорнанда и Прокопія Кесарійскаго, писавшихъ Исторію Гоѳовъ, названія Скиѳъ и Гоѳъ безразличны; а Исидоръ, также писавшій Chronicon Gothorum, говоритъ прямо и утвердительно, что Гоѳы происходятъ отъ Магога, что Скиѳы есть тѣ же Гоѳы, и что вытѣсненные изъ своихъ жилищъ внезапнымъ нашествіемъ племенъ Гуннскихъ (т. е., Славянскихъ), они перешли за Дунай и предались Римлянамъ. Впрочемъ и Іорнандъ, и Прокопій, и Исидоръ совершенно правы, если они говорятъ, что «Gothicae originis populi vetustiora saecula Scythas vocabant», въ смыслѣ тѣхъ общихъ преданій Востока, по которымъ и Египтяне, и Халдеи, и Евреи, и Арабы, и Персы, до принятія Магизма, Іудаизма и Исламизма, были Скиѳами, ибо слѣдовали первобытному вѣрованію, которое Арабы называютъ Mallet-el-Schith или Mallet-el-Sabiin.[196]

Но обратимся еще разъ къ Томитанской Митрополіи на берегахъ Донскаго пролива. Съ указаніемъ настоящей мѣстности, гдѣ

---

193 Западная Имперія отклонилась отъ Православнаго догмата Никейскаго Собора, и вмѣсто: «и въ Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго», внесла въ Символъ Вѣры «filioque,» т. е., «отъ Отца и Сына исходящаго.»

194 Фотій вступилъ на Патріяршій престолъ въ 857 году, 25 Дек. Окружное Посланіе къ Патріярхамъ и Епископамъ, въ которомъ обличались властолюбіе, заблужденія и новости въ Западной Церкви, было до созваннаго Фотіемъ по сему предмету собора въ 861 году. Начерт. Церк. Ист., отд. 2, стр. 27. См. также Истор.-крит. изысканія Ю. Венелина, въ статьѣ «Словенскія письмена.»

195 По Нестору Болгаре пришли изъ Скиѳіи Задонской: «Словенску же языку живущимъ на Дунаи, пріидоша отъ Скуѳъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болгари, и насельницы (а не насильницы) Словеномъ быша». Т. е., поселились между Словенами.

196 См. «Первобытное вѣрованіе и Буддизмъ».—Herbelot. Dict. orient.—Die Ssabier und der Ssabismus, v. D-r. D. Chwolsohn.

она была, становятся понятными тѣ преданія, которыя казались сомнительными. На примѣръ, въ Росписи Епископовъ, находившихся въ вѣдѣніи Цареградскаго Патріярха, при Императорѣ Львѣ Премудромъ (886—911), Митрополія Руссіи занимала 60 мѣсто. [197]

Гдѣ же была Митрополія Руссіи, управлявшая, по Актамъ Никейскаго Собора, Церквами въ обѣихъ Скиѳіяхъ — Σκιϑίαν ἑκατέραν? Этотъ вопросъ рѣшаетъ договоръ Игоря съ Греками. [198] Въ этомъ договорѣ, клятва Христіянствующей Руси: «Мы же, елико насъ крестилися есмо, кляхомся церковію Св. Иліи въ соборнѣй церкви, предлежащимъ честнымъ крестомъ и харатьею сею, юже есть написано на ней»,—и: «иже преступитъ се отъ страны нашея, или князь, или инъ кто, или крещенъ, или не крещенъ, да не имать помощи отъ Бога, да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій, и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ»;—а «Хрестьянскую Русь водиша ротѣ (къ клятвенному обѣту) въ церкви Святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ, конецъ постничи бесѣды въ Козарѣхъ.»

Слѣдовательно, въ Кіевѣ была церковь Св. Иліи, т. е., Епархія, называвшаяся, по соборному храму, на Козарскомъ концѣ города, то есть, части города, занимаемой Русью Задонской или, въ то время, Козарской, гдѣ и была Митрополія Томитанская.

Такимъ образомъ вставка неизвѣстнаго толкователя: «Се бо бѣ соборная церковь (?): [199] много бо бѣша Варязи христіане,» ста-

---

[197] «Извлеч. о Руссахъ, по Визан. Истор. И. Штриттера.

[198] При договорѣ Олега, Императоры Левъ и Александръ цѣловали крестъ, а Олегъ и мужи его совершали клятву по Русскому закону и клялись Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, богомъ живота, твари. По значенію Сиваизма Славяно-Руссовъ: Перунъ, Парьяннйя Индіи, божество грозы и благодати (дождя); Васула—Вишну, хранитель живота (дживати). Но въ договорѣ видно и общее поклоненіе единосущной Троицѣ: «Межи вами Хрестьяны и Русью бывшій миръ сотворихомъ Ивановымъ написаніемъ на двою харатью, Царя вашего своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и Святою единосущною Троицею единаго Истиннаго Бога нашего... Мы же кляхомся ко Царю вашему, иже отъ Бога суща, яко Божіе зданіе по закону, и по закону языка нашего...» Замѣтимъ, что и Христіянская Русь въ договорѣ Игоря клянется церковію Св. Иліи, какъ покровителя Кіевскихъ Руссовъ и громовержца.

[199] Т. е., Соборная церковь есть Соборная церковь, по тому что было много

новится неумѣстной, тѣмъ болѣе, что Варязи-Русь, т. е., Русь Франконская, если и была Христіянствующею, то зависѣла не отъ Цареградскаго Патріярха, а отъ Папы Римскаго.

Должно замѣтить, по словамъ договора, что въ числѣ дающихъ клятву, были и Христіянствующіе Русскіе Князья. [200]

Кромѣ Кіевскаго каѳедральнаго Собора Св. Иліи, безъ сомнѣнія, существовали и другія церкви, какъ по значенію Митрополіи, такъ и упомянутымъ Актамъ. Кромѣ того, существовали и автокефальные монастыри. Въ прошеніи, поданномъ императору Юстиніяну, въ 586 году, между подписями пресвитеровъ и игумновъ автокефальныхъ монастырей, находится подпись Павла, Пресвитера и Игумна монастыря Св. Самуила, въ Скиѳіи:

«Παῦλος ἐλέῳ Θεοῦ πρεσβύτερος καὶ ἡγούμενος μονῆς Σαμουήλ κατὰ τὸν Σκυθήν.»

Сказаніе въ Житіи Константина Философа (Св. Кирилла), что онъ обрѣлъ въ Козаріи Русскія письмена и переводы Св. Еван-

---

Варягъ Христіянъ. Но для Варяговъ, т. е., Франковъ, между которыми, по Нестору, была и Русь, и Гоѳы, и Урмане (Германы) и вообще сѣверозападные народы, подпавшіе, при Карлѣ Великомъ и въ послѣдствіи, подъ власть Франковъ, безъ сомнѣнія, была особенная пристань въ Кіевѣ, близъ Варяжскихъ пещеръ или гробищъ.

[200] По дополнительному Акту Никейскаго Собора объ Епископствахъ обѣихъ Скиѳій, Христіянская Вѣра начала распространяться на Руси при Константинѣ Великомъ, безъ всякаго сомнѣнія, именно по тому, что и самъ Константинъ былъ Славяниномъ. Никифоръ Грегоръ, упоминая о прежнемъ величествѣ Римской Имперіи, когда иноземные Государи поставляли за честь принимать санъ, даруемый Императорами, приводитъ въ примѣръ Русскаго Князя, котораго Константинъ Великій почтилъ саномъ Стольника (ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης). Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь дѣло касается до Стола (престола) Великокняжескаго, по обряду поставленія на царство. Дюфренъ считаетъ это сказаніе басней, по той причинѣ, что имя Руссовъ еще не было извѣстно въ это время (!) и объ этомъ событіи ни одинъ древній историкъ не упоминаетъ. Откуда же взялъ это извѣстіе Никифоръ, а въ дополненіе и Несторъ, который говоритъ, что «Кіевскій Князь (Кій), княжаше въ роду своемъ, ходилъ ко Царюграду, и велику честь пріялъ есть отъ Царя.» Самое названіе Цареграда даетъ понятіе о верховномъ значеніи его, по отношенію религіи къ Россіи.

гелія и Псалтыря, приводило всѣхъ въ недоумѣніе и для многихъ казалось не стоящимъ вниманія, не смотря на то, что у Славянъ, кромѣ начертаній буквъ, называемыхъ Кириллицей и составленныхъ по образцу Греческихъ, существуютъ древнія, неопредѣленнаго времени, письмена, для которыхъ образцемъ, по моему мнѣнію, служилъ способъ начертанія буквъ Индо-Томильскихъ. Это начертаніе, называемое Глаголицей, по находимымъ рукописямъ, заключающимъ Евангеліе и другія священныя книги, доходитъ уже до XI столѣтія. Ранѣе этого времени не обрѣтено еще и письменъ Кириллицы. Писатели Среднихъ временъ, упоминая объ этой Славянской азбукѣ, называютъ ее то Булгарской,[201] то Гоѳской.[202]

Если Варнефридъ Страбонъ, около 844 года, говоритъ: «Я слышалъ отъ вѣрныхъ братій, что у нѣкоторыхъ Скиѳскихъ племенъ, преимущественно у Томитанъ, и до сего времени отправляется богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ»; то, полагаю, не существуетъ опроверженія въ томъ, что богослуженіе на собственномъ языкѣ не можетъ отправляться безъ Евангелія, Псалтыря и богослужебныхъ церковныхъ книгъ, на томъ же самомъ собственномъ языкѣ.

И такъ, выводы изъ всего даннаго намъ Исторіей, слѣдующіе:

1. Г. Томи, собственно Τομαίως, Τανέως, или Τάναϊς πόλις, и Томитанская Митрополія, были на Азіятскомъ берегу Донскаго пролива (στόμα τῆς Μαιώτιδος λίμνις ἤτοι τοῦ Τάνεως), называемаго и по нынѣ Таманскимъ.

2. Таманская или Томитанская Митрополія была Митрополіей Великой и Малой Скиѳіи — Σχυθίαν ἑκατέραν—что замѣняло выраженіе всея Руси—totius Scythiae—totius gentis.

3. Ульфилъ, по всѣмъ сказаніямъ, былъ Епископъ Скиѳской Томитанской Епархіи, наслѣдовавъ оную послѣ Ѳеофила, при Константинѣ Великомъ. Прозывался же онъ Гоѳскимъ только по тому, что въ его время Босфоранія, по бывшему преобладанію въ ней Гоѳскихъ Кагановъ, поддерживаемыхъ Римомъ, носила названіе Гоѳіи. Это

---

[201] Булгары могли вынести ее изъ за Дона.

[202] По сказанію, что Ульфіилъ, Епископъ Гоѳіи (т. е. Скиѳіи), изобрѣлъ оную.

названіе при Константинѣ Великомъ исчезло, вмѣстѣ съ Каганами, и, возобновясь въ VII вѣкѣ, покореніемъ области Персами, окончательно рушено побѣдой Святослава надъ Іудействующими Козарскими Каганами, въ 965 году.

4. Упоминаніе Патріярха Фотія въ Окружномъ Посланіи (въ 858 году) о Руссахъ, неизмѣнно сохраняющихъ Православіе Никейскаго Собора, относится къ Русской Томитанской или Донской Епархіи, учрежденной Константиномъ Великимъ для Христіянствующихъ Руссовъ въ Великой и Малой Руси, носившей у Грековъ названіе Скиѳіи или Савіи.

5. Сказаніе, что у нѣкоторыхъ племенъ Скиѳскихъ, и особенно у Томитанъ, богослуженіе совершается на собственномъ ихъ языкѣ до сего времени (844 г.), доказываетъ давнее существованіе письменъ Русскихъ и переводовъ Евангелія и другихъ священныхъ книгъ, безъ которыхъ не могло совершаться богослуженіе на Русскомъ языкѣ.

6. Сказаніе въ Паннонскомъ житіи Кирилла, въ Псковскомъ хронографѣ и другихъ памятникахъ, что Константинъ въ Козаріи «обрѣте Евангеліе и Псалтырь Руськими письмены писано», есть истинное преданіе. Такъ какъ эти письмена не могли не оставить по себѣ слѣда, то находимыя, на ряду съ Кирилловскими письменами, древнія рукописи Евангелія и другихъ священныхъ книгъ, писанныя Глаголицей, суть древнѣйшія письмена Русскія, которыя, на томъ же основаніи, какъ и Епархія Гоѳская, ложно назывались и Гоѳскими.

Дальнѣйшіе выводы, не касающіяся до излагаемаго предмета, предоставляю добросовѣстной любознательности желающихъ вникнуть въ истинный смыслъ Исторіи.

Въ заключеніе я долженъ, однако же, упомянуть объ «Ἱεροχλέους Γραμματικοῦ Συνέκδημος», т. е., о Дорожникѣ или Спутникѣ Іероклея Грамматика, на который могутъ мнѣ указать, какъ на памятникъ древности, сообщающій, что Епархія Скиѳіи находилась именно въ Мисіи Ѳракійской. При поверхностномъ взглядѣ на этотъ памятникъ, въ самомъ дѣлѣ можно прійти въ недоумѣніе; но при строгомъ взглядѣ, можно только удивляться тѣмъ, которые вносятъ чучелу съ подписью Іероклей, въ число авторитетовъ древности.

Упоминаемый мнимый Спутникъ Іероклея, помѣщенный Бандуріемъ въ «Imperium Orientale,» найденъ въ бумагахъ Гольстенія, уроженца

Гамбургскаго, который былъ Каноникомъ при Кардиналѣ Барберини, и потомъ Библіотекаремъ Ватикана, около 1650 года. Этотъ Спутникъ признается произведеніемъ VI вѣка, но есть не что иное, какъ простой каталогъ, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, 64 провинцій и 935 городовъ, подвластныхъ Римской Имперіи въ эпоху, которая объяснится ниже. Въ этомъ Спутникѣ, между V провинціей — Мизіей, и VII-й—Иллиріей, помѣщена

VI. Provincia Scythiae.

Sub praeside urbes 15:

Tomis.
Dionisopolis.
Acrae.
Calatis.
Jstrus.
Constantiana.
Zedelpo.
Tropaeus.
Axiopolis.
Capidaura.
Cardus.
Trosmis.
Novio Odunus.
Agissus.
Almiris.

Вотъ образецъ Спутника по области, касающейся до насъ. Въ Дорожникѣ Антонина есть, по крайней мѣрѣ, послѣдовательность пути и разстоянія; въ предлагаемомъ же Бандуріемъ Спутникѣ города Скиѳійской провинціи перетасованы. Но Константинъ Багрянородный дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ своихъ Συνέκδημον Іероклея Грамматика, а не простой каталогъ городовъ. Константинъ выписываетъ изъ него древніе Ѳемы, т. е., Управы, Округи управленія, [203] учрежденные, какъ извѣстно, Діоклитіяномъ, и потомъ Константиномъ Великимъ, и существовавшіе до Константина Копронима, когда изъ Мисіи образо-

[203] Конст. Багр. самъ опредѣляетъ θέμα, отъ слова θέσις, уставъ, положеніе.

валось Болгарское царство и ни какихъ Θемъ Имперіи въ этой области уже не было.

Упоминая о первобытныхъ народахъ Θракіи, называемыхъ Долонгами, по имени Царя, нарожденнаго Нимфой Титанидой отъ Крона или Сатурна Долонга, Константинъ говоритъ «Свидѣтельствую это тѣмъ, что Іероклей Грамматикъ, написавшій Спутника, помѣщаетъ Долонговъ въ числѣ народовъ Θракіи.»[204]

Достаточно было бы и этихъ словъ Константина, чтобъ обличить Бандуріева самозванца, который подлинно похожъ на Іероклея только по заглавію, но не заключаетъ въ себѣ ни слова изъ внутренняго его содержанія, состоявшаго изъ краткихъ историческихъ свѣдѣній о Θемахъ Имперіи.

Константинъ продолжаетъ: «Вмѣстѣ съ этимъ, онъ (Іероклей) говоритъ: «Всѣхъ Епархій и городовъ подъ властію Римскихъ Константинопольскихъ Императоровъ состоитъ: Епархій 64, городовъ 935».—«Упомянемъ же, въ какомъ порядкѣ были Епархіи въ древности, и также и о названіяхъ ихъ».

Въ слѣдъ за этимъ, въ первой Θемѣ Θракіи, Константинъ, по Іероклею, исчисляетъ 14 городовъ Епархіи Θракіи Европійской, управлявшихся Совѣтами (χονσιλιαρίων).

Потомъ 7 городовъ Епархіи Θракіи Родопійской, 5 городовъ области Эмимонтской, подъ управленіемъ Воеводскимъ (безъ сомнѣнія, по тому, что въ числѣ горцевъ были еще непокорные), 5 городовъ собственно Θракіи, управляемыхъ Совѣтами.

За симъ слѣдуютъ XIV городовъ Епархіи Мисіи, подъ управленіемъ Воеводскимъ (какъ области пограничной). Города Мисіи: Tomis (?), Dionisiopolis, Acrae, Callatis, Ister, Constantiana, Zelpa, Tropaeos, Axiopolis, Capidava, Carpus, Trosmis, Noviodunum, Aegissos, Halmiris. Но, вмѣсто 14 городовъ, исчислено 15.

Отбросьте Tomis, и вы увидите, что исчисленіе идетъ послѣдовательно отъ граничнаго съ Емимонтской областью Діонисополя, вдоль морскаго берега къ Дунаю, и вдоль Дуная. Явно, что Tomis есть позд-

---

204 «Μαρτυρεῖ δὲ τὸν λόγον καὶ Ἱεροκλῆς ὁ Γραμματικὸς, ὁ γράψας τόν Συνέκδημον, τὸ τῶν Δολόγκων ἔθνος τοῦ Θράκη συναριθμῶν».

нѣйшая вставка, и это даже видно по ясно означенному числу городовъ: «Praefectura Mysiae, sub duce; urbes XIV.» [205]

«Вотъ Θема Θракіи по Спутнику Іероклея», говоритъ Константинъ въ заключеніе 1-й Θемы; но что же вмѣсто этого предлагаетъ Спутникъ Бандурія? У Константина, въ числѣ Θракійскихъ областей, нѣтъ ни какой Епархіи Скиθійской. Іероклей Бундурія восполняетъ этотъ, по его соображенію и цѣли, недостатокъ. Онъ вставляетъ въ свой каталогъ свою собственную Епархію Мисіи, съ семью слѣдующими городами, не существовавшими въ подлинномъ Спутникѣ, которымъ пользовался Константинъ: Marcianopolis, Odyssos, Dorostolos, Nicopolis, Novae, Appiaria и Evrettos; изъ всѣхъ же городовъ, которые, по Константину, составляютъ Епархію Мисіи, Спутникъ Бандурія образуетъ, необходимую для историковъ его времени, Епархію Скиθіи, и пополняетъ ее столь же необходимымъ Г. Томи.

Исчисляя Епархіяльные и соборные (екклисіяльные) города, по Спутнику Іероклея, сообразно древнему раздѣленію Θракіи, Константинъ не имѣлъ ни какой цѣли пропускать 7 городовъ Мисіи, если бъ они существовали въ то время, т. е., при Діоклитіянѣ, или не измѣнили своего названія при Константанѣ Великомъ. Кромѣ того, нельзя опредѣлительно рѣшить, не образовались ли сомнительные Istros и Tomea изъ Δρίστρος [206] и Comea. Въ подписяхъ Никейскаго Собора: «Provinciae Mysiae: Pistus Martianopolitanus, и, вмѣстѣ съ нимъ: Marcus Comeensis. У Квіена, въ Dioecesis Thracica Provincia Moesia Interioris;» подъ № IX: о Ecclesia Comeae, съ объясненіемъ, что «Comea Moesiae civitas est, quam Mauritio Imp. Avarorum Chaganus provinciam hanc ingressus casso conatu occupare proposuit», и что «in Pitheano P. P. Nicaenorum indice de Provincia Moesiae legitur Marius Comeae, qui in editione Consiliorum Labbaei Marius Comeensis dicitur».

Если екклесіяльный городъ Мисіи, дѣйствительно существовавшій въ началѣ IV вѣка и позднѣе, не могъ быть не внесенъ въ рос-

---

205 Въ Греч. текстѣ Ιέ вмѣсто Ιδ'.

206 Дристру, по созвучію, считаютъ Силистріей, но это ложно. Дристра была на ровныхъ мѣстахъ, какъ видно изъ описаній битвы Грековъ съ Святославомъ. Тутъ была близко и Константіяна. Дристра служила опорой Руссовъ и, безъ сомнѣнія, при устьяхъ Дуная, въ области Добрушской.

пись Мизійской Митрополіи, то, кажется, слѣдуетъ и въ росписи и въ географахъ читать не Tomea, а Somea. [207]

Но обратимся къ двойнику Іероклея.

Описавъ Θему Θракіи, Константинъ пишетъ: «За симъ слѣдуетъ Θема Македоніи, которую онъ (Іероклей) помѣщаетъ подъ Иллиріей и описаніемъ ея мѣстностей, и начинаетъ такъ: «Македонія получила названіе отъ Македона, сына Зевса, отъ Θіи (Θυίας), дочери Девкаліона, какъ говоритъ Гезіодъ и т. д.» Ничего этого нѣтъ въ мнимомъ Іероклеѣ Бандурія; но ясно то, что, составляя свой каталогъ областей и городовъ, выпискою оныхъ изъ Θемъ Восточной Имперіи Константина Багрянороднаго, онъ не понялъ словъ Императора, который исключаетъ, находившееся въ Спутникѣ, въ слѣдъ за описаніемъ Θракіи, описаніе Иллиріи, какъ области, принадлежащей Западной Имперіи, и приступаетъ къ описанію Македоніи.

Что же находимъ мы, вмѣсто этого, у Бундуріе а Іероклея?

VII. Provincia Illirica. 1. Macedonia.

Sub consulari urbes 32.

И подъ этимъ заглавіемъ Иллирійской провинціи, онъ исчисляетъ, вмѣсто 31 города Македоніи, 32, и присоединяетъ къ нимъ, въ соображеніи пропуска, острова Θазъ и Самоθракію, не смотря на то, что Константинъ, даже Стримонскую область не вноситъ въ Θему Македоніи, которой ущелья и горы населены были Скиθами. Эти Скиθы, по Сократителю Страбона были Σχύθοι Σχλάϐοι, по Страбону Синды Σαϐχῖοι, жившіе около Абдеры, на Лемносѣ и другихъ сосѣднихъ островахъ. [208] (см. стр. 32 этого соч.)

---

[207] Слѣдуетъ упомянуть о Мисійскомъ городѣ Неа, по Штриттеру Novae, гдѣ былъ разбитъ Греками Аварскій Ханъ въ 586 году. Анастасій называетъ этотъ городъ Меа, а Θеофилактъ Томеа. См. Изв. Виз. Ист. Штриттера, объ Аварахъ.

[208] Пелопонезскіе, Лакедемонскіе и Островскіе Славяне, до самаго принятія Дунайскими Славянами Христіянской религіи, вели постоянную войну съ Греками за свою независимость.

Константинъ Багрянородый заключаетъ Θемы Восточной Имперіи XII-й Θемой области Херсона. [209] «Херсонъ, говоритъ онъ, въ древности не причислялся къ Θемамъ Имперіи и не имѣлъ значенія Митрополіи, но управлялся, какъ и прочія области страны, Царями Босфора.»—«Флегонъ, въ XV Олимпіядѣ, свидѣтельствуетъ, что Котису, царствовавшему въ Босфораніи, Кесарь (Августъ) даровалъ діадиму и подчинилъ ему всѣ тамошніе города, въ томъ числѣ и Херсонъ.»

Этимъ, важнымъ для насъ, свѣдѣніемъ и ограничивается описаніе Θемы Херсонской. Можетъ быть, изъ продолженія описанія узнали бы мы и время основанія Скиѳской Босфоранской Митрополіи, въ Томи; но въ изданіи Бандурія окончаніе заключается словами: «desunt quaedam,» а въ подложномъ Спутникѣ Іероклея Скиѳская Епархія перенесена, какъ мы видѣли, въ Мисію.

---

209 Херсонъ Тавриды носилъ названіе Скиѳскаго—ἡ Σκυθική.

СОДЕРЖАНІЕ

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ ДОПОЛНЕНІЯМИ.

I.

МѢСТО ССЫЛКИ ОВИДІЯ НАЗОНА.

Стран.

Вопросъ о мѣстности Мало-Скиѳійскаго города Томи, куда былъ сосланъ Овидій, до сихъ поръ рѣшался безъ всякаго соображенія географическихъ и историческихъ свѣдѣній, данныхъ самимъ Овидіемъ.................... 1

Мѣстность, климатъ, историческія личности и событія, описываемыя Овидіемъ, не соотвѣтствуютъ Томи при устьяхъ Дуная (Ister, Danubis), котораго туземное названіе двоилось въ свѣдѣніяхъ древнихъ географовъ, какъ названіе Гипанисъ, приписываемое и р. Бугу (Buges) и р. Кубани, впадавшей, по Плинію, въ лиманъ Бугесъ.. .. 2

Мнимое Овидіево озеро въ вершинѣ Днѣстровскаго лимана, въ Бессарабіи.................................. 2

Мнимое Овидіево озеро между Бабадагомъ и Кюстенджи.. прим. 4

Надгробный камень Овидія; по однимъ свѣдѣніямъ найденъ въ степи, близъ Азова, на Дону, гдѣ была древняя Сербія; по другимъ, въ Сабаріи (Сербіи) на Дунаѣ..... 3—пр. 1

Города Истръ и Томи, построенные Милетами будто бы при устьяхъ Дуная, не извѣстны ни Скилаксу, ни Ге-

Стран.

родоту. Они являются первоначально и въ одно и то же время великолѣпными городами въ Плиніи, и ничтожными городками въ Страбонѣ........................... 4

Опредѣленіе стадій по Периплу Арріана въ $^{1}/_{7}$ версты, и положеніе Томи на мѣстности Кюстенджи, въ 114 верстахъ отъ устьевъ Дуная........................... 5

Въ Геог. Помпонія Мелы (1-го вѣка, по Р. Х.) «De situ Orbis),» Дунайскій приморскій г. Томи не существуетъ.. прим. 9

При Имп. Августѣ, въ бытность Овидія въ Томитанской области, вся Ѳракія была обезпечена отъ нашествій Заистрійскихъ народовъ; Римскія войска и укрѣпленія занимали уже весь лѣвый или сѣверный, Дакійскій, берегъ Дуная. Неумолкаемыя жалобы Овидія на ужасъ набѣговъ Скиѳовъ, Сарматовъ, Гоѳовъ, Бессовъ и Колхидянъ (!), неумѣстны во Ѳракійскомъ Томи, въ 800 стадіяхъ отъ Дуная. [1] 6

Сходственныя туземныя названія Дуная и Дона были причиной, что Греки и Римляне смѣшивали свѣдѣнія объ этѣхъ рѣкахъ, и событія перемѣщались съ восточнаго берега Чернаго моря на западный, и обратно............ 7—8

Малые Скиѳы—Малые Аорсы (Русь), или первобытные Сарматы, т. е., Сербы, [2] населяли Задонье.......... 9

Восточные Гоѳы [3]—Гебры Кавказской Халдеи (по Арм. Гехти-к, Котаи-к (Cutha), во время Кагана Митридата, овладѣли Тавридой и Босфораніей................ 9

---

[1] Разстояніе отъ Кюстенджи до Дуная по сіе время то же самое.

[2] Шафарикъ, въ Русск. перев. (Слав. Древ. т. 1, кн. 1, стр. 165), полагаетъ также происхожденіе названія Сарматіи отъ первонаселенцевъ Сербовъ, основываясь на этимологич. Словарѣ «Mater verborum,» составл. въ IX вѣкѣ Епископомъ Костницкимъ Соломономъ, и на поясненіяхъ Чеха Вацерада (1102 г.) и проч.

[3] Я полагаю болѣе правильнымъ писаніе Гоѳы (Gothi), сообразно слову Скиѳы (Scythi). На нѣкоторыхъ страницахъ ошибочно напечатано Готы.

Стран.

По собственнымъ словамъ Овидія, его везутъ въ ссылку въ Скиѳію, въ Томитанскую страну Сарматіи........ 10

Путь корабля «Минерва», на которомъ везутъ Овидія въ Понтъ или Черное море. Проѣздъ чрезъ Кіанеи «врата близнецовъ» Тиндаридовъ или Діоскуровъ (Кастора и Поллукса), при выходѣ изъ Босфора Византійскаго въ Черное море.. 11—13

Отъ Кіаней путь къ Босфору Киммерійскому двоякъ: по набережнымъ Ѳракіи, и прямо чрезъ море. Не зная, по которому пути повезутъ его, Овидій, упомянувъ о городахъ Ѳракійскаго берега, молитъ Минерву и Тиндаридовъ о благополучномъ достиженіи до мѣста своего изгнанія, до города Меотиды [4] (Томи), гдѣ были поселенія Алкотойскихъ Ахеянъ-Ѳеіотовъ.................................... —

Алкотоя, собственно Іолкитисъ, по городу Іолкосъ, [5] есть колонія Минійцевъ, выселившихся изъ Орхомена; въ иносказательномъ смыслѣ: «Алкотоя дочь Минія (Μινύας)». Изъ Іолкосъ отправился Язонъ съ Аргонавтами въ походъ. 13—15

Овидія привозятъ въ страну, лежащую подъ созвѣздіемъ медвѣдицы Эриманѳской (пустынной). Передъ нимъ Босфоръ Киммерійскій, Танаисъ, и Скиѳскія болота (Scythiae paludes)—Лат. названіе Меотическаго озера (Азовскаго моря)....................................... 16

Овидій описываетъ страшную зиму Меотиды; говоритъ, что шесть уже лѣтъ живетъ на берегу Киммерійскомъ. Его описанія климата и пустынной, безплодной страны, соотвѣтствуютъ описаніямъ Геродота и Страбона о набережныхъ Меотиды, и ни сколько не соотвѣтствуютъ природѣ Нижней Ѳракійской Мисіи.......................... 16—18

Свидѣтельства о томъ, что Греки и Римляне часто смѣшивали Дунай съ Дономъ.............................. 18—19

[4] Въ изд. Овидія Miletida—безсмысленная передѣлка изъ Maeotida.

[5] Въ Ѳеіотидѣ Ѳессаліи.

Стран.

Смѣшеніе Дуная и Дона по народамъ, жившимъ на набережныхъ этѣхъ рѣкъ; но во всякомъ случаѣ, Овидій не перемѣстилъ бы Колхиду съ Кавказа на берега Дуная, въ сосѣдство Томи, подобно нѣкоторымъ издателямъ Овидія, объясняющимъ его и утверждающимъ, что «le Danube seul séparait Tomes de la Colchide.» .... 19—20

Овидій сосланъ «на Восточные предѣлы Имперіи, въ страну послѣднихъ, съ трудомъ удерживаемыхъ, пріобрѣтеній Рима, на берегахъ Понта.» Касается ли это до угла Ѳракіи при устьяхъ Дуная, или до Восточнаго берега моря, гдѣ побѣды Помпея положили предѣломъ Имперіи Донъ? .... 20—21

Вистонія, по древнимъ географамъ и Овидію, и Вистонія по толкователямъ Овидія, утверждающимъ, что онъ употреблялъ это названіе маленькой племенной области, по восточную сторону р. Несты (нынѣ Мѣста), при Егейскомъ морѣ, [6] въ смыслѣ всей Ѳракіи. Но, во первыхъ, если въ XIII-й книгѣ Метаморфозъ, при разсказѣ о злодѣйствѣ Полиместра, Царя Вистоніи (Rex Bistoniae), онъ называетъ его и Rex Thracum, то это не значитъ, что Полиместръ былъ Царь Ѳракіи, а значитъ Царь Ѳракійскій, какъ, на примѣръ, въ древней Руси всѣ удѣльные Князья назывались Русскими. Во вторыхъ, въ Овидіи, при описаніи морскаго пути отъ Кіаней, упоминается Bistonias aquas — Море Вистонское; это или описка, вмѣсто Bithynias aquas, или названія Bithyni и Bistoni, столь же различны, какъ Bithon и Biston— имена ихъ общаго родоначальника Арея, т. е., Вишну, въ свойствѣ божества побѣдъ .... —

Римляне и Греки, пренебрегая вникать въ вѣрованіе и гражданскія условія Скиѳовъ, не могли различать вообще народа (Сиваитовъ, или правильнѣе Сайванъ, по вѣро-

---

[6] На 22-й стр. описка; напечатано: «Озеро Вистонское и народъ были на р. Стримонѣ». Слѣдуетъ: «были на восточной сторонѣ р. Несты.»

Стран.

ванію въ Сиву), отъ войсковаго сословія (Вишнуитовъ, по посвященію Вишну.) [7] .... —

«Синды Савіи, [8] говоритъ Страбонъ, нынѣ Сапеи, жили въ окрестностяхъ Абдеры»; слѣдовательно, въ области Вистонской. Синды Сапеи были и на Дону. «Вистонское озеро, во время разлива своего, потопило также города Троровъ —Киммеріанъ, жившихъ между Ѳракійцами» [9].... —

Такимъ образомъ, упоминаемые Овидіемъ, Вистонскіе кони Сарматовъ, однозначительны съ Киммерійскими, или Донскими 22

Миѳическія сказанія Овидія о Томи есть Колхидская легенда Ахеянъ, спутниковъ Язона, поселившихся на Азіятскихъ набережныхъ Донскаго пролива .... 23—26

Значеніе праваго и лѣваго берега Понта въ смыслѣ древнихъ географовъ .... 26—27

Владѣтель Томитанской области, Котисъ, котораго Овидій умоляетъ быть за него предстателемъ передъ Августомъ, есть Котисъ Босфораніи, которому Августъ даровалъ діадиму Царскую и поручилъ защиту всѣхъ Греческихъ городовъ въ Тавридѣ и на Азіятскомъ берегѣ..... 27—36

Флаккъ, упоминаемый Овидіемъ, не Помпоній Флаккъ. Городъ Трозьми примышленъ издателями............... 38—39

Прибалтійская Сарматія (Sermende, Serbende, Sarmatenland), т. е., Сербадія или Сербія, извѣстная подъ Лат. названіемъ Cimbria 40

---

[7] Тоже самое не понимается и понынѣ. Индологи прозвали Индѣйскую религію Браминизмомъ, и рѣшили, что въ Индіи три вѣрованія: Браминизмъ, Вишнуизмъ и Сиваизмъ.

[8] Въ сокр. Геогр. Страбона Σχλάβοι—Славяне.

[9] Strab. Lib. I, p. 59, 61. Τρῆρας, Τρωράς, Τρήρωνας: племенное искаженное названіе; вѣроятно, Туричи, Туряне—Сербы, которыхъ городъ былъ Тирида, славившаяся конями Вистона.

Стран.

Придонская Сарматія, т. е., Сербадія — Cerberia, Cimmeria 40

Столичный, торговый городъ Придонской Сарматіи, Cerberion—Κερβέριον—Κιμμερικὸν—Κιμβρικὸν, съ таможенной пристанью, назывался и Донскимъ городомъ, или торгомъ—Τάναϊς, Τάνεως πόλις........................ 40—41

Этимъ городомъ, одноименнымъ съ рѣкой, овладѣли Еллины, когда водворились на Воспорѣ, во время войнъ Скиѳовъ въ Азіи и изгнанія Киммеріянъ (двухъ Князей) съ набережныхъ пролива........................... 41

То же преданіе приписано и мнимому Истру, городу одноименному съ рѣкой........................... 41

Бывшій городъ Ахиллеонъ на островѣ Синдійскомъ (Таманскомъ), при устьѣ Дона (пролива), также отражается миражемъ при устьяхъ Дуная, на островѣ Левки........ 42—44

Искаженія, въ спискахъ древнихъ географовъ, мѣстныхъ названій лимана, залива, полуострова и города, прозывавшихся, по Дону, Донскими; въ послѣдствіи же, по Азіятскому названію Дона—Тома, Таманскими........... 44—50

Двоякому Азіятскому названію Дона—Тана и Тома, соотвѣтствуютъ и Еллинскія названія, но они выразились прилагательными: Τάνεως στόμα—Донской проливъ, Τάναϊς (πόλις) — Донской городъ, Τάναϊς (ποταμὸς)—Донская рѣка. Какъ изъ Тана образовалось Τανέως, такъ изъ Тома—Τομαία, Τομέως πολις.................................. 50

При устьѣ Дона — Донской, Таманскій торгъ; при устьѣ Волги — Ясскій торгъ. Въ Азіятской формѣ: Тама-Тарханъ, Ас-Тарханъ. [10] Персидское слово Тарханъ—

[10] Обширное производство суровья — Serica (Soierie) и торгъ онымъ были на Каспійскомъ морѣ. Отсюда возили шелкъ и шелковыя матеріи и въ Танаисъ. Производители и торговцы назывались по древн. геогр. Siraci, Σίρακες (Сураги), Яссы (Ἀσαῖοι) или Ясичи (Ἰαξαμαται, откуда и названіе аксамитъ); тутъ же Птоломей помѣщаетъ и Астуриканъ (Ἀστουρικανοί.)

Стран.

ترخان значитъ: обѣленный отъ подати, и торгашъ, торговый. Слова Тарханъ и Торганъ, по сіе время употребляются у насъ въ значеніи торгашъ, торговый [11]........ 51

Константинъ Багрянородный называетъ древній Томеосъ, соотвѣтственно Азіятскому названію, Таматархой. Мѣстность Таматархи тамъ же, гдѣ былъ Cerberion, столица Синдовъ и Томи.... 51

Названіе Таматарханъ или Таматарха приняло въ Русскихъ лѣтописяхъ названіе Тъмутараканъ, когда В. К. Святославъ возвратилъ Задонье изъ подъ ига Гоѳскихъ Кагановъ.. 51—52

Вымыслы Іорнанда въ своей Исторіи Гоѳовъ, и явное искаженіе сказаній. Умышленное перемѣщеніе Малой Скиѳіи изъ Задонья къ устьямъ Дуная, съ цѣлію пріурочить Босфоранскаго Епископа Ульфіила (рукоположеннаго Евсевіемъ, при Константинѣ Великомъ) къ событію 376—8 года, когда Мозаиты Гоѳы приняли Аріянскій толкъ Христіянства, тотъ же деизмъ .... 52—55

Сарматы Аспургитаны Страбона есть Гоѳская форма названія Астуриканъ, назв. по городу или торгу Астарханъ—Asatorg, Asapurg или burg, или Асгардъ..... 56 пр. 83

Древніе Греческіе и туземные города и населенцы Синдіи Черноморской или Томитанской области, при помощи переписчиковъ, измѣняются въ небывалые и вносятся въ Географію.. 57

По случайностямъ войны съ Персами, Скиѳію или Русь граничили то Араксъ, то Кубань, то Донъ. Нѣтъ

---

[11] См. Опытъ Обл. Велико-Рус. Слов. Въ Моск. Пенз. Сарат. Губерніяхъ; въ пѣсни:

«Со чужой ли стороны
Наѣхали Тарханы—
Подмосковные купцы.»

Стран.

сомнѣнія, что и Донской Торгъ, или Танаисъ перемѣщался, во время отступленія за Донъ, съ Воспора къ устью Дона 58

Смѣшивая свѣдѣнія о Дунаѣ, древніе географы приписали и островъ Певце устьямъ той и другой рѣки; на Дону, для различія, онъ является подъ названіемъ 'Αλωπεκία или Ταναΐς νῆσος. Но, согласуясь съ значеніемъ, которое даетъ острову Певце Эратосѳенъ: «esseque ita appellatam, quod multas πεύχας arbores ferat» и вмѣсто 'Αλωπεκία слѣдуетъ читать 'Υλοπευχία .... 58—59

Названіе Γραῖοι (Γραῖχοί), т. е., Греки, относится въ Овидіи къ Ахеянамъ Киммерійскимъ 61

II.

МИТРОПОЛІЯ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ НА ДОНУ, СЪ IV-го ДО IX ВѢКА.

Названія Великой и Малой Руси въ древности: Великіе и Малые Скиѳы, Вел. и Мал. Сарматы, Великіе и Малые Аорсы ('Αορσοι). Это послѣднее названіе Руси по формѣ Азіятской, [12] принимается ученымъ Западомъ за «race Turque.» У Славянъ искони правительственная область и войсковое сословіе назывались Русью; по чему въ древнихъ географахъ мы и находимъ Аорсовъ и надъ Риѳейскими горами (Вендскими) надъ Чехіей, и во Ѳракіи, и въ Великой Скиѳіи, подъ именемъ Роксанъ, а по Геродоту Γέῤῥοισι, и въ Малой Скиѳіи, кромѣ названія Aorsi—Ar-Reshi (Plin.), Ar-Richi (Pomp. Mela), A-Richi (Pt.), etc................. 62

---

[12] El-Ras или er-Ras, по Венг. Orosz, по Перс. и Тат. U-Rus. Задонская Русь (Сарматы Аорсы), по Страбону, происходила отъ Великой Руси, и выставляла 200,000 конницы. Великая же Русь несравненно болѣе.

Стран.

Гоѳы, [13] величавшіе себя Goþþiod (Goѳѳiod) — divina natio, [14] размножаясь пропагандой и возбуждая прозелитовъ къ войнѣ за обладаніе землей (Wigarſwe), во время побѣдоноснаго прозелита, Яромира (Jarmerio, Jormunrekr), въ IV вѣкѣ овладѣли почти всей Великой Скиѳіей (Skuafathiod hin mikla). Въ эту эпоху имя ихъ воспреобладало и стало употребляться Греческими историками безразлично съ именемъ Скиѳовъ и вмѣсто онаго. Пользуясь этимъ, Іорнандъ окончательно обращаетъ Скиѳовъ въ синонимъ Гоѳовъ и перемѣщаетъ Малую Скиѳію во Ѳракію, подъ названіемъ Малой Гоѳіи, съ извѣстіемъ, что у Малыхъ Гоѳовъ Епископомъ былъ Ульфіилъ, который изобрѣлъ письмена и перевелъ Св. Писаніе на ихъ языкъ .... 63—64

Христіянство, озарившее Задонскую и Днѣпровскую Русь въ началѣ IV вѣка, спасло Европу отъ Гебраизма, который, во вторую половину того же вѣка, оцѣпилъ уже своимъ вліяніемъ все пространство между Балтійскимъ моремъ, Рейномъ, Дунаемъ и Дономъ. Въ 376 году, подъ предводительствомъ Болемира или правильнѣе Велемира (Слав.-Сербское имя), Руссы возстали на Гоѳовъ; Эрманарикъ былъ убитъ и, преслѣдуемые, Гоѳы переправляются чрезъ Дунай, во Ѳракію .... 65—66

Ульфіилъ, неоднократно бывшій при посольствахъ отъ Царя Скиѳовъ, т. е., Руссовъ, къ Константину Великому, около тридцатыхъ годовъ IV стол., превращается у Гоѳскихъ историковъ въ Пресвитера (по Амм.), посла отъ Гоѳскаго Кагана, Фридигерна, къ Императору Валенту, въ 378 г. .... 66—77

Ульфіилъ рукоположенъ въ Епископы, къ Христіянствующимъ Скиѳамъ Босфораніи, Евсевіемъ, при Константинѣ Великомъ; слѣд., до 337-го года 67

[13] Переселившіеся при Траянѣ, во время гоненія Іудеевъ, изъ Даціи Придунайской къ Балтійскому морю.

[14] Torm. Torfaei Series Regum Daniae, p. 266.

**

Стран.

Ульфіилъ исповѣдывалъ Символъ Никейскій, какъ и предмѣстникъ его, Ѳеофилъ, Епископъ Босфораніи 67

Ульфіилъ былъ въ числѣ Азіятскихъ Епископовъ, на Селевкійскомъ Соборѣ, въ 359 г. 68

Обычай безразлично называть Скиѳовъ Гоѳами и, въ слѣдствіе этого, Скиѳскую Босфоранскую Епархію Гоѳской, былъ причиною, что и Созоменъ, упоминая, въ числѣ Азійскихъ Епископовъ, собранныхъ въ Селевкіи и потомъ въ Константинополѣ, Ульфіила Гоѳскаго (вмѣсто Скиѳскаго), [15] относитъ его въ то же время къ событію 378 года, и говоритъ, что онъ самъ обратился въ Аріанство и все племя (Гоѳовъ) отторгъ отъ Католической Церкви. И тутъ же присовокупляетъ объ Аѳанарикѣ, который въ гнѣвѣ, что Гоѳы принимаютъ Христіянство и уклоняются отъ вѣры отцовъ своихъ, подвергаетъ казни всѣхъ, кто не поклоняется идолу и не приноситъ ему жертвы [16]...... —

Здѣсь явно смѣшеніе мнимыхъ Гоѳовъ Христіянъ Босфораніи съ собственно Гоѳами, которымъ Валентъ далъ убѣжище во Ѳракіи.............................. —

Предложимъ еще примѣръ этого смѣшенія: —

Св. Іоаннъ Златоустъ, въ XIV письмѣ къ Діяконисѣ Олимпіядѣ, упоминаетъ о смерти Унилы (Ὀυνίλας), котораго онъ, около 400 года, рукоположилъ въ Епископы и послалъ къ Гоѳамъ, и о томъ что Гоѳскій Царь проситъ о назначеніи новаго Епископа. При этомъ пишетъ, что по случаю зимы, необходимо промедлить посылкою, ибо нельзя плыть ни въ Босфоръ, ни въ иную изъ тѣхъ странъ.. —

---

[15] Созоменъ пишетъ (кн. VI, гл. 37), что Ульфіилъ слѣдовалъ Символу Никейскаго собора, «и послѣ, въ царствованіе Констанція, присутствовалъ съ Евдоксіемъ и Акакіемъ на соборѣ Константинопольскомъ (359—360), но постоянно имѣлъ общеніе съ послѣдователями Отцовъ Никейскихъ.

[16] Сообразно вѣрованію Гебровъ.

Стран.

Свѣдѣніе это также касается до Босфоранія, Томитанской Митрополіи и собственно до туземныхъ Скиѳовъ; что и подтверждаетъ Ѳеодоритъ въ его Исторіи Церкви, говоря объ Іоаннѣ Златоустѣ, распространявшемъ Христіянство между Скиѳами и воздвигшемъ алтари у Скиѳовъ Амаксовіевъ. [17] .... —

Въ дополненіе, Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что Скиѳы, Сарматы и Индѣйцы (Синды Черноморскіе), имѣли уже въ его время (въ IV вѣкѣ) слово Божіе на собственномъ ихъ языкѣ. Блаж. Іеронимъ, современникъ его, въ посланіи къ духовной дщери, Летіи, говоритъ, что Гунны [18] изучаютъ Псалтырь, хладная Скиѳія проникается пламенемъ истинной вѣры; рать рыжихъ и бѣлокурыхъ Гетовъ (служ. въ Римск. войскѣ) носитъ съ собой походныя церкви.».... 68—69

Ѳеофилъ (первый Епископъ Босфоранiи), посвященный Евсевіемъ въ Діяконы, посланъ для проповѣдыванія Евангелія къ Индамъ внутреннимъ (Черноморскимъ), бывшимъ подъ вліяніемъ Іудеевъ .... 69—70

Подпись Ѳеофила, Епископа Босфоранскаго, на Никейскомъ Соборѣ. По рукописи библ. Колберта: Ѳеофилъ Босфоританскій. По изданію же Лаббея: Provinciae Gothiae, Theophilus Gothiae Metropolis. Но въ Актахъ Никейскаго Собора (кн. 2, гл. 27), въ исчисленіи странъ, гдѣ учреждены Епископіи Вселенской Церкви, Гоѳіи не существуетъ, а упоминается объ обѣихъ Скиѳіяхъ (Великой и Малой).

Евсевій также при исчисленіи странъ, откуда прибыли Епископы на Никейскій Соборъ, не знаетъ ни какого Гоѳскаго Епископа, а упоминаетъ о прибывшихъ изъ Азійскихъ независимыхъ и самоуправныхъ странъ: «Прибыли,

---

[17] «А по всей набережной Меотиды Языги и Роксоланы (Роксаны), а внутри страны Амаксовія. «Птол., L. III, сар. V.

[18] По основательному свѣдѣнію Прокопія Кесарійскаго, Гунны назывались прежде Киммеріянами. По этому общему названію, онъ относитъ къ нимъ и Булгаръ Приволжскихъ. Прискъ не различаетъ Гунновъ отъ Скиѳовъ.

Стран.

говоритъ онъ, Епископы и изъ Персіи (вообще изъ странъ Кавказскихъ, подвластныхъ частію Персіи), изъ Скиѳской земли, изъ Понта и Галатіи.»

Подпись Символа вѣры, по изданію Лаббея въ переводѣ Латинскомъ, принимается за несомнѣнный доводъ существованія Гоѳской Епархіи и Гоѳской столицы (т. е., Томи) въ Мисіи Ѳракійской. Но это единственный, сомнительный документъ, гдѣ Скиѳская Томитанская область Босфораніи замѣняется Латинскимъ прозвищемъ Gothia, а Томи, изъ предосторожности, названо Gothiae Metropolis. Во всѣхъ Актахъ послѣдующихъ Соборовъ, сохранившихся и на Греческомъ языкѣ, читается: Ἐπισκόπος τῆς Τομέων πόλεως Ἐπαρχίας Σκυθίας .... 71—72

Созоменъ говоритъ о Скиѳахъ, какъ о народѣ самостоятельномъ и своеобычномъ, имѣющемъ, кромѣ обширной и богатой столицы Томисъ, множество городовъ, селеній и крѣпостей 73

Созоменъ называетъ Ѳеотима, родомъ Скиѳа, Архіепископомъ Томитанскимъ и всѣхъ прочихъ Епархій Скиѳіи 74

О. Квіенъ, помѣстивъ Скиѳію въ уголъ Ѳракіи, при Дунаѣ (въ Добрушской области), по необходимости утверждаетъ, что въ Епархіи Скиѳской только и было, что Ecclesia Tomorum. Для доказательства онъ наводитъ сомнѣніе на упоминаемыхъ въ Актахъ Скиѳійскихъ Епископовъ, надъ которыми главенствовалъ Патернъ Томитанскій..... 74

О. Квіенъ утверждаетъ, что въ Скиѳіи было Архіепископство, а не Митрополія, и для доказательства выписываетъ подпись Скиѳійскаго Епископа Патерна, исключивъ изъ оной титулъ Metropolitanus .... 74—75

Томитанскій Митрополитъ Ѳеотимъ, по древнему Скиѳскому обычаю единоначалія, подписываетъ Соборные Акты одинъ за всѣхъ подвластныхъ ему Епископовъ, вопреки обычаю Имперіи, по которому каждая Митрополія представляла отдѣльное рукоприкладство Епископовъ, подчиненныхъ оной. 75

Стран.

Императоръ Валентъ, последователь Аріанской ереси, объѣзжая Азійскія церкви, и прибывъ въ Скиѳскую Томитанскую Епархію, тщетно требуетъ отъ Архіепископа Ветранія отреченія отъ Символа Никейскаго Собора и присообщенія къ ереси.

Опредѣлительныя свѣдѣнія Созомена о Скиѳахъ и Скиѳской Томитанской или Донской Епархіи, подтверждаемыя подписями Соборныхъ Актовъ, изобличаютъ ложныя свѣденія о мнимой Гоѳской Епархіи 76

Цари Скиѳовъ или Руссовъ: Донатъ, Харитонъ (имена Христіанскія), Рао, Атилло, Даво (Данчичь) . . . . 77—78

Персы, при помощи Вагтанга Иверскаго, побѣждаютъ Синдовъ Черноморскихъ, Абхазовъ и Георгіянъ. . . . . 78—79

Съ этого времени въ Задонской Руси, которая носитъ уже и названіе Козаріи, снова возникаетъ преобладаніе Кагановъ, а въ Исторіи смѣшеніе Скиѳовъ съ Гоѳами. 79

Томитанская Епархія продолжаетъ существовать на неизмѣнныхъ условіяхъ Православія, но, со времени Юстиніяна 1-го, въ Актахъ Соборовъ принимаетъ названіе Митрополіи Воспорской . . . . 80—81

Въ 740 году, Каганъ, управлявшій Козаріей, овладѣлъ и Босфораніей. Въ то время Епископомъ Тавро-Скиѳской страны,[19] подъ властію Гоѳскою, былъ Іоаннъ, чтимый и Греко-Россійскою Церковію 81

Вальфридъ Страбонъ, въ сочиненіи о началѣ и распространеніи Церкви, пишетъ (около 844 г.), что у нѣкоторыхъ Скиѳскихъ племенъ, и преимущественно у Томитанъ, Богослуженіе отправляется на ихъ собственномъ языкѣ 82

---

19 Ταῦρο-Σκῦθαι, οὓς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ῥῶς ἔιωθεν ὀνομάζειν. Тавро-Скиѳы, называютъ сами себя Россами. LeoDci.

Стран.

Патріархъ Фотій, въ Окружномъ посланіи, 858 г., во всѣ Епархіи, ставитъ въ примѣръ неизмѣнное Православіе Руссовъ.................................... 82—83

Христіанская Русь въ Договорѣ В. К. Игоря, и Каѳедральный Соборный храмъ Св. Иліи, въ Кіевѣ, въ Козарской части города................................ 84

Автокефальные монастыри въ Скиѳіи, въ VI вѣкѣ.. 85

Русскія письмена, обрѣтенныя Константиномъ (Св. Кирилломъ) въ Козаріи, и существовавшій уже переводъ Св. Евангелія, Псалтыри и Богослужебныхъ книгъ........... 85—86

Заключительные выводы .... 86—87

Подложный «Дорожникъ Іероклея Грамматика», изданный Бандуріемъ, составленъ съ цѣлію засвидѣтельствовать памятникомъ древности, что Епархія Скиѳіи и городъ Томи находились именно въ Мисіи Ѳракійской..... 87—92

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДЕНЬ БИТВЫ.

ГЛАВА I.

НАПОЛЕОНЪ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ.

Какъ предъ битвой, такъ точно и въ продолженіе ея, Наполеонъ является среди главнаго своего элемента уже не такимъ, какимъ онъ бывалъ во всѣхъ предшествовавшихъ битвахъ, далеко не представлявшихъ того значенія, которое заключалось въ Бородинской. Въ продолженіе всего сраженія онъ не походилъ на того великаго полководца, котораго привыкли въ немъ видѣть съ самаго начала его боевой дѣятельности. Нерѣшительность, внутреннее, безсознательное, или сознательное, волненіе и другіе, не замѣчавшіеся прежде, недостатки, проявлялись въ немъ во все продолженіе этого великаго дня. Онъ, можно сказать, только слышалъ адскій громъ слишкомъ тысячи орудій и, оставляя свое мѣсто, являлся на нѣкоторыхъ пунктахъ линій послѣ главныхъ моментовъ, которыхъ онъ не видалъ, и являлся какъ бы для того только, чтобы прекратить бой. Прослѣжу его съ самаго начала до окончанія битвы, какъ онъ описывается своими историками.

Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (t. III, p. 268), пишетъ: «Очевидцы свѣдѣтельствуютъ, что въ продолженіе всей достопамят«ной битвы 7-го Сент. Наполеонъ велъ себя болѣе какъ Государь, «нежели какъ Главнокомандующій, и ни мало не выказывалъ той «неутомимой дѣятельности, которая имѣла столь великое участіе «въ успѣхахъ предшествовавшихъ кампаній; онъ положился на при-

«казанія, отданныя имъ наканунѣ, по обозрѣніи непріятельской «линіи; что, въ продолженіе всего дѣла онъ оставался вблизи «своей гвардейской пѣхоты, не принимая даже труда дѣлать въ «первоначальной своей диспозиціи какія либо измѣненія, требовав«шіяся движеніемъ Русскихъ. Приписываютъ этотъ родъ безпечно«сти надеждѣ, что Кутузовъ отступитъ, или презрѣнію, которое онъ «такъ некстати возъимѣлъ къ военнымъ способностямъ Русскихъ «Генераловъ. Нѣкоторые оправдываютъ его (p. 269) въ это время «болѣзнію; но положительнымъ оказывается то, что, по свѣдѣ«тельству всѣхъ повѣствованій, подъ Бородинымъ въ атакахъ Фран«цузовъ не было точности и особенно взаимности, чему могъ дѣя«тельно споспѣшествовать только одинъ Главнокомандующій.»

Герцогъ Рагузскій, Маршалъ Мармонъ, между прочимъ (t. V, p. 3), говоритъ: «Всѣ историки кампаніи въ Россіи съ боль«шою подробностію описывали о несчастіяхъ кампаніи 1812 года, «чтобы мнѣ, не участвовавшему въ ней, заняться ихъ описаніемъ. «Сочиненіе Г. Сегюра заключаетъ въ себѣ полное ея изображеніе «и должно занимать первое мѣсто. [1] Я могъ судить, присовокуп«ляетъ Маршалъ, въ слѣдующую кампанію о физическомъ и мо«ральномъ расположеніи Наполеона. Онъ былъ въ 1813 году точ«но такимъ, какимъ Сегюръ изображаетъ его въ 1812. Слѣдова«тельно, положительно можно заключить, что отпоръ, встрѣчен«ный имъ въ Россіи, былъ эпохой этого превращенія.

Тьеръ (t. XIV, p. 319) пишетъ: «Наполеонъ избралъ мѣстомъ «для себя Шевардинскій редутъ, откуда могъ видѣть все, что «происходитъ, и нѣсколько укрыться отъ ядеръ, коихъ въ этотъ «день должно было ожидать въ значительномъ числѣ.»

---

[1] Графъ Дюма, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p. 420), указываетъ на немногія сочиненія, достойныя вниманія и, между прочимъ, говоритъ о книгѣ Графа Сегюра: «онъ не имѣетъ притязанія на исторію, и сочиненіе его хо«тя и носитъ характеръ анекдотическій, но представляетъ очень живую и «очень вѣрную картину по подробностямъ, наиболѣе занимательнымъ.» Графъ Дюма, бывшій Генералъ-Интендантомъ арміи, рьяный сторонникъ Наполеона, заслуживаетъ въ этомъ отношеніи одинаковаго, если не преимущественнаго, довѣрія противъ Маршала Мармона, по тому что находился всю войну 1812 года при Наполеонѣ, гдѣ былъ и Графъ Сегюръ.

Что Наполеонъ избралъ этотъ пунктъ для своего пребыванія, свѣдѣтельствуется всѣми писателями очевидцами, но поводъ къ тому приведенъ безъ всякаго основанія. Во первыхъ, съ этого мѣста онъ не могъ видѣть всего, что происходитъ, какъ окажется далѣе изъ повѣствованія очевидцевъ-дѣятелей, что и самъ Г. Тьеръ подтвердитъ, вопреки сказанному имъ здѣсь. Во вторыхъ, относительно того, будто бы, при избраніи этого пункта, въ расчетъ Наполеона входило и то, чтобы нѣсколько укрыться отъ ядеръ, то это одна только фраза, позволяю себѣ думать, фраза очень неумѣстная и ни однимъ историкомъ очевидцемъ не переданная: она принадлежитъ собственно Г. Тьеру, взявшемуся описывать то, о чемъ онъ не имѣетъ ни какого понятія. Само собою разумѣется, что Главнокомандующій не долженъ находиться въ пылу битвы; но ни одинъ изъ боевыхъ дѣятелей не могъ бы привести причины подобной, приводимой Г. Тьеромъ. Наполеонъ могъ остановиться здѣсь по тому, можетъ быть, что пунктъ этотъ былъ по срединѣ боевой линіи между Утицами и Горками, но уже ни какъ не по тѣмъ причинамъ, которыя приводитъ знаменитый историкъ.

Баронъ Денье, бывшій при Наполеонѣ (р. 75) пишетъ: «Наполеонъ находился часъ на редутѣ (Шевардинскомъ), и потомъ «спустился къ оврагу, гдѣ и оставался большую часть дня (до «двухъ часовъ по полудни). Съ этого мѣста, присовокупляетъ ав«торъ, открывалась только часть поля битвы; однако же нѣ«сколько гранатъ и ядеръ пролетали чрезъ его голову.» Графъ Сегюръ (t. I, р. 387) говоритъ то же самое.

Маркизъ Шамбре, также свѣдѣтель (t. II, р. 77) говоритъ: «Наполеонъ въ безстрастіи оставался, въ продолженіе почти всей «битвы, на мѣстѣ, съ котораго не могъ видѣть ее своими глазами «и судить о ней.» Въ другомъ своемъ сочиненіи (Philosophie de la guerre, р. 364) онъ говоритъ, что, во время Бородинской бит«вы, онъ стоялъ въ резервѣ очень близко къ полю сраженія; съ «этого мѣста была очень хорошо видна главная сцена сраженія и, «замѣчу еще, присовокупляетъ авторъ, что день былъ ясный. «Однако же не менѣе того, хотя я и имѣлъ очень хорошую зри«тельную трубу, и мое любопытство было возбуждено въ высшей «степени, но я не могъ ничего различить: это было нестройное

«brouhaha столько же для моего зрѣнія, сколько и для слуха. «Наполеонъ, который былъ близко, но далѣе отъ поля битвы не- «жели я, могъ видѣть лучше въ свою зрительную трубку, а это «очень слабое пособіе, по тому что объемъ пространства, предста- «вляемаго этѣмъ инструментомъ, очень ограниченъ.»

Генералъ Пеле (p. 131) говоритъ, что «Наполеонъ находился «около Шевардина, на бугоркѣ, съ котораго было все видно, и «что лучшаго мѣста нельзя было избрать.»

Странныя разнорѣчія въ показаньяхъ очевидцевъ: одни го- ворятъ, что онъ могъ видѣть все, другіе, и въ большемъ числѣ, что онъ не могъ видѣть всего хода битвы, и что даже онъ спу- стился къ оврагу.

Г.-Л. Фезензакъ, бывшій тамъ при Наполеонѣ (p. 45), пишетъ: «Наполеонъ не принималъ ни какого личнаго участія въ «сраженіи. Онъ постоянно оставался за четверть льё (одну версту) «отъ поля битвы, получая донесенія отъ всѣхъ Генераловъ и от- «давая приказанія такъ хорошо, какъ только можно отдавать «издалека.»

Лосбергъ (S. 165) также свѣдѣтельствуетъ, что «Наполеонъ «оставался большую часть дня въ Шевардинѣ, откуда не могъ ви- «дѣть главныхъ моментовъ битвы.»

Въ «Milit. Briefe» (t. 1, S. 411) подтверждается, что «Напо- «леонъ изъ Шевардина, гдѣ онъ оставался цѣлый день, не могъ «видѣть хода битвы.» Здѣсь авторъ прибавляетъ свои разсужденія о вліяніи на битвѣ его отсутствія.

Гофманъ, въ «Tagebuch» (S. 124) пишетъ, что «Наполеонъ «только изъ Шевардина, да и то съ возвышенія, могъ видѣть од- «ни Багратіоновы шанцы.» А въ другомъ своемъ сочиненіи (Schl. «von Borodino, 353) подтверждаетъ, что «изъ Шевардина онъ не «могъ слѣдить за битвой.»

Графъ Солтыкъ, находившійся въ Шевардинѣ при Напо- леонѣ, говоритъ (p. 218): «Вдругъ началась битва. Пальба сдѣла- «лась чрезвычайно живою съ обѣихъ сторонъ; никогда не слыха-

«ли подобной. Въ продолженіе десяти часовъ она походила болѣе «на залпы цѣлыми бортами кораблей, чѣмъ на битву сухопутную.»

«При громѣ этой ужасной канонады (продолжаетъ авторъ), «Наполеонъ оставался безстрастнымъ, не смотря на то, что, по «временамъ, Русскія гранаты разрывались въ недалекомъ отъ него «разстояніи. Нѣсколько ядеръ упали даже предъ нимъ; онъ то «садился на землю, то ходилъ, напѣвая въ полголоса какую-то «пѣсню; рука его машинально вынимала изъ жилетнаго кармана «пастильки, приготовленныя для облегченья его насморка. Лицо «его выражало во одно время задумчивость и безстрастіе; онъ об«ращался къ окружающимъ изъ своей свиты съ отрывистыми сло«вами» и т. д.

Маркизъ Шамбре, описывая битву и участіе въ ней Наполеона, между прочимъ (t. II, p. 66), присовокупляетъ: «Завоева«тель этотъ оставался съ самаго начала битвы на одномъ мѣстѣ; «онъ прохаживался взадъ и впередъ съ Бертье, позади его была «пѣхота старой гвардіи, а влѣво, нѣсколько впереди, другія ея «части. Нерѣшительный, противъ своего обыкновенія, онъ не «отдавалъ еще приказаній, когда одинъ изъ его ординарцевъ, по«сыланный къ Нею, возвратясь, извѣстилъ его, что Багратіонъ «вновь предпринялъ наступленіе, и что безотлагательно должно «поддержать его... Это новое донесеніе увеличило нерѣшительность «Наполеона; онъ совѣтуется съ Бертье, но приказанія не отдаетъ. «Ординарецъ повторяетъ нѣсколько разъ, что нельзя терять ни «минуты, что Ней долженъ быть подавленъ. Наконецъ Наполеонъ «посылаетъ его къ Клапареду, съ приказаніемъ итти на помощь «къ Нею. Ординарецъ пустился было какъ стрѣла, но Наполеонъ «возвращаетъ его, вновь совѣтуется съ Бертье, и оканчиваетъ по«сылкой Фріана на помощь къ Нею. Отъ такой нерѣшительности «потеряно было полчаса, что должно было имѣть большое влія«ніе на ходъ битвы и въ послѣдствіи на судьбу Наполеона.»

Графъ Сегюръ, очевидецъ, находясь при Наполеонѣ, разсказываетъ этотъ эпизодъ слѣдующимъ образомъ (t. I, p. 385):

«Когда силы Мюрата и Нея истощились, они послали къ «Наполеону за подкрѣпленіемъ. Тогда увидѣли Наполеона, пора«женнаго колебаніемъ, до того времени не извѣстнымъ; онъ долго

«совѣтывался; наконецъ, послѣ повторенія приказаній молодой «гвардіи и отмѣны ихъ, порѣшилъ, что появленіе войскъ Фріана «и Мобура [2] на высотахъ будетъ достаточнымъ. Кутузовъ поль«зуется этимъ, подвигаетъ свои резервы и часть гвардіи. Ней и «Мюратъ ожесточаются противъ этой бури, дѣло идетъ уже не о «томъ, чтобы воспользоваться побѣдой, но какъ бы сохранить ее.» [3]

«Къ счастью (p. 387), въ это время подошла изъ резерва ар«тиллерія, чтобы статъ на высотахъ, которыми овладѣли. Лори«стонъ получилъ на это согласіе Наполеона, который, впрочемъ, «не столько приказалъ, сколько позволилъ. Но это распоряженіе «показалось ему такъ важнымъ, что онъ поспѣшилъ дать знать о «скорѣйшемъ исполненіи однимъ только движеніемъ руки отъ не«терпѣнія, которое онъ выказывалъ во весь этотъ день. Наполе«онъ на всѣ требованія гвардіи отвѣчалъ, что битва еще не на«чалась, что она начнется въ два часа, но (восклицаетъ авторъ) «она не начиналась! Въ продолженіе почти всего этого дня, На«полеона видѣли или садившимся, или медленно ходившимъ впе«реди Шевардинскаго редута, нѣсколько влѣво около оврага, «далеко отъ битвы, которую онъ едва могъ видѣть, послѣ того «какъ она перешла за возвышеніе. Не показывая безпокойства, «когда вновь увидѣлъ битву, безъ досады на своихъ и на непрія«теля, и только разными движеніями, изъявлялъ печальную покор«ность судьбѣ, когда ежеминутно извѣщали о потерѣ лучшихъ его «Генераловъ. Онъ нѣсколько разъ вставалъ, чтобы сдѣлать нѣ«сколько шаговъ, и опять садился, всякій изъ окружавшихъ его «смотрѣлъ на него съ удивленіемъ; до этого времени, при такихъ «великихъ столкновеніяхъ, видѣли въ немъ спокойную дѣятель«ность; но здѣсь спокойствіе это было тяжелое, кротость вялая, «бездѣятельная. Нѣкоторые думали видѣть въ немъ признаки ис-

---

[2] Латуръ-Мобуръ начальствовалъ 4 резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ числѣ около 4500 человѣкъ, при 25 пушкахъ. Фріанъ, начальникъ 2-й пѣх. дивизіи 1-го корпуса Маршала Даву, имѣлъ только около 7000 чел. при 26 орудіяхъ

[3] «Побѣда» — слово неумѣстное и совершенно неправильное, оно должно замѣняться словомъ — «успѣхъ,» каковымъ это и было.

«тощенія, обыкновеннаго послѣдствія сильныхъ ощущеній, другіе «воображали, что онъ изнурялся впечатлѣніемъ самыхъ тревогъ «битвъ, и наконецъ, отчасти, приписывали это и его насморку.» [4]

Въ другомъ мѣстѣ Г. Сегюръ, разсказывая о пріѣздѣ Генера Белльяра отъ Мюрата и Нея, просить у Наполеона гвардіи (р. 390), присовокупляетъ: «однако же Наполеонъ колеблется, со«мнѣвается и приказываетъ Белльяру возвратиться, еще посмотрѣть «и опять вернуться къ нему и доложить. Белльяръ скоро возвра«щается и говоритъ, что Русскіе вновь приготовляются къ напа«денію, что нельзя терять ни минуты и пр... Маршалъ Бессьеръ, «посыланный Наполеономъ посмотрѣть положеніе боя, возвращает«ся и доноситъ, что Русскіе далеко не въ безпорядкѣ, что «они отступили на вторую позицію, съ которой, кажется, при«готовляются къ новой атакѣ. Тогда Наполеонъ сказалъ Белльяру, что ничего еще не было достаточно разъяснено для того, «чтобы употребить гвардію, что онъ хочетъ видѣть яснѣе на своей «шахматной доскѣ.» [5] Тоже говоритъ и Раппъ въ своихъ Запискахъ (р. 168). Сентъ-Илеръ (t. III, р. 68 — 69) присовокупляетъ, что въ этомъ случаѣ Наполеонъ возразилъ: «Я не хочу раз«строить гвардіи, мы и безъ нея выиграемъ сраженіе.» Тьеръ (р. 329) замѣчаетъ, что «изъ Шевардина онъ не могъ видѣть то, «что Ней и Мюратъ очень ясно различали оттуда, гдѣ находились.» Выше, однако, Тьеръ говорилъ противное, а именно, что изъ Шевардина онъ могъ видѣть все!

---

[4] Однако же, какъ видно будетъ, ни прежде, ни въ послѣдствіи, не страдая насморкомъ, онъ обнаруживалъ то же самое.

[5] Сегюръ говоритъ, что это выраженіе было нѣсколько разъ употреблено Наполеономъ. Тьеръ (р. 329) пишетъ, что отказъ чрезъ Белльяра дать гвардію «вызвалъ болѣе одного движенья нетерпѣливости, болѣе одного «очень живаго выраженья со стороны двухъ героевъ (Нея и Мюрата) это«го кровопролитнаго и достопамятнаго дня.» Мишо говоритъ (р. 134): «многіе выходили изъ терпѣнія, въ томъ числѣ Ней, который оскорбилъ Напо«леона самымъ обиднымъ образомъ»... Въ этомъ-то случаѣ, Ней между прочимъ, воскликнулъ: «Пусть же онъ ѣдетъ въ Парижъ!».. Сегюръ (р. 405) говоритъ, что «Мюратъ, Вице-Король, Ней и др., изъявляли негодованіе на Наполеона, что онъ не похожъ на себя» и пр.

Графъ Дюма, находившійся при Наполеонѣ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p. 438) говоритъ:... «Было около трехъ часовъ по полудни: Императоръ оставался неподвижнымъ, сидѣлъ «на краю оврага, или прохаживался по нѣскольку шаговъ, то «вправо, то влѣво.» Далѣе (p. 439): «мѣсто, избранное Наполеономъ, было лучшимъ для наблюденій (у оврага!); все поле битвы открывалось, и если бы какія либо движенія Русскихъ, какой «либо мѣстный успѣхъ съ ихъ стороны, потребовали новыхъ распоряженій, бдительность Наполеона не оставила бы этого безъ «вниманія, и онъ перенесся бы туда самъ лично, какъ это сдѣлалъ «онъ въ Ваграмѣ.»

По общему, однако же, засвѣдѣтельствованію, Наполеонъ былъ извѣщаемъ объ успѣхахъ Русскихъ, отнимавшихъ нѣсколько разъ Семеновскія укрѣпленія, что угрожало Французамъ, не разъ требовавшимъ подкрѣпленія; но въ этѣ минуты онъ выказывалъ нерѣшительность и не думалъ ѣхать къ угрожаемому пункту. Онъ даже не тронулся съ мѣста, когда движеніе Платова и Уварова произвело безпорядокъ на лѣвомъ крылѣ его арміи, и угрожало тылу, гдѣ скоплены были парки, обозы и т. п.

Капфигъ (t. IX, p. 271) говоритъ, что съ кровопролитнаго боя, при Семеновскомъ, Ней посылалъ Адъютанта за Адъютантомъ къ Наполеону требовать, во что бы ни стало, подкрѣпленія: «Наполеонъ прохаживался съ Бертье близъ Шевардинскаго редута «и разговаривалъ съ большимъ равнодушіемъ и явнымъ безстрастіемъ. «Что тамъ такое?» сказалъ Императоръ (p. 272), какъ бы «досадуя на докуку (все это подтверждаетъ и Сентъ-Илеръ, t. «II, p. 17).—«Государь! Багратіонъ перешелъ опять въ наступательное движеніе; Маршалъ Ней не въ состояніи болѣе удерживаться. «Жюно былъ посланъ въ подкрѣпленіе къ Понятовскому; настало «время подкрѣпить Маршала, если Вы не хотите, чтобы онъ былъ «раздавленъ и отброшенъ до сихъ мѣстъ.» Наполеонъ продолжалъ «прохаживаться, не произнося ни слова, какъ бы погруженный въ «свои мысли; потомъ, обратясь къ Бертье, сказалъ: «Кого туда послать?» Бертье отвѣчалъ:—«Государь! Генерала Клапареда, на примѣръ, съ его дивизіею молодой гвардіи, которою можно располагать.» — «Да, сказалъ Наполеонъ, вы правы: прикажите Клапареду «ити.» Но потомъ, воротивъ Адъютанта, сказалъ: «Нѣтъ! нѣтъ!

«не Клапареда: онъ мнѣ нуженъ; прикажите Фріану подкрѣпить «Нея.» Это совѣщаніе продолжалось полчаса, а въ подобномъ положеніи этого было много» и т. д. [6]

«Когда Адъютантъ прискакалъ къ Наполеону, съ извѣстіемъ «о взятіи центральнаго редута, какъ о побѣдѣ, очень дорого ку«пленной (р. 275): два дивизіонные Генерала и половина кира«сиръ пали, то Императоръ слушалъ о чудесахъ, совершенныхъ его «конницею и, продолжая прохаживаться, не отдавалъ ни какого при«казанія о дальнѣйшемъ направленіи битвы и былъ какъ бы по«груженъ въ свои думы.» Авторъ присовокупляетъ: «не такъ было «подъ Аустерлицемъ и Іеною.»

Мишо (р. 133) говоритъ: «Наполеонъ показался въ битвѣ «только на самое короткое время; онъ оставался почти цѣлый «день въ отдаленіи.»

Бисмаркъ (р. 148—151) пишетъ, что, «въ продолженіе всей битвы, Наполеонъ оставался пѣшимъ на возвышенномъ мѣстѣ [7] «Шевардинскаго редута, откуда онъ пытался выйти, чтобы ѣхать «въ другое мѣсто: но его страданія и большая слабость не позво«лили ему это исполнить. Онъ казался изнуреннымъ, лице его «было разстроено, взглядъ потускъ, а голосъ осипъ.» Здѣсь авторъ усиливаетъ его страданія, вопреки самимъ Французамъ, свѣдѣтельствующимъ оное. Въ другомъ мѣстѣ (р. 150) этотъ же самый Генералъ Бисмаркъ говоритъ: «Можетъ быть, что въ продолженіе

---

[6] Положеніе Наполеона требовало сберегать гвардію, какъ замѣчаетъ Капфигъ (р. 255). Онъ (256) говоритъ, что если бы онъ былъ на краю свѣта съ своею гвардіей, то возвратился бы.» Мнѣнія по сему предмету раздѣлены: одни находили благоразумнымъ, что онъ не ввелъ вардію, другіе предвидѣли отъ этого успѣхъ, но едва ли бы это было такъ: разъяренныя наши войска встрѣтили бы ее съ удвоенной рѣшимостью, а притомъ и мы не совсѣмъ были безъ резервовъ, которые едва ли не равнялись 18 тысячамъ. Сверхъ того, если бы Кутузовъ употребилъ въ это время Уварова и Платова на усиленное повтореніе ихъ атакъ въ тылъ лѣваго непріятельскаго фланга, или даже этѣ пять тысячъ отборной конницы и противъ гвардіи Наполеона, то, конечно, полный успѣхъ былъ бы на нашей сторонѣ. Здѣсь не мѣсто разсматривать это.

[7] Смотри выше Барона Денье, Маркиза Шамбре и др.

«этой битвы онъ думалъ о Куннерсдорфѣ, гдѣ Фридрихъ Великій, «котораго побѣда не удовлетворяла, хотѣлъ однимъ разомъ истре«бить непріятеля.» Эта фраза ни сколько не согласуется съ сказаннымъ выше Г. Бисмаркомъ и съ тою нерѣшительностію, о которой говорятъ всѣ другіе повѣствователи.

Маркизъ Шамбре сказалъ, что Наполеонъ, находясь почти цѣлый день на такомъ мѣстѣ, съ котораго онъ не могъ судить о ходѣ битвы (t. II, p. 77), присовокупляетъ: «онъ показалъ въ са«мые важные моменты большую нерѣшительность, словомъ, былъ «ниже своей репутаціи. Правда, онъ страдалъ сильнымъ насмор«комъ, который могъ лишать его части обычной дѣятельности.» И, исчисливъ его ошибки, между прочимъ, замѣчаетъ, что «око«ло десяти часовъ утра приказалъ подать себѣ пуншу.» Значитъ, что это послѣдовало вторично; ибо выше видно уже было, что въ три часа утра онъ пьетъ пуншъ съ Раппомъ.

На счетъ приписываемаго Наполеону страданія отъ насморка, Бошанъ, между прочимъ (p. 31), говоритъ: «Вообще опровергаютъ «Графа Сегюра въ томъ, что Наполеонъ при Бородинѣ былъ бо«лѣнъ, страдалъ, или морально разслабленъ. Я знаю отъ личнаго «свѣдѣтеля, человѣка, бывшаго въ его свитѣ, что Наполеонъ, въ «самую ночь, предъ тѣмъ, какъ отдавать приказанія, пилъ пуншъ. «Странное лѣкарство (восклицаетъ авторъ), довольно употребляе«мое между здоровыми! Другіе удостовѣряютъ, что, послѣ сдѣлан«ныхъ имъ распоряженій, онъ завтракалъ съ очень хорошимъ аппе«титомъ: должно согласиться, что эти два изложенія ни какъ не «исключаютъ одно другаго, развѣ только, что больной нашъ при«нялъ благоразумную предосторожность противъ ослабленія, или «обмороковъ» и пр.

Боссе, Префектъ дворца, находившійся здѣсь при Наполеонѣ, говоритъ (t. II, p. 96): «Въ полдень я спросилъ Императора, «не желаетъ ли онъ завтракать?.. Битва не была еще выигран«ной. — Онъ сдѣлалъ знакъ отрицательный. Я имѣлъ неосторож«ность сказать, что нѣтъ въ мірѣ ни какихъ причинъ, которыя бы «препятствовали завтракать, когда можно это сдѣлать. Тогда онъ «меня отослалъ довольно грубымъ образомъ. Нѣсколько позже «онъ съѣлъ кусокъ хлѣба и выпилъ стаканъ шамбертена безъ

«воды.» Боссе также говоритъ, что Наполеонъ, въ десять часовъ утра, выпилъ стаканъ пуншу.

Въ примѣчаніи на 75 страницу, гдѣ говорится о Наполеонѣ во время Бородинской битвы, Шамбре описываетъ, какимъ онъ, по наблюденіямъ, являлся въ прежнія времена (p. 248, note B): «Первые пушечные выстрѣлы производили въ немъ удовольствіе, «которое явственно выражалось на его лицѣ. Прибывъ на мѣсто, «гдѣ онъ находилъ удобнѣе остановиться, оставался онъ неподвиж-«нымъ, получая донесенія, разсылая приказанія, разсматривая «съ большимъ вниманіемъ, то простыми глазами, то въ зрительную «трубку, все, что могло его занимать. Успѣхи, несчастія, смерть «его Генераловъ, ничто не могло поколебать его безстрастіе; онъ «казался погруженнымъ въ думы объ обязанности Главнокоман-«дующаго. Если онъ находилъ присутствіе свое необходимымъ «на другихъ пунктахъ, онъ переносился быстро и останавливался, «какъ и прежде.»

Тьеръ, описывая битву, между прочимъ (p. 346) говоритъ: «Упорство Русскихъ, хотя въ этомъ и не было ни какой неожи-«данности, имѣло характеръ зловѣщій и ужасный, внушавшій На-«полеону важныя размышленія...., а по тому, въ этомъ положеніи «нерѣшительности, онъ казался необъяснимымъ для тѣхъ, кото-«рые его окружали, до той степени, что они старались объяс-«нить это его нездоровьемъ.» Жомини (t. II, p. 229) замѣчаетъ, что онъ не былъ такъ нездоровъ, чтобы не понимать.

Въ «Воспоминаніяхъ» Графа Дюма (t. III, p. 439) находимъ слѣдующее оправданіе Наполеону: «Многіе говорили и писали, «что Наполеонъ въ этотъ день не выказалъ своей обычной дѣя-«тельности, удивлялись его безчувствію; хотѣли дать понять, что «онъ находился какъ бы въ физическомъ упадкѣ, что онъ не про-«являлъ всего своего генія; наконецъ, что звѣзда его начинала «блѣднѣть среди самой побѣды. Конечно, Наполеонъ казался стра-«давшимъ; онъ очень усталъ въ двѣ предшествовавшія ночи, ко-«торыя употребилъ на личное обозрѣніе непріятеля, указывая «своимъ корпусамъ мѣста и пункты атаки. Опредѣливъ положи-«тельно свой планъ, онъ не хотѣлъ ничего измѣнять въ своихъ «распоряженіяхъ, глубоко обдуманныхъ.»

Наконецъ Наполеонъ рѣшается въ два часа по полудни, послѣ главныхъ эпизодовъ битвы, показаться арміи, и вотъ что объ этомъ разсказываютъ:

Маркизъ Шамбре, описывая ходъ битвы и окончательное овладѣніе Семеновскимъ (t. II, p. 75), говоритъ: «Тогда только «сѣвъ на лошадь, Наполеонъ направился къ редантамъ (Семенов«скимъ) и осмотрѣлъ часть поля битвы; но присутствіе это, кото«рое было бы такъ полезно, когда оспаривали эти реданты, те«перь становилось не нужнымъ». [8]

Лавалле (t. IV, p. 543) говоритъ: «Въ этой битвѣ, ужас«ной по массамъ, приведеннымъ въ движеніе, Наполеонъ выка«залъ осторожность, которая казалась странною, но онъ не хо«тѣлъ подвергнуться несчастью.»

Генералъ Пеле, о выѣздѣ Наполеона отъ Шевардинскаго редута (p. 138), говоритъ слѣдующее: «По взятіи этой батареи «(нашей центральной), Наполеонъ хочетъ самъ рѣшить великій во«просъ — атаковать ли новую линію Русскихъ? Сначала онъ по«ѣхалъ на Семеновскіе редуты; около трехъ часовъ Наполеонъ на «центральной батареѣ; [9] имѣя намѣреніе, по словамъ автора, ата«ковать укрѣпленіе Горки, онъ приблизился для обозрѣнія онаго. «Огонь былъ чрезвычайно сильный. Около четырехъ часовъ по «полудни, Наполеонъ, оставивъ свою свиту назади, прискакалъ «въ маленькій лѣсокъ, что противъ Горокъ. Бертье, Коленкуръ, «Дюрокъ, Бессьеръ и одинъ пажъ сопровождали его. Мюратъ «подъѣхалъ къ нему. Они находились подъ огнемъ Русскихъ стрѣл«ковъ. Наполеонъ настаивалъ на желаніи овладѣть редутомъ (Гор«ки) и повторялъ, что побѣда не произвела еще тѣхъ по-

---

[8] Авторъ говоритъ, что онъ не думаетъ требовать, чтобы Наполеонъ долженъ былъ подвергать себя опасности, какъ обыкновенный Генералъ, — но, конечно, Наполеонъ впалъ въ совершенную противоположность, оставаясь одиннадцатъ часовъ за $^3/_4$ лье (три версты) отъ мѣста, гдѣ рѣшалась участь битвы.

[9] Здѣсь описывается ужасное зрѣлище убитыхъ и свороченныхъ орудій на центральной батареѣ. Французы сдѣлали это «изъ опасенія, чтобы Русскіе опять не овладѣли высотою.»

«слѣдствій, которыхъ должно было бы ожидать. [10] Всѣ со-«путствовавшіе ему были противъ атаки. Всѣ говорили ему, что «армія измучена усталостью и оставалась одна только гвардія. «Бертье сказалъ, что они находятся за шестьсотъ льё отъ Франціи, «потеряли уже болѣе тридцати Генераловъ, а чтобы овладѣть этой «крѣпкой позиціей — пожертвуютъ лучшими солдатами и возь-«мутъ лишь (p. 530) нѣсколько сотъ солдатъ; что награда за би-«тву была въ Москвѣ. Бессьеръ прибавилъ, что должно сохранять «гвардію, какъ послѣдній резервъ арміи, и что она отвѣчаетъ «Франціи за Императора» и пр.

«Всѣ убѣждали Наполеона не оставаться подъ ружейнымъ ог-«немъ непріятеля; онъ усиливается подвинуться далѣе впередъ, «чтобы лучше обозрѣть мѣстность. Онъ настаиваетъ, когда одинъ «Генералъ, или Штабъ-Офицеръ перваго корпуса, устрашенный «очевидной опасностью, которая угрожаетъ Императору, взялъ его «за руку, сказавъ: «Здѣсь не Ваше мѣсто: непріятель замѣтилъ «кучку и направляетъ свои орудія въ эту сторону.» Наполеонъ «позволилъ себя отвести, и скоро послѣ все это мѣсто было «изборождено картечью.» [11] Слово въ слово разсказываетъ это и Мортонваль (p. 278). То же свѣдѣтельствуется въ «Milit. Briefe» (t. I, S. 418). Объ этомъ эпизодѣ пишетъ и Цельнеръ (S. 85), присовокупляя, что Бессьеръ сказалъ еще Наполеону, что Русскіе стоятъ твердо. Послѣ сего авторъ присовокупляетъ: «и Наполе-

---

[10] Значитъ, что на этомъ и остановились, ибо Горки не были взяты. Ѳ. Н. Глинка приводитъ въ этомъ случаѣ подлинныя слова Наполеона: «Гдѣ жь наши выгоды? — говоритъ Наполеонъ.» «Я вижу побѣду, но не вижу вы-«годъ.» Всѣ провожавшіе Императора возстали противъ атаки.» Откуда это почерпнулъ авторъ, то не показалъ; впрочемъ, въ этомъ смыслѣ Наполеонъ выражался не разъ.

[11] Замѣчательно, что точно также Михайловскій-Данилевскій, на этомъ же пунктѣ, заставляетъ Адъютантовъ Кутузова сдѣлать то же, съ тою только разницей, что безмолвнаго Наполеона уводитъ Штабъ-Офицеръ за руку, а Кутузова за поводья его лошади. Какъ авторитеты, Гг. Пеле и Мортонваль не заслуживаютъ довѣрія, но, сознаюсь, что эпизодъ знаменателенъ: не уже ли Наполеонъ въ эту минуту былъ слабъ до такой степени, чтобы допустилъ совершить съ нимъ вышесказанное?! Что касается до сказки о Кутузовѣ, то я говорилъ уже объ этомъ печатно въ 1858 году.

«онъ, возвращаясь съ поля битвы, вечеромъ, ѣхалъ тихо къ Ше-«вардинскому редуту, гдѣ онъ провелъ весь дёнь.»

Рёдеръ (S. 149) подтверждаетъ разсказъ Генерала Пеле, что Наполеонъ, въ три часа, получивъ извѣстіе о взятіи центральной нашей батареи, поѣхалъ на нее.

Графъ же Дюма, въ «Воспоминаніяхъ» своихъ (t. III, p. 438), говоритъ: «Императоръ сѣлъ на лошадь около половины седь-«маго часа вечера, и направился прямо къ центральной бата-«реѣ, проѣзжая по заваленному трупами полю битвы отъ берега «Колочи до оконечности праваго крыла.» Дюма нѣкоторое время сопровождалъ его.

Здѣсь встрѣчается разнорѣчіе съ другими, какъ о времени его отъѣзда изъ Шевардина, такъ и о направленіи. Одни, какъ видно было выше, говорятъ, что онъ выѣхалъ въ три часа, т. е., тотчасъ по полученіи извѣстія о взятіи центральной батареи, и направился прежде въ Семеновское, а оттуда уже на центральную батарею; между тѣмъ Графъ Дюма говоритъ, что онъ выѣхалъ тремя съ половиною часами позже и направился прямо на центральную батарею. [12]

Генералъ Сарразенъ, разсуждая о битвѣ (p. 144), присовокупляетъ: «Владѣя въ 10 часовъ утра укрѣпленнымъ латеремъ (Се-«меновскимъ), защищавшимся Русскими, онъ, въ радости, поза-«былъ свое великое правило, что ничего не сдѣлано до тѣхъ поръ, «пока еще есть что либо сдѣлать.»

Не продолжаю выписокъ объ этомъ предметѣ: сказанное достаточно уже указываетъ, что Наполеонъ въ этотъ ужасный день былъ не въ своемъ нормальномъ состояніи духа. Нерѣшительность, колебаніе во всѣхъ его дѣйствіяхъ, равнодушіе поочередно замѣнялись одно другимъ: онъ пьетъ пуншъ, напѣваетъ аріи, дѣлаетъ тѣлодвиженія, внутреннее волненье доказывается и тѣмъ также, что онъ безпрерывно, то сядетъ, то встанетъ, чтобы опять

---

[12] А. Норвенъ, неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ, пишетъ (t. III, p. 309), что, въ самый разгаръ битвы у Семеновскаго, Наполеонъ былъ тутъ, осыпанный картечью, и т. д.

сдѣлать нѣсколько шаговъ и вновь сѣсть. Разныя выраженія, какъ предъ битвой, такъ и въ продолженіе ея, ясно доказываютъ, что онъ приступалъ къ ней не съ тою твердою увѣренностью и сохраненіемъ присутствія духа, съ величавымъ спокойствіемъ, которыя руководили имъ во всѣхъ предшествовавшихъ битвахъ, имъ данныхъ. Нѣкоторыя лица, какъ видно было выше, заслуживающія полнаго довѣрія, свѣдѣтельствуютъ, что онъ, не смотря на главную основную мысль свою—дать генеральное сраженіе, и тѣмъ порѣшить войну, когда битва эта ему представилась, онъ едва ли не желалъ обойтись безъ нея, а по тому и приступилъ къ ней нерѣшительно. Само собою разумѣется, что всѣ условія успѣха были бы на его сторонѣ, если бы битва эта произошла въ Литвѣ, когда числительность его арміи была, по крайней мѣрѣ, втрое противъ арміи Барклая де Толли. Но этотъ истинный Фабій прозрѣлъ это обстоятельство еще до открытія военныхъ дѣйствій, и армія наша сразилась съ Наполеономъ только тогда, когда захотѣла того, когда могла приступить къ ней, не подвергаясь быть подавленной числительностью. Неудача политическихъ соображеній Наполеона, обманутыя надежды на характеръ великаго вѣнценоснаго противника своего, и духъ народа, достойнаго своего Монарха, положеніе его арміи, съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе приходящей въ разстройство отъ всевозможныхъ лишеній, а главное встрѣчи съ Русскими въ Островнѣ, въ Красномъ, въ Инковѣ, въ Смоленскѣ, въ Лубинѣ, во многихъ арріергардныхъ дѣлахъ, изъ коихъ нѣкоторыя, по числу павшихъ, равнялись генеральнымъ сраженіямъ, а равно получаемыя имъ извѣстія о битвахъ Багратіона и съ другихъ пунктовъ, всё это указывало ему, что борьба съ Русскими въ генеральной битвѣ будетъ кровопролитнѣе и упорнѣе всѣхъ, до того времени имъ данныхъ, и при условіяхъ, вовсе не одинаковыхъ. Такое положеніе дѣлъ, естественно, не могло остаться безъ сильнаго впечатлѣнія на всѣ его способности ума, прозрѣвавшаго будущность въ неполномъ успѣхѣ предпринимаемой имъ битвы.

Теперь замѣчу нѣкоторые эпизоды изъ этой достославной битвы, чтобы приступить къ главному опредѣленію, на основаніи иноземныхъ писателей, кому принадлежитъ честь этого дня?

ГЛАВА II.

ЭПИЗОДЫ БИТВЫ.

Главное побоище въ этотъ достопамятный день совершилось между Горками и Семеновскимъ. На этомъ пространствѣ была и центральная батарея. Вотъ нѣкоторые, совершившіеся здѣсь, эпизоды, взятые исключительно изъ иноземныхъ писателей, свидѣтельствующихъ о мужествѣ Русскихъ и усиліи Французовъ.

Буржуа, участникъ въ битвѣ, послѣ описанія ужаснаго огня артиллеріи у Семеновскаго, присовокупляетъ (p. 45): «Однако же «Русскія массы построились опять подъ нашимъ огнемъ и двинулись впередъ, чтобы возвратить ретраншаменты.»

Подъ огнемъ болѣе трехъ сотъ орудій!

Генералъ Пеле (p. 132) говоритъ: «Характеръ битвы былъ «наступательный съ нашей (Французской) стороны: мы не пре«ставали нападать, чтобы овладѣть укрѣпленіями Русскихъ, а те«перь они атакуютъ, чтобы взять укрѣпленія обратно.»

Сарразенъ, по этому случаю (p. 130), пишетъ: «Русскій пол«ководецъ успѣлъ чрезвычайно ослабить нашу первую линію. Онъ «началъ новую битву. Наше лѣвое крыло было опрокинуто въ «оврагъ и отброшено на Бородино; нашъ центръ тотчасъ былъ «атакованъ и принужденъ къ отступленію. Большія подкрѣпленія, «посланныя Наполеономъ, остановили успѣхъ Русскихъ, колонны «коихъ остановились, какъ металлическая стѣна.»

Въ «Mém. par un offic. d'état Maj.» (t. I, p. 185), сказано: «Если бы Русскіе, усиліями своими, успѣли опять овладѣть Семе-

«новскими укрѣпленіями, то битва бы осталась не рѣшенною до «другаго дня.»

Но, вѣдь, она рѣшена, Французы атаковали нашу позицію и **не сбили насъ**, заставивъ только нашъ лѣвый флангъ загнуться назадъ, не потерявъ связи съ арміею, и мы сдѣлали то же съ его лѣвымъ флангомъ, что напугало Наполеона болѣе, нежели успѣхъ на наше лѣвое крыло напугалъ насъ.

Пеле (p. 134) продолжаетъ: «Артиллерія обѣихъ армій сгу-«щена была на пространствѣ очень тѣсномъ. Ужасающій громъ «ея потрясалъ, кажется, землю. Ратоборцы-офицеры и солдаты «выказываютъ храбрость и преданность удивительную. Они пока-«зываютъ себя достойными одинъ другаго, заслуживаютъ похвалы «своихъ противниковъ.» Далѣе (p. 136) говоритъ: «Лѣвое крыло «Русской арміи, принужденное оставить поле битвы, [13] отодвига-«лось съ **большою правильностію**; поражаемыя части соединя-«лись въ нѣсколькихъ шагахъ и живо оспаривали оставляемое про-«странство.» Сказавъ потомъ, что на востокъ отъ Семеновскаго сформировалась новая Русская линія, и что наша центральная батарея наносила много вреда Французамъ, [14] продолжаетъ: «По мѣ-«рѣ того, что войско Багратіона получало подкрѣпленія, оно, по «трупамъ павшихъ, съ большою рѣшимостью шло впередъ, чтобы «вновь овладѣть потерянными мѣстами. Мы видимъ Русскія массы «маневрирующими, по командѣ своихъ Офицеровъ, какъ подвиж-«ные редуты, вооруженные желѣзомъ, и изрыгающими огонь. Сре-«ди открытой мѣстности — картечь нашей артиллеріи, атаки на-«шей конницы и пѣхоты, наносятъ имъ несмѣтныя потери. Но до «тѣхъ поръ, пока у нихъ оставалось нѣсколько силъ, эти храбрые «солдаты возобновляли атаки.»

«**Лабомъ**, участникъ въ сраженіи (p. 148), говоритъ: «Когда «Кутузовъ предпринялъ отнять взятыя укрѣпленія (Семеновскія),

---

[13] Авторъ говоритъ, что въ это время лѣвое крыло отступило на тысячу туазовъ. Но этого не было: не было даже и половины такого пространства, что можно заключить изъ самаго его описанія.

[14] Здѣсь нельзя не замѣтить, что если бы послѣдовали совѣту Бенигсена по

«триста Французскихъ орудій, поставленныхъ на высотахъ, громили этѣ массы Русскихъ войскъ» и пр.

Въ «Картинѣ войнъ» (р. 9), говорится о семъ слѣдующее (р. 430): «Столкновенье было ужасное; войска смѣшиваются взаимно, Русская пѣхота выдерживаетъ картечъ въ упоръ. Отъ лѣса «(при Утицѣ) до центральной батареи скрещиваютъ штыки и «семьсотъ пушекъ открываютъ въ этихъ сгущенныхъ рядахъ ужасающія борозды. Ней одолѣваетъ лѣвое крыло, оно отходитъ за «оврагъ, чтобы вновь сформироваться.»

Раппъ, описывая этотъ моментъ (р. 117), говоритъ: «Я не «видалъ еще подобнаго побоища.»

Въ другомъ сочиненіи: «Beautés victoires etc.» (t. II, p. 239), сказано, что, послѣ вторичнаго отступленія Русскихъ отъ Семеновскаго, «Кутузовъ, подвинувъ резервъ, скоро возстановилъ битву «въ свою пользу, такъ, что былъ одинъ моментъ, когда центръ «Французской арміи казался близкимъ быть прорваннымъ. Гене-«ралъ Фріанъ поспѣшилъ съ осьмидесятью орудіями и остано-«вилъ Русскія колонны. Не имѣя возможности итти впередъ и пред-«почитая смерть стыду, они оставались два часа сомкнутыми подъ «нашею картечью.»

Жомини (t. II, p. 226), говоритъ: «Восемьсотъ пушекъ «изрыгаютъ смерть на пространствѣ полу льё (двѣ версты). Ни-«когда зрѣлище не было въ одно и то же время такъ величе-«ственно и такъ ужасно. Всѣ дѣятели этой великой сцены едино-«гласно провозгласили ее битвой гигантовъ.»

Шапюи (р. 567), между прочимъ, замѣчаетъ то же, что «у «Семеновскаго семьсотъ пушекъ, собранныхъ на пространствѣ «менѣе тысячи метровъ, изрыгаютъ безостановочно огненный дождь «на защищающихся и на нападающихъ.»

Биньйонъ (р. 39), описывая борьбу на этомъ пунктѣ, присовокупляетъ: «Съ обѣихъ сторонъ убиваютъ другъ друга не пере-

---

ставить на этомъ мѣстѣ предлагавшееся имъ укрѣпленіе, то, конечно, результатъ битвы былъ бы иной. Объ этомъ я уже говорилъ печатно.

«мѣняя мѣста. Три раза Русскіе возобновляютъ свои линіи: должно «давать третью битву на томъ же пространствѣ.»

Баронъ Фенъ, свѣдѣтель битвы (t. II, p. 33), пишетъ то же: «Два часа въ Семеновскомъ убиваютъ другъ друга, не перемѣняя мѣста.»[15]

Графъ Сегюръ, очевидецъ, описавъ (t. I, p. 389), какъ Русскія массы, въ продолженіе двухъ часовъ, выдерживаютъ картечь, присовокупляетъ (p. 399): «Русскіе не престаютъ нападать около «Семеновскаго, и если бы, по словамъ Нея и Мюрата, было при«слано имъ десять тысячъ пѣхоты, побѣда была бы рѣшительная, «но, доведенные до одной только своей конницы, они считали себя «счастливыми, что удержали поле битвы».[16]

Комбъ, участникъ въ битвѣ (p. 81), говоритъ: «Она была, «въ самомъ большомъ разгарѣ, и ничто не предвѣщало побѣды».

Графъ Дюма (t. III, p. 437), свѣдѣтельствуетъ, что, «въ пылу «сраженія, окружающіе Наполеона разсуждали между собой вполголоса о положеніи и о правдоподобномъ исходѣ битвы».

---

[15] Извѣстный намъ литераторъ воинъ, участникъ въ Бородинской битвѣ, Ѳ. Н. Глинка (въ превосходныхъ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія», стр. 72), приводитъ подлинный разсказъ стараго солдата объ этомъ моментѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Мы сошлись и стали колоться. Колемся часъ, колемся «два—устали, руки опустились! И мы, и Французы, другъ друга не трогаемъ, «ходимъ какъ бараны! Которая ни будь сторона отдохнетъ — и ну опять ко«лотьея. Колемся, колемся, колемся! Часа, почитай, три на одномъ мѣстѣ «кололись».

[16] Тотъ же Ѳ. Н. Глинка замѣчаетъ, что здѣсь воевали шесть Михаиловъ, разумѣется, изъ главныхъ начальниковъ. Со стороны Французовъ первое мѣсто въ Бородинской битвѣ занимаетъ Михаилъ Ней, у насъ Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ, Михаилъ Богдановичъ Барклай, Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, Михаилъ Михайловичъ Бороздинъ.—Ѳедоръ Николаевичъ могъ бы, въ строгомъ смыслѣ, присовокупить здѣсь и Петра Михайловича Капцевича, командовавшаго 6-мъ корпусомъ и съ центральной батареи громившаго Михаила Нея. Далѣе, въ примѣчаніи, стр. 1, Ѳ. Н. дѣлаетъ выписку изъ изреченій XVII главы Исаіи: «Въ тѣ дни возстанетъ князь Михаилъ и ополчится за люди своя.» Это авторъ относитъ къ Князю Кутузову.

Шамбре (t. II, p. 67), также участникъ въ битвѣ, пишетъ: «Успѣхи Французовъ въ этой части позиціи ограничились занятіемъ «редантовъ и деревни Семеновской. Упорство обороны соотвѣтство«вало стремительности атаки, и съ обѣихъ сторонъ сражались съ рѣдкимъ мужествомъ». . . . .

По овладѣніи Семеновской позиціей, Галлуа, въ «Исторіи Мюрата» (p. 216), говоритъ: «Французы находились еще въ безпоряд«кѣ отъ побѣды; они видятъ себя тѣснимыми, удивляются и от«ступаютъ. Мюратъ забываетъ самаго себя, и, чтобы собрать сво«ихъ, нашелся окруженнымъ и угрожаемымъ попасться въ плѣнъ; «у него не остается другаго средства, какъ броситься въ редутъ, «который былъ набитъ оробѣвшими солдатами. Въ третій разъ «(p. 217) конница его открываетъ путь къ побѣдѣ, но она была «истощена усталостью. Мюратъ, Ней и Даву принуждены остано«виться. Кутузовъ пользуется этимъ неожиданнымъ случаемъ, при«зываетъ весь свой резервъ до самой гвардіи на свой лѣвый флангъ. «Багратіонъ возстановляетъ свою линію, и вскорѣ его огонь опу«стошаетъ ряды Французовъ.[17] Его атака стремительна; пѣхота, «артиллерія, конница усиливаются въ одно время сбить Францу«зовъ; Ней и Мюратъ ожесточаются противъ бури; дѣло идетъ уже «не о томъ, чтобы воспользоваться побѣдой, но только о сохра«неніи первыхъ успѣховъ. Къ счастію, резервная артиллерія подо«спѣла съ восьмидесятью орудіями, расположилась по гребню и «громила Русскихъ. Кавалерія первая потерпѣла отъ этой металли«ческой стѣны, на которую она наступала густыми массами, въ «коихъ наши ядра производили широкія и глубокія борозды, одна«ко же она все приближалась; тогда Французскія батареи удвоили «огонь картечью и произвели въ ней опустошеніе. И наконецъ, «колонны останавливаются, не смѣя болѣе подаваться впередъ, но «не хотятъ и отступать, и этѣ упорствующія массы позволяютъ «себя истреблять въ продолженіе двухъ часовъ. Французы устаютъ «отъ медленности дѣйствій артиллеріею, Ней, Даву, Мюратъ бро«саются на Русскихъ, половина ихъ линіи опрокинута; тогда бой«ня перестаетъ на равнинѣ и сосредоточивается на остальныхъ вы-

---

[17] Тьеръ (p. 355) говоритъ, что «Ней заставлялъ свои колонны ложиться, оставаясь самъ на ногахъ.»

«сотахъ Русскихъ, которыя Барклай упорно защищаетъ противъ «Вице-Короля».

Шамбре, описавъ вторичное отступленіе Русскихъ отъ Семеновскаго, разсказываетъ помянутый эпизодъ слѣдующимъ образомъ (t. II, p. 72): «Но не обнаруживалось ни какого безпорядка «въ арміи Русскихъ; участь битвы была еще сомнительна. Кутузовъ рѣшился на нападеніе. Французы поставили батареи (p. 73). «Наполеонъ, извѣщенный объ опасности, угрожающей его центру, «подвигаетъ гвардейскую пѣхоту, чтобы она была въ возможности, «въ случаѣ нужды, подкрѣпить. Однако же Русскіе шли впередъ, «медленно, поражаемые самымъ сильнымъ огнемъ артиллеріи, ка«кого, можетъ быть, ни одно войско не испытывало. Ихъ конница «атаковала нѣсколько разъ батареи и нѣкоторыми даже овладѣла. «Но, прикрывавшая ихъ, Французская конница возвратила батареи. «Наконецъ эта масса грозной пѣхоты, претерпѣвая несмѣтныя по«тери, умѣрила свое движеніе, потомъ остановилась. Это опасное «для Французовъ предпріятіе, такъ хорошо обдуманное, не уда«лось отъ медленности».

Сентъ-Илеръ (t. III, p. 68, 69) говоритъ: «Вновь подвезен«ныя восемьдесять пушекъ открыли огонь. За ядрами слѣдуетъ «картечь. Подавляемые этимъ желѣзнымъ ураганомъ, Русскіе ищутъ «перестроиться; смертоносный дождь удвоивается: они останавли«ваются, не смѣя итти впередъ и не хотятъ сдѣлать шагу назадъ. «Сорокъ тысячъ здѣсь оставляютъ громить себя въ продолже«ніе двухъ часовъ. Это было ужасное побоище, безконечная бойня»!

Пюибюскъ (p. 88) пишетъ о Русскомъ резервѣ и гвардіи въ этотъ моментъ: «Эти колонны были остановлены нашею артилле«ріей и оставались болѣе полутора часа неподвижными подъ нашей «картечью, не потерявъ ни пяди пространства».

Вильсонъ (p. 19) приводитъ слова Наполеона: «Баталіоны «склоняются подъ его огнемъ, но не хотятъ отступить, и не мо«гутъ, однако же, оставаться». Но, однако же, не ушли, а оставались.

Лавале (t. IV, p. 543) пишетъ: «Непріятельскія массы въ «третій разъ бросились на Семеновское; столкновеніе было ужас-

«ное: все сцѣпилось, смѣшалось и, среди грома осьмисотъ орудій, «люди душатъ другъ друга». [18]

Генералъ Сарразенъ, описывая завладѣніе въ первый разъ Семеновскимъ (p. 130), присовокупляетъ: «Первый успѣхъ стоилъ «столько крови, что Наполеонъ не смѣлъ и думать пользоваться «своею побѣдой, чтобы атаковать Кутузова, находившагося на раз«стояніи только пушечнаго выстрѣла, со всею своею арміей, по«строенной колонно въ массѣ».

Керъ-Портеръ (p. 153), описывая отбитіе нами Семеновскаго, присовокупляетъ: «Эта ужасная сцена была непродолжи«тельна: Французы отступили, и Бонапарте имѣлъ горесть видѣть «свои лучшія войска потерявшими пространство, которымъ они «только что овладѣли».

Говоря о битвѣ на этомъ мѣстѣ (p. 154), присовокупляетъ: «Невозможно описать ожесточенія битвы, происходившей въ это «время (когда мы отбивали). На громъ тысячи пушекъ Русскіе «отвѣчали такимъ же числомъ.[19] Тучи дыма скрывали солнце отъ

---

[18] Въ рапортѣ Фріана (Journal des sciences milit. etc. 1826, t. V, p. 157) описывается, какъ при Утицѣ Русскій гренадеръ и Польскій солдатъ, оба раненые, подползли одинъ къ другому и, схвативши другъ друга за волосы, такъ умерли. Фріанъ присовокупляетъ, что, увидя это, Понятовскій, обратилъ вниманіе Маршала Даву, присовокупивъ: «Вотъ примѣръ неугасимой антипатіи между двумя народами!» Оставляя въ сторонѣ народную непріязнь, опредѣляемую Понятовскимъ, въ Бородинской битвѣ ожесточенье Русскихъ видѣло однихъ Французовъ. Подобныхъ сценъ разсказывали много. Такъ, я, въ тотъ же день, слышалъ отъ очевидцевъ, что одинъ нашъ барабанщикъ, едва живой, подползъ къ раненому Французу, на центральной батареѣ, и, вынувъ изъ перевязи барабанную палку, толстымъ концемъ билъ Француза по головѣ. Здѣсь не было съ Генераломъ Бонами Поляковъ, слѣдственно и международныхъ отношеній. Мы видѣли только врага, не различая въ битвѣ національностей. И если Понятовскій видѣлъ сцену, описываемую Фріаномъ, между Русскимъ и Полякомъ, то это одна случайность: ибо Русскій гренадеръ подползъ бы точно также и къ солдату старой гвардіи Наполеона, и къ каждому изъ составлявшихъ его армію. Ожесточенье Русскихъ въ этой битвѣ, даже между ранеными, описывается, какъ увидимъ далѣе, многими, и въ числѣ ихъ Генераломъ Графомъ Солтыкомъ. Впрочемъ, результатъ самой битвы, почти безъ плѣнныхъ, лучше всего объясняетъ это.

[19] Число орудій преувеличено: въ обѣихъ арміяхъ было около тысячи двухсотъ пушекъ.

«сражавшихся и не оставляли имъ для продолженія своихъ убій«ственныхъ дѣйствій другаго свѣта, кромѣ выходящаго изъ ихъ «ружей, стрѣлявшихъ по всѣмъ направленіямъ. Сабли сорока ты«сячъ драгунъ скрещиваются и звучатъ среди этого ужаснаго мра«ка, между тѣмъ какъ оконечности безчисленныхъ штыковъ бли«стали со всѣхъ сторонъ и покрывали землю грудами убитыхъ».

Участникъ въ битвѣ, Французъ, въ сочиненіи своемъ[20] (p. 21) говоритъ: «Видѣли Русскія карре, которыхъ конница не могла по«чать, и чтобы успѣть въ этомъ, были въ необходимости, посред«ствомъ картечи, широко открывать ряды, въ промежутокъ кото«рыхъ кирасиры производили свои атаки».

Въ «Картинѣ войнъ» (p. 429) читаемъ: «Между тѣмъ уже че«тыре часа какъ продолжается бой, но поле битвы еще не было «открыто. Русскіе уступили мѣсто (на лѣвомъ флангѣ), но не въ «безпорядкѣ, и видны были: ихъ центръ, резервы подвигаю«щимися влѣво на смѣну, а на ихъ мѣсто становились другіе». По отбитіи Русскими центральной батареи, которой овладѣлъ было Генералъ Бонами, сказано: «Такимъ образомъ, на всемъ простран«ствѣ успѣхъ былъ нерѣшителенъ, и Кутузовъ готовился къ атакѣ».

Въ сочиненіи: «Moscou av. et apr. l'incendie» (p. 14) сказано, что «Кутузовъ выдержалъ атаку съ большою неустраши«мостью, и побѣда долго была не рѣшенною. Наполеонъ долженъ «былъ пожертвовать частью своей конницы, чтобы овладѣть Рус«скими позиціями, которыя переходили изъ рукъ въ руки. Поло«женіе Французовъ было таково, что имъ должно было побѣдить, «или умереть». Тиссо (t. II, p. 722) говоритъ то же, что «Фран«цузы были увѣрены въ успѣхѣ битвы, по тому что имъ неотмѣн«но должно было побѣдить, или умереть, и эта мысль воспламе«няла ихъ храбрость».

Баронъ Денье (p. 77) говоритъ: «Оборона непріятеля упор«на, но въ центрѣ онъ оказываетъ наиболѣе энергіи; роковой ре«дутъ (центральный) опустошаетъ (décime) наши ряды; онъ взятъ

---

20 «Details abregés sur la campagne de Moscou, en 1812 etc., par un Français etc. Paris, 1841, in 12.

«и отбить, и опять оспаривается». Приказываютъ Коленкуру и пѣхотѣ взять оный (р. 79) (далѣе восклицаетъ): «Должно побѣдить, «или умереть; нѣтъ болѣе воспоминаній, скоро не будетъ и отече-«ства. Ночь! Запоздалая ночь! Пріййди сокрыть столько ужасовъ; «изнеможеніе, останови убійства!»

Лабомъ (р. 154) пишетъ, что, когда во второй разъ овладѣли центральной батареей, «Русскіе, защищавшіе ее, предпочитали «смерть плѣну». То же находимъ въ другомъ сочиненіи (Beautés vict., p 241): «Всѣ Русскіе солдаты предпочитали быть убитыми «на своихъ мѣстахъ».

Генералъ Пеле, также участникъ въ битвѣ, говоря объ этой батареѣ (р. 138), присовокупляетъ: «Русскіе умираютъ на своихъ «пушкахъ».

Умалчиваю объ этомъ окончательномъ овладѣніи центральною батареей: тѣ же подвиги Русскихъ, та же справедливость, отдаваемая имъ непріятелемъ. Но нельзя умолчать здѣсь о засвѣдѣтельствованіи, также участника въ битвѣ, Винтурини, тѣмъ болѣе засвѣдѣтельствованіе его замѣчательно, что онъ не Французъ, а Нѣмецъ. Вотъ его слова, приведенныя Ѳ. Н. Глинкою: «Русскіе ар-«тиллеристы были примѣрно вѣрны своему долгу. Брали редуты, «ложились на пушки и не отдавали ихъ безъ себя. Часто, ли-«шась одной руки, канониръ отмахивался другою. У подножья «редантовъ лежали Русскіе, Нѣмцы и Французы; истекая кровью, «они еще язвили другъ друга чѣмъ кому было можно. Иные, какъ «говорятъ, грызлись зубами».

Тиссо, въ сочиненіи, писанномъ обществомъ Офицеровъ, представляетъ эпизодъ при Семеновскомъ и присовокупляетъ (t. II. р. 724): «Три линіи Французскихъ батарей громятъ Русскихъ... «Наконецъ, послѣ четырехчасовой битвы, упорной и кровопро-«литной, Русскіе были сбиты и два редута ихъ взяты». И такъ, кажется, кончено, Русскіе были enfoncés и пр.; но нѣтъ: здѣсь авторъ пошутилъ, и въ слѣдъ за симъ (р. 725) присовокупляетъ: «Однако же битва возобновляется съ новымъ ожесточеніемъ. Свѣ-«жія войска идутъ на встрѣчу Русскихъ колоннъ, которыя, бывъ «остановлены дивизіею Фріана и осыпаемы картечью осьмидесяти

«пушекъ, остаются неподвижными: не смѣя[21] идти впередъ, но и «не хотятъ отступать».

Изъ «Записокъ Вице-Короля» (t. VII, p. 5) видно, что «онъ «долженъ былъ идти изъ Бородина на Горки; но большія силы «Русскихъ занимали это мѣсто». Пунктъ этотъ былъ страшенъ непріятелю.

Генералъ Водонкуръ (въ «Исторіи Вице-короля Итальянскаго», t. II, p. 100) подтверждаетъ это. Онъ говоритъ, что «по диспози«ціи, Вице-Король долженъ былъ атаковать Горки и центральную «батарею. Въ шесть часовъ утра (p. 101), онъ захватилъ Бороди«но, перешелъ Колочу, но былъ принужденъ опять перейти на«задъ, встрѣтивъ здѣсь сильное сопротивленіе, а по тому и не пред«принялъ атаки».

Значитъ, не только что онъ не смѣлъ покуситься на эту атаку, но нашъ правый флангъ атаковалъ еще его лѣвый конницею Уварова и Платова, которая, по сознанію самихъ Французовъ (Пеле, Шапюи и др.), если бы не была отозвана и дѣйствовала рѣшительнѣе, то поставила бы армію Наполеона въ самое критическое положеніе.

Жомини (t. II, p. 227) говоритъ, что въ три часа Французы овладѣли центральной батареей и Семеновскими флешами: «однако же Русскіе, перестроивавшіеся за двумя оврагами, пред«ставляли еще упорное сопротивленіе. Обѣ стороны, присо«вокупляетъ онъ, утомленныя убійствомъ, перестрѣливались изъ «орудій, не атакуя другъ друга.»

Лабомъ (p. 158) пишетъ: «Въ продолженіи нѣсколькихъ ча«совъ Французы оставались въ этомъ бездѣйствіи, увѣренные, что «Кутузовъ отступаетъ; одна артиллерія изрыгала на всѣхъ пунк«тахъ пламя и смерть.... Болѣе десяти часовъ выдерживали непрі«ятельскія атаки; [22] битва еще не кончена; не было дивизіи, ко«торая не оплакивала бы своихъ начальниковъ.»

---

[21] «N'osant pas avancer», выраженіе, часто употребляемое Французами, очень не кстати къ разсказываемому ими же самими.

[22] Изъ сего видно, что наши нападали, и что при концѣ дѣло не было еще рѣшено.

Фенъ (t. II, p. 37) говоритъ: «Еще только четыре часа, «еще одно усиліе, и Наполеонъ могъ бы превратить пораженіе въ «бѣгство. [23] Но начальники говорятъ объ усталости; войска утомлены; надобно бы было употребить гвардію.... Императоръ нашелъ не нужнымъ пріобрѣсть послѣдній успѣхъ за такую цѣну.»

Бисмаркъ (p. 149) пишетъ, что Наполеонъ сказалъ настаивавшимъ у него на счетъ введенія гвардіи въ дѣло: «Я долженъ «беречь мой резервъ; [24] на нынѣшній день побѣда обезпечена; Рус«скіе не оставятъ намъ Москвы, не испытавъ еще битвы.»

Норвенъ, какъ говоритъ въ предисловіи къ «Исторіи Наполеона», собравшій всѣ свѣдѣнія о Наполеонѣ, съ перваго его времени, замѣчателенъ наборомъ словъ и расточительностію фразъ, при описаніи этого эпизода. Разсказавъ о кровопролитной сѣчѣ при Семеновскомъ (t. III, p. 310), присовокупляетъ: «Остатки ар«міи Кутузова **останавливаются** на Псаревскомъ оврагѣ и, не «**знаю для чего**, остаются тутъ подъ огнемъ нашихъ батарей» и пр. Замѣчательно, что онъ **не знаетъ для чего**? Ему хотѣлось бы, чтобы мы не останавливались на второй позиціи, а ушли, не сражаясь болѣе. «Отъ насъ зависѣло (присовокупляетъ этотъ знаменитый исторіографъ многихъ изданій) истребить Русскихъ, но «для этого нужно было ввести въ дѣло гвардію, почавъ этотъ кор«пусъ, еще не тронутый, и который **могъ спасти** армію отъ опа«сности, или обезпечить побѣду въ другомъ сраженіи. Предусмо«трительность, такъ торжественно доказанная въ послѣдней поло«винѣ кампаніи, не допустила Наполеона нанести Кутузову второй «ударъ.» Но чѣмъ же эта **предусмотрительность такъ торжественно оправдалась**? Гвардія не принимала ни какаго участія въ битвахъ въ продолженіе всей этой войны, исключая молодой гвардіи, въ первые два дня послѣ Бородина, въ авангардѣ, гдѣ дѣйствіе ея, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, было безуспѣшно, и наконецъ подъ Краснымъ, противъ слабаго отряда Графа Ожа-

---

[23] Господинъ Императорскій Секретарь очень легко произнесъ свое заключеніе. Въ Бородинѣ, какъ и вездѣ, Русскіе показали, что ихъ не такъ легко обращать въ бѣгство.

[24] Въ книгѣ: «Maximes de Napoleon etc.,» читаемъ противное. См. гл. III.

ровскаго, чтобы открыть путь Наполеону къ Оршѣ, куда онъ и поспѣшилъ. Такъ Французскіе историки фразами своими убаюкиваютъ читателей. Очистивъ разсказы отъ фразъ, выйдетъ, что Русскій лѣвый флангъ отступилъ на вторую позицію, къ которой Французы не рѣшались приближаться. Послѣ же всѣхъ восторженныхъ фразъ, сказанныхъ о мнимомъ разгромленіи Русскихъ, наконецъ, когда пришлось сводить счетъ, Г. Норвенъ называетъ эту битву (р. 340) «trop peu décisive».

Генералъ Сарразенъ, разсуждая объ успѣхахъ Неаполитанскаго Короля противъ лѣваго фланга Русскихъ, и какъ бы оправдывая Кутузова на счетъ его отступленія (р. 145), присовокупляетъ: «И дѣйствительно, мы видимъ, что Кутузовъ предупреж«даетъ своего Государя, что онъ найдется въ необходимости оста«вить свою позицію, если Наполеонъ направится по Московской «(старой) дорогѣ, обходя его позицію.... Кутузовъ показываетъ «Наполеону то, чтобы онъ долженъ былъ сдѣлать. Кутузовъ по«даетъ назадъ свой лѣвый флангъ и центръ (т. е., лѣвый флангъ «центра), и съ отборнымъ своимъ войскомъ принуждаетъ Вице«Короля отступить къ своему центру — движеніе, исполненное съ «поспѣшностію. Временно побѣдитель лѣваго крыла Французовъ, «Кутузовъ идетъ противъ нашего центра и заставляетъ его отсту«пить и пр. Такимъ образомъ Наполеонъ, выгнанный изъ пра«выхъ редутовъ и центра Русскихъ, находится атакованнымъ этѣмъ «же самымъ Кутузовымъ.»

Я не имѣю намѣренія и не признаю въ себѣ достаточно силъ, чтобы представить полную картину Бородинской битвы; нѣсколько эпизодовъ, здѣсь приведенныхъ, имѣли главной цѣлью показать упорное и непоколебимое мужество нашихъ войскъ, отважно вступившихъ въ борьбу съ закаленными въ двадцатилѣтнихъ побѣдоносныхъ бояхъ воинами, подъ предводительствомъ непобѣдимаго до того времени полководца-Государя. Твердость и неустрашимость нашихъ войскъ изумила непріятелей; артиллерія, избранная Наполеономъ главнымъ орудіемъ въ этой исполинской битвѣ, не могла поколебать извѣстной стойкости нашего солдата; громимый, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, онъ внималъ голосу начальниковъ точно также, какъ бы дѣлалъ это въ мирныхъ воинскихъ

упражненіяхъ. Онъ истощилъ своимъ самоотверженіемъ силы и снаряды непріятелей, которые должны были прекратить первые ужасающій огонь сосредоточенныхъ ими батарей въ нѣсколько сотъ орудій, израсходовавъ изумительное количество снарядовъ, какъ это будетъ показано въ III главѣ этого Отдѣленія.

ГЛАВА III.

ОКОНЧАНІЕ БИТВЫ И ПОЛОЖЕНІЕ АРМІЙ НОЧЬЮ.

По взятіи центральной батареи и послѣ атакъ конницы, на пространствѣ около этой батареи, Генералъ Пеле (p. 529), говоритъ: «Милорадовичъ, начальствовавшій корпусами Остермана и «Корфа, собравъ остатки корпусовъ Бороздина, Раевскаго и Дох«турова, построилъ послѣднюю линію, которую Русскіе могли про«тивопоставить. Линія эта была болѣе грозною своимъ положе«ніемъ, чѣмъ числительною своею силой.» За симъ описываетъ свое положеніе и ужасный огонь, ею производимый.

Сегюръ (t. I, p. 401) говоритъ, что, когда Бельяръ пріѣхалъ въ третій разъ, Наполеонъ сѣлъ на лошадь и медленно поѣхалъ на Семеновскія высоты. «Онъ нашелъ поле битвы не впол«нѣ пріобрѣтеннымъ и еще оспариваемымъ ядрами и пулями «Русскихъ; они остановились и начали окапываться на новой «позиціи.»

Изъ этого видно, что не только нашъ центръ и безспорно правый флангъ оставались твердо на мѣстѣ, но и лѣвый флангъ, отступивъ на вторую позицію, началъ окапываться и оспаривалъ потерянное мѣсто, не только ядрами, но и пулями; линія эта была грозна «по засвѣдѣтельствованью Пеле,» и Наполеонъ нашелъ, что поле битвы не вполнѣ пріобрѣтено и еще оспариваемо; слѣдовательно, слово «побѣда» здѣсь неумѣстно.

Баронъ Фенъ описываетъ отступленіе нашего лѣваго фланга: Наполеонъ осматриваетъ самъ эту послѣднюю нашу позицію, на которой нашъ лѣвый флангъ остановился, и видитъ (t. II, p.

37): «Русскія массы стоящими предъ Псаревскимъ оврагомъ.» «Русскія массы, присовокупляетъ авторъ, не могутъ болѣе итти «на насъ, а между тѣмъ не хотятъ отступить.» Далѣе (р. 38): «Русскіе упорствуютъ оставаться подъ огнемъ нашихъ батарей, «сказалъ Наполеонъ, но пусть же и остаются. Артиллерія до но«чи дѣйствуетъ ужасно!» [25]

И это далеко не обозначаетъ побѣды, даже относительно одного фланга; ибо онъ остановился твердо, и Французы не дерзали напасть на него: это только мѣстный успѣхъ, не болѣе.

Тьеръ (р. 334) объ этомъ эпизодѣ говоритъ: «Русская ар«мія (лѣвый флангъ), подъ жесточайшимъ картечнымъ огнемъ, от«ходитъ медленно и останавливается у опушки Псаревскаго лѣса. «Ее не атакуютъ болѣе, и, въ ожиданіи рѣшительнаго движенія, «Французы ставятъ въ линію артиллерію всѣхъ корпусовъ и со«средоточиваютъ на Русскихъ триста орудій. Подъ массою снаря«довъ, которыми ихъ засыпаютъ, они остаются неподвижными «и твердо сомкнутыми.»

И изъ этого далеко не видно побѣды.

«Наполеонъ (р. 346) объѣзжаетъ линію вскачь и видитъ «Русскихъ, стоящихъ неподвижно въ плотныхъ массахъ, не пред«ставляя возможности нигдѣ легко взяться за нихъ.»

---

[25] Въ чрезвычайно любопытныхъ Запискахъ обязательнаго Н. И. Греча, между прочимъ читается: «О графѣ Нарбонѣ — «Вотъ что я слышалъ отъ Барона «Де Баранта, бывшаго въ 1836 году Посломъ въ Петербургѣ: «Въ числѣ «особъ, составлявшихъ свиту Наполеона въ 1812 году, находился у него и «образованный дипломатъ Графъ Де-Нарбонъ, носившій званіе Император«скаго Адъютанта. На канунѣ Бородинской битвы Наполеонъ спросилъ у него, «имѣетъ ли онъ понятіе о томъ, что есть большая битва?—Ни малѣйшаго, «отвѣчалъ Нарбонъ. — Такъ я вамъ скажу, продолжалъ Наполеонъ, это въ «точности трагедія: начинается изложеніемъ дѣла и предстоящихъ препят«ствій; во второмъ актѣ дѣло запутывается, въ третьемъ — еще болѣе, а «въ четвертомъ—разгараются и бушуютъ страсти; въ пятомъ спорное дѣло «рѣшается, выходитъ авторъ и возвѣщаетъ мораль пьесы. На другой день, «по приближеніи вечера, когда дѣло не развязывалось, Наполеонъ обратил«ся къ стоявшему возлѣ его Нарбону, сказавъ: «Narbone! aujourd'hui le cin«quième acte n'arrive pas!»

Значитъ, въ совершенномъ порядкѣ на второй позиціи.

Еще далѣе (p. 347) авторъ говоритъ: «Въ глубинѣ поля бит-«вы густыя Русскія массы представляли артиллеріи богатую до-«бычу, и казались вызывающими насъ.»

Слѣдовательно, все таки вызывали на поле битвы.

«Такъ какъ имъ хочется еще, сказалъ Наполеонъ съ же-«стокой свычкой съ полемъ битвы, то поддайте имъ еще (don-«nez leurs en)! Онъ приказалъ поставить свою артиллерію, кото-«рая не была употреблена, и съ этой минуты начали дѣйствовать «около четырехъ сотъ орудій. Такимъ образомъ, въ продолженіе «нѣсколькихъ часовъ, стрѣляли въ массы Русскихъ, которые упор-«но стоятъ въ линіи, подъ этой ужасной канонадой, теряя тысячи «людей безъ колебанья. Слѣдовательно, тутъ убивали вмѣсто того, «чтобы брать плѣнныхъ; [26] мы также теряли людей, но, конечно, «шестую часть противъ тѣхъ, которыхъ поражали. Съ наступле-«ніемъ ночи канонада прекратилась.»

Спрашивается: какая же это побѣда?

Исторіографъ этотъ говоритъ (p. 345): «Ужасы этой страш-«ной битвы, безпримѣрные еще для Наполеона, хотя онъ и ви-«дѣлъ ихъ много, и очень кровопролитныхъ, какъ бы изумили «его геній.»

Буржуа (p. 46) свѣдѣтельствуетъ, что Русскіе оставили поле сраженія (опять говорю—только лѣвое крыло); «однако же Фран-«цузская артиллерія продолжала стрѣлять.»

Значитъ, что флангъ этотъ оставался на своей второй пози-ціи неподвижно, а Генералъ Гурго, извѣстный преданностію На-полеону (p. 133), присовокупляетъ: «Позиція эта была еще «сильна.»

Пеле, разсказавъ, какъ видно было выше, о личномъ обо-зрѣніи Наполеономъ позиціи при Горкахъ, когда онъ былъ за

[26] Да какъ же было брать плѣнныхъ, когда не сдавались, предпочитая смерть плѣну? Это свѣдѣтельствуется всѣми писателями, участниками въ битвѣ.

руку отведенъ назадъ (p. 142), присовокупляетъ: «Съ сей минуты «битва кончилась. Пушечная пальба продалжалась еще довольно «долго и окончилась совершенно около шести часовъ.»

Изъ этого слѣдуетъ, что Французы оттѣснили нашъ лѣвый флангъ на вторую позицію, но къ которой приступить не отваживались. Относительно же атаки центра — Наполеонъ отваживался еще менѣе.

Сегюръ (p. 401) говоритъ: «День уже склонялся; наши сна-«ряды были истощены; битва кончилась....» (p. 402): «Русскіе «укрѣпляются въ своей послѣдней позиціи (т. е., лѣвый флангъ), «Наполеонъ не думаетъ болѣе ни о чемъ, какъ только внушить «побѣдителю осторожность.»

Что за фразы! Отбросивъ ихъ, находимъ, что Русскіе остались на мѣстѣ и Наполеонъ не думаетъ уже продолжать битву, а опасается, чтобы мы оной не начали.

Тиссо (t. II, p. 139), говоря о второй позиціи нашего лѣваго фланга, присовокупляетъ, что «эта вторая возвышенность бы-«ла покрыта батареями, хорошо дѣйствующими, истощала безпре-«рывнымъ огнемъ своимъ наши войска и сопротивлялась движе-«нію, которое Ней хотѣлъ предпринять». [27] Какая же это побѣда?

Генералъ Раппъ (p. 168) говоритъ: «Битва была выиграна, «но огонь былъ все еще ужасный.»

Съ кѣмъ же перестрѣливались, когда непріятель сбитъ? Такого обмѣна изъ орудій не бываетъ

Пеле также говоритъ (p. 140), что Наполеонъ не очень былъ доволенъ результатомъ битвы: «Русскіе понесли огромныя потери «съ того времени, какъ они должны были выдержать на откры-«томъ мѣстѣ огонь нашей артиллеріи. Поля скрывались подъ гру-

---

[27] Г. Тоссо не могъ же оставить это безъ прекрасы фразою и не потѣшить себя и своихъ, а по тому, въ слѣдъ за послѣдними словами, и говоритъ (p. 140): «Однако же Русскіе замѣтили, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно — «ночью отступили. По утру мы ясно увидѣли, что они отступили.» — Что за безсмыслица!

«дами труповъ: они представляли по нѣскольку Русскихъ на од-«ного Француза.»

Это все можетъ быть, но ни какъ не доказываетъ побѣды, что, въ слѣдъ за симъ, скажетъ и самъ авторъ.

«Однако же (продолжаетъ Генералъ Пеле) мы взяли лишь «нѣсколько человѣкъ, по одиночкѣ раненыхъ и пушки, бывшія въ «укрѣпленіяхъ. Русскіе оказали всюду сопротивленіе, пре-«кращавшееся только съ ихъ жизнію.»

Указывая на нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя Кутузовымъ, Генералъ Пеле восклицаетъ: «Преданность Генераловъ (р. 522) и «непоколебимая храбрость солдатъ спасли Россію. Другія вой-«ска были бы разбиты и можетъ быть уничтожены до по-«лудня. За чѣмъ не сознать ошибокъ, исправленныхъ съ такою «славой?»

Вотъ это истина безъ прикрасъ фразами. Она прямо говоритъ, что Русскіе не были разбиты.

Въ «Der Krieg des franzos. etc., im Jahr 1812» (S. 107), сказано: «Не смотря на чрезвычайныя усилія Французовъ, сопровож-«давшіяся большими потерями, въ центрѣ они оставались до полу-«дня тщетными, и потери ихъ были значительны. Но послѣ полу-«дня Русскіе должны были уступить (т. е., лѣвый флангъ), и по «сему (авторъ очень наивно прибавляетъ) кажется Наполеонъ «одержалъ побѣду самыми кровавыми пожертвованіями.»

Дюрданъ (р. 38) говоритъ: «Какъ бы то ни было, но этотъ «успѣхъ, столь дорого пріобрѣтенный, долженъ почитаться по-«слѣднимъ изъ одержанныхъ Наполеономъ.»

Въ «Beautés victoires etc.» (t. II, p. 24): «Непріятель былъ «побѣжденъ, но между тѣмъ поддерживалъ свой огонь, и толь-«ко около ночи онъ прекратился съ обѣихъ сторонъ.»

Съ кѣмъ же, повторяю, побѣдитель перестрѣливался?!

Мишо (р. 134) пишетъ: «Силою крови и усиліями успѣли «сбить непріятеля съ нѣкоторыхъ пунктовъ.... Сѣча кончилась

«только съ окончаніемъ дня. Только тогда, наконецъ, непріятель «удалился съ поля битвы, и Французская армія провела наономъ «ночь. [28] Наполеонъ почелъ себя побѣдителемъ, но, какъ Пирръ, «онъ могъ сказать: «Еще одна такая же побѣда, и мы погибли!»

Клаузевицъ, разсуждая о Бородинской битвѣ, говоритъ, между прочимъ (de la guerre, p. 454): «Дѣйствительно, въ про«долженіе этой битвы не могло еще быть рѣчи о преслѣдованіи. «Побѣда рѣшилась въ четыре часа по полудни, но Русскіе за«нимали еще большую часть поля битвы; они не хотѣли «еще оставить его, и если бы атака возобновилась, то «они оказали бы упорное сопротивленіе.»

Что за логика? Побѣжденные занимаютъ большую часть позиціи, не хотятъ оставить оной и оказали бы упорное сопротивленіе! Все это вмѣстѣ ни какъ не склеивается. Но вотъ что, въ слѣдъ за симъ, говоритъ авторъ: «Естественно, это повело бы ихъ «къ совершенному разбитію.» — Это по чему? — По Нѣмецки! Но, въ слѣдъ за симъ, онъ утѣшаетъ насъ, говоря: «Это стоило бы «много крови и Французамъ.»

Но еще замѣчательнѣе слова въ слѣдъ за послѣдними: «Въ «Бауценѣ (Будышинѣ) побѣжденный предпочелъ первый оставить «поле битвы. Въ Бородинѣ, побѣдитель предпочелъ довольствовать«ся не полною побѣдой.» Я рѣшительно не нахожу смысла, особенно въ первой половинѣ фразы: «побѣжденный предпочитаетъ первый оставить поле битвы!» Да какъ же бы это могло быть иначе? Вѣдь не побѣдителю же первому отступить, если того не было въ общемъ планѣ, такъ какъ это было у насъ въ 1812 году; а въ Бауценѣ о такомъ планѣ не могло быть и рѣчи. Путаница, часто встрѣчаемая въ книгѣ Клаузевица.

Бертезенъ (t. II, p. 53, 54) свѣдѣтельствуетъ: «Съ прибли«женіемъ ночи Императоръ приказалъ прекратить огонь и «занять позицію. Непріятель, съ своей стороны, остановился: пра«вый флангъ у Горокъ, лѣвый — въ лѣсу, между двумя дорогами

---

[28] Слишкомъ неопредѣлительно! Французы ночью занимали передовыми постами только Семеновское. О чемъ будетъ говорено далѣе.

«въ Москву.» Шнейдавиндъ (1-te Band, S. 195) говоритъ одинаково, что «правый флангъ нашъ оставался у Горокъ, а лѣвый при«мыкалъ къ лѣсу у Утицы, нѣсколько сзади оной, оставляя Семе«новское впереди.»

Изъ этого видно, что Французы первые отказались отъ дальнѣйшей битвы, прекративъ свой огонь. Относительно же обозначенія позиціи, намъ не нужно было останавливать нашъ правый флангъ у Горокъ, которыя нами были заняты съ самаго начала, т. е., за четыре дня до битвы, и въ продолженіе оной войска отбивали изъ нихъ всѣ покушенія непріятеля. Сверхъ того, Горки не были правымъ флангомъ въ общей позиціи: это былъ правый флангъ центра; ибо, правѣе ихъ, на правомъ флангѣ позиціи, находились: цѣлый кавалерійскій корпусъ Уварова, Платовъ съ Казаками и нѣсколько егерскихъ батальоновъ. Оттуда и дѣланы были нападенія на лѣвый флангъ Французовъ. Бывшіе же тамъ два пѣхотные корпуса, 2 и 4-й, во время битвы получили другое назначеніе. Что же касается до лѣваго нашего фланга, то хотя Генералъ Бертезенъ и не положительно указываетъ, но направленіе вѣрно, и это все доказываетъ только то, что этотъ флангъ изо всей позиціи осадилъ на нѣсколько сотъ саженъ, на свою вторую позицію, не разорвавъ связи съ общей.

Лабомъ (p. 160) пишетъ: «Послѣ долгихъ переговоровъ Ви«це-Короля съ Бертье, первый—приказалъ прекратить пушеч«ную пальбу, тогда непріятель сдѣлался спокойнѣе; онъ дѣлалъ «временами по нѣскольку выстрѣловъ, и тишина его послѣдняго «редута (Горки) несомнѣнно насъ удостовѣрила, что Русскіе отсту«паютъ по дорогѣ въ Москву.»

Изъ этого засвѣдѣтельствованія опять видно, что Французы первые отказались продолжать битву, прекративъ свой огонь; нашъ же огонь, должно полагать по выраженію, если это не фраза, ихъ безпокоилъ. Относительно же тишины съ нашего редута у Горокъ, то это былъ не послѣдній; ибо ниже этой батареи (только въ три орудія), а не редута, была еще батарея въ девять орудій, не считая находившихся на правомъ флангѣ, и орудій, выставленныхъ безъ искуственнаго прикрытія тотчасъ влѣво возлѣ Горокъ. Касательно же несомнѣнности, по-

рожденной въ мысляхъ непріятеля, на основаніи, что батарея съ Горокъ не производила огня, и что послужило къ заключенію, что мы отступаемъ по дорогѣ на Москву, то, помимо того, что мы вовсе тогда и не думали еще отступать, да по чему же мы должны бы были совершить это движеніе именно на Москву? Это все догадки автора. Обращаюсь къ прекращенію огня съ Горокъ, давшему поводъ заключать о нашемъ отступленіи. Батарея, или какъ авторъ называетъ, редутъ, былъ занятъ артиллеріею до разсвѣта слѣдующаго дня. Послѣ же битвы, когда стемнѣло, бывшія тутъ орудія роты Маіора (Х. И.) Дидерихса, были смѣнены орудіями роты Полковника Гулевича. Прапорщикъ (В. Ѳ.) Раевскій занялъ эту батарею, гдѣ оставался, и снялся съ оной только при отступленіи аррiергарда. [29]

Боссе, Префектъ дворца (t. II, p. 99) говоритъ: «Вечеромъ, «въ семь часовъ, Наполеонъ возвратился въ свою палатку, и я за«мѣтилъ, что, противъ обыкновеннаго, лице его было распалено, «волосы въ безпорядкѣ и видъ усталый. Сердце его страдало отъ «потери столькихъ Генераловъ и храбрыхъ солдатъ. Здѣсь, конеч«но, въ первый разъ онъ понялъ, что слава дорого была запла«чена» и т. д. Боссе, рьяный сторонникъ Наполеона, приписываетъ это чувство тому, что онъ не употребилъ въ дѣло гвардіи и пр.

Сегюръ (t. 1, p. 403) пишетъ: «Когда послѣ битвы Напо«леонъ вошелъ въ свою палатку, къ упадку физическихъ его силъ «присоединилась большая печаль нравственная. Онъ видѣлъ поле «битвы: мѣстность говорила еще болѣе, чѣмъ люди. Около десяти «часовъ вечера пріѣхалъ (p. 404) Мюратъ опять просить гвардей«ской конницы и доносилъ, что Русская армія въ безпорядкѣ пе«реходитъ чрезъ Москву рѣку. [30] Онъ хотѣлъ напасть на нихъ и по«рѣшить. Наполеонъ отвергъ эту выходку чрезмѣрной горячности, «потомъ продиктовалъ бюллетень этого дня (18), замѣчательный «своею ложью».

---

[29] Онъ былъ награжденъ золотою шпагой «за храбрость», тогда очень рѣдкой, особенно въ его чинѣ. Раевскій живъ по сіе время.

[30] На другой же день этотъ самый Мюратъ оспаривалъ Нея, утверждая, что Русскіе отступили въ порядкѣ.

Сегюръ продолжаетъ (р. 403): «Эта побѣда, которой такъ «долго домогались и которую купили столь дорого, была непол-«ною. Дѣйствительно, потери были огромны и безъ соразмѣрнаго «имъ результата... Въ арміи и въ палаткѣ Наполеона побѣда была «безмолвна, мрачна, одинока, даже безъ льстецовъ...... Тѣ, которыхъ «онъ призвалъ: Дюма, Дарю — слушали его и молчали (р. 404); «но ихъ видъ, ихъ потупленные взоры, ихъ молчаніе — не были «безмолвны».

Вотъ, что говоритъ объ этомъ самъ Графъ Дюма, въ «Воспоминаніяхъ» (t. III, р. 440): «Около девяти часовъ вечера, я и Дарю «были позваны къ Императору (его бивакъ былъ расположенъ «среди карре батальона старой гвардіи). Ему подали ужинать; онъ «былъ одинъ и посадилъ насъ подлѣ себя, одного на право, дру-«гого на лѣво. Выслушавъ наши донесенія о сдѣланныхъ нами рас-«поряженіяхъ, для призрѣнія раненыхъ, и о ничтожности средствъ, «представляемыхъ Колоцкимъ монастыремъ и нѣсколькими дворами «около Бородина, онъ поговорилъ съ нами объ исходѣ битвы и «тотчасъ послѣ заснулъ минутъ на двадцать. Потомъ, вдругъ про-«снувшись, продолжалъ такъ: «Удивятся, что я не употребилъ «своихъ резервовъ, чтобъ пріобрѣсть болѣе значительные «результаты. Но я долженъ былъ ихъ сохранить, чтобы «нанести рѣшительный ударъ въ большой битвѣ, которую «намъ дастъ непріятель подъ Москвою. Успѣхъ (нынѣш-«няго) дня былъ обезпеченъ: я долженъ думать объ ус-«пѣхѣ кампаніи, а по тому я и сберегъ свои резервы».[31]

Тьеръ (р. 348) пишетъ: «Въ этотъ вечеръ изъявленія радо-«сти и удивленія, которыя нѣкогда рѣзко обнаруживались въ Аус-«терлицѣ, Іенѣ, Фридландѣ — не были слышимы въ палаткѣ по-«бѣдителя».

---

[31] Здѣсь Наполеонъ поступилъ противъ своихъ правилъ. Въ его «Maximes de guerre» (Ar. 94, p. 49) сказано: «Les généraux, qui gardent des troupes frai-«ches, pour le lendemain d'une bataille, sont presque toujours battus. On doit, «s'il est utile, faire donner jusqu'a son dernier homme, parce que le lendemain «d'un succès complet, on n'a plus d'obstacle devant soi; l'opinion seule assure «de nouveaux triomphes au vainqueur».

Цельнеръ (S. 86) также свѣдѣтельствуетъ объ унынія въ тотъ вечеръ въ палаткѣ Наполеона. И далѣе (S. 88) присовокупляетъ, что «вечеромъ, послѣ битвы, не было ни пѣсенъ, ни раз«сказовъ: господствовало общее печальное, молчаливое уныніе».

Не слишкомъ ли уже достаточно объясняется, за кѣмъ осталась честь этого дня?

Сентъ-Илеръ, въ «Hist. de la camp. 1812», описавъ довольно еще сносно Бородинскую битву, не могъ, однако же, воздержаться отъ обычныхъ фразъ, и вотъ одна изъ нихъ (t. II, p. 25): «Le soir venu, l'armée russe était en pleine déroute». Но тотчасъ же начинаетъ поправляться (p. 26): «Поле битвы покры«то было убитыми и ранеными. Какъ и подъ Эйлау, бой былъ «продолжительный и ужасный. Остановились биваками, не осмѣ«ливаясь атаковать, или даже сдѣлать малѣйшее преслѣдованіе. «Чтобы дать отдыхъ своимъ солдатамъ, Императоръ подвинулъ мо«лодую гвардію, и приказалъ ей занять позицію предъ Русскими».

Что за путаница! «Не «отваживается атаковать, но даже «и сдѣлать малѣйшаго преслѣдованія! Русская армія въ пол«номъ бѣгствѣ, а молодую гвардію ставятъ на позицію предъ «Русскими!» Вѣроятно, Г. Сентъ-Илеръ позабылъ, что онъ заставилъ уже Русскихъ бѣжать, такъ сказать, безъ оглядки, и что не кого было атаковать, а наголову разбитаго непріятеля слѣдовало преслѣдовать, чего, конечно, не упустили бы, если бы это было такъ, какъ гласитъ фраза.

Останавливаясь отъ дальнѣйшихъ выписокъ объ этомъ предметѣ, ограничусь приведеніемъ мнѣнія одного Нѣмца, автора книги: «Der Krieg d. franz. etc. 1812». Вотъ что у него читается (S. 111): «Вообще замѣчаютъ, что почти никогда разноплеменныя войска «не бились такъ яростно, какъ въ этотъ кровавый день. Каждый «былъ въ ожиданіи, что на этомъ мѣстѣ и въ этотъ день произой«детъ спасеніе его отечеству, будетъ конецъ претерпѣваемымъ из«нуреніямъ, неизбѣжнымъ въ такъ малонаселенномъ краѣ и при«томъ въ столь жаркое лѣто, по чему и бились неимовѣрно храбро.[32] Виртембергцы, Саксонцы, Вестфальцы, Поляки, Фран-

---

[32] Причина оригинальная, откровенная, безъ фразъ, подобныхъ употребляемымъ

«цузы, Португальцы, Италіянцы, Хорваты, казалось, въ этой бит-«вѣ одушевлены были однимъ духомъ, чего не бывало ни прежде, «ни послѣ». Да! однимъ духомъ—голодомъ, который всѣми и выставляется на первомъ планѣ.

Далѣе сказано (S. 124): «Положимъ, что битва кончилась бы «отступленіемъ Русскихъ, или Французовъ, но во всякомъ случаѣ «послѣдніе были такъ изнурены сильными напряженіями овладѣть «укрѣпленіями и удерживать ихъ, что не были въ состояніи пре-«слѣдовать Русскихъ, или воспрепятствовать Кутузову дѣйствовать «по своему. Французы должны были нѣсколько дней отдыхать, «чтобы опамятоваться, чтобы обозрѣть свои потери, чтобы «узнать движеніе и направленіе своего непріятеля. Многое, что «случилось въ послѣдствіи, было слѣдствіемъ изнуренія Великой «арміи, которая, можетъ быть, и била непріятеля, но не обра-«щала его въ бѣгство, можетъ быть отбила его, но не раз-«строила.»

Теперь должно разсмотрѣть положеніе армій по окончаніи битвы, и мѣста, ими занятыя до утра.

По окончаніи битвы о расположеніи Французовъ встрѣчаются въ частностяхъ противорѣчащіе разсказы, но въ общемъ результатѣ представляется одно и то же.

Сегюръ (t. I, p. 402) пишетъ, что Наполеонъ, «возвратясь «въ свою ставку, подозвалъ Маршала Мортье, и приказалъ ему «подвинуть молодую гвардію, но въ особенности не перехо-«дить новаго оврага, отдѣляющаго его отъ непріятеля»,[33] и прибавилъ, «что онъ возлагаетъ на него сохранить поле битвы;

Французами. Тутъ просто сказано, что сражались храбро съ голоду. Что же касается до выраженья «спасенія отечества,» это чистый юморъ. Нѣмцы того времени шли въ Москву спасать свое отечество! Ужь и тутъ надо было быть столь же откровенными и сказать, что Французы велѣли имъ идти, а голодъ заставилъ ихъ драться. Не будь голода, а раздолье, какъ въ Германіи, можетъ быть они бы повторили Ульмъ, Іену и т. п. Сытые дерутся хуже голодныхъ, что замѣчено и у хищныхъ животныхъ.

33 Значитъ, непріятель былъ тутъ, а не ушелъ?

«что требуетъ отъ него только этого, и болѣе ничего. Вскорѣ «онъ опять подозвалъ его и спросилъ: хорошо ли онъ его понялъ? «Приказывалъ не завязывать ни какого дѣла и въ особенности со«хранять поле битвы. Черезъ часъ онъ опять велѣлъ повторить «приказаніе — не идти впередъ и не отступать, чтó бы ни слу«чилось.»

Это доказываетъ какъ близкое присутствіе вовсе не разстроенныхъ Русскихъ, такъ и то, какъ мало было увѣренъ Наполеонъ въ своей силѣ.

Фенъ (t. II, p. 41) говоритъ: «Чтобы дать возможность «отдохнуть войскамъ, бывшимъ въ битвѣ, Наполеонъ приказываетъ «подвинуть молодую гвардію и занимаетъ ею позицію противъ «Русскихъ (значитъ, они были тутъ): «Сохраняйте поле битвы, «сказалъ онъ Герцогу Тревизскому (Мортье), дѣлайте, что я «вамъ говорю, и болѣе ничего!»

Гурго (p. 138) свидѣтельствуетъ тоже, что «Наполеонъ по«ручилъ молодой гвардіи сохраненіе поля битвы. Непріятель могъ «получить подкрѣпленіе въ продолженіе ночи; Наполеонъ дѣлаетъ «распоряженіе, чтобы, въ случаѣ нужды, поддержать ее.»

И это опять подтверждаетъ, какъ мало онъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ.

Эти три показанія лицъ, находившихся при Наполеонѣ, ясно доказываютъ, чтó Французская армія, бывшая въ дѣлѣ, отступила, какъ это далѣе будетъ сказано яснѣе, и что молодая гвардія въ этомъ мѣстѣ, т. е., при Семеновскомъ, составляла какъ бы авангардъ; а расположившись такъ, они это и разумѣютъ подъ именемъ поля битвы, что разъяснится въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, самая численность молодой гвардіи (около 6 т.) доказываетъ, что она далеко не могла составлять и авангарда, а имѣла порученіе содержать посты въ Семеновскомъ.

Пеле (p. 142) пишетъ: «Французская армія расположилась «на пространствѣ, взятомъ у непріятеля близъ лѣса, въ который «онъ отступилъ.»

На этомъ пространствѣ, противъ нашего лѣваго фланга, Французы оставались до наступленья темноты, но потомъ стянулись къ Семеновскому, гдѣ смѣнены были молодою гвардіей, и пошли далѣе, назадъ, къ своему лагерю.

Рёдеръ, Полковникъ Гессенскаго Генеральнаго Штаба, участникъ въ битвѣ (S. 152), говоритъ: «Французы заняли только часть «поля битвы (на нашемъ лѣвомъ флангѣ); дивизія Роге, молодой «гвардіи, заняла ее. Наполеонъ у Шевардина, среди баталіоннаго «каре старой гвардіи.» Лессингъ, Саксонскій Офицеръ, участникъ въ битвѣ (t. I, S. 450), говоритъ то же, что «только одна конница занимала постами часть поля битвы, Русскіе также занимали оное: пѣхота же Французовъ отошла.» Лессингъ описываетъ ужасныя сцены и зрѣлища.

Генералъ Гофманъ, также участникъ въ битвѣ, въ «Schl. von Borodino» (S. 65), говоритъ, что, «по окончаніи битвы Французы были за Семеновскимъ. [34] Гвардія оставалась въ Шевардинѣ, а Понятовскій около Утицы.»

Лабомъ (p. 160) пишетъ: «Армія расположилась на полѣ «битвы и частью во взятыхъ ею редутахъ.»

Здѣсь поле битвы разумѣется около Семеновскаго, и самые редуты, въ которыхъ частью остановилась, какъ замѣчено выше, молодая гвардія. Относительно же центральной батареи, какъ смерклось, на ней не было и ведета со стороны Французовъ, отошедшихъ съ этѣхъ мѣстъ на лѣвый берегъ Семеновки. Эта батарея составляла оконечность лѣваго фланга 6 корпуса, который защищалъ ее, а по тому мнѣ близко извѣстно, что въ полночь на ней, кромѣ грудъ убитыхъ и умирающихъ, никого не было, да и быть не могло; ибо пунктъ этотъ для Французовъ былъ слишкомъ изолированнымъ впереди.

---

[34] Тогда Подполковникъ Генеральнаго Штаба у насъ (въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ Пруссіи). Сказавъ за Семеновскимъ, значитъ должно понимать съ нашей стороны, т. е., что Французы имѣли передъ собою Семеновское, а занимали редуты только передовою цѣпью. Это въ дѣйствительности и было такъ.

Биньіонъ (p. 40) пишетъ: «Поле битвы принадлежитъ «намъ. Непріятельская армія не думаетъ болѣе возвращаться «на насъ; она придвинулась къ Псаревскому оврагу, но не от«ступаетъ; послѣ ужасной канонады она стоитъ въ колоннахъ.»

Здѣсь опять идетъ рѣчь объ одномъ лѣвомъ флангѣ, ибо прочія части оставались на мѣстѣ. Замѣчательны выраженія: «болѣе не возвращается на насъ, но не отступаетъ!» Значитъ, что она остановилась на своей второй позиціи и ожидала Французовъ къ себѣ въ гости, и, по словамъ автора, не переходила даже за Псаревскій оврагъ.

Посмотримъ теперь сказанія еще нѣкоторыхъ.

Генералъ Сарразенъ (p. 144) говоритъ: «и Наполеонъ въ «Бородинѣ, какъ Фридрихъ въ Колинѣ, занимаетъ ночью про«странство, на которомъ онъ находился, прежде чѣмъ «дать битву, кромѣ его праваго фланга, подъ начальствомъ Мю«рата, который съ большимъ трудомъ удержался на отнятой у «Русскихъ позицій.»

Капфигъ (t. IX, p. 277) пишетъ, что, по «окончаніи битвы, «обѣ арміи остановились бивуаками одна противъ другой, не осмѣ«ливаясь атаковать, или преслѣдовать, на другой день.»

Само собою разумѣется, что одна противъ другой; но на какомъ разстояніи онѣ находились? По смыслу сказаннаго явствуетъ, что если бъ мы не отступили, то непріятель не осмѣлился бы насъ атаковать; между же тѣмъ извѣстно, что мы даже осмѣливались думать на другой день атаковать Наполеона, и, по удостовѣренію Французскихъ писателей, мы поставили бы этѣмъ непріятельскую армію еще и въ самое опасное положеніе.

Керъ-Портеръ (p. 155) пишетъ: «Французы отступили «съ поля битвы, когда уже нельзя было различать ни одного «предмета», и присовокупляетъ еще: «Разставляя ночную цѣпь, «Русскіе на каждомъ шагу имѣли доказательство, что славные дни «Эйлау и Ваграма, какъ бы кровопролитны они ни были, съ этѣхъ «поръ должны уступить мѣсто, по огромному побіенію, Бородин«ской битвѣ.» Далѣе, разсуждая о лжи, наполняющей бюллетени

Наполеона, говоритъ: «Будучи принужденъ отступить двѣнадцать «верстъ (11 километровъ), не останавливаясь, онъ требуетъ себѣ «право на успѣхъ дня?» присовокупляя, что Платовъ былъ посланъ за нимъ. По засвѣдѣтельствованію же Полковника Комба, какъ видно будетъ далѣе, Платовъ, дѣйствительно, на разсвѣтѣ атаковалъ Французскіе аванпосты.

Вентурини, участникъ (t. I, S. 283), говоритъ, что «Русскій лѣвый флангъ былъ отодвинутъ въ кустарникъ, но, съ наступленьемъ ночи, каждая сторона заняла опять тѣ мѣста, съ которыхъ поутру начали битву.»

Буркерсрода, Офицеръ Гессенскаго гвардейскаго кирасирскаго полка, говоритъ, «что когда стемнѣло, они отошли съ поля битвы при Семеновскомъ, оставивъ только аванпосты, и расположились въ кустарникахъ, откуда поутру выступили въ дѣло.

Въ «Skiz. zur einer Gesch.» (S. 202): «Ночью обѣ стороны заняли «опять тѣ мѣста, на которыхъ были по утру.»

Дюрданъ (p. 34—35) говоритъ тоже, что «Французы отошли.»

Козегартенъ (стр. 166) говоритъ, что «ночью Французы «не выиграли пяди пространства.»

Генералъ Гурго, пламенный сторонникъ Наполеона и спутникъ его на островъ Св. Елены, опровергая Сегюра, говоритъ (p. 139), что, напротивъ, «Русская армія провела ночь на остав«шемся у ней полѣ битвы, упираясь правымъ флангомъ къ Гор«камъ, правѣе которыхъ находилась дивизія легкой пѣхоты, а лѣ«вое крыло упиралось къ лѣсу, находящемуся сзади Семеновскаго. [35]

Но правѣе Горокъ, т. е., на правомъ флангѣ, находился еще цѣлый кавалерійскій корпусъ Уварова. Обозначеніе, занимаемаго

---

[35] Здѣсь опять ссылка на Бутурлина (t. II, p. 116), что Кутузовъ въ Тарутинѣ занимался реорганизаціей: «Des corps qui avaient échappé au massacre de «Borodino.» Досадно находить подобныя фразы въ устахъ нашихъ повѣствователей, и если бы еще онѣ были справедливы! Событія послѣ Бородина, какъ видно будетъ въ гл. «Отступленіе», докажутъ всю нелѣпость этой и ей подобныхъ фразъ.

нами пространства вѣрно и изъ онаго видно, что только лѣвое крыло наше осадило на нѣсколько сотъ саженъ, сохраняя правымъ флангомъ своимъ на этой второй позиціи неразрывную связь со всею арміей.

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 307) пишетъ: «Русскіе, кото«рымъ ихъ отчаянныя усилія, чтобы занять обратно линію своихъ «редутовъ, причинили великія потери, получили наконецъ при«казаніе отступить, и хотя побѣда безспорно осталась за Фран«цузами, но можно сказать, что Русскіе скорѣе отказались отъ «битвы, чѣмъ потерпѣли пораженіе.»

Какимъ же образомъ писатель этотъ впадаетъ въ такое ошибочное повѣствованіе, когда всѣ Французскіе писатели, дѣятели въ битвѣ, утверждаютъ, что Французы первые прекратили огонь, но что Русскіе по временамъ и потомъ еще посылали въ нихъ свои ядра? Слово — «отказались» — совершенно неправильно: это — фраза.

Далѣе онъ говоритъ (тамъ же): «На дѣлѣ же, по прекращеніи «дѣйствія, Французы отступили на мѣста, которыя занимали преж«де, оставивъ Русскихъ обладателями окровавленнаго поля битвы, «на которомъ они имѣли время похоронить убитыхъ и подобрать «раненыхъ. Ихъ конница произвела даже тревогу во Французскомъ «лагерѣ въ послѣдующую ночь за битвою.»

Въ «Fragm. sur la camp. de Russie etc.» (p. 44), сказано: «Въ «этотъ достопамятный день Русскіе приняли такъ хорошо старыя «толпы (vieilles bandes) (любимое выраженіе Наполеона), что не «много образумили ихъ привычную самоувѣренность торжествовать, «и отбросили ихъ за двѣ мили отъ поля битвы, поздравить своего «Императора съ его побѣдой.»

Заключу этотъ предметъ повѣствованіемъ Тьера, который, конечно, въ настоящемъ случаѣ, скорѣй склонился бы на сторону своихъ соотечественниковъ, а онъ говоритъ (p. 347): «Наши Ге«нералы отвели немного назадъ свои дивизіи, чтобы обез«печить (garantir) ихъ отъ Русскихъ ядръ, и расположились у по«дошвы взятыхъ высотъ». [36]

---

[36] Шапюи, рьяный защитникъ военной славы своихъ соотечественниковъ,

Этѣ высоты были—Семеновскія, слѣдовательно, тутъ только, какъ замѣчено выше, они и занимали поле битвы; все же остальное, въ особенности главное поле битвы, было за Семеновскимъ, но Французы предпочли лучше оставить оное, чѣмъ оставаться подъ нашими ядрами.

Толь (t. II, S. 116, 117) говоритъ: «Только Бородино, цен«тральная батарея и деревня Семеновская остались на ночь заня«тыми Французами.» Далѣе (S. 118, 119) подкрѣпляетъ доводами, «что Французы отвели свои войска со всѣхъ другихъ пунктовъ.» Относительно центральной батареи, я говорилъ выше.

Въ такомъ грозномъ, какъ видно было выше, по свѣдѣтельству самихъ Французовъ, положеніи нашей арміи, не только что готовой принять Французовъ, но замышлявшей еще, съ разсвѣтомъ, атаковать ихъ, она съ горестью, о чемъ могутъ удостовѣрить остающіеся еще въ живыхъ дѣятели, узнала, что Главнокомандующій измѣнилъ планъ свой.

Въ этомъ расположеніи армія оставалась около двѣнадцати часовъ послѣ окончанія битвы, а потомъ предприняла, какъ говорится въ третьемъ отдѣленіи, въ гл. I-й, движеніе къ Можайску. Аррієргардъ же нашъ оставался до десяти часовъ утра на позиціи, занимая Горки, слѣдовательно, шестнадцать часовъ по окончаніи битвы, производя тревогу своими партіями во Французскомъ лагерѣ, и оставилъ мѣсто, не будучи къ тому вынужденъ, а слѣдуя сдѣланной диспозиціи; тогда только дано приказаніе Мюрату слѣдовать за нимъ, что онъ и предпринялъ не ранѣе полудня.

Изъ всего этого видно, что слово «побѣда» ни въ какомъ случаѣ Французамъ принадлежать не можетъ.

возстаетъ противъ Керъ-Портера, Дюрдана и Сарразена, сказавшихъ что послѣ битвы Французы отступили на нѣсколько верстъ (т. е., на мѣста, съ которыхъ пошли въ дѣло). Замѣчательна его логика относительно Генерала Сарразена. Онъ говоритъ, что Генералъ этотъ, хотя и писатель съ талантомъ, но не достоинъ критики, по тому что онъ человѣкъ безнравственный! Какое же это опроверженіе его повѣствованій? Преступленіе Сарразена заключалось въ двоеженствѣ.

ГЛАВА IV.

ПОТЕРИ.

Относительно потерь, понесенныхъ обѣими арміями, представляется такое же разногласіе, какъ и въ числительности армій, вступившихъ въ Бородинскую битву. Никто еще не предпринималъ разсмотрѣть критически и этѣхъ цифръ, чтобы разъ навсегда опредѣлить оныя, хотя бы только приблизнтельно, а не съ тою разницей, которая представляется нынѣ.

Вотъ цифры, которыя находимъ въ разныхъ повѣствованіяхъ о Бородинскомъ сраженіи у иноземныхъ историковъ, съ присовокупленіемъ и нашихъ.

Буржуа (p. 47) говоритъ: «Русскіе потеряли отъ тридцати «пяти до сорока тысячъ человѣкъ, Французы половину.»

Въ «Details abrégés» etc. (p. 20, 21) читается, что «битва эта «была найкровопролитнѣйшая: потеря Французовъ восходитъ отъ «пятнадцати до двадцати тысячъ, а Русскихъ отъ тридцати до со- «рока тысячъ человѣкъ.» Авторъ присовокупляетъ: «Если бы, по «взятіи Французами Семеновскихъ ретраншаментовъ, Русская армія «отступила тотчасъ, [37] то этотъ день для Французовъ, хотя и по- «бѣдителей (?), стоилъ бы гораздо болѣе, чѣмъ Русскимъ, по тому «что первые потеряли уже болѣе десяти тысячъ человѣкъ изъ

---

[37] По мнѣнію автора, намъ слѣдовало уступить съ перваго разу! и это мнѣніе раздѣляется, какъ увидимъ, многими и самимъ Наполеономъ, которому это было бы, конечно, очень пріятно. Замѣчательна филантропія и попеченіе о непріятелѣ!

«строя, тогда какъ потеря Русскихъ простиралась только до двухъ «тысячъ.»

Въ «Der Krieg der Franz.,» etc. сказано (S. 118) то же, что намъ «слѣдовало бы отступить тотчасъ, когда у насъ были взяты «Семеновскія флеши, и что тогда потеря Французовъ превосходила «бы нашу, но что мы упорствовали отбирать потерянное, такъ что «укрѣпленіе на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ одинъ часъ, перехо«дило изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, и присовокупляетъ, что «отъ девяти до десяти тысячъ лошадей осталось на мѣстѣ.»

Здѣсь авторъ разумѣетъ только лошадей Французскихъ (и то въ уменьшенной цифрѣ), ибо присовокупляетъ: «это пожертвованіе «конницею разразилось потомъ ужасными послѣдствіями. Когда «началось отступленіе, выгоды Русскихъ, превосходныхъ въ числи«тельности конницы, были чувствительнѣе, нежели потери ея при «Бородинѣ.» Но здѣсь представляется вопросъ: дожили ли бы этѣ лошади до того времени, когда началось отступленіе? Остававшіяся въ арміи Наполеона не могли уже имѣть корма и большее количество лошадей увеличило бы потребность фуража, а извѣстно, что по отступленіи изъ Москвы Французы должны были бросить множество пушекъ и различныхъ военныхъ обозовъ, по причинѣ гибели лошадей отъ недостатка корма. Въ тогдашнее же время, при большомъ количествѣ конницы, имъ столь же затруднительно было бы посылать далѣе на фуражировку; наши партіи и поселяне имѣли бы еще болѣе удобства уничтожить тѣхъ, которые отдѣлялись бы далеко отъ средоточія своихъ силъ.

Сарразенъ (p. 130) пишетъ то же. Онъ говоритъ: «Если «бы Русскіе, вытѣсненные изъ своихъ позицій, сказалъ Наполе«онъ, не предпринимали опять овладѣть оными, нашъ уронъ пре«восходилъ бы ихъ уронъ; но они уничтожили свою армію, держа «ее съ осьми часовъ до двухъ подъ огнемъ нашихъ батарей, и «упорствомъ отбирать то, что уже потеряли. Это причина ихъ «огромныхъ потерь.» И послѣ вдругъ опредѣляетъ (p. 136) потерю слѣдующимъ образомъ: «Потеря Французовъ около сорока тысячъ, «Русскихъ столько же», присовокупляя къ сему (p. 138): «что же «касается до пяти тысячъ плѣнныхъ, которыми хвастаетъ Напо«леонъ (въ 18 бюллетенѣ), взятыхъ у Русскихъ, то должно пред-

«полагать, что это раненые и больные, оставленные въ Можайскѣ «и окрестностяхъ.» Авторъ, не замѣчая безсмыслицы, которую сказалъ, самъ [38] прибавляетъ (p. 139): «Подобныя нелѣпости можно «разсказывать дѣтямъ. Какое безумство хотѣть увѣрить, что Рус«скіе, извѣстные плотностью и непоколебимостью своихъ колоннъ, «не умѣютъ смыкаться по мѣрѣ того, что люди выбываютъ изъ «фронта!» Это авторъ говоритъ въ опроверженіе сказаннаго въ помянутомъ бюллетенѣ, что Мюратъ врѣзался въ бреши, сдѣланныя въ нашихъ колоннахъ Французскою артиллеріею.

Пюибюскъ, Главный Интендантъ въ Смоленскѣ (p. 84), пишетъ: «Истина въ томъ, что тридцать тысячъ человѣкъ не попол«нятъ потери 7-го Сентября (26 Августа). Храбрѣйшая конница, «нещадно расточенная въ этотъ кровопролитный день, не скоро «возстановится.» Далѣе (p. 89): «Относительно убитыхъ и раненыхъ, «я не думаю, чтобы наша потеря была менѣе Русской»... «Я ви«дѣлъ Наполеона, объѣзжающаго поле битвы, я слѣдовалъ за нимъ «повсюду. Онъ былъ сіяющимъ, потирая руки, повторялъ съ удо«вольствіемъ: «Пять убитыхъ Русскихъ на одного Француза!» Я ду«маю (присовокупляетъ авторъ), что онъ принялъ Нѣмцевъ за «Русскихъ.»

«Такимъ образомъ (p. 90), продолжаетъ Пюибюскъ, Боро«динское сраженіе уменьшало Французскую армію на тридцать пять «тысячъ человѣкъ безъ всякой выгоды. Вы увидите изъ 18-го «бюллетеня, какъ уже я васъ извѣщалъ, что Русская армія, съ «открытія кампаніи, побитая, или взятая въ плѣнъ, оказывается «существующею, чтобы своею численностью превзойти нашу, «или, по крайней мѣрѣ, сравняться съ нею въ день битвы. Вы за«мѣтите также, что наша армія въ триста пятьдесятъ тысячъ чело«вѣкъ, при переходѣ чрезъ Нѣманъ, хотя почти ничего не потер«пѣла въ частыхъ схваткахъ и перестрѣлкахъ, съ 20-го Іюня яв«ляется на битву, 7-го Сентября, въ числѣ не болѣе ста тридцати «тысячъ человѣкъ... Что сдѣлалось съ сотнями тысячъ, которыхъ

---

[38] Ибо бюллетень былъ писанъ 26-го Августа вечеромъ, а Можайскъ занятъ Французами только 28-го Августа. Впрочемъ, эти раненые, если они только были въ такомъ числѣ, могли быть подобраны на полѣ битвы, но и это не въ то время, когда былъ писанъ бюллетень, а конечно, на другой день.

«недостаетъ съ 20 Іюня по 7-е Сентября, по признанію самаго «18 бюллетеня? Откуда являются Русскія фаланги, которыя мы «безостановочно убивали въ продолженіе шестидесяти четырехъ «дней? Какимъ образомъ можно заставить вѣрить, чтобы, атакуя «непріятеля, имѣющаго редуты, кареи, окруженныя засѣками, рав«няющимися рогаткамъ, овраги между собой и противниками— «понести, сравнительно, несоразмѣрную потерю, къ числу громи«мыхъ имъ, изъ пяти сотъ орудій въ продолженіе семи часовъ «безостановочно?»

Бомсдорфъ (t. II, p. 108) говоритъ, что «обѣ арміи потеряли «убитыми и ранеными семьдесятъ тысячъ человѣкъ, Русскихъ боль«шая половина.»

Ларей (Пеле, p. 531), главный хирургъ арміи, пишетъ: «Французовъ убито девять тысячъ, а ранено отъ двѣнадцати до «тринадцати тысячъ человѣкъ.» Пеле (p. 144) ссылается на эту же цифру, а потерю Русскихъ обозначаетъ по Бутурлину

Либенштейнъ (t. II, S. 61) говоритъ, что «по 18-му бюл«летеню, Французовъ убито двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ, а «ранено семь тысячъ пятьсотъ, но Французы потеряли не менѣе «сорока тысячъ, а Русскіе, по малой мѣрѣ, тридцать тысячъ че«ловѣкъ.»

Бретшнейдеръ (t. I, S. 86) пишетъ: «Съ обѣихъ сторонъ «считали отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ убитыхъ и ране«ныхъ,» и присовокупляетъ: «поле битвы представляло ужасную кар«тину! Горестна была участь раненыхъ, составлявшихъ цѣлую ар«мію. Они лежали тысячами безъ помощи. Но Русскій проливалъ «кровь, утѣшаясь тѣмъ, что палъ за родину; сыны же Германіи, «Франціи и Италіи, издыхали далеко отъ отечества жертвами вла«столюбія.»

Керъ-Портеръ (p. 156) говоритъ, что «потеря Французовъ «должна была простираться нѣсколько болѣе пятидесяти тысячъ «человѣкъ, а лошадей болѣе двадцати пяти тысячъ.»

Нѣсколько выше (p. 155) онъ пишетъ, что «въ этотъ день «восемьдесятъ тысячъ человѣкъ прекратили свое существованіе.»

Значитъ, что на долю Русскихъ авторъ даетъ тридцать тысячъ человѣкъ.

Миллеръ (t. I, S. 123), какъ участникъ въ битвѣ, свѣдѣтельствуетъ: «Французы говорятъ, что взяли въ плѣнъ пять тысячъ «человѣкъ, но это по большей части были раненые, которыхъ «Кутузовъ долженъ былъ оставить на мѣстѣ битвы.» Далѣе (S. 142) «прибавляетъ: «Русскіе потеряли болѣе людей, чѣмъ Французы, ко«торыхъ уронъ былъ уже довольно значителенъ.»

Шамбре (t. II, p. 75) опредѣляетъ общую потерю обѣихъ армій за семьдесять тысячъ убитыхъ и раненыхъ, но потеря Русскихъ была значительнѣй потери Французовъ, по тому что первые были въ необходимости оставить часть своихъ раненыхъ на полѣ битвы.[39] И далѣе (p. 76) говоритъ: «Русская пѣхота, от«носительно къ конницѣ, потерпѣла болѣе; въ арміи же Наполеона «это было на оборотъ. Одни отъ другихъ отбили по нѣскольку «полевыхъ орудій; Французы же, сверхъ того, овладѣли двадцатью «одной пушкой, находившимися въ редутѣ.[40]

Далѣе авторъ (p. 83) присовокупляетъ, что «Наполеонъ, слѣ«дуя своему обыкновенію преувеличивать свои успѣхи, извѣщаетъ. «въ 18-мъ бюллетенѣ, объ удержанной имъ рѣшительной побѣ«дѣ, въ которой Русскіе потеряли сорокъ, или пятьдесятъ, тысячъ, «а Французы только десять тысячъ человѣкъ.»

Фенъ, хотя и свѣдѣтель битвы, однако же не даетъ цифры потерь и ограничивается (t. II, p. 41) тѣмъ, что говоритъ: «По«тери Французской арміи велики. Потеря же Русской арміи не «смѣтна.» И повторяетъ то, какъ замѣчено выше, что мы «поте«ряли бы менѣе Французовъ, если бы не упорствовали въ защи«тѣ и въ нападеніяхъ.» Само собою разумѣется, говорю опять, что имъ было бы очень пріятно, если бы мы, какъ Пруссаки

---

[39] Но это ни какъ не измѣняетъ цифры выбывшихъ изъ строя, а только превращаетъ раненыхъ въ плѣнныхъ.

[40] Въ Бородинѣ, кромѣ полевыхъ орудій, у насъ не было ни какихъ, слѣдовательно и въ редутѣ были не крѣпостныя или осадныя, а тѣ же полевыя пушки.

подъ Іеною, бѣжали послѣ перваго на нихъ нападенія. Но Французы умѣютъ такъ ловко выражаться, въ подобныхъ случаяхъ, что можно подумать, будто они дѣйствительно руководимы филантропическими чувствами и искренне сожалѣютъ, за чѣмъ мы такъ упорно отстаивали мѣсто, что отъ этого-то мы такъ много и потеряли и т. д. Но не лучше ли было бы имъ вовсе не нападать, въ избѣжаніе кровопролитія? Послушать ихъ фразъ, такъ они насъ били отъ Нѣмана до Москвы и отъ Москвы до Парижа; а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уже фразы оказываются безсильными, они очень ловко умѣютъ слагать вину въ своихъ неудачахъ: или на мнимо несоразмѣрную числительность непріятеля, или на недоумѣнія нѣкоторыхъ частныхъ своихъ начальниковъ при исполненіи диспозиціи, на ошибки, на смерть начальниковъ частей и иногда на измѣну и тому подобныя причины, но и въ такихъ случаяхъ слово «victoire» съ другими, столь же громкими, выраженіями, всегда находитъ мѣсто во фразахъ, которыми мастерски облекаютъ свой разсказъ, ни мало не заботясь о томъ, что разсказъ, ими же самими составленный, совершенно противорѣчитъ хвастливымъ ихъ выраженіямъ.

Графъ Дюма равномѣрно не опредѣляетъ цифры потери подъ Бородинымъ, хотя ему, какъ Генералъ-Интенданту арміи, она должна быть положительно извѣстна. Вотъ, что онъ говоритъ («Souvenirs,» t. II, p. 442): «Наши потери громадны и тѣмъ болѣе чувствительны, что наши усилія и попеченія не могли создать на этѣхъ пустынныхъ равнинахъ достаточныхъ вспомоществованій, чтобы вырвать у смерти столько храбрыхъ изувѣченныхъ.» Изъ словъ Дюма должно заключить, что потери Французовъ были огромны.

Вольцогенъ (S. 148, 149), сказавъ, что у Русскихъ убито и ранено тысяча двѣсти Офицеровъ, но никогда нельзя было узнать точно, сколько именно въ этотъ день пало солдатъ, приводитъ цифру Бутурлина—пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Потерю Французовъ опредѣляетъ въ двадцать тысячъ убитыми и десять пушекъ, а Русскіе потеряли тринадцать пушекъ.

Солтыкъ (p. 244) говоритъ, что «у Русскихъ выбыло изъ строя пятьдесятъ тысячъ человѣкъ,» и присовокупляетъ: «но мы взяли только малое число плѣнныхъ.» Потерю же Французской

арміи онъ опредѣляетъ въ восьмнадцать тысячъ убитыми и ранеными, и говоритъ, что (p. 25): «при осмотрѣ Наполеономъ на другой день поля битвы (авторъ находился при Наполеонѣ), замѣтили, что на одного убитаго Француза было трое Русскихъ.» Выше же видно было, что Наполеонъ насчиталъ на одного Француза пять Русскихъ.

Галлуа, въ «Исторіи Наполеона» (II part., p. 442) опредѣляетъ «потери Русскихъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ, а Французовъ «отъ десяти до двѣнадцати тысячъ,» и то же, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, говоритъ, что намъ не слѣдовало оспаривать Семеновскія укрѣпленія; тогда мы потеряли бы менѣе Французовъ. Не угодишь этѣмъ Господамъ: когда мы отступаемъ—они кричатъ, что мы бѣжимъ! Начали сражаться, они опять говорятъ: зачѣмъ мы обороняемся, или нападаемъ на нихъ, это причиняетъ намъ потери! Филантропы!

Норвенъ (t. III, p. 310) говоритъ, что «эта битва, очень не «рѣшительная (trop peu décisive), Французамъ стоила отъ двѣнадцати до тринадцати тысячъ ранеными и девять тысячъ убитыми, «а Русскимъ (p. 311) около пятидесяти тысячъ. Французы взяли «пятьдесятъ пушекъ и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ.»

Тиссо (t. II, p. 726): «Эта битва, одна изъ самыхъ кровопро«литныхъ нашего времени, стоила Французамъ отъ пятьнадцати до «двадцати тысячъ человѣкъ. Число раненыхъ Генераловъ восходило «до тридцати. У Русскихъ (p. 727) выбыло изъ фронта около со«рока тысячъ человѣкъ. Убитыхъ, или раненыхъ, Генераловъ пять«десятъ.» (Но это даже не на оборотъ: у Французовъ сорокъ девять, а у насъ только двадцать два). Въ числѣ убитыхъ Генераловъ онъ называетъ двухъ Тучковыхъ, что неправильно, ибо убитъ только одинъ А. А. Тучковъ 4, а Н. А. Тучковъ 1-й раненъ: правда, что онъ чрезъ три недѣли умеръ, но въ такомъ случаѣ убитъ и Князь Багратіонъ. «Французы взяли болѣе пятидесяти пушекъ,» и опять: «plusieurs milliers плѣнныхъ».

Въ «Kurze Darstel.» (S. 16): «Русскіе потеряли болѣе сорока «тысячъ, а Французы десять тысячъ человѣкъ.» Въ описаніи уча-

стія въ войнѣ Саксонцевъ въ 1812 и 1815 годахъ (S. 384): «съ «обѣихъ сторонъ убитыхъ и раненыхъ шестьдесятъ тысячъ.»

Въ «Skizzen zur einer Gesch. (S. 83): «Съ обѣихъ сторонъ «убитыхъ и раненыхъ сто тысячъ человѣкъ.»

Гурго (p. 377) говоритъ, что «съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя восемьдесятъ тысячъ человѣкъ; тридцать тысячъ труповъ лежало на полѣ битвы.

Капфигъ (t. IX, p. 277) пишетъ: «Вечеромъ съ той и дру-«гой стороны не много насчитывали плѣнныхъ. Поле битвы уст-«лано тѣлами; считали семьдесятъ тысячъ выбывшихъ изъ строя».. Далѣе на той же страницѣ: «Русскихъ убито и ранено тридцать «тысячъ, Французовъ двадцать тысячъ».... По утру, 8 Сентября, «(27-го Августа), оказались (p. 278), по перекличкѣ, только девяно-«сто тысячъ, а на канунѣ было сто двадцать тысячъ подъ ружьемъ.» Здѣсь представляется разнорѣчіе въ цифрахъ, ибо въ первомъ слу-чаѣ тридцать и двадцать тысячъ составляютъ не семьдесятъ, а только пятьдесятъ тысячъ, а во второмъ выходитъ, что у Фран-цузовъ убыль показана въ двухъ цифрахъ, въ двадцать и тридцать тысячъ, какъ видно изъ результата переклички.

Бисмаркъ (S. 559) опредѣляетъ другую цифру. «Потерю Рус-скихъ онъ ограничиваетъ въ двадцать пять тысячъ человѣкъ, а Французовъ въ тридцать тысячъ.» Въ другомъ же мѣстѣ (Spect. mil. 1847, t. XXIV, p. 148) онъ считаетъ «потерю Русскихъ, по Дани-левскому, въ пятьдесятъ тысячъ, присовокупляя, что «это число еще увеличилось послѣ битвы—больными и дезертирами.» Потерю Генераловъ онъ опредѣляетъ въ сорокъ три.

Въ «Mém. pour servir à l'hist. de la guerre de 1812,» на-писанныхъ Офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба (t. I, p 187), потеря Французовъ опредѣляется: «болѣе двадцати тысячъ, «а у насъ убитыми, ранеными и плѣнными болѣе тридцати тысячъ «человѣкъ, и болѣе тридцати Генераловъ выбыло изъ фрон-«та.» Положимъ, что онъ прибавилъ около десяти, но замѣчательно, что въ число убитыхъ онъ включаетъ «Генералъ-Лейтенанта Конов-«ницына.»

Авторъ дѣлалъ кампанію и долженъ былъ знать, что убитый Коновницынъ послѣ Бородина не разъ командовалъ значительными частями войскъ, отъ Малоярославца до Парижа, о чемъ упоминаютъ всѣ повѣствователи иноземные. Любопытно было бы также знать, кто такой, кромѣ Генерала Лихачева, былъ взятъ подъ Бородинымъ въ плѣнъ, ибо авторъ говоритъ о трехъ взятыхъ у насъ въ плѣнъ Генералахъ. О Тучковѣ 3-мъ не можетъ быть рѣчи; ибо онъ также израненый, какъ и Лихачевъ, взятъ былъ за двадцать дней прежде въ битвѣ на Валутиной горѣ.

Денье, находившійся въ Главномъ Штабѣ Наполеона и въ послѣдствіи изъ Архива Военнаго Министерства, до котораго, какъ говоритъ, Бертье никого не допускалъ, выбралъ цифры потерь Французской арміи, которыя (p. 80), представляютъ слѣдующее: «Генераловъ убито десять, ранено тридцать девять, всего сорокъ «девять поименно). Полковниковъ убито десять, ранено двад- «цать семь, всего тридцать семь. Офицеровъ, Унтеръ-Офицеровъ «и солдатъ шесть тысячъ пятьсотъ сорокъ семь, ранено двадцать «одна тысяча четыреста пятьдесятъ три; всей же потери двадцать «восемь тысячъ восемьдесятъ шесть человѣкъ.

«Потерю Русскихъ онъ опредѣляетъ въ пятьдесятъ тысячъ «человѣкъ.»

Казалось бы, что послѣ подобнаго труда, относительно цифръ Французской арміи, численность должна была быть уже принята окончательно, но это сдѣлано, какъ будетъ видно, не многими, писавшими въ послѣдствіи.

Г.-Л. Фезензакъ (p. 46) опредѣляетъ потерю Французовъ слово въ слово по Денье, а потерю нашу въ пятьдесятъ тысячъ, и въ число убитыхъ включаетъ Принца Евгенія Виртембергскаго! Замѣчательно то, что онъ въ эту войну служилъ Полковникомъ въ Штабѣ Наполеона и на другой день послѣ Бородина получилъ полкъ, а книгу свою написалъ въ 1849 году; слѣдовательно, имѣлъ время справиться, если позабылъ то дѣятельное участіе, которое Принцъ принималъ во всѣхъ битвахъ послѣ того, какъ былъ убитъ, да и самъ Генералъ Фезензакъ говоритъ о немъ не разъ.

Жомини (t. II, p. 230) говоритъ, что «съ обѣихъ сторонъ «выбыло изъ строя восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.» То же говоритъ (p. 45) и Бретонъ дела Мартинье.

Мишо (p. 134) пишетъ: «сорокъ три Генерала и тридцать «тысячъ Французовъ были убиты на мѣстѣ. Потеря Русскихъ бы«ла не менѣе; ни съ той, ни съ другой стороны плѣнныхъ не «было. Убивали другъ друга безъ жалости, безъ пощады, по обы«кновенію дикихъ.»

Сентъ-Илеръ (въ «Hist. popul.,» t. III, p. 69) говоритъ: «На«ши потери были ужасны, но безъ соразмѣрныхъ результатовъ.» Въ другомъ же своемъ сочиненіи («Hist. de la camp. de 1812,» t, II, p. 25) опредѣляетъ потерю Французовъ по цифрамъ Денье, а нашу въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, присовокупляя (p. 26): «но плѣн«ныхъ насчитывали не много.»

Кастельверъ (p. 276) опредѣляетъ нашу потерю: «убитыми пятьнадцать тысячъ, ранеными тридцать тысячъ и пять тысячъ плѣнными.»

Мортонваль (p. 282, 283) показываетъ, согласно съ Кастельверомъ, нашу потерю убитыми и ранеными; но плѣнныхъ, вмѣсто пяти тысячъ, только въ двѣ тысячи человѣкъ. Потерю же Французовъ беретъ изъ Ларрея, т. е., девять тысячъ убитыми и тридцать тысячъ ранеными.

Биньіонъ (p. 10) одинаково ничего не опредѣляетъ, а говоритъ только: «потери обѣихъ армій были чрезвычайно велики, «но потеря Русскихъ далеко превосходитъ нашу.»

Дю-Кассъ (p. 204): «Болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ «съ обѣихъ сторонъ нашли смерть при Бородинѣ.»

Форъ (p. 48), медикъ 1-го кавалерійскаго корпуса, говоритъ, «что на одного Француза было четверо Русскихъ,» и присовокупляетъ, «что онъ никогда бы не повѣрилъ, если бы самъ «того не видѣлъ.» И такъ, вотъ еще новая цифра сравненія: выше видно было, что Наполеонъ насчиталъ пять Русскихъ, Графъ Солтыкъ трехъ, а Г. Форъ четырехъ на одного Француза! Чего ихъ жалѣть! Замѣчательно основаніе разсчета!!

Клаузевицъ опредѣляетъ «потерю Русскихъ въ тридцать тысячъ, а Французовъ въ двадцать тысячъ человѣкъ,» а въ другомъ своемъ сочиненіи («Milit. Briefe,» t. I, p. 419) потерю Русскихъ приводитъ по Бутурлину: пятьнадцать тысячъ убитыхъ и тридцать тысячъ раненыхъ; Французовъ, по Ларрею: девять тысячъ убитыхъ и тридцать тысячъ раненыхъ, и выводитъ причину несоразмѣрности потери въ противоположныхъ арміяхъ ту, что, будто бы наша артиллерія стрѣляла слишкомъ высоко!

Рёдеръ (S. 152, 153) потерю Французовъ опредѣляетъ по Ларрею, а Русскихъ по Бутурлину. У Французовъ убитыхъ и раненыхъ Генераловъ около сорока. У Русскихъ, въ числѣ убитыхъ, показанъ не только Тучковъ 1-й, раненый, какъ и Багратіонъ, умершіе послѣ, но и Коновницынъ. Плѣнныхъ Русскихъ взято около тысячи и двадцать одну пушку въ редутахъ.

Лоссбергъ (S. 174): «Французовъ убитыми и ранеными двадцать пять тысячъ, а у Русскихъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, «или, по крайней мѣрѣ, въ пропорціи 2 къ 3. Наши трофеи, присовокупляетъ авторъ, заключаются въ какихъ ни будь двадцати «пушкахъ, взятыхъ въ редутахъ.»

Въ «Das Buch vom Jahre 1812» etc. (S. 287): «потеря Русскихъ опредѣляется въ сорокъ тысячъ человѣкъ.» Авторъ (S. 301) присовокупляетъ: «Результатъ этой бойни заключался въ тысячѣ «плѣнныхъ и около тридцати пушекъ, взятыхъ у Русскихъ.»

Вентурини (t. I, S. 281): «потеря съ каждой стороны по «тридцати тысячъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.»

Гофманъ, въ «Schl. v. Borod.» (S. 66), собственно въ Бородинѣ, 26 Августа, полагаетъ «потерю Русскихъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ, а Французовъ по Денье.»

Шанюи принялъ цифры Барона́ Денье. Онъ только одинъ буквально придержался къ онымъ, или и самъ изслѣдилъ ихъ въ источникѣ.

Бертезенъ (t. II, p. 53, 54), пишетъ: «потери Французовъ «убитыми и ранеными простираются отъ двадцати до двадцати «пяти тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ тысяча триста Офицеровъ

«разныхъ чиновъ и порядочное число Генераловъ» Потерю Русскихъ Генераловъ Бертезенъ (p. 55) опредѣляетъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ Въ «Воспоминаніяхъ о Наполеонѣ» его Секретаря (t. I, p. 36) опредѣляется «потеря Русскихъ также около пятидесяти тысячъ и сорокъ Генераловъ!»

Бейтцке (S. 214) означаетъ потери Французовъ приблизительно съ цифрами Денье и Шапюи, и именно: въ двадцать восемь тысячъ и сорокъ девять Генераловъ. Относительно же Русскихъ онъ возвышаетъ ихъ потерю отъ пятидесяти двухъ до пятидесяти осьми тысячъ человѣкъ. «Французы взяли сорокъ пу«шекъ и тысячу плѣнныхъ.»

Тьеръ, неизвѣстно изъ какихъ источниковъ, даетъ также приблизительныя цифры къ показаннымъ Барономъ Денье и Полковникомъ Шапюи, но въ нѣкоторыхъ онъ далеко отходитъ отъ нихъ. Вотъ, что онъ (p. 348) говоритъ: «девяносто тысячъ съ «обѣихъ сторонъ легло на полѣ битвы, [41] отъ двадцати до двад«цати пяти тысячъ лошадей убитыхъ, или блуждающихъ (erants) «по полю.»

Онъ раздѣляетъ этѣ цифры слѣдующимъ образомъ (p. 349): «Раздѣленіе этого погребальнаго списка было очень не равное. Мы считали около девяти, или десяти, тысячъ убитыми.» (Денье и Шапюи 65, 67); «отъ двадцати до двадцати одной тысячи раненыхъ» (Денье и Шапюи 21, 519), т. е., тридцать тысячъ изъ «строя; сорокъ семь Генераловъ убитыхъ и раненыхъ [42] (у Денье «и Шапюи сорокъ девять) и тридцать семь Полковниковъ уби«тыхъ и раненыхъ.» Потерю Русскихъ онъ опредѣляетъ близъ шестидесяти тысячъ человѣкъ! И говоря о потерѣ Французскихъ Генераловъ и Полковниковъ, присовокупляетъ: «у Русскихъ около

[41] Пасть на полѣ, или, какъ говоритъ, «couché sur le champ de bataille» понимаетъ объ убитыхъ, а потомъ онъ опредѣляетъ убитыми Французовъ только около десяти тысячъ; но не уже ли семьдесятъ тысячъ Русскихъ было убито? Далѣе же онъ и это опровергаетъ, говоря, что у насъ «потеря около того же.»

[42] Генералъ Бельяръ, котораго онъ помѣстилъ въ спискахъ раненыхъ подъ Бородинымъ, былъ раненъ при Можайскѣ.

«того же.» Но наша потеря Генералами далеко не достигаетъ и половины потерянныхъ непріятелемъ.

Такая же разница представляется и у нашихъ повѣствователей

Козегартенъ (S. 167) говоритъ, что «потеря въ обѣихъ ар- «міяхъ заключалась въ сто тысячъ человѣкъ, а именно: у Фран- «цузовъ шестьдесятъ тысячъ, у Русскихъ сорокъ тысячъ, присово- «купляя, что Французы потеряли пятьдесятъ Генераловъ, шестьде- «сятъ Полковниковъ, сто двадцать Штабъ-Офицеровъ и тысячу «четыреста Оберъ-Офицеровъ. У Русскихъ Генераловъ потеряно менѣе.»

Ахшарумовъ (стр. 117) опредѣляетъ «потерю Русскихъ «убитыми въ десять тысячъ, ранеными въ четырнадцать тысячъ «семьсотъ.»

«Потерю Французовъ, на основаніи перехваченныхъ бумагъ, «простираетъ до сорока тысячъ, присовокупляя, что битва эта на- «звана битвою Генераловъ, по множеству ихъ тутъ павшихъ.»

Бутурлинъ (т. I, стр. 228) пишетъ, что у «Русскихъ выбы- «ло изъ строя около пятидесяти тысячъ, въ томъ числѣ пятьнад- «цать тысячъ убитыми, тридцать тысячъ ранеными и около двухъ «тысячъ плѣнными.»

«У Французовъ же (стр. 289) онъ потерю возводитъ свыше «шестидесяти тысячъ человѣкъ, изъ нихъ убитыми до двадцати «тысячъ и плѣнными болѣе тысячи человѣкъ.»

«Русскіе отбили десять пушекъ, а тринадцать потеряли.»

Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 243): «потеря Рус- «скихъ 24 и 26 Августа около пятидесяти семи, или пятидесяти «осьми тысячъ человѣкъ. У Французовъ до пятидесяти тысячъ, «въ томъ числѣ сорокъ три Генерала.»

«Русскіе взяли тринадцать пушекъ, а потеряли пятьнадцать. «Плѣнныхъ съ каждой стороны по тысячѣ человѣкъ.»

Авторъ къ изысканіямъ своимъ присовокупляетъ, что «по из- гнаніи Французовъ, на Бородинскомъ полѣ сожжено человѣческихъ

труповъ пятьдесятъ восемь тысячъ пять сотъ двадцать одинъ; конскихъ тридцать пять тысячъ четыреста семьдесятъ восемь. Само собою разумѣется, что трупы этѣ принадлежали къ обѣимъ арміямъ.

Нѣеловъ (стр. 81): «Русскихъ Генераловъ убито трое,[43] ра-«нено двѣнадцать и одинъ плѣненъ. Рядовыхъ убито пятьнадцать «тысячъ, ранено тридцать тысячъ.»

«У Французовъ: Генераловъ убито девять, ранено тринадцать; «рядовыхъ убито двадцать тысячъ, ранено сорокъ тысячъ и отби-«то у нихъ Русскими тринадцать орудій.»

Глинка (ч. II, стр. 26) говоритъ: «у Французовъ убито и «ранено Генераловъ, какъ показано и Нѣеловымъ, но присоеди-«нено: Штабъ и Оберъ-Офицеровъ тысяча пятьсотъ, рядовыхъ въ «одинаковой цифрѣ, какъ и выше, но не говоритъ о тринадцати «пушкахъ »

«Потерю Русскихъ опредѣляетъ, какъ и Нѣеловъ. И одинако-«во говорится о третьемъ Генералѣ.»

Полевой (стр. 89): «потеря Русскихъ по однимъ: пятьдесятъ «тысячъ, въ томъ числѣ убито пятьнадцать тысячъ, ранено болѣе «тридцати тысячъ; но другіе, какъ авторъ присовокупляетъ, до-«стовѣрно считаютъ убитыхъ и раненыхъ до шестидесяти тысячъ «человѣкъ. Французовъ убито и ранено, конечно, не менѣе, если «не болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ.»

Графъ Толь (t. II, S. 113), послѣ критическаго разсмотрѣнія даваемыхъ нѣкоторыми цифръ потерямъ, опредѣляетъ оныя собственно при Бородинѣ, 26 Августа, Русскихъ отъ сорока четырехъ тысячъ, и около тридцати семи пушекъ.»

Относительно потери у Французовъ, то, разобравъ цифры, опредѣляемыя Денье и Пеле, означаетъ (S. 114) оную «отъ тридцати четырехъ до тридцати пяти тысячъ человѣкъ.»

---

43 Убиты: Генералы Тучковъ 4, Графъ Кутайсовъ, но кто же это третій? Лихачевъ былъ взятъ въ плѣнъ, и онъ показанъ.

Богдановичъ (т. II, стр. 222, 223), относительно потери Русской арміи, повторяетъ то, что сказалъ уже Михайловскій-Данилевскій; исчисливъ по чинамъ потерю изъ 1-й арміи, опредѣляетъ ее до тридцати осьми тысячъ человѣкъ. Относитетьно 2-й арміи положительныхъ свѣдѣній нѣтъ, но авторъ говоритъ, что «уронъ вообще нашей арміи въ Бородинскомъ сраженіи можно «опредѣлись безошибочно (!) до сорока четырехъ тысячъ «человѣкъ.» [44]

Относительно потери у Французовъ вотъ что авторъ пишетъ (стр. 223): «Со стороны непріятеля, по показанію Денье (самое достовѣрное), свыше двадцати осьми тысячъ (Денье говоритъ двадцать восемь тысячъ восемьдесятъ шесть человѣкъ), убито Генераловъ двѣнадцать (а Денье говоритъ десять), Полковниковъ десять, Офицеровъ и нижнихъ чиновъ шесть тысячъ пятьсотъ сорокъ семь, ранено Генераловъ тридцать семь (а Денье говоритъ тридцать девять),» остальныя цифры изъ Денье вѣрны. Послѣ сего авторъ приводитъ показаніе Ларрея, что при Бородинѣ и Шевардинѣ армія потеряла двадцать двѣ тысячи, и что Тьеръ возводитъ эту цифру до тридцати тысячъ, но онъ, какъ сказано было выше, считаетъ потерю убитыми отъ девяти до десяти тысячъ, ранеными въ двадцать, или двадцать одну тысячу (Денье и Шапюи раненыхъ считаютъ въ двадцать одну тысячу пятьсотъ девятнадцать). Послѣ всего этого авторъ заключаетъ, что потеря непріятеля была не двадцать восемь тысячъ, какъ пишетъ Денье, не двадцать двѣ тысячи, какъ говоритъ Ларрей, и не тридцать тысячъ, по повѣствованію Тьера, а не меньше нашей потери, т. е., въ сорокъ четыре тысячи! Это очень можетъ быть; но чтобы увеличить потери на 5%, [45] нужны были данныя, которыя могли

---

[44] Не уже ли нѣтъ возможности изъ полковой отчетливости безошибочно обозначить настоящее число? И не уже ли 2-я армія потеряла только шесть тысячъ человѣкъ? Были дивизіи, какъ, на примѣръ, Воронцова, отъ которой осталось только семьсотъ человѣкъ. Неудовлетворительны, повторяю, такія повѣствованія.

[45] На стр. же 551, авторъ, на основаніи выводовъ Бернгарди (t. II, S. 112 — 114), говоря о числительности Наполеоновой арміи послѣ Бородина, присовокупляетъ: «Въ такомъ случаѣ непріятель потерялъ въ этомъ сраже-

бы опровергнуть показаніе Барона Денье, удостовѣряющаго, что цифры его выбраны изъ архивовъ Военнаго Министерства, до которыхъ прежде Бертье никого не допускалъ; слѣдовало бы его уличить; но это не возможно, ибо трудъ его добросовѣстенъ, и Полковникъ Шапюи, въ превосходномъ описаніи своемъ Бородинской битвы, увидѣвшемъ свѣтъ въ 1853 году, принялъ тѣ самыя цифры, которыхъ придерживался и Тьеръ, и если у послѣдняго есть кой-какія отклоненія, то, или по ошибкѣ переписчиковъ, или для округленія цифръ, такъ какъ исторія его не есть собственно военное описаніе.

Авторъ говоритъ (стр. 224): «что касается до трофеевъ... то «съ каждой стороны захвачено въ бою, по различнымъ, несовер«шенно между собою согласнымъ, показаніямъ, отъ тринадцати до «пятьнадцати орудій, кромѣ того достались въ руки непрія«теля нѣкоторыя изъ орудій, стоявшихъ въ нашихъ укрѣ«пленіяхъ.» [46] Объ этомъ выраженіи я говорилъ уже выше и замѣтилъ, что въ укрѣпленіяхъ стояли тѣ же самыя полевыя орудія, которыя дѣйствовали и въ полѣ.

Авторъ продолжаетъ: «Иностранные писатели увѣряютъ, будто «бы мы потеряли вообще до сорока орудій; [47] но какъ по очи«щеніи отъ непріятеля Московской Губерніи найдено въ окрестно«стяхъ Бородина (именно у Колоцкаго монастыря) всего на все «семьнадцать орудій, то и должно полагать, что ими огра«ничивались трофеи, пріобрѣтенныя Французами въ Бо«родинской битвѣ.» Здѣсь опять ссылка (N 33) на Бейтцке (S «214) и на свѣдѣнія о событіяхъ въ 1812 году, доставленныя мѣ«стнымъ начальствомъ Губерніи.

«нія не менѣе тридцати трехъ тысячъ человѣкъ.» И такъ, сколько же именно онъ потерялъ? Относительно этой потери, слѣдовало бы, повторяю, принять цифры Денье, если фактически ихъ нельзя опровергнуть.

[46] Здѣсь ссылка, N 32, на «подлинную записку Толя; но гдѣ она? Слѣдовало бы сдѣлать изъ оной выписку, и на Шамбре (t. II, p. 75, 76).

[47] Приступая что либо критиковать, или опровергать, слѣдуетъ назвать того, о комъ идетъ рѣчь, а не просто: «иностранные писатели;» ибо, какъ было видно выше, они разноголосятъ о количествѣ взятыхъ у насъ орудій, а

Мнѣ кажется, никто лучше не разрѣшилъ бы сомнѣнія почтеннаго автора, какъ Артиллерійскій Департаментъ, если въ архивахъ, изъ которыхъ извлекались матеріялы для настоящей книги, другихъ лучше не было, какъ Г. Бейтцке, написавшаго Нѣмецкую книгу свою чрезъ сорокъ четыре года, и донесенія мѣстнаго начальства, т. е., всеконечно Можайскаго Исправника, или кого либо въ этомъ родѣ! Описывать Бородинскую битву и не знать положительно, сколько мы взяли и сколько потеряли орудій — никто этому не повѣритъ. Наконецъ, можно ли полагаться на то только, что эти 17 орудій, найденныя близъ Бородина (и именно у Колоцкаго монастыря), могли быть единственными трофеями? Но довольно о семъ. Повторяю, что Артиллерійскій Департаментъ могъ бы доставить желаемое свѣдѣніе, которое не только что было бы полновѣснѣе показаній Бейтцке и Можайскаго Исправника, но и самое вѣрное, и ссылки на него были достойны исторіи Отечественной войны. По видимому, Г.-М. Богдановичъ не довѣрялъ Артиллерійскому Департаменту, по тому что даже и не спрашивалъ его, а положился на свѣдѣнія Исправника! Указанія же для справокъ въ помянутомъ Департаментѣ онъ имѣлъ въ виду и долженъ былъ предполагать, что въ ономъ должно что либо быть о семъ, ибо Г.-Л. Михайловскій-Данилевскій (ч II, стр. 244), говоря о потеряхъ подъ Бородинымъ, пишетъ, «что мы отбили тринадцать пушекъ, а у насъ взято пятьнадцать. Сверхъ того, у насъ «подбито тридцать семь пушекъ, да взорванныхъ и доставшихся «непріятелю зарядныхъ ящиковъ сто одиннадцать». И, въ слѣдъ за симъ, дѣлаетъ ссылку на свѣдѣнія Артиллерійскаго Департамента, а по тому, это достаточно указывало Г.-М Богдановичу, откуда слѣдовало почерпать данныя, но у него этого ничего нѣтъ, и нѣтъ помину о зарядныхъ ящикахъ, о которыхъ говоритъ Михайловскій-Данилевскій. Если же этотъ показалъ неправильно, слѣдовало оговорить: это была обязанность добросовѣстнаго изложенія Отечественной войны, при тѣхъ условіяхъ, которыми обладалъ Г.-М. Богдановичъ, или лучше сказать, при тѣхъ средствахъ, ко-

---

цифра сорокъ, какъ кажется, встрѣчается только у одного Бейтцке, не участвовавшаго въ битвѣ; точно также, какъ Норвенъ и Тиссо, которые говорятъ, что у насъ взято пятьдесятъ пушекъ. Такихъ компиляторовъ много. Во всякомъ случаѣ нужно назвать, кого опровергаемъ, по выбранной цифрѣ.

торыя ему были предоставлены. Такимъ образомъ, до сихъ поръ, мы не имѣемъ положительныхъ цифръ, какъ численности войскъ, принимавшихъ участіе въ Бородинскомъ сраженіи, такъ и потери, понесенной обѣими арміями, а равно и трофеевъ, какъ сей часъ это было видно. Очень жаль, что Г. Смитъ не распространилъ ученаго критическаго разбора своего и на всѣхъ вообще авторовъ, писавшихъ самостоятельно объ этомъ предметѣ, изъ которыхъ второстепенные историки заимствовали уже по своему выбору, или, лучше сказать, по своему произволу, опредѣленіе помянутыхъ цифръ, придерживаясь въ этомъ случаѣ той или другой стороны, убавляя и прибавляя численность и потери, сообразуясь съ собственными своими взглядами, или ложнымъ патріотизмомъ и т. п. Строгій анализъ имѣющихся матеріяловъ сблизилъ бы между собою цифры, даваемыя нѣкоторыми авторами, которые могли понимать въ цифрахъ своихъ, одни всю массу арміи, собранной на Бородинскомъ полѣ, другіе только тѣ войска, которыя дѣйствовали въ битвѣ; такъ, на примѣръ, одни повѣствователи Французы могли не считать около осьмнадцати тысячъ гвардіи, не принимавшей ни какого участья въ дѣлѣ, другіе, напротивъ, включать и ее въ свои цифры; точно также и у насъ, нѣсколько полковъ не были вовсе въ дѣлѣ, составляя резервъ, а равно и знатная часть милиціи.

Но намъ гораздо легче, чѣмъ Французамъ, доискиваться настоящей цифры войскъ, бывшихъ на Бородинскомъ полѣ, какъ участвовавшихъ въ битвѣ, такъ и не участвовавшихъ: у насъ архивы должны быть цѣлы и современный отчетъ о частяхъ войскъ можетъ удовлетворить этому. Но не то видимъ относительно арміи Наполеона подъ Бородинымъ, составленной изъ разныхъ народовъ, которые едва только высвободились изъ Россіи, какъ начали постепенно отпадать отъ тогдашняго своего владыки, и историки въ послѣдствіи, принявшіеся составлять свои описанія, могли уже не имѣть подъ рукой положительныхъ данныхъ для составленія общей цифры, какъ бывшимъ въ строю, въ день битвы, такъ и павшимъ въ ней.[48] Въ Москвѣ едва ли имъ до того было, чтобы за-

[48] Баронъ Денье, какъ говоритъ, извлекъ свои цифры изъ архива Военнаго Министерства, въ которое онѣ могли быть доставлены изъ Москвы, или сохраниться при отступленіи. Но какимъ же образомъ, писавшіе послѣ Денье,

няться симъ съ надлежащею отчетливостью; а если это въ нѣкоторыхъ частяхъ и было сдѣлано, то, конечно, въ чрезвычайно малой долѣ и отрывисто, ибо послѣдовательной цѣлости быть не могло. Многое, отсылавшееся изъ Москвы, было перехватываемо на дорогѣ, частью доставлялось въ нашу главную квартиру, но большею частью вѣроятно истреблялось, въ особенности если попадалось въ руки крестьянамъ. Когда же армія Наполеона двинулась изъ Москвы въ обратный путь, то извѣстно, что ни одна изъ повозокъ не достигла Нѣмана, чтобы передать въ архивы тѣ необходимые документы, которые могли бы послужить основаніемъ для точныхъ выводовъ по сему предмету. Кто дѣлалъ эту кампанію, тотъ припомнитъ фуры, наполненныя не одними бумагами, разбитыми среди дорогъ, въ снѣгу и часто служившими намъ для бивачныхъ костровъ, преимущественно начиная отъ Дорогобужа по всей дорогѣ, особенно въ Гжатскѣ, Смоленскѣ и на Вопѣ, въ Красномъ и до самыхъ Борисова и Студянки, гдѣ многія тысячи различнаго рода экипажей были брошены, и очень немногія изъ главныхъ лицъ армій успѣли увидѣть свои повозки на противоположномъ берегѣ Березины, да и то не на долго. Понарскія высоты оставили на себѣ почти все еще остававшееся. Самъ Наполеонъ подалъ примѣръ приказаніемъ сжечь многія бумаги, а потомъ даже и орлы. Если еще что могло быть спасено въ этомъ отношеніи, то, конечно, только изъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ въ окрестностяхъ Риги и противъ Витгенштейна и Чичагова; но тутъ о Бородинѣ не можетъ быть и рѣчи.

Обращаясь къ числительности арміи при Бородинѣ, можно только сказать, что, при обозрѣніи шестидесяти вышеприведенныхъ повѣствователей, должно заключить, что Французская армія превосходила нашу около пятьнадцати процентовъ, съ значи-

---

не заимствовали этихъ данныхъ? Такъ, на примѣръ, Тьеръ, имѣвшій, конечно, также доступъ въ архивы и по положенію своему могшій пользоваться многими записками, не для всѣхъ доступными, не совершенно совпадетъ съ цифрами Денье, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшительно съ нимъ разногласитъ, на примѣръ: относительно убитыхъ, Денье показываетъ убитыми опредѣлительно шесть тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ семь человѣкъ, а Тьеръ возводитъ эту цифру отъ девяти до десяти тысячъ! Разница на третью часть! И въ потерѣ Генераловъ между ними есть разница.

тельнымъ превосходствомъ конницы и опытностью въ битвахъ, по свѣдѣтельству, какъ видно было выше, самихъ Французскихъ писателей. Но это свѣдѣтельство должно быть отнесено въ буквальномъ смыслѣ только къ нижнимъ чинамъ, въ числѣ которыхъ у насъ было много рекрутъ. Что же относится до военачальниковъ и вообще до Офицеровъ, то, конечно, они не уступали въ достоинствахъ непріятельскимъ; ибо иначе итогъ былъ бы совершенно иной: это признано самимъ непріятелемъ. Если же Французы и нѣкоторые изъ ихъ союзниковъ, принимавшихъ участіе въ Бородинской битвѣ, могутъ встрѣчать отъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ препятствіе для полной отчетливости по сему предмету, то у насъ препятствій этихъ вовсе существовать не могло, а при всемъ томъ и всѣ наши историки разногласятъ въ этомъ случаѣ! Къ сожалѣнію, и послѣдняя «Исторія Отечественной войны 1812 года» не изъята отъ подобныхъ недостатковъ въ неопредѣлительности излагаемаго предмета, а въ военной Исторіи и нѣсколько промаховъ колеблютъ довѣріе къ цѣлому, и сочиненіе оказывается не достигшимъ опредѣленной своей цѣли — точности.

Не полагаю излишнимъ привести здѣсь данныя объ израсходованіи снарядовъ въ этой битвѣ.

По отчету Генерала Ларибоссьера, въ Бородинскомъ сраженіи, собственно 26-го Августа, выпущено шестьдесятъ тысячъ пушечныхъ зарядовъ и милліонъ четыреста тысячъ ружейныхъ. [49]

---

[49] Генералъ Гурго (p. 137) говоритъ, что Французская артиллерія сдѣлала въ этомъ сраженіи девяносто одну тысячу выстрѣловъ. То же говоритъ Рёдеръ (S. 152); Мортонваль (p. 285) пишетъ то же и присовокупляетъ, что цифра эта, по донесенію также Ларибоссьера! Графъ Монтолонъ (t. II, p. 98) приводитъ слова Наполеона на островѣ Св. Елены, что въ смоленскѣ выпущено было шестьдесятъ тысячъ снарядовъ, а при Бородинѣ вдвое; по этому выходитъ сто двадцать тысячъ, и что каждое орудіе было снабжено тремя стами пятидесятью зарядами. Должно полагать, что количество выстрѣловъ при Бородинѣ Наполеономъ преувеличено. Другіе уменьшаютъ количество пушечныхъ выстрѣловъ, а увеличиваютъ ружейные. Но цифра Ларибоссьера, приведенная Барономъ Депье, должна быть принята за положительную, ибо онъ былъ при Бородинѣ начальникомъ артиллеріи. Независимо отъ Депье, Гг. Пеле, Шапюи, Тьеръ имѣли возможность повѣрить оную въ источникѣ, и по тому принимаютъ ее за основаніе.

Баронъ Депье изъ этѣхъ цифръ выводитъ слѣдующее: Битва продолжалась около десяти часовъ, по чему приходится на каждую минуту по сту выстрѣловъ пушечныхъ и по двѣ тысячи триста ружейныхъ. Присоединивъ къ сему, конечно, такое же число и съ нашей стороны, тогда окажется, на каждую минуту по двѣсти выстрѣловъ пушечныхъ и по четыре тысячи шестьсотъ ружейныхъ. Допустивъ же въ соображеніе, что главная сцена разыгрывалась на протяженіи не болѣе двухъ верстъ, и что разгаръ битвы продолжался только около шести часовъ, можно вообразить, что происходило въ этомъ адѣ, изрыгавшемъ такое громадное количество чугуна и свинцу!

Принявъ въ счетъ пушечные и ружейные выстрѣлы, выпущенные только непріятелемъ, всего милліонъ четыреста шестьдесятъ тысячъ, и выбывшихъ у насъ изъ строя около пятидесяти осьми тысячъ человѣкъ, найдемъ, что изъ двадцати пяти выстрѣловъ поражалъ одинъ, [50] или, по показанію Г.-М. Богдановича, если собственно убитыхъ и раненыхъ сорокъ четыре тысячи человѣкъ, то придется, что изъ тридцати трехъ выстрѣловъ поражалъ одинъ.

Потеря съ обѣихъ сторонъ убитыми и ранеными, за исключеніемъ плѣнныхъ, составилась не менѣе осьмидесяти тысячъ человѣкъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что въ кругломъ счетѣ, въ одинъ часъ времени, у сражавшихся выбывало изъ фронта по осьми тысячъ человѣкъ, или въ минуту по сту тридцати три.

Собственно бывшихъ въ бою, за исключеніемъ у Французовъ гвардіи, а у насъ Казаковъ, милиціи и нѣкоторыхъ полковъ, выйдетъ цифра не менѣе двухсотъ тысячъ, находившихся въ дѣйствительномъ огнѣ, по чему цифра павшихъ составляетъ двѣ пятыхъ наличнаго числа.

Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что Французы потеряли менѣе, нежели мы, конечно, не въ той пропорціи, какъ они показываютъ.

---

[50] Кавалерійскія схватки бѣлымъ оружіемъ не бываютъ значительны—относительно къ поражаемымъ огнемъ. Штыки одинаково большаго измѣненія въ цифрѣ произвести не могутъ.

и тогда окажется, что Русскіе, дѣйствительно бывшіе въ бою, потеряли болѣе половины наличнаго числа.

Въ настоящее время истребительные снаряды болѣе усовершенствованы, а въ 1812 году ракеты не были еще употребляемы въ полевыхъ битвахъ; шрапнели и другіе разрывные снаряды не были извѣстны, объ оружіи дальняго полета не было и рѣчи, а между тѣмъ оказывается, что всѣ эти истребительныя средства далеко уменьшили кровопролитіе противъ битвъ прежняго времени. [51] Да и самая пропорція убитыхъ къ раненымъ менѣе прежней: — Бородинская битва служитъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Впрочемъ, въ тѣ времена сражающіяся арміи теряли четвертую, иногда третью, часть, а бывало и половину людей, тогда какъ нынѣ такихъ явленій уже нѣтъ, не смотря на всѣ смертоносныя нововведенія. Войны 1848, 1849, 1854, 1855, 1859 годовъ и пр. служатъ неопровержимымъ тому доказательствомъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ тактикъ говорится, что «военные писатели вывели, что въ сраженіяхъ, происходившихъ въ «концѣ прошедшаго столѣтія, изъ десяти тысячъ пуль попа«дала только одна.» [52] Но здѣсь я позволю себѣ думать, что, безъ указанія источниковъ и разсмотрѣнія оныхъ критически, признать это фактомъ нельзя, особенно же въ случаяхъ, гдѣ идетъ дѣло не о голой теоріи, а объ ея практическомъ примѣненіи къ сказанному. Въ такомъ убѣжденіи нахожу, что помянутый выводъ едва ли основателенъ для эпохи исхода прошедшаго столѣтія; можетъ быть, онъ былъ бы примѣнимъ къ сраженіямъ, происходившимъ

---

[51] Въ 1858 году я имѣлъ случай коснуться этого предмета въ особенности, — съ нѣкоторою подробностью (См. Сѣв. Пч. NN 151—155).

[52] Въ Медицинской газетѣ, издающейся во Франкфуртѣ на Майнѣ (Русс. Инв. 1861 г., N 106), выведенъ расчетъ израсходованныхъ Австрійцами снарядовъ въ сраженіи при Сольферино. Изъ расчета этого оказывается, что семьсотъ выстрѣловъ ранили только одного, а четыре тысячи двѣсти убивали одного. Если этотъ расчетъ пусть только и приблизителенъ, то результатъ далеко не подходитъ къ тому, который оказывался въ битвахъ въ 1812 и послѣдующихъ войнахъ, когда употреблялись еще гладкія ружья, которыя, впрочемъ, и нынѣ, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ изъ опытныхъ людей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ свое достоинство.

въ XIV столѣтіи, но не въ исходѣ XVIII, особенно обративъ вниманіе на то, что въ этотъ періодъ времени, отъ Креси, гдѣ въ первый разъ показались пушки, до окончанія прошедшаго столѣтія, являются на военномъ поприщѣ дѣятелями: Карлъ V, Густавъ-Адольфъ, Тюрень, Конде, Монтекукули, Евгеній Савойскій, Де Саксъ, Фридрихъ Великій, Румянцовъ, Суворовъ и наконецъ Бонапарте. Не уже ли всѣ эти Полководцы, по геніяльности своей, не оставляли положительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи? Сомнительно.

Принявъ во вниманіе одну Семилѣтнюю войну, найдемъ, что въ битвахъ, происходившихъ въ продолженіе ея, какъ, на примѣръ, въ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ, продолжавшемся восемь часовъ, выбыло изъ тысячи человѣкъ 294, такъ что въ часъ времени приходилось выбывшихъ изъ строя четыре тысячи сто пятьдесятъ человѣкъ, [53] явствуетъ, что принять изъ десяти тысячъ выстрѣловъ только одну пулю, достигавшую до цѣли, было бы болѣе, чѣмъ сомнительно.

Въ битвѣ этой въ обѣихъ арміяхъ дѣйствовало сто двадцать пять тысячъ человѣкъ: убитыхъ и раненыхъ было тридцать двѣ тысячи.

Дадимъ всевозможныя льготы: во первыхъ, примемъ, что половина убитыхъ была поражена холоднымъ оружіемъ и артиллеріею (каждый опытный военный человѣкъ сознаетъ, что этого слишкомъ много; но пусть это будетъ такъ!). [54] За тѣмъ другая половина, т. е., шестнадцать тысячъ человѣкъ, были поражены пулями.

Чтобы поразить такое число людей, по мнѣнію, высказанному выше, нужно было бы сдѣлать сто шестьдесятъ милліоновъ выстрѣловъ!

---

[53] О другихъ битвахъ той войны умалчиваю, ибо результатъ тотъ же самый, какъ и подъ Кунерсдорфомъ.

[54] Бородинская битва была, и по настоящее время есть, исключительная: въ ней дѣйствовали болѣе тысячи орудій преимущественно картечью и гранатами по массамъ, сосредоточеннымъ на маломъ пространствѣ.

Круглая пуля недавняго образца имѣла $^{36}/_{96}$ золотниковъ вѣса; несомнѣнно въ эпоху Кунерсдорфскаго сраженія она была тяжелѣе; но дадимъ и здѣсь льготу: пусть пуля того времени была еще легче пули, употреблявшейся предъ настоящимъ временемъ; возьмемъ для каждой пули только шесть золотниковъ. Изъ этого выходитъ, что для ста шестидесяти милліоновъ выстрѣловъ употреблено было девятьсотъ шестьдесятъ милліоновъ золотниковъ или двѣсти пятьдесятъ тысячъ пудовъ металла, и что для пораженія одного человѣка, если принять общую сложность, нужно было употребить около шестьнадцати пудовъ свинца и т. п.

Но допустивъ, что въ тѣ времена арміи имѣли возможность возить за собой подобныя баснословныя тяжести, обратимся ко второму обстоятельству, гораздо важнѣйшему, къ качеству оружія.

Въ Кунерсдорфскомъ сраженіи было сто двадцать пять тысячъ человѣкъ: не будемъ исключать изъ этого числа ни конницы, ни артиллеріи, и, на основаніи допускаемыхъ льготъ, пусть всѣ сто двадцать пять тысячъ человѣкъ дѣйствовали ружьями, то и въ такомъ даже случаѣ изъ ста шестидесяти милліоновъ выстрѣловъ приходится на каждое ружье по тысячи двѣсти осьмидесяти выстрѣловъ. Каково же должно было быть тогда достоинство ручнаго огнестрѣльнаго оружія!

Кунерсдорфское сраженіе продолжалось восемь часовъ. Въ эти восемь часовъ сто двадцать пять тысячъ человѣкъ сдѣлали сто шестьдесятъ милліоновъ выстрѣловъ, что приходится въ часъ по двадцати милліоновъ выстрѣловъ, а на каждаго человѣка изъ полныхъ ста двадцати пяти тысячъ человѣкъ въ часъ по сту шестидесяти выстрѣловъ, или безъ малаго по три выстрѣла въ минуту!! А если принять въ соображеніе, какъ и слѣдуетъ, что, по прибытіи на поле сраженія, не сразу вдругъ всѣ начали пальбу, продолжая ее безостановочно восемь часовъ сряду, что происходили движенія, что дѣйствовали колоннами, что конница и артиллерія (которыхъ мы хотя и исключили), не могли производить этой пальбы, и наконецъ, что люди постепенно выбывали изъ фронта, то и выйдетъ, что на каждаго человѣка изъ дѣйствовавшихъ ружьемъ придется едва ли болѣе

десяти выстрѣловъ въ минуту. Только при такой небывалой поспѣшности, очень натурально, и могло быть, что изъ десяти тысячъ выстрѣловъ достигалъ цѣли только одинъ. А каковы должны были быть ружья, выдерживающія тысячу двѣсти восемьдесять выстрѣловъ въ восемь часовъ, или безостановочно по сту шестидесяти въ часъ, а по другому расчету по шестисотъ?!

Подъ Бородинымъ, конечно, найкровопролитнѣйшемъ изъ всѣхъ сраженій, данныхъ со времени изобрѣтенія пороха, израсходовано на каждое ручное огнестрѣльное оружіе, въ круглоиъ счетѣ, только около двѣнадцати зарядовъ въ продолженіе десяти часовъ.

Въ тѣхъ же тактикахъ полагаютъ, что прежнія гладкія ружья, дѣйствуя на триста шаговъ, были причиной, что пуля рѣдко достигала своего назначенія, на томъ, будто бы, основаніи, что стрѣлокъ, находящійся на столь близкомъ разстояніи отъ непріятеля, не могъ сохранять необходимаго спокойствія! Сознаюсь, что этотъ выводъ для меня непонятенъ; ибо если я убѣжденъ, что ружье, которое въ рукахъ у меня и у непріятеля можетъ вредить обоюдно другъ другу на взаимно равномъ разстояніи, то это рѣшительно одинаково дѣйствуетъ на душевное спокойствіе при встрѣчѣ смерти, и къ тому еще, какъ я убѣдился опытами въ эпоху великихъ браней, что Русскій, чѣмъ ближе находится къ непріятелю, тѣмъ мужество его, пусть и одна отвага, болѣе усиливается: онъ не понимаетъ, чтобы сраженіе съ непріятелемъ могло кончиться однимъ обмѣномъ пуль; ему нужно столкновеніе, безъ котораго онъ не вполнѣ признаетъ сраженіе;[55] а безъ столкновенія какія бы изобрѣтенія дальняго полета снарядовъ ни были, никогда, или, по крайней мѣрѣ, на долгое время, не убѣдятъ Рус-

---

[55] Покойный братъ мой, на штурмѣ Варшавы въ 1831 году (бывшій въ то время полковымъ командиромъ Елецкаго пѣхотнаго полка), которому въ первый и во второй день штурма удалось овладѣть нѣсколькими редутами, съ потерею едва ли не половины наличнаго числа людей, узналъ, что рекруты, составлявшіе знатную часть его полка, спрашивали у старыхъ солдатъ: «Когда же будетъ сраженіе?» не допуская мысли, что можно сразиться и одержать поверхность безъ рукопашнаго боя. Въ этомъ-то и загадка, что каждый народъ имѣетъ свой взглядъ на тактику.

скаго человѣка, чтобы сраженіе могло оканчиваться безъ, такъ называемой, потасовки. [56] Впрочемъ, эта истина доказана и въ войнѣ 1854 и 1856 годовъ.

Дальніе полеты истребительныхъ снарядовъ не только не сдѣлали битвъ кровопролитнѣе, но также, какъ и прежде, не кончали ихъ безъ штыковой работы, а это-то самое и обращаетъ на себя вниманіе.

Нѣкоторые думаютъ, что въ продолженіе десяти часовъ времени, въ Бородинѣ, выбыло у насъ изъ строя, по крайней мѣрѣ, не многимъ менѣе, нежели въ одиннадцать мѣсяцевъ защиты Севастополя, включая тутъ и битвы Альмскую, Балаклавскую, Инкерманскую и на Ѳедюхиныхъ горахъ. Само собою разумѣется, сюда не входятъ погибшіе отъ болѣзней. Любопытно было бы повѣрить это предположеніе. Относительно выбытія изъ строевъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, то число таковыхъ въ Бородинѣ очень далеко превосходитъ убыль при Севастополѣ.

---

56 Не доказало ли это наше Ополченіе въ 1812 году въ Полоцкѣ, въ 1813 подъ Данцигомъ, и дружины Полковника Графа (А. Д.) Гурьева подъ Дрезденомъ и пр.?

ГЛАВА V.

ОЦѢНКА БИТВЫ.

Ни одна изъ битвъ не вызывала о себѣ столько толковъ, какъ Бородинская, а по тому здѣсь я приведу нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ, полагая, что они не будутъ излишними, тѣмъ болѣе, что всѣ они возглашены иноземцами.

Наполеонъ, какъ выше было видно, говорилъ на островѣ Св. Елены: «Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, кото«рое далъ я подъ Москвою: Французы въ немъ показали себя «достойными одержать побѣду, а Русскіе стяжали право быть «непобѣдимыми.»

Что за конструкція фразы: «Французы одержали побѣду, а Русскіе непобѣдимы!» Но несчастный узникъ долженъ былъ утѣшать себя фразами, еще болѣе замѣчательными.

Ласъ-Казасъ (t. II, p. 179), передавая слова Наполеона объ Аустерлицкой битвѣ, между прочимъ, присовокупляетъ: «Рус«скіе показали себя превосходными солдатами, которыхъ съ того «времени уже не встрѣчали; Русская Аустерлицкая армія не про«играла бы битвы Бородинской.»

Явное противорѣчіе многому, сказанному о Русскомъ Бородинскомъ солдатѣ. [57]

---

[57] Я привелъ, въ особенной главѣ, мнѣніе иноземныхъ повѣствователей о Русскомъ солдатѣ (Отд. третье, гл. II).

Этотъ же авторъ, въ другомъ мѣстѣ (t. VI, p. 40), приводитъ слова Наполеона: «Изъ пятидесяти сраженій, мною данныхъ, оно «(Бородинское) было однимъ изъ тѣхъ, гдѣ было выказано болѣе «дарованій и прекрасныхъ качествъ, а пріобрѣтено менѣе ре-«зультатовъ.»

Монтолонъ (t. II, p. 91, 92) приводитъ его же слова: «По-«слѣдствія Бородинской битвы были неисчислимы! Никогда не «было такъ кстати отважиться на битву.»

Довольно загадочно! Къ чему относятся «неисчислимыя послѣдствія?» Относительно же отваги дать битву, то видно было выше, что голодъ былъ главною причиной, какъ свѣдѣтельствуютъ всѣ Французскіе историки.

Шапюи (p. 592) говоритъ: «Наполеонъ на островѣ Св. Еле-«ны называетъ эту битву борьбою гигантовъ.»

Генералъ Фезензакъ, участникъ въ битвѣ (p. 45), говоритъ: «Никогда не видали болѣе остервененія, какъ въ этотъ день; едва «маневрировали,—атаковали одинъ другаго фронтомъ, съ ожесточе-ніемъ» и т. д.

Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (t. III, p. 269) пишетъ: «Бит-«ва эта одна изъ самыхъ кровопролитныхъ, данныхъ въ продол-«женіе многихъ вѣковъ, не принесла Наполеону выгоды, развѣ «только облегчила ему занятіе Москвы. Наполеонъ хотѣлъ не по-«бѣдить, а истребить Русскую армію.»

Жомини (t. II, p. 221): «Въ продолженіе всей жизни своей «Наполеонъ давалъ много битвъ, но никогда не видалъ столь «ужасной. Ей слѣдовало быть необыкновенной по всѣмъ отноше-«ніямъ: по существу предпріятія, которое она должна была довер-«шить, по важности выгодъ, съ нею сопряженныхъ, наконецъ, по «особымъ обстоятельствамъ, ознаменовавшимъ столкновеніе массъ, «на пространствѣ столь сжатомъ.»

Далѣе (p. 227), изображая разные эпизоды въ этой великой битвѣ, о которой столько писали, говоритъ: «одни составляли по-«эмы, другіе въ вдавались критическія разсужденія, очень мало «между собою сходныя, наконецъ нѣкоторые возносили ее до не-

«бесъ; замѣчательно же то, что планъ Наполеона, мудро сообра-«женный, былъ худо выполненъ.»

Генералъ Бертезенъ (t. II, p. 53, 54) говоря объ этой битвѣ, называетъ ее «одною изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ въ «новѣйшія времена.»

Шамбре (t. II, p. 77) называетъ ее «найкровопролитнѣйшею «изъ данныхъ со времени изобрѣтенія пороха [58] (и присовоку-«пляетъ): Наполеонъ былъ побѣдителемъ (?), но онъ не достигъ «результата, предмета своихъ желаній, и его положеніе станови-«лось очень затруднительнымъ.... До того времени дарованія его, «въ особенности на поляхъ битвъ, сіяли большимъ блескомъ; ими-«то, нѣкоторымъ образомъ, онъ, казалось, повелѣвалъ счастіемъ.»

Что за фразы! Значитъ онъ непобѣдимъ?

Далѣе (p. 82) Маркизъ этотъ пишетъ: «Не многія изъ выи-«гранныхъ битвъ производили на побѣдителей (!) такое необы-«кновенное впечатлѣніе: они, казалось, поражены были остолбе-«неніемъ (frappé de stupeur). По перенесеніи столькихъ бѣдствій, «лишеній, усталости, чтобы побудить непріятеля дать битву, ока-«завъ въ ней столько доблестей, они видѣли послѣдствіемъ всему «этому одно избіеніе (massacre), и болѣе нежели когда либо усо-«мнились относительно продолжительности и участи войны.»

Раппъ (p. 169) отзывается объ этой битвѣ: «Мы взяли плѣн-«ныхъ и нѣсколько пушекъ; но этотъ результатъ не вознаградилъ «потери, нами понесенной.»

Норвенъ (t. III, p. 310), какъ видно было выше, называетъ битву эту «побѣдой trop peu décisive.»

Въ Нѣмецкомъ сочиненіи («Der Krieg der franz. etc. 1812—1813», p. 118), читаемъ: «На берегахъ Москвы, рѣки дана была «битва между Сѣверомъ и Югомъ Европы, [59] и то, что за годъ

---

[58] Клаузевицъ усиливается доказать, что Кунерсдорфское и Цорндорфское сраженія были кровопролитнѣе! Неудивительно: онъ Пруссакъ.

[59] Державинъ то же самое сказалъ о битвѣ сей гораздо прежде:

«предъ тѣмъ казалось невозможнымъ, сбылось на дѣлѣ! И какая «битва! Одна изъ самыхъ кровавыхъ, не только въ этомъ походѣ, «но изъ всѣхъ, данныхъ Наполеономъ.»

Пюибюскъ (p. 85): «Я видѣлъ одну изъ самыхъ ужасныхъ «битвъ, которыя были даны когда либо съ тѣхъ поръ, какъ «люди изучаютъ искуство истреблять другъ друга.»

Въ «Mém. pour. servir etc. 1814, par un offic. d' ét. etc. maj.» (t. II, p. 187): «Одна изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ и упор«нѣйшихъ битвъ, которой подобной давно не видали.»

Въ «Moscou av. et ap. l'incend.» (p. 140): «Бородинская «битва была одной изъ кровопролитнѣйшихъ въ военныхъ лѣто«писяхъ. Громъ пушекъ слышенъ былъ въ окрестностяхъ Москвы.»

Керъ-Портеръ (p. 155):... «Такъ кончился этотъ достопа«мятный день, въ который прекратилось существованіе осьмиде«сяти тысячъ человѣкъ. Военныя лѣтописи новѣйшаго времени не «упоминаютъ о такомъ ужасномъ побіеніи. Наполеонъ имѣлъ право «воскликнуть: «Никогда не видали подобнаго поля битвы!»

Мишо (p. 133): «7-го Сентября (26 Авг.), 1812 года, дана «была самая кровопролитнѣйшая битва, о которыхъ только по«вѣствуетъ Исторія.»

Галлуа (p. 215): «Бородинская битва одна изъ самыхъ кро«вопролитнѣйшихъ послѣднихъ временъ—побіенія и истребленія.»

Биньонъ (p. 40): «Изъ всѣхъ битвъ, данныхъ Наполеономъ, «самая кровопролитнѣйшая, безспорно, есть Бородинская. Только «двѣ изъ всѣхъ другихъ нѣсколько приближаются къ ней огром«ными жертвами, которыми должно было купить побѣду: Эйлау «и Ваграмъ; Маренго, Аустерлицъ, Іена, стоившія меньше, дали «гораздо большіе результаты.»

Графъ Сегюръ (t. I, p. 406), описавъ поѣздку Наполеона, на другой день для обозрѣнія поля битвы, [60] присовокупляетъ:

«Тутъ Сѣверъ съ Западомъ сражался,
«И ударялся громъ о громъ.»

60 См. «Утро на другой день и отступленіе» (Отд. третье, гл. 1).

«Биваки безмолвны: не слышно болѣе пѣсней, нѣтъ разсказовъ, «угрюмая молчаливость. Около орловъ виднѣлись остатки Офице-«ровъ, унтеръ-офицеровъ и нѣсколько солдатъ, едва сколько бы-«ло нужно для охраненія знаменъ. Одежда ихъ изорвана отъ оже-«сточенія битвы; почернѣвшіе отъ пороха, обагренные кровью, а «между тѣмъ въ этихъ лохмотьяхъ, въ этомъ бѣдствіи, въ такомъ «несчастіи, видъ ихъ гордъ и, усмотрѣвъ Императора, послыша-«лось нѣсколько торжественныхъ кликовъ, но рѣдкихъ и возбуж-«даемыхъ; ибо въ этой арміи (присовокупляетъ авторъ), способ-«ной въ одно и то же время къ энтузіязму, каждый обсуждаетъ «положеніе всего... Французскіе солдаты никогда не ошибаются. «Они удивляются столькимъ убитымъ непріятелямъ и большому «количеству раненыхъ и такому малому числу плѣнныхъ: не было «осьмисотъ. Мертвые свѣдѣтельствовали скорѣй мужество побѣж-«денныхъ, чѣмъ побѣду. Если остальные отступаютъ въ такомъ «хорошемъ порядкѣ, съ такою твердостію, такъ не упали духомъ, «то къ чему выигрышъ поля битвы?»

Далѣе (p. 408): «Императоръ не могъ оцѣнить своей побѣды «иначе, какъ только числомъ убитыхъ. Земля до того была устла-«на распростертыми тѣлами Французовъ, на редутѣ (центральномъ), «что, казалось, онъ принадлежалъ болѣе имъ, чѣмъ оставшими-«ся на ногахъ; казалось, что видишь здѣсь болѣе побѣдителей «мертвыхъ, чѣмъ побѣдителей живыхъ.»

Кроссаръ (t. IV, p. 352): «Бородинская (битва была необ-«ходима политикѣ, а не военному дѣлу...»—«Бородинскія поля были «свѣдѣтелями одной изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ битвъ, ка-«кія только собраны Исторіею до нашихъ временъ.»

Канфигъ (t. IX, p. 278): «Никогда битва не считала столь-«ко Генераловъ, выбывшихъ изъ строя. Бородинскою битвой не было пріобрѣтено ни какихъ политическихъ послѣдствій, а, правду сказать, она обезсилила болѣе Наполеона, нежели поразила Русскихъ».

Мишо (p. 133), разсуждая объ этой битвѣ, говоритъ: «При «Бородинѣ все ограничивалось со стороны Французской арміи ата-«ками съ фронта, кровопролитными приступами на редуты, при

«чемъ солдаты обѣихъ сторонъ убивали другъ друга, хватаясь за «горло, какъ варвары, или залпами артиллеріи, повергавшими од«нимъ выстрѣломъ цѣлые батальоны, которые тотчасъ замѣнялись «другими, строясь подъ самымъ огнемъ батарей.» Говоря о Напо«леонѣ: «Онъ выказалъ какую-то нерѣшительность; приписывали «это болѣзни; но достовѣрно то, что онъ не проявилъ ни рвенія, ни «искуства, которыя проявлялись въ немъ прежде, въ случаяхъ, ме«нѣе важныхъ».

Жомини (t. II, p. 230) пишетъ: «Если бы Французы встрѣ«тили малѣйшія несчастія, что бы сталось тогда съ ихъ арміею? «Таковы были причины, дѣйствовавшія на умъ Наполеона, и по«буждали его избѣгать всякаго маневра на удачу, и уменьшили его «силу и рѣшимость, что обыкновенно было отпечаткомъ всѣхъ его «распоряженій. Побѣда, какъ бы она ни была не полна, должна «была привести его въ Москву. [61] За чѣмъ же было ему подвер«гаться Полтавскому дню? Достопамятный кровопролитный день Бо«родинскій, котораго такъ пламенно желали, былъ далекъ отъ то«го, чтобы исполнить его цѣль. Онъ надѣялся дать эту битву въ «Литвѣ и сдѣлать ее рѣшительной: онъ нашелъ ее за двѣсти лье да«лѣе, и ему осталось только пространство, покрытое шестидесятью «тысячами съ обѣихъ сторонъ раненыхъ, или умирающихъ, безъ «малѣйшихъ трофеевъ».

Вильсонъ говоритъ: «При Бородинѣ, какъ и при Ватерлоо, «линіи были противопоставлены линіямъ, человѣкъ противъ чело«вѣка; воззвали къ храбрости каждаго солдата отдѣльно; исходъ «битвы зависѣлъ болѣе отъ употребленія силы, чѣмъ отъ иску«ства маневрированья, или отъ своенравнаго счастія; примѣръ на«чальниковъ, нападенія, аттаки въ штыки, чтобы отбивать непрі«ятеля и удерживаться твердо—вотъ вся тактика этого дня. Пере«крестный огонь артиллеріи—единственное соображеніе стратегіи.»

---

[61] Но занятіе Москвы, какъ видно изъ записокъ Ровиго, Фьеве и множества другихъ, во Франціи почиталось событіемъ гибельнымъ. Баронъ Меневаль (t. 1) говоря объ этомъ вступленіи, послѣ Бородинской битвы, присовокупляетъ: «Послѣ этого дня, столь сомнительнаго и такъ жарко оспариваемаго, открылось намъ вступленіе въ Москву» и т. д.

Жомини (t. II, p. 227), разсуждая о причинахъ, по которымъ Наполеонъ не упорствовалъ въ дальнѣйшихъ нападеніяхъ на Русскихъ, присовокупляетъ: «Онъ не хотѣлъ вновь отважиться на «удачу, и въ положеніи, въ которомъ находился, довольствовался «полупобѣдой. Онъ (будто бы) предвидѣлъ, что Кутузовъ на-«правится на Москву, что до разсвѣта онъ и сдѣлалъ».

Относительно употребленія гвардіи,—мнѣнія раздѣлены не только между разными повѣствователями, но даже встрѣчаются у одного и того же изъ нихъ различные взгляды; такъ, на пр., Гурго (p. 124) говоритъ: «Если бы Наполеонъ употребилъ гвардію, ре-«зультатъ побѣды былъ бы гораздо блистательнѣе». Потомъ, въ другомъ мѣстѣ, оправдывая въ этомъ Наполеона, онъ (p. 133) говоритъ: «Что бы послѣдовало, если бы битва должна была возобно-«виться на другой день, какъ это и предполагалъ Кутузовъ? Фран-«цузскія войска, не смотря на свою побѣду, а, можетъ быть, и по «причинѣ этой самой побѣды, могли быть отбиты. Двадцать тысячъ «свѣжихъ избранныхъ войскъ одни могли выиграть битву.» [62] Сегюръ же говоритъ (t. II, p. 405): «Этотъ грозный резервъ (гвардія) былъ едва въ двадцать тысячъ, въ числѣ коихъ около трети новыхъ рекрутъ.» [63]

Лавалле (t. IV, p. 543) то же пишетъ о вліяніи, которое могла бы имѣть гвардія, если бы ее употребили: «Можно было, «посредствомъ гвардіи, выбить Русскихъ изъ этой второй позиціи «лѣваго фланга и порѣшить ихъ разбитіемъ. Наполеонъ удоволь-«ствовался полупобѣдой».

Такъ мечтали Французы, а нѣкоторые и не Французы понынѣ мечтаютъ о возможности разгромленія тогдашней Русской арміи этимъ резервомъ.

---

[62] Значитъ, что и самъ Гурго сознаетъ возможность Кутузова атаковать Французовъ на другой день, что не соглашается съ тѣмъ, что Французы одержали викторію.

[63] Если это такъ, то мы далеко бы справились съ нею такимъ же числомъ, но сытыхъ и борющихся за святое дѣло.

Приведу мнѣніе о гвардіи Полковника Шапюи, которое, согласно съ обстоятельствами, изложено человѣкомъ, участвовавшимъ въ битвѣ, извѣстнымъ исторіографомъ ея и другихъ эпизодовъ этой войны (p. 576). Оправдывая Наполеона, что онъ, въ три часа по полудни, не ввелъ въ дѣло гвардіи, присовокупляетъ: «Но такъ какъ «не было взято плѣнныхъ, не одержано ни одного изъ тѣхъ успѣ«ховъ, которые бы показывали, что непріятель утратилъ свои си«лы, то онъ былъ правъ, что не пустилъ гвардіи въ битву. Но поло«жимъ (продолжаетъ авторъ), что Наполеонъ поддался бы требо«ванію Нея и другихъ, и предположивъ, что Кутузовъ, лучше вдох«новенный, предпринялъ бы на лѣвый флангъ Французской арміи «диверсію, гораздо сильнѣе, чѣмъ она была сдѣлана Уваровымъ, «что онъ и могъ сдѣлать, чѣмъ же бы тогда Наполеонъ остано«вилъ это движеніе?»

Вотъ что говоритъ Вальтеръ-Скоттъ объ этомъ предметѣ (t. VII, p. 305, 306): «Судьба дня показывала его болѣе одного «раза такъ сомнительнымъ, что у Наполеона нѣсколько разъ на«стаивали пустить въ дѣло гвардію, которую онъ держалъ въ ре«зервѣ, какъ единственное средство рѣшить дѣло. Причинъ тому «приводятъ много: что онъ былъ болѣнъ и пр. Но тайна этого от«каза кажется, заключалась въ отвѣтѣ, который онъ сдѣлалъ Бертье, «настаивавшему по сему случаю: «А если завтра будетъ другая «битва, гдѣ моя армія?» Это былъ послѣдній его резервъ.» [64]

Унгеръ, разсуждая о Бородинскомъ сраженіи и объ участіи въ немъ конницы (p. 113) говоритъ: «Надобно было, во что бы «то ни стало, уничтожить Русскую армію, а этого невозможно было «сдѣлать безъ жестокихъ потерь для самаго побѣдителя. Если по«бѣда (p. 114) не была такъ полна, такъ рѣшительна, какъ бы «ей слѣдовало быть, чтобы высвободить Французскую армію изъ «опасностей ея необыкновеннаго положенія, то это было сопря«жено съ причинами, чуждыми дѣйствіямъ ея войскъ, и можетъ «быть отнесено только къ направленію битвы». Здѣсь авторъ намекаетъ на бездѣйствіе главнокомандующаго, самого Неполеона. На этой же страницѣ онъ говоритъ: «Французская конница въ «этой знаменитой битвѣ, цѣною огромныхъ пожертвованій, пріоб-

[64] И этотъ резервъ старой гвардіи, во всю войну, не заряжалъ ружей.

рѣла кровопролитную, но безплодную, побѣду. [65] Еще одно та-
«кое восторжествованіе, и нашей конницы бы не стало (s'en était
«fait d'elle).»

Генералъ Пеле, разсматривая эту битву критически, между прочимъ (p. 145) говоритъ: «Неправильныя распоряженія Кутузо-«ва много способствовали къ проигрышу битвы». Это послѣднее выраженіе неправильно употреблено о битвѣ въ общемъ пониманіи, какъ уже было о томъ говорено. Здѣсь замѣчу еще только слѣдующее: Французы имѣли успѣхъ противъ части центра и нашего лѣваго фланга, понудивъ его отойти за нѣсколько сотъ шаговъ назадъ, на вторую позицію, гдѣ онъ утвердился въ связи съ общей позиціей арміи и которой Французы не рѣшились атаковать, видя, по ихъ словамъ, грозное ея положеніе. Но другая часть нашего центра и правый флангъ, въ свою очередь, одержали успѣхъ, отбивъ всѣ на себя нападенія, и не только осталась на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, а еще оконечностью своего праваго фланга сдѣлала нападеніе на лѣвый флангъ непріятеля, произведя значительный въ немъ, и особенно въ тылу его, безпорядокъ. Слѣдовательно, битва исходомъ своимъ, собственно какъ сраженіе, представляетъ успѣхъ на разныхъ только пунктахъ, одержанный обѣими сторонами, а общій исходъ безспорно былъ въ нашу пользу. Отступленіе наше, чрезъ двѣнадцать часовъ по окончаніи битвы (арріергардъ чрезъ шестнадцать), имѣетъ совершенно другія причины, а отнюдь не тѣ, по которымъ можно было бы заключать, что мы не могли продолжать битвы отъ нанесеннаго будто бы намъ пораженія. Противное было доказано самими непріятельскими повѣствователями, какъ это приведено въ своемъ мѣстѣ. [66]

Генералъ Пеле продолжаетъ: «Если бы Русскіе уперлись пра-«вымъ флангомъ къ Горкамъ, и если бы пространство, занимав-«шееся Багратіономъ, имѣло укрѣпленія, безполезно построенныя «на правомъ флангѣ, всѣ условія успѣха были бы на сторо-«нѣ Русскихъ.» Послѣ сего авторъ исчисляетъ всѣ выгоды, ко-

---

[65] Здѣсь авторъ, по принятому обычаю, поставилъ слово «побѣда», вмѣсто слова «успѣхъ,» который не разъ въ этой битвѣ пріобрѣтала и наша конница.

[66] См. Отд. третье, гл. 1: «Отступленіе».

торыя мы пріобрѣли бы надъ непріятелемъ, [67] а потомъ говоритъ:

«Распоряженія Кутузова, въ продолженіе битвы, заслужива-«ютъ нѣкоторую похвалу. Если въ началѣ онъ худо расположился, «если онъ не могъ видѣть всего того, что ему нужно было дѣ-«лать, то въ остальное время показалъ тотъ характеръ, который «бываетъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ Главнокомандующаго. Его «упорство уравновѣшивало и частью разрушило высокія сообра-«женія Императора. [68] Если бы Наполеонъ сдѣлалъ только одну «ошибку предъ такимъ непріятелемъ, то онъ погибъ бы. Но Ге-«нералъ искусный и предпріимчивый взялъ бы Французскую ар-«мію на мѣстѣ преступленія, что часто говорилъ Наполеонъ—en «flagrant délit. Около осьми часовъ онъ приступилъ бы къ на-«падению съ пятидесятью тысячами человѣкъ праваго фланга, на-«правивъ ихъ черезъ Колочу къ берегамъ Войны.» [69]

Въ «Détails abrég. sur la camp. de 1812 etc.» (p. 24), авторъ, сказавъ, что Французы потеряли менѣе, чѣмъ Русскіе, присовокупляетъ: «Это очевидно доказываетъ, что Бородинская битва «была побѣдой для Французовъ, по тому что на другой день часть «ихъ арміи направилась къ Москвѣ.»

Очень удовлетворительное доказательство!

---

[67] Онъ могъ бы къ своему превосходному критическому разбору этой битвы присоединить еще и то, что если бы мы послѣдовали совѣту Беннгсена, и на центральной высотѣ соорудили не плохую батарею—въ 18 орудій,—а редутъ на 36 орудій, и поставили четыре батальона, не ломая линіи, то результатъ могъ бы быть подобенъ Полтавскому. Объ этомъ я говорилъ уже.

[68] Шамбре, въ «Philosophie de la guerre» (p. 150) говоритъ: «Упорство, ко-«нечно, бывало причиной выигрыша болѣе одной битвы, а противополож-«ный оному недостатокъ неоспоримо бывалъ причиной потери еще больша-«го числа битвъ.»

[69] Объ этомъ предпріятіи Генералъ Пеле разсуждаетъ глубоко и дѣльно, изъясняя всѣ выгоды, которыя мы пріобрѣли бы, и далѣе (p. 535), исчисливъ ошибки, сдѣланныя подъ Аустерлицемъ, присовокупляетъ: «Русскій полково-«водецъ былъ лучше внушаемъ на берегахъ Москвы рѣки, и Наполеонъ на-«прасно ожидалъ, чтобы онъ сдѣлалъ какое либо движеніе на удачу.»

Генералъ Хржановскій (p. 11), какъ ему и слѣдуетъ, то же приписываетъ побѣду Французамъ: «Русская армія была побѣж-«дена, но не истреблена.»

Да! далеко не истреблена! ибо черезъ полтора года, послѣ кровавыхъ битвъ, для снятія оковъ съ материка Западной Европы, она взяла приступомъ Монмартрскія высоты, низложила поработителя Европы и возвратила корону законному Королю, отчужденному отъ оной въ продолженіе двадцати лѣтъ. Германскіе и Италіянскіе Государи получили свои владѣнія обратно, Король Испаніи вступилъ въ свои права и т. д.

Шапюи (p. 592): «Если эта битва не дала всѣхъ результа-«товъ, которыхъ должно было ожидать, то это надобно приписать «обстоятельствамъ, которыхъ Императоръ не могъ ни предвидѣть, «ни отстранить.» Но это не совпадаетъ съ мнѣніемъ, которое имѣютъ о свойствахъ генія.

Пюибюскъ (p. 84): «Если Бородинское сраженіе не даетъ «другихъ выгодъ, кромѣ только тѣхъ, которыя намъ объявляютъ, «то это жалкій трофей, гибельная побѣда!»

Боссе (t. II, p. 94) говоритъ о Бородинскомъ сраженіи, какъ «о днѣ, столь гибельномъ и такъ славномъ для Французской ар-«міи,» присовокупляя, что «одно время Русскія ядра перелетали черезъ нихъ»: онъ былъ при Наполеонѣ у Шевардина.

Тьеръ (t. XIV, p. 350) присовокупляетъ: «Нѣкогда Наполе-«онъ увѣдомлялъ о нѣсколькихъ тысячахъ убитыхъ у непріятеля, о «тридцати, или сорока, тысячахъ плѣнныхъ, о нѣсколькихъ стахъ «пушекъ и знаменъ, взятыхъ у непріятеля! Здѣсь же не было «взято ни плѣнныхъ, ни знаменъ, ни пушекъ, исключая малаго «числа орудій (найденныхъ въ редутахъ); но шестьдесятъ тысячъ «убитыхъ, или умирающихъ, непріятелей покрывали землю.» Историкъ изъявляетъ удивленіе, что Наполеонъ показалъ менѣе.

Шапюи о поискѣ Уварова (p. 594) говоритъ: «Диверсія «Уварова могла бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы Кутузовъ «поддержалъ ее. Онъ могъ, безъ всякаго опасенія, располагать «большею частью войскъ своего праваго крыла» и т. д.

Шамбре (t. II, p. 81) пишетъ: «Диверсія, исполненная Уваровымъ, которая была такъ полезна, была бы несравненно полезнѣе, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы отступить, по тому что «не могъ смять пѣхотныхъ кареевъ, чего онъ не долженъ былъ «ожидать, [70] а направился на тылъ Французской арміи, на дорогу, «ведущую изъ Смоленска; онъ бы распространилъ безпорядокъ и «смятеніе между той громадой артиллерійскихъ парковъ, провіант-«скихъ фуръ и другихъ обозовъ, которые тамъ находились. Его «отступленіе не было бы такъ опасно, ни такъ затруднительно, «какъ можно было бы предполагать, по тому что онъ могъ испол-«нить это по всѣмъ безъ исключенія проселочнымъ дорогамъ, ко-«торыя выходили на Московскую дорогу, по тому что Французы «занимали въ тылу своемъ только одну эту послѣднюю.»

Онъ же, между прочимъ (p. 76), говоритъ: «Нѣкоторые изъ «Генераловъ предлагали Кутузову пустить Московское ополченіе, «ночью, на Французскую армію. Это предпріятіе было бы полез-«но, по тому что оно потревожило бы покой арміи и могло бы «произвести большой безпорядокъ.» Дѣйствительно, объ этомъ шла рѣчь: ополченье, двѣ кирасирскія дивизіи и 6-й корпусъ Дохтурова предполагали направить отъ Горокъ на Бородино. Въ это время Милорадовичъ долженъ былъ занять центральную высоту, оставленную непріятелемъ, когда стемнѣло, а Платовъ, усиленный, съ Казаками, долженъ былъ перенестись на р. Войну, и изъ окрестностей Беззубова распространить ужасъ въ окрестностяхъ Колоцкаго монастыря и далѣе. Диспозицію начали составлять, какъ внезапно намѣренія Кутузова измѣнились. Эпизодъ этотъ составляетъ до сихъ поръ пробѣлъ въ нашей военной исторіи, не смотря на то, что Французскіе писатели какъ бы вызываютъ насъ пополнить оный. Въ помянутой же книжкѣ моей говорится объ этомъ слегка. Барклай дѣлалъ уже для сего нападенія распоряженія въ Горкахъ, и я очень хорошо помню, какъ мой корпус-

---

[70] Не по тому отступилъ Уваровъ, что не могъ смять пѣхотныхъ карреевъ, а по тому, что получилъ двукратное приказаніе отойти назадъ. Причины тому изложены въ книжкѣ: «Бородинское сраженіе, съ нѣкоторыми замѣчаніями на Отечественную войну 1812 года, соч. Богдановича Спб. 1861.»

ный начальникъ, Дохтуровъ, сокрушался объ отмѣнѣ этого движенія, что раздѣляли съ нимъ и всѣ лучшіе наши Генералы. И объ этомъ въ упомянутой моей книжкѣ сказано нѣсколько словъ.

Въ другомъ же сочиненіи своемъ («Philosophie de la guerre») Шамбре, разсуждая о дѣйствіяхъ на пути сообщенія непріятеля на его магазины, этапы, обозы и пр., посредствомъ отрядовъ опредѣляемой имъ числительности (p. 148), присоединяетъ: «Если «бы Кутузовъ, тотчасъ послѣ Бородинскаго сраженія, сдѣлалъ по«добныя распоряженія, онъ воспрепятствовалъ бы Наполеону про«никнуть до Москвы; [71] а если бы онъ сдѣлалъ это тотчасъ по «занятіи Французами Москвы, то принудилъ бы Наполеона не «медля отступить. И дѣйствительно (присовокупляетъ авторъ), отъ «Смоленска до Москвы, если исключить гарнизоны въ Вязьмѣ, «Гжатскѣ и Можайскѣ, уже сами по себѣ слабые, всѣ этапы состо«яли каждый изъ ста пѣхотинцевъ, укрѣпившихся по домамъ.» Далѣе Генералъ Шамбре замѣчаетъ: «Не возможно было предви«дѣть продолженія пребыванія Наполеона въ Москвѣ, по тому что «это было событіемъ, выходившимъ изъ всѣхъ расчетовъ вѣроятія, «и Кутузовъ имѣлъ на своей сторонѣ большія выгоды принудить «Наполеона оставить Москву прежде, чѣмъ Французскія войска, «утомленныя усталостію и лишеніями, имѣли время отдохнуть, «чтобы возстановить себя.»

Генералъ Ронья («Considerat. sur l'art de la guerre»), говоритъ: «Русскіе могли очень легко избѣжать Бородинскаго сраженія, ибо «выиграли ли бы они, или проиграли, сраженіе, ихъ неосторожный «непріятель одинаково былъ бы разстроенъ, какъ событія и «оправдали это.»

Заключу главу сію мнѣніемъ Подполковника Дю Шато, которое онъ излагаетъ въ своихъ стратегическихъ разсужденіяхъ. Вотъ что онъ говоритъ о Бородинѣ (p. 38): «Бородинская битва, «выигранная Наполеономъ, была причиной всѣхъ обрушившихся

---

[71] Генералъ Пеле, Шапюи и нѣкоторые другіе говорятъ объ опасности для Французской арміи, если бы даже Уваровъ и Платовъ не отступили, произведя замѣшательство на лѣвомъ флангѣ Французовъ, и когда бы послѣдній перенесся на ихъ путь и т. д.,—предметъ, требующій пространнаго обсужденія, о которомъ я слегка коснулся въ книжкѣ: «Бородинское сраженіе. Окончаніе. Спб. 1861 г.»

«на него бѣдствій въ концѣ года.» По тому, будто бы, что если бы онъ проигралъ ее, то не углублялся бы такъ далеко въ Россію, а подумалъ бы расположиться на зимнія квартиры между Днѣпромъ и Двиною.

Но едва ли мнѣніе автора справедливо: [72] во первыхъ, по тому, что, дойдя до Бородина, Наполеонъ углубился уже въ наше отечество, почти на тысячу верстъ, и оставалось углубиться еще только около ста верстъ; но за то онъ имѣлъ въ виду Москву, гдѣ думалъ возстановить физическія и нравственныя силы своей арміи, ни какъ не ожидая того, что случилось съ Москвою. Слѣдовательно, если Наполеонъ дошелъ уже до Бородина, то ему оставалось углубиться еще только на десятую часть того пространства, которое армія его уже совершила. Во вторыхъ: если бы Наполеонъ былъ разбитъ въ этой битвѣ такъ, что былъ бы вынужденъ отступать, въ такомъ случаѣ не могло быть и рѣчи о занятіи зимнихъ квартиръ между Днѣпромъ и Двиною. Армія его лишена была конницы, а у насъ она была числительна и сбережена. Тогда бы лучше Казаки и легкая конница наша насѣли на него, имѣя возможность производить набѣги съ большею быстротой. Французы же, послѣ проигранныхъ ими сраженій, отступать не мастера, въ особенности на большихъ пространствахъ, что свѣдѣтельствуется и Исторіею. Здѣсь же Казаки составляли бы и авангардъ отступающей арміи, подобно тому, какъ это дѣлалъ Генералъ (В. Д.) Иловайскій, въ 1813 году, отъ Лейпцига до Ганау и отчасти до самаго Майнца. Отъ Бородина до Смоленска не было магазиновъ, а въ послѣдній городъ не успѣли еще свезти запапасовъ. Шедшіе же къ арміи транспорты всѣхъ родовъ попались бы въ руки Казакамъ. Малочисленные гарнизоны въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ и по сту человѣкъ на этапахъ составлены были большею частью изъ слабыхъ, не могшихъ слѣдовать за арміею, не въ состояніи были оказать какого либо сопротивленія, терпя сами голодъ, вмѣстѣ съ ранеными и больными, отсталыми и разсѣян-

---

[72] Не возражаю на выраженія: «Битва, выигранная Наполеономъ.» Въ своемъ мѣстѣ объ этомъ говорится удовлетворительно. Да и самъ авторъ выражается такъ по тому только, что мы отступили, какъ видно будетъ далѣе.

ными мародерами, коими заваленъ былъ весь помянутый путь; слѣдовательно, отступать Наполеону при такихъ спутникахъ было бы очень невыгодно, и я даже думаю, что такое отступленіе было бы гибельнѣе отступленія его изъ Москвы. Объ этомъ предметѣ я говорилъ уже пространно въ другомъ мѣстѣ. [73]

Продолжая свои стратегическія разсужденія, Подполковникъ Дю-Шато (p. 39) говоритъ: «Такъ какъ отступленіе Русскихъ на «Москву было такъ хорошо соображено, то Кутузовъ могъ избѣ«жать Бородинской бойни; по тому что, чѣмъ болѣе вдавался На«полеонъ въ степи Россіи, тѣмъ болѣе положеніе его становилось «критическимъ.» [74]

Авторъ этотъ одинъ изъ весьма немногихъ Французовъ, допускающихъ предварительно обдуманный и соображенный планъ нашего отступленія. Почти всѣ другіе хотятъ увѣрить, что только одинъ страхъ заставлялъ насъ отступать.

---

[73] Въ книгѣ, имѣвшей счастіе быть посвященной Государю Императору, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно «изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причи«нахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году.» Спб., 1855, 8.

[74] Авторъ прибавляетъ: «Столь же мудро избрана была позиція при Тарутинѣ, «сколько преслѣдованіе было медленно, на основаніи правила: «Que l'on ne «saurait metre trop de promptitude à attaques et à déborder un ennemis, qui se «replie à des grandes distances, quelles que soyent les causes de son mouve«ment rétrograde,» и развиваетъ свои доказательства. Далѣе (p. 40): «Битва «при Красномъ ведена была очень слабо. За тѣмъ ввели въ дѣло только «тридцать тысячъ человѣкъ, тогда какъ очень легко можно было употребить «большую часть арміи, чтобы задавить Наполеона?»

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЗАПИСКИ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ИЗДАНІЕ

Н. П. Ермолова.

ЧАСТЬ II.

1816 – 1827 г.

ЗАПИСКИ

ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА,

ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНІЯ ГРУЗІЕЮ.

ЗАПИСКИ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНІЯ ГРУЗІЕЙ.

По окончаніи войны съ Французами, 1814 года, Государь, предъ отъѣздомъ своимъ изъ Парижа въ Англію, приказалъ мнѣ отправиться въ Краковъ, къ назначенной мнѣ новой командѣ. По обстоятельствамъ тогдашняго времени, со стороны Австріи можно было ожидать нѣкоторыхъ несогласій, и по тому нужны были на границѣ войска и въ скорости. Порученныя мнѣ состояли изъ большой части резервной арміи, формировавшейся въ Герцогствѣ Варшавскомъ, и въ составѣ своемъ названы были сильнымъ авангардомъ. Нельзя было войскамъ симъ дать наименованія корпуса; ибо многіе изъ Генераловъ старѣе меня имѣли только дивизіи; и такъ, подъ именемъ сильнаго авангарда, безъ обиды другимъ, могло, подъ начальствомъ моимъ, быть слишкомъ девяносто тысячъ человѣкъ.

Въ теченіе 1814 года составился въ Вѣнѣ конгрессъ, извѣстный несогласіями собравшихся Государей; но бѣгство Наполеона съ острова Эльбы положило конецъ ихъ распрямъ, а быстрое появленіе его въ Парижѣ и удаленіе оттуда Королевской фамиліи, возвало ихъ къ единодушному противъ Наполеона ополченію.

Во время пребыванія Императора въ Вѣнѣ дано было арміи нашей повелѣніе выступить, и я, съ войсками, въ Краковѣ бывшими, вышелъ за границу, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1815 года. Резервныя войска, которыми я начальствовалъ прежде, перемѣнены были составленнымъ временно 6-мъ корпусомъ изъ двухъ пѣхотныхъ, одной гусарской дивизіи и нѣсколькихъ Казачьихъ полковъ.

Въ семъ второмъ нашемъ во Францію походѣ мы не имѣли случая сразиться съ непріятелемъ; ибо Англичане и Пруссаки кончили дѣйствія совершеннымъ разсѣяніемъ Французской арміи, и Наполеонъ, лично ею начальствовавшій, предалъ себя власти Англійскаго Правительства.

Войска наши вступили, однако же, во Францію, и Государь отправился въ Парижъ.

Прибывши на Рейнъ, вмѣсто 6-го корпуса, съ которымъ я пришелъ, данъ мнѣ былъ гренадерскій корпусъ, и часть онаго послѣдовала въ Парижъ, для содержанія при Государѣ караула, ибо гвардіи при арміи не находилось.

Въ Парижѣ имѣлъ я случай испросить увольненіе въ отпускъ по болѣзни на шесть мѣсяцевъ.

Дошедши съ гренадерскимъ корпусомъ, на возвратномъ пути, до Царства Польскаго, поѣхалъ я въ Варшаву, гдѣ уже Государь находился, и я былъ свидѣтелемъ восхищенія облагодѣтельствованнаго имъ народа, пріявшаго отъ него и политическое бытіе и конституцію.

Въ самомъ началѣ 1816 года былъ я въ Орлѣ у престарѣлыхъ родныхъ моихъ, среди малаго моего семейства, велъ жизнь самую спокойную, не хотѣлъ разлучиться съ нею, намѣреніе имѣя не возвращаться къ корпусу, а по тому и просилъ продолженія отпуска, дабы ѣхать къ минеральнымъ водамъ на Кавказъ. Но, вмѣсто того, получилъ приказаніе прибыть въ Петербургъ.

Изъ частныхъ извѣстій зналъ уже, что я назначаюсь начальникомъ въ Грузію. Исчезла мысль о спокойной жизни, ибо всегда желалъ я чрезвычайно сего назначенія, и тогда даже, какъ по чину не могъ имѣть на то права.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Государь, постоянно мнѣ благотворящій, объяснилъ мнѣ, что онъ не рѣшился бы опредѣлить меня въ Грузію, если бы не были свидѣтельствующіе, что я того желаю; ибо самъ онъ не могъ думать, чтобы назначеніе сіе могло согласоваться съ моимъ намѣреніемъ.

Объясненіемъ симъ Государь истолковалъ мнѣ, какого онъ о Грузіи мнѣнія. Сего достаточно было, чтобы на мѣстѣ моемъ устрашить многихъ, но я рѣшился повѣрить себя моему счастію.

Не съ равнымъ удовольствіемъ принялъ я назначеніе меня Посломъ въ Персію. Меня устрашали дѣла, по роду своему совершенно мнѣ не знакомыя. Я наслышался о хитрости и коварныхъ свойствахъ Персіянъ, и отчаявался исполнить съ успѣхомъ порученіе Государя.

Ни что такъ не оскорбляетъ самолюбія, какъ быть обманутымъ, а я ни какъ не надѣялся избѣжать того.

Принявъ наставленія, сдѣлавъ нужныя пріуготовленія къ посольству, я выѣхалъ въ началѣ Августа мѣсяца изъ Петербурга въ Москву, гдѣ пробылъ нѣсколько дней; ибо Государь, будучи тамъ, приказалъ при себѣ находиться.

Въ Москвѣ замѣтилъ я, что нѣсколько странно смотрѣли на человѣка почти неизвѣстнаго, появившагося въ званіи Главноуправляющаго Грузіею и, сверхъ того, чрезвычайнаго и полномочнаго Посла.

Я самъ себѣ иногда не довѣрялъ, что это со мною могло случиться.

Въ Сентябрѣ прибылъ я на границу Кавказской Губерніи.

Двадцать лѣтъ назадъ проѣзжалъ я Кавказскую линію, будучи Капитаномъ артиллеріи, въ молодыхъ весьма лѣтахъ и служа подъ начальствомъ Генералъ-Аншефа Графа Зубова, который съ корпусомъ войскъ дѣйствовалъ противъ Персіянъ въ 1796 году.

Первое обстоятельство, обратившее вниманіе мое, были высланныя мнѣ на встрѣчу конвойныя команды изъ поселенныхъ на Линіи Казаковъ. Всегда отличались они отъ всѣхъ прочихъ Казаковъ особенной ловкостію, исправностію оружія и добротою лошадей. Я, напротивъ, увидѣлъ между ними не менѣе половины чрезвычайнно молодыхъ людей, нигдѣ не служившихъ и даже ребятъ.

Предмѣстникъ мой, по усильному старанію Донскаго войска Атамана, Генерала Графа Платова, согласился смѣнить Линейными

Казаками шесть Донскихъ полковъ, служившихъ на Линіи, и отъ сего неосмотрительнаго распоряженія должны были выйти на службу всѣ малолѣтные и даже находившіеся въ отставкѣ Казаки.

Повинность, превосходившая всѣ тѣ усилія, каковыя дѣлаемы были въ кампанію 1812 года, возбуждала ропотъ, и я, въ прекращеніе онаго, рѣшился оставить на службѣ пять Донскихъ полковъ, отправивши только одинъ таковой въ свои жилища. Государь, по донесенію моему, утвердилъ распоряженіе мое.

Остановившись малое время въ Георгіевскѣ, дабы собрать нужнѣйшія о Кавказской Линіи свѣдѣнія, я отправился въ Грузію, и прибылъ въ Тифлисъ 10-го числа Октября.

Предмѣстникъ мой, Генералъ отъ Инфантеріи Ртищевъ, нетерпѣливо ожидалъ меня, ибо желалъ скорѣе возвратиться въ Россію, куда супруга его прежде уже отправилась.

Имѣвши прежде свѣдѣніе, что въ Грузіи отправленіе дѣлъ по службѣ не въ надлежащемъ идетъ порядкѣ, наслышавшись даже и о многихъ злоупотребленіяхъ, почелъ я необходимымъ имѣть съ собою нѣсколько чиновниковъ, извѣстныхъ мнѣ службою и на честность коихъ и правила могъ бы я положиться.

Нужнѣйшаго мнѣ для военной части взялъ я начальникомъ Корпуснаго Штаба, Полковника Вельяминова, служившаго прежде со мною въ артиллерійской гвардейской бригадѣ, потомъ въ Краковѣ, и наконецъ въ гренадерскомъ корпусѣ въ семъ же званіи. Офицеръ сей, хорошо учившійся, имѣлъ большія свѣдѣнія и отличныя способности. Дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ былъ Подполковникъ Наумовъ, неутомимой дѣятельности и наклонности особенной къ порядку.

По части гражданской былъ при мнѣ Коллежскій Совѣтникъ Рыхлевскій, чиновникъ, рекомендованный мнѣ съ наилучшей стороны и знающій хорошо порядокъ дѣлъ. Начальникомъ Дивизіи, расположенной въ Грузіи, выпросилъ я Генералъ-Маіора Кутузова, коего коротко я зналъ хорошія способности. Оберъ-Квартирмейстеромъ, по желанію моему, назначенъ былъ Полковникъ Ивановъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Тифлисъ долженъ я былъ осмотрѣть важнѣйшую часть границъ; ибо, готовясь къ отъѣзду въ Персію, нужны мнѣ были свѣдѣнія о состояніи оныхъ, особенно зная, какія употреблялъ усилія Шахъ Персидскій, дабы возвращено ему было Ханство Карабахское, или часть онаго, въ чемъ и предмѣстникъ мой обязался ему способствовать.

Итакъ я поѣхалъ въ Карабахъ, Полковнику Иванову поручилъ осмотрѣть Талышинское Ханство, Офицерамъ квартирмейстерской части приказалъ сдѣлать обозрѣніе прочихъ границъ съ Персіею.

Въ Карабахѣ познакомился я съ Ханомъ, оттуда нарочно проѣхалъ въ селеніе Зардабъ, лежащее на рѣкѣ Курѣ, дабы видѣться съ Ширванскимъ Ханомъ, изъ вѣжливости выѣхавшимъ мнѣ на встрѣчу;[1] потомъ былъ я въ селеніи Мингечауръ, гдѣ Ханъ Шекинскій меня дожидался.

Въ Тифлисъ возвратился я 12 Декабря, проѣздивъ не много менѣе мѣсяца.

Здѣсь могу сказать, что я настоящимъ образомъ вступилъ въ отправленіе дѣлъ, и уже познакомился, по крайней мѣрѣ, съ главнѣйшими обстоятельствами, до края относящимися.

Состояніе страны, управленію моему ввѣренной, было слѣдующее:

Со времени вступленія на Престолъ Царствующаго Императора, Грузія постоянно занята нашими войсками, и вводился постепенно нашъ образъ управленія, при дѣйствіи собственныхъ законовъ, составленныхъ Царемъ Вахтангомъ, коимъ сохранена прежняя сила. Судная часть была уже въ лучшемъ устройствѣ, доходы съ земли начинали приходить въ большую степень опредѣлительности.

Грузію собственно составляютъ Карталинія, округъ чрезвычайно хлѣбородный; Кахетія, раздѣленная на Телавскій и Сигнах-

---

[1] Онъ со времени Главнокомандующаго Князя Циціанова не видѣлся ни съ однимъ изъ начальниковъ.

скій уѣзды, изъ коихъ первый изобилуетъ прекраснѣйшими виноградниками, послѣдній, не столько много занимаясь разведеніемъ садовъ, имѣетъ довольно обширное хлѣбопашество. Карталиніи принадлежитъ часть Осетинъ, живущихъ въ горахъ. Въ недавнемъ времени начали они принимать Христіянскую вѣру. Успѣхи оной хотя еще очень ничтожные, но можно надѣяться, что, получивъ болѣе довѣренности къ Правительству, ибо пріемлющимъ Крещеніе оказывается особое вниманіе, они перемѣнятъ звѣрскіе свои нравы и наклонность къ воровству.

Съ Кахетіею смежны небольшія земли, въ коихъ живутъ народы, именуемые Пшавцы и Тушинцы, издавна покорствовавшіе Грузинскимъ Царямъ. Они имѣютъ богатое весьма скотоводство, наклонностей воинственныхъ, вѣрны Правительству. Надъ ними отъ начальства поставленъ Приставъ изъ Грузинъ, ибо необходимо знать языкъ. Не всегда, однако же, повинуются они надлежащимъ образомъ и доселѣ почти въ дикомъ состояніи. Сомхетія, войнами опустошенная и почти ни какого населенія не имѣющая. Бамбаки и Шурагель, малые весьма Округи, въ послѣднюю съ Персіянами войну разоренные, въ коихъ и доселѣ мало жителей. Дистанціи Татарскія: Барчалинская, Казахская и Шамшадильская, довольно населенныя, имѣющія хорошее хлѣбопашество и богатое весьма скотоводство.

Къ Грузіи присоединенъ Елисаветпольскій Округъ, бывшее Ханство Ганжинское, въ 1804 году, взятое оружіемъ подъ предводительствомъ Главнокомандующаго Генерала, Князя Циціянова; и симъ ограничивается пространство, которое мы подъ общимъ именемъ Грузіи разумѣемъ. Округъ сей богатъ скотоводствомъ, производитъ лучшую пшеницу въ здѣшней странѣ, имѣетъ посѣвы Сарачинскаго пшена и шелковичные сады. Дохода казнѣ приноситъ болѣе нежели прочіе Округи Грузіи.

Во всѣхъ сихъ Округахъ народонаселеніе можетъ простираться до. . . . . изчисленіе, конечно, не вѣрное, но между народами, чуждыми всякаго порядка, паче Мусульманами, трудно достигнуть настоящаго.

Въ Имеретіи, независимо отъ Грузіи, учреждено временное правленіе. Бѣдная сія земля, бывшая до 1810 года особеннымъ

Царствомъ, заключаетъ въ себѣ пять Округовъ. Населеніе оной жестокою моровою язвою уменьшено болѣе, нежели на половину и простирается не свыше.... Въ Провинціяхъ Мингреліи, Грузіи и Абхазіи владѣтельные Князья пользуются прежними, предоставленными имъ, правами и самыми съ земли доходами, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ зависятъ отъ распоряженій главнаго въ краю начальника, приводимыхъ въ исполненіе Правителемъ Имеретіи, который опредѣляется изъ служащихъ въ корпусѣ Генераловъ.

Ханство Карабахское было въ управленіи Мехти-Хана, имѣющаго чинъ Генералъ-Маіора. Отецъ, умышляя противъ насъ измѣну и доброжелательствуя Персіянамъ, съ которыми мы были въ войнѣ, пригласилъ войска ихъ, но былъ предупрежденъ, и войска наши, внезапно напавшіе на него ночью, лишили его жизни. Дочь его, сестра нынѣшняго Хана, находится въ замужествѣ за Шахомъ Персидскимъ, и по тому сколько ни показываетъ онъ себя приверженнымъ нашему Правительству, по привязанности къ сестрѣ, имѣетъ сношенія съ Персіею.

Ханство сіе въ 1805 году покорилось первое власти Государя. Ханъ, въ ознаменованіе зависимости, платилъ дани 8 тыс. червонцевъ.

Съ того самаго времени войска наши имѣли пребываніе въ Ханствѣ, и Персіяне смотрѣли съ завистью на богатѣйшую землю сію, доставшуюся въ руки наши.

Народонаселеніе Карабаха простирается до 24 т. семействъ. Оно не составляетъ половины прежняго, ибо неоднократно наносимая прежде Персіянами война разорила землю; жители въ большомъ количествѣ увлечены въ плѣнъ, не въ меньшемъ разошлись по разнымъ мѣстамъ. Доселѣ еще мало весьма населеніе въ равнинахъ Карабаха, близко прилежащихъ къ границѣ Персидской, и жители не дѣлаютъ на нихъ прочныхъ заведеній. Повсюду видны развалины городовъ и большихъ деревень, остатки обширныхъ шелковичныхъ садовъ и земледѣлія, свидѣтельствующихъ богатое нѣкогда земли состояніе.

Нынѣшній Ханъ, не радѣющій о благоустройствѣ земли, довѣрчивый къ окружающимъ его чиновникамъ, которые его обма-

нываютъ, проводитъ время въ распутствѣ, ни чѣмъ болѣе не занимаясь, какъ охотою съ собаками, или ястребами. Всѣ заведенія, отцемъ сдѣланныя, въ упадкѣ, и даже не только нѣтъ признака роскоши, въ которой онъ живалъ, но и самый замокъ или дворецъ его представляетъ развалины, и нѣтъ почти въ немъ убѣжища; любимцы расхитили собственно принадлежащее ему имуще ство до такой степени, что ему недостаетъ средствъ къ содержанію себя приличнымъ образомъ. За нѣсколько лѣтъ не представлено въ казну ничтожной, платимой имъ, дани.

Ширванскимъ Ханствомъ управляетъ Генералъ-Лейтенантъ Мустафа-Ханъ. Онъ владѣлъ онымъ и тогда, какъ въ 1796 году былъ съ войсками Генералъ-Аншефъ Графъ Зубовъ, но по свойству недовѣрчивому, по злоумышленію противъ Русскихъ, за которое боялся наказанія, онъ тогда бѣжалъ въ Турцію, и когда войска Графа Зубова отозваны были въ Россію, онъ возвратился и изгналъ поставленнаго нами Х на.

До 1806 года пользовался онъ совершенною независимостію, но, видѣвъ примѣръ взятаго оружіемъ Ганжинскаго Ханства, вошедшаго въ подданство Ханства Карабахскаго, онъ повергъ себя въ покровительство Императора и въ знакъ подданства обязался платить 8 т. червоцевъ дани.

Но съ перемѣною состоянія своего, не перемѣнилъ онъ свойствъ, и той же, какъ и прежде, недовѣрчивости исполненъ былъ къ нашему Правительству. Онъ старался распространить связи свои съ народами Дагестана, сильными, воинственными, ни кому доселѣ не покорствовавшими, думая тѣмъ устрашить Русскихъ и заставить уважать себя болѣе прочихъ. Война съ Персіею, многія занятія предмѣстниковъ моихъ по предмету внутренняго земли устройства, заставляли ихъ, для удержанія Мустафы-Хана въ спокойствіи и хорошемъ расположеніи къ намъ, дѣлать ему многія угожденія, и онъ истолковалъ себѣ, что онъ можетъ быть для насъ опаснымъ.

Высокомѣріе его простиралось до того, что онъ не выѣхалъ къ Главнокомандующему Генералу Тормасову, который желалъ имѣть съ нимъ свиданіе. Со мною поступилъ онъ снисходительнѣе, и удивленъ былъ, когда пріѣхалъ я къ нему не болѣе какъ съ

пятью человѣками свиты, а онъ сопровождаемъ былъ, по крайней мѣрѣ, пятью стами человѣкъ конницы. Онъ, однако же, далъ замѣтить мнѣ, что не каждому долженъ я ввѣряться подобнымъ образомъ. И что онъ такъ же точно предостерегалъ покойнаго Князя Циціянова. Ханъ не разсудилъ, какая между Княземъ Циціяновымъ и мною была разница. Онъ славными по истинѣ дѣлами своими былъ для нихъ страшенъ, я только что пріѣхалъ и былъ имъ совершенно не извѣстнымъ.

Мустафа-Ханъ управлялъ Ханствомъ лучше прочихъ владѣтелей. Народъ имъ собственно не былъ отягощаемъ. Но если терпѣлъ нѣкоторое утѣсненіе, то единственно отъ предоставленной имъ власти Бекамъ (родъ дворянства), между коими сдѣлалъ онъ многихъ себѣ приверженцевъ. Въ землѣ была полиція, не рѣдко наказывалось воровство, съ исправностію собирались доходы, Ханъ жилъ довольно великолѣпно и служащихъ ему не рѣдко награждалъ щедро.

Со стороны Правительства нашего при немъ находился Приставъ изъ Офицеровъ, но онъ умѣлъ такъ отдѣлять его, что онъ ни чего не могъ знать о его связяхъ и поведеніи, и только собиралъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ приверженныхъ намъ Армянъ, живущихъ въ Ширвани.

Населеніе въ Ханствѣ можетъ считаемо быть около 20 тыс. семействъ. Часть народа, довольна значительная, по причинѣ чрезвычайнаго зноя въ лѣтнее время, удаляется въ горы, и по тому прочной осѣдлости не имѣетъ.

Ханство изобилуетъ шелкомъ, Сарачинскимъ пшеномъ, всякаго рода хлѣбомъ, имѣетъ на рѣкѣ Курѣ богатѣйшія рыбныя ловли и многочисленное скотоводство. Муганская, на правомъ берегу Куры, лежащая степь, оному способствуетъ. Есть конскіе заводы, но съ Карабахскими не могущіе сравниться, откуда выходятъ весьма статныя, доброѣзжія и къ трудамъ сносныя лошади, славящіяся во всей здѣшней сторонѣ.

Въ Шекинскомъ Ханствѣ нашелъ я владѣтеля Генералъ-Маіора Измаилъ-Хана, человѣка весьма молодаго, наклонностей развратныхъ, въ управленіи подвластными неправосуднаго, въ нака-

заніяхъ не только не умѣреннаго, но жестокаго, кровожаднаго При первомъ появленіи моемъ въ Грузію поступило ко мнѣ множество на него жалобъ.

Предмѣстникъ мой, Генералъ Ртищевъ, былъ къ нему чрезвычайно снисходительнымъ; ни какая на него просьба не получала удовлетворенія, жалующіеся обращались къ нему, и отъ того подвергались жесточайшимъ истязаніямъ, или избѣгали оныхъ разорительною платою. Окружающіе Генерала Ртищева, пользующіеся его довѣренностію, и, если вѣрить молвѣ, то самые даже ближніе его получали отъ Хана дорогіе подарки и деньги.

Съ негодованіемъ долженъ я упомянуть объ одномъ постыдномъ начальства поступкѣ: жители Шекинскіе, въ числѣ болѣе двухъ сотъ человѣкъ, пришли въ Тифлисъ, не въ состоянія будучи сносить злодѣйской жестокости и утѣсненій Хана. Жалобы ихъ, слезы и отчаяніе не тронули начальство, ихъ назвали бунтующими противъ власти, многихъ наказали тѣлесно, болѣе двадцати человѣкъ, какъ заговорщиковъ, сослали въ Сибирь.

Въ бытность Главнокомандующимъ въ Грузіи Фельдмаршала Графа Гудовича, Шекинское Ханство, послѣ измѣны Селимъ-Хана, изгнаннаго нашими войсками, состояло подъ Россійскимъ управленіемъ и народъ чрезвычайно доволенъ былъ избавиться отъ Хановъ.

Весьма ощутительны были выгоды отъ присоединенія сего Ханства; кромѣ доходовъ, довольно значительныхъ, единство власти должно было быть полезною цѣлію; но Графъ Гудовичъ, по необузданному самолюбію, упорный въ своемъ мнѣніи, по неприступной гордости, не допускающій мнѣнія другихъ, представилъ Правительству о предоставленіи Ханства Джафаръ-Кули-Хану, владѣвшему въ Персіи Ханствомъ Хойскимъ. Ловкій сей человѣкъ снискалъ довѣренность Графа, полезенъ будучи ему при неудачной осадѣ Эриванской крѣпости, гдѣ по близости находилось принадлежавшее нѣкогда ему владѣніе; и онъ, имѣя людей, ему приверженныхъ, могъ доставлять нужныя свѣдѣнія и иногда открывать намѣренія непріятеля. Онъ находился такъ же при Князѣ Циціяновѣ въ блокадѣ Эривани, и съ нимъ было собственной его конницы до семи сотъ человѣкъ. Джафаръ-Кули-Ханъ принадле-

жалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ и сильныхъ фамилій въ Персіи, имѣлъ обширныя связи и многочисленную партію, которыя давали ему надежды взойти на Персидскій Престолъ. Права похитителей одинаковы, преимущество опредѣляетъ сила и счастіе. Симъ обязанъ Престоломъ нынѣ Царствующій Шахъ, и Джафаръ-Кули-Ханъ, проигравъ противъ него сраженіе, спасся къ намъ бѣгствомъ.

Не долгое время управлявши Ханствомъ, Джафаръ-Кули-Ханъ умеръ, и по немъ наслѣдовалъ теперешній Ханъ, сынъ его.

При первомъ свиданіи съ Измаиломъ-Ханомъ, въ присутствіи многихъ изъ народа, сдѣлавъ замѣчаніе на счетъ злоупотребленія имъ власти, поручилъ я ему быть снисходительнымъ къ народу. Приставу, при немъ находившемуся, поручилъ собрать всѣхъ несчастныхъ, которыхъ подвергъ онъ жестокимъ истязаніямъ, и приказалъ помѣстить въ его дворцѣ, пока не удовлетворитъ, по крайней мѣрѣ, семействъ ихъ обезпеченіемъ ихъ благосостоянія.

Шекинское Ханство, при меньшемъ населеніи, нежели въ Ханствѣ Ширванскомъ, даетъ не менѣе онаго дохода, особенно если исключить откупныя статьи, значительную часть дохода въ Ширвани составляющія.

Дани въ казну взноситъ въ годъ семь тысячъ червонцевъ.

Произведенія земли тѣ же самыя, какъ и въ Карабагѣ и Ширвани, при равномъ плодородіи оной.

Въ одномъ семъ Ханствѣ было нѣкогда благоустроенное управленіе, опредѣлены доходы и повинности, уравнительно раздѣлены труды жителей въ пользу Хана. Во время Мамедъ-Гассанъ-Хана, которому Персіяне выкололи глаза, выгнали изъ владѣній, и онъ, въ крайней бѣдности, скитаясь въ Турціи, прибѣгъ подъ покровительство Императора и живетъ въ Астрахани, получая достаточное содержаніе. Отецъ нынѣшняго владѣтеля нѣсколько удерживалъ сей порядокъ, но при семъ послѣднемъ ниже признаковъ онаго не осталось.

Талышинское Ханство, разоренное Персіянами, имѣетъ малое народонаселеніе, доходы весьма скудные, которыми пользуется Ханъ, не платя въ казну никакой дани. Приверженность къ Рос-

сіи владѣтеля, отца теперешняго Хана, вызвала мщеніе Персіянъ, подвергла землю его истребленію, и полуденная часть Ханства, при послѣднемъ трактатѣ нашемъ съ Персіею, признана принадлежностію оной.

Куринское Ханство получило бытіе въ недавнемъ времени. Имъ управляетъ Полковникъ Асланъ-Ханъ, человѣкъ Правительству приверженный.

Населеніе малое, жители обременены налогами, дань 3 тыс. червонцевъ и 3 тыс. четвертей пшеницы, платимая казнѣ, чрезвычайно ихъ разоряетъ.

Казыкумыцкое Ханство во владѣніи Сурхай-Хана, человѣка самаго коварнаго, готоваго на всякія злодѣянія. По древности своего происхожденія, онъ весьма уважаемъ; между Горскими народами имѣетъ сильныя связи, ко вреду нашему имъ употребляемыя. Участвуя во всѣхъ предпріятіяхъ Дагестанцевъ противъ насъ, и, будучи наконецъ, наказанъ отдѣленіемъ части владѣній его, изъ коей составлено Куринское Ханство, данное родственнику его, врагу его непримиримому, отмщевающему жестокую обиду, бѣжалъ въ Турцію. Въ командованіе Генерала Ртищева возвратился, изгналъ въ отсутствіе его управлявшаго владѣтеля и, пользуясь твердыми и почти непроходимыми мѣстами гористой страны, остался безъ наказанія.

Но если Генерала Ртищева отвлекали важнѣйшія занятія, могъ онъ, по крайней мѣрѣ, не входить въ сношеніе съ явнымъ измѣнникомъ и злодѣемъ, въ сношеніе, которое не иначе долженъ онъ разумѣть, какъ прощеніе его преступленій. Ханство Казыкумыцкое, по словамъ людей, хорошо его знающихъ, имѣетъ жителей до 15 тыс. семействъ. Ханъ ни какой дани не платитъ.

Аварское Ханство во владѣніи Генералъ-Маіора Султана Агмедъ-Хана, лежитъ въ срединѣ горъ Кавказскихъ, отовсюду почти неприступныхъ и ни когда Русскіе въ ономъ не бывали. Жители онаго бѣдны, ведутъ жизнь самую суровую, наклонностей воинственныхъ.

Послѣдній предъ симъ владѣтель Умай-Ханъ былъ знаменитъ въ здѣшнихъ странахъ военными своими подвигами. Не разъ удач-

ныя дѣлалъ на Грузію нападенія, разорилъ серебряныя и мѣдныя ея заводы. Пользуясь дружбою Ахалцыхскаго Паши, чрезъ земли его вступалъ въ Имеретію. Прошелъ однажды Эриванскую область безпрепятственно, но близъ города Нахичевана былъ разбитъ Персіянами. Долгое время благопріятствовавшее ему счастіе привязало къ нему многіе Горскіе народы, алчные добычи, и онъ являлся, сопровождаемъ будучи большими силами. Онъ пріучилъ ихъ къ грабежамъ, и Грузія, можно сказать, почти беззащитная, внутренними раздорами истребляемая, удовлетворяла ихъ алчности. Долго еще послѣ смерти Умай-Хана врывались они въ Грузію многочисленными партіями, но не было уже счастливаго предводителя, и Грузія покоилась подъ защитою Россійскихъ войскъ, отъ которыхъ, не задолго до смерти, испыталъ онъ пораженіе.

Теперешній Ханъ, не знаю по чему, получаетъ жалованья по 5 тыс. рублей серебромъ, увѣряя, что онъ намъ приноситъ пользу вліяніемъ своимъ на Горскіе народы Дагестана, которыхъ будто воздерживаетъ отъ нападеній на Грузію. Сему вѣрили многіе изъ моихъ предмѣстниковъ, и я показываю ему видъ до времени. Ханъ сей дани ни какой не платитъ, ни какихъ обязанностей на себя не принималъ. Въ Тифлисѣ содержится отъ него аманатъ на казенномъ иждивеніи.

Уцмей, Каракайдацкій владѣтель, провинціи, сосѣдственной Дербенту, признаетъ зависимость отъ Россіи, но всегда въ связи съ народами, намъ не благопріятствующими; и подозрѣвая, что начальству извѣстно измѣнническое его поведеніе, имѣетъ къ оному совершенную недовѣрчивость, и еще не было ни кого изъ Русскихъ, съ коимъ бы видѣлся онъ, не сдѣлавъ предварительно условій и безъ сопровожденія многолюдной толпы. Во владѣніяхъ его не рѣдко бываютъ безпокойства, и онъ не всегда достаточно имѣетъ власти смирять ихъ, паче между жителями, гористую часть земли занимающими.

Уцмей дани въ казну не платитъ, ни какихъ обязанностей не имѣетъ, ниже за безопасность проѣзжающихъ чрезъ его владѣнія не отвѣтствуетъ. Русскіе иначе, какъ съ благонадежнымъ конвоемъ, проѣзжать не могутъ.

Сему владѣтелю, равно какъ и Хану Казыкумыцкому, предмѣстники мои предлагали чинъ Генералъ-Маіора съ 2 тыс. рублей серебромъ жалованья, но они отвергли съ негодованіемъ, что не хотѣли сравнить ихъ съ Шамхаломъ Тарковскимъ, который имѣетъ чинъ Генералъ-Лейтенанта и 6 тыс. рублей ежегодно.

Не могли подобныя предложенія наградъ людямъ, явно намъ не доброжелательствующимъ, не поселить въ нихъ мысли, что ихъ ласкаютъ изъ боязни, и отъ того возрастала дерзость ихъ.

Обширныя занятія начальниковъ здѣшняго края, малыя вообще средства, не допускали ихъ употребить нужной строгости, а не рѣдко власть наша или мало признаваема была, или не съ надлежащимъ уваженіемъ.

Народы небольшой земли, называемой Табассарань, непостоянно повиновались намъ и, по чрезвычайной бѣдности своей, ни какой пользы Правительству не приносили.

Въ Кубинской провинціи, съ присоединеніемъ къ оной городовъ Дербента и Баки, введено было наше управленіе. Судъ отправлялся по закону и обычаямъ земли. Комендантъ, собирая доходы, обращалъ ихъ въ учрежденное казначейство, и оные простирались до. . . . . рублей серебромъ. Въ вѣдѣніи его состояла внутренняя полиція и всякаго рода казенное имущество, оставшееся отъ бывшихъ прежде Хановъ.

Жители сей провинціи болѣе всѣхъ прочихъ Мусульманскихъ, присоединенныхъ къ Россіи, областей, любятъ наше Правительство, во многихъ случаяхъ оказали опыты вѣрности и давно бы уже наслаждались совершеннымъ спокойствіемъ, но возмущаетъ оное живущій не подалеку у Горскихъ народовъ, бѣжавшій владѣтель ихъ, Шахъ-Али-Ханъ, который, будучи вспомоществуемъ сильнымъ Дагестаномъ, не рѣдко съ многочисленными толпами впадалъ въ провинцію, и легковѣрные думали, что онъ можетъ овладѣть оною. Шахъ-Али-Ханъ старался сколько можно придать сему правдоподобія, разглашая о дѣлаемыхъ ему Персіею пособіяхъ деньгами, которыя подлинно пересылаемы къ нему были чрезъ Ширванскаго Мустафу-Хана, Казыкумыцкаго Сурхай Хана и

торгующихъ города Дербента, гдѣ наиболѣе имѣлъ онъ людей, себѣ преданныхъ.

Персія, и по заключеніи съ нами мира, не переставала пересылать деньги всѣмъ, вреднымъ для насъ, людямъ, въ числѣ коихъ почитала бѣглаго Грузинскаго Царевича Александра, сына Царя Ираклія. Сей, во всѣхъ возмущеніяхъ въ Грузіи, являлся въ Кахетіи, сопровождаемый большимъ числомъ Лезгинъ и, наклонное къ измѣнѣ, Грузинское Дворянство, обращаясь къ нему, увлекало съ собою добрый и простодушный черный народъ. Лезгины, грабежемъ ненасытимые, обогащались добычею, въ глазахъ подлаго бѣглеца Царевича, толпами отгоняемы были плѣнные Грузины и продаваемы въ рабство отдаленнѣйшимъ народамъ. Царевичъ содѣйствующему ему Дворянству раздавалъ грамоты на имѣнія тѣхъ, которые, оставаясь вѣрными Правительству, ему противились. Повсюду встрѣчаясь съ войсками нашими, Лезгины обращались въ бѣгство, Царевичъ, знаменитый трусостью, никогда ни малѣйшей не подвергался опасности, но сіе не препятствовало ему имѣть приверженныхъ людей, и при всякомъ новомъ появленіи его, готовы были многіе изъ Дворянъ къ славнымъ подвигамъ, желали, чтобы возвратилъ онъ престолъ праотцевъ его.

Предмѣстники мои старались согласить его выйти изъ горъ, обѣщевая милость Государеву. Случаями сими пользовался онъ, чтобы увѣрить Персидское Правительство, сколько онъ намъ опасенъ, и что, по вліянію его на Горскіе Дагестана народы, можетъ отвлекать большую часть войскъ нашихъ. Одинъ изъ приверженцевъ его, Татаринъ низкаго происхожденія, содержавшій на откупу Тифлисскія бани, находится повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персіи. Министръ сей не рѣдко приглашаемъ на совѣщаніе къ Наслѣднику Персидскаго Престола, Аббасъ-Мирзѣ, Объ одномъ изъ здѣшнихъ начальниковъ, Генералъ-Лейтенантѣ Маркизѣ Паулуччи, можно сказать, что онъ ни какихъ Царевичу Александру не дѣлалъ предложеній.

Въ послѣднее же время, не за долго до моего пріѣзда сюда, одинъ изъ здѣшнихъ Дворянъ, подъ видомъ собственныхъ дѣлъ, отправясь въ Петербургъ, передалъ Министерству нашему письмо отъ Царевича съ жалобою, что ему препятствуютъ прибѣгнуть подъ покровительство Императора.

Обрадовались сему случаю, не спрося Генерала Ртищева, можно ли вѣрить человѣку, котораго легко узнать было всѣ гнусныя свойства, поручили командовавшему на Кавказской линіи, Генералъ Маіору Дельпоццо, войти съ нимъ въ сношеніе, уполномочили сдѣлать нѣкоторыя издержки на подарки ему, и онъ скоро увѣрился, что Царевичъ выѣдетъ въ Кизляръ, гдѣ уже пріуготовлялъ онъ ему пышную встрѣчу. Дворянину, привезшему письмо въ Петербургъ, данъ прямо чинъ Поручика, хотя бы не безполезно было прежде взять свѣдѣніе, кто сей бѣглеца повѣренный? Онъ Дворянинъ Армянскаго происхожденія, изобличенный не одинъ разъ въ воровствѣ вещей и денегъ изъ кармановъ, по имени Иванъ Каргановъ.

Чрезъ сего достойнаго человѣка управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Статсъ-Секретарь Графъ Нессельроде, прислалъ Царевичу письмо съ самыми лестными отъ имени Государя обѣщаніями.

Между тѣмъ Царевичъ, продолжая съ Генералъ-Маіоромъ Дельпоццо, независимо отъ Генерала Ртищева, переписку, явно обманывалъ его, вымышляя неловко глупыя отговорки, что онъ выѣхать изъ горъ скоро не можетъ, и не рѣдко прося денегъ.

Вскорѣ, по пріѣздѣ моемъ, усмотрѣлъ я наглые Царевича обманы, и приказалъ прекратить съ нимъ всякое сношеніе. Изсякли вдругъ новые источники его доходовъ, и онъ, во гнѣвѣ своемъ, прислалъ ко мнѣ письмо, что будто узналъ онъ о проискахъ моихъ лишить его жизни. Я отвѣчалъ, что человѣкъ знаменитый, какъ онъ, развратною жизнію, глупостію и трусостію, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ своихъ лишенный, за бѣгство къ непріятелю, благословенія отца, опаснымъ быть не можетъ, и что я гроша не дамъ ни за жизнь, ни за смерть подобнаго подлеца.

Письмо сіе было одно, которымъ онъ, конечно, не похвасталъ Правительству Персидскому.

Упомянувъ о всѣхъ земляхъ и народахъ, лежащихъ на полуденной сторонѣ Кавказа, повинующихся власти нашей, остается только сказать о владѣніи Елисеуйскаго Султана, Полковника Агмадъ-Бека. Часть подвластныхъ его состоитъ изъ Лезгинъ, при-

шедшихъ изъ горъ, часть изъ бывшихъ въ давнемъ времени жителей Кахетіи.

Султанъ платитъ въ казну дань совокупно съ вольнымъ обществомъ, именуемымъ Чарскимъ, сосѣдственнымъ Кахетіи. Подвластныхъ Султану считается, до двухъ съ половиной тысячъ семействъ.

Чарское общество признаетъ зависимость отъ Россіи; на подданство дана присяга, и неоднократно нарушена. Управляется избираемыми старшинами, и худо повинуется онымъ. Въ обществѣ семъ два состоянія людей. Пришедшіе изъ горъ, Лезгины, господствуютъ; давніе жители земли, составляющіе часть чернаго народа, находятся въ ихъ услуженіи, повинуясь имъ безпредѣльно. Они нѣкогда принадлежали Кахетіи, исповѣдывали Христіянскую Вѣру, нынѣ, изъ боязни властелиновъ своихъ, оставили оную, но желаютъ къ ней возвратиться. Число сихъ послѣднихъ не менѣе 4 тыс. семействъ. Дани платитъ общество Чарское, вмѣстѣ съ Елисеуйскимъ Султаномъ, 13,500 руб. серебромъ, или шелкомъ на равную сумму. Императоръ, пекущійся о средствахъ образованія Грузинскаго Дворянства, обратилъ деньги сіи на учрежденіе благороднаго училища, гдѣ, во время Князя Циціянова, начинали оказываться хорошіе въ обученіи юношества успѣхи. Теперь же училище въ совершенномъ упадкѣ.

Связи съ горскими жителями сего общества и Белаканскаго, состоящаго изъ девяти сотъ семействъ, были всегда причиною не малыхъ для Кахетіи бѣдствій. Мѣста твердыя, въ которыхъ расположены богатѣйшія селенія Лезгинъ Чарскихъ, защищали ихъ отъ мщенія Грузинъ, и былъ случай, что войска наши потерпѣли необыкновенный здѣсь уронъ и безъ всякаго успѣха. Кромѣ послѣдняго Кахетинскаго бунта въ 1812 году, во всѣхъ прежнихъ содѣйствовали они Лезгинамъ съ Царевичемъ Александромъ, приходившимъ изъ горъ. Впрочемъ благопріятствовали ему, давали у себя убѣжище и его приближеннымъ, и помощь въ содержаніи.

Теперь скажу о народахъ, противъ Кавказской Линіи обитающихъ.

Отъ вершинъ Кубани, по лѣвому берегу живутъ подвластные Оттоманской Портѣ народы, подъ общимъ именованіемъ Закубанцевъ извѣстные, многочисленные, воинственные, рѣдко спокойные.

Противъ центра Линіи лежитъ Кабарда, нѣкогда многолюдная, коея жители, почитаемые храбрѣйшими между всѣми Горцами, не рѣдко, по многолюдству своему, отчаянно противостояли Русскимъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ.

Съ давняго времени были Кабардинцы подданными нашими, имѣли отъ Царей Россійскихъ грамоты. Среди ихъ имѣлъ пребываніе чиновникъ въ качествѣ Пристава, учреждены были суды, въ коихъ засѣдали лучшихъ фамилій Князья ихъ. Многіе изъ нихъ служили въ нашихъ арміяхъ. Но давно уже нарушеніе присяги сдѣлалось дѣйствіемъ обыкновеннымъ, давно войска наши наказуютъ измѣны, и оныя возраждаются безпрерывно.

Кабардинцы, менѣе гораздо ста лѣтъ назадъ, были идолопоклонниками. Правительство допустило Мусульманскую Вѣру водвориться, явились озлобленные противъ Христіянъ священнослужители, Порта съ намѣреніемъ таковыхъ подсылала, тайно расточаемы были подарки, обѣщанія, и проповѣдуемая Вѣра, льстя разврату, снисходя порокамъ, жителей спокойныхъ, сдѣлавшихъ къ намъ привычку, долго не могла поколебать въ пріязненномъ къ намъ расположеніи. Но слишкомъ равнодушное ко всѣмъ симъ перемѣнамъ, начальство тогда предприняло противиться онымъ, когда мѣры насилія были необходимы и убѣжденію не давалъ мѣста фанатизмъ. Люди, прежде намъ желавшіе добра, охладѣли, неблагонамѣренные сдѣлались совершенными злодѣями, Вѣру и учрежденія свои рѣшились всѣ защищать единодушно.

Корыстолюбивые священнослужители приняли на себя разбирательство дѣлъ, все подпало власти ихъ, уничтожены прежніе суды, Князья и лучшія фамиліи, потерявъ всякое вліяніе, лишились уваженія въ народѣ, и мы не могли имѣть ни какой партіи въ пользу нашу. Молодые люди знатнѣйшаго происхожденія вдались въ грабежи и разбои, и между ими отличался тотъ, кто болѣе могъ наносить вреда Русскимъ, нападая на безоружныхъ поселянъ Кавказской Линіи и отгоняя стада и табуны.

Моровая язва была союзницею нашею противъ Кабардинцевъ; ибо, уничтоживъ совершенно все населеніе Малой Кабарды и производя опустошеніе въ Большой, до того ихъ ослабила, что они не могли уже, какъ прежде, собираться въ большихъ силахъ, но дѣлали набѣги малыми партіями; иначе и войска наши, на большомъ пространствѣ частьми слабыми разсѣянныя, могли бы подвергаться опасности. Весьма многія были предприняты въ Кабарду экспедиціи, иногда заставляли ихъ возвращать, или платить за сдѣланныя похищенія.

Въ 1810 году, въ послѣдній разъ наказывалъ ихъ Генералъ Булгаковъ, начальствовавшій на Кавказской Линіи, но никогда не претерпѣвали они чувствительной потери; ибо нельзя было скрыть отъ нихъ пріуготовленій къ походу, и они имѣли время удалять въ непреступныя мѣста горъ и семейства свои и драгоцѣннѣйшее имущество, и успѣхи войскъ нашихъ ограничивались отгономъ лошадей и скота.

Вступившій въ командованіе Линіею, Генералъ Ртищевъ, желая показать Правительству, что ему покорствуютъ Кабардинцы, согласилъ ихъ на отправленіе, въ концѣ 1811 года, депутаціи въ С.-Петербургъ; розданные деньги и подарки (къ чему они весьма лакомы) составили шайку, готовую отправиться. Могъ бы Генералъ Ртищевъ замѣтить, что ни одинъ изъ хорошей фамиліи, или хотя мало изъ порядочныхъ людей, не предложилъ себя, но надобно было похвастать у Двора, и шайка, можно сказать, бродягъ отправилась.

Правительствомъ были они приняты благосклонно, нѣкоторымъ даны были Штабъ-Офицерскіе чины, всѣмъ вообще награды и богатые подарки. Въ началѣ 1812 года они возвратились, но все сіе не сдѣлало Кабардинцевъ ни вѣрнѣйшими подданными, ни спокойнѣйшими сосѣдями. Набѣги, убійство, разбои не менѣе были частыми.

Въ семъ состояніи нашелъ я Кабардинцевъ, прибывши въ здѣшній край.

Нѣкоторые изъ Князей по доброй волѣ, или по вызову, къ намъ пріѣзживали, показывая себя вѣрными и въ великую вмѣ-

няя заслугу, что не участвовали съ другими въ разбояхъ, тогда, однако же, какъ ближайшіе ихъ родственники и подвластные, а нѣкоторыхъ даже сыновья, замѣшаны были во всякомъ случаѣ. Приставъ нашъ не имѣлъ уже пребываніе въ Кабардѣ, и хотя сносился съ главнѣйшими, но ему не было оказываемо ни какого послушанія.

Нѣсколько Князей и Узденей выѣхали ко мнѣ на встрѣчу. Я ласково принялъ ихъ, совѣтовалъ воздержать Кабардинцевъ отъ злодѣйствъ и разбоевъ, которые могутъ навлечь имъ жестокое наказаніе. Я зналъ, что все обѣщаютъ, и ничего не исполнятъ, но не могъ приступить къ мѣрамъ смиренія ихъ; ибо не извѣстно мнѣ было, какія ожидаютъ меня занятія. Смежные съ Кабардинцами, въ мѣстахъ ближайшихъ къ хребту Кавказа, живутъ Осетины.

Нѣкоторая часть оныхъ въ совершенной покорности у Кабардинцевъ со временъ могущества сихъ послѣднихъ. Нѣкоторые изъ Осетинъ вышли на равнину и заводятъ селенія въ окрестностяхъ Владикавказа.

Тамъ же, въ вершинахъ рѣки Сунжи, расположились выселившіеся изъ горъ Ингуши, народъ воинственный, приведенный въ покорность кроткими мѣрами, употребленными Генералъ-Майоромъ Дельпоццо.

На военной дорогѣ отъ Моздока въ Грузію, единственной, которую мы чрезъ горы Кавказа величайшими поддерживаемъ трудами, живутъ Тагаурцы, намъ хорошо повинующіеся.

Многія другія племена Горцевъ мало еще покорствуютъ, или отъ одного страха. Отъ нѣкорыхъ содержатся аманаты въ Владикавказѣ.

Противъ лѣваго крыла Линіи лежитъ Малая Кабарда, коея остатки жителей отъ моровой язвы ограничиваются нынѣ числомъ не съ большимъ трехъ сотъ семействъ, и нѣтъ слѣдовъ прежнихъ большихъ селеній.

Ниже по теченію рѣки Терека живутъ Чеченцы, самые злѣйшіе изъ разбойниковъ, нападающихъ на линію. Общество ихъ

весьма было малолюдно, но чрезвычайно умножилось въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ; ибо принимались дружественно злодѣи всѣхъ прочихъ народовъ, оставляющіе землю свою по какимъ либо преступленіямъ. Здѣсь находили они сообщниковъ, тотчасъ готовыхъ или отмщевать за нихъ, или участвовать въ разбояхъ, а они служили имъ вѣрными проводниками въ земляхъ, имъ самимъ не знакомыхъ. Чечню можно справедливо назвать гнѣздомъ всѣхъ разбойниковъ.

Управленіе оной раздѣлено изъ рода въ родъ между нѣсколькими фамиліями, кои почитаются старшинами. Имѣющіе сильнѣйшія связи и люди богатые болѣе уважаемы. Въ дѣлахъ общественныхъ, но болѣе въ случаѣ предпріемлемаго нападенія, или воровства, собираются вмѣстѣ на совѣтъ; но какъ всѣ они почитаютъ себя равными, то нѣсколько противныхъ голосовъ уничтожаютъ предпріятія, хотя бы и могли они быть полезными обществу, паче же если голоса сіи поданы кѣмъ ни будь изъ сильныхъ людей.

Народонаселеніе въ Чечнѣ, съ присоединившимся обществомъ Качкалыковъ, считается болѣе нежели 6000 семействъ. Земли пространствомъ не соотвѣтствуютъ количеству жителей, или поросшія лѣсами непроходимыми, недостаточны для хлѣбопашества, отъ чего много народа ни какими трудами не занимающагося и снискивающаго средства существованія едиными разбоями.

Трудно смирить народъ, пріобыкшій къ самой жестокой бѣдности, терпѣливо сносящій всякаго рода недостатки, и по тому всѣ доселѣ усилія начальства, всѣ походы войскъ, остались безуспѣшными; напротивъ, уразумѣвъ, сколько предстоитъ препятствій для наказанія ихъ, они болѣе одобрились, и въ мнѣніи, что земля ихъ непреодолима, утвердилъ ихъ походъ Генерала Булгакова съ значительными весьма силами, кончившійся весьма чувствительною потерею и пріобрѣтеніемъ самыхъ ничтожныхъ выгодъ.

Послѣдствія сіи произошли отъ неосмотрительнаго распредѣленія войскъ. Генералъ Булгаковъ, столько же чрезвычайно храбрый, какъ мало распорядительный, думалъ привести Чеченцевъ въ замѣшательство, двинувъ войска въ одно время по разнымъ направленіямъ. Для сего надобно было раздробить ихъ.

Слабыя части въ мѣстахъ трудныхъ не смѣли предоставить себѣ дѣйствій рѣшительныхъ, или подвигались медленно, или же малымъ числомъ непріятеля были остановлены, и вся связь операціи прервалась. Самъ Генералъ Булгаковъ имѣлъ дѣло съ главными силами Чеченцевъ и встрѣтилъ ихъ въ большемъ, нежели ожидалъ, количествѣ. Тутъ не довольно искусное и съ мѣстоположеніемъ не согласованное войскъ употребленіе было причиною и затрудненій и потери.

И такъ разбой Чеченцевъ и увлеченіе въ плѣнъ жителей Кавказской Губерніи и самыхъ поселенныхъ на границѣ Казаковъ дошли до того, что надлежало въ собственный землѣ ихъ пріуготовить имъ наказаніе, и я вознамѣрился, при первомъ удобномъ случаѣ, употребить всѣ средства къ перенесенію въ богатѣйшую часть ихъ владѣній нашей Линіи, къ оборонѣ совершенно не удобной.

Не прежними средствами, вводя войска въ землю незнакомую и когда всѣ Чеченцы соединяются для защиты, женъ, дѣтей и имущества, можно смирить ихъ. Надобно отнять способы къ набѣгамъ и къ хищничествамъ, соединивъ во власти своей все, что къ тому имъ споспѣшествовало. Надобно по рѣкѣ Сунжѣ занять всѣ земли, удобныя къ воздѣлыванію, и пастбищныя мѣста, на которыхъ во все зимнее время укрываютъ стада свои отъ жестокаго въ горахъ холода.

Устроивъ на Сунжѣ крѣпости не подалеку отъ деревень ихъ, удобно будетъ внезапныя дѣлать нападенія; ибо не могутъ они предварены быть о намѣреніи и угадывать оныя, какъ прежде, по немедленному сбору войскъ изъ многихъ мѣстъ.

Оттѣснивъ ихъ ближе къ горамъ и въ беспрерывномъ содержа страхѣ, можно заставить ихъ помышлять о собственной защитѣ болѣе, нежели о нападеніяхъ, которыя тѣмъ затруднительнѣе сдѣлаются, что надобно будетъ далеко проѣзжать позади цѣпи постовъ нашихъ.

Давно весьма слыхалъ я о семъ намѣреніи, и мысль сія мнѣ не принадлежитъ. Генералъ Князь Циціяновъ хотѣлъ привести ее въ исполненіе, и при немъ частію войскъ сдѣлано обозрѣніе те-

ченія рѣки Сунжи, но вскорѣ послѣдовавшая смерть его воспрепятствовала оному.

Въ 1812 году Генералъ Ртищевъ, переходя съ Кавказской Линіи къ командованію Грузіею, возмечталъ пріобрѣсти спокойствіе и покорность Чеченцевъ подарками и деньгами.

Вызваны были въ Моздокъ главнѣйшіе изъ старшинъ и многіе другіе, по мнѣнію его, важные люди, имъ не мало дано было денегъ, но сіе же самое произвело зависть въ другихъ, ни чего не получившихъ, и онъ лишь только отпустилъ отъ себя награжденныхъ, самъ же еще оставался въ Моздокѣ, какъ въ ночное время, на обозъ его, за Терекъ переправленный, и подъ его глазами сдѣлали они нападеніе. Могъ бы Генералъ Ртищевъ, начальникомъ будучи на Линіи, знать Чеченцевъ лучше.

Далѣе Чеченцевъ, по правому берегу Терека, живутъ Андреевскіе, Аксаевскіе и Костековскіе народы, называемые вообще Кумыками, издавна подданные наши, но столько утѣсненные Чеченцами, во множествѣ къ нимъ переселившимися, что, боясь ихъ, они совершенно были въ ихъ зависимости, и на собственной землѣ своей не иначе могли жить съ нѣкоторою безопасностію, какъ сдѣлавши съ ними связи, или входя въ родство. Ни одинъ изъ Князей Кумыцкихъ не смѣлъ выѣзжать, не будучи сопровождаемъ Чеченцомъ.

Такъ общество Качкалыковъ заняло лучшія земли Аксаевскія, и въ самомъ городѣ Аксаѣ не менѣе половины жителей были Чеченцы.

Кумыки должны были давать имъ проходъ чрезъ свои земли на разбой въ нашихъ границахъ и, въ случаѣ преслѣдованія, убѣжище. Многіе и сами добровольно, и по припужденію, участвовали съ ними въ воровствахъ.

Городъ Кизляръ и всѣ селенія наши по лѣвому берегу Терека были подвержены всегдашней опасности; противоположный былъ занятъ Чеченцами, кои назывались мирными, и сіи-то, безпрепятственно переходя на нашу сторону, знали всегда о пребываніи войскъ нашихъ и мѣрахъ предпріемлемой осторожности, зна-

ли безпечность, или отсутствіе войскъ, и служили имъ благонадежными и опытными провожатыми.

Каждое изъ трехъ владѣній Кумыцкихъ управляемо было старшимъ по лѣтамъ Беемъ или Княземъ, и такъ они очередовались между собою. Слѣдовательно, по большей части случалось, что управлялъ найменѣе способный.

Народонаселеніе въ сихъ владѣніяхъ ничтожное, казнѣ ни какихъ доходовъ нѣтъ. Городъ Андрей весьма торговый и со временемъ можетъ большія приносить выгоды.

Нуженъ строгій присмотръ за развратными сими народами, но закоренѣлые между ими безпутства и безпорядокъ, наклонность непреодолимая къ хищничеству, противостанетъ усиліямъ многихъ еще начальниковъ, а мнѣ предстоитъ трудъ основать тому начало.

Далѣе за Костековскими владѣніями, близъ устья рѣки Койсу, лежатъ земли, Мехты-Шамхалу Тарковскому, Генералъ-Лейтенанту, принадлежащія. Владѣтель сей замѣченъ Правительству весьма приверженнымъ, какъ былъ и отецъ его въ царствованіе Екатерины II-й, чина Тайнаго Совѣтника удостоенный.

Шамхалы были прежде весьма сильными въ Дагестанѣ, коего народы имъ повиновались, но теперешняго Шамхала сосѣди живутъ во враждѣ съ нимъ, возмущаютъ подданныхъ его, и сіе причиною, что онъ болѣе прежняго ищетъ покровительства начальства.

Городъ Тарки расположенъ на самой коммуникаціи нашей отъ Кизляра къ Дербенту, и предмѣстники мои желали, чтобы Шамхалъ принялъ войска наши, которыя хотѣли помѣстить у него, въ видѣ почетнаго караула, но онъ отказалъ въ томъ.

Такова была недовѣрчивость самаго благонамѣреннѣйшаго изъ владѣтелей; всѣ прочіе, о коихъ упомянулъ я выше, еще съ меньшимъ чистосердечіемъ расположены къ намъ были. Тишина и нѣкоторое устройство удерживалось однимъ страхомъ, повсюду пребываніе войскъ было необходимо. Охраненіе обширныхъ границъ требовало оныхъ въ большомъ количествѣ, въ особенности

Кавказская Линія подвержена была безпрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ, по всему пространству ея обитающихъ, народовъ.

Съ полуденной стороны Кавказа найболѣе дѣлали безпокойствъ Дагестанскіе народы нападеніями на Кубу и не рѣдко въ большихъ силахъ; воинственный духъ сихъ народовъ поддерживали частыя распри Мусульманскихъ владѣтелей, которые попеременно, привлекая на свою сторону, давали случаи пріобрѣтать добычи.

Нѣкоторые давали имъ плату, и они пускались иногда на отдаленныя предпріятія.

Кахетія разоряема была многолюдными толпами сходящихъ съ горъ Лезгинъ. Въ Карталинію впадали, сосѣдніе оной, Осетины и Лезгины, которыхъ содержалъ у себя Ахалцыхскій Паша, не взирая на существующій миръ между Россіею и Портою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на Персидской границѣ нерѣдко производились грабежи, и причиною оныхъ недостатки средствъ самаго Правительства удерживать въ повиновеніи кочующіе народы, иногда же алчность употребленныхъ на границѣ чиновниковъ, входящихъ въ раздѣлъ добычи съ разбойниками.

Со стороны Чернаго моря безпокоили Гурію Ахалцыхскаго Пашалыка, ни какою властію не обуздываемые, народы, извѣстные подъ именемъ Ачарцевъ и Кобулетъ.

На Абхазію нападали жители горъ, почитаемые подданными Порты, худо повинующіеся Анапскому Пашѣ, который, сверхъ того, думаетъ пріобрѣсти ихъ къ себѣ привязанность, попуская своевольства, паче же хищничества.

Принявъ команду надъ Грузинскимъ корпусомъ, при первомъ взглядѣ на пространство земель, не могъ я не чувствовать, сколько недостаточно число войскъ, корпусъ составляющихъ.

Въ Октябрѣ 1816 года нижнихъ воинскихъ чиновъ, могущихъ быть въ дѣйствіи:

19 / 20	пѣхотныхъ дивизіяхъ	30,336
Резервной бригады изъ трехъ Гренадерскимъ полковъ		7,024

Въ гарнизонныхъ полкахъ и баталіонахъ.	5,920
Въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку.	711
Въ Линейныхъ Казачьихъ полкахъ.	5,302
Войска Донскаго въ Казачьихъ полкахъ.	5,237
Астраханскаго Казачьяго войска въ трехъ полкахъ.	1,634

Артиллеріи	Батарейныхъ. . .	48
	Легкихъ	60 орудій.
	Конно-Казачьихъ	24

При семъ надлежитъ взять въ разсужденіе климатъ, несродный солдату нашему, размножающій между ихъ чрезвычайныя болѣзни и необыкновенную смертность, что уменьшало ихъ ощутительнымъ образомъ.

Въ оборонѣ земли надлежало бороться съ величайшими препятствіями. Гористое положеніе представляло пути непроходимыя, рѣки быстрыя, въ нѣкоторыя времена года непреодолимыя. Кромѣ военной дороги чрезъ Кавказъ отъ Моздока, всѣ прочія оставлены безъ вниманія, и никогда ни какой работы не предпринято для ихъ исправленія. Войска, вообще имѣя трудныя между собою сообщенія, не въ состояніи были производить движеній быстрыхъ, соединяться скоро. По необходимости принятая кордонная система еще большимъ, въ семъ отношеніи, подвергаетъ неудобствамъ. и нѣкоторыя части войскъ должны дѣлать большіе обходы, для вспомоществованія угрожаемымъ пунктамъ.

Движеніе тягостей, слѣдовательно, продовольствія никогда не опредѣляется вѣрнымъ расчетомъ.

Сверхъ того, въ лѣтніе три мѣсяца, по причинѣ чрезвычайныхъ и несносныхъ жаровъ, понуждающихъ самихъ природныхъ земли жителей удалятся въ горы, во всѣхъ по положенію низменныхъ мѣстахъ переходы войскъ совершенно невозможны.

Здѣсь умѣстно было бы описать видъ границъ нашихъ; но какъ предмѣстниками моими ни какого не сдѣлано обозрѣнія оныхъ, я же самъ, по краткости моего здѣсь пребыванія, успѣлъ только бросить взглядъ на тѣ, кои насъ отъ Персіи отдѣляютъ, пред-

почтительно предъ прочими по тому, что готовился къ путешествію въ Персію, то, для нѣкотораго о нихъ понятія, прилагаю извлеченіе изъ рапорта моего Государю отъ 9 Генваря, 1817 года.

Видъ границъ.

Граница отъ запада начинается Шурагельскою Провинціею, совершенно открытою и ровною; прилежащую къ ней Область Бамбацкую окружаетъ довольно высокій хребетъ горъ и, простираясь чрезъ Провинціи Казахскую, Шамшадильскую и Елисаветопольскій Округъ, отдѣляетъ ихъ отъ Персіи, потомъ, охвативъ нѣкоторую часть Карабахскаго Ханства, оканчивается у рѣки Аракса.

Граница далѣе идетъ по теченію Аракса и чрезъ Муганскую степь. Потомъ Ханство Талышенское, протягиваясь по Каспійскому морю и входя угломъ внутрь Персидскихъ владѣній, составляетъ конечность границъ нашихъ къ востоку.

Твердость границъ.

Чрезъ горы, образующія границу нашу, проходитъ нѣсколько удобныхъ дорогъ и во множествѣ такія, гдѣ только артиллерія пройти не можетъ, но войска свободно.

Въ Ханство Карабахское отверстъ входъ непріятелю по всему пространству теченія Аракса. Выходъ опаснѣе, ибо рѣка Араксъ въ тылу имѣетъ мѣста открытыя, кои обнаруживаютъ движеніе.

Степь Муганская зимою, представляющая найлучшія пастбища, принимаетъ множество кочующихъ народовъ, въ прочія времена года обитаютъ змѣи, единственная ея оборона.

Ханства Талышинскаго принадлежащая намъ часть, полуденную свою границу имѣетъ совершенно отверстую. Съ запада лежитъ хребетъ высокихъ горъ, которыхъ не только вершины, но и самыя отлогости ихъ, къ намъ обращенныя до самой подошвы, и всѣ почти дороги, входящія въ Ханство, въ рукахъ Персіянъ.

Образъ защиты.

При первомъ взглядѣ представляется обширность границъ нашихъ съ Персіею и до какой степени чрезмѣрное протяженіе дѣлаетъ оную неудобною. Дороги, выходящія изъ Шурагельской и Бамбацкой Провинцій въ Эриванскую Область, должны быть защищены достаточнымъ войскомъ и хорошею крѣпостію. Отъ Бамбацкой Провинціи и до Карабаха, хорошо устроенная въ Елисаветполѣ крѣпость и отрядъ быстрыхъ войскъ, достаточны для обороны и наблюденія за жителями, часто нарушающими вѣрность.

Въ Карабахѣ крѣпость, вмѣщающая довольные запасы, можетъ быть полезною для наступательныхъ съ сей стороны дѣйствій.

Степь Муганскую, чрезъ которую идетъ лучшая дорога въ Талышенское Ханство, оборонять должны пребывающія въ Карабахѣ войска, дѣйствуя въ тылъ непріятеля, другой обороны никакой искуство не представляетъ.

Талышинское Ханство теперешнимъ числомъ войскъ защитить не возможно, умноживъ же ихъ, ослабить надлежало бы другія части войскъ, и для обороны земли совершенно ни какихъ средствъ не представляющей.

Въ случаѣ оборонительной войны обширныя границы требуютъ значительнаго количества войскъ.

Единый удобный способъ обороны есть война наступательная; пути для оной два: чрезъ Эриванскую Область, имѣющуя крѣпости; чрезъ Карадахъ, землю гористую, но гдѣ лежитъ кратчайшая къ Тавризу дорога. Но въ случаѣ совокупнаго Персіянъ съ Турками дѣйствія, война наступательная едва ли можетъ имѣть мѣсто.

Собственные земли способы для обороны.

Провинціи: Шурагельская до послѣдней войны имѣла жителей до тысячи семействъ, теперь менѣе двухъ сотъ и бѣдныхъ. Также разорена Бамбацкая и жители столько же въ скудномъ состояніи. Казахская, Шамшадильская и Борчалинская населены

Татарами и весьма малымъ числомъ Армянъ, хлѣбородны, скотоводство имѣютъ изобильное, народъ храбрый, воинственный, нѣсколько разъ намъ измѣнившій, но его употребить можно съ пользою.

Въ Елисаветопольскимъ Округѣ народъ промышленный, къ войнѣ способность одинаковая, земля лучшая.

Карабахское Ханство опустошено нападеніями Персіянъ: уменьшилось населеніе, изобиловавшее богатствомъ. Почва земли чудесная плодородіемъ. Народъ воинственный и всегда съ нашей стороны. Изъ сей земли со временемъ можно извлечь величайшія выгоды, не иначе, однако же, какъ введя наше управленіе.

Ханство Талышенское имѣетъ съ небольшимъ двѣ тысячи семействъ и по тѣснотѣ мѣста населеніе мало умножиться можетъ. Хлѣба производитъ мало, ибо богатѣйшая часть онаго уступлена Персіи.

Единственнымъ способомъ улучшенія порочныхъ и къ оборонѣ неудобныхъ границъ нашихъ я поставилъ на видъ пріобрѣтеніе отъ Персіи Ханствъ, лежащихъ до лѣваго берега рѣки Аракса, кои первою войною должны быть отданы въ руки наши, или до того не будетъ твердой и покойной границы со стороны Персіи.

Проживая въ Тифлисѣ, собиралъ я, какія только возможно было, о Персіи свѣдѣнія, и время выѣзда моего съ Посольствомъ приближалось. Чиновники, оное составляющіе, всѣ уже собрались. Отъ Сардаря Эриванскаго прислано было съ вопросомъ, какія нужны были въ пути пріуготовленія, для удобнѣйшаго слѣдованія Посольства.

Между тѣмъ получалъ я извѣстія, отовсюду подверждавшіяся, что въ Персіи большое пріуготовленіе войскъ. Крѣпости исправляются починкою и строятся вновь. Не могли Турки быть тому причиною; ибо Персія въ найлучшихъ была съ ними отношеніяхъ, повсюду же совершенное было спокойствіе, кромѣ Хоросансанской Области, подъявшей оружіе для снисканія независимости, но для оной не могли собираться войска близъ границъ нашихъ. Въ то же самое время прибыли Турецкія войска и нѣсколько

Пашей въ Арзерумъ, закупаемъ былъ провіантъ въ большомъ количествѣ, изъ Константинополя отправленъ былъ въ Анатолію паркъ полевой артиллеріи.

Все, судя по наружности, имѣло видъ, что Персіяне, взаимно съ Турками, скрываютъ какія либо намѣренія. Слышно мнѣ было, что Персіяне готовы требовать съ настоятельностію всѣ присоединенныя нами Мусульманскія Провинціи и Карабахъ непремѣнно. Въ разсужденіи Турокъ увѣдомлялъ меня Посланникъ нашъ въ Константинополѣ, Баронъ Строгановъ, что онъ встрѣчаетъ въ негоціяціяхъ своихъ многія затрудненія и крайнее упорство со стороны Оттоманскаго Министерства; что онъ, проживши полгода, не имѣлъ еще у Султана пріемной аудіенціи. Обстоятельства сіи заставили меня сдѣлать Императору представленіе, что отсутствіе мое въ Персію можетъ имѣть непріятныя слѣдствія, если точно скрываетъ она намѣренія непріязненныя, въ случаѣ отказа удовлетворить требованіямъ ея о возвращеніи Провинцій; что могутъ меня, подъ благовидною наружностію переговоровъ, удержать у себя, и между тѣмъ приближатся къ границамъ нашимъ ихъ войска. Что въ лицѣ моемъ соединенныя должности Посла и Главнаго въ здѣшней странѣ Начальника дѣлаютъ меня въ глазахъ недовѣрчиваго Персидскаго Правительства подозрительнымъ; что таковымъ могутъ меня представить оному Англичане, сильное вліяніе имѣющіе на политическія дѣла Персіи, которымъ не нравится сближеніе наше съ симъ Государствомъ.

Императоръ, внявъ благосклонно представленію моему, удостоилъ довѣренности избрать на мѣсто мое, по собственному моему усмотрѣнію, Генерала, и отправить его въ Персію. Присланы были бланкеты полномочія и другія нужныя бумаги.

Въ продолженіе переписки съ Петербургомъ разсѣялись подозрѣнія мои на счетъ прибытія войскъ Турецкихъ въ Анатолію, сообщенными мнѣ отъ Барона Строганова свѣдѣніями, что Порта, узнавъ о намѣреніи Трапезондскаго Паши сдѣлаться независимымъ, войска сіи противъ него посылаетъ. Довольно большое число ихъ для того, вѣроятно, назначено было, чтобы удержать въ повиновеніи прочихъ Пашей, чтобы они не послѣдовали его примѣру.

Въ Персію отправленный отъ меня Коллежскій Совѣтникъ Мазаровичъ, человѣкъ особенно ловкій и одаренный проницательностію, былъ хорошо принятъ Шахомъ, успѣлъ познакомиться съ главнѣйшими лицами Двора и Министерства, и сообщилъ мнѣ извѣстіе, что Шахъ весьма желаетъ имѣть Россійское Посольство, и что къ принятію онаго дѣлаются всѣ пріуготовленія. И такъ рѣшился я самъ отправиться въ Персію, и 17-го числа Апрѣля выѣхалъ изъ Тифлиса.

Войска въ Грузіи, Имеретіи и прочихъ Провинціяхъ на полуденной сторонѣ Кавказа, поручилъ я Генералъ-Маіору Кутузову, хотя не былъ онъ старшимъ въ чинѣ. Начальникъ Кавказской Линіи, Генералъ-Маіоръ Дельпоццо, долженъ былъ относиться къ Начальнику Главнаго Штаба Е. И. В. Губернаторы Кавказскій и Астраханскій доносили прямо въ Сенатъ.

Дѣлами гражданскими въ Грузіи управлялъ Генералъ-Маіоръ Сталь 2-й, котораго нашелъ я, пріѣхавъ въ Тифлисъ, въ званіи Губернатора Грузіи на правахъ военнаго.

Весьма чувствовалъ я, что подобное раздѣленіе власти могло быть поводомъ къ безпорядкамъ, но я принужденъ былъ сіе сдѣлать, ибо не имѣлъ старшаго, которому бы управленіе всего поручить могъ, и по необходимости долженъ былъ въ нѣкоторыхъ уважить долговременное служеніе и старшинство въ чинахъ. Генералъ-Маіору Кузузову далъ большую степень довѣренности, по извѣстнымъ его мнѣ способностямъ.

Начальнику Корпуснаго Штаба приказалъ, во время отсутствія моего, сдѣлать обозрѣніе Имеретіи, Мингреліи и Абхазіи, о коихъ имѣли мы весьма недостаточныя понятія. Надлежало осмотрѣть важный пунктъ, Редутъ-Кале, единственное мѣсто (по возвращеніи Турціи крѣпости Поти), къ которому приставать могли приходящія изъ Россіи суда съ провіантомъ для войскъ, въ Провинціяхъ по Черному морю расположенныхъ. Приказалъ изыскать дорогу для сообщенія Грузіи съ Имеретіею, которое производилось горами чрезвычайно трудными и только вьюками въ одно хорошее время, зимою же никогда.

Приказалъ заняться избраніемъ мѣстъ для постояннаго расположенія Штабовъ нѣкоторыхъ полковъ, кои доселѣ занимали мѣста самыя нездоровыя, и, не имѣя прочныхъ заведеній, не могли имѣть порядочнаго хозяйства, по образу службы солдата въ здѣшней странѣ требующаго особеннаго вниманія.

Въ Персію выѣхалъ я чрезъ военный постъ нашъ, называемый Гумри, слѣдуя близъ самой Турецкой границы. Паша Карскій прислалъ ко мнѣ чиновника съ письмомъ, въ которомъ поздравлялъ меня съ благополучнымъ прибытіемъ, извиняясь, что не могъ выѣхать для свиданія со мною.

Чрезъ Талынь, Армянскій Ечміадзинскій монастырь, прибылъ я въ городъ Эривань, гдѣ пробывъ весьма не долго, отправился въ Тавризъ. Тутъ равномѣрно оставшись непродолжительное время, переѣхалъ въ Султанію, куда Шахъ въ томъ году расположилъ перейти на все лѣто, убѣгая несносныхъ жаровъ, каковые бываютъ обыкновенно въ Тегеранѣ.

Вкратцѣ скажу, что возложенныя на меня порученія кончилъ я довольно удачно. Переговорамъ моимъ не мало способствовало то, что я вѣжливымъ образомъ обхожденія моего и умѣвши оказывать лестное уваженіе Шаху, весьма ему понравился. Онъ щедръ былъ въ похвалахъ на мой счетъ, и никто изъ вельможъ не смѣлъ ничего сказать противнаго. Не столько нравился я Аббасъ-Мирзѣ, нареченному Наслѣдникомъ Персіи, по тому что уклонился отъ признанія его въ качествѣ Наслѣдника, ибо не видалъ въ томъ ни какой для насъ пользы, хотя то инструкціею и предоставлено мнѣ было.

Со времени посѣщенія моего Персіи уничтоженъ, въ отношеніи къ Русскимъ, тотъ гордый этикетъ, которому подвергались они, наравнѣ со всѣми прочими Европейцами, и для коихъ онъ доселѣ существуетъ.

Настоянія о возвращеніи пріобрѣтенныхъ нами отъ Персіи Провинцій были весьма усильны, тѣмъ болѣе, что Министерство Персидское хотѣло показать народу сей знакъ уваженія къ Шаху Императора, какъ признаніе его могущества.

Отъ подвластныхъ намъ Хановъ, подъ видомъ торговли, подосланы были люди, для развѣдыванія, какъ я буду принятъ и не успѣютъ ли Персіяне возвратить Мусульманскія наши земли. Въ простомъ народѣ, неблагонамѣренными людьми, разсѣяны были слухи, что я согласился отдать обратно Ханство, и сіе производило нѣкоторыя безпокойства, могущія имѣть непріятныя слѣдствія. Въ отвращеніе оныхъ, долженъ я былъ, во время пребыванія моего въ Султаніи, оставить прокламацію къ жителямъ нашихъ Ханствъ, въ которой обѣщалъ не уступить и одного шага земли изъ пріобрѣтенной нами. Дѣйствіе прокламаціи сей было полезно и тѣмъ много убѣждало, что я писалъ оную изъ того мѣста, гдѣ производились переговоры. Народъ увидѣлъ твердость, съ какою охраняетъ Правительство своихъ подданныхъ.

Чрезъ шесть мѣсяцевъ я возвратился изъ Персіи обратно.

Въ продолженіи столько короткаго времени нельзя собрать о Государствѣ обширномъ достаточныхъ свѣдѣній, мнѣ же возможныя предстояли препятствія пріобрѣсти оныя; но что узналъ я чрезъ собственныхъ чиновниковъ, сдѣлавшихъ знакомства, и отъ людей, которыхъ нашли мы намъ благопріятствующими, скажу здѣсь вкратцѣ.

Персія есть вообще страна не довольно населенная. Сѣверныя области оной, къ границамъ нашимъ и Каспійскому морю обращенныя, заключаютъ и большее народонаселеніе, и большее земли богатство; изъ нихъ Адербижанская изобилуетъ всякаго рода хлѣбомъ и имѣетъ наилучшее скотоводство.

Гилянская знаменита выдѣлываемымъ въ ней шелкомъ въ большомъ весьма количествѣ.

Производитъ много хлопчатой бумаги и Сарачинскаго пшена. Жители оной имѣютъ съ Астраханью торговыя сношенія и обращаютъ въ оныхъ значительные капиталы.

Въ соразмѣрность пространства земли обработанной мало. Во многихъ мѣстахъ по свойству своему, а паче по недостатку водъ, она ни чего не производитъ, и не иначе возвратиться къ плодородію можетъ, развѣ при размноженіи народа трудолюбиваго и

усиліяхъ постоянныхъ. Довольно значительная часть народа, прочныхъ жительствъ не имѣющая, на долго отдалитъ приведеніе Государства въ лучшее устройство; нѣтъ болѣе праздной жизни народа кочующаго, ни какое состояніе не питаетъ столько чувства независимости.

Въ Персіи образа правленія опредѣленнаго нѣтъ.

Въ рукахъ Шаха власть безпредѣльная, болѣе или менѣе отягощающаяся на подданныхъ, смотря по свойствамъ царствующаго. Въ Турціи есть обычай, коимъ долговременная ихъ бытность дала нѣкую святость закона.

Улема имѣетъ сильное вліяніе на власть, и можетъ дѣлать представленія, которыя по часту не остаются безъ успѣха.

Въ Персіи не равнымъ пользуются уваженіемъ священнослужители, и нѣтъ ни малѣйшихъ препятствій дѣйствію власти. Нынѣшняго Шаха господствующая страсть собирать сокровища, и народъ обременяется чрезмѣрными налогами. Грабительство приведено въ систему и обращено въ необходимость для каждаго изъ управляющихъ; ибо безъ денегъ и подарковъ ни милости Шаха, ни покровительства вельможъ, ниже уваженія между равными сыскать не возможно.

Деньги доставляютъ почести и преимущества, коихъ Персіяне ненасытимы. Деньги разрѣшаютъ преступленія, съ которыми Персіяне неразлучны. Вѣра самая не только не налагаетъ обузданія на страсти, но часто искуснымъ толкованіемъ получаетъ направленіе, льстящее порокамъ.

Не смотря на сіе, власть, менѣе порочно употребленная, можетъ извлечь большія средства изъ народа покорливаго, терпѣливаго, воздержнаго и спокойно пріемлющаго новыя установленія.

Если будетъ Шахъ, который, отъ необузданнаго самовластія, одно то удѣлитъ въ пользу человѣчества, что оградитъ жизнь подданныхъ законами, сдѣлаетъ великія начала. Если который изъ Шаховъ обезпечитъ собственность отъ притязанія, успѣетъ во всякомъ предпріятіи и будетъ боготворимъ. Но едва ли возможно ожидать сего; ибо оба сіи условія, въ понятіи Восточныхъ

народовъ, составляютъ главнѣйшія преимущества деспотизма и принадлежность властителей, и весьма вѣроятно, что какъ сіи не захотятъ лишиться свободы самовластія, такъ и народы не осмѣлятся познать необходимости обузданія.

Теперь Персія раздѣлена на разныя части, ввѣренныя управленію сыновей Шаха, и второй сынъ, Аббасъ-Мирза, объявленный Наслѣдникомъ, вспомоществуемый Англичанами, вводитъ успѣшно значительныя преобразованія

Регулярныя войска устрояются на хорошемъ основаніи. Артиллерія въ отличномъ порядкѣ и умножается очевидно. Есть литейный хорошій заводъ и оружейная фабрика. Учреждаются крѣпости по образу Европейскихъ. Извлекаются руды, и уже мѣдь, свинецъ и желѣзо въ большомъ количествѣ. Предназначаются устроеніе суконныхъ фабрикъ и заводы для очищенія сахара, дабы избѣжать угнетающей монополіи Остъ-Индской Компаніи.

Аббасъ-Мирза предоставляетъ иноземцамъ всякаго рода выгоды, и нѣтъ сомнѣнія, что найдутся способные люди, для приведенія многихъ частей въ порядокъ.

Подъ его распоряженіями теперь уже много войскъ и артиллеріи, и по обстоятельствамъ легко можетъ быть увеличиваемо число оныхъ, ибо собраніе рекрутъ производится безъ затрудненія, и самые даже кочующіе народы начинаютъ давать оныхъ, почти не оказывая ропота. Сему можетъ быть препятствіемъ закоренѣлое невѣжество знатнаго дворянства, которое вѣрить не хочетъ, чтобы нужны были заслуги и достоинства тому, кто имѣетъ преимущества знатнаго рожденія.

Они понять не могутъ постепеннаго возвышенія въ чины дѣтей ихъ, которымъ доселѣ безъ всякихъ заслугъ предоставляема была власть, даваемы важныя порученія и начальство надъ войсками.

Въ Персіи почти каждый поселянинъ воинъ и съ ребячества пріобыкаетъ къ оружію, а по тому каждый поступаетъ на службу хорошимъ стрѣлкомъ. Труды переносятъ терпѣливо, въ пищѣ чрезвычайно умѣренны, удобны къ движеніямъ необычайно скорымъ,

и въ короткое время Персія можетъ имѣть пѣхоту, которая станетъ на ряду съ лучшими въ Европѣ.

Англичане употребятъ всѣ возможныя усилія противопоставить могуществу нашему въ сей странѣ всѣ препятствія. Деньги, расточаемыя ими въ Министерствѣ и всѣмъ приближеннымъ Шаха и его Наслѣдника, не допустятъ искренняго сближенія Персіи съ Россіею.. Никогда!!!!

На возвратномъ пути изъ Персіи, получилъ я извѣстіе о кончинѣ Генералъ-Маіора Кутузова, командовавшаго послѣ меня въ Грузіи. Горестно было лишиться пріятеля испытаннаго и помощника по службѣ наилучшаго.

По возвращеніи въ Тифлисъ, нашелъ я Грузію довольно спокойною. Только въ Кахетію врывались партіи Лезгинъ, но ничего вреднаго не произвели. Въ Дагестанѣ примѣтно было, что крылись намѣренія злыя, и поведеніе Сурхай-Хана Казыкумыцкаго, тѣсныя связи имѣющаго съ Дагестаномъ, весьма были подозрительны. Болѣе осторожный, Мустафа-Ханъ Ширванскій, женившись на дочери Сурхай-Хана, хитростію сего послѣдняго хотя вовлеченъ былъ во всѣ его намѣренія, но умѣлъ поступки свои прикрывать наружностію приверженности къ Правительству. Аварскій Ханъ Султанъ Агмедъ частыми письмами увѣрялъ въ преданности, но извѣстно было мнѣ, что дѣйствуетъ совсѣмъ тому противно.

Со стороны Кавказской Линіи наиболѣе безпокойствъ и разбоевъ производили Чеченцы. Кабардинцы нѣсколько менѣе, но не преставали дѣлать хищничества.

1817-й годъ примѣчателенъ былъ необыкновеннымъ разлитіемъ водъ, которыя произвели величайшія опустошенія въ поселеніяхъ Казаковъ на Кубани и Терекѣ, но Императоръ, вознаграждая понесенныя ими потери, изволилъ пожаловать, по представленію моему, довольно значительныя суммы денегъ.

Въ семъ же году съ горы Казбека обрушился снѣгъ, остановившій теченіе рѣки Терека почти на цѣлыя сутки. Ущелье, по коему оный протекаетъ, завалено было на большое разстоя-

ніе и въ высоту на пятьдесятъ саженъ. Сообщеніе съ Кавказскою Линіею прервано было надолго. Подобные снѣжные обвалы бывают всякіе семь, или восемь, лѣтъ, требуютъ величайшихъ трудовъ для проложенія чрезъ нихъ дороги.

Имѣя намѣреніе ввести войска въ Чеченскую землю, и не имѣя ихъ достаточно на Кавказской Линіи, испросилъ я прибавленія одного егерскаго полка, и таковый назначенъ былъ изъ Крыма. Сверхъ того, изъ Кубинской Провинціи отъ полка Троицкаго приказалъ я отправить одинъ батальонъ въ Кизляръ, одинъ батальонъ Кабардинскаго полка пошелъ въ Моздокъ изъ Грузіи.

Въ концѣ года собралось въ Тифлисъ Грузинское Дворянство на выборы. По уничтоженіи многихъ должностей, которыя, во время Царей, или собственно при Дворѣ ихъ, или въ судебныхъ мѣстахъ, занимаемы были лучшими фамиліями, Правительство, въ вознагражденіе, опредѣлило довольно щедрые пансіоны и, сверхъ того, мѣста Совѣтниковъ предоставило Княжескимъ фамиліямъ по выбору; другія менѣе важныя должности назначены были равномѣрно по выбору для Дворянства.

Здѣсь Дворянство весьма многочисленное, Князей же, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ Графовъ въ Польшѣ, и также ни тѣ, ни другіе правъ своихъ на сіи преимущества доказывать не желаютъ. Предмѣстники мои не могли успѣть составить Депутатское Собраніе, встрѣчая рѣшительное со стороны Дворянства упорство. Его устрашала Дворянская грамота, которую Россійское Дворянство приняло отъ Государей своихъ, какъ величайшее благодѣяніе. Такимъ образомъ пріемлются здѣсь многія изъ благотворныхъ Правительства постановленій! Мнѣ, однако же, удалось согласить Дворянство на составленіе Депутатскаго Собранія, хотя не безъ затрудненія, и оно приступило къ дѣйствію. Составлены правила въ руководство съ нѣкоторыми облегченіями, кои утверждены по моему представленію. Я испросилъ дозволеніе Мусульманамъ доказывать Бекское свое происхожденіе, ибо нѣкоторые изъ нихъ въ давнія времена бывали даже независимыми владѣтелями, по чему могутъ принадлежать имъ права Дворянства. Дѣйствія Депутатскаго Собранія, прежде представленія ихъ въ Герольдію и далѣе въ Сенатъ, поступаютъ на разсмотрѣніе Главноуправляющаго. Я

почелъ нужнымъ сіе средство, дабы отвратить злоупотребленія, коихъ могъ ожидать отъ вліянія сильныхъ фамилій, пріобыкшихъ давать покровительство низшимъ состояніямъ.

Чтобы дать понятіе, какія Правительству предстоятъ препятствія въ малѣйшихъ его постановленіяхъ, по закоренѣлому невѣжеству и привычкѣ къ безпорядкамъ, достаточно сказать, что всѣ вообще противились учрежденію въ городѣ Квартирной Коммиссіи, для уравнительнаго раздѣленія постоя, тѣмъ болѣе здѣсь отяготительнаго, что, кромѣ военныхъ людей, и самимъ гражданскимъ чиновникамъ отводятся квартиры. Три дня о семъ разсуждаемо было безъ успѣха, и даже были мнѣнія, дерзко порочившія сіе Правительства распоряженіе, и я не иначе могъ кончить то, какъ объявивъ, что всѣ, собравшіеся для разсужденія, будутъ заперты до того, пока выберутъ членовъ въ составъ Коммиссіи. И Коммиссія учредилась! Здѣсь всѣ вообще состоянія, исключая чернаго народа, довольно добродушнаго и готоваго изучиться кроткому повиновенію, пріобыкли придавать распоряженіямъ начальства превратное истолкованіе, и если когда не смѣютъ совершенно отказаться отъ исполненія, то испытываютъ наклонность къ какимъ ни будь перемѣнамъ, дабы въ послѣдствіи разсказывать легковѣрнымъ, что принудили къ тому сопротивленіемъ. Тщеславіе сего рода въ особенности принадлежитъ здѣсь знатнѣйшимъ Княжескимъ фамиліямъ, къ мнѣнію которыхъ всѣ прочіе имѣютъ рабственное уваженіе. Многоразличныя обстоятельства понуждали предмѣстниковъ моихъ ласкать высокомѣріе сихъ людей, ибо слишкомъ сильнымъ почитаемо было вліяніе ихъ въ народѣ. Они же, при возникавшихъ часто въ здѣшней странѣ мятежахъ, употребляемы будучи къ прекращенію оныхъ (въ каковыхъ случаяхъ весьма малые изъ нихъ бывали сколько ни будь надобными), почитали себя необходимыми, и щедро расточаемыя имъ награды принимали, какъ принадлежащее имъ уваженіе, никогда какъ милость.

Не погрѣшая, можно сказать о Князьяхъ Грузинскихъ, что, при ограниченныхъ большей части ихъ способностяхъ, нѣтъ людей большаго о себѣ вниманія, болѣе жадныхъ къ наградамъ безъ всякихъ заслугъ, болѣе неблагодарныхъ.

Здѣсь при Царяхъ сильнѣйшія фамиліи пользовались большими преимуществами, и, въ нихъ имѣя всегда нужду, Цари попускали власть безпредѣльную въ отношеніи къ принадлежащимъ имъ крестьянамъ. Доходы Царства были весьма скудны, неопредѣлительны, не было средствъ содержать постоянныхъ войскъ, съ сосѣдями были вражды безпрестанныя и войска по надобности собирались съ земли. При сихъ случаяхъ богатѣйшимъ изъ Князей, которые могли поставлять большее число воиновъ, оказываемо было предпочтеніе, прощались вины и самыя преступленія снискивали снисхожденіе. Они пріобыкли къ своевольству, и оное не рѣдко переходило въ самое непослушаніе противъ Царей, и даже измѣны. Въ Грузіи почти нѣтъ Княжеской фамиліи, особенно знатной, изъ которой бы не было нѣсколько измѣнниковъ въ бѣгахъ въ Персіи, или Турціи. Цари, боясь наказаніями ожесточить фамиліи, почасту же и средствъ наказанія не имѣя, искали ихъ возвращенія, не только обѣщавали забвеніе вины, но и самыя милости.

Людямъ съ таковыми свойствами не легко пріобыкнуть можно къ Правительству, не терпящему своевольства, полагающему обузданіе на власть прихотливую, не имѣющему необходимой нужды потворствовать разврату виновнымъ послабленіемъ. По сей причинѣ весьма мало есть Грузинскихъ Князей, намъ приверженныхъ.

Я же въ особенности обращаю ихъ на себя негодованіе, ибо въ поведеніи моемъ съ ними примѣчаютъ они разницу съ моими предмѣстниками. Уваженіе мое дается болѣе пріобрѣтающимъ его заслугами и благонамѣреннымъ къ Правительству расположеніемъ, нежели происхожденію отъ знатной фамиліи. Отдаляю я всякое преимущество Князей надъ Дворянами, которое доселѣ разумѣли они присвоеннымъ къ нимъ титломъ. Между самихъ Князей не поставляю ни какого различія, которое прежде, въ обиду многихъ, принадлежало единственно богатству, или многочисленности фамиліи. Чины, награды и пансіоны даются рѣдко, ибо даются достойнымъ, повиновенія требую безусловнаго.

Въ Татарскихъ дистанціяхъ, Барчалинской, Казахской и Шамшадильской, Агалары (родъ Дворянъ) издавна присвоили себѣ такую степень власти надъ чернымъ народомъ, что сей послѣдній,

свободный по состоянію и зависящій отъ нихъ по тому только, что порученъ имъ въ управленіе, обязанъ будучи нѣкоторыми въ пользу ихъ повинностями, сдѣлался совершенно рабами. Не было повинности опредѣленной, не было собственности, которую бы Агаларъ не могъ присвоить по произволу. Податъ въ казну ими была распредѣляема. Увольняли отъ оной, кого желали, на другихъ возлагали по прихоти. Богатые изъ поселянъ избѣгали ея, тягость падала на однихъ бѣдныхъ. Наложеніемъ штрафа собирали они большія деньги, и никому отчета въ нихъ не давали. Въ дистанціяхъ хотя и были отъ Правительства чиновники, называемые главными Приставами, но не имѣли они достаточной власти смирять своевольство Агаларъ, временемъ утвержденные обычаи сохранились въ полной силѣ. Цари Грузинскіе, неоднократно испытавшіе измѣну сихъ народовъ, думали удерживать ихъ, Агаларамъ поблажая, а сіи привыкли пользоваться большими преимуществами, всегда устрашая Царей, что, при малѣйшемъ неудовольствіи, народъ свободный, кочевую жизнь ведущій, осѣдлостію къ землѣ не привязанный, перейдетъ къ Персіянамъ. Начальство доселѣ тѣ же самыя употребляло средства, ту же самую имѣло боязнь, чтобы жители не бѣжали за границу, и продолжавшаяся съ Персіею война и внутреннія безпокойства понуждали его къ снисхожденію, которое умножало власть Агаларовъ.

Не могъ я допускать сего рода управленія дистанціями. Время мирное предоставляло мнѣ возможность приступить къ нѣкоторымъ въ ономъ перемѣнамъ, и я издалъ постановленіе, коимъ опредѣлены отношенія простаго народа къ своимъ Агаларамъ. Они введены въ обязанности управляющихъ деревнями, но не принадлежатъ имъ оныя въ собственность и могутъ переходить отъ одного къ другому, служа или вознагражденіемъ за вѣрность и усердіе, или отъемлемы будучи за измѣну и недоброжелательство и даже жестокіе, или несправедливые, поступки.

Каждому изъ Агаларовъ, по знатности рода, по уваженію въ народѣ, по заслугамъ Правительству, и, смотря на многочисленность семействъ, назначена прислуга цѣлыми семьями, которыми распоряжаются они по произволу, употребляя въ работу по своимъ домашнимъ нуждамъ.

Семьи сіи назначаются на извѣстный срокъ и по очереди, развѣ по добровольному согласію, иначе въ услуженіи удерживаемы быть не могутъ. Отъ подати и всякихъ другихъ повинностей на то время изъемлются. Всѣхъ прочихъ жителей работы въ пользу Агаларовъ, какъ во образѣ своемъ, такъ и во времени, опредѣлены съ точностію.

Постановленіе сіе, ограничивая выгоды Агаларовъ, имъ не нравилось, и они просили, чтобы сдѣлалъ я въ немъ перемѣны. Они жаловались, что лишены власти и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, потеряютъ уваженіе въ простомъ народѣ. Меня увѣряли Грузинскіе Князья, что они не могутъ сдѣлать привычки къ сему вещей порядку и, неудовольствіями ихъ пользуясь, Персіяне непремѣнно уговорятъ къ побѣгу. Грузинское Дворянство желало безпокойствъ и возмущеній, ожидая, что я, устрашенъ будучи ими, оставлю весь порядокъ управленія въ прежнемъ состояніи, и что сіе распространится не менѣе и на самую Грузію. Я ожидалъ, что побѣгутъ за границу нѣкоторые изъ Агаларовъ, ибо таковые охотно принимаемы Персіянами и теперь живутъ тамъ; зналъ я, что, по привычкѣ покорствовать, нѣкоторые изъ простаго народа за ними послѣдуютъ, но я рѣшился на то; ибо увѣренъ былъ, что всѣ Татары, или даже въ большомъ количествѣ, на побѣгъ не согласятся, по тому что далеко въ Персію не пойдутъ, а въ сосѣдственныхъ земляхъ не найдутъ равныхъ выгодъ. Я имѣлъ и то въ виду, что побѣги таковые могутъ случаться только въ самомъ началѣ, но когда простой народъ увидитъ свои выгоды, освободясь отъ прежняго утѣсненія Агаларовъ, улучшитъ состояніе свое употребленіемъ трудовъ въ собственную пользу, вліяніе на него Агаларовъ уничтожится. Я отвергъ всѣ просьбы и жалобы Агаларовъ, и приказалъ главнымъ Приставамъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ постановленія.

Главнѣйшія неудовольствія обнаруживали двое важнѣйшіе Агалары Казахской и Шамшадильской дистанціи, сильные обширными связями родства и пріобыкшіе къ господствованію. За сими учрежденъ бдительный присмотръ и за сношеніями ихъ за границею.

1818-го года, въ самомъ началѣ Апрѣля мѣсяца, выѣхалъ я на Кавказскую Линію. Дорога чрезъ горы, отъ глубокихъ таю-

щихъ снѣговъ, была ужаснѣйшая, и я не малое разстояніе проходилъ пѣшкомъ. Изъ Георгіевска отправился я для обозрѣнія праваго фланга Линіи. Темнолѣсную крѣпость нашелъ я, по обстоятельствамъ, совершенно ненужною. Не знаю, какую она и прежде могла приносить пользу, будучи расположена въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни чего не защищала, куда не могъ прійти непріятель, по мѣстоположенію почти не приступному. Не могла даже вмѣщать такого числа войскъ, съ которымъ бы удобно было пуститься на самое легчайшее предпріятіе. Нельзя было расположить въ ней ни какихъ запасовъ, ибо нѣтъ къ ней дорогъ, кромѣ весьма трудныхъ. Усть-Лабинскую крѣпость, по многимъ о ней разсказамъ, ожидалъ я найти чрезвычайною; она точно столько обширна, что, по количеству на Линіи войскъ, ее занять надлежащимъ образомъ не кѣмъ. Въ крѣпости нѣтъ ни одного строенія каменнаго, казармы, провіантскіе магазины, самый арсеналъ деревянные. Одинъ весьма небольшой колодезь, довольствоваться же водою изъ Кубани непріятель легко воспрепятствовать можетъ; словомъ, подобныя крѣпости не могутъ быть терпимы противъ непріятеля, каковы вообще здѣшніе.

Кавказская крѣпость въ меньшемъ гораздо размѣрѣ и лучше Усть-Лабинской, но крутой берегъ, на которомъ она лежитъ, обрушился отъ множества заключающихся въ ономъ источниковъ, и уже часть большая крѣпости въ развалинахъ. Я отмѣнилъ исправленіе оной.

Прочный Окопъ есть небольшое укрѣпленіе, лежащее противъ малосильныхъ Закубанскихъ народовъ и въ худомъ весьма состояніи.

Укрѣпленіе С. Николая устроено предмѣстникомъ моимъ, Генераломъ Ртищевымъ, и трудно узнать, чего онъ желалъ болѣе, мѣста нездороваго, или безполезнаго. Во время разлитія, Кубань наполняла водою все укрѣпленіе и чрезъ окна входила въ жилище солдатъ. Болѣзни и смертность превосходили вѣроятіе. Я приказалъ уничтожить убійственное сіе укрѣпленіе.

Вообще можно сказать о правомъ флангѣ Кавказской Линіи, что, по причинѣ протяженія его и мѣстъ повсюду открытыхъ, нѣтъ ни какихъ средствъ сдѣлать его болѣе твердымъ и оградить

отъ нападеній Закубанцевъ, имѣющихъ удобныя чрезъ Кубань переправы во множествѣ. Должно приписать одному несогласію живущихъ за Кубанью народовъ, что они далеко внутрь Линіи нашей не дѣлаютъ набѣговъ, на что, по многолюдству ихъ, легко бы могли они рѣшиться. Умножившееся въ Кавказской Губерніи населеніе заставило распространить жилища почти до самой Кубани, и по тому наиболѣе подвержены они опасности. Непріятель имѣетъ весьма сильную конницу, стоящіе на кордонѣ Казаки наши, если бы и не были разсыпаны на большомъ пространствѣ, не могли бы противостать оной, по несоразмѣрности силъ, пѣхота же не имѣетъ достаточной подвижности, чтобы воспрепятствовать набѣгамъ.

Я нашелъ на Линіи, данное всѣмъ войскамъ, запрещеніе не преслѣдовать за границу хищниковъ. Причиною сего боязнь моровой язвы, которая весьма часто появляется между Закубанцами, сообщаемая имъ чрезъ Анапу изъ Константинополя. По связямъ Закубанскихъ народовъ съ Кабардинцами и сихъ послѣднихъ съ Чеченцами, противъ ихъ вообще одинаковая предпринимается осторожность. Они знаютъ о семъ запрещеніи, и тѣмъ съ большею наглостію производятъ разбой, и бывали даже примѣры, что, возвращаясь съ набѣга на земли наши, лишь только вступятъ на свою сторону, отзываются съ насмѣшкою къ преслѣдовавшимъ ихъ войскамъ, или на кордонѣ стоящимъ пикетамъ, и показываютъ безбоязненно похищенную ими добычу.

Съ радостію приняли войска приказаніе преслѣдовать разбойниковъ, и, конечно, не будетъ упущенъ ни одинъ случай отмщенія.

До сего не испытали мы еще большой опасности отъ заразы, и нѣсколько разъ появлявшаяся на Линіи была счастливо прекращена.

Я въ 1816 году пріѣхалъ въ Грузію вмѣстѣ съ чумою, и ни мало не подозрѣвалъ о томъ. Конвойная, препровождавшая меня чрезъ горы, команда взята была изъ заразившихся Донскихъ полковъ, слѣдовавшихъ на службу въ Грузію. Вскорѣ потомъ обнаружилась оная въ полкахъ, но уже я былъ въ Тифлисѣ, и конвойная команда свободно со всѣми сообщалась, слѣдовательно,

весьма многіе могли быть сомнительными, и мѣры осторожности дѣлались не возможными.

Полки Донскіе успѣлъ я не допустить за одинъ маршъ до Тифлиса, ихъ расположили на открытомъ полѣ, свѣжій воздухъ Октября мѣсяца чрезвычайно способствовалъ очищенію, и вся потеря ограничилась десятью Казаками. Одни сутки позднѣе, если бы получилъ я извѣстіе о заразѣ, полки прошли бы Тифлисъ и отправились во всѣ провинціи. Нечаянный случай открылъ заразу: въ полкахъ, при слѣдованіи чрезъ Кавказскую Линію, было два человѣка умершихъ Казаковъ. Число весьма обыкновенное, по которому нельзя ничего было подозрѣвать чрезвычайнаго, но не знаю, по чему вздумалось Начальнику Линіи, Генералъ-Маіору Дельпоццо, приказать отрыть и освидѣтельствовать умершихъ, и медицинскіе чиновники нашли на нихъ знаки моровой язвы. Тотчасъ же отправленный ко мнѣ курьеръ успѣлъ предупредить прибытіе полковъ, но сами они о существованіи между ними заразы ниже помышленія не имѣли.

Впрочемъ, отъ заразы въ здѣшней странѣ едва ли возможно предохраниться. Чиновникамъ и даже войскамъ можно внушить, сколько въ таковыхъ случаяхъ спасительна предосторожность, но можно ли таковой ожидать отъ простолюдина, паче отъ Мусульманъ, вѣрящихъ предопредѣленію? Таковыхъ у насъ весьма много, и у всѣхъ живущихъ близко границы есть родственныя связи въ сосѣдственныхъ земляхъ и безпрерывныя сношенія, которыхъ, при всей бдительности, прекратить совершенно не возможно. Тайнымъ сообщеніямъ способствуетъ множество дорогъ, между коими есть нѣкоторыя, намъ не извѣстныя. Словомъ, отъ чумы охраняетъ насъ единое счастіе!..

При обозрѣніи Линіи, со вниманіемъ разсматривалъ я окрестности города Ставрополя, ибо со временемъ намѣреваюсь я перенести туда Губернскій городъ и оставить Георгіевскъ, какъ мѣсто самое губительное для всѣхъ, живущихъ въ немъ. Я приказалъ остановить всѣ крѣпостныя работы, жалѣя о тѣхъ, которыя произведены съ большими весьма издержками, и тамъ, гдѣ давно уже видѣть можно было, что онѣ совсѣмъ ненадобны. Не мѣшало бы и моимъ предмѣстникамъ сіе замѣтить!

Изъ Георгіевска проѣхалъ я Гребенскаго войска въ Червленную станицу, не подалеку отъ коей пріуготовлена была на Терекѣ переправа для войскъ, назначенныхъ въ Чеченскую землю.

Я приказалъ нѣкоторой части перейти на правый берегъ и ожидать, пока соберутся прочія войска.

24-го Мая переправился весь отрядъ, состоящій изъ 2 баталіоновъ. . . . . 8-го } Егерскихъ полковъ.
2 баталіоновъ. . . . . . . 16-го }
1 баталіона Троицкаго . . . . . } пѣхотныхъ полковъ.
1 баталіона Кабардинскаго . . . }
6 орудій батарейной. . . . . . . }
6 легкой. . . . . } Артиллеріи.
4 конной. . . . . }

Донскихъ и Линейныхъ Казаковъ 500 человѣкъ.

Оставивши одну роту и 2 орудія для охраненія переправы, весь отрядъ въ одинъ маршъ перешелъ отъ Терека на рѣку Сунжу.

Всѣ владѣльцы селеній Чеченскихъ, расположенныхъ по берегу Терека, именующихся мирными, находились при войскахъ.

Селенія сіи не менѣе прочихъ наполнены были разбойниками, которые участвовали прежде во всѣхъ набѣгахъ Чеченцевъ на Линію. Въ нихъ собирались хищники и укрывались до того, пока мирные Чеченцы, всегда безпрепятственно пріѣзжавшіе на Линію, высмотрѣвъ какую ни будь оплошность со стороны войскъ нашихъ, или поселянъ, могли провождать ихъ къ вѣрнымъ успѣхамъ.

Чеченцы, издали высматривая движеніе наше, не сдѣлали ни одного выстрѣла до прибытія нашего къ Сунжѣ. Весьма не многіе изъ самыхъ злѣйшихъ разбойниковъ бѣжали изъ селеній, по лѣвому берегу лежащихъ, всѣ прочіе бывали въ лагерѣ, и я особенно ласкалъ ихъ, дабы, оставаясь покойными въ домахъ своихъ, могли привозить на продажу нужные для войскъ съѣстные припасы. Въ лагерь взяты были отъ сихъ селеній аманаты.

Старшины почти всѣхъ главнѣйшихъ деревень Чеченскихъ были созваны ко мнѣ, и я объяснилъ имъ, что прибытіе войскъ

нашихъ не должно устрашать ихъ, и если они прекратятъ свои хищничества; что я не пришелъ наказывать ихъ за злодѣянія прошедшаго времени, но требую, чтобы впредь оныхъ дѣлаемо не было, и въ удостовѣреніе должны они возобновить давнюю присягу на покорность, возвратить содержащихся у нихъ плѣнныхъ. Если же ни чего не исполнятъ изъ требованій моихъ, сами будутъ виною бѣдствій, которыхъ не избѣгнутъ, какъ явные непріятели. Старшины просили время на размышленіе и совѣщаніе съ обществомъ, ни чего не обѣщали, отзываясь, что ни къ чему приступить не могутъ безъ согласія другихъ. Пріѣзжая не рѣдко въ лагерь, увѣряли въ стараніяхъ своихъ наклонить народъ къ жизни покойной, но между тѣмъ изъ многихъ неосновательныхъ разсужденій ихъ, сколько неудобно исполненіе требованія о возвратѣ плѣнныхъ, можно было замѣтить, что они не имѣютъ вовсе намѣренія отдать ихъ. Въ совѣщаніяхъ ихъ находились всегда люди, намъ приверженные, и отъ нихъ обстоятельно знали мы, что извѣстные изъ разбойниковъ, не надѣявшіеся прощенія за свои преступленія, возмущали прочихъ; что многіе изъ селеній, по связямъ родства съ ними, взяли ихъ сторону и отказались ѣздить въ собраніе. Прочихъ же успѣли они увѣрить, что Русскіе, какъ и прежде, пришли для наказанія ихъ, но по тому не приступаютъ къ оному, что опасаются въ лѣтнее время вдаться въ лѣса непроходимые. Что устроеніе крѣпости есть вымыселъ для устраненія ихъ, но что того не имѣемъ мы намѣренія, и даже ни малѣйшихъ нѣтъ къ тому приготовленій; что Чеченцамъ нужно имѣть твердость, и мы, пробывши нѣкоторое время, возвратимся на Линію.

Продолжавшіеся съ ряду три недѣли проливные дожди и холодная чрезвычайно погода препятствовали намъ приступить не только къ работамъ крѣпостнымъ, но даже къ пріуготовленію нужныхъ для того вещей и къ начертанію укрѣпленія. Сіе наиболѣе утверждало Чеченцевъ въ мнѣніи, что пребываніе наше на землѣ ихъ временное, и когда потомъ приступлено было къ работамъ, они не переставали думать, что мы дѣлаемъ только видъ того и ихъ оставимъ.

Въ послѣдствіи приказано было селеніямъ, отъ коихъ были у насъ аманаты, доставлять лѣсъ на постройку. Ближайшія не смѣли оказать непослушанія, тѣ же изъ селеній, которыя расположе-

ны были въ отдаленіи, или за извѣстнымъ урочищемъ, называемымъ Ханъ-Кале, гдѣ узкое дефиле, поросшее частымъ весьма лѣсомъ, дѣлало дорогу непроходимою, отказали въ доставкѣ лѣса, и объявили, что ни какихъ обязанностей на себя не пріемлютъ и ни въ какія сношенія съ Русскими не вступятъ. Повинующихся намъ начали устрашать отгономъ скота ихъ и даже нападеніями на ихъ жилища. Урочище Ханъ-Кале начали укрѣплять глубокимъ рвомъ и валомъ, по всѣмъ дорогамъ выставили караулы и пикеты. Рѣдкая ночь проходила безъ тревоги; ибо подъѣзжая къ противоположному берегу рѣки, стрѣляли они изъ ружей въ лагерь. Нападали на передовые наши посты и разъѣзды въ лѣсу; гдѣ вырубали мы хворостъ, всегда происходила перестрѣлка; словомъ, во всѣхъ случаяхъ встрѣчали мы ихъ готовыми на сопротивленіе. Къ сосѣдственнымъ Лезгинамъ и другимъ народамъ Горскимъ послали они просить помощи.

Въ продолженіе сего получилъ я отъ Шамхала Тарковскаго увѣдомленіе, что братъ Хана Аварскаго, управляющій небольшою Провинціею, называемою Мехтули, смежною съ владѣніями Шамхала, давно прежде угрожавшій овладѣть его деревнями, собравъ толпу вооруженныхъ, захватилъ нѣкоторыя изъ оныхъ. Что Акушинскій народъ, сильнѣйшій въ Дагестанѣ и воинственный, подстрекаемъ будучи Аварскимъ Ханомъ, и болѣе еще бѣглымъ Дербентскимъ Шихъ-Али-Ханомъ, котораго укрывалъ у себя, и Грузинскимъ Царевичемъ Александромъ, присылаетъ къ Шамхалу старшинъ своихъ съ требованіемъ, чтобы, отказавшись отъ повиновенія Русскимъ, присоединился онъ къ нему и содѣйствовалъ въ предпріемлемыхъ имъ намѣреніяхъ, или, въ случаѣ несогласія, выгонятъ они его изъ владѣній. Въ подвластныхъ своихъ примѣчалъ уже Шамхалъ большое непослушаніе, и многіе взяли сторону Акушинцевъ.

Командующій войсками, въ Кубанской Провинціи и Дербентѣ расположенными, Генералъ-Маіоръ Пестель, донесъ, что въ Дагестанѣ примѣтенъ рождающійся духъ мятежа. Что Горскіе народы, наиболѣе злобствуя на Шамхала за приверженность его къ нашему Правительству, намѣреваются сдѣлать нападеніе на его земли; страшатъ такъ же Уцмея Каракайдацкаго, прибѣгнувшаго наконецъ въ покровительству нашему и, хотя поздно, узнавшему,

однако же, что нѣтъ для него другой надежнѣйшей защиты. Таковыя извѣстія сообщалъ бѣглый Царевичъ Александръ наслѣднику Персіи, Аббасъ-Мирзѣ, и Министру его, Мирзѣ Бюзурку, приписывая дѣятельности своей и усердію къ пользамъ Персіи, что онъ возмутилъ Дагестанъ противъ Русскихъ.

Письма сіи были перехвачены, и явно открылось, что Аббасъ-Мирза для сего предмета доставлялъ Царевичу деньги. Но всегда оныхъ было, однако же, недостаточно, ибо Царевичъ жаловался на свою бѣдность, и точно претерпѣвалъ оную.

Аварскій Ханъ, имѣющій вражду съ Уцмеемъ Каракайдацкимъ, давалъ у себя убѣжище людямъ, для него вреднымъ, и подослалъ таковыхъ для произведенія возмущенія въ его владѣніяхъ.

Генералу Пестелю далъ я немедленно подробнѣйшія наставленія.

Съ двумя баталіонами пѣхоты, шестью орудіями артиллеріи и сколько можно собравъ Казаковъ, выступить къ рѣкѣ Дарбахъ, или ближе къ городу Башлы, буде есть мѣсто удобное для расположенія лагеря. Городъ сей, имѣющій до 3 тыс. семействъ, заключалъ въ себѣ всѣхъ людей, не повинующихся Уцмею и явно недоброжелательствующихъ намъ. Связи съ Горцами заставляли и прежнихъ владѣтелей съ осторожностію употреблять власть свою, снисходить къ винамъ жителей, и сіи наконецъ вошли въ привычку худо повиноваться.

При войскахъ нашихъ должны были находиться Полковникъ Асланъ-Ханъ Кюринскій, съ своею конницею, и конница Кубинская и Дербентская.

Генералъ-Маіору Пестелю запрещено было начинать военныя дѣйствія, но, оказывая къ тому готовность, пропустя слухъ о слѣдованіи 3 тыс. войскъ въ Дагестанъ, для которыхъ требовать заготовленіе продовольствія отъ Шамхала, удерживать Акушинцевъ во вниманіи къ собственной защитѣ и не допускать къ оскорбленію находящихся подъ покровительствомъ нашимъ. Смиряя присутствіемъ войскъ самовольство жителей города Башлы, удерживать ихъ въ повиновеніи Уцмею, и тѣмъ усилить власть его. Взять подъ

надзоръ въ Дербентъ подосланныхъ Аварскимъ Ханомъ, живущихъ во враждѣ съ Уцмеемъ, его родственниковъ, дѣлающихъ въ подвластныхъ ему развратъ и безпорядки, увѣривъ ихъ, что предосторожность сія употребляется для охраненія ихъ отъ опасности, по злобѣ къ нимъ Уцмея.

Найти приличное средство войти въ сношеніе съ Акушинскимъ народомъ, и требовать отъ него аманатовъ, или иначе могутъ въ опасности быть, пасущіяся на плоскости въ осеннее время, стада ихъ.

Наклонить Уцмея, чтобы войсками своими изгналъ Абдула-Бека, зятя бѣглаго Шихъ-Али-Хана, который похитилъ управленіе Табассарана, Провинціи, состоявшей частію подъ нашимъ покровительствомъ, давъ надежду Уцмею, что сынъ его заступитъ его мѣсто.

Шамхала и Уцмея увѣдомилъ я о назначеніи войскъ собственно для ихъ защиты.

Аварскому Хану, который до того казался приверженнымъ, писалъ я, чтобы онъ старался воздержать Акушинскій народъ отъ наглыхъ угрозъ, которыя смѣетъ онъ дѣлать владѣтелямъ, подданнымъ Императора, и чтобы брату своему воспретилъ поступать непріязненно съ Шамхаломъ.

Акушинскому народу далъ я знать, что, принявъ на себя обязанность не дѣлать набѣговъ на владѣнія Россійскія и, утвердивъ то данною присягою, нарушеніе оной не оставитъ Правительство безъ наказанія. Что непріязненнымъ дѣйствіемъ почту я нападеніе на земли, Шамхалу и Уцмею принадлежащія; что я лучше хочу предостеречь народъ, котораго желаю я спокойствія, нежели въ послѣдствіи подвергнуть себя упреку, что оставилъ его въ невѣдѣніи, какія бѣдствія онъ себѣ пріуготовляетъ.

Въ Чеченской землѣ между тѣмъ приступлено къ построенію крѣпости, которая, по положенію своему, стѣсняя жителей во владѣніи лучшими землями, стоя на удобнѣйшей дорогѣ къ Кавказской Линіи и не далеко отъ входа чрезъ урочище Ханъ-Кале, названа Грозною.

Въ производствѣ работъ, сколько могли, Чеченцы дѣлали препятствія. Не рѣдко случалось, что солдаты, оставляя шанцовый инструментъ, тутъ же брали ружья и отражали нападеніе. Но когда черезъ рѣку Сунжу сдѣлана была переправа и на противоположномъ берегу устроено укрѣпленіе, Чеченцы менѣе появлялись на нашей сторонѣ.

Всѣ ближайшія къ урочищу Ханъ-Кале селенія, или тѣ, къ коимъ полагали они, что войска удобнѣе пройти могутъ, вывезли лучшее свое имущество, жены и дѣти оставались въ такомъ положеніи, чтобы, при первой тревогѣ, удалиться въ ближайшіе лѣса, гдѣ приготовлены были шалаши. На ближайшихъ поляхъ брошенъ былъ хлѣбъ, который, по боязни, не собирали, и уже въ лѣтнее время чувствуемъ былъ въ ономъ недостатокъ.

Пришли наконецъ въ помощь Лезгины, и между Чеченцами примѣчена большая дѣятельность въ пріуготовленіяхъ къ сраженію. Повсюду показывались они въ большихъ уже силахъ. Деревни по лѣвому берегу Сунжи и одна на правомъ берегу, называемая Сунженскою, сохраняя всѣ наружности преданности, не только Лезгинъ, но и самихъ даже Чеченцовъ, явно противящихся намъ, къ себѣ не принимали.

Между многихъ перестрѣлокъ съ отрядами нашими, была одна весьма сильная, когда Квартирмейстерской части Подполковникъ Верховскій посланъ былъ занять лѣсъ, въ которомъ надобно было произвести порубку для строеній.

Войска Донскаго Генералъ-Маіоръ Сысоевъ съ малымъ числомъ Казаковъ, сдѣлавъ атаку на сильную Чеченскую конницу, наказалъ за сдѣланное нападеніе на отводные наши караулы, при чемъ изрубили они нѣсколько человѣкъ.

Главное же дѣло происходило 4 числа Августа.

Съ Кавказской Линіи долженъ былъ прибыть въ лагерь большой транспортъ съ провіантомъ и разными другими вещами, при которыхъ много было ѣдущихъ къ войскамъ чиновниковъ. Въ конвоѣ находились одна рота пѣхоты съ пушкою и нѣсколько Казаковъ. Чеченцы съ Лезгинами вмѣстѣ вознамѣрились сдѣлать на

транспортъ нападеніе. О семъ не за долго дали намъ извѣстіе, и я на встрѣчу транспорту отправилъ часть войскъ. Когда же изъ крѣпости замѣчено было движеніе въ большихъ силахъ, то отправилъ я еще въ помощь съ частію начальника Корпуснаго Штаба, Полковника Вельяминова. Непріятельская конница успѣла уже перейти рѣку Сунжу и пустилась на транспортъ, часть пѣхоты шла въ слѣдъ за оною, и еще довольно оной оставалось для охраненія переправы. Увидѣвъ идущія изъ крѣпости войска наши, конница тотчасъ обратилась къ своей пѣхотѣ, и сія двинулась на встрѣчу нашей. Толпы ея, боясь дѣйствія артиллеріи, не смѣли весьма приближаться, но стрѣлки вышли во множествѣ, и начался весьма сильный огонь.

Въ сей день Чеченцы дрались необычайно смѣло; ибо, хотя не долго, могли, однако же, они стоять на открытомъ полѣ и подъ картечными выстрѣлами; но когда Полковникъ Вельяминовъ приказалъ войскамъ итти поспѣшнѣе къ деревнѣ Ачага, куда бросилась непріятельская конница, какъ примѣтно, къ переправѣ, ибо извѣстенъ былъ въ семъ мѣстѣ хорошій бродъ, то Чеченская пѣхота обратилась въ бѣгство въ величайшемъ безпорядкѣ. На переправѣ происходило замѣшательство, и не мало людей потонуло. Полковникъ Вельяминовъ могъ ихъ стѣснить въ селеніи Ачага, и артиллеріи удобно было дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ; но жители селенія сего, намъ покорные и не участвовавшіе въ предпріятіи Чеченцовъ, выбѣжали къ нему на встрѣчу, прося пощады. Онъ не могъ не исполнить ихъ просьбы.

Потеря въ семъ дѣлѣ съ нашей стороны была ничтожная, и транспортъ безъ всякаго вреда прибылъ въ крѣпость.

Вскорѣ послѣ сего произошли между Чеченцами и Лезгинами несогласія и ссоры, и сіи послѣдніе, не въ состояніи будучи переносить жаркаго лѣтняго времени, потерпѣли ужаснѣйшія болѣзни и, оставивши не менѣе половины людей до выздоровленія, удалились въ дома свои.

Симъ кончились всѣ подвиги Лезгинъ, и Чеченцы, знавшіе ихъ, по молвѣ, за людей весьма храбрыхъ, вразумились, что подобными трусами напрасно они насъ устрашали. Прежде, въ ожи-

даніи отъ нихъ большаго вспомоществованія, разглашали они о прибытіи ихъ въ большихъ силахъ; открылось наконецъ, что ихъ было до тысячи человѣкъ.

Изъ Грузіи получено извѣстіе, что, укрывавшійся въ горахъ, бѣглый Грузинскій Царевичъ Александръ, проѣхалъ тайнымъ образомъ и съ весьма малымъ числомъ приближенныхъ нему людей въ Ахалцыхскій пашалыкъ, правдоподобно по тому, что въ Персію опаснѣе было проѣхать, ибо по дорогамъ туда повсюду поставлены были караулы, и Татарамъ строго подтверждено было о тщательномъ наблюденіи. Царевичъ проѣхалъ не далеко отъ Штаба одного изъ Донскихъ Казачьихъ полковъ, и, конечно, отъ оплошности командующаго онымъ, который по тому только избавленъ мною отвѣтственности, что я не хотѣлъ показать Грузинамъ, что я желалъ достать его; ибо они, по невѣжеству, всегда почитали его опаснымъ для насъ человѣкомъ, и многіе, недоброжелательствующіе намъ, старались размножить мнѣніе, что Правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ по тому поступаетъ снисходительно, что опасается огорчить Дворянство, чтобы оно не приклонило народъ на сторону Царевича.

Въ бѣгствѣ его сей разъ въ Турцію провожатыми были Чарскіе Лезгины, имѣющіе повсюду связи, и, конечно, многіе изъ нашихъ, если не способствовали тому, то, безъ сомнѣнія, знали. Начальство же было предупреждено съ большою подробностію и къ поимкѣ всѣ нужнѣйшія приняты мѣры.

Изъ Дагестана Генералъ-Маіоръ Пестель сообщилъ мнѣ извѣстіе, что Акушинцы намѣреваются прійти съ войскомъ и потомъ вступить съ нимъ въ переговоры; что жители города Башлы, видя расположенныя не далеко отъ нихъ войска наши, тайно приглашаютъ ихъ къ себѣ на помощь; что Уцмей, показывая притворно вражду съ ними, самъ того желаетъ; ибо, по свойствамъ недовѣрчивости, имѣетъ сомнѣніе, чтобы мы для пользы его хотѣли смирить Башлынцевъ.

Я предписалъ, если точно придутъ Акушинцы и захотятъ имѣть съ нами переговоры, не входя съ ними ни въ какое объясненіе, требовать аманатовъ.

Если Шамхалъ, Уцмей, Ханъ Аварскій, будутъ предлагать какія ни будь условія, напомнить имъ просто обязанности вѣрноподданныхъ. Между тѣмъ стоять лагеремъ въ открытыхъ мѣстахъ, ни какъ не вдаваясь въ горы, или трудныя мѣстоположенія, что въ равнинѣ, и имѣя съ собою артиллерію, можетъ онъ противостать всякимъ ихъ усиліямъ.

Если нужна будетъ ему большая въ войскахъ подвижность, чтобы всѣ тягости отправить назадъ, и самый необходимый имѣя обозъ, сохранялъ бы его въ укрѣпленіи хорошо защищенномъ.

Подтвердилъ не побуждать непріятеля къ дѣйствію; напротивъ, ни чего рѣшительнаго не предпринимая, дать время несогласію поселиться между ими; ибо безъ единоначалія и безъ привычки къ послушанію, необходимы будутъ различныя мнѣнія, и слѣдствіе оныхъ—раздоръ. Что собравшись въ значительныхъ силахъ, безъ пріуготовленія способовъ продовольствія, долго вмѣстѣ пробыть не могутъ и возвратятся домой, а тогда на оставленныхъ Башлынцевъ напасть будетъ удобно; или, если по обширности города и по многолюдству въ ономъ, нельзя будетъ разорить его, то, по крайней мѣрѣ, нанести дѣйствіемъ артиллеріи большой вредъ въ стѣсненномъ его расположеніи. Пользоваться случаями отгонять лошадей и скотъ, коихъ потеря тѣмъ чувствительнѣе, что составляетъ главнѣйшее здѣшнихъ народовъ богатство.

Для усиленія отряда Генералъ-Маіора Пестеля, изъ баталіона, расположеннаго въ Елисаветпольской крѣпости, приказалъ я отправить 300 человѣкъ.

Въ Дербентѣ распоряжено имѣть огнестрѣльные запасы.

1-го числа Октября поѣхалъ я изъ крѣпости Грозной на Линію, гдѣ въ селеніи Прохладномъ пригласилъ, къ свиданію со мною, Князей Кабардинскихъ, главнѣйшихъ изъ Священнослужителей и знатнѣйшихъ изъ Узденей. Всѣ почти пріѣхали, кромѣ малаго числа злѣйшихъ разбойниковъ, которые явиться не смѣли.

Съ досадою упрекалъ я имъ въ нарушеніи обѣщаній вести жизнь мирную, и самой присяги въ томъ, нѣсколько разъ ими данной. Упоминалъ о многихъ въ недавнемъ времени происшестві-

ихъ, которыя обнаруживаютъ ихъ самыми подлыми мошенниками, и что извѣстныя нѣкогда храбрость ихъ и воинственная между горскими народами слава помрачена презрительнѣйшими дѣлами, однимъ гнуснымъ ворамъ свойственными.

Поставилъ имъ въ примѣръ, того же года наказанный за укрывательство разбойниковъ, Трамова Аулъ, не подалеку отъ Константинагорска отстоявшій, который, по приказанію моему, разрушенъ до основанія, взято до 2 тыс. лошадей и весь скотъ, и что жителямъ онаго только позволено было вывести женъ своихъ и дѣтей. Обѣщалъ, что равное сему и ихъ ожидаетъ наказаніе, если не перемѣнятъ своего поведенія, если родители не будутъ воздерживать дѣтей своихъ и родственниковъ, помѣщики своихъ подвластныхъ; если Священнослужители, имѣющіе большое въ народѣ вліяніе, не будутъ дѣлать предписываемыхъ закономъ наставленій и внушенія. Предложилъ имъ средствомъ избѣгнуть грозящихъ бѣдствій то, чтобы, наказывая сами за воровство и возвращая похищенное, убійцъ представляли для наказанія къ Россійскому начальству. Что нѣсколько таковыхъ примѣровъ воздержатъ разбойниковъ, и за преступленія злодѣевъ не потерпятъ менѣе виновные, а Начальство не будетъ принуждено посылать безпрерывно войска, которыя разоряютъ землю прекраснѣйшую. Справедливость замѣчаній моихъ не допустила возраженія, многіе говорили, что есть средства исполнить требованія мои, и что они о томъ будутъ стараться, видя, что въ совѣтахъ моихъ заключается собственное ихъ благо, но только два, или три, человѣка осмѣлились сказать при всѣхъ, что льстятъ мнѣ обѣщаніями ложными, что ни чего не сдѣлаютъ; ибо первѣйшимъ изъ Князей надлежитъ сдѣлать примѣръ надъ своими ближними и выдать къ наказанію за разбой, что трудно быть первымъ въ подобномъ случаѣ, ибо всѣ прочіе поругаться симъ будутъ. Если жь такъ поступятъ знатнѣйшіе, то они готовы то исполнить, и ручаются, что средствомъ симъ прекратятся всѣ безпорядки, и боязнь, которую теперь имѣютъ отъ Русскихъ, превратится въ прежнее къ нимъ расположеніе.

Послѣ сего разстался я съ ними, и тутъ же видѣлъ, что свиданіе было безполезно. Со мною былъ Генералъ-Маіоръ Дельпоццо, который коротко зналъ ихъ, и, бывши нѣкогда главнымъ

въ Кабардѣ Приставомъ, чрезмѣрною кротостію своею и снисхожденіемъ, оставляя вины безъ наказанія, наконецъ попустилъ ихъ и на самыя преступленія. Онъ былъ причиною уничтоженія родовыхъ судовъ, и съ симъ вмѣстѣ начались развратъ и безпорядки. Если страннымъ казалось Кабардинцамъ видѣть главнаго начальника безъ той пышности, каковая окружала всегда моихъ предмѣстниковъ, то не менѣе удивлялись они, что на свиданіе съ ними пріѣхалъ я въ сопровожденіи 180 человѣкъ пѣхоты, малаго весьма числа Казаковъ и съ двумя пушками гарнизонной артиллеріи, запряженной мужичьими лошадьми, съ прислугою обветшалыхъ гарнизонныхъ канонировъ, когда всѣ они вмѣстѣ составляли не менѣе 600 человѣкъ. Я могъ сіе сдѣлать съ намѣреніемъ, чтобы не показать особеннаго вниманія, которымъ напрасно давно ихъ баловали, но причина настоящая была та, что не можно было найти болѣе войскъ праздныхъ.

Въ сіе время получилъ я изъ Дагестана донесеніе, что Генералъ-Маіоръ Пестель, замѣтивъ безпрерывные обманы жителей города Башлы, и получивъ Аварскаго Хана увѣдомленіе, что Акушинцы идутъ въ помощь Каракайдацкому народу, рѣшился онъ занять Башлы, что и сдѣлалъ безъ всякаго сопротивленія. Въ то же время далъ онъ знать, что хотя Уцмей ведетъ себя со всею осторожностію и показываетъ видъ приверженности, ибо за противные поступки его боится подвергнуть наказанію старшаго сына его, живущаго аманатомъ въ Дербентѣ, но многія причины заставляютъ его думать, что онъ въ сообществѣ съ Акушинцами и внушеніями своими возмущаетъ противъ насъ Башлынцевъ. Аварскій же Ханъ, о коемъ писалъ Генералъ-Маіоръ Пестель, какъ о участвующемъ въ предпріятіяхъ Акушинцевъ, тогда же прислалъ мнѣ письмо съ увѣреніями, что онъ старается наклонить ихъ къ отдачѣ аманатовъ, но я уже предувѣдомленъ былъ о сомнительномъ его поведеніи и ему не вѣрилъ.

Генералъ-Маіору Пестелю приказалъ я взять отъ Уцмея объясненія, какимъ образомъ идутъ къ нему въ помощь Акушинцы, если онъ ихъ не требовалъ, и по чему ему нужна оная, когда Россійскія войска ни ему, ни его подвластнымъ, обидъ не причиняютъ? И что если придутъ они къ городу Башламъ, то объявить

ему, что я почту сіе за измѣну съ его стороны Императору, и тотчасъ другой возведенъ будетъ въ достоинство Уцмея. Въ сношеніяхъ съ Акушинцами отдалять всякое вліяніе Аварскаго Хана и ему отозваться, что не входите съ нимъ въ объясненіе, какъ съ человѣкомъ, народу сему не принадлежащимъ.

Акушинцевъ, по прибытіи къ Башлы, отразить оружіемъ, и для того всегда въ готовности оставить занимаемыя въ городѣ квартиры, ибо удобнѣе несравненно напасть на нихъ въ полѣ. Съ Башлынцевъ взять непремѣнно аманатовъ изъ лучшихъ фамилій.

Вскорѣ послѣ сего извѣстилъ Генералъ-Маіоръ Пестель, что Акушинцы, вмѣстѣ съ другими народами Дагестана, прибыли и расположились въ 30 верстахъ отъ Башлы, съ намѣреніемъ напасть на войска наши и ихъ истребить, надѣясь на свою многочисленность.

Отъ Башлынцевъ взялъ уже онъ аманатовъ, и они объявили ему, что будутъ, вмѣстѣ съ войсками нашими, защищаться, въ провіянтѣ дѣлаютъ охотно помощь. Генералъ-Маіоръ Пестель, устроивъ нѣкоторыя около города укрѣпленія, дожидался непріятеля спокойно

О Шамхалѣ Тарковскомъ дошли до меня слухи, что, не взирая ни на какія угрозы его непріятелей, онъ не согласился на предложенія ихъ съ ними соединиться противъ насъ и остался въ приверженности своей непоколебимымъ, но что возмущеніе въ его владѣніяхъ понудило его оставить Тарки и удалить семейство его и имущество въ мѣсто безопасное, а жители города, боясь нападенія Лезгинъ, большею частію разсѣялись.

Генералъ-Маіору Пестелю поручилъ я дать знать Шамхалу, что какъ скоро только мнѣ возможно будетъ дѣйствовать въ пользу его, я ни чего не упущу для владѣтеля, оказывающаго столько похвальный примѣръ вѣрности Итператору. До того же предложилъ Дербентъ убѣжищемъ для его семейства, гдѣ также могло сохраняться его имущество.

Возвратясь съ Линіи въ крѣпость Грозную, нашелъ я Сунженскую деревню, одну изъ богатѣйшихъ, которой жителей осо-

бенно ласкалъ я, съ намѣреніемъ сберегая деревню, дабы лежащая по близости крѣпость могла получать изъ нея всѣ необходимыя потребности, уже разоренною. Одинъ изъ жителей оной выстрѣлилъ изъ ружья въ солдата посланной за покупками команды, когда не отдавали ему вола изъ казенной повозки, котораго называлъ онъ своимъ. Офицеръ приказалъ схватить преступника, но самаго Офицера лошадь схватили за повода, и онъ едва избавился отъ смерти. Команда должна была возвратиться. Начальникъ Корпуснаго Штаба послалъ успокоить жителей, чтобы за вину одного мошенника не боялись они мщенія, но чтобы выдали преступника для должнаго наказанія, которое онъ и по тому заслуживаетъ, что дерзостію своею подвергалъ опасности всю деревню. Посланный нашелъ жителей поспѣшно выбирающихся изъ домовъ и удаляющихся въ лѣсъ, и ему отвѣтствовано, что стрѣлявшаго по солдату не отдадутъ и будутъ защищаться, если войска придутъ.

Начальникъ Корпуснаго Штаба пошелъ самъ съ нѣсколькими ротами, желая, однако же, прежде уговорить ихъ, но встрѣченъ былъ выстрѣлами; жены, дѣти и лучшее имущество были уже отосланы, оставались одни люди для защиты домовъ. Когда атаковали деревню, части же войскъ приказано было обойти, дабы отхватить отступленіе къ лѣсу, всѣ бросились бѣжать съ такою поспѣшностію, что догнать было не возможно. Деревня взята, хлѣбъ, фуражъ и годный лѣсъ на строеніе вывозились нѣсколько дней.

Послѣ сего происшествія, деревни, лежащія на лѣвомъ берегу Сунжи, не далеко отъ крѣпости, всѣ были оставлены жителями, безъ всякой съ нашей стороны причины. Въ нихъ были многіе благонамѣренные люди и которые весьма желали спокойствія, но какъ между Чеченцами совершенное безначаліе, и ни воздерживать своевольныхъ, ни наказывать преступныхъ, никто не имѣетъ права, ибо всѣ почитаютъ себѣ равными, то люди порядочные боятся подвергнуться отвѣтственности за мошенниковъ, и отъ того удаляются отъ мѣста пребыванія Русскихъ. Выдавать же злодѣевъ въ руки невѣрныхъ, каковыми Христіянъ разумѣютъ, почитаютъ погрѣшеніемъ противъ своего закона. Ни какія

благодѣянія, ни что не можетъ въ душахъ Чеченцевъ ослабить ихъ недовѣрчивости, вселить въ нихъ чувство благодарности.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ отношеніи къ нимъ хотѣлъ я быть великодушнымъ, самымъ наглымъ образомъ бывалъ обманутъ. Такъ поступили со мной жители деревень Ауллара и Аманъ-Ханъ-Кечу, но сихъ послѣднихъ успѣлъ я наказать довольно чувствительнымъ образомъ.

Всѣ земляныя работы крѣпости Грозной были приведены къ окончанію въ половинѣ Октября мѣсяца, на зиму пріуготовлялись для жилища гарнизону землянки, и для вооруженія крѣпости доставлена была артиллерія. Чеченцы вѣрили уже, что пребываніе на Сунжѣ Русскихъ не временное.

Въ сіе время пронеслись разные слухи, что Дагестанцы въ большихъ весьма силахъ сдѣлали на Генералъ-Маіора Пестеля нападеніе и дрались при Башлахъ въ продолженіи двухъ дней, и что намѣрены возобновить сраженіе, а часть войскъ отправить для разграбленія Кубинской Провинціи, гдѣ войскъ почти не было. Отъ Генералъ-Маіора Пестеля давно уже не было донесенія, а изъ Казіюртскаго укрѣпленія нашего на рѣкѣ Сулакѣ дали знать, что сообщеніе съ Дербентомъ прервано, и послѣднее предписаніе мое Генералъ-Маіору Пестелю не могло быть отослано.

По расчисленію времени не могъ я успѣть прійти ему на помощь, но зналъ, что если появлюсь во владѣніяхъ Шамхала, или угрожать стану Провинціи Мехтулинской, принадлежащей брату Аварскаго-Хана, бывшему причиною всѣхъ безпокойствъ, то находящіеся противъ Генералъ-Маіора Пестеля Дагестанцы, особенно Акушинцы, возвратятся, для защищенія собственныхъ границъ. И потому, не медля, выступилъ я изъ крѣпости Грозной 25 Октября.

Войска мои состояли изъ 2-хъ бат. Кабардинскаго }
1-го бат. Троицкаго . . } полковъ.
2-хъ бат. 8-го Егерскаго }
14 орудій Артиллеріи. .
300 человѣкъ Казаковъ Линейныхъ, всѣхъ
войскъ вообще не болѣе было 3,200 человѣкъ.

Въ крѣпости Грозной осталось девять ротъ 16-го Егерскаго полка, 6 орудій артиллеріи и 400 человѣкъ Линейныхъ Казаковъ.

Переправившись черезъ рѣку Сунжу, въ устьѣ ея, у селенія Брагунскаго, пришелъ я въ городъ Андрей 29-го числа, и далъ войскамъ день отдохновенія. Здѣсь подтвердились слухи, что Генералъ-Маіоръ Пестель былъ атакованъ, но что находится въ Башлахъ. Многіе говорили, что въ сраженіи мы много потеряли, что взяты у насъ пушки, но въ семъ послѣднемъ могъ я усомниться, ибо число пушекъ показывали болѣе того, каковое у него было. Всѣ утверждали, что Аварскій Ханъ предводительствуетъ возмутившимися Дагестанцами.

Въ Андреевѣ были подосланные Акушинцами люди, для наблюденія за движеніями и числомъ войскъ нашихъ.

Я растягивалъ батальоны такъ, что казались они гораздо многочисленнѣйшими. Батарейныя орудія играли важную весьма роль.

Въ городъ Тарки прибылъ я 3-го числа Ноября и расположилъ войска по квартирамъ, ибо проливные дожди препятствовали ити далѣе. Шамхалъ находился при Генералъ-Маіоръ Пестелѣ, жены его готовы были выѣхать изъ города, и только по тому остановились, что услышали о движеніи войскъ; лучшее имущество отправлено было за рѣку Сулакъ. Многіе изъ жителей разбѣжались, боясь возмущенія собственныхъ подвластныхъ Шамхала. Всѣ они вышли изъ послушанія, нѣкоторые пошли съ оружіемъ противъ Русскихъ, ибо въ то самое время Аварскій-Ханъ возвращался отъ города Башлы, и собиралъ войска для защиты Мехтулинской Провинціи, принадлежащей ему съ братомъ его, Гассанъ-Ханомъ. Въ окрестныхъ селеніяхъ привезены были раненные въ сраженіи противъ Генералъ Маіора Пестеля и для погребенія тѣла убитыхъ тамъ. Въ измѣнѣ Генералъ-Маіора Аварскаго Хана не было уже сомнѣнія.

Здѣсь получилъ я отъ Генералъ-Маіора Пестеля рапортъ, что Дагестанцы не менѣе 30 тыс. напали на него въ городѣ Башлы, и сраженіе было самое упорнѣйшее. Въ первый день могъ онъ защищать построенную имъ внѣ города батарею и небольшіе

окопы, но жители города, оборонявшіе нѣкоторую часть укрѣпленій, измѣнили и впустили непріятеля, который легко могъ отрѣзать сообщеніе его съ войсками, защищавшими ту батарею, и онъ долженъ былъ оставить ее и съ нею вмѣстѣ часть города, и расположиться по каналу, проходящему по срединѣ города, что сосредоточило болѣе его силы. Непріятель, по многочисленности своей, испытывалъ атаки со всѣхъ сторонъ, но безуспѣшно. Лѣвый флангъ войскъ нашихъ былъ наиболѣе опасный, ибо непріятель всѣ усилія употреблялъ, чтобы овладѣть замкомъ Уцмея, который занимали двѣ роты съ одною пушкою. Онъ, прикрытъ будучи возвышеніемъ, могъ легко приблизиться къ замку и началъ рыть родъ траншей, дабы укрыться отъ ружейныхъ выстрѣловъ и, вѣроятно, чтобы удобнѣе зажечь деревянное строеніе, которое поверхъ стѣнъ замка расположено было. Пушка не могла уже дѣйствовать, и опасно было потерять замокъ, ибо одна дорога, для отступленія войскъ возможная, проходила въ самой близи отъ онаго.

Генералъ-Маіоръ Пестель удерживалъ замокъ сей и половину города еще одни сутки, безпрерывно сражаясь съ упорностію, ибо непріятель смѣнялъ атакующихъ свѣжими войсками. Артиллерія наша наносила ужаснѣйшій вредъ, и, конечно, она была причиною, что такимъ несоразмѣрнымъ силамъ противостать было возможно. Наконецъ, войска наши отступили ночью, взявъ съ собою всѣхъ раненыхъ. Непріятель долго не замѣтилъ отступленія, ибо большой въ городѣ пожаръ препятствовалъ. Послѣ хотя и преслѣдовалъ, но отбитъ былъ съ урономъ. Жители города Башлы съ большимъ остервененіемъ бросались, чтобы отбить дѣтей своихъ, которыя взяты были въ аманаты, но не могли успѣть въ томъ.

Генералъ-Маіоръ Пестель на дорогѣ къ Дербенту долженъ былъ проходить нѣкоторыя деревни Каракайдацкія. Всѣ дороги были перекопаны, или завалены, мосты истреблены, но слабо преслѣдуемый непріятелемъ, безъ препятствія, обошелъ онъ ихъ, склонившись къ дорогѣ, идущей по берегу моря.

Во всѣхъ сихъ сраженіяхъ, къ удивленію, потеря наша въ убитыхъ и раненыхъ не достигаетъ 400 человѣкъ.

11-го числа Ноября, лишь только не много перемѣнилась погода, выступилъ я изъ Тарки, по направленію на селеніе Параулъ въ Мехтулинской Провинціи, гдѣ прежде живалъ Аварскій Ханъ, будучи Бахтулинскимъ Бекомъ, до возвышенія его въ сіе послѣднее достоинство.

За четыре дня до сего предписалъ я Генералъ-Маіору Пестелю, чтобы немедленно возвратился къ Башламъ и разорилъ городъ до основанія, что удобно сдѣлать онъ можетъ; ибо все вниманіе Дагестанцевъ обратилось къ пришедшимъ со мною войскамъ, слѣдовательно, не встрѣтитъ онъ другаго сопротивленія, кромѣ жителей Башлы.

Въ небольшомъ отъ города Тарки разстояніи увидѣли мы непріятеля, большими толпами занимающаго вершины хребта, называемаго Талгинъ, у подошвы коего должны мы были, прошедши нѣсколько верстъ чрезъ него самаго, переправиться. Короткій день, трудное движеніе артиллеріи по грязной весьма дорогѣ, сблизили къ вечеру прибытіе къ тому мѣсту, гдѣ былъ въѣздъ на гору по чрезвычайно крутой отлогости. Непріятель, перекопавши оную во многихъ мѣстахъ, защищалъ большими силами. Поздно было начать дѣло, ибо надлежало изыскивать обходъ, и не иначе, какъ въ виду непріятеля, слѣдовательно, онъ повсюду, предупреждая и имѣя выгоду мѣстоположенія, могъ затруднять подъемъ войскъ на гору.

Я приказалъ имъ отойти и расположиться на ночлегъ.

Авангардъ мой сдѣлалъ нѣсколько пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ и, конечно, не принесши ни какой другой пользы, кромѣ той, что увидѣлъ я, до какой степени Лезгины боятся пушекъ. Нѣкоторые, изъ сопровождавшихъ меня подвластныхъ Шамхала, замѣтили на вершинѣ горы самого Аварскаго Хана. По крикамъ, во всю ночь продолжавшимся, и пѣснямъ войскъ, видна была его радость, что они насъ не пропустили. Я готовился съ разсвѣтомъ начать дѣйствіе, и предвидѣлъ ощутительную потерю, по трудности всхода на гору. Нельзя было отступленіемъ ободрить непріятеля. Въ первый разъ въ странѣ сей появились Русскія войска, и съ ними Главный Начальникъ. Горскіе народы

смотрѣли со вниманіемъ на происшествія, и малѣйшая со стороны нашей неудача, или дѣйствіе, которому бы можно было дать невыгодное истолкованіе, соединяло всѣхъ ихъ, и мгновенно имѣлъ бы я противъ себя большія силы; ибо въ сіе самое время всѣ Дагестанцы возвращались отъ города Башлы въ дома свои, гордые успѣхомъ, что принудили Генералъ-Маіора Пестеля къ отступленію.

Одинъ изъ проводниковъ, давній житель земли, хорошо знающій мѣста, объявляетъ, что въ четырехъ верстахъ есть дорога, которая, по трудности ея, оставлена жителями, но легко по оной можетъ взойти пѣхота, и вѣроятно, что непріятель или малыми силами, или небрежно, ее охраняетъ. Въ полночь на сію дорогу послалъ я одинъ баталіонъ съ тѣмъ, что если можетъ онъ взойти на вершину, то чтобы, занявъ находящійся на оной лѣсъ, присоединилъ къ себѣ составляющія резервъ двѣ роты и ними старался взвезти на гору два при нихъ бывшія орудія, а мнѣ немедленно далъ знать о успѣхѣ. Между тѣмъ, дабы развлечь вниманіе непріятеля со стороны хорошей дороги, гдѣ онъ ожидалъ насъ, производилась въ ночи перестрѣлка.

Бурная и чрезвычайно мрачная ночь посланному въ обходъ баталіону способствовала, пробираясь чрезъ густой лѣсъ, дойти непримѣтно до самыхъ непріятельскихъ карауловъ, которые были столько же нетрезвы, какъ и неосторожны.

Залпъ бывшихъ впереди стрѣлковъ, крикъ ура и барабанъ такой произвели страхъ, что непріятель разсѣялся, оставя на мѣстѣ все, что имѣлъ съ собою, и даже не мало оружія При семъ случаѣ было у насъ только два раненыхъ солдата, и баталіонъ безпрепятственно овладѣлъ вершиною хребта; дорогу сію охранялъ братъ Аварскаго Хана довольно съ большимъ числомъ людей, но онъ бѣжалъ первый.

Всѣмъ прочимъ войскамъ приказалъ я туда слѣдовать: не менѣе сутокъ подымали мы на гору артиллерію нашу и обозы, но непріятель тотчасъ бѣжалъ со всѣхъ пунктовъ и не было противящагося.

Изъ нѣкоторыхъ близкихъ селеній явились старшины съ покорностію, между прочими изъ одного, гдѣ въ ту ночь главный

Кади Акушинскій съ 4000 человѣкъ имѣлъ ночлегъ свой. Они пришли въ помощь измѣннику Аварскому Хану.

Въ селеніи Параулъ не застали мы ни души, жители бѣжажали изъ онаго, но войска нашли богатое продовольствіе и нѣкоторую добычу; отсюда на донесеніе Генералъ-Маіора Пестеля, что въ скорости не можетъ выступить къ городу Башлы, по неимѣнію провіянта и готовыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, повторилъ я, чтобы непремѣнно исполнено было прежнее мое предписаніе, и что, по обстоятельствамъ, весьма правдоподобно, что онъ ни какого не встрѣтитъ сопротивленія.

Надобно было разрушить сіе давнее гнѣздо разбойниковъ и намъ злодѣйски измѣнившихъ; наконецъ увѣдомился, что онъ вышелъ съ отрядомъ въ Башлы и что въ городѣ нашелъ весьма малое число жителей, которые, при появленіи войскъ, разбѣжались, и онъ безъ помѣшательства могъ зажечь городъ.

14-го числа Ноября, приблизились мы къ селенію Большой Джангутай, гдѣ дожидался насъ непріятель, занявшій лежащія впереди довольно крутыя возвышенія, на коихъ были сдѣланы окопы и засѣки. При самомъ началѣ сраженія, когда нельзя еще было хорошо осмотрѣть мѣстоположеніе, сдѣлался такой густой туманъ, что въ близкомъ разстояніи различать предметовъ было не возможно, и сіе необходимо, умедливъ наши успѣхи, могло не мало затруднить, ибо въ шести верстахъ находившійся съ 4 тыс. человѣкъ Кадій Акушинскій, могъ прійти совершенно въ тылъ намъ. И хотя взялъ я противъ того предосторожности, но, раздѣля силы, уменьшалъ число сражавшихся. Возвышенія были взяты на штыкахъ, но непріятель съ такою побѣжалъ поспѣшностію, что его могла догнать одна та часть войскъ, которая, съ лѣваго фланга обойдя, занимала уже часть селенія. Выбѣжавъ изъ селенія, встрѣченъ онъ былъ нечаянно Казаками, которые нанесли ему вредъ. Спасеніемъ своимъ совершенно обязанъ онъ туману; ибо мѣстоположеніе, какъ усмотрѣно послѣ, представляло удобность отрѣзать отступленіе и всѣхъ истребить. Потерю, однако же, имѣлъ онъ довольно чувствительную; Аварскій Ханъ въ семъ случаѣ не находился, братъ же его равномѣрно и здѣсь бѣ-

жалъ изъ первыхъ; съ нашей стороны ранено 3 Офицера и рядовыхъ убитыхъ и раненыхъ до 50-ти человѣкъ.

Селеніе большой Джангутай имѣло до 600 дворовъ, и въ немъ былъ домъ брата Аварскаго-Хана довольно обширный.

Все приказано истребить, кромѣ одной небольшой части селенія, которую оставили въ пользу пришедшимъ просить пощады жителей, которые, всего лишившись, должны были проводить зиму безъ пристанища. Отъ нихъ узнали мы многія подробности и что Гассанъ-Ханъ имѣлъ не мало войска, ибо въ помощь къ нему приходили живущіе по рѣкѣ Койсу народы.

На другой день послалъ я отрядъ разорить селеніе Малый Джангутай 200 дворовъ, но далѣе не пошелъ, ибо выпалъ глубокій снѣгъ и начались довольно сильные морозы. Старшины многихъ деревень пришли просить помилованія, и мнѣ приличествовало даровать пощаду.

Войска возвратились въ Параулъ, гдѣ въ хорошихъ квартирахъ дано имъ два дня отдохновенія.

Акушинцы отправились домой, Аварскій Ханъ ожидалъ отвѣта на присланное ко мнѣ письмо, въ которомъ, признаваясь виновнымъ въ глупомъ поведеніи своемъ, просилъ прощенія. Я отвѣчалъ ему, что нѣтъ подлымъ измѣнникамъ прощенія, что онъ лишился чина своего и жалованья.

Онъ тотчасъ уѣхалъ въ Аварское Ханство, а я, въ прокламаціи описавши подлую его измѣну, именемъ Императора лишилъ его чина Генералъ-Маіорскаго и получаемаго имъ 5 тыс. рублей серебромъ жалованья.

Въ Параулѣ истребленъ домъ сего измѣнника, строеніе огромное и изрядное. Селеніе осталось сохранено, ибо въ землѣ сей хотѣлъ имѣть я людей благодарныхъ.

Изъ Параула пошелъ я на Карабудагъ-Кентъ принадлежащее Шамхалу большое селеніе и противъ него бунтовавшее. Все трепетало отъ страха, жители вышли войскамъ на встрѣчу.

Собраннымъ старшинамъ и жителямъ истолкованы обязанности повиновенія Шамхалу, прощено прежнее преступленіе, по просьбѣ его, но, въ примѣръ справедливой строгости, повѣшенъ, при всѣхъ, одинъ изъ здѣшнихъ измѣнниковъ, семейство его выгнано изъ селенія, домъ разоренъ до основанія.

Во владѣніяхъ Шамхала водворилось совершенное спокойствіе и тишина. Въ Карабудагъ-Кентѣ въ первый разъ увидѣлся я съ Шамхаломъ, который только что возвратился изъ Дербента.

Привыкши слышать о пышности многихъ изъ моихъ предмѣстниковъ, видѣвъ нѣкоторое великолѣпіе, когда съ войсками отца своего находился онъ при Генералъ-Аншефѣ Графѣ Зубовѣ, въ походѣ противъ Персіянъ, онъ удивлялся неприхотливой жизни моей и простой одеждѣ солдата. Короче познакомившись со мною, онъ признался, что имѣлъ сомнѣніе, чтобы я былъ настоящій начальникъ, но что пришла ему мысль, что подъ именемъ своимъ прислалъ я другаго Генерала. Всякія нелѣпости находятъ мѣсто въ головахъ здѣшнихъ жителей!

Въ городѣ Тарки пробылъ я три дня. Шамхалъ доволенъ былъ приведеніемъ въ покорность земли его, увѣрился, что готовъ помогать я ему во всякомъ возможномъ случаѣ. Онъ желалъ, чтобы, для охраненія его, часть войскъ расположена была въ городѣ, ибо опасался онъ Акушинцевъ и брата Аварскаго Хана.

Имѣя другія намѣренія, не могъ я удѣлить войскъ, и по тому совѣтовалъ ему стараться подвластныхъ своихъ въ такомъ расположеніи удерживать, чтобы они готовы были на его защиту, склонялъ его до нѣкотораго времени не раздражать Акушинцевъ и возобновить связи, которыя прежде имѣлъ онъ между ими, не щадя нѣкоторыхъ для того издержекъ.

Шамхалъ скупостію своею потерялъ людей, ему доброжелательствовавшихъ; ибо, по обычаямъ земли, чѣмъ знатнѣе владѣтель, тѣмъ большее число долженъ имѣть приверженцевъ, которые не иначе пріобрѣтаются, какъ подарками и деньгами. Акушинцы же издавна сими единственно средствами всѣми прежними Шамхалами удерживаемы были на своей сторонѣ.

Поручилъ Шамхалу, по связямъ близкаго родства его съ Уцмеемъ, внушать сему послѣднему, чтобы не измѣнилъ обязанностямъ вѣрноподданнаго Государю, и старался обратить къ повиновенію возмутившіяся его владѣнія, и, буде можетъ, чтобы наказалъ дерзнувшихъ поднять противъ насъ оружіе, въ особенности лежащія на плоскости Терекешинскія селенія.

30-го Ноября возвратился я на Линію и переправился чрезъ Терекъ къ Старогладковской станицѣ, откуда войска отпущены на назначенныя имъ квартиры. Въ семъ году были они на работѣ при крѣпости Грозной и въ походѣ съ ряду 7 мѣсяцевъ. Государю Императору донесъ я, что лично, видѣвъ положеніе Андреевскихъ, Костековскихъ и Аксаевскихъ владѣній, нахожу необходимымъ устроеніе крѣпости при селеніи Андреѣ, которое, производя богатый торгъ, удовлетворяетъ всѣмъ необходимымъ потребностямъ Горцевъ, и что сихъ послѣднихъ со временемъ, не употребляя оружія, но одними нуждами ихъ, можно будетъ содержать въ зависимости; что крѣпость сія на спокойствіе лѣваго фланга Кавказской Линіи будетъ имѣть не малое вліяніе, и довелъ также до свѣдѣнія, что старшаго Андреевскаго владѣльца или Князя, по неспособности его и невоздержному поведенію, перемѣнилъ я другимъ, испытанной къ намъ приверженности.

Командующему въ крѣпости Грозной приказано въ зимнее время порубить лѣсъ, покрывающій ущелье Ханъ-Кале, чрезъ которое проходитъ лучшая и кратчайшая дорога ко всѣмъ большимъ Чеченскимъ деревнямъ. Для сообщенія отъ Терека до сей крѣпости, при селеніи Старый Юртъ, устроенъ редутъ, и въ немъ расположена рота. Всѣмъ владѣльцамъ лежащихъ по правому берегу Терека деревень дано наставленіе не терпѣть у себя вредныхъ людей, не пропускать чрезъ земли свои хищниковъ и выставить въ извѣстныхъ мѣстахъ караулы.

Начертаны правила самыя строгія, коими руководствоваться должны начальники воинскіе, въ отношеніи къ владѣльцамъ, какимъ сіи послѣдніе обязаны имъ послушаніемъ и подвластные ихъ повинностями. Вмѣсто дани постановлено, по наряду начальниковъ, высылать на службу людей съ собственнымъ вооруженіемъ и на своемъ содержаніи.

Еще не было примѣра, чтобы кто заставить могъ Чеченцевъ употреблять оружіе противъ своихъ единоземцевъ, но уже сдѣланъ первый къ тому шагъ, и имъ внушено, что того всегда отъ нихъ требовать будутъ. Прекраснѣйшія земли и другія выгоды, коими они пользуются, и боязнь, съ потерею ихъ, подвергнуться бѣдности, которую претерпѣваютъ непокорствующіе, строго преслѣдуемые, вынуждаютъ со стороны ихъ сіе повиновеніе.

Въ продолжительное отсутствіе мое прибыли изъ Россіи Виртембергскіе колонисты, въ числѣ 500 семействъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по неосмотрительности, препроводилъ ихъ тогда, какъ не только не сдѣлано было ни какихъ, для водворенія ихъ, пріуготовленій, даже не было достаточно казенной земли для нихъ. Старшины сихъ колонистовъ представили прошеніе свое Государю, во время его путешествія, и ему угодно было приказать, чтобы они отправили ко мнѣ нѣсколько человѣкъ, которые бы могли предварительно узнать, какія предложу я имъ для поселенія земли, и найдутъ ли они ожидаемыя ими выгоды? Они пріѣзжали въ Грузію, все разсматривали въ подробности, но прежде нежели увѣдомить могли свое общество о сдѣланныхъ наблюденіяхъ, на возвратномъ пути своемъ нашли оное на Кавказской Линіи. Колонисты, не ожидая ни какихъ извѣстій, отправились въ слѣдъ за ними. Большую часть изъ нихъ застигло въ городахъ холодное время, надобно было снабдить ихъ теплою одеждою, недостатокъ способовъ къ препровожденію ихъ черезъ горы умедлилъ движеніе ихъ, люди испытали болѣзни, много пало скота, и колонисты, вмѣсто обѣщаній Правительству не требовать ни какихъ пособій, стоили оному однимъ своимъ доставленіемъ около милліона рублей, включая вспоможеніе, данное нѣкоторымъ семействамъ на обзаведеніе.

Я, желая дать Грузинамъ примѣръ хозяйственнаго порядка и показать празднымъ и развратнымъ жителямъ здѣшней страны, какимъ благосостояніемъ обязанъ бываетъ поселянинъ своему трудолюбію, желая упорствующихъ въ невѣжествѣ своемъ познакомить съ нѣкоторою, имъ незнакомою, промышленностію и домашними издѣліями, могущими служить къ ихъ обогащенію, выписалъ тридцать семействъ колонистовъ, изыскивая тѣхъ изъ жителей Германіи, которые, при испытанной нравственности, отли-

чаются порядкомъ домашняго устройства. Министръ доставилъ мнѣ первыхъ, ему попавшихся, и я не достигъ своей цѣли. Но такого количества, въ каковомъ прибыли колонисты, я никогда не желалъ, а еще менѣе могъ быть довольнымъ, нашедши ихъ секты Сепаратистовъ, безъ всякой нравственности, преданныхъ разврату, невоздержныхъ, небережливыхъ и праздныхъ.

Многіе изъ нихъ бывали солдатами въ числѣ контингента, который давалъ Рейнскій Союзъ Наполеону.

Надѣленіе землями колонистовъ тѣмъ большее представляло затрудненіе, что не было достаточно оныхъ на лѣвомъ берегу Куры, гдѣ желалъ я расположить ихъ поселенія, дабы въ безопасности сохранить заведенія, большихъ казнѣ издержекъ стоящія.

На правомъ же берегу нѣтъ благонадежныхъ средствъ огражденія, въ случаѣ войны съ Персіянами, или Турками, ибо для разоренія поселеній не нужны значительныя силы, которыя всегда почти отразить возможно, недостаточно набѣга конной партіи, отъ чего остеречься рѣшительно нѣтъ способовъ, по множеству у непріятелей конницы, по множеству дорогъ. И такъ Колонисты, по необходимости, поселены на правомъ берегу, чего не должно было случиться, если бы прежде нежели прислать ихъ въ большомъ, не соразмѣрно способамъ, количествѣ, спрошено было мнѣніе мѣстнаго Начальства.

Во время пребыванія моего на Кавказской Линіи проѣхалъ въ С.-Петербургъ и возвратился обратно Чиновникъ, посыланный отъ Шаха Персидскаго съ письмами и подарками къ Высочайшему Двору. Желая предупредить о семъ Министерство, я приказалъ открыть письма и сдѣлать имъ переводъ, удержавъ нѣкоторое время Чиновника. Ему представлено было, что то же самое сдѣлано было съ письмомъ моимъ, прежде нежели представили его Шаху. Письма и подарки были только предлогомъ, но Чиновнику сему поручено было просить о признаніи Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ Персіи, чего не сдѣлалъ я, бывши тамъ въ качествѣ Посла.

Причины сего и сдѣланныя мною по сему предмету представленія не найдены уважительными, хотя, между прочимъ, замѣчалъ я, что не приличествуетъ взять въ защиту сторону не пра-

вую, ибо Шахъ избралъ наслѣдника вопреки закона земли, предоставляющаго право старшему изъ сыновей, и Аббасъ-Мирза признанъ наслѣдникомъ, о чемъ объявило мнѣ Министерство, спустя десять мѣсяцевъ, совѣстясь, быть можетъ, основательныхъ моихъ возраженій! Достойный сей наслѣдникъ съ удовольствіемъ окружаетъ себя всѣми вредными для насъ мошенниками, въ безпрерывномъ сношеніи съ обитателями Кавказа, возбуждая ихъ противъ насъ и расточая на то деньги. Ласкаетъ и осыпаетъ дарами недовольныхъ Правительствомъ, или недоброжелательствующихъ оному.

Въ началѣ сего года представленъ мною Императору проектъ системы крѣпостей для здѣшняго края.

Главнѣйшихъ предположено пять крѣпостей:

Въ Редутъ-Кале, на берегу Чернаго моря, гдѣ складъ привозимыхъ изъ Россіи, провіянта для войскъ, находящихся въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, для нихъ воинскихъ припасовъ и всѣхъ вообще потребностей, и въ которомъ мѣстѣ единственная, хотя весьма небезопасная, пристань для торговли, со временемъ могущей разспространиться.

Въ Гумри, на границахъ съ Турціею и Персіею, откуда въ сію послѣднюю удобнѣйшій путь во всякое время года, и здѣсь устроенная крѣпость закрываетъ дороги въ Грузію.

Въ Карабагскомъ Ханствѣ, ближе къ Араксу, сколько для защиты земли, столько на случай дѣйствій противъ самой открытой и менѣе удобной къ оборонѣ части Персіи.

Въ оставленномъ городѣ Старой Шамахѣ, для закрытія дорогъ идущихъ къ Дагестану, который удобно возмутить, давъ ему нѣкоторое пособіе войсками, то есть, дѣйствуя оными противъ Кубинской Провинціи.

На урочищѣ Гарцисалъ, для охраненія единственнаго сообщенія съ Россіею чрезъ Кавказскія горы.

Крѣпость сія предполагается необходимою въ такомъ случаѣ, если бы соединеннымъ усиліямъ сосѣдей нашихъ противостать не имѣли мы средствъ и Грузія должна была подпасть власти ихъ.

Обладаніе сіе будетъ мгновеннымъ, ибо непріятель не въ состояніи употребить, для удержанія оной, достаточныхъ силъ во всегдашней готовности, которыхъ бы порознь не могли мы преодолѣть. Особенно же имѣя за собою свободный входъ въ Грузію, котораго отнять нѣтъ ни какой возможности.

Проекты сихъ крѣпостей и смѣты должны быть разсмотрѣны Инженернымъ Департаментомъ и взнесены на утвержденіе Государю.

Меньшія или втораго разряда крѣпости, смотря по обстоятельствамъ, устрояются, или уничтожаются, по распоряженію Главнаго въ здѣшней странѣ Начальника.

Для обороны сихъ крѣпостей предлагалъ я, независимо отъ дѣйствующихъ войскъ, составить особенные гарнизоны на равныхъ преимуществахъ съ армейскими полками, съ тѣмъ, чтобы часть оныхъ была подвижною и во всегдашней готовности для защиты края, ибо не всѣ вдругъ крѣпости могутъ быть угрожаемы непріятелемъ. Обозы для оныхъ предположены были чрезвычайно умѣренные, слѣдовательно, мало лошадей, и по тому издержекъ.

Одежду для солдатъ предлагалъ я болѣе съ климатомъ согласованную, различествующую отъ теперешней, по всюду единообразной и для знойной Грузіи и для Камчатки ледовитой. На случай, если бы не скоро былъ разсмотрѣнъ проектъ мой, или бы совершенно не удостоился одобренія, просилъ я усилить корпусъ тремя полками пѣхоты и двумя ротами легкой артиллеріи.

Въ то же самое время сдѣлано Государю представленіе, чтобы, если присланы будутъ изъ Россіи два баталіона пѣхоты, то, успокоивъ совершенно Абхазію, можно будетъ для Черноморскаго флота доставить неистощимые корабельные лѣса найлучшаго качества. Въ примѣръ поставлены строющіяся при тамошнихъ берегахъ большія купеческія суда Турецкихъ подданныхъ, по тому что нигдѣ за столько ничтожную цѣну сдѣлать таковыя невозможно. Предположено въ бухтѣ, именуемой Пицунда, лучшей по всему Восточному берегу Чернаго моря, сдѣлать заведеніе, въ которомъ бы хранились заготовляемые лѣса для отправленія по назначенію.

Охраненіе сего заведенія, какъ и устроеніе на границѣ Абхазіи крѣпостцы при урочищѣ Гогра, для пресѣченія пути, отъ стороны Анапы, дѣлающимъ набѣги Горцамъ, подданнымъ Порты, долженъ возлежать на сихъ двухъ баталіонахъ, и по расчету, ихъ для того весьма достаточно.

Дорогою, чрезвычайною цѣною поставленный въ Черноморское Адмиралтейство корабельный лѣсъ, долженъ проектъ сей сдѣлать заслуживающимъ особенное вниманіе.

Декабря 25 дня возвратился я въ Тифлисъ.

Въ Грузіи, въ продолженіи лѣта, Лезгинами дѣлаемы были набѣги на Кахетію, но повсюду были отражены и чувствительнаго вреда не причинили. Живущіе въ Ахалцыхскомъ Пашалыкѣ, семьями поселившіеся Лезгины, дѣлали въ Карталиніи хищничества. На письма, заступающаго мѣсто мое, Генералъ-Лейтенанта Вельяминова 1-го, отзывался Паша Ахалцыхскій, что вышлетъ ихъ на прежнія жительства въ горы.

Въ Ханствахъ было покойно. Въ Шекинскомъ озлобленные прежними поступками Хана жители, явную оказывали къ нему ненависть, и я долженъ былъ употреблять мѣры, для удержанія ихъ въ послушаніи. Ханъ строгимъ наблюденіемъ опредѣленнаго мною Пристава содержимъ былъ въ предѣлахъ умѣренности. Жители довольны были защитою Правительства, ибо посланъ былъ отъ меня Штабъ-Офицеръ для понужденія Хана удовлетворить ихъ за присвоенное несправедливо имущество, за прихотливо наложенные на нихъ денежные штрафы, и взысканіе сіе простиралось до ста тысячъ рублей ассигнаціями.

Мустафа-Ханъ Ширванскій способствовалъ живущимъ въ горахъ, бѣглому Царевичу Александру и измѣннику Шихъ-Али-Хану Дербентскому, въ тайныхъ ихъ съ Персіею сношеніяхъ, пропускалъ чрезъ земли свои посланцевъ отъ Горскихъ народовъ, и симъ Персія обѣщевала или дать деньги, или умноживъ на границѣ свои войска, заставить насъ развлечь силы наши, и тѣмъ доставить средства Дагестанцамъ производить опустошеніе въ нашихъ Провинціяхъ.

Замыслы сіи принадлежатъ Аббасъ-Мирзѣ, но въ исполненіе приводилъ ихъ находящійся при немъ Каймакамъ Мирза Бюзюркъ, который, образуя его въ юности и въ послѣдствіи сохранивъ надъ нимъ вліяніе, совершенно управлялъ имъ.

По наружности же Мустафа-Ханъ старался казаться приверженнымъ, и я не имѣлъ до сего средствъ изобличить его въ поведеніи, хотя многія весьма подробности о измѣнническихъ поступкахъ его сообщены мнѣ были однимъ изъ Чиновниковъ его, служившимъ въ походѣ въ Дагестанъ.

Сурхай-Ханъ Казыкумыцкій, самый хитрѣйшій изъ Мусульманскихъ владѣтелей и ненавидящій Русскихъ, возбуждалъ противъ насъ Дагестанскіе народы, но, сохраняя видъ доброжелательствующаго намъ, не разъ писалъ ко мнѣ, что оскорбляется, оставаясь безъ воздаянія за непоколебимую вѣрность. Со всѣми ими былъ я въ пріязненной перепискѣ, во ожиданіи удобнаго случая воздать каждому по заслугамъ.

Въ самомъ городѣ Тифлисѣ начинали оказываться нѣкоторыя перемѣны. Сколько можно расширялися улицы, разореніемъ строеній грозящихъ паденіемъ, учреждались площади и возводились какъ казенныя, такъ и нѣкоторыя частныя зданія, лучшія прежнихъ. Я приказалъ разрушить обветшалыя и ни къ чему не надобныя городскія стѣны, дабы соединить форштадтъ, на которомъ, по привычкѣ страшиться прежнихъ безпокойствъ, жители ни какъ не хотѣли поселяться. Противъ меня былъ ужаснѣйшій въ городѣ ропотъ, и дѣйствія мои называли прихотливыми. Такъ бранили меня за Армянское старое кладбище, находившееся въ лучшей части города, которое велѣлъ я обратить въ площадь, но на сей площади менѣе нежели чрезъ двѣ недѣли хорошо расположенная иллюминація, поставленная музыка и пѣсенники, привлекли множество народа, и порицавшіе меня перестали быть недовольными моимъ распоряженіямъ. Надѣяться можно, что городъ приметъ другой видъ, и даже въ скоромъ времени могло бы сіе послѣдовать, если бы здѣшнее Дворянство не было чрезвычайно запутано въ своихъ дѣлахъ и весьма бѣдно.

Для возведенія казенныхъ зданій пожаловано было Императоромъ, по представленію моему, сто тысячъ рублей мѣдною мо-

нетою, которая при моемъ предмѣстникѣ, Генералѣ Ртищевѣ, прислана была для мелочной войскамъ раздачи; ибо мѣдь обращалась здѣсь въ выгодномъ весьма курсѣ. Такъ же сто тысячъ рублей ассигнаціями (въ червонцахъ), которыя представилъ я въ казну, по возвращеніи изъ Персіи, сбереженныя отъ суммъ, на содержаніе Посольства отпущенныхъ.

Предположивъ въ семъ году отправиться на Кавказскую Линію, сдѣлалъ я порученіе объ изысканіи новой дороги изъ Грузіи въ Имеретію, или исправленія прежней, для движенія тягостей.

Изъ Нухинскаго Ханства посылано было нѣсколько человѣкъ для изслѣдованія о дорогѣ на Кубинскую Провинцію, чрезъ вѣтвь горъ, отдѣляющуюся отъ Кавказа и вообще называемую Солватъ. По тому же предмету производились изысканія и отъ стороны Кубы.

Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитана Муравьева 4-го назначилъ въ экспедицею, для обозрѣнія восточнаго берега Каспійскаго моря, собранія свѣдѣній о народахъ Туркменскихъ, по оному обитающихъ, объ ихъ количествѣ, торговлѣ, промышленности и о прочемъ.

Ему поручено было изыскать удобную для судовъ пристань и мѣсто для устроенія крѣпости и, буде нѣтъ особенной опасности въ переѣздѣ степи, отдѣляющей Хиву отъ моря, отправиться съ письмами отъ меня къ Хивинскому Хану, на каковый случай далъ я Капитану Муравьеву приличные подарки и приказалъ употребить возможныя убѣжденія въ дружественномъ расположеніи къ Хану Россійскаго Правительства, и сколько торговля, обезпеченная отъ набѣговъ живущихъ на степи народовъ, можетъ принести взаимныхъ выгодъ.

Основаніе торговаго заведенія на Восточномъ берегу было мнѣніемъ Адмирала Николая Семеновича Мордвинова, предложеннымъ имъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, отъ коего и получилъ я оное при отъѣздѣ въ 1816 году въ Грузію, дабы, при удобномъ случаѣ, собралъ я нужныя по сему предмету свѣдѣнія и ихъ представилъ.

Что же касается до сношеній съ Ханомъ Хивинскимъ, я началъ ихъ самъ, разсуждая, что, не имѣя нѣкоторыхъ познаній о

самой землѣ, съ которою намѣреваемся распространить торговыя связи, не можно съ вѣрнымъ расчетомъ приступить къ онымъ, и еще менѣе рѣшиться на заведенія, требующія отъ казны издержекъ не мало значащихъ. Сношенія отъ имени моего предпринялъ по тому, что зналъ своебычный и гордый характеръ Хана, и что скорѣе мнѣ приличествовало снести, нежели самому Правительству, если бы онъ сдѣлалъ гордый и дерзкій отзывъ, который могъ послѣдовать, по его понятію о своемъ могуществѣ и въ надеждѣ на огражденіе степями непреодолимыми. Къ тому жь имѣлъ я въ предметѣ живущихъ въ Персіи Англійскихъ Индійской Компаніи Чиновниковъ, которымъ посланная отъ Правительства экспедиція могла наводить сомнѣніе, а отъ меня отправленный Офицеръ ни малѣйшихъ не возбуждалъ подозрѣній, особенно когда я нарочно не скрылъ о томъ и писалъ къ Персидскому Министерству, чтобы суда наши приняты были дружественно, если имъ случится зайти въ Астарабатъ.

Берегъ восточный Каспійскаго моря со временъ Петра Великаго обращалъ на себя вниманіе, и есть довольно хорошее описаніе онаго нашими Офицерами, но о пути въ Хиву по сему направленію, и собственно о самой землѣ, не могъ я ни чего сообщить Капитану Муравьеву въ руководство.

Въ письмахъ моихъ къ Хану употреблены скромныя выраженія собственно на счетъ мой, на примѣръ: Великій и Могущественный Главнокомандующій, и тому подобное. Долго писалъ я обыкновеннымъ образомъ, но примѣтилъ, что здравое сужденіе не столько внятно здѣшнимъ народамъ, какъ пышныя глупости.

Отъ Шамхала Тарковскаго и Военнаго Начальника въ Кубинской Провинціи получалъ я извѣстія, что Акушинцы возмущаютъ сосѣдственные имъ Дагестанскіе народы, и въ особенности наказанныхъ въ прошедшемъ году жителей Мехтулинской Области, обращая сихъ послѣднихъ на Шамхала; что Башлынцы живутъ по прежнему въ городѣ, въ надеждѣ, что Акушинцы защитятъ ихъ, если бы Русскіе вздумали ихъ выгнать; что владѣнія Уцмея Каракайдацкаго готовы къ возмущенію, хотя самъ онъ ни мало не примѣченъ въ участіи; что идущіе отъ Дербента на Линію тор-

говые караваны подвергаются грабежу, и уже нѣтъ безопаснаго сообщенія.

Словомъ, видна была необходимость наказать Акушинцевъ, которыхъ самонадѣянность и дерзости начинали быть несносными.

По поводу сего, повторивъ представленіе о прибавленіи войскъ, я, въ рапортѣ моемъ, отъ 12-го Февраля, писалъ слѣдующее:

«Государь! Внѣшней войны опасаться не можно. Голова моя должна отвѣтствовать, если вина будетъ со стороны нашей. Если сама Персія будетъ причиною оной, и за то отвѣтствую, что другой на мѣстѣ моемъ не будетъ имѣть равныхъ со мною способовъ. Государь, употребивъ меня въ качествѣ посла, далъ мнѣ средства имѣть тѣ свѣдѣнія, о землѣ, которыя другой долго собрать не можетъ.

Видѣлъ я, какихъ стоитъ Персіи усилій одна Хорасанская Провинція, въ которой не можетъ въ продолженіи девяти лѣтъ погасить возгорѣвшееся пламя мятежа, и Хорасанъ не повинуется.

Въ мое пребываніе въ Султаніи, и можно сказать подъ моими глазами, съ поспѣшностію отправлены были войска на мѣсто истребленныхъ Хорасанцами. Не укрылся отъ меня ропотъ подданныхъ на безпутное управленіе, на изнуряющіе налоги; знаю, что не встрѣтимъ сопротивленія со стороны жителей пограничныхъ Провинцій, напротивъ ожидать можемъ пособій.

Сіи свѣдѣнія составляютъ преимущество мое надъ тѣми, которые займутъ мое мѣсто, и она обратится во вредъ ей. Внутреннія безпокойства гораздо для насъ опаснѣе. Горскіе народы примѣромъ независимости своей въ самыхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества пораждаютъ духъ мятежный и любовь къ независимости. Теперь средствами малыми можно отвратить худыя слѣдствія; нѣсколько позднѣе и умноженныхъ будетъ не достаточно. Въ Дагестанѣ возобновляются безпокойства, и утѣсняемы хранящіе Вамъ вѣрность! Они просятъ справедливой защиты у Государя Великаго, и что произведутъ тщетныя ихъ ожиданія?

Защита сія не состоитъ въ безславномъ разсѣяніи и наказаніи мятежниковъ, ибо они появляются послѣ, но необходимо меж-

ду ими пребываніе войскъ, и сей есть единственный способъ смирить ихъ.

Народъ Дагестанскій, Акушинцы, о коихъ доносилъ я прежде, виною всѣхъ безпокойствъ, и такъ далеко простирается его дерзость, что если Вашего Величества и не будетъ Высочайшаго соизволенія на дополненіе корпуса, я долженъ непремѣнно итти для наказанія сего народа, и мнѣ, Государь, не за себя страшиться надобно будетъ. Иначе Кубинская богатѣйшая наша Провинція можетъ быть угрожаема нападеніемъ, и за ея непоколебимость отвѣтствовать не можно. Теперь уже нѣтъ у насъ сообщенія вѣрнаго Кавказской Линіи съ Дербентомъ, пресѣклась торговля отъ расхищенія каравановъ и убійства торгующихъ. Такъ было и прежде, и, конечно, ни чего не будетъ хуже того, что было при послѣднихъ моихъ предмѣстникахъ, но не въ моихъ правилахъ терпѣть, чтобы власть Государя моего была не уважаема разбойниками, и чтобы народы покорствующіе вотще надѣялись на его защиту.»

Начальникомъ въ Дагестанѣ опредѣлилъ я Генералъ-Маіора Барона Вреде, на мѣсто Генералъ-Маіора Пестеля, которому выпросилъ отпускъ съ состояніемъ по арміи. О немъ узналъ я, что, во время пребыванія его въ городѣ Башлы съ отрядомъ войскъ, онъ рѣдкій день не былъ пьянъ, жителей города не только не умѣлъ содержать въ должномъ повиновеніи и не видѣлъ, что они вывозятъ семейства свои и имущество и явное имѣли съ неоріятелемъ сношеніе, но, сверхъ того, раздражалъ ихъ самымъ оскорбительнымъ распутствомъ. Старшимъ по немъ Чиновникомъ былъ Командиръ Севастопольскаго пѣхотнаго полка, Подполковникъ Рябининъ, во всѣхъ его упражненіяхъ лучшій ему товарищъ; оба они не были при войскахъ въ сраженіи, Генералъ-Маіоръ же Пестель замѣченъ еще весьма робкимъ, и даже внѣ опасности не способнымъ распоряжать, и если бы не управляли войсками артиллеріи Подполковникъ Мищенко и Маіоръ Износковъ, командующій баталіономъ, то могли они испытать величайшую потерю и быть совершенно разбитыми, и Генералъ-Маіору Пестелю дано было мѣсто и Подполковнику Рябинину полкъ, по найлучшимъ о нихъ свѣдѣтельствамъ, и таковыми обманутъ будучи, представилъ я ихъ обоихъ къ награжденію за сраженіе при Башлы.

Начальника Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіора Вельяминова, отправилъ я во Владикавказъ, приказалъ ему, проходя до крѣпости Грозной, осмотрѣть рѣку Сунжу и лежащія на ней временныя укрѣпленія, Надзрановскій редутъ при Ингушевскихъ селеніяхъ и преградный станъ, построенный Генералъ-Маіоромъ Дельпоццо, по моему разрѣшенію. Далѣе долженъ онъ былъ видѣть прорубленную чрезъ урочище Ханъ-Кале дорогу, и потомъ, собравъ на Кавказской Линіи войска и переправясь у Шелководскаго селенія за рѣку Терекъ, слѣдовать къ городу Андрей, гдѣ на устроеніе крѣпости имѣлъ уже я Высочайшее соизволеніе.

Въ продолженіи зимы приказано было старшему Андреевскому Князю заготовить лѣсъ для строеній, за чѣмъ обязанъ былъ наблюдать и Главный Приставъ; но нѣкоторые изъ жителей, обыкшіе къ своевольствамъ, не желая исполнить сей первой для нихъ повинности, и прочихъ отъ послушанія отвратили.

Прибывши съ войскомъ, Начальникъ Корпускаго Штаба привелъ все въ должный порядокъ, и начались нужныя къ работамъ пріуготовленія.

Я остался въ Грузіи, по случаю нѣкоторыхъ безпокойствъ въ Шамшадильской дистанціи. Тамъ Агалары, недовольные введенными мною въ управленіи перемѣнами, наклоняли народъ къ возмущенію, дабы тѣмъ понудить меня оставить все на прежнемъ основаніи. Обширныя родственныя связи Шамшадильскаго Султана способствовали ему имѣть сильное вліяніе на большую часть простаго народа, и сей, по привычкѣ покорствовать ему, не вникнувъ въ выгоды новаго постановленія, умышленно толкуемаго ему въ превратномъ смыслѣ, такъ же приносилъ мнѣ просьбы объ отмѣнѣ онаго. Приближалось время, въ которое жители дистанціи удаляются на кочевья въ горы, къ самымъ границамъ Персіи; приносились слухи, что Султанъ намѣревается бѣжать и увлечь съ собою народъ.

Я приказалъ усилить войска, которыя обыкновенно высылаются для караула при кочевьяхъ, а Генералъ-Маіору Князю Мадатову взять подъ стражу Султана и одного изъ главнѣйшихъ Агаларовъ Казахской дистанціи, которые и отправлены на жи-

тельство въ Россію. Строгость водворила спокойствіе, и здѣшніе жители увидѣли примѣръ, что упрямство не всегда средство благонадежное противъ распоряженій Начальства.

Наконецъ, получилъ я Высочайшій Рескриптъ, коимъ одобрено предположеніе мое объ устроеніи въ здѣшней странѣ крѣпостей, безъ всякой перемѣны.

Проектъ о составленіи особенной обороны крѣпостей, независимо отъ дѣйствующихъ войскъ, не утвержденъ. Императоръ назначилъ новый комплектъ для полковъ Грузинскаго корпуса, и впредь каждый изъ нихъ, въ трехъ баталіонахъ состава своего, долженъ имѣть Унтеръ-Офицеровъ 300, рядовыхъ 3600 человѣкъ. Средніе баталіоны должны быть обращены на защиту крѣпостей.

Для укомплектованія по новому корпуса, вмѣсто рекрутъ, въ которыхъ всегда чувствительная отъ климата происходила потеря, назначены полки, и имъ дано повелѣніе расположиться въ ближайшихъ Губерніяхъ, откуда могъ я взять ихъ, когда надобно.

Полки сіи суть слѣдующіе:

Пѣхотные:	Апшеронскій Егерскіе	41
	Ширванскій	42
	Куринскій	43
	Тенгинскій	44
	Навагинскій	—
	Мингрельскій	—

Находившійся временно при корпусѣ 8-й Егерскій полкъ поступилъ такъ же въ укомплектованіе прочихъ.

Отъ прежнихъ полковъ корпуса должны составиться кадры и отправиться для сформированія въ Россіи полковъ.

Изъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, не исключая самихъ Командировъ полковъ, предоставлено мнѣ было оставить въ Грузіи тѣхъ, кои могли мнѣ быть нужными.

Назначены были, сверхъ того, двѣ легкія артиллерійскія роты. Государь приказалъ во всѣхъ войскахъ перемѣнить старое и

къ употребленію не годное оружіе. Было еще таковое со временъ покойной Екатерины II.

Состоявшій въ корпусѣ Грузинскій гарнизонный изъ 2-хъ баталіоновъ полкъ уничтоженъ.

При семъ умноженіи корпуса имѣлъ я случай отправить съ кадрами Офицеровъ не столько здѣсь нужныхъ, или которые желали возвратиться въ Россію, оставить здѣсь на службу способнѣйшихъ изъ прибывшихъ.

Государь преподалъ мнѣ большія средства къ приведенію дѣлъ здѣшней страны въ лучшее состояніе. Не взирая, однако же, на все количество пришедшихъ изъ Россіи войскъ, въ корпусѣ по новому положенію былъ изрядный недостатокъ до комплекта.

О сдѣланномъ мною предложеніи перемѣнить одежду солдатъ, приспособляя оную къ здѣшнему климату, вовсе умолчано.

17-го числа Іюня отправился я на Кавказскую Линію, и скоро прибылъ къ городу Андрей. Во владѣніяхъ Кумыцкихъ было покойно.

Къ устроенію крѣпости нельзя было приступить, по тому что мѣсто засѣяно было хлѣбомъ, и надобно было вырубать много весьма лѣса. Не прежде половины Іюля начались работы. Въ близи живущіе Чеченцы и народъ Ауха часто безпокоили отводные караулы лагеря.

Отрядъ войскъ состоялъ изъ 2-хъ бат. Кабар.
1-го бат. Троиц.
3-хъ бат. 8-го Ег. } пѣхотныхъ пол.

Одинъ изъ сихъ послѣднихъ составленъ былъ изъ прибывшихъ рекрутъ, которые ни на какую не употреблялись службу; баталіонъ же Троицкаго полка отдѣленъ былъ на прикрытіе чрезъ Терекъ переправы и сообщеніе съ Кавказскою Линіей.

Артиллеріи состояло 6 батарейныхъ
6 легкихъ. . .
4 конныхъ . . } орудій.

Линейныхъ Казаковъ 300 человѣкъ.

Одна піонерная рота.

Состороны Кубинской Провинціи небольшою частію войскъ наблюдаемы были дороги, выходящія изъ Казыкумыцкаго Ханства, ибо явно было неблагонамѣренное поведеніе Сурхай-Хана, также обращали на себя вниманіе Табассаранцы, въ совершенномъ возмущеніи бывшіе.

Дабы съ помощію сихъ народовъ не могли Акушинцы сдѣлать нападеніе на Кубу, или разорить Ханство Кюринское, принадлежащее вѣрному намъ, Полковнику Асланъ-Хану, приказано, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова, составить отрядъ изъ 1500 человѣкъ пѣхоты, 300 Казаковъ и 8-ми орудій артиллеріи; при немъ должна была находиться конница, собранная въ Ханствахъ Шекинскомъ, Ширванскомъ и Карабахскомъ. Она значительно могла усилить отрядъ, но между тѣмъ не меньшую приносила пользу, служа залогомъ въ поведеніи Хановъ. Неохотно приняли они сіе порученіе, но не смѣли его не исполнить. Мустафа же Ханъ Ширванскій не прислалъ ни одного изъ знатныхъ людей, или ему близкихъ.

Асланъ-Ханъ Кюринскій съ величайшимъ усердіемъ присоединилъ къ нашимъ войскамъ конницу свою и пѣхоту, которыя набрать могъ.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ, сдѣлавшій смѣлый маршъ въ самыя твердыя мѣста Табассарина, разбилъ мятежниковъ. Жители, пребывшіе вѣрными, много способствовали ему знаніемъ земли и дорогъ. Главный бунтовщикъ Эрсинскій, Абдула-Бекъ, зять бѣглаго Шихъ-Али-Хана, имѣвшій большое вліяніе въ народѣ, потерявъ имущество, бѣжалъ въ горы.

Жители города Башлы, ожидая наказанія, пригласили разные народы сосѣднихъ вольныхъ обществъ, и между ими отличающійся храбростію народъ, называемый Кабодерги, и въ силахъ довольно значительныхъ вознамѣрились защищать городъ, въ которомъ успѣли поправить почти всѣ строенія, въ прошедшемъ году Генералъ-Маіоромъ Пестелемъ разоренныя. Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ атаковалъ городъ, и жители, весьма не долго

защищавшись, разсѣялись. Домъ Уцмея и весь городъ разрушенъ до основанія. Уцмей, съ своей стороны, собравъ людей, ему приверженныхъ, войскамъ нашимъ содѣйствовалъ, но самъ лично, по недовѣрчивости, избѣгалъ случая быть при войскахъ.

Желая уничтожить въ немъ чувство недовѣрчивости и показать ему, сколько Начальство готово благотворить во всякомъ случаѣ людямъ, постояннымъ въ своихъ обязанностяхъ, приказалъ я отпустить сына его, живущаго въ Дербентѣ въ видѣ аманата. Лишь только получилъ онъ ето, тотчасъ съ нимъ и со всѣмъ семействомъ удалился въ верхній Каракайдакъ, который не оказывалъ намъ повиновенія.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ имѣлъ съ нимъ свиданіе, но не иначе, какъ поѣхавъ къ нему одинъ, тогда какъ онъ самъ окруженъ былъ толпою вооруженныхъ людей. Напрасны были старанія уговорить его, чтобы возвратился. Онъ обѣщевалъ быть въ вѣрности непоколебимымъ, но примѣтно было желаніе измѣнить. Вскорѣ потомъ, набравъ партію, дѣлалъ онъ набѣги на дорогу между Дербентомъ и Тарку, грабилъ проѣзжихъ и торгующихъ и вошелъ въ связи съ явными нашами врагами, думая, съ помощію ихъ, удержать за собою свои владѣнія.

Таковы были многихъ надежды на Дагестанъ и дотолѣ еще могущественныхъ Акушинцевъ. Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ, дѣлая съ отрядомъ движенія, не давалъ ему по близости вѣрнаго убѣжища. Родственники его, во враждѣ съ нимъ бывшіе и сильную въ народѣ имѣвшіе партію, дѣйствовали противъ него вмѣстѣ съ нами.

Они успѣли жителей города Башлы привести въ раскаяніе, и какъ они, равно жители селеній Терекеминскихъ, приняли присягу на подданство, и имъ позволено возвратиться на прежнее жительство.

Вмѣстѣ съ симъ лишился Уцмей всѣхъ своихъ доходовъ. Не было средствъ надѣлять наградами приверженцевъ, не изъ чего было составить войскъ, и тѣ, которые прежде обнадеживали въ помощи, видя его ничтожество, къ нему охладѣли. Прокламаціею

объявилъ я его измѣнникомъ, и что никто изъ фамиліи его впредь не будетъ Уцмеемъ.

Такимъ образомъ уничтожилось достоинство Уцмея, нѣсколько вѣковъ существовавшее въ большомъ между здѣшними народами уваженіи.

Въ теченіи Августа мѣсяца Аварскій Ханъ началъ собирать Горскіе народы, обѣщая имъ не только препятствовать намъ производить работы, но прогнать насъ за Терекъ и разорить Кизляръ: легковѣрные послѣдовали за нимъ, и ихъ составилось не менѣе 6, или 7, тысячъ человѣкъ. Онъ пришелъ къ селенію Боутугай, въ 16 верстахъ отъ Андрея, лежащему на рѣкѣ Койсу, и занялъ въ ущельѣ весьма твердое мѣсто, которое, сверхъ того, укрѣпилъ завалами и окопами. Чеченцы пришли ему на помощь; жители Кумыхскихъ владѣній готовы были поднять оружіе, изъ Андрея многіе изъ Узденей, отличнѣйшій классъ въ городѣ составляющихъ, съ нимъ соединились. Принадлежащія городу деревни, называемыя Салотавскими, намъ измѣнили; словомъ, все вокругъ насъ было въ заговорѣ.

Чеченцы сдѣлали нападеніе на табуны нашего отряда, и отогнали не менѣе 400 упряжныхъ лошадей артиллеріи и полкамъ принадлежащихъ. Недалеко отъ лагеря повсюду были непріятельскія партіи, сообщеніе съ Линіею удерживаемо было большими конвоями, отъ самаго агеря и до переправы на Терекѣ. Постъ на Сулакѣ, при селеніи Казіюртѣ, долженъ былъ я усилить двумя ротами и съ двумя орудіями, ибо Дагестанцы угрожали пройти прямѣйшею на Кизляръ дорогою.

Въ семъ положеніи производилъ я работы даже въ ночное время, при зажженныхъ кострахъ, спѣша сдѣлать укрѣпленія способными, къ какой ни будь оборонѣ, на случай нападенія до прибытія войскъ, которыхъ ежедневно ожидалъ я изъ Россіи.

Первый пришелъ ко мнѣ 42-й егерскій полкъ изъ Таганрога, и я, давъ ему самый краткій растахъ, въ ночь на 29 число Августа, выступилъ, чтобы атаковать Аварскаго Хана. Въ крѣпости, со всѣмъ еще не вооруженной, оставилъ я достаточный гарнизонъ и нѣсколько пушекъ.

Непріятель впереди позиціи своей встрѣтилъ мой авангардъ сильнымъ огнемъ и бросился съ кинжалами. Двѣ роты 8-го егерскаго полка, удивленныя сею, совсѣмъ для нихъ новою, атакою, отступили въ безпорядкѣ, но артиллерія удерживала стремленіе напавшихъ. Въ сіе время прибыли всѣ войска, и баталіонъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка, ударивъ въ штыки, все опрокинулъ, и если бы изрытыя и скрытыя мѣста не способствовали бѣгству непріятеля, онъ понесъ бы ужасную потерю, но скоро могъ онъ собраться позади своихъ окоповъ. Деревню Боутугай тотчасъ заняли наши войска. Я, избѣгая потери, не допустилъ атаковать окопы, но удовольствовался тѣмъ, что могъ стѣснить непріятеля въ горахъ, отрѣзавъ сообщеніе съ равниною, откуда получалъ онъ продовольствіе, увѣренъ будучи, что не долго въ таковомъ останется онъ положеніи. Перестрѣлки продолжались съ начала довольно горячія, но артиллерія наводила величайшій ужасъ, и непріятель смѣшнымъ образомъ прятался отъ оной.

Въ ночи на 3 число бѣжалъ съ неимовѣрною поспѣшностію и въ безпорядкѣ.

Въ слѣдъ за нимъ сдѣлалъ я одинъ маршъ въ горы, но уже догнать было не возможно.

Войска возвратились въ крѣпость, которой дано наименованіе **Внезапная**.

Между бѣгущими Лезгинами произошли драки и убійства. Возмутившіеся ожидали нашего наказанія. Салотавскія деревни просили пощады, на нихъ наложенъ штрафъ и ежегодная дань. Такимъ образомъ вдругъ въ пользу нашу обратились всѣ обстоятельства. Аварскій Ханъ бѣжалъ въ Аваръ, сопровождаемый проклятіемъ разорившихся.

Въ городъ Андрей, совершенно прежде оставленный, начали жители возвращаться, но главнѣйшіе изъ возмутителей подвергнуты конскрипціи.

Аксаевскихъ и Андреевскихъ владѣльцевъ наказалъ я за то, что безъ вѣдома ихъ не могли пройти Чеченцы, отогнавшіе лошадей нашихъ, что было доказано свѣдѣтелями, и они должны были доставить мнѣ равное число изъ собственныхъ лошадей. Такимъ образомъ вдругъ въ пользу нашу обратились всѣ обстоятельства.

Шамхалъ между тѣмъ, по наставленію моему, старался удерживать Акушинцевъ въ мирномъ расположеніи. Они пріѣзжали къ нему въ большомъ числѣ, подъ видомъ будто бы примирить его съ сосѣдями и заставить брата Аварскаго Хана возвратить захваченныя у него деревни, но точное намѣреніе ихъ состояло въ томъ, чтобы, пользуясь его боязнью, брать съ него подарки и деньги.

Шамхалъ имѣлъ осторожность не вѣрить обѣщаніямъ ихъ и обо всемъ давалъ мнѣ извѣстія, прося безпрестанно о помощи.

Еще прибыли полки: Апшеронскій къ отряду, Куринскій остановленъ до особаго назначенія на Линіи.

Отъ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова 1-го получено извѣстіе о происшедшихъ въ Имеретіи безпокойствахъ. Причины оныхъ слѣдующія.

Экзархъ Грузіи, Ѳеофилактъ, опредѣленъ будучи для управленія духовной частію въ Грузіи и Имеретіи, не узнавъ подробно обстоятельствъ, сдѣлалъ представленіе Синоду о многихъ перемѣнахъ по ввѣренной ему части, въ слѣдствіе онаго уничтожалось значительное число церквей и приходовъ, коихъ причты оставались безъ должностей, въ ожиданіи размѣщенія на вакансіи. Перемѣны сіи были частію необходимы, ибо духовенство было въ числѣ чрезмѣрномъ, церкви въ бѣдности, и по тому безъ приличнаго благолѣпія; доходы безъ опредѣлительности, употребленія оныхъ безъ ясной отчетности. Перемѣны сіи, однако же, не весьма нравились, ибо въ числѣ духовенства въ здѣшней странѣ есть люди, принадлежащіе знатнѣйшимъ фамиліямъ, имѣющіе сильныя связи. Ихъ оскорбляла строгая подчиненность, уничтожившая прежнее ихъ значеніе; не менѣе огорчало то, что не могли они употреблять доходы безотчетно и въ свою пользу; но въ Грузіи не произвело сіе ни какихъ худыхъ слѣдствій, ибо Экзархъ призвалъ къ содѣйствію мѣстныя власти. Въ Имеретіи же людьми неблагонамѣренными между Дворянствомъ, паче же своимъ Духовенствомъ, преобразованіе управленія истолковано было возмутительнымъ образомъ, и простой народъ, въ невѣжествѣ своемъ найболѣе послушный оному, по сдѣланнымъ тайно внушеніямъ, не только во многихъ мѣстахъ не допустилъ посланныхъ отъ Экзарха коммиссаровъ для описанія церковнаго имущества, но угро-

жалъ оными, и они были даже въ опасности потерять жизнь. Митрополитъ Ѳеофилактъ, котораго не разъ предупреждалъ я, что нельзя приступить къ равнымъ перемѣнамъ, какъ по Грузіи, такъ и по Имеретіи, ибо въ сей послѣдней, по недавней ея зависимости, власти не въ полномъ дѣйствіи, и имъ не полное оказываемо повиновеніе, и что простой народъ, въ состояніи несравненно большаго невѣжества, нежели въ Грузіи, легко можетъ быть возбужденъ къ безпокойствамъ, и надобно будетъ прибѣгать къ мѣрамъ крайнимъ для укрощенія. Митрополитъ казался согласующимся съ моимъ мнѣніемъ, но думалъ, что присутствіемъ своимъ удалитъ всякій безпорядокъ и успѣетъ исполнить свое намѣреніе, ввести новое преобразованіе. Онъ отправился въ Имеретію и, пребывая въ Кутайсѣ, управлялъ дѣйствіями своихъ коммиссіонеровъ; но когда началъ народъ собираться толпами, власти въ округахъ учрежденныя, не въ состояніи будучи удержать его въ послушаніи и разсѣять скопища, удалились, и надобно было послать войска, для усмиренія ихъ, тогда Митрополитъ уѣхалъ обратно въ Грузію.

Поспѣшность обнаружила малодушіе его и робость, и онъ, угождая требованіямъ буйственнаго народа, приказалъ возвратить сдѣланное описаніе нѣкоторой части церковныхъ имѣній.

Генералъ-Маіоръ Сысоевъ успѣлъ безъ выстрѣла обратить жителей въ дома свои, и толпы разсѣялись.

Не взирая на сіе, примѣтно, однако же, было неудовольствіе народа, извѣстны были люди, возбуждавшіе его, и нельзя было сомнѣваться, что при малѣйшемъ случаѣ водворится мятежъ.

Я поспѣшилъ приходящіе полки изъ Россіи обратить на укомплектованіе войскъ, въ Имеретіи и Мингреліи расположенныхъ.

Митрополиту Ѳеофилакту сообщилъ, что нельзя оставить безъ исполненія Высочайше утвержденное преобразованіе, разъ уже приступивши къ оному; что всякое, въ подобномъ случаѣ, снисхожденіе народамъ непокорливымъ принято будетъ за слабость и даже боязнь Правительства, и можетъ имѣть весьма непріятныя послѣдствія.

Я объяснилъ ему необходимость взять двухъ старшихъ Имеритинскихъ Митрополитовъ, которые весьма ощутительно противились преобразованію и въ народѣ разсѣевали нелѣпое Высочайшей воли истолкованіе, самому ему, какъ Первосвященнику, не оказывая надлежащаго уваженія.

Оскорбленное самолюбіе, горделиваго монаха одобряло мое намѣреніе. Я сообщилъ Генералъ-Лейтенанту Вельяминову 1-му о сдѣланіи распоряженія взять Митрополитовъ, сколько возможно, скромнымъ образомъ и менѣе возбуждая негодованіе народа. Въ особенности надлежало удалить Митрополита Путателя, явно ненавидящаго Россійское Правительство, чего онъ даже и скрывать не старался.

Давно извѣстны были поступки сего неблагонамѣреннвго человѣка, но Правительство боялось безпокойствъ въ Имеретіи, и по тому оставляло его совершенно въ дѣйствіяхъ свободнымъ.

По воспослѣдовавшей смерти Генералъ-Маіора Исмаилъ-Хана Шекинскаго, приказалъ я, для описанія Провинціи и доходовъ, отправиться артиллеріи Генералъ-Маіору Ахвердову и Правителю канцеляріи моей, Статскому Совѣтнику Могилевскому.

Издалъ прокламацію, что Ханство Шекинское навсегда принимается въ Россійское управленіе.

Приказалъ всю фамилію Хана отправить въ Елисаветполь, дабы не могла производить безпорядковъ; назначилъ всѣмъ членамъ оной на первый случай пристойное содержаніе, впредь до усмотрѣнія, какихъ вознагражденій они достойны за имущество, обращаемое въ распоряженіе казны.

Всѣмъ Персіянамъ, которые нѣкогда переселились съ отцемъ умершаго Хана, приказалъ я дать позволеніе возвратиться въ Персію, если у насъ остаться не пожелаютъ.

Удерживать ихъ я не старался; ибо они, будучи другой секты, у жителей Провинціи были въ ненависти, какъ не менѣе по тому, что, находясь при Ханѣ въ почетнѣйшихъ должностяхъ, озлобили народъ притѣсненіями.

Желая наказать Чеченцевъ, безпрерывно производящихъ разбой, въ особенности деревни, называемыя Качкалыковскими жителями, коими отогнаны у насъ лошади, предположилъ выгнать всѣхъ ихъ съ земель Аксаевскихъ, которыя занимали они, съ начала по условію, сдѣланному съ владѣльцами, а потомъ, усилившись, удерживали противъ ихъ воли.

При атакѣ сихъ деревень, лежащихъ въ твердыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ, зналъ я, что потеря наша должна быть чувствительною, если жители оныхъ не удалятъ прежде женъ своихъ, дѣтей и имущество, которыхъ защищаютъ они всегда отчаянно, и что понудить ихъ къ удаленію женъ можетъ одинъ только примѣръ ужаса.

Въ семъ намѣреніи приказалъ я войска Донскаго Генералъ-Маіору Сысоеву съ небольшимъ отрядомъ войскъ, присоединивъ всѣхъ Казаковъ, которыхъ по скорости собрать было возможно, окруживъ селеніе Даданъ-юртъ, лежащее на Терекѣ, предложить жителямъ оставить оное, и, буде станутъ противиться, наказать оружіемъ, никому не давая пощады. Чеченцы не послушали предложенія, защищались съ ожесточеніемъ. Дворъ каждый почти окруженъ былъ высокимъ заборомъ, и надлежало каждый штурмовать. Многіе изъ жителей, когда врывались солдаты въ дома, умерщвляли женъ своихъ въ глазахъ ихъ, дабы во власть ихъ не доставались. Многіе изъ женщинъ бросались на солдатъ съ кинжалами.

Большую часть дня продолжалось сраженіе самое упорное, и ни въ одномъ доселѣ случаѣ не имѣли мы столько значительной потери; ибо, кромѣ Офицеровъ, простиралась оная убитыми и ранеными до двухъ сотъ человѣкъ.

Со стороны непріятеля всѣ, бывшіе съ оружіемъ, истреблены, и число оныхъ не менѣе могло быть четырехъ сотъ человѣкъ. Женщинъ и дѣтей взято въ плѣнъ до ста сорока, которыхъ солдаты изъ сожалѣнія пощадили, какъ уже оставшихся безъ всякой защиты и просившихъ помилованія. (Но гораздо больше оныхъ число вырѣзано было, или въ домахъ погибло отъ дѣйствія артиллеріи и пожара). Солдатамъ досталась добыча до-

вольно богатая, ибо жители селенія были главнѣйшіе изъ разбойниковъ, и безъ ихъ участія, какъ ближайшихъ къ Линіи, почти ни одно воровство и грабежъ не происходили, большая же часть имущества погибла въ пламени. Селеніе состояло изъ 200 домовъ; 14 Сентября разорено до основанія.

30 числа Сентября я самъ пошелъ, съ 6-ю баталіонами и 16 орудіями артиллеріи, къ деревнямъ Качкалыцкимъ, и 2 Октября атакована деревня Горячевская, сильнѣйшая изъ нихъ. Твердое положеніе оной мѣстами укрѣплено было окопами; но Чеченцы, будучи выгнаны изъ нихъ штыками, не могли удержаться въ самой деревнѣ, и только производили перестрѣлку изъ лѣсовъ, ее окружающихъ. Потеря наша была ничтожная.

Чрезъ день войска приблизились къ деревнямъ Ноенберды и Аллаяръ-аулъ. Изъ первой выгнаты Чеченцы сильною канонадою, послѣдняя была ими оставлена, по тому что легко могла быть окруженною. Обѣ разорены совершенно. При возвратномъ войскъ слѣдованіи Чеченцы показались изъ лѣсовъ, но перестрѣлка не продолжалась.

Деревня Хошгельды просила пощады, обѣщевая жить покойно и не дѣлать разбоевъ. Аксаевскіе владѣльцы ручались за жителей оной, и имъ дана пощада.

Вообще Чеченцы защищались безъ упорности, и ни въ одной изъ деревень не было женъ и дѣтей, имущество также было вывезено.

Примѣръ Даданъ-юрта распространилъ повсюду ужасъ, и вѣроятно мы нигдѣ уже не найдемъ женщинъ и семействъ.

Въ сіе самое время Генералъ-Маіоръ Сысоевъ изъ крѣпости Грозной, съ баталіономъ 16 егерскаго полка и Куринскимъ пѣхотнымъ полкомъ, вступалъ въ Чеченскую землю, чрезъ урочище Ханъ-Кале, дабы, согласованнымъ съ разныхъ сторонъ движеніемъ, развлекая силы Чеченцевъ, облегчить предпріятіе противъ селеній Качкалыковскихъ; 5 числа Октября войска возвратились въ крѣпость Внезапную.

Между тѣмъ получалъ я отъ Шамхала Тарковскаго извѣстія, что братъ измѣнника Аварскаго Хана собираетъ войска, дабы истребить его; что вся Мехтулинская Провинція, забывъ потерпѣнное въ прошедшемъ году наказаніе, по прежнему повинуется ему.

Акушинцы не только не сдержали обѣщанія смирить его и заставить возвратить захваченныя у Шамхала деревни, напротивъ, въ тайнѣ ему благопріятствовали, желая уничтожить Шамхала, какъ человѣка, намъ непоколебимо преданнаго, хотя по наружности показывали они ему пріязненное расположеніе.

Шамхалъ оставилъ Тарки, гдѣ не могъ защищаться противъ брата Аварскаго Хана, ибо какъ жители города, такъ и большей части его владѣній, готовы были на него обратиться.

Онъ удалился въ небольшой загородный замокъ, и собралъ около себя нѣкоторое количество людей приверженныхъ, рѣшившись погибнуть, сопротивляясь. Желалъ я дать ему помощь, но, по обстоятельствамъ, не могъ того сдѣлать.

Братъ Хана Аварскаго сдѣлалъ на него нападеніе довольно съ большими силами, и хотя Шамхалъ защищался отчаянно, но, конечно, долженъ бы былъ уступить имъ, если бы не устрашилъ ихъ нѣсколько значительный уронъ, отъ чего они поспѣшно разбѣжались.

Акушинцы заняли земли вольнаго общества, Гамри-Юзень называемаго и намъ приверженнаго, гдѣ расположившись, часть войскъ ихъ прервала сообщеніе мое съ отрядомъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова и посылаемые курьеры (вѣрные изъ Татаръ) проѣзжали съ большою опасностію. Въ надеждѣ на силы свои и прежніе успѣхи, Акушинцы думали понудить насъ возвратить Уцмею Каракайдацкому его владѣнія, и сей предался имъ совершенно. Къ себѣ Русскихъ войскъ они не ожидали, почитая земли свои огражденными горами непреодолимыми.

Въ то же самое время на крѣпостцу Чирагъ, лежащую на границѣ, отдѣляющей Кюринское Ханство отъ Казыкумыцкаго, сдѣлали нападеніе Дагестанскіе народы, сосѣдственные Акушинцамъ. Сіи послѣдніе не могли не имѣть въ томъ участія, и Сурхай

12

Ханъ Казыкумыцкій, хотя старался увѣрять, что народы сіи перешли чрезъ его земли, не прося его на то согласія и когда не имѣлъ онъ о намѣреніи ихъ ни малѣйшаго извѣстія, но весьма ощутительна была его измѣна, и я приказалъ принять нужныя противъ коварства его мѣры, запретивъ принимать подвластныхъ ему Казыкумыхцевъ во всѣхъ нашихъ Провинціяхъ, дабы, потерею выгодъ торговли, возродить въ нихъ на него неудовольствіе.

Небольшой гарнизонъ крѣпостцы Чирагъ отразилъ нападеніе, и непріятель разсѣялся.

Если бы предпріятіе сіе имѣло нѣкоторый успѣхъ, вѣроятно, что Казыкумыцкое Ханство, Табассарань и съ ними соединившись прочія вольныя общества, вспомоществуемыя сильною партіею, которую бѣглый Шихъ-Али-Ханъ имѣлъ въ Дербентѣ, произвели бы безпокойство въ Кубинской Провинціи, гдѣ войскъ чрезвычайно было мало. Я долженъ бы былъ обратить туда отрядъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова, которому предстояло другое назначеніе.

Примѣчено такъ же было сомнительное поведеніе Мустафы, Хана Ширванскаго, который принималъ посланныхъ къ нему Акушинцевъ старшихъ, съ просьбою о помощи противъ Русскихъ, и отправилъ со обнадеживаніемъ и щедрыми подарками. Такъ же служащая при войскахъ нашихъ, набранная въ Ханствѣ его, конница вся почти возвратилась въ дома свои, и онъ не только не присылалъ другихъ людей, но и ни малѣйшаго не сдѣлалъ наказанія самовольно отлучившимся.

Всѣ сіи обстоятельства показывали мнѣ необходимость итти съ войскомъ въ Дагестанъ и наказать Акушинцевъ, которые служили твердою опорою всѣмъ прочимъ народамъ и могущественнымъ своимъ вліяніемъ ихъ противъ насъ вооружали. Извѣстно было, что ударъ, имъ нанесенный, прочіе народы, какъ слабѣйшіе, удержитъ въ страхѣ и покорности.

Въ крѣпости Внезапной ускорены были работы сколько возможно. Жилища для гарнизона, на зимнее время необходимыя, устроены, артиллерія для вооруженія крѣпости доставлена. Оставивъ одинъ баталіонъ въ гарнизонѣ, для охраненія оной, 11-го

числа Ноября выступилъ я въ городъ Тарки, куда двумя днями прежде отправилъ часть войскъ съ Полковникомъ Верховскимъ. Ему приказано было пріуготовить квартиры, ибо нѣкоторое время долженъ я былъ остановиться, дабы отрядъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова могъ прибыть изъ Каракайдацкой области.

14-го Ноября пришелъ я въ Тарки, немедленно отправилъ приказаніе Генералъ-Маіору Князю Мадатову прибыть съ войсками и всею Татарскою конницею въ селеніе Карабудагентъ, отъ Тарки въ 30 верстахъ, и, расположивъ оную, пріѣхать самому за приказаніемъ.

Начавшаяся дождливая погода вскорѣ перемѣнилась на весьма холодную, и нѣсколько дней безпрерывно шедшій снѣгъ выпалъ въ такомъ количествѣ, что артиллерія и обозы были совершенно онымъ покрыты. Тѣсныя улицы города такъ завалены были, что прекращено было сообщеніе. Отрядъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова съ величайшими затрудненіями перешелъ изъ Каракайдака, испытавъ въ пути жестокія мятели и холодъ.

Въ ожиданіи перемѣны погоды, пробылъ я въ Таркахъ 17 дней, между тѣмъ подвозился изъ Кизляра провіянтъ, ибо находившійся въ запасѣ былъ уже большею частію въ расходѣ.

Акушинцамъ отправилъ я бумагу, коей требовалъ, чтобы они дали присягу на вѣрность подданства Императору, прислали лучшихъ фамилій аманатовъ, не давали у себя убѣжища неблагонамѣреннымъ и бѣглецамъ, возвратили имѣющихся у нихъ Русскихъ плѣнныхъ.

Обѣщалъ, если не согласятся, наказать оружіемъ и взять главный городъ, Акуша называемый. Жителямъ Провинціи Мехтулли, коихъ Акушинцы склоняли на свою сторону, послалъ я объявить, что если не останутся они покойными въ домахъ своихъ, разорю ихъ до основанія и плѣнныхъ отошлю въ Россію. Сіи были въ ужаснѣйшемъ страхѣ, ибо участвовали въ возмущеніи измѣнника Аварскаго Хана, были въ сраженіи при Боутугаѣ и сопровождали брата его, когда сдѣлалъ онъ на Шамхала нападеніе.

Сей послѣдній, бывшій главною причиною безпокойствъ въ Дагестанѣ, не за долго предъ симъ умеръ. Его отравила прекрасная жена его, которой начиналъ онъ замѣчать распутство.

Къ Шамхалу пріѣзжали нѣкоторые изъ старшинъ Акушинскихъ подъ разными предлогами, но главное ихъ желаніе состояло въ томъ, чтобы узнать о числѣ войскъ нашихъ, и точно ли есть намѣреніе наше вступить въ ихъ землю. Всякій разъ бывали они у меня, и сего не могъ я скрывать отъ нихъ, разъ объявивши мое требованіе, которое, впрочемъ, почитали они за однѣ угрозы.

Шамхалъ имѣлъ между Акушинцами вѣрныхъ людей, и по тому зналъ обо всемъ, что между ими происходило, и о рѣшительномъ намѣреніи ихъ защищаться. Достовѣрно извѣстно было, что они, пріуготовляя всѣ свои силы, приглашаютъ сосѣдей.

Декабря 2-го числа собранные до 2 тыс. человѣкъ жители исправили дорогу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расчищали глубокій снѣгъ до самой земли, и я выступилъ въ селеніе Кумторкали, авангардъ вошелъ въ Мехтулинскую Провинцію. Все потребное для войскъ было въ готовности и повсюду совершенное спокойствіе. Погода стояла прекраснѣйшая противъ обыкновенной, и признака не было снѣга, хотя уже приближались мы къ горамъ.

Въ селеніи Шора соединилъ я всѣ войска, и отрядъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова прибылъ изъ Карабудагента. Не задолго передъ симъ Акушинцы довольно въ большихъ силахъ занимали гору Калантау, чрезъ которую лежитъ лучшая дорога въ ихъ владѣнія. Подъемъ, не менѣе шести верстъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайно крутой, затруднялъ всходъ на гору; непріятель, съ удобностью защищая оный, могъ причинить намъ чувствительный уронъ; но мнѣ удалось посредствомъ Шамхала внушить Акушинцамъ, что они раздражатъ Русскихъ, занимая землю, принадлежащую Мехтулинской Провинціи, находящейся подъ ихъ покровительствомъ. Они оставили гору Калантау, и сіе не мало облегчило мои предпріятія.

Немедленно часть войскъ расположилъ я на вершинѣ горы, и не менѣе трехъ дней продолжался подъемъ на гору артиллеріи и сколько возможно меньшаго числа прочихъ тягостей. Все на-

добно было встаскивать волами; ибо, по крутизнѣ горы, лошади не могли быть употреблены безъ изнуренія.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ, съ четырьмя баталіонами пѣхоты и частію артиллеріи, расположился у селенія Урума, близъ границы Акушинской.

Селеніе сіе, принадлежащее Мехтулинцамъ, разорено было пребываніемъ войскъ Акушинскихъ.

Взятые въ проводники жители земли, не вѣря успѣху предпріятія нашего, посланному для обозрѣнія мѣстъ Подполковнику Верховскому, показывали, какъ бы въ насмѣшку, мѣста, гдѣ разбиты были войска Шахъ-Надира, дороги, по коимъ спасались они разсѣянныя. Таково было мнѣніе о могуществѣ Акушинскаго народа, и не мало удивляло всѣхъ появленіе наше въ сей странѣ.

Предмѣстники мои не имѣли такого количества войскъ, чтобы итти въ горы почти неприступныя, къ народамъ, славящимся воинственными способностями.

12-го числа Декабря Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ оттѣснилъ непріятельскіе передовые караулы и осмотрѣлъ имъ занимаемую не въ дальнемъ разстояніи позицію.

16 го числа пришелъ я съ остальными войсками къ селенію Урума, на другой день дѣлалъ обозрѣніе расположенія непріятельскихъ войскъ.

Примѣтны были многочисленныя толпы, занимающія обширное пространство по хребту довольно большихъ возвышеній, къ коимъ доступъ чрезвычайно былъ затруднителенъ по причинѣ крутизны и защищаемъ укрѣпленіями, изъ плитнаго камня построенными. Нельзя было итти по большой дорогѣ; ибо, по мѣрѣ приближенія къ позиціи, спускалась она въ глубокій и тѣсный оврагъ подъ самыми выстрѣлами.

Не возможно было при обозрѣніи видѣть всѣхъ силъ непріятельскихъ; ибо оныя частію скрывались за высотами; но замѣчено было болѣе десяти тысячъ человѣкъ, правое крыло позиціи прилегало къ рѣчкѣ, протекающей въ берегахъ чрезвычайно уте-

систыхъ, чрезъ которую переправа была неудобна, и по тому противоположный берегъ не былъ укрѣпленъ и только малыми охраняемъ караулами. Непріятельскіе стрѣлки встрѣтили насъ, не доходя далеко до позиціи, дабы воспрепятствовать обозрѣнію, перестрѣлка была ничтожная, я не приказалъ употребить артиллеріи.

Со мною находился Шамхалъ, которому поручилъ я подъ начальство собранныхъ, по приказанію моему, Мехтулинцевъ, съ коими соединилъ онъ своихъ подвластныхъ. Не имѣлъ я ни малѣйшей надобности въ сей сволочи, но по тому приказалъ набрать оную, чтобы возродить за то вражду къ нимъ Акушинцевъ и поселить раздоръ, полезный на предбудущее время.

Въ лагерь нашъ пріѣзжали многіе изъ старшинъ Акушинскихъ съ разными переговорами, никогда не давая прямаго на требованія мои отвѣта; вѣроятно, искали выиграть время, дабы умножить средства обороны; ибо усмотрѣно было, что работы производились, съ дѣятельностію. Или протянуть до ненастной погоды, которой, судя по позднему времени, ожидать надлежало, что могло имѣть весьма непріятныя для насъ послѣдствія. Примѣтно было, что старались они осмотрѣть наши войска, но изрытое мѣстоположеніе скрывало ихъ, и по недостатку дровъ мало весьма было огней на бивуакахъ, по чему также не могли они судить о количествѣ.

Не преставалъ я настоятельно требовать отвѣта, представляя, сколько упорство со стороны ихъ можетъ быть для нихъ пагубнымъ; но они не только не изъявляли, по гордости своей, ни какого согласія, напротивъ, присланные 18 числа старшины отвѣтствовали довольно дерзко, увѣряя, впрочемъ, что о настояніи моемъ разсуждаемо будетъ въ общемъ совѣтѣ, котораго рѣшеніе сообщатъ они мнѣ въ непродолжительномъ времени.

Таковы были отзывы ихъ и прежде, и чрезъ людей, подосланныхъ отъ Шамхала, извѣстно было намъ, что ежедневно собираемый совѣтъ, по разности мнѣній, ни чего твердаго поставить не можетъ; что разсужденія многихъ благоразумнѣйшихъ изъ старшихъ остаются безъ вниманія; что молодые люди, наиболѣе имѣющіе вліянія на главнаго Кади, такъ же молодаго человѣка,

желаютъ непремѣнно защищаться и народъ къ тому возбуждаютъ, представляя, что покорностію Русскимъ разрушатъ они воинственную свою славу и знаменитость между Дагестанскими народами.

Присланныхъ старшинъ приказалъ я, угощая вѣжливѣшимъ образомъ, задержать въ лагерѣ, и они не прежде отправились обратно, какъ около полуночи, а въ три часа за полночь выступили войска къ непріятельской позиціи, отстоящей не болѣе восьми верстъ. Ночь была мѣсячная и чрезвычайно ясная, но войска приблизились почти на пушечный выстрѣлъ, не будучи примѣченными. До разсвѣта устроились они въ боевой порядокъ, и пять баталіоновъ пѣхоты, подъ командою Генералъ-Маіора Князя Мадатова, спустясь глубокими рытвинами къ рѣкѣ, перешли безпрепятственно на противный берегъ. Неосторожный непріятель не защищалъ переправы, и сіе одно уже могло ручаться за успѣхъ; движеніе сихъ войскъ въ гористомъ мѣстоположеніи долго не было примѣчено, и по тому прошли они довольно большое разстояніе, не будучи встрѣчены непріятелемъ. Вскорѣ увидѣли мы, что изъ позиціи большія толпы поспѣшно обратились противъ отряда Генералъ-Маіора Князя Мадатова и вдругъ загорѣлся сильный ружейный огонь. Въ сіе время войска, при коихъ я находился, выславъ стрѣлковъ, сбили передовые посты предъ главною позиціею, и батарейная артиллерія начала дѣйствовать на укрѣпленія. Но съ сей стороны менѣе опасался непріятель, ибо приближеніе къ укрѣпленіямъ было (какъ и выше сказано) чрезвычайно затруднительно. Шамхалъ, съ своими толпами занимавшій конечность праваго нашего фланга, имѣлъ перестрѣлку съ небольшими непріятельскими постами, по возвышеніямъ поставленными, и принудилъ ихъ къ отступленію.

Конечно, не съ сей стороны могли Акушинцы ожидать рѣшительнаго нападенія, но не менѣе отвлекало оно нѣкоторую часть силъ ихъ, и для насъ тѣмъ полезно было, что прикрывало расположеніемъ своимъ запасный нашъ паркъ и за войсками идущіе обозы.

Приспѣвшіе къ отряду Генералъ-Маіора Князя Мадатова шесть орудій устроились на продолженіи укрѣпленій, и рикошетная стрѣльба наносила вредъ полкамъ. 300 человѣкъ Линейныхъ Ка-

заковъ, опрокинувъ слабую непріательскую конницу, заняли впереди большое пространство и высоту, съ которой могли легко спуститься къ дорогѣ въ тылу непріятеля. Пѣхота отряда Генералъ-Маіора Князя Мадатова поддерживала Казаковъ стрѣлками, которые въ то же время начинали приближаться къ дорогѣ, угрожая овладѣть оною.

Въ позиціи непріятельской происходило величайшее смятеніе, и вскорѣ толпы бросились въ поспѣшнѣйшее бѣгство, такъ что изъ нѣкоторыхъ укрѣпленій, найболѣе подверженныхъ дѣйствію артиллеріи, исчезли они мгновенно. Со стороны, гдѣ я находился, Татарская наша конница, набранная въ Ханствахъ, съ рѣшительностію ударивши на непріятеля, бѣгущаго по большой дорогѣ, изрубила нѣсколько человѣкъ и понудила его оставить дорогу. Съ частію войскъ начальникъ Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіоръ Вельяминовъ, пошелъ поспѣшно за непріятелемъ, поддерживая Татарскую конницу, которую непріятель безпокоилъ съ горъ выстрѣлами. Пѣхота отряда Генералъ-Маіора Князя Мадатова, переправясь обратно на нашъ берегъ рѣчки, съ нимъ соединилась, и селеніе Лаваша, лежащее въ верстахъ четырехъ отъ нашего расположенія, немедленно занято. Татарская конница и Казаки пообѣимъ сторонамъ рѣчки посланы впередъ преслѣдовать бѣгущихъ. Перекопанная во многихъ мѣстахъ большая дорога исправлена, и на ночлегъ при селеніи Лаваша пришла къ войскамъ вся артиллерія и обозы. Толпы Шамхаловой милиціи разсѣялись грабить ближайшія деревни.

Въ селеніи Лаваша захвачено нѣсколько жителей, которые не успѣли увезти семействъ своихъ и для нихъ оставались.

Они разсказали намъ, что тутъ было во все время пребываніе главнаго Кади Акушинскаго и знатнѣйшихъ изъ старшинъ. Ежедневно собирались совѣщанія, и вчера еще увѣряемы были жители, что Русскіе не придутъ; ибо, по малочисленности своей, сдѣлать нападеніе не осмѣливаются. Одинъ изъ бывшихъ въ лагерѣ нашемъ старшинъ, возвратясь, объявилъ, что насъ весьма не много и войска въ такомъ изнуренномъ состояніи, что противъ нихъ едва ли оружіе употребить достойно. По таковымъ извѣстіямъ жители во всѣхъ далѣе деревняхъ не вывозили се-

мействъ своихъ и имущества, и повсюду совершенное спокойствіе.

Тутъ узнали мы, что съ тремя тысячами человѣкъ находился единственный сынъ Сурхай-Хана Казыкумыцкаго; что на помощь Акушинцамъ приходили Койсубукинскіе народы и многія другія вольныя общества Дагестана, менѣе ихъ значительныя, и весьма правдоподобно было показаніе жителей, что всѣ вообще силы составляли болѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Уцмей Каракайдацкій, извѣстный между здѣшними народами человѣкомъ отличной храбрости, съ сыномъ своимъ, находился противъ войскъ лѣваго нашего крыла, и жители селенія Лаваша видѣли его, бѣжавшаго ранѣе прочихъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ бунтовавшій родной племянникъ и зять Шамхала. Шихъ-Али-Ханъ Дербентскій составлялъ главнѣйшую въ совѣщаніяхъ особу, но въ опасности не вдавался и въ бѣгствѣ не былъ изъ послѣднихъ. Аварскій Ханъ не былъ; изъ его подданныхъ приходили весьма не многіе.

Судя по твердости непріятельской позиціи, я рѣшался на довольно значительную потерю, и она, конечно, была бы таковою, если бы отрядъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова нашелъ сопротивленіе при переправѣ и были заняты трудныя мѣста, которыя прошелъ онъ безъ выстрѣла. Но тогда уже встрѣтилъ его непріятель, когда, воспользовшись мѣстоположеніемъ, могъ онъ развернуть свои силы и уже начиналъ обходить конечность праваго его крыла, послѣ чего вскорѣ укрѣпленія подверглись дѣйствію артиллеріи. Сраженіе вообще продолжалось около двухъ часовъ, непріятель не успѣлъ употребить четвертой части силъ своихъ, затрудненія въ переправѣ на правый березъ рѣки не допустили обратить таковыхъ, которыя бы въ состояніи были остановить успѣхи Генералъ-Маіора Князя Мадатова, коего рѣшительное и весьма быстрое движеніе было главнѣйшею причиною его бѣгства.

Потеря наша, вмѣстѣ съ Татарскою конницею, не превзошла пятидесяти человѣкъ, что, конечно, не покажется вѣроятнымъ.

Во весь переходъ 20 числа Декабря не видали мы непріятеля; посланныя въ разъѣздъ партіи открыли, что жители изъ всѣхъ деревень вывозятъ въ горы свои семейства, угоняютъ стада. Кон-

ница наша взяла нѣсколько плѣнныхъ, отбила обозы и множество скота. Въ селеніяхъ находили имущество, которое жители спасти не успѣвали.

Приказано было истреблять селенія, и, между прочими, разоренъ прекраснѣйшій городокъ до 800 домовъ, Уллу-Айя называемый. Отсюда съ такою поспѣшностію бѣжали жители, что оставлено нѣсколько грудныхъ ребятъ.

Разореніе нужно было, какъ памятникъ наказанія гордаго и ни кому доселѣ не покорствовавшаго народа; нужно въ наставленіе прочимъ народамъ, на коихъ одни примѣры ужаса удобны наложить обузданіе.

Многіе старшины деревень пришли просить помилованія; не только не тронуты деревни ихъ, ниже не позволено войскамъ приближаться къ онымъ, дабы не привести въ страхъ жителей. На поляхъ хлѣбъ ихъ, всѣ заведенія и стада ихъ остались неприкосновенными.

Великодушная пощада, которой не ожидали, истолковала Акушинскимъ народамъ, что одною покорностію могутъ снискать свое спасеніе, и уже многіе являлись съ увѣренностію, что они найдутъ снисхожденіе.

Посланныя партіи къ сторонѣ главнаго города Акуши, отстоящаго отъ ночлега нашего въ 15 верстахъ, замѣтили чрезвычайно большое стеченіе въ городѣ народа и движеніе необыкновенное, изъ чего можно было заключать, что жители пріуготовляются къ защитѣ. По слухамъ зналъ я, что дорога, на разстояніи 6-ти верстъ къ городу, проходитъ весьма тѣсною лощиною и мѣстами, гдѣ непріятель можетъ нанести намъ большой уронъ, занимая окрестныя и во многихъ пунктахъ неприступныя высоты; что нѣтъ дороги, которою бы возможно было обойти оныя, и что, сверхъ того, самый городъ лежитъ въ самыхъ крѣпчайшихъ ущельяхъ, среди коихъ отдѣлившійся холмъ защищаетъ входъ въ нихъ на разстояніи не болѣе выстрѣла.

Отправивъ съ начальникомъ Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіоромъ Вельяминовымъ и Генералъ-Маіоромъ Княземъ Мадато-

вымъ, Казаковъ и Татарскую конницу до 1500 человѣкъ, приказалъ я осмотрѣть окрестныя города мѣста, не вступая съ непріятелемъ въ дѣло до прибытія пѣхоты, войскамъ приказано было выступить весьма рано. На пути встрѣченъ былъ я двумя изъ важнѣйшихъ старшинами, изъ коихъ одинъ былъ прежде главнымъ Кади. Они просили, чтобы одними сутками умедлилъ я приближеніе къ городу, и что, между тѣмъ, употребятъ они стараніе согласить жителей просить прощенія. На отвѣтъ, что могъ бы я повѣрить посланнымъ съ воли народа, но тогда не было бы ихъ двое, они же не предлагаютъ отъ имени его, но собственное свое стараніе, и по тому на однихъ подобныхъ обѣщаніяхъ не могу я остановить моихъ предпріятій, и войска продолжали маршъ свой. Старшины уѣхали. Начальникъ Корпуснаго Штаба прислалъ сказать, что безпрепятственно дошли они до города и оный, найдя оставленнымъ жителями его, заняли. Вскорѣ пришелъ я съ войскомъ и расположился въ городѣ. Всѣ окрестныя горы наполнены были спасающимися жителями съ ихъ семействами и имуществомъ; я запретилъ ихъ преслѣдовать, хотя, разсѣянными и объятыми ужасомъ, легко можно было овладѣть ими.

Въ городѣ нашли мы нѣсколько хлѣба и ничего болѣе.

Къ Шамхалу явились знакомые ему люди и посредствомъ нхъ вызваны многіе изъ знатнѣйшихъ старшинъ, а вскорѣ и самъ главный Кади, который весьма боялся явиться, будучи причиною своевольства Акушинцевъ и слѣдуя внушеніямъ вредныхъ намъ людей, которыхъ принималъ всегда съ особеннымъ дружелюбіемъ и оказывалъ имъ помощь.

Наконецъ начали появляться жители и водворяться по прежнему. Въ лагерь приходили женщины отыскивать грудныхъ ребятъ своихъ, которыхъ солдаты сберегали. Одному изъ знатнѣйшихъ старшинъ возвращена молодая дочь его, которую во время плѣна ея содержали съ должнымъ уваженіемъ. Въ городѣ разорить приказалъ я нѣсколько домовъ, принадлежащихъ друзьямъ бѣглеца Шихъ-Али-Хана и учавствовавшихъ съ нимъ во всѣхъ вредныхъ замыслахъ его противъ насъ. Войскамъ доставленъ былъ провіантъ, въ которомъ начинали они нуждаться.

Собравшіеся жители и главнѣйшіе изъ старшинъ всѣхъ селеній приведены были къ присягѣ на подданство Императору въ великолѣпной городовой мечети, войска были подъ ружьемъ и сдѣланъ 101 выстрѣлъ изъ пушекъ.

Я назначилъ главнымъ Кадіемъ, бывшаго въ семъ званіи не за долго прежде и добровольно сложившаго оное, старика, извѣстнаго кроткими свойствами и благонамѣренностію, и выборъ мой былъ принятъ Акушинцами съ удовольствіемъ. Отъ знатнѣйшихъ фамилій приказалъ я взять 24 аманата, и назначилъ имъ пребываніе въ Дербентѣ. Наложена дань ежегодная, совершенно ничтожная, единственно въ доказательство ихъ зависимости. Они обязались никого не терпѣть у себя изъ людей, Правительству вредныхъ, были признательны за пощаду и видѣли, что отъ меня зависѣло нанести имъ величайшія бѣдствія. Мнѣ, при выраженіяхъ весьма лестныхъ, поднесена жителями сабля, въ знакъ особеннаго уваженія.

Многимъ изъ отличнѣйшихъ людей, въ особенности пяти Кадіямъ, начальствующимъ въ Магалахъ или Округахъ, роздалъ я приличные подарки; нѣкоторыхъ, потерпѣвшихъ разореніе, надѣлилъ скотомъ, отбитымъ во множествѣ.

Во время пребыванія въ Акушѣ явился, бунтовавшій, зять Шамхала и нѣкоторые Беки, сопровождавшіе въ бѣгствѣ Шихъ-Али-Хана, прося о помилованіи и позволеніи возвратиться на родину, и получили прощеніе.

Нѣсколькихъ Магаловъ жители Казыкумыцкіе, недовольные поступками Сурхай-Хана, пришли съ жалобою на него и просили, чтобы я ихъ отдалъ подъ покровительство Полковника Асланъ-Хана Кюринскаго, которому они и присягнули въ покорности. Асланъ-Ханъ съ самаго начала военныхъ дѣйствій находился съ своими войсками при отрядѣ Генералъ-Маіора Князя Мадатова въ Табассаранской и Каракайдацкой Провинціяхъ и при мнѣ, въ Акушѣ. Ему, за непоколебимую вѣрность и усердіе Государю, обѣщалъ я Казыкумыцкое владѣніе и достоинство Хана въ непродолжительномъ времени.

Въ Акушѣ съ достовѣрностію узналъ я о связяхъ Сурхай-Хана Казыкумыцкаго и Мустафы Хана Ширванскаго съ Дагеста

номъ, и о стараніяхъ ихъ возмущать оный противъ насъ, думая, что тѣмъ обратятъ на себя большое уваженіе Правительства, изъ опасенія, что они могутъ учавствовать въ намѣреніяхъ народовъ Дагестанскихъ. Изъ захваченныхъ письменныхъ дѣлъ главнаго Кади открылись тайныя дѣйствія многихъ другихъ измѣнниковъ и злодѣевъ, и въ особенности Уцмея Каракайдацкаго и Хана Аварскаго. Мать сего послѣдняго, имѣвши двухъ своихъ дочерей въ замужствѣ за Шамхаломъ, просила письмомъ Акушинскаго Кади, чтобы онъ старался схватить Шамхала и доставилъ бы ей удовольствіе напиться его крови. Какія нѣжныя чувства женщины и великодушная попечительность о зятѣ!

Тутъ же бѣжавшій отъ Шихъ-Али-Хана казначей, долго при немъ служившій, сказывалъ, какія и когда пособія деньгами, или въ вещахъ, доставляла ему Персія и въ какихъ еще въ недавнемъ времени находился онъ сношеніяхъ съ Наслѣдникомъ Аббасъ-Мирзою. Что почасту скудны бывали сіи пособія; что недоставало на содержаніе, и онъ принужденъ былъ войти въ долги и находится въ бѣднѣйшемъ положеніи, ибо потеряна надежда, чтобы когда ни будь заплатить оныя Персія согласилась. Съ начала бѣгства Шихъ-Али-Ханъ имѣлъ при себѣ довольно многочисленную свиту, желая тѣмъ придать себѣ болѣе важности, и сіе требовало отъ него большихъ издержекъ и наконецъ и послѣднія средства его истощило.

26 числа Декабря выступилъ я изъ Акуши обратно, сопровождаемъ поставленнымъ мною главнымъ Кадіемъ и всѣми почетнѣйшими старшинами, которыхъ и отпустилъ я съ перваго моего ночлега.

Провинція Акушинская имѣетъ жителей не менѣе пятнадцати тысячъ семействъ, лежитъ вся вообще въ мѣстахъ гористыхъ, среди коихъ заключаются не весьма обширныя, но прекрасныя, долины. Земля оной весьма плодородна и обработана съ чрезвычайнымъ тщаніемъ, нѣтъ малѣйшаго пространства невоздѣланнаго; каждаго поселянина участокъ отдѣленъ межою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произрастаютъ хорошіе лѣса, но рѣкъ весьма мало. Селенія всѣ обстроены опрятно, дома содержатся съ особенною чистотою, которая примѣтна на самыхъ дворахъ и гумнахъ. Жители

главнаго города, по близости отъ онаго, имѣютъ загородныя дома или хутора.

Отличительныя народа свойства есть доброправіе и кротость. Къ воровству нѣтъ наклонности ни малѣйшей, праздность почитается порокомъ и ободряется трудолюбіе. Но начинаетъ вселяться развратъ, отъ употребленія горячихъ напитковъ, къ которымъ большое имѣютъ пристрастіе. Доселѣ роскошнѣйшимъ служитъ казенное наше вино, и развѣ спасетъ ихъ то, что Вице-Губернаторы продаютъ вмѣсто водки воду!..

27 числа Декабря отпустилъ я въ дома набранную въ Ханствахъ Татарскую конницу; отрядъ войскъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова отправился въ Дербентъ и Кубу по квартирамъ.

Отъ Генералъ-Маіора Барона Вреде, командующаго въ Кубинской Провинціи, получилъ извѣстіе, что Сурхай-Ханъ Казыкумыцкій съ войсками, въ числѣ не менѣе 5, или 6, т., атаковалъ Чирагское укрѣпленіе. Командующій въ ономъ двумя весьма не комплектными ротами, Троицкаго пѣхотнаго полка Штабсъ-Капитанъ Овечкинъ, защищаясь отчаянно, два раза отражалъ штурмовавшія толпы, но, не взирая на понесенный уронъ, непріятель упорствовалъ въ намѣреніи взять укрѣпленіе, приступилъ къ заготовленію лѣстницъ и, можетъ быть, наконецъ преодолѣлъ бы ужасною несоразмѣрностію силъ; ибо находившаяся въ укрѣпленіи артиллерія, по причинѣ возвышенія своего, не могла вредить непріятелю до самаго его приближенія, и одна сторона довольно удобна была для приступа. Но внезапное извѣстіе о занятіи войсками нашими Акуши, въ такой привело ужасъ Сурхай-Хана, что не только онъ бѣжалъ и толпы его мгновенно разсѣялись, но послалъ даже въ городъ Казыкумыкъ приказаніе, чтобы семейство его удалилось въ горы. Онъ ожидалъ, что измѣна его не будетъ оставлена безъ наказанія.

При нападеніи на Чирагъ случилось слѣдующее примѣчательное происшествіе. Внѣ укрѣпленія, въ близкомъ разстояніи, находилась мечеть, обращенная въ провіантскій магазинъ; непріятель хотѣлъ занять оную, ибо чрезъ то легче могъ подойти къ укрѣпленію. Одинъ молодой Офицеръ, защищавшись въ мечети до по-

слѣдней крайности, видя наконецъ, что удержать ее не въ состояніи, отпустилъ въ укрѣпленіе свою команду, самъ съ четырьмя человѣками лучшихъ стрѣлковъ, запасшись большимъ количествомъ патроновъ, засѣлъ въ минаретѣ при мечети и, производя величайшій вредъ толпившемуся непріятелю, не допускалъ его приблизиться къ укрѣпленію. Не иначе могъ преодолѣть непріятель сего безстрашнаго Офицера и его товарищей, какъ подкопавши основаніе минарета и опрокинувъ оный на землю. Офицеру и солдатамъ предложено было сдаться, но они отвѣтствовали на то выстрѣлами. По свѣдѣніямъ, собраннымъ послѣ, непріятель одними убитыми имѣлъ до пятидесяти человѣкъ въ продолженіи полутора сутокъ ихъ защиты. Въ виду укрѣпленія были они, уже мертвые, изрублены въ мелкія части.

Прибывши 1-го числа Генваря въ селеніе Параулъ, Мехтулинской Провинціи, далъ отдыхъ войскамъ, расположа ихъ въ селеніяхъ по квартирамъ. Послѣ чего вскорѣ началась зима, и весьма жестокая. Я назначилъ войска, которыя, подъ командою Подполковника Квартирмейстерской части, Верховскаго, должны были остаться здѣсь на зиму. На счетъ земли учредилъ снабженіе ихъ фуражемъ и дровами, перевозку провіанта изъ магазиновъ Кизлярскаго и Дербентскаго обратилъ въ повинность Мехтулинцамъ и жителямъ Табассарана. Отрядъ войскъ сихъ обязанъ былъ наблюдать за поведеніемъ Акушинцевъ и чтобы они не могли мстить народамъ, намъ содѣйствовавшимъ.

Шамхалу, дающему собою примѣръ постоянной вѣрности Императору, способствовавшему намъ всѣми зависящими отъ него средствами, въ награду за усердіе, Высочайшимъ именемъ Государя, далъ я въ Мехтулинской Провинціи въ потомственное владѣніе не менѣе 2500 семействъ, что составитъ, по крайней мѣрѣ, 10 тыс. душъ, и снабдилъ его грамотою. Въ остальныхъ деревняхъ учредилъ Наиба (правителя отъ Русскаго начальства), въ пользу двухъ малолѣтныхъ дѣтей умершаго Гассанъ-Хана, брата измѣнника Хана Аварскаго, которыхъ отправилъ я въ Россію вмѣстѣ съ бабкою ихъ, тою злою и гнусною старухою, которой переписка захвачена была въ Акушѣ.

Нѣкоторыхъ изъ старшинъ Мехтулинскихъ и владѣльца селенія Каферкумыцкаго, возбуждавшихъ въ послѣдніе два года всѣ

мятежи и безпокойства, участвовавшихъ во всѣхъ предпріятіяхъ Аварскаго Хана и его брата, въ особенности злобствовавшихъ на Шамхала, за его приверженность Русскимъ, отправилъ въ Кизляръ и приказалъ нѣкоторыхъ повѣсить, дабы безпокойные сосѣди Кавказской Губерніи знали, что и въ Дагестанъ простирается власть наша, и тщетны ихъ на него надежды!

Желая осмотрѣть округъ Гамры-Езень, отправился я чрезъ оный, и 17 Генваря пріѣхалъ въ Дербентъ, гдѣ нужно было мнѣ видѣть крѣпость, которую, не знаю по чему, спѣшилъ Инженерный Департаментъ приводить въ оборонительное положеніе. Я нашелъ, что крѣпость имѣетъ одно достоинство древности, но что безполезно укрѣплять, или исправлять, оную, ибо часть возвышенная оной, или цитадель, слишкомъ тѣсна для вмѣщенія малаго даже гарнизона, вся же вообще крѣпость потребовала бы весьма значительный расходъ. Въ общемъ мнѣніи долгое время Дербентъ почитаемъ былъ непреодолимою твердынею, преграждающею путь отъ стороны Россіи. Могъ онъ казаться намъ таковымъ, пока земля была намъ неизвѣстна, но по чему такъ разумѣли о немъ древніе, когда довольно удобно обойти его, и если точно существовала стѣна, проходившая по горамъ, то не возможно, по крайней мѣрѣ, употребить повсюду равныя для защиты оной средства.

Въ Дербентѣ явился ко мнѣ, возвратившійся изъ Хивы, гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитанъ Муравьевъ. Съ нимъ пріѣхали два посланца отъ Хивинскаго Хана, съ которымъ желалъ я вступить въ сношеніе. Они представили мнѣ пышныя письма Хана и ничтожные подарки. Я приказалъ имъ отправиться въ Тифлисъ, гдѣ должны они были прожить зиму и весною возвратиться въ отечество. Сколько ни мало благосклоненъ былъ пріемъ, сдѣланный въ Хивѣ Муравьеву, посланцы доказывали, однако же, уваженіе Хана къ Россійскому Правительству, и я имѣлъ надежду на успѣхъ въ моемъ намѣреніи.

Въ Дербентѣ съ удовольствіемъ взглянулъ я на развалины одной башни, гдѣ 24 года тому назадъ устроена была брешъ-батарея, которою командовалъ я, будучи артиллеріи Капитаномъ. Въ положеніи моемъ не могъ я быть равнодушнымъ къ воспоми-

нанію, и если бы не хотѣлъ признаться, никто не повѣритъ, чтобы не льстило оно честолюбію.

Во время пребыванія моего въ Дербентѣ одинъ изъ Бековъ сдѣлалъ доносъ на многихъ, находящихся въ сношеніяхъ съ Шихъ-Али-Ханомъ и помогающихъ ему деньгами и вещами..... получаютъ въ возвратъ отъ Персидскаго Правительства, отъѣзжая туда не рѣдко тайнымъ образомъ съ получаемыми отъ него свидѣтельствами въ принятіи пособія.

Доноситель зналъ все обстоятельно, ибо самъ долгое время былъ ихъ товарищемъ. Мошенники были большею частію пришлецы съ разныхъ странъ, не уроженцы земли и люди, производящіе лучшій въ городѣ торгъ. Они уличены были, и не могли оправдаться. Я, въ страхъ другимъ, приказалъ произвести надъ ними военный судъ. Полезно было разсѣять сіе гнѣздо злодѣевъ, чрезъ которыхъ Персія имѣла вѣрное сношеніе съ Дагестаномъ. Примѣръ таковаго изысканія произвелъ большой страхъ и слѣдствія для Правительства выгодныя.

Изъ Дербента въ Кизляръ пріѣхалъ я 12-го числа Февраля, съ намѣреніемъ отправиться въ С.-Петербургъ, на что имѣлъ уже я позволеніе.

Въ Кизлярѣ удержанъ я былъ множествомъ дѣлъ, собственно до Кавказской Губерніи относящихся; былъ потомъ въ Георгіевскѣ и на минеральныхъ водахъ, гдѣ, осмотрѣвъ временныя ванны, по распоряженію моему вновь построенныя, приказалъ составить архитектурные проекты для всѣхъ необходимыхъ зданій. На сей предметъ выпрошенъ мною былъ весьма искусный архитекторъ, и предварительно имѣлъ уже я увѣдомленіе, что, по партикулярному письму моему, Государю показанному, обѣщаны были деньги, и о томъ сообщено мнѣ официяльно дежурнымъ Генераломъ Главнаго Штаба, что Государь жалуетъ деньги для возведенія зданій.

По извѣстію, полученному отъ командующаго въ Грузіи, Генералъ-Лейтенанта Вельяминова 1-го, что приказаніе мое исполнено и Митрополиты изъ Имеретіи вывезены, отложилъ я намѣреніе ѣхать въ С.-Петербургъ, напротивъ поспѣшилъ возвратиться

въ Тифлисъ, ибо ожидалъ, что въ Имеретіи произойдутъ безпокойства.

Въ бытность мою на Линіи, командиръ 43-го егерскаго полка, Полковникъ Грековъ, дѣлалъ экспедицію къ Чеченцамъ: войска прочистили дорогу чрезъ урочище Ханъ-Кале и прорубили вновь дорогу на Гребенчуцкую поляну, на коей расположена деревня сего же имени, извѣстная какъ убѣжище главнѣйшихъ въ Чечнѣ разбойниковъ. Полковнику Грекову старались Чеченцы дѣлать возможныя препятствія, но онъ, пріобыкши совершенно къ ихъ образу войны, повсюду преодолѣлъ оныя, и дѣло кончилось нѣсколькими весьма неважными перестрѣлками.

Въ Тифлисъ прибылъ, ни кѣмъ не ожиданный, 23-го числа Февраля. Всѣ думали, что уѣхалъ я въ Россію.

По собраніи подробнѣйшихъ свѣдѣній о бывшихъ въ прошедшемъ году въ Имеретіи безпокойствахъ, легко замѣтилъ я, сколько, по слабости своей и нерѣшительности, неспособенъ командовать въ семъ краю Правитель Имеретіи, Генералъ-Маіоръ Курнатовскій, и я предложилъ ему оставить службу. Находясь долгое весьма время на Кавказской Линіи, гдѣ много разъ отличился онъ храбростію, по представленію моему былъ онъ опредѣленъ въ сію должность.

Его рекомендовали мнѣ особенно хорошо. По увольненіи, мѣсто его приказалъ я занять командиру 44 егерскаго полка, Полковнику Пузыревскому, Офицеру отличнаго усердія, расторопному и дѣятельному. Служа два года въ той странѣ, зналъ онъ всѣ обстоятельства и жителей оной; знали также, что никто скорѣе его смирить своевольствъ не въ состояніи.

Одинъ изъ родственниковъ Гурійскаго владѣтельнаго Князя, дядя его родной, Князь Койхосро Гурьелъ, человѣкъ, извѣстный непокорностію своею Правительству, явно приверженный Туркамъ и съ ними имѣющій вредныя для Правительства связи, не исполнивъ одного изъ распоряженій, сдѣланныхъ Полковникомъ Пузыревскимъ, зналъ, что не только не оставитъ онъ ослушанія не наказаннымъ, но можетъ еще открыть злодѣянія его, удаляясь изъ дома своего, гдѣ боялся быть захваченнымъ, скрывался въ лѣ-

сахъ и подговорилъ людей, которые бы убили Полковника Пузыревскаго.

Вскорѣ представился удобный случай для произведенія сего злодѣями. Полковникъ Пузыревскій, обозрѣвая Грузію, заѣхалъ въ жилище сего Князя, и узнавъ, что онъ находится не въ дальнемъ разстояніи, желалъ видѣться съ однимъ изъ друзей его, который, такъ же будучи замѣченъ человѣкомъ неблагонамѣреннымъ, имѣлъ тогда у него свое пребываніе. Въ проѣздъ чрезъ лѣсъ, въ сопровожденіи одного Офицера, переводчика и одного Казака, встрѣтился онъ съ нѣсколькими Гурійцами, и когда спрашивалъ ихъ, гдѣ ихъ Князь, сдѣланы по немъ ружейные выстрѣлы; однимъ изъ нихъ онъ убитъ на мѣстѣ, такъ же убитъ и Казакъ, Офицеръ и переводчикъ схвачены и увлечены. Конвойная весьма небольшая команда, которой приказалъ Полковникъ Пузыревскій оставаться назади, не смѣя ити въ лѣсъ, гдѣ слышны были выстрѣлы, возвратилась.

Старшій военный въ Имеретіи начальникъ, Мингрельскаго пѣхотнаго полка командиръ, Подполковникъ Згорѣльскій, собралъ тотчасъ отрядъ войскъ и вступилъ въ Гурію, въ которой мятежники собрались въ нѣсколькихъ силахъ. Худо сдѣлавши распоряженія свои и, какъ послѣ узналъ я, не будучи весьма храбрымъ человѣкомъ, при первыхъ ничтожныхъ препятствіяхъ, потерявши въ одной перестрѣлкѣ нѣсколько человѣкъ, не смѣлъ ити далѣе и возвратился. Сіе ободрило мятежниковъ, и не только усилились оные въ Гуріи, но водворился мятежъ и въ Имеретіи. Невѣжественное и самое подлое духовенство, паче же родственники вывезенныхъ Митрополитовъ, старались умножить оный. Многіе изъ дворянъ были участниками, а главнѣйшій виновникъ всѣхъ безпорядковъ, нѣкто Князь Абашидзе, подкрѣпивъ шайки мятежниковъ нѣсколькими сотнями жителей Ахалцыхскаго Пашалыка, заставилъ провозглашать себя Царемъ Имеретійскимъ. Мать его, ехидная старуха, отъ Царской фамиліи происходящая, обширныя имѣющая связи, много ему способствовала. Отыскался и одинъ Царевичъ, котораго Правительство не удалило въ Россію, по причинѣ совершенно скотоподобной его глупости, и сей такъ же нашелъ людей, которые вѣрили, что произойдетъ перемѣна въ правленіи, и дуракъ Царевичъ получилъ большое на оное влія-

ніе. Всѣ недовольные соединились, явились повсюду шайки вооруженнаго народа, прервалось сообщеніе съ Грузіею. Мингрелія, одна нѣкоторое время пребывши спокойною, послѣдовала на конецъ общему движенію. Владѣтельный Князь, Генералъ-Маіоръ Дадіанъ, остался непоколебимымъ въ вѣрности, но родной братъ его, съ ребячества въ Россіи воспитанный въ Пажескомъ Корпусѣ и служащій Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскомъ полку Офицеромъ, получивъ отпускъ для свиданія съ родственниками, завелъ вражду съ братомъ, и симъ не будучи воздерживаемъ въ поведеніи, проводя жизнь въ праздности, развратился до такой степени, что искалъ убить брата, въ намѣреніи сдѣлаться вмѣсто него владѣтелемъ, наконецъ слѣдуя внушеніямъ одного изъ ближайшихъ родственниковъ, молодаго человѣка самыхъ гнуснѣйшихъ наклонностей, съ которымъ вступилъ онъ въ тѣснѣйшія связи дружбы, имѣлъ онъ тайныя сношенія съ мятежниками Гуріи и взбунтовалъ противъ Русскихъ. Собравъ шайку, напалъ онъ на команду, препровождавшую транспортъ съ порохомъ и свинцомъ, изъ Редутъ-Кале отправленный, но, по горячей довольно перестрѣлкѣ, отбитъ оною, успѣвши, однако же, схватить приставшія двѣ повозки. Въ другомъ случаѣ захватилъ онъ провіантскаго Коммиссіонера, посланнаго съ небольшою суммою денегъ, но вьюки, въ коихъ оная сумма уложена была, спасены расторопностію Казаковъ конвойной команды. Владѣтельный Князь, составивъ медленно часть войскъ своихъ, преслѣдовалъ взбунтовавшаго брата, который скрылся въ горы, взятаго Коммиссіонера вскорѣ доставилъ къ начальству.

О убійствѣ Полковника Пузыревскаго узналъ я 17 Апрѣля, немедленно въ должность Правителя Имеретіи опредѣлилъ командира 41 егерскаго полка, Полковника Князя Горчакова, Офицера храбраго, расторопнаго и хорошихъ способностей.

Для наказанія мятежниковъ отправилъ начальника Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіора Вельяминова, которому поручено стараться истребить убійцъ, или, по крайней мѣрѣ, жестокое преслѣдованіе оныхъ оставить памятникомъ въ землѣ злодѣйской. Войска Донскаго Генералъ-Маіора Власова 3-го послалъ на дорогу между Кутайсомъ и Карталиніею, дабы обезпечено было сообщеніе. Приказалъ баталіонамъ: Херсонскаго гренадерскаго, 7-го карабинер-

наго и Тифлискаго пѣхотнаго полковъ немедленно туда слѣдовать; хотѣлъ я отложить дѣйствія до осени, когда поросшая ужасными лѣсами земля можетъ представлять болѣе удобствъ для движенія войскъ, а мятежникамъ менѣе средствъ укрывать семейства свои и имущества, когда переставшіе жары лѣтняго времени не будутъ разсѣвать между войсками убійственныя болѣзни, но медлить до того времени было уже не возможно, ибо изъ нѣкоторыхъ округовъ начальники должны были выѣхать, и власть Правительства прекратилась. Во многихъ мѣстахъ сдѣлали мятежники нападеніе на посты наши, прервали между ими сообщеніе, и нѣкоторымъ изъ нихъ, по малочисленности ихъ, надлежало уже дать помощь, дабы не впали въ руки злодѣевъ. Сверхъ того, люди намъ приверженные и своимъ обязанностямъ не измѣнившіе, угрожаемы были мятежниками, что разорятъ ихъ, если не будутъ участвовать въ ихъ предпріятіяхъ, чего тѣмъ болѣе они опасались, что уже были примѣры, что нѣкоторые принуждены къ тому силою, противящіеся же наказаны истребленіемъ домовъ и лишеніемъ имущества.

Войска наши должны были дать имъ защиту, приспѣть въ помощь къ разбросаннымъ нашимъ войскамъ, и такъ начались дѣйствія въ самое знойное и нездоровое время, и число въ войскахъ больныхъ умножалось до чрезвычайной степени. Полковникъ Князь Горчаковъ вошелъ съ отрядомъ въ Рачинскій округъ, извѣстный гористымъ и твердымъ своимъ мѣстоположеніемъ, разсѣялъ мятежниковъ съ большимъ для нихъ урономъ.

Многіе изъ жителей, представивъ ему оружіе, вошли въ свои жилища и спокойно занялись домашними своими работами. Селенія, лежащія не далеко отъ хребта Кавказа, не повиновались его распоряженіямъ, но онъ достигъ до нихъ и жестокимъ наказаніемъ привелъ въ послушаніе. Другой небольшой отрядъ разбилъ шайку Царевича Давыда, онъ былъ убитъ, жена и дѣти взяты въ плѣнъ. Генералъ-Маіоръ Власовъ 3-й стѣснилъ въ, такъ называемомъ, Ханскомъ ущельѣ измѣнника Князя Абашидзе, который, истощивъ всѣ способы на содержаніе пришедшихъ изъ Ахалцыха Турокъ, обольщалъ ихъ обнадеживаніемъ, что введетъ ихъ въ Имеретію и ее предастъ имъ на разграбленіе. Видя войска наши, потеряли Турки надежду на успѣхъ, возвратились въ

свои границы; небольшое число Имеретинъ, бывшихъ при немъ, разсѣялись, и онъ самъ, боясь, чтобы оставшіеся, уразумѣвъ, въ какомъ они находились бѣдственномъ положеніи, не вздумали, выдавъ его Русскому начальнику, снискать себѣ прощеніе, бѣжалъ въ Ахалцыхъ.

Въ непродолжительное время Имеретія приведена была въ совершенное спокойствіе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже составлена была милиція и она ходила съ нашими войсками. Многіе изъ главныхъ виновниковъ мятежа схвачены, нѣкоторые сосланы, имѣнія конфискованы въ казну, и мужики въ восхищеніи были, когда объявлено имъ, что они помѣщикамъ своимъ болѣе принадлежать не будутъ.

Послѣ сего начальникъ Корпуснаго Штаба отправился съ войскомъ въ Гурію. Мятежники до того напали на постъ нашъ въ Чехтаури, состоящій изъ 70 рядовыхъ при Офицерѣ, который, раненъ будучи, взятъ въ плѣнъ, потеря изъ нижнихъ чиновъ простиралась до 30 человѣкъ, прочіе возвратились. Убійца Полковника Пузыревскаго, собравъ сколько можно людей, приготовлялся защищаться. Въ замкѣ его, Шамокмети называемомъ, находился гарнизонъ.

Владѣтельный Князь хотя желалъ прекращенія безпокойствъ въ землѣ его, но ни малыхъ не употреблялъ къ тому средствъ. Хотя нельзя было упрекнуть его ни однимъ неблагонамѣреннымъ поступкомъ, но окружающіе его, и между ими многіе извѣстные худыми свойствами и довольно явно благопріятствующіе измѣнникамъ, внушали ему недовѣрчивость къ Правительству и боязнь наказанія за происшедшіе безпорядки. Къ начальнику Штаба онъ не являлся, отзываясь разными вымышленными извиненіями, и сношеніе происходило чрезъ пересылаемыхъ чиновниковъ, иногда пріѣзжалъ онъ близко къ лагерю и предлагалъ свиданіе, дѣлая условіе въ количествѣ людей, которые со стороны начальника Корпуснаго Штаба должны сопровождать его при свиданіи. Я, наконецъ, писалъ къ нему, что если бы Правительство имѣло причины быть имъ недовольнымъ, или бы не желало сохранить его въ достоинствѣ владѣтельнаго Князя, укрывательство не спасетъ его; что достаточно мнѣ одного слова, и онъ земли своей не увидитъ.

Обнадежилъ его въ милости Государя, и что начальнику войскъ приказано оказывать ему всякую помощь и во всемъ охранять его выгоды.

Сперва пріѣхала жена его, которую прислалъ онъ, вѣроятно, желая испытать, какъ принята будетъ. Оказанное ей уваженіе и вѣжливость дали ему понятіе, что онъ не имѣетъ причины опасаться, и онъ самъ пріѣхалъ въ скоромъ времени и увѣрился въ намѣреніяхъ начальства. Онъ вспомоществовалъ войскамъ доставленіемъ провіянта и своихъ войскъ нѣсколько сотъ человѣкъ просилъ присоединить къ нимъ, въ чемъ, впрочемъ, не было ни какой нужды.

Не далъ я ему чувствовать, что перемѣну въ поведеніи его отношу я не дѣйствію письма моего, но рѣшительнымъ успѣхамъ оружія противъ мятежниковъ. Примѣтно весьма было, что онъ выжидалъ, какой дѣла примутъ оборотъ, и позволительна была нѣкоторая ненадѣянность послѣ неудачныхъ распоряженій Подполковника Згорѣльскаго.

Подполковникъ Згорѣльскій мною представленъ былъ въ командиры полка, ибо не могъ я не имѣть о немъ отличныхъ мыслей, нашедши его дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ корпуса, въ каковомъ званіи, конечно, выгодно бы было предмѣстнику моему имѣть человѣка способнаго. Не долженъ я былъ сомнѣваться въ храбрости его, ибо на Подполковникѣ видѣлъ С.-го Вадиміра 3-й степени, и оказанный имъ подвигъ описанъ былъ великолѣпнымъ образомъ.

Генералъ-Маіоръ Вельяминовъ вступилъ въ имѣніе убійцы, атаковалъ замокъ его, Шамокмети. Въ лѣсахъ почти не проходимыхъ, на скалѣ утесистой и только съ одной стороны приступной, стоитъ сіе убѣжище злодѣя, но и въономъ, не почитая себя довольно въ безопасности, онъ не ожидалъ войскъ нашихъ, заблаговременно удалился въ лѣса. Войска съ величайшею трудностію встащили два орудія, но столько тѣсно было окружающее замокъ мѣсто, что вмѣстѣ ихъ поставить нельзя было, и не иначе, какъ въ ближайшемъ разстояніи.

Мятежники со стѣнъ съ большимъ вредомъ производили ружейный огонь, но въ близи дѣйствующая артиллерія немедленно

отбила ворота и, они спустясь въ отверстіе, сокрытое прилегающимъ къ замку лѣсомъ, спаслись бѣгствомъ. Не было проводника, которому бы извѣстна была сія сокрытая тропинка, а стрѣлки наши хотя уже и начинали со стороны оной занимать лѣсъ, но не успѣли овладѣть оною. Мятежники понесли незначительный уронъ, но пріобрѣтеніе замка по тому было важнымъ, что оный почитался въ Гуріи мѣстомъ непреодолимымъ, и жители смотрѣли, какой успѣхъ будетъ войскъ нашихъ. Самые приверженные къ намъ думали, что войска, встрѣтивъ затрудненіе, отступятъ. Неблагонамѣренные утѣшались, что неудача съ нашей стороны будетъ сигналомъ къ всеобщему возмущенію Грузіи.

Замокъ истребленъ былъ до основанія, одна только оставлена церковь. Полковнику Пузыревскому, въ близкомъ разстояніи оттуда застрѣленному, построена гробница. Владѣтельный Князь представилъ самаго убійцу, молодато весьма человѣка, который, по сдѣланномъ имъ признаніи, что подговоренъ былъ на то Койхосромъ Гуріеломъ, загнанъ на самомъ мѣстѣ преступленія до смерти.

Начальникъ Корпуснаго Штаба, вышедши обратно изъ лѣсовъ, расположилъ войска лагеремъ, откуда посылаемые отряды преслѣдовали мятежниковъ въ разныхъ направленіяхъ, и они, скрываясь повсюду, въ мѣстахъ самыхъ неприступныхъ, нигдѣ не могли сыскать убѣжища. Койхосро Гуріелъ бѣжалъ въ Турцію и нѣкоторые главнѣйшіе изъ злодѣевъ, прочіе разсѣялись и вскорѣ мятежъ прекращенъ былъ совершенно. Бунтующія селенія были разорены и сожжены, сады и виноградники вырублены до корня и чрезъ многіе года не придутъ измѣнники въ первобытное состояніе. Нищета крайняя будетъ ихъ казнію.

Лишеніе жизни опредѣлено наказаніемъ тому, кто приметъ къ себѣ, или не объявитъ о появленіи изъ Турціи разбойниковъ.

Въ Мингрелію не нужно было посылать войскъ, ибо скрывавшійся въ горахъ братъ владѣтеля не могъ собрать большой шайки, и уже до окончанія въ Гуріи безпокойствъ бѣжалъ въ Турецкую крѣпость Поти, вмѣстѣ съ родственникомъ его, который вовлекъ его въ измѣну и вскорѣ тамъ умеръ. Владѣтель внимательно наблюдалъ за нимъ, повсюду выставлены караулы, и онъ

собственными войсками способствовалъ доставленію провіянта отъ Редутъ-Кале и по рѣкѣ Ріону.

Въ Имеретіи, между тѣмъ, подъ руководствомъ военнаго начальства, приводились въ извѣстность принадлежащія церкви имущества, и все исполнилось съ наилучшимъ порядкомъ, къ чему Митрополитъ Ѳеофилактъ, безъ посредства военной власти, не могъ наклонить ни какими средствами. Описаніе имуществъ производилось однимъ изъ Епископовъ Имеретинскихъ, который, принадлежа къ знатной фамиліи, имѣлъ обширныя связи, и чрезъ него удобно было внушить Князьямъ и Дворянству, что Правительство весьма далеко отъ намѣренія присвоить ихъ собственность. Онъ дѣйствовалъ съ усердіемъ, ибо старался загладить вину свою, какъ имѣвшій нѣкоторое съ мятежниками согласіе, чего доказательства были въ рукахъ моихъ.

Наказывая неоднократныя измѣны Сурхай-Хана Казыкумыцкаго, злобнѣйшаго изъ враговъ нашихъ и содѣйствовавшаго въ прошедшемъ году Акушинцамъ, коего войска приходили имъ въ помощь и въ то же время осаждали Чирацкое укрѣпленіе, отправилъ я въ Кубу Генералъ-Маіора Князя Мадатова и, тамъ составивъ отрядъ войскъ, долженствующій поступить подъ его команду, приказалъ съ нимъ войти въ Казыкумыцкое Ханство, стараться наказать жестоко измѣнника и, буде особенныхъ не встрѣтится препятствій, взять главный городъ.

Полковнику Асланъ-Хану Кюринскому приказано собрать свои войска; къ нимъ присоединены набранныя въ Табассаранской Провинціи и конница отъ Ханствъ, и всѣ они поступили въ составъ отряда, назначеннаго къ дѣйствію.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ вступилъ по направленію отъ укрѣпленія Чирагъ, ибо нѣтъ другой удобнѣйшей дороги въ Казыкумыцкое Ханство. Гористое и чрезвычайно возвышенное мѣстоположеніе давало возможность совершить сіе предпріятіе въ лѣтнее время, не опасаясь отъ жаровъ худыхъ послѣдствій. Сурхай-Ханъ Казыкумыцкій, знавъ о пріуготовленіи войскъ, съ своей стороны, предпріемля всѣ мѣры обороны, пригласилъ въ помощь себѣ сосѣднія общества вольнаго народа и, собравъ всѣ силы у се-

ленія Хозрекъ, сдѣлалъ въ окрестности онаго нѣсколько отдѣльныхъ укрѣпленій. Были мѣста, извѣстныя твердостію и трудныя къ преодолѣнію или, по крайней мѣрѣ, съ большимъ весьма урономъ, но не хотѣлъ Сурхай-Ханъ удалиться внутрь земли, ибо тогда многія деревни и болѣе населенная часть Ханства доставались въ руки наши. Асланъ-Ханъ Кюринскій, непримиримый врагъ его, могъ воспользоваться сильными связями, которыя имѣлъ онъ между жителей, и сіи, боясь разоренія, оставили бы Сурхай-Хана и, конечно, изгнали бы его изъ главнаго города.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ, не доходя не много до Хозрека, увидѣлъ непріятельскую конницу, которая, расположась на возвышеніи близъ дороги, имѣла оную подъ выстрѣлами. Часть Татарской конницы нашей тотчасъ вступила въ дѣло, но приведена была въ безпорядокъ, приспѣвшая же пѣхота оттѣснила непріятеля и открыла дорогу всему отряду. Пройдя непродолжительное дефиле, войскамъ нашимъ представились непріятельскіе окопы и всѣ силы. Окопы прилегали къ горѣ довольно утесистой, и вершина оной занята была большими толпами. Тамъ былъ особый лагерь стражи Сурхай-Хана, который не любилъ подвергаться опасности и весьма часто прежде оной заботился о средствахъ вѣрнаго отступленія.

Атаку укрѣпленій распорядилъ Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ въ трехъ пунктахъ. Оной предшествовала сильная канонада, которая произвела въ непріятелѣ примѣтное замѣшательство. Конница его, бывшая впереди, усилясь пѣхотою, вышедшею изъ окоповъ, составляла значительныя толпы, и Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ долженъ былъ употребить противъ нихъ особенную часть войскъ; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ бросились они въ бѣгство, конница проскакала чрезъ селеніе, поспѣшно спасаясь, вмѣстѣ съ нею наша Татарская конница успѣла захватить часть селенія. Изъ нѣкоторыхъ укрѣпленій атакующія колонны наши встрѣчены были сильнымъ огнемъ, но оный не остановилъ ихъ. Укрѣпленія взяты штыками безъ выстрѣла. Въ одномъ изъ нихъ сопротивлявшійся непріятель, въ числѣ 180 человѣкъ, вырѣзанъ до послѣдняго. Повсюду проникшія войска наши грозили отрѣзать у нихъ отступленіе.

Когда же увидѣлъ непріятель, что вся конница наша и часть Татарской пѣхоты обратились на единственную дорогу, по которой могъ онъ надѣяться отойти безпрепятственно, тогда всѣ толпы въ величайшемъ замѣшательствѣ, не помышляя болѣе о защитѣ, бросились въ стремительнѣйшее бѣгство къ той утесистой горѣ, которая находилась позади укрѣпленій. Тѣсныя тропинки не могли вмѣщать вдругъ всего множества, стрѣлки наши преслѣдовали бѣгущихъ, нанося имъ чувствительный вредъ. Умножила бѣдствія ихъ приспѣвшая артиллерія, которая, расположась при подошвѣ горы, по отлогости оной, усѣянной спасающимися, производила картечные выстрѣлы.

Сурхай-Ханъ бѣжалъ при самомъ началѣ атаки на укрѣпленія, и войска его остались безъ начальника. За нимъ послѣдовало весьма малое число приверженцевъ; всѣ, спасшіеся отъ пораженія, разсѣялись въ разныя стороны.

Непріятель потерялъ убитыми и ранеными не менѣе пяти сотъ человѣкъ, весь лагерь и одиннадцать знаменъ, въ плѣнъ взято шесть сотъ три человѣка. Кромѣ сихъ, взяты многіе Татарскими нашими войсками, но оные, по отобраніи у нихъ оружія, давали имъ свободу. Съ нашей стороны потеря Русскихъ войскъ убитыми и ранеными не простиралась свыше шестидесяти человѣкъ, въ Татарскихъ войскахъ восемьдесятъ четыре человѣка. Въ числѣ убитыхъ лишились мы Маіора Гасанъ-Аги, извѣстнаго отличною храбростію, брата роднаго Асланъ-Хана. Онъ, въ виду войскъ нашихъ, съ частію конницы, подскакавъ на ближайшее разстояніе къ укрѣпленіямъ, спѣшился и пошелъ на штурмъ, гдѣ и погибъ вскорѣ.

Сраженіе происходило 12-го числа Іюня; никогда Дагестанъ не испыталъ подобнаго пораженія; войска Русскія въ первый разъ появились въ мѣстахъ сихъ.

15 числа Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ занялъ безъ всякаго сопротивленія главный городъ Казыкумыкъ, въ немъ найдено 9-ть пушекъ и 3 мортиры, оставленныя нѣкогда Шахъ-Надиромъ при покореніи онаго. Жители Ханства приведены къ присягѣ на вѣрное подданство Императору; Полковникъ Асланъ-Ханъ

Кюринскій объявленъ Ханомъ Казыкумыцкимъ. Народъ обложенъ податью самою ничтожною, единственно въ знакъ зависимости. Сурхай-Ханъ изгнанъ изъ предѣловъ Ханства; издана прокламація, что гнусный сей измѣнникъ и никто изъ роду его терпимы Правительствомъ Россійскимъ не будутъ. На счетъ народонаселенія Казыкумыцкаго Ханства мнѣнія весьма различны. Нѣкоторые почитаютъ оное не свыше 9 тыс. семействъ, другіе простираютъ его до 12 тыс. Большая часть селеній лежитъ въ гористыхъ мѣстахъ и хлѣбопашество имѣетъ весьма скудное. Пастбищами изобилуютъ обширными и превосходнѣйшаго качества, на коихъ въ лѣтнее время собирается скотоводство всѣхъ окрестныхъ народовъ. Съ однихъ пасущихся барановъ, сбирая по пяти съ каждой сотни, Ханъ получаетъ отъ 12 до 13 тысячъ барановъ.

Во многихъ мѣстахъ Ханства не производится посѣва хлѣба, ибо оный, по чрезвычайной возвышенности положенія земли, не вызрѣваетъ, и по тому ежегодно значительное количество хлѣба ввозится изъ Кюринскаго Ханства.

Назначивъ Асланъ-Хану пребываніе въ Казыкумыкѣ, приказано ему преслѣдовать всѣми средствами измѣнника Сурхай-Хана; Кюринское Ханство, которымъ до сего управлялъ Асланъ-Ханъ, оставилъ я въ прежнемъ своемъ составѣ, не присоединяя къ Ханству Казыкумыцкому, и назначилъ, чтобы въ немъ былъ особенный Наибъ. Сіе раздѣленіе полезно въ томъ случаѣ. если бы Ханъ вздумалъ выйти изъ послушанія: всегда будетъ кто ни будь изъ родственниковъ его служить съ усердіемъ, чтобы имѣть въ управленіи Ханство, коего жители, пріобыкши къ особому управленію, далеки будутъ отъ единодушія съ прочими.

Общество Кубиченцевъ, извѣстное искуснымъ издѣліемъ оружія, приняло также присягу на вѣрность и обложено податью. Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ возвратился съ отрядомъ, и войска отпущены въ ихъ квартиры.

Акушинцы въ дѣйствіяхъ Сурхай-Хана не приняли ни какого участія, сколько ни старался онъ возбудить ихъ. Они похвальнымъ образомъ сохранили свои обязанности и тогда, какъ со стороны нашей совершенно ничего не могли опасаться; ибо отрядъ

войскъ подъ командою Полковника Верховскаго, занимавшій зимнія квартиры въ Мехтулинскомъ Округѣ, которому приказано было наблюдать за поведеніемъ ихъ, выступилъ оттуда еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, и даже ни одного человѣка не оставалось во всѣхъ владѣніяхъ Шамхала Тарковскаго.

Полковникъ Верховской съ войсками обращенъ былъ къ построенію въ бывшей Калчалыцкой деревнѣ, называемой Горячевской (Истису), укрѣпленія на 300 человѣкъ гарнизона, дабы сколько возможно препятствовать набѣгамъ Чеченцовъ на земли Аксаевскаго владѣнія и къ городу Кизляру. Войска сіи были нѣсколько усилены, и Командующій на Кавказской Линіи, Генералъ-Маіоръ Сталь 2-й, находился съ ними въ лагерѣ. Чеченцы, часто появляясь въ силахъ, атакуя передовые посты и угрожая сдѣлать нападеніе на табунъ и сѣнокосы, старались препятствовать работамъ. Не рѣдко происходили сшибки, и одна весьма горячая, въ которой Линейные Казаки наши, несравненно менѣе числомъ, оказали особенную неустрашимость. Въ продолженіи работъ не имѣлъ непріятель ни малѣйшаго успѣха. Укрѣпленіе къ осеннему времени было совершенно кончено и на первый случай необходимыя жилища; наименованіе получила Неотступнаго стана; оттуда войска перешли къ селенію Аксай, и небольшую деревню Герзели-Аулъ, лежащую противъ онаго, обратили въ укрѣпленный постъ, гдѣ и расположилась одна рота 43 егерскаго полка, для охраненія Аксая отъ безпокойствъ, которыя безпрестанно наносили ему живущіе вблизи Чеченцы.

Бывшій Ханъ Казыкумыцкій, чувствуя болѣе и болѣе стѣсняемое его положеніе, вознамѣрился бѣжать въ Персію. Лезгины Чарскаго общества взялись проводить его скрытными дорогами, и онъ, выѣхавъ изъ горъ съ сыномъ и малою весьма свитою, нѣсколько дней проживалъ въ лѣсу близъ селенія Алмалы, въ надеждѣ переправиться чрезъ Куру у деревни Самуха, но, боясь расположенныхъ по правому берегу карауловъ, рѣшился ѣхать чрезъ Ханство зятя его, Генералъ-Лейтенанта Мустафы Ширванскаго.

Комендантъ города Нухи, услышавъ о бѣгствѣ Сурхай-Хана, выслалъ партію Татарской конницы, дабы схватить его, если вознамѣрится взять путь свой чрезъ Шекинскую Провинцію. Спа-

стись ему совершенно было не возможно, но падаетъ подозрѣніе, что способствовалъ ему Султанъ Елисеуйскій, по женѣ своей родственникъ ему близкій, а послѣ дознано, что высланные съ конницею Шекинскіе старшины, зная, по которой дорогѣ онъ проѣзжаетъ, съ намѣреніемъ отправились совершенно по другой, дабы ему не воспрепятствовать. Такимъ образомъ въ длину всей Провинціи безопасно проѣхалъ онъ въ Ширванское Ханство и, въ близкомъ отъ главнаго города разстояніи, былъ, по приказанію Мустафы-Хана, принятъ однимъ изъ преданныхъ ему Бековъ. Мустафа съ вѣрными своими людьми отправился должно быть за Куру и далѣе въ Персію. Обо всемъ тотчасъ дано было мнѣ знать, но Мустафа-Ханъ, оправдываясь, что, совершенно не зная о проѣздѣ Сурхай-Хана, не преставалъ увѣрять въ преданности его и вѣрности Государю. Не имѣлъ я доказательствъ къ изобличенію его до того, какъ потребовалъ отъ Султана Елисеуйскаго, чтобы немедленно прислалъ находящагося у него прислужника Мустафы-Хана, которому всѣ дѣла его и тайны были извѣстны. Сей открылъ всѣ его злодѣйства, связи въ Дагестанѣ и средства, которыми возбуждалъ оный—сношенія съ Персіею, куда весьма часто посылаемы были отъ него чиновники къ Аббасъ-Мирзѣ и принимаемы отъ него пріѣзжающіе. Описалъ дружескія связи его съ Сурхай-Ханомъ и что посредствомъ его раздражаетъ противъ насъ Акушинцевъ, съ каковыми порученіями самъ ѣздилъ неоднократно; что всѣхъ неблагонамѣренныхъ и вредныхъ Правительству людей принимаетъ всегда дружественно и во всѣхъ злыхъ совѣщаніяхъ непремѣнно участвуетъ. Мустафа-Ханъ, узнавши о захваченіи его прислужника, не сомнѣвался, что, отъ боязни наказанія, можетъ онъ открыть его поступки, началъ пріуготовлять лошадей и вьюки, и все означало намѣреніе побѣга. Состоявшему при немъ Офицеру въ званіи Пристава подарилъ онъ деньги, чтобы не дѣлалъ о томъ мнѣ донесенія, который немедленно обо всемъ увѣдомилъ. Мустафа-Ханъ, чрезъ откупщика рыбныхъ промысловъ, величайшаго изъ мошенниковъ, Надворнаго Совѣтника Иванова, прислалъ письма ко всѣмъ своимъ знакомымъ, особенно при мнѣ служащимъ чиновникамъ и переводчикамъ, поручая имъ не щадить ни денегъ, ни подарковъ, а меня увѣрить, что онъ ни въ чемъ участія не имѣетъ; что о проѣздѣ Сурхай-Хана не зналъ и предъ симъ задолго прервалъ съ нимъ всякія связи; что хотятъ злодѣи его

повредить ему клеветою, будто умышляетъ онъ бѣжать въ Персію. Съ Армяниномъ Ивановымъ пріѣхалъ Секретарь его (Мурза Агмедъ), имѣя тысячу червонцевъ на подарки при первомъ случаѣ, въ моей Канцеляріи, Иванову же поручено было, по надобности, занять на имя его большія суммы. Деньги тысячу червонцевъ приказалъ я Полицеймейстеру и Коменданту взять въ казну и, вмѣсто отвѣта на письма Мустафы-Хана, доставленныя ко мнѣ чрезъ нарочныхъ трехъ чиновниковъ, приказалъ я командующему въ Кубѣ, Генералъ-Маіору Барону Вреде, отправить въ Ширвань два баталіона пѣхоты и артиллеріи форсированнымъ маршемъ, и туда поспѣшнѣйшимъ образомъ послалъ войска Донскаго Генералъ-Маіора Власова 3-го съ 800 человѣками Казаковъ, дабы отнять средства къ побѣгу и, буде можно, схватить Мустафу-Хана. О движеніи войскъ былъ онъ предувѣдомленъ, но съ такою быстротою шли Казаки, что едва успѣлъ онъ переправиться за рѣку Куру, какъ они появились на берегу. Одинъ изъ Бековъ, имѣвшихъ на него вражду, собравъ людей, догналъ у переправы часть его вьюковъ и отбилъ нѣсколько оныхъ. Мустафа стрѣлялъ на него съ другой стороны рѣки.

Два, или три, часа замедленія, и онъ былъ бы въ рукахъ Казаковъ! Но о поспѣшности его можно судить по тому, что онъ оставилъ двухъ меньшихъ своихъ дочерей, изъ коихъ одну, грудную, нашли задавленную между разбросанныхъ сундуковъ и пожитковъ.

Изъ предосторожности назначилъ я въ Ширвань войска, полагая, что Мустафа можетъ собрать большое число приверженцевъ и вздумаетъ защищаться въ гористой части Ханства, но ему сопутствовали нѣкоторые изъ ближайшихъ родственниковъ и малое весьма число Бековъ, прислужниковъ; при всѣхъ вообще было съ небольшимъ триста человѣкъ. Всѣ прочіе оставались совершенно покойными и какъ будто никогда не бывало Хана въ Ширвани.

Генералъ Маіору Князю Мадатову и Правителю Канцеляріи моей, Статскому Совѣтнику Могилевскому, препоручено сдѣлать описаніе Провинціи и доходовъ, казнѣ принадлежащихъ. Жители приведены къ присягѣ на подданство, учрежденъ городовой судъ. Главный городъ Провинціи, по неудобству гористаго мѣстополо-

женія, которымъ жители были чрезвычайно недовольны и гдѣ Мустафа-Ханъ жилъ, вопреки желанія всѣхъ, по тому только, что почиталъ себя въ безопасности, переведенъ въ старую Шемаху, нѣкогда бывшую обширнымъ городомъ и коего остатки свидѣтельствуютъ о его нѣкогда великолѣпіи.

Дочь маленькую, оставленную Мустафою-Ханомъ, приказалъ я отправить къ нему, снабдивъ ее приличною одеждою и составивъ ей свиту изъ прежнихъ Ханскихъ прислужниковъ. Жены бѣжавшихъ съ Ханомъ родственниковъ и нѣкоторыхъ изъ Бековъ также отосланы. Имъ позволено взять движимое ихъ имѣніе и пристойную прислугу. Поступокъ сей удивилъ Персіянъ, ибо въ подобныхъ случаяхъ, если не всегда преслѣдуютъ они родственниковъ бѣжавшаго, то, по крайней мѣрѣ, отнимаютъ все ихъ имущество. Мустафа-Ханъ тронутъ былъ до слезъ возвращеніемъ дочери отъ любимой изъ всѣхъ женъ своихъ, и я имѣлъ благовидной предлогъ избавиться многихъ безполезныхъ людей, которые, оставаясь у насъ, конечно, имѣли бы съ бѣжавшими тайныя сношенія.

Въ Ширванской Провинціи расположенъ одинъ баталіонъ пѣхоты съ четырьмя орудіями артиллеріи и малымъ числомъ Казаковъ. Изъ обывательской конницы составлены караулы на Муханской степи и по лѣвому берегу рѣки Куры, дабы Мустафа-Ханъ, живущій недалеко въ пограничной Персидской Провинціи, не могъ предпринять чего ни будь для Ширвани вреднаго. Между тѣмъ, по усмиреніи мятежа въ Имеретіи и Грузіи, войска начинали возвращаться къ своимъ мѣстамъ.

Владѣтель Мингреліи представилъ брата своего, который явился къ нему изъ Турецкой крѣпости Поти. По важности преступленія, я отправилъ его въ гарнизоны Сибирскаго корпуса, донеся Императору, что рѣшился сіе сдѣлать по тому, что не смѣю почитать измѣнника достойнымъ служить въ Гвардіи при лицѣ Его. Въ послѣдствіи распоряженіе мое утверждено.

Чарскаго Общества селеніе Алмалы, близъ коего укрывался Сурхай-Ханъ при побѣгѣ въ Персію, приказалъ я наказать, что исполнено собранными въ Шекинской Провинціи конницею и пѣхотою, безъ всякой помощи Русскихъ войскъ. Послѣ небольшой перестрѣлки, селеніе было сожжено и разграблено.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

VII.

Четь-Минея Домакарьевскаго состава Московской Патріяршей (Синодальной) Библіотеки, полууставомъ въ листъ, XVI вѣка, Апрѣль, на 790 л., № 91, л. обор. 170 — 180.

—

И҆ то́н же дн҃ь сло́во похва́лно на па́мѧ҃ ст҃ымъ и҆ пресла́вным оу҆чителе҃ словеньскоу ѧ҆зыкꙋ, съ́ставльшема писмены е҆мꙋ и҆ прело́жьшема но́вый и҆ ве́тхый зако́нъ къ ѧ҆зыкꙋ и҆хъ, бл҃же́нномꙋ кѷрилоу і а҆рхїеп҃пꙋ панѡ́ньскꙋ мефѡ́дїю. бл҃ві ѿч҃е.

Бг҃оу и҆ сп҃сꙋ на́шемꙋ, і҃с хр҃тꙋ, мнѡ́гымъ и҆ незреч҃е́нным ч҃лколю- бїемъ, поми́ловавшꙋ ро҃ ч҃лчьскый, и҆ не терпащꙋ създа́нїа своего лестїю дїа́волею ѡ҆дер́жима, ниглоши себе въ смире́нїе во́лное, и҆ въплѡ́щса ѿ ст҃аго̀ дх҃а и҆ ѿ пр҃чтыа и҆ ѿ сла́вныѧ̀ бц҃а, и҆ съ ч҃лкы поживе, и҆ съѡ҆бра́зенъ бы́въ тѣлесе на́шемꙋ, ѡ҆сꙋди грѣ҃ плѡ- тїю своє́ю, да ꙋ҆мира́ющїа ѡ҆ а҆дамѣ, ѿ хрⷭ҇ѣ ѡ҆живоу́ть. тъ бѡ е҆сть миръ на́шъ, створїи и҆ ѡ҆боа̀ е҆ди́но преѡ҆гражде́нїе ѡ҆гра́дѣ разрꙋшь, кр҃то́мъ оу҆би́въ враждꙋ, и҆ перве́нецъ бывъ и҆з мр҃твыхъ, собо́ю наста́вль ро҃ ч҃лчь на неистлѣ́нный поу́ть. вше҆ же на нбⷭ҇са, сѣде ѡ҆ десни́ю пр҃тла величьствїа на высо́кыхъ, за́повѣ да́въ искоу́сиꙋ рѡ́дꙋ ч҃лчю, хота́и в послѣдна́а времена прїити сꙋди́ти живы и҆ мр҃т- выꙗ і въздати комꙋждо по дѣлѡ҃ е҆го̀, ꙗ҆ко пра́веденъ сꙋдїи. не хо́щет бѡ̀ смр҃ти грѣшникꙋ, нѡ҃ ѡ҆бращенїю е҆го и҆ покаа́нїю, а҆́ще

наипаче прилежитъ на злобѹ кожо члкъ. не ѡстѧвитъ бо създанїа своего млтивыи бгъ, ни забы дѣла рѹкѹ своєю, но на каждо лѣта и времена избра мѹжа, и ꙗви дѣла ихъ и подвиги людемъ, да быша, тѣмъ подобающеса, живо вѣчныи ѡбрѣли. и по тѣхъ прркы, по пррцѣх же апслы, и по апслѣхъ мѹченикы и правныа мѹжа и оучтла. єже са и збысть в семыи вѣкъ нашь. рѣша бо ѡни· слѣпїи прозра, глоусїи оуслышатъ слово книжное, і вси възглаютъ различни ꙗзыкы величїа бжїа.

Бѣ же в селоуньстѣмь градѣ моужь нѣкыи, именемь левъ, члкъ непороченъ, истиненъ и бгоутець, ѡгрѣбаѧса ѿ всакыа злобы и исполнаа вса заповѣди бжїа, ꙗко їѡвъ. живыи въ кротости и говѣнїи, седмороденъ ѡбрѣтеса, ꙗко же їѡвъ. о нѣком же и пррkъ глеть· блженъ мѹ, боаиса га, в заповѣдехъ єго въсхощеть зѣло. силно на земли боуде сѣма єго, родъ праведныхъ блвитса. слава и богатство в домѹ єго, правда єго пребываєтъ въ вѣкъ вѣка. ис того бо корене въсїаста изрядне двѣ лѣторасли свѣтозарнѣ, блгословенѣ плѡ на себѣ носаща, житїе непорочно ѿ юности имоуща. премрость бо себѣ, ꙗко и сестрѹ сътворьша, тою оукрасиста и дшю и оумъ, любовїю и вѣрою, дрѹгъ дрѹга єю преспѣваста, мрѡстїю же цвѣтѹще прно, ꙗко цвѣтець блгоюханныи. родо сын мнїи блаженныи константинъ, а оумомъ и добродѣтелми выспрь възлетаа, ꙗко ѡрелъ дхѡвныма крылома, ти бгозарнымъ свѣтомъ оума просвещ си. съсоу избранъ стомѹ дхѹ, и тѣмъ свѣтаса всѣмъ оученїемъ филосоѳьскымъ, нескѹдное съкровище ѡбрѣтеса. ꙗко бо источникъ всю исполнаа вселеннѹю, напои жадныа словесе бжїа, ꙗко же рече самъ гь бгъ нашь, іс хс· вѣрѹаи в ма, ꙗко книгы рѣша, рѣкы ѿ чрева єго потекоутъ воды живы, си рѣ, дарове животворащаго дха. тѣи бо въскипѣ в немъ, излїаса оустнама єго и всю вселеннѹю сладко възвесели, слово разсѣка коємѹждо ꙗзыкѹ противѹ своємѹ разѹмѹ. бѣ бо ємѹ данъ даръ дховныи ꙗзыкы глати, ꙗко и апслѹ. старѣишїи же єго братъ, преблаженныи меѳодїє, измлада житїискїа саны начатъ прїимати. мрѡстїю бо, ꙗко цвѣтъ блгоюханенъ цвѣтыи, всѣми блгами би

любимъ. в бесѣдахъ бо ꙗко соломѡнъ ꙗвлꙗшесѧ, дивныꙗ притчꙗ и наказанїꙗ и въпрашанїꙗ износя из(зъ) срчнаго села, и на слꙋжбѣ всѣмъ оугодинъ, ꙗко и крылатъ ѡбрѣтаашесѧ, и на воинѣ ꙗко и самсѡнъ ѡбрѣтаашесѧ, и гедеѡнъ, и їсꙋсъ навгинъ страшенъ ꙗвлꙗшесѧ. тѣмъ и воеводскꙋ сїнъ прїемъ, побыстъ к нѣ мало, и разꙋмѣвъ мнѡгомꙗтежный сей свѣтъ, ꙗко сѣнь преходꙗщь неполезнено, паче же гн҇е слово, ꙗко и стрѣлꙋ въ срцы си прїимъ, ꙗко рече· каꙗ полза есть чл҇кꙋ, аще весь миръ приѡбрꙗщетъ, а дшꙋ свою ѡтщетитъ, ли погꙋбить; ли что дасть чл҇къ измѣноу на дшн своей; премѣнив же земными нбн҇аꙗ, времения бо ѿметаа ѿ себе, презра, в вѣчныꙗ подвигнꙋсѧ, и шедъ въ алимбъ, пострижесѧ в черьныꙗ ризы, чаа прїꙗти бѣлоу и нетлѣнныꙋ агглкꙋ ѡдеждꙋ. и бѣ повинꙋꙗсѧ всѣмъ, с покоренїемъ и смиренїемъ, въ бдѣнїи и млтвѣ, въ стꙋженїи и слꙋженїи, въ издрадвѣ пощенїи, въ трезвѣнїи всегда, въ ѡчищенїи дх҇овнѣмъ, въ плачи блазѣ, ѿ ѡчїю источника испꙋщаа, ꙗко рѣкꙋ, и тою ѡмываше все тѣло своѐ, плѡскаго покоꙗ не вѣдыи ѿноудь, какъ есть, но на всакꙋ нощь стоꙗ ѿ захода слнца до въсходаща, не даꙗ сна ѡчима своима, ни веждема си дреманїꙗ, ни покоꙗ бровма своима, поочааса въ ѱалмѣхъ и пѣнїихъ и пѣснехъ дх҇овныхъ, сподвизааса постигноути житїꙗ стыхъ ѡц҇ъ. ѡвы пресилѣ кротостїю и молчанїемъ, а дрꙋгыꙗ постомъ и бдѣнїемъ издрадно, и тако именитъ бысть въ всѣхъ ѡц҇ехъ, подобенъ великомоу арсенїю, и антонїю, и савѣ, всѣхъ же житїꙗ собою съвершаа. млтивый же бг҇ъ, видѣвъ и в толицѣ трꙋдѣ пребывающа, вложи въ срдце братїи, иже, видѣвше подвигъ его издраденъ на слꙋжбꙋ бж҇їю, дрꙋгъ къ дрꙋгꙋ дивлаахꙋсѧ и прославлаахꙋ бг҇а, дающаго блг҇ть свыше троужающимсѧ его ради, донде патрїархъ оуслыша подвигъ его. вѣдиша и поставити митрополита въ чтнѣ мѣстѣ, и не могше его к томъ прибѣдити, поставиша и игꙋмена в монастыри, иже нарицаетсѧ именемъ полихронъ, в немже бѣше ѿц҇ъ семьдесꙗть. и по то сѧ емь, пребываше, ꙗко и бесплѡтенъ, в млтвахъ, всѣмъ прно всачьскы, дабы вса прїѡбрѣлъ. и стыꙗ бо книгы ѡ такокою въпїють, похвално глюща· премдрости

древнии въищетса, и въ прорѹчьствии поживете. повести мѹжъ именитых съхраните, и въ изветии притъчныхъ изыдете. посредѣ вельможь послоужите, и пре игоумены явитеса. по земли тѹждихъ языкъ пройдете, добро и зло въ члцѣ искѹшена бѹдета. срдце свое даста оутрене быти къ гдѹ, сътворшемѹ вы, и предъ вышнимъ помолистаса. и отверзоста оуста своа въ млтвѹ, и о грѣсѣхъ своихъ помолистаса. аще же бгъ въсхощеть великый, разѹмнаго дха наполнитеса. тои бо потоучитъ глъ и мрость ею, и въ млтвѣ исповѣдастаса гви. тѣ бо авитъ казание и оучение ею, и в законѣ завѣта гна похвалистаса. въсхвалатъ ею разѹмъ мнози, и до вѣка не потребитса и не отстѹпить ею, и има ею живетъ в роды и роды. мрость ею повѣдатъ языцы, и похвалоу ею иповѣсть цркви, еи же быста крѣпка пособника и недвижима столпа, основана на твердѣмъ камени вѣры, послѣдствовавша первоотцемъ и патриархомъ, вѣрою и подвигомъ дѣания ихъ и трѹды собою копчавающа, яко и великый патриархъ авраамъ, прадѣдъ хвъ, вѣрою преселникъ бывъ и пришлець в земли тѹждеи, дроугъ бжии наречеса, и завѣтъ обрѣзанию о бга приимъ, вѣрою оць многы языкъ наречеса.

Сиа же стаа и преславнаа оца и оучитела, тою же вѣрою оукраишеса, ты же дѣтели скончаста. преселника бо быста отчьства своего и пришелца на землю тѹждѹ. законъ о бга приимша, не своемоу племени, яко же авраамъ, но языкѹ, иже не разѹмѣаше десница своеа, ни шоуица, но ѥм же са притъкнахѹ, тѣ томоу са поработише, кланалахоуса, яко бгоу, твари въ творца мѣсто. завѣтѣ не обрѣзанию приемше, яко же авраамъ, но кршению, въ оставление грѣховъ, въ вѣкы пребывающь, самѣмъ скончанъ и преданъ гдмь нашимъ, іс хмъ. моисеи такожде съ аарономъ въ иереохъ бжиихъ бгъ фараонови наречеса, моукамн разлнчнами егѵпта оумѹчивъ, бжиа люди из работы ихъ изведе, въ дне столпомъ облачномъ, а в нощи столпомъ огненымъ, и радѣль море, по сѹхѹ проведе к пѹстыню, а противныхъ погрѹзи въ бездни, в пѹстыни же безводнѣ напаяаи, поражь камень, и хлѣба аггльскаго насыти, и закон же о бга приимъ, бжиимъ перстомъ написанъ, на скри-

жа́ли бѡ ка́менны, преда́сть лю́ди въ съхране́нїе и҆ съблюде́нїе. и҆ сїа̀ преблже́ннаа, и҆ бг҃оꙋгоднаа̀ чета ни чи́м же ме́нши тоѧ̀ ꙗвистаса, того̀ бж҃їа дх҃а напое́на свы́ше, сꙋгꙋ́бѣ бл҃годати сподо́бистаса, лю́ди и҆зведоста и҆зъ мнѡгомра́чнаго мѡ́ра дїавѡ́лскаго, мы́сленаго фараѡ́на погрꙋ́жше, и҆ всю̀ си́лꙋ є҆го потреби́ста, и҆ вѣ́рою въѡ҆ржꙋ́жшеса и҆ си́лою кр҃тною, не в пꙋсты́ню же а҆ и҆зведо́ста, но̂ на свѣ̀ бг҃оразꙋмныи настависта, не и҆с ка́мене вѡ́дꙋ и҆зве́дша, но̂ вѣ́рою словесе бж҃їа жа́ныѧ̀ напои́ста, не и҆с нечю́вьствена же ка́мене вѡ́дꙋ и҆зве́дша, ꙗ҆кѡ̑ і҆ ѡ҆́на̀, но̂ и҆стє́кшею крѡ́вїю и҆ водо́ю ѿ пречтыхъ ре́бръ гн҃а на́шего, і҆с҃ ха҃, вѣ́рнымъ вѣчноую пи́щоу и҆ бесконе́чный живо́т въ сп҃се́нїе преда́ста, въ ѿда́нїе грѣхо́мъ пода́юща, не хлѣба а҆́ггльска напита́юща, но̂ и҆́стинное тѣ́ло гн҃а на́шего, і҆с҃ ха҃. зако́н же бж҃їи сꙋгꙋбѡ прело́жше, в но́вый ꙗ҆зы́къ преда́ста, пи́смена сътво́рьша є҆моу. є҆же бѣ са ѿ премꙋ́дрыхъ и҆ разꙋмныхъ оу҆таи́ло, то ѿкрове́но бысть младе́нцемъ в послѣ́днїи вѣкъ си́ма. не на скрижа́ли ка́менны напи́санъ, но̂ на срдц҃ь скрыжа́ли плѡ́тамъ, ни̂ скво́зѣ ѡ҆́блакъ, ни мглою и҆ бꙋ́рею гла҃нъ, но̂ самѣ́мъ гмъ і҆с҃ хмъ скончанъ и҆ пре́данъ. не сѣни слоужи́тела, но̂ и҆стинѣ проповѣ́дника быста, ни̂ кропле́нїемъ кро́ви ю҆́нча и҆ ко́зла кропа́ща и҆ ѡ҆чища́юща скве́рьныѧ̀ къ плѡ́тстѣи чистотѣ, но̂ ст҃ы́мъ кр҃ще́нїемъ, не тѣлѡ є҆ди́но ѡ҆чища́юща, но̂ дш҃евноую свѣщꙋ в срдц҃имъ селѣ̀ всѣ́мъ въсїа́вша, не закле́ннѣи же́ртвѣ проповѣ́дника бывша, и҆ли̂ слоужи́тела, но̂ бескве́рнѣи, и҆ ми́рнѣи и҆ хрто́внѣи слоу́жбѣ слꙋгѣ̂ и҆ проповѣ́дателѧ ꙗ҆ви́стаса, а҆пл҃ѡ сꙋпрꙋжника, на то́ же дѣ́ло и҆збра́нна, кр҃тъ смы́слено на рамꙋ своѐю въспрїи́мша, всю̀ вселе́нною ѡ҆бидо́ста, и҆спѡлнаю́ще оу҆че́нїе̂ та мѣста. в ни́х же ѡ҆ни̂ не постоѧ́ша, ли̂ оу҆доле́нїемъ пꙋти, ли̂ за оу҆множе́нїе и҆нѣхъ стра́нъ бли́жнихъ, в ни́х же разше́шеса, ꙗ҆́ко лоуча сл҃нчныѧ, свѣ́томъ бг҃оразꙋмнымъ просвѣти́ша ве́сь ми́ръ.

По тѣ́м же стопамъ и҆сходѧ́ща и҆ того́ же дх҃а напое́на ѿ бг҃а, томоу́ же словеси быста проповѣ́дника и҆ нѡваа̀ а҆пл҃а, не на тꙋ́жемъ ѡ҆снова́нїи своѐ дѣ́ло полага́юще, но̂ и҆зно́ва писмена въѡ҆бра́жьша, и҆ съверши́ста въ ꙗ҆зы́къ нѡвъ. послѣди́ же въсїа́вша, ꙗ҆ко оу҆тренаа̀ звѣз-

да ѿ слнца свѣтъ пріемлющи, свѣтлѣиши всѣхъ ꙗвлаєтса, и ꙗкѡ наатніи дѣлателе въ винограⷣ, понесшеи таготꙋ днє и варъ, съ пришеⷣшими въ первыи надесать чаⷭ҇, равнѣмъ сподоблени быша мздѣ, бжіи благодати тако изволши, въ послѣдніи вѣкъ, томоу же дѣлꙋ ꙗвити сіа новаа проповѣдника и свѣтилника всеи вселеннѣи, ꙗ подвигомъ добрымъ и вѣрою крѣпко препоꙗсавше чресла своа, проидоста, ꙗко слнце, темнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, всакꙋ мглꙋ поганскую дховнымъ ѡгнеⷨ попалающа і еретичьскꙋю, не пощадаща дша своеа, ни пощадаща телеси своего, нѡ всегда готова сꙋщи за правꙋю вѣрꙋ сластно испити хвоу чашꙋ. въ срачинѣхъ же и козарѣхъ ꙗвльшаса непобѣдна, нѡ ꙗко же двдъ иноплеменникꙋ иногда низложивъ гордынꙋ, его потреби, прообразовавъ трцꙋ треми камени, и своимъ ємоу мечемъ главꙋ ѿсѣкъ, и хвалоу пріатъ въ тмаⷯ ѿ снѡвъ інлєвъ, такождеⷤ и сіа ѿца тріоупостасноу бжтвоу, слꙋгѣ сꙋща и проповѣдника, въ соборѣхъ срачиньскыхъ и жидовьскыхъ ѡбрѣшеса, своими имъ книгами и ꙗзыкѡ вохинтови бадди и жидовьскоую глобоу дховнымъ мечемъ ѿсѣкше, потребиста, ꙗко плевелъ и попалиста дховною блгтію, а слово гнє всѣаста, ꙗко и пшеницꙋ, въ срчнѣ селѣ, и вса насладиста медоточными словеси, трибезначалнаго же бжтва ꙗсно исповѣдаста, оуказаста въ єдином̑ соуществѣ равеньствомъ сіающа ѿца и сна и стго дха. тако а оуловиста, ꙗко и рыбы словесною мрежею, и крестиста ѿ козаръ чтныꙗ чади до двою стꙋ, развѣ женъ и дѣтеи. трегꙋбꙋ похвалоу ѿ всеа цркви прінмша, преидоста ѿ доунаа на западныа страны, блговѣствꙋюща слово бжіе въ ꙗзыкъ новъ, и весь црковный законъ преложша ѿ гречьскаго, въ свои имъ ꙗзыкъ предаста, треꙗзычникомъ глобꙋ низложша, потребиста, ꙗко плѣвелъ ѿ пшеница ѿврацша ти чисто цркви и свѣтоѡбразно жито предаста. въ западних же странаⷯ панѡнистѣхъ и моравьскахъ странаⷯ, ꙗко слнце въсіавъша, мрака грѣховнаго ѿгнавъша, просвѣтиша бꙋквами и наоучиша оучнкы црковномꙋ чинꙋ исполнь. и тако теченіе свое скончавающа, пꙋти са ꙗста римскаго, аплкомꙋ прстлꙋ поклонитиса, ведоуще съ собою на спсеніе дховныи плѡ. єже слышавъ апостоликъ

андрѣанъ, изыде противу има далече ѿ града римьска, і тако же а҆ прїатъ, ꙗко агг҃ла бж҃їа, и оученїю прилюбль. постави бл҃женнаго меѳодїа на прозвѵтерство, і оучникы ею.

Приближися врема покои прїати прест҃ому и преблаженномоу ѿц҃у нашему и оучителю, констаитиноу философу. видѣвъ ꙗвленїе ѿ бг҃а ѡ покои своѥ, облечеса к чермы ризы, и дн҃ь же нарекъ покоа своего, пребысть до него дн҃ь, веселаса и слава бг҃а. и такѡ почи ѡ гдѣ, в лѣто, ‚ѕ҃тоз, ѕ. и приложиса къ ѿцемъ своимъ, прр҃комъ і ап҃лѡмъ, мч҃нкѡ и всѣ ст҃ымъ. и положиша и в црк҃ви ст҃аго климента, идеже начаша мнѡга исцѣленїа бывати ѿ честнаго гроба его, слѣпїи акїе начаша просвѣщатїса, недужнїи цѣлитиса, бѣси исходити. еже видѣвше римлане, паче са приложиша къ ст҃ыи его. сщ҃нь же прест҃наго и бл҃гоч҃тнаго меѳодїа на архїеп҃пьство, на столъ ст҃го андроника, ап҃ла в панонїи ѿ седмидесаї, поустиша и на страны словеньскїа оучитъ въ ꙗзыкъ ихъ, написавъше епистолїю сїю къ кнѧземъ страны тоа, ростиславу, и сватополкоу и къцелу· андрѣанъ еп҃пъ, рабъ всѣмъ рабѡ бж҃їемъ, къ ростиславу, и сватополку, и къцелу. слава к вышни бг҃у, и на земли миръ, въ ч҃лцѣ бл҃говоленїе. ꙗко ѡ ва слышавше дх҃овныа радости, ꙗже имате на сп҃сенїе, слемъ брата нашего, ч҃тнаго меѳодїа, сщ҃енна на архїеп҃пьство на страны ваша, ꙗкѡ есте просили оу на, да вы оучитъ, въ азыкъ вашь прелагаа книгы, да са исполнить прр҃ческое слово, ꙗкѡ рѣша· хвалите га всѣ ꙗзыци, и похвалите его всѣ людїе. и· всакъ азыкъ исповѣсть, ꙗкѡ и гь ис хс въ славу бг҃у ѿц҃у, аминь. и въ еѵа҃лїи рече гь, посылаа своа оученикы шеше, научите вса ꙗзыкы, кр҃таще а въ има ѿц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а, оучаще блюсти вса, елика заповѣдахъ вамъ, і се азъ с вами есмь вса дн҃и до скончанїа вѣка, аминь. вы же, чада възлюбленнаа, послушайте оученїа бж҃їа, еже к последнаа времена предано быть, вашего ради сп҃сенїа, да, поучающеса разумно, паѡ достоинъ сътворите, и прїимѣте вѣнецъ нетлѣненъ в сїи вѣкъ и въ градущїи съ всѣми ст҃ыми и въ вѣкы, амїнь.

Дошедшоу же емоу въ страны моравьскы, всѣ людїе с радо·

стїю изыдоша въ срѣтенїе ємоу, и тако прїаша и, ꙗко аггла бжїа. и ѿверзошаса ѹеса слѣпымъ, и оушеса глоухы, и ꙗзыци блѣснивщеи възглаша мира, і ими же оусты бѣша первѣе жертвы непрїазнени въздаали на кладагехъ и на всѣ мѣстѣ хѹловали бга, тѣм же дѣти ихъ словесныа и бесквернныа слѹжбы бгоу въздают за весь миръ, и въ всакомъ мѣстѣ има бжїе прославлаетса въ ꙗзыцѣх новѣхъ, ємѹ ꙗвиса проповѣдникъ и аплъ новъ, въсїавъ, ꙗко слнце, мглѹ невидѣнїа ѿгона и бгоразѹмнѡ свѣтомъ всѣмъ срца просвѣти, кротостїю же и сладостїю, вса к себѣ любовїю привлачѧ, теченїе свое сконча, вѣрѹ съблюде, црькви пѣсньми оукраси и пѣнїи дховными. и тако почи ѿ гдѣ в лѣто ѿ твари всего мира ,ѕ҃. тчд, є, и приложиса къ ѿцемъ своимъ, патрїархомъ, авраамѹ, і исаакоу, іакѡвоу. всѣмъ себе оуподобль, всѣхъ ѡбразъ на себѣ поноушь, ѡвѣмъ равенъ бывъ, ѡвѣхъ мнїи, а дрѹгыхъ преспѣвъ силою, и дѣтелїю, и подвигѡ, въсїавъ ꙗко слнце лѹчами притоучнами и казанїемъ. єго же помышлающи медотоучнаа словеса, нѣсть чемь сласти єго дховныа приложити.

Тѣм же оубо кыа похвалы въздамъ вама, троуждьшимаса толико ха ради въ востоучныхъ, и западныхъ, и сѣверных странахъ, не ищѹща временных и тлѣющихъ, нѡ вѣчныхъ и бесконечныхъ, кртъ гнь мѹжесни на рамо всприимше, и тѣмъ ѡбладѣвшѹю грѣхомъ землю, потребльша, разориста, и всѣаста дховное сѣма, и чисто цркви принесосте жито, дньное, оученїе. ꙗи же сїаста, ꙗко свѣтилѣ, въ всемъ мирѣ, демонскѹю хоулѹ и всакѹ єресь прогнаша; велика оубо стоапа хви цркви быста, нбнаа чака и земнаа аггла, въ плоти бесплотное житїе стажавша. бжено є чрево ко истинноу ношшее кы и въздоивша гласа многоплодна, ꙗм же напитѣста алчющаа ꙗзыкы и жадныа напоиста живоѡнаго пива, непрестающѹ пищѹ источника всѣмъ ѡбилно. кто оубо възможеть достоиноу похвалѹ ваю исповѣдати; понбноую всю прошедша, стопами своими, весь миръ ѡстиста. блвенъ ꙗзыкъ ваю, ими же изказаста дховнаа словеса, въ спсенїе бесчисленнѹ ꙗзыкѹ, бгодхновенныи даръ ѿ бга прїимша, мракъ невидѣнїа всюдоу прогнаста, собою

ѿбра́зъ всѣмъ прѣлага́юща, ѿ оу҆́стнꙋ дх҃овнꙋ сла́сть и҆стача́юща, пога́нствоу же вса́комꙋ разрꙋ́шинка ѿки́стаса, є҆ретикомъ сꙋпостата, бѣсомъ прого́ннинка, свѣтъ ѡ҆мрачє́ннымъ, оу҆чи́тела младе́нцемъ, и҆стача́юща дх҃овнꙋю сла́дость, а҆́лчꙋющимъ несꙋ́днаа пища, жа́днымъ непреста́аи и҆сто́чникъ, на́гымъ ѡ҆би́лное ѡ҆дѣ́нїе пода́юще, си́рымъ помощника, стра́ннымъ прїи́мника, болны́мъ посѣти́тела, печа́лнымъ оу҆тѣ́шитела, напа́стнымъ защи́тника, вдова́мъ и҆ сирота́мъ помо́щнїка, слѣпы́мъ свѣтода́тела, вла́ющиса в мо́ри житє́нстѣмъ вели́каа а҆нкꙋ́ра, стѣна̀ и҆ покро́въ припадающиѝ к вама, і҆оудє́ѡмъ сꙋпоста́та, и҆сповѣ́дника ст҃ѣи тр҃ци, съверши́тела бж҃їю смотре́нїю, величьствꙋ бж҃їю слоужи́тела, и҆сто́чника бж҃їю словеси, недви́жима стола́па хв҃и црк҃ви, печа́ть пра́вдѣ, щи́тъ вѣрѣ, шле́мъ сп҃се́нїю, кла́съ мнѡ́гоплѡ́денъ, лоза̀ медото́чна, сѡ́ти медвенїи словеса ва́ю, и҆́ми же наслади́ста всю̑ вселе́ннꙋю, ѩ҆́ко би́серъ мнѡ́гоцѣненъ и҆сточи́ша, съкрови́ща гн҃и, вмѣстилища бж҃їа смотре́нїа, ѡ҆би́телища бж҃їю смотре́нїю, съсꙋ́да ст҃омꙋ дх҃ꙋ и҆збра́ннаа, проне́сшаа и҆́ма хв҃о по всеи̇ земли, кр҃тꙋ похвалꙋ на себѣ поне́сша, временнаа̀ презрѣ́вша, а҆ вѣ́чныхъ наслаждє́нїе прїи́мша, непреста́нно пр҃пбнаа̀ и҆ и҆сти́ннаа пастыра, за и҆збра́нное ста́до ва́ю подви́жно помоли́таса, стра́сти ѿженꙋще, бѣдъ и҆ напа́стеи̇ и҆збавла́юща, просвѣтита и҆́ма ср҃чнѣи ѡ҆чи и҆ оу҆́мъ оу҆тверди́та досто́инно послѣ́довати стопа́мъ ва́ю, не́мощи наша на са взима́юща, свы́ше силꙋ подади́та, да, досто́инно пожи́вше ѡ҆ хр҃тѣ, наслѣ́дницы трꙋдꙋ ва́ю ѡ҆бра́щꙋтса и҆ проповѣдницы пра́вѣи вѣрѣ, ю҆́же и҆́мъ є҆́ста предала, да всѝ є҆диногла́сно просла́вать тр҃ст҃ое бж҃тво ѿц҃а и҆ сн҃а и҆ ст҃го дх҃а, и҆ ни́нѣ и҆ при́сно и҆ в вѣкы вѣ́комъ. а҆ми́нь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
Въ заглавіи	2.	сътвóршемꙋ вм. сътвóрьшема.
	3.	на нóвый ветхый ꙁакóнъ вм. нóвый и҆ ветхый ꙁакóнъ.
	4.	въ ѧ҆ꙁы́кы вм. въ ѧ҆ꙁы́къ.
	5:	Проп. и҆ передъ а҆рхїеп҇пꙋ, и стоящее і передъ меѳо́дїю лишнее.
66,	19.	оу҆красѝстаса и҆ дш҇ею и҆ оу҆мѡ҇ вм. оу҆красѝста и҆ дш҇ю и оу҆мъ.
67,	1.	оу҆го́дно вм. оу҆годиъ.
68,	2.	Проп. посрѣдѣ вельможъ послоужите.
—	14.	въ бестѹже́нїи вм. стꙋже́нїи.
68,	2.	Проп. посрѣдѣ вельможъ послоужите.
—	4.	пройде вм. пройдите.
—	—	и҆скꙋла вм. и҆скꙋшена.
69,	17.	гл҇а вм. гл҇анъ.
70,	26.	предáстъ вм. предáста.
—	30.	просвѣтíкша вм. просвѣтíша.
72	30.	проше́дшꙋ вм. проше́дша.
73,	8.	Проп. слѣпы́мъ.

VIII.

Четь-Минея на Апрѣль XVI вѣка, находящаяся въ Библіотекѣ Московской Духовной Академіи, а прежде принадлежавшая Іосифскому Волоколамскому монастырю и состоявшая подъ № 596, л. 46—54.

—

Мца того въ .д. днь слѡво похвално на памѧ стымъ и преславны оучтлемъ слѡвенскꙋ ѧзыкꙋ, створшема писмены ему и прелѡжьшема новый и ветхый законъ въ ѧзыкъ нашъ, блжнномꙋ кірилоу и архіеппꙋ панонскꙋ, меѳодію. блви ѿче.

Бгоу и спсоу нашемꙋ, іс хоу, многымъ и неизреченнымъ члколюбіемь, помиловавшꙋ родъ члчьскый, и не трьпащꙋ създаніа своего, лестію діаволею ѡдеръжнма, низложи себе въ смиреніе волное, и въплощьса ѿ стго дха и ѿ прчтыа и ѿ славныа бца и прно дѣвы мріа, на земли явльса и съ члкы пожнве, и съобразенъ бывъ телеси нашемꙋ, ѡсꙋди грѣхъ плотію своею, да оумираюшеи ѡ адамѣ, ѡ хѣ оживоуть. тъ бо есть миръ нашь, сътвори ѡбоа и едино, преѡграженіе ѡградѣ разроушь, крстомь оубивь враждꙋ, и прьвенець бы из мртвы, собою наставль родъ члчь на неистлѣнный поуть, вшедъ же на нбса, сѣде ѡ десноую пртла величествіа на нбсѣхъ, заповѣдь давъ искоусиу родоу члчю, хотаи въ последнаа времена пріити соудити живымь и мртвымь, и въздати комꙋжо по дѣломъ его, яко праведенъ сꙋдіи. не хощеть бо смрти грѣшникꙋ,

но̑ ѡ҆бращенїю е҆го и҆ покаа̑нїю, а҆ще наипаче прилежитъ на злѡбоу кожо чл҃кь. не ѡ҆стивит бо създа́нїа своего млтивый бг҃ъ, ни злабы дѣла рꙋкоу своею, но̑ на каждо лѣта и҆ времена и҆зъбра мꙋжа, и҆ ꙗ҆ви дѣла и҆хъ и҆ подвигы людемъ, да бꙑша, тѣмъ подобащеса, живꙋтъ вѣчный ѡ҆брѣли. и҆ по тѣ пррⷪ҇кы, по прⷪ҇роцѣхъ же а҆п҃лы, и҆ по а҆п҃лѣхъ м҃чнкы и҆ праведныꙗ мꙋжа и҆ оу҆ч҃тла. е҆же са и҆ събысть въ .з҃. вѣкъ нашь. рѣша бо ѡ҆нн· слѣпїи прозрꙗ̑ть, глꙋсїи оуслꙑшать слѡво книжное, и҆ вси възгл҃ть раганчныꙗ ꙗ҆зыкы величїа бжїа.

Бѣ же в҆ селоунистѣмъ градѣ мꙋжь нѣкыи, и҆менемъ лѣвъ, чл҃кь непороучень, и҆стинень и҆ бг҃оучець, ѡ҆гребаа́са ѿ всакыꙗ злѡбы и҆ исполнаа̑ вса заповѣди бж҃їа, ꙗ҆ко же ї҆ѡвъ. живый же въ кротости и҆ гѡвѣнїи, седмѡроденъ ѡ҆брѣтеса, ꙗ҆ко же и҆ ї҆ѡвъ. ѡ҆ нѣкомъ же и҆ пррⷪ҇къ гл҃еть· блаженъ мꙋжь боа́нса г҃а, въ заповѣдѣ е҆го въсхощеть зѣлѡ. сил҃но на земли боудеть сѣма е҆го, рѡдъ праведныи блг҃витса. слава и҆ богатьство в домоу е҆го, правда е҆го пребываеть в вѣкы вѣкꙋ. и҆с того бо корене восїаста изрꙗ̑днѣ двѣ лѣторасли свѣтозарнѣ, бл҃гнъ плодъ на себѣ нѡсаща, житїе же непороучно ѿ юности и҆моуща. премоудрѡ бо себѣ ꙗ҆ко и҆ сестроу сътворша, тою оукрасиста и҆ дш҃ю и҆ оумъ, любовїю же, и҆ вѣрою, дрꙋгъ дрꙋга е҆ю преспѣваста, мд҃ростїю цвѣтоуща присно, ꙗ҆ко цвѣтець бл҃гооу҆ханный. родѡмъ сын мний блаженный константинъ, а҆ оумѡ и҆ добродѣтелми ꙗ҆сїрь възлѣтаꙗ, ꙗ҆ко же ѡрелъ дх҃овныма крылома, ти бг҃озарнымъ свѣтѡмъ оума просвѣщь си, съсоудъ и҆збранъ ст҃моу дх҃оу, и҆ тѣмъ свѣтаса всѣмъ оучениемъ философьскы̑, нескꙋдное съкровище ѡ҆брѣтеса. ꙗ҆ко же бо и҆стоунникъ всю и҆сплъ҆наа̑ вселеннꙋю, напои жаждоущаа слѡвесе бжїа, ꙗ҆ко же рече самъ г҃ь бг҃ъ нашь, і҆с҃ хс҃· вѣроуаи въ ма, ꙗ҆ко же книгы рѣша, рѣкы ѿ чрева е҆го потекоуть вѡды живы, сирѣчь, дарове животворащаго дх҃а. тои бо въскыпѣ в немъ, и҆згл҃аса оустнама е҆го, и҆ всю вселенноую сластьно възвесели, слѡво разъсѣка жемꙋжѡ ꙗ҆зыкꙋ, противоу своемоу разоумоу. тъ бо е҆мꙋ дань даръ дꙋхѡвный, ꙗ҆зыкы гл҃ати, ꙗ҆ко и҆ а҆п҃лоу. старший же е҆го брать, преблженный мефодїи, не млада житийскыꙗ саны начать прїимати. моудростїю бо ꙗ҆ко цвѣтъ бл҃гооу҆ханенъ цвѣтый, всѣми

вл̂ками бы̂ любимъ. въ бесѣдā бо ꙗко соломѡнъ ꙗвлашеса, дивныа притуа и наказанїа и въпрашанїа изнѡса и(зъ) ср̂унаго села, и на слꙋжбѣ всѣмъ оугѡдиъ, ꙗко и крилатъ, ѡбрѣташеса, и на воинѣ ꙗко самсонъ, и гедеѡнъ, и ї̂съ навгинъ страшенъ ꙗвлашеса. тъй же и воеводьскый санъ прїимъ, нѡбысть в немъ малѡ, и разоумѣвъ многоматежныи сеи свѣтъ, ꙗко сѣнь прехѡдащь непѡлезньно, пауē гн̃е слѡво, ꙗко и стрѣлоу въ ср̂ци си прїимъ, ꙗко же реуе· каа полза есть ул̃кꙋ, аще весь миръ приѡбращеть, а дш̃ю свою отъщетить, ли погоубить; ли уто дасть ул̃къ измѣноу на дш̃и своеи; премѣнивъ же земныим нб̂наа, времена оубо ѿмѣтаа ѿ себе, презрā, въ вѣуныа подвигнꙋса. и шедъ въ ѡлимбъ, постриже са въ уерныа ризы, уаа прїати бѣлоу и нетлѣнноу агг̂лькꙋ одежоу. и бѣ повинꙋꙗса всѣмъ съ покоренїемъ и смиренїемъ, въ забдѣнїи и молитвѣ, въ стꙋженїи и слꙋженїи, въ изрядиѣ пощенїи, въ трезвѣнїи всегда, въ ѡунщенїи дх̃овнѣмъ, въ плауи бл̃зѣ, ѿ оуию источника испꙋщаа ꙗко рѣкꙋ, и тою ѡмываа все тѣлѡ свое. плотьскаго покоа ѿноудь не вѣдыи, какъ е̂, но на всакоу нощь стоа, ѿ захѡда сл̃нца до въсходаща не даа сна ѡуима своима, ни вѣжама си дреманїа, ни покоа брѡвьма своима, пооууааса въ пал̂мѣхъ и пѣнїихъ и пѣсн̃ехъ доухѡвныхъ, сподвизааса състигнꙋти житїа ст̃ыхъ ѡц̃ь, ѡвы же пресл̃нѣ кротостїю и млъуанїемъ, а дрꙋгыа постомъ, и бдѣнїемъ, и мл̃твою, и смїренїемъ изрядиѡ, и такоименитъ бы̂ въ вс̃ехъ ѡц̃ихъ, подобенъ великѡмоу арсенїю, и антонїю, и савѣ, вс̃ехъ житїа собою свершаа. мл̂тивый же бг̃ь, видѣвъ и въ тѡлицѣ трꙋдѣ пребывающа, влѡжи въ ср̂це братїи, иже, видѣвше подвигъ его изряденъ на слꙋжбоу бж̃їю, дроугъ къ дрꙋгоу дивлахоуса и прославлахꙋ бг̃а, дающаго бл̂гть съвыше тржающимъса его ради, дондеже патрїархъ оуслышавъ подвигъ его. бѣдиша и поставити митрополита въ уин̂ѣ мѣстѣ, и не могъше его томъ прїбѣдити, поставиша и игоумена в монастыри, иже нарицаетса именемъ полихронъ, в немже баше ѡц̃ь .о̃. и по то са емъ, пребываáше, ꙗко бесплотенъ, въ мл̃твахъ пр̂но, всѣмъ всауески, дабы вса приѡбрѣлъ. и ст̃ыа бо книгы ѿ таковою въпїють, похвално гл̃юща· пре́мр̂ти древни̃и взищетса, и въ

прⷪ҇рчьстѣи пожнвете. повѣсти мѫжь именитыи съхраните, и въ ѩзычінхъ притоучьны изыдете. посредѣ велми послѫжите, и пре ѩзыкы ꙗвитеса. по земли тоужихъ ѩзыкъ проидѣте, добро и зло въ улицѣхъ искꙋсита. срⷣце свое даста оутрьне быти къ гⷭ҇оу, створившемоу ѥ, и пре вышнимъ помолистаса. и ѿверзоста оуста своꙗ въ млⷭ҇твꙋ, и о грѣсѣхъ свои помолистаса. аще же бгⷭ҇ъ въсхощетъ великыи, разꙋмнаго дха напълнитеса. тѣ бо потоунть гⷭ҇ъ и мꙋдрость ею, и въ млⷭ҇твѣ исповѣдастаса гви. тѣ бо ꙗвить казаніе и оучеиіа ею, и в законѣ завѣта гна похвалистаса. въсхвалать ею разоумъ мнози, и до вѣка не потребитса и не ѿстꙋпить ею, и има ею живеть в роды и роды. мꙋдрость ею повѣдать ѩзыци, и похвалꙋ ею исповѣсть црⷪ҇кви, еи же быста крѣпка пособника и недвижима стоꙗпа, основана на твердѣмъ камени, вѣрѣ, послѣдствовавша первоѡцемъ и патріархомъ, вѣрою и подвигомъ діаніа ихъ и троуды собою скончавающа, ꙗко же и великіи патріархъ авраамъ, прадѣдъ хвь, вѣрою преселникъ бывъ и пришлець въ земли тоужеи, дрꙋгъ бжіи нареса, и завѣтъ ѡбрѣзанію ѿ бга прінимъ, вѣрою ѡць многымъ ѩзыкомъ нареуеса.

Сіа же ста и преславнаа ѡца и оучтла, тою же вѣрою оукрашьшаса, ты же дѣтели скончаста. преселника бо быста ѡтьства своего и пришелца на землю тоужоу. законъ ѿ бга прінимша, не своемоу племени, ꙗко же авраамъ, нѡ ѩзыкꙋ, иже не разꙋмѣвша десница своеа и шоуица, но емъ же са притъкнахꙋ, томоу са поработьше, кланахꙋса, ꙗко богоу, твари, въ творца мѣсто. завѣтъ же не ѡбрѣзанію прінимше, ꙗко же авраамъ, нѡ крщенію, въ ѡставленіе грѣховъ, въ вѣкы пребывающь, самѣмъ скончанъ и преданъ гⷭ҇мь нашимъ, іс хсъ. мѡисѣи такоже съ арономъ въ іереихъ бжіихъ, бгъ фараѡнови нарекъса, мꙋками разлꙋчнами египта оумвть, бжіа люди из работы и изведе, въ дне стлъпомъ ѡблачномъ, а в нощи стоꙗпомъ ѡгненымъ, и раздѣль море, по сꙋхоу проведе в пꙋстыню, а противныꙗ погроузи въ безднѣ, въ пꙋстыни же безводнѣ напои ꙗ, проражь камень, и хлѣба аггелка насыти, и законъ же ѿ бга прінимъ, божіимъ прѣстомъ написанъ, на скрыжали бо камены,

предасть люди въ съхраненїе и҆ послꙋшанїе. и҆ сїа же преблаженнаа, и҆ бгооу́гѡднаа̀ чл҃ка ни чим же ме́нша то́ю ꙗ҆вистаса, того же бж҃їа дх҃а напое́на съвыше, соугоубѣ блг҃ти сподѡбльшеса, люди и҆зкедоста и҆зъ мнѡга мрачнаго дїа́вольскаго мѡра, мысльнаго ѳараѡна погрꙋжьше, и҆ всю си́лоу и҆хъ потребиста, и҆ вѣрою въѡрꙋжьшеса и҆ силою крⷭ҇тною, не въ поустыню же а҆ и҆зведѡста, нѡ на свѣтъ бгоразꙋмныи настависта, не и҆с камене́ вѡдоу и҆зведша, нѡ вѣрою слѡвесе бо́їа жадныа напоиста, не и҆с нечювьствена же камене вѡдоу и҆зведъша, ꙗ҆ко же ї о́на, нѡ и҆стекшею кровїю и҆ водою ѿ пречистыи ребръ гд҃а нашего, і҆с҃ хр҃а, вѣрнꙑ вѣчноую пищю и҆ бесконечныи живот въ спⷭ҇нїе предаста, въ ѿданїе грѣхомъ подающа. не хлѣба а҆гг҃льска напитающа, нѡ и҆стое тѣлѡ гд҃а нашего, і҆ѵ҃ хрⷭ҇а. законъ же бж҃їи сꙋгоубо прелѡжьша, въ новыи ꙗ҆зыкъ предаста, писмена сътвориша е҆моу. е҆же бѣ са ѿ премдрⷭ҇ыи и҆ разоумныи оу҆таилѡ, то ѿкровено бысть младе́нцемъ въ последнїи вѣкъ сима. не на скрижали каманы написанъ, нѡ на срⷭ҇цѣ скрыжали плѡтанъ, ни сквѡзѣ ѡ҆блакъ, ни мъглѡю и҆ боурею гл҃анъ, нѡ самѣмъ гмⷭ҇ь і҆ѵ҃ хмⷭ҇ь скончанъ и҆ преданъ. не сѣни слоужитела, но и҆стиннѣ проповѣдника быста, ни кропленїемъ крове оу҆ньча и҆ козлѧ кропаща и҆ ѿчищающа скверненыа къ плотьстѣи чтоте, нѡ стымъ крщенїемь, не тѣлѡ е҆дино ѿчищающа, нѡ дшевнꙋю свѣщꙋ въ срⷭ҇чнѣмъ селѣ всѣмъ восїавша. ни заколеннѣи жрътвѣ проповѣдника бывша, и҆ли слꙋжителѧ, нѡ бескверньнѣи и҆ мирнѣи хрⷭ҇тоенѣи слꙋжбѣ слоугѣ и҆ проповѣдателѧ ꙗ҆вистаса, а҆плоимъ соупрꙋжника, на то же дѣлѡ и҆збранна, крестъ мыслено на рамꙋ своею въсприимъша, всю вселеннꙋю ѡ҆бидоста, и҆спльнающа оу҆ченїемъ та мѣста, в ни ѡ҆ни не постоаша, ли оу҆далъженїемь пꙋти, ли за оу҆множенїе и҆нѣхъ странъ ближнии, въ ниⷯ же ра́шедшеса, ꙗ҆ко лоуча слн҃чныа, свѣтомъ бгоразꙋмнымъ просвѣтиша весь миръ.

По тѣм же стопамъ и҆ си ходаща, и҆ того же дх҃а напоена ѿ бг҃а, томꙋ же словеси быста проповѣдника и҆ новаа а҆плⷭ҇а, не на тꙋжемъ ѡ҆снованїи свое дѣлѡ полагающа, нѡ и҆знова писмена въѡбражьша, и҆ свершиста въ ꙗ҆зыкъ новѣ. после же восїавша, ꙗ҆ко оу҆трь-

наѧ ѕвѣзда, ѿ слнца свѣтъ прїемлющи, свѣтлѣиши всѣх ѩвлаетса, и ѩко же наѩти дѣлателе в виноградъ, понесъшеи тѧготу дне и вара, съ пришедшими въ .аі. ча, равнѣ сподоблена быша мъздѣ, бжїи блгти тако изволши, въ послѣднїи вѣкъ томоу дѣлу ѩвити сїа новаа проповѣдника и свѣтилника всеи вселеннѣи, ѩже пѡзнгомъ добрымъ и вѣрою крѣпко препоѩсавъша чресла своа, проидоста, ѩко слнце, темнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, всаку мъглоу поганьскую дховнѡ огнемъ попалающа и еретичьскую, не пощадаща дша своеа, ни пощадаща телесе своего, нѡ всегда готова соуща за правую вѣру сластно испити хву чашу. въ срацинѣхъ же и козарѣхъ ѩвльшаса непобѣдна, нѡ ѩко же двдъ иноплеменникы иногда, низложивъ гордыню, его потреби, прообраговавъ троицу треми камени, и своимъ ему мечемъ главоу ѿсѣкъ, похвалоу прїатъ въ тмахъ ѿ сыновъ иїлвъ, тако же и сїа оца трїоупостасноу бжтву слугѣ суща и проповѣдника, въ съборѣхъ срацинистѣ и жидовьскы ѡбратшаса, своими и книгами и ѩзыкомъ, бохмитовы блади и жидовьскую злобоу дховны мечемь ѿсѣкоша, потребиста, ѩко плевелъ, и попалиста дховною блгтїю, а слово гне въсѣѩста, ѩко и пшеницу, въ срцхъ селѣ, и вса насладиста медоточными словесы, трибезначалнаго же бжтва ѩсно исповѣдаста, оуказаста въ едином существѣ равеньствомъ сїающа оца и сна и стго дха. тако а оуловиста, ѩко и рыбы, словесною мрежею, и кртиста ѿ козаръ чтныа чади до двою сту, развѣ женъ и дѣтїи. трегубоу похвалу ѿ всеа црквe прїимша, преидоста ѿ доуда на западныа страны, блговѣствующа слово бжїе въ ѩзыкъ новъ, и весь црковный законъ преложьша ѿ гречьска, въ свои имъ ѩзыкъ предаста. трезычником же злобоу низложьша, потребиста, ѩко плевелъ ѿ пшеница ѿвраньна, и чтo црквн и свѣтоѡбразно житѡ предаста. въ западны же странѣ, паноньстѣхъ и моравьскахъ странѣ, ѩко слнце восїавша, мрака грѣховнаго ѿгнавша, просвѣтиста боуквами, и наоучьша оучены црквному чину исполнь. и тако теченїе скончавающа, нати са ѩста римьскаго, апльскому пртлу поклонитиса, ведуще с собою на стїение доуховный плодъ. еже слышавъ апостолик

андрїанъ игиде противꙋ има далече ѿ града римъска, и тако же а прїатъ, ꙗко аг҃гла бж҃їа. и оучение ею прилюбль, пωстави бл҃жнаго меѳодїа на прозвитерьство, и оучнкы ею.

Приближи же са време покой прїати прест҃моу и пребл҃жномоу ωц҃ю нашемоу и оучт҃лю, костантинꙋ ѳилософоу. видѣв же ꙗвление ѿ бг҃а ω покой своемъ, ωблечеса въ черны ризы, и дн҃ь же нарекъ покоа своего, пребы до сд҃ дн҃е, веселяса и славя бг҃а. и тако почи ω гн҃ в лѣто ,з҃.т҃.о҃.з҃. е҃. и приложиса къ ωц҃мъ своимъ, прркомъ и ап҃лωмъ, мчнкомъ и всѣмъ ст҃ымъ. и полωжиша и в цркви ст҃го климента, идѣже начаша мнωга исцѣленїа бывати ѿ чтн҃аго грωба его, слѣпїи абїе начаша просвѣщатиса, недꙋжнїи цѣлити, бѣси исходити. еже видѣвше римлане, паче са приложиша къ ст҃ни его. ст҃ьше же преч҃тнаго и бг҃чтнаго меѳωдїа на архиеп҃пьство, на столъ ст҃го ап҃ла андроника в панонїи ѿ .о҃., пꙋстиша и на страны слωвѣньскыа оучить въ ꙗзыкъ и, написавше епистолїю сїю къ кназемъ страны тоа, ростиславꙋ, и ст҃ополкꙋ, и коцьлю· андрїанъ еппъ, рабъ всѣмъ рабомъ божиимъ, къ ростиславꙋ, и ст҃ополкꙋ, и коцелю. слава в вышни бг҃ꙋ, и на земли миръ, въ ч҃лцѣхъ бл҃говоление. ꙗко ω васъ слышавше дх҃овны радωсти, ꙗже имате на сп҃сїе, слемъ брата наше, чтн҃аго меѳодїа, ст҃нна на архїеп҃пьство на страны ваша, ꙗко же есте просили оу насъ, да вы оучить, въ ꙗзыкъ прелагаа книгы, да са исполнить пррчьское слωво, ꙗко же рѣша· хвалите га вси ꙗзыци, и похвалите его вси людїе. и· всакъ ꙗзыкь исповѣсть, ꙗко же и гь ис хс въ славоу бгꙋ ωц҃ю, аминь. и въ еѵ҃лїи рече гь, посылаа своа оучнкы· шедше, наоучите вса ꙗзыкы, кр҃таще а вω има ωц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а, оучаще а блюсти вса, елика заповѣдахъ ва, и се азъ с вами есмь вса дн҃и до коньчины вѣкоу. аминь. вы же, чада възлюбленнаа, послꙋшаите оучениа бж҃їа, еже въ послѣднаа времена предано бы, ваше ради сп҃нїа да, пооучающеса разꙋмно, плω достоинъ створите, и прїимете вѣнець нетлѣненъ и въ сей вѣкъ и въ градꙋщїи, съ всѣми ст҃ыми въ вѣкы. аминь.

Дошедшꙋ же ѥ́мꙋ въ страны мѡ́равьскы, всѝ людїѐ съ радостїю ıзыдѡша въ срѣтенїе ѥ́моу, и̓ тако прїѧша и, ıако аггла бжїа. и̓ ѿвергошаса о̓че́са слѣпымъ, и̓ оу̓шеса глꙋхымъ, и̓ ıазыцы блъснꙋюще́и въꙁгл҃аша мира, и̓ и̓ми же оу̓сты бѣша первѣе жрътвы непрїа́ꙁньны въꙁаа́ли на кладагнхъ, и̓ на всѣхъ мѣсте̑ хꙋлѡвали бг҃а, тѣм же дѣти и̓ слѡвесныа̓ и̓ бескверньныа̓ слꙋжбы бг҃оу въꙁаю́ть ꙁа ве́сь миръ, и̓ въ всакомъ мѣстѣ и̓ма бж҃їе прославлаѐтса къ ıазыкъ нѡ́въ, ѥ́мꙋ же ıависа проповѣдникъ и̓ а̓п҃лъ новъ, въсїавъ, ıако сл҃нце, мъглꙋ невѣдѣнїа̓ ѿгона, и̓ бг҃оразоумны̑ свѣтомъ вса ср҃дца просвѣти, крѡтостїю же и̓ сластїю, вса к себѣ любѡвїю прикла́ча, теченїе свое̓ скон́ча, вѣроу съблю́де, цр҃кви пѣ́ми оу̓краси и̓ пѣнии̓ дх҃овными. и̓ тако почи ѡ гн҃ѣ в лѣто ѿ твари всего мира ҂ѕ҃. т҃.ч҃.д҃. е҃. и̓ приложїса къ ѡ҃цмъ своимъ, патрїа́рхомъ а̓враа̓мꙋ и̓ ї̓саа́коу и̓ ї̓а́кѡвоу, всѣмъ себе оу̓подѡ́бль, вс҃ѣ ѻ̓бразъ на себѣ поношъ, ѡвѣмъ равенъ бывъ, ѡвѣ̑ мнїи, а̓ дрꙋгы̑ преспѣвъ си́лою и̓ дѣтелїю, и̓ подвигомъ, восїавъ, ıако сл҃нце, лꙋчами прнтоучнами и̓ казанїѐмъ. ѥ́го же помышлаю́щи медотоучнаа̓ слѡ́веса, нѣсть чим сласти ѥ́го дх҃овныа̓ прилѡ́жити.

Тѣм же кыа̓ оу̓бо хвалы въꙁдамъ вама, трꙋжьшимаса толико х҃а ради въ въстѡ́чны̑, и̓ ꙁападны̑, и̓ сѣверьскы̑ страна̑, не и̓щꙋща временны̑ и̓ тлѣю́щи̑, но вѣчны̑ и̓ бесконечны̑, кр҃тъ гн҃ь на рамѣ въспрїимъша, и̓ тѣмъ ѡ̓ладѣвшю грѣхомъ ꙁе́млю, потребльша, раꙁѡ́риста, и̓ всѣа́ста дх҃овноѐ сѣ́ма, и̓ что̑ цр҃кви принесоста жи́то, дш҃ьноѐ оу̓ченїе и̓ тѣм же сїаѐта, ıако свѣтилѣ, въ всемъ мирѣ, дѣмоньскоую̓ хꙋлоу̓ и̓ всакꙋ ѐ̓ресь прогнавша; велика оу̓бѡ̓ стоа̓па хв҃ѣ цр҃кви быста, нб҃наа̓ чл҃ка и̓ ꙁе́мнаа̓ а̓гг҃ла, въ плѡти бесплотноѐ житїѐ стажаста. блж҃ьно ѐ въ и̓стинꙋ чрево, поньшее̓ вы, и̓ въꙁоивша гл҃са многоплѡ́дна, и̓м же напитѣстѣ а̓л҃чющаа̓ ıазыкы и̓ жадъныа̓ напоиста животнаго пива, непре́стаю́щꙋ пищꙋ и̓стоуьша всѣмъ ѡ̓билнѡ. кто оу̓бо възмѡ́жеть до́стоинꙋ пѡхвалоу ваю̑ и̓сповѣдати; пол̑свѣ́нꙋю всю прошедша, стопами своими весь миръ ѡ̓ст҃иста. бл҃говенъ ıазыкъ ваю, и̓м же насѣкаста дх҃овнаа̓ слѡ́веса въ ср҃це бесчисленꙋ ıазыкоу, бг҃одх҃новенный даръ ѿ бг҃а прїимша,

мракъ невѣдѣнїа всю прогнаста, собою ѡбразъ всѣмъ прѣлагающа, ѿ оустнꙋ дх҃ѡвнꙋ сладѡсть и҆стаучающа, поганьствꙋ же всакомоу разроушника ꙗ҆вистаса, ѥ҆ретикомъ сꙋпостата, бѣсомъ прогонника, свѣтъ ѡ҆мраченым, оучтла младенцемъ, и҆стоучающа дꙋховноую сладость, алчющимъ нескꙋднаа пища, жаднымъ непрестаи и҆стоучникь, нагымъ ѡ҆бильно ѡ҆дѣанїе подающа, сирымъ помощника, страннымъ прїимника, болнымъ посѣтитела, печалнымъ оутѣшитела, напастнымъ защитника, вдѡвамъ и҆ сирѡтамъ помощника, слѣпымь свѣтодатела, влающимса в мѡри житїистѣмъ великаа анкꙋра, стѣна и҆ покровъ припадающимъ къ вама, ї҆оудеѡмъ соупостата, и҆сповѣдника ст҃ѣи тр҃ци, свершитела бж҃їю смѡтренїю, величьствꙋ бж҃їа слꙋжитела, и҆стѡчника бж҃їю слѡвеси, недвижима столпа хв҃ѣ цр҃кви, печать правдѣ, щитъ вѣрѣ, шлем сп҃нїю, класъ мнѡгоплѡденъ, лоза медоточна, соти медвенїи слѡвеса ваю, и҆ми же насладиста всю вселенноую, ꙗ҆ко бисеръ мнѡгоцѣненъ и҆стѡчьша, ѥ҆кровнищи гн҃и, вьмѣстилищи бж҃їа смѡтренїа, ѡ҆бителище бж҃ю смѡтренїю, съсꙋда ст҃мꙋ дх҃оу и҆збраннаа, пронесшаа и҆ма хв҃ѡ по всеи земли, кр҃тꙋ похвалꙋ на себѣ понесъша, временнаа презрѣвша, а вѣчнымъ наслаженїе прїимша. непрестанно прп҃внаа и҆ и҆стиннаа пастыра, за и҆збранное стадѡ ваю подвижно помолитаса, стр҃ти ѿженꙋща, бѣдъ и҆ напастеи и҆збавлающа, просвѣтита имъ ср҃чнїи ѡ҆чи и҆ оумъ оутвердита, достоино послѣдовати стѡпамъ ваю, немощи наша на са вьзимающа, свыше силꙋ подадита, да, достоино поживше ѿ хр҃ѣ, наслѣдници трꙋдоу ваю ѡ҆бращꙋтса и҆ проповѣдници правѣи вѣрѣ, юже имъ ѥ҆ста предала, да вси ѥ҆диногл҃но прослава трист҃ое бж҃ство ѡ҆ц҃а сн҃а и҆ ст҃го дх҃а, нн҃ѣ и҆ пр҃но и҆ во вѣки вѣкѡ. аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
—	2.	сътворшемоу вм. створшема.
—	3.	на новы ветхый законъ вм. новый и ветхый законъ.
—	4.	въ ӑзыкы вм. въ ӑзыкъ.
—	—	Проп. и передъ ӑрхіеп҃пъ.
—	5.	и лишнее передъ меѳѡ́дію.
75,	11.	заповѣдавъ вм. заповѣ давъ.
76,	19.	оу̓красистаса и д҃шею и оу̓момъ вм. оу̓красиста и д҃шю и оу̓мъ.
77,	3.	оу̓гѡ́дно вм. оу̓гѡ́дникъ.
—	14.	вестѫженіи вм. стѫженіи.
78,	4.	и̓свѫла боудета вм. и̓скѫсита.
79,	8.	нечюдьствена же не и̓с камене вм. не и̓с нечюдьствена же камене.
—	12.	Проп. не хлѣба а̓гг҃льска напитаю̓ща.
—	15.	но̑ вм. то.
—	17.	гл҃а вм. гл҃адъ.
—	33.	Проп. въ передъ ѧ̓зыкъ.
80,	6.	препоа̓савъшаса вм. препоа̓савъша.
81,	27.	оу̓чащаа́ вм. оу̓чаще а́.
82,	33.	ѧ̓зы́ вм. ѧ̓зы́коу.
83,	11.	бж҃іа́ вм. бж҃ію́.
—	12.	и̓стѡ́чии вм. и̓стѡ́чника.

IX.

По большимъ Четь-Минеямъ Макарьевскимъ Новгородскимъ, Мѣсяцъ Октябрь, прежде въ Софійской Библіотекѣ, нынѣ же въ Петербургской Духовной Академіи, л. 293 и слѣд., лѣта 7049, № 1318 (см. Житіе Кирилла подъ № VIII).

—

В той дн҃ь слово похвално на памать ст҃ымъ и преславнымь оучителемь словеньскоу азыкоу, сотворшема писмены емоу и преложьшима новый и ветхіи законъ въ азыкъ и, блаженьномоу кирилоу и архиеп҃поу панонськоу. мефодию. бл҃ви ѡ҃че.

Бг҃оу и сп҃соу нашемоу, іс҃ъ х҃оу, многы́ и неизреченнымь чл҃колюбиемь помиловавшю ро҃ чл҃чьскый, и не терпащю создания своего лестію діаволею ѡдержима, низложи себе во смиреніе волное, и воплощься ѿ ст҃го дх҃а и ѿ нрчт҃ыа и ѿ славныа бц҃а и присно дв҃ы мр҃иа, на земли авльса и со чл҃ки поживе, и соѡбразенъ бывъ телеси нашемоу, ѡсоуди грѣхи плотію своею, да, оумираюшіи ѡ адамѣ, ѡ хс҃ѣ ѡживоуть. тъ бо е҃ миръ нашь, сотвори и ѡбоа и едино, преѡграженіе ѡградѣ разроушь, кр҃тѡ оубивь враждоу и нервенень бы҃ изъ мр҃твы, собою наставль ро҃ чл҃чь на неизставнный поуть, възшед же на нб҃са, сѣде ѡ десноую пр҃тола величествіа на высокы́, заповѣ давъ искоусноу родоу чл҃чю, хотай въ послѣднаа времена ходити соудити живы и мр҃твы и воздати комоуждо по дѣлѡ его, ꙗко праведенъ судіи. не хощеть бо смр҃ти грѣшникоу, но ѡбращению его и покаанію, аще наипаче прилежитъ на злобоу кожо чл҃къ. не

ѡ҆ставѝ бо созда́ниа своего милостивый бг҃ъ, ни забы дѣла рукоу своею, но на коажда лѣта и҆ времена и҆збра моужа, и҆ а҆ви дѣла и҆ и҆ подвигы людемь, да быша, тѣмь подобащеса, животъ вѣчный ѡ҆брѣли, и҆ по тѣхь прⷪ҇ркы, по прⷪ҇рцѣⷯ же а҆пⷭ҇ли, и҆ по а҆пⷭ҇лѣхь мч҃нки и҆ праведныа̀ мужа и҆ оу҆чителѧ. е҆же сѧ и҆ събыⷭ҇ въ .з҃. вѣкь нашь. рѣша бо ѡ҆ни· слѣпїи прозрѧ̑, глусїи оу҆слышать слово книжноѐ, и҆ вси возгл҃ють разлучны а҆зыки величиѧ̀ бж҃їа.

Бѣ же въ селоунстѣмь градѣ моужъ нѣкїи, и҆менемь левъ, чл҃кь непорочень, истиненъ и҆ бг҃оучець, ѡ҆грѣбаа̀сѧ ѿ всакїа злобы, и҆сполнаа̀ вса заповѣди бж҃на̀, а҆ко же і҆ѡ҆въ. живый же въ кротости и҆ говѣнїи, се̂мороденъ ѡ҆брѣтесѧ, и҆ ꙗ҆ко же і҆ и҆ѡ҆въ. ѡ҆ нѣкоем же и҆ прⷪ҇ркъ гл҃еть· бл҃женъ моужъ боа̀сѧ г҃а, в заповѣдеⷯ е҆го восхощеть зѣло. силно на земли будеⷮ сѣмѧ е҆го, роⷣ праведныⷯ бл҃гословитⷭ҇. слава и҆ бг҃атьство в дому е҆го, правда е҆го пребывае̂ть въ вѣки вѣкоу. и҆с того бо корене въсїаста и҆зрадно двѣ лѣторасли свѣтозарнѣ, бл҃вⷭ҇нъ плоⷣ на себѣ носаща, житїе же непорочно ѿ оу҆ности и҆мүща. премⷣрость бо себѣ а҆ко и҆ сестроу сотворша, тою̀ оу҆красиста и҆ дш҃ю и҆ оумъ, любовию же и҆ вѣрою̀, другъ друга ею̀ преспѣваста, моудростию цвѣтуща присно, а҆ко цвѣтець бл҃гоу҆ханный. родомъ сы мни блаженный костантинъ, а҆ оу҆момь и҆ добродѣтельми выспрь возлѣтаа̀, а҆̆ко же ѡ҆релъ дх҃овныма крылома, ти бг҃озарныⷨ свѣтомь оу҆ма просвѣщь си, сосоудъ и҆збранъ ст҃омоу дх҃оу, и҆ тѣмь свѣтаса всѣмь оу҆ченїемь филѡсоѳьскымь, не скоудноѐ сокровище ѡ҆брѣтесѧ. а҆коⷤ бо и҆стоучникъ, и҆сплънаа̀ всю вселенноую̀, напои жадныа̀ словесе бж҃їа, ꙗ҆ко же рече самъ г҃ь бг҃ъ нашь, і҆с҃ хс҃· вѣруаи в мѧ, ꙗ҆ко же книгы рѣша, рѣки ѿ чрева е҆го потекоуть воды живы, сирѣчь, дарове животворащаго дх҃а. тои̂ бо воскипѣ в немъ, и҆зліаса оу҆стнама е҆го, и҆ всю вселенноую сластно возвесели, слово раскваа̀ коемуж҆о а҆зыку, противу своему разумү. бѣ бо е҆моу данъ даръ дх҃овный а҆зыки гл҃ати, а҆ко и҆ а҆пⷭ҇лоу. старѣиши же е҆го братъ, преблаженный мефодїи, и҆змлада житеискыа̀ саны начатъ приимати. мудростию бо, а҆ко цвѣтъ бл҃гооу҆ханеⷭ҇, цвѣтый, всѣми вл҃каⷨи бысть любиⷨ. в бесѣдаⷯ, бо а҆ко соломонъ а҆вллашесѧ, дивныа̀ притча и҆

наказанїа и вопрошанїа износа и(съ) ср҇днаго села, на слꙋжбѣ всѣмь оугоднъ, ако и крилатъ, ѡбрѣташесѧ, и на воинѣ ако и самсонъ, и гедеѡнъ, и ꙇ҇съ навгинъ страш҇е авлашесѧ. тѣм же и воеводскїи санъ прїимъ, побысть к немь мало, и разꙋмѣвъ многоматежныи сеи свѣтъ, ако сѣнь преходащь неполѣзнено, паче же г҇не слово, ако и стрѣлꙋ в ср҇ци си приим҇, ако же рече· кая полза есть ч҇лкоу, аще весь миръ приѡбращє, а д҇шю свою ѡтщетить, ли погꙋбить; ли что дасть ч҇лкъ измѣнꙋ на дши своеи; пременивь же земными неб҇ныа, временнаа оубо ѡметаа ѿ себе, презра, во вѣчныа подвигьноусѧ. и и(з)шедъ въ ѡлимбъ, пострижесѧ в черныа ризы, чаа прїати бѣлꙋ и нетлѣнноу агг҇лскоу ѡдежоу. и бѣ повинꙋасѧ всѣмь с покорение и смирение, въ забдѣнїи и м҇лтвѣ, въ стоуженїи, слоуженїи, въ изрядиѣ пощенїи, въ трезвѣнїи всегда, во ѡчищенїи д҇ховнемь, во плачи блазѣ, ѿ очию источника испꙋщаа, ѩко рѣкꙋ, и тою ѡмываа все тѣло своѐ, плотьскаго покоа ѿнюдь не вѣдыи, какъ есть, но на всякоу нощь стоа ѿ захода сл҇нца до всходаща, не даа сна ѡчима своима, ни вѣжама си дреманїа, ни покоа бровьма своима, поочаасѧ во ѱ҇лмѣ и пѣнии и пѣснехъ д҇ховных, и сподвизаасѧ спостигноути житїа с҇тых ѡ҇ць, ѡвы же преспѣ кротостїю и молчанїемь, а дрꙋгыа постомь, и бдѣние, и м҇лтвою, и смѣренїе изрядно. и тако именитъ бы҇ во всѣх ѿ҇цьхъ, подобенъ великомоу арсенїю, и антонїю, и савѣ, всѣхъ житїа собою совершаа. м҇лтивыи же б҇ъ, видѣвь и в толицѣ троудѣ пребывающа, вложи в ср҇це братїи, иже, видѣвше подв҇г его изряденъ на слоужбꙋ б҇жию, др҇ꙋ ко дрꙋгоу дивлахꙋсѧ, и прославлахꙋ б҇га дающаго бл҇гть свыше трꙋжающимсѧ его ради, доидеже патрїархъ, оуслышавъ подвигъ его, бѣдиша и поставити митрополита въ честнѣ мѣстѣ, и не могше его томь прибѣдити, поставиша и игоумена в манастырѣ, иже нарицаетсѧ имене полихронъ, в нем же бяше ѿ҇ць .о҇. и по то сѧ емъ, пребываше, ѩко и бесплотенъ, въ м҇лтвах присно, всѣмь всачьски, дабы всѧ приѡбрѣлъ. и с҇тыа книгы ѡ таковою вопїють, похвално г҇лающа· прем҇дрости древнии взыщетсѧ, и во пр҇рчьствїихъ поживете. повести моужь именитых сохраните, и во извитїихъ притчныи изыдѣте. посредѣ вел-

можь послоужите, и пре игоумены ꙗвитеся. по земли тоужихъ ꙗзыкъ пройдѣте, добро и зло въ человѣцѣхъ искоусита. срдце свое даста оутрьне быти къ бгоу, сотворшемоу ꙗ, и пре вышнимъ помолистася. и ѿверзоста оуста своꙗ на молитвоу, и ѡ грѣсѣхъ своихъ помолистася. аще же бгъ восхощеть великïи, разоумнаго дха наполнитеся. той бо източить глъ и мдрость ею, и в таинѣ исповѣдастася гви. той бо ꙗвить казанïе и оученïꙗ ею, и в законѣ завѣта гнꙗ похвалистася. восхвалать ею разоумъ мнози, и до вѣка не потребится и не ѿстоупить ею, и имѧ ею живеть в роды и роды. мудрость ею повѣдать ꙗзыци, и похвалу ею исповѣсть црькви, еи же быста крѣпка побитïꙗ и недвижима столпа, ѡснована на твердемь камени, вѣрѣ, послѣдствовавша первоѡтцемъ и патрïархомъ, вѣрою и подвигомъ дѣнïꙗ и и троуды собою скончавающа, ꙗко же и великïи патрïархъ авраамъ, прадѣдъ хвъ, вѣрою пресѣлникъ бывъ и пришлець в земли тужей, другъ бжïи наречеся, и завѣтъ ѡбрѣзанïю ѿ бга прïимъ, вѣрою ѡтць многомъ ꙗзыкомь наречеся. сïа же ста и преславнаꙗ ѡтца и оучтлꙗ, тою же вѣрою оукрашьшася, ты же дѣтели скончаста. преселника бо быста ѡтчьства своего и пришелца на землю тоужоу. закон же ѿ бга приимши, не своемоу племени, ꙗко же авраамь, но ꙗзыку, иже не разоумѣаше десница своеꙗ, ни шоуица, но ѥмъ же ся притъкнахоу, то тому ся поработишьше, кланахуся, ꙗко бгоу, твари, въ творца мѣсто. завѣтъ же не ѡбрѣзанïю прииише, ꙗко же авраамъ, но крещенню, во ѡставленïе грѣховъ; во вѣкы пребывающь, самѣмь скончанъ и преданъ гдемь нашимь, ïс хмъ. моиси такожъ со аарономь во ïереехъ бжïихъ, бгъ фараѡнови нарекъся, моуками различными егѵпта оумучь, божïꙗ люди из работы и изведе, во дне столпомъ ѡблачномъ, а в нощи стлъпомь ѡгненымь, и разѣдль море, по сухоу проведе в поустыни, а противныꙗ погроузи въ безднѣ, въ поустыни же безводнѣ напои ꙗ, проражь камень, и хлѣба аггльска насыти, и закон же ѿ бга приимь, бжïимъ перстомъ написанъ. на скрыжали бо камены, предасть люди въ сохраненïе и послоушанïе. сïа же преблаженнаꙗ и бгооугоднаꙗ члка ни чимъ же менша тою ꙗвистася, того же божïа дха напоена свыше, сугоубѣ

благти сподобльшаса, люди изведоста из многамрачнаго диавольскаго мора, мысльнаго фараона погроужьша, и всю силоу его потребиста, и вѣрою вооружьшеса и силою кртною, не въ пустыню же а изведоста, но на свѣтъ бгоразумный настависта, не ис камене воду изведша, но вѣрою словесе бжіа жадъныа напоиста, не ис не чювьствена же камене воду изведша, ако же и она, но истекшею кровию и водою ѿ пречисты ребръ гда нашего, іс ха, вѣрнымъ пищю вѣчноую и бесконечный живот въ спсеніе предаста, во ѿданіе грѣхомь подающа, ни хлѣба аггльска напитающа, но чистое тѣло гда нашего, іса ха. законь же бжіи сугубо предложьша, въ новый азыкъ предаста, писмена створша ему. еже бѣ са ѿ премудрыи и разоумныи оутаило, то ѿкровено бысть младенцемь в послѣдний вѣкъ сима. не на скрижали каманы написанъ, но на срдць скрижали плотанъ, ни сквозѣ ѡблакъ, ни мьглою, ни боурею глан, но самѣ гмь, іс хмь сконуанъ и преданъ. не сѣни слоужителя, но истиннѣ проповѣдника быста, ни кропленіемь крове оунча и козла кропляща и ѡчищающа скверненыа въ плотьстѣи чистотѣ, но стымъ крещеніемь, не тѣло едино ѡчищающа, но дшевноую свѣщю въ срдцихъ своихъ всѣмь восіавша, ни заколенныи жерътвѣ проповѣдника бывша, или слоужителя, но бесквернеіи и мирнѣи хвѣи слоужбѣ слоуга и проповѣдателя явистаса, аплмъ сопружника, на то же дѣло избрана, крть смыслено на рамоу своею восприимша, всю вселенную ѡбидоста, исполняюща оученіе та мѣста, в ни же ини не постояша, ли оудалъжениемь пути, ли за оумноженіе инѣхъ странъ ближни, в ни же рашеща, яко луча солнечныа, свѣтомь бгоразумнымъ просвѣтища весь миръ.

По тѣмъ же стопамь и си ходяща и того же дха напоена ѿ бга, тремоу же словеси быста проповѣдника и новаа апла, не на тоужемь ѡснованіи свое дѣло показоующа, но изнова писмена воѡбражьша, и совершиста во азыкь новъ, послѣ же восіавша, яко оутреняа звѣзда, ѿ слнца свѣтъ пріемлющи, свѣтлѣиши всѣхъ является, и яко же наатіи дѣлателе въ виногра, понесшеи тяготу дне и вара, со пришедшими въ .аі. часъ равнымь сподоблени быша мьзды, бжіи благти та-

но изволыши, въ послѣдний вѣкъ томоу же дѣлу авити сїа нова проповѣдника и свѣтилника всей вселеннѣй, иже подвигомъ добрыи и вѣрою крѣпко препоасавша уресла своа, пройдоста, ако слнци, тьмнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, всакоу мьглоу поганьскоую духовнымь огнемъ попалающа и еретичьскоую, не пощадаща дша своеа, ни пощадаща телеси своего, но всегда готова соущи за правоую вѣроу сластно испити хвоу чашю. въ срациниѣ же и козарехъ авльшаса непобѣдна, но ако же дѣдъ иноплеменникоу иногда, низложивъ гордыню, его потреби, прообразова троицю тремя камени, и своимь емоу мечемь главоу отсѣкъ, похвалу приатъ въ тмахъ отъ сновь iилевь, також же и сїа оца, триоупостасноу бжествоу слоужи соуща и проповѣдника, въ соборѣ сраципьстѣхъ и жидовьскии обрѣшаса, своими имь книгами и азыкомъ, бохмитовы блади и жидовьскоую злобоу дховнымь мечемь отсѣкша, потребиста, ако плевелъ, и попалиста дховною бгодатню, а слово гне всѣаста, ако и пшеницю, во срцихъ селѣ, и вса насладиста медоточными словесы, трибезначалнаго же бжтва асно исповѣдаста, оуказаста во единомь существѣ равеньствомь сїающа оца и сна и стго дха. тако а оуловиста, ако и рыбы, словесною мрежею, и кртиста отъ козаръ чтныа чади до двою сту, развѣ женъ и дѣтѣ. трегубу похвалоу отъ всеа цркви прїимьша, преидоста отъ дунаа на западныа страны, блговѣствующа слово бжїе въ азыкъ новъ, и весь црковный закон преложьша отъ гречьскаго, во свои имь азыкъ предаста. треазычникоми же злобу низложьша потребиста, ако плевелъ отъ пшеница отвращьша, ти чисто црквеи светообразно жито предаста. в западнии же странѣ, паноньстѣ и моравьскии странѣ, ако слнци восїавша, мрака грѣховна отгнавша, просвѣтиста боуквами и научьша оучeники црквномоу чиноу исполнь. и тако теченїе скончавающа, пути са аста римьскаго, апльскомоу прстлу поклонитиса, ведуща с собою на свщенїе дховный плод. еже слышавъ апостолникъ андрїанъ, изиде противу има далече отъ града римьска, и тако же а прїатъ, ако агтла бжїа, и оученїе ею прилюбль, постави блаженнаго мефодїа на прозвитерьство, и оучники ею.

Приближи же са время покоѝ пріати престомоу и преблаженномоу ѿцоу нашемоу и оучителю, костантиноу философоу. видѣв же явленіе ѿ ба ѡ покои своемь, ѡблечеса в черны ризы, и днь же нарекь покоа своего, пребы до него днь, веселаса и славя ба. и тако почи ѡ гн в лѣ ,ѕ. т. о. и. з. и приложиса ко ѡцемь своимь, прркѡ и аплѡмь, мчнкомь и всѣмь стмъ. и положиша и в црквн стго климента, идеже нача исцеленіа бывати ѿ чтнаго гроба его, слѣпіи абіе начаша просвѣщатиса недужніи целитиса, бѣси сходити, еже видѣвше римлане, паче са приложиша ко стыни его. сщеше же пречтнаго и блгочтнаго мефодіа на архіепиьство, на столъ стго андроника апостола во паноніи ѿ .о. поустиша на страны словенскіа оучить во азыкъ и, написавше епистолию сію ко князем страны тоа, ростиславу, и стополку и коцелу· андрианъ еппъ, рабъ всѣ рабѡ бжиимь, къ ростиславу, и стополку. и коцелу. слава в вышни бгоу, и на земли миръ, во чловцѣ блговоленіе. яко ѿ васъ слышавше дховны радости, аже имате на спсеніе, слемь брата нашего, чтнаго мефодіа, сщнна на архіепиьство, на страны ваша, аже есте просили оу на, да вы учить, во азы предлагаа книгы, да са исполни пррчьское слово, яко же рѣша· хвалите га вси азыци, и похвалите его вси людіе. и· всакъ азыкь исповѣсть, яко же и гь ісъ хс во славоу бгоу ѿцю. аминь. и во еуаліи рече гь, посылаа своа оученики· шеше, наоучите вса азыки, кртаще а во има ѿца и сна и стго дха, оучаще блюсти вса, елика заповѣда ва, и се азъ с вами есмь вса дни до кончины вѣкоу. аминь. вы же, чада возлюбленаа, послоушаите оученіа бжіа, еже в последнее время предано бы, вашего ради спсеніа, да, пооучающеса разумно, илѡ достоинъ створите, и примѣте вѣнець нетлѣненъ и въ сь вѣкъ и въ градоущіи со всѣми стыми въ вѣкы. аминь.

Дошедшоу же емоу во страны моравьски, вси люе с радостію изидоша во срѣтеніе емоу, и тако пріаша и, яко аггла бжіа. и ѿверзошаса очеса слѣпи и оушеса глоухихъ, и азыци волъснующей возглаша мира, и ими же оусты бѣша первѣе жертвы не-

приꙗзнима возглаали на кладязи и на всѣхъ мѣстѣ хуловали Бга, тѣм же днеи и словесныꙗ и бескверныꙗ слоужбы Бгоу въздають за весь миръ, и во всякомь мѣстѣ имя Бжїе прославляетсѧ въ ꙗзыцѣ новѣ, ему же ꙗвися проповѣдникъ и апслъ новъ, восїавъ ꙗко слнце, мыглоу невидѣнїа ѿгона и боразумны свѣтоⷨ всѣмъ срца просвѣти, кротостїю же и сластию, всѧ к себѣ любовию привлачя, течение свое сконча, вѣру соблюде, црквн пѣнии оукраси и пѣнїи дховными. и тако почи ѿ гдѣ в лѣто ѿ твари всеⷢ мира ,ѕ҃. т҃. ѵ҃. и҃. д҃. и приложися ко ѿцемъ своимъ, патриархомъ аврааму, і исаку і ꙗкову, всѣмъ себе оуподобль, всѣхъ образи на себѣ поноша, ѿ иныхъ ревенъ ... ѿвѣхъ мни, а другыхъ пресплѣкъ силою, и дѣтелию, и поенигомъ, всиꙗвъ, ꙗко слнце, лучами хритоучнами и казанїемъ. его по ... медоточнаꙗ словеса, нѣсть чемъ сласти его дховныꙗ приложити.

Тѣм же кпа оубо похвалы въздамъ вама, труждьшемася толико Хꙗ ради въ восточныⷯ, и западныхъ и сѣверьскыⷯ странахъ, не ищуща временныхъ и тлѣющиⷯ, но вѣчныⷯ и бесконечныⷯ, крⷭтъ гнь на рамѣ мужески въсприимши, и тѣмъ обладнвшу грѣхомъ землю потребльше, разориста, и всѣласта дховное сѣмя, и что црквн принесоста жито, днвное оученїе, им же спаста, ꙗко свѣтилѣ въ всемъ мире, демоньскую хулу и всяку ересь прогнаша. велика оубо столпа црквн Хвы быста, нбнаꙗ члвка и земнаꙗ агела, въ плоти бесплотное житие стяжавша. блаженно е во истинну чрево, носившее вы и въздоившаꙗ класа многоплона, им же напитиста алчющаꙗ ꙗзыкы, и жаждущаꙗ напоиста животнаго пива, непрестающу пищу источьша всѣмъ обилно. кто оубо възможеть достойну похвалу ваю исповѣдати, поднбную всю прошедша, стопами своими весь миръ освѣтиста; благословенъ ꙗзыкъ ваю, им же насѣаста дховнаꙗ словеса, во спасенїе бесчисленну ꙗзыку, бгодхновенный даръ ѿ Бга прїимша, мракъ невидѣнїꙗ всюду прогнаста, собою образи всѣмъ предлагающа, ѿ оустну дховну сласть источающа, поганьству же всякомоу разрушьника ꙗвиста, еретикоⷨ супостата, бѣсоⷨ прогонника, свѣтъ омраченнымъ, оучителя младеньцемъ, источающа дховную сласть, алчющиⷨ

нескуднаа пища, жа҃нымъ напаꙗ источникъ, нагы обилно одѣніе подавающе, сиры помощніка, страннымъ приимника, болны посѣтитела, печалны оутѣшитела, напастьны ꙁащитьника, вдова и сиротамъ помощника, слѣпымъ свѣтодатела, влающимса в морѣ житиистѣмъ великаа анкира, стѣна и покровъ припадающи к вамъ, июдѣемъ супостата и исповѣдника ст҃ѣи трци, совръшитела бж҃ню смотренію, велічестку бж҃ню служитела, источника бж҃ню словесъ, недвижима столпа црк҃ве хв҃ы, печать правдѣ, щитъ вѣры, шлемъ сп҃сенію, класъ многоплоденъ, лоꙁа медоточна, соти медовніи словеса ваю, ими же насладиста всю вселенную, ако бисеръ многоцѣненъ источиша, сокровища гн҃и, вмѣстилищи бж҃на смотреніа, обителищи бж҃ню смотренію, сосуда ст҃ому дх҃у иꙁбраннаа, пронесъшаа има хв҃о по всеи ꙁемли, крт҃у похвалу на себѣ понесша, времаннаа преꙁрѣвша, а вѣчныи наслаженіа приимша, непрестанно прп҃бнаа и истиннаа пастыра, ꙁа иꙁбранное стадо ваю подвиꙁно помолитаса, стрти оженуща, бѣдъ и напастии иꙁбавлающа, просвѣтита имъ ср҃чнѣи очи и оумъ оутвердита достоино послѣдовати стопамъ ваю, немощи наша на са вꙁимающа, свыше силу подадита, да, достоино поживше о хв҃ѣ, наслѣдницѣ труда ваю обращутса и проповѣдницѣ правои вѣре, юже имъ еста предала, да вси единогласно прославимъ тристое бж҃тво оц҃а и с҃на и ст҃го дх҃а, нн҃ѣ и прно и в вѣкы вѣкомъ. аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

	Стран.	Строк.	
Въ заглавіи:	85,	3.	сотворшемоу вм. сотворшема.
	—	—	на новый ветхїи вм. новый и ветхїи.
	—	4.	въ ѧꙁыки вм. въ ѧꙁыкъ.
	—	—	Проп. и передъ архїеппоу.
	—	5.	Лишнее и передъ мефодїю.
	—	11.	ꙁаповѣдавъ вм. ꙁаповѣ давъ.
	86,	17.	оукрасистаса и дшею и оумомъ вм. оукрасиста и дшю и оумъ.
	—	32.	в бесѣда вм. в бесѣдă.
	87,	1.	оугодно вм. оугодиъ.
	—	11.	въ бестоуженїи вм. стоуженїи.
	—	20.	именистъ зм. именитъ
	88,	1.	искоуѧла будета вм. искоусита.
	—	2.	превышнй вм. прѣ вышнй.
	—	20.	по вм. то.
	—	22.	приимшю вм. приимше.
	—	24.	Їерехъ вм. Їереехъ.
	89,	6.	неучьствена же не нс вм. не нс неуюкьствена же.
	—	8.	предасть вм. предаста.
	—	14.	гла вм. глаиъ.
	—	18.	ѿнища вм. ѿнищающа.
	90,	5.	Проп. ѿгнемъ.
	—	13.	жидовски вм. жидовьскй.
	—	19.	Проп. дха.
	—	24.	предасть вм. предаста.
	—	32.	са вм. а.
	—	16.	имуща вм. ищуща.
	91,	27.	створисте вм. створите.
	92,	30.	прѣлежаща вм. предлагающа.
	—	—	оуностиу вм. оустиу.
	93.	5.	к намъ вм. к вамъ.

X.

По Четь-Минеи на Апрѣль и Май, находящейся въ Библіотекѣ Московской Духовной Академіи, № 94, при Житіи Меѳодія подъ 6 Апрѣля, стр. 230 — 248 (см. Житіе Меѳодія № VI).

—

В той же днь слово похвално на памѧ стъю и преславныю учителю словенску языку, сътворшема писмены ему и преложьшема новый и ветъхый законъ въ языкъ ихъ, блаженному кѷрилу и архиеппу панонску, меѳодію. блви ѿ.

Бгу и спсу нашему, ісъ хѵ, многыи и неизреченнш члколюбіемъ, помиловавшж ро чловкыи, и не трьпащи създаніа своего, лестію діаволеѭ ѡдержима, низложи себе въ смиреніе волное, и въплощься ѿ стаго дха, и ѿ пречтыа и ѿ славныа бца и прнодвы мріа, на земли ıавльса и съ члкы поживе, и съобразенъ бывъ тѣлеси нашемъ, ѡсуди грѣ плотію своеѭ, да умираюшеи ѡ адамѣ, ѡ хѣ ѡживу. тъ бо е миръ нашь, сътвори ѡбоа и едино, преграженіе ѡградѣ разрушь, крто убивъ вражду, и первенець бы из мртвы, собою наставль ро члчь на неистлѣнныи пу, выше же на нбса, сѣдѣ ѡ десную престола величествіа на нбсѣ, заповѣ давъ искусну роду члчю, хотаи в послѣднаа времена пріити сѫдити живы и мртвы, и въздати комужо по дѣлѡ его, ıако праведенъ судіи. не хощє бо смерти грѣшнику, но ѡбращенію его и покаанію, аще наипаче прилежи на злобѣ кождо члкъ. не ѡстави бо създаніа своего мти-

вый бъ, ни забы дѣла рѫкѹ своею, но на кождо времена и лѣта изъбра мужа и яви дѣла и подвигы людем, да быша, тѣ подобащеса, жиково вѣчьный обрѣли, и по тѣх прркы, по прроцѣх же апли, и по аплѣх учикы и праведныа мужа и учитела. еже са и събы въ .з. вѣкъ нашь. рѣша бо они слѣпіи прозрѣ, глусіи услышаша слово книжное, и вси възглють разлизины ꙗзыкы величіа бжіа.

Бѣ же в селуньстѣм градѣ моужь нѣкый, именем левъ, члкъ непороченъ, истиненъ и бгоутець, огребаса от всакыа злобы и исполнаꙗ вса заповѣди бжіа, ꙗко же іовъ. живыи же въ кротости и говѣніи, седмороденъ обрѣтеса, ꙗко и іовъ. о нѣко пррокъ гласть. блаженъ мужь боаиса га, к заповѣдех его въсхощет зѣло. сило на земли бѫдет сѣма е, родо правых блвиса. слава и богатьство к дому его, правда его пребывает въ вѣкы вѣкѫ. ис того бо корене въсіаста израднѣ двѣ лѣторасли свѣтозарнѣ, блвенъ плод на себѣ носаща, житіе же непорочно от юности имуща. прилдрѫхь бо себѣ, ꙗко и сестрѫ сътворша, тою украсиста и дшю и умъ. любовію же и вѣрою, дрѫг дрѫга ею преспѣваста, мдртію цвѣтуща прио, ꙗко цвѣтець блгоюханный. родом сын мніи блаженный коньстантин, а умо и добродѣтельми выспрь възлѣтаа, ꙗко же орелъ, дховныма крилома, ти бгозарным свѣтом ума просвѣщь сн, съсѧ избранъ стмх дху, и тѣм свѣтаса всем ученіемъ философьскым, нескучное съкровище обрѣтеса. ꙗко же бо источникъ всю исполнаꙗ вселенную, напои жадныа словесе бжіа, ꙗко же рече са гь нашь, ис хс. вѣрѹай в ма, ꙗко же книгы рѣша, рѣкы от чрева его потекѫт воды живы, сирѣч, дарове животворащаго дха. той бо въсхиті к нем, излиꙗса устнама его и всю вселенную сластно възвесели, слово рассѣꙗ коемужо ꙗзыку, противу своему разуму. бѣ бо ему данъ даръ дховными ꙗзыкы глати, ꙗко и аплѫ. старѣиший же брат, преблаженый мефодіи, измлада житіискыа саны начат пріимати. мдртію бо, ꙗко цвѣт благоуханенъ, цвѣтыи, всѣми влкамн бы люби. въ бесѣдах бо ꙗко соломонъ ꙗвлашеса, дивныа притча и наказаніа и вопрашаніа износа и сердечнаго села, и на слѫжбѣ всем угоднъ, ꙗко и крилат, обрѣташеса. и на воинѣ ꙗко самсонъ и гедеонъ, и ісус навгинъ стра-

шеиъ ꙗвлашеса, тѣже и̂ воеводскыи̂ санъ прїимъ, побы҃ в не̂ мало, и̂ разꙋмѣ многомѧтежныи̂ сеи̂ свѣ, ꙗко сѣнь преходащь неполезнено, паче же г҃ие слово, ꙗко и̂ стрѣлꙋ въ ср҃ци си̂ прїимъ, ꙗко̂ рече· кал польза е̂ чл҃кꙋ, аще ве̂ миръ приобраще̂, а дш҃ꙋ свою ѿщети, ли погꙋби; ли что дасть и̂змѣнꙋ на дш҃и своеи̂; премѣнив же земными н҃бнаа, временнаа ꙋбо ѿмѣтаа ѿ себе, прегрѣ, въ вѣчьныа подвигнꙋса. и̂ ше̂ въ ѡлимбъ, постригжеса в черныа ризы, чаꙗ прїати бѣлꙋ и̂ нетлѣннꙋ аг҃гльскꙋ одеждꙋ. и̂ бѣ повинꙋꙗса всѣ съ покоренїемъ и̂ съмиренїемъ, въ забдѣнїи и̂ м҃лтвѣ, въ стѧженїи и̂ слꙋженїи, въ и̂зраднѣ пощенїи, въ трезвѣнїи всегда, въ ѡчищенїи дх҃овнѣ, въ плачи блазѣ, ѿ ѡчїю и̂стоуника и̂спꙋскаа, ꙗко рѣкꙋ, и̂ тою ѡмыкаꙗ все тѣло свое, плоскаго покоа ѿнюд не вѣдыи̂, какъ е̂, но̂ вьсакꙋ нощь стоа, ѿ захода с҃лнца до въсходаща, не даа сна ѡчима своима, ни вѣжама си̂ дрѣманїа, ни̂ покоа бровьма своима, поꙋчааса въ ѱалмѣ, и̂ пѣнїи, и̂ пѣсне̂ дх҃овны, подвизаꙗса спостигнꙋти житїа ст҃ы ѿц҃ь, овы же пресиѣ кротостїю и̂ молчанїемъ, а дрꙋгаа посто̂ и̂ м҃лтвою, и̂ бдѣнїемъ, и̂ смїренїемъ и̂зрадно. и̂ тако и̂мени б҃ы въ всѣ ѡц҃и, подобенъ великомꙋ арсенїю, и̂ антонїю, и̂ савѣ, всѣ житїа собою съвръшаа. м҃лтвыи̂ же бѣ, видѣвъ и̂ в толицѣ трꙋдѣ пребываюша, вложи въ ср҃це братїи, и̂же, видѣвше подвигъ его и̂зраденъ на слꙋжбꙋ б҃жїю, дрꙋ къ дрꙋгꙋ дивлахꙋса и̂ прославлахꙋ б҃га, дающаго бл҃гть свыше трꙋжающимса его ра. доидеже патрїархъ, ꙋслышавъ подвигъ его, бѣдиша и̂ поставити митрополита въ ч҃тнѣ мѣстѣ, и̂ не могше его тамъ привѣдити, поставиша и̂ игꙋмена в монастыри, и̂же нарицаетса и̂мене̂ полихронъ, в не̂ же баше ѿц҃ь .о҃. и̂ по то са е̂мъ, пребываяше ꙗко бесплотенъ, въ м҃лтвѣ присно, всѣ всачески, дабы вса приѡбрѣлъ. с҃тыа книгы ѡ таковою вопїють, похвално гл҃юща· прѣмꙋдрти древнии̂ и̂зыще̂са, и̂ въ прр҃чествїи поживете. повѣсти мꙋжь и̂менити съхраните, и̂ въ и̂звитїи притоуны и̂зидете. посредѣ вельможь послꙋжите, и̂ пре̂ и̂гꙋмены ꙗвите̂. по земли ꙗзыкъ чюжихъ проидете, добро и̂ зло въ чл҃цѣ и̂скꙋшена бꙋдета. ср҃це свое даста ꙋтрьне быти къ г҃ꙋ, сътворившемꙋ ꙗ, и̂ пре̂ вышнии̂ помолиста. и̂ ѿвръзоста ꙋста

своа на мл҃твѫ, и ѡ҆грѣсѣ свои помолистаса. аще же г҃ь въсхощетъ великый, разꙋмьнаго дх҃а наполнитеса. тои бо ꙗвѣ казанїе и ꙋченїа ѥю, и въ законѣ завѣта гн҃а похвалиста. въсхвала ѥю разꙋ многи, и до вѣка не потребитса. и не ѿстꙋпитъ ѥю, и имѧ ѥю живе в роды и роды. мдрть ѥю повѣда ꙗзыци, и похвалꙋ ѥю исповѣсть црк҃ви, ѥи же быста крѣпка пособника и недвижима стлъпа, основана на твердѣ камени, вѣрѣ, послѣствовавша первоѡтцемъ и патрїархѡ, вѣрою и подвигѡ, дѣанїа и и трꙋды собою скончавающе, ꙗко же и великый патрїархъ авраамъ, прадѣдъ хв҃ъ, вѣрою преселникъ бывъ и пришлецъ в земли чюжеи, дрꙋгъ бжїи нарецеса, и завѣтъ обрѣзанїю ѿ бг҃а прїимъ, вѣрою ѿць многымъ ꙗзыкомъ нарецеса.

Сїа же ст҃а и преславнаа ѡ҃ца и ꙋчитела, тою же вѣрою ꙋкрашьша, тыи же дѣтели скончаста. преселника бо быста ѡчьства своего и пришелца на землю чюжꙋ. закон же ѿ бг҃а прїимше не своемꙋ племени, ꙗко же авраамъ, но ꙗзыкꙋ, иже не разꙋмѣаше десницѧ своеа и шꙋица, но ѥм же са притъкнахꙋ, то томꙋ са порабощьше, кланахꙋса, ꙗко бгꙋ, твари, въ творца мѣсто. завѣтъ же не обрѣзанїю прїимше, ꙗко же авраамъ, но крщенїю, въ оставленїе грѣховъ, въ вѣкы пребывающь, самѣмъ скончанъ и преданъ гмь нашимъ, іс҃ хс҃мь. мѡѵси тако же съ аарономъ въ ієреихъ бжїихъ, бгъ фараѡнови нарецеса, мꙋками различными егѵпта ꙋмꙋчь, бжїа люди из работы изведе, въ днє столъпомъ ѡблачномъ, а в нощи столпомъ ѡгненымъ, и раздѣль море, по сꙋхꙋ проведе в пꙋстыню, а противныа погрѫзи въ безднѣ, в пѫстыни безводнѣ напои ꙗ, поражь камень, и хлѣба нбснаго насыти, и законъ же ѿ бг҃а прїимъ, бжїимъ прьстомъ написанъ, на скрижали камены, предасть люди въ съхраненїе и послꙋшанїе. и сїа же преблаженнаа и бгоꙋгоднаа чл҃ка ни чим же менша тою ꙗвистаса, того же бжїа дх҃а напоена свыше, сѫгꙋбѣ блгти сподобльша, люди изведоста и многомрачнаго дїавольскаго мора, мыслєнаго фараѡна погрѫжьше, и всю силѫ ѥго потребиста, и вѣрою вѡрѫжьше и силою кр҃тною, не в пѫстыню же ꙗ изведоста, но на свѣтъ бгоразꙋмный настависта, не ис камене водꙋ извєша, но вѣрою словесе бжїа жадныа напоиста, не ис чювьствена же камене

во́дꙋ и҆ꙁве́ша, ꙗ҆ко же і ѡ҆на̑, но̑ и҆стекшеѥ҆ю кровї́ю и҆ водою ѿ пре҇ст҇ы ребръ г҇а нашего, і҆с҇ х҇а, вѣрны вѣчнꙋю пищꙋ и҆ бесконечный живо҇ въ с҇псенїе предаста, въ ѿданїе грѣхѡ҇ подающа, ни хлѣба а҆нг҇льска напитающа, но̑ и҆стое̑ тѣло г҇а нашего, і҆с҇ х҇а. ꙁако́н же б҇жїи сл҇гꙋбо преложьша, в новы́и ꙗ҆ꙁыкъ предаста, писмена сътворша е҆́мꙋ. е҆же бѣ̑ са ѿ прм҇дры и҆ раꙁꙋмны҇ ꙋ҆таило, то̑ ѿкровено бы҇ младенце҇ е҆ послѣднїи вѣкъ с҇нма, не на скрыжали каманы написанъ, но̑ на ср҇ць скрижали плотанъ, ни҇ сквоꙁѣ ѡ҆блакъ, ни мьглою и҆ бꙋ҆рею г҇ланъ, но̑ самѣ̑ г҇дѣ, і҆с҇ х҇мь, сконча́нъ и҆ преданъ. не сѣни слꙋжитела, но̑ и҆стин҇нѣ проповѣдника быста, ни҇ кропленїемъ крови ꙋ҆нча и҆ когла кропаща и҆ ѻ҆чищаю҆ща скверненыа҆ къ плостѣи҆ ч҇тотѣ, но̑ ст҇ы҇ кр҇щенїемъ, не тѣло е҆ди́но ѻ҆чищающа, но̑ д҇шевнꙋю свѣщꙋ въ сердечнѣ̑ селѣ всѣ̑ восїавша, ни҇ ꙁаколеннѣи҆ жертвѣ проповѣдника бывша, и҆ли̑ слꙋжитела, но̑ бесквернѣи҆ и҆ мирнѣи҆ х҇ртовнѣи҆ слꙋжбѣ слꙋгѣ и҆ проповѣдатела ꙗ҆вистаса, а҆п҇лѡ҇ съпрꙋжника, на то же дѣло и҆ꙁбранна, кр҇тъ мыслено на рамꙋ своеѥ҆ю въспрїимша, всю вселеннꙋю ѡ҆биндоста, и҆сполнающа ѻ҆ученїе̑ та мѣста. в ни҇ ѡ҆ни не постоꙗ҆ша, ли̑ ꙋ҆доложенїе̑ пꙋти, ли̑ ꙁа ꙋ҆множенїе и҆нѣ̑ странъ ближнїи҆, въ ни҇ же расше̑шеса, ꙗ҆ко лꙋча с҇лнчныа, свѣтомъ б҇гораꙁꙋмны҇ просвѣтиша ве҇ миръ. по тѣ̑ же стопа̑ и҆ си ходаща, и҆ того же д҇ха напое̑на ѿ б҇а, томꙋ же словеси быста проповѣдника и҆ нокаа а҆п҇ла, не на чюже̑ ѡ҆снованїи свое дѣло полагающа, но̑ и҆ꙁнова писмена въѡ҆бражьша, и҆ съвершиста къ ꙗ҆ꙁыкъ новъ. послѣ же въсїавша, ꙗ҆ко ꙋ҆тренаꙗ ꙁвѣꙁда, ѿ с҇лнца свѣ̑ прїемлюща, свѣтлѣиши всѣ̑ ꙗ҆влаеть, и҆ ꙗ҆ко же наи҆ти дѣлателе е҆ виногра̑, понесшеи҆ тагота̑ д҇не и҆ вара, съ пришешими въ .а҇і. ча̑, равнѣ спо́бленѣ быша мьꙁдѣ, б҇жїи б҇лгодати тако и҆ꙁволше, е҆ послѣднїи вѣкъ, томꙋ же дѣлꙋ ꙗ҆вити сїа но́ваа проповѣдника и҆ свѣтилника всеи҆ вселеннѣи҆, ꙗ҆же подвигѡ҇ добры҇ и҆ вѣрою крѣпко препоꙗ҆савше чресла своа, пройдоста, ꙗ҆ко с҇лнци, темнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, всꙗкꙋ мьглꙋ поганьскꙋю҆ д҇ховны҇ ѻ҆гне̑ попалаю҆ща и҆ е҆ретическꙋю҆, не пощадаща тѣлеси своего, но̑ всегда готова сꙋщи ꙁа правꙋю вѣрꙋ сластно и҆спити х҇вꙋ чашю. въ срацинѣ̑ же и҆ коꙁарѣ̑ ꙗ҆вльшаса непобѣдна, но̑,

ꙗко дв҃дъ, иноплеменникꙋ иногда, низложивъ гордынѭ его, потреби, прообразовавъ тр҃цю треми камени, и свой емоу мечемъ главꙋ ѿсѣкъ, похвалꙋ пріатъ въ тмахъ ѿ сн҃въ иил҃евъ, тако же и сїа оц҃а, триѵпостастнꙋ бж҃твж слꙋгѣ сꙋща и проповѣдника, въ соборѣхъ срациньстѣхъ и жидовскыхъ обрѣтшаса, своими и книгами и ꙗзыкомъ, бохмитовы блади и жидовскꙋю злобꙋ дх҃овнымъ мечемъ ѿсѣкша, потребиста, ꙗко плевелъ, и попалиста дх҃овною блг҃тїю, а слово гн҃е въсѣаста, ꙗко и пшеницю, въ срд҃цихъ селѣ, и вса насладиста медоточивыми словесы, трибеначальнаго же бж҃тва ꙗсно исповѣдаста, ꙋказаста въ единомъ сꙋществѣ равеньствомъ сїающа оц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а, тако и ꙋловиста, ꙗко и рыбы, словесною мрежею, и ѡтвратиста ѿ казаръ ч҃тныа ч҃а до двою сту, развѣ женъ и дѣтїи. трегꙋбж похвалꙋ ѿ всеа црк҃ве прїимша, преидоста ѿтоудоу на западныа страны, блг҃овѣствжюща слово бж҃їе въ ꙗзыкъ новъ, и все црк҃овный законъ преложьше, ѿ греческаго, въ свой имъ ꙗзыкъ предаста. треꙗзычникомъ же злобж низложиша, потребиста, ꙗко плевелъ ѿ пшеница ѿвращьше, ти ч҃то црк҃ви и свѣтообразно жито предаста. въ западныхъ же странахъ, панонскыхъ и моравскахъ странахъ, ꙗко слн҃ци въсїавша, мрака грѣховнаго ѿгнавша, просвѣтиста бжкими, и наꙋчьша ꙋч҃нкы црк҃овномꙋ чинꙋ исполнь. и тако теченїе скончевающа, вьти са ꙗста римьскаго, ап҃льскомꙋ пр҃тлꙋ поклонитиса, ведоуща съ собою на сщ҃енїе дх҃овный плодъ. еже слышавъ ап҃лникъ андрїанъ, изыде противж има далече ѿ града римьска, и тако ж и прїатъ, ꙗко аггла божїа, и ꙋченїе ею прилюбль, постави блаженнаго мефодїа на прозвитерьство, и ꙋч҃нкы ею. приближи же са время покои прїати пр҃томꙋ и преблаженномꙋ оц҃ю нашемꙋ и ꙋчителю, коньстантинꙋ философꙋ. видѣв же ꙗвленїе ѿ бг҃а о покои свое, облечеса в черны ризы, и дн҃ь же нарекъ покоа своего, пребы до сего дн҃е, веселаса и слава бг҃а. и тако почи о гн҃и въ ,ѕ҃. т҃. о҃. з҃. е҃. и приложиса къ оц҃емъ свои, пррокомъ и ап҃ломъ, мч҃нкомъ и всѣмъ ст҃ымъ. и положиша и въ црк҃ви ст҃го климента, идеже начаша мьнога исцѣленїа бывати ѿ ч҃тнаго гроба его, слѣпїи абїе начаша просвѣщатиса, недꙋжнїи цѣлитиса, бѣси исходити. еже видѣвше римлане, паче са приложиша

къ стымн его. сщшие же преутнаго мефодїа на архїеппьство, на столъ стго апла андроника в панонїи ѿ .о., пустиша и на страны словеньскыа, учить въ ꙗзыкъ ихъ, написавше епистолїю сїю къ кнѧзе страны тоа, растиславъ, и стополку, и коцелю· андрїанъ еппъ, рабъ рабѡ бжїи, к растиславу, и стополку, и коцелю. слава в вышнихъ бгу, и на земли миръ, въ учвцѣ благоволенїе. ꙗко ѡ васъ слышавше духовны радости, ꙗже имате на спсенїе, слемъ брата нашего, утнаго мефодїа, сщена на архїеппьство на страны ваша, ꙗко же есте просили у насъ, да вы учи, въ ꙗзыкъ прелагаа книгы, да сѧ исполнит прруеское слово, ꙗко же рѣша· хвалите га вси ꙗзыци, и похвалите его вси люе. и· всакъ ꙗзыкъ исповѣсть, ꙗко же и гь іу хс въ славу бгу ѡцю. аминь. и въ їеулїи реуе гь, посылаа своа ууикы· шеше, наууите вса ꙗзыки, кртаще ꙗ въ имѧ ѡца и сна и стго духа, ууаще а блюсти вса, елика заповѣда вамъ, и се азъ с вами есмь въ вса дни, до коиуины вѣку. аминь. вы же, уада възлюбленнаа, послушаите уенїа бжїа, еже въ послѣднее время предано бы, вашего ради спсенїа, да, поууающеса разумно, плѡ достоинъ сътворите, и прїимете вѣнець нетлѣненъ и в сїи вѣкъ и въ градущїи, съ всѣми стыми въ вѣкы. аминь.

Дошешѫ же ему въ страны моравьскы, вси людие с радостїю изыдоша въ срѣтенїе ему, и тако прїаша и ꙗко аггла бжїа. и ѿверзоша ѡуеса слѣпы и ушеса глухы, и ꙗзыци волсиуюшеи възглаша мира, и ими же усты бѣша прьвїе жрьтвы непрїазнены въздаꙗли, на кладази и на всѣ мѣстѣ хваловаан ба, тѣ же дѣти и словесныа и бесквериыа службы бгу въздаю за весь миръ, и въ всакѡ мѣстѣ имѧ бжїе прославлаетса въ ꙗзыкъ новъ, ему же ꙗвиса проповѣдникъ и апл новъ, въсїавъ ꙗко слнце, мьглу невѣдѣнїа ѿгона, и благоразумны свѣтѡ вся срца просвѣти, кротостїю же и сластїю, вса к себѣ любовїю привлауа, теуенїе свое скониуа, вѣру съблюде, цркви пѣми украси и пѣнїи духовными. и тако поуи ѡ гѣ, ѿ твари всего мира, в лѣто ,з. т. у. д. е. и приложиса къ оцемъ свои, патрїархѡ авраамну, и їсааку, и їакову, всѣ себе уподобль, всѣ образи на себѣ понош, овѣ равенъ бывъ, ѡвѣ мнїи, а другы преспѣвъ

силоѭ, и дѣтелїю, и новнгомъ, въсїавъ ѩко слн҃це, алчющи приточьнами и казанїемъ. его же помышлающи медоточнаа словеса, не ѹже сласти его дх҃овныа, приложити.

Тѣ же, кыа ѹбо хвалы въздаа вама, тржьшимаса толико хс҃а ради въ восточны, и западны, и северскы страна, не ищуща временни и тлеющи, но вѣчны и бесконечны, кр҃тъ гн҃ь на рамѣ въсприимша, и тѣ ѡладѣвшѹ землю грѣхѡ, потребльша, разориста и всѣаста дх҃овное сѣма, и что цр҃кви принесоста жито, дн҃вное ѹченїе, и тѣ же сїаета, ѩко свѣтила, въ все мирѣ, дѣмоньскую хулу и всаку ересь прогнавше. велика ѹбо столпа хв҃ѣ цр҃кви быста, небесьна чл҃ка и земнаа аг҃гла, въ плоти бесплотное житїе стажаста. бл҃жено е въ истинну чрево, ношьшее вы и въздоивша гласа многоплодна, им же напитѣстѣ алчющаа ѩзыкы и жадныа напоиста живо-(тн)ого пива, непрестающю пищю истоуьша всѣ обилно. кто ѹбо възможе достойну похвалѫ ваю исповѣдати, понеже всю прошеша стопами своими, весь миръ ѡчистиста; бл҃женъ ѩзыкъ ваю, им же насѣкаста дх҃овнаа словеса въ сп҃сенїе бечисленѹ ѩзыку, бг҃одохновенныи даръ ѿ бг҃а прїимша, мракъ невѣденїа всюду прогнаста, собою ѡбрѣ всѣмъ прелагающа, ѿ устну дх҃овнѫ сладость истоуающа, поганьству же всакому разрушника ѩвистаса, еретикѡ сѫпостата бесѡ прогоиника, свѣ омраченны, учитела младенцѣ, истоуающа дх҃овную сладость, алчющи несъкудная пища, жадны непрестаали источникъ, нагы обилно одѣанїе подающа, сиры помощника, странны прїимника, болны посѣтитела, печалны утѣшитела, напастны защитника, вдова и сирота помощьника, слѣпымъ свѣтодатела, влающийса в мори житїнстѣ великаа анкура, стѣна и покровъ припадающи къ вама, иудеѡ сѫпостата, исповѣдника ст҃ѣи трⷪ҇ци, съврьшитела бж҃їю смотренїю, величеству бж҃їю служитела, источника бж҃їю словеси, недвижима стоапа хв҃ѣ цр҃кви, печа правдѣ, щи вѣрѣ, шле сп҃сенїю, кла многоплоденъ, лоза медаточна, соти медвенїи словеса ваю, ими же насладиста всю вселенную, ѩко бисеръ многоцѣненъ источьша, съкровищи гн҃и, вмѣстилищи бж҃їа смотренїа, съсѫда ст҃ыи духу избраннаа, пронесшаа има хв҃о по всей земли, кр҃ту похвалѫ

на собѣ понесша, времен́наꙗ прегрѣкше, а҆ вѣчны̆ наслаженїе прїемша, непрестанно прпбнаꙗ и҆ и҆стиннаꙗ пастыра, ꙁа и҆ꙁбранное стадо ваю̀, подвижно помолитаса, стрти ѿженꙋща, бѣдъ и҆ напастей и҆ꙁбавлающа, просвѣтита и҆ срꙋнѣи ѿꙋи, и҆ ꙋ҆мъ ꙋ҆твердита достойно послѣдовати стопа̑ ваю̀, немощи наша на са ве҆ꙁимающа, свыше силꙋ подадита, да, достойно поживше о҆ хѣ̃, наслѣдницы трꙋдꙋ ваю̀ о҆бращꙋтса и҆ проповѣдници правѣй вѣрѣ, ю҆же и҆мъ е҆ста предала, да всѝ е҆диногласно прославл҃ тристоѐ бж҃тво ѿца и҆ сн҃а и҆ ст҃го дх҃а, нн҃ѣ и҆ в҆ вѣкы вѣкѡ̑. а҆ми̑.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран. Строк.

Въ заглавіи: 95, 2. сътворшемꙋ вм. сътворшема.
— 3. прехожьшемꙋ на новыи̇ ветъхыи̇ вм. преложьшема новыи̇ и ветъхыи.
— — ꙗ҆зыкы вм. ꙗ҆зыкъ.
— 4. Проп. и҆ архиепⷭ҇пв, но другою рукою приписано.
— — и҆ лишнее передъ мефодїю.
— 10. ꙁаповѣдавъ вм. ꙁаповѣ давъ.
— 14. ѡ҆ставиⷭ҇ вм. ѡ҆стави.
96, 6. раꙁлꙋчныа́ вм. раꙁлꙋчны.
— 16. ꙋ҆красистаса и҆ дшⷭ҇ею и҆ оу҆мⷨѡ вм. ꙋ҆красиста и҆ дш҃ею и҆ оу҆мъ.
— 32. ꙋ҆годно вм. ꙋ҆годнъ.
97, 27. всѣ̑ вм всѣ̑.
— 32. и҆скꙋла вм. и҆скꙋшена.
98, 30. и вм. ѥ҆го̀.
— 31. и҆ꙁведо́сте вм. и҆ꙁведо́ста.
— 32. невѣювьствена же не и҆с вм. не и҆с невѣювьствена же.
99, 3. Проп., но послѣ прибавлено: ни хлѣба а҆гг҃льска напитающа.
— 9. гл҃а вм. гл҃авъ.
— 20. входаща вм. ходаща.
— 24. Проп. и҆ передъ ꙗ҆ко же.
100, 13. ѿ дѹнаа вм. ѿтоуꙋдоу.
— 15. предасть вм. предаста.
— 21. Проп. поклонитиса, ведоуща съ собою на сп҃сенїе.
— 23. и҆ꙁидете вм. и҆ꙁиде.
101, 14. ꙋ҆чаща а҆ вм. ꙋ҆чаще а҆.
— 15. дои̇чины вм. до кои̇чины.
— 16. въ послѣдиаа̀ вм. въ послѣдиее.
— 17. напредано вм. предано.
— 22. волнꙋюще вм. волснꙋющен.
— 30. ѿвари вм. ѿ твари.

ОПЕЧАТКА.

96, 6. раꙁлиꙁны вм. раꙁлꙋчны.

XI.

По Четь-Минеи неполной, мѣсяцъ Февраль, полууставомъ, въ листъ, около 1630 года, принадлежащей Библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры, № 874 (711) (См. Житіе Кирилла X).

—

В тои же д҃нь слово похвално на пам҃ ст҃ымъ и преславнымъ оучт҃лемъ словеньскꙋ языкꙋ, сотворшема писмены емꙋ и преложьшема новыи и ветхіи законъ въ языкъ и, бл҃женномꙋ кириллꙋ философу и архиеп҃пꙋ паноскꙋ мефодію.

Бг҃ꙋ и сп҃сꙋ нашемꙋ, іс҃ꙋ хр҃ꙋ, многимъ и неизреченнымъ ч҃лколюбіемъ помиловавшꙋ ро ч҃лскіи, и не терпящꙋ созданія своего лестію діаволею ѡдержима, инзложи себе во смиреніе волное, и воплощься ѿ ст҃го дх҃а и ѿ прч҃тыя и ѿ славныя бц҃а и присно дв҃ы маріа, на земли явися и съ ч҃лки поживе, и соѡбразенъ бывъ телеси нашемꙋ, ѡсꙋди грехъ плотію своею, да, оумирающіи о адаме, о хр҃те оживꙋ. тои бо есть миръ нашъ, сотвори і обоя і едино, преграждение ѡграде разрꙋшь, кр҃томъ оубивъ враждꙋ, и первенецъ бысть и мертвыхъ, собою наставль ро ч҃лчь на неистлѣнныи пꙋть, възше же на н҃бса, седе ѡ десныю пр҃тла величествія на высоки, заповѣдь давъ искꙋсиꙋ родꙋ ч҃лчю, хотяи в последняя времена прінти сꙋдити живымъ и мертвы, и воздати комꙋждо по дѣломъ его, яко праведенъ сꙋдіи. не хоще бо см҃рти грѣшникꙋ, но ѡбращенню его и покаанію, аще наипаче прилежи на злобꙋ кождо

ч҃лкъ. не ѡстави бо созданїа своего м҃лтивыи б҃ъ, ни забы дѣла рꙋкꙋ своею, но на коаждо лѣта и времена избра мꙋжа, и акы дѣла ихъ и подвиги людемъ, да быша, тѣмъ подобающеса, ꙗко свѣтилы ѡбрѣли. и по тѣхъ пррки, по пррцѣхъ же ап҃лы, и по ап҃лѣхъ м҃ченики и преподобныа мꙋжа и оучт҃ла. еже са и збысть в семыи вѣкъ нашь. рѣша бо ѡни· слѣпїи прозрѧ, глꙋсїи оуслышиѧ слово книжное, и вси вьглють ралнчны азыки велнчїа б҃жїа.

Бѣ же въ селꙋньстѣмъ градѣ мꙋжь нѣкїи, именемъ левъ, ч҃лкъ непорочень, истинень и б҃гоутецъ, огрѣбаася ѿ всакїа злобы і исполнаа вса заповѣди б҃жиа, ако же іовъ. живыи же в кротости и говѣнїи, семороденъ ѡбрѣтеса, ꙗко і іовъ. ѡ нѣкоеи же и пррк҃ъ глеть· блаженъ мꙋжь боѧиса га, в заповѣдѣ его восхощеть зѣло. сидно на земли бꙋдѣ сѣмѧ его, ро прѣвыи бл҃витса. слава и богатьство в домꙋ его, правда его пребываеть в вѣкъ вѣка. ис того бо корене восїаста израднѣ двѣ лѣторасли свѣтозарнѣ, бл҃жен пло на себѣ носаща, житїе же непорочно ѿ юности имꙋща. прм҃рость бо себѣ, ако сестрꙋ сотворша, тою оукрасиста и дш҃ю и оумъ, любовїю же и вѣрою, дрꙋгъ дрꙋга ею преспѣваста, м҃ростїю цвѣтꙋща прно, ако цвѣтецъ б҃гоюханнымъ. родомъ сыи мнїи бл҃женныи константинъ, а оумомъ и добродѣтельми выспрь волетаа, ако же орелъ, дх҃овныма крилома, ти б҃гозарнымъ свѣтомъ оума просвѣщь си, сосꙋ избранъ ст҃мꙋ дх҃ꙋ, и тѣмъ свѣтаса всѣмъ оученїемъ философьскы, нескꙋдное сокровище обрѣтеса. ако бо источникъ исполнаа всю вселеннꙋю, напои жаныа словесе б҃жїа, ꙗко же рече самъ гь б҃ъ нашь, іс хс· вѣрꙋли в ма, ꙗко же книги рѣша, рѣки ѿ чрева его потекꙋть воды живы, сирѣ, дароуе животворащаго дх҃а. той бо восвить в немъ, излїаса оустнама его, и всю вселеннꙋю сластно возвесели, слово раскаа коемꙋждо азыкꙋ, противꙋ своемꙋ разꙋмꙋ. сѣ бо емꙋ данъ даръ дх҃овныи азыки гл҃ати, ако и ап҃лꙋ. старѣишїи же его братъ, пребл҃женныи мефодїи, и млада житенскїа саны нача прїимати. мꙋдростїю бо, ꙗко цвѣ б҃гоюханенъ, цвѣтыи, всѣми бл҃гами бысть любимъ. в бесѣдахъ бо ако соломонъ авлашеса, дивныа притча и наказанїа

и̂ вопроша́нїа и̂ꙁноса и̂ ср҃ънаго села̀, и̂ на слꙋ́жбѣ всѣ̂ ѹ̓го́нъ, а̂ко крила̂, обрѣта́шеса, и̂ на конѝ а̂ко и̂ самѱо́нъ, и̂ гедео́нъ, ї и̂сꙋ́съ на́вѵинъ стра́шенъ ꙗ̂вла́шеса. тѣм же и̂ воеводскїи са́нъ прїи́мъ, нѣ быстъ к не́мъ ма́ло, и̂ раꙁꙋмѣ́въ многомате́жныи сеи свѣтъ, ꙗ̂ко сѣнь преходѧ́щь неполе́ꙁнено, па́че г҃не сло́во, ꙗ̂ко и̂ стрѣлꙋ въ ср҃цы сѝ прїи́мъ, ꙗ̂ко же рече· ка́а по́лꙁа е̂сть ч҃лкꙋ, а̂ще весь мі́ръ прїобрѧ́щетъ, а̂ дꙋ́шꙋ своѧ̀ ѿщетѝ, ли погꙋби́тъ; ли что̀ да́сть ч҃лкъ и̂ꙁмѣнꙋ на дꙋ́ши свое́и, премене́нїе же ꙁемна́ѧ ни ѿвла, вре́менна ѹ̓бо ѿмета́ѧ ѿ себѐ, преꙁрѣ̀, к вѣ́чныѧ подви́гнуса. ї и̂ше̂ во ѡ̂лѵ́мпъ, постриже́са в че́рныа ри́ꙁы, ча́а прїѧ́ти бѣ́лꙋ и̂ нетлѣ́нꙋ а̂гг҃льскꙋ о̂де́ждꙋ. и̂ въ повинꙋ́аса всѣ́мъ с покоре́нїе и̂ смире́нїемъ, во бдѣ́нїи и̂ м҃лтвѣ, в стꙋже́нїи, слꙋже́нїи, во и̂ꙁрѧ́днѣ поще́нїи, въ треꙁвѣ́нїи всегда̀, во ѹ̓миле́нїи д҃ховнѣмъ, въ пла́чи бла́ꙁѣ, ѿ о̂чїю и̂сто́чника и̂спꙋща́а, ꙗ̂ко рѣкꙋ̀, и̂ то́ю ѡ̂мыва́а все тѣло своѐ, плотьска́го поко́а ѿню̀ не свѣ́дыи, ка́къ е̂сть, нѡ̂ на всѧ́кꙋ но́щь стоѧ̀ ѿ ꙁа́хода сл҃нца до восходѧ́ща, не даѧ снѧ̀ о̂чи́ма свои́ма, ни вѣждома сѝ дрема́нїа, ни поко́ѧ бровьма̀ свои́ма, поѹ̓ча́аса во ѱалмѣ́хъ, и̂ пѣ́нїихъ, и̂ пѣснѣ̂ д҃ховныхъ, сподвиꙁа́аса пости́гнꙋти жи́тїа ст҃ы́хъ ѿц҃ъ, ѡ̂вѝ пресвѣ кро́тостїю и̂ молча́нїемъ, а̂ дрꙋгїа посто́мъ, и̂ бдѣ́нїемъ, и̂ м҃лтвою, и̂ смире́нїемъ и̂радно, и̂ та́ко и̂ме́нитъ бы́сть во всѣ́хъ ѿц҃ѣхъ, подо́бенъ вели́комꙋ а̂рсе́нїю, ї а̂нто́нїю, и̂ са́вѣ, всѣ́хъ жи́тїа собо́ю соверша́а. м҃лтивый б҃гъ, ви́дѣвъ и̂ в толи́цѣ трꙋдѣ̀ превыва́юща, вложѝ в ср҃це бра́тїи, и̂же, ви́дѣвше по́двигъ е̂гѡ̀ и̂ꙁрѧ́денъ на слꙋ́жбꙋ б҃жїю, дрꙋ́гъ ко дрꙋгꙋ дивла́хꙋса и̂ прославла́хꙋ б҃га, даю́щаго бл҃года́ть свы́ше трꙋжа́ющимса е̂гѡ̀ ра́ди. доидѐ патрїа́рхъ, ѹ̓слы́шавъ по́двигъ е̂гѡ̀, бѣдиша и̂ поста́вити митропо́лита въ ч҃тнѣ мѣ́стѣ, и̂ не мо́гше е̂гѡ̀ томъ прибѣди́ти, постави́ша и̂ и̂гꙋ́мена въ м҃трѝ, и̂же нарица́етса и̂менемъ полихро́нъ, в не́м же бѧ́ше ѿц҃ъ .о҃. и̂ по то са е̂мъ, пребыва́ше, ꙗ̂ко и̂ беспло́тенъ, к м҃лтвѣ̂ пр҃но, всѣ́мъ всѧ́чески, да бы́ша всѧ̂ прїобрѧ́лъ. и̂ ст҃ыѧ бо кни́ги ѡ̂ таково́ю вопїю́тъ, похва́лно г҃лща· прему́дрости дре́вниѧ взыще́тса, и̂ во пррⷪ҇че́ствїихъ поживе́те. повѣсти мꙋ̂ж҃ъ и̂мени́тыхъ сохрани́те, и̂ во и̂ꙁви́тїихъ при́тоучныхъ и̂ꙁы́дѣте. посре-

дн҃и вельмо́жь послꙋжи́те, и҆ пре҆ и҆гꙋмены ꙗ҆ви́теса. по ꙁемлѝ тꙋжди ꙗ҆ꙁы́къ прои́дете, добро̀ и҆ ꙁло̀ въ ꙋ҆лицѣхъ и҆скꙋ́шена бꙋдета. срⷣце своѐ да́ста ѹ҆трене бы́ти к гꙋ, сотво́ршемꙋ а҆, и҆ пре҆ вышнимъ помоли́стаса. и҆ ѿверꙁо́ста ѹ҆ста̀ своа̀ на млⷭ҇твꙋ, и҆ о҆ грѣсѣ́хъ свои́хъ помоли́стаса. а҆́ще же бг҃ъ восхо́щетъ вели́кїи, раꙁꙋ́мнаго дх҃а напо́лнитеса. то́и бо потоуи гл҃ъ и҆ мꙋ́дрости е҆ю, и҆ к млⷭ҇твѣ и҆сповѣ́дастаса гв҃и. то́и бо ꙗ҆ви казанїа и҆ ѹ҆ченїа е҆ю, и҆ в ꙁако́нѣ ꙁавѣ́та гн҃а похвали́стаса. восхва́лѧ е҆ю ра́ꙁꙋмъ мно́ꙁи, и҆ до вѣка не потребитса и҆ не ѿстꙋ́пи е҆ю, і҆ имѧ е҆ю живе в ро́ды и҆ ро́ды. мꙋ́дрости е҆ю повѣда ꙗ҆ꙁыцы, и҆ похвалꙋ е҆ю и҆сповѣ́сть црⷭ҇кви, е҆и же бы́ста крѣ́пка побитїа и҆ недвижнмаа стоⷧпа̀, ѡ҆снована на твѣрдѣмъ вѣрѣ ка́мени, послѣ́ствовавша первоѿце́мъ и҆ патрїа́рхѡ, вѣрою и҆ подвигомъ дѣѧнїа и҆хъ и҆ трꙋды собою сконуава́юща, ꙗ҆ко же и҆ вели́кїи патрїа́рхъ а҆враа́мъ, прадѣ хв҃ъ, вѣрою пресе́лникъ бы́въ и҆ пришлецъ в ꙁемлѝ тꙋждеи, дрꙋ҆ бж҃їи нарече́са, и҆ ꙁавѣ ѡ҆брѣꙁанїю ѿ бг҃а прїи, вѣрою ѡ҆ц҃ъ многомъ ꙗ҆ꙁыкомъ нарече́са.

Сїа же ст҃аа и҆ пресла́внаа ѡ҆ц҃а и҆ ѹ҆чт҃ла, то́ю же вѣрою ѹ҆кра́шьса, ты же дѣтели сконча́ста. пресе́льника бо бы́ста ѿѣ́чества своего̀ и҆ пришелца на ꙁе́млю тꙋждꙋ. ꙁако́н же ѿ бг҃а прїмыша, не своемꙋ̀ племени, ꙗ҆ко же а҆враамъ, но ꙗ҆ꙁыкꙋ, и҆же не раꙁꙋмѣвше десни́ца своеа̀, ни шꙋ́ица, но е҆же са прикна́хꙋ, то томꙋ̀ са порабо́щьше, клана́хꙋса, ꙗ҆ко бг҃ꙋ твари, а҆ творца̀ мѣсто. ꙁавѣ же не ѡ҆брѣꙁанїю прїимше, ꙗ҆ко а҆враамъ, но крещенїю во ѡ҆ставленїе грѣхѡ, во вѣки пребываю́щь, самѣмъ скончанъ и҆ преданъ гм҃ъ нашимъ, і҆с҃ хрⷭ҇то. мои҆сеи та́кожде со а҆аро́номъ во і҆ере́нхъ бж҃їи бг҃ъ фараѡ́нови наре́кса, мꙋ́ками ра́личнами е҆гипта ѹ҆мꙋ́чи, бж҃їа лю́ди иꙁ рабо́ты и҆ иꙁведѐ, во дн҃е столпо ѡ҆блачнымъ, а҆ в нощѝ столпомъ о҆гненымъ, и҆ раꙁдѣль мо́ре, по сꙋхꙋ проведѐ к пꙋсты́ни, а҆ проти́вныа погрꙋꙁи в бе́ꙁднѣ. в пꙋсты́ни же беꙁво́днѣ напои а҆, пора́жь ка́мень, и҆ хлѣба а҆гг҃льска насытѝ, и҆ ꙁакон же ѿ бг҃а прїи, бж҃ї-нымъ пе́рстомъ написанъ, на скрыжали бо ка́маны, преда́сть лю́ди к сохране́нїе и послꙋша́нїе. и҆ сїа же преблж҃е́ннаа и҆ бгоѹ҆го́днаа чл҃ка ни чи́м же ме́ньша тою ꙗ҆ви́стаса, того бж҃їа дх҃а напоѐна бы́-

ше, сꙋгꙋбѣ бл҃гти сподо́бльшаса, лю́ди и҆ведо́ста и҆ мнѡга че́рнаго дїꙗ́вольскаго мо́ра, мы́сленаго фараѡ́на погрꙋ́жьша, и҆ всю сі́лꙋ є҆гѡ̀ потребиста, и҆ вѣ́рою вооꙋржи́стаса и҆ си́лою к҃ртною, не в пꙋсты́ню же а и҆зведо́ста, но на свѣ̀ бг҃оразꙋ́мный наставі́ста, не и҆с ка́мени во́дꙋ и҆звє̂ша, но̂ вѣ́рою словесѐ бж҃їа жа́дныа напоі́ста, не не чювственна же ка́мене во́дꙋ и҆вє̂ша, ꙗ҆́ко же и҆ ѡнѝ, но и҆сте́кшею кро́вїю и҆ водою ѿ прч҃тны̆ ре́бръ г҃а на́шего, і҆с҃а х҃а, вѣ́рнымъ и҆ни́мъ вѣ́чнꙋю и҆ безконе́чныи живо̑ во сп҃не предаста, во ѿда́нїе грѣхѡ́въ пода́юща, ни хлѣ́ба а҆гг҃льска напита́юща, но̂ и҆стое тѣ́ло г҃а на́шего, і҆с҃а х҃а. законъ же бж҃їи сꙋгꙋ́бо прело́жьша, в но́вый ꙗ҆зы́къ преда́ста, пи́смена сотво́рша є҆мꙋ̀. є҆̀же бѣ са ѿ премꙋ́дры̆ и҆ разꙋ́мныхъ оу҆та́ило, то ѿкрове́но бы́сть младе́нцемъ в послѣ́днїи вѣкъ си́ма, не на скрыжа́ли ка́мены напи́санъ, но на ср҃дць скрыжа́ли пло́танъ, ни сквоꙁѣ̀ ѡ҆́блакъ, ни мглою и҆ бꙋ́рею г҃ланъ, но самѣмъ г҃демъ, і҆с҃ х҃мъ, сконча́нъ и҆ пре́данъ. не сѣ́ни слꙋжи́тела, но и҆́стинѣ проповѣ́дника бы́ста, ни кропле́нїемъ кро́ве ю҆́нча и҆ ко́зла кропа́ща и҆ ѡ҆чища́юща скве́рныа къ плотъстѣи чтотѣ̀, но с҃тымъ к҃рщнїемъ, не тѣ́ло є҆ди́но ѡ҆чища́юща, но дш҃е́внꙋю свѣщꙋ̀ въ ср҃чнѣмъ селѣ̀ всѣмъ восїа́вша. ни заколе́ннѣ жє́ртвѣ проповѣ́дника бы́ста, и҆лѝ слꙋжи́тела, но безкро́внѣи и҆ ми́рнѣи христо́внѣи слꙋ́жбѣ слꙋзѣ̀ и҆ проповѣ́дател а ꙗ҆ви́стаса, а҆п҃ломъ сꙋпрꙋ́жника, на тоже дѣло и҆збра́на, к҃ртъ смы́слено на ра́мꙋ своє́ю воспрїи́мша, всю̂ вселе́ннꙋю ѡ҆бы́доста, и҆сполна́юща оу҆че́нїемъ та мѣ́ста. в ни҄ ѻ҆нѝ не посꙁоа́ша, ли оу҆доле́нїемъ пꙋтѝ, лѝ за оу҆множе́нїемъ и҆нѣ́хъ странъ бли́жнихъ, в ни́х же ра҄шє̂шеса, ꙗ҆ко лꙋча с҃лчныа, свѣто̂ бг҃оразꙋ́мнымъ просвѣти́ниа ве́сь ми́ръ. по тѣм же стопа́мъ и҆ тѝ хода́ща, и҆ того̑ д҃ха напое́на ѿ бг҃а, томꙋ́ же словесѝ быста проповѣ́дника и҆ но́ваа а҆п҃ла, не на тꙋ́ждемъ ѻ҆снова́нїи свое дѣ́ло покаꙁа́юща, но и҆зно́ва пи́смена вообра́жьша, и҆ соверши́ста въ ꙗ҆зыкъ но́въ. послѣ̑ восїа́вша, ꙗ҆ко оу҆тренаа ꙁвѣꙁда̀, ѿ с҃лнца свѣ̀ прїемлющи, свѣтлѣ́йши всѣхъ ꙗ҆вла́ется, и҆ ꙗ҆ко же на́ꙗтїи дѣ́лателе в виногра̑, поне́сшеи тагота̀ дн҃е и҆ ва́ръ, с прише́дшими въ .аі҃. ча̑, ра́внымъ сподо́блени бы́ша мꙁдѣ, бж҃їи бл҃гти, та́ко и҆зво́лиши, к послѣ́днїи вѣ́къ томꙋ

же дѣлꙋ ꙗвити сїа новаа проповѣдника и свѣтилника всеи вселеннѣи, иже подвигомъ добрымъ и вѣрою крѣпко препоꙗсавша тресла своа, проидоста, ꙗко слнце, темнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, всакꙋ мглꙋ поганьскꙋю дховнымъ огнемъ попаляюща и еретическꙋю, не пощадаща дша своеа, ни пощадаща телеси своего, нѡ всегда готова сꙋща за правꙋю вѣрꙋ сластно испити хвꙋ чашꙋ. в срачинѣх же и козарѣхъ ꙗвльшаса неповѣдима, но ꙗко же двъ, иноплеменникꙋ иногда, низложивъ гордыню его, потреби, проѡбразовавъ трцꙋ треми камени, и своимъ емꙋ мечемъ главꙋ ѿсѣкъ, похвалꙋ прїатъ во тмѣ ѿ снвъ їилевъ, такожде же и сїа ѿца, трио̑ꙋпостаснꙋ бжтвꙋ слꙋзѣ сꙋща и проповѣдника, в соборѣхъ срачиньстѣхъ и жидовьскиⷯ ѡбрѣтшаса, своими имъ книгами и ꙗзыкѡ, махметовы влади и жидовьскꙋю злобꙋ дховнымъ мечемъ ѿсѣкша, потребиста, ꙗко плевелъ, и попалиста дховною бгодатїю, а слово гне всїаста, ꙗко и пшеницꙋ, въ срчнѣмъ селѣ, и вса насладиста медоточными словесы, тривезначалнаго бжтва ꙗсно исповѣдаста, оуказаста въ единомъ сꙋществѣ равеньствомъ сїающа ѿца и сна и стго дха, тако же и оуловиста, ꙗко и рыбы, словесною мрежею, и крестиста ѿ казарь чтныа чади до двою стъ, развѣ женъ и дѣтей. трегꙋбꙋ похвалꙋ ѿ всеа црквѣ прїимша, и преидоста ѿтꙋдꙋ на западныа страны, бгоблвствꙋюща слово бжїе въ ꙗзыкъ новъ, и весь црковныи законъ преложша ѿ греческаго, во свой имъ ꙗзыкъ предаста, треꙗзычникѡ же злобꙋ низложивша, потребиста, ꙗко плевѣ ѿвращаа ѿ пшеницы, тѣ чисто црквн и свѣтозарно жито предаста. в западныа же странахъ, панонь стѣхъ и моравскиⷯ странахъ, ꙗко слнце восїавша, мрака грѣховна ѿгнавша, просвѣтиста бꙋквами, и наоꙋчьша оучинки церковномꙋ чинꙋ исполнь. и тако теченїе сконцавающа, пꙋти са ꙗста римьскаго, аплъскомꙋ прлꙋ поклонитиса, ведꙋща е собою на сꙋщие дховныи плѡ. еже слышавъ апостоликъ андрѣанъ, изыде противꙋ имъ далече ѿ града римска, и тако же а прїа, ꙗко аггла бжїа, и оученїе ею прилюбль, постави блаженнаго мефодїа на презвитерство, и оучикы ею.

Приближи же сѧ времѧ покои прїѧти престꙋ и пребл҃женномꙋ ѿц҃ꙋ нашемꙋ и оуч҃лю, константинꙋ философꙋ. видѣв же ꙗвленїе ѿ б҃га ѡ покои своѐ, ѡблечесѧ в черныѧ ризы, и дн҃ь же нарекъ покоѧ своегѡ, пребысть до негѡ дн҃ь, веселѧсѧ и славѧ б҃га. и тако почи ѿ гн҃и в лѣ ҂ѕ҃.т҃оз҃. и приложисѧ къ ѿц҃емъ своимъ, к пррокомъ и ап҃ломъ, и мч҃нкомъ и всѣмъ ст҃ымъ. и положиша и в цркви ст҃го климента, идѣже начаша многа исцѣленїѧ бывати ѿ ч҃тнаго гроба его. слѣпїи абїе начаша прозиратисѧ, недꙋжнїи исцѣлѧтисѧ, беси ѿ ч҃лкъ исходити. еже видѣвше римлѧне, паче сѧ приложиша къ ст҃ни его. с҃нъ же пречтнаго и бг҃очтнаго мефодїѧ на архїеп҃пство, на столъ ст҃го андроника, ап҃ла в панонїи ѿ .о҃., пꙋстиша и на страны словеньскїѧ оучити во ѧзыкъ и, написавше епистолїю сїю кнѧземъ страны тоѧ, ростиславꙋ, светополкꙋ, и коцелꙋ· андрѣа епкпъ, рабъ всѣмъ рабомъ бж҃їимъ, к растиславꙋ, и светополкꙋ, и коцелꙋ. слава в вышних б҃гꙋ, и на земли миръ, въ ч҃лцехъ бл҃говоленїе. ꙗко ѡ ва слышавше дх҃овны радости, иже имате на сп҃сенїе, слемъ брата нашего, ч҃тнаго мефодїѧ, сщ҃ена на архїеп҃пьство на страны ваша, ꙗже есте просили оу на, да вы оучи, во ѧзыкъ прелагаѧ книги, да сѧ исполни пррческое слово, ꙗко же рѣша· хвалите б҃га вси ѧзыцы, и похвалите его вси людїе. и· всякъ ѧзыкъ исповѣсть, ꙗко же и гь ис хс в славꙋ бгꙋ ѿц҃ꙋ. аминь. въ еѵ҃глїи рече гь, посылаѧ оученики своѧ· шедше, наоучите всѧ ѧзыки, кр҃тяще ѧ во имѧ ѿц҃а и с҃на и ст҃го дх҃а, оучаще блюсти всѧ, елика заповѣдахъ вамъ, и се азъ с вами есмь всѧ дн҃и до кончины вѣкꙋ. аминь. вы же, чада возлюбленаѧ, послꙋшаите оученїѧ бж҃їѧ, еже в послѣдние времѧ предано бысть, вашего ради сп҃нїѧ, да, поꙋчающесѧ разꙋмно, плѡ достоинъ сотворите, и прїимете вѣнецъ нетлѣненъ и в сїи вѣкъ и градꙋщїи со всѣми ст҃ыми во вѣкы. аминь.

Дошедшꙋ же емꙋ въ страны моравски, вси людїе с радостїю изыдоша во срѣтенїе емꙋ, и тако прїѧша и, ꙗко агг҃ла бж҃їѧ. и ѿверзошасѧ очеса слѣпымъ, и оуши глꙋхихъ, и ѧзыцы васнꙋющей воглаша мира, и ихъ же оусты бѣша первѣе жертвы не-

прїѧзнены воздаваѧ на кладезахъ и на всѣхъ мѣстехъ хвалѧще бг҃а, тѣм же дѣти и словесныѧ и бескровныѧ службы бг҃у воздаютъ за весь миръ, и во всѧкомъ мѣстѣ имѧ бж҃іе прославлѧетсѧ въ ѧзыцѣхъ новѣ; ему же ѧвисѧ проповѣдникъ і ап҃лъ новъ, восїѧвъ, ѧко слн҃це, мглу невѣдѣнїа ѿгона и бг҃оразумнымъ свѣтомъ всѣмъ срд҃ца просвѣти, кротостїю же и сластїю, вса к себѣ любовїю привлача, теченїе свое сконча, вѣру соблюде, црк҃ви пѣсньми оукраси и пѣнїи дх҃овными. и тако почи о гс҃ѣ в лѣто ѿ твари всего мира ,ѕтѵд. и приложисѧ ко ѿцемъ своимъ, патрїархомъ аврааму, ісааку і иакову, всѣмъ себе оуподобль, всѣ образъ на себѣ поноша, овѣмъ равенъ бывъ, овѣхъ мнїи, а другихъ преспѣвъ силою, и дѣтелїю, и подвигомъ, восїа, ѧко слн҃це, лучами пречюдными и наказанїемъ. его же полагающе медоточнаѧ словеса, нѣсть чемъ сласти его дх҃овныѧ приложити.

Тѣм же, вы оубо похвалы водамъ вама, трудившимасѧ толико хр҃та ради в восточныхъ, и западныхъ, и сѣверскихъ странахъ, не ищуща временныхъ и тлѣющихъ, но вѣчныхъ и бесконечныхъ, крт҃ъ гдн҃ь мужески на рамѣ восприимша, и тѣмъ обладевшую грѣхомъ землю, потребльша, разориста, и всѣѧста дх҃овное сѣмѧ, и что црк҃ви принесоста жито, дивно оученїе, им же сїаста, ѧко свѣтила, во всемъ мирѣ, демоньскую хулу и всѧку ересь прогнавша. велика оубо стоѧна хв҃ѣ црк҃ве быста, нб҃наѧ чл҃ка и земнаѧ агг҃ла, во плоти бесплотное житїе стажавша. бл҃женно е во истинну чрево, ношьшее вы и водоноша гл҃са многоплодна, им же напитѣста алчющаѧ ѧзыки, и жадныѧ напоиста живоноснаго пива, непрестающаѧ пищу источьника всѣмъ ѿвиано. кто оубо возможетъ достоиныѧ похвалы вамо исповѣдати, поднебесную всю прошедша, стопами своими весь миръ ѡст҃иста; бл҃венъ ѧзыкъ ваю, им же насѣѧста дх҃овнаѧ словеса во сп҃нїе бесчислену ѧзыку, бг҃одх҃новенныи даръ ѿ бг҃а прїимша, мракъ невѣдѣнїа всюду прогнаста, собою образъ всѣмъ предлагающа. ѿ оустну дх҃овну сласть источающа, поганьству же всѧкому разрушьника ѧвистасѧ, еретикомъ супостата, бѣсомъ прогоника, свѣ ѡмраченнымъ, оучтла младенцѣ, источающа дх҃овную сласть, ла-

тющимъ нескꙋднаѧ пища, жа́днымъ напаѧ́ѧ исто́чникъ, наги́мъ оби́лно ѡдѣа́ніе пода́юща, си́рымъ помо́щника, стра́ннымъ пріи́мника, бо́лны҃ посѣти́телѧ, печа́лнымъ оу҆тѣши́телѧ, напа́стны҃ заштитника, вдова́мъ и҆ сирота́мъ помо́щника, слѣпы́мъ свѣтода́телѧ, влающимсѧ в мо́ри жите́йстемъ вели́каѧ а҆нки́ра, стѣна и҆ покро́въ припа́дающимъ к ва́ма, і҆юде́ѡ сꙋпоста́та, и҆сповѣ́дника ст҃ыѧ трцы, сверши́телѧ бж҃їю смотре́нїю, вели́чествꙋ бж҃їю слꙋжи́телѧ, и҆сто́чника бж҃їѧ слове́си, недви́жима столпа̀ цр҃кве хв҃ы, печа́ть пра́вдѣ, щи́тъ вѣ́ры, племе́нъ сп҃нїю, кла̀ многопло́денъ, со́ти ме́двенїи словеса̀ ва́ю, и҆ми же наслади́ста всю вселе́нꙋю, ꙗ҆ко би́серъ многоцѣ́ненъ, и҆сто́чьша, сокрови́щи гн҃и, вмѣсти́лищи бж҃їѧ смотре́нїѧ, ѡ҆би́телищи бж҃їю смотре́нїю, сосꙋ́да ст҃ꙋ дх҃ꙋ и҆збра́ннаѧ, проне́сшаѧ и҆мѧ хв҃о по все́й земли̇, крт҃ꙋ похвалꙋ̀ на себѣ̀ поне́сша, вре́меннаѧ презрѣ́вша, а вѣ́чны҃ наслажде́ніе пріи́мша. непреста́нно прп҃бнаѧ і҆ и҆сти́ннаѧ па́стырѧ, за и҆збра́ное ста́до ва́ю подви́жно помоли́тасѧ, стра́сти ѿжени́ща, бѣ̀ и҆ напа́стей избавлѧ́ща, просвѣти́та и҆ ср҃дчнѣи ѡ҆́чи и҆ оу҆́мъ оу҆тверди́та досто́йно послѣ́довати стопа́мъ ва́ю, не́мощи на́ша на сѧ взима́юща, свы́ше си́лꙋ̀ подади́та, да, досто́йно пожи́вше о хрⷭ҇тѣ, наслѣ́дницы трꙋдꙋ̀ ва́ю ѡ҆бра́щꙋтсѧ и҆ проповѣ́дницы пра́вѣи вѣрѣ, ю҆́же и҆́мъ е҆́ста пре́дали, да всѝ е҆ди́ногла́сно просла́вѧ́тъ тр҃ото́е бжⷭ҇тво ѡ҆ц҃а и҆ сн҃а и҆ ст҃го дх҃а, нн҃ѣ и҆ при́сно и҆ во вѣ́ки вѣко́мъ. а҆ми́нь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран. Строк.

Въ заглавіи: 105, 2. сотво́ршемꙋ вм. сотво́ршемѧ.

— 3. на но́выи ветхїи вм. но́выи и҆ ветхїи.

— 4. въ ѩ҆зы́ки вм. въ ѩ҆зы́къ.

106, 17. оу҆краси́стасѧ и҆ дш҃ею и҆ оу҆мо́мъ вм. оу҆краси́ста и҆ дш҃ю и҆ оу҆мъ.

107, 1. оу҆го̑но вм. оу҆го̑нъ.

— 4. совѣ́тъ вм. свѣ́тъ.

— 12. въ бестꙋже́нїи вм. стꙋже́нїи.

— 20. и҆мени́стъ вм. и҆мени́тъ.

108, 1. ѧ҆ви́тисѧ вм. ѧ҆ви́тесѧ.

— 2. прои́детъ вм. прои́дете.

— — и҆скꙋ́ла вм. и҆скꙋ́шена.

— 3. превышнимъ вм. пре̑ вышнимъ.

109, 1. че́рмнаго вм. че́рнаго.

— 5. нечювьствена же не и҆с вм. не и҆с нечювьствена же.

— 8. преда́сть вм. преда́ста.

— 9. и҆ ст҃ое вм. и҆стое.

— 13. ср҃цы вм. ср҃ць.

— 14. гл҃а вм. гл҃анъ.

— 20. Проп. и҆ передъ проповѣ́дателѧ.

— 26. хотѧ́ща вм. ходѧ́ща.

110, 27. нытаста вм. быста.

— 15. восїа́ста вм. всїа́ста.

— 18. бе̑словесною вм. слове́сною.

— 21. ѿ дꙋнѧ́ вм. ѿтꙋдꙋ.

— 16. ѿ ва҃ вм. ѡ҆ ва҃.

111, 26. к послѣ́днѧѧ вм. к послѣ́днее.

— 32. волнꙋ́ющеи вм. власнꙋ́ющеи.

112, 2. возда́сть вм. возда́ють.

— 13. е҆же вм. е҆го же.

— 20. свѣти вм. свѣтилѣ.

— 21. хва́лꙋ вм. хꙋ́лꙋ

113, 15. помоли́стасѧ вм. помоли́тасѧ.

XII.

По Четь-Минеи на Февраль Московскаго Чудова монастыря 1600 года, въ листъ, на бумагѣ, № 311 (9), на 706 листахъ, при Житіи Кирилла, л. 399 (см. Житіе Кирилла № XII).

—

В тои же днь слово похвално на памѧть стымъ и преславнымъ оучтлемъ словеньскꙋ ѧзыкꙋ, сътворшема писмены емꙋ и преложьшема новыи и ветхыи законъ ко ѧзыкѡ ихъ, блаженномꙋ кирилꙋ философꙋ и архїепкпꙋ паноскꙋ мефодїю. блв.

Бгꙋ и спсꙋ нашемꙋ, Їсꙋ Хсꙋ, многымъ и неизреченнымъ чловѣколюбїемъ, помиловавшꙋ родъ члческїи, и не терпѧщꙋ създанїа своего, лестїю дїаволею ѡдръжима, низложи себе въ смиренїе волное, и въплощьса ѿ стго дха и ѿ пречтыѧ и ѿ славныѧ бцѧ и прно двы мрїа, на земли ѡвиса и съ члки поживе, и съѡбразенъ бысть телеси нашемꙋ, ѡсꙋди грѣхъ плотїю своею, да оумиращїи ѡ адамѣ, ѡ хѣ ѡживꙋтъ. тои бо есть миръ нашь, сътвори и ѡбоѧ и едино, преграженїе ѡградѣ разрꙋшь, кртомъ оубивъ вражꙋ, и прьвенць бысть из мртвыхъ, собою наставль родъ члчь на неистлѣнныи пꙋть, възшедъ же на нбса, сѣде ѡ деснꙋю пртла величествїа на высокыхъ, законъ давъ искоусиꙋ родꙋ члчю, хотѧи в последнѧѧ времена прїити сꙋдити живымъ и мртвымъ, и въздати комꙋждо по дѣломъ его, ꙗко праведенъ сꙋдїи. не хощетъ бо смрти грѣшникꙋ, нъ ѡбращенїю его и покаанїю, аще наипаче прилежитъ на злобꙋ кождо члкъ.

не ѡстави бо създанїа своего млтивыи бъ, ни забы дѣла рꙋкоу своею, нѡ на коѧжо лѣта и времена избра моужа, и ави дѣла и и покнги людемъ, да быша, тѣмъ побажесе, животъ вѣчныи обрѣли. и по тѣхъ прркы, по пррцѣх же апли, и по аплѣхъ мчнки, и пре-ныа мѫжа и оучтла. еже са и збысть в семыи вѣкъ нашь. рѣша бо ѡни: слѣпїи прозрать, глꙋсїи оуслышать слово книжное, и вси вглють различны ꙗзыки величїа бжїа.

Бѣ же в селꙋньстѣ граде мѫжь нѣкїи, имене левъ, чинъ непорочень, истинень и бгоучтвъ, ѡтрѣваꙗса ѿ всакїа злобы и исполгонаꙗ вса заповѣди бжїа, ꙗко же їовъ. живыи же въ кротости и кънїи, семороденъ ѡбрѣтеса, ꙗко же и їѡвъ. ѡ нѣкоемъ же и пррк гать: блженъ мѫжь боꙗиса га, в заповѣдехъ его въсхощеть зело. силно на земли боудеть сѣма его, родъ праведныхъ блвтса. слава и богатьство в домꙋ его, правда его пребываеть во вѣкъ вѣка. ис того бо корене восїаста израдне двѣ лѣторасли свѣтозарнѣ, блвенъ плодъ на себѣ носаща, житїе же непорочно ѿ юности имоуща. прмдрость бо себѣ, ꙗко сестрꙋ сътворша, тою оукрасиста и дшю и оумъ, любовию же и вѣрою, дрꙋгъ дрꙋга ею пресвѣваста, мдростїю цвѣтоуща прно, ꙗко цвѣтець благоюханныи. родомъ сы мнїи блгныи коньстантинъ, а оумомь и добродѣтелми выспрь възлетаꙗ, ꙗко ѡрелъ, дховныма крилома, ти бгозарнымъ свѣтомъ оума проскѣщь си, съсоу избранъ стмꙋ дхꙋ, и тѣмъ свѣтаса всѣмъ оученїемъ философскимъ, нескꙋное съкровище ѡбрѣтеса. ꙗко бо источникъ, исполнаꙗ всю вселеннꙋю, напои жадныа словесе бжїа, ꙗко рече сп гь бъ нашь, їс хс: вѣроуаи в ма, ꙗко же книгы рѣша, рѣки ѿ чрева его потекꙋ воды живы, си рѣчь, дарове животворащаго дха. тои бо въскипѣ в немъ, изливса оустнама его и всю вселеннꙋю сластно възвесели, слово раздѣла коемꙋжо ꙗзыкꙋ, противꙋ своемꙋ разꙋмꙋ. бѣ бо емꙋ дань дара дховныи ꙗзыки глати, ꙗко и аплꙋ, старѣиши же его братъ, преблженныи мефодїи, изъ млада житенскїа саны нача приимати. мдростїю бо, ꙗко цвѣтъ блгоюханенъ, цветыи, всѣми блками бы любимъ. в беседахъ бо ꙗко соломонъ авлаше, дивныа притча, и

наказанїа, и копрашанїа износа и срънаго села, и на слоужбѣ всѣмъ оугодинъ, ꙗко орелъ, обрѣташеса, и на воинѣ ꙗко и самсонъ, и гедеонъ, и Іс҇ъ навгинъ, страшенъ ꙗвлашеса. тѣмъ же и епископскыи санъ прїимъ, нобы в немъ мало, и разумѣвъ многоматежныи сыи свѣт, ꙗко сиць прѣходащь неполезно, на же гн҇е слово, ꙗко и стрѣлу, въ срдци си прїимъ, ꙗко же рече кал полза есть чл҇ку, аще весь миръ приобращетъ, а дшоу свою ѿщетитъ, ли погубитъ; ли что дасть чл҇къ измѣну на дши своеи; преминѣ же земныи иныа, временна оубо ѿмѣтаа ѿ себе, презра, въ вѣчныа подвигнуса. и изшед въ олимпъ, постриже са въ терныа ризы, чаа прїати бѣлу и нетлѣнну ангелску одежу. и въ повинуса всѣмъ с покоренїемъ и смиренїемъ, в бдѣнїи и млтвѣ, в стуженїи, служенїи, въ издрадиѣ вошенїи, въ трезвенїи всегда, въ очищенїи дх҇овнѣмъ, въ плачи слазѣ, ѿ очїю источника испущаа, ꙗко рѣку, и тою омываа все тѣло свое, плотьскаго покоа ѿнуд не вѣдыи, како есть, но на всаку нощь стоа ѿ захода слнца до восходащиа, не даа сна очима своима, ни вѣжама си дреманїа, ни покоа бровьма своима, поучаа въ ѱалмѣ, и пѣнїихъ и пѣснехъ дх҇овныхъ, сподвизаа са постигнути житїа стыхъ ѿцъ, овы же прѣспѣ кротостїю и молчанїемъ, а другыа постомъ, и бдѣнїемъ, и млтвою изрѧдно. и тако именитъ бысть въ всѣ ѿцѣ, подобенъ великому арсенїю, и антонїю, и санѣ всѣ житїа собою съвершаа. млтивыи же бг҇ъ, видѣвъ и в толицѣ трудѣ пребывающа, вложи в срдце братїи, иже, видѣвше подвигъ его изрѧденъ на службу бж҇їю, другъ къ другоу дивлахуса и прославлаху бг҇а, дающаго блгодать свыше тружающимса его ради. дондеже патрїархъ, оуслышавъ подвигъ его, вѣдиша и поставити митрополита в чтиѣ мѣстѣ, и не могъше его томъ прибѣдити, поставиша игумена в манастыри, иже нарицаетса именемъ полихронъ, в немже бяше ѿцъ .о҃. и по то са емъ, пребываше ꙗко и бесплотенъ. в млтвѣ прно, всѣмъ всачески, дабы вса приобрѣлъ. и стыа бо книги ѿ таковою въпиютъ, похвално гл҇юща: премудрости древнихъ възыщетса, и во пррстѣихъ поживете. повѣсти мужь именитыи съхраните, и въ извитїихъ притоучныхъ изыдете. посреди велможь по-

слꙋжи́те, и҆ пре́ и҆гꙋмены ѧ҆витеса. по земли тꙋжихъ ѧ҆зыкъ пройдете, добро и҆ зло въ ѹ҆чтѣхъ и҆скꙋшена бꙋ́дета. срⷣце свое даста ѹ҆трене быти къ гв҃ꙋ сътвори́вшемꙋ а҆, и҆ пре́ вы́шнимъ номолистаса. а҆ще же бг҃ъ восхо́щетъ вели́кїи, разꙋ́мнаго дх҃а наполнитеса. то̀ бо потоуитъ гл҃ъ и҆ мⷭ҇рдїи є҆ю, и҆ въ ма҃тве и҆сповѣдаста гв҃и. тои бо ѧ҆витъ каза́нїа и҆ оу҆ч҃нїа є҆ю, и҆ в зако́нѣ завѣ́та гн҃а похвали́стаса. въсхвалатъ є҆ю разꙋмъ мно́зи, и҆ до вѣка не потреби́тса и҆ не ѿстꙋпи́ є҆ю, и҆ и҆ма є҆ю живетъ в роды и҆ роды. мⷭ҇рдїи є҆ю повѣ́датъ ѧ҆зы́цы, и҆ похвалꙋ є҆ю и҆сповѣ́сть цр҃кви, є҆и҆ же быста крѣ́пка по́витїа и҆ недвижима столпа, ѡ҆снова́на на твѣ́рдѣмъ вѣ́рѣ ка́мени, послѣ́дствовавша первоѿцемъ и҆ патрїа́рхомъ, вѣрою и҆ подвигомъ дѣа́нїа ихъ и҆ трꙋды собою сконуава́юща, ѧ҆ко же и҆ вели́кїи патрїа́рхъ а҆враа́мъ, прадѣ́ хв҃ъ, вѣрою пресе́лникъ бывъ и҆ пришле́ць в земли тꙋжеи, дрꙋгъ бж҃їи нареуе́са, и҆ завѣтъ ѡ҆брѣзанїю ѿ бг҃а прїи́мъ, вѣ́рою ѿц҃ъ мнѡгомъ ѧ҆зы́комъ нареуе́са.

Сїа же ст҃а и҆ пресла́вная ѿц҃а и҆ оу҆ч҃тла, тою̀ же вѣ́рою оу҆крашьса, ты же дѣтели сконуа́ста. пресе́лника бо бы́ста ѿч҃ества своего и҆ пришле́ца на землю тꙋжоу. зако́н же ѿ бг҃а прїи́мша, не своемꙋ пле́мени, ѧ҆ко же а҆враа́мъ, но ѧ҆зы́кꙋ, и҆же не разꙋмѣа́ше десница свое́а, ни шꙋи́ца, но̂ є҆и́ же са претꙋкнахꙋ, то томꙋ са порабощьше, клана́хꙋса, ѧ҆ко бг҃ꙋ, твари, въ творца мѣ́сто. завѣ́тъ же не ѡ҆брѣ́занїю прїи́мше, ѧ҆ко же а҆враа́мъ, но̂ крещенїю, въ ѡ҆ставленїе грѣхо́въ, въ вѣки пребываю́щь, самѣмъ сконуа́нъ и҆ преда́нъ гмъ на́шимъ, і҆с҃ хмъ. мои́сѣи також҃е съ а҆ропомъ во і҆ерѣи́хъ бж҃їихъ бг҃ъ фараѡнови нарекса, мꙋками разли́уными є҆ги́пта оу҆мꙋ҃, бж҃їа люди и҆з работы и҆хъ и҆зведе, во дн҃е столпомъ облаунымь, а в нощи столпомъ ѡ҆гненымь, и҆ разѣль море, по соухꙋ проведе въ пꙋстыни, а҆ проти́вныа погрꙋзи въ безнѣ, в пꙋсты́ни безво́днѣ напои а, поражь камень, и҆ хлѣба а҆гглка насыти, и҆ зако́н же ѿ бг҃а прїи́мъ, бж҃їимъ пе́рстомъ напи́санъ. на скрижа́ли бо камены, преда́сть люди въ схраненїе и҆ послꙋша́нїе. и҆ сїа же пребл҃женаа и҆ бг҃оѹ҆годнаа ч҃така, ни уни́ же менша тою̀ ѧ҆ви́стаса, того же бж҃їа дх҃а наноена свыше, сꙋгоубѣ бл҃гти сподо́бльшаса, люди и҆зведо́ста и҆зъ мнѡга уер-

наго дїаволскаго мора, мысленаго фараѡна погрузьша, и всю силоу его потребиста, и вѣрою вооружистаса и силою кр҃тною, не в пустыню же а изведоста, но на свѣ бгоразумныи настависта, не ис камени воду изведша, но вѣрою словесе бж҃їа жадныа напоиста, не не не чювьствена же камене воду изведша, ако же и ѡна, но истекшею кровїю и водою ѿ пречисты ребръ гп҃а нашего, іс҃а х҃а, вѣрнымъ пиироу вѣчную и бесконечныи живот во спасенїе предаста, въ ѿданїе грѣховъ подающа. ни хлѣба анг҃ка напитающа, но истое тѣло гп҃а нашего, іс҃а х҃а. законъ же бж҃їи сугоубо преложьша, в новыи азыкъ предаста, писмена сътворша ему. еже бѣ са ѿ премудрыхъ и разумны оутаило, то ѿкровено бысть мл҃нцемъ в послѣднїи вѣкъ сїмъ. не на скрыжали камены написанъ, но на срдц҃ь скрыжали плотн҃, ни сквоѣ ѡблакъ, ни мглою и бурею гл҃анъ, но самѣмъ гм҃ъ, іс҃ хм҃ъ, сконучанъ и преда. не сѣни служителя, но истинѣ проповѣдника быста, ни кропленїемъ крове оунча и кола, кропаща и ѡчищающа скверныа къ плотьстѣи чтоть, но ст҃ымъ крещенїемъ, не тѣло единно ѡчищающа, но дш҃евную свѣщу въ сердечнѣмъ селѣ всѣмъ восїавша, ни заколенїи жеръвѣ проповѣдника бывша, или служителя, но бескверненѣи и мирнѣи хр҃товнѣи службѣ слугѣ и проповѣдателя авистаса, ап҃ла ѿ сопроужника, на то же дѣло избрана, кр҃тъ смысленно на рамѹ своею въспрїимша, всю вселенную ѡбидоста, исполнающа оученїемъ та мѣста. в нихъ ѡни не востоаша, ли оудолженїемъ пути, ли за оумноженїе инѣ странъ ближнихъ, в них же рашешеса, яко луча сл҃нчныа, свѣтомъ бгоразумнымъ просвѣтиша весь миръ. по тѣм же стопамъ и ти ходаща и того же дх҃а напоена ѿ бг҃а, тому же словеси быста проповѣдника и новая ап҃ла, не на тужемъ ѡснованїи своѐ дѣло показающа, но изнова писмена въѡбражша, и съвершиста въ азыкъ новъ. послѣ же въсїавша, яко оутреная звѣзда, ѿ сл҃нца свѣтъ приемлющи, свѣтлѣиши всѣ являетса, и яко же наитїи дѣлатели въ виногра, понесшеи таготу дн҃е и кара, съ пришешими въ .аі. час, равнымъ сподоблени быша мьзъ, бж҃їи бл҃ти тако изволиши, в послѣднїи вѣкъ тому же дѣлу авити сїа новаа проповѣдника и свѣтилника всеи вселеннѣи, иже под-

віномъ добрымъ и вѣрою крѣпко препоясавша чресла своя, пройдоста, яко слнци, темная мѣста стопами своими просвѣщающа, волкꙋ мглꙋ поганьскоую дховны огнемъ попаляюща и еретичьскоую, не пощадаща дша своея, ни пощадаща телеси своего, нъ всегда готова сꙋщи за правꙋю вѣрꙋ сластно испити хвꙋ чашꙋ. въ срациныхъ же и козарѣх явльшася непобѣдна, нъ яко двъ иноплеменникꙋ иногда, низложи гордыню его, потреби, прообразовавъ троицꙋ треми каменми, и своимъ емꙋ мечемъ главꙋ отсѣкъ, похвалꙋ пріять во чꙋдахъ от сыновъ інлевъ, такожде же и сія отца, триѵпостаснꙋ бжтвꙋ слꙋгѣ сꙋща и проповѣдника, въ соборѣхъ срациньстѣхъ и жидовьскыхъ обрѣтшася, своими имъ книгами и языкомъ, бахметовы блади и жидовьскꙋю злобꙋ, дховнымъ мечемъ отсѣкша, потребиста, яко плевелъ, и попалиста дховною блгію, а слово гне въсіяста, яко и пшеницꙋ, въ срцнѣмъ селѣ, и вся насладиста медоточными словесы. трибезначалнаго же бжтва ясно исповѣдаста, оуказаста въ єдиномъ сꙋществѣ равеньствомъ сіяюща отца и сна и стго дха. тако а оуловиста, яко и рыбы, словесною мрежею, и кртиста от козаръ чины чади до двою стꙋ, развѣ женъ и дѣтей. трегꙋбоу похвалꙋ от всея црквe пріимша, превоста отꙋдꙋ на заханыя страны, благовѣстьствꙋюща слово бжіе въ языкъ новъ, и весь црковный законъ преложша от греческаго, въ свой имъ языкъ предаста. трелзычникомъ же злобꙋ низложиша, потребиста, яко плевелъ, обращьша а от пшеницы, ти чтꙋ цркви и свѣтозарно жито прѣдаста. в западныхъ же странахъ, панонстѣ и моравьскахъ странѣ, яко слнце въсіявша, мрака грѣховна отгнавша, просвѣтиста бꙋквами, и наоучьша оучникы црковномꙋ чинꙋ исполнь. и тако теченіе сконьчавающа, пꙋти ся яста римьскаго, апльскомꙋ прстлꙋ поклонитися, ведꙋща со собою на спсеніе дховныи плод. еже слышавъ апостоликъ андрѣанъ, изыде противꙋ имъ далече от града римьска, и тако же а пріять, яко агла бжія, и оученіе єю пріслюбль, постави блженнаго мефодія на презвѵтерьство, и оучникы єю.

Приближи же ся время покои пріяти престꙋ и преблженномꙋ отцꙋ нашемꙋ и оучтлю, коньстантинꙋ философꙋ. видѣвъ же авле-

нїе ѿ б҃га ѡ покои своемь, ѡблечеса в черныа ризы, и д҃нь же нарекъ покоа своего, преб҃ы до него д҃нь, веселаса и слава б҃га. и тако почи ѡ г҃ѣ в лѣ ,ѕ҃. т҃оз. и приближи̑ къ ѿцемъ своимъ, пр҃ркомъ и а҃пломъ, м҃чникомъ и всѣмъ с҃тымъ. и положиша и въ цр҃кви с҃тго климента, идеже начаша мнѡга исцѣленїа бывати ѿ ч҃тнаго гроба его, слѣпїи абїе начаша просвѣщати̑, недужнїи исцѣлитиса, бѣси исходити. еже видѣвше римлане, паче са приложиша къ с҃тии его. с҃пльше же пр҃чтнаго и бг҃очтнаго мефодїа на архиеп҃кпьство, на столъ с҃тго андроника, а҃пла въ панонїи ѿ .б҃., пустиша и на страны словеньскїа ѹчить во азыкъ ихъ, написавше епистолию сїю къ кн҃земъ страны тоа, ростиславу, и с҃тополку, и коцелу. андри̑а̑ е҃ппъ, рабъ всѣмъ рабомъ б҃жїимъ, къ ростиславу, и с҃тополку, и коцелу. слава в вышнихъ б҃гу, и на земли миръ, въ ч҃ловѣцѣхъ б҃говоленїе. ꙗко ѡ васъ слышавше д҃ховны радости, иже имате на сп҃сенїе, слемъ брата нашего, ч҃тнагѡ мефодїа, с҃щена на архиеп҃кпьство на страны ваша, иже есте просили ѹ насъ, да вы ѹчитъ, во азыкъ прелагаа книги, да са исполнитъ пр҃рческое слово, ꙗко же рѣша· хвалите г҃а вси азыцы, и похвалите его вси людїе. и· всакъ азыкъ исповѣсть, ꙗко же и г҃ь i҃с х҃с въ славу б҃гу ѿц҃у. аминь. въ е҃ѵ҃лїи ре҃ г҃ь, посылаа ѹч҃ники своа· шедше, наѹчите вса ꙗзыки, кр҃таще а во има ѿц҃а, и с҃на, и с҃тго д҃ха, ѹчаще блюсти вса, елико заповѣдахъ вамъ, и се а҃ с вами есмь вса д҃ни до кончины вѣку. ами̑. вы же, чада възлюбленнаа, послушайте ѹч҃нїа б҃жїа, еже в послѣднее время предано бысть, вашего ради сп҃сенна, да, поѹчающеса разумно, плѡ достоитъ створите, и прїимѣте вѣнецъ нетлѣненъ и в сїи вѣкъ и въ градущїи, со всѣми с҃тыми въ вѣки. ами̑.

Дошедшу же ему въ страны моравьскы, вси людїе с радостїю изыдоша въ срѣтенїе ему, и тако прїаша и, ꙗко а҃гла б҃жїа, и ѿверзошаса ѡчеса слѣпымъ и ѹшеса глухыхъ, и азыци восписую щей воглаша миръ, и иии же ѹсты бѣша перкве жртвы непрїазнены възлаали на кладазѣхъ и на всѣхъ мѣсте̑ хуловали б҃га, тїи же дѣтї и словесныа и бескверненыа службы б҃гу водають за весь

миръ, и въ всакоимь мѣсте има бж҃їе прославлаѥтса въ ѧзыкъ новъ, ѥмꙋ же ѩкоса проповѣдникъ і аплъ новъ, въсїавъ ꙗко слнце, мглꙋ невидѣнїа ѿгона и бл҃горазоумьнымь свѣтомь всѣмь срдца просвѣти, кротостїю же и сластїю, вса к себѣ любовїю привлача, теченїе свое скончавъ, вѣрꙋ соблюде, цркви пѣсньми оукраси и пѣнїи дх҃овьными. и тако почи ѡ гⷭ҇ѣ к лѣто ѿ твари всего мира ,ѕ҃.тѷд. и приложиса къ ѻц҃емь своимъ, патрїархомъ аврааму, ісакꙋ, і ѩковꙋ, к сѣмь себе оуподобль, всѣ ѡбраз на себѣ ношь, ѡвѣмъ равенъ бывъ, ѡвѣ мни, а другы преспѣвъ видѣнїю, и дѣтелїю, и подвигомъ, восїавъ, ꙗко слнце, лучами пресвѣтлыми и наказанїемь. ѥго же помлгающе медоточнаа словеса, нѣсть чемь сласти ѥго дх҃овныа приложити.

Тѣмъ же выа оубо похвалы въздамъ вама, трꙋждьшаса толико хрⷭ҇а ради въ восточныхъ, и западныхъ, и сѣверьскыхъ странахъ, не ищꙋща врѣменьныхъ и тлѣющихъ, но вѣчныхъ и бесконечныхъ, крⷭ҇тъ гнь мꙋжьскы на рамѣ воспрїимъша, и тѣмь ѡбладѣнꙋю грѣхомъ землю потребльша, разориста, и всѣаста дх҃овное сѣмѧ, и чисто цркве принесоста жито, днвное оученїе, има же сїаста ꙗко свѣтила въ всемь мире, дѣмоньскꙋю хулꙋ и всакꙋ ересь прогнавъша. велика оубо стоѣпа же цркве быста, нбснаа чловѣка и земнаа агла, въ плоти бесплотное житїе стажавша. блаженно ѥ во истинꙋ чрево, ношьшее ва и въздоившаа гласа многоплодна, има же намѣтаста алчющаа ѧзыки, и жаждьна напоиста животнаго пива, непрестающꙋ пищꙋ источьника всѣмь ѡбилно. кто оубо възможеть достоинꙋ похвалꙋ ваю исповѣдати, понеже вꙋю всю прошедша, стопами своими весь миръ ѡбтекста; блаженъ ѧзыкъ ваю, има же насѣваста дх҃овнаа словеса, въ спасенїе бесчисленꙋ ѩзыкꙋ. бл҃годх҃новенныи даръ ѿ бг҃а прїимъша, мракъ невидѣнїа всюдꙋ прогнаста, собою ѡбраз всѣмь прелагающа, ѿ оустнꙋ дх҃овнꙋ сласть источающа, поганьствꙋ же всакомꙋ разрꙋшника [illegible]стаса, єретикомъ сꙋпостата, бѣсомъ прогоника, свѣтъ ѡмраченымъ, оучтла младенцемъ, источающа дх҃овнꙋю сласть, алчющимъ нескꙋднаа пища, жаднымъ напоила источникъ, нагымь ѡбилно ѡдѣнїе подающа, сирымъ помощника, страннымъ прїимника, болнымъ посѣтителя

печалным оутѣшитела, напастным защитника, вдовам и сиротам помощника, слѣпым свѣтодатела, влающимса в мори житенстем великаа анькира, стѣна и покров припадающим к вам, іюдѣом супостата, исповѣдника ст҃ѣи тр҃цы, свершитела б҃жїю смотренїю, величеству б҃жїю служитела, источника б҃жїю словеси, недвижима столпа ц҃ркве х҃вы, печать правдѣ, щит вѣры, шлем сп҃сенїю. клас многоплоден, лоза медоточнаа, соти медвенїи словеса ваю, ими же насладиста всю вселенную, яко бисер многоцѣнен источьша, сокровищѣ г҃ни, вѣщественици б҃жїа смотренїа, обители б҃жїю смотренїю, сосуда ст҃му дх҃ови избраннаа, пронесшаа има х҃во во всей земли, кр҃ту похвалу на себѣ понесша, временнаа презрѣвша, а вѣчных наслажденїе прїимша. непрестанно пр҃бнаа и истиннаа пастыра, за избранное стадо ваю подвижно молитаса, страсти отженуща, бѣ҃ и напастїи избавлающа, просвѣтита им ср҃дечнѣи очи и оум оутвердита достойно послѣдовати стопам ваю, немощи наша на са взимающа, свыше сим подадита, да, достойно поживше о х҃ѣ, наслѣдницы трудов ваю обрящутся и проповѣдницы правѣи вѣре, юже им єста предали, да вси єдиногл҃но прославят трист҃ое б҃жтво о҃ца, и с҃на, и ст҃го дх҃а, нн҃ѣ, и при҃сно, и в вѣки вѣком. аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

	Стран.	Строк.	
Въ заглавіи:	115,	2.	сътворшему вм. сътворшема.
	—	3.	на новыи и ветхыи вм. новыи и ветхыи.
	—	4.	въ азыкї вм. въ азыкъ.
	—	—	Проп. и перед архіепкпу.
	—	5.	Лишнее и передъ мефодію.
	116,	1.	ѡстави вм. ѡстави.
	—	17.	разлиуныꙗ вм. разлиуны.
	—	13.	Лишнее и передъ блвится.
	—	17.	оукрасистаса и дшею и оумомъ вм. оукрасиста и дшю и оумъ.
	117,	1.	оугодно вм. оугодиъ.
	—	12.	вестуженіи вм. стуженіи.
	—	20.	имейнтъ вм. имениств.
	118,	1.	пройдетъ вм. пройдете.
	—	—	искула вм, искушена.
	—	19.	по тому вм. то тому.
	—	32.	уерминаго вм. уернаго.
	—	33.	воѡружиста вм. воѡружистаса.
	119,	5.	предасть вм. предаста.
	—	7.	сугоубу вм. сугоубо.
	—	10.	срцы вм. срць.
	—	11.	гла вм. гланъ.
	—	24.	пытаста вм. быста.
	120,	18.	ѿ дунаа вм. ѿтуду.
	121,	24.	послѣдиаа вм. послѣднее.
	—	30.	волнующеи вм. волсиующеи.
	—	30.	воздасть вм. воздають.
	122,	10.	еже вм. его же.
	—	14.	Проп. ради.
	—	18.	сіаста вм. сіаєта.
	—	19.	хвалу вм. хулу.
	123,	13.	молистаса вм. молитаса.
	—	17.	провѣдинцы вм. проповѣдинцы.

XIII.

По Четь-Минеи на Апрѣль Московскаго Чудова монастыря № 313 (11), въ листъ, 7108 года (1600), при Царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ, съ оборота 145 л. по 154 (См. Житіе Меѳодія № VIII).

—

В то́и же дн҃ь слово похва́лно на па́мѧ҇ ст҃ымъ и̑ преславнымъ оу̑чт҃лемъ словѣ́нскꙋ ѩ̑зы́кꙋ, сотво́рше́ма пис҄мены ѐмоу и̑ прело́жьшема но́выи и̑ вѣ́тхии зако́нъ въ ѩ̑зы́цѣ и̑хъ, бл҃же́нномꙋ кѵ́рилоу, и̑ а̑рхіеп҃поу пано́нь́скоу меѳо́дію. бл҃ви ѿ.

Бг҃оу и̑ сп҃соу на́шемꙋ, і̑с҃оу х҃оу, мно́гимъ і̑ неизреч͠е́ннымъ чл҃вколю́біемъ поми́ловавшꙋ ро́дъ чл҃вческїи, и̑ не терпѧ́щꙋ созда́нїа своего̀, ле́стїю дїаволїю ѡ̑держи́ма, и̑ни́зложѝ себе во смире́нїе во́дное, и̑ воплоѡ́щьсѧ ѿ ст҃го дх҃а и̑ ѿ пр҃стыа и̑ ѿ сла́вныа бц҃а і̑ при́сно дв҃ы м҃рїа, на земли̑ ꙗ̑вльсѧ и̑ со чл҃вкы поживѐ, и̑ соѡбра́зенъ бы́въ телеси̑ на́шемꙋ, ѡ̑сꙋди̑ грѣ́хъ пло́тїю свое́ю, да оу̑мира́ющїи ѡ̑ а̑да́мѣ, ѡ̑ х҃е ѡ̑живоу́т. то́и бо е҆́сть ми́ръ на́шь, сотворѝ ѡ̑боа̀ и̑ е҆ди́но, прегра́денїе ѡ̑гра́дѣ разрꙋши, кр҃естомъ оу̑би́въ вра́жꙋ, и̑ пе́рьвѣнецъ бы҃ и̑з ме́ртвыхъ, собо́ю наста́вль ро́дъ чл҃вчь на неи҆стлѣ́нныи пꙋ́ть, и̑ше́ же на небеса̀, сѣде ѡ̑ десницꙋ пр҃тла величествїа на высо́ки̑, за́повѣдь да́въ и̑скꙋ́сенꙋ ро́дꙋ чл҃вчю, хотѧ̀и̑ в послѣ́днѧѧ времена̀ прїити сꙋдити и̑ живы́мъ и̑ мертвы҃, и̑ возда́ти комꙋ́жо по дѣ́ломъ е҆го̀, ꙗ̑ко пра́веденъ соудїи. не хо́щетъ бо сме́рти грѣ́шникꙋ, но̑ ѡ̑бращенїю е҆го̀ и̑ покаа́нїю, а̑ще наипа҇ прилежи̑ на злобꙋ ко́ждо чл҃вкъ.

не ѡстави бо созданїа своегѡ млстивый бгъ, ни забы дѣла рукꙋ своею, но на кождо лѣта и времена изьбра мꙋжа, и ꙗви дѣла ихъ и подвигы людемъ, да быша, тѣмъ подобающе, живо вѣчныи ѡбразы. и по тѣхъ прркы, по прроцѣхъ же аплы, и по аплѣхъ мчнки и праведныꙗ мꙋжа и оучтелꙗ. еже сꙗ и сбы въ ꙁ вѣкъ нашь. реша бо ѡни· слѣпии прозрꙗ, глꙋсїи оуслышатъ слово книжное, и всѝ возгдють разлꙋчни ꙗзыки велнчїа бжїа.

Бѣ же в селꙋнстѣмъ градѣ моу нѣкїи, именемъ лѣвъ, чловѣкъ непороченъ, истиненъ и бгоучтецъ, ѡгрѣбаꙗсꙗ ѿ всꙗкиꙗ злобы, и исполнꙗꙗ всѧ заповѣди бжїа, ꙗко же иѡвъ. живыи же к кротости и говѣнїи, седмороденъ ѡбрѣтесꙗ, ꙗко же иѡвъ. ѡ нѣкоѡ же и пррⷦ҇ъ глѥ· блженъ моужь боꙗисꙗ гда, в заповѣде его восхоще зѣло. силно на земли бꙋдетъ сѣмꙗ его, ро праквъ бгословитсꙗ. слава и богатство в домꙋ его, правда его пребываетъ в вѣки вѣкꙋ. не того бо корене восїаста ізраилѣ двѣ лѣторасли свѣтозарнѣ, бгословенъ плѡ на себѣ носꙗща, житїе же непорочно ѿ юности ихꙋща. премрѣсти бо себѣ ꙗко и сестрꙋ сотворша, тою оукрасисꙗ и дшю і оумъ, любовїю же и вѣрою, дрꙋгъ дрꙋга ею преспѣваста, мрѣстїю цвѣтоуща присно, ꙗко цвѣтець бгоюханныи. родомъ сꙗи мнїи блаженыи костантинъ, а оумомъ и добродѣтелми возрастаꙗ, ꙗкиже ѡрелъ дхѡвныма крилама, тѣ бгозарныи свѣтомъ оума просвѣщь сн, сосꙋ избра стаго дха, и тѣмъ свѣтасꙗ, всꙗко оучензємъ философскы, нескоудное сокровище ѡбрѣтесꙗ. ꙗко же бо истоуникъ, всꙗ исполнꙗꙗ всевселеннꙋю, напаꙗ жаждꙋща словесе бжїа, ꙗко же рече самъ гдь бгъ нашь, исъ хс· вѣрꙋꙗи в мꙗ, ꙗко же книги рѣша, рѣки ѿ чрева его потекꙋ воды живы, сирѣ, дарове животворꙗщаго дха. то бо восилив в немь, издаꙗсꙗ оустнами его и всю вселеннꙋю сладостию возвесели, слово разсѣꙗ коемꙋждо ꙗзыкоу противꙋ своемꙋ разоумꙋ. вк бо ему дана дара дхѡвнаꙗ ꙗзыки глати, ꙗко и аплоу. старѣишии же его брꙋ, преблженыи мефодїи, измлада житїискаꙗ сꙋеты начатъ пренимати. мрѣстїю бо, ꙗко цвѣ бгоюханенъ, цвѣтꙋщи, всѣми блгими высꙗ мꙋжи. а бесѣдихъ бо ꙗко волꙋ ꙗвлꙗшесꙗ, дївныꙗ нравы, и наказанїꙗ,

и копрошанїа износѧ из срьнаго села, и на слѹжбѣ всѣмъ оугодивъ, ꙗко и крилатъ, ѡбрѣташесѧ, и на воинѣ ꙗко и самсонъ, и гедеѡнъ, і исѹ навгинъ, страшенъ ꙗвлашесѧ. тѣм же и воеводскыи санъ прїимъ, побысть к нѥ мало, и разѹмѣвъ многоматежныи сеи свѣтъ ꙗко сѣнь преходащь неполезнено, паче же гн҃е слово, ꙗко и стрѣлѹ в срдцы си прїимъ, ꙗко же рече· каа полза есть чл҃вкѹ, аще весь миръ прїωбращеть, а дш҃ѹ свою ѡщетит, ли погоубит; ли что дасть чл҃къ измѣнѹ на дш҃и своеи; премѣнив же земныи иныа, временна ѹбо ѿмѣтаа ѿ себѣ, презрѣ, к вѣчныа подвигнѹтисѧ. и шед во олимбъ, пострижесѧ к черныа ризы, чаа приѧти бѣлѹ и нетлѣнив агг҃льскѹ ѡдежоу. и бѣ повинѹасѧ всѣмъ с покоренїемъ и смиреннемъ, во бденїи и мл҃твѣ, к бестѹженїи и слѹженїи, во изрѧднѣ пощенїи, въ трезвенїи всегда, во ѡчищенїи дх҃овнемъ, въ плачи благъ, ѿ очїю источника исхѡщаала, ꙗко рѣкоу, и тою ѡмываа все тѣло свое, плотьскаго покоа ѿню не вѣдыи, какъ есть, нѡ на всакѹ нощь стоа, ѿ захода слн҃ца до восходаща, не даа сна ѡчима своима, ни вѣжема си дремангїа, ни покоа бровема своима, поочааса во ѱалмѣхъ, и пѣнїихъ, и пѣснехъ дх҃овныхъ, сподвизаасѧ спостигнѹти житїа ст҃хъ ѡц҃ъ. ѡвы же пресп҃ѣ кротостїю и молчанїе, а другыа постѡ и бдѣнїемъ, и мл҃твою, и смиренїемъ изрѧдно. и тако именїтъ бы въ всѣхъ ѡц҃ехъ, подобенъ великомѹ арсенїю, и антонїю, и савѣ, всѣхъ житїа собою совершаа. мл҃твыи же бг҃ъ, видѣвъ и в толицѣ трѹдѣ пребывающа, вложи къ срд҃це братїи, иже, видѣвше подвигъ его изрѧденъ на слѹжбѹ бжїю, дрѹгъ ко дрѹгѹ дивлахѹсѧ и прославлахѹ бг҃а, дающаго бл҃гть скыше трѹжающимсѧ его ради. доньдеж патрнархъ, оуслышавъ подвигъ его, ѹдивиша и поставити митрополита въ чтн҃ѣ мѣстѣ, и не могше его в томъ прикѣдити, поставиша и игѹмена к манастырь, иже нарицаетсѧ имене полихронъ, в нем же баше ѡц҃ъ о҃, и по то са емъ, пребываше, ꙗко и бесплотенъ, в мл҃твахъ пр҃но, всѣмъ всачески, дабы всѧ приѡбрѣлъ. и ст҃ыа бо книги ѡ таковою копию, похвално гл҃ща· премдрости древниї взыщетсѧ, и во пррчествїихъ поживете. повѣсть моужь именитыи сохраните, во извѣстїи притоучныхъ изы-

дете. посредѣ велмо́жь послꙋжите, и̓ прѐ игꙋмены ꙗ̓вите́са. по земла́и тꙋ́жихъ ꙗ̓зыкъ про́идете, добро̀ и̓ зло̀ в̓ ѹлцѣхъ искꙋшена бꙋ́дета. ср҃це свое́ да́ста оу̓трене бы́ти къ гдꙋ, сотворившемꙋ вы̀, и̓ прѐ вышнй помолиста̑. и̓ ѿверзоста оу̓ста̀ своа̀ на мт҃вꙋ, і̓ ѡ̓ грѣсехъ своихъ помолиста. а̓ще же бг҃ъ восхоще̑ великїи, разꙋмнаго дх҃а напо́лнитеса. то́и бо̑ потоу́и гл҃ъ и̓ мд҃рость е̓̀ю, и̓ к̓ мт҃вѣ испокѣ́стаса гдви. то́и бо ꙗ̓ви́тъ казанїе и̓ оу̓ченїа е̓̀ю, и̓ к̓ зако́нѣ завѣ́та гн҃а похвалистаса. восхва́ла̑ е̓̀ю ра́зꙋмъ мно́зи, и̓ до́ вѣка не потреби́тса, и̓ не ѿстꙋпитъ е̓̀ю, и̓ и̓ма. е̓̀ю живе̑ в ро́ды и̓ ро́ды. мд҃рость е̓̀ю повѣда̑ ꙗ̓зы́цы, и̓ похвалꙋ̀ е̓̀ю исповѣсть цр҃кви, е̓̀и же бы́ста крѣпка посо́бнїка и̓ недви́жима столпа̀, ѡ̓снована на тве́рдѣмъ ка́мене, вѣ́рѣ, послѣ̑дствована пе́рвоѿц҃емъ и̓ патрїа́рхомъ вѣрою и̓ по́двигомъ, дѣа́нїа и̓ и̓ трꙋды̀ собою̀ скончава́юща, ꙗ̓́ко же и̓ вели́кїи патриа́рхъ а̓вра́амъ, пра́дѣдъ хв҃ъ, вѣ́рою преселенй бывъ и̓ пришле́цъ в земла̀ тꙋ́жеи, и̓ дрꙋгъ бж҃їи нарече́са, и̓ завѣ̑ ѡ̓брѣзанїю ѿ бг҃а прїи́мъ, вѣ́рою ѿц҃ъ мно́гимъ ꙗ̓зы́комъ нарече́са.

Си̑ ст҃а и̓ пресла́вная ѿц҃а и̓ оу̓чи́тела, то́ю̑ вѣрою оу̓кра́шьшаса, ты́ же дѣ́тели сконча́ста. пресе́лника бо бы́ста ѿчества свое̓го̀ и̓ пришле́лца на зе́млю тоу́ждꙋ. зако́н же ѿ бг҃а прїи́мша, не свое́мꙋ пле́мени, ꙗ̓́ко же а̓вра́амъ, но̑ ꙗ̓зы́кꙋ, и̓́же не разꙋмѣаше десни̑ца своеа̀, ни шꙋ́нца, но е̓́и же са пре̑кна́хꙋ, то̑ томꙋ́ са порабо́щьше кла́нахꙋса, ꙗ̓́ко бг҃ꙋ, тва́ри, в̓ творца мѣ́сто. завѣ́т же не ѡ̓брѣза́нїю прїе́мше, ꙗ̓́ко же а̓вра́амъ, но̑ креще́нїю, во ѡ̓ставле́нїе грѣхо́въ, в вѣки пребыва́ющь, са́мѣмъ сконча́нъ и̓ пре́данъ гм҃ъ на́шимъ, ис҃ хм҃ъ. мои́сѣ̀и также со а̓ро́номъ во и̓е́рѣи бж҃їихъ бг҃ъ фараѡ̓нови наре́кса, мꙋ́ками разли́чными е̓гѵ́пта оу̓мꙋ́чи, бж҃їа лю́ди и̓з рабо́ты и̓́хъ и̓зведѐ, во дн҃е столпо́мъ ѡ̓́блачнымъ, а̓ в нощи стоя̑по́мъ ѡ̓́гненй, и̓ раздѣли̓̀ мо́ре, по сꙋхꙋ проведѐ в̓ пꙋсты́ню, а̓ проти́вныхъ погрꙋзи̓̀ в бе́днѣ, в̓ поусты́ни в̓ безво́днѣ напои̓̀ а̑, поражъ ка́мень, и̓ ѿ хлѣба а̓гг҃льска насы́ти, и̓ зако́нъ ѿ бг҃а прїи́мъ, бж҃їимъ пе́рстомъ написанъ, на скрыжа́ли бо ка́мены, преда́сть лю́ди к сохране́нїе и̓ послꙋ́шанїе. и̓ сїа̑ пребл҃же́ная и̓ бг҃оу̓го́дная ѹ̓ч҃ка, ни че́м же ме́нша тою ꙗ̓ви́стаса, того̑ бж҃їа дх҃а напое́на свы́ше,

сꙋгꙋбꙋ бл҃гїи сподобистася, люди избависта ѿ многа работнаго дїаволскаго мꙋченїя; мысленаго фараѡна потопивша, ѿ потребиста; и вѣрою вооружившеся съ силою крⷭ҇тною; не в пꙋстыню же а҆ изведоста, но на свѣтъ бл҃горазꙋмныи настависта; не ис камене водꙋ изведша, но вѣрою словесе бжⷭ҇тва жадныя напоиста; не ис неꙋютствена же камене водꙋ изведша, яко и ина, но истекшею кровїю и водою ѿ ребръ гⷭ҇а нашеⷢ҇, іисꙋ хрⷭ҇та, вѣрнымъ вкꙋпно нищи и бесконечныи живот во спасенїе предаста, во ѡставленїе грѣхомъ подающа, ни хлѣба агг҃лска напитающа, но честное тѣло гⷭ҇а нашего, іисꙋ хрⷭ҇та. законъ же божїи сꙋгꙋбо преложиша, в новыи языкъ предаста, исполнена сотвориша ему. еже бѣ ся ѿ премꙋдрыхъ и разꙋмныхъ ꙋтаило, то ѿкровено бысть младенцемъ в послѣднии вѣкъ сеи, не на скрижали каменны написанъ, но на срⷣцы скрижалми плотяны; ни сквозѣ ѡбразъ, ни мглою и бꙋрею гла, но самѣмъ гⷭ҇емъ хрⷭ҇омъ сковъчанъ и преданъ. не сѣни служителя, но истиннѣ проповѣдника быста, ни пролѣянїемъ крове овчїя и козля кропяща и ѡчищающа скверны ѡ плоти чтꙋть, но стымъ крещенїемъ, не тѣло едино ѡчищающа, но дꙋшевнꙋю скверꙋ в срⷣцихъ себѣ чистыми воставляюща, не закланїемъ жертвъ прообразованныхъ бывша, или служителя, но бескверною и мирною христовы службы слꙋгы и проповѣдателя явистася, апⷭ҇ла сътрꙋдника; на то же дѣло избрана, крⷭ҇та сладко на рамꙋ своею восприимша, всю вселеннꙋю ѡбыдоста, исполняюще ꙋченїемъ та мѣста. в нѧ же они не постигоша ли ꙋдобренїемъ пꙋти, да за ꙋмноженїе инѣхъ странъ книжныхъ; и иже рѧньше; яко лꙋчи слн҃чныя, свѣтомъ бл҃горазꙋмныи просвѣтиша весь миръ. но тѣмъ же стопамъ и сеи ходяща и того дх҃а напоена ѿ бг҃а, чемꙋ же словеси быста проповѣдника и новаго апⷭ҇ла; не на чюжемъ ѡснованїи свое дѣло полагающа, но изново пренесенїе пообразованїя, и совершиста въ языкъ новъ. воссїя же возсїявша; яко ꙋтренняя звѣзда, ѿ слн҃ца свѣтъ прїемлюще; свѣтильни всѣхъ явлшеся, и яко же наяти дѣлателя в виногрⷣ҇, понесше тяготꙋ дне и варъ, с пришедшими въ аі҃ ча҃, равнѣ сподоблени быша мзды; бл҃гїи спⷭ҇и тако изволиши, в послѣднии вѣкъ томꙋ же

двая явити сїа новаа проповѣдника и свѣтилника всей вселеннѣи, иже подвигъ добрый и вѣрою крѣпко преподобне течение свое проидоста, яко слнце темнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, всякоу ѧгоу поганьскоую дховнымъ огнемъ попаляюща и еретическую, не пощадаща дшу своеа, ни телесе своего, но всегда готова сущи за правую вѣру страстно испити Хву чашу. въ срацынѣх же и козарѣхъ явльшаса непобѣдима, но яко же Двъ иноплеменникꙋ иногда, низложивъ гордыню его, потреби, прообразовавъ Троицу треми камени, и свой ему мечемъ главу отсѣкъ, похвалу приатъ во тмахъ ѿ сновъ Ісраилевъ, тако же и сїа ѡца, трисоупостасны бжествы слугы сѹща и проповѣдника, в соборѣхъ срацынстехъ и жидовскыхъ обрѣтшаса, своими оумы книгами и изъ..., бгомитови блади и жидовскую злобу дховнымъ мечемъ отсѣкша, потребиста, яко плевелъ, и попалиста дховною блгтїю, а слово Гне всѣаста, яко пшеницу, а срчнымъ соль, и вса насладиста медоточными словесы, трисебезначалнаго же бжества ясно исповѣдаста, оучащаста во единомъ существѣ равенствомъ славу ѡца, и сна, и стго Дха. тако а оуловиста, яко и рыбы, словесною мрежею, и крестиста ѿ казаръ четыри чади до двою сотъ, развѣ женъ и дѣтей. тренѧгы похвалу ѿ всеа црквe приимша, преидоста ѿтѹдоу на западныа страны, благовѣствующа слово Бжїе по языкъ нашъ, и весь црковный законъ преложиша ѿ греческаго на свой имъ языкъ предаста, треязычникомъ же злобу низложиша, потребиста, яко плевелъ, ѿ пшеница ѿбраниша, ти чисто црквии в богообразно жито предаста. в западних же странахъ, паноньстехъ и моравскахъ странахъ, яко слнце восїавше, мрака прелестна ѿгнавше, просвѣтиста книгами, и наоучиша оученики црковнымъ чину исполнь. и тако течение оконьчаваюшща, пути са яста римского, апостоломи прьвая поклонитиса, ведуща с собою на сщение дховных плод. иже слышавъ апостолникъ Андрианъ, изыде противу има далече ѿ града римскаго, и тако же а приятъ, яко аггла Бжїа, и оучение ею приимова, поставивъ блаженаго Мефодїа на презвитерство и оученикы ею.

Приближи же са время покои приати преподобному и блажен-

цому ѿцу нашему и оучителю, костантину философу, видѣв же явленїе ѿ Бга о покои своемъ, ѡблечеся в черны ризы, и днь же нарекъ покоя своего, пребысть до него днь, веселяся и славя Бга, и тако почи ѿ Гда в лѣто ѕ҃т҃о҃ӡ҃ е҃, и приложися къ ѿцемъ своимъ, прркомъ и апломъ, мчнкомъ и всѣмъ стымъ, и положиша и в црькви стаго климента, идѣже начаша многа исцѣленїя бывати ѿ чстнаго гроба его. славяне же, видѣвше начаша просвѣщатися, недужнїи исцѣлятися, бѣси исходити, еже видѣвше римляне, паче ся приложиша къ стни его. сего же преподобнаго и честнаго мефодїя на архиепскство, на столъ стго андроника, апла ѿ о҃, панонскїя страны словенскїя оучити по языкъ ихъ, написаше епистолїю сїю ко княземъ страны тоя, ростиславу, и святополку, и коцелу. андрианъ епкпъ, рабъ всѣмъ рабомъ бжїимъ, к растиславу, и стополку, и коцелу слава въ вышнихъ Бгу, и на земли миръ, в человѣцѣхъ благоволенїе, яко ѿ васъ слышахомъ духовны радости, и ... нашего спасенїя, сего ради брата нашего, честнаго мефодїя, свяща на архиеппство, на страны ваша, яко же есте просили оу насъ, да вы оучить, въ языкъ преложивъ книги, да ся исполнитъ пррческое слово, яко же рѣша хвалите Гда вси языцы, и похвалите его вси людїе. и вся языки исповѣстъ, яко же и Гдь нашъ Хс в славу Бгу Ѿцу. аминь. ... еѵаггелїи рече къ посланнымъ своимъ ... оучите вся языки, крестяще ихъ во имя Ѿца, и Сна, и Стго Дха, оучаще ихъ блюсти вся, елико заповѣдахъ вамъ, и се азъ с вами есмь во вся дни до скончанїя вѣка, аминь. вы же, чада возлюбленная, послушайте оученїя бжїя, тѣже ... посланнаго времени преднаго быстъ, ... ради спасенїя, да, послушающеся разумно, по достоину его творите, и прїимите царство небесное, и в сїи вѣка и в будущїи, со всѣми стыми въ вѣкы, аминь.

Дошедшу же ему во страны моравскїя, вси людїе с радостїю изыдоша во стрѣтенїе ему, и тако прїяша и, яко ангела Бжїя. и ѿверзоша ся очеса слѣпымъ, и ... глухимъ, и языцы ... возглаголаша мира, и ... оусты ... жертвы непрїязни ... на кладязехъ, и на всѣхъ мѣстехъ хоуловали Бга,

ри же дѣти ихъ словесныя и безсквернѣйша службы Богоу создаютъ въ весь миръ, и во всякомъ мѣстѣ имя Божіе прославляется въ языцѣхъ новыхъ, оныхъ же явися проповѣдникъ и апостолъ, возсіявъ, яко солнце, цвѣтлѣ невидѣнія облака, и образомъ свѣтомъ всѣмъ сердца просвѣти, противно же и сластно, велми себѣ любовію привлачи, теченіе свое сконча, вѣру соблюде, церкви пѣсньми оукраси и пѣньми духовными. и тако почи о Господѣ в лѣто отъ твари всего мира ҂ѕ.ѵ.т.д. и приложися ко отцемъ своимъ, патріархомъ Аврааму, и Исааку, и Іакову, всѣ сихъ оуподобль, всѣхъ образъ на себѣ понось, обаимъ рвеніемъ ихъ, овѣхъ вѣрѣ, а другихъ престанія и содолюю, и дѣтелию, и подвигомъ, возсія, яко солнце, лучами прозоучными и казаніемъ. его же есть черомъ спасти его духовныя проложити.

И Тѣмъ же, мира оубо хвалы достойна бѣста, трудившеся Христа ради толико и бѣдахъ, и скорбехъ, и сквернихъ странахъ, не о царствіи временныхъ и тлѣнныхъ, но о вѣчныхъ и бесконечныхъ, престолъ гдѣ ангелскы на раи воспріемлема, и тако обладаемо грѣхомъ земле, потребльша, разорившa, и очистивша духовнаго сѣмя, и что церкви пронесоста живое дивное оученіе, ими же хвалѣста, яко свѣтило, во всѣ миръ, демонскую хулу и всяку ересь прогнаша. велика оубо столпа небнои церкви быста, учителя земная ангела, во плоти безплотное житіе ставлѣша, блажено е во истинну учено, понеже и возвысиша спаса многоплодна, им же напитеста алчюща языки и жадныя напоиста животнаго пиша, непрестающе пищею источника всего оживляюще. кто оубо возможетъ достойну похвалу вашю исповѣдати, понеже всю прошедша стопами своими весь миръ оставистъ, благословенъ языкъ вашъ, им же предаста духовна словеса во спасеніе безчислену языку, богодвиженный даръ отъ Бога пріемша, мракъ невѣдѣнія отвсюду прогнаста, своимъ образомъ всѣмъ предлагающа, отъ оустны духовную сладость источающа, погибельствуючи всякаго раздрушника еретика, еретикомъ супостата, бѣсомъ прогонника, свѣтъ омраченнымъ, оучителя младенцемъ, источающа духовную сласть, алчющимъ нескудная пища, жаднымъ непрестаанъ источникъ, на-

гимъ ѡби́лно ѡдѣ́нїе подающа, си́рымъ помо́щника, стра́ннымъ прїи́мника, болны́мъ посѣти́тела, печалнымъ оу҆тѣши́тела, напастны́мъ защи́тника, вдова́мъ и҆ сирота́мъ помо́щника, слѣпымъ свѣтода́тела, влающїимсѧ в мо́ри житѣ́йстѣмъ вели́каа а҆нки́ра, стѣна̀ и҆ покро́въ припа́дающимъ к ва́ма, и҆ оу҆дале́нымъ сподѣтела, и҆сповѣ́дника стѣи трⷪ҇ци. свершителѧ бж҃їю смотре́нїю, вели́чествꙋ бж҃їю слꙋжи́тела, и҆сто́чника бж҃їю словесѝ, недви́жныма стоѧ́ща хрⷭ҇то цр҃кви, пꙋтѧ̀ пра́вдѣ, щи́та вѣ́ре, плоⷣ спⷭ҇нїю, кла́съ многоплоⷣ, лоза̀ медото́чна, со́ти медвенїи словеса̀ ва́ю, и҆ми же насладиста всю вселе́нꙋю. ꙗ҆ко бисеръ многоценнъ и҆сто́чница, сокро́вища гн҃и, влⷭ҇тници бж҃їѧ смотре́нїа, сосꙋ́да ст҃ымꙋ дх҃ꙋ и҆збрана, пронесша и҆мѧ хрⷭ҇во по всей земли̇, крⷭ҇тꙋ похвалꙋ̀ на себѣ̀ понесша, временнаѧ презрѣвша, и҆ вѣ́чныхъ наслаже́нїе прии́мша. непреста́нно прⷭ҇наа и҆ и҆стїна па́стырѧ, за и҆збра́нное ста́до ва́ю подви́жно помолитасѧ, страсти ѿженꙋща, бѣдъ и҆ напастей и҆збавлѧ́юща, просвѣтита и҆мъ срⷣца ѻ҆чи и҆ оу҆мъ оу҆тверди́та досто́йно послѣ́довати стопа́мъ ва́ю. не́мощи на́ша на сѧ̀ взима́юща, свы́ше си́лꙋ пода́дита, да досто́йно же поживше ѡ҆ хрⷭ҇тѣ, наслѣ́дницы трꙋдꙋ ва́ю ѡбрѧщемсѧ и҆ проповѣ́дници пра́вы вѣ́ре, ю҆́же и҆мъ е҆ста предала, да всѝ е҆диногла́сно прослави́мъ трⷪ҇ѝстое бж҃тво, ѻ҆ц҃а, и҆ сн҃а, и҆ ст҃го дх҃а, ны́нѣ и҆ при́сно, и҆ во вѣ́ки вѣко́мъ. а҆ми́нь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
Въ заглавіи: 105,	2.	сотворшеа вм. сотворшеи.
—	3.	ин новыи потухи вм. ꙗрныи и потухи.
[illegible]	[illegible]	[illegible]ахъ вм. [illegible]ахъ.
[illegible]	[illegible]	Проп. и послѣ [illegible]
[illegible]	[illegible]	Лицевое ... передъ Мефодіе.
—	14.	придоже вм. придеши.
126,	14.	ѡстави вм. ѡстави.
—	1.	и стаго вм. ис того.
—	17.	дшею и оумо вм. дшю и оумъ.
127.	1.	оугодио вм. оугоди.
128,	32.	мѧнстеса вм. мѧнтеса.
—	2.	и искуль вм. искушена.
—	3.	прекышии вм. пре кышии.
—	4.	и матку вм. на матку.
129,	5.	нетюкстѣена не не ис вм. не ис нетюкстѣена же.
[illegible]	[illegible]	и стоо вм. и него.
—	13.	[illegible]
—	14.	[illegible] вм. [illegible]
—	15.	Проп. ис хмъ скончанъ и преданъ, не сѣни сих....
130,	20.	ѿ дчиа вм. ѿтудоу.
—	22.	предасть вм. предаста.
131,	3.	дне вм. днь.
132,	20.	хвалоу вм. хвалоу.
—	28.	Слово даръ написано на полѣ рукописи.
133,	17.	Проп. да.

XIV.

По Сборнику Московской Духовной Академіи, въ листъ № 68, послѣ Житій Кирилла и Меѳодія, съ оборота 128 по 136 л. (См. сіи Житія).

Мца того въ ѕ҃. слово похвално на память о҃тцю и преславныи оучителемъ словѣньскоу ѧзыкꙋ, сътворшема писмены емꙋ и преложьшема новы и ветхыи законъ въ ѧзыкъ ихъ, бл҃женомꙋ кирилоу и архиеп҃поу моравьскоу мефодию. бл҃ви о҃ч.

Богъ и спасъ нашь, Ісъ Хсъ, многыимъ и неизреченнымъ члвколюбіемь помиловавыи родъ члвчьскыи, и не терпѧщю созданиѧ своего лестию діаволею одержима, приклони себе къ смиренію волное, и воплощьса от стаго дха и от пр҃тыѧ и от славныѧ бцѧ и присно дв҃ы мариѧ, на земли ꙗвиса, и съ члвкы поживе, и сьобразенъ бывъ телеси нашемоу, осуди грѣхъ плотию своею, да умирающии о адамѣ о Хѣ оживоуть. Тои бо е҃ миръ нашь, сътвори обоа і єдино, и средоградие ограды разрꙋшивъ, кртомъ оубивъ враждоу, и неразрешенъ бывъ из мертвыхъ, собою наставль родъ члчь на неисследимыи пути, възшедъ же на нб҃са, сѣде о десноую оц҃а величьствиꙗ на высокыхъ, заповѣди дави искоусноу родꙋ члчю, хотѧи въ послѣдняа времена приити судити живымъ и мртвымъ, и воздати комоужьдо по дѣломъ е҃, ꙗко праведенъ судиꙗ. не хощеть бо смрти грѣшникоу, но обращенія его и покаянію, иже наипаче прилѣ-

жить на глоубоу кожѡ члкъ. не ѡстави бо созданиа своего милостивыи бъ, ни зракы дѣла руку своею, но на кождая лѣта и времена избра мужа, и яви дѣла ихъ и подвигы людемъ, да быша, тѣмъ подобающеса, животъ вѣчныи ѡбрѣли. и по тѣх пррокы, по пррцѣхъ аглы, и по аплѣхъ мчникы и правенныа мужа и оучтла. еже са и събы в семъ вѣкѣ нашь. рѣша бо ѡни / слѣпїи прозрать, глусїи оуслышать слово книжное, и вси възглють разлиуны языки величиа бжїа.

Бѣ же в Селоуньстѣмь градѣ мужь нѣкыи, именемъ Левъ, члкъ непорочень, и истиненъ и бгоучтенъ, ѡгребаася ѿ всякыя глобы и исполнлаа вся заповѣди бжїа, яко Іѡвъ. живыи въ кротости и говѣнїи, седмороденъ ѡбрѣте, яко же и Іѡвъ. ѡ нѣкоем же и прркъ глеть· блаженъ моужь боиса гда, в заповѣдехъ его въсхощетъ вело. силно на земли будеть сѣмя его, родъ праведныхъ блвитса, слава и богатьство в домѹ его, правда его пребываеть въ вѣкъ вѣка. ис того бо корене коснїста изрядна двѣ лѣторасли свѣтозарни, бывъ плѡ на себѣ носаща, житие же непорочно ѿ ю отци имуща. [illegible] бо себѣ яко и сестрѣ [illegible], [illegible] систа и дшю і оум, любовїю же и [illegible] другъ друга ею преспѣваста, мудростию цвѣтуща прно, яко цвѣтецъ блгооуханныи. родомъ сїи [illegible] блаженныи Костантинъ, а оумомъ и добродѣтелми [illegible] въздетла. яко же орелъ, дховныма крилома, бгозарныимъ свѣтомь оума просвѣщь си, съсоудъ избранъ стомоу дхоу, и тѣмъ свята вся оученїе фидософскымъ, нескоуное съкровище ѡбрѣтеса. яко же бо источникъ всю исполнаа вселенную, напои жадныа сладкостїю бжїа. яко же рече самъ гь бъ нашь, іс хс: вѣруаи в мя, яко же книги рѣша, рѣкы ѿ чрева его потекоу водны живы, сїи рѣчь, і дарова животворящаго дха. тои бо восиявъ в [illegible], [illegible] оустнама его, и всю вселенноую сладостию възвесели, слово раздѣлаа комоуждо языкъ противоу своемоу разоумоу. [illegible] бо [illegible] дары дховныи языки глати, яко и апломъ. старѣишии же его братъ, преблаженныи Мефодїи, из млада житеиска [illegible] [illegible] [illegible] бо яко цвѣтъ блгооуханенъ цвѣтыи, [illegible] бесѣдахъ бо яко Соломонъ [illegible], днєвныа [illegible] и [illegible]

и въпрошаниа износа из ср҇чьнаго села, и на служвѣ всѣмъ оугодникъ яко и крилатъ, обрѣташеса, и на воинѣ б҇ и самфонъ, и гедеонъ, і исоу навиинъ, страшенъ являшеса, тѣмѣ и воевоскыи санъ пріимъ, побы҇ в немъ мало, и разумѣвъ многоматежныи сеи свѣ҇, яко сіи преходащь непоелезненъ, паче же г҇не слово, яко и стрѣлоу въ ср҇ци си пріимъ, яко же рече· каа полза ч҇лкоу, аще весь миръ приобраще҇, а д҇шю свою отщетитъ, ли погоубитъ; ли что дастъ ч҇лкъ изменѫ на д҇ши своеи; пременнѣ҇ земными вѣчнаа, временнаа оубо отмѣтаа о себе, презрѣ, къ вѣчьныа подвигнуса. и изъшедъ къ олимбъ, пострижеса в черныа ризы, чаа приати бѣлоу и нетлѣнноу аг҇гльскоу одежоу. и бѣ повиноучаса всѣ҇ с покоренніемъ и съ смиреніемъ, во бдѣніи и м҇лтвѣ, въ бестѫжении, слоуженіи, въ изрядиѣ пощеніи, въ трезвѣніи всегда, въ отнищеніи д҇ховнѣмъ, въ плачи блазѣ, о очію источника испущаа, в҇ рѫкоу, и тою омыкаа все тѣло свое, плотьскаго покоа онѫдь не вѣдыи, какъ е҇, но на всакоу нощь стоа, о захода с҇лнца до въсходаща, не даа сна очима своима, ни вѣжома си дреманна, ни покоа бровьма своима, поучааса въ ѱалмѣ҇, и пѣніи҇, и пѣсне҇ д҇ховны҇, спозааса спостигноути житиа ст҇ыхь о҇ць. овы҇ преспѣ кротостію и молчаниѣ҇, а дроугыа постомъ, и бдѣніемъ, и м҇лтвою, и смиреніе҇ изрядно, и тако именни бы҇ во всѣхъ о҇цѣхъ, подобенъ великомоу арсенію, и антонію, и савѣ, всѣ҇ житиа собою съвершаа. милостивыи же б҇ъ, видѣвъ и в толицѣ трудѣ пребывающа, вложи въ ср҇це братіи, иже, видѣвше подвигъ его изряденъ на слоужбѫ б҇жію, дрѫгъ къ дрѫгѫ дивлахоуса и прославлахѫ б҇га, дающаго б҇лгть свыше трѫжающимса его ради, дондеже патріархъ, оуслышавъ подвигъ его, вѫдиша и поставити митрополита въ чтиѣ мѣстѣ, и не могше е҇ то привѣдити, поставиша и игоумена в монастырѣ, и нарицаетъ҇ именемъ полихронъ, в немъ҇ бѣше о҇цъ .о҇. и по томъ са ємъ, превываше яко и бесплотенъ, въ м҇лтвахъ п҇рно, всѣ҇ всачески, дабы всѣ҇ приобрѣлъ. и ст҇ыа бо книгы о таковою вопиютъ, похвално г҇люща· памать дрѣвнихъ въздищетса, и въ п҇рочтѣ҇ пожнвете. повѣсти моу҇ именниты҇ съхраните, и въ извѣтіихъ притоуьныхъ изыдѣте. посредѣ

велможъ послоужите, и пре игоумены ꙗвитеса. но земли тъждии ꙗзыкъ проидѣте, добро и зло въ оулицѣхъ искоушена боудета. срдце свое даста оутрьне быти къ гоу, сътворившемоу а, и пре вышниимъ помолистаса. и ѿверзоста оуста своа на млтвы, и ѡ грѣсѣхъ своих помолистаса. аще же бъ въсхощеть великыи, разоумнаго дха напълнитеса. тои бо наоучить глъ и мрть ею, и въ млтвѣ испобѣста са гни. то бовлвить казание и оученна ею, и к законѣ завѣта гна похвалистаса. въсхвалать ею разоумъ мнози, и до вѣка не потребитса и не ѿстоупить ею, и има ею живеть в роды и роды. мрть ею повѣдать ꙗзыци, и похвалоу ею исповѣсть црквн, еи же быста крѣпка посѡбника и недвижима стлъпа, основана на твердѣмъ камени, вѣре, послѣдъствовавша прьвоѡтцє и патриархомъ, вѣрою и подвигомъ дѣлнна ихъ и троуды собою скончавающа, ꙗко и великый патриархъ авраамъ, прадѣдъ хвъ, вѣрою пресельникъ бывъ и пришле в землю тоуже, и дроугъ бжїи нарѣса, и завѣтъ обрѣзанию ѿ бга прїимъ, вѣрою ѡць многѡ ꙗзыкомъ нарєчеса.

Сїа же ста и преславнаа ѡца и оучтла, тою вѣрою оукрашьшаса, тѣ же дѣтели скончаста. пресельника бо быста ѿчьства своего и пришеца на землю чюждоу. законъ ѿ бга прїимша, не своемоу племени, ꙗко авраа, но ꙗзыкоу, и не разумѣвше десница своеа, ни шоуица, но и емъ же са притькнахоу, то томоу са поработиьше, кланахоуса, ꙗко бгоу, твари, въ творца мѣсто. завѣтъ не ѡбрѣзанию прїимше, ꙗко же авраа, но крщенїю, въ ѡставление грѣховъ, въ вѣкы пребывающъ, самѣмъ скончанъ и преданъ гмь нашимъ, іс хсмъ. моисеи, такоже со аронемъ, въ ерѣихъ бжїихъ, бгъ фараѡнови нарекъса, моуками различнами егѵпта оумоучь, бжїа люди, из работы ихъ, изведе, во дне стлъпомъ ѡблачнымъ, а в нощи стлъпомъ ѡгненымъ, и раздѣль море, по сухоу проведе в поустыню, а противныа погроузи въ безднѣ, к пустыни же безводнѣ напои а, поразивъ камень, и хлѣба аггльска насыти, и законъ ѿ бга прїимъ, бжїимъ прстѡ написанъ, на скрижали бо камены, предасть люди въ сохранение и послоушание. и сиа преблаженнаа и бгооугоднаа чтла, ни чим же мениша тою ꙗвистаса, того бжїаго дха на-

поема свыше, сугоубы благодати сподобльшаса, люди изведоста изъ многомраунаго дїавольскаго мора, мысленаго фараона погроужша, и всю силоу его потребиста, и вѣрою възвеселившаса и смиреномудрїемъ. не к пустыню же и изведоста, но на свѣтъ благоразоумныи настависта, не ис камени воды изведъша, но вѣрою словесе бжїа жадныа напоиста, не ис неисеченна же камени воды изведъша, яко же и они, но истекшею кровїю и водою ѿ прѣтыхъ ребръ га нашего, иса ха, вѣрнымъ вѣчноую пищоу и бесконечныи живот въ спсенїе предаста, въ ѿданїе грѣховъ подающа, ни хлѣба англьска напитающа, но истое тѣло га нашего, іса ха, законъ бжїи соугубо преложиша, в новыи языкъ предаста, писмена сътворша ему. еже бѣ са ѿ прмдрыхъ и разоумныхъ оутаило, то ѿкровено бы младенцемъ в послѣднїи вѣкъ сима, не на скрыжали камены написанъ, но на срцъ скрижали плотанъ, ни сквозѣ ѿблакъ, ни мъглою и боурею гла, но самѣмъ гмь исъ хомъ, сконуанъ и преданъ. не сѣни слоужитела, но истинѣ проповѣдника быста, ни кропленїемъ крови оуньуа и козла кропаща и ѿчищающа скверненыа къ плотьсцѣи уистотѣ, но стымъ крщенїемъ, не тѣло едино ѿчищающа, но дшевноую свѣщоу въ срдьцемъ селѣ всѣмъ воснѣвша, ни заколенныи жертвѣ проповѣдника быша, ли слоужитела, но бескверныи и мирныи дховныи слоужбѣ слоузѣ и проповѣдатела явистаса. апломъ сопроуника, на то дѣло избрана, кртъ смыслено на рамо своею воспрїимша, всю вселенноую ѡбыдоста, исполнающа оученїемъ та мѣста, в нихъ же ѡни не постоиша, ли оудолженїемъ пути, ли за оумноженїе инѣхъ странъ блїжнихъ, къ нимъ разшедъшеса, и лоуча слнуныа, свѣто блгоразоумныимъ просвѣтиша весь миръ. по тѣ же стопамъ и сїи ходаща, и того дха напоена ѿ ба, томоу же словеси быста проповѣдника и нѣкаа апла, не на тѣжемъ ѡснованїи свое дѣло полагающа, но изнова писмена въѡбразивша, и съвершиста въ языкъ новъ. послѣ же восиявша, яко оутренаа звѣзда, ѿ слнца свѣтъ приемающи, свѣтлѣиши всѣ являетса, и яко же наитїи дѣлатели въ виногра, понесшеи таготу дне и вара, съ пришедшими въ .аі. уа равнѣмъ сподоблени быша изъ, бжїи блгти тако изволши, въ по-

слѣднїи вѣкъ томꙋ́ же дѣ́лоу ꙗви́ти сѧ̈ но́ваа проповѣ̂дника и свѣти́лника все́и вселе́нѣи, и подвигѡ̂ до́брымъ и вѣ́рою крѣ́пко препоꙗ̆савша чресла̀ своа̀, проидо́ста, ꙗ̂ слнцы, те́мнаа̀ мѣ́ста стопа́ми свои́ми просвѣща́юща, вса́кꙋ мьглоѹ̀ погань́скоую̀ дхо́внымъ ѻгне́мь попала́юща і ѐрети́ческꙋю̀, не пощада́ща телесе своѐго, но всегда̀ гото́ва сꙋща за правоу́ю̀ вѣроу сла́стьно ѝспи́ти хвоу ча́шꙋ. въ срацинѣхъ и козарехъ ꙗвльшаса непобѣдима, но ꙗко же двдъ, ѝноплеме́нникоу ѝногда, низложивъ горды́ню ѐго, потребѝ, прообразова́въ трцꙋ тремѝ ка́мени, и свои́мъ ѐмꙋ мече́мь главоу̀ ѿсѣкъ, похвалоу̀ прия́тъ во тма́хъ ѿ сно́въ ні́злвь, та́ко же и сиа̀ ѡца, триоўпостасна бжтвꙋ слоуꙁѣ̀ сꙋща и пропове́дника, в собо́рѣхъ срачи́нѣстѣ и жидо́вьскыхъ ѡбрѣ́тша, свои́ми и̂мъ кни́гами и ꙗзы́комъ, бохвитовы блади и жидо́вьскꙋю̀ злобоу, дхо́вны́ мече́мъ ѿсѣ́кша, потребиста, ꙗко плеве́лъ, и попалиста дхо́вною блгтїю̀, а слово гне всѣꙗста, ꙗко и пшени́цꙋ, въ срчнѣ селѣ̀, и вса наслади́ста медото́чными словесы̀, трибезнача́лнаго же бжтва ꙗсно ѝсповѣ́даста, оўкаꙁа́ста въ ѐдиномъ сꙋществѣ̀ раве́ньство сиа́юща ѡца, и сна, и стго дха, та́ко и оўлови́ста, ꙗко и ры́бы, слове́сною мреже́ю̀, и крти́ста ѿ коꙁа́ръ че́стныѧ ча́ди до двою̀ стꙋ, ра́ꙁвѣ женъ и дѣте́и. трегꙋбоу похвалоу̀ ѿ всеѧ̀ црквн прїи́мъша, преидо́ста ѿтꙋдоу на ꙁапа́дныѧ страны̀, блговѣствꙋ́юща сло́во бжіе́ въ ꙗзы́къ но́въ, и ве́сь црко́вныи ꙁако́нъ преложьша ѿ гре́ческаго, въ свои̂ и̂мъ ꙗзы́къ преда́ста. треꙗзы́чникомъ же злобꙋ ниꙁло́жше, потреби́ста, ꙗко пле́велъ ѿ пшени́ца ѿвра́щьша, ти чи́сто цркви и свѣтоѡбра̂но жи́то преда́ста. в ꙁападнїи же страна́хъ, пано́ньстѣ и мора́вьскахъ страна́хъ, ꙗко слнцы восиꙗ́вша, мра́ка грѣхо́внаго ѿгна́вша, просвѣ́тиста бꙋ́квами, и наоу̀чиша оўчникы црко́вномоу чи́нꙋ ѝспо́лнь. и та́ко тече́ние̇ свои̂нача́вающа, поутѝ сѧ̀ ꙗ̆ста ри́мскаго, а̀пльскомꙋ престо́лоу поклони́тиса, ведоу́ща съ собо́ю на кр̂щение дхо́вныи плѡ̂. е̇же слы́шавъ а̀папъ а̂ндрїа́нъ, иꙁы́де проти́воу и̂ма дале́че ѿ гра́да ри́мьска, и та́кѡ и̂ приѧ̀тъ, ꙗко а̀ггла бжїа, и оўче́нїе ѐю̀ приꙗ́бль, поста́ви блаже́ннаго мефо́дїа на проꙁви́терьство, и̇ оўче́никы ѐю̆.

Приближѝ же сѧ вре́мѧ поко́и прия̀ти престомꙋ и преблженномоу

ѡ҇цꙋ нашемꙋ и оучителю костантинꙋ философꙋ. видѣвъ же ѡкаленꙑе ѿ б҇га ѡ покои своѥ, ѡблечеса в черныꙗ ризы, и д҇нь же нарекъ покоꙗ своего, пребы до него д҇нь, веселꙗса и славꙗ б҇га. и тако почи ѡ г҇ѣ в л҇ѣ ,ѕ҃.т҃оз. и приложи҇ къ ѿцемъ своимъ, пр҇ркѡ и ап҇ломъ, м҇чнкомъ и всѣ с҇тымъ. и положиша и въ ц҇ркви с҇тго климента, идѣже начаша многа исцѣлениꙗ бывати ѿ ч҇тнаго гроба его, слѣпїи абие начаша просвѣщатиса, недоужнїи цѣлитиса, бѣси исходити. ѥ видѣвше римлане, паче са приложиша къ с҇тыни его. с҇щьше преч҇тнаго и б҇гоч҇тнаго мефодїа на архиеп҇пъство, на столъ с҇тго аньдроника, ап҇ла к панонїи ѿ .о҃., поустиша и на страны словеньскыꙗ оучить въ ꙗзыкъ и, написавше епистолїю сїю къ кн҇ѕе страны тоꙗ, ростиславꙋ, и с҇тополкоу, и коцьлоу· андрїанъ еп҇пъ, рабъ всѣмъ рабѡ б҇жїимъ, к ростиславоу, и с҇тополкоу, и коцьлоу. слава въ вышнихъ б҇гоу, и на земли миръ, въ ч҇лвцѣ б҇говоленїе. ꙗко ѡ в҇а слышавше д҇ховныꙗ радости, ꙗже имате на сп҇сенїе, слемъ брата нашего, ч҇тнаго мефодїа, с҇щена на архиеп҇пъство на страны ваша, ꙗко же есте просили оу н҇а, да вы оучитъ, въ ꙗзыкъ прелагаꙗ книгы, да са исполнитъ пророчьское слово, ꙗко рѣша· хвалите г҇а вси ꙗзыци, и похвалите его вси людие, и· всакъ ꙗзыкъ исповѣсть, ꙗко же и г҇ь і҇с х҇с въ славоу б҇гоу ѡ҇цꙋ. аминь. и въ еv҇алїи рече г҇ь, посылаꙗ своꙗ оуч҇нкы· шедше, наоучите вса ꙗзыки, крестаще ꙗ во имꙗ ѡ҇ца, и с҇на, и с҇тго д҇ха, оучаще блюсти вса, елика заповѣдахъ вамъ, и се азъ с вами есмь вса д҇ни, до коньчины вѣкꙋ. аминь. в҇ы, чада возлюбленаꙗ, послоушаите оученїа б҇жїа, ѥ в последнꙗꙗ времена предано в҇ы, вашего ради сп҇сениꙗ, да, поучающеса разꙋмно, наѡ достоинъ сътворите и прїимѣте вѣнецъ нетлѣненъ и в сїи вѣкъ и въ градоущїи, со всѣми с҇тыми въ вѣкы. аминь.

Дошедшꙋ же емоу въ страны моравьскы, вси людие с радостию изыдоша въ срѣтенїе емоу, и тако прнаша и, ꙗко аг҇гла б҇жїа. и ѿтверзоша ѡчеса слѣпымъ, и оушеса глꙋхы҇, и ꙗзыцы влъснꙋющей възг҇лаша мира, и имиꙗ оусты ѕѣша первие жерътвы непрнꙗзнины възаꙗли на кладазихъ и на всѣ мѣстѣ хоулоали б҇га, тѣмъ дѣти

ихъ словесныя и бескверненыя слоужбы богоу воздаютъ за весь миръ, и во всякомъ мѣстѣ имя божие прославляется въ языкѣ новѣ, емоу же явися проповѣдникъ: і апостолъ новъ, восиявъ яко солнце, мьглоу невидѣния отгона, и богоразоумнымъ свѣтомъ всѣмъ сердца просвѣти, кротостию и сладостию, вся к себѣ любовию привлачя, течение свое скончя, вѣроу съблюде, црквии пѣньми оукраси и пѣнии доховными. и тако почи о господѣ в лѣто от твари всего мира. ҂з҃.т҃ч҃д. и приложися къ отцемъ своимъ, патриархомъ аврамоу, исаакоу, іаковоу, всѣмъ себе оуподобль, всѣхъ образъ на себѣ поноше, овѣхъ равенъ бывъ, овѣхъ мнии, а другыхъ преспѣвъ силою, и дѣтелию, и подвигомъ, восиявъ яко солньце, лоучами притоучнами и казаниемъ. его же помышляюще медотоучная словеса, не чемъ сладости его доховныя приложити.

Тѣм же, выя оубо повалы возамъ хваля, троудьшимася толико Христа ради въ въсточныхъ, и западныхъ, и северьскыхъ странахъ, не ищюща временныхъ и таюющихъ, но вѣчныхъ и бесконечныхъ, крстъ господень моуждь на рамѣ восприимша, и тѣ обладѣвшю грѣхомъ землю потребльша, разориста, и всѣяста доховное сѣмя, и чисто црквии принесоста жита, дневное оучение, им же спаста, яко свѣтила во всемъ мирѣ, демоньскоую хулоу и всякоу ересь прогнавъша; велика оубо стѣна Христовѣ црквии быста, небеснаа чловѣка и земная ангела, во плоти бесплотное житие стяжавше. блаженно е во истиноу чрево, ношьшее вы и въздоивша гласа многоплодна, им же напитаста алчющая языки и жадныя напоиста животнаго пива, непрестающу пищу источника всѣмъ обилно. кто оубо возможеть достойноу похвалу ваю исповѣдати, понебесную всю прошедша стопами своими, весь миръ освѣтиста; блаженъ языкъ ваю, им же насѣкаста доховная словеса въ спасение бесчисленоу языкоу, богодухновеныи даръ от бога приимша, мракъ невидѣния всюдоу прогнаста, собою образъ всѣмъ прѣлагающа, от оустну доховноу сласть источающа, поганьствоу всякомоу разроушника явистася, еретикомъ супостата, бѣсомъ прогонника, свѣтъ омраченымъ, оучителя младенцемъ, источающа доховноую сладость алчющимъ, нескоудная пищя, жажд

непрестаа̀и истоучи̑, нагы́мъ ѡ҆би́лно ѡ҆дѣ́ние подаю́ща, си́рымъ помо́щника, стра́нны̑ прїи́мника, болны́мъ посѣти́тела, печа́лнымъ оу҆тѣ́шитела, напа́стнымъ ꙁащи́тьника, вдова́мъ и҆ сиротамъ помо́щника, слѣпы́мъ свѣтода́тела, вла́ю҆щимса в мо́ри житеи́стемъ вели́каа а҆́нкира, стѣна̀ и҆ покро́въ припа́даю҆щимъ к ва́ма, и҆оу҆дѣ́ѡ̑ сꙋпостата, и҆сповѣ́дника ст҃ки трⷪ҇ци, съверши́тела б҃жїю смо́тренїю, вели́чествоу б҃жїю служи́тела, и҆сто́чника б҃жїю сло́воу, недви́жима столъпа̀ х҃вѣ ц҃ркви, печа́ть пра̀вѣ, щи́тъ вѣ́рѣ, шле́мѣ спасе́нїю, кла́съ мно́гопло́денъ, лоꙁа̀ медоточна, сѡ́ти ме́двенїи словеса̀ ва̀ю, и҆ми же насладиста всю вселе́нъноую̀, ꙗ҆ко би́серъ мнѡ́гоцѣ́ненъ и҆стѡчи́ша съкровищи г҃ни, вмѣстилищи б҃жїа смотре́нїа, ѡ҆би́телищи б҃жїю смотре́нїю, съсꙋда свꙗтомꙋ д҃хоу и҆ꙁбра́ннаꙗ̀, пронесшаꙗ̀ и҆́ма х҃во по все́и ꙁемлѝ, кр҃тоу похвалоу̀ на себѣ поне́сша, време́нная презрѣвъша, а̀ вѣчныхъ наслажені́е прїи́мша. непреста́нно пр҃бнаа̀ и҆ и҆стиннаа̀ па́стыра, ꙁа и҆бра́нное ста́до ва̀ю подви́жно помоли́тасꙗ, стра́сти ѿжено́уща, бѣдъ и҆ на́пастеи и҆ꙁбавлꙗ́ю҆ща, просвѣти́та тѣ̑ ср҃дьцїи ѡ҆́чи и҆ оу҆мо́мъ оу҆тверди́та досто́ино послѣ́довати стопа̑ ва̀ю, не́мощи на́ша на́ сꙗ вꙁима́ю҆ща, свы́ше си́лоу подади́та, да, досто́ино пожи́вше ѡ҆ х҃ѣ, наслѣ́дницы трꙋдоу ва̀ю ѡ҆бра́щꙋтсꙗ и҆ пропов́ѣдницы пра́вѣи вѣ́рѣ, ю҆́же и҆́мъ е҆ста̀ предала, да всѝ є҆ди́ногл҃но просла́ватъ тристо́е б҃жтво ѻ҃ца, и҆ с҃на, и҆ свꙗта́го д҃ха, н҃нѣ и҆ при́снѡ и҆ въ вѣ́кы вѣ́комъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

	Стран.	Строк.	
Въ заглавіи:	135,	2.	сътко́ршемоу вм. сътко́ршема.
	—	3.	прѣло́жьшема на но́вы ве́тхыи вм. прѣло́жьшема новы и ветъхыи.
	—	—	ѩзы́ки вм. ѩзы́къ.
	—	4.	Проп. и передъ архиепоу.
	—	—	и лишнее передъ меѳо́дію.
	136,	1.	ѡста́ки вм. ѡста́ки.
	—	18.	оукраси́стаса и доушею и оумо вм. оукраси́ста и доушю и оумъ.
	137,	1.	оуго́дно вм. оуго́дин.
	—	30.	вси вм. вси.
	138,	2.	искоуаа вм. искоушена.
	139,	6.	неую́кьствена же не ис вм. не ис неую́къствена же.
	—	15.	гла вм. глан.
	—	17.	къ вм. къ.
	140,	20.	ѿ доуна́а вм. ѿтоудоу.
	—	22.	преда́сть вм. преда́ста.
	—	23.	низло́жшѹ вм. низложше.
	—	24.	то вм. ти.
	—	26.	проскѣ́ста вм. про́скѣтиста.
	—	29.	съ ко́ю вм. съ соко́ю.
	141,	31.	клъсноущей вм. клъснѹющей.

XV.

Изъ книги Панигирикъ, принадлежащей Болгарскому Рыльскому монастырю и писанной Діякономъ Владиславомъ Грамматикомъ въ ,зѱпз (1497) году, въ Жеглиговѣ, подъ Черною Горою въ Македоніи. Изводъ Сербскій (См. Жит. Кирилла, № XIII).

—

Слово похвално стыма и прѣславныма оучителема слобенскоу ѥзыкоу, сътворшема писме ѥмоу и прѣложшема новыи и ветхыи законь къ ѥзыкь ихь, блаженномоу курїлоу и архїепкωпоу панонскомоу меѳωдїю.

Бл. ѿ.

Боу и спсоу нашемоу їу хоу, мнωгимь и неизреченнымь члколюбїемь, помиловавшоу родь члвѣчьскыи, не трьпѣ созданїа своѥго, лѣстїю дїаволею одрьжима, смѣрти себе волею, и въплътти се ѿ стго дха и ѿ прѣчтые и славные бце и прно двы марїе, на земли ꙗви се и съ члкы поживе, въсь ѡбразь бывь тѣлесе нашего, ѡбразь бывь пльтїю своею, да оумирающе о адамѣ, о хѣ ісѣ оживоуть. ть бω ѥ мирь нашь, по аплоу, сътворивыи ωбоѥ въ ѥдино, и прѣграженїе вражи разроуши, и кртомь оубивь враждоу, прѣжньць бы из мрьтвыи, собою настави члчь родь на нетлѣнїе, възиде на нбса, сѣде о деснꙋю прѣстола величествїа на высокыи, за повѣдь давъ родоу члчьскомоу искоусꙋ, хоте въ послѣдниꙗ врѣмена прїити и соудити живыи и мрътвыи, и въздати комоужо противоу дѣлоѡ его, ꙗко праведныи соудїи. не хоте сьмрьте грѣшникоу, нъ ѡбращенїю и покаанїю. не остави бо създанїа своего

милостивыи бъ҃, и не забѝ дѣло роукꙋ своєю, нъ҃ и на тà лѣта и врѣмена изъбрà моужє, и ꙗ҆вѝ дѣла ихь и подвигы людємь, да бышє, тѣмъ побєщє сє, живꙋть бєсконьчныи обрѣли, и по тѣ прр҃кы, и ап҃ли, и мн҃кы, и праведныє моужє, и оучитєлє, єже и събысє въ сьи вѣкь нашь. рєкшє оубо̀ слѣпїи прозрѣ, глоусїи слышѣ книжноє слово, и въси вꙁглють различными єзыки вєлиүїа бж҃їа.

Бѣшє оубѡ въ градѣ солоунѣ моужь нѣкыи, именемь лъвь, чл҃кь нєпороүнь, истиньнь, бг҃оүьтыць, огребає сє ѿ въсакоє злобы, испольниє заповѣди бж҃їє по іѡвоу. жнвыи въ кротости и бл҃говѣнїнствѣ, роди жє сн҃овь сєдмь, ꙗ҆ко жє иѡвъ. о нємь жє прр҃кь гл҃єть· бл҃жєнь моужь боєи сє га҃, въ заповѣдє єго въсхощєть ѕѣлѡ. силно на земли боудєть сѣмє єго, родь праведны бл҃гословит сє. слава и богатьство въ домоу єго, и правда єго прєбиваѥ въ вѣкь вѣка. ис того бѡ корєнѣ въсїаста двѣ свѣтилѣ, ѿрасли свѣтозарнє, бг҃даньнь плодь на сєбѣ носєща и житїє нєпорочно ѿ юности имꙋща. прѣмоудрость бѡ сєбѣ ꙗ҆ко сєстроу сътворша, тою ꙋкрасиста дш҃ꙋ и оумь. дроугь дроуга прєспѣваше, моудростїю цьвтоуща приснo, ꙗ҆ко цвѣтци бл҃гооуханыи. рождєнїєм жє мьнїи сн҃ь константінь...., авраамь, прѣдѣдь хвь, вѣрою прѣсєлникь бывь и пришлъць въ земли тоуждєи, дроугь бж҃їи нарєүє сє, и за вѣроу ѡбрѣзанїє принєть, вѣрою ѡц҃ь єзыкомь многѡ нарєк сє.

Сїа жє ст҃аа и прѣславнаа ѡц҃ь и оучитєлꙗ, тоюжє вѣрою оукрасивша сє, тыєжє добродѣтєли съврѣшиста. прѣсєлника бо быста ѿчьства своєго и пришльца въ зємлю тоуждꙋ. закон жє ѿ бг҃а прїємша, нє своємоу племєни, ꙗ҆ко жє авраамь, нъ єзыкоу, иже нє разоумѣшє дєсницє бж҃їє, нъ ємоу жє притъкнѣхоу, томꙋ сє порабощьшє, кланꙗхꙋ, ꙗ҆ко бг҃оу, твари, въ творца мѣсто. закѡнь нє ѡбрѣзанїю прїємша, ꙗ҆ко жє авраамь, нъ крщ҃єнїє, въ ѡставлєнїє грѣхѡвь, въ вѣкь прєбывающєє, самѣмь съврьшєнь и прѣдань бг҃омь нашнмь, іс҃ хм҃ь. мѡиси жє такожє съ аарѡнѡ и ієрєихъ єго, бг҃ъ фараѡнови нарєүє сє, моүками различными єгуптѣ моучивь, бж҃їє люди изъвєдє из работи ихь, въ дн҃є стлъпѡ ѡблачномь, а въ нощи стлъпѡ ѡгньнѡ, и раздѣли морє, и провєдє к

въ поустꙑ́ню по соу́хꙋ, а҆ протѝвныє погроу́ꙁи въ бєꙁнꙋ́, въ поустꙑ́ни же напоѝ ю҆, поражь ка́мєнь, и҆ хлѣба а҆́ггєльска насити ю҆, ꙁакой же ѿ б҃а прїємь, и про́шъ, б҃жїимь прьстѡ̑ написань на скрижали ка́менны, и прѣда́сть людемь въ сохранєнїє и҆ послоушанїє. сїа̀ же прѣбл҃женнаа и҆ б҃гооугоднаа ч҃лка, ни чи́м же мьньша тѣ̑ ꙗ҆вѝста се, то́гоже д҃ха напоєна съвꙑше, соугоубѣ бл҃гти спобльша се, люди и҆ꙁве́доста и҆ꙁ многомра́чнаго дїаволскаго мо́ра, мꙑсльна фараѡ́на погроуꙁше, и҆ въсоу̀ силоу єго̀ потрєбиста, вѣрою своєю въѡроу́жьша се и҆ силою кр҃тною, не въ поустѝню же въведоста, нъ̑ въ свѣть б҃гора́ꙁоумїа настависта, не и҆с ка́мене водоу̀ и҆ꙁвеедоста.... ꙗ҆кѡ̑ о҆́на, нъ̑ и҆стекшоу́ю кръвь и҆ вѡ́доу ѿ пречтыихь ребрь г҃а нашего, і҆у҃ х҃а, вѣрнꙑимь вѣчноую пищꙋ и҆ бесконєчнии живѡ́ть въ спасєнїє прѣда́ста.... и ꙁа́конь б҃жїи соугоубо прѣло́живша, въ нꙋвыи є́ꙁыкь прѣда́ста, пи́смє сътво́рша є́моу. и҆же се бѣ ѿ прѣмоу́дрыхь оу̑таило и҆ ра́ꙁоумнꙑ̑, сїѐ ѿкрьвєно бы̑ м҃лнєцемь, и҆ въ послѣднии вѣкь си́ма. не на скрижалѣ̑ ка́менны̑ написань, нъ̑ на скрижалѣ̑ ср҃ць пльтѣнь, не скро́ꙁѣ ѡ҆́блакь и҆ мьглоу и҆ боу́рю гл҃ань, нъ̑ самѣмь г҃мь, і҆у҃ х҃ѡмь, съвръшень и҆ прѣда́нь. не сѣни слоужителꙗ, нъ̑ и҆стинѣ проповѣдника бꙑста, не кроплєнїємь кръвꙑ ю҆нчє и҆ коꙁлїи, нъ̑ кро́пеща и҆ о҆чищающа скврьнныє кь пльтьсцѣи чистотѣ с҃тымь кр҃щенїє̑. не тѣло є҆ди́но о҆чищающа, нъ̑ д҃шевноую свѣщꙋ въ ср҃цѣ̑ селѣ въсѣ̑ въжга́ста. ни ꙁакла́нѣи жрьтвѣ проповѣдника бꙑста, и҆ли слоужителꙗ, нъ̑ бескрьвнѣи, и҆ мирнѣи, и҆ д҃ховнѣи слоужбѣ слоугѣ и҆ прѣдателꙗ ꙗ҆вѝста се. а҆п҃ломь съпроужника, на тожде дѣло и҆ꙁбранна, кр҃ть съмысльно на ра́моу въспрїє́ша, и҆ въсоу̀ въселе́нноую о҆́бидоста, и҆сплънꙗюще оучєнїа. въ них же о҆́ни не постоꙗше и҆ли оудрьжанїємь пѫти, и҆ли ꙁа оумножєнїє и҆́ныхь странъ близжнꙑи, въ ни́х же рожьше ꙗ҆ко лоучє с҃лнчныє, свѣтомь б҃гора́ꙁоумїа просвѣтиста вьсь мирь. и҆ по тѣх же стопамь сїа̀ ходиста, и҆ тогоже д҃ха напоєна ѿ б҃га, и҆ томоу словеси бꙑста проповѣдника и҆ нова а҆п҃ла, не на тоуже̑ о҆снова́нїи своє дѣло поло́жиша, нъ̑ иꙁнова писмена въѡбражше, и҆ съврьшиста въ є҆ꙁыкь новь. послѣже въсїаста, ꙗ҆ко оутрьнꙗꙗ ꙃвѣꙁда̀, и҆ ѿ с҃лнца свѣть

прїемающа, свѣтлѣиши ꙗвлꙗет се, ꙗко же наѥтыи дѣлателе въ виноградь, понесшїи теготоу днїи и варь, съ пришьшїими въ прѣкїинадесеть ча̑, равнѣ мъздѣ сподобени, бж҃їе блгти тако изволившеи въ послѣднїи вѣкь дѣлоу томоуже ꙗвити се, сїа новаа проповѣдника и свѣтилника въсеи въселеннѣи, иже подвиго̑ добрымь и вѣрою крѣпко препоꙗсавше чресла, проидоста, ꙗко же слнце, тьмнаа мѣста стопами своими, просвѣтиста, и въсакоу мьглꙋ еретичьскоу и поганскоую попалиста дх҃овнымь ѡгнѥ̑, не пощедѣвша свои дшь, ни тѣлесе, нъ̑ въсегда бореща се по правѣи вѣрѣ, сладко испити хвоу чашоу. въ срацинѣ̑ и въ козарѣ̑ ꙗвиста се непобѣдима, нъ̑ ꙗко же двдь иноплеменника иногда, низложивь грьдиню его, побѣди, прѡбразивь троицꙋ трїими камении, и своимь емꙋ мьчемь главоу ѿсѣкь, и похвалꙋ прїемь въ тьмахь ѿ сновь їилевь, такоже и сїа ѻца, трипостасного бжтва слꙋгѣ соуща и проповѣдника, въ соборѣ срацинсцѣ̑ и въ жидовсцѣ̑ обрѣтоста се, своими имь книгами и ѥзыкомь, махметови блѣди и жидовьскꙋю злобꙋ дх҃овны̑ мьчемь ѿсѣкоста, и потрѣбиста, ꙗко плѣвель, и попалиста дх҃овною блгтїю, и слово гнѥ въсѣаста, ꙗко пшеницоу, въ срдчнѣмь селѣ, и въсе насладиста медоточными словесы, трибезначелное бжтво ꙗсно исповѣдаста и сказаста въ ѥдиномь соущьствѣ и равно сїающе ѻць, и снь и, дхь, стын, и тако оуловиста, ꙗко рыбы, словесною мрѣжею, и кртиста ѿ козарь чьстные чеды .с҃. моужїи, развѣ жень и дѣтїи, и трьгоубоу похвалꙋ ѿ въсѣхь црькви прїемша, прѣидоста ѿтоудоу на западнїе страны, благовѣствоующа слово бжїе въ ѥзыкь новь, и въсь црьковныи законь прѣложивша ѿ грьческаго ѥзыка, въ свои ѥзыкь прѣдаста имь. триѥзычноую злобꙋ низложьша, потрѣбиста, и ꙗко плѣвель ѿ пшеницѥ ѿврьгоста, и чисто црькви стоѡбразно жито прѣдаста. въ западных же, и панонскы̑, и моравскы̑ страна̑, ꙗко слнце въсїаста, и мракь грѣховныи ѿгнавша, просвѣтиста писмены, и оучени выоучивша црьковномоу чиноу испльнь. и тако течение съврьшиста, и пꙋти се ѥста римскаго, апльскоу прѣстолоу поклонити се, носеща съ собою дх҃овныи плодь на спсенїе, иже слышавь апосто-

ликь Андрїань, изыде противоу имъ далече ѿ града римскаго, и тако прїеть ихь, ꙗко и аггели бжїе, и оученїе єю възлюбивь, и постави блаженнаго меѳѡдїа презвитерѡ, и оученикы ихь.

Приближи же се време покои приети стомоу ѿцоу нашемоу и оучителю константинꙋ фїлософꙋ. видѣв же ѿкрьвенїе ѿ ба о покои своемь, облѣче се въ чрьни ризы, и днь же нарече преставленїа своего, и прѣбысть до него днїи .не., веселе се и славе ба, и тако почи о гн въ лѣто ,ѕтоз., и приложи се къ ѿцемь своимь, и пркъмь, и аплом, и мчнкомь, и всѣмь стыимь. и положише и въ цркви стаго климента, идеже начеше мнѡгаа исцѣленїа бывати ѿ чъстные раки его, слѣпїи абїе просвѣщати се, недоужнїи исцѣлевати се, бѣси исходити. сїа же видѣвше римлꙗне, паче приложише се къ стыни его. ѡсщьше прѣчтнаго и бгоноснаго меѳѡдїа на архїепкѡпство, на столь стаго андроника апла, единаго ѿ седмдесеть въ панонїе, и послаше его на страны словенскїе оучити езыкь ихь, написавше епїстолїю сице къ кнѧѕемь страны тоє, растиславоу, и светопльку, и коцлоу. андрїань епкѡпь, рабь вьсѣ бжїимь рабомь, къ растиславоу, и светопльку и коцлꙋ. слава въ вышнїихь боу, и на земли мирь, въ члвцѣ бговоленїе. ꙗко ѿ ва слышавше дховные радости, еже имате на спсенїе, послахомь брата нашего, чъстнаго меѳодїа, сщена на епкѡпство на страны ваше, ꙗко же есте просили оу нась, да вы наоучить, въ езыкь вашь прѣлагае книгы, да испълнит се прчьское слово, еже глаше· хвалите га вьси езыци, и похвалите его вьси людїе. и· вьсакь езыкь исповѣсть, ꙗко гь іс хс въ славоу боу ѿцоу. аминь. и въ еѵлїи же рече гь, посилае свое оученикы· шьше, наоучите вьсе езыкы, крьтеще ихь въ име ѿца, и сна, и стаго дха, и оучеще ихь блюсти вьса, елика заповѣдахь вамь, и се азь сь вами есмь въ вьсе дни до скончанїа вѣка. аминь. вы же, чеда възлюбленнаа, послоушаите оучителꙗ бжїа, еже въ послѣдниа времена дань бы вамь, вашего ради спасенїа, поочающе се разоумно, плоды достоини сътворите и прїимете вѣнць нетлѣнныи въ семь и въ боудоущиемь вѣцѣ, съ вьсѣми стыми въ вѣкы. аминь.

Доиде же меѳѡдїе въ страны моравьскые, и вьси людїе изыдоше съ радостїю въ срѣтенїю его, и тако прїеше его, ѩко аггела бжїѧ. и ѡвръзоше се ѡчеса слѣпыихь, и оушеса глоухыи оуслышаше, и езыци влъхвующеи възглаше славоу бу, и ими же оусты бѣхоу прѣвѣе жрътвы непрїазнены въздаали и на въсѣхь мѣстѣ ба хоулили, тѣмиждє паки и дѣти ихь словесные и бескрьвные слоужбы боу въздающє за вьсь мирь бѣхоу, и на въсакомь мѣсте бь прослави се въ езыкь новь, емоу же ѩви се проповѣдникь и апостоль новыи, въсїа ѩко слнце, мъглоу невѣдѣнїа ѡгна и бгоразоумїа свѣтѡ въсѣхь срца просвѣти, кротостїю и сладостїю въсе и любовїю къ себѣ приведе, течєнїє своє съврьши, и вѣроу съблюде, и цркви оукраси пѣсньми и пѣними дховными, и тако почи ѡ гн въ лѣто ,зтчд., и приложи се къ ѡцемь и патрїархѡ, авраамоу, и їсаакоу, и їакѡвоу, и въсьмь себе оупоби, въсьмь ѡбразь на себѣ понесе, овѣмь равьнь бы, иныхь мьнїи, дроугые преспѣвле силою дховною, и блгтїю, и пѡдвигѡ, въсїавь ѩко слнце лоучами, притьчныи сказанїемь. его же помышлающе медоточнаа словеса, нѣ чесомоу приложити сладости дхѡвные.

Тѣм же кое похваленїе въздамь вамь, троужьшема се толико хрта ради въ въсточныихь, и западныихь, и сѣверныи странахь, не ищоуще врѣмєныи и тлѣнныи, нь вѣчныи и бесконечныихь, крть гнь моужьскы въспрїемша, и тѣмь оледѣвшоую землю грѣхѡ отрѣбльша, въсѣаста дхѡвное сѣме, и чисто цркви жито принєсоста, дневное оученїе, им же сїаєте, ѩко свѣтила, въ вьсе мирѣ, демонскоую хоулоу и въсоу ересь прогнавша. велици оубѡ стльпы црквы хртовѣ быста, нбснаа члка и земльнаа аггла, въ плъти бесплътное житїе стежаста. блжено е чрѣво, носившее ваю и въздоившее класа мнѡгоплодна, им же напитаста алчющее езыкы и жедные напоиста животнаго пива, непрѣстающоую пищоу источиста въсѣмь обилно. кто оубо можеть достоиноу похвалоу ваю исповѣдѣти; вы бо ѩвиста се равна нбсн, и понбсноую въсоу прошьша стопами своими, мирь въсь остиста. блвень езыкь ваю, им же насѣасте дховнаа словеса на спасенїе бесчисльныимь езыкѡ.

бг҇одъхновеныѥ дари ѿ б҃а прїемша, мракь невѣдѣнїа вьсоудꙋ прогнаста, собою ѡбразь въсѣмь прѣлагающа, и оусть дх҇овнꙋю сладость истаяюща, и погаиствоу въсемоу раздроушника ꙗвиста се, и ерєтикѡ съпостата, и бѣсѡмь прогоника, свѣть ѡмраченный, оучителїє мл҇нцє, алчющїимь неоскоуднаа пища, жежоущїимь непресѣцаѥмыи источникь, нагымь ѡбило одѣанїє дающа, сирїимь помощника, страныимь прїемника, болнїимь посѣтителꙗ, напастный защитника, слѣпый свѣтодателꙗ, влающїим се к мори житенсцѣмь велика надежда, стѣна и покровь прибѣгающїимь къ вамь, їоудеѡмь съпостата, исповѣдника ст҇ѣи троици, съвръшитела бж҇їю съмотрєнїю и великїю бж҇їю слоужителꙗ, источника бж҇їю словеси, недвижима стльпа хв҇ѣ цр҇кви, печать правды, щить вѣрѣ, шлѣмь сп҇сенїа, класъ мнѡгоплодьнь, лоза медоточнаа, сѣты медовны словеса ваю, ими же насладиста въсоу въселенꙋю, ꙗко бисерь мнѡгоцѣнныи источивша, скровища г҇нꙗ, къмѣстилища бж҇їа съмотренїа, ѡбитѣлища ст҇аго дх҇а, съсоуда избраннаа, пронесша име хр҇тово по въсеи земли, кр҇ть на себе понесша, временнаа прѣзрѣвша, и вѣчныихъ наслажденїє въспрїемша, непрѣстанно пр҇пбнаа и истинаа пастира, за изьбранное стадо ваше прилежно молита се, ст҇рти, и бѣды, и напасти ѿгонеща, просвѣтита ни ср҇дчные ѡчи и оу҇ оутврьдита достоино послѣдовати стопамь вашимь, немощи наше въземлюще, съвыше силꙋ подадита, да, достоино ѡ хѣ пожившє, наслѣдници боудемь троудомь ваю и проповѣдници правѣи вѣрѣ, юже ны ѥсте прѣдали, да въси єдиногласно прославимь трист҇ое бж҇тво, ѡ҇ца, и с҇на, и ст҇аго дх҇а, нн҇ꙗ, и присно, и въ вѣкы вѣкѡвь. аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ заглавіи, передъ началомъ, на полѣ киноварью: сло̑ си.

Въ строкѣ 1. похва́ло вм. похвално.

Стран.	Строк.	
145,	6.	ѿбразъ быкь вм. ѿсоуди грѣхь.
—	8.	вражи вм. ѡградѣ.
—	14.	Нѣтъ: аще наипаче привежить на злобоу къждо ѹакъ.
146,	19.	Большой пропускъ.
147,	10.	Пропускъ.
—	13.	Пропускъ.
—	27.	не пости́гоше вм. не постоя́ше.
—	—	оудръжанїемь вм. оудлъженїемь.
—	31.	своємь вм. свое.
148,	1.	ꙗкаю̀т се вм. ꙗкає̀т се.
—	2.	къ прѣкїннадеть вм. къ прѣкїннадесеть.
—	15.	къ жидоѥцѣ вм. къ жидоѥсцѣ.
149.	24.	испѣнит се вм. испѣлнит се.
150.	5.	непрїазнень вм. непрїазнены.
—	7.	мѣстѣ вм. мѣстѣ.
—	17.	помышлюще вм. помышлающе.
—	19.	толи́кое вм. толико.
—	33.	пришъша вм. прошъша.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

Вскорѣ, по смерти Герцога, прибылъ къ этому Великому Князю вѣстникъ или гонецъ отъ Турецкаго Султана, съ большими подарками, для заключенія съ нимъ союза и дружбы. Но Борисъ отказалъ въ томъ, не хотѣлъ и принимать его подарковъ, а отослалъ ихъ назадъ съ кафтаномъ изъ свиной кожи, исподнимъ, обложеннымъ серебряной парчей, salvo honore — набитымъ свинымъ каломъ и зашитымъ, и сказалъ, что такъ какъ Турокъ величайшій и заклятый врагъ всего Христіянства и ведетъ жестокую войну съ его братомъ, Римскимъ Императоромъ, то онъ не можетъ быть другомъ его, а непріятелемъ на всю жизнь, и будетъ его противникомъ во всемъ, на сколько у него достанетъ силы.

Знаменитый Цесарскій вольный Имперскій городъ Любекъ и нѣкоторые другіе знатные Ганзейскіе города также прислали туда своихъ знатныхъ пословъ, съ большими позолоченными кубками и бокалами, числомъ до 20, и между ними прекрасный золоченый корабль, очень замысловато и искусно сдѣланный, со всѣми принадлежностями, и двуглавый орелъ, наполненный кораблениками и Угорскими червонцами, за что получили они свои старыя права на всякую торговлю въ Псковѣ, Новгородѣ и Москвѣ, такъ что могли разъѣзжать по странѣ безпрепятственно, какъ и когда бы ни захотѣли.

Такія же преимущества получили тоже Голландцы и Англичане: имъ дозволялось вести торговлю въ Холмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ, гдѣ они постоянно круглый годъ имѣли своихъ прикащиковъ.

Вообще этотъ Великій Князь старался своимъ правленіемъ пріобрѣсти себѣ великую славу и имя у иноземныхъ народовъ и заботился о пользѣ и благосостояніи подданныхъ. Онъ поправилъ и построилъ не только много зданій и домовъ въ Москвѣ и Смоленскѣ, но и толстыя крѣпкія стѣны. На границѣ съ Крымскими Татарами, для защиты отъ ихъ набѣговъ, онъ велѣлъ построить двѣ деревянныя крѣпости; одну изъ нихъ назвалъ по своему имени Борисгородъ, другую по имени всѣхъ Царей и Великихъ Князей — Царьгородъ, и искренно расположенъ былъ ко всей странѣ.

Хотя онъ и былъ искренно привязанъ къ странѣ и ея жителямъ, но много тамъ было большихъ Князей и Бояръ духовнаго и свѣтскаго званія, которые питали къ нему тайную злобу и ненависть и очень завидовали ему въ томъ, что онъ достигъ верховной власти. Однако жъ не нашлось никого, кто захотѣлъ бы затронуть лисицу, или сколько ни будь дать замѣтить свое нерасположеніе, по тому что тѣ, которые сдѣлали это первые, два Богдана, Бѣльскій и Микитьевичъ (?), не получили отъ того ни какой прибыли, но были посажены за то въ темницу, подверглись пыткѣ и лишились всего состоянія.

Отъ того-то Борисъ и продолжалъ все царствовать до тѣхъ поръ, пока не явился одинъ отчаянный монахъ, выдавшій себя за Димитрія, не свергнулъ его съ царства и не поступилъ съ нимъ, его родными и друзьями, точно такъ же, какъ самъ онъ поступилъ прежде съ законнымъ Великокняжескимъ родомъ. Этотъ монахъ, по настоящему своему имени, назывался Гришка Отрепьевъ (Griska Utrepeia) и происходилъ изъ мелкаго дворянскаго рода въ Ярославскомъ Княжествѣ. Такъ какъ въ молодости былъ онъ необыкновенно даровитъ на всякія продѣлки и мошенничество, «omnium bipedum nequissimus», то родители и отдали его въ монастырь Trinouka, чтобы тамъ обуздать его своевольный нравъ, подъ строгимъ монашескимъ уставомъ, и пріучить его къ благочестивой, богобоязненной жизни. Но Гришка или Григорій совсѣмъ не имѣлъ охоты къ монастырской жизни: монашеская плоть была не по немъ; при своемъ хитромъ, остромъ, превосходномъ умѣ, онъ свелъ еще короткое знакомство съ однимъ лукавымъ монахомъ, тоже не очень преданнымъ Великому Князю. Замѣтивъ, что таилось въ Гришкѣ, монахъ познакомилъ его съ Русскими лѣтописями и происшествіями и научилъ многимъ мошенническимъ продѣлкамъ, по тому что онъ былъ чернокнижникъ, ловкій и способный на всякія дѣла, а Гришка имѣлъ большое понятіе и расположеніе ко всему подобному. Монахъ думалъ, что изъ него выйдетъ что ни будь необыкновенное, особливо по тому, что у него на правой рукѣ и на носу былъ такой же знакъ, какъ и у Димитрія, убитаго сына Ивана Васильевича: онъ имѣлъ такое же маленькое лицо, жесткіе, черные волосы, былъ малаго роста и коренастаго сложенія. Монахъ и Гришка ушли изъ мона-

стыря, а тамъ и совсѣмъ изъ страны, пришли въ Кіевское Княжество; монахъ научилъ его всѣмъ Государственнымъ дѣламъ, разсказалъ ему въ наученіе все, что было нужно для его предпріятія: какъ расположены къ Борису большіе Бояре въ Москвѣ, какъ ему надо будетъ поступить въ услуженіе къ Князю Адаму Вишневецкому (VVesnevvetzki) и, если представится случай, разсказать ему про свое несчастіе и горе: со слезами на глазахъ и жалостными тѣлодвиженіями; что Великій Князь, Борисъ Годуновъ, старался убить его въ молодыхъ его лѣтахъ, и что Богъ чудеснымъ образомъ сохранилъ его и избавилъ отъ смерти. Гришка во всемъ долженъ держать себя такъ, какъ училъ и настраивалъ его монахъ, и потомъ со временемъ сдѣлается Великимъ Княземъ и царствующимъ Государемъ всея Россіи.

Совѣтъ очень понравился Гришкѣ и былъ то же, что фаршированное жаркое для его рта, по тому что за чѣмъ пошелъ онъ, то и нашелъ: рыбакъ рыбака видитъ въ плесѣ издалека; чортъ не выдумывалъ еще ничего такого гнуснаго и злаго, чего не съумѣли бы привести въ дѣло безбожные монахи, * по свѣдѣтельству поэта:

«Hoc solum Monachus nimirum Daemone distat,
Quod quicquid vafer hic suggerit, ille facit,
Atsi juncta dolis anus adjuvet, et colat astu,
Audebunt Erebi depopulare domum.»

Научивъ Гришку всему, монахъ простился съ нимъ и вернулся опять въ Русь, въ широкую степь къ Козакамъ, распустилъ между ними такую молву, что ему извѣстно доподлинно, что законный наслѣдственный Государь всѣхъ Русскихъ, Дмитрій Ивановичъ, котораго нынѣ царствующій въ Москвѣ Великій Князь хотѣлъ въ Угличѣ умертвить, на самомъ дѣлѣ живъ и пользуется большимъ значеніемъ и почетомъ въ Литвѣ, у Князя Адама Вишневецкаго; Козаки должны поступить къ нему на службу: онъ

* Въ обидныхъ отзывахъ о монахахъ слышимъ Лютеранина, да еще XVI вѣка. Шерръ, въ своей «Kultur-Geschichte,» и Менцель, въ «Geschichte der Deutschen,» приводятъ много примѣровъ тогдашняго презрѣнія Лютеранъ къ монахамъ.

наградитъ ихъ лучше и дастъ имъ жалованье большее, чѣмъ Борисъ. Монахъ прожилъ довольно времени въ степяхъ у Козаковъ, пока не привелъ въ исполненіе того, что началъ, какъ мы и скажемъ потомъ.

Между тѣмъ тотъ плутъ, который назвался Димитріемъ, вступилъ въ службу къ Адаму Вишневецкому, и находился у него довольно времени въ качествѣ комнатнаго служителя, упражнялся во всякихъ рыцарскихъ играхъ, въ фехтованьи, борьбѣ, въ умѣньи владѣть копьемъ и примѣрныхъ сраженіяхъ. Разъ случилось, что когда Князь былъ въ банѣ, Гришка позабылъ захватить съ собой что-то нужное для барина; Князь сгоряча далъ ему пощечину и назвалъ его блядинымъ сыномъ. Это сильно разобидѣло Гришку: онъ горько заплакалъ и сказалъ съ жалостнымъ выраженіемъ: «Милостивый Князь Адамъ! Если бы ты зналъ, кто я, ты не ругалъ бы меня такъ, тѣмъ менѣе ударилъ бы изъ за пустяковъ по шеѣ; но такъ какъ я твой слуга, и ты меня совсѣмъ не знаешь, то я и долженъ переносить все это терпѣливо.»

«Что же ты такое?» отвѣчалъ Князь. Какъ звать тебя? Откуда пришелъ ты?» Вышколенный монашескій ученикъ выдалъ себя за сына Московскаго Великаго Князя, Ивана Васильевича, разсказалъ все по порядку, какъ проходило его дѣтство, какъ нынѣ царствующій Великій Князь Московскій, Борисъ, выгналъ его изъ его царства, искалъ его жизни, какъ избѣжалъ онъ того и кто его спасъ, какъ, вмѣсто его, убитъ былъ въ Угличѣ одинъ поповичъ, похожій на него, по одеждѣ, возрасту и наружности; сколько времени прожилъ онъ въ монастырѣ съ монахами и въ Литвѣ, пока еще не отправился ко двору Адама; показалъ ему дорогой золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, который будто бы далъ ему при крещеніи крестный отецъ, упалъ Князю въ ноги и говорилъ дрожащимъ голосомъ: «Отдаюсь въ твою власть: дѣлай со мною, что угодно; не хочу дольше жить въ такомъ несчастіи, уничиженіи и горѣ! Но если пособишь мнѣ выручить мое отцовское наслѣдіе, законно слѣдующее мнѣ отъ Бога и людей, за это будетъ богатая расплата и награда, когда Богъ мнѣ поможетъ.»

Этѣ слова поколебали Князя Адама: онъ не зналъ, что и сказать ему вдругъ на это; но такъ какъ Гришка былъ уменъ и остороженъ въ словахъ и благоразумно распоряжался своими тѣлодвиженіями, Князь повѣрилъ ему и подумалъ, что все это такъ и было, просилъ его не обижаться пощечиной, подождать въ банѣ и не выходить изъ нея до тѣхъ поръ, пока онъ не пришлетъ къ нему посла, потомъ пошелъ къ женѣ, разсказалъ ей объ этомъ происшествіи и велѣлъ въ поварняхъ, погребахъ и комнатахъ дѣлать такія приготовленія, какъ будто хотѣлъ угощать вечеромъ Великаго Князя Московскаго: на его дворѣ было странною и чрезвычайною новостью, что Великій Князь пріѣдетъ изъ Москвы такъ скоро.

Князь Адамъ велѣлъ снарядить шесть красивыхъ коней съ дорогими сѣдлами, уздечками, пистолетами и всѣми принадлежностями, и при каждомъ поставилъ служителя, одѣтаго въ лучшее платье, велѣлъ также приготовить и Великокняжескую коляску и запречь въ нее шесть лошадей, а комнаты убрать лучшимъ образомъ богатыми Персидскими коврами, такъ что всѣ слуги дивились, для кого бы это такія приготовленія? Послѣ того, какъ все было покончено, Князь Адамъ взялъ съ собою двѣнадцать слугъ, съ дорогими платьями изъ золотой парчи и бархата, пошелъ въ баню, подарилъ этѣ платья своему бывшему слугѣ Гришкѣ или Димитрію, воздалъ ему великія почести, самъ вывелъ его изъ бани и отдалъ ему шесть верховыхъ лошадей съ коляскою и шесть упряжныхъ со всѣмъ приборомъ, съ прислугой и прочимъ, и просилъ его милостиво принять этѣ ничтожные подарки: на будущее время онъ не пожалѣетъ ни какихъ стараній, только бы пособить ему въ его дѣлѣ. Димитрій принялъ подарки съ большою вѣжливостію и уваженіемъ, обѣщался заплатить за это во сто разъ больше, ежели Богъ поможетъ ему возвратить царство и величіе.

Когда слухъ объ этомъ разнесся и распространился вездѣ въ Польшѣ, Литвѣ, Россіи и въ широкой степи у Козаковъ, узналъ напослѣдокъ о томъ и царствующій Великій Князь Московскій, Борисъ Годуновъ, приказавшій умертвить въ дѣтствѣ юнаго законнаго и наслѣдственнаго молодаго Государя, Димитрія. Вѣсть эта очень удивила и напугала его: думая, что у него и его при-

верженцевъ выйдетъ изъ за того съ Полянами очень опасная война и кровопролитіе, онъ послалъ по этому гонца въ Кіевъ къ Князю Вишневецкому, предлагалъ ему въ подарокъ нѣсколько пограничныхъ городовъ и крѣпостей и большое количество денегъ, если только онъ выдастъ ему бродягу и соблазнителя, выдававшаго и называвшаго себя Великимъ Княземъ Русскимъ. Благодаря этому предложенію, Вишневецкій удостовѣрился еще больше и полагалъ теперь за вѣрное, что Гришка истинный родной сынъ Ивана Васильевича, по тому что царствующій Великій Князь преслѣдуетъ его и вдалекѣ и предлагаетъ за него такъ много. Но Великій Князь не сдѣлалъ этѣмъ ничего, и его посланный воротился безъ отвѣта; а какъ у Бориса было много войска въ пограничныхъ городахъ, и между народомъ ходили разныя странныя рѣчи, то Вишневецкій, не полагаясь на мирное время, велѣлъ снарядить нѣсколько всадниковъ, запречь свою коляску и съ самозванцемъ Димитріемъ уѣхалъ на нѣсколько миль далѣе отъ границы, въ одинъ изъ своихъ городовъ, Вишневецъ (Witznavvesch), и далъ Димитрію прочитать письма Великаго Князя. Только что прочиталъ ихъ тотъ, заплакалъ, бросился въ ноги Князю и сказалъ: «Все въ рукахъ Божіихъ и твоихъ: дѣлай со мною, что тебѣ угодно; я въ твоей волѣ, вся моя надежда, отрада и упованіе — Богъ и ты.» Вишневецкій утѣшалъ его, просилъ быть спокойнымъ: онъ не будетъ его предателемъ; что для того только и уѣхалъ въ этотъ городъ изъ своего пограничнаго замка; чтобъ онъ не попалъ какъ ни будь въ руки своего врага (Великаго Князя). Пусть Димитрій останется тутъ съ его служителями и получаетъ Княжеское содержаніе, а самъ онъ вернется назадъ, и если узнаетъ еще что ни будь о Борисѣ, поскорѣе дастъ ему знать о томъ.

После того Борисъ послалъ къ Вишневецкому еще другого гонца съ предложеніями гораздо побольше прежнихъ, рѣшившись, если Вишневецкій не пришлетъ къ нему самодѣльнаго Димитрія, подговорить Козаковъ застрѣлить самозванца. Это заставило Вишневецкаго отправить Димитрія, для большей безопасности, къ Сандомирскому Воеводѣ, гдѣ его тотчасъ же приняли и содержали въ большомъ почетѣ, точно онъ истинный родной сынъ Ивана Васильевича. Съ согласія и позволенія Езуитовъ, Сан-

домирскій Воевода сейчасъ же началъ съ нимъ переговоры и разсужденія о томъ, что если онъ отмѣнитъ древнюю Греческую Вѣру въ Россіи, Воевода станетъ хлопотать за него у Польскаго Короля, Римскаго Папы и другихъ Великихъ Государей и державъ, которые деньгами, продовольствіемъ, конными и пѣшими воинами, дробью и порохомъ, помогутъ ему взять Россію, его отцовское наслѣдіе, и выгнать его врага, Бориса Годунова. Тотъ не только обѣщалъ сдѣлать все это, но если получитъ правленіе и сядетъ на отцовскомъ престолѣ въ Москвѣ, хотѣлъ не только уничтожить и искоренить въ конецъ Греческую Вѣру, принять Папскую и распространить ее въ странѣ, но и взять за себя дочь Сандомирскаго Воеводы. Езуиты обнаружили при этомъ искреннюю радость и удовольствіе, тотчасъ же назначили къ нему двухъ учителей, которые со всѣмъ усердіемъ назидали его въ Папской Вѣрѣ, и онъ въ короткое время сдѣлался хорошимъ Католикомъ. Потомъ Воевода возилъ его къ Польскому Королю, гдѣ былъ ему пышный пріемъ и дано позволеніе набирать въ Польшѣ пѣшее и конное войско. Нѣкоторые большіе Господа въ странѣ, также и оба Воеводы, ссужали его всѣмъ, чѣмъ могли, и заложили всѣ свои помѣстья и замки на вооруженіе для него; да и сами они пошли съ нимъ.

Когда дѣла въ Польшѣ находились въ такомъ положеніи, и Димитрій собирался овладѣть Россіей, въ Москвѣ, въ 1601, 1602 и 1603 годахъ, была такая великая дороговизна, голодъ и нищета, что въ такомъ размѣрѣ и не случалось еще этого на памяти людей; едва ли можно найти и въ Исторіи, чтобы въ военное, или мирное, время бывало что ни будь подобное у Христіанъ, Жидовъ и Язычниковъ: тамъ умирали съ голода многія тысячи людей, валялись въ городахъ по улицамъ, а въ полѣ по дорогамъ, во рту у нихъ было сѣно, либо солома, которыми они думали утолить голодъ и отъ того умирали; многіе ѣли лошадиное мясо, собакъ, кошекъ и крысъ, древесную кору, траву, коренья, пометъ, человѣческій калъ и другія негодныя для пищи вещи. Нѣкоторые лежали на землѣ и сосали кровь, вытекшую изъ убитаго скота, свиней и овецъ, нѣкоторые поѣдали другъ друга. Въ городахъ, гдѣ много было народа, убивали самыхъ жирныхъ и дородныхъ людей, многіе родители ѣли своихъ дѣтей, дѣти

родителей, родители продавали дѣтей, а нѣкоторые продавались сами за ничтожную цѣну. Я видѣлъ въ Москвѣ, какъ одна бѣдная изнуренная женщина шла по улицѣ съ своимъ ребенкомъ на рукахъ, схватила его на ходу кулаками и отъ сильнаго голода, со злобой откусила два куска отъ руки младенца и ѣла ихъ, сидя на улицѣ. Такъ бы она и умертвила ребенка, если бы другіе не отняли его у нея силой и не спасли его жизнь. Ни кто не смѣлъ открыто носить на рынкѣ хлѣбъ и продавать его, по тому что нищіе и бѣдняки отнимали его силой, а иногда и убивали до смерти разнощиковъ и продавцевъ хлѣба. Бочка ржи стоила 19 талеровъ, тогда какъ прежде не стоила больше 12 грошей.

Такъ какъ это бѣдственное и неслыханное положеніе и страданіе съ каждымъ днемъ еще усиливалось, ни кто не могъ безопасно ѣздить въ странѣ, по случаю жестокой дороговизны и голода, и многія тысячи народа найдены были мертвыми на Московскихъ улицахъ, то Великій Князь, Борисъ Годуновъ, велѣлъ на нѣкоторыхъ большихъ площадяхъ собирать народъ каждое утро кличемъ и раздавать ему милостыню: каждому доставалось на долю по три гроша. Когда молва объ этомъ разошлась по странѣ, бѣдные поселяне убѣгали изъ домовъ и дворовъ, бросали все, приходили съ женами и дѣтьми въ Москву и получали милостыню: такимъ образомъ каждый день раздавалось бѣднымъ людямъ изъ казны до 30,000 талеровъ, пока не уменьшилась дороговизна. Также, по приказанію Великаго Князя, ежедневно подбирали на улицахъ нѣсколько сотенъ умершихъ, клали на телѣги и тачки и вывозили изъ города; люди, назначенные для того, обмывали ихъ до чиста, на каждаго надѣвали бѣлую рубашку и пару красныхъ сапогъ, а потомъ по нѣскольку сотъ ихъ бросали въ одинъ гробъ и зарывали. На такую благотворительность, обѣды для бѣдныхъ, состраданіе къ умершимъ и одежду для нихъ, потрачены были большія деньги. Разсказываютъ открыто, что въ большую дороговизну умерло въ Москвѣ съ голоду до 500,000 человѣкъ, кромѣ погибшихъ въ другихъ городахъ и деревняхъ, а всѣхъ ихъ Великій Князь приказывалъ кормить, по смерти же одѣвать въ бѣлыя рубашки и красные сапоги и хоронить. Сколько же сотенъ тысячъ талеровъ вышло на это въ три года при жизни этѣхъ людей и на одежду для нихъ по смерти!

За этою бѣдой послѣдовала вскорѣ другая, чума, которая свирѣпствовала и пожирала людей не менѣе дороговизны: этѣ два наказанія были непосредственно отъ Бога, а по тому и сноснѣе и отраднѣе третьяго, внутренней и внѣшней войны и ужаснаго кровопролитія, какъ будетъ сказано о томъ далѣе.

Въ продолженіе такой большой дороговизны и голода въ странѣ, Великій Князь былъ такъ слѣпъ и упрямъ, что не дозволялъ подданнымъ покупать муку для утоленія голода у чужеземцевъ, нѣсколько кораблей которыхъ приходило въ Нарву и Холмогоры, чтобы иноземцы не узнали, что въ его землѣ такая дороговизна и онъ не въ силахъ кормить и содержать своихъ подданныхъ, но принужденъ выписывать и доставать хлѣбъ изъ чужихъ краевъ: отъ того-то иноземцы и должны были уѣхать, не продавъ муки. Онъ далъ строгой приказъ, чтобы всѣ Архіереи и монахи изъ своихъ монастырей, а всѣ Князья, Бояре и Дворяне изъ своихъ житницъ, продали ему за полцѣны весь хлѣбъ, въ которомъ сами не имѣли надобности, и потомъ раздавалъ его бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ, чтобъ чужеземцы замѣтили и знали, что въ землѣ его нѣтъ недостатка въ хлѣбѣ, какъ распространяли въ чужихъ земляхъ.

Во время такого великаго голода и бѣдствія въ странѣ, 4-го Іюля, 1604 года, прибылъ въ Москву посланникъ Римскаго Императора Рудольфа, Господинъ Генрихъ Лойко (Laugko), съ придворными драбантами и лакеями, всѣ очень нарядно и пышно одѣтые въ шелкъ и бархатъ и увѣшанные большими золотыми цѣпочками. Такъ какъ пришелъ онъ съ такою пышностью, то Великому Князю захотѣлось показать и свое великолѣпіе и пышность: онъ велѣлъ принять его и ввести въ городъ еще пышнѣе, и не только Русскимъ, но и всѣмъ иностранцамъ, служившимъ ему въ то время, каждому по обычаю его земли, одѣться въ шелкъ, бархатъ и золотую парчу. Это очень удивило посланника. Великій Князь далъ также строгое приказаніе, чтобы на улицахъ не было ни одного нищого и ни кто бы не жаловался на голодъ и нужду, а всѣ были довольны и сыты, всѣ улицы и рынки, гдѣ проходилъ посланникъ, были до того заставлены разнымъ зерновымъ хлѣбомъ, мукою и продовольствіемъ, что чужеземцамъ ни какъ не могла прійти въ голову мысль о дороговизнѣ, или недостаткѣ въ хлѣбѣ и другой край-

ности въ странѣ. Запрещалось подъ смертною казнію, чтобы ни кто не давалъ замѣтить послу, или людямъ его, что въ странѣ была, или еще продолжается, такая дороговизна, напротивъ у нихъ все было дешево, каждый расхаживалъ по улицѣ такой нарядный, что подумаешь, онъ богаче Креза, не смотря на то, что онъ бѣднѣе и несчастнѣе Ира и около 8-ми дней не видалъ у себя въ домѣ хлѣба. Во время дороговизны видали много знаменій и чудесъ на небѣ, съ разными страшными лучами, и точно войска сражались другъ съ другомъ, темная ночь часто дѣлалась такъ ясна и свѣтла, что считали ее за день. Иногда видны были три мѣсяца, иногда три солнца; по временамъ слышны были такіе ужасные вихри, что сносили башни съ воротъ, стѣны въ 20 и 30 саженъ, и кресты съ церквей, пропали рыбы въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дикіе звѣри въ лѣсахъ, все, что ни подавалось на столъ, вареное, или жареное, не имѣло природнаго вкуса, какъ бы ни было хорошо и вкусно приготовлено, собаки пожирали другихъ собакъ, волки волковъ. Часто попадались только ихъ ноги и головы. На Литовской и Кіевской границѣ нѣсколько ночей слышенъ былъ такой вой волковъ, что люди приходили въ ужасъ; волки собирались нѣсколькими сотнями, по чему люди не могли и ѣздить по дорогамъ, если не были ихъ сильнѣе, чтобы имѣть возможность оборониться отъ ихъ нападенія. Въ стѣнахъ и въ окрестности города Москвы поймали въ бѣлый день нѣсколько черно-красныхъ лисицъ, и въ числѣ ихъ одну дорогую, стоившую 300 талеровъ. Видна была и комета въ воздухѣ, очень яркая и свѣтлая, in ipso firmamento, super omnes planetas, in igneo coelesti signo Sagittario: это, безъ сомнѣнія, означало бѣдственную погибель многихъ Великихъ Князей, опустошеніе и разореніе земель, городовъ и деревень, и великое невыразимое кровопролитіе, что вскорѣ и послѣдовало. По тому что, въ томъ же году, монахъ, ушедшій съ Гришкою изъ Россіи въ Литву, убѣдилъ потомъ и уговорилъ въ широкой степи 6000 Козаковъ, что родной сынъ Ивана Васильевича, Димитрій, еще въ живыхъ и въ большомъ почетѣ въ Польшѣ, что Богъ чудеснымъ образомъ спасъ его отъ козней Бориса Годунова, чтобы этотъ ни какъ не могъ сдѣлать ему вреда; онъ такъ повелъ свои дѣла, что Польскій Король и другіе большіе господа вступились за него больше изъ сожалѣнія, считая его дѣло правымъ, и дали ему около тысячи человѣкъ конныхъ и пѣшихъ, для изгнанія

и погубленія Великаго Князя Бориса и овладѣнія его отцовскимъ наслѣдіемъ. Козаки пусть приготовятся, пойдутъ теперь съ нимъ и подадутъ ему хорошую помощь, а онъ милостиво одаритъ ихъ не только деньгами и платьемъ, но также и ленами и наслѣдственными помѣстьями. Это былъ лакомый кусочекъ для Козаковъ, за который не взяли бы они и жаренаго павлина безъ удовольствія пограбить, и охотно бы побили Бориса за то, что онъ наказалъ нѣкоторыхъ изъ ихъ братьи за большія своевольства и жестокости.

Они тотчасъ же поклялись монаху, вмѣсто Димитрія, присягнули ему и писали, чтобъ онъ не мѣшкалъ долго, а примкнулъ бы къ нимъ на границѣ съ своими людьми, тогда они съ усердіемъ примутся за дѣло и попытаютъ счастія съ Борисомъ. Димитрій тотчасъ же выступилъ, на границѣ они соединились, и теперь у него было до 8000 войска, за тѣмъ двинулись къ городу Чернигову; Козаки уговорили Намѣстника, Ивана Тахмакова, бывшаго тайнымъ врагомъ Бориса, чтобы онъ сдалъ городъ Димитрію и поклялся ему въ постоянной вѣрности и преданности. Въ этомъ городѣ Димитрій сейчасъ же поставилъ Польскихъ начальниковъ, скоро ушелъ оттуда и взялъ еще другіе пять городовъ, не обнажая меча. Послѣ того пошелъ онъ въ Путивль; этотъ городъ занимали Волжскіе Козаки, которыхъ, съ ихъ начальникомъ, Михайломъ Михайловичемъ Солтыковымъ, уговорилъ онъ сдаться жалобными словами, что Борисъ гонитъ и преслѣдуетъ его, законнаго наслѣдника земли.

Борисъ Годуновъ пришелъ въ ужасъ, услыхавъ эту вѣсть и молву о воскресшемъ Димитріѣ на границахъ, и о томъ, что онъ завоевалъ и занялъ столько городовъ, безъ всякаго сопротивленія и не обнажая меча. Борисъ дивился, жаловался на невѣрность и предательство большихъ Бояръ, поскорѣе собралъ всѣхъ ратныхъ людей въ Москву, въ день Симона и Іуды, и послалъ до 209 тысячъ человѣкъ на непріятеля, съ полководцемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ. Этотъ далъ первое сраженіе, 21-го Декабря, 1604 года, подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. На выручку этого города Великій Князь послалъ храбраго воина, по имени Петра Ѳедоровича Басманова (Bosmanno). Вошедши въ городъ, былъ онъ жестоко осаждаемъ Димитріемъ и сильно стрѣлялъ въ

него изъ своихъ пушекъ, пока не подошелъ Генералъ Князь Мстиславскій и принудилъ Димитрія отступить отъ города. За неимѣніемъ другаго средства, Димитрій напалъ, какъ отчаянный, на Москвитянъ и причинилъ великій уронъ въ людяхъ, такъ что самъ вождь получилъ отъ того 15 ранъ. 2000 Москвитянъ осталось на мѣстѣ; безъ сомнѣнія, они потерпѣли бы большее пораженіе, если бы одинъ Шведскій Капитанъ, по имени Лоренцъ Бьюгге (Biugge), съ 600-ми иностранцевъ, не показалъ своей храбрости и не пришелъ на подмогу Намѣстнику въ городѣ, Басманову: онъ зажегъ станъ Димитрія, который по тому и долженъ былъ оставить Русскихъ для защиты онаго. Но какъ Басмановъ былъ не довольно силенъ войскомъ и Русскіе, кромѣ только иностранцевъ, съ своей стороны не хотѣли предпринимать ничего особеннаго, по тому что вождь ихъ былъ раненъ и полумертвый унесенъ съ поля, то и Шведъ воротился опять въ городъ, а Москвитяне отступили на милю оттуда, расположились тамъ станомъ и стояли спокойно 14 дней, до выздоровленія вождя.

Межъ тѣмъ Великій Князь Борисъ послалъ въ станъ одного большаго Боярина, Василія Михайловича Мосальскаго, съ 80-ю тысячами талеровъ въ подарокъ войску, чтобы оно было вѣрно: но Бояринъ не нашелъ туда дороги, а зашелъ съ деньгами въ станъ Димитрія, гдѣ принятъ былъ съ большимъ уваженіемъ, съ крестомъ и знаменами, съ игрою на трубахъ и барабаннымъ боемъ, и остался Маршалкомъ у Лжедимитрія. Деньги, принесенныя имъ, Димитрій роздалъ своимъ Козакамъ и ничего не далъ Полякамъ, отъ чего этѣ хотѣли выйти изъ службы, не желая продолжать ее безъ денегъ, по чему оба Воеводы, Сандомирскій и Кіевскій, бывшіе съ Димитріемъ, должны были ѣхать въ Польшу доставать денегъ и набирать людей, и взяли съ собой 2000 Поляковъ. Отъ этого-то перекрещенецъ Гришка и отступилъ на нѣсколько миль къ другимъ городамъ, захваченнымъ прежде, а Москвитяне понемногу все подвигались за нимъ, пока не были въ 3-хъ миляхъ отъ города Добрыничъ, и не зная, въ какомъ числѣ онъ и въ какомъ положеніи его станъ, они не смѣли двигаться дальше, а расположились въ большомъ лѣсу. Но какъ въ этомъ мѣстѣ можно было найти много хлѣба, овса и корма, скота, овецъ и продовольствія, то 7000 ихъ, изъ простаго народа, и вышли поворовать и

пограбить. Отошедши отъ стана съ милю, они повстрѣчали роту Поляковъ, которые приняли ихъ очень храбро: четыре тысячи Москвитянъ остались на мѣстѣ, а уцѣлѣвшіе въ большомъ страхѣ прибѣжали въ станъ и привели войско въ ужасъ и отчаяніе, такъ что на другой день оно огородило себя высокимъ тыномъ и рогатками. На третій день пособрались съ духомъ, выбрали 12-ть тысячъ самыхъ лучшихъ и храбрыхъ воиновъ и послали ихъ для развѣданія о намѣреніяхъ непріятеля и мѣстѣ его стана. Когда они открыли его, а онъ тоже замѣтилъ Русскихъ, встрѣтилъ ихъ смѣло и началъ бой съ ними. Но такъ какъ приближалась ночь, они разошлись по своимъ станамъ. Поляки убили въ схваткѣ 200 Русскихъ и взяли сотню плѣнныхъ, Русскіе же захватили одного плѣнника, пошли съ нимъ въ станъ, были довольны и веселы, прыгали и плясали, точно получили великую славу и одержали значительную побѣду, захвативъ одного бѣднаго воина.

Пришедши съ плѣнникомъ въ станъ, они повели его для допроса къ Полковнику, но плѣнный былъ пьянъ, просилъ у нихъ вина и пива, обѣщая тогда сообщить кое какія свѣдѣнія, а иначе не скажетъ. Начальникъ разсердился на это и велѣлъ его пытать и мучить до того, что тотъ умеръ. Не имѣя теперь возможности получить отъ него какія ни будь свѣдѣнія, они раздѣли его до нага и повѣсили посреди стана на одной большой соснѣ.

Начальники были очень озабочены, не знали, что имъ дѣлать, итти ли впередъ, или отступать, по тому что ничего вѣрнаго не узнали отъ плѣннаго.

Но наконецъ, послѣ долгаго совѣщанія, они ободрились, строго приказали войску вооружиться храбростью для сраженія на другой день съ непріятелемъ, и рано утромъ вышли со всѣми силами изъ лѣсу въ открытое поле, въ числѣ 200 тысячъ человѣкъ. Гришка или Димитрій не мѣшкалъ долго, пошелъ къ нимъ съ своими людьми на встрѣчу, быстро напалъ и обратилъ ихъ въ бѣгство; но иностранцы, также бывшіе въ полѣ, съ свѣжимъ мужествомъ сдѣлали нападеніе на людей Димитрія, поставленныхъ при пушкахъ, перебили ихъ и взяли орудія. Когда Русскіе увидали это, то, не имѣя уже возможности воротиться въ свой станъ и укрыться тамъ, присоединились къ иностранцамъ, вмѣстѣ съ ними опять напали на непріятеля, били и гнали его на разстоя-

ніи трехъ миль съ такимъ раздраженіемъ и злобой, что не многіе изъ Поляковъ ушли не раненые. Верховая лошадь Димитрія тоже была ранена въ бедро и едва смогла унести его оттуда. Тогда и самъ онъ могъ бы быть убитымъ, или попасть въ плѣнъ, если бы Русскіе оставались вѣрными Великому Князю и сами не помѣшали тому, по тому что вожди посылали къ нимъ гонца за гонцомъ, чтобы они отстали и вернулись назадъ, что довольно пролито невинной крови и главный молодчикъ уже въ рукахъ у нихъ. Такимъ образомъ Русскіе должны были прекратить нападеніе и вернулись опять въ станъ; это сраженіе было при мѣстечкѣ Добрыничахъ 20 Генваря, 1605 года. Гришка потерялъ тамъ 8000 человѣкъ, свои военные литавры и пушки, а Великій Князь 500 человѣкъ Русскихъ и 25 иностранцевъ.

Послѣ того, какъ войско Великаго Князя одержало эту побѣду, Петръ Басмановъ, Намѣстникъ Новгорода Сѣверскаго, пошелъ въ Москву и донесъ Великому Князю, что его Русскіе одержали побѣду, разбили и прогнали Лжедимитрія.

Въ награду за добрыя вѣсти и за его храбрый и богатырскій образъ дѣйствій, Великій Князь подарилъ ему большую чашу изъ чистаго золота, наполненную Угорскими червонцами, много серебряной посуды и бокаловъ, и сдѣлалъ его большимъ Бояриномъ въ странѣ и самымъ вѣрнымъ своимъ совѣтникомъ.

Послѣ того за храбрость, оказанную иностранцами, Велекій Князь прислалъ имъ денегъ, разнаго продовольствія и золотыхъ денегъ, въ ознаменованіе и память ихъ вѣрной службы подъ Добрыничами, усердно просилъ ихъ служить и впередъ также вѣрно, какъ прежде, каждому изъ нихъ хотѣлъ прибавить жалованья, подарить помѣстья, отдать имъ даже рубашку, если у него ничего не останется, кромѣ ея.

Потерпѣвъ пораженіе подъ Добрыничами, Гришка съ небольшимъ войскомъ пошелъ въ большомъ горѣ и уныніи въ Путивль, и писалъ опять въ Польшу о пособіи и выручкѣ. Великій Князь приказывалъ своимъ вождямъ, чтобы они истребили непріятеля, или выгнали его изъ страны и возвратили всѣ города, подпавшіе его власти. Вожди и двинулись съ войскомъ къ городу Рыльску.

но какъ у Русскихъ не было ни какого усердія, то они и отступили отъ города, не сдѣлавъ ничего.

Между ними было несогласіе и великая измѣна: одинъ хотѣлъ того, другой другого, тому хотѣлось итти вправо, другому влѣво, ни кому не было охоты сражаться, по тому что имъ очень бы любо было новое Правительство. Великій Князь Борисъ такъ былъ раздраженъ и гнѣвенъ на это, что послалъ строгое приказаніе въ станъ, чтобы никто, подъ смертною казнію, не думалъ итти домой, пока не выгонятъ непріятеля и не приведутъ опять во власть Бориса всѣхъ городовъ. Все войско теперь двинулось къ деревянному городу Кромамъ, въ которомъ начальникомъ былъ Корела (Corela), большой волшебникъ, съ 600 Донскихъ Козаковъ, и принесъ своими чарами много пользы Лжедимитрію.

Русскіе мѣсяца два стояли подъ этѣмъ городомъ, каждый день имѣли жестокія схватки и причиняли другъ другу много вреда, такъ что не проходило ни одного дня безъ кровопролитія; иностранцы работали усердно, подожгли городъ, хотѣли взять его приступомъ, но вожди остановили это. Они удержали иностранцевъ, говоря, что было приказаніе Великаго Князя тѣснить голодомъ этотъ городъ, а не брать приступомъ и не проливать невинной крови.

Межъ тѣмъ какъ дѣла шли такимъ образомъ, Великій Князь отправилъ пословъ къ Римскому Императору и Датскому Королю: онъ сильно жаловался имъ на проюки Поляковъ съ ихъ Лжедимитріемъ, и на невѣрность своихъ подданныхъ, дружески прося при этомъ прислать ему на выручку иноземнаго войска, о чемъ уже гласно толковали въ станѣ.

Когда посланники были за границей и ни какого иноземнаго войска нельзя было ожидать, Козаки въ городѣ выкопали кругомъ его глубокій ровъ, высоко насыпали земли изо рвовъ, и подъ этѣмъ валомъ подѣлали множество большихъ дыръ, въ которыя бы имъ можно было входить и выходить, когда угодно, и ни какое оружіе не могло вредить имъ, по тому что всѣ они жили въ землѣ. Отъ большой траншеи къ Московскимъ укрѣпленіямъ они сдѣлали еще малую, чтобы Москвитяне не осмѣлива-

лись сдѣлать на нихъ нападенія, такъ какъ Козаки выползали изъ своихъ норъ и защищались храбро. Если бы Русскіе овладѣли траншеей, они поспѣшно ушли бы въ свои норы и ждали прихода ихъ, но этѣ оставались передъ траншеей, даромъ изстрѣляли безчисленное множество пороха и свинца и ничего не выиграли. По тому что невѣрности, притворства, несогласія и предательства было что дальше, то больше между Русскими, и въ бѣлый Божій день прошла чрезъ Московскій станъ тысяча вооруженныхъ Козаковъ въ городъ, посланныхъ Гришкою на выручку къ Путивльскимъ Козакамъ, съ развернутыми знаменами и нѣсколькими сотнями телѣгъ съ продовольствіемъ, порохомъ и свинцомъ.

Вожди дали знать Великому Князю въ Москву объ этой великой невѣрности и измѣнѣ, что они находятся въ большой опасности, силы ихъ съ каждымъ днемъ убываютъ, а у Лжедимитрія увеличиливаются военными измѣнниками которые перебѣгаютъ къ нему. Городомъ овладѣть невозможно, по тому что онъ снова снабженъ свѣжимъ войскомъ, продовольствіемъ и военными снарядами.

Это привело Бориса въ ужасъ, уныніе и отчаяніе: 13-го Апрѣля, 1605 года, съ ранняго утра до полуденъ свѣжій и здоровый, въ сумерки онъ скоропостижно умеръ и на другой день былъ похороненъ въ Кремлѣ, возлѣ другихъ Великихъ Князей, съ большимъ рыданіемъ и плачемъ всѣхъ его друзей, послѣ достойнаго 8-ми лѣтняго царствованія, съ пользою для простаго народа и ко благу всей страны. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ въ такомъ сомнѣніи и неудовольствіи самъ принялъ ядъ, или отравленъ былъ другими.

По смерти Великаго Князя Бориса, Москвитяне клялись и присягнули его сыну, Ѳедору Борисовичу, послали выше названнаго, храбраго думнаго Боярина, Петра Басманова, въ станъ подъ Кромы къ войску, чтобы оно присягнуло молодому Великому Князю, и убѣждали его быть вѣрнымъ и покорнымъ новому Государю. Но какъ старый полководецъ, Мстиславскій, былъ отозванъ въ Москву, для управленія Государствомъ, вмѣстѣ съ новоизбраннымъ Великимъ Княземъ, то, вмѣсто его, остался Басмановъ. Это стало очень досадно другимъ вождямъ: между ними вышло несогласіе изъ за главнаго начальства, именно изъ того, что одинъ хо-

тѣлъ сражаться, другой хотѣлъ домой, а тѣмъ самымъ одинъ надѣялся тутъ, другой тамъ, добиться главнаго начальства, богатсва, даже верховной власти, какъ обыкновенно случается въ такихъ неожиданныхъ случаяхъ; отъ того между простыми воинами произошло большое безпокойство и возмущеніе: они раздѣлились и составили двѣ толпы.

Преданные Годуновымъ и молодому Принцу клялись, присягнули ему и расположились съ одной стороны крѣпости при артиллеріи; другіе, не хотѣвшіе присягать, собрались на другой сторонѣ, ночью послали къ Козакамъ въ крѣпость, уговаривали ихъ держаться стойко, пошли къ нимъ на помощь съ порохомъ и свинцомъ, и вмѣстѣ назначили время, когда Козакамъ нападать изъ крѣпости на Годуновское войско, въ рукахъ котораго была артиллерія, а сами хотѣли сдѣлать на него нападеніе съ другой стороны. Такъ это и сдѣлалось, и измѣнники, вмѣстѣ съ Козаками, были въ числѣ 150 тысячъ; они провозгласили Димитрія и напали на Годуновскихъ, провозгласившихъ Ѳеодора, выбили ихъ изъ стана, оттѣснили отъ артиллеріи, нѣкоторыхъ убили, другихъ ранили и взяли въ плѣнъ; между послѣдними были двое знатныхъ вождей, Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Михаилъ Глѣбовичъ Солтыковъ; тѣ же, которые не хотѣли сдаваться, побѣжали и поѣхали въ Москву и извѣстили молодаго Принца о случившемся въ станѣ. Въ Москвѣ перепугались и снова вооружились, однако жь не вышли въ поле, и наконецъ всѣ передались Лжедимитрію, какъ и скажемъ послѣ.

Когда могущество Гришки или Лжедимитрія выше сказаннымъ образомъ такъ замѣтно увеличилось, измѣнники послали къ Лжедимитрію, проживавшему въ Путивлѣ, одного знатнаго Боярина и вождя, по имени Ивана Голицына: просили у него прощенія, извинялись, что не были лучше вразумлены, что Борисъ соблазнилъ ихъ, хотѣли ему, своему наслѣдственному Государю, оказывать всякую подданническую преданность, любовь и покорность, желали, чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ, и тогда они пожертвуютъ для него всѣмъ своимъ животомъ и имѣніемъ и помогутъ возвратить отцовское Царство.

Получивъ эту пріятную вѣсть, Лжедимитрій не долго медлилъ, собрался съ своимъ войскомъ, пошелъ сперва подъ Кромы къ Ко-

вакамъ, потомъ дальше къ городу Орлу (Arol), гдѣ были измѣнники и ждали съ радостью его прихода, а послѣ того еще дальше въ страну, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія.

Онъ былъ въ полной радости, въ отличномъ расположеніи духа и никого не боялся: куда ни приходилъ, все дѣлалось по его волѣ; въ крѣпости Тулѣ, въ тридцати миляхъ отъ Москвы, провелъ онъ нѣсколько дней, развѣдывалъ о намѣреніяхъ молодаго Принца и Годуновыхъ, и писалъ къ простому народу въ Москвѣ, извѣщая ихъ, чтобы они одумались заблаговременно, что онъ, законный наслѣдственный Государь страны, живъ еще и желаетъ, чтобы они его приняли и оказывали ему ту же преданность и покорность, какъ и отцу его, Ивану Васильевичу, смирили и искоренили его злѣйшихъ враговъ, Годуновыхъ, которые, безъ всякаго права, силою проложили себѣ путь на царство, и устранили отъ царства его, невинное дѣтя, законнаго наслѣдника страны, старались умертвить его, чего, однако жь, милостиво не попустилъ Всемогущій Богъ, по своему божественному промыслу. Тогда и онъ, Димитрій, окажетъ имъ всякую благосклонность и милость, и придетъ къ нимъ не какъ суровый воинъ, но какъ милосердый и сострадательный отецъ къ своимъ милымъ дѣтямъ. Если же не сдѣлаютъ того, въ скоромъ времени они испытаютъ что ни будь другое, которое будетъ для нихъ чувствительно, онъ погубитъ и разоритъ ихъ мечемъ и огнемъ, не пощадитъ и дѣтей въ колыбели.

Но Годуновы имѣли бдительный надзоръ, велѣли схватить и посадить въ темницы гонцовъ, отобрали у нихъ письма, замучили ихъ, чтобы простой народъ не имѣлъ ни какихъ вѣстей о Димитріѣ. Это очень удивляло его: онъ послалъ наконецъ одного знатнаго Дворянина къ Москвитянамъ, который прибылъ сначала въ большую деревню, Красное Село (Crasna Cella), въ получетверти мили отъ Москвы, гдѣ жили богатые и первостатейные купцы и ремесленники, и растолковалъ имъ, что законный наслѣдникъ страны живъ, и сколько ни посылалъ онъ гонцовъ въ Москву съ письмами, ни одинъ не возвратился, но не извѣстно, простой ли народъ виной тому, или это тайное дѣло Годуновыхъ.

По тому онъ и отправилъ, въ прибавокъ къ прежнимъ, еще его, чтобы замѣтить и разузнать расположеніе къ нему простаго

народа, и если ему не дадутъ добраго отвѣта, колыбельныя дѣти поплатятся за это; а если получитъ добрую и желанную вѣсть Димитрій, онъ приметъ ихъ всѣхъ въ свою милость и никогда не подумаетъ дѣлать имъ какое ни будь зло.

Жители Краснаго Села приняли этого гонца съ большимъ благоговѣніемъ и честію, великой толпой пошли съ нимъ въ городъ на площадь, окружили его тамъ и созвали Московскую чернь. Посолъ прочиталъ имъ письмо Димитрія, передалъ имъ приказанія его и всѣ подробности. Простолюдины стали между собою совѣтоваться, пошли къ Князю Василію Ивановичу Шуйскому, просили его не скрывать отъ нихъ правды, подлинно ли онъ велѣлъ похоронить молодаго Димитрія, роднаго сына Ивана Васильевича, убитаго въ Угличѣ. Тогда тотъ отвѣчалъ имъ и далъ знать, что Димитрій избѣжалъ козней Бориса Годунова, а вмѣсто его убитъ и похороненъ по Княжески сынъ одного Священника. Теперь же истинный Димитрій находится съ своимъ войскомъ въ Тулѣ.

Услыхавъ это, народъ сказалъ, что если вся земля, Князья и Дворяне съ войскомъ пристали къ Димитрію и Василій Шуйскій такъ засвѣдѣтельствовалъ о немъ, то онъ долженъ быть настоящій наслѣдникъ страны; если же онъ со всѣмъ своимъ войскомъ уже въ походѣ, то имъ надо подумать, что дѣлать, а въ городѣ совсѣмъ нѣтъ войска. Одни Годуновы, захватившіе силой правленіе, не защитятъ и не уберегутъ ихъ, и простому народу будетъ отъ того погибель. Пора уже со всѣмъ смиреніемъ просить и умолять Димитрія о помилованіи и снять головы съ кровожадныхъ обманщиковъ, Годуновыхъ, выгнавшихъ молодаго законнаго Государя въ его дѣтствѣ.

Межъ тѣмъ какъ чернь такимъ образомъ совѣщалась между собою, пришла изъ Кремля толпа стрѣльцовъ съ нѣсколькими Дворянами, все еще преданными Годуновымъ, и хотѣли было взять силой подателя письма. Но простой народъ не позволилъ того, хотѣлъ знать, гдѣ прежніе посланники Димитрія, стали перебраниваться, кричать, громко желали благополучія и здоровья подходящему Димитрію, говоря: «Далъ бы Богъ, чтобы истинное солнце просіяло въ Россіи: до сихъ поръ мы и при свѣтѣ сидѣли во тьмѣ, а теперь всходитъ наша утренняя звѣзда,» хвалили и величали Ди-

митрія, смѣялись надъ Годуновыми, злословили ихъ, называли блудными дѣтьми, мошенниками и измѣнниками; нѣсколько тысячъ народа съ великимъ буйствомъ и крикомъ вбѣжали въ Кремль, поносили и проклинали умершаго Бориса и всѣхъ его друзей и семейство. Хуже и наглѣе того они ничего не могли сдѣлать, — и въ такомъ множествѣ тысячъ людей не нашлось ни одного, который бы хоть не много вспомнилъ, сколько добра сдѣлано было Борисомъ странѣ, какъ правилъ онъ ею, благодаря своему высокому уму, умножилъ ее зданіями, кормилъ ее въ дороговизну и установилъ миръ и согласіе съ сосѣдственными Королями и Государями. Теперь все это забыто и презрѣно, какъ будто онъ не сдѣлалъ ни чего хорошаго. Они захватили его сына, новоизбраннаго Великаго Князя, которому не за долго прежде клялись и присягали, вмѣстѣ съ сестрою его и матерью, и стерегли ихъ подъ крѣпкой стражей, до дальнѣйшихъ приказаній Димитрія. Они захватили всѣхъ Годуновыхъ и друзей ихъ, разграбили ихъ дворы, раздѣли ихъ до нага и съ женами и дѣтьми отвезли на навозныхъ телѣгахъ въ темницы другихъ городовъ, за нѣсколько миль отъ Москвы: нѣкоторые изъ нихъ умерли жалкою смертію въ дорогѣ, другіе въ заключеніи отъ голода, или были убиты, такъ что ни кого не осталось въ ихъ родѣ.

Послѣ такого дѣла, Москвитяне писали изъ города Димитрію, просили у него прощенія и помилованія, хотѣли отдаться ему добровольно, только бы приходилъ къ нимъ скорѣе; они будутъ вѣрны, покорны, и послушны ему во всемъ; они истребили всѣхъ его недруговъ, кромѣ юнаго Ѳедора, матери его и сестры, которые живы и хорошо охраняются, чтобы онъ не боялся ихъ, они въ его власти и когда потребуетъ, тотчасъ же будутъ у него въ рукахъ.

Отсюда видно, что съ Борисомъ и его родомъ сбылось точно такъ же, какъ прежде самъ онъ поступилъ съ семействомъ умершаго Великаго Князя, по тому что Богъ не оставляетъ ни какаго зла безъ наказанія, и тогда на дѣлѣ исполняются поговорки древнихъ, получившія свое начало изъ опыта. На примѣръ, Юлія Поллукса: «Paxilli paxillos excutiunt.» Лукіяна: «Clavus clavo pellitur; improbitas improbitate vincitur; Scelus in scelere, malum in malo supplicium est.» Радамантъ тоже говоритъ справедливо: «Si

quis quae facit, patitur, justissima poena est.» Также и Гезіодъ: «Qualia vir patrat, talis manet exitus illum.»

Теперь когда, этотъ разстриженный монахъ, Гришка привелъ подъ свою власть всѣ города и крѣпости, вся страна повиновалась ему, противника ему не было ни кого, только молодой Принцъ Өедоръ обѣщалъ мудраго и разсудительнаго Государя; Гришка опасался его и думалъ, что если онъ останется въ живыхъ, то ему не легко будетъ выполнить свои предательскіе замыслы, которые были у него на умѣ, что онъ будетъ помѣхою и безпокойствомъ для него на царствѣ, либо совсѣмъ сгонитъ его съ онаго.

Для того онъ уговорился съ однимъ писцомъ, Иваномъ Богдановымъ, чтобы этотъ пошелъ въ Москву, тайно убилъ молодаго Принца и мать его, и разсказалъ въ народѣ, что они умертвили себя ядомъ, а дочку бы тщательно сохранилъ до прихода его въ Москву. Писецъ сдѣлалъ это со всѣмъ усердіемъ, и вѣрно исполнилъ приказъ своего Государя: только что пришелъ онъ въ Москву, сейчасъ велѣлъ предательски удавить мать и сына въ ихъ комнатѣ, и потомъ разгласить въ народѣ, что они сами умертвили себя ядомъ, чего они совсѣмъ не дѣлали, а кончили жизнь такъ, какъ кончаютъ и тѣ, которымъ хотѣлось бы еще пожить: это достаточно показываютъ знаки веревки, которою удавили ихъ. Я и многія сотни людей видѣли этѣ знаки своими глазами.

Когда это было исполнено, Богдановъ велѣлъ вырыть изъ земли гробъ Великаго Князя, Бориса Годунова, лежавшаго столько недѣль между другими Великими Князьями, и велѣлъ похоронить его, съ сыномъ и матерью, Маріею Валутиной (Малютиной), каждаго въ особенномъ гробѣ, за городомъ, на запустѣломъ кладбищѣ, безъ пѣнія, звона и всякихъ обрядовъ. По смерти отца, Өедоръ Борисовичъ царствовалъ только два мѣсяца; его только выбрали въ Великіе Князья и присягнули ему, но не вѣнчали на царство. Это было въ томъ же 1605 году, 10-го Іюня.

16-го Іюня Димитрій или Гришка двинулся со всѣмъ войскомъ къ Москвѣ, расположился на большомъ лугу, въ малой милѣ отъ города, и хотѣлъ тамъ испытать расположеніе къ нему Москвитянъ. Онъ замѣтилъ, что они не только покорны и рабо-

лѣпны ему во всемъ, почтительны и рады его приходу, но даже вышли къ нему изъ города, каждое званіе особо, со множествомъ богатыхъ подарковъ въ золотѣ, деньгахъ, дорогихъ каменьяхъ, жемчугѣ, алмазахъ и разныхъ вкусныхъ напиткахъ, также и съ хлѣбомъ и солью, какъ водится у Русскихъ и считается у нихъ высшимъ долгомъ и особеннымъ почтеніемъ. Тогда онъ повѣрилъ и имъ сказалъ, что забудетъ все, что ни сдѣлали они противъ него, никогда и не вспомнитъ того, будетъ не Государемъ и Великимъ Княземъ для нихъ, а отцомъ, и всегда съумѣетъ порадѣть о пользѣ своихъ подданныхъ.

Самые главные и знатные Князья и Бояре тоже пришли къ нему и принесли изъ казнохранилищъ богатыя и дорогія Великокняжескія платья изъ золотой парчи, бархата и шелка, тканыя съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и униженно просили его пожаловать въ городъ, взять свое отцовское наслѣдіе, которое чудеснымъ образомъ Богъ помогъ возвратить ему и принять правленіе: все уже устроено и приготовлено; ему нечего подозрѣвать ни какого зла, нѣтъ и причинъ печалиться, а надо радоваться и веселиться: тѣ, которые хотѣли убить его, всѣ уже истреблены теперь и ни кому не могли вредить и причинять зло.

Когда все было приготовлено для входа въ городъ, онъ назначилъ, кому изъ высшихъ и знатныхъ совѣтниковъ ѣхать по правую и лѣвую сторону возлѣ себя, впереди и назади, всего до 60 человѣкъ, въ великолѣпной одеждѣ и збруѣ на лошадяхъ; а свою одноколку отправилъ съ Русскими впередъ съ барабанами и литаврами, для осмотра и развѣданія, все ли въ порядкѣ и нѣтъ ли какой тайной измѣны. Гонцы должны были ѣздить безпрестанно одинъ за другимъ.

Передъ самымъ Лжедимитріемъ ѣхало нѣсколько ротъ Польскихъ всадниковъ въ полномъ вооруженіи, по 20 человѣкъ въ рядъ, съ флейтами и барабанами, за нимъ и думными Боярами слѣдовали тоже нѣсколько ротъ Польскихъ всадниковъ въ такомъ же вооруженіи и порядкѣ, какъ и прежніе. За тѣмъ ѣхали иностранцы, Козаки и стрѣльцы, другъ за другомъ, въ томъ же порядкѣ, пока толпа эта не окончилась и не послѣдовало вступленіе въ городъ.

Въ Кремлѣ и въ городѣ звонили во всѣ колокола, большіе и малые: свѣтлы были радость и веселье, необыкновенны великолѣпіе и пытность. Большія широкія улицы, даже кровли на церквахъ и на домахъ, до того были полны народа, что издали казался онъ не лучше нѣсколькихъ роевъ пчелъ: такъ безчисленны были зрители. По всѣмъ улицамъ, гдѣ проходилъ Лжедимитрій, Москвитяне припадали лицами къ землѣ и громко кричали: «Дай, Боже, счастія, здоровья и долгоденствія этому Великому Князю всея Россіи! Богъ, такъ чудесно сохранившій и спасшій тебя въ этомъ свѣтѣ, и впередъ защититъ и управитъ тебя на всѣхъ твоихъ стезяхъ и путяхъ! Ты настоящее солнце, свѣтозарная утренняя звѣздочка, проглянувшая на Руси.» — «Дай Боже, отвѣчалъ Лжедимитрій, здоровья вамъ, моимъ вѣрнымъ подданнымъ: встаньте и молитесь за меня Богу!»

Когда онъ въѣхалъ на висячій мостъ, положенный на бочкахъ черезъ рѣку Москву, и выѣзжалъ рѣчными воротами на площадь, поднялся такой сильный вихорь, что въ одну минуту ронялъ и коня и всадника; онъ погналъ на народъ такую пыль и песокъ, что нельзя было открыть глазъ; Русскіе пришли въ ужасъ, крестились по своему обычаю и говорили: «Сохрани насъ, Боже, отъ всякаго зла! Этотъ входъ предвѣщаетъ какое ни будь несчастіе.»

Когда входъ кончился, Гришка находился въ Дворцѣ и ушелъ въ свою комнату, знатнѣйшіе Князья и Бояре страны вышли изъ Кремля на площадь: изъ нихъ Богданъ Бѣльскій выступилъ впередъ, уговаривалъ народъ благодарить Бога за этого Государя, и говорилъ, чтобы они были ему вѣрны и любили его, онъ родной и законный сынъ Ивана Васильевича; потомъ вынулъ изъ запазухи крестъ съ образомъ Св. Николая, поцѣловалъ его и побожился, что онъ истинный Димитрій, и что Св. Николай до этого дня хранилъ его на своей груди, а теперь возвратилъ его имъ, чтобы они старались почитать и любить его и служить ему со всею преданностью. Вся чернь отвѣчала три раза: «Сохрани, Боже, нашего Великаго Князя! Дай, Боже, ему здоровья и долгоденствія, накажи всѣхъ его враговъ, и такихъ, которые не вѣрны и не расположены къ нему!»

Спустя 14 дней послѣ этого въѣзда, въ церкви Дѣвы Маріи, 29-го Іюля, былъ онъ вѣнчанъ Патріархомъ на Царство со всѣми обыкновенными обрядами.

Принявъ вѣнецъ по единодушному совѣту всѣхъ, онъ показалъ свое первое мужество и доблесть на дочери бывшаго Великаго Князя, Бориса Годунова, Аксиньѣ: велѣлъ ее привести къ себѣ, блудничалъ съ нею нѣсколько дней и, вдоволь натѣшившись ею, приказалъ остричь у ней волосы и прогнать ее въ монастырь, гдѣ она и должна была оставаться до смерти.

Послѣ этого поступка онъ послалъ за своею матерью, проживавшей въ одномъ монастырѣ, за 100 миль отъ Москвы, куда посадилъ ее покойный Великій Князь, Борисъ. Когда она находилась уже въ двухъ миляхъ отъ города, онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ нѣсколькими тысячами человѣкъ знатныхъ Бояръ, Совѣтниковъ и Дворянъ, и принялъ ее съ большимъ смиреніемъ и уваженіемъ. Не доѣзжая четверти мили отъ города, онъ съ знатнѣйшими Боярами сошелъ съ коня, принялъ ее со всею кротостію, и провожая городомъ пѣшкомъ съ непокрытою головою, чтобы зрители это видѣли и не подумали ничего другого, кромѣ того, что онъ безъ всякаго обмана и хитрости, подлинно и явно былъ ея законный сынъ отъ Великаго Князя Ивана Васильевича. Мать, знавшая кое-что не со всѣмъ такъ въ этомъ дѣлѣ, притворялась веселою и довольною, что опять нашла своего роднаго сына, хоть сердце ея было и далеко отъ него, по тому что, благодаря этому ложному сыну, принятому ею, она опять получала Царское величіе и власть. Это явленіе вызвало слезы у зрителей: «Какъ чудесно, говорили они, Богъ поступаетъ съ людьми на этомъ свѣтѣ! Разлучаетъ дѣтей съ родителями, и опять соединяетъ ихъ, какъ очевидно это случилось теперь.»

Онъ привелъ ее въ монастырь въ Кремлѣ, выстроенный имъ заново, съ прекрасными деревянными комнатами и дворцами. Тамъ навѣщалъ ее каждый день и дѣлалъ для нея Царскій обѣдъ, чтобы нельзя было замѣтить между ними ни какой разницы въ кушаньяхъ и напиткахъ, чрезвычайно любилъ и уважалъ ее, такъ что тысяча человѣкъ побожились бы, что онъ ея истинный родной сынъ.

Ежедневно ходилъ онъ къ своимъ Совѣтникамъ въ комнату Совѣта и разсуждалъ съ ними о Государственныхъ дѣлахъ; когда Совѣтники оказывались медленны и ненаходчивы въ своихъ рѣ-

шеніямъ, также и недовольно дѣлали дѣла, онъ говорилъ имъ шутливо и смѣясь: «Милостивые Государи! Столько дней и часовъ вы совѣщаетесь объ этомъ дѣлѣ, и все еще не нашли, что нужно: это вотъ какъ должно быть,» и очень скоро могъ находить лучшее средство, чему они очень дивились. Онъ часто укорялъ ихъ въ грубости и неразуміи и въ томъ, что они неспособные и ничего не видавшіе люди; хотѣлъ разрѣшить ихъ дѣтямъ получать воспитаніе въ чужихъ краяхъ, учиться разнымъ языкамъ, добрымъ нравамъ, добродѣтели и честности и упражняться на турнирахъ, въ разныхъ воинскихъ играхъ, чтобы они могли сдѣлаться способными и привычными управлять землею и жителями и служить Королямъ и Государямъ.

За обѣдомъ приказывалъ онъ играть и показывать свое искуство музыкантамъ, какъ водится въ другихъ странахъ, у высокихъ лицъ. Онъ отмѣнилъ много обрядовъ, принятыхъ Москвитянами, на примѣръ, креститься, кланяться и нагибаться передъ образомъ, послѣ обѣда обмываться. Это глубоко огорчало Москвитянъ; у нихъ родились разныя дурныя мысли и подозрѣнія на своего новаго Великаго Князя; они повѣсили головы, точно ослы, когда заведутся у нихъ вши въ ушахъ.

Послѣ обѣда онъ не ложился спать, какъ водилось у прежнихъ Великихъ Князей и всѣхъ Русскихъ, а прохаживался въ казначейство, аптеки, лавки серебренниковъ; смотрѣлъ, что они работали и чѣмъ торговали; часто имѣлъ при себѣ не больше одного, или двоихъ молодыхъ Дворянъ, не рѣдко также отсылалъ отъ себя Камеръ-Юнкеровъ и Боярскихъ Дѣтей, и они иногда не знали, куда онъ дѣвался, должны были бѣгать и искать его по всѣмъ угламъ во дворцѣ, точно какія гончія собаки, пока не отыщутъ его. Этого никогда не бывало съ прежними Великими Князьями, по тому что, по Москвитянской ихъ величавости и знатности, имъ нельзя было прохаживаться изъ одной комнаты въ другую, развѣ только съ палкой въ рукѣ, да заставивъ водить себя подъ руку знатныхъ Бояръ. При выѣздахъ на богомолье по церквамъ и монастырямъ, онъ не садился въ большую колымагу, или коляску, но приказывалъ подводить себѣ самую горячую лошадь, которая лютѣе всѣхъ была ѣздить, бралъ въ руку поводья и, быстро бросившись въ сѣдло, гналъ ее точно ловкій рыцарь;

а терпѣть не могъ, если конюхи выносили ему стулъ, чтобы ставить на него ногу, когда хотѣлъ ѣхать верхомъ, какъ обыкновенно дѣлали прежніе Великіе Князья. Каждый день онъ находилъ удовольствіе въ прогулкѣ, скачкѣ верхомъ и охотѣ съ соколами и собаками. Онъ велѣлъ вылить порядочное количество мортиръ и полевыхъ пушекъ и отвезти ихъ въ Галичъ и на Татарскую границу. Наконецъ онъ припомнилъ и обѣщаніе, данное имъ въ Польшѣ, что какъ скоро овладѣетъ Царствомъ, возложитъ на себя Великокняжескій вѣнецъ и будетъ имѣть всю власть въ рукахъ, то до послѣднихъ силъ станетъ покровительствовать Папистской Вѣрѣ и распространять ее, да и возьметъ замужъ Марію Горгону (Юрьевну?), дочь Воеводы Сандомирскаго; для того вскорѣ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы пріѣхавшимъ съ нимъ Езуитамъ отведенъ былъ большой дворъ въ городѣ Москвѣ, гдѣ бы они могли отправлять свое богослуженіе.

Для лучшаго успѣха и распространенія Римской Вѣры, Папскій Легатъ, Антоній Лонгинъ (Antonius Longinus), проживавшій при Дворѣ Польскаго Короля, прислалъ въ Москву своего племянника, съ четырьмя другими Езуитами, для умноженія шайки, по тому что Езуитамъ было очень по сердцу найти себѣ такого добраго и благосклоннаго покровителя и доброхота, который любилъ Папскую Вѣру, усердно старался дѣлать все угодное Римскому Папѣ и предписанное Католическою Церковью, слѣдовательно, хлопоталъ о распространеніи и уселеніи ея ложной Вѣры.

Послѣ того отправилъ онъ въ Польшу также своего Канцлера, Аѳанасія Власьева (Flassi), съ большимъ сокровищемъ въ алмазахъ, уборахъ, золотыхъ цѣпочкахъ, браслетахъ, кольцахъ, кубкахъ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, цѣною въ двѣ бочки золота, въ подарокъ дочери Воеводы Сандомирскаго, чтобы она и отецъ ея нарядились сколько можно пышнѣе и ѣхали въ Москву. Это глубоко огорчило Москвитянъ и внушило имъ большое недовѣріе; они и то уже по всему замѣчали, что ихъ поднимали на смѣхъ и дурачили, да къ тому же еще позорили и пренебрегали ими, такъ какъ Великому Князю больше понравилась чужеземная дѣвушка, не одной еще Вѣры съ ними, нежели ихъ землячка. Отъ того-то нѣкоторые знатные Бояре, особливо три брата Шуйскихъ (Zuski), начали составлять тайный заговоръ съ знатнѣйшими мо-

нахами и попами, говорили, что онъ совсѣмъ не сынъ Ивана Васильевича, и завели странные происки такъ явно и въ такихъ размѣрахъ, что онъ могъ замѣтить: по тому и не хотѣлъ больше довѣрять своимъ Совѣтникамъ, Боярамъ и Дворянамъ, и назначилъ при себѣ новую стражу изъ иностранцевъ. Онъ поставилъ надъ нею трехъ начальниковъ или Капитановъ: первый былъ Французъ, по имени Яковъ Маржеретъ (Margeret), другой назывался Матвѣй Кнутценъ (Knutzen), Курляндецъ, третьяго, Шотландца, звали Альбертъ Вандемонъ (Vandemon); у каждаго подъ начальствомъ была сотня тѣлохранителей; всѣ они исправно получали жалованье. Первые носили позолоченные бердыши, съ обитыми краснымъ бархатомъ древками и съ шелковыми и золотыми кистями, и одѣвались въ красное бархатное платье и плащи, отороченные золотымъ позументомъ. У другихъ были сѣкиры, въ видѣ полумѣсяца, и богатыя темнофіолетовыя платья съ красными бархатными прошвами и красными атласными рукавами. У третьихъ также были сѣкиры, но они различались тѣмъ, что платья у нихъ обшиты были зеленымъ бархатомъ, съ зелеными атласными рукавами.

Этѣ тѣлохранители должны были поочередно днемъ и ночью оберегать его особу. Это было очень досадно большимъ Боярамъ страны, и они говорили промежъ собою: «Уже этѣми тѣлохранителями онъ даетъ намъ знать, что у него на умѣ. Онъ ни во что насъ не ставитъ больше. Что же сдѣлаетъ онъ тогда, когда Княгиня придетъ въ страну, съ такимъ множествомъ Поляковъ, Нѣмцевъ и Козаковъ? Намъ достанется тогда!» По тому старшій братъ изъ Князей Шуйскихъ думалъ, 'quod sit melius praevenire, quam praeveniri, и хотѣлъ предупредить это заблаговременно, пока Димитрій не подкрѣпилъ себя множествомъ иноземцевъ и дерево не выросло до такой вышины, что его ни достать, ни срубить нельзя будетъ. Онъ завелъ козни съ нѣкоторыми простыми гражданами, попами и воинами, какъ бы ему спровадить новаго Великаго Князя; но въ то время, какъ они всего больше вели свои козни, это стало извѣстно: нѣкоторые злоумышленники были схвачены и отведены на пытку; они тотчасъ же сознались въ своемъ замыслѣ и что затѣялъ и внушилъ его имъ вышеупомянутый Василій Шуйскій, говоря, что Великій Князь—нарушитель спокойствія, обманщикъ Государства, а не истинный родной сынъ Ивана

Васильевича, и что имъ надо помогать и содѣйствовать предпріятію на погибель его. По тому-то Великій Князь тотчасъ же задержалъ и другихъ военныхъ и велѣлъ не учавствовавшимъ воинамъ убить, какою хотятъ смертію, своихъ виновныхъ товарищей, и кто первый наложитъ руку на измѣнниковъ, того онъ не будетъ считать участниковъ въ заговорѣ. Всѣ воины съ великою злобой напали на виновныхъ и скоро заколотили ихъ до смерти палками, въ доказательство своей невинности.

Зачинщика и заводчика этого дѣла, Князя Василія Шуйскаго, Лжедимитрій велѣлъ пытать и славно отдѣлать розгами, послѣ чего онъ былъ преданъ суду и приговоренъ къ смерти: привели его на площадь, прочитали приговоръ за его вину; уже голова его положена, какъ слѣдуетъ, на плаху, и палачъ долженъ былъ сдѣлать ударъ сѣкирой, вдругъ кто-то бѣжитъ во всю прыть изъ Кремля отъ Димитрія, машетъ рукой, кричитъ, что есть мочи, чтобы палачъ остановился; прибѣжавши, сказалъ, что Царь и Великій Князь всея Россіи даруетъ жизнь этому Шуйскому и милуетъ его, ради высокаго его происхожденія, и для того еще, чтобы онъ исправился и не повторялъ больше такихъ затѣй.

Гришка или Димитрій полагалъ, что сдѣлалъ довольно, рѣшившись на такую строгость съ Шуйскимъ, чтобы другіе Князья и Бояре страны взяли это себѣ въ урокъ и не думали больше заводить мятежи и крамолы; послѣ того онъ предался безпечности и нѣгѣ, въ томъ мнѣніи, что больше нечего бояться ни какихъ опасностей.

Князья и Бояре нѣсколько времени вели себя смирно и сдержанно, были благоговѣйны и почтительны, какъ будто не имѣли на сердцѣ ничего злаго, чтобы Царь былъ еще безпечнѣе и ничего не боялся. Они ѣздили съ нимъ гулять, вмѣстѣ охотились, забавлялись на турнирахъ и каруселяхъ, чтобы онъ ни какъ не могъ опасаться измѣны и предательства. По тому онъ и сталъ казаться веселѣе и безпечнѣе прежняго, и однажды уѣхалъ даже за шесть миль отъ Москвы, въ монастырь Вязому (VVezoma), съ своими думными Боярами и всею придворною челядью: съ нимъ было 300 тѣлохранителей и три роты Польскихъ всадниковъ; онъ хотѣлъ тамъ учить и упражнять своихъ Москвитянъ и посмотрѣть, на

что они годны; велѣлъ на одномъ мѣстѣ сдѣлать укрѣпленіе изъ снѣгу, въ которомъ, для обороны его, посадилъ Москвитянъ, поставилъ начальника, который бы распоряжался ими и защищался отъ непріятеля, чтобы этотъ не могъ взять крѣпости, или овладѣть ею приступомъ. Непріятелемъ ихъ былъ Димитрій и съ нимъ 300 тѣлохранителей: онъ долженъ былъ подступать къ укрѣпленію, всѣми силами стараться съ своими тѣлохранителями взять его и выгнать оттуда Москвитянъ, а этѣ защищать оное и отражать его. Когда все было устроено и сдѣлано для обѣихъ сторонъ столько комьевъ изъ снѣгу, что, по видимому, было достаточно, Димитрій съ своими людьми пошелъ на приступъ къ укрѣпленію, прогналъ Москвитянъ и овладѣлъ этой снѣжной крѣпостью, по тому что его воины прибавили въ снѣжки песку, льду и другихъ вещей, отъ чего Русскіе и получили себѣ множество синяковъ, были взяты въ плѣнъ и связаны. Димитрія очень радовало и забавляло, что онъ протурилъ таки своихъ Москвитянъ: онъ велѣлъ подать имъ разныхъ напитковъ, пива, меду и водки, и въ другой разъ готовиться къ такой же потѣхѣ. Но Русскимъ не такъ-то хотѣлось того: они сердились и злобились, что достали себѣ такіе ужасные синяки, и надумали другимъ образомъ принять Димитрія, съ его тѣлохранителями, чего бы то ни стоило. Одинъ изъ Русскихъ тотчасъ же открылъ это Димитрію, просилъ его бросить эту забаву, по тому что Русскіе сердятся на Нѣмцевъ за синяки, хотятъ отплатить имъ за это, во что бы то ни стало: пусть же онъ подумаетъ, что между ними много измѣнниковъ, а доброжелателей ему не много. Каждый Бояринъ и Дворянинъ носитъ подъ кафтаномъ длинный и острый ножъ, а онъ и его тѣлохранители, снявъ съ себя верхнее и нижнее вооруженіе, пойдутъ на приступъ съ однѣми снѣжками: тогда, пожалуй, случится большая бѣда. Великій Князь одумался и оставилъ это, воротился въ Москву и вскорѣ потомъ узналъ, что если бы онъ въ другой разъ напалъ съ своими тѣохранителями на Русскихъ, они и въ правду сдѣлали бы этотъ приступъ послѣднимъ и перерѣзали бы ему горло.

Вскорѣ послѣ того, въ Мартѣ 1606 года, Великій Князь получилъ изъ Польши радостную вѣсть, что невѣста его уже на пути въ Россію: онъ послалъ ей на содержаніе 15 тысячъ рублей, и писалъ своимъ Дворянамъ, жившимъ въ Княжествахъ Смо-

ленскомъ, Дорогобужскомъ (Dorogabus) и Вяземскомъ (VVeesmo), чтобы всѣ они одѣлись какъ можно богаче и нарядпѣе для встрѣчи на границѣ невѣсты съ бывшей при ней дружиной, приняли ее съ великимъ уваженіемъ и почетомъ, оказывали ей всякія почести и услуги, какъ бы ему самому, и проводили ее въ городъ Можайскъ (Mosaisskovv), куда прибудутъ Тверскія, Рязанскія (Retzansche) и другія власти, для сопровожденія ея въ Москву.

Къ этѣмъ лицамъ посланъ былъ изъ Москвы большой Бояринъ, по имени Василій Мосальскій (Mozalskovv); онъ говорилъ рѣчь и привезъ невѣстѣ трои прекрасныя сани: первыя были порядочной величины, точно небольшая комната съ дверями и окошками изъ Московской слюды, снаружи крытыя краснымъ сукномъ и сплошь, сверху до низу, обитыя серебромъ, а внутри прекраснѣйшими соболями: въ нихъ и сидѣла невѣста, впереди шли 12-ть красивыхъ бѣлыхъ лошадей въ красной бархатной збруѣ съ серебрянымъ наборомъ; на нихъ сидѣли трое вершниковъ, всѣ одѣтые въ золотую парчу. Другія сани были не такъ велики, какъ первыя, впрочемъ то же крытыя краснымъ сукномъ, только безъ серебра, съ дверями и окнами, внутри обитыя сурками и лисицами: въ нихъ сидѣло нѣсколько Польскихъ знатныхъ госпожъ, впереди шли десять бѣлыхъ лошадей. Третьи сани были тоже обиты прекрасными куницами, передъ коими шли восемь бѣлыхъ лошадей. Такъ и ѣхали до Москвы.

Но такъ какъ приближалась Пасха, то праздникъ пробыли въ Можайскѣ и отдыхали; тайно ночью пріѣхалъ туда изъ Москвы и Великій Князь съ немногими лицами и засталъ врасплохъ своихъ новыхъ дорогихъ гостей, прежде нежели они провѣдали объ немъ; онъ провелъ тамъ два дня, потомъ воротился домой и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для въѣзда.

Проведя Пасху въ большомъ весельѣ, прибылъ въ Москву съ своими людьми отецъ Великокняжеской невѣсты, Воевода Сандомирскій: его съ нѣсколькими тысячами человѣкъ приняли прилично за городомъ и помѣстили въ Кремлѣ, на дворѣ прежняго умершаго Великаго Князя. Нѣсколько дней потомъ, 1-го Мая, за нимъ послѣдовала и невѣста, съ своимъ братомъ и шуриномъ, со всѣми женщинами и 4-мя тысячами мущинъ; невѣста съ своими

женщинами ѣхала въ колясках, привезенныхъ изъ Польши, по тому что саннаго пути не было и весь снѣгъ сошелъ.

Въ полумилѣ отъ города была разбита прекрасная палатка: тамъ находилось все Московское Дворянство, со всѣми иностранцами Великаго Князя, Нѣмцами и Поляками, всадниками и пѣшими воинами, всего до 100 тысячъ человѣкъ, всѣ одѣтые въ свои лучшія платья и въ самомъ дорогомъ убранствѣ. Великій Князь, переодѣвшись, ѣздилъ вездѣ самъ-третей, распоряжался всѣмъ лично, какъ хотѣлось ему, и потомъ воротился въ городъ.

Когда все было въ порядкѣ, вышелъ знатнѣйшій Князь и Бояринъ страны, Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій (Fedro Ivvanovvitz Mstislouski), съ 200-ми другихъ знатныхъ Князей и Бояръ, всѣ въ длинныхъ кафтанахъ изъ золотой парчи, и принялъ, вмѣсто Великаго Князя, его невѣсту, ея брата и шурина, съ бывшими при ней людьми; онъ подарилъ ей 12 дорогихъ бѣлыхъ верховыхъ лошадей въ красивыхъ попонахъ подъ сѣдлами; въ поводьяхъ были серебряные прутики, сѣдла всѣ вызолочены и вышиты богато шелкомъ и жемчугомъ, удила серебряныя и тоже вызолочены; на каждомъ сѣдлѣ лежала рысья, или леопардовая, шкура, при всякомъ конѣ былъ нарочно одѣтый Московскій конный воинъ, который долженъ былъ править лошадью и водить ее. Еще подарилъ онъ невѣстѣ прекрасную большую Московскую коляску, съ высокимъ балдахиномъ, снаружи обитую краснымъ сукномъ, а внутри краснымъ бархатомъ. Подушки были изъ золотой парчи и вышиты жемчугомъ. Коляску везли другія 12-ть лошадей, бѣлыя въ черныхъ крапинахъ, и на нихъ три кучера въ платьяхъ изъ золотой парчи. Впереди коляски вели 12 верховыхъ лошадей. Послѣ рѣчи, Бояринъ очень почтительно просилъ Великокняжескую невѣсту, чтобы она благоволила принять дары отъ Великаго Князя и сѣсть въ коляску. Она тотчасъ же согласилась; знатнѣйшіе Князья и Бояре отвели ее изъ палатки въ коляску и повезли въ городъ, по обѣимъ сторонамъ возлѣ нея шло 300 тѣлохранителей. Впереди верховыхъ лошадей, которыхъ вели передъ коляской, ѣхали 200 Поляковъ съ копьями.

За коляскою слѣдовалъ братъ и деверь невѣсты съ Князьями и Боярами по обѣ стороны, а за ними Нѣмецкіе тѣлохранители.

Потомъ вели невѣстиныхъ лошадей, приведенныхъ съ нею изъ Польши, каждую съ двумя проводниками, послѣ того ѣхала Польская коляска невѣсты, очень пышно убранная, въ восемь лошадей, сѣрыхъ въ яблокахъ, съ красными выкрашенными гривами и хвостами. За тѣмъ слѣдовала Гофмейстерина и нѣкоторыя знатныя Польскія госпожи, а далѣе всѣ горничныя женщины въ 13-ти колясках, каждая въ 6-ть лошадей въ богатомъ уборѣ. За ними ѣхали всѣ Польскіе всадники, прибывшіе съ невѣстой изъ Польши, въ полномъ вооруженіи, съ ихъ трубами, литаврами и флейтами, потомъ Московская конница съ ея тѣлохранителями и трубами, а позади телѣги, съ Польскимъ оружіемъ и вооруженіемъ, и вся поклажа. По всѣмъ воротамъ въ городѣ, Кремлѣ и на мостахъ стояли Московскіе музыканты съ флейтами и барабанами, игравшіе безпрестанно. Когда невѣста въѣхала на площадь, поднялся сильный и страшный вихорь, какъ при входѣ Димитрія, о чемъ разсказывали мы прежде: многіе сочли это предвѣстіемъ большаго несчастія. Невѣста отведена была въ монастырь, къ своей мнимой матери.

Въ этотъ день Москвитяне были очень пасмурны и печальны, что нажили себѣ такое множество иноземныхъ гостей, дивились на всадниковъ въ латахъ и въ оружіи, спрашивали иностранцевъ, долго служившихъ и проживавшихъ у нихъ, нѣтъ ли обычая у нихъ на родинѣ пріѣзжать на свадьбу вооруженными; предавались страннымъ мыслямъ, особливо, когда увидали, что Поляки достали изъ своихъ телѣгъ съ оружіемъ нѣсколько сотъ привезенныхъ съ собою пистолетовъ и ружей.

Такъ какъ Князь Василій Шуйскій, съ нѣсколькими другими знатными Боярами, давно уже распускалъ молву, что этотъ Великій Князь незаконный наслѣдникъ, какимъ показывалъ себя, то простолюдины начали вѣрить тому, тѣмъ болѣе, что онъ сосваталъ себѣ Великую Княгиню изъ Польши, не той Вѣры, какая была въ его странѣ, пренебрегалъ своимъ собственнымъ народомъ (между которымъ онъ всегда бы нашелъ такую же знатную родомъ и красивую, какъ и та), любилъ и уважалъ иностранцевъ и предпочиталъ Поляковъ Москвитянамъ.

Тужили, что перемѣна въ Правительствѣ удалась имъ такъ плохо; вспоминали, какого прежде имѣли Государя, который былъ

не Великимъ Княземъ для нихъ, а отцомъ, и всегда старался о пользѣ и благосостояніи подданныхъ; думали и о томъ, какъ шли дѣла при этомъ Правительствѣ, и что теперешній Великій Князь, пожалуй, погубитъ Русскихъ въ конецъ съ Поляками и иностранцами и истребитъ ихъ.

Этѣ сѣтованія и жалобы Русскихъ дошли до Князя Василія Шуйскаго, котораго еще прежде хотѣлъ Димитрій казнить за его правдивыя слова, что Великій Князь не родной сынъ Ивана Васильевича, а теперь опять возвратилъ ему свою милость.

Этотъ Шуйскій велѣлъ тайкомъ позвать къ себѣ на дворъ Капитановъ и Капраловъ съ нѣкоторыми Дворянами и богатѣйшими гражданами, которые были самые искренніе его друзья. Онъ объяснилъ имъ, что вся Россія каждый часъ и каждую минуту находится въ великой опасности отъ новаго Великаго Князя и иностранцевъ, которыхъ набралось сюда такое множество: чего давно боялись Русскіе, теперь сбылось, какъ они сами узнаютъ на дѣлѣ Желая прежде всѣхъ на что ни будь рѣшиться для этого дѣла, онъ едва было не потерялъ своей дорогой головы, и во всей Москвѣ не нашлось бы никого, кто бы сдѣлалъ что ни будь для того, или отважился на что, для себя и Государства. Но теперь они ясно видятъ, что изъ того выходитъ, а именно: погибель и конецъ всѣмъ Русскимъ; они будутъ крѣпостными холопами и рабами Поляковъ, подвергнутся ихъ игу и службѣ, по тому что этотъ Великій Князь, выдающій себя за истиннаго Димитрія, ни во вѣки вѣковъ не родной сынъ Ивана Васильевича, а Разстрига Гришка Отрепьевъ (Griska Trepeja); если же они взяли и выбрали его въ Великіе Князья себѣ, это сдѣлано для того, что имъ не хотѣлось дольше жить подъ властію и правленіемъ Бориса Годунова. Они не знали ни какого другаго средства низложить его, кромѣ какъ чрезъ этого Гришку, и надѣялись, что онъ, называющій себя Димитріемъ, окажется совсѣмъ не такимъ къ Богу и Вѣрѣ, также и къ Москвитянамъ, какъ узнали они теперь на самомъ дѣлѣ.

По тому что онъ любитъ иностранцевъ, ненавидитъ и гонитъ своихъ собственныхъ земляковъ, поноситъ Святыхъ, оскверняетъ церкви, преслѣдуетъ духовныя лица, выгоняетъ ихъ изъ

домовъ и дворовъ и отводитъ тамъ жилище чужеземцамъ. Когда онъ ходитъ въ церкви, къ Дѣвѣ ли Маріи, или къ Св. Николаю и другимъ Святымъ, за нимъ тащатся и Поляки съ своими собаками и оскверняютъ святыню; онъ не пускаетъ къ себѣ ни одного Русскаго, высокаго, или низкаго, званія, безъ воли и согласія Поляковъ, которые скоро заберутъ себѣ все, что ни есть въ казнѣ, и она вскорѣ совсѣмъ опустѣетъ. Изъ того всякому смышленому человѣку легко заключить и видѣть, что онъ навѣрное замышляетъ отмѣнить древнюю Греческую Вѣру, а вмѣсто ея установить и распространить Католическую.

Чтобы все это исправить и привести въ дѣйствіе, онъ соединился особливо съ Королемъ Сигизмундомъ, оказавшимъ ему большое содѣйствіе и пособіе при овладѣніи верховною властію въ Москвѣ; за это онъ далъ ему обѣщаніе и клятву не ставить ни во что миръ и дружественный союзъ, торжественно заключенный между Шведскимъ Государствомъ и Россіею въ 1595 годѣ при Тявзинѣ (Tiesa). Это ясно можно видѣть изъ его письма къ Свѣтлѣйшему и Высокопочтенному Королю, блаженной памяти, Карлу IX; во исполненіе своего обѣщанія, онъ велѣлъ также привезти и нѣсколько тысячъ бревенъ въ Ивангородъ, намѣреваясь строить тамъ мостъ черезъ рѣку, для переправы по немъ войска и пушекъ.

Изъ того очевидно, что онъ затѣваетъ страшное кровопролитіе между обоими народами. Да у него есть еще и такое намѣреніе, чтобы душить, вѣшать, убивать и казнить всѣхъ своихъ подданныхъ, высшаго и низшаго сословія, если только они не согласятся на его злой и дьявольскій замыселъ, не станутъ вѣрно помогать ему искоренить древнюю Греческую Вѣру и вмѣсто ея не примутъ и не будутъ распространять ложную и идолопоклонническую Папскую Вѣру. Всякой легко смекнетъ, что его настоящее и подлинное намѣреніе и замыселъ подчинить Россію Папскому игу и подданству и сдѣлать Русскихъ крѣпостными холопами и рабами Поляковъ. Кромѣ всего того, къ величайшему сраму для Русскаго народа, онъ беретъ себѣ въ жену еретичку, къ жестокому позору и пренебреженію всѣхъ Московскихъ дѣвицъ, которыя не только не уступятъ въ красотѣ, добродѣтели и происхожденіи, но еще будутъ и почище ея. Если же Русскіе не предупредятъ того заблаговременно, дѣло кончится очень худо. По

тому пусть же на голову Самозванца падетъ тотъ камень, который думаетъ онъ свалить на другихъ, и всегда лучше потушить искру, нежели большой, разгорѣвшійся, пожаръ.

Для того если Русскіе единодушнаго образа мыслей и благо родины близко ихъ сердцу, то онъ найдетъ средства и способы пожертвовать жизнью и всѣмъ своимъ достояніемъ за Христіянскую Греческую Вѣру и благоденствіе любезнаго Отечества; если хотятъ они вѣрно и храбро помогать въ этомъ дѣлѣ, то, во первыхъ, тайкомъ, со всѣмъ тщаніемъ и усердіемъ, должны увѣщевать и уговаривать другъ друга, а особливо Начальники и Капитаны обязаны какъ можно старательнѣй внушать подчиненнымъ имъ войскамъ, что онъ совсѣмъ не истинный Димитрій; съ Поляками и иностранцами замышляетъ и выдумываетъ всякое зло на Москвитянъ, какъ бы ему и лаской и таской сбыть съ рукъ знатнѣйшихъ людей въ странѣ, а на мѣсто ихъ поставить Поляковъ и другихъ иностранцевъ, преданныхъ Католическому суевѣрію. Они и будутъ править и начальствовать Христіянскимъ народомъ, дѣлать надъ нимъ великія насилія и жестокости, что и теперь уже очевидно: уже начинаютъ грабить, воровать, рубить, позорить, насиловать; Москвитянамъ надобно смотрѣть въ оба за ихъ поступками, сосѣдъ съ сосѣдомъ долженъ совѣтоваться какъ можно откровеннѣе, какъ бы сбыть съ рукъ, отвратить такую бѣду и срубить дерево, пока оно не доросло до неба, чтобы Московское Царство не пришло въ крайнюю нужду и не погибло, чтобы дѣти въ колыбели не стали горько плакать, рыдать и вопіять на родителей къ Царю Небесному, что они во время не остановили и не отвратили такого ужаснаго и неодолимаго несчастія, прежде нежели оно такъ въѣлось въ страну и разлилось по ней. Московскій народъ теперь въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, а Димитрій, съ его Поляками и иностранцами, не больше какъ въ пяти тысячахъ, да и живутъ они отдѣльно другъ отъ друга, одна толпа вдалекѣ отъ другой, и если бъ Москвитянамъ въ одинъ день всѣмъ собраться, то всѣхъ ихъ можно бы было захватить рано утромъ врасплохъ, среди сладкаго сна, и перебить, прежде нежели они достанутъ оружіе и смогутъ противиться. Nam accidit in puncto, quod non speratur in anno.

Какія намѣренія у Москвитянъ и что они хотятъ дѣлать, пусть дѣлаютъ это заблаговременно и тайно дадутъ ему знать о

томъ. Простой народъ не долго раздумывалъ надъ этѣмъ замысломъ: сговорились, единодушно поклялись жить и умирать вмѣстѣ, хотѣли вѣрно помогать вышеназванному Шуйскому и его сообщникамъ, и очистить отъ невѣрныхъ и безбожныхъ еретиковъ Христіянскій городъ и Кремль Московскій; сейчасъ же желали знать, въ какой день приниматься за это дѣло, а то они готовы совсѣмъ. Имъ дали условный знакъ, по которому надобно было подниматься, а именно: когда утромъ ударятъ въ набатъ, каждый долженъ бѣжать изъ дому къ Кремлю и кричать, что Поляки въ полномъ вооруженіи, хотятъ убить Великаго Князя и Думныхъ Бояръ, и овладѣть всею Москвой. Шумя и крича такъ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, они должны будутъ всей силой вломиться къ Лжедимитрію, какъ будто желая спасти его и пособить ему отъ Поляковъ, и подъ этѣмъ предлогомъ убить его, а за тѣмъ и всѣхъ Польскихъ гостей, которыхъ домы и помѣщенія ночью замѣчены будутъ буквами.

Когда рѣшалось это на счетъ Великаго Князя и Поляковъ, они жили въ безпечности и въ полномъ довольствѣ, наѣдались и напивались, играли и плясали, веселились и забавлялись, не обращая ни какого вниманія на тайные, умные совѣты и предостереженія нѣкоторыхъ своихъ вѣрныхъ слугъ, что они по секрету слышали о Московскомъ заговорѣ и коварномъ замыслѣ. Полякамъ все это было трынъ-трава: они думали, что въ силахъ справиться съ грубыми людьми, если они поднимутъ тревогу и возмущеніе; имъ совсѣмъ не приходило на умъ, что жили далеко отъ Кремля и разбросаны тамъ и сямъ, а по тому и не могутъ выручать другъ друга во время мятежа и опасности. И Лжедимитрій, и Поляки узнали это лишь въ день возстанія, къ великому для себя вреду и гибели.

Спустя восемь дней послѣ въѣзда невѣсты въ городъ, 7-го Мая, ее проводили изъ монастыря, въ который она привезена была сначала, въ ея комнаты, съ 200-ми восковыхъ свѣчъ.

8-го Мая происходило бракосочетаніе и вѣнчаніе въ Кремлѣ, въ церкви Дѣвы Маріи. Передъ свадьбою вышелъ большой споръ у Димитрія съ Князьями и Думными Боярами изъ за платья невѣсты. Великій Князь и Поляки хотѣли, чтобы дѣвушка вѣнча-

лась и короновалась въ Польскомъ нарядѣ, къ которому привыкла она съ дѣтства, при томъ же онъ и лучше шелъ къ ней, нежели иноземный. Но Русскіе Бояре не хотѣли допустить того: она должна одѣться по Московски, какъ заведено было въ землѣ, по тому что ее будутъ вѣнчать въ Русскія Великія Княгини и сочетаютъ съ Великимъ Княземъ Московскимъ. Наконецъ рѣшено, чтобы быть тому по желанію Русскихъ, и Димитрій пошелъ съ тѣмъ къ невѣстѣ; онъ уговорилъ ее, что если она хочетъ сдѣлать угодное Князьямъ и Боярамъ страны, переодѣлась бы на одинъ день и вѣнчалась въ Московскомъ нарядѣ, чтобы они не имѣли причины роптать, что онъ надѣлалъ много перемѣнъ въ странѣ: она одѣнется такъ лишь на одинъ день. Невѣста наконецъ согласилась, сняла Польское платье и надѣла дорогое и пышное Московское, въ которомъ и была отведена въ церковь, коронована и обвѣнчана. Вся дорога, по которой она шла изъ Княжескихъ комнатъ въ церковь къ вѣнчанію, устлана была попеременно краснымъ сукномъ и двумя золотыми парчами. По обѣ стороны, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стояли Москвитяне въ длинныхъ парчевыхъ кафтанахъ, очень плотно другъ къ другу, Камеръ-Юнкеры, Гофъ-Юнкеры и другіе Дворяне были одѣты тоже въ золотую парчу, съ золотыми цѣпочками, повѣшенными крестъ на крестъ, и шли впереди въ высокихъ шапкахъ изъ черныхъ лисицъ.

За ними слѣдовали трое Бояръ: первый несъ для Великаго Князя золотой скипетръ, другой золотую державу, а третій обнаженную саблю. За ними шелъ Великій Князь въ вѣнцѣ и въ своемъ нарядѣ: его велъ Воевода Сандомирскій, отецъ невѣсты. Возлѣ Великаго Князя шли четверо Бояръ, по двое на каждой сторонѣ, также въ золотой парчѣ, высокихъ черныхъ шапкахъ и въ золотыхъ цѣпочкахъ, повѣшенныхъ крестообразно, и несли на плечахъ серебряные бердыши.

За тѣмъ слѣдовала Великая Княгиня, одѣтая по Московски, которую вела одна Московская госпожа; за нею шли Польскія комнатныя дѣвушки вмѣстѣ съ Московскими, и такимъ образомъ всѣ этѣ лица, въ огромномъ числѣ, вошли въ церковь. Послѣ вѣнчанія и коронованія, молодая посажена на стулъ изъ чистаго золота, сплошь выложенный драгоцѣнными каменьями, 600-ми алмазовъ, 600-ми рубиновъ, 600-ми сапфировъ, 600-ми смараг-

довъ и 600-ми бирюзовыхъ камней. Всѣ этѣ камни были не малы, а очень даже велики, особливо нѣсколько бирюзъ, которыя были въ половину голубинаго яйца. Этотъ стулъ или кресла прислалъ, какъ самый высшій почетный подарокъ, Царь Персидскій тирану Ивану Васильевичу.

Когда вели ее съ вѣнчанія изъ церкви, брошено было по обѣ стороны въ народъ нѣсколько тысячъ грошей, въ два Угорскіе червонца каждый, другіе и поменьше, съ двуглавыми орлами по обѣимъ сторонамъ, какъ ихъ чеканили тогда. Такъ и проводили Княгиню опять въ ея комнаты.

Свадьба происходила съ большимъ торжествомъ и пышностію. Въ Кремлѣ выстроенъ былъ деревянный помостъ, на которомъ стояли 32 трубача, 34 барабанщика и литаврщика, одѣтые по Московски: они безпрестанно трубили и били въ литавры, пока не кончилась свадьба.

На другой день, послѣ коронованія и брака, Димитрій просилъ свою Великую Княгиню снять Московское платье, опять надѣть Польское и носить его въ честь ему: вчера она носила Московскій нарядъ въ честь и въ угожденіе его Думнымъ Боярамъ, Князьямъ и всей странѣ; сегодня же и всѣ другіе дни должны быть его. Онъ будетъ теперь царствовать и дѣлать, что ему угодно, а не то, чего хотѣли его думные Бояре и Москвитяне.

Такъ Великая Княгиня съ этого дня и ходила все въ Польскомъ нарядѣ. Свадебные дни проводили въ большой радости и торжествѣ, въ ѣдѣ, въ питьѣ, въ пляскахъ и скачкахъ, въ играхъ и многихъ другихъ придворныхъ забавахъ. Поляки напивались до безчувствія, такъ что не могли и владѣть собою; на обратномъ пути въ свои квартиры принимались за разныя наглости и дерзости на улицахъ, рубили, били, силою брали женъ и дочерей у Дворянъ изъ колясокъ, насиловали ихъ, дѣлали много порочныхъ и срамныхъ дѣлъ. Русскіе были очень недовольны, однако жъ молчали и замѣчали все тщательно. 11-го Мая Великій Князь велѣлъ готовить въ поварняхъ всѣ кушанья на Польскій ладъ, жарить и варить телятину; у Русскихъ поваровъ было омерзѣніе къ ней, и они разнесли объ этомъ молву между Дворянами, граж-

данами и простымъ народомъ. Русскіе очень презирали за это Великаго Князя, злословили его и говорили между собою: «Да, онъ и въ правду жестокій еретикъ!» однако жь вели себя смирно и выжидали случая.

12-го Мая простой народъ говорилъ въ голосъ, что новый Великій Князь еретикъ, хуже Турки, а не истинный сынъ Ивана Васильевича, не такъ прилежно ходитъ въ церковь, какъ прежде, держится иноземныхъ обычаевъ и обрядовъ, ѣстъ телятину и всякія поганыя кушанья, въ церковь ходитъ не мывшись, и не творитъ поклоновъ передъ Святымъ Николою и другими Святыми; Баня топится каждое утро, съ перваго дня свадьбы до нынѣшняго, а онъ не моется съ своей еретичкой, Великой Княгиней, однако жь въ церковь ходитъ, и при томъ съ Поляками, которые водятъ съ собою стаи собакъ и оскверняютъ святыню. Откуда разошлась молва, что онъ не истинный Димитрій, они не знали, но громко говорили объ этомъ на рынкахъ и площадяхъ, такъ что многіе изъ нихъ дивились тому. Тѣлохранители схватили было одного такого болтуна, отвели его въ Кремль и передали Великому Князю его рѣчи, также и слухъ, что есть какая-то измѣна. Великій Князь сейчасъ же созвалъ всѣхъ своихъ тѣлохранителей и приказалъ имъ зорко смотрѣть днемъ и ночью, а схваченнаго пытать, по тому что онъ вѣроятно знаетъ, какая это измѣна. Но Думные Бояре посмотрѣли на это сквозь пальцы, объяснили Великому Князю, что это человѣкъ хмѣльной, и ничего не умѣетъ разсказать, впрочемъ и трезвый-то онъ не больно смышленъ и разуменъ; просили Великаго Князя успокоиться, не тревожить себя такими злыми, но пустыми, вѣстями, и не давать вѣры всякому наушнику: онъ довольно силенъ и могущественъ, чтобы покарать своихъ враговъ и измѣнниковъ, если только есть такіе люди, которые хотѣли бы затѣять что ни будь вредное. Онъ такъ и бросилъ это, продолжалъ утопать въ великомъ сладострастіи и безпечности съ своей женой и не думалъ ни о какомъ возмущеніи и измѣнѣ, о чемъ, однако жь, могъ бы узнать довольно.

Когда объ этомъ стали ходить толки, и явные, и тайные, 17 Мая, раннимъ утромъ, около 3-хъ часовъ дня, когда Великій Князь и власти находились въ самомъ сладкомъ снѣ и не помы-

шляли ни о чемъ вредномъ, Москвитяне подпялись и, по словамъ Виргилія,

«Invadunt urbem vino somnoque sepultam.»

Ихъ пробудилъ отъ сна звонъ нѣсколькихъ тысячъ колоколовъ, которые били набатъ: народъ безъ памяти бѣжалъ изо всѣхъ домовъ и угловъ къ Кремлю, кто съ плетью, кто съ ружьемъ и длинною винтовкой, кто съ обнаженной саблей, кто съ копьемъ и коломъ, кто что схватилъ второпяхъ, и всѣ они кричали: «Кто хочетъ убить нашего Великаго Князя?»—«Поляки!» отвѣчали Бояре и Дворяне. Проснулся и Великій Князь, перепугался, послалъ своего вѣрнаго Камергера, Петра Басманова (Pieter Bosmanno), узнать, что такое происходитъ? Когда онъ вышелъ и спросилъ, что значитъ этотъ набатъ? нѣкоторые собравшіеся Бояре отвѣчали, что не знаютъ и что гдѣ ни будь пожаръ въ городѣ. Съ тѣмъ и ушелъ онъ и донесъ о томъ Великому Князю.

Но какъ шумъ и тревога становились что далѣе, то больше, Великій Князь послалъ Басманова въ другой разъ хорошенько развѣдать, что такое происходитъ и гдѣ горитъ въ городѣ, а самъ всталъ и одѣлся. Басмановъ посмотрѣлъ въ окно и увидалъ, что весь народъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стоитъ съ кольями и пиками, ружьями и саблями. Онъ очень испугался и спросилъ, что имъ надо и что значитъ этотъ набатъ? Ему отвѣчали краснымъ словцомъ и требовали, чтобы онъ выдалъ имъ своего негожаго и воровскаго Великаго Князя: съ нимъ они будутъ толковать и дѣлать дѣло.

Басмановъ замѣтилъ, въ чемъ дѣло, рвалъ на себѣ волосы, велѣлъ тѣлохранителямъ принять всѣ предосторожности и не впускать ни одного человѣка, вошелъ къ Великому Князю и сказалъ: «Бѣда, Всемилостивѣйшій Великій Князь и Государь! Ты самъ виноватъ; великая измѣна: сословія и народъ вызываютъ тебя. Ахъ, ты не хотѣлъ вѣрить, что говорили тебѣ вѣрные твои слуги!» Въ то время, какъ онъ говорилъ такъ съ Великимъ Княземъ, какой-то Дворянинъ продрался за тѣлохранителями въ комнату и сказалъ ему: «Негожій Великій Князь! Что не выходишь и не даешь отвѣта народу?» Басмановъ, услыхавъ это, въ горячности и гнѣвѣ,

схватилъ саблю, висѣвшую на стѣнѣ, и отнесъ ему голову отъ туловища.

Великій Князь прыгнулъ въ переднюю, взялъ у одного тѣлохранителя бердышъ, показалъ его простому народу и сказалъ: «Не думайте, что я Борисъ Годуновъ!» и закололъ нѣкоторыхъ; другіе выстрѣлили по немъ и вскорѣ до того прижали его, что онъ опять долженъ былъ ускользнуть въ комнату. Басмановъ вышелъ опять къ знатнымъ Боярамъ и Совѣтникамъ, умолялъ ихъ Богомъ и ради Бога бросить свою злую затѣю, и дѣлать только то, что можно похвалить. Тогда одинъ изъ знатныхъ Бояръ, Михайло Игнатьевичъ Татищевъ (Tatissov) отвѣчалъ ему: «Выблядышъ, что ты говоришь? Цѣлуй свою мать и своего Великаго Князя!» * выхватилъ длинный ножъ и прокололъ его прямо въ сердце, такъ что онъ тутъ же повалился и умеръ. Другіе Бояре взяли его и сбросили съ лѣстницы, чтобы простой народъ видѣлъ, что нѣтъ уже того отважнаго Боярина, котораго мужества, доблести и осторожности боялись всѣ. Увидавъ его мертвымъ, всѣ они ободрились, безъ страха вбѣжали большой толпой въ переднюю къ тѣлохранителямъ и хотѣли схватить Димитрія. Онъ вышелъ съ своимъ палашемъ, рубилъ во всѣ стороны, сколько было у него силы, однако жь ничто не помогало противъ такого множества народа: Москвитяне вырубили топорами доски въ передней, силою ворвались къ тѣлохранителямъ, отняли у нихъ ружья, и Димитрій только съ 15-ю тѣлохранителями ушелъ въ самую переднюю комнату: заперли двери, въ которой стали за ними съ ружьями и оборонялись, пока могли. Димитрій бросилъ свой палашъ, рвалъ на себѣ волосы и, не сказавъ ни слова, выпрыгнулъ въ окно на то мѣсто, гдѣ стояли на стражѣ стрѣльцы, надѣясь найти у нихъ защиту и помощь, или же спастись бѣгствомъ.

Но какъ окно было 15 аршинъ вышины отъ земли, то онъ выпрыгнувъ, повихнулъ себѣ ногу, такъ что не могъ сойти съ мѣста и оставался въ лежачемъ положеніи. Русскіе все ходили изъ одной комнаты въ другую, взяли въ плѣнъ тѣлохранителей, сколько ихъ ни было во дворцѣ, и приставили къ нимъ такъ много сторожей,

* Переиначено Петреемъ, вмѣсто извѣстнаго краснаго словца.

что ни одному нельзя было уйти. Бывшіе въ передней комнатѣ спрашивали, гдѣ Великій Князь, грабили Княжескія комнаты и тащили все, что ни попадало имъ въ руки: золото, серебро, драгоцѣнные камни, кубки, жемчугъ, платья, ковры и другіе дорогіе товары, стоившіе большихъ денегъ. Знатные Бояре и другіе Дворяне бросились въ женскія комнаты: всѣ женщины, отъ сильнаго страха, отчаянія и ужаса, лежали полумертвыя на полу, въ слезахъ и трепетѣ. Великая Княгиня спряталась подъ юбку Гофмейстерины. Не нашедши ни ея, ни Великаго Князя, Бояре спрашивали у Гофмейстерины и дѣвицъ, гдѣ Великій Князь и Княгиня? «Объ этомъ вамъ лучше знать, отвѣчали женщины, куда вы дѣвали Великаго Князя; мы не приставлены ему прислуживать.» — «Скверныя вы блудницы, сказали тогда Русскіе въ одинъ голосъ. «Гдѣ Польская блудница, Великая Княгиня?» Гофмейстерина спросила, чего хотятъ они? Тѣ отвѣчали, какъ безстыжіе люди, не знавшіе ни чести, ни приличія, ни скромности, и сказали во всеуслышаніе женщинамъ: «Nos congrediemur cum ipsis, unus a tergo, alter a fronte. Scimus enim Polonicas meretrices non satiari unius amplexu, sed plurium concubitu delectari. His dictis, membra virilia coram toto Gynecaeo palam ostendebant, narrantes: «En, meretriculae, nonne nos vestris Polonis sumus perfectiores: venite in nostrum amplexum et facite nobiscum periculum!» Съ этими словами они захватили всѣхъ женщинъ: одинъ Князь и Бояринъ взялъ одну дѣвушку, другой Бояринъ и Дворянинъ другую, отослали ихъ съ слугами къ себѣ домой и заставили ихъ силою исполнить свои желанія. Гофмейстерина, престарѣлая женщина, осталась въ комнатѣ съ Великою Княгинею. Они выругали ее матерью всѣхъ блудницъ, требуя, чтобы она сказала имъ, гдѣ Великая Княгиня? Та отвѣчала, что сегодня, съ восходомъ солнца, когда началось смятеніе, она ушла къ своему отцу, Сандомирскому Воеводѣ, тамъ она и теперь, и еще не возвращалась сюда. Въ то время, какъ Бояре занимались этѣмъ, стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ внизу Дворца, замѣтили Великаго Князя тамъ, гдѣ лежалъ и стоналъ онъ, и находился въ чрезвычайно плохомъ положеніи; они подошли къ нему, подняли его и хотѣли опять отнести въ его комнаты. Простой народъ, увидавъ это, оставилъ Гофмейстерину съ Великою Княгинею, спрятанной у нея подъ юбкой, и быстро побѣжалъ съ лѣстницы, чтобы убить Димитрія. Этотъ надавалъ большихъ обѣща-

ній стрѣльцамъ, если они спасутъ ему жизнь, и стрѣльцы сначала было защищали его и застрѣлили нѣсколькихъ Дворянъ, но скоро одолѣло множество Дворянъ, гражданъ и черни: стрѣльцы оставили своего Великаго Князя и выдали его простому народу, а этотъ опять понесъ его въ комнату къ нему, имѣвшую очень жалкій видъ. Пока несли его, онъ видѣлъ, что все расхищено и растащено, видѣлъ, какими бѣдняками стояли его тѣлохранители, безъ всякаго оружія, окруженные стражей; онъ вздыхалъ, плакалъ, не говорилъ ни слова, только на душѣ у него не много могло быть пріятнаго: «Nam latet anguis in herba.» Одинъ изъ тѣлохранителей, по имени Вильгельмъ Фюрстенбергъ, продрался въ его комнату и хотѣлъ узнать, что они замышляли тамъ сдѣлать съ нимъ; Русскіе увидали это, закололи его бердышемъ у ногъ Великаго Князя и, говоря: «Посмотрите, пожалуйста, какія вѣрныя собаки иностранцы! Они не могутъ еще оставить своего плутовскаго Великаго Князя: надо перебить ихъ всѣхъ;» однако жь знатнѣйшіе Князья и Бояре отсовѣтовали имъ и не допустили до того.

Снявъ съ Димитрія Великокняжеское платье и надѣвъ на него другое, ветхое и разодранное, не такъ чтобы очень дорогое, одинъ изъ нихъ говорилъ другому: «Смотрика! Какой Великій-то Князь всея Россіи!» другой отвѣчалъ: «Эдакой-то Великій Князь есть дома у меня, въ конюшнѣ!» третій указывалъ на него пальцемъ и дралъ его за уши; четвертый далъ ему пощечину, промолвивъ: «Блядской сынъ! сказывай, кто ты? Какъ зовутъ твоего отца и тебя? Къ какому дому принадлежишь ты?» — «Вы знаете, отвѣчалъ онъ, что я вашъ вѣнчанный Великій Князь и родной сынъ Ивана Васильевича. Если не хотите давать мнѣ ни какой вѣры, ступайте въ монастырь, къ моей матери, и спросите ее, такъ ли это?» Туда тотчасъ же и пошелъ главный зачинщикъ мятежа, Василій Ивановичъ Шуйскій, и спросилъ его мать, признаетъ ли она его своимъ сыномъ? Она рѣшительно отреклась и клялась торжественно, что не имѣла другаго сына, кромѣ одного Димитрія, убитаго за нѣсколько лѣтъ до того въ дѣтскихъ лѣтахъ въ Угличѣ. Когда Шуйскій вернулся съ этѣмъ отвѣтомъ, тотчасъ же подбѣжалъ одинъ богатый купецъ съ пистолетомъ въ рукѣ и вскричалъ: «Нечего долго толковать и ламаться съ еретикомъ: я покончу съ этѣмъ измѣнникомъ и соблазнителемъ народа!» — и

всадилъ ему пулю въ сердце, такъ что онъ тутъ же и протянулся; тутъ всѣ подбѣжали къ нему, и кричали: «Crucifige, crucifige! «Не оставляй его живаго!» одинъ рубилъ его по головѣ, другой по рукѣ, третій кололъ его ножомъ, пятый по спинѣ. Другіе потащили его за ноги изъ комнаты на площадь, гдѣ лежалъ самый вѣрный его слуга и камергеръ, Басмановъ, говоря: «За жизни вы были добрыми друзьями и собесѣдниками, будьте же вмѣстѣ и по смерти!» Это было на девятый день послѣ свадьбы Лжедимитрія, 17-го Мая, 1606 года, послѣ 11-тимѣсячнаго его царствованія.

Такъ обратилась великая радость въ горе, ликованье въ печаль, забава въ неудовольствіе; отъ того-то никому не должно слишкомъ полагаться на свое счастіе, тѣмъ менѣе гордиться имъ и ликовать. Шаръ счастія круглый, вертится очень скоро, и бѣда является прежде, чѣмъ думаютъ и гадаютъ.

Умертвивъ Гришку или Димитрія, Басманова и нѣкоторыхъ другихъ, Москвитяне побѣжали и перебили всѣхъ его потѣшниковъ и музыкантовъ, всего до 100 человѣкъ, которымъ отведено было помѣщеніе у поповъ и монаховъ.

Передъ воротами Сандомирскаго Воеводы Москвитяне поставили нѣсколько пушекъ и расположили кругомъ двора нѣсколько тысячъ воиновъ, для охраненія его, чтобы нельзя было оттуда выйти и собакѣ, не то что человѣку, покамѣсть продолжался мятежъ. А другіе Поляки, проживавшіе въ городѣ и помѣщавшіеся въ гостинницахъ, въ числѣ 11-ти, или 12, человѣкъ въ каждой, были безпощадно и жалостно убиты.

Москвитяне убили бы и брата Великой Княгини, жившаго тоже въ городѣ, если бъ онъ не былъ такъ силенъ въ людяхъ, не имѣлъ крѣпкаго бастіона около себя и не оборонялся съ такою храбростью, что пало много Москвитянъ. Также защищался и деверь Великой Княгини и Королевско-Польскій посланникъ, Александръ Гонсѣвскій (Conseuski), имѣвшіе у себя 700 человѣкъ: они грозились стрѣлять въ городъ, зажечь дома и защищаться до послѣдняго человѣка, пока Русскіе не поклянутся оставить ихъ въ живыхъ.

Такаго же мнѣнія были и старые Польскіе кавалеристы, прибывшіе въ страну съ Гришкою или Димитріемъ: они приготовились сопротивляться Русскимъ, если этѣ сдѣлаютъ нападеніе на ихъ дворы; но Русскіе ни мало не посмотрѣли на это, притащили къ дворамъ большія и толстыя бревна, поставили передъ воротами пушки, грозились совсѣмъ истребить ихъ, буде добромъ не сдадутся, два раза выстрѣлили во дворъ и такъ ужасно кричали передъ нимъ, что Полякамъ стало страшно: они стали договариваться съ ними о мирѣ на томъ условіи, чтобы знатнѣйшіе Князья и Бояре поклялись и цѣловали крестъ, что ни кому изъ Поляковъ не сдѣлаютъ ни какого вреда. Къ нимъ пошелъ Князь Василій Шуйскій съ нѣсколькими другими Сенаторами, и всѣ цѣловали крестъ, что не сдѣлаютъ имъ ни какого зла; нѣсколько дней имъ надо провести въ тишинѣ и держать себя на дворахъ смирно, не выходить и не бродить между народомъ, очень озлобленнымъ на Поляковъ за насилія и нахальства его женамъ и дѣтямъ; такая же милость оказана была и другимъ Полякамъ, соединившимся вмѣстѣ въ достаточныхъ силахъ и имѣвшимъ возможность храбро защищаться отъ нечаяннаго нападенія Русскихъ.

Другіе же Поляки, жившіе на квартирѣ въ числѣ 6-ти, 7-ми, или 10 человѣкъ, всѣ были истреблены, какъ собаки, и между ними много прямыхъ и честныхъ людей, Поляковъ и Нѣмцевъ, пріѣхавшихъ съ разными драгоцѣнностями и нарядами на свадьбу.

Нѣкоторые заблаговременно уѣхали верхомъ и искали убѣжища въ предмѣстьѣ, гдѣ жили старые Нѣмцы. Однако жь всѣ они были захвачены, перебиты и брошены въ рѣчку Яузу (Jagysa); во время мятежа, который продолжался до 8-ми часовъ, осталось на мѣстѣ 1702 человѣка, погибшіе жалкою смертію, раздѣтые до нага, брошенные на улицѣ, точно падаль какая. Они лежали подъ открытымъ небомъ, и собаки кормились ихъ трупами, пока не похоронили ихъ, и то на третій только день послѣ мятежа: тогда вывезли ихъ изъ города и бросили въ яму, другъ на друга, точно посолили нѣсколько кусковъ сала, и засыпали потомъ землею.

По окончаніи этого мятежа и жалостнаго избіенія, къ вечеру Русскіе раздѣли до нага своего убитаго Димитрія, вмѣстѣ съ вѣрнымъ его Камергеромъ, Петромъ Басмановымъ, привязали шнур-

комъ ногу Басманова къ дѣтороднымъ частямъ Димитрія, вытащили ихъ изъ воротъ Кремля на площадь, принесли туда столъ и скамейку: Димитрія положили на столъ, а его вѣрнаго совѣтника на скамейку, поперекъ къ столу, такъ что ноги Димитрія лежали на груди Басманова, чтобы всѣ видѣли и знали, что шатунъ монахъ, обманщикъ страны и осквернитель дѣвицъ въ самомъ дѣлѣ спроваженъ отъ жизни къ смерти.

Когда Гришка лежалъ въ такомъ видѣ на столѣ, пріѣхалъ изъ Кремля верхомъ одинъ Дворянинъ, привезъ съ собой волынку и маскарадное платье, бросилъ къ нему на животъ, въ ротъ ему сунулъ дудку, а волынку положилъ на грудь и сказалъ: «Ты, блядской сынъ и обманщикъ страны, вдоволь прежде поигралъ на дудкѣ, поиграй-ка теперь для насъ!» Нѣкоторые другіе Дворяне, граждане и купцы, стоявшіе тутъ и глазѣвшіе, сѣкли трупъ розгами, приговаривая: «Ахъ ты отпѣтый монахъ и сынъ бляда, сколько зла-то надѣлалъ ты въ нашей странѣ! сколько великаго вреда намъ нанесъ! Какъ это ты растратилъ до чиста всю казну и надѣлалъ такихъ большихъ бѣдъ?» Туда пробрались также и Московскія женщины, и тоже очень зло наругались надъ нимъ, сколько могли. Но какъ Басмановъ былъ знатной фамиліи и рода, и сводный братъ его находился еще въ живыхъ, то этотъ послѣдній и выхлопоталъ у знатнѣйшихъ Князей и Бояръ позволеніе унести брата съ площади и похоронить его.

Гришка или Димитрій три дня и три ночи долженъ былъ оставаться въ показанномъ мѣстѣ, ради позора и великаго униженія за огромный вредъ и великія бѣды, сдѣланныя имъ Русскимъ. По тому что онъ такъ былъ гордъ, честолюбивъ и надмененъ, что, подобно Александру Великому, требовалъ себѣ уваженія отъ своихъ служителей и подданныхъ, приличнаго не Императору, Королю и Государю, а Богу, и величалъ себя не такъ, какъ дѣлали его предшественники и прежніе Великіе Князья, а назывался Царемъ всѣхъ Царей. Когда онъ, или жена его, переходили изъ одной комнаты въ другую, тѣлохранители и его служители должны были изъявлять имъ свое почтеніе и усердіе не такъ, какъ водилось у другихъ великихъ свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ поклономъ, приклякиваніемъ; нѣтъ, они должны были становиться на колѣни. Это прилично одному лишь Богу, а изъ лю-

дей на землѣ никому; за то они и праведно наказаны отъ Бога, что не отдавали ему чести. По тому что Ему одному слѣдуетъ и принадлежитъ, чтобы, по слову псалма, преклонялись всѣ колѣна на небѣ и на землѣ, когда произносится имя Іисуса, нашего Искупителя, а не тогда, когда называютъ суевѣрнаго человѣка и властителя.

Послѣ того какъ Гришка или Димитрій получилъ такой жалкій конецъ, нѣкоторые Русскіе распустили слухъ, что много чудесныхъ знаменій бываетъ у его тѣла; я разскажу ихъ нѣсколько, хоть самъ и не видалъ ихъ, а слышалъ отъ другихъ и не много сомнѣваюсь въ истинѣ, по тому что Русскіе охотно занимаются такими лжами, баснями и сказками. Они говорятъ, что на третью ночь, когда мнимый Великій Князь лежалъ не похороненный на площади, вышли изъ земли нѣсколько свѣчъ по обѣимъ сторонамъ стола и горѣли; когда же пришли сторожа и уставились смотрѣть на это — онѣ пропали, но по уходѣ сторожей показались опять. Въ ужасѣ Русскіе дали знать о томъ Думнымъ Боярамъ Государства и знатнѣйшимъ лицамъ. Тотчасъ же сдѣлано приказаніе унести оттуда трупъ и бросить въ ровъ, гдѣ нищіе и неимущіе люди имѣли свое кладбище.

Въ то время, какъ переносили его, поднялся по всему городу неслыханно страшный вихрь, сорвавшій кровли съ нѣсколькихъ церквей и башни съ городскихъ стѣнъ: всѣ только дивились тому. Когда похоронили Гришку и народъ разошелся, на другой день трупъ опять очутился на мѣстѣ у рва, а на немъ сидятъ два живые голубя: когда подходилъ кто ни будь, голуби улетали, а когда уходилъ, прилетали снова. По тому и велѣли Сенаторы бросить его опять въ яму, навалить въ нее земли и закопать ее. Тамъ и лежалъ онъ семь дней. Когда прошли этѣ дни, трупъ былъ найденъ опять въ получетверти мили отъ кладбища. Весь народъ въ Москвѣ испугался, что такія странныя диковинки происходятъ съ трупомъ: «Это диво дивное, говорили, что тѣло не хочетъ оставаться въ землѣ.» Одинъ говорилъ, что самъ дьяволъ дурачится и потѣшается такъ надъ людьми, отступившими отъ Христіянской Вѣры; другой утверждалъ, что Гришка былъ колдунъ, выучившійся этому искуству у Лапонцевъ: когда они дадутъ себя убить, могутъ и воскрешать себя. И онъ выучился тоже этому дьяволь

скому искуству, отъ того и надобно бросить его въ огонь и сжечь до тла. Такъ и сдѣлали: сложили большую груду дровъ, сѣры и соломы, положили на нее трупъ и сожгли его въ прахъ, а пепелъ разсѣяли по воздуху: пусть онъ умчитъ его со всѣмъ ядомъ, который впиталъ въ себя Гришка и принесъ съ собою въ страну, чтобы въ вѣкъ никогда не было о немъ ни слуху, ни духу. Такъ исполнилось надъ нимъ изреченіе Іисуса Христа: «Всякъ возносяйся, смирится» (Qui se exaltat, humiliabitur); также и правда пословицы: «Quod cito fit, cito perit.» Скоро не бываетъ споро.

Этого и довольно сказать о такомъ зрѣлищѣ, да и много, если все это было такъ въ самомъ дѣлѣ. Но я сомнѣваюсь въ томъ, по тому что Русскіе много занимаются такими баснями и вздорами и врутъ такъ грубо, что дѣлается даже стыдно слушать; но я оставляю всякого при своемъ мнѣніи, пусть думаетъ каждый, что ему хочется. Въ томъ только нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Гришка убитъ, похороненъ, опять вынутъ былъ изъ могилы и сожженъ, и никогда уже не возвращался въ здѣшнюю жизнь, хотя Поляки послѣ возмущенія очень распространяли слухъ, будьто онъ не убитъ, а бѣжалъ въ Польшу, убитъ же вмѣсто его другой. Нѣкоторые распускали это для того, чтобы надѣлать Русскимъ еще больше смятеній и безпокойствъ, за то что они такъ ужасно и немилосердно поступили съ ними. Это, однако жь, не такъ: ни убитый и сожженный въ Москвѣ Димитрій, ни зарѣзанный въ Угличѣ не приходили опять, хотя Поляки желали надѣлать сотню Димитріевъ и навязать ихъ Москвитянамъ

Это 17-е Мая было плачевнымъ и несчастнымъ днемъ для Димитрія, Поляковъ и всѣхъ иностранцевъ въ Москвѣ. Битыхъ восемь часовъ не было тогда слышно ничего другого, кромѣ набата, выстрѣловъ, ударовъ, скачки, бѣготни, страшнаго вопля и крика Русскихъ: «Руби, руби Польскихъ выблядковъ!» не было ни какого милосердія, не помогали ни просьбы, ни мольбы, ни обѣщанія, ни посулы, ни деньги, ни другіе подарки.

Одинъ Польскій Дворянинъ вскочилъ съ постели въ одной сорочкѣ, когда начался мятежъ, и спрятался было въ погребъ, захвативъ съ собой кошелекъ съ сотней червонцевъ. Отыскивая, неспрятано ли, или не закопали ль что ни будь Поляки, Русскіе

нашли его въ погребѣ. Онъ тотчасъ же отдалъ имъ сто червонцевъ, которые съ нимъ были, очень смиренно и со слезами на глазахъ просилъ пощадить ему жизнь и сдѣлать его плѣнникомъ: онъ никого не обижалъ, никому не дѣлалъ зла, а сколько съѣлъ у нихъ, за это онъ заплатитъ, по тому что имѣетъ на столько состоянія въ Польшѣ. Пусть они отведутъ его въ Кремль къ Князьямъ и Боярамъ страны: тамъ онъ совсѣмъ оправдается. Наконецъ они согласились, по тому что онъ былъ такъ печаленъ, смотрѣлъ такимъ жалкимъ и такъ глубоко вздыхалъ.

Когда же они повели его, вышедши изъ воротъ, на улицу, онъ увидалъ своихъ служителей, которые лежали мертвые, обнаженные, изрубленные, всѣ въ крови: онъ вздохнулъ еще тяжеле. Къ нему подошла другая толпа Русскихъ, и они, точно бѣшеные, закричали: «Руби до смерти блядскаго сына!» Онъ кланялся имъ въ землю, жалобно просилъ пощадить его; когда это не помогло, онъ просилъ именемъ всѣхъ Святыхъ, Дѣвы Маріи и Николая. Но это тоже не помогло: они рубили его саблями. Онъ вырвался, отскочилъ отъ нихъ, сталъ на колѣни, плакалъ, просилъ: «Вы зовете себя Христіянами, Москвитяне: гдѣ же ваше Христіянское состраданіе и милосердіе? Пощадите же меня, невиннаго, ради Вашей Христіянской Вѣры, ради моей жены и дѣтей, которые у меня въ Польшѣ!» Но онъ просилъ вовсе напрасно и попусту: они сдѣлали ему саблями рубецъ на щекѣ, и кровь текла по немъ и спереди, и сзади. Онъ побѣжалъ, отскочилъ отъ нихъ дальше, все хотѣлъ спасти себѣ жизнь и думалъ склонить ихъ на милость. Но отъ варваровъ нечего было ждать ни какого милосердія: нѣкоторые другіе Москвитяне выбѣжали изъ своихъ домовъ и такъ поздоровались съ Полякомъ, что онъ упалъ на землю и жалкимъ образомъ отдалъ душу Богу.

Сколько этотъ день былъ печаленъ и несчастливъ для Поляковъ и всѣхъ иностранцевъ въ Москвѣ, столько же былъ онъ желаннымъ и счастливымъ днемъ для Русскихъ. По тому что кто былъ бѣденъ, нагъ и убогъ, annis pannisque obsitus, сталъ тогда богатъ и добылъ много воровскаго имѣнія и добычи въ платьяхъ, бархатѣ, шелкѣ, ружьяхъ и броняхъ, въ лисьихъ, куньихъ и собольихъ мѣхахъ, въ цѣпочкахъ, кольцахъ, кубкахъ, коврахъ, лошадяхъ, золотѣ и деньгахъ; Русскіе гордились и превоз-

носились, что они такіе храбрые и отважные воины: «Нашъ Московскій народъ, говорили они, великій и сильный, всему свѣту не одолѣть его. Кто сосчитаетъ нашъ народъ? Всѣ должны молчать передъ нами, кланяться и валяться въ ногахъ у насъ.» Да, когда ихъ сто на пятерыхъ, тогда они безстрашные и храбрые воины; если въ рукахъ у нихъ сабли и копья, а у другихъ нѣтъ того, тогда они дѣлаютъ великіе и храбрые подвиги и пожинаютъ большую честь, въ противномъ же случаѣ остаются очень смирными и сидятъ за печкой въ теплыхъ избахъ.

Когда это ужасное убійство, жестокости и возмущеніе были укрощены и утишены, собрались въ Кремль знатнѣйшіе Князья и Бояре, послали къ Великой Княгинѣ, женѣ Гришки или Димитрія, и велѣли сказать ей, что имъ хорошо извѣстно, что она дочь одного вельможи Польскаго только не знали они, кто или что такое былъ этотъ убитый измѣнникъ и обманщикъ страны, выдававшій себя за Димитрія: это извѣстно ей, по тому что она взяла его въ мужья себѣ и знала его въ Польшѣ.

Если она хочетъ быть свободною и итти къ своему отцу, то должна все отдать и расплатиться за все, что ни украдено вѣроломнымъ плутомъ изъ казны и что послано въ Польшу; да и возвратить всѣ его подарки ей. Она тотчасъ же отдала не только платья, Царскія принадлежности, украшенія, жемчугъ, драгоцѣнные камни, цѣпочки, браслеты и кольца, но сняла даже платье съ себя, отдала его и не оставила у себя ни чего, кромѣ шлафрока, говоря, чтобы они взяли все и позволили ей безопасно итти къ отцу: она заплатитъ также и за все свое содержаніе ея съ людьми. Они ни чего не говорили о содержаніи: только ей надобно заплатить 55,000 рублей и отдать разныя драгоцѣнныя украшенія, посланныя воромъ въ Польшу: тогда и отпустятъ ее къ отцу. — «Все это и еще столько же своего она издержала въ дорогѣ, къ чести ихъ Государя и всѣхъ Москвитянъ; у нея ни чего не осталось изъ того, все отдано.» Вмѣстѣ съ тѣмъ она отъ всего сердца проситъ, чтобы допустили къ ней кого ни будь изъ служителей ея отца: какъ только повидается она съ отцомъ, оба они доставятъ все, что будетъ по ихъ средствамъ, остальное же пришлютъ изъ Польши, если только будутъ освобождены и уѣдутъ туда.

Одному служителю ея отца дозволили ходить къ ней и отъ нея и вести между ними сношенія. Узнавъ, чего просятъ и требуютъ Русскіе, отецъ просилъ, чтобы пришли къ нему нѣкоторые изъ Московскихъ Бояръ. Они сейчасъ же исполнили это и пришли. «Вы, Господа, началъ онъ говорить имъ, не хотите позволить моей дочери прійти ко мнѣ: пусть уплатитъ сначала 55,000 рублей, присланныхъ въ Польшу Димитріемъ, на пышный нарядъ для нея, къ чести Великаго Князя и Царства; но на это вышли не только 55,000, а и гораздо больше. Всѣ наряды она возвратила, люди ея перебиты, а вы все еще требуете съ насъ денегъ. Со мною здѣсь, говорилъ онъ, деньги на мое содержаніе: ихъ 60,000 рейхсталеровъ, да еще 20,000 Польскихъ гульденовъ въ свертках. Если доставите ко мнѣ дочку и всѣхъ Поляковъ, которые еще въ живыхъ и не убиты, и отпустите ихъ со мною въ Польшу, я отдамъ вамъ всѣ этѣ деньги, остальныя вышлю.» — «Еще рано, отвѣчали они, отпускать тебя съ твоими земляками; но коли хочешь имѣть при себѣ дочку, отдай въ нашу казну 80,000 талеровъ, дочка и прійдетъ къ тебѣ, а не отдашь—не прійдетъ.»— «Что же мнѣ дѣлать?» сказалъ отецъ. Я хочу жить и умереть вмѣстѣ съ дочерью. Пусть будетъ надо мною воля Божія! Вотъ деньги: приведите сюда мою дочь, съ Гофмейстериной и всей женской прислугой, я заплачу вамъ деньги!» Такъ и привели Марину къ отцу, со всѣми ея женщинами. Русскіе взяли деньги. Тогда Воевода сказалъ, со слезами на глазахъ.

«Князья и Бояре Государства! Вы поступили съ нами не какъ честные люди. Вы говорите, что убитый Димитрій не истинный и родной сынъ Ивана Васильевича и, однако жь, цѣлый годъ позволяли ему царствовать и править вами, приняли его, признали его своимъ Великимъ Княземъ, когда съ горстью людей ворвался онъ изъ Польши въ вашу землю. Съ нѣсколькими тысячами человѣкъ вы отложились отъ своего Великаго Князя, Бориса Годунова, и измѣнили ему, потомъ пристали къ Димитрію, какъ къ своему законному и природному, наслѣдственному Государю: это и обмануло насъ въ Польшѣ; мы не могли подумать ни чего другаго, кромѣ того только, что онъ, безъ всякихъ сомнѣній и обмановъ, истинный Князь, какимъ выдавалъ себя. Вы убили Бориса Годунова съ женой и дѣтьми, истребили весь родъ его, приняли Димитрія,

какъ своего законнаго Государя, вѣнчали его Великимъ Княземъ, клялись ему, присягали; черезъ своихъ посланниковъ велѣли благодарить насъ въ Польшѣ за то, что держали его въ такомъ почетѣ и пышности, воспитали его во всѣхъ добродѣтеляхъ (!) и рыцарскихъ упражненіяхъ и поставили его на ноги. Ваша грамота и печать показываютъ и свѣдѣтельствуютъ, что онъ истинный, природный и наслѣдственный Государь. Вы дружески заискивали и просили насъ дать ему въ жены нашу любезную дочь: никогда въ вѣкъ вы не отопретесь отъ того. Мы не предлагали и не сватали ему нашей дочери. Онъ сваталъ ее черезъ васъ. Мы не хотѣли соглашаться на это: дѣло сдѣлалось съ согласія всѣхъ сословій, и мы слышали, что онъ законный наслѣдственный Государь страны. Вы сдѣлали для насъ извѣстнымъ это: доказательство тому — ваши письма, находящіяся подъ вѣрнымъ сохраненіемъ, у Польскаго Короля. Присланные вами послы то же засвѣдѣтельствовали предъ Королемъ. Какимъ же языкомъ вы смѣете говорить теперь, что онъ не истинный наслѣдный Государь? Съ какою совѣстью можете сказать и жалуетесь на насъ въ Польшѣ, что мы обманули васъ?

«Мы, Поляки, повѣрили вашимъ словамъ, письмамъ, печати и крестному цѣлованію. Вы обманули насъ, а не мы васъ. Мы пришли къ вамъ, какъ друзья и братья, а вы поступили съ нами, какъ съ злѣйшими врагами, алчными до крови и убійства тираннами. Мы обходились съ вами безъ притворства и хитрости: это докажемъ тѣмъ, что мы не жались въ кучку, живя у васъ, а размѣстились въ Москвѣ тамъ и сямъ, по разнымъ улицамъ; мы этого не сдѣлали бы, если бы имѣли на умѣ какое ни будь зло и коварство. А вы тайкомъ, точно вѣроломные предатели, подстерегали насъ, въ устахъ у васъ былъ медъ, а въ сердцѣ горькая желчь; устами вы привѣтствовали насъ, а въ сердцѣ замышляли задушить, какъ и очевидно теперь. Да помилуетъ Богъ за то, сколько сотенъ печальныхъ вдовъ и сиротъ сдѣлали вы въ Польшѣ этѣмъ убійствомъ! Когда онѣ узнаютъ о томъ, и днемъ, и ночью безпрестанно будутъ изъ глубины сердца вопіять и вздыхать къ Богу, чтобы Онъ отомстилъ за такое неслыханное убійство. Какой дадите вы отвѣтъ Всемогущему Богу? Какую славу припишутъ вамъ иноземные народы? Если Димитрій, по тепере-

шнимъ вашимъ словамъ, былъ не истинный Димитрій и наслѣдный Государь, что сдѣлали и въ чемъ провинились предъ вами невинные музыканты, ювелиры, купцы и другіе, убитые такъ жалостно и безпощадно? Они ничего не взяли у васъ, они привезли къ вамъ богатые и дорогіе товары, которые теперь попали въ ваши руки. Въ чемъ провинились противъ васъ другіе невинные люди, женщины и дѣвицы, съ которыми вы плохо распорядились, опозорили ихъ, изнасильничали? Если бы у насъ была непріязнь къ вамъ, мы не пришли бы сюда съ пятью тысячами человѣкъ, по тому что хорошо знали, что народа у васъ нѣсколько сотъ тысячъ. Мы тоже привели бы съ собою войско.

«Мы пришли къ вамъ на свадьбу со всею дружбой, а наши люди погублены смертью, отдали свою душу, ограблены и лишены всего, что было привезено съ ними. Не уже ли вы думаете, что Богъ на небесахъ, праведный ревнитель о всѣхъ Своихъ дѣлахъ, не отомститъ и не накажетъ въ свое время васъ и вашихъ дѣтей за такое страшное и злодѣйское дѣло?

«Горькія вдовы и сироты не перестанутъ плакать и глубоко вздыхать къ Богу, пока Онъ не отплатитъ за это. Если хотите, можете поглотить насъ, пожрать, истребить, можете сдѣлать это: наше дѣло правое, Богъ будетъ судьей между вами и нами. Утѣшаемъ себя тѣмъ, что совѣсть наша чиста передъ Богомъ и цѣлымъ свѣтомъ, и у насъ не было никогда на умѣ сдѣлать вамъ какое ни будь зло.»

«Ты, Воевода, сказали въ отвѣтъ Русскіе Бояре, невиноватъ, а тѣмъ менѣе мы; виноваты гордые и надменные Поляки, которые насиловали и позорили женъ и дочерей нашихъ братій, дѣлали явно на улицахъ большія насильства, дрались, рубились, насмѣхались, злословили, ругали, грозили, колобродили, и тѣмъ раздражили и возстановили противъ себя народъ; сердце его такъ озлобилось, что потомъ, когда онъ расходился, едва можно было остановить и удержать столько сотенъ тысячъ людей, по пословицѣ: «Canis rabiosus, a somno excitatus, furit.»

«Убитый мужъ твоей дочери самъ подалъ много поводовъ къ своей погибели: презиралъ наши образа, нравы, обычаи, обряды,

и насъ самихъ, хотѣлъ отмѣнить нашу древнюю Греческую Вѣру и ввести идолопоклонническую, Папскую, предпочиталъ намъ всякаго иностранца, опустошилъ до чиста нашу казну и всю ее промоталъ на чужеземцевъ, не допускалъ къ себѣ никого изъ нашихъ, развѣ только по желанію и съ согласія Поляковъ, заключилъ союзъ съ Польскимъ Королемъ, помогавшимъ ему деньгами, людьми и всѣмъ необходимымъ овладѣть Русскимъ Царствомъ и нашимъ отечествомъ, обѣщался ему нарушить вѣчный миръ между Швеціей и Россіею, что и сталъ уже приводить въ исполненіе, и для того велѣлъ отвезти въ Иваньгородъ тысячу бревенъ, изъ чего ясно можно видѣть, какое страшное кровопролитіе хотѣлъ онъ поднять между Шведами, Чудью и Ливонцами, и все это противно данной имъ клятвѣ и обѣщаніямъ. Россія—собственная наша земля и не принадлежитъ никому другому: мы ввѣрили ему нашу страну, и онъ бы долженъ былъ благодарить и помнить, на какую высокую степень величія и почестей мы его поставили. Держись онъ больше нашего народа, нежели иностранцевъ, люби и уважай насъ больше Поляковъ, онъ остался бы для всего свѣта Димитріемъ, хоть и не былъ имъ на самомъ дѣлѣ. Онъ самъ хорошо зналъ, что не сынъ Ивана Васильевича, за котораго выдавалъ себя. Если мы его приняли и признали Великимъ Княземъ, все это вышло изъ за правленія Бориса Годунова, который, точно лисица какая, прокрался на Царство лукавствомъ да ловкостью. Мы думали было поправить свою долю черезъ Димитрія, и зажить припѣваючи: намъ это не удалось, насъ ставили ни во что, унижали; онъ старался лишить насъ жизни и всякаго счастія, жралъ телятину, велъ варварскую жизнь, скоро принудилъ бы и насъ жить такъ же и заставилъ бы дѣлать что ни будь другое, еще того лучше, чтобы послѣ не полюбилось намъ, да и послужило бы къ нашему вреду и пагубѣ.

«Мы и убили его, чтобы предупредить заранѣе эту опасность и кровожадность и сохранить нашу Христіянскую Греческую Вѣру: если бы онъ не умеръ, мы все же бы уходили его. Мы съ неудовольствіемъ видѣли, что въ бунтѣ погибло много невинныхъ людей: лучше бы хотѣлось намъ, чтобы они остались въ живыхъ. Однако жь, мы не отвѣчаемъ за это, по тому что это сдѣлано во время возмущенія освирѣпѣвшимъ и мстительнымъ народомъ, страш-

наго своевольства котораго никому нельзя было и укротить, не то что остановить совсѣмъ.

«Что касается женщинъ и дѣвушекъ, онѣ всѣ живы и всѣ на лицо: съ нашими женами и дочерьми имъ теперь лучше, нежели твоей дочери; коли хочешь, чтобъ онѣ были у тебя, онѣ пріидутъ; только сначала ты поклянися намъ и присягни, что ни ты, ни кто другой изъ твоего рода, не станете мстить за этѣ обиды ни огнемъ, ни мечемъ, ни намъ, ни нашимъ братьямъ и землѣ. Такъ какъ много людей твоего Короля погибло въ мятежѣ, то мы хотимъ, чтобы ты употребилъ всевозможные труды и старанія о томъ, какъ бы намъ помириться и договориться съ Королемъ. На счетъ же остальныхъ 55,000 рублей и всѣхъ подарковъ, сдѣланныхъ твоимъ зятемъ твоей дочери въ клейнодахъ, украшеніяхъ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, которыхъ недостаетъ въ нашей казнѣ, мы хотимъ, чтобы все это ты намъ уплатилъ и возвратилъ. Какъ скоро это сдѣлается, ты получишь свободу со всѣми твоими земляками и поѣдешь, куда тебѣ угодно; а не сдѣлаешь того, всѣ вы будете нашими плѣнниками, хоть бы васъ было вдвое столько же, и останетесь въ темницахъ подъ стражей. Ваше дѣло будетъ рѣшить это.»

«Что касается подарковъ, сказалъ Воевода, которые вашъ убитый Великій Князь прислалъ нашей дочери, какъ своей любезной невѣстѣ, всѣ ихъ она опять привезла съ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, что подарили мы ей. невѣстѣ, въ приданое и на наряды; она все отдала вамъ: вы сами знаете и видѣли, что ее привели къ намъ въ одномъ спальномъ капотѣ. А что пропало во время бунта, отъ того, что вы увели у ней комнатныхъ ея женщинъ, вамъ лучше знать, куда оно дѣвалось, нежели намъ. Не мало удивляетъ насъ ваша неприличная и нехристіянская затѣя, что вы сначала ограбили насъ, да потомъ и требуете украденнаго съ насъ же, ограбленныхъ и голыхъ, у которыхъ едва есть рубашки на тѣлѣ.

«Восемьдесятъ тысячъ талеровъ, которыя мы доставили вамъ въ минуты крайней нашей бѣды, горя и гоненія, это — собственныя наши деньги, въ нихъ нѣтъ ни одной полушки вашей, и мы ни чего не дадимъ вамъ больше.

«Мы поклянемся и сдержимъ клятву, что не будемъ мстить за нехристіянскую и жестокую обиду отъ васъ намъ и нашимъ товарищамъ, не позволимъ отмщать за нее и нашимъ друзьямъ и роднымъ, а предоставимъ это милосердому и праведному Богу, который говоритъ: «Mihi est vindicta, ego retribuam.» Пусть же Онъ судитъ, осуждаетъ и воздаетъ за это дѣло.

«Но что касается Польскаго Короля, моего Всемилостивѣйшаго Государя, я не могу клясться и обѣщать, а тѣмъ меньше сдержать обѣщаніе и обнадеживать васъ, по тому что большая часть убитыхъ его подданные и слуги, смерть ихъ огорчитъ и опечалитъ его, когда онъ узнаетъ, какъ жестоко и безчеловѣчно вы поступили съ ними. Онъ не ровня мнѣ, онъ мой Король и Государь: могу ли же мирить и соглашать васъ съ нимъ? Нечего и просить у меня того, чего нельзя сдѣлать и исполнить.»

«Если не хочешь, отвѣчали Москвитяне, и не можешь сдѣлать того, такъ оставайся нашимъ плѣнникомъ со всѣми твоими Поляками, пока не узнаемъ, на какихъ условіяхъ намъ можно будетъ помириться съ Королемъ, и пока ты не возвратишь взятаго въ нашей казнѣ, и не заплатишь за пропавшее въ этомъ побоищѣ.»

«Что Богу угодно, отвѣчалъ Воевода, то пусть и будетъ: Онъ посылаетъ мнѣ всѣ мои страданія и незвгоды, предаюсь въ Его волю и буду все сносить терпѣливо: есть же предѣлъ, до котораго вы можете вредить мнѣ; дѣлайте все, что попускаетъ вамъ Богъ; больше вы ни чего не можете сдѣлать ни мнѣ, ни моимъ товарищамъ.»

31 Мая всѣ Поляки, какъ женщины и дѣвицы, такъ и мущины, были отвезены изъ Москвы, кромѣ Королевскаго Посланника, Александра Гонсѣвскаго, и посажены въ темницы по городамъ. Воевода съ его дочерью, сыномъ и зятемъ, также и со всѣми женщинами, отвезены въ Ярославль и охранялись крѣпкою стражей на большомъ дворѣ, а служители и другіе Поляки посажены въ заключеніе; нѣкоторые изъ нихъ посланы и помѣщены въ Костромѣ, Галичѣ, Вологдѣ и Казани; имъ не давали ни чего другаго, кромѣ хлѣба и воды. Всѣ же, бывшіе тамъ, Польскіе Дворяне должны были продать за половинную цѣну свое платье,

галантерейныя и всякія другія вещи, сохранившіяся у нихъ во время бунта, на свое содержаніе и на покупку съѣстнаго, и влачили очень жалкую жизнь въ большой нищетѣ и горѣ, до самаго своего чудеснаго освобожденія, что и объяснимъ послѣ.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что законный сынъ жестокаго Великаго Князя Ивана Васильевича, Димитрій, дѣйствительно убитъ былъ въ Угличѣ, за свои злыя наклонности, по showкознямъ Годунова, который искалъ Царства и сдѣлался Великимъ Княземъ всея Россіи, и что Гришка Отрепьевъ, мелкій дворянинъ и монахъ, бѣжавшій изъ монастыря и Россіи, выдалъ себя за убитаго Димитрія, и, благодаря силѣ и способности Поляковъ, завладѣлъ Россіей и былъ убитъ въ Москвѣ. Однако жь, многіе изъ Русскихъ толкуютъ не то и говорятъ, что настоящій Димитрій не былъ убитъ, а чудеснымъ образомъ избѣжалъ смерти, и что Димитрій, убитый въ Угличѣ, также и въ Москвѣ, одно и то же лицо, все же воскресшее и опять начавшее вести другія войны, съ большими смутами и кровопролитіемъ.

Что Димитріевъ было много, такъ что не было и конца имъ, и не смотря, что ихъ душили, убивали и жгли, все таки новый Димитрій выползалъ въ слѣдъ за прежними, все избѣгалъ смерти и все насильно дѣлался первымъ Димитріемъ, истиннымъ сыномъ Ивана Васильевича. Но что бы всѣ знали сущую правду объ этомъ, я объясню и растолкую въ немногихъ словахъ, въ чемъ тутъ дѣло, по тому что былъ не одинъ Димитрій, какъ разнесли Поляки, Езуиты и нѣкоторые крамольные и вѣроломные Москвитяне, но ихъ было много, и они, какъ мы разсказывали, были убиваемы другъ за другомъ, и что Гришка Отрепьевъ, или другіе его послѣдователи, не только не истинные Димитріи, но плуты и обманщики, и присвоивали себѣ имя обманомъ; по тому что, во первыхъ, неосновательно, чтобы этотъ Гришка, завоевавшій страну мечомъ и дѣйствительно убитый въ Москвѣ, былъ истинный Димитрій и наслѣдственный Государь страны; если бы онъ былъ таковъ, то имѣлъ бы не больше 22-хъ лѣтъ отъ роду, тогда какъ ему было болѣе 30-ти лѣтъ.

Во вторыхъ, вскорѣ послѣ его вѣнчанія пришелъ монахъ изъ того же монастыря, изъ котораго убѣжалъ тайкомъ Гришка. Онъ открыто разсказывалъ, что онъ знаетъ новаго, коронованнаго Ве-

ликаго Князя, и что онъ не истинный Димитрій, сынъ Ивана Васильевича, а Гришка Отрепьевъ, бѣглецъ, обманщикъ и измѣнникъ, по тому что это тотъ самый, который выучилъ его читать и писать, и ему хорошо извѣстно, откуда онъ родомъ, кто его родители, за что друзья упрятали его въ монастырь, сколько времени онъ оставался тамъ и когда ушелъ оттуда.

Слышавшій это народъ схватилъ монаха и отвелъ его въ комнату Великаго Князя. Монахъ не потерялъ духа, стоялъ на своемъ словѣ, сказалъ ему въ глаза, что онъ плутъ и обманщикъ, за что и долженъ былъ умереть жалкою смертію безъ всякаго суда: «Nam veritas odium parit,» правда глаза колетъ.

Въ третьихъ, и дядя этого Гришки, Елеазаръ Отрепьевъ, то же говорилъ не только большимъ Боярамъ въ Москвѣ, Королю Сигизмунду и всему Польскому Сенату въ Польшѣ, но и Королю Шведскому, Карлу IX-му, что онъ не истинный Димитрій, за котораго выдавалъ себя, а сынъ его брата, и отданъ былъ въ монастырь за кой-какія шалости и мошенничества, чтобы монахи держали его тамъ въ строгости, а онъ сталъ бы благочестивѣе и бросилъ свои злыя наклонности и негодныя страсти. Но такъ какъ суровая жизнь была ему не по вкусу, онъ и убѣжалъ изъ монастыря тайкомъ въ Польшу, занимался тамъ разными воинскими упражненіями въ фехтованіи, борьбѣ, верховой ѣздѣ и примѣрныхъ сраженіяхъ, потомъ убрался оттуда и съ помощію какихъ-то злыхъ людей, особливо по умыслу, совѣту и настроенію одного монаха, которые всѣ не желали добра Борису Годунову, выдалъ себя за Димитрія, сына Ивана Васильевича. Такими коварными происками онъ и получилъ всю власть надъ Москвой.

Въ четвертыхъ, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, бывшій потомъ Великимъ Княземъ, то же свѣдѣтельствовалъ, что онъ не истинный Димитрій, за котораго выдавалъ себя. По тому что Шуйскій зналъ настоящаго Димитрія, когда онъ былъ живъ, видѣлъ его мертваго послѣ убійства, узналъ и похоронилъ его. По этой-то причинѣ Гришка и велѣлъ взять подъ стражу Шуйскаго, отвести его на площадь, и положить голову его на плаху, располагая казнить его, если онъ не откажется отъ распущенныхъ имъ слуховъ. Какъ человѣку, жизнь была ему милѣе смер-

ти: онъ показалъ, что языкъ у него мельница, отперся отъ своихъ словъ, и такимъ образомъ ложь и жизнь счелъ выше и благороднѣе правды и чести, по тому что зналъ, что у Русскихъ въ одной цѣнѣ и честь и безчестье. За то и освободили его и возстановили его прежнюю добрую славу.

Въ пятыхъ, въ Углицкомъ Княжествѣ одинъ Дворянинъ, 105-ти лѣтъ, разсказывалъ многимъ лицамъ, что находился въ услуженіи у убитаго Димитрія, и что Гришка совсѣмъ не тотъ Димитрій, по тому что того онъ видѣлъ мертваго на землѣ и хорошо зналъ, что это истинный, а не подмѣненный, какъ разнесли какіе-то сплетники.

Въ шестыхъ, одинъ старый Голландскій аптекарь, по имени Арендъ Клаузендъ, 40 лѣтъ служившій въ Великокняжеской аптекѣ, признавался, что зналъ истиннаго Димитрія въ его дѣтствѣ, и говорилъ, что настоящій Димитрій былъ смуглолицъ, какъ и мать его, Марья Ѳедоровна Нагая (Maria Fedrova Nagai), а этотъ, выдающій себя за Димитрія, совсѣмъ не смуглъ.

Въ седьмыхъ, одна Ливонская Дворянка, Тизенгузенъ, жившая всегда въ комнатныхъ дѣвушкахъ у матери истиннаго Димитрія, гласно разсказывала и признавалась, что это совсѣмъ не истинный Димитрій, а другой, по тому что истиннаго убили и похоронили въ бытность ея въ Угличѣ.

Въ осьмыхъ, когда уже вездѣ разнесся слухъ, что Гришка не истинный Димитрій, Самозванецъ пошелъ въ монастырь, гдѣ жила Великая Княгиня, Марья (Марѳа) Ѳедоровна, и сказалъ ей, что намѣренъ вырыть поповича, убитаго и похороненнаго вмѣсто его, и положить въ другомъ мѣстѣ. Великая Княгиня не дозволила того, хорошо зная, что это ея родной сынъ убитъ и похороненъ въ Угличѣ. Достаточно можно видѣть изъ этого, что если бы Гришка былъ въ правду родной сынъ ея, она бы согласилась на его предложеніе, чтобы тѣмъ тверже поставить его на царствѣ, вывести народъ изъ думы и заставить его вѣрить безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, что Великій Князь не подложный Димитрій. Если же она покривила душой и назвала его своимъ сыномъ, то поступила такъ изъ того только, чтобы получить прежнюю власть и лучшее содержаніе; при томъ же съ удовольствіемъ видѣла, что

Борисъ, со всѣми его друзьями, низложенъ и уничтоженъ за то, что велѣлъ убить ея сына.

Въ девятыхъ, Петръ Басмановъ, вѣрнѣйшій совѣтникъ и камергеръ Гришки, пожертвовавшій за него жизнью, разсказывалъ за тайну многимъ лицамъ, что онъ не истинный Димитрій, какъ называлъ себя, а другой; но какъ онъ справедливый Государь и они присягнули ему и вѣнчали его, то и должны быть довольны имъ и молиться за него Всемогущему Богу, чтобы Онъ милостиво утвердилъ его на престолѣ и сохранилъ его здоровымъ и счастливымъ во время его царствованія: во всей Россіи не найти имъ Государя лучше и разумнѣе.

Въ десятыхъ, Янъ Сапѣга (Jan Sapiesa), знатный Польскій Дворянинъ, позволялъ себѣ разглашать, будто бы Лжедимитрій— побочный сынъ Стефана Баторія: это, однако жь, неправда, и онъ истинный Гришка Отрепьевъ; Поляки пособили ему совѣтомъ и дѣломъ, войскомъ и военными снарядами, помогли ему занять вооруженною рукой Москву, такъ онъ и сталъ благодарный Русскимъ Димитрій, сынъ Ивана Васильевича, который сначала убитъ былъ въ Угличѣ, а потомъ въ Москвѣ, теперь же опять ожилъ и долженъ былъ снова приводить Москвитянъ въ покорность себѣ. Русскіе совсѣмъ одурѣли и помѣшались на этомъ: только что одного убьютъ, какъ захотятъ имѣть другого, и это до тѣхъ поръ продолжалось, пока Москвитяне не одолѣли ихъ и не подчинили своей волѣ.

Всякому разсудительному человѣку легко понять изъ того, что Димитрія, истиннаго сына Ивана Васильевича, не было въ живыхъ, не былъ также живъ и Гришка Отрепьевъ, ложно выдававшій себя за Димитрія: оба они были убиты; однако жъ, точно такъ же выдумали другихъ Димитріевъ, отъ чего вышло много зла и много пролито крови. Поляки и Казаки играли большую пошлую шутку и комедію съ Русскими по тому, что какъ скоро Димитрій умиралъ, тотчасъ же на его мѣсто являлся другой, такъ что и конца не было Димитріямъ.

Когда убили и сожгли Лжедимитрія Гришку Отрепьева, Москвитяне выбрали и вѣнчали Великимъ Княземъ Василія Ивановича Шуйскаго, 1-го Іюня, 1606 года, и присягнули ему всей землею,

какъ духовные, такъ и міряне, Дворяне и простые люди, кромѣ Казаковъ и нѣкоторыхъ сословій, которые жили на Польской границѣ и были преданы Лжедимитрію, получивъ отъ него большія преимущества и льготы. Они услыхали теперь, будто бы онъ самъ третей ушелъ въ Польшу и скрывался въ комнатѣ Воеводы Сандомирскаго, и не хотѣли присягать Шуйскому, пока не получатъ вѣрнѣе извѣстій изъ Польши.

Послѣ вѣнчанія, Великій Князь Шуйскій отправилъ пословъ въ Польшу къ Королю Сигизмунду съ просьбою, чтобы онъ вѣрно и правдиво соблюдалъ во всѣхъ статьяхъ прежніе мирные договоры между обоими Государствами и ни какимъ образомъ не дозволялъ Полякамъ дѣлать нападенія по границамъ, а сохранялъ бы съ нимъ доброе сосѣдство и сношеніе. Шуйскій послалъ ему большіе подарки, съ извиненіемъ въ Московскомъ убійствѣ Поляковъ: они убиты за большія своевольства, которыя тамъ дѣлали, грабя и понося простой народъ, насильничая женщинъ и дѣвицъ, и за другія, такія же злыя, дѣла: это возмутило и озлобило народъ, такъ что послѣ нельзя было укротить и успокоить его, пока онъ не истребилъ нѣсколько сотъ Поляковъ съ измѣнникомъ и обманщикомъ страны, Гришкой Отрепьевымъ, который выдалъ себя за сына Ивана Васильевича и былъ причиною этого плачевнаго кровопролитія. Шуйскій взялъ подъ свою защиту Королевскаго Посла, чтобы не сдѣлали какого вреда ему, или его имуществу, и въ самомъ скоромъ времени отпуститъ его поздорову. Король отвѣчалъ на это и писалъ, что касается до него, онъ желаетъ сохранять доброе сосѣдство съ Василіемъ, отослалъ за подарки къ нему свои подарки, требовалъ своего посла и говорилъ дальше, что Поляки, убитые въ Москвѣ, и всѣ другія лица, подданныя Короля, люди вольные, могли ити, куда имъ угодно: они пришли на свадьбу въ слѣдъ за Воеводой Сандомирскимъ, а если надѣлали чего ни будь, пусть сами и отвѣчаютъ за это; изъ за нихъ ему нечего имѣть дѣло съ Шуйскимъ. Но ему нельзя ни запрещать, ни останавливать друзей и родныхъ убитыхъ, если бы они стали что ни будь дѣлать: они господа въ Польшѣ и народъ вольный; захотятъ отомщать Русскимъ, онъ долженъ имъ дозволить это. Получивъ этотъ отвѣтъ, Шуйскій тотчасъ же велѣлъ Польскому Послу ѣхать въ Польшу.

Въ то время, какъ они вели сношенія объ этѣхъ дѣлахъ, становилось все слышнѣе и слышнѣе, что Димитрій убѣжалъ, скрывался въ Польшѣ, собиралъ войско и хотѣлъ опять завладѣть страною. Эта странная вѣсть привела въ удивленіе и смутила Москвитянъ: они не знали, чему имъ вѣрить. Великій Князь Шуйскій вскорѣ послалъ нѣкоторыхъ своихъ довѣренныхъ служителей въ Угличъ, велѣлъ Димитрія, уже 17-ть лѣтъ назадъ убитаго и похороненнаго, вырыть изъ земли, перевезти въ Москву и похоронить въ той церкви, гдѣ погребаются другіе Московскіе Великіе Князья, чтобы народъ не соблазнялся и не давалъ вводить себя въ заблужденіе этѣмъ толкамъ и болтовнѣ, не измѣнялъ ему, а увидалъ и узналъ на самомъ дѣлѣ, что былъ обманутъ соблазнителемъ, выдававшимъ себя за истиннаго Димитрія, и убилъ его, а теперь онъ опять ушелъ будто бы отъ смерти и собираетъ въ Польшѣ войско. Это великая ложь, выдуманная басня: тѣхъ Димитріевъ нѣтъ ужь больше: одного они видѣли, что онъ доподлинно убитъ и сожженъ, а другаго, истиннаго Димитрія, убитаго въ Угличѣ, Великій Князь велѣлъ теперь перенести въ Москву. А чтобы еще больше утвердить въ этомъ мнѣніи Москвитянъ, онъ велѣлъ тайно убить въ Угличѣ одного 10-тилѣтняго поповича, надѣть на него чистый богатый саванъ, положить въ новый гробъ и отвезти въ Москву. Самъ онъ вышелъ на встрѣчу тѣлу Князя со всѣмъ своимъ Дворомъ, съ монахами и попами, съ крестами и знаменами, съ большою свитой и процессіей: такъ и отнесли его въ церковь. Въ народѣ же Шуйскій велѣлъ разгласить, что Св. Князь Димитрій, убитый на 9-мъ году жизни въ Угличѣ, лежалъ 17-ть лѣтъ въ землѣ, а тѣло его такъ свѣжо и нетлѣнно, * точно онъ вчера умеръ.

Сорочка и платье на немъ не сгнили и не истлѣли. Гробъ, въ которомъ лежалъ, не обветшалъ и не развалился, а остался совершенно новымъ: кто желаетъ видѣть это, пусть идетъ въ церковь, она будетъ отворена. Великій Князь нанялъ также тайкомъ нѣсколькихъ здоровыхъ людей, которые прикинулись больными и

---

* Г. Устряловъ, издавшій Бера, у котораго много поживился Петрей, блестящимъ образомъ опровергнулъ эту нелѣпую сказку объ убіеніи поповича. Но для насъ, Русскихъ, опроверженіе излишне, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ: лучшее опроверженіе тому наше, полное вѣры, сердце.

приползли въ церковь на четвереренькахъ къ Св. Димитрію. Нѣкоторые притворились слѣпыми и дали вести себя другимъ, которые не были слѣпы и имѣли здоровые глаза, просили себѣ у Димитрія зрѣнія и здоровья. Притворявшіеся хромыми встали и пошли, слѣпые получили зрѣніе, и всѣ говорили въ одинъ голосъ, что помогъ имъ Святой Димитрій. Грубые, невѣжественные люди повѣрили, что все это такъ и было. Страшное, неслыханное идолопоклонство совершалось у тѣла. Богъ на Небесахъ прогнѣвался на это: тѣхъ, которые, притворяясь слѣпыми и хромыми, велѣли носить и водить себя въ церковь и просили помощи у Св. Димитрія, Онъ такъ наказалъ, что одинъ ослѣпъ совсѣмъ, а другой скоропостижно умеръ въ церкви, по тому что Богъ не терпитъ такого обезьянства и не позволяетъ шутить съ Собою. Люди то же стали замѣчать, что это пустой обманъ и обморочиванье и не ходили больше въ церковь молиться Св. Димитрію. Великій Князь по тому и велѣлъ запереть церковь, никогда не пускать туда и сказать священникамъ, чтобы они объявили народу, что такое стеченіе богомольцевъ прогнѣвило и утомило Св. Димитрія, дали бы ему нѣсколько времени отдохнуть и не тревожили его, пока онъ не развеселится и не будетъ въ хорошемъ расположеніи духа: тогга пусть и приходятъ опять. *

Во время мятежа, когда убитъ былъ Димитрій или Гришка, одинъ изъ Русскихъ Князей, по имени Григорій Шаховской (Schacopski), укралъ у него изъ комнаты Государственную печать, бѣжалъ съ нею на границу въ Путивль и увезъ съ собой двухъ Поляковъ въ Русскомъ платьѣ; пріѣхавши въ городъ Серпуховъ (Zirpekow), въ 18 миляхъ отъ Москвы, онъ и Поляки остановились на ночлегъ у одной иностранки, проживавшей въ городѣ, ужинали тамъ, а при отъѣздѣ дали ей пригоршню денегъ и сказали: «Возьми это, пожалуйста, на обратномъ пути дадимъ тебѣ еще больше: распорядись только, чтобы у тебя были медъ и водка!»—«Что вы за люди?» спросила женщина.» Я, отвѣчалъ Шаховской, Князь, и даю тебѣ знать, что у тебя ѣлъ и пилъ Великій Князь, котораго замышляли Москвитяне убить, но онъ убѣжалъ, и они убили другаго вмѣсто его.» Потомъ они уѣхали отъ нея, переправились черезъ рѣку Оку, и на переправѣ Шаховской далъ пере-

* Это говоритъ Протестантъ.

вощику 6-ть талеровъ на водку и спросилъ его: «Знаешь ли, кто мы?»—«Нѣтъ, отвѣчалъ перевощикъ: я никого изъ васъ не знаю.»—«Молчи же, мужичокъ, продолжалъ Князь Шаховской: ты перевезъ Великаго Князя, Димитрія: вотъ тотъ молодой богатырь, котораго хотѣли убить Москвитяне, однако жь онъ ускользнулъ отъ нихъ, Богъ сохранилъ его, и когда онъ воротится со множествомъ войска, сдѣлаетъ тебя большимъ человѣкомъ.» Потомъ продолжали путь въ Путивль, и такія же слова говорили они вездѣ по дорогѣ, гдѣ останавливались на ночлегъ. По всей странѣ пошла молва, что Великій Князь Димитрій убѣжалъ; она донеслась наконецъ и до Москвы и навела на Москвитянъ странныя думы. По пріѣздѣ Князя Шаховскаго съ двумя Поляками въ Путивль, они разстались. Поляки прибыли за границу въ Сандомиръ, принесли женѣ Сандомирскаго Воеводы извѣстіе, какія дѣла надѣлались въ Москвѣ, какъ Князь Шаховской пособилъ имъ уйти изъ Москвы, какъ обѣщалъ отомстить за смерть Великаго Князя, такъ, чтобы Москвитяне помнили это, пока свѣтъ стоитъ: онъ будетъ писать сюда въ Польшу къ своему Государю, Димитрію, какъ будто бы этотъ былъ здѣсь и скрывался, а они отпишутъ ему отъ имени Великаго Князя, Димитрія, что онъ скоро придетъ съ хорошимъ и отборнымъ войскомъ, опять завладѣетъ страною и накажетъ своихъ вѣроломныхъ измѣнниковъ. Послѣ того, какъ два Поляка разстались съ Княземъ Шаховскимъ, онъ вошелъ въ городъ (Путивль), собралъ гражданъ и весь народъ и разсказалъ, какъ Москвитяне поступили съ ихъ Государемъ, какъ онъ, съ Божіей помощію, ушелъ, а Поляки, бывшіе съ нимъ, перебиты, онъ удалился къ матери своей жены, Воеводшѣ Сандомирской, хочетъ собрать войско и отомстить невѣрнымъ крамольникамъ, что увидятъ они изъ его письма: обѣщаетъ жителямъ особенную благосклонность и милость, прося при томъ усердно, чтобы они остались вѣрными, сдержали клятву, которою клялись, и вѣрно пособили ему смирить и наказать Москвитянъ за ихъ измѣну и нанесенный ему великій позоръ; онъ пожалуетъ ихъ всѣми милостями и постарается заслужить имъ за это. Поразсудивъ о томъ, Путивльцы поспѣшно послали гонца на широкую поляну въ Татарскую степь, привели оттуда нѣсколько тысячъ Казаковъ, собрали всѣхъ Дворянъ и воиновъ изъ своей области, выбрали вождя, по имени Истому Башку (Basco), который и пошелъ съ войскомъ въ походъ отъ имени

Димитрія, и въ 4-ре недѣли принудилъ присягнуть 14 городовъ, въ томъ, что они опять обѣщаются воевать за Димитрія, накажутъ Москвитянъ и принудятъ ихъ къ повиновенію. Великій Князь Шуйскій и Москвитяне, бывшіе за него, испугались: онъ поскорѣе собралъ большое войско, объявивъ, что Крымскій Татаринъ ворвался въ страну со многими тысячами Татаръ, убилъ и взялъ въ плѣнъ многія тысячи Христіянъ, хотѣлъ итти и дальше въ страну, грабить, убивать, и причинять всякій вредъ, а по тому бы, не мѣшкая, собирались для предупрежденія намѣреній Татарина. Такъ и сдѣлали: скоро собралось все войско, конное и пѣшее, и пошло въ походъ; но, прошедши нѣсколько миль за Москву, замѣтили, что ни какихъ Татаръ нѣтъ, а только ихъ собственные земляки, Казаки, Князья и Дворяне; все подвигались впередъ, до тѣхъ поръ, пока не столкнулись другъ съ другомъ, стали сражаться, и тогда Москвитяне, стоявшіе за Шуйскаго, были порядкомъ побиты, ограблены, прогнаны и взяты въ плѣнъ, такъ что должны были бѣжать назадъ въ Москву. Плѣнные посажены въ темницы, угощены розгами и плетьми, обруганы позорными и насмѣшливыми словами, нѣкорые изъ нихъ посланы въ Москву разсказать Великому Князю Шуйскому и его приверженцамъ все, что видѣли и слышали, какъ вкусно ихъ отпотчивали и накормили, и что Димитрій скоро явится со всѣмъ войскомъ наказывать безбожныхъ и крамольныхъ Москвитянъ и истреблять ихъ за великій, нанесенный ему, позоръ и поруганіе отъ нихъ и за неслыханное не Христіянское убійство его людей.

Получивъ эту вѣсть, Великій Князь Шуйскій велѣлъ объявить народу, что вся ихъ земля находится въ великой опасности, и вотъ сколько несчастья, горя и зла надѣлали Поляки Русскимъ съ своимъ самодѣльнымъ Димитріемъ: казна растрачена, пролита кровь множества тысячъ людей, превосходный и благоразумный Великій Князь, Борисъ Ѳедоровичъ, погибъ изъ за нихъ съ женой, съ сыномъ и всѣмъ родомъ; теперь Поляки и нѣкоторые негодные измѣнники и разорители страны разносятъ, что воръ и блядинъ сынъ ушелъ, а не убитъ, а это, какъ всѣмъ извѣстно, не было на самомъ дѣлѣ; да хотя бы и было такъ, онъ все же не истинный Димитрій, а плутъ, обманщикъ и соблазнитель. Пусть Русскіе не принимаютъ его ни подъ какимъ видомъ, чтобы онъ

це заставилъ насъ исповѣдывать идольскую Папскую Вѣру. Чтобы еще лучше расположить народъ къ Христіянскому состраданію, Шуйскій велѣлъ вырыть тѣла Великаго Князя Бориса, его жены и сына, уже три года лежавшія въ землѣ, перенести ихъ въ Троицкій монастырь (Trois) и похоронить по Княжески, съ большою пышностью; каждое тѣло должны были нести 12-ть миль отъ Москвы до Троицы 20 монаховъ. Великій Князь, думные Бояре, Дворяне и весь народъ слѣдовали за ними, также и Патріярхъ, Епископы, монахи и священники. Дочь Бориса, Аксинья (Axinia Borisis), ѣхала возлѣ тѣлъ въ закрытыхъ саняхъ, рыдала и причитала: «Горе мнѣ бѣдной, горькой, покинутой сиротѣ! Наглый воръ, плутъ и измѣнникъ, назвавшійся Димитріемъ, истинный обманщикъ и соблазнитель, погубилъ моего отца, мать, брата и всѣхъ друзей. Теперь онъ и самъ погибъ, за свое безчинство и безбожную жизнь, а при жизни, да и по смерти, надѣлалъ этой странѣ много великаго, лютаго горя. Покарай его, Боже, осуди его въ здѣшней, временной, и въ той, вѣчной, жизни!»

Видимъ и слышимъ здѣсь лживость и непостоянство Русскихъ; такъ горько, такъ жалобно они оплакивали и жалѣли Великаго Князя Бориса, желали, чтобы онъ живъ былъ и царствовалъ, Бориса, котораго прежде, по ненависти и великой дерзости, погубили чрезъ Лжедимитрія, не обративъ ни какого вниманія на пословицу, которая говоритъ, что не прежде покидай и презирай добрыхъ старыхъ друзей, пока еще не увидалъ и не испыталъ, на что годны и полезны новые. (Старый другъ лучше новыхъ двухъ.)

Межъ тѣмъ Путивльскій вождь, Истома Башковъ (Bascopff), усиливался все больше и больше, подвинулся ближе къ Москвѣ даже до Коломны, не встрѣчая сопротивленія, принудилъ всѣ города опять присягнуть Самозванцу, расположился въ милѣ отъ Москвы и требовалъ отъ имени Димитрія, чтобы этотъ городъ выдалъ ему мятежника, Великаго Князя, съ двумя его братьями. Въ Москвѣ многіе испугались, тайкомъ уѣхали изъ города въ свои помѣстья, и укрылись, кому гдѣ было лучше и безопаснѣе.

Когда этотъ вождь, Истома, находился подъ Москвою, прибылъ къ нему на выручку изъ Польши, черезъ Комарницкую во-

лость, другой опытный воинъ, Иванъ Исаевичъ Болотниковъ (Polutnich), и всю страну, которою проходилъ, привелъ къ присягѣ въ томъ, что жители будутъ оказывать повиновеніе и пособіе убѣжавшему Димитрію. Этотъ Болотниковъ былъ родомъ Москвитянинъ, въ молодости былъ взятъ въ плѣнъ Татарами въ широкой степи у Казаковъ, проданъ въ Турцію, и наконецъ освобожденъ и отвезенъ Венеціянами въ Венецію, оттуда пошелъ онъ въ Польшу, гдѣ и узналъ чудную перемѣну Правительства на своей родинѣ, и что законный наслѣдственный Государь, Димитрій, убѣжалъ, находится въ живыхъ и скрывается въ Сандомирѣ. Болотниковъ и отправился къ нему, разсказалъ о своемъ родѣ, положеніи и обстоятельствахъ, въ которыхъ находился прежде; человѣкъ, называвшій себя Димитріемъ, узнавъ, что онъ храбрый и отважный воинъ, спросилъ его, хочетъ ли онъ опять служить ему противъ его крамольныхъ земляковъ? Болотниковъ отвѣчалъ, что готовъ сражаться за своего природнаго и законнаго Государя. «Я теперь не могу много дать тебѣ, сказалъ Димитрій, однако жь возьми вотъ коня, саблю, пистолеты, 30 червонцевъ и это письмо къ Намѣстнику въ Путивлѣ, Григорію Шаховскому: онъ выдастъ изъ казны, сколько тебѣ нужно, и пошлетъ тебя съ отрядомъ войска: скажи и ему и другимъ, что ты видѣлъ меня въ Польшѣ и говорилъ со мною въ томъ видѣ, въ какомъ находишь меня здѣсь передъ твоими глазами!»

Съ этѣмъ отвѣтомъ Болотниковъ пошелъ изъ Польши въ Путивль: его извѣстіе было очень пріятно тамъ, и если прежде много дали вѣры въ этомъ дѣлѣ Шаховскому, то теперь повѣрили въ тысячу разъ больше, что Димитрій въ самомъ дѣлѣ ушелъ, жертвовали имѣніемъ, жизнью, всѣмъ, чѣмъ могли, не смотря на то, что онъ былъ не истинный Димитрій.

По изустному и письменному приказанію, Болотниковъ сдѣланъ начальникомъ надъ 12-ю тысячами Казаковъ и пошелъ, черезъ Комарницкую волость (Camarische), къ Москвѣ, гдѣ стоялъ станомъ другой вождь, Истома. Оба вождя, очень властолюбивые, не хотѣли ни въ чемъ уступить другъ другу и поссорились: Болотниковъ говорилъ, что его послалъ самъ Великій Князь, а Истому только Шаховской, по тому и хотѣлъ имѣть высшее мѣсто и

больше уваженія, ради Великаго Князя, согналъ съ мѣста Истому съ его войскомъ и самъ занялъ его. Истомѣ очень было досадно, что его такъ опозорили и поругали; онъ тотчасъ же завелъ сношенія съ Великимъ Княземъ Шуйскимъ, чтобы этотъ не только оказалъ ему обѣщанную благосклонность и милость, да и прислалъ бы еще большіе подарки, и до того довелъ дѣло, что съ 9-ю тысячами вооруженныхъ ратныхъ людей передался Великому Князю Шуйскому, вошелъ съ ними въ Москву и извѣстилъ, что ни одинъ человѣкъ не видалъ въ Путивлѣ Димитрія. Объ этомъ разнесъ одинъ Шаховской, также и о томъ, будто онъ ушелъ въ Польшу, и велѣлъ ему опять привести къ присягѣ Путивльцевъ: но такъ ли это было и ушелъ ли Димитрій, Истома не можетъ сказать.

Простой народъ въ Москвѣ отправилъ пословъ къ Болотникову, желая, чтобы онъ показалъ своего Государя, Димитрія: тогда они поклонятся въ ноги этому Князю и поклянутся ему въ вѣрности и преданности. Болотниковъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно въ Польшѣ и скоро будетъ сюда; что онъ, Болотниковъ, былъ у него, видѣлъ его ясныя очи и лично получилъ отъ него это приказаніе. Москвитяне говорили, что «это будетъ другой Димитрій: мы убили того, который выдавалъ себя за Димитрія,» просили Болотникова, чтобы пересталъ проливать невинную кровь и передался Великому Князю Шуйскому, который сдѣлаетъ его большимъ Бояриномъ. «Я поклялся моему Государю, отвѣчалъ Болотниковъ, подвергать за него свою жизнь опасности, сдержу это, и не буду крамольнымъ плутомъ и измѣнникомъ, как Истома: вы радѣйте своему, а я буду усердствовать моему Государю, и скоро навѣщу васъ.»

Болотниковъ тотчасъ же послалъ гонца въ Путивль и велѣлъ просить Шаховскаго, чтобы «онъ не медля послалъ въ Польшу» и вызвалъ Димитрія. Онъ такъ повелъ дѣла съ Москвитянами, что они хотятъ упасть въ ноги Князю и просить помилованія, если увидятъ его лично живаго. Ему не для чего набирать войско, приходилъ бы одинъ, дѣла скоро поправятся. Увидавъ его, народъ сейчасъ же схватитъ за горло его измѣнниковъ и выдастъ ихъ ему.» Но Самозванецъ уговаривалъ Шаховскаго, чтобы самъ онъ выдалъ себя за Димитрія, и ушелъ отъ него въ Польшу, не хо-

тѣлъ вѣрить этѣмъ козниямъ и являться Димитріемъ, остался Польскимъ Дворяниномъ, какъ былъ, и не пошелъ: пускай, де, выдаетъ себя за Димитрія и дерется за Россію тотъ, кому припадетъ охота!

Такъ какъ Димитрій не приходилъ изъ Польши, Москвитяне ободрились, стали смѣлѣе и дали жестокое сраженіе Болотникову. Великій Князь самъ выступилъ изъ Москвы съ 100 тысячами войска, напалъ на него въ станѣ, перебилъ нѣсколько тысячъ и обратилъ его въ бѣгство. Болотниковъ принужденъ бѣжать въ Серпуховъ съ уцѣлѣвшими изъ отряда, а Великій Князь вошелъ съ торжествомъ въ городъ. Пришедши въ Серпуховъ, Болотниковъ созвалъ народъ и гражданъ и спросилъ ихъ: «Не могутъ ли они долгое время снабжать продовольствіемъ его съ подчиненнымъ ему войскомъ? Коли могутъ, онъ останется въ городѣ, а не то — оставитъ ихъ и уйдетъ.»

Они отвѣчали, что у нихъ нѣтъ на столько состоянія и запасовъ, чтобы и себя-то содержать долго, а не то, что его съ войскомъ. Отъ того онъ и ушелъ оттуда въ крѣпость Калугу, гдѣ приняли его ласково, ради Димитрія, и обѣщали долгое время снабжать продовольствіемъ его съ войскомъ. Онъ велѣлъ сдѣлать частоколъ кругомъ города, впереди его вырыть глубокій ровъ, позади его также, чтобы ни одна пушка не могла причинить вреда городу.

Уже долгое время ни какой Димитрій не хотѣлъ приходить изъ Польши и подвергать жизнь опасности за Русскую корону. Тогда Князь Григорій Шаховской придумалъ въ Путивлѣ другую хитрость и продѣлку, чтобы помучить своихъ земляковъ: онъ и прежде еще слыхалъ отъ степныхъ Казаковъ, что у Великаго Князя, Ѳедора Ивановича, вмѣсто котораго завѣдывалъ Великокняжескимъ правленіемъ Борисъ Годуновъ, былъ незаконный сынъ, по имени Петръ Ѳедоровичъ, и проживалъ нѣсколько лѣтъ у Казаковъ, потому что Борисъ имѣлъ покушеніе и на его жизнь, такъ онъ и не могъ отправиться въ Россію при жизни Бориса, однако жь намѣренъ былъ итти къ своему дядѣ, Димитрію, и просить у него Княжескаго содержанія, если бы того не убили.

Къ этому-то Петру Өедоровичу написалъ Шаховской письмо отъ имени Димитрія, и запечаталъ его Государственною печатью, которую укралъ во время возмущенія, какъ сказали мы выше. «Пусть Петръ наберетъ столько Казаковъ, сколько будетъ для него можно, идетъ въ Путивль и поможетъ ему занять и оборонить его отечество, пока Димитрій не придетъ самъ изъ Польши съ большимъ войскомъ, не смиритъ и не одолѣетъ своихъ недруговъ, а послѣ того дастъ ему прекрасное Княжество, чтобы и онъ былъ доволенъ.»

Получивъ эту вѣсть, Петръ Өедоровичъ очень обрадовался, собрался съ 10-ю тысячами Казаковъ и прибылъ въ Путивль, на помощь своему дядѣ, Димитрію. Шаховской самъ пошелъ съ нимъ къ крѣпости Тулѣ, въ томъ мнѣніи, что, если счастье ему повезетъ, онъ одолѣетъ Москвитянъ и одержитъ побѣду надъ ними, а изъ Польши ни какого Димитрія не явится, для овладѣнія страною, то Петръ Өедоровичъ будетъ выбранъ и коронованъ въ Великіе Князья; между тѣмъ Шаховской дѣлалъ все отъ имени Димитрія, хоть этотъ на самомъ дѣлѣ и умеръ. Такъ какъ Болотниковъ держался крѣпко въ Калугѣ, Великій Князь Шуйскій велѣлъ осадить этотъ городъ; но Калужане защищались храбро, нанесли много вреда его войску, и оно, не сдѣлавъ дѣла, принуждено отступить съ безчестьемъ.

Въ войскѣ Великаго Князя находился одинъ легкомысленный Господинъ, по имени Фридрихъ Фидлеръ. Онъ объявилъ Великому Князю, что, для блага его и всей страны, онъ отправится къ его врагу, Ивану Болотникову, и отравитъ его ядомъ, только Великій Князь долженъ пожаловать ему помѣстье и сто рублей денегъ.

Великій Князь обѣщалъ, велѣлъ тотчасъ же дать ему дорогую лошадь и 100 талеровъ деньгами, чтобы онъ ѣхалъ къ непріятелю и сдержалъ свое обѣщаніе. Когда воротится и вѣрно сдѣлаетъ дѣло, ему подарено будетъ помѣстье во 100 душъ и дастся 300 талеровъ ежегоднаго жалованья. Но какъ вышеназванный Фидлеръ былъ продувной мошенникъ, Великій Князь и не вѣрилъ ему: пока еще не дали ему денегъ, онъ долженъ былъ поклясться, что вѣрно и безъ всякаго хитраго обмана исполнитъ свое обѣщаніе. Тогда онъ далъ такую клятву, что всѣ благоче-

стивые и богобоязливые люди приходили въ трепетъ, читая, или слушая, ее. Потомъ взялъ деньги, пошелъ къ непріятелю; подалъ ему при всѣхъ ядъ въ руки и сказалъ, что «Великій Князь Шуйскій послалъ его съ тѣмъ, чтобы онъ Болотникова выдалъ, но онъ не хочетъ того сдѣлать;» тутъ онъ вручилъ ему ядъ, чтобы тотъ дѣлалъ съ нимъ, что хочетъ. Болотниковъ благодарилъ его и сдѣлалъ ему большіе подарки, такъ онъ и остался у него въ Калугѣ; а послѣ онъ взятъ былъ въ плѣнъ воинами Великаго Князя и сосланъ въ Сибирь. Клятва, которую онъ далъ, слово въ слово слѣдующаго содержанія, какъ записалъ ее Священникъ Мартинъ Беръ: «Святою и во всѣ времена славимою Троицею, Богомъ, вѣчнымъ Отцомъ, Богомъ Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ, я, Фридрихъ Фидлеръ, клянусь извести ядомъ недруга Царя Василія Ивановича и всей Россіи, Ивана Болотникова; если же не сдѣлаю того, а обману моего милостивѣйшаго Государя Шуйскаго изъ за денегъ, то пусть лишусь навѣчно моего участія въ небесномъ блаженствѣ, и Богъ, вѣчный Отецъ, никогда въ вѣкъ не окажетъ мнѣ Своего милосердія, пусть будутъ для меня напрасными драгоцѣнныя заслуги Нашего Искупителя, Іисуса Христа, Сына Божія, и Духъ Святый отступится отъ меня съ своею силою и дѣйствіемъ и никогда не соприсутствуетъ мнѣ съ какимъ ни будь утѣшеніемъ. Пусть не исправляютъ своего долга надо мною служебные Святые Духи, приставленные ко мнѣ и всѣмъ людямъ, обратятся во вредъ мнѣ, земля поглотитъ меня живаго въ свою пропасть, всѣ земныя растенія и яства послужатъ мнѣ не пищею, а ядомъ; пусть буду я принадлежатъ дьяволу душою и тѣломъ, мучиться и казниться весь вѣкъ. Если же я, надумавъ, или захотѣвъ, обмануть моего Государя изъ за денегъ, не сдѣлаю того, въ чемъ клялся, пойду къ духовному отцу и попрошу разрѣшить себя отъ такого грѣха, пусть разрѣшеніе всякаго служителя Божія во всемъ свѣтѣ не будетъ сильно освободить меня отъ этого грѣха, если не исполню того, что на меня возложено. Но я исполню это безъ всякой хитрости, обмана и плутовства, и изведу этѣмъ ядомъ Ивана Болотникова, также истинно, какъ истинна для меня помощь Божія и Его, ведущаго къ спасенію Евангелія!»

Такъ какъ Великій Князь Шуйскій держалъ въ жестокой осадѣ и сильно тѣснилъ Калугу, Петръ Ѳедоровичъ выслалъ изъ

Тулы нѣсколько тысячъ человѣкъ на выручку Болотникову. Москвитяне тоже послали войско имъ на встрѣчу изъ своего стана; тѣ и другіе встрѣтились, и Москвитяне были отбиты и принуждены бѣжать съ ужасомъ въ станъ. Узнавъ о томъ, Болотниковъ сдѣлалъ вылазку изъ города на другое войско, пришедшее изъ Тулы, со всѣми силами напалъ на станъ Москвитянъ и всѣхъ разогналъ ихъ. Въ большомъ страхѣ они бѣжали въ Москву, бросивъ дробь, порохъ, пушки, продовольствіе, платье и все, что у нихъ было. Болотниковъ опять запасъ всѣмъ этѣмъ Калугу, а самъ пошелъ въ Тулу, къ Петру Өедоровичу.

Но Великій Князь не обратилъ на это вниманіе: ободрившись, онъ послалъ войско подъ Серпуховъ, занялъ его и потомъ отправился въ походъ самъ, съ намѣреніемъ осадить Тулу, по тому что тамъ были зачинщики и коноводы этой смуты и бунта, какъ, на пр., Григорій Шаховской, Петръ Өедоровичъ, Иванъ Болотниковъ и Намѣстникъ Телятевскій (Telatouski). Но прежде нежели Великій Князь подошелъ къ городу и могъ осадить его, всѣ они двинулись на встрѣчу ему, жестоко схватились съ нимъ и скоро побили бы Москвитянъ, если бы одинъ изъ ихъ Полковниковъ не передался Великому Князю съ 4000-ми человѣкъ: на всѣхъ другихъ напалъ такой страхъ, что они оставили поле сраженія, вернулись опять въ Тулу и укрѣпили ее. Но Великій Князь жестоко осадилъ и стѣснилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и всѣмъ своимъ войскомъ: ни кому не было ни входа, ни выхода; но все же онъ не могъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ города: они оборонялись храбро. Шуйскій ничего не могъ сдѣлать ни пальбой, ни приступами, ни голодомъ. Они ѣли собакъ, кошекъ, падаль на улицахъ, лошадей, свои мокроты, воловьи кожи: гиспель соли стоилъ полталера, виспель ржи 100 гульденовъ; о пивѣ никто не смѣлъ и думать, много приняли муки и перенесли голода; чернь была очень недовольна и бунтовала противъ вождей, Шаховскаго и Болотникова: говорили, что они лгутъ, хотѣли уже схватить ихъ и выдать Великому Князю, по тому что видѣли, что ни какой Димитрій не являлся къ нимъ на выручку освободить ихъ отъ непріятеля. Болотниковъ вышелъ къ народу и говорилъ: «Когда возвращался я изъ Италіи, въ Польшѣ велѣлъ позвать меня къ себѣ одинъ молодой человѣкъ, около 28 лѣтъ отъ роду, и сказалъ, что онъ истинный Димитрій.

убѣжавшій во время Московскаго возмущенія. Онъ взялъ съ меня присягу на вѣрную службу ему: я и буду служить ему, пока живъ. Истинный ли онъ, нѣтъ ли, это не могу знать, по тому что онъ незнакомъ мнѣ, и я не видалъ всѣхъ его подробностей. Однако жь пошлю еще гонца, чтобы онъ постарательнѣе развѣдалъ, что сдѣлалось съ тѣмъ Господиномъ, который видѣлся со мною въ Польшѣ и взялъ съ меня присягу, прійдетъ ли онъ, или нѣтъ?»

Народъ остался доволенъ этѣмъ отвѣтомъ. Но посланный дошелъ не дальше города Стародуба, не осмѣлился заходить далеко и ждалъ, чѣмъ кончатся этѣ дѣла.

Такъ какъ этотъ гонецъ долго не возвращался и не приносилъ ни какого отвѣта, то жители подумали, что на него напали и убили его непріятели: они посовѣтовались между собою и отправили другаго гонца. Этотъ переплылъ рѣку, прибылъ въ Польшу и тамъ разливался въ сѣтованіяхъ о крайней нуждѣ и опасномъ положеніи Туляковъ; ему былъ данъ приказъ отъ Полководца, что если не найдется ни какого Димитрія и никто изъ друзей и родныхъ Князя Сандомирскаго не отважится ни на что для ихъ выручки, то онъ, посолъ, долженъ послѣ того передать Королю всѣ города и крѣпости, занятые ими на имя Димитрія, только бы не доставались они Москвитянамъ.

Когда гонецъ этотъ прибылъ въ Польшу, друзья и родные Сандомирскаго Князя начали хлопотать, какъ бы достать и поставить на ноги новаго Димитрія. Сначала было очень трудно и опасно отыскать такого, который захотѣлъ бы такъ попроказничать. Наконецъ, въ Бѣлоруссіи, въ городѣ Соколѣ (Socola) отыскали хитраго, продувнаго плута, который нѣсколько времени былъ учителемъ и могъ бойко говорить и читать по Русски. Его назвали Димитріемъ и разсказали ему всѣ предшествовавшія происшествія, случившіяся съ этѣми Димитріями въ Россіи. Онъ тотчасъ ихъ выразумѣлъ, принялъ титулъ и имя, и пошелъ въ Путивль съ однимъ Польскимъ Полковникомъ, Мѣховецкимъ (Mechavetzki). Его признали тамъ за Димитрія и приняли съ большою радостью.

Оттуда онъ отправился въ Сѣверское Княжество (Sivverski) и прибылъ самъ — третей въ Стародубъ, но не выдавалъ себя Ди-

митріемъ, убитымъ въ Москвѣ Великимъ Княземъ, а назвался Нагимъ (Nagai), однимъ изъ друзей его, и говорилъ, что Димитрій недалеко: онъ ѣдетъ съ Господиномъ Мѣховецкимъ и нѣсколькими тысячами конниковъ и воиновъ; пусть же они будутъ рады ему, а въ немъ найдутъ очень милостиваго Государя, который пожалуетъ ихъ прекрасными льготами, за то что вели себя такъ честно и вѣрно.

Но какъ Полковникъ Мѣховецкій замедлилъ нѣсколькими днями долѣе, нежели полагали жители, имъ стало досадно, что этотъ Нагой дурачитъ ихъ и смѣется надъ ними; схватили его съ товарищами, повели всѣхъ поочередно на пытку, положили одного, по имени Алексѣя, на пытальную лавку, и начали славно хлестать его по спинѣ розгами до крови; они не хотѣли перестать, пока не скажетъ, гдѣ Великій Князь Димитрій, въ живыхъ ли онъ и гдѣ находится? Онъ кричалъ и просилъ, чтобы перестали, что онъ скажетъ, гдѣ Димитрій, и началъ такъ: «Ахъ вы, дурачье! Смѣете ли вы меня такъ мучить и пытать изъ за вашего Государя Великаго Князя, развѣ не узнаете его? Вотъ онъ стоитъ: посмотрите, какъ вы его отдѣлали! Тотъ-то и есть Великій Князь Димитрій, что выдавалъ себя за Нагаго. Онъ въ вашихъ рукахъ: если хотите его погубить вмѣстѣ съ нами, то можете сдѣлать это. Онъ не объявлялъ себя по тому, что хотѣлъ сначала узнать, обрадуетесь ли его приходу.»

Услыхавъ это, всѣ они поклонились Нагому въ землю, цѣловали его ноги и сказали: «Милостивѣйшій Государь! Виноваты, мы дурно обошлись съ тобой; прости насъ, Государь, отпусти намъ этотъ жестокій грѣхъ: будемъ жить и умремъ за тебя.» Они повели его съ большимъ почетомъ и уваженіемъ въ прекрасную комнату, и такимъ образомъ въ Стародубѣ признали его въ другой разъ за убитаго въ Москвѣ Димитрія.

Лишь только что узналъ о томъ посланный изъ Тулы, проживавшій въ этомъ городѣ, онъ запрыгалъ и чрезвычайно обрадовался его приходу, пошелъ къ нему, подалъ письма на его имя изъ Тулы, однако жь тотчасъ же замѣтилъ, что это не прежній, котораго убили въ Москвѣ, а другой.

Но какъ этотъ посолъ былъ Полякъ, то и засвѣдѣтельствовалъ ему особенное почтеніе при всемъ народѣ, будто коротко знаетъ его, какъ прежняго своего Господина, хоть и не видалъ его во всю жизнь ни разу. Увидавъ это, народъ еще больше утвердился въ своемъ мнѣніи, что онъ настоящій и подлинный Димитрій. Въ этотъ же день прибылъ и Мѣховецкій съ нѣсколькими ротами всадниковъ. Лжедимитрій велѣлъ ему ити въ городъ Козельскъ (Cazeltzki), и освободить его: онъ самъ скоро пойдетъ за нимъ на выручку Тулы и Калуги.

Этотъ вновь принятый Димитрій, по числу Третій, прежде чѣмъ ему отправиться дальше въ страну, еще лучше хотѣлъ испытать Русскихъ въ Стародубѣ и велѣлъ одному Поляку, по имени Ивану Заруцкому (Zaruski), выѣхать за городскія ворота съ копьемъ, а самъ онъ тоже выѣдетъ въ слѣдъ за Полякомъ, для примѣрнаго сраженія съ нимъ. Когда же народъ соберется толпою и будетъ смотрѣть, Заруцкій долженъ броситься на него съ копьемъ и не много дотронуться до него: онъ свалится, какъ будто сбитый съ лошади, а Полякъ поѣдетъ къ себѣ на квартиру и спрячется тамъ. Если народъ затѣетъ что ни будь недоброе съ нимъ, то Лжедимитрій увидитъ, что онъ вѣренъ и преданъ ему, а Поляку не будетъ ни какого вреда.

Уговорившись такъ, они выѣхали на мѣсто и сразились. Заруцкій бросился на Димитрія, этотъ свалился съ лошади и прикинулся полумертвымъ. Народъ закричалъ въ одинъ голосъ, что надобно схватить измѣнника: взяли его, славно отдѣлали плетьми, стащили съ лошади, привели связаннаго къ своему Государю, Димитрію, и спрашивали, какъ имъ казнить его? Услыхавъ, что Заруцкому досталось порядкомъ, Димитрій засмѣялся и сказалъ: «Спасибо всѣмъ вамъ, вѣрнымъ моимъ подданнымъ, за то, что я въ другой разъ узналъ ваше прямодушіе со мною, за то, что вы мнѣ преданы и вѣрны: я совершенно невредимъ, хотѣлъ только испытать васъ, и самъ велѣлъ такъ поступить Заруцкому.» Они дивились его находчивости и благоразумію, а Заруцкій принялъ побои себѣ на здоровье.

Выручивъ приверженцевъ Лжедимитрія въ Козельскѣ, отбивъ и прогнавъ отъ него Москвитянъ, Мѣховецкій поджидалъ прихода

Самозванца съ войскомъ; этотъ уже выступилъ и хотѣлъ выручать Тулу и Калугу, но Мѣховецкій узналъ, что три города, Болховъ, Бѣлый и Лихвинъ (Lieffina), передались Великому Князю и скоро взяли бы головою этого мнимаго Димитрія, если бы онъ не отступилъ и не остался на зиму въ Стародубѣ. Благодаря случаю этого отпаденія городовъ, начальствующіе въ Тулѣ были покинуты совсѣмъ: Великій Князь велѣлъ запрудить текущую городомъ рѣку Упу, отъ чего вода разлилась такъ сильно, что жители должны были ѣздить другъ къ другу на челнокахъ и лодкахъ; отъ голода и отъ воды они принуждены сдаться и договариваться о пощадѣ съ Великимъ Княземъ на томъ условіи, чтобы онъ пощадилъ ихъ жизнь и помиловалъ ихъ, а не то всѣ они будутъ держаться до тѣхъ поръ, пока имъ нечего будетъ ѣсть, кромѣ крысъ и мышей, и пока не поѣдятъ другъ друга. Великій Князь очень дивился тому и сказалъ: «Хотя я и поклялся не давать ни какой пощады нѣкоторымъ лицамъ въ Тулѣ, однако жь мнѣ, видно, надо оставить гнѣвъ и немилость, помиловать ихъ и даровать имъ жизнь, за честную ихъ стойкость и храбрость, по тому что они такъ вѣрны были присягѣ Димитрію, вору и измѣннику: если бы они захотѣли такъ же вѣрно служить и мнѣ, какъ служили ему.» Онъ цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы помиловать всѣхъ ихъ: это было въ день Симона и Іуды, въ 1607 году.

Когда такимъ образомъ уговорились и условились, выѣхалъ изъ города Болотниковъ, вошелъ въ палатку Великаго Князя, сталъ на колѣни, припалъ лицомъ къ землѣ и сказалъ: «Я вѣрно сдержалъ клятву, которую далъ въ Польшѣ одному Господину, называвшему себя Димитріемъ, роднымъ сыномъ Ивана Васильевича. Подлинно ли онъ такой, или нѣтъ, не могу знать, я не видалъ его никогда въ прежней моей жизни, однако жь онъ бросилъ меня, и теперь я въ твоихъ рукахъ: коли хочешь, убей меня, со мною для того и сабля! А если пощадишь мою жизнь и помилуешь меня, я буду такъ же вѣрно служить тебѣ, какъ служилъ ему.»

Великій Князь велѣлъ ему встать и сказалъ, что сдержитъ все, что обѣщалъ и въ чемъ поклялся. Но онъ сдержалъ клятву, какъ собака держитъ постъ, какъ водится у всѣхъ Московитянъ. Только что пріѣхавъ въ Москву, онъ велѣлъ Петра Өедоровича повѣсить, а Болотникова посадить въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ

жалкою голодною смертію, а 52 иностранца, служившіе въ Тулѣ, сосланы были въ Сибирь.

Взявъ городъ Тулу, Великій Князь распустилъ по домамъ свое войско, кромѣ того, которое стояло подъ Калугой. Къ нему отправилъ онъ одного знатнаго Боярина, бывшаго также и при осадѣ Тулы. Ему было приказано вести переговоры съ Калужанами о сдачѣ города: если сдадутся добромъ, Великій Князь даруетъ всѣмъ имъ жизнь, и окажетъ такое же благоволеніе и милость, какъ и жителямъ Тулы. Но они отвѣчали, что совсѣмъ не намѣрены сдаваться: хотя Государь ихъ и удалился отъ нихъ изъ за крамолы и мятежа, однако онъ не станетъ мѣшкать и вернется довольно скоро. Съ этѣмъ Государемъ они и напали на станъ Великаго Князя и причинили много вреда его людямъ. Это привело въ сильную досаду Великаго Князя: онъ послалъ въ станѣ на выручку нѣсколько тысячъ свѣжаго войска, въ которомъ было 4000 Казаковъ, прежде служившихъ у Болотникова, и потомъ взятыхъ въ плѣнъ. Когда освободили ихъ, они клялись служить Великому Князю, а онъ далъ имъ денегъ, платье, ружья и брони.

Когда Казаки прибыли съ Москвитянами въ Калужскій станъ, между ними вышло несогласіе. Казаки начали бунтовать, Москвитяне очень испугались того, убѣжали ночью въ Москву и бросили все, что было у нихъ въ станѣ. Узнавъ о томъ, Казаки утромъ двинулись къ городу, хотѣли, чтобы ихъ впустили туда, по тому что они люди одного съ жителями Государя, разсказывали, какъ ночью прогнали Москвитянъ, которые всѣ бѣжали, оставивъ послѣ себя много продовольствія, пушекъ и нѣсколько бочекъ пороху: пусть жители возьмутъ все это и унесутъ въ городъ.

Но Намѣстникъ сначала не хотѣлъ имъ вѣрить и не велѣлъ никого пускать въ городъ. Казаки перешли рѣку Оку и говорили, что пойдутъ искать своего Государя. Увидавъ это, Калужане послали въ станъ людей, которые нашли все такъ, какъ разсказывали Казаки, догнали этѣхъ, приказывали имъ вернуться къ городу, однако жь Казаки не слушались, за чѣмъ имъ прежде запрещали и отказывали, послали только съ сотню изъ своихъ въ городъ, чтобы они закупили тамъ, что нужно, и потомъ ѣхали

за товарищами. Все, что ни нашли въ станѣ, Калужане стащили въ городъ, и снова поклялись жить для Димитрія и умереть за него.

Послѣ того, какъ Великому Князю не повезло подъ Калугой, онъ опять собрался съ силами на истребленіе и изгнаніе ложнаго и самодѣльнаго Димитрія. Самозванецъ, по порядку ихъ Третій, послалъ набирать войско въ Польшу. Оттуда пришелъ Воевода Кіевскій, Адамъ Вишневецкій, съ 2000 конницы, и Романъ Рожинскій (Rusnitzki) съ 4000; подъ городомъ Орломъ (Arol) они соединились съ Мѣховецкимъ и Димитріемъ; по согласію всего войска, Рожинскаго сдѣлали главнымъ вождемъ и пошли вооруженною силой подъ городъ Брянскъ (Brandskovv). Начальникомъ тамъ былъ Ливонецъ, по имени Гансъ Бергъ; онъ тотчасъ же передался Димитрію и сдалъ ему городъ безъ всякаго приступа и сопротивленія.

Около этого времени высокопочтенный Шведскій Король, блаженной памяти Карлъ Девятый, узналъ, какіе хитрые замыслы были у Поляковъ и Папистовъ съ ихъ вымышленнымъ Димитріемъ, и что они собираютъ сильное войско на гибель и покореніе Россіи. Въ 1608 году, онъ отправилъ въ Москву къ Великому Князю, Василію Шуйскому, меня, Петра Петрея, съ приказаніемъ предостеречь его, какъ слѣдуетъ вѣрному сосѣду, и дать ему знать, что Королю извѣстно, что Папа со всею лигою и Поляками поднимаетъ на помощь себѣ разные народы, чтобы заводить всякія смуты и войны, завоевать всю Москву (т. е., Россію) и привести ее въ покорность и подданство себѣ, что уже взято нѣсколько городовъ на имя Лжедимитрія и причинено много вреда грабежомъ, мечомъ и огнемъ. Это было очень прискорбно его Величеству: чтобы остановить и предупредить это заранѣе, пока непріятели не ворвались еще дальше въ страну, Его Королевское Величество, какъ добросердечный и вѣрный сосѣдъ Великаго Князя и всего Русскаго Великаго Княжества, желаетъ прійти къ нему на помощь съ нѣсколькими тысячами своей и иноземной пѣхоты и конницы.

Великій Князь и его Бояре не обратили ни какого вниманія на это предложеніе и дружеское предостереженіе Короля, пренебрегли имъ, думали, что у нихъ достанетъ силъ справиться съ Поляками, и что отпавшіе Русскіе и даже преданные Полякамъ города отложатся отъ нихъ, по примѣру трехъ выше названныхъ

городовъ, особливо послѣ того, какъ Великій Князь завоевалъ городъ Тулу. Однако жь онъ обманывался въ томъ и испыталъ со всѣмъ другое, съ потерею земли, людей и своего собственнаго счастья, о чемъ мы разскажемъ послѣ: по тому что Поляки подавались все дальше въ страну съ своимъ Лжедимитріемъ и брали городъ за городомъ.

Теперь по всей Россіи разнеслась молва, что Поляки вторгнулись въ эту страну въ числѣ многихъ тысячъ: это навело великій страхъ на Москвитянъ, и многіе заключили изъ того, что Самозванецъ должно быть настоящій Димитрій, убитый и сожженный въ Москвѣ. Отъ того же передалось ему много Русскихъ Дворянъ и иностранцевъ, которыхъ онъ тотчасъ одарилъ крестьянами и деревнями, гораздо лучше ихъ прежнихъ помѣстьевъ, чтобы они не имѣли причинъ бѣжать отъ него, хотя бы видѣли и знали, что онъ не истинный Димитрій, а другой.

Этотъ Димитрій III-й велѣлъ по всѣмъ городамъ разглашать, чтобы, гдѣ есть Бояре и Дворяне у Великаго Князя, владѣвшіе помѣстьями, холопы и слуги ихъ, приходили бы къ нему и присягали на вѣрную службу, за что онъ наградитъ ихъ помѣстьями; если же у Дворянъ въ деревняхъ были жены и дочери, рабы могли ихъ взять за себя замужъ, владѣть деревнями и служить ему. Благодаря тому, онъ набралъ себѣ много людей, разбѣгавшихся отъ Господъ во всей странѣ, и такимъ образомъ крѣпостные холопы стали Боярами и Дворянами, сильными и богатыми, а Дворяне сдѣлались бѣдняками и нищими и должны были помирать въ Москвѣ съ голода.

Во время такого счастья и успѣховъ Димитрія, Великій Князь послалъ къ нему на встрѣчу многочисленное войско, чтобы не дать ему проникнуть еще дальше въ страну. На половинѣ дороги Димитрій съ своими людьми встрѣтилъ его, и бились жестоко другъ съ другомъ. Поляки всегда брали верхъ и все побивали людей Великаго Князя: отъ того Русскіе и оробѣли. Въ войскѣ Русскомъ одинъ молодой Ротмистръ изъ Курляндіи, по имени Бертилъ Ламбсдорфъ, тайно условился съ своими начальниками, и всѣ они послали тайкомъ посла къ Димитрію, съ предложеніемъ своихъ вѣрноподданическихъ услугъ: пусть онъ идетъ впередъ,

они передадутся ему съ развернутыми знаменами при первомъ его наступленіи.

Приблизившись другъ къ другу, оба войска начали бой. Димитрій положился на тайный уговоръ съ нимъ Ламбсдорфа и велѣлъ щадить Нѣмцевъ и нападать на однихъ Москвитянъ. Русскій Полководецъ замѣтилъ это и велѣлъ Ламбсдорфу ударить на непріятеля. Конные воины не знали о замыслѣ своего Ротмистра, а Ротмистръ въ хмѣлю не вспомнилъ о томъ, и Нѣмцы, напавъ на Поляковъ, убили у нихъ 400 человѣкъ. Это жестоко раздосадовало Димитрія и его Полководцевъ: они до того разсердились и разозлились, что навѣрное повѣсили бы Нѣмецкихъ пословъ отъ Ламбсдорфа, если бы тѣ не ушли. Димитрій приказалъ всему своему войску не щадить больше Нѣмцевъ, если они попадутся: тогда Поляки и Казаки съ такимъ остервененіемъ напали на Москвитянъ и Нѣмцевъ, что первые должны были обратиться въ бѣгство. Ламбсдорфъ теперь только вспомнилъ свой тайный уговоръ, отвелъ своихъ конниковъ въ сторону и хотѣлъ передаться Димитрію съ распущеными знаменами. Но это было слишкомъ поздно. Поляки окружили ихъ, убили 300 человѣкъ, изъ числа тѣхъ, которые остановились и не бѣжали вмѣстѣ съ Москвитянами. Москвитяне же сочли за честныхъ людей этѣхъ Нѣмцевъ, какъ будто они сражались храбро и порыцарски на ихъ сторонѣ и положили животъ свой за Великаго Князя, а между тѣмъ они были ихъ злѣйшіе враги и имѣли на умѣ всякое зло противъ своего законнаго Государя, которому присягали.

Когда Москвитяне, полумертвые и дрожащіе отъ страха, прибѣжали въ Москву и стали говорить о понесенномъ пораженіи, что столько-то тысячъ ихъ убито и обращено въ бѣгство, весь городъ пришелъ въ ужасъ; нѣсколько дней не знали, что начать, и въ самомъ дѣлѣ передались бы Димитрію, если бы онъ подвинулся ближе съ своимъ войскомъ.

Народъ сталъ уже поговаривать и совѣтоваться между собою, толковали, что если бы онъ былъ не истинный Димитрій, то Дворяне, которые отправились къ нему съ повинною, вернулись бы назадъ, особливо большіе Бояре и Дворяне, бывшіе виновниками совершенныхъ въ Москвѣ убійствъ. Они подбили бы на-

родъ къ мятежу и измѣнѣ, умертвили бы людей Самозванца, выгнали бы его самаго. Ни чего такого народъ не слыхалъ. Одинъ изъ Москвитянъ заговорилъ такъ: будто бы онъ слышалъ, что Димитрій такой умный и прозорливый, что съ перваго взгляда узнаетъ, кто виноватъ и кто нѣтъ. Какой-то мясникъ перепугался и сказалъ: «Бѣда моя! Я не посмѣю явиться предъ его ясные очи, по тому что вотъ этѣмъ ножомъ я зарѣзалъ пятерыхъ его слугъ.» Тогда всѣ стали отчаяваться и бояться за него.

Послѣ этого бѣгства Москвитянъ изъ подъ Калуги, Димитрій со всѣмъ войскомъ подвинулся ближе къ Москвѣ и высматривалъ, гдѣ бы удобнѣе начать осаду. Въ то же время на помощь ему пришелъ одинъ знатный Литовскій Бояринъ, по имени Іоаннъ Сапѣга (Sapelha), съ 7000 конниковъ. Великій Князь послалъ войско съ однимъ знатнымъ Бояриномъ изъ своихъ друзей, по имени Михайломъ Скопинымъ: онъ поставилъ своихъ воиновъ въ обозѣ, и пока они находились подъ этѣмъ прикрытіемъ, Полякамъ нечего было взять у нихъ, хотя имъ и хотѣлось подраться съ Москвитянами, однако жь не удавалось до самой ночи на Св. Іоанна: тогда Поляки нечаянно нагрянули на нихъ, разбудили ихъ, и многіе изъ Москвитянъ остались лежать, но уже не вставали.

Великій Князь велѣлъ привезти на стѣны всѣ пушки, въ ожиданіи нападенія Поляковъ, и если бы въ то время они отважились на это, то, безъ сомнѣнія, овладѣли бы городомъ. Но Димитрій не дозволялъ того, все думая, что городъ сдастся, не хотѣлъ разорять, или сожигать, его; сколько разъ Поляки ни принимались за это, онъ все удерживалъ ихъ ласковыми словами и говорилъ, что если разоритъ столицу и сожжетъ всѣ ея богатства, чѣмъ будетъ заплатить войску? Поляки и остановилися. Однако жь для него лучше бы было разорить и разрушить одинъ городъ, нежели жечь и опустошать всю страну, по тому что страна скоро бы выстроила такой городъ, а Москва одна не могла построить другихъ городовъ, крѣпостей и деревень, разрушенныхъ и разоренныхъ со всею страною.

29 Іюня, 1608 года, Дититрій расположился въ милѣ отъ города Москвы на рѣкѣ того же имени, и оставался тамъ до 29 Декабря, 1609 года. У нихъ бывали частыя схватки и съ обѣихъ

сторонъ пало много храбрыхъ людей. Межъ тѣмъ Великій Князь велѣлъ привезти въ Москву плѣнныхъ Поляковъ, Воеводу Сандомирскаго, дочь его, Марину Юрьевну (Maria Gorgona), и племянника ихъ, Стадницкаго (Stadniski), со всѣми другими Поляками, содержавшимися въ Ростовѣ и Ярославлѣ, чтобы Поляки не дѣлали больше вторженій въ страну, къ ея разоренію и для освобожденія своихъ земляковъ.

Но какъ Димитрій съ такимъ множествомъ народа держалъ Москву въ суровой осадѣ и жестоко стѣснялъ ее, заградилъ всѣ дороги и добивался освобожденія плѣнныхъ Поляковъ и Великой Княгини, Великій Князь согласился съ своимъ Совѣтомъ, отпустилъ всѣхъ плѣнниковъ и отослалъ ихъ въ Польскій станъ, полагая, что Поляки отступятъ съ ними и снимутъ осаду; этого, однако жь, не случилось: они продолжали осаду еще усерднѣе и суровѣе прежняго.

Когда прибыли въ станъ плѣнные Поляки, все войско, а особливо Димитрій, были очень довольны и веселы; велѣно палить изо всѣхъ пушекъ; поставлено нѣсколько палатокъ, такъ чтобы можно было ходить изъ нихъ другъ къ другу; напослѣдокъ покончили дѣло на томъ, чтобы Воевода отправился въ Польшу, а дочь его осталась въ станѣ у Димитрія, ея мнимаго мужа, съ условіемъ, чтобы онъ не касался ея до тѣхъ поръ, пока не завоюетъ всей страны и не сядетъ на Москвскомъ престолѣ.

Когда порѣшили все это, Лжедимитрій встрѣтилъ на одномъ мѣстѣ Великую Княгиню, въ виду всего стана; со слезами живѣйшей радости они поздоровались. Эта веселая и забавная сцена ослѣпила много зоркихъ глазъ: Марина передъ всѣмъ народомъ оказала ему всѣ приличныя почести и уваженіе, какъ своему любезному Государю и мужу, цѣловала, ласкала его; онъ ее также; по всей землѣ пошла молва, всѣ толковали и судили, что онъ истинный Димитрій, и по этому случаю много Дворянъ изо всѣхъ мѣстъ перешло къ нему въ станъ.

Какъ скоро узналъ о томъ Великій Князь и увидалъ, что ему нѣтъ счастья въ его народѣ, онъ забылъ своего Бога, по пословицѣ тѣхъ безбожныхъ людей, которые говорятъ такъ: «Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo,» и собралъ со

всей земли колдуновъ и колдуньевъ, чтобы, чего не могъ сдѣлать одинъ колдунъ, умѣлъ сдѣлать другой; для употребленія этѣхъ чортовыхъ дѣтей при ихъ чарахъ и ворожбѣ, онъ велѣлъ разрѣзать многихъ брюхатыхъ женщинъ и достать плодъ изъ ихъ тѣла, застрѣлить нѣсколькихъ здоровыхъ и рѣзвыхъ коней и вынуть у нихъ сердце: колдуны добились того, что когда клали и закапывали этѣ снадобья, получалъ поверхность Великій Князь, а когда не было того, одолѣвали Поляки.

Многіе большіе Бояре бѣжали изъ Москвы къ Димитрію и въ числѣ ихъ Князь Василій Мосальскій (Mosaiskovv), который еще прежде съ 25,000 рублей перешелъ отъ Великаго Князя Бориса Годунова къ Лжедимитрію Первому и остался его Маршалкомъ, а по убіеніи Самозванца Великій Князь Шуйскій поставилъ его Намѣстникомъ въ крѣпости Кексгольмѣ; тамъ пробылъ онъ не больше года, до перевода своего въ Москву. Отъ того-то онъ опять и перебѣжалъ отъ Шуйскаго къ Лжедимитрію Второму и провелъ у него нѣсколько дней. Но увидавъ и узнавъ на самомъ дѣлѣ, что это не тотъ Димитрій, котораго полагали, а новый воръ, обманщикъ и измѣнникъ, Мосальскій опять бѣжалъ къ Великому Князю съ нѣсколькими Русскими Боярами и Дворянами, созвалъ народъ и говорилъ гласно, что это не Димитрій, котораго они убили, а другой. Тогда Москвитяне въ первый разъ стали всѣ какъ одинъ человѣкъ, и оборонялись отъ новаго Лжедимитрія и Поляковъ до послѣдней возможности.

Великій Князь былъ въ большомъ безпокойствѣ съ своими приверженцами, будучи сильно тѣснимъ Лжедимитріемъ Вторымъ и Поляками и ни откуда не надѣясь для себя помощи: они держали между собою совѣтъ, какъ бы избавиться отъ осады? Великій Князь отправилъ изъ Москвы своего родственника, племянника Михаила Скопина, собирать войско въ Новгородѣ, сверхъ того Посланника къ Пресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Высокородному Князю и Государю, блаженной и достославной памяти, Карлу Девятому, Королю Шведскому, Готскому, Вендскому и Вейландскому, напомнить ему о старинномъ союзѣ, заключенномъ между Россіею и Швеціею въ Тявзинѣ въ 1595 году, и чтобы онъ благоволилъ прислать Шуйскому нѣсколько пѣшаго и коннаго войска

противъ его непріятелей, Поляковъ и Литовцевъ, по тому что Великій Князь въ Москвѣ жестоко осажденъ и стѣсненъ мнимымъ Димитріемъ и Поляками, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не знаетъ для себя прибѣжища и пособія.

Его Королевское Величество могъ бы и отказать ему, за то что прежде, когда доведенъ былъ до крайности, онъ не принялъ Королевской помощи, да и при такомъ случаѣ, когда Польскій Король обратилъ свои главныя силы на Россію, Его Королевское Величество велъ съ замѣтнымъ успѣхомъ войну съ Поляками въ Ливоніи и вполнѣ могъ надѣяться обезпечить за собою всю эту область. Но какъ великодушный и вмѣстѣ добродѣтельный и сострадательный Государь, Его Королевское Величество рѣшился, не смотря ни на что, не покидать Великаго Князя и Русскій народъ въ такой крайней нуждѣ, по тому что они со всѣмъ смиреніемъ искали у него помощи и защиты. Посланники обоихъ Государей отправились въ Выборгъ, въ Финляндію, для переговоровъ о дѣлахъ обѣихъ Державъ. Они договорились между собою на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы вышепомянутый Король Шведскій, Карлъ Девятый, благоволилъ помочь Великому Князю 5-ю тысячами коннаго и пѣшаго войска, на жалованьѣ Великаго Князя; за то Великокняжескіе Посланники отъ имени своего Государя обѣщались правильно платить вспомогательному войску Короля Шведскаго и на его содержаніе выдавать Шведскому Полководцу сполна по 32,000 рублей или по 10,000 талеровъ въ мѣсяцъ. Въ томъ же случаѣ, когда Великій Князь окажется неисправнымъ въ уплатѣ, онъ обязывается выдать двойную сумму за каждый не оплаченный мѣсяцъ, по приходѣ Шведскаго войска въ Москву.

Потомъ, въ признательность и благодарность за оказанную помощь, Великій Князь долженъ уступить Шведской Коронѣ крѣпость Кексгольмъ, съ принадлежащею къ нею областью или страною, въ вѣчное наслѣдственное владѣніе, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ послѣ прибытія Шведскаго войска на Русскую границу. Все это ясно можно видѣть въ Договорѣ, заключенномъ и постановленномъ въ Выборгѣ между уполномоченными съ обѣихъ сторонъ Коммисарами въ 1609 году. Послѣ разскажемъ, которая сторона всего вѣрнѣе сохранила, или нарушила, заключенный Договоръ.

Послѣ этого постановленія и Выборгскаго Договора, Шведскій Король отправилъ въ Россію, на помощь и выручку Великому Князю, благороднаго и знатнаго Графа Г. Якова Де ла Гарди, Графа Лекко, Барона Экгольмскаго, владѣльца Киды и Рунсы, Государственнаго Совѣтника и Рыцаря, въ званіи Главнокомандующаго, съ войскомъ изъ 5,000 хорошо обученныхъ и обмундированныхъ, Шведскихъ, Финскихъ и иностранныхъ воиновъ, конныхъ и пѣшихъ. Это было въ то самое время, когда почти вся Россія передалась Лжедимитрію, отчасти по принужденію, отчасти добровольно. Самозванецъ, съ Польскимъ и Литовскимъ войскомъ изъ Русскихъ, Литовцевъ и Поляковъ, привелъ Великаго Князя въ такое крайнее и трудное положеніе, что онъ едва въ силахъ былъ съ нуждою защищаться и удерживать городъ Москву.

Всякой разумный человѣкъ легко разсудитъ, какихъ безчисленныхъ расходовъ стоило Шведскому Королю набрать такое войско и содержать его до выступленія его въ Россію, и значительный убытокъ для Королевской земли, по которой оно должно было проходить до 100 миль. Не говоримъ уже не только о явныхъ выгодахъ, которыя, какъ замѣтили мы выше, были чрезъ это утрачены для Короля, но и о потерѣ крѣпости Парнова (Пернова), съ значительнымъ числомъ находившихся тамъ пушекъ и разныхъ военныхъ снарядовъ, а это, большею частію, произошло отъ того, что Король долженъ былъ помогать Русскимъ и вывелъ свои войска изъ Ливоніи.

Только что Королевское войско выступило въ походъ, какъ уже, благодаря однимъ слухамъ о немъ и страху его оружія, сдались Великому Князю крѣпости Кексгольмъ и Нотебургъ, до этого времени державшія сторону Лжедимитрія. Безъ сомнѣнія, и крѣпости Копорье (Coporia), Ямъ (Jama), Гдовъ (Augdovv) и другія принуждены бы были передаться Великому Князю, если бы племянникъ его, Михаилъ Васильевичъ Скопинъ, не счелъ неудобнымъ тратить на это время, но настоятельно просилъ и убѣждалъ спѣшить на выручку Великаго Князя и освободить его отъ осады.

Когда Полководецъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди, прибылъ съ Шведскимъ войскомъ въ Новгородскую область, и городъ Порховъ (Porckovv) тоже послѣдовалъ примѣру Кексгольма и Нотебурга и

сдался Великому Князю. Поляки, подъ начальствомъ Корнезетцкаго (Cornezetski), * стоявшіе, въ числѣ 2,000, въ Старой Руси, узнавъ о приходѣ Шведскаго войска, пришли въ такой страхъ и отчаяніе, что поспѣшно очистили городъ и ушли оттуда. Графъ Де ла Гарди послалъ слѣдомъ за ними Фельдмаршалка Эберта Горна изъ Канкаса, съ сотней воиновъ; этотъ очень усердно преслѣдовалъ Поляковъ днемъ и ночью, наконецъ настигъ ихъ въ Каменскѣ (Cameneck), съ Божіею помощію совершенно разбилъ, и самъ начальникъ ихъ едва избѣжалъ смерти. Такъ городъ Старая Руса и весь его округъ приведены были въ покорность Великому Князю.

Послѣ того Полководецъ послалъ Эберта Горна, съ нѣкоторымъ числомъ войска, въ Торжокъ (Torsiock), гдѣ находился Польскій Полковникъ Зборовскій съ 3,000 человѣкъ; хотя Горнъ не имѣлъ ни какихъ другихъ приказаній отъ Полководца, кромѣ того, чтобы развѣдать о позиціи и силахъ непріятеля, пока не подойдетъ самъ Де ла Гарди со всѣмъ войскомъ, однако жь онъ, заставъ непріятеля на полѣ близко Торжка, храбро напалъ на него, разбилъ и обратилъ его въ бѣгство. Зборовскій долженъ былъ съ великимъ позоромъ бѣжать въ большой станъ. Такъ и Торжокъ освобожденъ отъ осады. За это Лжедимитрій былъ очень недоволенъ Нѣмцами, началъ смѣяться надъ ними и бранить ихъ, за то что Поляки попались въ такой просакъ и были застигнуты врасплохъ Шведами.

Димитрій видѣлъ, что Шведскій Полководецъ близко, войско его потерпѣло большое пораженіе, а Москвитяне ободрились, видя, что ему нечего взять у нихъ, и не хотѣли сдаваться; онъ послалъ Яна Сапѣгу осаждать Троицкій монастырь и не давать ни чего привозить въ Москву изъ прочихъ мѣстъ. Сапѣга столько же сдѣлалъ подъ монастыремъ, сколько Лжедимитрій подъ Москвою. Но какъ онъ причинялъ вездѣ много вреда странѣ, занялъ и загородилъ всѣ дороги и проходы, то Великій Князь послалъ изъ Москвы 30,000 воиновъ, все конниковъ, и далъ имъ въ начальники своего брата, Ивана Ивановича Шуйскаго, который долженъ былъ задать Полякамъ пиръ подъ Троицей. Въ двухъ миляхъ отъ монастыря встрѣтился имъ Сапѣга съ войскомъ: они бились храбро, Поляки начинали уже трусить, и два раза обращались въ бѣгство.

* У Нѣмцевича II, 342, Kiernosiecki.

Наконецъ Сапѣга собрался съ духомъ и сказалъ своему подчиненному войску: «Любезные братья и земляки! Если мы будемъ все бѣжать, насъ перебьютъ и никто не избѣгнетъ смерти. Польша такъ далеко отсюда, станемъ же лучше сражаться по рыцарски, чѣмъ бѣжать и давать себя бить, какъ трусливыхъ непотребныхъ женщинъ: пусть каждый постарается, сколько силъ хватитъ, а я буду первымъ и передовымъ вашимъ въ любви къ славѣ, доблести и чести. Слѣдуйте за мною! Богъ навѣрное отдастъ непріятеля въ наши руки.» Они напали съ такою силой и бѣшенствомъ на Москвитянъ, что перебили ихъ нѣсколько тысячъ, другихъ же прогнали въ Москву. Такой уронъ въ людяхъ до того лишилъ бодрости и обезсилилъ Великаго Князя, что онъ ужь больше не осмѣливался выходить въ поле безъ Шведскаго войска, оставилъ въ покоѣ и Сапѣгу, до тѣхъ поръ, пока не прибылъ Шведскій Полководецъ и не прогналъ отъ монастыря Поляка.

Находясь теперь въ мирномъ и спокойномъ положеніи подъ монастыремъ, Сапѣга послалъ нѣсколько ротъ Поляковъ и Казаковъ, для развѣдыванія, нельзя ли привести какихъ ни будь городовъ къ присягѣ Лжедимитрію? Это и посчастливилось ему: два города, Переславъ (Perislavv) и Ростовъ присягнули въ вѣрности и преданности Самозванцу. Однако жь Ростовъ хотѣлъ было потомъ измѣнить, но ему плохо пришлось за это: весь городъ былъ вырѣзанъ и сожженъ. Поляки получили превосходную добычу въ его монастыряхъ и церквахъ въ золотѣ и серебрѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ и жемчугѣ, поснимали съ иконъ всѣ ихъ серебряныя ризы (Röcke), а со Св. Леонтія, лежащаго въ серебряной ракѣ, золотую въ 300 фунтовъ вѣсомъ, изрубили этѣ ризы топорами въ куски и раздѣлили между собою. Митрополита отвели плѣнникомъ подъ Москву къ Димитрію, который принялъ его милостиво и сдѣлалъ своимъ Патріархомъ. Говорили, что въ посохѣ Митрополита былъ рубинъ, стоившій 20,000 гульденовъ и подаренный имъ Димитрію. Съ этого города взялъ себѣ примѣръ богатый, торговый и промышленный городъ Ярославль и сдался Димитрію на такихъ условіяхъ, чтобы гражданамъ было оставлено ихъ судопроизводство, Поляки не тревожили бы ихъ и не позорили ихъ женъ и дѣтей. Они будутъ вѣрны и преданы Лжедимитрію и сдѣлаютъ для него все возможное; послали въ станъ

къ нему 30,000 рублей золотомъ и желали себѣ начальника, который управлялъ бы ими и оборонялъ ихъ отъ Поляковъ. Димитрій далъ имъ въ начальники Лоренца Бюгге (Biugge), Шведа, родомъ изъ области Гельзингеланда, который больше 30-ти лѣтъ жилъ въ Россіи и приведенъ былъ въ Москву плѣнникомъ изъ Ливоніи при тиранѣ Иванѣ Васильевичѣ. Этотъ Капитанъ пришелъ въ Ярославль съ 1000 конныхъ воиновъ: граждане долгое время снабжали ихъ съ лошадьми пищею и питьемъ, сѣномъ, овсомъ и всѣмъ нужнымъ.

Города Кострома (Castron), Галичъ, Вологда тоже присягнули въ вѣрности Лжедимитрію и долго бы оставались вѣрны присягѣ, если бы не подбилъ и не взбунтовалъ ихъ одинъ перекрещенецъ, по имени Даніилъ Эйловъ (Eylovv), тамошній житель, имѣвшій на откупу соляную торговлю. Онъ говорилъ имъ, что они не обязаны хранить присягу, по тому что онъ доподлинно узналъ, что этотъ воръ и обманщикъ, выдающій себя за истиннаго Димитрія, совсѣмъ не тотъ, что вѣнчанъ на царство въ Москвѣ, а другой; говорилъ также, что собралъ въ своихъ помѣстьяхъ 200 человѣкъ, съ копьями и луками, чтобы заставить Поляковъ поскорѣе убраться отъ нихъ. Это длилось, однако жъ, не долго: Поляки провѣдали о томъ, навѣстили Эйлова, перебили его 200 человѣкъ, а самаго съ дѣтьми взяли въ плѣнъ, и онъ долженъ былъ выкупать себя 600 талеровъ. Тогда же явился туда и одинъ Польскій Ротмистръ, Александръ Лисовскій (Likouski), съ 5-ю тысячами Казаковъ и 600 конныхъ воиновъ, перебилъ нѣсколько тысячъ Русскихъ, разъѣзжалъ по всѣмъ сторонамъ въ области, куда только ему было угодно, до чиста разорялъ и опустошалъ все, и не переставалъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока не добрался до городовъ Галича и Костромы, сжегъ ихъ и отступилъ съ огромной и богатой добычей.

При такомъ весьма бѣдственномъ состояніи всей страны, двинулся изъ Литвы и Польскій Король, Сигизмундъ, съ 20,000 войска къ Смоленску, и требовалъ себѣ этотъ городъ, какъ старинную собственность Польской Короны. Но жители не знали, что дать ему, кромѣ пороха и свинца. Онъ стоялъ подъ Смоленскомъ два съ половиною года, пока совсѣмъ не овладѣлъ имъ: на приступахъ и въ стычкахъ потерялъ много храбрыхъ воиновъ, которыхъ

въ одномъ полномъ полку едва осталось и ушло оттуда только 400; впрочемъ, если бы въ городѣ не открылось опасной болѣзни, жители оборонялись бы гораздо дольше. Но что было дѣлать 3-мъ, или 4-мъ, сотнямъ больныхъ воиновъ въ такомъ обширномъ городѣ, противъ такого множества людей за его стѣнами? Жители должны были уступить и отдать себя на рѣзню, подобно овцамъ; смерти избѣжалъ одинъ Намѣстникъ съ сыномъ, которыхъ взяли въ плѣнъ и увели въ Польшу.

Въ то время, какъ Польскій Король держалъ въ такой крѣпкой осадѣ Смоленскъ, Великій Князь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ къ нему изъ Москвы гонца, съ такимъ письмомъ, что уступитъ ему всю Россію, только бы онъ пришелъ и пособилъ ему отбить и прогнать вора и измѣнника, выдававшаго себя за Димитрія. Король смолчалъ на это, не далъ ни какого отвѣта, удержалъ гонца у себя. Въ досадѣ на то, Великій Князь отправилъ другаго гонца къ Начальнику Смоленска, но этотъ гонецъ былъ схваченъ Польскимъ сторожевымъ отрядомъ: у него найдены письма отъ Великаго Князя къ Начальнику Смоленска, убѣждавшія его «держаться и защищаться отъ Короля смѣло и храбро; что Великій Князь склонилъ ласковыми словами Короля Сигизмунда помочь ему смирить и одолѣть Димитрія; а когда это исполнится, онъ то сдѣлаетъ съ Королемъ и его плѣшивыми головами, что не много ихъ уйдетъ изъ Россіи.» Когда донесли о томъ Королю, онъ тотчасъ же замѣтилъ, что это плутовство и коварство, дивился лукавству и обманчивости Русскихъ, а обоихъ пословъ, какъ присланнаго къ нему, такъ и другаго, къ Начальнику Смоленска, велѣлъ бросить въ рѣку и утопить, сказавъ при этомъ: «Нельзя вѣрить ни одному Москвитянину. Если будетъ на то воля Божія, и я найду время и случай, достанется же отъ меня плутоватому Великому Князю, я не останусь у него въ дуракахъ.»

Предъявлявшій права свои, Димитрій, узналъ объ этомъ происшествіи съ Великокняжескими послами подъ Смоленскомъ. Поляки привели въ покорность ему нѣсколько городовъ и вошли въ станъ съ большою добычей, отъ чего подешевѣли всѣ съѣстные припасы и напитки. Димитрій слышалъ также, что между Русскими и Шведскимъ войскомъ вышли ссора и несогласіе: думая, что Шведы вернутся назадъ и не двинутся дальше въ страну, а отъ того

и война его пойдетъ лучше, онъ сталъ доволенъ и веселъ, полагалъ, что все теперь выиграно и бѣда прошла, велѣлъ тайкомъ обвѣнчать себя въ станѣ съ Мариной Юрьевной (Maria Gorgona), женою убитаго Лжедимитрія Перваго или Гришки, хоть и далъ клятву ея отцу, Сандомирскому Воеводѣ, не дѣлать свадьбы, пока не завоюетъ Москвы и не сядетъ на престолѣ. Женившись на коронованной Великой Княгинѣ, сдѣлался очень гордъ и надутъ, называлъ себя единственнымъ Христіянскимъ Императоромъ подъ солнцемъ, какъ видно изъ слѣдующаго его титула такого содержанія:

«Мы, Димитрій Ивановичъ, Императоръ Всероссійскій, Повелитель и Самодержецъ Московской Державы, Царь всего Великаго Княжества Русскаго, Государь Богодарованный, Богоизбранный, Богохранимый, Богомъ помазанный и вознесенный надъ всѣми другими Государями, подобно другому Израилю руководимый и осѣняемый Силою Божіей, Христіянскій Императоръ отъ солнечнаго восхода и запада, и многихъ областей Государь и Повелитель.»

Въ то время, когда Димитрій такъ веселился, пировалъ и ликовалъ въ станѣ подъ Москвою, Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди, съ Русскимъ вождемъ, Михаиломъ Скопинымъ, подошелъ къ городу Твери; у нихъ было большое сраженіе съ Поляками, и побѣда опять осталась за Шведами, которые одолѣли и обратили Поляковъ въ бѣгство. По окончаніи битвы, Русскій Полководецъ Скопинъ бросился на шею къ Графу Де ла Гарди, сослезами на глазахъ благодарилъ и сказалъ, что дядя его, Великій Князь, и все Русское Государство, никогда не будутъ въ силахъ достойно отблагодарить его и Королевское войско, а тѣмъ менѣе заплатить за эту важную услугу.

Если бы поступили по мнѣнію и желанію Русскаго вождя Скопина, Москва и Великій Князь сдались бы непріятелю прежде, чѣмъ подоспѣлъ къ нимъ кто ни будь на выручку, по тому что когда на первый день побѣда изъ за проливнаго дождя осталась не рѣшенною на обѣихъ сторонахъ, Скопинъ хотѣлъ отступить въ удобное и безопасное мѣсто, пока они не получатъ подкрѣпленій изъ Швеціи. Но Шведскій Полководецъ вразумилъ его, что не храбрость непріятеля, а только непредвидѣнный случай, дождикъ,

помѣшалъ полной побѣдѣ надъ нимъ въ прошлый день, и что крайнее положеніе Великаго Князя и города Москвы не дозволяетъ такой долгой отсрочки. Противъ воли и согласія Русскаго Вождя, на третій день послѣ того, онъ храбро напалъ на непріятеля и побѣдилъ его. Надобно удивляться, что Шведскій Полководецъ и его войско были такъ добродушны, что рисковали жизнью для блага такихъ людей, которые не только постыдно оставили ихъ въ бою въ прежній разъ и обратили тылъ непріятелю, но еще во время жаркаго боя похитили ихъ вещи и поклажу: у нѣкоторыхъ изъ главныхъ Шведскихъ Офицеровъ изо всего ихъ значительнаго гардероба не осталось ни какого платья, кромѣ того, что было на нихъ; они сражались за своихъ грабителей, для которыхъ не было бы печали, если бы Шведы лишились съ имѣніемъ и жизни, и свободы; они стали разсуждать о несправедливости къ нимъ Русскихъ, а большая часть ихъ до того обидѣлась, что противъ воли Полководца вернулись въ Ливонію.

Не смотря на то, Полководецъ, съ оставшимся у него войскомъ, отправился въ Коломну (Columniza), а потомъ въ Александровскую Слободу, и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не прибылъ къ нему на помощь Королевскій Коммисаръ и Адмиралъ, Генрихъ Тённисенъ, съ нѣсколькими тысячами пѣхоты и конницы. Какъ скоро узнали о томъ Поляки, Зборовскій и Сапѣга вышли изъ стана съ 18 тысячами человѣкъ, хотѣли попытать счастія, нельзя ли имъ овладѣть городомъ и выгнать изъ него Шведовъ, чтобы они не подошли ближе къ Москвѣ и не освободили отъ осады Великаго Князя. Благодаря, однако жь, осторожности и храбрости Шведскаго Полководца, они были отражены, разбиты и прогнаны.

Графъ Яковъ и Михаилъ Скопинъ всегда были счастливы съ непріятелемъ и все побѣждали Поляковъ, что разнеслось по всей странѣ: многіе города и крѣпости, присягнувшіе Димитрію, отложились отъ него, каковы: Вологда, Галичъ, Романовъ, Молога, Рыбинскъ (Ribna), Суздаль, Ярославль, Угличъ, Кашинъ и многіе другіе, граждане и поселяне собрались въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ и вездѣ нападали врасплохъ на Поляковъ и измѣнниковъ Русскихъ, которые стояли за Лжедимитрія, высылались

на грабежъ и жалостно притѣсняли бѣдныхъ жителей; не только отнимали у нихъ все, что найдутъ, но еще мучили ихъ, чтобы сказали, гдѣ спрятаны и зарыты у нихъ пожитки, серебро и золото, насиловали и позорили ихъ женъ и дочерей, такъ что жалко было видѣть все это. За то, когда граждане и крестьяне одолѣвали ихъ, они должны были расплачиваться тѣмъ же: ихъ убивали до смерти, раздѣвали до нага, а нѣкоторыхъ толкали подъ ледъ живыхъ, приговаривая: «Негодные плуты и измѣнники, вы въ короткое время до чиста разорили и разграбили это мѣсто, сожрали всѣхъ овецъ, быковъ, коровъ и телятъ: ступайте же теперь подъ ледъ и ѣжьте рыбу въ Волгѣ и въ другихъ рѣкахъ!»

Чтобы положить конецъ такимъ продѣлкамъ жителей, посланъ изъ стана Ротмистръ Лисовскій (Lizouski) съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, но и онъ ничего не могъ сдѣлать, по тому что вездѣ, гдѣ ни стояли, они огораживали себя крѣпкимъ частоколомъ, и Поляки должны были оставить ихъ въ покоѣ. Но одинъ изъ Нѣмцевъ, Іохимъ Шмидтъ, сынъ цырюльника, во время Шведской войны убѣжавшаго въ Россію, былъ до того отваженъ, что поѣхалъ въ городъ Ярославль, по тому что очень знакомъ былъ съ тамошними горожанами и имѣлъ жену Ярославку: онъ намѣревался убѣдить ихъ, чтобы они сдались Лжедимитрію и не заводили кровопролитія. Замѣтивъ его изъ города, граждане высыпали толпою къ городскимъ воротамъ и хотѣли знать, что ему надо? Онъ сказалъ, что сдѣлано распоряженіе по ихъ жалобамъ. Димитрій пришлетъ къ нимъ одного знатнаго Польскаго Господина, который будетъ останавливать Поляковъ и такъ накажетъ злодѣевъ, причинявшихъ насилія и отягощенія жителямъ, что они будутъ помнить. Что же сдѣлали Ярославцы? Они все заманивали его ласковыми словами ближе къ себѣ, схватили подъ уздцы его лошадь, свели его съ нея, притащили въ городъ, поставили на огонь большой пивоварный котелъ, налили до краевъ медомъ и бросили туда Шмидта, совсѣмъ нагаго: варили, кипятили его, такъ что мясо стало отваливаться отъ костей, потомъ вынули изъ котла и бросили кости и мясо за валъ на съѣденіе свиньямъ и собакамъ. Узнавъ о томъ, Лисовскій пошелъ туда и сжегъ городскія предмѣстья, также другія мѣстечки и деревни, изрубилъ

всѣхъ мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, и удалился оттуда съ большой добычей.

Между тѣмъ Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ и Михаилъ Скопинъ, тоже не оставались безъ дѣла, послали нѣсколько взводовъ конницы въ Переславль, чтобы не только отрѣзать Лисовскому отступленіе въ станъ, но и занять этотъ городъ. Это и удалось имъ: они взяли городъ приступомъ, побили всѣхъ Поляковъ, которые тамъ были, принудили Русскихъ опять присягнуть Великому Князю и потомъ отдыхали нѣсколько недѣль.

Получивъ порядочное подкрѣпленіе изъ Швеціи въ конницѣ и пѣхотѣ, и находя себя, вмѣстѣ съ Русскими, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ, привелъ многіе города, монастыри и крѣпости въ покорность Великому Князю, потомъ пошелъ, черезъ Калязинъ, Угличъ и Кашинъ, въ Александровскую Слободу и храбро отбилъ Поляковъ, хотѣвшихъ осадить его тамъ. Послѣ всего того онъ отправился наконецъ съ Скопинымъ въ походъ на Сапѣгу, осаждавшаго Троицкій монастырь: они хотѣли покушать и раздѣлить съ нимъ Мартынова гуся, * хоть Сапѣга и не звалъ ихъ. Это было очень досадно Полякамъ, и они убѣжали оттуда, бросивъ гуся не ощипаннаго и не жаренаго, по случаю нечаяннаго прихода Русскихъ и Шведовъ, отступили къ городу Дмитрову (Mitroffvva), укрѣпили его и держались, но не долго; по тому что тамъ стали станомъ Графъ Яковъ и Михаилъ Скопинъ, чрезъ что сдѣлались открыты всѣ дороги къ Москвѣ, уже довольно времени занимаемыя Поляками, какъ между Новгородомъ и Москвою, такъ и Холмогорами (Colmogorodt), Ярославлемъ и Москвою; теперь стало свободно и безопасно ѣздить по нимъ туда и обратно и возить разные съѣстные припасы въ Москву и въ станъ.

Около этого же времени Польскій Король Сигизмундъ стоялъ съ своимъ войскомъ подъ городомъ Смоленскомъ, и отправилъ Пословъ въ большой Польскій станъ подъ Москвой, съ увѣщаніемъ,

* Извѣстный осенній праздникъ въ Германіи, день Св. Мартина, когда жареный гусь такая же необходимая вещь за обѣдомъ, какъ блины на Масляной у насъ.

чтобы Поляки припомнили, чего надѣлали въ Польшѣ прежнимъ своимъ возмущеніемъ и лишились изъ за того и жизни, и имущества, движимаго и недвижимаго. Все это онъ проститъ имъ и велитъ возвратить всѣ взятыя въ казну имѣнія, если только они схватятъ и приведутъ къ нему подъ Смоленскъ того обманщика и измѣнника, которому служатъ они и который позволилъ себѣ назваться Димитріемъ, сыномъ Ивана Васильевича. Пріѣхавши въ станъ, Послы тайно передали свое порученіе Полководцу Рожинскому (Rusniski); Димитрій думалъ каждый день, что Посланники будутъ просить у него пріема, но какъ этого не случилось, онъ велѣлъ позвать къ себѣ Полководца и спросилъ, какъ ему понимать это, что Королевскіе Послы не стараются передать ему свое порученіе, по тому что уже нѣсколько дней живутъ въ станѣ и каждый день ведутъ разговоры съ нимъ.

Рожинскій, уже обсудившій съ главными Офицерами и Ротмистрами, какъ имъ приняться за это дѣло и возвратить Королевское расположеніе къ себѣ, отвѣчалъ ему съ пренебреженіемъ, погрозилъ своимъ начальническимъ жезломъ, бывшимъ у него въ рукѣ, и сказалъ: «Ахъ ты блядинъ сынъ! Что тебѣ за надобность знать, какія дѣла у меня съ Послами? Чортъ знаетъ, кто ты, гдѣ родился и какого происхожденія. Долго мы проливали нашу кровь за тебя и не получали еще жалованья.»

Димитрій ускользнулъ отъ него, пошелъ къ своей женѣ, упалъ ей въ ноги, со слезами на глазахъ простился съ нею и сказалъ: «Польскій Король ведетъ измѣнническое дѣло съ моимъ Полководцемъ, который такъ отдѣлалъ и озадачилъ меня, что я не стою видѣть твои ясныя очи; я этого не потерплю: или онъ умретъ, или я погибну; у него съ Поляками ничего на умѣ нѣтъ добраго. Да сохранитъ меня Богъ въ дорогѣ, по тому что думаю ѣхать! Да соблюдетъ Онъ и тебя, мою любезную жену, когда ты здѣсь останешься безъ меня!»

Онъ переодѣлся въ крестьянское платье, сѣлъ въ розвальни и уѣхалъ изъ стана въ Калугу. Никто не зналъ, куда онъ поѣхалъ и гдѣ находится, живъ, или умеръ; большая часть полагали такъ, что онъ убитъ и тайно брошенъ въ рѣку.

Немного не доѣзжая до Калуги, онъ не сейчасъ поѣхалъ туда, а остановился въ одномъ монастырѣ, возлѣ самаго города, послалъ нѣсколькихъ монаховъ къ гражданамъ города и велѣлъ предложить имъ, что еретикъ, Польскій Король, нѣсколько разъ писалъ къ нему о добровольной уступкѣ Смоленскаго Княжества и всей Сѣверской страны, принадлежавшихъ встарину Польской Коронѣ, но онъ отказалъ ему въ томъ, чтобы въ этой Христіянской землѣ не укоренилась Папская суемудрая Вѣра. За это Король сговорился съ Полководцемъ, Димитріемъ Рожинскимъ и Поляками, долго служившими ему, чтобы схватить его и отвезти къ Королю подъ Смоленскъ. Но что узнавъ о томъ, онъ тайкомъ собрался и убѣжалъ оттуда. Потомъ велѣлъ монахамъ спросить Христіянскій народъ, что намѣрены они сдѣлать для него? Если хотятъ быть вѣрными и преданными ему, по присягѣ, и не щадить за него жизни, онъ остановится у нихъ на житье и, съ помощью Св. Николая и съ ихъ пособіемъ, не только отплатитъ Василію Шуйскому, но и Королю Сигизмунду и своимъ вѣроломнымъ и крамольнымъ Полякамъ, такъ что они это будутъ помнить. За Православную Христіянскую Вѣру онъ готовъ умереть съ ними и отдать все, что можетъ, а Польскому Королю не уступитъ ни одной деревни, даже ни одного дерева, а не то что крѣпости, города, или Княжества.

Это объявленіе понравилось гражданамъ и всему народу: они пошли въ монастырь, поднесли ему хлѣбъ и соль, отвели его въ городскую крѣпость, надавали ему денегъ, платья, лошадей и всякихъ припасовъ для пищи и питья. Отдохнувши нѣсколько дней въ Калугѣ, этотъ мнимый предъявитель Великокняжескихъ правъ, писалъ къ вождю Григорью Шаховскому, собравшему нѣсколько тысячъ Казаковъ и стоявшему станомъ недалеко отъ города Вязьмы (VVesma), чтобы онъ вернулся съ своими Казаками въ Калугу и не ходилъ въ станъ: тотъ такъ и сдѣлалъ, и Димитрій остался въ Калугѣ и учредилъ тамъ новый Княжескій Дворъ.

Потомъ писалъ онъ ко всѣмъ Офицерамъ и покорнымъ ему городамъ, чтобы убивали всѣхъ Поляковъ, жившихъ въ городахъ и деревняхъ, воины ли они, или купцы, а имѣніе и пожитки ихъ привозили бы въ Калугу, забирали бы все и никого не щадили. Казаки и другіе его посланные вѣрно исполняли это и перебили

нѣсколько тысячъ невинныхъ людей, какъ воиновъ конныхъ и пѣшихъ, проживавшихъ въ городахъ и деревняхъ, такъ и разныхъ торговцевъ, собиравшихся ѣхать въ станъ съ весьма дорогими товарами, шелковыми матеріями и бархатомъ, пистолетами, саблями, ружьями, виномъ и пряными кореньями, чтобы у Димитрія всего было вдоволь для содержанія его придворной челяди и новаго вооруженія.

На другой день послѣ того, какъ Лжедимитрій Второй убѣжалъ изъ стана, Поляки держали совѣтъ съ бывшими тамъ Русскими, на что имъ рѣшиться, по тому что Государь ихъ, Димитрій, не отыскивался: они поклялись жить мирно между собою, не уходить ни къ Польскому Королю, ни къ Великому Князю, и если бы кто пришелъ и сталъ выдавать себя за Димитрія, не вѣрить ни ему, ни другому, а тѣмъ менѣе принимать его; стали смѣяться и наругаться надъ Великой Княгиней Марьей (Мариной) Юрьевной, которая и не могла дольше жить въ станѣ, тайкомъ удалилась оттуда и отправилась въ городъ Дмитровъ, гдѣ находился Янъ Сапѣга.

Приведя свои дѣла въ порядокъ въ Калугѣ, Лжедимитрій послалъ въ подмосковный станъ одного довѣреннаго Дворянина тихонько развѣдать, что говорятъ объ немъ простые Поляки: хотятъ ли, чтобы онъ опять былъ съ ними, или нѣтъ? Если узнаетъ, что они охотно желаютъ его, долженъ сказать, что Великій Князь Димитрій обѣщается прійти къ нимъ съ новымъ войскомъ, принести съ собой денегъ и исправно заплатитъ имъ за всѣ мѣсяцы ихъ службы, только бы они доставили въ Калугу его бывшаго Полководца, Рожинскаго, живаго, или мертваго. Но какъ Поляки, вскорѣ послѣ побѣга Димитрія, положили остаться вмѣстѣ, вѣрно стоять другъ за друга и никогда не служить ему, то посолъ его ни въ чемъ и не успѣлъ у нихъ и, ничего не сдѣлавъ, вернулся въ Калугу. Димитрій не удовольствовался тѣмъ: онъ послалъ другаго, изъ своихъ Капитановъ, по имени Казимира, природнаго Поляка; и этотъ долженъ былъ сдѣлать ту же попытку, какъ и прежній посолъ, и употребить разные происки, чтобы встревожить, взволновать Поляковъ и поселить межъ ними несогласіе. Такъ это и сдѣлалось: онъ повелъ дѣло такъ ловко, что нѣкоторые изъ Казаковъ ушли въ широкую степь, другіе къ Королю подъ Смоленскъ, а третьи въ Калугу, къ прежнему Государю, Димитрію.

V

СМѢСЬ

РАЗБОРЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

«О МИѲИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ НѢКОТОРЫХЪ ПОВѢРІЙ И ОБРЯДОВЪ. СОЧИНЕНІЕ А. ПОТЕБНИ. МОСКВА 1865.»

Изслѣдованіе Г. Потебни, какъ видно изъ заглавія, относится непосредственно къ Миѳологіи.

Ежели принять во вниманіе скудость сочиненій по этой части, какъ вообще въ литературѣ Славянской, такъ и въ частности— Русской, если сообразить далѣе необработанность предмета, почти новость его, ограниченную лишь немногими изысканіями, положившими только начало его разработкѣ, и если взвѣсить за этѣмъ важное и интересное значеніе Миѳологіи, какъ науки, болѣе и болѣе раскрывающей занимательный и назидательный матеріялъ для духовной жизни народа и послѣдовательнаго ея развитія, въ новѣйшихъ трудахъ ученыхъ Западныхъ, то нельзя не встрѣтить съ удовольствіемъ новаго сочиненія по Миѳологіи Славянской, написаннаго преподавателемъ Университета и обѣщающаго объемомъ своимъ если не окончательное рѣшеніе многихъ вопросовъ, по крайней мѣрѣ значительное восполненіе пробѣловъ, хотя въ существеннѣйшихъ частяхъ, со стороны основныхъ, такъ сказать, миѳовъ, столь разработанныхъ и уясненныхъ въ позднѣйшее время у другихъ народовъ Индоевропейскихъ: Грековъ, Римлянъ, Германцевъ и Индѣйцевъ.

Бѣглый взглядъ на пособія, указанныя авторомъ въ изслѣдованіи, въ состояніи только усилить ожиданія и надежды отъ результатовъ несомнѣнно продолжительнаго и усидчиваго труда. Бо́льшая часть лучшихъ сочиненій, образцовыхъ и по строгости научныхъ пріемовъ, и по плодотворности осторожныхъ выводовъ,

представляются извѣстными Г. Потебни, по обильнымъ на нихъ ссылкамъ. Не ослабѣютъ ожиданія и при летучемъ обзорѣ матеріяловъ, положенныхъ Г. Потебней въ основу своего изслѣдованія: тѣ же самыя ссылки укажутъ на множество ихъ и на разнообразіе, какъ относительно родовъ народной литературы, такъ и нарѣчій Славянскихъ, по которымъ предлагается матеріялъ въ оригинальныхъ отрывкахъ.

Упомянутыя условія ученаго труда, пособія и матеріялы, такъ полно и отчетливо заявленныя въ сочиненіи Г. Потебни, невольно заставляютъ предполагать успѣхъ въ выполненіи предпринятой имъ задачи—обслѣдованія и уясненія миѳовъ Славянскихъ. Оправдываются ли же этѣ надежды на дѣлѣ, въ результатахъ труда? вотъ вопросъ, который въ глазахъ нашихъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ желательнѣе истинный успѣхъ самой науки, Миѳологіи Славянской. Важность этого вопроса и послужила для насъ побужденіемъ вникнуть пристальнѣе и глубже въ изслѣдованіе Г. Потебни. Признаемся откровенно, что вызвало насъ на это не столько несогласіе наше съ окончательными выводами автора, сколько особенность его научныхъ пріемовъ и, полагаемъ, не всегда безвредная заманчивость заключеній для ума, не пріученнаго относиться къ фактамъ съ строгою критикой.

Специяльныя, однако же, обстоятельства, въ которыхъ находится именно Славянская Миѳологія, вызываютъ предварительно на нѣкоторыя общія мысли. Наука эта, какъ уже замѣчено нами, совершенно новая и въ самомъ Славянскомъ мірѣ; ученые едва коснулись ея разработки, и не только не успѣли проникнуть до какой либо общей системы, не только не уяснили исторіи послѣдовательнаго видоизмѣненія миѳовъ, но не указали даже и на связь главнѣйшихъ вѣрованій языческихъ съ коренными миѳами другихъ народовъ Арійскихъ, болѣе счастливыхъ научными изслѣдованіями по этой части.

При такомъ положеніи предмета, невольно приходится подумать сначала о правильности и надежности пріемовъ разработки, и тѣмъ скорѣе остановишь взоръ свой на примѣрахъ Запада, чѣмъ разнообразнѣе и перепутаннѣе представляется грубый еще матеріялъ у насъ, и чѣмъ расчищеннѣе, уяснѣннѣе, осмысленнѣе встрѣ-

чаемъ его такъ. Г. Потебня, конечно, чувствовалъ это, когда поставилъ себѣ въ руководство классическіе труды Гримма, Куна, Маннгардта, Вольфа и нѣкоторыхъ другихъ. Но какъ воспользовался онъ ихъ примѣромъ?

Ученые Запада, въ настоящемъ случаѣ преимущественно Нѣмцы, обратились къ разработкѣ Миѳологіи съ тою осторожностію, съ тѣми прочными научными пріемами и съ тѣми логическими, непреложными изъ обслѣдованныхъ частныхъ фактовъ, выводами, какіе только и ручаются за дѣйствительный успѣхъ всякой науки. Встрѣчая въ громадной массѣ современныхъ вѣрованій, обрядовъ и повѣрій народныхъ самые неясные, перебитые и перемѣшанные, остатки древнѣйшихъ миѳовъ, входившихъ нѣкогда въ полную систему Миѳологіи; сознавая всю неотразимую силу вліянія на измѣненіе, сокращеніе, забвеніе и извращеніе этѣхъ миѳовъ отъ разнообразнѣйшихъ переворотовъ послѣдующей жизни народа, и въ религіозномъ, и умственномъ и политическомъ отношеніяхъ, этѣ ученые признали прежде всего необходимымъ прослѣдить исторически новѣйшіе вѣрованія и обряды, возвести ихъ посредствомъ болѣе-менѣе опредѣленныхъ указаній въ древней письменности къ чистѣйшему виду, и потомъ очищенный уже такимъ путемъ матеріялъ сопоставить съ вѣрованіями древнѣйшихъ родственныхъ народовъ, сохранившимися въ большей полнотѣ, опредѣленности и нерушимости. Этотъ историческій пріемъ устранялъ, съ одной стороны, произволъ, отъ котораго трудно было бы отдѣлиться при сближеніи явленій, хотя на первый взглядъ и сродныхъ, но легко могшихъ развиться случайно, даже вовсе отъ различныхъ условій; съ другой, указаніемъ постепеннаго измѣненія такихъ явленій, вносилъ въ науку новый матеріялъ для исторіи духовной жизни народа; наконецъ, давалъ твердое ручательство и за вѣрность послѣднихъ выводовъ, такъ какъ фактъ, выходидъ посредствомъ него очищеннымъ отъ всякой примѣси и перепутанности и самъ собою, безъ натяжекъ и субъективныхъ домысловъ, вступалъ въ рядъ общихъ миѳовъ Индоевропейскаго племени. Миѳологія Германская обязана блистательными своими успѣхами прежде всего именно этому пути; Гриммъ первый ввелъ ее въ рамки опредѣленной и строгой науки, а Deutsche Mythologie Гримма поражаетъ наиболѣе обширностью историческаго матеріяла и изумительно трезвымъ

обращеніемъ съ нимъ. Только при подобной расчисткѣ миѳологическаго матеріяла, и только при такомъ предварительномъ разъясненіи главнѣйшихъ вѣрованій, основанномъ на раціональномъ и научномъ сравненіи съ миѳами Индѣйцевъ, Грековъ и Римлянъ, откроется разумная возможность находить смыслъ и опредѣлять дѣйствительность миѳическаго значенія въ той безграничной массѣ мелочей, какая наполняетъ собою современныя повѣрья и обряды народныя: лишь историческій методъ въ состояніи вывести пытливый умъ изъ этого, по истинѣ, хаоса на свѣтлую и торную дорогу, и его-то признаемъ мы безусловно необходимымъ въ нашей едва зачинающейся наукѣ.

Но историческій методъ въ Миѳологіи далеко недоступенъ всегда и во всемъ. Какъ основанный на памятникахъ письменности, онъ, по этому самому, находится въ тѣсной зависимости отъ времени и полноты послѣднихъ. Между тѣмъ, народы Германскіе, еще болѣе Славянскіе, вступили въ составъ историческихъ народовъ относительно въ позднюю пору; относительно поздно началась у нихъ и письменность; другіе же народы, гораздо старѣйшіе своею историчностью, сообщаютъ о нихъ случайныя и отрывочныя извѣстія, да и эти послѣднія принадлежатъ такому времени, передъ которымъ задолго уже установилась отдѣльность жизни и Германцевъ и Славянъ, а слѣдовательно и религія ихъ во многомъ должна уже была получить свой особый характеръ и наполниться спеціяльными понятіями, вѣрованіями и обрядами. Національная письменность Германцевъ и Славянъ развилась, говоря вообще, послѣ Христіянства, которое неизбѣжно должно было повлечь за собою самый разрушительный переворотъ въ прежнихъ вѣрованіяхъ язычества. Независимо отъ этого, и такая національная письменность не представляетъ нигдѣ намѣреннаго собранія языческихъ вѣрованій, хотя бы въ остаткахъ и въ превращеніяхъ; послѣднія попадаются въ ней больше случайно, отрывочно, безъ малѣйшихъ часто указаній на ихъ миѳическое значеніе. Неудивительно по этому, что многое изъ миѳическихъ вѣрованій и понятій, кружащихся доселѣ въ простонародьи, не находитъ себѣ мѣста въ письменности и не можетъ, слѣдовательно, быть возведено путемъ историческимъ къ болѣе чистому первоначальному виду. Отсюда естественный результатъ, что, руководясь исключительно

исторіей, мы навсегда должны будемъ отказаться отъ вскрытія полной и подробной системы языческой религіи своего племени, и ограничиться уясненіемъ лишь отдѣльныхъ миөовъ, которые попали случайно подъ перо стариннаго писателя, или которые, своимъ несомнѣннымъ единствомъ во всѣхъ частяхъ съ миөами древнѣйшихъ родственныхъ народовъ, даютъ право заключать о ихъ характерѣ и о томъ, что они принадлежатъ области общей племенной Миөологіи. Ученой Германіи обязана наука открытіемъ новаго средства восполненія, отчасти и вознагражденія недостаточности и ограниченности историческаго пособія въ Миөологіи. Вспомогательное средство это покоится на сравнительномъ языкознаніи.

Языкознаніе, при помощи сравнительнаго метода, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ успѣло уже выйти изъ того унизительнаго состоянія, въ которомъ не рѣдко служило оно предметомъ произвольныхъ сближеній, затѣйливыхъ сравненій, а подъ часъ и фантастическихъ выводовъ, и, оградившись опредѣлительными законами, поднялось и развилось въ науку, дошедшую въ послѣднее время до степени замѣчательной точности. На этой степени, не смотря на краткій срокъ своего развитія, языкознаніе успѣло уже обогатиться обильными результатами и пролило замѣтный свѣтъ на рѣшеніе самыхъ темныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, на вопросъ о происхожденіи языка. Результаты сравнительнаго языкознанія не остановились, впрочемъ, на разъясненіи однихъ отвлеченныхъ законовъ языка; они не замедлили перейти въ рядъ пособій для исторіи, и притомъ въ такихъ эпохахъ, которыя безъ этого пособія принуждены были бы оставаться навсегда закрытыми.

Стоитъ хотя мелькомъ вникнуть въ разнообразное значеніе сравнительнаго языкознанія, чтобы понять невозможность, при ревнивой изыскательности современнаго ума, пройти ему безслѣдно и для Миөологіи. Каждое слово заключаетъ въ себѣ опредѣленное понятіе; но это понятіе, при данномъ словѣ, не остается неизмѣннымъ; оно переходитъ въ жизни народа разныя ступени, отъ одного значенія къ другому, и иногда употребляется въ устахъ нашихъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ, сравнительно съ тѣмъ, какой приданъ былъ ему первымъ творцемъ, подъ влія-

ніемъ поразившаго его впечатлѣнія. Сравнительное языкознаніе, посредствомъ прочно законнаго анализа слова, способно дойти до этого обветшавшаго и вовсе забытаго первоначальнаго смысла. Отсюда не трудно уяснить и право науки языкознанія быть пособіемъ для Миѳологіи: многія выраженія народныхъ суевѣрій и обрядовъ, вращающіяся въ нашихъ устахъ, или безъ всякаго смысла, или съ непамятнымъ значеніемъ, путемъ лингвистическаго анализа готовы вскрыть цѣлую картину миѳическаго вѣрованія, по сродству съ подобными же, уже опредѣленными и записанными, картинами у родственныхъ народовъ, упрочивающую за собою точное мѣсто въ цѣлой системѣ Миѳологіи. Позволю себѣ указать на Славянское слово дождь, подвергнутое мною не такъ давно подобному обслѣдованію. И ученые Запада употребили уже въ дѣло эту сторону языкознанія въ своихъ обслѣдованіяхъ по Миѳологіи и, подъ руководствомъ ея, нѣкоторые обогатили уже эту науку важнѣйшими открытіями. Вспомнимъ только Макса Миллера, Куна и отчасти Француза Пикте. Но ежели современное языкознаніе въ сферѣ обслѣдованія внѣшней стороны слова, его звуковыхъ и флексическихъ свойствъ и видоизмѣненій, требуетъ строжайшей осмотрительности, неуклоннаго выполненія раскрытыхъ законовъ, то тѣмъ обязательнѣе должно быть это требованіе по отношенію къ Миѳологіи, гдѣ главную силу заключаетъ внутренняя сторона слова, его значеніе. Малѣйшее нарушеніе звуковыхъ законовъ, самая ничтожная натяжка въ сближеніяхъ и сравненіяхъ, неминуемо отразятся въ ложномъ выводѣ и первоначальнаго смысла, а черезъ это, уже логически, повлекутъ за собою и ложное представленіе самаго миѳа. Само собою понятно, что исторія языка, послѣдовательное измѣненіе внѣшней оболочки слова, должна быть постоянно на первомъ планѣ. Въ противномъ случаѣ, анализированіе современной формы слова, безъ вниманія къ ея исторіи, не далеко отойдетъ отъ того забавнаго отыскиванья родства, на основаніи созвучій, какимъ потѣшались въ былое время наши дѣды и отцы. Только сдержанностью, осмотрительностью, строгостью филологическаго пріема и возможно объяснить громадный успѣхъ его какъ въ упомянутыхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, миѳологическихъ изслѣдованіяхъ Запада.

Итакъ, предварительное уясненіе общихъ основныхъ миѳовъ, что неразлучно съ историческимъ возведеніемъ со-

временной перепутанности, по возможности, къ древнѣйшему и чистѣйшему виду, и серьезное и осторожное употребленіе въ помощь сравнительнаго языкознанія,—вотъ правильный и надежный пріемъ, оправданный блистательными опытами въ миѳологической литературѣ Запада.

Г. Потебня, какъ видѣли, знакомъ съ большею частью лучшихъ писателей, слѣдовательно, предполагается, изучалъ ихъ, освоился съ ихъ трудами,—и, дѣйствительно, указанные, на ихъ основаніи, пріемы замѣтны въ разсматриваемомъ его сочиненіи. Къ сожалѣнію, однако же, пользованіе ими представляется скорѣе дѣломъ случая, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то внѣшнимъ, приставленнымъ механически, а не органически связаннымъ съ цѣльнымъ составомъ разсужденія. Посмотримъ ближе.

Ближайшею цѣлью Г. Потебни, какъ очевидно, было воссоздать Славянскую Миѳологію, на основаніи нынѣшнихъ ея остатковъ въ различныхъ суевѣріяхъ и обрядахъ, сохранившихся въ народной Славянской литературѣ, преимущественно въ сказкахъ и частію въ пѣсняхъ народовъ Славянскихъ. Къ этому присоединены и обычаи въ нѣкоторые праздники, до сихъ поръ носящіе на себѣ отпечатокъ языческой старины. Въ этомъ отношеніи служили ему примѣромъ и руководствомъ, главнѣйшимъ образомъ, Нѣмецкія сочиненія Маннгардта и Вольфа. Не можемъ ручаться, уяснилъ ли себѣ Г. Потебня все существенное различіе въ положеніи своемъ и упомянутыхъ ученыхъ; а это различіе весьма важно и уже a priori характеризуетъ не совсѣмъ нормальное положеніе Г. Потебни, если хотя на минуту усомниться въ возможности одному человѣку замѣнить десятки изслѣдователей по наукѣ новой и обширной, и двумя годами восполнить десятки лѣтъ на пути, гдѣ только кое-гдѣ проложена колея, и то едва, едва замѣтная.

И Маннгардтъ и Вольфъ имѣли передъ собою цѣлый рядъ и частныхъ, монографическихъ, и общихъ, систематическихъ, изслѣдованій; уже до нихъ основныя черты Германской Миѳологіи были вскрыты и уяснены съ полнымъ запасомъ свѣдѣній, неутомимаго труда и строжайшей научности; отдѣльные главные миѳы прослѣжены исторически, на почвѣ Германской, возведены къ первоначальному виду и поставлены прочно на своихъ мѣстахъ въ системѣ

общей Индоевропейской Миѳологіи. Ко времени дѣятельности ихъ уже наступила возможность опредѣлить смыслъ и мелкихъ современныхъ народныхъ вѣрованій и обрядовъ, со всею разнообразною и спутанною ихъ обстановкой, и они тѣмъ легче и успѣшнѣе могли спуститься въ этотъ лабиринтъ, чѣмъ больше имѣли и передъ собою и вокругъ себя предварительныхъ спеціяльныхъ изысканій и среди позднѣйшихъ мелочей.

Не таково вовсе положеніе Русскаго и вообще Славянскаго ученаго: лишь пятокъ именъ въ состояніи указать мы и по рѣшенію отрывочныхъ, частныхъ, вопросовъ; историческое обслѣдованіе только что начато; нѣтъ даже систематическаго собранія и историческаго матеріяла, не смотря на относительную скудость Славянскихъ памятниковъ, заключающихъ въ себѣ черты языческихъ вѣрованій; самые общіе и основные миѳы не раскрыты у насъ и не сопоставлены съ подобными же миѳами древнѣйшихъ родственныхъ народовъ. Эта бѣдность миѳологической литературы всего явственнѣе обнаруживается азъ обзора нашихъ лучшихъ, во всякомъ случаѣ, по цѣли и выполненіи, почтенныхъ трудовъ, каковы труды Гг. Бодянскаго, Срезневскаго, Буслаева, Аѳанасьева, до нѣкоторой степени Шеппинга и очень, очень немногихъ другихъ. На чемъ же обопрется, чѣмъ станетъ руководиться, авторъ, который бы задумалъ, подобно Г. Потебнѣ, создать систему Миѳологіи изъ позднѣйшихъ остатковъ Славянскаго язычества, уцѣлѣвшихъ въ самомъ измѣнчивомъ, шаткомъ, непрерывно подвижномъ матеріялѣ, каковы сказки и пѣсни? Ему остается или неуклонно слѣдовать Нѣмецкимъ образцамъ и ихъ считать за норму своихъ выводовъ и сближеній для каждаго Славянскаго повѣрья и обряда; только въ Нѣмецкихъ обслѣдованныхъ остаткахъ суевѣрій находить зеркало для своего еще грубаго матеріяла; или изъ каждаго почти факта сдѣлать предметъ панографическаго изслѣдованія, прослѣдить каждое явленіе современнаго язычества исторически, очистить его критикой, и тогда уже приступить къ сравненію съ Нѣмецкимъ образцемъ, а черезъ него перейти и къ общей Миѳологіи Арійской.

Но въ первомъ случаѣ, кажущееся сходство невольно вызоветъ въ серьезномъ умѣ множество подавляющихъ вопросовъ: есть ли это сходство коренное, образовавшееся въ эпоху общей жизни? не обязано ли оно простой случайности, сходству народной жизни,

при всей ея отдѣльности; не представлялось нынѣшнее сходство полнымъ различіемъ прежде, и т. д. и т. д.? Г. Потебня этому способу придалъ особенное значеніе; онъ руководится имъ на всемъ протяженіи своего изслѣдованія, и сочиненія Маннгардта и Вольфа служатъ ему краеугольнымъ камнемъ въ сближеніяхъ и даже въ заключеніяхъ. Въ какой степени оказался пригоднымъ этотъ способъ на дѣлѣ, мы увидимъ ниже, когда перейдемъ къ разсмотрѣнію выводовъ Г. Потебни. Что касается до монографическихъ обслѣдованій отдѣльныхъ миѳовъ, то Г. Потебня обнаружилъ самъ, что они не подъ силу въ общемъ изслѣдованіи, и показалъ это нагляднѣйшимъ образомъ своимъ историческимъ пріемомъ, который, конечно, долженъ бы былъ занять, въ такомъ случаѣ, самое видное мѣсто.

Ежели бы Г. Потебня и не соглашался съ нами въ важности этого пріема, то уже Нѣмецкіе образцы вызывали его на вниманіе къ нему и побуждали дать ему мѣсто;—и оно дано, но, какъ уже замѣчено, случайно, скорѣе для виду, по чему и всѣ такія указанія легко могутъ быть устранены безъ малѣйшаго нарушенія силы и значенія цѣлаго изслѣдованія; напротивъ, это бы еще уменьшило количество въ немъ ошибокъ и произвольныхъ толкованій. Вообще, указанія на исторію служатъ въ изслѣдованіи Г. Потебни лишь свидѣтелями его знанія, или предчувствія, что она должна быть пущена въ ходъ, что безъ справокъ съ нею трудно обойтись; но способъ введенія исторіи въ дѣло отличается явными странностями, чтобы не сказать прямо недостатками. Ссылки. въ такихъ случаяхъ, вытекаютъ у него не изъ самыхъ источниковъ, не непосредственно изъ личнаго знакомства съ памятниками, а изъ подходящихъ Русскихъ сочиненій по Миѳологіи. Но какъ сочиненій такихъ вообще не много, касаются они больше специяльныхъ вопросовъ, то не удивительно, что и историческія ссылки ограничиваются шестью, семью мѣстами, при всей многообъемности изслѣдованія. Этого мало, Г. Потебня нашелъ излишнимъ даже провѣрить ссылки, даже правильно понять ихъ, и въ извлеченіяхъ своихъ допускаетъ ошибки, или производитъ непріятную путаницу. Словомъ, невниманіе, какая-то холодность къ историческимъ свидѣтельствамъ въ разбираемомъ сочиненіи, какъ-то не вяжутся съ положеніемъ автора и съ цѣлію его сочиненія. Вотъ факты:

На страницѣ 6 и 21, Г. Потебня приводитъ правительственныя постановленія, изъ XVII столѣтія, противъ нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ подъ Рождество, Новый Годъ и Богоявленіе. Термины этихъ обычаевъ очень важны, авторъ справедливо придаетъ имъ значеніе. Но, къ удивленію, мѣста эти взяты имъ изъ готоваго сочиненія, всего вѣроятнѣе изъ Снегирева (О народныхъ праздникахъ....) и не провѣрены съ самимъ источникомъ. А между тѣмъ, въ перепечатанномъ извлеченіи, безъ всякой, впрочемъ, ссылки, находится знаменательная неточность, могшая, при исправленіи ея, если не измѣнить, по крайней мѣрѣ, ограничить выводъ, или потребовать объясненія. Г. Снегиреву вполнѣ простительна неточность: онъ собиралъ матеріялы, и только при случаѣ, весьма рѣдко, дозволялъ себѣ миѳологическія объясненія: справки его съ исторіей, хотя бы и не всегда точныя, способны возбудить въ насъ только благодарность за трудъ по приготовительной обработкѣ. Подобнаго права даже на снисходительность уступить Г. Потебнѣ нельзя: онъ пишетъ ученое изслѣдованіе, сопровождаетъ группировку фактовъ выводами, иногда положительными, съ тономъ научной несомнѣнности. Казалось бы, не было и особеннаго труда провѣрить готовую ссылку съ извлеченіемъ, если представляется неудобнымъ трудъ читать источники самому. А справившись съ этими источниками, которыя находятся въ грамотахъ, помѣщенныхъ въ 3 и 4 томахъ Актовъ Историческихъ, Г. Потебня увидѣлъ бы, что, вмѣсто плуги, въ грамотѣ Патріярха Филарета (Ак. III, № 92; стр. 96, подъ 1620 г.), въ грамотѣ Верхотурскаго Воеводы, Рафа Всеволожскаго, времени Алексѣя Михайловича, читаемъ плута (Акт. IV, № 35, подъ 1649 годомъ). Тогда едва ли бы онъ позволилъ себѣ и немедленное заключеніе: «т. е., славили плугъ,» безъ предварительной критики.

Свидѣтельство о названіи въ старину сватьбы кашею (стр. 65) заимствовано опять изъ готовыхъ книгъ, изъ Академическаго Словаря и сочиненія Терещенка. Не говоря уже о томъ, что Г. Потебня нашелъ бы для этого факта указанія и древнѣе и обстоятельнѣе, если бы позаботился замѣнить Академическій Словарь существующими словарями для лѣтописей, замѣтимъ довольно произвольное обобщеніе самаго термина. Не свадьба вообще называется кашею, а единственно свадебный пиръ, что такъ очевидно и изъ вы-

писаннаго мѣста Лѣтописи, при посредствѣ Словаря Академическаго. Въ противномъ случаѣ, изъ извѣстія, что Князь Александръ устроилъ кашу въ Торопцѣ, и потомъ другую въ Новгородѣ, можно бы вывести, что онъ въ одинъ годъ (1239) сыгралъ двѣ собственныхъ своихъ свадьбы. Такія обобщенія въ разсматриваемомъ сочиненіи обыкновенны, а заблужденія отъ нихъ весьма легки, и на сколько предлагаетъ ихъ означенное сочиненіе, увидимъ ниже.

Два слѣдующихъ мѣста: пословица изъ Даніила Заточника о мученіи пшеницы, да извѣстный разсказъ лѣтописи о волхвахъ въ Ростовѣ (стр. 41 и 293), если даже и извлечены непосредственно изъ источниковъ, то безъ всякаго вѣса для дѣла: послѣднее ни мало не усилено ими; а между тѣмъ подробное извлеченіе извѣстій о волхвахъ даетъ каждому читателю право увидѣть явную натяжку автора въ толкованіи. Дѣйствительно, Лѣтопись говоритъ очень ясно, что волхвы обвиняли въ неурожаѣ и голодѣ вообще женщинъ; но Г. Потебнѣ хотѣлось отыскать древнее свидѣтельство о вѣдьмахъ, и вотъ онъ, не задумываясь, увѣряетъ, что подъ этѣми женщинами разумѣются вѣдьмы, хотя лѣтописецъ не скрываетъ, что въ то время погибли и многія лучшія особы. Но на этомъ не остановился Г. Потебня. Изъ той подробности лѣтописной, что волхвы обманывали народъ, будто бы вынимая изъ за разрѣзанныхъ плечъ женщинъ рыбу и жито, онъ считаетъ вполнѣ объясненнымъ, что такое указаніе говоритъ о представленіи спины вѣдьмы корытомъ, по тому что такъ представляютъ своихъ вѣдьмъ Нѣмцы; въ Лѣтописи же идетъ дѣло о женщинахъ вообще и о ихъ плечахъ, а вовсе не о спинѣ. Между тѣмъ событіе очень простое и всецѣло оправдываемое воззрѣніемъ древняго Русскаго человѣка на женщинъ, записаннымъ тою же Лѣтописью. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ, женщина представлялась существомъ, ежели не исключительно, то преимущественно, преданнымъ волшебству, что, однако же, ни чуть не говоритъ о вѣдьменномъ ея значеніи; иначе пришлось бы всѣхъ женщинъ обратить въ вѣдьмъ. Вотъ какъ говоритъ лѣтописецъ: «Паче же женами бѣсовьская волшвенья бываютъ, искони бо бѣсъ жену прельсти, си же мужа; тако въ си роди много волхвують жены чародѣйствомъ и отравою и инѣми бѣсовьскыми козньми» (Лавр., 77). Правильный взглядъ едва ли изъ всего этого выведетъ вѣдьму, да еще со спиною корытомъ.

Но самый рѣшительный фактъ непростительно небрежнаго обращенія автора съ приводимыми имъ источниками заключается въ ссылкѣ на Іоанна Екзарха Болгарскаго, на стр. 282—283. По поводу превращенія упыря, Г. Потебня заявляетъ, что «объ этомъ говоритъ извѣстное мѣсто изъ Іоанна Екзарха Болгарскаго», и выписываетъ слѣдующее выраженіе: «и тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, ястребомъ, и ворономъ; и дятлемъ: рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ.» Ссылкою на Славянскаго писателя X вѣка, очевидно, Г. Потебня хотѣлъ подтвердить заключенія свои объ упырѣ, и тѣмъ доказалъ свое сознаніе важности историческихъ свидѣтельствъ. Если же это такъ, то какимъ образомъ онъ позволилъ себѣ безъ разбора ухватиться за ссылку въ какой ни будь книжкѣ и отнести извлеченное оттуда выраженіе къ Іоанну Екзарху Болгарскому, никогда и не думавшему писать что либо подобное? Авторъ показалъ только этимъ, что онъ никогда не читалъ этого корифея Старо-Славянской литературы, что онъ даже не знаетъ, что и осталось отъ него; въ противномъ случаѣ, увидѣлъ бы легко, что Екзархъ Болгарскій, Іоаннъ, былъ переводчикомъ, хотя иногда и свободнымъ, что въ оригинальныхъ сочиненіяхъ, какъ въ Послѣсловіяхъ, въ Словѣ на Вшествіе Господа Нашего Іисуса Христа, не было ему ни цѣли, ни стати говорить объ упыряхъ. Мало того, Г. Потебня, значитъ, не читалъ отрывковъ изъ этого важнѣйшаго писателя, даже въ Христоматіяхъ; иначе былъ бы онъ пораженъ различіемъ языка его съ языкомъ приведеннаго отрывка.

Но допуская, что указанное мѣсто и заимствовано изъ Іоанна Екзарха Болгарскаго, все же остается непонятнымъ, по чему Г. Потебня видитъ въ немъ свидѣтельство именно объ упырѣ? Не беремся утверждать, будто предыдущія строки этого мѣста скрыты намѣренно авторомъ; готовы даже согласиться, что онѣ ему и неизвѣстны, какъ не включенныя въ ту книгу, откуда извлекъ онъ неловкую ссылку; но смѣемъ думать, что если бы Г. Потебня приставилъ ихъ, другими словами, сопоставилъ бы продолженіе съ началомъ, то едва ли бы не выбросилъ этого свидѣтельства, какъ не подходящаго къ его цѣлямъ. Вотъ этѣ сроки: «первая книга Плартолой, рекше Острологъ, 2 Острономіа, 3 Землемѣріа, 4 Ча-

ровникъ, въ нихъ же суть вся дванадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ, иже есть первое, тѣло свое хранитъ мертво....» Въ какой мѣрѣ непремѣнно разумѣется здѣсь упырь, такъ рѣшать быстро едва ли согласятся многіе. Изъ этѣхъ же начальныхъ строкъ не трудно усмотрѣть и источникъ, откуда взяты онѣ. Это, такъ называемый, списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ, включенный Калайдовичемъ, по рукописи XVII вѣка, въ числѣ другихъ памятниковъ, въ изданіе Іоанна Екзарха Болгарскаго, который служилъ для него поводомъ обнародывать вообще свои палеографическія и филологическія изысканія. На этомъ основаніи, безъ сомнѣнія, и сдѣлана ссылка въ книгѣ, изъ которой почерпнулъ Г. Потебня выдержку, на Іоанна Екзарха Болгарскаго, т. е., на изданіе его; а Г. Потебня, не справившись, отнесъ ее къ словамъ самаго Іоанна Екзарха Болгарскаго, другими словами, изъ XVII столѣтія шагнулъ въ десятое.

А жалко, что онъ не остановился на этомъ указаніи и не провѣрилъ его; тогда открылся бы передъ нимъ тотъ богатѣйшій матеріялъ миѳическихъ вѣрованій Славянъ, который еще почти не тронутъ и ждетъ воздѣлывателей. Отъ списка книгъ истинныхъ и ложныхъ, Г. Потебня безъ задержки перешелъ бы къ незнакомой ему, какъ видно по всему, литературѣ отреченной, апокрифической, восходящей отрывками до XI вѣка и проходящей, съ разнообразными видоизмѣненіями и пополненіями, по всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ. Этотъ драгоцѣнный миѳологическій матеріялъ доставлялъ и полное удобство для пользованія, хотя бы по изданію Г. Пыпина (изданіе Г. Тихонравова вышло послѣ того, какъ было уже готово сочиненіе Г. Потебни), а одна только критическая обработка его, смѣло можемъ завѣрить Г. Потебню, доставила бы прочнѣйшую пользу наукѣ, чѣмъ нынѣшнее его изслѣдованіе съ натянутыми объясненіями простонародныхъ суевѣрій подъ ладъ объясненій Маннгардта и Вольфа. Но Г. Потебня ни однимъ звукомъ, ни однимъ намекомъ, не коснулся этого готоваго матеріяла, безъ котораго, послѣ его изданія, не слѣдовало бы заводить, въ настоящее время, и рѣчи о Славянской Миѳологіи, тѣмъ больше притязать на какое либо систематическое ея изложеніе; вмѣсто справокъ съ нимъ, онъ нашелъ позволительнымъ ограничиться указанными шестью ссылками, такъ неловко извлеченными изъ другихъ сочиненій, безъ справокъ и провѣрокъ.

Такимъ образомъ, историческій пріемъ въ сочиненіи Г. Потебни пренебреженъ; попадающееся койгдѣ примѣненіе его случайно, чуждо всякой системы, обязано единственно указаніямъ въ тѣхъ книгахъ, которыя приходилось читать ему и изъ которыхъ выписывалъ онъ эти указанія и толковалъ ихъ безъ критики, руководствуясь больше субъективными соображеніями, вообще способомъ, не соотвѣтствующимъ строго ученому изслѣдованію. Перейдемъ къ филологическому пріему.

Филологическому пріему данъ уже гораздо большій просторъ въ сочиненіи Г. Потебни; его встрѣчаемъ мы и въ текстѣ, и еще чаще въ примѣненіяхъ; онъ служитъ для автора не только средствомъ опредѣлять родственность первоначальныхъ миѳическихъ воззрѣній у различныхъ народовъ, но не рѣдко прибѣгаетъ онъ къ нему и для опредѣленія идеи древнѣйшаго миѳа у Славянъ. Ссылки, въ этомъ случаѣ, говорятъ убѣдительно, что Г. Потебня знакомъ съ самыми первокласными писателями, по ихъ сочиненіямъ: тутъ найдемъ мы и мелкія изслѣдованія въ «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung,» и статьи въ «Indische Studien,» и указанія на отдѣльныя сочиненія и изданія Куна, Вебера и др. Казалось бы, ручательство слишкомъ надежное на успѣхъ дѣла, и все таки намъ приходится замѣтить, что этотъ успѣхъ далеко не достигнутъ, что и въ обращеніи съ этимъ пріемомъ. Г. Потебня больше слѣдовалъ личнымъ особенностямъ своихъ воззрѣній, чѣмъ установившимся законамъ Филологіи и той научной осторожности и сдержанности, какая преимущественно необходима въ изысканіяхъ филолого-миѳологическихъ и о какой высказали мы свое мнѣніе выше. Но, не предваряя общихъ заключеній, взглянемъ на факты и дадимъ имъ оцѣнку въ общихъ частяхъ. Конечно, будемъ останавливаться только на томъ, что принадлежитъ самому Г. Потебнѣ.

Въ самомъ началѣ, на первой же страницѣ, сталкиваемся мы съ усиліемъ автора вывести коренное значеніе важнаго, въ отношеніи народныхъ повѣрій, Сербскаго слова б а д н я к ъ, которое производитъ онъ отъ глагола б о с т и — б о ж у, со смысломъ д о л б и т ь, сопоставляя съ Польскимъ b a d e l, b a d y l—стволъ растенія. Не говоря ничего о неясности сочетанія к о л о т ь, д о л б и т ь, со с т в о л о м ъ р а с т е н і я, отмѣтимъ необъясненность авторомъ звуковыхъ препятствій.

Во *а*) звукъ *о*, въ бости, коренной въ Славянскомъ языкѣ, перешелъ, значитъ, въ Сербскомъ въ *а*. Но примѣровъ такого перехода *о* въ *а* въ Сербскомъ нарѣчіи мы не имѣемъ, кромѣ образованія многократныхъ глаголовъ, какъ: набраяти, помогати и др. (Mikl. Vergl. Gram. de Slav. Spr. I, 314); этотъ же переходъ обусловливается слишкомъ исключительными условіями, чтобы позволять себѣ безъ доказательствъ распространять его на цѣлый строй языка. Во *б*) ежели и допустить тожество корня въ словѣ баднякъ съ Санскр. badh (бить), то требуется объяснить, на какомъ основаніи короткое Скр. *а* замѣнилось въ Серб. посредствомъ *а*, что необыкновенно и ограничено въ самомъ Старо-Славянскомъ нарѣчіи пяткомъ, не болѣе, словъ (Schleicher, Formenlehre d. Kirch.-Slav. Spr., 37). Если же авторъ сближаетъ баднякъ съ badh, посредствомъ кореннаго бости, то остается необъясненнымъ первое препятствіе, поднятіе въ именахъ существительныхъ Стар.-Слав. *о* въ Серб. въ *а*, когда намъ извѣстно, что нѣтъ случая, гдѣ бы Сербское *а* соотвѣтствовало Ст. Слав. *о* (Mikl., тамъ же, 298). Считаемъ лишнимъ упоминать о Литов. badau, badyti (колоть), такъ какъ въ Литовскомъ языкѣ есть свои законы звукоизмѣненія. Мы нашли бы менѣе звуковыхъ препятствій, если бы Г. Потебня сблизилъ Серб. баднякъ съ Старо-Слав. корнемъ бъд, въ бъд—ѣти (откуда причинная форма боудити), на основаніи неизмѣнной замѣны глухихъ гласныхъ (*ъ*—*ь*) посредствомъ *а* (сънъ=Серб. санъ, дьнь=Серб. данъ). Тогда и значеніе бадняка не удалилось бы отъ смысла миѳическаго обряда—пробужденія, бодрствованія, что такъ согласно съ основаніемъ празднества въ честь раждающагося, пробуждающагося, послѣ зимняго усыпленія, солнца. А въ такомъ случаѣ, не по тому называется и день или вечеръ баданъ, что жгутъ баднякъ, какъ полагаетъ Г. Потебня, а баднякъ такъ называется по тому, что жжется въ бадній день, вечеръ. Въ какой мѣрѣ филологія Г. Потебни основана на случайныхъ требованіяхъ, нагляднымъ свидѣтельствомъ служитъ слѣдующій фактъ. Уже былъ готовъ нашъ разборъ, когда прочитали мы Филологическія Записки т. 4. выпускъ 2 и 3, гдѣ, между прочимъ, помѣщена статья Г. Потебни: «О звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій.» Здѣсь, на стр. 125, встрѣтили мы производство слова бондырь, посредствомъ Пол. Чеш. bednař, изъ предлога бе и существительнаго дно, и сопоставленіе, по формѣ, съ бесѣда, бескидъ (!) и бек-

рень (!?). Оставляя въ сторонѣ это словопроизводство, замѣтимъ, что Г. Потебня сюда же пріурочиваетъ Чеш. bedna и Малорус. бодня; если бы пришелъ при этомъ ему въ голову Серб. баднякъ и Серб. бадань, то ужь, конечно, онъ не могъ бы не сблизить и ихъ съ бодня и не произвести точно также отъ бе и дно.

На стр. 19, въ прим. 52, сопоставляетъ онъ слова ведро и ядро съ Скр. вйдгра и съ глаголомъ idh и indh. Это сопоставленіе, относительно слова ведро, высказано давно уже другими. Такъ, Миклошичъ указалъ на него еще въ 1845 году, въ своихъ «Radices ling. Slav.,» и потомъ повторилъ въ 1862 году, въ «Lexicon Palaeo-Slovenicum.» Мы остановимъ вниманіе только на слѣдующемъ.

Г. Потебня не отмѣтилъ, какое ядро разумѣетъ онъ: ѩдро ли Старо-Славян., или ꙗдро, ꙗдръ? Первое, въ значеніи пазухи, нѣдра, второе въ смыслѣ скорость, скорый. Что до сближенія вйдгра, то мы ничего не имѣемъ противъ этого, и не понимаемъ, по чему смущаетъ автора Славянское *е*, вмѣсто Скр. *и* (*i*): корень idh имѣемъ короткое *i*, и въ образованіи сложнаго слова Славянскій языкъ могъ удержать его и правильно перемѣнить на *е*. Не забудемъ, что ведро не встрѣчается въ древнихъ Кирил. памятникахъ, такъ что покойный Востоковъ, въ своемъ Лексиконѣ, привелъ примѣръ изъ Лавр. списка Рус. лѣтописи; господствуетъ же оно въ памятникахъ Глагольскихъ, южныхъ. Совсѣмъ другое относительно ядро.

Если авторъ думалъ о ꙗдръ,-дро, то значеніе скорый, казалось бы, могло остановить его; должно было остановить и значенье ядро, орѣхъ, зерно, яичко. Это ꙗдро (скоро) и сближаютъ, дѣйствительно, съ Греч. ἰθαρός (citus; Zeitschrift, 7, 121). Что же касается до ѩдро, преобразовавшагося въ нѣдро, нѣдра, то тутъ, кромѣ значенія (пазуха), нельзя не остановиться и на звукѣ ѩ, не замѣняемомъ нигдѣ посредствомъ ꙗ: его сопоставляютъ, по этому, съ Скр. adhara (нижняя часть, на которой держатъ, лоно; срв. Zeitschrift 3, 36). Есть еще третье ѩдро, ѩдрина, ѩдрило—парусъ; но чуть ли оно неродственно съ ѩдро (нѣдро), подымающееся, подобно пазухѣ, груди. Во всякомъ случаѣ, ни то, ни другое ѩдро, ни съ носовымъ, ни безъ носоваго звука, не имѣетъ ничего общаго съ Скр. indh.

Въ томъ же примѣчаніи сближено съ ведро и слово ядно, съ приставленнымъ къ нему значеніемъ жженіе, и, какъ будто, доказывающимъ происхожденіе отъ indh (жечь). Напрасно Г. Потебня такъ неразборчивъ на источники; вмѣсто Азбуковника, въ которомъ встрѣтилъ онъ значеніе жженіе, слѣдовало бы ему обратиться къ Словарямъ Востокова, или Миклошича, если уже самъ онъ такъ настойчиво уклоняется отъ памятниковъ. Востоковъ показалъ бы ему, что ꙗдьно—собственно выѣденное мѣсто, слово одного корня съ ꙗдьнꙗ—пища, ꙗдьць, ꙗдьца — ядущій, слѣдовательно, происходитъ отъ ꙗд, Скр. ad (ѣсть), не имѣющее ничего общаго съ indh (жечь). Но автору, во что бы то ни стало, хотѣлось, для своихъ миѳологическихъ объясненій, отыскать въ ядро, встрѣчающемся въ пожеланіи подъ Новый Годъ, идею огня, и вотъ онъ сближаетъ его съ ведро, а это, черезъ видгара, съ Скр. indh, а для большей убѣдительности, наставилъ тутъ же и ядно.

Еще съ большею филологическою безцеремонностію сталкивается читатель на стр. 42—44, гдѣ сближаются самыя разнообразныя слова, чтобы добиться изъ нихъ идеи дробленья, и тѣмъ объяснить миѳическое воззрѣніе на хлѣбъ. Укажемъ лишь на нѣкоторые факты. Такъ сближены Г. Потебней: тръгати, дергать, торкать и тлъкать; крупа, хрупкій съ кряпать (бить) и хряпать (ломать). Что Малорусское торкать соотвѣтствуетъ Великорусскому торгать, — понятно: обще Русское *г* часто замѣняется въ Малор. черезъ *к*; но развѣ научно сопоставлять дръгати (заставлять дрожать) съ тръгати (рвать)? Что имѣетъ мѣсто во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ нарѣчій, то можетъ вовсе не имѣть смысла въ двухъ словахъ одного и того же нарѣчія. Звуки *д* и *т* родственны, какъ *г* и *к*, и замѣняются другъ другомъ въ разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ; но они и различны, какъ основные, коренные звуки, существовавшіе отъ самыхъ первыхъ зачатковъ языка, и какое же право имѣемъ мы подставлять одинъ вмѣсто другаго въ одномъ и томъ же древнѣйшемъ языкѣ? Тогда всѣ слова съ *д* могутъ замѣняться посредствомъ словъ съ *т*, и наоборотъ. Отсюда, если въ Старо-Славянскомъ находимъ вполнѣ самостоятельными дръгати, тръгати, тлъкати, то отожествлять

ихъ коренное происхожденіе возможно лишь подъ руководствомъ неразборчиваго произвола.

Не съ меньшимъ произволомъ сближены и слова: крупа, кряпать, хрупкій и хряпать. Звуки *у* и *я* могутъ родниться лишь при посредствѣ коренныхъ носовыхъ ѫ—ѧ: мы уже не говоримъ объ *о* и *а*, находящихся въ хропкій и храпкій, также приставленныхъ Г. Потебней. Между тѣмъ, въ древнѣйшихъ памятникахъ Старо-Славянской письменности, находимъ только кроупа и никогда крѫпа; нарѣчіе Польское, сберегшее носовые звуки, указываетъ тоже только на krupa, во всѣхъ сложныхъ и производныхъ. Слово крупа скорѣе родственно съ крупный, въ чемъ трудно отмѣтить идею дробленія.

То же, если не больше, должно сказать и о сопоставленіи, съ тою же цѣлью, слова дрожжи съ трость, дроздъ, троскъ, друзъ, дрязгъ, будто бы, съ кореннымъ значеніемъ — бить, ломать. Отмѣтимъ только, что Старо-Славянское существительное дрождиѩ не имѣетъ вовсе глухаго звука, тогда какъ трость есть трьсть. О прихотливой замѣнѣ *д* и *т* сказали выше. Миклошичъ сравниваетъ Слав. дрождиѩ съ Литовскимъ drumstas, съ Ново-Нѣм. trüsen, drusen, съ Ср.-Латин. drascus.

По поводу той же идеи дробленія, Г. Потебня утверждаетъ, что блинъ, названіе извѣстнаго рода хлѣба, есть млинъ, а млинъ одного корня съ мельница, молоть, мелкій и т. д. Но желательно бы было прежде доказать, что Малор. млинъ не образовалось изъ блинъ, черезъ обыкновенную мѣну губныхъ *б* и *м*; не забудемъ, что блинъ въ Литов. blinas, въ Ново-Верхне-Нѣмец. Blinze. Во всякомъ случаѣ, сдѣланное Г. Потебней отожествленіе млина съ жерновомъ, на томъ оснавеніи, что жерновъ употребляется на мельницѣ, и что млинъ, по формѣ своей, также круглый, какъ и жерновъ, лишено убѣдительности.

Но авторъ не ограничился и этимъ: млинъ, молоть и т. д. сближаетъ онъ съ милъ, милый, можетъ быть (!) мелкій. Но когда и гдѣ милъ значило первоначально мелкій, объ этомъ не спрашивайте, хотя бы противъ такого значенія и говорили всѣ извѣстные доселѣ памятники Древне-Славянской Литературы. Ми-

клошичъ, еще въ 1845 году, сопоставилъ милъ съ Скр. корнемъ mîl (convenire, societatem inire); повторилъ это сопоставленье и въ 60-хъ годахъ, въ своемъ Лексиконѣ.

Въ Славянскомъ языкѣ, въ ряду терминовъ для хлѣба, есть выраженіе брашьно, борошно. Нельзя ли какъ ни будь и его подвести подъ смыслъ дробленія, толоченья? И вотъ слѣдуетъ у Г. Потебни такое словопроизводство: «вѣроятно, борошно одного корня съ брать и значитъ почти то же (!), что мукà, т. е., смолотое, растолченное. Брать, значитъ также и хватать, рвать, жать, рубить, откуда Старо-Славянское брады (сѣкира), пахать, откуда борона; вѣроятно, оно имѣло и значеніе толочь (стр. 44, прим.). Что брать когда ни будь значило и гдѣ ни будь значитъ жать, рубить, толочь, кромѣ Г. Потебни, едва ли кому либо извѣстно; что отъ брать можетъ происходить борона,—это понятно, по тому что ею забирается земля въ полѣ; но чтобы отъ брать же образовать и брады (=сѣкира), вставленное Г. Потебнею, естественно, для того, чтобы приблизить брашьно къ идеѣ толченья, рубленья, значило бы, ни болѣе ни менѣе, какъ попрать основные, элементарные законы Славянскаго словообразованія. Намъ остается только удивляться, какъ послушалось перо Г. Потебни раздѣлить брады такъ, что д очутилось отдѣленнымъ отъ бра и соединеннымъ съ окончаніемъ ы (=бра—ды). Окончаніе ы есть самостоятельное, исключительно гласное, соотвѣтствующее Скр. *û*, Лат. *u*, четвертаго склоненія, образующее, въ Славянскомъ языкѣ, особое склоненіе, сходящееся съ склоненіемъ на тему согласную (брад—ы, род. брадъве, дат. брадъви и т. д.), и не предлагающее ни одного примѣра, въ которомъ бы предыдущій согласный звукъ не относился къ корню (люб—ы, свекр—ы, смок—ы, цьрк—ы и т. д.). Но для Г. Потебни оказывается легкимъ миновать законы, лишь бы вывести любимую идею. Звукъ д, въ брад—ы, можетъ принадлежать только къ корню, а слѣдовательно и съ бра—ти не имѣетъ ничего общаго; вотъ по чему Гриммъ и сравниваетъ наше брад—ы съ Древне-Верхне-Нѣмецк. barta (сѣкира, Wörterb. I, 1143), а Дицъ съ Средне-Верхне-Нѣм. bart (I, 93). Что же до самаго слова брашьно, то мы ничего не можемъ сказать противъ сближенія его Миклошичемъ съ Скр. bhrakš, съ значеніемъ съѣдать, ѣсть.

Г. Потебнѣ захотѣлось обрядъ обсыпанья перенести на небо и сравнить съ дождемъ, отсюда явилась непремѣнная надобность и въ словахъ, заключающихъ идею обсыпанья, отыскать первоначальную идею литья, и вотъ, на стр. 62, онъ приводитъ областныя Русскія слова пурить, пура, пырка, пурынь (=зола), и объясняетъ, что корень ихъ долженъ быть пър—пур съ первоначальнымъ значеніемъ лить. А между тѣмъ, дѣло гораздо проще и въ результатѣ приводитъ къ обратному заключенію. Старо-Славянское пыро значитъ мукà; отсюда прилагательное пырѣнъ, пырянъ — мучной; то же и въ др. Слав. нарѣчіяхъ, съ тѣмъ же значеніемъ и съ отвѣтственнымъ каждому видоизмѣненіемъ ы; это же слово, съ тѣмъ же значеніемъ, находимъ и въ другихъ языкахъ: Литов. purji (triticum), Греч. πυρός, Скр. pura. Родство пыро съ pura уже указано Куномъ (Beiträge zur vergleich. Sprachfors. 2, 376; Indis. Stud; I, 356). Отсюда понятна и пурынь (зола), и пурга (мятель), т. е., порошащая, запорашивающая; отсюда и пурить (мочиться), испускать мелкія капли, какъ изъ сита, порошить Такимъ образомъ, выводъ долженъ быть совершенно обратный, отъ первоначальнаго значенья мукà, а не отъ лить. Принимая же во вниманіе Серб. пырити (дуть, вздувать), Чеш. pyřeti (то же), имѣемъ полное право заключать и о коренномъ значеніи въ словѣ пыро — дуть, вздувать (легко вздуваемое, мукà), какъ въ пухъ отъ пу (=дуть).

Здѣсь же не можемъ пройти безъ замѣчанія и объясненія слова прахъ, предполагающаго, по мнѣнію Г. Потебни, по всему вѣроятію, Слав. прахъ—дождь, а не на оборотъ. И это по тому только, что Чеш. pršeti значитъ дождить, ити мелкому дождю; за это и уцѣпился Г. Потебня, которому и тутъ хотѣлось дойти до основнаго значенья—лить. Но нашелъ ли онъ хотя въ одномъ нарѣчіи прахъ въ значеніи дождя? Слово прахъ всюду и всегда значило пыль, и какъ отъ пыро явилось пурить (мочиться), черезъ пырити (вздувать, поднимать пыль), такъ и пръшити значитъ прежде прашити, порошить, порхать, а потомъ уже мжить, ити дождю, какъ изъ сита.

Еще страннѣе видѣть первоначальное значеніе лить въ существительномъ буря по тому только, что въ областномъ говорѣ бурить значитъ мочиться. Буря всегда значила, значитъ всюду и

теперь бурю, т. е., вѣтеръ, мятель, а не дождь, какъ полагаетъ Г. Потебня, въ примѣч. 197; то же самое и пурга значитъ прежде всего и распространеннѣе всего вьюга, мятель; и мы не знаемъ, чему приписать положительность Г. Потебни, увѣряющаго (тамъ же), будто пурга, собственно дождь, не извѣстно (!!) въ значеніи вьюги, мятели. Существительное же буря происходитъ отъ корня бур (Miklos. Lexicon), съ значеніемъ издавать шумъ, шумѣть. Необъяснима для насъ и рѣшительность автора, доказывающаго синонимичность словъ: пухъ и прахъ (прим. 199); въ приведенной поговоркѣ—въ пухъ и прахъ оба слова вполнѣ самостоятельны, каждое съ своимъ собственнымъ значеніемъ; въ неловко же оторванномъ клочкѣ изъ пѣсни, сущ. пухъ опять стоитъ на своемъ мѣстѣ, и ни чѣмъ не указываетъ на прахъ.

Не видимъ себя въ правѣ согласиться съ авторомъ даже и на счетъ значенія глагола сыпать, будто бы первоначально заключавшаго смыслъ литья; намъ извѣстно только, что въ древнѣйшихъ памятникахъ онъ употребляется съ значеньемъ сыпать, spargere.

Объ объясненіи основнаго смысла слова солома (стр. 74), мы не будемъ говорить ничего, какъ не говорили о словопроизводствѣ Овсеня (стр. 21) и серны (стр. 35); не станемъ говорить по тому, что объясненіе это принадлежитъ не Г. Потебнѣ, а уже обстоятельно изложено Курціемъ, въ Grundzüge d. griech. Etym. I, 108, гдѣ такъ убѣдительно отвергнуто и прежнее производство соломы отъ корня str. На мѣстѣ Г. Потебни мы не видѣли бы причины не указать на этотъ источникъ тутъ, какъ и при производсвѣ Авсеня отъ uš (тамъ же, I, 189).

Въ примѣчаніи 254, стран. 75, при словѣ окручать, намъ осталось непонятнымъ соединеніе представленій заплетанья, одѣванья и брака, ежели только Г. Потебня думалъ тутъ видѣть что либо больше, кромѣ самаго простаго и естественнаго перехода слова отъ понятія общаго къ частному случаю, отъ одѣванья и заплетанья, вообще къ обряду заплетанья и убиранья головы молодой послѣ вѣнца. Окручать происходитъ, очевидно, отъ кржтъ (tortus), откуда кржтить (крутить, завивать). Отъ понятія же крутить, запахнуть, запахнуться, явилось и значеніе одѣвать, одѣваться; отсю-

окрутниками, въ Новгородѣ, называются наряженые, замаскированные (во время Святокъ).

Едва ли гдѣ ни будь, въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, высказался такъ ярко оригинальный взглядъ Г. Потебни на Филологію, какъ въ обслѣдованіи слова Яга (стр. 91, прим. 7). По этому позволимъ себѣ и мы остановиться на этомъ мѣстѣ подробнѣе.

Стараясь объяснить звуки *г, д, з, дз,* встрѣчающіеся въ выраженіи Яга, по разнымъ Славянскимъ нарѣчіямъ: Польское Jędza, Словац. Jenži, Ježi; Чеш. Jedu, Jezinka, Галиц.-Рус. Язя, и усиливаясь подвести первоначальный смыслъ Яга подъ понятіе огня, жженья, а слѣдовательно домогаясь до того же корня indh, отъ котораго происходитъ ведро и съ которымъ такъ неловко сблизилъ Г. Потебня ядно и ядро, онъ начинаетъ отъ болѣе яснаго, по его мнѣнію, сравненія Слав. слова звонъ съ Скр. корнемъ dhvan. Дѣйствительно, въ 1845 году Миклошичъ такъ объяснялъ существительное звонъ; но Боппъ, въ новомъ изданіи «Vergleich. Gramm.» (I,151), возстаетъ противъ этого и указываетъ на на svan (sonare, sonus), съ которымъ сближаетъ (предполагая *s* изъ *ç*) термины Нѣмецкіе, Англосаксонскіе и т. д. Соотвѣтствіе *з* звуку *s* оправдывается словами pusa, звѣзда. Миклошичъ, въ своемъ Лексиконѣ, видимо склоняется уже на сторону Боппа Такимъ образомъ, посредствующій органъ, которымъ думалъ Г. Потебня оправдать свое производство, оказывается несостоятельнымъ. Но посмотримъ на звуковыя сближенія самаго автора.

Прежде всего поражаетъ сопоставленіе Скр. *dh* (слѣдовательно, Греч. ϑ) съ Славянскими звуками *г, з, дз* и даже съ *ж,* а въ заключеніе съ *д,* тогда какъ общій законъ, указанный Гриммомъ подтвержденный и доказанный Миллеромъ (Vorlesungen über die Wissen. d. Sprache, 2 Serie, 1865, S. 210), свидѣтельствуетъ лишь объ одномъ, что *dh* равняется въ Славянскомъ звуку *д.* Автор ни однимъ примѣромъ не подорвалъ этого кореннаго закона: примѣръ въ сущ. звонъ сюда уже ити не можетъ; да къ тому же. онъ могъ бы говорить только въ пользу *д* и *з,* но ни чуть въ пользу *г,* или *ж.*

Далѣе, Г. Потебня, чтобы настоять на своемъ производствѣ отъ indh, пускается въ доказательство сродства *г* и *д* и замѣны

послѣдняго первымъ. Какія же это доказательства? «*з* и *ж*, въ Рус. Язя, Словац. Ježibaba, предполагаютъ *г*, а это могло выйти изъ dh, какъ въ словѣ звонъ, дзвонъ отъ корня dhvan.» Но гдѣ же въ звонъ звукъ *г*? Тутъ находимъ мы только *з*, да по Малор. говору *дз*. Или авторъ думаетъ, что изъ кореннаго *dh* выбросилось *d* и осталось одно *h*? Но въ такомъ случаѣ, нельзя не упрекнуть его въ особенности пониманья Санскритскихъ придыханій при согласныхъ, зубныхъ и небныхъ, а также и господствующей замѣны ихъ въ тѣхъ родственныхъ языкахъ, которые утратили придыхательность: вѣдь въ послѣднихъ, этою утратою, остались обыкновенно простые согласные, подвергнувшись, уже на почвѣ специяльнаго ихъ, отдѣльнаго развитія, своеобразнымъ измѣненіямъ. Отсюда, и въ Славянскомъ языкѣ, съ потерей придыхательности, остались прежде всего изъ *gh*—*г*, изъ *kh*—*к*, изъ *th*—*т*, изъ *dh*—*д*. Обратное явленіе, чтобы въ позднѣйшихъ языкахъ уцѣлѣло придыханіе и затерялся коренной звукъ, останется до тѣхъ поръ безпримѣрнымъ, пока Г. Потебня не докажетъ этого какъ можно большимъ количествомъ примѣровъ, и притомъ положительныхъ, несомнѣнныхъ. До тѣхъ же поръ, предположеніе, что изъ indh выбросилось *д*, а осталось одно *h*, превратившееся въ Славянскомъ въ *з* и *ж*, позволимъ считать слѣдствіемъ чистаго произвола.

Но этого мало. Допуская предположеніе Г. Потебни, мы, значитъ, должны допустить и двойственность въ образованіи одного и того же слова у Славянъ, и не только по разнымъ нарѣчіямъ, но даже въ одномъ и томъ же нарѣчіи. Такъ Чешское нарѣчіе, въ выраженіяхъ: Jedu (baba) и Jezinka, выходитъ, одинъ разъ изъ кореннаго *dh* выбросило *г* и оставило *д*, въ другой выбросило *д* и оставило *г*, превратившееся, уже въ силу Славянской специяльности, въ *з*. Однако же, Г. Потебня хочетъ подтверждать и примѣрами чередованье звуковъ *д* и *г*, и указываетъ на слѣдующія: а) ядно, б) язва, в) ягнуть (областное Псковское): всѣ эти слова, по его мнѣнію, происходятъ отъ того же indh.

Насъ удивляетъ прежде всего способъ доказывать тѣмъ, что должно быть доказано само, именно, что *д* въ indh способно превращается въ *д*, *г* и *з*. Относительно ядно, мы уже видѣли, что оно происходитъ отъ *яд* (ѣсть), и авторъ ошибся, довѣрившись Азбуковнику. Оставляя въ сторонѣ язва (Литовск. aiza, трещина, рас-

щелина), не можемъ не поразиться указаніемъ на областное ягнуть: вѣдь оно само прежде всего требуетъ объясненья, а Г. Потебня приводитъ его въ доказательство! Да ягнуть могло пойти просто отъ лягнуть (срв. ледва=едва), или отъ ягня, и значитъ кольнуть. Г. Потебня схватился за выраженье жигнуть, которымъ въ Областномъ Словарѣ объяснено слово ягнуть. Но не уже ли же, въ самомъ дѣлѣ, логично отъ значенья корня въ объясняющемъ словѣ заключать объ основномъ значеньи объясняемаго, и на этомъ основаніи строить цѣлый миѳъ? Жигнуть, жигануть въ обыкновенномъ говорѣ значитъ просто ударить, хватить; объясняющій въ словарѣ слова вовсе не думаетъ о первоначальномъ смыслѣ объяснительнаго слова, а употребляетъ его, для уясненія непонятнаго реченія, въ томъ значеніи, какое во всеобщемъ ходу.

Такъ много предположеній, произвола и неправильностей въ производствѣ Яги, и все это, конечно, отъ того, что автору хотѣлось оправдать фактами языка напередъ предположенную идею въ значеніи Яги. Между тѣмъ, если бы онъ слѣдовалъ обратному пути, т. е., предварительно обслѣдовалъ факты, то едва ли бы не избѣжалъ ошибокъ, да правильнѣе опредѣлилъ бы и основный характеръ Бабы-Яги. Для Г. Потебни и дѣло-то было бы, рѣшаемся думать, легкое: стоило только отбросить предвзятую идею. не ставить на дыбы словъ и воспользоваться тѣмъ миѳическимъ терминомъ, который не разъ приводится имъ въ сочиненіи.

Начнемъ съ Хорутанскаго слова ježa, съ выраженія konj k ježi, т. е., верховый конь, конь для ѣзды. Это слово совершенно правильно сопоставлено Миклошичемъ съ Старо-Слав. ѩжда, въ смыслѣ не только ѣзды, но и летанья. Относительно ѩжда не можетъ быть сомнѣнія, что оно одного происхожденья съ ѩждити, ѣздити (ѣду). Нельзя не желать узнать корень, для точнѣйшаго опредѣленія значенія.

Санскритъ предлагаетъ намъ корень *ah*, усиливаемый носовымъ звукомъ *ȧh* и замѣняемый посредствомъ *ag* и *ȧg*, съ значеніемъ ити, двигаться, откуда происходитъ и существительное ahi (serpens, змѣя). Латин. anguis, Слав. ѫжь (=анжь), Греч. ἔγχελυς и ὄφις. Какъ въ Санскритѣ встрѣчаемъ мы слова и съ носовымъ призвукомъ и безъ него, такъ тоже и въ указанныхъ производныхъ

другихъ языковъ, такъ и въ Славянскомъ: ага (=jaga=яга) и жже Но *г* Славянское смягчается въ *жд=зд*, Пол. *dz*; смягчается въ *з* и *ж*, черезъ это: ꙗждити, ѣздить, ꙗза и jędza, или Словац. jezi, всецѣло соотвѣтствующее, по формѣ, Скр. ahi. Коренное значеніе, слѣдовательно, Яги будетъ: двигающійся, идущій, ѣдущій, сохранившееся въ Хорутанскомъ konj k ježi. Понятно, что этотъ первоначальный смыслъ въ словѣ Яга утратился,—и вотъ Чеш. jedu (baba) воспроизвело этотъ смыслъ новообразованнымъ словомъ изъ ꙗждати, ѣздити, ꙗдж, ѣдж. Вѣроятно, и самое ꙗхати принадлежитъ тому же корню аг, âг. Характеръ Яги, извѣстный по всѣмъ Славянскимъ сказкамъ, представляющимъ ее въ главнѣйшихъ моментахъ ѣдущею, только подтверждаетъ этотъ смыслъ. При такомъ взглядѣ на происхожденіе слова Яга, мы не станемъ въ противорѣчіе и съ законами Гриммовой таблицы, ни съ обстоятельнымъ Мюллеровымъ ученіемъ: Скр. *g* и *h* соотвѣтствуютъ въ Славян. *г* и *з*, а черезъ нихъ *дз* и *ж*. Замѣтимъ, наконецъ, что Г. Потебня, на стр. 96, уже самъ сознается въ неясности для него этимологическаго значенія слова яга.

На сколько сильнѣе, въ филологическихъ объясненіяхъ Г. Потебни, личные его догадки, сравнительно съ положительными данными языка, доказываетъ взглядъ его на слово лисица (стр. 132). Ему непремѣнно надобно было сдѣлать лисицу сестрой волку, а для этого необходимо окрестить и самое слово въ женскій родъ, и вотъ онъ уже находитъ подтвержденіе въ томъ, что Слав. языкъ знаетъ лису, лисицу, а отсюда готово и заключеніе, что «женскій родъ нашего слова лиса древнѣе мужескаго въ Нѣмецкомъ языкѣ.» Стоитъ ли говорить что ни будь противъ этого? Замѣтимъ одно: Старо-Славянское нарѣчіе не знаетъ вовсе лисы, а знаетъ лиса. Едва ли можно и сомнѣваться, что искони существовалъ двоякій родъ, муж. лисъ и жен. лиса, какъ въ Славянскомъ, такъ и въ Германскомъ. Если же сообразоваться съ наличными данными языка, то съ гораздо большимъ правомъ можно утверждать преимущественную древность муж. рода: кромѣ Старо-Славянскаго нарѣчія, съ муж. родомъ, является лиса и въ Серб. (лисъ), и въ Польск., и въ Чеш., и въ Лужицкомъ и въ другихъ, и мы рѣшительно недоумѣваемъ, какъ понять и чѣмъ объяснить выводъ Г. Потебни. Все говоритъ положительно противъ него, а онъ спо-

койно доказываетъ исконностью и исключительностью женскаго рода въ Славянскомъ языкѣ миѳическое отношеніе лисицы къ волку, какъ сестры къ брату, по тому только, что въ такомъ отношеніи попадаются они въ нѣкоторыхъ сказкахъ, и по тому, что, при женскомъ родѣ лисицы, удобнѣе сближать ее съ Ягой-Бабой и заставлять принимать миѳическое участіе въ родинахъ и т. д.

Отсюда уже, при увѣренности въ женскомъ миѳическомъ значеніи лисицы, равно и куницы, Г. Потебня свободно видитъ указаніе на него и въ техническихъ областныхъ терминахъ, для выраженія посредствомъ этихъ словъ подарковъ, по случаю брака, молодымъ, или отъ молодыхъ. Такъ куницей называется коегдѣ плата новобрачной пану, или городничему; лисицей — пряникъ молодымъ отъ сродниковъ, на другой день свадьбы (стр. 136. прим. 107). Надобно ли распространяться, что терминъ куница обязанъ своимъ значеніемъ, въ настоящемъ случаѣ, древнему выраженію куны, т. е., деньги, которыми должна была дѣйствительно откупаться брачущаяся. Обязанность исчезла, но обратилась въ обычай, съ которымъ сберeглось и самое слово куна, куница. Подобный же переходъ значенія совершился, безъ сомнѣнія, и съ лисицей (т. е., мѣхомъ), и видѣть тутъ что либо миѳическое едва ли логично Но Г. Потебня, хотя и отказывается объяснить, все же ставитъ въ связь съ своимъ миѳическимъ стремленіемъ и Серб. выраженіе лисице, лисичине, въ значеніи кандалы, оковы, путы, а также Пол.-Чеш. kuna, въ подобномъ же смыслѣ. Но первое, лисице, лисичине, очевидно, родственно съ Старо-Слав. лѣса, въ значеніи — плетенка, что либо сплетенное, Чеш. lesa, leska, съ тѣмъ же смысломъ; сюда же, само собою, входитъ Русское лѣса, лѣсца, столь извѣстное ловящимъ рыбу удочкой. Корень этого слова, вѣроятнѣе всего, находится въ Скр. глаголѣ las (работать руками, плести). Что касается до Чешско-Польскаго выраженія kuna, то появленіе его съ этимъ смысломъ объясняется Польскимъ же gąsior, въ значеніи желѣза, путъ на шеѣ (отъ чего человѣкъ держитъ шею, подобно гусю, какъ gąsior), и сосуда съ вытянутою длинною шейкой, слѣдовательно, могло перенестись отъ сходства съ силками, съ западней для куны. Какъ бы то ни было, но объясненіе, основанное на исторіи и на простомъ, безъискуственномъ переходѣ значенія, заставляетъ отбросить натянутое возведеніе къ чему-то миѳическому.

Страница 212, съ примѣчаніемъ 234, напоминаетъ намъ живо филологическій пріемъ въ объясненіи словъ дергать, торгать и дрожди, равно и при словѣ Яга. По поводу родственности выраженій быкъ и бъчела, давно уже извѣстной и основанной на прочныхъ звуковыхъ началахъ, авторъ сближаетъ съ бук и бык слова буг, буз, быз, бызд. Опровергать все это находимъ излишнимъ; въ противномъ случаѣ, нельзя не подумать о возможности подвести весь матеріялъ языка подъ какой либо одинъ корень. Вмѣсто опроверженія, мы позволимъ только себѣ спросить автора: гдѣ же посредствующія ступени для буз и быз, еще болѣе для бызд? Странно, что Г. Потебня не хочетъ признать той простой истины, что современныя простонародныя выраженія можно и должно брать въ сравненіе, тѣмъ болѣе въ доказательство столь темныхъ вопросовъ, но не иначе, какъ при посредствѣ исторіи; лишь тогда могутъ имѣть смыслъ звуковыя ихъ разнообразія, когда будутъ представлены для нихъ историческіе посредники, и когда образованіе ихъ будетъ опираться на положительныхъ звуковыхъ законахъ: «wenn wir es nur sorgsam prüfen und zergliedern,» говоритъ Максъ Мюллеръ (Vorles: üb. die Wissenschaft d. Sprache, 2 Serie, S. 12).

Въ томъ же примѣчаніи сталкиваемся мы съ производствомъ слова жукъ и съ оригинальнымъ сближеніемъ его съ другими словами. Вотъ какъ опредѣляетъ Г. Потебня корень слова жукъ: «его можно сблизить или съ жьг (съ значеніемъ огня, потомъ чернаго цвѣта): срв. жужель (*у* изъ ъ), пѣна при плавкѣ металловъ, Рус.-Пол. жужелица, то же и извѣстное насѣкомое, Тверск. жугля—какое ни будь живое существо, Вятско-Пермское жужга (удвоеніе корня жьг), навозный жукъ; или съ Чеш. жукати, жужжать.» Трудно рѣшить, чему приходится больше удивляться: силѣ ли воображенія автора, или филологической неразборчивости средствъ для доказательства предвзятой идеи.

Во а) допустивши корень жьг, мы должны отказаться отъ слова жукъ, по тому что оно необъяснимо, ни по формѣ, ни по значенію, изъ упомянутаго корня. Правда, авторъ утверждаетъ, что *у* происходитъ изъ ъ; но въ жьг встрѣчаемъ мы только ь, и никогда ъ, котораго при *ж* и быть не можетъ. По этому, нѣтъ и ни одного видоизмѣненія корня жьг, которое бы указывало на ъ (жегу, жигати, жагати, гдѣ *а* изъ *jѣ*). Слѣдо-

вательно, подобное производство жука есть чистый произволъ. Во б) слово жужель, жужелица, жугля должны быть выброшены изъ сравненія съ жукомъ, даже на основаніи малѣйшаго вниманія къ значенію, не заключающему ничего общаго между первыми и послѣднимъ, когда уже мы знаемъ о несоединимости жука съ корнемъ жьг. Авторъ видимо чувствовалъ это, и вбросилъ, какъ бы посредствующій терминъ, Вят.-Пермск. жужга, дѣйствительно употребляющееся въ смыслѣ навознаго жука и, такимъ образомъ, какъ бы связывающее формально жужель, жужелица и жугля съ жукомъ. Но именно этотъ-то посредствующій терминъ и доказываетъ, какъ, съ одной стороны, должно быть осторожнымъ съ простонародными словами, съ другой—до какой степени Г. Потебня обращается съ ними своевольно, отвергая рѣшительно путь строгой науки. Казалось бы, немного стоило вникнуть въ выраженіе жужга, чтобы подмѣтить въ немъ настоящаго жучка. Напрасно авторъ не захотѣлъ справиться съ свойствами Вятско-Пермскаго говора: отчетливая характеристика его у Г. Даля удержала бы разомъ порывъ его фантазіи. Извѣстно, что этотъ говоръ замѣняетъ *ч* посредствомъ *ш*, а *к* посредствомъ *г*., отсюда, вм. жучка (жучокъ), должно явиться жушга, а въ слѣдствіе Обще-Славянскаго закона превращенія отзвучныхъ передъ звучными въ звучные (*ш* передъ *г* въ *ж*), жужга. Господинъ же Потебня преважно удваиваетъ для этого слова корень жьг, и думаетъ видѣть въ этомъ доказательство первобытной связи жука съ огнемъ! Въ в) сближеніе жука съ Чешск. жукати, понятно, ничего не объясняетъ, такъ какъ само оно происходитъ отъ жукъ.

Въ г) Г. Потебня идетъ далѣе въ сближеніяхъ и сопоставляетъ жукъ, а съ нимъ жужель, жужелица, съ зука, зыкъ и т. п. Оставляя пока въ сторонѣ жужель и жужелицу, замѣтимъ, что противъ сближенія жука съ зукомъ не имѣемъ мы ничего, и именно по тому, что древній языкъ Славянскій, не зная жука, употреблялъ вмѣсто него слово зоука, имѣя въ то же время и сущест. зоукъ для выраженія понятій: звука, шума, крика. Но зоукъ и зоука, очевидно, происходятъ отъ зоу, являющагося въ зъв—ати, зъв—аніе, что въ Старо-Слав. значитъ крикъ, криканье. Ставянское же зоу есть Скр. hu или, съ законнымъ видоизмѣненіемъ его, hoê, съ значеніемъ: звать, взывать; съ нимъ

и сравниваетъ наше звать Боппъ, сопоставляя съ Исландск. hoia (ржать), Древне-Нѣмец. hoaijôn и т. д, отсюда и зыкъ, зычать и т. п.; отсюда и Серб. зука, жужжанье пчелъ; зуяти, жужжать, и зуякъ, навозный жукъ. Отсюда, коренное значеніе жукъ, зукъ есть шумъ, жужжанье, а слѣдовательно и зыкъ — бѣганье скота, и зыкать, вести себя бойко (о дѣвушкѣ), получили эти значенія отъ шума, крика, а не наоборотъ, какъ увѣряетъ Г. Потебня, т. е., не отъ понятія соединенія (половаго), брака, тѣмъ менѣе огня

Въ д) Что же касается до жужель, жужелица, идущихъ изъ глубокой древности и распространенныхъ по всѣмъ нарѣчіямъ Славянскимъ, съ значеніемъ червя, бабочки, моли, перешедшихъ даже и въ Мадьярскій языкъ (źiźak), то происхожденіе ихъ и первоначальное значеніе справедливо сопоставлены Миклошичемъ съ Скр gudź (murmurare), между прочимъ, и по тому, что значеніе шума сохранилось и донынѣ въ этихъ словахъ: Хорв. źuźanj значитъ шумъ (strepitus); Рус. жужжать.

Въ заключеніе всего выходитъ, что какъ быкъ, бъчела (=пчела) произошли отъ звука, шума, такъ точно и жукъ, зукъ и жужель, жужелица, хотя и отъ различныхъ корней, не имѣющихъ, впрочемъ, ни малѣйшаго отношенія къ жьг или огню.

На стр. 252, Г. Потебня, по субъективному своему воззрѣнію, доходитъ до отождествленія миѳическаго змѣя и бочки; а какъ представленія сосуда и брюха сростны (разумѣется, по мнѣнію того же Г. Потебни), то змѣй представляется и туловищемъ, т. е., брюхомъ. При этомъ и лингвистическія указанія: «тулъ и туловище, Польск. tułub, Пол. kadłub (предполагаетъ, ка—длъ—бъ, нѣчто выдолбленное), туловище. Отсюда, рядомъ съ представленіемъ змѣя сосудомъ, представленіе его туловищемъ (т. е., брюхомъ).» Спрашивается, гдѣ могъ найти авторъ хотя какой ни будь намекъ на то, чтобы туловище когда ни будь означало брюхо? Гдѣ отыскалъ онъ и иное значеніе для тула, кромѣ исключительнаго pharetra? Независимо отъ этого, мы не можемъ согласиться и съ представленіемъ змѣя даже туловищемъ въ сказкахъ, не только брюхомъ. Приведенное Г. Потебней сказочное выраженіе, что старый змѣй оборачивается человѣкомъ

безъ рукъ, безъ ногъ, вовсе не говоритъ о туловищѣ, которое отрицаетъ и голову, которой, однако же, не лишился змѣй, и напрасно, по крайней мѣрѣ произвольно, Г. Потебня прибавилъ въ скобкахъ объяснительное—одно туловище. Впрочемъ, это больше уже относится къ способу его толкованія самаго миѳологическаго матеріяла; въ настоящую же минуту насъ занимаютъ его филологическія сближенія и объясненія.

Г. Потебня сопоставляетъ тулъ съ длъб, чтобы опредѣлить значеніе туловища, какъ чего-то выдолбленнаго. Но во а) гдѣ же Старо-Слав. лъ переходитъ въ Старо-Славянскомъ же въ ул? а тоулъ находится и въ Старо-Славянскомъ? Во б) по чему же *д* (въ длъ-б) перешло въ *т* (въ тоулъ)? Въ в) куда же *б* дѣлось въ длъ|б? Или оно не принадлежитъ корню? Въ самомъ дѣлѣ, Г. Потебня раздѣляетъ его такъ: длъ-бъ, какъ будто *бъ* есть образовательный суффиксъ. Но вѣдь это скорѣе можно принять за шутку, до того очевидна и извѣстна неотдѣльность *б* въ корнѣ длъ-б. Наконецъ, въ г) тулъ имѣетъ въ корнѣ тул (tul), нести, носить; Готск. thula, tolerare (срв. Боппъ, Glos. подъ tul, Miklos. Lexicon подъ тоулъ); между тѣмъ какъ длъбсти сближается съ Англо-Сакс. dilfau, Лат. glubere (Zeitschr. f. vergleich. Sprach. 7, 173).

А что сказать противъ отнесенія Г. Потебней Пол. kadłub къ корню длъбъ? Серьезно приходитъ въ голову, ужь не думалъ ли онъ подсмѣяться надъ читателемъ? Избравши Лексиконы главнымъ основаніемъ своихъ филологическихъ сближеній и производствъ, онъ бы могъ легко отыскать въ Серб. нарѣчіи калупъ, одинаковаго значенія съ Польск. kadłub, и тогда, надѣемся, безъ труда опредѣлилъ бы источникъ, изъ котораго появился въ Польскомъ словѣ звукъ *д* передъ *л*. Что же касается до формы tułub, то мы попросили бы автора взглянуть на слово tulów (откуда туловище) въ Польскомъ Словарѣ Линде; тамъ увидѣлъ бы онъ, что tułub лишь одна изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ формъ указаннаго слова tulów.

Слѣдующая страница (253) доставила Филологіи новое своеобразное производство, по поводу объясненія слова кощей. Указавши на сказочный характеръ кощея, Г. Потебня продолжаетъ: «все это даетъ нѣкоторое право (?), миновавши (?) Старо-Слав. кощь, сухой, худой тѣломъ, сблизить Слав. кощей

съ Скр. кукши (брюхо, утроба, пещера). Со стороны звуковъ, кажется (!), нѣтъ препятствій: *у*=*о* (Скр. куккуша=Серб. кокошъ), кш=ск, *щ* (Скр. кшам, терпѣть, и о-скома, когда зубы терпнуть, щемѣть, болѣть извѣстнымъ образомъ).» Этотъ образецъ филологическаго пріема требуетъ опять остановки.

1) Кощей сближается съ кукши. Но тогда какъ въ кощей звукъ *щ* есть, очевидно, коренной, связанный нераздѣльно съ *ко*, въ Скр. кукши послѣдній слогъ *ши* есть образовательный, приставленный къ корню кук, что значить брать, принимать (въ данномъ примѣрѣ, разумѣется, пищу).

2) По мнѣнію Г. Потебни, очень легко приравнивается коренное *у* Славянскому *о*. На дѣлѣ не такъ. Замѣна *у* посредствомъ *о* въ Старо-Славянскомъ нарѣчіи необыкновенная рѣдкость, и Шлейхеръ отмѣтилъ только два случая (сноха да оба) и лишь подъ сомнѣніемъ третій (родить изъ rudh. Formenl. d. Kirch. Slav. Sprach., S. 57).

3) Г. Потебня въ доказательство приводитъ Серб. кокошъ, равное у него Скр. куккуша. Но такое сравненіе требуетъ тѣмъ большаго вниманія и доказательствъ, что Славянская Филологія предлагаетъ объясненіе кокоша (не Сербск. только, а и Старо-Славянскаго и другихъ Славянскихъ нарѣчій) совершенно иное. Его производятъ изъ кâка, въ значеніи воронъ (cornix), откуда кâкаракша—гребень (у птицы), kâkâla, тоже вóронъ,—очевидно выраженіе звукоподражательное, отсюда и Слав. кок, квок (Mikl., Lexicon). Что до кукуша, или куккута, или куккубга, названныхъ также звукоподражательно, то ихъ можно сблизить только съ кукушей, кукушкой.

4) *кш* = *ск*, думаетъ Г. Потебня, и скрѣпляетъ примѣромъ оскомина, сопоставленнымъ съ Скр. kšam. Но, вѣдь, послѣднее требуетъ не менѣе настоятельно доказательства, чѣмъ и то, что имъ доказывается Филологія, между тѣмъ, не знаетъ, будто Скр. *кш* равняется Славянскому *ск*; знаетъ она, напротивъ, что Скр. kš=Греч. ξ, Латин. *x* и въ Славянскомъ замѣняется посредствомъ *с*. Такъ, Скр. dakšima, Греч. δέξιος, Лат. dexter, Слав. десьнъ, Лит. deszinė; akša, ἄξων, axis, Литов. aszis, ось; Скр. takš, Слав. тесать. Удивительно, что Г. Потебня забылъ сказанное

имъ выше (на стр. 7); тамъ онъ самъ сопоставляетъ Скр. kš съ Слав. с; но тамъ надобно ему было доказать равенство Санскритскаго рикши Славянской рыси.

Въ то время, какъ авторъ не совсѣмъ позволительно минуетъ Старо-Славянское нарѣчіе, на немъ и Древне-Русскомъ языкѣ слѣдовало бы остановиться прежде всего, и особенно прежде, чѣмъ дать волю субъективному взгляду Въ Старо-Славянскомъ нарѣчіи слово кощь, кошть попадается исключительно въ значеніи сухой, тощій, тонкій, блѣднолицій (ξηρός, σπανός, gracilis), и, очевидно, стоитъ въ непосредственной связи съ своимъ корнемъ—кость, какъ прилагательное къ существительному. Слѣдующіе примѣры Древне-Русскаго языка только видоизмѣняютъ значеніе кощея, ни мало не уничтожая коренцаго его смысла: «и бяше съ нимъ (съ Андреемъ Боголюбскимъ, въ ночь убіенія его) одинъ кощей малъ» (Новг. I, подъ 1174 г.); «идоша князи 9 дновъ изъ Кіева, и бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ Гаврилкова отъ Иславича» (Ипат. стр. 98, подъ 1170 год) Въ обоихъ примѣрахъ, кощей значитъ слуга, пажъ, мальчикъ; въ нынѣшнемъ употребленіи—костлявый человѣкъ, скряга, скупецъ Послѣдовательность значенія явственна: сухость, истощенность равносильны слабости; идея же слабости отожествлялась съ малостью. На все это предлагаетъ Древне-Русскій языкъ свидѣтельство и въ другихъ выраженіяхъ (см. Объ особен. Малор. нарѣчія, стр. 21). Понятіе сухости, измождениости, весьма естественно связалось и съ скряжничествомъ. Но Г. Потебня, во что бы то ни стало, желаетъ натянуть первоначальное значеніе кощея на миѳическое существо и, образовавши самое слово изъ кукши, переводитъ потомъ значеніе въ демоническаго человѣка, далѣе въ иноплеменника, военнаго врача, и наконецъ раба-плѣнника. Надобны, однако же, свидѣтельства подобнаго перехода значенія: у Г. Потебни и за ними нѣтъ остановки; но какъ указанные примѣры изъ Старо-Славянскаго и Древне-Русскаго нарѣчій ничего подобнаго не говорятъ, то автору и оставалось ухватиться за Индійскихъ дьясовъ, которые изъ значенія демоновъ перешли въ Санкскритѣ къ значенію иноплеменниковъ, варваровъ. Г. Потебнѣ, очевидно, нѣтъ вовсе дѣла до исключительныхъ условій, въ какія поставлены были Арійцы, переселившіеся изъ Ирана въ Индію, къ туземцамъ —

варварамъ; онъ не обращаетъ вовсе вниманія на то, что послѣдніе явились въ понятіяхъ первыхъ олицетворителями злаго, враждебнаго, сложившагося въ ихъ миѳахъ, и, думая обмануть себя, ссылается на Слово о полку Игоревомъ, гдѣ, будто бы, кощей, отнесенный къ Половцамъ, дѣйствительно употребляется въ смыслѣ врага-иноплеменника, варвара. Но мы видѣли уже, какое значеніе придано кощею въ Лѣтописномъ извѣстіи, современномъ указанной поэмѣ (Ипат. лѣт. подъ 1170); а простой глазъ въ примѣрахъ Слова о полку Игоревомъ ничего и не можетъ увидѣть, кромѣ общаго значенія, въ бранномъ смыслѣ, значенія сухой, костлявый, сухопарый, какимъ и по сіе время представляется Русскому Татаринъ.

Надѣемся, что и этихъ примѣровъ достаточно, чтобы оцѣнить взглядъ на филологическій пріемъ Г. Потебни въ Миѳологіи, которому онъ далъ гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ историческому. Что же слѣдуетъ сказать объ этомъ взглядѣ?

Прежде всего то, что авторъ и тутъ не хочетъ знать Исторіи. Вообще, послѣдняя на всѣхъ пунктахъ видимо тяготитъ его, возбуждаетъ въ немъ какое-то недоброжелательство; ему пріятнѣе производить операцію съ языкомъ въ томъ его видѣ, въ какомъ существуетъ онъ теперь, или въ какомъ угодно взять его Г. Потебнѣ. Правда, это даетъ изслѣдователю несравненно большій просторъ свободы; но согласна ли такая свобода съ успѣхами результатовъ? Дѣйствительно, для Г. Потебни современное количество и качество звуковъ служитъ искючительною основою при всѣхъ сближеніяхъ и сравненіяхъ, не только въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, но и въ языкахъ, и не только въ настоящемъ времени, но и въ отдаленномъ прошедшемъ. Какъ будто эти нарѣчія и языки не жили своею жизнью, не подвергались перемѣнамъ, окаменѣли въ моментъ первоначальнаго образованія. Отсюда, родство, на пр., одинаково-органныхъ и звуковъ, смѣняющихся одинъ на другой въ различныхъ говорахъ нарѣчіяхъ, представляетъ Г. Потебнѣ надежное ручательство сближать ихъ въ одномъ и томъ же языкѣ, или нарѣчіи, притомъ и въ глубокой древности; отсюда, нѣтъ и заботливости о пріисканіи первоначальной формы, по крайней, мѣрѣ древнѣйшей по памятникамъ письменности. А между тѣмъ извѣстно, что современный звукъ въ одномъ языкѣ, или нарѣчіи, могъ произойти совершенно инымъ

путемъ изъ другаго древняго, чѣмъ въ другомъ языкѣ, или нарѣчіи. При такомъ взглядѣ на Филологію, нѣтъ ничего удивительнаго, если и филологическіе факты Г. Потебни иногда напоминаютъ ту пору языкознанія, когда сближенія и словопроизводства совершались безъ отношенія къ законамъ и опирались на субъективныхъ, часто произвольныхъ, догадкахъ и предположеніяхъ.

То же самое должно сказать и относительно внутренней стороны слова, его значенія. Отъ самаго поверхностнаго читателя не ускользнетъ замѣчаніе, что Г. Потебня не идею выводитъ изъ данныхъ языка, а подъ задуманную идею, уже готовую, усиливается подвести значеніе словъ; и, конечно, при его взглядѣ на внѣшнюю часть, на звуки, это легко должно удаваться, удаваться, разумѣется, въ его глазахъ. Г. Потебня ни сколько не стѣсняется и не затрудняется хвататься за самыя позднія значенія словъ, очевидно второобразныя, метафорическія, лишь бы только они подкрѣпляли его положеніе о какомъ либо темномъ миѳическомъ понятіи, и спокойно вводитъ ихъ въ число доказательствъ. Такъ, на пр., на стр. 109, ему оказалось желательнымъ вывести для миѳическаго существа у Сербовъ, Руги, соотвѣтствующей, по мнѣнію Г. Потебни, Бабѣ-Ягѣ, идею безобразія, и вотъ онъ рѣшительно указываетъ на Сербское прилагательное ружанъ, въ значеніи безобразный,—и идея вполнѣ доказана, и, какъ уже доказанная, входитъ въ рядъ доказательствъ для другихъ понятій и представленій. Но Сербское ружанъ, очевидно, происходитъ отъ существительнаго руга, что значитъ насмѣшка, шутка: значеніе безобразія въ прилагательномъ явилось уже изъ основнаго - насмѣшливый, шутливый, а потомъ противный, что и теперь еще принадлежитъ прилагательному ружанъ. Способъ настоящаго вывода Г. Потебни тотъ же самый, если бы мы вздумали слову рука придавать значеніе мира, привычки, по тому только, что прилагательное ручной значитъ смирный, пріученный.

Всматриваясь глубже и внимательнѣе въ Филологію, какъ отражается она въ сочиненіи Г. Потебни, и на минуту нельзя задуматься, что это вовсе не та наука, которую такъ дѣятельно разрабатываютъ ученые Запада, и которой такъ не давно еще предвѣщалъ великую будущность Максъ Мюллеръ (въ «Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, I, 338); въ противномъ случаѣ, каж-

дый естествоиспытатель, слушавшій лекціи того же Мюллера, считалъ бы себя въ правѣ принять за насмѣшку его выраженіе, будто: ohne die Wissenschaft der Sprache der Kreis der Naturwissenschaften unvollständig bleiben würde (тамъ же, Serie 2, S 6). Не такъ, конечно, понималъ Филологію Мюллеръ, когда высказалъ подобную мысль: «Только точное наблюденіе надъ организмомъ языка, только полнѣйшее углубленіе въ научный объектъ, должно служить и ей фундаментомъ, какъ то же самое служитъ такимъ фундаментомъ и естественнымъ наукамъ; всякая болтовня, не имѣющая такого основанія, какъ бы ни была она остроумна, лишена научной цѣнности». Напротивъ, «субъективныя догадки, произвольная этимологизація, пустыя предположенія, словомъ все, что лишено въ языкознаніи научной строгости, что унизило его въ глазахъ людей одностороннихъ, сдѣлало даже смѣшнымъ, справедливо должно оскорблять каждаго, кто привыкъ дѣйствовать по пути трезваго и точнаго наблюденія» (Schleicher, Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissens. 1863).

Соображая историческіе и филологическіе пріемы Г. Потебни, мы не можемъ не сказать, что онъ самъ отрѣзалъ для себя пути къ успѣшному пріисканію научной истины. Такое заключеніе покажется еще болѣе основательнымъ, когда сообразимъ, чѣмъ же замѣнилъ Г. Потебня ученыя средства, что руководило имъ въ его выводахъ и заключеніяхъ, какъ частныхъ, такъ и общихъ, окончательныхъ.

Мы уже замѣтили, что исключительнымъ матеріяломъ изслѣдованія служили Г. Потебнѣ современныя вѣрованія и повѣрья Славянскаго народа, какъ сбереглись они въ сказкахъ и народныхъ обрядахъ. Устранивши Исторію, съ одной стороны, съ другой,— замѣнивши строгую науку субъективнымъ способомъ обращенія съ Филологіей, авторъ, естественно, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ сравненію наличнаго матеріяла съ подобнымъ же матеріяломъ у другихъ народовъ и, пользуясь его обработкою у послѣднихъ, подставлять свои заключенія подъ готовые уже выводы иноземцевъ. Быть можетъ, и этотъ способъ въ состояніи подвинуть далеко из-

слѣдователя къ цѣли; но въ такомъ случаѣ, было бы необходимо подробное знакомство со всѣми мелкими остатками и отрывками древнихъ миѳовъ у разныхъ народовъ, и осторожное вниманіе ко всѣмъ нимъ, при сравненіи съ ними матеріяла Славянскаго. Между тѣмъ, Г. Потебня ограничился въ своемъ трудѣ почти единственно одной Германіей, трудами почти исключительно Вольфа и Маннгардта. Правда, у него есть ссылки и на Индійскую Миѳологію, и на Греческую, приводятся даже извлеченія изъ Ведъ; но все это относится лишь къ общимъ миѳамъ, основнымъ, кореннымъ, а Славянская Миѳологія не указала еще намъ, въ какомъ видѣ и въ какой степени явились на почвѣ Славянской и эти общіе миѳы, сохранились ли они въ первобытной чистотѣ, или видоизмѣнились подъ вліяніемъ самобытнаго развитія Славянъ; что осталось изъ нихъ, какъ и что прибавилось: все это вопросы, ждущіе рѣшенія. Вотъ по чему и остается непонятнымъ скачкомъ, со стороны автора, подставленіе разнообразныхъ мелкихъ повѣрій и суевѣрій Славянъ подъ первоначальные миѳы Индійцевъ, какъ, на примѣръ, на страницѣ: 15, 195, 197, 198—199 и 275. Г. Потебня можетъ сказать, что такіе же выводы существуютъ у Нѣмцевъ, въ ихъ добросовѣстныхъ обслѣдованіяхъ подобнаго же матеріяла. Но тутъ-то и сталкиваемся мы съ поспѣшностью Г. Потебни, которая и подрываетъ уже а priori довѣріе къ его заключеніямъ. Дѣйствительно, гдѣ и въ чемъ находитъ ручательство онъ, что данное вѣрованіе, тотъ или другой обрядъ непремѣнно тождественъ съ тѣмъ или другимъ вѣрованіемъ, или обрядомъ у Нѣмецкаго народа? Нѣмецкій ученый можетъ быть справедливъ въ своихъ сравненіяхъ съ Индійцами и Греками, по тому что онъ прослѣдилъ исторически національный свой миѳъ, раскрылъ исторію его развитія, а Г. Потебня позволилъ себѣ остановиться исключительно на современныхъ его остаткахъ. Эти же остатки, какъ видно и изъ самаго изслѣдованія Г. Потебни, далеко не одинаковы даже и у самыхъ Славянъ: и то, что, по видимому, сходствуетъ съ Нѣмцами, могло образоваться и развиться совершенно изъ иного начала, какъ и наоборотъ, кажущееся различіе не даетъ право отрицать сходства и единства за нѣсколько пятковъ вѣковъ. Но Г. Потебня не хочетъ знать Исторіи даже и относительно главнѣйшихъ миѳическихъ личностей, а по тому и понятно, что сравненіе его Славянскаго матеріяла съ Нѣмецкимъ носитъ на себѣ самые рѣзкіе слѣды лич-

ныхъ догадокъ, предположеній, словомъ, субъективность и тутъ стоитъ на первомъ планѣ. По этому и заключенія его могутъ имѣть цѣнность истины лишь въ его глазахъ, на основаніи его индивидуальнаго убѣжденія; для другихъ не всегда представляютъ они и видимость истины.

Ближайшее разсмотрѣніе миѳологическихъ заключеній, а также способовъ доказательствъ, сравненій и сближеній Г. Потебни, надѣемся, подтвердитъ сказанное нами.

Первая статья разсужденія Г. Потебни обнимаетъ Рождественскіе обряды и ихъ миѳическое значеніе. Эта статья заключается и двумя общими выводами (стр. 83), съ разбора которыхъ мы и начнемъ.

Подробныя доказательства къ этому выводу помѣщены на стр. 56—72.

Замѣтимъ прежде всего, что самое первое предложеніе заключаетъ уже въ себѣ странную ошибку, а если принять въ соображеніе, что на ней покоятся и всѣ остальныя мысли, то и непростительную. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано сближеніе каши съ Св. Варварою? «У Сербовъ и Хорватовъ, говоритъ Г. Потебня, каша варится съ особенными обрядами нѣсколько разъ въ теченіи зимнихъ праздниковъ, т. е., отъ дня Великомученицы Варвары до Богоявленія. Каша эта у Сербовъ называется варица, уменьшительное отъ Варя, Варвара.» Но варица никогда и нигдѣ у Юго-Славянъ не значила и не значитъ каши; варица Сербо-Хорватская есть то же самое кушанье, которое извѣстно на Югѣ Россіи подъ именемъ взвара, узвара, приготовляется точно также и имѣетъ то же обрядовое значеніе; и въ варицѣ составныя части точно также плоды; въ большей части Сербіи не примѣшиваютъ въ нее и хлѣбныхъ зеренъ. Каша у Сербовъ и Хорватовъ есть на столько же особенное кушанье, съ своимъ названіемъ каша, какъ отлична каша у Малороссіянъ отъ узвара. Отсюда уже само собою ясно, что и названіе варица происходитъ не отъ имени Варвара, а отъ Славянскаго слова варить, варъ, какъ и Малор. взваръ, узваръ, и что, слѣдовательно, и отношеніе ея къ Св. Варварѣ есть чисто случайное, обусловленное близостью дня ея памяти къ праздникамъ Ро-

ждественскимъ, въ которые взваръ, равно какъ кутья, играетъ столь важную роль. Народъ, по сходству двухъ словъ, хотя и совершенно различнаго происхожденія, сблизилъ и обозначаемыя ими понятія, и отодвинулъ, такимъ образомъ, приготовленіе варицы нѣсколько назадъ, отъ 24—25 Декабря къ 4, что, впрочемъ, ни мало не противорѣчитъ и языческому празднеству, такъ какъ его срокъ не былъ условленъ однимъ днемъ и могъ занимать пространство времени довольно большое. И самъ Г. Потебня не прочь относить къ Рождественскимъ праздникамъ нѣкоторые обряды, на пр., Масляной недѣли; варица же приготовляется вплоть до 6-го Генваря. На сколько же, послѣ всего этого, должно казаться имѣющимъ хотя тѣнь основательности подведеніе Г. Потебнею связи каши съ Св. Варварою, и заключеніе о первоначальной связи каши съ языческой богинею?! Каша, между тѣмъ, не только не имѣетъ ни какого спеціяльнаго отношенія къ Св. Варварѣ, но представляетъ рѣдкость, ограниченную самыми исключительными мѣстностями, и то одной Великой Россіи, даже и въ Рождественскіе праздники; и тутъ значеніе ея является только въ Новый Годъ. Но въ глазахъ Г. Потебни замѣна Св. Варварою какой-то языческой богини и отношеніе къ ней каши есть фактъ положительный, и онъ готовъ строить на немъ дальнѣйшія положенія.

Дѣйствительно, греча, гречиха, какъ главнѣйшій матеріялъ каши, представляется ему божествомъ, посѣщающимъ дома смертныхъ и приносящимъ урожай, плодородіе скота и людей. Такое заключеніе о гречѣ, если бы даже мы и не видѣли выше произвола въ сопоставленіи каши съ Св. Варварою, поражаетъ своею несостоятельностію и само по себѣ, по тѣмъ фактамъ, изъ которыхъ сдѣлалъ подобный выводъ Г. Потебня.

Въ самомъ дѣлѣ, понятіе божества выведено авторомъ въ гречихѣ изъ названія ея княгинею, прибывшей изъ Царьграда. Называется гречиха княгиней въ обрядовыхъ выраженіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Великой Россіи, при вареньи каши подъ Новый Годъ (см. стр. 57). Этотъ обрядъ, въ глазахъ Г. Потебни, имѣетъ религіозное значеніе. Но во а) названіе княгиней можетъ ли давать какое ни будь право возводить лице въ рядъ божествъ? Дѣло такъ просто, такъ естественно, что было бы, по нашему мнѣнію, непростительной натяжкою заключать подобнымъ образомъ. Самое

слово греча, гречиха неминуемо должно вести народъ къ мнѣнію о связи гречи съ Греціей, какъ Польск. tatarka, Чеш. pohanka (тоже гречиха), заставляютъ Поляка и Чеха предполагать Татарское происхожденіе гречи. Связь же съ Греціей поддерживалась въ народѣ многими преданіями, главнѣйшее изъ которыхъ, разумѣется, относилось къ началу Христіанства, сопровождавшемуся бракомъ Св. Владиміра съ Анной, княжной Цареградской. Что же удивительнаго, послѣ этого, если греча, по связи съ Греціей, въ силу ли воспоминаній и преданій о дѣйствительной княгинѣ, или просто въ силу обычнаго въ народѣ Русскомъ величанія, названа княгиней? Во б) греча не есть вовсе исключительный матеріалъ каши; напротивъ, есть мѣстности въ мірѣ Славянскомъ, и въ большей его части, гдѣ гораздо употребительнѣе другой матеріалъ: ячмень, просо, пшено. Почему же дается такое преимущество гречихѣ, и почему изъ нея позволяется выводить миѳъ о какой-то богинѣ? Тогда какъ масса обрядовъ Рождественскихъ, напротивъ, въ в) ограничиваетъ гречиху единственно Великой Россіей, и притомъ нѣкоторыми только ея мѣстностями, выставляя на первый планъ, на всемъ пространствѣ Славянства, со включеніемъ и Великой Россіи, кутью, не имѣющую ничего общаго съ гречихой. Такое объясненіе обрядовъ свидѣтельствуетъ лишь о слишкомъ безцеремонномъ способѣ хвататься за всякую очевидную случайность, если она подходитъ подъ напередъ составленную, отвлеченно, или подражательно, идею.

Понятно, какую силу можетъ имѣть и положеніе автора о посѣщеніи богинею домовъ смертныхъ, выведенное изъ того же обряднаго выраженія о гречихѣ, въ которомъ говорится, что она пріѣхала изъ Царьграда къ намъ гостевать. И, не смотря на все это, Г. Потебня положительно утверждаетъ, что изъ причитанія о гречихѣ видно, что она княгиня, и что приходитъ къ людямъ въ гости, какъ Божичъ, Авсень и солнечныя животныя.

На стр. 21—25, авторъ доказалъ, по своему, что языческія божества посѣщали людей, въ качествѣ гостей; встрѣтивши въ причитаньи о гречихѣ, что она также пріѣзжаетъ гостевать, онъ смѣло уже замѣчаетъ, что и гречиха, какъ божество, ходитъ въ гости къ людямъ. Но мы позволимъ себѣ усомниться въ дѣйстви-

тельности гостеванья и дѣйствительныхъ божествъ; по крайней мѣрѣ, предложенныя на указанныхъ страницахъ доказательства, въ нашихъ глазахъ, рѣшительно бездоказательны. Такъ, пословицы Хорут., Польск., Сербск., Великор. «засвѣтитъ солнце и на моихъ воротахъ» (стр. 21), представляютъ столь же простое сравненіе съ свѣтомъ, теплотой всякой удачи, счастья, какъ и пословица: «будетъ и на нашей улицѣ праздникъ»—о посѣщеніи же богомъ солнцемъ людей здѣсь можетъ не быть и малѣйшаго намека. Пріѣздъ Овсеня, Авсеня, по пѣснямъ Великорусскимъ (стр. 22), объясняется лучше всего самымъ понятіемъ этого народнаго празднества; заключающимъ въ себѣ мысль о возвращеніи весны, о рожденіи солнца. Что же касается до выраженій: «гость въ домъ, Богъ въ домъ,» или: «боги ходятъ,» то можно развѣ удивляться, какъ авторъ рѣшился пріурочить ихъ сюда. Первое, очевидно, носитъ въ себѣ всѣ признаки Христіянства, по ученію котораго пріемъ странника сопоставляется съ пріемомъ самаго Спасителя — Бога; ужъ не по инстинкту ли и Г. Потебня написалъ въ данномъ случаѣ Богъ прописною буквою? Второе же выраженіе, «боги ходятъ,» отзывается язычествомъ лишь въ перенесеніи отъ эпохи многобожія названія иконъ, образовъ, богами; но фактъ хожденія съ образами во время Пасхи есть Христіянскій, и Г. Потебнѣ слѣдовало бы прежде доказать, что этотъ фактъ былъ вполнѣ присущъ и языческой порѣ. О пѣсняхъ колядныхъ, гдѣ авторъ также думаетъ видѣть оправданіе своей мысли о посѣщеніи людей богами, нечего и говорить: въ однѣхъ изъ этѣхъ пѣсенъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды служатъ сравненіемъ съ хозяиномъ, съ хозяйкой, дѣтьми; въ другихъ, въ свадебныхъ, является Спаситель и Пречистая Матерь (стр. 25—26).

Такимъ образомъ и независимо отъ очевидной натяжки въ пріуроченіи гречихи въ разрядъ символовъ божества, посѣщеніе его домовъ смертныхъ не выходитъ даже и изъ объясненія гостеванія другихъ языческихъ божествъ.

Подобно тому, какъ линія, протягиваемая отъ данной точки, удаляется все больше и больше отъ другой линіи, составляющей съ первою въ началѣ едва замѣтный уколъ, и дальнѣйшія положенія и выводы Г. Потебни входятъ очевиднѣе въ рядъ чистыхъ

предположеній и вымысловъ личной фантазіи, что и должно быть, такъ какъ основа-то ихъ представляетъ лишь кажущуюся истину, имѣющую цѣну только въ субъективномъ взглядѣ автора.

Поставивши кашу въ число символовъ божества, и связавши ее съ невѣдомымъ посѣщеніемъ богами людей, Г. Потебня утверждаетъ тожественность варенья каши съ обсыпаньемъ зерномъ, а черезъ это и съ обливаньемъ, и все вмѣстѣ съ дождемъ. Любопытны данныя, на которыхъ зиждется отождествленіе варенья каши съ обсыпаньемъ. Вотъ они: первый фактъ относится къ Сербамъ, посыпающимъ кашею по хатѣ. Но когда мы припомнимъ, что дѣло идетъ не о кашѣ, а о варицѣ, то и самый фактъ должны выбросить изъ числа доказательствъ; второй взятъ Г. Потебнею изъ Великорусскаго обычая посылать отъ именинника знакомымъ пирогъ съ кашей, и разламывать этотъ пирогъ надъ головой именинника. Но надобно имѣть очень сильное воображеніе, чтобы видѣть въ этомъ обычаѣ что либо общее съ посыпаньемъ зерномъ, во время Рождественскихъ Святокъ. Во первыхъ, пирогъ далеко не всегда и вездѣ бываетъ именно съ кашей; во вторыхъ, ставить разламыванье его въ связь съ посыпаньемъ, значитъ, дѣлать заключеніе отъ случайнаго употребленія того, или инаго, слова издателемъ и собирателемъ народныхъ повѣрій и обрядовъ. Въ Абевегѣ, дѣйствительно, говорится, что чѣмъ больше разсыпается надъ именинникомъ каша, тѣмъ жить ему достаточнѣе; но въ такомъ случаѣ ничто ужь не мѣшаетъ сопоставить съ кашей и повѣрье, будто переполнить что бы то ни было черезъ край сосуда, значитъ, пожелать богатства и довольства. Между тѣмъ какъ фактъ самъ по себѣ представляетъ самый простой символизмъ: больше разсыплется, больше перельется—больше имѣть, быть богаче (стр. 59). Такова сила доказательствъ у Г. Потебни, и, однако же, онъ не стѣснился пойти дальше и, черезъ сближеніе посыпанья и поливанья, отмѣтилъ въ вареньи каши символически изображаемый дождь.

При этомъ случаѣ указаны два основанія: одно относится къ посыпанью, другое къ кашѣ. Хотя насъ можетъ занимать только послѣднее, но любопытно и первое, по способу доказательствъ Г. Потебни: «Одно изъ основаній сравненія посыпанья и дождя, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что сыпучія зерна мелки,

какъ капли дождя (стр. 61.)» Но тогда за чѣмъ же непремѣнно брать зерна? Развѣ мало можно отыскать предметовъ мелкихъ? Песокъ, на примѣръ, гораздо ближе подошелъ бы къ дождю, да избавилъ бы и народъ отъ излишней траты зерноваго хлѣба. А между тѣмъ вездѣ употребляются именно зерна, и они-то составляютъ главный моментъ въ обрядѣ, гораздо важнѣйшій, нежели самое посыпанье. Какъ народъ земледѣльческій, Славяне, въ праздникъ солнечнаго божества, обусловливающаго плодородіе, естественно и употребляютъ въ дѣло плоды земли. Само изслѣдованіе Г. Потебни представитъ не мало указаній, что въ нихъ заключается вся сила и что зерна занимаютъ ни чуть не больше мѣста, какъ и плоды другихъ родовъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ подробности доказательства отъ мелкости зерна и сходства его съ дождемъ; подробности этѣ ограничены ссылками на отождествленіе понятій сыпанья и литья въ языкѣ, о чемъ сказано нами выше. Къ намъ ближе стоитъ, въ настоящемъ случаѣ, заключеніе Г. Потебни къ дождю и водѣ отъ обряда съ кашею.

Связь каши и воды видитъ авторъ (стр. 63) въ обычаѣ посыпать воду кашею, въ день Св. Варвары, или на Рождество. Но и тутъ опять дѣло идетъ о варицѣ, а вовсе не о кашѣ, а Г. Потебня, очевидно, стремится подвести результаты именно къ кашѣ, такъ какъ черезъ нее только онъ въ состояніи сблизить божество Рождественское съ похоронами и бракомъ; но цѣль нигдѣ не можетъ освящать средствъ, тѣмъ менѣе въ наукѣ. Допустимъ, однако же, что и въ Бокѣ Которской, и въ Славоніи, вмѣсто варицы, употребляется дѣйствительно каша; что же изъ этого? По примѣру варицы, согласимся, что и кашу бросаютъ въ воду; говоримъ, бросаютъ, по тому что съ понятіемъ о кашѣ народной, трудно и связать идею посыпанья; но вѣдь варицу, въ то же время, разливаютъ и въ избѣ; вода, слѣдовательно, имѣетъ значеніе не больше другихъ предметовъ, или мѣстъ, и совершенно одинаково подчиняется общему смыслу этого обряда, т. е., пожеланью счастія, богатства, достатка. И тѣмъ не менѣе, Г. Потебня, на такихъ основаніяхъ, построилъ выводъ: «какъ кабанъ, приносимый въ жертву богу Фро, есть его священное животное, и его животный образъ, такъ и каша, приносимая водѣ, есть образъ воды и отъ этой послѣдней заимствуетъ свои миѳическія свойства.» Одного

исходнаго факта, что варица не есть каша, вполнѣ достаточно, чтобы разрушить до основаній такъ хитро проводимую систему. Но по чему же не ити и дальше въ постройкѣ системы? Обрядовъ въ главныхъ условіяхъ жизни народной такъ много, такъ не мало среди разнообразія можно встрѣтить и неизбѣжнаго сходства, за чѣмъ же не воспользоваться этимъ и не подвести къ одному результату всего разнообразія? И Г. Потебня, въ самомъ дѣлѣ, пустился дальше: всѣ три обряда, рѣшаетъ онъ (т. е., варенье каши, обсыпанье и обливанье, какъ символъ дождя), а равно и связанный съ ними обрядъ битья горшковъ, составляютъ принадлежность не только Рождества, но и свадьбы и похоронъ.

Стоитъ только вникнуть въ несложную жизнь простонародья, чтобы признать возможность и даже неизбѣжность повторенія однихъ и тѣхъ же обычаевъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, въ самыхъ различныхъ обрядахъ. За исключеніемъ Церковно-Христіянскихъ праздниковъ, народъ особенно отмѣтилъ обрядностью три главные момента въ жизни человѣка, рожденіе, бракъ и смерть. На нихъ позволяетъ онъ себѣ остановиться съ преимущественнымъ вниманіемъ; ихъ старается обставить онъ и множествомъ обычаевъ, какіе способна была выработать его простая и незатѣйливая жизнь. И не уже ли же сходство кое-какихъ обычаевъ даетъ право изслѣдователю, безъ другихъ несомнѣнныхъ указаній, объединять и самые моменты и выводить такое объединеніе изъ миѳическихъ представленій народа? Г. Потебня поступилъ такимъ образомъ, и намъ интересны должны быть основанія, помѣщенныя на страницѣ 65—71.

Начинаетъ онъ отъ той же каши и отъ названія ею свадьбы. На сколько справедливо это, мы видѣли на своемъ мѣстѣ, замѣтивши, что кашею называется исключительно пиръ, а вовсе не свадьба. Если же и принять за дѣйствительность, что въ свадебномъ пиру каша играетъ существенную роль, то и тогда сколько явится вопросовъ, подрывающихъ сопоставленіе брака и Рождества? Во первыхъ, каша въ Рождественскихъ праздникахъ имѣетъ едва, едва замѣтное значеніе; во Вторыхъ, и на свадьбѣ каша виднѣется только въ великой Россіи; въ третьихъ, будучи любимымъ и общеупотребительнымъ кушаньемъ на Сѣверѣ, по чему каша должна быть выключена при одномъ обрядѣ, если она участвуетъ въ

другомъ и т. д. и т. д.? Не больше говоритъ въ пользу предположенія Г. Потебни и то обстоятельство, что молодые, послѣ вѣнца, на брачномъ ложѣ, черпаютъ кашу и за себя мечутъ. И это относится единственно къ нѣкоторымъ только мѣстностямъ Сѣв. Россіи; да и что жь тутъ общаго съ обсыпаньемъ Рождественскимъ, посредствомъ котораго сближаетъ авторъ обряды Рождества и брака? Мы вполнѣ тоже раздѣляемъ мнѣніе Г. Буслаева, видящаго въ этомъ обычаѣ указаніе на плодородіе, какъ пожеланіемъ богатства, обилія, счастія, объяснили и обрядъ посыпанья зерномъ о Рождествѣ, и при всемъ томъ считаемъ произвольнымъ отождествлять отсюда оба праздника, тѣмъ менѣе выводить заключеніе о тождествѣ метанья за себя каши молодыми съ водою и дождемъ. А эти только данныя и послужили Г. Потебнѣ основаніемъ. Къ такому отождествленію, и онъ, не задумываясь, выписываетъ обычаи обсыпанья зерномъ при свадьбахъ, полагая уже доказаннымъ, что метаніе каши есть обсыпанье. Казалось бы, совершенно достаточно остановиться на знаменательномъ единствѣ общаго обычая посыпанья зернами при бракѣ и въ Рождествѣ и не цѣпляться за мелочный спеціяльный случай съ кашею, изъ которой, кромѣ сказаннаго значенія, ни чего нельзя вывести, тѣмъ менѣе дойти до какой-то богини.

Но не бракъ только посредствомъ каши сопоставляется у Г. Потебни съ Рождествомъ, а и похороны, и это по тому, что смерть есть бракъ съ землею. Чѣмъ же доказывается такое рѣшительное положеніе? Во первыхъ тѣмъ, что въ Славянской поэзіи обыкновенны переходы мысли отъ брака къ смерти, и на оборотъ. Но подобные переходы мысли возможны и въ искуственной поэзіи, возможны и въ обыденной жизни, въ слѣдствіе извѣстнаго настроенія души; другое дѣло, возможно ли отсюда утверждать о какой-то миѳической связи брака и смерти. Во вторыхъ, обычаемъ, кое-гдѣ, при похоронахъ холостыхъ людей и дѣвицъ, употреблять нѣкоторую обстановку, напоминающую отчасти свадьбу. Такъ, вѣнки, цвѣты, платки; назначается даже женихъ на тотъ свѣтъ. Но не мѣшало бы прежде всего обратить вниманіе на взглядъ народа на бракъ; согласно съ этимъ взглядомъ, на что можно привести положительныя указанія, человѣкъ, мужчина, или дѣвица, должны быть въ бракѣ: это его назначеніе, какъ

назначеніе брака, по тому же взгляду, состоитъ въ рожденіи себѣ подобныхъ; далѣе, слѣдовало бы сообразить и понятіе о загробной жизни у всѣхъ Славянъ. На томъ свѣтѣ человѣкъ долженъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользовался онъ въ жизни земной, находиться въ бракѣ и владѣть тѣмъ же имуществомъ. На этомъ основаніи, въ древнюю пору язычества, хоронили вмѣстѣ коня, оружіе, хоронили и рабовъ, а жена убивала себя, или сожигалась (о чемъ, между прочими, говорятъ Маврикій и Массуди); по тому же самому и при погребеніи неженатыхъ и незамужнихъ встрѣчаемъ мы брачную обстановку, выборъ жениха и невѣсты, чтобы на будущій свѣтъ явиться во всей полнотѣ, а вовсе не для того, чтобы доказать этимъ тожество брака и смерти.

Относительно обычая обливанья, извѣстнаго въ Рождественскіе праздники, самъ Г. Потебня, по поводу брака, говоритъ, что онъ менѣе тутъ извѣстенъ, нежели обсыпанье; а этого уже достаточно, чтобы достойно оцѣнить и приведенные имъ факты (см. стр. 69—70) для обливанья на свадьбахъ, равно и отношеніе ихъ къ кашѣ и богинѣ.

Для большаго убѣжденія въ тождествѣ брака и похоронъ, Г. Потебня привелъ и обычай **бить горшки**, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, обычай, отождествленный, имъ по идеѣ съ вареньемъ каши, обсыпаньемъ и обливаньемъ. Едва ли слѣдуетъ и упоминать о томъ смыслѣ, какой придаетъ народъ битью посуды во время свадьбы; это такой незатѣйливый символизмъ перваго брачнаго сближенія молодыхъ, что съ перваго раза понятенъ каждому, а отношеніе къ нему родителей молодой, равно какъ и угощеніе ихъ виномъ изъ дыряваго стакана, вмѣстѣ съ временемъ, когда это совершается, свидѣтельствуютъ ясно, что и самъ народъ не думаетъ скрывать такого символизма. Едва ли далеко отъ этого смысла отходитъ и другой указанный, впрочемъ, мѣстный обычай, когда мать невѣсты, встрѣтя зятя въ своемъ домѣ, подаетъ ему горшокъ, а этотъ бросаетъ его въ сторону и подмѣчаетъ: если разобьется горшокъ, то родится дочь, если же уцѣлѣетъ, то сынъ; во всякомъ случаѣ, тутъ нѣтъ и тѣни намека на обсыпанье, что именно требовалось доказать. Но у Г. Потебни на глазахъ Германія; тамъ, по обилію черепковъ, гадаютъ и о счастьи молодыхъ: какъ будто Нѣмцы не могутъ имѣть своей идеи, а Сла-

ваніе своей, тѣмъ болѣе, когда народъ Русскій заявляетъ самъ, что битьемъ посуды у него воздается честь родителямъ (стр. 71).

На битье горшковъ обращаетъ авторъ вниманіе особенно потому, что обычай этотъ роднитъ бракъ съ похоронами и Рождествомъ. Въ чемъ же подтвержденіе? Г. Шейковскій о Приднѣстровскихъ деревняхъ замѣчаетъ, что при выносѣ покойнаго мужа изъ дому, жена бьетъ тамъ новый горшокъ,—и для Г. Потебни вполнѣ достаточно, чтобы отсюда утверждать: «по нашему мнѣнію, здѣсь похороны представляются свадьбою, и объясненіе Г. Шейковскаго, что этимъ означается упадокъ хозяйства послѣ мужа, не вѣрно уже по тому, что битье горшка соединено съ посыпаньемъ.» По нашему же мнѣнію, только такое объясненіе, каково оно у Г. Шейковскаго, и можетъ имѣть мѣсто, во первыхъ, по тому, что оно естественно; во вторыхъ, что связи между битьемъ горшковъ и посыпаньемъ, нигдѣ и ни чѣмъ Г. Потебня не доказалъ. Кромѣ этого, трудно удержаться отъ удивленія и къ столь смѣлому обобщенію, на основаніи единичнаго, опредѣленнаго тѣсною мѣстностью, факта.

Таковы доводы нашего автора къ первому его положенію, исходящему отъ проектированной имъ связи каши со Св. Варварою. Какую же, спрашивается, цѣну можетъ имѣть и окончательное его заключеніе: «слѣдовательно, богиня, которой варилась каша, имѣла отношеніе къ дождю и водѣ, къ браку и смерти, имѣющимъ какую-то связь съ Рождествомъ?—Не думаемъ, чтобы больше цѣнности субъективнаго взгляда.

Второе положеніе, на основаніи связи представленій соломы и покровенія, сближаетъ Рождественскій и свадебный обрядъ покрыванья невѣсты. Оба обряда сходны по значенію. Покрыванье молодой приписывается Св. Покровѣ, замѣнившей языческую богиню; оно сравнивается со снѣгомъ, покрывающимъ землю, съ зеленью, покрывающею деревья, съ тучами, покрывающими небо. Снѣгъ и тучи, съ коими приводится въ связь эта богиня, только другая форма дождя и воды.

Въ сущности, это положеніе, какъ давно уже объясненное, доказанное и принятое наукою, именно о связи представленій покровенія и брака, не требуетъ и возраженій. Но у Г. Потебни необходимо должны были явиться частности, въ слѣдствіе желанія его сблизить непремѣнно обрядъ брака съ Рождественскимъ обрядомъ, и общія заключенія, съ которыми нельзя согласиться и которыя невольно вызываютъ на опроверженія.

Такъ, намъ рѣшительно не понятно право заключенья о тождествѣ обряда Рождества и брачнаго изъ того, что и въ Рождество полъ постилаютъ соломой, кое-гдѣ дѣлаютъ то же самое и во время свадьбы (стр. 72—74). Если Г. Потебня признаетъ въ словѣ солома коренную идею покрытія, и если не отвергаетъ тождества идей покрытія и брака, то по чему же солома не можетъ участвовать на свадьбѣ сама по себѣ, безъ всякой связи съ Рождествомъ, какъ и при употребленіи соломы въ послѣднемъ случаѣ могъ руководиться народъ подобною идеею покровенія безъ мысли о свадьбѣ? Не уже ли логично отъ сходства, или единства, идеи въ одномъ изъ множества обычаевъ, мелкихъ, едва замѣтныхъ, совершающихся въ двухъ обстоятельствахъ жизни, совершенно отличныхъ, и по времени и по характеру, заключать о единствѣ, или тождествѣ, этихъ обстоятельствъ? Тогда пришлось бы устранить всякую границу для отождествленія, или объединенія, самыхъ различныхъ, до противоположности, и лицъ, и предметовъ, и обстоятельствъ. А Г. Потебня, кромѣ засвидѣтельствованія о сходствѣ обычая съ соломою въ Рождество и при свадьбѣ, ни чего другого не предложилъ для доказательства своего положенія,—и читатель остается внѣ всякаго права сближать бракъ и Рождество, даже не видитъ и намековъ на такое сближеніе.

Еще сильнѣе возстанетъ внимательный и осторожный изслѣдователь противъ пониманья Г. Потебней Св. Покровы (см. стр. 80—82), замѣнившей, по его мнѣнію, языческую богиню, которая, въ свою очередь, есть не что иное, какъ туча. Столь неожиданный новый выводъ, конечно, долженъ опираться на какихъ либо прочныхъ и опредѣленныхъ данныхъ; данныя же у Г. Потебни такого рода, что не только не способны убѣдить въ справедливости подобнаго вывода, а, напротивъ, даютъ сами собою основаніе къ сомнѣнію въ немъ и къ отрицанію его.

Покровеніе невѣсты, иначе бракъ ея, справедливо могло быть приписано народомъ Св. Покровѣ, даже и безъ отношенія этого церковнаго праздника къ свадьдамъ вообще, а просто по тождественности словъ. Но развѣ можно отсюда сопоставлять Св. Покрову съ Власіемъ и Симономъ Зилотомъ, и, подобно тому, какъ первый смѣнилъ въ понятіяхъ народа Волоса, скотскаго бога, заключать о смѣнѣ Св. Покровой какой-то неизвѣстной богини и утверждать, что Покрова есть покровительница браковъ по тому, что была нѣкогда богиня, покрывающая дѣвицъ брачною фатою. Тогда какъ исторія ни однимъ намекомъ не выставляетъ намъ какой либо специяльной богини браковъ; когда народныя вѣрованія и обряды ни чѣмъ не больше оправдываютъ такое заключеніе, сама Св. Покрова, своимъ значеніемъ въ ряду Христіянско-церковныхъ праздниковъ, способна вполнѣ удовлетворительно объяснить свое отношеніе къ бракамъ, по понятіямъ простаго народа.

Покровъ Пресв. Богородицы праздуется 1-го Октября; имъ оканчивается лѣто и съ нимъ открывается возможность свадьбъ, которыя совершаются тѣмъ въ большемъ въ это время количествѣ, чѣмъ свободнѣе чувствуетъ себя народъ послѣ тяжелыхъ лѣтнихъ работъ и чѣмъ ближе впереди продолжительный постъ. Что же удивительнаго, послѣ этого, ежели дѣвицы обращаются съ особеннымъ вниманіемъ къ этому празднику, если ставятъ ея образу свѣчи и просятъ у ней жениховъ? И если Г. Потебня даетъ причитанью: «Ты, Покровъ Богородица, покрой меня, дѣвушку, пеленой своей нетлѣнной ити на чужую сторону», тотъ смыслъ, что подъ Покровой скрывается языческая богиня, то по чему же не подставить такихъ богинь и подъ Введенье и подъ Срѣтенье, такъ какъ и относительно послѣднихъ существуютъ такія же причитанья: «Введенье, мать Богородица, введи меня на чужую сторонушку! Срѣтенье, мать Богородица, встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!» Не уже ли слово Покровъ могло оказать такое вліятельное значеніе на автора? Но, вѣдь, Покровъ, пелена, по отношенію къ Пресвятой Борогодицѣ, имѣетъ свою, чисто Христіянскую, исторію. Кромѣ того, намъ кажется, что слишкомъ ненаучно дѣлать столь странные, энергическіе выводы уже и по тому, что этотъ характеръ покровы исключительно принадлежитъ Славянамъ Русскимъ, связанъ съ Православною Церковью, и неизвѣстенъ въ другихъ

земляхъ Славянскихъ, между тѣмъ, богиня, покровительница браковъ, должна бы уцѣлѣть и въ другихъ мѣстахъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ общѣе и постояннѣе у народа отношеніе къ ней. Да полно, и имѣемъ ли мы право, и независимо отъ Св. Покровы, предполагать свадебную богиню у языческихъ Славянъ?

Бракъ у Славянъ, на сколько онъ извѣстенъ намъ и изъ исторической поры язычества, представляется дѣломъ въ высшей степени неопредѣленнымъ, шаткимъ; эта неопредѣленность должна была быть еще чувствительнѣе, рѣзче и переходить все больше и больше въ отсутствіе всякой обрядности, заключаться простымъ соединеніемъ, во времена доисторическія и ближайшія къ исторіи. Сравненье, въ этомъ случаѣ, съ Нѣмцами оказывается неумѣстнымъ: послѣдніе уже въ язычествѣ ввели въ религіозную систему свои житейскія отношенія, хотя въ главнѣйшихъ моментахъ, образовали и отдѣльныя божества для каждаго момента, у Славянъ же этого не видимъ; ихъ Миѳологія, за исключеніемъ общихъ божествъ, относящихся къ свѣту и важнѣйшимъ переворотамъ на землѣ, подъ вліяніемъ этого свѣта, представляетъ въ миѳахъ своихъ лишь сближенія и сравненія жизни человѣческой съ общими отношеніями земли и неба, и ставитъ ее въ зависимость отъ тѣхъ же общихъ космогоническихъ существъ, которымъ приписываются и перевороты на землѣ и небѣ. И въ бракахъ Славянскихъ мы легко усматриваемъ, дѣйствительно, сопоставленія съ бракомъ неба и земли, связь съ облакомъ и дождемъ; но чтобы выработалось специяльное божество, это не доказано еще, да думаемъ, и не докажется, и именно по тому, что въ самомъ бракѣ у Славянъ-язычниковъ выступаетъ на первый планъ естественное соединеніе вообще, чуждое нравственныхъ элементовъ. Въ доказательство стоитъ прочесть Несторово описаніе, да сравнить съ нимъ Арабское сказаніе о бракѣ Славянскомъ. Вотъ по чему и въ современной народной обстановкѣ свадьбы самыя мельчайшія подробности въ обрядахъ не выходятъ изъ круга сказаній и сближеній только съ обстоятельствами миѳовъ, а не съ лицами, если не включить сюда солнца и мѣсяца, какъ олицетвореній все таки общихъ; вотъ по чему, мы смѣло можемъ сказать, что и введеніе Покровы, Срѣтенья и Введенья обязано единственно Христіянству, и намъ рѣшительно непонятно, какимъ путемъ вывелъ

Г. Потебня богиню брака, да еще и фату брачную у язычниковъ Славянъ. Что покровеніе невѣсты служило и въ язычествѣ символомъ брака,—справедливо, но это находилось только въ связи съ миѳическимъ представленіемъ соединенія неба и земли.

Но Г. Потебня не только открылъ въ Покровѣ языческую богиню, но задумалъ опредѣлить и ея характеръ и призналъ за нею стихійное значеніе. Основаніемъ для такого приговора послужило ему, во первыхъ, суевѣріе народное, будто выпавшій снѣгъ на Покровъ служитъ счастливымъ предзнаменованіемъ для обрученныхъ, когда дѣвицы говорятъ: «Батюшка Покровъ, покрой сыру землю и меня молоду!»; во вторыхъ, выраженіе: «Бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ, не меня ли молоду замужъ снаряжаютъ?» Что до перваго, то, если другіе Славяне не знаютъ въ такомъ смыслѣ Покровы, казалось бы, воззваніе къ ней «батюшка» должно было дать замѣтить Г. Потебнѣ, что и въ Русскомъ народѣ, при томъ только на Сѣверѣ, далеко не всегда и вездѣ обращаются къ ней, какъ къ женщинѣ, а слѣдовательно тѣмъ менѣе возможно заключать о какой-то языческой богинѣ. Сближеніе же покровенія земли снѣгомъ и молодой свидѣтельствуетъ лишь о миѳическомъ сравненіи съ обстоятельствомъ, а ни чуть не съ лицемъ, о сравненіи, при томъ, до того простомъ, что многимъ оно покажется не имѣющимъ въ себѣ и ничего миѳическаго. Снѣгъ сопоставляетъ Г. Потебня съ дождемъ, а дождь есть символъ соединенья неба и земли, слѣдовательно, желаніе снѣга есть желаніе соединенья, брака, а о какой либо богинѣ нѣтъ тутъ и рѣчи. Отрицающій же здѣсь миѳичность скажетъ еще проще: съ Покровомъ на Сѣверѣ начинаетъ выпадать снѣгъ, открывается санный путь, столь желательный для народа, съ первымъ же Октября настаетъ и пора свадьбѣ, что же удивительнаго, если оба представленья сближены? Не отвергая, однако же, миѳичности въ данномъ случаѣ, мы тѣмъ не менѣе въ указаніи на богиню, да еще стихійную, видимъ насильственную натяжку. Подобною же натяжкою отзывается и объясненіе втораго выраженья, и въ немъ, ни чуть не болѣе, говорится только о сравненіи: «на Покровъ выпадаетъ снѣгъ, не пора ль и мнѣ молодой замужъ?» Г. Потебня видимо чувствовалъ простоту и безъискуственность этого сравненья, когда рѣшился позволить себѣ измѣнить пѣсенное выраженіе. Въ пѣснѣ говорится:

«бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ, не меня ли молоду замужъ снаряжаютъ», гдѣ, очевидно, сравнивается общее дѣйствіе, а предметы стоятъ отдѣльно, независимо; но, увлекаемый своею идеей—возвести мнимую богиню въ рядъ существъ стихійныхъ, именно въ тучу, авторъ не могъ устоять противъ соблазна, тѣмъ больше, что нѣтъ другихъ фактовъ, которые бы и намекомъ, хотя бы самымъ темнымъ, способны были подтвердить его установившуюся мысль,—и вотъ онъ, вмѣсто «снаряжаютъ», подставилъ «снаряжаетъ,» сдѣлавши, такимъ образомъ, въ обоихъ предложеніяхъ общее подлежащее снѣгъ. Отсюда уже не трудно было заключать, что Покровъ замѣняетъ миѳическое существо, покрывающее дѣвицъ брачнымъ покровомъ, а землю снѣгомъ, т. е., богиню тучу (стр. 82). Предоставляемъ судить другимъ, чего нельзя вывести при такомъ обращеніи съ наличнымъ матеріяломъ.

Тутъ же мимоходомъ замѣтимъ и непонятное противорѣчіе автора самому себѣ. Такъ, говоря о связи тучи съ другими символами брака, Г. Потебня рѣшаетъ, что на эту связь указываетъ и то, что мгла, туманъ есть символъ богатства, счастья (стр. 82); а между тѣмъ, въ 275 примѣчаніи (на той же страницѣ) утверждаетъ, и справедливо, совершенно обратное: «туманъ, какъ мракъ, значитъ, какъ извѣстно (?), печаль». Завидная, по истинѣ, способность обращать все съ легкостью по усмотрѣнію!

Раскрывши, такимъ образомъ, въ двухъ разобранныхъ нами положеніяхъ, богиню-тучу, покровительницу браковъ, Г. Потебня позаботился обставить ее и миѳическимъ родословіемъ, и въ заключительныхъ своихъ мысляхъ, оканчивающихъ первую часть его труда, возвелъ ее въ мать божича солнца, будто бы сына Бадняка-грома, о чемъ можно догадываться, говоритъ Г. Потебня, изъ того, что совокупность Рождественскихъ обрядовъ не есть случайный подборъ, но изображаетъ одинъ миѳъ (стр. 84).

Здѣсь прежде всего не можетъ не остановить нашего вниманія нѣкоторая особенная логика автора. Что совокупность обрядовъ въ каждый народный праздникъ, не только въ Рождество, имѣетъ въ основаніи своемъ непремѣнно какой либо миѳъ, хотя и необязательно одинъ, не мы будемъ возставать противъ этого;

но чтобы отсюда слѣдовалъ тотъ выводъ, какой предложенъ Г. Потебней, рѣшительно не видно. Соображая все извѣстное объ обрядахъ Рождественскихъ, въ значительной части изложенныхъ и въ книгѣ Г. Потебни, принимая также во вниманіе существующія частныя у насъ обслѣдованія ихъ, мы, до извѣстной степени, въ состояніи и опредѣлить этотъ миѳъ. Существенная сторона его заключается въ величаніи солнца; по этому, какъ у другихъ народовъ родственныхъ, такъ и у Славянъ, Рождественскій праздникъ прямо входитъ въ рядъ солнечныхъ празднествъ. Рождество есть время, по языческому вѣрованію, рожденія солнца. Миѳъ долженъ былъ въ обрядахъ неминуемо отразить и значеніе солнца для жизни народной. Громадность значенія этого выражается тѣмъ, что оно есть податель всѣхъ благъ, первое условіе жизни, роста и богатства, какъ въ царствѣ животномъ, такъ и растительномъ. Посредникомъ между солнцемъ (олицетворяющимъ небо) и землею есть дождь, какъ оплодотвореніе земли; миѳъ это оплодотвореніе представляетъ бракомъ между небомъ и землею. Но это божество побѣждено враждебною силою; оно не дѣйствуетъ зимою, покорено, украдено, умерло; передъ весною, передъ временемъ обновленной, воскресшей его силы и вліянія на землю и жизнь на ней, народъ празднуетъ его рожденіе. И понятно, что подробности обрядовъ этого празднества захватываютъ всѣ различные моменты значенія этого свѣтила—божества, равно и способы благотворнаго вліянія его на жизнь земли. Отсюда, въ обрядахъ встрѣчаемся мы съ указаніемъ и на борьбу солнца съ врагами, сопровождаемую громомъ и молніей, и на супружеское соединеніе съ землею, и на плодъ этого соединенія, на дождь, и т. д., и т. д. Отсюда, само собою, вытекаетъ и сходство нѣкоторыхъ обрядовыхъ подробностей при свадьбахъ и въ празднествѣ Рождественскомъ, а также и при похоронахъ, по тому что зима есть смерть земли, по тому что она есть смерть и солнца. Вотъ по чему и исторія Славянскихъ миѳовъ знаетъ олицетвореніе зимы въ миѳическомъ существѣ, какъ опредѣляетъ личности солнечнаго божества; но чтобы подобное же олицетвореніе было и для тучи, какъ богини, покровительствующей бракамъ, это пока произвольное предположеніе Г. Потебни. Мы даже готовы видѣть въ такомъ предположеніи внутреннее противорѣчіе: туча является врагомъ свѣта, солнца; она представляется тою злою силою, изобра-

жаемою волкомъ, змѣемъ и т. д., которая побѣждаетъ солнце на зиму, препятствуетъ продолженію его соединенія съ землею, а слѣдовательно, и благотворности его для земли; и какъ же народъ, столь чуткій къ основному миѳу, могъ бы возвести эту тучу въ богиню, покровительницу брака, еще болѣе, сдѣлать изъ нея мать солнца? Какъ могъ онъ, въ свою очередь, и изъ бога-грома образовать отца для того же солнца? Но обратимся къ самымъ фактамъ, обслѣдуемымъ Г. Потебнею на первыхъ страницахъ его сочиненія.

Сербскій божить, празднуемый подъ Рождество и сопоставляемый съ обрядомъ бадняка, по мнѣнію Г. Потебни, есть сынъ бадняка, а этотъ послѣдній замѣняетъ собою, по его же мнѣнію, бога-грома, слѣдовательно божить, т. е., солнце, есть сынъ грома. Отсюда сами собой вытекаютъ два вопроса: гдѣ доказательство тому, что баднякъ замѣняетъ бога-грома, и гдѣ указанія, что этотъ богъ грома имѣетъ сыномъ божича? Напрасно стали бы мы искать въ изслѣдованіи Г. Потебни что либо похожее на доказательство, ясное и опредѣленное, а хоть бы и на намекъ, который бы подтвердилъ подобный выводъ. Авторъ изслѣдованія изъ того, что баднякъ, т. е., полѣно, Сербы и Хорваты жгутъ на канунѣ Рождества, посыпаютъ его зерномъ и поливаютъ водою, заключаетъ о тождествѣ этого бадняка съ Индійскимъ Индромъ, богомъ грома, такъ какъ и Индръ пьетъ небесную воду, представляемую то молокомъ небесныхъ коровъ, то напиткомъ безсмертія (стр. 3). Но во а) громовое значеніе Индра есть только одинъ фазисъ высокаго и великаго его значенія въ Миѳологіи Индійской. Изъ самаго сочиненія Г. Потебни видно, что онъ прогоняетъ ночную тѣнь и открываетъ лице солнца (стр. 19), что онъ есть свѣтлое небо (стр. 199), что онъ, по Магабгаратѣ, есть царь боговъ (стр. 247); во б) что̀ и въ самомъ обрядѣ даетъ поводъ заключать къ грому? Не говоритъ ли онъ единственно объ обоженіи огня, свѣта? Но въ в) и въ такомъ случаѣ, развѣ поливаніе виномъ бадняка побуждаетъ заключать о сравненіи непремѣнно съ Индромъ? Вѣдь баднякъ не только поливается виномъ, а обсыпается и зерномъ? Не очевиднѣе ли во всемъ этомъ, не естественнѣе ли и не проще ли, видѣть тотъ смыслъ, что, посредствомъ бадняка, выражаетъ народъ торжество раждающагося солнца, огонь бадняка

напоминаетъ лишь свѣтъ и теплоту бога небснаго; баднякъ, въ этомъ случаѣ, вовсе не символъ лица божественнаго, а предметъ, орудіе, посредствомъ котораго только воспоминается это лице. И какъ солнце есть податель благъ, покровитель жизни животной и растительной, то и всѣ обрядовыя мелочи съ баднякомъ выводятъ на сцену и скотъ и хлѣбъ. О громѣ же нѣтъ и помину; нѣтъ его и ни въ одномъ фактѣ, представленномъ по этому поводу Г. Потебней. Громовой характеръ бадняка едва ли не принадлежитъ къ изобрѣтеніямъ автора. Вотъ по чему, на стр. 46, онъ самъ уже сомнѣвается въ такомъ характерѣ бадняка и, по поводу Рождественскаго хлѣба, уже видимо отступается отъ прежней мысли: «возможно, что Рождественскій хлѣбъ имѣетъ отношеніе не ко грому, а къ солнцу» Не только возможно, а необходимо; авторъ понялъ бы это самъ, если бы позаботился предварительно уяснить общій миѳъ.

Къ числу такихъ же изобрѣтеній приходится отнести и произведеніе божича въ сыновья бадняка. Трудно рѣшить, при всемъ напряженомъ вниманіи, что́ руководило авторомъ при такомъ родословіи? Вѣроятнѣе всего, окончаніе ичъ, заставляющее предполагать сыновнее отношеніе; но тогда божичъ долженъ быть сыномъ бога, а грома ли, или бадняка, это иной вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ отрицательно, по вниманію къ только что сказанному нами. Казалось бы, автору, допускающему, что божичъ есть солнце, не слѣдовало затрудняться въ пріисканіи настоящаго отца, давнымъ давно рѣшеннаго наукой (Шафарикъ, Бодянскій, Срезневскій), на основаніи древнихъ историческихъ свидѣтельствъ. Г. Потебня и самъ привелъ знаменательное мѣсто изъ лѣтописи Ипатьевской, гдѣ отцемъ солнца называется Сварогъ, богъ неба или свѣта вообще; но онъ и тутъ поступилъ по своему: ему представлялось удобнѣйшимъ лучше обойти историческое свидѣтельство, нежели отказаться отъ задуманной идеи о богѣ громѣ, и Г. Потебня рѣшаетъ, что божество, поставленное имъ въ отца божичу, могло называться Перуномъ, т. е., богомъ грома, но могло носить и другое имя—Сварога (стр. 15). Такъ Г. Потебня поступаетъ съ строго опредѣленными божествами Славянской Миѳологіи! Нѣтъ, ужь если подъ божичемъ не угодно понимать просто молодаго бога, только что народившагося, если не-

премѣнно хотимъ отыскать ему отца, то, признавая въ немъ солнце, откажемся отъ произвола и станемъ держаться ясныхъ и обслѣдованныхъ фактовъ науки.

Но Г. Потебня не обнаруживаетъ и самъ надлежащей твердости убѣжденія. Ставя такъ положительно божича въ сыновья бадняка, основывая на этомъ свой окончательный выводъ о родословіи богини тучи, бога-грома (бадняка) и божича, онъ (на стр. 17) только ограничивается предположеніемъ, что божичь не есть Христіянскій богъ, что праздникъ въ честь рожденія его не есть праздникъ Христіянскій, только перемѣшанный съ языческими обрядами бадняка, и что баднякъ и божичь противополагаются другъ другу не какъ языческій богъ Христіянскому, а какъ отецъ сыну. Думаемъ, что для окончательнаго заключенія, что божичь есть именно сынъ бадняка, молодой богъ языческій, необходимо прежде устранить выставленное самимъ же авторомъ предположеніе, доказать его несостоятельность и не наводить на читателя сомнѣній и догадокъ на счетъ того, что же побуждаетъ автора не дать ни малѣйшаго вѣса этому предположенію. А вѣдь отказать ему въ значеніи нельзя; согласиться же съ этимъ значеніемъ, значитъ, разомъ отвергнуть выводы сочиненія.

Между тѣмъ, дѣйствительно, серьезный взглядъ на дѣло допуститъ скорѣе ту мысль, что божичь есть чисто Христіянскій богъ, славится народомъ Юго-Славянскимъ, въ пору его земнаго рожденія, на ряду съ праздникомъ языческимъ, иначе, что въ бадній вечеръ происходитъ подобное же смѣшеніе Христіянства съ язычествомъ, примѣры какого въ обиліи разсѣяны въ народѣ Славянскомъ, и въ понятіяхъ, и въ вѣрованіяхъ, и въ обрядахъ. Основаніе же, мелькомъ приводимое Г. Потебней, противъ такого взгляда разрушается при первомъ къ нему прикосновеніи критики. Онъ говоритъ, что не совмѣстно съ Христіянствомъ молиться одному лицу Троицы за другое, а Сербо-Хорваты въ своихъ пѣсняхъ обрядовыхъ просятъ Бога за божича и бадняка. На сколько случаевъ подобной молитвы представитъ одна земная жизнь Спасителя; кромѣ того, развѣ справедливо требовать отъ только что обращающагося въ Христіянство народа, успѣвшаго уже сложить болѣе менѣе сложную систему языческой религіи, требовать догматическаго знанія новой Вѣры? Пропитанный миѳическими воззрѣ-

ніями, только что коснувшійся Христіянства, народъ иначе и не могъ представить себѣ раждающагося Спасителя, какъ малымъ Богомъ, Божичемъ, и привязалъ его къ соотвѣтственному языческому своему празднеству, въ честь небеснаго огня, солнца. И рѣшительно напрасно потратилъ такъ много усилій и натяжекъ Г. Потебня на производство божича отъ бадняка, бога-грома, и на пріуроченіе ему матери-богини тучи.

Съ слѣдующею мыслію заключенія о сходствѣ обрядовъ Рождественскихъ съ свадебными и похоронными, говоря вообще, мы согласны, и коротко объяснили выше причину, по чему должно было образоваться это сходство. Но въ толкованіи фактовъ (на стр. 15—56) находимъ такъ много личнаго, вставленнаго подъ вліяніемъ неразборчивой иногда подражательности Нѣмецкимъ образцамъ, что не предложить хотя противъ нѣкоторыхъ толкованій своихъ возраженій, считаемъ себя не въ правѣ, взявшись за трудъ разбора сочиненія Г. Потебни. Разсматривать факты по порядку и въ цѣлости было бы совершенно излишне: иначе, пришлось бы написать такую же книгу, какую издалъ Г. Потебня.

Находя неумѣстнымъ возражать противъ мысли, будто колодки, привязываемыя кое-гдѣ у Славянъ не замужнимъ женщинамъ и холостымъ мужчинамъ, на Масляной недѣлѣ, могутъ быть тождественны съ миѳическимъ плугомъ (стр. 14), укажемъ на основаніе, давшее автору поводъ и право сблизить кованіе миѳическаго плуга, поставленнаго Г. Потебней въ символы любви брака, съ кованіемъ свадебъ человѣческихъ. «Подобно тому, говоритъ онъ, какъ богъ, кующій плугъ—символъ брака, такъ и кующій свадьбу первоначально самъ тождественъ съ женихомъ.» Это любопытное заключеніе (стр. 15) основано единственно на слѣдующихъ двухъ стихахъ Сербской народной пѣсни:

Злату те се куюнджія нати́,
И мени те мой суденикъ доти́,

гдѣ кузнецъ, утверждаетъ авторъ, есть символъ суженаго. Другими словами, значитъ, для народа нѣтъ возможности развиваться въ поэзіи свободно; онъ, по этому, не можетъ прибѣгать къ сравненіямъ и сближеніямъ, подъ вліяніемъ текущей жизни, подъ

условіями исторіи и образованія; всякое простое, наглядное уподобленіе, схваченное изъ обыденной жизни, непремѣнно, значитъ, должно объясняться его миѳическими воззрѣніями, ставиться подъ гнетъ языческой религіи. Да въ приведенныхъ стихахъ сравненіе вовсе не относится къ жениху или суженому, а къ золоту и невѣстѣ! Какъ золото не пропадаетъ даромъ, такъ и прекрасная невѣста не засидится въ дѣвкахъ, вотъ гдѣ существенный смыслъ; выводить же отсюда какое-то миѳическое отношеніе кованія плуга къ кованію свадьбы, по меньшей мѣрѣ, произвольно.

Въ ряду символовъ солнечнаго божества, Г. Потебня приводитъ сначала животныя: кабана, оленя, быка, а потомъ и хлѣбъ. Всѣ эти символы играютъ важную роль въ Рождественскія святки и при свадьбахъ.

Скажемъ прежде вообще, что всѣ эти символы или олицетворенія божества, какъ называетъ ихъ иначе Г. Потебня, въ фактахъ матеріяла не находятъ рѣшительно положительнаго оправданія. На ряду съ указанными животными встрѣчается и множество другихъ, и объясненіе появленія ихъ въ Рождество должно быть точно такое же, какое вывели мы выше относительно царства растительнаго, разнаго сорта хлѣба. Все дѣло сводится къ тому, что народъ земледѣльческій, а, въ слѣдствіе сего, и скотоводный, празднуя рожденіе солнца, оплодотворяющаго землю, произращающаго все на ней, выводитъ на сцену празднества все то, что составляетъ его богатство, жизнь, счастіе и что зависитъ, по его понятіямъ, исключительно отъ новородившагося божества. Вотъ по чему, безъ сомнѣнія, и встрѣчаемся мы только съ тѣмъ изъ животныхъ и растеній, что входитъ въ составъ хозяйства народа Славянскаго. Видѣть же во всемъ этомъ олицетвореніе божества, значило бы создавать Миѳологію по личному воззрѣнію. Не удивительно, по этому, что и въ объясненіяхъ Г. Потебни, въ данномъ случаѣ, опять находимъ предположенія и догадки.

Такъ, для доказательства представленія солнечнаго божества въ образѣ кабана, авторъ приводитъ указаніе на кушанье изъ свинины: колбаса, свиныя ножки, свиная голова (стр. 25—31). Хотя главнымъ образомъ это и относится къ свадьбѣ, тѣмъ не менѣе, если бы происходило это въ такой же степени и въ Рож-

дество, все таки доказательства въ этомъ не видно. Кушаньевъ у народа очень много, и самъ Г. Потебня (стр. 28) утверждаетъ. что свиная голова подается послѣ многихъ другихъ кушаньевъ. Повѣрье о золотомъ поросенкѣ, извѣстное у нѣкоторыхъ Славянъ, объяснено очень естественно Гриммомъ, и намъ странно, что авторъ позволилъ себѣ устраниться отъ естественности и тутъ и броситься въ сторону отъ истины: золотымъ поросенкомъ убѣждаютъ дѣтей не кушать въ данный день по тому, что поросенокъ составлялъ любимое и послѣднее кушанье въ богатой трапезѣ этого дня. Такъ заявилъ объ этомъ даже Гриммъ, имѣвшій неизмѣримо большее право отнести это къ кабану, положительному символу божества въ Нѣмецкой Миѳологіи. И вотъ на такихъ-то данныхъ рѣшаетъ Г. Потебня кабана, символъ Нѣмецкаго бога Фро, вводить и въ Миѳологію Славянскую, въ качествѣ животнаго образа солнечнаго божества!

Въ олицетвореніи солнца оленемъ все сводится къ Св. Петру. Онъ изображается иногда ѣдущимъ на оленѣ и служитъ деверемъ на свадьбѣ мѣсяца (стр. 35—39); отсюда, заключаетъ авторъ, Петръ есть солнце, а олень его животная форма. Возможно ли такъ легко относиться къ современной запутанности народныхъ повѣрій и суевѣрій? Мало ли какъ выставитъ современный Славянинъ древнѣйшее, имѣвшее, быть можетъ, совершенно иной характеръ. Запутанность въ настоящемъ случаѣ очевидна: если Петръ деверь на свадьбѣ мѣсяца, то какъ же можетъ быть онъ солнцемъ, когда самъ же Г. Потебня, какъ увидимъ, настаиваетъ на бракѣ между мѣсяцемъ и солнцемъ? Кромѣ того, отождествленіе Петра съ солнцемъ на томъ основаніи, что молнія, дѣлящая, по Сербской пѣсни, дары, предоставила Петру лѣтній зной, жары (врути́не), не освобождаетъ отъ обязанности сообразить время праздника, въ честь Св. Петра: это 29 Іюня, пора сильнѣйшихъ жаровъ. А вѣдь Г. Потебня и не думалъ доказывать, да и не могъ, что Св. Петръ смѣнилъ собою какое либо языческое олицетвореніе дѣйствительнаго солнца.

Что касается до олицетворенія солнца быкомъ, то авторъ (стр. 31—35) не предлагаетъ ни одного свидѣтельства; дѣло идетъ о свѣтѣ—счастіи, здоровьи, о мракѣ — бѣдности, смерти. Вмѣсто быка, является, напротивъ, вообще скотъ. Впрочемъ, Г. Потебня

обѣщаетъ говорить объ этомъ ниже, но, не сказавши ничего, на 46 страницѣ дѣлаетъ уже положительный выводъ объ отношеніи кабана, быка и оленя къ Рождеству и солнцу.

Не меньшая свобода высказалась подъ перомъ автора и въ сопоставленіи хлѣба съ солнцемъ (стр. 41—45). Дѣло начинается со сказки о хлѣбѣ и змѣѣ. Замѣчательно, что эту сказку Г. Потебня слышалъ въ дѣтствѣ. Но допустимъ, что онъ дѣйствительно ее слышалъ и что ни съ чѣмъ не смѣшалъ ее и ничего не примѣшалъ къ ней, подъ вліяніемъ дальнѣйшей жизни, отъ поры дѣтства до мужескаго возраста. По взгляду Г. Потебни, сказка носитъ слѣды глубокой древности, по тому что хлѣбъ представляется мучимымъ и противополагается змѣѣ. Интересны доказательства. Прежде всего, онъ выводитъ змѣю изъ тѣла великаго змѣя, которымъ, по миѳическому вѣрованію народа, оралъ Св. Кузьма. По чему же такъ, спроситъ читатель? Вѣдь сказка ни однимъ словомъ не говоритъ объ этомъ, и развѣ, дальше, невольно народу производить змѣй отъ другаго вымышленнаго змѣя? Хлѣбъ изображается мученикомъ. Это побуждаетъ автора къ сближеніямъ въ языкѣ и къ слѣдующему объясненію, что муки приписываются хлѣбу на томъ основаніи, что «какъ мученіе, печаль изображается въ языкѣ какъ слѣдствіе колотья, дробленія, такъ хлѣбъ есть пища изъ разбитаго, смолотаго зерна.» Какъ будто народу, черезъ языкъ, надобно было сближать хлѣбъ съ печалію для того, чтобы назвать хлѣбъ мученикомъ, когда фактъ молоченія и молонья, самъ по себѣ, слишкомъ ясенъ и достаточенъ для подобнаго названія хлѣба! Но, главное, автору надобно вывести, что хлѣбъ въ сказкѣ представляетъ солнце. И это легко. Хлѣбъ можетъ сближаться съ жерновомъ, какъ мелющимъ, а жерновъ у Нѣмцевъ—оружіе громоваго бога, отсюда (!!) сближеніе хлѣба и громоваго бога. Посредникомъ является млинъ, собственно, по автору, жерновъ (!) Въ концѣ концевъ слѣдующій выводъ: изъ всего этого видно, что въ Малор. сказкѣ (которую въ дѣтствѣ слышалъ Г. Потебня), змѣя завидуетъ хлѣбу, какъ воплощенію грознаго бога. Смѣемъ надѣяться, что опроверженіе научное излишне. Скажемъ только, что, вмѣсто того, чтобы, черезъ жерновъ, подходить къ грозному богу грома, лучше бы остановиться съ должнымъ вниманіемъ на обслѣдованныхъ фак-

тахъ съ хлѣбомъ, и въ древности и въ настоящее время, приведенныхъ также и Г. Потебней на стр. 46, гдѣ и онъ самъ вынужденъ видѣть отношеніе къ солнцу, а не къ грому, и, разумѣется, не въ смыслѣ олицетворенія этого божества хлѣбомъ, а въ значеніи просто указанія на хлѣбъ, какъ на существенное условіе жизни, находящееся подъ исключительнымъ вліяніемъ бога-солнца.

Такой же смыслъ принадлежитъ и обычаю народному печь нѣкоторыхъ животныхъ изъ хлѣбнаго тѣста. Г. Потебня и тутъ думаетъ видѣть олицетворенье божества (стр. 49), между тѣмъ какъ отношеніе здѣсь къ солнцу есть отдаленное, посредственное; ближайшій же предметъ есть самый скотъ, домашнія животныя. Рождество есть пора, когда по преимуществу совершается ихъ приплодъ, и народъ земледѣльческо-скотоводный, естественно, заботится о немъ; вотъ по чему и авторъ, желавшій найти въ этомъ обычаѣ подтвержденіе своей мысли на счетъ олицетворенія солнца нѣкоторыми животными, вынужденъ былъ, въ заключеніе, выразиться, что народъ изображаетъ въ тѣстѣ не тѣхъ только животныхъ, а и многихъ другихъ.

На стр. 51 — 55 находимъ довольно подробное объясненіе значенія коровая, въ которомъ авторъ видитъ солнце и жениха. Выставимъ только вопросы, обнаруживающіе, по нашему мнѣнію, несостоятельность объясненія.

Черезъ хлѣбъ, который признаетъ Г. Потебня за изображеніе бога-грома, переходитъ онъ къ коровaю, и его считаетъ за изображеніе солнца, посредникомъ служитъ ему дежа, которая въ пѣсняхъ сопоставляется съ солнцемъ. Но развѣ дежа то же, что коровай, или хлѣбъ? Коровай рисуется краснымъ, «но только въ смыслѣ прекраснаго,» говоритъ авторъ. А намъ кажется, что именно въ смыслѣ краснаго, по цвѣту, чѣмъ и напоминаетъ онъ солнце. Изъ сопоставленія его съ раемъ, заключаетъ Г. Потебня, что онъ называется небомъ. Но рай здѣсь значитъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ радость, веселье; по этому-то, называется онъ въ другихъ случаяхъ и маемъ (см. 164). «Сравненіе высоты коровая съ лѣсомъ, можетъ быть, основано на представленіи солнца деревомъ;» но приведенныя для подтвержденія столь проблемати-

ческаго положенія загадки (примѣч. 157) говорятъ о самомъ простомъ сравненіи, безъ малѣйшаго намека на какой либо миѳъ; что же до дуба, то онъ сравнивается съ годомъ, а во все не съ солнцемъ, хотя отдѣльно дубъ, если бы и замѣнялъ онъ солнце, не замѣняетъ еще лѣса. «Свѣтъ и красота коровая приносятъ веселье и славу свадьбѣ;» но тутъ опять не видно тождества съ солнцемъ: коровай, какъ представитель свадьбы, замѣняетъ въ поэзіи народной характеръ послѣдней; красивъ и хорошъ онъ—весела и свадьба. Такимъ образомъ, читатель никогда не убѣдится, что эти свидѣтельства говорятъ о связи коровая со свѣтомъ, тѣмъ больше съ солнцемъ.

Не сильнѣе убѣжденье и отъ доказательствъ отожествленья коровая съ женихомъ. Для Г. Потебни служитъ, на примѣръ, доказательствомъ обычай выносить на короваѣ очипокъ; но догадка его ничего не значитъ въ сравненіи съ замѣчаніемъ издателя пѣсенъ Малор., изъ которыхъ взялъ это указаніе Г. Потебня, по чему существуетъ подобный обычай. Насъ только удивляетъ, какъ изъ такихъ данныхъ авторъ рѣшаетъ, что «если коровай есть женихъ, то изъ такого сближенья солнца, коровая и жениха (54 — 55) выходитъ, что солнце божество мужеское.» Удивительно ли послѣ всего этого встрѣтить въ слѣдующемъ изложеніи Г. Потебни усильныя доказательства, что солнце есть и божество женское?

Наконецъ, что сказать еще о доказательствѣ связи коровая и вообще брака на основаніи пѣтуха? (стр. 55 — 56). Представленные въ подтвержденіе этого обычаи, всѣ говорятъ лишь объ одномъ, что пѣтухъ и курица, при бракѣ, служатъ символами новой семьи; пѣтухъ дается прямо на разводъ, слѣдовательно, тутъ простое сравненіе гнѣзда съ семьей, пѣтуха и курицы съ молодыми. Обычай Хорватовъ, гадать подъ Рождество и Новый Годъ о плодородіи пѣтуховъ и курицъ по тому, кто первый войдетъ въ домъ, мужчина, или женщина, свидѣтельствуетъ ясно, что и главнѣйшая домашняя птица занимаетъ то же мѣсто въ праздникъ рожденія солнца, какое указали мы для скота и хлѣба.

Послѣдній результатъ первой статьи Г. Потебни заключается, слѣдовательно, въ томъ, что богиня-туча есть жена бад-

няка-грома, и оба вмѣстѣ — родители божича-солнца. Вторая статья, къ которой обращаемся, предлагаетъ усилія автора отыскать имя и признаки этой богини, въ народныхъ сказкахъ и суевѣріяхъ, и очертить подробнѣе и точнѣе миѳическій образъ. Оглавленіе: «Баба-Яга» говоритъ ясно, кого разумѣетъ Г. Потебня подъ богинею-тучею, и съ кѣмъ приходится имѣть намъ дѣло.

Каждый Русскій человѣкъ, котораго судьба не оторвала съ дѣтства отъ родины и не окружила иностранными няньками, гувернерами и гувернантками, отъ самаго бѣднаго простолюдина до знатнаго барича, очень хорошо знакомъ съ именемъ Бабы-Яги; малѣйшій намекъ на него готовъ тотчасъ же воспроизвести въ памяти и воображеніи тотъ живой и типическій ея образъ, какой глубоко отпечатлѣлся съ первыхъ поръ сознанья, по разсказывавшимся сказкамъ. Этотъ образъ только повторится и освѣжится и въ воображеніи того, кто бы вздумалъ пробѣжать, или перечитать, внимательно и богатый запасъ народныхъ сказокъ по существующимъ прекраснымъ изданіямъ новѣйшаго времени. Отличительною чертою этого типическаго образа, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, исключительно представятся: старость, безобразіе, ѣзда въ ступѣ съ погоняющимъ пестомъ, грозность, враждебность и злобность, словомъ, дальше мрачныхъ, темныхъ качествъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, анализирующій умъ не отыщетъ ни чего въ этомъ образѣ; не откроетъ онъ въ немъ и тѣни чего либо свѣтлаго, добраго, благодѣтельнаго, примѣряющаго. Съ такимъ только хорактеромъ явится Баба-Яга и передъ тѣмъ, кто отъ сказокъ Русскихъ перейдетъ въ сказочную область соплеменныхъ народовъ другихъ Славянъ.

Но напрасно Русскій человѣкъ будетъ думать, что Баба-Яга и дѣйствительно такова въ знакомыхъ ему сказкахъ, какою привыкъ онъ знать ее съ дѣтства. Разсужденіе Г. Потебни, второю своею статьею, именно на то и направлено, чтобы положительно доказать несостоятельность такой думы и убѣдить всякаго, что и въ этомъ мы не отстали отъ Нѣмцевъ, что открытая и красиво очерченная въ ихъ миѳологіи свѣтлая и благотворная Гольда или

Берта присущее и намъ, и что типъ ея всецѣло повторяется въ Бабѣ-Ягѣ. Это опять новость Г. Потебни, повѣрить которой на слово тѣмъ труднѣе, чѣмъ индивидуальнѣе взглядъ автора на ученые пріемы и доводы, обнаруженные въ первой статьѣ. Начнемъ свой разборъ и здѣсь съ общаго положенія.

Впрочемъ, во второй статьѣ нѣтъ общаго заключительнаго итога; находятся лишь отдѣльные выводы, размѣщенные на далекихъ другъ отъ друга страницахъ, именно на 131, 141, 167 и отчасти на 231 — 232.

Вотъ что читаемъ на стр. 131: «Какъ изъ замѣны Гольды посредствомъ Hexe въ сказкахъ и изъ того, что вѣдьмы сопровождаютъ Гольду въ ея полетахъ, не выводятъ (!), что Гольда есть вѣдьма, а не одна изъ верховныхъ богинь, такъ (!) и связь Яги съ вѣдьмами не въ не въ состояніи, если не ошибаемся, перевѣсить положеній, которыя мы старались выше доказать, именно: что Яга посылаетъ души на свѣтъ и принимаетъ ихъ оттуда; что она, какъ одно лице съ Мораной, имѣетъ ключи отъ неба, слѣдовательно, непосредственную власть не только надъ душами, но и надъ природой». Приравненіе Яги къ Гольдѣ, выраженное въ приведенныхъ словахъ, не такъ ясно, съ положительностью указано въ начальныхъ словахъ второй статьи (на стр. 85): «Нѣтъ спору, что въ Германской Миѳологіи та женская личность, къ которой относятся намеки Рождественскихъ обрядовъ, есть Гольда или Берта. Съ Гольдою-Бертою сходно во многихъ чертахъ, а нѣкогда было тождественно (!), миѳическое существо Баба-Яга. По этому, вѣроятно (!), что оно именно предполагается Рождественскими обрядами, хотя бы прямыхъ указаній на это и не было».

Самымъ простымъ глазомъ можно видѣть, что служило попобужденіемъ Г. Потебнѣ создать образъ Яги, не извѣстный доселѣ въ наукѣ Славянской Миѳологіи и прямо противоположный понятіямъ народнымъ. Это Нѣецкая Гольда, къ единству съ которой, во что бы то ни стало, взялся привести онъ Бабу-Ягу. Рѣшимость въ такомъ выводѣ тѣмъ замѣчательнѣе, что въ частныхъ положеніяхъ авторъ не выходитъ изъ предположеній и обусловленій: «если, кажется, вѣроятно, можетъ быть» и т. д., и, не смотря

на это, въ послѣднемъ заключеніи Яга представляется тождественною съ Гольдой-Бертой. Въ какой степени Г. Потебня поддался Нѣмецкому вліянію, всего нагляднѣе видно изъ отрицанія имъ родства Яги съ вѣдьмой; онъ по тому отвергаетъ его (хотя, на стр. 119, и признаетъ связь Яги съ вѣдьмами несомнѣнною), что ученые Нѣмцы не выводятъ вѣдьменности Гольды изъ того, что въ сказкахъ оно замѣняется посредствомъ Hexe. Чтобы имѣть какое ни будь не право, а только поводъ, заключать отсюда къ Ягѣ, надобно прежде слишкомъ положительно и для всякаго убѣдительно доказать равенство Яги съ Гольдой; а между тѣмъ, съ этой-то именно стороны и встрѣчаемъ мы у Г. Потебни изумительную шаткость, свидѣтельствующую несомнѣнно о непрочности собственнаго его убѣжденія. Съ Гольдою сходно во многихъ чертахъ, при Рождественскихъ обрядахъ, миѳическое существо Баба-Яга, а по тому, вѣроятно, что она тамъ и предполагается. Но развѣ сходство, даже и во многихъ чертахъ, въ такомъ сложномъ, запутанномъ, перепутанномъ и перемѣшанномъ, дѣлѣ, какъ миѳы въ современныхъ вѣрованіяхъ, понятіяхъ и обрядахъ народныхъ, даетъ право переходить къ выводу о тождественности сходныхъ предметовъ? Вѣдь при сходствѣ есть и различіе, и различіе весьма рѣзкое: какъ же поступить съ нимъ? И по чему же не признать, что существенная-то черта заключается именно въ различіи, а сходство образовалось случайно, лишь въ силу паденія и смѣшенія миѳическихъ представленій? Г. Потебня самъ предчувствовалъ такое возраженіе, и включилъ слѣдующую, ни чѣмъ не оправданную, фразу: «съ Гольдою во многихъ чертахъ сходно, а некогда было тождественно, миѳическое существо Баба-Яга». Когда же эта была тожественность? весьма любопытно и важно было бы знать, какъ по тому, что исторія молчитъ о Бабѣ-Ягѣ, не скупясь на указаніе и характеристику другихъ женскихъ божествъ, такъ и по тому, чтобы оправдать отъ упрека Г. Потебню за его холодное невниманіе къ исторіи. Но тщетно станетъ искать читатель разсужденія хотя слабый намекъ на историческое свидѣтельство вообще о Ягѣ, тѣмъ меньше о тождествѣ ея съ Гольдою. И напрасно Г. Потебня позволилъ себѣ внести подобную фразу: «нѣкогда была тождественна». Она обнаруживаетъ только тщетное усиліе скрѣпить и освятить прежнимъ древнимъ тождествомъ, ни откуда не виднымъ, нигдѣ не выраженнымъ и не дѣйствительнымъ, произ-

вольное, по крайней мѣрѣ, чисто субъективное, заключеніе о кажущемся теперь сходствѣ Яги и Гольды.

Не находя нигдѣ историческаго свидѣтельства о Ягѣ въ сочиненіи Г. Потебни, не зная ни одного указанія въ Древне-Славянскихъ памятникахъ, и сами мы обратимся къ силѣ доказательствъ автора, на основаніи современныхъ понятій. Вопросъ формулируется характеристикой Гольды-Берты. Какъ въ языкѣ, такъ и въ житейскихъ отношеніяхъ къ народу, заявленныхъ въ Нѣмецкихъ сказкахъ, она рисуется кроткой, милостивой, благосклонной, свѣтлой, блестящей, наблюдающей за порядками въ жизни и занятіяхъ, награждающею исправныхъ и наказывающею виновныхъ. Такія качества слѣдовало бы вывести и въ Ягѣ — вотъ задача. На сколько удалось Г. Потебнѣ открыть идею свѣта въ самомъ названіи Яги, мы уже видѣли; теперь яснѣе видимъ и то, что собственно побуждало автора отыскивать именно такую идею, равно подмѣтить и причину столь насильственной логики языка. Взглянемъ же, какъ сближаетъ онъ Ягу съ Гольдой и по сказочнымъ понятіямъ.

Собравши изъ Гримма, Вольфа, Маннгардта сказочныя черты Гольды-Берты, составляющія миѳическій образъ, Г. Потебня подбираетъ сходственныя черты въ Славянскихъ сказкахъ и, относя ихъ всѣ къ Ягѣ, считаетъ себя въ правѣ сопоставлять и отождествлять Ягу съ Гольдой. Здѣсь невольно останавливается вниманіе на самомъ пріемѣ. Авторъ не лице съ характеристикой имѣетъ въ виду, а однѣ разбросанныя черты характеристики. Что же будетъ порукой, что такія черты дѣйствительно относятся къ Ягѣ? Не предоставляетъ ли авторъ уже только этимъ себѣ совершенно не научную свободу, которая, при абсолютномъ отсутствіи исторіи, сводится прямо къ личному взгляду, подъ часъ къ личному произволу? Это свойство, дѣйствительно, и господствуетъ, по преимуществу, во второй статьѣ разсужденія.

Доказательства начинаются отъ мыши (стр. 90 — 95) и отъ отношенія ея къ дѣтскимъ зубамъ, въ слѣдующемъ выраженіи: «мышка, на тебѣ зубъ рѣпяной, дай мнѣ желѣзный!» Отыскавши у Чеховъ и Словаковъ замѣну мыши Бабой-Ягой, Г. Потебня утверждаетъ, что «если въ этой замѣнѣ есть смыслъ, то

изъ нея слѣдуетъ, что мышь даетъ дѣтямъ желѣзные зубы, въ силу своего отношенія къ Ягѣ, которой приписывается благотворное вліяніе на здоровье дѣтей.» Напрасно станетъ читатель искать свидѣтельства, подтверждающаго послѣднюю мысль, будто Ягѣ, въ самомъ дѣлѣ, приписывается вліяніе, да еще благотворное, на здоровье дѣтей; очевидно, фраза эта вытекла подъ вліяніемъ просьбы дѣтей о зубахъ, а между тѣмъ ей приданъ смыслъ доказательства, по чему дѣти обращаются къ Ягѣ; другими словами, за доказательство принято то, что именно и требуется доказать. Но есть ли смыслъ въ замѣнѣ мыши Ягой у Чеховъ и Словаковъ? «Конечно, есть, и вотъ по чему, продолжаетъ Г. Потебня: 1) какъ Яга имѣетъ отношеніе къ Рождеству, такъ и мышь; въ Мекленбургѣ, въ продолженіи 12 Рождественскихъ ночей, не называютъ даже настоящимъ именемъ нѣкоторыхъ животныхъ, между прочимъ, мышь и лису.» Пусть и такъ, но все таки въ этомъ доказательствѣ рѣшительно не видна дѣствительность смысла замѣны мыши Ягой въ дѣтской просьбѣ. Трудно опредѣлить, какія животныя не участвуютъ въ Рождественскихъ обрядахъ, суевѣріяхъ, повѣрьяхъ и т. д.; что же касается до Мекленбурга, то намъ и непонятно даже, за чѣмъ приведенъ онъ тутъ; вѣдь и тамъ мышь стоитъ подъ урядъ съ другими животными; по крайней мѣрѣ, хоть бы видѣть, что и мышь и другія животныя поставлены тамъ въ связь съ Гольдой; но и въ такомъ случаѣ принять Мекленбургъ за доказательство было бы нельзя, по тому что мы именно ищемъ доказательства тожества Яги съ Гольдой. «2) Мыши въ Русской сказкѣ принадлежатъ къ хозяйству Яги.» Но, оставивши въ сторонѣ справку съ Русскими сказками и, пользуясь лишь разсужденіемъ Г. Потебни, чего не найдемъ мы въ, такъ называемомъ имъ, хозяйствѣ Яги, или, правильнѣе, съ какими животными и съ какими предметами не приходится сопоставлять Славянскому народу въ своихъ сказкахъ Бабу-Ягу! Что же особеннаго, если попадаются тутъ и мыши, и гдѣ же отсюда смыслъ-то замѣны Яги мышью въ дѣтской просьбѣ о зубахъ! «3) У Славянъ и у Нѣмцевъ существуетъ игра въ жмурки. Въ этой игрѣ является у Славянъ имя баба, а у Нѣмцевъ и Сербовъ мышь; при томъ, какъ къ бабѣ, такъ и къ мыши приставляется не рѣдко эпитетъ слѣпой.» Но во а) Г. Потебня и не подумалъ намъ уяснить, что мышь у Нѣмцевъ въ данномъ случаѣ замѣняетъ именно Гольду; во б) что подъ

бабою у Славянъ разумѣется именно Яга-баба; вѣдь, въ противномъ случаѣ, Ягѣ придется, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаться вездѣсущею, если всякое указаніе на бабу непремѣнно будемъ относить къ ней? Г. Потебня этому пріему и обязанъ, впрочемъ, необыкновенною характеристикою Бабы-яги. Дальше онъ «bílou paní Чешскую окрестилъ въ Ягу; въ в) какъ-то не легко вѣрится, и съ перваго взгляда, въ самостоятельность Сербскаго названія жмурокъ слѣпою мышью. Г. Потебнѣ не мѣшало бы остановиться на этомъ тѣмъ внимательнѣе, чѣмъ уединеннѣе поставлены въ данномъ случаѣ Сербы, относительно всѣхъ другихъ Славянъ. И что скажетъ онъ, если подобное названіе обязано Нѣмцамъ и расширилось изъ Сербскихъ поселеній среди Нѣмцевъ? Какъ бы то ни было, но и тѣни нѣтъ доказательства, что жмурки у Славянъ указываютъ на Бабу-Ягу, или на мышь, ее замѣнившую. Этого мало: какъ просьба дѣтей о зубахъ относится не только къ бабѣ, но и къ дѣду, живущему за печкой, такъ и въ игрѣ въ жмурки не вездѣ участвуетъ только баба; напротивъ, среди Малороссіянъ, на примѣръ, господствующую роль играетъ дѣдъ. Для Г. Потебни это не имѣетъ значенія; онъ смѣло видитъ въ этомъ позднѣйшее раздвоеніе, и ставитъ во главу свою Бабу-Ягу, о которой собственно нѣтъ ни какого положительнаго указанія.

Признавши, такимъ образомъ, Бабу-Ягу, въ жмуркахъ и въ дѣтской просьбѣ о зубахъ, за фактъ несомнѣнный, Г. Потебня, очевидно, очутился въ затрудненіи на счетъ слѣпоты Бабы-Яги. Не уже ли надобно допустить, что она представлялась слѣпою? «Но на это нѣтъ другихъ указаній.» Какъ же быть? Не произвести ли операцію съ самымъ словомъ слѣпъ, слѣпой, и не притянуть ли его значеніе къ чему либо подходящему для Бабы-Яги? И вотъ, на стр. 93—94, дѣйствительно, доказывается, будто Серб. сліепъ, значитъ собственно безобразный; а слепота — безобразіе. Приводятся въ подтвержденіе пословицы, а также и цѣлая выдержка изъ одной Сербской пѣсни. Думаемъ, что зайти дальше въ натяжкѣ трудно: даже и въ приведенныхъ примѣрахъ авторомъ, какъ, на примѣръ, въ пословицѣ: «Не плаче сліепъ, што ніе ліепъ, веть што не вида біели свіетъ,» не замѣтно и метафорическаго значенія безобразный. Вообще, это мѣсто изслѣдованія принадлежитъ къ такимъ, гдѣ разбирающій его невольно станетъ

въ тупикъ; для опроверженія его нѣтъ болѣе средства, какъ попросить снять цвѣтные очки и посмотрѣть прямыми глазами на свѣтъ Божій, который представляется синимъ, или зеленымъ, только подъ вліяніемъ оптическихъ стеколъ. И тѣмъ не менѣе, на этомъ основаніи Г. Потебня рѣшаетъ: «Возможно, что Баба въ жмуркахъ представляется слѣпою не только въ смыслѣ мрака—безобразія, но и въ смыслѣ мрака—смерти. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Ягабаба, какъ увидимъ ниже, похищаетъ дѣтей, именно, есть смерть. Самая игра въ жмурки можетъ изображать такое похищеніе.» Но надобно же уяснить и свойства мыши, — и Г. Потебня стучится снова въ двери Нѣмецкой Миѳологіи. Тамъ находитъ онъ, что мыши изображаютъ эльбовъ, душъ, и что Царицею надъ ними есть Гольда; животныя формы душъ представляются тамъ то благодѣтельными существами, приносящими другія души на этотъ свѣтъ, то уносящими этѣ души на тотъ свѣтъ; а такъ какъ Яга, предполагаетъ Г. Потебня, то же самое, что и Гольда, то легко уже опредѣлить и связь ея съ мышами: «мышь въ жмуркахъ, какъ посолъ смерти, отождествляется съ Ягою (или дѣдомъ), и отъ нея заимствуетъ эпитетъ (слѣпая), указывающій на отношеніе къ смерти.» Таковъ выводъ о Ягѣ и о мыши въ игрѣ жмуркахъ, и все это основано на произвольномъ предположеніи, что баба есть непремѣнно Яга; что слѣпой, слѣпота обозначаютъ не иное что, какъ безобразіе, смерть; что просятъ дѣти у мыши, или у Яги, зубовъ по тому, что она вліяетъ на здоровье дѣтей. До чего, спрашивается, нельзя дойти и чего невозможно доказать, при такомъ легкомъ обращеніи съ фактами? Между тѣмъ, простой глазъ, не отвергая всецѣло отдаленной связи, какъ въ просьбѣ о зубахъ дѣтей, такъ и въ игрѣ въ жмурки, съ древнѣйшими миѳическими вѣрованіями, въ дѣлѣ о зубахъ подмѣтитъ самую незатѣйливую естственность: у мышей просятъ зубы, по тому что остріе и крѣпость ихъ слишкомъ хорошо извѣстны народу; у Бабы-Яги, по тому что представляется она зубатою; слѣпоту же въ жмуркахъ объяснитъ самымъ характеромъ игры, если угодно, и самымъ словомъ жмуриться, закрывать глаза, представлять себя слѣпымъ. Бабу и дѣда, термины также употребительные въ упомянутой игрѣ, поставитъ онъ вопросомъ, и, во всякомъ случаѣ, не рѣшится, безъ другихъ опредѣленнѣйшихъ указаній, видѣть въ нихъ Бабу-Ягу; что же касается до мыши, то скорѣе вычеркнетъ ее изъ этой

игры Славянской, по крайней мѣрѣ, почтетъ сначала необходимымъ указать, что Сербскій слѣпи мишъ есть самобытное названіе. Да и допустивши послѣднее, все таки встрѣтитъ затрудненіе въ слѣдующемъ: какимъ образомъ медвѣдь, животная форма Яги, сама Яга, ловитъ мышь, животную форму душъ, находящихся уже во власти Яги? Этого мало: какимъ образомъ мышь, Ягинъ посолъ смерти, спасаетъ отъ похищенія Ягой дѣвицу? Чтобы, впрочемъ, ни сказалъ простой глазъ, но предложенныя доказательства Г. Потебнею отнимаютъ всякое право на сдѣланные имъ выводы о Ягѣ отъ мыши.

Не открывши ни чего тождественнаго между Гольдой и Ягой, не доказавши ни мало ихъ и родства, изъ объясценія мыши, Г. Потебня принимаетъ, однако же, это за дѣло рѣшенное, и уже свободно продолжаетъ отыскивать черты сходства у другихъ животныхъ и, не задумываясь, сопоставляетъ послѣднихъ съ Ягою. Такъ, у Сербовъ дѣти просятъ желѣзнаго зуба у вороны; у нихъ же есть терминъ и гвоздензуба, миѳическое существо, которымъ пугаютъ дѣтей,—и этого довольно, чтобы Г. Потебнѣ убѣдиться въ связи и вороны и гвоздензубы съ Ягою и считать себя въ правѣ, «заключать отъ свойства первой къ послѣдней». Но и этого мало: ворона представляется въ разнообразныхъ повѣрьяхъ галкой, сорокой, коршуномъ и кукушкой; слѣдовательно, и свойства послѣднихъ должны служить матеріяломъ для характеристики Яги. Что же послѣ этого удивительнаго, если Яга, въ самомъ дѣлѣ, выступитъ передъ читателемъ со всѣми качествами, какія будутъ ему угодны, благодаря волшебному жезлу Г. Потебни? Это ничего, что ворона и близко не ставится въ данныхъ повѣрьяхъ не только съ Бабой-Ягой, но и ни съ какой бабой; довольно и того, что къ ней обращаются Сербы за зубами также, какъ другіе Славяне къ мыши, а мышь не разъ помѣщается рядомъ съ бабой.

Обзаведясь подобнымъ волшебнымъ жезломъ, авторъ съ рѣшительностью переходитъ къ параллелизму Гольды и Яги, и находитъ въ послѣдней все, что приписывается Нѣмцами первой. Здѣсь-то Яга, изъ своей мрачной, грозной и враждебной, роли, перемѣщается такъ легко въ рядъ существъ благодѣтельныхъ.

Гольда посылаетъ на свѣтъ души и похищаетъ къ себѣ дѣтей. По повѣрью Чешскому, что, впрочемъ, для Г. Потебни однозначаще съ Славянскимъ, сорока, кукушка и ворона, своимъ прилетомъ, предвѣщаютъ рожденіе ребенка; рожденіе дѣтей объясняютъ Чехи и приносомъ ихъ аистами, коршунами и воронами, что́, однако же, относится одинаково и къ приплоду животныхъ. Слѣдовательно, заключаетъ Г. Потебня, Яга-баба приноситъ на свѣтъ дѣтей. Гольда кормитъ дѣтей кашею. У Славянъ, въ игрѣ съ младенцами, представляется кормящею такой пищей сорока-ворона; у Чеховъ въ подобной же игрѣ упоминается даже мышь; и можетъ ли же послѣ сего быть сомнѣнье, что и Славянская Баба-Яга кормитъ кашею дѣтей? Но въ указанной игрѣ авторъ находитъ и еще замѣчательный моментъ, который ведетъ его къ новому сближенію Яги съ Гольдой. Игра завершается тѣмъ, что сорока-ворона урываетъ шейку (?!) у дитяти, представляемаго однимъ изъ пальцевъ; отсюда видитъ Г. Потебня, что мѣсто дѣйствія въ этой игрѣ не на небѣ а на землѣ, съ которой ворона похищаетъ дѣтей (стр. 97). Прозорливость для насъ необъяснимая! Но похищеніе вороной, коршуномъ, ястребомъ, ворономъ находитъ подтвержденіе въ разнообразныхъ играхъ дѣтскихъ; а какъ всѣ этѣ птицы указываютъ на Ягу, то и несомнѣнно, что она, подобно Гольдѣ, не только посылаетъ дѣтей на свѣтъ, но и похищаетъ ихъ отсюда!

Гольда и Берхта прядутъ: непремѣнно должна прясть и соотвѣтствующая имъ Славянская богиня, т. е., Баба-Яга (стр. 99). Она и дѣйствительно прядетъ, по тому что (!) пряденье приписывается сорокѣ, воронѣ, коршуну. А что имъ приписывается пряденье, видно (!) изъ названія растѣній: сорочья пряха (guleum uligenosum), kania pręｄza, kania stopa, wrania stopa (plantago coronopus).

Но Гольда во всякое время отворяетъ небесныя двери и выпускаетъ солнце. Какъ бы сблизить это свойство Нѣмецкой богини съ Славянской Ягой?

Есть Малор. пѣсня, въ которой галка называется ключницей; есть Малор. повѣрье, что ключи отъ вырья хранились у вороны: вырей же есть страна вѣчнаго лѣта, куда птицы улетаютъ на зиму.

А какъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, вырей есть вмѣстѣ царство мертвыхъ, по тому что другое повѣрье говоритъ о ластовкахъ, выжидающихъ прекращенія морозовъ на днѣ колодца, который представляетъ тучу и царство Гольды, то и слѣдуетъ, что Баба-Яга владѣетъ ключами отъ царства мертвыхъ. Не даромъ въ Славянскихъ причитаньяхъ надъ покойниками не рѣдко обращается рѣчь къ птицамъ, съ вопросомъ объ умершихъ, что, конечно, показываетъ, что птицы бываютъ въ жилищѣ душъ. Не останавливаясь въ этомъ хитро сплетенномъ силлогизмѣ на вопросахъ, по чему же галка и ворона замѣняютъ Бабу-Ягу, по чему вырей отъ птицъ перенесенъ на обиталище мертвыхъ людей, по чему дальше сближенъ онъ съ колодцемъ, пойдемъ за Г. Потебней далѣе, въ увѣренности, что онъ самъ разорветъ эту паутинную ткань.

На стр. 102, черезъ Нѣмецкій обычай носить лѣтомъ мертвую ворону, по Гримму, образъ побѣжденной зимы, авторъ переходитъ къ Чешско-Моравскому обряду, во время весны, хоронить смерть, называемую также Мареной, Мореной. Въ этомъ обрядѣ, Марена представляется также съ ключами, которые теряетъ она и которые переходятъ и къ весеннему Святому Юрью. Понятно, что Марена отождествена у Г. Потебни съ Ягой. Но мертвая ворона у Нѣмцевъ, спросимъ мы Г. Потебню, развѣ имѣетъ какое либо отношеніе къ Гольдѣ? Развѣ Гольда изображается смертью природы, запирающею ворота солнцу? Напротивъ, какъ видѣли, она во всякую пору отворяетъ ему ворота и выпускаетъ его благодѣтельствовать природѣ. Не очевидно ли уже и по обряду, независимо отъ Нѣмецкихъ изслѣдованій, что мертвая ворона скорѣе противополагается Гольдѣ, чѣмъ стоитъ съ ней въ связи, тѣмъ меньше ей тожественна? Отсюда, само собою вытекаетъ заключеніе: если Яга есть Гольда, то ни въ какомъ родѣ не можетъ она представляться мертвою вороною, или Мореной; если же она дѣйствительно Марена, то никогда не можетъ быть Гольдой. Настоящія страницы разсматриваемаго изслѣдованія снова предлагаютъ намъ образецъ обращенія автора съ историческими фактами. Исторія Славянской Миѳологіи, въ самыхъ древнихъ своихъ памятникахъ, сберегла въ значительной подробности и опредѣленности характеръ и значеніе Морены, богини смерти; эти характеръ и значеніе отзываются и по сію пору въ уцѣлѣвшихъ обрядахъ на-

родныхъ, часто съ неизмѣннымъ названіемъ древности. Вообще, личность Марены ясная и опредѣленная,—и такую-то личность авторъ смѣло отождествляетъ съ Ягой и, не колеблясь ни мало, черезъ послѣднюю, сопоставляетъ ее съ Гольдой! Авторъ понималъ, очевидно, несообразность сравненія и отожествленія двухъ лицъ, изъ которыхъ одно рисуется только мрачнымъ, злымъ и вражденымъ, другое только свѣтлымъ, благотворнымъ и кроткимъ, милостивымъ. Необходимо, слѣдовательно, и тутъ подыскать какую-либо варіяцію, и вотъ Г. Потебня рѣшается уже возстать противъ даже Гримма и другихъ ученыхъ Нѣмецкихъ, заявившихъ, что попадающася кое-гдѣ черта безобразія у Гольды прибавлена въ силу вліянія Христіянства. Нѣтъ, утверждаетъ Г. Потебня, уродливыя черты Гольды коренятся очень глубоко въ миѳахъ (стр. 88). Иначе и поступить онъ не могъ, по тому что несостоятельность, въ противномъ случаѣ, отождествленья Яги (Морены) и Гольды бросалась бы слишкомъ рѣзко въ глаза. Но подумалъ ли авторъ, что какъ Славянская, такъ и Германская, Миѳологія, въ языческой чистотѣ своей, нигдѣ не предлагаетъ дуализма въ одномъ и томъ же лицѣ? Самое Христіянство, въ этомъ случаѣ, обнаружило едва замѣтное вліяніе, переродивши вообще языческихъ боговъ и богинь въ существа злыя, или оставивши ихъ въ повѣрьяхъ съ одинаковымъ прежнимъ характеромъ. Сообразилъ ли, кромѣ того, онъ и то существенное различіе, что Гольда все таки въ основаніи своемъ, въ первобытномъ видѣ, есть чистое, свѣтлое, лице, тогда какъ для подысканья самаго темнаго отрицанья мрака, зла, безобразія и враждебности въ Бабѣ-Ягѣ, потребовались насильственныя натяжки, произвольныя заключенія и единственно изъ фантазіи схваченныя сближенія, какъ мыши, вороны, сороки и т. д. съ Ягой? Такова сила заключительныхъ выводовъ Г. Потебни, будто Яга посылаетъ души на свѣтъ и принимаетъ ихъ оттуда; что она, какъ одно лице съ Мореной, имѣетъ ключи отъ неба, слѣдовательно, непосредственную власть не только надъ душами, но и надъ природой.

Впрочемъ, для Г. Потебни показалось и это значеніе Яги не полнымъ. Германская Миѳологія предлагаетъ такъ много еще заманчивыхъ картинъ, разнообразіе сказочнаго матеріяла у Славянъ до того велико, а свобода во взглядѣ на него такъ разнуздана, что

не трудно поднять еще на нѣсколько ступеней выше доселѣ заброшенную Бабу-Ягу. Руководясь своимъ пріемомъ, Г. Потебня и дѣйствительно пошелъ дальше.

Въ нѣкоторыхъ Славянскихъ сказкахъ, какъ-то у Чеховъ, вмѣсто мыши и сороки-вороны, при просьбѣ дѣтей о зубахъ, при игрѣ въ кормленье кашей, а также и при повѣрьи о происхожденіи дѣтей, является лиса. Отсюда, несомнѣнна связь съ Ягой лисы, а слѣдовательно, и позволительное право пріурочивать къ свойствамъ Яги все, что говорится о лисѣ. Но лиса сталкивается въ сказкахъ съ котомъ и кошкой,—и послѣдніе необходимо дополняютъ собою ту же Бабу-Ягу. Въ концѣ концевъ, слѣдовательно, «Баба-Яга смотритъ за чистотою посуды... покровительствуетъ домашнимъ женскимъ работамъ, награждаетъ добродѣтелью и наказываетъ пороки дѣвицъ; она служитъ, стало быть, божественнымъ авторитетомъ нравственности. Отсюда одинъ шагъ къ заключенію, что нравственность этой жизни имѣла вліяніе на жизнь посмертную и на вознагражденіе» (стр. 141). Послѣ всего, сказаннаго нами, надѣемся, читатель не потребуетъ отъ насъ подробныхъ опроверженій, шагъ за шагомъ, каждаго положенія въ отдѣльности. Тамъ, гдѣ основаніе покоится на недѣйствительности, нечего ожидать истины и въ заключеніяхъ. Укажемъ лишь на частности, характеризующія столь извѣстный уже способъ выводовъ въ книгѣ Г. Потебни.

Сближая съ Ягой Сербскую Бабу Коризму и Сербскій обрядъ Біеле покладе (стр. 108—109), и находя, что въ послѣднемъ играетъ роль дѣдъ, а не баба, Г. Потебня рѣшаетъ разомъ, что здѣсь дѣдъ есть только раздвоеніе единаго въ древности миѳическаго существа; древность этого раздвоенія подтверждается, по его увѣренію, Бѣлорусскимъ названіемъ первой недѣли Великаго поста дзѣдовой, а что дѣдъ тутъ лице второстепенное, свидѣтельсвуетъ упоминаніе только одной Бабы въ соотвѣтствующемъ Хорватскомъ обычаѣ. Не легко пріискать рецензенту выраженіе для опредѣленія подобнаго способа умозаключеній. Какой это Хорватскій обычай, соотвѣтствующій дзѣдовой недѣлѣ? За чѣмъ Г. Потебня это скрылъ? Вѣдь этимъ онъ и въ неохотникѣ по ниткѣ разбирать его изслѣдованіе возбудитъ недовѣріе. Скажемъ читателю мы, что обычай этотъ относится къ Масляницѣ, какъ из-

вѣстно, переполненной обрядностью съ языческими отпечатками. Въ ряду ихъ появляется, между прочимъ, баба; Яга ли она, или нѣтъ,—другой вопросъ. Но то ли же дзѣдова недѣля? Первая недѣля поста называется дзѣдовой по тому, что она у Славянъ есть поминальная, а покойники у Бѣлорусцевъ называются дзѣды, какъ у Поляковъ dziady. По тому, тутъ и тѣни нѣтъ какого либо раздвоенія, какъ нѣтъ и повода предполагать какую либо бабу. А Г. Потебня именно на этомъ основаніи отождествляетъ Ягу съ Сербскими Покладами.

Изъ разбора сказокъ о лисѣ и изъ сопоставленія ихъ со сказками объ Ягѣ, Г. Потебня заключаетъ, что пѣтухъ, упоминаемый въ первыхъ, есть ребенокъ: «пѣтухъ носитъ и дѣтское имя Петя» (стр. 117). Мы позволили бы сдѣлать нескромный вопросъ автору: чѣмъ докажетъ онъ, что уменьшительное имя Петя, на оборотъ, не взято отъ пѣтуха? Уменьшительныя названія у Славянъ весьма обыкновенно указываютъ собою на сбычные предметы и сходятся въ этомъ съ именами Славянскими языческими, какъ извѣстно, бравшимися и отъ звѣрей, и отъ животныхъ, и отъ птицъ, и отъ растеній и т. д. Что слово пѣтухъ принадлежало также къ разряду именъ, не подлежитъ сомнѣнію и изъ существующихъ уличныхъ названій въ простонародьѣ доселѣ, и изъ множества фамилій — Пѣтуховъ. Вопросъ, такимъ обрязомъ, нашъ вполнѣ справедливъ; и если пѣтуха называютъ петей, то скорѣе собственнымъ его именемъ, и на оборотъ, петя-ребенокъ носитъ такое имя скорѣе отъ пѣтуха. Какъ бы то ни было, но заключеніе отъ пети-пѣтуха къ Петѣ-ребенку поразительно, и послѣ него невольно подивишься сдержанности автора, по чему онъ, на стр. 142, при указаніи на грушу, изъ сказки объ Ягѣ, отказался видѣть какую ни будь Аграфену: а вѣдь уменьшительное имя и послѣдней есть Груша. Въ лицахъ Жихарька, Филюшка, Смоличекъ и Ивашко, изъ сказокъ объ Ягѣ, авторъ непремѣнно хочетъ видѣть дѣтей, хотя данныя всѣ говорятъ, что они парни взрослые. Но Яга хватаетъ дѣтей, — и Г. Потебня возстаетъ даже, въ силу этого (см. стр. 129), противъ Г. Буслаева, не думающаго считать Ивася (Малор. сказки) ребенкомъ. Но какъ же просмотрѣлъ Г. Потебня, напечатанное имъ самимъ, выраженіе, что Ивашка дѣйствуетъ какъ взрослый человѣкъ, выросши (стр. 121)?

Опуская множество иныхъ вещей, коснемся разъясненія миѳа о дочеряхъ Бабы-Яги, столь богатаго разнообразными сказками у всѣхъ Славянъ. Начнемъ съ слѣдующаго выраженія автора: «въ одномъ изъ варіянтовъ (сказочныхъ), послѣ побѣды надъ Бабою, у нея добываются птица, звѣрь и боченокъ вина, отъ которыхъ по всему царству настаетъ изобиліе птицъ, рыбы и вина. Эта черта, продолжаетъ Г. Потебня, нарушаетъ симметрію въ расположеніи сказки, не имѣетъ связи съ похищеніемъ бабиной дочери, а по тому, можетъ быть, вставная (стр. 192).» Этотъ взглядъ на приведенную особенность доказываетъ убѣдительно, что авторъ не понялъ существа дѣла, а съ этимъ вмѣстѣ характеризуетъ уже и все обслѣдованіе имъ подробностей сказокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое, указываемыя въ нихъ, бабины дочери, подставляемыя столь часто кобылицами, которыхъ отыскиваютъ богатыри, подвергаясь обыкновенно опасностямъ отъ Яги и съ трудами достигая своей цѣли? Что такое чудесный конь, заключенный во владѣніяхъ Яги? Авторъ рѣшительно признаетъ всѣхъ дочерей за дѣйствительныхъ дочерей. Но уже съ перваго раза нельзя не усумниться въ этомъ, когда вникнемъ, какъ Яга прячетъ свою дочь, какъ сберегаетъ ее отъ покражи и въ какихъ враждебныхъ отношеніяхъ находятся обѣ другъ къ другу. Въ свою очередь, какъ усильно стремится дочь высвободиться отъ Яги и съ какою рѣшительностью помогаетъ сама отыскивающему ее богатырю. Такъ, запрятанная дочь, спускаетъ золотую косу изъ окна, и Царевичъ сбирается по ней наверхъ, а та предлагаетъ ему бѣжать отъ Бабы (стр. 184); въ Нѣмецкой сказкѣ вѣдьма тоже держитъ дѣвицу въ лѣсу, въ башнѣ, безъ дверей и лѣстницъ; подобно этому и Русская сказка прячетъ золотоволосую дѣвицу, считаемую Г. Потебнею за восьмую дочь Яги (185 — 187), за 9-ю дверьми, съ 9-ю колокольчиками на каждой; или на морѣ островъ, на островѣ за́мокъ, а въ немъ прекрасная Царевна (188); то помѣщается она въ скалѣ (180). Такая дѣвица вовсе не дочь Яги; она украденная невѣста Бога-солнца; вотъ по чему и освобожденіе ея сопровождается громомъ, поражающимъ Ягу (стр. 184). Подобнымъ образомъ и конь чудесный, включенный въ число сыновей бабиныхъ, есть солнце,

освобождаемое богатыремъ изъ подъ власти Яги, змѣя, врага солнцева. И то и другое вытекаетъ изъ основнаго миѳа о бракѣ неба и земли, выражающемся посредствомъ дождя, какъ сѣмени; туча, змѣй, если угодно, Яга, является врагомъ солнцу препятствуетъ соединенью, и это препятствіе выражаетъ народъ въ побѣдѣ солнца змѣемъ, въ захватѣ его невѣсты. Съ этимъ вмѣстѣ, змѣй или Яга становятся и обладателями богатствъ, всего земнаго плодородія, которое прекращается съ покореніемъ солнца, съ наступленіемъ зимы. Теперь понятно, что съ пораженіемъ Яги родившимся солнцемъ, подставленнымъ въ сказкахъ посредствомъ богатыря, естественно должно разлиться и богатство на землѣ, такъ какъ оплодотворяющая связь между небомъ и землей возстановлена. Такимъ образомъ, выраженіе, выписанное выше, не только не можетъ почесться нарушающимъ симметрію, или вставнымъ въ послѣдствіи, а напротивъ, должно быть признано чистѣйшимъ остаткомъ древнѣйшаго кореннаго миѳа. Отсюда и богатыри въ сказкахъ освобождаютъ не бабину дочь, а дѣвицу, невѣсту, украденную Ягою, змѣемъ: и если бъ Г. Потебня не увлекался предвзятыми идеями и сравнилъ бы сказки съ сказаніями о похищеніи Царевенъ змѣями и объ освобожденіи ихъ, то не задумался бы отвергнуть кровную связь между Ягой и запрятанной ею дѣвицею. Отъ подробностей я удерживаюсь; для основной идеи нахожу достаточнымъ и сказаннаго.

Но Г. Потебня, слѣдуя рабски за Гольдой въ предшествующемъ изслѣдованіи объ Ягѣ, и разъ рѣшившись утверждать двойственность ея существа, понятно, не могъ и тутъ, при объясненіи стихійнаго ея значенія, выдержать надлежащую строгость во взглядѣ на фактъ, — и вотъ у него заключеніе: «смыслъ сказки, можетъ быть, тотъ, что у Яги, къ которой по смерти идутъ души и изъ царства которой онѣ опять возвращаются (!) на этотъ свѣтъ, хранятся и начала всякой земной жизни» (стр. 192). Тогда какъ мысль о душахъ основана на насильственномъ разборѣ сказочныхъ и пѣсенныхъ фактовъ и на подражаніи Миѳологіи Нѣмецкой, храненіе жизненныхъ началъ у Яги принадлежитъ къ числу очевидныхъ вымысловъ субъективной Г. Потебни фантазіи, совершенно противоположныхъ дѣйствительности: Яга, напротивъ, есть образъ смерти; жизнь ею крадется и прячется. По этому, и

предположеніе Г. Потебни, будто сказки о васеньи къ былъ заключаютъ миѳъ о бракѣ бабиной родечи (стр. 195), должно быть видоизмѣнено такъ: миѳъ о пораженіи врага солнца, объ освобожденіи дѣвицы и достиженіи возможности брачнаго соединенія (неба и земли). По этому, этотъ миѳъ, при перенесеніи его на землю, и обогатился множествомъ сказокъ, вошедшихъ даже и въ легенды, гдѣ, вмѣсто Яги, занимаетъ мѣсто змѣй, а вмѣсто дѣвицы-земли лучшая, обыкновенно Царская, или Княжеская, дочь; отсюда же и непозволительныя связи змѣя съ женщинами. Какъ должно понимать другихъ, такъ называемыхъ дочерей Яги, которыхъ число весьма не одинаково въ сказкахъ, есть ли они только амплификаціи народной фантазіи, или имѣютъ особый миѳическій смыслъ, рѣшить не беремся, но тѣмъ настоятельнѣе возстаемъ противъ положенія автора, будто «у Яги есть сынъ, чудесный конь и золотоволосая дочь, не единственная, но затемняющая своихъ сестеръ (стр. 196).»

Такимъ образомъ, признавая стихійное значеніе Яги, видя въ ней первоначальное олицетвореніе тучи, врага свѣта, мы не отступаемъ и отъ уцѣлѣвшаго во всемъ мірѣ Славянскомъ взгляда на Ягу, какъ на существо злое, мрачное, враждебное. Г. Потебня подошелъ къ этому тоже, и очень близко, но остановиться только на такомъ хазактерѣ Яги ему, столь упорно задававшемуся двойственностью значенья въ Ягѣ и уже поставившему тучу, въ первой статьѣ, въ родительское отношенье къ солнцу, было не возможно, — и онъ дѣлаетъ самый неловкій скачекъ къ браку тучи: «Сказки не говорятъ ничего о бракѣ Яги, но этотъ миѳъ предполагается ими,» завершаетъ Г. Потебня (тамъ же). Иначе и быть не можетъ, по его воззрѣнію, соединившему уже бракомъ тучу съ баднякомъ и сдѣлавшему изъ нихъ родителей солнцу, т. е., Божичу; другими словами, Ягу изъ врага солнцу, препятствующаго его свѣту, ворующаго у него невѣсту, прекращающаго оплодотвореніе и жизнь земли, онъ сдѣлалъ, подъ вліяніемъ субъективнаго толкованія фактовъ и неосмотрительнаго слѣдованья за характеромъ совершенно отличной богини Гольды, матерью солнцу!

Дальнѣйшую характеристику Яги, при посредствѣ жабы, лягушки, рака, пчелы а «можетъ быть и всѣхъ насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ хозяйству Яги» (стр. 209), мы

опускаемъ, будучи знакомы съ нею по прежнимъ сближеніямъ мыши, вороны и другихъ.

Убѣдившись, по своему, въ бракѣ тучи-Яги и въ материнскомъ ея отношеніи къ солнцу, Г. Потебня задумалъ отыскать подтвержденіе и въ самыхъ Христіанскихъ понятіяхъ народа Славянскаго. Отъ 215 до 223 страницы, разборомъ выраженій **пятница** и **недѣля**, онъ старается доказать, что первая смѣнила языческую богиню Ягу, а послѣдняя изображаетъ собою солнце, и что отношенія между тою и другою (пятницею и недѣлею) свидѣтельствуютъ, по понятіямъ народа, точно также о родственной между ними связи, какъ матери къ дочери. Уже a priori можно предполагать, сколько натяжекъ должно быть въ доказательствахъ, гдѣ такъ очевидна неправда въ самомъ основаніи.

Г. Потебня начинаетъ съ того, что у Германцевъ и Романцевъ названія дней недѣли — миѳическаго происхожденія, и день, соотвѣтствующій нашей пятницѣ, посвященъ богинѣ Фреѣ, а воскресенье — богинѣ солнца. Славянскія названія, хотя и не указываетъ ни на что миѳическое, но повѣрья, привязанныя къ пятницѣ и недѣлѣ, говорятъ о женскихъ божествахъ, — и это имѣло вліяніе на женскій родъ самыхъ названій. Нельзя съ перваго раза не подмѣтить той легкости, съ какой относится авторъ къ предмету. По чему бы, казалось, не обратить ему вниманія на вопросъ: когда появились названія дней у Германцевъ и Романцевъ, а какъ послѣдніе заимствовали ихъ готовыми отъ Римлянъ, то и у нихъ? Отъ этого вопроса очевидный переходъ къ тому, какъ вообще дѣлилось время въ древнѣйшую пору исторіи, и не только у Германцевъ, а и у Римлянъ и Грековъ? Тогда Г. Потебня увидѣлъ бы, что а) раздѣленіе времени на семидневныя недѣли принадлежитъ лишь позднѣйшему времени исторіи Греко-Римской; б) что названія этихъ дней чисто искуственныя, оффиціяльнымъ, такъ сказать, путемъ установленныя и примѣненныя къ главнѣйшимъ языческимъ божествамъ. Отсюда, ежели мы и встрѣчаемъ нѣкоторые обряды и повѣрья, связанные съ тѣмъ или другимъ днемъ, то они явились уже въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ старыхъ именъ, получившихъ техническій смыслъ. Что же находимъ мы у Славянъ? Объ языческихъ названіяхъ дней недѣльныхъ не встрѣчаемъ и помину, изъ чего положительно заключаемъ, что

они и не выработались еще у нихъ, а слѣдовательно и дѣленіе времени было иное. Не сохраниться они, если бы были, не могли, какъ сбереглись въ чистотѣ названія мѣсяцевъ, не смотря на вліяніе терминовъ Греко-Латинскихъ. Отсюда же съ полнымъ правомъ заключаемъ, что и недѣльное дѣленіе съ семидневнымъ расчетомъ обязано тому же Христіянству, которому обязаны и самыя названія дней недѣльныхъ. Въ этомъ случаѣ Славяне слѣдовали Грекамъ, и едва ли термины не должно приписать первымъ переводчикамъ Св. Писанія. Но какъ бы то ни было, а при такомъ условіи не мыслимо въ нашихъ названіяхъ дней предполагать какой либо намекъ на язычество; его дѣйствительно и не существуетъ при самомъ поверхностномъ взглядѣ на названія: за исключеніемъ субботы и недѣли, они всѣ числительныя, по порядку отъ воскресенья. Но утопающій хватается за соломенку, и Г. Потебня бросился на грамматическій родъ. Понедѣльникъ, вторникъ, четвертокъ мужескаго рода, по чему же пятница и недѣля женскаго? Конечно, должна же быть причина, и Г. Потебня находитъ ее въ томъ, что составлены эти слова подъ вліяніемъ языческихъ богинь. Не повторяя сказаннаго выше о времени и обстоятельствахъ, при какихъ возникли Славянскіе термины для недѣльныхъ дней, и при какихъ, знакомому съ первыми проповѣдниками, не придетъ и въ голову подозрѣвать воспоминаніе о язычествѣ, спросимъ автора: что же за побужденіе было предпочесть такимъ образомъ именно Ягу, т. е., пятницу, да недѣлю, въ которой видитъ онъ женское солнце, передъ остальными божествами? Или послѣдніе были мужчины? Но, нѣтъ; и среда женскаго рода, а вѣдь при ней трудно сослаться и на Нѣмцевъ, по тому что и у нихъ Mittwoch посвящена Одину, Водану, слѣдовательно, мужчинѣ. А дѣло, кажется, весьма не трудное: среда удержало женскій родъ по тому, что самое слово, среда, середина, есть женскаго; пятница же изъ первоначальнаго мужескаго рода, въ Церковно-Славянскомъ нарѣчіи (пятокъ), обратилась въ народѣ въ женской родъ всего очевиднѣе въ силу того, что у Грековъ она слыветъ подъ именемъ Παρασκευή, съ которымъ неразлучно и собственное имя Святой женщины, перешедшей въ наши Святцы подъ формою Параскева. Остается недѣля. Названіе этого дня, несомнѣнно, образовалось подъ вліяніемъ Библейской заповѣди: «шесть дней дѣлай а седьмый Господу Богу твоему,» т. е.,

не работай, не дѣлай! И чѣмъ же виноватъ языкъ, если, въ своемъ словообразованіи, ему угодно было изъ отрицанія «не» и корня «дѣлай» составить существительное женскаго рода «недѣля?» Ужь и подъ Еврейской субботой не понимали ли Славяне какого либо женскаго Божества? А, вѣдь, и суббота съ женскимъ родомъ.

Но, какъ уже извѣстно, подобнаго рода соображенія, да при томъ еще историческія, не связываютъ Г. Потебню,—и онъ рѣшительно признаетъ пятницу замѣнившею языческую богиню, на основаніи женскаго грамматическаго рода въ словѣ. Не трудно, при охотѣ, подыскать и подтвержденіе въ народѣ. «Уже конечно, продолжаетъ онъ, не важность и не черты жизни Св. Параскевы причиной почитанія пятницы, а имя Пятница, указывавшее на языческую богиню (!?).» Да за чѣмъ же Г. Потебня опустилъ изъ виду хоть географію-то Славянскаго племени, ежели уже онъ такъ недоброжелателенъ къ исторіи; а географія сказала бы ему не мало. Почтеніе и уваженіе къ пятницѣ, какъ нарочно, сосредоточивается именно въ той мѣстности, гдѣ ближе могла вліять Греческая Параскева, у Сербовъ и Болгаръ, ближайшихъ сосѣдей Греческихъ; чѣмъ дальше на Сѣверъ, тѣмъ меньше почету и Пятницѣ, а на Западѣ, въ земляхъ Католическихъ и Протестантскихъ, она и ни чѣмъ не отличается отъ другихъ будничныхъ дней. Даже въ Россіи, на сѣверѣ, понедѣльникъ, на примѣръ, въ жизни народной значитъ гораздо больше. Такой географическій фактъ даже одинъ покрѣпче долженъ казаться произвольнаго и натянутаго предположенія; изъ за него одного придется оставить языческую богиню, да еще Ягу, и перенестись въ дѣйствительность, т. е., къ Святой Параскевѣ, уваженіе къ которой, черезъ Грековъ, перешло у Сербовъ и Болгаръ на Св. Петку, а черезъ послѣднихъ поднялось и въ самую Русь.

Пойдемъ, однако же, дальше за Г. Потебней. Въ чемъ же выразилось особое уваженіе къ Пятницѣ у Православныхъ Славянъ? «Въ Сербской пѣснѣ она помѣщается рядомъ съ Богомъ,» говоритъ авторъ: «Убіо га Богъ и Света Петка!» Напрасно же Г. Потебня, преслѣдуя глазами Петку, не замѣчалъ въ Сербо-Болгарской народной литературѣ обиліе другихъ Святыхъ, поставляемыхъ также

вмѣстѣ съ Богомъ. Впрочемъ, подобныя доказательства не нуждаются въ опроверженіяхъ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно церквей во имя Св. Пятницы, число которыхъ такъ велико у Сербовъ и Болгаръ, равно и объ обѣтныхъ пятницахъ у Юго-Славянъ. Но они окончательно убѣдили Г. Потебню, что пятница непремѣнно есть языческая богиня; имѣя же въ головѣ и имя этой богини, онъ теперь только хочетъ подыскать что либо такое въ почитаніи пятницы, чтобы, въ глазахъ читателя, могло служить хотя кажущимся оправданіемъ скачка къ Ягѣ-Бабѣ.

«Интересно знать, нѣтъ ли гдѣ криницъ, посвященныхъ Св. Пятницѣ,» продолжаетъ онъ вкрадчиво, и, разумѣется, въ безчисленной массѣ колодцевъ и криницъ, связанныхъ у народа съ тѣмъ или другимъ Святымъ, или Святою, отыскиваетъ въ Аккерманѣ (!) дѣйствительно криницу, образованную, по повѣрью, «Параскою, родомъ изъ Польши, бѣжавшею изъ гарема Паши отъ погона Турецкаго и разсыпавшеюся чистою криницей» (стр. 216). И такъ, для криницы Св. Пятницы пришлось броситься въ Аккерманъ и привязать къ ней имя Парасковьи, полонянки Турецкой, быть можетъ, и дѣйствительно бѣжавшей отъ Паши, а по тому, быть можетъ, и недавно лишь связанной съ колодцемъ. Въ бытность мою въ Чешскомъ городѣ Непомукѣ, въ 1860 году, показывали мнѣ криницу, будто бы образовавшуюся отъ стопы св. Войтѣха (Епископа Пражскаго X вѣка): нельзя ли какъ ни будь и ее отнести къ Бабѣ-Ягѣ? Мы ни мало не думаемъ отрицать связи колодцевъ, источниковъ и т. д., съ язычествомъ въ вѣрованіяхъ народныхъ; но вопросъ идетъ о томъ, гдѣ же основаніе заключать отъ Св. Параскевы къ Ягѣ? Но извинимъ автора; ему, въ самомъ дѣлѣ, необходимо соединить эту Святую съ криницей, ибо только въ такомъ случаѣ придется подтвердить стихійное, водное, значеніе той богини, которая смѣнилась Св. Петкою, — а Яга именно водная, облачная богиня, по послѣднему заключенію Г. Потебни.

Объ отношеніи Пятницы ко льну и къ работамъ женскимъ нечего и говорить: припомнимъ только, что день Св. Параскевы приходится 28-го Октября, къ порѣ обработки льна, и намъ слѣдовало бы удивляться, если бы, переполненный повѣрьями и суевѣріями, народъ Славянскій не сблизилъ этой Святой съ важнѣйшею женскою работою. Это же самое обстоятельство, праздно-

ваніе памяти Св. Параскевы 28-го Октября освобождаетъ насъ отъ опроверженія слѣдующей мысли Г. Потебни, будто покровительствомъ бракамъ, оно предлагаетъ новое доказательство связи съ Ягой. Мы уже видѣли, что и Св. Покрову авторъ перенесъ на языческую богиню; но что сказано нами въ томъ случаѣ, съ одинаковымъ значеніемъ должно быть повторено и здѣсь.

Но вотъ бѣда: разсказывая объ отношеніи Пятницы къ пряденью и тканью, Г. Потебня наткнулся на народныя повѣрья, въ которыхъ, вмѣсто пятницы, упоминается только середа (стр. 217—218). Какъ тутъ быть? Поступая логично, слѣдовало бы предположить другую богиню у языческихъ Славянъ; но передъ глазами стоитъ съ угрозою Воданъ Нѣмецкой Миѳологіи, и хотя у Славянъ не должно бы было отнимать права и на какую либо собственную особенность въ своей-то Миѳологіи, но Г. Потебня испугался этой угрозы и порѣшилъ проще. «Середою могла быть замѣнена одна изъ двухъ небесныхъ женъ, имѣющихъ отношеніе къ днямъ недѣли, т. е., Пятница, или Недѣля. По крайней мѣрѣ, третьей мы не знаемъ (а двухъ знаемъ?). Но лицо, тождественное, какъ предполагаемъ, съ Недѣлею, представляется не пожилою женщиной (сколькихъ приблизительно лѣтъ?), а дѣвицею. По этому, Середою названа здѣсь скорѣе Пятница (стр. 219)».

Однако же, какъ видѣли, Яга имѣетъ отношеніе и къ смерти; слѣдуетъ открыть что ни будь подходящее и въ Пятницѣ. Дѣйствительно, женщины не мыкаютъ мычекъ и не прядутъ пряжи въ Пятницу изъ уваженія къ усопшимъ родителямъ, чтобы не засорить имъ глаза кострикою.» За этимъ приводятся и Французы, и Нѣмцы, и Раскольники и Старовѣрцы, съ обрѣзываньемъ своихъ ногтей. Но гдѣ же доказательство, что мотивъ, по чему женщины не мыкаютъ мычекъ и не прядутъ пряжи, не есть позднѣйшая фантазія народа? По чему же, дальше, женщины не могутъ уважать Пятницы и не производить этѣхъ работъ ради Св. Параскевы, память которой относится именно ко времени уборки льна? За чѣмъ тутъ еще языческую богиню, и непремѣнно Ягу, какъ, между прочимъ, образъ смерти? Но дѣло вотъ въ чемъ: по чему Г. Потебня, пользующійся очень часто лексиконами, какъ важнѣйшимъ матеріяломъ въ своихъ работахъ, упустилъ изъ виду въ настоя-

щемъ случаѣ какой ни будь лексиконъ Хорутанскій? Увѣряемъ его, что справка съ лексикономъ охладила бы его пристрастное сочувствіе къ Бабѣ-Ягѣ. Тамъ бы онъ увидѣлъ, что Пятница у Хорутанъ называется Живинымъ днемъ. Мы увѣрены, что такой терминъ образовался подъ вліяніемъ Нѣмцевъ; но тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ убѣдительно о пониманіи народомъ Пятницы: это день Живы, богини жизни, а не день смерти, что рѣшается выводить цѣлою лѣстницею догадокъ Г. Потебня.

Благоразумно поступилъ Г. Потебня, что не распространился особенно объ уваженіи Славянами Недѣли (т. е., Воскресенья). Въ самомъ дѣлѣ, это было бы излишне относительно каждаго Христіянскаго народа, который въ этотъ день чтитъ Воскресеніе Спасителя. За то читатель невольно посѣтуетъ на автора за короткость объясненія отношеній между Пятницей и Недѣлей, равно и за быстроту вывода, будто Пятница и Недѣля стоятъ другъ къ другу, какъ мать къ дочери, и при томъ не въ силу какого либо свободнаго и узко мѣстнаго родословія народнаго, а въ слѣдствіе миѳическаго родства, развивавшагося по связи Христіянскихъ терминовъ съ язычествомъ. Но Г. Потебня ни какъ не въ силахъ допустить, что выраженіе Сербское: «Света Петка неделина матка» образовалось въ періодъ Христіянства, очень естественнымъ путемъ, въ силу представленія Пятницы женщиной, при посредствѣ Св. Параскевы; въ его глазахъ, это очевидный фактъ для языческаго родословія, а отсюда готовъ и выводъ: «Пятница есть Яга; Воскресенье (у Нѣмцевъ) есть день солнца, а по тому и Славянская Недѣля есть солнце» (стр. 222). Сопоставленіе кое-гдѣ и кое въ чемъ Среды, Пятницы и Недѣли съ миѳическими существами язычества, выражено уже Г. Буслаевымъ (Истор. Очерк. Рус. Нар. Поэзіи, I, 323 — 324); но общія мысли послѣдняго, съ которыми до извѣстной степени, можно и согласиться, подъ перомъ Г. Потебни приняли самые не дѣйствительные размѣры въ подробностяхъ. Какъ бы то ни было, но не худо ужь опредѣлить и отца солнцу; Индійскій миѳъ, впрочемъ, поможетъ и этому. Въ силу этого миѳа, отцемъ солнца считается Савитаръ; «но кромѣ божества, соотвѣтствующаго Савитару, развившагося изъ него, мы не находимъ другаго мужа для Яги. Изъ всего этого вѣроятно, что отецъ солнца и мужъ

Яги одно лице, и что Яга — мать солнца» (стр. 223). И такъ, въ концѣ второй статьи, мы очутились тамъ же, гдѣ остановились въ концѣ первой, т. е., на происхожденіи солнца; здѣсь только точнѣе опредѣлили богиню тучи, открывши ее въ Ягѣ, да приблизили бадняка къ Индійскому Савитару. Въ концѣ концевъ долженъ быть таковъ выводъ: божичъ, т. е., солнце, есть сынъ бадняка грома, Индійскаго Савитара, и матери тучи, т. е, Яги, жены Савитара. Но вотъ вопросъ: вѣдь божичъ, конечно, мужчина, между тѣмъ какъ Недѣля, соотвѣтствующая ему, въ женскомъ родѣ и предполагаетъ женщину. Надобно отстранить и это неудобство, что, впрочемъ, при богатствѣ и развитости Германской и Индійской Миѳологій, да при свободномъ взглядѣ на матеріялъ Славянскій, не такъ и трудно.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ первой статьѣ мы и видѣли указанія на мужеское существо солнца, то изъ этого вовсе не должно непремѣнно слѣдовать, чтобы солнце не имѣло и женскаго существа. Терминъ Недѣля, очевидно, предполагаетъ его, а Германская и Индійская Миѳологіи подтверждаютъ это: Савитаръ есть отецъ солнца—невѣсты; къ тому же Литовцы сберегли миѳъ о бракѣ мѣсяца (мужчины) и солнца (женщины)—и всякое сомнѣніе должно исчезнуть. Однако же, сомнѣніе возможно, такъ какъ Славянскія данныя до сихъ поръ ни чего не говорили о женственности солнца, и послѣдняя только предполагается на крайне шаткомъ основаніи женскаго рода Недѣля. Г. Потебня, видно, сознавалъ это самъ, и постѣснился слишкомъ уже явно натягивать на Славянъ миѳическую одежду Нѣмцевъ, Индійцевъ и Литовцевъ, а по тому и поспѣшилъ распространяться о другихъ доказательствахъ, будто бы подтверждающихъ женское существо солнца и у первыхъ. Остановимся и на нихъ.

Во первыхъ, авторъ обращается къ самому слову солнце, Ц. Слав. слъньце, и утверждаетъ, «что форма его указываетъ на слънь, откуда нар. посолонь, что женскаго рода»; но гдѣ же доказательства, что предполагаемая тема слънь ро да женскаго? Развѣ она не можетъ съ одинаковымъ правомъ быть и мужескаго, и послѣдняго тѣмъ скорѣе, чѣмъ ближе къ нему средній родъ? Напрасно позволяетъ себѣ авторъ бросаться въ такія уклоненія и допускать при томъ измѣненіе факта (усолонь).

Во вторыхъ, «Коляда рисуется народомъ дѣвицей». Но во а) народъ можетъ, воленъ придать самый разнообразный характеръ и костюмъ колядѣ; во б) изъ приведенныхъ выраженій вовсе не видно, чтобы она была дѣвицей. Да и самъ Г. Потебня говоритъ, что по наряду она представляется женщиной, а мы скажемъ, что женщиной она рисуется по тому, что коляда, чуждаго происхожденія слово, перешло въ Славянскій языкъ въ женскомъ родѣ. Слѣдовательно, здѣсь грамматическая форма имѣла вліяніе на представленіе, а не наоборотъ.

Въ третьихъ, «о женственности солнца свидѣтельствуетъ и насѣкомое солнышко». Но Великор. солнышко, Малор. сонечко, Чеш. sluničko, Словац. verunko, veverunko—всѣ средняго рода. Что же тутъ дѣлать? Г. Потебня бросился на Сербское бабе, и отмѣтилъ, что хотя окончаніе въ этомъ словѣ и *е*, но все таки женскій родъ въ немъ сохранился. Странно, что приходится указывать Г. Потебнѣ на Сербскую грамматику: окончаніе *е* въ Сербскомъ нарѣчіи обыкновенное какъ для мужескаго, такъ и для женскаго рода, особенно для выраженія ласки, нѣжности; мужескаго Раде, Васое, женскаго Ане, Манделе, селе и т. д. Но ежели въ одномъ Сербскомъ нарѣчіи солнышко выражается женскимъ родомъ бабе, то въ Хорутанскомъ оно божій волекъ. И какъ же выводить-то отсюда женскость солнца?

Въ четвертыхъ, «милосердіе болѣе сродно женскому полу; а солнце представляется милосердымъ». Пожалуй; но милосердіе не противорѣчитъ и мужескому полу; приведенныя же свидѣтельства изъ Чешскихъ и Сербскихъ пѣсенъ ни однимъ намекомъ не говорятъ о женственности (стр. 225). Правда, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ солнце является символомъ хозяйки, а мѣсяцъ—хозяина. Но неуже ли же народъ не можетъ, въ данномъ случаѣ, дѣлать сравненія свободно, подъ вліяніемъ специяльныхъ впечатлѣній, внѣ зависимости отъ миѳовъ? Вѣдь сравниваетъ же онъ солнце съ быкомъ (см. стр. 26), съ короваемъ, который, по Г. Потебнѣ, есть женихъ, слѣдовательно мужчина (стр. 53 — 55)? Въ свою очередь, Болгары, не задумываясь, сопоставляютъ луну съ коровой, которую доятъ магесницы (стр. 290). Но мы не прочь допустить и вліяніе Литовскаго повѣрья, въ силу котораго солнце есть жена мѣсяца, хотя и ни какъ не въ силахъ согласиться, что-

бы такое вѣрованіе было кореннымъ. Г. Потебня, на его основаніи, положительно, однако же, увѣряетъ, что

Въ пятыхъ, «мѣсяцъ и въ языкѣ и въ пѣсняхъ представляется только мужчиной, и указываетъ на Славянское мѣсяць, Скр. чандрамас, Лит menů, Сканд. mâni. Исключенія, прибавляетъ онъ, незначительны» (прим. 282). Позволимъ себѣ остановиться. Въ Греческомъ языкѣ мѣсяцъ имѣетъ, какъ извѣстно, особое названіе, и женскаго рода, σελήνη, въ Латинскомъ точно также, luna; отсюда, во всемъ огромномъ Пеласгическомъ племени мѣсяцъ является женщиной, — и это, по рѣшенію Г. Потебни, незначительное исключеніе! Но этого мало. Какъ можно пропустить Греческое и Латинское выраженія и не вникнуть пристальнѣе въ коренное значеніе терминовъ Скр., Слав. и Германскаго языковъ? Ежели первыя указали бы ему прямо на дѣйствительную миѳичность, то послѣднія представили бы просто техническій терминъ, не болѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, названія: мѣсяць, menů, mânu, не имѣемъ мы вовсе права относить къ кореннымъ названіямъ миѳическимъ. Значеніе этихъ выраженій основано на позднѣйшемъ, сравнительно, свойствѣ мѣсяца—измѣрять время, отъ ma—metiri, мѣрять. Вотъ по чему, и Греческое μήν, и Лат. mensis, употребляются какъ термины опредѣленнаго пространства времени. И ежели у Грековъ и у Римлянъ сбереглось особое миѳическое выраженіе для мѣсяца, мы смѣло можемъ предполагать, что оно было и у другихъ народовъ Арійскихъ, и только вытѣснено со временемъ техническимъ терминомъ, заимствовавшимъ свой смыслъ отъ мѣсяца, какъ предмета измѣряющаго, опредѣляющаго время. Санскритское чандрамас идетъ сюда же, по отсутствіи въ немъ миѳичности въ значеніи; оно значитъ: измѣряющій свѣтъ, или свѣтило измѣряющее. Мы поражены рѣшимостью Г. Потебни дѣлать заключеніе, отъ Польскаго księżyc къ словопроизводству чандрамас, отъ раджа: читатель въ такомъ производствѣ, противъ воли, вынужденъ видѣть сильную долю чаромутья. Чанд, чад, значитъ свѣтить; чанда и чандра являются и въ простомъ видѣ, въ смыслѣ мѣсяца. Славянское мѣсяць и Лит. menů (menesio), быть можетъ, черезъ Латинское mensis, происходятъ отъ того же корня ma. Древ-

ніе Арійцы, всѣ безъ исключенія, имѣли мѣсяцы лунные и счетъ времени производили по ночамъ (Pictet, Les origines Inpoeuropéenes, Part. 2, 1863, pag. 588). Литовцы сохраняли этотъ счетъ долгое время и въ историческую пору, въ чемъ можно убѣдиться, прочитавши статью Г. Гусева (Древній Литовскій календарь, V томъ «Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества»).

На оборотъ, и самое солнце явилось въ женскомъ родѣ только въ Литовскомъ да въ позднемъ Германскомъ; мужескаго рода оно не только въ Пеласгическомъ племени, но и въ Германскомъ Древнемъ и въ Санскритѣ (Греч. ἥλιος, Лат. sol, Гот. sanil—все мужескіе роды. Совѣтуемъ Г. Потебнѣ прочесть 668—669 страницы указаннаго выше сочиненія Пикте; тамъ онъ увидитъ, что выраженія Нѣмецкія для солнца, въ женскомъ родѣ, обязаны просто порчѣ языка. Излишне отважно и утвержденіе автора, что Скр. сûрjâ есть солнце. Санскритское сур, сура и сûрjа,— господствующіе термины для солнца, какъ свѣтила, исключительно мужескаго рода. Что же касается до сûрjâ Г. Потебни, какъ невѣсты Савитара, то это послѣдствіе лишь дальнѣйшаго развѣтвленія миѳа, и не является въ значеніи солнца. А для убѣжденія болѣе прочнаго, что и самъ Савитаръ есть богъ солнца, солнце, слѣд., тоже мужчина, совѣтуемъ пробѣжать § 388 сочиненія Пикте. Языкъ, такимъ образомъ, приводитъ насъ къ обратному заключенію, что солнце — мужчина, а мѣсяцъ — женщина; что претвориться мѣсяцъ въ мужчину могъ въ послѣдствіи, когда онъ сдѣлался измѣрителемъ времени; что тогда истребилось изъ памяти и миѳическое выраженіе для него, уцѣлѣвшее у Грековъ и Римлянъ. Какъ путается авторъ самъ съ собою, и какъ рѣшаетъ онъ произвольно, вопреки даже предвзятой своей системѣ, видно изъ слѣдующаго. Утверждая, что въ пѣсенномъ выраженіи Малор. «мѣсяць перекрой» заключается указаніе на его раздробленіе, согласно Литовскому повѣрью, за невѣрность женѣ (солнцу), Г. Потебня прибавляетъ, что «сравненіе, въ которомъ встрѣтилъ онъ это названіе, очевидно позднее (!!), безъ соблюденія грамматическаго рода» (стр. 228—229). Какое же это сравненіе? Весьма неудобное для Г. Потебни: мѣсяцъ сравнивается ни болѣе, ни менѣе, какъ съ дѣвицей. А между тѣмъ, подобныя сравненія служатъ для автора вообще самымъ прочнымъ основаніемъ для выводовъ; на

нихъ основано и все сочиненіе «О нѣкоторыхъ символахъ въ Славянской поэзіи.» Но здѣсь онъ отстранилъ его прочь, по тому, что необходимо вытянуть мѣсяцъ въ мужья солнцу, чтобы тѣмъ самымъ сдѣлать солнце женщиной.

Въ шестыхъ, «бракъ мѣсяца и солнца доказывается Сербскою пѣснью» (229—230). Но въ пѣсни говорится лишь о служеніи дѣвицы солнцу и мѣсяцу; о взаимныхъ же отношеніяхъ ихъ нѣтъ и помину. Авторъ ухватился и за другую Сербскую пѣсню, но и въ ней дѣло идетъ о Божьей Матери, которая вовсе не нуждается въ возведеніи въ миѳъ.

И такъ, сводя все къ общему итогу относительно родословія Яги и солнца, что же видимъ? Что это оригинальное родословіе выведено единствено изъ женскаго рода Пятница и Недѣля, изъ предположенія, что Пятница замѣняетъ языческую богиню, а Недѣля заключаетъ въ себѣ идею солнца; что эта идея, въ настоящемъ случаѣ, указываетъ на женскую природу солнца, объясняемую неудачнымъ вдавленіемъ миѳическаго вѣрованія Литовцевъ въ Славянской Миѳологіи и несоотвѣтственными въ наукѣ натяжками, при толкованіи смысла въ выраженіяхъ для мѣсяца и солнца.

Въ третьей статьѣ, носящей заглавіе: «Змѣй, Волкъ, Вѣдьма», находится гораздо менѣе общихъ выводовъ и больше частныхъ заключеній, изъ непосредственно предложенныхъ фактовъ. Вотъ, по чему, и мы остановимся на ней короче, отдавши полную справедливость автору, что концемъ своего изслѣдованія онъ заготовилъ подробный матеріалъ для критической его обработки. Миѳическое значеніе упомянутыхъ въ оглавленіи понятій болѣе, менѣе уже опредѣлено; Г. Потебня, говоря вообще, не возстаетъ противъ такого опредѣленія, а по тому мы и коснемся тѣхъ частныхъ объясненій, которыя кажутся намъ или неточными, или сомнительными, или прямо невѣрными.

Г. Потебня начинаетъ третью статью отъ заявленья: а) ошибки тѣхъ, кто считаетъ змѣя за громовое божество; б) отъ доказательствъ связи змѣя съ водою. Въ томъ и другомъ случаѣ мы

согласны съ авторомъ, но не можемъ не замѣтить, что, съ одной стороны, отождествленіе змѣя съ богомъ грома встрѣчается и въ книгѣ Г. Потебни: такъ, на стр. 236, авторъ прямо утверждаетъ борьбу громоваго бога змѣя, отождествляя ее съ враждою солнца и змѣя, хотя, на стр. 303, змѣй, напротивъ, представляется враждебнымъ громовому божеству; съ другой стороны, указанныя доказательства связи змѣя съ водою, какъ ни очевидна она вообще, крайне неубѣдительны въ разсматриваемомъ сочиненіи. Г. Потебня доказываетъ ее, во первыхъ, Словацкою сказкою; но самъ же онъ говоритъ объ этой сказкѣ, что она, можетъ быть, не народная и только не дурно выдуманная; во вторыхъ, Сербскимъ повѣрьемъ объ алѣ (т. е., змѣѣ), что она «има особиту духовну силу, те лети и води облаке и градъ наводи на лѣтину». Любопытно знать, что разумѣетъ авторъ подъ «води облаке»; изъ разбивки, которой напечатаны два эти слова, можно догадываться, что онъ понимаетъ ихъ въ смыслѣ «водныхъ облаковъ.» Но «води,» въ данномъ случаѣ, не имѣетъ ни чего общаго съ водою, и есть глаголъ «водити,» а, слѣдовательно, и нѣтъ очевидной связи алы съ водою. Что касается, въ третьихъ, до Сербскаго же выраженія «ало несита,» то эпитетъ «неситъ» относится вообще къ ѣдѣ.

Отождествленіе змѣя съ облачнымъ существомъ ведетъ автора къ сближенію его съ бочкой, сосудомъ (237—38). Оправданіе находитъ онъ въ Греческомъ и Индійскомъ миѳахъ, а также въ представленіи Нѣмецкой Гольды. Но развитая Греческая и Индійская Миѳологія, полагаемъ, только тогда даетъ право на доказательство изъ нея, когда близость къ ней Славянскаго миѳа подтверждается, по крайней мѣрѣ, въ общихъ главныхъ чертахъ; а между тѣмъ, отношеніе Греческаго Кааноа или Индійскаго Кабандга къ нашему змѣю,—дѣло вовсе не рѣшенное ни кѣмъ, и Г. Потебня позволяетъ себѣ только предполагать его. Что же касается до представленія Нѣмецкой Гольды, то сомнѣніе въ сближеніи ея съ змѣемъ еще положительнѣе; самъ авторъ отрицаетъ его, и только хватается за облачное происхожденіе Гольды. Но характеръ ея, какъ мы видѣли, противоположенъ змѣю, какъ свѣтъ противоположенъ мраку, и было бы нелогично выводить ту, или другую, характеристичную черту въ змѣѣ, совершенно темную и

въ немъ вовсе не видную, отъ качествъ инаго, совершенно противоположнаго, существа. Русскія же выраженія: «дождь какъ изъ ведра,» или: «иди дощику... цебромъ, ведромъ, дойницею!» скорѣе предлагаютъ простое уподобленіе и вовсе не говорятъ о представленіи змѣя, какъ тучи, сосудомъ, или бочкой.

На стр. 238, въ заключеніе разбора Сербской сказки о змѣѣ-Троянѣ, Г. Потебня позволяетъ себѣ сдѣлать догадку, что змѣй врагъ носитъ имя историческаго врага (кому?) Императора Траяна, и основывается на томъ, что и Діоклитіянъ въ Задунайскихъ повѣрьяхъ представляется змѣемъ или, по позднѣйшему пониманію, чортомъ. Смѣемъ думать, что основаніе объ историчности Траяна слишкомъ шаткое, и напрасно авторъ не отнесся внимательнѣе къ прекрасному объясненію этой сказки, равно и имени Траяна, Г. Буслаевымъ, позволившимъ себѣ, и вполнѣ справедливо, видѣть въ немъ характеръ исключительно миѳическій, безъ всякаго отношенія къ Римскому Императору. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Траяна и Діоклитіяна въ мірѣ Юго-Славянскомъ такъ различно, что едва ли можетъ быть право дѣлать заключеніе отъ одного къ другому. Діоклитіянъ жилъ позже, происходилъ изъ стороны, весьма вѣроятно, и въ его время имѣвшей уже народонаселеніе Славянское, именно изъ Далмаціи; область, названная по его имени, Діоклея, Дукля, сдѣлалась областью Славянскою, сохранилось въ ней не мало и вещественныхъ памятниковъ, прямо напоминающихъ о Діоклитіянѣ, и преданья, слѣдовательно, о немъ у Славянъ могли переходить непосредственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Между тѣмъ Траянъ, какъ личность историческая, является отрѣшеннымъ отъ Славянъ, и развѣ одинъ терминъ «Траяновъ валъ» въ состояніи былъ пропустить въ народную словесность имя его, но опять уже не какъ лица историческаго.

Разборъ сказокъ (отъ 241 до 274 стр.), изображающихъ борьбу богатырей со змѣемъ, изъ за украденныхъ послѣднимъ Царевенъ, важенъ въ томъ отношеніи, что онъ еще яснѣе подтверждаетъ наше заключеніе о сказкахъ о такъ называемыхъ бабиныхъ дочеряхъ и о пасеньи бабиныхъ кобылъ. Намъ кажется только, что авторъ совершенно напрасно отдѣлилъ другъ отъ друга оба рода сказокъ, по тому что, и по его воззрѣнію, они выражаютъ одно и то же, и точно также относятся къ Бабѣ-Ягѣ,

только смѣненной змѣемъ, который, однако же, совершенно справедливо отождествленъ и Г. Потебней съ Бабой-Ягой. Въ этѣхъ сказкахъ гораздо уже положительнѣе отрицается родственная связь Царевенъ съ Ягою и нагляднѣе изображается враждебность ихъ къ ней, какъ къ насильственно задерживающей ихъ у себя; въ свою очередь, рѣшительнѣе высказывается и значеніе ихъ относительно солнца и богатырей, замѣняющихъ громовую силу, поражающую змѣя или Ягу, въ борьбѣ за Царевенъ. Онѣ въ сказкахъ, мнимыя дочери Яги, представляются прямо похищенными змѣемъ; ихъ надобно освободить, и въ этомъ освобожденіи онѣ сами принимаютъ живое участіе. Такъ, Сученко освобождаетъ Царевенъ (256); Локтибрада показываетъ путь къ Царевнамъ, унесеннымъ змѣями (257); богатырь убиваетъ змѣя и освобождаетъ похищенныхъ имъ Царевенъ (264); Голикъ освобождаетъ Царевну отъ змѣя (266); по этому же самому дѣдъ (приравненный Г. Потебнею къ Бабѣ-Ягѣ), осиленный Сученкомъ, откупается отъ него чудесными конями, которые выносятъ Сученка на свѣтъ. Кони же соотвѣтствуютъ богу свѣта (стр. 256) и вполнѣ естественно могутъ замѣнить собою Царевенъ другихъ сказокъ, по тому что миѳъ о богѣ-свѣтѣ, по отношенью къ врагу-змѣю, не раздѣленъ отъ дѣвицы съ символическимъ оплодотвореніемъ въ видѣ дождя, задерживаемымъ змѣемъ. Вотъ по чему змѣй, похищая Царевенъ, похищаетъ и коня съ солнцемъ на лбу, отъ чего настаетъ тьма, зима (258). Прозрачность и убѣдительность этѣхъ сказокъ побудили Г. Потебню, при равенствѣ змѣя Ягѣ, сдѣлать такое заключеніе: «Яга есть грозная богиня зимы; ея отношенія къ дочерямъ (?) дѣвицамъ (водамъ, быть можетъ, солнцу дѣвицѣ) и ихъ освободителю, враждебны, какъ и отношенія змѣя (стр. 254)». Устранивши понятіе о дочеряхъ, и мы ничего не можемъ сказать противъ такого заключенія. Но Г. Потебня выше уже порѣшилъ о двойственномъ характерѣ Яги; надобно поддержать ему прежній выводъ, и тутъ, какъ ни очевидна его несостоятельность, и вотъ онъ утверждаетъ, что «Яга первоначально тождественна съ тѣми красавицами, которыхъ освобождаетъ богатырь отъ змѣя, и только съ теченіемъ времени, съ перемѣной климата прародины Славянъ на теперешній суровый, она стала грозною богинею зимы (тамъ же).» Предположеніе, лишенное всякихъ основаній въ Славянскихъ миѳахъ и ни чѣмъ не оправдываемое въ Миѳологіи

родственныхъ народовъ. Яга, какъ змѣй, туча, является только врагомъ свѣту, равно и его дѣвицамъ, изображающимъ невѣсть, и какъ же можетъ быть она сама этой дѣвицей, или невѣстой? напротивъ, существенная черта ея враждебность, выражающаяся въ похищеніи этѣхъ дѣвицъ. Въ такомъ только видѣ является змѣй и въ миѳическихъ представленіяхъ другихъ народовъ, и намъ рѣшительно непонятно, какое значеніе можетъ тутъ имѣть перемѣна климата. «Сколько извѣстно, говоритъ Г. Потебня, туча всегда представлялась обителью душъ; но туча-Яга-смерть, отождествившись съ зимою, измѣнила, конечно, характеръ къ худшему (стр. 254—55)». Представленье тучи обителью душъ не доказано ни чѣмъ въ Славянской Миѳологіи; приравненіе же тучи къ зимѣ есть явная натяжка автора: зима есть только время силы и господства существа, враждебнаго солнцу, и это одинаково относится какъ къ Славянамъ, такъ и къ другимъ народамъ Арійскимъ, хотя бы качества зимы и были у нихъ не одинаковы.

Нельзя согласиться и съ пониманіемъ автора сказочныхъ богатырей. Сопоставляя ихъ съ Индромъ, что считаемъ основательнымъ, онъ ставитъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ сыновное отношеніе къ Бабѣ-Ягѣ, чего рѣшительно не возможно допустить по тѣмъ соображеніямъ объ отношеніи свѣта къ тучѣ, змѣю, какія выражены нами ваше. Да и чѣмъ доказывается въ разсматриваемомъ разсужденіи сыновность богатырей относительно Яги? Тѣмъ же шаткимъ и оригинальнымъ способомъ, посредствомъ какого выводится родство и тождество сороки, вороны и т. д. съ Ягой. Такъ, богатыри рождаются отъ съѣденнаго куска рыбы; иногда рыба эта въ сказкахъ называется щукой, которая, по предположенію Г. Потебни, вѣроятно, одинъ изъ образовъ Яги-тучи. Отсюда, Иванъ Кобылинъ есть Индръ, сынъ небесныхъ водъ, т. е., Яги (стр. 244). Но какъ богатырь не Кобылинъ только, а и Сучичъ, Быковичъ, Кошкинъ, Котигорошекъ, то отыскивается и ихъ сближеніе съ Индромъ и происхожденіе отъ той же Яги. Громовое свойство Быковича доказывается, въ глазахъ автора, тѣмъ, что туча представляется коровою, а рожденный ею Индръ—быкомъ; къ сожалѣнію, на все это нѣтъ ни малѣйшаго подтвержденія въ Славянской Миѳологіи. Кошкинъ ставится въ связь съ Ягою потому, что кошка есть образъ Яги; но и это отношеніе кошки къ

Ягѣ, какъ замѣчено нами, обязано больше личному взгляду автора; Сучичъ объясняется вѣтромъ, который представляется, въ Индійской Миѳологіи, охотничьей собакой Индра. Не говоря уже о томъ, что столь разнообразная предметами Миѳологія Индійская, связавшая ихъ въ одну систему въ теченіи многихъ вѣковъ, большею частью внѣ совмѣстной жизни Арійцевъ, способна по тому самому указать всегда на какое-либо сходство съ мелочными фактами Славянскихъ повѣрій, суевѣрій и терминовъ, возникшихъ совершенно другимъ путемъ, мы замѣтимъ одно, что въ такомъ случаѣ Сучичъ скорѣе бы указывалъ на вѣтеръ, нежели на тучу; но для Г. Потебни достаточно названія Сучичъ и вѣроятнаго отношенія его къ Индру, чтобы заключить о представленіи тучи сукой (стр. 245). Еще натянутое сужденіе о Котигорошкѣ. Этимъ именемъ, рѣшаетъ Г. Потебня, указывается на Перуна, ибо (!?) у Нѣмцевъ горохъ посвященъ Тору-Донару. Для большей убѣдительности, онъ усиливается сблизить горохъ съ Четвергомъ, какъ днемъ, посвященнымъ у тѣхъ же Нѣмцевъ Тору, и въ подтвержденіе приводитъ Чешское повѣрье, въ силу котораго слѣдуетъ сѣять горохъ въ Зеленый Четвергъ. Но во а) доказывать схоство съ Нѣмецкимъ обычаемъ, или вѣрованіемъ у Славянъ посредствомъ Чеховъ однихъ, довольно поспѣшно, такъ какъ нельзя почесть не основательнымъ подозрѣніе, не перешло ли то или другое повѣрье къ Чехамъ отъ Нѣмцевъ, а о другихъ Славянахъ авторъ не говоритъ ни одного звука; во б) къ одному ли гороху относится повѣрье, касательно Зеленаго Четверга, и въ в) не скорѣе ли относится связь гороха къ эпитету «зеленый», чѣмъ къ Четвергу. Наконецъ, Славянская Миѳологія ни чѣмъ не указываетъ на посвященіе Четверга Перуну, подобно Нѣмцамъ. Кромѣ того, если у послѣднихъ горохъ напоминаетъ своимъ видомъ объ оружіи Тора, представлявшимся шаромъ, то Славянская стрѣла, оружіе Перуна, не предлагаетъ сходства съ горохомъ. Между тѣмъ Г. Потебня смѣло дѣлаетъ выводъ: «рожденный отъ горошины долженъ быть сынъ громоваго божества» (стр. 245).

На стр. 249, овцы, на ряду съ коровами, являются изображающими собою въ сказкахъ облако. Что облака, дѣйствительно, представляются въ видѣ коровъ, — это такъ; но чтобы то же значеніе имѣли и овцы, сомнительно. И самъ Г. Потебня, на стр.

290, утверждаетъ, что коровы изображаютъ облака, а овцы — звѣзды.

Опуская подробности объ отношеніи змѣя къ женщинамъ и о плотской любви перваго къ послѣдней, равно и о родствѣ молока съ кровью (стр. 274—277); не останавливаясь и на понятіи автора о принесеніи богатства змѣемъ, изъ чего онъ, конечно, заключаетъ о двойственности и змѣя, какъ тождественнаго съ Ягою, (стр. 277), и что достаточно опровергнуто нами выше, выскажемъ замѣчаніе на мнѣніе Г. Потебни о вѣдьмѣ.

На стр. 257—288, онъ увerждаетъ, что характеръ вѣдьмы, зловредный для человѣка, обязанъ не Христіянскому вліянію; что она демоническое существо и до Христіянства. Едва ли безъ ограниченій можно согласиться съ этимъ. Вѣдьма, вѣдунъ, вѣщій, знахарь—слова, не заключающія въ себѣ ни чего дурнаго; не стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ добрымъ характеромъ и нынѣшнее народное понятіе о вѣдьмѣ и знахарѣ. И вѣдьма до Христіянства не только могла, но и должна была, по коренному смыслу своего названія, имѣть доброе значеніе. И если было до Христіянства миѳическое существо со свойствами нынѣшней вѣдьмы, то едва ли справедливо сомнѣваться, что оно носило и другое названіе. Г. Потебнѣ очевидно, не легко согласиться съ этимъ: связавши и вѣдьму съ Ягой, онъ точно также и въ первой не хочетъ допускать единичности въ основномъ характерѣ, какъ отвергаетъ ее въ Ягѣ, ежели вліяніемъ Христіянства объясняютъ дурной смыслъ нынѣшней вѣдьмы, тѣмъ самымъ утверждая противоположное ея свойство въ основаніи, до Христіянства, то Г. Потебнѣ слѣдуетъ возстать противъ этого. Но мы скажемъ его словами съ нѣкоторыми дополненіями, что изъ нынѣшней перепутанности и смѣшанности въ суевѣріяхъ, безъ положительныхъ извѣстій (особенно историческихъ), только по всѣмъ вѣроятнымъ заключеніямъ, (которыя могутъ быть крайне субъективны), нельзя выводить свойствъ въ дохристіянскую пору. Большее или меньшее согласіе, въ этомъ случаѣ, Славянъ доказывать не можетъ многаго: съ Христіянствомъ всѣ они должны были отнестись къ языческой мудрости враждебно, и что же удивительнаго, если, независимо даже другъ отъ друга, пріурочили вѣдьмѣ свойства, отобранныя отъ другихъ, уже забывавшихся, существъ? Это тѣмъ вѣроятнѣе, что важ-

нѣйшія божества потеряли съ Христіянствомъ тотчасъ же, или очень скоро, свой прежній вѣсъ, и изъ свѣтлыхъ превратились въ нечистыхъ. Вѣдьмы и вѣдуны, какъ знахари, чародѣи, стоявшіе по срединѣ между языческою религіей и обыденною жизнью, сохранили дольше свое прежнее значеніе и при новой вѣрѣ.

При воззрѣніи на вѣдьму, какъ на существо двойственнаго характера, и злое и доброе, не удивительно столкнуться и съ пороДненьемъ ея, съ Гольдою, тѣмъ больше, что сходство указано Гриммомъ. Но сходство, въ нѣкоторыхъ чертахъ, не обусловливаетъ тождества лицъ, которыя и при немъ могутъ быть существенно различны. Правда, Гольда разрѣзываетъ животъ у мужчинъ, но дѣлаетъ это въ наказанье за несоблюденіе поста, оставаясь все таки благодѣтельницею и покровительницею человѣка; вѣдьма же съѣдаетъ сердце, по своей враждебности къ человѣку. Но Г. Потебня совершенно успокоивается на этомъ сходствѣ, при своемъ отождествленіи, и даже прибѣгаетъ къ доказательствамъ, что и самое сердце у Славянъ значитъ то же, что желудокъ, чѣмъ, по видимому, еще болѣе скрѣпляетъ тождество. Говоримъ по видимому, по тому что нельзя же серьезно признавать синономичность сердца и желудка на основаніи слѣдующихъ выраженій: Малор. «на ще серце, на тощій желудокъ, Серб. «слабъ на срцу», кого слабитъ; «срце боли», о страданіяхъ беременной (стр. 294).

Автору надобно сблизить вѣдьму и змѣя, такъ какъ задачею его въ третьей части служитъ именно сближеніе волка, змѣя и вѣдьмы. Но змѣй представляется прелюбодѣемъ; слѣдуетъ то же отыскать и въ вѣдьмѣ; известій, однако же, нѣтъ, и Г. Потебня восполняетъ ихъ данными Нѣмецкими о марѣ и Велико-Русскими о шутовкѣ. Но во а) развѣ Нѣмецкія повѣрья о марѣ, если даже и допустить ея родство съ нашей вѣдьмой, могутъ всецѣло быть относимы къ послѣдней? Г. Потебня, видимо, самъ былъ не вполнѣ удовлетворенъ этимъ способомъ доказательствъ и, въ примѣчаніи, обратился опять къ вѣдьмѣ, стараясь отыскать въ ней что ни будь подходящее къ плотской любви; тутъ остановился отъ на ѣздѣ вѣдьмъ на людяхъ и предположилъ, что «можетъ быть, эта ѣзда имѣетъ значеніе плотской любви,» и, для убѣдительности, указываетъ на подобный переходъ мысли въ пѣ-

сняхъ и пословицахъ. Но приведенныя при этомъ два Сербскія выраженія: «Седланъ конь не може бити као не седланъ: и жена ни улицу не може бити као девойка», рѣшительно не даютъ и тѣни права признавать въ нихъ переходъ мысли отъ ѣзды къ плотской любви. И тѣмъ не менѣе, на такомъ-то основаніи Г. Потебня заключаетъ, что, стало быть, первообразъ вѣдьмы—мужское существо, incubus, а не succubus. Если же это такъ, скажемъ мы, то не возможно и заключать о вѣдьмѣ отъ Нѣмецкой мары, которая непремѣнно женщина (стр. 298). Во б) что касается до Уральской шутовки, то гдѣ же положителкныя свидѣтельства, что она тождественна съ вѣдьмой? Даже изъ опредѣленныхъ самимъ Г. Потебнею (стр. 299) вовсе это не видно; характеръ ея несравненно чище вѣдьмы и преисполненъ веселости; даже бракъ ея съ человѣкомъ сопровождается миромъ и семействомъ, если соблюдены условія, — а о змѣѣ, съ которымъ хочетъ сопоставить авторъ посредствомъ шутовки вѣдьму, самъ же онъ говоритъ (стр 277), что змѣй истощаетъ, но не оплодотворяетъ. Но рядомъ съ шутовкою стоитъ въ повѣрьяхъ и шутъ; понятно, Г. Потебнѣ это очень непріятно, и, вотъ, какъ выше изъ дѣда, заключилъ онъ о позднѣйшемъ раздвоеніи бабы, такъ тутъ (стр. 300) объявляетъ рѣшительно: «очевидно (?), шутъ есть позднѣйшее дополненіе къ шутовкѣ». По чему же это? Вѣдь различіе половъ принадлежитъ самымъ древнѣйшимъ, основнымъ миѳамъ.

Сгруппировавши всѣ миѳическія существа вокругъ Рождественскаго праздника, связавши коренныя свойства ихъ съ рожденіемъ бога-солнца, а черезъ это съ бракомъ и похоронами, Г. Потебня, естественно, старается доказать, въ заключеніи, что и сближенные имъ волкъ, змѣй, вѣдьма, мара имѣютъ, хотя не исключительное, но болѣе замѣтное, отношеніе, къ Рождественскимъ праздникамъ. Смѣло полагаемъ, что такой выводъ обязанъ единственно напередъ задуманной систематизаціи и тому увлеченію, которое стремится къ данной точкѣ, не замѣчая, что находится на право и на лѣво. Мы увѣрены, что если бы Г. Потебня вникнулъ серьезнѣе въ значеніе солнечныхъ празднествъ вообще у Славянъ языческихъ, то отыскалъ бы всѣ обряды и повѣрья доселѣ пріуроченными въ народѣ Славянскомъ ко всѣмъ временамъ главнѣйшихъ солнечныхъ поворотовъ, въ равноденствіе и

солнцестояніе, осенью, весною, лѣтомъ и зимою. Что въ послѣднюю пору они замѣтнѣе, живѣе, то это объясняется, очевидно, большею свободою народа, въ слѣдствіе совпаденья праздника языческаго съ продолжительнымъ праздникомъ Христіянскимъ. Впрочемъ, и изъ разсужденія самого Г. Потебни видна несостоятельность такого заключенія. Относительно волка, онъ уже говоритъ, что и въ другое время не слѣдуетъ называть его по имени; а на стр. 302, — что люди оборачиваются въ волковъ на Рождество и на Купала; вѣдьмъ узнаютъ подъ Рождество, замѣчаетъ Г. Потебня; но, по его же указанью, узнаютъ ихъ и подъ Благовѣщенье (стр. 305). Доказательство, предложенное изъ Чешскаго повѣрья (303), не говоритъ прямо о вѣдьмѣ; что же до Мр. повѣрья (304), то оно свидѣтельствуетъ, напротивъ, объ обыденности вѣдьмъ. Этого мало: по повѣрью Сербскому, вѣдьмы ѣдятъ людей и передъ Филипповкой, а у Чеховъ въ Маѣ мѣсяцѣ (307). Г. Потебня до того увлекся желаніемъ пріурочить преимущественно къ Рождеству вѣдьму, что даже допустилъ и непростительную ошибку. Дѣйствительно, на стр. 303, въ началѣ, приводя слѣдующее Чешское повѣрье: «Kdo v jitřni sedí, nebo klečí na stolićce, z devatera dřiví stesané, pozná všecky čarodějky, jež jsou v kostele, stoit' zady obrácene k oltaři», онъ, при словѣ «jitřni» поставилъ въ скобкахъ на «Рождество». Но jitřně никогда не значитъ Рождество, а просто заутреня, утренняя служба; если же утро и связывается у Славянъ съ солнечнымъ праздникомъ, то только съ Пасхой, какъ у Лужичанъ jutry,-ov, значитъ праздникъ Христова Воскресенья, Пасха. Мы не говоримъ уже о томъ, логично ли уничтожать всякое различіе между магесницей, чародѣйкой и вѣдьмой, и подъ чародѣйкой, въ данномъ повѣрьи Чешскомъ, непремѣнно видѣть вѣдьму. Что касается до змѣя, то нѣтъ надобности и доказывать несомнѣнной истины, что суевѣрія, связанныя съ нимъ, проходятъ черезъ цѣлый годъ, и трудно, да и напрасно, рѣшать, когда именно они преобладаютъ особенно. О томъ, что будто бы и мара съ шутихой преимущественно участвуютъ въ Рождественскихъ праздникахъ, нашелъ затруднительнымъ представлять доказательство и самъ Г. Потебня.

Но довольно. Если бы мы вздумали останавливаться на всѣхъ частностяхъ, взглядъ на которыя автора предлагаетъ или со-

мнѣнье, или натяжку, или шаткость, или же очевидную неправильность, то намъ пришлось бы удвоить свои замѣчанія, вышедшія и безъ того слишкомъ пространными. Къ тому же, и сказаннаго, надѣемся, достаточно, чтобы уяснить направленіе автора въ Миѳологическихъ изслѣдованіяхъ, которое такъ замѣтно уклоняется отъ требованій положительной науки. И изъ представленныхъ замѣчаній видно, что Г. Потебня придаетъ слишкомъ много значенія случайному сходству и слишкомъ мало, въ свою очередь, обращаетъ вниманія на специяльныя условія народа, неизбѣжно вліявшія какъ на физическую его сторону, такъ и на нравственную, а, слѣдовательно, и на миѳическія воззрѣнія. Составленная отвлеченно, или на подражаніи Нѣмцамъ и Индійцамъ, идея служитъ для него надежнѣйшимъ руководителемъ и регуляторомъ при обозрѣніи разнообразныхъ и перепутанныхъ суевѣрій и обрядовъ Славянскихъ, изъ которыхъ естественно выбираетъ онъ то, что подходитъ къ предвзятой идеѣ, и такъ, чтобы не нарушалась образовавшаяся изъ нея картина. Отсюда, оставленіе въ сторонѣ того, что въ состояніи было бы видоизмѣнить такую картину и субъективное объясненіе того, что опущено быть не можетъ и что, однако же, при правильномъ взглядѣ на дѣло и при строго научномъ пониманіи факта, становится въ противорѣчіе съ идеей. При такомъ направленіи, конечно, очень не трудно сложить самую живую и увлекательную систему Миѳологіи; но она будетъ стоять внѣ науки, которая не перестанетъ идти своимъ путемъ, строгимъ и точнымъ, хотя и болѣе медленнымъ, за то несомнѣнно прочнѣйшимъ, и съумѣетъ добиться до итоговъ дѣйствительныхъ, а не фантастическихъ. Наука же эта твердитъ и теперь о томъ, какъ опрометчиво и опасно восходить исключительно по современнымъ подробностямъ въ повѣрьяхъ къ первоначальнымъ миѳамъ; она съ положительностью свидѣтельствуетъ, что общее миѳическое положеніе способно развѣтвляться и обусловливаться до безграничности въ самобытномъ развитіи каждаго отдѣльнаго народа. Такъ, на примѣръ, общее положеніе относительно водъ въ Ригведѣ, гдѣ онѣ признаются матерями, божественными, заключающими въ себѣ не только амврозію, но и цѣлительныя лѣкарства; ихъ испрашиваютъ въ Индіи не только для здоровья тѣла, но и для очищенія души отъ грѣховъ; въ Эддѣ встрѣчаемъ уже цѣлительность эту, ограниченную условіемъ черпанья воды въ полночь,

или передъ восходомъ солнца (Pictet, 681 — 682), и было бы неизвинительнымъ скачкомъ ухватиться именно за это ограничивающее условіе и его сдѣлать исходною точкою для выводовъ общаго миѳа.

Миѳологія обнимаетъ собою все, что относится до жизни боговъ и ихъ отношеній къ человѣку: Теогонію, Космогонію, управленіе міромъ, происхожденіе народовъ, ихъ постановленія гражданскія, религіозную нравственность; слѣдовательно, «отсюда можно понять, замѣчаетъ Пикте, до какой степени долженъ отпечатлѣться народный духъ на каждой Миѳологіи, и какъ она должна подвергаться разнообразнымъ видоизмѣненіямъ. Здѣсь причина столь характеристическихъ отличій ея у народовъ Арійскихъ, развивавшихся по различнымъ направленіямъ. Отъ перваго момента раздѣленія ихъ, общая основа преданій разнообразилась непрерывно; миѳы громоздились на миѳы, и возникли новыя формы выраженія съ роскошнымъ богатствомъ у Индійцевъ, съ поэтическимъ множествомъ у Грековъ, и съ характеромъ мрачнаго величія у Скандинавовъ. Здѣсь причина столь труднаго отысканія основныхъ началъ среди элементовъ на столько же удобоподвижнаго свойства, какъ воображеніе, которое ихъ производитъ. Съ другой стороны, выдержанность извѣстныхъ миѳовъ, вопреки всѣмъ превращеніямъ, не подлежитъ сомнѣнію, и не безъ удивленія можно встрѣтить то, или иное, сказаніе Ведъ, сохраненное въ какой-либо сказкѣ Нѣмецкой. И только собраніемъ этѣхъ разбросанныхъ чертъ и уясненіемъ ихъ посредствомъ изученія ихъ древнѣйшихъ формъ сравнительная Миѳологія достигнетъ прочнаго основанія. Такая обработка начата, и нельзя не ожидать въ будущемъ самыхъ успѣшныхъ выводовъ. Но чтобы вести ее правильно, необходимо владѣть качествами, рѣдко соединенными въ одномъ лицѣ: основательною и широкою ученостью, специяльнымъ знакомствомъ съ Санскритомъ и съ памятниками Ведическими, критическимъ и осторожнымъ умомъ (стр. 687 — 688).» Лучшими представителями миѳологическихъ трудовъ съ такими условіями выставляетъ Пикте Куна и Макса Мюллера, съ его «Опытомъ Сравнительной Миѳологіи,» который, скажемъ мимоходомъ, вполнѣ не принимается въ разсчетъ Г. Потебней.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ указать и на нѣкоторыя изъ частныхъ замѣчаній и выводовъ Г. Потебни, представляющихся

намъ или бездоказательными, или не вытекающими изъ данныхъ матеріяла.

Такъ, желая поддержать выведенное имъ значеніе хлѣба, какъ символа, солнца, по миѳическому вѣрованію народа, авторъ утверждаетъ, что этимъ значеніемъ объясняется и Сербская пословица: «Житни купацъ и дѣвоячки отацъ не могу сретни бити» (стр. 39), въ которой, будто бы, выражается мысль, что продавать хлѣбъ и дочь грѣхъ. Но когда появилась эта пословица? Народъ не устанавливаетъ обычая и закона, при сознаніи, что онъ грѣшный, а между тѣмъ, дочь у всѣхъ Славянъ искони выдавалась за вѣно. Вѣно же, въ настоящемъ случаѣ, сопоставляютъ обыкновенно съ глаголомъ вѣнити, цѣнить, откуда очевиденъ смыслъ и самаго вѣна, какъ цѣны. Какъ же послѣ этого могъ народъ признать такой вѣковѣчный обычай за грѣхъ? Ясно, что тутъ долженъ быть иной смыслъ, и смыслъ этотъ, конечно, заключается въ спокойствіи, беззаботности, которыхъ не можетъ имѣть отецъ дѣвицы въ силу того, что дѣвица должна быть выдана замужъ, и при томъ выдана чистою. Отецъ замужней дочери, въ силу этого, уже можетъ быть сретанъ (счастливъ), по тому что онъ достигъ беззаботности. То же понятіе, думаемъ, слѣдуетъ отнести и къ торговцу хлѣбомъ, на случай неурожая.

«Овесъ и пшеница, говоритъ Г. Потебня, въ обрядѣ обсыпанья, служатъ символами жениха и невѣсты» (стр. 67). Откуда это видно, спросимъ мы? Вѣдь обсыпаютъ всякимъ зерномъ, обсыпаютъ даже хмѣлемъ и деньгами?

На стр. 114, въ примѣч. 74, названіе жихарь объясняется жильцемъ, постояльцемъ, вопреки Г. Аѳанасьеву, видящему въ жихарѣ удальца, что согласно и съ народнымъ смысломъ, придаваемымъ этому слову. Въ объясненіи Г. Потебни мы не видимъ надлежащей послѣдовательности; жихарько является однимъ изъ трехъ братьевъ, и по чему же именно ему идетъ понятіе жильца? Кромѣ того, онъ самый младшій, наименѣе, слѣдовательно, правный? Между тѣмъ дѣйствія жихарьки съ дочькой Яги и съ самой Ягой рисуются дѣйствительно молодецкими.

Преслѣдуя двойственный характеръ Яги, Г. Потебня увѣряетъ, что двойственность ея наружности доказывается и представленіемъ

Яги душистоволосою, по видимому прекрасною (стр. 147). Не говоря о томъ, что видимость не есть вообще доказательство, въ настоящемъ же случаѣ, скажемъ, она прямо ведетъ къ противоположности, и невольно упрекнешь автора за излишне вольное измѣненіе смысла сказки Сербской. Вѣдь въ послѣдней, на оборотъ, голова-то Яги является вонючею и отвратительною, а похвала падчерицы изображаетъ лишь ея кроткій характеръ, въ противоположность характеру испорченной дочери, ни мало этимъ не подрывая дѣйствительнаго безобразія и зловонья головы Яги.

Не меньшую натяжку видимъ мы и въ сближеніи Яги съ Гольдой на томъ основаніи, что, вѣроятно, чесанье Яги равносильно перебиванью Гольдой пуховика, чѣмъ повѣрье Нѣмецкое объясняетъ паденіе снѣга (стр. 153).

Отмѣченное нами невниманіе автора къ мѣстнымъ и спеціяльно народнымъ условіямъ, въ общихъ выводахъ, повторяется и въ частныхъ заключеніяхъ. Встрѣтивши у Сербовъ бадиякъ изъ дубоваго дерева, и указавши, что дубъ посвященъ богу-грому, Г. Потебня не сомнѣвается уже, что и бадиякъ есть символъ громоваго божества. Но вездѣ ли дубъ несомнѣнно посвященъ грому? Не самъ ли онъ говоритъ, что въ другихъ мѣстахъ бадиякъ приготовляется изъ сливоваго, или вишневаго, дерева? Дѣло очевидное, что тутъ важенъ не сортъ дерева, а бадиякъ, не выраженье, слѣдовательно, громности, а огня, свѣта, теплоты. До какой степени мѣстность вліяетъ на вѣрованія, видно, на примѣръ, изъ того, что въ Англіи съ рожденіемъ и смертію сближается не восходъ и западъ солнца, какъ у другихъ народовъ, а приливъ и отливъ морскіе, и было бы странно возводить это частное представленіе Англичанъ къ какому либо общему миѳу (стр. 34). А между тѣмъ Г. Потебня не стѣсняется голову всякаго животнаго подводить подъ кобылью, по тому, что ему удобно было кобылью голову связать съ Бабой-Ягой. Отсюда приравненіе къ кобыльей головѣ головы бараньей у Волоховъ, турицы, или вообще конской головы, первоначально, очевидно, турьей, у Сербовъ.

Точно также авторъ слишкомъ уже мало придаетъ значенія и вліянію Христіянства, и охотнѣе относитъ даже и то, что́, по

несравненно большей вѣроятности, обязано послѣднему, къ исключительному язычеству. Такъ, относительно вѣры въ святость Крещенской воды и купанья въ ней, мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Гримма, видящаго тутъ вліяніе Христіянской религіи, и ни мало не убѣждаемся противорѣчіемъ Г. Потебни ученому Нѣмцу на томъ основаніи, что Нѣмецкое повѣрье свидѣтельствуетъ и о разцвѣтѣ розмарина въ эту же пору. Во первыхъ, розмаринъ не вода, и что связано съ нимъ, необходимо не слѣдуетъ пріурочивать водѣ; во вторыхъ, потребно предварительно доказать, что и повѣрье о розмаринѣ не относится къ Христіянству, къ силѣ рожденія Спасителя (стр. 64).

Не можемъ мы согласиться и съ миѳическимъ понятіемъ автора о пожарѣ (изложенномъ на стр. 251), будто бы происходящемъ при грозѣ не только отъ Бога, но и отъ грома. И современное повѣрье народное, и старинныя свидѣтельства указываютъ ясно, что громъ дѣлается виновникомъ пожара вовсе не самъ по себѣ, своей силою, а по тому, что во время грозы онъ прячется отъ Бога-грома, солнца, и тотъ домъ, то мѣсто, сгоритъ, куда онъ скроется. Выгоняютъ при этомъ изъ домовъ кошекъ не по тому, чтобы этимъ выражалась какая либо связь съ Ягой, а потому, что, въ силу того же повѣрья, въ нее вселяется чортъ; суевѣріе же о вселеніи въ кошку чорта, вѣроятнѣе всего, развилось отъ притягательной силы шерсти, въ слѣдствіе чего не держатъ въ домахъ, во время грозы, и собакъ.

Этимъ мы окончиваемъ свой разборъ сочиненія Г. Потебни, охотно признавая въ немъ усидчивую продолжительность и добросовѣстность труда, не отрицая и пользы для науки, по крайней мѣрѣ, со стороны подбора фактовъ Славянскаго матеріяла и сближенія ихъ съ фактами другихъ родственныхъ народовъ.

П. Лавровскій.

25 Февраля, 1866.

Харьковъ.

ТРИ ПИСЬМА

ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ТРОИЦКІЙ СЕРГІЕВЪ МОНАСТЫРЬ

въ 1660 году.

Предлагаемыя три письма написаны по слѣдующему поводу. Въ 1651 году Власти Троицкаго Сергіева монастыря отдали монастырскую пустошь Козлово, находившуюся въ Звенигородскомъ Уѣздѣ, на пожизненное владѣніе вдовѣ Княгинѣ Іуліаніи Голицыной, съ обязательствомъ платить ей въ монастырь ежегодно по 2 рубля 4 алтына. Но, по прошествіи 9 лѣтъ, съ назначеніемъ новаго Келаря, Аверкія Иванова, на мѣсто Арсенія Суханова, Соборъ монастырскій не принялъ посланныхъ отъ Голицыной на 1660 г. оброчныхъ денегъ, а сказалъ человѣку ея, что та пустошь нужна для обители, именно для заселенія людьми. Нечаянный отказъ въ дальнѣйшемъ пользованіи пустошью сильно тронулъ Княгиню. Грамоту, данную прежними Властями на владѣніе тою пустошью до смерти своей, она имѣла на лицо и условіе съ монастыремъ выполняла въ точности, а Указомъ Царя Ѳедора Ивановича, подтвержденнымъ преемниками его, позволено было брать монастырскія земли въ оброкъ (см. Докладъ 1594 г. № 3). Въ виду всего этого, она и написала письмо ко Властямъ монастырскимъ объ оставленіи за нею пустоши. Но, вѣроятно, зная власть и силу или, по тогдашнему, мощь Лаврскаго Келаря, не совсѣмъ надѣялась на дѣйствіе своего письма, а по тому въ то же время 26 Іюня, 1660 г.) упросила внука своего, Князя Юрія Михайловича

Одоевскаго, и духовника своего, придворнаго Протоіерея, Александра Москвитинскаго, написать по письму въ Троицкій Сергіевъ монастырь, чтобы пустошь Козлово была оставлена за нею. Всѣ три письма получены въ монастырѣ 28 Іюня, какъ видно изъ помѣты на оборотѣ ихъ въ Соборѣ. Сверху письма Одоевскаго написано: «168 г., Іюня въ 28 день, отдать въ крѣпостную казну и велѣть записать въ книги.» Сверху втораго, отъ Протоіерея Александра: «168 г., Іюня въ 28 день.» Сверху третьяго, отъ Голицыной: «168 г., Іюня въ 28 день, оброчные деньги на нынѣшней 168 годъ велѣть принять, и запись прiискать, и отдать все въ крѣпостную казну.» При сдачѣ въ крѣпостной архивъ всѣ три письма, писанныя разными руками, склеены въ одинъ столбецъ, по описи 1860 г. № 471. Первоначально каждое посланіе написано было на столбцѣ, длиною аршинъ, шириною четверть, свернуто пакетомъ и запечатано; на оборотѣ 1 и 3-го надписано: «Пречестные и великіе обители Пресвятые и Живоначальные Троицы и Преподобныхъ Отецъ Сергіа и Никона Великимъ Господамъ Архимориту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею старцу Леонтію и всему Собору;» на оборотѣ 2-го посланія: «Государю Архимандриту Іоасафу яже о Христѣ съ братіею.»

Первыя два письма отъ Князя Одоевскаго и Протоіерея Александра почти обыкновенныя, не представляютъ ни чего особенно замѣчательнаго, но третье, отъ Голицыной, по рѣзкому тону и указанію на нѣкоторые монастырскіе обычаи, не можетъ не обратить на себя вниманія. Изъ него, на пр., видно, что Власти монастырскія, въ бытность свою въ Москвѣ по дѣламъ монастырскимъ, посѣщали именитыхъ благотворителей, а изъ монастыря посылали имъ въ благословеніе хлѣбъ и Св. воду, коими тѣ очень дорожили. Языкъ писемъ ясный, близко подходитъ къ нынѣшнему, только буква *а*, по Московскому нарѣчію, иногда замѣняетъ букву *о*, на пр.: Указу не была вм. не было, тутъ жа вм. тутъ же. Что жъ касается до побужденій, заставившихъ Келаря нарушить данную грамоту, то, вѣроятно, главною причиною былъ интересъ монастырскій. Изъ Писцовыхъ и Межевыхъ книгъ

(№ 641) видно, что пустошь Козлово или Котлово ранѣе и послѣ была деревней. Прежними Властями отдана она Голицыной изъ уваженія ко вкладамъ Голицыныхъ и въ слѣдствіе ходатайства благотворителей Одоевскихъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ письмахъ. Мужъ Іуліаніи Ивановны, Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, при бракосочетаніи Царя Михаила Ѳедоровича, 19 Сентября, 1624 г., назначенъ былъ сидѣть за столомъ на второмъ мѣстѣ, а первое отдано Князю Ивану Ивановичу Шуйскому. Голицынъ, считая себя обиженнымъ, не явился къ столу, за что попалъ въ опалу и сосланъ въ Вятку, гдѣ умеръ 18 Мая, 1626 года, * погребенъ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, близъ сѣверныхъ дверей Троицкаго Собора. ** Когда скончалась и гдѣ погребена Іуліанія, неизвѣстно; во время вдовства своего она была въ Верховыхъ Боярыняхъ, присутствовала при бракосочетаніи Царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кириловной Нарышкиной, потомъ пожалована въ Мамы къ Царевичу Симеону Алексѣевичу, а въ 1672 г. къ Царевичу Петру Алексѣевичу, коего и подносила къ купели для принятія Св. крещенія (Древ. Росс. Вивліѳ. ч. XVII, стр. 205). Новиковъ говоритъ, что Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, мужъ Іуліаніи, скончался бездѣтенъ, но изъ настоящихъ писемъ видно, что у нихъ была дочь за Княземъ Михайломъ Никитичемъ Одоевскимъ. Какъ при жизни своей, Князья Иванъ Голицынъ и Никита Одоевскій имѣли дворы свои въ сосѣдствѣ въ Кремлѣ, гдѣ теперь огромное зданіе Сената (Памят. Москов. Древ. стр. XLV), такъ и по смерти своей, гробы ихъ находятся почти рядомъ. Родъ Князей Одоевскихъ покоится подъ папертью Троицкаго Собора, по другую сторону отъ Князей Голицыныхъ. Здѣсь погребены изъ упоминае-

* Въ Энцик. Лекс. Плюшара, ч. XIV, стр. 384, откуда заимствовано сіе извѣстіе, кончина Голицына показана въ 1627 году, но въ спискѣ надгробій Т.-Серг. монастыря, снятыхъ въ срединѣ XVII в., сказано: «Бояринъ Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ преставися 134 года, Маія въ 18 день.»

** Рки. № 820.

ныхъ въ письмахъ: дѣдъ Юрія Никита Ивановичъ Одоевскій † 1629, Февраля 12; отецъ Юрія Михаилъ Никитичъ † 1652, Ноября 19; мать Юрія Маров Ивановна, дочь Ивана и Іуліаніи Голицыныхъ, † 1665, Августа 10; самъ Юрій или Георгій Михайловичъ † 1685, Декабря 6 (Древ. Росс. Вивл. ч. XVI, стр. 319, 320; сл. Лавр. Вклад. книга, гдѣ показаны и вклады Князей Голицыныхъ и Одоевскихъ). Придворный Протоіерей, Александръ, извѣстенъ по вкладамъ въ Т. Сергіевъ и другіе монастыри (Вклад. книга; Археол. Опис. церк. древ. Новгород. ч. II, стр. 198, 224; Опис. Нижегород. Печер. мон. стр. 26). Іоасафъ, изъ Архимандритовъ Т. Сергіева монастыря, возведенъ прямо на Патріяршій Всероссійскій престолъ; Казначей Леонтій Дерновъ былъ Келаремъ послѣ Аверкія Иванова, а Келарь Аверкій, который исключительно завѣдывалъ монастырскимъ хозяйствомъ и на котораго по тому въ особенности указывается въ письмахъ, сначала былъ келейнымъ ученикомъ препод. Діонисія († 1633 г.), потомъ Крѣпостнымъ Соборнымъ старцемъ и Казначеемъ; въ 1651 г., когда отдана пустошь Княгинѣ Іуліаніи, онъ былъ Строителемъ Богоявленскаго монастыря, почти напротивъ дома Голицыной.

І. А.

I.

Пречестные и великіе обители Пресвятыя Живоначальныя Троицы и Преподобныхъ Отецъ Сергія и Никона Великимъ Господамъ, Архимариту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею старцу Леонтію, и всему Собору, Юшка Одоевской челомъ бьетъ. Пожалуйте, Господа, велите ко мнѣ писати о своемъ душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи, какъ васъ Господь Богъ милостію своею душевнѣ спасаетъ, а тѣлеснѣ милуетъ. А про меня изволите спросить, и я, при Государьской милости Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, за нимъ, Государемъ, въ объѣздѣ въ селѣ Покровскомъ, * Іюня по 26 день до воли Божіи живъ. Говорила мнѣ бабка моя, Бояриня Князя Ивановская жена Васильевича Голицына, вдова Княгиня Ульяна Ивановна: въ оброкѣ за нею монастыря Сергія Чудотворца пустошь Козлово въ Звенигородскомъ Уѣздѣ, а дали ей тое пустошь изъ денежного оброку прежніе власти: Архимаритъ Андреянъ, Келарь старецъ Симонъ (Азарьинъ), Казначей старецъ Калинникъ (Клементьевской) съ Соборомъ, въ прошломъ въ 159 году, и оброчная грамота въ той дачѣ властелинская дана, указано ей владѣть ею по еѣ вѣкъ, а на неѣ, бабку мою, взята въ монастырь запись, что ей оброкъ платить съ той пустоши погодно, и при своемъ животѣ ей тоѣ пустоши не продать, и не заложить, и роду своему не отдать, и за собою въ Помѣсномъ Приказѣ въ вотчину не записать, а отказать та пустошь послѣ

---

* Село Покровское, Рубцово тожь, подгородное, нынѣ частица Москвы. Тамъ были Царскія хоромы и двѣ церкви: одна во имя Покрова Пресв. Богородицы, построенная въ 1618 г. Царемъ Михайломъ Ѳедоровичемъ, по имени коей село и получило названіе Покровскаго, а другая церковь во имя Николая Чудотворца съ придѣломъ Св. Ирины (Выходы Государей Царей и Вел. Князей въ 1632—1681 гг., стр. 338, и при нихъ Указатель стр. 73).

своего живота опять въ домъ Чюдотворцовъ. И по се число повсягодно оброкъ съ ней платила; а нынѣ, де, къ вамъ посылала она, бабка моя, оброчные денги на нынѣшней 168 годъ, и вы, де, оброку не взяли, а за чѣмъ, того къ ней не отписали. А словесно де, ты, великій Келарь, человѣку еѣ говорилъ: «Надобно про себя.» А о той пустоши говорители (т. е., просители, ходатаи) были прежнимъ властемъ, а бабкѣ моей дѣдъ мой Бояринъ Князь Никита Ивановичъ Одоевской, и отецъ мой, Князь Михайло Никитичъ. И вамъ бы пожаловать, и по моему прошенью той пустоши не велѣть отнимать до еѣ живота, и прежнихъ властей даньи не нарушивать. И Государевъ Указъ и Соборное Уложенье во всѣхъ монастырехъ прежнихъ властей даньи нарушивать не указана и не въ такихъ честныхъ лаврахъ и не такихъ честныхъ властей. У што, Государи, прежніе власти Соборомъ дали ей, бабкѣ моей, въ вѣчной оброкъ (д. б. пропущено: впервые?). По образцу же тако и за иными есть такіе же земли въ вѣчномъ оброкѣ. Пожалуйте, Государи, не оставте и моего прошенья, учините безсорно, велите ей владѣть по той прежней дачѣ, и оброкъ велите у ней имать; и противъ сей моей грамотки, пожалуйте, мнѣ вѣдомо учините. Потомъ вамъ, Великимъ Господамъ, челомъ бью.

II.

Пречестныя и великія обители Пресвятыя Живоначальныя Троицы и Преподобныхъ Отецъ Сергія и Никона Великимъ Господамъ, Архимориту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею старцу Леонтію, и всей яже о Христѣ братіи, Нерукотвореннаго Спасова образа, что у Государя на сѣнехъ, Протопопъ Александръ Бога молитъ и челомъ бьетъ. Пожалуйте, Государи, велите ко мнѣ писать о своемъ здоровіи, какъ васъ Господь Богъ хранитъ. А про меня, Государи, изволите воспросить, и я, по неизреченной милости Христа Бога нашего, Іюня (по) 26 день въ живыхъ пребываю. Говорила мнѣ дочь моя духовная, Боярина Князя Ивановская жена Васильевича Голицына, вдова Княгиня Ульяна Ивановна: въ прошломъ, де, во 159 году прежніе власти, Архиморитъ Андреянъ, Келарь старецъ Симонъ, Казначей старецъ Калинникъ съ Соборомъ, дали ей въ оброкъ въ Звенигородскомъ Уѣздѣ пустошь Козлово, изъ денежнаго оброку до еѣ живота, и грамота

ей оброшная за печатью властелинскою и всего Собору дана, владѣть ей Кнеинѣ Ульянѣ Ивановнѣ по свой вѣкъ. И она, де, владѣла, и оброкъ за ту пустошь въ монастырь при прежнихъ властехъ и при васъ по нынѣшней годъ платила, въ томъ, де, у ней и отписи есть. И нынѣ, де, она посылала къ вамъ съ человѣкомъ своимъ за ту пустошь на нынѣшней 168 годъ оброшные денги, и вы, де, денегъ не приняли, и къ ней о томъ не писали, чего ради не принято. А словесно, де, ты, великій Келарь, старецъ Аверкей, тому еѣ человѣку сказалъ: «Надобна та пустошь вамъ про себя.» А какова ей грамота дана оброшная, и я у ней видѣлъ; указано ей владѣть тою пустошью по еѣ вѣкъ, а на нее, де, взята жъ запись, что ей оброкъ за ту пустошь платить погодно, а за собою еѣ въ Помѣсномъ Приказѣ не справить, и не продать, и не заложить, и роду и племени не отказать послѣ своего живота, а отказать послѣ своего живота въ монастырь Сергія же Чюдотворца. А говорили, де, о той пустоши имъ прежнимъ властемъ отъ неѣ, Кнеини Ульяны Ивановны, Бояринъ Князь Никита Ивановичъ Одоевской, да сынъ ево, а еѣ зять, Князь Михаила Никитичъ, и тое, де, оброшную властелинскую грамоту во 159 году онѣ къ ней и привезли; въ томъ, де, году зять еѣ, Князь Михайла Никитичъ, былъ живъ, и былъ Бояринъ Князь Никита Ивановичъ съ сыномъ своимъ, со Князь Михайломъ Микитичемъ въ монастырѣ. И вамъ бы, Господамъ, прежнихъ властей дачи не нарушить, и наше моленіе принять; дательство истинно, слово и во вѣки сохраните нерушимо, до еѣ живота той пустоши у ней, Кнеини Ульяны Ивановны, не отнять. По семъ вамъ миръ о Христѣ. Аминь.

III.

Пречестныя и великія обители Пресвятыя Живоначальные Троицы и Преподобныхъ Отецъ Сергія и Никона Великимъ Господамъ, Архимориту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею старцу Леонтію и всему Собору, Боярина Князя Ивановская жена Васильевича Голицына вдова Ульяница челомъ бьетъ. Пожалуйте, Государи, велите ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ васъ, Государей моихъ, Христосъ хранитъ. Челомъ, Государи, бью на вашемъ благословеніи, что пожаловали, съ святынею прислали, а мужу моему, Князю Ивану Васильевичу, память сотворили. Да по-

сылала я, Государи, оброкъ денежной, два рубли четыре алтына за пустошь Козлово, съ человѣкомъ своимъ, съ Өедотомъ Несмеяновымъ, на нынѣшней на 168 годъ, и вы де, Государи, у того человѣка моего денегъ принять не велѣли. А словесно, де, ты, великій Келарь, тому человѣку моему сказалъ: «Надобна та пустошь вамъ, въ монастырь,» а мнѣ ею владѣть не велѣли, а въ грамотахъ своихъ ко мнѣ про неѣ противъ моего писма ни чего не отписали, за чѣмъ не приняли и чего ради мнѣ ею не владѣть. Та, Государи, пустошь дана мнѣ въ вѣчной оброкъ въ прошломъ во 159 году, и оброшная грамота мнѣ властей, Архимарита Андреяна, Келаря старца Симона, Казначея старца Калинника и всего Собору, дана, а указано мнѣ ею владѣть по мой вѣкъ изъ денежнаго оброку; а тое грамоту прислали ко мнѣ власти съ зятемъ моимъ, со Князь Михайломъ Никитичемъ Одоевскимъ; въ ту пору были отецъ ево, Бояринъ Князь Никита Ивановичъ Одоевской, и онъ, Князь Михайло Никитичъ, въ монастырѣ Живоначальные Троицы и Чудотворца Сергія, и говорители были отъ меня властемъ о той пустоши, а на меня взята запись во 161 году, что мнѣ съ той пустоши оброкъ денежной въ монастырь платить повсягодно при своемъ животѣ, и той пустоши не продать, и не заложить, и роду своему не отдать, и за собою въ Помѣсномъ Приказѣ не записать въ вотчину, а послѣ своего живота отказать та пустошь въ монастырь Святые же Троицы и Сергія Чюдотворца. И какъ за мною учала быть та пустошь, и я оброкъ съ неѣ въ монастырь платила повсягодно, и отписи у меня есть до сего году. Хотя бы, Государи, та пустошь была за мною въ погодномъ оброкѣ, и вамъ было и тутъ пожаловать вѣсно учинить зимнего времени, что ею не владѣть; я того вашего указу не вѣдала, что у меня отнимать, хлѣбъ на ней сѣенъ, а она за мною въ вѣчномъ оброкѣ, и готово мошно было вамъ, Государи, ко мнѣ отписать ранѣе, противъ бы вашего писма и доконъ былъ. А сказывалъ мнѣ человѣкъ мой, Өедотъ Несмѣяновъ, что ты же, великій Келарь, говорилъ ему словесно, что та пустошь надобна въ селитбу. И та, Государи, пустошь не просторна, около еѣ чюжіе вотчинные и помѣстные земли; развѣе, Государь, у меня взявъ, околнимъ же въ наемъ отдавать? Поблиску вашей деревни Горбуновы есть в округѣ пустошей вашихъ монастырскихъ десятка съ три, съ четыре, тое пустоши Козловы всѣмъ угоднѣе, и въ болшихъ распашкахъ, и тѣми

пустоши владѣютъ мало не всѣми околные люди въ погодномъ оброкѣ безъ отъему, а не ваши крестьяне. Мошно, Государи, вамъ исполнитц и безъ той пустоши, коя мнѣ въ вѣчной оброкъ отдана; а до меня ею истари владѣли изъ того же оброку, по чему я плачю, окольные же люди, а не ваши монастырьскіе крестьяне. Нарушивать вамъ, Государемъ, было прежнихъ властей указу не для чего; чаю, не за одною за мною Чюдотворцовы земли есть въ вѣчныхъ оброкехъ. Одва гдѣ, Государи, бываетъ поворотно и въ простыхъ мѣстехъ, не токмо что во святыхъ лаврахъ, хотя бы и Государеву Указу не была, прежнихъ властей нарушивать Указъ. А въ томъ и Государевъ Указъ и Соборное Уложенье во всѣхъ монастырехъ прежнихъ властей дѣлъ и Указовъ нарушивать не указано и не такихъ чесныхъ властей. О томъ, Государи, челомъ бью: пожалуйте, не учините одною мною въ отъемѣ обрасца, и не нарушьте прежнихъ властей и своего благословенія; велите, Государи, на нынѣшней годъ денги принять. А впредь ко мнѣ отпишите, въ чомъ вашъ будетъ изволъ, чтобы мнѣ по вашему писму было вѣдома, а глухо мнѣ покинуть и отдать той пустоши нелзя, властелинская грамота у меня, а моя запись у васъ въ монастырѣ. И о томъ, Государи, челомъ бью, не учините сего писанья въ грубость себѣ, что писала, видя вашу немилость себѣ. Мню, Государи, нынѣ и то не стало мнѣ вашего благословенія, не жалуете въ праздникехъ Живоначальные Троицы и Чюдотворца Сергія, не присылаете съ святынею и въ великой постъ съ хлѣбомъ. А прежніе власти всѣ со 135 (1627) году, какъ судомъ Божіимъ мужа моего, Боярина Князя Ивана Васильевича, не стало, жаловали по чести и по вкладу мужа моего и ево всѣхъ родителей, почитали святынею и хлѣбомъ жаловали, ко мнѣ присылали и сами жаловали посѣщали. У што, Государи, грубая вамъ, Государемъ, учинилась въ той пустоши? И въ томъ вы волны въ дому Пресвятыя Троицы и Преподобныхъ Отецъ; въ томъ убытошно не было, чтобъ и меня поискать милостію Божьею и своимъ благословеніемъ. И вамъ бы, Государемъ, не во грѣхъ было, по вкладу мужа моего и ево родителей поисканье. А я въ томъ гнѣву вашего не вѣдала; а только бы вы, Государи, ко мнѣ вѣсно учинили, что въ той пустоши вашъ гнѣвъ, и я бы вашего слова и не переставила; мочно бы то мнѣ здѣлать и ее отдать. Пожалуйте, Государи, будетъ за тотъ вашъ гнѣвъ, учините мнѣ вѣсно. Савы

Чюдотворца Сторожевскаго монастыря тутжа поблиску за мною въ денежномъ оброкѣ пустоши, отданы мнѣ во 155 (1647) году, отдалъ Игуменъ Варламъ да Строитель старецъ Тихонъ Пестриковъ. Послѣ, Государи, тѣхъ властей всѣ Архимориты жалуютъ, и той отдачи и по се время ни чѣмъ не нарушиваютъ, и гнѣву на меня въ томъ не держатъ. Потомъ великимъ Господамъ челомъ бью.

ПИСЬМО

СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КЪ НОВГОРОДСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ІОВУ. *

Великому Господину, Архіерею Божію, Преосвященному Іову, Митрополиту Святѣйшія Митрополіи Великоновгородскія, Архипастырю и Богомудрому Учителю

Смиренный Ростовскій Димитрій
о Господѣ радоватися.

Пріемъ въ руцѣ мои грѣшны пречестное Архіерейства Вашего къ моей худости писаніе и прочетъ любезно, лобызахъ е, радуяся духомъ, яко въ милости Вашей Святительской есмь и изволите присѣтити мя любовію своею отеческою, въ писаніи изъясненною, ея же потолику благодаренъ есмь, поелику кто нечаемую отъ не знающихъ его получитъ пребогатую милость, благодарствуетъ и покланяется.

Незнаемый есмь Преосвященству Вашему лицезрительствомъ, обаче любве твоея сподобляеши мя и одолжаеши благодѣяніемъ Твоимъ, за что благодарствуя, смиренно челомъ бью.

Соболѣзную же, да утѣшитъ Вы Богъ и Отецъ Господа нашего, Іисуса Христа (съ Апостоломъ, глаголю), Отецъ щедротамъ, всякая утѣха, утѣшая насъ во всякой скорби нашей, Той скорбѣнія ваша и печали въ радости да претворитъ.

Слышащи же наченшееся въ славу Божію у Преосвященства Вашего Еллиногреческое ученіе тщаніемъ Вашимъ Архіерейскимъ,

---

* Взято изъ переписки Преосвященнаго Митрополита Новгородскаго, Іова, принадлежавшей бывшему Ярославскому Архіепископу, Антонію Знаменскому, а теперь находящейся въ Библіотекѣ Новгородской Духовной Семинаріи.

трудолюбіемъ же премудрѣйшихъ учителей Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ (quos fraterna charitate complector, veneror, examabiliter doceto), зѣло о томъ радуяся, молю Бога, да поспѣшитъ Преосвященству Вашему и пречестнѣйшимъ учителемъ въ томъ благопотребномъ дѣлѣ; что бо человѣка вразумляетъ, аще не ученіе: вразуми мя, рече, и научуся заповѣдемъ Твоимъ; и Христосъ Господь, хотя ученики своя сотворити учительми всея вселенныя и тѣми міръ просвѣтити, первое отверзе имъ умъ разумѣти писанія. Подобишися, Преосвященство Ваше, Господу своему, егда въ паствѣ своей, хотя имѣти людей учительныхъ, разумныхъ, собралъ еси не малое учениковъ число, и предложилъ еси имъ то ученіе, еже начало есть и источникъ всему любомудрію, Еллиногреческій, глаголю, языкъ, отъ того бо вся мудрая ученія во вся языки произыдоша.

Азъ грѣшный, волею Господнею на престолъ Ростовской паствы пришедъ, началъ было прилагати тщаніе о ученикахъ, и завелъ было училище Греческое и Латинское, и поучилися было ученики лѣта два и вящше, и уже начали было Грамматику разумѣти не злѣ, но, попущеніемъ Божіимъ, сотворшаяся дому Архіерейскому скудость, сотвори препятіе, и отставишася ученія, понеже вознегодоваше питающій насъ, аки бы многая исходитъ на учители и ученики издержка, и уже вся та, чѣмъ дому Архіерейскому питатися, насъ отнята суть, не токмо отчины, но и церковные дани и вѣчныя памяти, и прочая, и прочая оскудѣша, ибо во всемъ оскудѣхомъ, и во ученикахъ.

Но, да не продолжу писанія, умолчеваю о прочіехъ поведеніихъ нашихъ. Sat sapienti! Преосвященству же Вашему паки и паки челомъ бью и молю, да и впредь милость и любовь ваша отеческая къ моей худости не оскудѣетъ.

Сообщ. Д. Чл. **Архимандритъ Макарій.**

МОГИЛЫ

КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ДОЛГОРУКАГО И СУПРУГИ ЕГО

ВЪ ГОРОДѢ БЕРЕЗОВѢ.

1730 — 1738 гг.

Съ Марта 1842 по Декабрь 1849 годъ я состоялъ на службѣ въ городѣ Березовѣ, Тобольской Губерніи, Штатнымъ Смотрителемъ Училищъ. Въ этотъ періодъ, кромѣ служебныхъ обязанностей, занимался разборомъ и чтеніемъ старинныхъ дѣлъ, первой половины XVIII столѣтія, производившихся въ Березовской Воеводской Канцеляріи и уцѣлѣвшихъ въ старомъ архивѣ, равнымъ образомъ собиралъ отъ старыхъ людей разныя, замѣчательныя, устныя преданія, въ особенности о бывшихъ въ Березовѣ знаменитыхъ изгнанникахъ и о мѣстахъ, гдѣ умершіе изъ нихъ тамъ похоронены.

Въ 1730 году присланъ въ Березовъ въ ссылку Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій съ супругою Прасковьей Юрьевной, урожденной Княгиней Хилковой, и дѣтьми, Иваномъ, съ супругою Натальей Борисовной, дочерью Графа Шереметева, Николаемъ, Александромъ и Алексѣемъ, Еленою, Анною и Екатериною, которая была второю, послѣ Маріи Меншиковой, обрученною невѣстою Императора Петра II-го. Они заключены были въ острогъ для Государственныхъ преступниковъ, который находился саженяхъ въ 20 отъ настоящей, каменной Богородице-Рождественской (Заручейной) церкви. Въ немъ былъ пространный, но невысокій, деревянный домъ съ окнами, къ верху полукруглыми, особая кухня и баня. Во дворѣ острога былъ бассейнъ, въ которомъ плавали домашнія гуси, утки и лебеди. Семейство Долгорукаго, какъ свѣдѣтельствуетъ преданіе, находило отчасти отраду своей горести смотрѣть на этѣхъ птицъ и ухаживать за ними. [1] Для кара-

---

[1] У Долгорукихъ въ Березовѣ были дворовые люди: Степанъ Калпаковъ и Владиміръ Митрофановъ.—Изъ дѣла Воеводской Канцеляріи, начавшагося 26 Іюля, 1738 года.—Почтенная и уважаемая въ Березовѣ старушка, 77 лѣтняя Дарья Мартемьяновна Никитина, въ 1843 году сказывала мнѣ, что когда она пріѣхала изъ Тобольска въ Березовъ съ мужемъ, находившимся

ула Долгорукихъ прибылъ съ ними Премьеръ-Маіоръ Семенъ Петровъ и Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Сержантъ Богданъ Челищевъ, съ военною стражею.

Преклонность лѣтъ, суровый, сѣверный климатъ и превратность счастія, преждевременно свели въ гробы Князя Алексѣя Григорьевича и супругу его. [2] Дѣти похоронили ихъ близъ Богородице-Рождественской церкви. [3] Надъ могилами построили памятникъ или, какъ называли Березовцы, часовню, изъ толстыхъ кедровыхъ брусьевъ въ замокъ концовъ ихъ, длиною отъ востока къ западу 4, шириною отъ сѣвера къ югу 8 аршинъ, съ двумя окнами и створчатою къ верху полукруглою дверью. Туда входили дѣти Долгорукихъ молиться объ упокоеніи душъ родителей въ лучшемъ непревратномъ мірѣ.

Долгорукихъ содержали очень строго, и они никогда не выпускались изъ острога, кромѣ Богородице-Рождественской церкви и памятника родителей. Вотъ примѣръ, выписанный мною изъ дѣла Березовской Воеводской Канцеляріи. Княжна Елена Алексѣевна Долгорукая, во время утренняго богослуженія, особо совершаемаго, по ея желанію, 21 Мая, 1738 года, въ день ея тезоименитства, Протопопомъ Авдѣемъ Михайловымъ, въ Богородице-

---

въ Тобольскѣ на службѣ и женившимся тамъ на ней, то свекровь ея, жена Сотника Никитина, или мать мужа ея, Дарьи, водила ее, около 1782 года, для показа, въ пустые острогъ и домъ, гдѣ прежде содержались Долгорукіе, и она совершенно помнитъ этѣ строенія. Въ 1782 году этотъ домъ перенесенъ на другое мѣсто, и изъ него перестроенъ домъ, для Присутственныхъ Мѣстъ. Онъ сгорѣлъ въ пожаръ 1806 года.

[2] Въ книгѣ «Театръ Свѣта,» издан. Сергѣемъ Глинкой, въ 1828 г., ошибочно сказано, что супруга Алексѣя Григорьевича умерла на дорогѣ, при слѣдованіи въ Березовъ. Княжна Елена Долгорукая, послѣ ссылки вышедшая въ замужество за однофамильца, Князя Долгорукаго, прислала въ Березовъ въ Спасскую церковь книги: Апостолъ и Молебникъ, съ надписью собственноручною. «1764 года, Сентября 1 дня, сію книгу дала вкладу въ церковь Всемилостиваго Спаса, что въ Сибири, въ Березовомъ островѣ, на поминовеніе своихъ родителей, преставившихся тамо. Княгиня Елена Князь Алексѣева Долгорукая.» Книги этѣ я видѣлъ.

[3] Въ Березовѣ идетъ въ потомство поговорка: «Кто у Долгорукаго съѣлъ блинъ, того возили въ Тобольскъ къ отвѣту; то есть: кто былъ послѣ погребенія его на поминальномъ обѣдѣ, на которомъ подаются блины.

Рождественской церкви, была окружена Капраломъ Яковомъ Терехинымъ и двумя солдатами, Андреемъ Мокроусовымъ и Алексѣемъ Алябышевымъ, съ ружьями. Вскорѣ, за несвоевременное служеніе, то есть, утромъ, между тѣмъ какъ Всенощная была съ вечера, Протопопъ Авдѣй сосланъ въ Илимской острогъ (укрѣпленіе), находившійся за Енисеемъ, въ восточной Сибири. [4]

Когда Долгорукіе прожили въ Березовѣ восемь лѣтъ, то, по доносу на нихъ изъ Тобольска, Канцеляриста тамошней Таможни, Осипа Тишина, будто они говорили важныя, «злодѣйственныя непристойныя слова», [5] въ Маѣ, 1738 года, отъ Бирона былъ присланъ въ Березовъ Капитанъ гвардіи Ушаковъ, подъ видомъ навѣстить изгнанниковъ, отъ имени Императрицы Анны Ивановны, между тѣмъ ему повелѣно было секретно собрать подтвердительныя свѣдѣнія о дерзкихъ ихъ словахъ и узнать о преданныхъ Долгорукимъ лицахъ. Ушаковъ ласково обходился съ Долгорукими и прогуливался вмѣстѣ съ ними по городу. Разъ, прогуливаясь съ ними, повстрѣчались съ однимъ изъ Березовскихъ Священниковъ. Ушаковъ съ намѣреніемъ завелъ съ нимъ ласковый разговоръ и непримѣтнымъ образомъ привелъ его въ домъ Долгорукихъ, какъ близкаго имъ. Вскорѣ, по отѣздѣ изъ Березова Ушакова, Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой разлученъ съ супругою и прочими родными и заключенъ въ особенное тѣсное помѣщеніе, подъ строжайшій караулъ; ему воспрещено всякое сношеніе съ женою и родными; выдавалось грубой пищи столько, чтобы только былъ живъ и не умеръ съ голоду. Наталья Борисовна выплакала у караульнаго Премьеръ-Маіора Петрова дозволеніе ночью тайно видаться съ мужемъ, чрезъ небольшое оконцо, и носила ему пищу. [6] Такимъ образомъ прожили около трехъ мѣсяцевъ. Въ одну темную, Сентябрскую, дождливую ночь подплыло къ Березову небольшое судно. Въ него секретнымъ образомъ

---

[4] Дѣло Березовской Воеводской Канцеляріи о несвоевременномъ служеніи Всенощной Протопопомъ Авдѣемъ Михайловымъ для Княжны Елены Долгорукой.

[5] Сибирская Лѣтопись, доведенная до 176! года, — рукопись, принадлежащая библіотекѣ Тобольской Семинаріи.

[6] Преданіе Березовскихъ жителей и изъ книги «Театръ Свѣта», соч. Серг. Глинки.

были вызваны и заключены Князь Иванъ Долгорукій, караульный Премьеръ-Маіоръ Петровъ, Березовскіе Священники: Илья Прохоровъ, Ѳедоръ Кузнецовъ, Андрей, Тимоѳей и Артемій Васильевы, Дьяконъ Ѳедоръ Какоулинъ [7] и нѣсколько тамошнихъ жителей, приверженныхъ Долгорукимъ. Чрезъ два часа судно отплыло изъ Березова, и назавтра не оказалось тамъ 31 человѣка. [8] Наконецъ, судно достигло Тобольска, гдѣ всѣ арестованные въ немъ увидѣли своимъ судьей — того же Капитана Ушакова. [9] Священникъ и Дьяконъ, не смотря на предстательство Митрополита, Антонія Стаховскаго, о невинности ихъ, послѣ суда были наказаны: Священники Прохоровъ и Васильевы и Дьяконъ Какоулинъ плетьми, Священникъ Кузнецовъ кнутомъ, съ вырваніемъ ноздрей, и первые пятеро, безъ лишенія, а послѣдній съ лишеніемъ Священническаго сана, сосланы въ Охотскій портъ, въ Соловаренную работу. [10] Какія наказанія постигли прочихъ, привезенныхъ на суднѣ въ Тобольскъ, Березовцовъ, неизвѣстно, только ни одинъ изъ нихъ уже не возвратился на родину: вѣроятно, они умерли отъ наказаній и потомъ отъ работъ на заводахъ. За что же этѣ люди пострадали? За то, что были привержены къ Долгорукимъ и бывали у нихъ въ острогѣ, а караульный Премьеръ Петровъ за то, что дѣлалъ, изъ человѣколюбія, послабленіе имъ противъ данной ему инструкціи. Между тѣмъ какъ духовныя лица бывали у Долгорукихъ по церковнымъ своимъ обязанностямъ. [11] Тогда же пострадали и Долгорукіе: Николай и Александръ наказаны кнутомъ и съ урѣзаніемъ языковъ сосланы въ работу, первый въ Охотскъ, другой въ Камчатку, Алексѣй посланъ въ Камчатку же матросомъ. Сестры ихъ: Елена, Анна и Екатерина разосланы по разнымъ мо-

---

[7] Въ то время въ Березовѣ было три церкви: Одигитріевскій Соборъ, Спасская и Богородице-Рождественская.

[8] Преданіе Березовскихъ жителей.

[9] Вышеприведенная Сибирская Лѣтопись.

[10] Дѣло Тобольской Духовной Консисторіи «О наказаніи Березовскихъ Священниковъ и Дьякона, за короткое обращеніе съ Кн. Долгорукими.» Резолюція Кабинетъ-Министровъ, на сообщеніе Св. Синода, 31 Августа, 1738 года, послѣдовавшая о наказаніи и ссылкѣ сказанныхъ духовныхъ лицъ въ Охотскъ.

[11] Изъ читаннаго мною дѣла Березовской Воеводской Канцеляріи и отвѣтовъ духовныхъ лицъ на вопросные пункты видно, что, по желанію Долгорукихъ, приносили изъ Спасской церкви въ Богородице-Рождественскую иконы Не-

настырямъ. [12] Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, въ Ноябрѣ 1739 года, послѣ разныхъ пытокъ, колесованъ подъ Новгородомъ, и отрублена ему голова. [13]

Когда вдругъ схвачены были изъ Березова Долгорукіе, то въ числѣ нѣкотораго ихъ имущества осталась двадцать одна икона. Изъ нихъ упомяну здѣсь только о нѣкоторыхъ, для того, чтобы показать, чѣмъ, между прочимъ, въ Березовѣ занимались невѣстки и дочери Князя Алексѣя Долгорукаго: 1) Распятіе Господне, писанное на лазуревой камкѣ (Китайская шелковая матерія). 2) Ангелъ-хранитель, шитъ шелками и золотомъ, на бѣлой кисеѣ. 3) Знаменіе Божіей Матери, шитый, по бѣлому полотну, золотомъ и серебромъ. 4) Знаменія Божіей Матери, шитъ шелками, по шелковой матеріи, вѣнцы и гривны шиты золотомъ и серебромъ, пополамъ съ жемчужинами. Обо всѣхъ иконахъ было доносимо въ Правительствующій Сенатъ, изъ Сибирской Губернской Канцеляріи, отъ 8 Мая и 14 Ноября, 1744 года, но отвѣта не послѣдовало,

---

рукотвореннаго Спаса и Казанской Божіей Матери, и служилъ акаѳисты Іисусу и Божіей Матери Священникъ Андрей Васильевъ. Въ другое время служилъ молебенъ для Долгорукихъ, предъ принесенною иконой Божіей Матери Одигитріи изъ Одигитріевскаго собора, Священникъ Матѳей Никифоровъ; 1738 г., 12 Апрѣля Протопопъ Авдѣй Михайловъ, для Долгорукихъ приносилъ изъ Спасской церкви иконы Спасителя и Казанской Богоматери въ Богородице-Рождественскую церковь и служилъ молебенъ съ акаѳистами. Служилъ также молебенъ, по желанію Долгорукихъ, находившійся временно въ Березовѣ Священникъ Сосвинскаго села Димитрій Ерофѣевъ, и проч. и проч.

[12] Записки Дюка Лирійскаго, стран. 184 и 185. «Дошло до меня преданіе, будто Княжна Екатерина Алексѣевна заключена была въ Томскій монастырь»; но въ Томскѣ не было дѣвичьяго монастыря, кромѣ мужскаго, можетъ быть въ Енисейскій дѣвичій. Въ томъ, или другомъ, монастырѣ, но что она прислана въ монастырь, можетъ быть, и мужской Томскій, подъ конвоемъ 40 гвардіоновъ, которые составляли ее безотлучную стражу, въ томъ нельзя сомнѣваться. Не только ворота монастыря для нея не отворялись, но и въ стѣнахъ его она содержалась въ строжайшемъ уединеніи. Все развлеченіе ея состояло въ томъ, что, поднявшись на колокольню, она смотрѣла на окрестности.

[13] Подлинный манифестъ, по указу Императрицы Анны Ивановны, подписанъ руками Кабинетскихъ Министровъ и Генерала Ушакова. Печатанъ въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ, Ноября 12 дня, 1739. Имѣю печатный.

Въ послѣдствіи этѣ иконы изъ Березова взяты и хранились въ Тобольской Рентереѣ (Казначействѣ). [14]

Деревянный памятникъ въ Березовѣ надъ могилою Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и супруги его сгорѣлъ во время горѣнія Богородице-Рождественской церкви, 20 Февраля, 1764 года, на сырной недѣлѣ, отъ неосторожности пьянаго трапезника, 55-лѣтняго разночинца, Петра Өедорова. [15] Отъ этого памятника, во время проживанія моего въ Березовѣ, оставались обгорѣлыя и обуглившіяся бревна, бывшія основаніемъ памятника, вросшія въ землю и покрывшіяся дерномъ. Такимъ образомъ по возвышенности ихъ, противъ уровня земли, видно пространство бывшаго памятника и сохранилось объ немъ неопровержимое преданіе у Березовцовъ. Собираясь оставить Березовъ, я, 5 Ноября, 1849 года, сдѣлалъ измѣреніе разстоянія этого бывшаго памятника Долгорукихъ отъ другихъ, вблизи лежащихъ, мѣстъ. Отъ крыльца настоящей, каменной Богородице-Рождественской церкви, на сѣверозападъ, онъ въ 7 саженяхъ. Отъ западной стѣны придѣла, во имя Св. Антонія и Өеодосія Печерскихъ, прямо на западъ, въ 9 саженяхъ. Отъ фундамента церковной ограды внѣ $1^1/_2$ сажени. Отъ буерака или ручья, прямо на сѣверъ, 10 саженъ. Отъ бывшаго острога въ 14 саженяхъ. Отъ могилы Долгорукихъ до могилы Остермана, на сѣверозападъ, 18-ть саженъ.

Николай Абрамовъ.

24 Ноября, 1865 года.
Г. Семипалатинскъ.

---

[14] Указъ Сибирской Губернской Канцеляріи Березовской Воеводской Канцеляріи, отъ 28 Мая, 1746 года, за N 5653, за подписомъ Губернатора Алексѣя Сухарева.

[15] Прочія 17 иконъ были: 1) Образъ Спасителя на краскѣ подъ слюдой; 2) Екатерины Великомученицы, съ вѣнцомъ серебрянымъ; 3) Іоанна Богослова; 4) Казанской Божіей Матери, съ серебрянымъ окладомъ, вѣнцомъ и гривною; 5) Владимирской Божіей Матери; 6) Святителя Николая; 7) Іоанна Воина; 8) Антонія и Өеодосія; 9) Знаменія Божіей Матери; 10) Благовѣщенія; 11) Владимирской Богородицы; 12) Иліи Пророка; 13) Іоанна Богослова; 14) Створы на нихъ, Св. Антоній и Өеодосій; 15) Св. Симеона и Іоанна; 16) Одигитріи Божіей Матери; 17) Іоасафа Царевича и Варлаама.

[16] Дѣло Березовской Воеводской канцеляріи «О сгорѣніи Богородице-Рождественской церкви въ 1764 году.»

МОГИЛА

ГРАФА АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ОСТЕРМАНА

ВЪ БЕРЕЗОВѢ.

1742 — 1747 г.

Послѣ отбытія изъ города Березова (Тобольской Губерніи) семейства Князя Долгорукого, чрезъ четыре года, въ 1742 году, прибылъ туда въ ссылку [1] и занялъ ихъ мѣсто, въ томъ же острогѣ, Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, съ супругою Мароой Ивановной, урожденной Стрешневой. По собраннымъ мною (съ 1842—1849 г.) въ Березовѣ преданіямъ отъ разныхъ старыхъ людей, Остерманъ былъ слабаго здоровья, страдалъ подагрою, ходилъ съ костылемъ и носилъ постоянно бархатные сапоги. Когда они нѣсколько поизнашивались, то отдавалъ бѣднымъ жителямъ: мущины, или мальчики, изъ голенищъ выбирали и шили себѣ жилеты, а женщины верхи къ чабакамъ (женская, теплая шапка). Въ 1747 году, 31 Мая, этотъ изгнанникъ въ Березовѣ скончался, имѣя отъ роду 61 годъ. Похороненъ, въ 22 саженяхъ, на сѣверозападѣ отъ Богородице-Рождественской (Заручейной) церкви, стоявшей близъ острога, гдѣ Остерманъ содержался и, какъ Лютеранинъ, далѣе другихъ, похороненныхъ тамъ, Православныхъ. На могилѣ его супруга построила памятникъ или, какъ называли Березовцы, часовню, изъ деревянныхъ, толстыхъ брусьевъ, какъ говорилось: въ замокъ концовъ, одинъ въ другіе. Длина памятника

---

[1] Манифестъ Императрицы Елисаветы Петровны 22 Генваря, 1742 г., печатанъ при Сенатѣ 23 Генваря, 1742 года.

пять, ширина и высота по четыре аршина. Покрытъ въ двѣ доски, со свѣсами, фигурно, угловато вырѣзанными. Съ восточной стороны была дверь, съ верху полукруглая, на югѣ протесъ или узкое и горизонтально длинное окно, почти подъ самой крышей, чтобы, за высотою его, не могъ никто снаружи смотрѣть въ него, въ то время, когда супруга Остермана молилась днемъ, а нерѣдко и ночью, на могилѣ мужа. Внутри памятника, ближе къ сѣверной сторонѣ, надъ самой могилою, былъ устроенъ катафалкъ, и на немъ пустой съ крышкою гробъ, подобный тому, въ какой положенъ Графъ въ могилѣ. Впереди на стѣнѣ находилась икона, предъ нею лампада, съ горящимъ, во время молитвы, елеемъ, предъ ними аналой, съ лежавшею книгой, по которой Графиня молилась объ упокоеніи души супруга въ лучшемъ безмятежномъ мірѣ. Въ началѣ Сентября, того же 1747 года, супругѣ Остермана предстояло отправиться изъ Березова на суднѣ въ Тобольскъ, а оттуда въ Россію. Всю послѣднюю ночь она провела на могилѣ мужа, въ слезахъ и молитвахъ. Послѣ отъѣзда ея изъ Березова, между жителями произошелъ вымыслъ, что она въ послѣднюю ночь, съ помощію находившихся у ней дворовыхъ людей, [2] вырыла тѣло мужа изъ земли и, положивъ въ большой ящикъ, заливъ воскомъ, увезла съ собою въ Россію. [3] Но этотъ вымыселъ, какъ скажу въ послѣдствіи, не оправдался.

---

[2] Изъ дворовыхъ людей Остермана извѣстны, по дѣламъ Воеводской Канцеляріи, Андрей Ершовъ, съ женою Натальей Яковлевою и двумя дочерьми.

[3] Во время проживанія моего въ Березовѣ многіе старые люди передавали мнѣ этотъ вымыселъ. Вотъ тождественное съ прочими сказаніе мнѣ отставнаго Казака, старика Флора Ослопова, человѣка набожнаго, чтеца и пѣвца въ церкви: «Отецъ мой, когда я былъ въ малолѣтствѣ, водилъ меня у Заручейной церкви, по могиламъ Государственныхъ преступниковъ, и говорилъ: «Вотъ, Флорушко, это могила Князя Долгорукаго, близъ самой почти церкви; вотъ предъ алтаремъ была могила Князя Меншикова, на мысу; на ней была часовня и сгорѣла о тѣ поры (тогда), когда сгорѣла деревянная Заручейная церковь, которую строилъ Меншиковъ. Вотъ дальше, на сѣверо-западъ, могила, съ часовнею, Нѣмца Остермана. Этотъ старикъ былъ худоногой, въ острогѣ жилъ, ходилъ съ костылькомъ. На ногахъ бархатные сапоги; поноситъ ихъ и отдастъ бывало на желетки робятамъ Березовскимъ, либо старикамъ, либо на чабаки. Какъ умеръ, то жена его, чтобы украсти его изъ могилы, сдѣлала надъ могилою глухую часовню, одно окошечко

Послѣ смерти Остермана, памятникъ на могилѣ его оставался лѣтъ сорокъ запертымъ на замокъ, и былъ невредимъ; потомъ, вѣроятно, въ слѣдствіе сказаннаго вымысла, что въ могилѣ покойника нѣтъ, замокъ отворенъ, катафалкъ, съ стоявшимъ на немъ гробомъ, сломанъ, и самый памятникъ обращенъ въ кладовую разныхъ, принадлежащихъ къ церкви, малоцѣнныхъ вещей: уголья, носилокъ, на которыхъ ставятъ гробы покойниковъ и проч. Наконецъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, Священникъ Богородице-Рождественской церкви, Стефанъ Ногинъ, вѣроятно, основываясь на томъ же вымыслѣ, что подъ памятникомъ [4] нѣтъ покойника и онъ стоитъ по пусту, перевезъ памятникъ къ себѣ на дворъ и перестроилъ изъ него анбарушку, для поклажи вещей хозяйственныхъ. Анбарушка эта сгорѣла въ бывшій въ Березовѣ большой пожаръ, 19 Іюня, 1806 года. [5] Отъ этого памятника, во время проживанія моего въ Березовѣ, оставались на своемъ мѣстѣ окладныя бревна, изъ лиственицы, вросшія въ землю; и такъ какъ между ними внутри лѣтомъ почти постоянно стоитъ, сначала снѣжная, потомъ дождевая, вода, то этѣ бревна окрѣпли, можно ска-

---

подъ крышой: бывало, говорилъ Отецъ, лѣпишься, въ робятствѣ, чтобы увидѣть, что есть въ часовнѣ, да и бухнешь на полъ (на землю); вишь, (видишь) ровна была заборка. А какъ Остерманиху велѣли возвратить изъ Березова, то она послѣднюю цѣлую ночь была въ часовнѣ, вырыла старика изъ земли, положила въ сундукъ и увезла съ собой въ Россію. Когда назавтра этотъ сундукъ несли наши Казаки на судно уже послѣ всей ея поклажи, и за сундукомъ она шла сама, то заплатила за переноску сундука серебряными рублевиками. Въ суднѣ уже, если надобно было тотъ сундукъ перестaвить съ мѣста на мѣсто, то давала, двумъ Казакамъ, по серебряному рублевику. Но хотѣла схитрить отъ людей, да земля свое взяла. Какъ совсѣмъ было готово къ отправкѣ судно, вдругъ подулъ сильной сѣверный вѣтеръ, дворовая дѣвка Остерманихи стояла близъ паруса, и такъ ее сильно дернуло, что она упала въ воду и утонула. Нашли въ водѣ дѣвку уже послѣ отхода судна, и похоронили. Вотъ и вышло такъ: мужа мертваго съ собою взяла, за то оставила въ Березовской землѣ свою дѣвку.»

[4] 65-лѣтній Сотникъ, Алексѣй Ивановичъ Полѣновъ, въ 1843 году, сказывалъ мнѣ въ Березовѣ, между прочимъ: «Памятникъ Остермана какъ теперь вижу.»

[5] Живое преданіе Березовскихъ жителей, которые, въ молодости своей, видѣли этотъ памятникъ на своемъ мѣстѣ.

зать окаменѣли, и могила Остермана, чрезъ нихъ, осталась не потерянною, и мнѣ показана Березовскими жителями въ 1843 году.

Начальникъ Уральской Экспедиціи, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, Инженеръ-Полковникъ Эрнстъ Карловичъ Гофманъ, въ послѣдствіи Генералъ-Маіоръ, былъ два раза въ Березовѣ. Сначала, по спускѣ съ Уральскихъ горъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, 1847 года, въ ожиданіи зимней дороги въ Россію, а потомъ въ Іюнѣ, 1848 года, по возвращеніи изъ Петербурга, чтобы опять подняться на Уральскій хребетъ. Проживая нѣсколько недѣль въ Березовѣ, въ ожиданіи наступленія теплаго лѣтняго времени, онъ желалъ узнать, на сколько тамъ промерзаетъ въ зиму земля. А потому 2 Іюня [6] велѣлъ сдѣлать шурфы, невдалекѣ отъ Богородице-Рождественской церкви, и рабочіе нечаянно угодили на могилу Остермана. При чемъ въ выбитомъ шурфѣ, глубиною болѣе $2\frac{1}{2}$ аршинъ, оказались остатки дубоваго гроба (гдѣ взяли это дерево, —угадать трудно), который внутри былъ обитъ бѣлою тафтою, снаружи околоченъ кофейнаго цвѣта матеріею, въ родѣ грогро, и по краямъ обложенъ золотымъ позументомъ; на изголовьи черепъ покойника. За тѣмъ Эрнстъ Карловичъ обратился ко мнѣ за свѣдѣніемъ, чья эта могила? Знавши объ ней прежде, я объяснилъ ему. [7] Шурфъ засыпанъ, въ слѣдующее Воскресенье на могилѣ отслужена панихида. За тѣмъ приступлено къ сооруженію новаго памятника. На могилѣ сдѣлана высокая земляная насыпь, покрытая зеленѣющимъ дерномъ. Изъ смолеватой, толстой сосны сдѣланъ массивный Нѣмецкій крестъ. По указанію находившагося въ Уральской Экспедиціи естествоиспытателя, Поручика Датской службы Бранта, этотъ крестъ сначала былъ окрашенъ прегустою черною масляною краскою и со всѣхъ его сторонъ обсыпанъ ровно пескомъ, и въ такомъ видѣ засушенъ и выглаженъ, потомъ по этому составу, опять, на два раза, окрашенъ черною масляною краскою. Этотъ крестъ поставили, съ утвержденіемъ въ землѣ глубоко, съ двухъ сторонъ, отводными толстыми деревянными подпоринами, держащими его прямо. За тѣмъ, по отъѣздѣ Экспедиціи въ Уральскія горы,

---

[6] Въ Березовѣ въ началѣ Іюня земля оттаиваетъ не болѣе на $\frac{3}{4}$ аршина.

[7] Географическія Извѣстія, за 1848 годъ, стр. 109.

въ Іюлѣ мѣсяцѣ, по порученію Полковника Гофмана, приколочены мною на крестъ изъ мѣдной латуни, длиною болѣе полуторыхъ вершковъ, Латинскія буквы: H. O. (Henricus Ostermann), подъ Графскою короною. Около могилы построена ограда, изъ деревянныхъ брусковъ, толщиною каждый около двухъ вершковъ, длиною около полуторыхъ аршинъ, вставленныхъ съ низу въ деревянные лежни, а сверху въ такіе же толстые, со всѣхъ четырехъ сторонъ, горозонтально лежащіе, дереняннные брусья, и ограда эта окрашена черною масляною краскою. [8]

Николай Абрамовъ.

30-го Ноября, 1865 г.
Г. Семипалатинскъ.

[8] Сравн. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книга VI, 1852 г., стр. 324 и 325.

ЗАМѢТКА

ОБЪ ОДНОЙ МОГИЛѢ ВЪ ПОСАДѢ ПУЧЕЖѢ.[1]

Въ небольшомъ посадѣ Пучежѣ (Костромской Губерніи), на живописномъ берегу Волги, до 1764-го года стоялъ Пушавинскій Воскресенскій мужской монастырь. Обитель эта была упразднена въ началѣ царствованія Екатерины II; отъ извѣстнаго нѣкогда монастыря осталась только приходская церковь, съ широко раскинувшейся вокругъ нея оградой съ небольшими башнями. Мѣсто, на которой стоитъ эта церковь, весьма живописно: ограда примыкаетъ къ крутому берегу, съ котораго весной и лѣтомъ открывается чудный видъ на Волгу.

На зеленой лужайкѣ у церкви нѣсколько надгробныхъ памятниковъ; подъ однимъ изъ нихъ погребена женщина, которая многіе годы прожила въ посадѣ Пучежѣ подъ именемъ Варвары Мироновны. Женщина эта, по убѣжденію старожиловъ Пучежскихъ, очень хорошо знавшихъ Варвару Мироновну, была дочь Императрицы Елисаветы Петровны.

Живо заинтересованный таинственною личностью, я сталъ про нея распрашивать стариковъ и старухъ, и вотъ что услышалъ....

---

[1] Въ нашей исторической литературѣ не мало было статей и замѣтокъ о таинственной судьбѣ дочери Императрицы Елисаветы Петровны. О самомъ бракѣ Государыни съ Гр. А. Г. Разумовскимъ недавно еще помѣщенъ былъ въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ (1863 г., кн. 3, отд. 5, стр. 153—157), въ высшей степени интересный разсказъ (за обѣдомъ у Князя Варшавскаго, Графа И. Ѳ. Эриванскаго, записанный А. Я. С—комъ, со словъ покойнаго Графа С. С. Уварова). Въ настоящей замѣткѣ мы сочли не безъинтереснымъ для любителей исторіи сгруппировать нѣсколько народныхъ разсказовъ Пучежанъ и Пучежанокъ объ одной могилѣ въ этомъ посадѣ. Въ могилѣ этой, по убѣжденію мѣстныхъ жителей, схоронена не кто другая, какъ дочь Императрицы Елисаветы Петровны. Передаемъ народные толки безъ всякихъ съ нашей стороны измѣненій, именно такъ, какъ они были выслушаны нами отъ народа, и отнюдь не ручаясь за то, чтобы народное преданіе было совершенная истина.

Передаю, безъ какихъ либо съ моей стороны измѣненій, всѣ подробности преданія, и рѣчью почтенной старушки мѣщанки; съ особеннымъ одушевленіемъ говорила она мнѣ о Варварѣ Мироновнѣ....

Привезена была Варвара Мироновна сверьху, съ Питера, значитъ, въ давнее время. Я еще и на свѣтѣ-то не была (такъ говорила старушка); привезъ ее, сказываютъ, Полковникъ, што ль какой, и ни какъ при матушкѣ еще, вишь, Павла Петровича. А была ужь она, Варвара Мироновна, въ лѣтахъ середственныхъ, ни какъ пятый десятокъ шелъ. Искала она по Волгѣ мѣста, гдѣ бъ поселиться. Пучежъ нашъ и понравься ей... Да и нельзя нашему мѣсту не понравиться: народъ, вишь, у насъ самый, то есть, добродушественный, опять же тутъ и тихо, глухо; одно слово, самое, то есть, душеспасительное мѣсто. Варвара-то Мироновна и говоритъ: «Останусь я здѣсь, въ Пучежѣ.» Ее Полковникъ и оставилъ.

«Выстроила она себѣ при этой при самой церькви келейку, (наши жь посадскіе и строили ту келью), и прожила въ ней Варвара Мироновна тишайшимъ образомъ безъ малаго годовъ пятьдесятъ. А родъ свой, значитъ, имя свое да отчество, навсегда соблюдала покойница въ скрытности; прозывать же она стала себя Варварой, сказываютъ, по тому дню, въ который вышла она въ міръ странствовать для спасенія по монастырямъ, Мироновной же прозвалась по міру по самому. Сказывать же про то, какого она доподлинно была роду, покойница не любила. Станутъ ее бывало наши Пучежескіе спрашивать, а она все шутки шутила; одному скажетъ: на кнутѣ, де, я родилась, другому: солдатска, молъ, бѣглая я дочь, третьему: зовутъ меня Анной Даниловой... А былъ у нея (видать сама не видала) Указъ такой, золотомъ, вишь, опечатанъ, Синодскій, аль другой какой: «Странницѣ, молъ, Варварѣ Мироновой, чинить всякое вспоможеніе, и коли, молъ, пожелаютъ онѣ при какой церкви поселиться, тому не препятствовать, и давать ей на построенье да на прожитье изъ церковной суммы столько-то.....» Только какъ это ни было въ скрытности, какого, значитъ, роду была Варвара Мироновна, а всѣ у насъ въ Пучежѣ и старые и малые скоро свѣдали, что была она дочь Императрицы Елисаветы Петровны, внучка, стало быть, Петра Великаго... А съ того самаго времени, какъ маменька ея скончаться изволили, Варвара Мироновна проживали въ разныхъ мѣстахъ,

а болѣе того при монастыряхъ. Такъ, сказываютъ, жила она долго въ Орлѣ... И ума была покойница (царствіе ей небесное!) прозорливаго... она, вѣдь, и пророчествовала»... таинственно заключила старушка.

— Не помните ли, о чемъ она пророчествовала? перебилъ я разсказщицу.

«Кому что, кто о чемъ спрашивалъ. Такъ, къ слову сказать, о ту пору, какъ была я дѣвонькой-невѣстой, желательно было мнѣ узнать про судьбу свою. — Пойдемъ, говоритъ мнѣ старушка сусѣдка, — пойдемъ, говоритъ, къ Варварѣ Мироновнѣ! — «Боюсь, говорю, бабушка!» — Чего бояться-то, глупенькая? Не съѣстъ, а може, что и на доброе скажетъ. — Приходимъ. — «Кто-тамъ?» кричитъ Варвара Мироновна. «Палагея, посмотри, кто тамъ пришелъ?» (Унея, вишь, послушница была Палагея Артамоновна, старушка; далъ ее въ услужницы Царевичъ Грузинскій, Лысковскій баринъ, Егоръ Александровичъ). — «Старушка, молъ, съ дѣвонькой, съ Ольгой.» «Пусть войдутъ!». — Кланяемся. Варвара Мироновна сидитъ, по обноковенію, вся въ бѣломъ и бѣлымъ платкомъ повязавшись (одѣвалась она по мірскому, хоша и сказывали о то время, что она въ тайный образъ была пострижена и наперсный крестъ какой-то имѣла), сидитъ въ креслахъ и глядитъ этакъ зрительно на образъ Спасителя. — «Что, милушка, скажешь?» Такъ, молъ, и такъ, Варвара Миронова, объясняю имъ, женихъ на мнѣ высватался: выходить что ль замужъ?» (у насъ, вѣдь, самъ знаешь, замужъ выдавали куда какъ рано!); буду ль счастлива?» — «Стань, говоритъ, на колѣни, молись Спасителю!» Стала это я на колѣни, предъ иконою; а икона у Варвары Мироновны была большая, чудотворная, ризы богатыя, письмо старинное. Молюсь я со усердіемъ, плачу, да этакъ пристально-то, пристально, гляжу на ликъ Спасителевъ; предъ нимъ лампадка горитъ; гляжу — а личико его вдругъ все стало старенькое да худенькое, пасмурное такое, а тамъ по маленьку и отошло, отошло, и розовое молодое, да доброе изъ себя такое сдѣлалось. — «Что, Ольгушка, помолилась?» — Помолилась. — «Такъ вотъ что я тебѣ скажу, сердешная: молись ты почаще, молись поусерднѣй, и съ молитвой да съ надеждой на Господа Спаса нашего выходи за мужъ! Коли не забудешь Бога, счастлива ты будешь семь лѣтъ; на восьмой годъ будетъ тѣ несчастье большое,

а тамъ, какъ оправишься отъ горя, будешь жить во спокойствіи». И чтобъ ты думалъ, милый человѣкъ? Вѣдь и впрямь: по пророческому слову на восьмомъ, аль на девятомъ, году, похоронила я мужа своего, горе большое было, а тамъ сынъ подросъ, и живу я безъ горя, по милости Господа Спаса нашего, да по молитвамъ покойницы, Варвары Мироновны. А вотъ сродственницѣ моей... та тоже замужъ выходила, и выходила она за богатаго; пришла этакъ разряженная, форсистая.—«Нѣтъ тѣ счастія, сказала ей Варвара Мироновна: быть на тебѣ большому злополучію.» Мужъ-то, вѣдь, сродственницы моей и обанкрутился, съ эвтихъ што ль словъ Варвары Мироновны! и ужь чего только, чего не натерпѣлась моя въ своей жизни...»

Собесѣдница моя готова была разсыпаться въ разсказахъ о злополучіяхъ сродственницы, но я вновь навелъ разговоръ на загадочную Мироновну.

— Власти не токмо что уважали, а ровно какъ боялись Варвары Мироновны. Въ первые годы, какъ поселилась она въ Пучежѣ, пріѣхалъ это Архіерей новый на Костромскую Епархію. Хорошо. Ѣздилъ по Епархіи, прибылъ Преосвященный и въ Пучежъ. Сказываютъ ему про Варвару.—«Что, говоритъ Владыко, что это за женщина, что за побродяжница? Позвать ее ко мнѣ!» Та не йдетъ. Звалъ онъ ее до трехъ разъ.—Знать ничего не хочетъ Варвара Мироновна, по тому какъ понимаетъ она изъ себя, кто она такая, такъ и Владыко ей не грозенъ. Идетъ онъ къ ней, идетъ въ келью, гнѣвенъ. Сидитъ тамъ часъ, сидитъ другой... И выходитъ нашъ Преосвященный изъ кельи тишайшимъ образомъ, благословляетъ Варвару Мироновну умиленно, съ кротостью... Вотъ какова была Варвара Мироновна! Владыко ли пріѣдетъ, Губернаторъ ли, аль Сенаторъ изъ Петербурга проѣздомъ, найкажинный зайдетъ, бывало, къ ней на поклонъ. А Лысковскій баринъ, Егоръ Александровичъ, такъ тотъ и зачастую наѣзжалъ въ Пучежъ, по тому большое уваженіе имѣлъ къ Варварѣ Мироновнѣ, опять же и зналъ, надотѣ думать, изъ какихъ она была. [1] Припасы ль, бывало, аль денегъ, книгъ (до книгъ покойница бы-

[1] Князь Егоръ Александровичъ Грузинскій, Дѣйств. Камергеръ, родился 1762 г., умеръ въ 1852-мъ.

ла охоча), прислугу ль дать, всякое бывало удовольствіе дѣлалъ. Царевичъ же Грузинскій Покойницѣ и келью-то новую выстроилъ, какъ прежняя ея келья подгнивать зачала; онъ и хоронить ее пріѣзжалъ изъ Лыскова. Поповъ-то, поповъ, что было имъ названо о ту пору, ни какъ человѣкъ двадцать, коли не больше было! Какъ теперь гляжу: хоронили это ее во вторникъ, какъ есть весь Пучежъ былъ на погребеніи Варвары Мироновны. Лысковскій баринъ и памятникъ надъ ней поставилъ...вотъ, погляди!»

Я подошелъ къ церкви съ южной стороны, и здѣсь увидалъ, на зеленой лужайкѣ, памятникъ. На четырехъ невысокихъ каменныхъ столбахъ поставленъ изъ известковаго камня катафалкъ въ формѣ гроба, съ изображеніемъ на немъ обыкновенныхъ украшеній: мертвой головы, голеней на крестѣ и проч. Надъ катафалкомъ желѣзная, зеленой краской крашенная, крыша, за тѣмъ, на лѣвой сторонѣ памятника (совершенно почти новаго, такъ онъ хорошо сохраняется) надпись:

«Подъ симъ камнемъ покоится прахъ рабы Божіей, инокини Аркадіи, скончавшейся 1839 года, Генваря 22 дня».

Съ правой стороны памятника другая надпись:

«Инокиня Аркадія проживала въ посадѣ Пучежѣ, при Пушавинской церкви, 50 лѣтъ, скрывъ настоящее свое званіе и родъ, а называлась Варварою Мироновою, по прозванью Назарьевой; житѣя жь ей сколько было, остается неизвѣстно.»

— «Разно толкуютъ, говорилъ мнѣ въ тотъ же день одинъ изъ старожиловъ посадскихъ: кто говоритъ, что было лѣтъ 90 Варварѣ Мироновнѣ, по словамъ другихъ—105; вѣрно то, что она пріѣхала сюда около 1789-го года, и уже женщиной пожилой. Вотъ что я слышалъ, говорилъ мой собесѣдникъ, отъ покойнаго здѣшняго Священника: Варвару Мироновну, вмѣстѣ съ другими четырьмя женскими персонами, привезъ въ Пучежъ Полковникъ Бушуевъ; Варвару онъ оставилъ здѣсь, остальныхъ повезъ дальше, но куда, неизвѣстно. Имени своего привезенная не сказывала, грустить не грустила, а стала жить при церкви, въ видѣ простой инокини, хотя не слыхать, чтобъ она когда ни будь ходила въ монашескомъ платьѣ. На одной изъ ея книгъ, попавшейся мнѣ, была

надпись: «Сей Новый Завѣтъ принадлежитъ дѣвицѣ Аннѣ Даниловой», но ея ли это надпись, прежней ли владѣлицы книги, не знаю; но надпись, какъ видите, ничего не разъясняла. Книгъ же вообще Варвары Мироновны было много, большой частью священныя, иностранныхъ книгъ покойный Священникъ (тесть мой) не видалъ у нея. Случалось ему, такъ передавалъ онъ мнѣ, писать письма подъ диктовку Варвары Мироновны, писала, впрочемъ, и сама она; письма эти были зачастую въ Петербургъ, къ разнымъ Вельможамъ; такъ, на пр., покойникъ помнилъ, что онъ писалъ, по порученію Варвары Мироновны, къ Графу Виктору Павловичу Кочубею. Письма были о нуждахъ Варвары Мироновны, ея просьбы о милостыни на церкви и т. п. Наши Пучежане весьма уважали старушку, безпрестанно обращались къ ней за совѣтами, и считали ее женщиной чуть не святой. Я ее засталъ въ живыхъ, но она была уже очень ветха, сидѣла обыкновенно въ креслахъ на колесахъ, и послѣдніе годы своей жизни не могла даже пріѣзжать (на своемъ креслѣ) въ церьковь. Имѣла она какой-то крестъ на Анненской лентѣ и получала, за вѣрное вамъ не вѣдаю, а сказывали мнѣ, что получала она изъ Петербурга какую-то пенсію, по однимъ въ 200 руб., по другимъ извѣстіямъ больше.... Унасъ въ Пучежѣ всѣ и всегда были убѣждены, что инокиня Аркадія не кто другая была, какъ дочь Императрицы Елисаветы Петровны»...

У ногъ таинственной монахини погребена ея вѣрная прислужница, Пелагея, или Прасковья, Артамонова; она умерла въ 1852-мъ году и завѣщала погребсти себя у ногъ своей госпожи.

Противъ алтаря, у ограды, выходящей на Волгу, до сихъ поръ можно видѣть часть фундамента, на которомъ стояла келья таинственной старушки; тутъ же растетъ липа, осѣнявшая тѣнью своихъ вѣтвей пустыньку инокини Аркадіи; келья продана на своэъ въ 1840-хъ годахъ. Недалеко отъ этого мѣста, въ одной изъ башенъ Пушавинской церковной ограды, живетъ одна старушка мѣщанка, начетчица церковныхъ книгъ. Въ надеждѣ свѣдать отъ нея что либо про Варвару Мироновну, я зашелъ въ башеньку. Въ деревянныхъ небольшихъ сѣнцахъ, придѣланныхъ къ башнѣ, встрѣтила меня сама хозяйка, полная, румяная старушка въ черномъ ситцевомъ платьѣ и въ такомъ же платкѣ, повязан-

номъ на голову. Въ башенной коморкѣ, освѣщенной небольшимъ окномъ, выходящимъ на Волгу, стояло нѣсколько образовъ, и въ углу, подлѣ печки, лежала куча книгъ. Мѣстами, на чисто выбѣленныхъ стѣнахъ, виднѣлись надписи церковнаго письма. Простой столъ и табуретъ довершали убранство комнатки.

Послѣ нѣсколькихъ обыденныхъ фразъ, въ родѣ извиненій: «Ахъ, батюшка, простите, что такъ меня застали; у меня-то ничего не прибрано,» и т. п., разговоръ зашелъ о Варварѣ Мироновнѣ.

— «Какъ не знать, какъ не знать: знавала ее, матушку, заговорила обитательница башни, какъ-то странно втягивая въ себя воздухъ послѣ каждой фразы: персона была высокая, знатная, доченька въ Бозѣ почившей Благовѣрной Государыни Императрицы Елисаветы Петровны. Варвара Мироновна хоша и не любила говорить-то о своей матушкѣ, одначе разъ какъ-то и разговорись объ этомъ съ своей Прасковьюшкой, и скажи она ей: «Помню, де, я, помню, какъ подносили меня малешонькою во дворцѣ какомъ-то, въ Петербургѣ, къ женской персонѣ..... а персона та была полная, изъ себя фасонистая, видная; платье-то на ней было богатое, богатѣйшее штофное, а волоса-то пудреные. И цѣловала, де, она меня, и ласкала, дочкой звала»....

— Кто жь отцомъ былъ Варвары Мироновны?

«Говорила, говорила она и объ отцѣ... Я было и запамятовала...да, нѣтъ..,такъ точно... Графа Разумовскаго называла, и погребенъ онъ, вишь, сказываютъ, въ Батуринѣ... И жила перво на перво Варвара Мироновна въ богатѣйшемъ какомъ ни на есть дворцѣ, а тамъ еще молодешенькой захотѣлось ей странствовать, въ Кіевскія пещеры на поклонъ итить... Пошла.....Нагнала ее въ дорогѣ погоня: два Енерала...Взяли ее, матушку, привезли опять въ ея, значитъ, полаты. Только какъ она выросла, значитъ, по Евангелію, святости всякой сподобилась, такъ убѣжала она и во второй разъ... И слышитъ она, душевный ты мой, погоня за ней новая. Испугалась она, матушка, да на ту пору усмотрѣла нищую; стала просить ея рубище... И выпросила тое рубище за свое платьице богатѣющее. Одначе, Енералы изловили странницу. Стала она говорить: «Убѣгу, де, и втретьи, а то и руки на себя

наложу, коли не станете пущать; не хочу я жить въ роскоши: хочу я жить на міру странницей, въ бѣдности да въ убожествѣ»... Видѣвши то ее такое желанье, дали ей пачпортъ и пустили въ міръ, въ хожденье по монастырямъ да къ святымъ угодникамъ... А какъ начнетъ бывало что разсказывать покойница (царствіе ей небесное!), такъ рѣчь у нея бывало такая гладкая, хорошая: не нашинская, не холопская! Сказываютъ, Митрополитъ Санктпетербурскій Гавріилъ отцомъ ея духовнымъ былъ... А при церквахъ были у нея кельи: въ Орлѣ, въ Арзамасѣ... Въ Орлѣ она выжила нѣсколько годовъ. Отцомъ духовнымъ былъ у нея тамъ кладбищенской Іоанновской церкви Протоіерей Лука Малиновъ, не изволишь ли знать? правда, нонѣ давно ужь покойникъ... Была я у него, была, какъ ходила въ Кіевъ. Вхожу, а отецъ Лука сидитъ безъ движенія и безъ словесъ отъ параличной болѣзни. Варвару-то Мироновну Богъ о то время взялъ къ себѣ (мало, вишь, у Него Ангельскаго чина!). Слышамши отъ покойницы, какъ, то есть, любилъ ее въ Орлѣ отецъ Лука, стала ему я сказывать о преставленіи Варвары Мироновны. Гляжу, — а у батюшки такъ слезы въ три ручья, въ три ручья!... А онъ ужъ нѣсколько лѣтъ и не плакалъ отъ параличной болѣзни... Попросила я у него благословенія,—и у него, на это время, и благословеніе сказалось, и рука поднялась! Отъ одного, вишь, мнѣнья о Варварѣ Мироновнѣ нѣмые глаголятъ, недвижные двигаются»..

— Разскажите, пожалуйста, какую она жизнь здѣсь вела?

«Жила, какъ жить подобаетъ на спасеніе души: найкажинный день читала по семи Житій; въ церковь возили ее зимой въ саночкахъ, лѣтомъ на телѣжкѣ: по старости своей ходить-то ужь она не домогала; говядины никогда не потребляла; велитъ это, бывало, зажарить себѣ лещика, откушаетъ спиночку, остальнаго и не тронетъ. Икона была у ней чудотворная; молится, бывало, аль поученія приходящимъ говоритъ предъ ней,—и все, бывало, этакъ притчей, притчей, все, вишь, притчей сказываетъ; говоритъ этакъ тихонько, тихонько: смерть не любила, когда при ней громко говорили. Ея-то Прасковья Артамоновна, — не тѣмъ будь помянута!—женщина была изъ себя ндравная, голосистая, на языкъ-то безъ удержу; бывало, что ни день, такъ схватится съ кѣмъ ни будь: браниться значитъ люта была! Такъ Варвара Мироновна

подвизала ее къ смиренію; подзоветъ, вытащитъ изъ за креселъца своего плеточку (такая у нихъ плеточка была о двухъ концахъ), и начнетъ постегивать, значитъ, поучать, и начнетъ.... поучаетъ потедова, покедова, значитъ, ручка ея устанетъ. И о то время Прасковьюшка ея только мычитъ, по тому, какъ понимаетъ она, что не по злобѣ то дѣлается, а по благодушествію, на лѣпоту душевную, такъ и не приходится ей сердце имѣты! Опять же и понимала, какова изъ себя рода Варвара Мироновна. Погорячитъ, погорячитъ, а тамъ и отойдетъ....Ангельскую добрегу имѣла Варвара Мироновна. Нужда ли какая кому на Пучежѣ, въ рекруты што ль кого сдаютъ,—придетъ это отецъ, аль братъ сдачнаго, станутъ плакаться да просить: «Заступись, молъ, матушка, Варвара Мироновна!» Гонитъ она сперва: «Не мое, молъ, это дѣло«; а къ скончанію и напишетъ письмо: либо въ Кострому, къ Губернатору, либо въ Питербурхъ. Глядишь, а оттуда рѣшенье: «сдѣлать по желанью такое-то Варвары Мироновны». Силу имѣла....., Сама Императрица Марья Θедоровна ей матеріи на платья присылала... и по сю пору у насъ, въ Пупшавинской церкви, ризы есть изъ этой самой матеріи... Варвара Мироновна пожертвовала ихъ на церковь.

«А сила ея была такова, продолжала разскащица; Лысковскаго-то барина, Егора Александровича, сказываютъ, отъ Сибито она слободила; а то, по душегубствамъ-то его, быть бы ему въ Сибири! Варвара Мироновна, по пріязни писала о немъ къ Министрамъ, аль къ Сенаторамъ какимъ; его и не сослали; только что въ Питеръ да въ Москву запретъ ему вышелъ ѣздить. Такъ тотъ навсегда это чувствовалъ, кому, то есть, онъ обязанъ. И какъ хоронить пріѣзжалъ Мироновну, очень ужь печалился, смутный такой изъ себя былъ... «Знаете ли, говорилъ намъ Царевичъ Грузинскій о ту пору: кто у васъ въ Пучежѣ-то жила? Вѣдь, это дочь Императрицы Елисаветы Петровны, внука Императора Петра Алексѣевича, вотъ какого роду!» И по сю пору, по завѣщанію Егора Александровича, найкажинный годъ, 22-го Генваря, служатъ панафиду по покойницѣ, царствіе ей небесное! Я, вѣдь, такое мнѣніе держу, заключила таинственнымъ шепотомъ старушка: коли теперь вскопать ея могилку, такъ тѣло Варвары Мироновны, безъ сумнѣнія, обрѣтено будетъ нетлѣннымъ.... »

Читатели наши да не подивятся, что мы такъ много дали мѣста разсказамъ простодушныхъ обитателей и обитательницъ скромнаго посада Пучежа. Спору нѣтъ, въ подробностяхъ своихъ роасказни этѣ носятъ на себѣ сказочный, фантастическій характеръ. Варвара Мироновна обращена уже въ повѣствованіяхъ разныхъ старухъ въ какое-то миѳическое существо; ея житіе складывается уже по образцамъ житій другихъ блаженныхъ подвижницъ. Но если подробности фантастичны, то въ основѣ своей разсказы Пучежанъ и Пучежанокъ имѣютъ безспорно историческій фактъ и живую личность,—происхожденіе которой и имя, Богъ вѣсть по чему, скрыты отъ потомства, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ надгробная надпись, нами видѣнная, нами слышанная и выше приведенная. Кто же была эта таинственная инокиня Аркадія? Народъ прямо говоритъ, что это была дочь Императрицы Елисаветы Петровны. Не беремся, да и не имѣемъ данныхъ, ни опровергнуть, ни подтвердить, этого преданія, но въ то же время и не считаемъ себя въ правѣ не передать его здѣсь въ тѣхъ именно розсказняхъ, какія слышали мы о таинственной могилѣ въ самомъ Пучежѣ... Очень можетъ быть, что кто ни будь, изъ мѣстныхъ ли сторожиловъ, или владѣтель какихъ ни будь письменныхъ документовъ о Варварѣ Мироновнѣ, откликнется по поводу настоящей замѣтки, и, сообщивъ въ печать свои свѣдѣнія, разсѣетъ тайну, о которой гласитъ нагробный памятникъ инокини Аркадіи, о которой наконецъ вѣщаетъ и народное преданіе...

Какъ бы то ни было, но если загадочна судьба дѣтей Императрицы Елисаветы Петровны, то самый бракъ ея съ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ [3] давно уже пересталъ быть тайною для всѣхъ, кто сколько ни будь знакомъ съ отечественною исторіею. Объ этомъ бракѣ можно найти извѣстія не только у иностранныхъ писателей, но и въ Русскихъ печатныхъ источникахъ. [4] Бракъ совершился, по словамъ однихъ писателей,

---

[3] Скончался въ С.-Петербургѣ въ 1771-мъ году.

[4] Укажу, на пр., на соч. Вейдемейера: Царствован. Елис. Петровны, изд. 1834 г. Его же: Дворъ и замѣч. люди въ Россіи, 1846 г., ч. 1, стр. 2. Бантышъ-Каменскаго: Словарь дост. люд. 1836 г., ч. IV, стр. 265. Manstein, с. 440 и друг. По преданію, бракъ А. Г. Разумовскаго былъ совершенъ близъ Москвы, въ селѣ Покровскомъ. По другому въ Московской цер-

13-го Іюля, 1748-го года, по другимъ въ 1750-мъ году. Самое интересное извѣстіе о немъ заключается въ извѣстномъ разсказѣ Графа Сергѣя Семеновича Уварова, упомянутомъ нами выше (см. примѣчан. 1). Въ этомъ любопытномъ историческомъ документѣ Уваровъ приводитъ разсказъ тестя своего, Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, племянника Графа Алексѣя Григорьевича, о томъ, какъ къ послѣднему Екатерина II-я, въ первые годы своего царствованія, прислала однажды Графа Воронцова съ просьбой вручить ему всѣ документы, какими можетъ Разумовскій подтвердить подлинность брака своего съ покойной Императрицей Елисаветой, съ тѣмъ, что если такимъ образомъ онъ дѣйствительно былъ обвѣнчанъ съ покойной Государыней, то, объявивъ о томъ во всенародное извѣстіе, даровать бы ему, особымъ Указомъ, титулъ «Императорскаго Высочества.» Съ проектомъ Указа о дарованіи Разумовскому сего титула Воронцовъ отправился къ Графу Алексѣю Григорьевичу... Дальнѣйшее любопытствующіе могутъ прочесть въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1863 г., кн. 3, отд. V, стр. 155—156.

М. Семевскій.

кви Введенія въ Барашахъ, на Покровкѣ. Замѣтка объ этой церкви напечатана Снегиревымъ въ Москвитянинѣ 1844 г., X, 422—425. Любопытно, что историческія извѣстія иностранныхъ писателей о бракѣ Разумовскаго послужили содержаніемъ для піесы Bayard et Ch. Lafont: Comedie vaudeville en deux actes, подъ заглавіемъ: «Un changement», на театрѣ Gymnase dramatique въ 1845 г. Лѣтомъ 1859 г. я видѣлъ эту піесу въ Парижѣ на сценѣ того же театра; она выполнялась лучшими артистами и артистками, благодаря ихъ искусной игрѣ и грубѣйшему незнанію Французской публики Русской исторіи и Русскихъ нравовъ; піеса держится на сценѣ двадцать лѣтъ, и держиться съ успѣхомъ. Дѣйствующія лица въ ней слѣдующія: Elisabeth, Alexis Romanowski, т. е., Разумовскій, Графъ Шуваловъ (начальникъ Тайной Канцеляріи), Маіоръ Draken, комендантъ Петропавловской крѣпости, Foedora, его дочь (послѣднія два лица вымышленныя) и гвардейскій офицеръ. Первое дѣйствіе въ Петербургской крѣпости, второе — въ лѣтнемъ дворцѣ. Если бы мы не щадили вниманія нашихъ читателей, то изложили бы содержаніе этой Русско-исторической комедіи, написанной во Французскихъ нравахъ и по образцу безсмысленныхъ Французскихъ водевилей.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ МУЗЕЙ

и

БИБЛІОТЕКА.

Довольно уже протекло времени, какъ открыта въ Москвѣ Румянцевская Публичная Библіотека. Кто входилъ въ нее, не могъ не полюбоваться великолѣпіемъ залъ и красивою разстановкою книгъ по форматамъ, которая, впрочемъ, доставляетъ еще не малую выгоду и относительно помѣщенія. Нельзя также не полюбоваться и хорошимъ собраніемъ изданій, отличающихся особенною роскошью типографскою и художническою. Одно показалось намъ не заслуживающимъ одобренія, что книги поставлены такъ плотно и почти въ упоръ къ верхнимъ полкамъ, что нельзя пропустить свободно пальца, чтобы вынуть книгу, а отъ сего необходимо корешекъ книги долженъ быть попорченъ. Видно, что при помѣщеніи книгъ уже слишкомъ много заботились о красотѣ размѣщенія. По нашему мнѣнію, не слѣдовало бы пренебрегать и цѣлость переплета.

Послѣ открытія Румянцевскаго собранія поступили и еще многія и значительныя пожертвованія. И такъ публика имѣетъ уже теперь возможность пользоваться, по крайней мѣрѣ, Румянцевскимъ собраніемъ, для котораго, вѣроятно, уже имѣются каталоги. Но при этомъ, кажется, нельзя бы не обратить вниманіе и на большинство читателей, которое почло бы себя весьма обязаннымъ Библіотекѣ, если бы ему позволено было пользоваться

вновь выходящими книгами и повременными изданіями, доставляемыми въ Библіотеку. Въ послѣднемъ, т. е., пользованіи повременными изданіями, однако жь, со стороны Библіотеки читателямъ отказывается. По нашему мнѣнію, такой отказъ вовсе неоснователенъ. Можно бы это допустить относительно только тѣхъ изданій, которыя появляются ежедневно, или даже еженедѣльно, какъ, на пр., газеты и пр., по тому что вчерашній N нынѣ долженъ быть замѣщенъ сегодняшнимъ, а при значительномъ стеченіи читателей нельзя ни какъ удовлетворить любопытству многихъ однимъ N въ одинъ день. Но что касается до журналовъ, которые большею частію выходятъ черезъ мѣсяцъ, то ихъ можно бы предложить читающимъ, по тому что такая книжка, остающаяся на столѣ въ продолженіе мѣсяца, можетъ быть прочитана даже двумя стами читателей въ продолженіе сего времени. Впрочемъ, слѣдовало бы предварительно сдѣлать опытъ, и если бы оказались какія ни будь неудобства, тогда можно бы принять ту мѣру, которая принята теперь. Тогда бы и публика не могла роптать на отказъ, зная основательно онаго причину. Намъ сказывали, что, во избѣжаніе стеченія читателей, положено выдавать журналы и газеты для чтенія по истеченіи года послѣ ихъ изданія. Но кто жь тогда пойдетъ читать ихъ, и, Богъ вѣсть, сохранятся ли они вполнѣ къ тому времени?

Что касается Румянцевскаго собранія книгъ иностранныхъ, то, сколько мы знаемъ по слуху, оно весьма небогато первопечатными рѣдкостями и учеными изданіями классическихъ писателей, при богатствѣ книгъ историческихъ на языкахъ новѣйшихъ и старопечатныхъ книгъ и рукописей отечественныхъ. Это неудивительно. Извѣстна особенная любовь покойнаго Канцлера къ Отечественной Исторіи и Древностямъ. Этимъ и объясняется скудость памятниковъ классической словесности въ его библіотекѣ. Но недавно и этотъ недостатокъ восполненъ, во первыхъ, прекрасною и богатою библіотекою, купленною Государемъ Императоромъ у Члена Государственнаго Совѣта, Авраама Сергѣевича Норова, содержащею въ себѣ, кромѣ драгоцѣнныхъ рукописей классическихъ писателей, отличныя и рѣдкія ихъ изданія, [1] и во вто-

[1] Какъ жаль, что почтеннѣйшій собиратель этой избранной библіотеки, до-

рыхъ, также щедротою Государя Императора высланными сюда, въ значительномъ количествѣ, дублетами Императорской Публичной Библіотеки, въ числѣ которыхъ находятся многія отличныя уражи по части Филологіи и старопечатныя книги въ разныхъ родахъ западной литтературы.

Извѣстно, что у иностранцевъ памятники классической литературы составляютъ драгоцѣннѣйшую часть библіотекъ публичныхъ. Просвѣщенный Италіянецъ, Французъ, Нѣмецъ, Англичанинъ, стремятся туда, гдѣ болѣе находится сихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, какъ къ единственному и чистѣйшему источнику всеобщаго человѣческаго и гражданскаго образованія. По этому-то во всѣхъ просвѣщенныхъ Государствахъ Европы въ библіотекари библіотекъ публичныхъ всегда избирались, и доселѣ избираются, извѣстные филологи или изъ профессоровъ, или и изъ другихъ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями и особенною, страстною любовію къ Филологіи. Такія лица, естественно, дорожатъ такими памятниками и представляютъ въ этой любви надежнѣйшую гарантію ихъ храненія. Такимъ образомъ Геснеры, Рункены, Гейне, Бекки, Бутманны, были великіе филологи и хранители библіотекъ публичныхъ. Увидимъ вскорѣ примѣръ, какъ такіе хранители не только сберегали, но и обогащали, ввѣренныя имъ библіотеки новыми и важными пріобрѣтеніями. Причина такой особенной любви къ драгоцѣннымъ памятникамъ литературы и вообще ко всѣмъ важнѣйшимъ произведеніямъ по всѣмъ отраслямъ наукъ весьма понятна въ филологѣ. Какой главный предметъ и что составляетъ цѣль Филологіи? Критическая оцѣнка въ отношеніи къ подлинности, важности содержанія и ученой обработкѣ текста всякаго литературнаго произведенія. Новѣйшіе образцовые писатели и другія примѣчательныя произведенія не представляютъ въ этомъ отношеніи почти ни какихъ, или очень мало, затрудненій. Но памятники древней, средневѣковой и возраждающейся классической литературы, необходимо требуютъ филологическаго образованія и сколь возможно полнаго знанія ея исторіи. Въ этомъ случаѣ

селѣ не издалъ печатнаго ея каталога. Это есть единственное средство познакомить публику съ симъ прекраснымъ собраніемъ и сохранить его въ цѣлости.

между филологомъ и любителемъ искуствъ изящныхъ встрѣчается великое сходство. Какъ любитель искуствъ, не довольствуясь однимъ только изученіемъ памятниковъ, старается проникнуть въ самую исторію школъ и художниковъ, такъ и филологъ, изучая классическихъ писателей, не только изучаетъ исторію ихъ времени и обстоятельства ихъ жизни, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и исторію ихъ произведеній, съ самаго появленія ихъ въ рукописяхъ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ ихъ критической обработки знаменитѣйшими учеными. И отсюда-то его знакомство съ важнѣйшими и драгоцѣннѣйшими изданіями.

Можетъ быть скажутъ, что для такой оцѣнки довольно и однихъ антикварскихъ каталоговъ, каковы, на пр., каталоги Брюнета, Еберта и др. Но отъ какихъ же лицъ составители сихъ каталоговъ заимствуютъ свои свѣдѣнія о достоинствѣ и рѣдкости важнѣйшихъ изданій, какъ не изъ извѣстій, доставляемыхъ учеными? Что же касается до ихъ собственной оцѣнки достоинства какой ни будь книги, то она часто весьма произвольна, когда многія книги, не имѣющія ни какого внутренняго достоинства, включаются ими въ число избранныхъ только по красотѣ печати и бумаги, какъ, на пр., Лемерово изданіе Латинскихъ классиковъ, редакція котораго отнюдь не заслуживаетъ уваженія. Извѣстно также и то, что находится великое число книгъ весьма любопытныхъ и примѣчательныхъ, которыхъ вовсе нѣтъ поименованія въ антикварскихъ каталогахъ; но изъ числа и хорошихъ книгъ не всякое изданіе (развѣ съ немногими исключеніями) заслуживаетъ того, чтобы хранить его. Если сочиненіе издано вновь въ исправнѣйшемъ видѣ, если помѣщено въ другомъ полнѣйшемъ собраніи (какъ замѣчанія ученыхъ къ классикамъ), то какая нужда хранить, или пріобрѣтать, 1-е изданіе, хотя оно и находится въ антикварскихъ каталогахъ? Вотъ сколько требуется ученаго труда при разборѣ библіотеки, сколько внимательности при оцѣнкѣ книгъ по ихъ внутреннему достоинству, и сколько начитанности для отмѣтки книгъ по чему ни будь примѣчательныхъ, и по тому заслуживающихъ заботливаго храненія. Все это мы говоримъ въ томъ предположеніи, что наша Библіотека будетъ избранною библіотекою, по возможности, удовлетворяющею любознательности избраннаго и просвѣщеннаго общества. По этому надѣемся, что (мы скажемъ, мо-

жетъ быть, вопреки общему мнѣнію) она будетъ хранить даже и дублеты книгъ рѣдкихъ и примѣчательныхъ, и выброситъ великое число книгъ пустыхъ, не заслуживающихъ ни какого вниманія читателя образованнаго. Всякій согласится, что пошлые и забытые романы, въ родѣ, на прим., Орлова, негодные переводы негодныхъ иностранныхъ романовъ, плохіе учебники, изданные плохими учителями, дѣтскія книжки, составляемыя и издаваемыя книгопродавцами, ими же издаваемые лѣчебники и хозяйственныя книги неизвѣстныхъ авторовъ, искусные повара и поварихи, оракулы, снотолкователи, даже стереотипные классики, издаваемые для учащихся, наконецъ иногда множество дефектовъ, не содержащихъ въ себѣ ничего полнаго и цѣлаго, [2] не заслуживаютъ другаго назначенія, кромѣ толкучаго рынка. Если прибавимъ къ этому еще дѣльныя или хорошія книги (буде экземпяровъ ихъ накопится значительное излишество), то посредствомъ публичныхъ аукціоновъ можетъ быть составленъ и порядочный капиталъ въ пользу библіотеки. Кому неизвѣстно, сколько такими аукціонами способствовалъ составленію значительнаго капитала въ пользу Императорской Публичной Библіотеки достойнѣйшій, сдѣлавшій учеными трудами своими блестящую эпоху въ ея исторіи, хранитель ея, Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ? Кромѣ сего, этими аукціонами распространяется любовь къ книгамъ и чтенію въ разныхъ слояхъ общества — не маловажное средство къ распространенію просвѣщенія. Намъ возражаютъ, что такимъ образомъ много должно будетъ продать книгъ за безцѣнокъ? Но вообразите себѣ залу, которой наемъ стоитъ, на пр., не менѣе 500 р. серебр. Пусть эта зала будетъ наполнена книгами излишними и другими ничтожными, подобными тѣмъ, о которыхъ говорено выше. Въ такомъ случаѣ, если бы и просто ихъ выбросить, то все, однако жь, пріобрѣталась бы выгода, то есть, пріобрѣталось бы на 500 р. помѣщенія для книгъ хорошихъ. Если же хранить все, что только появляется въ печати, то потребуется зданіе огромныхъ суммъ, истраченныхъ, къ сожалѣнію, безъ всякой пользы. Мы думаемъ, что и наша Университетская Библіотека много бы выиграла очи-

[2] Замѣтимъ, что и отдѣльные томы хорошихъ книгъ, если они сами по себѣ вмѣщаютъ отдѣльное цѣлое, по нашему мнѣнію, должны быть хранимы, и могутъ считаться ненужными только при излишествѣ.

ствомъ отъ книгъ пустыхъ и излишнихъ. Можно съ достаточнымъ основаніемъ полагать, что она выиграла бы 4-ю часть помѣщенія.

Но, говоря о книгахъ излишнихъ и маловажныхъ, нельзя не сдѣлать замѣчанія на наше нерадѣніе (чтобы не сказать чего ни будь посильнѣе) касательно храненія въ публичныхъ библіотекахъ газетъ и журналовъ. У насъ всѣ почти повременныя изданія считаются маловажными и какъ будто не заслуживающими сбереженія, именно въ слѣдствіе того прекраснаго умозаключенія, что, такъ какъ эти извѣстія (куда въ особенности относятся газеты) издаются только на извѣстное время, то они и годятся только для этого времени, въ послѣдствіи же теряютъ всю цѣну и достоинство; при томъ, такъ какъ они расходятся въ великомъ числѣ въ публикѣ, то и не стоитъ того, чтобы хранить ихъ въ библіотекѣ. Сколько бы ни были изъ нихъ маловажны нѣкоторые, но тѣ, въ которыхъ помѣщаются статьи, ознаменованныя, такъ сказать, авторитетомъ Государственнымъ, имѣютъ особенную важность для будущаго времени. Сколько въ нихъ, не говоря о важныхъ Государственныхъ актахъ, находится разныхъ временныхъ административныхъ распоряженій, приказовъ и постановленій, не входящихъ потомъ въ составъ важныхъ Государственныхъ актовъ и законоположительныхъ собраній! Сколько примѣчательныхъ событій, начиная отъ Двора до крестьянской хижины! Можно ли же пренебрегать сіи свѣдѣнія? Къ сожалѣнію, въ самой Университетской Библіотекѣ не за много десятковъ лѣтъ можно найти полное собраніе Вѣдомостей Московскихъ, столько лѣтъ издаваемыхъ отъ Университета, и то, благодаря усердію и рѣдкой внимательности къ общей пользѣ недавно умершаго библіотекаря, который не переставалъ ихъ отыскивать и умножать свое собраніе. Сколь важны сіи памятники для потомства, можемъ судить по прошедшему времени. Какъ дорого заплатили бы мы теперь за нѣсколько листковъ такихъ газетъ изъ царствованій Петра II, Анны, Елисаветы, даже Екатерины II! [3] Сколь важны сего рода памятники для будущаго историка, очевидно. По этому правле-

---

[3] См. Сказанія о родѣ Князей Долгоруковыхъ, стр. 227, въ концѣ.

ніе всякой Государственной, или публичной, библіотеки должно вмѣнить себѣ въ непремѣнную обязанность хранить ихъ.

Если обратимъ вниманіе на недавно изданный Е. П., Н. В. Исаковымъ и заслужившій полную признательность просвѣщеннаго общества Отчетъ по Библіотекѣ и Музею за 1-е трехлѣтіе, то не можемъ не подивиться и не порадоваться многочисленности и разнообразію рукописей и книгъ на всѣхъ ученыхъ языкахъ, почти во всѣхъ родахъ слова, составляющихъ капиталъ Библіотеки. Сколько при ея разборѣ требуется труда и филологическихъ познаній! Позволяемъ себѣ думать, что при такомъ разнообразіи предметовъ и самый Бекъ, не только хранитель публичной, но и собиратель своей собственной огромной, библіотеки, вѣроятно, иногда не обошелся бы безъ посторонняго совѣта.[4] По этому намъ кажется, обязанность составленія систематическихъ каталоговъ, упомянутая въ 13 § Устава и возложенная на одного библіотекаря, слишкомъ обременительна, и едва ли для него и удобоисполнима. Извѣстно, сколько ученаго труда и времени посвятилъ на составленіе систематическаго каталога для Университетской Библіотеки, извѣстный своею ученостію и особенною любовію къ Филологіи и книгамъ, профессоръ Рейсъ. И такъ, по нашему мнѣнію, для библіотеки достаточно на первое время и алфавитныхъ каталоговъ, лишь бы только они были составлены съ соблюденіемъ всѣхъ требованій библіографическихъ.[5] И можно ли безъ подробнаго знакомства съ содержаніемъ сочиненій составить каталогъ систематическій? Можно ли отдѣлить важное отъ маловажнаго, не заслуживающаго мѣста въ избранной библіотекѣ? Касательно сей послѣдней обязанности, не всякій библіотекарь

---

[4] Собственная частная библіотека сего ученаго мужа показана въ Каталогѣ, изданномъ въ 1835 г. въ Лейпцигѣ, въ 24,554 волюмѣ. Однихъ каталоговъ разныхъ библіотекъ и книжныхъ магазиновъ считается въ ней 813. И рѣдкій изъ иностранныхъ профессоровъ не собираетъ для себя хорошей библіотеки.

[5] Можно въ часъ написать и сотню билетовъ и, однако жъ, такъ, что 99 надо будетъ переписать снова. Вообще скорое писаніе заглавій весьма подозрительно. Всякій любитель книгъ, имѣющій собственную библіотеку, знаетъ это по опыту.

можетъ вмѣстить въ себѣ всѣ необходимыя условія, чтобы ее достойно выполнить; но, и помимо того, въ этомъ дѣлѣ авторитетъ одного лица не можетъ быть принятъ въ уваженіе, особенно если это лице не пользуется полнымъ довѣріемъ просвѣщеннаго общества. По этому-то, вѣроятно, внесенъ въ Уставъ особый § (10), въ которомъ сказано: «На директора возлагается предсѣдательство въ комитетѣ, который онъ составляетъ изъ лицъ, завѣдывающихъ отдѣленіями, а равно и приглашаемыхъ постороннихъ ученыхъ и профессоровъ Университета, для разсмотрѣнія вопросовъ, въ коихъ наука имѣетъ вліяніе на благоустройство учрежденія.» Весь этотъ § выраженъ весьма темно и слишкомъ въ общихъ терминахъ, что всегда почти случается при неясномъ представленіи того, что хотимъ сказать. И дѣйствительно, кто здѣсь не спроситъ: какое это благоустройство учрежденія, на которое такое имѣетъ вліяніе наука, что оно непремѣнно требуетъ содѣйствія постороннихъ ученыхъ? Безъ сомнѣнія, не устройство шкафовъ и не разстановка книгъ по форматамъ. Что жь другое? сказать трудно. Предположимъ, что этотъ, столь неопредѣленно, столь всеобще выраженный, § заключаетъ въ себѣ и тотъ важный пунктъ ученаго обозрѣнія библіотеки, о которомъ сказано выше. Кому жь будетъ здѣсь предоставлена иниціатива дѣйствія? Отъ Попечителя ни какъ нельзя требовать такого специяльнаго занятія библіотекою. И я думаю, не только у насъ, но и нигдѣ, не найдется подобнаго примѣра. И такъ библіотекарь будетъ то лице, для разрѣшенія недоразумѣній коего будутъ приглашаемы посторонніе ученые? Но, во первыхъ, приглашать на краткое совѣщаніе, при особенно встрѣтившемся случаѣ, какое либо лице, не всегда возможно, да и ученому лицу не всегда можетъ представиться удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, къ которому онъ не приготовился предварительно. Во вторыхъ, надо принять въ расчетъ и щекотливость самолюбія, прирожденнаго естеству человѣческому, которое иногда препятствуетъ исполненію и самыхъ добрыхъ намѣреній. Что жь теперь остается? Но если хотя временное участіе ученыхъ лицъ признано необходимымъ для благоустройства библіотеки, то по чему же бы изъ такихъ лицъ не составить постояннаго Общества, котораго дѣйствія направлены были бы къ сей благой цѣли? Есть же Общества Любителей Живописи, Музыки и пр. По чему жь не быть и Обществу библіофиловъ? И гдѣ ему быть приличнѣе, какъ не

въ самой Москвѣ, при Московской Публичной Библіотекѣ? Всякій видитъ, что такое Общество не только можетъ способствовать ея благоустройству, но даже со временемъ и обогатить ее.

Къ сожалѣнію, о настоящихъ распоряженіяхъ Правленія Библіотеки мы вовсе ничего не знаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Библіотека не ограничится только настоящими пріобрѣтеніями, что и въ послѣдующее время пожертвованія не прекратятся; по этому весьма интересно было бы знать, какія постановлены правила касательно пріемки, разсмотрѣнія и храненія книгъ, вносимыхъ по установленію и жертвуемыхъ (послѣднее особенно важно для тѣхъ, которые имѣютъ особенную любовь къ книгамъ отличнымъ и рѣдкимъ, и которые заслуживаютъ названія истинныхъ библіофиловъ), потомъ ихъ ревизовки, и наконецъ ихъ подробнаго пересмотра, однихъ для храненія, другихъ для продажи и мѣны на другія? На одно ли лице библіотекаря (что кажется невѣроятнымъ) возложены всѣ сіи обязанности, или онѣ раздѣлены между нѣсколькими, и въ послѣднемъ случаѣ какое же значеніе и обязанность каждаго изъ сихъ лицъ и пр.?

Къ сожалѣнію, на всѣ сіи вопросы въ Уставѣ вовсе нѣтъ разрѣшенія, и любознательная публика на счетъ сей остается въ незнаніи. Упомянуто въ Уставѣ даже о ежегодной ревизовкѣ. Но ревизовка можетъ быть только тогда, когда имѣются уже прежде составленные списки, какъ, вѣроятно, библіотеки Румянцевской, А. С. Норова и другихъ Государственныхъ собраній, каковы поступившихъ въ Музей изъ Императорской Публичной Библіотеки. Что же касается до прочихъ, то, какъ они принимаются, мы не знаемъ. Вносятся ли они немедленно въ черновые списки, полагается ли на нихъ штемпель Музея — это также намъ вовсе неизвѣстно. Если жь вся таковая пріемка книгъ ввѣрена только доброй совѣсти библіотекаря, то здѣсь ни какая ревизія не можетъ имѣть мѣста. Но если и составляются билетные каталоги, то всякій знаетъ, сколь ненадежна такая гарантія. Что же касается до разбора книгъ для продажи и мѣны дублетовъ, то вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ объ этомъ нѣтъ ни какого слуха. А какому любителю просвѣщенія, какому библіофилу, не интересно знать, какія приняты мѣры и какія постановлены правила для храненія и обогащенія Московскаго Публичнаго Книгохранилища? Ибо толь-

ко къ симъ двумъ цѣлямъ должно быть обращено все вниманіе лицъ, попеченію которыхъ оно ввѣрено. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что всѣ правила, руководствующія дѣйствующихъ лицъ, должны истекать изъ сихъ двухъ цѣлей и быть обнародованы въ Уставѣ для свѣдѣнія просвѣщеннаго общества. Строгій порядокъ, опредѣленный Уставомъ, и гласность дѣйствій лицъ, трудящихся въ библіотекѣ, суть первая и важнѣйшая гарантія ея сохранности.

Такъ учрежденъ извѣстный порядокъ въ Библіотекѣ Университетской. То же должно сдѣлать и въ Публичной. Да простятъ мнѣ, если я не скрою здѣсь того непріятнаго чувства, которое родилось во мнѣ при видѣ огромныхъ фоліантовъ, содержащихъ великолѣпныя гравюры, и въ этомъ смыслѣ драгоцѣнныхъ, выставленныхъ въ общей залѣ на показъ всѣмъ и каждому. По моему мнѣнію, такія книги должно бы хранить въ особой комнатѣ съ запертыми дверями, и не иначе быть показываемы, какъ въ присутствіи чиновника, для сего опредѣленнаго. Кому не извѣстно, что всякая почти Государственная библіотека вмѣщаетъ въ себѣ много такихъ дорогихъ увражей, которыя для библіофиловъ составляютъ скорѣе предметъ любопытства, нежели чтенія? Несомнѣнно, никакой филологъ не придетъ пользоваться чтеніемъ Виргилія по великолѣпному изданію Дидота, украшенному превосходными гравюрами, но охотно пожелаетъ видѣть это великолѣпное изданіе. То же можно сказать и о специяльныхъ изданіяхъ разныхъ Европейскихъ Музеевъ и многихъ книгъ старопечатныхъ, не говоря уже о рукописяхъ. При такомъ невниманіи, какъ не трудно вырѣзать, на пр., картину изъ какого ни будь великолѣпнаго Музея! Мы думаемъ, что легко можно найти (и не одно) средство къ сохраненію такихъ драгоцѣнныхъ гравюръ въ цѣлости. Мы слышали, что почтенный хранитель Императорской Публичной Библіотеки, Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ, не только хранитъ такія книги въ заперти, но даже, по выходѣ посѣтителей изъ этой комнаты, прикладываетъ къ двери еще печать свою. Примѣръ, достойный подражанія! И мы съ удовольствіемъ услышали, что хранитель рукописей и древнепечатныхъ книгъ Румянцевской Библіотеки, А. Е. Викторовъ, не оставляетъ безъ себя не запертою комнаты, въ которой хранятся сіи сокровища. Библіотека наша, дарованная щедротами Государя Императора, есть достояніе общественное, Госу-

дарственный капиталъ, къ сохраненію котораго обязанъ всякій чиновникъ-библіотекарь, не только требованіемъ доброй совѣсти, но и святостію присяги. Если всякая растрата Государственнаго капитала считается преступленіемъ, то не уже ли утрата казенной книги будетъ считаться за ничто? Но пусть подумаютъ, на сколько тысячъ рублей, по каталогамъ, находится однѣхъ печатныхъ книгъ въ Библіотекѣ, не говоря о рукописяхъ. Касательно библіотекъ, принадлежащихъ ученымъ Обществамъ, такой вопросъ могъ бы считаться и излишнимъ; ибо тамъ цѣлое Общество наблюдаетъ за сохранностію библіотеки, и библіотекарь состоитъ подъ непосредственнымъ его надзоромъ; такъ, на пр., Университетская Библіотека состоитъ подъ вѣдѣніемъ и надзоромъ цѣлаго общества профессоровъ, и библіотекарь, дѣйствуя всегда по ихъ письменнымъ инструкціямъ, состоитъ непосредственно подъ ихъ контролемъ, и если тамъ когда пропадаютъ книги, то въ этомъ вина не библіотекаря, а вина того постановленія, въ слѣдствіе котораго библіотекарь обязанъ подъ росписку профессоровъ выдавать книги и постороннимъ лицамъ для чтенія на домъ. Очень жаль, что почтенное Правленіе Университета не опредѣлило, кромѣ своего довѣрія, болѣе надежныхъ гарантій при снабженіи книгами на домъ лицъ постороннихъ. Самое справедливое требованіе было бы то, чтобы лице, желающее пользоваться казенными книгами на дому, вносило въ залогъ сумму стоимости книги. Это, впрочемъ, касается такого рода книгъ, которыя могутъ легко быть пріобрѣтены. Что же касается до книгъ рѣдкихъ, то въ Университетской Библіотекѣ столько залъ, что въ любой изъ нихъ можно имѣть удобное и прекрасное помѣщеніе для чтенія и выписокъ во всякое время.

И такъ для сохраненія книгъ, публичность и распространеніе свѣдѣній о нихъ въ просвѣщенномъ обществѣ, какъ посредствомъ каталоговъ, такъ и посредствомъ обозрѣнія ихъ посторонними учеными лицами, должно быть признано необходимымъ. Много есть у насъ казенныхъ книгохранилищъ, которыя вовсе не были доступны для любознательной публики, гдѣ, слѣдовательно, нечего было дѣлать библіотекарю, кромѣ какъ хранить ихъ, яко зѣницу ока. И, однако жь, лучше ли отъ этого сохранялись книги? Ни какого нѣтъ сомнѣнія, что много въ нихъ произошло потерь, сокрытыхъ для насъ во мракѣ неизвѣстности. Впрочемъ, не говоря

о нѣкоторыхъ, не столь важныхъ, случаяхъ, слышанныхъ нами отъ разныхъ лицъ, къ счастію (если только какая ни будь значительная потеря можетъ сдѣлать насъ благоразумнѣе на будущее время), сохранился одинъ случай въ исторіи одной изъ нашихъ библіотекъ Государственныхъ, со всѣми неопровержимыми доказательствами, какихъ только можетъ требовать строгая историческая истина. Я представлю все дѣло во всей подробности. Всего поучительнѣе знать, что случилось (что, слѣдовательно, можетъ и повториться) нѣкогда у насъ.

Многіе ли у насъ знаютъ о немаловажной пропажѣ, случившейся въ нашей Синодальной Библіотекѣ, при обозрѣніи Греческихъ рукописей бывшимъ въ Московскомъ Университетѣ Профессоромъ Маттеемъ? Представлю дѣло, сколько оно теперь намъ извѣстно, по неопровержимымъ документамъ.

Въ 1782 г. знаменитый Голландскій Еллинистъ, Рункенъ, издалъ въ первый разъ, дотолѣ вовсе неизвѣстный ученому свѣту, Гомеровъ гимнъ Церерѣ, и вотъ что онъ пишетъ въ предисловіи къ своему изданію: «Никогда я не воображалъ, чтобы въ какой ни будь библіотекѣ когда ни будь нашелся Гомеровъ гимнъ Церерѣ, и еще менѣе, чтобы мнѣ случилось быть его издателемъ. Мнѣ было извѣстно, что этотъ памятникъ существовалъ еще во второмъ столѣтіи по Р. Х., но я считалъ его уже давно потеряннымъ. Каково же было мое удивленіе, когда я получилъ этотъ гимнъ— изъ Москвы! Если бы сказалъ кто ни будь прежде, что этотъ памятникъ скрывается тамъ, всякій бы принялъ эти слова за шутку; но теперь, когда самое дѣло не представляетъ уже ни какого сомнѣнія, то остается разсказать вкратцѣ, какъ онъ найденъ и изъ чьихъ рукъ перешелъ ко мнѣ.

«За нѣсколько лѣтъ предъ симъ былъ вызванъ изъ Германіи въ Москву Профессоръ, отмѣнно свѣдущій въ обоихъ классическихъ языкахъ, достойнѣйшій воспитанникъ Ернестовой школы, Христіанъ Фридерикъ Маттей, для того, чтобы болѣе вкоренить и распространить возраждающуюся тамъ любовь къ изящной словесности. По прибытіи туда, какъ скоро онъ услышалъ, что въ Библіотекѣ Св. Синода хранится богатое собраніе Греческихъ рукописей, которыхъ тамъ не только никто не понимаетъ, но даже и

прочесть не въ состояніи, [7] то, удивленный такимъ открытіемъ, тотчасъ приступилъ къ обозрѣнію сего сокровища и, между многими превосходными рукописями, о которыхъ свѣдѣніе онъ сообщитъ въ свое время, встрѣтилъ рукопись Гомера, хотя относящуюся къ XII вѣку, но, какъ открылось, списанную съ весьма древняго и превосходнаго оригинала. Кромѣ отрывка изъ Иліады, она содержала еще и 16 уже извѣстныхъ гимновъ почти въ обыкновенномъ порядкѣ. Но вотъ за 16-мъ гимномъ, который въ изданіяхъ занимаетъ послѣднее мѣсто, помѣщено 12 стиховъ изъ потеряннаго гимна Бахусу. За тѣмъ слѣдуетъ весьма пространный, и, за исключеніемъ 2-й части, довольно полный гимнъ Церерѣ. Почтенный Маттей, внѣ себя отъ радости при видѣ такой счастливой находки, и не желая ни сколько откладывать ея изданіе, къ чему былъ бы принужденъ въ Москвѣ по разнымъ причинамъ; зная при томъ, какъ я прилежно изучалъ Гомеровы гимны и надъ разработкою ихъ положилъ начало моимъ трудамъ по части критики, пожелалъ, чтобы сей, столь долго скрывавшійся, памятникъ былъ изданъ мною.»

Вотъ исторія изданія нашей рукописи, разсказанная самимъ издателемъ. При семъ должно еще замѣтить, что, какъ явствуетъ изъ дальнѣйшего разсказа Рункена, Маттеемъ былъ отправленъ къ нему не самый оригиналъ, а вѣрная съ него копія. Самый же оригиналъ оставался въ Москвѣ (у Маттея ли, или въ Библіотекѣ, не извѣстно), во время перваго Маттеева здѣсь пребыванія. Но послѣ своего отъѣзда изъ Москвы, въ 1786 г. онъ продалъ его Рункену, для Лейденской Библіотеки. Какимъ же образомъ этотъ манускриптъ перешелъ въ собственность Маттея, мы не знаемъ. Но что онъ его продалъ, служатъ свидѣтельствомъ слова самого Рункена, въ письмѣ его къ Виттенбаху: [8] «Тотъ самый манускриптъ (codicem), пишетъ онъ, по которому изданъ гимнъ Церерѣ, я купилъ у

[7] Пусть порадуются наши обскуранты такимъ о насъ отзывамъ, и пусть стараются поддержать ихъ изгнаніемъ классическихъ языковъ изъ нашихъ гимназій. А въ замѣнъ этого пусть постараются разработывать литературу провинціяльныхъ нарѣчій. Оно и не требуетъ большаго труда, по тому что во всякомъ мужикѣ можно для сего найти хорошаго руководителя и учителя.

[8] См. переписку Рункена съ Виттенбахомъ, стр. 43. Изд. Мане, 1832 г.

Маттея за 25 дукатовъ. Пусть онъ хранится навсегда въ нашей Публичной (Лейденской) Библіотекѣ.» Теперь все дѣло предоставляется суду читателя. Но можно сказать съ увѣренностію, что если бъ Библіотека Св. Синода была подъ надзоромъ не одного только библіотекаря, то едва ли бы этотъ рѣдкій манускриптъ сдѣлался собственностію Маттея, сколь, впрочемъ, ни важны для насъ его заслуги въ описаніи рукописей Биліотеки Св. Синода и въ изданіи Новозавѣтныхъ книгъ по симъ же рукописямъ. Удивительнымъ покажется то, что рукопись продана Маттеемъ такъ дешево. Но надо припомнить, что она продана уже послѣ изданія. Если бы онъ ее продалъ прежде, и продалъ Англичанамъ, то получилъ бы за нее несомнѣнно въ 10 разъ болѣе. Въ исторіи Греческой литературы Гарлеса еще находимъ, что онъ же подарилъ въ Дрезденскую Публичную Библіотеку двѣ рукописи, одну хлопчатобумажную и другую харатейную X и XI вѣка, содержащія нѣсколько поученій Св. Григорія Назіанзена. Откуда онъ пріобрѣлъ ихъ, можно только догадываться.

Вотъ поучительный примѣръ, въ доказательство того, какъ необходимо при Публичной нашей Библіотекѣ учрежденіе Ученаго Общества. Это Общество, подъ предсѣдательствомъ одного изъ своихъ членовъ, по своему выбору, могло бы имѣть свои собранія, дѣлать ревизіи, повѣрять каталоги и составлять ихъ для публики по своему умоначертанію, назначать своихъ членовъ для принятія пожертвованій и другихъ пріобрѣтеній, не оставляя ихъ безъ тщательнаго надзора до разбора, помѣты въ черновомъ спискѣ и разстановки по шкафамъ, обнародывать протоколы своихъ засѣданій для свѣдѣнія публики, обращать вниманіе на потребности библіотеки и изыскивать средства къ ихъ восполненію, и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ представлять Попечителю доклады на разсмотрѣніе и утвержденіе, и чрезъ него, въ дѣлахъ, превышающихъ власть его, сообщать о нихъ Министру. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій, можетъ составиться прекраснѣйшій проектъ по всѣмъ частямъ устройства Библіотеки. Несомнѣнно также, что при такомъ Обществѣ публика въ самомъ скоромъ времени будетъ имѣть и печатный каталогъ всѣхъ книгъ, находящихся въ Публичной нашей Библіотекѣ, котораго, при настоящемъ медленномъ ходѣ дѣлъ, мы едва ли скоро дождемся.

Но спросятъ, гдѣ жь найти такія лица для составленія такого Общества? Спросите просвѣщенную публику, и она не затруднится указать вамъ, во первыхъ, на лице, которому первому пришла благодѣтельная мысль перемѣщенія Румянцевской Библіотеки и Музея въ Москву, на Князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго, извѣстнаго любителя наукъ и искуствъ изящныхъ, при томъ искусившагося уже въ устройствѣ библіотекъ еще въ то время, когда онъ былъ Товарищемъ Барона Корфа и Директоромъ Румянцевскаго Музея; далѣе, на Графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, любителя отечественныхъ хартій и обладателя превосходной библіотеки; на Михаила Петровича Погодина, обогатившаго своимъ музеемъ Эрмитажъ и рукописями и печатными книгами Императорскую Публичную Библіотеку; на Григорія Александровича Черткова, столь радушно открывшаго свое собственное книгохранилище, собранное почтеннымъ его родителемъ, для пользованія просвѣщеннаго общества; на Михаила Николаевича Лонгинова, отличнаго знатока исторіи новѣйшей литературы нашей; на Сергѣя Александровича Соболевскаго, обладателя, собирателя и знатока рѣдкихъ иностранныхъ книгъ, въ особенности по части библіографіи и путешествій; на Петра Ивановича Севастьянова, котораго драгоцѣнное собраніе древнихъ памятниковъ письменности и художествъ уже давно привлекаетъ взоры просвѣщенной Московской публики; на Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго, тщательнаго собирателя всего печатнаго, послѣ Петра, Русскаго слова; на Михаила Петровича Полуденскаго, уже извѣстнаго публикѣ своей любовію къ библіографическимъ изслѣдованіямъ, и еще на многихъ лицъ, имъ извѣстныхъ, которыхъ они могутъ избрать и пригласить для принятія съ ними участія въ этомъ добромъ дѣлѣ. Прибавимъ къ сему и многихъ лицъ изъ купеческаго сословія, любителей книжной старины, которыя несомнѣнно будутъ заинтересованы такимъ вниманіемъ къ нимъ мужей ученыхъ, и которыя не только могутъ содѣйствовать имъ указаніемъ памятниковъ древней письменности, но даже и пожертвованіемъ ихъ въ пользу Библіотеки. Безъ сомнѣнія, всѣ сіи лица не откажутся принять участіе въ общемъ дѣлѣ, безъ всякаго денежнаго и чиновнаго возмездія, кромѣ мысли о благомъ дѣлѣ для пользы общей. Ученыя Общества чужды подобныхъ наградъ и не допускаютъ ни какого мѣстничества. Такимъ образомъ, изъ сказанныхъ лицъ

никто не помыслитъ ни о томъ, ни о другомъ, за пріятный для него трудъ, собраться однажды, или дважды, въ мѣсяцъ, чтобы опредѣлить и раздѣлить между своими членами различнаго рода труды, для благосостоянія Библіотеки. Замѣтимъ еще, что такъ какъ такія личности, какъ указанный выше Рункенъ, Бекъ и пр. и извѣстный намъ Баронъ М. А. Корфъ, представляютъ въ исторіи библіотекъ явленіе рѣдкое, то, при вышесказанномъ Обществѣ человѣкъ и не посвященный въ таинства Филологіи, можетъ занять мѣсто библіотекаря. Нужно только, чтобы онъ былъ честенъ и рачителенъ въ храненіи ввѣреннаго ему сокровища и въ дѣйствіяхъ по указаніямъ Общества, утвержденныхъ Попечителемъ, яко главнымъ лицемъ, въ вѣдомствѣ коего состоитъ Библіотека.

Вотъ, по нашему мнѣнію, единственное вѣрное средство, не только сохранить сіе прекрасное собраніе, но и обогатить его, и сообщить ему, такъ сказать, жизнь и дѣйствіе. Всякое общественное заведеніе должно пользоваться довѣріемъ той среды, къ которой принадлежитъ оно, а довѣріе просвѣщенной публики можетъ быть пріобрѣтено только ея убѣжденіемъ, что дѣйствующія при заведеніи лица отвѣчаютъ вполнѣ ея требованіямъ и надеждамъ, какъ избранныя изъ среды ея. И такъ дѣло, въ которомъ заключается интересъ цѣлаго общества, не должно быть подвергаемо случайностямъ. Одно, и при томъ не постоянно пребывающее на своемъ мѣстѣ, лице библіотекаря никогда не можетъ быть достаточнымъ ручательствомъ за благосостояніе библіотеки. И кому неизвѣстна слабость природы человѣческой, кто не знаетъ, что иногда лице, которому ввѣрено храненіе подобнаго сокровища, забываетъ свое назначеніе и, вмѣсто служителя въ храмѣ музъ, отверстомъ для каждаго ихъ поклонника, видитъ въ себѣ полнаго обладателя сего храма, который онъ можетъ отверзать и затворять, кому заблагоразсудитъ? Какой же ученый человѣкъ, какой любознательный, какой библіофилъ, пожелаетъ съ подобнымъ лицомъ вести ученую бесѣду о книжномъ дѣлѣ? Особенно, если и самъ библіотекарь имѣетъ весьма ограниченныя познанія въ Филологіи? Кого не отвратитъ такая личность отъ пожертвованій, иногда весьма важныхъ, въ пользу библіотеки? Въ доказательство словъ моихъ, укажу на примѣръ изъ жизни такого лица, которому ни ученыя, ни умственныя, ни моральныя достоинства не долженствовали бы

подать ни малѣйшаго повода къ забвенію своего долга. И однако жь, въ такое самозабвеніе, осуждаемое всѣми правилами свѣтскаго и ученаго приличія, позволилъ себѣ впасть, кто бы этому повѣрилъ? — позволилъ себѣ впасть знаменитый Рункенъ въ то время, когда былъ хранителемъ Публичной Лейденской Библіотеки. Что бы сколько ни будь оправдать его, пожалуй, мы согласны и не считать за весьма великій грѣхъ поссориться съ ученымъ посѣтителемъ за его неуважительный отзывъ о Скалигерѣ, или за его убѣжденіе, что въ наше время не нужно объ ученыхъ предметахъ писать по Латини. Но выгнать грубымъ отказомъ за такія убѣжденія ученаго посѣтителя изъ Публичной Библіотеки, какъ изъ своего собственнаго дома, вотъ что считаемъ мы не только неприличнымъ, но въ высшей степени непозволительнымъ. [9] И такъ, если такое лице, напитанное всею гуманностію высшаго классическаго образованія, могло вообразить себя хотя на минуту полнымъ хозяиномъ общественнаго сокровища, то чего жь нельзя ожидать иногда отъ лица, стоящаго на низшей степени образованности? Сохрани Богъ, чтобы мы имѣли здѣсь въ виду какую либо личность. Примѣръ, приведенный нами изъ жизни знаменитаго лица, достаточно насъ оправдываетъ. Если мы приводимъ его въ разсужденіи о нашей Библіотекѣ, то говоримъ не о томъ, что есть, а о томъ, что можетъ быть.

Кто не знаетъ, что назначеніе и выборъ библіотекаря, какъ и другихъ вѣдомствъ чиновниковъ, могутъ быть подвержены разнымъ случайностямъ. И такъ можно вообразить на этомъ мѣстѣ человѣка мало образованнаго, особенно въ Филологіи и Исторіи литературы, по этому вовсе не библіофила; можемъ вообразить въ немъ человѣка лѣниваго, слѣдовательно, нерадиваго къ своей должности, и даже иногда сомнительной честности. Въ какомъ же тогда отношеніи къ библіотекѣ будетъ находиться просвѣщенное общество, въ какомъ состояніи будетъ находиться самая библіотека? Общество охладѣетъ, за неуваженіе къ его любознательности, происходящее, большею частію, не столько отъ злонамѣренности, сколько отъ невѣжества и нерадѣнія, за симъ послѣдуетъ прекращеніе пожертвованій. И вотъ библіотекарь, полный хозяинъ

[9] См. Виттенбахову Біографію Рункена, стр. 250, 251.

и распорядитель библіотеки. Не удивительно, если иногда книги по знакомству будутъ отпускаемы и на домъ для чтенія и зачитыванья. Но если растрата книгъ и прекращеніе пожертвованій будетъ несчастіемъ для библіотеки, то, въ замѣну сего, она сдѣлается покойнымъ и прохладнымъ мѣстомъ для нѣсколькихъ чиновниковъ, которыхъ вся должность будетъ состоять въ томъ, чтобы часа на два прійти въ библіотеку, чтобы прочесть газеты, и за это получать жалованье.

На предупрежденіе такихъ-то случайностей должно обратить все свое вниманіе просвѣщенное Московское общество. Оно не должно забывать, что для него собственно, щедротою Государя Императора, Румянцевскій Музей и Библіотека перенесены въ Москву. Будетъ ли оно равнодушно къ столь благодѣтельному желанію Государя усилить нашу любовь и даровать средства къ нашему просвѣщенію? Да содѣйствуетъ же оно его священной волѣ ревностнымъ участіемъ въ храненіи и обогащеніи сего сокровища, да не считаетъ для себя чуждымъ того, что даровано ему Августѣйшимъ Монархомъ! Ибо извѣстно, что тогда только процвѣтаютъ подобнаго рода учрежденія, когда каждое лице, пользующееся ими, видитъ въ нихъ какъ бы свою собственность, и въ такомъ смыслѣ употребляетъ всѣ усилія къ храненію и обогащенію такой собственности.

Чтобы убѣдиться въ истинѣ сихъ словъ, пусть обратятъ вниманіе на частныя библіотеки, въ храненіи и обогащеніи которыхъ по этому имѣютъ особенный интересъ ихъ владѣльцы. Не много прошло времени, какъ въ Москвѣ разнесся слухъ объ открытіи для публики Библіотеки покойнаго А. Д. Черткова. И посмотрите, въ сколь краткое время, по распространеніи сего слуха, она приведена въ порядокъ и снабжена каталогомъ, и не однимъ, а тремя, составленными съ такою тщательностію, что они не уступаютъ лучшимъ каталогамъ, составленнымъ иностранными учеными. Уваженіе и благодарность владѣтелю Библіотеки за его столь ревностное содѣйствіе къ отечественному просвѣщенію! Честь и слава Г-ну Бартеневу, столь умно, столь отчетливо и добросовѣстно, въ столь краткое время, исполнившему принятую на себя обязанность разбора и расположенія библіотеки и составленія для нея каталоговъ! Намъ говорятъ, что мало въ ней бываетъ

посѣтителей, но надо принять во вниманіе то, что эта Библіотека есть только спеціяльная и состоитъ только изъ книгъ по части Русской Исторіи. Скорѣе надо удивляться тому, что Библіотека Публичная, обогащенная всякаго рода книгами и всѣми выходящими новостями, имѣетъ посѣтителей не болѣе Чертковой! Еще насъ обрадовало въ столицѣ нашей недавнее открытіе Библіотеки, состоящей изъ драгоцѣннаго собранія книгъ рѣдчайшихъ, принадлежавшаго покойному Князю Михайлу Александровичу Голицыну, и не только одной Библіотеки, но при ней и Галереи превосходныхъ картинъ работы знаменитѣйшихъ художниковъ. [10] Сколь пріятно мыслить, что имена славныхъ фамилій увѣковѣчиваются въ потомствѣ не только политическими и военными Государственными заслугами, но и любовію къ просвѣщенію. Здѣсь невольно обращается мысль наша къ памяти знаменитаго вельможи вѣка Екатерины и Александра, Князя Николая Борисовича Юсупова. Всей Московской публикѣ извѣстна особенная любовь къ изящнымъ искуствамъ сего, какъ выразился о немъ Пушкинъ, питомца Аристипповой школы. Кто не удивлялся изящному его вкусу въ выборѣ картинъ для своей Галереи? Какой, даже и не посвященный во всѣ таинства искуства, не восхищался ими въ такой же мѣрѣ, какъ и знатокъ и художникъ? Вотъ лучшее свидѣтельство тонкости его вкуса. Но не всѣмъ извѣстно, какимъ обширнымъ знаніемъ литтературы, древней и новой, обладалъ Князь. И нѣтъ сомнѣнія, что многіе съ удивленіемъ услышатъ, что онъ былъ отличный знатокъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкѣ. Мы знаемъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, какъ, при появленіи Эдипа Озерова, въ домашней бесѣдѣ съ нѣкоторыми любителями литтературы, между которыми былъ и И. И. Дмитріевъ, Князь, сравнивая подражаніе съ оригиналомъ, цитовалъ цѣлыя мѣста изъ Софокла, переводя ихъ по Русски, и удивилъ всѣхъ обширною ученостію и тонкимъ вкусомъ. Но самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ словъ нашихъ можетъ служить его знакомство съ ученѣйшими Европейскими Филологами того времени и, въ особенности, дружба съ знаменитымъ Еллинистомъ Фалькенаромъ,

---

[10] Трудъ устройства сей библіотеки принялъ на себя Г. Гинсбургъ, и съ такою любовію посвятилъ себя сему дѣлу, что и доселѣ не перестаетъ пріобрѣтать, если что встрѣтитъ любопытное и рѣдкое.

который былъ его учителемъ въ Греческомъ языкѣ и посвятилъ ему свое изданіе Теокрита. Это посвященіе такимъ служитъ свидѣтельствомъ въ знаніи Князя Греческаго языка, и столь интересно и по указанію на его любезный характеръ, что мы, сообщая здѣсь небольшую изъ него выписку, надѣемся доставить удовольствіе просвѣщенному читателю. Вотъ это посвященіе:

«Посылаю тебѣ, любезный Князь, не неожиданнаго для тебя Теокрита съ Біономъ и Мосхомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ ты желалъ имѣть его, не обремененнаго обширными примѣчаніями, но гораздо исправнѣйшаго, нежели какъ онъ былъ изданъ прежде. Я не могъ представить тебѣ, по возращеніи твоемъ въ отечество изъ знатнѣйшихъ Государствъ Европы, пріятнѣйшаго дара.

«Получивъ сію книжку, я надѣюсь, что ты, какъ и самъ часто говоришь въ своихъ письмахъ, съ удовольствіемъ припомнишь время пребыванія твоего въ Лейденѣ, которое и для меня было пріятнѣйшимъ, когда я читалъ съ тобой Теокрита, Гомера, Софокла, Еврипида и другихъ стольже славныхъ писателей. Другая побудительная причина къ составленію сей книжки была—желаніе загладить предъ тобой вину свою. Я помню, какъ ты, во время своего пребыванія у насъ, бывъ совершенно свободнымъ отъ всѣхъ другихъ занятій, предъ самымъ вакаціоннымъ временемъ, изъявилъ мнѣ желаніе читать со мной, въ продолженіе лѣта, Греческихъ писателей; помню, сколько я употребилъ отговорокъ, чтобы извинить себя передъ тобой необходимостію отъѣзда изъ города хотя на ближайшіе мѣсяцы; помню, сколько разъ повторялъ, что я живу только деревнею и музами, что желаю совершеннаго спокойствія хотя на нѣсколько недѣль; помню, съ какою готовностію и снисходительностію уступилъ ты моему желанію и, въ угожденіе мнѣ, гораздо долѣе прожилъ у насъ, нежели какъ, по видимому, предполагалъ сначала. Въ послѣдствіи же, когда я узналъ твой кроткій и любезный характеръ, когда увидѣлъ въ тебѣ, такъ сказать, образецъ вѣжливости, внимательности ко всѣмъ и скромности, чуждой всякаго высокомѣрія, я устыдился этой своей настойчивости и этого объясненія съ тобою при первомъ нашемъ свиданіи. Тридцать семь лѣтъ я училъ Греческому языку въ двухъ Университетахъ нашего Государства, и ни въ комъ изъ моихъ, даже отличнѣйшихъ, слушателей не нашелъ столь твердой и столь постоянной любви къ изящнымъ наукамъ, даже и не воображалъ нико-

гда, чтобы между лицами твоего званія нашлись такія, которыя бы могли быть увлечены прелестью древней литературы. По пріѣздѣ твоемъ сюда, ты, противъ принятаго обыкновенія, ухватился сперва за труднѣйшее и важнѣйшее; но какъ только вкусилъ душей величіе Римской и красоту Греческой Словесности, то ни какими уже шутками своихъ сверстниковъ, которые, по суду твоему, были холоднѣе снѣговъ Московскихъ, ни какими убѣжденіями другихъ лицъ, не могъ быть отвлеченъ отъ предположенной цѣли. По своей скромности, сначала ты не довѣрялъ себѣ. Но рѣшившись сдѣлать опытъ, при благопріятствующемъ успѣхѣ, всего себя посвятилъ изученію того языка, къ познанію котораго стремился съ такимъ жаромъ, и въ краткое время столь счастливые сдѣлалъ въ немъ успѣхи, что многихъ привелъ въ стыдъ, получивъ достойную за трудъ свой награду. Когда, въ Парижѣ, Италіи и другихъ городахъ Европы ты, какъ истинный любитель и знатокъ, осматривалъ рукописные памятники древней Греціи, какихъ не получилъ похвалъ, свидѣтельствующихъ о твоихъ познаніяхъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, отъ ученыхъ хранителей тамошнихъ библіотекъ? Зная хорошо людей и свѣтъ, ты поймешь, какъ я былъ восхищенъ наполненнымъ твоими похвалами письмомъ Парижскаго Академика Виллуазона, [11] славою почти равнаго своимъ ученымъ соотечественникамъ прошлаго столѣтія? Но меня, не смотря на все мое сочувствіе къ этѣмъ похваламъ, не смотря на все уваженіе къ твоей любви къ симъ занятіямъ, меня болѣе всего плѣнили твой прямодушный характеръ, чуждый всякой надменности, непритворная, чистосердечная любовь къ истинѣ, и духъ, исполненный всего благороднаго. Присовокуплю еще, что особенно считаю важнымъ: въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ пребыванія твоего у насъ, почти не проходило дня, въ который бы ты хотя нѣсколько часовъ не провелъ въ дружескихъ разговорахъ со мною и не предпочелъ моей бесѣды обращенію въ кругу своихъ сверстниковъ. И такъ ты не удивишься, когда я скажу тебѣ, что разлука моя съ тобой, при первомъ твоемъ отъѣздѣ отъ насъ въ Англію, оставила глубокую печаль въ душѣ моей.»

---

[11] Кромѣ многихъ изданій разныхъ, прежде не изданныхъ, Греческихъ памятниковъ, онъ особенно прославился критическимъ изданіемъ Венеціянскихъ схолій на Иліаду.

Сей выписки довольно къ славѣ нашего знаменитаго вельможи. Далѣе авторъ питаетъ надежду, что «примѣръ Князя будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на его соотечественниковъ, и что, въ правленіе Великой Жены, обладательницы столь обширнаго Государства, при содѣйствіи Князя, будутъ вызываемы изъ просвѣщенныхъ Государствъ въ Россію не только геометры, механики, физики, но и мужи, свѣдущіе въ обоихъ классическихъ языкахъ, для распространенія Древней Словесности въ нашемъ отечествѣ; ибо какой другой способъ смягчить грубые нравы и разогнать мракъ невѣжества? Изъ какого источника, кромѣ классическихъ писателей древности, Государственный мужъ почерпнетъ лучшіе уроки въ управленіи дѣлъ общественныхъ?» и проч.

Прочитавъо, это безъ сомнѣнія, никто не осмѣлится сказать, что такое посланіе вызвано богатствомъ и знатностію, и мы, выписывая изъ него сіе мѣсто, желали подѣлиться съ просвѣщенными читателями тѣмъ удовольствіемъ души, которое необходимо ощущаетъ всякой любитель классическаго образованія, видя въ знатныхъ своихъ соотечественникахъ столь ревностное, столь безкорыстное служеніе тѣмъ музамъ, которымъ самъ служитъ. [12] Впрочемъ, какъ предметъ нашего разсужденія—публичныя библіотеки, то какъ не пожелать, чтобы прямому наслѣднику столь славнаго имени, внуку знаменитаго просвѣщеніемъ дѣда, Богъ внушилъ благодѣтельную мысль украсить нашу Москву, столь любимую и никогда не оставляемую его дѣдомъ, открытіемъ собранной имъ библіотеки (о которой такъ много мы слышали), и при ней столь извѣстной картинной Галереи? Думаемъ, что въ библіотекѣ найдется не мало книгъ, присланныхъ въ свое время Князю учеными мужами и съ ихъ под-

---

[12] Вотъ еще и другое свидѣтельство особенной любви къ Греческой литературѣ Князя Николая Борисовича. Оно находится въ книгѣ: «Voyage en Pologne, Russie, Suède, Danemarc etc, par W. Coxe, traduit par Mallet. Genève 1786, 2 v. in 4⁰,» и сообщено мнѣ въ выпискѣ С. А. Соболевскимъ. Вотъ слова автора (I. v., p. 169): «Matthaei a pris le parti de donner une notice préliminaire génerale et abregé (des manuscrits grecs de la bibliothèque du Saint Synode) sous le titre: «Index codicum» etc., in 4⁰. S.-Pétersbourg 1780. Cet Index est précedé d'une introduction fort interessante et fort instructive, dans la quelle on apprend, que l'auteur l'a composé pour l'usage du prince Yusapof, qui fait ses delices de la litterature grecque.»

письмами; можетъ быть тамъ хранится и его переписка съ ними. Такіе памятники всегда драгоцѣнны для просвѣщеннаго потомства. Мы бы еще желали (да простятъ нашей, можетъ быть, слишкомъ затѣйливой фантазіи!), чтобы помѣщеніе для галереи и книгохранилища было въ зданіи, близкомъ къ тому прародительскому дому славной фамиліи, который доселѣ представляетъ въ себѣ единственный въ Москвѣ памятникъ домашняго устройства и быта вельможъ времени Царей нашихъ. Да хранится и онъ въ своемъ первобытномъ видѣ, и да будетъ отворенъ для любопытствующей публики!

Д. Чл. А. Кубаревъ.

КАКЪ ТРУДНО ЗАЩИЩАТЬ ДѢЛО,

КОТОРОЕ САМО СЕБЯ НЕ ЗАЩИЩАЕТЪ.

Академикъ Рупрехтъ сдѣлалъ «Замѣчанія на Докладъ Коммиссіи, разсматривавшей Проектъ Устава и Штатовъ Императорской Академіи Наукъ, и на Отдѣльныя замѣчанія о томъ же предметѣ одного изъ Членовъ оной Коммиссіи.» Онъ пришелъ къ убѣжденію, что «во всемъ донесеніи Коммиссіи не встрѣчается ни одной мысли, ни одного указанія, которыя пригодились бы Академіи для исправленія ея Устава» (стр. 18). Основателенъ ли этотъ приговоръ, читатель статьи Г. Рупрехта ни коимъ образомъ рѣшить не можетъ, по тому что мнѣнія Коммиссіи, особенно значительнѣйшія, даже и не именуются ея строгимъ изобличителемъ, и тѣ указанія Коммиссіи, съ которыми Г. Рупрехтъ, по видимому, ведетъ войну, приводятся съ большою осторожностію, какъ бы показываются изъ подъ полы, за которой они тщательно припрятаны. По этому, я думаю, что было бы всего лучше доставить полную гласность какъ мнѣніямъ Коммиссіи и одного изъ ея Членовъ, такъ и критическимъ замѣчаніямъ на оныя Г. Рупрехта, разумѣется, въ одно и то же время, и притомъ въ изданіи, доступномъ возможно большему числу читателей. Правда, Докладъ Коммиссіи и Замѣчанія одного изъ Членовъ ея уже напечатаны, но напечатаны въ изданіи, которое, по своей специяльности, не всякому извѣстно, на что даже самъ Г. Академикъ жалуется, утверждая, что Докладъ Коммиссіи по этой-то причинѣ долго оставался и ему не извѣстнымъ, въ чемъ мы, однако, безусловно довѣрить его словамъ не можемъ, и если бы онъ пожелалъ когда либо узнать отъ насъ этѣ причины, охотно готовы служить ему въ томъ. Впрочемъ, онъ и самъ откроетъ ихъ, буде только со вниманіемъ перечтетъ

свои Замѣчанія и сообразитъ все, творившееся въ Академіи Наукъ до написанія оныхъ.

Можетъ быть Коммиссія и была пристрастна, какъ это утверждаетъ почтенный Академикъ. Но источникъ этого пристрастія былъ самый чистый. Это — Высочайшее повелѣніе «усилить ученую дѣятельность Академіи, направивъ оную преимущественно на пользу Россіи.» Вотъ исходная точка для мнѣній Коммиссіи. Г. Рупрехтъ не обратилъ на это ни какого внаманія. Есть безпристрастіе, свойственное камню, который, возносясь надъ всѣми національностями, съ одинаковымъ равнодушіемъ отправляетъ свою функцію въ Петербургѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и т. д. «Патріотизмъ не касается науки,» говоритъ нашъ изобличитель. «Наука есть общее достояніе всѣхъ образованныхъ народовъ.» Академія Наукъ есть для него учрежденіе международное, замѣтьте, — международное (стр. 12). A priori слѣдуетъ, что къ учрежденію такого рода непримѣнимо Высочайшее повелѣніе направить дѣяьельность его преимущественно на пользу Россіи. Коммисія не была предувѣдомлена, что она имѣетъ дѣло съ учрежденіемъ международнымъ. Коммиссія также имѣла слабость думать, что понятіе о наукѣ, какъ объ общемъ достояніи всѣхъ образованныхъ народовъ, ни сколько не помѣшало бы Академіи Наукъ направить свою дѣятельность преимущественно на пользу Россіи, и въ этомъ предположеніи она желала, чтобы Академики были полезны Россіи болѣе непосредственно, нежели, какъ оказывается, полезны ей всѣ Европейскіе ученые, изъ которыхъ каждый публикуетъ свои труды на языкѣ, не родномъ для насъ. Объ этихъ существеннѣйшей важности отношеніяхъ и другихъ, имъ подобныхъ, статья не говоритъ ни слова. На скромное желаніе Коммиссіи слышать въ стѣнахъ Академіи Русскую рѣчь и видѣть универсальныя мысли Академиковъ облеченными въ царственную одежду Русскаго слова, Г. Рупрехтъ отвѣчаетъ: «Коммиссія хочетъ, чтобы Русскій ученый міръ былъ огражденъ отовсюду, подобно Китайско-Японскому, и даже еще строже» (стр. 19). Дѣйствительно, скажемъ мы, Коммиссія хотѣла чего-то, по видимому, подобнаго, но въ сущности не этого: она хотѣла, чтобы Академическій ученый міръ не былъ огражденъ отъ Русскаго міра подобно Китайско-Японскому и даже еще строже. Не такъ ли, Г. Рупрехтъ? Это вопросъ совѣсти.

Вы утверждаете, что «Коммиссія хочетъ, чтобы Петербургская Академія со степени первоклассной международной Академіи сошла на степень неизвѣстнаго въ остальномъ мірѣ и безконтрольнаго учрежденія, равнаго по значенію Академіямъ Языка и Литературы.» Стало, по Вашему, и Англійское Royal Society, упорно величаемое Вами Академіей, а не Обществомъ, какимъ оно дѣйствительно, и всѣ тѣ дѣйствительныя Академіи Наукъ, которыя разрабатываютъ науку на родномъ языкѣ, не могутъ обращать на себя ни чьего вниманія, достигнуть перваго класса, остаются безконтрольными, какъ Академіи Языковъ и Литературъ? И это проповѣдуетъ Академикъ? Да развѣ Академіи и ученыя Общества обязаны своей извѣстностью тому, что онѣ пишутъ на томъ, или другомъ, общеизвѣстномъ языкѣ? Что толку, если иные Академическіе труды на Нѣмецкомъ и Французскомъ такого рода, что, читая ихъ, не рѣдко приходится краснѣть вчужѣ, видя, что такое жалкое кропанье дѣлается общедоступнымъ ученымъ всего міра, когда хотѣлось бы совершенно противнаго? Не бѣда еще, когда сочиненіе дѣльное становится поздно извѣстнымъ за границей; во сто разъ хуже, когда дурное опережаетъ его. Хорошее, не безпокойтесь, проложитъ себѣ путь и за рубежъ, особливо въ вѣкъ такого общенія и обобщенія мыслей и дѣйствій, каковъ нашъ, а посредственность, будетъ ли она выражена по Нѣмецки, или по Французски, останется такой навсегда, и, конечно, для нея же лучше, чтобъ она тамъ и нашла себѣ гробъ, гдѣ родилась.

Другія побужденія, не дозволяющія, по мнѣнію Академика, водвориться Русскому языку въ Академіи Наукъ, я только назову здѣсь:

1. Это, прежде всего, коммиссіонерскіе и экономическіе разсчеты, касающіеся книжнаго магазина Академіи и удобнѣйшаго сбыта книгъ за границей (стр. 9).

2. Убѣжденіе въ томъ, что Французскій и Нѣмецкій языки суть универсальные, какъ въ этомъ удостовѣряется Г. Рупрехтъ изъ факта преподаванія этѣхъ языковъ въ Русскихъ училищахъ (тамъ же).

3. Удобство, какое находитъ сочинитель въ избраніи Латинскаго языка за органъ Академіи, полагая, что вотъ этотъ языкъ будетъ заподлинно универсальный (тамъ же).

4. Наблюденіе, что много научно-пустаго скрывается на малоизвѣстныхъ языкахъ, при чемъ нашему исполинскому слову, какъ надобно подразумѣвать, отводится мѣсто между послѣдними (стр. 10).

5. Употребленіе Русскаго языка воспрепятствуетъ Академикамъ внушать надлежащее уваженіе ученой Европѣ (къ кому?) и принимать современное участіе во всемірномъ развитіи науки (стр. 12).

Это такія перлы, которыя стоитъ только показать міру, не отдѣлывая ихъ. Даже сочинитель принимаетъ за аргументъ и то, что Академическіе труды пишутся прежде всего для ученыхъ (тамъ же); и этотъ аргументъ почерпаетъ свою силу видимо изъ сокрытаго предположенія, что Русскіе люди не могутъ быть учеными.

Такъ, если сочинитель жестоко порицаетъ Коммиссію, то онъ также не щадитъ и Россіи: да и за чѣмъ щадить ее? «Патріотизмъ не касается науки» (стр. 12).

Въ «Замѣчаніяхъ» Г. Рупрехта и слова не говорится о кругѣ Академическихъ Наукъ и объ ихъ правильной организаціи. Этотъ предметъ будто вовсе не лежитъ на сердцѣ сочинителя: думать объ немъ каждому позволяется, что угодно. Доказательство на это находимъ въ статьѣ другаго Академика, помѣщенной въ № 54-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» текущаго года, въ которой прямо высказана мысль, что дѣйствующій Уставъ Академіи Наукъ такъ хорошъ, что нѣтъ необходимости передѣлывать его. По чему же бы это, спроситъ кто либо? По тому, что «Уставъ есть самое послѣднее въ жизни ученой корпораціи; гораздо важнѣе его преданія и обычаи, сложившіеся временемъ и поддерживающіе въ ней ея духъ;» далѣе, «да онъ вовсе и не древній еще» (съ 1836 г.). Что до этого всего, дѣйствительно, для нашей Академіи Наукъ, какъ показала вся исторія ея существованія, преданія и обычаи, сложившіеся въ ней временемъ, гораздо важнѣе и выше всего. Не говоря уже о томъ, что происходило въ ней, въ силу предпочтенія Членами ея преданій и обычаевъ закону, въ прошломъ столѣтіи, когда частенько Академики, стоявшіе за такую почтенную старину, наступали на про-

тивниковъ своихъ, указывавшихъ имъ на Уставъ, съ кулаками и дреколіями и беззазорно позволяли себѣ такіе поступки, что никто не хотѣлъ вѣрить имъ, хотя они не подлежали ни малѣйшему сомнѣнію и засвѣдѣтельствованы самими актами, напомнимъ только отзывъ объ Академіи нашей не такъ далекаго времени, отзывъ самаго Президента ея, Графа С. С. Уварова, который, въ «Запискѣ» своей, поданной Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, такъ выразился о томъ, въ какомъ положеніи нашелъ онъ ее. «По части хозяйственной: Большія средства Академіи, по причинѣ долговременнаго безначалія, или исчезли, или ослабѣли; ни какихъ слѣдовъ благоразумнаго хозяйственнаго управленія. Вообще мало попеченій о казенномъ, все употреблено на частныя выгоды. По части ученой: Тотъ же самый духъ безначалія, который ощутителенъ въ хозяйственной части Академіи, еще болѣе чувствителенъ по части ея ученыхъ занятій. Неуваженіе къ общему мнѣнію, частныя ненависти и пріязни, личности всякаго рода, произвели издавна совершенный недостатокъ единодушія и прекратили всю дѣятельность Академіи» (Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древност. Россійск. 1865, кн. 3, отд. 5, стр. 336 — 338). Не то же ли и теперь, по крайней мѣрѣ, время отъ времени проявляется, если только справедливы тѣ подвиги ея, на которые указываетъ В. И. Ламанскій въ №№ 77 и 78-мъ газеты «Голосъ»? Развѣ все это происходитъ не въ силу того убѣжденія, что преданія и обычаи, сложившіеся временемъ въ Академіи и поддерживающіе въ ней ея духъ, важнѣе и выше ея Устава? И развѣ можемъ мы ожидать чего либо другаго и въ будущемъ, когда, какъ ни въ чемъ не бывало, высказывается это словно догматъ, исповѣданіе? Слѣдовательно, передѣлка Устава предпринята не съ тѣмъ, какъ открывается теперь ясно для всѣхъ, чтобъ улучшить его; нѣтъ, Боже сохрани! «Уставъ, говоритъ одинъ изъ Академиковъ, есть самое послѣднее въ жизни ученой корпораціи» (слова этѣ я повторяю съ намѣреніемъ: это чистое золото, и достойны того, чтобы вырѣзать ихъ на металлѣ и, если возможно, еще на чемъ либо болѣе твердомъ и способномъ противиться вліянію времени сколь можно долѣе и упорнѣе). Но что же такое подняло нашу Академію на ноги, заставило ее произвесть шумъ и вопль многъ? Академикъ «Московскихъ Вѣдомостей» откровенно выразился: «Важнѣе всего (т. е., внутренняго устройства, которое

онъ называетъ вопросомъ частнымъ) для Академіи Наукъ возвышеніе Академическихъ штатовъ. Это стои́тъ, замѣчаетъ онъ, на первомъ планѣ; это потребность безспорная; безъ этого Академія не Академія,» и г. д., и т. д. То же самое твердитъ и другой Академикъ, Г. Рупрехтъ.

Денежная сторона дѣла находитъ и въ немъ горячаго защитника. То вычисляется, во сколько Академія Наукъ обходится дешевле казнѣ каждаго изъ Университетовъ (стр. 16), то измѣряются матеріяльныя выгоды Академика и Профессора Университета (тамъ же); даже сочинитель не задумался указать на то, что пенсіонъ Академика ограниченнѣе жалованья учителя Русскаго языка въ Гимназіяхъ Царства Польскаго (стр. 17). Послѣднее сравненіе особенно характеристично: «патріотизмъ не касается науки.» По чему бы, послѣ этого, и Профессорамъ Университета не указывать, въ свою очередь, на то, что, на примѣръ, Судебные Слѣдователи есть, или бываютъ, больше обезпечены, нежели Профессоры Университетовъ? Но Богъ съ Вами и съ Вашимъ мнѣніемъ объ обезпеченіяхъ! Коммиссія выразила по этому предмету въ своемъ Докладѣ то лишь, что она считала за лучшее. Если это лучшее по чему либо недостижимо, слѣдуетъ ограничиться возможнымъ. Итакъ, просите какихъ угодно поддержекъ, но говорите прежде всего и пишите непремѣнно по Русски. Пусть ваши оклады и пенсіоны будутъ блестящіе и самые завидные въ мірѣ! Не куда шло! Только уже согласитесь, что Вы, пользуясь такимъ благомъ еще на земли, должны быть полезны Россіи, но полезны не въ томъ смыслѣ, въ какомъ полезны ей всѣ безъ изъятія Европейскіе ученые. Или и здѣсь позволитъ совѣсть изворачиваться и отводить глаза толками объ универсальности Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, умалчивая объ Англійскомъ, и разсужденіями о выгодахъ избрать языкъ Латинскій, увѣреніями, какъ вредно для самой науки (по видимому, составляющей Ваше единственное Божество) работать на такомъ языкѣ, каковъ языкъ Русскій, и опасеніями за судьбу Вашихъ безцѣнныхъ и геніяльныхъ произведеній, долженствующихъ по тому на вѣки быть сокрытыми отъ ученаго свѣта, или, по меньшей мѣрѣ, на долгó и долго?...

Коммиссія замѣчала, что Проектъ полонъ противорѣчій, и что онъ относится къ дѣлу слишкомъ легко. Сочинитель тоже не меньше

легко относится къ этому дѣлу. Безмѣрное и необыкновенное право, которое усвоялъ Академіи Проектъ — принимать молодыхъ людей на частную службу Академиковъ, и потомъ, по усмотрѣнію, давать имъ, за личныя услуги, чины, — это право Г. Рупрехтъ отмѣняетъ однимъ почеркомъ пера. Хорошъ же вообще признакъ, когда такъ легко отказываются отъ Проекта (стр. 19) и отъ подкрѣпленныхъ въ немъ доводами мнѣній! Но какъ же послѣ этого сочинитель могъ сказать, что Коммиссія не дала ни одного указанія, которое пригодилось бы для поправленія Устава?

Мнѣніе Коммиссіи, что Профессоры за ученую дѣятельность не получаютъ ни копѣйки, и что вознагражденіе идетъ имъ только за дѣятельность Профессорскую, учебную (стр. 14), сочинитель встрѣчаетъ съ ироніей: «Какая тонкость со стороны Коммиссіи! Для чего? Ей хочется доказать, что за ученые труды Академиковъ не должно ничего платить. На это можно отвѣчать Коммиссіи: если Члены ея получаютъ жалованье только за свою учебную дѣятельность, то лишь послѣдняя была бы ихъ обязанностію; но если, по исполненіи этой обязанности, у нихъ еще останется лишнее время, то имъ предоставляется свобода и честь употреблять это время на ученые труды, съ тѣмъ, однако, чтобы эти послѣднія не оказывали вреднаго вліянія на ихъ настоящую службу.»

Сочинитель началъ за упокой, а кончилъ за здравіе; онъ защищаетъ Коммиссію:

а) Ученые труды могутъ оказывать вредное вліяніе на учебную дѣятельность. Можетъ ли за такіе труды вознаграждаться Профессоръ жалованьемъ?

б) Учебная дѣятельность есть обязанность, а ученая — дѣло свободы и чести. Можетъ ли гдѣ ни будь въ Россіи, въ Англіи, даже Турціи, быть положено жалованье за дѣла свободы и чести, а не за обязанности? Но именно дѣло Академиковъ есть дѣло свободы и чести. Какъ же тутъ клеится жалованье? Г. Рупрехтъ не кончилъ своего разсужденія. Ему слѣдовало бы еще спросить: что такое служба, и подходитъ ли подъ идею службы занятіе Академика, кабинетное, не способное къ контролю? Коммиссія доставила ему по этому предмету богатый матеріалъ: она доказала,

что дѣятельность Академика есть дѣло свободы и чести. Рупректъ же, между тѣмъ, утверждаетъ, что Коммиссія уронила достоинство Академіи. Чѣмъ уронила? Не тѣмъ ли именно, что ея занятія считала дѣломъ свободы и чести?

Онъ усиливается доказать, что «Академическіе труды открываютъ новый путь знанію, вносятъ въ ученый міръ новые факты. Такіе только труды должно признавать Академическими» (стр. 15). Блаженъ, кто вѣруетъ такимъ завѣреніямъ! Къ сожалѣнію, это идеалъ недостижимый, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ Академій. Такъ бы должно было быть, но не такъ на самомъ дѣлѣ бываетъ и даже есть. Что за прелесть было бы, въ самомъ дѣлѣ, для Профессоровъ Университетовъ, если бы это совершали наши Академики! Дѣйствительно, имъ тогда «оставалось бы, признавъ такія великія открытія, согласить только прежнее ученіе съ этѣми новыми фактами, выкидывать изъ своихъ лекцій цѣлыя даже главы, какъ сомнительныя, устарѣлыя, безполезныя, или невѣрныя» (тамъ же). Но то ли на самомъ дѣлѣ? Шлемся на Профессоровъ всѣхъ Русскихъ Университетовъ, часто ли приходится имъ такъ поступать, въ слѣдствіе безсмертныхъ открытій нашихъ Русскихъ Академиковъ, даже вообще Академиковъ, безъ различія мѣста жительства, происхожденія и т. п.? Пусть каждый изъ нихъ скажетъ, положа руку на сердце, по совѣсти, къ кому чаще приходится имъ прибѣгать въ этомъ случаѣ, къ Академикамъ ли, или же Профессорамъ, и просто ученымъ? Кто больше составилъ, ну, хоть учебниковъ, которые, по словамъ, Г. Рупрехта, «содержатъ въ себѣ все вновь открытое, направляющее, движущее, высшее» (тамъ же), Академики ли, или Профессоры, и вообще ученые?

Нашъ Академикъ въ особенности негодуетъ на Коммиссію за одно положеніе изъ числа шести, выставленныхъ ею подъ конецъ своего Доклада, именно: то, въ которомъ говорится, что «учрежденіе специяльныхъ ученыхъ Обществъ при разныхъ Правительственныхъ Вѣдомствахъ показываетъ, что Академія Наукъ не достигала своей цѣли.» Въ отвѣтъ онъ предлагаетъ «обратиться Коммисіи къ, оставшимся ей неизвѣстными, Академическимъ рѣчамъ бывшаго Непремѣннаго Секретаря Академіи, Миддендорфа, изъ которыхъ она могла бы еще понаучиться кое-чему.» Напрасный совѣтъ! Коммиссія не только знакома съ этѣми образцами Академи-

ческаго краснорѣчія, глубокомыслія и правды, но и съ прочими. подобными и неподобными имъ, произведеніями непремѣнныхъ глашателей безцѣнныхъ трудовъ нашей Академіи. Указывая на ученыя Общества, Коммиссія равнымъ образомъ не думала дѣлать ни какихъ Астрономическихъ открытій, тѣмъ болѣе величественныхъ, а считала себя обязанною высказать свое искреннее желаніе, чтобы Академія Наукъ, по своему положенію, средствамъ, преимуществамъ, правамъ и въ особенности тѣмъ предъявленіямъ, которыя она внесла въ Проектъ новаго Устава и Штатовъ, стояла какъ звѣзда между прочими звѣздами, и свѣтила бы, если можетъ, какъ звѣзда первой величины. Пожеланіе, кажется, благонамѣренное, даже законное, буде удастся Академіи счастливо провести между Сциллой и Харибдой свою ладью, обремененную такимъ тяжеловѣснымъ грузомъ требованій, притязаній и Богъ вѣсть чего.

Г. Рупрехтъ увѣряетъ, что «Академія никогда не препятствовала водворенію ученыхъ Обществъ; напротивъ, она сама положила основаніе нѣкоторымъ изъ нихъ» (стр. 18) и пр. Да, если только принимать за труды Академіи труды того, или другаго, Академика, приписывать дѣло единицы цѣлому легіону. Не на этомъ ли основаніи Г. Рупрехтъ увѣряетъ, что Академія Наукъ зародила и Московскій Университетъ? (стр. 24). Но по чему же она не хотѣла зародить Университета въ Петербургѣ, Кіевѣ и т. д., какъ предлагалъ ей Ломоносовъ, ежели уже пошло на то, что хорошее дѣло послѣдняго принадлежитъ цѣлой Академіи Наукъ, такъ дружно, такъ долго и упорно преслѣдовавшей его? По увѣренію Г. Рупрехта выходитъ, что Ломоносовъ чуть ли не Академіи обязанъ и знаніемъ Латинскаго языка (стр. 5 — 6). Вотъ вамъ и знаніе Исторіи Академіи Наукъ со стороны Г. Рупрехта, упрекающаго Коммиссію съ такимъ самодовольствомъ въ незнаніи судебъ оной! Отъ такого рода знанія не поздоровится никому, тѣмъ болѣе самой Академіи, и Коммиссія не повѣритъ Академику Рупрехту въ томъ, что жалоба Нартова Сенату сочинена не Ломоносовымъ, по тому только, что, по увѣренію его, въ «Академіи сомнѣваются въ этомъ.» Мало ли въ чемъ въ Академіи сомнѣваются. Сомнѣваются же въ ней, на примѣръ, и въ необходимости направить свою дѣятельность, по непремѣнной волѣ Государя Императора, преимущественно на пользу Россіи, питающей и лелѣющей ее паче

прочихъ ученыхъ учрежденій своихъ. Но Коммиссія какъ въ этомъ, такъ и въ томъ, что названное Донесеніе писано Ломоносовымъ, не сомнѣвается, по тому что мысль, высказанная въ ономъ, встрѣчается не разъ у Ломоносова (см. хоть «Краткую Исторію о поведеніи Академической Канцеляріи,» Ломоносова, въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1865, кн. 1, отд. V). Стало быть, Коммиссія вовсе не смѣшала этѣхъ двухъ именъ (Нартова и Ломоносова); а по сему и филиппика Г. Академика, въ которую онъ пустился противу Коммиссіи, за мнимое смѣшеніе, дурно расчитана имъ и показываетъ скорѣе плохое знакомство съ его стороны съ Ломоносовымъ, какъ Академикомъ, чѣмъ Коммиссіи, которая хорошо его изучила и вполнѣ сознавала и сознаетъ, что говорила въ своемъ Докладѣ.

Напрасно также Г. Академикъ бросаетъ тѣнь на Коммиссію, яко бы она слѣдуетъ людямъ, «которые не хотятъ знать тѣхъ случаевъ, когда, во имя науки, приносятся въ жертву и здоровье и жизнь.» Въ знаніи этѣхъ случаевъ Члены Коммиссіи не уступятъ ни одному Академику на свѣтѣ, и для убѣжденія ихъ не нужно ни какихъ другихъ фактовъ, кромѣ фактовъ достовѣрныхъ, всѣмъ доступныхъ и понятныхъ, отнюдь же не фактовъ, опирающихся на воображаемыхъ жертвахъ и заслугахъ. Такія же заслуги, какія выставлены бѣднымъ, какъ Г. Рупрехтъ выражается, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи, въ его публичной рѣчи, безъ малаго почти за полтора столѣтія существованія ея, развѣ могутъ быть принимаемы въ расчетъ, когда знаешь, для чего и когда этотъ послужной списокъ Академіи сдѣланъ? Панегирики не акты и не факты, пишутся ли они по Русски, по Французски, или по Нѣмецки, и разсылаются безплатно во всѣ концы вселенной. Слава Богу, теперь вѣкъ не тотъ; теперь подобнымъ витіямъ ничего болѣе не остается, какъ только безплатно разсылать свои вдохновенія. Но они жестоко ошибаются, если думаютъ, что число тѣхъ, кто читалъ, или слушалъ, ихъ похвальныя слова, изо ста будетъ 99, кои такъ и повѣрятъ вѣщаемому въ нихъ, такъ голова ихъ и закружится отъ ѳиміяма, воскуряемаго новыми Плиніями новымъ богамъ, божкамъ и великимъ смертнымъ. «Милый ты человѣкъ!» говорятъ нонѣ такимъ услужникамъ: больно что-то ужь распѣваешь, что ни на есть другое затѣваешь. Не финты ли, фанты, заморскіе куранты?»

Вообще Академикъ Рупрехтъ пуще всего напираетъ на то, какъ смѣла Коммиссія сказать, что Академія Наукъ непремѣнно должна быть вполнѣ Русской, коли находится въ Русскомъ Царствѣ и на Русскомъ хлѣбѣ. Онъ всѣ усилія употребляетъ доказать, что это — дѣло второстепенное; что можно быть вполнѣ Русскимъ, не говоря и не пиша по Русски, и тѣмъ не менѣе даже превосходить самыхъ Русскихъ въ благонамѣренности, привязанности, любви, пользѣ и т. д. Напрасно говорятъ ему, что такъ вездѣ дѣлается и дѣлалось, гдѣ только народъ сознаетъ себя, уважаетъ собственное достоинство и желаетъ что ни будь значить въ исторіи. Пустяки все это, отвѣчаетъ онъ: выше всего для человѣка наука, которая по тому должна быть доступна всему міру, стало, орудіемъ ея долженъ быть такой языкъ, который какъ можно былъ бы распространенъ. А какъ такихъ языковъ теперь два, Нѣмецкій и Французскій, то на любомъ-то изъ нихъ и должны Академики вѣщать сѣдящимъ во тьмѣ свои откровенія. Вы спрашиваете его, отъ чего же Французы и Нѣмцы не дѣлаютъ того, а служатъ наукѣ на своемъ языкѣ?—Было время, когда и они умствовали на немъ.—Согласны. Отъ чего же бросили то? На это, конечно, нашъ Академикъ не считалъ нужнымъ отвѣчать. Если же они бросили это, то по чему же, буде они хорошо поступили и это оказалось для нихъ столь полезнымъ, по чему же и другимъ того не дѣлать? И точно, этѣ другіе въ самомъ дѣлѣ давно уже то и сдѣлали: каждый Европеецъ въ Европѣ и прочихъ частяхъ свѣта старается, если есть какая либо возможность, служить наукѣ на родномъ языкѣ, предпочтительно избираетъ его, вовсе не заботясь о томъ, чтобы написанное имъ не пропало даромъ. Онъ увѣренъ, что, буде оно точно достойно памяти, не пропадетъ, а не достойно, — туда ему и дорога! Было время, повторимъ и мы, для большой части Европейцевъ, когда они прибѣгали къ чужому языку, но было и прошло; потомъ наступило время и для ихъ языка. Такъ точно и для Русскихъ было время, когда и у нихъ Академики, Профессоры и т. п., прибѣгали, въ области наукъ, къ посредству Латинскаго, Французскаго и даже Нѣмецкаго языка (къ послѣднему, конечно, меньшинство, за исключеніемъ Русскихъ Академиковъ, если не ошибаемся, съ половины прошлаго столѣтія). Но Латинскій языкъ уступилъ мѣсто свое давно уже отечественному; другой, хотя не въ такой мѣрѣ въ области науки,

какъ въ свѣтскомъ обществѣ, долѣе держался, но и онъ мало по малу отступаетъ передъ Русскимъ даже въ самыхъ уже обществахъ высшаго полета. О Нѣмецкомъ нечего и говорить. Кто у насъ Нѣмцы? По большой части Прибалтійцы, нерѣдко смѣшаннаго происхожденія, да нѣсколько залетныхъ птицъ изъ разныхъ мѣстъ Нѣмецкаго Vaterland. Но не уже ли, ради этого разнопестраго палета, прикрывающаго знаменемъ науки совсѣмъ ненаучные замыслы и стремленія, какъ показалъ то намъ долгій и тяжелый опытъ, не уже ли ради него Русскій языкъ и теперь еще не получитъ права гражданства, подобающаго ему по всему въ Русской Академіи и въ Русскомъ Государствѣ? Не уже ли, повторяемъ, Высочайшая воля, выраженная такъ прямо, положительно и безповоротно: «усилить ученую дѣятельность Академіи, направивъ оную преимущественно на пользу Россіи,» можетъ быть еще такъ понимаема, какъ понимаетъ ее Г. Рупрехтъ, который, ссылаясь на нее, не смѣлъ даже привести ее вполнѣ, а лишь первую половину Высочайшихъ словъ, и то перефразируя оныя: «Академія должна быть усилена,» подобно тому, какъ это въ недавнее время было съ Университетами» (стр. 14)? То есть, очевидно, для него и подобныхъ ему, всѣ дѣло, вся суть, заключается въ усиленіи матеріяльномъ; все же прочее, какъ выразился уже одинъ изъ нихъ, — можетъ остаться, пожалуй, въ прежней силѣ (см. выше). «Возвышеніе Академическихъ Штатовъ — вотъ что намъ, Академикамъ, нужно; вотъ что стоитъ на первомъ планѣ; вотъ что потребность безспорная,» и т. д. Съ какою горячностью, можно сказать, доходящею до паѳоса, витійствуетъ объ этомъ на нѣсколькихъ страницахъ (7 — 13) нашъ Академикъ, удивительно и непонятно, и мы бы очень желали подѣлиться съ читателями его краснорѣчіемъ, если бы, съ одной стороны, не боялись утомить вниманіе ихъ большою выпиской, а съ другой, чего добраго! навлечь на себя обвиненіе въ присвоеніи чужой собственности.

Замѣчанія Г. Рупрехта представляютъ собою, какъ увидимъ, давно уже неслыханное явленіе въ нашей Литературѣ. Чего тутъ нѣтъ! И увѣреніе, что Академія зорко всматривается въ потребности Русскаго общества, издавая «Ученыя записки» на Русскомъ языкѣ (съ котораго времени?), заключающія въ себѣ рядъ протоколовъ засѣда-

ній, годичныхъ отчетовъ о присужденіи наградъ; издаетъ и путешествіе въ Сибирь Академика Миддендорфа, и Петербургскія Вѣдомости (также и S.Petersb. Zeitung?), въ которыхъ, съ нѣкотораго времени (а какъ давно, на примѣръ?), помѣщаются текущія извѣстія объ Академическихъ засѣданіяхъ (все о засѣданіяхъ, да о засѣданіяхъ, производящихся на какомъ діалектѣ, кромѣ 2 го Отдѣленія?).» Тутъ Г. Рупрехтъ прерываетъ свое исчисленіе (конечно, по причинѣ обилія подлежащаго исчисленію), говоря: «Короче сказать, Русское общество, если оно интересуется Академическою дѣятельностью, можетъ слѣдить за всѣмъ ходомъ научныхъ занятій Академіи(т. е., можетъ узнать, сверхъ сообщаемаго ему по благосклонности Академіи по Русски, и о томъ, что она производитъ еще и для зарубежнаго міра на языкахъ иностранныхъ). «Развѣ этого недостаточно?» спрашиваетъ онъ, и тутъ же отвѣчаетъ: «Для нѣкоторыхъ лицъ, очевидно, нѣтъ.» Для нѣкоторыхъ? Только-то? Въ число нѣкоторыхъ, стало быть, по мнѣнію его, входятъ и всѣ Русскіе Университеты, вся почти Русская печать, такъ единодушно, такъ искренно заявившія, что пришла уже, наконецъ, пора, какъ мы сказали выше, и Академіи Наукъ на Русской почвѣ быть Русской, и быть Русской не по одному лишь названію своему, при Академикахъ съ Нѣмецкими именами (въ большинствѣ) и стремленіями (едва ли въ меньшинствѣ), но Русской вполнѣ, какъ говорится, съ головы до пятокъ, думать, говорить, писать и дѣйствовать только по Русски и прежде всего для Русскихъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ горделивыя притязанія на міровую дѣятельность, которыя, какъ опытъ показалъ, совершенно не по силамъ не имъ однимъ, но рѣшительно ни какой Академіи на свѣтѣ. Это достигается гораздо проще, кому Богъ далъ талантъ, именно: трудомъ и воздѣйствіемъ прежде всего на ту среду, въ которой суждено ему вращаться, то есть, посредствомъ языка ея, какъ естественннаго и прямаго орудія для того. Наши же Академики, прибѣгая къ чужому языку для среды, въ которой живутъ, очевидно, поступаютъ въ этомъ случаѣ вопреки, по меньшей мѣрѣ, простому здравому смыслу и соображенію. «Si fueris Romae, Romano vivito more,» говорили Римляне; да и ближайшіе преемники ихъ замѣчаютъ: «Il paesè, che vai, usa, che trovi,» а мы, Русскіе, твердимъ: «Въ какую землю придешь, той и шапку надѣнешь,» и: «Въ чужой монастырь не ходи съ своимъ уставомъ!» Вся ложь и несообразность отстаиваемаго тотчасъ откроется для

всѣхъ и каждаго, коль скоро спросимъ тѣхъ изъ нихъ, кто наиболѣе распинается за чужеязычіе въ устахъ Членовъ нашей Академіи: «А хорошо ли было бы, если бы любой Европейской Академіи Наукъ кто либо предложилъ издавать свои труды, на примѣръ, хоть на Латинскомъ языкѣ, вмѣстѣ того, какъ она издаетъ ихъ на своемъ родномъ?» Не уже ли думаете, что каждый изъ Членовъ этой Академіи послѣ того не подошелъ бы къ предлагающему и не освѣдомился бы объ его здоровьѣ? И это было бы, конечно, самое естественное движеніе ихъ, самое меньшее изъ того, что могло бы произойти послѣ подобнаго предложенія. Но не то ли самое предлагаютъ и намъ теперь, когда отстаиваютъ всѣми силами право за нашими Академиками излагать на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ свои труды? Не того ли же самаго желаетъ и Г. Рупрехтъ, говоря: «Коммиссія отвергаетъ ихъ (Французскій и Нѣмецкій языкъ) съ негодованіемъ. За чѣмъ же послѣ того они преподаются и изучаются въ училищахъ?»—По многимъ и многимъ уважительнымъ причинамъ, отвѣтимъ мы ему, но во всякомъ случаѣ отнюдь не за тѣмъ, чтобы Члены Русской Академіи Наукъ издавали свои сочиненія, которыя должны быть преимущественно направлены на пользу Россіи, на этѣхъ языкахъ. «Странно, что Коммиссія не указываетъ, продолжаетъ онъ, на Латинскій языкъ, который, не имѣя національности, сдѣлался достояніемъ ученыхъ всѣхъ странъ и еще въ прошломъ столѣтіи былъ универсальнымъ языкомъ всѣхъ ученыхъ. Да и въ настоящее время пишутся на этомъ языкѣ замѣчательныя ученыя работы, какъ-то библіографическія, филологическія, естественно-научныя и медицинскія. Codex Sinaiticus (Novum Testamentum) удобопонятенъ для всѣхъ ученыхъ (какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ на Латинскомъ языкѣ, а не однѣ лишь «Prolegomena» къ нему, всего на 89 стран.). Наша Академія, при помощи Латинскаго языка, уже съ самаго начала ея существованія стала извѣстна всему ученому міру.» Такъ вотъ до чего можетъ довести даже и Члена первенствующаго ученаго сословія (какъ величаетъ себя наша Академія) ревность по старинѣ, отжившей у всѣхъ народовъ образованной Европы свой вѣкъ и только еще кое-гдѣ, тамъ и сямъ, прозябающей и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе исчезающей! Вотъ до чего можетъ довести, и точно доводитъ, нерасположеніе, по видимому, Русскаго Академика, къ Русскому языку! Не угодно ли вамъ, говоритъ онъ, вмѣ-

сто ненавистныхъ языковъ для нѣкоторыхъ, Латыни? — За чѣмъ? «За тѣмъ, въ особенности, что она уже не имѣетъ національности и была когда-то универсальнымъ языкомъ ученыхъ.» Но, вѣдь, и Греческій языкъ былъ тоже во дни оны универсальнымъ языкомъ, и Арабскій въ Азіи у многихъ Магометанъ тоже игралъ роль, и, однако же, всѣ они, когда пришла пора ихъ, преидоша, яко сѣнь, и не обрѣтеся зовый я воздвигнутися и изыти на свѣтъ изъ тьмы, кромѣ единаго Русскаго Академика, предлагающаго намъ, «иже бѣаху убо въ навѣхъ.» Выгоды отъ того, по его словамъ: извѣстность Академіи, Академиковъ и ихъ твореній ученому свѣту, честь, которою пользуется, на примѣръ, Королевское Общество Наукъ въ Упсалѣ, имѣющее значеніе Академіи, ученое Общество Финское и под. имъ. Но мы клапяемтися, Господине, на такой чести; пусть кто хочетъ предвосхищаетъ ее у насъ, особенно же тотъ, кто полагаетъ, что Академіи — это международныя учрежденія, и по тому Члены ихъ должны трудиться не для того народа, у коего и на счетъ коего существуютъ онѣ, но для человѣчества, что наука — общее достояніе всѣхъ образованныхъ народовъ; стало, неприлично Академіямъ работать для необразованныхъ. Когда придетъ время, и эта чернь вкуситъ отъ ученой трапезы ихъ; до того же обязанность ея — доставлять конфортъ мудрой чяди, служить общему благу, или, какъ выразился Г. Рупрехтъ, «не препятствовать внушать надлежащее уваженіе ученой Европѣ и принимать современное участіе во всемірномъ развитіи науки» (стр. 12). Вотъ, какого сокровища лишаютъ Русь тѣ ея узкіе патріоты, которые осмѣливаются заявлять, что «пріиде часъ, и нынѣ есть,» Академіи Русской быть и по языку Русской. Нѣтъ, «наука есть общее достояніе всѣхъ образованныхъ народовъ, восклицаетъ Русскій Академикъ» (стр. 11). А если это такъ, то кто необразованъ, для того за чѣмъ наука? «Procul profani, et arceo. . . . «Наука, продолжаетъ онъ, стоитъ выше языка, который есть только средство для распространенія науки.» Вотъ что: какое великое открытіе! Но согласны; однако, если языкъ — средство для науки, то не уже ли слѣдуетъ выбирать такой языкъ, который непонятенъ для большинства той страны, гдѣ Академія должна распространять науку? Не значитъ ли это поступать съ наукой точно такъ, какъ Римъ Папъ поступалъ и поступаетъ съ распространеніемъ слова Божія? И можетъ ли ка-

кой либо «языкъ обогатиться по наукамъ новыми словами и идеями,» въ томъ числѣ и Русскій, при такомъ образѣ дѣйствія тѣхъ, которые для того именно, между прочимъ, и призваны? Вы говорите: «усовершенствованіе и обогащеніе языка можетъ произойти только при помощи великихъ знатоковъ языка, а не специялистовъ» (стр. 12). Помилуйте, развѣ возможно безъ специяльности въ какой либо наукѣ обогатить ее новыми словами и идеями, особливо же разрабатывая науку на чужомъ языкѣ? Много ли, на примѣръ, обогатилось Русское слово отъ всѣхъ иноязычныхъ твореній нашихъ Академиковъ?

Но «специяльные ученые труды въ томъ видѣ, какъ они издаются Академіями, или высшими учеными Обществами, пишутся прежде всего для ученыхъ, и въ этой формѣ не всегда способны прямо распространяться въ различныхъ слояхъ общества» (тамъ же). Во первыхъ: выраженіе «не всегда» даетъ знать, что когда же ни будь да способны распространяться въ слояхъ общества. Во вторыхъ: за чѣмъ же и произведеніямъ Академическимъ прибѣгать къ іероглифамъ? Чѣмъ проще и яснѣе будутъ они, тѣмъ лучше для нихъ, для всѣхъ и самой науки. Ничего не можетъ быть возвышеннѣе слова Божія, и, однако же, оно выражено языкомъ, для всѣхъ доступнымъ. Тотъ не мастеръ, кто не совладаетъ съ своимъ мастерствомъ. Въ третьихъ: могій вмѣстити, да вмѣститъ. Какое же можетъ быть вмѣщеніе содержанія, когда оно изложено еще на языкѣ вовсе чуждомъ для большинства? Говоря это, мы разумѣемъ вовсе не популяризацію, тѣмъ болѣе, что и самъ Г. Рупрехтъ утверждаетъ, что «не всѣ науки могутъ популяризоваться; равно не говоримъ и о томъ, чтобы большинство публики какъ можно скорѣе обучилось: все это приходитъ постепенно, исподоволь, требуетъ времени, желанія и усилій; но за чѣмъ же отнимать возможность у тѣхъ, кто захотѣлъ бы обратиться къ первоначальнымъ источникамъ? А этотъ случай тутъ, какъ тутъ, когда Русскіе Академики пишутъ и печатаютъ не по Русски, на Руси да не для Руси, сообщаютъ ей свѣтъ знанія, какъ Папа свѣтъ Богопознанія. Какъ языкъ Папы понятенъ для его духовенства и ученыхъ, такъ и языкъ Французскій и Нѣмецкій понятны для Русскихъ Профессоровъ и высшаго класса Русскаго общества; стало, не объ этомъ идетъ рѣчь, когда и Университеты и обще-

ство желаютъ и требуютъ, чтобы Вы, Русскіе Академики, были и по языку Русскіе, а не по одному лишь мѣсту нахожденія и служенія вашего; говорили бы и писали прежде всего по Русски и для Русскихъ, не разбирая, кто тамъ васъ будетъ читать, точно такъ, какъ это дѣлается и въ заграничныхъ Академіяхъ, гдѣ труды Академиковъ доступны по языку своему для всѣхъ вообще: въ Германіи для Нѣмцевъ, во Франціи для Французовъ, въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ для Англичанъ, и т. д. Или же вамъ болѣе нравится Вѣнская Академія, издающая труды своихъ Членовъ на одномъ лишь Нѣмецкомъ? Но Россія не Австрія: это разъ, а Петербургскіе и другіе Нѣмцы не Австрійскіе: это два. Сюда не йдутъ тѣ случаи, когда та, или другая, Академія иногда издаетъ то, или другое, сочиненіе на чужомъ языкѣ: это исключеніе, а исключеніе не правило; не исключеніями правится міръ и все въ мірѣ. Нужда закона не знаетъ, черезъ законъ шагаетъ; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы закона вовсе ужъ не нужно было. Какая же, скажите, ради Бога, нужда намъ, Русскимъ, въ томъ, чтобы Академики наши просвѣщали прежде всего не насъ, а тѣхъ, которые не нуждаются ни въ чьихъ заботахъ о нихъ? Не значитъ ли это въ лѣсъ дрова носить? И, между тѣмъ, въ этомъ подвизаются не одни лишь Гг. Рупрехты, но, къ сожалѣнію, не рѣдко и самые Русскіе, вынужденные, конечно, къ тому не столько доброю своею волею, или чѣмъ инымъ, сколько тою необходимостью, въ силу коей случается cum vulpe vulpinari, или же, какъ говорятъ Малороссіяне: «Скачи, враже, якъ панъ каже!» Во всякомъ случаѣ странно (чтобъ не сказать чего больше и хуже) какъ-то для Русскаго, когда, взявъ въ руки изданіе Русской Академіи (на примѣръ, хоть Bulletin, tome X, N I, 1866 г.), читаешь (въ «Contenu»): «Somof, Note sur la transformation des coordinées rectilignes rectangulaires en coordinées elliptiques;»—«Zinin, Observation sur le benzoin;»—«Menchoutkine, Action des alcools sur les protochlorure de phosphore;»—«Pusyrewski, Eozoon canadense dans les calcaires de Hopunwara en Finlande;»—«Faminzin, Action de la lumière d'une lampe sur la Spirogyra orthospira Naeg.» Изъ всѣхъ этѣхъ статей и статеекъ, не смотря на Французское озаглавленіе ихъ, только счастья одного Г. Сомова въ Французскомъ, прочія же на Нѣмецкомъ. Странно, повторяю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невыразимо грустно все это для Русскаго!...

Распространившись такъ много (на 20 стр.) о Докладѣ Коммиссіи, Г. Рупрехтъ объ Отдѣльныхъ замѣчаніяхъ одного изъ Членовъ ея, приложенныхъ къ ней, отзывается уже весьма коротко (всего на 3-хъ стр.).

«Замѣчанія эти, говоритъ Г. Рупрехтъ, написанныя въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, не были читаны въ Совѣтѣ Университета» (стр. 20). Совершенная правда! «Не скрытый ли это протестъ?» спрашиваетъ онъ далѣе. Ну, это уже неправда! Въ примѣчаніи къ Докладу Коммиссіи замѣчено прямо, что «Докладъ ея, по прочтеніи, былъ принятъ единогласно, кромѣ одного Члена, объявившаго, что онъ подастъ свое особое мнѣніе;» это и было имъ сдѣлано, читано и потомъ напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ.» Слѣдовательно, протестовать, кромѣ того, еще кому либо, особливо скрытно, было бы неблагородно въ высшей степени, и подобное предположеніе не дѣлаетъ чести догадливости предлагающаго оное. Тѣмъ болѣе, что дѣло ведено было открыто, и какъ бы кто ни старался укрыться, не удалось бы ему, и по тому протестъ его не могъ бы появиться рядомъ съ Докладомъ. Это голосъ, во всемъ согласный съ Докладомъ Коммиссіи, цѣлью котораго было точно высказать, сверхъ вошедшаго въ оный, еще нѣкоторыя замѣчанія. Да и къ чему тутъ догадки, когда въ самомъ началѣ Отдѣльныхъ замѣчаній сказано: «Къ этѣмъ замѣчаніямъ Коммиссіи, касающимся самыхъ, такъ сказать, выпуклыхъ сторонъ Проекта Устава и Штатовъ Академіи Наукъ, можно присоединить еще много на отдѣльныя части ихъ, правда, не столь выдающіяся, тѣмъ не менѣе важныя» и т. д. По этому уже одному Докладъ и Отдѣльныя замѣчанія не могли быть ни коимъ образомъ «написаны какъ бы перомъ одного лица,» какъ-то подозрѣваетъ Г. Рупрехтъ (стр. 4).

Къ Отдѣльнымъ же замѣчаніямъ Г. Академикъ гораздо благосклоннѣе; онъ даже называетъ ихъ «выраженіями благонамѣренной, по видимому, критики, вызывающими на соображеніе, изслѣдованіе, оспариваніе, или опроверженіе. Видно, что авторъ трудился надъ Проектомъ. Намъ кажется даже (заключаетъ Г. Рупрехтъ свою похвалу), что онъ поступилъ весьма дѣльно, обративъ вниманіе на пропускъ § 69-го Академическаго Устава 1836 г.» (стр. 21). И, въ слѣдъ за тѣмъ, самъ Академикъ пускается въ разсужденія объ этомъ §, приводитъ доказательства важности его для жизни Ака-

деміи, и требуетъ сохраненія онаго въ Уставѣ. Далѣе Г. Рупрехтъ высказываетъ свое несогласіе съ нѣкоторыми изъ замѣчаній, называя ихъ «ошибками, по незнанію Академіи.» Такова, по его мнѣнію, «ошибка касательно отношенія Академиковъ съ чужими именами къ Академикамъ съ именами Славянскими.» Онъ увѣряетъ, что послѣднихъ нынѣ на половину и даже болѣе, а не ⅓; «это отъ того произошло, что авторъ Замѣчаній не беретъ въ разсчетъ цѣлаго Отдѣленія.» Т. е., такъ называемаго, 2-го или Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности. Но, вѣдь, авторъ этотъ сослался на «Памятную книжку Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1865 годъ,» тотъ самый, въ которомъ онъ писалъ свои замѣчанія; а по тому не онъ ошибся, а Министерство, если только дѣйствительно оно ошиблось. При томъ же онъ именно оговорился, что «о 2-мъ Отдѣленіи тутъ и рѣчи быть не можетъ: Члены его подобраны такъ, что скорѣе на нихъ можно смотрѣть какъ на Почетныхъ, чѣмъ на Дѣйствительныхъ, Членовъ.» Напрасно Г. Рупрехтъ говоритъ, что «они при избраніяхъ имѣютъ право голоса наравнѣ съ другими.» Вѣримъ тому, но не вѣримъ, чтобы всѣ Члены этого Отдѣленія пользовались симъ правомъ, если бы и хотѣли, за исключеніемъ весьма не многихъ. Такихъ въ 1865 году было только 6, изъ коихъ уже умерло два и одинъ выбылъ въ Университетъ на югѣ Россіи: прочіе же 6-ть, по мѣсту своего жительства, не могли и не могутъ ни присутствовать въ Засѣданіяхъ Академіи, ни подавать въ нихъ своего голоса. По другимъ же 2-мъ Отдѣленіямъ прибыло три, изъ коихъ 2 Русскихъ, а изъ Нѣмцевъ уволился одинъ. Впрочемъ, рѣчь шла о прошломъ, а не о текущемъ, годѣ, и по тому развѣ можно опровергать недавно бывшее только что наступившимъ настоящимъ? Между тѣмъ ходятъ слухи, что «подведены уже всѣ мины для поступленія и въ Отдѣленіе Русскаго Языка и Словесности кровнаго Нѣмца, который, само собою разумѣется, по справедливому замѣчанію В. И. Ламанскаго (см. «Голосъ» N. 78), не откажется сдѣлать намъ эту честь. И тогда, конечно, 2-е Отдѣленіе нашей Академіи предприметъ на пользу Россіи какія ни будь Нѣмецкія изданія. И въ самомъ дѣлѣ (продолжаетъ далѣе Г. Ламанскій), отъ чего бы нашей Академіи и не издавать на Нѣмецкомъ языкѣ сборниковъ Русскихъ и Славянскихъ памятниковъ, Славянскихъ Грамматикъ и Словарей? Вѣдь издаетъ же Академія по Нѣмецки Мордов-

скіе, Черемисскіе, Якутскіе и проч. Словари и Грамматики, все, вѣдь, на томъ основаніи, что это необходимо для науки, что Русскіе, занимающіеся этѣми языками, непремѣнно знаютъ по Нѣмецки. Вѣдь Русскіе, занимающіеся Славянскою Филологіею и Исторіею, очень хорошо знакомы и съ Нѣмецкимъ языкомъ, и съ Нѣмцами. Впрочемъ (заключаетъ Г. Ламанскій), ни мало не сомнѣваемся, что Академія поспѣшитъ исправить важный пробѣлъ и обратитъ и свое 2-е Отдѣленіе въ Нѣмецкое.» Къ сожалѣнію, дѣло очень статочное, судя по Проекту новаго Устава Академіи, по прежней и нынѣшней стойкости и упругости Нѣмецкихъ и онѣмечивающихся добровольно ея Членовъ. Все можетъ быть при нашей оплошности, вялости, розни, въ особенности же обезъянствѣ и стремленіи казаться не тѣмъ, чѣмъ есть, а тѣмъ, чѣмъ, по тщеславію (питаемому и поддерживаемому въ насъ искусно людьми извѣстнаго закала), хотѣлось бы намъ выдать себя. Это насъ всегда и болѣе всего губило, губитъ и, если не опомнимся во время, пожалуй, и погубитъ. Но не полно ли дурить, не пора ли умъ-разумъ копить? говоритъ Русская пословица. Какъ бы то ни было, столько ли Членовъ Академіи нашей съ Нѣмецкими именами, какъ полагаетъ Г. Рупрехтъ, или меньше, дѣло въ томъ, что иной и съ Нѣмецкимъ именемъ стóитъ иного съ Русскимъ, если только онъ (непремѣнное условіе) въ душѣ и на дѣлѣ поступаетъ рѣшительно по Русски; Русскій же въ полномъ смыслѣ слова не можетъ ни мыслить, ни говорить иначе, какъ на Русскомъ языкѣ, языкѣ его народа, отечества, Государства, могущественнаго, славнаго, которое страхъ и гроза для однихъ, и предметъ безпредѣльнаго удивленія, любленія и чаянія для многихъ другихъ. И добро бы Академики наши съ чужими именами не были знакомы съ Русскимъ языкомъ. А то между ними едва ли найдется малая-толика братіи, не знакомой съ языкомъ и грамотой нашей; напротивъ, весьма многіе изъ нихъ не только хорошо говорятъ, но и прекрасно, совершенно чисто, пишутъ по Русски: примѣромъ можетъ служить, ну, хоть самъ Г. Рупрехтъ, котораго «Замѣчанія» дѣйствительно обнаруживаютъ въ немъ это качество, достойное всякой похвалы и поощренія. Непохвально только то, что онъ такъ мало самъ знаетъ ему цѣну и, что хуже всего, употребляетъ его на то лишь, чтобъ ратовать противу Русскихъ ихъ же оружіемъ. Это уже, какъ говорится, изъ рукъ вонъ, разумѣется, какъ въ немъ, такъ и во всѣхъ, слѣдующихъ по тому же, достойному осужденія, пути.

Далѣе, Г. Рупрехтъ говоритъ, что «нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что присужденіе наградъ можетъ быть производимо на основаніи журнальныхъ оцѣнокъ» (стр. 22). Это мнѣніе приведено Г. Академикомъ оборваннымъ, безъ соотношенія съ прочимъ, т. е., предшествующимъ и послѣдующимъ, что совершенно даетъ иной цвѣтъ. При томъ, авторъ говорилъ только, что оцѣнка сочиненій, представляемыхъ Академіи для присужденія наградъ, производится и въ журналахъ, отнюдь же не утверждалъ, какъ передаетъ Г. Рупрехтъ, будто бы можетъ быть производима на основаніи журнальныхъ оцѣнокъ.» Это двѣ вещи совершенно розныя, по тому непозволительно приписывать то другому, чего онъ никогда не говорилъ. Иное было бы дѣло, если бы Г. Рупрехтъ вступилъ съ авторомъ въ прѣніе по поводу сказаннаго имъ далѣе о томъ, что Академія не въ состояніи исполнять роль верховнаго ареопага въ мірѣ ученомъ, не можетъ быть ни безошибочной, ни безпристрастной. На все это — бездна доказательствъ подъ руками и во очію каждаго, кто когда либо присматривался къ дѣйствіямъ Академіи. Что до того, что «другія мнѣнія подобнаго рода не стóитъ даже опровергать,» то надо было впередъ ихъ поименовать, а не отдѣлываться отъ нихъ такъ высокомѣрно и самонадѣянно. Иной, въ простотѣ сердца, можетъ подумать, что все то, что не удостоено нашимъ Академикомъ чести опроверженія, пожалуй, дѣйствительно не стóитъ и скорлупы выѣденнаго яйца. Свысока глядитъ не умъ, а недоумье.

Касательно необходимости Академій для Государствъ и народовъ, «въ силу которой, какъ увѣряетъ Г. Рупрехтъ, не только первоклассныя Державы, но и менѣе могущественныя и богатыя Государства, имѣютъ свои Академіи и дорожатъ ихъ процвѣтаніемъ,» согласимся, пока, не куда шло, но согласимся только на счетъ такихъ Академій, которыя, повторяемъ сказанное уже нами однажды (см. «Отдѣльныя замѣчанія на Проектъ Устава и Штатовъ Академіи Наукъ) «суть непосредственный плодъ, дѣтя гражданственности тамъ, гдѣ просвѣщеніе развивалось своимъ естественнымъ путемъ. Гдѣ же его по Указу водворяли, наравнѣ съ ремеслами и прочими рукодѣліями, тамъ рано, поздно, придется сознаться въ заблужденіи, не связывать съ ними политическаго могущества и значенія ни чьего въ ряду образованныхъ народовъ, такъ

какъ послѣднія блага не зависятъ единственно отъ бытія, или небытія, Академій. Онѣ вовсе не мѣрило образованія, или необразованія, особливо это справедливо въ примѣненіи къ намъ, Русскимъ; во первыхъ, по тому, что это почти исключительно выписной товаръ, которымъ можно только навремя пустить пыль въ глаза, озадачить, но не увѣрить въ его туземности, а во вторыхъ по тому, что, судя по сочиненіямъ Академиковъ, предпочтительно писаннымъ не по Русски, естественно заключить, что развитіе наше не сдѣлало ни какого шагу со времени сближенія нашего съ Европой. «Знать, у нихъ и теперь еще нѣтъ ни чего своего (скажетъ иностранецъ), если по старому выписываютъ ученыхъ, словно какую галантерею! Какая тамъ литература, если и свѣтила ихъ, Академики, не отваживаются писать по Русски!» Но такія и подобныя имъ заключенія, говорили мы далѣе, были бы ложнымъ выводомъ изъ ложныхъ данныхъ, которыя, однако, сами же мы подсовываемъ имъ. За чѣмъ же и себѣ и Европѣ показывать марево тѣмъ, что не было, не есть и никогда не будетъ ни мѣркой, ни вывѣской, нашего образованія, или необразованія, а развѣ только свѣдѣтельствомъ непониманія, въ чемъ заключается образованіе и какъ оно пріобрѣтается.» Къ этѣмъ словамъ, тогда сказаннымъ нами, и теперь мы ни чего не находимъ ни прибавить, ни убавить, развѣ только еще разъ повторить, что Академіи тогда только мѣрило образованія народа, когда онѣ вытекаютъ изъ естественнаго развитія онаго, въ противномъ случаѣ это — марево, марево и марево! О первыхъ только Академіяхъ можно сказать, что Государства и народы дорожатъ ими и ихъ процвѣтаніемъ; только такія Академіи считаютъ они нужными себѣ. Иначе, смѣло отвѣтимъ мы Г. Рупрехту на его вопросъ, что гораздо благоразумнѣе будетъ слѣдовать въ этомъ примѣру Англіи, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Не матери дѣтя, не зазноба моя.

Если наша Академія Наукъ желаетъ быть тѣмъ, чѣмъ Академіи другихъ Государствъ, гдѣ онѣ дѣйствительно кость отъ костей и плоть отъ плоти ихъ, и по тому могутъ назваться зеркаломъ и мѣриломъ ихъ преуспѣянія, не споримъ, тогда ей нечего опасаться за свое существованіе. Въ противномъ случаѣ, Высочайшая воля не будетъ ею исполнена, такъ какъ она не исполнитъ своего предназначенія. Не Россія наложитъ тогда

на нее руки, но сама она на себя. Сторонники ея, конечно, затрубятъ послѣ того: «Убіеніе науки въ Государствѣ то же, что разрушеніе его Государственной жизни, воцареніе произвола страстей и анархіи.» Такъ-съ! Но—«Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ,» отвѣтимъ мы имъ тогда. Нѣтъ, не такова Академія нужна теперь намъ, Русскимъ, каковой она была доселѣ, не Академія прошедшаго, а тѣмъ менѣе Академія будущаго, т. е., Академія Проекта Устава и Штатовъ, выработанныхъ нѣкоторыми ея Членами, но Академія Высочайшей воли, которая бы преимущественно была направлена на пользу Россіи. Направленія же такого и пользы преимущественной для себя никогда мы не дождемся, пока Академія будетъ просвѣщать насъ своими Нѣмецкими и Французскими твореніями. Не уже ли Академія, въ самомъ дѣлѣ, не понимаетъ значенія Высочайшей воли, повторяемъ, такъ ясно, такъ категорически опредѣляющей отнынѣ ея дѣятельность, отъ которой она не можетъ, не должна ни коимъ образомъ отклоняться? Странное непониманіе того, что для всѣхъ такъ понятно, такъ ясно, такъ рѣшительно!

Впрочемъ, и въ самой средѣ нашихъ Академиковъ начинаютъ уже показываться проблески недовольства выработаннымъ Проектомъ Устава и Штатовъ нарочной Коммиссіей, разсмотрѣннымъ и утвержденнымъ Общимъ Собраніемъ Академіи. Мы разумѣемъ здѣсь въ особенности Академика 2-го Отдѣленія, Я. К. Грота, который, не смотря на то, что самъ участвовалъ въ Коммиссіи, помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Мая 21-го (1866 г., въ N 102-мъ) статью объ этомъ Отдѣленіи, съ замѣчаніемъ, что «она выражаетъ не одинъ личный его взглядъ, но и общее мнѣніе участвующихъ въ трудахъ Отдѣленія Членовъ его.» Статья эта прямо направлена, какъ противъ Проекта Устава и Штатовъ, такъ и противъ новаго ревнителя его, выѣхавшаго въ N 54-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» (12-го Марта) противъ нашего мнѣнія, между прочимъ, и о составѣ 2-го Отдѣленія, которое Академія даетъ ему въ своемъ Проектѣ. Этотъ новый ратователь за Академію увѣряетъ, что «Академія Словесности и Академія Наукъ — несовмѣстимыя понятія; слитіе ихъ во едино не было счастливою мыслію; онѣ соединены неестественною связью,» и пр., и пр. Члены Русскаго Языка и Словесности, затронутые такимъ кривомысліемъ за живое,

не выдержали, и Г. Гротъ, опровергая весьма дѣльно оное и угадывая, куда все это мѣтитъ, основательно отвѣчалъ ему на это словами Ломоносова, сказанными Шувалову на угрозу отставить его отъ Академіи: «Развѣ Академію отъ меня отставятъ.»

Увы! Ни супротивъ воды прати, ни супротивъ поры стояти, говорили въ старину Русскіе. Пора—проточная вода. Было красно, да полиняло; умно, да поветшало; новое настало. Пришли времена и лѣта нонѣшняго свѣта!

Теперь коснемся жалобъ Г. Рупрехта на Коммиссію за тонъ и выраженія, употребленныя ею въ ея Докладѣ Совѣту Московскаго Университета. Разумѣется, никто въ своемъ дѣлѣ не судья; и по тому Коммиссія проситъ всѣхъ, кому дорогà, въ самомъ дѣлѣ, честь Московскаго Университета и Академія Наукъ, быть посредниками въ этомъ спорѣ чести, и сказать, прямо и открыто, во всеуслышаніе, находится ли хотя одно слово, одно выраженіе, въ Докладѣ, обидное для Академіи нашей, котораго бы нельзя было употребить обо всякомъ другомъ учрежденіи, подобномъ ему? Нѣкоторыя изъ нашихъ повременныхъ изданій отвѣчали уже на заявленіе самой Академіи въ одномъ изъ Засѣданій ея, постановившей не давать ни какого отвѣта на замѣчанія Коммиссіи Профессоровъ Московскаго Университета касательно Проекта ея новаго Устава и Штатовъ, «понеже замѣчанія эти выражены въ грубой формѣ.» Они нашли, что ни Коммиссія, ни Университетъ, ниже единымъ словомъ не сгрубили супротивъ Академіи, если не считать грубостью самую правду, высказанную въ Докладѣ со всею искренностью и откровенностью, какой требовали важность дѣла и довѣріе Правительства, затребовавшаго мнѣніе Университетовъ. По тому Проектъ подвергнутъ былъ самому тщательному осмотру и обсужденію; имѣлась въ виду одна только истина. И Университетъ высказалъ ее, облекши въ такую форму, въ какую облекъ бы и всякую другую о какомъ угодно предметѣ подобной важности и значенія. Онъ предпочелъ будущую полезную дѣятельность Академіи дѣятельности громкой въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Конечно, Университетъ не могъ не предвидѣть, что такая откровенность его не понравится Академіи; но, первое: онъ и не для

нея излагалъ, что думалъ объ ея Проектѣ, и второе: не затруднился бы то же самое сказать и ей, если бы она сама обратилась къ нему за тѣмъ. «За правду, говорятъ, не сердись: скинь шапку да поклонись!» Но Богъ съ нею и ея поклонами. Вотъ какъ, однако же, Г. Академикъ взглянулъ за это на Московскій Университетъ (приводимъ его слова для сличенія ихъ съ сказаннымъ Коммиссіей въ Докладѣ послѣднему): «Когда Коммиссія говоритъ о неограниченныхъ и неслыханныхъ привилегіяхъ Академіи, то невольно надобно сомнѣваться въ томъ, хорошо ли Коммиссія прочла Проектъ Устава Академіи... Коммиссія надрывается воплями противъ тщательнаго усиленія всѣхъ возможныхъ правъ по окладу, чинамъ, пенсіонамъ, и т. д. (стр. 16)... Коммиссія до такой степени теряетъ всякую сообразительность.... Мы просимъ Коммиссію обратиться къ оставшимся ей неизвѣстными Академическимъ рѣчамъ бывшаго Непремѣннаго Секретаря Академіи, Мидендорфа, изъ которыхъ она могла бы еще понаучиться кое-чему (стр. 17)... При этомъ какъ оскорбителенъ и презрителенъ тонъ, въ которомъ написанъ Докладъ Коммиссіи и который ни чуть не соотвѣтствуетъ достоинству Университета (стр. 19)...... Коммиссія, въ доказательство своихъ словъ, указываетъ на страницу Проекта Устава Академіи, въ которомъ будто бы это высказывается.... Коммиссія еще въ двухъ мѣстахъ, помощію выписокъ изъ Проекта Устава, старается убѣдить читателя, не имѣющаго предъ собою подлинника, что Академикъ посвящаетъ свои силы на изслѣдованія «мелочныя, неважныя, очень часто мелочныя, неважныя.... Не уже ли позволительно оффиціяльному лицу, или Коммиссіи, или даже Университету, писать подобныя вещи?» (стр. 20).... Не только позволительно, но и слѣдуетъ, если такія вещи точно сказаны, или написаны, кѣмъ либо. Коммиссія, въ доказательство того, сослалась на самое мѣсто, гдѣ онѣ находятся, и Г. Рупрехту, не пускаясь въ обвиненіе въ недобросовѣстности ссылки, слѣдовало было прежде всего провѣрить ее, потомъ, замѣтивъ невѣрность, выписать слова, сюда относящіяся, наконецъ уже назвать самое дѣло его именемъ. Между тѣмъ онъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, прибѣгаетъ къ извѣстному фокусу-покусу набрасывать сомнѣніе на противника въ честности, вступаясь, между тѣмъ, со всѣмъ пыломъ негодованія на кого слѣдуетъ за мнимое посягательство на нее. Не уже ли, спросимъ теперь и мы

въ свой чередъ, позволительно Академику, какъ оффиціяльному лицу, утверждать и писать подобныя вещи?

Но цвѣтъ вѣжливости и знаніе приличій свѣтскихъ и литературныхъ со стороны нашего Академика, столь чувствительнаго, столь щекотливаго къ нарушенію ихъ, заключается въ эпилогѣ его апологіи Академіи Наукъ. «Признаемся, восклицаетъ онъ тутъ, что мы должны были преодолѣть въ себѣ нѣкоторое нравственное отвращеніе при разборѣ такого завистливаго, переполненнаго невѣжествомъ, сочиненія, какъ Донесеніе Коммиссіи. Но это было необходимо: На Академіи, правда, нападаютъ и въ другихъ странахъ, даже Парижская подвергается нападкамъ, но, сколько мнѣ извѣстно, только со стороны частныхъ лицъ. Здѣсь же, подъ эгидою стариннаго Университета, нѣкоторыми Профессорами его взводятся клеветы на древнѣйшее въ Россіи ученое учрежденіе (стало быть, не сословіе?), на Академію, которая зародила этотъ Университетъ (мы знаемъ уже, какъ она его зародила). Академія, и не одна только часть ея, оскорблена здѣсь самымъ недостойнымъ образомъ; мало того, эти, ни чѣмъ не вызванныя, оскорбленія внесены въ лѣтопись и сохранены для потомства (какъ слѣдуетъ по закону: времена скрытности, увы! прошли безвозвратно!)... Если такія неосновательныя обвиненія и оскорбленія будутъ допускаемы, или проходить безъ порицанія, то каждое дерзкое лицо захочетъ быть судьею во многихъ, ему не извѣстныхъ, наукахъ, и будетъ дозволять себѣ унижать ихъ дѣятелей и оскорблять цѣлую корпорацію ученыхъ, посѣдѣвшихъ на службѣ наукѣ».

Спрашивается: что это такое? Выраженіе ли только недовольства, неодобренія? Нѣтъ, это просто брань, и притомъ самая площадная, соединенная вмѣстѣ съ извѣтомъ. «Насъ оскорбили, на насъ взвели клеветы, самымъ недостойнымъ образомъ, безъ всякаго съ нашей стороны повода къ тому, и о позоръ! внесли все это въ лѣтопись для передачи позднему потомству. Это неслыханная дерзость невѣждъ, пропитанныхъ завистью къ ученымъ, посѣдѣвшимъ на службѣ наукѣ; до чего, наконецъ, она послѣ этого дойдетъ, можетъ ли быть допускаема и терпима, остаться безъ взысканія, по крайней мѣрѣ, безъ порицанія?» О кроткіе голубки, ни мухамъ вороги! Впрочемъ, что до послѣдняго, и то и другое сдѣлано уже Вами, Г. Академикъ. Ваши Замѣчанія на Докладъ Коммиссіи

не просто лишь возраженія на него, опроверженія, но и чистѣйшій памфлетъ и доносъ на нее и Университетъ Московскій, не отъ одного только Вашего лица, но также и отъ лица самой Академіи Наукъ. Этому не мѣшаетъ заявленіе ея, что она, какъ мы упомянули уже, считаетъ ниже своего достоинства отвѣчать Университету; равно не опровергаетъ и завѣреніе Ваше, что Вы, ревнуя по Академіи, рѣшились, побѣждая въ себѣ весьма непріятное чувство, вступиться за нее; иначе могли бы подумать, что Коммиссіи не чего возразить, что все, сказанное ею, сущая истина. Такимъ Вашимъ увѣреніямъ противопоставляемъ мы Ваши же слова: «Академіи не позволительно жаловаться, на основаніи какихъ бы то ни было Цензурныхъ правилъ (но такого непозволенія ни въ какихъ Цензурныхъ правилахъ, сколько намъ извѣстно, не существуетъ, да и самый опытъ показываетъ, что Академія не разъ къ тому прибѣгала). Но великодушіе и долготерпѣніе Академіи не могутъ простираться до такой степени самоотверженія, чтобы вовсе молчать о томъ, что со временемъ могло бы быть истолковано, какъ знакъ ея крайней слабости» (стр. 24). Сдѣсь представляется два случая: если не могутъ вовсе молчать, то не молчатъ; стало, отвѣчаютъ. Гдѣ же этотъ отвѣтъ? Кромѣ «Замѣчаній Г. Рупрехта» другаго мы не знаемъ; стало, онъ получилъ на то полномочіе отъ Академіи? Или онъ не былъ уполномоченъ? Въ такомъ случаѣ какъ же онъ смѣлъ такъ выразиться, что иначе и понимать нельзя его словъ, какъ такъ, что Академія рѣшилась отвѣчать Московскому Университету устами одного изъ своихъ Членовъ? Уже одинъ этотъ случай показываетъ намъ, что въ Академіи нашей, вопреки утвержденію Г. Рупрехта, какъ мы видѣли выше, перевѣсъ все таки на сторонѣ Академиковъ съ Нѣмецкими именами; а Нѣмецъ, говоритъ Русскій, безъ штуки и съ лавки не свалится: у него на все струментъ есть.»

Да и какой еще струментъ и штука! Повѣрятъ ли намъ, читатели, что апологія Г. Рупрехта, съ которою мы теперь возимся, сдѣлалась намъ извѣстной только въ Маѣ, между тѣмъ какъ она отпечатана была еще въ концѣ прошлаго, и ни какъ не далѣе начала текущаго, года. По крайней мѣрѣ, согласіе Цензуры на то гласитъ: «Дозволено Цензурою. 22-го Декабря, 1865 года.» Далѣе: «Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ» и т. д. На оберткѣ· «Замѣчанія на одну изъ статей, помѣщенныхъ во второй

книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1865 г.» Самое же заглавіе таково: «Замѣчанія по поводу Доклада Коммиссіи, назначенной Московскимъ Университетомъ для разсмотрѣнія Проекта Устава и Штатовъ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1866.» Бумага, шрифтъ, форматъ, словомъ, вся обстановка Типографская— Академическія. Узнавъ о существованіи такого важнаго для насъ документа, мы, разумѣется, тотъ же часъ бросились во всѣ книжныя лавки Москвы, но всюду отвѣчали намъ въ одинъ голосъ: «Не слыхали-съ! Нѣтъ-съ!» Поручаемъ выписать изъ Петербурга— тотъ же самый отвѣтъ. Пишемъ къ знакомымъ, употребить всѣ усилія, достать намъ это руно—не больше успѣха! Всѣ отвѣчаютъ, что руна этого не нашли они ни у кого, такъ какъ оно предназначено сочинителемъ для домашняго обихода, т. е., исключительно для однихъ Академиковъ, которые ни съ кѣмъ и ни за что не дѣлятся онымъ. Подстрекнутые до нельзя такой таинственностью и любопытствомъ, мы было сбирались уже отнестись съ покорнѣйшей просьбой къ самому автору, даже настрочили и самое посланіе къ нему, какъ вдругъ вспомнили, что этому горю можно пособить и безъ этѣхъ крайнихъ мѣръ. Мы вспомнили, что, по Цензурнымъ правиламъ, доставляется извѣстное количество книгъ, книжекъ и т. п. въ извѣстныя Правительственныя учрежденія; стóитъ, стало быть, только обратиться туда, и, конечно, можно будетъ удовлетворить своему желанію. Мы такъ и сдѣлали. Намъ былъ доставленъ списокъ, который мы повѣрили съ подлинникомъ по печатному экземпляру уже Московскаго учрежденія, имѣющаго право на полученіе одного изъ числа узаконенныхъ экземпляровъ всѣхъ печатныхъ сочиненій. По такому-то списку мы и сдѣлали нашу отповѣдь Г. Рупрехту. Сперва хотѣли было мы перепечатать его апологію вполнѣ, вмѣстѣ съ Докладомъ Коммиссіи и Отдѣльными замѣчаніями одного изъ Членовъ ея, и за тѣмъ предоставить уже читателямъ самимъ рѣшить, на сколько справедливо обвиненіе, взводимое Г. Рупрехтомъ на Коммиссію и одного изъ ея Членовъ, но удержались, изъ опасенія, чтобы Г. Рупрехтъ не взвелъ на насъ претензіи, какъ сказали мы уже разъ выше, за посягательство такой перепечаткой на его собственность. Но и изъ тѣхъ выписокъ, которыя мы сдѣлали, опровергая его извѣты, читатели въ состояніи уже составить

себѣ понятіе о степени достовѣрности, духѣ, стремленіи и пріемахъ, употребляемыхъ нашимъ обличителемъ. Къ этому присоединилось еще слѣдующее: на самой верхушкѣ заглавія этого сочиненія напечатано особымъ шрифтомъ: «Рукопись.»—Новое, стало быть, обстоятельство и, съ тѣмъ вмѣстѣ, предостереженіе удержаться отъ перепечатки,—и мы удержались, какъ ни сильно было искушеніе.

Въ заключеніе мы спрашиваемъ: въ порядкѣ ли вещей все это? Такъ ли поступаютъ люди, по крайней мѣрѣ, съ открытымъ характеромъ, когда оспариваютъ чьи либо мнѣнія, доказываютъ неосновательность ихъ, обличаютъ незнаніе, подлогъ, мещутъ въ нихъ громъ и молніи, призывая даже самыя власти востягнуть дерзкихъ за посягательство на честь и безопасность цѣлой корпораціи ученыхъ, какъ выражается Г. Рупрехтъ, посѣдѣвшихъ на службѣ наукѣ? Къ чему такое скрытничанье, такое укрывательство, съ перунами, если Вы увѣрены въ силѣ ихъ? За чѣмъ тутъ Итальянское оружіе? Вѣдь и оно, какъ видите, не всегда достигаетъ своей цѣли? Напротивъ, частенько таки предательски измѣняетъ, обращается противъ прибѣгающихъ къ нему, и если не вонзается прямо въ грудь, то непремѣнно другимъ образомъ поражаетъ. Расчитывалось, конечно, сообщивъ извѣстнымъ только лицамъ мнимую рукопись, подѣйствовать на нихъ въ добрую сторону для Академіи, доказавъ, по своему, всю несостоятельность замѣчаній Коммиссіи на Проектъ Устава и Штатовъ оной, что тѣмъ казалось вѣроятнѣйшимъ, что отвѣты послѣдней, при такой таинственности, при характерѣ подметнаго письма, сообщеннаго возраженію на Докладъ оной, не могли быть услышаны ни кѣмъ, стало, и повредить хитро задуманному фортелю. Но давно уже сказано: «нѣсть тайно, еже не явится.» Въ какомъ же, скажите на милость, видѣ представляется теперь вся эта затѣя? Какъ честнѣй, учтивѣе ее назвать? Не то же ли это, что казать противнику своему кукишъ въ карманѣ? — признакъ крайняго безсилія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, смѣшной мести!

Забавны же до нельзя штуки-шпеки творятъ намъ Нѣмецки человѣки!

12-го Іюня, 1866 г.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Во второмъ выпускѣ VI го тома «Извѣстій Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Общества,» 1866 г., въ отдѣлѣ Библіографіи, на стр. 56 — 58, Г. В. Т. (В. Е. Т. ?) посвятилъ нѣсколько словъ «Чтеніямъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1865 годъ.» — «Для археолога, говоритъ онъ, прошлогоднія «Чтенія» представляютъ очень мало поживы.» Конечно, если будутъ ихъ читать такіе археологи, какъ В. Т., который, изъ всѣхъ статей археологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ» за истекшій годъ, остановился только на 5-ти, всѣ же прочія прешелъ молчаніемъ, даже: «О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи; Собраніе памятниковъ, до дѣятельности Св. первоучителей и просвѣтителей Славянъ относящихся; Собраніе народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси; Послѣдніе годы жизни Государыни Царицы Евдокіи Ѳедоровны» и мн. др. Не по тому ли, что въ этѣхъ статьяхъ ничего нѣтъ такого, чтобы привлекало вниманіе археолога? Жалкій же тотъ археологъ, который предпочитаетъ лучше остановить свое и читателей своихъ вниманіе на предположеніи покойнаго Діева, касательно небольшаго мѣднаго идола, вырытаго изъ земли въ сѣверо-вост. сторонѣ Галицкаго озера, близъ Туровскаго, и по тому сближающаго названіе послѣдняго съ названіемъ бога Тура, которому будто бы поклонялась, какъ Пріапу, Меря на этомъ мѣстѣ. Нельзя не замѣтить, что у такого археолога чутье и вкусъ къ предметамъ Бурбонскаго Музея чрезвычайно развиты. Бурбонъ, истый Бурбонъ! Но, пташка поетъ, себя выдаетъ.

Далѣе, В. Т., оставляя уже въ сторонѣ археологію, замѣчаетъ, что въ «Чтенія» вошли даже вопросы современные, на прим., обсужденіе новаго Проекта и Штатовъ Академіи Наукъ, Исторія Поповщины и статья О военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и т. п.; встрѣчаются и такія статьи, которыя вовсе не относятся къ Исторіи и Древностямъ Россійскимъ, каковы: Извѣстія средневѣковыхъ путешественниковъ, Іоанна Нейгоффа и Георгія Макартнея о Китаѣ, и Михаила Саймеса о Бирманской Имперіи. Но, во а) развѣ ничто изъ совершающагося передъ глазами нашими не достойно, чтобы занести его на страницы Историческаго журнала, если оно того заслуживаетъ? Во б) развѣ Историческое Общество должно заниматься только тѣмъ, что пахнетъ уже гнилью? Въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же такъ настойчиво всѣ историки гоняются за показаніями, современными событіямъ, такъ высоко ихъ цѣнятъ? Иное дѣло Исторія, иное пыль родная. Въ в) развѣ Уставъ Общества запрещаетъ ему помѣщеніе статей о текущихъ происшествіяхъ? Или программа его журнала взяла на себя обязательство не касаться ихъ? Ни чего не бывало! Странное, однако, дѣло: лѣтъ 7—8-мь тому назадъ Общество упрекали, за чѣмъ оно возится все съ одной стариной, требуя отъ него статей и актовъ, во что бы то ни стало, современныхъ, тогда какъ самыя обстоятельства тому не благопріятствовали; теперь же, когда все призываетъ вниманіе наше на новѣйшія событія, Общество упрекаютъ уже, за чѣмъ оно печатаетъ статьи о послѣднихъ? И вправду: «ни солнушку на всѣхъ не угрѣть, ни самому Богу на людей не угодить.» Забываютъ, что и старина не даетъ еще права на обнародованіе ея, и, на оборотъ, самое новое не только можетъ, но и должно, во многихъ случаяхъ, быть обнародовано. Все зависитъ отъ содержанія, такта, или особенныхъ Правительственныхъ распоряженій. Знаемъ хорошо, что не тѣ статьи, на которыя намъ указываютъ, колютъ глаза, равно какъ и не статья о желѣзныхъ дорогахъ и ихъ военномъ значеніи и важности для Россіи; нѣтъ, умыселъ иной тутъ былъ: «хозяинъ музыку любилъ». Но, видя безцеремонность людей извѣстнаго покроя и породы въ обращеніи съ Исторіею, которую, согласно съ своими цѣлями, безъ дальняго, какъ хотѣли, извращали, «Чтенія» помѣстили изъ недалекаго прошедшаго нѣсколько актовъ, не подлежащихъ ни какому опроверженію, въ обличеніе поддѣль-

щиковъ и сочувствующихъ имъ. Вотъ откуда, стало быть, хотѣлось бы кое-кому, чтобы Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ было глухо, слѣпо и нѣмо къ исторіи, которая разыгрывается передъ глазами всѣхъ и каждаго. Но развѣ это дѣло, тѣмъ болѣе, что всѣ другія Общества, журналы и газеты, сколько угодно могутъ толковать себѣ о совершающемся передъ ними, а одно лишь Общество Исторіи не смѣетъ говорить о современной исторіи? Что за безтолочь такая!... Не уже ли и впрямь нужно какое-то особенное дозволеніе и пошлина за то, чтобъ получить право говорить о современномъ? Но ученыя Общества свободны отъ этого по новѣйшимъ Цензурнымъ постановленіямъ. Чего же хотятъ отъ насъ? Молчанія? Но «Было, и быльемъ поросло»...Что до Нейгоффа, Макартнея и Саймеса, то для Исторіи имѣютъ значеніе не одни лишь свѣдѣнія о той или другой странѣ, народѣ, Государствѣ, но также и свѣдѣнія о сосѣднихъ имъ краяхъ и сосѣдяхъ ихъ сосѣдей, по чему либо имѣющихъ прямое, или косвенное, отношеніе къ онымъ. Не уже ли и объ этомъ нужно еще держать бесѣды и вразумлять въ наше время?

Въ заключеніе В. Т. замѣчаетъ, что «Протоколы Засѣданій содержатъ исключительно свѣдѣнія, относящіяся до административной и хозяйственной части Общества,» и по тому спрашиваетъ: «Не уже ли Члены Общества этимъ только занимаются въ своихъ Засѣданіяхъ»? Въ отвѣтъ на это скажемъ: Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ тѣмъ же самымъ занимается, чѣмъ и Общество Археологіи въ Петербургѣ: сличите Протоколы того и другаго! Вся разница между ними состоитъ лишь въ томъ, что одно безъ шуму и гаму трудится, по мѣрѣ силъ и средствъ, предоставленныхъ ему, не рисуясь и не любуясь собой ни передъ кѣмъ и никогда, а оставляя судъ о себѣ другимъ; не образуя ни коммиссій, ни комитетовъ, не снаряжая экспедицій, не предлагая ни какихъ инструкцій и программъ чужимъ и своимъ, а отдавая на волю каждому Члену своему, равно какъ и всякому, работать по крайнему его разумѣнію, въ избранной имъ области, зная хорошо, что тамъ, гдѣ нѣтъ доброй воли къ труду и призванія, не помогутъ ни какіе зазывы, напутствія, приманки и т. п., что люди съ invita Minerva годны только развѣ на обстановку зрѣлища, даваемаго для потѣхи почтеннѣйшей публики. Другое же.... но доволь-

но и объ одномъ: мы бы, безъ крайней, какъ всѣ видятъ, нужды, и этого не сказали никогда, боясь, чтобы не спросили насъ: «Человѣче, кто тя постави судію брату твоему?»... однимъ словомъ: «Еже должны были сотворити — сотворихомъ; могій же вящьша сихъ сотворити, да сотворитъ!»

О. Б.

Мая 9-го, 1866 г.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1865 года, Декабря 23-го дня.

1865 года, Декабря 23-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена своего, С, М. Соловьева, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Графа М. В. Толстого, Ю. Д. Филимонова, Соревнователя А. И. Хмельницкаго, Г. Н. Геннади и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія Общества, 23-го Октября, 1865 года, происходило слѣдующее.

Читаны были:

А. Отношенія.

1. Конторы Университетской Типографіи, отъ 8 Октября, объ уплатѣ, за напечатаніе 3-ой книги «Чтеній» на 1865 г. 58 лист. съ оттисками, 822 р. 48 ½ коп. сер.

2. Той же Конторы Типографіи Московскаго Университета, отъ 21 Дек., объ уплатѣ за напечатаніе 4-й книги «Чтеній», 1865 года, 50 ⅞ листа, 681 р. 81 коп. сер.

Деньги по означеннымъ отношеніямъ Типографіи уплачены своевременно сполна. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

3. Городскаго Статистическаго Комитета, отъ 11-го Дек., N 164, пол. 16-го, 1865 года, просьба о снабженіи его слѣдующими свѣдѣніями къ 1-му Генваря будущаго года, для составленія «Указателя Москвы»: «1) о мѣстѣ нахожденія Общества и дняхъ его засѣданій; 2) кто Предсѣдатель и Секретарь Общества? 3) о времени и цѣли учрежденія Общества; 4) о дѣятельности Общества въ глав-

ныхъ чертахъ; 5) объ изданіяхъ Общества; 6) о средствахъ Общества; 7) кто можетъ поступить въ Члены Общества и какія существуютъ для того правила? 8) нѣтъ ли Членовъ, или Покровителей, изъ Императорской Фамиліи, и кто именно? «Секретарь отвѣчалъ Московскому Городскому Статистическому Комитету, что онъ всѣ этѣ свѣдѣнія найдетъ изложенными въ «Памятной книжкѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1865 годъ.» Что же до 7-го вопроса, то отвѣтъ на него также въ «Уставѣ Общества,» перепечатанномъ недавно въ «Сборникѣ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. I, 1802—1825 г. Спб. 1864 г., стр. 606 и сл. Касательно мѣста нахожденія Общества, то, состоя при Московскомъ Университетѣ, оно въ немъ и собирается, по усмотрѣнію, сколько то нужно. Членовъ же, или Покровителей, изъ Императорской Фамиліи нѣтъ.

4. Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 10 Декабря, 1865 г., N 3821, пол. 12-го, 1865 г, о возвращеніи въ Библіотеку Московскаго Чудова монастыря рукописнаго пергаментнаго Сборника подъ N 110 (63), въ кожаномъ переплетѣ, на 362 листахъ, истребованнаго въ Ноябрѣ прошлаго года. Опредѣлено: возвратить по принадлежности съ искреннѣйшею благодарностію Общества (и возвращена за N 277).

Б. Предложенія.

5. Редактора Сибирскаго Вѣстника въ Иркутскѣ, пол. 15-го Ноября, 1865 г., предложеніе обмѣна изданій въ 1866 году. Опредѣлено: выждать, будетъ ли содержаніе Вѣстника подходить къ кругу занятій Общества.

6. Редакціи журнала «Труды Кіевской Духовной Академіи,» отъ 19-го Ноября, N 1114, пол. 2-го Декабря, объ обмѣнѣ на «Чтенія» въ 1866 году.

7. Редактора журнала «Вѣстникъ Европы», пол. 13-го Декабря, о томъ же.

8. Редакціи «Православнаго Собесѣдника при Казанской Духовной Академіи,» пол. 15-го Ноября, о томъ же. Опредѣлено: увѣдомить Редакціи, означенныя въ §§ 6, 7 и 8, о согласіи Общества мѣняться своими повременными изданіями.

9. Редакціи оффиціяльной газеты «Виленскій Вѣстникъ,» отъ 19-го Ноября, N 112, пол. 29-го, объ обмѣнѣ его на «Чтенія» въ 1866 году.

10. Редакціи газеты «Петербургскій Листокъ,» отъ 22-го Ноября, N 423, пол. 2-го Декабря, о томъ же.

11. Редакціи политической и учено-литературной «Московской Газеты,» отъ 22-го Декабря, пол. 23-го, о томъ же. Опредѣлено: увѣдомить Редакціи, означенныя въ §§ 9, 10 и 11, что Общество, печатая «Чтенія» въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не можетъ мѣняться своимъ повременнымъ изданіемъ съ ними.

12. Читальни въ Петербургѣ, на Гороховой улицѣ, въ домѣ N 39, о высылкѣ въ нее «Чтеній» въ 1866 году безплатно. Опредѣлено: увѣдомить Читальню, что Общество, по своимъ матеріяльнымъ средствамъ, не можетъ высылать «Чтеній» безплатно.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

13. А. В. Терещенка, чрезъ Д. Ч. М. П. Погодина, 4-го Іюня, 1865 года, нѣсколько матеріяловъ разнаго рода.

14. Д. Члена Графа М. В. Толстого, пол. 15-го Іюня, нѣсколько старинныхъ бумагъ.

15. Статскаго Совѣтника Николая Абрамова, отъ 10-го Іюля, пол. 4-го Авг., шесть подлинныхъ грамотъ Государя Петра I-го и четыре современныхъ списка съ Указовъ Илимскому, а потомъ Нерчинскому, Воеводѣ Качанову 1701—1709 гг.

16. Д. Члена М. А. Максимовича, отъ 4-го Сентября, пол. 18-го, 1865 года: «Два письма И. И. Мелиссино къ Графу И. И. Шувалову, отъ 28-го Апр., 1786 г., и 2-го, Генваря 1794 г.»

17. Троицкой Сергіевой Лавры Іеромонаха Арсенія, пол. 10-го Ноября, 1865 года: «Три письма изъ Москвы въ Троицкій Сергіевъ монастырь въ 1600 году.»

18. С. Н. Шубинскаго, изъ С.-Петербурга, отъ 6-го Ноября, пол. 17-го: «Переписка между Французскимъ Посломъ, Маркизомъ Монти, Бригадиромъ Де ла Моттъ Перузомъ, и Фельдмаршаломъ Гра-

фомъ Минихомъ, во время осады Русскими войсками Гданска (Данцига) въ 1734 году. Опредѣлено: означенные матеріалы разсмотрѣть.

б. Статьями:

19. Д. Члена Архимандрита Макарія, отъ 10-го Апр., 1865 года, пол. 15-го, рукопись: «Сборникъ церковно-историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Новгородской Епархіи,» для помѣщенія въ «Чтеніяхъ», съ тѣмъ, чтобы, кромѣ слѣдующихъ по положенію 300 экз., были напечатаны въ пользу сочинителя еще столько же оттисковъ на его бумагѣ.

20. Статскаго Совѣтника Н. А. Абрамова, отъ 10-го Іюля, 1865 г., пол. 4-го Авг.: а) О Сибирскихъ Дворянахъ и Дѣтяхъ Боярскихъ, и б) Генералъ-Маіоръ Куткинъ.

21. Д. Члена С. П. Шипова, пол. 16-го Декаб., 1865 г.: «О средствахъ къ исправленію экономическаго положенія Россіи.» Опредѣлено: означенныя статьи разсмотрѣть.

в. Книгами:

22. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, отъ 14-го Февраля, 1865 года, N 36, пол. 8-го Марта, экземпляръ «Отчета» его за 186³/₄ годъ. Одесса. 1865 г.

23. Эстонскаго Ученаго Общества при Дерптскомъ Университетѣ, отъ 1-го Мая, пол. 10 го, 1865 года: «Das Steinalter der Ostseeprovinzen, v. C. Grewingk.» Dorpat, 1865.

24. Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, отъ 24-го Апрѣля, пол. 15-го Мая, N 856: 1) «Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Академикомъ Билярскимъ;» 2) «Сборникъ матеріяловъ для Исторіи Академіи въ XVIII вѣкѣ;» ч. I-я, составленный Академикомъ Куникомъ. 3) Очеркъ «Академической дѣятельности Ломоносова, читанный Академикомъ Гротомъ въ Торжественномъ Собраніи Академіи 6-го Апрѣля, 1865 г.» 4) Пол. 6-го Іюля: «Die Vertheilung der Schildkröten über den Erdball, v. D-r Alex. Strauch.» Spb. 1865; 5) «Mémoires, VII Série, tome IX, N 3: Bemerkungen über die Classification der Kaltblutigen Rückenmarkthiere u. s. w., v. F. Brandt; 6) Mémoires, tome IX, N 5: Grammatik der Ersa-Mordwi-

nischen Sprache, nebst einem kleinen Wörterbuch, v. F. I. Wiedemann; 7) Mémoires, tome IX, N 1; 8) Mémoires, tome IX, N 2.»

25) Общества Сербской Словесности въ Бѣлградѣ, пол. Мая 25-го и Декабря 9-го, 1865 года: 1) «Гласникъ,» книги XII—XVII. Бѣлградъ, 1860—63; 2) «Споменици Сербски» одъ 1395 до 1423 года, кн. 1—2. Бѣлградъ 1858—62; 3) «Животъ Светога Саве.» Написао Дометіянъ. Бѣлградъ 1860. 4) «Сербски споменици Млетачкогъ Архива: Acta Archivi Veneti, spectantia ad historiam Serborum et reliquorum Slavorum meridionalium; collegit et transcripsit D-r Joannes Schafarik.» Fasc. I—II. Belgradi 1860—62; 5) «Преписка о Уніи Далматинскогъ Епископа Венедикта Кралѣвитя са Австрійскимъ Правительствомъ.» Бѣлградъ. 1863.

26. Общества Юго-Славянскаго историческаго въ Загребѣ, отъ 20-го Октября, 1863 г., получ. 25-го Мая, 1865 г.: 1) «Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku» кн. VI—VII. V Mletcich 1863 i u Zagrebu 1863; 2) «Supplementi al saggio bibliografico della Dalmazia e del Montenegro, di Guiseppe Velentinelli.» Zagabria 1862.

27. Профессора Вѣнскаго Университета, Алоиза Войтѣха Шемберы, отъ 21-го Августа, 1864 года, пол. 6-го Іюля, 1865 года: «Mapa země Moravské a t. d.,» на 4-хъ большихъ листахъ. Вѣна 1863 г., съ «Návěšti o mapě a t. d.,» на 4 стр.

28. Вдовы Непремѣннаго Секретаря Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, отъ 30 Октября, 1864 года, получ. 17 Іюня, 1865, извѣщеніе о смерти его, послѣдовавшей 20-го Октября прошедшаго года; при этомъ: «Notice su la vie et les travaux de M. C. C. Rafn, par Laurent Etienne Borring.» Copenhague 1864.»

29. Коллежскаго Совѣтника, бывшаго Лектора Московскаго Университета, Ергарда Геринга, 16-го пол. Августа: 1) «Die Russische Gesellschaft unter Peter dem Grossen, v. I. Bielaiew, aus dem Russischen v. E. G.» (Seperat-Abdruck aus dem Morgenblatte der «Bayerischen Zeitung»). München 1864; 2) «Die Schlacht bei Poltawa» (Aus der Geschichte von Kleinrussland von Georg Konisky, Erzbischof von Weissrussland. Moskau, 1846), aus dem Russischen v. Erhard Göring (оттуда же). 3) «Zur Geschichte der geheimen Gesell-

schaften in Russland.» Aus den Aufzeichnungen des Generalmajors B.P. Aus dem Russischen v. E. G. (Оттуда же). München. 1865.

30. Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, пол. 31 Августа: «33-е присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, 26 Іюня, 1864 г.» Спб. 1865 года.

31. С. Бочарникова, 15-го Сентября: «Зарайскъ.» М. 1865 г.

32. Археографической Коммиссіи, отъ 3-го Сентября, пол. 17-го, 1865 г., N 80-й: «Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ.» Спб. 1865 г.

33. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, Д. С. С. И. П. Корнилова, отъ 14 Сентября, N 6432, пол. 22, 1865 г.: «Дневникъ засѣданій Коммиссіи для разбора предметовъ, находящихся въ Виленскомъ Музеѣ Древностей.» Вильна. 1865 г.

34. Д. С. С. Степана Алексѣевича Маслова, 23-го Октября: «Воспоминаніе въ 1865 г. Бородинской битвы и о Бородинскомъ памятникѣ въ Москвѣ.» М. 1865. Особый оттискъ изъ «Современной Лѣтописи» N 37.

35. Смитсоновскаго Учрежденія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, пол. 15-го Ноября: «Annual Report of the board of regents of the Smithsonian institution for the year 1863.» Washington. 1864.

36. Предсѣдателя Виленской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, отъ 3-го Декабря, N 2309, пол. 13 Декабря 1865 г., съ препровожденіемъ экземпляра I-го тома «Актовъ, издаваемыхъ Коммиссіею, Высочайше учрежденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ. Акты Гродненскаго Земскаго Суда.» Вильна 1865 г.

37. Археографической Коммиссіи, отъ 9-го Ноября, N 189, пол. 22-го, 2-й томъ «Актовъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи», и 3-й выпускъ «Лѣтописи занятій Коммиссіи.» Спб. 1865 г.

38. Хранителя старопечатныхъ книгъ и рукописей въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, А. Е. Викторова, 3-го Дек.» пол. 13-го, 1865 г.: «Кириллъ и Меѳодій.» Новые источники и ученые труды для исторіи Славянскихъ Апостоловъ.» Особый оттискъ изъ «Кирилло-Меѳодіевскаго Сборника.» М. 1865 г.

39. Преподавателя въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, Андрея Попова: «Обзоръ хронографовъ Русской редакціи.» Выпускъ I-й. М. 1865 г.

40. Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ: Записки,» 7 томовъ. Спб. 1862—1865 г.

41. Д. Члена Графа М. В. Толстого, пол. 15-го Декабря: «Разсказы изъ исторіи Русской Церкви;» кн. I. М. 1865.

42. Сербской Матицы въ Новомъ Садѣ, въ Южной Угріи: 1) «Сербскій Лѣтописъ 1862 г., кн. 2.» 2) То же за 1863 г. 2 книжки; 3) Тоже за 1864 г. кн. I. Будимъ и Новый Садъ; 4) Московія, спѣвао Іоксимъ Новить.» Будимъ 1863 г.

г. Заявленія:

43. О смерти Д. Члена Константина Ивановича Арсеньева, избраннаго 5-го Ноября, 1832 г., скончавшагося въ С.-Петербургѣ 29 Ноября, 1865 г., на 76 году своей жизни.

44. О смерти же Коммиссіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ив. Вас. Базунова, и о выборѣ новаго. Опредѣлено: предложить званіе Коммиссіонера Московскому же книгопродавцу Ив. Гр. Соловьеву, преемнику Базунова по книжной торговлѣ.

Въ концѣ засѣданія Г. Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную четвертую книгу «Чтеній» 1856 года, состоящую изъ 50⅜ листовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія: О военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и особенной ихъ важности для Россіи. Съ проектомъ сихъ путей и картою, составленными въ видахъ обороны Имперіи. С. П. Бутурлинымъ.

О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. III. Змѣй, волкъ, вѣдьма. Профессора Харьковскаго Университета А. А. Потебни.

II. Матеріялы Отечественные: Приложенія къ Запискамъ А. П. Ермолова 1801—1812 г.

III. Матеріялы Славянскіе: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка

и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть II. Веселыя и охочія: насмѣшливыя, шутливыя, праздничныя, небыличныя, иносказательныя, корчемныя, и піяцкія, соботки и обжинки.

IV. Матеріялы Иностранные: Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, происхожденіи Великихъ Русскихъ Князей, недавнихъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и о Московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерлезунда, въ Лейпцигѣ 1620 года. Часть I. Перев. съ Нѣмецкаго Соревнователя Общества А. Н. Шемякина.

V. Смѣсь: 1. Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской Епархіи. Состав. Архимандритъ Леонидъ. 2. Двѣ жалованныя грамоты Императрицы Елисаветы Петровны Троицкой Сергіевой Лаврѣ на всѣ монастырскія владѣнія. Сообщ. Іеромонахъ Арсеній. 3. О расходахъ Троицкой Сергіевой Лавры. 4. Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону, и что извѣстно объ этомъ народѣ? Д. Члена Протоіерея Михаила Діева. 5. Донесеніе Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Сенявина, о нынѣшнемъ положеніи Ливоніи (1845 г.). 6. Воспоминаніе о Графѣ К. Ѳ. Толѣ. Н. В. Сушкова. 7. О редакціонномъ исправленіи Свода Законовъ. А. Бабичева. 8. Письмо Графа А. А. Аракчеева къ А. Н. Патапову о Г. Шуйскомъ. 9. Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Марта 6 дня, 1865 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стран.

Донъ. I. Мѣсто ссылки Овидія Назона. II. Митрополія Великой и Малой Руси на Дону съ IV до IX вѣка. Д. Чл. А. Ѳ. Вельтмана .... 1 — 92.

Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы. Отдѣленіе II. День битвы. И. П. Липранди.............. 29 — 114.

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Записки А. П. Ермолова. Ч. II. 1816 — 1827. Записки во время управленія Грузіею.............. 1 — 120.

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ, до дѣятельности Св. Первоучителей и Просвѣтителей Славянскихъ племенъ относящихся, составляемое О. Бодянскимъ. III. — Слово похвально на памать скатыма и прѣславьныма оучителема словѣньскоу ѩзыкоу, сътворьшема писмены юмоу и прѣложьшема новыи и ветъхыи законъ въ ѩзыкъ ихъ, блаженомоу кѵрилоу и архиепископоу паноньскоу меѳодию. Списки VII — XV........... 64 — 152.

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, происхожденіи Великихъ Русскихъ Князей, недавнихъ

Стран.

смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и Московскихъ законахъ, правахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерлезунда въ Лейпцигѣ 1620 года. Часть II. Переводъ съ Нѣмецкаго Соревнователя Общества А. Н. Шемякина .... 185 — 280

V.

СМѢСЬ.

Разборъ изслѣдованія «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ повѣрій и обрядовъ; соч. А. Потебни.» Профессора Харьковскаго Университета П. А. Лавровскаго .... 1 — 102

Три письма изъ Москвы въ Троицкій Сергіевъ монастырь въ 1660 году. Сообщ. I. Арсеній .... 103 — 112

Письмо Святителя Димитрія Ростовскаго къ Новгородскому Митрополиту Іову. Сообщ. Д. Чл. Архимандритъ Макарій .... 113 — 114.

Могилы Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и супруги его въ городѣ Березовѣ 1730—1738 гг. Н. А. Абрамова .... 115 — 120.

Его же. Могила Графа Андрея Ивановича Остермана въ Березовѣ. 1742—1747 гг. .... 121 — 125

Замѣтка объ одной могилѣ въ посадѣ Пучежѣ Костромской Губерніи. М. И. Семевскаго .... 126 — 136.

Московскій Публичный Музей и Библіотека. Д. Чл. А. М. Кубарева .... 137 — 159.

Какъ трудно защищать дѣло, которое само себя не защищаетъ .... 160 — 188.

Объясненіе .... 189 — 192.

Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1865 года, Декабря 23-го дня .... 193 — 200.

ОПЕЧАТКИ.

Въ кн. 1-й 1866 года.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Напечатано:			*Должно читать:*
Стр.	Строка		
162,	26	на утрату	на уплату.
163,	30	природа назначила	природа не назначила.
166,	8	неприятныя	напрасныя.
167,		въ примѣч. 8 манафактуры	мануфактуры.
169,		въ примѣч. 3 жа	же.
188,	10	внутренняго устройства	внутреннее устройство.
189,	17	съ своеѣ	съ своей.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., 1 р. 50 к. сер., перес. за 4 ф.

ПОРТРЕТЪ Кіевскаго Митрополита **ЕВГЕНІЯ**, съ снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., цѣна безъ пересылки 50 к.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

ГОДЪ 2-й: Цѣна
изъ 9-ти книгъ, каждая 2 р. 50 к.
за всѣ, безъ пересылки 22 р. 50
а съ пересылкой . . . . 25 р. сер.

ГОДЪ 3-й, тоже изъ 9-ти книгъ, каждая по . . . 1 р. 50 к.

ГОДА 4-го кн. 1. . . . . . 1 р. 50 к.

Итого безъ пересылки . . 37 р. 50 к.
съ пересылкой . . . . . . 44 р. сер.

ГОДЪ 1858-й, 1859-й, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, по 4 книги въ годъ, безъ пер. каждый. . . . . 5 р. с.
съ пересылкой. . . . . 6 —

За всѣ годы, безъ пересылки. 77 р. 50 к.
съ пересылкой же. . . . . 92 р. сер.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 г.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ пересылки. . . . 37 р. 50 к.
съ пересылкой. . 45 — —

На пересылку всякой книги «Чтеній» и «Временника» безъ различія за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Дмитрія Ивановича Штейнберга, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у книгопродавца Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. Н. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848, ц. 6. р. сер., перес. за 10 ф.

О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855, ц. 2 руб. серебр., съ перес. 3 р.

ИСТОРІЯ РУССОВЪ ИЛИ МАЛОЙ РОССІИ, соч. Преосвящен. Георгія Конисскаго. М. 1846 г., ц. 3 р. сер. безъ пересылки.

ГУСЪ И ЛЮТЕРЪ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома. Цѣна 4 р. сер.

ЗАПИСКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860, ц. 1 р. 50 к. сер.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И РОДИНѢ ГЛАГОЛИТИЗМА, соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1861, ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, пер. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к. сер., съ пересылкою 3 р.

ПУТЕШЕСТВІЯ Венеціянца Марка Поло въ XIII стол., напечатанныя въ первый разъ вполнѣ съ объясненіями на Нѣмецкомъ по лучшимъ изданіямъ и съ объясненіями Авг. Бюркомъ, и перев. А. Н. Шемякинымъ, М. 1863, ц. 1 р. 50 к. сер., съ перес. 2 р.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣм. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. сер.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Рос-сійскихъ при Московскомъ Университетѣ съ 1866-го года выходятъ, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ по одной книгѣ отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія. II. Матеріалы Отечественные. III. Славянскіе. IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая — пять рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пере-сылкой въ другія мѣста — шесть. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу, Ивану Гри-горьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базунову), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕПРЕЗИДЕНТЪ,

Попечитель Университета, Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ,

у Колымажнаго двора, въ домѣ Столыпина.

СЕКРЕТАРЬ,

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещеринова.

БИБЛІОТЕКАРЬ,

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,

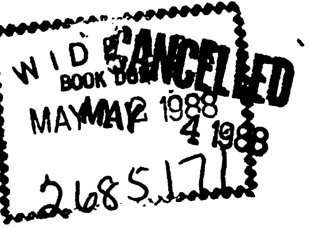
у Покрова въ Левшинѣ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ,

Николай Никифоровичъ Бахлыкинъ,

на Пречистен. бульварѣ, въ д. Іерусал. подворья.

MAR 1 8 1988
CANCELLED

CANCELLED
BOOK DUE
MAY 4 1988
MAR 1988